

Фантастика
2023

Фантастика 2023

80

Антон Орлов
Алёна Волгина
Татьяна Зимина

"Фантастика 2023-80". Книги 1-11

Очередной, 80-й томик "Фантастика 2023", содержит в себе законченные циклы фантастических романов российских авторов! Приятного чтения, уважаемый читатель!

Содержание:

МИР ПЯТЕРЫХ:

1. **Антон Орлов:** Пожиратель Душ
2. **Антон Орлов:** Убийца наваждений

ЭННИ ФИШЕР:

3. **Алёна Волгина:** Коза дракону не подруга
4. **Алёна Волгина:** Хозяйка замка Уайтбор
5. **Алёна Волгина:** Бал с сюрпризом

ТАЙНЫ ВЕНЕТТЫ:

6. **Алёна Волгина:** Чайка с острова Мираколо
7. **Алёна Волгина:** Отравленные морем

РАСПЫЛЕНИЕ:

8. **Татьяна Зимина:** Дело о Бабе-яге
9. **Татьяна Зимина:** Полуостров сокровищ
10. **Татьяна Зимина:** Тайна двух континентов
11. **Татьяна Зимина:** Британский гамбит или Дело Тёмного Лорда

Содержание

Антон Орлов Пожиратель Душ.....	0008
Глава 1.....	0008
Глава 2.....	0022
Глава 3.....	0051
Глава 4.....	0065
Глава 5.....	0092
Глава 6.....	0126
Глава 7.....	0167
Глава 8.....	0194
Глава 9.....	0233
Глава 10.....	0258
Глава 11.....	0291
Антон Орлов Убийца наваждений.....	0313
Мороки Лонвара.....	0313
Смеющийся Ловец.....	0341
Ким Энно.....	0359
Кукла.....	0382
Тропа охоты.....	0400
Ищейка.....	0434
Постоялец.....	0471
Танец под акведуком.....	0513
После первого снега.....	0524
Глоссарий.....	0530
Алена Волгина Коза дракону не подруга.....	0533
Глава 1.....	0533
Глава 2.....	0537
Глава 3.....	0541
Глава 4.....	0544
Глава 5.....	0551
Глава 6.....	0559
Глава 7.....	0563
Глава 8.....	0567
Глава 9.....	0574
Глава 10.....	0578
Глава 11.....	0584
Глава 12.....	0589
Глава 13.....	0595
Глава 14.....	0601
Глава 15.....	0604
Глава 16.....	0609
Глава 17.....	0615
Глава 18.....	0623
Глава 19.....	0632
Глава 20.....	0640
Глава 21.....	0647
Глава 22.....	0653
Глава 23.....	0658
Глава 24.....	0667
Глава 25.....	0671
Глава 26.....	0679
Глава 27.....	0685

Глава 28.....	0692
Алена Волгина ХОЗЯЙКА ЗАМКА УАЙТБОР.....	0695
Пролог.....	0695
Глава 1.....	0697
Глава 2.....	0702
Глава 3.....	0709
Глава 4.....	0716
Глава 5.....	0725
Глава 6.....	0730
Глава 7.....	0736
Глава 8.....	0739
Глава 9.....	0745
Глава 10.....	0751
Глава 11.....	0756
Глава 12.....	0763
Глава 13 (интерлюдия).....	0767
Глава 14.....	0769
Глава 15.....	0773
Глава 16.....	0779
Глава 17.....	0787
Глава 18.....	0791
Глава 20.....	0803
Глава 21.....	0807
Глава 22.....	0815
Глава 23.....	0823
Эпилог.....	0837
Волгина Алена БАЛ С СЮРПРИЗОМ.....	0839
Волгина Алёна Тайны Венетты-1.....	0856
Глава 1.....	0856
Глава 2.....	0858
Глава 3.....	0862
Глава 4.....	0866
Глава 5.....	0873
Глава 6.....	0878
Глава 7.....	0882
Глава 8.....	0886
Глава 9.....	0891
Глава 10.....	0895
Глава 11.....	0905
Глава 12.....	0909
Глава 13.....	0918
Глава 14.....	0924
Глава 15.....	0934
Глава 16.....	0938
Глава 17.....	0949
Глава 18.....	0952
Глава 19.....	0958
Глава 20.....	0966
Глава 21.....	0977
Глава 22.....	0985
Глава 23.....	0991
Волгина Алёна ОТРАВЛЕННЫЕ МОРЕМ.....	1002
Глава 1.....	1002
Глава 2.....	1006

Глава 3	1012
Глава 4	1018
Глава 5	1023
Глава 6	1029
Глава 7	1035
Глава 8	1041
Глава 9	1048
Глава 10	1053
Глава 11	1060
Глава 12	1065
Глава 13	1074
Глава 14	1080
Глава 15	1087
Глава 16	1091
Глава 17	1096
Глава 18	1105
Глава 19	1110
Глава 20	1119
Глава 21	1128
Глава 22	1134
Глава 23	1140
Глава 24	1148
Дмитрий и Татьяна Зимины Распыление. Дело о Бабе-яге	1155
Глава 1	1155
Глава 2	1161
Глава 3	1171
Глава 4	1176
Глава 5	1185
Глава 6	1193
Глава 7	1199
Глава 8	1205
Глава 9	1213
Глава 10	1218
Глава 11	1224
Глава 12	1230
Глава 13	1238
Глава 14	1244
Глава 15	1251
Глава 16	1256
Глава 17	1263
Глава 18	1268
Глава 19	1272
Глава 20	1278
Глава 21	1284
Глава 22	1292
Глава 23	1300
Эпилог	1311
Татьяна Зимина Дмитрий Зимин Распыление 2 Полуостров сокровищ	1322
Глава 1	1322
Глава 2	1330
Глава 3	1338
Глава 4	1346
Глава 5	1354
Глава 6	1362

Глава 7	1371
Глава 8	1379
Глава 9	1388
Глава 10	1395
Глава 11	1404
Глава 12	1415
Глава 13	1421
Глава 14	1427
Глава 15	1436
Глава 16	1446
Глава 17	1456
Глава 18	1464
Глава 19	1472
Глава 20	1478
Глава 21	1484
Эпилог	1491
Распыление 3. Тайна двух континентов	1499
Глава 1	1499
Глава 2	1508
Глава 3	1516
Глава 4	1523
Глава 5	1530
Глава 6	1537
Глава 7	1545
Глава 8	1552
Глава 9	1560
Глава 10	1567
Глава 11	1575
Глава 12	1583
Глава 13	1591
Глава 14	1599
Глава 15	1606
Глава 16	1615
Глава 17	1624
Глава 18	1632
Глава 19	1640
Глава 20	1649
Глава 21	1657
Глава 22	1667
Эпилог	1679
Распыление 4. Британский гамбит или Дело Тёмного Лорда	1689
Глава 1	1689
Глава 2	1698
Глава 3	1707
Глава 4	1715
Глава 5	1724
Глава 6	1732
Глава 7	1740
Глава 8	1750
Глава 9	1759
Глава 10	1767
Глава 11	1776
Глава 12	1785
Глава 13	1793

Глава 14.....	1802
Глава 15.....	1812
Глава 16.....	1821
Глава 17.....	1831
Глава 18.....	1840
Глава 19.....	1850
Глава 20.....	1858
Эпилог.....	1872

Антон Орлов Пожиратель Душ

Глава 1

Глинобитные закоулки Мекета напомнили ему тот азиатский город, где он жил раньше и откуда пришлось бежать, когда прежняя жизнь расползлась по швам. И, как довесок, пережитый в том городе страх. Поддавшись тягостному чувству ложного узнавания, он потерял контроль над собой – и в результате чуть не угодил в ловушку.

Все-таки повезло. Одна из хаотично петляющих улочек вывела к рыжеватому зеркалу реки, неподвижной, как на слайде. На южном берегу вздымались под розовеющим небом округлые холмы. Бесплезный простор: чтобы затеряться в этой дали, надо сначала до нее добраться. А северный берег одет в дощатые причалы и мостки, все это серое, шаткое, подгнившее, скрипучее, зато здесь можно спрятаться.

Отглянувшись на пока еще пустую улицу, Ник спустился по вихлявой лестнице на площадку вровень с водой, отвязал одну из лодок и укрылся под мостками, среди бревенчатых свай, покрытых скользким зеленоватым налетом.

Вскоре появилась погоня. Кажется, их было трое. Топтались у него над головой, замысловато, по-здешнему, ругались и гадали, в какую сторону он побежал. Ветхий настил ходил ходуном. Потом кто-то попытался спуститься на причал, и гнилая ступенька злорадно хрустнула. Грохот, ругань, но Ник все-таки расслышал, как плеснуло справа от лодки.

Из теплой бурой воды что-то лезло. Что-то, не поддающееся определению... Несметное множество копошащихся членистых ножек. Панцирь приплюснут и перекошен, как будто на него уронили тяжелый предмет, и вдобавок за ним тянется пучок длинных белесых нитей – щупальца, стрекательные клетки? А размером оно с футбольный мяч, даже, пожалуй, чуть побольше.

Те, наверху, начали выяснять друг у друга, как пришлого мерзавца зовут, но этого никто из них не знал.

В течение последних двух с половиной лет его звали Ник Берсин, под этим именем он получил илихейское полугражданство. Было у него также истинное имя, вписанное в паспорт – красную с золотым тиснением книжечку, которую он сперва хранил, как реликвию, а потом потерял.

Родственник трилобита вскарабкался до середины осклизлой сваи. Его суставчатые ножки непрерывно шевелились, из-за этого казалось, что он продолжает ползти, никуда не перемещаясь – словно бег на месте.

Ничего страшного, уговаривал себя Ник. Правда-правда, совсем ничего страшного. В конце концов, он видел вблизи существо куда более кошмарное и опасное и остался жив – после той встречи у него должен был выработаться иммунитет против чего угодно. А этот обитатель реки, скорее всего, безобиден и питается каким-нибудь планктоном...

«Если его не трогать, он меня тоже не тронет. Главное, без паники».

Это обращенное к самому себе увещание было насквозь фальшивым. Если бы Ник услышал такие слова от кого другого, ни на грош бы не поверил.

Судя по репликам, бандиты решили, что упустили его, и отправились во-

своими. Но это могло быть уловкой, чтобы выманить его из укрытия, поэтому самое разумное – дожидаться наступления темноты под мостками, в компании иллихейского трилобита.

Гонялись за ним сдуру, по недоразумению. Представители мекетской криминальной группировки – или, по-здешнему, люди шальной удачи – приняли его за конкурента, в то время как он просто гулял и знакомился с архитектурными достопримечательностями.

Прошло около часа. Трилобит больше не проявлял активности. Снаружи сгущались теплые зеленовато-лиловые сумерки. Вода в лодке понемногу прибывала, просачиваясь сквозь щели в плохо проконопаченном днище. Ботинки промокли. Взяв короткое лопатообразное весло, Ник начал осторожно подгрести в ту сторону, где дощатый навес обрывался и река маняще блестела, отражая меркнувшее сливовое небо.

Ксават цан Ревернух, загорелый жилистый мужчина с породистым лицом и длинными висячими усами, желчный, подозрительный, придирчивый (он этими качествами гордился, а их отсутствие расценивал как признак мягкотелости), с раздражением прислушивался к болтовне своих помощников.

Парень и девка, иммигранты из трижды окаянного сопредельного мира, оказались соотечественниками и время от времени начинали трепаться по-своему. Ксават не был неучем и знал их трижды окаянный язык, даже грязно ругаться по-ихнему умел (все ругательства на тему интимных отношений – ну, разве не психованный народ?!), однако словечки вроде «офигенный», «рэкет», «хозрасчет» ставили его в тупик. Что-то новое, в словарях нету. А спросить – значит уронить свое достоинство руководителя, поэтому Ксават злился молча, допивая кофе из безобразной пузатой чашки с желтой розой.

Вилен с Элизой не замечали его недовольства. Или, вернее, они уже потерпелись к его постоянному недовольству, потому что даже когда Ксават бывал ими доволен, он все равно этого не показывал.

Они вытащили стулья во внутренний дворик, Ксават наблюдал за ними с разохшейся деревянной галереи. Дворик на две трети вымощен красными и оранжевыми ромбиками, на треть пол земляной, и эта недоделанность тоже безмерно раздражала: неуважение к постояльцам. Жалко денег на плитку – это Ксават мог понять, но нельзя же вот так откровенно выставлять напоказ свою скупость! Дурной тон. А если причина кроется в лени или безалаберности хозяина гостиницы, тогда вообще никаких оправданий... Ревернух сердито фыркнул и поставил пустую чашку на перила.

Его помощники говорили о музыке. О том, что считается музыкой в их трижды чокнутом мире. Ксавату хотелось оборвать их и объяснить, что у них там не музыка, а срань собачья, и здесь по большей части тоже срань собачья, а настоящих музыкантов, которых он одобряет, – раз, два и обчелся, но он покамест сдерживался. Проявлял терпимость. С иммигрантами – по крайней мере, с теми, кого сделали полугражданами, – надобно обращаться деликатно, чтобы они поскорее освоились и полюбили Иллихейскую Империю как свой родной мир. Бывало, что Ксават об этом вспоминал кстати или некстати.

По правде говоря, помощники ему достались не из худших. У Элизы и спереди, и сзади все на месте. Вначале Ксават опасался: вдруг она не захочет ему дать, все-таки иммигрантка, мало ли там чего... Если откажет, это будет

неприятно, чувствительный удар по престижу руководителя. Однако беспокоился он напрасно. Хватило намека, – мол, когда-нибудь поженимся, – чтобы Элиза перестала упрячиться.

Вилен тоже ничего – расторопный, дотошный, исполнительный, к тому же собой неказист, и это хорошо: зрелому красавцу мужчине Ксавату цан Ревернуху он не соперник, хотя и молодой. С прибабахом он только. У себя в сопредельном мире был комсоргом, и временами из него прет, тогда приходится парня осаживать. С Элизой из-за этого цапаются, да оно к лучшему – Ксават не хотел, чтобы его подчиненные сплотились и сообща ему противостояли.

Изредка их отношения становились почти идиллическими, тогда они начинали болтать по-своему и вспоминать утраченную родину, а на Ксавата не обращали внимания. Обычно это длилось недолго, но Ксават, глядя на них, все равно злился.

Когда он завернул во внутренний коридор с белеными стенами (чуть задень, сразу испачкаешься побелкой, форменное свинство), из дверного проема выскочил гостиничный малый:

– Сударь, вас спрашивает сестра Миури из ордена Лунноглазой. Они ожидают в зале.

Вот же срань собачья!

– Идем, – фыркнул Ксават. – А почему у тебя фартук грязный?

Слуга невнятно пробурчал извинение. Невежа.

В обеденном зале в этот час постояльцев не было. С закопченных потолочных балок свисали высушенные щергачи. Длинные, похожие на изжелта-бурых щетинистых змей, с круглыми безглазыми головками и навсегда оскаленными зубастыми ртами, они вяло и печально покачивались на сквозняке. Обереги, поглотители злых наваждений. Срань собачья. Ничего они не поглощают, потому что фальшивые. Такого «щергача» недолго состряпать из крашеной свиной кожи и клыков, выдранных у мелкого зверья, и потом всучить за хорошие деньги какому-нибудь тупаку. Уж кто-кто, а Ксават знал толк в подобных делах!

В простенках между окнами висела мазня дрянных провинциальных художников. Золотистые окорока, пышные поджаристые булки, ломти ноздреватого сыра, фрукты и зелень, аппетитные колбасы – можно подумать, здесь этим кормят! Сегодня на завтрак Ксавату подали мясо под вчерашним соусом, и хоть бы кто заикнулся о скидке.

Возле окна стояла сестра Миури. На вид около тридцати, загорелая, стройная, гибкая (чего не хватает Элизе, так это гибкости и грации). Одета, как принято у «бродячих кошек» – странствующих монахинь этого ордена: короткая темно-серая ряса, немаркие темные шаровары, шнурованные ботинки. Головной убор с треугольными кошачьими ушками.

Ксават наперед знал, что она скажет, и это знание не добавило ему хорошего настроения.

– Господин Ревернух, вчера ваши наемники напали на моего помощника.

Так и есть, угадал.

– Ничего не понимаю, почтенная сестра! Какие наемники, на кого напали?..

Во всем виновата Элиза.

Высокородный Ксават цан Ревернух, выездной советник пятнадцатой сту-

пени из Министерства Счета и Переписи, совершал рабочую поездку с целью проверки собранных ранее сведений об использовании казенных, общественных и частных нежилых строений. По ходу дела ему надлежало написать отчет по установленной форме, а также тайный отчет о замеченных нарушениях и несоответствиях непосредственно для директора отделения, непогрешимого советника третьей ступени господина цан Маберлака.

Таким образом, исходное задание покушений на чью бы то ни было жизнь не предполагало. Все из-за Элизы, из-за этой дрянью девки. Да и монахиня хороша: вместо того чтобы держать своего помощника в строгости, нянчится с ним, как заботливая старшая сестра. Это неправильно. Это расшатывание устоев. Ее мальчишка – ровесник и вдобавок соотечественник Вилена с Элизой. У Ксавата сразу возникло смутное ощущение, что лучше бы его поскорее спровадить куда подальше, и, как всегда, Ксават оказался прав. Ему Элиза никогда не улыбалась так, как этому молокососу!

Они говорили о городах с диковинными названиями, напоминающими россыпь цветных стекляшек из разбитого калейдоскопа: Тирасполь, Оренбург, Фергана, Москва... Элиза из Тирасполя, а монашкиному юнцу чуть не оторвали голову в Средней Азии, когда там «началось». Обычная история. Социальные катаклизмы в сопредельном мире для Иллихийской Империи стали истинным подарком: переселенцы последней волны не рвались домой, поскольку знали, что они там никому не нужны, и были убеждены, что их не похитили, а «спасли». Еще бы, в Нойоссе, перевалочном городе, каждого второго-третьего из новоприбывших первым делом приходится лечить и откармливать! А чему удивляться, если в трижды окаянном сопредельном мире людей – как грязи.

Паршивец держался с Элизой дружелюбно, просто и скромно, и это купило ее вернее, чем если бы он пытался строить из себя героя или сердцеда. Дрянью девка вертелась около него, позабыв о приличиях. А когда Ксават ее отчитал, надерзила: раз господин цан Ревернух до сих пор не сделал предложения, она свободна и не будет у него спрашивать, с кем ей можно крутить любовь, а с кем нет.

Надо было действовать. Монашка не союзница: ей без разницы, что ее помощник флиртует с чужой девчонкой; в то же время она к нему привязана и в обиду не даст. В общем, срань собачья, хуже не придумаешь.

Ксават кое-что предпринял – и вот тебе результат: взбешенная «бродячая кошка» задает вьедливые вопросы, обвиняет его и только что не шипит. Это при том, что все пошло псу под хвост: молокосос ее оказался не таким размазней, как можно, глядя на него, подумать, и сумел уйти от мекетских головорезов. Твердолобые, тяжелозадые растяпы. А сестра Миури предъявила претензии, теперь надо юлить и оправдываться – мол, местные, по своему скудоумию, случайно оброненную фразу наперекосьяк поняли.

На язык просились совсем другие слова, но Ксават не давал воли распивавшему его гневу, так как знал, что Миури не просто «бродячая кошка», а жрица высшего посвящения, наделенная даром и правом призывать Лунноглазую. Хватит с него одного могущественного врага... Если он еще и с Лунноглазой поссорится, его старая шкура будет стоять не дороже, чем срань собачья.

Гостиничный слуга, равнодушно повозив тряпкой по грязным столам, вразвалку пошел к выходу.

– Эй, ведро помойное забери, чтобы не воняло! – прикрикнул Ксават. – Распустились, ничему вас тут не учат, свою работу делать не хотите...

Малый опять буркнул что-то неразборчивое, но ослушаться не посмел, схватил из угла ведро, расписанное подсолнухами. Краска потускнела и облупилась, выглядело ведро неряшливо.

– Не гостиница, а свинарник, – пожаловался Ксават сестре Миури. – Будь это мое заведение, они бы у меня по струнке ходили!

Это была откровенная попытка найти общий язык, но «бродячая кошка» вместо того, чтобы согласиться – «да, истинный свинарник», – вернулась к прежней теме.

В конце концов Ксавату пришлось достать бумажник и заплатить ей за моральный ущерб. Душу отвел на помощниках (те уже успели поссориться): Вилену устроил разнос за пару мелких ошибок в деловых записях, а Элизе – за легкомысленное поведение и отсутствие пунктуальности.

Спустя час или около того монахиня уехала вместе со своим стервецом и вытянутыми у Ксавата деньгами. Немного выждав, он отправился в путь следом за ней.

Машину вел Вилен, Элизе Ксават тоже велел сесть впереди, а сам развалился в одиночестве на мягком заднем сиденье, обитом потертым бархатом.

Солнце плясало вокруг автомобиля. Летнее небо, выгоревшее почти добела, возле южного горизонта уплотнялось и сгущалось в еле намеченную голубоватую тень. Что-то далекое, такое далекое, что не поймешь, есть оно или нет, и все же Ксават, когда косился в ту сторону, чувствовал холодок, как возле распахнутого погреба с ледником. Ксават отлично знал, что оно там есть.

– Голова не болит? – спросила Миури.

– Нет.

По голове его вчера все-таки треснули. Когда он, блуждая по черно-белым в лунном свете незнакомым улицам, впотьмах пробирался к гостинице, снова появились те, кто за ним гонялся. Драка была короткой и сумбурной. Его бы убили – или отделали так, что он вряд ли дожил бы до утра, – если бы не кот. Мускулистый гладкошерстный котяра с белой манишкой выпрыгнул из темноты и вцепился в физиономию главаря преследователей.

Благодаря возникшей суматохе Ник, сам того не ожидая, удачно заехал кулаком в челюсть другому бандиту и сразу кинулся в переулок меж двух бесформенных глинобитных строений, наполовину растворенных в темных водах мекетской ночи.

Вскоре его нагнал все тот же кот. Выскочил наперерез, полыхнув зелеными глазами, призывно мяукнул и побежал впереди, показывая дорогу. Миури потом сказала, что здесь следовало мысленно вознести хотя бы коротенькую благодарственную молитву. Это она обратилась за помощью к народу Лунноглазой, забеспокоившись из-за того, что Ник куда-то запропастился.

Он отделался растянутой лодыжкой (выбирая маршрут, кот не очень-то принимал в расчет человеческие возможности), содранной кожей на костяшках пальцев и подбитым глазом. Могло быть хуже. А теперь они с Миури мчались по шоссе, которое ведет из Мекета в Рифал.

Шоссе вымощено бетонными плитами, из стыков лезет настырная трава, а шакровые столбы – бревна цвета темного шоколада – сверху донизу покрыты

резьбой, отгоняющей от транспортной артерии злых духов. За обочинами то поля, то луга, то перелески – совсем как дома; зелень разбавлена желтоватыми и охряными тонами – это уже не как дома. Вдоль южного горизонта синее чуть заметная тень – Сорегдийский хребет.

До Рифала двести с лишним шакров. Если перевести в метрическую систему, около трехсот километров.

Миури получила письмо от госпожи Регины цан Эглеарт, супруги рифалийского гараоба – Столпа Государственного и Общественного Благополучия города Рифала и окрестных земель. Высокопоставленная дама собирается дать «бродячей кошке» какое-то хорошо оплачиваемое конфиденциальное поручение.

Они зарабатывали деньги чем придется. Миури была и курьером для доставки особо важной корреспонденции, и частным детективом, и знахаркой, а Ник вот уже полтора года (год здесь почти такой же, как на Земле) болтался по иллихейским дорогам вместе с ней и на жизнь не жаловался.

На сто третьем шакре пришлось затормозить: через дорогу переползали мушлявчики. Тьма-тьмущая извивающихся ленточек с бахромой тонюсеньких ножек, разноцветная чешуя переливается на солнце всеми цветами радуги. Мозгов нет, только жрать горазды.

Пока стояли, Ксават еще раз обругал своих помощников: Элизу за то, что не так уложила сумки в багажник, а Вилена за отсутствие практической сметки.

Наконец колышущийся живой ковер уполз на север, и поехали дальше.

– Это срань собачья, – объяснил помощникам Ксават. – Когда они мигрируют, они прут, не разбирая дороги, а попадешься им на пути – покусуют за ноги, ботинки обгадят. Они полезные, уничтожают сельскохозяйственных вредителей, поэтому давить их нельзя. Ежели власти узнают – оштрафуют, а у нас лишних денег нету. Элиза, ты на что спустила деньги, которые я выдал тебе на деликатные гигиенические расходы в следующем месяце? На помаду, на срань собачью! Если девушку взяли на службу, ее украшает не помада, а исполнительность и ответственное отношение к порученному делу, а ты сложила сумки так, что я полчаса искал справочник Маншаха, и это уже не в первый раз...

Ксавата успокаивал звук собственного голоса. Никто, кроме него самого, не знал о том, что его душа – это глубокий-преглубокий колодец, на дне которого спрятаны такие сюрпризы, на какие ни один дознаватель не рассчитывает. Непогрешимый советник цан Маберлак с его хваленой проницательностью был бы чрезвычайно удивлен... Его бы удар хватил, если б он обнаружил, как его одурачили!

Обычно эта мысль вызывала у Ксавата мимолетную усмешку, самодовольную и кислую. Да, он всех провел... Но дурить головы иллихейским гражданам, полугражданам и всем остальным ему приходилось не от хорошей жизни.

Раз в три года Ксават становился особенно раздражительным, вздрагивал от каждого странного звука за спиной, плохо ел, беспокойно спал, и на сердце у него поселялась тоска, схожая с тоской приговоренного к смерти.

Раз в три года его враг, в остальное время запертый на своей заповедной территории, вырывался на свободу и отправлялся гулять по всему подлунно-

му миру. Это продолжалось три-четыре месяца – достаточный срок, чтобы добраться до человека, с которым хочешь свести счеты. Да только Ксават его перехитрил: пусть себе ищет хоть до посинения, хоть до скончания века, все равно не найдет.

Ради собственной безопасности пришлось кое от чего отказаться и согласиться на вещи, от которых его прежде с души воротило (например, прочитать кучу книжек, поступить на государственную службу) – это, конечно, срань собачья, но деваться некуда, потому что враг у Ксавата был такой, какого врагу не пожелаешь.

В Рифал на днях прибыл специалист, который способен раз и навсегда эту проблему решить. Донат Пеларчи. Каждый иллихеец слышал это имя. Донат Пеларчи спит и видит, как бы решить вышеозначенную проблему, и это опять же срань собачья, ибо преследует он свою собственную выгоду, а Ксават цан Ревернух интересуется его лишь в качестве приманки. Циничный расчет охотника-профессионала... Но лучше худая помощь, чем никакой. Они договорились встретиться в Рифале, чтобы обсудить детали охоты.

Ксават бросил взгляд на южный горизонт, оконтуренный голубоватой каймой тени. Издали не страшно и совсем не впечатляет, а вблизи – древний горный хребет, протянувшийся от одного края материка до другого. Тварь, которая выползла из этих гор, рыщет неведомо где и в любой момент может прийти по его душу (и в переносном смысле, и в буквальном), но он эту тварь снова перехитрит.

По прибытии в Рифал прежде всего следовало совершить ритуальное жертвоприношение. Полтора года назад, когда Миури сказала об этом впервые да еще упомянула вскользь о мясе, Ник испытал оторопь: значит, они будут приносить кровавые жертвы? С кем он связался?

Вскоре выяснилось, что «жертвенное мясо» – это куриная печенка, а его, Ника, обязанность заключается в том, чтобы таскать за жрицей большую корзину с субпродуктами. На радостях, что все оказалось не так страшно, как он навоображал, он в тот раз даже веса тяжелой корзины почти не почувствовал.

От самой лавки мясника их сопровождали кошки. Сперва три-четыре – скользили по сторонам, словно грациозные целеустремленные тени, потом их стало больше, а к храмовой площади Миури и Ник подошли в сопровождении целой кошачьей армии. Открыв корзину, Миури стала угощать народ Лунноглазой отварной куриной печенкой.

На следующий день они пошли в местное отделение регистрации статуса, где Нику оформили полугражданство; в качестве поручителей записали Лунноглазую Госпожу и сестру Миури из ордена Лунноглазой.

– Разве потустороннее существо может быть поручителем в таком деле? – спросил Ник, когда формальности были завершены и они отправились в дешевое кафе (самая обыкновенная «стекляшка», пристроенная к кирпичному дому).

– Почему же нет, если она богиня?

– Но ведь она мистическое существо, как бы нереальное по-настоящему...

Атеистическое воспитание нет-нет, да и давало о себе знать, хотя Ник уже успел кое-что увидеть собственными глазами.

– Лунноглазая более реальна, чем ты или я, – серьезно возразила Миури.

– Она не обидится?

– На твои слова? Нет, не бойся. Ты ведь не обижал ее народ, а это для нее главное.

Его мысли приняли новое направление:

– Это кафе совсем как на нашей Земле. Я имею в виду, сама стеклянная пристройка, особенно снаружи. Как будто свернул за угол – и оказался на московской улице.

– А что тебя удивляет? – усмехнулась Миури. – Здесь много переселенцев из вашего мира, и они принесли с собой свои вкусы. Наверное, архитектор, который спроектировал кафе, был твоим соотечественником.

Логично. А ему в голову не пришло. Миури соображала быстро, всякие загадки и ребусы для нее были, как школьная таблица умножения. Впрочем, она не подчеркивала свое интеллектуальное превосходство, обращалась с Ником дипломатично и мягко – чего, наверное, и следует ожидать от жрицы богини-кошки. Он понимал, что ему повезло, но радости не испытывал, и дело тут было вовсе не в Миури. Способность радоваться то ли без остатка вымерзла в нем той бесконечной зимой в Москве, то ли он потерял ее еще раньше, когда «началось».

«Беженец из горячей точки на территории бывшего СССР» – так назывался его социальный статус до того, как он очутился в качестве иммигранта в Иллихейской Империи. Воспоминания, рваные и болезненные, плавали в одном из загерметизированных отсеков памяти, словно постепенно размокающие предметы в трюме затопленного корабля.

...Весенний вечер, начало сумерек. В комнатах тревожный беспорядок – родители готовятся к отъезду и не могут решить, что взять с собой, а что бросить (Берсеневы жили в малометражной двухкомнатной квартире, и вот что странно: ему никак не удается мысленно увидеть обстановку во всех подробностях, детали размыты, словно та жизнь приснилась). Что-то назревает, и хорошо бы уехать поскорее, но Ник заканчивает десятый класс – пусть сначала сдаст экзамены и получит аттестат.

Мама испуганным полусшепотом предупреждает, чтобы он осторожней ходил по улицам, могут избить или сделать что-нибудь похуже. Или даже убить. Да он и сам это понимает. Несмотря на загар, внешность у него типично европейская, голубые глаза, русые волосы – за местного никак не сойдешь. Смуглые чернявые одноклассники нередко его бьют, и в школе, и по дороге домой, но он не хочет лишний раз пугать родителей и делает вид, что все в порядке.

...Он просыпается посреди ночи от грохота и звона. Темно, с улицы доносятся громкие возбужденные голоса, тянет сильным сквозняком. Кто-то включил свет: на полу под чернеющим окном поблескивает россыпь осколков.

Мама плачет. Отец ругается матом и хочет пойти разобраться, но мама его не пускает, а снаружи – выкрики на чужом языке и новые стеклянные взрывы.

...Отец вернулся домой, держась за стенку, лицо страшное, лиловое, распухшее, рубашка залита кровью. А Ник писал утром экзаменационную контрольную по алгебре, послезавтра должны сказать оценки.

Он помогает отцу дойти до дивана, хотя сам охвачен дрожью и противной парализующей слабостью. Вызвали «Скорую», но она так и не приехала. Кон-

трольную Ник написал на «четыре», а отец прожил еще несколько дней.

«Люба, уезжай с пацаном. – Его разбитые почерневшие губы шевелятся с трудом, голос кажется незнакомым. – Это не люди, это зверье... Уезжайте в Москву. Раз они это допустили, они должны позаботиться о тех, кому придется отсюда уехать...»

После того как он умер, мама и Ник уехали, бросив квартиру. С собой взяли три сумки и рюкзак. Аттестат Ник так и не получил.

...Грязный, битком набитый плацкартный вагон, а потом Москва – настоящий шок для мальчишки из азиатского города, массивный удар сразу по всем каналам восприятия. Ник, разумеется, смотрел телевизор, вдобавок много читал, но все равно не был готов к этому размаху, к этим огромным многоэтажным зданиям, к широченным улицам и мостам, по которым сплошным потоком мчатся сверкающие машины. Почему-то все это запомнилось ему в коричневатых тонах – сепия, как на тонированных фотографиях, а было ли оно таким на самом деле, теперь уже не выяснить. И еще запомнился ни на минуту не смолкающий рев столицы. Ему казалось, что он попал в инопланетный город, и, хотя положение у них с мамой было отчаянное, он испытывал восторг... вначале, пока не обнаружилось, что никаких перспектив у них нет.

...Палаточный лагерь в Подмосковье. Таких, как они, много. Постоянные разговоры о том, что скоро – надо еще чуть-чуть подождать – их обеспечат новым жильем и работой. И постоянное ощущение голода, потому что есть почти нечего.

У мамы сердечный приступ, на медицинскую помощь рассчитывать не приходится, но среди беженцев-соседей есть бывший врач, он показывает, как делать массаж сердца. Умерла она после второго приступа, когда их лагерь разгромили люди в черных масках.

Кто-то из высокопоставленных чиновников распорядился убрать «это безобразие» – и убрали. Палатки и остальное барахло стащили в кучу, облили бензином и подожгли. Случилось это осенью, а в каком месяце – неизвестно: листва на деревьях уже пожелтела, но еще не облетела, и картошку на близлежащем поле студенты уже собрали. Раньше можно было воровать картошку, а студенты, которых это нисколько не волновало – подневольная рабочая сила – иногда делились с обитателями палаток тощими ломтиками хлеба из столовой.

С какой тоской смотрела на него мама, задыхающаяся, с мокрым побелевшим лицом... Он делал массаж, как научил тот врач, но это не помогло. Потом глаза у нее закатились, она перестала хрипеть и задыхаться. Ник сидел около нее в оцепенении, не реагируя ни на крики, ни на беготню, ни на громадный костер, пожирающий сваленные в кучу вещи.

Из ступора его вывел обжигающе-болезненный удар по плечу. Один из омоновцев стукнул дубинкой – видимо, для порядка. Вскочив, Ник бросился на рослого парня в камуфляже и сразу получил ботинком в живот. Это было почти проявление гуманности: физические ощущения ненадолго заглушили нестерпимую душевную боль.

Глаза в прорезях маски запомнились ему хорошо, как на стоп-кадре. Нет,

ничего особенного, ничего злодейского: просто глаза человека, которому все по хер, потому что он выполняет Приказ.

Трупы омовцы забрали с собой, а живым велели отсюда проваливать, и тогда начались скитания Ника по зимней Москве.

...Ледяное серое небо. Рейды по необъятным улицам, от урны к урне – вдруг там есть пустые бутылки. Поиски еды на помойках. Ночевки в подземных переходах и темных выстуженных подъездах. Иногда его били. Кожа на лице обветрилась и потрескалась, кисти рук стали небесно-серыми от въевшейся грязи.

Он все время был один, словно его ограждала от остального мира хрупкая стеклянная оболочка, которая от ударов разбивалась, но потом опять в два счета восстанавливалась. От голода кружилась голова, и все выглядело зыбким, как фрагменты сна, – к этому он привык.

Он не хотел вливаться в сообщество бомжей, вместо этого решил покончить с собой, но день за днем откладывал. Завтра. Видимо, какие-то остатки инстинкта самосохранения у него еще работали. Завтра или послезавтра он пойдет на один из циклопических мостов, которые изгибаются пологими арками над стыллой свинцовой водой, до сих пор не замерзшей, и оттуда бросится вниз. Эта мысль придавала ему сил.

Однажды попалось на глаза объявление на столбе: «Эмиграционная служба. Выезд за рубеж, трудоустройство. Канада. Австралия. Бесплатная помощь беженцам из стран СНГ».

Ник оторвал квадратик с телефоном, накопил денег на жетон и позвонил. Речь у него была грамотная, но за последние месяцы он отвык разговаривать, запинаясь, однако на том конце его выслушали и сказали адрес.

Офис находился в одном из окраинных районов, недалеко от Кольцевой дороги, в обшарпанном строеньице, спрятанном в дебрях похожих друг на друга многоэтажек. То ли бывший склад, то ли бывшая прачечная. Подозрительная контора, подозрительные люди, подозрительные перспективы. Ничего хорошего Ник не ожидал. Вполне вероятно, что его продадут и порежут на органы для трансплантации (хорошо, если под наркозом). Или отправят на кокаиновые плантации в Южную Америку. Или что-нибудь еще в этом роде. В общем, так или иначе прикончат. Ему было все равно.

Ему тогда хотелось только одного: чтобы это поскорее закончилось. Неважно, каким способом. В то же время он успел убедиться, что прыгнуть с моста ему слабо – последний предохранительный барьер в его сознании все еще оставался не взломанным.

Кабинет, обставленный с таким расчетом, чтобы при необходимости отсюда смотаться, без сожаления бросив безликую подержанную мебель и дешевый канцелярский инвентарь. Стены выкрашены в неброский казенный цвет, окно в облезлой раме выходит на заснеженный дворик с мусорными контейнерами и гаражами. На заднем плане серая девятиэтажка, лучи послеполуденного солнца золотят ее окна и грязноватые сутробы.

Лиц Ник не запомнил. После короткого собеседования его посадили заполнять анкету, потом дали что-то вроде теста на интеллект. Иногда обменивались между собой фразами на незнакомом языке (он решил, что это или голландский, или португальский).

Больше всего Ник боялся, что он им «не подойдет» и его выгонят, но вместо этого его угостили кружкой теплого бульона и отвели в подвал.

Слабо освещенные комнатухи с низкими потолками, на полу повсюду маты вроде тех, что были в школьном спортзале. На этих матах сидит и лежит уйма народа: парни и девушки, в большинстве такие же, как он, оборванцы, но попадаются и прилично одетые. Все вялые, полусонные. Окошки под самым потолком наглухо заколочены досками. Дверь, за которой находится лестница наверх, тоже заперта.

Мелькнула мысль, что он влип, но Ник быстро успокоился. Какая для него разница, влип или нет?

Здесь, по крайней мере, не холодно. И есть туалет – грязный (при таком-то столпотворении!), зато с функционирующим водопроводом. И мягкие маты. Он давно отвык от такого комфорта.

Ник отыскал свободное место и пристроился на краю мата. Чувствовал он себя вяло, как и все остальные. Клонило в сон. В бульон подмешали снотворное?.. Почти согревшийся и почти сытый, он задремал, а проснулся оттого, что вокруг что-то происходило.

Рослые загорелые мужчины в расшитых затейливым орнаментом безрукавках и штанах с оттопыривающимися накладными карманами заходили в комнату, кого-нибудь хватали – один под мышки, другой за ноги – и бегом утаскивали, потом возвращались за следующим. Действовали они ловко и без церемоний, но не грубо, и походили скорее на санитаров или пожарных, чем на бандитов. В тусклом свете пыльной лампочки их лица и мускулистые руки блестели от пота, золотилась вышивка на одежде.

Скоро дошла очередь и до Ника. Когда его подхватили, один из мужчин вполголоса, с сильным акцентом, произнес:

– Закрой глаза.

Несмотря на совет (дельный, как выяснилось чуть позже), Ник подсматривал, и в том помещении, куда его перенесли, увидел клубящееся над полом облако в радужных переливах. В это облако его и швырнули.

Мгновенное ощущение невесомости. Дыхание перехватило. Так и не успев по-настоящему испугаться, он упал на мягкую поверхность, спружинившую как хороший матрас. В глаза ударил слепящий свет солнца, сияющего в зените, посреди голубого летнего неба... Он потерял сознание.

В первые дни он был полностью дезориентирован, выбит из реальности. Нормальная реакция, как ему потом сказали. Когда переезжаешь из одного часового пояса в другой, для организма это стресс, что уж говорить о перемещении в чужой пространственно-временной континуум!

Впрочем, поначалу он думал, что находится то ли в Австралии, то ли в Южной Америке, и остальные тоже так думали. Ник удивлялся, что совсем не помнит, как его сюда привезли, а насчет радужного облака решил, что оно приснилось, – разум использовал все доступные лазейки для защиты от необъяснимого.

Городок назывался Нойосса. Перевалочный пункт для иммигрантов. Длинные постройки из цветного кирпича, внутри залы с рядами кроватей и тумбочек, как в больничных палатах. Полы устланы золотисто-желтыми циновками, изголовья кроватей сделаны в виде нависающих раковин из полупрозрач-

ного голубоватого минерала. Говорили, что минерал этот обладает целебными свойствами.

Кормили сытно и вкусно – густым супом, лепешками, напоминающими лаваш, тушеными овощами с мясом, фруктами. Спиртного не было, но Ник из-за этого не мучился, как некоторые из его соседей по палате. Иногда угощали горячим напитком шоколадно-коричневого цвета, похожим на кофе, в который добавили пряностей; потом кто-то объяснил, что это и есть кофе, только дешёвый, по местному рецепту.

Можно было хоть каждый день купаться в бассейне с теплой водой, и одежду выдали новую, чистую. Поначалу Ника смущало то, что и рубашка, и штаны покрыты узорчатой вышивкой – он ведь не артист какой-нибудь и не девчонка, – но потом привык и вдобавок убедился, что здесь все так одеваются: видимо, для латиноамериканцев это обычный стиль.

Нойосса утопала в зелени – настоящий город-парк; деревья, кустарники и цветы, каких Ник никогда раньше не видел, ни вживую, ни на фотографиях. Похоже на курорт. А на юге вздымались до небес могучие морщинистые горы, на некоторых белели снежные шапки. Анды или Большой Водораздельный хребет? Скорее, Анды, потому что в Австралии говорят по-английски, а у здешних другой язык. Английский Ник учил в школе и не то чтобы хорошо знал, но распознать смог бы. Хотя и Анды, и Большой Водораздельный расположены вдоль земной оси, по меридианам, а этот хребет тянется с востока на запад...

Ник слышал, как в столовой одна из девушек рассуждала о том, что они, наверное, попали в рай – в награду за все перенесенные неприятности. Это вызвало у него скептическую усмешку, но ввязываться в спор он не стал.

В течение первого месяца новоприбывших не беспокоили. Период акклиматизации и адаптации. Тех, кто нуждался в медицинской помощи, лечили – почти незаметно, ненавязчиво, но эффективно. У Ника исчезли кожные болячки и симптомы хронической простуды, перестали ныть отбитые внутренности. Он опять выглядел так же, как весной, когда готовился к выпускным экзаменам (меньше года назад, вечность назад), только лицо стало более худощавым, и в глубине голубых глаз поселилось невеселое выражение.

Лишь с одним требованием их ознакомили сразу, и не просто так, а каждого под расписку: ни в коем случае не причинять вред кошкам, а также трапанам – летучим ящерицам с кожистыми крыльями и зубчатыми гребнями вдоль спинки. Гладить и угощать можно, обижать нельзя. Это очень серьезно, чревато большими неприятностями. Кто нарушит запрет, пусть пеняет на себя.

Ник послушно нацарапал свою подпись, хотя он в таких предупреждениях не нуждался. К кошкам он всегда относился хорошо, и трапаны, похожие на миниатюрных дракончиков (одного специально приносили в палату показать), тоже ему понравились. Даже не знал, что такие где-то водятся.

Потом кто-то сказал, что трапаны и кошки – священные животные, потому их и трогать нельзя. Ника это удивило: он, конечно, читал о том, что коровы в Индии – священные животные, но почему нигде ни слова о похожих латиноамериканских традициях?

Отмечал он и другие странности.

Слишком большая луна. Раз в пять больше, чем ей полагается быть, он та-

кую только на картинках видел, и светит, как прожектор. Но, может быть, здесь, в Южном полушарии, она и должна так выглядеть?

И еще вокруг мелькает странная живность, по сравнению с которой неприкосновенные летающие ящерицы – самые заурядные зверушки.

Однажды в сумерках Ник заметил существо величиной с табурет, словно составленное из тонких темно-коричневых палок, да оно и напоминало недоделанный табурет. Существо опасно подбиралось к помойке на задворках столовой, но его заметила и облаяла местная собака, и оно убежало в кусты. Чуть погодя Ник засомневался: действительно видел эту картинку или ему показалось?

В другой раз на подоконник палаты запрыгнул пузатый кожистый мешочек и начал поедать дохлую мошкарку, выбрасывая длинный-предлинный тонкий язык. Подпрыгивая, он стучал о подоконник, как резиновый мячик, потом опять сиганул наружу. Ник наблюдал за ним сквозь полуопущенные ресницы, не отрывая головы от подушки, чтобы не спугнуть.

А к исходу второго месяца он обнаружил, что начинает понимать здешнюю речь – улавливает общий смысл фраз, отдельные слова кажутся знакомыми.

Вскоре состоялся разговор с Олегом, парнем из тех, что раздавали лекарства, спрашивали о самочувствии и присматривали за порядком.

– Еще не понял, где находишься?

– Ну, варианты есть... – Ник ответил уклончиво – не хотелось сморозить глупость. – Но пока ни один не окончательный.

– В другом измерении, – сделав паузу, Олег добавил: – В смысле, в параллельном.

Это его не сильно удивило. Дома, до того как жизнь превратилась в бессмысленное скольжение среди обрывков прежних причинно-следственных связей, он много читал, в том числе фантастику. Вдобавок «параллельное измерение» объясняло все: и луну величиной с автомобильное колесо, и шныряющий вблизи помойки живой табурет, и эпизод с «облаком» в подвале.

– Иллихейская Империя нуждается в иммигрантах, потому что здесь демографические проблемы. В общем, государственная программа, тебе повезло. В Нойоссе проведешь около года, потом куда-нибудь распределят. Если претензий к тебе не будет, получишь полугражданство – это совсем неплохо, закон защищает граждан и полуграждан одинаково, но политическими правами обладают только граждане. Если оно тебе надо, можешь надеяться, что сделают полноправным гражданином за какие-нибудь особые заслуги, иногда такое бывает. А если не планируешь политическую карьеру, оно без разницы. Скоро начнешь ходить на лекции – иллихейское право, география, история, этикет, знакомство с культурой, еще чтение и письмо. Язык?.. Ты его уже усваиваешь, разве не заметил? Языку учат во время сна. Ага, тот минерал, из которого сделаны изголовья кроватей, он особенный. Здесь вообще очень продвинутая медицина, вон как быстро твои отбитые печенки вылечили. Магия. В Иллихее магия существует реально, как электричество или магнитное поле. Тоже вначале не верил, потом убедился. И если ты не дурак, не вступай ни в какие общества по борьбе за возвращение домой, отсюда никого не выпускают.

– Я и не хочу туда возвращаться.

– Тем лучше, – Олег открыл толстую тетрадь в кожаном переплете с металлическими уголками. – Распишись, что прошел инструктаж.

Не все отреагировали на разъяснения насчет параллельного мира так спокойно. Некоторых обманули, пообещав эмиграцию в Австралию, и теперь они требовали, чтобы их отправили обратно на Землю. Ник не собирался к ним присоединяться. Пусть это не Австралия – зато не клиника для изъятия донорских органов и не кокаиновые плантации. Если разобраться, он получил в подарок целую жизнь... но получил ее слишком поздно, поэтому не мог обрадоваться по-настоящему. Как будто с ним успело произойти что-то необратимое. Все было бы иначе, если бы объявление илихейской иммиграционной службы попало ему на несколько месяцев раньше, до разгрома палаточного лагеря.

Примерно через полгода – Ник уже свободно, хотя и с акцентом, говорил по-илихейски и более-менее знал, что представляет собой занимающая целый материк Империя, в том числе был в курсе, чем опасен запретный горный хребет, заслоняющий южный горизонт, – его настигли неприятности, и он попытался умереть.

Суицид не удался, он остался жив. Или, точнее, его оставили в живых. А Миури потом сказала, что эти неприятности, вообще-то, гроша ломаного не стоили, и объяснила, как надо было правильно действовать – если бы он вовремя вспомнил о том, что находится не там, откуда пришел, а в Илихее.

Но с Миури он познакомился уже потом, когда началось распределение.

В запущенной аллее поблизости от столовой он угощал кусочками сыра трехцветную кошку с двумя котятами-подростками. Около него остановилась проходившая мимо девушка. Высокая, в свободном темно-сером джемпере без вышивки (он тогда еще не знал, что это монашеское одеяние). Брови золотистые, как у многих желтоволосых илихейцев, волосы спрятаны под серой шапочкой с треугольными ушками, словно ей предстояло изображать кошку на детском утреннике.

Искоса взглянув на нее, Ник решил, что она тоже хочет посмотреть на играющих в траве котят.

– Любишь кошек?

– Они интересные, – отозвался Ник.

Трехцветная запрыгнула к нему на колени, потерлась мордочкой о рукав.

– И они тебя тоже любят, – заметила незнакомка. – Это хорошо.

Обычно Ник смущался и напрягался, если с ним заговаривали незнакомые девушки, но в этот раз ничего подобного не почувствовал. В ней было что-то такое... нейтральное и в то же время вызывающее доверие, вроде как обещание безопасности. И глаза добрые – ни насмешки, ни вызова, хотя во взгляде ощущается сила.

– Тебя еще куда не определили?

– Нет.

– Также хорошо. Как тебя зовут?

– Ник Берсин.

Он переименовал свою прежнюю фамилию. Здесь многие так делали.

– Когда закончишь угощать кошек, приходи в иммиграционное управление, в кабинет своего куратора. Я буду там.

Вот так Ник и стал помощником сестры Миури из ордена Лунноглазой.

– Ты погоди соглашаться, на тебя же заявка есть! – отозвав его в соседний кабинет, шепнул куратор, толстый пожилой илихеец в костюме, расшитом

консервативным геометрическим орнаментом. – Ты можешь поступить в Колледж Горнодобывающей промышленности, обучение оплатит одно из предприятий цан Аванебихов. Выучишься на горного инженера, получишь хорошее место... Может, потом еще и женишься на девушке из высокородных, и тебя примут в семью, такое бывает. Даже поощряется – приток свежей крови, чтобы рождалось побольше одаренных и красивых детей. Ты неглуп, воспитан, хорош собой, тебя с руками оторвут. Странное, однако, выражение – «оторвать с руками», у вас много заковыристых выражений...

Стать инженером, как отец. Еще и жениться. Вести обеспеченную, налаженную жизнь. А потом она по не зависящим от тебя причинам разобьется вдребезги, и хуже всего будет то, что никого не сможешь спасти – как родители не смогли спасти его, как он не смог спасти своих родителей. Ник словно заглянул в трещину, за которой темнота и холод, а улыбающийся куратор этой трещины не видел. Лучше ничего не иметь, тогда у тебя ничего не смогут отнять.

– Спасибо, но меня такая жизнь не привлекает. Я поеду с сестрой Миури. У меня ведь есть право выбора?

Куратор его отговаривал, но переубедить не смог.

Полтора года странствий пошли Нику на пользу, он немного ожил и окреп физически. Иногда его начинали мучить воспоминания, но приступов ностальгии он почти не испытывал.

В Иллихейской Империи человеческая жизнь ценится чуть больше, чем у него на родине, в этом он уже успел убедиться. И кроме того, здесь много интересного. Ему здесь понравилось.

Глава 2

Клетчаба Луджерефа знал весь воровской Хасетан. Ловкий мошенник, изобретательный и находчивый аферист, Клетчаб своего не упускал и ни разу не попался с поличным. Он был прижимист, но расчетлив: когда полагалось, шикавал и выставлял собратьям по промыслу щедрое угощение, однако сверх меры не тратился. Своих не сдавал, в несоблюдении воровских законов и связях с цепняками замечен не был, люди шальной удачи его уважали. Можно сказать, что он принадлежал к числу самых везучих и преуспевающих хасетанских мошенников.

В один прекрасный день, четверть века тому назад, Клетчаб Луджереф бесследно исчез.

Предполагали всякое. Одни говорили, что он зарвался, разинул рот на слишком большой кусок, вот ему и перерезали глотку в темном закоулке, а тело, как водится, на съедение рыбам. По мнению других, Луджереф сорвал такой крупный куш, что решил дальше судьбу не испытывать; уехал туда, где его никто не знает, и открыл то ли магазин, то ли автомастерскую.

Еще ходили слухи, что с ним разделался втихаря охотник на оборотней Гаверчи – из-за своей подружки Марго, которая изменила ему с Клетчабом. Припоминали бурный скандал с рукоприкладством, случившийся в гостинице «Морской бык», после того как Марго получила бандероль с чеком на крупную сумму и алмазно-рубиновым ожерельем. Очевидцы говорили, что вещица была баснословно дорогая и дивно красивая – королеве надеть не стыдно, не то что этой оторве Марго.

Напившийся Гаверчи сквернословил, и его сожительница тоже в долгу не оставалась. В номере они подрались, потом выскочили в коридор. На шее у Марго – растрепанной, ярко покрашенной, мускулистой, как парень, но при этом полногрудой – завораживающе сверкало и переливалось драгоценное украшение.

– Кто тебе подарки дарит, паскуда? – орал на всю гостиницу Гаверчи, небритый, с опухшим от трехдневного запоя лицом и жестоко разбитым носом, а после повернулся к собравшимся зрителям и с пьяной горечью спросил: – Люди, вы знаете, кому она дала?!

– Ага, расскажи всем, кому я дала, – процедила Марго. – Ну, валяй, рассказывай!

Гаверчи неожиданно стушевался, угрюмо выругался и потащился прочь.

– А трахается он лучше, чем ты! – крикнула ему вслед Марго. – В десять раз лучше, в сто раз лучше! Я от тебя уйду, понял? Хоть мужика найду приличного, хоть к лесбиянкам уйду, чем твою пьяную образину терпеть! Отдай мои вещи и документы!

Они опять ретировались к себе в номер, оттуда доносился грохот и ругань на два голоса. Гаверчи за последние двадцать лет совсем спился, а тогда он слыл опасным парнем. Низкорослый, зато мышцы железные, и драться умел, как положено представителю его профессии. Но он был вдрызг пьян, поэтому Марго его отдубасила, собрала свое имущество и ушла. Ее потом видели то здесь, то там, она до сих пор живет и здравствует – а что ей, оторве, сделается?

Кое-кто считал, что с Гаверчи они рассорились из-за Клетчаба Луджерефа, и то ожерелье прислал ей Клетчаб, однако умные люди возражали, что все это брехня.

Луджереф, если делал своим любовницам подарки, старался сэкономить: какие-нибудь там чулочки, недорогие духи или конфеты, бижутерия из дешевых поделочных камешков – и хватит, хорошего понемножку. Чтобы он преподнес женщине (да еще такой оторве, как эта Марго с ее хриплым голосом, мужскими бицепсами и загрубевшим лицом) королевскую драгоценность – да для этого он сначала должен был рехнуться! И вдобавок, тот всем запомнившийся скандал в «Морском быке» случился через полтора месяца после того, как Клетчаба в последний раз видели в Хасетане.

Должно быть, Марго удалось подцепить богатого поклонника – что ж, всякие оригиналы на свете бывают, но при чем здесь Луджереф, скажите на милость?

Поговаривали также, что Клетчаб влюбился, только не в эту оторву Марго, на которую польстится разве что охотник на оборотней вроде Гаверчи, потому что он на всякую страхолюдь насмотрелся, а в порядочную девушку из хорошего общества и ради нее завязал с воровской жизнью. Верится с трудом, но порой и такое случается.

Иные утверждали, что Луджереф не влюбился, а снизошло на него просветление. Осознав тщету всего сущего, он раздал наворованное бедным, сменил щегольской костюм на рубище и подался в отшельники. Теперь он святой человек, далеко продвинулся в постижении трансцендентных истин.

В общем, чего только не болтали. Кое-кто даже высказывал предположение, что Клетчаб Луджереф продался цепнякам и ныне работает полицейским шпионом то ли в Рарге, то ли в Рифале, то ли в Макишту, но таких трепачей

осаживали. Домыслов было великое множество, однако правды никто не знал.

Вот что произошло на самом деле.

Влажный и ветреный розово-серый вечер. В «Морском быке» жизнь в это время суток бьет ключом: тут тебе и ресторан, и казино, и танцы, и кабаре с певичками и клоунами – развлечения на любой вкус. Хасетан – портовый город, к тому же курорт, и народу здесь толчется столько, что разговоры об отрицательном приросте населения в Иллихейской Империи кажутся пустой болтовней.

Клетчаб Луджереф, представительный жгучий брюнет, заказал коктейль «Слезы покинутой русалки» и расположился на кожаном диванчике в углу восточной веранды. Быстрые цепкие глаза непроницаемо поблескивают. Небольшая бородка тщательно подстрижена, волосы (слегка сальные, если присмотреться) разделены прямым, как по линейке, пробором. Франтоватый костюм-тройка покрыт броской модной вышивкой – стилизованные якоря и крабы с гипертрофированными клешнями.

В последнее время Клетчаба нередко видели в «Морском быке». Цель он преследовал двоякую.

Во-первых, здесь кого только не встретишь – и моряки, и торговцы, и курортники, среди них всегда можно найти тупака, который сам не заметит, как его денежки перекачуют к тебе в карман. За минувший месяц Луджереф неплохо нажился. Продал одной приезжей даме чудодейственное омолаживающее средство: взял в магазине склянку косметического крема за десять рикелей, переложил содержимое в экзотическую коробочку из лакированного дерева, купленную в антикварной лавке за пятьдесят рикелей – в итоге две с половиной «лодочки» чистого барыша. И около тридцати «лодочек» выиграл в пирамидки у двух высокородных тупаков, Мефанса цан Гишеварта и Ксавата цан Ревернуха, приехавших в Хасетан, чтобы погулять тут и просадить побольше денег. Да еще встретил на Набережной Улыбок еле-еле ковыляющего богатого старика, тот остановился возле парапета и начал рыться в карманах: как можно было понять из его бормотания, искал таблетки. В процессе поисков он выложил на парапет скомканный и заскорузлый носовой платок, половинку сломанных солнцезащитных очков, авторучку с золотым пером, толстый бумажник из дорогой кожи... Только тупак не взял бы, а Луджереф не тупак. Бумажник оказался битком набит крупными купюрами, четырнадцать с лишним «лодочек»! Старый маразматик, верно, решил, что случайно уронил его в воду. Так что Клетчаб оседлал удачу и сейчас высматривал, где бы еще пожить.

Второй причиной, которая привела его в «Морской бык», была Марго, подруга немногословного и хронически нетрезвого охотника на оборотней Гаверчи. Королева Марго, как она иногда себя называла, хотя какая из нее королева, если она самая настоящая оторва? Вся твердая, как статуя, и грудь тоже твердая, а кожа гладкая, бронзового оттенка, но кое-где попорчена боевыми шрамами. Рубцы, оставленные когтями тварей! Их не сведешь запросто, как любые другие шрамы.

На лицо она была некрасива, черты крупные, грубоватые, и в придачу макияж, как у портовой шлюхи. Волосы белые, обесцвеченные, у корней мыши-

ного цвета, свисали до плеч тощими сосульками. Иногда Марго прятала это безобразие под роскошными париками, их у нее было два: россыпь туго закрученных локонов цвета красного дерева и высокая иссиня-черная прическа, перевитая жемчужными нитями.

Ее низкий, с хрипотцой, голос звучал волнующе, если на нее находило романтическое настроение, но обычно она разговаривала резко и развязно.

Клетчаба от нее передергивало. Переспать с ней он хотел из принципа.

Грудь ее всем нравилась – говорили, ни у одной шлюхи в Хасетане такой нет. А кроме того, переспать с Марго – это считалось за отчаянный поступок: вроде как тебе все нипочем, раз даже этой оторвы не побоялся.

Гаверчи не интересовало, с кем путается его боевая подруга. Только однажды он вышел из себя и начал рвать и метать из-за той истории с ожерельем. Три человека знали, в чем дело, – сам Гаверчи, виновница скандала Марго и Клетчаб Луджереф, но у каждого из троих имелись свои причины, чтобы помалкивать.

Этот Гаверчи, пока вконец не спился, промышлял охотой на Кибადийском побережье. Как известно, многие из больших и малых сверхъестественных тварей – оборотни, способные в урочное время превращаться в людей и животных. В своих владениях они много чего могут, а владения каждого соразмерны его могуществу: у кого – подполье заброшенной развалюхи, у кого – болото или рощица, а у кого целая пустыня, или горный хребет, или дремучий лес. Там они постоянно пребывают в своем истинном облике, причудливом и отпугивающем. Наихудшими среди них считаются пожиратели душ, поскольку встреча с ними чревата не только потерей жизни или рассудка, а полным исчезновением: была живая душа – и нет ее, ни в подлунном мире, ни в потустороннем. Одна из тех неприятных тем, которые никто не любит обсуждать.

К счастью, все на свете сбалансировано и уравновешено, и всякого рода сверхъестественные чудища тоже уязвимы. Покидать-то свою территорию они могут, но для этого тварь должна обернуться смертным созданием, причем тогда она временно утрачивает свое могущество. И возможно это лишь в определенный период. До истечения срока тварь должна вернуться обратно – во всяком случае, это в ее интересах, иначе она превратится в нечто слабое и несуразное и будет добираться до своих владений долго, с невероятным трудом (если вообще доберется, а не околеет по дороге).

Иные благоразумные монстры этой возможностью не пользуются, сидят себе в своих прудах, оврагах и подвалах и носа оттуда не высовывают. Пусть-ка кто попробует их там достать! А других соблазняет перспектива погулять по миру, набраться свежих впечатлений, с кем-то переспать, с кем-то подраться, с кем-то просто поговорить... Даже если для этого надо на некоторое время стать обыкновенным человеком (а если человеком слабо, хотя бы собакой, крысой, птицей – это уж у кого как получится). Вот тут-то и поджидают их Гаверчи и его товарищи по профессии!

Охотники выслеживают и уничтожают тварей, когда те отправляются путешествовать. Рискованное занятие, ведь если в пылу погони ты вторгнешься на территорию монстра, он сразу примет свой истинный облик, и тогда тебе несдобровать – из преследователя превратишься в добычу. Говорят, некоторые из этих созданий развлекаются тем, что охотятся на охотников, нарочно заманивая их в свои владения. Так что ремесло это требует и наблюдательно-

сти, и смекалки, и хладнокровия, и хорошей реакции.

Гаверчи на рожон не лез и на крупную дичь не замахивался. Ага, конечно, порой находились желающие завалить Короля Сорегдийских гор или Хозяюку пустыни Кам – ну, и где они теперь? Разве что воспоминания остались. Древние монстры сожрали и тела их, и души.

Не следует забывать о том, что существа эти, даже оборачиваясь людьми, обладают нечеловеческой силой и в драках опасны, да и в проницательности им не откажешь. Гаверчи был умный мужик, он об этом не забывал и выслеживал всякую мелочевку, которая гнездится по заколоченным сараям да по болотцам и перелескам – самое милое дело! Но почетный титул Истребителя пожирателей душ он все ж таки получил – после того, как истребил кештахарского пожирателя. Случилось это еще в ту пору, когда он работал в одиночку, без Марго.

По правде говоря, кештахарский пожиратель был из самых завалящих. Несколько столетий тому назад он наводил ужас на всю округу, а потом деградировал, опустился до безобразия. Безвылазно сидел в своем заброшенном колодце, и никакой поживы ему не было, потому что колодец тот нанесли на специальную карту, и все знали, что надо обходить его стороной.

Однажды окаянного хозяина колодца потянуло к людям, и он потащился в Кештахар. То ли по человеческому общению соскучился, то ли рассчитывал кого-нибудь завлечь к себе в гости и всласть попировать – этого теперь уже никто не узнает. Не стоило ему на белый свет вылезать. Он даже обернуться толком не сумел: вроде бы человек, изможденный, кожа да кости, с мутными больными глазами, но кое-где вместо кожи – бледная, телесного цвета чешуя, и какие-то лишние мослы где не надо выпирают, и волосы больше похожи на чахлые белесые корешки, а походка деревянная, как у ходячей куклы. В общем, не монстр, а сплошное недоразумение.

На свою беду, повстречал он Гаверчи. Тот выслеживал не его, а водяных собачек, которые завелись в озере Кешт и досаждали жителям окрестных деревень. За истребление этой напасти была назначена недурная премия, вот Гаверчи и приехал деньги зарабатывать.

Дальше все было, как в охотничьей байке. Сидит он, значит, в засаде, ждет, когда побегут мимо озерные твари, прикинувшиеся собаками. Известно было, что всего их шестеро, и в своем истинном облике они выглядят как двуххвостые рыбы с зубастыми рыльцами и бледными костистыми ручками, напоминающими младенческие, а когда обернутся – ни дать ни взять стая беспородных шавок.

С помощью ворожбы и примет, составляющих профессиональную тайну охотников на оборотней, Гаверчи определил, когда эти бестии в очередной раз покинут озеро Кешт, зарядил ружья и засел в кустах, сбоку от зарастающей бурьяном тропы.

Жанровая картинка, будто на савамской лаковой шкатулке: зеленый пейзаж на золотом фоне, пышно взбитые кучевые облака, край озера в обрамлении рыжей и ярко-зеленой осоки, среди усыпанного красными ягодами кустарника притаился охотник с темным сосредоточенным лицом, в высоких сапогах и богатом охотничьем костюме.

Гаверчи занял позицию подальше от воды: он ведь не маг и не жрец, а простой охотник, и заступи он за незримую черту, ограничивающую владения

озерных тварей – ему несдобровать. Те куда-то умчались всей стаей, а он дождался, когда они побегут обратно, они часто бегали по этой тропе.

Появление одинокого прохожего заставило Гаверчи мысленно выругаться: что за дурня сюда принесло, спугнет ведь собачек! Дурень выглядел истощенным и больным и пошатывался, как пьяный. А уж урод-то какой... Приглядевшись, охотник насторожился: нет, ребята, это вам не просто урод!

– Эй, уважаемый, куда направляешься? – высунувшись из кустов, поинтересовался Гаверчи.

Прохожий вздрогнул и в первый момент чуть не пустился наутек. Похоже, у него просто не хватило сил убежать, поэтому он остался на месте, опасливо повернул голову.

«Шея, как у ощипанной курицы!» – подумал охотник.

Ослабившись, странный тип прошамкал:

– Здравствуй, мужик!.. Пойдем, мужик, в колодец! Кушать будем, много-много кушать... Живая душа, хорошо, пойдем кушать!

И потянулся к «живой душе» трясущимися руками, которые лишь издали могли сойти за человеческие, не переставая бормотать:

– Живая душа, тепленькая душа... Кушать-кушать-кушать...

А Гаверчи, не будь дурак, как хрястнет его прикладом по темени – он и упал замертво.

После контрольного выстрела в голову охотник вывернул карманы грязного отсыревшего пальто и обнаружил там дырявый кошелек с двумя потемневшими серебряными рикелями, жирную улитку, удостоверение на имя полноправного гражданина Ялзира Корцубуга, инженера из Министерства Дорог и Мостов, командированного в Кештахар.

При виде документа Гаверчи прошиб холодный пот: это что же – человека убил?.. Что теперь будет, и что ему теперь делать?.. Но тут он разглядел, что документ сильно попорченный, размокший, чернила расплылись и выцвели, а дата выдачи – прошлый век. Инженера Корцубуга давно нет на свете, сожрал его окаянный хозяин колодца со всеми потрохами, амбициями, привязанностями, мечтами... Одно удостоверение осталось.

– Вот же гнусная тварь! – посмотрев на свою жертву, в сердцах сплюнул Гаверчи.

Потом развернул брезентовый мешок, затолкал туда убитого монстра, взвалил на спину и потащил к машине, оставленной за чередой лесистых пригорков.

Кештахарский пожиратель душ давно не давал о себе знать, и о нем благополучно забыли, так что в тамошнем полицейском управлении все опешили, когда Гаверчи заявился с мешком, вывалил на пол труп и потребовал гарантированную законом государственную награду.

Все, что ему причиталось, он получил – и почетный титул Истребителя, и премию, и поощрительное ежегодное пособие, хотя злые языки поговаривали, что дохляк из кештахарского колодца не стоил таких расходов.

В Хасетане Гаверчи, как и многие из его коллег, вел дела со скупщиками краденого: сбывал им сокровища убитых тварей, которые по закону полагалось сдавать в имперскую казну. Государство платит охотнику пятнадцать процентов от стоимости выморочного имущества, а скупщики отстегивают больше.

Клетчаб Луджереф тоже кое-что у Гаверчи прикупил: всякие замысловатые безделушки, чтобы морочить головы тупакам, и одну действительно ценную вещь – волшебное зеркало-перевертыш. С помощью такого зеркала можно украсть чужое лицо, а у того человека останется твое лицо. Незаменимое средство, если надобно скрыться и замести следы. Плохо только, что зеркала эти одноразовые – после использования разлетаются вдребезги. Клетчаб берег свое приобретение как зеницу ока. Бывало, что подворачивалась возможность продать вещицу за немалые деньги, и он размышлял, колебался, прикидывал, взвешивал, но каждый раз передумывал: а вдруг когда-нибудь самому пригодится? И однажды пригодилось.

Помощница Гаверчи, некая Марго, была иммигранткой из сопредельного мира. Примечательно, при каких обстоятельствах ее оттуда вытащили.

Вместе с компанией других таких же сорвиголов ее понесло в горы, а там непогода, метель, снежные завалы – их отрезало, и никаких шансов на спасение. Как раз в это время жрецы тех Пятерых, чьи имена известны лишь посвященным, ибо обладают неборимой магической силой, тех, кого называют Десятируким, Прародительницей, Ящероголовым, Лунноглазой и Безмолвным, собрались на конференцию в Храме Примирившихся Богов. Каким образом они заглядывают в сопредельные миры – сие неведомо даже таким пройдохам, как Клетчаб Луджереф. Главное, что кто-то из них туда заглянул – и увидел теплую (вернее, пока еще теплую) компанию на заснеженном склоне.

Обычно иммигрантов берут большими партиями, а тут всего-то полтора десятка человек, зато ребята молодые, здоровые, отчаянные, и перетащить их к себе можно запросто, не напрягаясь. Это Луджереф понимал: почему не хапнуть, если само в руки идет? Жрецы призвали Пятерых, те вняли зову и, объединив усилия, открыли проход в сопредельный мир, так что полуобмороженных «альпинистов», как они себя называли, спасли. Случилось это лет за семь-восемь до той истории в Хасетане.

Другой такой оторвы, как Марго, Иллихейская Империя еще не видела. В новом мире Марго понравилось: по ее словам, здесь она могла жить так, как ей всегда хотелось, а там, у себя, это было нельзя.

Еще она говорила, что дома хорошо училась и вообще была «спортсменкой, комсомолкой, красавицей». Ну, спортсменкой – это понятно, что такое «комсомолка», Луджереф тоже потом узнал, а что касается «красавицы»... Брр, надо быть Гаверчи, чтобы на нее польститься!

Вообще-то, у Гаверчи имелся свой резон: ему нередко приходилось выслеживать добычу в дикой местности, вдали от цивилизации и от женщин, а взяв в помощницы Марго, он получил и напарника, и любовницу в одном лице. У себя в сопредельном мире она «сделала мастера спорта по дзюдо и брала призы на соревнованиях по биатлону» – то есть, говоря человеческим языком, без непонятных словечек и выкрутасов, была мастером боевых искусств. Гаверчи ее поднатаскал, и охотница из нее получилась что надо. Если б она не давала всем без разбору, ей цены бы не было.

Луджереф поджидал ее на восточной веранде «Морского быка», потягивая жгучие и солоноватые «Слезы покинутой русалки». Крепкий смолисто-пряный букет, словно волшебный фильтр, делал окружающий мир более привлекательным и, что самое главное, делал выносимой наконец-то появившуюся

Марго.

На ней был облегающий костюм из черной замши с вышитыми золотыми драконами, усеянный также позолоченными заклепками в виде звездочек. Под расстегнутой курткой – ничего, кроме лифчика из сверкающей парчи, который едва вмещал роскошную грудь. Марго сама придумала этот наряд, поскольку считала, что именно так должна выглядеть охотница на оборотней: «как на картинке». Где она, интересно, видела такие картинки? Впрочем, в полевых условиях, когда они с Гаверчи мотались по болотам да по буеракам, она, конечно, одевалась иначе.

Лицо словно вытесано топором, кожа обветренная, задубевшая. Сияющая золотистая пудра не столько скрадывала грубоватость черт, сколько придавала Марго порочно-разбитной вид. Такое же впечатление производил и парик (в этот раз на ней был красный, с россыпью локонов). Глаза обведены угольно-черными контурами, на губах ядовито-малиновая помада. Она была крупной девахой, но двигалась плавно, вкрадчиво, скользкой поступью (это у охотников профессиональное), а бедрами покачивала, как распоследняя портовая проститутка.

Поглядев на нее, Клетчаб в душе содрогнулся и поскорее сделал большой глоток жгучих зеленоватых «слез». Он должен переспать с этой оторвой. Просто для того, чтобы потом всем рассказывать, что он ее трахнул, не испугался. Одного раза хватит, но ради этого раза он должен... должен... В общем, надо себя заставить.

Он еще отхлебнул, допил до дна, поставил бокал мутного стекла на исцарапанный деревянный подлокотник (в «Морском быке» посуда дешевая, потому что бьют ее, не напасешься) и с улыбкой поднялся навстречу даме.

Клетчаб умел изображать светского человека, даже мог при случае сойти за высокородного. Когда обыграл в пирамидки тех двух надутых тупаков, Мефанса цан Гишеварта и Ксавата цан Ревернуха, он косил под разорившегося аристократа. Перед Марго он тоже играл роль галантного кавалера: во-первых, чтобы побыстрее добиться поставленной цели, во-вторых, если ей чего-нибудь покажется не так, она может и затрецину отвесить, а рука у нее тяжелая, лучше не нарываться.

Приходилось быть щедрым. Дать-то она даст, но перед этим надо потратиться на напитки и лакомства, какие подороже, – это Луджереф слышал от тех, кто уже имел с ней дело. Если светские манеры денег не стоят, то на деликатесы для этой оторвы хочешь не хочешь, а раскошеливайся! Клетчаба это насилие над его бумажником делало взвинченным и агрессивным. Суммируя в уме расходы (здешнее фирменное мороженое – 30 рикелей за порцию, тропические плоды айлюм – 62 рикеля за штуку, меньяхский сладкий бальзам – 917 рикелей за графин с маслянистой темной влагой... ишь ты, еще и засахаренные эсшафаны ей подавай!), он прикидывал, за чей счет покроет убытки.

Сначала они сидели на восточной веранде, где мебель массивная и дорогая, но вся покорябанная, скрипучая от старости, и арочные проемы занавешены шторами в виде рыбацких сетей. Потом, когда розовато-серая мгла снаружи сменилась ночной темнотой, а из проемов потянуло сыростью, перешли в зал с камином, над которым висела громадная, с автомобильный капот, голова морского быка (она по сей день там висит).

Зал большой, ярко освещенный, грязноватый, воздух так насыщен винны-

ми парами, что можно захмелеть от одного запаха, и народу – не протолкнешься.

Скоро их стало трое. К ним за столик подсел некто Банхет – тщедушный, робеющий, хорошо воспитанный молодой человек в коричневом старомодном костюме с вышитыми зонтиками и коротковатыми рукавами. Как понял Луджереф, кто-то уже успел познакомить его с Марго, и теперь этот доходяга надеялся на более короткое знакомство.

Утощая загадочно улыбающуюся даму (истинная прорва, и как у нее в желудке столько всего помещается!), Клетчаб краем уха слушал болтовню своего конкурента. Тот приехал в Хасетан с поручением от одного высокородного богача-коллекционера из Венбы, чтобы купить для него «тафларибу» – изящные миниатюрные статуэтки из благородной кости или поделочного камня. Их вырезали древние кибადийцы, которые когда-то жили на побережье Рассветного моря, а потом были ассимилированы иллихейцами. По свету гуляет множество подделок, но Банхет утверждал, что он в этом разбирается, так как изучал искусствоведение в Раллабском университете, а сейчас работает консультантом по антиквариату. Здесь он в командировке за счет заказчика.

Луджереф внутренне сделал стойку и ухмыльнулся: вот кто возместит ему расходы на Марго!

Банхет был в натуре тупаком. Его близоруко прищуренные светло-карие глаза, безвольные черты гладко выбритого болезненного лица, прилизанные блондинистые волосы, книжная речь университетского всезнайки – все вызвало у Луджерефа презрение и приятное сознание собственного превосходства. Клетчаб обронил, что у него имеется несколько «тафларибу». Ученый размазня сразу клюнул и сказал, что хотел бы на них посмотреть.

– Главное, смотри получше, – посоветовала Марго. – А то подсунут какую-нибудь херню.

Она употребила слово, которое пришло в благословенный иллихейский из варварского языка иммигрантов.

– Не беспокойтесь, я специалист, – застенчиво улыбнулся Банхет.

Словно школяр, который, слегка смущаясь, рассказывает о своих хороших оценках, чтобы выклянчить рикель на конфеты. Тьфу... Клетчаб смачно и красиво сплюнул на пол и заказал еще портвейна. Сегодня вечером он просадил кучу денег и потому чувствовал себя широкой натурой, бесшабашным гулякой – в Хасетане таких уважают.

Повезло, однако же, что подвернулся этот Банхет. Во-первых, пожива. Во-вторых, поглядев на них двоих и сравнив, Марго скорее сможет оценить достоинства Луджерефа. Хоть она и оторва, а ударить перед ней лицом в грязь не хотелось.

– У вас такая опасная профессия... – восторженно глядя на нее, пролепетал Банхет. – Все эти существа, на которых вы охотитесь, они же могут убить человека...

– Могут, – голос Марго звучал хрипловато, словно у нее в горле шуршал бархат. – А мы можем убить их. Твари непобедимы только на своей территории. Когда они отправляются гулять, мы их выслеживаем – и все, кончено время игры.

– Дважды цветам не цвести.

Ну, совсем не в тему ляпнул, но Марго неожиданно оживилась, улыбну-

лась, словно признала в нем старого друга, и спросила:

– Неужели ты читал Гумилева?

– Читал. В оригинале.

И после этого Банхет залопотал не по-иллихейски – на языке сопредельного мира, которого Клетчаб Луджереф тогда еще не знал.

Началось самое натуральное западло. Марго и набившийся в компанию тупак игнорировали Клетчаба. И его представительный вид, и дорогой костюм с якорями и крабами, и то положение, которое он занимал в воровском обществе Хасетана, и даже то, что он платит за выпивку и закуску – все это ровным счетом ничего не значило.

«Опустили ниже плинтуса», – припомнилось дурацкое выражение, услышанное как-то раз все от той же Марго.

Банхет – вылитый простофиля с журнальной карикатуры, и если оторва уйдет отсюда не с Клетчабом, а с ним, это будет по всем понятиям позор!

Вокруг галдели, смеялись, флиртовали, ссорились. В густом, как суп, воздухе плавал ароматный цветной дым из расставленных по углам курильниц.

Подошел пьяный Гаверчи, низенький, с невозмутимым древесно-коричневым лицом и уныло свисающими усами. Ему было наплевать на то, что около его подружки увивается сразу двое ухажеров. Как он сам говорил: «Баба есть баба, что с нее взять? Главное, что Марго на охоте не подведет». Потоптавшись возле их столика, потащился в бар, где компания охотников глушила сиггу.

Рогатая голова морского быка над камином недобро скалилась, в стеклянных глазах величиной с блюдца горели электрические лампочки. Клетчабу, через «не могу» дожевывавшему приторный эсшафан (раз уж он заплатил из своего кармана за этот окаянный деликатес, он съест не меньше, чем Марго и Банхет!), показалось, что правый глаз насмешливо подмигнул.

Надо показать им, кто здесь самый крутой. Силком с Марго ничего не сделаешь, такая сама кого хочешь изнасилует... Остается одно – одержать моральную победу.

Запив засахаренную гадость портвейном, Клетчаб заговорил вальяжно и пренебрежительно:

– Банхет, вы, я вижу, большой знаток всякого антикварного дерьма, вас в ваших университетах всему научили... А знаете ли вы, как отличить подлинную кибадийскую вазу от тех, что делают хасетанские народные умельцы по двадцать пять рикелей за штуку?

У этого ходячего недоразумения в костюме с зонтиками были припасены ответы на любые вопросы. Только ведь здесь главное не правильный ответ, главное – с какой интонацией ты говоришь, как смотришь на собеседника, сколько в тебе куража... Сразу видно, чего стоит хлипкий умник из Раллабского университета и кто такой Клетчаб Луджереф! В общем, для кого было «кончено время игры», так это для Банхета, а Луджерефу все-таки удалось утвердить свое пошатнувшееся превосходство.

В конце концов Марго сказала:

– Я готова. Еще чуть-чуть – и напьюсь, как Гаверчи. Клетчаб, спасибо за ужин. Проводишь даму куда-нибудь... типа в «Жемчужный грот»?

Есть такое известное на весь Хасетан заведение на одной из приморских улочек, в невзрачном старом доме из белесого ракушечника. Там сдаются комнаты с кроватями – хоть на час, хоть на два, хоть на целые сутки.

Великодушно оставив Банхету недоеденную дорогостоящую жрачку и полбутылки портвейна, Клетчаб ухмыльнулся голове морского быка, взирающей на людскую суету сквозь расплывчатые клубы зеленого и розового дыма, и повел завоеванную даму к двери.

Дальнейшее... гм, дальнейшее было не так привлекательно, как триумфальный уход вместе с Марго из ресторана. После ночи в «Жемчужном гроте» Клетчаб чувствовал себя измотанным и выжатым. Едва они остались вдвоем в пропахшей мускусом полутемной комнатухе, эта оторва на него набросилась, как цепная сука на старый тапок. Вспоминая о том, как беспомощно он трепыхался в тисках ее объятий, Луджереф нервно ежился. Больше он к ней даже близко не подойдет, ни-ни, одного раза хватит.

Зато теперь будет о чем рассказывать в приличной компании. Не правду, Безмолвный упаси, ни в коем случае не правду... а примерно то же самое, что рассказывают все остальные, кто переспал с Марго до Клетчаба.

После полудня он взял несколько «тафларибу» и отправился к Банхету, остановившемуся в «Песочном пироге» – гостинице из самых дрянных и дешевых. Окно маленького номера выходило на улицу, где вплотную друг к дружке, без просветов, выстроились в ряд хрупкие с виду одноэтажные домики – покосившиеся, иные по самые окна погрузились в землю, зато с красочными витринами и вывесками (их уже лет десять, как снесли). По беленым стенам комнаты и по потолку вяло ползали длинные зеленые снулябии с трепещущими слюдяными крылышками в рыжих крапинках.

У Банхета все это вызывало наивный идиотский восторг – и ветхие миниатюрные магазинчики, и бурлящая внизу, на мощенной булыжником улице, людская суета, и даже присутствие докучливых насекомых в номере.

– Сколько во всем этом жизни, как это приятно и чудесно... Я хочу сказать, что у нас в Раллабе таких старинных южных улочек и таких снулябий нет, – объяснил он с извиняющейся улыбкой.

– У вас там ничего стоящего нет.

Ухмыльнувшись, Клетчаб сплюнул вниз с высоты третьего этажа. В толпу.

– Ну, зачем вы так? – с упреком спросил Банхет. – Вдруг на кого-нибудь упадет... Я никогда так не делаю.

Где уж этому ученому растяпе оценить эффектный плевок!

– А теперь смотри и слушай сюда, – потянув засаленный шнурок, Луджереф опустил скрипучие, с облупившимся лаком, жалюзи и повернулся к столу. – Посмотри, что я тебе принес. Это стоит больших денег.

Он высыпал на стол «тафларибу». Банхет брал фигурки одну за другой и подолгу рассматривал, его пальцы двигались мягко и осторожно. Тонкие бледные запястья, поросшие светлыми волосками, выглядывали из коротковатых рукавов, как у школяра, которому небогатые родители никак не соберутся купить новую форму.

Все перебрав, он взял по-кошачьи свернувшуюся нефритовую девушку.

– Эту я покупаю. Остальные – подделка. Вот эти две – позапрошлый век, искусная работа, но меня интересуют только настоящие кибадийские «тафларибу».

Да он действительно знаток!

– Чем они тебе не подлинны? – прищурился Клетчаб.

Банхет принялся перечислять признаки, явные и неявные. Этот тупак свое

дело знает, просто так его не проведешь... Значит, проведем другим способом, непростым.

– Я тебе еще принесу. Поглядишь там чего... Кралечку эту, ежели берешь, уступлю за пятнадцать «лодочек».

– Каких лодочек?.. – тупак озадаченно открыл рот и приподнял жиденские светлые брови.

– Ну, за пятнадцать тысяч. Так говорят у нас в Хасетане, – покровительственно пояснил Луджереф.

Тупак есть тупак. Хоть и ученый, а непонятливый.

Спрятав в бумажник чек, он сгреб со стола отвергнутые фигурки и распрощался, оставив Банхета восхищаться разукрашенными магазинчиками и сверкающими крылышками зеленой мошкеры. Ему предстояло кое-что обмозговать и подготовить.

Вечером, завернув поужинать в «Морской бык», он застал там Банхета и Марго. Подсел к ним. Снимать эту оторву он больше не собирался (даром не надо, хорошо еще, что ничего не вывихнуто и ребра целы остались!), но хотел получше присмотреться к ученому тупаку. Дельце-то наметилось прибыльное.

На Марго был высокий парик из тех, что называют «придворными», иссиня-черный с нитками жемчуга, и под расстегнутой курткой с золотыми драконами – черный атласный лифчик, расшитый бисером. Банхет изо всех силенок старался заинтересовать ее своей жалкой персоной.

Клетчаб прятал ухмылку: этот доходяга еще не знает, что его ждет, если Марго согласится ему дать.

Они ушли вдвоем, а Луджереф потом подцепил Оллоин, здешнюю певичку, с которой и раньше иногда встречался. Нормальная деваха, не то что эта оторва, которая привыкла на охоте голыми руками ломать хребты оборотням и с теми же замашками – в постель (синяки ведь остались, словно Клетчаба цепняки в участке дубинками молотили!). И шибко тратиться на Оллоин не надо, ее достаточно угостить портвейном и пирожным, какое подешевле. Клетчаб отдохнул с ней и душой, и телом, и лишь одна мысль его немного беспокоила: что там с Банхетом? Если Марго его насмерть ухайдакает, выгодное дельце сорвется.

Утром он съездил в «Песочный пирог», но клиента не застал. Сказали, тот со вчерашнего дня не появлялся.

«Готов, стало быть», – скорбно ухмыльнулся Луджереф, поглядев снизу, с волнистой, как стиральная доска, мостовой на закрытое окно Банхетова номера. И пошел, насвистывая сквозь зубы модный мотивчик, мимо ветхих, аляповато разубранных магазинов, сверкающих на солнце умытыми витринами.

Утро было как утро. Потом ему нередко вспоминалось это утро – словно рубеж между приятной, по крупному счету, безбедной, правильной жизнью в Хасетане и всем тем, что началось чуть позже.

После «Песочного пирога» Луджереф отправился в «Морской бык» выяснить судьбу бедолаги Банхета, чтобы определиться с дальнейшими действиями.

Марго принимала ванну. Когда она оттуда выплыла, с полотенцем на голове, в колышущемся, как хищная медуза, пенюаре с прозрачными оборками,

Клетчаб осведомился:

– Куда дела свою ночную жертву?

– Какую жертву?

Ни намека на нежные чувства, словно и не были они вместе позапрошлой ночью. А чего от нее, оторвы, ждать?

– Ну, этого, шибко умного. Банхета.

– А... Он куда-то ушел по своим делам, – невозмутимо ответила Марго. – Мало ли, какие у кого могут быть дела?

– Как ты с ним время-то провела? – Клетчаб скабречно подмигнул.

Для человека шальной удачи, тем более для хасетанина, главное – тот особый воровской шик, который отличает собратьев Клетчаба Луджерефа от тупаков. Пусть он позавчера утром выполз из «Жемчужного грота» истерзанный, как отслужившая свой срок мочалка, – это дело прошлое, а сейчас можно позубоскалить над тем, кому не повезло после тебя.

– Да ничего, – на грубоватом лице Марго появилось томное мечтательное выражение. – Очень даже ничего... Он меня оттрахал. Не я его, а он меня! Наконец-то попался мужик, с которым можно почувствовать себя настоящей женщиной. Охренительная была ночь...

– Кому ты поешь, подруга? – презрительно усмехнулся Луджереф. – Спой эти сказки моей престарелой тете, она, может быть, поверит, а я не тупак, чтобы ты засоряла мне уши своей брехней.

С достоинством ответил. Отбрил ее, оторву. Для пущего эффекта, чтобы поставить точку, еще и сплюнул с недоступным для тупаков хасетанским шиком на разбитый плитчатый пол. Ясно же, что Марго сказала это специально, чтобы его позлить, только у нее бабьего ума не хватило сочинить что-нибудь понатуральней.

Банхет ближе к вечеру нашелся, живой и невредимый. Оказалось, ему на днях уезжать – заказчик, оплативший командировку, требует его обратно в Венбу. Видно, этот любитель древностей не совсем тупак и не хочет, чтобы Банхет за его счет таскался по девкам в южном приморском городе. Со сделкой следовало поторопиться.

Сделка состоялась в захламленном полуподвальчике, якобы в лавке старьевщика, в одном из портовых закоулков. Вокруг пакгаузы, конторы, заброшенные склады, свалки, населенные странными созданиями трущобы, все это хаотично лепится вокруг порта, и найти здесь тот самый переулок и ту самую дверь – дохлый номер для приезжего человека. Даже не всякий хасетанин ориентируется.

В так называемой лавке пахло плесенью. В полумраке не рассмотришь как следует предметы, разложенные на кособоком стеллаже возле отсыревшей стены (будто бы товар, а на самом деле – бутафория, дребедень с помойки), зато стол стоит прямо под окошком, откуда льется солнечный свет, и большая старинная шкатулка эффектно освещена.

Клетчаб откинул крышку. Внутри – полтора десятка «тафларибу», каждая фигурка завернута в папиросную бумагу. Банхет начал их разворачивать и рассматривать, близко поднося к глазам.

– Ну что, берете? – спросил Луджереф, когда тот убедился, что все «тафларибу» подлинны.

– Да, конечно, беру, – простодушно подтвердил Банхет. – Сколько они стоят?

– Все вместе – двести «лодочек». Двести тысяч рикелей.

Этот простофиля ссылался на то, что заказчик положил ему на счет всего сто пятьдесят тысяч. В конце концов Клетчаб сорок «лодочек» уступил. Банхет сказал, что ему тогда придется доплатить десять тысяч из своих собственных сбережений и из денег на дорогу, а потом он даст заказчику телеграмму, чтобы тот возместил нужную сумму. На том и сошлись.

– Только вы должны заплатить наличными, – предупредил Клетчаб. – В этой лавке такие правила. Иначе сделка не состоится.

Машина, чтобы съездить в банк, ждала в соседнем закоулке. И по дороге туда, и по дороге обратно шофер, свой парень, нарочно петлял, как велел Клетчаб.

Перед тем как отдать деньги, Банхет еще раз открыл шкатулку и осмотрел каждую фигурку. Наконец закрыл крышку. Луджереф пересчитал кредитки – все правильно, без обмана – и коротенько закашлялся.

Это был условный знак. Черла, малолетняя воровка, дожидавшаяся в соседней комнате, открыла клетку и выпустила прыгунцов. А старик Жикарчи, алкаш из здешних трущоб, изображавший хозяина лавки, в это время стоял у стеллажа и делал вид, что перебирает товар. При этом он чуть слышно поскрипывал маленькой трещоткой – звук точь-в-точь, какой издают снулябии, на которых прыгунцы охотятся.

В комнату хлынул поток резво подскакивающих кожистых мячиков. Ну, пусть не поток, всего-то дюжина, однако неразберихи они наделали, словно их была сотня.

– Куда, куда!.. – замахал руками Жикарчи. – Вот напасть, опять они... Кыш отсюда!..

Суетясь, он налетел на Банхета, оттолкнул его, а Клетчабу хватило секунды, чтобы подменить шкатулку на другую точно такую же, до поры спрятанную в грязном ящике под столом. Ловкость рук, господа!

В парной шкатулке тоже лежало пятнадцать завернутых в папиросную бумагу фигурок, но это были дешевые сувениры.

– Никак их не изведу! – плаксиво пожаловался Жикарчи. – Как завелись у меня в подвале, так спасения от них нету. Идите, господа хорошие, сами видите, что творится...

Банхет, словно в чем-то засомневшись, откинул крышку, убедился, что все осталось, «как было», и снова закрыл. Клетчаб вывел его наружу и посадил в машину.

Когда автомобиль скрылся за углом, они с Жикарчи поскорее сняли вывеску «Вещи из вторых рук» – ее нашли на свалке, немного почистили и сегодня утром приколотили над дверью. Клетчаб расплатился с подельниками, потом отвез настоящие «тафларибу» Вандерефу, престарелому хасетанскому авторитету, у которого одалживал их под залог. С ним тоже по-честному расплатился. У своих он не воровал, да к тому же обмануть Вандерефа – оно выйдет себе дороже.

Его собственная доля составила около ста двадцати «лодочек». Недурно нажился. Еще раз пересчитав деньги, Клетчаб отправился кутить. Так полагалось, он привык соблюдать неписанные законы людей шальной удачи.

Это был, считай, последний безоблачный день в его жизни.

Гулял он с Оллойн. Сначала в «Морском быке», потом в «Амраиде», потом в «Серебряном неводе».

Именно там, в «Неводе», ему и попалась на глаза крутая компания охотников: Гаверчи, Марго и еще двое, все в кожаных костюмах, усеянных заклепками, на запястьях шипастые браслеты, на бедрах ножи, на поясе у каждого по паре стволов. Если не знать, что это представители уважаемой профессии, живой заслон между людьми и нечистью, можно испугаться.

Клетчаб в первый раз видел Марго в полевой экипировке. Она почти ничем не отличалась от своих коллег-мужчин. Короткие обесцвеченные волосы стянуты в хвостик на затылке, лицо темное, жесткое, только покрашенные губы выделяются алой полоской. Ну, и еще ее знаменитая грудь выпирает (единственное, что в ней есть хорошего), а в остальном – ничего женственного.

Охотники прохаживались между столиков, оглядывая публику. Явной угрозы вроде не было, но от их внимательных настороженных взглядов становилось не по себе. Когда они, наконец, убрались, Оллойн негромко спросила:

– Чего это они?

– Они охотятся, – робко объяснила Амата, ее названная «младшая сестра» – певичка-ученица, которую Оллойн взяла с собой.

– В Хасетане? На кого?

– На пожирателя душ. Мне сказал по секрету Рафляб, ученик охотника Унарапа. Они ворожили и узнали, что кто-то из пожирателей душ сейчас в Хасетане. Ой, только никому не говорите, что я вам рассказала...

Об охотничьей ворожке Клетчаб слышал, что она позволяет приблизительно определить местонахождение дичи, а сверх того от нее никакого толку. Хасетан – город большой, и слоняться вот так по ресторанам, бряцая оружием, здесь можно сколько влезет, пока все участники «охоты» не упьются вусмерть.

– Я боюсь, – прошептала Амата. – Рафляб сказал, дичь в этот раз крупная. Недаром их так много его ищет...

– Крупная или нет, никакой разношторпки, – заметил карманник Стенпе, кореш Клетчаба. – Когда они оборачиваются и уходят из своих владений, они просто люди. А для охотников знатная пожива, если его ухлопают – Истребителями станут, деньжат от государства получают, вот и набежало их столько.

– Они перво-наперво Марго против него выпустят, – хохотнул Прыгунец, другой кореш (это он катал на машине Банхета). – Она оборотню даст, и после этого голыми руками его бери и вяжи!

Стенпе засмеялся, и Клетчаб тоже засмеялся, про себя отметив:

«Ага, тебя, Прыгунец, эта оторва тоже уделала. А послушать, как ты брехал, – так ты герой, половой гигант!»

А потом он увидел Банхета.

Знаток кибадийского искусства, все в том же коричневом старомодном костюме с коротковатыми рукавами, топтался около входной арки и оглядывал зал. Вот он увидел Клетчаба с компанией, направился к их столику. Выражение лица беспомощное и встревоженное, но, похоже, этот тупак надеется, что «недоразумение» как-нибудь разрешится.

– Здравствуйте, Луджереф! – крикнул он издали. – Как хорошо, что я вас наконец-то нашел! Знаете, произошло что-то непонятное, в шкатулке оказались совсем не те фигурки...

– Чего ты гонишь такую большую волну? – усмехнулся Клетчаб. – Ну-ка, объясни попроще, а то мы в университетах не учились и книжек таких не читали.

Он выиграл. Одурачил тупака. Не каждый день он может позволить себе ужин в «Серебряном неводе». Кухня здесь дорогая, и публика собирается шикарная – почти все или высокородные, или денежные мешки. Стены задрапированы мерцающими серебристыми сетями, и такие же свисают с потолка (шторы в «Морском быке» – дешевое подражание здешнему убранству). По полу плывут в неведомые края мозаичные рыбы. Оркестр играет музыку в стиле «аквамарин» (которую Марго называет «джазом» – словечко из ее родного варварского языка).

Банхет стоял возле столика и зудел, и смотрел жалостно, растерянно моргая. Он был тут лишним – ну, его в конце концов и вытолкали.

Оллойн и Амата начали наперебой его изображать. Сейчас, четверть века спустя, Клетчаб не мог бы описать в деталях, как они выглядели. Хорошенькие, нарядные, с глянцевыми личиками... и все. А Марго, хоть она и оторва, отлично ему запомнилась, он ее мысленно видел, как на картинке.

Когда вышли из ресторана, Банхет ждал снаружи.

– Я понял, что вы меня обманули, – сообщил он дрожащим голосом. – Луджереф, я очень прошу вас, отдайте мне, пожалуйста, или настоящие «тафлариб», или деньги. Это же не мои деньги, а заказчика, и я должен что-то ему привезти. Вы понимаете, я человек небогатый, у меня могут конфисковать имущество, чтобы возместить ущерб. Пожалуйста, отдайте хотя бы половину! Знаете, мне даже домой вернуться не на что...

– Иди отсюда, тупак, – ухмыльнулся Клетчаб.

Оллойн и Амата захихикали. Банхет опять заладил свое: пусть они войдут в его положение и вернут по крайней мере часть денег или ему останется только пойти утопиться.

– Иди, топись! – крикнул пьяный и веселый Клетчаб.

Тупак не отставал, и Стенпе ткнул его кулаком под ребра, а когда он пошатнулся, нелепо взмахнув руками, чтобы сохранить равновесие, Прыгунец добавил по шее. Поделом тупаку!

– Эй, вы тут чего?

Та же самая компания охотников. Марго отпихнула парней от Банхета. Поднять на нее руку ни тот, ни другой не посмели – она тебе эту руку или вывихнет, или сломает, такое уже бывало.

– Любобовничка твоего учим! – дурачась, объяснил Клетчаб.

– Что случилось?

Банхет принялся, чуть не плача, рассказывать про шкатулку с «тафларибу». Луджереф, Стенпе, Прыгунец, Оллойн и Амата перебивали и передразнивали, давась от смеха.

Гаверчи и двое других охотников поднялись по белым полукруглым ступеням в «Невод», крикнув Марго, чтобы догоняла.

– Клетчаб, ты должен вернуть ему деньги, – выслушав всю историю, потребовала Марго.

– Это не твое дело! – Такая наглость его возмутила. – Законов Хасетана не знаешь? Я в ваши охотничьи дела не лезу, и ты в наши воровские не лезь. А этот тупак будет брехать – на перо напорется.

Марго нахмурилась, но промолчала. Повернулась к Банхету так резко, что ее куцый хвостик дрогнул над лоснящимся воротником охотничьей кожаной куртки.

– Послушай, тебе лучше поскорее отсюда уехать. Нашел, с кем связаться! В другой раз башкой думай, понял?

– У меня будут большие неприятности, – ответил тот тихо и безнадежно. – Если я вернусь без денег и без «тафларибу»... Не знаю, что я теперь буду делать. У меня даже на дорогу денег нет.

– Тогда не возвращайся в Венбу, а сматывайся куда-нибудь, понял? Лучше на юг, за горы. Погоди... – расстегнув куртку, она вытащила из-за пазухи расшитый бисером дамский бумажник. – Одна, две, три... ага, четыре с половиной. Бери билет на пароход и уматывай в южные края. Как-нибудь там устроишься... Идем, посажу тебя на такси, чтобы эти уроды деньги не отобрали.

– Вы очень добры и милосердны, спасибо вам, – смущенно пролепетал Банхет. – Я обязательно верну эти деньги и пришлю вам в подарок какое-нибудь украшение и вообще в долгу не останусь.

– Да ты лучше о себе позаботься! – охотница подхватила его под руку и поволокла к стоянке такси.

– Я только хочу сказать, что, если когда-нибудь вы будете нуждаться в моем милосердии, я отплачу добром за добро...

– Ладно-ладно, отплатишь, – отмахнулась Марго.

Запихнула его в машину, потом повернула к «Серебряному неводу». Компания Луджерефа тоже двинулась к своей машине, разрисованной разноцветными птицами, но Марго, поравнявшись с ними, сцапала Клетчаба за грудки и рывком оттащила в сторону.

– Ты чего?! – пытаясь освободиться, вымолвил Луджереф.

Она ничего не сказала. Молча смотрела, глаза в глаза, с таким презрением, что Клетчаб поперхнулся словами. Это презрение было адресовано и ему, Луджерефу, лично, и всему воровскому Хасетану; всадив ему в душу этот взгляд, словно нож под ребра, охотница оттолкнула его и взбежала по ступеням ресторана.

– Оторва... – пробормотал вслед Клетчаб.

Они потом кутили в низкопробной и грязной «Ракушке», а после опять отправились в «Морской бык», и Клетчабу то и дело вспоминался взгляд Марго. Впечатление осталось тяжелое, прилипчивое. Пусть она не произнесла ни слова – это оскорбление всему Хасетану, всем людям шальной удачи, всему воровскому обществу, это нельзя просто так спустить. Чтобы какая-то оторва... На другой день, обмозговав все на трезвую голову, он поговорил бы с кем надо, и Марго бы за это поплатилась. Он бы заставил ее поплатиться... Но он не успел.

Расставшись с корешами и девками, Луджереф отправился в холостяцкую квартиру на улице Пьяных Мыловаров, которую снимал уже второй год. Тихие кварталы, даже цепняка редко встретишь. Ему там нравилось.

Светало. Небо окрасилось в розовый. За углом шоркала метла. И подумать только, в детстве он мечтал стать дворником... Мимо прошмыгнул похожий на скользкую в пыли сухую ветку дорожный плавун, вцепился тонкими лапками в кожуру апельсина, валяющуюся возле треснутой урны. Клетчаб дал

ему пинка, и животное вместе с кожурой вылетело на мостовую. А не путайся под ногами! Из-за щербатой черепичной крыши дома на той стороне выдвинулся слепящий край солнца.

Клетчаб свернул в аллею, пересекавшую проходной двор. Деревья с широкими лапчатыми листьями стояли неподвижно, как театральная бутафория, ничего не трепетало и не шелестело.

На перилах громоздких деревянных балконов дремали, нахохлившись, каштухи, глупые назойливые птицы (ему они тоже балкон обгадили). Все вокруг застыло, менялась только окраска. Песчаная дорожка – и та порозовела.

Клетчаб еще не дошел до конца аллеи, когда его схватили за горло, одновременно заломив правую руку. Он рванулся, но не смог вырваться из этой мертвой хватки. Пытаясь освободить руку, потерял драгоценные секунды: пальцы напавшего сзади врага пережимали сонную артерию, и он... не успел... ничего...

Окружающая среда слегка покачивалась. Где-то рядом тяжело плескала вода. Очнувшись, Клетчаб обнаружил себя связанным по рукам и ногам. Кляпа нет, но на лице тряпка – плотная светлая ткань, сквозь нее просвечивает солнце, а больше ничего не видно. По звукам и по качке Луджереф определил, что находится на каком-то судне. Вероятно, в море.

Кто?.. Вроде бы он никому не задолжал, и смертных врагов у него нет... По крайней мере, среди людей шальной удачи, цепняки и тупаки не в счет. Или все-таки в счет?

Неужели Мефанс цан Гишеварт и Ксават цан Ревернух хотят вернуть свои проигранные денежки? Вот жлобы... А может, Марго?.. Она такая оторва, с нее станется...

Он начал перебирать в уме всех, кто мог иметь к нему претензии, но тут тряпку сдернули. В глаза ударило солнце. Громадное сияющее небо, сверкающее море – ага, угадал.

Лежал он на дощатой палубе, и над ним стоял Банхет. Вот уж на кого Луджереф совсем не рассчитывал.

Нелепый костюм с зонтиками Банхет сменил на брезентовые штаны и рубашку свободного покроя. Волосы, раньше зачесанные назад, прилизанные, теперь растрепались и падали на лицо.

Значит, все-таки Марго, понял Клетчаб. Где она сама – в каюте под палубой?

Банхет смотрел на пленника с безмятежным интересом, как будто чувствовал себя хозяином положения. Луджереф решил, что этот доходяга еще поплачется. Впрочем, сейчас тот не производил впечатление доходяги: худощавый, но ловкий и уверенный, равновесие сохраняет без заметных усилий, словно морская болтанка ему нипочем. Плечи, прежде напряженные и сутуловатые, непринужденно расправлены. Однако разительнее всего изменилось выражение лица. Черты те же, но теперь это лицо человека независимого, хладнокровного, много в чем искушенного, и в глубине глаз притаилась насмешка. С обладателями таких физиономий Луджереф избегал связываться.

Как будто Банхета подменили.

«Цепняк! – вспыхнула догадка. – Или частный шпик, провокатор. Кто же это заказал меня упечь?»

– Я иллихейский полноправный гражданин, и по закону имею право на адвоката. Иначе имею право подать жалобу в имперскую прокурорскую коллегия.

Банхет ухмыльнулся.

– Где я тебе в море адвоката возьму?

– Как арестованный законопослушный гражданин, я настаиваю на соблюдении всех законных формальностей!

Уголовно-процессуальный кодекс Иллихейской Империи Клетчаб знал на зубок. Это была единственная книжка, которую он прочел от корки до корки.

– Ты не арестован. Ты похищен. Какие тут могут быть формальности?

– Хочешь вернуть свои «лодочки»? – Клетчаб смиренно вздохнул, внутренне приготовившись к торгу. – Послушай, брат, ты сам виноват. Разве ты не догадывался, что дело нечисто? Почему тогда согласился на эту сделку?

– Я не догадывался, я знал, что ты меня одурачишь. И я заметил, как ты подменил шкатулку в том подвале в Пакляном переулке.

– Что же сразу не сказал? – с упреком спросил Клетчаб. – Нехорошо, брат, обманывать! Сказал бы, мы бы сразу полюбовно все решили...

– Видишь ли, мне хотелось сыграть в эту игру до конца и получить все впечатления, какие достаются жертвам мошенников. Это было по-своему интересно.

Банхет шагнул к нему, схватил за шиворот и поставил на ноги. Луджереф мельком удивился его недюжинной силе – и отметил, что суша находится в пределах видимости, справа по борту, а яхта полным ходом идет на юг. Впереди, на юго-западе, линия берега выдавалась в море и повышалась – там вздымались Сорегдийские горы.

– *Кончено время игры, дважды цветам не цвести...* – с непонятной усмешкой произнес Банхет. – Ты знаешь это стихотворение? Знаешь, что там дальше?

– Я университетов не кончал, – Клетчаб сплюнул за борт, стараясь сохранить достойный вид (это было трудновато, у него подкашивались затекшие ноги, и не придерживай Банхет его за ворот – он бы уселся на палубу) и в то же время внимательно изучая этого странного типа.

– Я, честно говоря, тоже, но я не настолько спесив, чтобы этим хвастать. Дальше так: *тень от гигантской горы пала на нашем пути*. Видишь, вот она, эта гора, маячит впереди. Когда мы до нее доберемся, для тебя все игры закончатся.

– Ты непонятно выражаешься, брат, – Клетчаб почувствовал усиливающуюся тревогу, но все еще был уверен, что сумеет уладить эту нелепую историю. – Раз ты знал, что тебя обманывают, и сам поддался, я не так уж сильно виноват. Ты косил под тупака, и я принимал тебя за тупака. Теперь нам нужно договориться по-свойски, чтоб никаких обид и непоняток не осталось. Какого откупа ты хочешь? Только учти, я вчера сильно потратился, ты же сам видел...

– Я собираюсь сожрать тебя без остатка, – негромко и мягко сообщил Банхет, когда он замолчал. – Но для этого я сначала должен принять свой истинный облик.

Клетчаб наконец-то понял, во что вляпался. В срань собачью.

Это выраженьице он слышал от высокородного Ксавата цан Ревернуха, которого обыграл в пирамидки, хотя пристало оно скорее деревенщине, чем высокородному.

Доходяга Банхет оказался пожирателем душ. Сорегдийская тварь, почти такая же древняя, как этот мир, и могущественная, как полубог.

На Луджерефа накатила паника, волосы на потной голове зашевелились, и он уже готов был закричать – отчаянно, обреченно, срываясь на фальцет... Но не закричал, потому что вспомнил: Король Сорегдийских гор, как называют этого монстра, могущественен только на своей территории. Сейчас это обыкновенный человек. Очень сильный, много чего знающий – да, верно, и все же просто человек, а Клетчаб Луджереф еще не встречал человека, которого не сумел бы обдурить.

– Ладно, ваша взяла. Я верну вам деньги.

– А оно мне надо? – хмыкнул Банхет.

Разговор с ним походил на попытки переступить через собственную тень. Пожиратель душ развлекался, выслушивая и отменяя все доводы Клетчаба. Между делом он выправлял курс, менял положение паруса – ловко и умело, как заправский моряк. Последние обрывки того Банхета, которым он прикидывался в Хасетане, с него слетели, соленый ветер унес их в блестящую серо-голубую даль.

Луджереф сидел, привалившись спиной к выступающей над палубой надстройке, теряя по каплям и кураж, и надежду. Банхет развязал его, чтобы он смог справиться за борт малую нужду, но потом опять связал.

К горлу подступали рыдания. Во всем виновата Марго. Охотница, а не раскусила затесавшуюся в человеческое общество тварь! Еще и дала этой твари. Оторва. Шлюха.

Когда он выругался в ее адрес вслух, пожиратель душ спокойно заметил:

– Не могу с тобой согласиться. Ты привык все что угодно измерять в денежных единицах... Распространенный в современном обществе порок. Так вот, если пользоваться твоей терминологией, Марго стоит намного дороже, чем ты.

– Дает всем подряд. Если б она за это брала по рикелю с каждого, стала бы самой богатой паскудой в Хасетане.

– Самоутверждение некрасивой девушки. Надеюсь, что в следующем рождении ей больше повезет с наружностью.

– Какая там девушка... – Клетчаб с трудом подавил всхлип. Ведь если Король Сорегдийских гор его сожрет, ему никакое «следующее рождение» не светит.

Банхет снисходительно усмехнулся.

– Я слишком много всякого повидал и перепробовал, чтобы придавать значение человеческим предрассудкам.

– Она убивает ваших собратьев, – напомнил Клетчаб.

Если удастся завести монстра против Марго, у него будет шанс удрать. Надо заставить Банхета вернуться в Хасетан, тогда появится крохотный, как золотая пылинка, шансик...

– А я питаюсь ее собратьями, так что мы квиты. К тому же эти существа, на которых Марго охотится, мне не собратья. Отвратительные деградировавшие твари, кто-то должен заниматься их истреблением, – Банхет присел напротив

пленника, отбросил с лица растрепавшиеся волосы. – Я сам по себе. Люди мне нравятся больше.

– Тогда, может, вам бы взять Марго в компанию? – Клетчаб через силу осклабился, хотя по его лицу градом катился пот – и солнце припекало, и остатки выдержки вот-вот иссякнут. – С ней будет веселее. Наверное, скучно одному в этих горах?

Он мотнул головой в сторону Сорегдийского хребта, темнеющего вдали у горизонта. Пока еще вдали.

– Скучно – не то слово, – Банхет опять усмехнулся. – Понравившегося мне человека я бы не потащил в свои владения. Там можно свихнуться, тем более в моем обществе. Ты слышал о том, как я выгляжу в истинном облике? Говорят, кошмарно. Ну, да скоро сам увидишь.

Он легко вскочил на ноги, встал к штурвалу. Яхта отклонилась от курса, развернулась носом на восток, в открытое море, но Банхет снова направил ее на юго-запад, к своим горам.

– Раз в три года я на несколько месяцев становлюсь человеком, – бросил он через плечо. – Болтаюсь по свету, ввязываюсь в неприятности... Меня могут прихлопнуть, но до сих пор везло. А знаешь, что в моем положении хуже всего? Не торопись с ответом. Если угадаешь, я тебя отпущу.

– Сколько попыток я могу сделать? – осипшим от волнения голосом спросил Луджереф.

– Три, – не оборачиваясь, бросил Король Сорегдийских гор. – Классический вариант.

Ветер парусом надувал его просторную белую рубашку, рвал жидкие Банхетовы волосы.

Клетчаб прикрыл глаза. Зыбкое сверкание моря и в придачу недобрая тень на горизонте – это мешало сосредоточиться.

– Хуже всего потерять жизнь, так ведь? Когда вы превращаетесь в человека, вас могут убить или вы можете не успеть вернуться вовремя. Вы рискуете самым главным – жизнью.

– Рискую. Мне без этого нельзя, иначе я постепенно стану таким же, как худшие из тех тварей, на кого охотится Марго. Риск – профилактическое лекарство от деградации. Вторая попытка?

Клетчаб долго молчал, размышляя, и, кажется, нащупал то, что нужно.

– Пока вы гуляете по свету, вас могут ограбить. Кто-нибудь разузнает, что вы оборотились, шасть в горы – и унесет ваше добро, все там драгоценности, золото в слитках... Ищи-свищи потом.

– Достойный тебя ответ, но ты опять дал маху. Осталась еще одна попытка. Последняя.

В этот раз Луджереф думал несколько часов кряду. Ошибиться нельзя. Солнце почти добралось до суши на западе, когда он заговорил:

– Хуже всего – прогневать кого-нибудь из Пятерых, да не оставят они нас своими милостями.

И помертвел, когда Банхет отрицательно покачал головой.

– С Пятерыми я никогда не ссорился. Я им не мешаю, они меня не трогают, так было и так будет. Для меня хуже всего другое – то, что тебе даже в голову не пришло. Если я влюбляюсь в какое-нибудь человеческое существо, это неизбежно приносит страдания и проблемы, ведь человеком я могу оставить-

ся в течение трех-четырех месяцев, а потом должен снова стать монстром.

Клетчаб зажмурился, чтобы не заплакать. Его обдурили, как тупака.

– Этак можно все что угодно сказать, – выдавил он, борясь с отчаянием (окаянные горы пока еще далеко, сдаваться еще рано). – Что я ни скажи – будто бы не угадал, а правильный ответ будто другой. Это жульническая уловка!

– Смотри-ка, тебе разонравились жульнические уловки?

Увидев ухмылку оборотня, он почувствовал и смертную тоску, и ярость. Наверное, бросился бы на него с кулаками, если бы не веревки.

– Я и не думал жульничать, – повернув штурвал не глядя, одной рукой, добавил Банхет. – Это был своего рода экзамен. Тест, как выражаются в мире Марго. Если бы ты ответил правильно, я бы тебя пощадил. Ты перебрал все, что имеет наибольшее значение для тебя: инстинкт самосохранения, страсть к наживе, боязнь перейти дорогу сильным мира сего... Ты годишься только на то, чтобы тебя съели, поэтому приговор остается в силе.

– Отпустите меня, – раза два стукнув зубами – от хасетанского воровского куража почти ничего не осталось – попросил Луджереф. – Может, я вам в чем-то буду полезен, а? Если там какие дела...

– Будешь. Как только до гор доберемся, – безжалостно улыбнулся его собеседник. – Что бы обо мне ни говорили, я очень разборчив в своем меню и не ем кого попало. Я питаюсь такими, как ты.

Клетчаб не удержался, заплакал. Пожирателя душ его слезы не тронули.

Он все-таки попытался перехитрить оборотня. Попросил поесть и попить, ведь даже в тюрьме приговоренных к смерти напоследок кормят. Банхет принес из каюты половину копченой курицы и початую бутылку вина, освободил его от веревок.

Луджереф ел медленно, чтобы в занемевшие руки-ноги успела вернуться сила.

Некрашенная палуба. Легкая качка. Светло-серый парус в свете заходящего солнца кажется розоватым. За сверкающим золотым морем чернеет на фоне розово-оранжевого неба контур берега. Тварь по имени Банхет сожрет Клетчаба, а все это по-прежнему будет существовать, никуда не денется... Если бы мир обречен был исчезнуть вместе с ним, было бы не так горько.

Руки тряслись – со стороны это должно выглядеть естественным, в его-то положении... Внезапно он хватил бутылкой о ребро надстройки, покрепче сжал «розочку» с острыми краями и кинулся на Банхета, целя в глаза.

Ничего не вышло. Только скулу этой твари слегка поранил. Банхет успел отклониться, а его бледные худосочные руки оказались сильными, как стальные клещи. А чему удивляться, если он даже с Марго сладил, с этой оторвой... Несколько мгновений – и Клетчаб снова сидит на палубе связанный, только теперь уже сытый (хотя оно ему совсем не в радость) и весь облитый вином.

– Это почти приятно, – Банхет с задумчивым видом потрогал расцарапанную скулу. – Драгоценные мимолетные ощущения... На два с половиной года я буду этого лишен.

– Вам не нужен агент среди людей? – немного выждав и убедившись, что он вроде не рассердился, осведомился Клетчаб. – Ну, доверенное лицо? Я ведь могу это, заманивать к вам людишек, чтобы вы могли пообедать...

На эту мысль его навели разлетевшиеся по палубе остатки курицы.

Банхет рассмеялся, словно смотрел выступление клоуна, и ничего не сказал в ответ.

Ветер почти стих. И от Луджерефа, и от запятанной палубы разлило вином, рубашка высохла, но все равно липла к телу. Веревки, стягивающие запястья и лодыжки, были слегка сырые, – когда Клетчаб разбил бутылку, они очутились в винной луже.

Парус обвис, яхта еле ползла, и ясно было, что к утру ей до Сорегдийских гор не добраться. Банхет не беспокоился, – видимо, у него в запасе было достаточно времени. В сумерках он причалил к островку с покосившейся халупой на песчаном берегу. Клетчабу перед этим заткнул рот, потому что халупа была обитаемая.

Рыбацкое семейство: тощий старик в драной широкополой шляпе, парнишка лет восемнадцати – урод с заячьей губой и перебитым носом, двое сопливых малолеток. Люди! Луджереф задержался и замычал сквозь кляп, стараясь привлечь к себе внимание. Все равно терять нечего.

Банхета он, однако же, недооценил – тот оказался не только пожирателем душ, но еще и пройдохой.

– У моего напарника белая горячка, – сообщил он обитателям островка. – Нажрался в Хасетане, теперь ему оборотни везде мерещатся. Пришлось связать, чтобы какой беды не натворил. Он за себя не отвечает, еще и богохульствует, поэтому я заткнул ему рот. Не трогайте его, от греха подальше.

Крепкий винный запах, исходящий от Луджерефа, подкреплял эти лицемерные объяснения.

Старик пригласил Банхета отведать испеченной на углях рыбы, тот вытащил из спрятанной под палубой каюты корзину с фруктами и бутылку дорогого вина.

– А это кто? – донесся его приглушенный заинтересованный голос.

– Селлайп, – отозвался старик. – Сноха. Старший мой, Кадоф, ушел в море и не вернулся, она вот с нами осталась.

Клетчаб, после серии судорожных телодвижений сумевший-таки сесть, в сиянии громадной луны, выползавшей из-за скалистой вершины острова, увидел Селлайп. Высокая, длинноногая, с покатыми плечами и текуче-плавными очертаниями бедер под ветхой тканью платья, она медленно шла по белой песчаной отмели, с сонным выражением лица, не глядя на гостя.

Клетчабу показалось, что он заметил, как вспыхнули глаза наблюдавшего за ней Банхета, который стоял рядом со стариком у кромки прибоя, вполоборота к яхте.

– Она согласится провести со мной ночь? – спросил пожиратель душ, еще больше понизив голос.

– Если денег дашь, отчего не согласится?

Вернувшись на яхту, Банхет бесцеремонно обшарил карманы связанного Клетчаба и выгреб все до последнего рикеля.

– Это ведь мои деньги, – улыбнулся он, блеснув зубами в лунном свете. – Ты получил их за «тафларибу», которые обманом забрал обратно, так что я имею право взять назад плату. Все равно тебе никакие «лодочки» больше не понадобятся, а людям удовольствие.

Ограбив Луджерефа, он отправился на островок развлекаться. Судя по доносившимся с берега возгласам, нежданно подвалившему богатству там

очень обрадовались.

«Срань собачья!» – давясь слезами (из-за кляпа даже не сглотнуть), подумал Клетчаб.

Сколько-то времени он пролежал, жмурясь от молочного света полной луны и прислушиваясь к долетавшим с берега звукам, а потом услышал новые звуки. Близкие.

Тихие всплески. И еще – словно кто-то кидает в борт комочки теста, и те прилипают, но их тут же отдирают и снова кидают. Какое-то шевеление над фальшбортом. Потом на палубу полезли небольшие белесые создания, напоминающие слепленное из сырого теста печенье, еще не побывавшее на противне.

Цевтачахи. Клетчаб брезгливо содрогнулся, хотя бояться их не было причины. Они в отличие от Короля Сорегдийских гор не станут есть ни его душу, ни его пострадавшее тело. Их привлекают винные пятна на палубе. И пахучая заскорузлая одежда. И пропитанные сладким красным вином веревки.

Преодолевая брезгливость, Луджереф заставил себя замереть, чтобы не спугнуть этих мерзавчиков. Ну же, грызите, питайтесь... Веревки вкусные!

Рассвет застал его в открытом море. Полутолый, исцарапанный, в лохмотьях, он сидел в украденной на острове утлой лодчонке и греб изо всех сил, как помешанный, не обращая внимания на кровавые мозоли на ладонях. На северо-восток. Сорегдийские горы остались на юго-западе – значит, надо двигаться в противоположном направлении. Чтобы Банхет не успел догнать сбежавшую жертву, он ведь должен вернуться в свои владения до истечения урочного срока... Чем дальше Луджереф уйдет, тем лучше.

Он переусердствовал. Лодку носило по волнам несколько суток, а потом полумертвого Клетчаба подобрала шхуна «Амогада», возвращавшаяся в Иллихею из дальнего плавания.

Первый помощник капитана «Амогады» был его заклятым врагом – Луджереф с год назад продал ему по подложным документам домик в пригороде Хасетана, а после объявился законный владелец недвижимости, вышел скандал. Мать первого помощника, глупая старуха, для которой тот покупал дом, из-за этого заболела и слегла. Обманутый тупак не раз говорил, что, если когда-нибудь встретит афериста, все что можно ему переломает и в таком виде сдаст цепнякам.

Оказавшись на «Амогаде», Клетчаб ожидал зверской расправы, но враг не обращал на него внимания. Смотрел – и как будто в упор не узнавал.

Клетчаб понял, в чем дело, когда поглядел в зеркало. Вместо прежнего двадцатисемилетнего брюнета с живыми наговатыми глазами он увидел там какую-то седую образину. Воспаленная кожа. Морщины. Взгляд нервный, затравленный. Словно Король Сорегдийских гор все-таки откусил изрядный кусок от его души.

Он поступил умно. Не стал бегать по Хасетану и рассказывать всем подряд, что ему довелось пережить. У Сорегдийской твари есть агенты среди людей, и наверняка они получили приказ поймать ускользнувшую жертву – или вот-вот получают.

Нет, Клетчаб Луджереф прямиком отправился в Фазанье предместье, где у него был схрон в подполе глинобитной хибары с запущенным палисадником:

зачатка на черный день, да еще завернутое в кусок войлока, спрятанное в чемодане с двойными стенками зеркало-перевертыш.

Хорошо, что не продал. Самому понадобилось!

За хранение такой вещи полагается пожизненная каторга, за использование – смертная казнь. Луджерефа это не остановило. Он должен стать другим человеком. Пусть Король Сорегдийских гор поверит, что он сгинул в море, – только тогда он будет в безопасности.

Высокородный Ксават цан Ревернух был одного роста с Клетчабом Луджерефом, схожей комплекции, того же возраста. И цвет кожи одинаковый. Перебрав всех мало-мальски подходящих тупаков, Клетчаб остановился на нем.

Несколько дней спустя Ксават цан Ревернух, последний представитель захиревшего аристократического рода, покинул Хасетан, но отправился не к себе домой, а на север, в столицу. В Хасетане он проигрался в пух и прах, а теперь взялся за ум и решил поступить на государственную службу.

Труп седого, хотя еще не старого парня, в ночь перед его отъездом утопленный в море, съели крабы. Быстро съели, Ксават цан Ревернух еще до Раллаба не успел доехать.

У него не было ничего общего с Клетчабом Луджерефом из Хасетана. Разве что сложение, черные как смоль волосы (после трюка с зеркалом они опять стали черными), тембр голоса... Зато манера говорить другая: вместо напевных хасетанских интонаций – жесткая, отрывистая, ворчливая речь.

И принципы другие. Ксават цан Ревернух (он даже думал о себе, как о Ксавате, чтобы Король Сорегдийских гор не нашел его, если начнет ворожить на Клетчаба Луджерефа) никогда не плевал в окно или на пол. С уважением отзывался об имперской полиции, а если кто-нибудь в его присутствии называл полицейских «цепняками», делал замечание. Стоило ему услышать об афере или краже, сразу начинал негодовать и ругаться. Он тертый калач, он перехитрит окаянную тварь.

В противоположность Луджерефу, презиравшему ученость, он начитался школьных и университетских учебников и слыл образованным человеком. Жить захочешь – еще не на такие жертвы пойдешь.

Он устроился на службу в Министерство Счета и Переписи. Человек шальной удачи ни за что не пошел бы на государственную службу – это нарушение неписаных воровских законов.

Ну, разве кому-нибудь могло прийти в голову, что он и есть тот самый мошенник, сбежавший из Хасетана?

Король Сорегдийских гор, скорее всего, был в курсе, что он жив. Есть способы ворожбы, позволяющие определить, жив человек или умер. Для этого нужна кровь, пусть даже старая, засохшая, а цветачахи его исцарапали, поедая испачканный костюм и веревки, так что на палубе, где он лежал, пятнышки крови наверняка остались. Клетчаб подозревал, что пожиратель душ не захочет смириться с проигрышем и будет его искать.

До Раллаба этой твари не добратся, слишком далеко, но Ксавату часто приходилось разъезжать по командировкам. К тому же теперь, получив доступ к закрытой информации, он уже не догадывался – знал, что Сорегдийский монстр ведет дела с людьми чуть ли не на официальном уровне. С торговыми компаниями, которые возят товар через горные перевалы, с промышленниками, которые добывают на его территории полезные ископаемые. И те, и дру-

гие вынуждены так или иначе с ним расплачиваться. Найдется, кого послать за Клетчабом Луджерефом.

Ксават (не существует на свете никакого Клетчаба!) все время был настороже, а если сослуживцы посмеивались над его «манией преследования», туманно намекал на старинную родовую вражду. К себе в помощники он брал только иммигрантов из сопредельного мира, даже два ихних языка худо-бедно выучил – русский и английский. Иммигранты илликхейской жизни во всех тонкостях не знают, поэтому меньше риска, что заметят какие-нибудь изобличающие его черточки. Марго вот тоже не распознала, с кем имеет дело, когда спуталась с Банхетом в Хасетане.

Кто безусловно выиграл в этой истории, так это Марго! Король Сорегдийских гор вернул ей деньги, одолженные Банхету, да еще прислал в подарок ожерелье, которое стоит как целое поместье на Кибадийском побережье. Но самое главное – Марго, считай, получила от него охранную грамоту: он ведь сказал, что *отплатит добром за добро, если она когда-нибудь будет нуждаться в его милосердии*. Ксават не ведал, воспользовалась она его милостями или нет. Может, при случае и воспользовалась. Кто знает, где ее, оторву, носит... А Гаверчи, бедняга, какое потрясение пережил, когда ему на глаза попало приложенное к бандероли письмецо, которое Марго не успела припрятать! Через это он и спился окончательно, потому что не вынес позора.

В министерстве Ксават был на хорошем счету. Директор отделения, непогрешимый советник цан Маберлак, как-то раз даже похвалил его за «имперское мышление» и «творческий подход к делу». Еще бы, просчитывать хитроумные комбинации он всегда умел, и никто из тупаков... то есть из коллег, его не переплюнет.

И то сказать, если государственный человек может стать вором, почему вор не может стать государственным человеком? Иммигрантов послушать, так в ихнем мире это сплошь и рядом. Хотя, с другой стороны, они такие небывлицы про свой мир рассказывают, что не всегда разберешь, где у них правда, а где брехня.

Двадцать четыре года спустя высокородный Ксават цан Ревернух в паршивой рифалийской гостинице, в грязном номере окнами на задний двор, встретился с Донатом Пеларчи, Дважды Истребителем пожирателей душ.

Донат был охотником, известным на всю Илликхейскую Империю, и пожирателей он прикончил сильных, опасных – не то, что хмырь из Кештахарского колодца, которого Гаверчи когда-то зашиб прикладом с одного удара.

Могучий, грузный, кряжистый, он напоминал грозовую тучу, которую одели в выдавший виды охотничий костюм из клепаной кожи и кое-как запихнули в гостиничное кресло с высокой деревянной спинкой. Его смуглое одутловатое лицо, гладко выбритое, с большим лбом и отвислыми щеками, хранило такое вдумчивое, такое значительное выражение, что Ксават испытывал невольный трепет: словно ты на приеме у врача, который должен спасти тебя от смертельной болезни.

Если разобраться, так оно и есть. Вражда с Сорегдийской тварью – это мучительная болезнь, которая рано или поздно его доконает. Вся надежда на Доната Пеларчи.

Проблема заключалась в том, что и государственную, и деловую верхушку

существующее положение вещей вполне устраивает. Особенно довольны торговцы: когда окающая тварь пропускает по сорегдийским магистралям их поезда, охрана всю дорогу отдыхает – нападений можно не опасаться, никаких людей шальной удаче пожиратель душ в своих владениях не потерпит. Его власть распространяется на весь хребет, и это опять же «хорошо», потому что с ним можно договориться. А если он вдруг исчезнет, будет плохо: на ничейной территории заведется множество зловредных тварей помельче, ибо, как выражаются иммигранты, «свято место пусто не бывает». Ксават был шокирован, когда узнал, что все официально зарегистрированные охотники ознакомлены с пожеланием имперских властей: Короля Сорегдийских гор не трогать.

Донат Пеларчи на правительственные пожелания было накласть. Он был Охотником с большой буквы, настоящим, одержимым. Он хотел стать Трижды Истребителем. Хотел завалить самую крупную в Иллихейской Империи дичь, пусть даже после этого он попадет в опалу.

Пришлось рассказать ему о том, что однажды господин цан Ревернух столкнулся с Сорегдийским монстром, и с тех пор тот его преследует. Разумеется, без подробностей, не упоминая ни Хасетан, ни Банхета, ни Клетчаба Луджерефа.

Разработанный Ксаватом план предполагал широкомасштабную облаву – якобы на преступников, находящихся в розыске, а на самом деле на Короля Сорегдийских гор. Истинную цель мероприятия будут знать только трое посвященных: Ксават, Донат и помощник Доната Келхар цан Севегуст – разорившийся молодой человек из высородных, который решил соригинальничать и подался в ученики к охотнику на оборотней.

Чтобы организовать облаву, Ксават превзошел самого себя. Пришлось интриговать, манипулировать, вводить в заблуждение, подделывать распоряжения... Но он все устроил в наилучшем виде, недаром непогрешимый советник цан Маберлак хвалил его за «имперское мышление»! Теперь цепняки-начальники на местах ждут только приказа сверху (а на самом деле – приказа от Ксавата), чтобы развернуть операцию «Невод». Название напоминало о «Серебряном неводе» в Хасетане. Единственная уступка прошлому, не удержался. Все равно никто не догадается.

– Ночью я ворожил, – сцепив на выступающем животе толстые пальцы, униженные массивными ребристыми перстнями, заговорил Донат низким, слегка гнусавым голосом. – Дичь приближается к Рифалу с востока. С той стороны, откуда вы прибыли.

Срань собачья. Монстр идет по его следу!

– Ясно... – процедил Ксават.

– Ворожба также показала, что это не бесцельное странствие, – продолжил охотник. – Что-то его притягивает, он вожделеет что-то получить. Жаль, нет возможности определить, что это такое. Это может быть все что угодно. Какая-нибудь вещица старинной работы, бутылка редкого вина, ганжебдийские гладиаторские бои, жена рифалийского Столпа – бабенка, я слышал, вздорная и вредная, но красивая. Если бы мы знали, каков предмет его интереса, могли бы устроить засаду.

Ксавата раздражала его манера говорить – медлительная, старомодная, тягучая, как темная патока. Изнывай в ожидании, пока он завершит свою мысль! Зато на охоте Донат Пеларчи принимает решения и действует молние-

носно, это примирило с его словесным рассусоливанием.

– Тварь ищет меня, – сказал Ксават, когда охотник умолк.

– Надеюсь. Тогда он сам придет в западню. Но если его интересуется что-то другое, мы напрасно потеряем время. Нужна приманка.

– Если на девку его приманить... – вспомнив Марго и Селлайп, предложил Ксават. – У меня есть помощница, девчонка из сопредельного мира, смазливая,мышленная, обходительная. Он падок на женщин.

– Он падок на все подряд, – охотник досадливо поморщился. – Каждый раз, когда подходит срок, он кидается в человеческую жизнь, как пьяница в загул. Какое развлечение он придумал себе на этот раз и как он выглядит – неизвестно. Он может принять облик любого, кто был им съеден.

Ксават недовольно фыркнул. Верно. Не годится Элизу использовать. Хорошо, если все пойдет по плану и на приманку попадетя Король Сорегдийских гор, но если они подсунут ее какому-нибудь бездельнику – получится натуральный срам. Самому же будет обидно.

– Приманкой могли бы стать вы, господин цан Ревернух, – утрюмо и настойчиво произнес Донат.

Кресло под ним со скрипом пошатнулось, словно готовилось развалиться. В этой гостинице не мебель, а срань собачья. И обои наклеены криво, где отстают, где измазаны засохшим желтоватым клеем. Руки бы пообрывать тем, кто здесь в последний раз делал ремонт. Ксавата все раздражало.

Он желчно возразил:

– Я не имею права, господин Пеларчи. Мое столкновение с тварью произошло, когда я выполнял инкогнито секретное служебное задание. Я тогда назывался другим именем, это закрытая информация. Вы же понимаете: долг, подписка о неразглашении государственной тайны.

Пеларчи сумрачно кивнул, и кресло опять скрипнуло.

«Придумай что-нибудь, не будь тупаком! – со злостью взмолился про себя Ксават. – Ты же специалист!»

– Какие-нибудь постоянные признаки у него есть? – спросил он вслух.

– Если бы они были, если бы у него не хватало ума их скрывать, он бы не прожил так долго.

– Должны быть, он же обладает индивидуальностью. Он вроде как аристократ среди тварей, все равно что высокородный – может, попробуем плясать отсюда?

– Да какой там аристократ! – брезгливо процедил Келхар цан Севегуст, до сих пор молча торчавший в оконном проеме. – Отребье. Живет в глуши, якшается с кем попало, ест всякую дрянь... Истинное отребье.

Этот высокородный Келхар Ксавата раздражал даже больше, чем тягучая речь старого охотника или изготовленная халтурных дел мастерами гостиничная мебель. Неразговорчивый, но с гонором. На бледном костистом лице застыла презрительно-высокомерная гримаса, и содрать ее можно только вместе с кожей. Одет, как одеваются охотники, но с претензией на элегантность. Слова цедит, словно великое одолжение делает.

Казалось, он каким-то чутьем угадал в Ксавате цан Ревернухе не равного себе, а выскочку, незнатного, обманом занявшего чужое место, и держится с ним соответствующим образом. Заносчивый дегенерат, вот он кто.

– Пожиратель душ питается человеческими душами, – одернул молодого

человека Донат.

– Я и говорю, дрянью, – не сдался Келхар. – По крайней мере, этот. Известно, что на протяжении последних тысячелетий он принципиально пожирает дрянных людишек, подонков, а чтобы съел что-нибудь приличное, я имею в виду приличного человека, таких фактов не зафиксировано.

– Пожиратель душ – это все равно пожиратель душ, поэтому он должен быть уничтожен, – веско объяснил помощнику старый охотник.

Ксават еле сдерживался. Если до сих пор Севегуст ему просто не нравился, то теперь это чувство переросло в острую, как зуд, неприязнь. Значит, Клетчаб Луджереф, едва не съеденный Королем Сорегдийских гор, по его мнению, дрянь?!

– Нам нельзя ошибиться, – раздумчиво добавил Донат. – Если мы ошибемся и вместо оборотня убьем человека, придется отвечать по закону. Поэтому, Келхар, оборотней обычно бьют вблизи их владений, когда есть уверенность, что дичь та самая.

– Что вы предлагаете? – взорвался Ксават. – Упустить его, чтобы не сделать ошибки?

– Я не сказал, что предлагаю упустить дичь, – холодно возразил Пеларчи. – Мы должны его найти и задержать до истечения урочного срока, чтобы он потерял человеческий облик. Если это произойдет за пределами его территории, сила будет на нашей стороне. Вот тогда мы его уничтожим. Главное – вычислить оборотня и не дать ему прорваться.

Ксават глубоко вздохнул. Операция «Невод». Все зависит от того, насколько надежным и крепким окажется сплетенный им невод... И еще от того, насколько Пеларчи искусен в своем ремесле. Он ведь не тупак, он Дважды Истребитель...

Охотники ушли. Ксават, конспирации ради, на полчаса задержался в дешевом полутемном номере. Это уже четвертая его попытка разделаться с Королем Сорегдийских гор. Первую он предпринял двенадцать лет назад. Окаянная тварь должна быть уничтожена. Если ее за столько веков не извели, это еще не значит, что она неуничтожима.

Если «Невод» не подведет, если Донат Пеларчи не подведет, Ксават (или Клетчаб) сможет поехать в Хасетан и прогуляться по его улицам, которые так часто, так настойчиво снятся. Сможет сдвинуть вместе обе половинки своего прошлого, безжалостно разорванного надвое... И наконец-то сможет распрощаться со страхом.

Во всяком случае, он на это надеялся. Он уже четверть века на это надеялся. А что ему еще оставалось, кроме надежды?

Глава 3

Их долго вели по коридорам музейного вида. Дворец рифалийского гараоба – Столпа Государственного и Общественного Благополучия города Рифала и окрестных земель – с улицы показался Нику не особенно большим, но то ли за трехэтажным белым фасадом прятался, уходя в глубь парка, целый лабиринт, то ли здесь был использован какой-то волшебный трюк с пространством.

Провожатая, прислуга в халате из синего сатина с вышитыми спереди и сзади гербами, порой останавливалась и прислушивалась, прижимая к губам палец, или, заслышав голоса, поспешно сворачивала в боковой проем, сделав приглашающий знак Нику и Миури. Как будто ей велели проводить посетителей к супруге гараоба тайком. Миури ничему не удивлялась, и Ник тоже делал вид, что не удивляется.

Наконец вошли в атриум под стеклянным куполом, загроможденный изящной мебелью с гнутыми ножками и шелковыми ширмами с вышитыми пейзажами. Был здесь также миниатюрный мраморный фонтанчик и два громадных аквариума: в одном плавали декоративные рыбки, в другом – медузы всех оттенков радуги, небольшие, не крупнее куриного яйца.

Регина цан Эглеварт, хрупкая женщина с капризным набеленным лицом, сидела в кресле возле фонтанчика. Послав прислугу за кофе, монахиню она тоже пригласила присесть и завела разговор о том, что у господина цан Эглеварта подходит к концу срок службы на посту гараоба, в Рифал уже прибыл его преемник, а они с мужем скоро отправятся на запад, в Макишту, государь подписал указ о назначении цан Эглеварта своим недремлющим наместником в Макиштуанском княжестве... Миури вежливо поддерживала беседу.

Ника административные шахматы не интересовали, и он стал наблюдать за медузами. Служанка принесла серебряный поднос с тремя чашками. Ник пил свой кофе стоя, не сводя глаз с причудливых созданий в аквариуме. Моря он никогда не видел – ни на Земле, ни здесь.

Регина время от времени бросала на него короткие, притворно рассеянные взгляды. Она не вызывала у него симпатии, хотя и красивая. Говорила она, манерно растягивая слова, и ненавязчиво показывала, что проявляет изрядный либерализм, распивая кофе с теми, кто стоит на социальной лестнице намного ниже супруги гараоба. По контрасту с Миури, как всегда сдержанной и приветливой, она выглядела почти карикатурно и напоминала жеманную барыню из советского фильма.

Она, конечно же, советских фильмов не видела и вряд ли представляла, какое впечатление производит на стороннего наблюдателя.

Особенно Нику не понравилось, как Регина вела себя с девушкой в синем халате. Тут уж никакой игры в либерализм – властный, уничижительный тон, а когда служанка, собирая пустые чашки, сделала неловкое движение, и те звякнули на подносе, Регина взвизгнула:

– Дура! Пошла отсюда!

Ее холеная ручка дернулась – дать пощечину, однако хозяйка дома спохватилась, нельзя же при посторонних, и удара не последовало.

Миури на мгновение вскинула глаза на Ника.

«Замри. Не вздумай как-нибудь отреагировать», – предупредил ее взгляд.

Чтобы не выдать свое отношение к этой сценке, он отвернулся и опять уставился на аквариум.

– Не обращайтесь внимания, сестра Миури, – раздался позади нервный жеманный смешок. – Я места себе не нахожу... Вы, наверное, догадались, что я не просто так вас пригласила, мне нужна ваша помощь, – Регина понизила голос. – Вы должны мне помочь, ради всего святого! Они хотят убить моего мальчика, моего маленького...

Какая-то опасность угрожает ее ребенку?

Ник снова повернулся к женщинам. Нехорошо стоять столбом и пялиться на медуз, когда заходит речь о таких проблемах.

Госпожа Эглеварт тончайшим, как клочок тумана, платочком вытирала мокрые глаза.

– Кого хотят убить? – мягко спросила «бродячая кошка». – И кто – они?

– Все они... Все, все... Слуги его ненавидят... – Регина всхлипнула. – Заиньку моего... И муж тоже... Они хотели зайньку отравить, яда ему подсыпали, он скушал и чуть не умер! Я теперь только сама кормлю, никому не доверяю, а то его изведут, мальчика моего им не жалко... Мы поедем в Макишту, и по дороге они его убьют, поэтому я решила обратиться к вам. Спасите его, я хорошо заплачу, – она опять всхлипнула. – Он один-единственный меня понимает!

– Почему его хотят убить?

– Он им мешает! Они даже хотели... на него... на зайньку... намордник надеть!.. Я не позволила. Представляете, разве можно на члена семьи – намордник?! Он ведь оби-и-идится...

Она расплакалась.

– Речь идет о собаке? – уточнила Миури, когда рыдания начали стихать.

– О песике, о моем зайньке, – подтвердила супруга Столпа, судорожно икая от слез.

– Ник, будь добр, дай воды, – полуобернувшись, бросила Миури.

Оглядевшись, Ник шагнул к столику с цветочным орнаментом на белой лаковой столешнице, налил воды из тяжелого графина. Не слишком ловко сунул даме стакан.

– Его все ненавидят... Муж даже говорил, что застрелит его, если он еще раз... А она была сама виновата... – продолжая плакать, бессвязно объясняла Регина. – Он такой умный, так меня любит... Вы должны отвезти его в Макишту, я заплачу любые деньги! Видите, я не торгуюсь...

Улучив паузу, Миури сказала:

– Я должна на него посмотреть.

– Да-да, конечно, – супруга гараоба сквозь слезы улыбнулась. – Сами увидите, какой он зайнька... Идемте!

Втроем они вышли в коридор, выложенный кричаще яркой розовой и лимонной плиткой, после поворота остановились перед двустворчатой дверью. Регина извлекла из складок воздушного одеяния позолоченный ключик и прошептала:

– Приходится моего зайньку взаперти держать... Муж сказал, что прикажет его пристрелить, если он будет везде бегать. Так много в людях злости...

Из-за двери донеслось наводящее оторопь басовитое ворчание.

– Он на цепи? – деловито осведомилась Миури.

– Да разве можно зайньку – на цепь?! – супруга Столпа всплеснула руками,

чуть не выронив ключ. – Они хотели посадить его на цепь, а у меня сердце кровью обливается, я не позволила. Да не бойтесь, там решетка, и вы же вместе со мной. Свою мамочку мальчик слушается!

Она отперла дверь и первая переступила через порог. Миури и Ник вошли следом. Ворчание перешло в рык, одновременно и ликующий, и угрожающий.

Решетка – литое кружево – разделяла помещение надвое, а по ту сторону... Разве это собака? Ник уже видел подобное существо на картинке – в учебнике «Живая природа Иллихеи», раздел «Особо опасные животные».

– Это же грызверг! – выпалил он вслух.

– Да, грызверг! – с вызовом подтвердила Регина. – А что, грызверг, по-вашему, не песик? По-вашему, он не имеет права на существование? Мой пусенька, мой зайнька, вот и пришла к тебе мамочка...

За решеткой бесновался зверь размером с королевского дога, но с более мощными лапами и массивным туловищем. Черный с асфальтово-серым отливом, под жесткой блестящей шерстью перекатываются литые мускулы. Клацают когти об исцарапанный паркет. Крупная тупомордая голова, маленькие уши, в большой влажной пасти – два ряда острых, как ножи, зубов. Глаза горят недобрыми угольками.

«Челюсти грызверга без труда перекусывают берцовую кость взрослого человека, ствол молодого дерева и даже трубу парового отопления», – вспомнилась Нику фраза из учебника.

– Мамочка своего зайньку любит, – бормотала Регина, прильнув к решетке. – У нас гости, да, да, гости, поэтому мамочка пока дверцу не откроет, ты уж, мальчик мой, потерпи... Его зовут Мардарий, – сообщила она Миури и Нику, лаская преданно повизгивающего грызверга. – Мардарий у нас красавец, правда же он великолепный? А они его не любят... Нехорошие люди мамочкиного зайньку не любят, но мамочка не даст им на зайньку намордник надеть! Мой маленький, как он радуется, что мамочка к нему пришла!

Время от времени Мардарий косил горящим глазом на чужаков и издавал низкое злобное урчание.

– Вот как зайнька свою мамочку защищает! – умильно прокомментировала хозяйка. – Пусенька мой...

В помещении стоял острый звериный запах, как в зоопарке в безветренную погоду. Солнечный свет лился из двух высоких полукруглых окон яркими потоками, и были отчетливо видны все царапины и пятна на старом паркете. Возле громадного пышного ложа с оборками и декоративными бантами, совсем не похожего на собачью постель, стояла большая, как лохань, металлическая миска, в ней лежали в кровавой водичке куски сырого мяса.

– Мамочка скоро к своему мальчику Мардарию вернется, – пообещала грызвергу Регина. – Сейчас мамочка придет, только с гостями поговорит...

Зверь свирепо зарычал. Если бы ему до этих гостей добраться!

Когда вышли в лимонно-розовый коридор, хозяйка прошептала:

– Спасите моего зайньку! За любую цену... Если он поедет с нами, по дороге его убьют, потому что все против него настроены. А он же не виноват, что он грызверг... Та служанка, которой он руку откусил, была сама виновата, от нее плохо пахло. И она мне грубила, а зайнька этого не любит. Нельзя же за это убивать! А что он маляров покусал, так им же за увечья заплатили, и я не понимаю, чем они остались недовольны! Могли бы сказать спасибо, что за про-

сто так получили такие деньги. Я хочу, чтобы вы отвезли Мардария в Макишту. У меня только на вас надежда... – Она смотрела умоляюще, как обиженный ребенок, готовый окончательно разочароваться в людской справедливости, на ее искусно набеленном лице блестели дорожки слез. – Сколько вы за это возьмете?

«У нее не все дома. Как мы, по ее мнению, повезем грызверга?!»

Ник ждал, что Миури скажет что-нибудь в этом роде, но монахиня невозмутимо предупредила:

– На мою помощь вы можете рассчитывать только в том случае, если Мардарий не причинил вреда никому из народа Лунноглазой.

– Нет-нет, не причинил! – торопливо заверила Регина. – Один раз погнался за кошкой, но она от него на дерево залезла.

– Если б догнал, растерзал бы.

– Нет-нет, что вы! – госпожа цан Эглеарт заломила тонкие белые руки. – Заинька только побегать за ней хотел, честное слово! Не поймал ведь... Он один меня любит и понимает. Если его убьют, я тоже умру. Сколько вы хотите?

– Триста тысяч. Половину вперед, авансом.

– Так много... – пролепетала Регина. – Это же целое состояние... Я должна попросить денег у мужа, а если он поймет, что это для Мардария... Вы не согласитесь сбавить цену до разумной цифры?

– Нет.

Бывало, что Миури оказывала кому-нибудь нешуточную помощь за символическую плату. Ник помнил, как она в одной деревне вылечила девочку от странной кожной хвори и изгнала из дома наславшее эту хворь существо, похожее на здоровенную серую бабочку из тех мохнатых, что выются в сумерках вокруг светильников, да еще поставила защиту, чтобы сверхъестественное насекомое не вернулось – все это за ночлег и бутылку молока (угощение для местных кошек). А сейчас видно было, что она не уступит ни рикеля.

– Я достану эти деньги, – вздохнула Регина. – Не беспокойтесь, достану. Я хочу, чтобы моего мальчика отвезли именно вы. Другим я не доверяю, а вас, я слышала, не перекупают, у вас хорошая репутация, – на глаза опять навернулись слезы. – Спасите зайньку!

– Если не будет возражать Лунноглазая Госпожа. Я должна сходить в храм и испросить у нее позволения. Завтра я сообщу вам, да или нет.

– Мардарий не обижал кошек! – всхлипнула госпожа цан Эглеарт. – Только гонялся...

– Миури, мы собираемся согласиться? – оторопело спросил Ник, когда они вышли на улицу и дворец гараоба остался позади, за блекло-желтыми административными постройками, шелушащимися от зноя.

– Я поступлю так, как велит Лунноглазая. Храму нужны деньги, и нам с тобой нужны деньги, а это именно тот случай, когда можно заломить любую цену.

– Как мы эту зверюгу повезем?!

– Как – не проблема, – спокойно, словно думая одновременно о чем-то другом, отозвалась «бродячая кошка». – В кулоне, разумеется.

– В каком кулоне? – растерялся Ник. – Что такое кулон?

– Камень на цепочке. На шее носят.

Она, видимо, решила, что ему не известно значение илихейского слова.

– И в этот кулон можно запихнуть целого грызверга?

– Можно. Если умеешь это делать и если у тебя есть разрешение, выданное жреческой коллегией.

– Хотел бы я посмотреть, как ты засадишь Мардария в кулон, – Ник недоверчиво усмехнулся.

Он прекрасно знал, что здесь, в этом мире, еще и не такое возможно; усмешка была не столько интеллектуальной, сколько нервной реакцией – как содрогание при погружении в ледяную ванну.

– Посмотришь. Но если Лунноглазая эту идею не одобрит, тебе придется подождать другого случая. Какого ты мнения о том, что увидел?

– Ну, вообще-то... – он замялся. – Я разочаровался в илихейской аристократии. Думал, они воспитанные, образованные, утонченные... А на эту дамочку посмотришь – и сразу хочется в какую-нибудь коммунистическую партию вступить, хотя дома я был за диссидентов.

– Ясно, – улыбнулась «бродячая кошка». – А теперь возьми назад свои слова насчет илихейской аристократии. Регина цан Эглевайт – твоя соотечественница.

Это в первый момент удивило его даже больше, чем то, что грызверга можно спрятать в кулоне, но только в первый. Если разобраться, как раз это все объясняет. Он и дома таких видел.

– Говорят, Эглевайт женился на ней по большой любви, – Миури скептически хмыкнула. – У него хватило ума устроить детей в закрытую школу, а каникулы они обычно проводят в поместье у деда. Регина в одном права: это верно, что такую суку поймет только грызверг!

Они дошли до бульвара с узловатыми деревьями, сплошь усыпанными сиреневыми и голубыми соцветиями, издали напоминающими райских птиц. В скудной тени сидели лоточники, мимо тащился, пыхтя и дребезжа, нарядно разубранный паровой автобус.

– Я сейчас пойду в храм беседовать с Лунноглазой Госпожой. А ты еще не созрел для долгих медитаций, поэтому погуляй по городу и к вечеру возвращайся в гостиницу.

Одно из бесспорных достоинств культа Лунноглазой: за адептами признается определенная независимость, никакой стадной дисциплины – каждая уважающая себя кошачья особь должна время от времени гулять сама по себе.

Куда бы они ни приехали, Миури обязательно отправляла Ника на самостоятельную экскурсию.

– Если заблудишься – спрашивай дорогу, если совсем заблудишься – я попрошу народ Лунноглазой тебя разыскать. Если кто-нибудь привяжется, скажи, что ты служишь Лунноглазой Госпоже.

Этого обычно хватало. Не считая происшествия в Мекете, но там, как сказала Миури, нападение было подстроено. Одна трактирная кошка видела, как Ксават цан Ревернух беседовал с местными громилами – теми самыми, которые потом напали на Ника. А если кошки о чем-то знают, Миури об этом тоже узнает, ведь она умеет разговаривать с ними на их языке.

«В министерстве у этого Ревернуха репутация моралиста, параноика и скользкого пройдохи, – сообщила Миури, задумчиво перебирая четки из лунного камня. – Если еще его встретишь, держись подальше».

Сначала Ника занесло в дебри узких, дискретно-затененных улочек, петляющих меж многоэтажных домов с потеками и трещинами на добела выцветшей штукатурке. Солнечные и затененные участки равномерно чередовались, так как верхние этажи зданий были соединены то ли воздушными галереями (такими же обшарпанными, как все остальное), то ли далеко выдающимися сомкнутыми балконами.

Подслеповатые арочные окна в рассохшихся переплетах с остатками белой краски. И булыжная мостовая.

Все это почти заморозило Ника: словно бродишь внутри картины, изображающей испанский или португальский город. Смуглые люди в вышитой одежде, кто в шляпах, кто с зонтиками, довершали впечатление... хотя волосы у многих желтые, как у Миури, ничего общего с Испанией. И на карнизах сидят крылатые ящерицы, но так даже интересней.

Главное, что это не земной город и напоминает он карандашную зарисовку, сон, плод воображения... По его улицам можно гулять безболезненно. Он не заставит тебя вспоминать то, о чем не хочется вспоминать.

Романтическое настроение улетучилось, когда прямо перед Ником, обдав его брызгами, шлепнулся на мостовую порванный бумажный пакет с овощными очистками. Ник очнулся и ускорил шаг.

Все прохожие спешили, и темноволосые, и желтоволосые – теперь он понял, почему. Тот, кто швырнул пакет, вряд ли метил именно в него, просто здесь так живут. Мусор лежал кучками под стенами домов и как будто агонизировал, шевелился... Ага, в нем копошатся пылевые плавунки – мелкие животные, с виду похожие на сухие ветки.

Нику повезло выбраться из этого района, не получив еще одним пакетом по голове.

Широкая улица, скорее даже проспект, много сверкающих стеклянных плоскостей, толпы народа. Солнце клонится к западу – час пик. В газонах изнывают от зноя чахлые розовые кусты с пышными бледно-розовыми и чайными бутонами.

Он завернул в кофейню с циферблатом над входом. Взял большую чашку кофе и тилму, похожую на многослойную пиццу.

Столик стоял возле громадного окна от пола до потолка. Можно не спеша пить кофе и рассматривать прохожих. Три года назад он думал, что ничего такого в его жизни больше не будет.

Илликхейцы, спешившие мимо, выглядели энергичными и темпераментными. Желтоволосая девушка в яркой полосатой юбке стукнула сложенным зонтиком по плечу разбитного брюнета, что-то ей говорившего. Похоже, в шутку, но тот скривился от боли.

Полицейский в зеленом мундире с начищенными пуговицами с любопытством наблюдал за двумя автомобилями, которые пытались вырваться с переполненной стоянки напротив кофейни. Они мешали друг другу, и ни тот, ни другой не желал уступить. Страж порядка одобрительно ухмылялся.

– Эй, конкурирующая фирма, привет!

Это Вилен и Элиза, с которыми он познакомился в Мекете. Они попали в Иллихею на год раньше Ника и работали у Ксавата цан Ревернуха.

Окликнула его девушка. Вилен подошел к столику следом за ней, и видно было, что ему не очень-то хочется общаться с «конкурирующей фирмой»:

вдруг влетит от Ревернуха? Но все-таки подошел и уселся, откинувшись на спинку стула с преувеличенно непринужденным видом, словно кто-то заставлял его изображать успешного и жизнерадостного молодого человека.

А Элизу (раньше ее звали Верой) можно принять за аристократку. Во всяком случае, она больше походила на аристократку, чем Регина цан Эглеарт со своим «заинькой».

Спину она держала прямо, хотя немного напряженно, и двигалась красиво, как гимнастка на показательных выступлениях. Наверное, дома, пока все было в порядке, ее водили на какие-нибудь занятия вроде танцев или художественной гимнастики.

Золотисто-русые волосы слегка вьются, ресницы длинные и загнутые, как на картинке.

Может быть, на ней тоже в конце концов женится какой-нибудь иллихейский гараоб, и это будет правильно. Подумав об этом, Ник ощутил глухую грусть. Как будто его сердце было расплосовано на куски и потом кое-как сшито заново, и он уже привык так жить, словно после операции, но иногда там, где швы, начинало болеть.

Даже если девушка ему нравится, он не должен добиваться близких отношений. Он ведь не сумел ничего предотвратить и маму защитить не смог. Разве после этого он имеет право на чью-то любовь?

Криво усмехнувшись, Ник ляпнул первое, что пришло в голову: поинтересовался, как поживает Ксават цан Ревернух.

Нежное лицо Элизы мгновенно отвердело, и она подчеркнуто сухо ответила, что господин Ревернух поживает неплохо, всем бы так поживать.

Неловкое молчание. Ник понял, что сказанул не то, не надо было вспоминать о ее шефе. Он чувствовал себя скованно, и Элиза, кажется, тоже.

Зато Вилена прорвало, и тот принялся рассуждать о социальном устройстве Иллихейской Империи – авторитетно, немного свысока, с уверенностью эксперта-политолога, приглашенного в телестудию. Говорил он громко, на все кафе, и другие посетители поглядывали в их сторону, хотя вряд ли кто-нибудь прислушивался, о чем идет речь, – здесь, вдали от Нойоссы, по-русски понимают немногие. Щуплый, с мелкими и неправильными чертами лица, Вилен буквально извергал энергию, как мощный прибор, работающий вхолостую.

«Наверное, Элиза его девушка. Даже не наверное, а наверняка».

Эта мысль заставила Ника окончательно скиснуть.

Он никогда не умел так уверенно рассуждать о вещах, с которыми знаком поверхностно. Для того чтобы выдать более-менее связное мнение, ему необходимо знать предмет достаточно хорошо. А Вилен выстроил сложную и разветвленную конструкцию, используя материал из учебника для иммигрантов и три-четыре непосредственных наблюдения, это Ник сумел уловить, все остальное – просто слова в различных комбинациях. Вот что значит уверенность в себе!

К их столику подошел официант в пестром вышитом фартуке и начал настойчиво предлагать пирожные из разноцветного желе: «бесплатное фирменное угощение, очень вкусно, только попробуйте!»

Похоже, преследовал он одну-единственную цель – вынудить Вилена замолчать, хотя бы заткнуть ему рот фирменным десертом за счет заведения.

Его хитроумный план сработал: Вилен польстился на изумрудно-вишневое

пирожное и сделал паузу.

– А ты что думаешь об Иллихее? – спросил Ник у Элизы.

Спросил первое, что пришло в голову, только бы сломать тонкий ледок, затянувший разделяющее их пространство.

Она ответила вопросом на вопрос:

– Ты видел мультик «Пластилиновая ворона»?

– Видел, конечно. Классный. А что ты думаешь...

– Здесь то же самое, – перебила Элиза. – Все разноцветное, как это желе, все меняется и превращается одно в другое, чудеса всякие... Пластилиновая страна.

Ему это понравилось, но самому никогда бы в голову не пришло. Наверное, надо обладать девчоночьим образным мышлением, чтобы додуматься до такого сравнения.

– В этом что-то есть, – он улыбнулся.

Девушка тоже улыбнулась.

Покончивший с пирожным Вилен принялся развивать свою мысль дальше:

– Иллихейская социальная модель имеет свои плюсы и минусы, как и любая монархическая система, а то, что здесь в социальную модель включены мистические существа, добавляет плюсов и минусов. Я считаю, это ослабляет выживательный потенциал общества...

Элиза обреченно закатила глаза к расписному, в цветочных гирляндах на синем фоне, кое-где потрескавшемуся потолку. Все-таки не похоже на то, что она девушка Виленна.

Потом они втроем пошли гулять по городу. По центральным улицам и бульварам, не забредая больше в те кварталы, где в тебя могут попасть пакетом с овощными очистками. Вилен всю дорогу ораторствовал, напористо и с апломбом, то ли не замечая, что аудитория его почти не слушает, то ли замечая, но не желая с этим мириться.

Простились, когда начало смеркаться, на площади перед белым зданием с лепными раковинами и многоярусной крышей в гирляндах желтых и красных мигающих лампочек – то ли театр, то ли какой-то храм.

– Пока, – приветливо сказала Элиза.

Ник стоял и смотрел, как они идут к автобусной остановке. Девушка с осанкой начинающей гимнастки, в белой блузке с пышными рукавами и длинной узкой юбке. Вертлявый молодой человек с короткой по иллихейским меркам стрижкой (волосы едва прикрывают шею), в костюме с вышитыми ромбами – множество углов, напор и агрессия – того покроя, какой считается здесь официальным.

На расстоянии, в толпе похоже одетых людей, они ничем особенным не выделялись среди других обитателей Пластилиновой страны.

Ксават видел эту срань собачью из окна такси. Вот же запахло... вернее, вот безобразие! Мало ему оборотня, который, возможно, все-таки учуял его след, так теперь еще Элиза не в ту сторону смотрит!

Дрянная девка забыла о том, что Ксават цан Ревернух для нее сделал. Он обратил на нее внимание и взял на службу. В течение двух с лишним лет он о ней заботился, знакомил с новым миром, время от времени даже давал ей денег

на всякую ерунду. И вот тебе признательность: стоило появиться какому-то смазливому сопляку – старый благодетель больше не нужен.

«Все они одинаковые, – желчно подумал Ксават. – Все оторвы...»

Пока такси по шумным, хаотично перепутанным рифалийским улицам пробиралось сквозь вечернюю сутолоку к гостинице, он припоминал все обиды, которые претерпел от Элизы. Обид накопилось много.

Она дерзила и огрызалась.

Она его обманывала. Говорила, например, что гигиенические прокладки на десять рикелей подорожали, а после выяснялось, что это вранье, и дополнительные десять рикелей она потратила на мороженое или на крохотную баночку косметического крема с блестками (никчемная срань, потому что Ксавату все равно, мажет она себе лицо этой модной блестящей пакостью или нет).

А когда Ксават хотел уступить ее всего-то на одну ночь советнику цан Сугеварту в обмен на содействие в служебной интриге, окаянная шлюшка закатила скандал: это-де оскорбление и криминал, и если он будет настаивать – она пожалуется и на него, и на Сугеварта.

Словечко «криминал» Ксавата испугало. Опасное словечко. Так сказать, ключевое... Сугеварту бояться нечего, он ведь настоящий цан Сугеварт и отделается штрафом за злоупотребление служебным положением, а Клетчаб Луджереф – совсем другое дело... В общем, он пошел на попятную и ни о чем таком больше не заикался, но Элизе этого не простил.

Кроме того, она уже несколько раз заводила речь о том, что ее зарплату Ксават должен отдавать ей, а не оставлять у себя. Да еще повышала голос, словно он ей ровня. Ну, он, конечно, сразу обрывал ее и объяснял, что руководителю виднее, на что должны расходоваться ее деньги, потому как он за нее отвечает. То есть знай свое место, срань собачья. Он никогда не выдавал помощникам всю зарплату целиком, а то больно жирный для них кусок получится. Возомнят о себе, от рук отобьются... Подчиненных надо держать под контролем.

Она нередко допускала мелкие ошибки при работе с документами или складывала вещи таким образом, что Ксават не мог найти то, что нужно. Случайно так выходило или делала назло? Когда скажешь, быстренько все исправит, но до чего это раздражает!

Она, само собой, рассчитывала выйти замуж за высокородного цан Ревернуха, и ее злило то, что он тянет с предложением.

А Ксават, во-первых, никогда бы на ней не женился – Элиза для этого недостаточно покладистая, а во-вторых, если официально оформлять брак, всплывут кое-какие неувязочки.

Дура. Выскочила бы замуж за родовитого аристократа – и на другой день бы обнаружила, что стала женой хасетанского мошенника в бегах! Подумав об этом, Ксават злорадно фыркнул, но потом снова погрузился в угрюмое раздумье. Такси в этот момент свернуло с длинной улицы, окаймленной желтыми бусинами фонарей, на площадь Безмолвного.

В центре площади белела окруженная кольцевой колоннадой исполинская каменная фигура – закутанный в плащ человек (скорее всего, человек) с опущенным на лицо капюшоном.

Вокруг кишели, сигнали друг другу, автомобили. Шофер такси тоже нада-

вил на клаксон.

– Храни нас, Безмолвный, и пусть тайное останется тайным, – машинально пробормотал Ксават слова молитвы.

Пожиратель душ хочет поймать и сожрать то, что ускользнуло от него четверть века назад. Стать приманкой, как предлагает Пеларчи? Брр... Но у него нет выбора, он уже приманка. Что еще могло понадобиться этой твари в Рифале?

Не забираться бы Ксавату так далеко на юг, но, поступив в свое время на службу в Министерство Счета и Переписи, он обнаружил, что больше себе не принадлежит. Куда командировали, туда и поедешь, а попробуй не подчиниться – назначат дисциплинарное расследование.

Вообще-то, в дисциплинарном расследовании ничего ужасного нет. Император-самодур, который направо и налево рубит головы провинившимся чиновникам, – это из детских сказок. В реальной жизни таких чиновников штрафуют, переводят на неперспективные должности или отправляют в отставку, всего-навсего. Но сама по себе разбираловка... Инспектора из внутренней административной полиции всю подноготную стараются вызнать, до всякой мелочи докопаться. Не иначе, с жиру бесятся, истинные цепняки!

В этом опять же ничего особенно страшного нет. При условии, что ты натуральный Ксават цан Ревернух, а не вор, присвоивший с помощью зеркала-перевертыша чужое лицо и убивший его законного обладателя, укравший имя и статус высокородного.

Клетчаба Луджерефа в случае разоблачения ожидала смертная казнь, поэтому он не давал поводов для дисциплинарного расследования, усердно трудился на ниве государственной службы, безропотно ехал, куда посылали. Отыгрывался за эту срань на подчиненных. Им, бездельникам, хорошо, по ним веревка не плачет, и никто не мечтает сожрать их души.

Ежели что, Ксават успеет сбежать – он привык держать нос по ветру и в таких делах не тупак, но его же разоблачат, пусть даже заочно, и сенсационная история наверняка попадет в газеты! А пожиратели душ, которые поумнее, тоже газеты читают. Король Сорегдийских гор узнает, под чьей личиной он скрывается, как выглядит...

Шофер ругнулся и притормозил. Через дорогу перебежала стайка сопливых вертихвосток. Волосы распущены, мордашки усыпаны сверкающими в свете фонаря блестками. Ксават подумал об Элизе и тоже зло выругался за компанию с шофером.

Не нужна ему эта Элиза. Даром не нужна. С ней чем дальше, тем хуже. Девочек много, он себе другую найдет. Но уступать ее безродному паршивцу из сопредельного мира не годится. Обидно, вроде как тебя ткнули мордой в срань собачью.

Если с Элизой что-нибудь случится, Ксавату, как непосредственному руководителю, за нее отвечать, поэтому ничего с ней не случится. Раз дрянь девка не умеет ценить добро, по возвращении из командировки он ее выгонит с самой нелестной характеристикой. Все ей припомнит...

А этот молодой да ранний, который хочет увести девку у Клетчаба Луджерефа, за свою наглость дорого заплатит.

Под лоджиями монастырской гостиницы собралось видимо-невидимо ко-

шек. Одни поглядывали вверх, ожидая угощения, другие дремали в траве.

Среди зелени желтела песчаная площадка, и посередине, на постаменте, сидела еще одна кошка – бронзовая, десятиметровая. Изображение Лунноглазой. За деревьями виднелись крытые цветной черепицей многоярусные крыши соседних построек.

– ...В общем, выбор за тобой, – сказала в заключение Миури. – Возьмешься за такое задание или нет...

Речь шла все о том же. О транспортировке в Макишту грызверга Мардария, принадлежащего Регине цан Эглеварт. Миури вчера допоздна медитировала в храме и в конце концов удостоилась беседы с богиней.

Поскольку на совести у Мардария нет ни одной убитой кошки (по не зависящим от него причинам, просто-напросто не поймал), монахиня получила разрешение помочь в этом деле супруге Столпа. Но – не подобает жрице Лунноглазой Госпожи носить на шее кулон с грызвергом, естественным врагом кошачьего племени, так что хранить у себя означенный кулон придется ее помощнику. Он не давал обетов и не принимал посвящения, ему позволительно.

И второе. Приближается время священных мистерий в Олаге, сестре Миури надлежит там присутствовать. Ника она могла бы взять с собой – но без грызверга, поэтому, если Ник согласится на эту авантюру, ему придется добираться до Макишту самостоятельно, а Миури приедет туда позже.

Он еще не путешествовал в одиночку и находится здесь всего-то два с половиной года, из них первый год безвылазно провел в Нойоссе, городе иммигрантов. Он до сих пор многого не знает и вдобавок по иллихейским меркам несовершеннолетний – ему еще не исполнилось двадцати. Вдруг он угодит в неприятности, как уже было в Мекете?

С другой стороны, Большой Поперечный тракт, пересекающий иллихейский материк с востока на запад, мимо северных отрогов Сорегдийского хребта, – оживленная и благоустроенная трасса, здесь много небольших городов, деревень и придорожных гостиниц. До совершеннолетия Нику осталось всего-то полгода, он не увлекается ни азартными играми, ни спиртным. Если он благополучно доставит кулон с грызвергом в Макишту, он заработает солидный гонорар и для ордена Лунноглазой, и для себя – четверть заплаченной Региной суммы будет положена в банк на его имя.

Миури предложила Нику самому принять решение.

– Я согласен, – рассеянно наблюдая за собравшимся внизу кошачьим обществом, сказал Ник. – Без проблем отвезу. Лишь бы он по дороге из кулона не выскочил.

– Не выскочит. Для этого надо совершить особое действие и произнести отпирающее слово. А насчет своего согласия – хорошенько подумай до утра. Если не передумаешь, завтра пойдем к Регине.

– Не передумаю.

В последнее время он все чаще испытывал неловкость из-за того, что Миури постоянно его опекает. Да, он здесь чужак, иммигрант, но Пластилиновая страна (у него не шли из головы слова Элизы, и чем дальше, тем больше ему нравилось это название) гостеприимно принимает чужаков. На Миури Ник пожаловаться не мог, она тактичная, рассудительная, терпеливая, однако ведет себя так, словно он школьник, а она – классный руководитель и обязана за ним присматривать. Ладно, если бы ему было тринадцать лет, но ведь ему

скоро стукнет двадцать!

– Тебе придется быть осторожным и осмотрительным, меня рядом не будет. Иногда ты заводишь довольно странные знакомства.

Ник понял, на что намекает «бродячая кошка».

– Так он же ничего мне не сделал.

– Не считая браслета, который смогла снять с твоего запястья только Лунноглазая Госпожа. Нехорошо было беспокоить богиню из-за такой мелочи, как неподдающаяся застежка.

– Это ведь была, как ты сама сказала, заколдованная застежка.

– Вот именно. Не годится надевать на человека штуковину, которую он не в состоянии самостоятельно снять.

– Кроме браслета, ничего плохого не было. Наоборот, он отговорил меня от самоубийства. Мне тогда очень важно было с кем-то поговорить, после этого стало легче.

– Ладно, это ведь дело двухлетней давности, – примирительно заметила Миури. – Я только хочу сказать, что по дороге в Макишту ты не должен попадать ни в какие истории. Ты будешь курьером с ценной посылкой, за которую мы с тобой несем ответственность.

Назавтра они снова пошли во дворец рифалийского Столпа. Перед этим Миури показала Нику продолговатый, длиной сантиметра четыре, восьмигранный кристалл на цепочке из тусклого темного золота. Рубин или гранат – Ник в камнях не разбирался. Темно-красный, как венозная кровь, почти черный, холодный на ощупь.

Регина встретила их зареванная. Глаза покраснели, сквозь слой пудры выступают тонкие, как волос, морщинки.

– В заиньку стреляли, – сообщила она тихим сдавленным голосом. – Когда он в парке в своей вольере гулял. Муж велел вольеру для него отгородить, это же совсем как тюремная камера! И все равно кто-то его чуть не убил... Мало того, что намордник хотели надеть, так теперь еще покушаются! Ни одна пуля не попала, у него ошейник с оберегом, я как будто сердцем чувствовала... Спасите заиньку, деньги я приготовила.

– Идемте.

Втроем они вошли в то же самое благоухающее зверинцем помещение, разделенное надвое решеткой. Грызверг встретил их угрожающим ворчанием.

Миури бросила кулон на светлый грязноватый паркет, и Мардарий исчез.

– Где он? – жалобно вскрикнула Регина.

– Внутри кристалла.

– И он там помещается?! – В голосе дамы зазвучали скандальные нотки. – Он же большой, а камешек этот ваш маленький!

– Можно сказать, что я свернула трехмерный фрагмент пространства, в котором находится Мардарий, таким образом, что он теперь занимает очень немного места, – тоном доброжелательно настроенной школьной учительницы объяснила «бродячая кошка». – И переместила этот фрагмент внутрь кулона.

– Это каким таким образом?! – крикнула супруга Столпа, наступая на нее с видом покупательницы, которая недосчиталась мелочи, отойдя от кассы.

Вот теперь Ник окончательно убедился в том, что Регина из одного с ним мира.

– Сие храмовая тайна, госпожа цан Эглеварт, – с достоинством ответила монахиня. – Но, если вы в чем-то сомневаетесь или чего-то опасаетесь, поищите другой способ доставить грызверга в Макишту. Сейчас я его выпущу.

Кулон, блеснув в падавшем сверху косом солнечном столбе, сам собой прыгнул ей в руку, словно Миури его магнитом притянула. Регина цан Эглеварт глядела на нее подозрительно и агрессивно, но с опаской.

Сжав кулон в кулаке, монахиня размахнулась и опять швырнула его сквозь решетку на отгороженную половину комнаты, пробормотав при этом:

– Сакхалагливлум.

Черный с асфальтовым отливом Мардарий возник из ничего, встряхнулся и зарычал на гостей – как ни в чем не бывало, словно его и не сворачивали вместе с фрагментом пространства. А кулон, повторив прежний маневр, снова очутился в руке у Миури.

– Мальчик мой, зайнька мой... – ухватившись за решетку, с облегчением пробормотала госпожа цан Эглеварт.

– Ник, пойдем, – позвала Миури.

– Подождите! – Регина заступила им дорогу и заговорила, сменив тон на просительный. – Я же за него беспокоюсь, вы должны понять, у меня же сердце кровью обливается... Я уже деньги приготовила! Сто пятьдесят тысяч, аванс, как договаривались. Отвезите Мардария в Макишту! А ему в это время не будет больно?

– Нет. Он будет дремать и смотреть приятные сны.

Повторно заключив грызверга в кристалл, Миури надела кулон Нику на шею.

– Спрячь под рубашкой.

– Вы отдаете зайньку ему? – Регина нахмурилась. – Он же совсем молодой, неопытный...

– Он мой помощник. Мне, жрице Лунноглазой, нельзя хранить у себя кулон с грызвергом.

Миури аккуратно пересчитала и убрала в карман монашеских шаровар деньги. Иллихейские купюры такого достоинства Ник до сих пор видел только на картинке в учебнике для иммигрантов. Какой на них сложный переливчатый рисунок, чуть ли не мерцающий... Наверное, это чтобы труднее было подделать.

– А кто-нибудь не сможет украсть у вас кулон, выпустить оттуда зайньку и убить? – опять начала допытываться Регина. – Вокруг столько злых людей...

– Для того чтобы выпустить Мардария, кулон нужно взять в левую руку, два раза подряд сжать в кулаке, потом бросить и произнести отпирающее слово – «сакхалагливлум». Бессмысленный набор звуков, – теперь «бродячая кошка» говорила чуть слышным шепотом. – Пароль знаем только мы трое. Следовательно, никто, кроме нас, сделать это не сможет.

Госпожа цан Эглеварт беззвучно зашевелила губами. Заучивала пароль.

– Сейчас завернем в банк и положим деньги на счет, – сказала Миури, когда вышли на улицу. – Пока задание не выполнено, трогать их нельзя, таковы правила.

– А человека тоже можно спрятать в кулоне?

– Кого угодно. Таких кристаллов немного, все они созданы Пятерыми, и владеть ими могут только жрецы. До Рарга мы с тобой доедем вместе, оттуда я

в Олагу, а ты – дальше на запад, в Макишту.

– Хорошо, – отозвался Ник.

Это будет его первое самостоятельное путешествие по дорогам Пластилинновой страны.

После того как Ксават обругал встреченных в темноватом коридоре молодоженов за сорванный кран в туалете, на душе полегчало.

– Это не мы его перекрутили! – растерянно оправдывался молодой человек в провинциальном вязаном жилете. – Мы его не трогали, мы туда не заходили...

– А если не вы, то кто же?! – злорадно спрашивал Ксават.

Они не знали, кто, и крыть им было нечем.

– Господин цан Ревернух, мы уже вызвали водопроводчика! – заверил его гостиничный администратор, который уже минут десять топтался рядом и беззвучно, как рыба, открывал и закрывал рот, но никак не мог поймать паузу, чтобы вставить слово.

– Если людей не воспитывать, они потеряют совесть и обнаглеют, – настаивательно объяснил ему Ксават, жестом показав молодоженам, что они могут убираться.

Все равно под ложечкой ныло. Когда сели в машину, это чувство усилилось.

На запад. Прочь из большого города. В соответствии с хитроумным охотничьим планом Доната Пеларчи – он профессионал, ему виднее.

Ксават понимал, что охотник прав. В рифалийской сутолоке оборотень, который неизвестно как на этот раз выглядит, запросто к нему подберется, а когда спохватишься – будет поздно. Стало быть, надо выманить тварь туда, где народа поменьше, и после дать команду начинать операцию «Невод».

Все правильно. Бесило его другое: он теперь приманка, срань собачья.

Для Доната сорегдийский оборотень – дичь, а для оборотня Ксават – дичь, и осталось только надеяться, что Донат не промахнется.

Глава 4

В Сундузе их настигло письмо.

«Здравствуйте!

Хачу придупредить чтобы вы бериглись и беригли маего заяньку, патаму что злые люди паслали каво-то вас дагонять чтобы заюшьку отнять и убить. И мой муж тоже с ними заадно.

Разачировалась в людях вабще.

Беригитись наемнава убийцу!!!

Спасите заеньку!

В. цан Э.»

На розовой лощеной бумаге, с золотым тисненным гербом Эглевартов в верхнем правом углу – сразу видно, что это послание высокопоставленной дамы.

– Что будем делать? – Ник вопросительно посмотрел на монахиню.

– Ничего. Регина преувеличивает опасность.

– Если по дороге у меня украдут кулон...

– Украдут, и что дальше? Отпирающего слова никто, кроме нас, не знает, а пока Мардарий внутри, с ним ничего невозможно сделать. Кроме того, кулон защищен храмовым проклятием. Каждый, кто украдет его или заберет силой, нарвется на неприятности.

– Да?.. – Ник нервно потрогал сквозь ткань рубашки восьмигранный кристалл. – А я как же?

– Для тебя это не опасно, ты ведь получил его от меня, законным путем. Ни один здравомыслящий человек не возьмет без спросу вещь, на которой есть храмовое клеймо.

– Его могут украсть и куда-нибудь забросить, чтобы Мардарий потерялся с концом. Наверное, если сделать это быстро, проклятие не успеет сработать?

– Может, и не успеет. Но для жрецов не проблема найти и притянуть к себе храмовую вещь, а я, как тебе известно, жрица. Я не говорю, что тебе не надо быть осторожным, но слишком волноваться из-за кулона тоже не стоит. Я не отпустила бы тебя одного, если бы это поручение было по-настоящему опасным. Эглеварт уже добился, чтобы Регина держала свое любимое животное взаперти, и ему незачем посылать вслед за нами наемного убийцу.

– Ну, тогда хорошо... – пробормотал Ник, глядя на озерцо, которое блестело в низине среди темной травы, словно кусок разбитого зеркала.

Красивое местечко.

– Из Рарга в Макишту поедешь поездом, – сменила тему Миури. – Параллельным экспрессом. Так будет удобней, а машина мне самой понадобится.

Темно-синий, местами поцарапанный внедорожник наподобие джипа стоял у обочины, возле покрытого резьбой шакрового столба.

– Параллельным?.. – удивился Ник.

– Его так называют, потому что он ходит параллельно Сорегдийскому хребту, между восточным и западным побережьями. Регине я из Рарга напишу, что мы будем бдительны, пусть успокоится.

Миури стряхнула крошки с рясы. Желтая прядь, выбившаяся из-под монашеской шапочки с кошачьими ушками, золотилась на солнце, а на безымянном пальце правой руки мерцал в серебряном перстне лунный камень с вы-

пуклым силуэтом кошки.

– Я должна помолиться, а ты пока собери... – она кивнула на походную скатерть с кружками и термосом. – К озеру не ходи, посуду сполоснем в деревне.

Отойдя в сторону, «бродячая кошка» уселась под кустом с желто-зелеными в фиолетовых прожилках листьями.

Ник завинтил термос, убрал чашки в корзину. День погожий, солнечный, и пейзаж выглядел безмятежным, а у него в душе все равно что-то заняло. Не сразу, с некоторой задержкой, так что Миури не увидела, как изменилось выражение его лица.

...Это похоже на то, как в детстве он с родителями ездил по выходным за город. Тоже брали с собой еду, тоже закусывали на природе, потом собирали остатки...

Он оцепенел, склонившись над корзиной с наполовину свернутой скатертью в руках.

– Коля!

Услышав этот голос, Ник вздрогнул, поднял голову и ошеломленно раскрыл глаза.

Мама стояла около озера, по колено в темной траве. Живая. В своем любимом платье из голубого крепдешина. Но ведь это платье осталось в их брошенной квартире... Значит, здесь, в Иллихее, она сшила себе точно такое же?

– Коля, иди сюда!

Она умерла от сердечного приступа у него на глазах. Люди в камуфляже бросили ее тело в закрытую машину и куда-то увезли. Но бывает же, что человека выводят из клинической смерти... Там увидели, что ее можно спасти, и все-таки оказали медицинскую помощь, а потом, после больницы, она тоже наткнулась на объявление иллихейской иммиграционной службы и тоже попала в Пластилиновую страну... И они почти три года ничего не знали друг о друге...

– Иди ко мне!

Бросив скатерть, он стал спускаться в низину, запинаясь о торчащие корни травянистых растений. Под подошвами чавкало. Мама все так же стояла на берегу озера, и звала его, и улыбалась. Как хорошо, что ее тоже взяли сюда, теперь они будут вместе...

– Мя-я-я-а-а-ау!!!

Пронзительный кошачий вопль так ударил по барабанным перепонкам, что Ник споткнулся и упал на одно колено в сырую траву. А маму буквально передернуло, по ее телу прошла странная судорога: словно она не настоящая, а нарисована на куске ткани, и эта ткань всколыхнулась от сильного сквозняка.

Ник встал. До мамы и до озера каких-то пять-шесть метров. Мама протягивала к нему руки. Он похолодел, когда увидел, что ее пальцы вытягиваются и в придачу извиваются, как черви. Не может у нее быть таких пальцев... Это почти коснулось его, но тут снова раздался свирепый кошачий вопль, и нечеловеческие пальцы свело судорогой, а Ника схватили за ворот и рванули назад.

Мама была уже совсем не похожа на себя. Она как будто расплзалась на клочья... и вообще на том месте, где она только что стояла, шевелилось что-то вроде коралла с бледными раскоряченными ветвями, оно выросло из непро-

ницаемо-зеркальной водной глади. Ник почувствовал дурноту.

– Иди сам! – потребовала Миури. – Ты тяжелый.

Он понял, что мамы здесь не было вообще. Это кораллоподобное существо (уже исчезло, только круги по воде расходятся) его загипнотизировало.

– Тут на столбе должен быть знак! – Ему редко случалось видеть Миури такой рассерженной. – Дырки от гвоздей есть... Куда он, интересно, подевался?

– Какой знак?

У Ника стучали зубы. Он оглянулся назад: озеро как озеро, в нем отражается небо и прибрежная темная осока; даже не подумаешь, что там притаилось что-то непонятное.

Миури обшаривала придорожный кустарник. Трещали ветки. Бросилось наутек несколько потревоженных прыгунцов, они скакали в траве, как рассыпанные мячики.

Ага, вспомнил: если где-то завелась нечисть, рядом вешают специальный знак – вроде черепа на трансформаторной будке, чтобы никто не совался в опасное место.

Его все еще трясло. Он опять посмотрел на озеро, испытывая нехорошее, тоскливое чувство. Если бы это было правдой, если бы она оказалась жива... Но это всего лишь одна из метаморфоз, какие в Пластилиновой стране сплошь и рядом.

– Вот он!

Миури вытащила из кустов у обочины круг величиной с крышку от бочки, с черно-красным символом, и помятую жестяную табличку.

– Еще и пожиратель душ! – пробормотала она сердито, прочитав надпись. – Способный к гипнотическому воздействию... Тому, кто сорвал это со столба, руки-ноги поотрывать мало. Найди в багажнике молоток, приколотим на место.

Началось с того, что у них лопнула шина, и пришлось менять колесо. Управившись с этим делом, решили перекусить, расслабились... И тут обнаружилось, что обрамленное темной травой зеркальное озеро, такое привлекательное издали – непростое, под водой прячется эта бледная коралловидная дрянь.

После встречи с мамой, которая оказалась наваждением, Ник чувствовал себя подавленно. Видимо, сегодня один из тех дней, когда все идет вкривь и вкось.

– Невезение тут ни при чем. Вот, посмотри, – Миури показала на ладони предмет, который подобрала на дороге – вроде бы стеклянный, почти прозрачный сrostок заостренных пирамидок величиной с шарик для пинг-понга. – Вот что попало нам под колесо. Их здесь много валяется. Думаю, кто их рассыпал, тот и знак со столба сорвал. В деревне сообщим в полицию.

– Заинькины враги? – Мысль о еще одной реальной опасности отвлекла Ника от угнетающих воспоминаний. – Может, они рассчитывали, что эта тварь меня заманит, и кулон пропадет вместе со мной?

– Но я смогла бы притянуть кулон, так что это не покушение на зайнку. Сейчас даем задний ход, потом разворачиваемся и возвращаемся на тракт. Называется, срезали путь... А когда доедем до деревни, ты возьмешь брошюру «Правильное поведение при встрече с нечистью» и прочитаешь от корки до корки.

– Я уже читал. Еще в Нойоссе.

– Плохо читал. Иначе не пошел бы к озеру.

– Я увидел маму. Оно притворилось моей мамой, поэтому я решил, что она осталась жива и тоже попала сюда... – Ник говорил глухо и тихо.

– И она звала тебя?

– Да.

– Правило первое: не подходи. Если тебя зовут, предложи собеседнику самому подойти. Тогда сразу станет ясно, кто есть кто, потому что нечисть не может выйти за пределы своей территории. Не считая прогулок в урочное время, но тогда она теряет магическую силу. Все это освежишь в памяти, и потом я проверю, как ты усвоил материал.

– Да я все оттуда помню!

– Оно и видно.

Доехав до деревни, они отправились в местную полицейскую контору, которая находилась рядом с ветхим, едва ли не покосившимся трактиром с застекленной верандой и крутой двускатной крышей. За ними увязалась серая полосатая кошка, она путалась под ногами, норовя на ходу потереться о ботинок Миури, пока та не посадила ее к себе на плечо.

Наблюдая эту сценку с веранды трактира, сквозь толстые зеленоватые стекла, Ксават чувствовал себя так, словно хлебнул едкого прокисшего вина. Сранью все закончилось! Его хлопоты пропали впустую.

Сколько же усилий он затратил... Тщательно изучил атлас. Отправил Элизу с Виленом из Сундуза в Рахлап междугородным трамваем – пришлось, скрепя сердце, дать им денег, а теперь жди их в Рахлапе, потому что окаянный трамвай тащится кружным путем, через Шарлассу. Выследил и обогнал машину «бродячей кошки», сорвал со столба возле озера Нельшби предостерегающий знак и табличку, припрятал в кустах и в придачу разбросал на дороге почти невидимую при солнечном свете «пасмурную колючку» из пустыни Кам, чтобы монашка в нужном месте пропоролла колесо. Если бы командированного из столицы министерского чиновника застукали с личным на таком злостном вредительстве, в лучшем случае ославили бы психом, а в худшем – арестовали и назначили дисциплинарное расследование с дознанием перед Зерцалом Истины.

Ну и что? Вот они, Миури и Ник – живехоньки, улыбаются... А в полицейский участок неспроста завернули: небось, хотят донести на неизвестного злоумышленника. Только надо быть параноиком чокнутым, чтобы заподозрить в таких делишках высокородного Ксавата цан Ревернуха, так что не пойман – не вор.

Разочарованный, он вернулся за столик, где остывал недоеденный завтрак. Приподнятого настроения как не бывало.

Нечему удивляться: Миури – жрица Лунноглазой, еще молодая, но, видать, способная. Ксават слышал о том, что жрецы и маги владеют приемами, позволяющими отражать нападения нечисти даже на ее собственной территории.

Пока Ник рядом с монашкой, с ним не разделаешься. А разделаться нужно: иначе получится, что Ксават цан Ревернух – тупак, щенку уступил.

С кухни тянуло запахом подгоревшей яичницы. На потолочных балках висело десятка полтора длинных щетинистых щергачей, без которых ни одно деревенское заведение не обходится. Мол, вы в безопасности – вон сколько у нас

оберегов, защищающих от злых наваждений! Примитивное деревенское жульничество. Ксавата бесило, когда его держат за тупака, и на этих сушеных щергачей он смотреть спокойно не мог.

А если Донат Пеларчи, который, по договоренности, едет с некоторым отставанием следом за ним, тоже напорется на «пасмурную колючку»? У него, интересно, есть запасное колесо? Охотнику полагается быть предусмотрительным...

Подумав об этом, Ксават почувствовал себя незащищенным. Вдруг Король Сорегдийских гор опередит Доната? Никакие щергачи тогда не спасут, ни поддельные, ни настоящие.

Заскрипела дверь... Это всего лишь неопрятная хозяйка с тряпкой.

– Эй! – окликнул женщину Ксават. – Скатерть-то здесь давно стирали? Приличному человеку противно есть за столом, который застлан такой сранью!

Книжка была старая, истрепанная, но аккуратно заклеенная, с иллюстрациями, смахивающими на творения сумасшедшего художника. Зарисовки с натуры и фотографии. Кошмары Пластилиновой страны. Бледный коралл, обитающий в озере Нельшби, далеко не самая страховидная из здешних тварей.

Это был уже второй пожиратель душ, с которым Нику довелось столкнуться, в то время как многие коренные илихейцы за всю жизнь и одного-то ни разу не видели.

Первая встреча произошла два года назад неподалеку от Нойоссы, и у Ника даже остался после нее памятный подарок, от которого потом по настоянию Миури пришлось избавиться.

Началась эта история с того, что вместе с очередной партией иммигрантов из бурлящего, как паровой котел, СНГ в Нойоссу доставили шайку блатных.

Парни лет двадцати двух – двадцати пяти, их было шестеро. Скоро стало на одного меньше: самый тупой на потеху приятелям оборвал крылья трапану – и через день, оступившись на лестнице, свернул себе шею. Насмерть. Ящероголовый, как и Лунноглазая, не любит, когда причиняют вред кому-то из его народа.

Остальные оказались поумнее и священных животных не трогали. Зачем связываться со зверьем, которое находится под защитой неведомых сил, когда вокруг столько людей? Ник попал в число тех, кого эта шайка особенно невзлюбила. Трудно сказать, за что. Возможно, их раздражала его речь, сразу выдававшая чужака, «интеллигента». Возможно, они почувствовали его неприязнь. К тому же травить одиночку безопасней, чем конфликтовать с другой компанией – там еще неизвестно, чья возьмет. Ник уже полгода находился в Нойоссе, но до сих пор не отошел после пережитого на родине; молчаливый, рассеянный, постоянно грустный, он показался им подходящей жертвой.

Они понимали, что за членовредительство или побои придется отвечать, и из рамок не выходили, зато внутри этих рамок куражились вовсю. Встретив его, пихали, пинали, наступали на ноги, в столовой бросали в его тарелку всякую дрянь, орали вслед обидные слова. Однажды, подкараулив около кухонной помойки (была его очередь работать в столовой), подставили подножку и толкнули в кучу отбросов. В другой раз окружили и стали плевать в лицо и на

рубашку, радостно гогоча.

Именно после этого инцидента Ник решил покончить с собой. И еще решил, что убьет их. То и другое сразу.

Пусть он не умел драться, как Брюс Ли, у него было маленькое преимущество. Они здесь недавно, по-иллихейски пока не понимают и еще не начали ходить на лекции. Ник опережал их на полгода и больше знал об окружающем мире. В частности, знал, почему категорически запрещены вылазки в горы, хотя от Нойоссы до Пятнистого отрога рукой подать.

Около часа по железной дороге до конечной станции Южные Огороды, и потом, мимо огородов, пешком на запретную территорию. Его туда возили с группой на экскурсию. Показывали рубеж (так себе изгородь), пограничные столбы с потемневшими старыми табличками.

Если заманить туда эту шайку, они наверняка потащатся в горы следом за жертвой. Что им изгородь и таблички?

Тем более что все предупреждающие надписи – на иллихейском, они этого еще не проходили. Знание тоже может быть оружием.

«Ты должен был пойти к куратору и подать на них жалобу, – сказала потом Миури. – Здесь не твоя страна, а Иллихейская Империя, и у нас есть законы. Таким, как эти, полугражданства не дают, их используют в качестве государственных невольников. Мы ведь берем иммигрантов не для того, чтобы разводить у себя импортный криминал, нам своих проблем хватает. Кураторы не могут за всем уследить, но если бы ты сообщил, что происходит, этой банде не позволили бы продолжать в том же духе. Ты поступил как малолетний школьник! Да еще приобрел аксессуар, от которого не можешь избавиться...»

Этот разговор состоялся еще до того, как удалось снять с его запястья злополучный браслет.

Выманить их из Нойоссы оказалось проще простого. В столовой, выбрав момент, когда один из шайки, Трефа, вертелся рядом, Ник рассказал Марку, добродушному флегматичному парню, что у него завтра свидание с местной девушкой. Стройная, красивая, длинные желтые волосы, похожа на голливудскую кинозвезду. Он с ней якобы на улице познакомился. У ее семьи домик с огородом на конечной станции, там они и встретятся, она сама предложила, а ее родители в это время будут в городе и ничего не узнают. Нику впервые пришлось так долго и складно врать. Неизвестно, поверил ли Марк, слегка удивленный его неожиданной откровенностью, но Трефа на приманку попался.

Билет стоил недорого, деньги у Ника были. Нойосса – не только перевалочный пункт для иммигрантов, там живут иллихейцы, как в обычном городе, и при желании можно подработать дворником, грузчиком или что-нибудь еще в этом роде. Ник по утрам подметал улицу перед продовольственным магазином. Платили немного, но на всякие мелочи хватало.

У шайки тоже деньги водились: едва освоившись, они обложили данью других русских иммигрантов.

План сработал. Посла завтрака враги пришли на вокзал вслед за ним. Сели в другой вагон – видимо, не хотели спугнуть его раньше, чем он приведет их к своей желтоволосой девушке.

Откинувшись на спинку жесткого кресла, Ник смотрел в окно и улыбался. На север убегали заросшие зеленым, зеленовато-бурым и бордовым кустарником откосы, засеянные неведомыми злаками поля, субтропические рощицы,

кишащие птицами и трапанами. Луга, на которых паслись коровы, овцы и козы, издали такие же, как на земле, а вблизи с отличиями, заметными даже для человека из города (на Земле коровы не бывают четырехрогими, а овцы – полосатыми). Изредка проплывали сельские домики: центральная часть – под высокой двускатной кровлей, справа и слева лепится пара кубических пристроек с плоскими крышами-террасами, распространенная здесь архитектура.

Все это убегало навсегда. Или наоборот: никуда оно не денется, останется на месте, это Ник сбежит туда, откуда не возвращаются. Время от времени он сглатывал горький комок. Он сам так решил и поворачивать назад не собирался, но что-то в нем протестовало против принятого решения.

Поезд состоял всего-то из четырех вагонов, и тащил их дряхлый паровозик, судя по его виду, заставший на троне еще прадедушку нынешнего императора. Вагоны были ему под стать: лак на рассохшихся фанерных панелях потрескался и облез, медная окантовка окон покрылась патиной, привинченные к полу деревянные кресла с полукруглыми спинками пошатывались и так скрипели, что порой заглушали перестук колес.

На конечной станции Ник выскочил на перрон, как только поезд остановился, и почти бегом, не оглядываясь, направился в ту сторону, где вздымались бурые, белесые и желтовато-серые горы Пятнистого отрога. Он знал, что враги увяжут за ним, и не хотел получить напоследок еще одну порцию издевательств.

Если он первым пересечет рубеж – он, наверное, и умрет первым? Какое это имеет значение...

Местность постепенно повышалась, плохая каменистая дорога, петляющая меж огородов, шла в гору. Среди грядок стояли раскрашенные домики – попадались и совсем ветхие, и новенькие, но сразу видно, что в них не живут, только ночуют, приехав на три-четыре дня. Настоящих деревенских усадеб тут не больше десятка.

Ощущалась ли в этом местечке какая-нибудь особенная угнетающая атмосфера – на этот вопрос Ник не смог бы ответить. В первый раз он побывал там с экскурсией, одноклассники оживленно болтали, обменивались впечатлениями – не та обстановка, чтобы уловить настроение местности. А во второй раз он был слишком подавлен и чувствовал себя, как приговоренный к смерти, это опять же неподходящее состояние для того, чтобы составить верное представление об окружающей среде.

Позади, в отдалении, знакомые голоса – значит, шайка у него на хвосте.

Огороды сменились зарослями бурьяна. С размахом, в человеческий рост... Это не то место, куда приводил их экскурсовод, но разницы нет, главное – оказаться по ту сторону рубежа.

В заросли уходит тропинка. Ник пошел по ней, раздвигая высоченные шершавые стебли, и скоро наткнулся на изгородь из жердей. А вот и столб с табличкой:

ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН!

ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!!!

К югу от изгороди такого разгула сорняков не было. Полого поднимался вверх каменистый склон, поросший робкими пучками травы да еще кустарником с красными и лиловыми ягодами, похожими на малину, а дальше виднелась на фоне яркого голубого неба неожиданно близкая гора.

Кто-то шел по тропинке. Не они, кто-то другой. Ник инстинктивно отступил.

Старик с клюкой и корзиной. Потрепанная тужурка, залатанные на коленях штаны, очки с обмотанной нитками дужкой и толстыми зелеными стеклами. Он двигался неспешно, с одышкой. Наверное, появился с боковой тропинки, поэтому Ник не заметил его раньше.

Дотащившись до изгороди, старик прислонил клюку к столбу, поставил корзину на землю, подергал одну жердь, другую... Вытащил их, с кряхтением протиснулся в лаз, прихватив с собой корзину и клюку.

По ту сторону рубежа он первым делом низко поклонился и что-то произнес – Ник разобрал обрывки фразы: «с милостивого разрешения господина этих мест» и «на варенье».

После этого коротенького ритуала дед начал обирать с ближайшего куста ягоды. Земля не разверзлась, никакие монстры не набежали.

«Здесь совсем как у нас, – подумал Ник с легким разочарованием. – Была бы дырка в заборе...»

За бурьяном слышались громкие возгласы, дурашливый гогот. Ник двинулся вбок, стараясь производить как можно больше шума, даже напевая вслух прерывающимся голосом. Пусть эти подонки его услышат и пойдут за ним. Надо увести их подальше от старика: тот вряд ли сможет дать отпор, и поблизости никого нет.

Продравшись через заросли, весь исцарапанный, он неожиданно очутился на пустыре. Кое-где торчали камни в полтора человеческого роста, белесые, словно кто-то пытался их побелить. По другую сторону рубежа было то же самое. В дебрях злобно матерились, все ближе и ближе.

Ник без труда перемахнул через пошатнувшуюся изгородь. Ничего не произошло. Он находился на территории пожирателя душ (если верить учебнику – самого могущественного в Иллихее пожирателя душ), и хоть бы что... Но ведь тот не обязан нападать сразу? В конце концов, он один, а владения у него громадные, целый горный хребет со всеми отрогами.

Вспомнив старика, Ник тоже слегка поклонился, как самурай в японском фильме, и тихонько пробормотал: «Я пришел сюда, чтобы умереть».

Фильм он видел в Москве, в видеосалоне. Холодная прокуренная комнатуха на первом этаже какого-то общежития, консоль с телевизором, три десятка стульев. Это в самом начале его скитаний, когда он еще не был таким грязным, как под конец, и один из вахтеров, афганец Гена, разрешал ему ночевать в вестибюле на продавленном диванчике. В придачу Ник бесплатно смотрел видео, устроившись в углу полутемной комнаты, прямо на полу. Он тогда всяких западных фильмов насмотрелся, но продолжалось это две-три недели, потом Гена куда-то исчез, а другие вахтеры не пускали во вверенную им обшарпанную общагу постороннего оборванца.

Из зарослей долетали шорохи и ругань. Верхушки сорных трав покачивались – колючие малиновые шары, зеленые копыя, растрепанные султаны шелковистого серого пуха.

Ник начал подниматься в гору, мимо нагретых полуденным солнцем белесых обломков. Слепящее до рези в глазах голубое небо надвигалось на него, как локомотив.

Из этого странного полуоцепенелого состояния (он чувствовал, что обре-

чен, но думать об этом было почти не больно, ведь он сам так решил) его вывели крики позади:

– Вон он!.. Ты, козел, стой!..

Ник побежал. Он добился, чего хотел, – заставил их пересечь рубеж, и теперь они не отвяжутся, а ему придется выдержать погоню. До тех пор, пока не появится монстр.

«Где он? Жрать, что ли, не хочет? На лекции говорили, здесь шагу нельзя ступить, чтобы он об этом не узнал...»

Чем дальше, тем больше попадалось каменных обломков, приходилось петлять среди них, склон то повышался, то вдруг понижался, кое-где пышно разросся колючий кустарник.

Скоро Ник заблудился, но это не имело значения, он ведь и не собирался возвращаться обратно. Шайка заблудилась вместе с ним. Если его все-таки настигнут – по крайней мере, он станет их последней жертвой, других не будет. Но ему, кажется, удалось оторваться, их голоса доносились издали, а потом и вовсе смолкли. Ник остановился и осмотрелся.

Небо все так же сияет, но птицы, еще недавно там кружившие, все до одной куда-то подевались. Со всех сторон торчат словно облитые известкой скалы – можно подумать, из земли вылезли чьи-то гигантские позвонки. Они заслоняют перспективу, поэтому здесь не сориентируешься.

Мертвая тишина. Ни птиц, ни ящериц, ни насекомых, хотя еще четверть часа назад они были. Куда вся эта живность исчезла? Застывший, окаменевший мир.

Ник ощущал нарастающее тягостное напряжение. Как будто над ним нависло что-то громадное, опасное... Как будто его нервы все сильнее натягиваются, а потом один за другим начнут рваться.

– Ты заблудился?

Звук человеческого голоса заставил его вздрогнуть, хотя вопрос был задан без угрозы, дружелюбным тоном.

Ник повернулся.

Человек стоял в нескольких шагах от него, в тени скалы. Высокий, в рубашке и штанах с еле различимой вышивкой. Одежда неброская, серовато-коричневая, под цвет здешнего ландшафта. Лицо затенено широкими полями низко надвинутой шляпы, и что на нем за выражение – не разберешь, только глаза блестят, словно из полумрака. Губы слегка раздвинуты в усмешке.

– Ты заблудился? – он повторил вопрос по-русски.

– Нет. То есть да...

«Если говорит по-нашему – значит, из иммиграционной службы. Что он здесь делает? Ловит таких, как я, нарушителей?»

Сначала дед с корзиной, теперь этот парень в шляпе... Многовато здесь болтается народа для запретной территории!

– Ты из Нойоссы?

Ник кивнул. Присутствие человека должно было разрядить атмосферу, но этого не произошло. Он по-прежнему чувствовал себя так, словно над ним нависает что-то ужасное. Надо только оглянуться, оно позади, за спиной...

– Не оглядывайся.

Это прозвучало как приказ.

– Почему? – спросил Ник.

– Потому что я так сказал, а меня нужно слушаться. Разве вам в Нойоссе не объясняли, что ходить в горы нельзя?

– Объясняли.

– Тогда что тебе здесь понадобилось?

– Я никому не мешаю. Просто гуляю.

– Хм... Просто гуляешь... И что мне теперь с тобой делать? Не могу сказать, что ты мне несимпатичен, но гулять здесь без разрешения – наглость.

– Здесь все ходят, ягоды собирают... – пробормотал Ник, растерянно глядя на него из-под волос, брошенных на лицо порывом ветра.

– Ягоды собирают старики из деревни, потому что им это позволено. У тебя разрешения нет, верно?

– Где можно получить разрешение? – Он спросил об этом, чтобы поскорее закруглить разговор.

– Да хотя бы у меня, – усмехнулся собеседник.

Это окончательно убедило Ника в том, что он нарвался на инспектора из Нойоссы, патрулирующего запретную территорию на предмет нарушителей. Только где у него, интересно, оружие? Не видно ни кобуры, ни ножен. Может, какие-нибудь амулеты?

– Тебе здесь нравится? – поинтересовался инспектор.

– Да, – ответил Ник после заминки (он ведь собирается умереть, так какая ему разница, нравится или нет). – Я раньше никогда не был в горах. У этих скал такие странные формы, как в кино. Только слишком пусто. Нам говорили, что здесь живет чудовище, а я даже следов никаких не видел.

– Значит, считаешь, для этого пейзажа чудовищ не хватает? – протянул предполагаемый инспектор, блеснув глазами из-под шляпы.

– Они здесь были бы в тему.

– Вот такие тебя устроят? – он небрежно кивнул в сторону.

Ник тоже повернул голову и посмотрел: в каком-то десятке метров от них, на площадке среди камней-позвонков, копошилась невообразимая жуть. Даже не разберешь, одно это существо или их там три-четыре. Смахивают на раскормленных насекомых-переростков.

Издав произвольный возглас, Ник шарахнулся... попытался шарахнуть в противоположную сторону, однако его сцапали за ворот и удержали на месте.

– Струсил? – ухмыльнулся инспектор. – Здесь потому и запрещено гулять, что можно встретить что-нибудь опасное... Например, меня.

– Пустите! – с досадой потребовал Ник.

Твари, наверное, безобидные, если этот непонятный тип так спокоен.

– Отпустить тебя? – Он продолжал ухмыляться. – Но ведь ты, получается, моя законная добыча, раз пришел сюда без спроса.

Ник попробовал извернуться, чтобы увидеть, кто его держит, но тут его встряхнули, приподняв над землей, и после опять аккуратно поставили на ноги.

– Тебе сказали – не оглядывайся, – напомнил инспектор. – Это будет вредно для твоего самочувствия. Так что мне все-таки с тобой делать? Съесть твою душу – или на первый раз пожалеть?

– Вы и есть пожиратель душ?... – в замешательстве произнес Ник.

– А что, не похож? – Тот подошел ближе, глядя на него из-под шляпы с на-

смешливым любопытством.

– Вы же человек... Нам на лекции говорили, что Король Сорегдийских гор в своем истинном облике – чудовище, и обернуться человеком у себя на территории не может.

– Я нахожусь у тебя за спиной и держу тебя за шиворот. А перед собой ты видишь горный призрак – трехмерную проекцию, как сказали бы в вашем мире. Он может разговаривать, я смотрю на тебя его глазами, управляю его мимикой, но... – собеседник сделал движение, словно хотел взять Ника за руку, однако ничего не получилось. – Видишь, телесный контакт невозможен, потому что горный призрак бесплотен.

Ник снова попытался оглянуться. На этот раз его встряхнули посильнее и на весу подержали чуть подольше.

– Это опасно для твоей психики, понял? Смотреть на меня без риска остаться зайкой, преждевременно поседеть или, как минимум, наложить в штаны способны немногие. Продвинутые жрецы и монахи, искушенные маги... Неужели на лекции об этом не сказали?

– Вы же все равно меня съедите.

– Думаешь, ты вкусный? Хватит с тебя на первый раз легкого испуга. Я доставлю тебя к рубежу, и поедешь к себе в Нойоссу. Приятно было познакомиться.

– Не надо. Я же специально сюда пришел! – Ник сперва сбился, но потом сумел сказать то, что хотел. – Я искал вас, чтобы вы меня убили. Насовсем, чтобы не было никаких реинкарнаций, о которых нам тут рассказывали. Нам говорили, что окончательно убить человека может только пожиратель душ. Пожалуйста... Я больше не могу.

– Ты хоть понимаешь, о чем просишь? – помолчав, вздохнул его собеседник.

– Да. Понимаю. Вам же ничего не стоит...

– Тебе не приходило в голову, что это достаточно болезненный процесс?

– Ничего. Зато потом я ничего не буду чувствовать. Мне и так все время больно. Пожалуйста, мне только вы можете помочь.

Ник начал рассказывать, торопливо, сумбурно, перескакивая с одного на другое. О том, как в городе, где он раньше жил, начался массовый психоз, об избитом отце, о побеге в Москву, о сожженном палаточном лагере, о том, как умерла мама, о помойках, пустых бутылках и грязных серых подъездах с чуть теплыми батареями.

Пожиратель душ не перебивал. Только однажды, когда Ник расплакался, негромко предложил: «Выпей вот это», – и откуда-то сбоку протянулась вроде как членистая лапа насекомого, но толщиной с человеческую руку, она держала кружку с напитком. Конечность тут же исчезла; Ник, глядевший сквозь плену слез, не успел ее рассмотреть, а напиток был похож на холодный апельсиновый сок, слегка газированный.

Было стыдно, что он рыдает, как маленький. До сих пор он не плакал. И до сих пор он никому все это не рассказывал. Но ведь тот, кто сидит напротив – или, вернее, тот, кто находится за спиной, вне поля зрения, – не человек, так что, наверное, можно не стыдиться...

Ник скорчился на твердой, как камень, белесой земле. Пожиратель душ выпустил ворот его куртки, но придерживал за плечи, мягко пресекая попытки

оглянуться (все-таки хотелось увидеть это существо, пусть на долю секунды).

Закончив рассказывать, он почувствовал себя, как после изматывающей медицинской процедуры. Машинально допил остатки напитка.

– Иммиграционной службе следовало бы позаботиться о реабилитационной терапии, – заметил горный призрак. – Возможно, лет этак через пятьдесят они до этого додумаются... Успокоился?

Ник молча кивнул.

– Обычно мои гости плачут, потому что не хотят умирать.

– Я из-за этого плакать не буду.

– Ник, я так и не понял, почему ты должен умереть. Все это произошло в твоём родном мире, но сейчас ты находишься в Иллихейской Империи. В настоящее время жизнь здесь очень даже неплохая.

– Мне никакой не надо. Все равно я не смогу... Я трус, – это он прошептал еле слышно. – Я не смог спасти маму, когда они приехали, чтобы сжечь наши палатки.

– Насколько я уловил, ты полез в драку с более сильным и к тому же вооружённым противником, не имея никаких шансов на победу. Типичный для труса поступок, верно?

– Полез, ну и что? Она ведь уже умерла, и я не смог ее спасти. Я боюсь, что все это будет опять, если не в этой жизни, то в какой-нибудь следующей, поэтому я хочу умереть окончательно. А вы можете мне помочь.

– Одна загвоздка. Я не ем таких, как ты.

– Почему? – спросил Ник с вызовом. – Думаете, я несъедобный?

– Такой же съедобный, как любой другой, – с прохладцей бросил пожиратель душ. – Но ты не пища.

– Почему?

– Потому.

Ник прикрыл глаза. Пока они разговаривали, тени передвинулись, а слепящее южное солнце оставило позади точку зенита. Значит, все было напрасно.

«Раз так, найду другого пожирателя душ. Поголоднее и поговорчивей».

И еще где-то в окрестностях бродит банда, которую он сюда заманил... Вспомнив кое о чем, Ник открыл глаза и начал беспомощно объяснять:

– Знаете, тут может произойти что-нибудь криминальное. Около рубежа старик ягоды собирает, у которого есть ваше разрешение, а сюда пришла за мной целая шайка. Они тоже из Нойоссы, и если они его встретят, когда пойдут обратно... В общем...

– Ты думаешь, тот, кто заблудился в этих горах, сможет найти обратную дорогу без моего на то позволения? – горный призрак ласково улыбнулся. – Они блуждают неподалеку от нас, ходят кругами. Дожили, русская мафия устраивает разборки на моей территории! Пожалуй, сначала я разберусь с ними, потом с тобой.

Прикосновение к запястью, вроде слабого укола или укуса насекомого. То, что прикоснулось, ускользнуло из поля зрения раньше, чем Ник успел это рассмотреть. Он почувствовал, что вот-вот уснет. Его подхватили и подняли над скалами, и сверху – с высоты третьего-четвертого этажа – он увидел своих недругов. Те брели, растянувшись, и угрюмо переругивались («Север, бля, там!» – «Не, бля, вон он где!»), и позади, за их спинами, скалы беззвучно и медленно сдвигались, перекрывая проход... Или у Ника просто кружилась голова?

А навстречу им спускалась по склону стройная девушка в белом платье, у нее были желтые волосы до пояса, даже еще длиннее. Точь-в-точь та придуманная Ником девушка, о которой он рассказывал Марку в столовой. Идет прямо к ним, ее же вот-вот заметят!

Ник хотел крикнуть, предупредить, но сумел издать только слабый стон. Глаза слипались, он больше не мог бороться со сном.

Донат и Келхар приехали в деревню только под вечер. И то не сами приехали – пятнистую охотничью машину привел на буксире местный трактор.

Дважды Истребитель Донат Пеларчи, большой, разгневанный, с темным набрякшим лицом, сейчас был особенно похож на грозовую тучу, вдобавок перенасыщенную электрическими разрядами. Знал бы он, кто разбросал на дороге около озера Нельшби «пасмурную колючку» – окаянный пакостник не ушел бы от него живым.

– Что вы хотите – быдло! – презрительно процедил Келхар цан Севегуст, скривив в высокомерной гримасе бледное напряженное лицо с признаками аристократического вырождения. – Оно – быдло то есть – решило, что это остроумная шутка. Быдлу дали гражданские права, однако оно всегда останется быдлом и понимает только один довод – хорошую порку.

Длинные висячие усы Ксавата задрожали от ярости.

– Истинная правда, – поддакнул он мерзавцу аристократу. – Поймать, кто это сделал, и публично запороть, а потом бросить в озеро, и поделом! Тамошняя глиста чуть не оприходовала монахиню с мальчишкой – слышали, да? И это среди бела дня, в нескольких шаках от Поперечного тракта! А местная полиция не чешется... Где мы, спрашивается, после этого живем, в Империи или в заднице?

– Не оскорбляйте державу, господин цан Ревернух, – сухо возразил Келхар. – Речь идет всего лишь о зарвавшемся быdle, которое напакостило и трусливо спряталось.

В груди у Ксавата опять шевельнулась саднящая ненависть. Если негодование Доната наполняло его тайным удовлетворением (злисься, тупак, и не знаешь, что сделал это не какой-нибудь обормот, а уважаемый человек!), то высказывания Севегуста оскорбляли, как пощечины.

Клетчаб Луджереф из Хасетана и фальшивый Ксават цан Ревернух для этого аристократишки – быдло! В свое время Клетчаб от таких натерпелся... Ему, безродному, путь в ихнее избранное общество был заказан; он мог разве что обыграть их в пирамидки, ежели удавалось раскрутить тупаков на игру. Все они одинаковые. Высокородный Келхар кичится своим происхождением, хотя его предки свое фамильное достояние просрали, а то с чего бы он подался в ученики к охотнику? Или, может, ради острых ощущений? Но сразу видно, что в карманах у парня пусто. Один гонор.

– Нельшбийская тварь давно уже не покидает свое озеро, – угрюмо сказал Донат. – Это почти неразумное животное. Те из них, кто не совершает вылазок в мир, постепенно теряют интеллектуальные способности. Чего не скажешь о нашей дичи.

Это вернуло разговор к теме, ради которой они встретились в комнатухе с низким потолком и коллекцией дешевых оберегов на серых, как оберточная бумага, стенах.

Гостиницы в деревне не было, только пара отдельных номеров в трактире, и те, кто нуждался в ночлеге, квартировали у местных жителей. Сейчас тут наплыв – из-за «пасмурной колючки», изодравшей не одну дюжину колес. Ксават подумал, что, ежели эти деревенские не совсем тупаки, они теперь будут специально время от времени что-нибудь такое на дорогу подбрасывать.

Окно с разложенными между рам засушенными букетиками смотрело на курятник. Напротив – покосившийся сарай, по огороженному забором дворику бродит белая и пестрая домашняя птица, роется в пыли, пьет воду из ржавого корытца. Старушка, у которой они остановились, ничего лучшего предложить не могла.

– Отвратительная конура! – брезгливо проворчал цан Ревернух, желая показать цан Севегусту, что он тоже получил изысканное воспитание. – Все засрано этими курами, куда ни сунься – можно испачкаться. Благородному человеку в таких условиях остается только плевать!

– Деревня есть деревня, – со скукой в голосе, вроде как ни к кому в отдельности не обращаясь, заметил Келхар. – Истинно благородный человек не станет плевать ни при каких условиях. Плевки – самовыражение быдла.

«Вот же ты пиявка!..» – подумал задыхнувшийся от злости Ксават.

И обратился к старшему охотнику:

– Вы можете определить, как далеко от нас находится дичь?

– Только направление, а не расстояние. Он на востоке. Я ворожу каждую ночь. Если представить какую-то территорию и находящихся там людей в виде математического множества, то ворожба позволяет определить, входит он в это множество или нет. Вычислить его точное местонахождение невозможно.

Ксават сердито кивнул. Математику ему пришлось с горем пополам одолевать по книжкам (поскольку заодно с новым лицом и именем ему достался диплом Раллабского университета, будь он трижды неладен), так что Клетчаб Луджереф давно уже был образованным человеком, однако по-прежнему не любил, когда кто-нибудь тыкал ему в нос своей ученостью. Не любил, и все тут.

– Если мы кого-то заподозрим, ваша ворожба поможет определить, он – не он?

– Нет, – мрачно вздохнул Донат.

Вот тебе и множества, одна срань собачья!

– А есть какой-нибудь способ?

– Я слышал о специальных очках, сквозь которые можно увидеть истинный облик любого существа. Человек будет выглядеть как человек, а оборотень... видимо, сразу станет ясно, кто он такой. Говорят, там особые разноцветные стекла. У меня таких очков нет, это большая редкость. Оборотни заинтересованы в их уничтожении.

Возможно, когда-то в далеком прошлом такие очки прошли через руки Клетчаба, и он их продал как бесполезную безделушку?..

– Стало быть, тварь может находиться совсем рядом, в соседнем доме? – У Ксавата от такого предположения мурашки по спине поползли.

Донат сперва кивнул, но потом в раздумье произнес:

– Вряд ли. Мне сдается, он пока на изрядном расстоянии. Но вы на всякий случай держите под рукой нож.

– У меня десятизарядный автоматический пистолет.

– Засуньте подальше в чемодан. Известно, что пули его не берут. Я полагаю, он изготовил себе хороший оберег от пуль. И вряд ли это амулет, который можно украсть или отобрать. Скорее всего, оберег спрятан внутри его человеческого тела, какая-нибудь косточка или хрящ... При его знаниях и опыте это немудрено.

Речь Доната становилась все более тягучей, паузы между фразами – все более длительными, и Ревернуха это все больше раздражало. За окном бестолково копошились куры.

– Остается холодное оружие и искусство рукопашного боя, – завершил свою мысль охотник. – Следует помнить, что он сильнее и быстрее обычного человека. Лучше, чтобы рядом с вами постоянно кто-нибудь находился. Где ваши помощники?

– Я их отдельно в Рахлап отправил, – с горечью (дельце-то не выгорело) объяснил Ксават. – В ознакомительных и воспитательных целях, они иммигранты. Пусть, думаю, парень с девкой на трамвае покатаются, на мир посмотрят...

– Держите их около себя. Они хорошо владеют оружием?

– Да вообще никак. Толку от них – одна срань.

Келхар опять презрительно скривился, словно хотел показать, что Ксават цан Ревернух по сравнению с ним – плюнуть и подошвой растереть. Жаль, государственными служащим дуэли запрещены.

– А вы ученика своего давно взяли? – подчеркнуто игнорируя молодого наглеца-аристократа, осведомился Ксават.

– Месяца еще нет, но я доволен, – с одобрением отозвался Пеларчи. – Келхар – мастер рукопашного боя. Учитывая нашу задачу, это особенно важно...

Серый дворик с курами и проржавевшим корытцем, ветхий оконный переплет, вечернее небо – все это словно крутанулось перед глазами заледеневшего Ксавата. Месяца еще нет, мастер рукопашного боя... А что, если... По нему не скажешь, но ведь и по Банхету никто не сказал бы...

«Срань...» – не смея оглянуться на охотников, потрясенно подумал Ксават.

Ник закрыл брошюру, перечитанную от начала до конца, как велела Миури. Да он и так помнил правила, просто сегодня утром забыл об осторожности.

Интересно, как выглядит подводное жилище «бледного коралла»? Наверное, ничего особенного: мутная вода, улитки, на рыхлом илистом дне белеют обглоданные кости. Никакого сравнения с тем, что Ник видел два года назад в Сорегдийских горах.

...Когда он очнулся и приподнял голову, первая мысль была: «Я заснул на лестнице?..»

Он лежал на мягком, атласном, стеганом, и это ложе находилось на площадке, соединенной тонкими металлическими балками и дугами с другими площадками, расположенными на разной высоте. Вся эта ажурная конструкция помещалась в зале... нет, скорее, в пещере величиной со стадион.

Сквозь одни отверстия в каменном куполе внутрь свободно падал солнечный свет, другие были застеклены цветными витражами, и ту площадку, где пришел в себя Ник, расцвечивали нежные радужные пятна.

Все это выглядело до того странным, не похожим на любые другие помеще-

ния, которые он видел, что до него не сразу дошло: здесь есть еще что-то... или, точнее, кто-то.

Существо размерами под стать этому громадному залу стлалось вдоль стен, перехлестывалось через балки, окружало Ника со всех сторон. Почему-то он сразу понял, что это одно существо, а не колония. И почему-то нисколько не испугался и отвращения не почувствовал, хотя это была бы уместная реакция.

Казалось, оно состоит сплошь из конечностей, черных, гибких, поблескивающих, местами пестрых и мохнатых, но глаз у него тоже хватало. По крайней мере, Ник чувствовал его взгляд.

– Доброе утро.

Этот голос он уже слышал, когда разговаривал с горным призраком. Значит, сейчас он видит Короля Сорегдийских гор в его истинном облике?.. Мысли текли медленно, словно им приходилось преодолевать сопротивление какой-то вязкой среды. И никаких эмоций, все они куда-то подевались.

Одна из конечностей существа протянулась к Нику, обвилась вокруг запястья, словно хотела пощупать пульс.

– Похоже, ты в порядке. Не страшно?

– Нет.

Подумав, он добавил:

– Хотя должно быть страшно, я понимаю.

– Я впрыснул тебе снадобье, блокирующее страх, иначе ты не смог бы выдержать то, что сейчас видишь. Тебя ничего не беспокоит?

– Если я к вечеру не вернусь в Нойоссу, меня потеряют, – припомнил Ник, совершенно, впрочем, не волнуясь по этому поводу.

– Вечер уже был. Ты проспал почти сутки. Я не принимаю гостей, но для тебя сделал исключение.

Другая конечность поставила на площадку серебряную с чеканным орнаментом чашу, в воде заиграли блики солнца.

– Умывайся, потом позавтракаешь. У меня было недурное пиршество, а ты со вчерашнего дня ничего не ел.

Даже с позавчерашнего. Перед тем как отправиться к Пятнистому отрогу, Ник не завтракал.

Что-то его все-таки тревожило, но он не мог уловить, что именно.

Он умылся прохладной водой, вытер лицо полотенцем, упавшим рядом с чашей на гладко отшлифованные доски площадки.

Вспомнил.

– Что стало с девушкой? Вчера, когда вы меня схватили, я видел девушку, она шла прямо им навстречу.

– Там не было никакой девушки.

– Была, я же видел! У нее длинные желтые волосы...

В ответ раздался негромкий смех.

– Это был еще один горный призрак, созданная мной иллюзия.

– А я подумал, она настоящая.

– Не ты один так подумал, – снова послышался смех. – Почему бы не поиграть, если подвернулся случай? У меня здесь маловато развлечений. Что-нибудь еще?

– Извините, а туалет где-нибудь есть?

– Внизу.

Ник опять совершенно не испугался, когда жутковатые конечности подхватили его и поставили на пол. Камни, лишайники, островки жесткой травы в пятнах солнечного света – в пещере так и должно быть. Он запрокинул голову: пространство в несколько этажей заполнено металлической паутиной, как будто стоишь под каркасом недостроенного здания. Еще выше – оконца голубого неба и разноцветные витражи. Неожиданно для самого себя Ник улыбнулся: все это походило на интересный сон.

– А, так ты все-таки умеешь улыбаться? – заметило существо. – Что ж, от радно узнать об этом. Сюда.

Туалет оказался самый настоящий: дощатая кабинка в соседней пещере, новенькая и чистенькая.

Потом Ник вернулся в помещение с гигантским металлическим каркасом, и его подняли на одну из верхних площадок под выпуклым витражным куполом. Там стоял накрытый столик и стул. Еда была вкусная, словно деликатесы из ресторана... Хотя он никогда не бывал в ресторанах.

– Спасибо. Это что-нибудь наколдованное или настоящий повар приготовил?

– Я и сам умею готовить. Как видишь, не хуже любого повара.

Голос звучал так, словно собеседник стоит в нескольких шагах от Ника. Это сбивало с толку.

– А вы сами не появитесь? – спросил он, когда существо, в мгновение ока убрав пустую посуду, поставило перед ним шоколадного цвета керамическую кружку с горячим кофе.

Похоже, впрыснутое снадобье заблокировало не только страх, но еще и его обычную застенчивость. Он чувствовал себя непринужденно и не смущался.

– Я перед тобой, – Король Сорегдийских гор рассмеялся. – Чего тебе не хватает?

– Я имею в виду, как человек?

– К сожалению, сейчас я не могу обернуться человеком. Очень хотелось бы, но это не в моих силах.

– Но вы можете так, как вчера, стать горным призраком.

– Не стать горным призраком, а создать горный призрак, – поправило существо. – Могу, но не буду. Я не хочу, чтобы тебе здесь слишком понравилось. Ты находишься в логове чудовища, не забывай об этом. И тебе здесь, вообще-то, не место.

– Но почему вы считаете, что не можете общаться с людьми как другая форма жизни? – вспомнив кое-что из прочитанной фантастики, поинтересовался Ник.

– Потому что я не просто другая форма жизни, я намного хуже. Ты не вопишь от ужаса только благодаря блокирующему снадобью в твоей крови. Придется регулярно делать тебе инъекции. Проведешь тут полмесяца, потом вернешься в Нойоссу. Больше нельзя, иначе начнутся необратимые изменения.

– Если я вернусь, они все равно мне житья не дадут, – сосредоточенно глядя на темную с кремовой пеной по краям жидкость, возразил Ник.

– Можешь забыть о них. Двое уже исчезли, куски их плоти перевариваются в моих желудках, а сами они разорваны на частицы энергии, которые тоже служат мне пищей. Остальные дожидаются своей очереди. Если вникнуть, это еще ужасней, чем участь тех, кого я съел сразу, – в голосе пожирателя душ не

было ни намека на сострадание, он всего лишь констатировал факт.

Ник застыл над кружкой с кофе. Он им не сочувствовал, потому что и сам от них натерпелся, и слышал, как они вспоминали свою житуху до Нойоссы (кого-нибудь грабануть, запинать потехи ради, взять бухла, телок потрахать, главное – чтобы в ментовку не забрали), но все-таки его охватило тягостное чувство.

– Я ведь, кажется, предупреждал о том, что я чудовище? – мягко напомнил Король Сорегдийских гор. – Пей кофе. Поскольку я чудовище с недурными связями, я использую свое влияние для того, чтобы в Нойоссу прислали из столицы инспекцию. Пусть разберутся, кого они опять сюда понатащили... Возможно, там и для меня что-нибудь найдется.

Ник сделал глоток и спросил:

– Может, вы все-таки меня убьете? Я хотел бы исчезнуть.

– Жизнь – не самая плохая на свете вещь. Ты молод, здоров, еще и красив, наверняка девочкам нравишься. Поверь, нашлось бы немало желающих поменяться с тобой местами. Сколько тебе лет – семнадцать? И ты хочешь заранее отказаться от всего, что ждет тебя впереди?

– Вдруг там опять будет что-нибудь такое, как то, что со мной уже было? – Он стиснул пальцами теплые глазированные бока кружки. – Не хочу больше.

– Да что же у вас за страна такая?! Говорят, у вас загадочная страна... Жаль, мне не светит там побывать. Много загадок и много еды – мне бы понравилось.

Ник хотел сказать, что с продовольствием в бывшем СССР сейчас не очень-то, кризис, но осекся: его собеседник имеет в виду не ту еду, которую можно купить в продуктовом магазине.

– Знаете, в нашем мире, еще когда все было нормально, я читал в журнале о таком японском искусстве: на черную доску насыпают белый песок, и получается картина, а потом песок стряхивают, и все исчезает. Искусство на один раз. Я не помню, как оно называется. С нами произошло то же самое. Если моя жизнь – как песок на черной доске, и эту песчаную картину в любой момент могут просто смахнуть, то мне этого не надо. Здесь нам говорили, что со смертью ничего не кончается, что человек рождается снова, как у буддистов, только забывает свои прежние жизни. Я так не хочу. Это нечестно, и я имею право отказаться в этом участвовать. Говорят, что вы можете это прекратить, вот я и пришел к вам.

Замолчав, Ник уставился в темноватое пространство пещеры, пронизанное стальными балками и льющимися сверху потоками солнечного света, первозданно яркого или приглушенного, окрашенного в разные цвета стеклами витражей.

Конечность существа осторожно прикоснулась к его лицу, к шее, скользнула от плеча к кисти руки, словно изучая на ощупь, перед тем как растерзать.

– Поживи еще. Вдруг тебе все-таки понравится?

– Нет. Не понравится. Вы просто не знаете, что такое кого-то потерять.

– Как раз это я очень хорошо знаю. Я живу на свете больше десяти тысяч лет. Неужели ты думаешь, что за все это время я ни к кому не был привязан?

– Извините, – пробормотал Ник, осознав, что ляпнул глупость и, возможно, задел собеседника. – Я думал... Вы же не человек...

– Раз в три года у меня тоже бывают каникулы. Тогда я становлюсь челове-

ком и отправляюсь во внешний мир.

Да, в лекции об этом было. Ник виновато кивнул.

– Я хочу тебе кое-что показать, – продолжил Король Сорегдийских гор. – Такого больше нигде не увидишь... Идем.

Конечности ловко и бережно подхватили Ника, и существо вместе с ним в мгновение ока перебралось... перетекло?.. телепортировалось?.. – он так и не понял, каким образом они переместились в другое помещение, такое же просторное, но ничем не загроможденное.

Здесь было светлее, все проемы в потолке застеклены, а на стенах, облицованных белым полированным камнем, сверху донизу висели картины и стояли в нишах скульптуры.

– Моя коллекция, – прояснил Король Сорегдийских гор. – Я собирал ее в течение многих веков. У меня здесь также большая библиотека, в том числе много книг из вашего мира.

– Вы бывали в нашем мире? – спросил Ник вполголоса, боясь потревожить музейную тишину этого зала.

– Нет. Открыть проход между мирами могут только Пятеро, зато к моим услугам достаточно людей, которые охотно выполняют любой мой заказ.

Он мало что запомнил в деталях – из-за снадобья, под действием которого находился. Существо сплело свои конечности в подобие кресла и держало его в воздухе, не причиняя неудобств, так что он мог спокойно рассматривать экспонаты, помещенные на разной высоте от пола.

«Как робот в кино».

– Ну, спасибо! – хмыкнул Король Сорегдийских гор.

«Так он еще и телепат?»

Одно из двух – либо насчет робота Ник подумал вслух, либо пожиратель душ читал его мысли, хотя ни разу не обмолвился о том, что он это умеет.

Ник испытывал интерес и восхищение. Мысль о смерти не то чтобы совсем пропала, но уползла в дальние закоулки сознания, свернулась там и не давала о себе знать.

– ...Здесь есть и подлинники, и копии шедевров, выполненные для меня лучшими мастерами, но большинство картин написано специально по моим заказам, – рассказывал хозяин коллекции. – Разумеется, заказываю я не лично, а через посредников. Охотники – шальной народ, и почти каждый мечтает повесить мой череп у себя над камином. Ты знаешь, в чем главное отличие подлинников от копий? В них есть нечто, недоступное обычному человеческому восприятию. Энергия, которая мерцает и пульсирует в материальных предметах – в произведениях искусства она особенная, и мои органы чувств позволяют ее увидеть. Например, вот это, смотри, – он указал на белый сосуд наподобие греческой амфоры, разрисованный, словно черной тушью, цветами на длинных изогнутых стеблях. – Красиво? Если посмотреть моим зрением, эта красота пронизывает и завораживает. И оно живое, не менее живое, чем настоящие растения. А теперь посмотри на этот фарфоровый овал с морским пейзажем!

Серо-зеленые штормовые волны, у корабля сломана мачта, русалка со злым лицом.

– Странный рисунок для блюда.

– Это не блюдо, а настенное украшение, подвешивается на цепочках. Ху-

дожник сумел поместить в этот кусок фарфора сгусток энергии, который содержит в себе и вкус соленой морской воды, и отчаяние еще живых моряков, и злобную радость русалки. Я видел неплохую по качеству, добросовестно выполненную копию – в ней присутствовала лишь бледная тень этой энергии. Вот почему я предпочитаю подлинники. А это... Как сказали бы в вашем мире, это не для детей до шестнадцати. Хоть тебе уже и семнадцать, а краснеешь, как двенадцатилетний. Никогда раньше такого не видел?

– Нет... – промямлил Ник.

Некоторые изображения вгоняли его в краску, но подробностей он опять же не запомнил, только общее впечатление.

Они много разговаривали. Ник рассказывал о Средней Азии, о Москве, об Оренбурге (когда ему было восемь лет, семья Берсеневых оттуда переехала ради двухкомнатной квартиры на новом месте), а Король Сорегдийских гор – об илихейской истории и о современной Империи. Из-за снадобья, которое Ник ежедневно получал, все, что он узнал, словно куда-то провалилось, но не то чтобы совсем с концом: во время поездок с Миури по илихейским дорогам он иногда обнаруживал, что о тех или иных вещах у него имеется смутное, но верное представление, как будто уже о них слышал.

– Скоро отправишься в Нойоссу, – сообщил однажды пожиратель душ. – С сегодняшнего дня я начинаю убавлять дозу.

– А мне нельзя еще на немного остаться?

Нику здесь нравилось. Интересные разговоры. Чувство защищенности. Потрясающее собрание произведений искусства, которые можно рассматривать до бесконечности. Горные пейзажи, как на снимках в журнале «Вокруг света». Вкусная еда. И к тому же у существа, с которым он с утра до вечера общался, было столько привлекательных качеств: блестящий интеллект, доброта, обаяние, остроумие... Ник согласился бы остаться здесь навсегда.

– Нельзя. Еще немного – и мое снадобье начнет действовать на тебя как отравы. Надо прекратить это сейчас, пока не поздно.

– Хотя бы на несколько дней?.. – попросил Ник.

– Ты даже не представляешь, как мне этого хочется, но это будет равносильно смертному приговору. Тебя прикончит или наркотик, или мое присутствие.

– А потом мне можно будет прийти еще?

– Нет. Человеку здесь не место, я и так сделал для тебя неслыханное исключение. Считай, нарушил запрет.

– Чей запрет? – угрюмо спросил Ник.

– Мой собственный. Я сам устанавливаю для себя запреты.

– Тогда вы можете отменить их.

– Могу, почему бы и нет? Надолго тебя не хватит, но я потом возьму сюда другого приглянувшегося человека, а потом еще и еще... Они будут быстро умирать, зато мне не придется страдать от одиночества. Ты не знаешь, насколько это сильное искушение... Поэтому, если перейдешь рубеж еще раз – получишь хорошую трепку, и после этого я все равно тебя вышвырну.

– Понятно, – пробормотал Ник.

– Ты можешь прийти, если тебе будет угрожать смертельная опасность и понадобится защита, – существо дотронулось до его плеча. – Не обижайся. Пожалуй, я еще кое-что покажу... Вряд ли оно тебе понравится, но ты должен это

увидеть.

Испещренная солнечными пятнами полутемная каменная полость, по блестящей скале сбегает сверху вода. Ничего особенного, здесь таких пещер много... В полумраке слышалось не то мычание, не то стон. Ника мягко развернули в ту сторону, и он увидел прикованного к скальной стене человека, бледного, измученного, с безумными глазами и по-рыбьи разинутым ртом. Он дрожал, и цепи, не позволявшие ему пошевелить ни рукой, ни ногой, тоже мелко подрагивали. По мокрым щекам текли кровавые слезы.

– Отпустите меня... – прохрипел прикованный.

Комар. Один из той банды.

– Видишь, здесь моя трапезная, – услышал Ник голос пожирателя душ. – А это – пища. Он пока жив и даже находится в сознании, но скоро от него ничего не останется.

– Пустите...

– Зачем вы так? – тихо спросил Ник.

Растворенное в крови снадобье не позволяло ему испугаться или ужаснуться, но рассудком он понимал, что видит эпизод, который должен вызывать именно такую реакцию.

– Затем, что я таким способом питаюсь.

Конечности пожирателя душ привычным движением подхватили Ника – и он мгновенно очутился снаружи, на поросшем травой склоне.

– Я показал тебе это не для того, чтобы ты его пожалел. Представь себе связанного человека с раскаленным утюгом на голом животе... Пострадавший был виноват только в том, что не хотел отдавать деньги, которые справедливо считал своими, а Комар хотел любой ценой эти деньги получить. Что ж, вот он теперь и платит пресловутую любую цену... Эта картинка – еще не самое худшее из того, что я обнаружил в помойке его памяти. Если жертвы проклинали его, можно считать, что их проклятия попали в цель. Не бери в голову. Одно чудовище поедает другое, что может быть естественней? А ты – человек, твое место среди людей. Я продемонстрировал тебе это, чтобы ты не забывал, с кем имеешь дело, и не считал меня добрым.

На следующее утро Ник проснулся не на атласной перине под цветным витражом, а в палатке – или, скорее, в шатре – в спальном мешке. Рядом на складном столике ожидал его пробуждения завтрак.

Место было красивое, небольшая зеленая долина, со всех сторон окруженная скалами. Среди высокой травы попадались цветы на бледных опущенных стеблях, с чашечками, словно выточенными из хрусталя. Неподалеку находилось янтарно-желтое минеральное озеро. Вдали виднелись вершины, покрытые снегом и ледниками.

Короля Сорегдийских гор он больше не видел, только слышал знакомый голос. Палатка стояла возле скал – вероятно, там существо и пряталось, когда приходило его навестить. Из расщелин доносились шорохи, порой в темноте что-то мелькало. Струящаяся черная жуть неопределенных размеров и очертаний, местами пестрая, напоминающая кошмарные живые заросли... Ник испытывал усиливающийся страх и, что еще хуже, чувство физического неприятия, отвращения. Он изо всех сил старался подавить это чувство, ему было отчаянно стыдно – ведь Король Сорегдийских гор так хорошо к нему относится, заботится о нем, и совсем недавно они общались как ни в чем не бывало... Но

ничего не получалось.

– Так и должно быть. Действие снадобья ослабеваает, и, сколько бы ты ни упражнялся в самовнушении, твои инстинкты бунтуют против соседства со мной, – Нику показалось, что он уловил вздох сожаления. – Если бы этого не наблюдалось, я бы решил, что с тобой что-то не в порядке.

Вода в янтарном озере оказалась чудесно теплой. Еще три-четыре дня он бездельничал, купался и загорал, не вспоминая больше о самоубийстве.

С пожирателем душ они разговаривали все реже и реже. Когда тот незримо находился рядом, Нику становилось не по себе, его снедала изматывающая тревога.

– Это нормальная реакция живого существа на мое присутствие, – констатировал Король Сорегдийских гор. – Тебе пора вернуться в Нойоссу.

– Но я ведь не хочу, чтобы у меня была на вас такая реакция! – Если раньше Нику просто хотелось остаться там, где хорошо, то теперь в нем проснулся протест, желание изменить несправедливый, как ему казалось, порядок вещей. – Биологически разные существа, если они обладают разумом, могут общаться, несмотря на различия. Этот психоз у меня пройдет.

– Да не в биологии тут дело, различия между нами на порядок серьезней. Советую получше усваивать то, чему вас учат на занятиях. Завтра утром перейдешь рубеж, сядешь на поезд и поедешь в Нойоссу. Твоего куратора предупредили, что ты в гостях, так что вопросов не будет.

– Они знают, что я здесь?

– Нет, они знают, что тебя пригласили в гости и что скоро ты вернешься. Куратору сказал об этом его начальник, узнавший от своего начальника, и так далее... Все улажено. И никому не рассказывай, где был и что видел. Это не запрет, а совет, тебе самому так будет проще. Если кто-нибудь спросит про браслет – ты купил его на улице с лотка, и у него застежка заедает, поэтому снять его трудно.

– Какой браслет?.. – переспросил сбитый с толку Ник.

– Вот этот.

Краем глаза он заметил движение на периферии – мелькнуло что-то темное, быстрое. Прикосновение прохладного металла к коже. Тихий щелчок. Посмотрев, Ник обнаружил у себя на левом запястье неширокий браслет, состоящий из прямоугольных звеньев с выгравированным узором, вроде как бронзовый.

Многие илихейцы носят украшения, и большинство иммигрантов тоже следует здешней моде, так что вряд ли кто-нибудь удивится, увидев у него эту вещицу.

– Зачем он? Я раньше такое не носил...

– Пусть будет, – ответил Король Сорегдийских гор.

Ночью палатка вместе с Ником из затерянной в горах долины переселилась на склон Пятнистого отрога, в полукилометре от рубежа. Позавтракав, Ник отправился на станцию. Пожиратель душ не стал с ним прощаться, из-за этого он чувствовал горьковатый привкус обиды.

В кармане нашлись деньги на билет. Вообще-то, значительно больше, чем на билет, но от этого обида только усилилась, стала нестерпимо острой.

Сидя в дребезжащем вагоне, глядя на проплывающие за окном яркие пейзажи, Ник то размышлял о том, до чего одиноко это существо, то вспоминал,

ощущая слабую тошноту, как оно выглядело, и как выглядел прикованный к скале Комар, то глотал слезы (выставили, сунув в карман пачку денег, даже не сказав «до свидания»). О чем он на обратном пути совсем не думал, так это о смерти.

– А, вернулся? – только и сказал куратор. – Ты занятия пропустил, посмотри материал по книжкам.

Через месяц в Нойоссу нагрязнула инспекция. Среди иммигрантов ходили слухи, что столичная комиссия привезла какой-то особенный детектор лжи, называется Зерцало Истины, и обмануть эту крутую штуку невозможно. Всех по очереди вызывают и задают всякие вопросы, а некоторых после этого увозят в наручниках.

Когда дошла очередь до Ника, его колотило от напряжения – как, впрочем, и всех остальных. Мало ли какие там будут вопросы.

Вызывали по одному. Посередине комнаты стоял треножник с небольшим овальным зеркалом в золотой раме, напротив – один-единственный стул. Народу присутствовало довольно много: кураторы, столичные инспектора, полицейские офицеры в мундирах. А может, Нику только показалось, что их много, но общество было разношерстное.

Ему велели сесть на стул напротив зеркала. По обе стороны от него встали два здоровенных амбала – чуть что, сразу скрутят.

– Как тебя зовут?

– Ник Берсин, прежнее имя – Николай Берсенов.

– Ты убивал людей?

– Нет.

– Кого-нибудь ограбил?

– Нет.

– Занимался шантажом и вымогательством?

– Нет.

«Сейчас спросят, где я был, пока отсутствовал, и кто мне дал браслет...»

Он хотел на всякий случай оставить подарок в тумбочке, но не справился с застежкой. Снять его оказалось не «трудно», как говорил Король Сорегдийских гор, а попросту невозможно. Ник подозревал, что теперь до конца жизни от этого украшения не избавится.

– Ты подвергал людей пыткам?

– Нет.

– Воровал?

– Нет.

Зерцало полыхнуло голубовато-белым сиянием, словно сварочный аппарат. Ник рефлекторно зажмурился от вспышки.

– Говори правду! Что ты украл?

– Две картофелины. В Москве. Женщина рассыпала на улице картошку, я схватил две штуки и убежал. – Он ни на кого не смотрел, стора от унижения и стараясь не лязгать зубами.

– Что еще?

– Еще, когда мы жили лагерем в Подмосковье, таскали картошку с совхозного поля. Очень хотелось есть.

– Что ты украл кроме этой трижды несчастной картошки? – начиная выказывать признаки нетерпения, спросил дознаватель.

– Больше ничего.

На этот раз вспышки не последовало.

– Ты кого-нибудь изнасиловал?

– Нет!

– Животных мучил?

– Нет.

– Вот и молодец, – задав еще десятка полтора вопросов (Ник каждый раз отвечал «нет»), заключил инспектор. – Ладно, гуляй.

Ник находился в ступоре. Один из амбалов подхватил его под руку, поднял со стула и выпроводил в коридор – проворно и деловито, но без грубости.

– Следующий!

На другой день Ник спросил у куратора:

– Что мне будет за кражу?

– За какую кражу? – тот уставился с недоумением. – Что ты еще натворил?

– Я имею в виду, в чем я сознался перед детектором, – запинаясь, пояснил Ник. – Насчет картошки.

– Милостивые Пятеро, ерунда какая! – куратор небрежно махнул толстой рукой. – Иллихейский суд, учитывая обстоятельства, признал бы тебя виновным, но не подлежащим наказанию. А, вы же этого еще не проходили... У нас неимущие не воруют от голода, а бесплатно питаются в императорских благотворительных столовых. И не надо этих варварских словечек – «детектор»! Не засоряй язык. Зерцало Истины – это Зерцало Истины, ибо оно зрит истину.

Кое-кто из иммигрантов после дознания исчез, их забрали и увезли неизвестно куда, но все это были такие личности, без которых оставшиеся вздохнули свободней.

Ник запоздало вспомнил о том, что пожиратель душ обещал воспользоваться своими связями, чтобы в Нойоссу прислали инспекцию.

О своем знакомстве с Королем Сорегдийских гор он рассказал только Миури. Так получилось. Она сразу догадалась о том, что браслет у него не простой.

– Где ты взял эту вещь?

– Мне ее дали.

– Девушка?

– Нет.

Миури – тогда он еще не называл ее так, она была для него сестрой Миури – положила руку на его запястье, поверх браслета. Ник замер и не шевелился. Прикосновение теплой женской ладони сделало его как будто слегка пьяным.

– Это оберег редкой силы, причем персонально настроенный. Но не только оберег, еще и маяк – тот, кто его изготовил, сможет тебя найти, когда пожелает, где бы ты ни был. Сними, пожалуйста, чтобы я смогла изучить его получше. Посмотрю и верну.

– Он не снимается.

– Совсем хорошо... От кого ты получил такой подарок?

Широко расставленные желтовато-серые глаза «бродячей кошки» смотрели, не мигая, с заинтересованным и непроницаемым выражением. В них и правда было что-то кошачье.

– От одного знакомого, – уклончиво ответил Ник, он не хотел ей врать. – А что значит – персонально настроенный?

– Браслет защищает только тебя, ни для кого другого от него проку не будет. Мера предосторожности, чтобы никто не захотел его отнять или украсть. Обереги, особенно такие мощные, очень ценятся, а для персональной настройки требуется большое мастерство. В этом куске металла буквально пульсирует живая энергия. Кто тебе все-таки его дал?

В конце концов Ник сказал ей.

– С Королем Сорегдийских гор лучше не связываться, – монахиня озабоченно нахмурилась. – И от его подарка стоит избавиться, иначе он тебя найдет, когда станет человеком.

– Я не против. Он же ничего плохого мне не сделал. И вообще, у него принципы. Он не каждого станет есть.

– Ник, от него надо держаться подальше. Ты здесь недавно и многого еще не знаешь. Действительно, как пожиратель душ он благороден и принципиален, и для всей Иллихеи великое счастье, что Сорегдийский хребет принадлежит ему, а не кому-то другому. Зато когда он оборачивается человеком... Представь себе субъекта, для которого человеческая жизнь – прежде всего развлечение. Он ведь смотрит на вещи не так, как мы. Например, вполне может убить, в драке или под горячую руку. С точки зрения пожирателя душ, если он просто убивает, а душу не трогает, это не особенно большой вред. Ну, и все остальное... Когда он лет десять назад устроил гулянку в Майлинане, это курорт на берегу Рассветного моря, люди строгих правил оттуда разбежались, не вытерпев такого соседства. Зато майлинанские куртизанки остались довольны – говорят, он ни одну не обделил своим вниманием и щедрым гонораром. Рассказывают еще, что в этом участвовали придворные дамы, специально примчавшиеся в Майлинан с соседних курортов, – она усмехнулась и покачала головой. – И что он также спойл охотников, которые приехали туда, чтобы его убить. Но это еще ничего, были и по-настоящему шокирующие истории. Главное, что его отношение к жизни отличается от человеческого. Многое из того, что для нас серьезно, для него всего лишь забава, понимаешь?

Ник кивнул.

– Поэтом тебе не надо с ним встречаться. Ты в курсе, из какого материала изготовлено это украшение?

– Бронза, по-моему.

– Не только. Еще и преобразованная жизненная энергия тех, кого съел пожиратель душ. Энергия не появляется ниоткуда – слышал об этом?

Ник снова кивнул и уставился на свое окольцованное запястье, ощущая и неловкость, и легкую дурноту.

– Я же не знал... Тогда я лучше не буду его носить.

– Дай-ка, попробую снять.

Миури не удалось это сделать, и тогда они пошли в храм Лунноглазой. В полутемном зале монахиня велела Нику опуститься на колени перед алтарем с нефритовым изваянием сидящей кошки, закатать рукав и вытянуть вперед левую руку, а сама, тоже преклонив колени, начала протяжно и жалобно мяукать.

«Как будто просит, чтобы ее впустили домой с лестничной площадки или угостили килькой», – подумал Ник.

Его разбирал смех, хотя Миури строго-настрого предупредила, чтобы во время ее молитвы он не вздумал веселиться.

Потом смеяться расхотелось. Атмосфера храма, таинственная, но не пугающая (словно погруженная в волшебный полумрак комната с новогодней елкой в серебряном «дожде»), подчинила себе его настроение.

И тогда Ник почувствовал легкое прикосновение – как будто обнаженную руку задела боком пушистая кошка, хотя никакой кошки он не увидел. В тот же миг на каменных плитках звякнул упавший с запястья браслет, сам собой раскрывшийся.

Миури издала еще один вопль, ликующе-благодарный, и после этого умолкла.

– Чтобы Лунноглазая услышала, надо молиться на языке ее народа, – объяснила она, когда вышли из храма.

Браслет закопали в придорожной роще неподалеку от города Маронгу, чтобы случайно не попал ни в чьи руки. Ник то испытывал легкие угрызения совести из-за того, что так обошелся с подарком Короля Сорегдийских гор, то радовался, что избежал, как утверждала Миури, ненужных проблем, но, вообще-то, вспоминал о нем все реже.

Второе письмо доставил взмыленный мотоциклист, догнавший их в Рахлапе благодаря задержке около озера Нельшби.

«Эта снова я!

Надеюсь заянык здоровый. Поцелуйте его от меня в носик (шутка). Хачу сказать что есле с заенькой маим чево случица нехарошева, я вас за это убью. Найду крутых парней котораи вас убьют. Биригите заиньку, а то будут вам ниприятности.

Мы скоро паедим в Макишту. И если вы заеньку сберижоте и превезете, я вам денег заплочу.

В. цан Э.»

– Она со своими угрозами добьется, что я наложу на нее проклятье, – совсем по-кошачьи фыркнула Миури, прочитав послание. – Какое-нибудь мелкое и неопасное, но досадное – вроде прыща на носу перед балом в честь вступления Эглеварта в новую должность.

На Раргийском вокзале было шумно, хотя народа в зале ожидания находилось не слишком много. В большом деревянном помещении голоса резонировали, словно в полости гигантского музыкального инструмента. На толстых, как бревна, темных балках под потолком пищали и возились трапаны, перепархивали с места на место, трепеща кожистыми крылышками. С полукруглого балкончика выкрикивал в рупор объявления вокзальный глашатай – седой, благообразный, красноносый, похожий на Деда Мороза. С дебаркадера доносились звуки поездов.

Ник и Миури устроились под одним из полотняных зонтиков, в изобилии расставленных по всему залу для защиты от помета летающих ящериц. Гонять отсюда трапанов нельзя, ведь они приносят путешественникам удачу.

– ...В дороге будь осторожен, ни во что не ввязывайся, на провокации не поддавайся. Сохраняй чистоту помыслов и не пей сырую воду. Не забывай мыть руки перед едой. Если какие-нибудь проблемы, обращайся в имперскую полицию или, еще лучше, к «бродячим котам», но у тебя не должно возникнуть никаких проблем. Доедешь Параллельным экспрессом до Макишту, оттуда пригородным поездом до Лаца и остановишься в гостинице при Лашском монастыре. Жди меня там. На территорию монастыря не ходи – с Мардарием

нельзя, Лунноглазой Госпоже это не понравится. Снаружи, за оградой, есть гостиница, туда тебя пустят. Во дворец к Регине пойдём вместе.

– Хорошо, – выслушав наставления, сказал Ник.

– Если пойдешь гулять, перед этим внимательно изучи карту опасных мест. Чтобы не нарвался опять, как на озере Нельшби.

– В крайнем случае закричу по-кошачьи.

– Закричишь – и толку? – усмехнулась Миури. – Я ведь не просто орала благим матом, а прокричала заклинание, отгоняющее нечисть, на языке народа Лунноглазой. Так что смотри по сторонам и не лезь куда не следует.

– Хорошо, – повторил Ник.

– И не вздумай покупать пистолет. Конфискуют и оштрафуют. Разрешение на огнестрельное оружие переселенец из вашего мира может получить только через пять лет после полугражданства. Если хочешь, обзаведись охотничьим ножом, это можно. Ты хорошо владеешь ножом?

– Ну... – он чуть смущенно улыбнулся. – Нарезать колбасу или очинить карандаш – запросто.

– А драться на ножах?

– Нет. У нас ведь оружие под запретом. На ножах дерутся бандиты или десантники в армии.

– Я должна была подумать об этом раньше, – Миури посмотрела на него почти виновато. – Все повода не было... У нас этому учат в школах на уроках самообороны. Когда вокруг столько тварей, иначе нельзя. Ладно, в поезде с тобой ничего не случится.

– А ты умеешь? – спросил Ник с любопытством.

– Как большинство, на школьном уровне. Но я, как ты видел около озера Нельшби, владею другими способами самозащиты.

Он-то думал, что Миури должна драться, как каратистки в китайских фильмах.

– В озере была нечисть. А если нападут люди и их будет много?

– Тогда я трижды призову Лунноглазую и отдам свое брэнное тело под ее покровительство. Кстати, с людьми тоже будь осторожен. Ни с кем не ссорься и держись в стороне от тех, кто внушает опасения. Если столкнешься, как в Мекете, с людьми шальной удачи, в драку не ввязывайся, постарайся сбежать.

– Если что, я на них зайньку Мардария натравлю. Против лома нет приема.

– И не вздумай! Во-первых, он порвет в клочья все, что движется, а не только тех, кого надо. Во-вторых, как ты его потом посадишь обратно?

– Да я пошутил...

– Не забывай, зайньку тебе дали не для самообороны, а чтобы ты отвез его в Макишту. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах ты не должен выпускать его из кулона. И не теряй головы, даже если столкнешься с чем-нибудь страшным.

– Я уже много с чем сталкивался и ни разу не шалел от страха настолько, чтобы совсем потерять голову. Доставлю Мардария из пункта А в пункт Б, никаких проблем не будет.

На полукруглом белом балкончике с резными балясинами появился глашатай; спугнув с перил трапана, поднял рупор и объявил о начале посадки на Параллельный экспресс.

Глава 5

После озера Нельшби все пошло кувырком. Не заладилось, как говорили в Хасетане.

Вилен с Элизой приехали в Рахлап довольные и без гроша. Все растранижирили, сукины дети! Или, еще хуже, заначили, чтобы потом растранижить. А когда Ксават стал ругать их за то, что обманули доверие, Элиза огрызнулась: это, мол, все равно деньги из нашей зарплаты, так о чем разговор?

Он, будучи в своем праве, на нее прикрикнул – не позволяй себе, срань собачья, и тогда случившийся рядом Келхар цан Севегуст влез с аристократическим апломбом: «Вы, сударь, разговариваете с этой юной дамой в непозволительных выражениях». Да еще перед этим, срань такая, прислушивался и безглаголиво кривился, словно изволил скушать какую гадость.

«Такие речи не подобают человеку благородного звания».

Сам-то кто? Сам босяк, хоть и высокородный. Хорошо, конечно, что не пожиратель душ... Донат категорически заверил, что знает его уже около года, и Келхар именно тот, за кого себя выдает.

Но если он всякий раз будет встревать... И осадить нельзя: Донат же сказал, что он мастер рукопашного боя! Пусть пока хорохорится... Когда дойдет до схватки с Сорегдийской тварью, можно будет так подгадать – или, как опять же говорили в Хасетане, подгадать, – чтобы окаянный оборотень вначале его порешил, а уже потом самого оборотня порешить.

Ксават невесело и желчно усмехнулся. Скорей бы уж дошло... Страх разъедает душу, как ржа железо, неумогило больше так жить.

«Время игры», как выразился Банхет четверть века назад. Пора покончить с этой издевательской игрой! Клетчаб Луджереф делил окружающих на людей шальной удачи и тупаков, а для Короля Сорегдийских гор все люди – тупаки, жратва, срань собачья. Как он смеялся, когда Клетчаб просил о пощаде... Вспоминая об этом, Ксават цан Ревернух испытывал и бешенство, и унижение, и спрятанный за двумя первыми чувствами ужас, от которого кишки леденеют.

– В Улонбре мы пойдем в театр, – сообщил Донат своим низким тягучим голосом. – Вам придется позаботиться о трех билетах. Или, пожалуй, о трех абонементов.

– Это еще зачем? – сразу насторожился Ксават.

Размечтались – сходить в театр на халяву, за его счет! Думают, на тупака напали.

– Там сейчас поет Энчарэл, дива из Раллаба. Король Сорегдийских гор – ее давний поклонник, я узнал об этом из верных источников, – объяснил Донат. – Скорее всего, это он оплатил гастроли. Вот мы с вами и пойдем... на охоту.

В Иллихее вагоны раза в два шире, чем на Земле: и коридоры просторней, и купе больше. Если тебе ехать несколько суток, оценишь разницу.

Четырехместное купе (исцарапанные панели темного дерева, бархатистая вишневая обивка – словно полость футляра для какого-нибудь ценного инструмента) Ник делил с двумя мужчинами и дамой.

Мужчины были братьями, то ли родными, то ли двоюродными. Старшему за тридцать, младшему около двадцати пяти. Энергичные, белобрысые, дело-

витые, оба в оранжевых костюмах и красных лакированных ботинках. У младшего золотой браслет, на цепочке болтается брелок – мумифицированная мелкая амфибия вроде тритона.

Они постоянно подначивали друг друга, спорили, повышая разболтанные резковатые голоса. Речь шла о ставках, шансах, чемпионах, выигрышах; много непонятных слов – видимо, букмекерский жаргон. Старший один раз упомянул Ганжебду, младший на него шикнул.

Ник слышал о Ганжебде – затерянном среди болот городе, где проводятся подпольные гладиаторские бои без правил. Гладиаторы дерутся насмерть, а в ганжебдских болотах кишмя кишит нечисть, но имперские власти ничего не могут с этим поделать, только рекомендуют законопослушным гражданам туда не ездить.

Судя по всему, двое в оранжевых костюмах как раз туда и собирались. На Ника и на другую попутчицу они не обращали внимания; Ника это вполне устраивало, а даму задевало.

Та ехала в Улонбру, чтобы послушать Энчарэл, знаменитую оперную певицу. Она сообщила об этом, раз за разом пытаясь вклиниться в оживленный насмешливый диалог соседей и вызвать интерес к своей персоне. Это было все равно, что пинать туго накачанное автомобильное колесо в надежде оставить вмятину.

Дама также сказала, что она «немного высокородная» и «больше всего ценит культуру», но даже этим пронять оранжевых не удалось.

Ник раньше не доводилось общаться с такими женщинами. Увядающая, церемонная, изысканно одетая – словно мотылек, до которого невозможно дотронуться, не поломав хрупкие жесткие крылышки. Он не знал, как себя с ней вести, и отвечал на ее вопросы односложно, преодолевая замешательство, поэтому на него она тоже обиделась.

В Улонбре она выпорхнула из вагона, вокзальный носильщик выволок следом громоздкий чемодан в старом ковровом чехле.

Их осталось в купе трое. Ник смотрел в окно: перрон, толпа, кусок нарядного здания, раскрашенного в белый и ультрамариновый. Жемчужно-серое пасмурное небо. Все смотрел и смотрел, а поезд все стоял и стоял.

– Задерживают отправку, – заметил один из оранжевых. – С чего бы?

– Цепняки оцепили платформу и кого-то сцапают, – отозвался второй.

Словно скороговорку произнес.

– Где цепняки? Что-то не вижу...

– Их и не признаешь, они в штатском, – торжествуя, что оказался более осведомленным, пояснил младший, обладатель брелка-тритона. – Частная полиция Аванебихов. Я вон ту морду знаю – видишь, костюм цвета маренго? Дело нешуточное, если Параллельный задержали. Аванебихи здесь всем заправляют, улонбрийский гараоб тоже из их клана. Кого они, интересно, хотят взять – надеюсь, не нас?

– Чтоб у тебя язык узлом завязался, – пробурчал с досадой старший.

Попутчики не то чтобы всерьез испугались, но немного занервничали. Они ведь едут в Ганжебду и собираются сделать деньги на запрещенных гладиаторских играх, если Ник правильно уловил смысл их разговоров.

– Ага, сейчас пойдут по вагонам.

Ник смотрел в окно. Его это не касалось.

– Э, да их наш вагон интересуется! Что-то вынюхали и всем скопом валят сюда...

Братья тоже прилипли к окну и теперь уже выглядели не на шутку встревоженными.

– Сядь, – прошипел младший. – И сделай законопослушное лицо, как у мальчика-иммигранта.

– Ты когда-нибудь прекратишь распоряжаться? – огрызнулся старший. – Твоя дохлятина на цепочке отведет любую беду, кто это говорил?

– Умница, выбрал время, чтобы оскорбить мой амулет!

«Надеюсь, им не придет в голову взять меня в заложники?» – запоздало забеспокоился Ник.

Лакированная фанерная дверь со скрипом отъехала в сторону. Плечистый мужчина в костюме цвета маренго оглядывал купе. На него смотрело снизу вверх три пары настороженных глаз.

– Полугражданин Ник Берсин, иммигрант из сопредельного мира? – Голос звучный и властный, но вежливый. – Прошу вас пройти со мной в здание вокзала. Нужно выполнить небольшую формальность, это займет немного времени.

– А в чем дело? – спросил Ник.

На лицах оранжевых проступило облегчение.

– Вы должны ознакомиться под расписку с новым указом. Идемте.

– У меня билет до Макишту. Я могу отстать от поезда.

– Поезд без вас не уйдет. Здесь есть и другие полуграждане, указ касается всех переселенцев. Пожалуйста, не задерживайте отправку.

Ник встал и вышел следом за ним из купе. Когда он ступил на перрон, от свежего воздуха, насыщенного вокзальными запахами, слегка закружилась голова.

Их сразу окружило еще несколько человек, и вся группа направилась к ультрамариновому зданию с белыми карнизами и колоннами. Из жемчужных туч накрапывало.

– От первой платформы отправляется Параллельный экспресс!

Ник оглянулся. Вокруг мельтешили люди, но все-таки он увидел, что поезд начал медленно скользить вдоль перрона.

Кто-то крепко взял его за локоть.

– Там остались мои вещи, – сказал он ровным голосом, понимая, что его обманули.

– Мы захватили ваш багаж.

Один из сопровождающих показал дорожную сумку.

– Не волнуйтесь, сейчас вам все объяснят, – все так же вежливо заверил оперативник в костюме цвета маренго.

«Да можно не объяснять. Кранты заиньке. И мне, наверное, тоже».

Они поднялись по заполненной народом широкой лестнице, свернули в заляпанный побелкой пустой коридор, поднялись по еще одной лестнице, на этот раз служебной. Ник понимал, что ему от них не удрать.

В комнату с кожаной мебелью и парадными портретами на стенах (скорее всего, императорская фамилия) вместе с ним вошел главный, остальные остались за дверью.

– Ник Берсин? – приветливо улыбнулся мужчина в элегантном светлом ко-

стюме.

Лет сорок – сорок пять, гладко выбрит, темные с проседью волосы на затылке собраны в хвост – распространенная у иллихейцев прическа – и перехвачены массивной заколкой, серебряной с чернью. Черты худощавого лица не слишком правильные, но породистые и волевые. Похож на аристократа. Миури учила Ника, глядя на того или иного человека, угадывать его социальный статус.

– Если я арестован, как иллихейский полугражданин я имею право на соблюдение всех законных формальностей. Мои поручители – сестра Миури из ордена Лунноглазой и сама Лунноглазая Госпожа, поэтому прошу вас немедленно сообщить о моем аресте кому-нибудь из жрецов Лунноглазой, как требует закон.

Эту речь Ник подготовил, пока его вели по вокзальным лестницам и коридорам. Видно было, что и аристократа, и оперативника его юридическая грамотность не обрадовала.

– Шанарчи... – с упреком произнес аристократ, взглянув на человека в ма-ренго.

Тот состроил недоуменную гримасу и слегка развел руками, словно показывая этой пантомимой, что, если его в чем обвиняют, то он не виноват.

– Сказано же было – не пугать! – вздохнул аристократ и повернулся к Нику. – Разве кто-то говорил, что вы арестованы?

Вообще-то, никто. Он сам так решил, наслушавшись разговоров оранжевых соседей по купе. Но если это не арест... Тогда еще хуже – незаконное задержание.

– Я ехал в Макишту, и меня сняли с поезда.

– Шанарчи, вы пока свободны. А вы, Ник, присядьте, – аристократ кивнул на одно из кожаных кресел. – Вы позволите называть вас по имени? Видите ли, это у вас на родине на каждом шагу криминал, произвол, социальные проблемы, а здесь, в Империи, все иначе. Вы не арестованы, и бояться вам нечего. – Поглядев на дверь, закрывшуюся за Шанарчи, он уселся напротив и доверительным тоном продолжил: – Некое влиятельное лицо хотело бы с вами встретиться и просит вас дождаться в Улонбре его прибытия. Потом сможете продолжить путешествие. Насчет билета на поезд не беспокойтесь, все убытки вам возместят. Пока вы будете моим гостем. Дерфар цан Аванебих, член улонбрийского Совета Благоденствия, рад трижды счастливому случаю с вами познакомиться.

– Я тоже трижды рад... – из-за разброда в мыслях Ник перепутал слова общепринятой формулы. – То есть рад трижды счастливому случаю, господин цан Аванебих. Кого я должен дождаться в Улонбре?

– Скоро узнаете. С ним разговаривал по телефону Арвад цан Аванебих, улонбрийский гараоб, и он сказал Арваду, что вы, наверное, сами догадаетесь, кто проявляет к вам интерес.

«Ага, еще бы не догадаться! Гараоб гараобу друг, товарищ и брат».

– Господин цан Аванебих, я не смогу его дождаться. У меня важное поручение, и я должен срочно ехать в Макишту.

– Боюсь, Ник, это пока невозможно.

– Вы сказали, что я не арестован. Тогда я имею право ехать дальше.

Дерфар цан Аванебих приподнял тонкие брови (похоже, выщипанные и

слегка подрисованные):

– Ник, это весьма влиятельное лицо, один из тех, чья просьба равносильна приказу, поэтому вам все-таки придется задержаться. Кстати, он особо просил, чтобы мы вас перехватили, не напугав и ничем не оскорбив. Могу заверить, бояться вам нечего.

«Спасибо. Эглеварт не только находчив, но еще и тактичен».

Бывший рифалийский гараоб, недремлющий наместник государя в Макиштуанском княжестве цан Эглеварт наверняка знает о храмовом проклятии, защищающем кулон, и отбирать его силой не намерен. Ника постараются уломать, подкупить, обработать... Судя по размаху принятых мер (задержка Параллельного экспресса, толпа «цепняков» на вокзале), он ни перед чем не остановится, чтобы избавиться от зайныки. Видимо, грызверг всех достал так, что дальше некуда.

Ник отлично понимал, что Регинин песик опасен для окружающих. Но, во-первых, Миури согласилась на этот заказ, и пусть бы она сама решала, как быть дальше, а во-вторых, убить несчастную зверюгу – не лучший выход. Регина в одном права: грызверг не виноват в том, что он грызверг. Если какой-нибудь леопард или медведь выберется из клетки в зоопарке, он тоже дел натворит – что взять с хищника? За подвиги Мардария отвечает Регина, которая разрешала ему бегать без намордника и на всех кидаться. Наверное, сама же и науськивала на тех, кто ей не нравился. Лучше бы Эглеварт с ней разобрался. Вот кого надо за компанию с Мардарием посадить в клетку, чтобы не травил людей грызвергами и служанок не била!

– Можно, я дам телеграмму в Олагу сестре Миури? Я ее помощник, ее это дело тоже касается.

– Полагаю, что нельзя, – все так же любезно улыбнулся Дерфар. – Это дело касается только вас, при чем тут сестра Миури? Вам уже не десять лет, верно? Не трусьте! Давайте-ка лучше поедem ко мне, пообедаем. У меня сейчас гостят мои племянницы, девушки примерно ваших лет, поэтому заранее предупреждаю – не теряйтесь и не давайте себя в обиду, – он дружески подмигнул Нику, поднялся с кресла и распахнул дверь.

Ник вышел в коридор следом за ним, подготовившись при первой возможности дать деру. Кулон на шее, деньги тоже с собой, а дорожную сумку можно оставить в качестве трофея Аванебиху с Эглевартом. Там две смены белья, носки, зубная щетка, расческа, полотенце, бритва (хотя в ней он пока не нуждался), дешевый атлас Иллихеи, несколько потрепанных справочных брошюр – вот и все его имущество.

Он не хотел обрастать вещами, одна мысль об этом его угнетала. Когда-то у него было много вещей, которые ему нравились, но все это пришлось бросить – еще один болезненный рубец в памяти. Вероятно, то, что получше, растащили погромщики, остальное выкинули на помойку новые хозяева квартиры. Теперь Ник не хотел ничего иметь, даже к своей скудной личной собственности относился так, словно эти предметы на самом деле ему не принадлежат.

За дверью ждали четверо во главе с Шанарчи. Ник, готовый к отчаянному рывку, увидев их, растерялся и остался на месте: он-то надеялся, что оперативников отослали. А Дерфар цан Аванебих, искоса наблюдавший за ним, снова приподнял подрисованные брови и чуть усмехнулся, потом сделал охране

знак – легкий прищур, едва заметное движение головой, – и их с Ником взяли в кольцо.

– Идемте, Ник, – все тем же приветливым тоном, как ни в чем не бывало, пригласил Дерфар. – Девочки без нас не сядут обедать, не будем морить их голодом.

Все-таки здесь лучше, чем дома. Если бы Ник попал в похожий переплет на родине, его бы уже успели приложить фейсом о ближайшую стенку – на всякий случай, чтобы знал. Там такие дела делаются по-другому.

Длинный перламутрово-белый автомобиль Аванебиха был разрисован стремительными черными птицами, похожими на ласточек. Шанарчи распахнул дверцу, и Ник покорно забрался в салон, на заднее сиденье. Сейчас нет смысла сопротивляться. Дерфар и Шанарчи сели по обе стороны от него.

От передних сидений их отделяла завеса из черных и белых бусинок, кисейные шторы на окнах были задернуты. Полупрозрачная ткань скрадывала очертания зданий и лишала улицы индивидуальности – как будто Улонбру окутывал туман.

Ник думал о бегстве, и в то же время ему хотелось увидеть девушек, о которых говорил Аванебих. Он сбежит, как только представится случай, но хорошо бы перед этим посмотреть на них...

Дворец – видимо, дворец Дерфара – прятался в глубине парка, среди раскидистых деревьев, усыпанных пышными кремовыми цветами, похожими на розы. Три этажа, далеко выступающие полукруглые балконы опираются на массивные колоннады, лестницы величаво изогнуты – и облицованы эти хоромы полированными плитами пейзажной яшмы.

За парком, на юге, прорисовывались на мокром жемчужном небе далекие горы. Кажется, Сургомский отрог Сорегдийского хребта.

Они поднялись по одной из широких боковых лестниц (Шанарчи со своими людьми приотстал, но шел следом), и за стеклянной дверью, в зале с белыми стенами, малахитовыми колоннами и сводчатым потолком, расписанным цветущими лианами по зеленому фону, их окружила толпа девчонок.

– Этого очаровательного молодого человека зовут Ник Берсин, – представил Дерфар цан Аванебих. – Ник наш гость из опасного и загадочного сопредельного мира. Прошу не обижать.

На самом-то деле их было всего четыре. Это вначале растерявшемуся Нику показалось, что целая толпа. Две племянницы Дерфара и две их подруги, все с приставками «цан».

Самую красивую звали Марина. Голубоглазая, с нежным румянцем на удлинённом овальном лице, светлые волосы медового оттенка до того густые и пышные, что берет сомнение – настоящие или нет.

Настоящие. В этом Ник убедился, когда Вимарса дернула ее за волосы – в шутку, но достаточно сильно. Эта же Вимарса ему сообщила, что Марина – метиска, ее мама тоже из сопредельного мира, метисы часто бывают очень красивыми.

Марина держалась спокойно и просто, как будто хотела смягчить впечатление от своей ослепительной красоты, чтобы у окружающих не было повода комплексовать. Зато Вимарса, худенькая, бледная, темноглазая, с живым насмешливым лицом, вилась вокруг нее, как вьюн, и шума производила за двоих. Наверное, и дернула специально, чтобы гость не подумал, что это парик.

Вимарса была среди них самая младшая – четырнадцать лет. Гладкие темные волосы подрезаны совсем коротко, даже до середины шеи не доходят, зато усыпаны сверкающими блестками.

Ник решил, что она постриглась, желая соригинальничать, – это, похоже, в ее характере, – но когда он рассказал о приключении на озере Нельшби, Вимарса призналась:

– Я недавно тоже... Сунула голову в окошко павильончика в парке. Служанки сказали, там что-то завелось, я и хотела посмотреть. Осталась без волос, а могла остаться без головы. Это был не пожиратель душ, мелкая тварь. Ничего, отрастут...

– Голова бы не отросла, – заметила Неллойг.

Она жила в Раллабе и не пропускала ни одного придворного бала. Полногрудая, с широкими бедрами и округлыми покатыми плечами, она двигалась, несмотря на свою полноту, легко и плавно. Вьющиеся рыжеватые волосы уложены, по столичной моде, в замысловатую прическу. Вначале она держалась по-взрослому, как безупречно воспитанная светская дама, что не помешало ей после обеда зажать Ника в темном углу и поинтересоваться, умеет ли он целоваться по-настоящему?

Больше всех ему понравилась Эннайп – тоненькая брюнетка с точеной фигуркой подростка, слегка раскосыми зелеными глазами и матово-белой кожей. Черты лица изящно-неправильные, и не сказать, что она красавица, зато во всем ее хрупком существе, от макушки до пят, угадывалась сильная индивидуальность – словосочетание избитое, но подходящее. Блестящие гладкие волосы собраны в хвост, который спускается ниже талии. Взгляд внимательный, испытующий, и сквозит в глубине зрачков что-то загадочное. «Ночная колдунья» – это определение пришло на ум само собой.

После ужина устроили танцы. Играл квартет музыкантов: струнные, илилхейский аналог флейты и покрытый алым лаком инструмент наподобие небольшого рояля.

Нику предложили выбрать даму, и он пригласил Эннайп. У него голова шла кругом, хотя вина он выпил немного, и оно было некрепкое. Словно ему снится сон – яркий, захватывающий, полный манящих подробностей. Наяву он не решился бы вот так запросто подать руку девушке вроде Эннайп.

Ее темно-красные губы, узкие, но красиво очерченные, дрогнули в улыбке. Она взяла его за руку, и только тут Ник спохватился: он ведь не умеет танцевать илилхейские танцы.

– Не бойтесь, это не сложно, – угадав, из-за чего он запаниковал, ободряюще прошептала Эннайп. – Это раванга, свободный танец, главное – двигайтесь в одном ритме со мной.

Под ее полуопущенными ресницами мерцала колдовская зелень.

Вимарса потащила танцевать Марину, а Неллойг осталась без пары. Это не очень ее расстроило: усевшись около вазы с конфетами (кажется, они называются «эсшафаны», что-то засахаренное – не поймешь, что именно), она с задумчивым видом брала их по одной и изящным движением отправляла в рот.

За большими арочными окнами стемнело. Незатейливая и ритмичная, с неожиданными минорными всплесками мелодия, да еще пряный, ночной аромат духов Эннайп – это совсем закружило Нику голову. Единственное, о чем он постоянно помнил: ни в коем случае не отдавать им кулон с Мардари-

ем. Если захотят отобрать силой – сопротивляться. А хватит ли у него твердости сопротивляться, если снять кулон с его шеи попытается Эннайп?..

Насколько он понял, племянницами Дерфару приходится Эннайп и Марина – значит, их и нужно опасаться в первую очередь.

– Я вижу, Ник уже освоился? – одобрительно заметил Дерфар (после ужина он куда-то исчез, но теперь вернулся и наблюдал за танцами, расположившись в кресле возле двери). – Ник, я сообщил заинтересованному лицу, что мы вас изловили. Вам передают привет, как принято у вас на родине. В течение ближайших двух-трех дней мы будем, как сумеем, развлекать вас... Устроим завтра экскурсию по Улонбре, у нас тут великолепный зверинец, один из лучших в Империи.

– Спасибо, – вежливо отозвался Ник. – Я бы еще хотел сходить в театр. Я слышал, здесь на гастролях знаменитая певица, ее зовут Энчарэл.

Очень кстати вспомнились претенциозные и грустные рассуждения соседки по купе. Во время экскурсии вряд ли подвернется возможность сбежать, но другое дело, если его привезут в театр... Там наверняка будет толпа народа.

Дерфар неожиданно легко согласился, но сказал, что для этого понадобится вечерний костюм, и послал кого-то звонить портному. Когда испугавшийся Ник спросил, сколько такой костюм будет стоить, Аванебих усмехнулся и небрежно махнул рукой: *нисколько*.

«Ага, это начало подкупа», – кисло отметил про себя Ник.

Снова заиграла музыка. Вимарса крикнула: «Дамский танец!» – и первая сцапала его за руку. Неллойг пригласила Дерфара, а Марина и Эннайп набрались на оставшиеся в вазе эшафаны.

После «дамского танца» Вимарса утащила Ника в угол за малахитовые колонны и принялась выяснять, кто из них больше всех ему понравился. Ник отмалчивался.

– Эннайп, я же вижу. А Марина красивей!

Думает, если она сама по-детски влюблена в Марину, так и весь мир должен разделять ее чувства.

– Эннайп, вообще-то, умная, – вздохнула Вимарса. – Ее готовят в переговорщицы. Он уже одобрил ее кандидатуру, и теперь ее будут всему учить. Для этой работы надо ведь не только ему понравиться, но еще много знать – о сырье, о месторождениях, о производстве, нельзя же обсуждать вещи, в которых совсем не разбираешься. И еще нужны железные нервы, хоть им и колют перед переговорами храт. Марина сказала, что она трусиха, поэтому не смогла бы. А из меня получилась бы переговорщица, я даже голову в павильон совала! Но я не из Аванебихов, так что мне не светит, – она состроила гримаску, а потом заговорщическим шепотом добавила: – Эннайп еще обязательно должна будет хоть раз переспать с ним, это у них традиция такая. Вот интересно, что она потом расскажет! Хотя, знаете, она скрытная, захочет – расскажет, не захочет – ничего не расскажет.

Ник из этого сумбурного потока сведений уяснил одно: у Эннайп уже кто-то есть, и это связано с ее будущей карьерой.

Сейчас, когда он смотрел сверху вниз на бледное выразительное личико Вимарсы, она тоже ему нравилась. В ее темных глазах плясали блестящие звездочки. Тонкая шея и выступающие из черного бархатного корсажа голые плечи казались полупрозрачными.

– Идите сюда! – окликнула их Неллойг. – Что вы там уединились? Ник, она вас не отпускает?

Дерфар цан Аванебих собственноручно откупорил еще одну бутылку игристого вина. Это как в кино про Джеймса Бонда, на мгновение протрезвев, усмехнулся про себя Ник. Только Джеймсу Бонду не приходилось спасать от злых людей заиньку...

– Завтра вечером все вместе поедem в театр, – разливая вино по бокалам, объявил Дерфар.

– А еще скоро Эглеварты приезжают, – усмехнулась Неллойг. – Тогда у нас будет не только театр, но еще и цирк.

– Я никогда не позволяю тем, кто не хочет знать свое место, самовыражать свое мнение, – жеманным барским голосом протянула Вимарса и вдруг заверещала пронзительно, как бензопила: – Ну, кто опять мой стул передвинул, это что такое?!!

Остальные засмеялись, и Ник вместе с ними: до того получилось похоже на Регину цан Эглеварт.

Разве что Дерфар не стал хохотать, но позволил себе тонкую, сочувствующую улыбку. Интересно, кому он сочувствовал: бывшему рифалийскому гарабу, его осмеянной супруге – или, может быть, Нику?

Неллойг припомнила, как Регина, когда была в императорском дворце, и присутствующие позировали знаменитому столичному фотографу, локтями отпихивала других дам, чтобы встать поближе к государыне. Все потом вспоминали об этом с оторопью, почти с ужасом: *такого* при дворе еще не было! А еще... А еще...

Ник отошел от развеселившейся компании в другой конец зала, к распахнутому в парк окну, присел на отполированный каменный подоконник. С наступлением темноты парк превратился в шелестящую черную массу, только крупные цветы на деревьях белели в лунном свете.

Миури права: Регина не имеет ничего общего с настоящей иллихейской аристократией. Настоящие над ней смеются, рассказывают о ней анекдоты, она оказалась в изоляции, и «понимает» ее только Мардарий. Зато ее муж, цан Эглеварт, обладает большой властью. Как выразился Дерфар? «Один из тех, чья просьба равносильна приказу». И Нику повезло оказаться у него на дороге.

Он заметил краем глаза, как Дерфар что-то сказал Эннайп, отозвав ее в сторону. Та стремительно повернулась, мелькнув черным хвостом, пересекла зал и подошла к Нику. В ее полуулыбке было что-то настораживающее, таинственное – словно приоткрытая дверь в ночной парк вроде того, что купается в лунном свете за окном.

Следом за ней подлетела Вимарса.

– Вам надоело слушать про это недоразумение из сопредельного мира, на котором женился трижды несчастный Ширгон цан Эглеварт?

– Я тоже из сопредельного мира, – напомнил Ник, подумав, что дискриминация здесь, пожалуй, все-таки есть.

– Да что вы, я же не в этом смысле! – Вимарса умоляюще стиснула руки и состроила виноватую мордочку. – Мы к ней так относимся не потому, что она иммигрантка. У Марины мама тоже из иммигрантов, но ее везде хорошо принимают, потому что она умеет себя вести. А Регина – это каждый раз такое

представление! Ширгону цан Эглеварту приходится платить прислуге двойное жалованье, иначе все разбегутся. Не обижайтесь! Хотите, я вас поцелую, чтобы вы не обижались?

Не дожидаясь ответа, она обвила шею Ника тонкими руками и прижалась губами к его губам, на мгновение просунув ему в рот быстрый влажный язычок. Тут же отстранилась, развернулась и умчалась обратно.

Ник не шевелился, покрасневший, возбужденный, смущенный, а Эннайп смотрела на него со своей непонятной полуулыбкой.

– Она еще маленькая, – сказала, наконец, Эннайп (видимо, поняла, что он теперь ни за что первый не заговорит). – Ник, мне бы очень хотелось задать вам один нескромный вопрос... Остальные не знают, почему вы здесь, но мне Дерфар сказал. Это моя привилегия – знать немного больше, чем другие, – она понизила голос. – Как получилось, что вы познакомились?

– С кем?

– Вы же понимаете, о ком я говорю, – уголки ее губ чуть приподнялись, так что полуулыбка превратилась в проницательную улыбку.

В другом конце зала раздался новый взрыв хохота.

– С Региной цан Эглеварт? – спросил сбитый с толку Ник. – В Рифале... А самого Эглеварта я вообще ни разу не видел и встречаться с ним не хочу. Редких животных надо не отстреливать, а держать в заповедниках. Я слышал, что грызвергов этих совсем мало осталось.

– Если это секрет, не говорите.

Чувствуя, что они, возможно, в чем-то друг друга недопоняли, Ник принужденно улыбнулся. Миури говорила, что у высокородных принято изъясняться уклончиво, полунамекками. А может, Эннайп хочет узнать, как он познакомился с «бродячей кошкой»? Ник рассказал ей: тут ведь никаких секретов нет, Миури его из Нойоссы забрала.

Появился пожилой слуга (держался он с аристократическим достоинством, но без той раскованности, какая была в Дерфаре цан Аванебихе) и сообщил, что прибыл портной.

Дерфар пошел вместе с Ником. В комнате, задрапированной синим переливчатым атласом, он с непринужденным видом откинулся в кресле, сцепив пальцы.

«Хочет убедиться, что кулон при мне», – понял Ник.

Лишь бы отнимать не полез... Он вряд ли сможет оказать достойное сопротивление: Аванебих наверняка обучен боевым искусствам, как принято у высокородных, и знает всякие приемы. Запросто отнимет.

До драки не дошло. Дерфар мирно наблюдал, как портной снимает мерки. Но, вообще-то, влиятельному цан Эглеварту, чьи интересы он представляет, нужен не сам кулон, а только содержимое – как в том мультфильме, где был рубин в чемодане. Вероятно, если Ник по-хорошему согласится расстаться с содержимым, его с кулоном потом отпустят на все четыре стороны.

Мардарий, конечно, та еще зверюга, но... почему они ни в какую не хотят обсудить эту тему с Миури?

Ник еще пару раз спрашивал, нельзя ли ему все-таки с ней связаться, и Дерфар неизменно отвечал «нет», мягко, но непреклонно, с тонкой снисходительной усмешкой. Значит, эти деятели заранее уверены, что с Миури им не договориться.

Когда вечерника закончилась и Ника повели в ванную, он заметил в конце ярко освещенного коридора неторопливо шествующую серую кошку. Это шанс... Пусть он не знает языка народа Лунноглазой – может быть, все же удастся растолковать этой кошке, что он попал в неприятности, и об этом обязательно должна узнать Миури?

Ничего не вышло. Дерфар, который даже в ванную отправился за компанию с ним, без труда прочитал все это у него на физиономии, что-то шепнул служанке, та подхватила кошку на руки и поскорей унесла.

Зато ванная была роскошная, и это еще мягко сказано. Нефритовый зал (облицовка поделочным камнем – для Иллихеи редкий шик), два бассейна, теплый и прохладный, зеркала от пола до потолка, душ в виде золоченого цветка, множество разноцветных ароматных флаконов. Ник решил, что это, видимо второй этап психологической обработки. Только напрасно стараются, не отдаст он Эглеварту заиньку.

Потом его проводили в спальню. По дороге навстречу не попалось ни одной кошки.

– Надеюсь, мы уже не так сильно боимся? – с покровительственной улыбкой осведомился Дерфар.

Ника немного раздражал его тон – словно разговаривает с ребенком или с девушкой – и временами хотелось в ответ нахамить, но он сдерживался. Благодаря своему московскому опыту существования вне сферы нормальных человеческих отношений он научился ценить, когда с тобой обращаются по-человечески. А раздражающие мелочи – всего лишь мелочи, у каждого свои индивидуальные недостатки.

Наконец его оставили одного. Уютную комнату освещал ночник из бронзы и радужного стекла – штукавина замысловатая, но красивая. По потолку извивались гирлянды нарисованных листьев.

Завтра он должен сбежать от гостеприимных Аванебихов. Дело Дерфара – сторона, а Эглеварт, вполне вероятно, будет разговаривать с ним по-другому. Значит, надо сбежать, не дожидаясь прибытия Эглеварта.

Если бы не реальная опасность, он бы охотно задержался здесь подольше. Девочки ему понравились, он чувствовал, что немного влюблен во всех четырех сразу. Подумав о том, что завтра он еще их увидит, Ник счастливо улыбнулся.

Одну из стен целиком скрывала искрящаяся в свете ночника складчатая штора. Отдернув ее, обнаружил стеклянную дверь. Неужели отсюда так просто выбраться?.. Не просто. Это он понял, когда вышел на балкон, и взгляд наткнулся на развалившегося в плетеном кресле парня в темной одежде, напоминающей костюмы ниндзя.

– Только не вздумайте прыгать, – приветливым тоном предупредил «ниндзя». – Внизу дежурят еще двое, а если вы сиганете и расшибетесь, нам отвечать.

Ник промолчал. Не больно-то и хотелось, все-таки третий этаж. Побег состоится завтра. Для кого в театре будет опера, а для кого – боевик с погоней.

Охота пуще неволи. Эту поговорку Ксават слышал от кого-то из иммигрантов. Кажется, от Марго – еще в ту пору, когда он жил в Хасетане и не был Ксаватом цан Ревернухом.

Ему пришлось раскошелиться на абонементы в Золотой зал, чтобы и у него, и у охотников была возможность свободно разгуливать по всем четырем зрительным залам. Сколько денег он на это угрохал – вслух лучше не говорить, а то в горле начинает клокотать, и хочется твердить, не останавливаясь: «Срань, срань, срань...» Потому что билеты в Золотой зал стоят дорого, а абонементы на все время гастролей Энчарэл – еще дороже.

Пошли втроем, Элизу с Виленом Ксават с собой не взял. Еще не хватало дармоедов по театрам водить.

Они делали вид, что не знают друг друга, но в антракте после первой части изрядно перенервничавший Ксават подошел в буфете к столику, где устроились охотники, церемонно извинился и спросил разрешения присесть – как было договорено заранее.

– Здесь он? – нетерпеливым шепотом осведомился Ревернух.

– Неизвестно, – Донат тоже говорил негромко. – Обратите внимание на тех двоих. Видите, около кадки с монстерой, один в пурпурном костюме, другой в бордовом?

– Думаете, кто-то их них? – поглядев на двух мужчин, остановившихся возле темно-зеленого растения с круглыми узорчатыми листьями (эту срань, говорят, завезли из сопредельного мира, как будто в Иллихее своей срани мало растет!), прошептал Ксават.

– Нет. Это Хевдо и Байнерих, наши, так сказать, коллеги. Как по-вашему, что они здесь делают?

И в прищуре, и в тоне Пеларчи было столько сарказма, что монстера под его взглядом должна была скукожиться и увянуть. Сразу видно, не жалуется конкурентов.

– Выслеживают ту же дичь? – предположил Ксават, отхлебнув горячего кофе.

– А как вы думаете, зачем?

– Известное дело, хотят его убить и стать Истребителями. Какую бы власти ни вели двойную игру, закон есть закон, и тому, кто его прикончит, положен титул и награда.

– Не угадали, – Донат желчно ухмыльнулся. – Они хотят выпить за его счет.

Ксават поперхнулся кофе, а когда откашлялся, только и смог выдавить:

– Как – выпить?.. Почему?..

– Это уже не в первый раз. Они слоняются там, где он может появиться, и стараются вычислить его среди публики, а потом подсаживаются и намекают, что надо бы угостить их за догадливость. Это не охотники – это позорище!

– Сброд, – процедил Келхар цан Севегуст.

– Срань, – согласился Ксават, впервые он был полностью солидарен с Келхаром. – Неужели у них нет денег на выпивку?

– Смотря на какую. На обыкновенную есть, конечно, однако тот, о ком мы говорим, может позволить себе «Яльс» или «Звездное молоко».

У Ксавата вырвался благоговейный вздох: речь шла о винах, которые стоят по несколько десятков «лодочек» за бутылку, ими угощаются самые богатые богачи раз-другой в год по большим праздникам. Сам он ни разу в жизни не пробовал ни «Звездного молока», ни «Яльса».

– Вот так эти процелыги и охотятся! – с неодобрением заключил Донат, тяжело глядя на охотников-ренегатов. – Идемте, Келхар.

Они выбрались из-за столика, скрылись среди публики. Незнакомые люди обменялись несколькими фразами и расстались – так это должно восприниматься со стороны. Ксават, впрочем, знал, что Пеларчи и Севегуст далеко не ушли: следят за ним, а также за теми, кто рядом с ним ошивается.

Театральный буфет располагался, как заведено, на круговом балконе над фойе, столик стоял возле перил, и Ксават мог сверху наблюдать, как два засранца, Хевдо и Байнерих, бродят в толпе, высматривая «дичь». Ему вспомнился рейд охотников по хасетанским ресторанам в тот памятный последний вечер: тоже, небось, искали Короля Сорегдийских гор, чтобы нажраться за его счет, а сколько было крутизны!

Он допил последний глоток кофе, раздраженно покосился на компанию золотой молодежи, оккупировавшую один из соседних столиков. Стройный русоволосый юноша и несколько девиц в бриллиантах и жемчугах угощаются мороженым. Ксавату хотелось отчитать их, сделать замечание (мол, в театр приходят музыку слушать, срань собачья, а не мороженое дегустировать), но он вовремя признал среди них Неллойг цан Пагривуст, которую видел в Раллабе – девка состоит в родстве с государыней, обласкана при дворе, такую попробуй тронь! – и не стал связываться.

А парнишка похож на мерзавца Ника... Ревернух, уже собравшийся было подойти к буфетной стойке и тоже потребовать мороженого, так и замер, встав, с приоткрытым ртом, когда разглядел, что это и есть Ник. Срань собачья, да что же это за дела творятся в Иллихейской Империи?..

Не иначе, этот кошкин стервец вымыл голову, чтобы продемонстрировать свою роскошную темно-русую шевелюру во всей красе! И вдобавок сменил мешковатую одежду путешественника на отлично сшитый вечерний костюм, синий с серебряным узором, подчеркивающий изящество ладной фигуры. Хорош мерзавец... Действительно, очень хорош, Клетчаб Луджереф в молодые годы и вполтину таким красавцем не был. А сколько вокруг него первосортных девах увивается... От зависти и злости Ксавата натурально скрутило, и это было ничуть не лучше, чем приступ подагры, даже еще больней.

– Прошу прощения, сударь, вам нужна помощь? – почтительно поинтересовался остановившийся рядом служитель в поношенном бархатном халате с вышитой пятицветной эмблемой улонбрийского театра.

– Нет! – с ненавистью прохрипел Ксават. – Это не мне нужна помощь, это иллихейской культуре нужна помощь, всему нашему обществу! Молодежь ходит в театр не пение слушать, а хихикать и флиртовать, как в ресторан! – он нарочно повысил голос, чтобы Ник со своими шлюшками это услышал. – Пустили сюда голодранцев из Окаянного мира, и теперь нашу культуру можно похоронить, потому что она разлагается и воняет! Вы чувствуете эту вонь?!!

Старая театральная крыса отшатнулась и юркнула в толпу бездельников, которых набежало в буфет так много, что кольцевой балкон того и гляди рухнет в фойе, на головы другим таким же расфуфыренным бездельникам. Ник и липнущие к нему бесстыжие аристократки, нимало не смутившись, продолжали кушать мороженое, словно не их сказанное касается. Где-то неподалеку, в этом же, как выражается Донат, «пространственном множестве», рыскал пожиратель душ, а охотники манкировали своим долгом, потому что на уме у них одна дармовая выпивка. И если бы кто сейчас подошел и сказал, что в подлунном мире есть справедливость, Клетчаб Луджереф в зенки бы ему на-

плевал!

Ник в первый раз был в иллихейском театре. Планировка не такая, как в земных театрах: сцена круглая, вроде цирковой арены, и к ней с четырех сторон примыкают, словно лепестки цветка, зрительные залы – Золотой, Красный, Голубой и Зеленый.

Ника привели в Золотой зал, самый шикарный из четырех: мягкие кресла, много позолоченной лепнины, потолок расписан сценками из жизни Девятирукого бога – здешнего покровителя театрального искусства.

Девочки от него не отходили, это и смущало, и в то же время было приятно, хотя Ник подозревал, что Неллойг, Марина и Вимарса видят в нем своего рода экзотическую игрушку. А Эннайп... Эннайп наблюдала за ним с настойчивым интересом, как будто хотела разгадать какую-то загадку. Несколько раз за сегодняшний день она пыталась уединиться с ним, однако остальные этого не допускали. Он слышал, как Вимарса возмущенным шепотом выговаривает: «Это нечестно! Думаешь, если ты переговорщица, так тебе всегда должно доставаться все самое лучшее в первую очередь?!» Что ответила Эннайп, он не разобрал. «Самое лучшее» – это, что ли, о нем? Наверняка смеются.

Дерфаровы «ниндзя», скорее всего, находились поблизости, но Ник их не замечал. Сам Дерфар сидел в компании джентльменов, изъяснявшихся на каком-то аристократическом сленге; Ник не понимал, о чем идет речь.

Красавица Марина представила его своей матери – миловидной светловолосой даме, Ольге цан Аванебих.

– Или Ольга Валерьевна, – улыбнулась та, перейдя на русский. – Я здесь уже двадцать два года. Ник, вы обязательно должны заглянуть к нам в гости и рассказать мне о перестройке, хорошо?

– А вы... – он запнулся, не зная, можно об этом спрашивать или нет.

– Я была бортпроводницей. Наш самолет летел из Иркутска во Владивосток, и начались неполадки в моторах. Нас поймали в воздухе. Там, наверное, долго искали обломки... Сначала я просилась домой, а потом вышла замуж за принца. Надеюсь, вы здесь уже освоились?

Раза два Ник улавливал, что в компании Дерфара говорят о нем, но больше ничего разобрать не мог. Во всяком случае, враждебного или пренебрежительного отношения он не ощущал.

Пока ничего плохого не происходит, но неизвестно, что будет потом, когда появится «тот, кого ждут». Сначала хранителя кулона попробуют подкупить – а после того, как это не сработает?.. Угрожают ли ему побои или пытки? Вопрос, насколько далеко готов зайти Эглеварт, чтобы избавиться от осточертевшего Регининога песика.

Акустика в улонбрийском театре была великолепная. Энчарэл, статная, рыжекудрая, в отороченной мехом белой хламиде и усыпанной драгоценными камнями маске, стояла в центре круглой сцены и поворачивалась то к одному, то к другому из четырех зрительных залов. Ее дивное сопрано было одинаково хорошо слышно повсюду. Возможно, иллихейцы использовали для этого какую-то магию.

Когда она пела, на слушателя накатывали сверкающие волны, и казалось, что сквозь тебя прорастают стебли странных цветов, и воздух пронизывали заблудившиеся звездные лучи, сплетались в узоры, которые на мгнове-

ние-другое твердели, а потом снова становились нереальными, уплывали в область сновидений. По крайней мере, так оно было для Ника. Он не смог сбежать ни с первой части, ни со второй, волшебное пение Энчарэл его завораживало – никаких «ниндзя» не надо.

Последний шанс – слинять отсюда во время второго антракта.

Девочки опять потащили его в буфет на длинном круговом балконе.

– Возьмем фруктовые коктейли! – объявила Вимарса. – Ник, вы какой хотите?

– Оранжевый.

Зрителям из Золотого зала не надо платить за угощение – это входит в цену билета. Оранжевый коктейль похож, наверное, на апельсиновый сок. Жалко, что так и не придется его попробовать.

Ник оглядел заполненное народом помещение. Ничего особенного. Это совсем как в Москве, когда ему приходилось добывать еду на вокзалах и в заведениях общепита. Алгоритм был такой: осмотреться – наметить путь к отступлению – схватить какую-нибудь недоеденную булку, оставленную на тарелке – и сразу рвать когти, пока не получил от местных оборванцев, которые считают эту точку своей. Обедками Ник давно уже не интересовался, но навыки, выработавшиеся за несколько месяцев голодной жизни, сейчас оказались кстати.

Если перепрыгнуть через перила – никаких гарантий, что он приземлится, не переломав ноги. Если вниз по лестнице и к парадному выходу – люди Дерфара его перехватят. Остается служебная дверь. Хотя бы вот эта, она уже несколько раз открывалась и закрывалась, туда уносят использованную посуду.

Ник метнулся к двери так стремительно, что вряд ли кто-нибудь успел что-то понять... Хотя, нет, «ниндзя» наверняка поняли, их не стоит недооценивать.

За дверью оказался неожиданно узкий коридор: под ногами тусклая желтоватая плитка, стены выкрашены темно-розовой масляной краской, на потолке полустершаяся роспись, напоминающая арабески. Глазеть сейчас на нее – верный путь в лапы к Эглеарту, жаждущему свернуть шею зайнице и скомпрометировать Ника и Миури перед заказчицей.

Граненые стеклянные плафоны светили неярко, словно нехотя. Из боковых проемов доносились голоса, плеск воды, звяканье посуды. Позади хлопнула дверь... Но Ник уже заметил за очередным проемом лестницу. Слетев вниз, чуть кого-то не сшиб, машинально пробормотал извинение.

Топот наверху. Коридор плавно заворачивает, возле приоткрытой двери – белое облако не то пудры, не то крохотных мотыльков. За низкой аркой слева промелькнуло знакомое фойе.

Ник свернул в другой коридор. По обе стороны темные дверцы стенных шкафов (он открыл одну, другую, третью – сплошь полки с коробками), и на всех таблички; некогда читать, что там написано. Фиолетовый потолок с потускневшими золотыми разводами, это ж надо... Позади – определенно звуки погони.

Добежав до конца, он рванул створку центральной двери. Заперто. А боковая – треснутое рифленое стекло – открылась сразу. Лестница уводит вверх, на второй этаж, туда ему не надо, зато запахнутое в темноту окно – это в самый раз. В углу, под лестницей, обнималась парочка, Ник заметил их мельком, пе-

ред тем как выпрыгнуть наружу.

Теплый лиловый вечер. Окружающее пространство залито светом вычурных фонарей. Продравшись через душистый кустарник, Ник стремглав бросился в малоосвещенный переулочек. На секунду оглянулся на здание театра – монументальное, округлое, похожее на собор.

Он свободен. Теперь надо выбраться из Улонбры.

Ксават цан Ревернух не тупак, поэтому раньше всех допер, что происходит. Видать, Ник не так прост, как поначалу казалось, и задумал, втершись в доверие к аристократам, то ли что-то у них стащить, то ли какую аферу проверить – короче, нажиться. Наглый молодой прохвост, еще не битый цепняками, не обломанный жизнью и уверенный в том, что ее величество удача будет сама за ним бегать, как все эти холеные высокородные соплячки в бриллиантах.

Зависть стала нестерпимо острой, словно Ксавата резали по живому. Он, старый матерый мошенник, вынужден притворяться законопослушным тупаком, а этому юнцу можно жить так, как душа пожелает! Эх, был бы под рукой нож, и не слонялось бы вокруг столько свидетелей...

Зато, когда Ник сломя голову кинулся к служебному входу, Ксават опять же первый сообразил, в чем дело. Сорвал у кого-то из девок или брошку, или колье – и только его видели! Ловок, ничего не скажешь.

– Держите вора! – гаркнул Ксават на все фойе. – Туда побежал!

В театре, как обычно при таком скоплении публики, дежурили цепняки, и они сразу ломанулись за Ником.

– Догоните и наподдайте! – торжествуя в душе, крикнул им вслед Ревернух.

Хорошо, когда ловят не тебя... Девчонки, которые были с Ником, взახлеб тараторили, тут же какие-то знатные господа отдавали распоряжения.

– Что он спер? – протиснувшись поближе, полюбопытствовал Ксават.

Профессиональный интерес. Простительная слабость.

– Вы о чем? – раздраженно бросил грузный пожилой мужчина, стоявший вполборота.

Невежливо этак, словно лакею или мелкому чиновнику, забывшему свое место.

– Да я интересуюсь, что парень украл! – огрызнулся Ксават. – Это ж я первый крикнул «держите вора!» Считай, переполох поднял в вашу пользу.

– Кто вас спрашивал?! – неожиданно рассвирепел грузный.

– Вот оно, окажешь услугу скверно воспитанным людям, так после сам не рад будешь! Сранью отблагодарят... Между прочим, те, кого обокрали, всегда на восемьдесят процентов сами виноваты, это общеизвестно. Что, какую-нибудь драгоценную финтифлюшку унес?

– Я уже послал людей, господин Аванебих, – вклинился важный полицейский чин в затканном блестящим шитьем мундире. – Мы его поймаем.

– Хе-хе, если догоните, – негромко заметил Ксават.

– Да заткнитесь, вы, клоун ушибленный! – рявкнул, перекрыв гомон толпы, грубиян-аристократ.

– Сами заткнитесь, сами орете, как клоун в балагане!

Тот повернулся – и Ксават, наконец, увидел, с кем он, собственно, имеет честь разговаривать. Варсеорт цан Аванебих, стальной магнат, один из пятнадцати высочайших советников его императорского величества. Похож на

обрюзгшего борца-тяжеловеса, на угрожающе крупных пальцах сверкают перстни, заплывшие водянистые глаза тоже бешено сверкают. У Ксавата слова застряли в горле. И надо же было так оплошать... Завел, срань собачья, полезное знакомство!

– Нодорчи, никто ничего не украл, – обратился к цепняку Арвад цан Аванебих, Столп Государственного и Общественного Благополучия города Улонбры и окрестных земель. – Это не криминальное дело, а частное. Произошло недоразумение, размолвка между молодежью...

Он оглянулся на девушек. Одна из них, тоненькая черноволосая стервочка, согласно кивнула.

– Так что ничего из ряда вон выходящего не случилось, – заключил гараоб, снова повернувшись к полицейскому начальнику.

– Значит, ловить этого парня не надо? – уточнил тот.

– Надо, – буркнул Варсеорт (такой человек – не срань собачья, ему позволено быть невоспитанным!). – Когда поймаете, сразу доставьте к нам, понятно?

Цепняк отвесил короткий уставный полупоклон.

– И чтобы на нем не было ни одного синяка, – это Дерфар цан Аванебих, опаснейшая сволочуга. – Вы, Нодорчи, лично за это отвечаете.

Нодорчи снова поклонился и ринулся вдогонку за своими подчиненными – проинструктировать. Ксават от души понадеялся, что он не успеет, и те как следует наломают мерзавцу Нику, ежели поймают.

А теперь протиснуться бочком, смешаться с толпой, исчезнуть, пока внимание Аванебихов не переключилось на Ксавата цан Ревернуха... В отличие от молодого и глупого Ника старый вор Клетчаб Луджереф умел исчезать незаметно, без шумихи. Ум, что называется, на рынке не купишь.

Уже отступив за чужие спины, он услышал, как гараоб озабоченно произнес:

– Надеюсь, наши люди опередят полицейских.

Варсеорт что-то невнятно прорычал в ответ и после спросил:

– А где этот?..

Но «этого» уже не было рядом.

Пока провонявшее бензином и дешевым одеколоном такси тащилось по вымощенным белой брусчаткой вечерним улицам, Ксават думал попеременно то о приятном, то о неприятном.

Приятное: молодой прохвост облажался. Судя по всему, родовитые и богатые цан Аванебихи собирались женить симпатичного парнишку на одной из своих девок и принять в семью, такое иногда практикуется. «Имперская программа по борьбе с вырождением аристократии», как острят на свой лад иммигранты. Этому Нику подвалила везуха, о какой великое множество илихейских граждан даже мечтать не смеет, а он позарился на блестящую побрякушку и сам себе нагадил. Аванебихи, понятное дело, кражу отрицают, чтобы замять скандал.

Неприятное: Ксават цан Ревернух тоже облажался. Угробил свою карьеру. После того как он публично облаял высочайшего советника Варсеорта цан Аванебиха, в Раллаб можно не возвращаться, все равно со службы вышвырнут.

Однако... Если Донат Пеларчи убьет свою дичь, расклад в верхах, возможно,

изменится. Аванебихи в силе, потому что владеют промышленными предприятиями, сырье для которых добывают в недрах Сорегдийского хребта. С Королем Сорегдийских гор они закадычные друзья, в благодарность за доступ к месторождениям выполняют все его прихоти. Клетчаба Луджерефа они бы ему из-под земли достали и преподнесли, перевязанного красивой ленточкой – если бы знали, хе-хе, кого доставать. Но ежели окаянную тварь истребят, ихнее незыблемое благополучие скоро обрушится, и еще много чего обрушится... Времечко наступит смутное, как в сопредельном мире – в самый раз для Клетчаба.

Но пока все по-старому, Улонбра принадлежит Аванебихам, и Ксават должен обратиться отсюда, не мешкая, нынче же ночью.

Громадный серп цвета топленого молока то прятался за угловатыми черными зданиями, то опять выглядывал, наблюдая за Ником.

Он сворачивал туда, где потемнее, и в конце концов его занесло то ли на окраину, то ли в один из тех запущенных кварталов, какие попадаются в больших городах, иногда в двух шагах от оживленных улиц, как затянутые ряской стоячие пруды в ухоженных парках.

Вокруг домов беспорядочно теснился кустарник, желтый свет редких фонарей выхватывал из темноты фрагменты старых щербатых стен, оплетенных не то плющом, не то лианами – чем-то ползучим. Под ногами шныряли, тихо шурша, пылевые плавуны, похожие на сухие ветки, и Ник опасался на кого-нибудь из них наступить. Хотя они верткие, захочешь поймать – не поймашь.

Потом заскрипела дверь – заунывный протяжный звук, словно кто-то попытался разорвать неподдающийся ночной гобелен – и на кособокое крыльцо дома по правой стороне улицы вышел молодой парень.

– Эй, ты чего здесь ходишь? – спросил он, глядя на Ника сверху вниз.

– Я заблудился.

Ник хотел выяснить, как добраться до вокзала, но передумал: там его наверняка поджидают.

– Хороший у тебя костюмчик, – ухмыльнулся парень. – Меняемся?

– На твой? Хорошо, давай, поменяемся.

Он не испугался. Наоборот, обрадовался возможности решить хотя бы одну проблему. Он уже думал о том, что стоит переодеться.

Деньги, кроме нескольких мелких купюр, лежат в специальном дорожном поясе, спрятанном под одеждой (на этом настояла Миури), кулон тоже спрятан под рубашкой. А дорогой вечерний костюм с серебряным шитьем – ориентир для преследователей, от него надо избавиться.

При других обстоятельствах Ник растерялся бы, но сейчас сразу начал расстегивать «вельджен» – так, кажется, называются парадные куртки этого покроя. Его самообладание сбило парня с толку. Тот привык, что припозднившиеся прохожие, услышав такое предложение, пугаются. Мозги с натугой заработали и нашли объяснение: раз не струсил – значит, «свой».

– Так ты спер этот костюмчик?

– Не то чтобы спер, но он не мой. Дай мне что-нибудь взамен.

Парень стащил куртку, повесил на перила с погнутыми металлическими прутьями.

– Подожди, штаны другие принесу.

Пока он ходил за штанами, Ник перебросил элегантный «вельджен» через перила, надел чужую куртку. Немного великовата. Синяя шелковая рубашка тоже могла бы понравиться аборигену, но при слабом освещении тот ее как следует не рассмотрел.

Брюки оказались коротковаты, а в поясе, наоборот, широкие, того и гляди свалятся. Тесемки, пришитые к штанинам с боков, на манер лампас, местами болтались, полуоторванные. Заметив это, Ник одну отодрал и завязал волосы в хвост (за эти два с половиной года он отрастил длинные, по иллихейской моде).

Решив, что по городу сейчас лучше не блуждать, а то или погоня настигнет, или ограбят по-настоящему, он до утра отсиделся в покосившейся деревянной беседке, полускрытой разросшимся бурьяном, которую заметил в одном из проходных дворов. Под утро продрог, хотя ночи здесь теплые – не то что в Москве в ноябре-декабре.

Когда Улонбра проснулась и на улицах появились прохожие, Ник тоже выбрался из своего убежища. Купил в первой попавшейся галантерейной лавке солнцезащитные очки. После завернул в магазин дешевой одежды, потому что куртка оказалась грязная и воняла чужим потом, а штаны съезжали на бедра.

– Переселенец? – улыбнулась продавщица, заспанная желтоволосая женщина средних лет. – Мужчины-переселенцы всегда берут темные однотонные вещи, и акцент у вас характерный.

Ник понял, что с головой себя выдал, но идти на попятную поздно. Если попросить костюм другого цвета, что-нибудь бордовое или бирюзовое, как любят иллихейцы, сразу станет ясно, что он от кого-то прячется и запутывает следы.

Улонбра – достаточно большой город, они просто не успеют проверить все магазины... Ник на это отчаянно надеялся.

В дополнение к темным очкам он сутулился, чтобы меньше быть похожим на себя. Приходилось специально за этим следить, вдобавок плечи и мышцы спины с непривычки ныли.

Переоделся Ник в общественном туалете. В иллихейских туалетах кабины просторные, размером с купе в земном поезде, и в каждой отдельный умывальник с зеркалом. «Выменянную» одежду свернул и выбросил на улице в мусорный бак. Купил в газетной лавке иллихейский атлас карманного формата, наметил кружной, с отклонением на север, маршрут до Макиштуанского княжества.

От идеи телеграфировать Миури он отказался. Пусть участвует в своих мистериях, незачем дергать ее по каждому поводу. Несмотря на бессонную ночь, он чувствовал себя бодрым и готовым ко всему. Его до сих пор не поймали, так что все о'кей.

Полдень застал его в вагоне междугородного трамвая, который на приличной для трамвая скорости тащился мимо огородов, виноградников и залитых водой плантаций с какими-то злаками на северо-запад, в Эвду, через каждые пятнадцать-двадцать минут делая остановки в деревнях.

Цветные дома с черными или темно-коричневыми балками. Группы деревьев, издали похожих на пальмы – именно что похожих, их голые стволы вместо жестких перистых листьев увенчаны зонтиками длинных ветвей с мелки-

ми листочками. Обнесенная забором лужа, на заборе черно-красные знаки, предупреждающие об опасности, из лужи торчит осока да еще верхняя часть полузатопленного автомобиля. Нарядная часовня с позолоченной фигуркой трапана на коньке трехъярусной крыши – святилище Ящероголового.

Ник то смотрел в окно, то дремал. На нескольких остановках в вагон заходили полицейские – местные, деревенские ребята, лениво оглядывали пассажиров и уходили, не обратив внимания на худощавого сутулого парня в темных очках. Наверное, отправлялись рапортовать по телефону улонбрийскому начальству, что разыскиваемого субъекта в трамвае не обнаружено. Страшно подумать, как им влетит от Дерфара с Эглевартом, если потом все-таки выяснится, что они его видели, но упустили.

В сумерках Ник прибыл в Эвду, небольшой городок в преддверии малонаселенного заболоченного края. Следующий пункт – Слакшат. Туда можно доехать поездом, вокзал находится рядом с трамвайным кольцом.

Очки пришлось снять и убрать в карман: стекла у них оказались такие, что при плохом освещении видишь все как будто сквозь мутную воду. Сутулиться Ник тоже перестал – какой в этом смысл, если лицо не замаскировано?

В атласе было написано, что население Эвды – около 10 000 человек, но язык не повернулся бы назвать ее захолустьем. Привокзальные улицы ярко освещены, работают магазины, лавки, кафе, трактиры, вывески обрамлены разноцветными лампочками, повсюду царит оживление.

Ник поужинал в маленьком кафе, где было поменьше народа, потом побрел по улице, стараясь держаться в тени. Касса на вокзале уже закрыта, слакшатский поезд пойдет через Эвду только послезавтра. Переночевать придется где-нибудь под кустом (сунешься в гостиницу – поймают), но это его не пугало.

Он с любопытством рассматривал вычурные декадентские фонари, статую обнаженной женщины с мощными бедрами, большим животом и грудью чудовищных размеров (это не эротическая скульптура, а культовое изображение Прародительницы – одной из Пятерых), похожие на громадные лестницы-стремянки насесты для трапанов, торчащие из-за увитых плющом оград приземистых особняков с плоскими крышами.

Ему было почти весело. После удачного бегства из Улонбры он чувствовал себя авантюристом, которому все нипочем, и предвкушал, как будет рассказывать Миури о своих приключениях. Мистерии в Олаге начнутся в ночь полнолуния, а сейчас «бродячая кошка» участвует в подготовительных обрядах. Ну и нечего ей мешать. С доставкой кулона в Макишту Ник справится самостоятельно.

Регина с ее зайнкой, может, и не стоят таких стараний, но само по себе путешествие получилось интересное и, в общем-то, не слишком опасное. Он уже познакомился с целой компанией красивых девушек, побывал в улонбрийском театре, услышал самую знаменитую в Иллихейской Империи певицу – и вдобавок ушел от погони, совсем как герои американских фильмов.

Кривой, словно вопросительный знак, переулок привел его к булыжной площадке с белокаменным фонтанчиком, в котором вместо воды росла трава. На площадку выходили окна двух или трех трактиров, застекленные леденцово-розовыми ромбиками. Некоторые окна были распахнуты настежь, изнутри доносились голоса, музыка, хриловатое пение.

– Ник!

Услышав свое имя, он вздрогнул, настороженно повернулся, готовый кинуться обратно в переулок (убегать уже вошло в привычку) – и увидел Элизу.

– Привет!

– Привет. Ты в бегах?

– Откуда ты знаешь?

– Ну... – она замялась. – Я слышала о том, что было в театре.

– Ага, я сам не рассчитывал, что смоюсь от них так круто, как в кино, – Ник улыбнулся.

Элиза смотрела отчужденно, без улыбки.

– Я не думала, что ты такой.

– Какой – такой?

– Ксават рассказал, что в театре ты у какой-то девушки сорвал драгоценность и сбежал, тебя хотели задержать, но не догнали.

Ник оцепенел. Потом, после беспомощного молчания, пробормотал:

– Но это не так... Они хотели меня задержать, потому что я выполняю поручение, а им сказали меня задержать! Я не брал никакую драгоценность.

– Ксават говорит, тебя полиция ищет.

– Я ничего не срывал.

А толку оправдываться... Видимо, Аванебихи решили обвинить его в краже – грязные приемы во всех мирах одинаковы. Поверят, разумеется, им, а не Нику, и доказать он ничего не сможет.

Вероятно, ему предложат компромисс: дело закроют, если он согласится отдать Эглеварту грызверга.

Его начало подташнивать, ноги обмякли. Если бы сейчас из-за угла появились преследователи, он бы вряд ли смог убежать.

Даже при условии, что эту историю впоследствии замнут, его все равно будут считать вором.

– Я этого не делал, – повторил он, не надеясь переубедить Элизу.

Пластилиновая страна, потерявшая всю свою привлекательность, на глазах выцветала, деформировалась, темнела, так что по сторонам лучше не смотреть. Ник почувствовал, что рискует свалиться в обморок – он знал симптомы, в Москве это несколько раз случалось с ним от голода.

– Честное слово, я ничего не украл.

Эвда похожа на Хасетан. Архитектура, деревья, мостовые, запахи – все другое, однако похожа. Особой атмосферой, как сказали бы иммигранты из Окайянского мира. Здесь тоже постоянно толчется приезжий народ, и каждый пятый-шестой – из людей шальной удачи. Полно питейных и игорных заведений, веселых девиц тоже хватает. Ну и местное население предприимчивое, своего не упустит: зазеваешься – без последних штанов останешься.

Это потому, что Эвда – вроде как пограничный город. Дальше на северо-запад простираются заболоченные земли Шанбарской низменности, в стародавние времена проклятые, по слухам, и Пятерыми, и всеми прочими, у кого был мало-мальский повод проклинать этот злосчастный край. Вследствие такой концентрации проклятий расплодилось там всякая дрянь.

Несмотря на это обстоятельство, люди в Шанбаре живут. Целый город есть – Ганжебда, которая от Эвды или Хасетана отличается так же, как обжигающая глотку сигга – от приятного игристого вина. Туда бегут от правосудия

преступники. Там проводятся запрещенные законом гладиаторские бои. Цепнякам там лучше не появляться. В самом сердце Иллихейской Империи находится довольно обширная территория, которая Империи, считай, не подвластна. А нечего было проклятиями швыряться!

Ксават и радовался втайне такому положению вещей, и возмущался вопиющим безобразием, причем оба чувства были искренними.

В Ганжебде он однажды побывал, она ему не понравилась. Только психу там понравится. Эвда – другое дело. Здесь его каждый раз одолевала ностальгия, а сегодня он еще и знакомого встретил.

Знакомый не знал, что они знакомы. Кальдо, шулер-гастролер из Хасетана, постаревший, отрастивший брюшко и поднабравшийся светских манер – ни дать ни взять мелкий дворянин. Видимо, таковым его и считал высокородный Шеорт цан Икавенги, богатый бездельник с холеным морщинистым лицом и фигурно выбритыми бакенбардами, который не иначе как собирался в Ганжебду за острыми ощущениями.

Этот высокородный Шеорт раздражал Ксавата до скрежета зубовного. Ему хотелось, не раскрывая инкогнито, поболтать с Кальдо о Хасетане (мол, когда-то бывал там), может, даже сыграть с ним в пирамидки на небольшую ставку – посмотреть, кто кого перехитрит. Так нет же – Шеорт думал, что изрядно осчастливил их обоих своим обществом, и захлеб делился дорожными впечатлениями.

Они сидели в одном из типичных эвдийских трактиров, грязноватом, но с отменной кухней, здесь умели готовить острые блюда, и вино было приличное. Охотники заняли позицию в соседнем трактире, готовые вмешаться в развитие событий, ежели объявится дичь.

Ксават то задавался вопросом, не может ли Шеорт цан Икавенги оказаться вышеозначенной дичью, то измышлял способ спровадить высокородного тупака, чтобы без помех пообщаться со старым корешем. Икавенги, не замечая его внутренних мук, напыщенно рассуждал о «провинциальном очаровании Эвды» (что бы он понимал в здешнем очаровании!), а Кальдо с назойливостью шулера-профессионала пытался раскрутить обоих на игру в пирамидки.

– О, смотрите, какая красивая провинциальная парочка! – воскликнул Шеорт. – Конфетка, а не парочка!

Подозрения крепки: Банхет, пока не обнаружил свою истинную сущность, был такой же восторженный.

– Вон, за окном, – добавил Шеорт со сладострастной улыбочкой.

Ксават посмотрел в окно – и увидел там срань собачью. То есть Элизу с Ником.

Объясняются... Ник, волнуясь, что-то говорит, Элиза слушает как будто с сомнением, но постепенно смягчается. Падающий из окон розоватый свет озаряет дрянную площадку с заросшим фонтаном, словно театральные подмости (разгильдяйство, неужели ни у кого руки не доходят траву из фонтана выдергать?), и лица молодых людей кажутся фарфоровыми. Может, для Шеорта цан Икавенги это и «конфетка», а для Ксавата – форменная срань, которую надо поскорее пресечь.

Элиза серьезно кивнула, и они пошли прочь со сцены, пропали из поля зрения. Уломал, мерзавец, сейчас она ему даст!

Процедив, что у него, мол, важные дела, Ксават швырнул на столик деньги

за ужин (он всегда честно оплачивал все счета, срань собачья, чтобы не допускать никаких подозрений, хоть и злился при этом неимоверно) и направился к выходу. Нашли тупака. Он им покажет. Не на того напали.

Долго искать не пришлось. Ксават обнаружил их, завернув за угол соседнего дома, в котором тоже помещалась забегаловка, а на втором этаже – бордель.

– ...Подойди к любому «бродячему коту» или к «бродячей кошке», скажи, что помощник сестры Миури просит его выслушать и ждет снаружи. Спасибо, что согласилась помочь.

– А если они спросят, почему ты сам не зайдешь?

– Скажи, что я все объясню.

– А если то, а если се! – прорычал Ксават, выступая из темноты. – А если девушка перед каждым юбку задирает, ее называют шлюхой и выгоняют со службы!

Элиза отшатнулась и сжалась.

– Марш в гостиницу, и чтобы выходить оттуда больше не смела! Работать не хочешь, путаешься с кем попало, дура душой...

– А вы не смейте ее оскорблять! – ломким от напряжения голосом произнес Ник и шагнул вперед, между Элизой и Ксаватом.

– Тебя здесь не спрашивают, сопляк вонючий, голодранец, вор, срань собачья...

Удар в скулу, неожиданно сильный, помешал Ксавату высказаться до конца.

– Ты со мной драться?.. – ощерился Клетчаб Луджереф – и вернул удар, так что парень отлетел к выбеленной кирпичной стене.

Элиза вскрикнула.

– Не надо! Слышите, не надо из-за меня, перестаньте!

Дура девка. Решила, из-за нее... Да она тут – последнее дело, она кому-то нужна не больше, чем срань собачья, которая валяется вон там под кустиком. Ксават дерется из-за себя – за свое достоинство, за то, что о нем люди подумают и скажут, за превосходство над молодым и наглым конкурентом. Но женщины никогда не понимают таких вещей.

Мальчишка драться не умел. Голову прикрывал – еще куда ни шло, и то его выручала неплохая реакция, а не боевая сноровка. Ревернух мог его голыми руками убить, ежели бы это происходило не в Эвде, а в Ганжебде, куда цепнякам путь заказан.

Вот тебе, по роже – за то, что такой молодой и красивый! Рожа-то распухнет... А под дых – за то, что в театре вокруг тебя столько девок вертелось! Получай по заслугам! Получай!

Ксавата бесило, что этот паршивец не спешит унести ноги, а снова и снова кидается на рожон. Ну, сам виноват... Получай! В конце концов Ник беспомощно привалился к забрызганной кровью беленой стене, лицо и куртка тоже в кровище. Ага, посмотрим, как теперь за тобой девки побегают!

– Пошли! – бросил Ксават Элизе, распустившей нюни. – И скажи спасибо, что я успел, а то нашли бы тебя, дурищу, ограбленную, с перерезанным горлом...

Она всхлипнула, но ослушаться не посмела. Как миленькая, пошла с ним в гостиницу, где Вилен в одиночестве корпел над картотекой для отчета.

– Ничего не перепутал? – проворчал Ксават, все еще злой после драки (по-

беда была неполной, он паршивого сопляка жестоко избил, но так и не сломал).

– Нет, нет, я все на два раза проверяю, – Вилен испуганно захлопал белесыми ресницами. – Господин цан Ревернух, осторожно, не трогайте карточки, у вас кровь капает!

Вот срань собачья: пока бил Ника, поранил себе руку. Порез на тыльной стороне кисти. Сам не заметил, а боль почувствовал только сейчас, после того как Вилен об этом сказал. Наверное, на куртке у засранца какая-нибудь декоративная металлическая финтифлюшка с острым краем, вот и оцарапался.

– Найди бинт, руку мне перевяжешь, – сердито велел Ксават Элизе. – И шевелись поживее. Из-за тебя пострадал...

После драки Ник занялся тем, что следовало сделать с самого начала – прикинул, насколько велики его шансы доказать свою невиновность.

Почти сто процентов.

В Иллихее жизнь не сахар: здесь и нечисть кишмя кишит, так что охотники не успевают ее отстреливать, и коррупция есть, и уголовщина, но здесь практически невозможно оказаться безвинно осужденным. Разве что сам захочешь.

Во-первых, существуют Зерцала Истины. Их несколько штук на всю Империю, но по закону каждый, против кого официально выдвинуто какое-либо обвинение, имеет право ходатайствовать о дознании перед Зерцалом. Во-вторых, можно потребовать Суда Пятерых, это как Божий суд у некоторых народов на Земле – тоже, говорят, безотказный способ. В-третьих, среди жрецов, в том числе среди служителей Лунноглазой, есть телепаты.

Услышав от Элизы, что его обвиняют в грабеже, он перепугался, поддался эмоциям, а напрасно. Здесь тоже случается всякое, но не до такого беспредела, как дома.

Аванебихи рассчитывают, видимо, на эмоциональную реакцию. Вспомнив, как оно бывает у него на родине, Ник струсит, растеряется и отдаст грызверга – а потом можно будет пойти на попятную, сказать, что произошло недоразумение. Его просто хотят взять на испуг! Кроме того, заявление о краже драгоценности заставит полицию проявить побольше расторопности.

Ник даже усмехнулся, хотя ситуация была та еще: один в незнакомом городе, избитый, ушибы ноют, нос расквашен, лицо, куртка и руки в липкой крови, переночевать негде. И надо прятаться от полиции.

Он неосторожно вышел на освещенный перекресток, и к нему сразу двинулись двое стражей порядка, сверкая галунами в желтом свете фонарей. Ник поскорее отступил в темноту, полицейские – за ним. Он сворачивал, куда попало, не реагируя на окрики, потом заметил дыру в заборе, протиснулся внутрь и оказался в гуще колючего кустарника. Что-то вроде шиповника, но аромат другой – пряный, кондитерский, напоминает корицу.

Полицейские остановились возле лаза.

– Он там. Оттуда нет другого выхода, никуда не денется.

– Почему ты знаешь?

– Как тебе сказать... Я там был по нужде.

– Некультурный ты, Чарста, для тебя за каждым углом сортир. Давай, лезь за ним, это парень, который нужен Аванебихам. Я не такой тощий, а ты про-

лезешь.

Молчание. Ник озирался, ища хоть один просвет в черной массе пахнущего корицей кустарника.

Второй полицейский повторил:

– Лезь!

– погоди. велели брать его без синяков, а если мы его такого притащим... На нас ведь подумают.

– Так он скажет, что это не мы его.

– А если скажет, что мы? Если он начнет сопротивляться, и мы применим силу, потом уже никакое Зерцало не разберет, где наша работа, а где не наша. Может, мы с тобой его не видели?

– Это не дело, – напарник Чарсты, на беду, оказался принципиальным. – Лучше постереги, а я схожу, позвоню ребятам Аванебихов. Пусть сами его берут.

Такой вариант устраивал всех, кроме Ника. Впрочем, капитулировать он не собирался. Дождавшись, когда второй полицейский уйдет, он в отчаянии начал продираться напролом через кусты, стискивая зубы, когда шипы царапали кисти рук или шею.

– Стой! – крикнул позади всполошившийся Чарста. – Не ходи дальше, туда нельзя!

Ник его не послушал и в конце концов выбрался к одноэтажному особняку с заколоченными окнами, облитому молочным светом большого илликхейского месяца. С другой стороны от особняка ограда была металлическая, узорчатая, за ней виднелась улица. Ник направился туда через заросший бурьяном двор, и тут в доме запели хором тоненькие голоса.

Он остановился, удивленный. Чарста за стеной кустарника что-то кричал – вроде бы слезно просил его вернуться, не губить свою молодую жизнь и не подводить хороших людей под служебное взыскание.

А в оконном проеме, за досками крест-накрест, что-то шевельнулось. Оттуда высунулась огромная пухлая пятерня – размером с автомобильное колесо, не меньше – и каждый палец увенчан кукольной головкой, они-то и пели тонкими жалобными голосами.

Ник остолбенел. Потом опомнился, бросился к ограде, забыв о боли, в два счета перемахнул на ту сторону. Заметил краем глаза предупреждающий знак на решетке. У него не было времени осматриваться и читать таблички. Он петлял, сворачивал из одной улицы в другую. Дыхание сбивалось, голова кружилась, и месяц над темными крышами дрожал, словно отражение в воде – а может, он и был отражением?

Знакомые места. Здесь Ник уже был. Сделав крюк, он снова очутился в окрестностях вокзала.

– Эй, молодой человек!

Голос Ксавата цан Ревернуха. Ник вздрогнул, но, оглянувшись, увидел седого мужчину с пышной встопорщенной бородкой. Незнакомый. Просто голос похож.

– Это не ты искал «бродячих котов»?

– Я, – настороженно признался Ник.

– Тогда пошли со мной, отведу к ним. Я служу в почтовой конторе, знаю ихний адрес.

– Спасибо.

Провожатый всю дорогу сердито ворчал, ругал местные власти, полицию, которая не может навести порядок, плохое освещение. В одном из переулков он остановился перед двухэтажным домом с полуколоннами по обе стороны от двери и темной вывеской:

– Сюда завернем. Тут аптека. Тебе надо умыться, а то нехорошо в таком виде приходить к святым людям.

Окна светились, но покупателей в маленьком помещении не было. За прилавком сидел в кресле аптекарь, толстый, лысый, с непроницаемыми умными глазами старого шахматиста. Седой что-то шепнул ему, и Ника провели в грязную туалетную комнату с умывальником.

Когда он, кое-как смыв кровь и пригладив мокрые волосы, оттуда вышел, аптекарь протянул ему кружку:

– На, выпей. Это общеукрепляющая микстура, а то тебя как пьяного шатает. Напиток был теплый, с горьковатым полынным привкусом.

«Теперь за все поплатишься, сопляк паршивый, а я еще и деньжат огребу!»

Дождавшись, когда взгляд Ника утратит осмысленное выражение, Ксават вполголоса бросил:

– Обыскать его надо. Он кой-чего стащил у Аванебихов – то ли колье, то ли брошь. Если не заныкал, я тебе продам.

– Продашь?.. За полцены.

– За тупака меня держишь? Кто его сюда привел?

– А кто микстуркой угостил?

Приятно, что ни говори, поторговаться с хасетанцем, как в былые времена! Радухт всегда готов заграбастать все и оставить тебя без навару. Клетчаб Луджереф с давних пор его за это и ненавидел, и уважал.

Из Хасетана Радухт уехал уже после преобразования Клетчаба. Поссорился с авторитетами, но не так, чтобы за это убили, а велели ему, по обычаю, собирать манатки и выметаться из города подобру-поздорову. Он и обосновался в Эвде. Промышлял все тем же: скупал краденое, давал деньги в рост тем, кому не с руки соваться в банк, приторговывал запрещенными снадобьями. Вел кое-какие темные дела с Ганжебдой – по обрывкам слухов, поставлял туда живой товар (Ксават надеялся, что это не брехня). Был все таким же скрягой и пройдохой, как в счастливую давнюю пору.

Толкнув безучастного, как живая кукла, Ника на диван, покрытый вытертым ковром с плохо различимой пасторалью, Ксават приступил к обыску, одновременно торгуясь и переругиваясь с Радухтом.

На шее у парня что-то блеснуло. Ага, вот что он спер у Аванебихов: крупный продолговатый рубин на золотой цепочке. Видно, что вещица старинная, уйму денег стоит.

Радухт, успевший надеть очки с толстыми линзами, тоже углядел кулон.

– Ну-ка, что там?

– Фамильная побрякушка господ цан Аванебихов. Этот недоносок стянул ее в театре, при огромном стечении народа, и сразу драпанул. Ежели будет суд, свидетели в зале не поместятся.

– Дюжина «лодочек».

– Сколько?

– Дюжина «лодочек», – невозмутимо повторил Радухт.

– Ты не сечешь, сколько оно стоит? – сварливо поинтересовался Ксават.

– Я-то секу. Эту безделушку в ближайшие лет десять не продать ни в одной ювелирной лавке, Аванебихи, наверное, уже разослали описание. Разве что на мелкие камешки порезать, но тогда цена упадет. Видишь, какая форма...

Ксават расстегнул и снял с Ника пояс, в котором похрустывали купюры.

– Тупака тоже надо продать, выручку напололам. Цепняков он боится, в тюрьму не хочет, поэтому поднимать бучу не станет.

– Гм... В Эвде есть три-четыре заведения, где его охотно купят.

– Не туда, – нахмурился Ксават. – В Убивальню.

– Он не похож на гладиатора. В доме госпожи Тияхонары за него дадут втрое больше. Или вдвое... Жаль, что ему физиономию так испортили, Тияхонара собьет цену.

– Я сказал, в Убивальню. Бери кулончик за дюжину.

Оно, конечно, если продать Ника в заведение госпожи Тияхонары, для парня из сопредельного мира это будет страшное унижение, шок – может, даже руки на себя наложит... А вдруг не наложит, вдруг он настолько понравится кому-нибудь из клиентов, что его оттуда выкупят, и опять получится, как с озером Нельшби, когда все пошло насмарку? Ксават хотел похоронить мерзавца наверняка.

– Ладно. Восемь «лодочек» за рубин – и отправим парня в Ганжебду.

– Мы же сошлись на дюжине! – Ксавата передернуло от негодования.

– Восемь. Продать иммигранта в бордель – это наказуемо, но не смертной казнью, а отправить в Убивальню – это приравнивается к убийству, и наказание будет как за убийство.

– А то раньше ты никого туда не пристраивал!

Ксавата подмывало вцепиться в жирную шею хапуги. Разуваает, как последнего тупака.

– Я их не похищал, а вербовал, – невозмутимо уточнил Радухт, за толстыми стеклами его глаза казались огромными и мутноватыми, как у старой мудрой рыбы. – Это разные статьи. Ты уверен, что никто не пойдет его искать по кровавому следу? А то прямо сюда заявятся, только мне таких гостей не хватало.

– С этим никакой срани. Монашка, у которой он служит, сейчас далеко, а сила следа на закате завтрашнего дня пропадет. Еще девка из ихнего мира на него заглядывалась, так она ворожбе не обучена. Не, здесь нет никого, кто мог бы нагадить, никому он не нужен.

Есть такая разновидность ворожбы, позволяющая найти человека, чья кровь недавно была пролита – но с двумя ограничениями: ищущий должен испытывать чувство привязанности к объекту поисков, и успеть нужно до заката следующего дня. Чем сильнее привязанность, тем больше шансов на успех. Знай Ксават заранее, что подвернется возможность покончить с Ником, не стал бы мордовать его до крови.

Встретились-то они случайно. Поделившись с охотниками своими подозрениями относительно Шеорта цан Икавенги, Ксават забрал из номера заветную сумку с двойным дном и отправился на прогулку. Детское удовольствие того же порядка, что покупка дорогого лакомства или поход в цирк. В сумке был спрятан седой парик, накладная борода и коробочка с гримом; в придачу, ежели Ксаватову дорожную куртку вывернуть наизнанку, отстегнуть под-

кладку и пристегнуть другой стороной, перед вами уже не строгий чиновник, а франтоватый завсегда́тай злочных мест. В таком виде можно прошвырнуть-ся, где душа пожелает, и никто не спросит: чего это, срань собачья, командированный из столицы министерский служащий таскается по притонам? В последние годы Ксават все чаще пускался в такие авантюры, хоть и понимал, что однажды может заплатить за это непомерную цену.

Во время своей нынешней прогулки он наткнулся на Ника, заманил его в аптеку Радухта, с которым уже лет пять, как заново свел знакомство (Радухт знал его под фальшивой личиной), и теперь, торжествуя, обшаривал карманы побежденного соперника. В карманах ничего интересного не нашлось.

– Пусть будет восемь, – уступил он после ожесточенного торга. – Но в Ганжебду я сам его отвезу, вместе с твоими парнями, чтобы в Убивальню его сдали у меня на глазах.

– Твое дело хозяйское, но выручка вся моя. Ты поясок его прибрал, с тебя хватит.

Ксават только рукой махнул. Поездка в Ганжебду – это срань, дорога в один конец займет часов шесть-семь, но верить Радухту на слово нельзя. Ежели не проконтролировать, тот скажет, что Ника отдали в Убивальню, а сам потихоньку сплавит его Тяхонаре, хозяйке самого известного из эвдийских веселых домов. Хоть Ксават и попортил паршивцу физиономию, синяки и ссадины – дело преходящее, старая сука Тяхонара отвалит за такой товар недурную сумму, а он потом возьмет да и удерет оттуда... Радухт наобещает все, что угодно, и сделает по-своему. Всегда таким был и никаких понятий знать не хотел, за это его и выгнали из Хасетана.

– Давай мои восемь «лодочек» за рубин. И скажи своим, чтобы готовили машину.

– Сейчас позвоню, распоряжусь, – невозмутимо отозвался Радухт, потом покосился на Ника и заметил вполголоса: – Жалко все-таки...

Чего ему жалко, Ника или упущенной выгоды, Ксават так и не понял.

Полтора часа спустя он трясся на заднем сиденье обшарпанного, но мощного рыдвана-внедорожника. Обрато – в лучшем случае завтра к вечеру... Предупредить он никого не успел. Вилен с Элизой наверняка обрадуются и будут бездельничать, а Донат Пеларчи решит, что клиента уволок оборотень. Придется сказать им всем, что выполнял особую секретную работу, и информация эта для служебного пользования, разглашению не подлежит.

Удовольствие от поездки он получил то еще. Как говаривали в Хасетане, не мы вам должны за такую езду деньги платить, а вы нам приплачивать. Дорога дрянная, вся в кочках, рыдван передвигался вприпрыжку – ему хоть бы что, а пассажиров внутри болтало, как на море в штормовую погоду. Ладно еще, потолок салона догадались обить толстым стеганым войлоком – ежели высоко подбросит на ухабе, смягчает удар.

Лучше всех было Нику. Он находился в полубессознательном состоянии, время от времени его голова начинала доверчиво клониться Ксавату на плечо. Ревернух тогда злобно пихал его локтем в бок и отталкивал в угол. Нику было все равно.

Одурманенный мерзавец сидел слева, а в правом кармане у Ксавата лежал пистолет – это на случай, если у парней Радухта на уме какая-нибудь срань.

Два угрюмых мордоворота в прыщах и шрамах сидели впереди. Вероятно,

им и раньше приходилось возить по этой дороге тупаков, завербованных Радухтом в гладиаторы.

Серп месяца плыл по чернильному небосводу справа от машины. Кусты и валуны по обочинам в его тоскливом серебряном свете еще можно было разглядеть, а остальное тонуло во тьме. Ксавата не печалило отсутствие ландшафта: не видно – и пусть, в этом окаянном краю смотреть не на что.

Побаливал свежий порез на руке. Чтобы повязка не бросалась в глаза (примета!), Ксават перед прогулкой натянул новые перчатки из тонкой черной кожи, но они оказались тесноваты.

До места добрались, когда начало светать. Тьма отхлынула, по обе стороны от дороги появились луковичные деревья с безобразно разбухшими стволами, очертаниями напоминающие луковицы. Над заболоченными далями стлался туман, и там, где он был погуще, протяжно выла какая-то неприкаянная дрянь.

На фоне зыбкого синего неба чернела крепостная стена Ганжебды. Здесь все, как в те времена, когда люди не знали ни пара, ни электричества, и Иллихея, раздираемая усобицами, еще не была единой державой. Без стены нельзя, а то из здешних болот иногда такое вылезет, что живых очевидцев потом не сыщешь – срань, одним словом.

Окутанная туманным маревом Ганжебда еще спала. Постройки в один-два этажа сляпаны кое-как – лишь бы стояло и не разваливалось. Вдобавок ужасающая вонь: канализации, как в любом цивилизованном городе, здесь нет и в помине, ее заменяют сточные канавы.

Ксават хмуро выругался. Его раздирали противоречивые чувства: Клетчаб Луджереф, беглый мошенник из Хасетана, радовался тому, что есть на свете заветный город, который безраздельно принадлежит людям шальной удачи, а министерский служащий господин цан Ревернух смотреть спокойно не мог на эту вопиющую помойку – хотелось кому-нибудь сделать выговор.

Ганжебда стояла хоть и на границе с болотом, но на твердой почве: из недр земли тут выпирала скала, каменный остров посреди топкой низины. Крепостная стена была сложена из грубо вытесанных гранитных блоков, дома – бревенчатые и каменные, вперемежку. И над этим, с позволения сказать, городом, грязным, вонючим и неприветливым, господствовала темная громада в несколько этажей, которую называли Убивальней. Там проходили гладиаторские бои с тотализатором, и еще там жили, как в крепости, ганжебдийские заправилы.

Ксават про себя ругался последними словами – у людей шальной удачи заморочки, словно у имперских бюрократов! Сначала мурыжили на городских воротах: «с какой целью прибыли» и дань за въезд. Потом пришлось маяться в ожидании, когда откроют окованные железом двустворчатые двери Убивальни. Мол, «все приличные люди в это время спят». Как будто в Ганжебде водятся «приличные люди»!

Он угрюмо рассматривал барельефы на стенах Убивальни: нехитрые узоры, пышнотелые каменные красотки, могучие бойцы с одинаковыми лицами и огромными мечами. Созерцание произведений искусства помогло совладать с раздражением. Здесь хорошее искусство, понятное, без затей и вывертов. Не то что в столичных музеях, которые ему надлежит посещать дважды в год в соответствии с императорским указом, как и всем министерским служа-

щим.

Между тем действие зелья, которым Радухт опоил Ника, начало сходить на нет. Тот оставался вялым, апатичным и продолжал дремать с полузакрытыми глазами, но моментами на его лице появлялось такое выражение, как будто он силится что-то понять.

– Приглядывайте за ним получше! – с досадой шепнул Ксават парням Радухта.

Наконец их впустили в каменный зал без окон, освещенный газовыми рожками. На болоте полно вонючего дармового газа, вот ганжебдийцы и устроили себе иллюминацию.

Ксавата подмывало поинтересоваться въедливым тоном, когда в этом помещении, срань собачья, в последний раз подметали, но Клетчаб Луджереф цыкнул на него и напомнил о том, что люди шальной удачи этого не поймут. Форменное раздвоение личности, так недолго стать психом, и все из-за окаянной Сорегдийской твари! Если это Шеорт цан Икавенги, пусть Донат его наконец-то убьет, милостивые Пятеро, пусть добро восторжествует над злом...

Зал делила на две половины решетка с толстыми прутьями, решетчатую же дверцу в ней называли Вратами Смерти. Дверца как дверца, возле нее стоит стеклянный резервуар в металлической оплетке, высотой в половину человеческого роста. Самая главная здешняя пакость. И выглядит пакостно: стекло замызганное, внутри мутная жижа, в этой жиже колыхается вроде как черная водоросль – или, ежели хорошенько приглядеться, стая сцепившихся друг с дружкой водяных паучков.

Ксават остановился на внушительном расстоянии от резервуара. Ему было не по себе. Парни Радухта тоже остановились. Хоть и приняты меры предосторожности, а не ровен час, оно оттуда выскочит... Недаром у здешних мутильщиков, как их называют, защитные костюмы – самые натуральные доспехи, и в придачу перчатки из грызверговой кожи.

Мутильщиков было четверо, двое дежурных охранников и двое рангом выше. Ника они разглядывали, не скрывая скепсиса.

– Вы кого хотите нам всучить? – с отвращением процедил детина с золотой цепью поверх клепаной куртки.

– Это боец хоть куда, – заверил Ксават. – Вы не смотрите, что он так молод. Крутой парень! Видите, как его отделали – и куртка в крови, и морда в синяках...

– Скорее уж крутой тот, кто его отделал, – хмыкнул мутильщик.

Ксавату это польстило, в то же время его раздражало то, что они бессовестно сбивают цену. Казалось бы, его дело сторона, все равно выручка достанется Радухту – но не мог он смолчать, начал сердито торговаться. Тот, кто уступит, будет тупаком. Парни Радухта, у которых он вырвал инициативу, только глазами хлопали.

Ксават и мутильщики-покупатели орали друг на друга, как на хасетанском рынке. Эх, удовольствие, когда еще высокородному господину цан Ревернуху перепадет такой случай... Ник стоял, ко всему безучастный, слегка пошатывался. Мутильщики справедливо полагали, что как боец он гроша ломаного не стоит, а Ксават, который на самом деле тоже так считал, яростно убеждал их в обратном.

В те редкие моменты, когда все замолкали, наступала тишина, похожая на

влажную вату. Ганжебда понемногу просыпалась, выползала на дневной свет из трясины болотных сновидений, но обычного для иллихейских городов шумового фона здесь не было, только где-то далеко-далеко – наверное, на загородной дороге – надсадно ревел не то автомобиль, не то мотоцикл.

– Что случилось? – пробормотал Ник по-русски. – Кто вы такие, вообще?

Приходит в себя! Еще немного – более-менее очнется, поймет, что попал в переделку, и начнет сопротивляться... И тогда сразу станет ясно, что гладиатор из него никакой. Мутильщики дадут за него смехотворную цену, и получится, что Ксават продешевил, как последний тупак.

– Ладно, договорились. Три с половиной «лодочки». Задаром отдаем. Еще увидите, на что он способен!

Теперь бы успеть убраться отсюда до того, как они это увидят...

Один из мутильщиков отсчитал засаленные купюры. Другой подтолкнул Ника к резервуару, отвинтил крышку с торчащего сбоку горлышка. И то, и другое металлическое, тронутое ржавчиной – негромкий, но омерзительный скрежет. Впрочем, его почти заглушил нарастающий рев мощного мотоцикла.

– Сунь туда руку. Живо!

– Зачем? – сонным голосом поинтересовался Ник.

Видимо, здесь привыкли иметь дело с одурманенными рекрутами, потому что препираться с ним мутильщик не стал. Ухватил его за локоть и силой затолкнул его правую руку в отверстие, так что кисть погрузилась в грязную жижу. Всего на секунду – и сразу оттащил. Ксават успел заметить прилипшую к мокрой ладони черную бусину. Через мгновение она исчезла. Готово.

Спустя две-три минуты из «бусины» вылупится хвыщер – магическая тварь, которая разорвет Ника изнутри, если он попытается выйти за пределы Убивальни. Для того чтобы от паразита избавиться, надо убить противника на арене – хвыщер тогда выскочит, накинется на свежую мертвечину, нажрется вдоволь, отложит яйца и после издохнет, а разделавшийся с проблемой победитель получит в придачу денежный приз. Иные авантюристы идут на это по собственной охоте, чтобы подзаработать, но попасть в Убивальню извне гладиатор может только через Врата Смерти, таков здешний обычай.

Мутильщик отцепил от пояса ключ, отпер скрипучую решетчатую дверцу и втолкнул Ника внутрь, на другую половину зала.

Окаянный мотоцикл наконец-то заглох – вроде бы совсем рядом, во дворе Убивальни.

«Без глушителей гоняют, цепняков на вас нет!» – сердито подумал министерский чиновник, опять одержавший верх над Клетчабом Луджерефом.

Отмахнувшись от него, Клетчаб с ухмылкой посмотрел на обреченного недруга.

Бледное лицо с подбитым глазом и ссадинами на опухших скулах. Куртка в засохших пятнах крови расстегнута, дорогая шелковая рубашка разорвана. Взгляд изумленный, растерянный: словно проснулся не там, где рассчитывал, и пытается сообразить, что произошло. Он выглядел совсем мальчишкой, нисколько не крутым.

Видимо, то же самое пришло в голову старшему из мутильщиков. Осознав, что его надули, как натурального тупака, он сплюнул на пол и угрюмо процедил:

– Слышь, ребята, а ведь мы этим уродам за него переплатили! Давайте-ка,

парни, три «лодочки» назад гоните.

– Сделка состоялась! – возмутился Ксават. – Это не по правилам!

Хоть и не его навар, все равно стало обидно. Он одержал верх в торге, и деньги уже заплачены, а мутильщики хотят переиграть, за тупака его держат. «Честь» – это вам, срань собачья, не пустое слово!

– А в рыло? – ощерился мутильщик. – Вы нам кого подсунули?

– Раньше надо было смотреть, вы уже за него заплатили!

– Посмотришь тут, когда ты разливался и мельтешил! Эй, не выпускай их отсюда!

Неизвестно, чем бы все это закончилось. Скверно бы закончилось, но удача снова улыбнулась Клетчабу Луджерефу: с грохотом распахнулась дверь, что-то ударило его под дых, и он отлетел к стене. С мутильщиками и Радухтовыми парнями стряслось то же самое – словно они были тряпичными куклами, и их разметало по углам ураганным порывом ветра.

Выпрямившись, Луджереф прислонился к каменной стене, кривя губы от боли, и расчухал, что это все же дело рук человеческих.

Посреди зала стоял отъявленный головорез – именно это определение более всего подходило для характеристики новоприбывшего. Рассмотрев его как следует, Клетчаб-Ксават ощутил оторопь.

Рослый, широкоплечий, узкобедрый, прямо зависть берет. На поясе пара охотничьих ножей. Одежда забрызгана кровью, хотя не видно, чтобы он был ранен. Длинные спутанные волосы бурой масти отброшены за спину. Черты лица довольно правильные, но выражение такое, что посмотришь – и сразу хочется оказаться далеко-далеко, желательно в другом городе. Губы раздвинуты не в улыбке и даже не в ухмылке, а, скорее, в зверином оскале. Глаза болотного цвета жестко прищурены – глаза убийцы.

– Что вы хотите? – старший мутильщик разговаривал с ним на порядок вежливее, чем с Ревернухом.

– Кому-нибудь выпустить кишки, – мрачно оглядев работников Убивальни, Ксавата, ребят Радухта, Ника по ту сторону решетки, процедил визитер.

Ксавата его ответ не удивил. Чего еще может хотеть такой тип?

– Скажите, пожалуйста, что это за место? – прозвучал в тишине испуганный голос Ника.

Н-да, как бы понезаметней ретироваться... О пистолете в кармане на ближайшее время можно забыть: в этой местности порох не воспламеняется – то ли вследствие пресловутых проклятий, то ли из-за каких-то природных особенностей.

Мутильщик не потерял присутствия духа и натянуто приветливым тоном сообщил:

– Кишки выпускают на арене. Если желаете принять участие в состязаниях, стать чемпионом, получить приз – милости просим! – и сделал приглашающий жест в сторону Врат Смерти.

Головорез молча шагнул к стеклянному баку, отвинтил крышку – Ксавата вновь передернуло от мерзкого скрежета – и без колебаний сунул туда руку.

Охранник с ключом, повинувшись кивку главного, торопливо отпер решетчатую дверцу.

– Вот это по-нашему! – все тем же фальшиво бодрым тоном воскликнул главный. – Я должен записать ваше имя или прозвище, таков у нас порядок.

– Дэлги, – бросил сквозь зубы новоиспеченный гладиатор.

Когда дверца за ним захлопнулась и охранник ее запер – с таким проворством, словно ключ обжигал ему пальцы, – все, кто остался по эту сторону решетки, вздохнули с облегчением. А Ксават – с двойным облегчением: Ник, можно считать, покойник, этот Дэлги его укокошит.

Из арки, за которой виднелся полутемный коридор, вышел еще один охранник.

– Пошли, парни, – деловито окликнул он новичков. – Скоро жратва будет, кто опоздал – тот останется с голодным брюхом. Эй, ты меня слышишь? – вопрос был обращен к Нику.

– Он под кайфом, – объяснил главный. – Еще не оклемался.

Охранник взял Ника за плечо и подтолкнул вперед. Все трое исчезли в темной утробе Убивальни.

– Вы, уматывайте, – сердито потребовал мутильщик с золотой цепью. – Вам повезло, что приехал этот чокнутый, который даже аванса не спросил, а то бы я вытряс из вас неустойку за негодный товар. Живо отсюда валите! Жулья развелось...

При свете дня Ганжебда выглядела еще отвратней, чем в утреннем сумраке. Постройки темные, приземистые, без затей, единственное украшение – белесые и бирюзовые пятна плесени на стенах. В воздухе вьется гнус, в грязи под ногами шныряет всякая мелкая пакость. Кое-где настланы дощатые тротуары, местами новехонькие, местами полусгнившие. Причудливые ядовито-яркие цветы по соседству с мусорными кучами не радуют глаз, а скорее внушают опаску: словно это недобрые болотные существа, которые только притворяются растениями. Воздух влажный, теплый, липкий, вонючий, а посмотришь на небо – оно затянуто перламутровой пеленой испарений, и солнце светит как будто сквозь воду.

Народ едва начал выползать из домов – опухший и злой с похмелья, неприветливый, падкий до чужого. Такому народу лучше под руку не попадаться.

Ксават укрылся в гостинице. Ему предстояло подыскать попутчиков для обратной поездки. Он не хотел ехать с парнями Радухта – ограбят по дороге. У него за пазухой восемь «лодочек», выручка за рубиновый кулон, украденный Ником у Аванебихов. Что, если Радухт шепнул об этом своим мерзавцам? Попутчики нужны безобидные, из тех респектабельных господ, которые приезжают сюда тайком играть в тотализатор.

В гостиничном ресторане он подсел за столик к двум похожим друг на друга белобрысым ребятам в оранжевых костюмах, те показались ему подходящей компанией: свеженькие, никаких признаков перепоя, и речь выдает людей культурных. Выяснилось, однако, что они прибыли в Ганжебду только вчера и назад собираются нескоро.

Зато Ксават узнал от них последние здешние новости: оказывается, Дэлги мало того, что в Убивальне каждому, кто попался навстречу, по хорошей затрещине отвесил, так перед этим еще и охранников на городских воротах порезал. Пригнал на мотоцикле, бешеный, словно куда-то опаздывал. Невтерпеж ему было ждать – ну, и положил всех, чтобы поскорее прорваться. А спешил он, как чуть позже выяснилось, в Убивальню – как будто туда можно опоздать! Ясное дело, псих. Чокнутый ублюдок-убийца. «Маниак», как называют таких типов иммигранты из сопредельного мира.

Сотрапезники Ревернуха спорили, на кого сделать ставку – на Дэлги или на Ярта Шайчи, здешнего чемпиона. Слушая их, Ксават пожалел, что не может остаться и сыграть. Деньги-то есть, почти десять «лодочек». А на кого бы он поставил, на психа Дэлги или на Ярта Шайчи, который, говорят, тоже псих – это еще надо прикинуть...

Нельзя ему. Пока жив Сорегдийский пожиратель душ, нельзя. Иначе он себя выдаст.

Чтобы не заплакать, Клетчаб заказал бутылку портвейна. Хотя бы это, срань собачья, ему еще можно!

Опустошая бутылку, он все больше мрачнел. Кое-какие собственные поступки начали казаться ему странноватыми. Чего ради он торговался в Убивальне с мутильщиками, если вырученные за Ника деньги все равно достанутся Радухту? Ежели бы у него имелась возможность прибрать их к рукам, тогда понятно, а так – зачем? Не хотел продешевить, не хотел уступить, но ведь ему с этой сделки никакого навару, не было ведь с Радухтом уговора насчет комиссионных.

«Кураж ради куража! А вот я такой – Клетчаб Луджереф из Хасетана, обдурил тупаков на три с половиной „лодочки“, и весь мир со мной ничего не делает!»

У него хватило ума не заорать это вслух на весь ресторан. Он был готов бросить вызов всему миру, но не Королю Сорегдийских гор.

Взяв себя под контроль, Ревернух заказал кружку рассола, после заперся в номере. Посмотрев в зеркало, обнаружил, что фальшивая борода наполовину отклеилась. Ну, этим в Ганжебде никого не удивишь: иные любители азартных игр и кровавых зрелищ приезжают сюда в гриме, чтобы не запятнать свою репутацию.

К вечеру он полностью протрезвел. Сходил в Убивальню, но играть в тотализатор не стал, и билет взял недорогой, на галерею под самым потолком.

По традиции, вначале должны были выпустить новичков, но Ника почему-то не выпустили. Небось, до сих пор не опомнился после микстуры, вот его и придержали до завтра: если боец выползет на арену полуживой, зрители будут недовольны.

А Дэлги вышел, лихо разделался с противником, избавился от своего хвещера и вернулся в каменное нутро Убивальни – ему, психу, там самое место.

Заодно Ксават присмотрел неопасных попутчиков, вместе с которыми на следующее утро отправился в Эвду. Когда машина выехала за ворота, подумал о Нике и злорадно ухмыльнулся: «Вот она, справедливость! Ты отсюда не выберешься, с тобой кончено. И если найдется сила, которая тебя отсюда вытащит – тогда я буду не я, а тупак и старая срань!»

Глава 6

«Как я сюда попал?!!!»

Окружающая среда: каменные залы и коридоры с низкими закопченными потолками, озаренные желтым светом торчащих из стен газовых рожков. Полы устланы серыми от грязи истрепанными циновками. Люди, их тут довольно много, напоминают живописную массовку из фильма о пиратах.

Вначале Ник решил, что бредит, тем более что голова болела, как при температуре. Потом рыжий детина с кустистыми бровями, в самой настоящей кольчуге, кожаных штанах и шнурованных сапогах с заклепками, сказал, что находится он в Ганжебде, в Убивальне, и в правой руке у него, как водится, хвыщер. По мнению рыжего, этой информации было достаточно. Он уже повернулся, чтобы уйти, но Ник, совершенно сбитый с толку, заступил ему дорогу.

– Подождите! Почему я здесь?

Дурацкий вопрос. Он и сам это почувствовал.

– Потому что тебя продали. Привезли с утра пораньше и продали за деньги, понял? Ты был никакой. Небось, настойку болотных грибочков употребил?

Он смутно помнил тряску в машине и месяц, прыгающий за окном по чернильному небосводу. Значит, все это не приснилось.

«Ясно, кулон с зайнойкой забрали, а меня – сюда, чтобы спрятать концы».

– Что я должен здесь делать?

Он все еще соображал плохо и потому задавал вопросы в лоб.

– Ты гладиатор. Сегодня вечером выйдешь на арену.

– Я не гладиатор, – ошеломленно моргая, возразил Ник.

– Тебя продали как гладиатора. Каким оружием ты владеешь?

– А это обязательно? Я вообще не пользуюсь оружием.

– Дерешься голыми руками? – рыжий смерил его заинтересованным взглядом.

– Я не умею драться. Я же сказал, я не гладиатор.

Рыжий, оказавшийся здешним охранником, присвистнул и позвал другого охранника, а потом еще одного, с золоченой цепью на шее. Все трое выглядели очень недовольными. Обругали Ника, после поругались между собой. Вторым охранником предлагал «оставить парня, раз такое дело, пусть живет в Убивальне, кому он тут помешает», а двое других говорили, что бойцов не хватает, поэтому по-любому придется выпустить его на арену. Тот, который заступался за Ника, и тот, у которого поверх кольчуги сверкала цепь, чуть не подрались, при этом охранник с цепью обозвал второго такими словами, что Ник добровольного защитника испугался больше, чем перспективы умереть на арене.

Появился четвертый, богато одетый – костюм хоть и замызганный, но с золотым и серебряным шитьем, и массивная пряжка ремня усыпана то ли стразами, то ли настоящими драгоценностями – и поставил точку в споре, сказав, что драться сегодня вечером Ник будет, потому что традицию нарушать нельзя; вдобавок бойцов в Убивальне раз-два и обчелся, Ярл Шайчи половину перебил, а без игр не будет и самой Ганжебды. Видимо, он был из высшего начальства, и все сразу утихомирились. Заступника он куда-то отослал, а рыжему велел «подобрать этому тупаку что-нибудь по руке, раз он сам ничего не смыс-

лит».

Охранник – его звали Рют – привел Ника в кладовую, где висело и лежало всевозможное холодное оружие. Мечи, кинжалы, шпаги, топоры, трезубцы... Попадались среди них и диковинные экземпляры вроде ножа с дисковидным лезвием или алебарды, напоминающей многолепестковый цветок. Ник разглядывал все это, как в музее. То, что сегодня вечером его убьют – возможно, одной из этих штук, – не укладывалось в голове: словно он видел сон, и у него все еще был шанс проснуться. Наверное, сказывалось остаточное действие той дряни, которой его опоили в эвдийской аптеке.

Снабдив Ника двумя ножами и коротким мечом, Рют спросил:

– Знаешь, что с этим делать?

Ник безучастно пожал плечами.

– Поналезло вас, на нашу голову, из Окаянного мира! Чему вас там только учат? Смотри и запоминай, два раза показывать не буду.

Как бы не так – ему пришлось показать и во второй раз, и в третий. Заодно Ник узнал, что такое хвыщер.

– ...Эта тварь сидит у тебя внутри, в правой руке. Чтоб от нее избавиться, тебе надо или собственную руку по самое плечо оттяпать и немедленно сжечь, или кого-нибудь убить на арене и разрубить на куски – тогда он сам выскочит. На арене, понял? Там место особенное, зачатое. Если здесь кого убьешь, хвыщер не выскочит, а то умников много.

– Как он попал ко мне?

– Когда тебя сюда привели, ты совал руку в бак с хвыщеровой маткой. Не помнишь?

Никакого бака он не запомнил. Хотя... Осталось представление о короткой острой боли, как будто в ладонь вонзили иглу. Наверное, это оно и было.

Рют еще сказал, что поединки не обязательно должны заканчиваться смертью кого-то из бойцов, однако новичок всегда заинтересован в том, чтобы убить противника, иначе ему не избавиться от хвыщера. Нынешний чемпион Ярт Шайчи очень уж лютый, много народа извел почем зря, поэтому в Убивальне сейчас недобор.

– Если б не эта хренотень, тебя бы не купили, – равнодушно заключил Рют. – Послали бы этих, которые тебя привезли. Видишь, сейчас такой расклад, что сойдет хоть кто, лишь бы игры не отменять. Повезло тебе.

Они свернули в коридор, по обе стороны которого находились комнаты без дверей – или просто каменные полости. Нигде ни одного окна, зато на стенах полно сделанных из потускневшего металла газовых рожков. Воздух затхлый, влажный, насыщен запахами пота, мочи и болотной гнили.

В боковых помещениях упражнялись гладиаторы – кто разминался, кто фехтовал с невидимым противником, кто вонзал ножи в мишень. В золотистом свете лоснились мускулистые полуголые тела, сверкало оружие.

Один из бойцов выглядел так, что Ник, увидев его, содрогнулся: гора чудовищных мускулов, поросшая вьющейся черной шерстью, руки устрашающе длинные и мощные; шеи почти нет – словно голова, обритая наголо, сидит прямо на могучих плечах. Двигалась эта громадина на удивление проворно.

– Ярт Шайчи, – уважительным шепотом пояснил Рют. – Чемпион. На арене так лютует, что его противников потом в корзину по кускам складывают. Псих потому что. Не бойся, тебя против него не выпустят, он сегодня вечером

отдыхает. Идем сюда.

Свернули в свободную комнату-полость. Рют велел Нику повторять за ним несложные фехтовальные приемы.

– Ты, когда выйдешь, хотя бы изобрази, что умеешь драться. Эх, на арене тебе достанется...

Он ошибся. Досталось Нику не на арене. Раньше.

Приближался вечер (об этом кто-то сказал, иначе здесь не поймешь, какое снаружи время суток), и гладиаторов позвали на жеребьевку в ярко освещенный каменный зал. Еще пришли охранники, которых называли мутильщиками, оборванцы, выполнявшие функции прислуги, несколько женщин в шикарных, но грязных платьях. Как объяснял Рют, Нику и еще одному новичку предстоит выйти на арену по-любому, а остальных, кому сегодня драться, определит жребий.

Ник стоял в толпе, ко всему безучастный, почти оцепеневший, его немного знобило. Он понимал, что через два-три часа его убьют, но понимал также, что протестовать против этого бесполезно. Похоже на то, что происходило с ним в Москве, хотя вокруг все другое – и люди, и ситуация, и даже мир.

Его грубо толкнули. Повернувшись, он увидел высокого парня с разметавшейся по широким плечам спутанной бурой гривой.

– Почему торчишь у меня на дороге? – прорычал парень.

– Извините, – пробормотал Ник.

Не потому, что испугался, просто он мысленно прощался с жизнью и хотел, чтобы его напоследок оставили в покое. Извинился он машинально, по-русски.

– Ты что сказал?! – взревел парень. – Да я ж тебя убью!

Ника сгребли за куртку и ударили. Причем вот что странно – он почему-то ничего не почувствовал. А следующий удар почувствовал, словно током ша-рахнуло, но боль была короткой. Зато правая рука сразу онемела и повисла, как неживая.

– Дэлги, Ник, прекратить! – по-военному рявкнул один из мутильщиков.

Напрасно рявкнул. Ник при всем желании «прекратить» не мог, а Дэлги – тот ни на чьи приказы не реагировал. Его пытались удержать, но он всех расшвырял, не переставая избивать Ника, и при этом рычал, как взбесившийся зверь.

Боли Ник почти не ощущал. Да он вообще ничего не ощущал! Наконец Дэлги бросил его на пол, к стене.

– Убью каждого, кто при мне будет ругаться не по-нашему! – сообщил он все тем же хриплым рычащим голосом, глядя сверху вниз на свою жертву. – Насмерть убью!

Ник не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, словно парализованный. Его захлестнул ужас: он, что ли, навсегда останется беспомощным калекой?

– Парень умирает, – заметил вполголоса кто-то из гладиаторов.

Из толпы выступил мутильщик с цепью на шее (цепь – знак отличия здешних офицеров), с опаской покосившись на Дэлги, потребовал:

– Отойди вон туда!

И лишь после того как Дэлги нарочито медленно, словно дразня, отступил в сторону и скрестил на груди руки, он присел возле Ника, нащупал пульс, потрогал парализованные конечности. Бросил через плечо:

– Кажись, пока не умирает, но двигаться не в состоянии.

Стоявшие полуколом очевидцы обменивались впечатлениями – междометия и невнятные ругательства.

Другой мутильщик-офицер повернулся к виновнику:

– Ты что с ним сделал?! Как он теперь на арену выйдет?!

– А мне плевать, – Дэлги ухмыльнулся.

– Ладно, – офицер с досадой махнул рукой. – Если помрет, с тебя штраф. Вычетом его стоимость из твоих премиальных, понял? Убивать надо на арене, а не здесь.

– Да хоть где, – процедил Дэлги сквозь зубы. – Мне без разницы!

– Если ты кого-то убьешь на арене, тебе за это деньги заплатят, а если здесь – останешься внакладе, – попытался вразумить его мутильщик.

– Когда меня разбирает, я сам готов приплатить, лишь бы кому-нибудь наломать. На арену-то скоро?

– Сейчас проведем жеребьевку – и начинаем, зрители уже собрались. Ты это, пока потерпи, никого не трогай, а как выйдешь на арену – делай, что хочешь.

О Нике все забыли. Ну и хорошо. Он лежал под каменной стеной, на грязной колючей циновке, и думал о том, что его жизнь заканчивается нелепо до полной бессмыслицы. Кто, вообще, сказал, что в жизни обязательно есть смысл? Его личный опыт свидетельствовал о другом.

Обиды не было. Его охватило тоскливое чувство, схожее с холодной серой мглой. И еще хотелось, чтобы все это поскорее закончилось, и чтобы там, за гранью жизни, ничего не оказалось.

«Главное, чтобы все не началось заново».

Гладиаторы, которым предстояло драться, ушли, за ними, возбужденно переговариваясь, потянулись остальные. Говорили, что новый этот, Дэлги, такой же псих, как Ярт Шайчи, и когда его против Ярта выпустят – кто из них, интересно, окажется круче?

Зал опустел. Издали доносилось отраженное от низких сводов эхо множества голосов. Ник заметил, что газовые рожки, в изобилии усеявшие стены, растут из грубой каменной кладки без всякой системы – то по одному, то по несколько штук, и расстояние между ними не одинаковое. Зато все залито золотистым светом, более желтым, чем от электрических лампочек.

Он не хотел ничего вспоминать напоследок, чтобы не заплакать. Лучше всего заснуть и умереть во сне.

Заснуть не получилось. Ему под кожу как будто вонзились миллионы иголок; боль, вначале слабая, постепенно усиливалась. Так бывает, если отлежишь руку или ногу, или зачленеешь, а потом начинаешь отогреваться.

Вскоре он обнаружил, что опять способен двигаться. Придерживаясь за стенку, встал. Кажется, ничего не сломано. Его мучило недоумение наполовину с облегчением: полчаса назад его вроде бы зверски избили – и никаких последствий... Разве так бывает?

Пошатываясь, Ник побрел по коридору в ту сторону, откуда доносился шум. Поднялся по широкой выщербленной лестнице. Еще коридоры, такие же, как внизу, и всюду полно газовых рожков. Он ориентировался по звукам.

За очередным поворотом открылась широченная арка, под ней толпились люди, а дальше виднелось огромное помещение с балконами и ложами в

несколько ярусов – что-то вроде стадиона. Наверное, это и есть арена.

Все вопили, свистели, улюлюкали. Внизу лязгал металл. Из-за толпы в проходе Ник не мог увидеть, что там творится.

А из бокового проема доносились стоны, почти заглушаемые общим гвалтом – жутковатые, утробные, на одной ноте. Ник заглянул туда: на полу, на темных заскорузлых циновках, лежал раненый человек; что у него за раны, не разберешь – и одежда, и доспехи в крови, и она продолжает обильно течь, так что вокруг образовалась темно-красная лужа. Резкий, страшный запах. Поблевшее лицо с порезами на щеке и на лбу покрыто капельками пота, полуопущенные веки дрожат.

Ник сперва замер, потом отступил в коридор. Оглядевшись, тронул за локоть ближайшего мутильщика с цепью на шее:

– Можно вас на минутку? Там лежит раненый, ему срочно нужна медицинская помощь. У вас тут есть врачеватели?

– А, это Кергеж. Ему не поможешь, он свое отыграл. Рана-то смертельная. А ты, выходит, еще живой? Ну, значит, завтра будет твоя очередь. Считай, этот чокнутый, Дэлги, подарил тебе лишний день жизни.

Выкрики зрителей перешли в рев.

– Ему нужна хоть какая-нибудь помощь! Тому гладиатору, Кергежу.

– С ним уже кончено, – нетерпеливо отмахнулся мутильщик. – Слушай, не путайся под ногами, а то раз уже схлопотал и еще схлопочешь.

Он отвернулся и снова втиснулся в толпу, бесцеремонно распихивая соседей, чтобы поскорее увидеть, что происходит за аркой.

Ник опять заглянул в комнату, где лежал Кергеж. Умиравший человек, на которого никто не обращает внимания – похоже, здесь это в порядке вещей.

Сам он тоже не мог ничего сделать, он ведь не врачеватель, и лекарств у него нет. Вот бы здесь была Миури... Она говорила, что не всякую рану сможет исцелить, но зато она умеет избавлять от боли.

«Если отсюда выберусь, научусь у нее. Попрошу, чтобы научила».

Он повернул обратно. Стоны и хрипы Кергежа терялись в какофонии голосов – словно его там не было вовсе, но Ник знал, что он есть, и это знание было невыносимо болезненным.

«Хоть бы поскорее умер... Хоть бы кто-нибудь его добил – неужели они даже это не могут для него сделать? Он же их товарищ... Или здесь никто никому не товарищ?»

Он изо всех сил хватил кулаком по стене – рассадил кулак, и ничего от этого не изменилось. Ну, может, тошнить стало чуть меньше.

Потом он опять спустился вниз и долго сидел на полу в темном закоулке, обхватив колени, ощущая спиной неровности холодной стены.

Рядом с ним присела женщина с нездоровой бледной кожей, ярко накрашенными губами и кукольными локонами. Платье из блестящей бледно-зеленой ткани, на бретельках, с пеной грязноватых оборок, походило на дорогую комбинацию, на потном обнаженном плече расплылся изжелта-лиловый кровоподтек. Жанна, здешняя проститутка, в прошлом – московская путана.

Ника это поразило: неужели Илчихея не смогла предложить ей других вариантов?

– Да мне предлагали, – она сипло засмеялась и махнула рукой. – Всякое разное предлагали, но меня, понимаешь, понесло, понесло – и в конце концов за-

несло сюда.

О хвыщерах она сказала то же самое, что говорил Рют. Есть только один способ выманить эту пакость наружу: убить противника – обязательно на арене! – и для верности тело расчленить, тогда хвыщер вылезет, потому что жрать захочет. Тутошнее колдовство. А пока он сидит в тебе, из Убивальни живым не уйдешь.

Еще Ник узнал от нее, что под Убивальней находятся катакомбы, подземные этажи, никто не знает, сколько их точно, и туда лучше не соваться. Даже такой крутой псих, как Ярт Шайчи, туда не полезет. Бывает, туда всякая дрянь с болота забирается, с ней шутки плохи.

Жанна посоветовала Нику попросить мутильщиков, чтобы ему дали время потренироваться. Может, тогда его не убьют, а он сам кого-нибудь убьет. Надо сказать им: раз в первый вечер случай не позволил ему выйти на арену – это знак судьбы, к таким вещам тут относятся серьезно.

Следовать ее совету Ник не собирался. Когда Жанна ушла, он принял другое решение: спуститься в катакомбы, найти выход наружу и попробовать сбежать. Он не будет делать то, что от него хотят, не будет играть по их правилам. Лучше пусть его разорвет хвыщер – при условии, что этот хвыщер существует.

– Если бы мой помощник в разгар охоты укатил неизвестно куда на двое суток, не предупредив меня, я бы выгнал его взащей!

Донат Пеларчи до того был выведен из себя внезапным исчезновением Ксавата, что заговорил быстро и резко, без обычной своей тягомотины. Его голос напоминал сейчас маслянистую темную воду, которая сердито плещет о волнолом, как в хасетанском порту в штормовую погоду.

Пришлось объяснять, что Ксават улаживал проблему государственного значения. Мол, служба в министерстве – это вам не срань собачья, накладывает обязательства.

Зато шальная удача от Клетчаба не отвернулась. Приехав в Эвду, он узнал, что единственный свидетель, который мог бы его подставить, – уже покойник. Во всех эвдийских трактирах судачили о зверском убийстве: старого аптекаря Радухта с улицы Гипсовых Ваз нашли с перерезанной глоткой, и случилось это в ту самую ночь, когда Ксават приводил к нему Ника. Видимо, убийца забрался в аптеку через несколько часов после того, как дрянной внедорожник с двумя громилами, Ксаватом и одурманенным Ником взял курс на Ганжебду. Ни кассу, ни сейф не тронули – значит, это был не грабеж, а кто-то сводил с Радухтом счеты. Возможно, кто-то из хасетанских.

Теперь все концы спрятаны. Радухт был хитер и догадлив, и Ксават нет-нет да и начинал опасаться: а вдруг он раскумекает, что энергичный пожилой господин без определенных занятий, который любит поговорить о Хасетане, и высокородный Ксават цан Ревернух – одно и то же лицо? Такое разоблачение чревато большой-пребольшой сранью, особенно после того, как они стали соучастниками в тяжком преступлении – продали в Убивальню илликхейского полугражданина. Радухт наверняка начал бы подельника шантажировать, уж не отказался бы от такого подарка шальной удачи! Его больше нет – и проблемы нет. Двое громил не в счет, с ними Ксават едва парой слов перекинулся.

На радостях, что все так хорошо утряслось, он даже с Донатом не стал ру-

гаться, хотя тот его отчитал как бестолкового тупака. Ник сгинул, и опасный свидетель сгинул. Теперь в самый раз вспомнить о важном и продолжить охоту.

На нижних этажах под Убивальней газовых рожков не было – кому они нужны в необитаемых катакомбах? Лезть без фонаря в эту кромешную тьму, теплую, влажную, вонючую, вздыхающую, Ник не осмелился. Он прятался на пограничном этаже, между верхним освещенным и нижним неосвещенным пространствами.

Тут царил тусклый полумрак, и оно даже к лучшему, потому что этаж был отвратительно грязный – его использовали как помойку. Ник нашел укромный закоулок с относительно сухим полом и устроился в углу, подальше от зловонной кучи тряпья. Ушибы ныли, болело в левом боку – ниже сердца, где ребра, и вдобавок его лихорадило. Похоже, найти лазейку наружу не так просто, как он поначалу думал.

Попросить помощи у Лунноглазой? Если в этом мире боги – реальная сила, способная вмешиваться в дела людей, почему бы и нет? Но Миури говорила, что Лунноглазой надо молиться на языке ее народа, иначе она не услышит. Что кошке человеческая речь?

Неожиданно куча тряпья зашевелилась и обернулась человеческим существом – изможденным, с жидкими седыми космами и испитым лицом.

– Э, пошел отсюда! – каркнуло существо. – Тут мое... Тут я живу!

Ник не стал связываться и отправился искать другое жизненное пространство, но все закутки, где было более-менее сухо и не слишком противно, уже кому-то принадлежали. Кто это, интересно, такие? Здешние нищие, которые кормятся от щедрот гладиаторов? Вышедший на пенсию обслуживающий персонал Убивальни? Или – самый страшный вариант – это те, кто попал сюда не по своей воле, как Ник, и не смог избавиться от пресловутых хвыщеров? И ему предстоит стать таким же?..

Так или иначе, пограничный этаж оказался густозаселенной экологической нишей. Ника отовсюду прогоняли, а он, до предела измученный, готов был уснуть или потерять сознание (принципиальной разницы никакой) где угодно, лишь бы только была уверенность, что об него не запнутся мутильщики, которые пойдут его искать. И еще хоть несколько глотков чистой воды! Он мог думать только об этих двух вещах, на другое его не хватало. Наверное, это не так уж плохо, а то здесь впору сойти с ума от безысходности.

Освещенная парой рожков проходная комната с мохнатыми от плесени стенами как будто была ничья. Ник решил отключиться здесь, и не важно, проснется он потом или нет. Ему было все равно – однако, услышав рядом, за проемом, громкие властные голоса, он встрепенулся и поднялся на ноги.

– ...Где-то здесь его видели. Давай, ты там посмотри, а я тут...

Ник непроизвольно сжал кулаки. Он не пойдет на арену. Он ничего им не должен. Он не соглашался в этом участвовать.

В проеме появился рослый мутильщик. Его глаза удовлетворенно вспыхнули.

– Ага...

Тупой звук удара, хруст. Не успев высказаться до конца, мутильщик начал оседать на замусоренный пол. Булыжник, разможживший ему голову, тяжело

упал рядом.

Ник смотрел на это с оторопью, но без удивления, у него не осталось сил, чтобы чему-то удивляться. Камень взялся непонятно откуда, а он хочет спать, но вместо этого надо блуждать и прятаться...

Чуть слышный шорох, словно что-то хрупнуло под подошвой. Ник понял, что за спиной кто-то есть, но оглянуться не успел – ему зажали рот, а в следующее мгновение его подхватили и вытащили из комнаты с плесенью на стенах через другой проем.

Темное колено коридора. Отсыревшее помещение с маслянистой лужей по середине, в луже валяется трехногий стул. Все это промелькнуло за две-три секунды.

Следующая комната была погружена в полумрак, из нескольких рожков светился только один. Здесь Ника уложили на пол и сразу же сунули в рот кляп, связали руки, а в довершение натянули на него мешок. Все это быстро и ловко, он не успел рассмотреть, кто на него напал.

Издали доносилась ругань мутильщика, обнаружившего своего коллегу с проломленным черепом.

«Удивился, наверное», – сонно подумал Ник.

Он понимал, что влип в переделку похуже, чем до сих пор (хотя совсем недавно казалось, что дальше некуда), но ему по-прежнему больше всего хотелось спать. Он ведь мотался по катакомбам часов десять-двенадцать, не меньше.

Такое впечатление, что теперь его взвалили на плечо и куда-то несут. Голова свесилась вниз, это неудобно, и дышать в мешке трудно. Ткань была плотная, Ник сквозь нее ничего не видел.

– Эй, дай покушать! – попросил чей-то дребезжащий голос. – Дай лепешечку...

– На, – бросил другой голос, негромкий и хрипловатый.

– Ты добрый человек, удачи тебе на арене! А что это у тебя в мешке такое большое?

– Это мои одеяла.

– Поделись одеялком, добрый человек, а то по ночам холодно, косточки мерзнут...

– Лишнего нету.

«Добрый человек» потащил свою добычу дальше. Ник закрыл слипающиеся глаза и сам не заметил, как отключился.

Высокородный Шеорт цан Икавенги рассказывал о своих любовных победах.

Флирты-поединки с искушенными в удовольствиях великосветскими хищницами. Тайные связи с деловыми дамами, состоящими на государственной службе. Романтические приключения со случайными попутчицами. Сентиментальные романы с замужними провинциалками. Незабываемая ночь с оторвой Марго, имевшая место около двадцати лет назад. Пикантные эпизоды с актрисами и ресторанными певичками. Интрижки с хозяйками кафе, продавщицами и гостиничными служанками.

Все эти истории Шеорт излагал на один и тот же манер: вскользь сообщал о месте действия и сопутствующей ситуации, экспрессивно обрисовывал пре-

пятствия, которые пришлось преодолеть, с нудноватой обстоятельностью живописал анатомические подробности очередного женского тела, щедро перемежал основную линию самовосхваленческими пассажами, а заканчивал каждый раз одной и той же фразой: «И тогда я как ей вставил...»

Ксавату хотелось его убить. Во-первых, лютая зависть разбирала, а во-вторых – ну, сколько можно?!!

Сбежать от собеседника он не мог, поскольку задушевный разговор с Икавенги за бутылкой вина был частью хитроумного плана: Ксават проверял, не является ли этот самовлюбленный пожилой повеса Королем Сорегдийских гор.

Покамест неясно, является или нет. Может, тварь опять наслаждается игрой и потешается над Ксаватом, а может, это самый настоящий высокородный Шеорт цан Икавенги, старый брехун. Наверняка больше половины прикиривает, потому как слишком обидно, если все его истории – правда. Ксават был уверен, что собеседник бесовестно брешет, но покуда не разобрался, какова природа этой брехни.

Охотникам хорошо, они сидят в засаде в одном из соседних номеров, им не надо выслушивать напыщенные эротические откровения Шеорта. Их черед настанет, если Шеорт окажется оборотнем. Донат рассудил, что клиент не слишком рискует: тварь ведь не убить его хочет, а живьем уволочь к себе в горы, чтобы съесть душу.

Когда пошел третий час игривой застольной беседы, нервы Ксавата начали рваться, один за другим. Он вот-вот что-нибудь сделает. Например, схватит бутылку и огреет Шеорта по благоухающей дорогим одеколоном седовласой голове, и тогда его заметут цепняки.

Невнятно пробормотав, что ему надобно отлучиться, он выскочил из номера, нетвердым быстрым шагом пересек коридор, ввалился к охотникам. Те сидели, трезвые и собранные, с оружием наготове, между ними стояла шахматная доска с начатой партией. Когда появился Ксават, взмокший, злой, красный, с отблеском безумия во взгляде, оба вскочили, и Донат схватился за рукоятку ножа, больше похожего на короткий меч, а Келхар молниеносным движением натянул шипастую перчатку, лежавшую на столе рядом с парой лакированных белых пешек.

– Он себя выдал? – негромко осведомился Донат.

– Пока нет, но я больше не могу! – Ксават оскалил зубы. – Выдал не выдал – какая, срань собачья, разница?! Убейте его! Тогда сразу станет ясно, кто он на самом деле, поэтому убивайте, и поглядим!

– А если он человек? – убрав руку с ножа, нахмурился Пеларчи.

– Он достал своими историями, я больше не могу его слушать! – Ксават перешел на торопливый горячечный шепот. – Донат, убейте, вы же охотник, потом скажем, что вы ошиблись... Бывает же... Я вам заплачу, сколько за это возьмете?

– Господин Ревернух, вы не в себе, – угрюмо возразил Донат. – Я людей не убиваю, я охочусь на тварей.

– Ежели бы вы послушали его два часа кряду, как я, вы бы запели иначе! А потом она раздвинула ножки, и я как ей вставил... Не могу больше!

Келхар стянул свою страшную колючую перчатку, шагнул вперед и хлестнул Ксавата по щеке – раз, другой. Его узкое костистое лицо с плотно сжатыми

губами оставалось надменно-невозмутимым, но в глубине близко посаженных глаз зажглись удовлетворенные огоньки.

– Не считите за оскорбление, господин Ревернух, – произнес он церемонно вежливым тоном. – Это единственно для того, чтобы вашу истерику прекратить. – Ксават, выпейте холодной воды, – посоветовал Донат, кивком указав на коричневый с желтым деревенским орнаментом керамический кувшин. – Нехорошо, что вас так разбирает во время охоты.

– А вы сходите, послушайте его сами, тогда вас тоже разберет! – огрызнулся Ревернух, но совету последовал, налил воды в желто-коричневую глазированную кружку, залпом осушил.

– Нам бы сейчас очень помогли очки, позволяющие видеть истинный облик существ и предметов, – проворчал Донат. – Досадно, если мы попусту тратим время на этого Икавенги.

«А может, и к лучшему, что у нас их нет, – подумал Ксават, возвращая кружку на место. – Вдруг тот, кто смотрит сквозь такие очки, увидел бы вместо высокородного цан Ревернуха – Клетчаба Луджерефа? Вот получилась бы срань...»

– Кстати, как они выглядят? – поинтересовался Келхар.

Поинтересовался этак настороженно, словно сделал стойку на невидимую дичь.

– Я слышал, что они похожи на детские игрушечные очки с разноцветными стеклами. Только детские сверху покрыты прозрачной краской, а у этих сами линзы цветные, словно радуга – фиолетовый, голубой, желтый, розовый, зеленый... Но это не переливы, у каждого участка свой постоянный цвет. Таковую вещь ни с чем не спутаешь.

– Могу поручиться, я такие видел. Когда-то очень давно.

– В прошлой жизни? – предположил старший охотник.

– Скорее, в этой, но в раннем детстве. То ли на рынке, то ли на ярмарке... Воспоминание смутное, как сон.

– Возможно, вы видели игрушечные очки?

– Мне запомнилось, что стекла были именно такие, как вы описали. Если бы мне удалось вспомнить, где это было...

Некрасивое бледное лицо Келхара свело гримасой – на сей раз не презрительной, а напряженно-задумчивой.

«Погоди, я тебе еще припомню, как ты, срань собачья, по мордасам меня сегодня отлупцевал!» – мысленно пригрозил Ксават.

Дела обстояли неважно. Охота не заладилась, Элиза дерзила и огрызалась, где-то в отдалении высочайший советник Варсеорт цан Аванебих вынашивал планы мести за стычку в театре, да еще этот пошляк Шеорт доконал своими скабрзными байками, и радовало Ксавата только одно: то, что Ника он все-таки похоронил.

Нику было тепло и уютно. Он лежал на мягком, укрытый, и под головой как будто подушка. Что вокруг – не видно, потому что на лице мокрая тряпка, но сквозь щелки проникает неяркий свет.

Он помнил, как на него напали в катакомбах, связали, запихнули в мешок – дальше воспоминания обрывались. Главное, что сейчас кляпа нет, руки свободны. Все каким-то образом уладилось само собой.

Вокруг было тихо, только что-то негромко звякало – мирный звук, как будто размешивают варево в кастрюле. Пахло травами и мясным бульоном, от этого аромата у него свело желудок. В последний раз он ел... Давно. Перекусил в кафе тем вечером, когда приехал в Эвду, да еще в трапезной Убивальни сжевал, почти не чувствуя вкуса, половинку плотной, как лаваш, лепешки и выпил полкружки темного пива (когда ему объяснили, что его ждет, аппетит отшибло). После этого прошло не меньше суток. Теперь он находился вроде бы в безопасности, и его начал мучить голод.

Приподняв с лица тряпку, Ник осмотрелся.

Просторная комната... или нет, пещера с неровными каменными сводами, в дальнем углу устроен очаг, над огнем подвешен котелок. На полу лежат вещи – посуда, оружие, несколько свертков, веник. К стенам прикреплены три пары канделябров, в каждом по восемь свечей.

Возле очага сидел человек. Широкоплечий. Видно, что высокий. Волосы длинные и прямые, как у индейца. Он помешивал то, что кипело в котелке, но, услышав позади шорох, оглянулся.

Дэлги. Тот чокнутый гладиатор, который избил его в первый вечер.

Ник рывком сел. Влажная тряпка шлепнулась на тюфяк. От резкого движения голова закружилась, и заполненная дрожащим золотистым полумраком пещера поплыла, словно пол вращался.

– Компресс-то зачем сбросил? Думаешь, такое большое удовольствие созерцать расквашенную рожу?

– Что вам нужно? – Ник не мог отвести глаз от разложенных у стены поблескивающих клинков. – Зачем вы меня сюда притащили?

– Чтобы на арене с тобой не встретиться.

Он ожидал какого угодно ответа, но не такого.

– Вы меня, что ли, боитесь?..

Гладиатор секунду смотрел на него, потом расхохотался. Ник ничего не понимал.

– Ага, так боюсь, что все поджилки трясутся! – сквозь смех процедил Дэлги. – Тебя все равно поймали бы рано или поздно, а кто против кого выходит, решает жеребьевка. Если бы мне достался ты, я бы тебя убил до истечения первой минуты. И что, по-твоему, дальше? Мутильщикам без разницы, они свой навар по-любому получают, зато я бы заработал дюжину тухлых яиц. Не люблю тухлятину. Публика-то сюда разная приезжает, есть разборчивые, с принципами. Одно дело победить Ярта Шайчи, и совсем другое – тебя. Если начнутся разговоры, что я зарезал мальчишку-иммигранта, который не знает, с какой стороны берутся за меч, это будет не та слава, которая мне нужна.

– Я знаю, с какой стороны берутся за меч, – возразил Ник, слегка задетый.

– Приятно удивлен, – буркнул Дэлги и снова отвернулся к своему вареву.

Ник оглядывал пещеру. Пол застлан циновками, ветхими, но не настолько грязными, как в Убивальне. Справа висит на стене большая серая штора, слева – еще одна такая же. Наверное, за ними проемы.

– Давай-ка ложись, и компресс на лицо положи, пока он не высох, – велел Дэлги, колдуя над котелком. – Чтобы хорошее лекарство зазря не переводить... Я не скряга, но в Ганжебде не все можно достать, а мои запасы невелики. Ты уже меньше похож на перезревшую побитую грушу. Кто тебя так знатно отделал?

– Один высокородный, – подчинившись, ответил Ник, компресс приглушал его голос. – Мы из-за девушки подрались.

– Ты за это время так и не научился драться?

– За какое – за это?..

Фраза Дэлги сбила его с толку.

– За то время, что ты в Иллихее. Ты ведь не вчера сюда попал?

– Два с половиной года.

– А на кой выпил ту дрянь?

– Какую дрянь?

– Которой тебя угостили перед тем, как сплавить в Ганжебду.

– А... В аптеке мне сказали, что это укрепляющая микстура.

– Нельзя же верить всему, что тебе говорят, – наставительным тоном заметил Дэлги. – Видишь, как ты влип? Теперь будешь сидеть тут до полнолуния, и есть тебе придется мою стряпню. Хотя немного потерял, в трапезной Убивальни жратва дрянная.

При упоминании о жратве голодный желудок беззвучно взвыл. Несмотря на это, другая реплика гладиатора заинтересовала Ника больше.

– Почему до полнолуния?

– Потому что раньше тебе отсюда никак не выйти.

– Мне вообще отсюда не выйти, – возразил Ник упавшим голосом. – У меня хвыщер.

Он об этом почти забыл.

– Ну и что? – хмыкнул Дэлги.

– От него же не избавиться. Только на арене или если руку отрубить.

– Кто тебе сказал такую ерунду?

Ника бросило в жар. Неужели он может выбраться на свободу?.. Он опять приподнялся на тюфяке, но сразу почувствовал мягкий нажим на грудную клетку.

– Лежи, кому сказали. – Дэлги, из-за компресса невидимый, уселся рядом.

– Здесь так считают все, кто говорил мне о хвыщерах, – отчаянно желая, чтобы его разубедили, объяснил Ник. – И мутильщик, который рассказал мне все про Убивальню, и еще одна девушка... ну, здешняя проститутка...

– Мутильщик – заинтересованное лицо, а здешняя проститутка – это да, это, конечно, крупный авторитет в таких вопросах! Избавиться от хвыщера проще простого, но сделать это можно только в ночь полнолуния. Достаточно небольшого надреза в середине правой ладони, тогда увидишь его головку – она черная, блестящая, величиной с горошину. Ее надо сразу подцепить щипцами, пока хвыщер не успел спрятаться, и выдернуть, как молочный зуб. Никакого членовредительства, разве что шрамик на ладони останется. Красоты не испортит. Естественно, мутильщикам не нужно, чтобы все об этом узнали – это же их бизнес, как говорят в вашем мире. Фокус с хвыщерами добавляет играм остроты и драматизма.

– Все так просто? – недоверчиво пробормотал Ник.

– Не то, чтобы совсем просто. Есть тут пара заморочек, но я знаю, как их обойти. Подожди, сниму суп.

Дэлги отошел к очагу, потом вернулся.

– Я не чувствую этого хвыщера, – сказал Ник. – Если он у меня в руке – значит, должны быть какие-то ощущения, или боль, или давление... А я вообще

ничего такого не чувствую. Может, его на самом деле нет?

– Еще как есть. Хвыщер – магическое существо. Два обыкновенных предмета не могут занимать одно и то же пространство, а обыкновенный и магический – могут запросто.

Ага, Миури говорила то же самое.

– Мы сейчас в катакомбах?

– Где же еще? Только мы намного ниже того уровня, где я тебя нашел. Сюда просто так не попадешь, и ты отсюда самостоятельно не выберешься, имей в виду. Это мои персональные апартаменты. Я не первый раз в Убивальне, у меня тут был тайник со всяким полезным барахлом – на случай, если снова сюда занесет.

Пауза. Звяканье посуды.

– Мутильщики подозревают, что я тебя убил, – судя по тону, Дэлги усмехнулся. – Когда я в первый день тебя обездвигил, они решили, что это у меня заскок такой – ни с того ни с сего всех лупить. Надеюсь, ты не в обиде?

– Нет. Спасибо, что выручили. Я, правда, не понял, почему я не чувствовал, когда вы били.

– Потому что бил я только по нервным узлам, остальные удары были как в театре, одна видимость. То, что ты перепугался, было хорошо, со стороны казалось, что ты агонизируешь, и все на это купились. Зато после ты сделал глупость – встал и как ни в чем не бывало пошел гулять по Убивальне. Я-то надеялся, что ты догадаешься немного мне подыграть... Учти на будущее.

Он не сразу осваивался в незнакомой обстановке и не очень-то умел угадывать с первого взгляда, чего ждать от человека. Другое дело, если бы он знал Дэлги раньше.

– Ничего, каким дураком я сам был в девятнадцать лет – вспоминать страшно, волосы дыбом, – флегматично заметил гладиатор. – Сейчас будем ужинать.

Ник сел на тюфяке, отложил в сторону почти высохший компресс. Увидел рядом, на циновке, свои ботинки. Голова опять закружилась.

– Не делай резких движений, – посоветовал Дэлги.

Суп был янтарно-желтый, густой, с кусочками мяса и незнакомыми приправами. Невероятно вкусный. После еды Ник почувствовал себя лучше.

– Что-нибудь болит?

Ныло все тело, но боль была выносимая. Он еще в Москве притерпелся не обращать внимания на такие вещи.

– Ничего особенного. Не очень.

– Раздевайся, – приказал Дэлги.

– Зачем? – испугался Ник.

– Затем, что я умею не только убивать и калечить, но еще и врачевать. Нужно, чтобы к полнолунию ты был в полном порядке. Сам разденешься или как?

Сняв одежду, он мгновенно покрылся гусиной кожей. Дэлги приступил к осмотру. Когда его пальцы осторожно нажали на ребра в левом боку, Ник дернулся и стиснул зубы.

– Трещина... – процедил гладиатор. – Если больно, ты не молча гримасничай, а говори вслух. Умру, но не скажу – это не то, что от тебя сейчас требуется.

Потом он включил электрический фонарь, так что в пещере стало вдвое

светлее, и в течение некоторого времени смотрел Нику в глаза. На гипноз не похоже, ничего необычного Ник не чувствовал.

– Я изучал твою радужку, – объяснил Дэлги, погасив фонарь. – Она может многое рассказать о состоянии человека.

Он вытащил из лежавшего на полу свертка большую банку темного стекла, отвинтил крышку. Внутри была пахучая темно-зеленая мазь.

– Смазывай все места, где хоть немного болит. Втирай, пока кожа не станет сухая. Это мивчалга. За несколько дней все заживет, как раз к полнолунию успеем.

Мивчалга – лучшее средство при ушибах и переломах. Редкое и баснословно дорогое.

– У меня нет денег, – признался он нерешительно.

– Не бойся, я внакладе не останусь. Делай, что сказали.

Ник осторожно зачерпнул кончиками пальцев немного мази и начал втирать в ноющий бок. Спорить с Дэлги он опасался. Мивчалга впитывалась без остатка, и кожу слегка пощипывало, зато боль сразу ослабла.

– Можешь одеваться, – разрешил Дэлги, когда он закончил. – И украшение свое заberi.

– Какое украшение?

– Вот это.

Ник, потянувшийся за одеждой, повернулся – да так и замер, не веря собственным глазам: в пальцах у гладиатора покачивался на золотой цепочке продолговатый темно-красный рубин.

– Откуда это у вас?!

– Ты потерял, я нашел.

– Спасибо, – Ник надел кулон на шею. – Он принадлежит ордену Лунноглазой, и на нем храмовое проклятие. Хорошо, что не успело сработать...

– Аптекарь, который его прикарманил, уже попал под удар проклятия. А я, когда взял эту вещь в руки и увидел клеймо, вслух поклялся, что отдам кулон по назначению – тогда не опасно. Аптекарь был вроде не дурак, но его подвела жадность и слабое зрение. Кто там внутри?

– Где – внутри? – Ник попытался сделать вид, что не понял вопроса.

– В кулоне. По некоторым признакам можно определить, с начинкой кристалл или нет.

Решив, что хуже, чем было, не станет, Ник признался:

– Собака редкой породы. Я должен отвезти ее в Макишту.

– Вот оно что... Понятно тогда, почему поручили это тебе. Ты ведь даже не послушник?

Он помотал головой.

– Нам по дороге, – сообщил Дэлги, завинчивая банку с мивчалгой. – Мне после Ганжебды тоже в ту сторону, на запад, так что вместе доберемся до Макишту.

Слишком много совпадений, это настораживало. Трудно поверить, что Дэлги случайно нашел кулон, а теперь им еще и ехать в одну сторону... Эглеварту нужен не рубин, а спрятанный в нем грызверг. Отпирающее слово знают только трое: Миури, Регина и Ник. Если бывший рифалийский Столп хочет прикончить зайньку втайне от Регины, она отпадает. Связываться с сестрой Миури, жрицей Лунноглазой Госпожи, небезопасно. Остается Ник.

– Извините, но что я буду вам должен за помощь?

– Да как тебе сказать... – Дэлги ухмыльнулся. – Собираюсь приставать с домогательствами.

Услышав ответ, Ник вначале обмер, потом вскочил, озираясь в поисках выхода.

– Нет, вы знаете, спасибо, что помогли, но лучше я сам отсюда выберусь...

Хорошо хоть, одеться успел... Он отступил к одному из серых занавесов, отдернул его. Занавес был тяжелый, с изнанки колючий, из материала, на ощупь напоминающего грубую кожу, а за ним находилась ржавая металлическая решетка, и дальше – сырая темнота, ничего не разглядишь. Оттуда тянуло сквозняком.

– Да я же пошутил! – с досадой процедил Дэлги. – Почему вы, иммигранты, из-за этого так шалаете?

– Выпустите меня, – прикидывая, удастся ли проскочить мимо него ко второму занавесу, за которым наверняка будет выход в катакомбы, попросил Ник.

Голос немного дрожал, да и чувствовал он себя неважно.

– Успокойся, понял? – Гладиатор, в мгновение ока очутившийся рядом – Ник даже движения не уловил, – задернул штору, схватил его за руки и силой усадил обратно на тюфяк. – Ник, все в порядке! Это была неумная плоская шутка, понял? Кто же знал, что ты шуток не понимаешь...

Ник молча пытался вырваться.

– Всегда так – стоит пошутить, и окружающие или хотят меня побить, или разбегаются... Чаще второе, потому что побить меня сложно. Пока не успокоишься, не отпущу. У тебя трещина в ребре, тебе нельзя метаться.

– Тогда что вы хотите?

– Хорошо, скажу правду. Если честно, я имел в виду совсем другие домогательства, корыстные. У меня к тебе шкурный интерес. Видишь ли, меня год назад с работы выперли, а я хочу вернуться обратно, только без протекции это безнадега, вот мне и нужна твоя помощь. Услуга за услугу, согласен?

– Каким образом я могу вам помочь?

– Я был храмовым гвардейцем ордена Лунноглазой. Выгнали за безобразное поведение, порочащее честь и звание. Как ты думаешь, если я тебя выручу, преподобная сестра Миури замолвит за меня словечко?

– Не знаю, – Ник не мог что-то обещать за Миури. – Это надо у нее спросить.

– Думаю, что замолвит. Заступничество сестры Миури – это серьезно, она пользуется среди жрецов достаточно большим влиянием.

Дэлги говорил мягко, однако в его взгляде по-прежнему сквозила досада. Нику стало неловко.

– Я же совсем вас не знаю, поэтому не понял, что вы шутите. Извините.

Он расслабился. Гладиатор отпустил его руки.

– У меня тут припрятана с прошлого раза фляжка хорошего старого вина. Сейчас достану – и тогда расскажу, за что меня уволили.

Он встал, направился в дальний угол пещеры. По дороге пнул ни в чем не виноватое ведро. Наверное, все еще злился, что Ник принял его слова всерьез.

Пустое ведро загремело. Должно быть, мы находимся далеко от обитаемых этажей Убивальни, отметил Ник, раз Дэлги не боится производить столько шума.

Темное бордовое вино гладиатор аккуратно разлил в керамические бокальчики, покрытые бледно-розовой глазурью – в Иллихее они вместо рюмок. Встряхнув плоскую фляжку с затейливыми золотыми надписями, пояснил:

– Спер, не удержался. Кто угодно бы не удержался. Знаешь, что это такое? «Яльс» двухсотлетней выдержки. Пей. Не бойся, я не у жрецов его спер, в другом месте.

От «Яльса» по всему телу разлилось сладкое тепло, и погруженная в полумрак пещера показалась Нику уютнейшим на свете местом. Остатки напряжения испарились, он устроился на тюфяке поудобнее.

– Я четыре года был храмовым гвардейцем и носил кошачью форму. Думал, когда-нибудь стану капитаном гвардии... В том, что касается стрельбы, фехтования и рукоприкладства, круче меня там не было никого. Ну и в смысле безобразий по пьянке тоже. Когда меня сажали на гауптвахту, я занимался самообразованием, книжки читал, и наши, и ваши, переводные, а потом выпускали – опять начинал куролесить. К этому все притерпелось, так и говорили: «что с него возьмешь». Если б я не зарвался, меня бы не выгнали. Наш отряд послали следить за порядком на сельском храмовом празднике. Село большое, там два раза в год ярмарки устраивают, и на праздник тоже много народа съехалось. Был там возле ярмарочной площади общественный сортир... Фахверковая постройка – знаешь, что это такое? Каркас из деревянных балок, промежутки заполнены глинобитом. Я его на спор разнес за полчаса, руками и ногами, без всякого инструмента. Был домик – и нет домика, осталась куча мусора. Бочонок пива у ребят отспорил, но получилось, что я храмовую гвардию в глазах общественности скомпрометировал, да еще сельский староста петицию наката. В общем, уничтожения сортира мне не простили, вроде как на святое замахнулся. Если кто-нибудь из жрецов за меня поручится, возьмут обратно с испытательным сроком, но дураков нет со мной связываться. Мол, пропойца, безответственный дебошир, последнюю совесть пропил... – тяжело вздохнув, Дэлги разлил по бокальчикам остатки драгоценного «Яльса». – Понимаешь, я созрел для того, чтобы исправиться, и если меня примут обратно, оправдаю доверие, а иначе сопьюсь или на каторгу попаду. Это для меня вопрос жизни и смерти. Я ведь в Ганжебду за тобой приехал.

– Как – за мной?

– Да так, я услышал, что сестра Миури сейчас в наших краях, и подумал: упаду ей в ноги, попрошу о милости. Потом мне сказали, что сама она отправилась в Олагу, а ее помощник, парень из иммигрантов, едет с поручением в Макишту. Из Олаги меня бы прогнали взащей, так что я решил сперва подкатиться к помощнику, напроситься в попутчики, но когда приехал в Улонбру, ты оттуда уже смылся.

– В Улонбре меня обвинили в грабеже, как будто я сбежал из театра из-за этого, – с трудом выжимая из себя каждое слово, сообщил Ник. – Это неправда.

– Ни в чем тебя не обвиняют, – Дэлги усмехнулся, блеснув ровными белыми зубами. – Паникер несчастный. Когда ты удрал из театрального буфета, какой-то подвыпивший идиот заорал «держите вора!», но его быстро заткнули. Ты ни за что обидел хороших девочек и поставил в неловкое положение Аванебихов, но криминала на тебя никто не вешает. Перед девочками при следующей встрече советую извиниться.

– Откуда вы все это знаете? – пробормотал Ник со смесью изумления и об-

легчения.

– У меня есть приятели среди вассалов Аванебихов. От них я заодно узнал, что тебя видели полицейские в Эвде, и поехал туда. На мотоцикле я опередил их, вломился в эту окаянную аптеку на улице Гипсовых Ваз. Аптекарь сказал, что тебя увезли в Ганжебду, люди обычно охотно отвечают на мои вопросы. Когда я добрался до Убивальни, ты уже получил своего хвщера, всего-то нескольких минут не хватило. Мне только и оставалось, что пройти через Врата Смерти следом за тобой, а то зря я, что ли, такой путь проделал?

Он никак не мог уловить, что именно в рассказе Дэлги вызывает у него недоверие. Что-то очевидное и в то же время ускользающее.

– Конечно, я малость приврал, – собеседник обезоруживающе ухмыльнулся. – Без вранья хорошей истории не расскажешь. Разнести добротного построенный сортир без подручного инструмента за полчаса даже я не смогу, для этого требуется чуть побольше времени.

Ник вроде бы понял, что его настораживает.

– Когда вы приехали в Эвду, как вы узнали, где меня искать?

– За это скажи спасибо тому, кто тебе нос расквасил. На решетке заколоченного особняка, где ты прятался от полицейских, остались пятна крови. Немного, но достаточно, чтобы тебя найти. Кровавый след привел в аптеку на улице Гипсовых Ваз. Еще вопросы?

– Так я же не истекал кровью. Немного капало, потом перестало, какой там след?

– Я говорю о невидимом кровавом следе. Ясно, об этих вещах ты понятия не имеешь. Тогда вопрос у меня... Я теперь твой телохранитель, и мне полагается знать, от кого тебя придется защищать. Ты ведь не просто так рванул из Улонбры, для этого была какая-то причина?

Ник колебался – сказать или нет.

– Что за человек тебя преследует? Или это кто-нибудь похуже человека?

Гладиатор смотрел ему в глаза тяжело, с непонятым выражением, от которого по спине забегали мурашки.

– Это очень влиятельный человек. Муж собакиной хозяйки. У них из-за собаки конфликт, и он хочет ее убить. В смысле, собаку, а не жену. Поэтому она обратилась к нам, и я должен отвезти кулон в Макишту, а этот тип хочет до него добраться и договорился с Аванебихами, чтобы они задержали меня в Улонбре. Я сбежал до того, как он приехал.

– Дур-р-рацкая история! – с чувством процедил Дэлги.

– Наверное, дурацкая, – Ник пожал плечами. – Но сестра Миури согласилась на эту работу, и я должен доставить кулон в пункт назначения.

– Я не об этом. Ты уверен, что Аванебихи ждали именно собакиного мужа? Или возможны варианты?

– А кому еще я мог понадобиться?

– Ну, мало ли кому еще... – Дэлги неопределенно хмыкнул. – Как его зовут?

– Цан Эглевагт. Он был гараобом Рифала, а теперь получил назначение в Макишту. Дерфар цан Аванебих сказал, что его просьба равносильна приказу.

– К твоему сведению, в илихейской аристократической иерархии Аванебихи стоят на несколько ступеней выше Эглевагтов. Как я понимаю, Дерфар имен не называл, ты сам додумался до правильного ответа?

– Ну да, – подтвердил Ник.

– Высокородные привыкли изъясняться намеками. Говорить напрямую и называть вещи своими именами у них считается невежливым – так разговаривают с прислугой, а не с человеком из хорошего общества. Дерфар, конечно, умница, но мог бы учесть, что имеет дело с иммигрантом!

– Так я же понял его намеки и вовремя сбежал.

Дэлги скорчил гримасу и выцедил к себе в бокальчик последние капли из фляжки.

– А что за врагов ты успел нажать?

– Каких врагов?

– К тому, что ты угодил сюда, Аванебихи и Эглеварты непричастны. В аптеку тебя привел пожилой господин с фальшивой седой бородкой, это он настоял на Ганжебде. Мерзавец аптекарь хотел продать тебя... гм, в другое заведение. Что это был за тип?

– Я его на улице встретил. Он предложил проводить меня к «бродячим котам», сказал, что он местный, почтовый служащий.

– Вот как? По словам аптекаря, это прощельга без определенных занятий, причем не из Эвды, приезжий. Что еще о нем знаешь?

– Ничего.

– А он почему-то очень хотел тебя прикончить, и кулон с пресловутым домашним животным его не интересовал – уступил аптекарю по дешевке.

– Не знаю, в чем дело, я его раньше не встречал. Может быть, он меня с кем-то перепутал?

– Занятная история... Но сейчас для нас с тобой главное – унести отсюда ноги, желательно сразу после полнолуния. Предлагаю сделку: я не буду напиваться, как свинья, а ты за это будешь беспрекословно меня слушаться во всем, что касается нашей безопасности, идет?

– Хорошо, – Ник кивнул, глядя на него с легким испугом: вдруг он действительно сорвется в запой, с алкоголиками такое бывает. Да еще буяннить начнет...

– Во-первых, без меня не засыпать. А то может случиться так, что я вернусь – и обнаружу твой обглоданный труп. У меня есть мешочек с высушенными соцветиями глирксы, их аромат прогоняет сон. Спать будешь, пока я здесь, я-то при необходимости проснусь от малейшего движения воздуха. Во-вторых, если сюда что-нибудь полезет – сразу хватай и зажигай факел, вот они лежат, у стены. Подземные обитатели боятся света и огня. В-третьих... Супчик тебе понравился?

– Да, очень вкусный, – Ник в первый момент растерялся от неожиданного вопроса.

– Не только вкусный, еще и полезный. Усиливает иммунитет, ускоряет заживление ран и сращивание костей, и все такое. Это потому, что одна из приправ – семена плодов тамраги, священного дерева Прародительницы. Чистить их зверски трудно, и этим ты будешь заниматься в мое отсутствие, чтобы я, когда вернусь, смог без лишней возни приготовить поесть. Все понял?

– Да.

– Тогда пошли на экскурсию.

Дэлги встал, взял факел, снова повернулся к Нику, протянул руку – движения вроде бы неспешные, но в то же время стремительные и текучие, как всплеск волны. Если он так же двигается на арене, публика должна реветь от

восторга.

Ник поднялся на ноги нетвердо. Если бы не посторонняя помощь, тут же и уселся бы обратно, потому что голова опять закружилась.

– Идем. Все посмотришь, а потом будет несколько часов для сна.

За вторым из занавесов зиял туннель. Извилистый, ощеренный выпирающими где попало каменными клыками, он то сужался, то расширялся, и не производил впечатления рукотворной коммуникации. Дэлги предусмотрительно придерживал Ника за локоть.

Боковое ответвление привело в пещеру с небольшим озерцом в обрамлении все тех же острых камней, торчащих из пола под разными углами наклона. Мокрая темная стена искрилась в свете факела, тишину разбивал стеклянный звук падающих капель.

– Здесь я беру воду. Ты за водой не ходи, сам натаскаю. А то, если навернешься тут с ведром, радости будет мало.

Они вернулись в туннель и скоро очутились в другой пещере – такой большой, что Ник в первый момент решил, будто они вышли под открытое небо, только снаружи безлунная ночь и обстановка странная.

Все вокруг в белесых гофрированных наплывах. Своды теряются во тьме. Ощущается сквозняк, но воздух затхлый. Издали доносятся еле слышные невнятные шорохи.

Ник только сейчас почувствовал – именно почувствовал, каждой клеточкой тела, – что над головой находятся тонны и тонны камня.

– Что, проняло? – усмехнулся Дэлги, наблюдавший за его реакцией. – Здесь у нас, между прочим, сортир. Понимаю, это шокирует, но больше нигде, нельзя же справлять нужду около источника питьевой воды. Негигиенично. Вот крепление для факела, видишь? Один сюда не ходи, лучше воспользуйся ведром, которое с крышкой. Идем дальше, я тебе самое главное покажу.

Белесые фестоны и складки, обволакивающие скальную основу, с виду напоминали изнанку грибной шляпки, только окаменевшую, кристально твердую. Они и состояли из мельчайших кристалликов. Кое-где отливали розовым, фиолетовым или зеленым, сверкали алмазными блестками.

Это застывшее великолепие внезапно оборвалось, впереди разверзлась пропасть. Слабые шорохи и бульканье доносились оттуда. Из бездны торчали вразброс каменные островки, одни с округлыми, другие с плоскими верхушками, их основания терялись во мраке. До ближайшего около двух метров от края обрыва.

– Единственный прямой путь отсюда в Убивальню, – подняв повыше факел, объяснил Дэлги. – Перепрыгивая с одной опоры на другую, можно добраться до нижнего этажа известного тебе подвала. В последний раз я проделал этот путь еще и с грузом на плече! Так что тебя злодейски запихнули в мешок главным образом для того, чтобы побереечь твои нервы. Ну, все, идем обратно.

Когда вернулись в жилую пещеру, Дэлги подошел к серому занавесу, за которым скрывалась решетка.

– Вот здесь – запасной выход, можно выбраться на болото. Этим путем мы с тобой уйдем после полнолуния. Шторку не отдергивай – мало ли кто ошивается с той стороны... Если там будут скрестись, пиццать, скулить, даже разговаривать человеческими голосами – зажги пару факелов, чтобы побольше света, и держи наготове меч или кинжал, а к решетке близко не подходи. Вообще-то,

сюда никто не должен пролезть. Обе шторы сделаны из шкуры криворылого ешнарга, особым образом обработанной и заговоренной, они не пропускают незваных гостей. За все это время даже на полу никто не нагадил. Решетка прочная и заперта на два замка, но если у тебя хватит ума отдернуть занавес, оно просунет между прутьев конечность и сцапает то, что окажется в пределах досягаемости.

– Что – оно? – негромко спросил Ник.

По коже ползали холодные мурашки.

– Что угодно. То, что придет с болот. Помни о том, что ни кошек, ни трапанов в Ганжебде нет и быть не может, и не всякое двуногое без перьев является человеком. У нас в Иллихее водятся оборотни, – Дэлги ухмыльнулся и подмигнул. – Почему ты, например, знаешь, что я человек?

– Вы ведете себя и разговариваете, как человек, – ответил Ник, подумав: это, наверное, еще одна из тех шуток, из-за которых окружающие или хотят его побить, или разбегаются.

– Оборотни, которые живут на свете достаточно долго, умеют и вести себя, и разговаривать, как люди. А уж заморочить голову иммигранту вроде тебя – это для них детская забава, имей в виду. В общем, отсюда ни ногой, и никаких контактов с любыми гостями – тогда я, вернувшись, найду тебя живым и невредимым. Вопросы?

– Что такое криворылый ешнарг?

Не то, чтобы это был самый насущный вопрос, но Нику, ошеломленному ураганом новых впечатлений, он показался самым простым.

– Животное такое реликтовое, вроде ваших бронтозавров. Последние ешнарги вымерли около восьми тысяч лет назад, еще до того, как этот край был проклят богами.

– А почему криворылый?

– На морду они были несимпатичные. Ладно, ложимся спать, а то мне завтра с Яртом драться.

– С Яртом Шайчи?

Ник вспомнил наводящую оторопь мохнатую гору мускулов – и все то, что мутильщик Рют об означенной горе рассказывал.

– Ага, – Дэлги поглядел на его испуганное лицо и беззаботно усмехнулся. – Так что Ярт, считай, покойник, хотя сам он этого пока не понял. Устраивайся, я лягу с краю. Вероятность того, что сюда что-нибудь проберется, ничтожна мала, но скидывать ее со счета нельзя. В случае ночной тревоги моя задача – это самое что-нибудь поскорее прикончить, а твоя – сохранять самообладание и не мешать мне.

Ник смотрел в замешательстве.

– Вероятность вторжения – одна сотая процента, не больше, – постарался успокоить его гладиатор.

– Да нет... Это ничего... Но... Мы, что ли, должны спать вместе?

Дэлги выразительно вздохнул и закатил глаза к черному каменному потолку.

– Да, вместе! Потому что тьюфяк один, и одеяло одно на двоих, а здесь, если ты до сих пор не заметил, не жарко. Еще простудишься... Я же сказал, это была неудачная шутка! У меня в Рифале невеста есть. Метиска, ее зовут Елена. Ну, не есть, а была... Она меня бросила, потому что не хочет замуж за парня, кото-

рый напивается до скотского состояния и по дороге домой дерется с прохожими. Если меня обратно в гвардию возьмут, она вернется. Или другую найду. Не валяй дурака, ложись.

Ник улегся на тюфяк. Дэлги укрыл его стеганым одеялом и устроился рядом; звякнул клинок, который он положил возле постели.

Кажется, сомкнул глаза минуту назад – и уже трясут за плечо, осторожно, но настойчиво.

– Подъем!

В первый момент – полная дезориентация; потом Ник вспомнил, где находится и что произошло.

Позавтракали вчерашними лепешками, холодной копченой курицей и травяным чаем.

– Я какой-нибудь вкусной жратвы сверху принесу, – пообещал Дэлги. – Электрический фонарь забираю с собой, остальное в твоём распоряжении. До вечера.

Ник добросовестно следовал инструкциям. Раздевшись, смазал ушибы мивчалгой. Левый бок болел уже не так сильно, как во время его блужданий по Убивальне.

Потом взял жестянку с плодами тамраги. Дэлги насыпал туда всего-то горсть, и Ник рассчитывал управиться с работой за полчаса, но не тут-то было. Сушеные плоды с виду походили на чернослив, а по консистенции мякоть была вязкая и клейкая, как смола – пока отскоблишь, намучаешься. И это еще не все: после того как семечко очищено от «смолы», нужно снять скорлупу, намертво прилипшую к ядру. Отколупывать и отдирать ее приходилось кусочек за кусочком, обламывая ногти. Ник то и дело вытирал руки мокрой тряпкой, и все равно пальцы покрылись липким несмываемым налетом.

Этого занятия хватило почти на весь день. Коротенький перерыв, чтобы съесть оставшуюся куриную ножку – и снова сражение с деликатесной приправой. Ник страдал и злился, зато сна не было ни в одном глазу, матерчатый мешочек с соцветиями глирксы – их запах напоминал гвоздику – лежал на тюфяке невостребованный.

Когда он разделался с иллихейским «черносливом», стало хуже. В голове начали крутиться тревожные мысли: что, если Ярт Шайчи убил Дэлги? Или Дэлги победил и на радостях напился? Или Шайчи его ранил, и он не в состоянии пересечь пропасть с вырастающими из темноты каменными столбами? Если он по какой-то причине не сможет добраться до подземной пещеры, что ждет Ника?

Тяжелый хлопок отброшенного кожаного занавеса.

– Значит, спим?!

– Нет, – Ник рывком сел, поморщился от короткой боли в боку. – Я просто лежал. Я приготовил семена.

Он ведь прислушивался к шорохам – и все равно не услышал шагов Дэлги.

– Вы победили?

– А ты как думал? Ярта собрали и унесли в корзине. По-моему, зрителям это понравилось. Утром я выходил в город кое-что купить, и на обратном пути подцепил хвыщера, тут иначе никак. Не проблема, я уже от него избавился. А Шайчи оправдал свою репутацию и оказался сильным противником – достал

меня, шесть порезов. Поверхностные, ерунда.

Дэлги принес топорно сработанный деревянный стул и туго набитую матерчатую сумку (засаленная ткань в крупную клетку, в уголке вышит похожий на китайский иероглиф символ, отводящий от путешественников беду). Стул он голыми руками разломал на куски – небрежно, словно не замечая оторопелого взгляда Ника, – сложил в очаг и подвесил над огнем котелок с водой. Потом вытащил из сумки несколько свертков, а также новенькие кожаные сапоги, высокие, со шнуровкой.

– Примерь, это тебе. Твоя обувь для болота не годится. Потом еще кое-что принесу. Все сразу нельзя, нужно соблюдать конспирацию. Здесь обычное дело, если чемпион или кандидат в чемпионы устраивает себе потайную берлогу в катакомбах, чтобы спящего не убили. Я теперь чемпион, и то, что прячусь – считается, так и надо. Но если кто-нибудь узнает, что я прячу тебя, будут неприятности. Во-первых, о нас плохо подумают, – он широко ухмыльнулся (очевидно, в отместку за вчерашнее), – а во-вторых, с ножом к горлу пристанут, чтобы я выдал тебя мутильщикам. Раз ты прошел через Врата Смерти, ты должен выйти на арену – такова здешняя традиция, незыблемая и дурацкая, как большинство незыблемых традиций. Извлечь твоего хвещера – операция несложная, намного сложнее будет после этого отсюда свалить.

Говоря, он сбросил одежду, содрал окровавленные полоски пластыря и начал втирать в порезы мивчалгу. Самый длинный порез рассекал левую лопатку. Ник хотел предложить помощь, но его руки покрывала черная пленка, из-за этого кончики пальцев стали шероховатыми и нечувствительными.

– Это Ярт сбил меня с ног и от души рубанул, но я откатился, и он успел только полоснуть.

У Дэлги хватило гибкости, чтобы дотянуться до лопатки самостоятельно.

– Жалко, мотоцикл пропал, – сообщил он, снова одеваясь. – Я, когда приехал, оставил его около Убивальни. Естественно, сперли. Это был «Исебер», самая мощная и быстрая модель. Не завидую тому, кто его увел, – завязывая в хвост свои длинные волосы, похожие на жесткую бурую траву, Дэлги мстительно усмехнулся. – Я-то взял его в гараже у Дерфара цан Аванебиха. На нем установлена такая специальная противоугонная штуковина, которая начинает верещать при полицейской проверке. Она величиной с горошину и спрятана – нипочем не найдешь.

– Электроника? – спросил Ник.

– Бытовая магия. Это у вас электроника. Если счастливчик, который разжился мотоциклом, отправится на нем из Ганжебды в цивилизованный мир, он огреbet неприятностей... В чем дело?

– Видите, что у меня с руками? Оно, вообще, отмывается?

Дэлги взял помятую жестяную миску, плеснул туда холодной воды из ведра, добавил подогретой из котелка, потом вытряхнул несколько бирюзовых крупинок из флакона мутноватого стекла.

– Сполосни руки.

Клейкая пленка мгновенно отстала, осела на дно растрепанными лохмотьями, напоминающими ошметки тонкой резины. Ник, уже свыкшийся с мыслью, что это приобретение если не на всю жизнь, то, по крайней мере, на два-три ближайших месяца, с облегчением пошевелил пальцами.

– Теперь смажь руки мивчалгой, – велел Дэлги. – Завтра будешь заниматься

тем же самым.

Он скрупулезно отмерял и засыпал в котелок приправы для супа из дюжины баночек и мешочков. Ник, выполнив его распоряжение, устроился напротив.

– Тебе не хватает агрессивности, – не прерывая своего кулинарного колдовства, заметил Дэлги. – Это иногда хорошо, иногда плохо. Когда подойдет время рвать отсюда когти, это будет скверно. Разыскивая тебя в катакомбах, я рассчитывал на более серьезное сопротивление. Ты даже не пытался защищаться, еще и заснул в мешке. Взрослый ведь парень...

– Я перед этим долго не ел и не спал.

– Это тебя не извиняет. Ты не знал, что я не враг, поэтому должен был бороться. Попробовал бы кто-нибудь меня вот так умыкнуть!

Ник хмуро и отчужденно смотрел на него, не зная, что сказать на эти неожиданные обвинения.

– Ты слишком легко сдаешься, – заключил Дэлги. – Пусть твоя жизнь похожа на картину из белого песка на черной доске и может быть сметена порывом ветра – это не причина, чтобы заранее признавать свое поражение.

Теперь Ник уставился на него в полной растерянности, даже в шоке. Японские картины из песка – этот образ давно запал ему в душу, еще до Иллихеи, до всего. Позже ему пришлось в голову, что его жизнь – такая же, как эти недолговечные песчаные изображения; количество деталей и причинно-следственных связей не имеет значения, если все это может быть уничтожено одним махом, как уже случилось три года назад.

Он говорил об этом Миури и Королю Сорегдийских гор. Определенно говорил в Нойоссе кому-то из тех ребят, с кем у него под конец сложились отношения, близкие к приятельским. Кажется, Элизе тоже... Но Дэлги он об этом не рассказывал, совершенно точно не рассказывал! Откуда Дэлги об этом знает?

– От тебя же и знаю, – загадочно усмехнулся гладиатор, когда он задал вопрос вслух. – С твоих собственных слов. Красиво, но неправильно, материя человеческой жизни на песок не похожа.

– Я вам о картинах из песка не говорил, я бы это запомнил... Или я что-то такое сказал во сне?

– Вроде того.

Дождь моросил вторые сутки, превращая Эвду в размытую жемчужную акварель, усиливая сходство неказистого континентального городка с Хасетаном в пасмурную погоду.

Вообще-то, если посмотреть непредвзято, никакого сходства не было, но Ксавата все равно одолевала приступы обострившейся ностальгии.

В гостиницу на северной окраине Эвды вся компания перебралась еще вчера. Задрипанное заведение, на клумбах под окнами вымахали сорняки выше первого этажа – экая красота, а сами окна не мыты с прошлогоднего праздника летнего солнцеворота, и вокруг кишмя кишат пятнистые прыгунцы, крупные и наглые.

Позавчера Донат Пеларчи ворожил и сумел определить, что дичь находится на севере. Происходило это в привокзальной гостинице на южной окраине. Стало быть, оборотень либо в Эвде, либо севернее Эвды.

Теперь охотник готовился к ворожке на новом месте, которая должна пока-

зять, где искать окаянную тварь: к югу от гостиницы – то есть в городе или в противоположном направлении, в проклятом заболоченном краю. Может быть, Король Сорегдийских гор подался в Ганжебду, чтобы выиграть деньжат в тотализатор?

Заведение стояло аккурат при выезде из Эвды на Шанбарский тракт, по которому Ксавату несколько дней тому назад пришлось прокатиться туда-сюда. Он понимал целесообразность Донатова решения, но его возмущало, какую срань развел здешний персонал вместо надлежащей заботы о постояльцах. Он уже объяснил разгильдяям, что такое порядок и что такое срань, и в ответ ему нагрубили, но последнее слово осталось за ним. Не родился еще тот тупак-провинциал, который переорет и перебрешет истинного хасетанца!

Из окна на втором этаже открывался вид на подернутую моросью булыжную улочку. Вровень с карнизом покачивались мокрые верхушки сорняков с клумбы перед фасадом. Каждый раз, как они попадались на глаза, Ксават испытывал прилив желчного азарта – хотелось поймать кого-нибудь из гостиничной прислуги и еще раз обругать за нерадивость.

На другой стороне улицы прятались за высокими заборами одноэтажные домики, напротив торчал старый-престарый особнячок с внушительным парадным крыльцом. По бокам от широченной лестницы мокла под дождем пара щербатых каменных грызвергов.

– Это что за звери такие? Похожи на злых собак и на безгривых львов.

– Грызверги.

– Что-то я о них читала... Они считаются особо опасными животными, правда?

Элиза, дрянь девка, заигрывала с Келхаром, а тот, против своего сволочного обыкновения, разговаривал с ней обходительно, без презрительных интонаций.

Прочитал ей целую лекцию – о том, как в давние времена, когда правили императоры династии Оншчегото, грызвергов специально тренировали и натаскивали для преследования неудобных.

– ...Это у них в крови. Они лучшие преследователи, чем собаки. Если грызверга натравить на врага, его ничто не остановит. Погоня может продолжаться несколько суток, месяц, полгода – грызверг будет идти по следу, как разогнавшаяся смертоносная машина, делая короткие остановки для сна, добывая пищу, где придется, не отвлекаясь на посторонние объекты. В конце концов он настигнет и растерзает свою жертву. Я бы сказал, что грызверг – это неотвратимая гибель, пример всем охотникам.

«Хе, только не тем, которые пьют с Сорегдийской тварью!» – ехидно ухмыльнулся в сторону Ксават.

– Но, наверное, такого грызверга можно было застрелить из арбалета или из пистолета? – нежным голосом заметила Элиза.

– Это было невозможно, потому что на императорских грызвергов надевали ошейники с оберегами, отводящими пули, стрелы, арбалетные болты, пушечные ядра и любое метательное оружие, – Келхар скупно улыбнулся, глядя сверху вниз с сумрачно-умильным выражением на хорошенькое личико девушки.

– Я слышал, супруга рифалийского гараоба держит такого зверя, – вступил в разговор Донат – он сидел, как идол со сложенными на животе руками, в са-

мом вместительном кресле, какое нашлось в этом дрянном заведении. – Говорят, невеликого ума женщина, однако же грызверга приручить сумела. Я также слышал, что она раздобыла для него один из тех знаменитых ошейников старинной работы.

Пустая тема увлекла всех, кроме Ксавата; даже Вилен, скромненько сидевший в углу, с интересом прислушивался. А Ксават мог сейчас думать только о двух вещах: об охоте и о Хасетане, о Хасетане и об охоте.

Этот темный и жутковатый закоулок Пластилиновой страны на проверку оказался интересным местом. Хотя, если бы не Дэлги, чье присутствие гарантировало Нику безопасность, он бы ничего интересного тут не увидел. Это, наверное, как на море: одно дело, если ты захлебываешься и тонешь – и совсем другое, когда сидишь в лодке, спокойно разглядываешь переливчатую водную поверхность, медуз и водоросли в ее толще, небо с чайками, горизонт... Ник чуть не утонул, но его в последний момент выдернули за шиворот.

Теперь он мог оценить экзотику пещерной жизни. Вот только очищать семена тамраги ему уже осточертело. Он продолжал работу через силу – из признательности к Дэлги и ради вкусного супа вечером.

На подозрительные шорохи за шторой, где находилась решетка, он обратил внимание не сразу. Уж очень они были тихие, а Ник с мрачным упорством раздевал очередную «черносливину». Когда до него дошло, что привычный звуковой фон изменился, он поднял голову – и замер: штора колыхалась.

Там кто-то есть. Ник покрылся холодным потом.

Не паниковать. Действовать, как велел Дэлги.

Вскочив, он схватил факел, поджег от свечи, сунул в крепление из темного окислившегося металла. Повторил эту процедуру. Он торопился, руки дрожали.

Пещеру залил яркий трепещущий свет, запахло гарью. Штора продолжала шевелиться.

Сердце колотилось где-то в пятках. Ник подошел к сложенному у стены оружию, вытащил из ножен длинный кинжал. Потрогал пальцем лезвие: острое, как бритва.

– Эй, кто там? – хриловатый голос, то ли женский, то ли детский.

Ник молчал.

– Ну, я же тебя слышу! – в голосе звучала обида. – Открывай, а то мне холодно!

Он неуверенно шагнул к шторе.

– Что ты там делаешь?

Дэлги вроде бы не запрещал задавать визитерам вопросы.

– Ищу выход, а тут темно, – жалобно затараторила девушка. – Они меня поймали и привезли сюда, я от них убежала, заблудилась. Открой скорее, мне страшно!

Ник сделал еще один шаг, но снова остановился. Дэлги ведь предупреждал... С другой стороны, вдруг это настоящая девушка, попавшая в неприятности? Всякое ведь бывает...

За шторой начали шмыгать носом и всхлипывать, негромко и беспомощно. Это его доконало. Слишком часто он слышал, как плачут – и в палаточном лагере беженцев, и до, и после. С кинжалом наготове подошел ближе, отдернул

тяжелый занавес и сразу отступил назад.

Ничего опасного там не было. Возле решетки стояла, держась за прутья, самая обыкновенная девчонка. Абсолютно голая, исцарапанная, грязная.

Ник, от этой картинки лишившийся дара речи (он в первый раз видел девушку без ничего, кино не в счет), ошеломленно смотрел на нее.

Небольшие округлые груди, широкие бедра, полные коротковатые ноги. На шее сверкает колье. Ногти грязные, обломанные, зато на пальцах перстни с драгоценными камнями. Мраморно-белое скуластое личико, немного вздернутый нос. Мокрые слипшиеся волосы непонятного цвета свисают сосульками, падают на лоб. Глаза большие, блестящие, с темной до черноты радужкой.

– Ты кто? – выдавил Ник.

– Люссойг. Это меня так зовут, – она хихикнула, словно и не плакала минуту назад. – Какой ты хорошенький! А я там лазила-лазила, еле вылезла.

– Тебя, что ли, тоже продали в Убивальню?

Комплимент его смутил, и вообще мысли путались. Поскорее получить логически непротиворечивое объяснение – это казалось ему сейчас делом перво-степенной важности, а то окружающий мир слишком пластичен и зыбок.

– Ага, продали, – подтвердила Люссойг. – Видишь, какая я мерзлая? Без одежды-то плохо... – она зябко поежилась. – Открывай скорей!

– Подожди, – изучив решетку, Ник обнаружил небольшую дверцу с двумя замками. – Я должен найти ключи. Надень пока вот это.

Сбросив куртку, он стянул трикотажный джемпер, который принес вчера Дэлги, отдал Люссойг, а сам принялся обшаривать пещеру в поисках ключей. Они должны быть где-то здесь – но где? Вряд ли Дэлги таскает их с собой.

Люссойг сперва наблюдала за поисками, потом попыталась разогнуть толстые прутья – и те неожиданно начали поддаваться.

– Давай, помогу, – предложил Ник. – Тогда сможешь пролезть сюда.

Девушка была невысокая, джемпер сидел на ней, как короткое платье. Теперь Ник мог смотреть на нее без той смеси замешательства, желания и смущения, от которой в мозговых цепях вылетают предохранители.

– У меня еще есть новые теплые носки. Вот, держи.

Протянув ей шерстяной комок, он взялся за холодные прутья и, напрягая все силы, тоже попытался их раздвинуть. Прутья не шелохнулись.

Люссойг вцепилась в них с другой стороны. Опять пошло – отвоеван какой-то сантиметр, но все-таки... Неужели маленькая девушка сильнее Ника? Хотя, он читал, что человек в состоянии аффекта много чего может, а Люссойг, после всего, что ей пришлось пережить, наверняка находится в состоянии аффекта.

Хлопок занавеса. Ник не успел оглянуться – его грубо схватили за ворот и рванули назад. Он не устоял бы на ногах, если бы Дэлги не удержал его.

– Как это понимать, а?!

– Там девушка, ей нужна помощь... У нее нет одежды, и она заблудилась. Где ключи?

– Не двигаться!

Нику потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что окрик адресован Люссойг. Решив, что Дэлги в этот раз вернулся пьяный, потому и угрожает, не разобравшись, он дернулся и попытался выбить у гладиатора оружие. Ничем хорошим это не кончилось – его без церемоний швырнули на тюфяк.

Трещина в ребре уже заросла, и ушибы прошли (иллихейские лекарства делают свое дело быстро), так что Ник, в первый момент оглушенный, сразу вскочил.

– Тоже, нашел девушку! – смерив взглядом гостью, фыркнул Дэлги.

Выглядел он совершенно трезвым и держал наготове метательный нож.

– Если она попала в такую ситуацию, это не значит, что ее можно оскорблять, – заступился Ник. – И уберите оружие!

– Пустите меня к вам! – заныла Люссойг. – Трахаться будем! Я много-много всякого умею... Вам со мной понравится!

Ник опешил. Потом покраснел. Потом подумал, что девчонка не в себе – свихнулась, пока блуждала в одиночку по этому подzemелью, ее бы в больницу сдать.

– Разве девушки так себя ведут? – хмыкнул Дэлги.

Спрятав нож, он подошел к решетке, взялся за погнутые прутья и без видимых усилий вернул их в исходное положение.

– Если заблудилась, могу подсказать, как выбраться наверх. Иди развлекаться в город, а здесь чтоб я тебя больше не видел.

– Не хочу в город, хочу к вам! – жалобно протянула Люссойг. – Он красивый, дал мне одежку, и ты мне тоже нравишься, хоть и сердитый. Если по-честному, я служанка в одной гостинице, новенькая, из деревни. Хозяева меня били, и я оттуда ушла. Ну, пустите меня!

– Да из тебя служанка такая же, как из него гладиатор, – Дэлги кивнул на Ника.

– Это чего значит? – она прищурилась.

– Это значит, я тебе не поверил.

– Ну, тогда я проститутка из города. Похожа ведь, правда?

– Скажи спасибо, что я не охотник. Ты сначала складно врать научись, а уж потом к людям приставай. Найдешь дорогу наружу?

– А к себе вы меня не пустите? – грустно спросила девушка, прильнув к решетке.

– Только тебя нам тут не хватает. Иди лучше в город.

Дэлги задернул шторы.

– Там же темно! – сказал Ник.

– Там полно светящейся плесени, для нее света достаточно. Как бы она иначе сюда пробралась?

– Почему ей нельзя к нам?

Ему и жалко было странную девушку, и в то же время возникло мучительное чувство, будто показали что-то яркое, привлекательное, манящее – и сразу отобрали. Он подавленно смотрел на тяжелый серый занавес.

– Послушай, у меня к тебе вопрос, каверзный и бестактный... У тебя хотя бы с одной что-нибудь было?

Ник быстро взглянул на Дэлги – не смеется ли тот. Нет, непохоже.

– Ну... Вам-то какая разница?

– Ясно. Думаю, все-таки можно пригласить так называемую девушку к нам в гости.

Подмигнув ему, Дэлги снова отдернул шторы.

– Эй, ты еще здесь? Иди сюда, сейчас открою.

Люссойг вынырнула из темноты и обрадованно затараторила:

– Вот и хорошо, и я буду с вами ужинать! Хочу поесть человеческой еды! Вы мне дадите попробовать все, что у вас есть, а потом будем трахаться!

Ник в замешательстве глядел на нее, поэтому не заметил, откуда гладиатор извлек кольцо с двумя ключами. Автоматические замки, покрытые темным слоем смазки, открылись со скрежетом. Впустив Люссойг в пещеру, Дэлги хлопнул дверцу и вернул занавес на место.

– Дайте ей мивчалгу, – попросил Ник.

– Не беспокойся, на ней и так болячки заживают втрое быстрее, чем на тебе, – заметил Дэлги, но банку с мазью все-таки достал.

Люссойг, нисколько не смущаясь, сбросила джемпер. Нику и хотелось на нее смотреть, и в то же время он не знал, куда деваться от неловкости. Дэлги, как ни в чем не бывало, занялся ужином. С гостьей он разговаривал грубовато; прикрикнул, чтобы она не переводила понапрасну слишком много мази и не хватала копченое мясо, предназначенное для супа, но та не обижалась.

– Я заблудилась, – сообщила она, с вожделием поглядывая то на Ника, то на котелок с аппетитным варевом. – Раньше я жила в одном городе, в доме с мебелью и цветными ковриками, а потом меня украли и привезли в Ганжебду, я хочу вернуться домой.

Дэлги скептически приподнял бровь.

– Твой дом – это какая-нибудь лужа или кустарник на болоте? Откуда же там возьмутся коврики?

– Нечего об этом... Сам-то ты кто? – Люссойг прищурилась и склонила голову набок. – У меня глаз наметанный!

– Кто бы я ни был, а я не бегаю нагишом и похож на приличного человека.

– То-то и оно, что похож! Ну, скажу... Я искала короткий путь в город, чтоб туда и обратно через подземелье, а то у меня времени мало. Меньше, чем один месяц, зато каждые два года. Или не два, а год и еще вот столько... Я умею считать до десяти, а когда какой-нибудь кусочек числа, это же никак не назовешь. Ну, в общем, ты понял? А у тебя сколько времени?

– Скоро будет готово – и поужинаем, – флегматично произнес Дэлги, добавляя в котелок щепотку сушеной травы из фиолетовой склянки.

– Наверное, много, – с завистью вздохнула Люссойг. – Ты не из наших, а то бы я о тебе знала. А про платье свое расскажу, чего случилось. У меня тут есть своя секретная пещерка, я там одежку храню. Добегу туда и оденусь, а как мое время закончится – оставляю все там. Ну и вот, в прошлый раз я трахалась с одним человеком, и он меня всяко угощал, и в последний день купил пирог с повидлом. Такое повидло вкусное! Полпирога я унесла с собой, чтобы в пещерке на дорогу съесть. Повидло оттуда как полезло, и я вся перемазалась, и мыться некогда. Пока меня не было, туда напоззли цетач... цехтя... как их... Ну, цевтяки, и съели платье, потому что оно было в повидле, одни пуговицы остались. Красивые пуговицы, я их припрятала. Туфли с атласными бантиками тоже съели. Я рассердилась, я этих цевтяков ногами топтала. Потом пошла ход в Убивальню искать, чтобы новой одежкой разжиться, а то в городе меня без платья люди засмеют или изнасилуют. Цевтяки противные, не люблю их!

– Цев-та-ча-хи, – по слогам произнес Дэлги. – Запомни слово.

– Цев-та-ча-хи, – повторила за ним Люссойг.

– Если хочешь, чтобы тебя принимали за человека, учись говорить правильно. Сможешь поймать для меня цевтачаха? Я тебе за это новое платье

куплю.

– Зачем тебе цветяк?

– Нужен. Посадишь его в банку и принесешь сюда. А платье будет с кружевами и оборками, с блестящими пуговицами... И красивые туфли того же цвета.

– Розовое хочу!

– Договорились, розовое.

– Я тебе за это хоть десять цветяков наловлю, хоть два раза по десять!

– Одного хватит, только выбирай покрупнее. И банку закроешь крышкой, чтобы он не вылез и не пошел гулять по пещере.

– Ваши припасы съест, – хихикнула девушка.

– То-то и оно, и тогда нечем будет тебя угощать.

После ужина отправились втроем в пещеру с озером. Дэлги сложил в ведро миски, ложки, котелок, мыльницу, захватил полотенце для Люссойг. Ник с оторопью думал о том, каково ей будет отмываться от грязи в ледяной воде, но она перенесла экстремальное купание на удивление стойко, и среди торчащих камней-клыков пробиралась с обезьяньей ловкостью, ни разу не споткнулась и не ушиблась.

– Хорошее какое озеро, – вздохнула она, кутаясь в полотенце. – Мне бы такое!

Зубы у нее слегка стучали от холода, но она относилась к этому, как к веселому приключению.

– А чем тебе твое озеро не нравится? – спросил Дэлги.

Он сидел возле кромки воды и намыливал котелок из-под супа, закатав рукава.

– Там везде ил, грязно, шныряет кто попало – жуки, челюстники, цветяки, улитки и еще всякие, они мне надоели. А здесь вон как... Красиво! И дно каменное, чистенькое. А там, если захочу на дне полежать, прямо с головой в эту грязь.

Ник наконец-то догадался, почему она такая странная.

– Люссойг, ты, что ли, настоящий оборотень?

– Он думает, что бывают ненастоящие оборотни, – Дэлги заговорщически подмигнул девушке.

Та звонко расхохоталась, запрокинув голову, пещерное эхо умножало ее смех.

Глядя на них, Ник почувствовал себя посторонним. Озаренная светом факела нагая девушка-оборотень и ухмыляющийся гладиатор, хотя и принадлежали к разным расам, были коренными иллихейцами, а он еще не прижился здесь по-настоящему. Зато они относились к нему дружелюбно. Если разобраться, в своем родном мире, бездумно избавлявшемся от «ненужного» населения, он оказался чужаком в большей степени, чем в Иллихее.

Эта острая смесь одиночества – и ощущения, что ты все-таки связан с теми, кто находится рядом, пусть они во многом на тебя не похожи, была горьковатой, но приятной, как аромат сжигаемой осенней листвы.

Когда вернулись в пещеру, Дэлги сказал, что будет первым. Ник и не собирался в чем бы то ни было с ним соперничать, вдобавок его едва ли не колотила лихорадка: получится или нет, и как он опозорится, если не получится... Ну и то, что их здесь трое, тоже напрягало.

– Да тебя трясет! – заметил Дэлги, взяв его за плечо. – Вот что, сядь и успокойся.оборотни на порядок сильнее людей, и я боюсь, что Люссойг от избытка страсти переломает тебе остатки ребер, поэтому пусть она сначала израсходует энергию на меня – мои-то кости крепче твоих. И не волнуйся. Ты, конечно, пока ничего не умеешь, зато Люссойг умеет все, что ты можешь себе представить, и еще сверх того. Это с виду она твоя ровесница, а на самом деле ей лет двести-триста, раз она успела освоить связную человеческую речь. Так что все в порядке.

– Я лучше выйду, пока вы здесь будете, – промямлил Ник. – Нельзя же при посторонних...

– Никаких «я выйду». Еще споткнешься и расшибешься, в расстроенных-то чувствах... Можешь отвернуться, если такой застенчивый.

Ник уселся подальше от тюфяка, уткнулся лбом в колени. Теперь его кололо меньше, но все равно было не по себе. Он их не видел, зато слышал – даже этого достаточно... Потом по каменному полу прошлепали босые ноги, и его схватила за руку теплая ладошка.

– Ник, пойдём трахаться! А чего ты закрыл глаза?

Он был как пьяный. Люссойг начала снимать с него рубашку и восторженно ахнула.

– Красивый камень! Красный – значит, рубин! Подаришь мне?

– Не подарит, – ответил за Ника Дэлги. Он неторопливо одевался, мускулистый торс лоснился в полумраке. Ник, покосившись на него, отметил, что порезов, которые остались после поединка с Яртом Шайчи, уже не видно. – И стащить не пробуй, этот рубин принадлежит богине-кошке. Если возьмешь, она рассердится.

Люссойг, потянувшись к кулону, отдернула руку.

От нее пахло водорослями. Слабый, но будоражащий болотный запах. Ника больше не лихорадило. Как будто его с головой накрыла горячая сладкая волна, и напряжение исчезло. Они с Люссойг опрокинулись на тюфяк. Знание о том, что она оборотень из озера, превращало происходящее в сон наяву. Она была сильная и гладкая, а темные глаза блестели, словно оконца воды на болоте.

Потом Ник лежал, обессиленный, умиротворенный, опустошенный, и благодарно поглаживал руку растянувшейся рядом Люссойг – все медленнее и медленнее, потому что его постепенно затягивало в сон. Дэлги встряхнул его за плечо и потребовал, чтобы он оделся: «иначе простудишься, иммунитет у тебя не такой, как у оборотней».

Ник с горем пополам натянул одежду, в то время как Люссойг, наблюдая за ним, хихикала. После этого ему позволили заснуть, даже одеялом укрыли, и что творилось в пещере дальше – он не видел.

Утром (если это было утро, а не другое время суток) его, как обычно, разбудил Дэлги. Люссойг рядом не было.

– Она отправилась за цевтачахом, – объяснил Дэлги вполголоса. – Пошли со мной.

И мотнул головой в сторону занавеса, за которым находился туннель.

– Зачем нам цевтачах? – спросил Ник, когда вышел следом за ним из пещеры.

– Для хвыщера. Эту дрянь просто так не уничтожить, можно только переса-

дить в другого носителя. Не обязательно, чтобы жертва была разумной, сойдет любое живое существо. Насчет Люссойг, – гладиатор остановился, повернулся к Нику. – Без меня тебе лучше с ней не общаться, но ведь не выдержишь... Поэтому ключи я спрятал, болтайте через решетку. Остальные удовольствия – в моем присутствии.

– Почему?

Его разбирала и обида, и протест против такого диктата. Началась, можно считать, взрослая жизнь, а с тобой обращаются, как с третьеклассником...

– Потому что она может убить или покалечить тебя просто так, из интереса. Или для того, чтобы подшутить надо мной. Мало ли что взбредет ей в голову... Она ведь не человек, не забывай об этом. Девушка, с которой ты вчера занимался любовью, – всего-навсего видимая телесная оболочка. Люссойг ее когда-то убила – съела мясо, поглотила жизненную энергию и после этого обрела способность принимать ее облик. Чем больше жертв съедено, тем больше в запасе у оборотня вариантов человеческой наружности, – Дэлги снисходительно усмехнулся, словно сочувствуя оторопевшему Нику. – В своем истинном облике Люссойг выглядит иначе – клешни, жвалы, скользкая холодная кожа, покрытая слизью... или, может, пластинчатый панцирь. Я хорошо знаю таких, как она, и знаю, чего от них ждать. Я ведь одно время, еще до гвардии, был учеником охотника, тогда и пристрастился к выпивке, и заодно много узнал о повадках нечисти. Только не говори об этом Люссойг. Если она услышит, что я бывший охотник, отношения осложнятся.

Ник кивнул.

– Я наплел ей о себе всяких небылиц, – еще больше понизив голос, добавил Дэлги. – Будто сам я тоже оборотень, да такой, что круче некуда, – это чтобы она меня уважала и хорошо себя вела. Кругозор у нее небольшой, так что поверила. Не удивляйся, если она что-нибудь на эту тему выдаст, и не разубеждай ее, хорошо?

Ник снова кивнул и без всякой задней мысли спросил:

– А где лежат ключи? Чтобы я знал, на всякий случай...

– Ага, сейчас сказал! – Дэлги смерил его насмешливым взглядом.

В этот раз Ник прислушивался к звукам за шторой, и когда там начали скрестись, отодвинул тяжелую колючую кожу.

Люссойг, в замызганном джемпере, поверх которого переливалось кольцо, держала в руках большую жестяную банку из-под компота.

– Поймала вам цветяка! – гордо сообщила она, встряхнув банку. – Открывай скорей, хочу к тебе.

– Я не знаю, где он спрятал ключи, – виновато ответил Ник. – Придется подождать. Давай сюда банку.

– Э, так и дала! – Люссойг хитровато усмехнулась и крепче прижала к себе грязную жестянку. – А вдруг он про мое платье забыл? Сменяю цветяка на розовое платье, чтобы все по-честному!

Ник угостил ее сыром, лепешками и цыпленком, потом они целовались через решетку. Люссойг начала ныть, чтобы он нашел ключи, но Ник не собирался рыться в вещах Дэлги – в конце концов, это его пещера.

– Ага, если мы стащим ключи, вдруг он за это нас приберет или не даст больше того вкусного супа? – согласилась девушка. – Он очень старый и сильный, лучше делать, как он велел.

– Разве Дэлги старый? Ему лет тридцать. Может, около сорока, но не больше.

– Обернулся молодым, дело нехитрое, – она небрежно махнула грязной миниатюрной ручкой. – Старый, потому что долго живет – много-много-много раз по десять. Вот интересно, что в тебе особенного, если такой, как он, о тебе заботится? Ты симпатичный, это да, но симпатичных много... Он сказал, есть такое, чего я пока не умею видеть, но потом научусь, если буду смотреть и учиться. Я все хочу скорее! И чтобы моего места было побольше, а то надоело озеро, оно маленькое, и народ там один и тот же – улитки, водомерки, наглые жуки. Зато теперь я знаю: если съем соседа, стану сильней, и его территория станет моя. Только Дэлги сказал, соседа надо съесть, когда он в своем истинном облике, иначе это не получится. Дэлги так делал много-много-много раз по десять, вот я и говорю, что старый – это же сколько времени нужно! Подумать страшно, словно заглядываешь туда, где дна нету.

Видимо, Дэлги ей качественно голову заморочил. Для таких прозаических подробностей, как алкогольная зависимость, разгром сортира на сельском празднике и увольнение с работы, в этой жутковатой фантастической картине не было места.

– У меня есть один подходящий сосед, – присев на корточки и подперев кулачком подбородок, увлеченно рассуждала Люссойг. – Злюка, мы с ним ругаемся, кидаем друг в друга грязью. Озеро мое, а рядом его зыбучка, и дальше гать, где люди ходят. Кто близко подойдет, он сразу хватать – и тащит к себе, хорошо ему, правда? Вот бы его съесть, как Дэлги научил, тогда зыбучка станет моя, как интересно-то будет!

С виду обыкновенная девчонка: миловидное скуластое личико, полные губы, вздернутый нос, невымытые и нечесанные волосы – то ли русые, то ли пепельные, при таком освещении оттенки неразличимы. Ник возился с плодами тамраги и между делом слушал ее болтовню, от которой временами пробегал по спине холодок. Если бы их с Люссойг не разделяла прочная решетка, ему было бы очень даже неуютно, так что к лучшему, что Дэлги припрятал ключи – Ник оценил эту разумную меру только теперь, задним числом.

Дэлги, вернувшись, вытащил из сумки хрустящий пакет с розовым атласным платьем. И кружева, и оборки, и пуговицы с крупными блестящими стразами – все на месте, как обещал. Люссойг завизжала от восторга. Он достал еще один сверток: пара изящных остроносых туфель с атласными розочками. Девушка стянула джемпер и бросилась примерять обновки.

– Честно расплатился за цветяка – и заодно сделал верный тактический ход, – шепнул гладиатор Нику, пока она кружилась по пещере, счастливо напевая что-то бессвязное. – В Убивальне начали подозревать, что я живу не один, а теперь будут думать, что я держу здесь женщину. Ты вот что, если я начну ей лапшу на уши вешать – ну, насчет того, что я оборотень – не вмешивайся в разговор, так оно будет лучше.

– Хорошо. А откуда вы знаете про лапшу? Это ведь наше выражение.

– Лингвистическая диффузия, понял?

Люссойг извозилась в грязи, пока ловила «цветяка», и Дэлги опять потащил ее купаться. Ник с завистью смотрел, как она плещется в ледяной воде. Хорошо этим оборотням, они закаленные... И гладиаторам тоже хорошо – наверху, в Убивальне, есть баня.

– Что опять скис?

– Вспоминаю ванную, которая во дворце у Дерфара цан Аванебиха.

– Зашибенное местечко, – согласился Дэлги, как будто он эту ванную видел.

После ужина и секса, уже почти засыпая, Ник услышал, что за байки тот рассказывает Люссойг.

– ...Я был тогда молодой и глупый, вроде тебя. И вот забрел однажды на мою территорию заблудившийся путешественник... Естественно, я обрадовался: жратва пришла!

Люссойг, снова натянувшая блестящее атласное платье, заулыбалась и энергично закивала: очевидно, с ее точки зрения это была самая естественная реакция на одинокого прохожего. А Ник лежал на боку и смотрел на них сквозь ресницы, у него слипались глаза. Дэлги, заметив его взгляд, украдкой подмигнул: никуда не денешься, приходится напрягать извилины и сочинять сказки.

– Это был ученый книжник из Накувана, города в Ретонском княжестве. Накуван превратился в руины три с половиной тысячи лет назад, но в ту пору, когда я был безмозглым молодым живоглотом, он процветал. Книжника звали Рехас. Когда я его сцапал, он, на свое и на мое счастье, не перетрусил до потери рассудка, а начал заговаривать мне зубы. Рассказывал о вещах, которых я не видел, о дальних краях, о незнакомых мне коллизиях человеческой жизни. Потом спросил, умею ли я читать. Я не умел, и он предложил научить. Рехас сыграл на моем любопытстве – и остался жив, и я, надо сказать, тоже не остался внакладе. Позже он упросил меня отпустить его домой, к старикам родителям, пообещав, что вернется с книгами.

– Вернулся или обманул? – поинтересовалась Люссойг.

– Вернулся. Он, конечно, боялся, но у меня нашлось, чем его соблазнить. Не прелестями своими – мой истинный облик таков, что большинство людей или в панике убегает, не разбирая дороги, или падает в обморок. Зато у меня было то, в чем Рехас нуждался, – золото и драгоценные камни, да еще кошельки тех странников, которые оказались не такими находчивыми, как он. Рехас был беден, еле сводил концы с концами. Вдобавок его, как истинного просветителя, увлекла идея цивилизовать чудовище, наводящее ужас на всю округу. Так что он пришел снова, никуда не делся. Получилось, что я вроде как нанял себе учителя. Мы с Рехасом общались до самой его смерти. С годами он состарился и ослаб и больше не мог приезжать ко мне в гости, но я, когда оборачивался, навещал его в Накуване. Умер он известным человеком – Рехас Накуванский, автор нескольких философских трактатов и занимательных повестей. Если бы Ник родился в нашем мире и учился в иллихейской школе, он бы знал, о ком я говорю.

– А я знаю, – сонно возразил Ник. – Миури давала читать... То есть сестра Миури.

Ему хотелось дослушать историю до конца, и он прикладывал отчаянные усилия, чтобы удержаться на краю бодрствования.

– Известность Рехасу принесли его литературные опыты, а богатство он получил от меня. И я же расправился с деятелями, которые пытались науськивать на него народные массы Накувана. Первого утащил к себе и с немалым удовольствием пообедал, второго похитить не удалось, убил счастливирика в городе. Рехас не просил меня об этом, и ему это не понравилось – мол, негоже

так с оппонентами, хоть они и мракобесы – но тут уж я не считался с его мнением. К чему я все это рассказываю? Не к тому, чтобы Ник не выпался, а чтобы ты поняла: если тебе попался умный человек, интересней будет не слопать его, а поговорить с ним. Слопать-то можно кого угодно, у вас тут еды навалом.

– Ага, хорошо так рассуждать, пока мы люди, – протянула Люссойг, теребя оборки платья. – А когда в истинном облике – сам ведь знаешь!

– Научись контролировать себя, когда находишься в истинном облике. Уподобляться животному, которое способно думать только о кормежке, – это неправильно и не обязательно. Я знаю, о чем говорю. Запомни, власть над собой – первый шаг к могуществу.

«Он хочет привить ей человеческий взгляд на вещи, – подумал Ник, засыпая. – Наверняка тут есть что-нибудь такое, чего он не учитывает, мы же с оборотнями разные биологические виды...»

Окончание мысли смазалось, он уснул раньше, чем додумал ее до конца.

Во сне он бродил по пустому, без людей, азиатскому городу с типовыми белыми многоэтажками и небрежно вылепленными глинобитными кварталами, искал свою прежнюю квартиру среди бесчисленного множества других разгромленных квартир. Иногда в мешанине обломков, битого стекла и растерзанных предметов попадалось что-нибудь знакомое – например, цветной абажур из комнаты родителей или сделанные отцом полки для книг. Потом все это начало содрогаться, как при землетрясении, и превратилось в тускло освещенную пещеру.

Дэлги тряс его за плечи.

– Ты плакал во сне.

– Мне приснился мой мир, – глухо пробормотал Ник.

– Ты здесь, а не там. Все в порядке.

– Не надо... Пустите!

Как только он в панике рванулся, гладиатор разомкнул объятия и нейтральным тоном пояснил:

– Я только хотел тебя успокоить. Мнительный ты...

Ник готов был от стыда провалиться сквозь землю – но ведь он и так находится не где-нибудь, а под землей. Придвинулся к холодной каменной стене, уткнулся в нее лбом. Глупо. Видел же сегодня, что Дэлги с Люссойг вытворяли на этом самом тюфяке – так какие после этого могут быть подозрения?

Кстати, где Люссойг? Выждав, чтобы Дэлги уснул, он осторожно приподнялся и оглядел помещение. Девушки не было.

– Что еще тебя беспокоит?

Гладиатор, оказывается, не спал.

– Где она?

– Я ее выставил. У нее своя пещера, пусть там ночует. Если она поймет, что я наврал, может с досады нас убить.

Последнюю фразу он произнес чуть слышным шепотом, словно опасался, что девушка-оборотень притаилась по ту сторону занавеса и подслушивает их разговор.

– У вас очень складно получилось.

– Я такую новеллу однажды прочитал в журнале «Ваш приятный досуг», когда сидел на гауптвахте. Давай-ка лучше спи. До полнолуния осталось всего ничего, силы тебе понадобятся.

Утром он покормил обитателя консервной банки кусочками разломанной черствой лепешки. Цветачах походил на белесый гриб, тряский, как студень, с вырастающими из кромки шляпки пучками щупалец. Замотав банку тряпкой, Дэлги поставил ее в угол и велел Нику не трогать.

Люссойг заглянула на пять минут. Теперь у нее было нарядное розовое платье, и ей не терпелось отправиться в город, к людям, которые оценят эту красоту. Целоваться через решетку ей было неинтересно, а рассказывать истории, как Дэлги, Ник не умел.

Он в грустном одиночестве очищал семена тамраги и в этот раз не прозевал появление гладиатора. Тот принес большую бутылку в ременчатой оплетке, литра на три, доверху заполненную прозрачной жидкостью.

– Это называется табра, – сообщил Дэлги, бережно опустив свою ношу на пол. – Вроде вашего самогона. Дрянью редкостная, но народ пьет. Дотащил все-таки, в целостности и сохранности! Боялся, что грохну по дороге, вот была бы жалость...

Ник смотрел на бутылку с замирающим сердцем. И так, Дэлги не выдержал, сломался... На пару вечеров этого пошла ему точно хватит, и хорошо еще, если обойдется без белой горячки. Уговаривать его и взывать к здравому смыслу, наверное, бесполезно.

Отодвинув жестянку с семенами, Ник встал. Лишь бы Дэлги не размазал его по стенке после того, что он сделает... Он уже приготовился дать пинка вместелищу самогона, когда гладиатор, словно просчитав в уме его дальнейшие действия, сгреб его и оттащил на безопасное расстояние от бутылки.

– Это, что ли, вместо спасибо?! – Он ухмылялся и выглядел донельзя довольным.

– Пустите! – вырываясь, потребовал Ник. – Если вы это выпьете, как тогда ваше решение вернуться в гвардию?

– Так я не собираюсь это пить. Для тебя, паршивца неблагодарного, старался.

– А я табру не пью.

– Вот и умница. Это для гигиенических целей, раздевайся и обтирайся. Приतरанить сюда такую же ванну, как у Дерфара, даже мне слабо.

Ага, вот теперь спасибо... Можно было сразу так и сказать, без розыгрышей. Или Дэлги не собирался его разыгрывать, случайно вышло? Не глядя на него, Ник поблагодарил.

Если раньше в пещере пахло потом и едой, то теперь к этому букету прибавился еще и крепкий запах спирта, зато Ник наконец-то почувствовал себя относительно чистым. Только волосы остались грязными и слипшимися, как у Люссойг, он завязывал их в хвост на затылке.

Пару дней спустя Дэлги, вернувшись, углубился в изучение истрепанной, порванной на сгибах карты, расстелив ее на полу под канделябром со свечами. Казалось, его что-то не на шутку раздосадовало, но Ник с расспросами не приставал. Надо будет – сам скажет.

Когда появилась Люссойг, гладиатор спросил:

– В городе была?

– А то где! Сначала с одним трахалась, потом еще с одним, потом пошла в трактир на улице, где большая канава с поломанным мостиком, и там тоже...

– Не ходи туда больше, тебя могут убить. Побудь лучше с нами, а когда мы

уйдем, трахайся в Убивальне. Здесь каждая третья из девчонок – гостья с болота, гладиаторы не возражают. Главное, в город не бегай, понятно?

– Непонятно, – Люссойг недовольно свела брови. – Кто ж меня убьет?

– Охотники. Донат Пеларчи с помощником, если это имя тебе о чем-нибудь говорит. Выслеживают таких, как ты, – и дальше разговор короткий. Четверых уже убили. Вы же, дурачье болотное, на каждом шагу себя выдаете! А в Убивальню их мутильщики не пустят, здесь ты в безопасности.

– Почему они такие злые? – расстроено протянула девушка.

– Не злее, чем мы с тобой, – философски заметил Дэлги. – Ник, через сутки – полнолуние, поэтому ужинать не будешь, и завтра чтобы ни крошки в рот не брал, можешь только пить.

– Хорошо.

– А почему Нику нельзя есть?

– Его ждет операция. Я у него из руки хвыщера достану.

– Это же больно! – Люссойг с сомнением поглядела на Ника. – Так больно, что никто не стерпит!

– Я сделаю так, что он ничего не почувствует, – Дэлги тоже посмотрел на Ника. – Не хотел пугать тебя раньше времени, живописуя подробности. Операция очень болезненная, причем использовать наркоз нельзя, ни общий, ни местный, потому что хвыщер тогда спрячется в грудной клетке или в животе, и его не достанешь. Это и есть та заморочка, о которой я говорил.

– Как-нибудь выдержу. Это ведь быстро?

– Обойдемся без подвигов. Вместо того чтобы чувствовать боль, ты ее увидишь. У меня есть снадобье, перепутывающее каналы восприятия, так что мы хвыщера обманем.

Назавтра он не пошел в Убивальню («взял выходной, там думают, что я со своей подружкой табру глушу») и Нику дал выспаться. Потом начал перебирать и раскладывать по сумкам свое имущество. Ник сидел на тюфяке и наблюдал за его действиями, испытывая нарастающее беспокойство, похожее на беспорядочные удары дождевых капель по стеклу. Рядом, на свернутом одеяле, заменявшем подушку, громко тикал облезлый посеребренный хронометр. Если бы не болтовня Люссойг, следившей за развитием ситуации с жадным любопытством, напряжение стало бы невыносимым.

– Пора! – объявил Дэлги. – Ник, молись Лунноглазой. Про себя, этого хватит. Попроси у нее помощи в нашей затее.

– Я не умею.

– Чего не умеешь?

– Молиться. Дома я был атеистом. И потом, сестра Миури говорила, что Лунноглазой надо молиться по-кошачьи.

– Атеист на службе у богини?.. Хм... Тут не надо уметь ничего особенного, просто мысленно обратись к ней и попроси помощи. Сестра Миури когда-нибудь призывала ее в твоём присутствии?

– Один раз, в храме, мы не могли расстегнуть браслет, а его надо было снять, и тогда она призвала Лунноглазую, – Ник рассказывал сумбурно и торопливо. – Я ее не видел, только почувствовал – это было как прикосновение пушистой шерсти к руке.

– Так я и думал. Мысленно воспроизведи момент, когда ты почувствовал прикосновение, и попроси, чтобы она помогла тебе благополучно отсюда вы-

браться. Она поймет, кошки ценят свободу.

Ник попытался выполнить эту инструкцию. Он волновался, как в детстве в очереди на прививку перед процедурным кабинетом.

– А ты – марш отсюда, – отдернув штору, Дэлги отпер замки, распахнул дверцу и повернулся к Люссойг. – Здесь ты будешь мешать.

– Я же хочу посмотреть! – захныкала девушка. – Интересное пропущу...

– Ты и оттуда все увидишь.

Люссойг насупилась, но подчинилась. Дэлги вытер руки чистой тряпкой, смоченной в табре, и взял из эмалированной миски заранее приготовленный шприц с зельем.

– Заверни рукав. Сколько ужаса в глазах... Было бы из-за чего! Уколы я ставлю почти безболезненно, а дальше тебе все станет до фонаря.

Ник выдавил слабую улыбку.

– Эй, повернитесь сюда, а то мне не видно! – окликнула их из-за решетки Люссойг.

Игла вонзилась под кожу. Ага, почти не больно.

– Поздравляю, самое страшное позади, – Дэлги ободряюще подмигнул. – Тебе придется согласиться на кляп. Твое тело в отличие от сознания все почувствует в полной мере, и кричать ты будешь так, что нам с Люссойг мало не покажется.

После этого он подвел Ника к решетке и привязал сначала правую руку, развернув ладонью к пространству пещеры, потом левую. Повесил на поперечную перекладину электрический фонарь. Консервную банку с цветачахом освободил от тряпки и поставил на таком расстоянии, чтобы Ник не мог случайно толкнуть ее ногой.

Нику все это напоминало сцены из триллеров, которых он посмотрелся в видеосалоне: с завязанным ртом, распятый на решетке... Да еще Дэлги стоит напротив с закатанными по локоть рукавами, с кинжалом и щипцами наготове.

– Ник, я-то здесь! – Люссойг дернула его сзади за собранные в хвост волосы.

– Отойди, – приказал Дэлги. – И когда я сделаю надрез, не лезь, а то инфекцию занесешь.

Она отступила в сторону и нетерпеливо спросила:

– Скоро? Чего ты ждешь?

– Жду, когда снадобье подействует.

Прутья решетки упираются в спину, и веревки на запястьях затянуты слишком туго – бежевые полосы крест-накрест. Дэлги и Люссойг продолжают о чем-то разговаривать; ни слова не понять, зато видно, что у девушки голос фиолетовый с желтыми просверками, а у Дэлги – древесно-коричневый, с массой переливов и оттенков; голоса переплетаются, словно две скользящие мимо ленты.

Справа от Ника ударил черный гейзер. Голоса исчезли, все исчезло, осталась только страшная, сверкающая, сокрушительная чернота, пронизанная багровыми молниями. Потом она стала бледнеть, распалась на постепенно уменьшающиеся кляксы. Он опять увидел голоса, фиолетовый с визгливыми желтыми вкраплениями и богатый оттенками благородный коричневый. На него накатывали ласковые цветные волны, он то ли уплывал, то ли медленно падал в радужную даль...

Очнувшись, Ник обнаружил себя на тюфяке, уже без кляпа. Правая ладонь побаливает, рука забинтована.

Дэлги сидел рядом, возле изголовья стояла знакомая консервная банка, сверху замотанная тряпкой.

– Получилось? – прошептал Ник.

Гладиатор удовлетворенно ухмыльнулся.

– Хочешь посмотреть на хвыщера?

– А где он?

– Здесь.

Сняв тряпку, Дэлги осветил содержимое банки лучом фонарика.

Влажный беловатый студень пронизан черными жилами с пульсирующими узелками. Выглядит зловеще.

– Черное – это и есть хвыщер. Нравится?

– И оно было во мне?..

Ник откинулся на тюфяк. Ему стало нехорошо.

– Если тошнит, вот тазик. Завтра утром отправляемся в путь.

– А где Люссойг?

– Рвалась сюда, потом убежала. Надеюсь, вернется живая. Донат Пеларчи охотится не на нее, но убить еще одного оборотня не откажется – это же его кусок хлеба с маслом.

– Мы можем ей помочь? – глядя, как Дэлги снова тщательно укутывает банку с цветачахом и хвыщером, спросил Ник.

– Да не переживай за нее, нашего брата оборотня просто так не обидишь. Мы сами кого хочешь обидим.

– Я говорю серьезно.

У Ника не было настроения поддерживать эту игру и слушать байки. Он не влюбился в Люссойг, но... Все-таки она его первая женщина, их связывает больше, чем просто знакомство. Он не хотел, чтобы какой-то Донат Пеларчи ее убил.

– А я тоже серьезно, – с ухмылкой возразил гладиатор. – По-твоему, я не оборотень?

Ник заподозрил, что остатки илликхейского самогона были использованы не только для дезинфекции.

– По-моему, нет.

– Ладно, как скажешь... – Дэлги вздохнул с наигранным огорчением.

– Мы можем спасти ее, взять с собой? Забрать отсюда, чтобы она смогла жить нормальной человеческой жизнью?

– Ник, нормальной человеческой жизнью живут люди. А Люссойг – другое существо, она только притворяется человеком, – Дэлги говорил нарочито терпеливо, еще чуть-чуть – и это сошло бы за издевку. – От чего ты собрался ее спасать? У вас есть сказка о Золушке: часы пробили двенадцать, и карета превращается в тыкву, кучер – в крысу, и так далее. Здесь происходит то же самое. Когда время Люссойг закончится, она больше не сможет сохранять человеческий облик, и лучше бы ей находиться в этот момент на своей территории, иначе ее ждет незавидная участь. Такие уж у нас законы природы.

– Понятно... – он подавленно кивнул.

– Зато Люссойг умеет получать от жизни удовольствие, несмотря ни на какие неприятности и удары. То, чему должен научиться ты.

Ник так и не нашелся, что на это сказать. Только смотрел на Дэлги, угрюмо и немного растерянно.

Примчавшаяся к ужину, Люссойг потребовала, чтобы ей показали хвощера. Когда Дэлги открыл банку, она заглянула внутрь и злорадно спросила:

– Попался, цветяк? Так тебе и надо, будешь знать, как мое красивое платье есть, хоть оно и в повидле! Попался, бе-бе-бе!

Новое платье она уже успела помять и испачкать.

– Теперь я знаю настоящую тайну... – Ее влажные темные глаза сияли из-под нечесаных волос, как два болотных светляка, а голос звучал задумчиво. – Дэлги, ее надо хранить или можно кому-нибудь рассказать?

– Хочешь – храни, хочешь – рассказывай, мне не жалко. Только при мутильщиках не проболтайся, им не понравится, что кто-то посторонний об этом знает.

– Ну, я же не глупая! Ты не думай, я помню все-все, что ты говорил. А тайну буду хранить. Может, скажу по секрету кому-нибудь, кто мне очень-очень понравится. У меня еще никогда не было своей тайны, только драгоценности и монетки, и еще ржавый старинный нож с красивой рукояткой.

После ужина Дэлги развернул карту и начал расспрашивать Люссойг об окрестностях. Ник лежал на тюфяке, ладонь уже не болела – мивчалга ускоряет регенерацию тканей в несколько раз. Были бы на Земле такие лекарства... Здешняя техника отстает от земной, и развивать ее никто особенно не старается – на протяжении нескольких столетий одно и то же, илихейцам этого хватает – зато медицина, если сравнивать, на заоблачном уровне.

– ...Вот где лугурды ходят, – показывала Люссойг. – Потом смотри, в этих и этих местах никто не живет, но можно встретить людей из города, которые собирают всякое – то, что растет на болоте. А в топях есть народ. Мимо вот этой зыбучки не ходите, там сидит злющий грубиян, и щупальца у него длинные-предлинные, до гати достанут, если он близко подобрется. Вот здесь, по краю этого озера, запросто пройдете, и никто не нападет – знаете, почему?

Она склонила голову набок и лукаво усмехнулась.

– Почему? – спросил Дэлги.

– А потому, что хозяйки нет дома! Я же здесь. Вы, когда мимо пойдете, киньте туда что-нибудь красивое, я потом вернусь и найду. Только не говори, что это будет. Хочу сюрприз.

– Хорошо, – серьезно пообещал Дэлги. – Когда вернешься домой, ищи на дне наш подарок.

– Дальше Луковичный лес, люди туда гать настелили, а чего после него, я не знаю. Говорят, человеческого жилья там нет.

Он что-то пометил на карте.

– Трахаться будем? – нетерпеливо спросила Люссойг.

– Подожди, сначала я у Ника шов сниму.

Разрез уже успел зарости. В центре ладони остался двухсантиметровый шрам, пока еще розоватый, припухший.

– Жалко, что уходите. Ник симпатичный и ласковый, я таких люблю, а ты трахаешься лучше всех и много рассказываешь. Приходите когда-нибудь еще! Если что, я вам еще одного цветяка поймаю, делов-то немного его изловить...

Ник промолчал, ему не терпелось отсюда вырваться. А Дэлги, как ни в чем не бывало, отозвался:

– Может, когда-нибудь и увидимся. Надеюсь, ты к тому времени станешь чуть поумнее.

– Да уж стану! – заверила Люссойг.

– У тебя еще не вылетело из головы, что в город приехал Донат Пеларчи, один из самых опасных в подлунном мире охотников? Его ученик тоже, говорят, отчаянный парень, особенно по части рукопашных драк. Если встретишь их, беги без оглядки. Они с тобой трахаться не будут, сразу убьют.

– У меня время скоро кончится.

– Тогда, может, пойдём отсюда вместе? Ты – к себе в озеро, а мы с Ником – дальше через болота.

– Не-е-ет! – она возмущенно замотала головой. – У меня же еще целых три дня времени! Чего захотел, чтобы я мало погуляла...

Ник смотрел на нее со смутным щемящим чувством. Ясно, что в город она все-таки пойдет. Если повезет, ее там не убьют, если не повезет – убьют. От него ничего не зависит.

Проводить их на следующий день Люссойг не пришла. Видно, у нее нашлись дела поинтересней в другом месте.

Погасив свечи, Дэлги отдернул штору, отпер дверцу в решетке. Спрятал ключи под циновками в углу пещеры. На запястье у него болтался на ремешчатой петле электрический фонарь, к поясу были пристегнуты два внушительных ножа и меч.

Ник стоял с факелом возле решетки, тоже с мечом и ножом на поясе. Непривычно. Меч, хотя и не такой длинный, как у Дэлги, оказался более тяжелой штуковиной, чем он себе представлял. Пока что этот аксессуар только мешал. Хотя, конечно, лезть в здешнее густонаселенное болото с оружием не так страшно, как без оногo.

В одной из трех дорожных сумок находилась банка с цвтачахом и хвыщером. После операции Ник с ней не расставался; даже когда выходили из пещеры по нужде, брал с собой. Так велел Дэлги. Иначе хвыщер почувствует, что потерял прежнего носителя, и попытается вернуться обратно.

– Идем!

Дэлги захлопнул дверцу. Лязгнули автоматические замки. Просунув руку меж прутьев, он задернул штору, потом подхватил сразу две сумки и забрал у Ника факел. Ник забросил на плечо ту сумку, где лежала банка с паразитом.

Сырые каменные туннели вели то вверх, то вниз, то снова вверх. В темноте таинственно и привлекательно мерцали зеленоватые разводы, но когда их озарял свет факела, они превращались в неряшливые лохмы буйной плесени. Гладиатор, видимо, знал дорогу и уверенно ориентировался по незаметным для Ника признакам.

Продолжалось это странствие часа полтора, не меньше. Дэлги дважды менял факелы. На последнем участке сначала ему, а потом и Нику пришлось пригнуться. Потолок стал ниже, сквозняк сильнее. Впереди забрезжил тусклый серый свет.

– Осторожно, – предупредил Дэлги. – Не запнись.

Дверной проем с нависающей притолокой и высоким каменным порогом, зато без двери.

Они выбрались в помещение с дырявым потолком, заваленное битым камнем и гнилыми балками. В окошках и потолочных прорехах виднелось пас-

мурное небо. Сверху капало.

Дэлги опустил свою ношу на пол, отобрал у Ника сумку и протянул ему факел:

– Держи.

Достал обмотанную тряпками жестянку с хвощером, потом большую металлическую бутылку, отвинтил пробку и начал поливать жестянку темной маслянистой жидкостью.

Консервная банка шевельнулась. Проколов ткань, наружу высунулась как будто черная проволока. Живая проволока – она медленно вытягивалась по направлению к Нику, заставляя жестянку подрагивать.

Бросив бутылку (масло продолжало вытекать, окружая банку вязкой лужицей), Дэлги выхватил факел, ткнул в сосуд с проснувшейся черной пакостью и сразу отскочил, заодно оттолкнув подальше Ника.

Вспыхнуло пламя, в нем извивалось и корчилось проволочное существо.

На секунду Ник почувствовал пронизывающую боль в правой ладони. Потом закашлялся от едкого дыма.

Валявшиеся вокруг отсыревшие балки так и не вспыхнули, и огонь сам собой угас. От промасленного тряпья и от хвощера ничего не осталось, уцелела только почерневшая деформированная жестянка.

– Теперь ты свободен, – улыбнулся Дэлги.

Ник наконец-то разглядел, какого цвета у него глаза. Болотно-зеленые.

Снаружи моросил дождь. Серый слякотный день после пещерного полумрака показался Нику ошеломляюще ярким.

Развалина, из которой они вылезли – что-то вроде заброшенной усадьбы, так обвитой лианами, что не поймешь, то ли они душат несчастную постройку, то ли удерживают от окончательного обрушения – находилась недалеко от Ганжебды. За травяным лугом с раскисшей дорогой и лиловыми клубками кустарника виднелась сквозь сетку дождя длинная стена с неказистыми сторожевыми башенками. Из-за стены выглядывали крыши невысоких построек, над ними, в отдалении, одиноко торчала большая мрачная многоэтажка.

Ничего общего с тем миром, где Ник родился, кроме, пожалуй, дороги: совсем как в российской глубинке, не хватает только увязшего грузовика или трактора с прицепом.

Грязная полоса терялась в пестрых сквозистых зарослях: светлая и темная зелень, желтоватое, лиловое, бурое. Перспектива тонула в тумане. Было мокро, но тепло – наверное, плюс двадцать пять по Цельсию, не меньше.

– Вон та достопримечательность – Убивальня, – Дэлги показал на горделивую многоэтажку. – Украшена барельефами. Отсюда их не видно, но потерял ты немного – кич несусветный. Был бы я заказчиком, башку бы свернул тому скульптору. Пошли, нам в противоположную сторону.

Ник словно опьянел от дневного света, открытого пространства, насыщенного травяными запахами свежего воздуха. Он шел за Дэлги, не задавая вопросов. Главное, что они уходят все дальше и дальше от Ганжебды, а куда – какая разница?

Держась в стороне от дороги, они добрались до редколесья. Группы корявых, перевитых лианами низкорослых деревьев. Хвощи и плауны, как на картинках. Оглушительный стрекот насекомых. В траве что-то шныряет. Мелкое создание, покрытое зеленоватой щетиной, подскочило к Нику, вцепилось без-

зубыми челюстями-плоскогубцами в носок сапога, но прокусить не смогло и, разочарованное результатом, юркнуло обратно.

Дэлги остановился.

– Впереди топи. Говорят, непроходимые.

– И мы туда пойдём?

– Не пойдём, а поедем. На местном общественном транспорте.

– А где этот транспорт?

– Рано или поздно появится. Сейчас мы с тобой вроде как стоим на остановке и ждем трамвая.

Похоже, Дэлги бессовестно развлекался. Ник больше не стал задавать вопросов, только оглядывал дождливую панораму: откуда на болоте возьметесь трамвай, если здесь даже рельсов нет?

Глава 7

Как подставить Келхара цан Севегуста – этот вопрос преследовал Ксавата, словно прилипчивая песенка или нервный тик. Еще немного, и Келхар с Элизой начнут крутить любовь у него на глазах! Люди тогда скажут, что Ксават тупак, что молодой соперник у него из-под носа девку увел... Надо, как говорится, принять превентивные меры.

Пока он оставил Вилену и Элизу в Эвде, выдав им задание: грамотно подготовить перечень всех частных и казенных сооружений, в настоящее время заброшенных, с подробным описанием каждого объекта. Оно никому не нужно, эта информация есть в эвдийском муниципальном архиве, и ежели в министерстве узнают, чем Ксават цан Ревернух загружает своих помощников, точно будет какая-нибудь срань, но деваться некуда. Требуется, чтобы те были при деле и не спрашивали, почему да как.

Вместо того чтобы выполнять свои непосредственные служебные обязанности, Ксават отправился на охоту. В Ганжебду. Ворожба показала, что Король Сорегдийских гор находится там.

Ксават дал команду начинать операцию «Невод», и теперь Шанбарский тракт наглухо перекрыт: несколько застав, никого не выпускают, и в объезд не проедешь – места вокруг топкие да гиблые. Муха не пролетит, прыгунец не прошмыгнет. Все думают, что имперские власти, хвала Пятерым, наконец-то взяли за этот гадючник, а на самом деле старый хасетанский мошенник Клетчаб Луджереф обдурил тупаков и готовится нанести ответный удар заклятому врагу. Знай наших!

Охотники в Ганжебде уже шестерых уродов завалили, отрезанные головы законсервировали в банках, чтобы после властям предъявить. Черепа оборотней отличаются от человеческих, и ежели их выварить – доказательство налицо. Денежную премию дадут, а трофей можно продать или дома на стенку повесить.

Короля Сорегдийских гор среди убитых тварей не оказалось – все местные, болотные жители. Донат сказал, это можно определить с помощью ворожбы. Наблюдая за охотниками, Ксават пытался выведать их профессиональные секреты – никогда не знаешь, чего и где тебе пригодится – но Донат с Келхаром тоже не были тупаками, лишнего при нем не болтали.

Он окольными путями наводил справки о Нике, из чистого любопытства, но так ничего и не выяснил. На арену Ник ни разу не выходил. Пропал во чре-

ве Убивальни – или, может, не совсем пропал, а чистит газовые рожки да таскает ведра с кухонными помоями, получая пинки от гладиаторов и мутильщиков. Не имеет значения. Если бы он вдруг выполз на белый свет, присмиревший, жалкий, сломленный, Ксават не стал бы на него время тратить. Ник уже получил по заслугам, теперь на очереди Келхар цан Севегуст.

Хмурого и надменного высокородного дегенерата спасало от смерти только то, что без него покамест не обойтись. Он охотник, мастер рукопашного боя, он должен убить Сорегдийскую тварь. Иначе Клетчаб давно бы уже кому-нибудь заплатил, чтобы его пырнули ножом. В Ганжебде это плевое дело. Полиции здесь нет, следствия не будет, а мутильщики вмешиваются в разборки только если затронуты ихние интересы.

Несколько суток кряду моросили дожди. И на улицах, и в домах пахло болотом. Промокший город под низким зеленовато-серым небом словно поместили в давно не чищенный аквариум: грязь, вонь и сырость, гниющая тина, мутные стекла скрывают перспективу, кишит расплодившаяся вредоносная дрянь... И все бы ничего, но где-то среди этой грязи и тины притаилась смертельная опасность – одно знание о том, что она есть, действовало на Ксавата, как ложка отравы.

Сначала зашуршала влажная трава, потом за пеленой дождя, среди низкорослых деревьев, что-то зашевелилось.

– Трамвай идет, – сообщил Дэлги будничным тоном. – И часа не прошло... Надеюсь, без пассажира.

К ним что-то приближалось. Не то ажурная беседка, сама собой скользящая среди мокрых зарослей, не то паук величиной со слона... Когда Ник разглядел, что это определенно здоровенный пауцище, он стиснул зубы, но все-таки издал негромкий отчаянный стон.

– Эй, только без крика, – оглянувшись на него, дружелюбно посоветовал Дэлги. – Во-первых, он травоядный. Во-вторых, мы на нем поедем. Это называется лугурд, по топям ходит, как по асфальту.

Говоря, он вытащил из сумки свернутое лассо.

Ник рассматривал лугурда, стараясь подавить дрожь. Никакой это не паук, только туловище похожее, зато маленькая голова на длинной гибкой шее – как у диплодока. Сейчас бы в самый раз проснуться в холодном поту...

Когда Дэлги метнул лассо, и на шее захлестнулась петля, паукообразное вроде бы не удивилось и сбежать не попыталось – приняло свое пленение, как должное.

– Этот уже объезженный, смирный. Повезло! – Дэлги привязал конец веревки к корявому стволу. – Здешнее верховое животное, твари болотные на них катаются. Наша подружка Люссойг тоже не пешком в Ганжебду пришла.

Ник попытался сосчитать шипастые ноги-столбы, но сбился. Кажется, восемь или десять.

Внезапно лугурд встрепенулся и попятился – словно только сейчас понял, что его поймали.

Дэлги одним прыжком очутился у него на спине – и надо же так суметь! Животное суетилось на месте, издавая протяжные плачущие крики, но постепенно успокоилось. Ник заметил, что каждая из его ног словно обута в пухлый кожистый мешок, и они, когда ступают, почти не приминают травы.

Ноги синхронно сложились, брюхо лугурда коснулось земли. Дэлги слез. Покрытая серым пухом шея изогнулась, и голова размером с лошадиную, слишком маленькая для такой туши, требовательно толкнула его в плечо. Он достал из кармана кусок желтоватого сахара, протянул на ладони лугурду. Тот схрупал угощение.

– Иди сюда! – Дэлги оглянулся на Ника. – Ты тоже должен его покормить. Лучше, если он будет считать тебя еще одним наездником, а не багажом.

Когда Ник подошел, он вручил ему второй кусок. Ник протянул лакомство болотному кошмару. Теплые влажные губы ткнулись в дрожащую ладонь, и сахар исчез.

– Как его назовем?

– А его надо как-то назвать?

– Так будет удобней. Дай ему имя.

– Спиридон, – Ник произнес первое, что пришло на ум.

– Идет, Спиридон. Забирайся на него, у тебя полчаса, чтобы освоиться. Сейчас я сумки навьючу, и поедем.

После того как помесь исполинского паука и диплодока стала Спиридоном, страх пошел на убыль. Все-таки Дэлги хорошо придумал насчет имени.

Ник уселся верхом. Непонятно, за что держаться – за эти космы жесткой зеленовато-серой шерсти, растущие пучками из шершавой кожи?.. Пока он привикал, Дэлги надел лугурду на основание шеи массивный ошейник с поводьями. Потом, выбрав пучки шерсти подлиннее и потолще, заплел их в петли и привязал поклажу. После согнал Ника и сплел еще одну длинную петлю поперек спины, перевив ремешками. Спиридон все эти издевательства безропотно стерпел, за что получил третий кусок сахара.

– За это будешь держаться, – проинструктировал Дэлги, – как пассажир на заднем сиденье мотоцикла. Для страховки продерни вот этот ремень через свой пояс и пристегнись. Если что, не с концом свалишься, а повиснешь. Теперь о здешних аттракционах... Ты знаешь о том, что некоторые из тварей способны создавать наваждения?

– Я такую тварь видел.

– Серьезно? И остался жив?

Ник рассказал о происшествии на озере Нельшби.

– Эк тебе повезло... На всякий случай запомни: ни твоим родителям, ни сестре Миури, ни кому угодно из твоих знакомых посреди этих топей неоткуда взяться. Многие твари также могут, не показываясь жертве на глаза, внушать беспричинный страх, раздражение, тоску. Если что-нибудь такое почувствуешь, сразу скажи мне, понял?

– Так вы, наверное, сами почувствуете.

– Я толстокожий, на меня их чары не действуют. Возможно, я и не замечу, что нас обрабатывают. Ты не думай, я не всегда был бродягой и алкашом... Кое-чему учился, у меня была перспектива стать жрецом! Пропил я свои перспективы... – Дэлги покаянно вздохнул. – Жрец-забулдыга – где ж это видано? Пагубные привычки до добра не доводят. Одна надежда, что меня возьмут обратно, если доставлю тебя в Макишту в целостности и сохранности. Тогда я точно скажу пьянству «нет» и исправлюсь.

Ник смотрел на него с сочувствием: сильный человек – и так влип из-за алкогольной зависимости.

– Ну, поехали, – Дэлги подмигнул ему и неожиданно весело рассмеялся. – Ты меня не жалей, лучше постарайся остаться в живых. Если я привезу в Макишту твой остывший труп, сестра Миури вряд ли согласится взять меня на поруки.

Смотав лассо, подвесил справа от ошейника. Спиридон и это покорно стерпел.

– Ему не больно?

– Нет. Он такой же толстокожий, как я. Садись!

Проследив, чтобы Ник застегнул страховочный ремень, он уселся впереди и взялся за поводья. Туша лугурда содрогнулась, мощные паучьи ноги выпрямились, земля ушла на три метра вниз. Ник обеими руками вцепился в поперечную петлю.

Как в первый раз на двухколесном велосипеде! Лугурд двигался неспешно, сбросить седоков не пытался, иногда останавливался, чтобы пощипать листву с деревьев или желтые, серебристые, лиловые метелки колосающейся травы. Пока ничего, но неизвестно, что будет, вздумай он перейти на рысь...

Постепенно Ник освоился настолько, что начал озираться по сторонам.

Если судорожно хвататься за петлю и смотреть прямо перед собой, взгляд упирается в спину Дэлги, обтянутую вылинявшей курткой из грубой светло-коричневой ткани с заклепками. Ничего себе спина – треугольная, в плечах косая сажень; пристегнутый сбоку меч и длинные волосы делают Дэлги похожим на воина из сказочного фильма. Волосы на зависть чистые в отличие от засаленных прядей Ника: видимо, напоследок сходил в Ганжебде в баню, как белый человек.

А если чуть-чуть расслабиться и повернуть голову направо или налево, картины открываются такие, что можно смотреть и смотреть, как в кино. Покачиваются высоченные побеги плаунов, покрытые листиками-чешуйками. Из зарослей выпархивают потревоженные птицы, ругаются вслед лугурду с двумя всадниками. Пронзительно-зеленые островки осоки с острыми, как ножи, верхушками смахивают на яркие декорации. В отдалении грациозно скользит другой лугурд, покрупнее Спиридона. До чего красиво эти существа двигаются, если наблюдать за ними с приличного расстояния и не вздрагивать... В тусклых водяных зеркалах отражаются облака. Из одного такого зеркала высунулась корявая темная рука, тощая, как у мумии, погрозила кулаком – и снова исчезла, только круги по воде пошли.

– Вы видели?! – выдавил чуть не свалившийся от неожиданности Ник.

– Ага, – беззаботно отозвался Дэлги. – Мы едем наглым образом вдоль границы его территории, как же тут не возмутиться? Он принял нас за себе подобных, вот и не стал нападать, а если бы понял, что мы люди, нам бы худо пришлось.

Кое-где на поверхности затянутых ряской водоемов виднелись белые и бледно-розовые цветы, похожие на кувшинки. Попадались и болотные грибы метровой высоты – сплюснутые и сморщенные серые шары, украшенные оборками гигантские подобию земных поганок, отливающие синевой купола, блестящие, будто смазанные маслом.

Промелькнула стайка прыгунцов – словно масса синхронно брошенных резиновых мячиков; шума они создавали намного больше, чем громадный Спиридон.

Озера, обрамленные высокой тихой травой. Косматые перелески. Омуты. Ник подумал, что здесь была бы в самый раз избушка на курьих ножках.

Немного позже, когда он более-менее приспособился к верховой езде и любовался природой, у него появились вопросы.

– Куда мы едем?

– Проснулся! – с удовольствием констатировал Дэлги. – Едем, куда тебе надо, в Макиштуанское княжество. Сейчас завернем к озеру Люссойг, подарок ей оставим, а потом – напрямиком на юго-запад.

– У нас есть компас?

– А кому он нужен? Без него верней дорогу найдем, в этих краях компасы врут.

– Как мы найдем дорогу?!

Теперь Ник озирался уже не с любопытством, а с тревогой.

– Я знаю, где юг. Там, – Дэлги небрежно махнул рукой налево. – Просто чутье, надежней любых приборов.

– Вы уверены? – спросил Ник упавшим голосом.

– Хочешь жить? Это радует... Не бойся, сгинуть в болоте в компании неисправимого пессимиста – это последнее, о чем я мечтаю.

Ник постарался воспроизвести в памяти карту Иллихеи.

– Может, нам лучше повернуть в Эвду? Это намного ближе, чем по диагонали через болото на юго-запад.

– Лугурды в ту сторону не ходят. Почему – этого даже я не знаю, хотя я, надо тебе сказать, знаю довольно много. Поэтому едем в Слакшат, других вариантов нет.

– А если нам вернуться в Ганжебду и найти какую-нибудь машину? – Ник смотрел на мокрый болотный ландшафт почти с отчаянием. – Можно ведь?

– Нежелательно, – Дэлги отвечал спокойно, словно речь шла об отвлеченной проблеме, не имеющей отношения к текущей ситуации. – Видишь ли, я-то думал, что неприятности только у тебя, но оказалось, у меня тоже. Меня хотят убить. Ничего особенного, обычная история. Дурная голова ногам покоя не дает, и заинтересованные лица специально за этим прикатили в Ганжебду. При других обстоятельствах я бы их проучил, но сейчас неохота связываться. Один ты отсюда не выберешься, почти наверняка снова угодишь в Убивальню. А если будешь вместе со мной, можешь случайно пострадать – и как же тогда мое благое намерение завязать с пьянством и зажечь правильной жизнью? Поэтому я решил, что мы потихоньку смоемся и уедем болотами. Пусть парни потерпят со своими разборками до следующего раза.

– Мы можем заблудиться.

– Не можем. Я ведь тебе сказал – я знаю, где юг. Я его найду хоть с завязанными глазами, хоть наполовину в отключке. У меня вроде как внутренний компас.

Ника это утверждение не успокоило.

– В нашем мире был один деятель вроде вас. Иван Сусанин его звали.

– Ваш Сусанин против меня щенок.

– Это я уже понял, – пробормотал Ник, беспомощно оглядывая болотную ширь.

– Поговори мне еще, – беззлобно бросил Дэлги.

Потом достал из висевшей на поясе кожаной сумки с бахромой истрепан-

ную карту, с минуту ее рассматривал и заставил лугурда повернуть направо.

Скоро Ник увидел гать. По уходившему в заросли настилу тащилась группа всадников то ли на ишаках, то ли на пони, с большими корзинами, притороченными к седлам. Заметив лугурда с двумя наездниками, они забеспокоились, повытаскивали из ножен оружие.

– Они хотят на нас напасть?

– Они боятся, что мы нападём, готовятся к обороне. Надеюсь, бинокля у них нет... – Дэлги взлохматил свои отброшенные назад волосы так, чтобы они упали на лицо. – Я ведь чемпион, примелькавшаяся в Ганжебде личность!

Он пустил лугурда параллельно гати, не приближаясь к ней.

Впереди показалось озерцо, почти сплошь затянутое ряской, с редкими черными просветами. Когда поравнялись с ним, Дэлги остановил Спиридона, извлек из-за пазухи переливающееся алмазное ожерелье с топазовыми и рубиновыми подвесками. Молча показал Нику, потом, размахнувшись, швырнул драгоценность в черную воду.

– Надеюсь, ей понравится.

– Это озеро Люссойг? – догадался Ник.

Надо запомнить эту картинку. Водоем совсем маленький, окружен травяными космами. К берегу прилепился одинокий раскоряченный куст, его свисающие ветви касаются ряски, листья мокнут в темной воде. Тихое, печальное местечко. И как она тут живет?..

Его размышления прервал громкий чавкающий звук. Справа что-то взметнулось. Одновременно с этим в воздухе сверкнуло смазанное полукружие. Извивающийся черный канат отлетел в сторону. Спиридон шарахнулся, издав плачущий выкрик. Ник чуть не свалился, однако успел ухватиться за страховочную петлю.

Лугурд вдруг встал как вкопанный. Теперь Ник увидел, что Дэлги держит меч, а внизу вяло корчится отрубленное щупальце, длинное и толстое, как слоновий хобот.

Из трясины, отделяющей маленькое озеро от гати, выглядывала черная лысая голова с двумя парами красновато горящих глаз. Ниже – как будто воротник из шевелящихся пиявок, нос и рот отсутствуют. Еще одно щупальце выпросталось из зыбучки, но дотянуться до людей не смогло.

Влажный шлепок, лугурда ударил в бок ком грязи. Животное попятилось. Следующая порция влепилась в морду. В нескольких сантиметрах от лица Ника свистнул клинок – это Дэлги разрубил в воздухе какую-то дрянь вроде дохлой рыбины. Щупальца мелькали, продолжая забрасывать пришельцев грязью, а черная голова с враждебно тлеющими глазами оставалась неподвижной, словно ее хозяин был случайным зрителем и в происходящем не участвовал.

– Действительно, грубиян! – осуждающе заметил Дэлги.

Ник готов был расплакаться, руки и ноги казались тяжелыми, ватными.

– Знаете, мне плохо... – пробормотал он, цепляясь за Дэлги.

Тот прищипорил лугурда, трясины с ее обитателем осталась позади.

Отпустило.

– Он нас гипнотизировал?

– Вроде того.

– А вы ему щупальце отрубили!

– Это для него ерунда. Он на своей территории, в истинном облике – регенерация мгновенная. Другое дело, удар по самолюбию.

– Я вот не понимаю, если эта земля считается проклятой из-за нечисти – так ведь она в Иллихее повсюду есть, даже в городах. Озеро Нельшби не называют проклятым, хотя там живет пожиратель душ. В чем разница?

Дэлги засмеялся.

– В чем суть здешнего проклятия – это не афишируется, и об этом мало кто помнит. Тебе тоже советую держать язык за зубами. Проклятие заключается в том, что этот край не принадлежит и никогда не будет принадлежать Империи, государственная власть тут невозможна. Сладкая мечта анархиста.

– А как же мутильщики, Ганжебда?

– В Ганжебде нет городской власти. Мутильщики – это всего-навсего банда, они сидят в Убивальне, заправляют гладиаторскими играми и больше никуда не лезут. Стража на воротах – другая банда, которая охраняет город и берет за это дань. Есть еще банда усмирителей, которая за плату наводит порядок и посредничает в разборках. Но если кто претендует на большее, у него начнутся фатальные неприятности. Почему так вышло – история долгая и темная. Сам понимаешь, для государства такое положение вещей, как чирей на заднице, поэтому официальная версия – над этим злосчастным краем тяготеет проклятие неопределенное, но очень-очень страшное.

Спиридон взял влево от гати. Плауны вокруг были такие высокие, что колосящиеся верхушки покачивались почти вровень с его спиной. Стебли хлестали Ника по сапогам.

– Эта каша заварилась около семи тысяч лет назад, единой Империи тогда не было, – снова начал рассказывать Дэлги. – Здесь жили племена шан-баягов, как они себя называли. Народец малочисленный, но воинственный и зловерный, и покорить их никому не удавалось. Притом вели они себя так, что достали не только соседние княжества и королевства – это бы еще куда ни шло, но даже Пятерых, и те их прокляли, после чего соседи ценой большой крови все-таки завоевали окаянное болото и шан-баягов поголовно вырезали. Однако их колдуны тоже напоследок прокляли свои бывшие владения: мол, раз нам тут не жить, пусть эти земли не достанутся никому. Колдуны были сильные, проклятие сбылось. А тварей развелось, потому что истреблять их некому.

Когда-то Ник уже слышал о шан-баягах. Кажется, ему рассказывал о них Король Сорегдийских гор, даже показывал не то ковер, не то гобелен в терракотовых тонах, с орнаментом редкой красоты – ветвящиеся, сплетенные в узоры травяные стебли... Впечатление вроде смазанной фотографии, как и все остальное, относящееся к тому куску его жизни. Возможно, лет через двадцать он начнет сомневаться: было это или приснилось (при условии, что он проживет эти двадцать лет, а не утонет в болоте вместе с Дэлги).

– У шан-баягов были коричнево-красные ковры с узорами, похожими на траву?

– Были. Они бешеных денег стоят, музейная редкость. А ты откуда знаешь?

– Я изучал в Нойоссе историю и культуру Иллихеи, – сперва замявшись, выкрутился Ник.

Привал сделали засветло, на опушке небольшой рощи. Привязав Спиридона к дереву, Дэлги достал из сумки топорик и срубил жерди для очага, набрал

воды. Нику он велел сидеть около снятой с лугурда поклажи и никуда не соваться.

– Приправы я захватил с собой, и копченое мясо еще осталось, поужинаем моим фирменным супом.

– Мы же замучаемся их чистить, – глядя, как он пересыпает из мешочка в миску горсть сморщенных «черносливин», возразил Ник. – До ночи не успеем.

– Их незачем чистить. Оно делается просто.

Залив «черносливины» водой, Дэлги добавил несколько бирюзовых крупинок из склянки. Немного подождал, потом начал вылавливать мокрые овальные зерна цвета слоновой кости и бросать в кружку с побитой эмалью.

– Вот и все. – Он невозмутимо улыбнулся Нику.

Тот смотрел на это, и пораженный, и задетый, а Дэлги, как ни в чем не бывало, продолжал отмерять ингредиенты для супа.

– Зачем? – вымолвил, наконец, Ник.

– Мы, оборотни, народ жестокий и коварный.

– Я не Люссойг, – произнес Ник утрюмо.

– Уже заметил.

– Зачем вы морочили мне голову с этими семенами? Развлекались?

– Затем, чтобы не оставалось времени на клаустрофобию, – Дэлги согнал с лица ухмылку и заговорил серьезным тоном. – В этих катакомбах нервы сдают и у слабых, и у крепких, имелось бы в наличии богатое воображение. У тебя с воображением полный порядок, вот я и придумал, чем тебя занять в мое отсутствие.

– Понятно...

Нику стало неловко за свою мальчишескую обиду. Хорошо еще, что не успел высказаться... Это верно, если бы там, в пещере, его внимание не было поглощено возней с плодами тамраги, ему бы много чего разного в голову полезло. В то же время обида не исчезла бесследно, остался осадок, словно после схлынувшей мутной воды.

– Ты вот что, пока супчик варится – разминайся, – выдержав паузу, посоветовал Дэлги. – Пообедаем, отдохнем, а после будет первый урок.

– Какой еще урок? – насторожился Ник.

– С сегодняшнего дня начну учить тебя приемам самообороны, как договаривались.

– Я не помню... По-моему, ничего такого не было.

– Было, только ты внимания не обратил.

– Не было.

– Раз я говорю – значит, было.

– Не было! – Ник уже понял, что Дэлги опять морочит ему голову, как с «черносливом».

– Да не пугайся раньше времени, муштровать тебя, как в непобедимой императорской армии, никто не собирается. Научишься кое-чему полезному. Услуги хорошего учителя рукопашного боя стоят дорого, а мои услуги, если на то пошло, стоят еще дороже, но тебя я буду учить бесплатно. Надеюсь, это доброе дело мне зачтется, и сестра Миури уговорит жреческую коллегияу взять меня обратно с испытательным сроком.

– Хорошо, – согласился Ник.

Все это немного... нереально, что ли? Гвардеец-дебошир, уволенный за

пьянство и «несовместимые со званием» выходки, то удивляет университетской эрудицией, то проявляет почти сверхъестественную деликатность, то ведет себя грубовато, как от него и ожидается, – но его грубоватость кажется не натуральной, а блестяще сыгранной, с легким налетом иронии. Эта широта диапазона обескураживала, ставила в тупик. Разве такой человек может быть на самом деле?

И вдобавок – это болото вокруг, бескрайнее, туманно-зеленое, населенное странными существами.

Все вместе больше похоже на сон, чем на явь. У Ника даже мелькнула мысль: может, он просто отключился в одной из грязных комнатушек на пограничном подземном этаже Убивальни, и все, что произошло дальше, ему приснилось? Отключился и до сих пор не может очнуться...

Он украдкой ущипнул себя за руку. Больно.

– Вставай! – словно угадав, о чем он думает, приказал Дэлги. – Пока совсем не развезло... Если ты любишь заступаться за девушек, ты должен уметь драться. А то полезешь заступаться, тебя поколотят – и самому никакого удовольствия, и девушке одно расстройство.

– Келхар, вы опять?

– Не беспокойтесь, учитель, я знаю меру.

– Мне не нравится, что вы балуетесь клюнсом.

– Учитель, вам, я думаю, известно, что клюнс не вызывает привыкания. Если употреблять его не чаще двух раз в месяц, вреда не будет. Я должен вспомнить, где я видел те цветные очки.

– Не нравится мне это, – повторил Донат.

В его тягучем голосе звучал сдержанный угрюмый упрек, а Севегуст отвечал отрывисто и сухо, но вежливо.

Ксават слушал ихний разговор, стоя возле щелястой стенки в темном гостиничном коридоре. Высокородный Келхар, стало быть, употребляет клюнс... Эта штука пробуждает запертые за семью печатями воспоминания – хоть из прошлых жизней, хоть из раннего детства, и воспоминания эти далеко не всегда приятные. В общем, ничего хорошего, срань собачья. Ксават отродясь не интересовался клюнсом.

В кладовке просторного номера, который снимали охотники, стояло уже с десяток банок с законсервированными головами, но головы Сорегдийского оборотня среди них не было. Где-то гуляет... Может, совсем рядом гуляет и вот вот зайвится в гости!

Во рту мерзкий привкус страха. Отсыревшая дощатая стенка испещрена гадкими надписями и клейкими следами улиток, да еще висит на гвоздике не внушающий доверия оберег из растрепанных птичьих перьев и цветных ниток. Дождь барабанит по оконным стеклам с упорством судебного исполнителя. Тоска, одним словом.

– Нападай.

– Он же острый, я могу вас ранить...

– Не надейся, не можешь. Даже если очень захочешь.

Ник и сам понял, что сморозил глупость. Неумело сделал выпад. Дэлги отбил – короткое, почти ленивое движение.

– Еще!

– Вы сначала покажите, как надо.

– Сначала ты покажи, как умеешь двигаться и на что способен. Нападай!

Показывать приемы Дэлги начал на втором занятии. У него все получалось просто, изящно и доходчиво.

Он мог объявить: «Сейчас я буду драться, как ученик твоего уровня» или «Представь, что я тупой уличный задира и владею обычной для них несложной техникой кулачного боя», – и после этого двигался, соразмеряя свою силу, скорость и мастерство с возможностями заявленного персонажа, словно и не был чемпионом гладиаторских игр. Эта его способность настолько виртуозно управлять своими боевыми рефлексамися поражала Ника даже больше, чем все остальное.

– Я хорошо умею перевоплощаться, – засмеялся Дэлги, когда Ник об этом сказал. – Мог бы выступать в театре! Один раз даже попробовал, да все закончилось, как обычно – нажрался перед спектаклем, декорацию свалил... Меня обругали и выгнали и денег не заплатили.

Как он дерется в полную силу – это Ник однажды увидел. Случайная встреча, из тех нехороших встреч, которых лучше бы не было.

Они приближались к размытому розовому закату. Осока цвета ржавчины в последних лучах солнца отливала золотом, топи тарацились в небо неподвижными темными зрачками. Спиридон резво бежал, на ходу обрывая молодые побеги. Ник уже привык к быстрой езде, хотя, по настоянию Дэлги, по-прежнему пристегивался.

Суматоха справа, где щетка бледно-зеленой поросли тянется и тянется, закрывая северо-западный горизонт. Сначала послышался хруст стеблей, и в небо с гвалтом поднялась стая пестрых длиннохвостых птиц, потом из травяной чащи на простор выскочил другой лугурд и помчался наперерез. На спине у него тоже сидел всадник – голый по пояс чернобородый мужик, косматый, с мощным мускулистым торсом.

Ник думал, они столкнутся, но Дэлги и этот тип, похожий на беглеца из психушки, в последний момент придержали своих лугурдов.

– Ждраштвуй, друг! – крикнул чернобородый. – Откудова едешь?

– Из Ганжебды.

– И я тоже в Ганжебде побывал, охотники жубы выбили! Ух, лютуют... Беж них было шпокойно и хорошо, а теперь наштал бешпредел, как говорят пришлые люди иж Окаянного мира. Шлыхал я про этого Доната, да не думал, что он к нам пожалует!

– Это Донат тебя без зубов оставил? – поинтересовался Дэлги.

– Не, его ученик, молодой ижверг! Как подпрыгнет, да как дашт мне каблук в жубы – и вшо тут, а то бы я его жашиб... Хвала ночи, уполж я и шпряталшша, он не нашел. Чего шмеёшша, человечье отродье? Иш тебя такой удар в рыло шражу бы вышиб и можги, и душу, а я ишшо убежал!

Ник, спохватившись, согнал бестактную улыбку.

– Вот и езжай к себе домой, – посоветовал Дэлги. – Как доберешься до места, тебе не нужны будут зубы. А мы своей дорогой поедем.

– Туда и еду, время-то иштекает, – подтвердил собеседник. – Шлышь, друг, прожьба к тебе... Поделишшь пропитанием! Иж-жа этих окаянных охотников ничего иж Ганжебды не жахватил, было не до того, а дома хорошо бы шражу

брюхо набить, воштановить шилы, шам жнаешь... Вот и прошу тебя добром, выручай, поделишшь провиантом!

– У меня нет провианта для дележки, – ответил Дэлги холодно.

– Я же вижу, что ешть! – мужик с выбитыми зубами негодуяще затряс головой, и его лугурд начал беспокойно приплясывать на месте. – Я вшо не прошу, ты немножко отдай. Поделишшь по-хорошему!

Странно, что он клянчит еду, хотя вокруг ее полно. Дэлги по дороге постоянно охотится, бьет дротиком дичь, которую умеет превосходно готовить, и съедобных плодов здесь тоже хватает. По словам Дэлги, вся Ганжебда кормится тем, что болото пошлет, разве что лепешки пекут из муки такери – злаков, которые выращивают на залитых водой плантациях наподобие рисовых. Этот тип похож на местного жителя, так почему он сам не найдет что-нибудь съедобное?

– Проезжай, – голос Дэлги стал еще жестче. – Здесь для тебя ничего нет.

– Так нельзя, друг! Ешли так, не друг ты, а хуже охотника! По-хорошему прошу, поделишшь человеком! Отдай руку или ногу, а оштальное себе оштавь. Мне бы швежего мяшка пожевать, когда вернушшь домой и шнова штану шамим шобой... Жнаешь ведь, человечье мясо ничем не жаменишь!

Так это оборотень! А Дэлги он, как и Люссойг, принимает за другого такого же оборотня...

– Это мой человек, целиком, со всеми потрохами, – теперь Дэлги говорил с угрозой. – Если хочешь жить, проваливай!

– Не нужны мне его потроха, кушай шам на ждоровье, а мне руки-ноги хватит. Я же шправедливой дележки прошу!

– Ты меня уже разозлил.

– Не друг ты, а шкряга! Предлагал я тебе по-хорошему поладить, ты шам не жахотел... Давай тогда по-плохому! Кто кого убьет, тому и человек доштанетша, и мяшо побежденного!

Чернобородый оскалил обломанные зубы и вытянул из ножен, подвешенных у лугурда на боку, меч с длинным широким лезвием. Дэлги вытащил свой меч. Ника начал пробираться озноб: несмотря на комичность диалога, ситуация серьезная. Смертельно серьезная.

– Ник, все в порядке, – оглянувшись на него, шепнул Дэлги. – Сейчас убью урода, и поедем дальше.

– Он же оборотень!

Дэлги хмыкнул, насмешливо сощутив свои болотно-зеленые глаза.

– А я, по-твоему, кто?

Лугурд оборотня опустил на брюхо, Спиридон проделал то же самое. Хозяева привязали их к корягам.

– Следи за этой скотиной, – велел Дэлги. – У них начинается брачный сезон, эти оба самцы, могут подраться. Если начнут – сразу отбегай в сторону, чтобы тебя не затоптали.

Бородатый оборотень издал рев, потрясая мечом. Одет он был простенько и со вкусом: драные шорты с такими прорезами, что женщинам его лучше не показывать, грязные кожаные сапоги с некогда позолоченными шпорами. Когда он с воинственным воплем ринулся в атаку, Дэлги отступил в сторону, и тот пролетел мимо. Впрочем, тут же затормозил, развернулся и снова атаковал. На этот раз Дэлги парировал удар.

Ник заворуженно наблюдал за схваткой. Такого он еще не видел!

Оба двигались в бешеном темпе. Клинки стали размазанными, полупризрачными – словно лопасти стальных вентиляторов. Сшибаясь, они на мгновение-другое материализовывались – большие, тяжелые, отражающие солнечные блики предметы, а потом снова превращались в свистящие и звенящие вихри. Болотный оборотень рычал и устрашающе гримасничал, длинные волосы Дэлги разметались, как у дикаря.

Ник сознавал, что сейчас решается его судьба, и от исхода поединка зависит, жить ему дальше или нет, но все равно смотрел на это представление почти с восторгом. Оно того стоило!

Досмотреть до конца ему не дали. Лугурды, поглядев на сражение двуногих, тоже затеяли выяснять отношения. Привязь не позволяла им подраться по-настоящему; они ревели друг на друга и вытягивали шеи, при этом каждый норовил кусануть противника.

Лугурд, на котором ездил оборотень, был крупнее и злее. Он ухватил плоскими коричневыми зубами Спиридона за холку, тот плаксиво кричал и мотал головой, пытаясь вырваться. Тяжелые капли крови шлепались на траву.

Когда головы сцепившихся лугурдов пригнулись к земле, Ник решил заступиться за своего. Он уже привык к Спиридону, тот был для него не кошмарным чудищем на паучьих ногах, а домашним животным вроде лошади. Подскочив к ним, он ударил чужого кулаком по носу.

– Ты,пусти его! Кому сказали,пусти!

Лугурд разжал окровавленные зубы, выпустил Спиридона, который сразу отпрянул, и заревел на Ника. Тот попятился. Разъяренное животное потянулось к нему с намерением укусить, но получило плашмя мечом по голове и тоже подалось назад.

– Да ты совсем сумасшедший! – Дэлги схватил Ника за плечо. – Зачем полез к ним?

– Я разнять хотел... – до него дошло, что дуэль, видимо, закончилась, раз Дэлги с ним разговаривает. – А где этот?

– Оглянись.

Ник оглянулся.

Сперва он не понял, что это лежит среди травы в кровавой луже: похоже на кусок человеческого туловища с курчавой головой (лицом в землю) и длинной волосатой рукой. А немного подалее – еще кусок, со второй скрюченной рукой и ногами в сапогах.

Господи, Дэлги разрубил его наискось, от плеча до бедра...

В стороне валялся меч с широким лезвием.

Такие картинки и отгалкивают, и притягивают взгляд, даже если не хочешь смотреть. Подробности смерти. Почувствовав слабость в коленях и тошноту (все же не настолько сильную, чтобы с ней не справиться), Ник отвернулся.

Что надо сказать человеку, который только что дрался за тебя и спас твою жизнь?

– Спасибо... – пробормотал Ник, стыдясь своей косноязычности и заторможенности.

– Я всего лишь хорошо выполнил свою работу, – скромно ухмыльнулся Дэлги. – Я же твой телохранитель, не забыл еще? Обязательно расскажешь об

этом сестре Миури. И перед жреческой коллегией засвидетельствуешь, если нас туда вызовут – пусть знают, кого уволили!

– Хорошо, конечно! – согласился Ник, обрадованный тем, что сможет хоть как-то отблагодарить его.

Лугурды беспокойно топтались и не прочь были сбежать, их тревожил запах крови. Дэлги перерубил привязь чужой скотины, и обидчик Спиридона бросился наутек, подальше от страшного места. Спиридон тоже рванулся, но веревка его не пустила.

– Одной тварью меньше... – взглянув на разрубленное тело, задумчиво изрек Дэлги. – А не разевал бы рот на чужое, остался бы жив.

– Я слышал, победить оборотня мало кому удается.

– Так не зря же я почти год маялся в учениках у охотника! Старик Гаверчи меня многому научил – и тварей бить, и пить, не закусывая. С перевязкой можешь? То, что этот урод меня достал – наплевать. Жалко, что куртку испортил, где я посреди болота новую возьму? Придется заплаты ставить.

– Вы ранены?

– Порезы, ерунда. На мне заживает быстро... как на истинном оборотне. Да еще мивчалга ускорит процесс.

– Я и куртку вашу могу починить, – из лучших побуждений предложил Ник.

– Гм... А ты когда-нибудь держал в руках иголку с ниткой?

– В школе на уроке труда.

– Тогда преогромное спасибо, но свою куртку я лучше сам приведу в порядок. На себе экспериментируй.

Пока они возились с перевязкой, да потом еще Дэлги смазывал мивчалгой рану на шее у Спиридона, слетелись неопрятно-серые птицы, не крупнее курицы, но с мощными загнутыми клювами. Из травяных зарослей опасно вылезли существа, похожие на обломанные сухие ветки, вроде обитающих в городах пылевых плавунов. Вся эта заинтересованная живность потихоньку подбиралась к трупам, но побаивалась людей.

Когда Дэлги с Ником забрались на лугурда и поехали дальше, началось пиршество.

Деформированное влажным маревом солнце походило на растекшийся яичный желток, который вот-вот утечет за горизонт. Закат розовел над болотом во все небо. Словно и не было никакой стычки.

А в другой раз они увидели на опушке низкорослого лесочка четырех обнаженных девушек – те кружились, держась за руки, их длинные волосы стлались по воздуху, развевались, хотя погода стояла безветренная. У одной волосы черные, у другой зеленые, у третьей желтые, у четвертой сиреневые.

– Подъедем поближе? – с надеждой спросил Ник.

– Жить надоело? Это приманка. Иллюзия, созданная голодной тварью. Ты их даже и потрогать-то не сможешь.

– Я понимаю, что иллюзия, я же только посмотреть... – пробормотал он смущенно.

– На что оно и рассчитывает. Ты подойдешь, чтобы рассмотреть их лучше, а оно протянет хватательную конечность и тебя сцапает. Или, возможно, там силки. Твари, которые поумнее, тоже умеют мастерить ловушки. Выползти из своих владений они не могут – представь себе несокрушимую стеклян-

ную стенку, для стороннего наблюдателя ее нет, а для твари она есть. Но щупальце или лапу сквозь это неведущее стекло просунуть можно. Тварь при этом чувствует боль – словно ты сунул руку в кипяток или в ледяную воду, примерно то же самое. Когда конечность втянута обратно, неприятные ощущения быстро проходят, а если еще и какого-нибудь ротозея схватить удалось – вообще праздник! Ну а бросить наружу петлю – тем более не проблема. Так что не обессудь, не поедем мы к этим девушкам. Хотя картинка ничего себе, наверняка там есть, на что поглядеть.

– Может чуть-чуть поближе проедем? Так, чтобы петлю до нас не добросили...

– Еще чего, – Дэлги заставил лугурда повернуть в сторону, увеличивая дистанцию. – Чем ближе мы окажемся, тем сильнее тебя к ним потянет. Здешний житель наверняка использует суггестию, то-то у тебя слезы в голосе.

Нику и правда хотелось заплакать. Если он сейчас проедет мимо, он никогда больше этих танцующих девушек не увидит! Он совершает страшную, непоправимую ошибку, отказывается от чудесной возможности, какая выпадает раз в двадцать лет, и то не каждому...

Он еле удержался, чтобы не ударить равнодушного к его мучениям Дэлги кулаком по спине. Пейзаж с танцующими девушками уплывал назад; Спиридон бежал, распугивая птиц, через россыпь пойманных в травяные сети озер. Ник чуть не вывихнул шею, оглядываясь на зачарованный лесочек.

Невидимая хватка, сдавившая ему сердце, разжалась. Наконец-то... Хорошо, что он здесь не один, и ему не дали совершить глупость.

– Я уже в порядке, – сообщил он виновато.

– Думаешь, мне не хотелось на них поглядеть? – засмеялся Дэлги. – Девочки были просто прелесть, особенно черненькая и сиреневая. Сколько мы уже по этому болоту без женщин мотаемся? Самоудовлетворяться я как-то не привык, не то удовольствие. Тебя снимать нельзя – ты сразу в панику. Встречных тут негусто, и ладно бы попалась болотная сирена вроде Люссойг, а то какой-то хмырь без зубов – повезло, называется! Так что меня тоже проняло, но я вовремя вспомнил, как мы с учителем моим, стариком Гаверчи, на охоте пили сиггу, почти не закусывая, – и сразу стало не до девиц этих ненастоящих. Другое дело, если бы мне бутылку издали показали... Вот тут бы я побежал, как Спиридон за куском сахара! Знаешь, что такое сигга? Спирт с водой – половина на половину, и настояна эта убойная штука на всяких жгучих специях, куда там вашей водке!

– Вы же решили бросить пить и вернуться в гвардию, – напомнил слегка испугавшийся Ник.

Вдруг какая-нибудь притаившаяся тварь подслушает слова Дэлги и создаст наваждение, перед которым тот не сможет устоять?

– Да сколько раз уже бросал... Впрочем, если ты сдержишь свое обещание, я свое тоже сдержу. Когда снова надену форму гвардейца, такую крутую попойку на радостях закачу! Можешь считать, ты приглашен. А теперь посмотри направо – это руины города шан-баягов.

Справа – большой холм, и на нем, словно зеленый гребень на спине задремавшего динозавра, щетинится еще один лесок. Выглядит он причудливо: меж деревьев виднеется что-то угловатое, густо опутанное лианами, а вон там торчат над кронами как будто двускатные крыши, сплошь заросшие травой и

облепленные птичьими гнездами.

– Вот почему здешняя тварь демонстрирует эротические картинки, – объяснил Дэлги. – Люди здесь бывают. Шан-баяги хоронили своих покойников с большим пафосом и с кучей сокровищ, а сорвиголов всегда хватало.

Ник рассматривал развалины с любопытством, но спрятанные клады его интересовали: толку от них, как от прошлогоднего снега.

– Мы туда не пойдем, ладно? Мы же в Слакшат едем.

– Конечно, не пойдем, зачем оно нам? – согласился Дэлги. – Там полно ядовитых гадов и тварей, а ценности давным-давно растащили. Я тебе не голодранец, чтоб из-за пары золотых монет в ловушку соваться! У меня, между прочим, есть земельный участок и счет в банке. Просто чудо, что я и то, и другое до сих пор не пропил... Мы с тобой люди благоразумные и приличные, так что поехали мимо.

Ближе к вечеру сделали привал. Дэлги, как обычно, долго и придирчиво выбирал место для стоянки, а после началась очередная тренировка, и он, тоже как обычно, был недоволен успехами Ника, хотя тот старался.

Потом, когда сидели у костра и пили травяной чай, в который Дэлги бросил разрезанный на дольки твердый кисло-сладкий плод, похожий на желтое яблоко, зашла речь о девушках и об оборотнях.

– ...Строго говоря, у оборотней нет пола, – рассказывал Дэлги. – Одно и то же существо может обернуться как мужчиной, так и женщиной – такова их природа. Многие вообще не способны принимать человеческий облик и превращаются в животных, за исключением кошек и трапанов. А те, кто оборачивается людьми, – так сказать, «сливки», и пол у них зависит от личных предпочтений. Например, Король Сорегдийских гор предпочитает мужскую роль – просто потому, что ему это больше нравится, а Хозяйка пустыни Кам – женскую, опять же потому, что у нее такие склонности. Как я слышал, нрав у нее тяжелый, законченная стерва. В истинном облике она похожа на черную гигантскую сороконожку покрупнее нашего Спиридона, с прекрасным человеческим лицом и гривой иссиня-черных волос. Носится по своей пустыне, иногда с головой зарывается в песок и подстерегает путешественников, которых угрозило заплутать в ее владениях. Пустыня Кам граничит с другой пустыней, Солиянго, и караваны иногда сбиваются с пути – естественно, только их и видели. А когда Хозяйка превращается в женщину, ее можно встретить в меньяхских кафе и театрах. У нее целая армия телохранителей-людей, поэтому охотникам к ней не подобраться. Говорят, она редко выбирается за пределы Меньяхского княжества.

– А Король Сорегдийских гор? – спросил Ник.

– А этот живет у себя в Сорегдийских горах.

Нику больше хотелось послушать о Короле, чем о Хозяйке, но он не рискнул приставать с расспросами: вдруг случайно сорвется с языка лишнее, и Дэлги догадается, что он знаком с этим существом?

Сам Дэлги тему не поддержал. Возможно, о Короле Сорегдийских гор он просто не знал ничего интересного. Ловко подхватив горячий котелок, разлил по кружкам остатки яблочно-травяного чая.

– Я хочу рассказать об одной твоей соотечественнице. Имени называть не буду. Сейчас она открыла школу самообороны в небольшом городке на берегу Рассветного моря и считается хорошей учительницей, а раньше была охотни-

ком на оборотней. Женщин-охотниц немного, и они обычно держатся в тылу, на подхвате – боевые подружки-любовницы, санитарки, поварихи и все тому подобное, но эта стала настоящим охотником, не хуже мужчин. В одиночку ходила на тварей. А начинала она ученицей у старого алкаша Гаверчи, как и твой покорный слуга. Несмотря на дурное влияние учителя-выпивохи, у нее обошлось без алкогольной зависимости – вот что значит сила воли! То, чего мне всегда недоставало... – Дэлги сокрушенно вздохнул, хотя в глубине его глаз мерцали иронические искорки. – Она еще в вашем мире кое-чему научилась – биатлон, самбо, дзюдо... Ты ведь знаешь, что это такое?

Ник кивнул.

– Ну вот, и в придачу уроки у Гаверчи. Под конец они поссорились, и она от него ушла, перед этим поколотив учителя. Правильно сделала, Гаверчи того заслуживал. Но рассказать-то я хочу о другом. Красавицей ее никто не назвал бы, и она отчаянно комплексовала из-за своей внешности. Несмотря на это, у нее завелся поклонник. Началось со случайного знакомства и постели, а потом взаимный интерес, увлечение друг другом, встречи, разговоры... Отношения сложились до того доверительные, что она рассказала ему о своих тайных страданиях. Он, как мог, утешал ее. Сам он тоже, мягко говоря, не красавец, но женщин, самых разных, у него было на несколько порядков больше, чем ты способен вообразить. Надо сказать, он не пресытился, зато научился ценить индивидуальность и привлекательные душевные качества не меньше, чем миловидную наружность. То и другое не стоит противопоставлять, но своя прелесть есть и в том, и в другом, с годами поймешь. Мой знакомый из кожи лез, чтобы ее в этом убедить, но от нее все отскакивало. И тогда у него созрело остроумное, как ему показалось, решение проблемы... Знаешь, что такое зеркало-перевертыш?

– Что-то запрещенное... Связанное с изменением внешности, да?

– Оно позволяет обмениваться внешним обликом с другим человеком, после чего разлетается на куски. Этот субъект до безобразия богат, и у него такое зеркало было – валялось за ненадобностью в самом дальнем углу. Он его откопал и преподнес ей в подарок. Хотел как лучше! И что, ты думаешь, случилось дальше? Дело было на природе, в горной местности, и она как хватит этим зеркалом о скалу – только осколки брызнули. Сказала, что не сможет так поступить, ведь ей, чтобы стать красивой, пришлось бы поменяться лицом с какой-нибудь другой девушкой, а потом ее убить. И расплакалась... Дурак этот, мой знакомый, возьми и предложи: у меня еще одно есть – если передумала, забирай. Нет, говорит, я и второе разобью, потому что нельзя так. А у самой слезы катятся... Хотя, пока не затронуты комплексы, нервы у нее, как стальные канаты. В общем, облажался он. Сделал, называется, приятный подарочек даме сердца!

Дэлги грустно улыбнулся и допил последние глотки остывшего чая. Пока он рассказывал, сгустились сиреневые с прозеленью сумерки; подернутое туманом болото свиристело и стрекотало.

– И что было дальше? – спросил Ник.

– Да ничего особенного. Болван-ухажер, чтобы загладить свою оплошность, заказал побольше мороженого и устроил ей персональную трассу для биатлона, она давно об этом мечтала. Не знаю, сколько еще раз она потихоньку плакала... Был шанс исправить ошибку природы, стать красивой, но из-за этиче-

ских принципов пришлось отказаться – вряд ли мороженое и биатлон смогли залечить такую рану. С возрастом она стала относиться к своей внешности спокойней, но размах у нее по-прежнему как у горного водопада... Если не смотреть на лицо – потрясающая женщина!

История, рассказанная Дэлги, произвела на Ника впечатление, но все-таки его больше интересовали просто хорошенькие девушки, путь даже иллюзорные. На следующий день он всматривался в болотный ландшафт до рези в глазах: вдруг повезет увидеть еще такую же картинку?

Увидел он совсем другое. Впереди замаячили невысокие скалы – наверное, это и есть Кермефские горы, затерянные в глубине заболоченной Шанбарской низменности – а левее, на некотором расстоянии от них, громоздилось и колыхалось непонятно что.

– Вот те раз... – пробормотал Дэлги, осаживая Спиридона.

– Что это?

Зрелище вселяло тревогу, так как не поддавалось ни объяснению, ни определению.

– Еще одна тварь, всего-навсего. И надо же так разжиреть...

Ник прищурился, всматриваясь. Вот это, похожее издали не то на шевелящуюся мусорную свалку, не то на кучу агонизирующих коровьих туш – живое существо? Одно-единственное живое существо?

– Мы там не проедем?

– Это зависит от Спиридона. На гору он не полезет, лугурды бегают по заболоченной почве. Если там можно пройти – он пройдет, если нет – его туда и сахаром не заманишь.

Лугурд ни за что не вторгнется во владения твари, не заступит за незримую черту, которая эту территорию ограничивает. У них особое чутье, поэтому здесь только на лугурдах и можно без опаски путешествовать. Об этом Дэлги говорил еще вначале, в первый день.

– Тогда в чем дело?

– В том, что придется вколоть тебе храт.

Заставив Спиридона опуститься на брюхо, Дэлги спешил и начал рыться в сумке. Ник пытался рассмотреть пятнистую живую массу, и хорошее настроение меркло, как дневной свет перед грозой. Может, из-за того, что с северо-востока наплзали низкие пухлые облака? Но он ничего не имел против облачного неба, оно ему даже нравилось.

А слово «храт» он точно уже слышал. Кажется, от девчонок во дворце у Дерфара. Ну да, Вимарса тогда сказала, что Эннайп должна стать переговорщицей, и что перед переговорами колют храт.

– Что такое храт?

– Если по-вашему, психотропный препарат. Только не паниковать! Храт блокирует те эмоции, которые возникают у человека при виде тварей в истинном облике, а также делает тебя неуязвимым для суггестивного воздействия вышеупомянутых тварей. Одна доза не опасней, чем стакан фруктовой газировки.

– Не в вену? – с неприязнью глядя на извлеченный из металлического футляра шприц, спросил Ник.

– Под кожу. Давай руку.

Они проехали по травяной полосе между невзрачными серыми скалами и

этим... этой... Как назвать эту разбухшую плоть в бурых, белесых, розоватых пятнах, с торчащими над необъятной трясущейся тушей коровьими головами? Находилось оно слева, и Дэлги держал в левой руке меч (он одинаково хорошо дрался обеими руками), но тварь не нападала. Возможно, у нее просто не было шанса достать лугурда с его пассажирами. Коровьи головы мычали хором, пронзительно и тоскливо, и Ник подумал, что это было бы страшно – если бы он мог сейчас чего бы то ни было испугаться.

Видимо, храт похож на снадобье, которое ему впрыскивал Король Сорегдийских гор.

В этот день Дэлги отменил обычную тренировку.

– Пока действие храта не закончилось, толку все равно не будет. Отдыхай.

– Себе вы укол не ставили, – заметил Ник.

– Меня фокусы тварей не берут, а что до их истинного облика, так я в белой горячке и не на такое насмотрелся.

Огромный монстр остался далеко позади, даже мычания не слышно. Справа громоздятся темной массой Кермефские горы – мелковатые, не выше типовых советских девятиэтажек, слева – трава, туман, водянистые глаза болота.

Над костром жарится насаженная на вертел тушка птицы. Вокруг колыхаются облака беспощадной мошкары; хорошо, что у Дэлги до сих пор не закончилась мазь, снимающая зуд от укусов.

– Оно не пыталось нас поймать.

– Ага. Ты бы сам, как миленький, бросился к нему в объятия, если бы храт не сделал тебя невосприимчивым. Храт – это вроде вакцины. Вытяжка из жизненных соков твари в истинном облике, поэтому одна его капля стоит, как средних размеров алмаз. Только не спрашивай, где я его взял, договорились? Если я что-то где-то спер, это никого не касается.

– А о другом спросить можно? – после нескольких минут размышлений осторожно поинтересовался Ник.

– Валяй.

– Как удастся добывать эти жизненные соки для храта?

– Никак. Но кое с кем из тварей люди ведут дела, к обоюдной выгоде, и бывает, что заинтересованное существо снабжает своих партнеров снадобьем, которое позволяет переговорщикам общаться с ним без негативных переживаний. Этот самый храт доверенные лица получают от Короля Сорегдийских гор, потому и прошу тебя помалкивать. С меня же голову снимут...

Так вот чем будет заниматься Эннайп цан Аванебих!

Это неожиданное напоминание о той истории двухлетней давности, наступившее Ника посреди погруженного в теплые липкие сумерки Шанбарского болота, ошеломило его даже больше, чем многоглавая корова-переросток.

На другое утро он обнаружил, что подробности вчерашнего зрелища смазались, а то и вовсе стерлись. И кошмаров никаких не приснилось. Наверное, благодаря храту.

Катавасия началась вскоре после полуночи. Крики. Грохот. Звон бьющегося стекла – судя по его продолжительности, в этой сраной гостинице не осталось ни одного целого зеркала, ни одного окна, ни одного стакана.

Вначале Ксават думал отсидеться в номере за запертой дверью, но когда эту самую дверь ему вынесли – не с целью до него добраться, как решил в пер-

вый момент, а просто так, – он схватил припрятанный под подушкой кинжал и тоже выскочил в коридор. Четверть века назад, в Хасетане, Клетчаб Луджереф был не последним парнем в поножовщине!

Света нет. Всеобщая неразбериха. Ошалевший народ мечется, и вроде как все против всех. Клетчаб тоже кого-то полоснул впотьмах, потому что сам виноват, не подворачивайся под руку.

В обеденном зале на первом этаже столы вверх тормашками, зато половина газовых рожков все еще горит. Келхар цан Севегуст, бледный, как привидение (вряд ли от страха, у него всегда покойничий колер), дерется с оравой каких-то остервеневших индивидов обоего пола. В углу Донат Пеларчи, не такой верткий, как его молодой помощник, отбивается от насевших врагов, словно матерый медведь от своры собак.

Ревернух просек, в чем дело: оборотни с болота, которые ошиваются в Ганжебде, объединились и напали на охотников. А те, кто посмышленей, в общую свалку не полезли, пошли по номерам грабить под шумок остальных постояльцев. Может, грабежом занимаются не только твари, а еще и с улицы кто попало набежал – народ в Ганжебде ушлый, лакомого куса не упустит. Главное, что Ксаватовы деньги и ценности при нем, в нательном дорожном поясе, так что никакой катастрофы.

Возможно, это нападение подстроил Король Сорегдийских гор. Возможно, сам он тоже где-то здесь!

Отмахиваясь ножом от всякого, кто случался рядом, Ксават выбрался на задний двор. Там шел торг: хозяин гостиницы и предводитель отряда усмирителей (они здесь вроде цепняков, но не цепняки, работают по найму) спорили о цене. Хозяин давал слишком мало.

– Срань собачья, да наведите же вы порядок! – рявкнул на них министерский служащий господин цан Ревернух. – Человек спокойно выспаться по ночам не может!

– Десятка, – лениво процедил командир усмирителей. – И бесплатное угощение с выпивкой на всех ребят. Мы задарма своими задницами не рискуем.

Его молодчики посмеивались, поигрывали дубинками, грызли жареные семечки и плевались шелухой. Покуда деньги не заплачены, их дело сторона. Не тупаки ведь – профессионалы!

– Соглашайся, срань собачья! – прикрикнул Ксават на хозяина, словно тот был его подчиненным. – Или ты, дармоед безответственный, хочешь улицу подметать? Ты у меня будешь улицу подметать, если не умеешь добросовестно делать свою работу!

Хозяин от этих речей потерялся, струхнул и обреченно промолвил:

– Ладно, парни, десятка и всем вам угощение.

Из оконного проема на втором этаже выбросили полуголого мужчину в приличных шелковых кальсонах. Тот ударился головой о каменную скамью, вкопанную в землю, да так и остался лежать на месте, разбрызгав мозги. Впрочем, это была последняя жертва ночного безобразия, потому что усмирители ринулись в дом, и силы порядка наконец-то восторжествовали над хаосом.

Охотники отделались поверхностными ранениями.

– Благодарение Пятерым, что вы, Келхар, не принимали сегодня вечером клюнс! – проворчал Донат. – Эта дрянь замедляет реакцию.

– Я уже вспомнил то, что хотел вспомнить, и в ближайшее время не буду

принимать клюнс, – сухо, но учтиво ответил Келхар.

На левой скуле и на лбу у него чернели смазанные бальзамом порезы.

– Их натравил на нас тот, кого мы ищем, – высказал догадку Ревернух.

– Сомнительно, – не согласился Пеларчи. – Не его стиль. Я собрал о нем достаточно любопытных сведений. Он считает себя самым крутым в подлунном мире хищником и нападает в одиночку. Из-за этого даже бывали конфликты между ним и высокородными предателями, которые с ним сотрудничают. Они недовольны тем, что во время своих прогулок он рискует, и пытаются навязывать ему охрану.

– Так, может, это ихний гостинец? Взяли и навели на нас болотную срань!

– Возможно, – задумчиво протянул Донат. – Лучше нам отсюда съехать, снять частный дом... И с завтрашнего дня соблюдаем крайнюю осторожность.

– С сегодняшнего, – буркнул Ксават, поглядев на мокрое светлеющее небо за разбитым окном.

Этому болоту никогда не будет конца. Здесь не поймешь, существует ли до сих пор остальной мир, и сколько прошло времени, и было ли раньше что-то еще кроме плаунов и птиц, ковров из ряски, клубящейся, как дым, мошкары, непроницаемых водяных окошек, то черных, то, на закате, розоватых.

Ник смирился с тем, что они безнадежно заблудились. Ни в какой «внутренний компас» Дэлги он не верил. Ничего, можно жить и здесь.

Шанбар издавна считался краем нездоровым, где можно подцепить любую хворь, от лихорадки до наружных или внутренних паразитов, но Дэлги и Ник пока ни на что не жаловались.

– Обрадовался! – усмехнулся Дэлги, когда Ник заметил, что слухи преувеличены. – Я каждый раз добавляю в чай каплю целебного бальзама, поэтому зараза нас не берет. А вот когда он закончится, будет худо... Но мы доберемся до Слакшата быстрее, чем он закончится.

Им никогда не добраться ни до какого Слакшата. Значит, жизнь будет продолжаться, пока у Дэлги есть бальзам... Ник решил, что сойдет и такой вариант.

Этот финальный, видимо, отрезок его жизни оказался неожиданно приятным. Тепло, еды вдоволь. Дружелюбный и остроумный спутник, который вдобавок великолепно готовит и способен прогнать или прикончить любого агрессора. Немного печальная, но живописная природа. Даже девушка была... Как будто жизнь, спохватившись, решила напоследок отдать Нику все долги. И на том спасибо.

Дэлги напоминал ему персонажей американских приключенческих фильмов: обаятельный авантюрист-одиночка, бесстрашный, находчивый, немного легкомысленный. Неизменно жизнерадостный – один из тех благополучных, несмотря на все передрыги, людей, для которых свое персональное солнце светит в любую погоду. Наверное, у него не случалось никаких серьезных потерь и катастроф, он их видел только со стороны, так что хорошо ему упрекать других в пессимизме!

Впрочем, иногда у Ника появлялось ощущение, что с Дэлги что-то не так. Трудно сказать, что именно, и в чем заключается это самое «не так». Как будто бродишь по большому дому с веселыми, просторными, залитыми солнцем комнатами, и вдруг начинаешь чувствовать, что есть тут искусно замаскиро-

ванные пространственные нарушения, как на картинах Эсхера. Пытаясь понять, в чем дело, Ник всякий раз оказывался в тупике.

Возможно, Дэлги не хватало наглядно проявляющихся недостатков или хотя бы редких приступов плохого настроения? Он был настолько идеальным спутником, что казался придуманным.

Никаких следов современной цивилизации им не попадалось, кроме одного раза, когда наткнулись на чью-то покинутую стоянку.

Грязная отсыревшая палатка. Разбросанная посуда. Ключья изодранных сумок. Черное пятно кострища. Людей нет, только валяется в траве стоптанный сапог, и по нему ползают рыжие и красные паучки величиной с булавочную головку.

Дэлги обнажил меч и Нику велел достать оружие («ты эту острую штуку не для красоты на поясе носишь!»), но вокруг было тихо, и Спиридон вел себя спокойно.

– Их было трое или четверо, – осмотрев стоянку, заключил Дэлги. – Далеко забрались... Возможно, один из компании оказался оборотнем и заманил остальных в западню. Позвал их клад искать, обычная уловка... Разминулись мы с ними всего-то на несколько дней. Обследовать окрестности не пойдем, мы не охотники и не полицейские, нам бы поскорей до Слакшата доехать. Лучше займемся мародерством.

Порывшись среди остатков растерзанных неведомым зверьем сумок, он обнаружил целых три завинченных фляги, в которых что-то плескалось. Открыл первую, понюхал, скептически сморщил нос.

– Сигга! Настоянная на галлюциногенных болотных грибочках, вот ублюдки... После такой штуки долго будешь вспоминать, как тебя зовут, что ты делал вчера и где твои штаны, поэтому ну ее...

Он отшвырнул фляжку, и крепко пахнувшая прозрачная жидкость выплеснулась на траву. Потом открыл следующую, повторил процедуру дегустации.

– А это пифлакко, дешевое сухое вино. Делают в Пифле, в Макиштуанском княжестве. Уже начало скисать.

Вторая фляжка отправилась следом за первой, на этот раз выплеснулась рубиновая жидкость.

– Цвет красивый, – заметил Ник, пытаясь совладать с напряжением.

– Вот-вот, его только для красоты наливать. Пифлакко вообще дрянное вино. Употреблять не рекомендую, изжога обеспечена.

Содержимое последней фляжки Дэлги одобрил.

– Полусладкая амахра! Это мы с тобой выпьем... С жареной дичью будет недурно, особенно если мясо тоже полить амахрой.

Аккуратно завинтив пробку, он подобрал лежавший рядом меч и выпрямился.

– Поедем? – спросил Ник с облегчением.

По-прежнему тихо, только где-то далеко-далеко лениво перекликаются птицы, а у него все нервы натянуты, как покрытые наледью провода.

Разоренная стоянка, хозяйева которой непонятным образом исчезли – это так же страшно, как если бы они с Дэлги нашли трупы.

– Не стискивай так рукоятку, – поглядев на его руку, спокойно посоветовал Дэлги. – Аж костяшки побелели, куда это годится? Меч надо держать крепко, но не до судорог в кисти. Кто-то их слопал, это факт. А перед этим пошла своего

крышеломного нажрались, чего нельзя было делать. Там еще пустых фляжек четыре штуки... Идем.

Заледеневшие нервы начали оттаивать, лишь когда Спиридон отбежал на порядочное расстояние от лесной опушки с выморочной стоянкой. Хотя, если подумать, разницы никакой, здесь повсюду опасно.

После этой находки у Ника вошло в привычку обращать побольше внимания на окружающие звуки. Во время очередной остановки на обед, услышав за кустарником с розовыми цветами-стрелками хриплые стоны, он вскочил первый... Нет, все-таки не первый. Когда он встрепенулся, Дэлги еще рылся в сумке с приправами, а когда оказался на ногах, тот уже стоял и держал меч. Дэлги опередил его, как всегда, и при этом даже свои мешочки и склянки не рассыпал.

Ник тоже достал из ножен меч. Не стискивать рукоятку, все делать правильно, как учили...

Обогнув кусты, Дэлги остановился, рассматривая что-то, не видное Нику за высокой травой.

– Переносим барахло! – бросил он, оглянувшись. – Шагов на двадцать, этого хватит. Оно ползет по прямой и сворачивать не собирается. Расслабься, ничего страшного.

– Что – оно? – спросил Ник.

– Оборотень, который не успел вернуться домой.

Дэлги затоптал только что разожженный костер, в десятке метров от него развел новый. Как ни в чем не бывало приладил вертел с тушкой добытого утром грызуна.

В кустах негромко, с завываниями, стонали, потом оттуда начало что-то выдвигаться. Странной формы голова (вытянутый череп, не прикрытая кожей кость), и за ней тянется, вихляясь, длинное туловище. С обеих сторон торчит множество хилых ручек, похожих на человеческие или, скорее, на кукольные; одни волочатся, словно перебитые, другие конвульсивно хватаются за землю, за торчащие из нее пучки травы.

Существо двигалось отчаянными рывками, но медленно, как будто у него почти не осталось сил. На белесой коже багровели нарывы и гноились раны. Некоторые из «ручек» заканчивались не пятипалыми кистями, а клешнями с тонкими, как иглы, шипами, но выглядели эти клешни болезненно хрупкими, и половина из них была раздавлена.

Ник снова вцепился в рукоятку меча.

– Если я сказал – расслабься, можешь расслабиться, – поглядев на него, произнес Дэлги. – Когда надо будет бояться, предупрежу. Или ты хочешь его убить?

– Н-нет, – выдавил Ник испуганно.

– Тогда оставь меч в покое и сядь. Твари этой несчастной не до тебя, она и рада бы с нами не встречаться... Проползет мимо, и будем обедать.

Существо уже полностью выбралось из кустарника. Хилое израненное тело, в длину около четырех метров, заканчивалось окровавленным обрубок – словно раньше был еще и хвост, но его оторвали или отгрызли.

Костяная голова с карикатурным человеческим личиком и бледными слезящимися глазами навывкате. Под полупрозрачной кожей на спине проступают набухшие узловатые сосуды. Из перекошенного беззубого рта вырываются

хрипы и стоны.

Ник отвернулся.

– Что с ним случилось?

– Не успел вернуться домой до истечения урочного времени. Такая метаморфоза происходит с каждым оборотнем, который опоздает.

– И... – похолодевший Ник не смог выговорить имя.

– И с ней тоже, если она однажды не успеет. С кем угодно. Поэтому возвращаться в свои владения оборотни должны вовремя.

– Что с ним будет дальше?

Судя по звукам, истерзанное жутковатое существо ползло через поляну, но Ник не смел повернуть голову. Сидел, глядя прямо перед собой.

– Скорее всего, или свалится замертво, или его съедят. Но если ему очень-очень повезет, он доберется домой и тогда сможет принять свой истинный облик. Мизерная вероятность... но все-таки она есть, иначе я бы его прикончил из соображений милосердия, – Дэлги говорил задумчиво и невесело, таким Ник его еще не видел. – Представляешь, я, такой добрый, убью его, чтобы понапрасну не мучился, а его территория – вон за тем лесочком, и ему всего-то полшакра оставалось проползти! Он ведь на что-то надеется, раз ползет... Так что лучше его не трогать.

Ни отвращения, ни неприязни. Дэлги, похоже, искренне сочувствовал попавшему в переделку монстру. Немного странная для иллийца реакция... Если бы такое случилось с Люссойг, Нику тоже стало бы ее жалко, но это ведь не Люссойг.

– Может, он вообще не в ту сторону направляется?

– Двигается он, куда надо, – сострадание к стенающей твари, которая медленно, пядь за пядью, тащила вперед, не мешало Дэлги следить за мясом на вертеле. – Видишь ли, оборотень всегда знает, в какой стороне его дом. Базовый инстинкт. Он это чувствует и ошибиться не может. В старину, когда еще не изобрели навигационные приборы, их использовали мореплаватели.

– Каким образом?

– Охотники ловили оборотня живьем и после истечения срока продавали морякам. В этом состоянии оборотни беспомощны и физически очень слабы, хотя выглядят так, что впечатлительных зрителей вроде тебя бросает в дрожь. Кстати, хватит дрожать. Ты лучше представь, ему-то каково ползти мимо людей! Ну и вот, моряки брали такого бедолагу на корабль, и он был у них вместо компаса, пока не издыхал. Он чувствовал, где находится родной берег, и его постоянно тянуло смотреть и двигаться в ту сторону. По этой же причине болотные твари, которые отправляются гулять в Ганжебду, не рискуют на обратном пути заблудиться: они идут на свет своих собственных маяков, для всех остальных незримый. У оборотней никаких проблем с ориентацией в пространстве, даже в таком плачевном состоянии.

Существо, наконец, уползло, с трудом волоча по земле свое тяжелое вялое тело, скрылось среди высокой травы, но стоны еще долго были слышны.

Ник не мог есть, аппетит отшибло. Через силу разжевал и проглотил несколько небольших кусочков, и то лишь потому, что Дэлги пригрозил покормить его с ложки.

Когда они прятались под деревьями от ливня, заставившего болото бурлить и всхлипывать, снова зашла речь о тварях.

– Иллихейцам, да и всем людям нашего мира, несказанно повезло, что существуют твари. Иначе здесь было бы, как у вас.

– Но у нас тварей нет, и поэтому жизнь более безопасная, – растерялся Ник. – А здесь они могут кого угодно съесть, хоть на природе, хоть в городе.

– Ну, разве что... – Дэлги пренебрежительно прищурился, отбросив назад намокшие пряди. – Сожрать человека и у вас могут, не в прямом, так в переносном смысле. Не буду ссылаться на факты из твоей биографии... Зато, что такое геноцид, здесь никто не знает. Раньше, до Империи, когда шли войны между королевствами и княжествами, сражались армии, а мирное население не истребляли, как оно практикуется на вашей Земле. Грабили и насиловали – это само собой, но не убивали. У нас не бывает погромов из-за национальной розни, и вообще взаимоотношения между представителями разных этносов более терпимые. Можешь судить об этом хотя бы по своему личному опыту. Тебе часто приходилось сталкиваться с грубой дискриминацией? Ты иммигрант, у тебя чужой акцент и странноватые предрассудки, но для иллихейцев главное то, что ты – человек. В учебниках написано, это потому, что мы культурней, но там нет объяснений, с чего мы стали такими культурными. Все дело в тварях.

Ливень все сильнее лупил по листве над головами.

– Почему?

– Твари – враждебная человеку сила. Иногда неразумная, иногда разумная, но вполне реальная и при близком контакте смертельно опасная, не брать ее в расчет никак нельзя. Внешний враг, перед лицом которого различия между образованным северянином из Раллаба и, к примеру, полудиким туземцем из Макиштуанского княжества теряют значение. Благодаря присутствию тварей человеческое общество сохраняет сплоченность и стабильность, вот так-то.

– А как же Ганжебда? – поевжившись (за шиворот скользнула холодная струйка) спросил Ник. – И истребление шан-баягов, о котором вы говорили – это разве не геноцид?

– Ганжебда – исключение, своего рода помойка цивилизации. Ты попал туда случайно, и мы еще выясним, кому ты должен сказать за это спасибо – не знаю, как тебя, а меня эта детективная история заинтриговала. Обычно в Ганжебду едут те, кто жаждет окунуться в такую жизнь. А что касается шан-баягов, так когда это было! Около семи тысячелетий тому назад... Шан-баяги сами широко практиковали геноцид по отношению к соседям, и всех этим достали, вот все и решили, что лучше без них. Хотя ковры у них были зашибенно красивые...

Когда ливень перешел в медленную морось, и путешествие в никуда продолжилось, лугурду пришлось бежать по сплошному водяному зеркалу, над которым поднимались кроны деревьев и травяные султаны. Тревожный запах болота пропитал и тяжелобрюхие облака, и свалявшиеся космы Спиридоновой шерсти, и волосы, и одежду; Ник чувствовал, что они с Дэлги понемногу превращаются в составную часть этого промозглого мира. Может, через некоторое время у них появятся жабры. Или они станут здешними оборотнями. Так или иначе, а болото их не выпустит. Не сказать, чтобы его это сильно расстраивало.

Он надеялся, что Миури потом найдет способ вернуть свой кулон.

Правда, некоторые вещи его все-таки продолжали удивлять. Например, то,

что Спиридон скользит по водной глади, как по ледяному катку.

– У него ноги по-особенному устроены, – объяснил Дэлги. – Обратил внимание, какие они пухлые внизу? Там у него полости с воздухом, поэтому лугурды не проваливаются.

– Вроде воздушной подушки?

– Не вроде, посложнее. О воздушной подушке я читал в вашем журнале, у лугурдов не совсем то.

Зато пленную территорию сменил лес луковичных деревьев. Как будто тебя уменьшили, и ты бродишь среди громадных, в три обхвата, рыжевато-коричневых луковиц, увенчанных пучками головокружительно длинных ярко-зеленых побегов – те покачиваются, перечеркивая низко нависающее пасмурное небо.

При близком знакомстве заметны отличия: эти луковицы покрыты не кожей, а корой, и какие-то существа, которые предпочитают людям на глаза не показываться, прогрызли в них множество норок и прячутся внутри.

Привал сделали на опушке. Дэлги взял дротик и отправился «за обедом», но вскоре вернулся с пустыми руками.

– Ник, пошли со мной. Ты должен это увидеть.

– А что там?

– Идем.

В овраге, окруженном потемневшими и разбухшими старыми «луковицами», лежал то ли свернутый ковер, который за ненадобностью отвезли черт-те куда и выкинули, то ли уснувшая толстая змея. Ник почему-то не мог как следует рассмотреть эту штуку. Что касается остального – каждый травяной стебель, каждого копошащегося на поверхности мокрой земли червяка он видел отчетливо, а *это* по сравнению с окружающими предметами выглядело размытым. словно сфотографировали не в фокусе, только ведь это не фотография...

– Это хадда, – дав ему возможность поломать голову над загадкой, сказал Дэлги. – Вероятностная личинка. Смотри!

Он подобрал черный, в муаровых разводах, плод величиной со сливу (их тут много валялось, они высыпались из белесых коробочек, созревающих на верхушках зеленых побегов луковичных деревьев) и бросил в овраг. Плод пролетел сквозь хадду, словно та была сгустком тумана.

– Это вроде миража?

– Какой там мираж... Бери выше. Хадда нереальна. Появиться-то она может где угодно, однако, если место занято другими высокоорганизованными существами, вроде людей, она скоро исчезнет, словно ее и не было. А вот если место ничье – птицы, рыбы и улитки не в счет, тогда из нее может что-нибудь вылупиться.

– А что вылупится?

– Тварь. Именно таким образом появляются на свет твари. Местечко тут подходящее, так что разродиться она может в любой момент и сразу кушать захочет, поэтому посмотрели – и пойдём-ка отсюда.

Дэлги взял Ника за плечо, мягко развернул и подтолкнул вперед.

Значит, и Люссойг родилась таким образом? И у нее никогда не было ни семьи, ни подружек... Король Сорегдийских гор тоже, видимо, появился из хадды, зато у него территория огромная... и к тому же красивая – залитые солн-

цем горы с ледниками, водопадами, альпийскими лугами и минеральными озерами. Если Сорегдийские горы Ник вспоминал как приятный сон, то мысль о затянутом ряской черном озерце, куда Дэлги бросил ожерелье, вызывала у него болезненное чувство потери и протеста. Люссойг ведь не виновата, что родилась оборотнем... Ник надеялся, что она вернулась к себе в озеро вовремя, не опоздала.

На тренировках Дэлги все чаще бывал недоволен, хотя у Ника вроде бы все получалось правильно.

– Пластика у тебя стала лучше. И раньше была неплохая, а теперь просто загляденье – двигаешься раскованно, красиво, плавно... И это единственное, чем я могу гордиться. Я же не танцевать тебя учу, а драться!

– Я стараюсь, – хмуро произнес Ник.

– Ты не стараться должен, а выкладываться полностью! Имей в виду, я недолго смогу давать уроки. Месяца через полтора мы расстанемся, так что пользуйся, пока можно. У тебя есть хоть капля спортивной злости?

– Не знаю, – он пожал плечами.

Дэлги мученически закатил глаза к облачному своду.

– Ты не первый, кого я учу. У меня бывали разные ученики, и одними я горжусь, другими не очень, но такого подарка судьбы еще не было! Послушай, представь себе, что я грабитель и убийца, и дерись так, словно от этого зависит твоя жизнь.

– Но я же знаю, что вы не грабитель и убийца, – возразил Ник беспомощно.

Свою жизнь он ценил недорого. Если бы она имела какую-то ценность, с ним не случилось бы все то, что случилось.

– Ты меня достанешь, – процедил Дэлги сквозь зубы.

Кто-то еще удивляется, с чего он охрип! Попробуй-ка, поругайся с утра до вечера – понятное дело, сорвешь голос, никакой луженой глотки не хватит. А как не ругаться, ежели народ вокруг подлый и бестолковый?

Расплачиваться за ночной кавардак пришлось Ксавату. Хозяин гостиницы, рассчитавшись с усмирителями, затребовал компенсацию с охотников. Мол, это они виноваты, потому что приехали в Ганжебду – и давай направо и налево насилие чинить, вот местный народ и возмутился. Мало ли что твари... Для него это не твари, а платежеспособные клиенты, которые номера снимают, еду и выпивку заказывают; сколько он держит свое заведение, с ними никогда неприятностей не было. Они же не на халяву жрут, а деньги платят, не хуже людей!

Донат угрюмо поинтересовался: как он думает, откуда у оборотней деньги?

А хозяин на это: не мое дело, откуда; я не обязан у каждого клиента декларацию о доходах спрашивать, в Ганжебде отродясь не бывало таких порядков. Нечего дразнить местный народ, да еще и банки с отрезанными головами в гостиничной кладовке держать, поэтому возмещайте убытки, господа хорошие, и после уматывайте. А не заплатите, так я потолкую с людьми и всю Ганжебду против вас подниму, не уйдете отсюда живыми!

Ксават вмешался и тоже поругался с хозяином. Перекричал его, но пристыдить не смог. А потом Донат заявил, что господин Ревернух должен взять расходы на себя – ежели, конечно, хочет, чтобы они с Келхаром и дальше охраняли его от Короля Сорегдийских гор.

Деваться некуда, срань собачья, пришлось раскошелиться. Хорошо, что так и не собрался отдать помощникам ихнее жалование за последние месяцы – словно чувствовал, что эти деньги самому понадобятся.

Да только зря он уступил. Позже, когда переселились из гостиницы в тесную дощатую хибару в донельзя загаженном переулке, выяснилось, что Короля Сорегдийских гор давно уже след простыл из Ганжебды, и Клетчаб Луджереф, стало быть, получил отсрочку, можно передохнуть. По результатам ворожбы, Сорегдийская тварь находится далеко, аж на юго-западе Шанбарской низменности.

– Выходит, он прошел окаянное болото из конца в конец? – недоверчиво переспросил Ксават. – И до сих пор жив? Разве это возможно, если он не из местных?

– Не имеет значения, – мрачно возразил Донат. – Чары тварей на тварь не действуют.

– Срань собачья! Почему вы только сейчас об этом узнали?! Охотники, называется!

Тут уж Ревернух отвел душу, обругал Доната и Келхара, а те в ответ сдержанно огрызались. Перепалка не прекращалась, пока собирались в путь, пока грузили в машину уцелевшие после ночного налета банки с головами, пока меняли колеса (кто-то изрезал шины охотничьего внедорожника, наверняка проделки тварей!), пока петляли по грязным и вонючим, как сточные канавы, ганжебдийским улицам, постепенно погружавшимся в зеленовато-сиреневое сумеречное марево.

Когда прибыли в Эвду, Ксават несколько часов кряду распекал Вилену с Элизой – они без него бездельничали, порученную работу не выполнили.

И по дороге в западные края, где, по расчетам Пеларчи, должен вскорости объявиться Сорегдийский оборотень, он не переставал ругать и тех, и других, потому и сорвал голос. Пострадал, как говорят иммигранты, за свою активную жизненную позицию.

Глава 8

Столб торчал посреди болота, будто экзотическое растение в черно-красную полосу. Ник не сразу понял, что это, но потом заметил еще и гать, полускрытую высокой травой.

– Приехали, – объявил Дэлги.

Ага, если только через полчаса не окажется, что они сделали круг и вернулись обратно к Ганжебде!

Ник высказал эту догадку вслух, когда Дэлги начал расплетать петли на боках у Спиридона: может, не отпускать транспорт, пока не выяснится, куда именно приехали?

– Если нас увидят с лугурдом, примут за оборотней, – не прекращая своего занятия, флегматично произнес Дэлги. – Народ здесь подозрительный, все боятся болотных тварей. Видишь знак на столбе? И не вздумай проболтаться, откуда мы, все равно не поверят. Мы из Слакшата, охотились на суюров, понял? Когда кого-нибудь встретим, ты помалкивай, заговаривать им зубы буду я.

Он извлек со дна сумки дробовик в брезентовом чехле и по дороге настролял полдюжины суюров – птиц, похожих на уток, с плоскими желтыми клювами и пестрыми хохолками. Ни разу не промазал.

Ружье стреляет – значит, они все-таки выбрались из Шанбара!

Гать привела к изгороди, опутанной колючей проволокой, с крепкими воротами, возле которых дежурили двое вооруженных мужчин. Пожилые, крижистые, хмурые. Дэлги поделился с ними суюрами и рассказал, что они с Ником охотились на болоте, сошли с гати и заблудились; два дня плутали, уже не чаяли выбраться, и вдруг удача – набрали на столб!

Ник про себя отметил, как изменилась его речь: он говорил так же, как сторожа – хриловато и сурово, не слишком грамотно, рублеными фразами. Зато общий язык с ними нашел быстро, мужчины не усомнились в его правдивости, даже угостили обоих горячим сладким чаем. Главное, что сладким... Во время путешествия Дэлги и Ник не позволяли себе такой роскоши, сэкономили сахар для Спиридона.

– А тварей не встретили? – спросил один из сторожей.

– Не, – ухмыльнулся Дэлги. – Мечи вон взяли. Думали, встретим кого, так порубим. Ниче, никто не попался...

– Ага, тут недавно такие же умные, как вы, ходили с мечами, – проворчал второй, заботливо подливая чаю молчавшему Нику. – Еще в том месяце. Встретили одного из Паштары, а он был с придурью мужик, грязный весь. Решили – оборотень, и зарубили его. Теперь идет разбирательство, судить их будут.

– Мы бы первые не полезли. Не дураки.

– А парнишка что такой пришибленный? – сторож кивнул на Ника.

– Не отошел еще. Мы же думали, хана, совсем заблудились. Он непривычный к нашей жизни, из иммигрантов. До деревни далеко? Нам бы где помыться, я заплачу.

– Три с половиной шакра, засветло дойдете. Гостиницы там нету, идите к моей сестре. У нее баня, а то воняет от вас. Зовут ее Биллойг Тякарчи, двухэтажный дом в Южном переулке, крыша с новой розовой черепицей. Вас там хорошо примут и денег не возьмут, – сторож доверительно понизил голос. –

Сестра недавно дочку замуж выдала. И парень, и девка иллихейцы без примесей. Теперь вот дите завести хотят, а жрецы сказали – нельзя. Они уж и в город собирались ехать за иммигрантом... Такое вот дело. Мальчишка-то, говоришь, иммигрант?

– Ну, – подтвердил Дэлги. – Из Окаянного мира, два с половиной года у нас.

– Вот и идите к моей сестре, уж там вам обрадуются!

За время болотной эпопеи Ник отвык от пеших прогулок. Быстрая ходьба по грунтовой дороге его и взбодрила, и опьянила. Вокруг – субтропическая лесостепь, цветы, деревья с пышными желтовато-зелеными и лилово-зелеными кронами. С неба, ярко-голубого, не затянутого больше пеленой болотных испарений, льется солнечный свет.

Дэлги выбросил свою залатанную куртку, грязную трикотажную фуфайку тоже стянул и отшвырнул в кусты.

– Чего ждешь, раздевайся, – посоветовал он Нику. – И то будет приличней, чем в этом тряпье.

– У меня же кулон.

– У тебя еще и телохранитель.

Это резонно... По пояс обнаженный, Дэлги казался еще более опасным, чем одетый. Атлетический торс, внушающие трепет мускулы, в придачу пара ножей, меч, дробовик.

Ник тоже разделся до пояса, но не стал делать широких жестов и разбрасываться одеждой. Свернул, запихнул в сумку. Лучше постирать. Денег у него не было ни гроша.

Мерцающий темно-красный рубин покачивался на цепочке в такт шагам. Заинькины недоброжелатели вряд ли догадываются, где сейчас курьер с кулоном.

– Как вы все-таки нашли дорогу через болото?

– Мог бы и сам додуматься, – покосившись на него, насмешливо хмыкнул Дэлги. – Подсказок было выше крыши.

– Вы определяли, где север, а где юг, по всяким природным приметам?

– Как мы будем расплачиваться в деревне за баню и за ночлег, до тебя тоже не дошло? Вернее, как будешь расплачиваться ты?

– А как? – Он немного испугался. – У меня же нет денег.

– Нужны не деньги, а твой генетический материал. Переспишь с хозяйской дочкой. Слышал, что говорил сторож?

– Он сказал, что она вышла замуж, – припомнил Ник.

– Брак двух чистокровных иллихейцев; с большой вероятностью, что ребенок родится с неизлечимыми дефектами. В таких случаях применяют контрацепцию, а после приглашают погостить какого-нибудь симпатичного иммигранта. Отцом будет считаться законный муж. Так что готовься...

У Биллойг Тякарчи они задержались на несколько дней. Дэлги ежедневно устраивал по две тренировки («если думаешь, что отделался, рано обрадовался»): фехтование на мечах или на ножах и бой без оружия. Смотреть сбегались все деревенские подростки и даже кое-то из взрослых – липли к забору, забирались на деревья и на крыши соседних построек. Вначале это Ника напрягло, но потом он заметил, что всеобщее внимание приковано не к нему, а к Дэлги. Экс-чемпион Убивальни был выдающимся мастером, и те, кто в этом разбирался, готовы были забросить все дела, лишь бы увидеть побольше.

Ника он прилюдно не ругал, зато, когда оставались наедине, не скупился на критику.

– ...Здоровый девятнадцатилетний парень, гармонично сложенный, стройный – с тебя скульптуру лепить можно, а дерешься, как вареная рыба! И ведь не трус... Или тебе все равно, отделают тебя или нет?

– Может, нам тогда не продолжать эти занятия? – глядя на него исподлобья, предложил Ник. – Раз у меня все равно не получается...

– Нет уж, если я за что-то взялся, я на середине не брошу! И не крои такую физиономию, как будто я счет с пятью нулями за учебу выставил. Уроки бесплатные, это вроде как твой приз за то, что прошел вместе со мной через болото и по дороге не хныкал.

– А без приза можно?

– Нельзя.

Ночи Ник проводил с Айлиши – смуглой миловидной толстушкой с серьезным, словно застывшим лицом. Общались они молча, здешний обычай запрещал им между собой разговаривать.

Потом была поездка на попутной машине в соседнюю деревню, откуда ходил трамвай до Слакшата. Дэлги сторговал у кого-то ботинки для обоих и старую хлопчатобумажную куртку, но она оказалась маловата ему в плечах, и швы местами расползлись. Меч, ножи и дробовик он убрал в сумку, однако даже без оружия выглядел так, что севшая в трамвай компания развязных подвыпивших парней сперва оценивающе косилась в их сторону, а на следующей остановке перебралась в другой вагон.

Ник, привычно напрягшийся, расслабился. Все-таки здорово путешествовать с телохранителем.

– Вот потому я тебя и учу, – заметив его реакцию, шепнул ухмыляющийся Дэлги. – А ты своего счастья не понимаешь.

Ник упустил тот момент, когда на них надвинулся город, многолюдный, светлый, неряшливый. Простор вдруг исчез, трамвай начал петлять по извилистым улицам, в глазах зарябило от круговерти пестрых вывесок.

Дома из нагретого южным солнцем белесого песчаника, с деревянными и металлическими балкончиками антикварного вида. То там, то здесь выползает далеко на тротуар какое-нибудь вычурное крыльцо или прилепленная к фасаду облезлая пристройка. Булыжные мостовые, чудесно твердые и надежные после зыбкой почвы болота. Кишмя кишат пешеходы и нарядные иллийские автомобили; с тархтением снуют мотоциклы – верткие насекомые в разноцветных хитиновых панцирях.

Ник вначале ходил за Дэлги, как зомби, потом освоился и понял, что Слакшат ему нравится: не похож на знакомые земные города, не будит никаких ассоциаций и не вызывает отголосков боли, а к столпотворению можно привыкнуть.

Дэлги привел его в гостиницу с пугающе роскошным вестибюлем: благородное темное дерево, полукруглые зеркала, в углу нагромождение камней и декоративных растений с лапчатыми листьями в крапинку, потолок в золотых узорах.

– Зачем мы сюда? – спросил Ник шепотом.

– Надо же где-то остановиться.

– Мы прошли мимо другой гостиницы, там еще была вывеска: «Двухъярус-

ные кровати, ночлег за полцены». Может, лучше туда?

– Ага, я всю дорогу мечтал о двухъярусной кровати за полцены, – процедил Дэлги. – Я, конечно, оборванец, но я не нищий оборванец! А главное, тут можно снять номер с комнатой для тренировок.

– У меня ничего нет. Меня же в аптеке ограбили.

– Не дергайся, сам заплачу. Считаю, это подкуп, чтобы ты хорошо попросил за меня сестру Миури.

Люкс, определил Ник с тихим ужасом, когда их проводили в номер. Ну, ладно, подкуп так подкуп.

– Я сейчас в банк, есть шанс туда успеть, а потом обновлю гардероб, – лопнувшая по швам куртка болталась на Дэлги живописными лохмотьями, и если бы он не выложил круглую сумму наличными, его бы вряд ли пустили дальше порога. – Погуляй пока, если хочешь. Ты мастер исчезать, поэтому давай-ка примем меры предосторожности.

Ник не был готов к тому, что Дэлги полоснет его ножом по тыльной стороне запястья. Он отшатнулся, но тот схватил его за руку и приложил к надрезу чистый платок.

– Спокойно, мне нужна капля твоей крови. Вот так, теперь я тебя найду, куда бы ни делся.

Надрез был крохотный. Царапина, как от кошачьего когтя. Но когда тебе без лишних предисловий полосуют кинжалом руку, испуг – естественная реакция.

– Это какая-то магия?

– Иногда бываешь догадливым. Возьми вот, пригодится.

Дэлги положил на сердцевидную столешницу несколько истрепанных синевато-радужных купюр. Ник колебался, и он добавил:

– Бери, не бойся. Это взятка.

Из гостиницы они вышли вместе, но, дойдя до конца мощенного белым булыжником переулка, повернули в разные стороны. Над Слакшатом розовел карамельный закат. Трамвайные рельсы, провода и визгливые сигналы автомобилей сплетались в блестящую сеть, в которой запутался вечер, над толпой шуршали кожистыми крыльями трапаны, перелетая с одного балкончика на другой.

Оглушенный и очарованный, Ник пошел куда глаза глядят: раз Дэлги его потом найдет, ничего страшного, если он потеряется в этой сутолоке.

Элиза и Келхар совсем спелись. Умотали вдвоем гулять по Слакшату: высокий босяк якобы жил здесь до пятилетнего возраста и все ей покажет. Ага, так покажет, срань собачья, что она ему даст, оставив Ксавата в дураках!

В сердцах Ксават обругал Вилену, а после пошел в храм Безмолвного – покровителя тайн и загадок, стража всего сокровитного от глаз людских. Долго стоял в полутемном зале, среди толстых каменных колонн, и чинно молился, в то же время прикидывая, сколько положить в чашу для жертвований, чтобы и бога уважить, и внакладе не остаться.

Бросил туда пятьдесят рикелей одной бумажкой. Сразу пожалел: трех десятириковых за глаза бы хватило, но не лезть же теперь в чашу за своей купюрой, от жреца по рукам получишь. Да и не пристало солидному господину так себя вести.

Возле фрески, изображающей Безмолвного в Подводном царстве, остановилась парочка туристов из Раллаба – незагорелые, желтоволосые, в просторных шелковых плащах с рюшами, какие недавно вошли в моду в столице. Чтобы отвести душу, Ксават обругал их: здесь тебе храм, а не общественный туалет, так что нечего миловаться и за руки держаться, надо иметь почтение к боже-ству!

Туристы испугались и расцепили руки. Настроение у Ксавата поднялось, и перед тем как уйти он купил гадальное перо из хвоста птицы парурдгви. Поглядим-ка, чего ждать от судьбы и улыбнется ли ему шальная удача.

Наползающая с запада лиловая хмарь оттеснила закат к самому горизонту, за крыши. В толпе сновали фонарчики. На одного из них, молодого недотепу, Ксават прикрикнул: видишь ведь, что приличный человек идет, так посторонись, срань собачья, а то прешь с лестницей своей наперевес, как одуревший трактор!

Тупак выпустил бы гадальное перышко где попало, а он схитрил: завернул в уютный переулок, благоухающий на всю округу кондитерскими ароматами. Тишь да гладь, ничего нехорошего, ничего подозрительного. Старый хасетанец Клетчаб Луджереф знает, как обвести вокруг пальца дуру судьбу.

Порыв теплого ветерка подхватил черное с изумрудным отливом перо – и прямо в открытую дверь кофейни. Уже недурственно... Ксават вошел следом.

Чистенько. Накрахмаленные скатерки с оборками, хорошие стулья, у стены большой аквариум с золотыми рыбками и декоративными медузами. В застекленной витрине возле стойки выставлены пирожные разных видов, всевозможные десерты. Заведеньице для тех, у кого в карманах что-то есть.

Стало быть, предсказание сулит Ксавату сладкую жизнь. Сытую, без никаких треволнений.

Он оглядел посетителей. Тупаки. Пожилая супружеская пара – обрюзгшие, похожие друг на друга, еще и пирожные в себя запихивают! Видно, других забот нету... Одинокая белобрысая дамочка стервозного вида, свяжись с такой – долго будет мучить, а даст или нет, еще неизвестно. Зато на шее колье, в ушах и на пальцах бриллианты. Небось, из высокородных. Худощавый русоволосый парень отвернулся к аквариуму и пялится, как дурак, на медуз и рыбок, пока его кофе остывает.

Поглядев на них, Ксават ощутил прилив раздражения. Хотелось кого-нибудь обругать, но он не за этим сюда пришел.

Где освященное в храме перышко из хвоста птицы парурдгви?

Отмахнувшись от официанта, он принялся обшаривать взглядом помещение, пядь за пядью, а то зря, что ли, деньги Безмолвному заплачены?

Вот оно! Прильнуло к ботинку парня. Недвусмысленный знак: надо хорошенько этого деревенского ротозея рассмотреть да постараться уразуметь, что к чему.

То, что ротозей из деревни, понятно сразу, по ботинкам: массивные, тупоносые, на толстенной подошве, такие называют «фермерскими». В самый раз месить навоз на скотном дворе.

Означает ли это, что Ксавата выгонят из министерства, и ему останется одно – купить ферму да заняться потихоньку сельским хозяйством? Или, наоборот, все утрясется, и ему пожалуют богатое поместье с угодьями в награду за примерную службу? Тут возможно двоякое толкование.

Одет парень скромно: костюм простого покроя из серо-синей ткани, какую иммигранты называют «джинса» (одно из ихних словечек, засоряющих благо-словенный иллихийский язык). Это не радует. Зато на тарелке – остатки дорогого пирожного, рядом фарфоровая вазочка из-под десерта. Может, сие указывает на то, что Ксават будет внешне соблюдать умеренность, зато баловать себя деликатесами? Не так уж скверно.

Вылупился на медуз, на бессмысленную ерунду. Что с него взять – деревенщина, в ихней глуши медуз нету, вот и любитесь. Другой вопрос, как это истолковать.

Зато волосы – позавидуешь: густые, темно-русые, до середины лопаток, и поблескивают, как шелк. Указание на то, что Ревернух никогда не облысеет?..

Еще видна изящно вылепленная кисть с неухоженными, обломанными ногтями. На запястье небольшая царапина.

У Ксавата сжалось сердце. Он почему-то не мог отвести глаз от царапины. Плохо, очень плохо, просто хуже некуда... Это ощущение возникло само собой, а потом ушло, оставив тоскливый осадок в душе.

Сглушил. Не надо было соваться в переулочек с кофейнями... Вот тебе и гадание, срань собачья.

Для Клетчаба Луджерефа эта крохотная царапинка на запястье у незнакомого парня означает смерть.

Почему-то он знал об этом, знал наверняка. Впрочем, перышко ведь не простое, в храмах Безмолвного негодным товаром не торгуют.

Его сердце кое-как выбралось из невидимого капкана. Нет, он не согласен! Не на того напали!

Царапина пустяковая. Тонкая черточка на гладкой молодой коже, Ксават и заметил-то ее не сразу. Ни покраснения, ни припухлости. Ничего зловещего.

Что теперь надо сделать? Надо к парню подойти и выведать, где руку оцарапал. Ответ на этот вопрос – ключевая информация: то, чего Ксавату надлежит остерегаться.

Получив конкретное предупреждение, старый хасетанский мошенник сумеет увильнуть от неприятностей, не впервой.

– Э, молодой человек!

Ксават обратился к нему властно, с оттенком пренебрежения – высокородному господину в солидном возрасте позволительно разговаривать так с молодым деревенским простаком.

Парень повернулся.

– Срань собачья!.. – вырвался у Ксавата изумленный возглас.

– Это вас так зовут? – огрызнулся Ник.

Трудно сказать, что поразило Ксавата больше: то, что молокосос ему дерзит – или то, что вот он, живой и здоровый, ест пирожные в слакшатской кофейне вместо того чтобы страдать в Убивальне. Как он, скажите на милость, оттуда выбрался?!

Это невозможно. Этого просто не может быть... У Ксавата мелькнула даже дикая мысль, что Король Сорегдийских гор на сей раз прикинулся иммигрантом из Окаянного мира – но нет, хватил через край. По времени не сходится. Ник ведь служит у сестры Миури, и та взяла его из Нойоссы задолго до того, как Сорегдийская тварь отправилась на очередную прогулку.

Но каким образом он избавился от хвыщера и сбежал из Убивальни?

– Ты со мной так не разговаривай, срань сопливая, – потрясенно прошептал Ксават. Фраза вырвалась почти машинально, в то время как в голове у него что-то мельтешило, словно трепетали на ветру изодранные документы.

– Сами вы срань, – снова огрызнулся мальчишка.

Он напрашивался, и Ксават замахнулся дать ему оплеуху, но Ник с неожиданной ловкостью парировал удар, вскочил и отступил в сторону, на середину маленького зала – верно, для того, чтобы не было риска разбить аквариум.

Тем лучше, мимоходом отметил Ксават. Ежели чего, за эту стеклянную срань придется деньги платить.

Вдруг обнаружилось, что дерется Ник довольно-таки неплохо, блоки ставит грамотно, и ловкости ему не занимать. А ведь в Эвде он показал себя беспомощным размазней!

Одно из двух: либо в тот раз он был обдолбанный, либо в Убивальне его малость поднатаскали перед тем, как выпустить на арену. Видимо, его дебют состоялся вскоре после того, как Ксават с охотниками отбыл из Ганжебды. Повезло паршивцу – противник ему достался такой же слабый, как он сам, не из профессионалов; Ник худо-бедно победил и получил свободу. Так, что ли, все было?

Эти предположения мелькали обрывками, в то время как охваченный праведным негодованием Ксават пытался побить наглеца. Раза три-четыре достал, но расквасить ему физиономию, как в прошлый раз, нипочем не удавалось. Эх, жаль, нельзя пустить в ход нож – вокруг свидетели.

Те реагировали бурно. Официант и какой-то недотепа с веником метались вокруг и тараторили, стращая полицией. Тонко и пронзительно визжала женщина. Ксават сперва подумал на белобрысую стерву, но та смотрела на дерущихся мужчин молча, с развратным холодноватым интересом, чуть сощурив свои длинные накрашенные глаза. А в отчаянном визге заходила рыхлая дама за столиком возле входа, ее супруг беспомощно поглядывал то на нее, то на Ксавата с Ником.

Все эти моменты Ревернух отмечал боковым зрением, вскользь. Сейчас он наломает обнаглевшему сопляку! Удалось прижать того к стойке, в опасной близости от витрины с десертами, однако тут Ксавата скрутили и оттащили.

Цепняки пришли!

Он не стал вырываться, но внутренне оцетинился, приготовившись качать гарантированные законом права – старые, еще хасетанские рефлексы.

Бестолковый малый в форменной куртке с вышитой чашкой подскочил и огрел его веником.

– Ср-р-рань! – зарычал Ксават, раздувая ноздри.

Вот это уж точно незаконно...

– Ты, остынь, – осадил коллегу более рассудительный официант.

– А чего он на клиента напал! – ответил раскрасневшийся парень, довольный тем, что внес-таки свою лепту в скандальное происшествие. – Пришел тут с улицы...

Ревернух желчно скривился. Ага, он для них никто, а невзрачно одетый Ник в «фермерских» ботинках – его высочество Клиент, потому что пил в ихней паршивой забегаловке кофе и слопал пирожных на энную сумму денег.

– Я вашу сраную кофейню прикрою!

– Выбирай выражения, здесь приличное общество, – холодно посоветовал

тот, кто его держал.

Хватка разжалась, Ксавата грубо пихнули к стене. Вот номер: это не цепняки, а Дэлги, псих-гладиатор из Ганжебды! Ксават узнал его, хотя на этот раз чокнутый головорез был одет, как аристократ. Костюм из переливчатой ткани бронзовых оттенков, с вышитыми драконами, дорогие ботинки, еще и браслет с изумрудами где-то стибрил. Но свирепая физиономия та же, и длинные жесткие волосы невнятно-бурого цвета те же, ни с кем не перепутаешь.

– Кто вы, собственно, такой? – Ревернух скрепя сердце заставил себя задать вопрос вежливым тоном. Псих ведь, мало ли что.

– Я телохранитель этого молодого господина, – Дэлги кивнул на Ника. – Что вам от него нужно?

На тебе, вон какой расклад...

– Нужно, чтобы он знал свое место! – сварливо ответил Ревернух. – А то совесть молокосос потерял, насрал на все, нагрубил, оскорбил уважаемого человека...

– Он первый подошел и оскорбил меня, – возразил Ник, так и стоявший возле стойки.

– Смотри-ка, на лице никаких следов побоев! – смерив его взглядом, с веселым удивлением отметил Дэлги. – Куплю тебе за это пирожное.

– Я уже их наелся.

– Тогда пошли.

Ага, сразу ясно, кто здесь главный – «молодой господин» или головорез-телохранитель!

Дэлги выложил на стойку крупную купюру, дал щедрые чаевые официанту и засранцу с веником.

Чуть выждав, чтобы не оказаться вместе с ним в темном переулке, Ксават тоже шагнул к двери, но к нему прицепился официант: платите, сударь, за битую посуду. Уже ведь заплачено! Так то другая сторона заплатила, невозмутимо возразил официант, а драку устроили вы. Цепняками пригрозил, протоколом... Пришлось заплатить, чтобы не было бучи. Можно подумать, паршивенькие чашки и блюда у них на вес золота!

Убравшись подальше от дрянной забегаловки, Ксават не спеша побрел по бульвару с оранжевыми и розовыми фонариками, размышляя о приключившейся срани.

Ежели на службе узнают, что он подрался в кофейне, стыда не оберешься... Хотя, какая там служба, после того как он наговорил чего ни попадя высочайшему советнику Варсеорту цан Аванебиху и, пренебрегая министерским заданием, укатил сначала в Ганжебду, а потом в Слакшат? Уволят его со службы. Ну и насрать. Самое время вспомнить о том, что хасетанскому вору запахло работать на государство.

А Ника он убьет. Или стравит с Келхаром (пускай друг дружке перервут глотки из-за Элизы), или кому-нибудь закажет, или еще как подставит. Клетчабу из-за него досталось веником. Такого не прощают.

Когда он думал о Нике, его разбирала злость напополам с любопытством: что за корысть связывает юного проходимца из Окаянного мира и полусумасшедшего гладиатора? Небось, какое-то дельце на миллион... Или, может, Ник, спасая свою жизнь, посулил психу Дэлги хороший навар и теперь вынужден голову ему дурить? Но по-любому выходит, что Ник – пройдоха тот еще, хотя у

него молоко на губах не обсохло. Ничего, Клетчаб Луджереф еще хитрее. Нику не жить.

«Отплачу я тебе за веник, срань собачья! Сдохнешь, как у вас в Окаянном мире подышают!»

За всем этим безобразием Ксават позабыл о том, зачем завернул в кофейню. А когда вспомнил, в душе заныло. Ничего доброго гадание не сулит.

Царапина! Так ведь и не вызнал, откуда она взялась. А это важно, очень важно... С чего бы, когда Ксават ее увидел, сердце похолодело и чуть не ухнуло в пятки? Он и подошел-то к Нику только затем, чтобы спросить о происхождении страшной царапины, а гаденыш сразу давай дерзить.

Ксават остановился, со свистом вздохнул сквозь сжатые зубы. Ночной Слакшат морочил прохожих, мерцая разноцветными огоньками; в приглушенном городском шуме блуждали обрывки музыки. Совсем как в Хасетане после захода солнца... Но ему сейчас не до того, чтобы оценить это сходство.

– Этого Ксавата цан Ревернуха я видел в Ганжебде. Он там болтался в компании крутых парней, о которых я много чего слышал. Что ты о нем знаешь?

Ник рассказал об Элизе, о нападении в Мекете, о драке с Ревернухом в Эвде.

– Интересная история... – задумчиво заметил Дэлги. – И особенно интересно то, что она переплетается с моей историей. Эти парни, с которыми Ревернух водит дружбу, имеют претензии ко мне. Попросту говоря, хотят убить.

– Что-нибудь криминальное?

– Да не сказать. Одна из тех ситуаций, где все правы, виноватых нет и компромисс невозможен.

– Разве так бывает?

– Бывает все, что угодно. В Ганжебде Ревернух делал вид, что он сам по себе, хотя был вместе с ними. Я тоже не совсем дурак, слежку организовал. В этой дыре нанять шпиона проще, чем раздобыть кусок хорошего мыла. Ксават цан Ревернух меня боится, хотя я его знать не знаю. Люблю головоломки – они спасают от тоски, когда приходится маяться в одиночестве. Завтра пойдем покупать тебе одежду и обувь.

От новой обуви Ник не в силах был отказаться: деревенские ботинки, тяжелые, из задубевшей кожи, стерли ноги до ссадин. А костюм ему понравился: похож на джинсовый, как раз то, что надо. Ценой двух героических стирок удалось привести его в порядок, только на куртке остались почти незаметные следы кровавых пятен. Ткань местами вытерлась добела, как у фирменных джинсов. Дэлги, правда, не усматривал в этом никакого шика и предлагал выбрать что-нибудь поэлегантнее, с модной вышивкой.

После завтрака отправились на знаменитый Слакшатский рынок. Целый городок на западной окраине: по рыжим глинистым косогорам, обожженным солнцем почти до состояния керамики, расползлись павильоны и торговые палатки; одни новенькие, яркие, другие совсем ветхие, и все это, если наблюдать издали, бурлит, снует, колышется, словно мозаика, непрерывно меняющая рисунок. Присмотревшись, понимаешь, что невысокие постройки неподвижны, зато вокруг них плещется толпа, охваченная броуновским движением.

Дэлги привез сюда Ника на ознакомительную экскурсию (Слакшатский рынок надо хоть раз увидеть, сравниться с ним может только Хасетанский или

Меньяхский), и перед этим опять взял каплю крови (вдруг потеряешься, с тебя станется). По дороге завернули в магазин и купили ботинки – удобные, из мягкой кожи, с узорчатой прострочкой. Ник не хотел брать их из-за цены, однако Дэлги отмахнулся от возражений:

– Послушай, у меня денег куры не клюют! Я ведь уже говорил, что владею земельным участком? Пустил туда арендаторов, они всякого понастроили – короче, промышленное производство, и мне причитаются проценты от прибыли. Так что не обеднею, не беспокойся. Лучше на эти деньги обувь тебе купим, чем я их пропью.

Последний аргумент Ника убедил, и он перестал спорить.

Пестрая подвижная панорама сверкала множеством блесков, словно необъятное скопище хлама, посыпанное алмазной крошкой, или сугробы в ясный зимний день. Мысль о сугробах, едва мелькнув, испарилась: слишком жарко для таких сравнений, огромное слепящее солнце печет вовсю, как будто задалось целью раскалить добела пыльную мостовую Слакшатского пригорода. Мелькнула мысль, что не помешали бы темные очки.

Когда прошли через большие ворота и окунулись в рыночную круговерть, Ник увидел, откуда берется блеск. Фасады многих павильонов (главным образом тех, что вконец обветшали и дожидаются даже не бульдозера, а хорошего порыва ветра, чтобы развалиться) украшены кусочками битого зеркального стекла: незатейливые цветы, рыбы, геометрические узоры. Основа – слой засохшего желтоватого клея, и при ближайшем рассмотрении выглядят художества неряшливо, зато, если находишься на некотором расстоянии, лачуги окутаны волшебным сиянием и вуалями солнечных зайчиков, так что облезлые оконные переплеты, искрошившиеся карнизы и кое-как замазанные трещины в глаза не бросаются.

Ник постоянно щурился. За последнее время он привык к приглушенному дневному свету, процеженному сквозь мутноватый фильтр болотных испарений, и адаптироваться обратно еще не успел.

Дэлги был здесь не в первый раз и в мешанине торговых рядов более-менее ориентировался. Сначала он привел Ника в Звериный ряд. Это местечко походило на заштатный зоопарк, к павильонам примыкали кое-как сколоченные вольеры, тесные и грязные, зато с диковинными животными.

Здесь были покрытые разноцветной чешуей мусливчики, напоминающие морских коньков, которые решили выбраться на сушу и для этого отрастили миниатюрные крысиные лапки. Торговля шла бойко, потому что они истребляют насекомых-вредителей.

Были и стургубуды, завсегдатаи пригородных помоек – кожистые, верткие, всеядные создания, похожие на деревянные табуреты. «Они и свежего мяса урвать не дураки, – сказал Дэлги. – Прикинется такая тварь стулом, ты присядешь отдохнуть, а она и выкусит кусок у тебя из ягодицы. Поэтому, если гуляешь где-нибудь в парке и увидел под деревом забытый стул, не спеши радоваться, а сперва для проверки дай ему пинка. Если не убежит – смело можешь садиться».

В вонючем полутемном сарае продавали грызверга. Тот лежал, свернувшись, в клетке с двумя рядами частых стальных прутьев и следил за покупателями горящими глазами. «Опасная зверюга, – заметил Дэлги уважительно. – С такой даже я не факт, что справлюсь». В его устах это значило очень много.

А гвоздем программы была «дивная птица из Окаянного мира». Ник остался разочарован: когда пробились к вольере, он увидел там обыкновенного павлина.

После Звериного ряда зашли в лавку, где стояли на полках жутковатого вида черепа: вроде бы человеческие, но странным образом деформированные, словно в результате мутации, да еще с какими-то гребнями, рожками, костяными отростками.

– Черепа убитых оборотней, – пояснил Дэлги. – Пока оборотень жив, он выглядит нормальным человеком, все равно как я или ты, но когда умирает, в последний момент происходит трансформация – так, чуть-чуть, не до истинного облика, однако мертвого оборотня с мертвым человеком уже не спутаешь.

На Ника уродливые лакированные черепа произвели тягостное впечатление. Во-первых, если смотреть на них, зная, что это не плод чьей-то нездоровой фантазии, а останки реальных существ, становится не по себе. Во-вторых, у него среди оборотней были друзья – Король Сорегдийских гор и Люссоиг, и он не хотел, чтобы их черепа так же где-нибудь выставили на продажу. Твари – враги людей, здешнее зло, об этом он помнил, но так уж вышло, что с двумя тварями его связывали отношения, далекие от вражды.

– Что, не понравилось? – разглядывая его с подозрением, спросил продавец, небритый молодой парень с жидким хвостиком на затылке, украшенным массивной заколкой в виде раскинувшего крылья трапана.

– Нет, – безучастно отозвался Ник.

– А чего так? – в голосе парня появился намек на угрозу.

– Он иммигрант, – лениво бросил Дэлги. – А я его телохранитель.

– А-а... – продавец поскущел и отступил.

– Будешь неадекватно реагировать – за оборотня примут, – усмехнулся Дэлги на улице. – Уже, считай, приняли, с чем и поздравляю. Что так жмуришься? Глаза режет?

– Ага, – Ник кивнул.

– Сказал бы сразу. Пошли, поищем что-нибудь.

Спустя несколько поворотов они увидели то, что надо. Крохотный двухэтажный павильончик, на первом этаже окна заколочены, на втором – цветные витражи. Дверь распахнута, и над ней потускневшая (когда-то в прошлом изысканно нарядная) вывеска:

«БИЖУТЕРИЯ. ОЧКИ. ОБЕРЕГИ. ПРЕДСКАЗАНИЯ».

Наискось, в кособокой оштукатуренной халупе, сплошь усеянной зеркальными осколками – не лавка, а слепящая фата-морганя, – продавали газированную воду. Торговую точку осаждала толпа: давка и гвалт, никакой дисциплинированной очереди.

Ник почувствовал, что тоже хочет пить.

– Может, возьмем воды? Если получится...

– У меня-то получится. Или ты сомневаешься? Лучше поднимайся пока туда, – Дэлги кивнул на древний павильончик с витражами. – А я куплю газировки и тоже подойду. Надеюсь, она у них холодная.

Первый этаж необитаем. Запах старой древесины и лака. Много пыли. Куча поломанной мебели. Наверх ведет скрипучая лестница.

За проемом открылось небольшое помещение. Леденцовые окна, загро-

можденные полки, прилавок темного дерева. С потолка свисает люстра – многогранник матового стекла с детально прорисованными изображениями парусных кораблей. Занавес из деревянных бусинок. На стене реклама – черная тушь, изысканный каллиграфический почерк с завитками:

«Только здесь – уникальные предсказания настоящего! При любой покупке – предсказание в подарок!»

Похоже на лавку из детской сказки. По книжной логике, хозяин павильончика должен оказаться волшебником.

Занавес с тихим перестуком всколыхнулся, и появился, видимо, продавец – невысокий, сухощавый пожилой мужчина с седыми усами щеточкой и круглым морщинистым лицом.

– Что желаете?

– Солнцезащитные очки. Вот такие.

Ник показал на понравившуюся модель – черные прямоугольники в оправе из темного металла с синими ромбиками-стразами.

Неловко было транжирить чужие деньги, но Дэлги сам сказал:

– Лучше потратить их на что-нибудь полезное. Покупай все, что хочешь, а то ведь пропью... Не сегодня, так завтра, от себя не убежишь.

– Хотите услышать предсказание? – спросил продавец. – Это бесплатно, раз вы сделали покупку.

– Я свое настоящее и так знаю.

– У вас имеется представление о настоящем, но вы еще не знаете, что такое *предсказание настоящего!* Это уникальная возможность узнать то, что есть на самом деле, не отказывайтесь.

– И что для этого нужно?

Ему все равно дожидаться здесь Дэлги. Почему не выслушать бесплатное предсказание?

– От вас – ничего.

Продавец, похожий на пожилого школьного учителя, достал из внутреннего кармана просторной плюшевой куртки футляр, извлек оттуда еще одни очки и со значительным видом водрузил на переносицу. Вот это линзы! Ник еще никогда ничего подобного не видел.

Они были окрашены во все цвета радуги, словно мозаика в калейдоскопе. Наверное, какое-то особенное напыление... Ник не сразу спохватился: он тарашится на незнакомого человека в упор, как маленький, так его заворожило это изделие из радужного стекла. Неужели сквозь такие линзы, напоминающие миниатюрные цветные витражи, можно что-то рассмотреть?

– Что ж... Вы именно такой, каким выглядите, если смотреть невооруженным глазом, расхождений нет, – медленно и как будто с раздумьем заговорил продавец. – В вашем случае это хорошо. Вы родились не здесь. Переселенец из сопредельного мира, который называют Землей.

«Нетрудно понять. И говорю я с русским акцентом».

– Вы нередко вызываете симпатию у других людей, хотя не придаете этому значения.

«Ага, это, конечно, приятно. Очевидные факты плюс комплименты, покупатели довольны, всем хорошо».

На одной из полок Ник заметил пирамидку высотой с литровую бутылку, сверху донизу покрытую розовыми перьями – те медленно шевелились, слов-

но пытаюсь что-то нашарить в окружающем пространстве. Экзотическое животное или механическая игрушка? Эта непонятная штуковина заинтриговала его больше, чем «предсказание настоящего».

– Служите Лунноглазой, но посвящения пока не приняли.

«А об этом он как догадался?»

– Некоторое время назад... и, вероятно, не в Иллихее... вы пережили какое-то несчастье, большую потерю. Боль так и осталась с вами, это плохо. Вы скованы старой болью, как кандалами, и не можете освободиться от своего прошлого.

«Наверное, по мне заметно. Кто-нибудь наблюдательный и проницательный, вроде Шерлока Холмса, много чего определит, просто посмотрев на человека».

– Вы настроены скептически, но прислушайтесь к тому, что я говорю: из своих мучительных воспоминаний вы самостоятельно создали демона, который выпивает вашу жизненную силу. Вам остается едва ли одна пятая часть той энергии, которая принадлежит вам по праву. Уничтожить демона можете только вы сами. Похороните, наконец, свое прошлое и живите настоящим!

Ник слегка пожал плечами. Разговор ему не нравился.

– А можно купить такие очки, как у вас? – спросил он, чтобы перевести беседу в другое русло.

– Прошу прощения, нет. Это древнее изделие, раритет. В таких очках, знаете ли, очень любопытно наблюдать из окна за прохожими внизу... У меня есть похожие игрушечные очки с линзами из раскрашенного стекла, но сквозь них почти ничего не видно, это обыкновенная безделушка. Может быть, вас интересует что-нибудь еще?

– Что это такое? – Ник показал на пирамидку в розовых перьях.

– Плод тропического дерева чавайглу. Оперение и запах, как у птицы. Хищники, введенные в заблуждение, поедают их, травятся, издыхают и становятся питательной средой для молодого растения. Кстати, плоды очень вкусные.

– Любимое блюдо самоубийц? – пробормотал Ник.

– Если варить чавайглу в течение часа, яд разрушается.

– А почему оно шевелится?

– Для пущей имитации. У них есть примитивное подобие нервной системы.

Сбоку, за красно-сине-оранжевым витражом, виднелась заполненная суевающимся народом улочка, латаные-перелатаные крыши одноэтажных павильонов на той стороне. Когда появится Дэлги? Вдруг ему попадет на глаза что-нибудь покрепче газировки, и он не выдержит, сорвется? Сам ведь жаловался, что с силой воли у него обстоит не очень-то... Правда, за все время знакомства Ник ни разу не видел его пьяным, даже в деревне он пил в меру. Если бы не его же собственное признание, ни за что бы не заподозрил, что он хронический алкоголик... Но при запойном алкоголизме вроде так и бывает: все в порядке, а потом раз – и запой.

– Тут недалеко рестораник, где чавайглу превосходно готовят.

– Спасибо. Не хочется.

– У меня есть и другие любопытные вещицы, – продавец снял с полки блюдо из потемневшего серебра, на котором лежал большой студенистый блин. – Как вы думаете, что это такое?

– Тоже какой-нибудь ядовитый деликатес? – предположил Ник, с подозрением разглядывая неаппетитный кусок.

– Глафидр. У магов и скульпторов он на вес золота, но этот подпорченный, продаю со значительной скидкой. Усилим мысли и воли из него можно извлекать все, что угодно. Вот, посмотрите...

«Все что угодно» выглядело как четвероногое неопределенной породы, слепленное из пластилина пятилетним ребенком. Зверушка эта сама собой превратилась в домик, а домик – в гриб, который снова расплылся в блин. Неожиданное напоминание о том, что находишься не где-нибудь, а в Пластилиновой стране.

– Вижу, вас это не впечатлило, – вздохнул продавец. – Товар третьесортный, да и я не художник. Скульпторы используют глафидр для моделей, чтобы получить наглядное представление о своем будущем творении. А этот кусок годится только для забавы. Попробуйте сами.

– Что для этого нужно? Чтобы из него что-то получилось?

– Смотрите на него и мысленно представляйте желаемый образ во всех подробностях.

У Ника получилась фигурка, в общих чертах напоминающая кошку, но стоило на секунду отвлечься – и она опять превратилась в плоскую полупрозрачную лепешку на серебряном блюде.

– Что нужно сделать, чтобы оно сохраняло форму?

– Удерживать мысленный контроль над моделью. Как только вы его ослабите, изваяние исчезнет. Ученики магов таким образом тренируются, а художники просматривают варианты своих замыслов.

Продавец добился-таки того, что Нику захотелось этот студень купить.

– Сколько оно стоит?

– Пятьсот рикелей. Отдаю за бесценок, дешевле нигде не найдете.

Скрип рассохшихся ступенек.

– Наверное, это идет мой друг. Я должен с ним посоветоваться.

Шаги легкие, уверенные. Не похоже, что поднимается пьяный. Значит, пока все в порядке.

– Если ваш друг – иллихеец, он согласится с тем, что пятьсот рикелей – невысокая цена за кусок глафидра, потому что добывать его...

Продавец осекся на полуслове и обеими руками вцепился в край прилавка. Морщинистое лицо побледнело, зачесанные назад жидковатые волосы мышинного цвета слегка приподнялись над лоснящимся от пота черепом. До сих пор Ник считал, что выражение «волосы встали дыбом» – это просто литературный оборот, преувеличение, но оказалось, оно и в жизни бывает.

Попятившись, продавец врезался в полку, расставленные там предметы со стуком посыпались на пол. Поросшая роскошными розовыми перьями пирамидка тоже свалилась и закатилась под прилавок.

«Его испугало то, что у меня за спиной...»

Заразившийся чужим страхом Ник напрягся до мелкой дрожи в мышцах, скованно повернулся, готовый к любому кошмару – и увидел Дэлги с двумя бутылками фруктовой воды.

У продавца вырвался отчаянный нечленораздельный крик – не слишком громкий, но полный паники.

– Что с ним? – растерянно спросил Ник у Дэлги.

Не ответив, тот поставил сумку с бутылками на прилавок, одним махом очутился перед продавцом и сорвал с него цветные очки.

Лицо покрыто испариной, подбородок трясется. В широко раскрытых глазах – почти безумный страх и безнадежное обреченное выражение, словно ему только что сообщили скверную новость.

– Несчастный дурак... – процедил Дэлги с досадой. – Сожалею, но вы не оставили мне выбора.

– Да-да... – продавец выдавил беспомощную улыбку. – Вы позволите мне помолиться Девятирукому?

– Молитесь.

Ник не понимал, что происходит, и неприкаянно стоял посреди маленького помещения, разбитого процеженным сквозь пыльные витражи солнцем на косые цветные многоугольники. Снаружи доносился рыночный гомон. Сникший и на глазах постаревший продавец негромко бормотал молитву.

Дэлги молчал. Когда бормотание стихло, он мягко шагнул к подавшемуся назад продавцу.

– Пожалуйста, не трогайте кассу, – произнес тот дрожащим голосом. – У меня есть наследники, а вы и так богаты.

– Я ничего отсюда не заберу, кроме очков.

После этого заверения Дэлги приблизился к нему вплотную, заслонил его от Ника – и через секунду, поддерживая, опустил на дощатый пол, словно продавец внезапно потерял сознание.

– У него что, обморок? – спросил, подойдя к ним, Ник.

Ага, такой обморок, после которого не очнешься... Из груди продавца, слева, торчала рукоятка ножа.

Ник перевел взгляд на Дэлги.

– Зачем?

Тот молча вырвал нож из раны, вытер лезвие о плюшевую куртку мертвого хозяина лавки. Выпрямился, взял брошенные на прилавок очки, выдавил из оправы разноцветные линзы. Оглядев полки, снял бронзовую, с широким основанием, статуэтку, изображавшую хоровод танцующих поселянок, и превратил линзы в стеклянную крошку – сначала одну, потом другую. Как будто по прилавку рассыпали разноцветный сахар.

Все это он проделал быстро, без суеты и раздумий. Ник еще не успел опомниться от шока, а он уже нашел под прилавком тряпку и тщательно протер бронзовый пресс.

Уничтожает отпечатки пальцев. Оба рехнулись – сначала продавец, потом Дэлги.

Особенно Ника поразила взаимная вежливость убийцы и жертвы. Все совершилось так тихо, культурно... не страшно, и в этом было что-то ужасающе неправильное, извращенное.

Отсюда лучше поскорее убраться, не дожидаясь продолжения. Он шагнул к дверному проему. Теплый застоявшийся воздух казался ему плотным, как вода, а собственные движения – замедленными, словно во сне.

Дэлги моментально очутился рядом и схватил его за плечо.

– Смыться лучше не пробуй. И не вздумай звать на помощь – сразу шею сверну.

Спрятав нож, он взял сумку с бутылками, окинул взглядом помещение.

Тело продавца лежит за прилавком, с порога не видно. Полки перекошились, диковинные предметы валяются на полу. На темной столешнице поблескивает пустая оправа, рядом горит всеми цветами радуги стеклянное крошево.

– Вы убили его из-за этих очков? – прошептал Ник.

– Пошли, – Дэлги подтолкнул его к лестнице, больно сдавив руку выше локтя. – Если по дороге что-нибудь выкинешь – гарантирую продолжительную агонию, понял?

Еще одна метаморфоза Пластилиновой страны. Ника начало подташнивать.

Выйдя на улицу, они окунулись в солнечный пыльный полдень, полный толкотни, криков, мельтешения лиц. Как будто ничего не случилось.

Пока пробирались по кривым рыночным улочкам к воротам, он опять щурился. Купленные в лавке темные очки так и лежали в кармане куртки. Не надо было заходить в эту лавку.

Посеревшая от пыли вывеска с намалеванными шляпами. На торцовой стене шляпного павильончика – довольно крупный зеркальный четырехугольник, и в нем проплыли, среди спешащего мимо народа, Дэлги и Ник. Дэлги внешне спокоен, в его болотно-зеленых глазах ни тревоги, ни настороженности. Держит сумку из просвечивающей ткани с двумя запотевшими бутылками газировки, которая теперь вряд ли кому-то понадобится. Хотя не мог же он оставить ее на месте преступления – улика!

Возле ворот с решетчатыми створками двое полицейских болтали с продавщицей жареных улиток.

– Ник, молчать, – шепнул Дэлги, на мгновение сжав его локоть, словно клещами.

Ник прошел мимо блюстителей порядка, даже не повернув головы в их сторону. Дело не в страхе. Человек, который столько времени о нем заботился и еще сегодня утром был его другом, готов его убить, чтобы замести следы жутковатого и нелепого преступления. Эта перемена угнетала Ника сильнее, чем очевидный вывод, что до вечера ему не дожить.

Он свидетель. Если бы его труп нашли рядом с трупом продавца, сразу стало бы ясно, кого подозревать, поэтому Дэлги сначала увезет его куда-нибудь подальше.

Ник покорно сел в купленный утром автомобиль (сегодня утром – как это было давно!). Бросив на заднее сиденье сумку с бутылками, Дэлги задернул шторы, молча положил ему на горло сильную жесткую ладонь, нащупал сонную артерию.

«Ага, сейчас придушит...»

Ник не сопротивлялся, но придушили его не насмерть. Через некоторое время он выплыл из ватного забытья, захлебываясь теплым шипучим напитком.

– Очнулся? – спросил Дэлги, убирая горлышко бутылки от его губ. – Идем. И без подвигов, понял?

Машина стояла перед зданием, окруженным увитой желтоватым плющом колоннадой. Гостиница, где сняли номер.

«Зачем мы сюда приехали? Наверное, чтобы не было вопросов, куда я делся. Ему ведь нужно избавиться от меня так, чтобы на него не подумали».

Когда поднялись в номер, Дэлги разрешил ему сходить в туалет и умыться холодной водой, потом велел сесть в кресло, которое стояло достаточно далеко и от окна, и от двери. Привязал руки к подлокотникам, заткнул рот – все это ловко, но без лишней жестокости, не причиняя боли. Впрочем, Ник сейчас и не обратил бы особого внимания на физическую боль, до того болезненным было разочарование: они столько вместе пережили, пока добирались из Ганжебды в Слакшат, – и все закончилось каким-то дурацким криминалом!

После Дэлги ушел, в замке щелкнул ключ. Ник был почти спокоен. Даже глаза оставались сухими. Спокойствие человека, замерзающего в двадцатиградусный мороз. Он надеялся, что Дэлги, по крайней мере, убьет его быстро, не мучая. Все-таки они почти друзья.

Дэлги отсутствовал не слишком долго. Вернувшись, освободил его от кляпа, развязал.

– Ну как, не скучал? – чуть прищуренные болотные глаза смотрят на Ника с непонятым выражением, выжидающе. – Ты что-нибудь хочешь?

«Это он спрашивает о моем последнем желании? Значит, все...»

Сопротивляться бесполезно. Правда, у него есть оружие, да не простое, а абсолютное: зайнька Мардарий. Если зайньку выпустить, он всех порвет, как пресловутую грелку... Ну и ладно, пусть и дальше сидит в кулоне.

– Вообще, я хотел бы увидеть море. Ни разу его не видел. Но это, наверное, нереально. Тогда просто крепкий кофе с сахаром. А кулон перешлите сестре Миури.

Дэлги хмыкнул, снял трубку с золоченого телефонного аппарата и заказал две чашки кофе в номер.

Свою порцию Ник выпил медленно, маленькими глотками. Рука с чашкой дрожала, и ему было стыдно, но он ничего не мог с этим поделать. Глаза сами собой стали слипаться.

«Он меня, что ли, отравил? Я сейчас просто усну – и больше ничего не почувствую? Совсем не страшно...»

Вилен, срань собачья, оказался предателем! Против своего благодетеля пошел, против начальника, против авторитета! Настрочил втихаря донос непогрешимому советнику цан Маберлаку – и о том, что министерское задание на самом деле не выполняется, и об ихней с Элизой зарплате, систематически присваиваемой Ксаватом, и о поездке в Ганжебду, и еще какую-то несусветную чушь приплел насчет «безыдейности» и «идеологической неграмотности» господина цан Ревернуха.

Последнее, положим, заумь в духе Окаянного мира, но все остальное – очень даже серьезно. Ксавату предложили официально объясниться, курьер с казенным письмом аж в Слакшате его разыскал. И вручил потихоньку еще одно письмецо, от верного человека из министерства, который Виленов донос для Ревернуха тайком скопировал.

Будь у него такая возможность, Ксават убил бы предателя-молокососа, но Вилен после появления курьера благоразумно исчез. Улизнул. Наверное, в столицу, срань такая, подался, под крыло к цан Маберлаку, а то бы Ксават расквитался с ним за подлянку по воровским законам.

А Элиза осталась, чтобы со своим Келхаром миловаться. И ругать ее не могли – будешь иметь дело с высокородным цан Севегустом!

Сам Келхар нынче куда-то запропастился, уже второй день ни слуху ни духу. А перед этим многозначительно обмолвился, что вспомнил, благодаря эксперименту с клюнсом, что-то «исключительно важное».

Может, просто сбежал с охоты, бросив и учителя, и клиента, и девку на произвол судьбы. Высокородный, с него станется. Для него те, кто без приставки «цан», вроде как и не люди.

...Ощеренные осколками оконные рамы, и за ними колышется что-то темное, зыбкое, взбаламученное, не похожее на обычную ночь. Мама, пока еще живая, собирает чемоданы. Яростные смуглые лица с блестящими белками глаз. Кровь повсюду, целыми лужами.

Чей-то знакомый голос:

– Эй, это просто сон, галлюцинации, понял? Потерпи, скоро все будет хорошо.

Переполненный плацкартный вагон, длинный-предлинный, словно переход в московском метрополитене. Людей с пожитками столько, что даже сесть некуда. Надо найти среди них маму, тогда она останется жива, но как ее найдешь, если воздух в этом бесконечном вагоне сероватый, мутный – даже не воздух, какая-то иная субстанция, размывающая лица и очертания фигур. А времени на поиски всего ничего, пока температура не упала ниже минус двадцати.

Дверь в тамбур. Открывать ее нельзя, потому что за ней на самом деле не тамбур, а магазин с черепами, где лежит на одной из полок покрытый коричневым лаком череп Люссойг. Ей надо было превратиться в человека насовсем, тогда бы ее не убили.

По широкой зимней улице мчатся потоки машин, а подземные переходы доверху завалены снегом – и один, и второй, и третий... Надо разыскать свободный от снега, иначе негде будет переночевать. Хотя можно лечь и прямо в сугроб. Все равно небо низкое, как потолок...

Это и есть потолок, расписанный лиловыми и золотыми цветами, каких не бывает в природе, – вся эта роскошь местами облупилась, но видно, что работа настоящего художника. Еще и белый лепной карниз с модерновыми завитками.

Вокруг никакого снега. Незнакомая комната, у изголовья кровати, на столике, стоит стеклянный кувшин с розовато-оранжевой жидкостью, рядом керамический бокал. На стуле аккуратно сложена одежда. За арочным окном, забранном решеткой, сплошная масса зеленой листвы – то ли крона дерева, то ли кустарник.

Ник откинулся на влажную подушку. После тяжелого сна он чувствовал себя измотанным.

На нем были только плавки плюс кулон на шее. Он не мог вспомнить, как разделся и как вообще сюда попал. Последнее воспоминание: люкс в слакшатской гостинице, разговор с Дэлги, чашка отравленного кофе. Отравленного?.. Наверное, все-таки нет, раз он жив.

Он выбрался из постели, шлепая босиком по теплым деревянным половицам, подошел к окну. Подоконник утоплен в толстой стене, кремовая краска местами облупилась. В листве ни одного просвета, поэтому комната затенена, снаружи переливчато щебечут птицы. Похоже, тихий пригород или загород-

ная вилла.

Внезапно он почувствовал нестерпимую жажду. Налил из кувшина в бокал: так и есть, фруктовый сок.

После второго бокала натянул брюки – вовремя успел, потому что дверь открылась, вошли мужчина и женщина. Их половую принадлежность можно было определить по одежде и по сложению, лица скрывали глухие маски с прорезями.

Такие же маски были у спецназовцев, разгромивших палаточный лагерь. Это напоминание, да еще сразу после сна, проистекавшего оттуда же, из прошлого, заставило Ника похолодеть.

Вошедшие истолковали его реакцию по-своему – как обыкновенный испуг. – Велено сказать, чтобы вы не беспокоились, – голос у женщины был грудной, певучий. – Вам ничего не угрожает. Если хотите в уборную или принять душ, он проводит, – кивок на мужчину. – Потом принесу обед, а то проголодались, наверное.

Мужчина молчал. Должно быть, охранник.

Уборная и душевая находились рядом, соседние двери. Коридорчик с истертым мозаичным полом. Высоко расположенные зарешеченные окошки, полукруглые, не застекленные, прикрыты плющом, лишь кое-где проникают солнечные лучи (еще не стемнело – значит, с того момента, как он выпил «последнюю» чашку кофе, времени прошло не так уж много). На всем легкий налет запущенности, словно патина на старой бронзе, но в то же время чисто, даже уютно.

Ник долго плескался в душе, смывая липкий пот и невидимые обрывки приснившегося кошмара, никто его не торопил. Потом его отвели обратно в комнату, где ожидал обед из нескольких блюд.

Женщина в маске наблюдала за ним, устроившись в оконном проеме. Полногрудая, широкобедрая, с крепкими округлыми плечами и маняще-золотистой кожей. На ней была белая облегающая майка и шелковые шаровары с блестящей вышивкой бисером. Охранника она отослала в коридор.

Ника смуцало ее внимание, и он старался есть культурно, несмотря на сильный голод. Он сам удивлялся своему аппетиту, утром ведь в гостинице позавтракал.

Потом она ушла, забрав поднос с посудой. Ник растянулся на кровати, закинул руки за голову. Он в Иллихее. Здесь нет ни «горячих точек», ни переполненных плацкартных вагонов, ни заметенных снегом подземных переходов. То, что он оказался, по-видимому, в роли похищенного свидетеля, не очень его пугало. Если не считать масок, в окружающей обстановке не было ничего бандитского.

Женщина вернулась и на этот раз присела не на подоконник, а на край кровати. Он выпрямился, решив, что невежливо будет валяться в ее присутствии.

– Ты красивый.

– Вы тоже, – окончательно смутившись, пробормотал Ник.

Лицо и волосы спрятаны под маской, однако то, что оставлено на виду, ему нравилось. Полное, но крепкое тело напоминает большую изящную вазу, вылепленную мастером. Гладкая кожа покрыта тем загаром, какой называют «золотым» и «тропическим».

– Правда? – судя по звучанию голоса, она усмехнулась – и вдруг начала, без дальнейших разговоров, стаскивать с себя майку.

Ник, совсем растерявшись, отодвинулся к спинке кровати.

– Чего боишься?

– А вам можно? – выдавил он, чувствуя нарастающее возбуждение. Еще немного, и он тоже начнет срывать с себя одежду. – Вы же на работе...

– Почему нельзя? – она засмеялась грудным смехом, заставившим Ника вспомнить пение Энчарэл. – Я здешняя домоправительница, состою на службе у господина, а с кем я ложусь в постель – это мое личное дело. Наш господин предупредил, что у тебя не должно остаться неприятных воспоминаний о том, как ты побывал у нас в гостях, а насчет приятных ничего не было сказано!

Спустя час или два в дверь постучали.

– Лемира, господин приехал, – сообщил сипловатый мужской голос.

– Иду! – соскочив с кровати и проворно натягивая шаровары, крикнула Лемира.

Скорее всего, на самом деле ее зовут иначе. Раз у них такие меры предосторожности, вряд ли они станут в присутствии пленника называть друг друга настоящими именами.

Когда Лемира ушла, Ник, спохватившись, тоже оделся. И правильно сделал, потому что вскоре дверь опять открылась и появился Дэлги.

– Как себя чувствуешь?

Вопрос был задан таким тоном, словно ничего из ряда вон выходящего не случилось, и расстались они в последний раз самым будничным образом.

– Нормально, – настороженно отозвался Ник. – И что теперь?

– Жить будешь.

Он угрюмо молчал. Бессмысленная смерть продавца в радужных очках, странноватого, но приветливого и безобидного, представлялась ему чем-то вроде черной трещины, разодравшей полную привлекательных деталей солнечную картину.

Дэлги тоже молчал. Его глаза болотного цвета казались сейчас неуместно мудрыми: глаза существа, которое живет на свете бесконечно долго, все понимает, к сидящему напротив человеку относится с симпатией и сочувствием и, несмотря на это, способно на жестокий поступок – например, на немотивированное убийство.

– Зачем вы его убили? – отчужденно спросил Ник.

– Как ты сам догадался, из-за очков. Если держать у себя такую вещь, это может кончиться плохо. Нужно быть последним дураком, чтобы этого не понимать. И тем более глупо демонстрировать их кому попало да еще терять самообладание, когда увидел то, чего не ожидал. Он выжил из ума, и я был вынужден поставить точку в конце его жизни. Честное слово, мне не хотелось, но своя шкура дороже.

– Я думал, меня вы тоже убьете.

– И хорошо, что ты так думал, – собеседник усмехнулся, снова став прежним Дэлги. – Начни ты звать на помощь, я бы влип, и пришлось бы позорно сбежать, а оно не входило в мои планы.

– Вы сказали, что гарантируете мне продолжительную агонию.

Разговор шел как будто под наркозом – довольно болезненный, но вместо боли ощущается только новокаиновый холодок.

– Ага, если б я это не сказал, так бы ты и пошел со мной! Ник, ты находился в полной безопасности, но, на мое счастье, ты об этом не знал. Дело в том, что я не могу убить человека, к которому успел привязаться. Ни при каких обстоятельствах, у меня это буквально до патологии. Однажды познакомился с девчонкой... На год младше тебя, восемнадцать лет, а выглядела на все тринадцать – угловатый подросток с огромными глазищами и несгибаемым упрямством. Я сразу влюбился по уши, а она вбила себе в голову, что меня надо уничтожить. Прабабка у нее была малость чокнутая и оставила ей в наследство очки вроде тех, какие ты видел в лавке. Я из кожи лез, стараясь наладить отношения, и так, и эдак, а девочка вынашивала планы убийства. Однажды выстрелила в меня из пистолета почти в упор. Несмотря на серию дилетантских покушений, я ничего ей не сделал, даже не оттрахал. Мне-то хотелось, но она совсем этого не хотела, даже подсознательно, а то бы я, пожалуй, не удержался... Если бы мы подружились, я бы заваливал ее подарками, ничего не требуя взамен, но с ее стороны была только ненависть и неприятие. Я оказался перед ней безоружен. Возможно, у меня просто очень сильно развит инстинкт самосохранения... Не делай такие круглые глаза, я не оговорился. Думаю, если б не способность любить, я бы давно уже свихнулся и превратился в законченного урода, вроде того придурка с коровьими головами – помнишь, видели на болоте? Ну и на рынке мне оставалось только припугнуть тебя продолжительной агонией, мне же деваться было некуда! Принимаешь извинения?

Ник пожал плечами.

– Со снотворным я дал маху, – виновато продолжил Дэлги. – Оно не должно было так подействовать. Я имею в виду твои кошмары. Обычно это снадобье вызывает приятные сновидения, пациенты не жалуются. Когда ты начал бредить и плакать, я понял, что гуманней было бы связать тебя по рукам и ногам и вынести из гостиницы в чемодане, но человека, принявшего эту штуку, разбудить раньше времени невозможно. Оставалось только ждать, когда сам проснешься.

Пауза. В окне шелестела листва, по комнате гулял теплый летний сквозняк.

– Что вы собираетесь со мной сделать? – заговорил, наконец, Ник. – Раз я видел, как вы убили...

– Уже все позади, это дело улажено и закрыто. У меня есть кое-какие нехилые связи... Если начнешь направо и налево болтать о том, что видел, проблемы появятся у тебя, а не у меня. Это не угроза, просто дружеское предупреждение. Прими к сведению, ты ведь мальчик неглупый.

– Коррупция, как у нас, – грустно усмехнулся Ник. – Быстро вы все уладили, за пару часов...

– Какая там пара часов, ты же целые сутки проспал! А теперь скажи, ты считал, что я собираюсь тебя убить?

– Да.

– Тогда почему сдался без боя?

– Разве у меня были против вас шансы?

– Вообще-то, нет, но ты должен был попытаться. Я решил воспользоваться ситуацией, чтобы устроить вроде как экзамен, посмотреть, на что ты теперь способен... Полный провал! Получается, я тебя ничему не научил.

– Вам же было меньше забот, – хмуро напомнил Ник.

– Нельзя отдавать свою жизнь за просто так. И ведь не сказать, что ты был парализован страхом... Ты выглядел несчастным, но вовсе не перепуганным до потери пульса, и спокойно дожидался, когда тебя убьют. Уму непостижимо! Ты ведь думал, что кофе отравлен? Когда я подал чашку, надо было швырнуть ее мне в лицо и применить один из тех ударов, какие мы отработывали. А еще до этого я несколько раз поворачивался к тебе спиной – специально, в надежде, что нападешь. Возможности у нас заведомо неравные, и я бы в любом случае с тобой справился, но меня бы обрадовало то, что ты готов за себя постоять. И почему не попробовал освободиться, когда я привязал тебя к креслу и ушел?

– Откуда вы знаете, что не пробовал? – Ника эти упреки начали злить.

– Да потому что результат был бы налицо! Правую руку я привязал на совесть, зато левую – еле-еле. Несколько рывков, и веревка бы развязалась. Меня интересовало, сделаешь ты это или нет. Не сделал. И это после того, как я столько времени на тебя угробил!

– Напрасно угробили, – огрызнулся Ник.

– Мне виднее, напрасно или нет, – процедил сквозь зубы Дэлги. – И вообще, шансы есть всегда, хотя бы крохотные. Вот еще одна история. Много лет назад, в одном приморском городе, где ты никогда не был, у меня вышла ссора с местным аферистом. Если коротко, меня кинули на крупную сумму денег. Он как будто выскочил из пошловатой воровской песенки с дешевым надрывом, на редкость отвратный субъект, до смешного подлый и ограниченный, зато самомнение – до небес. Но как он боролся за свою жизнь! Знаешь, это было что-то! И ухитрился-таки от меня сбежать... Если я его когда-нибудь поймаю, он не жалец, однако его жизнестойкость вызывает уважение, несмотря на прочие отталкивающие качества. А ты, порядочный и симпатичный, готов умереть, не сопротивляясь. Это неправильно. Это, если хочешь, просто обидно. Если такие, как ты, будут умирать, а такие, как этот Клетчаб, оставаться в живых, наш мир понемногу превратится в помойку. Я часть этого мира – к слову сказать, немаловажная часть, и я этого не допущу. Хочешь или нет, а я еще приведу тебя в чувство!

Предпоследнее заявление, насчет «части этого мира», заставило Ника подумать, что Дэлги от заниженной самооценки не страдает – с избытком хватит на целый полк уволенных с работы гвардейцев-алкоголиков.

А последнее прозвучало как угроза.

Перед ужином Дэлги затеял тренировку – для этого в доме был специальный зал, выложенный старыми матами, с окнами, занавешенными шелестящим плющом, и высоким сводчатым потолком. Ник получил на этом занятии несколько довольно болезненных ударов.

– Если не нравится – защищайся, как я учил, – с ухмылкой посоветовал Дэлги. – Дальше будет хуже. За вчерашнее ты еще не то заработал.

Ник решил, что сбежит от него при первой возможности.

Уехали оттуда утром, после завтрака. У Ника на глазах была повязка, и он так и не узнал, что это за место.

Когда Дэлги, затормозив у обочины, повязку сдернул, он увидел пыльные белые горы, игрушечно невысокие, в трещинах, задрапированные буйным плющом и кустарником с глянцевой темной листвой. Округлые верхушки усеяны шаровидными птичьими гнездами. На дальних склонах – зеленые прямо-

угольники плантаций и скопления домиков.

Глухая провинция, иного словечка не подберешь.

Слакшатский рынок – это безобразие, а не рынок. Где ему соперничать с Хасетанским! Ни размаха, ни красок... На муравейник похож. Ксават сходил туда с утра пораньше, ничего не купил, зато наругался всласть, душу отвел.

А когда вернулся в гостиницу, Доната застал мрачнее тучи: тому передали письмо от Келхара. Высокородный мерзавец сообщал, что напал на след дичи, начинает преследование и будет, мол, держать учителя в курсе.

Вот так-то, не только у Ксавата помощники подянки отмачивают! Ежели Келхар окаянного оборотня самостоятельно прикончит, он и станет Истребителем пожирателя душ, а Дважды Истребителю Донату Пеларчи никакой чести – получится, что обошли его, как тупака.

Ну и пусть. Ксавату без разницы, кто добудет голову Короля Сорегдийских гор. Он усмехался, но не в открытую, а когда старый охотник на него не смотрел – ссориться-то не с руки, мало ли, как все повернется. Сейчас надо поизворотливей, подипломатичней... В самый раз применить на деле «имперское мышление», за которое его однажды похвалил непогрешимый советник цан Маберлак.

Огромная иллихейская луна серебрила все, до чего могла дотянуться: и обжитые птицами вершины приплюснутых белесых гор, и дебри кустарника, и вымощенную осколками мраморной плитки дорожку, по которой спускался Ник. Совсем не та луна, какая была над болотом: не размытый зеленоватый шар, окутанный пеленой испарений, а отлитый из серебра сверкающий диск с четкими границами, как в храме над алтарем.

Ник то и дело замирал и прислушивался. Он не просто так отправился на полуночную прогулку, ему предстояло сымитировать несчастный случай с летальным исходом. Дэлги его достал.

Сегодня они проехали через село с храмом Лунноглазой. Из-за кулона с грызвергом Нику запрещено заходить внутрь, но можно ведь дожидаться у ворот кого-нибудь из жрецов и попросить помощи... Очевидно, Дэлги тоже об этом подумал, потому что не стал в том селе останавливаться. Что ж, придется отправиться туда пешком, по грунтовой дороге с вырезанными из бревен шапковыми столбами, петляющей среди плантаций и округлых сонных холмов. Около двухсот километров. Возможно, кто-нибудь согласится его подвезти. Но это если удастся сбежать от «телохранителя», заморочив ему голову несчастным случаем.

Нельзя сказать, чтобы Дэлги после Слакшата стал обращаться с ним хуже. Все по-прежнему. Разве только на тренировках чаще, чем раньше, бывало больно, однако это не шло ни в какое сравнение с тем, что Нику пришлось вытерпеть перед переселением в Иллихею, так что можно не придавать этому значения.

– Вас, выходцев из Окаянного мира, ничем не проймешь! – не скрывая досады, цедил Дэлги. – Вы там, у себя, к чему угодно притерпелись...

Мучило Ника другое: сцена, разыгравшаяся в слакшатском магазинчике, то и дело всплывала в памяти, словно не желающий тонуть кусок ярко раскрашенного пенопласта.

Ясно, очки были непростые, и старый продавец увидел сквозь странные разноцветные линзы что-то такое, что Дэлги предпочитает скрывать, но неужели нельзя было договориться? Если уж он подкупил слакшатские власти, почему было не заплатить за молчание продавцу? Ник не мог простить Дэлги это убийство и не хотел ничему у него учиться.

А кроме того, после такого преступления в храмовую гвардию Лунноглазой Госпожи Дэлги путь заказан. Спрашивается, зачем ему тогда нужен Ник?

Фактически он был пленником Дэлги. С непонятными перспективами.

Сперва он надеялся, что рано или поздно тот напьется. Ага, так можно надеяться до скончания времен! В деревушках, где они останавливались, Дэлги пил в меру, а его способности сохранять после этого вменяемое состояние мог позавидовать любой из фермеров-собутельников.

Однажды он притворился вдрызг пьяным, а когда Ник, предвкушая близкую свободу, направился к крайнему дому, хозяин которого собирался на ночь глядя ехать по каким-то неотложным делам в здешний городок, перехватил беглеца возле забора.

– Далеко собрался?

Глаза трезвые, насмешливые.

Ник приготовился к побоям, но Дэлги ограничился тем, что взял его за руку выше локтя – аккуратная демонстрация стальной хватки, еще чуть-чуть, и мышцы будут раздавлены – и отвел обратно в дом, где их угощали.

В этот раз не было никаких пьяных спектаклей: внимание Дэлги оттянула на себя одна из девушек, сидевших вместе с ними за столом.

Как обычно, на ужин, оплаченный щедрым путешественником, собралась еще и половина соседей – вроде как незапланированный праздник для всей деревни.

Гибкая блондинка с треугольным лисьим личиком и выгоревшими почти добела волосами, длинными и распущенными, как у русалки, вьюном вилась вокруг Дэлги, и видно было, что влечение у них взаимное. Ситуация сложилась в самый раз для побега.

«Если он хотя бы на час обо мне забудет, я успею исчезнуть. Вот бы ему вообще стало не до меня...»

Похожая на лисичку блондинка сидела на коленях у Дэлги, они взасос целовались. Ник выбрался из-за стола, оставив «джинсовую» куртку с почти отстиравшимися пятнами крови висеть на спинке стула: как будто отлучился на пять минут. Для того чтобы найти пропавшего человека, нужна свежая кровь, это Дэлги ему уже объяснял, так что старые пятна никакой роли не сыграют.

Накрытые столы стояли под шпалерой, оплетенной виноградными лозами. На заднем плане белела стена дома. Пирующий народ захмелел и разгулялся, одни пытались спеть хором слезную балладу о красавице, похищенной оборотнем и зачахшей в неволе, другие смеялись и болтали, перебивая друг друга. Бородатый мужик в праздничной рубашке с красной вышивкой истово молился кошке, уплывавшей сардельку на границе освещенного пространства, и просил ее походатайствовать перед Лунноглазой Госпожой о выгодной продаже двух мешков изюма на ярмарке в Мулше. Несколько парочек целовалось, взяв пример с Дэлги и его длинноволосой подружки. Подвешенные на цепочках пузатые медные лампы озаряли все это неярким светом, как на потемневших золотистых картинах, которые Ник в своей предыдущей жизни видел на

слайдах, привезенных отцом из Эрмитажа.

Уборная пряталась за деревьями – дощатый домик под двускатной крышей с резной фигуркой-оберегом. В лунном свете оберег выглядел угрожающе, словно нахохлившийся сыч.

Занято. Пришлось подождать, пока оттуда не вывалился тучный пожилой фермер в расстегнутых брюках. Это хорошо, что он заметил Ника – даст ложную наводку, если Дэлги начнет расспрашивать.

Фермер, так и не застегнув ширинку, побрел к столам, напевая что-то заунывное, а Ник немного подождал, убедился, что рядом никого нет, и с помощью двух прихваченных со стола вилок привел внутреннюю щеколду в положение «закрыто», благо дверь была пригнана неплотно.

Пусть думают, что он засел внутри. Бывает же иногда... Конечно, для человека, за полчаса превратившего в кучу обломков общественный сортир в безымянном селе, деревянная щеколда – не препятствие, но Ник надеялся, что Дэлги до самого утра будет занят другими делами.

Спрятав не нужные больше столовые приборы в траве, он перелез через изгородь. Спугнул мусливчиков – стайка то ли морских коньков, то ли вопросительных знаков юркнула из-под ног в темноту, заставив его вздрогнуть.

Деревня с огородами и виноградниками распласталась по склону горы, увенчанной, словно короной с обломанными зубьями, руинами небольшого замка, такого древнего, что местные ничего не могли сказать о его происхождении. Даже в их байках и балладах этот объект фигурировал просто как развалина. Нехорошая развалина, поскольку там гнездились твари – непрошенных квартирантов сменилось уже трое или четверо. Каждый раз фермеры вскладчину нанимали охотников, те выслеживали и убивали очередного оборотня, однако через некоторое время на горе заводился новый жилец. За столом говорили, что недавно там опять кто-то появился, но сидит себе в замке и не высовывается, по окрестностям не рыщет. Новорожденные твари обычно так себя и ведут, пока не освоятся.

Дорожка, вымощенная битым мрамором, спускалась, обвиваясь серпантинном вокруг горы. На одном из участков она проходила по самому краю оврага – страшноватого рубца длиной в полшакра, зияющего на северном склоне. Овраг этот зарос по краям папоротником и бурьяном; далеко внизу, в просветах, блестела черная вода, оттуда тянуло стылой сыростью. До наступления темноты его успели показать «господам путешественникам», как местную достопримечательность.

Ник постарался оставить как можно больше следов, нарочно ступая мимо дорожки. Подобравшись к обрыву, сломал несколько веток, примял траву. Кажется, то самое место, где они побывали засветло. Высота пятиэтажного дома, вниз отсюда нипочем не спустишься. Подходящая концовка для этого триллера!

Через день-другой в деревне наверняка узнают, что он не лежит мертвый на дне оврага, а уехал в Макишту, но фермерам это будет без разницы, а Дэлги... Может, тот махнет на него рукой и не станет преследовать? Хотелось бы надеяться.

Ник снял ботинок и, осторожно подобравшись, на самом краю с силой впечатал подошву в податливую почву. Как будто подошел к обрыву, поскользнулся, попытался ухватиться за ветки, но не удержался... А теперь надо выйти

на шоссе, и дальше – по обстоятельствам: или добираться до села с храмом, или автостопом на юг, если повезет с попутной машиной.

Снова обувшись, он продолжил спуск, теперь уже стараясь ничего не задевать. Тропинка уводила в сторону от раскroившего северный склон рубца. Луна светила так ярко, что можно было разглядеть мелкие иззубренные листья кустарника, а замок наверху – склоны пологие, отсюда его отлично видно – напоминал вырезанную из слоновой кости безделушку, то ли не доведенную до конца, то ли поломанную. Засмотревшись на него, Ник обо что-то запнулся и полетел в кусты.

Хруст веток. Он еще в воздухе сгруппировался, как учил Дэлги, втянул голову в плечи, прикрыл согнутыми руками лицо. Вспыхнула мгновенная досада: след же останется, как после трактора! Что-то его тащило сквозь заросли. Резкая боль в правой щиколотке. Он ухватился за подвернувшийся под руку ствол дерева, в отчаянном усилии стиснул пальцы. Ногу продолжало тянуть, и болело так, что впору закричать.

Вокруг кустарник, какие-то вздыбленные коряги. Похоже, что на лодыжке захлестнута петля, и конец натянутой веревки теряется в темноте.

Свободной рукой расстегнув ножны на поясе, Ник вытащил нож. Дэлги заставлял его ходить с оружием – то ли считал, что Ник, хоть и оказался в подневольном положении, не сможет напасть на человека, несколько раз спасавшего ему жизнь (и правильно считал), то ли просто был уверен, что в любом случае с ним справится. Так или иначе, а сейчас именно это Ника выручило.

Отпустив дерево, он сжался в комок – движение вниз по склону было не слишком быстрым, поскольку полно препятствий – перехватил веревку и за несколько секунд перерезал острым лезвием. Ни за что бы не подумал, что способен на такой акробатический трюк!

В темноте раздался булькающий звук, словно вода уходит из ванны – яростный, как будто вырвался у живого существа, чем-то рассерженного.

Запах гнили. Разглядеть можно немного: со всех сторон черная путаница ветвей и травы, впереди блестит вода, отражая лунный свет. Над водой торчит большая коряга. Она шевелится.

Попытка вскочить на ноги ни к чему хорошему не привела: правую лодыжку пронзила боль, и он снова уселся на сырую землю.

Что-то свистнуло в воздухе, шлепнулось рядом с ним и скользнуло к воде. Похоже, на него хотят набросить петлю! Не выпуская ножа, Ник заполз за куст. Снова тот же булькающий звук – недовольный, разочарованный.

Он свалился – точнее, его утащили – в еще один овраг с пологим склоном. На дне водоема, и там сидит тварь. Вылезти оттуда она, очевидно, не может, зато ухитрилась расставить на дорожке силки. Ник вовремя успел перерезать веревку. Опоздай он чуть-чуть – и его бы уже начали есть.

Он был весь в ссадинах, одежда изодрана, царапины сочились кровью. Схватившись, нащупал на шее цепочку: порядок, кулон уцелел.

Как отсюда выбраться? За кустом тварь его не достанет, но выше открытый участок – там он будет отличной мишенью. Это существо наверняка хорошо видит в темноте.

Пришлось дожидаться рассвета. Мало того, что болела нога, ныли ушибы и горели ссадины – Ник в придачу еще и замерз так, что зуб на зуб не попадал.

Наконец небо начало бледнеть, а луна разбухла и повисла над косматой

черной кромкой, как снизившийся аэростат.

Тот склон, где находился Ник, зарос папоротником, выше лепился кустарник, но, чтобы доползти до него, надо повернуться к твари спиной, тут-то она и набросит петлю. Силки она, скорее всего, расставила загодя, когда покидала свой водоем. Край оврага скрыт зарослями, прорисованными небрежными штрихами на фоне разжиженной утренней синевы.

Теперь можно было разглядеть обитателя водоема: как будто несколько улиток величиной с автомобильное колесо слиплось в темный ком, и в середине – почти человеческое личико, уродливое, сморщенное; руки (их несколько штук), оплетенные бледными вздутыми жилами, держат наготове сразу две веревки со скользящими петлями. Омерзительное существо. А еще омерзительнее – знать, что оно собирается тобой пообедать.

Если он не сумеет отсюда уползти, тварь дождетя, когда он потеряет сознание, и тогда все равно его достанет.

Пустить в ход Абсолютное Оружие? Не выход. Во-первых, это «абсолютное оружие» потом не поймашь, во-вторых, зайныке ведь не объяснишь, что рвать в клочья нужно только тварь, а не Ника, – для него все едино.

Далекие голоса. Или ему мерещится?

Что-то сверкнуло в воздухе, упало на землю в нескольких шагах от него.

Золотая монета. Вторая, третья... Обитатель оврага решил блеснуть перед человеком своим материальным достатком.

Несмотря на боль и холод, Ник усмехнулся. Неужели тварь рассчитывает, что он попадется на такую глупую приманку? Чтобы взять деньги, пришлось бы выбраться из-за куста на открытый участок, тут-то его и сцапают.

Рядом с россыпью монет шлепнулась, разбрызгав грязь, более увесистая вещь: массивный мужской браслет, тоже вроде бы золотой.

– Думаешь, оно мне надо? – лязгая зубами, спросил Ник.

Его золото не интересовало. Его не интересовало ничего из того, что может быть отнято. Как будто у него в мозгу (еще до Иллихеи, на Земле) перерезали нейроны, ведущие к центру, который отвечает за чувство собственности – и это была милосердная операция. Иначе темнело бы в глазах от боли при каждом воспоминании о потерянных вещах: книги, связанный мамой синий джемпер, «Зенит» и любительская кинокамера отца, мамины цветы на подоконнике, все остальное... Впрочем, дело не в самих по себе вещах, а в том куске жизни, который у него отобрали заодно с этими предметами.

«У меня ничего не будет. Никогда. И подавитесь тем, что вы взяли в нашей квартире!»

На рассыпанные в грязи сокровища Ник смотрел с кривой усмешкой: пусть он находится в отчаянном положении, примитивная уловка твари его немного развеселила – и то развлечение.

Человеческие голоса звучали все ближе. Если он крикнет – его услышат?

Стрекот в воздухе. Тварь опять издала булькающий возглас, на этот раз встревоженный.

Подняв голову, Ник увидел изящно вырезанный силуэт трапана: крылатая ящерица описала круг, взмыла вверх и исчезла за кустарником.

– Он там! Самлеки его нашел!

Так они разыскивают его?!

Ветви затрещали: кто-то спускался в овраг.

– Осторожно! – голос звучал слабо, словно Ник его сорвал. – Здесь тварь, у нее лассо!

Тварь метнула свою петлю, но вынырнувший из зарослей человек одним взмахом ножа разрубил веревку в воздухе. Дэлги. Конечно, кто еще так может?

– Ну что, набегался? – поинтересовался он, глядя на Ника сверху вниз с нехорошей ухмылкой.

Ник промолчал.

– Вставай.

– Не могу. У меня что-то с ногой.

– Красота! – ехидно протянул Дэлги, взглянув на его распухшую, посиневшую щиколотку. Потом, повернувшись, крикнул: – Эй, кто там потрезвее, двое, спускайтесь сюда!

Тварь негодуя забулькала – вероятно, почувствовала себя ограбленной.

– Нечего права качать, – посоветовал Дэлги миролюбивым тоном. – Не обесудь, не твое.

Не достаивая больше вниманием расстроенное чудище, он под прикрытием кустарника быстро и ловко соорудил шину, используя для этого срезанные ветки и рукав изорванной рубашки Ника.

Через заросли с шумом и пьяной руганью ломались мужчины из деревни.

– Нажрались, как охотники после удачной охоты, – шепнул Дэлги. – Надеюсь, они тебя не уронят.

Еще больше понизил голос и ласково добавил:

– Если б ты уже не получил сполна, как бы я тебе врезал...

Двое парней замороженно уставились на золотую россыпь в грязи.

– Не подходить и не трогать, – осадил их Дэлги. – Это приманка. Кто сунется – тварь его сразу сцапает.

– А может, не дотянется? – вздохнул приземистый парень с торчащими желтыми вихрами.

– Еще как дотянется. Видишь, кости белеют? Тоже кто-то рассуждал, как ты. Берите мальчишку – и пошли наверх. Я прикрываю.

Ника подняли. Он заранее сжал зубы, чтоб не застонать. Уже рассвело, и теперь он тоже заметил то, на что показывал Дэлги: возле кромки воды из грязи торчали изогнутые ребра – чья-то грудная клетка, а вон тот округлый белый камень – не камень вовсе, а череп.

– Слышь, это, наверно, Меффекопси, – проворчал один из тех, кто тащил Ника вверх по склону. – Который пропал в позапрошлом году.

– У Меффекопси такого браслета не было, – отозвался парень с желтыми вихрами. Он то и дело оглядывался. – Сколько будет стоять, ежели из настоящего золота?..

Ника они под конец все-таки уронили. Дэлги обозвал их «пьяными мордами» и дальше понес его сам. Там, где узенькая дорожка из осколков перекрещивалась с грунтовой дорогой, ждала машина. Обратный путь в деревню показался Нику сложным, как уравнение с интегралами, многоэтапным и слишком длинным. Вдобавок хор нетрезвых голосов, да еще боль обвивала его тело темно-красными лентами. Похоже, у него поднялась температура.

Он полностью пришел в себя, после того как Дэлги вколол ему какое-то лекарство, обработал ссадины и кровоподтеки мивчалгой и что-то сделал с трав-

мированной лодыжкой.

Комната с окном на огород, белые, как бумага, стены, потолок разрисован по-деревенски аляповатыми гроздьями оранжевых ягод.

Ник лежал на кровати, обнаженный. В углу живописная кучка грязного окровавленного тряпья: наверное, специально, чтобы он увидел, во что превратилась его одежда, после того как он проехался по склону оврага. На спинке стула висит куртка, оставленная для отвода глаз и потому уцелевшая. На столе разложены медикаменты.

Дэлги все еще возился с его щиколоткой, но боли он не чувствовал – вероятно, действовала анестезия.

– У меня перелом или вывих? – спросил Ник, набравшись смелости.

– Все удовольствия сразу, – буркнул Дэлги. И, выдержав паузу, добавил: – Перелома нет. Был вывих, который я уже вправил, гематома и растяжение связок. Не бойся, пройдет без остатка, здесь тебе не Окаянный мир. И не радуйся, от тренировок ты освобожден на ближайшие три дня, потом наверстаем упущенное.

Он вытер руки бумажной салфеткой, шагнул к изголовью. Не зная, чего ждать – вдруг влепит затрещину, – Ник попытался сесть, и все тело отозвалось болью.

– Не вздрагивай, бить не буду. Если ты хотел заморочить мне голову инсценировкой самоубийства, зачем вот это оставил? – Дэлги сдернул со стула куртку и встряхнул за ворот, словно нашкодившее домашнее животное.

– На ней же старая кровь... – чуть слышно пробормотал Ник.

– Даже по старой крови можно определить, жив человек или нет. Учти на будущее. Я имею в виду, не для того чтоб со мной дурака валять, а просто чтобы знал.

Дэлги подошел ближе, склонился над ним.

– На куртке не только твоя кровь. Чья-то еще. Меня интересует, что это был за человек, как его зовут, где ты его встретил?

– Не может такого быть... Я никого не убивал.

– Я же не говорю, что ты кого-то убил! Каким-то образом на твою куртку попала чужая кровь, только и всего. При ворожке, когда я выяснял, жив ты или свернул шею, оно сразу обнаружилось. Этот человек меня очень интересует, и ты мне скажешь, кто это был. Давай, вспоминай.

– Не знаю. Я купил ее в магазине в Улонбре, она была новая. Потом я сел в трамвай, поехал в Эвду. Если случайно где-то испачкался кровью, это было уже после. Может, пока я был без сознания...

– Пятно чужой крови небольшое, вот здесь, – Дэлги показал на бронзовый ромбик с рельефным узором, приклепанный к отвороту. – У этой штучки острый угол.

– Ксават цан Ревернух, когда мы подрались, хватал меня за куртку, – Ник обрадовался, что может выдать вразумительный ответ и отделаться от этого вопроса. – Поранился он или нет, я не заметил. Потом у меня провал, а в Убивальне до этой куртки никто не дотрагивался, кроме вас.

– Значит, высокородный Ксават цан Ревернух! Вот так номер... То-то мне показалось, что в нем есть что-то знакомое! – Дэлги рассмеялся, и его негромкий смех прозвучал до того пугающе, что по спине у Ника поползли мурашки. – Ловко спрятался... Ничего, теперь я до него доберусь. Или даже не добе-

русь, а устрою ловушку, в которую он сам заберется, так будет веселее.

– У вас с ним какой-то конфликт? – робко спросил Ник.

– Можно сказать, конфликт, можно сказать, игра. Теперь у меня наконец-то появился шанс выиграть и получить лакомство в награду, – Дэлги заговорщически подмигнул и перешел на более серьезный тон. – Вот что, об этом разговоре забудь. У тебя вроде нет причин хорошо относиться к Ревернуху, так что твое дело – сторона.

Медикаменты он убрал в кожаную сумку. Еще раз окинул Ника критическим взглядом.

– Новые шмотки тебе привезут из Мулша, я дал денег и список, что купить. Мулш – это здешний городок. Не люблю его, там на каждом перекрестке навозные кучи, не город, а скотный двор. Девчонка вернется оттуда с покупками только завтра. Оно и к лучшему, голый ты никуда не денешься.

– Как вы по крови определяете, жив человек или нет? – смирившись с судьбой, спросил Ник. – Можете показать?

– Ворожба. Несложная, но показывать не буду, мало мне других печалей... Думаю, сестра Миури сама начнет тебя учить, когда будешь к этому готов. Пока экспериментировать нельзя, а то получится, как с тем снотворным. Если ты, такой, как сейчас, начнешь ворожить, сразу угодишь в трясину своих кошмаров.

Крашенная белой краской дверь без стука распахнулась, заглянул хозяин дома.

– Слышь, идем скорее, – обратился он к Дэлги, бегло посмотрев на Ника. – Беда у нас, подмога нужна. Кивчаби пропал. Ребята сказали, полез за золотом в Улиткин овраг, где твоего парня нашли, а потом слышали, как он кричал. Мать его ревет...

– Дур-р-рак... – пробормотал Дэлги и вместе с ним вышел.

Приподнявшись на локтях, Ник оглядел себя: тело – сплошная ссадина, лоснится от мивчалги, на ноге повязка. Из одежды ему оставили только плавки, да еще куртка висит на стуле, но он сейчас и не собирался ударяться в бега. Откинувшись на подушку, задремал, слушая сквозь сон, как щебечут на огороде птицы и время от времени словно стучают о жесть резиновые мячики – это запрыгивали на низкий оконный карниз шныряющие среди грядок прыгунцы.

Дэлги вернулся несколько часов спустя, после того как хозяйка принесла Нику лепешки с толстыми ломтями масленого оранжевого сыра и кофе со сливками.

– Спасли его? – спросил Ник.

– Нет, – казалось, эта неудача настроение Дэлги не испортила. – Когда мы туда спустились, спасать было нечего – одни кости с остатками мяса. И не скисай, ты не виноват. Я же говорил им – не лезть за этим золотом. У кого хватило ума, тот послушался.

– Эта тварь такая мерзкая... – Ника от одного воспоминания передернуло.

– Тварь как тварь. Ей, как и тебе, надо что-то кушать, – неожиданно заступился Дэлги. – Это тебе хватит чашки кофе и хлеба с сыром, а ей требуется живое мясо и жизненная энергия, желательна человеческая. Если тварь необходимой пищи не получит, она станет вялой и слабой, вот они и измышляют уловки, чтобы кого-нибудь заманить на обед. Кстати, на самом деле им нужно

есть не так уж часто, раз в полгода – за глаза хватит, остальное для удовольствия. Этот остолоп сам виноват, жадность и глупость до добра не доводят. А какая от тварей польза, я тебе уже объяснял.

Дэлги говорил безмятежным тоном, но негромко – видимо, не хотел, чтобы его слышали за дверью.

Уехали из деревни на следующее утро, после завтрака. День был пасмурный, ватный, и воздух такой, словно купаешься в парном молоке.

Оба молчали. Дэлги вырулил с проселочной дороги на грунтовое шоссе. Ник понятия не имел, куда они направляются.

Машина остановилась под крутым склоном, белесым, ступенчатым, утыканным темными елками, похожими друг на дружку, словно сошли с одного конвейера.

Дэлги опустил боковое стекло. Пахло озоном и хвоей.

– Собираешься еще убежать?

Что можно ответить на такой вопрос? Ник пожал плечами.

– Если я скажу «нет», вы решите, что я вру. Хотя вы сами, по-моему, не всегда говорите правду.

– Это точно, я тебе много всякой лапши на уши понавешал, – неожиданно легко согласился Дэлги. – Но мое вранье – оно прозрачное, как вода, сквозь которую видно песчаное дно со всеми камешками и складками. Так и здесь: если захочешь, сквозь все, что я тебе наплел, увидишь правду. Но ты, похоже, просто боишься.

– Вы никогда не были алкоголиком. Из гвардии вас выгнали за что-то другое. За убийство, наверное.

– Ну-ну, продолжай в том же духе.

– Что вам от меня нужно?

– Твое общество, – он сменил насмешливый тон на дружеский. – Люблю путешествовать в компании, одиночеством я и так сыт по горло. Трудно тебе, что ли, вместе со мной покататься? Я ведь ничего больше не требую. За все плачу. Не вынуждаю тебя совершать никаких противозаконных деяний. Не пристаю с противоестественными домогательствами. Даже кофе варить на стоянках не заставляю, потому что я сам варю его лучше.

– Ага, а тренировки?

– Это не в счет. Это нужно тебе, а не мне.

Ник хотел возразить, но промолчал. Если б не эти уроки, он бы вряд ли дожился в овраге до прихода спасателей.

– От тебя требуется только одно: чтобы ты составил мне компанию на ближайшие полмесяца. Потом будешь свободен. Мне ведь совсем недолго осталось гулять.

– Почему – недолго? – Он повернулся к Дэлги. – Что вы имеете в виду?

– Мог бы уже и сообразить.

– Вы... чем-то больны?

– Можно и так сказать, – Дэлги усмехнулся. – неизлечимое заболевание с периодически повторяющимися приступами.

– Хорошо... – Ник осекся: «хорошо» в данной ситуации звучит неуместно. – Ладно, я согласен. Не убегу. Мы дальше куда?

– В гостинице ты сказал, что моря никогда не видел. Вот к морю и поедем.

Дважды Истребитель Донат Пеларчи получил от своего блудного ученика еще одно письмо. Тот держал его в курсе, как обещал. Излишне говорить, что у Ксавата после такого известия настроение скисло и свернулось, будто молоко, в которое плеснули уксуса. Если не поняли: получается, что его совсем обосрали, а Доната обосрали только наполовину, и он, значит, больше тупак, чем Донат.

«Встречу этого паскудного комсорга Вилена – получит нож под ребра, по воровским законам!»

Он вовремя спохватился: зубы-то свои, не казенные, и ежели их в крошку, замаешься потом искусственные вставлять.

– Ксават, идите сюда!

Охотник звал его, приотворив дверь номера. Звал уже не в первый раз.

Сейчас, срань собачья, начнет хвалиться: мол, меня мой помощник все-таки уважает, не то, что твой обормот!

– Чего там? – осведомился Ревернух со сдержанным раздражением, прикидывая, как бы утереть ему нос.

– Заходите, – нетерпеливо потребовал Донат и, когда Ксават переступил через порог, запер за ним дверь. – Келхар прислал фотоснимок.

– Какой фотоснимок? – сверля охотника неприязненным взглядом, проворчал Ксават.

– Келхару удалось его сфотографировать, – невозмутимо пояснил Пеларчи. – Хотите посмотреть?

– Да... Да, конечно. Покажите!

Это уже серьезно. Это вопрос жизни и смерти, так что гонор побоку.

Охотник подал ему небольшую черно-белую фотокарточку.

– Вот он. В центре, около машины.

– Срань собачья... – только и смог вымолвить потрясенный Ксават, взглянув на изображение.

Еще один городок, назывался он Раум, оцетинился заводскими трубами, как побитый жизнью дикобраз обломанными иголками. Впрочем, при остатках дневного света Ник видел только окраину.

Перепутанные рельсовые пути напоминали лабиринт в детском журнале. Длинные пакгаузы под низко нахлобученными крышами. Бесхозная куча цемента, разгильдяйски высыпанного меж двух бетонных заборов – словно привет с покинутой родины. Чтобы не заехать в цемент, Дэлги пришлось свернуть в соседний проулок.

Изредка попадались островки двухэтажных домиков с черепичными крышами и бельем на балконах, да еще пустыри, заросшие джунглями в миниатюре.

На западе широкой полосой светился золотистый закат тревожного, бередящего душу оттенка. На востоке сплошным, без просветов, сводом громоздились лиловые кучевые облака.

Ветер гонял тончайшую пыль, оседающую на чем попало.

– Надо найти закрытое помещение для тренировки, а то цемента наглотаемся, – заметил Дэлги. – Та еще радость...

И передразнил Ника, не сдержавшего разочарованной гримасы: он-то решил, что вечерняя тренировка отменяется, раз окружающая среда не распола-

гает.

Затормозили возле трактира. После ужина, оставив Ника за столом с чашкой кофе, Дэлги, посоветовавшись с трактирщиком, отправился договариваться насчет помещения.

Ник не спеша допивал кофе и разглядывал посетителей. Компания рабочих в испачканных цементом спецовках пьет пиво. Две девушки в клетчатых платьях (в каждой клетке – мелкая вышивка, от которой рябит в глазах) поглощают мороженое, косятся по сторонам и перешептываются. Возле сероватого от грязи окна уселся парень, смахивающий на злодея из банды нехороших мотоциклистов в голливудском фильме: черная клепаная кожа, шипастые браслеты-наручи, три пары ножей – на поясе, на бедрах из специальных карманов торчат рукоятки, и вдобавок к голенищам шнурованных сапог прилажены ножны. Узкое жесткое лицо, колючий взгляд.

«Сумасшедший металлист» – определил про себя Ник. Вспомнились газетные истории о наркоманах, которые приходили в кафе или в магазин и вдруг начинали всех подряд убивать. Правда, случались эти леденящие истории на Земле, но разве то же самое не может произойти в Пластилиновой стране?

«Сумасшедшего металлиста» окружало пустое пространство, никто к нему не подсаживался. Даже ввалившееся в трактир шумное веселое семейство – отец, мать и трое подростков – сперва двинулось в его сторону, к свободному столу, но, рассмотрев, кто там сидит, сменило курс и кое-как примостилось между Ником и девушками в клетку.

Ник изнывал в ожидании Дэлги: ему казалось, что «металлист» нет-нет, да и поглядывает на него с недобрый интересом, и от этого было не по себе. Он даже вкуса кофе больше не чувствовал. Струсил.

У него, конечно, тоже на поясе нож, плюс кулон с Абсолютным Оружием, но в этом парне с бледным костистым лицом наследственного психопата ощущалась сумасшедшая сила, готовая вырваться на свободу и все вокруг смести, а у Ника такой силы не было. Поединок проигран, не успев начаться.

Почти против воли, будто загипнотизированный, он тоже начал украдкой поглядывать на «металлиста». Тот отличался от окружающих не только зловещим прикидом, но еще и ультракороткой стрижкой, хотя обычно иллихейские мужчины носят длинные волосы, как европейцы в XVII–XVIII веке. Даже у работяг, пивших пиво за соседним столом, торчали позади туго заплетенные сальные косички, словно у персонажей «Острова сокровищ».

Ник опять слегка повернул голову и наткнулся на взгляд «металлиста» – изучающий, пронизывающий. Это длилось всего секунду, потом их взгляды расцепились, и злодей в черной коже притворился, что смотрит на девушек.

У Ника обреченно заныло в области солнечного сплетения. Выйти из трактира и дожидаться Дэлги снаружи?.. Ага, «металлист» тогда выйдет следом за ним...

«И надо же, чтоб именно я этому психу больше всех не понравился!»

Хлопнула дверь. Это вернулся Дэлги. Очень вовремя.

– Идем, – весело позвал он, подойдя к столу. – Прогуляемся по Рауму, потом как обычно. Я настоящие хоромы нашел!

Ник с облегчением улыбнулся. Уже встав, покосился на «металлиста»: тот ссутулился над кружкой пива, прикрыв лицо согнутым локтем. Плечи опущены, ни намек на угрозу. Инцидент исчерпан. Слово хищник отползает на

брюхе, признав доминирующую роль более сильного хищника.

– Ты что такой бледный и взбудораженный? – осведомился Дэлги, когда вышли наружу.

– Ничего... Опять вспомнилось то, что было дома.

Не признаваться же, что какой-то парень бандитского пошиба на него косо посмотрел, и он сразу перетрусил!

Раум громоздился в сумерках округлыми кирпичными башнями и перекинутыми через улицы балконами-арками. Обрывки музыки – они жили сами по себе, независимо от людей – кружили среди старинных построек, словно стайки серебристых рыбешек среди рифов.

– Центр совсем не похож на окраину.

– А заводов тут недавно понастроили. Всего-то лет четыреста назад. Раньше Раум окружали запущенные сады и заброшенные виллы, и там, естественно, водилось невесть что – жутковатое было местечко. Потом здешних тварей извели, на это примерно полтора века ушло, и начали развивать промышленность.

Дэлги говорил так, словно четыреста лет для него не срок, и он все это видел собственными глазами.

«Хоромы» оказались недавно построенным, но пока пустующим складом на окраине. Длинный гулкий зал, потолок подпирают решетчатые фермы из сизого металла, вдоль стен, иллюстрируя Эвклидову геометрию, тянутся параллельные стеллажи, возле входа громоздится штабель деревянных ящиков из-под крепежа. Электричество уже провели, и пространства для тренировки вдоволь.

Сторож, сдавший в аренду первый этаж вверенного ему помещения, отправился в трактир.

– Ежели до меня отсюда пойдете, потушите свет и дверь кирпичиком приприте, чтоб не открывалась, – велел он на прощание. – Тут вон окна шире двери, а решеток еще не поставили, кто хошь лезь, но дверь все равно должна быть закрыта, предписание такое.

– Ага, припрем, – пообещал Дэлги.

Обрадованный тем, что Ник, вместо обычного сдержанного нытья, проявляет энтузиазм, он на этот раз воздержался от насмешек.

А Ник впервые пожалел о том, что эти уроки скоро закончатся. Пережитый в трактире страх – возможно, беспричинный, но в любом случае унижительный – заставил его взглянуть на происходящее под другим углом.

Дэлги вбил себе в голову, что должен научить его драться, и нещадно мучает ради собственной прихоти – допустим, оно так... Но все равно у него есть шанс стать немного сильнее, чтобы не пугаться до дрожи в коленках каждого крутого парня, который посмотрит с угрозой в его сторону. Ради этого можно потерпеть. Он ведь и думать забыл о существовании шпаны. Болотная экзотика – совсем не то. Обратни (по крайней мере, когда их нет рядом) по-прежнему представлялись ему скорее мифологическими существами, чем реальной проблемой, сказывалось советское атеистическое воспитание. Другое дело – всякие опасные типы вроде этого узколицега в черной коже, с его портативной коллекцией холодного оружия.

Фехтование на ножах. Ник сбросил рубашку и встал в стойку, сжимая рукоять кинжала. Он все еще слегка прихрамывал, и остатки полученных в овраге

ушибов и ссадин были (случись это на Земле, до сих пор сидел бы на больничном).

– Оно даже хорошо, – безжалостно заметил Дэлги во время вчерашней тренировки. – Я хочу, чтобы ты научился драться невзирая на боль и неважное самочувствие.

Вчера они, на лужайке под открытым небом, отрабатывали бой голыми руками. Фехтование после этого – едва ли не отдых: никаких ударов, бросков и болевых захватов, только символические уколы и царапины.

– Я – уличный бандит, – определил Дэлги свое сегодняшнее амплуа. – Не сказать, что большой мастер, но опытный в поножовщине и готов кого угодно прирезать за пару рикелей на бутылку дрянного портвейна. Ну, защищайся!

Они начали кружить по тускло освещенному залу. Дэлги не выходил из своей роли и то наступал, то отступал, но в конце концов прижал его к одной из ферм, упирающихся в обшитый досками потолок. Ник получил несколько уколов.

– Раны не смертельные, но ты истекаешь кровью, – сообщил «уличный бандит». – Ты должен поскорее со мной разделаться, иначе тебе конец.

Ник атаковал, но довольно вяло, энтузиазм уже иссяк.

В ответ противник полоснул его по обнаженной груди, слегка оцарапав кожу. Ник отшатнулся, и тогда лезвие прикоснулось к горлу – на секунду, ощущение скорее щекочущее, чем болезненное.

– Все, прирезал! – угрюмо констатировал Дэлги. – Если бы ты двигался самую малость поживее, если бы не сдался, ты бы успел парировать.

– Ну и что, – Ник пожал плечами. – В следующий раз...

Удар в дверь, закрытую на засов. От второго удара закачалась лампа в проволочной оплетке, свисающая на толстом витом проводе.

Сторож успел пропить вырученные за аренду деньги, пришел к выводу, что продешевил, и вернулся за доплатой? Зато для Ника передышка... Правда, недолгая: Дэлги в таких случаях не торговался и платил, сколько скажут, лишь бы не тратить время на словопрения.

После третьего удара засов приказал долго жить, и дверь распахнулась. На пороге стоял не сторож, а «сумасшедший металлист».

– Чему обязаны? – осведомился Дэлги.

«Металист» молча шагнул вперед. Вблизи Ник увидел, до чего тонкие у него губы – их почти нет, и как тщательно вылеплен длинный хрящеватый нос, некрасивый, но по-своему изящный, словно деталь уродливой скульптуры. Ближе посаженные глаза походили на зрачки револьверных стволов.

«Если у него пистолет, он нас убьет. Или Дэлги успеет его обезоружить?..»

– Что у тебя тут за дело? – Дэлги задал вопрос миролюбивым тоном человека, настроенного добродушно и не желающего ссориться.

Гость сделал еще один шаг. Губы сжаты в линию, лицевые мышцы напряжены, как перекрытия моста, по которому движутся груженные «КамАЗы». Это не мост, всего лишь человеческое лицо, но кажется, оно вот-вот пойдет трещинами от невыносимого напряжения и сокрушительной ненависти.

– Парень, ты, по-моему, чуток не в себе, – Дэлги по-прежнему говорил приветливо. – Хлебнуть чего-нибудь не хочешь?

– Нет, – словно скребком шоркнули по бетонной стене.

Остановившись под лампой, голливудский злодей запустил два пальца в

маленький нагрудный кармашек – такой маленький, что никакое оружие там не спрячешь. Он и вытащил оттуда не оружие, а миниатюрный бумажный кулек. С ненавидящей усмешкой развернул его и высыпал содержимое на деревянный ящик, поставленный на пару других таких же.

Похоже на щепотку цветного сахара. Крохотные кристаллики – желтые, синие, розовые, оранжевые, зеленые, красные, фиолетовые – блестят и переливаются.

Ник помертвел: он понял, откуда взялось это радужное крошево.

– Я пришел туда через два часа после тебя, – хрипло сообщил «металлист», и было непонятно, улыбается он или просто скалит зубы. – Совсем чуть-чуть опоздал. В этой лавке я побывал в детстве, в пятилетнем возрасте, тогда и видел эти очки, а позже узнал, для чего они предназначены. Ты их уничтожил, зато я напал на след.

– Уж извини, но я ни слова не понял из твоей ахиней.

Не будь Ник свидетелем убийства, решил бы, что Дэлги озадачен и искренне сочувствует собеседнику. Тот, впрочем, не попался на его уловку.

– Все ты понял. Сегодня твой последний день, – это прозвучало бы напыщенно, если б не маниакальный блеск в глазах и не нож с длинным широким лезвием, который он движением почти неуловимым, едва шевельнув рукой, извлек из ножен на поясе.

«Убийца-психопат. Или это родственник продавца, хочет отомстить? Все равно похож на помешанного...»

Нику померещилось, что он чувствует исходящую от «металлиста» смертельную опасность поверхностью кожи, как холодный сквозняк.

– А ты отойди в сторону, – взглянув на него, сказал «металлист» неожиданно спокойным и деловитым тоном, с легким оттенком презрения. – Сам не знаешь, с кем поехал...

– Ник, отойди, – тоже посоветовал Дэлги. – Постарайся не попасть никому из нас под руку, но отсюда не смывайся. Даже если победит Келхар цан Севегуст – что практически невероятно – тебе ничего не угрожает. Ну, разве что он потребует, чтобы ты пошел вместе с ним в полицию и засвидетельствовал, как очевидец, что здесь произошло.

– Сейчас посмотрим, что вероятно, а что нет, – узколицый Келхар снова безрадостно оскалил зубы. – Готов к дуэли?

– Ты оригинал, – хмыкнул Дэлги. – Да будет тебе известно, таких, как я, не вызывают на дуэль. На таких, как я, нападают из засады.

Брезгливая гримаса, исказившая и без того некрасивые черты Севегуста, выражала, надо полагать, его отношение к нападениям из засады. Вслух он не сказал ничего. Двинулся к Дэлги медленным скользящим шагом, выставив перед собой нож. Дэлги с кинжалом шагнул в сторону.

Ник отступил подальше от них, как ему велели. Если бы он хоть что-нибудь во всем этом понимал!

По длинным рядам пустых новеньких полок, по разделяющим их темноватым провалам, по открытым участкам крашеных масляной краской стен заметались тени. Лезвия вспыхивали в ущербном желтом свете складских ламп.

– Недурно дерешься, – похвалил противника Дэлги. – Может, достаточно?

– Достаточно будет, когда я твою голову в банке замариную! – пообещал Келхар и после этого проделал крайне сложный финт, да еще и в сверхбыст-

ром темпе.

Дэлги отразил атаку.

– Ого! Где ты этому научился? – поинтересовался он дружелюбно, как будто они не дрались насмерть, а вежливо мерились силами, сравнивая мастерство.

– В Севегодхе, в нашем поместье, – голос Келхара скрежетал от ненависти. – У одного старого фехтовальщика. Я не только этому учился, я еще много читал. В том числе старые рукописные хроники эпохи династии Мейкелиафти.

Передышка. Они оказались по разные стороны от перегораживающей зал сквозистой фермы, выкрашенной в сизый голубиный цвет, и оба выжидали.

– В этих хрониках много любопытного, – с кривой усмешкой продолжил Келхар. – Летописец, которого звали Салсаянг Хеценаянский, перевел с древнекибадийского записи, сделанные одиннадцать тысячелетий назад неким Памьяречегом из Гемзы. Памьяречег рассказывает о твари, которая завелась в недрах Серебряного отрога у южных границ Гемзийского княжества. Тварь эта терроризировала всю округу. Когда приближалось ее урочное время, жители окрестных деревень собирали свое самое ценное имущество и уходили подальше на север. Оборотень был хитер и силен, охотники никак не могли его убить. Чтобы он не буйствовал, не ломал плодовые деревья и не разорял хижины, крестьяне выбирали кого-нибудь по жребию – обычно двоих, незамужнюю девушку и юношу не старше двадцати лет – и оставляли в покинутой деревне. Угощение оборотень не трогал – соображал, что могут отравить, зато от любовных утех не отказывался. Однажды сломал руку парню, который начал сопротивляться. В другой раз доставшуюся ему девушку из-за этого бросил жених, и она покончила с собой. Из-за какой-то бесчестной твари! – вначале Келхар рассказывал о древних хрониках, как лектор перед аудиторией, но под конец распался, его голос зазвучал отрывисто. – Что скажешь об этом?

– Скажу, что это была бесчестная и безмозглая тварь, – Дэлги теперь тоже говорил с раздражением – видимо, своими историческими экскурсами «сумасшедший металлист» наконец-то его достал. – Главное, что безмозглая! И если бы ее в то время убили, оно было бы правильно. Однако со временем тварь поумнела, перестала вести себя по-скотски, и многое изменилось.

– Твари не меняются.

– Ладно, не будем спорить. Сколько ты хочешь?

– Что значит – сколько?

– Я готов откупиться. Назови цену.

– Предлагай свои деньги сброду, – Келхар вскинул заостренный подбородок, его лицо свела судорога отвращения. – Ты купил половину Империи, но осталась еще вторая половина, которую ты никогда не купишь, потому что не все продается!

Он шагнул вбок, огибая решетчатую преграду. Дэлги шагнул в противоположную сторону.

– Подумай. Я не хочу тебя убивать. Дерешься ты неплохо, но у тебя нет шансов меня победить.

– Посмотрим, есть или нет. Это была моя невеста!

– Что за невеста?

Они по-волчьи кружили вокруг фермы, поблескивая клинками.

– Утопившаяся девушка. Ты лишил ее невинности, и из-за этого я на ней не женился.

– Значит, мы с тобой оба были идиотами, – подытожил Дэлги. – Давно подсел на клюнс?

– Не твое дело.

– Лучше бросай. Клюнс не вызывает привыкания, но не сказать, что он безвреден. У тебя уже башню сносит.

Видимо, речь идет о каком-то наркотике, понял Ник. Его первое впечатление о «сумасшедшем металлисте» оказалось верным.

– Ты последний сброд, вот ты кто! – с яростью процедил Келхар.

Дэлги рассмеялся.

– Дуэль двух идиотов... Ну, хорошо, деремся дальше, уговорил!

Рано или поздно это должно было случиться. Словно застарелый нарыв прорвало.

С тех пор, как Клетчаб Луджереф стал Ксаватом цан Ревернухом, время у него не текло, как у других людей. Вместо этого оно собиралось в сгустки, уплотнялось, затвердевало. Как будто Хасетан, история с Банхетом и Марго, сверкающее Рассветное море, кошмарное путешествие на яхте с Королем Сорегдийских гор – все это не отодвинулось в прошлое, на двадцать четыре года назад, а постоянно находилось рядом, застывшее, воспаленное.

Может, такое происходит с каждым, кто воспользовался зеркалом-перевертышем?

А теперь это загустевшее, скомканное время начало со страшной силой разматываться в ленту – как ночное шоссе, по которому летит охотничий внедорожник.

Он еще не освоился, и его самым натуральным образом тошнило – то ли из-за того, что творилось со временем, то ли от лихой езды, то ли в преддверии развязки. Скоро кто-то умрет – или он, или Король Сорегдийских гор.

Ежели по уму, Ксавату бы сейчас мчаться, сломя голову, в противоположном направлении, подальше от окаянной твари, но Донат, срань собачья, его силком посадил в машину. Думает, раз он Дважды Истребитель, так самый большой над всеми начальник!

Перед тем как отправиться на смертный поединок, Келхар учителю телеграмму отбил – что да как, и указал место: недавно построенный склад в восточном предместье Раума. А пустующие постройки – это в самый раз по Ксаватовой части, в рамках его командировочного задания, вот Пеларчи и потащил с собой министерского чиновника, чтобы тот отбрехался, ежели у кого-нибудь вопросы возникнут. Им надо сделать свое дело втихаря, без огласки, поскольку охота на Сорегдийского оборотня неофициально запрещена.

«Мы браконьеры!» – угрюмо пошутил Донат.

Притормозив в потемках у пригородной гостиницы с освещенным окном на первом этаже, он сказал, не оборачиваясь:

– Девочка, выходи здесь. Заведение приличное. Сними номер и жди.

Элиза выскочила, хлопнув дверцей. Она прошмыгнула на заднее сиденье, пока старый охотник сопротивляющегося Ксавата в машину запикивал, и Донат не стал ее гнать: по его понятиям, подруга охотника должна быть рядом, если тому достанется.

Только откуда у нее деньги на гостиницу, ежели Ксават давно уже не давал ни гроша? Значит, Келхар позаботился, а Келхару заплатил господин цан Ре-

вернул. За тупака держат! Дрянная девка нашла-таки способ вернуть свою уплывшую зарплату.

Нужный склад нашли не сразу. В окнах желтел тусклый свет, но ни одной машины рядом не было. Дверь приперта кирпичом. Тихо.

Уже начинало светать, и Ксават заметил в открытом окне соседнего строения старуху, сонно глазевшую на двух озирающихся мужчин с охотничьими ножами.

– Давайте спросим, – предложил он осипшим от нервотрепки и утренней прохлады голосом.

– Так уехали они на своем автомобиле, еще до полуночи уехали. А перед этим грохот стоял несусветный. Высокий такой, здоровенный парень и с ним мальчишка лет восемнадцати, двое их было.

Донат неспешно спрятал нож в ножны.

– Едем в гостиницу? – зевнув, предложил Ксават.

Опасность ушла. Теперь бы выпить чего-нибудь покрепче, а после выспаться.

– Там Келхар, – хмуро произнес старый охотник. – Сейчас посмотрим, что с его останками, вызовем полицию и похоронную службу. Он совершил ошибку и за это поплатился, но он погиб на охоте, поэтому надо похоронить его с честью, как подобает.

Ксавату не хотелось лишней мороки, да разве Дважды Истребителя переспоришь?

Поплелся следом за ним к длинному зданию склада, темнеющему в синеватой предрассветной жиже, словно выброшенная на берег туша морского быка.

Донат ногой отпихнул кирпич, толкнул дверь.

«Ага, с удовольствием похороню эту аристократическую срань!» – подумал Ксават с кислой усмешкой.

Келхар цан Севегуст стоял возле решетчатой фермы. Руки заломлены за голову и прикручены к металлической перекладине. Роба бледнее обыкновенного, однако глаза сверкают: вроде как побежден, но не сдался. Очень даже впечатляющая картинка.

– Келхар, вы самонадеянный сопляк, говорят же – не лезь на охоте наперед учителя! – гневно пророкотал Донат, вынимая нож.

Ксават обрадовался, что сейчас он негодного ученика прирежет, но Донат заместо этого полоснул по веревкам и подхватил повалившегося вперед Келхара, успев еще и оружие в ножны убрать.

– Дичь уехала... – обморочно прохрипел молодой охотник.

– Понял, – буркнул Донат. – Ранен?

– Нет... Его трудно достать.

– А вы?

– Вроде бы тоже нет...

– Пошли, – Донат повел его, поддерживая, к выходу. – Я учил вас правилам охоты, а вы их грубо нарушили! Самонадеянность и тщеславие – для охотника плохие союзники!

Ксават шел за ними, слушая, как Пеларчи распекает помощника. По дороге поддавал носком ботинка раскиданные обломки деревянных ящиков. Ему было обидно, что высокородный пижон дешево отделался. Малость поколотили и связали – разве это ущерб? Смех один.

Глава 9

До моря они все-таки доехали.

Влажный серебристо-голубой простор, вздыхающий, туманный, беспокойный. У Ника перехватило дыхание. Раньше море иногда ему снилось, но в этих снах оно обязательно было маленьким, с близко придвинутым горизонтом. А на самом деле – до того огромное, что, если смотреть на него долго, не отводя взгляда, возникает ощущение невесомости.

Солнце пряталось за облаком, поэтому предметы не отбрасывали теней. На сыром светлом песке, перемешанном с галькой, чернели измочаленные водоросли, таяли комья пены, мокла разбитая лодка. Справа, на северо-востоке, местность повышалась, там лепились, как ласточкины гнезда, островерхие домики с серыми и розовыми крышами, целый городок, а на отшибе, на гребне крутого холма, высился белый дворец – спирально закрученный, с устремленными в небеса башнями и шпилями. Ник подумал, что именно так должен выглядеть королевский дворец. Было бы интересно побывать внутри, да кто же их с Дэлги туда пустит?

Вчерашнее происшествие он вспоминал как еще один страшноватый сон. Сначала – дикая драка на складе. По крупному счету ему скорее повезло, чем наоборот, потому что *такую* драку – поединок двух мастеров – не каждому доведется хоть раз в жизни увидеть! В итоге Дэлги все-таки скрутил «сумасшедшего металлиста» и, как показалось со стороны, задушил. Когда он велел Нику подойти, тот двинулся к нему, выбивая зубами дробь, с оборвавшимся сердцем: еще одно убийство.

– Давай поживее, пока этот герой не очухался! – прикрикнул Дэлги – без особого, впрочем, раздражения, но повелительно и нетерпеливо. – Поможешь мне его привязать.

– Он жив? – с облегчением спросил Ник.

– Ага. Я пережал ему сонную артерию, – Дэлги поднял обмякшего Келхара и прислонил к решетчатой опоре. – Поддержи, чтобы не упал.

Ник подчинился, хотя его колотил озноб, словно они занимались чем-то страшным.

– У него же руки затекут...

– Тем лучше, – хладнокровно возразил Дэлги. – Он сильный, тренированный и не всегда дружит с головой, если сумеет освободиться – увяжется за нами, а этого нам с-а-а-всем не надо. Уматываем отсюда.

У побежденного «металлиста» слабо дрогнуло веко, это Ника успокоило: точно, живой.

Складское помещение снова превратилось в застывшую картинку, хотя только что здесь летали ножи и ящички, прыгали тени, раскачивались лампы... Дэлги собрал свое оружие, взял лежавшую на стеллаже темно-синюю рубашку Ника, огляделся напоследок, и они направились к выходу.

В этот раз обошлось без убийства. И на том спасибо.

– Этого Келхара убивать нельзя, – коротко пояснил Дэлги, когда Раум остался позади, в безлунных потемках.

– Какой-то запрет? – спросил Ник, пытаюсь уловить ускользающую парадоксальную логику Пластилиновой страны.

– Да нет, просто я так считаю.

В конце концов они оказались на этом берегу, возле западной кромки Иллихейского материка. Рокот прибоя, дремотный и в то же время тревожный, окутывал плотным звуковым коконом видимое пространство. Ветер бросал в лицо мельчайшие брызги – если закрыть глаза, они похожи на алмазные вспышки на коже. Острый запах моря кружил голову.

– Нравится? – спросил Дэлги.

– Да.

– Мне тоже, хотя когда-то море было моим кошмаром.

– Почему? – Ник взглянул на него.

Спутанные после драки на складе волосы Дэлги походили на жесткие темные водоросли, выброшенные прибоем, на скуле подсыхала ссадина, однако выражение лица было задумчиво-умиротворенным.

– С морем связаны неприятности, в которые я вляпался однажды по собственной дурости. Если в общих чертах, мне дали по башке, скрутили и продали в рабство на корабль. Ох, и натерпелся я там... И все равно не сдавался, цеплялся за жизнь, хотя легче было умереть. В результате мне удалось сбежать, я вплавь добрался до берега и вернулся домой – больной, израненный, почти невменяемый. Дополз ведь, не издох! Сам себе удивляюсь... Знаешь, я после этого мог бы возненавидеть море, но ничего такого не произошло. Зато со своими бывшими хозяевами я посчитался... Примерно половину выловил, и как они умирали – не буду рассказывать, чтобы понапрасну не трепать тебе нервы. Остальным несказанно повезло: они умерли своей смертью.

– Пираты какие-нибудь? – теперь уже с некоторой опаской глядя на серебрящееся под бессолнечным небосводом Западное море, поинтересовался Ник.

– Приличный народ, уважаемые торговцы и моряки. Не бери в голову, это было очень давно.

– Куда мы теперь?

– Туда, – Дэлги мотнул головой в сторону построек. – Я вроде еще не сказал, там живут мои арендаторы. Ну, те самые, у которых предприятия на моей земле. Милейшие люди, я могу о чем угодно их попросить – никогда не откажут. Если мы с утра пораньше без предупреждения завалимся к ним в гости, они только обрадуются.

К последнему утверждению Ник отнесся скептически.

– Может, вы пойдете туда без меня, а я поеду в Макишту? Отсюда, наверное, автобусы ходят.

Денег у него нет, но там, возможно, согласятся, чтобы он отработал проезд.

– Ник, еще дней десять-двенадцать, ладно? Так и скажешь сестре Миури, что это я тебя задержал. И курс обучения надо завершить, ты еще выпускной экзамен не сдал.

– Какой экзамен?

– Узнаешь, – подмигнув ему, Дэлги распахнул дверцу машины.

Дорога мимо гладких, словно огромная галька, валунов поднималась к городку на склоне. Пряничные домики не выше трех этажей, много зелени – настоящий курорт. Слово в подтверждение, стали попадаться огороженные решетками пляжи с ярко раскрашенными кабинками для переодевания и купальщиками на деревянных лежаках. Последних было немного – день ветреный, солнце прячется за облаками. В Иллихее все купались нагишом, и Ник украдкой высматривал девушек, делая вид, что смотрит вдаль поверх берега.

Заметив снисходительную усмешку Дэлги, он еще больше смутился.

– Не обижайся. Вы, ребята из сопредельного мира, почти все со странностями – или такие пошляки, что руки чешутся по физиономии надавать, или застенчивые барышни вроде тебя. Хочется, так смотри, чего здесь худого?

Заворачивать в городок Дэлги не стал. Машина выехала на шоссе, серпантинном огибающее холм.

– Куда мы едем?

– Я же сказал, в гости к моим арендаторам.

– Тогда где они живут?

– Вон там, видишь?

Впереди заслонял полнеба белый дворец с балкончиками и башнями.

– В этом дворце?!

– Ага.

Он затормозил возле небольшой дверцы в глухой стене. С другой стороны был травяной склон, скопление розовых и серых черепичных крыш. Вниз к этим крышам уводила узкая каменная лестница с выкрашенными в бирюзовый цвет перилами.

Дэлги постучал, громко и требовательно. Ник подозревал, что их отсюда вышвырнут. С этой самой лестницы спустят.

Посередине дверцы открылось окошко. Молодое конопатое лицо – заспанное, настороженное, недовольное.

– Чего стучите?

– Доложи госпоже Орсенг, что приехал Дэлги.

– Госпожа не изволят так рано вставать. Езжайте к воротам и сообщите о себе как положено.

Парень попытался захлопнуть окованное железом окошко, но Дэлги ему не позволил.

– Недавно здесь служишь? Если бегом не доложишь, схлопочешь и от господ, и от меня.

Страж дверцы наморщил лоб, как будто засомневался, и наконец сказал:

– Подождите. Я схожу, узнаю.

На этот раз окошко закрылось.

– Давайте лучше в город, в гостиницу, – испуганно предложил Ник.

Можно подумать, в этих сказочных чертогах кому-то нужны двое бродяг, прикатившие на запыленном автомобиле!

Дэлги ухмылялся, как будто все происходящее его очень веселило.

Через некоторое время дверца распахнулась. Теперь выглянул пожилой слуга, солидный, но востроухий, в пижаме, словно его подняли с постели.

– Приношу извинения, господин, заходите, – он посторонился, грузно кланяясь. – Вас ждут не дождутся!

– Привет, Бакорчи, – поздоровался с ним Дэлги, переступая через высокий каменный порожек.

Внутри прохладно и тихо. Стены пастельной окраски, двери из рифленого стекла, потолки расписаны цветами, листьями, водорослями.

В полукруглом атриуме с белой кожаной мебелью и паркетом, покрытым желтым лаком, Бакорчи остановился.

– Извольте подождать здесь, господа. Сиятельная госпожа Орсенг цан Аванебих скоро будут.

Цан Аванебих?.. Ник замер, ошеломленный.

– Эй, что с тобой? – Дэлги встряхнул его за плечо.

– Мне надо смываться! – объяснил он сбивчивым шепотом. – Это Аванебихи задержали меня в Улонбре! Я же вам рассказывал. Сняли с поезда по приказу какого-то влиятельного типа, и если здешняя госпожа с ними заодно...

– Да не волнуйся так, – отозвался Дэлги безмятежно. – Этот тип, от которого ты бегал, тебя, считай, уже поймал.

Что?.. Значит, его предали, и этот белый дворец – западня? Вернее, зайнку предали, но в данном случае никакой разницы, потому что за сохранность кулона и его содержимого отвечает Ник.

– Все равно я собаку не отдам! – Он на всякий случай нащупал под тканью рубашки продолговатый кристалл и прикрыл ладонью.

– Ага, всем на свете позарез нужна твоя собака! – Дэлги еще больше развеселился. – А тебе, часом, не приходило в голову, что ты, сам по себе, тоже можешь кого-то интересовать, а до псины этой несчастной никому дела нет?

– Я же никого не покусал... – озираясь (где дверь?) невпопад пробормотал Ник.

– Убойная аргументация. В моменты опасности ты на диво трезво соображаешь!

По изогнутой полукруглой лестнице спускалась женщина. Легкая, седая, с царственной осанкой.

– Наконец-то вы здесь! Мы так за вас беспокоились...

Дэлги пошел навстречу, взял ее за руки, поцеловал в губы – с нежностью, словно они любящие друг друга родственники или даже любовники. Она старше раза в два – значит, не любовница. Или Дэлги по происхождению тоже высокородный, из цан Аванебихов, но ему больше нравится вести беспутную жизнь бродяги?

– У вас разбита скула, – женщина прикоснулась тонкими пальцами к его лицу.

– За мной гоняется Донат Пеларчи со товарищи. В этот раз им удалось привлечь на свою сторону имперскую полицию, и меня заблокировали в Ганжебде. Пришлось уходить через болота, о приключениях расскажу после завтрака.

– Полицию?! – пожилая дама нахмурилась. – Мы с этим разберемся. Я немедленно свяжусь с Дерфаром, он просил сообщить, когда вы приедете. Мы сделаем официальный запрос.

– Орсенг, это Ник, – оглянувшись на спутника, представил Дэлги. – Не всегда сообразительный, но безусловно симпатичный, правда?

Готовый провалиться сквозь землю, Ник все-таки сумел поклониться так, как полагалось по правилам этикета раскланиваться с высокопоставленными дамами.

– Восхищена знакомством, Ник, – Орсенг цан Аванебих приветливо улыбнулась.

– Я служу у сестры Миури, жрицы Лунноглазой Госпожи.

Он решил, что эта информация будет не лишней. Пусть Дэлги и прошелся насчет его сообразительности, кое-что он все-таки соображал.

– Я слышала о сестре Миури. Вы обязательно должны увидеть наш домашний храм и наших кошек.

Вот теперь Ник немного расслабился. Если здесь почитают Лунноглазую и держат кошек – можно считать, он в безопасности.

Дэлги и Орсенг продолжали вполголоса беседовать, при этом Дэлги нежно обнимал ее за плечи. Ник начал осматриваться уже спокойно, с проснувшимся любопытством.

Из большого, во всю стену, окна открывается с высоты вид на море. На низком подоконнике в трехгорлой вазе увядают цветы с длинными прозрачными лепестками. Картина маслом: реалистически написанный пейзаж с играющими ящерами наподобие рапторов.

Красная вспышка наверху. Ник, уловивший ее боковым зрением, повернулся.

Теперь по той же лестнице неторопливо спускалась девушка в пышном темно-красном платье, тоненькая, белокожая, черноволосая. Знакомая девушка, вот что его больше всего поразило!

Дэлги и Орсенг повернулись к ней, прервав разговор.

«Какая она красивая...» – подумал Ник.

Орсенг взяла ее за руку и церемонно подвела к Дэлги.

– Позвольте представить вам новую переговорщицу Эннайп цан Аванебих. Вы, конечно, знаете ее уже семнадцать лет, но ритуал есть ритуал.

Эннайп изящно поклонилась. Все трое улыбались. Ник почувствовал себя лишним.

– Я, как всегда, рада встрече с вами, – девушка выпрямилась, ее пальчики с алыми ноготками исчезли в большой ладони Дэлги. – Вижу, Ника вы все-таки нашли?

– Кстати, он хотел извиниться перед тобой за то, что случилось в театре. А я присоединяюсь к его извинениям – сбежал-то он из-за меня.

– Ничего страшного. Без скандалов светская жизнь была бы пресной.

Ник заметил, что ее платье из блестящей шелковой ткани винно-красного цвета расшито вдобавок красными стразами, похожими на рубины. Не могут ведь это быть настоящие рубины, слишком их много...

– А дядя Варсеорт все не может забыть того нахала, который нагрубил ему в театре, – Эннайп снова обращалась к Дэлги. – Какой-то Ксават цан Ревернух из захудалого рода, министерский чиновник на побегушках.

– О!.. – Дэлги вскинул бровь. – Орсенг, передайте Варсеорту и остальным, чтобы этого Ревернуха не трогали. Он мой. Он удрал от меня двадцать четыре года назад, и я хочу, наконец-то, с ним свидеться. Вряд ли он обрадуется, зато я буду счастлив.

– Ваше пожелание – закон, – Орсенг произнесла это как привычную формулу и затем с приятной улыбкой пригласила: – Идемте завтракать! Ник, прошу вас, не теряйтесь.

Ник испытывал слабое головокружение, и от морских далей за окнами, и от непонятных разговоров, и от усталости. Перевозбужденный после стычки с Келхаром, ночью в машине он почти не спал.

– Как настроение? – негромко спросил Дэлги, когда они всей компанией вышли в коридор. – А то действительно выглядишь потерянным. Проблемы позади, окрестные земли принадлежат моим друзьям. Или ты до сих пор не понял, кто я такой?

– Вроде того, – ответил он уклончиво.

– Мне сдается, ты просто боишься понять, в чем дело.

– Почему это боюсь?

– Наверное, потому, что ты мой подарок в землю закопал.

Ник остановился. Так и есть. Что-то в этом роде он и опасался от Дэлги услышать.

Не все в жизни срань собачья, иногда происходит и что-нибудь хорошее. Донат Пеларчи отдубасил Келхара цан Севегуста.

По ихним охотничьим понятиям, если ученик провинился, он должен покорно снести наказание от своего наставника, поэтому высокородный зазнайка не защищался.

Маленько обидно, что он даже побои умудрился вытерпеть с аристократическим достоинством, но бока-то, небось, болят... Ксават находился в приподнятом настроении, чего с ним давно уже не случалось.

После Раума поехали в Эслешат. Донат предположил, что оборотень отправился туда, в имение престарелой переговорщицы Орсенг цан Аванебих.

– Аванебихи – предатели. У них особое воспитание, их сызмальства приучают думать, что Король Сорегдийских гор – не тварь окаянная, а добрый друг, поскольку от него и богатства на Аванебихов сыплются, и чудодейственные лекарства. Слышал я также, что они ему своих детей отдают, которые из-за генетических нарушений рождаются больными.

– На съедение? – искренне ужаснулся Ксават.

– Не угадали. Он их выхаживает. Каким-то своим, тварским способом. Взял уродца с неизлечимыми патологиями – вернул родителям здорового ребенка. Подробностей не знаю, слышал я это от одной старой служанки, хлебнувшей сигги. Аванебихи ее выгнали за пьянство.

– Может, набрехала?

– Может, и набрехала. А вот то, что он из своих жизненных соков готовит лекарства, которые лучше других лекарств, – это истинная правда. Знаменитая мивчалга, например, его продукт, хотя официально об этом нигде ни полслова. Еще пример, Орсенг цан Аванебих перевалило за девяносто, а выглядит дамочка на шестьдесят, потому что получает от бывшего любовника омолаживающие снадобья.

– Старая сука, срань собачья! – проворчал Ксават, подавив завистливый вздох. – Девяносто лет, а сама туда же, молодится, тьфу... Стыда никакого!

– Дело не в этом, – возразил Донат. – Как я уже сказал, целебные снадобья он делает из своих собственных жизненных соков, когда находится в истинном облике, а питается пожиратель душ живой человеческой плотью и плененными душами, вот и получается, если проследить эту цепочку от конца к началу, что приготовлены его лекарства из живых людей.

В салоне охотничьего внедорожника наступила тишина, только шины по бетону шуршали. Ксавату и вовсе стало муторно: выходит, если бы двадцать четыре года назад окаянное чудище его слопало, из него бы потом, по цепочке превращений, понаделали бы всяких мазей и пилюль для Аванебихов? От таких мыслей и не хочешь, да блеванешь, а Донат потом заругается, что машину ему загадили.

Хвала Пятерым, удержался, не блеванул. Не оскандалился перед охотниками.

– Когда забьем дичь, будут кое-какие трофеи, – тягуче продолжил Донат. – Он обычно таскает с собой аптечку, и медикаменты наверняка его собственного изготовления. Все это уничтожим, так будет правильно.

«Еще чего! – Ксават сразу отвлекся от тошнотворных мыслей, дала о себе знать коммерческая жилка. – Продать же можно за хорошую цену, зачем навар упускать? Ну уж нет, хошь не хошь, старый хрыч, а аптечку эту золотую я к рукам приберу...»

Он отвернулся, чтобы Донат не заметил у него в глазах заинтересованного блеска. Глядя на кустарник за обочиной, трепещущий от непрерывной суеты мелких птичек, сизых, желтых и зеленых, начал строить планы, пока еще умозрительные, как бы обдурить охотников и спасти товар, который немалых денег стоит.

К вечеру доехали до моря. Ксават смотрел на него с раздражением и тоской: ну, совсем не то море, что простирается к востоку от Хасетана, даже сравнивать нельзя, а все равно душу разбередило!

– Когда мы уехали из Оренбурга, мне было восемь лет, я перешел в третий класс. Мой папа был инженером, ему предложили работу и новую квартиру. Две смежные комнаты, вместе они были почти с эту лоджию. Хотя, не были, – Ник грустно усмехнулся. – Они и сейчас есть, только живут там другие.

– С эту лоджию?.. – переспросила Эннайп. – Такая крохотная квартира для семьи?

– В Оренбурге у нас была еще меньше, однокомнатная. С лестничную площадку за этой дверью, – Ник кивнул на стеклянную дверь с молочно-белыми и синими ромбами.

Эннайп, выросшая во дворце и привыкшая к простору, с трудом могла представить себе такие масштабы.

На третий или четвертый день Ник понял, что влюбился.

Свои длинные волосы, похожие на черный шелк, Эннайп обычно стягивала в хвост на макушке, и это чудо ниспадало ниже пояса, до небольших изящных ягодичек. Под фарфорово-бледной кожей проступали ветвящиеся голубоватые жилки. Тонкая талия, маленькие холмики груди, узкие бедра, миниатюрные кисти рук – все в ней выглядело утонченно-хрупким, но при этом она не производила впечатления слабого создания. Элиза с ее хорошо развитыми формами при мысленном сравнении казалась более незащищенной, а в Эннайп угадывалась сила тонкой стальной пружины.

– Сестра Миури учила тебя ворожить?

– Нет. Вообще, Дэлги сказал, что мне еще рано этому учиться.

– А я кое-что умею. Было бы странно, если бы не умела... Король Сорегдийских гор – мой донор, так что в моих жилах течет кровь самой могущественной твари подлунного мира.

– Тебе делали переливание крови?

– Не переливание. Мама с папой поженились, потому что полюбили друг друга, но они оба – высокородные иллихейцы, с близкими генетическими нарушениями. Я родилась больной, и тогда меня отвезли к нему в горы. Люди обычно не помнят самое начало своей жизни, но у меня есть несколько впечатлений... Наверное, на самом деле это воспоминания. Первое – страх и боль, присутствие вокруг меня чего-то огромного, кошмарного. И как будто в мое те-

ло вонзаются иглы – в грудь, в живот, в мозг, они пронизывают насквозь, но не убивают. После этого я словно растворяюсь в огромном существе, которое окружает меня со всех сторон, и боль постепенно уходит. А второе – это ощущение сокрушительной силы, нечеловеческого могущества... Как ты понимаешь, оно не мое. Король Сорегдийских гор поглотил меня, не разрушая, и сделал здоровой. В течение некоторого времени мы были единым организмом. Взрослый человек от этого сошел бы с ума, поэтому взрослых он так лечить не может, только новорожденных детей. Есть еще впечатления совсем смутные и такие странные, что их даже словами не передать, потому что это были *его* ощущения, – Эннайп взглянула Нику в глаза и добавила: – Не думай, что я рассказываю об этом всем подряд.

В нее можно влюбиться. Главное, что она недосыгаема.

Ник – иммигрант, неимуций полугражданин, а Эннайп – почти принцесса и вдобавок наложница Короля Сорегдийских гор. Рассчитывать не на что, но как раз это и хорошо. Ведь если бы у него началась с какой-то девушкой взаимная любовь, они могли бы пожениться, а потом...

Он уже знал, как это бывает: живешь налаженной жизнью, и вроде бы все в порядке – и вдруг какая-нибудь кровавая неразбериха, твоя благополучная жизнь рвется, как папиросная бумага, и оказывается, что под ней спрятаны разбитые окна, пылающий палаточный лагерь, засыпанные снегом мусорные контейнеры в зимних дворах... Больше не надо. Больше он в эту западню не попадет.

Лучше любить недостижимое и знать, что тебе ничего не светит (она ведь каждую ночь спит с Дэлги!), лучше такая боль, чем та, которую ему пришлось вытерпеть на родине. И Ник наконец-то позволил себе влюбиться.

Однажды он случайно подслушал разговор Дэлги и Эннайп. В старой южной части дворца, в одной из башен, лестницы так хитро переплетались, как будто древний архитектор решил подбросить своим высокородным заказчикам пространственную головоломку – или, может, взялся за чертежи, не оправившись после белой горячки. Ник полез туда, вооружившись планом-схемой, словно турист, осматривающий историческую достопримечательность.

Круглая пыльная площадка, белокаменное ограждение, из щелей торчат травинки, трепещущие на ветру. Все остальное – с высоты птичьего полета. Ник разглядывал плывущие мимо дали, неосознанно вцепившись в выветренный зубчатый парапет. Посмотрев напоследок на каменные стебли дворцовых башен (всего их было семь), он стал спускаться вниз и на полпути остановился, услышав знакомые голоса.

Вероятно, Дэлги и Эннайп находились на одном из полукруглых балкончиков. От Ника их заслоняли изгибы соседних лестниц.

Запыленные перила. Яркие солнечные пятна на ступеньках. Вкрадчивый сквозняк.

Негромкий голосок Эннайп:

– ...Тогда пусть терраса будет малахитовая, и по краям малахитовые вазы в половину человеческого роста, с вечнозелеными растениями. И еще... Вы говорили, что можно сделать большую ванну из цельного аквамарина?

– Отчего же нельзя? – засмеялся в ответ Дэлги. – Ванна – это самое главное... Вот приедешь месяца через полтора ко мне в гости на озеро Рюин, и новый павильон будет готов – такой, как ты хочешь.

– Разве месяца достаточно?

– Еще как. Это если у тебя только две руки, можно не успеть, а когда хватательных конечностей много – никаких проблем.

Нику неловко было подслушивать (хотя, конечно, интересно), и он стал спускаться дальше, стараясь ступать беззвучно, но, услышав свое имя, замер.

– ...Ваше могущество поражает меня больше, чем ваш истинный облик. Оно такое же безграничное, как этот простор внизу.

– Ну, не скажи, – такая интонация у Дэлги бывала, когда он усмехался. – Все относительно. У себя в горах я шутя двигаю скалы и создаю миражи, какие другим тварям даже не снились. Буду тебе целые спектакли показывать, чтобы не заскучала. Еще могу сожрать человека со всеми потрохами и тонкими оболочками, так что одно воспоминание останется, – ломать не строить. И много чего другого... Не стоит отрицать, когда я в истинном облике, я обладаю страшной силой. Однако всего моего могущества не хватило на то, чтобы вернуть Нику способность радоваться жизни, хотя я старался. Вот и посуди сама, можно ли тут говорить о безграничности, ты ведь девочка умненькая.

Ник мучился от ревности и в то же время не мог относиться к Дэлги враждебно. От этой двойственности у него голова шла кругом: он привык к простым и определенным отношениям, а сейчас словно угодил в какое-то Зазеркалье, где все сдвинуто, перемешано, перевернуто.

Дэлги сам затеял разговор на эту тему.

– Эннайп тебе нравится?

– Д-да... – он растерялся и немного испугался, но все-таки сказал правду.

– Тогда имей в виду, я не в счет.

– Как это – не в счет? Почему?

– Я не человек. Ты, по-моему, постоянно об этом забываешь.

Они направлялись в тренировочный зал и остановились на площадке возле не застекленного арочного проема. Пахнувший водорослями ветер взметнул и растрепал их волосы, и теперь они смотрели друг на друга сквозь занавесившие лица пряди, это создавало иллюзию дистанции – словно разговариваешь через стенку или по телефону.

– Сейчас-то вы человек.

– Не то. Я обернулся человеком. Этот красавец несколько тысячелетий тому назад промышлял грабежами на больших дорогах. Для меня его облик – вроде костюма для выхода в свет. В следующий раз я буду выглядеть иначе, вариантов уйма – все те, кого я съел за минувшие века. Эннайп в отличие от тебя это понимает. Общение со мной – ее будущая работа, и я стараюсь, чтобы эта работа была ей не противна. Впереди последнее испытание, но я думаю, Эннайп его выдержит.

– Какое испытание? – он опять испугался, на этот раз за Эннайп.

– Ничего страшного. Она должна приехать ко мне в гости, на виллу в горах, и прожить там пять-шесть дней. Если все закончится благополучно, ей предстоит несколько лет учиться всему, что должен знать переговорщик.

– А если... неблагоприятно?

– Тоже ничего фатального. Тогда я раньше срока отправлю ее домой, и Аванебихам придется подыскивать другую кандидатуру. Впрочем, это формальность, я уже вижу, что она годится, и никаких нервных срывов не будет.

– Я ведь жил у вас, и тоже не было срывов, – напомнил успокоившийся

Ник.

– Тебя защищал храт. Переговорщики во время визитов ко мне получают ежедневную дозу храта, но она втрое меньше той, которую я колол тебе. Им ведь нужно помнить подробности наших разговоров, много чего держать в уме, анализировать, принимать разумные решения, ничего не упускать из виду... В общем, их интеллектуальные способности должны оставаться на высоте, но при меньшей дозе храта у людей возникают дискомфортные состояния из-за моего присутствия. И сам не рад, да от моего желания это не зависит, – за путаницей жестких, как бурые водоросли, волос блеснули в усмешке зубы разбойника былой эпохи. – Переговоры длятся пять-шесть дней, больше ни один человек не выдержит, если дозу не увеличивать. А что касается наших с Эннайп отношений, из-за которых ты так маешься... Если она даст мне от ворот поворот, я не стану ее неволить. То, что Келхар вычитал в древних хрониках, насчет сломанных рук и обесчещенных невест, – к стыду моему, истинная правда, но когда это было! Ничего не попишешь, родился я дураком, а поумнел уже потом, не с годами даже, а с веками. Эннайп свободна поступать, как ей захочется, на ее карьере переговорщицы это не повлияет. Но, во-первых, ей, знаешь ли, со мной нравится. А во-вторых, повторяю то, что уже сказал: я не человек, и она это понимает. Ее связь со мной не исключает интереса к молодым людям.

Ник кивнул. Все равно ему было больно. Дело даже не в ревности. То ли рассуждения Короля Сорегдийских гор окончательно выбили почву у него из-под ног, и он как будто повис посреди иного пространства, живущего по непонятным законам. То ли болезненную реакцию вызвало открытие, что недостижимое в действительности достижимо – и, значит, возможны новые потери.

– Не к таким, как я, – произнес он угрюмо, лишь бы не промолчать.

– А чем ты плох? Знаешь, с какой стороны берутся за меч, ресницы, как у девушки... – тон такой, что не поймешь, утешают тебя или поддразнивают.

– Перед тем, как меня забрала иллихейская иммиграционная служба, я искал еду на помойках.

– И правильно делал, – невозмутимо ответил Дэлги. – Лучше найти еду на помойке, чем умереть от голода. Все переговорщики – трезвые прагматики, и Эннайп не исключение, так что она тебя за это не осудит. Знатностью и богатством ее не удивишь, для нее важно другое: нравится – не нравится, интересно – не интересно.

Он вдруг протянул руку и откинул назад волосы, падавшие на лицо Ника – жест не резкий, скорее ласковый, но от неожиданности тот слегка попятился, почувствовав себя застигнутым врасплох.

– Послушай, если в вашем мире такая долбаная власть, что люди должны искать еду на помойках, это еще не причина, чтобы обреченно отворачиваться от всего, что предлагает тебе наш мир.

– А я не отворачиваюсь... – внезапно разозлившись, отгрызнулся Ник. – И совсем не обреченно...

– Хорошо хоть, отгрызаться не разучился, – констатировал Дэлги с удовлетворением.

На другой день после прибытия в Эслешат он вручил Нику туго набитый бумажник.

– Держи, твое. Возмещаю то, что ты из-за меня потерял.

– Не надо, – Ник попытался отказаться, так уж он был воспитан. – Вы же много потратили, пока мы ездили.

– Не имеет значения. Это я попросил Аванебихов задержать тебя в Улонбре – таким образом, выходит, что в Эвде тебя ограбили из-за меня. А что касается путевых расходов, так за удовольствия должен платить заказчик.

Он перестал спорить, сказал «спасибо» и взял деньги.

Ежедневные тренировки продолжались. Ник считал, что у него все получается очень даже неплохо, и теперь он сумеет, если понадобится, за себя постоять, однако Дэлги по-прежнему был недоволен.

– Приемы усвоил, молодец, но какой от них толк, если ты заранее настроен на поражение? Ладно, пеняй на себя... Если тебя по-хорошему ничем не проймешь, прибегну к шоковым методам.

«Что он может мне сделать? Кулон отнимет? Наверное, просто пугает, он ведь через несколько дней уедет».

Зато в остальное время его ждал дворец Орсенг со всеми башнями, балконами, воздушными галереями, фонтанчиками посреди прохладных залов, мраморными двориками, мозаиками и росписями редкой красоты. Ник мог бродить здесь на правах гостя сколько заблагорассудится.

И еще море, прогулки по берегу или на маленькой парусной яхте вместе с Эннайп и Дэлги – тот обязательно тащил Ника с собой, словно получал удовольствие от этих странных неопределенных отношений.

В широкополых шляпах с легкомысленными лентами и ярких цветастых халатах они смахивали на компанию пляжных бездельников. Не люди, а срань собачья. Особенно выделялся Донат, потому как брюха не скроешь. Высокородный Келхар тоже хорош: бледный, костлявый, физиономия отвратная – ни дать ни взять заблудившийся выходец из могилы, который не нашел дороги на родное кладбище и притворяется пляжником. Хоть карикатуры с них рисуй!

То ли дело Ксават цан Ревернух: представительный, подтянутый, мужественно загорелый, и брюшко почти незаметное. Хасетанская статья!

Он посматривал на охотников с тайным горделивым чувством, однако вслух ничего такого не отпускал. Не дурак ведь.

Зато Элиза, посвежевшая от соленого морского ветра, еще больше расцвела – красивая деваха, кто бы спорил. Даже завидки брали, что она променяла Ксавата на Келхара, хотя Ксават давно уже на нее плюнул.

Хорошо, что Элиза приехала с ними в Эслешат. Прямо-таки подарок шальной удачи. В таком составе их компания вызовет меньше подозрений у цепняков и у частной полиции Аванебихов.

Операция «Невод» накрылась медным тазом. Из столицы пришло указание: вопиющее самоуправство прекратить.

Ксават тогда, не пожалевши денег, созвонился с верным человеком из придворных невысокого ранга, которого давно уже прикармливал. Поболтав о том о сем, исподволь выведал, что высочайший советник Варсеорт цан Аванебих сделал запрос относительно «Невода», и в верхах за головы схватились, когда выяснилось, что полицейская машина пришла в движение и набрала разгон вроде как сама по себе, словно грузовик с не заглушенным двигателем,

оставленный разгильдяем-водителем без присмотра. Им же невдомек, что это хасетанский аферист Клетчаб Луджереф всех обдурил! Теперь шухер поднялся, служебные разбираловки... Но Ксават не тупак, он так все закрутил, так все концы позавязывал, что нипочем не дознаются, кто истинный организатор «Невода».

Паскудно другое. Ксават, Донат и Келхар остались втроем против окаянной твари без никакой поддержки.

Покамест дичь укрылась в эслешатском дворце Аванебихов. Лезть туда – все равно что лезть в петлю. Три десятка слуг, по меньшей мере столько же вымуштрованных охранников...

Удалось разузнать, что сейчас там находится старая ведьма Орсенг цан Аванебих, ушедшая на покой переговорщица, экс-любовница Короля Сорегдийских гор, а также семнадцатилетняя паршивка Эннайп цан Аванебих, у которой все это еще впереди, и к ним пожаловал дорогой гость. Ясное дело, охрана несет службу в режиме повышенной готовности. Попробуй сунься, так тебе наломают... Да что наломают – в живых не оставят, Аванебихам даже это сойдет с рук.

В надвинутых на лица шляпах, в несерьезном полуголом виде они неприкаянно слонялись по Эслешату (разве это настоящий приморский город? – сонная срань!) и по окрестным пляжам. Иногда втроем, иногда брали с собой Элизу. Несколько раз видели издали дичь. Близко не подберешься, оборотня повсюду сопровождали вышколенные аванебиховские молодчики, не мозоля глаза и выдерживая почтительную дистанцию.

Примостившись за валунами, тройка охотников с полевыми биноклями будто бы загорала. Всякий ведь имеет право лежать на солнышке! Другая тройка отдыхающих выбралась на склон изжелта-белого, в складках, каменного гребня, очертаниями похожего на ленивого ящера, который наполовину выполз из моря на сушу.

Дэлги, высокий, по пояс нагой, жутковато мускулистый, спрыгнул с высоты почти в человеческий рост, повернулся и подхватил тоненькую девушку в алом платье. Легко поставил на землю. Та засмеялась. Третьим был Ник, тоже полуголый и стройный, на шее у него сверкало какое-то украшение. Ксават злорадно ухмыльнулся, предвкушая, как он сейчас будет корячиться, спускаясь по опасному склону. Хоть бы навернулся... Корячиться Нику не пришлось – оборотень подал ему руку, словно телохранитель молодому аристократу. О чем-то разговаривая, все трое пошли вдоль нагретого солнцем гребня. Ветер играл концами черного пояса, стягивающего талию девчонки, и длинным хвостом ее блестящих черных волос.

– Эх, стрельнуть бы... – мечтательно вздохнул Ксават.

– Я не единожды объяснял вам, что стрелять в него бесполезно, – так же тихо прогудел над ухом Донат.

Ксават, конечно, не запомнил, но в Ника или в Эннайп цан Аванебих тоже хорошо бы стрельнуть... Он и сам понимал, что нельзя. Из-за соплячки этой поднимется такая буча, что небесам жарко станет, Аванебихи всю Империю перевернут, чтобы найти убийцу. А ежели подстрелить Ника, опять же заподозрят, что покушались на юную переговорщицу или на Короля Сорегдийских гор.

– Да это я так, – Ксават снова вздохнул. – Мол, хорошо бы, и все...

Те дошли до головы «ящера», исчезли за цветущим темно-розовым кустарником. Проворные поджарые парни, прятаясь где придется, тоже начали перегруппировываться в ту сторону; под их пляжными халатами с веселеньким рисунком выпирало оружие – пистолеты, кинжалы, всякая метательная дрянь.

– Аванебиховы цепняки всю музыку нам испортят.

Видно, близость моря на него так подействовала – он употребил старое хасетанское выражение, чего давно уже избегал.

– Погодите, – сказал Донат, убирая бинокль в потертый футляр из дорогой кожи с узорчатым тиснением. – Скоро он отправится к себе в горы, тогда мы его и перехватим.

– Так с ним же какой эскорт будет! Небось, целая свора цепняков-дармоедов...

– Не будет эскорта. – Дочерна загорелое лицо охотника озарила ухмылка, раздвинувшая складки тяжелых отвислых щек. – Он возвращается домой непременно в одиночку, не признает никакой охраны. Его любимый смертельный номер. Аванебихам и прочим его союзникам это не нравится, да что они могут сделать... Он ведь отчаянный игрок.

– Это-то я знаю... – еле слышно прошептал Ксават, стряхивая с волосатых лодыжек налипшие песчинки.

Они побрели вдоль кромки прибоя к своей стоянке. Волны с насмешливым шипением накатывали на зализанный мокрый песок.

Среди скал с птичьими гнездами и колючего кустарника приютились три палатки – в одной жил Ксават, в другой Элиза, в третьей охотники. В сторонке стоял накрытый камуфляжным тентом внедорожник. Местечко неласковое, птицами загаженное, невелика вероятность, что каких-нибудь праздношатающихся засранцев сюда нелегкая занесет.

В воздухе витал аппетитный аромат: с утра пораньше Дважды Истребитель Донат Пеларчи и дважды битый Келхар цан Севегуст наловили крабов, и к обеду Элиза сварила суп. Единственная отрада...

– Прячемся в скалах, как бакланы какие-нибудь, – пробормотал Ксават с горьким сарказмом, поглядев на виднеющийся вдалеке белобашенный дворец, и в сердцах шваркнул на землю возле своей палатки свернутый пляжный коврик.

– Завтра я уезжаю.

– Удачно добраться, – кивнул Ник.

Что он чувствовал – самому непонятно. И грусть оттого, что скоро все закончится, все-таки с Дэлги было интересно. И облегчение: теперь эта мозаика головоломных отношений сама собой распадется, и никто больше не будет стоять между ним и Эннайп.

Дэлги усмехнулся, понимая и беззлобно, словно прочитал его мысли.

– Сестра Миури приедет через два-три дня. Орсенг уже сообщила ей, что ты здесь.

– Спасибо.

Грусть начала пересиливать остальное. Это как в детстве, когда после новогодних елок снова наступают будни.

– Возможно, через пару часов ты меня возненавидишь, вот я и решил про-

ститься заранее.

– Почему я должен вас возненавидеть?

Не ответив, Дэлги взял его за плечо и подтолкнул вперед. Они свернули из коридора в боковую арку, спустились по лестнице с черными лакированными перилами и оказались в другом коридоре, типично средневековом, иного слова не подберешь: грубоватая каменная кладка, окошки-бойницы, низкие своды расписаны незатейливыми охрянными узорами. Здесь Ник еще ни разу не был.

Дэлги распахнул заскрипевшую дверь.

– Сюда.

Ник вошел и остановился, озираясь. Средних размеров зал, три арочных окна выходят в затененный внутренний дворик, напротив виднеется близкая белая стена с такими же окнами. Архаичного вида столы, стулья и табуреты из тяжелого темного дерева. По стенам развешано холодное оружие, щиты, сети. Ничего особенного.

За спиной лязгнуло. Невольно вздрогнув, он оглянулся: это Дэлги задвинул громадный кованый засов.

– Я ведь обещал тебе жестокий экзамен? Итак, твоя задача – отсюда выбраться. То есть открыть вот эту дверь и выскочить в коридор. Как только окажешься снаружи – ты в безопасности.

У них и раньше бывали такие тренировки. Он-то ждал, что для «выпускного экзамена» Дэлги придумает что-нибудь необычное.

– Хорошо, попробую.

– Попробуй. И учти, на этот раз все будет всерьез. Тебе угрожает реальная опасность.

– Убьете?

Нику не верилось, что Дэлги действительно намерен его убить, и сказал он это наобум. Наверное, не стоило.

Король Сорегдийских гор с насмешливым удивлением приподнял бровь.

– Сам ведь понимаешь, что нет. Я не собираюсь морочить тебе голову неосуществимыми угрозами. Смотри, для защиты от меня ты можешь использовать любое оружие из того, что здесь есть, плюс предметы мебели. Не бойся оглушить меня или ранить. Собственно, в этом и заключается твоя цель: любым способом вывести меня из игры хотя бы на несколько секунд, чтобы отодвинуть засов и оказаться по ту сторону порога. Не успеешь – не обессудь.

Клинки поблескивали в прохладном синеватом воздухе затененного помещения, словно в воде. Видимо, «экзамен» закончится для Ника травмой. Не исключено, что серьезной, но вряд ли это будет что-нибудь такое, с чем не справится иллихейская медицина. Значит, ему предстоит сколько-то времени проваляться в бинтах и в гипсе. Не самая приятная перспектива, но, с другой стороны, Дэлги ведь завтра уедет, а Эннайп останется и, наверное, придет его навестить... Пока он будет выздоравливать, они успеют наговориться.

– Можешь смело следовать моим подсказкам, обмана не будет, надо же как-то скомпенсировать разницу в весовых категориях. Гм... Судя по твоей беззаботной физиономии, ты все еще не понял, что тебя ждет в случае провала.

– Гипс.

Это прозвучало едва ли не жизнерадостно.

– Еще чего, я не собираюсь тебя калечить.

– Съесть меня вы не можете, раз вы не в истинном облике... А кулон не мой. Вы не должны его забирать, он принадлежит сестре Миури.

– Выбирай оружие, – велел Дэлги. – Бери то, чем лучше всего владеешь.

Ник взял пару длинных кинжалов, экзаменатор ограничился одним коротким.

– Начинаем. Если не сумеешь от меня спастись, оттрахаю, как девчонку.

– Что?..

– Что слышал.

– Нет, подождите... – Дэлги медленно двинулся к нему, он попятился, налетел на стол. – Вы же не можете так на самом деле!

– Почему бы и нет? Где-то в глубине моего существа до сих пор живет та жадная до наслаждений грубая скотина, о которой рассказывал Келхар цан Севегуст, а ты мне нравишься... – от его ухмылки Ника передернуло. – Если придется признать, что я был плохим учителем, хотя бы удовольствие напоследок получу. В качестве компенсации за моральный ущерб.

– Вы не имеете права, – враз помертвевшие губы плохо слушались. – Как иллийский полугражданин, я нахожусь под защитой законов Империи!

– Нашел, о чем вспомнить! – Дэлги с гримасой досады закатил глаза к синевато-белым сводам. – Ты не права качай, а защищайся. Изнасилую ведь... У тебя есть пять секунд, чтобы выйти из ступора.

На счет «четыре» Ник пинком швырнул ему под ноги резную деревянную скамеечку.

– Ну, хвала Пятерым, очухался! – лениво отступив с траектории, прокомментировал Дэлги.

Скоро они попрокидывали всю мебель, а один из табуретов и вовсе улетел в окно. Двигаясь с дразнящей небрежностью, Дэлги выбил у Ника несколько ножей разного вида, два меча и окованную железом палицу, а Ник, уворачиваясь от него, рассадил плечо об угол дверного проема и ушиб колено о край столешницы.

– Ты давай поосторожней, – доброжелательно посоветовал Дэлги. – А то сам себе синяков набьешь, разве это от тебя требуется? Бить нужно меня. О! Вот это правильно! – Он отклонился в сторону, и короткое копье с тупым наконечником ударило в стенку, оставив на белой штукатурке кружево трещин. – Молодец, кое-чему научился.

– Значит, я сдал экзамен? – с отчаянной надеждой спросил Ник, снова отступая в другой конец зала.

– Ага, конечно. Ты сначала отсюда выйди.

Это невозможно. Дэлги каждый раз чуть-чуть опережал его, а если вспомнить, с какой скоростью он двигался во время драки с болотным оборотнем или с «сумасшедшим металлистом» Келхаром... Не говоря уж об убийственной разнице в силе и уровне мастерства. «Экзамен» был заведомо нечестной затеей, у Ника нет ни единого шанса выбраться в коридор! Когда он это понял, на глаза навернулись злые слезы.

– Сдаешься? – усмехнулся Дэлги.

Издвка напололам с сочувствием, Ника это окончательно взбесило. Сорвав со стены тяжелый охотничий меч с обоюдоострым клинком, он бросился в атаку – и мог бы ранить противника, но тот тоже схватил подвернувшийся под руку меч, и клинки со звоном скрестились, выбив искры.

Король Сорегдийских гор засмеялся. Он выглядел довольным, словно все шло именно так, как ему хотелось.

– Ожил! Вот это реакция! Для человека очень даже неплохо...

Поединок получился яростный, но бескровный: Ник при всем желании не мог достать противника, а Дэлги ограничивался легкими касаниями, всего лишь намечая острием те места, где могли быть ранения.

«Ага, если я буду весь в порезах, ему придется оказывать мне медицинскую помощь, а не что-нибудь другое...»

Вместе с этой мыслью накатил приступ паники, в результате Ник не удержал тяжелый меч, вывернувшийся из руки после проведенного Дэлги каверзного приема.

– Растяпа! – заметил тот весело. – Бери другой, полегче.

Ник подчинился, как автомат. Он уже начал выбиваться из сил.

– Мы можем сделать перерыв? – спросил он охрипшим голосом. – Хотя бы десять минут отдохнуть...

– Нет. В условиях реальной драки противник не будет ждать, когда ты отдохнешь. Так что пробивайся к двери.

«„Пробивайся“, когда вы сами же меня туда не пускаете!»

Он не стал говорить это вслух. Не имело смысла.

Снова зазвенели клинки. Время от времени Дэлги делал паузы, комментируя его ошибки и давая советы, но эти промежутки были слишком короткими, чтобы восстановить силы.

«Он же оборотень, у них нечеловеческая выносливость. Почему он не принимает это в расчет?!»

Об этом Ник все-таки ему напомнил.

– Все правильно, – невозмутимо согласился Король Сорегдийских гор. – Кто сказал, что на тебя не может напасть оборотень – хоть где-нибудь на загородной дороге, хоть на городской улице? Вспомни того беззубого придурка. Надо, чтобы ты смог дать отпор даже оборотню. Два года назад ты сам пришел ко мне за помощью, так что не жалуйся, теперь я не отстану, пока не научу тебя всему жизненно необходимому. Я, знаешь ли, привязчивая тварь. Взял оружие, встал в стойку! – Он повысил голос. – Шевелись!

Дэлги оказался прав: Ник его почти возненавидел и теперь уже кидался в бой, пытаясь нанести рану, другое дело, что оборотень шутя отбивал атаки.

В один из моментов они очутились около оконного проема. Вспыхнувшая была надежда – через окно тоже можно выйти из комнаты! – сразу угасла. Третий этаж, внизу квадратный дворик-колодец с мраморными скамьями и причудливыми каменными глыбами, расставленными возле стен; на белых плитках валяются обломки безвременно погибшего табурета. Под аркой в противоположной стене – туннель, уводящий сквозь толщу здания наружу, и за ним зеленеет облитая солнцем трава.

Все это Ник увидел мельком. Дэлги, словно заопасавшись, что он сиганет вниз, мигом отрезал его от окна.

Вконец измотанный, Ник допускал все больше ошибок. Дэлги опять выбил у него меч.

Его вдруг осенило: с самого начала так и было запланировано, что «сдать экзамен» он не сможет. Оборотень наиграется с ним в кошки-мышки, а потом... Ну, потом произойдет то, о чем он сказал.

Ник пошатывался, перед глазами плавали круги. Страх и самолюбие заставляли его держаться на ногах, а то бы просто улегся на пол и отключился.

– Что ж, по крайней мере, достойный проигрыш, – подвел итог Король Согдийских гор.

– Нет, – возразил Ник. – Не проигрыш. Дайте мне еще возможность...

– Хватит, – шагнув к нему, мягко сказал Дэлги. – Не бойся, понял?

Вот это перепугало Ника окончательно. Если до сих пор он надеялся, что угроза окажется блефом с целью заставить его выложиться на «экзамене» по полной программе, то теперь эта надежда растаяла.

Он отступил к стене, где одиноко висела двойная секира с короткой рукояткой. Потянулся за ней, не выпуская Дэлги из поля зрения.

Тот снисходительно улыбнулся и подобрал, не глядя, первый попавшийся меч. Исход поединка предрешен.

Отдернув руку от секиры, Ник рванул с шеи цепочку с Абсолютным Оружием. Судорожно сжал в кулаке рубиновый кристалл (два раза подряд – хорошо, что не забыл), бросил на пол и выкрикнул отпирающее слово.

В первую секунду ничего не случилось. Дэлги даже успел вопросительно заломить бровь. А потом на середину зала, откуда ни возьмись, кубарем выкатился крупный, размером с королевского дога, черный с асфальтовым отливом зверь в золотом ошейнике, украшенном самоцветами. Мощные лапы, тупая, как молот, морда, недобро горящие маленькие глазки. Ошалело повертев головой, он разинул пасть – два ряда кинжально острых клыков – и басовито зарычал. Правда, рычание вышло скорее растерянное, чем злобное.

– Это что такое? – поглядев сначала на зверя, потом на Ника, с откровенной досадой процедил Дэлги.

– Это грызверг, – пояснил Ник упавшим голосом, чувствуя, что совершил непоправимое.

Чужое место. Чужие запахи. Чужие люди – одного, который поменьше, Заинька уже видел, а другого, который побольше, нет.

– Ничего себе собачка! – сказал тот, который побольше.

В руке держит острую штуку. Однажды Мардария ткнули такой штукой, было больно, а Мамочка потом рассердилась и всех наругала.

Где Мамочка? Почему ее нет рядом? Она не позволит злым людям надеть на Заиньку намордник. Она никому не дает хорошего Заиньку обижать.

– Отходи к двери, – велел человек с острой штукой второму. – Медленно, не делая резких движений. А экзамен ты провалил, так и знай!

– Не провалил, – огрызнулся второй. – Вы сами сказали, что можно пользоваться любым оружием, а грызверг тоже оружие.

– Давай на выход. Потихоньку, чтоб он не бросился.

Говорят непонятные слова и смотрят недружелюбно. Может, это те самые, которые хотели на него, на Заиньку, намордник надеть?

Заинька их загрызет, на куски разорвет!

Зарычал для острастки.

Большой человек глядел ему в глаза без страха, не мигая, словно вызывал на бой. Сначала Заинька этого загрызет, а потом второго, который испугался.

Прыжок. Человек оказался быстрее Заиньки и плавно ушел в сторону. Последовал удар по голове, все вокруг потемнело, и на оглушенного Мардария

что-то набросили, как будто Мамочка одеяльцем укрыла.

– Где кулон? – донесся голос врага. – Не проблема, я его обратно засажу.

– Где-то на полу.

Темнота распалась на клочья, Заинька снова увидел чужое место. Что-то его не пускает... Сеть!

Угрожающе заворчав, Мардарий разорвал нехорошую сетку и приготовился к новому прыжку. Враг развернулся ему навстречу. Не похож на других людей: все, кроме Мамочки, Заиньку боятся, а этот хочет подраться, еще и зубы скалит. Опасный! Зато второй, как все люди – побелел так, что стал одним цветом со стенкой.

Прыжок. Враг снова успел отклониться, но и Заинька в этот раз увернулся от удара.

Острие перед носом. И никак его не обойти, чтобы вцепиться зубами в человеческую плоть. Заинька попытался проскочить, но с визгом шарахнулся, ужаленный блестящей штукой. Больно. Мамочка своего Заиньку пожалеет...

– Не убивайте Мардария, я за него отвечаю!

– Р-р-раньше о чем думал? – прорычал Заинькин противник. – Его ни одна сеть не удержит!

Ответив на рычание рычанием, Мардарий кинулся в атаку, но получил такого пинка, что с визгом покатился, налетая на разбросанные стулья. Беспорядок. Мамочка не любит беспорядок. Мамочка будет долго на всех кричать.

– Ты все еще здесь? Раз такой смелый, подбери кулон, пока я свяжу его брем.

– Хорошо, – испуганно отозвался второй, неопасный.

Хлесткий удар блестящей штукой плашмя по носу. Заинька заскулил. Человек засмеялся. Заинька понял, что это злой человек.

– Вот кулон. Только сначала поклянитесь Пятерыми, что ничего мне не сделаете.

– Да клянусь чем угодно. Давай сюда!

– Поклянитесь, призывая в свидетели Пятерых, каждого по отдельности.

– Грамотный... – ухмыльнулся Злой Человек, не сводя глаз с Мардария. – Может, без формальностей? Твоя зверюга разорвет нас раньше, чем я договорю.

– С формальностями. Сначала клятва, потом кулон.

Второй держал Драгоценность, похожую на те, какие носит на шее Мамочка. Украд у Мамочки? Заинька его загрызет! Мамочка любит свои Драгоценности и плачет, если они теряются.

– Ладно, твоя взяла. Клянусь, что ты беспрепятственно отсюда выйдешь, и я тебя пальцем не трону...

Говоря, Злой Человек смотрел на Мардария, а сам потихоньку перемещался к человеку с Драгоценностью. Заинька сразу почувствовал, что на уме у него недоброе, но второй ничего не понял, тем более что он тоже следил за Мардарием, а не за собеседником. А Злой Человек подобрался поближе, раз – и выхватил Драгоценность, а второго оттолкнул к двери.

Тут-то Заинька и прыгнул. Заинька ведь умный! Они вместе опрокинулись на пол; и острую штуку, и Драгоценность человек при этом выронил. Когти разодрали мякоть плеча, запахло кровью. Вот оно – горло, сейчас Заинька победит... Враг обеими руками схватил его за морду, на давая раскрыть пасть;

Мардарий мотал головой, пытаясь вырваться, а сверху на него сыпались удары. Мамочка рассердится, хорошего Заиньку бить нельзя!

– Ник, отойди, – прохрипел Злой Человек. – Ты не сможешь его оглушить. Отойди, мешаешь!

Бить Заиньку перестали, но тут враг, не разжимая хватки, как стукнет его собственным лбом по носу – опять стало больно. Бедный Заинькин носик! Если бы Мамочка была здесь, она бы своего пусеньку пожалела... Челюсти свободны. Он яростно зарычал, но вцепиться в горло не успел. Стальные пальцы вывернувшегося врага сгребли его за шкуру на загривке и на спине – и он очутился в воздухе.

Такого с ним еще не случилось! Беспомощно дрыгая лапами, Мардарий отчаянно визжал. Увидел второго человека – тот испуганно смотрел снизу вверх, на белом пятне лица выделялись глаза. Увидел разбросанную мебель и опасные острые штуки – Мамочка накажет тех, кто все разбросал. На полу, возле пятна крови, тускло блеснула Драгоценность. Потом надвинулось окно, мелькнул кусок ярко-голубого неба. Заинька с визгом полетел вниз.

Упал на мягкое. На большую корзину с бельем, хрустнувшую от удара.

Женщина, глядевшая на окна, из которых доносился шум, потрясенно ахнула:

– Мамочка!

Она знает Мамочку? Заинька не стал ее кусать.

Вот он – выход на свободу. Скорее туда, пока не поймали! Выскочив на солнечный простор, Заинька со всех ног помчался прочь от нехорошего места.

Настоящая охота только начинается. Едва рассвело, они свернули лагерь и отправились на юг – не по шоссе, даже не по плохим грунтовым дорогам, а по бездорожью, то прокладывая трассу через заросли щекочущей облака травы, то петляя среди рощиц и невысоких сглаженных гор, которые когда-то были морским дном, то выезжая на засиженные птицами пустынные пляжи.

Дороги патрулируют люди Аванебихов. Операция «Невод» наоборот. Срань собачья.

Донат, однако же, считал, что шансы у них есть, и в мечтах уже видел себя Трижды Истребителем.

– Он не любит опеки. Дескать, я так крут, что с кем угодно справлюсь в одиночку. И то верно, Келхара вон отлупил, через Шанбарские болота прошел...

Узкое костистое лицо Келхара при этом упоминании напряглось, слегка скривилось и стало еще отвратней, но надерзить учителю молодой охотник не посмел.

– Ничего, мы одолеем его хитростью, – продолжил Донат. – Засаду устроим. Места здесь до самых Сорегдийских гор малонаселенные, и твари водятся в избытке. Если нас остановят и начнутся вопросы – мы бьем всякую местную дрянь, больше ничего не знаем.

Хорошая легенда. Ксават одобрил.

Перед сумерками ему стало боязно: а ну, как твари нападут? Но Донат с Келхаром свое дело знали. На ночлег остановились засветло, в безопасном месте поблизости от шоссе с резными столбами-оберегами – какая-никакая, а защита. Осмотрели окрестности на предмет знаков, предупреждающих об опасности.

Мелкое происшествие все же случилось: Элизе велели следить из кустов за дорогой, и ей померещилось, будто мимо промчалась со скоростью ветра «громкая черная собака». А может, и не померещилось, может, какая из здешних тварей на свою территорию возвращалась.

Элиза утверждала, что это был вылитый грызверг – точь-в-точь как те каменные статуи, которые они видели в Эвде, только настоящий.

– Дура девка, – рассудительно заметил Ксават. – Откуда же здесь взяться грызвергу?

– Это могла быть тварь, обернувшаяся грызвергом, – холодно возразил Севегуст, и Донат на этот раз его поддержал.

Спорить-то можно долго. К тому времени, как они подросли, только пыль вдали клубилась, окрашенная в розовый цвет вечерним солнцем – поди разбери, кто это был.

Утро застало Ника под склоном, слепленным здешними богами из остатков ракушек и окаменевшего ила. Прямо перед лицом несколько травинки, дальше – рыхлый белесый камень с выдавленными очертаниями раковины доисторического моллюска. Под щекой матерчатый бок рюкзака. Холодно.

Он наскоро позавтракал печеньем и остатками холодного кофе. Из-за ракушечниковых гор выползало солнце, просыпались птицы и трапаны. Убийственно крепкий приторный кофе подарил новую порцию сжигающей нервы энергии, но не избавил от застрявшего в горле горького комка.

Все повторилось. Только на этот раз он сам разрушил все, что у него было. Никаких там перестроечных катаклизмов. Это его личное дело.

...Когда Дэлги, с разодранным плечом и напрягшимися мускулами, весь в крови, поднял над головой визжащего грызверга и вышвырнул в окно, а потом повернулся, высматривая на полу кулон, Ник отодвинул не сразу поддавшийся тяжелый засов и выскочил в коридор.

В голове вертелся клубок перепутанных мыслей:

«Условие выполнено, я в коридоре. Он сказал, что я провалил экзамен! Теперь еще за Мардария отвечать... Эта скотина может на кого-нибудь напасть. Наверное, падение его оглушило, а Дэлги сейчас бросит сверху кулон, хоть бы получилось... Надо отсюда уматывать. И позвать кого-нибудь на помощь, он же истечет кровью...»

Взбежав по лестнице, Ник бросил взгляд в угловое окно и увидел улетающего по шоссе грызверга. Значит, Дэлги не успел... Неужели удара о мраморные плиты недостаточно, чтобы чертова зверюга отключилась хотя бы на две-три минуты?

Поскорее смываться. Дэлги ведь уезжает только завтра утром.

На четвертом этаже, на стыке двух коридоров, он столкнулся с Эннайп.

– Ник, что случилось?

На ней было длинное средневековое платье – черный бархат и блестящий темно-зеленый шелк, под цвет волос и глаз, и все это заткано золотыми узорами. Волосы распущены. Слегка раскосые изумрудные глаза смотрят вопросительно и в то же время с симпатией. Или ему показалось, что с симпатией?

– Дэлги нужна перевязка, он ранен, – выпалил Ник хрипловатой скороговоркой. – Он в зале на третьем этаже, где такой старинный коридор с каменными стенами, туда ведет лестница с черными перилами.

– Это ты его ранил? – не испугавшись и, похоже, не удивившись, спросила

Эннайп.

– Не я. Прощай. Наверное, больше не увидимся.

Пробормотав это, Ник бегом бросился по коридору к той комнате, где его поселили. Эннайп что-то спросила вдогонку, но он не остановился. Его душили рыдания, так что он все равно не смог бы с ней разговаривать.

Сборы заняли меньше пяти минут. Смыть пот (под краном, на душ нет времени), переодеться, рассовать по карманам зубную щетку, расческу, деньги. Главное – деньги, они понадобятся.

Несмотря на то, что после затянувшегося «экзамена» Ник валился с ног, теперь он двигался в лихорадочной спешке и усталости не чувствовал. Явление заиньки обеспечило ему такой выброс адреналина, что кровь почти бурлила.

Из дворца он выбрался беспрепятственно. Возле привратничкой услышал обрывок разговора о том, что Лэшнайг, гладильщицу белья, напугала большая черная собака, свалившаяся откуда-то сверху прямо на ее корзину.

Вот в чем дело, стараясь унять дрожь, отметил Ник. Корзина с бельем скомпенсировала удар, поэтому грызверг сразу вскочил и побежал. Хорошо хоть, никого здесь не порвал.

Он ждал, что сейчас его сцапают за шиворот, обругают и потащат обратно, но пожилой привратник вместо этого степенно поклонился, как полагается кланяться гостю госпожи. От этих поклонов Нику всегда становилось неловко: все-таки он вырос в обществе, где такие проявления вежливости не в ходу.

Эслешат с его крутыми черепичными крышами, совсем европейскими, обилием прыгунцов, за которыми, как за скачущими мячиками, гонялись кошки, курортниками в ярких длинных халатах, мозаиками, кофейнями и театральными балаганчиками, статуями неведомых зверей на перекрестках (их каменные морды неизменно были обращены в сторону моря) – этот Эслешат словно подменили.

Воздух застыл, как стекло, растрескался и раздробился на осколки, которые царапали Ника на каждом шагу. Порой до крови – например, когда он проходил мимо трактира, где готовят блюдо вроде шашлыков из рыбы, они здесь несколько раз обедали вдвоем, или когда за поворотом показалось большое старинное здание с полуосыпавшейся мозаикой на фасаде, историю которого (страсти в духе шекспировских трагедий) Дэлги рассказывал им с Эннайп.

«Я все сделал сам!»

Сквозь эту массу невидимых острых осколков Ник добрался до автомастерской, где еще вчера видел выставленный на продажу мотоцикл, а потом до магазина с охотничьим снаряжением.

Путешествие в компании оборотня научило его уму-разуму, и он экспромтом выдал довольно приличную легенду: учитель-охотник послал его за сетью, которая удержит грызверга; нужна самая прочная сеть, пожалуйста, это очень важно. Вот эта, с металлической нитью? Спасибо. Еще полевой бинокль. Атлас. Флягу. Охотничий нож. Учитель велел ему обзавестись собственным снаряжением.

Плохо ты выбрал, покачал головой хозяин магазина. Убьют или покалечат. Лучше пошли ко мне в приказчики?

Ник в ответ только улыбнулся. Наверное, улыбка вышла та еще, потому что предприниматель сразу перестал уговаривать. Кому нужен чокнутый приказчик?

Денег хватило почти в обрез. Привязав к багажнику свернутую сеть и рюкзак, Ник поехал по шоссе в ту сторону, куда умчался ошалевший Мардарий.

План простой: догнать Заиньку, дожидаться, когда тот выбьется из сил, приманить банкой тушенки...

Скоро Ник заметил погоню. К югу от Эслешата ландшафт холмистый, и четверо мотоциклистов в форменных куртках частной полиции Аванебихов были видны как на ладони. Форму он узнал, бинокль ему достался хороший, мощный. За кем их послали – за грызвергом или за ним? Или просто патрулируют местность?

Ловят не Заиньку, а его. Это Ник понял, когда свернул с дороги, и те четверо повторили маневр.

Белесые и рыжевато-бежевые холмы. Травяные пампасы. Одинокие деревья с узловатыми стволами в три обхвата.

Ему удалось оторваться. Спасибо Миури. «Бродячая кошка» гоняла на мотоцикле, как заправский байкер, и Ника научила – за те три с половиной месяца, что они прожили в Савамском монастыре.

Позже, когда он убедился, что преследователи отстали, в груди что-то болезненно оборвалось, хотя, казалось бы, уже нечему там обрываться. За ним послали погоню, как за преступником! Значит, действительно все кончено.

Вчера после полудня он обнаружил Заинькины следы. Сначала услышал издали многоголосый птичий базар, потом, выехав к мелкому озеру в ложбине среди холмов, стал свидетелем затихающего переполоха оравы водоплавающих и увидел то, что осталось от растерзанной жертвы: немного перьев, пятна крови, загнутый, как у фламинго, большой желтоватый клюв, выдранный с мясом. И еще отпечатавшиеся на сыром песке следы вроде собачьих, но покрупнее. Заинька здесь пообедал. По крайней мере, от голода эта bestия не околеет.

А вечером Ник вроде бы видел с вершины холма промелькнувшую в южной стороне черную тень, но затормозить и поднести к глазам бинокль не успел. Впрочем, это могло быть и другое животное. А могло и померещиться, уже напоздали сумерки, теней вокруг хватало.

При свете дня, пока внимание было поглощено поисками, Ник еще держался, а в темноте накатывала тоска, и в первую ночь, и во вторую. Перед глазами стояли лужи крови среди разбросанной мебели, рваная рана на плече у Дэлги. На оборотнях все заживает быстрее, чем на людях, а у него еще и лекарства хорошие, и вообще он скоро должен превратиться... Все равно получилось плохо. Вспоминалось, как Дэлги вытащил его из Убивальни, как заботился о нем во время перехода через болото, как успокаивал, когда он просыпался после ночных кошмаров.

«А я на него грызверга натравил...»

Сформулированная Дэлги угроза казалась теперь чистойшей воды розыгрышем. Во время путешествия в каждой деревне отбоя не было от местных дам, и Дэлги ни одну не обделял вниманием. У него была на этот счет целая философия:

– Если женщина сама к тебе пришла, нельзя ей отказывать. Красивая, некрасивая – не важно. По крупному счету, некрасивых не бывает, со временем поймешь.

А потом еще и Эннайп с ним спала. Спрашивается, зачем ему после этого

сдался Ник?

В общем, хорошенько подумав, Ник решил, что реальной опасности не было. Просто Дэлги немного переиграл, за что и поплатился. Крови потерял много, и рана не пустяковая, а задерживаться нельзя – он ведь должен вернуться к себе в горы до истечения урочного срока... Ник чувствовал себя предателем.

И Эннайп он потерял. То есть она и раньше была для него недоступна: «разница в социальном положении», как писали в советских учебниках. Но если бы ничего не случилось, он мог бы хоть иногда ее видеть, разговаривать с ней... Пусть бы даже было больно из-за того, что она с кем-то другим. Эти отношения его манили, как переливчатое радужное мерцание за углом ночной улицы, когда непонятно, то ли там неоновая витрина, то ли странный фонарь.

А теперь ничего этого не будет. Пустота. Или, наоборот, глухая стена. Или стена посреди пустоты. В общем, этот вариант будущего отрезан.

*Говоришь, что все остается,
и, быть может, ты прав сейчас.
Однако мы все теряем,
и все потеряет нас.*

Эти стихи пришли ему на память, пока он споласкивал в ручье фляжку из-под кофе, ежась от быстро тающей утренней прохлады. Антонио Мачадо, испанский поэт первой половины двадцатого века.

Толстый том из «Библиотеки всемирной литературы» в сиреневом коленкоревом переплете Ник сунул к себе в рюкзак, когда они с мамой собирались в дорогу. Книга, видимо, сгорела вместе со всем остальным имуществом беженцев при разгроме лагеря в Подмосковье.

Снова началась охота на Мардария. Похоже, он до сих пор никого из людей не загрыз, и на том спасибо. Деревень и уединенных усадеб в этом краю было немного, и Заиньку никто не видел. Оставшиеся деньги ушли на бензин, а покормили Ника бесплатно.

Ближе к закату он оказался в местности, где трава росла скудно, островками, и злобный ползучий кустарник цеплялся за невысокие скалы, выгибающие хребты к вечерним небесам. Спрятав мотоцикл в кустах, Ник полез наверх. Во-первых, он все еще надеялся выследить Мардария. Во-вторых, издали доносился шум мотора, и стоило выяснить, кто едет. Скорее всего, кто-то из местных, они тоже чаще всего катаются на мотоциклах или на стареньких автомобилях наподобие джипов.

Если смотреть с вершины скалы, сразу видно, что этот ландшафт – бывшее дно отступившего на запад моря. В таких ложбинах и складках впору прятаться гигантским кальмарам или крабам. Там и прятались – только не гады морские, а люди.

Трое. Укрылись за камнями возле поворота заброшенной старой дороги, зажатой меж двух рыжеватых склонов с темной бахромой кустарника – местечко в самый раз для разбойничьей засады. А поджидают они, вероятно, одинокого мотоциклиста, который едет с севера. На западе у горизонта золотистый блеск – это море. Нигде ни намек на грызверга.

Ник навел бинокль на людей. Так и есть, засада: за поворотом поперек дороги натянута трос – тонкая линия перечеркивает серую пыльную поверхность. Лица знакомые: Ксават цан Ревернух и Келхар цан Севегуст. Третьего,

грузного немолодого мужчину с бычьей шеей и целым арсеналом ножей на поясе, он видел впервые.

Кого они поджидают? Шлем без щитка, так что лицо рассмотреть можно. Ник узнал мотоциклиста, и в животе заворочался холодный комок. Едет прямо в западню! Ну да, по плохой дороге все-таки лучше, чем напрямик через складки местности, сам убедился.

Перехватить его внизу?.. Не успеть. Скала с пятиэтажку, и пока Ник будет осторожно, цепляясь за кустарник, спускаться (на это, между прочим, уйдет больше времени, чем на подъем), тот проскочит мимо и угодит в ловушку.

Выпрямившись на каменной площадке во весь рост, Ник начал размахивать руками.

– Дэлги-и-и!

Его заметили. Мотоциклист затормозил.

– Не ездите дальше! Там засада! Поворачивайте!

– Далеко?! – заглушив мотор, крикнул Дэлги. Глотка у него была помощнее, чем у Ника.

– Впереди на дороге!

– Хорошо! Убирайся отсюда! Поезжай в Эслешат!

– Я грызверга ловлю!

– Ну и дурак! Ты с ним не справишься! Проваливай, понял?! Они тебя слышали!

– Вы грызверга не видели?!

– Во у меня где твой грызверг! Еще мне за него ответишь!

– Скажите, когда был экзамен, вы на самом деле притворялись?!

– Нашел, о чем орать на всю округу! Проваливай отсюда! У меня же не будет времени тебя спасать!

– Не надо меня спасать! – Ник уже прикинул, что, учитывая особенности рельефа, ни охотникам, ни оборотню до него сейчас не добраться, он успеет спуститься со скалы и уехать. – И нечего был так угрожать!

– Проваливай! Не торчи там, как мишень!

Эти двое так орали, что у Ксавата зазвенело в ушах. Не говоря уж о том, что от злости чуть зубы в крошку не стер. Ну почему всякий раз, как доходит до реализации хорошего плана, случается какая-нибудь срань?

Донат полночи ворожил, чтобы определить, по какой дороге поедет Король Сорегдийских гор. Да потом еще снялись спозаранку и несколько часов кряду колесили, распутивая прыгунцов, птиц и похожих на пятнистые корявые ветки плавунов, таких крупных, что и пнуть-то боязно – подыскивали удобное место для засады.

Ксават предлагал ловить оборотня на живца – то есть на Элизу. Пусть послужит добром делу, хоть какой-то от нее будет прок!

Раз окаянный монстр, согласно многочисленным свидетельствам, трахает все, что шевелится, он вряд ли проедет мимо красивой девки. Та наплетет, что заблудилась, то да се, а потом охотники выскочат.

– Мы не можем подвергать риску Элизу, – ледяным тоном возразил Севегуст, глянув на Ксавата с отвращением. – Если он поймет, что это ловушка, он может взять ее в заложники.

– Негоже, – хмуро поддержал Донат. – Иногда такие приемы используют, но

Элиза для этого не подходит. Роль приманки могла бы сыграть охотница, опытная в нашем ремесле и обученная рукопашному бою – вроде Марго из Окаянного мира, если вы о ней когда-нибудь слышали.

Еще бы не слышал... С нее-то, оторвы разэтакой, вся эта история и началась – по крайней мере, для Клетчаба Луджерефа.

Вслух Ксават пробормотал что-то дипломатичное и незначительное. Пошел, как говорится, на попятную, раз тупаков не переубедишь.

Нашли подходящее место, натянули проволоку. Залегли в кустах, разогнав плавунов и ящериц. Уже и мотор вдали заурчал – значит, не оплошал Донат со своей ворожкой! Потом разобрали, что мотора два, с севера и с востока. Вначале не придали значения: в этой глуши тоже люди живут и, бывает, ездят туда-сюда по своим деревенским делам. Конечно, срань получится, если на проволоку не тварь проклятая налетит, а какой-нибудь дюжий скотовод с тяжелыми кулаками. Тут уж придется выкручиваться: мол, мы вас защищаем, срань собачья, хотели как лучше... На востоке мотор заглох. С севера далекий звук нарастал.

– Это он, – шепнул Донат. – Чует мое сердце, он. Готовься!

Все шло к справедливой развязке, и вдруг, откуда ни возьмись, нарисовался Ник, предупредил оборотня, сорвал охоту... От потрясения Ксават онемел, даже «срань собачья» не мог вымолвить.

– Значит, где-то здесь действительно бегают грызверг, – сухо произнес Келхар, когда двое мерзавцев закончили свою содержательную беседу. – Элиза не ошиблась. Следует учесть.

На севере взревел мотоцикл. Звук удалялся: Король Сорегдийских гор изменил маршрут.

Глянув на Доната, Ревернух в первый момент перепугался: глаза налились кровью и едва не лезут из орбит, потемневшее лицо набрякло, словно старого охотника вот-вот хватит удар.

– Предательство... – прохрипел Донат. – Если мы не убьем дичь, этот парень труп!

– Правильно, – пряча в усах усмешку, согласился Ксават.

Много травы. Хорошо валяться в траве. Птицы вкусные. И поросенок, которого Заинька унес, забравшись через лаз в заборе на грязный скотный двор, тоже был вкусный.

Плохо только, что Мамочки рядом нет. Иногда кто-то зовет издали: «Мардарий! Мардарий!» – но это не Мамочка, голос чужой, поэтому умный Заинька не идет на зов.

Шум, как в городе. Посмотреть, что там.

Заглянув в щель между двумя камнями, Мардарий увидел машину и на ней человека. Сразу его узнал: тот самый Злой Человек, который Мамочкиного Заиньку в окно выбросил!

Из пасти вырвалось рычание, но машина уже умчалась. Найти. Догнать. Загрызть. В нем проснулся дремучий инстинкт преследователя.

Резкий запах машины, удушливый и раздражающий, висел в жарком воздухе, показывая дорогу.

Вперед! Догнать!

Не обращая больше внимания на птиц и другую шныряющую вокруг еду,

Заинька шел по следу Злого Человека.

Глава 10

Здравая мысль порезать телефонные кабели принадлежала Ксавату.

Оборотень предупрежден. Позвонит Аванебихам, потребует охраны – и сюда целое войско прикатит. Донат рассказывал: специальное подразделение аванебиховской полиции, сформированное из особо доверенных людей, ожидает команды, и если Король Сорегдийских гор по истечении урочного срока не даст о себе знать – их бросят прочесывать местность, искать опоздавшую тварь. И сколь бы отвратно и тошнотворно сия пакость ни выглядела, ее подберут и бережно доставят на заповедную территорию. Говорят, ежели до этого дойдет, каждому участнику спасательной операции премия полагается такая, что потом до конца жизни будешь эсшафаны каждый день кушать, в золоченом автомобиле ездить да «Яльс» по праздникам пить, и то не обеднеешь.

Оборотень, как за ним водится, от эскорта отказался, но, не ровен час, передумает. Надо, чтобы он не мог связаться с Аванебихами. Местный народ, конечно, всполошится, но пока сообщат, куда следует, пока монтеры-телефонисты найдут, где оборваны линии – много чего произойдет... Может статься, Аванебихам уже и некого будет спасать.

У охотников предложение Ксавата вначале вызвало оторопь: резать кабель – государственное преступление, за это в тюрьму посадят и заставят возмещать убытки, да и позора не оберешься. А никто ж не узнает, хитровато подмигнул Клетчаб Луджереф, ушлый парень из Хасетана. И мы ведь не просто так, а ради победы над злом... Уговорил. Уж очень хотелось Донату Пеларчи завалить самую крупную в Иллихейской Империи дичь и стать Трижды Истребителем, а Келхару не терпелось взять реванш за свое позорное поражение в Рауме.

Где и что резать – это не извольте беспокоиться, Ксават цан Ревернух не тупак, а министерский чиновник, у него имеются карты стратегических коммуникаций под грифом «Для служебного пользования». Как чувствовал, что они когда-нибудь стодятся, вот и хапнул втихаря – не зря же начальство хвалило его за «имперское мышление» и «творческий подход к делу».

Пришлось покататься, но все было устроено в наилучшем виде, захоlustье осталось без связи с внешним миром. Знай наших хасетанских!

А теперь – в погоню за оборотнем. В одной зажиточной усадьбе, обнесенной кирпичной оградой, ровно какая крепость, напали на его след. Приезжал вчера парень на мотоцикле, по описанию – вылитый Дэлги, купил еды, расплатился по-королевски. Еще попросил хозяйку поменять повязку на плече: рана у него там, словно от когтей крупного зверя, как еще путешествует с такой болячкой! Хотел куда-то позвонить, да телефон уже второй день заглох; тогда написал письмо, запечатал в пакет и отправил хозяйского сына в Элешат. За это отдельно заплатил и пообещал, что адресат, получивши пакет, тоже даст денег. Ночевать не остался, укатил на юг. Но это еще не все! В сумерках, уже после того, как загнали скотину, приходила громадная, с теленка величиной, черная собака в ошейнике, украшенном блестящими камнями. Вертелась у запертых ворот, что-то вынюхивала, потом тоже побежала на юг. Похоже на то, что она идет по его следу.

– Сдается мне, его преследует грызверг, – угрюмо и озабоченно протянул До-

нат. – Поехали!

Ксават, напротив, порадовался такому раскладу, но про себя, чтобы не раздражать старого охотника. Ему ведь без разницы, кто убьет Короля Сорегдийских гор, лишь бы кто-нибудь наконец это сделал, а у Доната свои интересы. Ежели оборотня догонит и растерзает грызверг, то получится, что это грызверг стал Истребителем пожирателя душ, а славный Донат Пеларчи останется ни с чем.

Дичь выиграла целые сутки. Пока с кабелями возились (та еще морока!), оборотень мчался к заветной цели, к своим родным горам. Или, вернее, не мчался, а петлял по бездорожью, то разгоняясь, то сбрасывая скорость; тут не везде проедешь, а он еще и ранен. Если свести воедино доступные обрывки информации, можно предположить, что ранил его грызверг.

«Хорошая собачка! – прочувствованно подумал Ксават. – Шальная удача тебе в помощь!»

После полудня доехали до деревушки с пестро раскрашенными домиками из саманного кирпича и хлипкими мазанками-сараями, смахивающими на колонии невзрачных грибов. Дорога сплошь в лепешках навоза: для кого это признак достатка, а для кого неприкрытая срань. Как Донат, сидевший за рулем, ни старался, как ни маневрировал, все ж таки въехали...

Когда вылезли из машины, Ксават зыркнул вправо, влево – рядом никого – и прошелся по адресу деревенского сброда, который позволяет своей скотине гадить где попало.

– Это не сброд, а крестьяне, которые кормят Империю, – заметил Келхар неприязненно-наставительным тоном.

Он тоже слегка морщился от вони, что делало его лицо еще более некрасивым и неприятным, чем обычно, а все не упустил случая Ксавата уязвить – вот ведь какая аристократическая пиявка!

Из ворот крайнего хозяйства вышел мужик с большой грязной корзиной, прикрытой дерюжкой, под которой что-то пицало и шевелилось.

– Охотники, что ль? – поинтересовался он, оглядев приезжих.

– Охотники, уважаемый, – подтвердил Донат. – Мира и процветания вашему дому!

– Вам тоже, любезные, мира и процветания, – традиционное вежливое приветствие в устах аборигена прозвучало как ворчливый упрек. – Это дело, что вы к нам пожаловали, работенка для вас будет! Тварь окаянная в балке за пастбищем завелась, житья не дает, скотину заманивает и губит. А в прошлом году оно самое охальным голым парнем обернулось и дочку мою отымело. В аккурат сегодня бедная девка разродилась. Во, пащенков понес топить! Хотите поглядеть?

Он приподнял заскорузлую дерюжку. Существа, которые копошились в корзине, напоминали младенцев, но вытянутые рыльца и нитевидные многосуставчатые конечности отрицали их принадлежность к роду человеческому. Одно из них выглядело мертвым, три других пицали, показывая крохотные острые зубки. Элиза, вначале подавшаяся вперед с возмущенным лицом, ойкнула и отшатнулась, Келхар отвел ее в сторону.

Обычное дело: если оборотень какую девку оттрахает, потом рождается незнамо что – семя-то нечеловеческое. Потому этих уродцев уничтожают, а над пострадавшей после разрешения от бремени жрецы совершают очисти-

тельные обряды.

Изредка встречаются исключения. От того же Сорегдийского оборотня еще ни одна женщина не понесла, проверенный факт. Видимо, при своих превращениях он заботится о том, чтобы его сперма была стерильной, на радость мерзавкам из рода цан Аванебихов и другим бесстыжим дурехам, знатным и незнатным. Из коварного расчета, дабы после к нему никаких претензий: дескать, хоть и тварь, но вписался в человеческое общество, а что хотел Клетчабом Луджерефом пообедать – его личное дело.

Из оранжево-коричневого домика с выкрашенными в голубой цвет оконными рамами доносились рыдания.

– Ревет, – со вздохом пояснил хозяин, снова прикрывая тряпкой содержимое корзины. – Как увидела их, так и заревела, никак не остановится, хоть водой отливай. Так что, господа хорошие, поможете нашей беде, убьете злыдня? Мы вам за охоту вскладчину заплатим, и от государства премия положена... Не прогадаете.

– Позже к вам наведаемся, – сказал Донат. – Поворожим, узнаем, когда у него урочное время, – и потом сможете в эту балку по ягоды ходить. А сейчас мы другую дичь преследуем. К вам чужой человек на мотоцикле не заезжал?

– Заезжал! Сейчас заехал, вон в том доме сидит, – мужик поудобнее перехватил корзину с уродцами и дернул всклокоченной бородой, указывая куда-то за плечо. – Неужто оборотень? Совсем не похож.

– Оборотни бывают разные... Ксават, за руль. Элиза, в машину и не высываться. Скажите, любезный, – Пеларчи снова обратился к струхнувшему собеседнику, – этот приезжий как выглядит? Здоровенный громила лет тридцати с небольшим, жилистый, загорелый, у него зеленые глаза и длинные волосы такого бурого цвета?

– Не, какой там громила! – с явственным облегчением возразил абориген. – Совсем мальчишка, лет восемнадцать или, может, девятнадцать. Ищет какую-то сбежавшую собаку.

– Отбой, – буркнул Донат. – Не тот. Мы к вам, уважаемый, обязательно заведем, когда с этой охотой закончим.

В доме продолжали плакать. Из ворот бочком вышла курица, деловито склевала букашку возле хозяйского ботинка.

– Тот! – злорадно ухмыльнулся Ксават. – Другой, но тот. Это же Ник, который его предупредил! Грызверга ищет, помните? Пошли, наломаем стервецу!

– Да не то что наломаем, а с собой захватим, – глаза старого охотника нехорошо сверкнули из-под тяжелых темных век. – В каком доме этот парень остановился?

Мужик опять слегка струхнул, но дом показал.

Надо было видеть, как паршивый сопляк побледнел, когда они ввалились во двор! Видно, сразу понял, что ему не жить. Совсем как в Хасетане, когда люди шальной удачи приходили наказывать тех, кто нарушает воровские законы.

Связав ему руки, выволокли за ворота, запихнули в машину. Ксават исхитрился несколько раз его ударить, без замаха, но больно, а Донат с Келхаром пока не били. Мотоцикл забросили на крышу внедорожника, рядом с навороченным мотоциклом Келхара. Неплохой трофей, вдруг пригодится.

Деревенские тупаки глазели на это, иные перешептывались, но не вмеши-

вались. Оно и понятно, Ник им чужой, а охотники до зубов вооружены, вдобавок деревня заинтересована в их помощи, чтобы истребить оборотня из балки, так что никто не помчится об этом происшествии цепням докладывать.

Когда отъехали подальше, Донат велел остановить машину и вытащил пленника наружу. Ударил под дых – больше для порядка, чем всерьез.

– Что вы делаете... – тихонько и жалобно ахнула Элиза.

– Сиди в машине и смотри в другую сторону, – велел ей Донат.

Ник молчал. С того момента, как его схватили, он не произнес ни слова, как будто разучился разговаривать, но трясся так, что невооруженным глазом заметно.

– Не будешь отвечать – ремней из твоей кожи нарежем, – пригрозил Пеларчи. – Ты знаешь о том, что Дэлги оборотень?

– Да, – испуганный угрозой, Ник все-таки разлепил губы.

– Где с ним познакомился?

– В Ганжебде. Мы оттуда вместе уехали.

– А с грызвергом, который за ним гонится, что за история?

– Грызверг за ним гонится? – глаза Ника расширились.

– Тут я спрашиваю, – угрюмо напомнил Донат. – Откуда взялся грызверг?

– Он был в кулоне. Я вез его в Макишту. Так получилось... – Мальчишка замялся. – Так вышло, что Дэлги стал мне угрожать, тогда я сказал отпирающее слово и выпустил грызверга. Теперь я должен его поймать.

– Оборотень угрожал, что заберет тебя в горы и съест? – уточнил заинтересовавшийся Ксават.

– Ну... да... – после заминки промямлил Ник.

Вот оно что... Стало быть, Король Сорегдийских гор опять затеял смертельную игру с ничем не подозревающим человеком – и опять упустил добычу.

– Зачем предупредил его о засаде? – тяжело глядя на Ника, задал Донат последний вопрос.

– Он больше хороший, чем плохой.

Это прозвучало по-детски глупо.

– Сам напросился. Если мы его не убьем, вместо него умрешь ты.

– Учитель... – встрепенулся Келхар, на протяжении допроса молчавший с непроницаемой высокомерной физиономией. – Можно вас на два слова?

Они завернули за машину. Ник пошатывался, но не падал; Ксават ударил его носком ботинка под колено, и тогда он, потеряв равновесие, свалился на сухую потрескавшуюся землю, а Ревернух пошел за охотниками – послушать, что там за разговор. Те вполголоса спорили.

– Учитель, мы должны его отпустить. Иначе получится, что мы нарушаем закон.

– По закону охоты, если дичь уйдет, предатель платит жизнью.

– Закон охоты – для охотников, а он не охотник, даже не иллихеец. Это ведь иммигрант из другого мира, у них у всех в голове разноцветная каша! Если мы его убьем, это будет бессмысленная жестокость. Учитель, жестокость не должна быть бессмысленной.

– Вы заблуждаетесь, Келхар. Наказать предательство – не бессмысленный поступок. Слишком много развелось ренегатов, готовых услужить тому, кого мы преследуем, и кто-то из них должен умереть первым.

– Тогда надо начинать с высочайшего советника Варсеорта цан Аванебиха,

который лоббирует его интересы при императорском дворе! Или с бывшей переговорщицы Орсенг цан Аванебих, которая принимала его у себя во дворце. Или с Дерфара цан Аванебиха, тоже бывшего переговорщика, ренегата из ренегатов, который гордится близкой дружбой с ним и регулярно выполняет его поручения. Или с наших, извиняюсь, коллег, которые выслеживают его, чтобы он угостил их выпивкой, и превращают охоту в фарс. – Негромкий напряженный голос Келхара подрагивал, словно тот разглагольствовал, сидя в машине, подпрыгивающей на ухабах. – Сначала с ними надо разобраться, а потом уже с иммигрантами, для которых наши твари – не реальная проблема, а сказочные персонажи. Кто мы будем, если начнем убивать таких, как этот мальчишка? Кстати, законы Империи защищают его жизнь, так что нас привлекают к суду как преступников.

– Здесь нет полиции, – устало, но непоколебимо возразил Донат. – Посему будет так, как я сказал. Мы на охоте, Келхар, и сейчас команду я.

Поставил на место зарвавшегося ученика. Отбрил. Так и надо!

Поехали дальше. Ксават сидел как на иголках: ему не терпелось допросить Ника наедине, без лишних ушей.

Случай представился вечером, когда остановились на ночлег. Охотники пошли осматривать окрестности, а его оставили стеречь пленника. Элиза в стороне, у костра, готовила ужин. В самый раз вытянуть из гаденыша нужные сведения.

Для начала жестоко пнув сидевшего на земле связанного Ника, Ксават спросил:

– Оборотень обо мне что-нибудь говорил?

– Нет.

– А если подумать и вспомнить?

– Нет.

– Отвечай, срань собачья, что он говорил обо мне?

– Ничего.

Каждый вопрос Ксават сопровождал пинком. Сникший мальчишка отвечал коротко и монотонно, все одно и то же – словно задался целью довести его до инфаркта.

– Ревернух, что вы делаете?!

Ксавата грубо оттолкнули.

– Вам-то что? – спросил он злобно. – Вы чего толкаетесь? Не на рынке!

– Зачем вы его бьете?

Келхар смотрел колюче, сузив глаза в страшноватые щелки, темные на бледном лице. В сумерках он еще больше, чем при дневном свете, напоминал выходца с кладбища.

– Не ваше дело! Учю, чтоб не наглел, понятно?

– Господин цан Ревернух, вы не знаете, что такое честь.

– А сами-то, что ли, знаете? Фу-ты ну-ты, какой! – огрызнулся Клетчаб Луджереф с истинно хасетанским достоинством.

Севергуст облил его ледяным презрением, словно никакого достоинства в ответе не углядел, и повернулся к подошедшему Донату:

– Учитель, я думаю, что избивать связанного пленника – это лишнее. Мы ведь не быдло.

– Я тоже так думаю, – недовольно согласился старший охотник. – Ксават, ес-

ли дичь уйдет, я приведу приговор в исполнение, но бить его понапрасну не надо.

Во время ужина Клетчаб запоздало допер, что ему нанесли чудовищное оскорбление из тех, что смываются кровью: «Вы не знаете, что такое честь» – любой высокородный за такие слова без промедления вызовет на дуэль! Сплоховал, из образа вышел... С другой стороны, дуэль с Келхаром – чистое самоубийство. Значит, надо при случае вернуть, что для Ксавата главное – успешное завершение охоты, потому что он принес свое самолюбие в жертву интересам ихнего общего дела. Благородный поступок, разве нет?

Этот Келхар – язва и срань, постоянно его провоцирует, словно какой-нибудь прохиндей!

Ксават злился, потому что не мог раскусить Келхара цан Севегуста. Логика, как говорится, отсутствует. Почему он заступился? Ник с его точеными скулами, прямым носом и здоровой загорелой кожей должен вызывать у высокородного дегенерата лютую зависть – или Клетчаб Луджереф ничего не смыслит в людях. Выходит, Келхар свою зависть на самое дно души запрятал и делает вид, что он лучше всех? Или же здесь другое: хоть и урод, зато с приставкой «цан», и до такой степени всех презирает, что кому-то завидовать – ниже его аристократического достоинства? Но по-любому обидно, потому как тебе нос утирают. Показывают, что рядом с таким благородным господином ты не больше, чем срань собачья. Келхар, при его ущербной наружности, просто не имеет права не завидовать привлекательному Нику! Это, если хотите, оскорбление общественных устоев – все равно, что всем подряд пощечины раздавать или еще каким способом обыкновенных людей с дерьмом смешивать.

«Этого я тебе тоже не прощу, зазнавшийся урод, – решил Клетчаб Луджереф. – Раскаешься еще...»

Жаль, что Келхар босяк. Будь у него что-нибудь ценное – всенепременно украл бы, даже себе во вред, даже если б некому было краденое сбыть, а только изничтожить да выбросить.

Он не то чтобы объявил голодовку, но от пищи отказывался, словно пойманное животное. С ним и обращались, как с животным. Развязывали только для того, чтобы он мог помочиться или поесть (еду регулярно предлагали во время общих трапез, а потом, нетронутую, складывали обратно в корзину с припасами). Спал он на голой земле, в лучшем случае на траве. Разговаривали с ним коротко, властными окриками.

Ксават цан Ревернух все время норовил пнуть его или побольнее ткнуть кулаком (наверное, тело под одеждой сплошь разукрашено синяками). Этот высокородный иллихеец напоминал Нику блатного, какого-нибудь наперсточника или вора с вокзала; сходство было неуловимое – мимолетные выражения лица, характерный скользкий взгляд.

Охотники его не били, но вытаскивали из машины и усаживали обратно грубо, не церемонясь.

Элиза даже смотреть на него избегала, а если все-таки смотрела, выглядела виноватой. Видно было, что ей происходящее не нравится, да что она могла сделать? Ясно, что слушать ее не станут.

В его отказе от пищи не было вызова, просто из-за стресса пропал аппетит. «Сумасшедшего металлиста» это, похоже, раздражало, остальных не волнова-

ло.

От голода нередко начинала кружиться голова, и прощальные картинки Пластилиновой страны казались то ослепительно яркими, то бледными и зыбкими. Расцвеченное солнцем рыжевато-белесое плоскогорье за пыльными окнами трясущейся машины, тонкие узловатые деревья с мелкой листвой, изящные, словно их нарисовал японский художник, иссиня-белая луна в ночном небе, такая огромная, что дыхание замирает...

Ничего из прошлого Ник не вспоминал, только смотрел во все глаза на проплывающие мимо картинки. Иногда улыбался: все-таки он сбежал от заснеженных мусорных контейнеров и бетонных переходов, сбежал и целых два с половиной года прожил по-человечески! Спасибо Миури, Дэлги, Эннайп – просто за то, что они ему встретились. В этом мире о реинкарнации говорят как о непреложном факте. Если ему предстоит родиться снова, пусть это будет здесь, а не там.

Еще ему хотелось, чтобы Король Сорегдийских гор успел вернуться к себе домой. Криминал во всех мирах одинаков, и его, Ника, однозначно убьют, но пусть хотя бы Дэлги спасется.

Была слабенькая надежда на то, что внедорожник настигнут вассалы Аванебихов. Выждав, сколько полагается, чтобы не наступать на пятки Королю Сорегдийских гор, те отправятся следом за ним. Это Ник понял из разговоров охотников, которые временами с беспокойством поглядывали на север или прислушивались, остановив машину.

Но если на горизонте появится погоня, неизвестно, чем это обернется для Ника. После того, что он (точнее, грызверг) натворил во дворце, вряд ли можно рассчитывать на теплое отношение. А во-вторых, похитители, наверное, в этом случае поскорее убьют его и выбросят труп, чтобы не объясняться с властями.

Несколько раз ему снилась Эннайп. Обнаженная, босая, длинные черные волосы распущены, все тело от шеи до пят расписано странными символами, нанесенными разноцветной тушью.

Как будто Ник находится в центре круглой комнаты с белым мраморным полом. На черных стенах нарисованы мелом жутковатые твари, вдоль стен расставлены треножники. Эннайп танцует, скользит по кругу, и дым из треножников закручивается в смерчи, которые движутся хороводом следом за ней, так что от нарисованных тварей Ника отделяет туманная завеса. Время от времени девушка ударяет в бубен, и тогда комнату наполняет низкий до мурашек по коже, медленно замирающий звук. Лицо серьезное и сосредоточенное, раскосые зеленые глаза по-кошачьи светятся.

Ник хочет извиниться за грызверга, сказать, что попался на дурацкий розыгрыш и потерял над собой контроль, а ничего плохого не хотел, но он не может произнести ни слова. Эннайп на него даже не смотрит, словно танец со смерчами для нее намного важнее, чем его оправдания.

После этих снов у Ника оставалось ощущение, будто он видел Эннайп на самом деле.

На исходе третьего дня доехали до Рансяльеха, здешнего городка. Золотая диадема, сияющая в густых синих сумерках на восточном горизонте.

– Учитель, с ним туда нельзя, – Келхар презрительным кивком указал на пленника. – В этой глуши полицейские изнывают от скуки. Еще прицепятся:

что делает у нас в машине связанный парень.

– Верно, Келхар. Пожалуй, я съезжу туда на вашем мотоцикле. Нужно разведать, что да как...

– Возьмите с собой Элизу, учитель. Пусть купит провизии.

– Дело, – согласился Донат. – Магазины в таких городишках закрываются рано, зато трактиры в хорошую погоду открыты допоздна.

Нику развязали руки. Элиза принесла ему кружку воды и бутерброд с толстым ломтем ветчины.

– Съешь это, – попросила она шепотом. – Сегодня ты обязательно должен хорошо поесть, понимаешь?

Воду Ник выпил, у него постоянно пересыхало в горле. К бутерброду не притронулся. Зачем есть, если тебя все равно убьют?

– Ник, пожалуйста! – умоляющий шепот Элизы стал еще тише. – Съешь хотя бы одно мясо, без хлеба. Чтобы у тебя были силы, это очень важно!

– Не хочу. Спасибо.

Пеларчи и Ревернух негромко разговаривали возле машины – похоже, ругались – а «сумасшедший металлист» стоял в нескольких шагах от Ника с Элизой. Вдруг ему не понравится, что девушка шепчется с Ником, и у нее будут неприятности? Наконец Элиза перестала уговаривать, выпрямилась, забрав пустую кружку, и расстроено сообщила:

– Он ничего не съел.

Келхар бросил на Ника такой взгляд, словно мечтал свернуть ему шею. Определенно, он был не в восторге оттого, что Элиза проявляет заботу о пленнике.

– Элиза, собирайся! – окликнул Донат. – Если будешь красоту наводить, времени на это, пока мотоцикл подготовим. Мы на охоте, ждать не буду.

Келхар подошел, и Ник покорно сложил руки, не дожидаясь окрика. Его опять связали. Хорошо бы сегодня ночью снова приснилась танцующая Эннайп.

Келхар забрался на крышу внедорожника и оттуда сообщил:

– Сначала придется спустить его драндулет... Принимайте!

– Срань собачья... – сердито цедил свою любимую присказку помогавший снизу Ревернух. – Осторожно, срань, на ногу!

Элиза расплела косичку, и ее волосы стали похожи на пышно взбитое облако, а мужскую рубашку в крупную клетку сменила на блузку с вышивкой. Штаны из грубой хлопчатобумажной ткани и ботинки спортивного вида не очень-то гармонировали с нарядной блузкой. Ник услышал, как она вполголоса спрашивает у Келхара:

– Я не слишком дико выгляжу?

– Как подруга охотника, – он ответил мягко. Видимо, злость уже прошла.

После недолгой возни с мотоциклом – тем самым, на котором «сумасшедший металлист» приезжал в Раум, – Донат и Элиза умчались к сверкающей в ночи золотой диадеме. Старый охотник взгромоздился на мотоцикл устрашающей темной глыбой, девушка у него за спиной казалась хрупкой, как побег вьюнка. Большую корзину для продуктов привязали к багажнику.

– Ревернух, вам придется посторожить пленника, – небрежно бросил Келхар, когда шум мотора стих вдали. – Я пойду на разведку, посмотрю, нет ли соседей.

Он пристегнул к поясу длинный меч в ножнах, проверил пистолеты, взял фонарь. Окинул недобрым взглядом Ника. Без единого звука растворился в слоистом коктейле ночной тьмы и лунного света.

Ник невольно съежился. На приятные сны рассчитывать не приходится, потому что сейчас его будут бить. Ревернух уставился на него злорадно, с нехорошей ухмылкой.

– Не закончили мы с тобой, щенок вонючий, – подобравшись поближе, он устроился напротив. – Не договорили по душам... Что ты слышал обо мне от сраного оборотня?

– Ничего не слышал, – безучастно ответил Ник, глядя не в лицо ему, а мимо, на восходящую луну.

– По глазам вижу, брешешь!

Тычок в солнечное сплетение.

– Нет, – выдавил Ник.

Он помнил, что сказал Дэлги о Ксавате: что хочет с ним повидаться, и на счет зеркала-перевертыша. Вероятно, этот Ревернух – или как его там зовут на самом деле – воспользовался таким зеркалом, чтобы присвоить чужой облик и чужое имя. Одно из тех немногих преступлений, за которые в Иллихейской Империи предусмотрена смертная казнь.

Ник понимал, что за такую осведомленность его убьют на месте. Он внутренне приготовился к смерти и на спасение не надеялся, но теперь в нем проснулось последнее упрямство. И еще он не хотел, чтобы его убил именно Ксават цан Ревернух – это будет слишком унижительно, словно прирезали на задворках около помойки; пусть уж лучше Донат или Келхар. Значит, надо играть в «я ничего не знаю».

– А кулончик с грызвергом у тебя откуда, срань собачья?

– Это храмовый кулон. Мне его дала сестра Миури.

– Как он выглядит, а?

Висячие усы Ксавата хищно шевелились, волосатые ноздри раздувались, цепкие черные глаза остро поблескивали – не лицо, а коралловый риф, населенный предприимчивыми подводными тварями. Или, может, все дело в лунном свете.

– Рубин на золотой цепочке.

– Как он к тебе попал?!

Обитателей лица-рифа что-то встревожило – то ли надвигающийся шторм, то ли соседство акулы.

– Я же сказал, мне его дала сестра Миури, жрица Лунноглазой.

Ревернух сгрел Ника за грудки и жестоко встряхнул.

– Где ты его потом взял, засранец, после того как умотал из Ганжебды? Ты же его потерял!

– Откуда вы знаете, что потерял?

– Ах ты, срань, здесь я задаю вопросы! Не смей мне врать! – Он широко зевнул, показав нечищенные желтоватые зубы, и уже тише пробормотал: – Подохнешь, и никто не узнает, или я буду не я... – после чего выпустил куртку пленника, повалился на бок и захрапел.

Ник остался один. В его положении это почти праздник! Впрочем, минуту спустя из темноты бесшумно выступил Келхар цан Севергуст, молча подхватил уснувшего Ревернуха под мышки, отволол на несколько шагов в сторону, по-

вернулся к Нику. В руке блеснуло короткое лезвие, заклепки на куртке и шипы на браслетах тоже поблескивали в свете низкой луны.

«Значит, сейчас...» – напрягшись, подумал Ник.

От голода, физических мучений и постоянного ожидания побоев он находился в состоянии, близком к бреду, и почти не испугался. Вот и все. Через несколько мгновений «сумасшедший металлист» его убьет. Зато вокруг – теплая ароматная ночь чужого мира, с луной, переливающимися звездами и стрекотом илихейских цикад, и он умрет на траве, а не на обледенелом асфальте.

– Я надрежу веревки, а перетрешь их сам, – тихо процедил Келхар. – Давай быстро!

Наклонившись, он полоснул по веревке, стягивающей запястья Ника, ногой подтолкнул к нему камень.

– Три об острую грань. Все должно выглядеть так, как будто ты сам ухитрился освободиться.

Ник машинально подчинился. Келхар или убьет его «при попытке к бегству», или отпустит. Если только «срань собачья» вдруг не проснется... Сражаясь с путами, Ник нервно косился на храпящего Ревернуха.

– Он будет спать целый час, – «сумасшедший металлист» по-волчьи усмехнулся, приподняв верхнюю губу над зубами. – Когда проснется, ему предстоит объяснить сначала мне, а потом учителю, каким образом он тебя упустил.

– Спасибо, – растерянно сказал Ник.

Он уже возился с веревками на лодыжках. Занемевшие пальцы плохо слушались.

– Не стоит благодарности, – холодно отозвался Келхар. – Тебя я спасаю от смерти, а своего учителя – от бесчестия, и, по крупному счету, ему я оказываю более серьезную услугу, чем тебе. Он достойный человек, но из-за нашей дичи почти помешался. Вставай!

Когда Ник с трудом поднялся, луна сорвалась с места и радостно поплыла по иссиня-черному небосводу. Ноги подкосились, он снова беспомощно уселся на землю.

– Вставай! – с раздражением повторил охотник. – Тебя предупреждали, чтобы ты поел. Идем, и постарайся не падать.

Он поднял лежавший на боку мотоцикл и покатил, легко, словно тот ничего не весил. Ник шел рядом, спотыкаясь, пошатываясь и постепенно осваиваясь с мыслью, что жизнь продолжается. Два раза все-таки упал, Келхар тогда останавливался и ждал его, презрительно морщась.

Электрический фонарь, прицепленный к поясу охотника, освещал желтоватым светом неровную землю, камни, трещины, пучки травы, а остальное было темным, нечетким, хотя луна и старалась всю, заливая пейзаж мерцающей серебряной эмульсией.

Наконец пришли. Вокруг кустарник. Ни золотого города на горизонте, ни машины с включенными фарами не видно.

– Дождись тут рассвета, – сказал Келхар. – Вот еда.

От бумажного свертка пахло ветчиной. Наверное, тот самый бутерброд, отвергнутый Ником несколько часов назад.

– До полудня отсюда не высывайся. Мы преследуем дичь, и на тебя тратить время учитель не станет, но если снова попадешься, он тебя убьет. И при-

ми к сведению: хороших оборотней не бывает.

– То, что написано в древних хрониках, было давно, – возразил Ник, глядя на охотника снизу вверх.

Как только остановились, он обессиленно уселся на землю, а Келхар стоял над ним, и на высоких шнурованных сапогах тускло блестели заклепки.

– Какая разница, давно или недавно? Твари не меняются. Он стал более цивилизованным, освоил множество ролей, но суть осталась та же самая. Он тварь, и не просто тварь, а пожиратель душ, но ты, кажется, не понимаешь, что это такое. Да что с тебя взять...

– Дэлги совсем как человек, у него есть и привязанности, и принципы. Бывают же исключения из правил... Он изменился, вы его плохо знаете.

– О тварях я знаю побольше, чем ты. Кстати, напомни, почему ты спустил на него грызверга?

– Меня уже спрашивали... – глядя в землю, пробормотал Ник. – Я же тогда ответил...

– Даже вслух сказать не можешь. А говоришь, изменился! – Келхар осуждающе качнул головой. Хорошо хоть, не усмехнулся. – Знаешь, в чем главная разница между людьми и существами вроде него? Мы здесь живем, а они развлекаются, как умеют, и то, что для нас серьезно, для них игра. Мы, охотники, убиваем тех, кто пытается превратить наш мир в игровую площадку. Никогда больше не мешай охотникам на оборотней во время охоты, потому что они защищают в том числе твои интересы.

Ник кивнул, хотя насчет Дэлги все равно был не согласен.

– Если пропадешь, я не расстроюсь, но для порядка даю совет: после полудня отправляйся в Рансяльех, нас там уже не будет. Места здесь дурные, много тварей. Тебя защищает сильная женская ворожба, но судьбу лучше не испытывать.

– Какая ворожба? – удивился Ник.

– Такое впечатление, что какая-то женщина ворожит, чтобы сделать тебя невидимым для тварей. Сильная колдунья, раз ты болтался здесь столько времени и с тобой ничего не случилось. Благодаря ее усилиям твари не обращают на тебя внимания.

– Наверное, это сестра Миури, жрица Лунноглазой. Я ее помощник.

– Тогда тебе повезло, – бесстрастно заметил Келхар. – Это сложное и довольно редкое искусство. Колдунья, которая этим занимается, должна уметь хорошо танцевать и обладать властью над неживыми предметами, иначе ей не соткать защиту. Ворожба совершается на языке телодвижений.

– Почему вы так решили? Ну, что меня защищает ворожба?

– Я в этом немного разбираюсь. Мне пора, а ты на будущее держись подальше и от моего учителя, и от оборотней. И запомни: это мы, люди, можем меняться, можем учитывать и не повторять свои прежние ошибки, а тварь всегда останется тварью, – последнюю фразу он произнес негромко и ожесточенно, потом шагнул вбок и исчез за чернеющими кустами.

Еще одна метаморфоза из тех, какие временами случаются в Пластилиновой стране, только на этот раз перемена не в худшую сторону, а наоборот. «Сумасшедший металлист», вначале внушавший Нику больше всего опасений, на проверку оказался самым порядочным и разумным в этой компании. Вспомнилось, как Дэлги по дороге из Раума сказал, что его убивать нельзя.

Неожиданно проснулся голод, и Ник съел бутерброд, потом отпил из оставленной Келхаром бутылки несколько глотков тепловатой воды с пряным привкусом.

Видимо, Келхар с Элизой сговорились его спасти и действовали по заранее намеченному плану. И сегодня вечером, когда Элиза уговаривала его поесть, а он отказался, «металлист» рассердился из-за возможных затруднений: вдруг полуживой Ник не в состоянии будет уйти достаточно далеко от стоянки? А он ничего не понял... И потом Келхар отправил Элизу в город вместе с учителем, чтобы обеспечить ей алиби. Наверняка она постарается задержать там старого охотника подольше.

Несмотря на ветчину, Ник все еще был очень слаб. Свернувшись на траве около мотоцикла – наконец-то можно свернуться, руки и ноги свободны! – он начал медленно погружаться в сон, ни о чем больше не думая.

Двор с ухоженной клумбой и каменными скамейками. По шероховатой стене двухэтажного дома карабкается на крышу плющ с большими листьями – нечего ему там делать, а все равно карабкается. Вдоль ограды посажен кустарник с бархатистой хвоей, ветви свисают до земли сплошным темно-зеленым пологом, а внизу, под ветвями, притаился Мамочкин Заинька.

Он долго гнался за Злым Человеком, но быструю машину не догнал. Устал, из сил выбился. Да еще стая заразных бродячих собак хотела его обидеть, но после того как он самых свирепых разорвал на куски, остальные испугались хорошего Заиньку и убежали.

Проголодавшись, поймал курицу и еще одну курицу, потом спрятался, чтобы сердитые люди его не нарутали. А то вдруг они на Заиньку намордник наденут...

Пышная клумба посреди двора так и манила, но портить цветочки – Мамочку огорчать. Воспитанный Заинька не стал гадить на клумбу, сделал свои дела в укромном месте под завесой кустарника.

Теперь надо баиньки – и снова в погоню. Только где же тут баиньки?.. Это нехорошие уличные животные, грязные и блохастые, которых Мамочка не любит, спят в кустах, а Заинька будет пусенькой и ляжет спатеньки в постельку.

Окна в доме открыты, ветер раздувает вышитые занавески. Прыжок – и Мардарий внутри. Все чужое, запахи незнакомые, но людей нигде нет, хотя совсем недавно они здесь были.

Постелька для Заиньки нашлась наверху. Такая, как Мамочке нравится – нарядная, чистенькая, с шелковыми подушками и оборками на покрывале. Если бы Мамочка была здесь, она бы своего умного пусеньку похвалила!

Он повозился, устраиваясь посреди мягкого ложа, словно в гнезде. Задремал, сквозь сон улавливая окружающие звуки: постелька красивая, и он все сделал правильно, однако место чужое, поэтому надо быть начеку.

Немного поспать, восстановить силы.

Злой Человек не уйдет. Мардарий его догонит и загрызет, потому что нельзя Мамочкиного Заиньку в окно выбрасывать!

Ксават цан Ревернух, исполнительный и строгий министерский чиновник, таял, как снеговик, слепленный на праздник солнцеворота в императорском

Зимнем парке. Была вполне убедительная личность, обладающая множеством индивидуальных черточек, вписавшаяся в респектабельное общество – и вдруг на ее месте рыхлый грязноватый сугроб, и оттуда, отряхиваясь, вылезает старый пройдоха Клетчаб Луджереф, который самого Короля Сорегдийских гор вокруг пальца обвел! И в охотку, чтобы все его заметили – хасетанские уважают тех, кто умеет показать себя людям, и нельзя – еще не отпала нужда в маскировке.

Клетчаб, столько лет замураванный внутри высокородного господина цан Ревернуха, взбунтовался и рвался наружу. Терять-то нечего. После скандала с высочайшим советником Варсеортом цан Аванебихом и состряпанного Виленом доноса обратно на службу путь заказан.

Он продолжал оставаться Ксаватом главным образом из-за охотников, потому что ребята они крутые и щепетильные – сочетание, смертельно опасное для окружающих.

В то же время в этой отмирающей оболочке появлялось все больше щелок и прорех, не случайно Ксават все чаще ловил недоуменно-презрительный взгляд Келхара – высокородный мерзавец что-то почувствовал! С ним надо держать ухо востро. Донат неспроста хвалил его за способности к ворожбе.

Надо ли говорить, что Клетчаба охотники раздражали хуже штанов, которые сдуру почистил скипидаром? Друг с дружкой только на «вы», никакого панибратства! Оба соблюдают иерархию: Келхар «выкает», потому что Донат его учитель и вдвое старше, Донат – потому что он человек простого происхождения, а цан Севегуст высокородный, вот так-то. И разговоры у них – с души воротит, какие культурные! Словно специально стараются Клетчабу Луджерефу нос утереть.

А с Элизой оба какие галантные! Келхар любезничает, робеет и всю выкаблучивается, как будто перед ним не срань, которую в Окаянном мире выбросили за ненадобностью, а фу-ты ну-ты девица из богатой семьи. Донат тоже не отстает, постоянно проявляет трогательную заботу, все равно как о родной племяннице или внучке. Вишь как взъелись, когда Ксават предложил ее в качестве приманки использовать!

И ведь переманили дрянь-девку – она теперь всю суетится, чтобы им угодить, научилась готовить ихние любимые кушанья, с восторгом слушает охотничьи байки, за любую подсобную работу сама хватается. Для Ксавата, благодетеля своего, никогда так не старалась... Эти подлецы всячески показывают, как они благодарны ей за помощь и как ценят ее женское общество, а что Ксавату от злости плевать хочется – всем троим наплевать.

Доконали его тем, что облыжно обвинили в убийстве. Мол, пока Донат с Элизой ездили в город, а Келхар ходил на разведку, он якобы порешил Ника, мертвое тело и мотоцикл где-то в кустах припрятал, чтобы создать видимость побега – нет времени искать и разбираться, оборотень уходит.

Да Келхар же сам все это сделал! А после подошел, разбудил пинком (словно перед ним не высокородный цан Ревернух, а какое-нибудь быдло) и с недоброй улыбочкой поинтересовался, куда делся пленник.

Ксават помнил, как допрашивал свою жертву, помнил, как его сморила внезапная сонливость. Не иначе «способный к ворожбе» Келхар каким-то образом усыпил его, чтобы совершить черное дело без свидетелей. Все-таки завидовал этот урод миловидному Нику, жестоко завидовал, только очень уж

глубоко свою зависть запрятал!

– Господин Ревернух все допытывался у парня, что наш персонаж говорил о его выдающейся особе, – свою версию Келхар излагал с ледяным спокойствием, игнорируя выпады Ксавата. – Видимо, допытался. Видимо, господину Ревернуху есть что скрывать. После убийства он оставил на виду веревки, измочалив концы – чтобы мы подумали, что пленник сумел перетереть их о камень, – а сам притворился спящим. Или, возможно, он действительно заснул, а этот Ник освободился от веревок и ушел?

– Это вы в последний раз его связывали! – победоносно выкрикнул охрипший от оправданий Ксават. – Значит, так хорошо связали!

– Узлы целы, – заметил Донат – отойдя к машине, он при свете фар изучал обрывки. – Здесь именно перетерто, но веревки-то были хорошие.

– Да ничего он не мог перетереть! Он же был слаб, как червяк, третий день ничего не жрал! Это ваш Келхар его уколошил!

– Или вы, – усмехнулся Келхар.

– Донат, ну, какая разница, кто? – подумав, что затевать сейчас свару – себе дорожке, вздохнул Ксават. – Вы же все равно собирались гаденьша убить. Днем раньше, днем позже...

– Я вынес ему приговор по закону охоты, – проворчал Донат, похожий в темноте на громадную и страшную нахохлившуюся птицу. – Если мы убьем дичь, я бы дал ему разок по шее и отпустил на все четыре стороны. Если нет, он бы подвергся справедливому наказанию. А кто-то из вас убил его просто так, совершил уголовное преступление!

– Это Севегуст, – сказал Ксават.

– Это Ревернух, – сказал Келхар.

Вот такая срань. Убийство произошло при лунном свете, поэтому Лунноглазая Госпожа знает, кто виноват, а на кого возвели напраслину. Хорошо бы она прогневалась и покарала Келхара. И Безмолвный знает, ибо ему ведомы все людские тайны и секреты, да только он ни с кем информацией не делится.

Теперь, когда избавились от Ника, можно было безбоязненно заезжать в деревни, даже в те, где есть цепняки. Кое-где жители видели одинокого мотоциклиста с веселыми глазами болотного цвета, копной длинных бурых волос и рваной раной на плече. Обычно он просил кого-нибудь помочь с перевязкой, за что щедро платил и делился лекарствами – отменные лекарства, как рукой всякую хворь снимают.

Видели и здоровенную черную собаку в золотом ошейнике, усыпанном самоцветами. В одной деревне девочка лет десяти сказала, что это была не собака, а вылитый грызверг, совсем как в книжке на картинке, но взрослые от нее отмахнулись. Если мотоциклиста поминали добрым словом, то окаянного пса ругали на все корки – там поросенка утащил, здесь на овец напал, а когда в него стреляли, пули уходили мимо, словно волшебство какое.

– На грызверге ошейник с оберегом, – предположил Донат. – Защита от пуль. Возможно, это один из тех знаменитых ошейников, которые были изготовлены для императорских грызвергов в стародавние времена.

Клетчаб Луджереф взял это на заметку: ежели шальная удача поможет, надо у глупого зверя эдакую нужную и ценную вещь отобрать – или продать, или заначить.

Бледные контуры на южном горизонте превратились в горный хребет. По-

ка еще далекий, игрушечный, но неумолимо растущий.

«Великие Пятеро, если мы его не догоним – пусть хотя бы грызверг догонит!» – взмолился про себя Ксават.

На ночлег остановились в местечке под названием Кихид, в зажиточном доме. У хозяйки, зрелой красавицы с тяжелыми косами, оба глаза подбиты. Подслушав, как муж ругает ее в коридоре, Ксават одобрительно ухмыльнулся в усы. Ревность. Живут богато, а счастья нет. Когда увещевания подкрепил звук пощечины, его ухмылка стала шире: так с ними и надо.

Потом Донат и Келхар пошли с хозяином в гараж. Машина нуждалась в небольшом, но неотложном ремонте, и управиться нужно до завтра, чтобы с первыми лучами солнца в погоню.

Дэлги уехал из Кихида сегодня около полудня. Все еще есть надежда его настичь.

Ника разбудило солнце, успевшее подняться довольно высоко. Свободен! Он был очень слаб, но счастлив. Искупался в оказавшемся поблизости озере, на мелководье возле берега. Долго плескался, ежась от холода, смывал засохший пот. Боялся он при этом только одного – утонуть в сверкающей прохладной воде, если вдруг закружится голова, и уже после, обсыхая на берегу, подумал о том, что в озере могут водиться твари. Но ведь его, по словам Келхара, защищает чья-то ворожба... Если твари там и были, они его не заметили.

Потом, катя мотоцикл, пошел в ту сторону, где должен находиться Рансяльех. Часто останавливался, отдыхал. Он чувствовал себя, как выздоравливающий после долгой болезни. Желудок сводило от голода.

Бензин в баках был, но Ник опасался потерять сознание или не справиться с управлением. Навернуться на мотоцикле – это последнее, что от него сейчас требуется.

Солнце уже поднялось до зенита, когда он вышел на пустую дорогу. Главное – добраться до города, там он найдет еду и ночлег, в Иллихее это не проблема.

Жаловаться на охотников Ник не собирался. Он мог бы, наверное, устроить им неприятности, обратившись в полицию, но не хотел подставлять Келхара и Элизу. Это приключение было и закончилось. Синяки пройдут, других последствий не осталось, ничего страшного.

Он наслаждался свободой, теплом и одиночеством и слегка морщился, когда тяжелый мотоцикл норовил завалиться набок.

У Доната прихватило поясницу. Он и стыдился своей неожиданной слабости, и ничего не мог поделать. Разлегся на топчане, а Келхар с Элизой в четыре руки растирали его жирные тела сигтой, настоящей на жгучих пряностях, и делали массаж. Дверь была приоткрыта, Ксават слышал, как молодой охотник вполголоса инструктирует Элизу. Интересно, она ему уже дала или нет?

Хозяйка собирала на стол в гостевой комнате. Соломенно-желтые волосы гладко зачесаны и заплетены, на щеках цветет румянец, хотя под глазами лиловеют застарелые синяки.

Оставшийся не при деле Ксават празднично сидел, как и полагается важному господину, и разглядывал убранство: аляповатая роспись на потолке, покры-

тая темно-коричневым лаком мебель, на беленых стенах обереги – позолоченный деревянный трапан и бусы из высушенных ягод. В придачу по углам висят щергачи – вроде настоящие, не подделка.

Появился хозяин дома, раскрасневшийся, волосы мокрые, всклокоченные. Умывался после возни в гараже. Глянул на Ксавата неприветливо, с подозрением – словно тот уже успел поиметь его благоверную – и вышел в другую дверь, за которой виднелась полутемная лестница на второй этаж.

Женщина тихо вздохнула, словно хотела сказать: «Как мне все это надоело!» Ее длинное платье с широкими рукавами покрывали вышитые разноцветным шелком птицы – старинный богатый наряд, небось, еще от бабки достался, а фингалы, как у невезучей портовой шлюхи. Ксават испытывал справедливое удовлетворение: так ей и надо. Хотя его это, казалось бы, не касалось.

Из соседней комнаты донеслось кряхтение Доната, умиротворенный тягучий голос:

– Благодарю вас, Келхар. И тебе, деточка, спасибо! До завтра пройдет...

Заскрипел топчан. Они закончили, и сейчас, хвала Пятерым, будет ужин. Торопливые шаги хозяина. Спускаясь по лестнице, тот что-то злобно бурчал на ходу. С грохотом отшвырнул дверь, подскочил к жене, без предисловий ударил кулаком по лицу. Она пошатнулась и выронила начищенную серебряную сахарницу, белые куски разлетелись по полу.

Ксават насторожился: а ну как теперь его очередь?

– Кто он такой? – спросил муж – грубо, как будто выхаркнул слова.

– Ты о ком, Глевчи? – пятась от него и держась за щеку, всхлипнула женщина.

– Сама знаешь, о ком! – надвигаясь на нее, прорычал Глевчи.

– Это же наши гости, – оглянувшись на Ксавата, напомнила жена. – Приезжие охотники!

– Гостей не стыдишься, срамница паршивая! Пригласила полюбовника в дом, уложила в кровать! В нашу супружескую кровать!

Он снова ударил и расквасил ей нос. Ксават одобритительно пробормотал:

– За дело...

– Чего ты несешь? – Женщина утерла капающую кровь рукавом нарядного платья с вышитыми птицами. – Совсем спятил!

– Это ты спятила! Чуть недоглядел, привела в дом какого-то борова, задрала перед ним юбку... – Он тоже оглянулся на Ксавата. – Видели, добрые люди, что она вытворяет?!

– Ничего я не вытворяю! – огрызнулась жена. – У тебя ум за разум заходит! Сахар при людях раскидал...

– Тогда скажи, что за хряк сейчас храпит в нашей спальне? – хозяин нехорошо сверкнул глазами.

– Нет там никакого хряка!

– А я говорю, есть!

– А я говорю, нет!

– Отпираться будешь? Прочучу я сейчас твоего полюбовничка!

Он выскочил в прихожую, загремел ведром, вернулся с плеткой и ринулся во внутренние покои дома. Дверь, ведущую туда из гостевой, за собой захлопнул, повернул ключ в замке.

– На него дурь нашла, – всхлипывая и вытирая кровь, объяснила женщина. – Никого же там нет!

Донат, Келхар и Элиза, тактично переживавшие супружеский скандал в соседней комнатухе, вошли в гостевую.

– Вам нужна помощь? – с сочувствием глядя на хозяйку, спросила Элиза.

Келхар, уж само собой, презрительно кривил тонкие жесткие губы: он ведь из тех, кто воротит нос от незатейливой жизни простых людей. Старый охотник выглядел недовольным – то ли из-за того, что с ужином заминка, то ли из-за своей поясицы.

– А вот тебе гостинец! – донесся сверху злорадный возглас Глевчи.

Свистнула плеть.

– Ага, есть там какой-то молодчик! – Ксават игриво подмигнул остальным.

Истошный визг. В нем не было ничего человеческого, так визжат побитые собаки.

Визг этот перешел в басовитое свирепое рычание. Потом наверху закричал человек, нечленораздельно и тоже истошно. Там творилось что-то из ряда вон выходящее.

– Оборотень! – всплеснув руками, крикнула женщина.

Для охотников это послужило сигналом к действию, оба бросились к запертой двери. Келхар на ходу вынул из ножен кинжал, а полуодетый Донат, у которого оружия при себе не оказалось, подхватил за ножку табурет потяжелее, о своем недуге он мигом забыл.

Добротную дверь вышибли с первого раза. Ни цепняки, ни люди шальной удачи так не умеют – только охотники. И все равно не успели, крики на втором этаже к этому моменту стихли.

Вслед за треском дверной рамы Ксават услышал топот, громкое хриплое дыхание – и в комнату ворвался, сбив с ног и грузного Пеларчи, и его поджарого помощника, большой черный зверь в золотом ошейнике, украшенном драгоценными камнями. Шкура лоснилась, отливая асфальтово-серым, с массивной тупой морды капала кровь.

Зверь очутился перед хозяйкой.

– Мамочка! – ахнула та.

Грызверг – а это он и был – развернулся и сиганул в окно.

Тишина, как будто ничего не произошло. Только на половицах алеют свежие пятна да потревоженные занавески колышутся.

– Учитель... – напряженным голосом произнес Келхар. – Вы не будете возражать, если я поеду за ним? Возможно, это единственный шанс...

– Поезжайте, – мрачно разрешил Донат после короткой заминки. – Снаряжение не забудьте.

Келхар выскочил из комнаты так же стремительно, как перед этим бестия в драгоценном ошейнике.

– Куда он поедет? – спросила Элиза испуганно.

– За грызвергом, потому что грызверг приведет его к нашей дичи. Он охотник, девочка. Прежде всего охотник, и ты должна об этом помнить. Не плакать! Помогите хозяйке, а мы посмотрим, что случилось наверху. Ревернух, идемте.

– Вы думаете, Келхар его убьет? – спросил Ксават, пока они поднимались по тускло освещенной лестнице, застланной мягкими серыми половиками.

– Келхар попытается это сделать, – неохотно отозвался Пеларчи. – На этот раз с моего разрешения. Окаянная поясница... Ночевка с ужином отменяется, мы тоже едем. Сейчас главное – не упустить ищейку.

Снаружи взревел мотоцикл.

«Ага, охота идет под руководством Пеларчи, поэтому Истребителями, ежели что, станут оба, – отметил про себя Ксават. – Старый ловкач блюдет свою выгоду!»

В спальне на втором этаже никаких неожиданностей. Лужи крови, растерзанное мясо, клочья одежды. Оторванная голова с закатившимися белыми глазами опутана мокрыми волосами, словно тиной. Что еще мог оставить после себя разъяренный грызверг?

Когда хозяйке об этом сказали, та упала на колени и начала истово благодарить Пятерых за великую милость. Непонятно, за что благодарила: за то, что зверь ее не тронул, – или за то, что ревнивого мужа больше нет?

Не нравилось это Ксавату, хотелось обругать подлую бабу, но Донат торопил, сам уселся за руль, морщась от остаточной боли в пояснице, и машина понеслась по ночной дороге на юг. Кажется, иммигранты это называют – «финишная прямая».

Злой человек хорошего Заиньку плеткой побил, а Заинька его за это загрыз, на куски разорвал! Этот злой человек не умел драться, не то что другой, которого нужно догнать.

Чужая женщина позвала Мамочку, и тогда умный Заинька убежал. Если Мамочка увидит, как он набезобразничал, как разбросал по всей комнате окровавленные куски человека с плеткой, она Мардария наругает, свернутой газетой по морде нахлопает.

Свернутой газеты Заинька боялся.

Он быстро нашел след Злого Человека и помчался по темной дороге. Сначала загрызть врага, потом разыскать Мамочку, чтобы она бедного пусеньку пожалела.

После отдыха в постельке сил прибавилось. Луна и звезды заливали дорогу нежным серебристым светом, и так хорошо бежать сквозь этот свет, рассекая грудью теплый воздух... Потом позади послышался звук машины, появился новый свет – яркий, стелющийся по земле.

Машина была одноглазая, верхом на ней сидел человек. Заинька не любил машины – они его обгоняют и поднимают пыль, но эта никак не могла Мамочкино сокровище обогнать. Совсем немного ей не хватало, а все равно не могла, только рычала и глазом своим слепящим сверкала. Вот какой сильный Заинька, бежит быстрее машины!

К тому времени, как на порозовевшее небо вылезло солнце, он начал уставать, но машина тоже устала, так и тащилась позади. А когда Мардарий свернул к ручью, и вовсе остановилась.

Сидевший на ней человек смотрел на Заиньку без страха, без злости, без вызова. Просто смотрел – и все. Так могло бы смотреть дерево, если бы у него были глаза. На такого зачем нападать?

После того как Мардарий напился и отдохнул, человек крикнул:

– След! Ищи след! Вперед!

Глаза холодно и азартно светились на узком лице, но угрозы в них по-

прежнему не было. Он не боялся Мамочкиного Заиньку и обидеть не пытался, хотя вон у него сколько острых нехороших штук, заменяющих людям клыки и когти. Не злой. Встрягнувшись, Мардарий помчался дальше, тогда и машина снова поехала.

На обед поймал толстого, мохнатого, с набитыми защечными мешками, который бестолково суетился среди пригорков с колосащейся травой и не успел добежать до своей норы.

Пока Мардарий на радость Мамочке кушал, человек, похожий на дерево, тоже что-то съел и все время на него поглядывал. Может, думал, что Заинька поделится? Нет уж, пусть сам себе мясо ловит.

– Вперед! – скомандовал он, когда снова началось преследование. – Ищи! Хороший пес!

Мардарий понял, что это относится к нему, и протестующе рыкнул. Обзывать-то зачем? Никакой он не «пес», а сладенький Мамочкин пусенька-лапу-сенька.

Солнцу надоело сидеть на небе, и оно, как это всегда бывает в конце дня, уползло прочь. Утомившийся Заинька свернулся на траве: он устал, а постельки для пусеньки здесь нет.

– Привал? – спросил странный человек. – Ладно, три часа на отдых – и в дорогу. Если мы хотим его поймать, долго спать нельзя.

Он тоже улегся на землю возле своей машины с потухшим глазом, рядом положил две блестящих штуки, длинную и короткую, сделанные из того же самого, из чего сделаны звезды на небе. Подойти, обнюхать? Но Мардарий знал, что такие штуки больно кусаются, поэтому знакомиться с ними не пошел.

Разбудил его человек.

– Эй, пес, вставай! Подъем!

Мардарий потянулся. Широко зевнул, показывая клыки.

– Продолжаем охоту! – потребовал человек. – След, ищи!

Машина яростно заревела.

Заиньке тоже спать расхотелось. Он выбрался на дорогу, сначала неторопливо потрусил, потом побежал, набирая скорость.

Когда небо стало водянисто-синим, след, обогнув спящую деревню, привел к большому замшелому дому на отшибе. Человеческим жильем тут не пахло, но враг находился внутри.

Заинькин спутник слез со своей машины, оставил ее возле стены, а сам запрыгнул в пустое темное окно без стекла и без занавески. Мардарий еще не видел, чтобы люди так ловко прыгали в окна! Он последовал за человеком.

Внутри душно, грязно, разбросаны сухие ветки и камни. Из пола торчат толстые пучки травы и чахлые побеги с маленькими скукоженными бутонами: вырасти-то они здесь выросли, а зачем – сами не знают.

Дальше путь перегородила ржавая решетка. От стены до стены, не обойдешь, и снизу не проберешься. Нос еще пройдет, а все остальное – нет. Человеку хорошо: забрался наверх, перелез на ту сторону и прыгнул вниз. А Заиньке что делать? Он ведь по решеткам лазить не умеет!

Человек на одну руку надел перчатку, только она была не гладкая и блестящая, как у Мамочки, а вся в колючках, в другой держал длинную кусачую штуку. Он стоял посреди большой комнаты, погруженной в утренний сумрак, и

озирался, а Заинька в это время тыкался в решетку, пытаясь ее перехитрить и все-таки протиснуться между прутьями, но те его не пускали.

Плохая решетка! Заинька начал ее грызть, но она, как и другие знакомые ему решетки, не обращала на это внимания.

– Опять ты?

Голос Злого Человека! Враг появился из проема, за которым виднелись ступеньки, и держал небольшой черный предмет, направленный на того, кто пришел вместе с Заинькой.

– Брось оружие, – приветливо улыбнулся Злой Человек. – Келхар, не валяй дурака. Для начала стреляю в колено. Брось меч!

Блестящая штука упала на пол.

– Хорошо, теперь снимай перчатку. Шикарная вещица! Изготовили на заказ или антиквариат?

– Эпоха лоскутных королевств, – с отвращением процедил тот, кого назвали Келхаром.

– Такому раритету место в музее. Сними и брось.

– Подожди, застежка тугая...

Он начал с видимым усилием стаскивать шипастую перчатку, а потом вдруг резким движением сдернул и швырнул, только не на пол, а в лицо Злому Человеку. Сам отскочил вбок – и сразу прыгнул на Заинькиного врага. Тот уклонился от перчатки, но остался без опасной черной штуки, она отлетела в сторону.

Забыв обо всем, Мардарий смотрел, как люди между собой дерутся, он ведь такого еще не видел. Скачут и руками-ногами машут, когда надо зубами за глотку хватать! Но у людей нет настоящих зубов, даже у Мамочки, хотя ее все боятся.

Схватка закончилась победой Злого Человека. Он держал Келхара так, что тот не мог вырваться, только морщился от боли. Но врагу тоже досталось: на плече, где под разорванной рубашкой белела повязка, выступили свежие пятна крови.

– Келхар, выбирай. Или я тебя усыплю – а ты в это время не сопротивляешься – или сломаю руку. Я по-любому прикую тебя к этой решетке. Издеваться не буду, не волнуйся. В первом случае останешься невредим, во втором – и больно, и маяться потом, пока оно срастется... Убивать тебя я не намерен, так что предлагаю компромисс. Твой выбор?

Ответа не последовало.

– Не тяни время. У меня его мало. Далась тебе эти древние хроники... Подумай на досуге о том, какая начнется катавасия, если Сорегдийский хребет останется без хозяина.

– Стандартные доводы Аванебихов и прочих твоих союзников, – вымолвил Келхар. – Тварей, которые там заведутся, мы истребим, и твоя запретная территория будет принадлежать людям.

– Ну, не передергивай факты, – Злой Человек засмеялся. – На так называемой запретной территории с моего разрешения толчется уйма народа. Кое-кому там лучше не появляться, однако на тебя это не распространяется. Хочешь, так приезжай, гуляй. Гарантирую, что уйдешь живым. Я был бы рад видеть тебя среди своих друзей.

– Дружба с пожирателем душ? Сколько человек ты съедаешь за год?

– Фу, какой бестактный вопрос... Я ведь сказал, уйдешь живым. Твоя душа похожа на цветок невероятно сложной формы, стану я губить такую красоту!

– Рехнуться, какие изысканные метафоры...

– Как тебе удалось приручить этого грызверга? Меня он хотел сожрать.

– Не нравится? Не все же тебе питаться другими, бывает и наоборот.

– Как думаешь, он тебя не тронет? А то могу запереть наверху, там дверь с хорошим засовом.

– Не тронет, – взглянув на Заиньку, сказал Келхар. – Кстати, что за история с Ксаватом цан Ревернухом?

– Не твое дело, Келхар. У тебя своя охота, у меня своя. Это Ревернух надомил вас обрезать телефонные кабели?

– Какие кабели?

– Судя по напряжению в твоём голосе, отлично знаешь, какие. Так я и понял, что ваша работа. Положим, я тварь окаянная, и вы за мной доблестно гоняетесь, но фермеры-то чем провинились?

– Ревернух – твоя несостоявшаяся жертва?

– Удравший обед. Больше ничего не скажу.

Злой Человек зарычал от боли. Что-то хрустнуло, и у Келхара тоже вырвался короткий яростный стон.

– Дурак... – процедил после паузы Злой Человек. – Я ведь убить за это мог.

Возня около решетки. Люди ее трясли, и на Заиньку сыпалась сверху ржавая труха. Потом Злой Человек отступил в поток утреннего света, лившийся из окна. Он весело скалил зубы, хотя кровавых пятен на плече прибавилось.

– Не держи обиды, Келхар, это ради твоего же блага. Ты ведь малость сумасшедший, с тебя станется сесть на мотоцикл и рвануть в погоню даже со сломанной рукой. Не ровен час, в аварию попадешь... Честное слово, мне было бы жаль. Дождись здесь Доната, а я поехал домой.

Он скрылся в проеме, где лестница. Как же до него добраться? Заинька снова начал с сердитым ворчанием тыкаться в прутья.

Враг скоро вернулся. Поверх рубашки надел коричневую кожаную куртку и принес сумку, достал оттуда флакон с блестящей головкой – у Мамочки таких много.

– Прощальный подарок в знак моего искреннего расположения, – открутив золотистый шарик, он протянул склянку сидевшему на полу противнику. – Воспользуйся.

– Яд? – хрипло рассмеялся Келхар.

– Что я, пошляк какой-нибудь? Всего-навсего обезболивающее. Действует в течение нескольких часов – в самый раз, пока Донат тебя отсюда не вызволит.

– Благодарю, – Келхар взял флакон и отшвырнул в сторону. Еще чуть-чуть, и попал бы в Заиньку, просунувшего нос между прутьями. – От кого-нибудь другого я, возможно, и принял бы такую милость, но только не от тебя.

– Ну, как знаешь, наше дело предложить, – Злой Человек выпрямился, подобрал свою сумку, потом, усмехнувшись, что-то положил на пол. – Чуть не забыл, ключ от наручников. Приятно было пообщаться.

Ушел. Из-за стен донеслось рычание машины.

Заинька заметался, выскочил в первый попавшийся проем, потом в коридорчик с пятнами сизого мха на битой кирпичной кладке – и вдруг очутился с другой стороны от решетки, возле которой сидел на полу незлой человек. Рас-

терявшись, остановился, вопросительно посмотрел на своего недавнего спутника.

Человеку больно. И он на цепи. Эта цепь совсем коротенькая, держит его не за ошейник, а за руку возле кисти.

– Знаешь, пес, иногда бывает, что даже благородство не имеет никакого значения, – обратился к Заиньке человек. – Например, в его случае. Да, он благороден, не отнимешь, только это не важно, все равно его надо убить. Пес, ты умеешь приносить вещи? Вот лежит ключ, видишь? Возьми и дай мне, хороший песик!

Заинька смотрел нерешительно. Он только своей Мамочке вещи приносит!

– Ты у нас хороший, дай мне ключ! – потребовал человек.

Мардарий попытался взять зубами маленькую плоскую вещицу, но та оказалась непослушной – прильнула к каменной плите, и никак не удавалось ее схватить. Другое дело, если бы это был тапок с бантиком или подушка...

– Не получается? Тогда лапой цепляй, когтями! Давай, попробуй! Подтолкни его лапой!

Он никак не мог понять, чего от него хотят. Оставив попытки, наострил уши: удаляющийся звук машины. Злой Человек от Заиньки убегает!

– Был бы ты умный, привел бы сюда кого-нибудь из деревни, – вздохнул Келхар.

Заинька умный! Заинька догонит врага!

Прыжок в окно – и он снаружи. Взяв след, помчался туда, где замирал звук убегавшей машины.

Снова долго бежал. Дороги больше не было. Нагретые солнцем каменные бугры, редкие деревья с морщинистыми желтоватыми стволами, в гуще высокой травы кто-то звенит, шныряет, суется.

Потом, в уходящем золотом свете, показалась впереди небольшая постройка, выглядевшая так, словно кто-то ее погрыз со всех сторон. Дальше, за полем, опять была дорога, виднелись дома. След вел к постройке, туда Заинька и направился. Сейчас он Злого Человека загрызет, на куски разорвет!

Темный проем, дверь открыта. Враг стоит у дальней стены, насмешливо скалит зубы.

– Наконец-то пожаловал! Иди сюда!

Мардарий зарычал, чтобы напугать пострашнее, бросился к нему – и вдруг пол исчез. Бедный Заинька упал, ударился, а сверху с грохотом захлопнулась решетка. Он услышал смех Злого Человека.

– Вот и попался! Мозгов-то у тебя всего ничего, одни клыки да когти.

Человек заглядывал сверху. Можно до него допрыгнуть, но решетка не пустит. Как никогда хотелось разорвать его на куски: он незлого человека на привязь посадил, а хорошего Заиньку в яму заманил, вот какой злой!

– Эй, цапнешь меня? – он просунул руку между прутьями. – Ну-ка, попробуй!

Мардарий подобрался и прыгнул, но враг успел отдернуть руку, челюсти схватили воздух.

– Давай еще! – тот опять засмеялся. – На, кусай меня! На, на! Ух ты, какой злющий! Ага, не можешь!

Свирепо рычащий Мардарий прыгал и прыгал, лязгал зубами, несколько раз больно ударился о прутья, а ненавистную руку так и не поймал. Злой Че-

ловек Заиньку дразнит! Если бы здесь была Мамочка, она бы на него закричала, она никому не разрешает своего пусеньку дразнить!

Когда эта игра человеку надоела, он уселся сбоку от квадратного отверстия. Концы свисающих длинных волос оскорбительно торчали из ячеек решетки.

– Я мог бы тебя убить, – сообщил он задумчиво, глядя сверху на разъяренного Заиньку. – Запросто... Но разве я лучше? Я такой же хищник, только чуть поумнее. Ты ведь, дурья башка, за свои подвиги не отвечаешь, ты такой, каким тебя воспитала хозяйка. Прямо так бы и съел твою хозяйку... – Он подмигнул. – Мы с тобой оба хищники, и ты из нас двоих не круче, не надейся. А кроме того, если тебя убить, спросят за это с Ника. Эх, знал бы я заранее, что в кулоне грызверг, да всего не предусмотритишь... Так плечо разворотил – до сих пор не заросло, только лекарства и выручают. Давно у меня приключений такого сорта не было! Как думаешь, зверюга, если Ник будет меня бояться, это заставит его жить не прошлым, а настоящим?

Заинька думал, что Злого Человека надо загрызть. Давно бы загрыз, если бы не решетка.

– Ладно, поболтали, и хватит. Сиди тут тихо, постарайся не скучать. – Враг выпрямился, так что Заинька перестал его видеть, только слышал голос. – Водичка у тебя есть, а без мяса несколько дней перебьешься. Потом за тобой придут и обратно в кулон посадят.

Затихающие шаги. Торжествующее урчание машины, за которой никто больше не гонится.

Мардарий тихонько заскулил. Мамочкиного Заиньку заперли в темной яме и ушли – это беда не лучше намордника!

Кафьярану – пограничный городок между землями побережья, некогда колонизованными раллабийцами, пришедшими с севера, и Макиштуанским княжеством, где коренной народ совсем дикий. Макиштуанцы-мужчины носят штаны, расшитые бусами-оберегами, и заплетают волосы в мелкие косички, а женщины плетут по две косы и в жару ходят с голой грудью, зато верхнюю часть лица прячут под украшенными бисером матерчатыми полумасками – иначе неприлично.

Ксават рассчитывал найти в этом городишке людей шальной удачи, согласных на любую авантюру, сулящую навар – хотя бы и на расправу с Королем Сорегдийских гор.

За несколько часов беготни кое-кого нашел. Он уже бывал в Кафьярану и знал, где искать. Истинные разбойники, готовы на все, а что не охотники – так числом задавят.

– Устроим облаву, – изложил он свой план Донату. – Вы профессионал, убьете дичь вы, а они вам помогут как загонщики. – Донат сумрачно и степенно кивнул.

– Когда они будут готовы?

– Одна нога здесь, другая там. Отправимся завтра утром. Успеем. До гор недалеко, а вы же сами говорили, что он обычно тянет до последнего, чтобы подольше побыть в человеческой шкуре. На этом его и поймаем. Наши ребята отрежут его от заповедной территории, так что он не сможет туда проскочить, и тогда вы добудете его голову.

Ксават восхищался собственным планом: истинный стратег, имперское

мышление проявил! Но Пеларчи похвалил скупое, словно чайную ложку микстуры отмерил:

– Неплохо. Попробуем.

Хорошая новость: Донат с Келхаром расплевались, не придется больше терпеть узколицевого уroda. В последнем этапе охоты он участвовать не сможет из-за сломанной руки, и вдобавок заявил, что считает свое ученичество завершённым. Теперь этот высокородный босяк отправится в Северодх, в свои родные края, чтобы там на оборотней охотиться. Пеларчи сдержанно пожелал ему удачи.

А нынче после обеда Келхар собрался убить Элизу. Девка-дура не подозревала, что ее ждет, зато Ксават сразу понял, не тупак ведь.

Они стояли рядышком на каменной террасе гостиницы, откуда открывался вид на Кафьярану: ближе, среди зелени садов, кирпичные домики попроще, без затей, дальше – изящные светлые постройки с башенками и изысканно очерченными изгибами крыш.

– Прошу вас, Элиза, пойдите со мной туда, – слегка запинаясь от дикого напряжения, уламывал дуреху убийца. – Покажу вам древние храмы... Там, знаете, есть храм Девятирукого, покровителя рода Севергустов, а также храм Прародительницы... Они действующие, я спрашивал. Мы могли бы туда зайти... Если вы на это согласитесь... – в его замирающем голосе все явственней ощущался страх, но потом он совладал с нервами и заговорил уверенней. – Да просто прогуляемся, я буду экскурсоводом, смотрите, погода какая хорошая...

Его левая рука висела на перемыси, а правая лежала на пыльных каменных перилах, и Ксават видел, что мозолистая белая кисть мелко подрагивает. Только глянуть на эту руку – сразу ясно: худое замышляет! И хочется ему это сделать, и колется, потому как несдобровать, ежели поймают.

– Да, конечно, пойдите, – приветливо отозвалась Элиза.

Не догадалась, что ее будут убивать.

Понятное дело, Келхар, при своей отвратной наружности, по части женского пола совсем свихнулся, раз его уродом считают. А он и есть урод. Ксават удовлетворенно глянул в зеркало – приятные мужественные черты, ухоженные усы, впечатление самое выигрышное! Потом посмотрел в окно: Севергуст в цивильном костюме и Элиза, распутившая золотисто-русые волосы, в длинном платье с оборками, удалялись от гостиницы по тихой улочке. Гипс для задуманного не помеха: такой, как этот Келхар, и одной рукой убьет – моргнуть не успеешь.

Пришли нанятые Ксаватом загонщики. Восемь рыл. Донату не понравились, однако старый охотник не отослал их. Смерил каждого тяжелым, как чугунная гиря, взглядом, изложил требования: беспрекословно подчиняться, соблюдать сухой закон, не устраивать свар, без спросу не отлучаться, если возникнут какие-нибудь странные ощущения или предчувствия – сразу сообщать, кого назначат поваром – не отлынивать.

Те все это выслушали, зыря на господина начальника оценивающе: мол, гонора у тебя во сколько, а сладишь с нами или нет? Это ведь не ученики-охотники и не императорские солдаты, приученные к повиновению, это люди шальной удачи, истинная вольница! Ради сокровищ Короля Сорегдийских гор они готовы стерпеть железную дисциплину, зато после как разгуляются... С ними надо держать ухо востро, чтобы твой законный кусок из глотки

не вырвали. Спасение души – это само собой, но оставаться без навару Клетчаб тоже не хотел. У него аж дыхание спирало при мысли о том, сколько золота, звонкой монеты и всяких прочих ценностей нахапала окаянная тварь за минувшие тысячелетия. И все эти несметные богатства достанутся им, охотникам-первопроходцам!

Донат прочитал новоявленным загонщикам целую лекцию об азах охотничьего ремесла. Ознакомил с планом действий: на трех машинах прочесываем местность вдоль границы заповедной территории (кому дорога жизнь, за границу не соваться!); при обнаружении дичи дать сигнал остальным; не стрелять понапрасну, поскольку пули его не берут, использовать холодное оружие, в том числе метательное, а также сети.

Люди шальной удачи слушали с пониманием. Общество подобралось пестрое. Огромный сутуловатый парень в меховой безрукавке на голое тело, похож на пирата с Решарвакского архипелага. Трое смуглокожих туземцев – гортанная речь, масса мелких косичек, в глазах рябит от нашитых на одежду бусин-оберегов. Прилизанный северянин, манеры выдают культурного столичного жителя, взгляд холодный и скользкий, та еще бестия. Матерый бандюга из Окаянного мира – скорее всего, беглый государственный невольник из числа тех иммигрантов, кого так и не сделали полугражданами. А этот щеголь, судя по его певучему выговору и привычке небрежно сплевывать сквозь зубы – наш, хасетанский! Придется следить за собой, чтобы земляка не признал... До безобразия обросший мужик, неуживчивый деревенский мордovorот из местных. О Дважды Истребителе Донате Пеларчи большинство из них слышало, и на охоте они будут ему подчиняться, а после дела можно и без Доната.

– Что, хороши молодцы? – спросил Ксават со сдержанной гордостью, когда навербованных им помощников до утра отпустили.

– Келхар сказал бы, что это сброд, – хмуро, с нотками раздражения, ответил Донат.

– А кто для него не сброд? – Ксават махнул рукой. – Разве только он сам, да, возможно, государь император. У моих рекрутов гонора такого нет, зато дельце мы с ними сделаем, не подкачают.

Сам Келхар вернулся в сумерках, вместе с Элизой. Улыбаются, держатся за руки.

«Ишь ты, живая...» – удивился Ксават.

Выждав, когда Элиза уйдет, он тоже прикинулся, что уходит, а сам остановился в коридорчике между старой каменной террасой и опоясывающей первый этаж галереей, послушать разговор охотников. Донат рассказал о загонщиках; Келхар, как и можно было предвидеть, обозвал их «сбродом», потом добавил:

– Учитель, охотиться на него с шайкой мерзавцев – это, по-моему, плохая идея. Его надо убить на дуэли, один на один.

– Келхар, и вы туда же! Это оборотень, тварь, нелюдь. Неужели вы видите в нем себе подобного?

– Я помню, кто он такой, но он заслуживает поединка.

– Да нет в подлунном мире такого мастера среди смертных людей, который справится с ним один на один! Против него надо выходить по меньшей мере вдвоем. Вы пытались убить его в одиночку – и чем это закончилось?

– Моим поражением, – бесстрастно отозвался Келхар. – Я намерен совер-

шенствовать свое мастерство, и когда пойму, что готов, снова брошу ему вызов.

– Келхар, он ведь уже вас купил, – с нотками неодобрения заметил Донат. – Не деньгами, не выгодой, а своим личным обаянием. Я слышал о том, что он умеет располагать к себе людей. Вы человек тонко чувствующий, и он сумел задеть какие-то струны в вашей душе. Честная дуэль – это для него еще одна увлекательная игра. Между нами говоря, я прекрасно вижу, что Ревернух набрал мерзавцев, по которым каторга плачет. Зато их никаким обаянием не проймешь, их интересуют только деньги, выпивка, удовлетворение похоти. То, что сверх этого, они не понимают. Ревернух посулил им накопленные тварью богатства, поэтому они пойдут за нами хоть на край света. Иногда и от сброда есть польза.

– Учитель, с этим криминальным быдлом надо поосторожнее...

Дальше Ксават слушать не стал. Через коридорчик тянет сквозняком и кухонными запахами; глазурованная плитка печально поблескивает, бережит душу – какое-то далекое-далекое воспоминание, не факт, что из этой жизни; шныряющий туда-сюда слуга дважды его задел – мол, пеняй на себя, ежели на дороге торчишь – и обругать не моги, охотники услышат.

Не дожидаясь третьего раза, Ксават свернул в галерею. Главное он усек: Донат Пеларчи смотрит на вещи правильно и до конца этой охоты будет действовать с ним заодно. А высокородный Келхар пускай катится, куда хочет.

С галереи видны были домики окраины, плавающие в густых синих сумерках. Окошки светились. Это не похожее на Хасетан западное захолустье вызвало у Ксавата прилив горького раздражения. А в Хасетан ему все еще нет дороги.

«Скоро уже... – подумал Клетчаб, сжав кулаки. – Недолго тебе осталось, оглоед окаянный!»

– Господин Ревернух, я хотела с вами поговорить.

Голос Элизы прозвучал негромко, но резко, без уважительных интонаций. Разве так обращаются к непосредственному начальнику? Он повернулся, но осадить дрянь-девку не успел.

– Я давно решила, что когда-нибудь все вам выскажу! – Элиза и смотрела нехорошо – дерзко, в упор. – Теперь послушайте меня на прощание. Самомнения у вас выше крыши, а на самом деле вы полный ноль! Мне противно вспоминать, что я была вашей любовницей. Как вы гордитесь своими мужскими достоинствами, а гордиться-то нечем, трахнуть каждый может, главное – поведение, поступки, порядочность. Келхар и Донат – вот это мужчины! А вы всего-навсего старый жулик, вы нашу с Виленом зарплату прикарманивали, как обыкновенный воришка. Подавитесь моей зарплатой! Надеюсь, что подавитесь!

– Ты что себе позволяешь, срань собачья! – ахнул опешивший Ксават.

Она ничуть не испугалась.

– Ага, что вы еще можете сказать? Знаете, вас действительно окружает со всех сторон срань собачья, потому что ничего другого для вас не существует. Это у вас дар такой магический – все, к чему прикоснетесь, превращать в срань собачью! Ну и купайтесь в ней на здоровье!

– Какова дрянь, да я тебя...

– Не забывайтесь, вы разговариваете с Элизой цан Севегуст.

Ксават открыл рот – да так и закрыл. Вот оно что...

– Я жду извинений, – она чувствовала себя победительницей.

Делать нечего – пришлось, запихнувши подальше гордость, наклеить на лицо какую ни на есть любезную улыбочку и выцедить извинение. Иначе высокородный Келхар за оскорбление своей супруги вызовет на дуэль и прихлопнет без зазрения совести. Или же просто поколотит до полусмерти, тоже невелика радость. Ксават чувствовал себя оплеванным, а куда денешься?

Стало быть, когда Келхар звал ее на послеобеденную прогулку, этого урода корчило от страха, что красавица Элиза его брачное предложение отвергнет. Аж дрожал весь... Строит из себя героя, а сам оказался форменным трусом – прямо капля бальзама на Клетчабову рану!

– Примите мои поздравления с законным замужеством, госпожа цан Севегуст, со всяческими пожеланиями, – хоть и распирала Ксавата злость на мерзавку, а все ж сумел проговорить эту срань с елейной миной светского человека. – А позвольте полюбопытствовать, жить-то на что собираетесь, ежели ни у вас, ни у новоиспеченного супруга ни гроша за душой?

– Вы думаете, охотник на оборотней не сможет заработать на жизнь? – Тон, как у самой натуральной высокородной.

– А вы знаете, какая у этой профессии смертность? – осклабился, торжествуя, Ксават. – Каждый второй через три-четыре года труп, до старости доживают единицы, Донат Пеларчи – редкое исключение, подтверждающее общее правило. А ваш Келхар, считай, вообще меченый, Сорегдийский оборотень его запомнил! Охотники на тварей долго не живут, а у многих даже могилы нет, слопали – и нет человека. Хорошую судьбу вы себе выбрали! Ну, да вы же сама себе хозяйка, с приставкой «цан», важная дама!

Отбрил ее. Теперь главное – красиво уйти, пока она ничего не успела сказать в ответ. Он и ушел, за поворотом налетел впотьмах на парня с ведром кухонных помоев, содержимое выплеснулось и попало обоим на штаны. Наскоро обругав растяпу, Ксават выскочил на улицу. Какая-нибудь хасетанская бойдеваха догнала бы его, чтобы доругаться, но эта новоявленная аристократка не стала преследовать оппонента.

Окраинная улочка с одноэтажными домами. Низкая ущербная луна висит над слегка посеребренными треугольниками крыш. Новые штаны благоухают прокисшим супом – удружил Ксавату гостиничный мальй! Проехал автомобиль, рисунок на его лакированных боках в тусклом свете фонарей был неразличим, как медуза в воде. За забором играли на флейте – так себе мотивчик, с хасетанской музыкой не сравнить.

Ксават, шагавший, куда глаза глядят, резко остановился. Замер. словно примерз к мостовой.

Элиза назвала его «старым жуликом». *Откуда она знает?!!*

Он бросился прочь от гостиницы, от домишек, от флейты, выскочил на заасфальтированную дорогу, зашагал по ней в темноту, а мысли скакали и бились внутри черепной коробки, словно стая прыгунцов в запертой комнате.

Значит, он чем-то себя выдал? Чем? И догадался ли о том, кто он такой, еще кто-нибудь, кроме Элизы? И если да, подозревают ли они насчет зеркала-перевертыша, и сообщили уже цепнякам или нет?

Чуток успокоившись, начал восстанавливать в памяти разговор, фразу за фразой... Потом, замедлив шаг, с невероятным облегчением ухмыльнулся и

шумно вздохнул.

Никакого разоблачения. Оскорбляла его дрянь девка, а он принял брань за намек. Хвала Безмолвному, никто ничего не знает.

Огляделся по сторонам: куда его занесло? Загородная дорога, справа виднеются огни Кафьярану, слева как будто темное поле, и неподалеку, за обочиной, сторожка с освещенным окном. Погуляли – и будет, пора возвращаться.

Засунув руки в карманы, Ревернух повернул к скоплению желтых огоньков, сделал несколько шагов – и снова замер, а созвездия в бездонном ночном небе переливались, перешептывались и посмеивались, наблюдая за ним сверху.

Его сразило обидное открытие: Келхар и Элиза – не нищие!

Если представитель древнего знатного рода, отмеченного печатью вырождения, берет в жены девушку из сопредельного мира, невесте полагается приданое из специального императорского фонда. Программа такая государственная, дабы предотвратить угасание иллихейской аристократии.

Выходит, Келхар своего не упустил! То-то он так трясся, пока гадал, скажет она «да» или «нет»... Императорских деньжат хватит, чтобы выкупить родовое поместье цан Севегустов и зажить там припеваючи, а ежели он еще и тварей в округе истребит – стяжает всеобщее уважение. Элиза, успевшая в юном возрасте хлебнуть горя, будет ему верной подругой, будет держаться за свое положение, она ведь девка неглупая. За что, спрашивается, такая везуха им привалила? За что?

От обиды, злой тоски и зависти Клетчабу хотелось выть – и он завыл, обратив лицо к мерцающим созвездиям. Людей-то рядом нет, никто ничего не скажет... А вы бы на месте Клетчаба не завыли?

Подлянка ведь это, когда хорошо не тебе, а другому! Как ни поверни, натуральная подлянка.

Порой он и сам подумывал о том, чтобы жениться на хорошенькой иммигранточке (не на своенравной Элизе, а на такой, чтобы знала свое место) и через это разбогатеть, но – риск разоблачения. Перед тем как получить этикие деньжища из государева фонда, новобрачные должны подтвердить перед Зерцалом Истины искренность своих намерений, а то аферисты водятся не только в Хасетане. «Я, Ксават цан Ревернух...» – стоит ему произнести эти слова, и окаянное волшебное зеркальце запротестует.

Неожиданно Ксават уловил, что ему вторит другой вой – далекий, пугающе низкий, плывущий со стороны темного поля.

Это его отрезвило. Он замолчал, а за полем продолжали выть. Какая-нибудь тварь?.. Он ведь один на пустой дороге, и вокруг – теплая неподвижная чернота, в которой может прятаться что угодно. Осерчав на Элизу, он ушел от человеческого жилья, не думая о риске, но теперь хасетанский здравый смысл очнулся и закатил ему оплеуху.

До маленькой сторожки на краю поля ближе, чем до гостиницы. Окно уютно светится.

Нетрезвый обитатель сторожки, взъерошенный мужичок, выглядел рассеянным и безобидным.

– Я с инспекцией из министерства, – властно объявил Ксават, когда его впустили внутрь. – Вы здесь чем занимаетесь?

– Муслявчиков сторожу, – глуповато улыбнулся мужичок. – Чтобы под коле-

са не совались. Моя работа – загонять их обратно, ежели с поля на дорогу полезут. А то передавят, а за них деньги плочены, чтобы жук посевы не поел.

«Лодырь, – желчно отметил про себя Ксават. – Устроился, как сыр в масле!»

– А воет кто? – продолжил он строгий допрос, брезгливо оглядывая лежанку, застланную грязным стеганым одеялом в цветочек, некрашенный стол, скопище пустых бутылок в углу.

– Ага, я тоже слышал, совсем рядом выли! Кажись, псих или пьяный дурень, надо бы выйти с фонарем, поглядеть...

– Сам ты дурень! Я имею в виду, в той стороне, за полем. Тварь?

– Не, хвала Пятерым, не тварь. Собака в яме.

– Что еще за собака?

– Я сам-то ее не видел. Там, за полем, старинный домишко из кирпича, развалина, тамошнюю тварь в прошлом году извели. Подполье там есть, ямина с решеткой, и в ней злую собаку закрыли. Парень на мотоцикле заезжал, сказал, не трогать и не выпускать, а то она всех подряд покусает. Мол, это собака важных господ, и за ней скоро святая монахиня приедет. Я-то смотреть не ходил, мне с муслявчиками хлопот хватает.

– Так-так... – протянул насторожившийся Ксават. – Опиши-ка мне, как этот парень на мотоцикле выглядел? И когда это было?

Заинька плакал и звал Мамочку, но она не приходила. А потом послышались чужие шаги, что-то заскрипело, в темноте появилось пятно слабого света.

В яму заглянул сквозь решетку человек с фонарем. Длинные усы, блестящие и подвижные черные глаза. Пахнет потом, страхом, старым прокисшим супом.

Заинька забился в дальний угол, где по стенке стекала в каменную выемку вода, и предостерегающе зарычал. Он сразу понял, кто это пришел: Нехороший Человек.

Злые люди могут Заиньку побить, не пустить к Мамочке, выбросить в окно, отобрать мясо, и еще они хотят намордник на пусеньку надеть. Злого человека можно победить в драке.

Нехороший человек хуже злого. Когда Мардарий так захворал, что у него сильно болел животик и лапы сами собой дергались, Мамочка говорила, что нехороший человек ее бедняжечку отравил, поэтому никогда нельзя брать еду у нехороших людей!

Этот, который сейчас пришел, наверняка отравит. Если он принес еду, умный Заинька не станет кушать.

Мардарий рычал и рычал, пугая его, шерсть на загривке встала дыбом.

– Славная собачка... – фальшиво добрым голосом произнес Нехороший Человек. – Сколько же стоит твой ошейник?

Заинька еще страшнее зарычал.

– Эх, покамест ты живой и не спишь, эту цацку у тебя не забрать, – с сожалением вздохнул человек. – Я тебя выпущу, чтобы ты тварь окаянную догнал и загрыз. Подстраховаться не мешает. Послужи добру против зла, а потом, ежели еще встретимся, потолкуем об этом ошейничке... Деньги ваши – станут наши. Подожди, собачка...

Человек привязал к решетке веревку и ушел в темноту вместе со своим фо-

нарем. Мардарий слышал, как он возится поблизости, чем-то гремит.

Потом решетка заскрежетала, начала медленно подниматься и встала стоймя. Снова ловушка?.. Заинька плохих людей перехитрит!

Он одним прыжком вылетел из ямы. Сбоку хлопнула дверь. Вот где спрятался Нехороший Человек! Он там, слышно, как дышит, и снизу пробивается полоска желтого света.

Мардарий бросился на дверь. Нехорошего Человека надо загрызть, на куски разорвать, пока он Заиньку с Мамочкой не отравил.

Дверь не поддавалась, а Нехороший Человек изнутри кричал:

– Глупая псина, совсем тупая! Кончай этот шухер, за обратном беги! Я же тебя, срань собачья, на волю выпустил! Западло меня рвать!

Заинька его стерег, пока небо в окошках не начало светлеть, но тот хитрый не выходил. А Заинька проголодался. Выбрался из дома наружу. Среди высокой травы шныряло много маленьких юрких кусочков мяса, он их ловил и кушал.

Потом вспомнил о Злом Человека, который его побил, в окно выбросил, в яму посадил, да еще и дразнил.

Нашел старый след и помчался вперед, к далекой убегающей цели.

План у Ника был довольно неопределенный. Даже не план, просто список того, что нужно сделать.

Пункт первый. Выследить Заиньку. О том, чтобы его самостоятельно поймать, и речи быть не может, тем более что купленная в Эслешате сеть осталась у охотников, но надо хотя бы выяснить, где чертова бестия находится.

Пункт второй. Найти способ связаться с Миури, сообщить ей, где грызверг. Если удастся снова посадить его в кулон, они выполнят заказ Регины цан Эглеварт.

Пункт третий. В отличие от первых двух не обязательный. Зыбкий и сомнительный. Очень возможно, куда более опасный, чем погоня за Мардарием.

Ник хотел убедиться, что с Дэлги все в порядке. Просто поговорить с ним, извиниться за инцидент с грызвергом... Или нет, это Дэлги должен извиняться за свою выходку!

Но кто перед кем извиняется – вопрос не срочный. Сначала надо узнать, успел ли Дэлги вернуться в свои владения, и если не успел – тогда пункт четвертый, самый трудный. Придется сделать для него то, что он сделал для Ника в Ганжебде: помочь ему благополучно добраться до заповедной территории, как бы он после превращения ни выглядел. Стерпеть его новый облик – это, наверное, будет труднее всего. Ник хорошо помнил ту полуживую тварь, упорно ползущую вперед, которую они видели на болоте.

Сорегдийский хребет на южном горизонте уже можно было рассмотреть невооруженным глазом. словно край земли обрамлен матовым голубоватым стеклом. На горы до небес то, что там виднеется, пока не похоже.

Кроме четырех пунктов, которые необходимо выполнить, Ника преследовала навязчивая идея. Звали навязчивую идею Эннайп цан Аванебих. Иногда появлялась сумасшедшая мысль: возможно, это она ворожит, танцуя, чтобы защитить его от тварей, и в своих странных снах он видит то, что происходит на самом деле? Впрочем, если подумать, это совсем уж неправдоподобно.

Раньше он не знал, что зеленые глаза могут быть еще и раскосыми. Эннайп похожа на неведомую страну, полную тайн, зачарованных пейзажей и, вероятно, скрытых опасностей – не о каждой девушке можно такое сказать. Если бы ему разрешили хотя бы время от времени ее видеть... Еще один повод помириться с Дэлги.

На бензин Ник заработал мытьем машин на заправочной станции. Другое дело еда, заикаться о ней он побаивался. Не потому, что обругают – наоборот: попросишь пару вчерашних лепешек, а в ответ начинают жалостливо причитать и стараются накормить до отвала. Похоже, после плена у охотников, ежедневных угрызений совести и байкерских бросков по нагретому солнцем бездорожью он заметно исхудал и осунулся.

Под темно-розовым вечерним небом волнами вздымался черный кустарник и виднелась изысканно прорисованная сквозистая постройка – вроде бы колоннада. Возле нее дымился костер, сутились люди. Завернуть туда или доехать до деревни, расположенной у горизонта?

Ник выбрал колоннаду. Есть надежда, что, если он попросит там немного еды, ему и дадут немного еды, а не станут насильно закармливать ужином из нескольких блюд.

Оставив мотоцикл возле трех иллихейских джипов, Ник направился к костру. Пахло жареным мясом и печеными овощами, люди громко переговаривались.

Когда он узнал среди них Доната Пеларчи, а потом и Ксавата цан Ревернуха, отступить было поздно. Его заметили.

Что-то слишком часто в последнее время Клетчаба Луджерефа выставляют тупаком! Сначала Элиза, дрянь девка, наговорила ему всякого. Потом грызверг, будь он трижды неладен, до утра не выпускал из комнатенки с окаменевшей сранью по углам, ярился и кидался на дверь, так что вся развалина содрогалась. Засов выдержал, а нервы не выдержали, и Клетчаб тоже кой-чего навалил в углу – добавил, так сказать, к уже имеющемуся. А теперь невесть откуда взявшийся Ник сознался, что «перетер веревки и сбежал, после того как Ревернух заснул» – перед всей шайкой опозорил!

– Второй раз не убежишь, – угрюмо пообещал Пеларчи, метнув неодобрительный взгляд на Ксавата. – И за то, что сделал, сполна расплатишься. По древнему закону охоты, кто злонамеренно помешал охотникам убить тварь – тот умирает или становится рабом.

Ксават насторожился: эге, куда он клонит...

– Станешь моим рабом, понял, щенок? – Дважды Истребитель рычал не хуже грызверга.

Ник, вытолкнутый на середину окруженной колоннами каменной площадки, еще сильнее побледнел. А Ксават про себя выругался: все понятно, Пеларчи пошел на попятную! В прошлый раз о рабстве речи не было... Человек он суровый, но не злой, и после мнимой смерти Ника, скорее всего, раскаялся в своей чрезмерной жестокости.

– Будешь делать все, что скажу. Сапоги мне чистить и мыть посуду, воду таскать, машину до блеска отмоешь изнутри и снаружи!

– Да, я все это умею делать, – глядя на него со страхом, слабым голосом пробормотал Ник.

– Вот этим и займешься, если я решу оставить тебя в живых, – проворчал Донат уже чуть поспокойней. – А я на досуге расскажу тебе кое-что о тварях и оборотнях, чтобы в следующий раз хорошенько подумал, прежде чем мешать охотникам!

«Так и есть, срань собачья!» – мысленно взвыл Ксават.

Он-то в отличие от перепуганного мальчишки ясно видел, что дела Ника не так плохи, как ему, верно, кажется. Если не считать государственных невольников, в Империи нет узаконенного рабства, и для илихейского гражданина раб будет скорее обузой, чем ценным приобретением: перво-наперво придется от властей его прятать. По всей вероятности, Донат продержит у себя Ника ровно столько, сколько понадобится, чтобы подыскать нового ученика, на которого можно свалить всю черную работу. Да еще будет потчевать его в воспитательных целях леденящими душу охотничьими байками – иммигранты из сопредельного мира обожают что-нибудь такое послушать, для них это «фэнтези», те же сказки! Так что Ник внакладе не останется. А если он догадается при случае рассказать Донату свою историю, тот еще и сочувствием проникнется... У каждого второго из них история такая, что оборотня разжалобит, не то что охотника.

– Ты, – Пеларчи кивнул одному из загонщиков, – свяжи ему руки. Да веревки хорошенько проверь, чтобы не рваные оказались. И вот что, – он опять с угрозой глянул на пленника, – никаких больше голодовок! Откажешься есть – сразу шкуру спущу, понял?

Ага, ага, подстраховка, кисло отметил Ксават, чтобы парень не вздумал уморить себя голодом, а то он уже показал, что запас упрямства у него изрядный.

Срань собачья, да ведь наверняка же Донат и в прошлый раз на самом деле не собирался его убивать! Хотел как следует проучить паршивца, для пущего драматизма даже Келхару голову задурил. Небось, до самого конца делал бы вид, что пощады Нику не будет, а потом, уже прицелившись, отвел бы пистолет и сказал, что на первый раз прощает. Охотники старой закалки на такие шутки горазды.

Смуглый макиштуанец с приплюснутым носом и копной змееподобных косичек связал мальчишке руки, неторопливо и обстоятельно.

Тут Ревернуха осенило, и он шагнул вперед, на середину площадки, опоясанной старинной колоннадой из темного пористого камня.

– Ежели кто из вас не усек, в чем дело, этот парень – предатель. Мы сидели в засаде, а он заорал и оборотня умышленно предупредил, подлянку нам устроил. Ушел окаянный проглот из-за этого гаденыша! Сейчас будем его судить... – чуть не сказанул «по воровским законам», да вовремя спохватился, а то бы зазря себя выдал. – Пусть каждый знает, что предательство мы наказываем!

– Ревернух, вы что?.. – яростно прошипел Донат, от изумления выпучив глаза, словно громадная темная рыба, выплывшая из тинистых глубин.

Его реакция окончательно убедила Ксавата в том, что угроза убить Ника была насквозь фальшивой. За тупаков всех держал! Только не на того напал, Клетчаб Луджереф не тупак.

– Надобно принести его в жертву общественным интересам, – ответил он тоже шепотом, с трудом сдерживая ликующую ухмылку. – Чтобы никому

неповадно было дисциплину нарушать, а то сами видите, народ сложный подобрался. Это будет верный ход, они нас уважают.

– Да вы спятили! Что за моча вам в голову ударила?

– Перед вами предатель! – повысил голос Ксават, театральным жестом показывая на совсем побелевшего Ника. – Глядите-ка, прямо к нашей стоянке вышел, хотел подсмотреть и подслушать, а потом подлянку сделать, чтобы мы без золота остались, как тупаки! Неспроста он тут ошивался... Он должен за это ответить или нет, как по-вашему, ребята? Казним предателя! Бей его!

– Стоять! – громоподобно рявкнул Пеларчи.

Подавшиеся вперед загонщики остановились.

– Донат, не глупите, – шепнул Клетчаб. – Проявите дальновидность! Если вы не дадите им казнить предателя, они вам доверять не будут, и вся охота пойдет насмарку.

Донат еще больше помрачнел и рассвирепел. Не хотел он заходить так далеко и убивать мальчишку, но отказываться от своей цели тоже не хотел. Чуток подтолкнуть его в нужную сторону – и уступит давлению общественного мнения. Это вам не Келхар цан Севегуст! Тот давно бы полез в драку – и, чего доброго, положил бы все «криминальное быдло» с Клетчабом Луджерефом в придачу. Полез бы даже со сломанной рукой, тогда бы его одолели всем скопом, но пару-тройку противников он прихватил бы с собой на тот свет... Благодарение шальной удаче, что его здесь нет!

Еще несколько секунд – и они набросятся.

Ник не смотрел на их лица. Его подташнивало, и каменная плита под ногами покачивалась, он боялся упасть.

– Я забираю своего помощника.

Женский голос, высокий и чистый.

Не смея поверить, Ник поднял голову. В просвете между двумя колоннами, вырисовываясь темным силуэтом на фоне почти померкшего неба, стояла женщина-кошка. То есть преподобная сестра Миури, жрица Лунноглазой.

– Забирайте его, уважаемая сестра!

Казалось, Донат Пеларчи обрадовался ее неожиданному появлению не меньше, чем Ник. Его большое лицо с отвислыми бульдожьими щеками лоснилось от выступившего пота. Напрягшаяся правая рука, слегка согнутая в локте, словно вот-вот схватится за кобуру, повисла, расслабившись.

– Прошу вас, уважаемая, уделить побольше внимания его представлениям о тварях, – с явным облегчением проворчал старый охотник. – Недоучили парня в Нойоссе.

– Я позабочусь об этом, – шагнув вперед, пообещала Миури.

В оранжевом свете костра монашеский головной убор с треугольными кошачьими ушками придавал ей царственный вид.

– Позвольте, позвольте! – всполошился Ревернух. – Он ведь не монах и даже не послушник, а просто мальчик на побегушках и столько всего натворил, вы не можете здесь распорядиться!

Миури что-то бросила. Блеснув в воздухе, небольшой предмет упал на каменную плиту рядом с ботинком Ника.

Цепочка с продолговатым граненым кристаллом.

Зачем, удивился Ник, я же не могу подобрать, разве она не видит, что у ме-

ня руки свя...

Только и оставалось стоять и смотреть, как «бродячая кошка» с кулоном на шее уходит, не оглядываясь, по тропинке, спускается по выщербленной каменной лестнице, исчезает за одичавшим кустарником.

Никто не посмел ее остановить.

Дубина иммигрант, беглый государственный невольник, дернулся было с места, но один из макиштуанцев ухватил его за руку.

– Нельзя, не трожь, – гортанный акцент от волнения усилился, вместо звуков – их искаженные отражения. – Великая Кошка рассердится, плохо будет!

Тот ничего не понял, но послушался.

Ладно, дайте только срок... Вот разживется Клетчаб Луджереф сокровищами Короля Сорегдийских гор, получит настоящую власть – и тогда за всю срань собачью сполна отомстит, и тем, и другим, и третьим.

Глава 11

– Я предполагала, что в одиночку ты можешь влипнуть в какие-нибудь неприятности. Но чтобы во все неприятности сразу... Боюсь, я тебя недооценивала.

– Я сам себя недооценивал, – Ник попытался усмехнуться иронически, но выражение получилось скорее грустное и обескураженное – он видел свое лицо в черном стекле незанавешенного окна. – А кулон тот самый, тебе удалось его забрать?

– Что значит – удалось? – У «бродячей кошки» с иронией было все в порядке. – Орсенг положила его на алтарь Лунноглазой в домашней молельне, я подошла и взяла. Меня там приняли хорошо, даже извинились за инцидент в косвенной форме.

Деревенская комната. Запах старой древесины, тусклая лампочка, тени по углам. На полу набросаны вытертые коврики. Скошенный, как в мансарде, потолок расписан лиловыми цветами, напоминающими клевер.

Этот нарисованный клевер был первым, что Ник увидел, очнувшись. Только что стоял на окруженной диким кустарником площадке с колоннадой, неподалеку потрескивал костер, на семи забытом вертеле подгорало мясо, и те, кого науськивал Ревернух, уже готовы были наброситься... А в следующий момент – уютная комнатуха, тишина, из-за стен доносятся женские голоса, мирные, негромкие. Под затылком матерчатый коврик.

Словно вытащили из диапроектора один слайд и взамен поставили другой. Ощущение коротенького провала, ничем не заполненного промежутка – угасающее, мимолетное, здравый рассудок от таких ощущений обороняется, как может, и уже начинает казаться, что никакого промежутка не было. Руки все еще связаны, но сбоку звучит голос Миури:

– Подожди, сейчас разрежу веревки.

На этот раз сообразительность ему не отказала, и он понял, что монахиня воспользовалась кулоном.

«Интересно, я слеплен из тех же самых молекул или нет? И где я был, пока меня не было?»

Освободив его от веревок и напоив теплым молоком, Миури потребовала, чтобы он все по порядку рассказал, и теперь подводила итоги, рассеянно по-

глаживая матерого полосатого кота-мышелова, запрыгнувшего к ней на колени. Другая кошечка, дымчатая, свернулась на коленях у Ника, еще несколько устроилось на полу, на лежанке, на подоконнике. В дом, где остановилась жрица Лунноглазой, сбежалось кошачье общество со всей деревни – как обычно, когда Миури и Ник путешествовали вдвоем.

– Ты отстал от поезда, ввязался в драку, потерял деньги, тебя чуть не отыгнул оборотень – это все обыкновенные неприятности, ничего из ряда вон выходящего...

– Да он ничего такого не хотел, – запротестовал Ник. – Он притворился...

– Вряд ли. Типичное для оборотня поведение. Когда они вырываются на волю, они кидаются на всех подряд, девочка, мальчик – им без разницы. Есть такие, для которых главное не любовные утехи, а еда и выпивка, это относительно безобидная разновидность. Относительно, потому что заберется такая образина в кафе или в трактир, распугает людей – тоже хорошего мало. Склонных к пьянству довольно быстро выслеживают, это самая легкая добыча для охотников. А некоторые бегают и все подряд громят, убивают и калечат встречных, эти хуже всех. Оборотни – наше стихийное бедствие. Видимо, Король Сорегдийских гор действительно к тебе привязался, раз столько времени сдерживался. Но под конец все-таки решил урвать свое, оборотень есть оборотень... Поэтому я не буду ругать тебя за Мардария. Что случилось, то случилось, постараемся его поймать.

Ник, до этого сидевший прямо и напряженно, с облегчением привалился к стене, возле которой стояла лежанка, накрытая толстым стеганым покрывалом. Потрясенная кошка у него на коленях пошевелилась, устраиваясь поудобнее. Больше всего он боялся, что Миури рассердится за упущенного грызверга.

– Орсенг цан Аванебих претензий не предъявила?

– Еще бы предъявила! Если бы ты пострадал у нее во дворце, она предложила бы нам с тобой солидную компенсацию, чтобы замять историю. Не в первый раз... Не случайно я настояла на том, чтобы ты избавился от того браслета. С такими существами незачем водить компанию.

– Знаешь, это, наверное, неправильно, но мне их не хватает – и Дэлги, и Эннайп, с ними было интересно. Если бы все не кончилось таким диким образом...

– Одна из тех мелких катастроф, какими заканчиваются многие связи между людьми в мирской жизни, – заметила монахиня. – А тут даже не все участники – люди. Пойми, Ник, не было никакого человека по имени Дэлги. Был оборотень, а это совсем другое дело. Мой тебе совет: молись, чтобы он больше о тебе не вспоминал. А что касается Эннайп цан Аванебих... Думаю, можно сказать: она по ночам ворожила, чтобы защитить тебя от тварей.

– Она?! – Ник чуть не подскочил, и дымчатая кошка, вздрогнув, впиалась когтями в его бедро сквозь ткань штанов. – Келхар сказал, что меня защищает женская ворожба, но я думал, это ты...

– Я не стала тратить время, когда узнала, что этим занимается Эннайп. Девочка способная, отлично справилась.

– А что за ворожба? Она танцевала без одежды и била в бубен, и за ней плыли по комнате смерчи из дыма, да?

– Тихо! – оборвала Миури.

Он растерянно замолчал, и монахиня добавила:

– О таких вещах не говорят вслух. Откуда ты вообще об этом знаешь?

– Мне это снилось, почти каждую ночь.

– Тогда, пожалуй, другое дело... Раз открылось во сне – значит, так тому и быть. Но никому больше не рассказывай, это знание для посвященных.

Он кивнул.

– Кроме обычных среднестатистических неприятностей, тебя угораздило попасть в Убивальню, прогуляться по проклятым Шанбарским болотам и поссориться с охотниками – вот это уже ни в какие рамки не лезет! Похоже, тебя нельзя оставлять одного. Когда страсти улягутся, я поговорю с Донатом Пеларчи и постараюсь уладить конфликт. А с Ревернухом пусть разбирается Король Сорегдийских гор... Судя по тому, что ты рассказал, это Ревернух привел тебя в ту аптеку и отправил в Ганжебду.

– Он выглядел по-другому.

– Грим. Ты же узнал его голос? А потом, по твоим словам, он настойчиво допытывался насчет кулона – как думаешь, с чего бы?

– Миури, ты прямо Шерлок Холмс! Это очень известный в нашем мире литературный персонаж, сыщик...

– Ты забыл о том, что у нас переводят ваши книги?

Она сумела приподняться, не сбросив с коленкота, дотянулась до глиняного бокальчика, убранного на полку подальше от пушистых гостей, и залпом допила остатки молока.

– В Ганжебде и на болотах я остался жив благодаря Дэлги. Мы сможем ему помочь? Я имею в виду, если он не успеет? Это же просто, у тебя кулон...

– Ник, во-первых, кошки не вмешиваются в чужие дела, кошки сами по себе. Во-вторых, сколько раз объяснить, это не Дэлги, а оборотень. Ему одиннадцать тысяч лет, и за все это время его, как видишь, никто не смог убить.

– Он ранен, и за ним гонится грызверг.

– И поделом. Будет знать, как потакать низменным желаниям, пусть это послужит ему уроком. Другое дело, что Мардария надо поймать, утром поедем. Оборотень заманил его в западню на окраине Кафьярану и послал мне на встречу курьера с очень любезным письмом, но когда я туда приехала, грызверга в яме уже не было. Кто-то его выпустил.

– Вот видишь, он хотел нам помочь, а мы оставим его без помощи?

– Там посмотрим... – неохотно протянула «бродячая кошка». – Вообще-то, этим занимаются вассалы Аванебихов, но обычно даже их помощь не требуется. Без нас обойдутся, а нам бы Заиньку изловить. Кстати, ты не думал о том, что через три года так называемый Дэлги постарается тебя разыскать?

– Думал. Через три года, когда подойдет срок, я уеду в Раллаб или еще дальше на север – ему туда нельзя, потому что иначе он не успеет вовремя вернуться обратно. И продолжу тренироваться.

– Кажется, поумнел, – слегка удивилась Миури. – Это радует.

Впереди что-то вздымается до небес, огромное-преогромное, Заинька никогда такого не видел. А вокруг редколесье, с деревьев свисают цветы на длинных стеблях, покачиваются перед носом. Кустарник усыпан продолговатыми фиолетово-черными ягодами. У Мамочки была ветка с такими же, стояла в вазе, а когда Мардарий эту ветку нечаянно опрокинул, ягоды разлетелись вдре-

безги и больно покусали ему лапы.

Машина лежит в траве на боку, брошенная, словно никому больше не нужна. Тут же валяются кожаные ботинки и другие вещи.

Порвать ботинок?.. Дело стоящее, но лучше отложить на потом. След Злого Человека уводит в чащу. Хороший Заинька настиг врага и сейчас его загрызет, на куски разорвет!

За кустарником забор. Несерьезный забор, старый, разломанный, кто угодно пролезет. Зато длинный – тянется, насколько хватает глаз, ни с той, ни с другой стороны конца не видно.

Мардарию лезть через дыру в заборе не пришлось – враг находился по эту сторону символического препятствия, в гуще кустарника. Обрывал и ел черные ягоды, как будто не боялся пораниться их осколками. Расстегнутая рубашка открывает загорелую мускулистую грудь, длинные волосы спутались, небритый подбородок измазан фиолетовым соком.

Заинька подкрался неслышно. Затаился, готовясь к последнему броску.

– Еще целых полдня впереди!

Непонятно, с кем человек разговаривает – с кустами, что ли? Они ему ни слова не отвечали, а тот все равно продолжал говорить, делая паузы, чтобы отправить в рот ягоду.

– Уйма времени! Что можно успеть за полдня? До отвала обожраться умопомрачительно вкусным переспевшим сливрюсом без риска заработать расстройство желудка, потому что к тому времени, как дойдет до неминуемой расплаты, человеческого желудка у меня уже не будет. Мелочь – но восхитительная мелочь, привилегия вседозволенности!

Он рассмеялся и запихнул в рот целую горсть брызнувших соком ягод, а Заинька в замешательстве смотрел на него из засады, озадаченный вопросом: с кем же все-таки человек беседует?

– А как здорово гулять босиком по теплой шелковистой траве! Чудесное ощущение... Этот день не будет тянуться до бесконечности, он закончится, и тогда прощайте все – Эннайп, Ник, сбрендивший на старости лет Донат со своей бандой проходимцев... А Клетчаб Луджереф – до скорого свидания! – человек оскалил зубы, и Заинька, увидев этот оскал, подался назад, чуть не зарычал вслух. – Если окажется, что Луджереф успел навредить Нику, я из него все жилы вытяну по одной, медленно-медленно... Ох, и мстительная я тварь, иной раз самому страшно. Все, кроме Клетчаба и Эннайп, прощайте на целых три года! Эннайп спрашивала, почему ей нельзя меня проводить. Да потому, что я могу заплакать. Зато она приедет меня навестить, как я буду ее ждать, кто бы знал... А Ник наверняка удерет на север – как будто от меня можно сбежать! Нет, ну кто бы догадался, что у этого паршивца в кулоне грызверг! Я все-таки заставлю его жить настоящим, я изобретательная тварь... Ладно, заболтался я что-то. Наверное, похож на психа – без ботинок, болтаю сам с собой, ягодами перемазался, как неаккуратная свинья...

Заиньке надоело слушать непонятные речи, и он прыгнул.

Какой же этот человек быстрый – заметил, отклонился в сторону; ягоды, которые он держал в пригоршне, рассыпались, попрыгали в траве. Злой Человек тоже упал и перекатился, спасаясь от лязгнувших возле плеча клыков. Под руку ему попала толстая сухая ветка с торчащими сучьями, и он, позмеиному извернувшись, сунул ее прямо в разинутую пасть. Ветка хрустнула

в стальных Заинькиных челюстях, но успела оцарапать нежное нёбо, надо пожалеть бедного пусеньку... Разъяренный Мардарий зарычал, а враг уже успел и на ноги вскочить, и блестящую острую штуку из-за пояса выхватить.

– Откуда ты взялся на мою голову? Я же тебя запер!

Прыжок. Человек снова успел отскочить. Как и в прошлый раз, нацелил острие на Заинькин носик, но кусачая штука двигалась уже не с тем проворством.

– Ты меня достал! – процедил Злой Человек, его лицо исказила гримаса. – Убью!

Врагу больно, преимущество не на его стороне – Мардарий это чувствовал. Перехитрил человека обманным маневром, раз – и вцепился зубами в руку.

Недобрый блестящий предмет вывалился из пальцев. Побелевший человек закричал.

Хороший Заинька победил! Нет, пока не победил... Если другие люди, когда их кусаешь, только кричат и беспомощно дергаются, то этот свободной рукой, кулаком, как ударит по бедному носику! На то и злой.

Солнце потемнело и закачалось, как будто его тоже ударили. А когда деревья перестали бесноваться, и боль немного утихла, и побитое солнце успокоилось, осипший от визга Мардарий обнаружил, что враг убегает. За ним! Будет знать, как Заиньку обижать!

Злой Человек проломился сквозь кустарник, выскочил на заросшую травой прогалину. Перекушенная рука болталась на каких-то ниточках, но двигался он быстро. А Заинька еще быстрее, Заинька догонит!

Впереди никчемный дырявый забор. Неужели враг думает за ним спрятаться? Из последних сил рванулся вперед и вместе с целым куском хлипкой загородки, все вокруг пачкая кровью, повалился на каменистую землю.

Финальный прыжок – и в клочья!

Стоп...

Мардарий осел на все четыре лапы, враз ослабевшие. Победоносный рык застрял в горле.

На том месте, где упал обессиленный, окровавленный человек, в мгновение ока выросло что-то непонятное, громадное, страшное, такое страшное, что Мардарий заледенел, словно из теплого коридора забежал в холодильник с мерзлым мясом. И оно шевелилось, оно было живое – но в то же время невыразимо опасное для всего живого. Лапы оцепенели, вместо рычания вырвался жалобный визг.

Ох, не надо было визжать, шевелящийся кошмар его заметил! Оттуда взметнулось нечто длинное и гибкое, похожее на черный хлыст, цап за загрюк – и Мардарий повис в воздухе. Заходясь в истошном визге, он болтался высоко над землей и понимал только одно: сейчас Мамочкиного Заиньку загрызут, на куски разорвут...

– Миури, зачем?! Как я с такой штукой на шее на людях появлюсь?

Ник с оторопью разглядывал грубовато сделанное ожерелье из металла, похожего на нержавейку, с крупными коричневато-желтыми камнями наподобие дешевого янтаря. Вещица вроде тех, что надолго залеживаются в комиссионных магазинах. Носить рубиновый кулон на цепочке – еще куда ни шло, но это безвкусное массивное украшение под стать какой-нибудь вульгарной тет-

ке средних лет.

– Это оберег, отводящий пули, – сказала Миури, невозмутимо выслушав протесты. – Лучшее, что я смогла здесь достать. У мастера, который его изготовил, были проблемы с чувством прекрасного, но свое дело он знал. Ты прав, не стоит выставлять ожерелье напоказ, умный человек поймет, что это такое. Спрячь под рубашкой. Мне не понравились люди, которых набрал Пеларчи. Сразу видно, что это не охотники, а уголовники, от них можно ждать чего угодно. Есть риск, что мы с ними столкнемся.

– У тебя тоже оберег?

– Я в этом не нуждаюсь. Лунноглазая Госпожа даровала мне, своей жрице, девять жизней. В крайнем случае я могу призвать ее на помощь.

Сафари началось облачным утром. Ник за рулем, на соседнем сиденье Миури с кулоном. От идеи гоняться за грызвергом на мотоцикле они отказались: мотоцикл маневренней, зато в машине безопасней.

– Если мы встретим Дэлги... ну, если он не успел... мы ему поможем? – спросил Ник, когда выехали из деревни, где провели ночь, на грунтовую дорогу. – Это же в два счета – довезти его до границы, высадить из кулона, а потом будем на Мардария охотиться.

– Донат Пеларчи нас за это пристрелит, – усмехнулась «бродячая кошка».

– Не пристрелит. У тебя девять жизней, а на мне оберег.

– Ты уверен, что хочешь, чтобы я это сделала?

– Да. Я получил от него поддержку, сочувствие и защиту, когда мне было очень плохо. Это важнее, чем тот дурацкий случай во дворце у Орсенг. Так ты согласна?

– Посмотрим... Возможно, он уже вернулся в свои владения. А может быть, все еще гуляет недалеко от границы в человеческом облике. Не нарваться бы нам... Когда урочный срок у оборотня истекает, все размыто, неопределенно, и сейчас даже ворожба не откроет, там он или здесь, и в каком виде. Мне объясняла это одна охотница. Я тогда была не старше тебя и только-только надела рясу послушницы. Меня послали с поручением из Савамского монастыря в Рерару, и как раз началось наводнение, дорогу затопило. А если в обход – это по тропам через Рерарский лес, там испокон века водятся твари. Марго согласилась меня проводить. Вы с ней из одного мира. Сейчас ей уже за пятьдесят, несколько лет назад она открыла школу рукопашного боя для девочек в Анкенирде, на берегу Рассветного моря. Говорили, что охотой она занимается из любви к авантюрам, а не ради заработка, потому что у нее есть богатый поклонник. Наверное, это правда. Я видела у нее старинные перстни с бриллиантами редкой красоты, каждый стоил целое состояние. И платы с меня Марго не взяла. Сказала, чтобы я оставила эти деньги себе на помаду и на конфеты, а проводит она меня просто так, с условием, что я буду развлекать ее болтовней. Конечно, болтали мы обе, и я тогда узнала кое-что об охотничьей ворожбе. Марго всю дорогу нянчилась со мной, как кошка с котенком, и если бы я не выбрала монашескую жизнь, начала бы проситься к ней в ученицы.

– Ее учителя звали не Гаверчи?

– Вроде бы да.

– Тогда я тоже о ней слышал.

От Короля Сорегдийских гор. Это он был «богатым поклонником» Марго и предлагал ей в подарок зеркало-перевертыш. Роман охотницы и оборотня.

Вслух об этом, наверное, нельзя. Дэлги ведь рассказывал о Марго, не назвав ее имени.

Это неожиданное напоминание застигло Ника врасплох. Дорога ровная, встречных машин нет, Миури погрузилась в изучение карты местности. Ничего страшного, если он параллельно будет думать о своем.

Раскосые зеленые глаза, упрямое лицо с тонкими неправильными чертами. Почему Эннайп решила его защитить и не пожалела времени на ворожбу? Потому что не хочет, чтобы Ник погиб? Или для нее это просто повод лишний раз потренироваться в колдовстве (судя по всему, достаточно сложном)? Разве может быть так, чтобы он ей нравился, чтобы ей хотелось еще с ним встретиться? Ну да, они много разговаривали, и ей как будто было интересно, но по ночам она приходила к Дэлги, а не к нему.

Преыдуший отрезок его жизни, в котором остались Дэлги и Эннайп, рассыпался на пестрые кусочки. Как сказала Миури? «Одна из тех мелких катастроф...» Сейчас эти частички погибшей мозаики – среди них есть и привлекательные, и страшноватые – беспорядочно перемешаны, поэтому ускользает смысл того, что произошло. Ника мучило ощущение обрыва, незавершенности; он чувствовал, что не будет ему покоя, пока он не соберет все и не сложит заново. Проклятие? Наверное, да, но это проклятие он выбрал сам. Речь ведь идет не о чем-то постороннем, а о недавних событиях его собственной жизни. О людях (или, если использовать более емкий термин, о существах), к которым его притянуло и которых притянуло к нему.

– Ник, сворачиваем, – распорядилась Миури. – Во имя Лунноглазой, не вилай в облаках, а то в дерево врежемся. Или, еще хуже, в пограничный забор. План действий такой: прочесываем территорию, пока не найдем окаянную зверюгу.

Выбросить из головы отвлеченные мысли, не относящиеся к сафари. Все внимание на дорогу – точнее, на бездорожье.

Машина петляла среди кустарника, усыпанного ягодами, похожими на продолговатые черные виноградины. Иногда совсем близко, задевая стекло, скользили свисающие с деревьев тонкие побеги с цветами-граммофончиками нежных оттенков. Если посмотреть направо или налево, можно увидеть пухлые бледно-серые облака, а впереди, за лобовым стеклом, для неба не осталось места – его вытеснила из поля зрения необъятная гора.

– Справа!

Он и сам увидел. На примятой траве, подернутой пленкой жемчужной влаги, лежит мотоцикл. Рядом валяются ботинки, шлем, кожаная куртка, сумка.

– Его вещи?

– По-моему, да.

Выйдя из машины, «бродячая кошка» осмотрела поляну. Дождя еще не было, и кое-где на земле сохранились отпечатки лап грызверга.

Проехав несколько метров, обнаружили сгустки свернувшейся крови – их было слишком много, чтобы надеяться, что «все обошлось». Ника начало лихорадить, и он крепче ухватился за руль.

Страшный след привел к ветхому пограничному забору. Одна из его секций лежала, поваленная, на земле, и гнилые доски тоже были заляпаны подсохшими бурыми пятнами.

– Назад! – изменившимся голосом приказала монахиня. – Отъезжаем за те

деревья!

Когда Ник выполнил команду, она объяснила:

– Дальше – его владения. И он там, у себя, можешь не беспокоиться.

– А где тогда Заинька?

– Боюсь, что твой друг Дэлги Заинькой пообедал. Твари вообще-то едят все живое, не только людей. Ладно, разворачивай, больше здесь делать нечего. По дороге постараюсь придумать, что скажем Регине.

Теперь впереди было редколесье под пасмурным небом, а горы, коричнево-серые, пестрые, как шкура ящера, маячили в зеркальце заднего обзора.

Выбирая, где кустарник пореже, Ник неожиданно выехал на открытое пространство – мини-равнина посреди зарослей – и снова увидел все тот же пограничный забор.

Словно забор их преследует, потихоньку двигаясь за машиной... Ник хребтом ощутил холодок (а что, это была бы игра вполне в духе Дэлги!), но потом понял, что просто-напросто граница заповедной территории идет не по прямой, а забирает то в одну, то в другую сторону.

К тому же здесь люди, так что все в порядке.

Машину тряхнуло. Удар в дверцу. Снова тряхнуло.

– В нас стреляют! – сказала Миури.

Они двигались с запада на восток вдоль ветхого забора средней паршивости, но никаких признаков дичи пока не обнаружили. Приближаться к забору Донат не велел: если Король Сорегдийских гор уже дома, он может сцапать разяву, который подойдет слишком близко. Говорят, когда он в истинном облике, руки у него ого-го какие длинные! Или даже не руки, а такое, чего лучше не видеть, ежели поседеть преждевременно не хочешь.

Дома он или нет – неизвестно. По словам Доната, когда тварь меняет облик, происходит сотрясение вероятностных пластов, и покуда все обратно не утрясется, ворожить бесполезно.

Западло так по-умному выражаться! На него все за это обиделись, но ради будущего навару затевать бучу не стали.

Боязно было едва ли не до истерики, ведь если пожиратель душ тебя утащит, умрешь мучительной смертью, причем совсем умрешь, окончательно и бесповоротно. Ну, Ксават принял меры: сторговал в деревне у бабки настойку из грибочков бледной овуги, все хлопнули по бокальчику для пущей храбрости – и где наша не пропадала!

Донат пить не стал, у охотников и так железные нервы. Сам Ксават употребил полбокальчика, чтобы и разум не потерять, и от наплывающего страха защититься. Загонщики – пушечное мясо, от них требуется немного, чтобы навалились и задержали оборотня, пока Дважды Истребитель не подоспеет, а Клетчабу, который всех дергает за ниточки, не с руки здравый смысл мерзопакостным пойлом заливать.

Одного не учел. Настоечка-то в головы ударила, и подвернись окаянный оборотень – его бы на месте ногами запинали, не дожидаясь вмешательства охотника-профессионала, но никто не подворачивался, и парни в первой машине начали между собой переругиваться да на руководителей косо поглядывать, а в двух других чуть не передрались. Донат скомандовал остановку и призвал участников охоты к порядку, Ревернух тоже всех обругал. Те давай

огрызаться, того и гляди дойдет до бунта... Вот уж потешится Король Сорегдийских гор, если он уже вернулся восвояси и подсматривает из-за забора, не обнаруживая своего присутствия.

И тут, как на заказ, выворачивает из-за деревьев с восточной стороны синяя машина, за рулем Ник, рядом сестра Миури. В который раз выручила Клетчаба шальная удача.

– Это они! – крикнул Ксават, опустив бинокль. – Предатели! Вот кто во всем виноват!

– Ревернух, там же «бродячая кошка»! – забеспокоился Донат, когда загонщики, все восемь рыл, принялись палить по синему внедорожнику. – Эй, не стрелять!

– Кошка или другая животина, а парням надобно спустить пар, – толкнув его локтем в бок, тихонько возразил Ксават. – Мы-то с вами в этом не участвуем, с нас никакого спросу.

– Они же неуправляемы! Зачем вы опоили их этой дрянью?

– А если б не опоил, они бы уже улепетнули отсюда или сидели бы по кустам со спущенными штанами. На охоте надобно имперское мышление проявить!

Шины в клочья, но те, кто находился внутри, уцелели. Ясное дело, обереги. Загонщики с гиканьем побежали к остановившейся машине.

– Назад! – взревел Пеларчи.

Так они и послушались... Настойка бледной овуги – мощная штука. Клетчаб и сам ощущал героический зуд, но все же не утратил способности себя контролировать.

Миури и Ник выскочили из машины. Жрица двумя руками подняла пистолет и, небось, всех бы положила, сучья кошка, да еще два патрона осталось бы для Ксавата с Донатом, наверняка у нее десятизарядник. Только, на ее беду, Клетчаб, как истинный стратег, позаботился снабдить своих людей дешевыми оберегами-однодневками, а то Король Сорегдийских гор тоже пострелять не дурак.

Ник тем временем нырнул в машину и вылез оттуда, вооруженный мечом. Смехота одна... А может, не совсем смехота, может, он что-то умеет, раз ушел живым из Убивальни, но их же двое против восьмерых!

С севера, из-за леса, доносился шум мотора. Еще кто-то сюда едет. Вот номер, если это наконец-то оборотень, а охотникам, срань собачья, не до него.

Донат грузно, вперевалку, потрусил за наемниками. На его окрики те не реагировали.

С мечом в правой руке и кинжалом в левой, мальчишка вышел вперед, заклонив от загонщиков «бродячую кошку». Та опустилась на колени, запрокинула лицо к небу.

А вот это уже нехорошо, вот это уже чревато...

Если бы не ссора с Дэлги, они могли бы укрыться на его территории. Ник бросил затравленный взгляд на покосившийся пограничный забор. Вон та доска болтается на единственном ржавом гвозде. Наверное, успели бы добежать... Но не просить же помощи у того, кто из-за тебя чуть не погиб, на кого ты спустил грызверга!

– Ник, задержи их, – скороговоркой попросила Миури. – Я призову Лунно-

глазую, но это потребует времени. Пожалуйста, постарайся продержаться!

Он встал между монахиней и подбегаящими бандитами. Их слишком много. Хорошо, если он хотя бы с полминуты продержится.

К облачным небесам понесся пронзительный вопль кошки, которой наступили на хвост. Ну да, ведь Лунноглазую надо призывать на кошачьем языке...

Бандиты вооружены кто ножами, кто шипастыми дубинками. Глаза мутные, бешеные. Меч только у Ника – небольшое преимущество.

Над головой что-то свистнуло, врезалось в оскаленную морду самого рослого громилы, вырвавшегося вперед. Остальных забрызгало мозгами и кровью.

Как мудро заметил некий земной ученый, с неба не могут падать камни, потому что на небе нет камней. Значит, это первый отклик на молитву Миури!

Приободрившись, Ник принял боевую стойку.

– Срань собачья!.. – простонал Ксават.

В отличие от Доната он никуда не побежал, остался возле машин. Не тупак. И он видел, откуда прилетел здоровенный булыжник, снесший полчерепа Нап-Вашилде с Решарвакского архипелага: из-за невзрачного серого забора, с пустого склона, где вроде бы нет ничего, кроме неподвижного кустарника.

Опоздали. Не бывать Дважды Истребителю Донату Пеларчи Трижды Истребителем. Во всяком случае, не в этот раз.

Охотник тоже все понял насчет камня и снова заревел:

– Назад, мерзавцы! К забору не подходить, кошку и парня не трогать!

Ага, сейчас... Наемники уже налетели на Ника, толкаясь и мешая друг другу. Крутые молодчики, таких только раззадорь... Подскочив, расвирепевший Донат свалил одного из макиштуанцев жестоким ударом в челюсть, и тогда на него ринулись, размахивая тяжелыми шипастыми палицами, двое соплеменников пострадавшего.

У Ника осталось четверо противников.

Жрица во второй раз закричала по-кошачьи, протяжно и жалобно.

А макиштуанцы оказались ребятами, с которыми лучше не шутить – так насели, что Пеларчи начал отступать. Еле успевает отражать удары. Двое на одного, да к тому же молодые, ловкие, горячие, еще немного – и одолеют. Гляди-ка, оттеснили к самому забору... А потом вдруг взлетели в воздух, выронив палицы, истошно вопя, дрыгая ногами, и Донат остался один.

То, что утащило макиштуанцев, двигалось слишком стремительно, чтобы заметить подробности. Словно две черные молнии метнулись с той стороны, схватили людей и вместе со своими жертвами втянулись обратно – все это заняло считанные секунды. Клетчаб содрогнулся: на их месте мог быть он... Брр, как будто в желудке медленно тает кусок льда.

Оставшийся в одиночестве Донат попятился от обманчиво безобидного забора, выставив перед собой длинные охотничьи ножи, но никто на него не напал. Почему тварь его не трогает? Наверное, потому, что он старый, жесткий, и душа у него такая же старая, зачерствевшая, как подметка. Невкусно будет.

Ника ранили, и все равно он никого не подпускал к «бродячей кошке». Можно не удивляться, что этот гаденыш в Убивальне выжил... Противников-то у него трое осталось – четвертый, хасетанец, сидит в сторонке, вся

грудь в крови.

Впрочем, Ксавату было не до того, чтобы обижаться за земляка. Если эти олухи сию минуту не справятся с мальчишкой, сюда явится Лунноглазая, и тогда всем звездам, как говаривала оторва Марго в незабвенные времена.

– Срань собачья! – закричал Ксават, яростно тряся кулаками. – Что вы с ним возитесь?! Заткните монахиню, пока она не призвала богиню в третий раз!

Намокшая от крови расплосованная рубашка липла к телу, как будто он попал под дождь.

Порезы – это и на тренировках бывало, но Дэлги ограничивался легкими царапинами, а потом давал лекарства, после которых и боль проходила, и шрамов не оставалось. И сразу прекращал занятие, если видел, что кровотечение серьезное.

А эти могут убить. Ник уже получил несколько ранений – непонятно, опасных или нет. Дрался он яростно и отчаянно, и это было то самое, чего никак не мог от него добиться Король Сорегдийских гор (пресловутый «экзамен» не в счет). Раньше было иначе, о себе он не очень-то заботился и быстро терял интерес к происходящему. Дэлги это бесило.

Но сейчас он защищал Миури.

Боли от порезов он почти не чувствовал, в то же время в его сознании что-то болезненно сдвинулось, и на илихейский субтропический ландшафт в преддверии Сорегдийских гор наложилась припорошенная первым снегом опушка осеннего подмосковного леса. Как будто Ник находился одновременно и здесь, и там.

Какая разница между здешними бандитами и работниками силовых структур, выполняющими приказ высокого начальства, недовольного существованием несанкционированного палаточного лагеря? Ник особой разницы не видел. Те фактически убили маму. Эти могут убить Миури. Только он скорее умрет, чем позволит им убить Миури, а еще лучше – перебьет их. Ослабевший от голода, простуженный, безоружный подросток не мог драться со спецназом, но сейчас – другое дело.

То, что случилось тогда, не должно повториться.

Их было больше, однако вмешательство некой третьей силы уравнивало шансы, и в каждый из моментов Ник сражался только с одним противником. Булыжники больше не прилетали, но были камешки помельче: попадет такой в лоб, и человек на несколько секунд выведен из игры. Похоже на помощь – ровно настолько, чтобы задача не оказалась для Ника заведомо невыполнимой. И на том спасибо. Благодаря этому он до сих пор был жив, хотя враги подобрались сильные и умелые. Ему никак не удавалось сосчитать их, зато одного он ранил, полоснув наискось по грудной клетке.

Миури закричала по-кошачьи в третий раз. Вот-вот должна появиться Лунноглазая. Интересно, она будет размером с домашнюю кошку или большая, как пантера? Миури говорила, что глаза ее сияют, как две золотистых луны.

Из-за цветущих деревьев вывернул илихейский аналог джипа, затормозил, оттуда выскочили люди в форме, какую носят вассалы Аванебихов.

Собираются всех арестовать? Или подумали, что один из участников этой свалки – Король Сорегдийских гор, и спешат на помощь? Да он бы давно со всеми управился... Отвлечшись, Ник не успел отреагировать на атаку, и его

противник, ловкий прилизанный блондин, нанес удар в левое подреберье. Ниже сердца, но боль резанула такая, что Ник упал на одно колено, в месиво скользких от крови растоптанных стеблей.

– Мя-я-я-а-аууу!!!

Это уже не призыв на помощь, а боевой клич. Очутившись рядом с Ником, Миури ударила блондина молниеносным кошачьим движением – ладонь раскрыта, пальцы согнуты, самая настоящая «школа тигра». Поняла, наконец, что сейчас надо не молиться, а драться, – подумал Ник, дрожа и задыхаясь от пронизывающей боли.

Ничего себе... Миури буквально содрала мясо с лица противника, а следующим страшным ударом расплосовала горло. Откуда у нее взялись длинные загнутые когти?..

Донат Пеларчи (он бежал к ним, тяжело припадая на правую ногу) остановился, опустил на колени и ткнулся лбом в землю, словно молился в храме. Люди Аванебихов тоже все как один дисциплинированно простерлись ниц. Их примеру последовал Ксават цан Ревернух, который стоял в стороне, возле охотничьих машин, и что-то выкрикивал, размахивая кулаками, словно болельщик на стадионе.

Бандит с обезьяньим лицом и синими от татуировок руками, матерившийся по-русски, двинулся на монахиню, выставив перед собой нож. Та ударила, как кошка лапой. Сколько метров отсюда до забора? Двадцать? Тридцать? Во всяком случае, все это расстояние он пролетел по воздуху, как получивший пинка футбольный мяч, и исчез по ту сторону ограды в кустарнике. Ник даже не подозревал, что Миури на такое способна!

Последний из его противников, лохматый мужик с нечесаной бородой, рухнул на колени и на всю равнину заголосил:

– Смилуйте, великая прекрасношерстная госпожа! Каюсь, дурных людей послушался, неразумие проявил, молю вас, помилуйте дурня! Дома жена с малыши детками и кошка с котятами, кто молочка на блюдечке поднесет, ежели безвременно помру? Никогда кошек не обижал, только с людьми дрался! Как вернусь домой – рыбкой угощу! Помилуйте грешного дурака неразумного!

Монахиня его не тронула, отвернулась. Он уткнулся головой в забрызганную кровью траву, продолжая бормотать какие-то мольбы.

– Миури! – слабым голосом позвал Ник.

Еще немного – и он потеряет сознание. Все вокруг уже начало становиться зыбким. Скорее бы, а то слишком больно.

– Мрр-мя? – вопросительно произнесла Миури.

– Ми...

Ник осекся, увидев ее глаза. Круглые, золотисто-желтые, сияющие, с вертикальными зрачками. Это... Это не Миури.

– Мррр... – ласково сказала стоявшая перед ним и, протянув руку, погладила его по голове.

На мгновение Ника охватило небывалое ощущение блаженного покоя, уюта, счастья. Потом оно прошло – и боль тоже прошла без остатка. Он почувствовал себя здоровым, полным сил. Слева под ребрами, куда вонзился нож блондина – никаких неприятных ощущений.

Миури пошатнулась, и Ник вскочил на ноги – поддержать ее. Все в порядке, она не упала, и глаза у нее опять человеческие, желтовато-серые, с нор-

мальными зрачками. И на руках никаких кошачьих когтей.

– Что это было? – спросил Ник.

– Лунноглазая Госпожа явилась на мой зов. Она заняла мое тело, а я в это время пребывала в другом месте. В каком-то очень хорошем месте...

Народ вокруг валялся ниц. В траве лежали два изувеченных трупа.

Ник осторожно потрогал под ребрами: нет там никакой раны. Он весь перемазан собственной кровью, но ни порезов, ни синяков, ни мелких царапин не осталось.

– Миури, она меня в одну секунду вылечила!

– Что тебя удивляет? – улыбнулась Миури. – Она ведь богиня. Если бы ты умер, защищая жрицу, Лунноглазая лично позаботилась бы о твоей посмертной судьбе, и в следующий раз ты бы родился в хорошей семье из тех, что находятся под ее покровительством.

Один из вассалов подошел, низко поклонился и смиренным тоном произнес:

– Преподобная госпожа, если вам что-нибудь нужно, мы в вашем распоряжении!

– Мне надо поменять колеса. Одно запасное есть, остальные снимите с тех машин – это будет справедливо. Убитых похороните, на живых наденьте наручники и сдайте их в полицию в Кафьярану, они обстреляли мою машину и хотели убить моего помощника. К Донату Пеларчи это не относится, он пытался остановить их, и я беру его под защиту.

Вассал Аванебихов снова поклонился, выражая согласие.

Ник все еще находился под впечатлением от своего знакомства с Лунноглазой. Ни за что бы не подумал, что это произойдет именно так... Хотя, с другой стороны, если люди гладят кошек, почему кошка не может погладить человека?

Сразу и не сказать, на кого Ксават разозлился больше: на своих наемников, которые, срань собачья, здоровенные лбы, с одним мальчишкой не справились, или на Ника, преподносящего один сюрприз за другим. Теперь вот оказалось, что он довольно-таки сносно владеет мечом и кинжалом.

Посчитается с ним Клетчаб Луджереф. Тупаком будет, ежели не посчитается. Этот Ник еще кровавыми слезами заплачет.

Покамест Ксават засунул свои намерения подальше и вместе со всеми валялся ниц перед Лунноглазой Госпожой, добросовестно бормоча заученную в детстве молитву. Религия – дело святое. Пятерых надобно чтить, чтобы они тебе не наломали.

Когда богиня ушла, и все начали вставать, он тоже поднялся, по-быстрому отряхивая испачканные на коленях штаны.

Драпать надо, как говорили в Хасетане.

Мощный пятнистый внедорожник Доната лучше не трогать – машинка приметная, известная и наверняка снабжена какой-нибудь противоугонной сранью. Ничего, имеются еще две на выбор. Расслышав, что сказала аванебиховскому цепняку Миури, он поскорее распахнул дверцу ближайшего драндулета, повернул голову... И замер с приоткрытым ртом, как деревенский тупак перед витриной универмага.

Надпись, выложенная белыми камнями на голом сером склоне:

«НИК, БЕРЕГИСЬ, ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ».

Там же только что был кустарник! Скажите на милость, куда все кусты подевались, а?!

Клетчаб взмок, а зубы, собаки, так и норовили застучать. Значит, не было никакого кустарника... Была иллюзия, за которой прятался наблюдавший за представлением Король Сорегдийских гор. Теперь он ушел, оставив угрожающую надпись. Шарики и ролики в голове у Клетчаба быстро-быстро завертелись, обмозговывая ситуацию.

Итак, планы меняются. Даже не думать о мести! Жизнь Ника драгоценна.

Видать, крепко этот сопляк досадил Сорегдийской твари... Пока он жив, пожиратель душ будет гоняться за ним, а не за Клетчабом.

А вдруг он ненадолго жив?.. Ксават, снова взявшийся за дверцу, озабоченно нахмурился. Потом, догадливо ухмыльнувшись, выудил из кармана рогатку (отобрал в Кафьярану у подвернувшегося мальчика), подобрал камешку побольше... Не промазал, прямо по кумполу хрястнуло!

Дважды Истребитель Донат Пеларчи мешком повалился на землю, а решивший проблему Ксават прыгнул в машину, потными руками схватился за руль.

Он и дрожал, и нервно посмеивался. Вот что значит имперское мышление! Донат из-за Ника оборотня упустил – а ну как в сердцах свернул бы шею паршивцу? А мы не тупаки, превентивные меры приняли... Пусть Ник живет, пусть отвлекает внимание окаянной твари от Клетчаба Луджерефа. Клетчаб, считай, в третий раз Короля Сорегдийских гор перехитрил!

Машина свернула под сень цветущих гиомарий. Погони не было.

Теплый розовый вечер. Свисающие с деревьев побеги с цветами тихо покачиваются, аромат свежесваренного кофе смешивается с лесными запахами. Наверное, именно так должен выглядеть рай.

Ник устроился на траве под раскидистым деревом. Ему было грустно.

Вчера он фактически одержал победу в неравной драке и познакомился с настоящей богиней. Это, конечно, здорово, но... Эннайп ему все равно не видать как своих ушей.

– Ник, твой кофе остывает, – позвала Миури.

Они с Донатом сидели возле кострища, где запекались в углях клубни мануга – вроде картошки, но еще лучше.

Голова у охотника забинтована. Получил вчера булыжником, причем все не от Короля Сорегдийских гор: Донат в тот момент стоял лицом к югу, а камень прилетел сзади. Двое аванбиховских вассалов и бородатый мужик, которого пощадила Лунноглазая, утверждали, что сделал это Ксават цан Ревернух. Другой вопрос, зачем.

– Еще раз встречу прохиндея – так с ним потолкую, что вовек не забудет, – хмуро и торжественно пообещал Дважды Истребитель. – Не посмотрю, что высокородный...

Миури сразу оказала ему помощь. И разбитая голова, и колено, пострадавшее от удара палицей, понемногу проходили. «Понемногу» – это по илихейским меркам. С точки зрения Ника, то, что такие травмы быстро излечиваются, было настоящим чудом. Впрочем, он ведь и сам вчера подвергся чудесному исцелению.

«Это Дэлги бросал камни в бандитов. Он вмешался, чтобы уравнять шансы, и дал мне возможность победить самостоятельно. Он видел, что я справился. Тогда почему появилась эта надпись? Или он так сильно рассердился из-за Мардария?»

Ник хотел поговорить с Дэлги, но Миури и Донат его не пустили. Пришлось дать им слово, что никуда он не пойдёт, а то Миури готова была заключить его в кулон.

Донат теперь видел в нем не «предателя», а «жертву» – тоже хорошего мало.

– Люди для тварей – или еда, или игрушки, и ты для него был игрушкой, – угрюмо выговаривал он Нику. – Ты смотришь на все с высоты своих девятнадцати лет, но иногда и старших послушать не вредно. Я уже без малого полвека на тварей охочусь, их психологию изучил. Так что остынь и лучше порадуйся, что дешево отделался. Это пожиратель душ, всем тварям тварь! Одного его присутствия достаточно, чтобы человека начало трясти и корежить, а ты с ним отношения выяснять собрался.

– Он же наблюдал за нами во время стычки, находился рядом, и мы ничего такого не чувствовали, – напомнил Ник.

– Не рядом, а на безопасной дистанции. Этот эффект проявляется, когда он близко, шагах в тридцати или того меньше.

Они решили задержаться в лесу, пока старый охотник не поправится, а потом вместе доехать до цивилизованных мест. Погода мягкая, провизии в избытке (большая часть продуктов, закупленных для горе-команды Доната, находилась в его машине). И торопиться в Макишту нет причины, раз Мардария потеряли.

– Для нас было бы неплохо заработать эти деньги, но нет так нет, – с легким сердцем решила Миури. – Аванс Регине придется вернуть... Ничего, управимся.

Донат признался, что нуждается в отдыхе, так что он завернет, как обещал, в несколько деревень, а после устроит себе отпуск. Его приглашали в гости Келхар и Элиза. Сейчас они поехали в столицу, чтобы заключить брак перед Зерцалом Истины, а потом отправятся в родовое поместье Севегустов; за это время Донат разберется с оборотнями, которые досаждают здешним селянам, и тоже туда поедет.

Ник рад был узнать, что Элиза ушла от Ксавата цан Ревернуха к хорошему парню. О «сумасшедшем металлисте» Донат отзывался с уважением:

– Вот это истинный высокородный! Не то, что проходимец Ревернух... Аристократ, каких поискать, для меня честь, что он был моим учеником. И девочка славная... Это ведь Келхар тебя развязал и отпустил, пока мы с ней ездили в Рансяльех?

Ник вздрогнул, сперва проямлил что-то невразумительное, потом начал энергично возражать.

– Так я и подумал, что Келхар, – понимающе усмехнулся охотник. – Сам бы ты не справился.

Ник увильнул от прямого ответа. И о Дэлги не стал распространяться, хотя Донат исподволь старался побольше выведать о своей упущенной «дичи».

Пока он сидел под деревом, с умеренной грустью наблюдая, как меняет цвет небо над потемневшими кронами гиомарий, мануг в мундире испекся, а

кофе остыл.

– погоди, попробуй вот так, – Донат посыпал разломанный розоватый клубень, наподобие крупной картофелины, каким-то оранжевым порошком и сухой зеленью. – Для аппетита, старый охотничий рецепт, а то больно ты худой, так нельзя...

Похоже, он испытывал неловкость из-за того, что в прошлый раз своими угрозами довел Ника до голодовки, и теперь во время каждой трапезы с мрачноватой заботливостью уговаривал его съесть побольше.

Запеченный в углях мануг, щедро посыпанный приправами, оказался отменно вкусным блюдом, а кофе Нику и холодный нравился.

Листва почти не шелестела, зато птицы заливались вовсю, и в их хор вплетался еще какой-то звук – далекий, жалобный.

– Тихо! – Донат поднял палец. – Слышите?

– Это с той стороны, – Миури указала на юг.

– Как будто потерявшийся щенок скулит, – определил Ник. – Я схожу, посмотрю?

– Бить тебя надо, – проворчал Донат, смерив его осуждающим взглядом. – Был бы мой ученик, сейчас получил бы затрещину. Куда пойдешь один, а если там тварь?

– Это может быть какое-нибудь животное, – предположила Миури. – Если мать погибла, а детеныш остался... Бедный, как плачет! Пожалуй, мы с Ником сходим вдвоем.

– Тогда уж втроем, – решил охотник. – Заодно посмотрю, как будет себя вести мое колено. Ник, меч возьми и не вылазь вперед. Преподобная сестра, вас тоже прошу держаться у меня за спиной.

То раздвигая, то обходя кустарник, усыпанный лилово-черными виноградинами, они направились в ту сторону, где скулил несчастный зверь. Наконец заросли расступились. Небольшая полянка, посередине стоит сарай, сколоченный из старых серых досок, дверь закрыта на щеколду. Жалобный скулеж доносился изнутри.

– Он там, – сказал Ник. – По-моему, это щенок, а не лесное животное.

– Имей в виду, мы не можем завести собаку, – предупредила Миури. – Отдадим кому-нибудь в деревне.

– Не похоже, чтобы там была тварь, – в раздумье произнес Донат. – Хотя всякое бывает... Обождите-ка...

И тут обитатель сарая кинулся на дверь, так что щеколда отлетела, и выскочил наружу, гремя волочащейся за ошейником длинной цепью. Он радостно визжал, отчаянно вилял толстым кургузым хвостом, умильно и преданно заглядывал людям в глаза. Только бы не ушли без него, только бы взяли с собой!

Когда он с восторженно-умоляющим повизгиванием ткнулся большой головой Нику в бедро, тот, потеряв равновесие, уселся на землю и обрадованно выпалил:

– Так это же Заинька!

– Да какой тебе Заинька, парень, – в замешательстве возразил Донат. – Грызверг это, самый настоящий – смотри, какие зубы! Только поведение странное...

– Его хозяйка называет Заинькой, – пояснила Миури. – Надо снять цепь, то-

гда я смогу посадить его в кулон.

– Постой минутку спокойно, – уговаривал Ник, возясь с карабином, в то время как Мардарий норовил лизнуть ему руку. – Подожди, мы Заиньку к мамочке отвезем!

Цепь упала на землю, но заключить грызверга в кулон удалось не сразу: он так и жался к Нику, а если тот его отталкивал, принимался испуганно скулить, поджимая хвост. Словно боялся, что его оставят здесь одного. Или хуже, чем одного, – наедине с тем невыразимо ужасным, которое скрывается за кустами в южной стороне.

Улучив момент, когда Ник спрятался за спиной у охотника, Миури бросила кулон. Сразу стало тихо.

– Что это за диковинка? – ошеломленно покачал головой Донат. – Расскажешь кому – не поверят.

– Это грызверг Регины цан Эглеварт, – Миури подобрала рубин на цепочке и протянула Нику. – Надевай. У него разительно изменился характер, но в этом нет ничего удивительного. Бедный пес видел, как Король Сорегдийских гор принял свой истинный облик.

Охотник, услышав это, насторожился, насупился, потом сгреб обоих, одной рукой Ника, другой «бродячую кошку», и поволок напролом через кустарник в ту сторону, откуда пришли. Какое там больное колено! Ник мог только трепыхаться и отворачивать лицо от царапающих веток, Миури находилась не в лучшем положении. Выбравшись на заросшую желтыми колокольчиками прогалину, Донат остановился, отпустил их и велел:

– Ждите здесь. Никуда ни шагу. Я разведу и вернусь.

– Чего это он? – шепотом спросил Ник, когда старый охотник почти бесшумно исчез в чаще.

– Подождем. Объяснит, – поправляя свой головной убор с кошачьими ушками, ответила Миури.

Вернулся Донат довольно скоро.

– Чуть не угодили в ловушку, – сообщил он озабоченным сумрачным тоном. – Мы побывали на заповедной территории! Окаянная тварь разломала забор на этом участке, чтобы построить конуру для грызверга.

– Он же нас не тронул, – возразил Ник. – Это была не ловушка, просто он вернул нам Мардария, вот и все.

– Не тронул, потому что не успел, – сердито пробурчал охотник.

– В любом случае хорошо, что грызверг нашелся, – опередив Ника, приготовившегося спорить, перевела разговор на другую тему Миури. – Теперь мы сможем выполнить заказ Регины цан Эглеварт и получить деньги.

Пропахшая дешевыми специями гостиница в приморском городке, который оскорбительно не похож на Хасетан и за одно это не имеет права на существование. Однако он существует, по его улицам разгуливают отвратительные тупаки, уродливые дома царапают застиранное небо острыми черепичными крышами, за окном, на каменном карнизе, паршивенькие травинки дрожат на ветру. От всего этого с души воротит. А Хасетан, город-легенда, опять недосягаем. Только и радости – знать, что он где-то есть.

Закрывшись в номере, Клетчаб сбрил усы и высветлил волосы. Лицо в зеркале показалось ему помятым и поблекшим, чтобы не сказать потасканным.

Под стать городку, где он совершил над собой сию вынужденную процедуру, просто срань соба...

Стоп. Никакой больше «срани собачьей». Придется переучиваться на что-нибудь другое. Ксават цан Ревернух, проштрафившийся министерский чиновник, должен бесследно исчезнуть, слишком много за ним делишек поднакопилось.

Еще одна паскудная деталька. Сорегдийский пожиратель душ, как и многие подобные твари, будучи в своем истинном облике, способен проникать в чужой разум. Он утащил живьем двух макиштуанцев-наемников – стало быть, уже знает все, что знали они. Догадался ли оглоед окаянный о том, что высокородный господин цан Ревернух – это Клетчаб Луджереф собственной персоной, никому не ведомо. Возможно, и пронесло. Но он, небось, учел, что Ревернух принимал деятельное участие в организации охоты, и захочет поквитаться. Пора менять личину. Жаль, нет под рукой второго зеркала-перевертыша.

Лишь бы ничего не случилось с Ником. Лишь бы он продержался подольше. Пока он жив, Король Сорегдийских гор будет преследовать не старого ловкача Луджерефа, а другую жертву. Шутка ли – грызверга натравил!

Надо будет взять новое имя и обзавестись новыми привычками. И раздобыть денег... Банковские счета Ксавата цан Ревернуха, скорее всего, арестованы, так что он теперь нищий, хуже Келхара.

С досады Клетчаб сплюнул на пол. Так себе получилось, без прежнего хасетанского шика – разучился за четверть века. А он все равно еще раз сплюнул! Приятно, что ни говори, снова стать самим собой, обрести утраченную индивидуальность.

– Да я вам за это ни рикеля не заплачу!

Регина цан Эглеварт стояла посреди зала с мозаичными концентрическими кругами на полу и проклюнувшимися из оштукатуренных сводов позолоченными лепными бутонами. Ее набеленное лицо исказилось от злости, бриллианты на шее и в диадеме сверкали, как капли из грозовой тучи.

Вчера Ник и Миури отдали Мардария хозяйке, и на сегодняшнее утро им было назначено прийти за деньгами. Регина заставила их прождать битый час, а теперь визгливо кричала – как будто по залу металась акустические молнии.

– Мы доставили вашего грызверга из Рифала в Макишту, – улучив паузу, с достоинством сказала «бродячая кошка». – Все как договаривались. Разве мы не выполнили заказ?

– При чем тут выполнили – не выполнили? Формально выполнили, а что вы с ним сделали?! Мардарий после вашего кулона на себя не похож! Он теперь боится темных углов и начинает плакать, если его оставить одного! Даже ни на кого больше не бросается! Наверное, вы моего Заиньку били! И вы еще хотите за это денег?!

– Задание выполнено, – продолжала дипломатично настаивать Миури. – Мардарий цел и невредим, вы ведь не можете это отрицать?

– Невредим, да?! Он стал нервный! Вы же кошатница, вы собак не любите, специально его запугали! Он у вас в кулоне еще и блох подцепил! Вон отсюда! Никому больше Заиньку не отдам!

Регина наступала на них, скаля мелкие жемчужные зубки и сжимая кулаки. Ник испугался, что она полезет в драку.

– Убирайтесь! Кошка драная помойная, вот вы кто! Сама блохастая, и Заиньку моего блохами заразили! Чтоб ноги вашей больше здесь не было! Во-о-он!!!

– Пойдем отсюда, – шепнула Миури.

Когда очутились на жаркой улице, под глухой мозаичной стеной дворца, очертаниями напоминающего Тадж-Махал, монахиня пробормотала:

– По крайней мере, у нас остался аванс. Я его не верну.

– Может, стоило рассказать ей? – неуверенно спросил Ник.

– Рассказать, что ее Заинька гонялся за Королем Сорегдийских гор и увидел то, чего ни одному смертному существу лучше не видеть? Не думаю, что это могло бы ее успокоить.

Они дошли до Макиштуанского университета – большого терракотового здания с позолоченными карнизами, ослепительно сверкающими на солнце. Дальше, за площадью с изваянием Ящероголового и насестами для трапанов, простиралась нецивилизованная часть города: улочки, где прямо из окон первых этажей торгуют чем придется, толпы смуглых полутолых макиштуанцев в широких шароварах, расшитых разноцветными бусинами, грязные столики открытых кофеен под тростниковыми навесами, блестящие каналы с сонмом лодок. Этот мир и манил, и внушал опаску.

Еще дальше – синеватая горная цепь. Три года спокойной жизни, потом придется на несколько месяцев уехать на север.

Возле университетской ограды навстречу попался «бродячий кот». Низко поклонился Миури, и они заговорили о чем-то своем, мешая человеческую речь с мяуканьем.

Ник отошел к решетке. И в сквере с невысокими пальмами, и на крыльце в тени колоннады толпились парни и девушки. Он тоже мог бы там учиться... Эта мысль его слегка удивила: раньше он об этом не думал, раньше он просто ничего не хотел. А теперь... Теперь на месте атрофированных желаний начали возникать какие-то слабые импульсы, и Ник, жмурясь от яркого солнца, зловороженно смотрел на своих сверстников по ту сторону ограды. Он ведь когда-то собирался поступать в МГУ! Сколько времени он об этом не вспоминал?

Оглянулся. Рядом со здоровенным котярой-монахом Миури казалась миниатюрной, но тот уселся на тротуар и смотрел на жрицу снизу вверх. Кошачья поза подчинения. Если бы мог, он бы еще и уши прижал.

Ник опять повернулся к университету – и сердце провалилось в пятки. Тоненькая, бледнокожая, с длинной черной косой... Она стояла у подножия лестницы, в группке других студенток. Позвать ее? И что он скажет?.. Обеими руками вцепился в решетку.

Словно почувствовав его отчаянный взгляд, девушка повернула голову. Вздернутый нос, незнакомый профиль.

Ник ощутил и облегчение, и острое разочарование. Почти набрался смелости, чтобы окликнуть ее по имени – и тут выясняется, что это не она.

«Я не могу без тебя жить» – редко встречающаяся крайность. «Я не могу без тебя жить так, как жил раньше» – ближе к истине. Если разобраться, Дэлги поступил довольно жестоко, устроив ему знакомство с Эннайп.

Студентка с длинной черной косой рассматривала Ника с полуулыбкой и

словно приглашала взглядом: подойди, я не против. Он не хотел с ней знакомиться. Он просто ошибся.

– Ник, что с тобой? Перегрелся?

«Бродячая кошка» закончила общаться с младшим собратом и стояла рядом.

– Мне показалось, что там Эннайп цан Аванебих, но это не она.

– Откуда бы ей тут взяться? – хмыкнула Миури.

– Она говорила, что будет учиться.

– Не здесь ведь. Макиштуанский университет открыли для небогатой, но способной молодежи, обучение здесь бесплатное, за счет императорских дотаций. Посредница между Аванебихами и Королем Сорегдийских гор в истинном облике – слишком важная фигура, чтобы учиться в таком заведении. Вряд ли она будет ходить на лекции, лучшие профессора сами к ней придут для персональных занятий.

– Ясно... – пробормотал скисший Ник.

– Ты уверен, что тебя не хватил солнечный удар? – Миури озабоченно свела брови.

– Нет. То есть да.

– Ты влюбился в Эннайп цан Аванебих, – констатировала «бродячая кошка».

– Ну... наверное...

– Хорошо.

– Что здесь хорошего?

Он удивился. Это же больно.

– Честно говоря, меня беспокоило то, что за эти полтора года ты ни разу не влюблялся. Ты ведь не просветленный. Одно дело, если человек преодолел земные страсти и поднялся на более высокий уровень духовного развития, и совсем другое, если он не способен их испытывать из-за перенесенных страданий. Так что в твоем случае влюбиться – это хорошо. Признак выздоровления.

– Я даже не знаю, интересуется ли она мной хоть немного, – грустно пожаловался Ник.

– Хм... Девочка ради твоей безопасности ворожила каждую ночь, и ты после этого спрашиваешь, интересуется ли она тобой?

– Она же высокородная, из высшей аристократии, из очень богатой семьи. Что я мог бы предложить такой девушке?

– Здорового ребенка, извини за циничную прямоту.

Ник уставился на Миури в растерянности. Ему не приходило в голову посмотреть на вещи с такой точки зрения.

– Не хлопай ресницами, не маленький, – строго сказала «бродячая кошка». – К твоему сведению, переговорщица находится на исключительном положении и может делать, что захочет, ей никто не указ.

– Кроме Дэлги, – подавленно напомнил Ник. – А его из-за меня Мардарий чуть не загрыз. Помнишь, сколько там было крови? И эта надпись на горе, которую мы видели...

– Тогда постарайся влюбиться в другую девушку. Они все время на тебя заглядываются, а ты замечаешь это один раз из десяти. Хочешь туда? – Миури кивнула на терракотовое с золочеными карнизами здание за оградой.

– Разве мне можно?

– Не можно, а давно пора.

– Я думал, что я должен стать монахом.

– Ты не давал никаких обетов и ничем не связан. Я тебя взяла, потому что меня попросили об этом кошки в Нойоссе. Ты им нравился, они тебя пожалели и решили пристроить в хорошие руки. Так что сам определишься, кем ты должен стать. Здесь учатся не только илихейцы, есть и твои соотечественники. Можем сейчас туда завернуть, посмотришь, какие есть факультеты, возьмем список литературы для подготовки к вступительным экзаменам. Заниматься будешь под моим руководством.

Видно было, что ее увлекла эта идея.

– Хорошо, я подумаю.

– О чем тут думать? Хватит быть маргиналом! Кстати, бесплатный императорский университет есть и в Раллабе, можно туда, подальше от Сорегдийских гор.

– Лучше сюда. Там холодно, а у меня после той зимы в Москве от одного вида снега начинают зубы стучать.

– В Раллабе не всегда зима. У тебя будут теплая одежда и жилье с отоплением.

– В субтропиках я буду учиться лучше.

От Макишту до Эслешата намного ближе, чем от Раллаба до Эслешата. Не поедет он на север. Ни сейчас, ни через три года.

Он не боялся встречи с Дэлги. Почти не боялся. Наоборот, хотел с ним поговорить.

– Госпожа жрица! – к ним подбежала, запыхавшись, девушка в синем халате с вышитыми гербами цан Эглевартов. – Госпожа жрица...

Получилась у нее «жажрица». Миури, которую так обозвали, ожидала продолжения с вежливым спокойствием.

– Господин цан Эглеварт приглашает вас и вашего помощника вернуться во дворец. Прошу вас, госпожа, пойдёмте! Мой господин наказал обязательно догнать вас и вернуть.

«Бродячая кошка» размышляла всего секунду, потом сказала:

– Ник, пойдём.

По дороге, выбрав момент, когда провожатая забежала вперед, она шепнула:

– Со мной ты в большей безопасности, чем в одиночку.

Служанка провела их внутрь через неприметную дверцу в мозаичной стене. Захламленные коридорчики, вдоль стен стоят перевязанные корзины и коробки, старая мебель, картины в чехлах. Все покрыто слоем пыли.

Перед тем как отворить дверь, за которой начинался коридор с лакированным вишневым паркетом, девушка оглянулась и с заговорщическим видом приложила палец к губам. Ник вспомнил, как их принимала Регина в рифалийском дворце: тогда были такие же предосторожности.

Богато обставленный кабинет. Деревянная мебель с инкрустированным геометрическим орнаментом. Сервированный на три персоны столик: вино, блюда с закусками, фрукты. Невысокий мужчина с крупными мясистыми ушами и большими залысинами улыбается Миури и Нику будто своим лучшим друзьям.

– Я должен поблагодарить вас, преподобная сестра, вы оказали воистину

неоценимую услугу и мне, и всем моим домочадцам! А также отдать ваш гоно-рар... Прошу, присаживайтесь, и вы, юноша, тоже. Какую сумму должна вам моя жена?

Миури слегка приподняла светлую золотистую бровь, но сумму назвала с невозмутимым видом.

– Прекрасно, я заплачу. Я ваш вечный должник. Это лучшее вино из моих виноградников, попробуйте... Смелее, молодой человек. Я давно уже находился в затруднительном и щекотливом положении, преподобная сестра, мне надо было избавиться от опасного животного, которое представляло угрозу для окружающих, и в то же время сохранить мир в семье. Регина не хотела расставаться со своим любимцем, я не видел выхода, и вдруг вы нашли блестящее решение! Мардарий жив-здоров, но стал безобидным. Регина недовольна, однако я думаю, что она скоро привыкнет. Я не знаю, как вас благодарить, и вся наша прислуга молиться на вас готова. Отныне грызверг относится к людям дружелюбно, не пытается никого растерзать... Из-за него мои домашние жили в постоянном страхе, а теперь это забудется, как дурной сон. Прошу вас, угощайтесь!

Ник во все глаза смотрел на Эглеварта. Он ведь такого о нем навоображал... Помесь злобного громовержца и босса чикагской мафии, всемогущий, грозный, безжалостный враг с невероятно длинными руками – таким был цан Эглева-рт в его представлении. А реальный прототип оказался совсем не зловец-ким и не страшным: лысеющий немолодой чиновник, усталый, обходитель-ный, стремящийся любой ценой избежать конфликтов. Вероятно, подкаблущ-ник.

– Как вам удалось перевоспитать Мардария? – выпытывал он у Миури, до-верительно понизив голос. – Магия или дрессировка?

«Бродячая кошка» с загадочным видом молчала. А что ей еще оставалось? Не объяснять же, что за «перевоспитание» Мардария надо сказать спасибо Ко-ролю Сорегдийских гор.

Из резиденции их вывели тайком, чтобы Регина не проведала, зато в этот раз они уходили с деньгами, провожаемые не руганью, а благодарными взгля-дами и низкими поклонами эглевартовской прислуги.

– Устроим пир для кошек со всего Макишту, да еще останется тебе на учеб-ники, – весело сказала Миури, после того как дверца в мозаичной стене за ни-ми закрылась.

На одной из раскаленных извилистых улиц мелькнул в витрине магазин-чика дешевой одежды тонкий силуэт. С оборвавшимся сердцем Ник повернул-ся.

Хрупкая женщина лет сорока, длинные темные волосы собраны в такой же хвост, как у Эннайп. Только и всего.

Он через силу заставил себя улыбнуться и прибавил шагу, догоняя «бродя-чую кошку».

Антон Орлов Убийца наваждений

Мороки Лонвара

Поднебесная, одна из тех густо застроенных лонварских горок, где в пасмурную погоду отяжелевшие облака цепляются за печные трубы, а то и устраиваются подремать на влажных черепичных крышах, славилась своими закусочными. Нигде больше не умели так запекать придонную толстобрюшку под сырным соусом или варить кавью – экзотический напиток из жареных коричневых зерен, которые возят из-за океана, из далекой Иллихеи.

Удовольствие стоило того, чтобы взбираться по старым выщербленным лестницам и наклонным мостовым, однако Темре поднялся на эту верхотуру не ради еды. Ему хотелось побыть в одиночестве, но так как уединение в четырех стенах не представлялось надежным – найдется, кому его нарушить, – он отправился туда, где с утра до вечера гвалт и суতোлка. Бывает, что в толпе затеряться проще, чем в собственной квартире.

Хозяин забегаловки с двусмысленным названием «Крабий пир» окинул его одобрителем взглядом: посетитель из приличных. Хорошо одет, лицо задумчивое и невеселое, но спокойное. Не зыркает по сторонам, нет в нем того потаенного напряжения, которое выдает сквернавца, прикидывающего, как бы пожрать да сделать ноги, не заплатив.

Ладно скроен, гладкие темные волосы собраны в консервативный хвост на затылке. Худощавое смугловатое лицо выглядит аристократически красивым, хотя сразу видно, что это один из паршивых гронси, которые поналезли в Лонвар со своих паршивых островов, а вовсе не чистокровный венгос вроде самого хозяина – характерно раскосые глаза цвета морской воды выдают мерзавца с потрохами.

Впрочем, владелец «Крабьего пира» был человеком тертым и знал, что гронси тоже друг дружке рознь: в большинстве они нагловаты, шумны, сварливы, но порой среди них попадаются индивиды до того образованные и культурные, что далеко не всякий венгос с ними сравнится. Сдается, этот парень из таких.

Темре потребовал кавью двойной крепости без сахара. По слухам, в Иллихейскую Империю, где ее выращивают, она попала из другого мира, который временами посещают тамошние жрецы-маги. Может быть. Ему нравилось об этом думать, сидя с чашкой восхитительно горького темно-коричневого напитка на небольшой открытой веранде закопченной закусочной.

Далекие чужие миры, столь же далекая и загадочная Иллихея, до которой плыть и плыть, изысканная горечь кавьи... То, что нужно, чтобы хоть на четверть часа забыть о проблемах.

Проблемы были какие всегда – Соймела и родственники. Всем подавай денег. Так повелось, что за деньгами они шли к Темре, а тот не мог отказать ни бывшей жене, ни ораве родных попрошаек.

Вот уже с месяц, как он сам всю экономил. Никакой работы. Тишь да гладь, словно вернулся на землю золотой век. Ученые маги объясняли это тем, что *хаддейна* – одна из незримых оболочек мира, тонкая темная субстанция,

заполненная бесчисленным множеством вероятностных зародышей, пребывающих, как выразился автор монографии на эту тему, «в сослагательном состоянии», – в настоящее время находится «в фазе полного покоя и повышенной вязкости».

Как долго это продлится, неизвестно. Кому счастье, кому не очень. Если б Темре взял за правило что-то откладывать на черный день... Но тут отложишь при таком количестве спиногрызов! В придачу к этому компенсацию за ущерб, причиненный его соседям и домовладельцам в ходе разборок с Клесто на двух прежних квартирах, он закончил выплачивать не так давно, как раз перед началом затишья. Спасибо еще, те, чье имущество стараниями Птичьего Пастуха пришло в негодность, оказались людьми сговорчивыми и согласились на рассрочку. Темре меланхолически, с примесью досады, вздохнул: не стоит сейчас об этом. Кавья слишком хороша, чтобы портить себе удовольствие бесполезными сожалениями.

Одетая в булыжную чешую улица горбом выгибалась к дымному поднебесью, которое выглядело как на рисунке, где густо раскрошили синий, лиловый, серый карандашные грифели и все это, перемешав, растерли. Лонварское небо всегда такое, слишком много в этом городе труб, днем и ночью изрыгающих клубы дыма, который постепенно расплывается, добавляя воздушной бездне зыбкой прозрачно-пепельной мглы. Кто-то знаменитый поэтично назвал Лонвар «столицей пара», но правильнее было бы назвать его «столицей копти».

Стены кирпичных домов с балаганно-пестрыми вывесками испятнал многолетний черноватый налет. В закусных и лавках не протолкнуться, улица тоже кишела народом. Сквозь запахи гари, специй, жареной рыбы, гниющих отбросов и кавьи изредка пробивался, налетая с порывами ветра, запах моря, которого из-за тесной застройки отсюда не было видно.

Веранда с ветхими деревянными столбиками и подвешенными на веревках плоскими бронзово-рыжеватыми рыбинами, высушенными до состояния несъедобного реквизита, смотрела на улицу из своей ниши, словно театральная ложа на сцену. Мимо сновали прохожие, людской гомон мешался с городским шумом. Солнце сияло из клубящейся слоистой синевы, словно заблудившееся в грязноватом зеркале отражение.

Темре заказал вторую чашку двойной кавьи, на этот раз с тремя ложками сахара. Сейчас он медленно, смакуя, выпьет ее, расплатится с хозяином, а потом неспешно спустится по истертым каменным ступенькам на улицу Стейго Кальмарборца, прогуляется вдоль канала с таким старым, что он уже крошиться начал, барельефом на парапете, изображающим историю Стейго и Царя Кальмаров. А потом неплохо бы зайти в магазинчик иллюзий на улице Вернувшихся Кораблей и справиться насчет новой рамги Ким Энно. Хотя определено еще рано, сказали же – в конце месяца. Но почему бы не вернуться туда по дороге?

Хозяин, в свою очередь, поглядывал на этого утонченно культурного гронси с нарастающим раздражением: нет бы обед заказал, так он рассиживает и кавью еле цедит, словно барышня в гостях! Выглядит порядочным господином, а жрать не хочет – никакой прибыли с такого клиента. Разве что взять с него за кавью втридорога...

Ни тому ни другому не суждено было осуществить свои планы.

Вначале изменился характер шума: вместо обычного дневного гула, свидетельствующего о деловитой и благополучной людской суеде, – вопли, грохот, визг, звон бьющегося стекла, надрывный собачий лай. Сразу вслед за этим стало темновато, как будто на солнце напозла туча.

Подняв взгляд, Темре увидел, что у тучи этой имеется отвислое грязновато-белое брюхо, как будто вырезанные из мутного льда плавники с черными шипами и несколько пар суставчатых конечностей с клешнями. Величиной это непотребство было с полтора дома, а то и побольше, и заслонило зажатое меж двух рядов крыш небо, враз погрузив улицу в тень.

Рыба-палач. Самые крупные из выловленных экземпляров достигают в длину трех бутов, или же трех локтей, как выражаются по старинке на Гронскийских островах. Обитает рыба-палач в шельфовых водах умеренного пояса. В водах, а не среди облаков! Зато каких только небылиц о ней не плетут, слушаешь – нервный озноб пробирает. Ага, особенно если слушатель способен представить себе последствия такого сочинительства...

Вот оно, последствие. Плывет по небу, застыл солнце, в одной клешне болтается белая тряпка – сорванная с подвернувшегося балкона простыня, в другой зажата откромсанная человеческая рука. Последнее скверно. Не только потому, что жаль беднягу: если морок успел кого-то убить и отведал крови, это придает ему сил – тем труднее будет с ним сладить.

Закончилась «фаза полного покоя». Хаддейна проснулась.

Проглотив остатки кавьи, Темре поставил чашку и поднялся из-за столика, вытаскивая из внутреннего кармана маску. В свернутом виде она была похожа на съезжившуюся в комок медузу, в расправленном облепляла лицо и переднюю часть шеи. В первый момент ее обладатель выглядел как комедиант, которого ткнули физиономией в желе, но потом на пластичной белой субстанции проступали руны, как будто нанесенные черной и алой тушью, и зрелище приобретало более пристойный вид.

Маска убийцы наваждений – это не только средство защиты, прикрывающее лицо и горло. Это еще и рабочий инструмент, позволяющий распознать морок и определить его основные характеристики.

Чудовищно громадная и при этом неподвластная силе тяготения рыба-палач в «распознании» не нуждалась. Сразу ясно, что она собой представляет, – этот возникший из ничего ужас, едва не задевающий брюхом трубы и флюгера, не чем иным, кроме как воплотившимся мороком, быть не мог.

Благодаря маске Темре разглядел, что ее плотность неоднородна, колоссальная туша как будто слеплена из разных кусков. Местами она была с виду вполне настоящая, а местами полупрозрачная – на таких участках сквозь нее просвечивали исполощенные птицы и похожие на маленьких дракончиков трапаны, небо в дымных разводах, солнце, которое никуда не делось, хотя сперва напрашивалась догадка, что рыба-палач его проглотила.

Коллективное исчадие. Это и хорошо, и плохо: с одной стороны, у такого морока немало уязвимых точек, с другой – чем больше народа влило в него свою силу, тем тяжелее с ним справиться.

Поднос с кружкой пива и тарелкой пряной ухи вывалился из рук хозяина «Крабьего пира», осколки разлетелись по полу, штаны и фартук забрызгало, но он ничего не замечал, оторопело уставившись на морское страшилище, нависшее над улицей. Потом опомнился и попятился к двери в подсобку, еле пе-

реставляя одеревеневшие ноги. Взгляд упал на преобразившегося гронси: на лбу и на щеках руны, вместо глаз тоже руны... Так вот что это за гость!

Повезло... Вернее, не повезло, что сюда пожаловал треклятый морочан, чтоб тем, кто вызвал его к жизни, до конца дней считать гроши, но зато подфартило, что этот парень оказался убийцей наваждений. Такому гронси можно все простить, даже то, что он не венгос, лишь бы свое дело сделал. Хозяин решил, что, пожалуй, не возьмет с него денег за кавью, пусть только не оплошает и развоплотит окаянную рыбину до того, как та успеет причинить ущерб заведению.

Поднебесную охватила паника – густой питательный бульон для набирающего силу морока. Что касается крови, тоже недостатка не будет: кое-кто застыл столбом посреди улицы, иные из жителей верхних этажей, нет бы им забиться в глубь своего жилья, прилипли к окнам, пытаясь рассмотреть, что там, снаружи, приключилось.

Высунувшись из-под навеса веранды, Темре вскинул сжатый кулак. На среднем пальце массивный перстень из тусклого потемневшего серебра. Прозрачный, как слеза, камень зашлифован восьмигранной пирамидкой. Благодаря наведенным чарам боевой перстень убийцы наваждений до поры до времени в глаза не бросался и свою истинную природу обнаруживал, лишь когда доходило до боя.

Из острия камня, направленного на морок, вырвалась серебристая игла. Длинной она была около бута и казалась нематериальной, словно сверкнувший в воздухе луч или световой блик. Она не смогла бы повредить ничему вещественному. Оказавшийся на ее пути человек ощутил бы внезапное замешательство или вспышку беспокойства – короткое беспричинное неудобство, которое в следующий момент угаснет. Зато на тварь, порожденную рыбацкими байками и ползучими людскими страхами, она подействовала как пуля со смещенным центром тяжести.

Нависшее над улицей чешуйчатое брюхо содрогнулось, в нем разверзлась рана размером с суповую тарелку. Ни крови, ни прочих естественных выделений: морок возник недавно и сожрал недостаточно, чтобы полностью уподобиться живому существу. Просто зияющая дыра, а внутри не то пустота, не то пока еще однородная темная масса – снизу не разобрать.

Вторая игла пронзила сустав конечности, нацелившейся в окно на третьем этаже дома напротив. За стеклом что-то мелькнуло. Жильцы, на свою беду, разглядели чудовище, и охвативший их ужас послужил приманкой: такие твари улавливают направленные на них человеческие эмоции куда лучше, чем звуки или запахи. Бурая бугристая клешня легко могла бы выбить окно и схватить кого-нибудь из людей, но Темре успел раньше. После выстрела клешня повисла, будто гиря величиной с винный бочонок.

Суставчатых лап, покрытых по всей длине заостренными наростами, у рыбины было восемь. На две пары больше, чем у ее реального прототипа. Все они, кроме свисавшей плетью поврежденной конечности, находились в полусогнутом положении и мерно шевелились, словно водоросли в полосе прибой. Их движения казались ленивыми и умиротворенными – обычный для морских тварей обман: атакующая рыба-палач способна сделать внезапный рывок и сцапать добычу с молниеносной быстротой. Вряд ли морок лишен этого качества.

Единственное хорошо: не сказать, чтобы все они были одинаково опасны. Одни, более материальные, колыхались с хищной вкрадчивостью, как будто готовясь к броску, а те, что слегка просвечивали, больше напоминали неспособную на активные действия растительность, хотя и двигались в такт с остальными.

Коллективный морок состряпан из разнородного материала: кто-то из виновников в меру побаивался, но особого значения рассказам о рыбе-палаче не придавал, кто-то с упоением пугал других, а кто-то давился страхом и купался в страхе... Последнее – хуже всего. Хуже для Темре, которому предстоит расхлебывать их стряпню, раз уж ему повезло оказаться в нужное время в нужном месте. И вдобавок для тех, кто может пострадать.

Перстень выдавал по две иглы подряд, после чего требовалось некоторое время, чтобы он накопил энергию. Кристалл заимствовал силу у своего владельца, однако повлиять на него, чтобы заряжался поскорее, не было никакой возможности. Ученые маги давно пытались решить эту проблему – сделать оружие против порождений хаддейны более скорострельным, но пока не преуспели.

Конечностей, представлявших угрозу, Темре насчитал пять штук. Минус подстреленная. Осталось четыре. Прочие болтаются просто так, для пущего ужаса. Правда, это до поры до времени: если морок просуществует достаточно долго, они «оживут» и тоже станут опасными.

Настороженно сощурив глаза под маской, Темре оглядел с веранды обезлюдившую улицу. Народ попрятался в лавки и закусовые, на мостовой валялись оброненные в суматохе вещи – зонтики, газеты, галоша без пары, все еще дымящаяся трубка, длинный вязаный шарф, бумажный кулек, из которого высыпались крупные полосатые семечки мушгры. Все двери были плотно закрыты.

Жильцы здешних домов, кто поумнее, вспомнили «Правила поведения при явлении морока угрожающей категории» и укрылись в глубине квартир, но в некоторых окнах маячили бледные лица. Охотники до острых ощущений упивались зрелищем. То, что их страх, смешанный с болезненным любопытством, течет к мороку питательными ручейками, помогая ему восстановить силы, их, очевидно, не волновало. Каждый уверен, что уж его-то боги помилуют, пронесет.

Разбухшее рыбье брюхо накрыло улицу, как будто между крыш противостоящих домов приладили провислый грязный тент. В воцарившемся сумраке, словно в мутной воде, вяло шевелились громадные ледяные плавники с похожими на черные копыта шипами. Они были парные, справа и слева, и тяжело шоркали по стенам, оставляя на закопченном кирпиче царапины. Ударился о булыжник, сбитый с балкона ящик с зеленью.

Характерного для морских животных запаха не было: в злополучных байках, вызвавших к жизни это страшилище, ничего не говорилось о том, как оно пахнет. Со временем рыба-палач наверстала бы упущенное, но Темре не собирался давать ей шанса. Скоро перстень снова будет готов к бою. Немного осталось.

Одна из конечностей взметнулась, раздался звон стекла, хруст выломанного переплета, завизжала женщина. Мелькнула розовая оборчатая сарпа, сверху закапала кровь. Темре все еще не мог ничего сделать. Крик стих, потом на

мостовую свалился истерзанный труп. Желудок у рыбины пока еще не сформировался, и в ближайшее время глотать она никого не станет, но пролитая кровь, боль, ужас, агония – это для нее само по себе лакомое угощение.

Вот теперь можно! Сначала Темре выстрелил по той клешне, которая убила женщину, потом по другой, но во второй раз промазал. С кем не бывает. Гораздо хуже то, что он не удержался от острой вспышки досады, благодаря чему морок его заметил.

Убийца наваждений во время схватки должен жестко контролировать свои эмоции. Если забудешь о том, что твой противник иллюзорен, если поведешь себя с ним так, словно он настоящий, ты его не победишь, и никакой перстень тут не выручит.

То, чего нет, не должно вызывать эмоций, иначе получится, что ты сам же его подкармливаешь, подтверждая его существование. Темре это усвоил еще в пору ученичества, но никто не заговорен от ошибок. Сейчас он невольно усложнил свою задачу: вместо того чтобы бесстрастно ждать, когда перстень накопит следующий заряд, в ближайшие минуты ему предстоит спастись от страшных клешней.

Рыбина почуяла врага. Опасного врага, которого надо уничтожить, пока не поздно. Что им полезно, а что бесполезно, такие твари улавливают в два счета. Две уцелевшие конечности устремились к веранде «Крабьего пира».

Отступив к стене, Темре пихнул навстречу клешне столик. Тяжелая деревянная столешница, засаленная и отшлифованная бесчисленными прикосновениями, затрещала, когда в нее вонзились шипы. От второй клешни пришлось уворачиваться. Веранда была невелика, развернуться негде, а дверь, ведущую внутрь, с той стороны заперли, если не забаррикадировали. Разумный поступок, в полном соответствии с «Правилами поведения при явлении морока».

То, что вытворял Темре, напоминало безумную пляску на небольшом пятчке пространства, помесь танца и акробатического номера. Как на тренировке. Вся надежда на скорость и ловкость. Разминуться с клешней хоть на волосок. И по возможности без эмоций... Тварь его не видит. Где-то там, над крышами, на огромной рыбьей морде глаза, скорее всего, есть, но здесь, внизу, она его может только почувствовать. Не давать ей наводку. И в каждый момент хоть чуть-чуть ее опережать. Несколько раз его слегка задело, порвав одежду и ободрав кожу, от соприкосновения с торчащими наростами остались порезы. Нестрашно. Главное, чтобы клешня тебя не схватила.

Избавиться от столика твари не удалось, и он мотался на конце лапы, как своего рода стенобитное оружие, круша остальную мебель и столбики веранды. Не поймает, так зашибет... Навес, оставшийся почти без опор, предупреждающе закрипел, и Темре, перемахнув через перила, спрыгнул на мостовую.

Перстень ожил. В этот раз и целиться не пришлось: он вывел из строя обе конечности, которые только что его ловили. Осталась одна последняя кроме тех, которые не в счет.

Устрашающе длинная лапа, обтянутая колючей, как терка, красновато-бурой кожей, вслепую обшаривала улицу в поисках противника. Под каким бы углом она ни изгибалась, вывих ей не грозил. Конечности настоящей рыбы-палача не обладают такой верткостью: у наваждений есть некоторые преимущества перед живыми существами. Покрытая шишковатыми наростами

клешня сжималась и разжималась, демонстрируя шипы величиной с человеческий палец.

Темре затаился возле крыльца соседней закуской. Свои эмоции он загнал в глубь души, все равно что запер в чулане. До поры до времени. Пока представление не закончится. Благодаря этому тварь не могла уловить, где он находится.

Клешня доломала веранду «Крабьего пира», выбила несколько окон, вгрызлась в балкон, увешанный разноцветными чулками и салфетками, а потом, когда подошел срок, Темре подстрелил ее. Больше эта дрянь никого не угробит.

Вторую иглу он послал в рыбе брюхо. Громадная туша содрогнулась, и вслед за этим стало чуть светлее: морок начал выцветать и просвечивать. Плавники, похожие на огромные зубчатые веера, казались уже не ледяными, а сделанными из тонкой прозрачной бумаги – ткни пальцем, и порвется.

На то, чтобы уплыть отсюда по небу куда-нибудь подальше, у иллюзорной рыбины не осталось сил. Если бы ее никто не трогал, ей бы удалось мало-помалу зарастить раны, тем более что люди продолжали подкармливать ее своим страхом и смятением, но еще два выстрела – и она утратила материальность, на глазах бледнея, истончаясь, распадаясь на туманные клочья. Вскоре и того не осталось.

Над улицей сквозь дымку смога вновь засияло солнце, налетевший ветер зашелестел разбросанными газетами. Темре вымотанно рухнул на стул под навесом «Морской тыквы», располагавшейся наискосок от «Крабьего пира». Костюм превратился в лохмотья, болели ссадины и царапины. Как обычно: морок сгинул, но последствия его визита никуда не делись.

Содрав с лица маску, убийца наваждений скатал ее в комок и затолкал во внутренний карман. В горле пересохло.

– Кружку пива. Большую. Или кавьи. Или воды, – произнес он хрипло, услышав за спиной звук открывшейся двери и людские голоса. – Или чего угодно.

Осознав, что с чудищем покончено, народ высыпал наружу. На труп женщины в окровавленной розовой сарпе кто-то набросил простыню. Появились полицейские в полосатых красно-желтых шапках. Фотограф устанавливал напротив разгромленной веранды «Крабьего пира» громоздкий ящик на треноге, а его горластый помощник отгонял зевак, чтобы не лезли в кадр.

Удрученный хозяин заведения, хмуро поглядев на них, выругался себе под нос. Веранду соорудили еще при его покойной бабке, и все это время она служила на совесть, разве что вонсю скрипела в последние годы, а теперь ее чинить, это во сколько же ремонт обойдется, денег же не напасешься... Не мог этот паршивый гронси, чтоб его морочан сожрал, дразнить чудище где-нибудь в другом месте, как будто недостаточно вокруг закусок! Ему и горя мало: сидит в «Тыкве», чтоб ей было пусто, и каждый норовит его угостить – герой сделал свое дело, а ты хоть по миру походи, это его уже не касается.

Хозяин дождался, когда фотограф щелкнет, и лишь после этого с отвращением сплюнул. Если хотите знать его мнение, гронси – это всегда мерзавец гронси, каким бы культурным он ни выглядел.

Оглядываясь на свое прошлое, полное ошибок и сложностей на пустом месте, Инора не раз просила мироздание послать ей учителя. Мироздание услы-

шало – и подбросило ей Кайри.

В конце концов, ему виднее, какой учитель кому нужен.

– Давай лезь сюда, потом будешь отдыхать!

Над глинистым гребнем с торчащими петлями корней белело в темноте сердитое треугольное личико. Хватаясь за корни, Инора с трудом вскарабкалась наверх и обессиленно уселась на землю.

– Вставай, идем! – нетерпеливо потребовала Кайри.

Инора с трудом поднялась на ноги. Спотыкаясь в потемках, они зашагали в ту сторону, где в ночном небе золотилось зарево Лонвара, сияющего десятками тысяч огней.

Будь она здесь одна, вряд ли бы встала. Так и сидела бы, дожидаясь своей кончины. Это настигло бы ее еще вчера. Но Кайри, узнав, в чем дело, вместо того чтобы отправиться к родственникам, захватив с собой деньги и драгоценности, которые Иноре больше не понадобятся, силком потащила ее в бега.

Результат: Инора до сих пор жива, хотя все ее мышцы ноют от непривычных нагрузок, мысли плывут сами по себе, как будто их гонит ветер, а вокруг темень и холмистое взморье, озаренное светом громадной иззелена-серебряной луны.

Моря пока не видно, иначе его выдавал бы далекий манящий блеск. Оно прячется в ночи в той же стороне, где находится столица. Среди этих горок и буераков запросто можно хоть ногу подвернуть, хоть шею сломать, зато и на машине здесь не проехать.

Автомобиль, преследующий поезд, Инора и Кайри заметили из окна. Никакой ошибки: дорога тянулась параллельно железнодорожным путям, кое-где ее отделяла от насыпи лишь травяная полоса, и можно было разглядеть, кто сидит за рулем.

Она попросила девочку перейти в другой вагон, ведь это существо гонится за ней, а не за Кайри, но не тут-то было. На очередной станции уже в сумерках Кайри буквально вытащила ее из поезда – на другую сторону от дороги, из машины не увидишь – и, когда они укрылись за кустами, сунула ей под нос флакон с «сонной болтушкой». Такого Инора не ожидала. Морок тоже не ожидал и отправился прежней дорогой вслед за тронувшимся составом. До сих пор «маяком» для него служили эмоции Иноры, но поскольку та лежала в кустах без сознания, введенная в заблуждение тварь решила, что жертва поехала дальше.

Когда Инора очнулась, они с Кайри двинулись в Лонвар пешком через равнину Кнагато, где на четырех колесах не покатаешься. Не иначе эту пересеченную местность назвали «равниной» в насмешку. Уже перевалило за полночь, а они все шли и шли, и столица ближе не становилась – словно луна над океаном, которая недостижимо висит у горизонта, вместе с ним уплывая от приближающегося корабля.

Браслет-фонарик со светящимися камнями на руке у Кайри слабо озарял землю, позволяя смотреть, куда ступаешь. Детская игрушка оказалась полезной вещью, без нее ни зги бы они тут не увидели. Порой с той стороны, откуда они ушли, доносились отдаленные паровозные гудки или начинал дуть ветер, у Иноры это вызывало ощущение мурашек по коже: вокруг ничего нет, а звуки и ветер есть.

Впереди опять выросла стена, заслонив зарево Лонвара. Склон очередной

возвышенности. Попытка обойти препятствие закончилась тем, что их развернуло назад. Небо усыпано звездами, это позволяло если не ориентироваться – чересчур громко сказано, – то хотя бы отслеживать, по прямой идешь или забираешь в сторону.

– Полезли, – решила Кайри. – Вдруг она все поняла и тащится за нами?

Это помогло Иноре решиться, хотя склон был хуже предыдущих. Крепостная стена с выпирающими наружу корнями столетних деревьев-стражей. Может, и в самом деле в древности тут стояла крепость, а это ее остатки? Неизвестно, что здесь можно увидеть при свете дня. Не исключено, что ничего из ряда вон выходящего. Но сейчас Инора и Кайри штурмовали в темноте какую-то головокружительную кручу, которая все не кончалась и не кончалась, задираясь к звездному небу.

Кайри, легкая и ловкая, выползла на гребень первая.

– Ты где?

– Здесь... – выдавила Инора.

Сил у нее совсем не осталось, дыхание сбилось, и пальцы страшно болели – вот-вот разожмутся.

– Выбирайся скорее!

– Я не могу... Больше не могу, сейчас свалюсь... Если что, иди в город сама...

Когда вокруг сплошная темень, трудно сказать, темнеет у тебя в глазах или нет. Никакой разницы.

В ее запястье вцепились тонкие пальцы.

– Лезь, я тебя держу! Давай!

– Пусти, – прохрипела Инора. – А то за мной утянешься, тут же высоко...

– Не болтай глупостей! – От злости девочка почти взвизгнула. – Я тебя держу, давай!

И вправду ведь не отпустит. Такие, как Кайри, своих в беде не бросают.

Она пыталась втащить Инору наверх, хотя где ей – скорее, сухожилие себе порвет. Эта цепкая лапка не разожмет, но удержать взрослую женщину ей попросту не хватит сил. А раз так, надо лезть самой, через «не могу», во что бы то ни стало... Стиснув зубы, стараясь не обращать внимания на боль в саднящих ладонях и измученных мышцах, Инора ухватилась другой рукой за корень, рывком подтянулась. Ничего не получилось.

Издав не то хрип, не то стон, она сделала отчаянный повторный рывок и, сдирая кожу на коленях, впиваясь пальцами в глинистую почву, вползла на гребень, чтобы сразу же распластаться на вертикальной поверхности. Видел бы ее сейчас кто-нибудь... Но, благодарение богам, милосердная ночь прячет это безобразие под своим непроглядным пологом. Ночь много чего прячет.

– Молодец, – похвалила Кайри. – Видишь, у тебя уже начинает получаться.

– Моя холла теперь похожа на половую тряпку.

Ехидное фырканье:

– Нашла из-за чего переживать!

– И пить хочется.

– В городе попьем. Ты уже отдохнула, вставай, идем дальше.

Лонвар снова мерцал впереди, напоминая горсть драгоценностей в высланной черным бархатом нише. Город на холмах, город лестниц, мостов и канатных подъемников с украшенными резными панелями платформами.

– Ты помнишь, куда ты должна пойти, если со мной что-нибудь случится?

– Да перестань наконец мне это говорить! – яростно, словно Инора сказала что-то обидное, огрызнулась Кайри. – Хватит уже, чтобы с кем-то что-то случилось. Мы придем в Лонвар и там найдем кого надо, как мы решили. Этого Темре Гартонгафи. Он нам поможет, а дальше все будет хорошо. Ты как маленькая.

Свирепая интонация сменилась уговаривающей, словно она и впрямь успокаивала кого-то младшего.

Обычная для них сцена. Инора втрое старше Кайри, она взрослая, самостоятельная и кое-чего добилась в этой жизни: в своей области она считается мастером не из последних. Но в то же время на каком-то глубинном уровне Кайри больше, чем она, видит и понимает – Инора ощущала это всегда, хотя ей катастрофически не хватало слов, понятий, определений, чтобы все это разложить по полочкам. Наверное, если сравнивать человека с узором, то Кайри – более сложный и объемный узор, чем она сама и множество знакомых ей людей.

Временами Инора чувствовала себя несчастной, временами начинала страдать из-за того, что вся ее жизнь – сплошное нагромождение ошибок и неправильно сложившихся ситуаций, которые должны были развиваться иначе, но реальность не черновик, не переделаешь. Несмотря на это, боги, видимо, все же взирали на нее снисходительно, раз явили милость и судьба свела ее с Кайри.

Они состояли в родстве, которое называют «в седьмой раз заваренный чай» – даже не троюродные, еще дальше, и познакомились, когда усердный душеприказчик еще одного такого же дальнего родственника, отошедшего в мир иной, разыскал Инору и Ольену, чтобы ввести их во владение недвижимостью.

Завещанная недвижимость смахивала на угрюмый старый шкаф, который антикварной ценности не представляет и ввергает своим видом в шок всякого нового гостя. Домик в деревне в двух десятках ювов от Олонвы. Инора отказалась от своей доли в пользу небогатого семейства Фейно. Зря, как выяснилось позже, потому что Джакута Фейно домик продал, а деньги пропил и проиграл, так что Ольене с дочкой с этого наследства ничего не досталось.

У Иноры с Ольеной завязались теплые, хотя и поверхностные родственно-дружеские отношения. Бывало, что она помогала деньгами троюродной кухне, изможденной, вечно растерянной и одержимой беспокойством за ребенка. Не то чтобы много помогала, в то время у нее еще не было таких доходов, как сейчас. Через полтора года после того, как они познакомились, Ольена умерла. Кайри тогда было семь лет.

Выполняя данное Ольене обещание, Инора пристроила девочку в школу-пансион с хорошей репутацией. А потом забрала ее оттуда, после того как Кайри сказала, что иначе сбежит сама и постарается, чтобы ее не нашли. Учебные заведения с приличной репутацией порой бывают похожи на красиво оформленную клумбу: посмотришь – загляденье, а копнешь землю, там такие червяки и мокрицы копошатся...

Оставить Кайри у себя насовсем Инора решила после нескольких состоявшихся между ними разговоров: о семье, об Ольене, о пансионе, обо всем подряд. Нашла для нее школу по-настоящему хорошую, не с репутацией – школа слыла неблагополучной, «самой разгильдяйской в западных кварталах Олон-

вы», – а с человеческой средой, в которой можно находиться, не испытывая желания сунуть голову в петлю.

К счастью для Кайри, Инора понимала, что общераспространенное мнение – это всего лишь кожура, верхний слой и всегда нужно смотреть, что лежит под ним. Для себя тоже к счастью: у нее появилась младшая сестра. Впрочем, когда младшая, а когда и старшая.

Прошлым летом к ней нагрянул Джакута Фейно. Вид у него был потасканный, но решительный, как у полководца перед боем или у игрока, собравшегося всем рискнуть, и будь что будет. Его преждевременно оплывшее лицо заросло белесой щетиной, под глазами висели дряблые мешки, а сами глаза смотрели в упор, оценивающе и в то же время с какой-то мутноватой нетрезвой веселостью. Он с нажимом попросил денег – «потому что мы не чужие, верно я говорю?». Инора дала ему названную сумму и сказала, чтобы больше не приходил, хотя не очень-то надеялась, что удастся так просто от него отделаться.

Вернулся Джакута через несколько дней. Во второй раз он вел себя наглее и заявил, что собирается забрать Кайри домой, он-де недавно женился, так что пусть девочка растет в родной семье.

Спровадив его, Инора почувствовала себя так, словно ей в грудь запихнули холодный тяжелый камень. То присаживалась, то вскакивала и мерила шагами комнату. По закону, Фейно имеет полное право взять дочь к себе. Если нанять адвоката, эта история выльется в бесконечный и муторный судебный процесс с баснословными расходами. Значит, придется раз за разом откупаться от «любящего отца», чего он, собственно, и добивался.

Вечером она предупредила девочку, чтобы та была осторожна, а то вдруг ее попробуют похитить с целью стребовать с Иноры сумму побольше? О первом визите Фейно она в свое время умолчала – Кайри его ненавидит, не хотелось без нужды ее расстраивать.

– Ты не будешь давать ему денег. – Темно-серые с прозеленью глаза еще больше потемнели и вспыхнули. – Ни гроша, пусть лучше подохнет! Мама умерла, потому что он ее бил.

– Он может тебя забрать.

– Пусть попробует. Это я тогда была маленькая и не могла защитить маму, а сейчас мне тринадцать лет.

– Все равно закон на его стороне. Преимущество отцовского права.

– Пусть хоть подавится этим законом, я все равно его отсюда отважу! Если он не поймет, что меня лучше не трогать, он сдохнет. Пусть выбирает, жить ему дальше или нет. Такие, как он, по-другому не понимают. А ты выкинь это из головы, все время беспокоись о чем-нибудь на пустом месте.

– Так уж и на пустом. – Инора попыталась усмехнуться, но губы не слушались.

– Ага, сейчас повод более-менее приличный, а обычно ты переживаешь из-за ерунды. – Кайри, в отличие от нее, вполне успешно скорчила гримасу. – А если подходящей ерунды нет, ты ее где-нибудь найдешь, хоть на соседней улице, хоть в помойном ведре. Я все устрою, он дорогу сюда забудет.

Джакута и впрямь больше не появлялся. Ни слуху ни духу. Неужели совесть проснулась?

– Мы пригрозили, что убьем его, если он не отвяжется, – в конце концов

призналась Кайри. – Он поверил, да я и не шутила.

– Мы – это кто?

– У меня есть друзья. Не бойся, не бандиты, но если какая-нибудь дрянь вроде него прицепится, мы друг другу поможем.

С тех пор Фейно им не досаждал. Зимой Инора навела справки и выяснила, что он сожительствоует с такой же, как он сам, опустившейся пьянчужкой, бывшей торговкой с Лягушачьего рынка, и недавно у них родился ребенок, который, и месяца не прожив, умер в нетопленной комнате, потому что о нем забыли.

Когда на Инору нежданно-негаданно свалилась эта сумасшедшая история с мороком, Кайри затеяла ее спасать. Своих друзей она впутывать не стала: убийцы наваждений среди них не было, а никто другой в таком деле не выручит.

Инора хотела сплавить ее в безопасное место, чтобы девочка не попала вместе с ней под удар. Ага, как бы не так.

– Я потеряла маму, еще кое-кого потеряла – из наших, ты его не знала. И я не хочу потерять тебя, – стоя посреди разгромленной комнаты (она убралась, на первый раз ограничившись порчей имущества, но это не значит, что она не вернется), отчеканила Кайри. – Поедем в Лонвар, а то в Олонве нет по-настоящему сильных убийц, здешние не справятся.

– Откуда ты знаешь?

– От людей, которые в этом понимают. Не бери с собой ничего лишнего. И поменьше переживай, ты же сама говорила, морок слышит, что ты чувствуешь.

– Слышит, если находится поблизости, – машинально уточнила Инора.

Ей никогда еще не приходилось от кого-то убежать. Придумывать что-нибудь в этом роде – сколько угодно, а в реальной жизни она влипла в приключения первый раз в жизни.

До Лонвара добрались на рассвете. Впереди посветлело и заблестело, вспыхнула розово-золотым сиянием ширь океана. Правее замаячил сплошной темный массив, пока еще не расслоившийся на отдельные строения, – это произойдет чуть позже, когда покажется солнце.

Инора оглянулась: равнина Кнагато с ее впадинами и причудливыми возвышениями напоминала в синем утреннем сумраке обнажившееся при отливе дно с дремлющими морскими гадами исполинских размеров.

– Кайри, посмотри назад!

Девочка посмотрела и кивнула. С ее осунувшегося после ночного перехода треугольного личика не сходило настороженное выражение. Инора тоже нервничала: им предстояло миновать путаницу замусоренных портовых закоулков, где можно встретить кого угодно – в некотором роде это опаснее, чем двинуться в потемках напрямик через Кнагато с ее ловушками.

Опасения оказались ненапрасными: на улочке, зажатой меж закопченных кирпичных пакгаузов, дорогу заступили двое забулдыг, похожих на Джакуту Фейно, словно их смастерил один и тот же всемогущий кукольник, и потребовали денег. У первого был нож, другой поигрывал бутылкой с отбитым донцем.

– Я все вам отдам, – произнесла Инора, стараясь выглядеть испуганной, – это удалось легко, ведь она и правда испугалась.

И стиснула запястье Кайри, чтобы та не вздумала что-нибудь выкинуть: девчонка свирепела, если видела кого-то, смахивающего на Джакуту.

Грабители решили, что им с утра пораньше подфартило: эти две козы из богатеньких, хоть у них и обтрепанный вид. Темноволосая дамочка с заносчивой посадкой головы – мол, пусть и вывозилась в грязи, а все равно почище вашего буду. Ее элегантная холла из синего бархата с золотым шитьем по кайме была измазана землей и глиной. Худенькая белобрысая девчонка смотрела этаким крыской – тронь, палец откушу. Вместо холлы на ней была мальчишеская куртка, тоже хорошая и тоже по-свинячьи изгвазданная. Возникли даже опасения, что их уже грабанули, нечего тут ловить, кроме как по женской части, но старшая вытащила из кармана пухлый кошелек – крупные купюры и несколько золотых монет, славная пожива.

– Остальное давай!

Наверняка у них есть что-то еще.

Дамочка молча сунула руку в карман крыскиной куртки и достала второй кошелек.

– Золото давай!

Ага, выгребла несколько перстней с камешками, которые перед тем, видать, снимала со своих холеных пальчиков и припрятала, чтобы кому на глаза не попались, а все равно не помогло.

С такой поживой надо поскорее делать ноги, а то водятся тут хищники и покрупнее, которые всегда не прочь отнять у человека честно сорванный куш. Грабители кинулись бежать.

– Чтобы вам каждый день так везло, – процедила Инора, когда тяжелый топот затих.

Кайри усмехнулась, хотя ее колотила дрожь, и они торопливо зашагали дальше. Не нарваться бы снова. Впрочем, если на них опять нападут, Инора повторит тот же номер. Ей не жалко. Грабить мастера иллюзий – все равно, что черпать воду ситом. Даже если этому горе-мастеру приходится от своего же собственного морока бегать... Иллюзорные деньги и драгоценности исчезнут еще до захода солнца.

Похоже, судьба временно исчерпала запас припасенных для Иноры и Кайри пакостей, и до более-менее приличных кварталов они добрались благополучно. Сняли номер в гостинице на Облачной горке.

Сверху открывался вид на лонварский порт, и с небольшого балкончика, где развесили для просушки одежду, выстиранную гостиничной прислугой, можно было наблюдать за громадным трансокеанским пароходом под илихейским флагом, который величаво двигался через акваторию к причалу. За большой, как башня, трубой тянулся шлейф дыма, на белом борту сияли золотом буквы: «Принцесса Куннайп».

Инора мечтала когда-нибудь побывать в Иллихее, но ведь она та еще домохозяйка, ей придется долго готовить себя к этой аванюре, и то надвое, что в конце концов она все-таки решится. Может быть, Кайри ее туда вытащит? Но сначала надо избавиться от нынешней проблемы.

В Лонваре народу – что песка в океане, миллионы людских эмоций переплетаются, смешиваются, кружат, словно вихри снега в метель, морок ее здесь не почувет, если только не окажется поблизости. Сейчас самое главное – разыскать Темре Гартонгафи. Она не знала его адреса, только имя, а также то, что

он убийца наваждений с недурным «охотничьим списком».

Внезапно вспомнив кое о чем, Инора не сдержала подавленного вздоха.

– В чем опять дело? – встрепенулась Кайри, хотя, казалось, ее внимание было приковано к иллихейскому пароходу.

– Эта тварь растоптала абажур, который ты сделала и разрисовала. Помнишь, ты мне его подарила?

– Ну и что? – Девочка фыркнула, словно речь шла о пустяках. – Когда все закончится, я тебе новый абажур сделаю, еще лучше. Нашла, из-за чего переживать – из-за вещей! Как ты не понимаешь: вещи сами по себе ничего не значат. Они дороги, когда связаны с людьми. Если вещи пропали, зато с человеком все в порядке – значит, все замечательно, радоваться надо, поэтому хватит киснуть из-за этого абажура. А давай когда-нибудь потом в Иллихею сплаваем?

Сошедшие с «Принцессы Куннайп» пассажиры многолюдной вереницей потянулись за суетливым должностным лицом к конторе Гостевого Управления. Набежавшие носильщики волокли на себе или катили в тележках багаж, поспешая за владельцами, стоял скрип и гомон, и вся процессия напоминала кочующий табор. Туристам из-за океана это было в диковинку: Иллихейская Империя занимает весь континент, там ни границ, ни таможен, ни бюрократических формальностей при путешествиях.

Те, кто приплыл сюда из тяги к странствиям и досужего интереса, переглядывались, пересмеивались, перебрасывались остротами, угодив прямо с корабля в длиннущую очередь в казенном учреждении. Иных это раздражало. Один из пассажиров, о котором все знали, что он торговый представитель, командированный на поиски новых товаров, еле сдерживался, чтобы не выругаться.

Ему не то что вслух, даже про себя браниться заказано, а то что-нибудь сорвется с языка ненароком... Поэтому не психовать. Он сама флегма. Он спокоен, как дурацкий волнолом. Чайки-дуры орут, народ балаболит и суетится, а он спокоен, по самую макушку залит флегмой, ни одна струнка в душе не шелохнется.

Самовнушение худо-бедно помогало. Он уже не тот, что был пару месяцев назад. Того, прежнего, обыскались, а нынешнего никто не ищет.

Выглядел он лет на пятьдесят. Жилистый, но с брюшком (всю дорогу жрал за двоих то в охотку, то через силу, чтобы располнеть и меньше соответствовать своему словесному портрету), изможденное затаенным беспокойством лицо тщательно выбрито, осветленные белесо-пепельные волосы зализаны и стянуты на затылке. Ежели его не покинет шальная удача, ни одна сволота не узнает.

Чиновник, повадками напоминавший приезжему его самого в не столь давнюю бытность, после серии идиотских вопросов выдал документ на гербовой бумаге с двумя печатями. Личник называется. К этому личнику нужно было приложить большой палец и то же самое – к другому документу, который останется в конторе. Магическая фиксация отпечатков. Вот это уже дрянь... Если те, кто его ищет, просекут, что он купил билет на пароход, и заявятся сюда – в два счета разнюхают след.

Вслух не возмутился. Изобразил законопослушного коммерсанта. Придется на новом поле играть с судьбой по новым правилам.

Из Гостевого Управления он выбрался за полдень и отправился на поиски трактира. Настроение смурное, в руке чемодан, из кармана торчит затрепанный словарь-разговорник. В течение всего путешествия он учил венгоский и каждую ночь клал под подушку зачарованный кристалл, способствующий усвоению чужого языка, так что мог кое-как объясниться с местными.

Здесь все не так, как в Иллихее. Не по-людски.

Если там на весь материк одна-единственная великая держава от края до края, то в Анве и на лежащих близ нее островах больше дюжины государств, которые грызутся меж собой, а случается, и воюют. Форменные дикари. С другой стороны, в мутной воде проще ускользнуть от загребущих лап.

Женский пол тут вместо платьев носит штаны, а поверх – или юбку-разлетайку, или прозрачную тряпку, украшенную шитьем, или вовсе что-то несуразное, сквозистое, вроде кружева из тесемок. Ножек не увидишь, даже ветер не помощник. Ежели приспичило с кем познакомиться, смотри, какого цвета у нее холла – обязательный жакет, без которого ни светская дама, ни поломойка на улицу не выйдет.

В приложении к словарю имелась таблица с пояснениями касательно цветовой символики. А то сунешься к той, которая не желает никому давать, и она тебя потом по судам затаскает.

Также на пляжах здесь не валяются нагишом, как на иллихейских курортах, и дамам дозволено купаться только в специальных шароварах и кофтах с длинными рукавами. Прилюдно обнажать руки-ноги женщине неприлично, зато все бордели занесены в государственные реестры и официально поделены на категории. Наверняка тесно сотрудничают с цепняками, которые носят красно-желтые шапки и наделены полномочием в любой момент потребовать у тебя личник для проверки.

И нет здесь нечисти вроде той, что в Иллихее сидит по своим логовам, подстерегая, кого бы сожрать, а в урочное время – это для нее самый большой праздник – оборачивается человеком или животным и отправляется куролесить, но до истечения отпущенного ей на гульбу срока должна вернуться на свое место. Окаянные твари причиняют людям много всякого разного паскудства, уж это путешественник изведal на горьком опыте. Из-за этого, можно сказать, родину за бортом оставил.

На первый взгляд благодать, но в Анве сплошь и рядом встречается другая напасть, какой Империя не знает. Воплотившиеся наваждения. С ними разбираются так называемые убийцы наваждений, специально натасканные ребята вроде иллихейских охотников на оборотней.

За обедом приезжий просмотрел купленную у входа в трактир газету. Бумага цвета жидкого чая, заглавные буквы с финтифлюшками. На первой полосе фото: исполинская рыба-палач над крышами тесно слепившихся угловатых домов – больше смахивает на коллаж, чем на репортерский снимок; разгромленное заведение с наполовину оторванной вывеской, наискосок повисшей над дверью; какой-то парень с миной погруженного в задумчивость аристократа и экзотически раскосыми глазами.

Проглядев без словаря передовицу, путешественник уловил общий смысл: не далее как вчера над одним из районов Лонвара материализовался опасный морок, но оказавшийся рядом профессионал быстренько его развоплотил, хотя без жертв не обошлось.

Кроме наваждений, от которых сплошные подянки и неприятности, в Анве в ходу иллюзии: для декора, для театральных эффектов, в качестве оружия при военных конфликтах, и еще у них тут распространена рамография, или рамга, – этакая особая разновидность искусства.

В зачарованную рамку вставлен прямоугольник из специального стекла, в уголке углубление для магического кристалла. Напоминает картину, только живую, говорящую, переменчивую, изображающую целую историю от начала до конца: то смотри, что там происходит, то читай написанный текст. Баловство вроде книжек, которые путешественник не уважал, ибо не любил, когда ему дурят голову тем, чего нет.

Знаменитых рамок он никогда не видел, вывозить их отсюда нет смысла, так как вдали от Анвы они превращаются в бесполезный не волшебный хлам. Теперь можно будет поглядеть своими глазами... Хотя он заранее знал, что это дребедень.

Рамгой занимаются мастера, обладающие даром сочинять и воплощать иллюзорные истории. Иначе говоря, дармоеды. Узнав, что иным из них недурно платят, путешественник искренне расстроился – запахло же, когда кому-то за ерунду деньги дают.

Зато, услышав о том, что их творения иной раз выходят из-под контроля, превращаются в морок и норовят убить своего создателя, он ощутил злорадное довольство: так их, бездельников, пусть бы лучше у станка на фабрике стояли или какую-нибудь там брюкву на огороде окучивали.

Правда, злорадствовал он на борту «Принцессы Куннайп», когда пассажиры языками молили, а здесь, в Анве, где за каждым углом можно столкнуться нос к носу с чьим-нибудь воплотившимся наваждением, его начали одолевать совсем другие чувства. Скорее уж опасливые.

После плотного обеда он отправился подыскивать гостиницу подальше от порта. Убедился, что Лонвар – дрянь-город: не найдя места получше, его построили на сплошных косогорах, дыхалку надорвешь карабкаться вверх-вниз по этим лестницам. В придачу воняет копотью, улицы окутаны дымными вуалями, иностранная речь понятна с пятого на десятое, хотя и зубрил всю дорогу венгоский язык, словно придурак-студент перед экзаменом.

Несмотря на сытость и одышку, путешественник бдительности не потерял и сберег свой чемодан, который дважды попытались спереть. Уж в этих-то делах он знал толк, его учить не надо, сам мог бы научить здешних незадачливых хапунов.

Наткнувшись за поворотом на Кошачий храм, он остановился и отвесил степенный поклон изваянию Лунноглазой Госпожи, видневшемуся за аркой ворот. Ручку чемодана при этом не выпустил, не надейтесь.

Лунноглазая прогневалась из-за того, что он причинил обиду ее жрице, и Госпожу следовало поскорее умиловить. За время плавания путешественник не раз молился и обещал пожертвовать в первый же храм, какой попадет, два изумруда на гляделки для кошачьей статуи. Всенепременно надо откупиться, богов лучше не гневить.

С другой стороны, ежели по справедливости, не так уж сильно он виноват. Не сам ведь стрелял в окаянную монашку, а всего лишь приказал стрелять наемникам. С кем не бывает?

Обещанных изумрудов у него при себе не было. Хорошо еще, деньги были.

Разжился на пароходе, хотя поднялся на борт почти нищим, отдав последние гроши за билет. Без шороху разжился, подумали на корабельную службу.

Через квартал от Кошачьей обители подвернулся ювелирный магазин. Приезжий остановился перед витриной с россыпью цветных сверкающих стекляшек, прикидывая, не медля выполнить обет или все-таки обождать?

– Э-э, господин... Купить кольцо?.. Недорого...

Сказано было больше, но ровно столько он разобрал из их венгоской тарбарщины. Почитай, самое главное разобрал. Оправленный в причудливую серебряную загогулину кристалл, помогающий усвоению языка, все же полезная штука.

Перед ним топтались два потасканных субъекта. Мелкие городские хапуны самого последнего разбора. Отбросы.

Один из них показывал на слегка трясущейся заскорузлой ладони два недурственных золотых колечка, с жемчугом и с изумрудом. Что ж, ежели по сходной цене, половину обета он сегодня же выполнит, а вторая половина обождет.

Зажав чемодан меж колен – а то мы не знаем, как делаются такие делишки! – он взял то, что с изумрудом, придирчиво рассмотрел и остался доволен. Как пить дать, краденое.

– Сколько?

Забудыга выдернул у него из пальцев кольцо и назвал сумму. Приезжий урезал ее вдвое. Начался торг. Говорил один из продавцов, второй поддерживал его кряканьем и мычанием.

– Побойся богов, и так по дешевке отдаю! – потрясая своим товаром, горячился первый.

Наконец они сошлись, приезжий вытащил из-за пазухи бумажник с обмененными в Гостевом Управлении купюрами. Он как раз закончил отсчитывать нужную сумму, когда оба кольца странно мигнули и исчезли.

Приезжий оторопел.

«Да чтоб вас, ушнырки поганые, вы за кого меня держите – за тупака?!»

Сдержался, вслух не вырвалось. Он и слов-то таких никогда не слышал. Он сама флегма.

Надо сказать, забудыги тоже выглядели огорошенными. Посмотрели друг на друга, на несостоявшегося покупателя, который яростно пихал скомканые купюры обратно в бумажник, и попятились к щели переулка за магазином.

– Цхенда! – выкрикнул один из них, непонятно к кому обращаясь.

Приезжий спрятал бумажник, проворно подхватил чемодан и зашагал прочь. Припомнилось, что по-венгоски «цхенда» – «злая ведьма». Есть еще «наньяда» – «добрая ведьма» и «монкра» – просто «ведьма».

Чуть не развели. Еще несколько секунд – и плакали бы денежки... И ведь даже тени сомнения не возникло, что кольца настоящие! Так он узнал на собственном опыте, что представляют собой анвайские иллюзии.

Дом с дурной репутацией не выделялся среди окрестных строений: два этажа, серая черепичная крыша, невысокое крыльцо под наклонным навесом с витыми столбиками. Арочные окна с частым переплетом как будто покрыты изнутри молочной наледью – вошедшие в моду белые шторы плотно задернуты. Архитектурный стиль Жемчужной династии, а все же видно, что постройка не столь давняя, искусно выполненная стилизация под старину.

По навесу барабанил дождь, мокрая мостовая отливала металлическим блеском. Темре предстояло проникнуть в дом и истребить расплодившиеся там наваждения. Заказчица дала ему ключ, но сама с ним не пошла, только заверила, что никого из людей внутри не будет: своего сына, который тут жил, она уговорила уехать на приморский курорт, его прислугу отправила в отпуск.

Темре чувствовал себя взломщиком, каковым он и являлся с точки зрения закона. Госпожа Аргайфо наняла его втайне от сына – хрупкого, бледного, обуреваемого болезненными фантазиями молодого человека романтического склада. Нолган Аргайфо нипочем не согласился бы впустить к себе в дом убийцу наваждений, намеренного разделаться с тем, что «исторгла раненая душа». Темре был немного знаком с этим парнем и мог представить себе его реакцию. Да и мать сказала, что он будет категорически против, но добавила, значительно и тревожно понизив голос, что с мороками, которые там завелись, надо разобраться, пока они не сожрали самого Нолгана или кого-нибудь из соседей.

За незаконное проникновение в чужое жилище Темре грозил штраф – и это в лучшем случае, если будет доказано, что он забрался туда не с целью грабежа или насилия над обитателями. Хозяевам, впрочем, тоже грозил штраф за то, что до сих пор ничего не предприняли для избавления от напасти. Один из типичных для Венги юридических казусов: воплотившийся морок должен быть уничтожен скорейшим образом, но это должно свершиться в согласии с законом, иначе того, кто попадет на неодобряемом, притянут к ответу.

Дом был записан на госпожу Аргайфо, однако с нее станется от всего отпереться, лишь бы сынок не закатил истерику и не начал царапать себе вены тупой бритвой. Имея это в виду, Темре предложил компромисс: в случае чего он ее не выдаст, но штраф за него заплатит она сверх гонорара. На том и поладили.

Под шелестящий аккомпанемент дождя Темре вставил ключ в замочную скважину. Зарядивший с самой рани дождик – это ему на руку: и на улице пусто, и длинный плащ с низко надвинутым капюшоном ни у кого не вызовет подозрений – ясно же, человек оделся по погоде. Неприятностей ну совсем не хотелось.

Подумалось о хорошем: сегодня ближе к вечеру надо будет зайти в Управление Градоохраны и получить вознаграждение за победу над рыбиной. Да и госпожа Аргайфо уже раскошелилась на задаток, дело за тем, чтоб его отработать.

Ключ заклинило – ни туда ни сюда. Не могла хозяйка смазать замок перед тем, как звать специалиста...

– Господин убийца!

Он медленно обернулся. Дернуться, словно это тебя окликнули, означало с головой себя выдать, но проигнорировать такую реплику тоже будет ошибкой.

– Наконец-то вы пришли!

Богато одетая женщина с простецким, но волевым лицом стояла по ту сторону решетки, отделявшей крохотный дворик перед домом от другого такого же.

– Простите, вы меня за кого-то приняли?

– Тьфу ты, я-то подумала, что вы убийца наваждений! Давно пора, а то этот бездельник развел у себя морочанов, жить рядом страшно, того и гляди к нам через забор полезут... И мамаша его покрывает. Строят из себя аристократов, а она, говорят, бывшая певичка и чья-то была любовница, а он, говорят, из этих, которые крейму в ноздри вмазывают и потом сами не помнят, что вытворяют. Взаялся за ум, когда у него невеста появилась, где-то сманил девчонку совсем молоденькую, такую хорошую, так он, засранец, ее обижал, и она здесь пожила, а потом от него ушла. Ох, как он переживал, и тогда морочанов тутоньки завелось, как тараканов на загаженной кухне. Значит, вы не убийца?

– Нет, я новый уборщик господ Аргайфо.

– Господ, как же!.. – с досадой фыркнула тетка. – Я-то понадеялась...

Она явно была из нуворишей, по манерам вчерашняя рыночная торговка, и лицо обветренное, загрубелое, зато ее холла сверкала золотым шитьем и бисером, а черный зонтик был расписан алыми розами – дорогое удовольствие. Когда она, топая по лужам, направилась к своему крыльцу, Темре спохватился, что допустил оплошность: услышав о морочанах, надо было испугаться. Настоящий уборщик испугался бы, принялся бы расспрашивать, а то и сбежал бы... Но соседки можно не опасаться, даже если та чуть позже сделает правильные выводы: ясно, что она на его стороне и полицию звать не станет.

Замок наконец-то щелкнул. Из прихожей тянуло спертым воздухом, яблочной гнилью и подозрительной сладковатой дрянью – что-то из тех полуразрешенных курительных снадобий, которые действуют послабее, чем крейма, но тоже вызывают сны наяву. Если прислуга в этом доме большую часть времени поневоле пребывала под кайфом, нечего удивляться живописной неряшливости обстановки. То ли еще творится в комнатах...

Заперев за собой дверь, Темре откинул капюшон и первым делом надел маску: помимо всего прочего, она защищала своего обладателя от ядов и дурмана.

После этого он сбросил плащ, повесил на торчащую из стенной панели бронзовую руку со скрюченными пальцами. Таких вешалок в прихожей было несколько. На одной из них в темной от патины ладони лежало побуревшее надкушенное яблоко в бирюзовых пятнах плесени, на других висела одежда, принадлежавшая, видимо, Нолгану. Петельки цеплялись за вздетые к потолку пальцы, длинный шарф, переброшенный через бронзовое предплечье с рельефно вздутыми венами, касался концами пола. Женский шарф. Должно быть, его забыла сбежавшая подруга Нолгана.

Большое зеркало выглядело так, словно с ним регулярно играли в «здравствуй, ладошка». Отражение полутемной прихожей из-за множества жирных отпечатков казалось затуманенным.

В углу стояла элегантная корзина, вместе с загнутыми ручками зонтиков оттуда торчало три засохших цветка на длинных стеблях – пышные головки, масса узких изжелта-белых лепестков. Кто их знает, как они называются, но Соймела тоже такие любит.

Эпатажно-изысканные вешалки, сгнившее яблоко, захватанное зеркало, цветы – все это выглядело странновато, но было настоящим, однако Темре не мог бы сказать, что в прихожей *чисто*. Что-то есть. И не выяснив, что это, не стоит двигаться дальше.

Лампа матово-белого стекла в виде раковины тоже настоящая.

Укрытый полумраком шкафчик-этажерка с обувью в ячейках. Здесь?.. Похоже, да.

Темре потянул за шнур выключателя и принялся осматривать содержимое озаренной желтым светом этажерки. Вот оно. В третьей слева ячейке второго ряда стояли две отрезанные человеческие ступни, задвинутые вглубь, из-за чего убийца поначалу не заметил слабого мутноватого ореола, выдающего их истинную природу.

Небольшие, изящные, белые, с покрытыми темно-красным лаком ноготками. Они не шевелились и вроде бы не выглядели опасными, но от морока в любой момент можно ждать подвоха. Две нематериальные серебристые иглы из перстня – и от наваждения следа не осталось. Пустая ячейка, если не считать слоя пыли.

Больше в этом помещении ничего подозрительного не было, но теперь следовало обождать, пока перстень не восстановит заряд.

С Нолганом Аргайфо Темре познакомился прошлым летом. У Соймелы, где же еще. После развода его бывшая жена, словно отпущенная на волю русалка, вернулась в свою стихию – да Сой и не рвала с ней связей. В пору их брака Темре то и дело заставлял у себя дома компанию богемных личностей разной степени одаренности и непризнанности. Люди сменяли друг друга, атмосфера была одна та же: хмельное возбуждение, позерские споры об искусстве, жалобы на «тупое животное по имени чернь». Иногда – словно цветные осколки витражей в куче хлама – привлекало внимание чье-нибудь высказывание, стихотворение или музыкальный этюд, которые стоили того, чтобы терпеливо выносить эту суету.

Гронсийская родня Темре, если пересекалась с представителями богемы, впадала в ступор – любо-дорого посмотреть. Потом ему начинали пенять: женился на венгоске и обычаи своего народа позабыл, жену в строгости не держишь, где ж это видано, чтоб она, едва муж за порог, чужих дармоедов обедами угощала, да лучше б она у тебя бродячих кошек прикармливала – и дело богоугодное, и не такие расходы... Темре выслушивал упреки с непроницаемой миной, хотя в глубине души был не то чтобы совсем не согласен с негодующими родственниками.

Расстались они с Сой без скандалов и окончательно рвать отношения не стали. Время от времени он навещал бывшую жену уже как любовницу, вынуждая ее нынешних поклонников беситься от ревности: своего рода реванш.

Нолган в число последних не входил, хотя нередко появлялся в ее квартире. Одаренный юноша, сочиняющий рамгу, которую «чернь никогда не поймет и с радостными звериными криками затопчет», по его же собственному выражению.

Минувшей зимой он влюбился. Девочка из провинции, из хорошей, но небогатой семьи, в мечтах об актерской карьере удравшая в столицу. Беленькая, светловолосая, изящная – истинная венгоска. Темре был в курсе их перипетий, так как Роани после размолвок с Нолганом приходила к Сой, больше ей некуда было пойти. Та кидалась к телефону и звала на помощь бывшего мужа, поскольку оскорбленный кавалер грозился «убить эту маленькую дрянь».

Темре, раз уж его втравили в качестве защитника, побеседовал и с Нолганом, и с Роани. Парень на первый взгляд казался благовоспитанным и разумным, утверждал, что госпожа Соймела преувеличивает, никому он не угро-

жал, просто разговаривал слишком эмоционально, так как сильно переживает, а Роани совсем еще ребенок и чересчур взбалмошно на все реагирует. Он ее очень любит, жизни без нее не представляет. Девчонка выглядела не то чтобы запуганной, но подавленной и потерянной. Говорила, что тоже его любит и расставаться с ним не хочет, но вместе им плохо. Выстраивать рассуждения она умела не так хорошо, как Нолган, путалась в словах и толком объяснить ничего не могла, зато ее глазища запали Темре в душу: большие, печальные, замученные, что в них отражается – поди разбери.

Он организовал Роани встречу с Котярой. Тот битый час с ней просидел, увещевал и уговаривал, но дальше беседы дело не пошло, лечь в постель с монахом девчонка не захотела.

«А я-то для нее старался, – с долей раздражения подумал Темре, – пусть тогда сама выкручивается, мое дело сторона».

Как известно, интимное сношение с «бродячим котом» или «бродячей кошкой» уничтожает приворот любой силы, а также ослабляет привязанности, замешанные на рабской зависимости. Лунноглазой Госпоже несвобода не по нраву, вот она и наделила такой способностью своих земных служителей в пику всем, кто ловит в силки и держит на привязи чужие души, так что напрасно Роани отказалась от благочестивого предложения Котяры.

Впрочем, пару месяцев назад она неожиданно для всех порвала с Нолганом и уехала из столицы к себе домой. Или не домой, а куда-то еще. Главное, что все-таки уехала. Нолган страдал и тосковал, норовил поговорить о ней с каждым, кто соглашался его выслушать: какая она была необыкновенная и нежная, как она его понимала, больше никто на свете его так не поймет, как они друг друга любили... Темре в число согласных не входил.

Покинутый влюбленный утешался жалобами недолго, вскоре он впал в черную меланхолию и заперся у себя дома. А теперь у него из всех щелей наваждения полезли. Учитывая, что фантазия у парня будь здоров, работенка предстоит не из легких.

За дверью находилась зала, убранная вышитыми иллихейскими драпировками – потрепанными, застиранными, но все равно роскошными. Блестки золотых и серебряных нитей тускло мерцали в свете пасмурного дня, процеженном сквозь белые кисейные шторы. А вон то безобразие у стены – аквариум с декоративными медузами. Был. Блеклые склизкие комочки в мутной воде, одни лежат на дне, другие всплыли на поверхность – это, очевидно, его издохшие обитатели. Чем же тут занималась нанятая госпожой Аргайфо прислуга, если даже медуз не кормила? Или у нее имелась причина, чтобы держаться подальше от аквариума?

Причину Темре вскоре разглядел. Эта пакость неплохо замаскировалась, не присмотришься – не заметишь, и сохраняла неподвижность под стать всему остальному мертвому содержимому.

Будь он без маски, вряд ли обратил бы внимание: степень материальности – дальше некуда, ни дать ни взять крупная розоватая раковина с разверстой щелью лежит посередине загаженного стеклянного сосуда. Весьма напоминает некий женский орган, но Темре такие вещи никогда не цепляли. Если б морок не был окружен зыбким ореолом, и не подумаешь, что раковина ненастоящая, в море каких только причудливых созданий не сыщется.

Судя по всему, оно обрело свою нынешнюю плотность, уморив безобидных

обитателей аквариума и напитавшись их жизненной силой. Наверняка что-то ему перепало и от перепуганной прислуги: даже если та не подходила близко, размеры помещения не настолько велики, чтобы морок не дотянулся своим незримым щупальцем до охваченного страхом человека.

Странно, что прислуга до сих пор не сбежала. Обычно у людей в таких ситуациях сдают нервы либо торжествует здравый смысл с одним и тем же благотворным результатом. Хотя, если она от хозяйских щедрот тоже подседа на крейму, бегство означало бы потерю источника дорогостоящего снадобья. А может, у самой госпожи Аргайфо был припасен для нее какой-то крючок.

Уничтожив «раковину», Темре обвел настороженным взглядом залу. Больше тут ничего нет. Стеклянная дверь вывела в коридор с еще несколькими дверьми и лестницей на второй этаж. Заглядывая в новую комнату, убийца наваждений каждый раз замирал на пороге и цепко осматривался – не видно ли где зыбкого сияния, такого же бесцветного и водянистого, как свет дождливого дня за окнами.

Чаще всего в помещении гнездится только один морок либо же так называемая «семейка» – вроде той пары ступней в прихожей. Но беда в том, что гости из хаддейны далеко не всегда сидят в четырех стенах и не шевелятся. Если бы! В одной из комнат на убийцу набросилась занавешивающая дверной проем портьера с бахромой, попыталась окутать его и удушить, но в следующий момент, прошитая иглами из боевого перстня, распалась на тающие в воздухе клочья. Темре успел заметить: то, что он вначале принял за бахрому, скорее напоминало мохнатые паучьи ножки, омерзительно подвижные, так и норовящие до тебя дотронуться.

Ничего такого, что способно выбраться за пределы дома, ему не попало. Иначе соседи обратились бы за помощью куда раньше, чем это сделала госпожа Аргайфо. Нолгану хотелось отгородиться от окружающего мира, замкнуться в своем жилище, как в волшебном замке, и порожденные его больным разумом наваждения оказались такими же домоседами. Знай себе ходи из комнаты в комнату и отстреливай их одно за другим, главное – ничего не пропустить. Не самый сложный вариант.

Едва Темре успел об этом подумать, в коридоре послышались шаги. Или, скорее, осторожный цокот, словно по паркету стучали то ли чьи-то копытца, то ли когти.

В это время он находился в библиотеке Нолгана. Шкафы здесь были забиты бессистемно и небрежно распиханными книгами, на полу громоздились стопки волшебных рамок, газет, журналов, листков с машинописным текстом, эстампов фривольного содержания. На столе и подоконнике стояло не меньше дюжины кружек и стаканов с остатками кавьи, вина, заплесневелого чая и каких-то микстур. Чаша медной курильницы в углу была полна пепла и обгорелых клочков бумаги.

С потолка свисало на тонкой паутинке глазное яблоко с ярко-голубой радужкой. Морок. Темре его уничтожил, а потом нашел еще одну похожую штуку в кладовке – там глаз величиной с яйцо ползал по стенке не хуже насекомого и при виде убийцы попытался забиться в темный угол.

Когда послышался цокот, перстень был разряжен, так что Темре смог только выглянуть в коридор, чтобы выяснить, что такое там негромко клацает.

Он на всякое насмотрелся, но зрелище произвело впечатление даже на

него. У наваждения было лицо Роани, ее длинные белокурые волосы, и грудь, наверное, тоже ее – трудно судить, он ведь эту девушку обнаженной не видел. На том сходство и заканчивалось.

Рук у существа не было вовсе, тонкий девичий торс переходил в раздутое паучье брюшко с тремя парами членистых ног по бокам – каждая заканчивалась суженным книзу роговым наростом, они-то и стучали по паркету. Из коленных суставов этих страшноватых конечностей вырастали на тонких подвижных стебельках глаза, похожие на бело-голубые ягоды.

Темре уже понял, что глаз в этом доме хоть отбавляй: возможно, Ноглана преследует навязчивое ощущение, что за ним наблюдают, либо же ему мучительно хочется – или, наоборот, до смерти не хочется – посмотреть кому-то в глаза... Наваждения нередко отражают состояние души того, кто стал причиной их материализации.

Выстрелить он не успел, поскольку перстень не был готов к бою. Морок с тускло-белым, как лежалый снег, лицом Роани уставился на него диковато и испуганно всеми своими очами, а в следующее мгновение кинулся за угол. Темре заметил, что поперек бледного горла запеклась длинная темно-красная царапина, а мочки ушей оттягивают, покачиваясь, тяжелые рубиновые серьги.

Сориентировавшись по звуку, он двинулся в ту сторону, где затих цокот. Не дом, а питомник ужасов... Не за один же день все это здесь появилось!

Недавняя «фаза спокойствия», на битый месяц оставившая Темре без работы, обеспечила временное затишье, но мороки, воплотившиеся до ее наступления, при этом никуда не делись.

Наваждение, торопливо уцокавшее по коридору в глубь дома, явно возникло не вчера. Плотность как у обычного материального объекта. Уязвимых точек Темре не заметил. Разделаться с таким противником будет не проще, чем с летающей рыбиной, разница в габаритах не имеет особого значения. Пусть это существо величиной не с корабль, а с человека, запас прочности у него наверняка не меньший, чем у той гигантской твари, выплывшей средь бела дня из легенд и рыбацких страшилок.

Еще и лицо Роани. И темно-красная линия, перечеркнувшая горло. Есть о чем призадуматься.

Пищей ее обеспечивает Нолган. Эмоций парня морчанке на прокорм должно хватать с лихвой, даже охотиться незачем.

Псевдо-Роани сбежала на второй этаж. Туда вела лестница, застланная ковровой дорожкой. Поднимаясь, Темре услышал наверху шорох, скрип двери. В кольце уже накопился новый заряд, и он держал сжатый кулак на уровне груди, чтобы сразу выстрелить, едва цель появится в поле зрения.

Когда он ступил на верхнюю площадку, одна из дверей распахнулась, и на встречу нетвердо шагнул Нолган Аргайфо. Настоящий, хотя вид у него был такой, что недолго перепутать с мороком.

Опухшее изможденное лицо завязанного любителя креймы, под глазами набрякли мешки. Волнистые светлые волосы, восхищавшие девиц, допущенных в богемную компанию Сой – «как у принца!» – свисали сосульками, словно их несколько лет не мыли. На нем была бархатная пурпурная пижама с артистически распахнутым воротом и домашние шаровары черного шелка, то и другое замызгано, в присохших остатках то ли не донесенной до рта пищи, то ли

рвоты.

– Что вы здесь делаете?

Несмотря на хрипоту, его голос звучал по-прежнему выразительно, с нотками негодования и надменностью аристократа, заставшего у себя в гостиной уличного попрошайку.

– Меня пригласили провести в этом доме зачистку, – бесстрастно произнес Темре, противопоставив снобистской надменности Нолгана свою, профессиональную.

Заказчица обещала, что сыночка дома не будет. Раз не смогла обеспечить его отсутствие, пусть пеняет на себя.

– Моя мать? – уточнил юноша, попытавшись изобразить на своей опухшей физиономии оскорбительную усмешку.

– Неважно кто, – бросил Темре, соображая, как бы его нейтрализовать, чтобы поскорее покончить с этой работой.

Собеседник с театральным надрывом расхохотался.

– Она подумала, я уехал! Как будто я покину мою ненаглядную, я не могу дышать с ней в разлуке, и тогда мы умрем, но не вместе, не в объятиях, а вдали друг от друга. Я ведь не могу взять ее с собой!

Его голос звучал напевно, словно он читал вслух балладу, но в то же время с ноткой фальши. Губы раздвинулись в улыбке, придававшей ему законченно безумный вид.

Решив, что терять время незачем, Темре отпихнул его с дороги, толкнул крайнюю дверь и вошел в комнату. Похоже, раньше здесь жила Роани. Нарядное девичье гнездышко: повсюду фарфоровые безделушки, искусно сделанные из шелка и проволоки бабочки, пышные декоративные банты, засохшие букетики, разбросанное кружевное белье. Из-под кровати высовывался чемодан, еще один был втиснут между креслом и столиком с грудой запыленных стеклянных флаконов. Ее чемоданы. Впрочем, Темре еще внизу понял, что Роани на самом деле никуда не уехала.

На кровати кто-то сидел – смутный силуэт за кисейным пологом, окруженный зыбким ореолом. Три пары суставчатых паучьих ног были согнуты и подобраны, что придавало абрису сходство с короной.

За спиной скрипнул ящик комода. Темре повернулся, однако Нолган, и откуда только прыть взялась, уже успел вытащить и навести на него пистолет.

Вот это влип так влип... Привычка подвела: когда ты на работе, люди тебе не противники, люди на тебя молиться готовы, ты ведь их защищаешь, удара в спину можно ждать только от мороков. В большинстве случаев. Однако бывают исключения. Бывают психи. Вроде Нолгана Аргайфо. У придурка пистолет, а ты безоружен – иглы, вылетающие из перстня убийцы наваждений, для человека безвредны. Надо полагать, Нолган в курсе.

– Брось оружие – или я уничтожу твою подружку. Я успею.

Темре не был уверен, что для псевдо-Роани хватит двух выстрелов. Слишком она сильна, почти как живая. Чтобы такой морок растаял, стрелять придется несколько раз.

– Маску прочь! – выкрикнул Нолган. – Иними кольцо!

– Если нажмешь на курок, я успею убить подобие Роани.

– Это не подобие! Это теперь и есть Роани! Моя ненаглядная, которая никуда от меня не уйдет, ни для кого меня не бросит, всегда будет со мной...

– Убери пистолет или останешься без ненаглядной.

– Она вернется! Она ведь один раз уже вернулась... Она тогда захотела уйти, а я не мог ее отпустить, я хочу, чтобы она была рядом, я же столько всего ей купил – посмотри, это все мои подарки, она должна жить среди них как главная драгоценность в моей сокровенной шкатулке. Она такая беззащитная, кто угодно ее обманет и обидит, разве я мог ее отпустить? И я не пустил... Сначала мерещилось, что ее больше нет, но потом она вернулась – уже вот такая. Теперь она передумала от меня уходить.

– Да разве это она? – скептически заметил Темре, кивнув на полудевушку-полупаучиху, которая неподвижно, как изваяние, восседала на кровати за кисейной занавеской.

Он уже прикинул, как будет действовать, когда наступит подходящий момент, и выгадывал время. Судя по доносившимся из коридора звукам, что-то приближалось – что именно, не угадаешь, но вряд ли оно было человеком. Когда новая тварь ввалится в комнату, надо будет уйти с линии выстрела и обезоружить сумасшедшего. На все про все несколько секунд. И еще неизвестно, отвлечется ли Нолган на посетителя, который вот-вот будет здесь... Нужно, чтобы отвлекся.

– Это она, моя Роани, – убежденно подтвердил тот, сопроводив свои слова собственнической, хотя и немного нервной улыбкой. – Ненаглядная, неспособная на неверность, неспособная ранить мое сердце. Она ценит то, что я покупал и дарил ей, и всегда молчит... И я знаю, что скрыто за ее молчанием.

– Ты ее не боишься? Она ведь, мягко говоря, странно выглядит.

– Боюсь ли я? – Нолган вновь зашелся театральным смехом. – Конечно, боюсь! Но лучше бояться ее самой, чем того, что она от меня уйдет. Страх привязывает нас друг к другу. А вот это еще одна моя мечта!

Темре не удивился. Мечта вполне в духе этого дарования: две изящные длинные ноги, каким могла бы позавидовать любая танцовщица, и сверху, как абажур на торшере, черная кружевная юбочка. Верхняя половина туловища отсутствует. Практичный минимализм. Зачем нужны какие-то излишества? Видимо, псевдо-Роани у Нолгана для души – чтобы сидела в гнездышке среди подаренных безделушек и никуда не уходила, а вот это ходячее неудобно сказать что – для всего остального.

Того момента, когда парень повернулся к своей второй «даме», убийце хватило, чтобы отпрыгнуть за кровать с кисейным балдахинном. Пуля ударила в стенку сильно в сторону: больше смахивает на демонстрацию, чтобы не ранить псевдо-Роани, но в то же время показать противнику, что это не игра.

Темре послал иглу в создание, остановившееся возле порога. Псевдо-Роани выглядела опаснее, и она уже закопошилась под прозрачным пологом, ее членистые паучьи лапы пришли в движение, но сейчас важнее справиться с Аргайфо. Против морока у Темре есть оружие, против пистолета – нет.

Грациозные ноги подломились, и прельстительная для Нолгана несурязица рухнула на пол. Теперь она казалась сделанной из просвечивающегося желе, и черная юбка истончилась, словно кружева были сплетены из тумана. После второй сверкнувшей в воздухе иглы и это растаяло.

– Ты!..

Яростный возглас Нолгана оборвался глухим ударом: Темре швырнул ему в голову скамеечку для ног, стоявшую возле кровати. Он не очень-то надеялся

на успех этого приема – сам в такой ситуации успел бы и отследить движение противника, и уклониться, но против одуревшего от креймы Аргайфо это сработало. Пистолет со стуком упал на пол, его оглушенный хозяин ткнулся в пыльный ковер.

Не теряя времени, Темре подскочил к нему, скрутил руки за спиной и связал шарфом с вышитыми на концах буквами «Н» и «Р». Пистолет сунул в карман. Псевдо-Роани между тем сползла с кровати и выбралась из-под балдахина, ловко раздвинув его своими паучьими лапами. Ее томное кукольное личико цвета лежалого снега ничего не выражало, но движения казались целеустремленными и угрожающими. А перстень разряжен... Темре выпрямился, с прищуром глядя на существо, остановившееся напротив.

Она почему-то не спешила нападать. Двинулась к двери, с неуклюжей грацией переставляя гладкие, словно покрытые лаком, черные лапы. У порога остановилась и оглянулась, дернув узким плечиком. Длинные белокурые волосы, ниспадающие до талии, которая переходила в безобразное паучье брюхо, нетерпеливо колыхнулись.

«Хочет, чтобы я пошел за ней, – догадался Темре.

Нолгана он потащил с собой. Тот все еще был без сознания, пришлось взвалить его на плечо. Если оставить этого парня, пусть даже связанного, без присмотра, нет гарантии, что какой-нибудь морок его не освободит. Аргайфо кормит обитающие в этом доме наваждения своими эмоциями: раз его до сих пор не замучили и не высосали досуха – значит, здешняя нежить свой рацион и без того получает.

Спустились на первый этаж, дошли до лестницы в подвал. Темре уже начал догадываться, куда ведет его псевдо-Роани. Наверное, не так уж неправы те, кто утверждает, что наваждения тоже обладают самосознанием, тоже могут что-то чувствовать и принимать решения... Лестница оканчивалась площадкой, загроможденной стульями и связками растрепанных пожелтелых книг. Дальше преграждала путь запертая дверь. Псевдо-Роани посмотрела на Темре, потом перевела взгляд на Нолгана, потом снова на убийцу.

– У него ключ?

Кивнула.

Сгрузив парня на пол, Темре обшарил его карманы. Может, и рискованно было заниматься этим рядом с мороком: один удар в висок паучьей лапой с ороговевшим острием на конце – и поле боя останется за противником... Но он доверился своей интуиции, которая была для него таким же рабочим инструментом, как маска или перстень, и до сих пор не подводила.

Интуиция подсказывала, что этот морок с ним заодно. Этот морок и сам хочет развоплощения.

Во время обыска Нолган очнулся. Игнорируя его протесты, Темре извлек из внутреннего кармана пижамы ключ на шнурке – судя по молчаливой реакции псевдо-Роани, тот самый – и отпер дверь.

Пахнуло затхлостью и едва уловимой трупной вонью. Щелкнув выключателем, убийца при свете тусклой лампы оглядел помещение. Облезлый антиквариат, кучи старой одежды, поломанные детские игрушки. К беленому потолку прилепилась гирлянда сцепившихся друг с дружкой тварей, отдаленно похожих на летучих мышей или трапанов, но до омерзения уродливых, как будто слепленных из темной маслянистой массы, того и гляди готовой рас-

течься. Наваждение. Двух иголок в самый раз хватило, чтобы оно исчезло.

У стены стоял гроб из иллихейского мраморного кмера – это дерево не гниет, обладает твердостью камня и неплохо поглощает запахи. Полированная крышка была завалена матерчатыми цветами и заставлена фарфоровыми и стеклянными статуэтками, изображавшими влюбленных парочек, принцесс, собачек, танцовщиц, овечек, толстяков, ящериц, птичек. Было здесь и несколько покрытых сусальным золотом «счастливых домиков», какие у венгосов принято дарить на Новый год. Псевдо-Роани остановилась возле гроба, в упор глядя на Темре.

– Я понял, – кивнул убийца. – Здесь, да?

Девушка-паук кивнула в ответ.

– Ненаглядная, что же ты делаешь! Не предавай меня еще раз!

Вопль издал Нолган. Он стоял на коленях возле двери, подняться на ноги у него не хватало сил. С разбитым лбом и кровавыми потеками на лице он стал выглядеть более-менее прилично: физиономия парня, которого отделали, а не сывороточно-бледная одутловатая маска юного носителя порока.

– Я же тебя люблю, не бросай меня!

Для того чтобы псевдо-Роани растаяла, понадобилось шесть двойных выстрелов. Она до самого конца улыбалась. Могло ли быть так, что в нее по неведомой причине вселилась душа настоящей Роани? Кто знает... Когда все было кончено, Темре пробормотал шепотом коротенькую успокоительную молитву.

– И что вы станете делать дальше?

На этот раз Нолган задал вопрос естественным тоном, без театрального пафоса и надрыва. Интонационные эффекты предназначались для ушек бедной глупой девочки либо для белых, как потускневший снег, ушей ее выморочного подобия, а ломаться таким же образом перед посторонним мужчиной нет никакого смысла. Не оценят.

Когда Роани была жива, Темре не раз наблюдал то же самое: Нолган со своей жертвой-возлюбленной и Нолган с кем угодно другим – это были два разных человека. Отчасти из-за этого многие в компании Сои ему симпатизировали, считая его рассудительным и воспитанным юношей, способным на глубокие чувства, а Роани – виноватой в его страданиях взбалмошной ветреницей.

– Закончу свою работу и вызову полицию, – бесстрастно бросил убийца наваждений.

Нолган не стал предлагать ему денег за молчание. Должно быть, сразу понял, что из этого ничего не выйдет. Вот госпожа Аргайфо, будь она здесь, попыталась бы его подкупить, но она давно уже не переступала порог этого дома, хотя оплачивала все счета. Войти сюда – это означало бы надыхаться дурманного пара, если только у тебя нет магической маски, фильтрующей воздух. Мать Нолгана заботилась о своем здоровье.

– Зачем ты это сделал? – поинтересовался Темре, когда вернулись на первый этаж.

– Она хотела от меня уйти. Купила билет на поезд, собрала чемоданы. Она бы ушла навсегда, а я не мог ее отпустить, не мог без нее жить, – в голосе парня опять проскользнул сдержанный стон. – Я бы не выдержал, я слишком любил ее, чтобы отпустить...

– Не ее. Себя.

– Что?..

– Себя ты любишь, единственного и ненаглядного. Лучше я поломаю эту куклу, чем кому-то отдам, а то мне будет плохо – так ведь?

Это Нолгану не понравилось. Он прищурился, протестующе усмехнулся и ничего больше не сказал.

Темре оставил его в одной из комнат внизу, на всякий случай повернув торчавший в замочной скважине ключ. Как бы там ни было, работу нужно довести до конца.

Уничтожив последний морок – это был карниз для шторы, висевший параллельно настоящему карнизу и усеянный на манер лепнины выпуклыми губами, которые то улыбались, то что-то шептали, – он устало выругался и отпустил на волю свои эмоции, которые при контакте с наваждениями следует держать под спудом.

Настроение сразу сделалось препоганым. Первым делом захотелось спуститься на первый этаж и набить морду Нолгану. Если бы Роани послушалась разумных советов, если бы переспала с Котярой (или с кем-нибудь еще из ордена Лунноглазой, раз уж Котяра ей чем-то не приглянулся), если бы и в самом деле уехала, не сообщив присосавшемуся, как пиявка, несчастному влюбленному своего нового адреса, она осталась бы жива. Вместо этого она то ли в очередной раз купилась на уверения, что «теперь у нас все будет хорошо», то ли позволила себя запугать. И вскоре после этого в подвале дома, насквозь провалявшего дурманом, появился роскошный полированный гроб. Ведь мертвая Роани не сможет отсюда уйти, она всегда будет рядом с Нолганом.

Прежде чем позвонить в полицию, Темре еще раз осмотрел ту комнату, где жила девушка. Никакой больше пакости, *чисто*. Взгляд упал на маленький бумажный сверток с приклеенной самодельной розочкой, лежавший на туалетном столике среди запыленных флаконов с остатками духов. «*Ненаглядному Нолгану от нежно любящей Роани*». Она еще и подарок ему приготовила...

Рука сама собой потянулась к девичьему сюрпризу. Гронси слывут народом беззастенчиво любопытным и вороватым – ну, во всяком случае, их считают таковыми все остальные, венгосы в особенности. А Темре, чего уж там, тоже был гронси. Почему его разобрало желание посмотреть, что находится внутри, почему взгляд прилип именно к этому свертку, в то время как вокруг столько шкатулок, пакетиков, коробочек, да еще пара чемоданов в придачу, – спросите что-нибудь полегче. Наверное, чутье подтолкнуло.

Нолган Аргайфо, убивший свою «ненаглядную» и после этого с размахом предавшийся тоске, последний подарок Роани так и не развернул. И где только девчонка это взяла?..

В первый момент Темре показалось, что это срезанная головка засохшей розы, когда-то красной, теперь побуревшей. Тяжелая, как свинцовое грузило, она выскользнула из пальцев и покатила по полу, но лепестки не осыпались, ни один не отвалился.

Вначале опешив, Темре спохватился и подобрал артефакт, завернул в носовой платок, спрятал в карман. Действовал он проворно, словно кто-то мог его застукать.

Он имел представление, что это такое, а гронси и впрямь отличаются известной вороватостью. Кража денег – грех и преступление, с этим большинство из них спорить не станет, но присвоить полезную вещь, которая сама

подвернулась, зазорным не считается.

Обычное дело: когда Темре навещали родственники, он потом всякий раз недосчитывался ручек на дверцах шкафов и ящиках комодов. Кончилось тем, что он начал сам свинчивать с мебели в гостиной всю фурнитуру перед очередным запланированным нашествием родни – и словил немало укоризненных взглядов, ибо так поступать не принято. Не по-людски это, не по-родственному. Проявление обидного недоверия.

Сам он чужого не тащил, до последнего времени был выше этого, чем в глубине души скромно гордился. До сегодняшнего визита в дом Аргайфо. До тех пор, пока не увидел засохшую розочку, которая оттягивала карман, словно увесистый камень.

Смеющийся Ловец

Несмотря на связанную с арестом Нолгана полицейскую канитель, в Управление Градоохраны за своей наградой Темре успел-таки. Да потом еще завернул в Корабельный банк, чтобы положить в магически защищенный сейф большую часть денег и прикарманенный артефакт – не хотел он тащить эту штуку домой.

Теперь посидеть бы с Котяррой в пивной, пропустить по кружке и потолковать о жизни. О том, например, может ли душа убитого человека вселиться в морок и что-то о себе помнить, тосковать из-за того, что все сложилось так несуразно... Пусть Котяра не жрец, а всего лишь рядовой монах, он должен хоть немного об этом знать. Но он уехал на праздник Любования Луной с Храмовой Крыши куда-то за город, ибо в Лонваре, как известно, луной не полюбуешься: маячит в небе за дымной занавесью тусклое пятно – и на том спасибо.

Славно у них там, наверное: на монастырских крышах, огороженных перильцами, устроились люди и кошки – так их много, что ореху упасть негде, – и все смотрят на ясный ночной небосвод, на сияющее посреди звездного бархата око богини. Говорят, просветленные могут различить абрис кошачьей головы, как будто нарисованной угольным карандашом по черному фону: один глаз зажмурен, другой смотрит на землю.

Островной клан Гартонгафи, к которому принадлежал Темре, находился под покровительством Девятирукого, к его служителям и полагалось бы идти с вопросами, но обсуждать эту историю с посторонними не хотелось. Другое дело – старый приятель.

На проспекте Вернувшихся Кораблей Темре спустился в винный подвальчик, купил там столетний черный рарьянгле «Гинбо Таи» – бутылка темного стекла с выпуклым позолоченным гербом, лучшее, что у них нашлось.

Выйдя на улицу, постоял в раздумье, потом криво усмехнулся и произнес вполголоса:

– У меня сегодня выдался свободный вечер, и я не против, если кто-нибудь заглянет в гости.

Вряд ли кто-то из снующих мимо прохожих расслышал, что он пробормотал. Внезапный порыв пропахшего гарью городского ветра скользнул по скуле холодными пальцами.

Неподалеку находился магазинчик иллюзий, где он был завсегдатаем. Завернул и туда, но ушел ни с чем – последнюю рамгу Ким Энно еще не привезли. Продавец туманно обнадежил: быть может, через несколько дней... Ким

Энно был его любимым мастером иллюзий. Или была – не разберешь, кто скрывается за псевдонимом, мужчина или женщина.

Убийцам наваждений ничто человеческое не чуждо: Темре тоже увлекался рамгой и не скрывал, что принадлежит к числу поклонников известного мастера. Знать бы еще, какого этот мастер пола, хотя бы для того, чтобы не попасть впросак с подарком... Послать незнакомой даме бутылку вина или незнакомому мужчине коробку конфет – неприличная фамильярность, пусть даже он любит сладкое, а она не прочь пропустить рюмочку под настроение. Не желая осрамиться, Темре обычно выбирал что-нибудь нейтральное: хороший чай или кавью, набор дорогих пряностей, экзотические фрукты. Обратного адреса никогда не указывал, ограничиваясь лаконичным «Мастеру Ким Энно от Темре Гартонгафи», и никогда не называл себя поклонником или почитателем – и так ясно. Оставалось только надеяться, что загадочному творцу иллюзий его подношения приходились по вкусу.

Он зашагал дальше по блестящему от морозящего дождя тротуару, и мысли вернулись на прежний круг. Может ли морок думать и чувствовать? Учитель когда-то говорил, что этим вопросом хоть однажды задается любой убийца наваждений, если он не из тех обалдев, которые способны только стрелять иглами в цель да деньги считать. Это нормально, когда тебе небезразлично, к чему приводят твои действия, иначе сам не заметишь, как уподобишься морочану. А правильный ответ на вышеозначенный вопрос не имеет значения. В любом случае морок должен быть уничтожен.

Даже если Роани и впрямь вселилась в то чудище с паучьими ногами, для нее по-всякому лучше было освободиться из посмертного плена, чтобы честь по чести родиться вновь. Да она и сама хотела оттуда вырваться. Похоже, боли она не испытывала. Или ее душевная мука была так сильна, что она попросту не замечала той боли, которую причиняли ей серебристые иглы из перстня убийцы наваждений?

Темре готов был побиться об заклад, что Нолгана Аргайфо отмажут от каторги. Его мать задействует все свои связи, паскудника признают невменяемым и упекут куда-нибудь, где он будет под присмотром, зато в тепле и сытости. И на том спасибо, если ему не позволят больше угробить никакую новую «ненаглядную».

Лестница Белых Вдов обшарпанными широкими маршами спускалась на Портняжную площадь. Возле подъемника стояла очередь, народ переругивался, выясняя, кто вперед кого пролез, и Темре пошел пешком. В начинающихся стущаться дымных сумерках ступеньки и вправду выглядели белыми, а многоэтажные кирпичные дома по обе стороны с зажигающимися одно за другим окнами казались нематериальными, словно все это сплошь наваждения, которые того и гляди растают.

Внизу он повернул в аллею сквера. Сумьямы с широкими лапчатыми листьями высились двумя величавыми рядами, на ветвях возилось, пицало, хлопало кожистыми крыльями множество трапанов – неподалеку находился храм Ящероголового, где их подкармливали. Хоть и бытовало поверье, что, если священная летучая ящерица нагадит тебе точно на темя – это к счастью, большинство прохожих держались середины аллеи.

– У меня есть рарьяngle, – промолвил Темре так тихо, что никто не смог бы разобрать, что он там бормочет на ходу, глядя на древесные стволы. – Я не

прочь продегустировать его в хорошей компании.

Ветер прошуршал в газоне облетевшей листвой, закрутил ее вихрем, через мгновение распавшимся. Кое-кто из прохожих вздрогнул. Возможно, они, как и Темре, ощутили на миг легкое прикосновение незримых ледяных пальцев к горлу.

Несмотря на общение с полицейскими чиновниками, которое в нынешней ситуации было для него как бальзам на душу, он все еще не отошел после особняка Аргайфо. Мороки тамошние – ерунда, и не такой дряни навидался, а вот истерическая самовлюбленность избалованного юнца и замешанная на ней жестокость – с этого до сих пор отвратно, как будто нахлебался тошнотворной гадости.

У них с Соймелой тоже были те еще отношения. Несколько раз он едва ее не ударил, однако брала свое профессиональная выдержка убийцы наваждений. Вроде бы Сой это обижало и злило (пальцем не тронул – значит, не слишком-то любит!), и она едва ли не нарочно пыталась спровоцировать его на рукоприкладство. Фокусы вполне в ее духе. И все же Сой, которую иногда хочется поколотить, Сой, которая мастерски умеет разжигать ревность, Сой, которая беззастенчиво выпрашивает денег на прокорм своей богемной свиты, Сой-лгунья, Сой-развратница, Сой-мерзавка – живая Сой – гораздо лучше ее трупа, спрятанного в подвале в полированном гробу. Когда Темре додумал эту мысль до конца, на душе стало чуть полегче.

Совсем стемнело. Чугунные фонари в виде ажурных цветов, оскаленных страхолюдных морд, отпугивающих злых духов, или скромных «домиков» заливали улицы густым, как желтый сироп, электрическим светом. По Лонвару лучше бродить после наступления сумерек, когда не разглядишь копоты на стенах, а грязноватые колонны, обводы окон и гипсовые статуи белеют в потемках таинственно и маняще, вместо того чтобы наводить уныние своим неряшливым видом.

– Буду рад, если кто-нибудь составит мне компанию сегодня вечером, – проходя мимо витрины, охваченной сиреневым неоновым сиянием, обронил Темре.

Ветер взметнул полы его плаща, и на секунду возникло ощущение, будто до сердца дотронулись холодные как лед пальцы. Не атака, даже не предупреждение – всего лишь знак, что тебя услышали.

Этикет соблюден: приглашение прозвучало трижды. Честно говоря, и одного раза хватило бы, но Темре упрямо придерживался формальностей.

В соседнем переулке находился неплохой магазинчик «Кавья и чай». Он выбрал то и другое самых лучших сортов и распорядился отправить с посыльным в студию рамги «Колдовская Страна» с надписью на подарочной упаковке «Для мастера Ким Энно от Темре Гартонгафи». Дальше они сами перешлют. Уж они-то знают наверняка, кто скрывается за интригующим псевдонимом, и его (или ее) адрес для них тоже не секрет. Ходили слухи, что Ким Энно живет не в Лонваре, а в одном из старинных венгоских городов, пришедших в упадок и напоминающих морские раковины в известковых наплывах и перламутровых отблесках, – то ли в Далибе, то ли в Олонве, то ли в Ордогеде.

Навстречу попалась бойкая компания девушек в красных холлах – расцветка намекала на то, что они ничего не имеют против новых знакомств. Опять подумалось о Роани: вот так предполагаешь, что человек, исчезнувший из по-

ля зрения, живет где-то за горизонтом, занимается чем-то для себя важным, а на самом деле он давно уже гниет в тайнике, прикопанный каким-нибудь доморощенным малахольным злодеем вроде Нолгана Аргайфо.

Темре ничем не смог ей помочь. Даже от состоявшейся его стараниями душеспасительной беседы с Котяррой проку не было. Пожалуй, единственное, что могло безотказно сработать, – это забрать девчонку силой, посадить под замок и не пускать к Нолгану. Будь она гронси, ее родственники так бы и поступили, да еще навалили бы так называемому «ненаглядному», чтобы впредь было неповадно.

У большинства венгосов течет в жилах рыба кровь, даром что они коренные жители материка. Вместо обычая у них права и законы – ну-ну, толку-то было для Роани от этих хваленых достижений материковой цивилизации! Куда, интересно, смотрели ее близкие, когда она попала в беду, и чем столько времени занимались – соблюдали права и законы? Ага, дособлюдались, теперь им предстоит похоронить ее останки, которые пришлют в освинцованном гробу после полицейской экспертизы.

Темре выжал угрюмую усмешку, поймав себя на том, что рассуждает сейчас как истинный гронси из островного клана.

Подъемник с полупустой скрипучей платформой доставил его на улицу Забродившего Сусла. Дальше начинались плохо освещенные гронсийские кварталы – старые малоэтажные дома, скупленные по дешевке островитянами. Давно не чиненные тротуары ухмылялись в потемках извилистыми трещинами.

Сам он жил не здесь, но решил по дороге завернуть к своим, подбросить им денег на ремонт водопровода, о чем они уже с месяц слезно просили. На отца накатило перед смертью сентиментально-торжественное настроение, и он напоследок наставлял: как бы все ни повернулось, не отступайся от клана, гронси должны держаться вместе и помогать друг другу. Темре был человеком материковой цивилизации в гораздо большей степени, чем островитянином, но родительский завет во второй его части соблюдал. Надо выручить родных оглоедов, не так уж они и плохи, особенно если сравнить их с культурной семейкой Аргайфо.

У себя на островах гронси ютились в тесноте: свободное пространство там величайшая ценность после пищи. В силу вековой привычки так же кучно они селились в венгоских городах. Мало кто из них обустроивался отдельно от общины – это считалось за небывалую смелость и осуждалось как проявление негодящего зазнайства. В свое время так поступил отец Темре, после того как выучился на адвоката. Ему нельзя было иначе: положение обязывает, нужно соответствовать лонварским представлениям о солидном человеке – по крайней мере, так он объяснял это вслух.

Сам Темре принадлежал к числу «очужевцев», которые среди венгосов живут как венгосы. Родня его не одобряла и при случае старалась застыдить, но в то же время ценила за то, что у него можно одолжить денег (ну, то есть выпросить «в долг» и потом не вернуть), не говоря уж о его полезной профессии – если объявился морок, бегите за Темре, сыном Хусве-адвоката!

Клан Гартонгафи оккупировал два квартала по обе стороны улицы Колеса, круто задиравшейся в горку. Дома здесь лепились по-гронсийски, как грибы на пне или хижины на островах, где простор – невозможная роскошь. Те, кто

там остался, по-прежнему промышляли рыболовством и сбором моллюсков. Те, кто в поисках лучшей доли перебрался на венгоское побережье, перепродавали их улов на рынках, работали на заводах и фабриках, подметали горбатые лонварские тротуары, держали гронсийские закусовые или сапожные мастерские. И с неодобрением посматривали на венгосов, не говоря уж об очужевцах, ибо те жили не по-людски, крабу ошпаренному на смех, и все делали не так, гневя богов и позорясь на каждом шагу.

Повернув при свете тусклых желтых окошек в ту часть квартала Гартонгафи, где обитала его ближайшая родня по отцовской линии, Темре мысленно приготовился к тому, что сейчас ему в очередной раз все это выскажут. Даже знай его родственники, что он в результате разозлится и перестанет им помогать, все равно бы не удержались. Деликатность и терпимость к чужому образу жизни в число гронсийских добродетелей не входили, а о том, что это они в Лонваре пришлые, гронси в такие «моменты истины» напроочь забывали.

С верхнего этажа доносился шум ссоры – мужские и женские негодующие голоса, выкрики, ругань вперемешку по-гронсийски и по-венгоски. Что там опять не поделили? Уж лучше потихоньку пройти мимо – и напрямик на трамвай, а сюда наведаться в другой раз.

Приняв такое решение, Темре отступил в темноту, огибая освещенный участок перед домом, и тут сверху что-то свалилось, тяжело стукнуло и распалось на куски.

Кумулян – традиционный островной предмет обихода: ящик из необожженной глины, украшенный мелкими ракушками и разгороженный на отделения для всякой нужной в хозяйстве мелочи. Гвозди, пуговицы, булавки, орехи, нитки, рыболовные крючки, дешевые специи в мешочках, пузырьки с лекарствами, заговоренные бусины от сглаза и на удачу – все это добро рассыпалось по утоптанной земле.

Темре не успел удивиться, когда рядом шмякнулась еще и подушка с нарядной вышивкой, какие на островах дарят молодоженам. А потом и вторая. Следом грохнулся пузатый, с добрую кастрюлю чайник из желтого фарфора, разрисованный аляповатыми цветами, еще прабабка Темре заваривала в нем хумзу – полезный для здоровья напиток из сушеных водорослей. И все это с третьего этажа, из распахнутого окна, за которым наперебой кричали. Судя по звукам, там не просто скандал, еще и драка завязалась.

Мученически вздохнув, Темре направился к двери. Похоже, ему предстоит разнимать родственников, что-то насмерть не поделивших, – с перспективой, что обе заинтересованные стороны после этого на него же и обидятся. Или утихомиривать агрессоров из чужого клана, а потом те, как водится, попытаются его подстеречь и прирезать.

И хотелось бы потихоньку пройти мимо, но отец на смертном одре завещал не бросать родню в беде, к тому же Темре одолевало любопытство: что там стряслось, если вещи, на которые в обычной обстановке ни у кого рука не поднимется, летают из окон?

На первом этаже, у подножия темной и страшной, как челюсть хтонического чудовища, деревянной лестницы, толпились дети и старухи, тут же сидел на стуле дядя Гувше, прижимал к разбитой голове окровавленное полотенце. Его лицо тоже было перемазано кровью, вислые седые усы слиплись в сосульки.

– А вот и наш очужевец явился! – каркнула одна из старух, всплеснув руками; ее заштопанная серая шаль колыхнулась нетопырьими крыльями. – Вспомнил про нас, честь-то какая...

– Здравия вам, родичи! – вежливо поприветствовал их Темре. – Что здесь творится?

– Ты ж у нас образованный! – вместо ответного приветствия буркнул Гувше, сердито сверкнув подбитым глазом. – Пойди, урезонь суку!

– Какую еще суку? – озадаченно уточнил убийца наваждений.

– Венгоскую, краба ошпаренного!

– Тебя ж всему выучили, деньги на крабов помет перевели!

– Когда надо, тебя никогда здесь нет и не дозовешься!

– Тебе же венгосы теперь роднее своей родни!

– Ничего не понял, – констатировал Темре, когда они все выдохлись и умолкли.

– Да где тебе понять, ты ж у нас образованный! – едва ли не с ненавистью повторил дядя Гувше, отняв от раны и воздев над головой багровую от крови тряпку. – Витаешь в этих самых... Как их там называют, я в этой вашей культуре не знаток... Иди, говорю, усмири эту суку бешеную – может, она тебя слушает, зря, что ль, учился!

– Она же там людей убивает! – внесла лепту старуха, похожая на побуревший кочан капусты, и благим матом запричитала: – Ох, убивай-и-ит наших родненьки-и-их, ох, совсем погуби-и-ит!..

Под аккомпанемент ее стенаний Темре поднялся по лестнице, предварительно определив ситуацию как «все тут спятили». О, как он понимал тех, кому хочется поубивать его родственников... Когда умирающий отец просил не бросать их без помощи, надо было неопределенно промолчать, а он связал себя обещанием.

На втором этаже несколько женщин возмущались венгоской распущенностью, бросая опасливые взгляды на содрогающийся от топота и ударов потолка, а на лестничной площадке кто-то лежал, не подавая признаков жизни. Мужчина или парень, Темре взглянул мельком и не узнал, кто это: лицо пострадавшего напоминало битый гранат.

Задерживаться здесь, чтобы выяснить, что же все-таки приключилось и откуда взялась «венгоская сука», он не стал. Успеется. Сейчас главное – навести порядок, пока все живы. Впрочем, в последнем Темре уже начал сомневаться.

На третьем этаже светили все лампы, хотя обычно бережливые обитатели дома экономили электричество. Здесь собрались мужчины и подростки, и выглядели они в разной степени плачевно – фингалы, ссадины, опухшие скулы, кровь на рубашках. На полу валялись ножи, оторванные пуговицы и выбитые зубы, дополняли эту картину алые кляксы. Разило потом.

– А это у нас кто такой? – осведомился холодный женский голос.

Видимо, перед ним стояла та самая «сука».

В правой руке она держала небольшой пистолет, в левой – тряпичную куклу-богачку. Таких специально шьют, заговаривают и сажают где-нибудь в укромном уголке на россыпь монет, чтобы в доме не переводились деньги. Судя по всему, кукле предстояло отправиться в недолгий свободный полет вслед за кумуляном, подушками и чайником.

Пистолет – это было первое, что Темре принял к сведению. Дама вооруже-

на, лучше ее не злить. До кончиков ногтей венгоска, белокожая и беловолосая, с горделивой осанкой. Пожалуй, даже красивая, хотя такие жесткие, надменные лица никогда ему не нравились. Острижена до неприличия коротко, словно каторжанка. Очень светлые, почти прозрачные глаза, стыло холодные, по-нехорошему цепкие, наводили оторопь.

Когда он встретился с ней взглядом, в душе что-то смутно шевельнулось, и ему бы ухватиться за этот импульс, попытаться понять, в чем дело... Но было не до того, и он не придумал этому значения. А зря.

Еще мелькнула мысль, что она, должно быть, из циркового балагана. Рослая, выше любого из присутствующих, вдобавок широкоплечая, словно силачка или акробатка, и движения, как на арене. Да еще одета похоже: серебристые лосины обтягивают литые мускулистые икры, на ногах полусапожки с массивными пряжками, холла заткана блестящим шитьем – было в этом что-то вызывающе-театральное, для сцены.

Вымотался он сегодня. Сначала гадючник в доме Аргайфо, потом полицейские протоколы, а после этого в сумасшедшей спешке дорога до Управления Градоохраны в тот дикий предвечерний час, когда такси нарасхват, трамваи переполнены, подъемники перегружены, везде толпы народу, и лучше бы отложить до завтра, но деньги-то нужны сегодня. Усталость притупила его обычную восприимчивость: как ни крути, а ему следовало сразу догадаться, кого он перед собой видит.

– Почтенная, что вы здесь делаете? – поинтересовался Темре.

Вежливо, поскольку у нее пистолет, но в то же время твердо. Встрепанные побитые родственники поддержали его агрессивным бурчанием.

– Избавляюсь от ненужного хлама, – презрительно бросила Акробатка.

– С вашей точки зрения это хлам, а для людей – их имущество, личная собственность. – Недаром же он был сыном адвоката. – Вы сейчас находитесь в частном доме, поэтому закон не на вашей стороне.

– Я теперь тут живу, так что собираюсь устроиться по своему вкусу, – усмехнулась венгоска, глядя на него как на копошащееся под ногами насекомое – то ли наступить, то ли перешагнуть.

– У вас есть для этого какие-то законные основания? – уточнил Темре все тем же обходительным, но непримиримым тоном, про себя подумав: «Сами напросились, морды несчастные, кто из вас ее сюда притащил? И после этого вы еще будете попрекать меня связью с Сой? Надо выяснить, кто подцепил эту стерву, и дальше пусть дурень сам улаживает...»

– Разве право сильного – недостаточное основание? – саркастически хмыкнула Акробатка.

– Боюсь, что нет. Закон такой категории не признает.

– Правильно делаешь, что боишься, потому что мне нет дела до ваших категорий. Вот мой закон.

Швырнув куклу-богачку в окно – бросок вышел что надо, – она показала Темре сжатый кулак. Это выглядело бы нелепо, если бы не бездонный зрачок пистолета в другой руке, не учиненный в комнате погром и не такая многозначительная деталь, как выбитые зубы на полу.

Недавние обладатели зубов угрюмо слушали препирательства, и до сих пор никто не влез, что само по себе было из ряда вон выходящим обстоятельством.

– Ни один суд вас не поймет, так что лучше бы нам договориться по-хоро-

шему. Как я понимаю, вас сюда пригласил кто-то из моих уважаемых родственников?

– Да какого краба ошпаренного ты все рассусоливаешь, как венгоский придурок! – взорвался, не выдержав, один из родичей. Его голос звучал гнусаво, но не шепеляво – нос разбит, зубы уцелели, – а сам он прятался за чужими спинами, так что чокнутая Акробатка не смогла бы в него попасть, вот и осмелел. – Комнату ей сдали внаем, если сам не допер! Какой там суд, краб ошпаренный...

Спасибо, ввел в курс дела. Положеньице и впрямь сложное: обе стороны не заинтересованы в том, чтобы вмещивать сюда полицию. Бывает, что гронсийские общины втихую пускают к себе жильцов, не платя налога и не сообщая обязательные сведения о постояльцах в органы государственного надзора. Им с этого прибыль, квартирантам – экономия, поскольку легальный съём жилья обойдется дороже, и в придачу это на руку тем, кто по какой-либо причине не заинтересован мозолить глаза властям.

– Сударыня, если вы сняли комнату и вам не нравится, как она обставлена, это можно решить мирным путем. Вещи, которые вас раздражают, унесут, незачем бросать их в окно. Сейчас мы все организуем, и у вас будет такой интерьер, как вы пожелаете. Дядя Бронже, можно с вами переговорить?

Он кивнул главе семейной ветви, который с заплывшим глазом и рассеченной, как будто размазанной, бровью утратил обычное благообразие и смахивал на битого портового забулдыгу.

Разумеется, Темре не собирался ничего «организовывать». Деваху надо сдать в приют для буйных помешанных, ей там самое место. Позвонить в душеболезную опеку, объяснить ситуацию... А чтобы попечители болезных не донесли насчет незаконной аренды жилья, придется им заплатить.

Обычные дела. И наверняка эти расходы родственники постараются свалить на Темре. Не то чтобы его это радовало, но ему хотелось поскорее покончить с текущим безобразием, а взятка – неминуемое зло, не в первый раз.

Бронже Гартонгафи, бывалый рыночный торгаш, сразу уловил, куда клонит советчик, и захромал к нему с деловитым видом, широко и любезно улыбаясь квартирантке – мол, вот и нашелся обоюдно замечательный выход из положения! Та смотрела с брезгливым прищуром, в раздумье, как будто это слегка сбило ее с толку. Но беда в том, что не все тут были такими догадливыми, как старый Бронже.

Йуджуле, остолоп, скандалист и забияка, в придачу втемяшивший себе в голову, что он с Темре по всем статьям соперничает – это при том, что в кулачном бою и в борьбе гонду Темре неизменно одерживал верх, не говоря уж о прочих жизненных успехах, – возмутился такой уступчивостью и заодно решил дать щелчка выскочке-очужевцу. О пистолете в руке у грудастой белокурой стервы он не забыл, но он и не собирался ее дразнить. С ней еще разберемся, не вечно же она будет держать палец на спусковом крючке. Сейчас важнее отбрить Темре, который слишком много о себе возомнил.

– Все видели, как он хвост поджал? – Йуджуле слегка шепелявил, два зуба ему пришлось выплюнуть. – О чем дядюшке Бронже с тобой толковать? Да с тобой никто из тех, кто себя уважает, точить лясы не станет! Все знают, как ты перед венгосами низкопоклонничаешь и перед этой готов на брюхе ползать... Тьфу!

Он снова сплюнул – на этот раз не зуб, а сгусток розовой слюны.

– Йуджуле, умолкни, – с досадой процедил Темре, словно бы невзначай сделав жест, означающий «скорбный разумом».

Он имел в виду Акробатку и хотел намекнуть – не мельтеши, пока с сумасшедшей не разобрались, а с тобой, раз нейдет, потом отношения выясним, если до сих пор не надоело, – но парень истолковал это как смертельное оскорбление на свой счет.

– Чего это ты мне показал?.. Так у меня, по-твоему, башка не варит?! Думаешь, ты меня отбрил? Ты ж у нас самый крутой и самый образованный, свиное вымя, и на родню тебе накласть, раз ты с венгосами породнился! А я тебе скажу, что сам ты псих и Соймела твоя сучка психованная! – Йуджуле с вызовом ухмыльнулся. – Шлюха твоя бывшая жена, а ты до сих пор к ней бегаешь и стоишь в очереди, чтоб ее поймать!

– Вот это ты зря сказал, – произнес Темре обманчиво ровным тоном. – Мои отношения с Соймелой никого тут не касаются.

Акробатка смотрела на них с брезгливым высокомерным любопытством, как будто наблюдала за возней животных на скотном дворе.

Дядя Бронже нахмурился и осуждающе крякнул: он-то понимал, что Йуджуле сглумил. Какова бы Сой ни была, говорить о ней так в присутствии Темре не стоило. Пусть она больше ему не жена, какие-то непонятные для родни отношения между ними сохранились, и она до сих пор его женщина, поэтому молчок о ней, разве что Темре сам на нее пожалуется – вот тогда можно будет обругать ее из солидарности, в порядке сочувствия. Или же как угодно ее костери, пока Темре нет рядом, тоже не заказано. Но в глаза мужчине такое высказать – это не по обычаю, это значит нарваться. Йуджуле бестолочь и впрямь скорбный разумом.

– Ты же теперь венгосом заделался, и не наше свинское дело тебя судить, где уж нам, если тебе что клан, что грязь на помойке! – Он вопил с хмельным истерическим надрывом и наступал на недруга, вызывая сощурив трусовато-отчаянные глаза. – Тебе ж на родство и на вековые обычаи плевать, тебе ничего не стоит на своего поднять руку! Ну, дай мне в морду, не постесняйся!

Темре не стал игнорировать эту просьбу. Кто бы знал, как ему надоели такие сцены. Пусть наконец усвоят, что не собирается он раз за разом играть по их дурацким правилам, и если ему предлагают совершить мордобитие, подразумевая, что он должен стусеваться и воздержаться, – еще надвое, как он в ответ на это поступит.

Забияка пошатнулся и разболтанно попятился, взмахнув руками, чтобы сохранить равновесие. Одновременно с этим прозвучал сердитый окрик Бронже:

– А ну, парни, хватит!

– Не волнуйтесь, сударыня, – обратился Темре к сумасшедшей, опасаясь, как бы та не начала палить из пистолета, заразившись общим настроением. – Сейчас мы займемся вашей комнатой.

– О, я не волнуюсь. – Та продолжала презрительно кривить красивые губы. – От существ низшего уровня я не ожидала ничего другого.

– Слыхал, очужевец? А ты с ней здрастье-пожалуйста! – крикнул тот, кого прикрывали от выстрела чужие спины.

– Вот сейчас все заткнулись и вымелись отсюда! – потребовал, морщась от

боли и поднявшегося ора, глава семейной ветви.

Похоже, авторитет дяди Бронже в последнее время пошатнулся, потому что его не послушались. На Акробатку тоже перестали обращать внимание, по крайней мере, двое старших братьев Йуджуле, которые с угрожающим видом двинулись к Темре. А провокатор – судя по голосу, это был Майчаву, который в любой ситуации норовил проявить свой пакостный характер и кого-нибудь с кем-нибудь стравить, – на этом не унялся и напомнил:

– Ее сюда привел недотепа Чунхе, они с женой около квартирной конторы ее встретили и позвали у нас поселиться. И тому и другому навалять, свиное вымя, чтоб знали, как родне гадить! А жену Чунхе пускай женщины проучат!

Невысокий щуплый Чунхе забормотал что-то оправдательное, его голос звучал невнятно, лицо было разбито. У Темре мелькнула догадка, что белеющие на полу зубы и следы побоев на физиономиях – заслуга не только чокнутой девахи. Родственнички еще и друг друга волтузили, обстоятельно разбираясь, кто больше виноват.

Уклонившись от удара, он врезал сбоку в челюсть одному из нападавших, а против второго использовал прием гонду, позволив ему пролететь мимо и обняться с платяным шкафом, скрипуче всхлипнувшим от такой неожиданности.

– Ты напросился, Темре. – Торжествующий Йуджуле щербато ослабил. – На самых близких людей подло замахнулся! Сейчас мы тебе сделаем рыло, как морской бурак!

– Чтоб фиолетовое и в пятнах, чтоб его разлюбезные венгосы от него шарались, как от чумного! – опять принялся подзуживать Майчаву. – Сразу поймет, что вместе мы сила! Задайте ему, чтоб не думал, что он самый крутой!

Как морской бурак, значит? На это Темре согласиться не мог. Ему нередко приходилось общаться и с чиновными персонами, и с заказчиками из почтенных людей, так что фасад ему нужен респектабельный, желательна небитый. Уж извиняйте, не по-вашему выйдет.

Двинув в скулу еще одному охочему до спаррингов родственнику, он отступил, сунул руку за пазуху, извлек, привычно встряхнул и наклеил на лицо маску убийцы наваждений. Универсальное средство защиты, спасает в том числе от дурных кулаков. Теперь физиономия и горло не пострадают, даже если его превратят в отбивную.

На него кинулись Йуджуле и один из прежних противников, попробовав обойти с двух сторон. Врасплох не застали, Темре вновь выручили приемы гонду. Атакующие врезались друг в друга, после чего он, пользуясь передышкой, с досадой оглядел поле боя. Скрывать досаду не было нужды: для стороннего наблюдателя вместо глаз у него змеилась по белому глянцу пара черных рун, как будто вышедших из-под пера искусного каллиграфа.

По-венгоски просторная комната со следами погрома залита светом дешевой люстры в виде граненого стеклянного короба. За распахнутым окном густая темень, в глубине ее тускло, как из воды, желтеют окошки соседнего дома. Толпа воинственно настроенных чернявых мужчин в порванных рубашках, некоторые сердито посматривают друг на друга, но кое-кто не прочь первым делом задать взбучку Темре. На заднем плане, ближе к окну, стоит рослая беловолосая Акробатка, так и не убравшая пистолет, окруженная зыбким водянистым ореолом.

Стоп, откуда у нее взялся ореол?.. Он же только у мороков бывает...

А не надень Темре маску, так бы ничего и не понял. Так и принимал бы ее за сумасшедшую венгоску. За человека. Ага, как же.

Ну, молодцы родственнички, в этот раз самих себя переплюнули!

Дядя Бронже сыпал ругательствами, пытаюсь усовестить распоясавшуюся молодежь, но было похоже, что его гибнущего авторитета на это не хватит. Темре больше не слушал ни его хлестких увещаний, ни шепелявых угроз поднимавшегося с полу Йуджуле. Работая, он не обращал внимания на посторонний шум, не имеющий отношения к насущной проблеме. Если пришлось схватиться с мороком в людном месте, вокруг обычно стоит галдеж, и не все ведут себя разумно, к этому он давно привык.

Акробатка была сильна, это почти вызывало восхищение – такие монстры ему редко попадались. Уровень физической плотности максимальный, как у существа из плоти и крови, и при этом особая магическая энергия, присущая наваждениям, так и распирает ее изнутри. Кто же ее вызвал к жизни?

Темре затруднялся определить, индивидуальный это морок или коллективный, вот что было довольно-таки странно. Судя по энергетической цельности – никаких сомнений, индивидуальный и в то же время по силе – явно коллективный, одного человека не хватит, чтобы выпустить в мир *такое*.

Вскинув предплечье, словно в попытке прикрыться от удара, благо Йуджуле опять на него попер, он послал в наваждение две иглы. Целил в запястье. Первым делом Акробатку надо обезоружить, пока никого не подстрелила. Подходя к дому, звуков пальбы он не слышал, и пороховой гарью в комнате не пахло – значит, до этого не дошло, она ограничилась демонстрацией пистолета. И это наводит на малоприятные выводы: во-первых, боезапас у нее не израсходован, во-вторых, морок, способный к самоконтролю и прогнозированию, втройне опасен.

Пистолет со стуком упал на деревянные половицы. Должно быть, Акробатка ощутила внезапное онемение, или слабость, или боль в руке – или что там может ощутить морочанка? – и это заставило ее непроизвольно разжать пальцы.

Холодные бесцветные глаза в упор уставились на Темре: она уже поняла, где находится источник смертельной угрозы. «Клиенты» убийцы наваждений всегда это улавливают – видимо, таким же образом, как человек ощущает, откуда потянуло сквозняком или запахом.

Размышляла она недолго. Резко присела, схватила левой рукой выпавшее оружие, потом выпрямилась, одним прыжком очутилась на подоконнике и сиганула в черноту. Судя по всему, она не знала о том, что в ближайшие две-три минуты убийца не сможет повторить атаку. К счастью для Темре, не знала, поэтому предпочла сбежать.

– Откуда эта тварь взялась? – рявкнул он, оделив Йуджуле такой затрепичной, что незадачливый соперник остался лежать на полу, жалобно мыча.

– Так она же ушла, – примирительно заметил родич из тех благоразумных, кто по мере сил пытался замять свару. – Поглядела, как наши горячие парни гронси друг друга молотят, испугалась небось! Хотя задаток-то дамочка оставила за прожитые, вернется еще, кто ж деньгами-то бросается...

– Жрать захочет – вернется, – подтвердил Темре. – Мороки прежде всего кормятся от тех, кто помог им воплотиться. Сознавайтесь, чья она?

Дядя Бронже первым осмыслил услышанное.

– Говоришь, это была морочанка? Деньги-то она принесла настоящие, мы проверили...

– Значит, кого-то ограбила, дело недолгое. Кто думал о ней перед тем, как она здесь объявилась? Лучше признавайтесь, это в ваших интересах. Иначе эта красотка порешит своего создателя, и я ничем не смогу помочь.

Драчуны стояли, опустив кулаки. Даже пакостник Майчаву помалкивал. Тяжелые взгляды родичей один за другим обратились на Чунхе – невысокого мужичка на кривоватых ногах, обычно услужливого и незадиристого.

– Так я-то чего... – растерялся тот, машинально утирая рукавом под разбитым носом, хотя кровь уже перестала сочиться. – Сказал же, мы с моей Хаймой возле квартирной конторы ее углядели, толкся там народ, и она тоже была. Хотели кого позвать, раз комната пустует, семье же с того прибыток. Она и сказала – меня все устроит, и пошла с нами. Зыркала свысока, так венгоска ведь. А думать я о ней перед тем не думал, на кой мне сдался такой ходячий страх...

Задав несколько уточняющих вопросов, убийца наваждений пришел к выводу, что Чунхе ничего не утаивает. И жена его Хайма, которую позвали со второго этажа, тоже ни при чем.

Да и не похожа эта надменная белокурая стерва на те мороки, от которых Темре приходилось спасать родственников в прошлые разы. Колония моллюсков с клацающими зубастыми створками, угнездившаяся в углу чулана, словно в сыром гроте на берегу моря, или маслянисто-черный прыгучий ужас, ошестиненный клешнями и усиками, выскакивающий внезапно из-под кровати или со шкафа, – вот это было в их духе. Незатейливые страшилки, которыми его соплеменники пугают не только непослушных детей, но и друг друга, если подходящее настроение накатит. Акробатка появилась совсем из другой жизни.

Должно быть, она уже успела разделаться со своим создателем и отправилась гулять по свету. Вряд ли она сюда вернется. Скорее всего, примет к сведению, что здесь можно нарваться на убийцу, и будет обходить гронсийские кварталы стороной, так что где ее теперь искать, одни боги ведают.

– Кому нейметя выяснить, кто из нас круче, предлагаю померяться силой на празднике Зимнего Солнцеворота – на состязаниях, по обычаю, а не как пьяная венгоская шваль в подворотне, – добавил Темре ожесточенным тоном.

На сегодня он был сыт по горло общением с родней.

Самые воинственные с оскорбленным видом запереглядывались – сравнить их с венгосами, да еще и со швалью! – но последнее слово осталось за ним.

Очужевец попрекнул гронси несоблюдением обычаев, и ведь ничего с ходу не возразишь, чистую правду сказал. Что ж, ему это еще припомнят.

Темре проводили неприязненным ворчанием. Спускаясь по лестнице, он услышал наверху голос Бронже Гартонгафи, стыдящего молодежь, – тот решил воспользоваться раскладом, чтобы худо-бедно восстановить свой пошатнувшийся авторитет.

Небо застилала дымная ночная мгла, сквозь которую око Великой Кошки еле просвечивало, а звезд и вовсе не было видно. Убийца наваждений замер возле порога, настороженно озираясь, но зыбкого мутноватого мерцания, сви-

детельствующего о присутствии морока, нигде не заметил.

Акробатка ушла. Благоразумие перевесило кровожадные позы. Если они столкнутся снова, она попытается его убить, и можно побиться об заклад, к тому времени она будет больше знать о тех, кто охотится на нежить вроде нее, но сейчас, не владея информацией о противнике, морочанка предпочла не связываться.

Несмотря на это, в волглую темень ранней осени Темре вышел в маске. Расслабляться не стоит, хотя маловероятно, чтобы его поджидали в засаде: раз эта сущность способна оценивать обстановку и принимать практичные решения, она, скорее всего, уже далеко отсюда.

Что ей тут ловить? Своего естественного врага, убийцу наваждений? Но заранее не скажешь, кто одержит верх и которая по счету из нематериальных серебристых игл может стать для морока последней.

Уничтожать Темре как свидетеля тоже не имело смысла, так как ее видела и запомнила масса народу (*такое*, знаете ли, запоминается надолго!), разве что Акробатку одолеет желание отомстить. Однако воздержалась ведь она от пальбы в доме – значит, неглупа и не лишена выдержки. Интересный противник. Несмотря на усталость после всех сегодняшних передрыг, Темре ощутил проблеск азарта: справиться с таким мороком будет непросто. Главное, не сейчас. На сегодня с него хватит.

Гронсийские кварталы он знал как свои пять пальцев. Попетляв по дворам, где развешанные на веревках простыни белели, словно паруса невидимых в ночи суденышек, а вкопанные в землю дощатые столы, внезапно выплывающие из темноты, напоминали причалы, он убедился, что на хвосте никто не висит.

Предположения подтвердились: Акробатка отправилась попытать счастья в другом месте. Лонвар велик. Вполне вероятно, что в следующий раз она уже не станет с ходу тиранить хозяев жилья и воздержится от представления с выкидыванием в окно непонравившихся предметов домашнего обихода. Некоторые из этих сущностей способны учитывать свои ошибки совсем как люди.

Выйдя к трамвайному мосту, Темре стянул маску. Криво усмехнулся под капюшоном: что ни говори, все повернулось наилучшим образом, а то хорош был бы убийца наваждений, попытайся он сдать морок санитарам из душеболезной опеки! Вот получилось бы посмешище... Чуть не опозорился, но боги миловали.

И все же что-то его слегка царапало, как будто забыл невзначай о чем-то важном.

Под ногами блеснул золотой зигзаг отразившегося в луже фонаря, и тут память, словно проснувшись, услужливо выдала подсказку. Темре мысленно застонал.

Он ведь пригласил кое-кого в гости! Честь по чести, повторив приглашение трижды, и ему со всей церемонностью ответили.

Некоторых нежеланных визитеров лучше позвать по-хорошему, иначе они явятся незваными, да еще выберут такой момент, что это окажется совсем некстати. Вот Темре и последовал принципу меньшего зла, решив пожертвовать нынешним вечером, чтобы в ближайшую десятидневку не опасаться непрошенных вторжений, и все складывалось прекрасно, но дернуло же его вернуть к родственникам! В результате он сильно припозднился. Если гость

опередил его, не застав, расценил это как оскорбление, последствий не предусматриваешь. Может статься, там уже все стекла вдребезги, и по комнатам шуршат сквозняки, и на ковер в гостиной намело мокрых бурых листьев...

Гостиничный номер им достался из разряда приличных, но было в нем что-то неуловимо неуютное, наводившее на мысли о бренности бытия. Из приоткрытой форточки тянуло гарью и сыростью. За окном, среди черноты, шума и блеска, растекался, словно желток по чугунной сковороде, размытый дождем электрический свет. Иноре надоело на это смотреть, и она задернула штору, после чего в комнате стало еще тоскливее: эрзац-комфорт с поблекшими зелеными обоями в мелкий цветочек, случайное пристанище, тишина которого того и гляди взорвется грохотом вышибаемой двери.

В частной детективной конторе заверили, что точный адрес убийцы наваждений Темре Гартонгафи ей смогут сообщить через несколько дней. Ждать терпеливо, сохраняя душевное спокойствие, Инора не умела. В процессе ожидания она обычно изводилась хуже некуда и давала волю воображению – неслабому и весьма изоциренному воображению мастера иллюзий.

Кайри сидела с рамгой на кровати, скрестив ноги, на глаза ей упала белая челка, остальные волосы были зачесаны назад и собраны в хвостик на макушке. Судя по приглушенным крикам чаек, плеску волн и бодрым возгласам, она смотрела что-то о морских приключениях. Внезапно звуки стихли. Одновременно с этим невидимая Иноре картинка, заключенная в магическую рамку, застыла, словно искусно раскрашенная фотография, – и девочка вскинула голову.

– Ты обещала рассказать, какая разница между работой мастера иллюзий и мороками.

– Прямо сейчас? – вздохнула Инора.

Чтобы кому-то что-то объяснять, надо, чтобы мысли не мельтешили, словно обитатели раздавленного муравейника, а пребывали в более-менее упорядоченном состоянии.

– Давай сейчас. Это лучше, чем метаться по комнате, трагически глядеть в окно и заламывать руки, как героиня любовной рамги, от которой или кто-то ушел с концом, или вот-вот должен прийти и все испакостить.

– Спасибо на добром слове, – фыркнула Инора, усаживаясь на стул напротив.

– Всегда пожалуйста. Так расскажешь?

– Ладно. Только, если захочешь о чем-то спросить, не забывай, что наваждение, от которого мы сбежали, не рекомендуется называть по имени. Иначе оно может нас учуять и получит ориентир, в какой стороне мы находимся.

– Ты об этом уже в сто первый раз говоришь.

– Лучше быть занудой, чем трупом, – отрезала Инора. – И лучше сто раз повторить предупреждение, чем один раз произнести вслух то, чего нельзя говорить. Морок, обладающий именем, вдвойне опасен, он более устойчив, чем безымянные наваждения, и уничтожить его труднее. Вдобавок имя может сыграть роль приманки. Да, все это я тоже тебе объясняла, – добавила она торопливо, опередив возглас Кайри. – Отвечаю на вопрос, слушай внимательно. Созданная мастером иллюзия и возникшее само собой наваждение – явления на первый взгляд схожие, но между ними есть важные отличия. Их питает разная энергия: в первом случае это творческая сила мастера, воплотившаяся

в образе согласно его замыслу, во втором – всевозможные людские эмоции, чаще всего дурного толка, такие как страх, ненависть, зависть, болезненная похоть, желание отомстить и все в этом роде, они могут сгущаться в субстанцию, из которой лепятся мороки. Наши иллюзии – это просто картинки, они лишены собственных желаний и не обладают самосознанием, а мороки могут хотеть, могут проявлять хитрость и преследовать свои цели, они ощущают свое «я», по крайней мере на уровне животного. У них есть базовые инстинкты, они распознают опасность и защищают свое существование. Иллюзии не нуждаются в подкормке, им достаточно того, что было заложено в них в процессе создания, а наваждения хотят кушать. В лучшем случае им хватает человеческих эмоций, но бывает, что этого недостаточно, тогда им нужны кровь и плоть, причем годится только та добыча, которую они убили сами, – требухой из лавки мясника их не накормишь.

– Я давно уже поняла важную вещь, – отложив рамгу и по-кошачьи потянувшись, сообщила Кайри. – Сверхопасными мороки становятся из-за нашего страха перед ними, правда ведь? Значит, если ты не будешь так сильно бояться, ты насколько-то ослабишь это наваждение – самая обыкновенная обратная связь.

– Не совсем так. Раз *она* уже воплотилась, мое теперешнее состояние на нее не повлияет.

– Все равно попробуй или заглушить свой страх, или отвлечься, тогда меньше риска, что *она* до нас доберется.

– Хорошо. – Инора согласно кивнула, хотя вовсе не была уверена, что сумеет последовать этому дельному совету.

Темре жил в старом доходном доме на склоне Блудной горки, до того старом, что его кирпичные стены, почернелые от многолетней копоти, на ощупь давно стали шершавыми, как нешлифованный камень. Если смотреть издали, дом был на свой запущенный лад красив. Прямоугольные окна обрамлены барельефными стрельчатыми арками, этажи отделены друг от друга широкими карнизами, на которых нередко отдыхали трапаны, сложив шалашиком кожистые крылья. Все декоративные изыски из кирпича, никакой лепнины.

Горка называлась Блудной, потому что однажды ночью якобы пропала, так что ее припозднившиеся обитатели никак не могли попасть домой, но под утро снова появилась на прежнем месте.

Темре пошел от трамвайной остановки напрямик через парк у подножия холма. Повсюду кучи облетевших листьев, и старые лестницы сплошь ими засыпаны – безопаснее подниматься сбоку, сойдя с дорожки. Деревья, как и окрестные строения, скорее подразумевались, чем присутствовали в этой чернильной реальности. Пока на какое-нибудь из них не налетишь. Если бы светила луна, как оно бывает по ночам за пределами столицы, ее серебристое сияние заливало бы всю округу, но с тех пор, как наступила эпоха пара, небесное око Великой Кошки не заглядывало в накрытый смогом Лонвар.

Дом стоял на месте, уже отрадно, и никакого тревожного шума оттуда не доносилось. Окошки желтели за переплетением ветвей тепло и уютно. Ага, светятся два окна его гостиной в верхнем правом углу темной декорации на крошечном ночном фоне, каждое состоит из четырех пар квадратов, разделенных рейками переплета. И непохоже, чтобы стекла пострадали.

Убийца наваждений тихо отпер дверь подъезда, быстро, хотя и не роняя до-

стоинства, поднялся по лестнице, пахнувшей мышами и болотно-сладковатыми ароматическими курениями, просочившимися из-под чьей-то двери.

Квартира была заперта, замочная скважина затянута паутиной «сторожа», убрать которую не смог бы никто, кроме хозяина. Точь-в-точь как утром, когда он отсюда уходил. Значит, вошли не через дверь. Кто бы сомневался.

«Сторож» послушно скользнул серой горошиной в подставленную ладонь, мигом втянув свою паутину. В прихожей Темре дождался, когда он напьется крови – ему требовалось немного, меньше капли, – отцепил его и посадил в стеклянную вазочку в виде бутона кувшинки. Потом повесил на крючок отсыревший плащ и плавным шагом готового к броску хищника направился к полоске света, наискось перечеркнувшей погруженный в полумрак коридор.

Когда он остановился на пороге, гость, развалившийся в его любимом кресле, отсалютовал ему бокалом.

У гостя было узкое смуглое лицо с высокими, чересчур острыми скулами и впалыми щеками. Масса черных волос заплетена в косички разной длины – на концах висели костяные и деревянные бусины, темно-красные дикие ягоды, пробитые позеленелые монеты канувших в прошлое государств, мелкие ракушки, истрепанные кожаные шнурки.

Глаза с приподнятыми к вискам уголками и иссиня-черной радужкой, с почти неразличимыми в этой блестящей тьме вертикальными зрачками смотрели насмешливо и в то же время с довольством бродяги, которого пустили погреться у камина. Он казался слишком худым, а кисти его изящно костлявых рук демонстрировали неестественную гибкость. Длинные тонкие пальцы, унизанные перстнями, оканчивались слегка загнутыми желтоватыми когтями, напоминающими птичьи.

Туника и заправленные в сапоги штаны были сшиты или, скорее, непонятно каким образом склеены из осенних листьев – коричневых, желтых, бурых, багряных, отливающих влажным блеском, пахнущих прелью и сыростью с легкой горчинкой, и это невероятное одеяние вовсе не собиралось рваться или расползаться в клочья.

Гостиная выглядела как всегда, никаких признаков насильственного вторжения, не считая занятого хозяйского кресла. Ни осколков, ни грязных следов на ковре. Хотя откуда бы взяться следам, если визитер способен просочиться сквозняком в любую щелку, не запечатанную охранным заклинанием?

– Рад тебя видеть, – произнес Темре, выставив на стол «Гинбо Таи» с тускло золотящимся гербом на темном стекле, и повернулся к шкафу за бокалом.

Он почти не покривил душой. После Нолгана Аргайфо с его выморочными «ненаглядными» и толпы распираемых праведным негодованием родственников он был бы рад любой компании, не имеющей с ними ничего общего. Пусть даже это будет Клесто, или Дождевой Король, или Птичий Пастух, или Смеющийся Ловец, или как его там еще называют. Древний стихийный дух, который, видите ли, нуждается временами в человеческом обществе.

Темре свел знакомство с этим существом в начале прошлой осени. Его тогда пригласили, чтобы он разделался с мороком, который объявился в заброшенном особняке в уважаемом пригороде Лонвара. Старинный дом, украшенный гипсовой лепниной в виде причудливых раковин – посеревшей от пыли и копоти, но все равно волшебной красивой, – собирались ломать, чтобы построить на его месте гостиницу с рестораном, а злобный обитатель

никак не хотел оттуда убираться и изобретательно запугивал нанятых хозяевами рабочих.

Темре не сразу разобрался, что никакой это на самом деле не морок. Только после нескольких сражений, измотавших его бешеным темпом и феерическим идиотизмом ситуаций, больше напоминавших балаганный фарс, чем трудовые будни убийцы наваждений, он начал подозревать, что здесь что-то весьма не так.

Смеющийся Ловец, которому понравилась эта игра, морочил ему голову, имитируя характерный для воплотившихся наваждений ореол. В конце концов Темре, укрепившись в своих догадках, проконсультировался у знающих людей и разоблачил лицедея. После чего сообщил заказчикам, что им нужно звать на помощь других специалистов, природные духи не по его части. Пришлось выдержать еще одну баталию, на сей раз словесную: на него орали, брызгая слюной и требуя непонятно чего: то ли возвращения аванса, то ли расправы с духом, будь он хоть трижды древним и могущественным.

С такими сущностями, как Птичий Пастух, нет смысла воевать, с ними нужно договариваться по-хорошему. До хозяев злополучного дома это все же дошло, и они обратились за посредничеством к жрецам Девятирукого, однако Клесто был категорически против того, чтобы особняк сносили. Уладить ситуацию к обоюдному согласию так и не удалось, и пришлось им, понеся немалые убытки, отказаться от этой затеи.

И все бы ничего, но Дождевой Король вскоре после этого понял, чего ему на протяжении бесчисленных веков не хватало: возможности заглянуть вечером в гости к Темре на чашку чая или кавьи.

В первый раз Темре, затаивший досаду (недаром же считается, что если гронси – так непременно злопамятный), попытался вышвырнуть незваного гостя вон. Страшно вспомнить, в какую сумму это вылилось. Пришлось возмещать ущерб и хозяину доходного дома, и соседям, у которых что-то там с потолков и со стен попадало, хорошо, что никого не зашибло.

Он съехал с квартиры, а когда история повторилась, снова поменял жилье – тогда-то он и перебрался на Блудную горку.

В третий раз обошлось без драки. Темре угораздило подцепить жестокую простуду с лихорадкой, а бесцеремонный визитер напоил его каким-то неизвестным бальзамом собственного изготовления, и заразу со всеми симптомами как рукой сняло. Он влил в него это зелье силком, словно скармливал лекарство малому ребенку, пока убийца наваждений, почти не вменяемый от жара, пытался нашарить заговоренный нож.

Бить морду в благодарность за лечение вроде бы невежливо, так что Темре, окончательно придя в себя, предложил ему иллихейской кавьи, сознавая, что перемирие де-факто заключено и теперь никуда от этого не денешься.

Клесто, хоть и был древним духом, любил и кавью, и чай, и хорошее вино. Он не пьянел и не нуждался в материальной пище, но пил все это, как сам признавался, ради настроения – мол, оно может быть таким же ароматным, изысканным и богатым оттенками, как для вас, людей, какой-нибудь дорогой напиток.

Однажды он выжрал заряд из дюжины батареек для мощного переносного фонаря. Видимо, тоже ради настроения. Его глаза после этого заблестели сильнее обычного, а длинные волосы начали шевелиться, словно масса медузых

щупалец в воде, и искрить с тихим угрожающим треском, вдобавок на него напало разнузданное веселье. С тех пор батарейки и аккумуляторы Темре прятал подальше, и в кладовке, где устроил тайник, развесил с десятков отвращающих амулетов. Впрочем, кто поручится, что этот эпизод, изрядно потрепавший ему нервы, не был всего лишь спектаклем?

Убийца наваждений уже притерпелся к этой, с позволения сказать, дружбе. Если Дождевого Короля время от времени зазывать в гости по-хорошему, он не свалится как кирпич на голову, когда его не ждешь. Этому жителю вечности нравилось, чтобы его персонально приглашали: похоже, он получал от этого удовольствие, все равно что кот, которого чешут за ухом. Возможно, потому, что большинство людей не горели желанием увидеть его у себя дома, наоборот, всячески старались обеспечить неприкосновенность своего жилья с помощью амулетов и храмовых ярлыков с охранными заклинаниями.

Поначалу он появлялся, когда вздумается. Мог просочиться в квартиру в отсутствие хозяина, и если Темре возвращался домой с единственной мыслью поскорее завалиться спать или забраться в теплую ванну, это было до того некстати, хоть стреляйся.

Однажды Сменяющегося Ловца застала Сой, тоже нагрянувшая без предварительной договоренности, а потом их обоих застал Темре. Та еще была хохма. Воспоминание о том эпизоде до сих пор вызывало у него оторопь.

Оставалось только дожидаться, когда Клесто надоеет эта блажь. Надоеет ведь ему рано или поздно.

– Ты посмотри, что я принес, – произнес он мечтательным голосом, погладив тонкими когтистыми пальцами граненое стекло небольшой бутылки, стоявшей перед ним на столе. – Старая венгоская маланга. Долгие зимние вечера, сладкие специи, треск поленьев в камине, осторожная игра взглядов и недомолвок, горячее вино с ароматом терпких тропических фруктов – словно намек на что-то, что могло бы быть, но здесь и сейчас не произойдет... И все это – в одном глотке. Зимой малангу нужно пить подогретой, а в другие времена года она должна быть не теплее и не холоднее, чем воздух в комнате. Попробуй. Сегодня я угощаю, а твой рарьяngle оставим на другой раз.

– Откуда такая редкость? – справился Темре, наливая в бокал вязкое янтарное вино. – Это ж государственное достояние заодно с золотым запасом, запрещенное к употреблению рядовыми гражданами. Ты втравил меня в криминал.

Это здоровое утверждение не помешало ему насладиться сначала букетом, а потом и вкусом драгоценного напитка.

– Купил у интенданта Державной Палаты, приняв для отвода глаз человеческий облик. Мне накануне повезло, я случайно нашел свой старый тайник. Не помню, когда я его устроил, десять или двести лет назад, но денег там оказалось чересчур много, целый сундучок. Почему ты опоздал?

– Из-за морока. Завернул на пять минут к родственникам и нарвался там на эту дрянь, которая в довершение всего от меня сбежала.

– Поймаешь, – подзадоривающее усмехнулся Клесто. – Я же помню, как ты ловил меня, это было незабываемо, как пляска молний.

– Поймаю, если мне за это заплатят, – сухо уточнил убийца наваждений.

Тратить на поиски Акробатки прорву никем не оплаченного времени он не собирался. И если на то пошло, воспоминания о том, как он гонялся за Клесто,

вовсе не доставляли ему такого же удовольствия, как разнежившемуся в кресле напротив собеседнику. Невелика радость вспоминать, как тебя одурачили. Да и авансу от владельцев злополучного особняка не хватало ровным счетом одного нуля, чтобы можно было считать его соразмерной компенсацией за это безобразие.

– Жаль, мне нечасто случается найти что-нибудь из своих сокровищ, – вздохнул Клесто, разливая в бокалы остатки маланги. – Обычно я превращаю деньги в сухую листву, чтобы их не украли, это лучший способ что-нибудь спрятать, но их уносит ветер, они теряются и смешиваются с настоящими листьями – попробуй потом хоть что-то отыскать!

Ким Энно

«Раллаб» ожидался в лонварском порту по графику через несколько дней. Приезжий из Иллихеи, сошедший с «Принцессы Куннайп» и зарегистрированный в Гостевом Управлении под именем Шулнара Мегорчи, по этому поводу психовал изрядно. Словно невезучий игрок, который подчистую продулся в пирамидки и решил еще на один раз в надежде отыгаться, а у самого и руки дрожат, и рот кривится, и душа похожа на охваченную нехорошей сутолокой площадь, потому что пропал он, совсем пропал, если и теперь не подфартит.

На пароходе, носящем гордое имя иллихейской столицы, вполне могут приплыть мерзавцы, посланные по его душу.

Цепняки из имперской тайной полиции, получившие приказ арестовать хасетанского мошенника Клетчаба Луджерефа, который в течение двадцати четырех лет выдавал себя за Ксавата цан Ревернуха, потомственного аристократа и министерского служащего.

Отягчающее обстоятельство: он не только убил настоящего Ревернуха, но перед тем еще и поменялся с ним внешностью, воспользовавшись для этого зеркалом-перевертышем – магическим артефактом, за одно обладание которым можно загреметь на каторгу. Однозначно смертная казнь, в таком деле никакой срок давности не спасет.

Но это еще не самый страшный вариант. Хуже будет, если его сцапают агенты высокородных цан Аванебихов – влиятельнейших в Империи магнатов, которые водят дружбу с пожирателем душ, известным под именем Короля Сорегдийских гор.

Из-за ссоры с треклятой древней тварью честному аферисту Луджерефу пришлось поступиться своими принципами и воровскими законами – пойти, слыханное ли дело, на государственную службу. Он тогда не опозорился на весь Хасетан лишь потому, что ни одна собака об этом не прознала. Человек шальной удачи Клетчаб Луджереф для всех исчез, а имя столичного чиновника Ксавата цан Ревернуха никому из его прежних корешей ни о чем не говорило.

Этим летом он попытался покончить с сорегдийским живоглотом, столкнулся ради этого с известным истребителем нечисти, согласился рискнуть собой, то есть сыграть роль приманки... И проиграл. Потому и пришлось бежать за океан.

Если люди Аванебихов его настигнут, они его не убьют. И властям сдавать не станут. Они преподнесут его своему разлюбозному деловому партнеру, ока-

янной твари из Сорегдийский гор, которая спит и видит, как бы его схарчить. А если тебя съест пожиратель душ, ты пропал – никакого перерождения не будет, даже самого плохонького.

Впрочем, если его схватят официальные посланцы Империи, тоже никаких гарантий, что дело не закончится последним путешествием в Сорегдийские горы. Все продается и покупается, вопрос лишь в цене, а за ней Аванебихи не постоят, лишь бы угодить хозяину горной страны, где у них шахты и заводы по переработке сырья.

Без надежды никуда, вот и у Клетчаба до последнего времени теплилась сука-надежда, что пожирателю душ сейчас не до него: сперва надо с другим врагом поквитаться. С парнем из тех иммигрантов, которых жрецы-маги наловчились таскать с помощью Пятерых из сопредельного мира, ибо демографическая ситуация в Империи давно уже оставляла желать лучшего.

Парня звали Ник, он находился в услужении у преподобной жрицы, которая скиталась по илихейским дорогам, словно рядовая «бродячая кошка», зарабатывая, где придется, деньги для ордена Лунноглазой. Хотя нет бы ей сидеть в каком-нибудь монастыре да плевать из высокого окошка на тех, кто глазеет с почтением снизу вверх. Вот из-за этих-то двоих Клетчаба и угораздило прогневать богиню, что ходит в кошачьей шкуре, истинная правда, они во всем виноваты.

Ник мало того, что проявил неуважение к Клетчабу, который тогда звался Ксаватом цан Ревернухом, так еще и чего-то не поделил с оборотнем, выбравшимся из своих горных владений, чтобы в очередной раз погулять по свету. Подробностей Клетчаб не знал, но парень ни много ни мало натравил на сорегдийскую тварь грызверга.

Эта страшная псина с двойными рядами зубов, которые все что угодно перекусят напополам, принадлежала супруге высокородного цан Эглеварта, недремлющего наместника государя в Макиштуанском княжестве. Монашка с Ником подрядились доставить грызверга из Рифала в Макишту, засадив его для транспортировки в специальный кристалл – жрецы высшего посвящения горазды на такие фокусы. По дороге они разделились: преподобная отправилась на храмовый праздник, а парень поехал дальше один, кулон с кристаллом висел у него на шее.

Видать, когда ему не посчастливилось схлестнуться с проклятым оборотнем – совсем как Луджерефу четверть века тому назад, – он, не будь дурак, произнес магическое слово, и свирепая зверюга вывалилась из кулона в обычное пространство. Она долго гонялась за Королем Сорегдийских гор – инстинкты взыграли, грызвергов когда-то вывели, как псов-преследователей, – и под конец чуть его не растерзала, но тот все-таки успел ступить на свою территорию, где мигом скинул человечью личину и обернулся древним чудовищем.

Вроде бы яснее ясного, что Нику после этого не жить. Радуюсь, что внимание злопамятной твари на ближайшее время переключилось на новую жертву, Клетчаб рискнул наведаться в Хасетан – свой родной город, который все эти двадцать четыре года оставался для него недостижимой мечтой, бередящей душу. Певучий южный говор, белеющие в жемчужно-розовых сумерках приморские кварталы, пивные, бордели, весело гомонящие рынки, игорные притоны, благоухающий водорослями и рыбацкими сетями ветер, разгульная атмосфера шальной удачи, какой не найти ни в одном из других имперских

городов. От всего этого он без вина опьянел – хотя вино, само собой, тоже присутствовало – и, как всякий пьяный, потерял осторожность.

Едва не погорел. Еще чуть-чуть – и взяли бы его тепленьким. О прежней опостылевшей жизни в шкуре министерского чиновника хотелось забыть, но он все же решил для порядка навести справки по своим давно отлаженным каналам. И оказалось, дела обстоят совсем неважнецки.

Ник сдал вступительные экзамены в Макиштуанский университет и живет себе в Макишту как ни в чем не бывало, хотя ему бы умотать подальше от Сорегдийских гор, поменять имя, раствориться в великой людской массе, населяющей Иллихейскую Империю... От скудоумия? Так его же и впрямь до сих пор никто не тронул! Мало того, у него состоялся доверительный разговор с высокородной Эннайп цан Аванебих, юной мерзавкой, выполняющей обязанности официальной посредницы между Аванебихами и Королем Сорегдийских гор.

Та специально прибыла в Макишту, чтобы невесть о чем потолковать с Ником наедине, оставив по ту сторону закрытых дверей и прислугу, и даже своих телохранителей. О чем они там беседовали, неизвестно, но, говорят, высокородная соплячка после этого выглядела довольной, так и сияла глазищами, да и Ник вовсе не казался запуганным и весь следующий день ходил с ошалелой улыбкой. Надо понимать, вместо казни парня завербовали для каких-то делишек, вот он и обрадовался.

Клетчаб еще не успел хорошенько обмозговать эти неутешительные новости, как заметил слежку, и, не задерживаясь даже затем, чтобы раздобыть побольше денег, сразу взял билет на «Принцессу Куннайп».

Уже на борту парохода, просматривая в библиотеке доставленные из столицы последние газеты, он получил весточку еще об одном участнике тех событий. Ее величество государыня задумала устроить при дворе праздник домашних животных, на котором жюри из дам и кавалеров выберет и наградит самого милого питомца. Сразу было оговорено, что кошки и трапаны не участвуют: священные звери, находящиеся под покровительством Лунноглазой и Ящероголового, заведомо лишат шансов на победу всех остальных, поэтому для них потом будут проведены отдельные праздники, а владельцы других зверушек для участия в конкурсе должны зарегистрироваться.

Регина цан Эглеварт закатила скандал, когда ей с грызвергом дали от ворот поворот. Мол, ее Заинька никакой не опасный, это раньше он был злой, а теперь стал добрый, он обязательно должен получить приз, потому что он самый милый домашний любимец, и нечего называть его «специально выведенной бойцовой породой» – сами они такие, специально выведенные... Все это она высказала корреспонденту «Светской жизни», добавив, что уже подала государыне жалобу на то, что их с Заинькой притесняют и не хотят регистрировать.

Чем все это закончилось, теперь уже не узнать, разве что в Анву попадут с оказией следующие номера «Светской жизни». Если кого-то интересует мнение Луджерефа, этот Заинька во всех смыслах сукин сын: чуть не набросился на Клетчаба, который из западни его выпустил, а Короля Сорегдийских гор так и не загрыз. Натуральная будет несправедливость, если такую подлую псину самым милым домашним животным назначат.

Но это все дела прошлые. Игры, которые закончились: фишки и жетоны

ссыпаны в кучу, свет потушили, народ разошелся. Все это осталось в Иллихее, а Клетчаб сейчас в Лонваре. В огромном и уродливом кирпичном городе, где небо затянуто смогом, нет ни одной прямой, как стрела, улицы – повсюду лестницы, скрипучие подъемники, тронутые ржавчиной мостики, и в горле першит от дыма, и штукатурка в гостинице отсыревшая. Не жизнь, а сплошная мерзопакость, в особенности если сравнивать с Хасетаном.

Еще и смотри в оба, чтобы тебе не всучили иллюзорные деньги. Правда, для того есть специальные артефакты, распознающие подделку, – штукovina величиной с пресс-папье, в кармане такую таскать не будешь, поэтому власти рекомендуют гражданам и гостям Венги ничего не покупать у случайных людей на улице, тем более что это деяние запрещено законом и виновникам грозит штраф. Должно быть, те два ушнырка подкатились тогда к Луджерефу со своими рубинами-изумрудами, потому что угадали в нем приезжего. На будущее наука.

В венгоском языке он за минувшие дни поднаторел благодаря лингвистическому амулету и собственной расторопности. С утра до вечера толкся среди людей, присматривался, прислушивался, чесал языком, а то еще, выбрав кого-нибудь, начинал во всем ему подражать, словно предстояло дельце, когда ради поживы надо разыграть целый спектакль. На этом поприще он определенно делал успехи: пару раз случайные собеседники в закусовых принимали его за приезжего из Южной Анвы. Чтобы здесь затеряться, надо натянуть на себя здешнюю кожу – и чтобы она сидела как своя собственная, нигде не провисала и не топорщилась складками.

Хоть и подмывало его рвануть прочь из этого города, не дожидаясь прибытия «Раллаба», он раздумал делать такую глупость. Он ведь еще не настолько освоился, чтобы не вызывать подозрений и не бросаться в глаза. Выследят. Полицейский аппарат здесь почище имперского, потому что налажен в том числе для ловли иностранных шпионов, а преследователи наверняка будут наделены всеми полномочиями и обратятся за содействием к официальным структурам.

Нет уж, прятаться нужно по-другому: забиться в самую глубь городского лабиринта и впитывать новый опыт, пока не станешь неотличим от анвайцев. Он больше не Шулар Мегорчи. Он невесть кто, и пойти ему некуда, кроме как на самое дно. Не ахти какой вариант, но приличный путешественник Шулар Мегорчи отыграл свое и должен исчезнуть.

Казалось, что щербатые кромки уходящих вниз ступеней заштопаны паутиной. Если смотреть сквозь маску убийцы наваждений, эта паутина тускло мерцала, да и вся ямина, загроможденная обветшалыми сараями, была затоплена зыбким водянистым сиянием: морок заполонил ее доверху, как туман. Для невооруженного глаза он и был всего лишь сероватым туманом, сквозь который просвечивали залатанные чем попало крыши поналепленных внизу развалюх.

Собравшаяся толпа тревожно роптала, к краю никто не подходил. Почернелые кирпичные трущобы, теснившиеся вокруг, выглядели так, словно сюда каждую ночь приходят неведомые звери и грызут их углы, колупают когтями стены, обкусывают карнизы. Окна обшарпанных домов смотрели мутно и постарушечьи печально: мало нам других бед, так теперь еще и морок под боком завелся.

– Что там за постройки? – поинтересовался Темре у полицейского, хранившего безучастно-значительный вид.

– Что у вас там? – повторил вопрос представитель власти, повернув голову к толпе.

Несколько голосов сообщило:

– Сарайки всякие...

– Имущество разное, то да сё...

– У каждого свой сарай на замок запирается...

– И была там еще мастерская деда Гайто, мастерил свои штуковины, пока не помер...

– И парни наши там пить собираются, девки к ним бегают...

– Понятно, – махнув толстой рукой, остановил поток объяснений полицейский. – Еще какие подробности нужны?

– Люди там сейчас есть?

Это важно. Если предстоит кого-то спасти, лучше знать об этом заранее, чтобы ненароком не опоздать, отвлекшись на обманные уловки, которые наваждение тебе подсовывает, пока разделяется с пойманной жертвой. Зевачи могут и не знать наверняка, был ли в яме на момент возникновения мороза кто-нибудь живой, но вдруг все-таки сообщат полезную информацию? В этом компактном ветхом лабиринте враз не разберешься, есть в паре бутов от тебя, за покосившейся стенкой, нуждающийся в помощи человек или нет.

– Дочка моя там! – Заполошный возглас плотной круглолицей женщины в цветастой холле заставил всех обернуться. – Вайни моя! Люди говорят, видели, как она в этот туман ушла...

– С чего ты взяла, что она там, с какой такой дури она туда полезет, с какого краба ошпаренного в туман-то в этот заморочный? – рассудительно проскрипела другая здешняя обитательница, кудлатая, вся в темном, под стать окружающему ландшафту.

– Так она за Харбо туда пошла, – возразил из людской гущи ломкий простуженный фальцет. – Ну, как обычно, идет за ним и повторяет: «Худой-хромой, не ходи домой», – и кидает орешками чернушника, чтоб за шкварник ему попасть, а он, как обычно, ежится и бегом от нее хромает, так и спустились, не поглядевши, какой туман нехороший, я-то им вслед крикнул, а они не отозвались, вот такие дела...

– Эта девица скорбна разумом? – улучив момент, когда словоохотливый очевидец заткнулся, уточнил Темре.

– Да какое там скорбна, сам ты... – возмутилась цветастая тетка, но благоразумно осеклась – не стоит грубить убийце наваждений, которому предстоит спуститься в эту серую муть, чтобы вызволить Вайни. – Поумнее многих будет, бойкая она просто. Ну что ж вы стоите-то, идите за ней, вам же за это деньги плотют!

– Вайни, как увидит у кого какой изъян, не дает спуску, и Харбо от нее совсем никакого проходу, вот такая она бойкая, бедный мужик от нее прячется, как от последнего душегуба, – обстоятельно пояснил черноусый дядька с выпяченным брюхом, слегка навеселе, и было не понять, осуждает он бойкую Вайни или, наоборот, одобряет. – Однажды в петлю сунулся, да передумал, сеструха у него младшая, пропадет без него.

– Ясно, – бросил Темре.

Ему было противно. Венгосы-трусобники ничуть не лучше гронси, «понаехавших» в Лонвар с островов, а кое в чем и похуже, но вслух он об этом никогда не говорил, чтобы не создавать себе ненужную репутацию. Разве что соглашался, если об этом заводил речь кто-нибудь из венгосов. А сейчас надо поскорее погасить и свое отвращение к обрисованной ситуации, и все прочие эмоции, потому что его ждет морок, для которого недобрые людские переживания что дрожжи для теста.

В этом мерзком туманном студне находятся по меньшей мере два человека, мужчина и девушка. Будем надеяться, что они еще живы.

Темре уже шагнул к лестнице, когда сзади раздался возглас:

– Так вот же он, Харбо, сюда идет! Чего ты, малек, наплел, что он в яму двинул?

– Да я сам видел, как он туда двинул, он же кособочится, ни с кем не спутаешь, а за ним туда Вайни наострилась, и она куражилась над ним вовсю, как всегда, аж говорила на разные голоса, всяко рассусоливала: то пискляво, то с выражением, – возразил уже знакомый фальцет. – И назад они не поднимались, лестница-то как есть одна... Как так может быть, что Харбо здесь?

– Вот он прихромал, гляделки свои разуй!

– Значит, она туда пошла за морочаном! Слышь, убийца, морочан девку за собой увел, возьми на заметку!

Это Темре уже и без них понял. Дело обстоит хуже, чем он предполагал вначале: наваждение, которое способно заманивать, как правило, держит в запасе еще и другие сюрпризы.

– Господин убийца! – окликнул его слабый срывающийся голос.

Он оглянулся. Харбо и впрямь был болезненно худ – кожа да кости, невзрачное изжелта-бледное лицо, кожа на лбу морщится складками ранних морщин. Несуразно перекошенный, одно плечо выше другого, он ковылял как истощенный подбитый краб. Выпуклые глаза с нездорово красноватыми белками смотрели тревожно и просительно.

– У меня сестра пропала, – выпалил он, задыхаясь. – Нигде ее нет. Посмотрите ее внизу, господин убийца, вдруг она до нашей сарайки пошла за тряпьем, она коврики из тряпья делает на продажу...

– Это Джаверьена, что ли? – спросили из толпы.

– Кто-нибудь видел Джаверьену?

– Я видела, как она еще утром шла к сарайкам, а я тогда выходила за хлебом, она, может, давно уже домой вернулась, какого краба ошпаренного ей столько времени там делать...

– Так он же говорит, нету ее дома!

– А ты, Харбо, раньше-то куда смотрел, если только сейчас Джаверьены хватился?

– На работе я был, только пришел, – с отчаянием объяснил Харбо, борясь с одышкой. – Господин убийца, можно мне с вами? Вдруг она там...

– Нельзя, – отрезал Темре и поставил ногу на первую ступеньку, подштопанную по краям серой паутиной, – если бы он смотрел без маски, преображенная лестница выглядела бы как новенькая.

Харбо, что-то несчастно бормоча, устремился следом за ним – выручать сестру, но полицейский его отпихнул и прикрикнул на толпу:

– А ну, раздайсь подальше, краб ошпаренный!

Блюститель порядка свое дело знал. На территории, захваченной мороком, любой посторонний будет для убийцы наваждений помехой и обузой.

Заморочный туман, появившийся несколько часов назад, пока еще не обладал собственной температурой – не теплый, не холодный, и никаких прочих ощущений при соприкосновении с кожей. Если приходилось иметь дело с так называемым «пространственным мороком», Темре предпочитал работать без перчаток, надевал их только в жестокие морозы (с обязательной прорезью для перстня на правой). Лицо и горло закрыты маской, а кисти рук лучше оставлять обнаженными – с помощью осязания порой можно получить немаловажную информацию. Пока этой информации было негусто: ни дрожи в воздухе, ни подозрительных дуновений.

Ступеньки уводили вниз, и серое марево сомкнулось над головой, как вода – впрочем, воду оно напоминало только с виду. Оставшийся у вершины лестницы полицейский превратился в безликую темную фигуру, торчащую возле края, как ориентир для возвращения.

Голоса столпившихся наверху людей еле доносились, Темре теперь слышал их словно издалека или сквозь толстую стенку, несмолкающий городской шум тоже как отрезало. Вот и первый признак погружения в пространственный морок: внешние звуки искажаются или приглушаются, как будто тебя поместили в ватную пещеру.

В яме было тихо. Что-то негромко хлюпало и булькало, но это могла быть вода из протекающей трубы, что не имело к мороку никакого отношения. Потом что-то заскрипело – словно толкнули дверь на ржавых петлях, – и Темре насторожился, но через несколько секунд звук смолк.

Чем плохи пространственные наваждения, так это тем, что, после того как ты переступил границу этой пакости, нападение может произойти откуда угодно: справа, слева, сверху, снизу, со спины. Во время схватки с обыкновенным мороком ты целиком держишь его в поле зрения, и даже будь он громаден, как та рыба-палач над Поднебесной горкой, это дела не меняет. А здесь ты находишься *внутри*, и противник тебя окружает – или, правильнее сказать, обволакивает – со всех сторон сразу.

К счастью, не вся полость пространственного морока подобна по своему назначению зубастой пасти или желудку – будь оно так, у коллег Темре не было бы против этой дряни вообще никаких шансов. Утроба такого наваждения представляет собой мозаику опасных и безопасных участков, жизненно важно не ошибиться, и нет здесь других подсказчиков, кроме опыта и интуиции. Ощущая исходящую от пришельца угрозу, *оно* попытается заморочить голову, лишит самообладания, заманит в ловушку, поэтому надо, во-первых, принимать верные решения, а во-вторых, принимать их чем скорее, тем лучше.

Лестница тянулась по бурому глинистому склону, из которого местами торчали усохшие корни давно срубленных деревьев. Справа ее ограждали деревянные перильца, не раз ломавшиеся и чиненные, судя по их плачевно-ухаженному виду. Немного поодаль прилепился подъемник, похожий в тумане на старую этажерку, опутанную веревками и цепями, чтобы она, неровен час, не развалилась.

Мутноватое марево слегка размывало очертания неказистых строений, выглядевших так, словно их сгребли в кучу и выбросили на помойку. Снизу тянуло мокнувшей древесиной, мочой, машинным маслом, гниющими кухон-

ными отбросами – все это было уместно и ожидаемо, но в этот букет вдобавок вплетался сладковатый цветочный аромат: то ли дешевая парфюмерия, то ли какое-то комнатное растение вроде «душистых ушек», усыпанных мелкими белыми колокольчиками. Вот это уже настораживало, потому что этому здесь взяться неоткуда. Составная часть наваждения – одно из свойств серого тумана, затопившего яму.

То, что морок обладает собственным запахом, было плохим признаком, так как свидетельствовало о достаточно высокой степени его материальности.

Среди месива глинистой слякоти и накиданного сверху мусора поблескивали лужи, не просохшие после вчерашнего дождя. Впрочем, владельцы сараев о своем удобстве позаботились: от подножия лестницы начиналась дорожка из досок, осклизлого потемневшего кирпича и кусков фанеры. Кое-где попадались деревянные двери, впечатанные в грязь и из этого нетипичного для себя положения с изумлением глядевшие в небо – если допустить, что у дверей могут быть глаза. Самодельный тротуар, разветвляясь, уползал в щели меж рядов поставленных бок о бок приплюснутых домиков.

Нигде никакого движения: туман находился в состоянии покоя, словно прозрачное сероватое желе, и по-прежнему не было других звуков, кроме размеренной капли и хлюпанья. Ни намек на то, где искать Вайни и предположительно Джаверьену – если вторая тоже влипла в наваждение, а не отправилась на чашку чая к подружке из соседнего квартала.

Морок был хорош – ну, то есть как морок, а не как то местечко, где можно приятно провести время. Он обладал зловещей целостностью: сразу видно, что это плод индивидуального сознания, а не коллективного, одолеваемого общими страхами. И в то же время силен, ничего не скажешь... Вроде бы не видно ничего угрожающего – ни шипастых клешней величиной с собачью голову, ни щупалец, готовых тебя придушить или утащить, ни раскинувших сети пауков-переростков, – а ощущение опасности такое, что хоть беги сломя голову обратно вверх по лестнице.

Своим ощущениям Темре доверял – при должной натренированности это такой же рабочий инструмент, как маска или перстень, – но спастись бегством не собирался. Он пришел сюда затем, чтобы эту штуку прикончить. Морок ведь тоже насторожился, почуяв его присутствие. В этот раз противник попался достойный, тем лучше.

Один из рисков, подстерегающих убийцу наваждений, – это череда легких побед. Вроде бы не так уж оно и плохо – зарабатывать деньги, не слишком напрягаясь, а на самом деле это дурная последовательность: привыкнешь, что все тебе нипочем, расслабишься – и в следующий раз уже не ты развоплотишь вторгшуюся в реальный мир запредельную жуть, а морок тобой закусит.

На периферии Темре не заметил ни одной уязвимой точки – сквозь маску они видятся как мутные пульсирующие сгустки разного размера, от булавоочной головки до куриного яйца, испускающие более яркое мерцание, чем остальное тело морока. При отсутствии преград они видны издали, но в яме их заслоняли сараи. У индивидуального пространственного наваждения они обычно сосредоточены в сердцевине: нужно до нее добраться, чтобы их поразить, только тогда морок рассеется.

Под крадущимися шагами убийцы чавкнула облезлая дверь, уйдя в грязь чуть глубже, потом тихо скрипнула доска. Не было необходимости соблюдать

тишину – морок уже знает о нем, и никого тут не спугнешь, – но он привык не производить без надобности лишнего шума.

Узкий проход меж двух рядов невысоких сараев, сооруженных из старого кирпича, всяческих досок и листов жести, изъеденных поверху ржавчиной. Кое-где темнели маленькие застекленные окошки. На плотно закрытых дверцах или зияли потаенной чернотой скважины, или висели амбарные замки. Темре остановился. Это выглядело как западня, но другого пути к сердцевине наваждения не было.

Он простоял так несколько секунд, прислушиваясь к размеренным дремотным звукам и к своим ощущениям, а потом справа, у самой земли, в пяди от его сапога, шевельнулось что-то белесое, текучее... Убийца стремительно развернулся, уходя от этого подвижного пятна, похожего на колышущуюся в луже медузу, и в то же время нацелив на него готовый к выстрелу перстень.

Это оказалась не медуза – точнее, не ее подобие, потому что откуда бы ей настоящей тут взяться, – а человеческое лицо. Бледное, исхудалое, некрасивое, с жидкой щетиной на щеках и на подбородке. Оно глядело на Темре из мутной воды с оттенком испуга, с жалостной беззащитностью и беззвучно шевелило губами.

Привычно обострившееся чувство опасности помалкивало: от лужи не исходило угрозы. Вернее, здешняя угроза не превышала общего среднего уровня для данного морока. Если бы Темре излагал впечатления своему учителю, как в былые времена, за первую формулировку он схлопотал бы выговор, а то и затрещину – когда находишься внутри пространственного морока, угроза для тебя присутствует везде, в каждой его точке.

А лицо показалось ему знакомым. Ну да, это же хромой Харбо, брат потерявшейся Джаверьены! Чаще всего почвой для воплотившихся наваждений становятся людские страхи. Неужели кто-то здесь настолько сильно боится Харбо, забитого и затравленного, спасающегося бегством от глумящейся над ним девахи? Или, может, не страх, а что-то другое: ненависть, зависть, ревность, доходящее до исступления соперничество – тоже вполне пригодный для произрастания морока питательный бульон... Две последние позиции, пожалуй, отпадают: не похоже, чтобы этот Харбо, насколько Темре успел отследить его взаимоотношения с окружающими, мог вызвать у кого-то из них подобные чувства. А ненависть и зависть – почему бы и нет, если на то имеются какие-то житейские причины?

Харбо-из-лужи еще несколько секунд что-то ему говорил – судя по гримасам и отчаянному шевелению губ, то ли умолял, то ли предупреждал, то ли жаловался, – а потом очертания изможденного бледного лица растеклись бесформенным пятном, слово в непроглядную муть плеснули молока. Через мгновение и эта расплывшаяся грязноватая белизна исчезла. Лужа как лужа, вокруг таких полно, и ни в одной не видно ничего сверхъестественного.

Морок показал ему картинку. Всего-навсего. С какой целью – напугать, смутить? *Внутри пространственных наваждений не бывает ничего случайного.* Неспроста здесь появилась физиономия Харбо, да к тому же Вайни, если верить очевидцу, спустилась сюда следом за иллюзорным Харбо, сыгравшим роль приманки.

Иные наваждения подобны ребусам. Порой удается их разгадать, порой нет – для того чтобы их уничтожить, это вовсе не обязательно, однако найти

разгадку этой головоломки было бы любопытно. Хотя, безусловно, для убийцы куда важнее добраться до ее сердцевины и отыскать уязвимые точки.

Темре двинулся вперед. В щель меж двух верениц сараев. Проход был таким узким, что пешеходы налегке разминутся, зато двое с тележками никак не разъедутся, и воздух будет сотрясаться от ругани. Все это немного напоминало бедные гронсийские поселения на островах, куда привозил его в детстве отец в воспитательных целях, чтобы он посмотрел, в каких условиях жили его предки, и был благодарен богам за то, что клан Гартонгафи сумел перебраться в Лонвар.

В окошке одного из сараев что-то мелькнуло. Человеческое лицо. Притом на двери висит нетронутый амбарный замок. Кого-то заперли?.. Почему бы и нет: в трущобах может случиться все что угодно... Впрочем, как в любом другом месте.

Человек смотрел на Темре сквозь треснувшее стекло изнутри, из темной полости, словно из проруби, и шевелил губами. Это снова был Харбо – вернее, его подобие, сразу видно, что подобие, потому что печальная бледная физиономия характерно мерцала. Через мгновение она исчезла, как будто мнимый Харбо заметил, что к нему потеряли доверие, и махнул рукой на дальнейшие попытки добиться внимания.

Определенно, этот морок так или иначе имеет отношение к Харбо, но, судя по поведению оставшегося наверху прототипа, последний вряд ли мог бы что-либо на этот счет прояснить.

Перекресток двух улочек. В поперечной щели та же картина: высланный всевозможным хламом тесный проход, и по обе стороны запертые двери, подслеповатые оконца, нависающие козырьки убогих крыш. Хотя нет, не совсем такая же! Все тут темноватое, серое, бурое, тускло-коричневое, а примерно в сорока бутах от того места, где остановился Темре, выделяется в грязи ярко-розовое пятно. Словно брошенный цветок.

Он повернул туда, подобравшись – тепло, тепло, а скоро, похоже, станет горячо! – и через несколько шагов разглядел, что там лежит то ли платок, то ли шарф. Розовый в белый горошек. Настоящий.

По дороге ему попался еще один Харбо, прильнувший к пыльному оконцу сарая, сколоченного из разбухших листов мебельной фанеры. Этот для разнообразия не пытался ничего сказать. Только смотрел выразительно и трагично, сжав тонкие губы в линию.

Темре глянул на него мельком и прошел мимо. Все эти Харбо здесь для декора, а главное будет...

...За поворотом. Так он и подумал.

И хуже всего то, что ей уже ничем не поможешь.

Девушка висела возле стенки сарая, словно смятая и оплетенная паутиной пестрая бабочка в красных пятнах. Ноги в фасонистых ботинках не касались земли. Опутавшая ее ржавая проволока во многих местах пропоролла плоть, но внизу крови натекло не слишком много – морок все, что смог, выпил. Лицо осталось нетронутым: искаженное, с выпученными глазами, бледное, как восковая маска.

Вайни или Джаверьена?

Поймавшие жертву металлические щупальца не вырастали прямо из стены, как могло показаться в первый момент, а выползали из оконца с разби-

тым стеклом, которое находилось у покойницы за спиной.

Запахи предсмертных телесных выделений, смешанные с застарелой здешней вонью, почти не ощущались: их забивал сладковатый аромат дешевой туалетной воды, явственно усилившийся перед тем, как Темре повернул за угол.

Пара проволочных щупалец зашевелилась, с негромким, но мерзким звуком выдираясь из мертвого тела, и неспешно, как будто нехотя, потянулась к человеку. Запекшаяся на них кровь смешалась с ржавчиной. Отстреливать их поштучно, раз за разом дожидаясь, когда перстень вновь накопит заряд, – это значит застрять тут до вечера.

Первую иглу убийца наваждений послал жертве в грудь. Точнее, в центр окна, почти заслоненного ее спиной и путаницей проволочной пакости. Даже будь девушка жива, ей бы это не повредило, зато щупальца охватила дрожь – не та вибрация, которая сотрясает материальные предметы, а мерцание между «здесь» и «не здесь», когда морок или какая-то его часть начинают «мигать», то появляясь, то исчезая. Удовлетворенный эффектом, Темре сделал второй выстрел.

Лишившись своей страшной опоры, израненное тело сползло по стенке на землю.

После первого шока ржавые щупальца, вырвавшиеся пучком из маленького квадратного окошка с зазубренными стеклами по краям, устремились к противнику. Их было много, не меньше двух десятков. Три-четыре штуки исчезли, остальные все-таки удержались в реальности: морок недавно хорошо закусил, так что сил у него было хоть отбавляй.

Темре проворно попятился к повороту, уворачиваясь от щупалец. Это называется «танец труса». Такой же боевой прием, как все прочее из арсенала убийцы наваждений. Новичков в аналогичной ситуации так и подмывает схватить подвернувшийся под руку булыжник или кусок арматуры, либо же, если враг выглядит таким, что его можно резать, вытащить нож – и дальше отражать нападение, словно в обычной драке. Вот как раз этого и нельзя делать. Единственно правильное оружие против морока – специально изготовленный боевой перстень с развоплощающими иглами, а сражаясь с наваждением как с обычным противником, ты тем самым подтверждаешь его существование и вливаешь в него дополнительную силу. Парадоксально, но факт, неоднократно проверенный и давно доказанный.

Поэтому в ожидании, когда перстень накопит заряд для следующего удара, только и остается исполнять «танец труса» – ни в коем случае не испытывая при этом характерных для труса эмоций. Людской страх – ценная подпитка для морока. В промежутках между выстрелами убийца должен хладнокровно убегать и уклоняться от физического контакта с противостоящей ему нежитью.

Задача Темре была сейчас не то чтобы чересчур трудна. Другое дело, когда ты кого-то спасаешь и в процессе тактического отступления приходится таскать его с собой, не позволяя мороку сцапать жертву, – вот это веселье то еще. Неофициально считается, что в таких случаях самое практичное – оглушить подопечного, чтобы не усложнял ситуацию, и увертываться от морока, волоча бесчувственное тело. Большая удача, если не слишком тяжелое.

Сейчас Темре работал налегке: пойманная наваждением девушка уже не

нуждалась в его помощи. Отступив к повороту, где валялся в грязи бело-розовый шарф, он с облегчением убедился, что проволочным щупальцам его не схватить: они изогнулись и вытянулись в воздухе во всю длину, жадно подрагивая, но достать до перекрестка не могли.

Сердцевина где-то рядом. Здесь все «рядом»: улочек-щелей, вдоль и поперек прорезавших столпотворение сараев, всего-то пять-шесть, площадь ямы невелика. Скорее всего, сердцевина находится по ту сторону постройки, из которой выпростались щупальца.

Внезапная атака заставила Темре отпрыгнуть – еще одна фигура «танца труса», – и в следующую секунду он понял, что его загнали в угол. Будь тут больше простора, он бы не угодил в ловушку, но если находишься в узком закоулке, и меж построек ни одного просвета, и все двери заперты, и с обеих сторон к тебе подбирается водянисто отсвечивающая дрянь, а перстень еще не зарядился – дела плохи. Ты ведь не птица и не трапан, чтобы взлететь.

Мороки, отрезавшие ему и справа, и слева путь к отступлению, выглядели как помесь облезлых стульев, прорвавших вытертую цветастую обивку торчащими пружинами, и лохматых псов с оскаленными мордами. Бредово-причудливый гибрид, порождение чьих-то кошмаров: тот, кто вольно или невольно помог этому наваждению воплотиться, явно боялся в детстве злых собак и поломанной мебели с выпирающей наружу металлической начинкой – первые могут покусать, вторая может поранить.

Темре не стал дожидаться, когда эти твари на него набросятся. Расшвырять их пинками можно, однако даже если он причинит им вред, это лишь поспособствует тому, чтобы они поскорее освоились в этой реальности, крепче вцепились в нее невидимыми крючками – так, что потом намаешься, пока отцепишь.

Оттолкнувшись от гниющих в грязи досок, хватаясь за все, что подвернулось под руку, он с кошачьим проворством вскарабкался на крышу ближайшего сарая. Невысоко, но твари за ним не полезли. Ненадежная опора под ногами слегка прогибалась и покачивалась: неудачно ступишь – провалишься. Над головой клубилась сплошная муть, не видно ни людей, собравшихся у краев ямы, ни окрестных домов, хотя с этой точки вроде бы должен открываться обзор.

Зато как на ладони то, что творится внизу. Вот она, сердцевина! Гроздь огромных пульсирующих виноградин, налитых водянистым сиянием, и сквозь нее просвечивает статуя... Впрочем, будь Темре без маски, он бы никакого «винограда» не заметил. Разглядел бы только худощавую светловолосую девушку, застывшую изваянием посреди соседней улочки на задах того сарая, возле которого он обнаружил истерзанный ржавыми щупальцами труп.

Душный приторный аромат дешевого парфюма не ослабел даже здесь, на относительной верхотуре. Он был густ и неподвижен, как лонварский смог в безветренную погоду, и заставлял тосковать по глотку свежего воздуха, пусть даже пахнущего неистребимой городской гарью.

Перстень был готов к бою, и Темре послал иглы в наиболее яркие из пульсирующих точек грозди. Твари между тем штурмовали сарай, утробно рыча и звякая нелепо торчащими мебельными пружинами. Им почти удалось взобраться наверх, так что убийца наваждений на всякий случай перешагнул на соседнюю крышу. Хотя он целил не в них, после выстрелов они скатились в

грязь: морок потерял некоторую долю своей силы, и это так или иначе отразилось на всех его частях.

Крыша оказалась с подвохом: из дыры, стыдливо прикрытой размокшей картонкой, высунулось проволочное щупальце и попыталось оплести ногу противника. Отскочив, он едва не потерял равновесие, потому что острый конец этой дряни, устремившейся следом, пропорол кожу сапога и зацепил щиколотку.

Марево заколыхалось, в воздухе зародилось шевеление. Это напоминало не столько внезапно поднявшийся ветер, сколько бурление закипевшей жидкости: отведав крови противника, морок воспрянул. При этом ни теплее, ни холоднее не стало. Охватившая наваждение болтанка была пока не слишком сильной, с ног не валила, но что помешает ей мало-помалу ускорить темп?

Темре то уклонялся от окаянного щупальца, то перешагивал через него, избегая подсечек и не позволяя вновь себя поранить. Наверное, со стороны это выглядело как самозабвенный сумасшедший танец на крыше. Воздушные завихрения играли хвостом его длинных волос, словно примериваясь, какое усилие придется приложить, чтобы сбросить человека на землю, где поджидают «мебельные собаки»?

Перепрыгнув на крышу сарая на другой стороне улочки, он едва не взвыл от боли и, прихрамывая, отступил подальше от извивающейся проволоки. Та треклятая постройка, в которой гнезвился целый куст такой же поросли, убивший первую девушку, начала содрогаться: щупальца рвались наружу – расправиться с врагом и добраться до новой пищи, которая позволит набраться сил, – но с тыла не было ни окон, ни щелей, и они бесновались внутри, пытаются проломить стенку или ветхую крышу.

Можно сбежать, но толку-то: сердцевина с уязвимыми точками находится здесь, если ее не уничтожить, наваждение не исчезнет.

Еще два выстрела. Бурление тумана пошло на убыль, одинокое щупальце, от которого Темре увертывался, начало двигаться медленнее, как будто выдохлось. И зловещий сарай перестал ходить ходуном, хотя в нем по-прежнему что-то лязгало и скреблось.

Замедление темпа – это как нельзя кстати: острая боль в разодранной щиколотке все больше мешала убийце двигаться с прежней стремительностью. Судя по всему, кость цела, и сухожилие не задето, но в сапоге было мокро. Потеря крови – это скверно. Этак можно ослабеть раньше, чем разделаешься с наваждением, а уж если морок налакается твоей крови, будет совсем дрянь дело. Вытащив из кармана бумажную упаковку с бинтом, Темре торопливо замотал заляпанный грязью сапог поверх прорехи, чтобы ни капли не просочилось наружу.

Он неплохо продержался до третьей пары выстрелов, а потом и до четвертой, и до пятой, после которой разлитый в воздухе запах грошового парфюма заметно ослаб, а накрывшее яму серое марево наконец-то поредело. Сквозь туман начали просвечивать очертания домов и силуэты собравшихся вокруг ямы зевак, смутно донеслись людские голоса.

Внизу, под стеной, копошилась одна из «мебельных собак», вторая уже растаяла. Проволочное щупальце больше не тянулось к Темре, а шарило по крыше вяло и судорожно, словно конечность раздавленного насекомого.

Последние два выстрела – и остатки морока исчезли. Убийца наваждений

спустился вниз и, припадая на раненую ногу, подошел к девушке, стоявшей посреди проулка. Она была худа, некрасива и как вылитая похожа на Харбо. В юном лице с нездоровой кожей сквозило что-то старушечье – умное и злое, почти ведьмовское. От нее пахло дешевой туалетной водой: тот самый цветочный аромат, пропитавший собой всю яму и только теперь рассеявшийся.

– Джаверьена, зачем ты это устроила?

– Потому что хватит над человеком издеваться, – прошипела она ожесточенно. – Хватит! Мне надоело. Пусть меня посадят в тюрьму, но я эту сучку убила, и перед тем, как она подошла, ей было плохо. Не лучше, чем моему брату, когда она его мучила.

– Мог ведь и еще кто-нибудь пострадать.

Джаверьена промолчала. Потом, вздернув выступающий заостренный подбородок, с вызовом спросила:

– И что ты собираешься теперь делать?

– Это зависит от того, что ты выберешь, а выбрать ты можешь одно из двух.

– Значит, ты скрыл от полиции правду? – поинтересовался Котьяра, осушив перед тем кружку пива.

Не понять было, одобряет он приятеля или же, наоборот, смотрит с осуждением.

– Скрыл, – подтвердил Темре. – После того как девчонка по всем правилам поклялась Пятерыми, что никогда больше не станет нарочно создавать мороки.

– Не докопаются? – Монах еще больше понизил голос. – А то ведь зададут тебе по первое число, из Гильдии выгонят...

– Как докопаешься, если наваждения уже нет? Застукать меня на обмане смог бы разве что кто-нибудь из наших, если бы он тоже был в яме и видел сердцевину морока. По вашему венгоскому закону, тот, кто убил, защищая близкого человека от издевательств, должен понести такое же наказание, как любой другой преступник, – разве оно правильно?

– О, вот как – «по вашему венгоскому»! Словно островной дикарь, «понаехавший» в Лонвар без году неделя, как будто не здесь ты родился и выучился и как будто не ты похож на культурного коренного лонварца больше, чем две трети моих раздолбаев-знакомых. Кстати, о законе, у вас, у гордого и хитроумного островного народа, разве иначе?

«Бродячий кот» был полноват, но при этом ловок и проворен, особенно в драках. Лунноглазая Госпожа не возбраняет своим служителям ввязываться в мордобой, если на то нашелся достойный повод. Традиционный для ее ордена головной убор с кошачьими ушками превосходно сочетался с круглой веснушчатой физиономией брата Рурно, словно тот родился монахом. Впрочем, хотя служение он выбрал, достигнув семнадцатилетия, прозвище Котьяра пристало к нему еще в детстве. Возможно, это Темре первый так его назвал, теперь уже не вспомнить. Их семьи жили по соседству, и подружились они еще в малом возрасте, вопреки всем сложностям венгосо-гронсийских взаимоотношений.

– Ты же в курсе, у островных гронси нет настоящих законов – у них ритуалы, уклад, обычаи...

– Ага, имеющие силу закона, – уточнил монах. – Помню-помню, только разницы особой не вижу. И никто ее не видит, потому что все равно один пес.

– Не совсем, – продолжал стоять на своем Темре. – Хотя ладно, если прибли-

зительно, это одно и то же – обычаи, для всех и каждого гронси имеющие силу закона. Так вот, по гронсийским обычаям никого бы там не затравили так, как этого Харбо. Там бывает, что попрекают куском, или за что-то стыдят, не зная меры, или над кем-то смеются – но если для этого есть всеми признанный повод. Тоже ничего хорошего, я согласен, но до оголтелой мерзости не доходит, и обычно это делается с целью направить человека на тот путь, который община считает благим и верным. Того, кто не бегаёт от работы и не попирает традиций, изводить не станут, так что над Харбо там бы не измывались почем зря. Вайни проявляла бессмысленную и разнузданную жестокость, у гронси такую девицу в два счета окоротили бы или старшие женщины, или мужчины. Материковые общины не настолько строго придерживаются обычаев, как островитяне, но за здешними я тоже такого не замечал. Ну, разве что по отношению к себе. – Он не удержался от кривой усмешки с оттенком надрывного самодовольства, которое, впрочем, было скорее рисовкой, чем его истинным чувством. – Любят они при случае обозвать меня очужевцем. Даже когда денег просить собираются, и то удержаться не могут. Однако с тем, что вытворяла Вайни, это не сравнить...

– Еще б сравнить! – хмыкнул Котяра. – Ты и ростом, и рожей вышел, и женщинам нравишься, и навалить кому-нибудь не дурак. А Харбо, как ты сам его описал, нездорово тощ, слаб, нехорош на лицо, с увечной ногой, не умеет за себя постоять – такие везде становятся жертвами.

– В том-то и дело, что не везде. У гронси такой парень всеми силами доказывал бы свою полезность для общины. На каждом шагу проявлял бы услужливость, трудолюбие, почтение к тем, кто стоит выше в иерархии клана, – и надо сказать, он бы гарантированно находился под защитой общины, его бы в обиду не дали. И Вайни там научили бы, как себя вести, это пошло бы на пользу не только окружающим, но и ей самой – осталась бы жива.

– А эта мастерица мороков Джаверьена, по-твоему, для окружающих неопасна? – задумчиво сощурился зеленоватые глаза, окруженные рыжими ресницами, хмыкнул брат Рурно.

– Насчет мороков мы с ней договорились, она неглупа и не станет нарушать слово, если поклялась Пятерыми. А насчет того, что Джаверьена выкинула... Понимаешь, дело ведь даже не в мести, она просто отчаялась. Не было надежды, что Вайни кто-то остановит. Как бы мерзко Вайни себя ни вела, венгоских законов она не нарушала, а подавать в суд за оскорбление – это удовольствие для состоятельных людей, там одна только пошлина в половину моего среднего гонорара, не говоря о расходах на адвоката. Короче, эти игры не для трущобников, а ничего другого для разрешения таких паскудных ситуаций законом не предусмотрено. У Харбо и Джаверьены не было шансов отделаться от нее по-хорошему, поэтому любящая сестрица натворила то, что натворила. А вот у Вайни был выбор: она могла бы не делать то, что делала, тогда бы с ней ничего плохого не случилось.

– Ну и пес с ними со всеми, – подвел итог Котяра, разливая остатки пива. – Главное, ты с этим паскудством не влипни. Будем надеяться, что никому не придет в голову спросить об этом песьем мороке тебя или Джаверьену перед Зерцалом Истины.

Последнее он произнес еле слышным шепотом.

– Да никакой вероятности, – шепнул в ответ Темре, взяв свою кружку. – Оно

кому-нибудь надо? То, что происходит в трущобах, никого по крупному счету не волнует, если это не беспорядки, а Джаверьена еще меньше меня заинтересована в том, чтобы проболтаться. На худой конец меня за это показательно оштрафуют и строго предупредят – в Гильдии не так много народу, чтобы чуть что гнать взащей умелого убийцу, – а ей грозит тюрьма. Так что все будет шито-крыто, да хранит наши тайны Безмолвный.

Оба слегка привстали, отдавая дань почтения упомянутому божеству, потом уселись обратно и в сосредоточенном молчании допили пиво.

Час был поздний, в подвальчике никого, кроме них, не осталось: прежние посетители разошлись, новых не пускал торчавший у двери вышибала. Заведение закрывалось, но убийцу наваждений и «бродячего кота», уважаемых за всегдатаев, не торопили, дожидаясь, когда они сами уйдут.

Темре оставил на столе щедрые чаевые – за терпение и на выходе сунул вышибале купюру.

На улице монах наклонился, чтобы погладить по загривку сидевшего у стены священного зверя полосато-серого окраса, потом попрощался с приятелем и зашагал в темноту: у него были еще какие-то ночные дела, понятные только «бродячим котам» и их Госпоже.

Электрический свет расплывался в задымленном воздухе, окутывая чугунные фонари зыбким желтым сиянием. Было прохладно и сухо, никакого вкрадчивого блеска во мраке переулков, и оттого казалось, что дальше освещенного, как театральная сцена, пространства улицы вообще ничего нет, но Темре давно привык к таким фокусам ночного Лонвара и не обращал на это внимания.

Рана, хоть и поверхностная, все еще болела, не позволяя о себе забыть, и он остановил такси – неторопливо ползущий громоздкий автомобиль с облезлой золоченой статуэткой раскинувшего крылья трапана на капоте. По Лонвару машины ездили на небольшой скорости – дело было не только в запретах и штрафах, не те здесь условия, чтобы гонять, поэтому владельцы наемного транспорта чем только ни украшали свои рыдваны с целью привлечь клиентов: пусть не с ветерком, зато с какой помпой!

Кружное петляние по улицам и эстакадам почти убаюкало Темре, и когда такси подъехало к подножию Блудной горки, застроенной старинными домами со следами обветшавшего благородства, он почувствовал себя если не отдохнувшим, то в чем-то обновленным. Иногда стоит прокатиться на машине по ночной столице. Пожалуй, именно этого ему в последнее время и не хватало.

Запущенный парк тихо шелестел начинающей сохнуть листвой, под ногами шуршало.

Расскажет ли Джаверьена брату о том, что сделала? Вряд ли. Скорее всего, это так и останется тайной – ее и убийцы наваждений, который сам предложил ей скрыть истинную причину появления морока, расправившегося с Вайни. Любопытно, что, пока он был в маске, Джаверьена смотрела на него с вызовом, с угрюмым недоверчивым прищуром, разговаривала дерзко и отрывисто, но потом, увидев его лицо, вдруг смутилась, едва ли не покраснела, и голос у нее стал тихий, неуверенный. То ли ее с запозданием проняло – то ли в чем дело? Неужели в том, что он гронси?

Обычно бывает наоборот: люди чувствуют себя непринужденно, видя перед собой обыкновенного парня, и начинают испытывать замешательство,

глядя на безглазую эмалево-белую маску, по которой змеятся алые и черные руны.

Над подъездом висел оранжевый фонарь в виде тыквы, в его неярком свете маячили две фигуры. Девушки. Или девушка и подросток – не разберешь. Кого-то ждут? Главное, что не Акробатка – эту он узнал бы издали.

Он уже остановился перед дверью и вынул ключ, когда его окликнули:

– Господин Гартонгафи?

– Да, это я.

– Вы не могли бы уделить нам полчаса? – спросила та, что постарше, в элегантной темно-синей холле с тонкой каймой золотого шитья – цвет сообщал, что хозяйка холлы не желает, чтобы ее лишний раз беспокоили незнакомцы, и размениваться на легкомысленные интрижки не намерена. – Нас, то есть меня, преследует морок, и нам нужна помощь убийцы наваждений. Я готова заплатить авансом.

– Где морок? – Он привычно сунул руку в карман за маской.

– Не здесь, – вмешалась младшая. – Мы сбежали. Мы приехали сюда из Олонвы, и по дороге удалось оторваться, но морочанка будет нас искать.

Лет тринадцать-пятнадцать, вместо холлы мальчишеская куртка с откинутым капюшоном, светлые волосы стянуты в хвостик на макушке, на глаза падает челка – так мог бы выглядеть подросток любого пола, но Темре уже разглядел, что это девочка.

– Идемте, – пригласил он, отпирая подъезд.

Поднимаясь впереди по лестнице, он слышал за спиной их перешептывания:

– Скажешь ему, кто ты такая?

– Да перестань, неудобно ведь...

– Тебе всегда неудобно! Все равно же придется сказать, когда будешь объяснять!

– Вот тогда и скажу.

– Прошу вас. – Сняв с замочной скважины изголодавшегося «сторожа», тут же вонзившего в палец крохотный хоботок, он распахнул перед дамами дверь.

Можно ли попросить девчонку сварить кавью? У гронси с этим запросто, но это же венгоски, да еще и небедные заказчицы, готовые немедленно раскошелиться на аванс.

Старшая оказалась старше, чем он подумал вначале. Ей было не двадцать и даже, пожалуй, не двадцать пять. Тонкий девический силуэт – и бледное, усталое, изможденное лицо с залегшими под глазами тенями. Или на нее так повлияла история с мороком? Прическа точь-в-точь такая же, как у Соймелы: над бровями ровная челка, прямые волосы подрезаны в одну линию чуть ниже плеч. Только Сой моложе и, безусловно, красивее. Впрочем, Темре еще не доводилось встретить женщину, которая превосходила бы красотой его бывшую жену.

– Меня зовут Инора Клентари, – благовоспитанно представилась гостя. – А это Кайри Фейно, моя племянница.

Глаза у Кайри были по-кошачьи зеленые, и она выглядела более решительной личностью, чем ее спутница.

– Кого из вас преследует морок? – перешел к делу убийца наваждений.

– Меня, – угнетенно вздохнула Инора.

И умолкла, сцепив пальцы в замок, хотя после этого ей полагалось бы изложить подробности.

Смирившись с тем, что пояснения придется тянуть клещами – ничего не напишешь, попадаются и такие клиенты, – Темре уже приготовился задать первый наводящий вопрос, но Кайри его опередила:

– Прежде всего мы с Инорой хотим поблагодарить вас за подарки!

– За какие подарки? – опешил убийца.

– За кавью и чай, за фрукты и конфеты. Вы присылали все это Иноре, но я тоже угощалась. – Девочка улыбнулась дружелюбно и чуть-чуть смущенно. – В общем, было очень вкусно, спасибо.

Темре начал догадываться, о чем она толкует. Да разве мог он о таком подумать, это же просто невероятно... Вот так и происходят чудеса, когда совсем их не ждешь.

– Я мастер рамги, мой псевдоним – Ким Энно, – стесненно призналась темноволосая женщина. – Спасибо вам, господин Гартонгафи, было очень приятно получать такие посылки. Мы слышали о том, что вы убийца наваждений, поэтому, когда случилась эта история, решили обратиться к вам.

– У вас вышла из-под контроля иллюзия? – осторожно осведомился Темре, про себя недоумевая.

С опытными мастерами, к числу которых принадлежит Ким Энно, ничего подобного просто не бывает. Власть над иллюзиями – врожденная способность, к тому же существуют несложные меры предосторожности, известные любому, кто увлекается сочинением рамги, будь то признанный мастер или начинающий. В каждую упаковку с пустой зачарованной рамкой обязательно вложена памятка с рекомендациями и предупреждениями, иначе производителю грозит крупный штраф.

– Не у меня, – возразила Инора таким тоном, словно ей было до смерти неловко. – Хотя первоначально это был мой персонаж. Так получилось.

– Речь идет о мороке, который называется дуэтным, – снова вмешалась Кайри. – Надо рассказать все по порядку.

– Это правильно, – ухватился за здоровое предложение Темре. – Лучше по порядку. Здесь вам нечего опасаться. Моя квартира защищена от наваждений, никакое из них сюда не проберется, так что времени у нас сколько угодно.

Дуэтный морок – самая отвратная и трудноуничтожимая разновидность. Как правило, эта мерзопакость обладает цельностью индивидуального морока и силой коллективного, да в придачу к этому завидной живучестью, бьющей все рекорды. Единственная радость – встречаются они редко.

– Можно попросить вас сварить кавью на троих?

– Можно. – Девочка поднялась со стула. – И со мной можно на «ты». Только не начинайте без меня про морочанку, мы про нее вместе будем рассказывать.

Проводив ее на кухню, Темре вернулся в комнату, где сидела Инора. Просто невероятно: это Ким Энно, и она у него в гостях! Похвастайся потом хотя бы Котяре – не поверит. Или нет – Котяра поверит во что угодно, он вообще не видит разницы между чудесами и обыденными вещами: и то и другое для него фрагменты мозаики, из которых сложена всеохватная реальность. Его даже знакомство Темре с Дождевым Королем не сильно удивило.

Обставленная старой мебелью гостиная выглядела уютной, несмотря на некоторую запущенность, словно старинная гравюра в теплых коричневых тонах. Эта рассохшаяся громоздкая мебель, скупо украшенная резьбой, стояла здесь задолго до появления Темре и досталась ему вместе с жильем.

Его собственное имущество было угроблено в ходе сражения с Клесто на прежней квартире, и после заключения мира недавний противник бесцеремонно утешал его тем, что, мол, те модные поделки все равно смотрелись много хуже, чем здешний благородный антиквариат. Ладно, это можно пережить. В конце-то концов те вещи, или превращенные невесты во что Дождевым Королем, или разнесенные в щепки и клочья, в свое время выбирала Сой, Темре только счета оплачивал.

Зато здешняя меблировка создавала настроение в самый раз, чтобы в одиночестве послушать за чашкой кавьи любимую пластинку или скоротать вечер за беседой. И для Ким Энно подходящее обрамление: темноволосая женщина с тонким задумчивым лицом смотрелась тут на своем месте, словно это Темре на самом деле пришел к ней в гости.

– Мне давно уже хотелось о многом с вами поговорить, – нарушил он молчание, которое после ухода Кайри, деловито звякавшей на кухне джезвой и чашками, сгустилось и стало почти принужденным.

– А со мной неинтересно разговаривать. – Она в ответ улыбнулась чуточку натянуто. – Боюсь, вы будете разочарованы. Все, что есть во мне интересного, уходит в мою рамгу, и можно сказать, что я сама всего лишь хворост для волшебного пламени.

Вскоре вернулась девочка с кавьей. Она поставила на поднос найденные в буфете вазочки с печеньем и засахаренными орешками, соорудила несколько бутербродов с копченой рыбой. Темре отнесся к этому одобрительно. Сам предложил ей хозяйничать на кухне, и она не стала ни конфузиться, не смея что-то взять по собственному почину, ни изображать принцессу, впервые в жизни попавшую в этакое странное место с плитой, раковиной и развешанными по стенам сковородами-поварешками. Соймела в свое время разыграла спектакль по второму сценарию, хотя позже выяснилось, что готовить она все-таки умеет, и весьма недурно.

– Теперь расскажите мне о мороке, – предложил убийца наваждений, когда устроились за столом. – Вы уверены, что он дуэтный?

– Абсолютно, – заверила Кайри, наклоняя над своей чашкой сливочник. – У Иноры утянули персонажа, и после этого он стал мороком. Вернее, она. Это тетка, причем самая настоящая бой-баба.

Инора с виноватым видом кивнула. А Темре подумалось – скверные дела, потому что, если все так и есть, морок и впрямь должен оказаться дуэтным.

– Которого персонажа? У меня есть вся рамга Ким Энно, и если вы мне скажете, кто это, я для начала прикину, чего можно ждать от такого наваждения.

– Это не из той рамги, которую выпускала студия. Из моей ранней – то, что я сочиняла, когда была ненамного старше Кайри. Те рамки не сохранились, я их потом сожгла, и я не собиралась использовать что-то из того периода: оно никуда не годится по сравнению с тем, что я делаю сейчас.

– Я бы не отказался на это взглянуть.

Тиражируют рамгу студии – Ким Энно сотрудничает с одной из самых крупных и известных, – но сотворить что-то в этом роде для себя и ближай-

ших знакомых может кто угодно, если он не обделен способностями. Пустые рамки продаются в магазинчиках разрешенных магических артефактов вместе с амулетами, «сторожами», «погодными гадалками», «оракулами удачи» и прочей такой же мелочью. Начинаящий создает свою первую рамгу в единственном экземпляре, иногда копирует ее для друзей – дело это непростое и трудоемкое, а потом, если его творениями заинтересуется какая-нибудь из студий, становится признанным мастером иллюзий. Или не становится, у кого как сложится – дела здесь обстоят точно так же, как в области любого другого искусства.

– Там не было ничего интересного.

– Вам придется рассказать мне, что там было. Мне ведь предстоит разобраться с этим мороком.

– Хорошо, я расскажу, только сначала надо кое-что объяснить. У меня в то время была подруга, Арьена Лайдо. Мы познакомились, когда после первичной школы поступили в высшую женскую школу изящных наук. Кайри на будущий год тоже туда пойдет, но для этого ей нужно сдать экзамены – выпускные и вступительные, а она сейчас пропускает занятия, потому что вместе со мной уехала из Олонвы...

– Еще вопрос, захочу ли я туда пойти, – пробормотала Кайри, обращаясь будто бы к своей чашке.

– Ну вот, мы с Арьеной тогда держались вместе, – продолжила Инора с вымученной улыбкой. – Отбивались от СОЛО, это были самые настоящие боевые действия – конечно, без драк, как бывает в мальчишеских школах, но нам все равно хватало.

– От чего отбивались?

– СОЛО – это Союз Лояльных Отроковиц. Всех, кого приняли в высшую школу изящных наук, заставляли туда вступить в добровольно-принудительном порядке. Надо было платить членские взносы, это бы еще ничего, но, кроме того, заставляли ходить на собрания, которые проводились раз в три дня и пожирали массу времени. Наверное, СОЛО для того и придумали, чтобы у нас было поменьше личного времени. Самое главное, там была сплошная пустая болтовня. Твердили на разные лады о том, что нужно проявлять лояльность к властям, придерживаться правильных политических взглядов, смотреть и читать только то, что содержит высоконравственные идеалы, и подавать окружающим хороший пример. Все это можно сказать одной фразой, уложившись в полминуты, а лояльные отроковицы гробили на это по два-три часа каждые три дня.

– И после этого ты хочешь, чтоб я отправилась туда учиться, – с сарказмом процедила Кайри. – Ага, уже собираюсь, вот только кавью допью. Если меня в такое заведение запихнут, пеняйте на себя, я туда без кастета в кармане не пойду.

– Тебя никто не собирает никуда запихивать. Я надеюсь тебя уговорить, потому что школа все-таки хорошая. Учителя там замечательные, много интересных предметов. Несмотря на трения с лояльными отроковицами, вылететь оттуда мне не хотелось, и мы с Арьеной сдерживались, избегали грубых стычек, чтобы нас не исключили. И никакого СОЛО там давно уже нет и в помине. Все-таки после Революции Черных Шляп многое изменилось, и такие порядки в школах сейчас не насаждают.

«Ей не меньше тридцати пяти, хотя выглядит моложе, несмотря на измученный вид», – отметил про себя Темре, припомнив дату правительственного переворота, вошедшего в историю как Революция Черных Шляп.

– Свою первую рамгу я показывала немногим знакомым. Им нравилось. По сравнению с тем, что выпускалось тогда официально, это было необычно. Тогда ведь считалось, что мастера иллюзий должны не сочинять всякие занятные небылицы, а учить благодетельности и лояльности, и все студии находились под контролем государства, с жесткой цензурой. В моей рамге не было ничего благодетельного в их понимании, я просто придумывала то, что мне хотелось. Вообще-то это был сущий бред, за который теперь стыдно, и сейчас я бы это в студию не понесла ни за какие деньги, чтобы потом не краснеть перед зрителями.

– Все-таки любопытно было бы посмотреть, – заметил Темре с оттенком сожаления.

– Честное слово, ничего любопытного. В «Колдовской Стране» это не взяли бы, и правильно. История с бесконечными продолжениями, у меня там была главная героиня – такая, знаете, идеальная девочка, необыкновенно красивая, трагически смелая и все понимающая лучше остальных. Окружающие или пытались ее замордовать – всякие коллизии, которые приходили мне в голову главным образом под влиянием стычек с СОЛО, или влюблялись и старались затащить в постель. И еще у нее была антагонистка – жестокая претендентка на королевский трон, которая всех презирала и собиралась поработить, но к главной героине прониклась лютой симпатией и хотела перетянуть ее на свою сторону. Она получилась эффектно, но при этом поверхностно, там не было настоящей проработки образа. Вроде аляповато раскрашенного блюда, где нет ни полутонов, ни тонко прорисованных деталей – вначале цепляет внимание, но скоро надоедает. Вот ее-то Арьена и скопировала у себе в рамге. Я имею в виду, взяла без спросу.

– То есть потырила, – подсказала Кайри.

– Можно и так назвать. Если бы она спросила, я бы не возражала, но мы же поссорились. Арьена утатила ее к себе, почти ничего не изменив – та же внешность, те же слова, то же поведение, и когда я увидела рамгу Арьены, сразу узнала то, что когда-то было моим. Вообще-то она вполне могла бы придумать для этой роли своего собственного персонажа, но взяла Де... – Инора запнулась, едва не произнеся вслух имя морочанки. – Мне кажется, мою героиню она скопировала нарочно, мне назло. Хотя кто ее знает. Вскоре после этого дама из рамги объявилась как наваждение и чуть меня не убила.

– Как вам удалось уцелеть? – Темре не то чтобы почувствовал недоверие, но это самое «чуть» плохо соотносилось с тем, что он знал о мороках вообще и о дуэтных мороках в частности.

– Когда она вломила, Кайри была дома и применила какой-то шаманский прием, которому ее кто-то научил. Морочанку это оглушило, она убралась, и мы сразу же помчались на вокзал. Опять спасибо Кайри – я тогда впала в ступор, все решала она. Правда, морочанка быстро пришла в себя, раздобыла где-то машину, угнала, наверное, и поехала за нами вдоль железной дороги. У Кайри потом в поезде шла носом кровь и кружилась голова.

– Что ты сделала? – Убийца наваждений взглянул на девочку с любопытством.

– Врезала ей «волчком, летящим в пустоту». Один мой друг умеет шаманить и рассказывал мне о таком приеме: вырываешь из себя и как будто кидаешь в пустоту часть своей силы, закрутив ее в волчок, который по дороге выдирает и наматывает на себя силу того, кто находится у него на пути.

Темре невольно присвистнул.

– Я не думала, что у меня получится, но ей мало не показалось, и мы успели смыться, – добавила Кайри.

– Тебе, как я понимаю, тоже мало не показалось. Знакомый тебе не говорил, что это смертельно опасный способ? После него можно свалиться замертво.

– Говорил. Он сказал, это прием на крайняк. Тогда и был крайняк. Что еще оставалось – смотреть, как она убьет и слопают Инору?

Та произнесла тихо и растерянно:

– Ты мне об этом не сказала.

Девочка покосилась на нее и адресовала Темре красноречивый взгляд, выражавший что-то вроде: «Так ей и незачем обо всем говорить».

– Понятно. Вернее, непонятно. Того, что у вас сплагиировали персонажа рамги, недостаточно для того, чтобы этот персонаж воплотился как наваждение. – Он не удержался от усмешки. – Могу себе представить, что творилось бы на улицах Лонвара и сколько лишней работы было бы у Гильдии, если бы любое заимствование в творческих кругах приводило к таким последствиям. Вы ведь рассказали не все?

– Мы с Арьеной поссорились, давно уже. Наверное, это тоже сыграло роль. В последний раз мы с ней разговаривали пятнадцать лет назад, а потом видели друг друга разве что издали и не здоровались.

– Из-за чего вышла ссора?

– Не из-за чего. Разговор, который вроде бы начался мирно, а потом напоролся на подводные камни, да еще с обеих сторон сразу. Я тогда по каждому поводу выставляла свои острые углы и налетала на чужие, со мной тяжело было общаться. Арьена тоже была не подарок. Мы запросто могли чем-нибудь обидеть друг друга, но обычно это через некоторое время сходило на нет, а в тот раз не сошло. Я потом думала об этом, и хотелось встретиться с ней, извиниться за резкость, объяснить, но я не знала, как она к этому отнесется, поэтому так и не пошла.

– Вы не все рассказали, – повторил Темре. – Ссора пятнадцатилетней давности – недостаточная причина для воплощения морока. Есть еще какие-то детали, которые вы, наверное, считаете неважными.

Инора глядела на свою тарелку с оставшимися от печенья крошками с таким видом, словно ее терзала внутренняя борьба. Яснее ясного, она что-то существенное пропустила намеренно, но убийца наваждений решил сделать вид, что он этой уловки не понял. Из чувства такта. Все-таки перед ним тут сидит не кто-нибудь, а Ким Энно, его любимый мастер иллюзий.

– Мне нужны подробности, – добавил Темре бесстрастно-вежливым тоном. – Это имеет значение для моей работы.

– В той рамге, где Арьена Лайдо вывела позаимствованную у меня героиню, она еще и меня изобразила. Вернее, не то чтобы изобразила напрямую, обо мне говорят ее персонажи, и говорят много нелестного. Все это очень эмоционально... Они там обсуждают мастера иллюзий Итено Кимбо, который сочиня-

ет бездарную рамгу, воплощая в ней свои тайные обиды, и вдобавок продался неким зловещим силам. Вначале мне рамга Арьены понравилась, к тому же было интересно, что она придумала насчет моей злодейки, но когда я дошла до этого эпизода, ощущение было, как будто заманили в какое-то красивое место, а потом толкнули в грязную лужу – специально для того и заманивали...

– Хм, созвучие, конечно, налицо, но это же несерьезно... Тем более Итено Кимбо – скорее мужское имя, чем женское. Или вы опять что-то недоговорили?

– Героиня Арьены говорит о рамге этого Кимбо и приводит из нее всякие примеры – так это имеется в виду моя «Безумная команда», все взято оттуда. Еще бы я не узнала... Это как прицел на снайперском ружье, чтобы пуля попала точно в цель. Такое впечатление, что Арьена вложила туда послание для меня с расчетом на то, что оно дойдет по адресу.

– Что за послание?

– То, о чем я уже сказала, – сплошные оскорбления и мощный заряд злости, ничего больше. Не понимаю, зачем ей это понадобилось спустя пятнадцать лет.

– Заряд злости? Гм, вот это уже то самое... У вас есть с собой ее рамга?

– Нет. И в магазинах она не продается. Вообще-то Арьена Лайдо очень талантлива, ее рамга непохожа на то, что делают другие мастера, но ей так и не повезло заинтересовать своими работами ни одну из студий. Зато ее рамгу можно посмотреть в Независимом Библиотечном Клубе, есть такой в Олонве. Туда приносят свои рамги те, у кого не наладились отношения со студиями, и все желающие могут их там увидеть, или за пожертвование в пользу клуба, сколько не жалко, или даже бесплатно. Возле двери всегда висят «доски новинок», я проходила мимо, увидела там имя Арьены, заинтересовалась – и попала в приготовленную для меня западню. Наверное, все это было бы довольно забавно, несмотря на испорченное настроение, если бы не морок.

– Из-за морока переживать не надо. Чем меньше эмоций вы будете испытывать по этому поводу, тем оно лучше для вашей безопасности. – Темре уже счет потерял, сколько раз давал такие инструкции своим клиентам, которые чаще всего им не следовали. – Завтра с утра я поеду в Олонву и посмотрю эту рамгу. Вы обе останетесь тут, за порог ни ногой, моя квартира хорошо защищена от наваждений, еды на кухне достаточно. И опишите мне, как выглядит ваша краденая дама.

– Высокая, стройная, с гордой осанкой. Мускулистая, но грудь у нее тоже большая. Правильные черты лица, а волосы светлые и острижены совсем коротко. Глаза прозрачные, почти бесцветные, как будто наледь кристалликами на стекле намерзла. Любит одеваться во что-нибудь блестящее.

Неужели Акробатка?.. Похоже на то, но Темре решил не спешить с выводами. Сначала надо увидеть рамгу Арьены Лайдо.

Дотянувшись до секретера, он выдвинул ящик, достал листок бумаги и карандаш, положил перед Инойрой.

– Напишите, как ее зовут. Вслух имя не произносите.

Кукла

Страшило получилось отменное. Круглая подушка из черного плюша, на дюжине пружинных ножек, одетых в чулочки с утяжелителями, чтобы кукла не вздумала завалиться на бок. Гляделки из скорлупок тропического ореха занбо, или саккому, как называют его по-венгоски, обернутых в разглаженную до блеска красную фольгу, и внутри зрочки – угрюмо-фиолетовые бусины на проволочных штырях. Спина утыкана рыбьими костями, и в придачу в центре этой композиции торчит острием вверх ржавый нож с иззубренным лезвием. Приклеенные птичьи перья, измазанные кровью, придают чудовищу вид угрожающий и бывалый: нипочем не придет в голову, что человек, вооруженный кое-каким мелким инструментом, трудился над ним без продыху не далее как в минувшие сутки. Лески для управления марионеткой тоже имеются в наличии.

Знатная работа, хоть на рынок неси, но тащить свое детище на продажу Клетчаб не собирался. Самому пригодится.

Он решил наконец-то добыть изумруд, чтобы откупиться от гнева Лунноглазой Госпожи. За треклятую... тьфу, не то думается, преподобную «бродячую кошку», чуть не убитую в Сорегдийских предгорьях.

Ну, разволновался человек, ну, велел дурням-наемникам стрелять, оно же простительно! А богиня, что ходит на четырех лапах, так не считает. Прогневалась. С тех пор всякий встречный кот выгибает спину и шипит на Клетчаба, несколько раз его царапали до крови, а одна такая сволота еще в Хасетане, на веранде приморского ресторанчика, запрыгнула на стол и унесла в зубах отбивную, какими славится то заведение. Не говоря уж о том, что, ежели не припрячешь на ночь ботинки, к утру в них точно нагадят – хоть под подушку клади, чтобы никто из кошачьего народу не добрался. А сам обидеть ни одного священного зверя не моги, если не хочешь еще пуций гнев на себя навлечь.

Чтобы умиловить Лунноглазую, Луджереф дал обет пожертвовать в ее храм пару изумрудов. По крайней мере, один из них он сегодня добудет с помощью своей куклы. А может, и оба сразу – где один, там, хе-хе, и второй. Ну и деньжатами заодно разживется. Сразу видать, люди небедные, раз такие цацки на пальцах носят.

Небедные люди жили на четвертом этаже добротного кирпичного дома на Крупяной горке. Здесь почти все из кирпича, и редко бывает, чтобы внешние стены штукатурили – на взгляд илихейца это придавало Лонвару до безобразия незавершенный вид. Хотя, понятное дело, при таком количестве дымящих труб даже новехонькая штукатурка очень скоро будет выглядеть грязновато, а потемневшая кирпичная кладка не настолько оскорбляет взгляд.

Кольцо с изумрудом он углядел на пальце у посетительницы, которая каждый день захаживала выпить чашечку кофе – кавьи по-здешнему, не оговориться бы невзначай – в закусочную, куда он за обидные гроши устроился уборщиком. Нелегальная рабсила: якобы иммигрант из Маконы, небольшой страны на юге Анвы, якобы подавшийся в Венгу с голодухи. За уроженца этой самой голодающей Маконы его несколько раз принимали, обманываясь похожим акцентом и чертами физиономии.

Не сказать, что в закусочной медом намазано, но в самый раз, чтобы залечь и перекантоваться. «Раллаб» прибыл в порт по графику, и приплывшие на

нем ищейки небось уже взяли след Шулнара Мегорчи, а тот был, да сплыл. Растаял, словно дым из трубы в клубящемся над Лонваром неряшливом небе. Знай наших.

Воспитанная пожилая дама была то ли педантична, то ли суеверна: кольцо она всегда надевала лишь одно и меняла его через каждые три дня. На среднем пальце правой руки у нее красовался то гранат, то изумруд, то янтарь, то крупная жемчужина, а потом снова гранат – и дальше по кругу, непременно в таком порядке.

Из болтовни судомойки и помощницы повара, которые только и делали, что обсуждали посетителей, Клетчаб узнал, что живет она по соседству вместе с престарелым отцом. Он выследил где. Им помогала по хозяйству приходящая служанка, по словам женщин из закускойной – простушка и трусиха.

Дама с колечками облюбовала это заведение, потому что здесь недурно варили кавью. Совершив послеобеденный променад и выпив чашку любимого напитка, она либо шла домой, либо отправлялась с визитами к приятельницам. Каковы ее планы, угадать недолго: если на ней стеганая коричневая холла, она после закускойной разве что в ближайший магазин завернет, а если черная, расшитая бисером – уматает на такси и не вернется до вечера.

Удобно, когда люди предсказуемы. Одна беда: Клетчаб Луджереф был аферистом, а не домушником. Квартиру обчистить – это ему в новинку. Можно сказать, дебют. И чтобы не закончился этот дебют сранью собачьей, следовало принять меры предосторожности.

Чего местный народ боится больше всего? Правильно, воплотившихся наваждений. Вот он и смастерил наваждение, такое, что от одного вида удар хватит. Сам бы испугался, если бы не знал, что это всего-навсего кукла.

Прикинул, что на дельце надо идти, когда хозяйка смотается из дома с янтарем на пальце – самая дешевая из ее цацек. Тогда можно будет взять изумруд, гранат и жемчужину. Ну и еще всякое-разное, что там найдется.

С тех пор как Клетчаб окончательно принял решение поживиться, он начал на работе натужно кашлять, и через пару дней владелец заведения его рассчитал. То есть выгнал от греха подальше, заплатив гроши. Мнимый выходец из Маконы заунывно причитал, рассказывая о своей жене и выводке детишек – упасите Пятеро, у него даже в лучшие времена в Иллихее никаких таких захребетников не было! – но ему велели убираться вон и больше тут не появляться, иначе худо будет.

Что и требовалось: не сам бросил работу накануне ограбления, его оттуда вытурили как заразного, и если потом придет какой-нибудь цепняк с вопросами, о хвором уборщике никто вслух не вспомнит, чтобы закускую не оштрафовали за нарушение санитарного режима.

Луджереф уже приступил к вдумчивому изучению здешних законов, которые ему предстояло нарушать, и практикуемая в Венге система штрафов вызвала у него уважительную оторопь: ежели захотят, в два счета без последних штанов оставят.

Не смея радоваться тому, что пока все идет как по маслу – а то вдруг своей радостью спугнешь шальную удачу, он ведь уже научен горьким опытом! – Клетчаб отправился мастерить куклу из лоскута и проволочных отходов, купленных в магазине «Сундучок умельца».

Корпя над чулочками с грузиками для своего страшила, он злорадно ухмы-

лялся:

«Умельцы мы такие, каких вы тут еще не видели... Хасетанские умельцы!»

Поселился он в мансарде с грязным окном, которая сдавалась по дешевке, опять же нелегально. Самое то: неприметная щель, каких в большом городе тьма-тьмущая. Ботинки на ночь убирал в клеенчатую сумку, которую вешал на вбитый в стену крючок, чтобы какая-нибудь сволота из народа Лунноглазой в них не нагадила. Ничего, недолго осталось: когда он выполнит свой обет и чин чинарем принесет в храм два изумруда, Госпожа Кошка должна будет сменить гнев на милость. Всяко должна, иначе нечестно получится.

О том, чтобы забраться в квартиру со взломом, не могло быть и речи. Положим, с отмычками Клетчаб Луджереф управляться умел, но в Венге для охраны замков сплошь и рядом используют магических «сторожей» – этакую специально выращенную мелочь, которую хозяева прикармливают собственной кровью. Оно и парализующий яд тебе впрыснет, от которого рука на целый час онемеет, и хай поднимет, сразу станет не до дела. Не желая связываться с этой пакостью, Луджереф разработал другой план.

Наблюдательный пост неподалеку от дома он занял заблаговременно. Площадка со скамейками под навесом – такие возле каждого подъемника устроены. И обычное дело, чтобы там кто-нибудь кого-то дожидался. Мужчина в низко надвинутом картузе, с расстегнутой объемистой сумкой, из которой выглядывали пучки кудреватой зелени, не должен был вызывать подозрений. Зелень – это значит, он ее разносит, куда велено, честно зарабатывает. А о том, что внизу, под кулками с товаром, лежит собственноручно изготовленный «морок», накрытый картонной коробкой, чтобы торчащие из спины кости оставались в сохранности, ни одна проныра не догадается.

Дамочка чаще всего пользовалась подъемником, чтобы не ходить до закуской по четырем маршам ступенек. Сегодня она была в черной холле с бисерным узором – значит, вернется не скоро, а колечко надела, как недолго было вычислить, с янтарем. Прислуга, такая же пожилая, как ее нанимательница, еще утром появилась со стороны длинного железного моста для пешеходов, соединявшего Крупяную горку с соседней.

Украдкой плюнув себе под ноги – на удачу, – Клетчаб направился к дому.

Подъезд с наступлением темноты запирался, и открыть его могли только жильцы своими ключами, зато днем вход свободный. Луджереф шагал к дверям уверенно, без спешки, не зыряка то направо, то налево. Разве что замедлил шаг, чтобы всмотреться в номер и после по-быстрому заглянуть в выуженную из кармана записную книжку: новый разносчик хочет удостовериться, что не ошибся адресом, – деталь, лишний раз убеждающая возможных наблюдателей в том, что он именно тот, кем кажется.

Поднялся на четвертый этаж, позвонил.

– «Зеленые друзья»! Свежий лучок заказывали?

Отворившая ему прислуга не могла припомнить, чтобы они с хозяйкой заказывали свежий лучок. Он начал улыбочиво сокрушаться – надо же, накладочка вышла! – а потом принялся уговаривать ее что-нибудь взять для супа, мысленно изнывая: «Ну, когда же ты, сучка старая, отвернешься хоть на минуточку?»

Бумажные кульки с зеленью Клетчаб разложил на полу, будто бы с целью заинтересовать эту окаянную вареную рыбину своим товаром. Зев расстегну-

той сумки перекрывало донце большой картонной коробки, под которой было спрятано страшило.

– Сейчас я еще посмотрю, что у нас тут есть... – флегматично и с долей сдержанного удовольствия, словно ее несказанно увлек весь этот процесс, произнесла сухопарая служанка, отворяя облицованную деревом и украшенную поверху богатой резьбой дверцу холодильника.

Ну наконец-то! Без единого лишнего шороху – специально тренировался у себя в мансарде – он снял страховочную коробку, подхватил под брюхо куклу. С ней надо бережно, чтобы не пораниться о торчащую кость или о гнусное ржавое лезвие и в то же время ничего не своротить.

Он пихнул страшило под стол, картонку тут же спрятал обратно в сумку. Вот же незадача, лески перепутались... Но ничего, оно и так шевелится, слегка покачивается на пружинных ногах – словно приседает, изготавливаясь к прыжку.

Совершая все эти действия, Луджереф не переставал говорить, нахваливая «сочную, как из деревни, зелень, которая полезна для желудка и напоминает нам о летнем солнышке». Не умолк он и когда женщина повернулась. Он ведь смотрел на нее, а не назад и будто бы знать не знал, что там у него за спиной, под разделочным столом, возле обшарпанной и чем-то заляпанной кухонной стенки...

Нелепо взмахнув руками, служанка выпучила глаза и разинула рот, издав неожиданно тонкий нечленораздельный возглас.

– Да вы что, все у нас свежайшее, только сегодня утром срезали! – заверил ее Клетчаб, изобразив обиженное недоумение.

Так и не закрыв дверцу холодильника, она попятилась к выходу, уставившись мимо присевшего возле своей сумки разносчика. Здесь был риск переиграть, но он же не тупак, не вчерашний! Враз перестав улыбаться, скроив настороженную гримасу, оглянулся через плечо – и с паническим воплем рухнул на четвереньки прямо на разложенные на полу кульки с зеленью. Якобы потерял равновесие. Одновременно потянул за леску, страшило пошевелилось, и тогда женщина с визгом ринулась вон. Из прихожей донесся грохот, потом стук распахнувшейся двери.

Как рекомендуется вести себя при встрече с воплотившимся наваждением, Луджереф знал. Брошюры-памятки вручили всем новоприбывшим иностранцам еще в порту, в конторе Гостевого Управления. Не суетиться, не нервничать, немедленно отойти подальше от морока, предупредить окружающих, немедленно связаться с полицией и/или с Гильдией Убийц Наваждений, чтобы прислали специалиста.

Судя по доносившимся с лестницы истошным крикам, вскоре кем-то подхваченным, эта дурында «предупреждала окружающих». Досадно, что она сразу бросилась бежать, нет бы увела с собой старика-хозяина – для Клетчаба оно было бы удобнее. Но ничего не попишешь, придется работать в тех условиях, какие есть.

Времени в обрез. Небось кто-нибудь из соседей уже по телефону названивает: «Приезжайте, у нас тут морок завелся!» Специалиста из Гильдии куклой не обманешь. Эти парни работают в масках, позволяющих вмиг отличить наваждение от чего угодно другого.

Подхватив страшило, с сумкой в другой руке Клетчаб отправился в комна-

ты. Где тут хозяйкина спальня? Шкатулка с драгоценностями должна стоять на комодике или на туалетном столике перед зеркалом. Или, может, у этой пунктуальной перечницы все разложено по футлярчикам и попрятано в ящички секретера?

Из подъезда доносился шум общей суматохи, хлопали двери. Наверняка эти всполошенные тупаки уже вызвали убийцу из Гильдии.

А тут в одной из комнат какое-то копошение... Дед заинтересовался происходящим, чтоб его. Луджереф едва успел опустить куклу на пол посреди гостиной и на несколько шагов отступить, когда дверь отворилась, на пороге появился высохший, как мумия, старикан в пижаме. Он еле ковылял, придерживаясь за стенку.

Дернул за леску. Ощетиненный обглоданными костями, посверкивая красной фольгой всех шести глаз, «морок» в налипших растрепанных перьях и пятнышках засохшей крови злоеще закачался на пружинящих ножках.

– Здесь наваждение! – выпалил Клетчаб. – Меня послали вас предупредить! Идите к выходу, не делая резких движений, специалисты к нам уже едут!

Деда с перепугу угораздило споткнуться на ровном месте и упасть. Впрочем, помешать он всяко не сможет.

Жадно оглядывая двери – которая из них нужная? – грабитель шагнул вперед, а леска, мерзопакость этакая, зацепилась за стул, и кукла, несмотря на утяжелители в чулочках, опрокинулась на бок. Словно черная подушка в перьях валяется посреди гостиной, измазанная и утыканная всякой дрянью.

– Жулик! – Старикан, полусидя на полу, рассмеялся негромким кашляющим смехом. – Какое там наваждение, это ж одно шаромыжничество...

Похолодевший Клетчаб оглянулся. Этот хрыч мало того, что раскусил фальшивку, так еще неловко совал руку в карман пижамы. Что у него там – ножик? А вдруг пистолет?..

Схватив со стола литую чугунную статуэтку в виде моряка за штурвалом, он с размаху врезал деду по лысому черепу, обтянутому сухой желтоватой кожей в чешуйках перхоти. Хрустнуло. Для верности еще раз ударил, хотя кость и так уже проломилась, из раны выступила кровь. Старик распластался на ковре, закатив помутневшие глаза.

Охваченный истерическим возбуждением, Луджереф обшарил карманы пижамы. Фу ты, никакого пистолета – он, оказывается, хотел достать флакон с таблетками! Надо же было из-за ерунды так перенервничать, а все старый сушок виноват.

Отпечатков ни на чугунной финтифлюшке, ни где-то еще не осталось, не тупак же, перчатки надел, но теперь тем более надо поспешить, а то как пришьют ему убийство – и тогда дела станут совсем веселые.

Дамская спальня находилась за левой дверью. Драгоценности лежали в шкатулке, одетой в кокетливый кружевной чехольчик. Вот оно, колечко с изумрудом... Содержимое шкатулки Луджереф пересыпал в чулок, нарочно для того прихваченный, и, завязав его, спрятал во внутренний карман.

В ящичке комода, в коробке из-под конфет, нашлась довольно толстая пачка купюр разного достоинства. Неплохая пожива.

Смахнув на пол расставленные там и сям фотокарточки с детскими рожицами, он обнаружил за ними длинный футляр с какой-то дарственной надписью тиснением, внутри лежала золотая ложка с эмалевым узором на черенке.

Ее тоже сунул за пазуху – сразу видно, дорогая вещица.

Все это заняло немного времени. Пора уходить, пока сюда кто-нибудь не набежал. Топча разлетевшиеся по полу фотографии, он пересек спальню, в гостиной задержался, чтобы упаковать в сумку страшило – внутренний голос подсказывал, что нельзя его здесь бросать, надо вынести и уничтожить, хотя бы в канале утопить. Мимо мертвого старика прокрался к выходу. На лестничной площадке никого не было, зато снизу доносились людские голоса.

Спуститься туда как ни в чем не бывало? Еще и с сумкой? Э-э нет, господа хорошие, только не битый жизнью молокосос так поступит.

Ограбленная квартира находилась на последнем этаже, и Клетчаб по пыльной лесенке поднялся на чердак, вот где пригодилась отмычка. Потревожив трапанов, которые начали недовольно возиться и хлопать крыльями – людей они не боялись, но к визитерам не привыкли и потому забеспокоились, – он, запинаясь в полумраке и сдерживая чих, чтобы не спровоцировать еще большего переполоха среди летучих ящериц, добрался до дверцы, которая вывела в другой подъезд, и уже оттуда спустился вниз.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как из подъехавшей машины выбирается некто коренастый и хищный в движениях, с каким-то сплошным бельмом вместо лица, разрисованным красно-черными узорами.

Ага, вроде бы именно так должна выглядеть рабочая маска специалиста по морокам.

Столпившиеся возле того подъезда люди, кто в чем выскочил, глазели на убийцу наваждений, который стремительно прошагал мимо них и скрылся в дверях, а на Клетчаба не обратили внимания.

Ему удалось убраться незаметно, окрестные улочки, лестницы и мосты он изучил заранее. Картуз по дороге сдернул и зашвырнул в мусорный бак. Никакой погони. Пока там разберутся, что морока в подозрительной квартире не только нет, но и никогда не было... Наваждение ведь тоже способно сбежать, так что начнутся поиски. Причем искать будут здорового черного паука в перьях, с торчащими из спины костяными наростами – как он выглядит, известно со слов служанки, – а вовсе не полноватого мужчину зрелых лет, смахивающего на уроженца Маконы. Ежели шальная удача не отвернется, то и проломленную черепушку на морочана спишут... Ту статуэтку Клетчаб обтер и поставил на место, словно никто ее не трогал.

Он был уже далеко от места преступления, на малолюдной улочке вблизи дымящего, как трехглавый вулкан, завода, когда заметил, что к подошве пристала какая-то дрянь: то ли бумажная обертка, то ли отвалившаяся чужая подошва... Нет, грязная открытка. Или, скорее, фотография.

Когда поднял ее – двумя пальцами, чтобы не испачкаться, – в первый момент ему сделалось не по себе: со снимка смотрел убитый старикан. Только тут он выглядел чуть бодрее, чем когда появился на пороге своей комнаты, и снимали его где-то на природе, с дюнами и кустиками на заднем плане. Он держал в руках модель старинного парусника, по бокам от него стояли двое подростков – один мордатый, круглолицый крепыш, другой красавчик с раскосыми глазами, да еще перед ними расположились три девчонки помладше, с хвостиками и бантиками.

Клетчаба прошиб холодный пот. Ох, срань собачья... Это сколько же времени он разгуливал с прилипшей к ботинку уликой! Определенно, сегодня

шальная удача на его стороне, а то бы так и не заметил, а эта пакость отвалилась бы, а кто-нибудь подобрал бы и увидел...

Он изорвал фотографию на мелкие кусочки и втоптал в грязь. Хвала богам, миновала его беда.

После этого Клетчаб дошел до канала с мутной маслянистой водой и там, неподалеку от сливной трубы трехглавого завода, то и дело изрыгавшей какую-то сизую жижу, утопил сумку с куклой, перед тем напихав в нее камней потяжелее.

«Мороки лгут, но морок, у которого в силу исходных факторов есть имя, не может назваться другим именем.»

Мороки вытворяют все что угодно или же бездействуют, но при этом морок не способен удержаться от тех поступков, побуждение к которым присуще ему изначально.

Убийце, преследующему человекоподобное наваждение, следует иметь в виду эти два обстоятельства, так как они делают поведение морока отчасти предсказуемым».

Вечер за вечером Темре с наступлением сумерек отправлялся на охоту. Акробатка не может противиться зову ночных улиц. Какой бы сильной она ни была, этого ей не преодолеть. Даже из людей далеко не каждый в состоянии вырваться из зависимости – от бутылки ли, от дурмана ли, от поймавшей тебя в капкан страсти (вот хотя бы Темре и Сои – как вам нравится эта пара?). А уж морочанке, вызванной к жизни причудливыми фантазиями одной повелительницы иллюзий и болезненной ненавистью другой, и подавно ничего с собой не поделат. Она ведь не человек, не дано ей свободы выбора.

Убийца слегка ей сочувствовал. Самую малость. Когда он наконец-то ее выследит, мысль о том, что она, возможно, не лишена самосознания и мучается в тисках ужасающей предопределенности, не помешает ему выполнить свою работу.

С тех пор как Темре побывал в Олонве, он знал о ней достаточно, чтобы предугадать ее действия, но сперва Акробатку надо найти, иначе толку-то с этой осведомленности. Причем найти не где-нибудь, а в огромном Лонваре с его миллионным населением и примерно такой же прорвой приезжих, в том числе нелегалов.

На третью ночь безрезультатных прогулок он поймал себя на том, что вспоминает с почти ностальгическим чувством о пространственных наваждениях и о свирепых гигантах вроде той рыбины, которая материализовалась в небе над Поднебесной горкой. Пространственный морок подобен полипу: он находится в одном месте и никуда не убежит, пока с ним не разберешься. Да и рыбонька, умница такая, сама приплыла, пусть и с целью всех сожрать, за ней хотя бы гоняться по всему Лонвару не приходилось.

«Вот так не ценишь своего счастья, покуда оно у тебя есть», – подумал Темре с кривой усмешкой и тут же пробормотал коротенькое гронсийское заклинание, отвращающее злых духов, а то не хватало еще беду накликасть.

Лучше размышлять о чем-нибудь другом. Например, о недавней поездке в Олонву.

Этот старинный городок ошеломил и заморозил его своей похожестью на «русалочьи замки», которые младшие сестрички Котяры сооружали в детстве из гальки и покрытых известняковым налетом ракушек во время семейных

выездов на берег моря.

Целые улицы беленых домов, украшенных фестончатой и спирально закрученной лепниной, и над ними светлое облачное небо, посеребренное еле пробивающимися лучами бледного солнца – после угрюмой кирпичной столицы словно попал в сказку. Не случайно «Жемчужной Олонве» посвящено столько стихов. Как ему всегда представлялось, именно в таком городе и полагается жить мастеру иллюзий Ким Энно.

Он побывал в Независимом Библиотечном Клубе, посмотрел рамгу Арьены Лайдо. Там было много красивого – пейзажи, растения, удивительные архитектурные ансамбли, – и среди этой немного печальной, тщательно прорисованной красоты сплетались людские интриги, тоже наводившие печаль. Истории об одиночестве, о любви, о предательствах и о нелегких победах. Концовки все же были хорошие, как и ожидается от рамги.

Странно, что студии не заинтересовались, хмыкнул про себя Темре, вещи-то весьма неплохие, нашли бы своих зрителей. Впрочем, логику студий с их коммерческими расчетами со стороны не поймешь. Инора вот тоже призналась, что никогда не испытывает уверенности насчет того, возьмут ее следующую рамгу или нет.

Послание, адресованное Иноре, госпожа Лайдо оформила со знанием дела. Романтическая беседа двух девушек, одна из них вдруг заводит речь о рамге и начинает яростно ругать некоего Итено Кимбо. Сначала она называет его бездарью, потом поправляется: «Он все-таки не бездарь, а посредственность, и рамга у него живенькая такая, но гаденькая», – на эту тему она рассуждает с четверть часа, приводя узнаваемые примеры из «Безумной команды» Ким Энно.

Темре не раз смотрел эту забавную историю о странствиях компании симпатичных невезучих авантюристов, мечтающих разбогатеть и регулярно влипающих в неприятности. Ранняя рамга Иноры, не то первая, не то вторая из опубликованного. Там еще была страна, где правили «лучшие и сильнейшие» – по мнению Темре, в реальности в таком государстве никак не обошлось бы без коррупции, ибо люди есть люди. Впрочем, Инора давно уже сочиняла рамгу о приключениях в ярких и манящих вымышленных мирах без поползновений лепить модели идеальных обществ. В разговоре с Темре она честно признала, что в этом не сильна, не философ.

Героиня Арьены Лайдо сначала критикует «государство сильнейших» из «Безумной команды», а после говорит о том, что у продажного мастера, который это придумал, сплошь вся рамга «живенькая, но серенькая и дрянная» – об этом она рассуждает долго и многословно, девушку распирает злость, ее кулаки сжаты, ее глаза ненавидяще горят. Очевидно, этот эпизод и был «поражающим ядром» предназначенного Иноре послания.

В какой-то момент Темре показалось, что магическую рамгу, установленную на старой деревянной подставке в одном из отгороженных ширмой закутков Независимого Библиотечного Клуба, того и гляди разорвет изнутри и в лицо ему брызнут осколки. Ничего себе эмоциональный заряд... Хватило бы на десяток мороков, не то что на одну Акробатку!

Приблизительный прогноз не радовал: наваждение, которое ему в этот раз предстоит уничтожить, наделено исключительной силой.

Перед тем как отправиться обратно, он побывал у Арьены. Ее следовало

предостеречь, хотя это было необязательной формальностью: как раз ей-то ничего не угрожает, ведь она подкармливает морок своими эмоциями. Ее ненависть к Иноре, выплеснувшаяся в той последней рамге, напоминала kloчущий кипящий бульон, который кого ошпарит, а кого и насытит.

Арьена предупреждение приняла к сведению, но не удивилась: похоже, о мороке она уже знала.

Напоследок убийца наваждений не удержался от вопроса:

– Госпожа Лайдо, за что вы так невзлюбили Инору Клентари?

Это выходило за рамки приличий, и она могла бы отшить его, могла попросту указать на дверь, но после короткой паузы все же ответила:

– Инора всегда была мямлей, дурнушкой и тихоней себе на уме, а потом обошла тех, кто ее намного лучше. Вы считаете, это справедливо? В какой магазин ни зайди, везде ее рамга – пролезла вперед всех, втерлась в студию, хотя она посредственность, всего на ступеньку выше полной бездарности, а ее заметили. Обнаглевшая посредственность, которая не хочет знать своего места в жизни!

– А вы, стало быть, взялись указать ей на это место?

– Должен же кто-нибудь это сделать. От таких людей, как она, я стараюсь держаться подальше, но насыпать на нее морок я не собиралась. Человек может мне не нравиться, я могу считать его серостью и дрянью, я могу говорить об этом хоть вслух, хоть в своей рамге, имею полное право, но все это не значит, что я хочу его убить.

– Я вам верю, – кивнул Темре и, так как Арьена, судя по выражению лица, в этом усомнилась, добавил: – Я видел вашу рамгу и понимаю, что вы не убийца, намеренно создавать наваждение вы бы не стали. Если вдруг увидите в Олонве эту воплотившуюся даму, немедленно звоните в Гильдию, договорились? Не в местную контору, а в лонварскую, дежурный телефон работает круглосуточно.

Уже потом, в дороге, подумалось: пожалуй, к лучшему, что Инора так и не собралась объясняться и мириться с бывшей подругой. В этом не было никакого смысла. Не тот случай, когда у людей есть шансы договориться до чего-то хорошего.

И ведь нельзя сказать, чтобы Ким Энно был блистающей звездой рамги. Скорее, он из тех, кто занял свою нишу, обрел некоторое число своих постоянных зрителей, стабильно сотрудничает со своей студией, но в то же время не купается в лучах славы и не черпает деньги ведрами. Это для Темре он самый любимый и главный автор, тут уж у каждого свои предпочтения. Котяре рамга Иноры понравилась, и Клесто, к слову сказать, тоже, и еще кое-кому из приятелей Темре – он всем ее расхваливал, но те не были такими горячими поклонниками Ким Энно, как он сам. Каждый находит что-то свое. Мастеров иллюзий много, в любом магазине рамги посмотришь на полки – глаза разбегаются, а Арьене Лайдо не дают покоя рамги Иноры, вовсе не принадлежащие к числу самых популярных и дорогих.

Когда Темре пришел ее предупредить, она смотрела на него настороженно, словно из засады. Как будто готовилась в любое мгновение то ли отразить удар, то ли броситься бежать (или, что вернее, захлопнуть дверь у визитера перед носом) – по обстоятельствам. Вероятно, она каким-то чутьем угадала, что он на стороне Ким Энно, а может, Темре сам себя выдал. Не имеет значе-

ния. Главное, он убедился в том, что морок и впрямь дуэтный, ибо никаким иным быть не может, и при этом необычайно сильный – с такого-то питательного бульончика!

Обе виноваты. Уж если люди рвут отношения, их и в самом деле надо рвать – так, чтобы ничего не осталось. Незачем после этого исподтишка интересоваться жизнью друг друга, расспрашивать с мнимой небрежностью общих знакомых или с жадным любопытством смотреть рамгу, сочиненную противной стороной.

Вот скажите на милость, на кой Арьене сдалась «Безумная команда», раз уж она с самого начала была в курсе, что за псевдонимом Ким Энно скрывается ненавистная ей Инора? И за каким крабом ошпаренным Инору носило в Библиотечный Клуб смотреть рамгу Арьены? Акробатка появилась после того, как Инора получила пресловутое послание – видимо, это и был «момент пробы», как выражаются в Гильдии. А если бы оно не дошло по адресу, возможно, и не смогла бы тварь из хаддейны, бесформенная и безымянная, найти лазейку в материальный мир. Воплощение дуэтного наваждения – это всегда совместная заслуга.

Две дуры, с досадой подвел итог Темре.

Мог ли он еще позавчера предположить, что наградит таким определением своего любимого мастера иллюзий? Впрочем, мастер Ким Энно – это мастер Ким Энно, а Инора Клентари в реальной жизни – это Инора Клентари, вовсе не идеальная, не мудрая, не лишенная распространенных человеческих недостатков. Хотя в то же время не стоит забывать о том, что это она создала всю рамгу Ким Энно... И нужно принять меры, чтобы она уцелела, потому что, если Арьена с ее эмоциями для наваждения полезнее живая, Инору оно слопают за милую душу, после чего неминуемо станет еще сильнее.

В придачу к этим соображениям, пока машина мчалась по шоссе мимо чистеньких венгоских деревень, поросших редкими соснами холмов и столбов-оберегов, отмеряющих ювы до столицы, Темре подумалось: боги милостивые, ну вот почему Арьену Лайдо так разбирает? Занимаешься ты любимым творческим делом – сочиняешь музыку, пишешь книги, рисуешь картины, создаешь рамгу, и оно тебя затягивает с головой, преследует во сне и наяву, завораживает, не отпускает – вот и радуйся, что тебе это дано. Зачем гнобить других, кто занимается тем же самым? Неужели никак нельзя обойтись без этого? Инора, к примеру, не говорила ничего уничижительного ни о рамге Арьены Лайдо, ни о ней самой как о мастере. Но Иноре этого не нужно, а госпоже Лайдо, выходит, нужно позарез. Зачем? Кто бы еще объяснил... Темре в этом вопросе понимал Инору и не понимал Арьену.

«Люди меж собой различаются так же, как виды зверей и птиц, но это не бросается в глаза из-за общих внешних признаков рода человеческого. Одни других не лучше и не хуже, не выше и не ниже – они просто отличны друг от друга. И говорят они на разных языках, хотя им кажется, что на одном. И ходят разными тропами. Речь не о народностях и не о сословиях, речь о тех многочисленных разницеах, которые наглядно не обозначены, однако играют не меньшую роль, если даже не большую».

«Человек видит то, что способен увидеть, и слеп к тому, что от него скрыто его же собственными ширмами, которые он повсюду таскает с собой. Учись смотреть, как следует, и замечать все, что попадает в поле зрения. Ви-

дишь ты вещи как есть или то, на что смотришь, тебя морочит – это в конечном счете зависит от тебя».

Отрывки из растрепанной старинной книги без обложки, читанной в гостях у господина Тавьяно, деда Котяры – если точнее, прадеда, но Котяра привык называть его дедушкой, у венгосов нет такой разветвленной системы обращений к родственникам, как у гронси.

Эти рассуждения, зацепившие тогда Темре, всплыли в памяти, и он решил: «Нет смысла размышлять о ком-то, кто от тебя настолько далек. Уж лучше подумать, как решить проблему, которую этот незлобивый кто-то нам подбросил. По крайней мере, мне известно, как зовут Акробатку и от чего она не сможет удержаться, и то кусок хлеба. Если бы еще была какая-нибудь подсказка, где эту окаянную куклу искать...»

До Лонвара он добрался затемно и, несмотря на поздний час, тем же вечером вытребовал к себе домой комиссию по сокрытию. Одного из старшин Гильдии Убийц, полицейского надзирателя Блудной горки, двух понятых из числа соседей – эту пару Темре выручил, когда у них в кухонной кладовке завелся морок в виде мешочка с крупой, который переползал с места на место и бормотал грязные ругательства. Благодарные супруги пришли, не отнекиваясь. Старшина привез с собой преподобного жреца из ордена Ящероголового, на шее у святого человека висел на цепочке крупный восьмигранный аметист.

Инора посмотрела на гостей, задержав взгляд на кулоне, и слегка побледнела: она сразу догадалась, зачем – вернее, за кем – они явились. Кайри вроде бы тоже догадалась, но, судя по выражению лица, одобрила идею.

– Госпожа Клентари, вас нужно спрятать от морока, – со значением откашлявшись, объявил квадратно-массивный черноусый старшина Гильдии. – По закону положено, и меньше возни так будет. Вот, собственно... – И он кивнул на жреца, скомкав окончание своей речи.

Плотный лысоватый мужчина с пронизательными глазами, расценив это как приглашение к действию, начал неспешно снимать с шеи цепочку с кристаллом.

– Это обязательно? – растеряно уточнила Инора.

– Думаю, да, – негромко и твердо заметила Кайри, хотя ее-то никто не спрашивал.

– Если наваждение до вас доберется, вы погибнете, – пояснил Темре. – Будет проще и надежнее, если вы воспользуетесь гостеприимством храма Ящероголового Господина, тогда вы будете в полной безопасности и никакая дополнительная охрана не понадобится. Это обычная практика Гильдии, когда речь идет об особо опасном наваждении, преследующем жертву.

– Вот молодец, все правильно сказал. – Старшина по-простецки одобрительно крякнул.

Он был умный мужик и отличный стратег, когда дело касалось расправы с мороками, но говорить не мастер.

– Я же там... внутри... не смогу работать над рамгой, – расстроено произнесла жертва. – Мне бы не хотелось прерывать работу...

Полицейский решил, что настала его очередь:

– По закону вы подлежите немедленной защите и сокрытию во избежание риска. Закон, как вы знаете, надо исполнять.

– Подлежу?.. – переспросила она жалобно.

Темре опередил стража порядка, пока тот еще что-нибудь такое же не брякнул:

– Если морочанка до вас доберется, погибнете не только вы. Убив вас, она наберется сил, станет после этого втрое опаснее, и тогда будет еще больше пострадавших, пока мы с ней не справимся. Поэтому закон требует, чтобы в таких случаях потенциальная жертва была защищена с максимальной надежностью. Это в ваших интересах. И не только в ваших. Подумайте о тех, кто любит рамгу, – разве они захотят потерять Ким Энно?

– Я, например, не захочу ни в коем случае, – присоединился жрец. – Я ваш давний поклонник, госпожа Клентари, у меня есть вся ваша рамга, и я буду счастлив позаботиться о вашей безопасности.

На это нехитрое улещивание Инора купилась.

– Да, да, я все понимаю... У меня есть полчаса, чтобы собраться?

– Вам незачем собираться. Вы сейчас закроете глаза, а в следующий миг их откроете, как будто ничего не произошло. Пока вы будете находиться в свернутом пространстве внутри кристалла, время для вас остановится – вам покажется, что прошла всего секунда. Это абсолютно безболезненно и безвредно, да наверняка вы об этом читали. Я помню три-четыре таких эпизода в вашей рамге.

– Одно дело – изображать, и совсем другое – испытать на себе...

– Все что угодно стоит хотя бы однажды испытать на собственном опыте, чтобы расширить границы своего личного познания и увеличить свою силу, мы для того и приходим в этот мир. – Темре уже успел испугаться, что священнослужитель увлечется проповедью, но тот плавно перешел к делу: – Неужели вам не интересно, госпожа Клентари?

– Даже не знаю... – Она нервно облизнула пересохшие губы. – Я только прощаюсь с племянницей, ладно?

– Прощаться-то зачем? – хмыкнула Кайри, вместо того чтобы сказать что-нибудь трогательное. – Не на паропод садись. И не на поезд.

– Можно, я тогда подойду к окну, прощаюсь с городом? Неизвестно ведь, когда я снова увижу дома, небо, деревья...

Соседка Темре тихонько всплакнула, прижавшись щекой к мужнину плечу. Она была особа чувствительная, и эта сцена проняла ее до слез.

– Да кидайте уже, – шепнула Кайри, сердито поморщившись, когда Инора сомнамбулической походкой направилась через гостиную к окну. – Если ее разобрало, она долго так может.

Жрец бросил женщине под ноги аметист, одновременно произнеся запирающее слово – так тихо и быстро, что никто ничего не расслышал. В то же мгновение Инора Клентари исчезла. На вытертом венгоском ковре с цветочным орнаментом в темных тонах остался лежать продолговатый фиолетовый кристалл, прикрепленный к тускло золотящейся цепочке. Впрочем, пролежал он недолго: служитель Ящероголового раскрыл ладонь, и кулон прыгнул ему в руку, словно притянутая магнитом железная стружка.

Полицейский принялся составлять протокол в трех экземплярах. Готовые бланки он принес с собой, так что формальности заняли немного времени.

– Пойдешь со мной? – обратился преподобный к Кайри. – При монастыре есть школа, и ты сможешь продолжить учебу.

Аметист он снова повесил на шею: ни один морок не посмеет напасть на жреца драконьего бога. В деле защиты потенциальных жертв с Гильдией сотрудничали все пять орденов – с кем удалось связаться раньше, оттуда и приезжали.

– Я должна помочь Темре ловить морочанку, – озабоченным тоном объяснила белобрысая девочка. – Школа подождет.

– Кайри, ты должна только одно – не мешать мне. Мы работаем без помощников. Не хватало, чтобы она взяла тебя в заложницы!

Убийца наваждений адресовал преподобному умоляющий взгляд. Упрямства у девчонки ого-го сколько.

– Не возьмет. Один раз я с ней уже справилась.

– Использовала «волчок, летящий в пустоту», я слышал об этом, – вмешался служитель Ящероголового. – Молодец. И после этого тебе было очень худо, но ты изо всех сил скрывала это от Иноры, верно?

– Откуда вы знаете? Я же...

– Ты никому не говорила, но я в курсе, как это бывает. Разве ты не хочешь научиться делать то же самое, рассчитывая и контролируя свою силу? Кстати, есть приемы такие же эффективные, но не настолько рискованные, как «волчок». Не хочешь узнать об этом побольше?

– Хотелось бы...

– Если согласишься пожить у нас в монастыре, сможешь заниматься с наставником. К тому же будешь рядом с Инорой. – Жрец дотронулся до кулона.

Он ее уговорил и увел с собой. Когда все ушли, Темре с облегчением поблагодарил Девятирукого, покровителя клана Гартонгафи. Полдела сделано: до Иноры наваждение не доберется, о Кайри тоже позаботятся. Осталась вторая половина – разыскать Акробатку.

С того вечера миновало трое суток. Он только и делал, что искал ее, но до сих пор не преуспел. В полицейском управлении обещали поделиться сведениями – если будет, чем делиться – и оттуда тоже никаких известий. Можно подумать, что морочанка исчезла, но дуэтные наваждения сами собой не исчезают. Она где-то здесь, в Лонваре.

Это тебе не Хасетан, где каждая подворотня на твоей стороне и всякий темный закоулок тебя укроет, а преследователю подставит подножку. Клетчаб заметил, что на хвосте у него повисли двое, вскоре после того, как ушел из лавочки скупщика подержанных будильников. Краденое там скупали, а не только будильники – это он выяснил загодя благодаря своей наблюдательности и шальной удаче, когда терся по лонварским заведениям среди публики нужного пошиба.

За цацки, взятые в той квартире вместе с изумрудом, ему отстегнули до обидного мало. Впрочем, на первый раз сойдет. Могло быть и хуже, если бы сделали морду сапогом и указали на дверь – мол, ничем таким не интересуемся, кроме раздолбанных часов, что-то вы путаете, господин хороший. Но Луджерефа все же признали за «своего». В следующий раз можно будет и поторговаться: вкрадчивый прилизанный скупщик и его хозяйка, бабища в клетчатой холле с оборками, лицом похожая на мужика больше, чем ее благоверный, примут это как должное.

Изумруд он выковырял из оправы и оставил в первом попавшемся по дороге храме, как обещал Лунноглазой в своих молитвах. Честь по чести положил

в лакированную чашу для пожертвований, разрисованную кошачьими силуэтами. Приняла ли богиня подношение, неизвестно. Никакого знака не было. С другой стороны, он же ей пару камушков посулил, стало быть, прощен будет после того, как принесет второй.

Успокоив себя этим соображением, Клетчаб отправился в лавку битых будильников, которая пряталась в подозрительном малоэтажном лабиринте у подножия горки, одетой в кирпичную коросту. Неважнецкий все-таки город, неказистый, пускай по размерам всяко больше Хасетана и едва ли не больше Раллаба.

Когда он с некоторой суммой денег в бумажнике и неприятным осадком в душе – продешевил, хотя не продешевить на первый раз было никак нельзя, уж таков воровской обычай – вышел наружу, начинало смеркаться. Небо на западе налилось мутноватой желтизной, и соседняя горка на дымно-янтарном фоне напоминала черного ошетилившегося ежа гигантских размеров. С этого зрелища Клетчабу невесть почему стало тревожно: подумалось о мороках здешних, которые не сидят по своим урочным местам, как илихейские твари-оборотни, а где угодно могут ошиваться, кроме разве что храмов и монастырей. Дрянной город, дрянная страна, дрянной материк.

«Ничего, – подбодрил себя Луджереф, – где наша не пропадала, и тут приживемся».

Как и в иных имперских городах, с уличным освещением здесь творились бардак и чересполосица: где электрические фонари, которые включаются-выключаются сами собой, а где газовые – их зажигают и гасят фонарщики. Эту публику Клетчаб недолюбливал: прет на тебя такая паскуда с лестницей наперевес, как будто король ему двоюродный дядя, и ни на пядь не посторонится, не дождешься. Еще в Хасетане в отроческие годы натерпелся от них: зацепят походя своим хозяйством и тебя же обругают.

Пока он был высокородным господином и министерским служащим Ксаватом цан Ревернухом, простолюдины оказывали ему почтение, а как маскарад закончился – нате вам, из князей да в грязь. Каждый норовит показать, что он не хуже тебя, а фонарщики в особенности.

Вот и сейчас он едва не сшибся с одним таким подлецом. Тот задел его краем покрытой засохшей грязью лестницы и обозвал «маконским нищевродом», а Луджереф, не оставшись в долгу, обругал хама «паршивым гронси», так как глаза у парня были характерно раскосые.

Если бы не этот инцидент, Клетчаб не заметил бы слезки. Те двое, что за ним увязались, были далеко не тупаки. Но пока он остервенело, хотя и с некоторым затаенным наслаждением, лаялся посреди улицы с фонарщиком, он не забывал поглядывать по сторонам. Давняя привычка. И обратил внимание на двух ушнырков, которые однозначно принадлежали к братии шальной удачи: цепкоглазые, хватистые, одеты вроде и неброско, но в то же время с воровской фасонистостью.

Они стояли в сторонке, слушая перепалку. Будто бы шли мимо и заинтересовались – бесплатная потеха, может, в ту самую «Скупку будильников» шли, мало ли таких здесь ходит, наверняка немало... Но смотрели нехорошо, вот это Клетчаба насторожило. Сквозило в их взглядах что-то профессионально-деловитое, словно оценивали и примеривались. На то, что его не касается, человек смотрит иначе.

Отправившись дальше, он убедился, что эти двое намылились следом за ним. Не ошибся, срань собачья. А через некоторое время к ним еще двое присоединились, и он понял, что попал, как давно уже не попадал.

Знать бы, кто такие: лонварские ушнырки или те, кто приплыл на «Раллабе», закосившие под местных? Впрочем, есть и третий вариант, самый дрянной: иллихейские агенты вполне могли обратиться к ушлым наемникам, которые и город знают как свои пять пальцев, и в источниках информации недостатка не испытывают.

Он выбрался на людную улицу и попытался затеряться в толпе, но эта шваль тоже была не вчерашняя. Не отстали. Смеркалось, один за другим зажигались фонари, окна, вывески. Перспектива городских ландшафтов таяла в дымке. Тоже бы растаять... Или еще того лучше пристукнуть какого-нибудь мерзавца-фонарщика, нахлобучить его шляпу, взять лестницу и втихаря улизнуть закоулками, пока потерявшая тебя погоня топчется в замешательстве.

Оба способа неосуществимы. Как ты его пристукнешь, когда вокруг полно народу, да и загонщики свое дело знают?

Если это люди шальной удачи, от них можно откупиться, но в таком варианте Луджереф все больше сомневался. Во-первых, не так много отвалил ему барыга-часовщик, чтобы на дело пошла целая шайка, словно он таскает с собой чемодан, полный золота. А в том, что преследуют его по наводке, никаких сомнений: одет он неказисто, никакого интереса для бандитов. Во-вторых, запахло нападать на гастролера, как на тупака. К нему должны были подсесть в каком-нибудь заведении и потолковать по-людски: мол, если хочешь промышлять в этом городе, плати дань.

Как пить дать, им нужен он сам – свяжут по рукам и ногам и сдадут господам нанимателям в обмен на оговоренное вознаграждение. Только врете, сволочи, Луджереф и не от таких, как вы, уходил.

Он свернул в переулок, снизу доверху одетый в стекло. Магазины в три-четыре этажа, то ли новые и пока еще не доведенные до ума, то ли на ремонте – света внутри нет, справа и слева сплошь темные витрины, словно застывшие зачарованные водопады. И здесь тоже толпица: неширокий проход удобно соединяет две оживленные улицы. Подходящее местечко. Ну что ж, помогайте боги Клетчабу Луджерефу!

Об этом стеклянном проулке он подумал еще раньше и, проходя мимо старой полуразрушенной ограды, прихватил украдкой обломок кирпича. Ежели размахнуться как следует и запустить чем-нибудь увесистым в поблескивающую прозрачную стенку, будут тебе и осколки, и звон, и толкотня, а ты пользуйся моментом и беги со всех ног, уповая на то, что сопроводителей окружит общая неразбериха.

Клетчаб выскочил на проспект, протянувшийся меж двух горок, густо усеянных желтыми огоньками окон и фонарей. Рискуя попасть под колеса автомобилей, украшенных статуэтками и гирляндами финтифлюшек, перебежал на другую сторону. Машины в Лонваре выглядят помпезно, но при этом ползют с черепашьей скоростью, а распространенных в Империи мотоциклов тут и вовсе не увидишь. Самый быстрый вид городского транспорта – это паровой трамвай, который гоняет по решетчатым эстакадам, добавляя дыма в клубящийся над крышами смог. И еще велосипедисты лихачат, как последние психи.

Вслед Луджерефу заревели клаксоны, и он про себя ругнулся: ориентир для преследователей. Не теряя времени, углубился в закоулки. Этот район был ему незнаком, но выбирать не приходилось.

Позади вновь послышался хоровой вопль автомобилей, это заставило его напрячься: кто-то еще рванул напрямик через проезжую часть, не теряя времени на прогулку до светофора.

Дальше было темновато и малоллюдно. В свете угасающего заката на обшарпанных кирпичных стенах можно было разобрать надписи, сделанные углем и мелом. Ругательства, непристойности, оскорбления в адрес гронси и венгосов, восхваления богам, хула на правительство, призывы выходить на улицы и протестовать (против чего, не написали). Попадались также цепочки непонятных слов, подозрительно похожие на обрывки заклинаний, что уж вовсе форменное безобразие, ибо кто знает, чем такое баловство может обернуться.

Заповедник помоек. Переполненные мусорные баки, нагромождения пустых деревянных ящиков, кучи проржавевших водопроводных труб в напльвах окаменевшего налета и лохмотьях утеплителя. Клетчаб пробирался среди этого хлама, глядя в оба, чтобы в сгущающихся потемках ни во что не вляпаться и ни за что не зацепиться.

Возвращаться в мансарду нельзя: если преследователи знают, где он живет, это верный способ угодить в засаду. Да там и не осталось ничего ценного. Дешевая бытовая мелочовка и обрезки материала, из которого он смастерил страшило. Пусть какая-нибудь загребущая сволота порадует чужому добру, не жалко. Другой вопрос, где переночевать.

Он уже почти поверил в то, что сегодняшние треволнения закончились и самая насущная проблема сейчас – это найти такой ночлег, чтобы и взяли недорого, и не доложили куда следует, когда позади раздался переливчатый свист.

Выследили. Самый проворный, который так и не упустил жертву из виду, подзывает остальных.

Клетчаб ринулся в темень, не разбирая дороги, а проклятый свистун не отставал, и вскоре подельники начали отвечать ему справа и слева: они знали этот район и сумели взять жертву в клещи.

Его настигли на замусоренной площадке, зажатой меж глухих стен обветшалых построек и круто вздымающимся склоном, сплошь покрытым кустарником. Видимо, это было подножие какой-то горки. Наверху, над массивом черных ветвей, желтели окна многоэтажного дома, озарявшие площадку скудным светом, еще выше мерцало золотистое электрическое марево – там текла своим чередом цивилизная жизнь, а здесь, на ее задворках, вне поля зрения закона, могла случиться любая дрянь. Впрочем, Клетчаба Луджерефа даже закон бы не спас.

Когда эти мерзавцы вынырнули из темноты, словно тени, он понял: плохи дела. Однозначно, это наемники. Продадут его илихейским цепнякам, а потом будут путешествие через океан и страшная кончина без никакого посмертия.

Огнестрельное оружие в Венге под запретом, носить его допускается только представителям власти, а если кому-то еще, то по особому разрешению. Это тебе не Илихейская Империя, где каждый вправе таскать в кармане пистолет в целях самообороны, поскольку среди людей всегда может затесаться обо-

ротень, покинувший в урочное время свое логово. Здесь напасть другая – мороки, и палить в них нельзя, они от этого, наоборот, только сил набираются. Ранить-то ты морочана ранишь, но на нем все заживает в два счета, потому что, стрельнув в него, ты вроде как согласился с его существованием и помог ему закрепиться в реальности – на первый взгляд несусветная мусть, но именно так написано в брошюре, которую всем новоприбывшим всучили в конторе Гостевого Управления.

Цепняки здешние бдят, чтобы никто не ходил с пистолетом, и у них есть специальные магические приспособы, позволяющие выявлять запретное оружие. Луджереф решил не рисковать, а то задержат на улице, установят личность – и пиши пропало. Но сейчас-то ему что делать в одиночку против четверых? Делать было нечего, и он заорал благим матом по-венгоски:

– Помогите, люди добрые, пожар!

Ага, конечно, так тебе и побежит кто-нибудь на свалку за нежилыми строениями пожар тушить...

– Мужик, не дури, хуже будет, – сипло проворчал, надвигаясь на него, один из наемников.

Они тоже понимали, что никого здесь эти крики не всполошат. Не то место.

Клетчаб вынул нож и оскалился, собравшись дорого продать свою жизнь. Ему есть что терять. Эти ушнырки даже не представляют, какая потеря его ждет. Речь ведь идет не только о жизни и смерти, а еще и о посмертии, о его душе, которая достанется сорегдийскому живоглоту.

– Убивают!.. Грабят!.. – Он аж глотку надсадил. – Люди, сюда!

У них тоже не было стволов, а то бы начали угрожать. Зато заказчики наверняка снабдили их какой-нибудь парализующей пакостью. Бандюганы приближались, за спиной крутой склон, заросший непролазным кустарником. Не сбежать. Их четверо, да еще и пятый на подходе...

Пятый, в отличие от остальных, был без лица – похоже, натянул на голову просвечивающий темный чулок, словно собрался на вооруженное ограбление в людном месте. И он был не с ними. Это Луджереф понял, когда он размозжил одному из наемников череп обрезком арматуры. Удар был страшный, брызнули мозги. Какой-то влажный ошметок попал Клетчабу на ботинок, да так и прилип.

Не давая противникам опомниться, новоприбывший двинул своей арматуриной другому бандиту по ребрам, явственно хрустнувшим от удара.

Двое оставшихся отреагировали: один отскочил и принял оборонительную стойку, другой метнул нож и даже попал в цель, но ни к чему хорошему это не привело. Человек в маске выдернул оружие и метко кинул в хозяина, угодив тому в пах.

«Броня на нем, что ли, какая? – мельком подумал Клетчаб. – В печенку же вроде как засадили... А видать, под курткой что-то есть, и клинок застрял!»

Он напряженно соображал, что предпринять: сделать ноги или дожидаться развязки. Если это конкурент бандитов, который тоже охотится за Клетчабом Луджерефом, перспектива плачевная. Только на кой заказчику нанимать сразу двух исполнителей? А очень просто: в Лонвар прибыли и императорские сыскари, и люди Аванебихов, одни наняли шайку, другие – охотника-одиночку.

Бандит со сломанными ребрами шатко отступал в темноту. Другой валялся на земле и глухо выл. Громила в маске швырнул обрезок трубы в ноги отступавшему – попал по коленям, вновь раздался хруст, – а сам ринулся на четвертого, и в следующий момент Клетчаб увидел, как тот оседает на землю с распоротым животом. Сперва раненый молчал, словно ничего не почувствовал, потом испустил леденящий вопль.

Спрятать нож. Против такого парня ничего не сделаешь. Пусть он видит, что потенциальная жертва стоит с пустыми руками и атаковать не собирается.

Победитель добил трех раненых бандитов. Вернее, искромсал каждого до смерти, вначале выпустив наружу кишки, потом распластав горло. К финалу кровавой расправы Луджерефу стало ясно, что это не наемник, а законченный псих, хотя и с проблесками здравомыслия, поскольку перед тем, как разделаться с очередной жертвой, он обшаривал ее карманы на предмет бумажника и прочей поживы.

Клетчаб почти добрался до угла, пятясь осторожными шажками, стараясь не делать резких или угрожающих движений. Над площадкой стоял густой запах крови, кала и рвоты, и колени у него мелко дрожали, хотя он никогда не причислял себя к слабонервной публике.

– Подожди! – Громила в маске повернулся к нему. – Ты кто такой?

А голос-то женский... Низкий, чувственный, с порочной хрипотцой.

– Прохожий, которого эти ушнырки хотели ограбить и прирезать. – Он через силу растянул губы в угодливой улыбке. – Примите почтительную благодарность, что откликнулись на призыв о помощи! Я ведь не из местных, никого тут не знаю, вот и забрел незнамо куда. Пропал бы, если бы не ваша доброта. Я в этом городе и без денег, и без жилья, мне некуда пойти, с меня и взять-то нечего, а они, глядите-ка, привязались, словно для них тут невесть какая пожива! Ни чести у них не было, ни совести, одно слово – ушнырки самые распоследние. Вы мне жизнь спасли, не знаю, как и благодарить вас, что не прошли мимо!

Он плел что попало, главное – льстивая успокаивающая интонация, чтобы ей, если это и впрямь «она», не стукнуло в голову его прикончить. Клетчаб Луджереф умел заговаривать зубы.

– Низшие существа, чего еще от них ждать, – презрительно произнесла незнакомка. Да, голос определенно женский.

Несколько раз подряд кивнул, выражая горячее согласие. Перед тем он умолк, выдохшись, и теперь судорожно пытался сглотнуть, хотя во рту пересохло, и сглатывать было нечего.

– Говоришь, тебе некуда пойти? Мне нужен помощник. Пойдешь ко мне на службу?

Если сказать «нет», она, чего доброго, разозлится, и тогда Клетчаб умрет такой же страшной смертью, как эти четверо. А если сказать «да»... Вдруг это шанс перекантоваться? Пойти-то ему и впрямь некуда.

– Для меня это будет страшно сказать какой честью, госпожа. – Он постарался вложить в интонацию побольше почтения и благодарности.

– Как тебя зовут?

– Сурфей Туглах. – Он назвал маконское имя, которым пару раз уже представлялся.

– Ты соврал. Ты приплыл из-за океана, там у вас имена другие, но пусть будет Сурфей Туглах. Идем отсюда.

Когда они добрались до улицы, где светили фонари и ходил народ, спутница Луджерефа стащила с головы чулок. Судя по неприлично короткой стрижке, вчерашняя каторжанка – или, может, в приюте для умалишенных ее так обкорнали. Он уже успел вникнуть в венгоские нравы в достаточной степени, чтобы строить умозаключения на глазок. Дамочка то ли освободилась из вестимо каких мест по истечении срока законным образом, то ли сбежала, но продолжает заниматься тем же самым, за что ее, очевидно, в свое время туда упекли.

Довольно красива, черты лица правильные, светлые волосы выглядят ухоженными, да и подстрижены аккуратно, что выгодно отличает ее от других недавно выпущенных, которые попадались Клетчабу в лонварских притонах. Радужка почти бесцветная. Глаза белесые, словно наледь на стекле, и при этом такие властные, что дрожь пробирает.

– Как мне вас называть, госпожа? – угодливо осведомился Клетчаб.

– Демей, – отозвалась она после паузы такой долгой, что он уж подумал, не ответит. – Только не вздумай называть меня по имени в присутствии посторонних, понял? – в ее тоне проскользнуло предупреждение, намек на угрозу.

– Понял, госпожа, – заверил он покладисто, а про себя подумал: «Что ж ты сболтнула свое настоящее имечко, ежели не хочешь его афишировать, кто тебя, куклу несчастную, за язык тянул? Хотя у вас, у чокнутых, свои соображения... Повезло мне с тобой, не отвернулась шальная удача от старины Луджерефа, да только лучше бы мне с кем другим повезло без кишок и кровищи».

Тропа охоты

Пыльный захламленный чердак был подходящим местом для того, чтобы тогоняться за мороком, то от него прятаться. Темре затаился под разбитым клавигарусом – концертное чудовище таких размеров ожидаешь встретить скорее на театральной сцене, чем в доходном доме для жильцов среднего достатка. Впрочем, если раньше тут квартировал композитор или музыкант-исполнитель, почему бы ему не держать у себя инструмент?

Шорох наверху. Размеренное старческое сопение.

Убийца наваждений затаил дыхание и застыл скрюченным в три погибели истуканом, считая секунды. Морочану его не увидеть, обзор перекрывает облезлая деревянная челюсть клавигаруса с тремя рядами клавиш, традиционно черных, желтых и белых, и металлическими рычагами, торчащими оттуда, где клавиши выломаны. Сбоку тоже не подобраться – помешает баррикада из поломанной мебели. Человек не слишком массивной комплекции здесь пролезет, пластаясь по полу, а для летучей твари размером с тыкву с двумя парами трепещущих и шелестящих крылышек это непреодолимое препятствие.

Морок чуял, что враг рядом, но не мог уловить его эмоций: в отличие от тех людей, чьи страхи, тревоги и бурные истерические выбросы служили ему пищей, этот пришелец напоминал гладкий камень, и вкусного в нем было не больше, чем в камне.

Вначале, когда он здесь появился, он мало отличался от пищи, что-то в нем заманчиво переливалось, вспыхивало, шевелилось, однако едва обитатель чердака показался ему на глаза – предвкушая, что вот сейчас жертва начнет

истекать восхитительным сытным страхом точь-в-точь как те, другие, – внутри у человека мигом все окаменело. Вдобавок он сотворил нечто ужасное, из-за чего окружающий мир начал бледнеть, зыбиться и таять. Он проделал это несколько раз, и чем дальше, тем становилось хуже. Силы морока мало-помалу убывали. Следовало поскорее уничтожить врага и заодно насытиться, тогда эта колышущаяся путаница теней, в которую постепенно превращался родной чердак, сможет вернуть себе прежнюю приятную плотность.

Хозяин чердака привык, что люди, которые сюда забредают, едва увидев его, бросаются бежать, вопя срывающимися голосами, выделяя пахучие телесные жидкости, налетая на что придется и падая. А то еще чем-нибудь в него швыряют – сперва это плохо, особенно если попадут, зато в следующий момент все вокруг становится ярче и вкуснее и сил прибавляется.

Так происходило каждый раз. Но этот посетитель был заметно крупнее предыдущих, двигался стремительно и уверенно. Вместо того чтобы со всех ног кинуться к выходу, он прятался среди клубящихся теней – совсем недавно это были надежные твердые предметы, но он превратил их в тени, – а потом выскакивал и делал что-то скверное, из-за чего мир неудержимо мутнел и расплывался.

Морок не понимал, что происходит, хотя был наделен некоторыми способностями к умозаключениям. Завелся он здесь минувшим летом, вскоре после смерти старика, жившего на последнем этаже, одинокого и нелюдимого, вдобавок слегка тронутого умом – а может, просто со странностями, в которых всезнающие соседи углядели доказательство маразма, хотя каждый из них обладал парой-тройкой своих собственных странностей.

Стариком пугали детей: не будешь слушаться – дед сверху тебя заберет, полезешь на чердак – дед сверху схватит тебя и утащит к себе. После того как «деда сверху» увезли на кладбище, находчивые родители продолжали эксплуатировать его зловещий образ в воспитательных целях. Дети боялись его до колик в животе, но все равно и не слушались, и капризничали, и на таинственный чердак, случалось, лазили.

Взрослые не обманывали: он и впрямь там жил в полумраке, среди запыленной рассохшейся мебели, которую затаскивали наверх, чтобы не тратиться на вывоз – дом стоял на вершине Швейной горки, а ближайшая свалка находилась у ее подножия.

Выглядел дед теперь не так, как раньше. Еще хуже. От него осталась одна голова с оттопыренными ушами, будто бы восковыми, злым пергаментно-бледным лицом и черной щелью рта. По обе стороны от лысого темени росли крылышки, похожие на обтянутые чем-то прозрачным костяные веера, и голова летала по всему чердаку, словно всполошенная птица. Она не ругалась, только хрипела и сопела, но так было даже страшнее, а недобрые тусклые глаза, казалось, все про всех знали: кто нагрубил на улице незнакомой тетке, кто вытащил денежку у папы из кармана, кто вместо того, чтобы донести бумажный пакет с мусором до помойки, спрятал его в кустах возле дома. Дети боялись ее до икоты, но никому о ней не рассказывали: ведь тогда придется сознаться, что ты побывал на запретном чердаке.

Так оно и тянулось до тех пор, пока на Швейной горке не появился убийца наваждений. Он охотился на морочанку по имени Демей и о «деде сверху» ничего не знал, но решил проверить здешние дома: старые добротные строения,

на чердаках даже зимой довольно тепло, и крыши высокие – не придется задевать макушкой стропила. Если бы он искал себе пристанище, он бы, пожалуй, не пренебрег таким вариантом.

На чердак Темре полез в маске и тут же застучал летучее наваждение. Да оно само выплыло ему навстречу из-за покосившегося шкафа с застекленными дверцами, заляпанными птичьим пометом, – а дальше началась рутинная работа убийцы.

Пора, перстень накопил заряд. Отпихнув с грохотом обрушившуюся на пол баррикаду из расшатанных табуретов и пустой деревянной рамы, он выскочил из-под клавигаруса и послал в морок еще две серебристые иглы.

Наваждение коллективное, немало народу внесло свой вклад. Похоже, весь дом отметился, хмыкнул про себя Темре. Молодцы, одним словом.

Не сказать, чтобы этот морок был смертельно опасен, во всяком случае, не для здорового тренированного мужчины, но он оказался поразительно живучим. Спасибо за это тем, кому он обязан своим существованием.

Пока он болтался на одном месте, судорожно трепеща крылышками – видно, что ослаб, но мерцать «здесь – не здесь» до сих пор не начал, – Темре отступил подальше и укрылся в заранее примеченном углу, за ободраным зеленым диваном, похожим на травянистый холм, и массивной кадкой с огрызком засохшего растения.

Сейчас наваждение предпримет еще одну попытку до него добраться. Самое большее, что оно может сделать, – это укунить слюнявым ртом или полоснуть костяными шипами крыльев, торчащими меж пыльных прозрачных перепонок, но любой физический контакт придаст ему сил независимо от того, отшвырнет Темре летучую голову ударом кулака или не успеет это сделать.

Это непреложное правило прямой стычки с мороком надо во что бы то ни стало избежать, иначе есть риск застрять тут до вечера: обитатель чердака будет цепляться за тот кусочек реальности, где с ним выясняют отношения с помощью грубой силы, как утопающий за спасательный круг.

Морок озирает свою территорию настороженно и придирчиво. Он принял к сведению, что противник вынужден делать промежутки между выстрелами, и понимал, что немного времени для атаки есть. Восковое лицо сердито морщилось, из приоткрытого рта вырывался размеренный хрип. Крылья затрепетали сильнее, и он поднялся выше, к самым стропилам, а потом с торжествующим силным клетотом ринулся вниз.

Темре откатился в сторону, морок наткнулся на кадку. Не дожидаясь, когда он опомнится, убийца вскочил и бросился в другой конец чердака, но, не добежав, метнулся назад, мимо крылатого преследователя, не предвидевшего такого маневра. Получив в ходе предыдущих схваток несколько пар развоплощающих игл, тот все же начал проигрывать в скорости, и увертываться от него стало проще.

Незадолго до того, как перстень вновь зарядился, морочан перестал гоняться за человеком и устремился к нагромождению хлама под северным скатом крыши. Теперь уже Темре кинулся следом за ним. Там было темновато, и пыль свисала с изгнанной из квартир мебели зыбкими лохмотьями – а может, это была оставшаяся с лета паутина.

Из завала донесся шорох возни. Похоже, у морока там что-то вроде тайника, а то даже несколько тайников. У него было в достатке времени, чтобы хо-

рошенько изучить чердак и взять на заметку, где можно будет укрыться в случае опасности.

Справа мелькнуло что-то, смахивающее на бледное лицо. Темре выстрелил – и, разглядев, куда ушла игла, чуть не зарычал с досады, но в следующий момент привычно подавил эмоциональный импульс.

Там было всего лишь зеркало, подпертое комодом без ящичков и тумбочкой в кляксах масляной краски. Пыльное и грязное, из-за чего все, что в нем отражалось, выглядело замутненным и как будто призрачным, так что свою белую маску, покрытую рунным узором, Темре принял в первый миг за физиономию морока.

Хвала Девятирукому, он впустил в зеркало только одну иглу. Противник об этом не знал и с победным клекотом вынырнул из сквозистого нутра комода, тут же словив второй заряд. Что не помешало ему ринуться на убийцу, еле успевшего резко отклониться вбок.

Эмоциональный всплеск Темре по поводу случившегося промаха позволил этой твари подкрепиться, и она начала двигаться проворнее, целя торчащими на крыльшках шипами то в ухо, то в темя, то в кисти рук. Убийце оставалось только хладнокровно уклоняться, не позволяя себе проблесков недовольства. К счастью для него, крылатая голова не могла похвастать выдающейся маневренностью. Наваждения способны на большее, чем создания из плоти и крови, но все же и у них есть свои ограничения, predetermined исходными характеристиками.

Распавшись после неожиданной подкормки, морок пропустил тот момент, когда ему стоило обратиться в бегство. На этот раз обе иглы попали в цель. Движения летучей твари замедлились, но она продолжала описывать вокруг человека виражи по замысловатой траектории – возможно, в расчете на то, что у него закружится голова. Внезапно эта тошнотворно плавная пляска прекратилась, и морок ринулся на Темре, опять норовя полоснуть по уху. Убийца отшатнулся. Тварь, развернувшись, повторила маневр, сделав попытку укунить его за другое ухо. Провоцирует на удар, только не будет ей такого счастья.

Он уже взмок от этой пляски, пропитавшаяся потом рубашка липла к спине. Снова и снова спасаясь от нападения, он отступал от морока, а потом, когда тот полетел к уже знакомому завалу с зеркалом – должно быть, самомудавнему завалу на этом чердаке, – бросился следом.

Не успев укрыться в одном из своих укромных местечек, наваждение получило очередные две иглы и наконец-то начало мерцать.

Убийца не позволил себе обрадоваться и бдительности не утратил. Пусть заметно поблекший, пусть уже дошедший до кондиции «здесь – не здесь», морок по-прежнему был в состоянии его ранить, а это привело бы к потере достигнутого перевеса. Уязвимых точек в этой летучей голове словно косточек в арбузе – обычное дело для коллективного наваждения. Некоторое их количество Темре уже уничтожил, и теперь, когда морок находится в стадии мерцания, есть шансы в ближайшее время сплавить его обратно в хаддейну.

Тактика убийцы не изменилась. Победу он будет праздновать, когда победит. Ни секундой раньше. Отступая и уклоняясь от преследующей его летучей твари, он дожидался, чтобы накопился заряд в перстне.

Морок, как и прежде, уловил, когда подошла пора свернуть атаку и убрать-

ся подальше от противника, но его связь с реальностью ослабла, он уже не мог вспомнить, где тут можно спрятаться, – а возможно, и помнил, но перестал различать материальные предметы. Его кружение по чердаку выглядело бессмысленным и неуверенным, несколько раз он натыкался на балки, на подпирающие крышу столбы, на мебель. Темре наблюдал за ним, оставаясь начеку.

После очередной пары выстрелов наваждение начало просвечивать. Казалось, что по чердаку кружит подхваченный сквозняком воздушный шарик. Крыльев почти не было видно, они напоминали шевелящиеся клочки тумана. Темре продолжал бесстрастно наблюдать, а когда подошло время, сделал два последних выстрела. Морок мигнул и исчез.

Можно с облегчением вздохнуть и порадоваться. По крайней мере, ему за это заплатят – значит, день прошел с пользой.

Демеи на Швейной горке не оказалось, и никто из тех, кого Темре расспрашивал, ее тут не видел. Хвала богам, Инора Клентари наделила ее приметной и эффектной внешностью: рослая мускулистая блондинка с шокирующе короткой стрижкой, соблазнительными формами и бесцветной радужкой, а Арьена Лайдо, утянув эту красотку, не стала ничего менять в ее облике. Поведение опять же... мягко говоря, характерное. В гронсийских кварталах ее еще долго не забудут. А здесь, раз ни у кого никаких незабываемых впечатлений и в окрестностях не обнаружено ни одного трупа, она, по всей вероятности, не появлялась.

Темре спустился на подъемнике. Шахта была вырублена внутри холма, и платформа, накрытая решетчатой клетью, со скрипом скользила мимо волглых кирпичных стен параллельно железной винтовой лестнице для обслуживающего персонала. Наверху пыхтела паровая машина. Тусклый свет электрических лампочек рассеивал полумрак, и лица пассажиров, устроившихся на скамьях в несколько рядов, то скрывались в тени, то вновь становились видны отчетливо.

Газовые рожки обходились дешевле, но их в таких колодцах не использовали из соображений безопасности, по решению Управления Градоохраны.

Сами собой полезли в голову байки, которые Темре порой доводилось слышать: мол, несмотря на то что лонварские горки вдоль и поперек пронизаны туннелями, шахтами, канализационными стоками, водопроводными и газовыми трубами, дремлет в этих холмах что-то древнее и недоброе, и если оно оттуда выползет, всем придется худо.

Родня Темре любила такие рассказы, и непременно таинственным шепотом, с оглядкой, вперемежку с произносимыми скороговоркой заклинаниями, отводящими беду. Да еще добавляли с осуждением, что венгосы на плохом месте столицу построили, ох, как есть на плохом, рано или поздно доведется им об этом пожалеть. Ага, то-то гронси со своих островов и ломанулись сюда в поисках лучшей доли – на «плохое место»!

Ладно, этих можно не слушать, ничего путного не почерпнешь, но гильдейские старшины тоже поговаривали, что в холмах что-то есть и тревожить его не следует, поэтому перед прокладкой коммуникаций всегда приглашают преподобных жрецов, которые либо одобряют проект, либо рекомендуют проработать другой вариант. В отличие от болтунов из гронсийских кварталов, в Гильдии люди серьезные, словами птиц не кормят.

А еще он поинтересовался однажды у Клесто, что такого таинственного с

этими горками.

– Если хочешь, могу рассказать. – Ухмылка на узком остроскулом лице Смеющегося Ловца стала похожа на полумесяц, в глазах с нефтяной радужкой и почти неразличимыми вертикальными зрачками вспыхнули хищные искры. – Но ты за это будешь мне должен, информация стоит дорого. Согласен?

Темре, естественно, не согласился, поскольку не хотел оказаться в должниках у этого существа. Он пока что из ума не выжил.

Платформа завершила свой путь посреди зала, где уже скопилась очередь желающих подняться наверх. Через туннель, по обе стороны которого теснились дешевые закулочные и магазинчики, Темре вышел на улицу.

Сначала в Гильдию, потом домой принять душ, несколько часов на сон – и опять интуитивные блуждания по городу в маске и в полной боевой готовности. Чтобы срезать путь до трамвая, он пошел переулками.

– Эй, рыло косоглазое!

Так как никого больше с раскосыми глазами поблизости не наблюдалось, это обращение было, очевидно, адресовано ему.

Двое подвыпивших парней, у одного физиономия веснушчатая и опухшая, во взгляде пронзительная детская обида, второй уставился из-под козырька картуза угрюмо и тяжело.

– Почему вы на рынке вамсу продаете по двадцать сулов за шант? – выкрикнул обиженный. – Почему вы, торгаши островные, на нашем народе наживаетесь?!

– Любопытный вопрос, – хмыкнул Темре. – Только я не торгую на рынке, не по адресу обратились.

– Тогда какого краба ошпаренного ты по нашей улице ходишь, вместо того чтобы сидеть в дерьме на своем вонючем острове? Чего ты здесь потерял, свиное вымя?!

Пока веснушчатый парень надрывно и горестно орал, его приятель перемещался медленными шажками, обходя Темре сбоку. Правую руку он держал в кармане. Убийца наваждений не двигался с места, а потом стремительно отшатнулся, и второй ткнул ножом в пустоту.

Обоих агрессоров это обескуражило. Правда, всего на мгновение, а вслед за этим они двинулись на противника уже вдвоем, один – сжав большие мосластые кулаки, второй – держа на изготовку для удара снизу вверх клинок длиной с ладонь.

Драться оба умели и действовали слаженно – видимо, не в первый раз приглядели себе жертву на улице, но убийца из Гильдии оказался им не по зубам. При работе со своей клиентурой ему приходилось исполнять «танец труса» и в более быстром темпе. Не говоря уж о тренировках в гильдейской школе, когда на тебя нападают сразу четверо-пятеро и бьют нещадно, если не успеешь уклониться или отскочить. Жестокий метод, но без такой подготовки нет никакого смысла выходить против морока – просто-напросто не справишься. Именно по этой причине в убийцы наваждений не берут девушек, даже если те не обделены необходимыми задатками: не колотить же их в процессе обучения наравне с парнями.

Темре без труда увертывался и от кулаков, и от ножа, отчего противники еще больше бесились, решив, что он издевается. Если честно, не без того. Он и впрямь скалил зубы в презрительной ухмылке: ну, давайте попробуйте, до-

станьте меня! Достать его хулиганы не могли и яростно рычали, изрыгая непотребную ругань.

Первоначально он собирался сперва измотать их, потом оглушить и уйти, пока они будут сидеть на тротуаре и мало-помалу приходить в чувство, но этому плану не суждено было сбыться – в драку неожиданно вмешался четвертый участник.

– Молодые люди, вы что делаете?!

Это был бледный сутуловатый мужчина с потертым портфелем, в длинном пальто, которое служило ему явно не первый год.

– Гронси учим! – выпалил запыхавшийся парень с обиженными глазами. – За вамсу... по двадцать сулов... за шант... Мы ему щас покажем, свиное вымя, как цены задирать на наших рынках!

– А вы уверены, молодые люди, что это рыночный торговец? – окинув Темре взглядом, возразил прохожий.

– А нам без разницы, – буркнул второй. – Все паршивые гронси одинаковы!

– Да как вы можете так рассуждать, если в первый раз человека видите?

– Щас тебе покажу как, чтоб не совался в другой раз, сучий выкормыш, ко-соглазых защищать!

Второй не успел полоснуть ножом заступника: Темре, врезав ему носком сапога по запястью, выбил оружие. Пора заканчивать с этим безобразием. Очутившись у противника за спиной – тот отследил его маневр и начал разворачиваться, но не успел, – он нанес удар по затылку. Не настолько сильный, чтобы убить, но достаточный для того, чтобы агрессор повалился ничком на тротуар, сломав козырек глубоко нахлобученного картуза, так и не слетевшего с головы.

Первый обиженно оттопырил губы и потрясенно выпалил:

– Ты чего размахался, морда поганая?!

По его реакции можно было подумать, что это Темре на них напал.

Убийца наваждений проделал с ним то же самое: он был быстрее, и хотя парень, несмотря на свою туповатость, сориентировался в ситуации и попытался встретить его лицом к лицу в оборонительной стойке, успел раньше.

Расправившись с противниками, Темре подобрал нож и метко зашвырнул в мусорный бак, потом повернулся к прохожему:

– Идемте, лучше здесь не задерживаться. Они живы, и с полицией я объяснюсь, но вдруг поблизости бродят их друзья?

Оба скорым шагом направились по грязной неказистой улочке туда, где виднелись над крышами решетчатые опоры трамвайного моста, а еще дальше – прилепившиеся друг над другом дома на склоне соседней горки под пасмурным небом.

Они почти дошли до конца, когда послышался тяжелый топот. Ага, еще трое таких же. Темре мимоходом отметил, что в ближайшем будущем ему, пожалуй, появляться в этих местах не стоит.

– Отойдите подальше, – предупредил он.

И в следующий момент, не дожидаясь реакции, сам же оттолкнул спутника в сторону. Мимо просвистел камень, едва не угодивший тому в голову.

Пятеро чокнутых, считая тех двоих, – не многовато ли для одной улицы? Ну, или для одного квартала...

Шагнув навстречу новым противникам, он одного из них опрокинул под-

сечкой, другого поймал за руку и, развернув, как в борьбе гонду, используя его же собственную инерцию, заставил врезаться в дерево, торчавшее у края тротуара.

Дерево заскрипело и повалилось под весом человека: оно давно уже засохло.

Третий ударил с коротким замахом, тускло блеснул металл. Темре ушел от удара. Почти ушел. Зацепило кастетом, содрал кожу выше виска. Только подготовка убийцы наваждений его и выручила: в глазах потемнело, но он нетвердо отшатнулся, шагнул в сторону – так чтобы его не достал ни обладатель свинцового кастета, ни тот упавший, который уже успел подняться на ноги.

– Паршивый косой гронси! – крикнул, брызгая слюной, бандит с кастетом. – Развелось вас, как вшей...

Он был уже немолод, коротко острижен – должно быть, недавно с каторги, а глаза бешеные, полные ненависти.

Темре тоже захлестнула злость. Он сейчас имел дело не с наваждением, так что не обязательно держать эмоции в узде. Надо сказать, злился он больше всего на себя – пропустил удар, разиня, хотя противников всего-то трое, на одного меньше, чем на регулярных тренировках в Гильдии! Хотя это отребье из лонварских подворотен тоже вызывало у него отнюдь не теплые чувства. Он ведь всего лишь хотел дойти по их улице от Швейной горки до трамвайной остановки. После того как избавил Швейную горку от морока.

Сами напросились.

Врагов осталось двое. Третий, обнявшийся с деревом, всхлипывал и оцупывал окровавленное лицо – напоролся на сучья. Этому уже не до тонкостей венгос-гронсийских взаимоотношений.

Оскалив зубы в ожесточенной ухмылке, Темре двинулся на «каторжника», одновременно с этим не упуская из виду плотного рыжеватого парня с приплюснутым носом.

Довольно скоро он понял, что неспроста чуть не схлопотал кастетом в висок. «Каторжник» оказался слишком быстрым. Ненормально быстрым для уличного забулдыги с испитым лицом и мутными ненавидящими глазами.

Заподозрить в нем еще одного морочана, втершегося в людское общество вроде Демеи в гронсийском квартале, не позволял запах: перегар, пот, вонь давно не мытого тела, пропитавшая одежду застарелая моча, что-то еще – тошнотворное, специфическое...

Ага, вот оно! Сульгеп.

Дурманное снадобье, избавляющее от печали, тревоги и страха, вдобавок заметно ускоряющее реакцию. Сульгеп получают из сока венценосной сульги и той разновидности темных поганок, что с узором в виде креста на шляпках. Эту смесь уваривают, после чего смешивают с вязкой массой, приготовленной из плодов красной бочанки, – и готова жвачка. Одной лепешки достаточно, чтобы на несколько часов снесло мозги. В эпоху Островных войн и гронси, и венгосы употребляли эту штуку для пущей непобедимости в бою. Современная армия такие сомнительные методы не использует, а рафинированные повесы вроде Нолгана Аргайфо пренебрегают сульгепом из-за мерзкого запаха, зато на городском дне он весьма популярен.

Ничего удивительного, что противнику удалось достать Темре: благодаря

снадобью он сейчас не уступал в скорости убийце наваждений. Рыжий парень по сравнению с ними выглядел деревенским увальнем – топтался вокруг, пытаясь внести свою лепту, но от его пинков и тычков Темре запросто уходил.

Составив представление о приемах одурманенного врага, он применил обманный финт, прикинувшись, что оступися и потерял равновесие. Бандит попался на эту нехитрую уловку: опыт в драках у него наверняка был немалый, но, спасибо сульгепу, сейчас он почти ничего не соображал и сразу же выбросил вперед руку с кастетом, вложив в удар изрядную силу, – на что Темре и рассчитывал.

Молниеносно шагнув вбок, он перехватил и заломил руку «каторжника», выпустив ее лишь после того, как хрустнула переломленная кость. Тот сперва не понял, что получил серьезную травму, и снова попер на отскочившего врага, но внезапно его небритое лицо исказилось от боли, он издал хриплый рык, перешедший в мычание. Пальцы все еще держали кастет, словно никак не могли разжаться, но предплечье беспомощно повисло.

Воспользовавшись удачным моментом, Темре двинул по физиономии рыжему увальню, который шатко попятился и спросил в растерянности:

– Какого краба?..

Хороший вопрос. Самое главное, донельзя уместный в данной ситуации.

Пронзительная трель полицейского свистка всех застигла врасплох. Первым бросился наутек «каторжник», так и не расставшийся с кастетом. За ним рванул рыжий, удирал он с тем же неуклюжим проворством, с каким махал кулаками. Парень, у которого физиономия была разодрана в кровь сучьями дерева – кстати сказать, до последнего времени оно было единственным на этой улице, а теперь и того не осталось, – припустил следом. Страх угодить в кутузку оказался сильнее болевого шока. Все трое скрылись в щели между обшарпанными двухэтажными домами с непроглядно мутными окнами.

Темре обернулся, но подоспевших стражей порядка не увидел. Свистел его случайный знакомец в поношенном длиннополом пальто.

– Пойдемте, молодой человек, пока они не вернулись! – позвал тот, пряча свисток в портфель.

До остановки добрались почти бегом. Не сбавляя темпа, поднялись по лестнице на трамвайный мост. У Темре дыхание не сбилось, его спутник запыхался, но все равно шагал по ступенькам торопливо и целеустремленно. Ни тот ни другой не проронили ни слова, пока не оказались в вагоне, плывущем по своей решетчатой трассе под мерное пыхтение паровой машины то над шиферными и черепичными крышами, то почти вплотную к зданиям на склонах гор.

– У вас на лице кровь, – сообщил спутник.

Ага, и на ободранных костяшках пальцев тоже. Над виском кожа рассечена, поверхностно задело кастетом. Могло быть и хуже.

– Чего вы дожидались, если у вас была с собой такая полезная вещь? – задал Темре вполне закономерный вопрос.

– Простите, но свисток лежал у меня в портфеле под бумагами и другой мелочью. Пока я его нашарил, пока достал... Вот, собственно, на это время и ушло. Я ведь хожу на службу, а там, если увидят, шуточки неприятные начнутся. Я ношу его с собой в целях личной самообороны, чтобы напугать хулиганов, если они нападут. Сегодня в первый раз пригодился... Помогло.

Голос у него был мягкий, извиняющийся, а речь лилась, как у хорошего чтеца.

– Если вы в следующий раз будете столько времени рыться в портфеле, вас зашибут раньше, чем успеете его вытащить. Не лучше ли держать его в кармане?

Собеседник был старше Темре лет на десять-двенадцать, и будь он гронси, возмутился бы: больно молод ты меня учить! Но у венгосов нет такой жесткой возрастной иерархии, и убийца наваждений решился дать ему совет, а то ведь и впрямь, если попадет снова в передрагу, свисток на дне портфеля его не спасет.

– Так карманы у меня... – печально произнес мужчина и умолк, не закончив фразу.

«Дырявые карманы, – предположил Темре. – За подкладку провалится».

Нет денег на новое пальто – это он понимал, не всем же быть богачами, но почему бы не купить за гроши лоскут прочной ткани и не починить прохудившийся карман? Вот это уже было ему совершенно непонятно. Впрочем, совать нос в чужие дела он не собирался. Сказал, что нужно было сказать, – и хватит, дальше человек сам разберется.

Навалившиеся на Лонвар свинцовые тучи выглядели угрожающе, в вагоне стало темновато, и убийца гадал, успеет ли он добраться до Гильдии раньше, чем польет.

Его случайный спутник, сидевший рядом, откашлялся и с торжественными нотками в голосе произнес:

– Молодой человек, я должен перед вами извиниться.

– За свисток? – удивился Темре. – Так я же знать не знал, что он у вас есть, и вовсе не рассчитывал на помощь со стороны. Пустое, забудьте об этом. Только на будущее лучше держите его под рукой.

– Я сейчас говорю не о свистке, а совсем о другом, – в его тоне проскользнуло легкое огорчение. – Вы же гронси? Венгосы должны осознать свою историческую вину перед гронси. Я извиняюсь перед вами за нашу историческую вину как венгос.

Убийца наваждений опешил.

– За что?..

– За то, что мы, венгосы, всегда жили лучше, чем ваш народ на голых островах посреди моря, за то, что мы всегда смотрели на вас сверху вниз, как зажавшиеся просвещенные негодяи на дешевую рабочую силу, за то, что венгосы не желают равноправия, оскорбляют и попирают вас, вынуждают вас ютиться в трущобах...

Пассажиры трамвая начали на них коситься.

«Сумасшедший, – с грустью сделал вывод Темре. – Везет мне сегодня на чокнутых: сначала те мерзавцы, теперь этот бедолага».

– ...За то, что венгосы не хотят считаться с вашими традициями, за то, что вы повсюду встречаете грубость и враждебный прием, и не можете почувствовать себя в Лонваре как дома...

– Боюсь, вы все упрощаете, – наконец-то ему удалось улучшить момент, чтобы возразить. – Вообще-то обе стороны хороши. А лично вы тут вовсе ни при чем, вам-то с какой стати заводить речь о вине?

– Я признаю свою вину как представитель венгосов перед всеми гронси, –

гнул свое собеседник, его голос звучал вдохновенно и назидательно. – Пока мы, венгосы, этого не сделаем, перед нами не откроется выход из тупика, и мы не построим общество всеобщего процветания!

«Не хватало, чтобы нас с ним всем трамваем поколотили», – подумал Темре, оценивая оглядывая длинный салон с истершейся до дыр обивкой и деревянными сиденьями.

Осмотр его успокоил, дальше неодобрительных взглядов и осуждающих реплик полушепотом дело не пойдет. Не тот народ подобрался: мужчины с портфелями под стать его полоумному спутнику – едут домой со службы, женщины и девицы в холлах разных расцветок, да еще в дальнем конце, наособицу, два пожилых рыболова с удочками.

– Грубят и не хотят считаться что те, что другие. Не все, но таких достаточно как среди венгосов, так и среди гронси. Виноватые в распрях найдутся с обеих сторон, – предпринял он еще одну попытку утихомирить собеседника.

В противостоянии венгосов и гронси не было тех, кто «лучше» или «хуже». По крайней мере, с точки зрения Темре. Сегодня на него напали венгосы, отребье самого последнего пошиба, зато пару месяцев назад он жестоко и расчетливо переломал руки-ноги троим гронси – чтобы неповадно было кидаться в глухих переулках на венгоских девушек. Если она вышла на улицу в ярко-красной холле из тонкого шелка, это значит, что она ничего не имеет против романтических приключений и флирта с незнакомцем. Флирта, а не изнасилования в подворотне.

У венгосов свои обычаи, не настолько патриархальные, как у гронси на островах, но вовсе не предполагающие вседозволенности, и раз уж ты приплыл на венгоский берег, будь добр об этом не забывать. Он кратко и доходчиво объяснил эту нехитрую истину трем подонкам, мычавшим от боли на тротуаре. Те так и не поняли, что досталось им не от враждебного венгоса, а от взбешенного их поведением соплеменника – перед тем как вмешаться, он благоразумно надел маску, а то не разгребешь потом последствий, включая ругань родственников и кровную месть.

– Вы опять не понимаете. Венгосы должны повиниться перед гронси, потому что они по-хозяйски расположились на материке, в то время как ваш народ издавна добывал себе скудное пропитание на голом камне. Вот за это я и прошу у вас прощения – за нашу культуру, за нашу науку, за наши сельскохозяйственные угодья, за то, что у нас все это есть, в то время как вы – представитель обделенной этими благами народности, а мы, венгосы, по-прежнему живем лучше, чем вы!

«Это ты-то живешь лучше, чем я?» – Темре со смешанным чувством обескураженности и неловкости поглядел на его истрепавшееся, хотя и опрятное пальто со стыдливой штопкой на рукавах, в тон темному драпу, на стоптанные ботинки, на старенький портфель.

Трамвай как раз подошел к Пароходной горке, от остановки было рукой подать до резиденции Гильдии Убийц.

– Что ж, молодой человек, до свидания, – прервав на середине свою покаянную речь, вздохнул попутчик, глядя с упреком.

Видимо, он все же обиделся на то, что этот гронси его не понял, хотя мог бы поднапрячься и понять.

С низкого клочковатого неба уже накрапывало, но добежать до подъезда

Темре успел. Если это знак благоволения Дождевого Короля – спасибо ему за заботу.

– Какой же злой морочан тебя так разукрасил? – жизнерадостно окликнули его в коридоре.

– Люди, – угрюмо ухмыльнулся в ответ Темре. – Которых надлежит всеми силами защищать от злых морочанов.

– А ты бы их по мордасам!

– Не без того.

– Ну, тогда все в порядке. Скажи, чет или нечет?

– Чет.

– Палджо, так нечестно! – возмутился другой убийца. – Он всегда говорит «чет», и все об этом в курсе, нечего мухлевать. Давай лучше монетку кинем.

Темре не стал выяснять, что они там делают, и напрямик направился в кабинет к старшине. Чтобы получить гонорар за уничтожение чердачного морока, надо было не только написать отчет – с этим как раз не горит, можно и завтра, – но еще и «слить картинку».

Маска убийцы наваждений «запоминала» кое-какую информацию, однако сохранялись эти сведения недолго, до следующего боя. Чтобы «картинка» не исчезла бесследно, ее с помощью особого кристалла перемещали в магическую рамку, обеспечивая таким образом документальное подтверждение тому, что гильдеец и впрямь уничтожил тот или иной морок. Делалось это далеко не каждый раз, а только если расправу над наваждением не могли засвидетельствовать очевидцы.

По эпизоду с пространственным мороком в яме с сараями Темре «картинку» не сливал, не было необходимости – там прямо на месте составили протокол. Он не мог знать наверняка, присутствовали в тогдашней «картинке» данные о том, что морок был сознательно сотворен Джаверьеной, или нет. Такие тонкости вне компетенции рядовых гильдейцев. Возможно, отмазав девчонку, он рисковал разоблачением в большей степени, чем сказал о том Котяре в пивной, но теперь-то все позади, поскольку с тех пор он не раз использовал маску по назначению.

Покончив с этим делом (маску надевали на специальную зачарованную болванку с выемкой для кристалла внутри, «слив» занимал несколько минут), Темре отправился в буфет – пообедать и заодно справиться насчет новостей из полиции.

Буфет, или, скорее, всеми любимый ресторанчик, был самым уютным и многолюдным местом в гильдейской конторе, и там стояло три телефона. Обычно те, у кого не было своих кабинетов и секретарей, договаривались с буфетной прислугой насчет записей в пухлой тетрадке, лежавшей на столе в закутке с рогатыми телефонными аппаратами из лакированного дерева: кто кого спрашивал и что просили передать.

Темре обнаружил сразу две записи на свое имя. Первый звонок был из полицейского управления: будем надеяться, это Демей наконец-то себя проявила, хотя, если она проявила себя так, как от нее ожидается, для кого-то дела обстоят хуже некуда. Причем уже в прошедшем времени. Второй звонок из ордена Лунноглазой: его просили связаться по оставленному номеру, как только появится возможность.

Вначале Темре позвонил в полицию. Как выяснилось, угадал: обнаружено

несколько трупов, и есть подозрение, что это работа морочана – возможно, тот самый след, который он вот уже сколько времени ищет. Предложили подъехать вечером в управление, необходимо кое-что обсудить.

По второму номеру связь была плохая, в трубке трещало. Услышав «брат Рурно» и «умер», Темре похолодел. Разве Котяра может умереть?.. Да как же могло такое случиться, пусть это окажется неправдой...

То ли мироздание услышало его отчаянный беззвучный вопль, содрогнулось и решило все переиграть, то ли, что вернее, помехи на линии ослабли, но женский голос с того конца уже разборчиво повторил, что у брата Рурно случилось несчастье, умер кто-то из близких. Несмотря на свое благочестие, он сейчас находится в пугающем состоянии, поэтому сестра Тишаль взяла на себя смелость обратиться к его старому другу: будет неплохо, если Темре сможет поговорить с ним и поддержать его.

Темре записал на салфетке адрес храма. По-быстрому проглотить обед – и туда, до визита в полицейское управление времени хватит. Похоже, отдыхать сегодня не придется.

«Ничего за душой», – это выражение Клетчаб слышал не раз, но никогда не вникал в его смысл. Будто бы в Иллихею оно попало вместе с иммигрантами, которых жрецы-маги вытаскивают из сопредельного измерения ради улучшения демографической ситуации в Империи. Как бы то ни было, а теперь Клетчаб его припомнил и подивился тому, до чего метким оказалось пришедшее словцо.

У Демеи ничего за душой не было.

Это наводило не меньшую оторопь, чем кровавая расправа, которую крутая дамочка учинила над теми сволочными ушнырками, едва не повязавшими Луджерефа. Такой ерунде, как чужие душевные движения, он никогда не придавал важности, хотя в то же время старался все это подмечать и учитывать: там оно поможет обстряпать дельце, чтобы тупак вернее клюнул на приманку, тут поспособствует спасению от очередных неприятностей. Наблюдательность у него была натренированная, это помогало и в министерских интригах, когда он звался Ксаватом цан Ревернухом, и в воровских делах. Вот и к Демее он помаленьку приглядывался, стараясь понять, чем она живет-дышит и чего, стало быть, от этой красотки ожидать. А там не оказалось ничего. Ну, как есть ничего, форменная пустота!

Демеея напоминала темную пустую комнату, в которой нет не только мебели, но даже и пыли, и занавесок на окнах, да и за окнами ни зги не увидишь. Всякий человек чем-нибудь да заполнен, это проявляется в репликах, шуточках, мимолетных взглядах, ухмылках, интонациях, вздохах, жестах, умалчиваниях, прочих деталях поведения – все это наполнено смыслом и сообщает какую ни на есть информацию о своем хозяине. Но не в случае Демеи. В ней ничего подобного не было.

Или даже не так: время от времени она что-нибудь говорила, усмехалась, презрительно щурила красивые, хотя и белесые глаза, а в промежутках между этими проявлениями индивидуальности становилась похожа на оживший манекен, вот тогда и начинала ощущаться ее пугающая внутренняя пустота. Ничего общего с бесстрастностью или замкнутостью – то-то и оно, что самое натуральное *ничего!*

Клетчаб не смог бы пересказать это словами, но, находясь около Демеи, он

чувствовал это *ничего* своей старой бывалой шкурой, по которой пробегали стайки паникующих мурашек. Должно быть, дело в том, что Демья чокнутая, хотя по поводу прятков от цепняков или добычи деньжат она соображала и действовала на зависть рационально. Небось битая жизнью каторжанка, подумал Луджерев с одобрением, хотя примешивались к этому одобрению опаска и смутное чувство «что-то здесь сильно не так». Кабы не обстоятельства, ничем бы с ней не спутался.

Пока он, как ни крути, нуждался в ней, да и она в нем тоже. Двое объединившихся изгоев. Демья привела его в свое убежище, обустроенное под Овечьей горкой, на которой стоял завод по разделке и переработке туш морских овец – весьма ценных, хотя и довольно опасных промысловых животных. Горку пронизывали два горизонтальных туннеля, один новый, соединенный с шахтами заводских подъемников, а другой старый, его сперва начали строить, но после почему-то забросили и вход замуровали.

В старый туннель можно было забраться через замаскированную фанеркой дыру на пустом каменисто-глинистом склоне, которую Демья, по ее словам, обнаружила случайно.

Что могло «случайно» понадобиться видной из себя стерве с аристократическими замашками в промышленной зоне вблизи завода, воняющего на всю округу копотью, несвежей рыбой и подгнившими потрохами, Клетчаб не стал докапываться. Чутье подсказывало, что ответ может лишить его спокойного сна. Демее он нужен как помощник для поисков кого-то, кто не хочет с ней встречаться (и, надо полагать, правильно делает), так что пока можно не дергаться. Главное тут не прозевать шальную удачу и унести ноги до того, как нужда в тебе отпадет.

Внутри было затхло, но сухо. Ни газа, ни электричества, поэтому приходилось пользоваться восковыми свечками и старинными керосиновыми лампами. Под ногами на каждом шагу хрустел мусор – крошево мелких камешков, щепки, чьи-то хрупкие косточки. К заброшенному туннелю примыкало несколько боковых помещений. В одно вел тот самый лаз с поверхности, прикрытый обломком фанеры, в другом был устроен схрон: постели из тряпья, походная керосиновая плитка, бутылки с водой, кое-какая посуда, в том числе помятый чайник. Рыбья вонь разделанных туш проникала даже сюда, но ее как нельзя кстати перебивал густой запах керосина.

Этот схрон Клетчаба сразу насторожил. Сперва он не понял, в чем дело, но потом дошло: вряд ли все это барахло натащила сюда Демья. Зачем бы ей, например, подбирать истрепанный кожаный мяч, или дрянную, с размытым изображением рамгу «Островные войны, атака морских демонов: 144-й эпизод», или сломанную и починенную удочку? Да и одежонка, использованная для сооружения постелей, но в то же время вполне пригодная для носки, если тебе незазорно выглядеть нищеводом, была сплошь мужская. Напрашивался вывод, что кто-то жил здесь до Луджерева с Демеей, и, вероятно, жил не так давно, а теперь уже не живет. Подевался куда-то.

Когда союзница ненадолго отлучилась, Клетчаб тщательно осмотрел комнату и обнаружил кое-где на полу, на тряпье, на серой от грязи штукатурке стен засохшие пятнышки крови. Определенно это была кровь, а не что-то другое.

До возвращения хозяйки он успел устроиться как ни в чем не бывало на ку-

че лохмотьев и с заинтересованным видом уткнуться в «144-й эпизод». Впрочем, подумалось уже в который раз, словно он сам себя уговаривал и успокаивал, ей покамест нужен живой помощник. А ему на ближайшее время пуще толстого бумажника нужна эта чокнутая кукла, способная, глазом не моргнув, укокошить четверых наемников, а то не хотелось бы угодить в лапы ретивых посланцев Империи.

– Ты должен найти для меня одну женщину, – заговорила Демей, усевшись напротив, по другую сторону тусклой керосиновой лампы. – Она где-то в Лонваре. Ее зовут Инора Клентари. Вместе с ней девочка четырнадцати лет, Кайри Фейно, ее дальняя родственница и воспитанница, Инора называет ее своей племянницей. Они не так давно приехали из Олонвы. Вот их фотографии, возьми с собой. Они должны находиться вместе, но, возможно, и нет. Меня интересует прежде всего Инора Клентари. Если что-нибудь выяснишь о Кайри Фейно, тоже будет неплохо: используя девчонку, можно добраться до Иноры.

– Что, там у тебя к ней разборки на миллион? – понятливым тоном спросился Клетчаб – и тут же получил по губам.

Удар был несильный, но ошеломляющий. При этом Демей постаралась не задеть лампу: она себя контролировала и действовала рассудочно. Белесые глаза смотрели холодно, с обычным для нее презрением.

– Запомни хорошенько, здесь я госпожа. Я не разрешала тебе обращаться ко мне на «ты».

Мужское самолюбие взбунтовалось, да и воровской гонор разыграл, но Луджереф железной рукой упихал эти правильные чувства в дальний чулан своей души. Жизнь, знаете ли, дороже. А то еще не хватало, чтобы в этой берлоге кровавых пятен прибавилось... Разве что в глазах блеснуло, перед тем как он покорно вымолвил:

– Извините, госпожа Демей. Привычка. Я постараюсь их найти.

И уже после, отвернувшись, чтобы налить воды из бутылки в чайник, подумал: «Прирезать бы тебя спящую, сука психованная!»

Котяра молился в храме Лунноглазой на улице Зимних Ягод. В полутемном зале никого больше не было, и монах в одиночестве простерся ниц перед возвышением с величественной ониксовой статуей, элегантно обернувшей хвост вокруг лап.

Темре предложили подождать. Он положил в чашу для пожертвований несколько серебряных сулов, прогулялся по опоясывающей молельный зал сводчатой галерее с изящными бронзовыми кошками в стенных нишах.

Наконец появился брат Рурно. Смотреть на его бледное, с припухшими веками и закаменевшими чертами лицо было тягостно и страшновато: никогда еще Темре не видел таким жизнерадостного Котяру.

– Джел, что случилось? – Он назвал друга мирским уменьшительным именем, как в детстве.

– Темре... – Тот как будто заметил его лишь сейчас, после того как он заговорил. – У меня деда больше нет. Моего прадеда, дедушки Тавьяно.

– Светлая ему память, – сочувственно и с грустью отозвался убийца наваждений. – Печалюсь вместе с тобой. Он был очень хорошим человеком, я всегда буду его помнить.

– Темре... – Голос монаха сорвался, а круглое лицо сморщилось, словно он еле сдерживался, чтобы не завывать или не разрыдаться.

– Ну, успокойся, Джел. – Темре обхватил его за плечи. – Сколько ему было – девяносто два? Он прожил долгую и достойную жизнь, и проводить его нужно достойно, молитвами и добрыми пожеланиями.

– Девяносто три, – прорычал Котяра, глотая слезы. – Он не своей смертью умер! Убили его... Какая-то мразь его убила.

– Что?.. – Теперь уже и Темре содрогнулся, в первый миг не веря собственным ушам. – Кто это сделал?

– Неизвестно. Но я испросил у нашей Лунноглазой Госпожи разрешение на охоту, и я его только что получил.

Разрешение на охоту – это серьезно. Это практикуется только в ордене Лунноглазой. Хотя, возможно, в остальных четырех орденах есть что-то свое аналогичное, но там у Темре не было близких друзей среди посвященных, поэтому об их делах он ничего не знал.

Если кто-то из монахов получал от Лунноглазой Госпожи разрешение на охоту, он имел право выследить врага и поступить с ним, как заблагорассудится, словно кошка с пойманной мышью, вплоть до убийства. Разумеется, такое право за ним признавал только орден, а не государство, но орден после совершения расправы брал своего члена под защиту, и обычно подобные дела неофициально улаживались между служителями богини и властями к обоюдному удовлетворению.

Надо заметить, Великая Кошка позволяла такое не каждому, кто о том просил: видимо, для этого требовалось, чтобы она сочла предполагаемое возмездие справедливым.

– Ты собираешься выкрасть мерзавца из тюрьмы или его еще не взяли?

Котяра, который, сообщив другу о своем решении, несколько успокоился, ответил на вторую половину вопроса:

– Нет, и непохоже, что сумеют взять. Я буду искать его сам. Нахана, новая прислуга бабушки Люрайни, сказала, что к ним пришел разносчик из оранжевого хозяйства «Зеленые друзья», откуда они получают зелень, хотя в тот раз ничего не заказывали. Она пустила его на кухню, и после этого там вдруг объявился морок – громадный, размером с подушку, черный паук, весь в перьях и в крови, глаза у него светились, а на спине торчали шипы, и на них были нанизаны мертвые растерзанные птички. Все это с ее слов. Она отворачивалась заглянуть в холодильник и потом, когда повернулась обратно, заметила эту тварь под кухонным столом. – Приступив к рассказу, монах окончательно взял себя в руки, по крайней мере внешне, и излагал обстоятельства последовательно, стараясь не упускать подробностей. – Эта дура сразу выскочила вон, а деда бросила, хотя могла бы его тоже вывести из квартиры. Знаешь ведь, он в последнее время ходил с трудом, но до лестничной площадки с ее помощью добрался бы. Нахана подняла крик, соседи позвонили к вам, и приехал убийца. Никакого морока он в квартире не нашел, и во всем доме не нашел, и нигде в окрестностях. А деда обнаружили в гостиной на полу с проломленной головой. И в спальне у бабушки все было перерыто, фотографии разбросаны, деньги и драгоценности исчезли. Разносчик вместе со своей сумкой тоже как сквозь землю провалился, только кульки с зеленью на кухне валялись. Морок ведь не мог сожрать его без остатка?

– Факт, что не мог, – подтвердил Темре. – Тем более только что воплотившийся морок. Вначале они убивают, но не едят, потому что внутренние орга-

ны, как у живых существ, у них появляются не сразу. Да и потом, когда уже все в комплекте, ни одно наваждение не слопаёт больше, чем помещается у него в желудке. Растерзать может, но тогда бы нашли останки.

– Никаких останков не было, даже капель крови. Поэтому полицейский дознаватель предположил, что убийство и ограбление совершил разносчик, которого морочан почему-то не тронул. Твой коллега, посмотрев на деда, сказал, что это непохоже на работу наваждения, они убивают по-другому. Его дважды ударили по голове каким-то тяжелым твердым предметом. – Котьяра сморщился, сглотнул, но овладел собой. – В гостиной таких предметов сколько угодно. Гильдеец вне подозрений, ваши на всякий случай уже проверили, сняв информацию с его маски.

– Разносчика этого разве не ищут? Прислуга ведь, наверное, запомнила, как он выглядел?

– Ага. Маконец средних лет, полноватый, в надвинутом на лоб грязно-зеленом картузе, лицо бритое. «Зеленые друзья» утверждают, что у них в штате таких маконцев нет, и никого они на Крупяную горку с заказом в тот день не посылали. Полиция задержала в окрестностях нескольких маконцев, подходящих под это описание. Украденного ни у кого из них не нашли, но их предъявили Нахане для опознания.

Котьяра устало скривился и слегка помотал головой, как будто эта часть рассказа вызывала у него чувство сродни досаде на внезапно разболевшийся зуб.

– Ну и что? – подтолкнул его к продолжению Темре.

– Опознала. Всех.

– То есть как – всех?.. Ты же говорил, разносчик приходил один?

– Ага. Только для нее все маконцы на одно лицо, и вообще лучше всего ей запомнился картуз. Дознавателя это огорчило, он, похоже, собирался взять того, на которого Нахана покажет, и дальше выбивать из него признание, не тратя время на скрупулезное исследование места происшествия и плетение многоходовых умозаключений в духе детективной рамги для интеллектуалов. Я там потом сам все осмотрел.

– Что-то нашёл?

– В гостиной на ковре – несколько мелких птичьих перьев со следами крови. Их сдуло сквозняком под кресло, поэтому дознаватель не обратил внимания. Видимо, от морочана остались.

– Если морочана там уже нет, от него ничего не могло остаться, – возразил убийца наваждений. – Все части морока составляют единое целое, лишиться какой-то из них он может только в результате развоплощения. Чтобы он на бегу терял перья – это бред краба ошпаренного, так не бывает.

– Нахана говорила про мертвых птичек, нанизанных на шипы. Если паук их перед этим поймал и убил... Раз они были настоящие, перья тоже настоящие.

– Тогда получается, что морок воплотился не на кухне под столом, а где-то в другом месте и на кухню пришел своим ходом, как принято в материальном мире, переступая ногами.

– Так, что этого никто не заметил? – недоверчиво сощурился монах. – Это паучару-то здоровенного, величиной с подушку, с шипами и мертвыми птичками на спине? И как он тогда вообще очутился в квартире? Прокрался следом за бандитом-разносчиком и на него даже никто не глянул?

Они уставились друг на друга в раздумье. За окнами начинало темнеть, под белеными сводами галереи зажглись лампы. Бронзовые кошачьи статуэт-ки, похожие как близнецы, но различавшиеся между собой позами, поблески-вали в электрическом свете.

– И тогда еще вопрос, – добавил Темре. – Почему этот паучара не напал на людей? Это странно, нехарактерно. Я поговорю с парнем, который приезжал туда по вызову, может, он чего прояснит. Постараюсь завтра его поймать. Что-нибудь кроме этого есть?

– Непонятно, относится это к делу или нет... Одна из фотографий пропала. Та, где мы с тобой вместе с дедом и сестренками на берегу моря, когда он сма-стерил нам модель «Серебряной гончей», помнишь? Она у бабушки из самых любимых и куда-то запропастилась, хотя еще утром была на комодке. Ты же знаешь бабушку Люрайни: у нее все лежит на своих местах, никогда ничего не теряется. Не мог же бандит забрать фото с собой, зачем ему?

– Непонятно, – согласился Темре.

Госпожа Люрайни, дочь дедушки Тавьяно и бабка Джелгана, который после вступления в орден стал зваться братом Рурно, с ее-то пунктуальностью, дохо-дящей до одержимости, никак не могла по рассеянности что-то куда-то засу-нуть и забыть – для этого мир должен был перевернуться вверх тормашками. Или ее выбила из колеи страшная и нелепая гибель отца? Или пропажа фото-снимка свидетельствует о том, что преступление совершил кто-то из род-ственников либо знакомых, как бы это ни было отвратительно?

Глянув на часы, Темре понял, что рискует опоздать на встречу.

– Джел, я чем смогу помогу тебе в этой охоте, а сейчас мне надо мчаться в полицию, вроде бы у них что-то появилось на мою Акробатку. Ты где ночу-ешь?

– На Крупяной горке. Бабушку мама забрала к себе, там сейчас никого, ключ у меня. Еще раз все осмотрю...

– Ага, тогда я, как освобожусь, тоже туда приеду, – с тревогой глядя на тво-рожисто бледное и непривычно угрюмое лицо Котяры, решил убийца нава-ждений.

– Ты за меня не беспокойся, – уловив его настроение, фыркнул «бродячий кот». – За деда буду молиться и сам не сваляю дурака. Я на тропе охоты, для меня теперь главное – взять след.

Полицейское Управление Лонвара находилось на Полицейской горке – не заблудишься. Темре добрался туда от храма на улице Зимних Ягод с тремя пе-ресадками. Быстро и никаких расходов: убийцы из Гильдии были официально освобождены от уплаты за проезд на трамвае.

Пока в темноте за окнами проплывали озаренные подвесными фонарями решетки мостов, он находился в скорбном и угнетенном состоянии духа: де-душку Тавьяно он знал с шести лет, с тех пор как подружился с Котярой. В большой и дружной семье Джела к нему все относились с большой теплотой, и не имело значения, что он гронси.

Умереть такой смертью – ни с кем не простившись, на полу с проломлен-ной головой, когда рядом с тобой нет никого, кроме какой-то алчной мрази... Темре не был сторонником новомодных веяний вроде отмены смертной каз-ни. За преступления такого рода надо попросту вздергивать на виселице, как в старину.

Подавленность не помешала прикинуть, чем он сможет помочь Котяре. Ага, именно это он и сделает. Тот самый случай, когда это будет правильно. И то, что согдится в уплату, у него есть – лежит в его личном арендованном сейфе в Корабельном банке.

Шагая по сосновой аллее от остановки к зданию, он постарался стряхнуть тоску: не исключено, что сейчас ему сообщат информацию, которая изменит расклад в его собственной охоте.

Деревья чередовались с фонарями, стволы сосен золотились в янтарном свете, кое-где на плитах дорожки валялись шишки: словно направляешься не в полицию, а в сказку. Впрочем, стоило переступить порог казенного вестибюля, и романтические ассоциации сразу улетучились.

Темре поджидал порученец, что само по себе было необычно, и проводили его не в кабинет одного из тех чиновников, что служили связующим звеном между Управлением и Гильдией, а в малый совещательный зал с овальным столом и обитыми дорогой кожей стульями. Народу там сидело довольно много, пили кавью с сахаром.

– А вот и господин Гартонгафи! – представил убийцу Вандо Ранкута, начальник отдела заморочных расследований, занимавшегося ЧП, в которых были замешаны наваждения, и потому работавшего в тесном контакте с Гильдией. – Молодой, но весьма квалифицированный и хорошо себя зарекомендовавший специалист. Они все там молодые, для их боевых плясок крайне важна скорость реакции и выносливость, так что не обманывайтесь его несолидным видом.

«Ну, спасибо, отрекомендовал», – хмыкнул про себя Темре.

Четверо мужчин неуловимо иностранной наружности разглядывали его оценивающе, со сдержанным деловитым любопытством.

– Присаживайтесь, Темре, – по-домашнему пригласил Ранкута, рыжеватый толстяк с большой лысиной и живым округлым лицом. – Это наши иллихейские гости. Разговор будет долгим и для обеих сторон интересным.

Вежливо поклонившись иллихейским гостям, убийца наваждений занял свободный стул.

– Все в сборе. Глонту, сначала ваш доклад.

Глонту, в отличие от своего руководителя худощавый, длиннолицый и мрачноватый, с ослепительно сияющими на мундире пуговицами (наверное, каждый вечер надраивает их зубным порошком, подумал Темре), зашелестел бумагами и принялся обстоятельно рассказывать о трупах, обнаруженных патрулем на свалке у подножия Кузнечной горки.

Всего покойников было четверо. У одного «пробита тяжелым предметом голова в области темени, с выбросом содержимого черепной коробки в радиусе четырех бутов», у второго «раздроблены тяжелым предметом обе коленные чашечки, разрезана брюшная полость и частично вытащены наружу кишки и сосуды, перерезано горло с проникающими ранениями гортани, трахеи и сонной артерии» – и так далее. На середине зачитывания этих отвратительных подробностей порученец флегматичным жестом поставил перед Темре чашку с кавьей. Тот поблагодарил рассеянным кивком.

– Что об этом скажете, Гартонгафи? – осведомился Вандо Ранкута, когда с перечнем несовместимых с жизнью повреждений было покончено.

– Похоже на работу морочана. Наваждение, которое я разыскиваю, опреде-

ленно могло это сделать. Хотя встречаются и люди, способные на такие зверства...

Ранкута оборвал его коротким нетерпеливым взмахом руки: людская уголовщина к компетенции представителя Гильдии не относится, а терять время впустую незачем.

– Глонту, продолжайте.

Глонту ознакомил присутствующих с выводами выезжавшей на место дознавательской группы: судя по характеру улики, включая следы на глинистой почве, всех четверых убил один человек. К такому же заключению пришел и маг-эксперт, осмотревший трупы.

– Я тоже полагаю, что это был морок, – подвел итог начальник отдела. – Погибшие были профессионалами – наемники, охотники за головами – и, несмотря на это, не смогли оказать достойного сопротивления.

– Наемники охотились за мороком? – изумился Темре. – Тогда я сомневаюсь в их профессионализме. Да и в их здравом рассудке заодно...

– Они охотились за другой добычей. За иллихейским преступником, который прибыл в Венгу под именем Шулнара Мегорчи с целью скрыться от правосудия. Перед этим они его преследовали и готовились к захвату. Показания очевидцев, которые видели их несколько раньше на улице, позволили частично восстановить картину. Судя по следам, он ушел с места происшествия вместе с морочаном. Так что, Гартонгафи, дальше вам предстоит работать совместно с нашими гостями из Империи. Они будут ловить своего клиента, а вы – как обычно... Любопытно, зачем Акробатке, если это была она, понадобился заокеанский жулик и сколько он рядом с ней протянет?

– Мы должны доставить его на родину живым, – с сильным акцентом, хотя и без ошибок, произнес светловолосый иллихеец с загорелым лицом, еще нестарым, но изрезанным морщинами, как будто кто-то специально вылепил на нем выразительные складки. – Это исключительно важно.

Ранкута слегка развел руками: мол, не обессудьте, дорогие друзья, но на счет дальнейших действий наваждения ничего гарантировать не можем.

– Позвольте вопрос! – вмешался Темре. – Морок, убивший наемников, мог знать о том, что этот человек недавно прибыл из Иллихеи?

– По всей вероятности, да, – ответил все тот же блондин – должно быть, главный в группе. – Наемников было пятеро, и пятого мы тоже нашли. Его убили аналогичным образом. Если перед этим его пытали, он мог рассказать о нашем заказе, который незадолго до того взялся выполнить.

– И берлогу его обчистили, – дополнил начальник заморочного отдела. – Это был Грязный Юрго с Соленой горки, известная и опытная личность.

Темре кивнул, хотя никогда о Грязном Юрго не слышал: с криминалом он имел дело лишь постольку, поскольку это пересекалось с его работой.

– Сначала умер он, потом, с небольшой отсрочкой, его парни, которые пошли брать Луджерефа, – подытожил Ранкута.

– Если за этим стоит Акробатка, ваш Луджереф понадобится ей живым.

– Зачем? – изучающе глядя на Темре, сощурился светловолосый иллихеец.

– Он иностранец из-за океана. Он, скорее всего, не поймет, что имеет дело с наваждением. Для Акробатки это как нельзя кстати: она будет использовать его в качестве посредника, чтобы он вместо нее общался с людьми и выполнял ее поручения, и невелика вероятность, что он заподозрит, с кем связался.

Если в течение некоторого времени наблюдать за морочаном, можно догадаться, что это не человек, но для этого надо быть здешним. А раз Луджереф приплыл в Анву недавно, раньше здесь не бывал, нашей жизни не знает, ему многое покажется необычным, и поведение Акробатки для него будет просто еще одной странностью среди прочего. Спишет на местные особенности и вряд ли поймет, в чем тут загвоздка, вот этим он для нее и ценен.

– Чем же морочаны отличаются от людей? – поинтересовался еще один из иллихейцев.

– Пустотами, если можно так выразиться. Вот, например, вы сидите напротив меня, вы только что допили свою кавью и, поставив чашку на блюдце, поправили указательным пальцем ложечку, чтобы она лежала красиво – мелкий жест, вероятно, ваш характерный.

Верзила, который сидел рядом с агентом, задавшим вопрос, ухмыльнулся, и Темре понял, что попал в точку.

– Еще во время доклада господина Глонту вы почесали за правым ухом и дважды подавили зевок, – продолжил он. – И выражение глаз у вас несколько раз менялось. Если бы на ваш счет у кого-то завелись подозрения и обратились бы за консультацией ко мне, я бы сказал, что вы почти наверняка не морочан. Слишком много у вас для этого мелких индивидуальных черточек. У морока их не будет. Когда наваждения общаются на человеческий лад и гнут свое, их недолго перепутать с людьми, но в состоянии покоя они напоминают манекены. Для них это пустоты, которые им нечем заполнить, потому что они до того, как воплотиться, не жили и у них не накопилось ничего личного. Приезжий из далекой страны запросто может не понять, в чем дело. Хотя... – Он свел брови, ощутив досаду: столько наворотил, и все понапрасну. – Я все-таки не прав... У вас же в Иллихее есть оборотни, которые в урочное время разгуливают среди людей, так что распознать чужака вы тоже в два счета сможете.

– Теперь сможем после ваших любезных объяснений, – отозвался светловолосый. – Вы все-таки правы. Наши оборотни – это совсем не то, что ваши наваждения. Оборотни, которые способны внедриться в человеческое общество, живут на свете не одну сотню лет, индивидуальных черточек у них хоть отбавляй... Так что с вашими морочанами их не перепутаешь.

Жизнерадостный с виду верзила с округлым, как лепешка, лицом опять ухмыльнулся, и сидевший рядом с ним агент тоже позволил себе сдержанную усмешку. У Темре сложилось впечатление, что они втайне гордятся своими иллихейскими оборотнями.

– Сейчас я представлю вам наших гостей. – Ранкута изобразил, что спохватился. – Высокородный Рамос цан Мервегуст, руководитель группы.

Светловолосый слегка кивнул, и Темре учтиво наклонил голову. Ага, так и есть, этот у них командует. Еще и аристократ.

– Айлаб Сунорчи.

Жилистый мужчина завидно неприметной для представителя такой профессии наружности, с зализанными волосами мышинового цвета. Тот самый, которого Темре приводил в пример, объясняя разницу между человеком и морочаном.

– Жозеф Глинтух.

Громила, выделявшийся среди товарищей ростом и богатырской комплек-

цией, широко ухмыльнулся. То ли он был по натуре весельчаком, то ли приучился на все случаи жизни дружелюбно улыбаться, чтобы не пугать окружающих своими габаритами. Гора мускулов, иначе не скажешь. Внешне самый заметный из этой четверки, на такого везде будут глазеть. С другой стороны, если пресловутого Луджерефа им надо скрутить и доставить в Иллихею живым, присутствие в группе такого здоровяка в самый раз – грубая физическая сила в чистом и непреодолимом виде. Хотя не только сила: судя по иронически-смешливым глазам – слегка раскосым, почти как у гронси, – этот парень непрост.

– Варват Чемхет.

Самый молодой из них, примерно одних лет с Темре. Типичный иллихеец из северных широт, белокожий и желтоволосый, как их в рамге изображают. Даже когда он помалкивал, вид у него был невыносимо занудливый и юношески разочарованный. Такую личность ожидаешь встретить скорее в гостинной у Соймелы, чем здесь... Но раз он здесь, значит, у него есть какие-то скрытые достоинства. Наверняка агенты пускают его вперед, когда хотят произвести безобидное впечатление: культурный молодой путешественник, приплывший в Анву ради расширения кругозора, а все остальные – это просто так, вместе с ним.

– Фотография этой женщины у вас есть? – осведомился Мервегуст, когда с процедурой знакомства было покончено.

– Не женщины, а морочанки! – значительно подняв палец, поправил начальник заморочного отдела. – Прошу прощения, но о том, что наваждения – не люди, даже на полсекунды забывать не следует. Вот Темре меня поддержит... В ваших оборотнях, судя по тому, что я читал о них, от людей куда больше, чем в этой нежити. Упомянутую даму мы называем между собой Акробаткой. Сфотографировать ее пока не удалось, но у нас есть ее портрет, скопированный из рамги, которой мы и обязаны этим счастьем. Вот, полюбуйте!

Он выложил на стол пачку цветных картинок. Портреты Демеи Темре скопировал, когда смотрел рамгу Арьены Лайдо в Независимом Библиотечном Клубе в Олонве. Правилами Клуба это возбранялось, и когда бы его там застукали за неблаговидным занятием, наверное, сразу указали бы на дверь. Но ширма, обтянутая темной тканью, прикрывала его от посторонних глаз, а перстень с запоминающим зачарованным камнем, который он специально ради этого захватил, мог запечатлеть и сохранить до пяти изображений из рамги.

Если бы библиотекарь, которому Темре вернул раму после просмотра, догадался ее проверить, он бы обнаружил, что посетитель бессовестно нарушил запрет – вставленный в раму кристалл тоже, в свою очередь, хранил память об имевшем место контакте с другим кристаллом. Но народ там работал безалаберный, все на добровольческих началах, и хотя правила были вывешены на видном месте, никто специально не следил за их соблюдением.

К тому же Темре на худой конец мог предъявить жетон Гильдии – это мигом сняло бы все вопросы. Но он не хотел использовать тяжелую артиллерию и афишировать свою поездку в Олонву: кто знает, вдруг Демея озаботилась оставить там соглядатаев – кого-нибудь припугнула или подкупила: человекоподобные наваждения бывают весьма изобретательными. Он решил, что вернее будет снять копии потихоньку.

Агенты разглядывали Акробатку, обмениваясь впечатлениями по-иллихей-

ски. Безусловно, им этого хватило, чтобы запомнить, как она выглядит, память у них должна быть натренированная, тем не менее размноженные картинки они попрятали в потайные карманы своих курток – на случай, если придется кому-нибудь показывать для опознания.

После этого Ранкута объявил, что сейчас господин Гартонгафи, как квалифицированный убийца наваждений, прочитает им небольшую лекцию о мороках и ответит на все вопросы, а ему пора домой. Иллихейцы уставились на лектора с доброжелательным вниманием любознательных студиязов.

«Краб ошпаренный, а мне, по-твоему, не пора?! – мысленно взвыл Темре, вспомнив о Котяре. – И вообще мог бы заранее предупредить...»

Впрочем, надолго это не затянулось. Он рассказал им, как следует вести себя при контакте с наваждениями, что надо и чего не надо при этом делать, объяснил, что представляют собой дуэтные наваждения. Слушатели подобрались серьезные и понятливые и вопросы задавали по существу, не позволив ему упустить ничего важного. Вдобавок порученец, оставшийся, чтобы после запереть за ними совещательный зал, сварил для всех еще по чашке кавьи, или кофе, как называли этот напиток иллихейцы.

Когда они всей гурьбой вышли из управления, час был поздний. Договорились, что агенты сначала кое-что разведывают и уточняют при участии лонварской полиции, а потом свяжутся с Темре или оставят для него сообщение в Гильдии.

Это означало, что завтра он, по крайней мере до обеда, свободен, вот и хорошо, очень кстати... Иллихейцы, видимо, попытаются выяснить, Акробатка отбила их клиента или кто-то другой – тоже весьма кстати. Не то чтобы по запросу Темре полиция палец о палец не ударила: разгуливающий среди людей морок – дело достаточно серьезное, но столица велика, и серьезных дел тут хватает. Запрос Темре Гартонгафи не был приоритетным.

Зато помощь посланцам могущественного дружественного государства, с которым Венга в условиях постоянных для Анвы международных трений и конфликтов позарез заинтересована поддерживать хорошие отношения, – это уже другой уровень... Ради этого расстараются.

Темре до сих пор не поили кавьей в отделе заморочных расследований, а сегодня аж два раза угостили, это что-нибудь да значит.

В квартире, обычно мирной и уютной, царил разгром, на полу было натапано: здесь побывали и полицейские дознаватели, и работники похоронной службы, и родственники, все они натащили с улицы слякоти, и масса засохших грязных следов сразу вселяла тревогу, предупреждая о том, что стряслась беда. На Темре, не раз бывавшего здесь в лучшие времена, это произвело тягостное впечатление.

– Я так и не нашел ее, – равнодушно, как могло показаться на первый взгляд, а на самом деле угнетенно сообщил Котяра.

– Что не нашел? – не сразу понял Темре.

– Ту фотографию, где все мы с дедовой «Серебряной гончей».

– Найдется. Я знаю кое-кого, кто сможет отыскать и снимок, и этого ублюдка заодно.

– Частный детектив какой-нибудь? – Монах, несмотря на подавленное состояние, живо заинтересовался.

– Не детектив. Один мой знакомый, который иногда заглядывает по вече-

рам ко мне в гости.

Надо отдать Котяре должное: на то, чтобы сообразить, о ком идет речь, ему хватило нескольких секунд.

– Ты говоришь о... – Друг нахмурился. – Если его о чем-то просить, за помощь надо платить. Сам знаешь, так полагается, иначе нельзя, а ведь он может потребовать в уплату что-нибудь несусветное. Жертвоприношение, например, или еще что-то такое, что тебе неважно будет сделать. С него станется.

– Не беспокойся, у меня есть, что ему предложить. Роза Хоэдра, высушенный созревший бутон. От такой платы он не откажется.

– Роза Хоэдра?.. Ничего себе краб ошпаренный... Где ты ее взяла?

– Где взяла, там уже не осталось. Можно сказать, прибрал к рукам. Роани помнишь?

Монах сумрачно кивнул.

– У нее в комнате нашел. Девчонка приготовила подарок для своего паразита, а он, когда порешил ее, даже не поглядел, что там лежит. Надеюсь, Роани на меня не в обиде.

– Ты не сказал об этом ни слова, когда мы потом в пивной сидели. Но это ж целое состояние, можно продать за большие деньги...

– Можно. А еще можно отдать моему доброму знакомцу в благодарность за помощь. – Темре покосился на распахнутую форточку, за которой шуршал в темноте морозящий дождь. – Завтра я приглашу его на встречу по всем правилам, тогда и обсудим.

– Спасибо.

– Не за что. Дедушка Тавьяно и для меня был как родной. Найдем мы эту гниду.

– Кавью будешь?

– В полиции напоили, хоть залейся. Лучше чай. И давай попробуем выспаться, завтра предстоит много беготни.

Они устроились в гостевой комнате, где все было по-прежнему, как до несчастья: точно так же тикали на стене старые часы с гирями и белели в потемках накрахмаленные салфетки. Темре не смыкал глаз, пока не убедился, прислушиваясь к выровнявшемуся дыханию, что монах уснул, как будто сторожил друга непонятно от чего.

Не сказать, чтобы он выспался, но наутро чувствовал себя собранным и готовым действовать – кровь, как будто перенасыщенная энергией, разве что не бурлила, чему поспособствовала вместительная кружка горькой кавьи двойной крепости.

Задымленный многолюдный город из красного и серого кирпича, с медлительными, как растекающийся сироп, потоками вычурно украшенных автомобилей и мчащимися по железным мостам трамваями, город под тяжелым, как мокрая перина, пасмурным небом, до которого с крыши дома на вершине иной горки можно рукой дотянуться, был его родной стихией. Пусть его, как и всякого гронси, обзывали, случалось, «островитянином», он на этих островах никогда не жил, хотя и побывал там несколько раз. Жил он здесь, в Лонваре, и охотиться ему предстояло на своей территории.

Шагая по ажурному пешеходному мосту, под которым колыхалась сплошная масса зонтиков – чаще серых или черных, но изредка среди них попада-

лись белые и пестрые, – Темре произнес:

– Я никогда ни о чем тебя не просил, но сейчас у меня есть просьба и есть то, что я могу предложить взамен. Надеюсь, оно тебе понравится.

Стекающие по лицу капли зарядившего с самого утра дождя на мгновение показались ледяными. Похоже, его услышали. Еще бы Клесто не заинтриговало такое вступление!

Позже, поднимаясь в горку мимо почернелых от копоти старых малоэтажных домов – зарывшихся в землю по самые окна специально для того, чтобы невзначай не съехать вниз, – он тихо сообщил:

– У меня есть для тебя роза Хоэдра. Взамен хочу попросить о помощи в поисках в одном важном деле.

Ледяные пальцы задели вскользь его скулу и как будто слегка дернули за волосы, стянутые ремешком на затылке.

Плащ с капюшоном Темре вчера утром оставил дома, понадеявшись на сухую погоду, а предложенный Котярой зонт не взял. Как и многие гронси, промокнуть он не боялся и зонтиков не признавал – таскай с собой повсюду эту глупую штуковину на палке, да еще и следи, чтобы где-нибудь ее не забыть! Нет уж, спасибо. Это венгосы, едва с неба начнет накрапывать, без них шагу ступить не могут, а мы и так обойдемся.

Дойдя до помпезного здания Палаты Предсказаний Погоды с потускневшими латунными буквами на фасаде и сгрудившимися под нависающим краем крыши трапанами – снизу они напоминали темные кожистые плоды тропической гулдонии, – Темре негромко промолвил, обращаясь к серебристым нитям дождя:

– Если тебе понравилось мое предложение, загляни сегодня вечером ко мне в гости, тогда сможем все обсудить. Постараюсь не опаздывать.

Холодные пальцы дотронулись до сердца, и оно на мгновение замерло, пропустив удар. Переведя дыхание, Темре пошел дальше. Его давно уже интересовало, обязательная это часть ритуала, которой никак не избежать, или все дело в пристрастии Клесто к драматическим и порой болезненным эффектам. Не самого же Дождевого Короля об этом спрашивать.

Теперь главное – оказаться дома вовремя, до наступления темноты. Будем надеяться, иллихейцам раньше чем завтра-послезавтра содействие убийцы наваждений не понадобится и никаких непредвиденных задержек сегодня не возникнет. В том, что предложенная цена Птичьего Пастуха устраивает, Темре не сомневался.

Неизвестно, что представляла собой роза Хоэдра – цветок или артефакт, внешне похожий на цветок. Считалось, что к ее созданию в давние времена приложил руку некий Хоэдр, то ли маг, то ли преподобный жрец невесть какого бога. Или просто ему первому повезло ее найти. Она была большой редкостью и попадалась не чаще, чем золотые самородки.

Если тяжелый, как свинцовый шарик, высушенный бутон сжать в кулаке, чтобы он превратился в хрупкую коричневую труху с едва уловимым ароматом розы, тебя захватит вихрь чужих впечатлений – зрительные образы, звуки, запахи, тактильные ощущения, животные импульсы, желания, эмоции. Все, что было испытано любым живым существом, от насекомого до человека, находившимся рядом с волшебным кустиком с того момента, как бутон появился, и до того, как он съежился и засох.

За несколько часов можно прожить несколько месяцев, побывав последовательно каждым из участников разворачивавшихся вблизи от розы Хоэдра событий. Темре никогда не пробовал, но, говорят, это нечто несравненное и незабываемое. Правда, заранее неизвестно, что тебе в этот раз достанется, однако любители даже в этом находят свою прелесть. Удовольствие для тех, кто в состоянии за него заплатить, и, по слухам, любители записываются в очередь, чтобы получить драгоценный бутон.

Вероятно, Роани отдала за высохшую головку розы все свои сбережения, и кто знает, как еще ей пришлось улещивать торговца ради этой покупки, лишь бы порадовать Нолгана. А того бесполезно было радовать: он эффектно и взахлеб страдал с эстетским размахом, чувствуя себя в гуще этих страданий как рыба в воде. От «ненаглядной» Роани ему нужны были не столько подарки, сколько тревоги, заботы, обиды, попытки завоевать его одобрение, мучительные переживания на тему «любит не любит». Она была для него прежде всего кормом, как для морока. И когда возникла опасность, что корм уйдет, Нолган поступил точь-в-точь как морочан: убил ее.

По поводу присвоения бутона Темре не испытывал угрызений совести. Пусть уж лучше эта изысканная редкость достанется Дождевому Королю, чем Нолгану Аргайфо, которого, как сообщали газеты, освободили под залог и содержали в загородной лечебнице для душевно утомленных состоятельных пациентов.

– Гляньте-ка, Гартонгафи опять явился мокрый, как лягушка из болота! Кому дождик, а кому хоть бы что – такими словами Темре встретили, когда он добрался до Гильдии.

– Если ты зонтов не признаешь, дело хозяйское, но чего ж без плаща-то? – рассудительно поинтересовался оказавшийся поблизости седой старшина.

– Я его еще вчера дома оставил.

– Ну так сходи, возьми казенный! А то придешь куда в приличное место, а с тебя льет в три ручья. И это еще ладно, так ведь простуду подхватишь. На тебя иностранные гости большие надежды возлагают, а ты на них будешь недипломатично чихать, вот молодчина! Убийцы, а сами как дети малые...

Напутствуемый его ворчанием Темре отправился обсыхать и завтракать в теплый буфет. Иллихейцы уже отзвонились и сообщили, что у них пока ничего, первые новости, возможно, появятся ближе к вечеру. Следующая запись гласила, что Темре просит позвонить Соймела Тейлари. Не до нее сейчас – это была первая мысль, и тут же, следом, появилась вторая: как же он давно у нее не был, как давно ее не видел... Отпустит его когда-нибудь это непреодолимое желание или нет? В том-то и беда, что оно может угаснуть на время, но не отпустить.

Сой очень хотела с ним повидаться. Не иначе опять потратилась. Она никогда не просила денег напрямую, лишь намекала и давала понять, что было бы весьма кстати, если бы кто-нибудь ей сейчас финансово помог. И всегда за это благодарила – по крайней мере, бывшего мужа благодарила, а кого-нибудь другого вполне могла день за днем, месяц за месяцем держать на коротком поводке и на короткой дистанции, такое за ней тоже водилось.

При мысли о «благодарности» у Темре кровь ударила в голову и в чресла. Стоило ему представить Сой обнаженной, и воля начинала плавиться, как горячий воск. Но сейчас, увы, и правда не до нее.

– Передай брату Рурно, что я печалюсь вместе с ним, – сочувственным тоном произнесла Соймела, когда он рассказал, что случилось. – Может быть, тогда зайдешь ко мне позже, на днях, когда сможешь?

– Как сумею, обязательно найду, – пообещал Темре.

Она была стервой со спрятанными коготками, но, надо отдать ей должное, проявляла понимание, если дело касалось потерь или серьезных проблем. Или, может, просто демонстрировала это понимание, хотя в душе ее грызла досада – неважно, главное, что Сой не закатывала скандалов из-за невозможности что-то немедленно получить, соглашаясь проявить терпение и дождаться подходящего момента. За это Темре готов был многое ей простить.

Впрочем, ему только казалось, что за это. На самом деле он ей все прощал за ослепительную красоту, которая четыре года назад околдовала его с первого же взгляда, и до сих пор эти чары не рассеялись.

Взяв в кладовой под расписку непромокаемый плащ с капюшоном, он отправился разыскивать Ригло Пайгари – убийцу наваждений, приехавшего по вызову на Крупяную горку ловить паука. Дежурный сказал, что Ригло сейчас работает на складах мыловаренного завода Тулабо – если поторопишься, есть шансы его там застать.

Темре знал этот треклятый заводик и эти склады, сам не единожды разбирался там с мороками. Да кто ж из гильдейских не знает предприятие Тулабо! Условия в этой душегубке намного хуже, чем средней паршивости, двенадцатичасовой рабочий день при одном выходном на десятидневку, народ замученный и озлобленный. Побываешь там разок – и поневоле начнешь подумывать о том, что смутьяны, призывающие выходить толпой на улицы, все крушить во имя справедливости и вешать богатеев на мостах, не то чтобы кругом не правы, хотя Темре никогда не увлекался их идеями.

Еще бы там не заводились наваждения! Им это все равно, что гнилые потроха для жирных помоечных мух, слетающихся на пиршество со всей округи. От рекомендаций изменить условия труда, чтобы у людей поменялось настроение, Тулабо отмахивался – мол, во сколько ж это встанет, а то сами не понимаете, уж лучше я вам, господа гильдейцы, буду платить за выезды – и мне экономия, и вам в копилку лишний сул.

Он был субъектом скользким и мнимо благодушным, с хорошо подвешенным языком. Однажды договорился до того, что Гильдия Убийц должна сделать ему скидку как постоянному клиенту, и отповедь старшины, в первый момент опешившего от такой наглости, его нимало не смутила: слушал и улыбался понимающей деловой улыбкой, словно позировал для фотографии в журнал «Лонварский предприниматель». Время от времени его штрафовали и за «питомник морочанов», как называли его завод в левых газетах, и за чудовищный свинарник на предприятии, но чаще он откупался взятками.

Темре вначале удивлялся: раз там творится такое безобразие, почему никто из доведенных до крайности работников не воплотит наконец такого морочана, который сожрал бы Тулабо? Потом понял, что все не так просто. Чтобы появилось наваждение, призванное выполнить определенную задачу, тот, кто этому способствует, должен обладать какими-никакими способностями к ворожбе и в придачу железной волей. Вряд ли человек, наделенный подобными качествами, что-то забыл на дрянном мыловаренном заводе – если его и забросит туда судьба, надолго он там не задержится.

У Тулабо работали люди апатичные и терпеливые, готовые что угодно вынести ради скромного жалованья, хотя и проклинавшие в душе хозяина-скрягу. Таких, как Джаверьена, готовых от бессильных эмоций перейти к черным делам, среди них не было.

Дежуривший на воротах сторож сказал, что убийца пока еще не выходил, и Темре пропустил без вопросов, решив, что он прибыл в помощь коллеге. В этом окаянном рассаднике мороков чуть ли не всех парней из Гильдии знали в лицо.

Слегка морщась от здешней вони, Темре надел маску и направился к складам через двор. Склады – это еще ничего, выносимо, там все же не так мерзостно, как в помещении самого завода, грязного, как самая худшая на свете клоака.

Вот и первый «подарок»: обогнув грузовик с крытым кузовом, он заметил окруженное тусклым свечением пятно. Если бы не ореол, выдающий гостя из хаддейны, это выглядело бы точь-в-точь как декоративное блюдо, зачем-то повешенное на стену приземистой производственной постройки.

Впрочем, вблизи оно напоминало скорее постельного хнырка-кровососа размером с блюдо, с отвратительными членистыми ножками и рисунком на плоской округлой спине – благообразная физиономия господина Тулабо, не узнать невозможно. Одной иглы оказалось достаточно, чтобы тварь исчезла. Темре решил, что Ригло будет не в обиде, на его долю и так хватит. Здешние мороки не отличались живучестью, зато появлялись они всегда «семейками», так что это смахивало на нашествие.

Под навесом складского крыльца толпилось с десяток мужчин и женщин изнуренного вида: работники, выгнанные наружу, чтобы никто не путался под ногами у убийцы наваждений. Они торопливо расступились, пропуская еще одного гильдейца в маске.

Внутри стоял крепкий запах дешевого мыла. Посреди тускло освещенного прохода валялась коробка, по проходу рассыпались бежевые бруски. Ригло маячил в конце прохода. Несколько «хнырков», похожих на того, что попался Темре во дворе, как будто пытались его окружить, а он мельтешил среди них, ловко избегая физического контакта, коренастый, но верткий и стремительный.

Одна тварь с портретом Тулабо на приплюснутой спине прыгнула, но темным пятном пролетела мимо – человек успел отклониться, ухитрившись при этом не наступить на другую такую же гадину, предательски распластавшуюся по полу.

Не прекращая танца, Ригло сделал рукой жест, означавший: «Если хочешь присоединиться, от помощи не откажусь, хотя управлюсь и в одиночку».

Темре сразу же включился в игру. Истребление «хнырков» заняло у них около часа, тварей в этот раз было особенно много, и часть успела расползтись, так что пришлось еще и завод прочесывать.

Когда Ригло, не привыкший стесняться в выражениях, бесстрастно цедил сквозь зубы: «Ну, Тулабо, ну, скотина ж ты этакая...» – разумеется, сохраняя внутреннее безразличие, чтобы не подбрасывать наваждению лишнего корма, – находившиеся поблизости работники оживлялись и украдкой пересмеивались. На это куража у них хватало, а на то, чтобы уволиться из этой клоаки, – нет. Не сказать, чтобы Темре и Ригло понимали их, но убийцам платят

деньги не за понимание, а за истребление морочанов.

Когда с этим муторным делом было покончено и они вышли за ворота, Ригло выругался уже по-настоящему, поминая и краба ошпаренного, и свиное вымя, и проклятый богами якорь в том самом месте, которое для якоря вовсе не предназначено.

– Если эти дурноголовые, которые за революцию агитируют, своего добьются, Тулабо будет первым, у кого они все разнесут, а его самого вздернут, и я о том жалеть не буду, – сказал он в заключение.

– Если будет заварушка, Тулабо сбежит, – возразил Темре. – У таких гадов обычно неплохое чутье на опасность, заранее срабатывает. Не приведите боги, чтобы началась такая дрянь. Морочанов тогда вылезет столько, что Гильдии с ними не управиться, разве что каждый из нас на несколько самостоятельных частей разорвется.

– Это уж да, полезут как саранча, – кивнул Ригло, соглашаясь с ним, и спросил: – Тебя, что ли, ко мне на подмогу послали?

– Я сам приехал, разговор есть. Решил подсобить, если ты не против.

– Да в самый раз, их же с полсотни было. Скотина Тулабо... – Он чуть было не начал грязно браниться по новому кругу, но передумал. – Что за разговор?

– Ты был на Крупяной горке, когда там убили хозяина квартиры, в которой видели морока – большого черного паука с мертвыми птичками. Погиб дед моего друга, мы сейчас выясняем обстоятельства. Сможешь рассказать, что там было?

Ригло все же выругался.

– Гнусная история. Я ведь, как ты знаешь, благожелательный к окружающим эгоист, и я первым делом испугался, что на меня подумают. После поисков морока прямо оттуда рванул в Гильдию и «слил картинку», чтобы ясно было – я этого не делал и маску ни на секунду не снимал, маска ведь запоминает, снимали ее посреди «картинки» или нет.

– Я бы на тебя и не подумал. Там болтался некий разносчик зелени, который вышел из квартиры уже после служанки, поднявшей тревогу. Скорее всего, это он, и его до сих пор не нашли, он оказался ненастоящим разносчиком. Меня интересует, что тебе там запомнилось или, может, показалось странным.

– Тогда сперва ты скажи, если в курсе: кто-нибудь, кроме поднявшей крик тетки, этого морочана собственными глазами видел?

– Да никто из тех, кого опрашивали. Насчет убитого неизвестно, и насчет разносчика, само собой, тоже.

– А тетка в своем уме?

– Вроде, говорят, да.

– И никаких горячо любимых племянничков-каторжников у нее нет?

– Дочь погибшего, которая нанимала прислугу, на этот счет дама обязательная, наверняка проверила через какую-нибудь детективную контору. Думаешь, насчет паука она соврала?

– Похоже на то. Во-первых, отчего морок не напал на людей? А если он был из смирных, которые нуждаются только в эмоциях, и где-нибудь в углу спрятался, я бы его нашел, я ведь там все обыскал. Во-вторых, у меня интуиция молчала – никакого чувства опасности, вообще ничего. Сдается мне, там не было наваждения, тетка на пару со своим подельником всех обдурила.

Темре задумчиво возразил:

– Если бы прислуга была заодно с грабителем, они бы все устроили потихоньку, без такого шума и такого риска. И она поклялась Пятерыми перед «бродячим котом», что действительно видела под столом страшного черного паука, а насчет личности преступника ничего не знает.

– Значит, у нее ум за разум запнулся, и паук под столом ей померещился, а бандит этим воспользовался.

Темре не стал говорить о найденных в гостиной на ковре окровавленных перьях. Ригло это не касается. Тот уже выложил все что смог – если подытожить, ничего нового.

Вместе доехали до Гильдии. В телефонной тетради Темре ожидало новое сообщение от иллихейцев, предельно лаконичное: «Она». Хвала богам, наконец-то... Итак, дальше он работает вместе с иностранными агентами со всеми вытекающими отсюда преимуществами. Лишь бы Демея не надумала расстаться с этим Клетчабом Луджерефом, которого ждет не дождется родное правосудие.

Он добрался до Блудной горки к тому времени, как начало смеркаться. От трамвайного моста пошел через парк по обшарпанным лестницам и засыпанным шуршащими листьями пустынным аллеям. Дождь уже часа два как закончился, лилово-серое небо постепенно темнело. По-осеннему пахло сырой землей и мокрой облетевшей листвой, и еще чем-то горьковатым, тонким, увядающим... В такую погоду особенно хочется горячей кавьи. За деревьями показались старинные дома, в квартире Темре окна не светились – отрадно, что никого там нет в отсутствие хозяина... Хотя Птичий Пастух может сидеть в гостиной и в потемках, у него все по настроению.

Ощущение так и впившегося в лицо чужого взгляда возникло, когда Темре вышел из-под сени старых деревьев на тротуар перед домами. Сбоку. Слева.

Мысленно выбросив линию в ту сторону, он подался назад, уходя с этой линии – как в «танце труса», когда надо разминуться с атакующим мороком, – и одновременно поймал краем глаза наблюдателя, затаившегося под аркой подворотни соседнего дома.

В руках у парня ничего нет – это было первое, что Темре отметил. Да и сам по себе мальчишка щупловатый, не противник. Просто шпион. В придачу неопытный шпион: так уставился, словно хочет взглядом просверлить дырку, в два счета себя выдал. Или, может, посыльный от иллихейцев?

– Эй! – окликнул его Темре.

Подросток юркнул под арку. Убийца наваждений бросился за ним. Его дом стоял отдельно, сам по себе, а соседний был построен квадратом с проходным двором внутри. С другой стороны улица – туда и кинулся улепетывающий соглядатай. Бежал он не по-мальчишески, это Темре сразу отметил. Так обычно бегают девушки... А когда с головы слетел картуз, явно великоватый, над поднятым воротником серой куртки, тоже, никаких сомнений, с чужого плеча, мелькнул знакомый светлый хвостик.

– Кайри, стой! – крикнул Темре.

Она припустила еще быстрее.

Хм, удрала из монастыря, чтобы поучаствовать в поимке Демеи – что еще ей могло тут понадобиться? Надо ее догнать и отконвоировать обратно, потому что нечего четырнадцатилетней авантюристке в одиночку болтаться по

Лонвару в темное время суток. Здесь столько всего случается, что, если ежедневно читать хроники происшествий всех столичных газет, рискуешь очень скоро очутиться в лечебнице для душевно утомленных, ибо жить станет невтерпеж.

Убийца наваждений бегал быстрее, чем девчонка, но противоположная подворотня выводила на улицу, и Кайри не раздумывая кинулась на противоположную сторону, лавируя между машинами. Движение было оживленное, как обычно в это время. Сшибут ведь... Заревели клаксоны, заорали возмущенные водители. Она ни разу не оглянулась.

Радуясь, что все обошлось, и решив не повторять ее подвиг, Темре добежал до светофора, но к тому времени, как он оказался на той стороне, Кайри уже поймала такси. Машина, отливающая в сумерках темной изумрудной зеленью, удалялась со всей возможной скоростью, обгоняя попутные автомобили.

«Боги милостивые, ну вот с какой стати она от меня так спасается?» – расстроенно и озадаченно подумал Темре.

А потом поспешил домой и первым делом набрал номер, оставленный преподобным братом Нурлиго из ордена Ящероголового. Раз уж орден взял Инору и Кайри под защиту, драконьи монахи теперь отвечают за их безопасность, вот пусть и отвечают по-настоящему, а не трапанов на храмовых карнизах считают.

Он был зол и с ответившим послушником разговаривал резко. Спасибо, тот не бросил трубку, а позвал к телефону преподобного Нурлиго, который как ни в чем не бывало сообщил, что Кайри сейчас вместе с другими учениками делает домашнее задание в монастырской библиотеке, нечего о ней беспокоиться. Темре сварливо ответил, что пусть тогда сходят и проверят, потому что он только что видел ее около своего дома, а потом она села в первое подвернувшееся такси и невесть куда укатила, хорошо бы ее найти, пока с этой сорвиголовой не стряслось никакой беды.

– Сейчас мы проверим, – спокойно произнес Нурлиго, прежде чем положить трубку.

Темре наконец-то повесил плащ на вешалку и накормил капелькой крови «сторожа», которого перед тем оставил без угощения, поскольку сразу бросился к телефону. Хмуро глянул в зеркало – ничуть не зверская рожа, с какой стати девчонке от него бежать сломя голову? – и пошел на кухню кипятить воду для кавьи: Дождевого Короля лучше встречать со всей обходительностью, особенно если ты чего-то от него хочешь.

Через десять минут затрезвонил телефон.

– Темре, что там за паника? – бодро спросила Кайри. – Ты, говорят, гонялся за мной, а я об этом ничего не знаю... Поделишься интересным, а?

– Ты сейчас где?

– В монастыре на Медной улице. Сидела в библиотеке, и меня оттуда выдернули, чтобы я тебя успокоила. Что случилось-то?

– Извини. Когда я подошел к дому, за мной следила какая-то девушка. Она сразу бросилась бежать. Мне показалось, это ты, – у нее прическа вроде твоей, хвостик беленький...

Темре запоздало почувствовал себя дураком. Не самое приятное ощущение.

– Сам посуди, если бы это была я, зачем бы я стала от тебя удирать? Ты меня, что ли, побьешь, если догонишь? Кстати, ничего, что я с тобой на «ты»?

– Ничего, хорошо, – согласился Темре. – Давай и дальше будем на «ты». Пожалуйста, передай мои извинения преподобному Нурлиго.

– Он не рассердился. Ты, главное, будь осторожен, если за тобой кто-то следит. Мало ли что им нужно.

– Хорошо, – повторил убийца наваждений.

Сбежавшую шпионку могла подослать Акробатка. Вполне возможно, Луджереф не единственный у нее в помощниках. Мало ли способов, чтобы заставить кого-то себе служить – подкуп, угрозы, шантаж, обещания чего-нибудь заманчивого... Если та белобрысая девчонка выполняла поручение Демеи, ничего удивительного, что она кинулась наутек.

– Убедились? – с легкой укоризной спросил жрец, которому Кайри передала трубку.

– Большое спасибо. Прошу прощения.

– Да пребудет с вами милость Великого Дракона, – снисходительно отозвался священнослужитель.

«Если еще какой шпион объявится, надо будет его поймать, – решил Темре, направляясь на кухню, где клокотала вода в кастрюльке. – Плохо, если морочанка начнет манипулировать людьми... А она может, в рамге об этом было».

Из гостиной донесся шорох. Шагов Темре не услышал, но увидел в полумраке коридора приближающийся тонкий силуэт. Клесто ступал бесшумно, только тихо позвякивали золотые и бронзовые цепочки на высоких сапогах из коричневой кожи. Он остановился в дверях и прислонился к косяку, скрестив на груди изящные когтистые руки.

Поверх туники из осенних листьев тускло белело ожерелье из чьих-то клыков устрашающего вида, а в другом ожерелье переливались крупные драгоценные камни, каждый из которых стоил целого состояния: рубины, изумруды, сапфиры, золотистые топазы были нанизаны вперемежку с желудями. Масса иссиня-черных волос, в этот раз не заплетенных, окутывала его острые плечи и ниспадала, словно плащ, на ладонь не доходя до колен. В непроглядно темных, как ночное небо, глазах светилось неистовое любопытство.

Он молча улыбался уголками тонких губ, дожидаясь, чтобы Темре заговорил первым.

– Роза Хоэдра лежит в моем сейфе в банке. Постараюсь завтра забрать ее оттуда и отдам тебе, если согласишься на эту сделку. Или послезавтра, как успею.

– Как успеешь, – не то передразнил, не то согласился Птичий Пастух и, оглядев кухонные табуреты, устроился на подоконнике. – А раздумаешь ее отдавать, как-нибудь иначе сочтемся. Не беспокойся об этом, со мной всегда расплачиваются, и вариант, который меня устроит, всегда можно найти.

– Розу Хоэдра возьмешь за свою помощь? – напрямик спросил Темре, разливая кавью по чашкам.

Заклячая договор с таким существом, лучше не оставлять никаких неясностей. С людьми, впрочем, то же самое. Пусть Темре не был дельцом, зато он был расчетливым гронси и сыном адвоката в придачу.

– От такого предложения невозможно отказаться.

– Тогда по рукам.

– Рассказывай, что тебе нужно, – предложил Дождевой Король с предвкушающей улыбкой, изысканным жестом взяв покрытую черной глазурью чаш-

ку с кавьей.

Для него эта сделка была сплошным удовольствием: и редкий волшебный бутон, хранящий чужие воспоминания, достанется ему, и вдобавок можно будет развлечься. Он внимательно выслушал собеседника, щуря длинные глаза с мерцающими вертикальными зрачками, и первым делом осведомился:

– Птичьи перья вы сохранили?

– Да. Они у Котяры.

– Это хорошо, моя сфера влияния... Фотография – тоже неплохо: эфемерный клочок вечности, запечатлевший образы и привязанности, я сумею выманить его из необъятного всеобщего круговорота, как бы далеко его ни унесло. Надеюсь, не слишком далеко, времени прошло немного. Вот если бы ты попросил меня найти похищенные деньги и драгоценности, тут я не помощник, я свое то добро сплошь и рядом теряю, а деньги безлики, хоть и кочуют из рук в руки, для меня все они на одно лицо. Нам придется нанести визит твоему другу... Пойдем туда сейчас?

Темре позвонил Котяра. Ага, тот ждал их. С охотничьим нетерпением.

Прогулка по городу в компании Клесто – в такие авантюры Темре до сих пор не ввязывался. Впрочем, Смеющийся Ловец запросто ткал иллюзии и прикидывался смертным, если на него нападала такая прихоть. Он еще в прихожей принял облик молодого человека в неброском, но модном костюме. Ожерелья исчезли, черные волосы укоротились до середины спины, как у Темре. Только вертикальные зрачки его выдавали – он не мог их изменить, но их очертания скрадывала нефтяная темень радужки: не присмотришься – не заметишь.

Когда вышли из-под козырька подъезда, он небрежным жестом протянул руку, и в ней оказался плащ с капюшоном, мигом соткавшийся из серебристых нитей морозящего дождя. Клесто как ни в чем не бывало набросил его на плечи. Он при желании под любым ливнем мог оставаться сухим, но решил не привлекать к себе лишнего внимания. Темре в этот раз тоже не забыл надеть плащ. Среди прохожих на улице и среди пассажиров в трамвае они не выделялись.

Котяра выглядел чуть получше, чем сегодня утром. Даже проявил понятный интерес, когда Клесто сбросил личину, представ во всей своей красе. Они прошли в комнату Люрайни. Собранные с полу фотографии лежали на комоде лохматой стопкой.

– Покажите мне место пропавшего снимка, – произнес Дождевой Король, доставая из-за пазухи флейту.

Джел ткнул пальцем: вот здесь.

И после этого полилась тихая мелодия, схожая с игрой солнечных бликов на мозаичном серо-зеленом морском просторе, с детской беготней в прибрежных дюнах и девчоночьим смехом, с шелковистым шелестом парусов маленькой «Серебряной гончей», которую держал в узловатых морщинистых руках дедушка Тавьяно. Темре пришлось потрясти головой, чтобы вырваться из этого сна наяву, а Котяра и вовсе застыл, как оцепеневший. Клесто не просто играл – он ворожил, *выманивал из всеобщего круговорота*. Наконец колдовская мелодия оборвалась, и флейтист потребовал:

– Откройте форточку.

В темноте за оконным стеклом вился рой белесой мошкары – несмотря на

дождь, несмотря на осень... Когда Темре повернул тугую фигурную задвижку и распахнул сначала внутреннюю, потом внешнюю створку, этот рой порхнул в комнату и приземлился на полированном туалетном столике.

Тогда-то и стало видно, что не мошкара это, а бумажные клочки, сами собой сложившиеся в картинку. Та самая потерянная фотография, грязная, разорванная, поблекшая. На снимке отпечатался след подошвы.

– О, боги... – выдохнул очнувшийся «бродячий кот».

– Я не могу восстановить былую целостность, – с вежливым сожалением добавил Клесто. – Это не в моей власти.

Котяра сжал тяжелые кулаки. Желание убивать рвало его изнутри, но рядом не было того, кто заслуживал смерти. Рядом были только свои.

– Ты ведь сможешь найти ублюдка? – обратился Темре к Дождевому Королю.

Тот пожал плечами, так что колыхнулись на груди оба ожерелья.

– Попробую. Покажите мне перья.

Монах вытащил из комода картонную коробочку из-под зубного порошка, в ней лежало несколько перышек, испачканных засохшей кровью.

– Куриные, – подержав их на ладони, определил Птичий Пастух. – Долгое время были в подушке.

– То есть как – в подушке? – недоверчиво переспросил Темре. – Быть не может...

– Ты сомневаешься в моей компетентности, как это называется у смертных? – Клесто многозначительно усмехнулся, блеснув нечеловеческими зрачками и показав острые мелкие зубы, – впрочем, он скорее решил порисоваться, чем всерьез рассердился. – Это перья из выдавшей виды старой подушки, они насквозь пропитаны людскими снами, перемешанными и наслоившимися друг на друга.

– Но кровь-то откуда взялась? – примирительным тоном уточнил убийца наваждений. – Прислуга сказала, на спинных шипах у морочана были мертвые птички...

– Это не птичья кровь.

– А чья тогда?

– Человеческая.

И лишь после того, как слушатели насторожились, Смеющийся Ловец пояснил:

– Высосанная и частично переваренная. Ее выдавили из насекомых, которые делят постели с людьми и питаются за их счет, – скорее всего, из хнырков.

– Понятно... – отозвался Темре.

– Давайте отправимся туда, где лежали обрывки фотографии, – предложил Клесто. – Это довольно далеко отсюда.

Он вновь принял облик столичного юноши, каких много ходит по улицам Лонвара, и надвинул на лицо капюшон своего дождевого плаща, серебрящегося в свете фонарей. До места добирались пешком, потратив на это около часа.

– Здесь, – сообщил наконец проводник, остановившись.

В этом районе скверно пахло, впереди блестел канал, правее громоздился в свете редких газовых фонарей какой-то завод с тремя могучими трубами. Темре и «бродячий кот» озирались, а Клесто вдруг рассмеялся и достал флейту.

– Подождите, сейчас я вам еще кое-что покажу...

В этот раз мелодия была другая – залихватская, визгливая, издевательски наглая. В канале тяжело плеснуло, потом что-то темное перевалилось через парапет и шлепнулось на мостовую. Темре направил туда луч карманного фонаря: в луже распластался громадный черный паук с торчащими из спины колючими шипами, среди которых белели облепившие разбухшую тушу мокрые перья.

Не растерявшись, убийца в то же мгновение послал в него две иглы из своего боевого перстня, и тогда Клесто снова засмеялся:

– Стоит ли расстреливать беззащитную куклу?

Темре уже успел сунуть фонарь оторопевшему Котяре и как раз надевал маску. И впрямь ведь не наваждение!

– Профессионал... – поддразнил его Птичий Пастух.

«Бродячий кот» подошел и пихнул куклу носком ботинка. Тот самый паучара, о котором рассказывала Нахана, один к одному. Разве что никаких мертвых птичек на шипах – эта подробность ей привиделась с перепугу. Он наподдал сильнее, вымещая зло на состряпанной бандитом обманке.

– Не надо, – остановил его Клесто. – Не порть куклу, она еще пригодится. Из нее можно сделать ищейку, которая приведет вас к своему прежнему хозяину.

Ищейка

Этот грязный кирпичный город с его яминами и холмищами оказался еще более сумасшедшим, чем представлялось Клетчабу вначале.

Впрочем, хасетанского ловчилу старой школы за просто так не проведешь, он с первых же дней хребтиной чуял, что есть в этом их Лонваре, так и норвяцем раствориться в дыму и в непрерывной осенней мороси, какой-то потаенный подвох. словно в дурном сне, где под конец выскакивает чудовище: не успел открыть глаза – пеняй на себя.

Спасите нас, милостивые боги, чудовища здесь и впрямь водились. Еще какие... Кровожадная Демей рядом с ними была мелкой сошкой, хотя и достаточно предприимчивой, чтобы обратить их существование себе на пользу. В этом они с Клетчабом сошлись и были заодно, хоть она и продолжала гнуть свое: мол, я госпожа, а ты низший и должен передо мной пресмыкаться.

Он разнюхал, куда подевалась та дамочка, Инора Клентари: жрецы Ящероголового заключили ее в кристалл, который хранился у них в храме, а девчонку, Кайри Фейно, определили в школу при монастыре на Медной улице. Чтобы разжиться этими сведениями, не шибко обрадовавшими ее стервейшество госпожу Демей, Луджерефу пришлось обратиться в сыскную лавочку, о которой он слышал обнадеживающие отзывы еще в начальную пору своего знакомства с Лонваром.

Контора была до того грязная, что переступишь через порог – и первая мысль: «Вот незадача, не туда забрел, в какую-то гнусную ночлежку для голодранцев...» Когда же недоразумение к обоюдному удовольствию разрешалось, тебя ставили перед фактом, что эти помойные крысы дерут за свои услуги втридорога и, сколько ни торгуйся, ни сула не уступят.

Что ж, Демей выдала сумму на расходы с лихвой и велела денег за информацию не жалеть, это Клетчаб для себя хотел сэкономить, да не подфартило. Не на тех напал. Зато колоритные неумытые детективы оказались парнями ушлыми и цепкими. Должно быть, у них была целая сеть прикормленных лю-

дей во всех областях и на всех уровнях, совсем как у Луджерефа в то безбедное времечко, когда он подвизался в Министерстве Счета и Переписи, прячась под личиной высокородного Ксавата цан Ревернуха. В наилучшем виде все разузнали.

Одна беда – они были *слишком* ушлыми. Иначе говоря, взяв у клиента заказ на сведения об Иноре Клентари и Кайри Фейно, они параллельно слили информацию о клиенте, справлявшемся о вышеназванных особах, некоей третьей стороне. Тоже небось с хорошим наваром. Можно не гадать кому. Иллихейским цепнякам, приплывшим на «Раллабе», кому же еще! Или здешним цепнякам, которые с теми повязаны. Подставили, двурушники поганые.

Клетчаб с Демеей такое развитие событий предвидели – не тупаки, хвала богам, – на вторую встречу отправились вдвоем, хотя и не вместе. Он дошел до этой дрянной конторы будто бы в одиночку, получил у замызганного ушнырка в очках с толстыми линзами и засаленных нарукавниках заказанную справку, а на обратном пути на него напали. Трое.

Демей их порвала так же, как предыдущих четверых, – смерть-баба, ей это в охотку. Еще и стволом разжилась: один из тех парней плюнул на запреты и пришел с пятазарядником. Стрельнул в эту стерву и даже, как показалось Клетчабу, попал, но, видать, был при ней оберег, отводящий пули, потому что ничего ей не сделалось.

Такие небольшие пистолеты в Иллихее называли «дамскими», а здесь – «четвертными». Не ахти что, но чем пистолет меньше, тем проще его припрятать, хотя все равно есть риск, что цепняки застукают нарушителя с помощью своих сволочных артефактов.

Ушныркам, считай, повезло, Демей прикончила их по-быстрому и так же проворно обшарила карманы двух жертв, в то время как третьего обыскал присоединившийся Клетчаб: пожива – дело святое. Потом они улепетнули от туда переулками, вроде бы порознь, но держась друг друга. Еще не стемнело, да и людишки на слякотных улочках попадались, так что мешкать не стоило.

Демей перед выходом по-хитрому повязала прозрачный дымчатый шарф, прикрыв лицо почти до самых глаз, а Клетчаб поднял воротник и надвинул потрепанный картуз, найденный среди тряпья в схроне. Если кто из прохожих и обратил на них внимание, все равно никаких примет назвать не сможет.

– Это была засада, – угрожающе и в то же время задумчиво произнесла Демей, когда они благополучно добрались до убежища. – Довольно глупая засада – с ними не было никого по-настоящему опасного. Видимо, они решили захватить моего помощника и не рассчитывали, что я буду тебя сопровождать. Раз они нас предали, нет гарантий, что они сообщили верную информацию.

– Об этом не беспокойтесь, тут они наврать девять против одного не могли, – возразил Луджереф. – Они ушнырки, которые и нашим, и вашим, и их, но блюдут свою воровскую репутацию и работают без дураков, так про них калякают люди, которые напрасно не шуршат и за шорохи отвечают.

Спохватившись – эта белесая стерва, хотя у самой руки по локоть в кровище, «воровского пения» не любила, вот и сейчас недовольно свела брови, – он объяснил то же самое по-другому:

– Их лавочка в Лонваре считается надежной, там всегда выполняют то, за что заплачено. Подрядились они добыть для вас информацию – будьте спокой-

нешеньки, честь по чести добудут, без никакого мухлежа. Это про них все знают, и поэтому они такие цены ломают. Но это не помешает им продать вас, если нарисуется покупатель при деньгах, и дальше надеяться на себя да на шальную удачу. Такие уж тут нравы подлые, госпожа Демейя.

Последнее он добавил льстивым тоном, выказывая почтение, а то вдруг эта чокнутая психанет.

– Нравы, типичные для низших. Для тех, кто копошится в грязи и не знает ничего другого, – разлепив скульптурные губы, с презрением отозвалась убийца, похожая на красивый манекен.

– То-то и оно, – лицемерно поддакнул Клетчаб. – Но сведения, могу побиться об заклад, правильные. Не с руки им рисковать репутацией. Если однажды пройдет обоснованный слухок, что они смухлевали, прежнего доверия к ним уже не будет, и тогда больше не получится такие цены задирать – прямой убыток. Чего ради они на это пойдут? Не тупаки ведь.

Он оказался прав. Пусть насчет Иноры Клентари ничего не проверишь – не приставать же с расспросами к преподобным служителям Ящероголового, зато девчонка нашлась именно там, где сказали – в школе при драконьем монастыре на Медной улице. Луджереф ее выследил, перед тем тщательно загримировавшись, чтобы его самого, не ровен час, не выследили.

Ученики жили в интернате при монастыре, но порядки там были нестрогие – тем, кто постарше, разрешалось в свободное время выходить за ворота и болтаться по городу, лишь бы вернулись до наступления темноты. Демейя показывала фотографию Кайри Фейно, и Клетчаб сразу узнал ее в стайке других подростков, отправившихся в кондитерский магазин. Худенькая беловолосая девчонка в мальчишеской куртке, на глаза падает челка, на плече сидит ручной трапан, сложив шалашиком кожистые крылья и вцепившись коготками в ткань.

Трапан в этой компании был только у Кайри. Сразу видать, что норовистая тварь: когда дети проходили мимо Клетчаба, повернул в его сторону миниатюрную драконью головку и злобно зашипел. Такой тебя и укусит до крови, и клочок волос выдерет, а ты его, тварюгу, стукнуть не смей – трапаны, хоть и мелюзга, народ Ящероголового Господина и находятся под его защитой. Не лучше кошек, которым покровительствует Лунноглазая. Чем хорош темный и вонючий схрон под Овечьей горкой, так это тем, что Клетчаб там наконец-то смог отдохнуть от кошачьего произвола, ибо не водилось в этом подземелье, похожем на разветвленный могильник, никаких священных зверей.

«Кто же разрешил этой сопливой паршивке храмового трапана с собой на улицу таскать? – подумал он с раздражением, покосившись вслед монастырским ученикам. – Небось посадила его на плечо да унесла без спросу...»

Эта сварливая мысль пришла ненароком из прежней жизни, когда он косил под почтенного министерского служащего Ксавата цан Ревернуха – человека строгого и придирчивого, всегда готового обругать окружающих за что-нибудь ненадлежащее. Такова была его тогдашняя роль, которую он сперва играл, чтобы никто не разглядел в нем пройдоху Луджерефа из Хасетана, а потом так с ней сжился, что и впрямь начинал искренне негодовать по поводу каждого попавшегося на глаза непорядка. За время путешествия на «Принцессе Куннайп» из Иллихеи в Венгу он постарался отучить себя от этой привычки, но вот поди ж ты – случаются временами рецидивы.

Довольная тем, что Кайри нашлась, Демей дала своему помощнику денег на изумруд, чтобы он смог выполнить обет и откупиться от гнева Лунноглазой Госпожи. Выбирая в ювелирном магазине подвеску с зеленым камушком, Луджереф, наученный горьким опытом, придирчиво осмотрел товар, даже на всякий случай попробовал на зуб – это заставило продавца брезгливо хмыкнуть в сторону – и потребовал, чтобы изделие проверили на иллюзорность с помощью артефакта-определителя, «а то знаем мы вас».

– Не волнуйтесь, сударь, совершить проверку мы обязаны по закону, – сдержанно огрызнулся продавец.

Подвеску Луджереф сразу же отнес в храм, но приняла ли Великая Кошка благосклонно его дары, неизвестно. Никакого знака не было, это его слегка тревожило.

– На тот случай, если нас выследят, пригодится заложник, поэтому мы должны похитить Кайри Фейно, – тем же вечером поделилась планами Демей. – Сходим туда вместе в гриме и в париках. Мы примем все меры предосторожности, и если нас там ждут, маловероятно, что узнают. – Задумчиво-недовольная интонация заставляла предположить, что в последнем она сомневается.

– Перед таким дельцем надо все хорошенько взвесить на три-четыре раза и территорию разведать, чтобы как свои пять пальцев, – неохотно отозвался Клетчаб.

Ему эта идея не нравилась. Ежели ты похитил человека, начинается сплошная морока – и сторожи его, и корми, и горшок за ним выноси... Вряд ли Демей захочет сама возиться. Свалит все хлопоты на помощника, а ему больно надо нянчиться с какой-то зареванной соплюхой. С другой стороны, обеспечить себе гарантию безопасности и впрямь было бы неплохо, а для этого нужен козырь, которого у них покамест нет.

– Сходим на разведку, – решила сообщница.

– А где потом будем девчонку держать? Здесь?

– Придется здесь, больше нигде. Может быть, мне удастся сделать Кайри своей союзницей... – на ее лице проступило томно-мечтательное выражение.

«Вот это уже твоя дурь разыграла», – отведя взгляд, чтобы она не догадалась о его неуважительных мыслях, подумал Клетчаб.

Умолкнув, Демей вновь стала похожа на манекен: сидит на ворохе тряпья, словно стройное изваяние, и гладкое лицо обитательницы витрин белеет в тусклом свете керосиновой лампы. Даже короткая стрижка к месту – головы у этих кукол в человеческий рост обычно лысые, чтобы можно было хоть парик, хоть шляпу, хоть корону надеть.

Откуда ж она такая взялась? И где научилась так убивать? Клетчаб уже начал сомневаться в том, что Демей побывала на каторге: это накладывает на человека отпечаток, а в ней нет ничего характерного, не считая «каторжной» стрижки, да мало ли почему люди стригутся... Может, ее раньше в доме для умалишенных держали, там и обкорнали, а теперь ищут, чтобы упрятать обратно, пока не накуролесила. Небось за этим стоят ее родственники. И за похищение Кайри Фейно ей как сумасшедшей ничего не будет – увезут обратно в дурдом, и дело с концом. Стало быть, отвечать за весь шорох придется старине Луджерефу. А ему терять нечего, ему лишь бы в лапы к иллихейским цепнякам не попасть.

– Ты сомневаешься в победе? – отведя взгляд от лампы, которую давно уже стоило бы почистить, нарушила тягостное молчание Демея.

– Взвешиваю «за» и «против», госпожа, – увильнул Клетчаб. – Сколько-то мы здесь проволынимся, но хорошо бы найти жилье получше. Опять же зима скоро...

– Продержаться нужно недолго. Возьмем заложницу, чтобы остановить тех, кто по-настоящему опасен, а потом ситуация изменится в нашу пользу. Когда повсюду хаос и разруха, слабым не до того, чтобы преследовать сильных. Тогда наступит мой час. При великих катаклизмах выживают сильнейшие, которые по праву берут свое.

В другой обстановке эта напыщенная речь показалась бы Луджерефу нелепой, но сейчас, глядя на безмятежное лицо Демеи, высвеченное из полумрака, словно идеальная гипсовая маска, он ощутил, что дело пахнет бедой. Однако, что немаловажно, эта беда грозит не ему.

Учитывая его неважные обстоятельства, хаос и разруха стали бы для него первостатейным подарком шальной удачи – в условиях всеобщей неразберихи куда проще будет уходить от цепняков, на которых свалятся проблемы посерьезнее, чем ловля иностранного преступника. Да только не верится, что эта кукла и впрямь сможет обеспечить что-нибудь вроде массовых народных волнений, при которых повсюду рознь и безобразия. Или буча и без нее исподволь назревает, а она пронюхала об этом и надеется на лучшее?

– Госпожа Демея, с чего же тут социальные катаклизмы начнутся? – спросил он вслух. – Оно конечно, условия на многих здешних заводах поганые и заработная плата позорная, в Иллихее за такие дела промышленников привлекли бы к суду по статье «Злостное создание на производстве условий, провоцирующих работников на беспорядки». Опять же некоторые газетенки воду мутят, агитаторы шныряют, видел я их. Но нельзя сказать, чтобы не сегодня завтра что-то прорвало, все это еще долго может так вариться и не закипать.

– Я ничего не говорила о социальных катаклизмах. Люди – тупое стадо, которое может взбунтоваться, а может терпеть до бесконечности, на них я ставку не делаю. Пойдем. – Демея поднялась на ноги. – Чтобы ты не сомневался, я тебе кое-что покажу. Как по-твоему, почему этот туннель начали прокладывать, а потом забросили и стали строить новый?

– Кто его знает. – Луджерефу, привыкшему на всякий случай все подмечать, оно тоже показалось странным. – Добротный же туннель, а они вбухали деньжища и бросили – как ни посмотри, убыток. Может, там дальше что-то есть – слишком твердая порода или, допустим, вода?

– Что-то есть, но не порода и не вода. Идем.

Когда вышли в коридор, она включила переносной электрический фонарь, работавший на батарейках. Коридор заканчивался тупиком – стена из листов фанеры внахлест, перечеркнутая крест-накрест длинными занозистыми досками. Вдоль стены громоздились кучи битого кирпича, на полу лежала стремянка.

– Поставь лестницу, – приказала Демея, повесив фонарь на крюк. – Не сюда, правее! И подожди, ничего не трогай.

Проворно, будто всю жизнь по стремянкам лазала, она взобралась под самый потолок и оторвала кусок фанеры, который держался на нескольких гвоздях. За ним открылся черный зев потайного хода.

Луджерефа разбирал интерес, и в то же время ему было не по себе. Чувал он, что отсюда лучше бы сделать ноги, но куда их делать-то – навстречу цепням-кам? Загнали его на самое дно, нимало не церемонясь, и податься больше некуда – остается только держаться за компанию с чокнутой Демеей, что бы она там ни задумала.

Повесив на шею другой фонарь, маленький, она исчезла в дыре. Перебралась туда со стремянки на зависть ловко, словно рыба в воду скользнула: ни дать ни взять циркачка. «Могла бы стать домошницей, – с одобрением подумал Клетчаб, – через форточки в квартиры забираться, с такими способностями самое милое дело...» Через некоторое время она снова появилась, пятясь задом – видать, там было не развернуться – и волоча обломок фанеры, который сбросила на пол.

– Теперь можешь посмотреть. Осторожно, с другой стороны стекло, оно держится на замазке, не задень его. Вот это возьми с собой, иначе ничего не увидишь. – Она повесила ему на шею свой фонарик, похожий на светящийся медальон.

Скверно было на душе у Клетчаба, что-то нашептывало: «Не надо, не смотри!» – и все же он полез в эту окаянную дыру. Из одного куража, чтобы не спастовать перед ее стервейшеством.

Со стремянки чуть не сверзился, с непривычки-то, он же вам не форточник, но Демейя придержала пошатнувшуюся лестницу, и он с горем пополам перебрался в лаз. И сверху, и снизу, и с боков торчал ломаный кирпич, неровности царапали в кровь ладони, впивались в колени, цепляли одежду.

Шумно дыша, он с опаской полз вперед на четвереньках. В свете фонаря блеснуло стекло. Вспомнив предупреждение Демейи, он не стал к нему прикасаться, всмотрелся в то, что находилось по другую сторону, – и в следующую секунду отпрянул, еле сдержав панический вопль.

Как он проделал по тому же тесному проходу обратный путь задом наперед, он потом вспомнить не смог. Факт, что быстро. Очень быстро.

Добравшись до конца, едва не вывалился наружу, но наткнулся на стремянку, она загремела – этот звук его чуть-чуть успокоил. Когда Демейя вновь поставила опрокинувшуюся лесенку, он сполз по железным ступенькам и кулем уселся на замусоренный пол. Он обливался потом, руки и колени тряслись, да еще кишечник начал бунтовать.

Боги великие, ничего там нет! Правда же, нет?.. В темноте, да еще за пыльным стеклом всякое может померещиться – это ведь не значит, что оно там сидит на самом деле...

Забрав у Клетчаба фонарь и подобрав с полу кусок фанеры, Демейя нырнула в потайной ход. Видимо, чтобы на всякий случай заслонить стекло, ради дополнительной страховки. Можно подумать, *то, что прячется за стеклом*, удержит хлипкая дощечка, если оно вдруг решит оттуда вылезти!

Вернувшись, Демейя другим куском фанеры замаскировала дыру со стороны коридора. В укромном углу под ворохом старых газет валялся кое-какой инструмент, был там и молоток. Каждый гвоздь она вбивала одним точным ударом.

После этого она аккуратно уложила на прежнее место стремянку и, встав над Луджерефом, как цепняк над обкуренным ушнырком, осведомилась:

– Видел?

Могла бы не спрашивать. Казалось бы, по его реакции и так ясно, что видел.

– Это морок? – сипло вымолвил Клетчаб.

– Какой еще морок... – Она презрительно усмехнулась, а ему вдруг, ну, совершенно некстати, пришло в голову, что все ее презрительные усмешки одинаковы, натурально одинаковы, словно растиражировали один и тот же фотоснимок. – Если бы это был морок, люди бы его убили. Под некоторыми из холмов Лонвара дремлют существа вроде этого, и если хотя бы одно из них разбудить и выманить наружу – можешь себе представить, какое время наступит. Плохое для обывательского стада и хорошее для таких, как я или ты. Время сильных. Теперь ты понимаешь, что с таким союзником можно избавиться от тех, кто тебя преследует?

– Не до нас им будет, – невнятно ухмыльнулся в ответ Клетчаб. – Своих делишек станет невпроворот!

Губы плохо слушались, он весь взмок и никак не мог унять дрожь, не говоря о позорных кишечных спазмах, зато в душе разрасталась и ликовала надежда: если начнется всеобщая катавасия, у него будет вдесятеро больше шансов ускользнуть от тех, кто его ловит.

Воплотившийся морок должен быть уничтожен чем скорее, тем лучше. Для Темре это было непреложное правило. О том, чтобы использовать наваждение как оружие, он и помыслить не мог, это противоречило и закону, и уставу Гильдии, и его личным принципам. Ни за что бы в такую авантюру не впутался... Разве что ради Котяры, которого морок-ищейка сможет привести к бандиту, убившему Тавьяно.

Джел хмуро и понимающе помалкивал, не пытаясь давить на друга. Уговаривал Птичий Пастух. То ли он проникся к Котяре сочувствием – ему вовсе не были чужды вполне человеческие симпатии-антипатии, то ли не хотел упустить превосходнейшее развлечение, то ли имели место оба мотива, но он проявил такую настойчивость, что это немного пугало. Во всяком случае, пугало Темре, который отлично знал, как далеко может зайти, добиваясь своего, это хрупкое с виду существо с загадочными глазами цвета ночного неба, в которых едва выделялись на фоне радужки вертикальные звериные зрачки.

Дождевого Короля не переупрямить. Хотя дело даже не в нем, а в Джелгане. Пустить по следу ищейку – единственный шанс поймать бандита.

Мокрого паучару, не слишком пострадавшего от пинков «бродячего кота», завернули в плащ и привезли к Темре домой. Сейчас он лежал в облицованной кафелем стиральной комнатухе, которая по назначению не использовалась. Все еще не просох после пребывания на дне канала. Вопрос о превращении его в морок на некоторое время отложили из-за похорон Тавьяно, да потом еще на Темре посыпались задания одно за другим – Демею пока не выследили, но в Лонваре и без нее наваждений хватало.

Теперь наступила передышка, и объявился Клесто, не забывший о своем предложении. Пусть он уже получил розу Хоэдра, он был настроен довести дело до конца. Не всякий из людей проявит такое чувство ответственности.

Впрочем, причина крылась не столько в ответственности, сколько в любви к играм и в упрямстве. Котяру он и пригласил на эту встречу самым обыденным способом – позвонив.

Темре это в первый момент несказанно удивило: ему Клесто ни разу не зво-

нил, и складывалось впечатление, что телефонов тот либо не признает, либо вовсе не замечает. Оказалось, ничего подобного. Да и почему бы древнему природному духу, когда он находится в телесном облике, не воспользоваться телефонным аппаратом?

– Это будет слабенький морок, пара твоих иголок – и он исчезнет. Управлять им будет одно-единственное желание: найти своего хозяина, того, кто смастерил куклу. Вам останется только пойти за ним, и он приведет вас куда надо. Он будет заклят на подчинение вам обоим, я это сделаю с помощью перьев, которые недалёковидный вор приклеил ему на спину. Хорошо, что клей оказался водостойкий, – Клесто сардонически ухмыльнулся, как будто трещина расколола его узкое смуглое лицо. – Наверное, ради пущей надёжности... Иные из смертных копают себе ямы с кольями на дне весьма изобретательно.

Они сидели втроем в гостиной у Темре. Ещё не стемнело, за окнами под пасмурным небом чернел парк в желтых, коричневых, блекло-зеленых и местами багровых пятнах. Ветви раскидистых деревьев облепило множество птиц; то ли перелетные стаи устроились на отдых, то ли они собрались сюда со всех окрестностей, почувствовав, что в старом доме на склоне Блудной горки гостит их повелитель.

Клесто удобно расположился на подоконнике, рядом с ним стояла чашка с остатками кавьи. Свою черную гриву он опять заплел в косички с болтающимися на концах кистями красных ягод, бронзовыми колокольчиками, кусочками янтаря, кожаными тесемками с какими-то руническими надписями тушью бисерным почерком.

– Я уже согласился, – проворчал Темре. – Могу себе представить, как паучара будет ковылять по улицам через весь город, а за ним потащимся мы с братом Рурно...

– Я сделаю его достаточно прытким. – Улыбка Дождевого Короля стала чуть добрее.

– Чтобы он сбежал от нас?

– Благодаря подчиняющему заклятью он будет слушаться ваших команд, словно дрессированное животное. И вы сможете взять его на поводок.

– Та еще будет картинка! Впрочем, если ночью, чтобы поменьше народу нас увидело...

– Когда отправитесь на охоту, я вам для прикрытия обеспечу дождь, так что видимость будет плохая. Прохожие подумают, что вы собаку выгуливаете. Приступим?

Темре скрепя сердце согласно кивнул, но Котяра неожиданно возразил:

– Не сейчас. Завтра начинается храмовый праздник Осенних Погонь и Танцев, я должен там присутствовать. Через несколько дней, когда он закончится.

Оживление паучары отложилось, гости ушли, и Темре, обнаружив, что у него выдался свободный вечер, отправился к Сои, перед этим позвонив и убедившись, что она дома.

Ощущение слезки возникло, когда он шел через парк. Шорох и движение сбоку, среди древесных стволов. Как и в прошлый раз, соглядатай, поймав ответный заинтересованный взгляд, бросился наутек.

Похоже, это опять была та светловолосая девушка, со спины похожая на Кайри. В этот раз она надела старомодную коричневую холлу с капюшоном и

короткой пелериной, и хвостика у нее на затылке не было видно, однако по тому, как она двигалась, Темре сделал вывод, что шпионка та же самая.

Она помчалась через парк к забору, огораживавшему территорию вокруг старого особняка, в котором еще с весны тянулся ремонт. Этот участок считался частным владением, а забор был добротный, высокий, с колючей проволокой поверху: ремонт в очередной раз заглох, недоделанный дом пустовал, и его владельцы опасались, что туда повадятся нищие бродяги или какая-нибудь уличная банда.

Фигурка убежавшей шпионки мелькала впереди, хорошо заметная среди сквозистых черных деревьев, на фоне желто-бурого ковра облетевшей листвы. Девчонка плохо знала парк и выбрала неудачное направление, деваться ей было некуда. Темре решил, что поймает ее возле забора.

Сидевшие на ветвях перелетные птицы – серые с желтовато-рябыми грудками кунявки – пронзительно перекликались, когда она проносилась мимо. Закачались тонкие стволы хинальи, усыпанной гроздьями продолговатых лиловых ягод, которые созревают после первых заморозков.

Девушка добежала до забора, и тут-то Темре понял, что окрестности она все-таки изучила неплохо. В отличие от него, хоть он и прожил здесь около года. Перелезть через забор она не смогла бы, но она и не собиралась: вместо этого распласталась на жухлой траве и ящерицей проползла в зазор между нижним краем ограды и землей.

Плотно пригнанные друг к дружке доски тянулись горизонтально между вкопанными столбами – ни одну не выломаешь, на лазейку не рассчитывай, зато внизу оставались пустые промежутки. Темре присел, поглядел и с досадой хмыкнул: тут протиснется разве что некрупная собака или щуплый подросток, а ему перебраться таким же манером на ту сторону не светит.

Шпионка явно заранее наметила путь к отступлению, потому что бросилась напрямик сюда. Соседние секции досок нависали ниже, там даже ей не пролезть.

Судя по звукам, доносившимся из-за забора, она запыхалась и никак не могла отдышаться.

– Послушай, почему ты за мной следишь? – спросил Темре.

Она не ответила, но задержала дыхание, прислушиваясь.

Подумалось: он считает ее девчонкой, потому что вначале принял за Кайри, а она, может быть, постарше его, он же не рассмотрел лица... Если это венгоска лет тридцати-сорока (не больше, иначе она вряд ли смогла бы так быстро бегать), обращение на «ты» должно показаться ей оскорбительным.

– Вас кто-то заставил за мной следить?

Ответа не последовало.

– Возможно, вас послала морочанка? Она выглядит как высокая и красивая светловолосая женщина с каторжанской стрижкой и совершенно бесцветными глазами. Это она, да?

Его слушали, но не отзывались.

– Если это так, я понимаю, что вы согласились выполнять ее поручения не по доброй воле. Она вас запугивала, шантажировала? Угрожала вашим близким? Лучше расскажите мне, в чем дело. Я убийца наваждений и постараюсь вам помочь.

Из-за забора донесся сдавленный злой всхлип, и Темре решил, что его до-

гадки верны.

– Эта морочанка очень опасна и может много чего натворить, если ее не остановить. Она уже убила несколько человек. Подскажите мне, где ее можно найти, и я сделаю все, чтобы вас от нее защитить.

Зашуршали легкие шаги: шпионка, так и не проронив ни слова, уходила прочь.

Темре кинулся вдоль забора, спотыкаясь о выпирающие корни и огибая кусты, на которых горели в путанице оголившихся ветвей, словно забытые после праздника фонарики, розовато-желтые и багряные листья.

Огороженный участок был довольно обширен, и перехватить ее не удалось: по-видимому, она бегом пересекла частную территорию и через щель под забором выбралась наружу до того, как Темре, двигавшийся по окружности, оказался в нужном месте.

С другой стороны тянулась вдоль парка глухая улочка с обветшалыми двухэтажными домами. В сумерках она напоминала картинку, спрятанную под затемненным стеклом.

И расспросить некого, ни души. Может, кто-нибудь и видел из окон, как худенькая девушка в старушечьей коричневой холле по-собачьи выползла из под забора, и приметил, куда она потом побежала, но не в квартиры же стучаться... Тут полно проходных двориков, так что шмыгнуть она могла куда угодно, а дальше – довольно оживленная Обойная улица, где недолго затеряться в толпе. На всякий случай Темре надел маску, но наваждений поблизости не заметил.

Сознавая, что его снова обвели вокруг пальца, он направился к трамвайному мосту.

Он познакомился с Соймелой Тейлари четыре года назад и пропал с первого взгляда. В нее кто только ни влюблялся с первого взгляда. Если имена этих несчастных переписать столбцом на шелковом свитке, как делали прекрасные принцессы в старинной любовной рамге, свиток в свернутом виде получился бы такой, что не во всякий футляр поместится.

Возможно, Соймела могла бы стать мастером иллюзий. Ее способности в этой области были не настолько велики, чтобы творить из ничего временные подобию предметов – это неплохо получалось у Иноры, та украсила гостиную Темре белым подснежником в сверкающей хрустальной вазе, и это чудо простояло почти сутки, – но уж рамгу-то создать ей было вполне по силам.

Пожалуй, для всех было бы куда спокойнее, если бы Сой увлеклась сочинением рамги, но она несколько раз начинала, а потом забрасывала: неинтересно. Ей хотелось изысканных и рискованных романтических приключений *на самом деле*, и, общаясь со своими настоящими поклонниками, которые, чего уж там, по всем статьям уступали вымышленным, она мечтала о том, что могло бы с ней произойти, будь окружающая действительность ярче и ядовитее – как в рамге.

Нечего удивляться тому, что в один прекрасный день ей понадобилась помощь убийцы наваждений. В Гильдию позвонили перепуганные родители: «Нашу дочь утащил морочан!» Темре, в ту пору начинающий убийца, как раз оказался свободен, его и послали на вызов. Сой он спас, брутального пришельца из ее грез развоплотил, а на другой день отправился туда снова, как будто его приворожили.

Родственникам, которые после смерти отца пытались его опекать и уже присмотрели для него в гронсийских кварталах несколько невест на выбор, Темре заявил, что сам разберется, что ему делать. Помогать клану Гартонгафи материально он не отказывается, но вмешательства в свою жизнь не потерпит. С тех пор к нему и пристало позорное прозвище очужевца.

Чета Тейлари, государственный чиновник на невысокой должности и его супруга-домохозяйка, к решению дочери выйти замуж за Темре отнеслись почти с облегчением. Пусть он гронси, зато по разговору и манерам приличный молодой человек и в гронсийском муравейнике не живет – снимает квартиру на улице Глиняных Уток, это место с хорошей репутацией. Вдобавок он убийца наваждений – то есть неплохо зарабатывает, для господина Тейлари это был несомненный плюс: дочка теперь будет просить денег не у папы, а у мужа. Сой водилась с лонварской богемой, и родители опасались, что она свяжется с каким-нибудь непризнанным художником или поэтом без гроша в кармане, да еще приведет его жить к ним домой, однако же вон как хорошо все устроилось!

Увы, устроилось оно ненадолго. Темре и Соймела, не захотевшая сменить венгоскую фамилию Тейлари на гронсийское родовое имя Гартонгафи, прожили в браке год, а потом по обоюдному согласию развелись. Морочаны из ее воздушных замков – это еще куда ни шло, это скорее «несчастный случай», чем «супружеская измена», к тому же Темре всякий раз оперативно уничтожал очередное любвеобильное наваждение. Другое дело – ее постоянные интрижки с представителями богемы и не только. Не мог же он убивать людей. Убийца мороков и просто убийца – это несопоставимые категории.

Случалось, Темре оскорблял действием ее удачливых воздыхателей, а некоторых, особо наглых, жестоко избивал, не ограничиваясь щадящими оплеухами. Его за это штрафовали на крупные суммы, не сажая за решетку единственно потому, что в Лонваре каждый представитель его профессии на счету. Побитые любовники исчезали, но им на смену приходили новые. С парнями из числа своих родственников он в ту пору тоже то и дело дрался, поскольку те при каждой встрече норовили высказаться о его женитьбе и о Сой с точки зрения гронсийских патриархальных ценностей.

Измученные бесконечным выяснением отношений, они расстались, но вскоре оказалось – не то чтобы насовсем.

Соймела не любила рвать отношения бесповоротно и старалась не отпускать своих мужчин, да к тому же за год брака она привыкла к обеспеченной жизни. Темре снял для нее квартиру в богемном квартале и согласился на алименты, но она все равно время от времени оказывалась на мели. При всей ее стервозности по отношению к поклонникам Сой был не чужд альтруизм, и она запросто могла дать денег нищему художнику, или музыканту, оставшемуся без работы, или старой актрисе, когда-то известной, а теперь всеми забытой и перебивающейся на крохотную пенсию. Зная о том, что она охотно выручает других, Темре скрепя сердце выручал ее, пусть даже после этого самому приходилось экономить до следующего гонорара.

Порой ему приходилось спасать бывшую жену от очередного выходца из девичьих фантазий. Кто-нибудь из ее богемных приятелей звонил посреди ночи и сообщал трагическим голосом: «Госпожу Соймелу опять украл морочан!» Это неизменное *опять* в конце концов начало вызывать у Темре произволь-

ную кривую ухмылку.

Вдобавок их с Сой по-прежнему влекло друг к другу. Не любовь, потому что любовь давно перегорела и закончилась, а в чистом виде телесное желание, но ведь оно от этого не становилось менее сильным... По крайней мере, у Темре. Впрочем, у Сой, если ей верить, тоже.

Вот такие странные отношения связывали их на протяжении трех лет после развода, и конца этому не было видно.

Терзавшая Темре ревность притупилась, и временами он забывал о ней, но нельзя сказать, чтобы она исчезла насовсем. Когда он однажды, вернувшись домой, застал в гостиной полураздетую Соймелу в компании Клесто, его первым желанием было прибить обоих.

Этот ошеломивший его инцидент, смахивающий на сценку из пошлого театрального фарса, случился зимой. Надо сказать, зимой Смеющийся Ловец выглядел на редкость эффектно: его кожа, летом и осенью смуглая, после первого снега становилась фарфорово-белой, а глаза и волосы сохраняли все ту же черноту, полную переливчатого блеска. Лиственный осенний наряд сменяло нечто морозно-парчовое, как будто сотканное из снежинок и ледяных узоров, даже сапоги были по-королевски белые, да в придачу их украшали серебристые цепочки. В его перстнях и ожерельях сверкали алмазы и кусочки хрусталя, таинственно светился лунный камень, а на концах длинных косичек висели заиндевелые зимние ягоды, роскошные дымчатые перья, серебряные монеты, грозди граненых льдистых бусин, играющих разноцветными искрами.

Еще бы все это не очаровало Соймелу! А Птичий Пастух, пусть он и был бессмертным и у него, по слухам, была такая же бессмертная свита сплошь из прекрасных юношей и девушек, тоже не устоял перед ее очарованием.

В квартиру он просочился вместе со сквозняком. Дом старый, в окнах полно щелок – все не заклеишь, к тому же от Смеющегося Ловца их надо клеивать особыми бумажными полосками с заклинаниями, которые достаточно сильны для того, чтобы тот не смог расплести их даже с помощью своей флейты. Темре не собирался с этим возиться. Заглянет в его отсутствие – ну и ладно, краб ошпаренный ему в помощь. С тех пор как они заключили мир, Клесто вел себя в гостях образцово и хозяйского имущества больше не портил. Кто же знал, что в один прекрасный день на него нарвется Сой?

Увидев свет в окнах, она решила, что Темре дома, а Смеющийся Ловец, услышав звонок, открыл ей. «Сторож» помешать им не смог, он сидел на замочной скважине и никого не пускал снаружи: раз его не потревожили ключом или отмычкой – значит, все в порядке.

Соймела ненамного опередила хозяина квартиры, и тот едва не застучал незваных гостей в самый интересный момент. Клесто достаточно было шевельнуть бровью, чтобы одежда оказалась на нем, и в ту секунду, когда Темре появился на пороге, он уже выглядел вполне пристойно, словно ничего такого здесь не произошло. Зато Сой, покрасневшая, растрепанная, запуталась в своих нижних кружевных тряпках и не успела надеть ни тавлани из серой шерстяной ткани, с модно зауженными книзу штанинами, ни сплетенную из шнурков ажурную сарпу, которую носят поверх тавлани.

Она выглядела скорее сконфуженной, чем сердитой, из чего Темре сделал вывод, что эта окаянная парочка все ж таки успела завершить дело до того, как щелкнул замок. С чем их и можно поздравить.

– Не помешал?

– Да что ты. – Клесто улыбнулся с самым искренним дружелюбием. – Разве ты можешь кому-то здесь помешать?

– А я уж думал, что пришел не вовремя. – Он постарался вложить в эту реплику весь сарказм, какой сумел из себя выжать. Кулаки были стиснуты, он спрятал их в карманы. До чего же проще иметь дело с мороками: увидел – убил, никаких тебе тонкостей и сложностей.

– Если бы я не хотел тебя видеть, меня бы здесь не было, – согнав со своего остросулового лица улыбку, но продолжая усмешливо щурить глаза, заверил Птичий Пастух. – Хочешь горячего вина с пряностями по забытому смертным старинному рецепту? Я сам приготовлю, лишь бы у тебя нашлись все нужные ингредиенты. По-моему, ты чем-то расстроен, а этот рецепт – отличное лекарство от хандры.

– Пустяки, с чего бы мне расстраиваться? – оскалился убийца наваждений. – Я сегодня за каким-то крабом ошпаренным поторопился домой, хотя мне тут определено нечего делать...

– Превосходно, что поторопился, а то я уж боялся, вдруг ты удержишься и придется уйти, не повидавшись.

Похоже, Сой по этому поводу была скорее согласна с Темре, чем с Клесто, но ее мнением никто не поинтересовался. Пока мужчины препирались, она оделась и, не прощаясь, вымелась из квартиры, хлопнув дверью напоследок.

Дождевой Король отправился на кухню готовить свое вино с пряностями, а Темре расхаживал по гостиной, высматривая, что бы такого сокрушить. Ненужное, чтобы не жалко... Некстати взывавшая гронсийская бережливость, которую островной народ впитывает с молоком матери, протестовала всякий раз, как взгляд падал на какой-нибудь из предметов обстановки.

В конце концов он со всей дури засадил кулаком в стенку, про которую знал наверняка, что она не капитальная. После этого ему полегчало, люстра мигнула и покачнулась, в стене, отделяющей комнату от коридора, появилась дыра (правда, не сквозная), а на костяшках пальцев у Темре – кровавые ссадины.

– Если ты решил все тут разнести, могу помочь, – с интересом посмотрев на дыру, предложил Клесто.

Он появился с подносом, на котором стояли кастрюлька с чудесно ароматным вином и два старинных кубка из потемневшего серебра, испещренных выгравированными узорами. У Темре такой посуды не водилось, и где Дождевой Король их взял – так и осталось для него загадкой. Во всяком случае, иллюзорными они не были, потому что до сих пор никуда не делись, и определитель обманок на них не реагировал.

– По законам жанра тебе полагалось за полминуты до моего появления спрятаться в шкафу, – угрюмо процедил убийца наваждений.

Упрекать Клесто в чем бы то ни было всерьез – пустая трата времени, это он давно уже усвоил.

– Прятаться от тебя в твоём же шкафу? Зачем, если я всегда могу обернуться сквозняком и исчезнуть с глаз долой, – резонно возразил Птичий Пастух, усевшись на стул напротив и небрежным плавным жестом отбросив назад массу черных косичек – болтавшиеся на концах хрустальные подвески сверкнули в свете люстры.

Разлив благоухающее специями благородно-рубиновое вино, он подвинул кубок к Темре.

– Пей, пока не остыло. Когда оно чуть тепленькое, не так вкусно.

– Ты хоть понял, что это была *моя жена*? Бывшая, но моя! – прозвучало надрывно и как-то по-глупому, однако Темре все равно продолжил, дав выход клокочущей горечи: – Вот можешь объяснить, какого краба ошпаренного вы с ней сношались в моей же гостиной на пыльном ковре?

Дождевой Король с тихим вздохом опустил длинные черные ресницы. А что он мог бы сказать – свалить всю вину на Соймелу? Темре примерно представлял себе, как разворачивались недавние события в этой слегка запущенной комнате, обставленной старой мебелью рыжеватого-темного дерева. Можно побиться об заклад, зачинщицей была Сой. Точно так же как четыре года назад, когда он пришел к ней на другой день после их первой встречи – и опомниться не успел, как очутился в постели с потрясающе красивой спасенной девушкой.

А еще через день сделал ей предложение.

«Потому что был дурак, – с ожесточением подумал Темре. – Это ее обычный стиль». Клесто, как и полагается уважающему себя мужчине, будь он даже бессмертный дух, не спешил выгораживать себя за счет дамы, однако Темре знал Сой слишком хорошо.

– Попробуй, зря я, что ли, старался, – нарушил затянувшееся молчание Дождевой Король, сунув ему в руки кубок, и он все-таки отхлебнул горячего хмельного напитка, в котором пряная горечь смешалась с дразнящей темной сладостью. – Ты ревнуешь?

– До тебя только сейчас дошло? – скривился в усмешке убийца наваждений. – Я возвращаюсь после работы домой – и застаю картинку... Поневоле почувствуешь себя третьим лишним в собственной квартире.

– Не ревнуй. – Собеседник тепло улыбнулся. – Я не устоял перед прелестью Соймелы, но для меня это было мимолетное приключение, как мелькнувшая капелька дождя или подхваченный ветром лепесток. Пусть сегодня случилось то, что случилось, ревновать тебе незачем, для этого нет никаких причин. Все равно я прихожу сюда не к ней, а к тебе.

Нет, Темре вином не поперхнулся, и на том спасибо. Зато у него сразу пропало желание продолжать этот разговор. Он так и не понял, было это сказано с расчетом, чтобы он заткнулся, или Птичий Пастух и впрямь на что-то намекал. Вот в это, помилуйте боги, ему совсем не хотелось углубляться, а то еще углубишься куда-нибудь не туда.

Он сразу же принялся рассказывать о своей сегодняшней охоте в шляпном магазине за наваждением, которое распугало продавцов и покупателей. Выглядела эта дрянь как шляпа на редкость мерзостного вида: склизкая, словно кусок подтаявшего студня, грязно-серая в темноватых, белесых и кровавых текучих разводах, с большими вислыми полями. Она скакала с тяжелыми влажными шлепками по всем помещениям и норовила нахлобучиться кому-нибудь на голову, а люди с визгом и воплями от нее шарахались. Обошлось без жертв, но магазин под конец выглядел как после погрома.

Клесто любил слушать его байки, так что остаток вечера они беседовали, как обычно, и к прежней теме, хвала богам, больше не возвращались.

Темре давно уже понял: Сой надо или принимать такую, как есть, или при-

душить. Поскольку ему не хотелось никого душить, оставался первый вариант. Конечно, можно послать разведенную жену к крабу ошпаренному и больше не встречаться... Но на это у него не хватало воли. На то, чтобы противостоять каким угодно наваждениям, ее хватало, а на это – нет.

Все как обычно: Сой поиздержалась в пух и прах. Темре отдал ей деньги, и она сразу потянула его в спальню. Отстраненно мелькнула грустная мысль: «Словно в бордель пришел...»

Какие-то молодые люди, ошивавшиеся у нее в гостиной, проводили их страдальчески-воинственными взглядами. Решив, что это, верно, ее нынешние поклонники, Темре ощутил проблеск злорадства.

Потом Сой начала уговаривать его съездить вместе с ней в магазины на Галантерейную горку. Можно подумать, больше ей не с кем туда поехать! Вот хотя бы с этими, которые сейчас маются в артистически обставленной гостиной.

– Они мне надоели. Ты видел, на кого они похожи? Я хочу прогуляться по Галантерейке с тобой.

– С гронси? – уточнил Темре, решив, что она, возможно, где-то подцепила такие же умонастроения, как у того венгоского мыслителя со свистком в потрепанном портфеле.

– С красивым гронси. Мы с тобой привлекательная пара и потрясающе смотримся вместе. Ну, пожалуйста, Темре, что тебе стоит! А то меня уже начинают спрашивать, почему это я в последнее время появляюсь на людях обязательно с какой-нибудь страшенной квелой физиономией под ручку.

Убийца наваждений в конце концов пообещал, что, если у него выкроится свободное время, он, так и быть уж, посетит вместе с ней Галантерейку, хотя ничего там не забыл.

Потом он позвонил в заморочный отдел, и стало не до игрушек – дежурный порученец господина Ранкуты сообщил, что Темре ждут: для него появилась новая информация по известному делу, но об этом не по телефону.

До Полицейской горки он добрался на помятом такси с загадочной бочкообразной фигуркой на капоте. Уже подъезжая к Управлению, шофер проговорился, что это тюлень, но голова у него отлетела при лобовом столкновении, в котором был виноват «тот сосунок, в детстве мало поротый», не захотевший уступить дорогу. И найти пропажу потом не удалось, чтобы на место приклеить. А менять тюленя на что-то другое неохота – он своему владельцу удачу приносит.

Начальник заморочного отдела уже ушел домой, но Темре застал там Мервегуста и Сунорчи из илихейской четверки. Новости были нерадостные. Некто запрашивал в детективной конторе «Паруйно и партнеры», больше известной как «Неминучий отстойник», информацию об Иноре Клентари и Кайри Фейно. Паруйно сотрудничает с кем угодно, кто готов платить, в том числе с полицией, и он был предупрежден о том, что, если кто-нибудь проявит интерес к этим двум особам, за своевременную весточку можно получить вознаграждение. Предполагалось, что за справкой придет Клетчаб Луджереф. Он, видимо, и пришел, но не один – его сопровождала Акробатка, следуя за ним на дистанции, и когда наемники илихейцев попытались задержать Луджерефа, она вмешалась и отбила своего помощника. Наемники погибли, все трое.

– А меня позвать? – с досадой спросил Темре. – Или кого другого из Гиль-

дии?

– Наемники не сообщили нам, когда получили известие от Паруйно, и пошли брать заказчика, – хмуро отозвался Мервегуст.

Его загорелое лицо, изборожденное глубокими резкими складками, напоминало скульптурный портрет полководца, проигравшего сражение, но упрямо размышляющего над тем, как бы взять реванш. Гладко зачесанные светлые волосы выглядели засаленными и потускневшими – некогда человеку мыть голову, дел невпроворот.

– Вы не говорили им, что в деле замешан морок?

– Нет, из соображений секретности. Но им выдали четкие инструкции: никакой инициативы, когда появится какая-либо информация – сразу же связаться с нами. Наши люди на их месте действовали бы так, как им предписано. Что ж, учтем на будущее.

«Ага, только это не «ваши люди», а предприимчивый лонварский сброд, – подумал Темре. – Захотели урвать побольше. Если бы они захватили Луджерефа, начали бы торговаться, чтобы продать его вам подороже... Хитрые. Сами себя перехитрили».

Впрочем, его больше беспокоил другой вопрос.

– Я надеюсь, этот Паруйно не сообщил преступнику, где находятся Инора Клентари и Кайри Фейно?

Вместо илихейца ответил после небольшой заминки порученец Ранкуты:

– Скорее всего, сообщил. «Неминучий отстойник» всегда добросовестно выполняет заказы, чем и славится, и если Паруйно взял с Луджерефа деньги – значит, тот получил информацию.

– Тогда мне нужно срочно позвонить монахам, – решил Темре.

Служители Ящероголового вновь заверили его, что с Кайри все в порядке и дальше будет в порядке – она под надежной защитой, и с храмовым кулоном, в который заключена Инора, то же самое.

Слегка успокоившись, он вернулся в кабинет, где заокеанские гости пили кавью, и его тоже поджидала чашка.

– Есть и хорошая новость, – продолжил Мервегуст. – Один из наемников остался жив. Наблюдатель, который не участвовал в нападении на Луджерефа. Он потом проследил за ними. Дойти до самого их логова не рискнул – испугался, что его заметят и убьют, но мы теперь хотя бы знаем, в каком районе они предположительно скрываются. Сунорчи, покажите.

Невозмутимый агент неприметной наружности развернул на столе карту Лонвара, какие продаются для туристов. Довольно обширный участок был очерчен красным карандашом: юго-восточная четверть столицы, промышленные зоны вперемежку с жилыми массивами, по большей части труппобными. Нельзя сказать, что это сильно облегчит поиски, территория-то громадная, но, по крайней мере, дело сдвинулось с мертвой точки.

– Локализация – вопрос ближайшего времени, – произнес подбадривающим тоном руководитель илихейской группы, поглядев на разочарованную физиономию Темре. – Господин Ранкута обещал проработать информацию, опросив нищих и уличное жулье, которое на крючке у полиции.

– Очень хорошо, – кивнул убийца. – Только сделайте одолжение, не забудьте все-таки меня позвать, когда проработаете и локализуете.

Множественные морочки, или «семейки» – вроде скопища хнырков-пере-

ростков на мыловаренном заводе у Тулабо, – отличаются тем, что состоят из некоторого количества отдельных объектов, хотя на самом деле это, считай, один морок. Они могут быть крайне опасными, особенно если охочи до плоти и крови: попробуй увернись, когда тебя атакует целая стая тварей!

Множественное наваждение, доставшееся Темре в этот раз, опасным не было. Оно всего лишь высасывало людские эмоции, притворяясь хорошо знакомыми вещами, когда-то дорогими, а потом потерянными, которые попадались там и сям в хозяйском доме – то на виду, то в укромных уголках.

Владелица особняка, пожилая венгоска благородной наружности, пережила немало несчастий. Супруга она давно похоронила, ее сын вместе с женой и детьми погибли во время морской прогулки. Время от времени в доме обнаруживалось – россыпью в разных местах – то, что когда-то принадлежало им, но не сохранилось: там детский мячик, здесь флакон из-под любимых невесткой духов, на кухне чашка с рисунком, целехонькая, словно ее не разбили двадцать лет назад, на спинке кресла полосатое кашне сына, вместе с ним утонувшее.

Поначалу она смотрела на эти вещи как зачарованная, трогала их и гладила, тихо плакала, но потом, переломив себя, все же одумывалась и звонила в Гильдию. Тогда к ней присылали убийцу, который деловито уничтожал всю эту печальную жуть. До следующего раза.

Непыльная работенка. Главное – ничего не пропустить. Да потом еще хозяйка угостит чаем с домашней выпечкой и на прощание со старомодной церемонностью извинится за то, что «опять побеспокоила». А все равно Темре предпочел бы сражаться с чем-нибудь кровожадным, прыгучим и клацающим зубами. Он уже несколько раз побывал в этом доме и всегда уходил оттуда в невеселом настроении.

Не стоит так жить. Иные люди цепляются за вещи – или за воспоминания о каких-то вещах, сломанных, потерявшихся, украденных, отданных не в те руки, – как за что-то трагически важное и, постоянно думая об этом, делятся своей жизненной силой с пустотой. С женщинами такое бывает чаще, чем с мужчинами. А пустоте все равно: она проглотит столько, сколько ей отдадут.

Порой Темре хотелось все это высказать грустной и вежливой пожилой даме с подкрашенными фиолетовыми буклями, но станет ли она слушать молодого парня, который к тому же не монах из какого-нибудь почтенного ордена, а всего-навсего убийца наваждений? Вряд ли он сможет ее в чем-то убедить.

Впрочем, вполне возможно, что она и сама все это понимала, но вещи хранили для нее эхо той жизни, которая закончилась с уходом близких людей – как будто впитали их голоса, улыбки, чувства, ощущение хотя бы частичного их присутствия. Это эхо прошлого держало ее в плену, чем и пользовались мороки, которые, притворяясь дорогими ей предметами, досыта кормились ее тоской.

Темре вспомнилось, что он читал об обычаях метве, живущих на крайнем севере Анвы, в Лолсороге. Там личное имущество умерших сжигали на ритуальных кострах – приносили в жертву богам. И точно так же северяне поступали со своим собственным скарбом при больших переменах в жизни или если на тебя нападала необъяснимая хандра. Недаром бережливые гронси считали этих метве сумасшедшим народом. Темре тоже полагал, что это чересчур, но что-то резонное в этом было.

Во всяком случае, сам он испытал странное облегчение, когда в квартире на улице Глиняных Уток погибло все его добро. Убытки убытками, но та обстановка мучительно напоминала ему о совместной жизни с Соймелой, и после того как Клесто все там испакостил, превратив невесть во что – обеденный стол в ухмыляющуюся корягу, люстру в перепутанный металлический невод, в котором застряли стеклянные рыбки, – ему стало не так больно, как было до этого.

Зато домовладельца, явившегося разбираться, от этого зрелища чуть удар не хватил, и он сразу бросился звонить в Магическое Управление, бормоча по дороге себе под нос: «Сдал квартиру гронси, как знал ведь, чем оно кончится... Понаехали со своих островов и вон чего творят теперь у нас в Лонваре!..» Хотя ничего такого знать заранее он, конечно же, не мог.

Прибывший из Управления маг долго ходил по квартире, разглядывая заколдованное имущество и многозначительно качая головой, потом вызвал фургон и своих подчиненных, чтобы забрать все это для исследований.

Темре рискнул спросить, как ему отделаться от Клесто, нельзя ли раз и навсегда изгнать мерзавца и закрыть ему дорогу сюда с помощью подходящего артефакта? На что маг отчитал его, заявив, что Дождевой Король – это вам не какая-нибудь нечисть, чтобы его изгонять, а могущественный и уважаемый природный дух, и если он чем-то недоволен, надо постараться его умиротворить, и вообще зря вы это брякнули, молодой человек, лучше бы вам за «мерзавца» извиниться, а то вдруг он нас слышит?

Извиняться Темре не стал. А Клесто, как выяснилось, и в самом деле все слышал. Появившись потом в опустелой квартире с попорченным паркетом и рельефно выпирающими из стен несъедобными плодами, которые раньше были рисунком на обоях, он с улыбкой промолвил:

– Тебе дали дельный совет, меня нужно умиротворить. Это сделать нетрудно: предложи мне чашку кавьи, усади меня за стол... Ах да, столов здесь больше не осталось, придется на полу. Главное, что посуда уцелела и плита в порядке.

– А русалочьего молока тебе не надо? Сейчас я тебя умиротворю!

Темре тогда все еще хотелось в окно его вышвырнуть, а не кавьей угощать. Тем более что окна в ходе предыдущего сражения были вконец разбиты – не только стекла вдребезги, но и переплет в щепки. Однако толку-то выбрасывать с третьего этажа того, кто в любой момент может обернуться дуновением ветра? Птичий Пастух не сопротивлялся и хохотал, когда его волокли за волосы к разгвазданному оконному проему, а домовладелец на следующий день потребовал, чтобы господин Гартонгафи немедленно отсюда съехал.

Капитулировал Темре после того, как та же история повторилась на Кругосветной горке, и ему пришлось перебраться на Блудную, где Клесто вылечил его от простуды.

Вспоминая об этих перипетиях по дороге домой, он подумал, что окна в ближайшее время надо бы заклеить, хотя бы в гостиной и спальне. Нет, не от Дождевого Короля, а потому что пора уже, скоро начнутся холода.

Девушку-соглядатая он заметил издали. В этот раз она не пыталась бежать. Сидела на спинке полукруглой каменной скамьи неподалеку от подъезда и смотрела из-под челки на шагающего по аллее Темре. Над ее левым плечом виднелась какая-то выпуклость: то ли ручной зверек, то ли дамское укра-

шение вроде тех больших матерчатых бутонов, какие были в моде, когда Темре познакомился с Сой.

Все-таки надумала поговорить...

Покушения он не опасался, при нем был оберег, рассчитанный на сотню выстрелов и еще ни разу не использованный. А если нападут с холодным оружием, тем более пусть пеняют на себя.

Еще через несколько шагов он вполголоса помянул краба ошпаренного. Это не шпионка, это Кайри собственной персоной! Хотя нечего ей тут делать, ей сейчас надо прятаться в монастыре и носа не высовывать за ворота. Он ведь не далее как вчера предупредил об этом служителей Ящероголового. А на плече у нее устроился трапан, похожий на миниатюрного дракончика редкой синеватой масти с перламутровым отливом.

– Ты ушла из школы без спросу? – резко спросил Темре, остановившись перед ней.

Скамья из белесовато-серого камня напоминала великанскую вставную челюсть, ее полукруглое сиденье было засыпано древесными семенами и сухими листьями, среди которых валялся смятый бумажный стаканчик.

– Я отпросилась. Чего ты сердишься?

– Какой-то субъект, скорее всего помощник Акробатки, навел о вас с Инорой справки через частную детективную контору. Люди, которые пытались его задержать, убиты. Монахи до сих пор не поняли, что это не игрушки?

– Учитель Нурлиго сказал, что я под защитой. Он не сказал бы просто так, он, между прочим, преподаватель!

– Я знаю, – проворчал Темре, остывая. – Пойдем чаю попьем, а потом я отконвоирую тебя обратно в монастырь. Под защитой ты или нет, а мне так будет спокойнее.

Кайри прыгнула со скамейки, и они направились к подъезду. Темре озирался, но шпионки нигде не было видно. Возможно, в этот раз она затаилась лучше: за кустарником на окраине парка, за углом дома, в темном провале соседней подворотни – и не спешила показываться на глаза.

– Кого ты высматриваешь?

– Ту девушку, которую принял за тебя. Она примерно такого же роста, худенькая, тоже собирает волосы в хвостик на затылке, и они у нее похожего цвета. Она опять приходила, следила за мной и опять бросилась от меня бежать со всех ног. Я ее так и не поймал, а хорошо бы с ней побеседовать. Акробатка могла чем-то запугать ее, чтобы заставить выполнять поручения.

– Запросто, – согласилась Кайри. – Она и в рамге заставляла других служить себе. Раз она выясняла, где я, давай попробуем поймать ее на меня как на приманку? Учитель Нурлиго сказал, я под сильной защитой, поэтому со мной-то ничего не случится...

– Нет, – отрезал убийца наваждений.

Тут им пришлось замолчать, потому что вошли в подъезд: незачем посвящать в эти дела соседей. Кайри нахмурилась и нахохлилась, трапан у нее на плече тоже нахохлился, как будто из солидарности, уловив ее настроение.

– Откуда у тебя такой красавец? – поинтересовался Темре, любуясь синевато-жемчужными переливами его чешуи и сложенных кожистых крылышек.

– Это храмовый, но теперь он мой. Его зовут Ренго, как маленького дракона в рамге Иноры «Лиловый город».

– Тебе его подарили?

– Он сам мне подарился. Ребята из школы позвали меня посмотреть башню с гонгом, а там их полным-полно сидело на балках. Он тогда слетел и уселся ко мне на плечо и не захотел уходить. Учитель Нурлиго потом сказал, что это будет мой трапан, раз он меня выбрал, и я должна дать ему имя. Я, когда была маленькая, мечтала, чтобы у меня был свой ручной трапан, и теперь он появился...

Пока поднимались по лестнице, она болтала без умолку. Похоже, в монастырской школе ей понравилось, прижилась с первых дней. Когда она сбросила в прихожей куртку, Темре увидел у нее на запястье бронзовый браслет с рельефной чешуей. На некоторых чешуйках можно было рассмотреть крохотные выгравированные руны.

– А это что?

– Все ученики такие носят. Кстати, учитель Нурлиго сказал, если я захочу у них остаться, меня примут без экзаменов, меня туда все равно что уже приняли. Здорово, правда? Он собирается поговорить об этом с Инорой, когда ее выпустят из кулона. Здесь лучше, чем в той моей школе, которая в Олонве. Только в Олонве у меня друзья, и нужно, чтобы на каникулы я смогла туда ездить.

На кухне она зажгла газовую горелку и поставила на плиту кастрюльку с водой, словно давно здесь жила и занималась этим каждый вечер. Темре уже успел про себя порадоваться, что она забыла об идее ловить морочанку на живца, но, закончив выкладывать школьные впечатления, Кайри вернулась к этой теме:

– Как насчет того, чтобы я сыграла роль приманки?

– Никак.

– Почему?

– Потому. Лучше всего ты поможешь, если будешь осторожна и не вляпешься в неприятности.

– Мы могли бы вместе ее поймать, – с сосредоточенным видом наливая в блюдце сливки для трапана, пристроившегося на краю стола, буркнула Кайри.

Четвертную бутылочку сливок она купила по дороге и принесла в кармане куртки.

– Может, могли бы, а может, и нет. Я принял к сведению, что ты под защитой. Если это что-то храмовое, магия ордена, морочанка, вероятно, не захочет с тобой связываться. На жрецов Пятерых наваждения не нападают, чтобы не огрести, – они сразу чувт опасность, и если твой браслет в этом смысле так же эффективен, приманки из тебя не получится. Ну а если нет, неподготовленный человек в этой роли скорее помешает мне, чем поможет. Ты сможешь двигаться с такой скоростью и ловкостью, чтобы Акробатка при всем желании не смогла тебя достать? А заставить замолчать свои эмоции на время схватки сможешь?

Кайри слушала с недовольно-задумчивым выражением на лице. Ренго тоже как будто слушал, вытянув вперед и слегка склонив набок змеиную головку с глазами-бусинками. Пасмурный день за окном уже начал меркнуть, но на кухне, несмотря на воцарившийся полумрак, было на свой непритязательный лад уютно: словно карандашная картинка в коричневых тонах со множеством старательно и любовно прорисованной утвари, а в центре – беловолосая девочка и трапан перед белым кружком сливок в голубом блюдце. Глядя на них,

Темре мимолетно пожалел о том, что у него так и не образовалось настоящей семьи.

– Ладно, я поняла. Я хотела как лучше... А ты не знаешь, где можно купить золотой и серебряной чешуйчатой ткани и еще прозрачной синей с блестками?

– Безусловно, в магазине. Зачем тебе?

– Мне ритуальный костюм сшить надо. Я сошью сама, девочки в школе помогут скроить, но я хочу выбрать такое, что мне больше всего понравится. Это на храмовый праздник, мне сказали, что я тоже могу участвовать, и для этого обязательно должен быть парадный костюм. Учитель Нурлиго даже хотел дать мне денег, чтобы я могла все для этого купить, но деньги-то у меня есть, Инора оставила. Где в Лонваре самые хорошие магазины тканей и всякого для шитья?

Ага, драконий осенний праздник наступает вслед за кошачьим... А Кайри, похоже, успела стать в школе всеобщей любимицей. Что ж, она и правда славная.

– На Галантерейной горке. Там несколько больших дамских магазинов и целая куча маленьких, все это называется Галантерейка. Там найдется что угодно... О!.. – Темре осенило. – Можем съездить туда вместе и еще одну мою знакомую с собой прихватим. Она хорошо знает Галантерейку.

Почему бы не совместить полезное с приятным? Полезное – это покупка для Кайри тканей на церемониальное одеяние, а приятное – будущая благодарность Соймелы за то, что он убьет время на блуждания с ней по магазинам. Против Кайри Сой возражать не станет. Стервозничала она с мужчинами, а к женщинам относилась, пожалуй что, по-сестрински, не считая тех, которые сами нарывались на вражду, но здесь никаких осложнений не предвидится.

– Хорошо, – согласилась Кайри, покачиваясь на табурете, в то время как ее трапан жадно лакал сливки быстрым раздвоенным язычком.

Клетчаба изводила бессонница, самая худшая ее разновидность – молчаливая спутница страха. Устраиваясь на ночлег в своем холодном углу под ворохом накупленных по дешевке стеганых одеял, он не мог не думать о том, что дремлет в укромной полости под Овечьей горкой в конце заброшенного замурованного коридора.

С тех пор как Демей начала *это* подкармливать – живым мясом, парной кровью и людским предсмертным ужасом, чем же еще! – *она* там уже не столько дремало, сколько постепенно просыпалось. Когда совсем проснется, беспределу тутошнего полицейского государства наступит конец: другие у цепняков будут заботы, если этакая напасть посреди города из-под земли наружу выползет. Под шумок начнутся грабежи, мародерство и прочая веселуха.

Как утверждала Демей, Овечья горка не единственная, под которой обретается погруженное в безвременную спячку *нечто*. Если остальные подземные постояльцы под влиянием начавшейся катавасии тоже начнут просыпаться, прежняя отлаженная жизнь затрещит по швам, и Лонвар станет неподконтрольной властям территорией. Кому беда, кому благодать: тем проще будет в этой мутной кутерьме играть в прятки с иллихейскими агентами.

Демей тоже хотела пожить в свое удовольствие, но кого-то опасалась – так и не проговорила, кого именно, чтобы Луджереф не узнал, с кем можно про-

тив нее столкнуться, – и возлагала большие надежды на грядущее царство беспредела. Иные дамочки при иллихейском императорском дворе точь-в-точь так же о сезоне балов мечтают.

Клетчаб видел *нечто* лишь однажды и в подробностях не рассмотрел – сразу ринулся оттуда, с поразительной скоростью пятясь раком по тесному кирпичному отворку, но ему, знаете ли, хватило.

Оно было огромно, уж это он оценил. То ли гигантская мокрица, свернувшаяся в клубок, то ли улитка с разделенной на многочисленные сегменты мягкой раковиной, то ли еще какая похожая пакость. Сонно шевелились усики-хлысты, из раздутых черных боков там и сям торчало множество поджатых членистых ног толщиной с фонарный столб. Есть ли у *него* глаза, Клетчаб, благодарение богам, не заметил. Встретить взгляд подземного Постояльца, как они с Демеей условились называть меж собой это существо, – такого потрясения он мог бы и не пережить.

– Здешний народишко не знает, что у них под городом водится? – поинтересовался он у своей союзницы.

– Не водится, а спит, – поправила Демей. – Пока еще спит, но это ненадолго. Быдло не знает, низшие существа не интересуются ничем, кроме еды, алкоголя, примитивной грязной похоти и купли-продажи барахла.

Насчет «быдла», «стада» и «низших существ» она вворачивала по каждому поводу и без повода, неизменно с одной и той же презрительной усмешкой.

«Вот заладила повторять, кукла заводная, да когда ж тебе надоест!»

Сказать об этом вслух Луджереф не смел, даже мыслям таким воли не давал, чтобы невзначай на физиономии чего ненужного не отразилось.

– Откуда же вы об этом узнали? – Он подпустил в голос побольше почтительного восхищения.

– Для людей образованных это не секрет. Обе мои мамочки весьма начитанные особы, – в глазах у Демей вспыхнули и тут же погасли недобрые огоньки. – В книгах им попадались упоминания о Постояльцах, а мне известно все, что знают они.

«Хм, это как понимать – у тебя, стало быть, есть и родная мать, и мачеха? Ежели папаша гульнул из семейки на сторону...»

Не стал любопытствовать, чтобы не разозлить ее. Видно, что к «мамочкам» она относится без дочерней приязни: дай ей волю, удавила бы обеих. Небось так и планирует сделать, когда Постоялец выберется на поверхность и начнет большой кавардак, за ее стервейшеством не пропадет.

В настоящее время в подземелье вместе с ними обитало шестеро ушнырков, которых Демей привела из города. Они разбивали и разбирали кирпичную кладку, перекрывающую старый коридор к пещере Постояльца, и за это получали от хозяйки крейму – дурь, на которую они, по-видимому, подсели давно и основательно. Что находится в конце коридора и кого Демей собирает оттуда выпустить, им было наплевать, лишь бы получить дозу. Без жратвы они могли бы несколько дней перетерпеть, а без креймы – никак.

В подземелье было людно и шумно, работники колотили ломиками по кирпичу, перекликались невнятными тягучими голосами, и вдобавок стояла крепкая вонь отхожего места. Нужду справляли прямо здесь, в дальнем закутке, чтобы не выбираться каждый раз по этому делу на склон горки, а то вдруг кто заметит и стукнет в полицию о подозрительной суете в неположном

месте.

Порой Клетчабу казалось, что он улавливает в смрадном спертном воздухе сладковатый запах наркоты. Крейму не нюхают, а вмазывают, но это все равно его беспокоило: еще не хватало одуреть за компанию с остальными, чтобы потом, когда проход будет расчищен, тебя вместе с ними скормили Постояльцу! Он догадывался, какой конец ждет несчастных ушнырков, но держал язык за зубами.

Еду для обитателя пещеры Демей приводила по ночам, когда работники отдыхали под кайфом, вмазав заработанную честным трудом дурь. Зазывала «погреться» кого-нибудь из городских бродяжек, молодого парня или девку, а потом связывала, затыкала рот и волокла в логово к погруженному в дремоту, но реагирующему на появление пищи Постояльцу.

Лаз, который туда вел, расширили – вернее, углубили до уровня пола, и теперь не было необходимости карабкаться на стремянку, чтобы добраться до пещеры. Можно было просто протиснуться по узкому проходу, наступая на хрусткие обломки и задевая плечами торчащие кирпичные сколы с обеих сторон. Если у тебя боязнь закрытых помещений, свихнешься там в два счета, а как дойдешь до конца и увидишь Постояльца – гарантированно свихнешься безо всякой боязни.

Луджереф туда не ходил, зато при каждом удобном случае заводил с Демеей умные разговоры. Пусть он не был любителем чтения, ибо никогда не уважал этого пустого занятия, но припоминал, как другие при нем обсуждали прочитанную книжку, или виденный в театре спектакль, или какое-нибудь непонятное стихотворение, – и повторял их дурацкую болтологию, будто бы это его собственные мысли. Старался изо всех сил, чтобы получалось складно. А то Демей то и дело цедит, что вокруг одно быдло с низким уровнем интеллекта, которое живет непонятно зачем, – так пусть возьмет на заметку, ведьма психованная, что Клетчаб Луджереф не таков, как другие. Этого самого интеллекта у него на троих, поэтому нельзя его Постояльцу отдавать.

Вроде бы старания не пропали втуне: она определенно стала смотреть на своего помощника благосклоннее. Поднялся он в ее глазах – так-то, где наша не пропадала! Главное было не оплошать и без запинки выдать подходящую заумь, если госпожа Демей вдруг проявляла интерес и поддерживала беседу, но Клетчаб умел выкручиваться. Это ж, господа хорошие, его родная стихия: втереться в доверие, наплести с три чемодана и обдурить тупака. Только сейчас речь идет не об афере, сулящей поживу, а о том, чтобы сохранить свою шкуру.

Впрочем, пожива тоже предвидится. Потом, в перспективе. Когда Постоялец отправится гулять по Лонвару, людишки засуетятся, запаникуют, и можно будет втихаря прибрать, что поплывет в руки.

Несмотря на то что отношения с Демеей благодаря умелому «интеллектуальному» подходу понемногу налаживались, Луджерефу так и не удалось раскрутить ее на то, чтобы выследить и перебить иллихейских агентов. Для нее это плевое дело, но она отвечала неопределенно – мол, не до того сейчас. Он не тупак, уразумел: эта сука не хочет их убивать, чтобы Клетчабу было кого бояться – тогда он не посмеет уйти, останется у нее в помощниках, так что можно будет и дальше им помыкать. Практичная, хоть и чокнутая.

Из заморочного отдела сообщили, что «дело продвигается»: опросы уже да-

ли кое-какие результаты, предполагается в скором времени локализовать район обитания Луджерефа и Акробатки до нескольких кварталов, и тогда Темре вызовут. Впрочем, на безделье он не жаловался: мороков в Лонваре водилось в избытке – а значит, и работы для него было хоть отбавляй.

Он до сих пор не съездил с Кайри и Соймелой на Галантерейную горку. Решал каждый раз: завтра – обязательно, а потом снова откладывал. Ну, не любил он ходить по магазинам! Другое дело, охотиться в магазине за наваждением, а просто так там слоняться, на все подряд глазеть, что-то подолгу выбирать – от этого увольте.

Когда он издали, из аллеи, заметил знакомую фигурку с трапаном на плече, его чувствительно пнула совесть. Обещал ведь... Значит, нынче вечером придется сдержать обещание.

Темре ускорил шаги, направляясь к полукруглой скамье, похожей на вставную челюсть, потерянную каким-то беззубым великаном, окаменевшую и вросшую в землю. Кайри опять устроилась на спинке, ее ботинки тонули в ворохе листьев, засыпавших сиденье.

– Здравствуй!

– Здравствуй. – Она не улыбнулась, смотрела насупленно и как-то по-взрослому печально.

– У тебя что-то случилось? – насторожился Темре.

– Да нет, все в порядке. – Она так резко мотнула головой, что длинная челка метнулась туда-сюда. – У меня все в порядке. Просто я недавно с одним человеком поговорила о жизни, и стало грустно. Мне, между прочим, уже пора шить наряд для праздника.

– Сегодня поедем. Сейчас поднимемся ко мне, я позвоню Соймеле... Если не дозвонюсь, все равно поедем, без нее. Не беспокойся.

Загребая ногами шуршащие листья – похоже, ей это нравилось, – девочка пошла рядом с ним к подъезду.

– Новая рамга Иноры уже вышла. – Ее голос прозвучал приглушенно, словно тут же растаяв в прохладном дымном воздухе. – «Полуночный мираж». Можно купить по дороге, если попадетсЯ, ты ведь хотел.

– Потом, – решил Темре. – Я хожу за рамгой в магазинчик иллюзий на улице Вернувшихся Кораблей, я там постоянный покупатель. Это в стороне от Галантерейки. Только не рассказывай мне содержание и чем все закончилось.

– Ты чего, я не из таких! – возмущенно фыркнула Кайри, и трапан у нее на плече согласно пискнул, словно заступаясь за хозяйку.

До парка очередь еще не дошла, а возле домов дворники уже вовсю жгли палую листву. От окутанных дымом пестрых холмиков тянуло ностальгической осенней горечью, немного напоминавшей букет раьянгле столетней выдержки.

Торопливые догоняющие шаги за спиной показались Темре знакомыми, и, глянув через плечо, он увидел Котяру. Тот более-менее пришел в себя, с его круглой физиономии исчезла страшноватая стылая окаменелость. Похоже, храмовый праздник подействовал на него благотворно, да и разрешение на охоту, с перспективой свести счеты с убийцей Тавьяно, сыграло свою роль.

– Я скоро буду свободен, – сообщил он многозначительно, когда вошли в прихожую, и Кайри отправилась на кухню варить кавью. – С завтрашнего вечера, от силы послезавтра.

– Ага, я тогда свяжусь с кем надо. Найдем.

– Что это за девочка с трапаном? – шепотом поинтересовался «бродячий кот», направляясь следом за хозяином в гостиную.

Темре рассказал о Кайри. Впрочем, кое-что Котяра и раньше от него слышал.

– Как ей Лонвар? Обычно провинциалы поначалу вовсю ругаются.

– А ты сам у нее спроси. Вроде не жалуется. Даже не против остаться в монастырской школе, ее как будто уже обещали взять туда официально, когда все закончится.

– Еще бы не взяли, – кивнул Котяра. – С такой-то протекцией!

– Ты имеешь в виду то, что она племянница Ким Энно?

– Нет, я имею в виду трапана у нее на плече.

– А он здесь при чем? – удивился Темре.

– Синий с перламутровым отливом – особая масть, – тихо пояснил Котяра. – Считается, эта порода ближе к Ящероголовому Господину, чем все остальные трапаны. Если он сам выбрал ее и привязался к ней – это знак того, что Кайри угодна Великому Дракону. Жрецы наверняка это отметили и сделали выводы.

– Да, она говорила, что ее согласны зачислить в школу даже бесплатно, – припомнил Темре.

– Наверняка они готовы еще и приплатить из орденской казны, если вопрос встанет таким образом, лишь бы девчонку отдали им, – подтвердил монах. – И для нее хорошо – научится многому, чему больше нигде не научат. Раз она запросто швыряется «волчками, летящими в пустоту», ей там самое место. Судя по тому, что ты говорил, такому подарку обрадуется любой орден. Драконы первыми успели и наложили лапу, нет бы вы кошек позвали Инору прятать...

– Так это дежурный старшина решает, откуда вызвать преподобного с кулоном, – попытался оправдаться Темре.

– Да я не в упрек, – знакомо и весело подмигнул Котяра. – Может, драконьего в ней больше, чем чего другого, потому все так и сложилось. Эй, ты куда?

– Я сейчас, – на ходу бросил сорвавшийся со стула Темре. – Запереть надо, а то вдруг...

Запирать он кинулся стиральную комнатушку, в которой лежал на кафельном полу почти совсем высохший паучара. Вдруг девчонка сунет туда нос из любопытства? Визгу будет, перепугается до полусмерти.

В полутемном коридоре он чуть не налетел на Кайри, которая как раз вышла с кухни с подносом. Она подалась назад, трапан снялся у нее с плеча и взлетел под потолок, кавья выплеснулась из чашек.

– Что-то случилось?

– Нет, ничего, – фальшиво усмехнулся Темре. – Ты иди, угощай брата Рурно, я скоро к вам присоединюсь.

Девочка хмыкнула и двинулась к светлому проему гостиной.

Он завернул в загроможденную стопками книг и рамок комнату, которая считалась кабинетом, достал из нижнего ящика письменного стола жестянку из-под дорогой илихейской кавьи, выудил оттуда нужный ключ и запер роковую дверь на два оборота. Познакомиться с паучарой Кайри так и не довелось.

Когда Темре вернулся в гостиную, его гости уже нашли общий язык и бесе-

довали о кошках. Он позвонил Сой, договорились встретиться через полтора часа около подъездника на Галантерейной горке. Взяв свою чашку – мокрую и липкую оттого, что кавья вылилась через край, – он подошел к окну, глядя с прищуром на клубящуюся коричневато-серую путаницу парка, кое-где оживленную желтыми, красными, оранжевыми и даже розовыми вкраплениями.

– Эй, что высматриваешь? – окликнул его Котяра.

– Ту девицу. Шпионку. Я собираюсь выследить ее и поговорить.

– Не надо. – Голос Кайри прозвучал неожиданно резко. – Я уже.

– Что – уже? – Убийца наваждений в недоумении обернулся.

– Выследила и поговорила. Оставь ее в покое, ладно? Она не сделает ничего плохого.

– Погоди... Как тебе удалось?

– Мне Ренго помог ее застукать. – Девочка погладила пальцем вдоль спинки своего трапана, который ковылял по столу, раскинув синеватые кожистые крылья, и с интересом исследовал клетчатую скатерть с засохшими темными кругами от чашек. – А убежать она не успела, потому что не знала, что мы за ней охотимся, я ведь тоже быстро бегаю. Она не с морочанкой, она сама по себе.

– Это она так сказала?

Утвердительный кивок.

– И ты поверила?

– Она поклялась Пятерыми. Стал бы человек так врать, тем более что у меня на руке орденовский браслет? И еще она рассказала, откуда тебя знает. Она не враг, поэтому не надо больше за ней гоняться. Вдруг она в следующий раз упадет и расшибется? И в том, что ей тогда пришлось уехать на такси, тоже ничего хорошего нет – это, между прочим, для некоторых дорого. В общем, если еще раз ее увидишь, оставь ее в покое, пожалуйста.

Кайри глядела на Темре из-под челки сурово, словно что-то ее сильно рассердило.

– Тогда что ей от меня нужно? – спросил он растерянно.

– Просто иногда на тебя посмотреть, хотя бы издали. – Девочка перестала сверлить его взглядом и устала в чашку. – В этом же нет ничего плохого.

– Ну, а зачем ей на меня смотреть, да еще из засады?

– Темре, иногда ты даешь, – вмешался «бродячий кот». – Совсем у тебя, болезного, ум за разум зашел с твоими мороками и морочанками! И в самом деле, зачем бы это девушке смотреть на симпатичного парня?

Темре невольно улыбнулся: напротив сидел прежний Джел, наконец-то оправившийся после свалившейся на него беды.

– Вот-вот, лыбишься, а там девчонка по тебе сохнет, – добавил друг. – Кайри, как ее зовут?

– Я обещала, что ничего про нее рассказывать не буду. – Бледное треугольное личико оставалось ожесточенным, словно речь шла о какой-то несправедливости, с которой Кайри никак не могла смириться. – Нарушать свои обещания я не собираюсь.

– Тебе и нельзя их нарушать, – вмиг посерьезнев, одобрил монах. – С таких, как ты, за нарушенное обещание спросится строже, чем с кого-нибудь другого.

Она слегка пожала плечами все с тем же расстроено-отсутствующим видом.

– Я понял, – кивнул Темре, ломая голову над тем, кто это может быть. – Но тогда можно позвать девушку сюда, кавьей с печеньем угостить...

– Она не пойдет, – буркнула Кайри. – Ей ничего от тебя не надо. Просто не гоняйся за ней, если опять ее заметишь.

– Я так и не разглядел ее лица. Светлые волосы и хвостик, как у тебя, спереди вроде бы челка... Увидеть бы ее вблизи.

– Она не хочет, чтобы ты ее увидел.

– Сама смотрит, а мне нельзя?

– Не надо.

Это было отрезано таким непререкаемым тоном, что Темре перестал допытываться. Досадно, что так вышло с теми прошлыми погонями, но он же не знал, что ситуация безобидная, – думал ведь, что ловит помощницу Акробатки.

Пора было выходить: Сой ждать не любит. С Котярой расстались на верхотуре трамвайного моста, поющего на ветру, словно ребристая железная арфа. Им в одну сторону, монаху в другую.

В вагоне Кайри уткнулась в окно: смотреть сверху на крыши и улицы – это для нее была экзотика не хуже фантастических картинок в рамге. У них в Олонве тоже есть трамваи, но там они катаются по рельсам, проложенным по земле, а не снуют по хитросплетениям громадного решетчатого лабиринта, вознесенного над городом на колоссальных опорах.

Соймелу они на несколько минут опередили, что было весьма хорошо, а потом началось великое паломничество по магазинам. Темре поздравил себя с тем, что так ловко все организовал и ему теперь не нужно непрерывно поддерживать разговор на тему разнообразного барахла, выставленного в витринах и разложенного на полках: его спутницы обсуждали товары между собой, а он всего лишь время от времени поддакивал, имитируя таким образом участие в беседе.

Они нашли все, что требовалось Кайри для праздничного наряда, и еще купили какой-то странной всячины, предназначения которой Темре так и не понял. Поели мороженого в кафетерии, который прятался среди пуговичных и перчаточных магазинчиков. Потом забрели в зал, где шло представление с музыкой по случаю открытия новой кондитерской: ярко разодетый шут приглашал мужчин на танец-соревнование «в честь прекрасных дам» – кто всех перетанцует, тот получит в награду торт и сможет преподнести его своей даме.

Соймела и Кайри решили, что этот самый торт за каким-то крабом ошпаренным очень им нужен, хотя только что наелись мороженого и почти такой же торт Темре мог бы купить им в соседней кондитерской, даже не один на двоих, а по штуке на каждую. Нет ведь – им понадобился этот! Отобрав у него объемистые матерчатые сумки с покупками, они едва не вытолкали его в круг, но шут, хвала богам, объявил, что «в нашем соревновании могут участвовать все желающие, кроме профессиональных танцоров и убийц наваждений».

Когда выбрались с Галантерейки, небо уже было непроглядно-черное, а Лонвар сиял вывесками и фонарями.

– Монахи меня не поколотят? – озабоченно поинтересовался Темре, поглядев на часы.

– Я им скажу, что мы ткани для меня долго выбирали, – великодушно по-

обещала Кайри.

Проводили ее до ворот монастыря. Уже на Медной улице Ренго, который до сих пор смиренно сидел на плече у хозяйки и вел себя примерно, вдруг встрепенулся, раскинул крылья и, вытянув шею, яростно зашипел. Пара, как раз в этот момент проходившая мимо, шарахнулась к краю тротуара. Кайри заборотала что-то ласковое, успокаивая разбушевавшегося трапана, и, подхватив свою сумку, поскорее юркнула в калитку с рельефным силуэтом дракона.

После этого Темре поехал провожать Сой и остался у нее до утра.

– Ты не сказал мне, что она ходит с трапаном, – с угрозой прошептала Демей.

Когда сидевшая на плече у девчонки священная тварь свирепо зашипела на них, словно догадавшись об их замыслах, они ретировались на другую сторону этой дрянной булыжной улочки и укрылись в аптеке на углу.

За прилавком никого не было. Аптекаря можно было вызвать, позвонив в колокольчик, о чем сообщало прищипленное к стене объявление, но Демей и Клетчаб в его обществе не нуждались. На подоконнике громоздилось раскидистое фиолетовое растение с замысловато-резными глянцевыми листьями, под его прикрытием можно было наблюдать за улицей. И перекинуться парой слов никто не мешал: они оказались единственными посетителями.

Демей была в завитом черном парике с длинной челкой, а Луджереф приклеил пышные седые усы и надел темные очки – ни один мерзавец не узнает. Хотелось бы думать, что не узнает.

Он искоса поглядывал на свою спутницу: та с недобрым прищуром устала на парня, который проводил до монастыря Кайри Фейно. Клетчабу этот парень тоже не понравился – строен и хорош собой, на таких девки-дуры вешаются. Темные волосы и раскосые глаза выдавали представителя народности гронси, которых в Венге считают за второй сорт, но при этом он был одет словно человек из приличных. Его спутница, изящная дамочка в ворсистой серо-голубой холле, прятала лицо под вуалью, а ее шляпка смахивала на художественно растрепанный букет искусственных цветов. Можно было поспорить на что угодно, этого парня Демей знала и, не будь вокруг столько свидетелей, – небось разделала бы его, как тех ушнырков.

– А чего такого, что трапан? – вполголоса отозвался Клетчаб.

– Ничего хорошего. Неприятности, от которых не откупишься двумя изумрудами.

Намекает на то, что из-за соплячки с трапаном может прогневаться Ящероголовый? То-то подлая крылатая тварь на них окрысилась, как на последнее ворье... Предупредила. Что ж, предупреждение лучше принять к сведению, а то и впрямь не откупишься.

Если на то пошло, Луджереф вовсе не был уверен, что ему удалось умиловить изумрудами Лунноглазую Госпожу. Встречные кошки на него по-прежнему фыркали и выгибали спины, и по всему выходило, что не приняла богиня его искупительного подношения. Зазря только отнес в ее храм целых два камешка, лучше бы скупщику загнал, хоть за полцены. Вот и будь после этого благочестивым, срань собачья. Вслед за кощунственным помыслом он привычно попросил Пятерых о милости и снисхождении к своему человеческому несовершенству – словно в игре сначала сделал неудачный ход, а потом фартовый, восстанавливающий потерянное преимущество.

– Мы не будем похищать Кайри Фейно, – процедила Демей. – Это не тот способ, которым можно обеспечить свою безопасность.

«Ну, хвала вам, боги милостивцы, вразумили чокнутую!» – от всей души возблагодарил Клетчаб.

Гронси и его спутница неторопливо брели по улочке вдоль монастырской стены в сторону аптеки. Переговаривались. Парень тащил большую, но, по видимому, нетяжелую тряпичную сумку.

– Обойдемся без заложницы, – услышал Луджереф невозмутимый холодный голос своей госпожи. – Незачем обременять себя лишней возней. Все равно у нас есть Постоялец.

Не доходя до перекрестка, парочка остановилась как раз напротив окна с разлапистым фиолетовым растением. Парень что-то сказал, дамочка ответила, повернулась к нему, откинула назад вуаль, и Клетчаб невольно цокнул языком: вот уж всем красоткам красотка! Таковую хоть на обложку журнала, хоть на открытку... Прогуляться с ней под ручку никому не будет зазорно, пусть даже самому богатому из богатых или высокородному из высокородных.

– Сурфей... – хрипло произнесла у него над ухом Демей, и он подивился, с чего это у нее вдруг голос такой севший. – Мы должны украсть эту девушку!

Птичий Пастух принес большую сумку из коричневых лоскутьев – среди них попадались и просто темные, и рыжеватые, и желтоватые, и с фиолетовым или пурпурным оттенком.

– Это для ищейки. Летать вы не умеете, как далеко находится ваш бандит, неизвестно. Где бы он ни был, паук определит направление и поведет вас в ту сторону, а сколько времени понадобится, чтобы до него добраться, это я предсказать не берусь. По вашей команде ищейка заберется в сумку и будет смирно сидеть там до следующего раза. Сумка зачарованная, из самого надежного материала.

– Из осенних листьев? – догадался Темре.

Должно быть, выражение его лица стало скептическим.

– Осенние листья, снежинки, птичьи перья, капли дождя, цветочные лепестки, подхваченный ветром пух деревьев тарбри – самый прочный на свете материал, потому что все это в наибольшей степени поддается моим чарам. – Клесто подмигнул. – Сумка из холстины или из толстой кожи морочана не удержит, тебе ли об этом не знать, а палая листва, склеенная моим заклятьем, справится с этой задачей лучше, чем что-либо другое.

Его узкая физиономия с шелковисто-смуглыми впалыми щеками так и лучилась самодовольством, но в то же время в мерцающих чернильных глазах сквозила ирония, словно он посмеивался над собственным хвастовством.

– Я и не знал, что у тебя такая власть над наваждениями, – заметил Темре.

– Не так уж она и велика. Зачаровать морок я смогу, зато развоплотить его ты сумеешь куда быстрее, чем я. Поэтому не рассчитывай, что в трудную минуту я приду на помощь. При всем желании я мало что смогу сделать, разве что оплакать тебя, когда все закончится. У каждого своя сфера влияния.

– Но тогда уверен ли ты, что паучара не выйдет из-под контроля?

– В этом – уверен. – Тонкие темные губы Смеющегося Ловца растянулись торжествующим полумесяцем. – Не забывай о птичьих перьях! Жадный и недалекий смертный, смастеривший куклу, сам позаботился о том, чтобы мы

смогли его отыскать.

– Значит, если бы не перья, ты бы не взялся сделать из этой дряни ищейку?

– Разве что если бы он использовал что-нибудь еще тоже мне подвластное, – согласился Клесто. – А девочки твои хороши... Даже не знаю, которая из них мне больше понравилась.

– Какие девочки? – Внезапная смена темы сбила Темре с толку.

– Вчерашние. И та, что побывала здесь, и та, что ходит вокруг да около.

– Ты имеешь в виду Соймелу и Кайри?

– Соймела, конечно, мила и прелестна, – собеседник бросил рассеянный взгляд на вытертый ковер с лилово-коричневым цветочным орнаментом, *тот самый* ковер, и у Темре зачесались руки свернуть ему шею, – но я сейчас не о ней. Я имею в виду Кайри и вторую, которая прячется.

– Ты знаешь, кто это?

Любопытство пересилило застарелую ревность. Вдобавок если Сой ревновать – то ревновать ко всем сразу, а на такой расход душевных сил Темре не подписывался. Это для него уже в прошлом. Перегорело.

– Чтобы я – и не знал?

– Кто она такая?

– За это будешь мне должен. – Клесто с явным удовольствием прищурился. – Информация стоит... Чего-нибудь да стоит. Я потом скажу тебе чего. Договорились?

Ну уж нет, договариваться с ним таким образом Темре не собирался. Пока еще не спятил.

– Как хочешь, – правильно истолковал его молчание Смеющийся Ловец. – Значит, о ней не будем. Можешь гадать, кто это, как ее зовут, откуда она тебя знает, – и нипочем не догадаешься. Пусть это останется для тебя вечным пробелом, как вырванная из книги страница или посаженная на рисунок клякса, под которой может скрываться все что угодно.

– А от Кайри тебе что понадобилось? – оборвал его убийца наваждений.

– Понравилась. Всего лишь понравилась.

Темре такое признание не обрадовало. Бытует поверье, что Смеющийся Ловец иногда кого-нибудь из людей забирает. Это как будто не смерть, но в то же время совсем не похоже, допустим, на переселение в другой город, потому что те, кого он забрал, становятся волшебными существами вроде него самого, хотя и не настолько могущественными, и составляют его свиту. Королю ведь полагается свита, даже если это Дождевой Король, чье королевство везде и нигде. Все это сказки, страшилки, суеверия... Но во всякой сказке есть зерно истины.

– Не вздумай ее утащить, понял? Держи свои когтистые руки от нее подальше.

– А то что? – поддразнивающим тоном поинтересовался Клесто.

– А то голову оторву.

– Уже пытался оторвать... А потом тебе пришлось переехать на новую квартиру, и все жильцы дома вслед тебе ругались.

– Не трогай Кайри, понял? – отдельно, хотя и сквозь зубы произнес Темре.

– Видите, боги, он переобщался с морочанами. – Птичий Пастух зажмурился и помотал головой, так что закачались подвески на его многочисленных косичках, ниспадающих иссиня-черным занавесом до середины ножек стула,

а потом с замученным видом закатил глаза к потолку. – Дошло до того, что он и меня принимает за морочана! Да, наше знакомство началось именно с этого, но за столько времени он мог бы заметить некоторую разницу. Да, с тех пор как я лишился одной из своих очаровательных спутниц, в моей свите есть вакантное место, но разве я кого-то забираю насильно? Вот скажите, боги, разве я когда-нибудь пытался забрать *его* – обманом или воспользовавшись черной для него минутой? Нет ведь, ничего подобного не было! Ибо зачем мне в свите нытик, который вместо того, чтобы танцевать и развлекаться вместе со всеми, будет проситься обратно к смертным, или злобный субъект, выжидающий момента, чтобы всадить мне зачарованный клинок под лопатку? Второй вариант – это больше в его духе, правда, боги? Можно подумать, я только об этом и мечтаю! А еще я, по его мнению, мечтаю поссориться с Ящероголовым Господином. Младшие боги не должны тянуть загибающие руки к тому, что приглянулось старшим и великим, об этом я пока еще не забыл, хотя хорошая память не самое сильное из моих достоинств. И хоть бы уж он для начала прикинул, нуждается ли Кайри в смертном защитнике, если над ее головой простер свое крыло Великий Дракон? Боги, вы свидетели, я просто хотел сказать ему комплимент, обратив его внимание на то, что он пользуется успехом у незаурядных девушек. Большинство смертных мужского пола на его месте почувствовали бы себя польщенными. Большинство – но только не этот! Сам не понимаю, почему я хожу к нему в гости, развлекаю его разговорами, пью его кавью...

– Охмуряю его жену и порчу его имущество, – мрачно подсказал Темре. – Что-то не нравится – выметайся.

– А если не выметусь?

– В окно выброшу. Доведешь ведь.

– В окно ты меня уже выбрасывал на двух старых квартирах – и что потом стало с теми квартирами? А Соймела тебе разведенная жена. Свободная смертная женщина, которая по законам этой страны может проводить время с кем угодно, хотя бы даже со мной.

«Ага, и еще с половиной Лонвара», – угрюмо дополнил про себя Темре.

В общем-то он был согласен с теми венгоскими прогрессистами, которые утверждали, что любой вменяемый человек, достигший совершеннолетия, будь то мужчина или женщина, имеет право самостоятельно выбирать, как ему жить и чем заниматься, но когда дело касалось Сой, в нем просыпался дремучий гронсийский инстинкт патриархала-собственника. Это пряталось в глубине его души, почти не прорываясь наружу. Прорывалось оно, когда Темре бил и спускал с лестницы любовников Сой, а в отношениях с ней – ни разу. Он не закатывал сцен, не пытался держать ее взаперти. Вместо этого развелся, хотя официально оформленный развод так и не помог ему избавиться от ее притяжения.

И зря он брякнул «выметайся». Обычно Клесто на это реагировал как на вызов – «ты меня гонишь, прекрасно, гони сколько угодно, а я не уйду», но сейчас, поскольку в нем есть нужда, вполне мог бы и впрямь исчезнуть, чтобы проучить невежливого смертного.

– А если бы я демонстративно обиделся и вымелся на неопределенное время? – Тот словно подслушал его мысли. – Кто бы тогда сделал из куклы ищейку? Твое счастье, сегодня я почему-то необидчивый.

– Извини, вырвалось. Тебе не стоило вспоминать Соймелу.

– Нет, это тебе не стоит ее вспоминать.

Клесто уставился на него в упор, уже без улыбки. Темре успел забыть о том, что взгляд его черных, как ночное небо, глаз с блестящими вертикальными зрачками может быть пугающим.

– Хочешь сказать, у тебя есть какие-то особые права на нее?

– Иногда ты бываешь дураком, Темре. Мне ваши человеческие права не нужны, я и так владею всем и ничем, ничем и всем. Хотя, раз уж мы с тобой как будто подружились, можно считать, что у меня есть некоторые права на тебя. И мне не нравится, что ты никак не хочешь расстаться с этой отравой, которую называешь любовью. Приворот я бы смог расплести, но это не приворот.

– Я знаю. Я спал с «бродячими кошками» несколько раз. Любой приворот после этого должен был развалиться, но меня все равно к ней тянет.

Это признание прозвучало почти беспомощно, и он недовольно нахмурился.

– Значит, ты сам себе варишь отраву, как говорят в таких случаях мудрые метве, живущие за горами на севере. Соймела – прекрасный цветок, я оценил... вот на этом самом ковре, который давно не выколачивали, не удивлюсь, если с того памятного дня... но ты оглянись и посмотри, сколько вокруг других цветов. Хорош убийца наваждений, который со своим внутренним наваждением разобраться не может.

– А вот сюда лучше не лезь. Не твое дело. Хватит с меня родственников, так что давай ты больше об этом не будешь?

– А если буду, тогда что – в окно выбросишь?

Неизвестно, до чего бы они так договорились, но тут затрезвонил дверной колокольчик – пришел Котяра в отсыревшем под морозящим дождем монашеском головном уборе с кошачьими ушками. Свой большой черный зонт он где-то посеял, зонты у него дольше месяца не жили. Его усадили за стол, налили кавьи. Он пил ее с сосредоточенным видом, думая о предстоящей охоте.

А Темре припомнились слова Смеющегося Ловца о том, что в его свите есть вакантное место, поскольку он лишился одной из своих спутниц. Что могло случиться с бессмертной волшебной девушкой? Впрочем, «бессмертный» – понятие относительное: сами по себе они не умирают, но если вдруг столкнутся с чем-нибудь способным их уничтожить... И кого он имел в виду, когда говорил о «младших богах»?

Возможно, мысли просто цеплялись за что попало, потому что не хотелось думать о том, о чем Клесто завел речь под конец. Заботливый нашелся. «Некоторые права» у него, видите ли. Темре не оборвал его единственно из дипломатических соображений, чтобы не сорвалось оживление паучары-ищейки. А то бы ему высказал... А этот ковер лучше выкинуть крабу ошпаренному на радость и взамен купить новый. Домовладелица не обидится.

– Приступим?

Оставив чашки на столе с клетчатой скатертью, они вышли из гостиной в коридор. Котяра на ходу пробормотал коротенькую молитву, обращенную к Лунноглазой Госпоже.

– Послушай, а почему ты не можешь попросить Великую Кошку, чтобы она подсказала тебе, где искать бандита?

Темре задал вопрос отчасти для того, чтобы оттянуть тот момент, когда Птичий Пастух «приступит». Какая-то часть его сознания по-прежнему бунтовала против предстоящей авантюры: мороки надо уничтожать, а не плодить, пусть даже в благих целях.

– Это моя охота, – отозвался монах. – Я должен выследить свою добычу сам, таковы правила. Кошки охотятся в одиночку.

– А как же тогда мы с Клесто?

– Вы не кошки, вы не в счет.

Убийца наваждений повернул ключ и распахнул дверь стирального закутка. Паук лежал на пожелтелом кафеле, беспомощно раскинув матерчатые ноги со спрятанными внутри пружинками. Из спины у него торчали кости, при ближайшем изучении оказавшиеся рыбьими – вроде тех, что остаются на тарелке после обеда, меж них белели слипшиеся приклеенные перья. Посередине этой костяной клумбы устрашал зрителя ржавый кухонный ножик с обломанным кончиком. Глаза куклы багрово поблескивали конфетной фольгой. Внутри скорлупок, изображавших глазницы, темнели шарики-зрачки. Неизвестный ловкач постарался на славу, и эта история могла бы показаться забавной, если бы не смерть Тавьяно.

Воздух в закутке был затхлый: от паучары пахло, как от шляпы, выловленной из загаженного городского канала.

Клесто привязал к растопырившей белесые отростки косточке тонкий серый шнурок с петлей на другом конце.

– Это поводок, он сплетен из паутинок, которые летают по воздуху в начале осени, а потом цепляются за что попало и остаются там, где прилепились. Очень надежный материал, что бы вы, смертные, об этом ни думали.

– Да мы и не сомневаемся, – уважительно отозвался монах.

– Отойдите-ка за порог. – Птичий Пастух достал из-за пазухи флейту.

Они отступили в коридор. Темре надел маску.

Полилась музыка. Лихая, разбитная, с показным надрывом душещипательных воровских песен, она напоминала ту, которую Клесто сыграл, чтобы поднять куклу со дна канала, но к этому примешивалось что-то еще. Что-то жутковатое, зовущее – или, скорее, открывающее дорогу... Казалось, что Смеющийся Ловец непонятно каким образом играет две мелодии одновременно, а возможно, так оно и было.

Валявшуюся на кафеле куклу окутало зыбкое мутноватое свечение. Предметное наваждение, когда пришелец из хаддейны вселяется во что-нибудь материальное – довольно редкая разновидность. После развоплощения морок исчезает, а предмет остается: куда он денется, если принадлежит этому миру? Потом такие вещи на всякий случай сжигают, чтобы не случилось рецидива.

Сначала паучара неуклюже сучил растопыренными ногами, потом сумел встать, пружинисто покачиваясь. Было похоже, будто он топчется в нерешительности.

Музыка смолкла. Спрятав флейту, Клесто подобрал конец поводка и вручил монаху.

– Он будет беспрекословно подчиняться вашим командам. Когда он нападет на след, вы поймете: он начнет всячески показывать и звать, чтобы вы пошли за ним. Если посадить его в сумку, он там уснет до тех пор, пока вы его не разбудите. Впрочем, если он, находясь внутри, вдруг почувствует присутствие сво-

его создателя или его близкий след – сразу очнется и забеспокоится, поэтому обращайтесь внимание на то, как он себя ведет. Благодаря моим чарам под дождем он будет выглядеть, как собака, так что панику среди прохожих на улице вы не посеете. – Клесто ухмыльнулся, словно представив себе, какая это была бы паника. – Но если зайдете в помещение или хотя бы под навес, где с неба не капает, мое дождевое колдовство перестанет действовать, имейте в виду.

– Насовсем перестанет? – деловито осведомился «бродячий кот».

– До тех пор, пока снова не окажетесь под дождем. Поэтому прежде, чем куда-то заходить, сажайте его в сумку.

– Кукла сможет превращаться в собаку и обратно? – обескураженно и слегка недоверчиво уточнил Темре.

– Не превращаться, а принимать видимость. Ты же видел мой плащ, который соткался в мгновение ока из дождевых капель? Вот и вокруг вашей куклы появится своего рода оболочка, схожая с собакой, а там, где сухо, она опять распадется на капли и растечется водой. Не бойтесь, сумка не размокнет.

– Но ведь когда мы с тобой сели в трамвай, твой плащ никуда не делся и ты не промок...

– Это потому, что он был *на мне*, – мягко пояснил Дождевой Король, и Темре стало неловко за свое тугодумие.

Морок дисциплинированно переминался с ноги на ногу посреди комнаты. Котьяра наблюдал за ним с некоторой опаской, а Темре смотрел скорее оценивающе: сколько там на него иголок понадобится? Ага, речь вроде бы шла о паре...

– Прикажете ему что-нибудь, – предложил Клесто. – Сами увидите, что он подчиняется, как дрессированный.

– Замри! – рявкнул монах.

– Прыгай! – велел Темре.

Они произнесли это почти одновременно. Паучара судорожно задергался на месте, словно его одолел внезапный припадок, а Смеющийся Ловец расхохотался, оправдав свое прозвище.

– Ну и где же он подчиняется? – Убийца наваждений приготовился засадить в неудавшуюся ищейку первую иглу.

– Ох, да вы как дети...

Узкая ладонь Клесто накрыла его руку с перстнем до того, как он успел выстрелить, и за этим последовал новый взрыв смеха.

– Вы бы для начала договорились между собой. Бедный паук должен слушаться вас обоих, и если один скажет – налево, а другой – направо...

– Ага, поняли, – чуть сконфуженно пробормотал брат Рурно. – Темре, молчи пока, я попробую. Паучара, замри!

Морок перестал дергаться в конвульсиях и застыл, как будто опять стал обыкновенным неживым предметом, изготовленным из тряпья, проволоки и содержимого помойного ведра.

– Умница, хороший паук. Теперь два раза прыгни на месте!

Страшноватая черная кукла прилежно выполнила приказ, словно радуясь тому, что ее больше не донимают противоречивыми требованиями.

Темре высвободил и опустил руку с перстнем. Чуть не сваял дурака. И утешаться после этого он смог бы разве что тем, что дурака он сваял как профес-

сионал.

Прогулка под дождем с паучарой на поводке выматывала не хуже обязательных ежемесячных тренировок в Гильдии. Вверх по улице. Вниз по улице. Подняться на мост и сесть в трамвай – главное, не в переполненный, потому что с сумкой, а в сумке морок, утыканный острыми костями, как подушечка иголками.

Нет, для куклы никакого риска, что ей в давке обломают эти украшения, ведь она сейчас служит вместилищем для твари из хаддейны, а наваждение неделимо и не может лишиться какой-то своей части. Зато оно запросто кого-нибудь поранит, если кость или кухонный нож проткнет ткань сумки. Клесто заверял, что не проткнет, но лучше все же не проверять.

Проехав несколько остановок, выйти из трамвая с целью уточнить направление – и обнаружить, что укатили не туда, поскольку ищейка рвется теперь в обратную сторону.

Видимо, объект поисков не сидел на месте, а потому и паучару тянуло то налево, то направо. Темре побаивался, что он сорвется с поводка и убежит, но шнурок, сплетенный Птичьим Пастухом из невесомых осенних паутинок, не уступал в прочности стальному тросу.

На другой день арендовали машину. Трамвай быстрее, но автомобиль для таких блужданий подходит больше, хоть и ползет по крутым подъемам и спускам, словно беговая черепаха. За превышение скорости в венгоской столице нещадно штрафовали: происшествия, вызванные тем, что кто-нибудь чересчур разогнался, съезжая с горки, и не успел затормозить, не обходились без человеческих жертв.

Темре на несколько дней взял отпуск. Договорились, что Акробатка – его наваждение, и он должен регулярно справляться насчет новостей по этому делу, а в остальном его пока беспокоить не будут, если только не начнется какое-нибудь из ряда вон выходящее нашествие гостей из хаддейны, предполагающее мобилизацию всех гильдейцев.

Насчет того что изготовитель куклы и убийца Тавьяно – одно и то же лицо, никаких сомнений не осталось. Судя по тому, как повела себя ищейка в квартире на Крупяной горке, здесь побывал тот самый человек, к которому ее неудержимо тянуло через весь Лонвар.

Пасмурное небо нависало низко над холмами, и из этого слоистого скопища туч безостановочно моросило, город был мокрым и серебристым. Дождь не закончится, пока Темре и Котяра не доведут свою охоту до конца.

– От каких странных вещей иногда зависит погода, – заметил вполголоса Темре, глядя в окно.

– И, наверное, не только погода, – глубокомысленно отозвался монах.

Они завернули сюда пообедать. Темноватый зал маленькой закуской, наполненный чадом подгоревших зерен кавьи. В погоне за экономией хозяева покупали по дешевке третьесортную зеленую кавью и обжаривали ее самостоятельно. Судя по запаху, скверно обжаривали, поэтому Темре с братом Рурно взяли чай.

Объект охоты квартировал предположительно в юго-восточной части Лонвара – там же, где обосновались Демей и Клетчаб Луджереф. Темре отметил это как совпадение, которое стоит держать в уме на всякий случай. Возможно, бандит там у кого-то заночевал, а постоянно живет в другом месте, но с на-

ступлением вечера ищейка устремилась в ту сторону и никуда больше не сворачивала. Рано утром ее потянуло к центру столицы, а потом опять на юго-восток: дичь сделала вылазку в респектабельные районы и после этого вернулась домой?

Когда они вошли в закусную на невзрачной улице с темными от копоти вывесками, паучара в сумке завозился: почуял след. Тот, кто смастерил куклу, определенно посещал это заведение. Шуршал морочан негромко, сумку поставили на пол и запихнули под столик – кроме прочих достоинств к ней еще и грязь не липла. Главное, не забыть и чтобы кто-нибудь не спер ее под шумок себе на беду.

Покончив с едой, Темре потребовал у буфетчика телефон, положив на стойку десятисуловую монету – обычная плата за звонок плюс чаевые. Трубка притаившегося в углу аппарата была до того захватана жирными пальцами, что он сперва протер ее салфеткой, а потом уже поднес к уху.

Сначала убийца позвонил в заморочный отдел Полицейского Управления: «Продвижение есть, но пока не локализовали». Угу, даже к лучшему, что не надо сейчас разрываться надвое, забрасывая одно важное дело ради другого.

После этого набрал номер гильдейского рестораника и попросил посмотреть, нет ли чего-нибудь на его имя в «телефонной тетради». Оказалось, есть. Некий Рульдо Гаштари звонил сегодня утром и просил убийцу наваждений Темре Гартонгафи срочно с ним связаться.

Темре враждебно ухмыльнулся: ага, сейчас, а больше ничего не желаешь – а то, может, еще и русалочьего молока тебе подавай?

Этот Рульдо Гаштари был молодым скульптором. Говорят, талантливым и многообещающим. Может быть. Не имеет значения. Помимо этого он был еще и нынешним фаворитом Сой. Одним из тех, кого Темре хотелось пинком под зад спустить с лестницы от самых дверей ее богемной квартиры – да так, чтобы он улетел в никуда и больше не вернулся.

Не могла сама позвонить? Вслед за этим пришла здравая мысль: значит, не могла. Значит, повторилась старая история, угадайте какая.

Темре набрал номер.

– Господин Гартонгафи, это вы?.. – Голос Рульдо звучал невнятно не то с перепугу, не то с перепоею, и складывалось впечатление, что парень рыдает.

– Это я, – сухо подтвердил убийца наваждений. – Что случилось?

– Госпожу Соймелу... Ее опять... Опять...

– Что – опять? Морочан украл?

– Да, да! – Собеседник на миг обрадовался – очевидно, тому, что его так быстро поняли, но тут же вновь осознал свою потерю и всхлипнул. – Приезжайте скорее! Я все утро вам звонил, у вас телефон не отвечал...

Разумеется, потому что Темре и Котяра ни свет ни заря отправились на охоту.

– А в Гильдию почему не обратились, если до меня дозвониться не смогли?

– Госпожа Соймела крикнула, чтобы позвали вас. Она успела крикнуть... А я не смог ничего сделать, потому что меня сильно ударили по голове...

Не сказать, чтобы Темре последняя подробность огорчила.

– Соймела опять приманила морочана, – сообщил он Котяре, который дожидался с сумкой возле дверей. – Давненько уже не было рецидивов. Съездим туда, это много времени не займет.

Они вышли под дождь.

– Думаешь, быстро управишься? – Монах забросил сумку с притихшим наваждением на заднее сиденье.

– Мороки у Сои не слишком сильные – две-три пары иголок, и готово. Они и жрать-то не хотят, им только ее прелести подавай. Правда, выглядят впечатляюще – с девичьей точки зрения. Обычно они тащат ее или на чердак, или в заднюю комнату, у нее там за коридорчиком что-то вроде заброшенной мастерской, ненужное помещение в комплекте с квартирой.

Машина вывернула на серебрящуюся под дождем пологую улицу. На лобовое стекло с размаху налип зеленовато-коричневый лист. Привет от Клесто?

Не так уж он был и не прав, когда говорил, что Темре лучше бы покончить с этой связью, – но разве с этим покончишь? Если бы мог, давно бы уже... И не потому, что каждый, кого ни спрашивали, с советами лезет, а потому что его самого все это до жути достало.

Снова пришли на память слова Птичьего Пастуха насчет «младших богов». Надо бы спросить у кого-нибудь знающего. Неужели это чучело в тунике из осенних листьев – ладно, пусть красивое, но все равно чучело – имеет божественную природу? Быть того не может...

Наконец машина через арку въехала во двор беленого – большая редкость для Лонвара – четырехэтажного дома. Здание украшали живописные грязные потеки и балкончики с лепными завитушками. Темре затормозил на знакомой площадке напротив подъезда, и сразу же с заднего сиденья донесся шорох: паучара рвался из сумки наружу.

Убийца наваждений и монах уставились друг на друга.

– Что-то почуял... – сощурился «бродячий кот».

– Судя по тому, как энергично он возится, или бандит где-то рядом, или здесь его свежий след, – отозвался Темре.

Постоялец

В Хасетане, на далекой родине Клетчаба Луджерефа, художники рисовали на Усладу публике писанных красавиц – на балконе богатого дворца, на фоне золотого рассвета над морем, возле роскошной белой беседки в лунном свете, – и потом эти картины продавались в рамах, украшенных кусочками перламутровых ракушек и зеркальными блестками. Натуральное искусство, приобщение человека к прекрасному.

Вот такое искусство Клетчаб понимал и одобрял – не то что тычут тебя носом в какую-нибудь плохонькую развалину или в мазню, которая вовсе глаз не радует, и брешут, что это, мол, высокое, цены не имеет. И то верно, грош ему цена, коли вас мнение Луджерефа интересует. Хотя бывает, что и сущую дрянь можно загнать с немалой выгодой, ежели найдешь тупаков, готовых раскошелиться.

Девушка, сидевшая у стены на ворохе тряпья, словно сошла с одной из тех навевающих сладостные мысли картин, которыми торговали в Приглядном ряду хасетанского рынка. Совершенная прелесть ее нежного лица, точеный носик, переливчатый медно-рыжий шелк волос, длинные загнутые ресницы, изящно очерченные коралловые губы – все это даже старине Луджерефу, всяких девиц за свою бурную жизнь перевидававшему, внушило невольный пиетет. Слишком хороша для тупаков, как сказали бы в Хасетане.

И глаза небесные – но не такие, как дымно-серый полог, нависающий над этим окаяннным городом, а похожие цветом на ясное голубое небо над просторами Южной Иллихеи.

Смотрели эти глаза сердито и в то же время оценивающе. Девчонка сидела, подтянув колени к груди и сцепив в замок тонкие пальцы. В полумраке подземелья она напоминала жемчужину, оброненную среди пыли и паутины.

– Съешь хоть что-нибудь, – непривычно ласковым для Клетчаба голосом уговаривала ее Демей. – Сколько можно морить себя голодом?

– С утра ведь не жравши, – поддержал Луджереф.

Госпожа так на него зыркнула, что он счел за лучшее отодвинуться поближе к выходу, а пленница едким тоном напомнила:

– Еще бы, вы меня вытащили утром из дома до того, как я успела позавтракать.

– Тем более тебе надо покушать. Ты отказалась от обеда, неужели даже поужинать не захочешь? Сурфей принес еду из неплохого ресторанчика – попробуй, вдруг эта стряпня покажется тебе съедобной...

– А я-то думала, вы на помойке объедков насобирали, разогнав пинками бродячих собак, чеклянов и нищих. Судя по тому, как вы тут живете... Ну и вонь в этой вашей норе!

В первый момент Клетчаб ужаснулся тому, что сейчас будет – порвет же ее Демей в кровавые клочья, в буквальном смысле порвет, а потом отдаст мясо Постояльцу, чтобы зазря добро не пропало. Но эта чокнутая стерва, нарвавшись на грубость, так и растаяла от умиления, словно услышала приятнейший комплимент.

– Моя дорогая маленькая Соймела, это временное пристанище, мы здесь надолго не задержимся. Еще несколько дней – и переберемся в самые шикарные апартаменты, какие только найдутся в Лонваре. Обещаю, скоро ты будешь

жить в достойных тебя условиях.

– Мне ничего от вас не надо, – отчеканила девушка. – Ни апартаментов, ни корки хлеба.

– Мы с тобой враги, не так ли? – интимно тронув ее колено, осведомилась Демея.

– Враги, – непримиримо подтвердила та.

– Тогда тебе понадобятся силы для борьбы, и поэтому надо хорошо покушать. Разве ты сможешь дать отпор или сбежать, если ослабнешь от голода?

Луджереф мог бы поклясться, что во взгляде медноволосой девчонки мелькнуло снисходительное удовлетворение, смешанное с облегчением, – мол, давно бы так, наконец-то догадались сказать то, что нужно... Однако в следующую секунду это выражение сменилось другим, дерзким и презрительным.

– Ладно, давайте сюда ваши помои.

Обрадованно всплеснув руками, Демея поставила перед ней кастрюльку с разогретым на керосиновой плитке мясным рагу. Соймела, видать, проголодалась и держалась из последних сил – смела все подчистую.

– Добавки не хочешь? Есть еще одна порция.

– Угу, – промычала пленница с набитым ртом, энергично дожевывая остатки.

– Э-э... – осторожно выдавил Клетчаб.

«Еще одна порция» – это была его законная порция. Надо было оперативно поужинать под шумок, пока Демея уламывала похищенную красотку, а теперь пиши пропало. Встретив тяжелый взгляд госпожи, Луджереф понял, что никак не отстоять ему свою жратву и пререкаться бесполезно.

Что бы вы думали, это изящное создание умяло все без остатка! И как у нее в желудке столько поместилось? Хоть бы чуток оставила из человекоделикатных соображений... Или она решила осложнить врагам жизнь, оприходовав их продовольственные запасы?

Час был еще не поздний, Лонвар переливался-перемигивался мириадами золотых огоньков, и теоретически можно было прошвырнуться до ближайшей закуской. Гм, с риском по дороге оскользнуться и свернуть себе шею.

Демея в темноте шныряла запросто, словно зубастая хищная рыбина в мутной воде, а ему уже случалось оступаться на глинистом склоне Овечьей горки и падать в грязь. Другое дело, если бы они пошли вместе, но яснее ясного, что ей сейчас в охотку увиваться вокруг этой прожорливой финтифлюшки, а не гулять под мерзким морозящим дождем с оставшимся внакладе подельником.

Непобитых фонарей в окрестностях не было, до освещенных обитаемых улочек еще нужно дошкандыбать в целости и сохранности, а места вокруг такие, что даже при свете дня ничего путного не увидишь. Торчащие сами по себе ветхие заборы, замусоренные пустыри, заброшенные строения. Вдобавок под южным склоном свалка заводских отходов: привлеченные вонью, туда сбредаются бездомные собаки, а бывает, и стургубуды приходят.

Пострадать от собак – дело недолгое. Клетчаб до сих пор вспоминал с содроганием, как его едва не растерзал в благодарность за добро окаянный грызверг, когда он выпустил из ловушки безмозглую зверюгу, чтобы та догнала и загрызла сорегдийского оборотня.

Похожие на кожистые табуретки стургубуды – чекляны по-здешнему –

обычно первыми на людей не кидаются, но ежели не повезет запнуться об эту дрянь в потемках, тоже могут покусать. Они боятся собак и ошиваются на периферии: подберется проворный ходячий табурет к россыпям гниющей требухи, схватит, вытянув длинную шею, первый попавшийся кусок – и сразу наутек. Поэтому на свалке их не увидишь, зато в ближайшем от нее радиусе шансы встретить эту погань достаточно велики.

Не говоря уж о том, что помимо зловредных животных и трущобных ушнырков, готовых прирезать тебя за пару сулов, здесь еще и мороки водятся. Правда, в течение всего того времени, что Луджереф прожил в Лонваре, посмотреть на морок ему ни разу не довелось. Может, все это обман – как он сам тупаков обманул, смастерив свое страшило для грабежа на Крупяной горке, а на самом деле их не так уж и много?

С другой стороны, если тут есть Постоялец, кто знает, какие еще твари обитают в этом паршивом местечке с ним за компанию?

Прикинув, чем может закончиться одинокая поздняя прогулка, Луджереф помрачнел, понимая, что выпало ему в этот раз отправляться на боковую с пустым брюхом.

– Помой посуду, – властно распорядилась Демейя, сунув ему поднос с кастрюльками и ложками.

Воду они брали из колонки, до которой от схрона полчаса ходу, – на рассвете, в самый глухой час, чтобы не попасться на глаза никакой любопытной сволочи. В соседнем помещении стояло два вместительных бидона с крышками на защелках, Демейя украла их на заводе. Хилый электрический фонарик едва рассеивал мрак подземелья, но Клетчаб здесь уже освоился и не запнулся о предательский порожек.

Прежде чем налить воды в ведро и сполоснуть там утварь, он тщательно собрал хлебным огрызком со стенок кастрюль остатки соуса. Хуже, чем в самой завалящей тюрюге! Вон чем довольствоваться приходится, срань собачья, а ведь всего несколько месяцев назад был он почтенным министерским служащим, и кухонные людишки стояли перед ним в струнку, лепеча оправдания, если высокородный Ксават цан Ревернух их отчитывал, найдя, к чему придраться.

Из-за стены доносился капризный голосок мерзавки-пленницы:

– Нет, я никогда не буду с вами заодно, вы не сможете убедить меня в своей правоте. Я вам не подчинюсь!

– Но ты еще не знаешь, что я хочу тебе предложить! – рассыпалась перед ней Демейя. – Ты будешь вместе со мной попирать низших! Стадом правят сильнейшие, и ты тоже достойна самого лучшего!

– Нет, никогда! Я не сдамся!

– Я все же надеюсь на то, что со временем ты сдашься!

– Я сказала, никогда! Можете сколько угодно щелкать зубами, но моя красота не для вас!

Выходило у них складно, как в оперном дуэте, и казалось, обе получают немалое удовольствие от этой ахинеи. Клетчабу хотелось запустить кастрюлей в стенку, чтобы они прекратили глупую трескотню, да не тот нынче расклад – он здесь лицо подчиненное и зависимое.

– Не смейте до меня дотрагиваться!

– Я всего лишь хочу подоткнуть тебе одеяло!

– Не трогайте мое одеяло! А, это ведь не мое, а ваше одеяло... Не надо мне вашего одеяла!

С той стороны что-то глухо шмякнуло о стенку. Одеяло, вероятно.

Шаги. Демей подобрала отброшенную постельную принадлежность и попыталась укрыть собеседницу, но за этим последовал новый шмяк.

– Моя дорогая маленькая Соймела, ты ведь замерзнешь ночью без одеяла!

– Нет, я его не возьму, потому что оно – ваше. А мое одеяло осталось дома. Можете засунуть это одеяло себе... в лифчик, если вы его носите, а я никаких подарков принимать от вас не собираюсь! Забирайте свое никому не нужное вонючее одеяло!

«Боги великие, за что вы запихнули старину Клетчаба в этот дурдом? – подумал притулившийся возле стены Луджереф, ошалевший и от гневного верещания медноволосой красотки, и от восторженно-приторных интонаций Демей. – Разве мои прегрешения настолько велики, чтобы на меня свалилось... *вот это?* Нет, ну сколько можно про одеяло? Сколько еще я должен слушать про это треклятое одеяло?!»

Он несильно хлопнул себя вначале по одной щеке, потом по другой, ибо истерику нужно давить в зародыше. Не помогло. Тогда он ожесточенно, с вывертом, ущипнул себя за руку. После этого чуть-чуть полегчало.

– Мы проведем здесь от силы два-три дня, а потом ты сможешь выбрать любой брошенный хозяевами особняк или даже дворец, – продолжала сюсюкать Демей. – Такая чудесная жемчужина заслуживает самого лучшего бархатного футляра...

– И вы хотите сказать, что место этому футляру – у вас в кармане? – съехидничала Соймела.

– Дерзкая девчонка, ты должна занимать достойное тебя место, а сейчас разреши, я все-таки укурю тебя этим одеялом – видишь, оно совсем новое, вот даже бумажный ярлык на нем сохранился...

– Ничего я от вас не приму, лучше выкиньте на помойку ваше одеяло!

Услышав опять про одеяло, Клетчаб зажал уши ладонями, стиснул свою несчастную голову и тихонько завыл сквозь зубы. Словно тот самый грызверг, когда угодил в западню. Могут ведь у человека сдать нервы?

Похоже, он перестал ощущать ход времени, потому что не смог бы сказать, просидел в прострации пять минут или полчаса. За стенкой наконец утомонились, и появление Демей в дверном проеме он чуть не прозевал.

– Сурфей, что с тобой? – Она говорила шепотом.

Направленный в лицо слепящий луч фонаря заставил его зажмуриться.

– Слишком много впечатлений, госпожа Демей. Сколько ж нам еще тут прятаться?

– Недолго. Я обещала Соймеле два-три дня, но надеюсь, что Постояльца удастся разбудить завтра вечером. Я сейчас пойду что-нибудь поищу для него, а ты охраняй девочку.

Шестерых ушнырков, разбиравших кирпичную кладку в заброшенном туннеле, Постоялец уже слопал. В подземелье сейчас не было людей, кроме Луджерефа, Демей и их пленницы.

Сплошь усыпанный битым кирпичом коридор, который вел к пещере погруженного в спячку чудовища, перегораживали два щита, сколоченных из кусков фанеры. Они были установлены таким образом, что между ними оста-

вался зазор – лазейка для человека. Не падали они благодаря прилаженным с обеих сторон деревянным подпоркам. Проснувшийся Постоялец запросто снесет эту преграду, но пока он все еще не мог преодолеть сковывающую его дремоту.

Демей утверждала, что он выйдет из спячки после того, как насытится. После очередной кормежки, неизвестно которой по счету. Когда это произойдет, надо будет поскорее покинуть подземелье и убраться подальше от Овечьей горки. Риска никакого, она все предусмотрела: громадному чудовищу понадобится некоторое время, чтобы прорыть себе ход наружу.

Клетчаб старался не думать о Постояльце. Конечно, всякое в голову лезло: а ну, как этот ужас очухается внезапно или окажется слишком прытким... Но выигрыш стоил риска. Без шухера, который поднимется в Лонваре из-за проснувшегося подземного гада, ему от цепняков не спастись. Никуда не денешься, придется придерживать свой страх за шкурку и не отступать от намеченного плана. Как ни крути, а если мерзавцы-агенты поймают Клетчаба, в Иллихее его поджидает куда худший ужас.

– Не пускай ее к Постояльцу и туда, где лежит все, приготовленное для мины, – строгим шепотом распорядилась Демей. – Я постараюсь управиться побыстрее, но заранее неизвестно, как скоро мне попадетс какой-нибудь ничемный обыватель, неспособный думать ни о чем, кроме своего жалованья на службе и супа у себя в тарелке.

При напоминании о супе Луджереф судорожно сглотнул слюну. Хорошо бы, особенно с приправами, с мясными фрикадельками, с поджаристыми золотистыми сухариками... Попросить ее стервейшество, чтобы завернула в закусочную и купила какой ни на есть жрачки? Или лучше не связываться? Однажды попросил, а та в ответ заявила, что небольшая голодовка пойдет ему на пользу, это, мол, благотворно для здоровья и укрепляет силу духа, и белесые глаза при этом агрессивно светились.

Ну ее, уж лучше дотерпеть до завтра. А может, сама чего-нибудь притащит. Обычно Демей делала за ночь по две-три вылазки за кормом для Постояльца, и бывало, что по дороге заворачивала в работавшие по ночам магазинчики – около них вернее всего можно встретить припозднившегося тупака.

После ее ухода Клетчаб обошел с фонарем подземелье. В проеме той комнаты, где поселили Соймелу, висела новенькая занавеска, в тусклом луче фонаря золотились шелковистые узоры. У стены напротив громоздилась куча мусора: госпожа Демей собственноручно взялась за веник и вымела оттуда всю скопившуюся на полу дрянь, лишь бы девчонка не морщила носик.

В конце коридора смутно виднелась фанерная перегородка. За ней было тихо, как будто никого там нет. Постоялец издавал звуки – чмоканье, словно кто-то неумело целуется, утробное урчание, негромкое чавканье, – лишь когда расправлялся со своим живым харчем. Демей предупредила: первым признаком того, что он окончательно проснулся, станет доносящийся оттуда шум в неурочное время. Тишина – значит, полный порядок.

То помещение, где эта чокнутая хранила украденные где придется ингредиенты для изготовления мины, тоже было занавешено, только не нарядной портьерой, а куском грязного брезента. Луджереф не знал, что она собирается взорвать. Может, трамвайный мост, или железную дорогу, или телеграфную линию, или какую-нибудь казенную контору – стратегический объект, одним

словом. Она ни разу не проговорилась, для чего или для кого предназначена мина, но, когда об этом заходила речь, ее глаза торжествующе и мечтательно щурились, а губы растягивались в откровенно мстительной улыбке.

– Я покажу им всем, какое место они должны занимать, – бормотала Демей, явно предвкушая что-то невероятно сладостное и в то же время с угрозой. – Да, я до этого додумалась, и я это сделаю, имею полное право! Они такого не ждут, она такого не ждет, никто такого не ждет... Меня не остановят. С помощью этой мины я все расставлю по местам, потому что каждый должен знать свое место!

Клетчабу от ее посулов делалось не по себе, но, когда она высказала все это Соймеле, та в ответ дерзко фыркнула:

– Да уж не вам решать, где чье место.

– Моя маленькая драгоценность, я надеюсь переубедить тебя, ты еще увидишь, что я права, и мы будем заодно, – сразу же залебезила перед ней госпожа Демей.

«Обе они чокнутые», – подумал Клетчаб, обшаривая карманы одежды, оставшейся после скормленных постояльцу ушнырков и сваленной неопрятной кучей в одном из помещений.

Его внезапно осенило: все это напоминает скверный спектакль. И пьеса никуда не годная, и режиссер тупак, и обе актрисы бесталанные. В любом из хасетанских театров их бы точно освистали, а в жизни – вот оно происходит, и никто не свистит.

В карманах покойничьего тряпья завалилось несколько сухих солоноватых галет. Горсть жареных семечек нулеймы, которую по-венгоски называют «мушгрой». Еще и небольшая вяленая рыбка, чуть-чуть обгрызенная.

Радуясь, что его не опередили – хотя опережать-то некому, Демей бы побрезговала, а ушнырков больше нет, – Луджереф прямо на месте поужинал. Потом отправился в ту комнату, где обустроили кухню, и запил свою трапезу холодным сладким чаем. Хвала богам, Демей с Соймелой все не выдули.

Господствующий в подземелье запах отхожего места не мешал ему. Никуда не денешься, притерпелся, хотя мелькала порой горькая мысль: «Право слово, как будто в сортире живу – и это после того, как занимал достойный пост в ил-лихейском министерстве!»

Шорох в коридоре заставил его замереть и облиться холодным потом: никак Постоялец проснулся. А эта стерва рассусоливила, что он выйдет из спячки только после очередной кормежки и никак не иначе. Вот и допрыгались... Так чего сидим, драпать же нужно!

И Луджереф, стиснув липкой от пота рукой фонарик, уже вскочил, чтобы драпать, но в следующую секунду обнаружил, что тревога ложная. Эта была всего лишь Соймела. Она стояла на пороге, закутанная в плед, словно в старинный плащ, и слегка жмурилась от направленного в лицо света, ее пышные медно-рыжие волосы сияли и переливались.

«Небось опять пожрать захотела», – с неприязнью подумал Клетчаб.

Впрочем, смотреть на такую красотку всяко было приятно, пусть она и стрескала ваш ужин. В следующий момент даже мелькнула мысль, что не так уж она и виновата: это ведь Демей отдала ей Клетчабову порцию.

– Вы попить желаете или, может, по известному деликатному делу приспичило? – Он постарался, чтобы это прозвучало обходительно. – Я покажу, где

можно оправиться.

– Нет, я хочу с вами поговорить. Демея ведь куда-то ушла?

Соймела перешагнула через порог, плед волочился по полу, все равно что подол длинного придворного платья. Уселась на ящик из-под консервов, застланный газетой. Ее матово-белое лицо напоминало прелестный лик мраморного изваяния в раллабском императорском дворце, где чуть ли не в каждом зале стоят скульптуры. Глаза в полумраке казались более темными, чем утром у подъезда, когда Демея волокла ее, упирающуюся, к машине, за рулем которой нервничал, потел и про себя сквернословил Луджереф.

Угнанный ради этого дельца автомобиль Клетчаб потом бросил в глухом закоулке, подальше от Овечьей горки.

– Она ушла, но я вас отпустить никак не могу. Уж не сердитесь, она тут командует, а мое дело маленькое.

– У меня, между прочим, муж – убийца.

– За каждым свои делишки, – дипломатично согласился Луджереф. – Можно полюбопытствовать, ваш муж отбывает срок за своих покойничков? Или шальная удача на его стороне и он гуляет на воле?

Соймела раскрыла глаза пошире, словно чему-то удивилась, – это выглядело красиво, у нее все что угодно получалось красиво.

– Мой муж не преступник.

– Стало быть, не пойман, – осклабился Клетчаб. – Понял, чего ж не понять. Но вы тогда не шуршите об этом где попало, ежели заложить его не хотите. И зазря не пугайте, я пуганный да битый, а госпоже Демее человечка прихлопнуть что плюнуть, она может и нескольких зараз порешить, своими глазами видел. Она малость того, – он доверительно понизил голос, – психически скорбная, так что лучше вы ее не злите.

– Вы считаете, Демея сумасшедшая? – накручивая на палец нитку, свисающую с конца пледа, уточнила Соймела.

Сейчас она была похожа не на дерзкую капризную девчонку, а на обворожительную юную даму себе на уме.

– Да кто ее знает, – пошел на попятную Клетчаб. – Иногда кажется, что госпожа со странностями, хотя притом особа она предприимчивая и решительная, поставить себя умеет, к ней нельзя без респекту относиться.

Он заподозрил, что Соймела может пересказать этот разговор ее стервейшеству, так что надо бы ввернуть побольше уважительного.

– Хм, значит, главная здесь она, а вы ей подчиняетесь?

– Совершенно верно. Отчего ж не подчиниться тому, кто знает, что делает, и сумеет поймать за хвост шальную удачу?

Было искушение намекнуть, что это он на самом деле втихаря командует своей подельницей, но Луджереф удержался, не стал глупить. Потешить самолюбие, похвалиться своей крутизной перед такой красоткой – оно, спору нет, приятно, но если его слова дойдут до Демеи, та психанет и приблизит пробуждение Постояльца еще на одну жертву. Клетчаб потому и дожил до своих лет, что всегда наперво прикидывал, что сболтнуть, и не игрался мелочами в ущерб жизненным интересам.

– Что ж, пойду спать. – Соймела изящно зевнула и поднялась с ящика. – Спокойной ночи, господин Сурфей.

– Я вам сейчас фонариком посвечу, а то еще запнетесь в этой темнотище.

Клетчаб тоже встал. И приятно ему было на нее любоваться, и в то же время он почувствовал облегчение оттого, что разговор закончился. Что-то его озадачило, мелькнула между ними какая-то странность. Девица смотрела на него как на тупака, не знающего чего-то важного, что полагалось бы держать в уме бывалому человеку. Понятное дело, он здесь иностранец, мог допустить какую-то промашку, а все равно обидно, ежели красивая женщина тебя за простеца принимает.

Соймела впервые вляпалась в чужое наваждение.

Когда ее похищали в прошлые разы, все происходило иначе, но то были мороки из ее же собственных фантазий. Они не утаскивали ее в такую даль от дома, в грязную и вонючую подземную нору. Ей не приходилось терпеть их общество дольше нескольких часов: появлялся Темре и развоплощал их. Если он бывал занят и не мог примчаться на выручку, приезжал кто-нибудь из его коллег. Главное, что все заканчивалось вовремя – до того, как оно ей надоедало.

Долго общаться с морочаном, как бы тот ни был хорош, нет никакого смысла. Любой из них похож на пластинку: доиграет до конца – и дальше только перепев того, что уже было, и тянуться это будет до бесконечности. Сой давно это усвоила, да и Темре говорил то же самое.

Демей оказалась весьма содержательным мороком, можно сказать, долгоиграющим, но и она ближе к вечеру начала повторяться. Она ведь не человек, чтобы самостоятельно придумать что-нибудь новое. Ей даже не под силу элементарно скопировать из окружающей реальности то, что не было в нее заложено при воплощении. Так что теперь Соймелу ожидала сплошная нудятина, утратившая прелесть новизны, – до тех пор пока до этой гнусной подземной берлоги не доберутся убийцы из Гильдии.

Хотелось надеяться, что Демей приложила несчастного Рульдо не слишком сильно и тот, очнувшись, дозвонился до Темре. Хорошо бы он еще догадался заявить о похищении в полицию, но мог и не догадаться: в своей области Рульдо был, по общему мнению, талантлив, однако в делах житейских сообразительностью не отличался.

Полиция могла бы выследить машину, на которой Соймелу увезли от дома. Если Гильдия с ними свяжется, они начнут поиски, но вдруг Демей убила Рульдо и никто ничего не знает? Последняя картинка – он лежит на полу без сознания, в проеме распахнутой двери. Может, он до сих пор там лежит?

Впрочем, наверняка его уже нашли и оказали помощь. К Сой каждый день кто-нибудь заглядывал в гости. Но смог ли бедняга вспомнить и рассказать, что случилось?

Соймеле было жаль его – той легкой поверхностной жалостью, напоминающей карандашную штриховку, сквозь которую все равно проступает главное на рисунке. Собственное незавидное положение расстраивало ее куда больше. Как надолго она тут застряла – на два-три дня, на десять дней, на месяц?

И ведь никаких удовольствий не предвидится... Если бы они предвиделись, и то было бы не так досадно, однако Сой уже поняла, что рассчитывать не на что. Она неплохо разбиралась в мороках: и личный опыт приключений подобного рода у нее был весьма обширный, и Темре кое-что объяснял, стараясь ее предостеречь.

Демей способна только на разговоры. К действиям она не перейдет ни зав-

тра, ни послезавтра, вообще никогда. Она явно кем-то выдуманный морок – ну, так и досталась бы лучше той размазне, которая ее приманила! Наверняка это какая-нибудь робкая школьница, застенчивая даже наедине с собой.

«Это ее личная драма, – с ожесточением фыркнула свернувшаяся под ворохом одеял Сой, – но зачем было подсовывать свою недоделку-импотентку мне?

Обозвать «импотенткой» женщину, вернее, вовсе даже не женщину, а морочанку – это вроде бы неграмотно, но другого определения жестоко разочарованная пленница подобрать для Демеи не могла. Вслух об этом говорить бесполезно: та в ответ начнет сюсюкать – и ничего больше. Все равно что подарили новую куклу, которая оказалась сломанной. Впору разреветься, только это не поможет.

Сой играла с мороками, словно с большими говорящими куклами, которые появлялись специально для ее удовольствия. Демея вначале показалась такой интересной и многообещающей – и на тебе!

От злости Соймела согрелась, хотя в этом промозгом вонючем подземелье было холодно и поначалу она мерзла даже под тремя одеялами.

Те морочаны, которых она сама нафантазировала, никуда не сбегали, шли напрямик к ней. И делали все, что ей хотелось, а потом врывается Темре и уничтожал их, после чего читал ей очередную нотацию. Демея, по-видимому, разминулась с той мечтающей о запретных удовольствиях бедной скромницей, которой она обязана своим появлением из хаддейны. Или не разминулась, или она ее убила? Вполне может быть... Наверное, так и случилось, если та перепугалась и не смогла взять морочанку под контроль.

Виновницу воплощения Демеи, по всей вероятности погибшую, Соймела тоже вскользь пожалела, после чего снова принялась размышлять о своем аховом положении.

Она запросто могла кому-то посочувствовать, даже помочь, но ее переживания по поводу чужих несчастий всегда были поверхностны и недолги. Впрочем, она и зла ни на кого всерьез не держала. Все эти чувства как будто скользили по глади ее души, не вызывая возмущений на глубине, где колыхались диковинные узорчатые водоросли, мерцали жемчужины, кружили в хороводах русалки с чувственными лицами и плавно струящимися вихрями роскошных волос.

Ее внутренний мирок был закрыт для окружающей действительности. Сой вполне могла бы сказать: «Я в вашу сверхважную повседневную суету и в вашу политику не лезу, а вы уж, будьте добры, не лезьте в то, чем живу я». Ее интересовали прежде всего флирты с мужчинами, иногда с женщинами, и вдобавок щекочущие нервы приключения с морочанами, которые при умелой работе воображения оказывались способны на что-нибудь такое, чего от людей не дождешься.

Темре довольно быстро раскусил, что она сама приманивает свои наваждения, но делиться этим выводом с Гильдией не стал. Быть может, из соображений экономии, ведь если бы ее присудили к штрафу, платить пришлось бы ему, а может, он и впрямь, как порой казалось, понимал ее? Соймеле хотелось надеяться на второе.

В нынешней ситуации ей ничего не угрожало – по крайней мере, до тех пор, пока она будет контролировать Демею, отыгрывая партию «гордой дерзкой девчонки». Хвала богам, она быстро разобралась, как надо вести себя со

свалившейся нежданно-негаданно морочанкой.

Темре однажды объяснял: «Ты тем самым подкармливаешь наваждение и в какой-то степени осложняешь мою работу – больше усилий понадобится, чтобы его развоплотить, но уж лучше так, чем если оно тебя убьет».

Значит, придется снова и снова плести в бессчетных вариациях одни и те же разговоры, успевшие порядком надоесть Соймеле, но зато она будет в безопасности. Другое дело, если бы она испугалась – на страх Демеяотреагирует как хищная рыба на расплывшуюся в воде кровь. Но Сой морочанов не боялась, они были для нее всего лишь заводными куклами.

Кто здесь был для нее загадкой, так это Сурфей. Он не производил впечатления дурака, но как будто искренне считал Демею настоящей женщиной, хотя и малость сумасшедшей. Так обмануться может разве что иностранец, приехавший из тех краев, где наваждений не бывает. Об этом свидетельствовал и акцент Сурфея. Если его смогла одурачить морочанка, это значит, он вовсе не маконец, а приплыл в Анву из-за океана, словно те забавные туристы в комедийной рамке, которые тоже попадают в истории с мороками, и авторы по этому поводу изошряются в хохмах. Сой никогда бы не подумала, что однажды столкнется с таким чудачком в реальной жизни.

Впрочем, этот чудак вовсе не выглядел милым и безобидным. Сквозило в нем что-то настораживающее, противное, скользкое... Соймела ни за что не стала бы с ним флиртовать. Может, на самом деле он в курсе, что госпожа Демея – морок, а наивным только прикидывается? Все в деталях припомнив, Сой пришла к выводу, что, пожалуй, все-таки нет. Удивительно, но Сурфей и впрямь не понимает, у кого он ходит в помощниках.

Тогда, возможно, стоило бы объяснить ему правду? Хорошенько поразмыслив, девушка отказалась от этой идеи. Будь Сурфей человеком, внушающим доверие, она бы не колебалась, но раз он... ну, в общем, такой, каким он ей показался... лучше не связываться. Хотя бы потому, что морочанку она и дальше сможет контролировать, а от этого субъекта неизвестно, чего ждать. Что-то подсказывало Соймеле, что ничего доброго от него не дождешься.

Несмотря на вонь и духоту, она задремала, а проснулась от шума в коридоре. Комната была погружена в густой полумрак, слабо светила старинная керосиновая лампа, подвешенная на вбитый в стену крюк, рядом никого, а снаружи, за чуть колыхнувшейся занавеской, что-то происходило.

Взыграло любопытство, да и в своей власти над Демеей Сой не сомневалась. Та ее не отпустит, но в то же время, пока соблюдаются правила игры, от которых морок не в состоянии уклониться, вреда ей не причинит.

Закутавшись в тонкий шерстяной плед – надо будет завтра же намекнуть, чтобы ей купили теплые сапожки и меховую холлу, но сперва придется отказываться от подарков и злобно дерзить, а примерить обновки можно будет лишь после обязательного отыгрыша «ничего мне от вас не надо», – она осторожно выглянула из-за шторы.

В коридоре царил темень. Четыре тусклые керосиновые лампы вроде той, что висела у нее в комнате, мрака не рассеивали – они напоминали замученных светлячков, у которых не осталось сил даже на то, чтобы сползти в одно место.

Непонятные звуки доносились издали, и там же маячил круг света от электрического фонаря.

Сой двинулась вперед, ступая осторожно, чтобы не споткнуться, а то на полу повсюду валялись то кирпичные обломки, то мусор. Впереди виднелась светлая по сравнению со стенами коридора тупиковая стенка, по ней-то и ползало световое пятно, потом оно исчезло. Значит, дальше есть или дверца, или лазейка.

Печальное сияние запыленных умирающих ламп помогло Соймеле добраться до цели. Фанерная перегородка, не достигающая до стены, а за ней на расстоянии двух бутов еще одна. Из-за перегородки доносились невнятные утробные звуки, чавканье, чмоканье, чьи-то глухие мычащие стоны.

«Хм, чем это они там без меня занимаются?» – Серdito подумав об этом, Сой подобрала плед, чтобы ни за что не зацепилась, и полезла в проход меж двух фанерных стенок. Неужели здесь есть кто-то еще, с кем Демей не разговоры разговаривает, а предается тому самому, ради чего ее и выманили из хад-дейны?

Ага, вторая перегородка тоже не доходит до конца, а дальше – темное пространство, в котором мелькают какие-то влажные черные отблески, и в луче фонаря...

Боги великие и милостивые, это было совсем не то, о чем она подумала!

У Сой едва не вырвался крик, и одновременно она судорожно втянула воздух, поэтому настоящего вскрика не получилось – что-то сдавленное, как будто вбитое обратно в горло.

Оно ворочалось во мраке то ли зала, то ли пещеры. Оно было громадно и напоминало во много раз увеличенную черную мокрицу с поделенным на сегменты лоснящимся туловищем. Жесткими суставчатыми конечностями оно стиснуло и подмяло под себя что-то мычащее, дергающееся и, похоже, окровавленное.

Несколько голов на длинных гибких шеях, пучком выраставших из отверстия в панцире чудовищной мокрицы, рвали схваченную еду. На мгновение Соймела увидела получеловеческую, полузмеиную бледную морду с измазанным кровью ртом и круглыми черными глазами, в которых блеснул отраженный свет фонаря. То, что шевелилось в смертельных объятиях, завывало громче, и девушка с ужасом заметила дрыгнувшую в воздухе голую ногу.

Демей успела подхватить ее раньше, чем она осела на пол.

Очнулась Сой в комнате с занавеской, на своем тюфяке под одеялами. Морочанка сидела рядом и совала ей кружку, благоухающую десертным вином «Бархатное знакомство».

– Выпей это, моя дорогая маленькая Соймела, тебе приснилось что-то страшное, но теперь все позади, и я рядом с тобой...

Ага, как же – приснилось. Сны и явь Сой никогда не путала, да и не бывало у нее настолько отчетливых снов.

– Не надо мне вашего вина, пейте его сами! – пробормотала она ехидным капризным тоном. – Зачем вы меня разбудили посреди ночи, неужели вы все еще на что-то рассчитываете?

Как бы ни было ей плохо и страшно, нужно, несмотря ни на что, играть роль. Иначе... Да, она уже видела, что с ней произойдет «иначе», если она перестанет оправдывать ожидания этой омерзительной куклы.

Паучара в конце концов завел людей в один из *неприжизненных* районов Лон-вара. К этому времени за ним следовала пусть еще не толпа, но уже целый от-

ряд: кроме Темре с монахом – четверка иллихейских агентов и инспектор из отдела заморочных расследований. Иллихейцы заметили, что на хвосте висит, не показываясь на глаза, кто-то еще. Репортер, вероятно.

Такая процессия не могла не привлечь внимания, хотя паучара благодаря дождевому колдовству Клесто выглядел обыкновенной собакой на поводке с серебрящейся от измороси шерстью.

Возможно, за ними по пятам крался, выдерживая разумную дистанцию, не газетчик, почуявший запах жареного, а еще один чиновник из полицейского управления, приставленный тайно наблюдать за иностранными коллегами. Или «бродячий кот», приглядывающий за своим собратом, получившим от Лунноглазой Госпожи разрешение на охоту. Во всяком случае, не морок, это Темре проверил. И не Луджереф – его бы ищейка вмиг учуяла. Поэтому «хвост» решили без повода не трогать: скорее всего, человек на службе, и не надо ему мешать, пока он сам никому не мешает.

Между тем городской ландшафт становился все запущеннее, все тоскливее, словно после мора или иного бедствия. Трущобы с заколоченными крест-накрест окнами смахивали скорее на развалины, чем на бедняцкое жилье, и выглядели почти необитаемыми – здесь ютились разве что изгои, которым больше некуда было податься. Ветхие дома в один-два этажа группировались островками, как будто жалась друг к дружке, испытывая непонятное смутное беспокойство и заражая своей тревогой зрителя.

Вокруг простирались свалки, пустыри, заросли оголившегося кустарника, торчали телеграфные столбы, высились решетчатые опоры черных на фоне облачного неба трамвайных мостов. Тянулись щербатые кирпичные ограды, непонятно что от чего отделяющие, похожие на обкусанные и заплесневелые хлебные корки. Вздымались акведуки с выведенными на поверхность трубами, то в ошметках прошлогоднего утеплителя, то заново укутанными в преддверии зимы. Морщились под дождем и переливались мутным блеском громадные лужи. Попадались и заводы, спрятанные за обшарпанными, но добротными заборами. Благодаря тому что их владельцы по закону отвечали за состояние дорог и тротуаров в окрестностях, это хозяйство до сих пор не превратилось в непролазное месиво грязи.

Неприживные районы назывались так потому, что народ там ни в какую не приживался. Плохо там было. Чем плохо, никто внятно объяснить не мог, но людям очень скоро становилось не по себе, а потом и вовсе невтерпеж, и они переезжали куда угодно, лишь бы оттуда убраться. Поговаривали, что сны там снятся тяжелые, нехорошие. Зато для предприятий, расположенных в неприживных районах, и земельный налог был ниже, и арендная плата меньше, это спасало такие территории от окончательного запустения. Селиться поблизости желающих не было, поэтому до своих заводов и мастерских работники ездили на трамваях, сновавших над Лонваром круглые сутки напролет.

Рассказывать все это иллихейцам пришлось Темре. Полицейский инспектор оказался неразговорчив, а Котюра косился на агентов подозрительно и неприветливо: эти парни претендовали на его добычу, в то время как он хотел собственноручно свернуть шею подонку, убившему Тавьяно. До открытой стычки пока не дошло, но Темре опасался, что этого не миновать.

Опрос свидетелей похищения Соймелы позволил предположить, что утащила ее Акробатка, а за рулем машины, в которой девушку увезли, сидел

некий мужчина, судя по поведению разволновавшейся ищейки – изготовитель паучары. Темре связался с иллихейцами и, когда те приехали на место происшествия, попросил у них какую-нибудь вещицу Луджерефа. Ему вручили ношенный полосатый носок. Кукла сразу сделала стойку, начала суетиться вокруг носка и топтать его пружинистыми ногами. Так как происходило это на улице, под морозящим по милости Клесто дождем, со стороны казалось, будто собака тербит тряпку.

После этого сомнений не осталось, и все вместе отправились в юго-восточный район столицы, туда, где, по предварительным данным, находилось убежище Демеи и ее помощника. Здесь морок-ищейка довольно быстро взял след и повел людей за собой, он так и рвался вперед, нетерпеливо натягивая поводок. Иллихейцы оживились, предвкушая успешное завершение своей миссии, а «бродячий кот» насупился. Он ни словом не упрекнул друга, но тому было неловко перед ним и досадно за свой промах.

Перед выходом Темре еле уговорил его надеть оберег от огнестрела.

– Я на тропе охоты, и у меня девять жизней, – проворчал Котяра.

– А в автоматическом пистолете десять патронов, если это не пятизарядник. Кроме ублюдка-бандита там будет еще и морочака, у нее точно есть ствол, может, даже не один.

Хвала богам, все-таки уломал.

Убийца наваждений на ходу налепил на лицо маску и поглубже надвинул капюшон плаща, чтобы не привлекать постороннего внимания. Следовало быть начеку, а то с Акробатки станется потихоньку подобраться и застать их врасплох, но пока никаких мороков, кроме куклы Клетчаба Луджерефа, поблизости не было.

За Соймелу он не слишком волновался: та с Демеей справится. Пожалуй, только она с ней и справится... Но все равно лучше бы поскорее вызволить Сой и покончить с этой историей.

Над унылым ландшафтом мокнущего под дождем неприживного района господствовала горка с заводом. Именно туда паучару и тянуло. Быть может, морочанка и беглый иллихейский преступник прячутся среди работников предприятия?

Решив сделать передышку, сыщики остановились под сенью развалины, напоминающей кусок подгорелого пирога. Вдоль стены тянулось что-то вроде галереи с жестяным навесом – укрытие от дождя. Паучару привязали снаружи, игнорируя предложения иллихейцев, что, мол, давайте и собачку вашу сюда, пусть немного обсохнет. Ага, еще не хватало, чтобы они увидели истинный облик «собачки»!

Полицейский инспектор достал из внутреннего кармана плаща и развернул истрепанную карту местности, подклеенную с изнанки бумажными полосками.

Инспектора звали Гурдо. Он был тощ, смугловат, немолод, с темными усиками над верхней губой и выпирающими желваками. Судя по физиономии, венгос с примесью гронсийской крови, но вряд ли он охотно сознался бы в этой примеси. И с иностранцами, и с убийцей наваждений он держался официально, хотя и без неприязни – скорее, это была суховатая манера чиновника, находящего в казенном способе общения известные преимущества. К «бродячему коту» обращался уважительно, словно хотел подчеркнуть, что к рели-

гии он относится с должным почтением.

– Это Овечья горка, там находится разделочно-перерабатывающий завод, – сообщил он строгим надтреснутым голосом.

Остальные сгрудилась вокруг, заглядывая в карту. Кроме символа, обозначающего промышленное предприятие, возвышенность была помечена зубчатым красным кружком. От Темре не укрылось, что Жозеф Глинтух, могучий громила с открытым добродушным лицом, сощурил слегка раскосые глаза и еле слышно хмыкнул, словно углядел что-то такое, о чем остальные знать не знали.

– И что там разделявают, если не секрет? – осведомился Мервегуст.

– Туши морских овец. Потом сырье развозят для дальнейшей переработки по другим заводам и фабрикам, а костную муку производят прямо здесь, – нехотя, но в то же время с нудноватой обстоятельностью объяснил Гурдо руководителю иностранной группы.

– Что это за значок?

– Это значит, что через Овечью горку нельзя прокладывать коммуникации без особого разрешения и согласования на высшем уровне.

– Так мы ж и не собираемся, – покладисто ухмыльнулся Глинтух.

Темре насторожил его прищур, чересчур озабоченный, как будто оцетившийся красный кружок ему до чрезвычайности не понравился. А Мервегуст никак не отреагировал на нарушение субординации, словно у Глинтуха была привилегия говорить все что угодно вперед начальника. Поймав взгляд убийцы наваждений – или, скорее, почувствовав его сквозь покрытую алыми и черными рунами маску, – громила перестал щуриться и жизнерадостно подмигнул: все хорошо, парень, прорвемся. Теперь уже Темре хмыкнул – мол, кому и зачем ты здесь морочишь голову, хотел бы я знать?

Двое других агентов, желтоволосый Чемхет, похожий на пресыщенного юнца из богатой семьи, и невзрачный жилистый Сунорчи, молча озирались, изучая местность.

Монах стоял в сторонке, вид у него был угрюмый. Впрочем, поглядев на его недовольное круглое лицо, можно было предположить, будто он раздражен тем, что промок, и затянувшаяся прогулка под дождем, без обеда в ближайшей перспективе, нисколько его не радует. Обычно в первую очередь предполагается то, что лежит на поверхности, хотя на проверку все может оказаться совсем не так.

Иллийцам брата Рурно отрекомендовали как друга Темре, принимающего участие в поисках. О том, что «бродячий кот» с дозволения Лунноглазой Госпожи вышел на тропу охоты и имеет свои виды на их клиента, несовместимые с дальнейшей жизнедеятельностью упомянутого клиента, агенты были не в курсе.

Привязанный к дереву паучара целеустремленно рвался к Овечьей горке. Уж для него-то все было просто и ясно, впору позавидовать.

Птичий Пастух, скорее всего, витал где-то поблизости и наблюдал за развитием событий, никак не выдавая своего присутствия. Он любопытный, вряд ли захочет пропустить такое отменное представление.

– Дорога подходит к заводу с северо-востока, – показал Гурдо. – С нашей стороны есть еще одна, в плохом состоянии, она ведет к замурованному входу в туннель. Вот это автостоянка, около нее несколько магазинов и закусовая

для работников. Немного севернее – трамвайный мост.

Словно в подтверждение его слов с той стороны донеслось далекое громы-хание трамвая. Мост выделялся черной филигранью на облачном фоне, над крышами строений.

– Скорее всего, Луджереф и Акробатка пользуются трамваем, когда выбирают в город из своего логова, – заметил Темре.

– А это что? – Мервегуст ткнул пальцем в карту.

– Коллектор. От Овечьей горки до Южной он проходит над поверхностью и южнее ныряет под землю, его тоже отсюда видно.

Над пологим склоном тянулась поднятая на мощных фермах толстенная бурая труба – должно быть, пяти-шести бутов в диаметре, ее колоссальные размеры поражали даже издали. Она исчезала в дождевом тумане, сквозь который просвечивали размытые очертания еще одной горки.

– Коллектор – на акведуке? А если трубу прорвет или опоры не выдержат? – вымолвил глава иллихейских агентов с таким выражением, словно едва удержался, чтобы не добавить: «Да вы все тут сумасшедшие!»

– Трубы у нас надежные, и канализационные акведуки построены с большим запасом прочности, за этим регулярно следят, – сурово произнес полицейский инспектор.

Казалось, его оскорбило то, что иностранцы, поглядев на эту достопримечательность, усомнились в здравомыслии венгоских властей.

– Наверное, проще было бы сразу убрать его под землю, – заметил Мервегуст.

– Наверное, нельзя, для этого здесь, вероятно, земельные условия не те, – сварливо возразил Гурдо и после паузы добавил, словно ставя точку в споре: – Так что на все есть рациональные причины. Займемся нашей проблемой, пока она не успела улепетнуть с Овечьей горки?

– Если что-то сделано так, а не иначе, значит, иначе могло бы выйти накладно, – неожиданно поддержал его Глинтух, одарив всю компанию лучезарной примирительной ухмылкой. – Гурдо, не обессудьте, мы люди приезжие, многого не знаем, вот и любопытствуем, а иногда можем что-нибудь не то сказать. Нам, не местным, простительно.

Мервегуст снова не одернул зарвавшегося подчиненного. Судя по тому, какой собранной и спокойной оставалась его загорелая физиономия, изрезанная эффектными скульптурными складками, поведение Жозефа Глинтуха главу группы нисколько не возмущало.

«Значит, ты имеешь право так себя вести, – решил Темре, поглядев на громилу с новым интересом. – И как раз ты-то, сдается, отлично знаешь, почему иначе вышло бы накладно... Или, может, не накладно, а опасно? Видимо, это одно из мест, где под землей копать не следует. На то и неприживной район».

– Где наш уважаемый наблюдатель? – справился Мервегуст у тех двоих, что помалкивали. – Или мы его по дороге потеряли?

Ради своих союзников гости разговаривали между собой по-венгоски.

– Не потеряли, – усмехнулся Сунорчи. – Вон за тем домом прячется, за углом. Серьезный парень, не за просто так жалованье получает.

Его жидкие серые волосы от затылка были заплетены в косицу, выпростанную поверх откинутого капюшона и свисавшую, словно мокрый мышиный

хвост. Сунорчи показался Темре похожим на старую крысу-сыщика из популярной детской рамги.

– Раз он сам не хочет к нам присоединиться, звать не будем, – подмигнул остальным Глинтух. – Мы передохнули, а теперь...

– Тихо, – оборвал его убийца наваждений. – Морок!

Вдали, на довольно пустынной в этот час дороге, что вела к Овечьей горке от трамвайного моста, маячил тусклый водянистый светляк.

Если шибануться со всего маху лбом о стенку, можно и до смерти убиться... Только это соображение и удерживало Клетчаба от самовредительства. Ну, сил никаких больше нет – опять они завели вчерашнюю песню!

– Я сейчас поеду в магазин, моя дорогая маленькая Соймела, и куплю тебе что-нибудь теплое, что-нибудь достойное тебя, а пока будь паинькой, закутайся в одеяло!

– Не приму я от вас никаких милостей и не надо мне вашего одеяла!

– Ты же без одеяла замерзнешь! Я боюсь, что ты заболеешь...

– Да уж лучше заболеть, чем взять у вас одеяло!

– Ты мне дерзишь, но ведь я права. Скоро ты все поймешь, когда этот город будет разорен и превратится в мою территорию! А пока возьми одеяло...

– Никогда я с вами не соглашусь, надейтесь на здоровье, это невредно. И одеяло ваше тоже не возьму.

– Моя маленькая принцесса, тебе ведь холодно без одеяла...

«Великие боги, послали бы вы сюда доктора с санитарями, – взвыл про себя Луджереф, маясь от злости и бессилия. – С парой смиренных рубашек и кляпов... И никаких одеял им, сукам таким! Об одном прошу, пусть они заткнутся и чтобы никаких одеял! Пусть у меня лучше брюхо сведет, чем их слушать... Тьфу, нет, боги наши милостивцы, вот этого лучше не надо!»

Наконец пытка прекратилась, и Демья, выглядевшая задумчиво-счастливой, как после романтического свидания, отправилась в город покупать для пленницы теплые сапожки и холлу. А мозгами надо было шевелить, прежде чем тащить девку из дома в чем есть! Соймела, которая во время спора сидела, съездившись и подобрав под себя озябшие ножки, гордая, хрупкая и непримиримая, после ее ухода враз перестала фасонить и одним одеялом укрылась до пояса, другое набросила себе на плечи поверх пледа.

– Зря вы так выкрутасничаете, – остановившись над ней, с раздражением процедил Луджереф. – Госпожа Демья потерпит ваши фокусы, а потом терпение у нее лопнет. Цену себе набиваете, чего ж непонятного, ваша сестра тем и живет, что себя продает, а только можно при этом в набитых дурах остаться, ежели малость просчитаетесь.

– Что вы имеете в виду? – озлилась и вспыхнула Соймела.

– Да то и имею, что сказал. Хватит уже шуршать про одеяло, хуже пересоленной каши надоело!

– Подите вон, – прошипела девчонка, сверкнув глазами.

Он еще больше рассердился.

– Ой ты, цаца какая! Я с вами по-хорошему толкую, не будьте дурехой, о своей шелковой шкурке подумайте, а вы по-собачьи лагаетесь! Видела же сама, чего там есть за стенкой в конце коридора... Отдаст вас госпожа Демья той твари, если будете дерзить и фыркать.

– А может, она скорее вас отдаст, если я пожалуюсь, что вы мне нагрубили?

Клетчаб плюнул и ушел. Пугнуть ее хотел, чтобы присмирела, а гляди ты, как нехорошо вышло. Чего доброго, и впрямь настучит, а как в этом случае поступит ее стервейшество – почем знать...

Ладно, решил Луджереф, мы тогда по-нашенски сделаем и вас переиграем. Не на того напали, дамочки!

В дальнем помещении дожидались своей участи четверо ушнырков – из тех, что ловятся на крейму или другую такую же дурь. Демее минувшей ночью повезло, и она заманила сюда целую компанию. Двоих Постоялец уже оприходовал, остальных приберегли, потому что госпожа пошла сюсюкать с девчонкой. Руки и ноги у пленников на всякий случай были спутаны, но они бы и без того никуда не ушли. Вмазали свою дурь – и довольны: только и знают, что ловить расширенными зрачками неведомые мутные грезы.

Демее считала, что эти четверо станут «заключительной порцией», после которой чудовище наверняка проснется.

«Ну, так подстегнем маленько события», – подумал Луджереф, выволакивая за шиворот в коридор первую из жертв, вялую и послушную.

При нынешнем поганом раскладе уж лучше пусть тварь очухается, пока ее стервейшество отсутствует. Тогда стучи не стучи, а старина Клетчаб успеет сделать отсюда ноги, и в условиях дальнейшего раздрая госпоже Демее будет не до него.

Ежели они в будущем и встретятся, можно будет отпереться: дескать, знать ничего не знаю, Постоялец сам по себе проснулся и всех слопал.

Отдав свой плащ на хранение полицейскому инспектору, Темре направился в сторону дороги.

Близился вечер, такой же пасмурный, как минувший день, но до конца смены на заводе еще далеко, и на тротуаре вдоль заколоченных домов и затянутых путаницей жухлой травы осенних пустырей в этот час никого не было. Зато после гудка, уже в темноте, польется к трамвайному мосту усталая людская вереница... Работать с наваждением в толпе – ситуация из категории «хуже некуда», но времени в запасе достаточно.

Темре двигался от дома к дому наперерез Акробатке. Лица на таком расстоянии не разглядеть, но это она, можно не сомневаться. Надо перехватить ее раньше, чем она доберется до своего логова.

Оказавшись под прикрытием очередной постройке, он посмотрел назад: товарищей отсюда не видно. Значит, Демее тем более их не заметит.

Под ногами хлюпала грязь. Слышался негромкий, близкий к шепоту, размеренный и рассеянный плеск дождя, что-то меланхолично поскрипывало, а в общем-то здесь было тихо. Шум доносился со стороны дороги, завода на горке и отдаленного, словно слепленного из наложенных друг на друга серебристо-сероватых теней, городского массива, где всю бурлила столичная жизнь.

И еще легкие торопливые шаги позади на некотором расстоянии, словно кто-то бежит следом. Один из агентов увязался за Темре? Или, может, соглядатай? Какого краба ошпаренного, объяснял же им всем, что помощники не понадобятся... Добровольный помощник – это, в данном случае, потенциальная жертва. Когда убийца разбирается с мороком, непрофессионалам лучше держаться в сторонке.

Оглянувшись, Темре заметил темную фигуру, мелькнувшую и тут же спрятавшуюся за углом обветшалого строения с похожей на разворошенное гнездо

крышей.

Судя по габаритам – не Глинтух, кто-то мелковатый. Пусть пеняет на себя, предупреждали ведь.

Пахло мокрой холодной землей, псиной, палой листвой, которая покрывала землю блестящим черно-желто-бурым слоем, мозаичным, словно туника Смеющегося Ловца.

Однажды, во время очередного распивания кавьи в гостях у Темре, тот заметил:

– Под ногами у смертных валяется великое множество красивого, а люди этой роскоши не замечают. Это меня когда печалит, когда забавляет, в зависимости от настроения.

От домов тянуло специфическим духом давно заброшенного жилья. Время от времени власти предпринимали попытки заселить неприживной район, чтобы пространство в черте города не пустовало, и заманить сюда хотя бы тех, кто работает на Овечьей горке. Всякий раз повторялось одно и то же: люди поначалу радовались государственным дотациям на обустройство и соблазнительной дешевизне, а потом сбегали.

Иные даже свой бедняцкий скарб бросали, если не было возможности забрать его с собой на новое место. В полумраке за оконными проемами виднелись очертания мебели: угловатые спинки стульев, темная плоскость запыленного стола, блеск металлической кровати – должно быть, удобной, но не избежавшей общей участи. На втором этаже одного из домов полоскалась, словно вывешенный за окно флаг, линялая желтая занавеска в мелкий цветочек.

Темре подозревал, что все это каким-то образом связано с тем загадочным значком, которым помечена на полицейской карте Овечья горка. И Жозеф Глинтух то ли знает, то ли догадывается, в чем дело. Для этого необязательно быть местным, достаточно быть информированным.

Странный парень этот Жозеф. Как выяснилось, он метис, о чем сам же и сообщил весьма охотно. В Империи этого не стеснялись, тем более что метисом он оказался особенным – его мать была переселенкой из другого мира, того самого, откуда иллихейцы позаимствовали кавью, или кофе. Все это было занятно, однако нисколько не объясняло его особого положения в иерархии группы.

Мервегуст – руководитель, Сунорчи и Чемхет – подчиненные, с ними все ясно. Но какова истинная роль Глинтуха, который на первый взгляд производит впечатление шкафоподобного громила с тяжелыми кулаками – такого воплощения полезной грубой силы, а когда к нему присмотришься, не знаешь, что и думать?

Демья свернула с тротуара навстречу убийце. Она была без сарпы, в удлиненной холле, щедро расшитой серебряным галуном. Тавлани из серой с блестками шерсти плотно облевали скульптурно мускулистые ноги и были заправлены в сапожки, украшенные блестящими пряжками и измазанные грязью. Из-под натянутого на голову капюшона выбивались черные локоны парика. В отчетах тех, кто ее выслеживал, упоминалось о парике. На плече у нее висела пухлая матерчатая сумка, голубая в белый горох, такую можно купить в каждом лонварском магазине, торгующем одеждой, тканями и обувью.

«Наверняка это Сой своего не упустила, – усмехнулся про себя Темре с от-

тенком грусти. – Вот уж кому с этой истории сплошное удовольствие...»

Противник был в маске, и морочанка, разглядев это, сразу поняла, кто перед ней: тот, кто может отправить ее обратно в извечно клубящийся туман хаддейны, в зыбкое царство неопределенности.

Она сунула руку в карман холлы, под которым виднелась выпуклость: наверняка там лежал пистолет. Зная, что оберег защитит его, Темре не стал уходить с линии выстрела и на бегу послал в наваждение две иглы. Судя по тому, что Акробатка приостановилась, как будто у нее перехватило дыхание, и плотнее сжала благородно очерченные губы, обе попали в цель. Но до победы далеко, Демея – сильный морок, и лучше не думать заранее о том, сколько иглолок понадобится, чтобы ее развоплотить. Много.

Убийца подался назад: пока не накопился новый заряд, его задача – избегать ближнего боя. Посторонних рядом не было, разве что загадочный сопровождающий, который спрятался где-то поблизости. Темре надеялся, что парень сообразит сидеть тихо и не высовываться. Хотя, если тот сильно испугается, гостя из хаддейны почует его присутствие.

По дороге, которая сначала шла под уклон, а потом, ближе к трамвайному мосту, снова в горку, изредка проезжали заводские фургоны, окутанные тяжелым рыбным запахом, но шоферы, заметив гильдейца в боевой маске, поступали согласно служебной инструкции: газовали, чтобы поскорее убраться подальше от опасного места.

Вокруг стояли обшарпанные пустующие дома. Как это ни странно, они все не казались мертвыми – скорее, напоминали дряхлых стариков, печальных, неряшливых, сонных, утонувших в своих воспоминаниях, но все же сохранивших остатки любопытства. Они таращились на Темре и Демею темными проемами, слышно скрипели гнилыми досками. Люди, без которых дому не изведать настоящей жизни, сюда уже не вернуться, но эти двое увлеченно суетятся, гоняются друг за дружкой – есть на что поглядеть, хоть какое-то подобие прежнего оживления!

Акробатка была опасным противником. Впрочем, Темре и раньше в этом не сомневался. Ни одна игла не ушла мимо цели, а ей пока хоть бы что. До бесконечности это продолжаться не может, но хватит ее надолго.

После пары выстрелов она учла, что враг защищен оберегом, и сунула пистолет в карман. Теперь она старалась поймать его, чтобы схватиться врукопашную, и Темре приходилось всю от нее бегать, разбрызгивая грязь, а Демея, нехорошо сверкая белесыми глазами, носилась за ним. Оба уляпались с ног до головы, словно школьники, дорвавшиеся до подвижных игр на свежем воздухе.

Время от времени она швыряла в него, метя в колено или в голову, обломками кирпича – от них-то оберег не спасет! – но убийца успевал увертываться. Не привыкать: это обязательная часть ежемесячных гильдейских тренировок, только там для этого используют резиновый мячик. Вот в такие моменты от всей души мысленно поблагодаришь старшин, которые вьедливо следят за тем, чтобы никто из парней ни под каким предлогом от регулярных тренировок не отлынивал. В скорости и ловкости Темре морочанке не уступал – что и требуется, если убийца наваждений не хочет внезапно закончить свою карьеру, а заодно и все прочие свои дела на этом свете.

Человек может вымотаться и устать, от этого никуда не денешься, но если

все развоплощающие иглы попадают в цель, морок тоже постепенно выбивается из сил и не получает преимущества, в том-то и фокус. Поэтому главное – не мазать, остальное приложится.

Схватка шла на равных, без перевеса. Свою сумку в горошек Демья оставила под стеной одного из домов, на островке пожелтелой травы, более-менее сухой благодаря нависающему балкону. Посягнуть на чужое добро здесь было некому.

Капюшон сполз у нее с головы, парик с завитыми локонами сбился набок, черные пряди челки налипли на мраморно-белый лоб. Ей очень хотелось добраться до противника – и чтобы подкрепиться, и потому, что тяга к жестоким расправам была заложена в нее при воплощении. Темре не забыли те полицейские протоколы, где шла речь о жертвах Акробатки, и понимал, какая кончина его ждет, если он допустит промашку.

В ходе этой беготни они очутились во дворе, где посередине громоздились сваленные как попало старые стулья, табуреты, куски разломанных тумбочек и этажерок. Должно быть, какие-то бродяги собирались погреться у знатного костерка и натащили из запустелых домов всего, что согдится на дрова, а потом что-то их спугнуло.

Или, может, по милости Клесто день выдался пасмурный и сырой, и разжечь костер им так и не удалось. Если они чем-то прогневали Дождевого Короля, ничего в том нет удивительного. Он ведь далеко не всегда бывает таким разнежившимся и дружелюбным, как в гостях у Темре за бокалом вина, и его недолго рассердить чем-нибудь мимолетным, чему большинство людей не придаст значения.

Так или иначе, деревянный хлам в центре двора остался нетронутым, и Демья сразу ринулась к этой куче, ее светлые глаза злорадно вспыхнули.

«Что она задумала? – удивился Темре. – Швырнет в меня табуретом?»

Ага, так и оказалось, только табурет был живой. Чекляны, до того похожие на эти предметы домашней обстановки, что в сумерках либо издали запросто обманешься, не любили маячить на открытом пространстве, предпочитая прятаться там, где можно слиться с фоном. Они были всеядны и чаще всего встречались вблизи больших помоек. В неприживном районе их соблазняла свалка под южным склоном Овечьей горки. То, что прогнало отсюда людей, чеклянов не пугало – а может, и пугало, да голод был сильнее страха. Они промышляли в одиночку и с собачьими стаями конкурировать не могли, поэтому обитали на отшибе от возделенной свалки, среди брошенного человеческого жилья.

Пятнисто-коричневый чеклян, напуганный шумом и беготней двуногих вторженцев, притаился возле груды деревянного барахла. Обычно это ему помогало, но не в этот раз: остроглазая Демья выдернула его из мебельной кучи, ухватив за тонкую кожистую ножку, и, раскрутив над головой, швырнула в противника.

Цапнуть ее зубастым клювом несчастное животное не успело. Уже в полете оно слабо заверещало, но тут же шмякнулось о землю, потому что Темре проворно отскочил. А чеклян подпрыгнул и бросился на него. Одна из особенностей этих созданий: впав в ярость, они атакуют, не обращая внимания на разницу в габаритах.

Убийца оказался меж двух огней: с одной стороны морочанка, с другой –

взбешенный неожиданным нападением, свирепо щелкающий клювом живой табурет.

Чеклян воинственно наскакивал, норовя долбануть по ноге, – ему ничего не стоило не только порвать штаны, но и выщипнуть кусок мяса. Его длинная шея с хищной клювастой головкой смахивала на мумифицированную змею, но при этом двигалась стремительно, словно отпущенная пружина или лопнувшая резинка.

Противница с раззадоренной ухмылкой двинулась в атаку, а перстень еще не зарядился. Темре понял, что сейчас ему придется несладко. Он отвлекся на морочанку, уделяя внимание в первую очередь ей, а оставшийся сбоку табурет, словно того и ждал, сделал молниеносный бросок и содрал лоскут кожи у него с ляжки.

В следующий момент Демея ринулась к убийце, но сразу отскочила назад.

Чеклян, обнаружив, что его со всех сторон окружили люди, утратил боевой пыл и, пару секунд в замешательстве потоптавшись на месте, задал стрекача.

«Откуда они все взялись?..» – изумился Темре.

Вокруг него стояло не то пятеро, не то шестеро гильдейцев в масках. Слишком много для одной морочанки. Мгновенно приняв решение, она тоже стремглав бросилась наутек, кидаясь из стороны в сторону, чтобы не словить иглу. На ходу подхватила свою сумку, выбежала на дорогу и одним прыжком очутилась на подножке проезжавшего мимо фургона, уцепившись, чтобы не свалиться, за ручку дверцы. Неизвестно, что подумал шофер, но вместо того, чтобы затормозить, он прибавил скорости. Машина умчалась по направлению к Овечьей горке.

Темре остановился у обочины: ясно, что автомобиль ему не догнать. В недоумении оглянулся на своих нежданно-негаданно объявившихся коллег – те остались стоять, где стояли. Одинаково одетые, одинаково стройные, одинакового роста... Да их вообще не отличить друг от друга! Не люди это. Но и не наваждения из хаддейны.

Самые обыкновенные обманки, созданные мастером иллюзий. Вроде того подснежника, изысканного творения Иноры, почти сутки прожившего у него в гостинной. Или вроде тех банкнот, которые время от времени кто-нибудь предприимчивый пытается всучить продавцу в магазине или буфетчику в закусочной, хотя в любом мало-мальски уважающем себя заведении имеются артефакты-определители. Но сколько же сил должен был затратить неведомый мастер, выручивший Темре, чтобы создать одновременно целых шесть его копий в полный рост?..

Он нашел ее за углом ближайшего дома. Может, она и хотела бы скрыться, но ее ноги не держали. Сидела на земле, привалившись спиной к мокрой кирпичной стене и запрокинув голову, ее лицо прикрывала ажурно связанная серая маска, испачканная кровью. Поверх маски выбилась светлая челка, на голову был натянут капюшон старенькой синей холлы. Глаза в аккуратно вывязанных узких прорезях были облачно-серые, с белесыми ресницами.

«Что ж, вот я и поймал тебя», – обескураженно и невесело подумал убийца наваждений.

Та самая девушка, приходившая, по словам Кайри, только для того, чтобы на него посмотреть. Вот кто, значит, крался следом за ними, вовсе не полицейский соглядатай... Она спугнула Демею, однако, с другой стороны, неизвестно,

чем бы все закончилось, если бы не ее вмешательство. Возможно, скверно бы закончилось. Иногда и от помощника-непрофессионала может быть толк.

В кулаке она сжимала окровавленный носовой платок, но кровотечение уже прекратилось.

– Спасибо. – Темре присел напротив. – Только теперь лучше уходите отсюда, когда отдохнете. Здесь идет опасная охота, а вы потратили много сил и больше повторить такой номер не сможете. По крайней мере, не сегодня и не завтра, насколько я в этом разбираюсь.

Девушка хриловато засмеялась. Или закашлялась.

– Где твоя морочанка?

– Укатила на попутной машине. Мне сейчас предстоит ее искать, так что я даже проводить вас не смогу. Уходите отсюда, как только будете в состоянии, хорошо?

Она была одета бедно и неказисто. Это могло быть маскировкой, почему бы и нет, но ее ботинки – старые, облезлые, едва ли не прохудившиеся – наводили на мысль, что не в маскировке тут дело.

– Можешь говорить мне «ты». И можно тебя кое о чем попросить?

– Если это не займет много времени. Я должен найти и прикончить сбежавшее наваждение.

– Не бойся, не займет. Сними на минутку свою маску.

Секунду поколебавшись, Темре выполнил ее просьбу. Она уставилась на его лицо так, словно хотела насмотреться на всю оставшуюся жизнь.

– А теперь закрой глаза.

– Зачем?

– Ничего плохого не будет. Пожалуйста, что тебе стоит? Ненадолго.

И он снова подчинился. Тонкие руки оплели его шею, а к губам притиснулись с яростной силой горячие губы. Никогда еще с ним не целовались так отчаянно, с такой тоской и страстью. Наконец девушка оторвалась от него, отстранилась, задыхаясь.

– Глаза можно открыть? – поинтересовался он, выждав несколько секунд.

– Открывай.

Она уже успела натянуть на лицо вязаную ажурную маску. А Темре надел свою маску. Ему не следовало мешкать.

– Извини, я должен идти. Иначе нельзя.

– Иди.

– Уходи отсюда, хорошо?

Он хотел предложить ей денег на дорогу, но что-то подсказывало, что это может ее оскорбить. Так и не решился.

– До свидания. Будь осторожна, – не дождавшись от нее ответа, произнес Темре.

И быстро зашагал в ту сторону, где остались его товарищи.

Он не стал спрашивать, как ее зовут. Он и так это знал.

Вспомнилось, где видел раньше эти глаза – близко посаженные, со слегка скошенными верхними веками, ничего особенного и пленительного, но столько всего в них сквозит, рвется, бушует...

И вдобавок слабый сладковато-цветочный запах дешевой туалетной воды сразу обозначил время и место. Не самый удачный выбор для девушки с таким характером, но вряд ли Джаверьене по карману дорогая туалетная вода.

Демеея ворвалась, словно за ней по пятам гналась стая иллихейских оборотней или анвайских мороков. Или по меньшей мере толпа цепняков с ордером на арест.

– Сурфей! Ты где?

У Клетчаба душа ухнула в пятки. Ее стервейшество вернулось в аккурат к тому времени, как Постоялец дожрал третью жертву. Остался всего один ушнырок. И чем не шутит шальная удача, очень может статься, что после него-то чудище и выйдет из спячки, оно уже начало проявлять признаки оживления, каковых раньше не наблюдалось. Все в наилучшем виде, но если госпожа узнает о самоуправстве помощника, ему несдобровать. Она ведь потребует объяснений, да ежели еще и девчонка нажалуется...

Зря струхнул. Демее было не до него.

– Сурфей, у нас времени в обрез. До нас того и гляди доберутся. Бери первого из этих, – она властно мотнула головой в сторону помещения, где дожидался своей участи оставшийся в одиночестве пленник, – и тащи к Постояльцу. Надо его поскорее разбудить. Справишься?

– Справлюсь, госпожа! – истово заверил Луджереф, про себя молясь, чтобы она самолично не отправилась за жертвой.

– Хорошо. Это пока припрятать куда-нибудь. – Она швырнула ему сумку. – Девчонке не давай, чтобы не сбежала. Здесь для нее теплая холла и обувь. Мне придется на некоторое время отлучиться, но я за вами вернусь.

– Понял, госпожа.

– Где она?

– Да все там же, у себя сидит. Злитесь.

Демеея направилась к комнатухе с занавеской, Клетчаб пошел следом: он хотел убедиться, что норовистая рыжая краля на него не стукнет.

Соймела сидела на тьюфяке, прямая, как струнка, гордая, красивая. Одежда валялись рядом – видать, она их нарочно отшвырнула, когда услышала голоса в коридоре и поняла, что сейчас появится ее похитительница.

Не тратя времени на деликатные подходы, та ловко сдернула у нее с ног домашнюю замшевую обувку, украшенную бантиками с блестками, и сунула Клетчабу:

– Убери подальше.

– Вы хотите примерить мои туфли? – Девчонка ехидно сморщила точеный носик. – Боюсь, вам они будут маловаты.

– Нет, моя дорогая дерзкая Соймела, я хочу быть уверена, что ты никуда не денешься. Босиком ты отсюда не уйдешь.

Клетчаб про себя ухмыльнулся: подфартило, как на заказ! Ее стервейшество умотает по своим срочным делам, тем временем Постоялец проснется, а девчонка сбежать от него не сможет, ей же непривычно шлепать босиком в одних шелковых чулочках. Особливо здесь, по мусору и острым камешкам, тем более что в этих потемках не видать, куда ступаешь. И впрямь не уйдет. В отличие от него. Уж он-то из этой передряги выберется, и некому будет потом Демеею против него подговаривать.

– Вы собираетесь меня простудить и заморозить?

– Закутайся пока в одеяло, моя дорогая маленькая Соймела. Давай я укурю тебе ножки...

– Отнесите лучше на помойку свое дурацкое одеяло! Или сделайте из него

половую тряпку для уборной!

– Одеяло согреет тебя не хуже туфельек, а потом я тебе кое-что подарю...

– Не возьму я у вас подарков, и одеяла мне вашего не надо!

Опять заладили про одеяло... Едва не запутавшись в занавеске, Клетчаб выскочил в коридор, пытаясь зажать уши и одновременно не выронить девчонкины туфли.

Хвала богам, продолжалось это недолго. Демей вышла следом и ринулась в ту комнату, где хранила наворованные причиндалы для мины. Схватив грязную брезентовую сумку, она повернулась к Луджерефу с ликующей злорадной ухмылкой:

– Сейчас я это сделаю, Сурфей! Я до этого додумалась, и я это сделаю, тогда все увидят, что она ничтожество и бездарь! Такого она не ждет, верно?

– Верно. – Клетчаб слов нет как обрадовался. – Я о ней такого же мнения, госпожа, потому что балаболка она, финтифлюшка и дрянь-девка!

– И посредственность! – просияв, подтвердила Демей. – Ничего, когда все это разольется, все увидят... Тогда у всех откроются глаза... Потому что им сразу станет видно, что это такое...

– Ни ума, ни воспитания! Я-то сразу понял, что эта Соймела вас недостойна.

– При чем тут моя дорогая маленькая Соймела?

Демей так вскинулась, что Луджереф невольно отступил.

– Так вы же, госпожа, сами только что ее ругали...

– Я не ругала мою Соймелу. Она дерзкая девчонка, но она еще признает мою правоту и перейдет на мою сторону.

– Стало быть, вы не о ней толковали?

– Не о ней... О ком я толковала? – в ее прозрачных светлых глазах появилось слегка удивленное выражение, а потом они на мгновение остекленели, и женщина стала как вылитая похожа на манекен, но после паузы продолжила: – Я это сделаю, чтобы каждая посредственность знала свое место! Я всех расставлю по местам...

– Уж непременно расставите, госпожа, – на всякий случай заверил ее Клетчаб медоточивым голосом, чтобы опять не психанула.

– Мне надо спешить, Сурфей. Собирать мину придется на месте. Займись Постояльцем.

Она устремилась к лазу.

Клетчаб припрятал в дальнем закутке, куда Соймеле не добраться, замшевые туфельки и сумку с обновками, после чего повел последнюю жертву, до сих пор пребывающую в дурманном полусне, в пещеру к подземной гадине. Не сомневайтесь, господа хорошие, старина Луджереф всех переиграет!

Едва он протиснулся в пещеру, волоча за собой, как на буксире, чахлого и безвольного лонварского ушнырка, в густой зловонной темени неглубокой ямы тяжело заворочались. Клетчаб нашарил лучом фонаря черный зев в гигантском панцире – это отверстие было величиной с окно средних размеров: оттуда, словно рогатая улитка из домика, уже высывалось что-то бледное, мерзкое, шевелящееся... Раньше оно не показывалось на глаза до тех пор, пока не швырнешь пищу в яму, а теперь – нате-ка вам, с добрым утром!

Он толкнул жертву вперед, для верности дав пинка, и ее тут же сгребли толстые суставчатые лапы, а из зева выхлестнулся, разевая с тихим писком зубастые рты, целый пучок страшных человеко-змеиных голов на извивающих-

ся белесых шеях. Вся эта пакость тут же набросилась на еду, наперегонки выдирая куски, высасывая кровь, чавкая, чмокая, торопливо и жадно насыщаясь.

Одна из голов, можно побиться об заклад, задержалась и поглядела на обмершего Клетчаба. Казалось, на тебя смотрит кто-то вроде бы разумный, но недобрый и нехороший. Аж ноги обмякли, но гадина через секунду присоединилась к своим товаркам – или, правильнее сказать, к остальным составляющим частям своего чудовищного организма.

Драпать надо, констатировал взмокший Клетчаб, протискиваясь в зазор меж фанерной перегородкой и стеной туннеля. Немедленно. Со всех ног.

Так он и сделал. Только перед этим собрал и рассовал по карманам деньжата, припрятанные в укромных уголках, чтобы с собой лишний раз не таскать. Что он тут забыл? Да ничего не забыл, господа хорошие!

Он был уже возле лаза, ведущего наружу, когда из глубины подземелья донесся треск фанеры.

Все, что им оставалось, – это бежать за ищейкой, учуявшей близкое присутствие своего хозяина. К тому времени, как Темре вернулся к товарищам, морочанки уже след простыл. Даже если бы он не задержался около Джаверьены, Демею, вскочившую на подножку попутной машины, все равно бы потерял из виду. И где теперь ее искать? Хорошо, если в окрестностях.

Попетляв среди необитаемых домов, паучара вывел людей к склону Овечьей горки и вдоль него засеменял на юг, нетерпеливо натягивая поводок. Лапы, благодаря иллюзии Клесто выглядевшие собачьими, так и мелькали – сторонний наблюдатель не смог бы заметить, что их на самом деле не четыре, а шесть.

Темре на бегу озирался. Впрочем, вероятность того, что Демея вдруг попадетс ему на глаза, была ничтожна мала.

Вначале предполагали, что убежище морочанки и беглого преступника находится в одной из построек неприживного района, однако паучара, миновав окраинные дома, устремился напрямик к заводу. Что ж, логично: полицейские патрули регулярно обходят это обезлюдившее ветхое царство – «с целью выявления подозрительных явлений», как пишут в служебных документах, и тому, кто здесь незаконно поселится, придется быть начеку, играя с ними в прятки. Другое дело – какое-нибудь пустующее заводское сооружение.

«Бродячий кот» намотал поводок на руку, чтобы паучара не умчался ловить Клетчаба Луджерефа в одиночку. Он по-прежнему был мрачен по поводу перспектив этого предприятия – охотников много, а мышь-то одна! – но преследование его захватило и взбодрило. На плече у него висела сумка с ботинками для Соймелы.

За это спасибо Мервегусту: узнав о том, что заодно придется освободить заложницу, которую треклятая парочка утащила прямо из дома, иллихеец посоветовал на всякий случай захватить для девушки практичную обувь.

«Вот что значит бывалый оперативник, – уважительно отметил про себя Темре. – А ведь не подсказал бы, и в голову бы не пришло...»

Съездив на квартиру к Сой, он нашел в прихожей пару демисезонных ботинок. Учítывая, куда завели их поиски, сделал он это ненапрасно. Поскольку ему следовало находиться в готовности к поединку с наваждением, обувку тащил Джел.

Уловив периферийным зрением объект, испускающий характерное сероватое свечение, он резко повернулся. Вдалеке за дождевой пеленой как будто ползет призрачный светляк... Она или нет?

– Дайте бинокль!

Инспектор Гурдо на ходу извлек из глубокого кармана плаща мощный полевой бинокль и протянул Темре. Убийца увидел Акробатку всего на мгновение – та завернула за грязный заколоченный дом и пропала из виду.

– Она там. Я пошел. Заберите отсюда Соймелу.

– Заберем, не волнуйся! – уже в спину ему крикнул Котяра.

Темре бегом бросился туда, где мелькнула Демейя, – к россыпи заброшенных строений в низине на юго-востоке от Овечьей горки.

Ищейка тянула погоню в другую сторону, к холму. Склон был каменистый, голый, негусто заросший пучками пожелтелой травы. Кое-где рыже-коричневыми разводами выделялись участки раскисшей глины. Даже здесь ощущался острый запах лежалых морепродуктов, который мешался со смрадом гниющих отходов производства.

Дымящий завод господствовал над местностью, словно старинный замок. Это впечатление усилилось, когда люди разглядели у подножия холма, возле дороги, полукруглую арку, наглухо заложенную кирпичом.

– Вход в недостроенный туннель, – задыхаясь, пояснил Гурдо. – Замуровали...

В отличие от крепкого брата Рурно и тренированных иллихейцев он к таким бодрым пробежкам не привык. У него кололо под ребрами, и одышка замучила, но он не жаловался, решив, что нипочем не уронит честь лонварской полиции в глазах иностранных коллег. Гурдо был патриотом старой закалки.

– Куда нас ведет ваша собака? – пробормотал Мервегуст, глядя на ищейку, которая вознамерилась штурмовать пустой склон.

Котяра и сам хотел бы знать куда. Тем более что вовсе это не собака.

– Если к заводу, лучше не карабкаться напрямик, а обойти и подняться по дороге с другой стороны, – предложил Гурдо, воспользовавшись заминкой, чтобы перевести дыхание.

– А что, если подобраться к их укрытию можно только отсюда? – не согласился Жозеф Глинтух.

– Вот сначала и проверим...

Дальнейшего развития спор не получил, так как на склоне откуда ни возьмись появился человек в неприметной одежде и глубоко нахлобученном картузе. Словно из-под земли выскочил. Оскальзываясь и взмахивая руками, чтобы сохранить равновесие, он начал спускаться к дороге. Казалось, он очень спешит.

Ищейка рванулась к нему, как будто ее силы внезапно удесятились. Монах от неожиданности потерял равновесие, шлепнулся в грязь и с невнятной руганью проехал несколько бутов на брюхе, испачкав рясу. Паучара волок его за собой – увидев свою цель, он перестал реагировать на команды. Опасаясь схлопотать травму, брат Рурно кое-как освободился от петли поводка на запястье, и тогда кукла вприпрыжку кинулась к своему создателю.

Надо заметить, Клесто неспроста прозвали Смеющимся Ловцом. Иногда он любил посмеяться – над смертными или над кем придется. А возможно, у него тоже были свои представления о справедливости. Ровно в тот момент, когда

монах выпустил поводок, с неба перестало моросить, дождевое колдовство рассеялось, и на Клетчаба Луджерефа бросился облепленный перьями черный паук с торчащими из спины рыбьими костями и венчающим этот жутковатый натюрморт заржавелым кухонным ножом.

Увидев свое собственноручно изготовленное страшило, несущееся к нему пружинистыми прыжками, Луджереф сперва остоленел, потом расстался с содержимым мочевого пузыря, а потом бросился бежать во всю прыть. Лишь одна мысль билась в голове: вот тебе на, все-таки есть в Анве мороки, не наврали... С перепугу он даже о Постояльце забыл.

Агенты оторопели не меньше, чем их дичь.

– Брат Рурно, что с вашей собакой? – поинтересовался Жозеф Глинтух, опомнившийся первым. – Это что такое?

– Подарок одной могущественной личности, – нашелся Котяра, уже успевший подняться на ноги. – Своего рода магическая ищейка. Все под контролем, Темре в два счета его развоплотит, раз нужда отпала. Я пока постараюсь его привязать...

Кукла уже настигла своего бывшего хозяина, успела издрать ему в клочья штаны и исцарапать ноги. Луджереф выглядел совсем ошалевшим и сипло звал на помощь.

Приметив торчащую из земли петлю толстой витой проволоки – у подножия Овечьей горки местами встречались такие ловушки, оставшиеся со времен большой стройки, и надо было смотреть в оба, чтобы не запнуться, – монах привязал к ней волочившийся по земле конец поводка. Морским узлом, как учил когда-то дед Тавьяно. Потом ухватил Луджерефа за шиворот, оттащил от беснующегося матерчатого паука и прежде, чем подоспели иллихейцы, двинул ему кулаком в челюсть. С таким расчетом, чтобы выбить пару зубов. Судя по хрусту, выбил. Тут кто-то заломил ему руки за спину и увлек в сторону от изловленного преступника.

– Ты чего?.. – выдавил Клетчаб, сплунув на землю что-то кроваво-белесо-желтоватое.

Он же этого монаха знать не знает!

– Ты зачем его убил? – глухо прорычал Котяра.

– Кого? Из тех ушнырков, что ли?.. Так они же ушнырки, совсем одурели от своей креймы... – Он осекся. – Или кого?

– Так на тебе, скотина, не одно убийство висит?

– А вы думали, одно? – хмыкнул над ухом Жозеф Глинтух.

Это он удерживал «бродячего кота», у кого другого силы бы не хватило. Его спокойное скептическое хмыканье несколько отрезвило разъяренного Джелгана.

Тем временем Мервегуст и Сунорчи подскочили к Луджерефу, с профессиональной сноровкой обыскали его, побросав на землю то, что нашлось в карманах и за подкладкой, и защелкнули на запястьях наручники. Ошеломленный, истерзанный, беспричинно побитый, он даже не пытался сопротивляться.

– Где находится похищенная вами Соймела Тейлари? – официальным тоном осведомился Гурдо.

– Там находится! – с готовностью выпалил арестованный. – Под землей сидит, ничего ей не сделалось, сходите за ней туда, пока Демейя не вернулась, я ж никуда отсюда не денусь...

– Кто там еще из вашей шайки?

– Да никого больше, какая шайка, нас двое с Демеей, и мы не бандиты, а за ее делишки я не отвечаю, она психическая женщина, иногда бывает не в себе. Гляньте, вон там лаз на склоне, какие-то ушнырки его разрыли, там и сможете спуститься...

– Сунорчи, Чемхет, сходите за девушкой, – распорядился Мервегуст.

– Ботинки ей возьмите, – буркнул Котяра.

Сумка с ботинками валялась на земле. Один из иллихейцев подобрал ее, и они двинулись к лазу.

Клетчабу словно душу камнем придавило: он-то сперва понадеялся, что позорные цепняки бросятся вызволять Соймелу всем скопом, а его оставят без присмотра. Да только подкачала нынче шальная удача.

В этот раз иллихейцы не стали посылать наемников, пошли на дельце сами. И наваждение у них за ищейку, ишь ты... Бешеный монах, судя по всему, местный, и засушенный цепняк, который спросил о Соймеле, тоже из местных, по акценту заметно. А этих, стало быть, четверо. Было четверо. Те, кто отправился за девкой, вряд ли вернуться, там уже Постоялец вовсю куролесит. А оставшихся прикончит ее стервейшество, ежели вовремя подоспеет, для нее это раз плюнуть.

Лишь бы поскорее взорвала, чего она там задумала порушить – трамвайный мост или, может, соседний заводик, – да поспешила бы обратно... И у него полное оправдание имеется, почему девчонку из подземелья не вывел: потому что высунулся на разведку, и тут его на два счета сцапали.

Когда он получше пригляделся к этим подлецам, его насторожила физиономия громилы, который скрутил щедрого на зуботычины монаха. Разрез глаз этаким характерный: зенки раскосые, но не как у здешних гронси, а самую малость раскосые. Известная фамильная черта высокородных цан Аванебихов, закадычных друзей сорегдийского пожирателя душ, из-за которого Клетчабу пришлось свалить за океан.

От лаза вниз вела лестница, халтурно сколоченная из разнородных досок с занозистыми перилами, местами обмотанными тряпьем. Сунорчи спустился первым и включил фонарь, Чемхет последовал за ним.

Довольно просторное помещение с замусоренным полом, с потолка свисает посередине какой-то мерзкий пухлый кокон... Всего лишь патрон для лампы, опутанный многолетней паутиной.

Сумка с ботинками болталась на плече у Чемхета. Он был исполнительным молодым службистом, но порой его одолевали романтические мечты: спасти бы однажды красивую девушку, и чтобы она в него без оглядки влюбилась... Пока он спускался по дрянной, хотя и прочно сделанной лестнице, мелькнула мысль, что этот сценарий вот-вот осуществится, разве что насчет финала неясно. Мелькнула и уплыла, его внимание было направлено на окружающую обстановку, а не на собственные бредни.

Темно, грязно, тихо. Из глубины подземелья вроде бы доносятся какие-то еле слышные неясные звуки.

За дверным проемом тянулся коридор, такой широкий, что грузовик проедет. В одном его конце луч фонаря нашарил высокую арку, заполненную кирпичной кладкой, – замурованный выход наружу. В другом клубился мрак.

Чемхету не удалось уловить, что его тревожит, но было смутное ощущение,

что здесь скверно. словно в детстве, в ту пору, когда он боялся темноты. Судя по тому, как настороженно двигался и озирался напарник, ему эта нора тоже не понравилась.

Пахло керосином, давно не чищенной уборной, чем-то дурманным... И еще присутствовал слабый, на пределе восприятия, запах мясной лавки. Откуда бы ему тут взяться?

– Соймела, вы здесь? – позвал Сунорчи.

– Да! – до них донесся отчаянный, с истерическими нотками и в то же время приглушенный женский голос. – Пожалуйста, помогите мне, заберите меня отсюда! Только, ради богов, не шумите...

В глубине коридора послышался шорох. Переглянувшись, агенты направились в ту сторону. Нервы у них были крепкие, но сейчас обоим было не по себе. Ни с того ни с сего взыгравшая впечатлительность? Или, может, чутье?

Девушка и впрямь оказалась поразительно красива. По пальцам перечесть, сколько раз Чемхет видел вблизи таких, которые могли бы с ней сравниться.

– У меня забрали туфли, – ее била дрожь, глаза блестели от слез. – Я исколола ноги, здесь полно острого на полу, а оно там, где-то рядом...

– Вот ваши ботинки. – Иллихеец расстегнул сумку. – Быстро обувайтесь.

– Что – оно, которое рядом? – уточнил Сунорчи.

Он был вполтора раза старше коллеги, чары Соймелы подействовали на него в меньшей степени, так что он сразу выделил в сказанном главное.

– Чудовище подземное. – Девушка морщилась от боли, натягивая ботинок, на ее шелковом чулке темнели пятнышки крови – должно быть, предприняла попытку самостоятельно отсюда выбраться, но сломалась и вернулась обратно. – Они кормили его людьми, чтобы разбудить, и теперь оно проснулось! Надо всех предупредить! Я бы не смогла от него убежать, поэтому не пошла искать выход.

– Где оно сейчас? – справился Сунорчи шепотом.

– Куда-то заползло... – Она торопилась, пальцы дрожали и путались в шнурках. – Все, завязала.

– Идем. – Чемхет подал ей руку.

Старший агент выглянул в коридор, обшарил оба конца лучом фонаря и сделал знак: чисто.

Сой ковыляла и спотыкалась, исколотые ноги болели. Из тонкого шерстяного пледа она еще раньше соорудила себе что-то вроде сарпы, намотав вокруг талии и сколов булавкой, и вдобавок прихватила с собой одеяло, закутавшись в него, словно в плащ. В подземелье стояла холодина, да и страх – не лучшая грелка. Она до умопомрачения измучилась. Но за ней наконец-то пришли, ее спасают, ловкий желтоволосый парень поддерживает ее под руку. Соймела поверила, что все будет хорошо.

Звук оттуда, где замурованная арка. словно возится кто-то громадный. Сунорчи посветил в ту сторону: в коридоре вроде бы никого... Но то ли из-за угла, то ли из дверного проема тамошнего помещения выглядывали, тесня друг дружку, бледные уродцы с длинными шеями.

– Это все одно существо, – громким шепотом объяснила девушка. – У него общее туловище, такой ужас...

Головки на хлипких белых шеях дружно потянулись вперед, а следом за ними начало выдвигаться из темноты что-то черное, массивное, длинное, с

толстыми суставчатыми лапами по бокам. Туловище, стало быть. Вот оно, значит, какое...

– Бегом наружу! – Сунорчи первым сорвался с места.

Чемхет бросился за ним, волоча за руку Соймелу. Главное – успеть, добежать раньше, чем тебя настигнут. Гадине через лаз не протиснуться, да и лестница на такую тушу не рассчитана.

За спиной что-то дробно стучало по полу, азартно пицало и сипело. Оно бросилось в погоню, и двигалась эта подземная громадина весьма проворно – что неудивительно при таком количестве ног.

Сунорчи, не оглядываясь, взлетел по лестнице. Чемхет толкнул Соймелу:

– Пошла вперед!

Он спасет ее, обязательно спасет, и потом...

Сой торопливо засемила по ступенькам, путаясь в заменившем сарпу пледе. К охватившей ее панической лихорадке примешивалась благодарность: она обязательно переспит с этим славным мальчиком, который не захотел ее бросить.

Поднимавшийся следом иллихеец наступал ей на пятки. Дыра с клочком предвечернего серого неба постепенно приближалась, а подземный монстр уже копошился внизу. Задетая страшной лапой лестница затряслась, девушка взвизгнула и вцепилась в перила.

– Быстрее! – прикрикнул Чемхет.

Всего-то несколько ступенек осталось. Лестница опять содрогнулась.

До выхода рукой подать. Агент с силой толкнул Соймелу в дыру лаза – и услышал ее вскрик, когда она, не устояв на ногах, покатила по склону. Теперь осталось нырнуть туда следом за ней...

От страшного удара в спину он чуть не задохнулся, а потом его ошеломила боль. Из груди что-то торчало, как будто шип вырос... Тварь проткнула его насквозь, да еще в живот впилося что-то острое. Как же больно... Он подумал, что зря послал вперед Соймелу, надо было спасаться самому, успел бы, как благоразумный Сунорчи. Догеройствовался... Тварь потащила его вниз, заодно обрушив кусок лестницы.

«Будь проклят за это Клетчаб Луджереф», – подумал Чемхет, судорожно держась и кашля кровавыми сгустками.

И уже под конец, когда в него вцепилось с дюжину зубастых ртов, мелькнула утасоющая мысль, что, как бы там ни было, а девушку он все-таки спас, не досталась она подземной гадине...

Вспухшее глинистое пятно на склоне Овечьей горки напоминало скорлупу яйца, из которого что-то пытается выбраться наружу. И того и гляди оно оттуда выберется.

Из трещины высунулась темная суставчатая лапа длиной с водосточную трубу многоэтажного дома, с большим серповидным когтем на конце. Она принялась шарить вслепую, словно искала, кого бы схватить, но люди успели отбежать и укрыться в частично разрушенной кирпичной постройке по ту сторону дороги.

Чемхет погиб. Мервегуст и Котяра, заглянув в дыру, увидели, как чудище его терзает. Лицо было в крови, живот распорот, но, кажется, он все еще был жив.

– Держите фонарь, – отрывисто бросил иллихеец. – Направьте на него луч.

Вытащил из-за пазухи «четвертной» пистолет и, тщательно прицелившись, нажал на спуск. Пуля попала в залитый кровью лоб.

Монах кивнул: правильно, ничего больше не поделаешь. После приличествующей паузы угрюмо произнес:

– Печалюсь вместе с вами.

– Пошли, – позвал Мервегуст убито-бесстрастным голосом.

Съев агента, тварь, не иначе, поняла, что за пределами подземелья есть еще много пищи, потому что принялась остервенело рыть ход наружу. Камень чередовался с глинистыми участками, и в скором времени жилец Овечьего холма нашел подходящее податливое местечко, чтобы пробиться в большой мир.

Как назло, машин на дороге не было. Ни одной. Возможно, на заводе каким-то образом определили, что под землей творится неладное, и теперь весь транспорт посылают в объезд по другой дороге, которая проходит с восточной стороны от Овечьей горки? Если так, они должны были вызвать помощь, у них же там телефонная связь... Или они до сих пор ни о чем не знают?

Общее молчание нарушил Жозеф Глинтух.

– Бегать от этой сволоты бесполезно, переловит поодиночке и сожрет. Поэтому, если машины так и не будет, предлагаю дать бой.

– У нас нет серьезного оружия, – хмуро возразил Котяра. – Даже если у каждого из вас по «четвертному», против той твари это все равно что водяной пистолет.

– Будет.

Расстегнув куртку, Жозеф вытянул из-под рубашки и снял с шеи цепочку с граненым дымчатым кристаллом. Монах, сразу сообразивший, что это, подался вперед, не веря собственным глазам: кто ж ему дал такую вещь?..

Бросив кулон на пол, рослый иллихеец что-то еле слышно прошептал. Между тем на склоне горки тяжело обвалился пласт глины, и в образовавшееся отверстие пролезли еще две чудовищные лапы. А посреди темноватой комнаты с ободранными обоями как будто из ничего появился ящик с тяжелым автоматическим оружием и коробками патронов.

– Разбирайте стволы, господа.

– Но если это наваждение... – вновь обретя дар речи, протестующе вымолвил Гурдо.

– Это не наваждение, могу поручиться. – Глинтух как ни в чем не бывало подобрал и надел на шею цепочку с магическим кулоном. – Иначе его бы давно уже извели, вместо того чтобы оставить как есть и замуровать. Не знаю в точности, что это такое, есть разные гипотезы, но твари вроде этой столетиями дрыхнут в некоторых из ваших холмов, и будить их не следует. Видимо, оттого и народ из этого района разбежался: люди чувствуют их присутствие, хотя не понимают, в чем дело. Наш Луджереф и здесь проявил себя в известном роде выдающейся личностью...

Клетчаб зыркнул на него, но смолчал. Толку-то шуршать, ежели тебя уже загребли. Он сидел в сторонке, со скованными за спиной руками, с распухшей скулой и ноющей после монашеского удара челюстью. Штаны изодраны в лоскутья, на израненных ногах запеклась кровь. Время от времени, когда никто не торчал между ним и оконным проемом, он поглядывал на ожившую куклу, оставленную на опасном склоне: эта погань отчаянно рвалась с поводка, же-

лая воссоединиться со своим создателем и еще пуще его уделать. Торчащая из земли железяка, к которой привязали страшило, от его усилий еще раньше вылезла вверх на добрую половину бута, и Луджереф с беспокойством прикидывал: выдержит или нет?

Соймела, закутанная в одеяло из сχροна, съежилась в другом углу и давилась рыданиями. Клетчаб возблагодарил богов за то, что она разнюнилась, а то, будь эта норовистая краля в другом настроении, давно бы уже ему в рожу вцепилась, довершив начатое пауком и монахом.

Он размышлял, получится ли под шумок сделать ноги, пока вся эта дрянная компания будет отстреливаться от Постояльца. По всему выходило, что не получится, но чем не шутит шальная удача?

– Откуда у вас кулон из храма Лунноглазой Госпожи, вы ведь не преподобный? – без особого нажима, но с интересом осведомился «бродячий кот», одновременно изучая крупнокалиберный пистолет илихейского производства – такого оружия он раньше в руках не держал.

– Одолжили в храме под честное слово, – дружелюбно ухмыльнулся в ответ Глинтух. – Мало ли что может случиться в дальних странствиях, вдруг понадобится... Вот оно и понадобилось.

– В храме такие вещи просто так под честное слово не раздают, насколько я знаю.

– Просто так – нет, но если вы поклянетесь честью Аванебихов, что кулон будет возвращен обратно и сохраненное в нем оружие не будет использовано против тех, кто служит Лунноглазой Госпоже, можно рассчитывать на положительное решение. Жозеф цан Аванебих, к вашим услугам.

Так как никто не смотрел в его сторону, Луджереф с тоски сплюнул, заодно избавившись от остатков зубного крошева. Он-то как благочестивый тупак вымаливал у Госпожи Кошки прощение, изумруды ей в храм носил, а она в это самое время его врагам магический кулон ссудила! Тьфу, запаadlo... Убоявшись последствий, тут же наскоро прочитал коротенькую извинительную молитву. Но раз здесь один из Аванебихов, тем более надо уматывать, как только шанс подвернется.

Умотать ему не дали. Сунорчи, похожий на зализанную серую мышь, по приказу своего высокородного начальства спутал ему ноги, а мордатый монах обратился к зареванной дамочке:

– Сой, можно тебя кое о чем попросить? Мы сейчас, сама понимаешь, будем сильно заняты, а ты пока пригляди за этим мерзавцем, чтобы не удрал.

– Хорошо, – согласилась Соймела и уставилась на Клетчаба из-под шелковой медно-рыжей челки мокрыми и злющими голубыми глазами.

Влип как тупак, связавшийся с шулером. Вредная девка затаила на него обиду, хотя он, ежели разобраться, ничего такого ей не сделал и не сказал. Дрянь дело. Разве что вдруг подфартит и Постоялец всех слопаёт, а им побрезгует?

Дыра на склоне довольно быстро расширялась, страшные коленчатые лапы барахтались, загребая глину и разбрызгивая грязь. Потом оттуда выпростались еще и длинные черные усы, стригущие воздух.

Демья как сквозь землю провалилась. Или, что вернее, спряталась в одном из пустующих домов. Боевая маска убийцы наваждений позволяла своему обладателю распознать морок даже на изрядном расстоянии, но, увы, не наделя-

ла его способностью видеть сквозь кирпичные стены.

В конце концов Темре поднялся на второй этаж строения, похожего на старинный комод с ящиками-балкончиками, и через чердак выбрался на ветхую крышу. Сбежавшего наваждения он так нигде и не разглядел, зато заметил, что возле западного склона Овечьей горки творится нечто непонятное.

Надо вернуться к остальным. Там он нужнее.

Поддавшись этому настойчивому импульсу, он спустился вниз, быстрым шагом двинулся в обратную сторону и через некоторое время услышал грохот пальбы. Значит, у Луджерефа и Демеи были сообщники либо наемники и сейчас там всюду идет перестрелка?..

Это предположение показалось самым вероятным – до тех пор, пока он не увидел, миновав поворот: из окна кирпичного дома возле дороги стреляют в *нечто*. Темре не взялся бы объяснить, что это такое. Во всяком случае, не морок, хотя было бы лучше, если бы *оно* оказалось мороком, – тогда бы он знал, что с ним делать.

Неподалеку от того места, где копошилась эта жуть, подпрыгивал на привязи всеми брошенный паучара, а людей не было видно.

Рассудив, что как раз они-то и ведут стрельбу по монстру, Темре бросился к домику. На бегу он более-менее рассмотрел эту тварь.

Из глинистой почвы высунулось толстенное черное туловище длиной в несколько бутов, разделенное на сегменты и достаточно подвижное. Непонятно было, вылезло *оно* на склон почти целиком или до половины или это всего лишь малая его часть?

Судя по толщине, в утробе у него мог бы поместиться легковой автомобиль. По бокам обретались три пары громадных членистых конечностей, напоминавших во много раз увеличенные ножки насекомого – каждая заканчивалась громадным загнутым когтем, – и с дюжину хлыстообразных усов. Все это угрожающе шевелилось, колыхалось, рыло глину. Что примечательно, тварь запросто могла бы дотянуться до паучары, но морок не вызывал у нее ни малейшего интереса.

Там, где полагалось бы находиться голове, зияла внушительных размеров дыра и внутри как будто ворочалось что-то белесое. Напрашивался утешительный вывод, что товарищи сумели каким-то образом обезглавить это существо и сейчас ведут огонь, чтобы его добить.

Дверь была заложена ржавым засовом, и Темре забрался через окошко, перед этим крикнув: «Это я, Гартонгафи!» Его наскоро ввели в курс дела и вручили крупнокалиберный пистолет. Мощная штука, из арсенала илихейских охотников на оборотней – их дичь даже в человеческом облике обладает живучестью и физической силой, какие людям и не снились. В комнате висели клубы дыма, пахло порохом, потом и разогревшимся металлом.

Предположение Темре насчет головы чудовища оказалось чересчур оптимистическим: никуда она не делась, находится внутри, словно улитка в своем домике. И притом не одна, их там целая гроздь. Стрелки целились в темное отверстие, смахивающее на жерло громадной пушки, но непохоже, чтобы с этого был какой-нибудь толк.

– Вы его так не остановите. Не стоило его будить.

Темре узнал этот голос за секунду до того, как оглянулся. Тунику из осенних листьев скрывал плотно запахнутый переливчато-серый плащ, но поверх

него рассыпалась буйная масса длинных иссиня-черных косичек с любимыми Птичьим Пастухом подвесками. Узкое лицо с громадными чернильными очами выглядело бледным – не фарфорово-белым, как зимой, а натурально побледневшим, словно вся волшебная кровь отлила от смуглых щек.

– Клесто, хотя бы ты знаешь, что это за дрянь?

От Темре не укрылось выражение, промелькнувшее в глазах у Жозефа Глинтуха, или, если угодно, Жозефа цан Аванебиха, тоже обернувшегося. Похоже, высокородный из высокородных был в курсе, кто зовется именем Клесто.

– Это обитатель земного чрева, которого лучше было оставить там, где его обнаружили. Он бы не проснулся ни с того ни с сего, без кровавых жертв.

– Вот кое-кто и расстарался, чтобы его разбудить. – Котьяра отвесил пинка скованному Луджерефу, сидевшему на полу. – Теперь-то что нам делать?!

– Ты сможешь с ним справиться? – с надеждой добавил Темре, уже убедившийся, что пули крупного калибра этой твари вредят не больше чем горсть гороха бойцовому псу.

В этом все успели убедиться.

– У меня нет над ним власти. Земля и камни и то, что ползает или дремлет под землей, не моя сфера влияния. Мое царство – воздух.

– Но сейчас этот гад выбрался на свежий воздух, Дождевой Король, – учтивым тоном возразил Жозеф. – Можно сказать, вторгся в ваши владения.

– Я смогу разве что задержать его. – Тонкие губы Клесто дрогнули в легкой улыбке, обходительность илихейского аристократа явно пришлась ему по нраву. – Но не убаюкать и не уничтожить, здесь даже моя флейта не поможет. Для этого нужен кто-нибудь из Пятерых. Вы должны позвать сюда преподобного, наделенного даром и правом призыва.

Пока они обсуждали этот вопрос, Мервегуст, Сунорчи, Гурдо и Котьяра продолжали вести огонь, но, услышав последние слова Птичьего Пастуха, монах обернулся.

– Тут неподалеку есть наша молельня, и при ней живет старый «бродячий кот», наделенный даром и правом. Это близко – считайте, за трамвайным мостом. Нужно сгонять за ним, только одна загвоздка...

Аванебих кивнул, Темре тоже воспрянул духом. Как известно, у всех свои ограничения, и Пятеро не могут появляться в материальном мире во плоти, где и когда им вздумается. Для этого кто-то из людей должен призвать божество, уступив ему на время свое тело. При этом великая сущность, внявшая зову, способна действовать лишь на относительно небольшом клочке пространства, но этого, как правило, бывает вполне достаточно.

– Какая загвоздка?

– Преподобный брат Нярших уже сильно пожилой и любит поесть сверх меры. Знаете, бывают такие старые толстые коты, им только жрать подавай... Вот и он по этой части удержу не знает, хотя человек почтенный и просветленный. Вес у него изрядный, он еле ходит. Там, конечно, машину возьмем, но все равно понадобится помощь – посадить, вытащить... При этой молельне еще живут три девочки, «бродячие кошки», но им его не поднять. Понадобится кто-нибудь самый сильный. – Монах выразительно посмотрел на высокородного цан Аванебиха.

– Понял, – просто согласился тот.

– Но если он в таком состоянии, что он сможет сделать с *этим*? – прервав стрельбу, Мервегуст мотнул головой в сторону склона за окном.

– Когда его тело займет Лунноглазая Госпожа – без разницы, – возразил Жозеф. – Я сам видел, как стройная изящная девушка, преподобная сестра Миури, в аналогичной ситуации расшвыряла целую банду мерзавцев. Кстати сказать, наемников вот этого господина. – Он ткнул носком ботинка скорчившегося у стены Луджерефа. – Мы тогда подоспели почти вовремя, все успело решиться без нас, но то, что мы увидели, произвело впечатление. Что ж, пошли за братом Няршихом?

– Идем, – согласился Котяра. – Продержитесь без нас?

– Постараемся, – отозвался Смеющийся Ловец. – Давно я не дрался, лет пятьдесят, если даже не сто...

Убийца наваждений хмыкнул: а как же тогда их баталии на улице Глиняных Уток и на Кругосветной горке? Клесто в ответ ухмыльнулся с таким загадочным видом, словно Темре чего-то не понимает, а он ему раньше времени об этом не скажет, раз уж тот сам не догадался.

Жозеф скинул куртку.

– Возьмете с собой Соймелу? – шагнув к нему, тихо попросил Темре. – Ее бы подальше отсюда убрать...

– Отчего же нет, если она не задержит нас... Сударыня, как вы себя чувствуете? – Он наклонился к девушке. – Не возражаете против бодрой прогулки на свежем воздухе?

– Да... – Она нервно кивнула и встала, блеснув все еще заплаканными глазами.

– Тогда оставьте здесь все это тряпье. Да, да, и плед тоже снимайте, а то в нем запутаться недолго. И съешьте конфетку – она полезная, чтобы у вас ножки не болели.

Он извлек из кармана миниатюрный флакон, вытряхнул оттуда к себе на ладонь три оранжевых шарика величиной с горошину.

– Возьмите одну, этого хватит.

Вторую «конфетку» он отправил в рот, третью предложил Котяре:

– Угощайтесь, брат Рурно.

Тот не стал отказываться, но поинтересовался:

– Что это?

– Из походной аптечки путешественника. На тот случай, если путешественнику предстоит быстро-быстро удирать от кого-нибудь недружелюбного, чтобы не одолела усталость в самый неподходящий момент.

– Погодите, – остановил их Клесто, когда они двинулись к двери. – Чуть позже. Выходите из дома после того, как я атакую это земляное убожество. Мне его не убить, но ему меня тоже не убить, и я его задержу. А вы, – он повернулся к остальным, – продолжайте стрелять, это его отвлекает и наносит некоторый временный урон, хотя раны этой несуразной твари, сами видите, заживают за несколько секунд. В меня попасть не бойтесь – это по определению невозможно.

Едва он договорил, как его уже не было рядом с людьми, а по комнате пронесся холодный сквозняк, всколыхнув потемневшие лохмотья обоев. Через мгновение Смеющийся Ловец объявился на склоне Овечьей горки – без плаща, в пестрой осенней тунике, лосинах и высоких сапогах, украшенных це-

почками и колокольчиками. Вдобавок он был вооружен длинным тонким клинком, серебристым и сверкающим, словно льющаяся вода.

Лезвие полоснуло по громадной суставчатой ноге с роющим глину загнутым когтем на конце. Видимо, это возымело определенный эффект, так как нога судорожно дернулась, но тут же взметнулась вверх, нацелившись на противника своим страшным серпом. Торчащие по обе стороны от нее усы суматошно зашевелились, словно пытаясь нащупать то, что причинило боль.

Птичьего Пастуха на том месте больше не было: он исчез, чтобы очутиться и повторить такой же трюк с другой стороны от слепленной из множества сегментов лоснящейся черной махины, которая уже выползла из-под земли целиком.

Хлопнула дверь: Котяра, Жозеф и Соймела выскочили наружу.

– Побежали наперегонки, сударыня, кто быстрее? – донесся с улицы преувеличенно жизнерадостный голос Аванебиха.

Задвинув за ними засов, Темре мигом вернулся на свою позицию и поднял оружие. Их осталось четверо – он, Гурдо, Мервегуст и Сунорчи. По двое стрелков на окно. Нельзя сказать, чтобы от пальбы не было вовсе никакого толку. Другое дело, что урон, наносимый копошащейся на склоне пакости, до обидного быстро сходил на нет.

Клесто, неуловимый, как молния, и вдобавок не связанный необходимостью постоянно находиться в человеческом облике, сновал вокруг твари, словно в сумасшедшем танце без правил, работая не только саблей, но и собственными когтями. Пальцы его левой руки были слегка согнуты, и он бил по угрожающе мельтешащим усам стремительными и точными звериными движениями.

Вот теперь-то до Темре дошло, что раньше, в пору их войны, Смеющийся Ловец и в самом деле «не дрался». Всего лишь валял дурака, не теряя над собой контроля и не причиняя вреда рассерженному противнику.

Его когти оказались страшным оружием, не хуже клинка. Они могли почти разорвать надвое мелькнувший в воздухе ус – увы, именно что *почти*: тот вначале беспомощно извивался и обвисал, но вскоре вновь обретал прежнюю подвижность.

Результата столько же, как от пуль. Зато им удалось совместными усилиями связать монстра боем, и тот не бросился вдогонку за беглецами.

Их было видно из окна: взяв наискось, они рванули к дальней дороге, по которой изредка проезжали машины. Рассыпавшиеся по плечам медно-рыжие волосы Соймелы пылали посреди тусклого коричнево-желтовато-серого ландшафта, словно яркий осенний листок. Здоровенный иллихеец тащил девушку за руку, не позволяя сбавить скорость, и со стороны это выглядело едва ли не криминально: наводило на мысль о похищении или о чем-нибудь еще в этом роде. Котяра бежал чуть впереди, задавая темп. Он же и выскочил первым на шоссе наперерез весьма своевременно появившемуся грузовику.

Не исключено, что на заводе не знали о том, что творится у подножия пустынного западного склона горки, но уж стрельбу там должны были услышать. Вполне могли решить, что идет перестрелка: то ли полиция кого-то накрыла, то ли две банды выясняют отношения. В таких обстоятельствах шофер вряд ли стал бы тормозить, не желая ненароком ввязаться в эти дела, но дорогу ему заступил монах, служитель Лунноглазой Госпожи, – и машина остано-

вилась.

Сой подсадили в кабину, следом запрыгнул «бродячий кот». Для рослого Жозефа места не нашлось, и он взгромоздился на подножку. Грузовик помчался дальше, поддав газу.

Теперь можно было надеяться, что помощь придет, а пока главное – не мазать. Совсем как при схватке с мороком, только там стреляешь иглами из перстня, а здесь – пулями, и не надо выдерживать интервалов между парами выстрелов, разве что уходит время на перезарядку. Лишь бы Клесто не пострадал и не выдохся: все участники боя сознавали, что от него сейчас зависит слишком многое. Впрочем, он всю веселился: сквозь звуки выстрелов и производимый чудовищным выползком шум доносились взрывы холодного серебристого смеха, напоминающего плеск ливня.

То смутное, беловатое, которое до сих пор ворочалось в зеве у этой кошмарной твари, словно покрытый налетом язык, внезапно полезло наружу. Темре и Гурдо от такого зрелища на мгновение оторопели. Иллихейцы, уже успевшие на это посмотреть, лишь усилили огонь. Небольшие головы на длинных мотающихся шеях, с бледными, как тесто, змеино-человеческими ликами, безумно скалились, пищали и шипели.

Пули разносили их в клочья, несколько штук срубил Клесто. Бесполезно. Внутри обезглавленной шеи через несколько секунд после расправы набухало утолщение, оно двигалось по направлению к обрубку, скудно сочащемуся темной кровью – словно перемещалось яйцо, проглоченное змеей, – а потом на конце, как будто вывернувшись изнутри, появлялась новая голова, разевающая рот в злобном шипении. Так может продолжаться до бесконечности... Или до тех пор, пока из молельни не привезут преподобного. Последнее изображение подбадривало.

Даже сверхъестественное существо, очнувшись после многовековой спячки в незнакомой и вдобавок враждебной обстановке, поначалу после пробуждения будет находиться в некотором замешательстве. Другое дело, что потом это «поначалу» пройдет, тварь почувствует свою неуязвимость – и тогда держитесь.

Чудовище осознало, что пули ему нипочем, да и те раны, которые наносил Клесто, хоть и вызывали болезненные ощущения, быстро сходили на нет. Оно поперло напролом, и если Дождевой Король в любой момент мог исчезнуть, к тому же он был несъедобен, так же как приплясывающий на привязи тряпичный паук – уж это оно чувало безошибочно! – то людям деваться было некуда.

Оно уверенно двинулось к домику. Птичий Пастух швырнул в бледную гадючью поросль с шипящими головками голубовато-белый шарик, невесть откуда взявшийся у него в ладони. Сверкнула вспышка, однако монстру ничего не сделалось. И все же он приостановился, ошеломленный новым сюрпризом.

То-то Клесто не использовал до сих пор шаровые молнии – приберег напоследок, мимолетно отметил Темре. Молнии не могут повредить земляной твари, та их поглощает и рассеивает заряд, нисколько не пострадав. Разве что эффект неожиданности сыграет определенную роль, но это ненадолго.

– Бегите, я его задержу! – крикнул Смеющийся Ловец, который больше не смеялся. – Темре, уходи! Все уходите! Прячьтесь, только не в подвал – лезьте повыше, на второй этаж!

Кирпичный домишко, откуда они стреляли, был одноэтажный, в нем не от-

сидишься – тварь легко вытащит людей через оконные проемы. В отдалении стояла двухэтажная постройка. Разве что добежать до нее... Темре заметил на дороге машину – вроде бы мчится сюда. Если это едет преподобный жрец Лунноглазой, шансы уцелеть у них есть.

Мелькнула скептическая мысль: ага, если продержимся!

Раскорячившуюся поперек дороги громадную гадину окутала трескучая слепящая паутина электрических разрядов. Это напоминало то ли праздничный фейерверк, то ли затейливую иллюзию-иллюминацию, устроенную возле дорогого магазина, – другое дело, что там не стали бы пугать почтеннейшую публику, показывая столь омерзительного монстра.

Несмотря на старания Птичьего Пастуха, тварь, перестав обращать внимание на его молнии, с угрожающим шипением и хнычущим писком ринулась к домику.

«Пропали», – мелькнула у Темре отстраненно-отчаянная мысль.

Машина приближалась. Точно ведь едет сюда! Только, похоже, чуть-чуть опоздает.

Обзор заслонило копошение длинных маслянисто-черных усов и суставчатых лап, в оконные проемы заглядывали гротескные змеиные морды – вблизи они походили на человеческие лица меньше, чем с некоторого расстояния. Еще и запах, странный и неприятный, при этом настолько чуждый окружающей среде, что даже сравнить его не с чем.

– Я ж тебя кормил! – взвыл Клетчаб Луджереф, до сих пор сидевший молчком. – Помнишь, это ведь я был, я! Таскал тебе людишек, и еще приведу, ежели что, не трогай меня, этих кушай!

Сунорчи, первым оказавшийся возле двери, успел отодвинуть засов, и они вывалились наружу за секунду до того, как усы начали обшаривать комнату, шоркая по стенам с резкими свистяще-скребущими звуками.

Луджереф остался внутри. Тварь и впрямь его не тронула, так как уже через мгновение выдвинулась из-за угла, жадно разевая дюжину ртов, а он в домике продолжал орать, захлеб рассказывая о том, как много добра для нее сделал, – в пору было пожалеть, что нет рядом полицейского стенографа, чтобы записать его признательные показания.

Темре едва успел разрядить пистолет прямо в бледные змееподобные рожи, как его схватили за шиворот и с силой рванули назад, при этом что-то оцарапало ему шею, воротник рубашки врезался в горло. В нескольких шагах перед ним засияла завеса из пляшущих молний, но все же он сквозь нее увидел, что тварь настигла Гурдо – самого нерасторопного из оставшихся, а двое иллихейцев проворно пятятся в сторону двухэтажного дома, не прекращая отстреливаться.

Машина затормозила, первым из нее выпрыгнул Жозеф цан Аванебих, которого Темре узнал по габаритам, за ним кто-то еще. Распахнув дверцу, высокогородный иностранец вытащил из салона грузного человека в монашеской рясе, помог ему опуститься на колени. Преподобный сразу же издал мяукающий вопль – именно так «бродячие коты» призывают свою Госпожу. Для того чтобы она явилась, призыв должен прозвучать трижды.

– Клесто, пусти, – прохрипел убийца наваждений, пытаясь вывернуться.

– А кто меня будет кавьей угощать, если тебя съедят?

– Нашел, о чем вспомнить... Пусти!

– Обычно первым делом я вспоминаю о самом важном, хотя моя память и похожа на небо с гонимыми ветром облаками или на морозящий дождь.

– Пусти, придушишь!

– Только не кидайся туда. Без тебя справятся, а тебе еще морочанку искать.

Старый «бродячий кот» закричал во второй раз. Мервегуст и Сунорчи, расстреляв обоймы, бросились бежать, в то время как тварь терзала Гурдо. Изрешеченный пулями инспектор был уже мертв.

Обретя свободу, Темре пошатнулся, судорожно глотнул воздуха и оттянул впившийся воротник. Пахло озоном. Птичий Пастух стоял рядом уже без сабли, закутанный в длинный серебристо-серый плащ, скрывший его одеяние из осенних листьев.

Третий кошачий призыв брата Няршиха перешел в свирепый вой, и преподобный, не поднимаясь с колен, с места совершил невероятный для человека прыжок, упав точно на загривок земляному монстру – вернее, на то место, где из раздутого туловища вырастала гроздь извивающихся белесых гадов. Понеслось хруст раздираемого панциря.

– Она пришла, – удовлетворенно заметил Клесто перед тем, как исчезнуть.

Аванебих что-то приказал своим подчиненным, которые сразу бросились к выдержавшему осаду кирпичному домику – видимо, посмотреть, что там с Луджерефом, – а сам направился к Темре. Тот пошел ему навстречу. Оба сделали крюк, обходя то место, где Лунноглазая разбиралась с выползком из-под холма, который беспомощно сучил своими страшными лапами и всю верещал.

– Госпожа Тейлари просила передать вам, что морочанка собирается что-то взорвать. Как раз за этим она и отлучилась. Предполагается, что у нее есть все для изготовления мины. Поскольку ее спугнули, она сказала, что соберет свою треклятую машинку на месте, чтобы никто не помешал. Что именно она хочет взорвать, госпожа Тейлари не знает, но Луджереф, возможно, в курсе. Сейчас мы его допросим.

– Краб ошпаренный... – процедил Темре сквозь зубы. – Ты можешь мне помочь?

Иллихеец посмотрел на него с некоторым удивлением, но промолчал: убийца наваждений взывает за помощью к крабу ошпаренному – не иначе свихнулся после знакомства с земляным чудищем! На самом-то деле Темре обращался к Дождевому Королю, но тот либо не услышал, поскольку уже куда-то умчался вместе с ветром, либо не пожелал отозваться, решив, что интереснее будет посмотреть, как смертные сумеют выкрутиться без его помощи.

Луджереф, живой и невредимый, сидел там, где его оставили. Многоглавая гадина из подземелья все же обладала неким подобием разума, поэтому не стала убивать того, кто сослужил ей службу и может оказаться полезен в будущем.

На стенах появилось множество свежих царапин, на полу валялись содранные лохмотья обоев, рассыпанные гильзы и перевернутый ящик из-под боеприпасов. В углу лежала куча тряпья, брошенного Соймелой, – грязноватое одеяло и плед.

– Что она собирается взорвать? – спросил Темре, с отвращением глядя на потасканно-жуликоватую физиономию живучего иллихейского пройдохи.

– Что мне будет, ежели вспомню?

– Лучше спроси, чего тебе *не* будет, ежели вспомнишь. – Аванебих схватил его за горло и рывком поставил на ноги, попутно приложив затылком о стену. – Посмотри в окно!

За оконным проемом можно было увидеть уцелевшего одинокого паучару, до сих пор не уставшего рваться с привязи. Теперешние события разворачивались за домиком, вне поля зрения, и только звуки битвы двух сверхъестественных существ позволяли догадываться, что там творится.

– Если не выложишь все, что знаешь о планах своей хозяйки, отдадим тебя пауку. Он тебя не убьет, на это не надейся. Господин Гартонгафи, паук вас слушается, окажите любезность, приведите его сюда.

– Сейчас. – Убийца наваждений повернулся к двери.

– Не надо, – быстро возразил Луджереф. – Незачем. Скажу все, но я не знаю, что она задумала взорвать, Пятерыми клянусь! Она что-то где-то потихоньку таскала, чтобы изготовить эту свою мину, и как приперло, велела мне будить Постояльца – это она велела, я ни при чем, а сама схватила сумку с причиндалами и ушла. Сказала, придется ей теперь варганить мину прямо на месте, а то вы уже тут как тут. Больше ничего не знаю, Лунноглазая Госпожа не даст соврать, Пятеро свидетели!

– Это может быть что угодно, – посмотрев на Темре со сдержанным профессиональным сочувствием, как на коллегу, столкнувшегося с непосильной задачей, которую тот во что бы то ни стало обязан решить, заметил Мервегуст. – Любой значимый объект из того, что мы видели на карте у покойного Гурдо. Что там было – завод, трамвайный мост, автостоянка, дороги, акведуки, линии электропередачи... Это при условии, что она запланировала разрушить что-то в окрестностях.

– Планируют люди и ваши иллихейские оборотни, а мороки просто делают то, чего не могут не делать. Что она об этом говорила в подробностях?

Темре не сомневался, что в рамке, персонажем которой была Демей, наверняка есть подсказка, но там же совсем ничего не было о взрывах... Значит, что-то другое. Угадать бы еще, что именно, – тогда он узнает, где ее искать.

– Перескажи слово в слово, что она говорила. – Жозеф снова встряхнул мошенника и страшновато ухмыльнулся. – А то – сам понимаешь...

Он мотнул головой в сторону склона. Мгновение спустя мимо окна пролетела оторванная конечность гадины, упала на землю в нескольких бутах от паучары. В течение нескольких секунд она дергалась, потом затихла и стала похожа на переломленное надвое бревно. Луджерефа это зрелище доконало, он посерел лицом и в отчаянии вымолвил:

– Да ничего она толком не сказала, темнила всю! Я, говорит, это сделаю, чтобы все увидели, какая она посредственность и ничтожество. Мол, тогда у всех откроются глаза и она свое место узнает. А что за «она», которая ей досадила, непонятно. Но это она не Соймелу имела в виду, а кого – сама не могла сказать, когда я спрашивал.

– Ясно. – Темре шагнул к двери. – Коллектор. Ну, точно... Спасибо вам, господин Аванебих. Брату Рурно скажите, что с пауком я потом разберусь, сейчас некогда. Постараюсь ее перехватить.

На ходу надев маску, он выскочил наружу и бегом направился к заводскому акведуку с колоссальной канализационной трубой.

Сражение к этому моменту закончилось: подземная тварь была разорвана

на куски, земля вокруг залита вязкой темной кровью, а вольготно развалившийся среди этих ошметков брат Нярших теребил руками и ногами оторванную змеиную голову, издавая довольное урчание. Заплывшие глаза преподобного светились, словно две маленькие луны, и на пальцах у него можно было разглядеть когти подлиннее, чем у Клесто. Эту фантазмагорическую картинку благоговейно созерцали брат Рурно и три молоденькие монахини.

Темре промчался мимо, не забыв мысленно возблагодарить Великую Кошку за помощь. Аванебих и Мервегуст все же его догнали.

– С чего вы решили, что она пошла взрывать коллектор? – Похоже, илилхейский аристократ укрепился в подозрении, что он спятил.

– Я в своем уме, не беспокойтесь. Дело в том, что я знаю, почему это наваждение воплотилось, и могу просчитать логику его поступков. Не ходите со мной.

Три «бродячие кошки», Тиани, Юлаша и Марри, отправились к Овечьей горке вместе со своим наставником. Не удалось уговорить их остаться в молельне, да и некогда было уговаривать. Сейчас они стояли рядом с Котярой, в нерешительности глядя на жреца, который затих, как будто уснул. Когти исчезли – признак того, что Лунноглазая покинула его тело, и он больше не подавал признаков жизни.

Девчонки – недавние послушницы, так что Джелган был здесь самым старшим. Он первый двинулся вперед. Под ногами чавкала склизкая темная мерзость, вытекшая из разорванной на куски твари.

Преподобный был мертв, на его пухлом лице застыло умиротворенно-счастливое выражение.

Вслед за Котярой решила подойти Тиани.

– Что с наставником? Он умер?.. – Ее голос растерянно дрогнул. – Но почему?

– Скорее можно сказать, что почтенный брат Нярших так и остался в обители нашей Госпожи с ее соизволения, – объяснил брат Рурно. – Может, она возьмет его в свою свиту, а может, он родится вновь. В любом случае с ним все хорошо, просто для него этот этап существования закончился, так что не надо плакать.

Юлаша сморгнула и украдкой вытерла глаза, а Марри тихо вымолвила:

– Нам будет его не хватать. Наших с ним разговоров, его шуток, его советов...

– Нам – да, – согласился Котяра. – Но тут речь идет о *наших* интересах, а ему, вероятно, давно уже и самому хотелось, и пора было отправиться дальше, вот и подвернулся случай.

Он говорил девочкам правильные вещи, а у самого на душе было тоскливо. С преподобным Няршихом все в порядке, его смерть даже и смертью-то не назовешь – просто уход в другой слой мироздания при участии самой Лунноглазой Госпожи. Тавьяно умер иначе, от руки вора, и никого из близких не было рядом, чтобы проститься и проводить его как полагается. Бандита настигли, но илилхейцы собираются увезти его для суда на родину – насколько можно понять, с венгоскими властями все уже обговорено и улажено. Чего доброго, этот ловкач еще и отвертится от расплаты.

Приехали две полицейские машины, фургон медицинской помощи, обшарпанный рыдван с репортером и фотографом из «Лонварского вестника». Вме-

сте с блюстителем порядка прибыл вызванный на всякий случай убийца наваждений, он мигом определил, что паук величиной с дворняжку, привязанный на склоне холма, – это не что иное, как морок.

Брат Рурно вновь выдал версию насчет «подарка одной могущественной личности, для того чтобы найти преступника», и в общем-то не погрешил против истины, другое дело, что упоминать Темре он не стал. Пусть считают, что это целиком и полностью его авантюра, к служителю Лунноглазой у Гильдии лишних вопросов не будет.

Убийца развоплотил паучару, и после пары выстрелов на изрытом глинистом склоне осталась лежать всего-навсего неодушевленная кукла, сделанная из тряпок, перьев, пружинок и рыбьих костей.

Услышав о том, что Темре Гартонгафи преследует особо опасное дуэтное наваждение, гильдеец поспешил в ту же сторону: мало ли, вдруг потребуется помощь.

Между тем Аванебих и Мервегуст, договорившись с полицией о транспортировке в тюрьму своего арестованного соотечественника, отправились за Луджерефом.

– Вставай.

Сунорчи, все это время стороживший мошенника, помог ему подняться на ноги.

У Клетчаба все затекло, вдобавок битое лицо опухло, а штаны после наскоков паучары висели окровавленными лохмотьями.

– Так и поведем его? – хмыкнул Мервегуст.

Без всякой жалости, впрочем.

– Пусть прикроет срамоту, – решил Жозеф цан Аванебих. – Вот одеялом хотя бы, которое в углу валяется. Сунорчи, сделайте одолжение, соорудите ему фартук из одеяла.

– Что?.. – сипло рявкнул, отшатнувшись, Клетчаб. – Мне – одеяло?! Нет уж, не надо мне вашего одеяла! Подавитесь своим одеялом, засуньте свое одеяло сами знаете куда, а я у вас никакого одеяла не возьму!

– Дело твое, – слегка опешив, Аванебих смерил его озадаченным взглядом. – Тогда так и поедешь в тюрьму бесштаный.

– Мочи уже нет слушать про ваше одеяло, – невнятно и с надрывом бормотал себе под нос Луджереф, пока его вели к полицейской машине. – Только и слышишь – одеяло да одеяло, одеяло да одеяло...

Танец под акведуком

Оставалось надеяться, что ни Инора Клентари, ни Арьена Лайдо понятия не имеют о том, как сделать бомбу. Морок по определению не может знать то, чего не знают виновники его воплощения. Если так, Демея будет раз за разом собирать из наворованных ингредиентов некую бессмысленную штукювину, потом разбирать с ощущением «нет, надо по-другому», потом опять собирать, и вероятность того, что она случайным образом изготовит действующую «треклятую машинку», ничтожно мала.

В пользу этой версии говорило то, что акведук до сих пор цел.

Но если Акробатка все же справилась со своей черной задачей и коллектор вот-вот взлетит на воздух... Одна радость – район нежилой. Впрочем, если эту заброшенную низину щедро зальет содержимым магистральной сточной трубы, обитателям окрестных районов жизнь праздником не покажется.

Насчет коллектора Темре догадался сразу. По наитию. Он ведь знал, откуда взялась Демея.

В «Безумной команде» Ким Энно в одной из вымышленных стран, где побывала компания безалаберных авантюристов, было здание-лабиринт: по местным законам тот, кто претендовал на аристократический титул, должен был пройти через него, успешно преодолев все препятствия и ловушки. Не столь уж редкий мотив, не Инора первая это придумала. А госпожа Лайдо в той рамке, где вывела Демею и заодно позаимствовала кое-что из «Безумной команды», изобразила такой же лабиринт, выполняющий те же функции, но сплошь затопленный нечистотами: мол, это и есть те «препятствия», которые преодолевают претенденты, гляньте, что там внутри на самом деле творится – сплошной сортир!

Вероятно, это было сотворено с целью «открыть глаза» почтенной публике на Инору Клентари и «поставить на место» – опять же злополучную Инору Клентари. Однако Темре, как представитель той самой публики, от этой невеселой картинке не испытал ничего, кроме некоторой ошарашенности: и надо ж было до такого додуматься...

Можно предположить, что в процессе создания этих эпизодов Арьена предвкушала, как она морально разделается с Инорой, как все вокруг наконец-то убедятся в том, что Ким Энно – безнадежное ничтожество. Вероятно, ее одолевало злорадство и воинственный азарт. Эти эмоции обладали, видимо, такой силой, что передались воплотившейся Демее, буквально впечатались в ее несчастное нечеловеческое сознание. Заодно с представлением о грандиозном разливе канализационных вод как неперемennom условии счастья.

Морок не рассуждает. Морок лишь пользуется готовыми рассуждениями – теми, что волей случая или реже по злему умыслу были заложены в него исходно.

Ключом для Темре послужили пересказанные Луджерефом слова Демеи насчет «посредственности», «ничтожества», «глаз», которые «откроются», и «своего места». Морочанка вряд ли понимала, что несет, но подчинялась тому, что вызвало ее к жизни и неумолимо толкало на действия.

Колоссальная труба, поднятая над землей на акведуке с мощными опорами, угрожающе темнела под низким пасмурным небом. А ну как через несколько секунд рванет... Но если нет, если Демея, угодившая в самопроиз-

вольную ловушку, так и будет целую вечность собирать мину, предошущая свой близкий триумф – близкий, однако то и дело на шаг отодвигающийся, – тогда убийца наваждений обязан развоплотить ее не откладывая. Рискованно, не без того, но вся его работа – сплошной риск.

Ее ведь потом не найдешь, а каких бед она может натворить, уже довелось посмотреть.

После дождя, моросившего несколько дней напролет, почва напоминала болото. К вечеру похолодало, но разогревшемся от быстрой ходьбы Темре было едва ли не жарко. Саднило расцарапанную шею – когти Клесто содрали кожу, когда тот схватил его за шиворот.

Местность понижалась, редко расставленные малоэтажные дома в подступающих сумерках смахивали на старые, почернелые, уродливо разросшиеся грибы.

В первый момент убийца невольно напрягся, когда из-за угла очередного строения ему навстречу выступил человек, пусть и не окутанный характерным для морока водянистым ореолом. Впрочем, уже через секунду стало ясно, кто это.

– Я же сказал, уходи отсюда, – прошипел Темре, подойдя ближе.

Повышать голос нельзя, неровен час Демея услышит.

– Я ее выследила, – проигнорировав его сердитую и в то же время с ноткой растерянности реплику, деловито сообщила Джаверьена. – Пойдем покажу. Это вон за теми домами, видишь, где на крыше вырос куст? Она все еще там.

– Что она делает?

– Забралась туда и что-то мастерит из какого-то хлама, который притащила с собой в сумке, как будто играетя.

– Она тебя не заметила?

Джаверьена – не Сой, Демея убьет ее без колебаний.

– По-моему, нет. Я старалась делать как у вас принято – ничего не чувствовать.

– Идем. Покажешь, где она засела, а потом бегом отправишься назад. Если ты слышала шум, там уже все закончилось.

Они перемещались рывками от дома к дому, стараясь, чтобы под ногами не слишком громко чавкало. Вокруг было пустынно – ни людей, ни наваждений.

– Жаль, что ты не парень, – тихо заметил Темре.

Девушка посмотрела на него сбоку, хотя что она могла увидеть, кроме маски с алыми и черными рунами, как будто выписанными магом-каллиграфом? Он тоже покосился на нее и сразу отвел взгляд. Невзрачное лицо молоденькой старушки. Ему всегда казалось, что пристально рассматривать некрасивую женщину – это все равно что подглядывать за человеком в какие-то постыдные или неловкие моменты. В общем, нехорошо.

– Ты ведь не из тех, кто западает на парней?

– Не замечал за собой такого.

– Тогда я не жалею, что я не парень.

Она бросила это безразличным тоном: мол, никуда я от себя не денусь, но тебя все это, знаешь ли, ни к чему не обязывает и даже по крупному счету не касается.

Правильного гронси ее вопрос взбесил бы: у островитян упомянутые нравы не одобрялись. Могли изгнать, могли и вовсе утопить с камнем на шее. У вен-

госов было иначе: пусть всяк живет как хочет, лишь бы соблюдал приличия и не выставлял напоказ, чего не нужно. В Лонваре осуждались не сами факты «неподобающего поведения», а нежелание или неумение прятать концы. Соймела, несмотря на все свои приключения, которых с лихвой хватило бы на три дюжины девиц не самых строгих нравов, не слыла распущенной особой, поскольку ее никогда не тянуло «бросать вызов обществу» или откалывать другие номера в этом роде.

Темре правильным гронси не был, но Джаверьена-то об этом не знала, однако разговаривала с ним так, словно совершенно неважно, к каким народностям они принадлежат и что у них там за обычаи. Впрочем, для нее так и было: есть Темре и есть она, вместе им не сойтись – это она понимала, а все остальное по сравнению с этим было сущей ерундой.

– Я имел в виду, будь ты парнем, могла бы прийти в Гильдию на вступительные испытания. Вполне возможно, что взяли бы.

– Толку-то говорить о невозможном. Для меня ведь не сделают исключения?

– Ни для кого не сделают.

– Ну вот.

Чтобы девушку взяли в убийцы наваждений – такое только в рамге бывает. Навыки, необходимые для того, чтоб уцелеть и победить в схватке с мороком, в учеников в буквальном смысле вбивают, причем довольно жестокими способами. Иначе нельзя – не выработаются нужные рефлексy. Случается, хотя и нечасто, что на тренировках кто-нибудь серьезно калечится. Девчонку никто не станет учить по-настоящему, ее просто будут жалеть, без этого не обойдется, и в результате первый же рабочий поединок станет для нее роковым и последним.

Длинное кирпичное строение с прилепившимся возле одной из печных труб кустом уже показалось впереди полностью, его больше не заслоняли другие дома.

– Третье окно слева, – шепнула Джаверьена.

– Теперь уходи, – велел Темре. – Только осторожно. Будет лучше, если она тебя не заметит. Спасибо за помощь.

Погасив эмоции и не сводя глаз с оконного проема, перечеркнутого треснувшей серой доской, он двинулся через открытое пространство к подозрительному дому. Примерно на полпути с теплотой подумал: «Молодец девчонка!» Внутри, в полумраке, что-то мелькнуло, и это «что-то» было окутано характерным водянистым сиянием.

Демея там. Надо полагать, возится с бомбой, упиваясь близким «торжеством справедливости» и чужим злорадством, которое захватило ее и понесло, лишив и без того скудной способности к здравым умозаключениям.

До входа с выломанной дверью оставалось с десяток бутов, когда Акробатка выглянула в окно. Темре был к этому готов: сжатую в кулак правую руку он держал на уровне груди и сразу же послал в наваждение две иглы.

Она отшатнулась в темноту с такой гримасой, словно обожглась. Попал.

Теперь ее очередь сделать ход.

Все четыре подъезда трущобного дома выходили на грязный пустырь размером с площадь. В одном месте торчали столбы, меж которых когда-то были натянуты бельевые веревки, в другом стояли покосившиеся качели с гнилой

доской на ржавых цепях, в третьем сгрудились в кружок скамейки, и все эти следы былой цивилизации выглядели незначительными, затерянными посреди унылого пустого пространства. Хуже всего было то, что спрятаться негде.

Впрочем, прятаться не пришлось. Демей из окна разрядила в него пистолет, благодаря оберегу пули ушли мимо, зато иглы из перстня снова нашли свою цель.

Убийца не обольщался: нередко бывает, что вначале все просто и гладко, а потом до наваждения дойдет, что вот он – конец, в нескольких шагах от тебя маячит, и тогда становится по-настоящему горячо.

Сверкнув белесыми глазами, морочанка перемахнула через подоконник и бросилась на врага, а он помчался от нее наискось через двор. Хорошо, что удалось выманить ее на открытое место, тем проще будет с ней разделаться... Не так уж она и хитроумна, как можно было предположить по ее прошлым действиям. Или она все же приготовила какой-то подвох на случай, если ее здесь застукают?

Демей вовремя развернулась и кинулась от него бежать, словно глянула на секундомер. Скрыться за углом трущобы она успела раньше, чем перстень вновь зарядился. Подумав о возможной западне, Темре не рванул за Акробаткой вдругорядь, заставил себя замедлить шаги. Ничего особенного... Всего лишь задняя дверь, захлопнувшаяся у него перед носом. Морочанка спряталась в доме.

Лезть за ней туда не хотелось, у нее было время подготовиться к визиту недружелюбных гостей. Мина миной, но Демей вполне могла оторваться от своего опьяняющего занятия минут на десять, чтобы соорудить в прогнивших темных недрах строения пару простеньких ловушек.

Ее правильное, как у манекена, белое лицо, окруженное тускловатым ореолом, появилось в окне второго этажа. Битым кирпичом она запаслась заранее, и Темре пришлось уворачиваться в темпе стремительного непредсказуемого танца. Все же один раз прилетело в плечо... Хвала Пятерым, что не в голову. Он тоже не терял времени даром и снова разрядил в нее перстень, а потом приготовился к запланированному отступлению: надо увести ее подальше от дома. Хорошо бы к акведуку – там есть простор для маневров и в то же время найдется масса укрытий.

Демей спрыгнула прямо со второго этажа – сразу видно, что сил у нее еще ого-го сколько, – и бросилась с ножом на противника. Он рванул от нее по тропинке к массивным опорам, вознесенным над гущей облетевшего кустарника. Должно быть, тропку протоптали зрители, регулярно проверявшие состояние коллектора.

Про себя Темре отсчитывал секунды. Пора.

За мгновение до того, как он развернулся, Демей отпрыгнула в сторону и нырнула в заросли: она уже успела вычислить, сколько времени требуется оружию противника, чтобы накопить новую порцию смертоносной энергии.

Краб ошпаренный, да это же скляса! Не распознал ее вовремя... Темре понял, что свалил дурака.

У трясучей склясы, которая пышно разрастается в сырых низинах, листва мелкая, с ноготок, зато ветви к началу осени увешаны гроздьями беловато-прозрачных ягод – после заморозков они становятся похожи на ледяные шарики. Зимой кисти склясы нередко можно увидеть в косах у Птичьего Пастуха.

Преследовать кого-то в этих зарослях – удовольствие сомнительное. Масса тонких ветвей от малейшего движения качается и колышется, несметное множество ягод стеклянисто переливается, ловит взгляд, создает иллюзию присутствия там, где никого нет, и не позволяет своевременно заметить врага, затаившегося в одном из укромных местечек зыбкой рощицы. А хуже всего то, что среди сплошной трясучей поросли с белесой корой и поблескивающими водянисто-бесцветными ягодами характерный для наваждений ореол практически неразличим, он попросту сливается с фоном. Вот это убийца упустил из виду, не разобрав в сгущающихся сумерках, что там впереди за кустарник.

Хотя существенной роли это не играло: тусклое сияние позволяет отличить морок от всего остального, что мороком не является, но раз и так известно, кто такая Демейя, можно обойтись без этого. Главное – смотреть в оба.

Справа от того места, где стоял Темре, закачались ветки, он развернулся в ту сторону – и процедил еле слышно:

- Какого краба... Уходи немедленно!
- Я могу помочь, – упрямо возразила Джаверьена тоже шепотом.
- Думаешь, тебя за это в Гильдию возьмут?
- Думаю, моя помощь лишней не будет.

Еще до того, как закончить фразу, она указала пальцем в ту сторону, где ветви с кистями колыхались чуть сильнее. Убийца кивнул: он уже и сам заметил.

Будь это не скляса, а любое другое растение, можно было бы выстрелить в Акробатку прямо отсюда, метя в брезжащий за путаницей кустарника ореол морочанки – но как раз его-то здесь и не разглядишь.

– Не ходи со мной, – шепнул Темре, двинувшись вперед.

Демейя отступала, не показываясь ему на глаза, но потом открылась небольшая прогалина, и он ее увидел – та стояла возле опоры акведука с ножом в руке. Послав в цель следующую пару зарядов, убийца кинулся обратно под защиту зарослей.

С бесстрастным удовлетворением он отметил, что иглы сделали свое дело, Акробатка двигалась уже не так проворно, как раньше. И соображать стала хуже: когда пришла пора поменяться ролями, снова бросилась на ту же прогалину, словно забыв о том, что выскакивать сейчас на открытое место – это для нее верная гибель.

Вот именно – «словно»... Если кто здесь и стал хуже соображать, так это он сам!

Темре это понял, когда внезапно земля рванулась из-под ног, и сгруппироваться он почему-то не сумел, хотя должен был... Тут сумеешь, если у тебя на щиколотках захлестнулась петля.

Выстрелить в морочанку он смог бы даже из такого положения. А потом – что? Демейя набросится и прикончит его?

Видимо, она уже оценила воздействие развоплощающих игл и решила, что с нее хватит, потому что нападать не спешила. Он тоже не спешил стрелять, прекрасно понимая, что пара зарядов в запасе – это его последнее преимущество. Единственный аргумент, удерживающий Акробатку на расстоянии.

В кармане складной нож, и крабову веревку можно перерезать. Но если на это отвлечься, Демейя сразу же атакует.

Мгновение – и она юркнула в заросли. Хочет подобраться в обход, прячась

за склясой?

Извернувшись, Темре сунул левую руку в правый карман. Правую, с перстнем, надо держать наготове.

Что-то пронеслось у него над головой, едва не задев макушку, и рухнуло в кустарник, переломав трясучие тонкие ветви. Ржавая железяка изрядного веса – то ли деталь какого-то отслужившего агрегата, то ли фрагмент арматуры. Если в запасе у Демеи есть еще один такой же снаряд, следующий бросок будет точнее. И не факт, что удастся откатиться, веревка не пустит.

– Что случилось?!

Только Джаверьены тут не хватало!

– Уходи. Здесь опасно.

Нож со щелчком раскрылся. Еще мгновение – и он свободен...

Выскочив из гущи склясы, Акробатка обеими руками подняла над головой еще один кусок заржавелого механизма. Темре выстрелил. Это не помешало ей бросить железяку, а когда он все же сумел увернуться, Демея, не давая опомниться, подхватила с земли и швырнула в него массивный обломок жернова.

Ловушку она приготовила со знанием дела. Все рассчитала.

Летающее темное пятно. В следующую долю секунды обзор что-то заслонило. Темре опрокинул навзничь удар – тяжелый, но несмертельный, смягченный тем, что в последний момент оказалось между ним и снарядом. Одновременно с этим что-то хрустнуло, и у Джаверьены, навалившейся на убийцу сверху, вырвался протяжный всхлип.

Осознав, что произошло, Темре ощутил ужас – ну, нельзя же так! – и Демея, поймав его эмоцию, как будто хлебнула целебного бальзама.

Она с ликующим возгласом бросилась к жертвам, но не добежала. Ноги подкосились, и под медленную, дремотную, уносящую в затуманенные просторы сонного океана мелодию она опустилась на землю. Флейта Смеющегося Ловца способна зачаровать не только любого из смертных, но даже наваждение.

– Спасибо, Клесто... – прошептал Темре непослушными губами.

Не спать. Это его единственный шанс. Сейчас он сильнее Демеи, потому что он человек и у него есть воля, а у морочанки – только импульсы, управляющие ее поступками. Она сопротивляться не может, а он сможет – Клесто наверняка все учел и оставил ему лазейку.

Убийца отчаянным усилием напряг мускулы, которые так и норовили растечься в кисель, и отпихнул в чавкнувшую грязь обломок жернова. Потом, стараясь двигаться осторожно, выполз из-под Джаверьены. Повернул ей голову набок: если перебит позвоночник, укладывать на спину нельзя, но надо позаботиться, чтобы она не захлебнулась, уткнувшись лицом в слякоть. Хорошо, что флейта ее усыпила – ей не больно.

Найдя валявшийся рядом нож, он разрезал веревочную петлю, а потом развернулся к Демее: та шевелилась как сонная муха и тоже пыталась нащупать оброненное оружие.

Пора. Сумерки прошили две серебристых иглы.

Холодные белесые глаза морочанки подернулись сонной поволокой, но все же она сознания не потеряла: боль Джаверьены и вырвавшийся у Темре всплеск эмоций пошли ей на пользу.

Все равно он сильнее. Борясь с дремотным оцепенением, убийца дожидался, когда перстень накопит заряд. Лишь бы Птичьему Пастуху не надоело играть.

Акробатка пыталась до него добраться, и они ползали по грязной прогалине, словно две враждующие спящие змеи в террариуме. Наконец обессиленная морочанка затихла, и ему оставалось только считать секунды, а потом посылать в цель иглы. И еще бороться со сном. Прошла вечность, и небо почти совсем потемнело, прежде чем Демей начала мерцать «здесь – не здесь». После этого потребовалось еще несколько пар развоплощающих зарядов, чтобы она исчезла.

На том месте, где она лежала, остались в слякотном месиве ямка в человеческий рост и в придачу несколько женских тряпок, нож, какие-то мелкие вещицы – все эти предметы принадлежали материальному миру.

Волшебная музыка смолкла, магия Клесто развеялась. Стряхнув последние ключья манящей дремоты, Темре присел около Джаверьены, включил фонарик, который чудом не потерялся.

Непонятно, жива или нет. Кажется, есть слабое дыхание, на губах пузырится кровь. Треклятый жернов должен был раздробить позвоночный столб и вмять хрустнувшие ребра в грудную клетку. Если бы не она, Демей ушла бы, и неизвестно, сколько бы еще всякого натворила.

Девчонка спасла ему жизнь и заодно дала возможность разделаться с мороком. Он был благодарен и ей, и Дождевому Королю, но в то же время чувства хуже и горше, чем сейчас, никогда еще не испытывал.

Укрыл ее своей курткой. Не было и речи о том, чтобы нести раненую в таком состоянии на руках – это ее прикончит, но здесь Джаверьену тоже нельзя оставлять без присмотра: в окрестностях бродят одичалые собаки и чекляны.

Это затруднение неожиданно разрешилось: послышались шаги, затрещала скляса, метнулся наискось луч электрического света, и на прогалину выбрался из кустарника Саглари, коллега Темре из Гильдии – с ног до головы грязный, даже на белеющей в поздних сумерках маске темнели пятнышки.

– Где морок? – спросил он первым делом.

– Готов.

– А это кто?

– Пострадавшая. Позови сюда медиков с носилками, а я с ней побуду.

Перед тем как отправиться за помощью, Саглари добавил:

– Что-то непонятное здесь творится. Вроде была музыка, меня вырубило, и я сколько-то времени валялся. Ты тоже?

– Это уже закончилось. Потом расскажу, в чем дело.

Гильдеец ушел, а Темре остался сидеть около девушки. Если бы мог, поделился бы с ней и своей жизненной силой, и своей удачей, лишь бы она поправилась. Но в то же время он никогда бы не смог полюбить Джаверьену. Просто не захотел бы ее, если называть вещи своими именами.

Возможно, Кайри потому и выглядела такой сердитой после разговора с ней, что понимала всю безнадежность ее увлечения. Бывают ситуации, когда никто не виноват, но всем очень плохо, и ничего не поделаешь.

Над так и не взорванной трубой замаячило, просвечивая сквозь дымную поволоку и рваные тучи, желтоватое лунное пятно. Скляса тихо шелестела, покачивая гроздьями стеклянистых ягод, и такой же тихий голос произнес за

спиной у Темре:

– Сегодняшний день – это целая поэма.

Фонаря у Клесто не было, но его тонкую фигуру окутывало мягкое неяркое сияние, не имевшее источника. Ничего общего с мутным ореолом, свойственным наваждениям: оно скорее напоминало о таинственных отсветах хрусталя в полумраке с мерцающими разноцветными искрами, и его было видно невооруженным глазом.

Впрочем, если бы Темре все еще был в маске, он мог бы и обмануться – при условии, что Клесто вздумалось бы изменить характер свечения. В начале их знакомства Птичий Пастух воспользовался этим приемом, чтобы заморочить ему голову ради собственной прихоти.

Туника из осенних листьев в волшебном свете выглядела роскошным королевским одеянием. Косички ниспадали черным водопадом, висевшие на концах украшения из кусочков янтаря, желудей, ягод, монет, птичьих перьев, ракушек и плетеных шнурков с сердоликовыми шариками вполне могли сойти за экзотические драгоценности. Наряд можно было рассмотреть во всех подробностях, а черты узкого лица с ввалившимися щеками и огромными блестящими глазами таинственно скрадывались, как будто Дождевой Король набросил вуаль, сотканную из теней. Зато были хорошо видны длинные желтоватые когти на унизанных перстнями пальцах.

– Ты сможешь ее вылечить? – Темре сощурился от пляски цветных искр, глядя на него снизу вверх.

– Вылечить не смогу, я не целитель. Но я могу ее *забрать*.

– Куда – забрать?

– Ты ведь слышал рассказы о том, что я похищаю людей? Даже как-то раз об этом спрашивал... Вот я и собираюсь похитить Джаверьену. Затем и пришел.

– Постой... – Убийца растерялся. – Тут уже за врачом побежали!

– В этом нет никакого смысла, разве сам не видишь? Я возьму ее к себе, если она согласится.

– Она без сознания.

– Я услышу ответ.

Клесто присел рядом, взял девушку за руку.

– Джаверьена, я, Дождевой Король, предлагаю тебе занять место в моей свите. Ты будешь летать вместе с ветром и плясать на наших праздниках, ты увидишь много такого, о чем раньше даже мечтать не могла. Если у тебя появится желание время от времени бывать среди людей, я своим подданным этого не запрещаю. Ты сможешь навещать своего брата, и у тебя будет куда больше возможностей, чем сейчас, чтобы помочь ему. Ты забудешь, что такое нищета, холод и оскорбления, ты научишься танцевать и колдовать. И еще ты станешь красивой – такой, какая ты на самом деле.

После паузы Клесто сообщил:

– Она ответила «да».

И, отложив в сторону куртку убийцы, перевернул Джаверьену на спину. Она даже не застонала. Лицо бледное и грязное, вокруг губ размазалась кровь.

Дождевой Король оглянулся на Темре.

– Когда я кого-то забираю, это, с точки зрения смертных, выглядит пугающе. Можешь уйти, можешь остаться – при условии, что не будешь мешать.

– Я останусь.

Он решил, что должен ее проводить.

– Тогда не вмешивайся, что бы ты ни увидел.

– Сюда скоро придут с носилками... – спохватился убийца наваждений.

– И никого не найдут.

Мгновение – и все трое очутились внутри сводчатой комнаты без окон и дверей, как будто отлитой из молочного тумана. Здесь было светло, как днем. Стены гладкие, в текучих смутных разводах, и такой же пол.

– Где мы? – вырвалось у Темре.

– Все там же, – рассмеялся Клесто, – но уже не под открытым небом, а в моем шатре, который смертные без моего дозволения не увидят. Я ведь одинокое существо, хотя порой и получаю удовольствие от приятной компании, и я смогу обеспечить себе одиночество где угодно. Здесь уютно, правда? Я могу и мебель наколдовать, только сейчас она не понадобится. Забери свою куртку, сядь у стены и ближе, чем на три шага, не подходи. Лучше вообще не двигайся с места.

Когда Темре подчинился, Смеющийся Ловец достал из-за пазухи флейту и заиграл.

Это была странная мелодия – медленная и вязкая, словно растекающийся из разбитого стакана густой кисель, в то же время сердце от нее начинало трепыхаться и пропускало удары, мышцы наливались свинцом, слабело зрение, и даже воздух становился таким зыбким, что его трудно было вдыхать. Убийца вжался лопатками в стену, инстинктивно пытаюсь отодвинуться подальше от источника этой ужасающей музыки.

Клесто со своей флейтой выглядел ярким и четким, а с девушкой, лежавшей на полу в центре комнаты, творилось что-то неладное. Острые черты ее лица, еще больше побледневшего, словно размягчились, и она выглядела неживой, хуже того – ненастоящей. Хотелось думать, что Дождевой Король знает, что делает.

– Подготовительный этап закончен. – С этими словами тот убрал флейту, склонился над Джаверьеной и разорвал на ней холлу, а потом и нижнюю одежду, без труда располосовав ткань когтями.

Она не подавала признаков жизни и казалась вылепленной то ли из снега, то ли из мягкой белой пастилы.

Клесто обернулся к Темре, его вертикальные антрацитовые зрачки свернули.

– Сиди, где сидишь. Если я кого-то забираю, я могу это сделать одним-единственным способом – сейчас увидишь каким.

– Она жива?

– Жива, но ее тело больше ничего не чувствует. Ее душа и все ощущения сосредоточились в сердце – вот его-то я и должен взять. Только оно сейчас живо, остальное превратилось в зыбкую оболочку, так что больно ей не будет.

Опустившись на колени возле Джаверьены, он согнутыми когтистыми пальцами пробил ей грудь. Кисть и впрямь как будто погрузилась не то в рыхлый снег, не то в тесто – ошеломленный Темре собственным глазам не поверил. В следующую секунду Клесто выдернул руку, он что-то держал...

Сморгнув, Темре увидел, что в ладони у Смеющегося Ловца лежит окровавленное сердце. Оно на глазах съеживалось, усыхало и вскоре стало величиной

с тропический орех саккому, такое же морщинистое и твердое с виду. Не отличишь от настоящего ореха, разве что цвет не коричневый, а темно-красный.

– Она тут, – улыбнулся Клесто. – Внутри. И с ней все будет хорошо. Через месяц волшебная девушка вылупится, как бабочка из куколки.

Бережно спрятав за пазуху превратившееся в куколку вырванное сердце, он добавил в раздумье:

– Если бы ты был сейчас не здесь, а у себя дома, я бы отправился к тебе в гости, чтобы выпить кавьи или чего-нибудь покрепче после всех этих трудов... О, у тебя фонарик на батарейках?

– Батарейки не отдам, мне еще отсюда выбираться. И ты после них буйный становишься, как пьяница – гроза квартала.

– Мог бы отобрать, но не буду, – великодушно решил Смеющийся Ловец. – Еще сломаешь себе шею в потемках, а на второй такой же обряд меня сегодня ночью не хватит.

– Извини, но я бы к тебе не пошел: меня человеческая жизнь вполне устраивает. Хотя для Джаверьены, может, и правда так лучше. Что будем делать с ее останками?

– Ничего. Положим под кустами, как лежала. Следов моего колдовства не останется, и все спишут на морочанку. Когда вы ползком гонялись друг за другом, она ведь могла подобраться к Джаверьене.

Темре кивнул.

– Можно задать тебе пару вопросов? Куда делась та девушка из твоей свиты? Ну, о которой ты сказал, что лишился ее, и поэтому освободилось вакантное место?

– По правде сказать, не знаю. – Клесто беспечно, хотя и устало, усмехнулся. – Наверное, где-то живет... Когда она захотела вернуться к людям и я отпустил ее, она отправилась в ту переходную область незримого мира, откуда сущности рождаются в смертном воплощении. Дальше я не следил за ней, ушла и ушла.

– Вот оно что... – Темре, хоть и был безмерно измотан, не удержался от улыбки облегчения. – А когда ты говорил однажды о младших богах, ты имел в виду себя?

– Можно и так меня назвать, а можно не называть. Но бывали времена, когда меня и впрямь считали божеством, даже, помнится, человеческие жертвы приносили.

– И тебе это нравилось?

– Досаждало хуже скверно сваренной кавьи, но эти недоумки и слушать моих возражений не хотели. Каждый раз, когда я, вконец взбесившись, швырял им в окна шаровые молнии, или сносил их халупы ливнем, или посылал птиц склевать их посеы, они решали, что надо бы еще кого-нибудь прирезать и выпотрошить, дабы меня задобрить. Ты ведь знаешь, я люблю мимолетное, невыразимое, неуловимое. Угодить мне вернее всего можно рисунком на снегу или на песке, забытым на подоконнике открытого окна листком со стихотворением, какой-нибудь славной или странной сценкой, которая разыгрывается между смертными сама собой... И если мне это понравится, что-нибудь подарю в ответ – при условии, что не отвлекусь на другое и не забуду о том, что собирался сделать. А когда передо мной трясут дымящимся ливером, который еще несколько секунд назад был чьими-то кишками, – мол, смотри, как

замечательно, это мы во славу твою, порадуйся вместе с нами, ну, что же ты? – поубивать придурков хочется. Я и убивал их время от времени, но это не помогало. Беда в том, что кровавые жертвоприношения нравились им самим, вот они и расстарались, убеждая всех и каждого в том, будто бы это нравится мне. В конце концов лавочку прикрыл кто-то из Пятерых – то ли Дракон, то ли Кошка, то ли твой покровитель. Кровожадные дурни сами нарвались, когда принесли в жертву не того человека. После этого к ним пришел преподобный, наделенный даром и правом призыва, и дальше случилось событие в том же духе, как ты сегодня наблюдал около Овечьей горки, но не в пример более масштабное по количеству трупов. Я был так счастлив и благодарен, что потом целый месяц праздновал, вознося признательные молитвы своему избавителю, сейчас уже и не вспомню, кому именно. В следующий раз твоя очередь развлекать меня байками, а сейчас сюда идут люди с фонарями, пора прощаться.

Туманная комната исчезла. Они снова очутились на грязной прогалине среди зарослей склясы, под холодным темным небом. Убийца наваждений включил фонарик, луч мазнул по опоре акведука, поддерживающей колоссальную трубу.

Джаверьена лежала ничком на прежнем месте, укрытая курткой, над воротником топорщились собранные в хвостик светлые волосы. Слово ничего не было... И Клесто рядом уже не было.

Быть может, Темре одолело забытье и все, что случилось после того, как ушел Саглари, ему померещилось?

Из зарослей доносились людские голоса. Вскоре на прогалину высыпала целая толпа: вооруженные фонарями полицейские, двое медиков с носилками, а за ними третий с докторским саквояжем, да еще быстроглазый парень из братии охотников за сенсациями.

Поставив саквояж на землю, врач склонился над Джаверьеной. Саглари передал Темре его не нужную больше куртку, и он только теперь почувствовал, что продрог.

– Надо было вам, судари, сразу похоронную службу вызывать, а не нас приглашать, – с упреком провозгласил доктор, выпрямившись. – Люди с такими дырами в грудной клетке живыми не бывают.

– Морочанка поработала, – опередив Темре, пояснил полицейский офицер. – Она еще не то делала, пока гуляла по городу, а господа убийцы в этот раз не подсустились, долго за ней гонялись...

«Сам бы попробовал поймать ее быстро!»

Вместо того чтобы сказать это вслух, Темре произнес другое:

– Мне показалось, что девушка еще жива.

Впрочем, его никто не слушал. Тело положили на носилки, и процессия двинулась в обратную сторону. Темре брел в хвосте, и ягоды склясы, ловя блики фонарей, подмигивали ему, словно сотни ледяных глаз.

Когда выбрались на открытое пространство, труп после некоторых препирательств погрузили в медицинский фургон, покотивший по ухабам к дороге, а полицейские отправились искать не доделанную Демеей бомбу. Темре пошел вместе с ними.

Это опасное добро обнаружили в одной из комнат первого этажа на облезлом темном столе, выхваченном из мрака скрестившимися лучами фонарей.

Небольшой фанерный ящик, склянки с какими-то сыпучими реактивами, ножницы, сломанная мышеловка, будильник с надписью «Сто лет счастья!», вскрытая бумажная упаковка «Веселых огней», перепутанные провода, леска с рыболовными крючками, гайки, винтики, часовые шестеренки, бруски засохших акварельных красок, компас без стрелки, металлические прищепки, еще какая-то мелочь. Все это вперемешку, в чудовищном беспорядке.

При всем своем яростном желании ничего бы Демья не взорвала. Слишком много в этой куче было лишнего. Это сразу понял бы любой мало-мальски успевающий школьник – но только не морочанка, у которой разума не больше, чем у насекомого, какими бы логичными ни казались ее действия неискреннему стороннему наблюдателю. Клетчаб Луджереф на том и попался.

Убийца наваждений поневоле усмехнулся, наблюдая, как полицейские, то и дело поминая вполголоса краба ошпаренного, собирают все это хозяйство в потертый вместительный саквояж.

После первого снега

Прослыть тупаком – это для человека шальной удачи последнее запаadlo. Жозеф цан Аванебих, истинная ядовитая змеюка под личиной добродушного громилы, уже посулил Клетчабу, что во все иллихейские газеты попадет история о том, как старый хасетанский аферист, приплыв в Анву, принял морочанку за человека и был у нее на побегушках, так и не смекнув, с кем связался. Мол, помрешь опозоренным.

Клетчаб угрюмо помалкивал. Гады-цепняки винили его в смерти своего четвертого и не проявляли никакого милосердия. Наручники снимали только для того, чтоб он смог пожрать и оправиться.

При чем тут он? Сунорчи и этот Чемхет сами виноваты, что потащили с собой девку. Она кто им была? Никто. Без нее бы оба уцелели. Непрофессионализм, короче, проявили, так о чем тогда шорох и какой спрос с Луджерефа?

Когда он об этом сказал, высокородный Рамос цан Мервегуст съездил ему по роже, разбив губы в кровь. После этого Клетчаб зарекся с ними разговаривать.

Они не скрывали, что его ждет. Сначала суд в Раллабе, потом прогулка в Сорегдийские горы. Все еще до суда предрешено. Цепняки позорные.

В Иллихею они должны были отбыть на «Золотой королевне». За два часа до отплытия приехали в порт, Клетчаба запихнули в одиночную кутузку, по ту сторону решетчатой дверцы устроился его стеречь Сунорчи с газетой, похожий на исполнительную зализанную крысу.

«Боги-милостивцы, дайте мне в дороге подохнуть, что вам стоит? – с тяжелым сердцем молился Луджереф, уставившись в стенку. – Потопите «Золотую королеву» морским русалкам и тутошнему крабу ошпаренному на радость, потопите вместе со всеми, кто на ней будет, и со мной, вестимо, тоже... Уж лучше смерть в океане, после которой можно переродиться, чем ежели съест мою душу треклятая сорегдийская тварь. Смилуйтесь, боги, а я в следующей жизни каждый раз буду с краденого пожертвования храмам отстегивать! И ты, шальная удача, обо мне вспомни...»

Лязгнула дверь камеры. По ту сторону решетки послышались звуки возни, и Клетчаб, глянув туда, увидел, что Сунорчи, весь обмякший и с полузакрытыми глазами, привалился к стене, а какой-то крупный парень в натянутом на

лицо черном чулке шарит у него в карманах. Вот те номер! Неужто кто-то из Пятерых услышал молитву и решил откликнуться?

Пришелец уже нашел ключи и отпирал дверцу. Воодушевленный, Клетчаб поднялся навстречу – чтобы ему тут же приставили к горлу нож.

– Не будет тебе никакого справедливого суда в Иллихее. Я тебя, паскуду, сейчас прирежу.

Хотя при желании это и можно было расценить как ответ на молитву, к немедленной смерти он оказался не готов.

– За что?..

– Помнишь старика в ограбленной квартире на Крупяной горке? Почему ты его убил?

– Так он это... – в глотке враз пересохло. – Шуршать он начал, нет бы сидел тихо. Я ж не бандит, слушай сюда, я натурально дружный с законом аферист, в первый раз на такое дело пошел, нужда заставила. То да сё, нервишки у меня сдали, понимаешь? Я не нарочно, Пятеро свидетели, само так выпало, не хотел я твоего старика убивать. Ну, оступился человек, с кем не бывает? Если человек оступился, нельзя его за это сразу резать, нужно дать ему шанс!

Камера изнутри не запиралась. Стукнула железная дверь, и в проеме появился Аванебих с пистолетом. Позади вроде бы топтался кто-то еще, но этот здоровяк весь обзор перекрыл, остальных не рассмотришь.

– Уважаемый кот, не убивайте его, – попросил высокородный мерзавец. – Что вы сделали с Сунорчи?

– Жив ваш Сунорчи, – буркнул парень. – Через десять минут очнется, даже на пароход не опоздаете.

– Прекрасно. – Жозеф опустил пистолет. – Верю вам на слово, брат Рурно, и прошу вас, уберите нож.

– С чего вы взяли... – в некотором замешательстве, как показалось Клетчабу, пробормотал визитер.

– Неужели вы думали, что дамского чулка хватит, чтобы сбить с толку представителей нашей профессии? А как же осанка, характерная пластика, голос? Плюс еще некоторые моменты, натолкнувшие на мысль, что от вас можно ждать интересных неожиданностей. Я не могу угрожать вам оружием, ведь это пистолет из того самого ящика... Вы на тропе охоты?

– Да. Луджереф убил близкого мне человека.

– Печалюсь вместе с вами. Я слышал ваш разговор. Прошу вас, уступите добычу мне. Или продайте, если на то пошло. Ручаюсь честью Аванебихов, после суда Луджерефа ждет смертная казнь.

– Режь мне глотку, парень, – приняв нелегкое решение, потребовал Клетчаб свистящим шепотом. – Признаю свою вину, давай, действуй, режь!

– Брат Рурно, сумма в миллион илихейских рикелей вас устроит? Я переведу ее на ваш счет до отплытия «Золотой королевы». Или вы предпочитаете наличные?

Такие деньжища... Ну все, кошачий монах сейчас купится, и тогда старине Луджерефу во всех смыслах конец.

– Не надо мне этих денег, – устало произнес Рурно после паузы.

Клетчаб мысленно возликовал, а разоблаченный монах продолжил, пряча нож:

– Переведите их на счет ордена Лунноглазой.

Что?.. Боги, за что? За то, что всего лишь оступился?!

– Благодарю вас, – миролюбиво улыбнулся Жозеф цан Аванебих. – Только перед тем, как отсюда выйти, снимите этот предмет дамского туалета, а то местные полицейские могут вас неправильно понять.

Рурно стянул с головы чулок и сунул в карман.

– Идемте, я провожу вас, – предложил высокородный громила. – Чтобы ни у кого не возникло вопросов, что вы здесь делали. Прогуляемся вместе до Корабельного банка, я вам кое-что расскажу по дороге.

– Успеете? – безучастно поинтересовался несостоявшийся убийца.

– «Золотая королева» без нас не уплывет.

Они выбрались из камеры в коридор. Из кармана у монаха свисала черная шелковая тряпка.

Появился подлец Мервегуст, а вскоре и подлец Сунорчи очнулся.

– Кто меня?.. – был его первый вопрос.

– Один славный человек. Наш знакомый «бродячий кот». Применил какие-то храмовые штучки, чтобы сюда пробраться. Он, как выяснилось, охотился на Луджерефа, но Жозеф его уболтал, договорились по-хорошему.

«Сволочи вы, боги», – тоскливо подумал хасетанский мошенник, привалившись к стенке и прикрыв глаза, чтобы не смотреть на постылые цепнячьи рожи.

Все шло к тому, что ему уже без разницы, прогневаются на него Пятеро или нет.

У Темре все было как обычно. Работы невпроворот, как всегда в это время года. Вернее, как во все времена года, если только хаддейна не находится в состоянии полного покоя, что бывало нечасто. Впрочем, даже в такие периоды порой обнаруживались наваждения, успевшие воплотиться до наступления затишья.

Клан Гартонгафи просил денег, мешая улещивания с попреками и обвинениями в адрес «очужевца».

В газетах писали, что территория вокруг Овечьей горки перестала быть неприживным районом: в ближайшем будущем все развалюхи там снесут и построят новые жилые кварталы с магазинами, закусочными и молельнями. Родственники Темре подумывали о том, чтобы перебраться туда всем скопом из нынешней тесноты на улице Колеса.

Котьяра вначале ходил мрачный и непонятно чем недовольный. То ли тем, что рука не поднялась прирезать бандита, поскольку тот был безоружный и скованный, – и таким образом он проявил излишнюю мягкотелость. То ли тем, что не прирезал, хотя это стоило сделать из соображений милосердия, так как, по словам Жозефа, в Иллихее Луджерефа ожидала крайне жестокая казнь, – и таким образом он проявил излишнюю безжалостность. Похоже, его угнетало и то и другое сразу, он в этом не на шутку увяз, но потом с ним обстоятельно побеседовал кто-то из преподобных, и Джелган наконец-то успокоился.

Убийца наваждений осторожно выспросил, что ему сказали: «Ты все сделал правильно, как пристало «бродячему коту» – выследил и настиг бандита, оплатил ему за Тавьяно, а дальше пусть события идут своим чередом. События сами разберутся, куда им идти».

Тянуло поговорить с Клесто, но Темре не видел его с тех самых пор, как они

расстались под акведуком. Несколько раз по всем правилам приглашал его в гости, однако Смеющийся Ловец не отзывался и не приходил. Неужели он сейчас настолько занят, что даже полчаса ему не выкроить? Или, может, забыл? Ходит теперь пить кавью к кому-то другому? От этой мысли становилось грустно, хотя не далее как несколько месяцев назад Темре чего бы только не отдал, лишь бы раз и навсегда от него отделаться.

На другой день после событий у Овечьей горки он разыскал Харбо, брата Джаверьены, и рассказал ему, что случилось с сестрой, умолчав лишь о том, что ее забрал Дождевой Король, – а то ведь неизвестно, как все повернется, лучше заранее парня не обнадеживать. После этого, порасспросив отставных гильдейцев, у которых были свои предприятия, он подыскал для Харбо неплохо оплачиваемую работу. Брата девушки, выручившей убийцу наваждений, охотно взяли в мастерскую по ремонту швейных машинок, тем более что он оказался хорошим наладчиком. Заодно Темре уговорил его перебраться из трущоб в недорогой, но приличный квартал, даже внес авансом плату домовладельцу.

Харбо приходилось тормошить, тащить, уговаривать, гибель младшей сестры его подкосила. Как выяснилось, Джаверьене было всего-то двадцать лет. Порой, когда Темре размышлял на досуге об этой истории, то на него тоска накатывала, то кулаки сами собой сжимались, хотя кого здесь бить-то? В том-то и дело, что некого.

У Сой он до отбытия иллихейцев на родину побывал дважды и оба раза заставал у нее Жозефа цан Аванебиха. Нечему удивляться... Но, как ни странно, ревность его больше не мучила.

Исподволь пришло осознание, что они с Сой и впрямь уже расстались, и жизнь теперь у каждого своя, и друг от друга они больше не зависят. Темре долго мечтал о том, чтобы этот перелом наконец-то свершился, а сейчас просто отметил его как что-то само собой разумеющееся.

Недавно еще раз ее навестил. Она была непривычно серьезная, начала спрашивать о Джаверьене, он отвечал коротко и сдержанно.

– Тебе тоже тяжело? – вздохнула бывшая жена. – Я думаю иногда о том молодом человеке, его звали Варват Чемхет, Жозеф немного рассказал о нем, когда я спросила... Если кто-то за тебя умирает, потом живешь как будто в его тени – у тебя нет такого чувства?

Возвращаясь домой в вагоне трамвая с обтянутыми кожей морских овец старинными сиденьями, он решил, что это уже другая Соймела, раньше он ее не знал. Соймела, которая начала взрослеть?

Зато осуществилась его давняя мечта: он подружился с Ким Энно. Инора решила пожить в столице и сняла квартиру вблизи Медной улицы, поскольку Кайри осталась в школе при драконьем монастыре.

Вначале она, разговаривая с ним, сильно смущалась. Темре в конце концов выяснил, в чем дело: это из-за Демеи.

– Вы же ее видели, – пробормотала Инора, глядя в чашку с крепкой кавьей. – Слышали все, что она болтала... Это же я когда-то ее придумала.

– Ну и что с того? – пожал плечами убийца наваждений. – Воплотилась она не потому, что вы ее придумали, а мы уже говорили почему. На то вы и мастер рамги, чтобы всякое выдумывать, а я не госпожа Лайдо, чтобы вцепиться в какую-нибудь произвольно выбранную частность, закрыв глаза на все

остальное, и раздуть из этого невесть что.

Когда он упомянул Арьену, собеседница погрузилась и сникла.

– Кстати, я нахожусь в таком же положении, как вы, – сообщил Темре. – И не вижу в том никакой трагедии.

– Каким образом? – Она удивленно вскинула ресницы. – Вы тоже сочиняете рамгу?

– Нет, но я гронси из клана Гартонгафи. Знаете, кого у гронси называют очужевцами?

– Да, да... – Она закивала.

– Ну так вот, мои почтенные родственники налепили на меня определение «очужевец» и теперь с этим определением увлеченно воюют, нисколько не вникая в то, чем я живу на самом деле. Примерно то же самое, что сделала по отношению к вам госпожа Лайдо. От этого одно лекарство: согласиться, чтобы оно было таким, как есть, раз ему зачем-то нужно таким быть, и не придавать этому значения. Тогда и мороки с этого плодиться не будут. Они всегда появляются из-за чего-нибудь *значительного* – то есть того, что кажется нам таковым, будь это страх перед темной кладовкой или мелкая давняя обида.

– Вряд ли мелкая. Видимо, я когда-то серьезно обидела Арьену, но я, честное слово, никак не могу вспомнить и понять, в чем дело. Ненависти на пустом месте не бывает, и для всего этого наверняка была какая-то причина.

– Это могло быть что угодно. Слова, которые для одного человека ничего не значат, для другого порой значат очень много, а первый об этом даже не догадается. Главное, чтобы не появилось новое дуэтное наваждение, хватит с нас Демеи... Извините, я сейчас говорю как представитель Гильдии. В такой ситуации лучшее, что люди могут сделать, – это забыть о существовании друг друга, как будто вы с Арьеной Лайдо не только сейчас не поддерживаете знакомства, а вовсе никогда не были знакомы. Если немного перефразировать то, что недавно сказал одному моему другу мудрый человек, пусть все происходит своим чередом, оно само разберется, как ему происходить, а вы лучше живите тем хорошим, что у вас есть. Попробуйте это сделать?

– Да, – улыбнулась Инора. – Постараюсь.

И, потянувшись за газетой, лежавшей на этажерке, сменила тему:

– Вы знаете иллихейский? Это «Светская жизнь» из Раллаба, привезли с последним пароходом. Их императрица организовала у себя во дворце праздник домашних животных, и королем праздника выбрали куланжу одной придворной дамы, они такие пушистые и ласковые, ничего удивительного. Но тут еще написали, что поощрительный приз получил грызверг госпожи цан Эглеварт как очень милый домашний питомец. Все, что я читала и слышала о грызвергах, совершенно с этим не вяжется, это же свирепые бойцовые зверюги!

– Опечатка, наверное, – предположил убийца наваждений.

Первый снег выбелил крыши, улицы и мосты Лонвара. Дым из множества труб на побледневшем по-зимнему небе напоминал скорее о тепле, чем о вездесущей копоти и грязи.

Ранним вечером Темре возвращался домой через парк. С деревьев тихо падали потревоженные возней птиц белые хлопья, впереди светились окна и фонари Блудной горки.

Два окна его гостиной тоже светились. Ну, наконец-то... В глубине души он боялся, что Смеющийся Ловец никогда больше не придет. Уже целый месяц

миновал с тех пор, как они виделись в последний раз.

Подъезд был не заперт. Темре взбежал по лестнице, открыл дверь, еще из прихожей крикнул:

– У меня есть отличный кофе в зернах, из которого мы сейчас сварим кавью! Прощальный презент иллихийских героев.

Ему не ответили.

Сбросив теплую куртку, он направился к гостиной, остановился в дверях.

В кресле... В кресле сидел вовсе не Клесто.

Она была тонка и изящна. По плечам рассыпалась масса светлых косичек с подвесками – прозрачные, словно чистейшая ледяная вода, кусочки хрустала, заиндевелые ягоды, серебряные колокольчики, шнурки с шариками из лунного камня.

Ее туника с длинными рукавами была, казалось, соткана из искрящегося снега, меховую жилетку украшало богатое шитье. На хрупких запястьях браслеты, на пальцах когти. Короткую, выше колен, замшевую юбочку покрывали прихотливые узоры из снежинок, которые вовсе не собирались таять, а высокие сапожки были опутаны серебристыми цепочками.

Черты узкого белого лица не те, что раньше, – или почти не те... Все же что-то общее с прежним обликом сохранилось. Глаза цвета пасмурного неба стали больше, но их тоже можно было узнать, несмотря на вертикальные зрачки.

Темре столбом застыл на пороге и смотрел как замороженный на волшебное красивое существо, расположившееся в старом кресле у окна.

– Ничего, что я без спросу? – не дождавшись, чтобы он заговорил, спросила гостя.

– Здравствуй, Джаверьена, – стряхнув оцепенение, он широко и радостно улыбнулся. – Ты будешь чай или кавью?

Глоссарий

Анва – материк, на котором находится Венга.

Бродячие кошки – монахи и монахини ордена Лунноглазой. Их обычное одеяние – удобные короткие рясы, штаны и головные уборы с кошачьими ушками.

Бут – анвайская мера длины, около 45 сантиметров.

Вамса – съедобная водоросль.

Вэнга – страна в центральной области Анвы.

Венгосы – коренное население Венги.

Гильдия Убийц Наваждений – официальная организация, объединяющая тех, кто занимается уничтожением воплотившихся мороков.

Гронси – народность, населяющая острова, расположенные к востоку от Анвы. Многие гронсийские кланы давно уже перебравшись на материк, в частности в Венгу, со всеми вытекающими отсюда межэтническими трениями.

Грызверг – особо свирепая и опасная разновидность бойцовых псов, в свое время выведенная в Иллихейской Империи. Конкретно тот грызверг, о котором здесь вспоминают, сыграл не последнюю роль в романе «Пожиратель душ».

Девятирукий – один из великих богов. Считается покровителем гронсийского клана Гартонгафи, к которому по рождению принадлежит убийца наваждений Темрэ Гартонгафи.

Иллихейская Империя – государство, занимающее всю территорию Иллихеи.

Иллихейские оборотни – сверхъестественные существа, обитающие в Иллихее. Большую часть времени оборотень находится в истинном облике на своей территории, которую он не способен покинуть, но в урочное время он может превратиться в человека или животное и выбраться в большой мир. Подробнее об этом рассказано в романе «Пожиратель душ».

Иллихэя – материк в другом полушарии.

Кавья – в Венге так называют кофе, который импортируют из Иллихеи, куда кофе попал из нашего мира. О контактах между двумя мирами рассказано в романе «Пожиратель душ».

Ким Энно – мастер рамги, не самый лучший, не самый худший, но именно из-за его (точнее, ее) персонажа, ставшего наваждением, здесь и заварилась вся каша.

Клэсто (Дождевой Король, Птичий Пастух, Смеющийся Ловец) – природный дух, можно сказать, местный фейри. Его стихия – воздух и частично вода (но не та вода, которая под землей или в океане, а дождь, снег, тучи, туман, роса и все в этом роде). Если ему взбредет в голову заглянуть к вам в гости, лучше его не гнать, а угостить кофе.

Краб ошпаренный – ругательство такое местное.

Крэйма – наркотик.

Куланжу – пушистый домашний зверек, похожий на белку.

Лолсороба – страна на севере Анвы.

Лонвар – столица Венги.

Лунноглазая Госпожа (Великая Кошка) – одна из великих богов.

Макона – страна на юге Анвы.

Морок – то же самое, что наваждение.

Морочан (*морочанка*) – в просторечии: морок, имеющий облик живого существа.

Мастер иллюзий – тот, кто способен создавать иллюзорные подобия предметов или существ. Эти подобия (не путать с наваждениями) не опасны для окружающих и недолговечны, а чтобы кто-нибудь не вздумал расплачиваться иллюзорными деньгами и т. п., для их выявления широко используются артефакты-определители. Иногда мастерами иллюзий называют мастеров рамги.

Мастер рамги – автор, создающий произведения в этом жанре.

Мётве – народ, живущий на севере Анвы.

Наваждения, или *мороки*, – то, что приходит из хаддейны и воплощается в материальном мире, притянутое людскими страхами, ненавистью, сильной печалью, навязчивыми желаниями и т. п. Наблюдается это на территории Анвы, в Иллихее ничего подобного не бывает.

Очужёвец – гронси так называют своих соплеменников, которые живут отдельно от общины, не придерживаются гронсийских обычаев, женятся на венгосках, больше общаются с венгосами и т. п. У гронси это слово считается очень обидным.

Пятеро – боги этого мира: Девятирукий, Ящероголовый, Лунноглазая, Прародительница, Безмолвный.

Раллаб – столица Иллихейской Империи.

Рамга, или *рамография*, – специфический для Анвы вид искусства. В зачарованную рамку вставлен прямоугольник из особого стекла, в уголке углубление для магического кристалла. Напоминает наше кино, только живые сценки там чередуются с текстом, как в книге, и все это создано одним автором – мастером рамги, который с помощью магического кристалла запечатлевает то, что является плодом его воображения. За пределами Анвы рамки утрачивают свои волшебные свойства, поэтому рамгу не экспортируют.

Рикель – денежная единица Иллихейской Империи.

Сарпа – женская одежда вроде юбки, чаще всего ажурная, или с разрезами, или разделенная на ленты. Ее надевают поверх тавлани.

Священные животные – кошки (находятся под покровительством Лунноглазой) и трапаны (находятся под покровительством Ящероголового).

Стургубуд – иллихейское название чекляна.

Сул – денежная единица Венги.

Тавлани – женские длинные штаны.

Те, кто спит под холмами, – достоверно неизвестно, что они собой представляют, но их лучше не будить. Одно хорошо – ни с того ни с сего они не просыпаются, для этого нужны кровавые жертвы.

Трапан – крылатая ящерица, похожа на маленького дракончика.

Убийцы наваждений – специально подготовленные профессионалы, которые уничтожают воплотившиеся мороки.

Хаддейна – одна из незримых оболочек мира, тонкая темная субстанция, заполненная бесчисленным множеством вероятностных зародышей. Оттуда в материальный мир приходят наваждения.

Хнырок – насекомое вроде клопа.

Холла – женская верхняя одежда наподобие жакета или куртки.

Чеклян – всеядное животное, с виду довольно несуразное, похоже на кожи-

стый табурет, у которого есть еще и головка с клювом на длинной шее. Водится и в Иллихее (там их называют стургубудами), и в Анве.

Шант – анвайская мера веса, около 0,8 килограмма.

Юв – анвайская мера длины, около 1,8 километра.

Ящероголовый Господин (Великий Дракон) – один из великих богов.

Алена Волгина

Коза дракону не подруга

Глава 1

Чужой дом ночью – жуткое место. У меня было ощущение, что из темноты смотрели сотни глаз. Я тенью соскользнула с подоконника, не потревожив ни единой складки тяжелой портьеры. Слева непроницаемой черной глыбой возвышалась кровать, закрытая балдахин. Я прислушалась – с той стороны не доносилось ни звука. Хозяин дома, лорд Фонтерой, граф Хатфорд, сегодня должен был ночевать в другом месте. Это благоприятствовало моим планам, как и то, что ночка выдалась пасмурной. Сделав первый осторожный шаг, я замерла. Одинокий лунный луч пробился сквозь тучи и щель в портьерах, тускло блеснув на крышке богато инкрустированного бюро. Ага, оно-то мне и нужно!

В одно мгновение я пересекла темное пространство комнаты и уже потянулась было к вожделенному ящику, как вдруг... мое запястье перехватила другая рука. Я метнулась в сторону, как заяц. Отскочила, ударившись о кресло, вслепую ударила ногой. Мне почти удалось ускользнуть, но противник был начеку. Захват, подсечка, я теряю равновесие – и мы вместе падаем на кровать. Сверху шелестящим водопадом обрушился сорванный балдахин. Пока нападавший барахтался в складках тяжелого шелка, я успела вскочить на ноги. И сразу увидела в светлеющем прямоугольнике окна черную фигуру. Взмахнув рукой, она прыгнула вниз. Портьера колыхнулась и опала.

– Держите, он уйдет! – крикнула я, бросаясь к окну, но успела пробежать лишь пару шагов. Затылок вдруг пронзило ослепительной болью, и меня накрыла темнота.

* * *

Пробуждение было не из приятных. Очнулась я, сидя в кресле со связанными руками. Голова раскалывалась, глаза болели даже от слабого света. Я осторожно осмотрелась, сощурив веки. Комната была та же самая, только на бюро теперь горела свеча в серебряном подсвечнике, а напротив меня сидел лорд Фонтерой собственной персоной, который в эту ночь почему-то оказался дома. Вот же принесла его нелегкая! Судя по его виду, он даже не ложился. Фонтерой читал какой-то документ, и его лицо, наполовину скрытое в тени, отнюдь не лучилось гостеприимством. Пламя свечи и оконные занавеси слегка дрожали от легкого сквозняка. Значит, окно еще открыто! Я приготовилась было вскочить, но, почувствовав за спиной чье-то дыхание, снова обмякла в кресле. От двоих не сбежишь.

– Так, значит, тебя прислал сам Тревор? – спросил Фонтерой, взмахнув листком бумаги.

Шеф советовал предъявлять этот документ лишь в самом крайнем случае. Будем считать, что сегодня он наступил. Честно сказать, мистер Тревор, главный магистрат[1] с Коул-стрит, вовсе не посылал меня сюда. Мне было поручено лишь покрутиться вокруг особняка и доложить об увиденном.

Неделю назад лорд Фонтерой обратился к шефу с заявлением, что кто-то настойчиво пытается умыкнуть его родовой амулет. В прошлом месяце нашего

джентльмена дважды пытались ограбить на улице. После второго нападения он был вынужден спрятать драгоценность в тайник. Шеф, который в прошлой жизни наверняка родился бульдогом, развернул целую операцию по поимке вора. Мне как всегда досталась роль доглядчицы. Несколько дней я добросовестно изображала то разносчицу фруктов, то служанку, то мальчишку на побегушках, а потом мне пришла в голову озорная мысль, что лучший способ проверить на прочность охрану особняка – попытаться проникнуть туда самой. Как оказалось, это была плохая идея. Фонтерой тоже держался начеку, и, пока мы боролись друг с другом, драгоценный амулет унес кто-то третий. Но как он ухитрился пробраться мимо меня в особняк?! Я могла бы поклясться, что перед моим вторжением в переулке за домом и в саду не было ни души.

– Молчишь, – недобро усмехнулся граф. – Ладно, тогда поговорим с самим Тревором, – и он кивнул кому-то за моей спиной: – Батлер, тащите ее в карету!

* * *

Копыта лошадей гулко гремели по брусчатке, распугивая редких прохожих. Я сидела рядом с мистером Батлером, а господин граф расположился напротив и, казалось, дремал, вытянув ноги. Голова болела невыносимо. Болезненно поморщившись, я тихо попросила своего спутника:

– Пожалуйста, откройте шторку.

Свет редких уличных фонарей проник в карету, осветил высокую фигуру Фонтероя в дорожном плаще и шляпе. Его худощавое лицо с резкими чертами в тусклом полумраке казалось слишком бледным, особенно по контрасту с темными волосами. Безусловно, внешность у него была примечательная. Будь я художником, с радостью ухватила бы за возможность написать его портрет. Словно почувствовав мое любопытство, Фонтерой вдруг проснулся, пригвоздив меня холодным взглядом желтых глаз с вертикальными зрачками. Обмерев от страха, я невольно прижалась плечом к мистеру Батлеру.

Правильно говорят: не смотри в глаза дракону.

В этот момент наш экипаж остановился на Коул-стрит перед зданием суда. Граф снова обрел человеческий вид и первым выскочил из кареты, не дожидаясь, пока Батлер поможет мне спуститься. Старый Пит, дежуривший внизу, почтительно поклонился знатному посетителю и изумленно вытаращился, когда заметил меня, да еще в таком жалком виде: связанную, в лохмотьях уличного мальчишки и с растрепанными волосами. Кажется, он сначала даже не узнал меня:

– Энни?!

Я не успела ответить: железная рука господина Батлера уже утащила меня прочь, вверх по лестнице и дальше по слабо освещенному коридору, до самого кабинета мистера Треворы – моего шефа. Лорд Фонтерой резко распахнул дверь и скрылся внутри. Коротко кивнув, Батлер ушел обратно к карете, оставив меня в полутьме размышлять о содеянном.

* * *

Сидя в коридоре на жесткой скамье, я горестно вздохнула. Вот так трудишься изо всех сил на благо родного города, не ждешь плохого, пока в одну прекрасную ночь не совершишь глупость и – прощай, любимая работа! Я не сомневалась, что после сегодняшнего прокола мистер Треворы вышвырнет меня из "ищеек". За годы службы мировым судьей он подобрал четверых человек, которые по-своему помогали ему охранять закон и порядок в Эшентауне.

Их так и называли – "ищейки с Коул-стрит", или "серые капюшоны", из-за казенных серых плащей. Я попала в команду не так давно, но уже успела ко всем привязаться. Изысканный остроумец Фокс, из которого едкие шуточки сыпались, как горох из худого мешка. Благоразумный, добросердечный Нед. Вечно голодный Долговязый Винс и тихий, незаметный Хаммонд. Смею надеяться, что они меня тоже любили – за веселый нрав, талант перевоплощения, хорошую память и умение не только забраться в любую щель, но и благополучно выбраться оттуда. Жаль, что сегодня это умение подвело.

За дверью взвился гневный голос Фонтероя – похоже, скандал набирал обороты. Я невольно поежилась. Когда-то на улицах Эшентауна меня наградили прозвищем Стрекоза Ночи. Ребята Тревора, посмеявшись, сократили его до менее пафосного – Коза. Новая кличка меня ужасно бесила, но поделаться я ничего не могла. А теперь не будет ни дурацкой клички, ни головокружительных авантур, от которых сердце чуть не выпрыгивает из груди, ни шумных совещаний за полночь, когда Долговязому Винсу приходится несколько раз бегать в ближайший трактир за "подкреплением"...

Обшарпанные стены коридора вдруг расплылись у меня перед глазами. Услышав чьи-то шаги, я поспешно вытерла слезы. Из темноты показался Нед Уолтер, тоже один из наших. Он был подтянут, застегнут и готов к исполнению, даже в этот предрассветный час, когда "люди дня" еще только потягивались в постелях, а "люди ночи" уже сворачивали свои делишки и расползались по углам. Уолтер мог нести службу круглые сутки. Он просто не умел делать что-то вполсилы.

– Ох, Энни, – укоризненно вздохнул Нед.

Склонившись ко мне, он перерезал веревку на моих руках. Я потеряла затекшие кисти. На запястьях остались красные полосы. Нед протянул флягу, и я с благодарностью сделала крупный глоток. Напившись и пригладив волосы, я почувствовала себя гораздо лучше.

– Зачем, ну зачем ты туда полезла?!

– Я хотела как лучше...

– В следующий раз захоти как хуже. Может, тогда нам удастся отделаться легким испугом.

Я сокрушенно шмыгнула носом. Да, Уолтер у нас образцовый ищейка, не то что я! Ему бы и в голову не пришло отступить от приказов начальства! Прикажи ему Тревор спрыгнуть со скалы – Уолтер не раздумывая сделал бы это. Разве что завис бы на секунду в воздухе, чтобы уточнить направление.

Дверь кабинета снова содрогнулась от громкого рыка. Нед, поморщившись, взялся за ручку:

– Пойду спасать Старика от этого монстра.

– Может, не надо? – робко спросила я.

Пожав плечами, Уолтер храбро шагнул за порог. Дверь за ним закрылась. Я со страхом ждала бури. Угораздило же нас связаться с таким клиентом! Когда Кеннет Фонтерой впервые появился в Управлении, мистер Тревор в тот же вечер собрал нас на совещание. Тогда мы узнали, что над лордом Фонтероем с рождения тяготело старинное проклятье: каждая вспышка гнева на какое-то время лишала его человеческого облика. Началось все с его пра-пра-пра-бабки, леди Мелюзины, которая после свадьбы сильно удивила мужа, обернувшись драконихой и покинув замок через окно. Бедная женщина, должно

быть, первая брачная ночь потрясла ее до глубины души! Впоследствии эта необычная способность регулярно проявлялась у потомков леди Мелюзины, доставляя массу неприятностей им и окружающим. Чего стоил, например, тот случай, когда очередной граф Хатфорд, всплыв на охоте, превратил в пепелище несколько акров прекрасного леса. Или пикантная история с одной графиней, которая, разозлившись на фрейлин, вынудила их спастись от своего огненного гнева в реке. Хорошо хоть обошлось без утопленниц.

Наконец, одному волшебнику удалось изготовить амулет в виде драконьего зуба, который сглаживал приступы озверения у Фонтероев. Без этого волшебного предмета их драконья сущность так и лезла наружу, особенно в стрессовых ситуациях. Вроде сегодняшней. Сейчас как жажнет огнем и устроит нам птичкин базар!

Я снова с опаской покосилась на дверь и даже принюхалась. Нет, запаха гари пока не чувствовалось. Неужели Уолтеру удалось их утихомирить? Слава всем святым! Должна признать, наш Нед умел обращаться со спорщиками. Его непрошибаемое спокойствие действовало на всех, как бочка масла на разъяренные волны. Любимым выражением Неда было: "Минутку, давайте разберемся".

Неожиданно дверь распахнулась, и из кабинета вышел граф, задев меня полой плаща. Он прошел мимо, даже не взглянув в мою сторону. За ним, стараясь не отставать, последовал Нед Уолтер. Оба они свернули на лестницу и скрылись. А я с тяжелым сердцем поднялась навстречу начальству.

Мистер Тревор застыл на пороге: насуспенный, коротконогий, с квадратными плечами, как никогда похожий на рассерженного бульдога. Я ждала, понуро опустив голову. Ох, что сейчас будет...

– Хуже дурака только дурак с инициативой, – процедил шеф. – Иди за ними. И работай.

От счастья я не сразу поверила своим ушам. Наспех пробормотала слова благодарности и бросилась прочь, пока Старик не передумал. Ура! Меня не выгонят! Я остаюсь в команде!

Перед крыльцом Управления лорд Фонтерой и Уолтер как раз усаживались в карету.

– Подождите! – крикнула я, спотыкаясь на ступеньках.

Мистер Батлер демонстративно захлопнул дверцу перед моим носом. Хлестнул кнут – и карета понеслась прочь, оставив меня стоять на холодной предрассветной улице.

Глава 2

Под утро в городе выпал первый снег. Четкие следы кареты отпечатались на нем ровными полосами. Я смотрела на них и размышляла. Мой форменный плащ, аккуратно свернутый, остался лежать в графском саду. Если, конечно, его не прихватил тот ушлый воришка. Можно было вернуться в Управление за теплой одеждой, но я слишком боялась снова нарваться на мистера Тревора. Вдруг приступ благодушия у него уже миновал?! Нет, лучше не рисковать. Дойду и так, мне не впервой мерзнуть.

Над городом поплыл протяжный звон, когда церковный колокол звонко отсчитал семь ударов. Небо на востоке уже посерело и казалось таким низким, что его можно было коснуться зонтиком. Город постепенно просыпался. Заскрипели открываемые ставни, на Цветочном рынке, находившемся неподалеку, снова началась обычная суэта. В тишину улиц ворвался грохот телег, развозивших цветы и овощи. Свет фонарей стал бледнее, а строгие очертания каменных особняков – более отчетливыми. Мимо промчался мальчишка из редакции, прижимая к груди пачку утренних газет. Запах горячих рогаликов, долетевший из булочной, заставил меня мучительно сглотнуть. Как назло, у меня при себе не было ни фартинга! В воздухе снова закружились снежные хлопья, занавесив улицы белой пушистой кисеей. Сразу посветлело. Снег был не самым приятным попутчиком, он щекотал мне щеки и набивался в ботинки. Редкие прохожие, спешившие на рынок или на службу, удивленно косились на "мальчишку", бредущего с непокрытой головой, в легкой рубашке и ветхой курточке. Потом пожимали плечами и шли дальше. В большом городе люди нелюбопытны.

Я пересекла пустую гулкую площадь, миновала сквер, в котором безмолвно спали скованные морозцем бледно-желтые деревья. Прошла мимо строительных лесов, оцетинившихся вокруг будущей Часовой башни. Эшентаун заново отстраивался после Большого пожара, случившегося сто лет назад. Прокладывались новые улицы, прямые, как лезвие меча; новые дома росли как на дрожжах. Конечно, так было не везде. В городе хватало и ветхих закопченных лачуг; в одной из них прошло мое детство, возможно, не совсем образцовое с точки зрения закона, но вполне счастливое.

Добравшись наконец до графского особняка, я продрохла до костей. Заледневшими пальцами кое-как постучала в тяжелое бронзовое кольцо на двери. Каменные перила крыльца украсили пышные снежные подушки, на моих плечах успели нарасти белые погоны. Отряхнувшись, как кошка, я разозлилась и постучала еще раз. Они что, решили оставить меня на улице?! Дверь наконец приоткрылась. Сверху на меня уставились бесстрастные глаза моего недавнего знакомого – мистера Батлера, глядевшие с профессиональной вежливостью вышколенного дворецкого, словно бы не он три часа назад тащил меня за шкуру в участок.

– Д-доброе утро. Можно войти? – спросила я и чихнула.

Батлер посторонился, пропустив меня в холл, из которого дохнуло теплом и уютными запахами богатого дома. Дворецкий помог мне обмести снег с ботинок и сразу же удалился, чтобы доложить о моем прибытии. Я осмотрелась. В прошлый ночной визит я проникла в здание через окно на втором этаже, так что моим глазам впервые открылся холл во всем его великолепии. Да, обста-

новка прямо как в замке. Стены отделаны темными дубовыми панелями, на одной из них висит голова дракона (надеюсь, не настоящая), на другой – два парадных портрета. Широкая лестница в глубине холла вела на второй этаж. Откуда-то, вероятно, из кухни, доносились женские голоса.

– Его светлость сейчас в библиотеке, – сообщил мне вернувшийся Батлер. – Прошу вас.

В библиотеке, залитой серым утренним светом, находились двое. Лорд Фонтерой и Нед Уолтер склонились над чертежом, разложенным на столе. С моим появлением дискуссия оборвалась. Мужчины нахмурились и смолкли, так что было слышно только неуместное торопливое тиканье часов на каминной полке. На лице графа обозначилось выражение крайней досады, словно он вдруг заметил мышь посреди своей чистенькой библиотеки. Бросив на меня неприязненный взгляд, он холодно произнес:

– Тревор уверял меня, мисс Фишер, что в ловкости и сообразительности вам нет равных. Пока что я не имел удовольствия оценить ваши таланты, но готов дать вам шанс. До окончания расследования вы и мистер Уолтер будете жить в этом доме. Нам необходимо как можно скорее вернуть амулет. Ступайте в свою комнату, а завтра все обсудим.

– Но я... я могла бы... апчхи!

– Батлер, – попросил граф, не дослушав, – попросите Агату, чтобы она отвела эту особу в постель.

– Да, сэр.

Дворецкий аккуратно придержал меня за плечо и вывел из комнаты. Я собиралась взбунтоваться, однако следующий мощный чих едва не сбил меня с лестницы. Пришлось признать, что как ищейка я сейчас действительно никуда не гожусь.

* * *

Горничная Агата оказалась первым человеком в этом злосчастном доме, кто проявил ко мне хоть каплю сочувствия. Это была веселая, смешливая девушка с милым личиком и длинной рыжеватой косой толщиной с мою руку. Любая работа у нее так и спорилась. При виде меня она всплеснула руками и решительно взялась за дело. Вскоре я уже лежала в чистой постели с горячей грелкой в ногах, а мой нос щекотал густой, упоительно вкусный аромат. По мнению Агаты, лучшим средством от простуды, сотрясения мозга и прочих жизненных неурядиц была чашечка горячего шоколада с сахарным печеньем.

– Спасибо! – искренне сказала я.

– Не за что, – отозвалась она, смешливо наморщив нос и подбирая с пола мои промокшие одежды. – Это я, пожалуй, постираю. Отдыхай.

Мне хотелось побольше расспросить ее о всех, кто жил в особняке, это очень пригодилось бы для следствия, но я едва успела поставить чашку на поднос, как меня внезапно сморил сон.

Очнулась я в холле старинного замка. Здесь было темно, как в колодце, лунный свет едва пробивался в высокие узкие окна. Вокруг моей руки обвилась серебряная цепочка, а, разжав ладонь, я увидела драконий клык, оправленный в серебро. Значит, вот ты какой, пропавший амулет...

В гулкой темноте холла слышалось чье-то грозное ворчание. Я попятилась, когда каменные плиты содрогнулись от тяжелой поступи. Что-то просвистело в воздухе, потом с грохотом обрушилось на одну из колонн, высекая искры. Не

иначе, разгневанный дракон явился за пропажей! Что же делать?! В пустом холле спрятаться было негде. Я прижалась спиной к колонне, чувствуя тяжелое дыхание притаившегося во тьме чудовища. Луна давала слишком мало света, чтобы оценить обстановку. Дракон шумно втянул в себя воздух. Сейчас учует, и тогда... В отчаянии подняв голову, я увидела, что поверху холл опоясывала деревянная галерея. Недалеко от меня вдоль стены висела узкая винтовая лестница.

Собрав все силы, я со всех ног бросилась туда. За моей спиной взревело. Яркая вспышка на миг ударила по глазам, но я уже птицей взлетела на три пролета, споткнулась и вылетела на галерею, больно стукнувшись коленями и локтями о пыльные доски. Кстати, интересно, чей замок мы сейчас калечим? Это было не жилище Фонтероев, на их гербе дракон, а передо мной на стене висел белый вепрь, освещенный луной.

Здесь я чувствовала себя в относительной безопасности, однако мне хотелось бы убраться от дракона еще дальше. На галерею выходили две двери. Одна из них ничем не могла мне помочь, так как на ней висел солидный замок. Другая была открыта, но клубившаяся за ней холодная тьма заставила меня отступить. Эта тьма сама была как распахнутая дверь. Она притягивала и звала. Сквозь оскорбленное рычание, доносившееся снизу, мне отчетливо слышалось: "Анна..."

Спасибо за приглашение, но что-то не хочется. Доски под моими ногами задрожали. Кажется, дракон вознамерился взобраться вслед за мной, но безнадежно застрял в узком проходе. На лестницу обрушился удар такой силы, что с пола поднялись фонтанчики пыли. Раздался треск, я вскрикнула... и проснулась.

Оказалось, что меня разбудили вопли угольщика за окном. Несмотря на жуткий сон, ноющий затылок и серую утреннюю хмарь, я проснулась в отличном боевом настроении. Маленькая комнатка с низким скошенным потолком была пуста, вторая кровать, стоящая у другой стены, аккуратно заправлена. Должно быть, Агата давно поднялась. Не успела я умыться и собраться с мыслями, как за дверью послышались шаги и чьи-то голоса. В комнату вошла разругавшаяся горничная с подносом в руках, а следом за ней – застенчиво улыбающийся Уолтер. От его широких плеч здесь сразу стало тесно.

– Как мило, что ты решил меня навестить, – улыбнулась я, кутаясь в шаль поверх теплой фланелевой рубашки, которую мне одолжила Агата.

Оказалось, что Уолтер помимо хорошего настроения принес мне еще горсть орехов. Орехи! Я готова была его расцеловать. Все "серые капюшоны" знали о моей маленькой слабости. За кулек с орехами меня можно было подбить на что угодно. Ну, почти на все. Агата неодобрительно посмотрела на нас:

– Энни еще больна. Ей нужен бульон и легкий пудинг.

Она поставила рядом со мной поднос, где рядом с чашкой супа на блюдечке дрожало что-то студенистое. Такой завтрак больше подошел бы болезной старушке, чем здоровой девице двадцати лет от роду.

– Может, лучше чашечку шоколада? – жалобно попросила я.

Агата фыркнула было, но, оценив мою несчастную физиономию, согласилась сходить на кухню. Нед проводил девушку долгим задумчивым взглядом. Надо же! Кажется, жизнерадостная красота Агаты произвела сокрушительное

впечатление на моего напарника. Обычно собранный и серьезный, Уолтер сейчас выглядел непривычно растерянным. Чтобы случайно не обидеть друга неуместной шуткой, я сгребла в рот еще несколько орехов.

– Ты у нас не Коза, ты белка, – ласково пошутил он, дернув меня за распустившийся локон. – Как ты себя чувствуешь?

– Уже отлично, спасибо.

Нед сделал суровое лицо:

– Меня радует твоя неуязвимость. Что бы ни случилось – встала, отряхнулась и пошла дальше. И все-таки, Энни, в следующий раз попробуй сначала подумать головой, прежде чем пускаться в авантюры!

У меня не было настроения выслушивать душеспасительную проповедь, так что я позволила себе перебить:

– Дорогой Нед, есть три ловушки, которые воруют радость: сожаление о прошлом, тревога о будущем и неблагодарность за настоящее. Я стараюсь избегать каждой из них. Так проще жить, поверь мне.

– Очередная мудрость от Козы?

Я пожалала плечами. Детство, проведенное на улицах Эшентауна, научило меня многому.

– Лучше расскажи, до чего вы вчера договорились. Я все проспала!

– Ничего особенного. Днем я на всякий случай прошелся по волшебным лавкам, но драконий амулет никто не продавал.

– Ба! Не думаю, что кто-то спер его ради наживы, – усмехнулась я. – Скорее, это месть. С таким бешеным характером, как у лорда Фонтероя, врагов у него должно быть видимо-невидимо!

– Ты с ним поаккуратнее, – нахмурился Уолтер. – Ему и так перед тобой неловко.

Да?! Я изумленно воззрилась на своего напарника.

– Его светлость – человек благородный, хоть и дракон. Он никогда бы не ударил женщину. А тебя так приложил, что ты второй день с постели не всташь.

Да, с женщинами Фонтерой обходиться умеет, это я помню. Мы всесторонне изучили биографию нашего клиента, когда взялись за это дело.

– Он тебя просто не разглядел в темноте, вот и принял за шустрого парня. Вчера он даже хотел перед тобой извиниться, но был так зол из-за амулета, что боялся обернуться драконом и спалить тебя прямо на месте.

– Так, все, извинения приняты! – всполошилась я. – Честное слово, у меня к милорду никаких претензий!

– Зато у него к тебе... – Нед выразительно закатил глаза, а я скорбно вздохнула.

Черт, это же надо с самого начала так все испортить! Получается, что в моих интересах теперь пореже попадаться на глаза обокраденному графу. Но как тогда вести поиски?

К счастью, в этот момент вошла Агата с новым подносом, на котором толкались три чашки с горячим шоколадом. Один запах этого напитка внушал оптимизм и надежду, что все как-нибудь образуется. Может, Фонтерой еще успокоится. А уж я приложу все силы, чтобы вернуть пропажу!

Глава 3

Проживание в доме графа обернулось для меня еще одним недоразумением. Затребовав назад свою одежду, я получила вместо нее глухое темное платье с белым кружевным воротничком. Почти такое же, как у горничной.

– Что это? – с ужасом спросила я. – Это мне?!

– Распоряжение его светлости, – развела руками Агата. – Он сказал, что в своем доме не потерпит никаких девиц в мужской одежде.

Вместо утраченного плаща я получила добротную темную накидку, невзрачную коричневую шляпу и крепкие башмаки. Все это вместе составляло приличный наряд девушки из небогатой семьи, то есть было практичным, скромным и невероятно унылым.

– Его светлость, видимо, плохо представляет себе специфику нашей работы, – ворчала я, разглаживая складки ладонью.

Хороша бы я была в платье, когда мы брали Прыткого Джека! Разве у меня получился бы такой шикарный удар пяткой? Да я бы рухнула, запутавшись в юбках, сорвала операцию, насмешила ребят и разозлила Старика, вот и все. А в другой день, когда за мной гнался Барон с ножом в лапе? Помню, я тогда шестифутовый забор перемахнула не глядя, даром что сама росточком не вышла. Жить захочешь – еще не так взлетишь.

Но графу я этого объяснить не смогу, а пока мы не найдем амулет, его лучше не злить. Так что я безропотно облачилась в неудобное платье и спустилась вниз, в библиотеку, где уже ждал Нед. Он расхаживал туда-сюда и горел от нетерпения посвятить меня в подробности дела.

– Итак, наш таинственный вор практически не оставил следов в доме, – рассказывал Уолтер. – Снаружи мы следов тоже не нашли, тем более что в ту ночь сыпал снег.

– А вы, когда дежурили, никого не заметили?

В ту злосчастную ночь Нед, Фокс и Винс должны были следить за домом с другой улицы, со стороны черного хода.

– Ничего особенного. Незадолго до происшествия в переулке остановился экипаж, но он стоял там недолго. Из него вышел человек и постучал в дом напротив. Его спутник тоже вышел, вероятно, чтобы размять ноги. Я видел, как он прогуливался возле кареты. Никто из них не пытался проникнуть в графский сад, и уж тем более не подходил к дому. Потом они уехали. Еще до того, как тебя утащили в суд.

– А если у вора был сообщник в доме?

– Это я проверил в первую очередь. После того, как на него во второй раз напали на улице, граф рассчитал большинство слуг. Остались только трое. Во-первых, Батлер. Он совмещает обязанности дворецкого и камердинера. Очень предан хозяину, даже сейчас отказался его покинуть, хотя Фонтерой предложил дать ему денег, чтобы тот смог открыть свое дело. Мне кажется, они почти друзья, насколько это возможно между людьми из разных кругов. Во-вторых, миссис Бонс, повариха. Она служит Фонтероям не один десяток лет, хотя многие хозяйки в городе не прочь переманить ее к себе. Прекрасный кулинар, мастер своего дела.

М-м, это точно. Я вспомнила нежнейший пирог с яблоками, который мне довелось попробовать сегодня утром, и мечтательно вздохнула. Ответственно

заявляю: человек, который творит на кухне такие чудеса, просто не может быть преступником.

– Наконец, мисс Агата Доусон... – теперь мечтательные нотки прорезались в голосе Уолтера.

– Безусловно, она вне подозрений, – хихикнула я. – Поздравляю, у тебя хороший вкус.

– Мисс Агата Доусон, – терпеливо повторил Уолтер, толкнув меня локтем в бок. – Устроилась сюда два года назад, то есть, еще до того, как началась эта заваруха с амулетом. Миссис Бонс стоит за нее горой. Говорит, что у нее никогда не было такой ловкой и толковой помощницы.

Я задумалась. Все обитатели графского дома были на редкость порядочными людьми. Значит...

– Значит, остаются те джентльмены из экипажа, – вздохнула я. – Больше у нас нет никаких зацепок.

– Согласен, с жильцами из соседнего дома нужно поговорить. Что это за гости ездят к ним среди ночи? Пойду туда.

– Я с тобой.

Соседний особнячок, стоящий в тихом переулке, имел вид гораздо более скромный, чем графский дворец, но выглядел очень опрятно. Это был двухэтажный краснокирпичный дом с высоко торчащими каминными трубами, окруженный небольшим палисадником. Дворецкий, открывший нам дверь, напоминал уменьшенную и несколько более округлую версию Батлера. Выражение лица у них было абсолютно одинаковым. Вероятно, оно выдается вместе с ливреей при вступлении в должность.

– Чем могу служить, господа? – спросил он, осмотрев нас и почему – то задержав взгляд на мне.

– Чей это дом? – поинтересовался Уолтер.

– Мистера Мэллори, сэр.

– Он сейчас дома? – спросила я.

– сэра Теренса Мэллори? – одновременно воскликнул Нед. – Того самого Мэллори? Знаменитого путешественника?

– Да, сэр. К сожалению, хозяина сейчас нет, сэр.

– Позапрошлой ночью сюда приходил один джентльмен...

– Да, сэр. Он тоже спрашивал мистера Мэллори.

Отвечая, дворецкий почему-то снова пристально посмотрел на меня. Я вздохнула. По всему выходило, что странный ночной визит не имел отношения к краже...

– Кажется, у того джентльмена было дело и к вам, мисс, – вдруг добавил дворецкий.

– Ко мне?!

– Видите ли, сегодня утром он вернулся. Он сказал, что, вероятно, его будет искать "очаровательная зеленоглазая леди", и оставил вам письмо.

– Как он выглядел?

– Какое письмо? – одновременно спросили мы с Недом.

– Довольно высокий крепкий джентльмен, в темном плаще, с рыжеватыми усами и бородой, – ответил дворецкий и ушел в дом, вероятно, за письмом.

Мы с напарником изумленно переглянулись.

– Знать не знаю никаких рыжих джентльменов! – решительно заявила я.

– Борода могла быть и фальшивой. Потом он ее отклеит, плащ с накладками снимет – и никто его в жизни не узнает! – разволновался Нед.

Тут вернулся дворецкий, держа в руках конверт. На конверте не было ни имени, ни адреса. Я засомневалась:

– Да, но почему вы решили, что письмо адресовано мне?

Дворецкий горячо поклялся, что за семь лет, пока он имел честь здесь служить, я – первая зеленоглазая леди, переступившая порог этого дома. Он так настаивал, что мне пришлось-таки взять письмо. Распроцавившись с вежливым господином (который был явно рад от нас избавиться), и попросив его известить нас, если таинственный визитер объявится снова, мы с Недом медленно пошли обратно. Не утерпев, я распечатала письмо прямо на улице. Мы надеялись, что оно содержит какую-то разгадку, однако нам пришлось жестоко разочароваться.

– Здесь какая-то бессмыслица! – воскликнула я с досадой, прочитав текст два раза. – Больше похоже на дурацкую любовную записку. Вряд ли это нам поможет.

«В тайных садах нежданных встреч

Твой нежный взгляд хочу сберечь

Пытаюсь снова вновь и вновь

Ищу тайный смысл невнятных слов».[2]

Бросив взгляд на напарника, я заметила, что он смотрит на меня как-то странно. С нехорошим таким подозрением.

– Энни, – очень серьезно сказал Нед. – Поклянись мне, что ты действительно не имеешь отношения к краже амулета.

Это предположение возмутило меня до глубины души:

– Дьявольщина! Неужели ты думаешь...

– Я могу предположить, что твои старые знакомые из Доков или из Галереи Искусств были бы счастливы натянуть нос титулованной особе и умыкнуть амулет!

Галерея Искусств – это неприметный узкий тупичок в районе Кречи, за Старой часовней. Любой из обитателей этого гиблого квартала может легко и непринужденно избавить вас от кошелька, всего лишь справившись, который час. Или подделать вексель, так что не отличишь. Многие из этих милых людей действительно когда-то были моими хорошими друзьями.

– Нед! Клянусь тебе, что я здесь ни при чем!

Я чуть не плакала. Да, мое прошлое до встречи с мистером Тревором было небезупречно. Но с тех пор, как я работаю в магистрате, я ни разу не позволила себе спереть даже булку у разносчика! Неужели меня всю жизнь будут попрекать за старые грехи!

Уолтеру, кажется, стало меня жаль.

– Ну ладно, будет... – Он неловко обнял меня, погладил по плечу. – Не плачь, Энни, я тебе верю. Наверное, лучше не рассказывать графу об этом письме, – добавил он, понизив голос. – Он и так относится к тебе с подозрением.

Мы оба посмотрели на дверь графского особняка, и я вздрогнула, наткнувшись на угрюмый взгляд лорда Фонтероя. От страха у меня отнялся язык. Как долго он стоит там на крыльце? Что успел услышать?!

– Добрый день, господа, – резко сказал граф, спускаясь нам навстречу. – Надеюсь, я не помешал?

– Нисколько, сэр, – спокойно произнес Нед, выпустив мою руку. – Мы всего лишь расспрашивали жителей соседских домов о событиях той ночи.

– Рад видеть, что мисс Фишер сегодня чувствует себя лучше.

В темных глазах Фонтероя вспыхнули золотистые искры. Он стоял рядом, высокий и стройный, солнечный свет подчеркивал резкие черты его бледного лица и поблескивал в темных волосах. Я почувствовала, что меня словно затягивает в омут, а потом с изумлением услышала собственный голос, бубнящий невнятные слова благодарности.

– Надеюсь, вы оба присоединитесь ко мне за обедом, – сказал Фонтерой. – Я хотел представить вам своего друга.

Кивнув нам на прощание, он удалился. Только когда мы с Недом вошли в холл, отгородившись от графа прочной дубовой дверью, я смогла вынырнуть из омута и перевести дух. Положительно, этот человек-дракон действовал на меня гипнотически!

– Не забудь про обед, – напомнил Нед, бросив на меня озабоченный взгляд.

Мысленно застонав, я направилась на кухню, чтобы отдохнуть душой в обществе миссис Бонс и заодно подкрепиться перед предстоящим мне пугающим мероприятием. Уверена, что в компании лорда Дракона мне кусок в горло не полезет.

Глава 4

Стол в графской трапезной был сервирован роскошно. Белоснежная скатерть искрилась, как свежесвыпавший снег. Посреди стола в узорчатой вазе стоял пышный букет чайных роз. Суп в фарфоровой супнице источал бархатистую смесь ароматов, еще более обостривших наш с Недом аппетит, разгулявшийся после прогулки. Поблескивало столовое серебро. Хозяин дома был одет под стать окружающему его великолепию: щегольской сюртук из превосходного синего сукна, брюки безупречного покроя, полосатый жилет и тщательно повязанный галстук. Темные непослушные волосы были аккуратно стянуты в пучок тонкой лентой, из украшений на графе был только массивный золотой перстень с печаткой. Мы с Недом уселись за стол как деревянные, не решаясь лишний раз взглянуть друг на друга. Мне еще ни разу не приходилось обедать в такой помпезной обстановке.

К счастью, появившийся вскоре гость лорда Фонтероя рассеял всеобщую неловкость. Это был необыкновенный человек! Начать с того, что он опоздал на десять минут. Агата уже успела разлить суп по тарелкам, когда в столовую порывисто влетел щуплый пожилой джентльмен. Его пышные седые волосы топорщились, как пух одуванчика.

– Амброзиус, – представился он, тепло улыбнувшись мне и пожав руку Неду.

Глаза у него были удивительно яркие, чистого голубого оттенка.

Мистер Амброзиус – поэт, мистик и ученый, – отрекомендовал его граф.

– Скажи прямо: волшебник, – подмигнул странный гость, разворачивая салфетку и без церемоний принимаясь за суп. – Я узнал о твоей проблеме, мой мальчик, и прибыл в Уолбрук с первым же снегом.

– Эшентаун, – поправил Фонтерой. – Этот город уже давно называется Эшентаун.

– Вот как? – гость растерянно моргнул. – Значит, Большой пожар уже был?

– Да, всего лишь сотню лет назад, – заметила я, с интересом разглядывая старика. Он казался таким хрупким, будто в самом деле родился из снежной метели. У него было худощавое умное лицо, на котором легко вспыхивала улыбка, изящные кисти рук, и он носил старомодный сюртук такого узкого покроя, что втиснуться в него действительно можно было лишь с помощью волшебства. Или с помощью парочки крепких лакеев.

– У мистера Амброзиуса весьма своеобразные отношения со временем, – сказал мне Фонтерой.

– Да, для меня перейти из завтрашнего дня во вчерашний так же просто, как вам, мадемуазель, пройти из одной комнаты в другую. Я-то уже привык, хотя иногда это создает определенные неудобства. Как справедливо заметил один из мудрецов, время ничем не отличается от любого из трех пространственных измерений, кроме того, что наше сознание движется вдоль него[3], – с этими словами Амброзиус беззаботно улыбнулся и с аппетитом принялся за еду.

Он показался мне слегка сумасшедшим, но это было безобидное, обаятельное сумасшествие. Отдавая должное прекрасно приготовленным блюдам, он в то же время ухитрялся поддерживать беседу со всеми одновременно. Ему даже удалось разговорить застенчивого Неда, заставив его припомнить несколько случаев из сыщицкой практики. Обстановка в комнате теплела с каждой минутой. Даже наш грозный хозяин в присутствии мистера Амброзиуса внезапно превратился в почти приятного человека.

Конечно же, я опять все испортила неловким вопросом:

– Господин Амброзиус, ваше появление – это невероятная удача для нас! Если вы на короткой ноге со временем, может быть, вы согласитесь вернуться на сутки назад и взглянуть, кто похитил амулет позапрошлой ночью?

Взгляд Фонтероя сразу потух, и он угрюмо отвернулся.

– К сожалению, это невозможно, дитя мое, – мягко ответил волшебник. – Как ни парадоксально, но гораздо безопаснее перенестись на сто-двести лет вперед или назад, чем вернуться во вчерашний день!

– Но почему?

– Представь, что ты бросаешь в воду камень. От него пойдут круги, верно? Человеческая жизнь – это такой же камень, который оставляет след во времени. Лет через сто твои "круги" сгладятся, и ты сможешь навестить ту эпоху, никому не навредив и не вызвав опасных нарушений в хрупкой структуре бытия. Однако если ты переместишься в недавнее прошлое или будущее, последствия могут быть непредсказуемыми!

Я мрачно подумала, что некоторые недотепы вроде меня оставляют в кильватере такие буруны, которые не изгладятся и за сотню лет. Если, к примеру, разбуженный мной дракон разрушит половину Эшентауна.

– Но вы хотя бы сможете сделать новый амулет? – спросила я уже менее уверенно.

– Сделаю, что смогу, – заверил Амброзиус. – Это не так – то легко! Прежде всего, где мне раздобыть еще один драконий клык?

Мы все как по команде посмотрели на графа.

– Даже не надейтесь, – сквозь зубы процедил Фонтерой.

– Увы, человеческое сознание отступает перед мощью дракона, – вздохнул Амброзиус. – Так что попросить Кеннета, когда он превратится, пожертвовать

один из зубов на благое дело вряд ли выйдет. Обернувшись драконом, человек теряет разум и приобретает повадки хищного зверя. В летописях сохранилась история последнего дракона Альфреда, шестого графа Хатфорда, который, утратив самоконтроль, разрушил одну из башен своего замка Лусси и спалил полдеревни, прежде чем крестьяне отогнали его отравленными копьями. Таким образом он попался в ловушку проклятья, которое гласило, что если граф убьет человека, находясь в драконьем обличье, то навсегда останется драконом. Когда настало просветление, несчастный рыцарь ужаснулся тому, что на творил, и в отчаянии бросился с обрыва в реку.

– Вот дьявольщина! – невольно вырвалось у меня.

Фонтерой неодобрительно вздернул бровь:

– Я совершенно согласен с характеристикой, которую вы, мисс Фишер, дали моему несчастному прародителю, – холодно сказал он, – но был бы признателен, если бы вы потрудились выразиться более изящно. Вульгарные ругательства вам не к лицу.

Что?! От его замечания я вообще лишилась дара речи. Ругаться, значит, вульгарно! А спалить десяток невинных людей – это ничего, в порядке вещей?!

– Именно из зуба того дракона мой предшественник Мерлинус сделал амулет, – поспешно добавил волшебник, очевидно, желая желая уладить конфликт.

«Почему же он заодно не сделал запасной? – подумала я с возмущением. – Ведь зубов у того дракона наверняка хватило бы на целое семейство! Все-таки волшебники – удивительно непрактичные существа».

В этот момент в столовую вошла Агата с блюдом жареных куропаток, и манящий аромат нового кушанья заставил меня позабыть о других чудесах. Девушка ловко разложила по тарелкам жаркое с кукурузными оладьями, собрала ненужную посуду и бесшумно исчезла. Все это заняло у нее не больше двух минут. Я начала понимать, почему миссис Бонс так ценит свою помощницу.

– Что ты собираешься делать, Кеннет? – спросил Амброзиус, поливая оладьи соусом. – Уедешь в Горючий Камень?

– Нет, – резко ответил граф. – Сейчас идут важные переговоры с Сацилией. Я не могу уехать.

– Ах да, Сацилия... – Амброзиус помрачнел, однако воздержался от комментариев. Кажется, обсуждать политику за семейным столом здесь тоже считалось дурным тоном.

Мне было бы спокойнее, если бы потенциальный дракон убрался в свое родовое гнездо. От одной мысли, что над Эшентауном, покой которого я поклялась защищать, будет кружить огнедышащее чудовище, становилось не по себе. Я представила мощный старинный замок, словно вросший в скалу, с грудой камней на месте разрушенной башни после буйства, учиненного драконом Альфредом. Хотя ее наверняка уже отстроили заново. Мистер Амброзиус тем временем с сожалением оглядел стены гостиной, обитые бледно-желтым штофом, и бросил прощальный взгляд на бежевый ковер с гроздьями пышных цветов.

– Мне нравится твой вкус в отделке комнат, – вздохнул он. – Но, боюсь, пятна копоты на стенах и дыры в коврах не украсят эту изящную гостиную. Этот дом слишком хрупок для дракона.

Тут еще Нед подбросил дровишек в костер, озвучив наше с ним общее опасение:

– Мистер Амброзиус, – спросил он, нахмурившись, – а что если злоумышленник из ненависти к графу уничтожит амулет?

– О, сломать такую вещь еще сложнее, чем сделать, – отмахнулся волшебник.

– К тому же, я бы это почувствовал, – саркастически заметил Фонтерой. – Если кто-нибудь попытается распилить амулет или бросить его в огонь, меня ждет целый букет невероятных ощущений! Никакие пытки в Холодном доме [4] не сравнятся с этим!

Да уж, не позавидуешь. Я поспешно уткнула нос в тарелку, прячась от опасного блеска золотистых драконьих глаз и пытаюсь справиться с новым приступом вины. Остаток обеда прошел в тягостном молчании.

* * *

После того как лорд Фонтерой и мистер Амброзиус разошлись по своим комнатам, мы с Недом отправились на Коул-стрит, где мистер Тревор сегодня собирал "ищеек" на очередной совет. Оказавшись в знакомом кабинете, я с облегчением забралась на свое законное место – в оконную нишу, освещенную пламенем камина. Наконец-то можно было расслабиться! Я ужасно устала следить за каждым своим словом и жестом. Здесь, в логове "серых капюшонов", мы чувствовали себя как дома, не то что в чопорном графском особняке.

Нед присоединился к остальным сыщикам, которые постепенно рассаживались за дряхлым скрипучим столом. Тучная фигура мистера Тревора тонула в глубоком кресле, в вечерней полутьме кабинета иногда вспыхивал огонек его трубки. Хаммонд, выглядевший сегодня почти стариком, устроился в углу рядом со шкафом, набитым растрепанными, замусоленными книгами. Хаммонд был, что называется, сыщиком "старой школы". Казалось, вся его энергия была направлена на то, чтобы не дай бог не сделать чего-нибудь лишнего, не перетрудиться. А потом, совершенно убедив всех в своей никчемности, он вдруг изрекал из своего угла нечто такое, что заставляло взглянуть на проблему под новым углом. В этом человеке таилась бездна пронизательности.

Рядом с Хаммондом, придвинув ногой деревянный табурет, уселся Фокс. Эти двое составляли изумительно контрастную пару. На Хаммонде любой, даже новый сюртук спустя полчаса приобретал мятый и тусклый вид. Фокс, изящный и подтянутый, сделал бы честь любому клубу на улице Святого Дживса, где обычно проводили время городские щеголи. Мое появление отчего-то очень его обрадовало:

– С днем рождения, Коза! – весело воскликнул он.

– До моего рождения еще целых три месяца, – буркнула я, хотя сама не знала точную дату. В приюте мне сказали только, что это было зимой. Редко кто из детей-сирот мог похвастаться интересными фактами из своей биографии. Например, мне дали фамилию Фишер, так как от корзины, которая служила мне временным пристанищем, нестерпимо воняло рыбой.

– Вчера ты, считай, второй раз родилась, – добавил Фокс более серьезным тоном. – Ты забыла главную ищейскую заповедь: не совать нос, куда не следует, а это правило не из тех, что можно нарушить дважды. Тебе крупно повезло.

Вспомнив про ноющую шишку на голове, я мысленно согласилась. Дей-

ствительно повезло, спасибо густой шевелюре. К счастью, мистер Тревор не стал развивать эту тему. Он молчал, дымя трубкой, и по комнате расплывался уютный запах табака. На специальной подставке позвякивал крышкой тяжелый закопченный чайник. Долговязый Винс, пристроив на краешке стола свежую газету, резал крупными кусками принесенные пироги с бараниной.

– Отстань от девчонки, ей и так крепко досталось, – одернул он Фокса. – Лучше давай сюда кружки. А ты, Коза, не смущайся, садись поближе.

Фокс одним плавным движением стянул с полки несколько кружек и поставил их на столе. Его длинные изящные пальцы так и мелькали. Я подумала, что эти руки оченьгодились бы шулеру. Или фокуснику. Пламя в камине вдруг вспыхнуло ярче, осветив его худое бледное лицо и хмурые глаза, в которых на мгновение показалась застарелая усталость. Иногда мне казалось, что в прошлом Фокса скрывалось еще больше темных пятен, чем в моем.

Мистер Тревор, не торопясь, вынул изо рта трубку, прочистил ее и убрал.

– Что сделано, то сделано, – сказал он. – Амулет пропал, значит, будем искать вора.

Винс разлил по кружкам горячий чай. Тревор, подумав, достал из стола специальную бутылку, появление которой ищейки встретили радостным трепетом. В каждую кружку наш шеф плеснул по глотку рома. Значит, совещание будет долгим.

– Странно, что на графа Хатфорда ополчились только сейчас, – заметил Нед. – Вот если бы десять лет назад!

Все согласно загомонили. Десять лет назад похождения юного Фонтероя давали обильную пищу для светского злословия и газетных сплетен. Светский хлыщ, равно удачливый и в любви, и в картах. Наследник приличного состояния. Непревзойденный дуэлянт, умеющий попасть в очко карты со ста шагов даже после грандиозной попойки. Дамский угодник, которому не могла отказать ни одна женщина. Справедливости ради, следует заметить, что от невинных девиц Фонтерой старался держаться подальше, а их целеустремленных мамаш и вовсе избегал так ловко, что твой кот. Он предпочитал иметь дело с женщинами другого склада, понимающими правила игры.

Таким образом юный лорд развлекался несколько лет, однако затем, после смерти отца и старшего брата, внезапно остепенился. Перестал отстреливать приятелей на дуэлях, занял положенное ему кресло в парламенте и, кажется, даже собирался жениться. В общем, к нынешнему времени, достигнув почтенного возраста тридцати лет, лорд Кеннет Фонтерой считался вполне уважаемым членом общества.

Тревор поднял руку, и все тут же умолкли.

– Мне дали понять, – веско сказал он, – что здесь, возможно, замешана политика.

Фокс приглушенно выругался, остальные тоже заворчали. Только я сидела тихо, как мышь. Моя лепта на совещаниях состояла в том, чтобы помалкивать и снимать нагар со свечей. Но я не хуже других понимала, что политические дела – самая головная боль для сыщика. Это как болото, где под безобидной с виду травкой скрывается гниль и грязь.

– Там, – шеф многозначительно возвел глаза к небу, – обстановка сейчас не из лучших. Треклятые лягушатники после Второй Столетней войны совсем обнаглели. Недавно в Эшентаун приехал сацилийский посол, чтобы провести

переговоры. И я предполагаю, что внезапное появление дракона на заседании парламента отнюдь не улучшило бы ситуацию. Скорее привело бы к политическому кризису.

– Еще бы! – хохотнул Фокс, вероятно, представив себе перекошенные физиономии парламентариев.

Признаться, я в политике разбиралась слабо. Из подслушанных разговоров можно было сделать вывод, что наше правительство в отношениях с ближайшими соседями придерживалось позиции виртуозного лавирования, поддерживая то одного, то другого конкурента, в зависимости от своей выгоды. В последнее время, когда Сацилия, отделенная от нас лишь узким проливом, набирала мощь на континенте, эта тактика перестала себя оправдывать. Мы теряли союзников одного за другим. Три года назад мы преподали сацилийцам серьезный урок у мыса Тарфаль, фактически размазав их флот по Джебельтарскому проливу. Теперь они готовились взять реванш.

– Это похоже на правду, – согласился Хаммонд. – Как сказал его светлость, амулет представляет ценность только для Фонтероев. Никто другой не смог бы его использовать. Конечно, драконий зуб – вещь дорогая сама по себе, но владельцы антикварных лавок клялись и божились, что никто им такого товара не приносил. И к графу с предложением выкупа никто не обращался. Значит, либо Фонтероя хотят извести политические противники, либо – кто-то другой из личной мести. Но тогда ненависть должна быть действительно впечатляющей. Интересно, кому он мог так насолить? Может, женщина? Отвергнутая любовница, брошенная невеста?

– Да какая же женщина станет ждать десять лет, чтобы отомстить? – недоверчиво спросил Тревор. – А сейчас Фонтерою не до волокитства. Я слышал, что он собирался объявить о помолвке с леди Клариссой Эмберли, но, возможно, теперь это дело придется отложить.

Тут Хаммонд снова нас удивил, высказав неожиданную мысль:

– Послушайте, но ведь в любом проклятье всегда оговаривается условие, как от него избавиться. В этом и заключается принцип проклятья. Разве я не прав?

– О да, – невесело усмехнулся Тревор. – Все как в легендах: проклятье будет снято, если найдется невинная девушка, которая полюбит злосчастного графа, несмотря на его дурной нрав и привычку плевать огнем, в буквальном смысле.

– Тогда, может, ему наоборот стоит ускорить помолвку?

– Леди Эмберли ничем не поможет его светлости. Она, понимаете ли, вдова. И вряд ли лорд Фонтерой согласится заменить невесту на одну из дебютанток этого сезона. Он все-таки не изверг.

«Да уж, – подумала я, – нам в особняке на Гросвен-стрит только обморочных девиц сейчас не хватает! И так проблем выше крыши!»

Фокс, некоторое время хитро посматривавший на меня, вдруг засмеялся:

– Слушайте, а если Энни?... Это ведь из-за нее уплыл амулет, вот пусть и отдувается! Слышь, Коза, не хочешь стать графской возлюбленной?

– Давайте-ка без шуток, – поморщился Тревор, а мне почему-то кровь бросилась в лицо.

– Нет! – припечатала я. Вышло неожиданно звонко. – И вообще, знали бы вы, что мне приходится терпеть в его доме!

Ребята притихли, Нед удивленно поднял брови, а мистер Тревор насторожился:

– В каком смысле? Неужели его светлость позволял себе... вольности?

– Что?! – я вспыхнула. – Нет, чума его побери, наоборот! Наш клиент, оказывается, респектабелен, как священник. Чертыхаться при нем нельзя, штаны носить нельзя, даже упоминать о них – и то неприлично!

– Ах, вот оно что, – успокоился шеф, отмахнувшись от меня, как от мошки. – Ничего, тебе будет полезно немного улучшить свои манеры.

Остальные при этом тихо хихикали, так что мне оставалось лишь мысленно кипеть от злости.

– Пока что наша единственная зацепка – те таинственные ночные гости, которые приезжали к мистеру Мэллори незадолго до ограбления, – сказал Нед, несомненно, желая вернуть беседу в более конструктивное русло.

– Карета у них была непростая, – поддержал его посерьезневший Фокс. – Не наемный кэб. Это был здоровенный фаэтон с высоким сиденьем и огромными задними колесами. Такой экипаж не каждый день увидишь. И тот человек, который беседовал с дворецким, был явно иностранец. Говорил-то он по-нашему, но звучало чудно.

– Можно подумать, ты у нас такой полиглот, что иностранца по говору отличишь! – усмехнулась я, все еще расстроенная насмешками шефа. Кроме того, я терпеть не могла, когда Фокс начинал умничать.

– Не, «полиглот» у нас – это Винс. – Фокс с нарочитым ужасом покосился на Винса, который приканчивал уже третий кусок пирога и тянулся за четвертым. – А я просто опытный. Если долго отираться в порту, то поневоле нахватаешься разных акцентов: ведь мисниец говорит не так, как сац依лиец, а норвейцев и вовсе отличить не проблема, те говорят – словно кашу жуют.

– Что ж, попробуем отыскать эту карету, – подытожил Тревор. – Хаммонд, вы с Винсом завтра прогуляетесь по улице Святого Дживса и пойдете в Серпен-парк, где любят раскатывать всякие модники. А Нед с Фоксом подежурят возле банка и в деловых кварталах.

Я, конечно, заметила, что меня Тревор обошел своим вниманием. А все из-за моего промаха! Да и то злосчастное письмо, которое, по мнению дворецкого Мэллори, было адресовано мне, тоже послужило поводом для недоверия, будь оно неладно! Я уже почти открыла рот, чтобы возразить или объяснить, как вдруг мою ушибленную голову посетила светлая мысль.

По всему выходило, что недоброжелатель Фонтероя – человек из общества, и пари держу, что сам он не полез бы в чужую спальню. Значит, нашел исполнителя. В Доках или в Кречи – бедняцком районе в юго-восточной части города – это несложно. Там всегда можно сыскать ловкача, который за достойную плату притащит вам хоть дьявола из преисподней. А уж если такого человека смог найти лордик из приличного общества, то угадайте, за какое время найду его я, прожившая в Кречи шестнадцать лет?

Пока другие ищeyки обговаривали детали, я сидела очень тихо, стараясь ничем не выдать своего вспыхнувшего энтузиазма. Интересно, что они запоют, когда на следующем совещании я выложу им имя заказчика? Пусть Нед с ребятами ищут свою карету. А мне пора освежить в памяти несколько старых знакомств.

Глава 5

На следующее утро, после завтрака, мне не составило труда сослаться на больную голову и вернуться в нашу с Агатой чердачную каморку. Выждав, когда Нед скроется с горизонта и освободит путь, я рывком соскочила с постели. За окном, увы, моросило. Снег, выпавший три дня назад, давно превратился в грязную коричневую кашу.

С платьем для прогулки сразу возникли затруднения. Не могла же я появиться в родном притоне в образе благообразной сиротки! Мало того, что мои старые приятели надорвут животы от смеха – это еще полбеды! Хуже будет, если я в таком виде попадусь какому-нибудь пьяному матросу. Тогда уж точно проблем не оберешься.

Насколько я помню, в узком платяном шкафу, стоящем в углу комнаты, мне попадалась какая-то старая рухлядь. Воспользовавшись отсутствием Агаты, я прокралась к шкафу и по локоть запустила руки в его темное нутро, пахнувшее лавандой. Мне повезло. Под стопкой накрахмаленных нижних юбок действительно обнаружился сверток с мужским платьем: узкие панталоны и сюртук. Все лучше, чем ничего!

Я как раз приложила к себе панталоны, когда дверь внезапно распахнулась, и на пороге появилась Агата. Увидев меня, она замерла. На ее щеках вспыхнули алые пятна, а в глазах на миг блеснула настоящая ярость.

– Это вещи моего покойного брата, – произнесла она сдавленным голосом. – Отдай! Да как ты посмела!

– Я... я ни за что не взяла бы их без спроса! – даже заикаться начала от испуга. Вот уж не ожидала, что милая, веселая Агата умеет превращаться в такую фурию! – Я как раз хотела попросить у тебя, нельзя ли одолжить эти вещички на часик...

– Зачем? – грозно спросила девушка.

Волнуясь и путаясь, я принялась рассказывать: о своей оплошности позaproшлой ночью, о горячем желании найти похитителя. Слово за слово, пришлось рассказать и о письме. Агату оно заинтересовало. Достав из-под подушки тощую картонную папку, я вытащила конверт.

– Ты умеешь читать? – спросила я с интересом, глядя, как долго она вертит письмо в руках.

– Не слишком, но достаточно, чтобы понять, что ты не врешь.

– Пожалуйста-пожалуйста, – я умоляюще сложила руки, изобразив на лице крайнее раскаяние, – мне ужасно жаль, что из-за меня его светлость оказался в таком сложном положении! Я хочу все исправить. Быстренько сбегая кое-куда, все разузнаю и вернусь. Никто даже не заметит!

– Хм, ладно. – Агата, улыбнувшись, сменила гнев на милость. – Ради такого дела разрешаю.

– Спасибо! – от души поблагодарила я ее. – Только, чур, Неду ни слова!

Пока она не передумала, я быстро скинула платье и натянула сюртук. Потом кое-как запихала волосы под изношенную кепку, кубарем скатилась с лестницы и... угодила прямо в объятия лорда Фонтероя.

– Далеко собрались, мисс Фишер? – поинтересовался он с какой-то вкрадчивой интонацией.

– Только на минуточку, – промямлила я, проклиная себя за лишнюю спеш-

ку. – Хочу... э-э... навестить кое-кого в городе.

– Судя по вашему изысканному туалету, этот «кто-то» проживает в законченных трущобах за Товерским мостом? Или возле причалов?

Я попыталась бочком проскользнуть к двери, но меня остановила железная рука. Дверь в глубине холла теперь казалась недостижимой.

– Признайтесь, мисс Фишер, – щекотно прошептал граф мне в ухо, – что именно вы в ту ночь украли амулет, а теперь хотите встретиться с сообщником!

– Нет у меня амулета, хоть обыщите! – гневно вскинулась я.

Фонтерой смотрел словно сквозь меня, и опасный блеск в его глазах разгорался все ярче. От подступившей паники по спине пробежали мурашки. Что если он действительно вздумает меня обыскать?!

– В этом нет необходимости, – наконец ответил он. – Я пойду с вами.

– Да ни за что!

Пять минут спустя я смиренно сидела в кресле, пила чай, принесенный Агатой, грызла орехи и терпеливо ждала, пока камердинер подберет графу костюм, подходящий для визита в трущобы. Невозмутимость мистера Батлера была поистине бесподобна. Он отбирал вещи столь же тщательно, как если бы готовил своего хозяина к посещению званого ужина.

Я восхищалась камердинером и одновременно удивлялась своей покладистости. Понятия не имею, как Фонтерою удалось меня переубедить. Это все драконий гипноз.

Вскоре граф предстал передо мной преобразившимся. Я постаралась скрыть скептическую усмешку. Даже в засаленном сюртуке, с растрепанными волосами и в бриджах, заляпанных опилками (молодчага Батлер не упустил ни одной детали), Фонтерой все равно выглядел как самый расфранченный ферт. Осанка, жесты, взгляд – его выдавало все. Эх, придется постоянно быть начеку, не то нас обоих пустят поплавать по Тессе без лодки!

Накинув на плечи старое коричневое пальто омерзительного вида, Фонтерой неодобрительно покосился на мой тощий сюртучок.

– В этом вы простудитесь насмерть. Батлер!

– Ох, да будет вам! Не сахарная, не растаю! – пробурчала я, досадуя не столько на очередную задержку, сколько на то, что мой продуманный план летел ко всем чертям.

На мое счастье, волшебник Батлер извлек откуда-то толстенный матросский свитер, пропахший дешевым табаком. Зато это одеяние был теплым и, подозреваю, в критической ситуации могло заменить легкую кольчугу. Таким образом, сборы были окончены, и мы с графом, двое оборванцев, покинули элегантный особняк, окунувшись в промозглый туман эшентаунских улиц.

* * *

Чтобы добраться до Товерского моста, мы наняли кэб. Дальше придется идти пешком. В грязные кварталы Кречи ни один кэбмен не сунулся бы ни за какие коврижки, да и не всякая улица там способна вместить в себя экипаж. Темные кривые улочки этого района больше походили на норы, прорытые в куче мусора безумным пьяным кротом. Их словно нарочно создали для того, чтобы без помех обстрипывать грязные делишки и уходить от погони. "Ищейки" Тревора навещали Кречи только в исключительных случаях, предоставляя местным жителям возможность самостоятельно справляться с мелкими

кражами и разбоем. Драки множились там, как плесень. Поножовщина была обычным делом. В общем, то еще местечко.

Кэб, покачиваясь, гулко отстукивал ритм по просторной набережной Тессы. Над рекой висел густой мокрый туман, в сером мареве которого тонули дома и деревья. Эшентаунский туман был поистине вездесущ. В северо-западной части города он заботливо укутывал богатые белокаменные особняки, придавая таинственность небольшим уютным площадям; в порту он с удовольствием клубился между мачтами и прибрежными отбросами. Туман окрашивал улицы в разные оттенки серого и коричневого. Даже свежевыпавшему снегу в Эшентауне удавалось сохранить свой белый цвет не больше часа. А то меньше, если работали кирпичные заводы.

На мосту туманные клочья слегка разгонял ветер. Река, величественно темневшая внизу, сегодня походила на призрачную преисподнюю. Ее широкая лента неумолимо отделяла благопристойные районы и деловые улицы от бедных кварталов, не слишком благоприятных для вашего здоровья. Неподалеку на Собачьем острове виднелись мрачные приземистые здания складов. Пахло сыростью и чем-то гнилым.

– Чувствую себя сейчас как в лодке у Харона, – пошутил Фонтерой, облокотившись на перила.

Я понятия не имела, кто такой Харон, но, судя по тону моего спутника, знакомство с ним не предвещало ничего хорошего.

– А я как в гондоле воздушного шара, висящего среди туч. Мне всегда было интересно, каково это – поплавать наперегонки с облаками!

Один раз мне довелось видеть запуск воздушного шара, и это зрелище останется в моей памяти навечно. Огромный цветной купол занимал полнеба, висевшая под ним гондола с суетящимися человечками казалась совсем крошечной. Вот где настоящее волшебство! Куда уж там мистеру Амброзиусу!

Фонтерой взглянул на меня с искоркой интереса:

– Если хотите, могу устроить для вас такую прогулку.

Это было слишком прекрасно, чтобы быть правдой, так что я пропустила его обещание мимо ушей. Нет ничего опаснее, чем позволять пустым мечтам сбить тебя с пути. Для начала было бы неплохо сегодня вернуться целыми и невредимыми. Я сочла нужным предупредить своего спутника:

– Мне нужно навестить в Кречи одного человека. Он наверняка знает, не получал ли кто из местных заказ на кражу необычного амулета. Только, пожалуйста, будьте осторожны! Это вам не прогулка по Бонд-стрит!

– Не беспокойтесь, – усмехнулся граф. – Держитесь ближе ко мне, и все будет в порядке.

Что? Вообще-то это я должна была сказать! Я присмотрелась к Фонтерою, насколько позволял туман. Поразительно, но стоило ему пересечь мост, как он неуловимо изменился – словно острый кинжал вынули из бархатных ножен. Изящный холеный аристократ остался в особняке. Рядом со мной шел совсем другой человек, от которого ощутимо веяло опасностью. В мою бытность Стрекозой я обходила таких типов по широкой дуге.

Сразу от моста начинался Кривой переулок. Это была узкая и порядком загаженная улица с неровной булыжной мостовой. Редкие прохожие старались незаметно прошмыгнуть мимо опасного места. Тень тюрьмы угрожающе нависала над этим районом. У нас говорили так: «от Кречи до Табрена[5] недале-

че». И, действительно, карьера многих здешних обитателей закончилась на табренской виселице. Я была редким исключением.

Везение не раз меня выручало. В шесть лет я самовольно покинула приют, где из воспитанников умирал каждый пятый, счастливо избежала холеры и прочих напастей, например, торговцев детьми. Потом меня подобрал Ушлый Гарри и обучил всяким штукам. Наконец, моей последней удачей было, когда мистер Тревор, поймав меня на горячем, почему-то не отправил в рабочий дом, а оставил при себе. Не сразу, конечно. Пришлось приложить для этого массу усилий.

Именно Ушлого Гарри – вернее, мистера Гарри Бобарта – я и собиралась навестить. Он жил недалеко от продуктового рынка. Его дом знали все. Деловые люди со всего квартала тащили ему всякую рухлядь, нажитую несправедливым трудом, и всегда могли рассчитывать на справедливую цену. У мистера Бобарта все шло в дело. Украшения переплавлялись и сбывались знакомым ювелирам, с одежды спарывались метки и отчищались подозрительные пятна, а затем преобразованные вещи тихо покидали обитель Бобарта через черный ход. Я хорошо помнила запасную дверь в кухне. Низенькая, вся залепленная грязью и запертая на всякий замок, она выглядела так, будто ее сроду не открывали. Однако на самом деле петли были всегда тщательно смазаны, а с заднего двора ловкий человек мог двумя узкими переулками выйти прямо к реке и в пять минут добраться до причалов.

В общем, дом Ушлого Гарри был своего рода шлюзом для вещей, которым давалась вторая жизнь, а иногда и для людей, которым требовалось срочно скрыться. Эти господа не скупилась на ответные услуги, причем платили Гарри не только деньгами. Информация – тоже товар, особенно если знать, кому и когда ее предложить.

За два дома от жилища Бобарта находился трактир «Синий якорь», привнесший в затхлую атмосферу нашего квартала нотку разухабистого веселья. Я с ностальгией узнала знакомую вывеску. Час был еще ранний, так что пока здесь царил затишье. Перед входом на старых ящиках и свернутых канатах расположилась стайка парней и девчонок. На пузатой бочке перед ними стояло несколько кружек. Как обычно, ребята убивали время в ожидании темноты и начала той самой работы.

– Лопни мои глаза, это ж Стрекоза Энни! – вдруг послышался вопль.

Я вздрогнула. В разбитной девице, вскочившей на ноги, мне почудилось что-то знакомое. Неужели это Плакса Глэдис? Но как она переменилась! Я помнила ее совсем другой. Когда-то Глэдис была моей близкой подругой. Пепельные локоны, наивные голубые глаза – ни дать ни взять ангелочек, стукнутый по голове чем-то тяжелым. Сейчас наивности в ее выражении лица побавилось, начесанные волосы сбились в колтун, и, когда она подошла ближе, меня чуть не сбило с ног густым ароматом дешевых духов. Черт, таким запахом можно валить деревья!

И все равно я была рада видеть ее живой. Я обняла подругу со смешанным чувством радости и неловкости.

– Смотрю, ты процветаешь! – улыбнулась Глэдис щербатым ртом. – А то про тебя разные слухи ходили! Болтали, что ты сиганула с Ясеневого моста или что тебя сцапали «серые»...

– Энни не так-то легко убить, – вклинился Фонтерой.

– Можешь ему поверить, он уже пробовал, – хмуро подтвердила я. Мне не понравилось, что Глэдис тут же принялась строить глазки моему спутнику. Ох, знала бы она, с кем имеет дело!

– Меня звать Крафт. Кеннет Крафт, – представился граф, немало меня удивив. Но его следующие действия поразили еще больше: улыбнувшись, он приобнял Глэдис за плечи и что-то шепнул ей на ухо. В воздухе мелькнула блестящая монета – и тут же исчезла у Глэдис за корсажем. Не требовалось большого ума, чтобы сообразить, о чем они договаривались. Среди парней, толпившихся у трактира, раздались понимающие смешки.

Я вдруг ощутила, что мне не хватает воздуха. И это называется джентльмен! Джентльмен, который вот-вот собирается жениться на леди! Правду мне когда-то говорила Рут: все они одинаковы!

Чуть не ослепнув от ярости, я резко дернула Фонтероя за руку:

– Нам пора!

Тут, правда, возникло неожиданное препятствие. Местные трактирные забияки не собирались так легко нас отпустить. Четверо парней словно ненароком встали так, что загородили почти весь проход, и вид у них был довольно угрожающий. Фонтерой снова обезоруживающе улыбнулся:

– Почему бы нам всем не выпить портера за счастливое возвращение Энни? Я угощаю, – сказал он, припечатав к доньшку бочки новенький шиллинг.

Это их отвлекло. Блестящая монета упала перед ними, как шмат мяса посреди псарни. Пока они переглядывались, я поспешила увлечь Фонтероя в слякотную темноту переулка.

– Ты очень забавная, когда сердисься, – шепнул Кеннет спустя некоторое время, когда трактир остался позади и нас окружало только уличное зловоение.

На языке вертелась сотня колючек, которые мне не терпелось вонзить в его драконью шкуру, но мы уже очутились перед знакомым крыльцом, так что времени на ссоры не оставалось. Я ограничилась тем, что бросила на попутчика испепеляющий (как я надеялась) взгляд. Затем постучала в дверь условленным образом.

Чей-то глаз внимательно осмотрел нас сквозь крошечное отверстие. П слышался скрежет отпираемого замка, и на пороге возник мистер Бобарт собственной персоной.

– Энни, дорогая! Какими судьбами?

Он широким жестом пригласил нас войти, не забыв, однако, тщательно запереть дверь. Я чуть не со слезами оглядела знакомую до последней мелочи кухню. За два года здесь ничего не изменилось. Так же уютно светились угли в очаге. В углу торчала старая плита, которая при необходимости легко превращалась в горн для переплавки золотишка. На стенах висели пожелтевшие вырезки из журналов, а в клетке попискивал Сверчок – любимая канарейка Рут.

Голос мистера Бобарта звучал уже из глубины комнаты:

– Рут! Ты глянь, кто к нам пожаловал!

Послышались торопливые шаги, и в комнату, откинув занавеску, вошла моя приемная мать. Признаться, после встречи с Глэдис я ждала ее появления с некоторым трепетом, но миссис Бобарт оказалась точно такой, как я ее помнила: веселой, крепкой и неунывающей. Ее темные волосы задорно кудряви-

лись, выбиваясь из-под чепца, а руки были все так же красны от бесконечных стирок.

– Боже мой, Энни! Жива и здорова! Чудо господне!

Она засмеялась и обняла меня, в то же время оглядывая проворными карими глазами, словно прикидывая, какую выгоду из меня можно извлечь. Рут Бобарт привыкла извлекать пользу из всего, что попадало к ним в дом через парадную дверь. Я не сомневаюсь, что они с Гарри оба меня любили – по-своему, как умели. Просто в Кречи все человеческие чувства искажались, словно в кривом зеркале, превращаясь в свои уродливые подобия.

Я коротко познакомила их с Кеннетом, который снова представился Крафтом, и мы уселись пить чай перед камином, болтая о пустяках. Мистер Бобарт поначалу косился на Кеннета с подозрением и осторожничал, как старый лосось. К счастью, люди не зря изобрели сотни безопасных тем для разговора. Мы последовательно обсудили необычайно теплую зиму, планируемый снос трущоб за Старой Часовней, работу благотворительных обществ и рост цен на сахар. Только после этого я отважилась спросить о том, что нас действительно интересовало.

– Не заходил ли к вам кто-нибудь из Галереи Искусств? Я бы охотно повидалась с Хамфри или Чарли Обрубком, если он еще жив.

Ушлый Гарри снова нервно бросил взгляд на Кеннета.

– Крафта можешь не опасаться, он свой, – сказала я уверенным голосом. – Ходят слухи, что в Галерее запахло серьезными деньгами, если ты понимаешь, о чем я. Ради такого я бы, пожалуй, даже вернулась.

Рут в это время собирала на поднос посуду. Позвякивание чашек выдавало ее нервозность.

– Может, Фил из "Шипучего кота" что-то знает, – сдался наконец мистер Бобарт. – Ко мне никто из них не приходил. Я вообще давно никого не видел из Галереи.

Знакомая присказка: "ничего не видел, ничего не знаю, меня там вообще не было". Прямо ностальгией повеяло. Вместе с тем я понимала: даже если Ушлый Гарри что-то слышал, больше мы из него ничего не вытянем.

– Не ходи к Филу сегодня! – взволнованно сказала Рут. – Темнеет уже, а район там опасный.

"Не опаснее, чем здесь", – подумала я. Хромой Фил держал трактир за две улицы отсюда, недалеко от скотобоен. Коты у него действительно не переводились, так как со скотобойни постоянно набегали крысы. Мистер Бобарт не раз предлагал ему завести терьера, но Фил оставался верен мурчащему полосатому племени.

– Не волнуйтесь за Энни, – широко улыбнулся Кеннет. – Она же со мной.

Я бросила на него предостерегающий взгляд. Ох, чувствую, его позерство еще выйдет боком!

Вопреки опасениям, до искомого трактира мы добрались без приключений. В переулках стусилась темнота, кое-где зажглись редкие фонари. Один такой фонарь освещал вход в трактир, играя роль путеводной звезды для пьяниц. Это заведение было почище, чем "Синий якорь", но без модных наворотов в виде начищенных медных деталей и висящих над стойкой окороков. В стены прочно въелся запах жареной рыбы. Полутемная коричневая зала была разгорожена на отделения, напоминавшие конюшенные стойла. В недрах

трактира громоздились тяжеленные бочки с выжженными клеймами. На краю стойки дремал полосатый котяра, изредка оглядывая подшефное помещение одним желтым глазом. Прищур у него был не хуже драконьего. Проходя мимо, я погладила кота, и тот в ответ заурчал, как гравийная дробилка.

Посетителей было мало. Из-за одной перегородки доносилась болтовня рыбаков да за дальним столиком дремала какая-то куча тряпья. Возле стойки царила безмятежная пустота. Фил, как обычно, занимался тем, что полировал грязный стакан таким же замаранным лоскутом.

– Давненько тебя не видел, – ослабилась он мне.

– Пива и рюмку миндального ликера для леди, – провозгласил Кеннет, бросив на стойку несколько пенсов. Фил хмыкнул, кот приоткрыл один глаз, а я наступила Фонтерою на ногу, тем самым намекнув, чтобы он не выходил из образа. Миндальный ликер, о господи! Вряд ли когда-нибудь дорогой ликер переступал порог этой харчевни, не говоря уже о "леди"!

Все-таки Фил отыскал два стакана почище и разлил по ним жидкость, о происхождении которой лучше было не задумываться.

– Интересные люди забредают иногда в наш тихий уголок, – подмигнул он.

– Я как раз ищу кое-кого, – доверительно шепнула я, пользуясь тем, что Фила пока не одолевали посетители. – Человека с необычными запросами. У нас есть к нему... предложение.

Трактирщик повел плечом, настороженно зыркнув по сторонам.

– У меня многие перебивали, всех не упомнишь...

К горке мелочи на стойке словно по волшебству добавились два серебряных кружочка. На лбу Фила выступил пот.

– Ладно, был один тип, – признался он. – Давно, еще осенью. Месяца три назад. Настоящий джент, сразу видать, солидный, рыжебородый. Он искал ловкого парня, который не забоялся бы поработать в чистых кварталах за рекой. Я сразу подумал о тебе, Стрекоза, – тут Кеннет за моей спиной издал короткий смешок, – но ты же вроде отошла от дел?

– Похоже, в этом деле я погрязла по самые уши, – пробурчала я. – Слушай, если этот рыжий «джент» вернется, будь добр, шепни словечко Ушлому Гарри.

Фил серьезно кивнул:

– Не беспокойся. Только будь осторожна. Сама понимаешь, парни вроде него не любят, когда о них принимаются расспрашивать.

Между тем трактир продолжал жить своей беспечной жизнью. Я заметила, что ветхая куча тряпья, сидевшая в дальнем углу, куда-то исчезла.

Туман на улице сгустился так, что идти приходилось наощупь. Тонувшие в грязи булыжники скользили под ногами. Мне не терпелось выбраться обратно к мосту. Постепенно крепло нехорошее предчувствие, и в каждой повороте мерещилось чье-то скользкое присутствие. Видно, правда, ничего не было, но жизнь чувствовалась. Каждый шорох наводил на зловещие мысли.

– Три месяца назад! – негромко заметил Фонтерой, вспоминая слова трактирщика. – Как раз в это время меня в первый раз попытались ограбить на улице!

– Дай бог не в последний, – пошутила я. – Мы слишком задержались. Даже «ищейки» не суются сюда после темноты!

Очертания домов совершенно растворились в плотных, удушливых сумерках. Откуда-то из речной дали донеслась унылая песня лодочника. Мы ускори-

ли шаг. Оступившись в очередной раз, Кеннет приглушенно выругался и остановился:

– Подождите! Я зажгу огонь.

– Лучше не надо, – поспешила возразить я, но было поздно. Темнота вокруг нас сгустилась и обрела очертания. Из удушливого мрака выступил еще один мой старый знакомец – Дэннис Хантер. За его спиной маячили двое. И, судя по шорохам, еще трое подбирались к нам с тыла.

Когда-то (боже, как давно это было!) я полагала, что влюблена в Дэнни. Теперь, оглядываясь назад, я понимала, что была тогда не в своем уме. Дэннис обладал броской внешностью и в карман за словом не лез, этого у него не отнимешь. Его проблема заключалась в том, что он постоянно был чем-то вроде тлеющей головни, готовой вспыхнуть от лишней кружки эля. Сейчас, судя по нездоровому блеску глаз, он находился в одном из худших своих состояний.

– Отойди-ка в сторонку, Стрекоза, пока мы потолкуем с твоим кавалером, – осклабилась бывшая любовь моей жизни. – Поговорим как мужчина с женщиной.

Его ухмылка мне совсем не понравилась.

– Я тоже рада тебя видеть. Не валяй дурака и дай нам пройти, – ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Иногда это срабатывало. Бывало, что Дэннис насмешливо пожимал плечами и демонстративно уступал, якобы не желая ссориться с вздорной девчонкой. «Но не сейчас и не в присутствии его дружков», – поняла я со страхом.

В следующую секунду в переулке вдруг стало еще темнее, словно на город внезапно упала ночь. Один из парней придушенно вскрикнул, у другого чуть глаза не вылезли из орбит. Даже на физиономии Дэнниса, искаженной от пьяного гнева, мелькнул проблеск здравомыслия. Сзади послышался шорох осыпающихся камешков и drobный топот, как если бы кто-то улепетывал со всех ног. Я отступила назад и неожиданно уперлась спиной в упругую колючую стену.

Мне не хватило храбрости, чтобы обернуться. Стена колыхнулась. И вдруг – столб огня по глазам, как солнце, ничего не видно, больно. Лицо и руки опалило жаром. Я зажмурилась, а когда снова открыла глаза, переулок был пуст. Каменная кладка медленно остывала, отсвечивая багровым. Тихо догорали обломки какого-то хлама, сваленного внизу. В одном месте кирпичи спеклись в глянцевую массу, от которой исходил сильный жар.

Я обернулась. Фонтерой стоял как ни в чем не бывало, скрестив руки на груди, только его глаза светились опасным золотистым огнем.

– Они смылись, – пожал он плечами с этакой ленивой небрежностью. – Однако нам лучше поспешить, пока эти бездельники не развели панику по всей округе.

Я шумно перевела дыхание.

– Да-да, ты прав.

С трудом подавив липкую тошноту, я заковыляла прочь из переулка, едва передвигая онемевшие ноги. Фонтерой вежливо предложил мне руку – пришлось сделать вид, что я ее не заметила. Ни за какие коврижки я не решилась бы сейчас к нему прикоснуться! Всю дорогу, сидя в кэбе, я старательно избегала его взгляда, а вернувшись в особняк, сразу зайцем метнулась наверх. Испуг перед пьяной компанией, подкараулившей нас в переулке, ни в какое сравне-

ние не шел со страхом, который теперь внушал мне граф Хатфорд.

Глава 6

Не помню, как я добралась до своей комнатки на чердаке. Пережитый ужас вылился в истерику, и я рыдала до икоты, вцепившись обеими руками в подушку. Перепуганная Агата натерла мне виски «венгерской водой», напоила травяным отваром и полночи просидела рядом, держа за руку.

Только под утро мне удалось забыться беспокойным сном, но облегчения это не принесло, так как во сне опять привиделся тот замок с белым ведром на стене. Наверное, он решил взять меня измором. Я снова пыталась спастись от дракона, рыскающего в сумрачном холле, и меня снова подстерегала на галерее таинственная ледяная чернота. Не понимаю, чего они ко мне прицепились?! Но хуже всего было то, что о наших с Фонтероем подвигах в Кречи прослышал Нед. На следующий вечер мистер Тревор созвал внеочередное собрание «ищеек», на котором меня заставили подробно рассказать о случившемся.

Ребята выслушали меня в мрачном молчании. Когда я дошла до описания огненной вспышки в переулке, Фокс даже присвистнул, а Хаммонд из своего угла сокрушенно покачал головой. Между бровей Тревоора залегла такая складка, что туда двухпенсовик можно было засунуть, и он бы не выпал.

Я оправдывалась как могла:

– Все сошло бы нормально, если бы нам не попался этот чертов Дэннис! Наверное, он был пьян.

– Даже если он был трезв, как стекло, готов поспорить, что сейчас его не оторвать от бутылки! – мрачно пошутил Нед. – После такого-то потрясения! И о чем ты только думала? Разве ты забыла, что рассказывал Амброзиус?! Если бы Фонтерой убил кого-то из этих прохвостов, он остался бы драконом навсегда!

Можно подумать, я силком затащила нашего графа в самые глухие трущобы! Он ведь сам захотел! Теперь я еще виновата в том, что дракон думает животом, а не головой!

Тревор перегнулся через стол, пригвоздив меня к спинке стула жестким взглядом:

– Надеюсь, ты понимаешь, что мне следовало бы вышвырнуть тебя отсюда, чтобы ноги твоей не было на Коул-стрит. С твоим легкомыслием и куриным пониманием сущности ищейкой работы! Знаешь, почему я этого не сделаю? Потому что у меня есть одно поручение, с которым можешь справиться только ты. Но если провалишь и это дело...

Старик ледяным взглядом молча дал мне понять, какая кара ждет меня в случае неудачи.

– И как ты могла подумать, что мы упустим из виду возможных сообщников нашего светского воришки? – вклинился Фокс. – Да мы проверили рабочие кварталы еще в тот день, когда ты лечила свой насморк в особняке на Гросвен-стрит! И выяснили, что рыжебородый тип, про которого упоминал Фонтерой, в последнее время в Кречи больше не появлялся.

Мне хотелось провалиться сквозь землю. Это что же получается, мои вчерашние старания, весь ужас, который мне пришлось пережить, – все было зря?!

– Задание тебе будет такое, – сказал мистер Тревор, одним движением бро-

вей отметя Фокса в сторону. – Нам удалось найти экипаж, очень похожий на тот, что торчал возле дома графа в ночь кражи. Он принадлежит сацилийскому послу. Послезавтра господин посол дает прием, и ты на нем появишься.

– Что? Я?! – вырвался у меня сдавленный писк.

– ...Послушаешь, кто с кем сплетничает и о чем. Проследишь, кто улыбается Фонтерою, и, что еще интереснее, с каким выражением смотрит ему в спину. Граф Хатфорд, разумеется, тоже почтит прием своим присутствием...

"Час от часу не легче!" – подумала я с возрастающей паникой. Почему-то вероятность опозориться в глазах Фонтероя пугала меня гораздо сильнее, чем насмешки его высокородных друзей.

Тревор же невозмутимо продолжал:

– ...Но он человек заметный, ему за другими приглядывать несподручно. Ты же – другое дело. По легенде ты – Энни Фишер, его нищая кузина, которую граф Хатфорд взял под опеку и временно приютил у себя. Изобразишь бессловесную застенчивую дурочку, впервые попавшую в блестящее столичное общество. Полагаю, на это у тебя ума хватит. Ну же, Энни, что за испуганный вид? Я ведь знаю, что твой бывший приемный родитель научил тебя, как отличить лопаточку для рыбы от десертной ложки. Больших умений от тебя не потребуется.

Ушлый Гарри обучал меня, чтобы потом использовать как наживку для джентльменов, искавших необременительных интрижек. Я же не дура, понимаю, для чего были эти уроки этикета и танцев. Меня готовили к роли легкомысленной мещаночки, достаточно вышколенной, чтобы джентльмен не постыдился прогуляться с ней в Серпент-парке, и достаточно незначительной, чтобы он мог позволить себе кое-какие игривые мыслишки, не опасаясь серьезных последствий. Вдруг я вспомнила ожесточившееся лицо Плаксы Глэдис, ее застывший циничный прищур, и содрогнулась. Улицы Эшентауна были безжалостны к молоденьким девушкам. Какая участь ожидала бы меня, если бы не вмешательство мистера Тревора? Его поручение по сравнению с грязными намерениями Ушлого Гарри было такой мелочью...

– Хорошо, я согласна. А лорд Фонтерой знает об этом сногшибательном плане? – поинтересовалась я не без ехидства. Как-то отреагирует лорд Дракон, когда узнает, что ему навязали такую замечательную "родственницу"?

Улыбка Тревора не предвещала ничего хорошего:

– Более того. Он сам его предложил.

* * *

Всю обратную дорогу до Гросвен-стрит Уолтер пытался убедить меня, что изобразить леди разок-другой – левое дело. Почему-то он был свято уверен в моих актерских способностях. Меня же слегка потряхивало, даже есть захотелось от страха. Жаль, не успела у Тревора урвать кусок пирога, пока Винс до них не добрался. Теперь-то придется изучить более изысканное меню: всякие там анчоусы (знать бы еще, что это такое), кремы и желе, – чтобы не попасть впросак на великосветском приеме. Ужин у посла, боже мой! Там ведь будут все сливки общества! Самые высокородные леди и джентльмены, образованные, блистающие изысканными манерами и остроумием... И тут из кустов появляюсь я, что называется, «из грязи в князи». Да меня же вмиг раскусят! Опозорюсь сама, опозорю лорда Фонтероя, подведу мистера Тревора... После этого останется только утопиться в Тессе. Может быть, я смогу отговорить графа от

этой безумной затее?

Однако стоило нам с Недом войти в холл, как я сразу поняла, что паниковать уже поздно. Лорд Фонтерой в наше отсутствие развил бурную деятельность:

– Я распорядился перенести ваши вещи в свободную спальню на втором этаже. Моя кухня, даже фальшивая, не может жить на чердаке вместе с горничной. До приема еще целый день, так что Амброзиус успеет дать вам пару уроков, чтобы вы не опозорились. В остальном – помалкивайте и положитесь на меня.

Я вздохнула. Ну конечно, наш лорд Дракон в своем репертуаре.

– Какие-то проблемы? – Фонтерой, явно куда-то спешивший, задержал на мне долгий взгляд.

– Нет-нет, что вы, сэр, я вам очень благодарна.

«Драконий гипноз» действовал безотказно.

* * *

Стылая зимняя ночь бродила за окнами, вымораживая их своим дыханием. В гостиной графского особняка на Гросвен-стрит сидели двое мужчин. Кеннет Фонтерой листал книгу, вольготно откинувшись в кресле и положив ноги на подставку для дров. Нед Уолтер любовался рубиновым блеском вина в бокале. Слуг уже отпустили, так что уютную тишину нарушал только треск поленьев в камине. Амброзиус на ночь глядя куда-то исчез. Через приоткрытую дверь Нед слышал, как тот в холле прощался с хозяином. Вероятно, отвечая на какой-то вопрос, он сказал: «Я думаю, пророчество следует толковать шире. Если в сердце есть любовь, ты останешься человеком, даже находясь в облике дракона...» Хлопнула входная дверь, по ногам потянуло сквозняком – и волшебник растворился в снежной метели.

Сейчас Нед испытывал неловкость, словно нарочно подслушал личную беседу. Чтобы избавиться от этого неприятного чувства, он подлил себе еще вина. Попытался представить, каково это – внезапно превратиться в шипастую тушу размером с дом с тлеющим сгустком огня в желудке. Брр! А человеку, сидящему напротив, совсем недавно пришлось пережить это на собственной шкуре! Мысленно вздрогнув, Уолтер снова потянулся за графином. Его весь вечер мучила одна мысль, и спустя полчаса и пару бокалов он наконец решился облечь ее в звук:

– Я не стал говорить этого при Энни, она и без того напугана, но вы уверены, милорд, что она справится? Нет ли у вас настоящей кухни, которой мы могли бы поручить это дело?

Лорд Фонтерой со вздохом отложил книгу:

– Из всех моих немногочисленных родственников я не знаю никого, кто в такой ситуации смог бы удержать язык за зубами. Недели не пройдет, как о моей проблеме будет судачить весь город.

– И все же я с трудом представляю себе Козу... то есть Энни в светской гостиной! Это все равно что слона запустить в фарфоровую лавку!

– Позволю себе заметить, Уолтер, вы настолько привыкли к своей напарнице, что не замечаете очевидных вещей. Взгляните на ее маленькие руки, на тонкие черты лица. Даже ее манеры, – тут граф невольно улыбнулся, – иногда поражают изяществом, когда она следит за ними. Как это ни удивительно, но мисс Фишер, безусловно, благородного происхождения. Где вы ее откопа... то

есть, откуда она?

Уолтер нахмурился:

– Боюсь, она родилась в одном из тех убогих мест, где благотворительность дает скромное убежище нищете. Проще говоря, Энни выросла в приюте. Она сирота, и до встречи с мистером Тревором ее воспитание было, хм, довольно своеобразным.

– Я пытался разузнать о ней у ее старинной подруги, – признался Фонтерой. – Кажется, ее зовут Глэдис или что-то в этом роде. Однако она знает не больше вашего. Это странно. Хоть какие-то слухи должны быть!

– Да, Старик... мистер Тревор в свое время тоже пытался что-то выяснить, но безуспешно.

В глазах Кеннета Фонтероя загорелся опасный огонек:

– Если мистер Тревор проявил такое участие к бедной девушке, неужели ему не пришло в голову отправить ее в школу вместо того, чтобы заставлять гоняться за преступниками?

– Как это не пришло! – возмутился Нед. – Старик подыскал ей отличный пансион. Я сам лично дважды ее туда отвозил! Но она возвращалась! После третьего побега Тревор смирился и решил, что пусть лучше Энни останется при нас, чем опять начнет путаться со всякими проходимцами!

Взяв книгу, Фонтерой снова откинулся в кресле:

– Вы можете больше не беспокоиться об этом. Я сам о ней позабочусь.

По мнению Уолтера, хорошо знакомого с характером своей напарницы, в этом заявлении звучал неумеренный оптимизм. Энни была, мягко говоря, далека от того, чтобы искать в жизни поддержки. Интересно, зачем она понадобилась графу? Неужели Фонтерой настолько мелочен, что желает свести с ней счеты за то, что она нечаянно лишила его амулета? А если нет, тогда что? Уолтер пригубил вино, пытаясь скрыть беспокойство, но про себя решил посоветоваться с Фоксом. Они вдвоем присмотрят за Козой. Он, Уолтер, не позволит использовать ее в чужих интригах, а потом выбросить, как ненужную тряпку.

Глава 7

На следующее утро, едва разлепив глаза в пышной постели, я долго таращи-лась на "цветочный" полог над головой, недоумевая, что за диковинный сон мне снится. Когда память прояснилась, я вспомнила, что накануне вече-ром меня, как мешок с углем, забросили в эту чистенькую девичью спальню.

Убранство этого гнездышка разительно отличалось от других комнат особ-няка, выдержанных в строгом, холодноватом стиле. Ситцевые чехлы на крес-лах, обои и бархатные портьеры были украшены цветочным узором. Подушки на кровати были такие мягкие, что я тонула в них, как в теплом сугробе. От камина тоже струилось тепло. Собственный камин в комнате – неслыханная роскошь! У стены стояли высокий комод и туалетный столик на изящно вы-гнутых ножках, над которым висело большое зеркало.

В общем, меня окружала такая красота, что даже ругаться не хотелось. Да и нельзя теперь. Это Коза с Коул-стрит могла болтать все, что ей вздумается, а мисс Фишер, кузина высокородного лорда, должна держаться, как подобает скромной благовоспитанной девушке. Иначе как ляпну что-нибудь в самый неудачный момент – и прощай, легенда.

В дверь осторожно постучали. Распахнув ее, я с изумлением увидела на по-роге Агату. Мда, вот еще одно свидетельство моего нового положения... Я всего лишь переехала на этаж ниже, а мой социальный статус изменился настоль-ко, что бывшая подруга-горничная должна теперь стучать, прежде чем войти. Я почувствовала себя неловко. Хорошо еще, что это ненадолго!

Ловко пристроив поднос с кофейником на невесомый столик, Агата сказа-ла:

– Милорд распорядился подать завтрак сюда, так как скоро прибудет мо-дистка.

– Зачем? – только и могла спросить я.

– О, мадам, вам понадобится куча всего! – Она принялась загибать пальцы, перечисляя: – Платье для бала, два-три утренних платья, туалеты для прогу-лок, туфельки, полуботинки, веера...

Стоп-стоп-стоп, зачем так много?! Я всего лишь прогуляюсь на бал и, воз-можно, пару раз проеду в карете! На большее мы не договаривались! Но Ага-та была настроена так серьезно, словно ей действительно поручили подгото-вить к выходу в свет юную дебютантку, вооружив ее до зубов всякими дамски-ми штучками.

– И, пожалуйста, не говори со мной как с леди! – взмолилась я. – Мне и так не по себе!

– Но ведь я теперь тоже важная особа, – подмигнула подруга. – В один день меня из горничной произвели в камеристки! Не волнуйтесь, мадам, я прекрас-но умею укладывать волосы, сплетничать и выводить пятна от любых напит-ков, которые вы на себя непременно опрокинете.

От ее шуточного тона мы обе расхохотались, но мне все равно было страш-но. Помилуй бог, во что я ввязалась?!

Модистка появилась точно вовремя. Ее сопровождала помощница, которую я не сразу разглядела за грудой свертков. Мисс Нидли оказалась сухонькой, востроносой особой с весьма решительным нравом и бесцеремонными мане-рами. Скептически оглядев мое мещанское платье, она проводила меня за

ширму и приказала снять «эту серость», а затем, повертев меня в разные стороны жесткими, как вешалки, руками, быстро обмерила лентой с ног до головы. Ее ловкие пальцы так и мелькали.

Я так засмотрелась на работу модистки, что пропустила появление Фонтероя, вдруг отразившегося в зеркале. Эффект был такой, как если бы он плеснул в меня драконьим огнем.

– Не входите сюда! – метнувшись за ширму, я схватила отрез ткани, пытаюсь завернуться в него до ушей. Щеки предательски вспыхнули. Да как он может! Я стою тут в одной рубашке и корсете, а он!

– Я не собираюсь покушаться на вашу добродетель, мисс Энни, не волнуйтесь, – слышался насмешливый голос. Затем Фонтерой как ни в чем не бывало обратился к мисс Нидли:

– Не слушайте, если она начнет бормотать что-то о темно-синем атласе или сереньком шелке! Моя воспитанница должна блистать. Она будет чудесно выглядеть в красном. Или в изумрудно-зеленом.

Последние его слова донеслись уже из коридора.

– В красном! – Вернувшись за ширму, мисс Нидли скептически подняла глаза к потолку. – Джентльмены ничего не понимают в дамских туалетах, даже если оплачивают их. Юной девушке не к лицу яркие цвета. Она должна носить белый, розовый и голубой.

Модистка подмигнула, и я неуверенно улыбнулась в ответ. Внутри забрезжила слабая надежда, что мы с мисс Нидли отлично поладим.

* * *

Примерка и обсуждение туалетов заняли больше двух часов. Два часа! Да за это время при должной сноровке можно вынести половину тряпичной лавки!

Мне действительно пришлось заказать массу вещей. Много, очень много всего! Платье для завтраков, для обедов, для прогулок и для танцев, два пеньюара... Если верить мисс Нидли, знатные леди в течение дня только и делали что переодевались. Она была явно шокирована тем, что я не знала таких элементарных подробностей. Чтобы не вызвать подозрений, пришлось во всем с ней соглашаться, но теперь было неловко, что я ввела Фонтероя в такие расходы. Надеюсь, наша затея его не разорит?

Наверное, следовало его поблагодарить. Если, конечно, удастся его найти. В этом огромном особняке было так же легко заблудиться, как в лесу. Я никогда точно не знала, где находятся остальные жильцы, и есть ли кто-нибудь дома вообще.

Граф отыскался в библиотеке. Вместо ответа на мое косноязычное «спасибо» он только рассеянно кивнул и попросил:

– Будьте любезны, Энни, сходите к Амброзиусу. Он хотел что-то вам рассказать.

– Хорошо, – ответила я. Но Фонтерой, уткнувшись в книгу, уже потерял ко мне интерес.

* * *

Мистер Амброзиус занимал на втором этаже самую дальнюю комнату, недалеко от черной лестницы. Агата и миссис Бонс, поднимаясь, старались миновать этот пролет как можно быстрее, осеняя себя крестным знаком.

– Против самого мистера Амброзиуса я ничего не скажу, – жаловалась пова-

риха, когда мы с Агатой навещали ее на кухне. – Приятный господин и настоящий жентмун, что и говорить! Но его чародейство у меня уже вот где сидит! – маленькой ладошкой, измазанной в муке, она резко проводила по шее. – Ногами заснуть не могу, все молоко извела, чтобы этих... с Той Стороны отведать! Так и лезут на кухню, балбесы! То приправы мне все перепутают, то тесто сглазят!

Наша повариха родом была из Кэмбри и, как многие северяне, относилась с большим почтением к волшебным созданиям. Смуглая, пышная и невысокая, она ловко кружилась по кухне и сама была похожа на румяную плюшку только что из печки.

– Нет, эти яблоки мне нужны для теста, – сказала она, перехватив у меня миску, в которую я собиралась пересыпать мелко нарезанные дольки. В другой тарелке Агата перебирала изюм. На кухне миссис Бонс распоряжалась нами, как королева – своими верными подданными.

– Я сегодня подам жареную куропатку с грибами и фасолью, печеночный паштет, артишоки в соусе на закуску и мое фирменное печенье: песочное тесто, начиненное изюмом, миндалем и яблоками, да чуток апельсиновой цедры, да капелька коньяку! И пусть только попробует кто-нибудь из этих мелких пакостников подойти к нему хотя бы на шаг!

Мы с Агатой внимали ей, затаив дыхание.

В отличие от слуг, я наоборот подолгу застревала на площадке перед комнатой Амброзиуса. Из таинственной обители волшебника временами раздавались странные звуки: то шипение, то какое-то заунывное пение, то приглушенные ругательства. Так и подмывало заглянуть туда хоть одним глазком! А теперь, с одобрения самого хозяина, у меня появился законный повод удовлетворить любопытство.

Постучав в заветную дверь, я прислушалась и, не дождавшись ответа, решительно ее распахнула. Вдруг послышался резкий хлопок, вспышка света полоснула по глазам. Меня спасла быстрая реакция. Я резко пригнулась – и железная крышка просвистела над головой. А потом вонзилась в стену на целый дюйм.

Переведя дух, я подумала, что, вероятно, Фонтерой послал меня сюда в надежде избавиться от докучливой гостьи раз и навсегда.

– Я понял! Понял, в чем была моя ошибка! – воскликнул сияющий волшебник, высунув голову из-под стола.

– Не бережете вы себя, господин Амброзиус, – укорила я его.

На столе стояло множество пузырьков и склянок с разнообразными декоктами. Я опознала грибную плесень в мисочке, пучок мышинных хвостов и горку навоза (по запаху). В некоторых емкостях что-то подозрительно бурлило, испуская шипение. Старинные флаконы из мутного хрустала толпились здесь вперемешку с простыми пузырьками темного стекла, снабженными бумажными этикетками. Названия были все незнакомые. Рядом валялись коробки из необычной глянцевой бумаги с загадочными надписями. В общем, стол Амброзиуса представлял своеобразное зрелище и к тому же вонял, как Тесса после разлива.

– Что такое «циталопрам»? – прочитала я на одной из коробок.

– Ничего не трогай! – поспешно сказал волшебник.

– Кажется, я поняла. Вы хотите приготовить зелье, чтобы избавиться его свет-

лость от драконьего облика?

– Да! – воскликнул Амброзиус, пригладив взъерошенные седые волосы. – Клянусь пером феникса, я найду лекарство, подавляющее драконью сущность и не вызывающее побочных эффектов вроде галлюцинаций, гипертермии и бредовых расстройств!

– Я бы с радостью вам помогла, – искренне сказала я, так как чувство вины все еще саднило у меня в груди. – Если вам вдруг понадобится кровь девственницы или, к примеру, прядь волос – только скажите!

Мистер Амброзиус взглянул на меня с новым интересом, как шеф-повар на редкую дичь.

– Интересно... И как далеко ты готова пойти?

– Что значит «как далеко»? – настороженно спросила я.

Любой человек знает, что с волшебниками нужно держать ухо востро. Иначе оглянуться не успеешь, как пообещаешь отдать чародею в услужение своего будущего седьмого сына или вручишь ему собственную душу. На всякий случай я поспешила сменить тему:

– Вообще-то я пришла по другому поводу. Его светлость сказал, что вы хотели дать мне несколько уроков. Вроде того, как красиво есть рыбу в гостях и все такое.

– Ах, да! Совсем забыл! – Волшебник хлопнул себя по лбу, нечаянно смахнув на пол несколько пузырьков. Я ловко нырнула под стол, однако, на удивление, в этот раз ничего не взорвалось.

Когда я снова отважилась выползти на свет божий, в центре стола лежала здоровенная книжища в изъеденном коричневом переплете. Рисунок на обложке почти стерся. Амброзиус стоял рядом, очень довольный собой.

– Я нашел для тебя уникальный экземпляр. Это полный список наставлений для юных благородных дам. Им пользовалась сама королева Элеонора!

Передав книгу, он опустил тонкую, почти невесомую руку мне на плечо и дружески его сжал:

– Ступай, дитя мое, грызи кирпич науки.

– Вижу, кто-то уже пытался, – пошутила я, намекая на потрепанность переплета. Не знаю, как насчет светских манер, но зубы у королевы Как-ее-там были отличные.

Книгу я взяла, чтобы не обидеть волшебника. Однако про себя сомневалась в ее полезности. Судя по виду, она была написана лет пятьсот назад. Нет, понимаю, что в светском обществе чтут традиции, но не настолько же! Я надеялась, что уроки Ушлого Гарри послужат мне лучшим путеводителем на пути к gentility, чем все талмуды мистера Амброзиуса.

Глава 8

Итак, спустя сутки, после бесчисленных примерок, утомительных застольных тренировок и нудных заучиваний титулов я действительно ехала на прием в посольский особняк на Кози-плейс.

Агата и мисс Нидли с самого утра взяли меня в оборот, так что сейчас я чувствовала себя как воздушный розовый кекс в меховой накидке. Горничная безжалостно затянула меня в корсет, отчего талия стала умопомрачительно тонкой, и так долго расчесывала мои каштановые волосы, что они заблестели, словно вода в реке. Потом прибыла мисс Нидли с нарядами, упакованными в серебряную бумагу. Она умело накинула на меня платье из розового газа, не потревожив ни единого волоска в прическе, и расправила складки на кринолине. Из-под пышного подола выглядывали белые атласные туфельки с сияющими пряжками. Агата помогла застегнуть ожерелье и браслеты, присланные графом.

– Надеюсь, застежки крепкие? – занервничала я. Не хватало еще потерять такую роскошь, потом всю жизнь не расплатимся!

– Не бойся, не потеряешь, – улыбнулась Агата. – Ах, до чего ж ты хороша! Посмотри сама!

– Да, чудесное платье, спасибо.

Мне вдруг сделалось очень страшно – и жарко от стыда за свой глупый страх. Я даже толком не могла рассмотреть себя в зеркале, отражение расплывалось, голоса Агаты и мисс Нидли гулко отдавались в голове, будто удары колокола. Женщины шумно восхищались своей работой и обращались со мной как с роскошной куклой – из тех, что выставляют в витринах дорогих магазинов. Когда-то мы с Глэдис готовы были душу продать за такую игрушку.

Мне было интересно, как воспримет лорд Фонтерой мое превращение, но он ничего не сказал. Спустившись в холл, его светлость вежливо предложил мне руку, а в карете заботливо помог укрыть ноги меховой полостью. Кучер стегнул лошадей – и мы отправились. Сердце бешено колотилось. С каждой минутой я приближалась к блестящему эшафоту, где десятки людей будут исподтишка смеяться надо мной и показывать пальцем. Если бы не долг перед Тревором и Фонтероем, я бы выскочила из кареты – и поминай, как звали.

Когда я почти совсем извелась от переживаний, мою руку вдруг накрыла теплая ладонь:

– Выше нос, мисс Энни, – сказал граф. – Где же ваша храбрость? Вы не побоялись дать отпор тем головорезам в Кречи, так неужели струсите перед толпой разряженных бездельников?

– Как представляю, что все они будут смотреть на меня... – простонала я.

– Не хотелось бы задеть ваше самолюбие, но не думаю, что на вас обратят особое внимание. Разве что спросят: «Кто эта провинциалочка, которую привел с собой Фонтерой, и с каких пор он заделался покровителем юных дебютанток?» Поверьте, это вовсе не страшно.

Его голос звучал едко и насмешливо, однако рука казалась такой твердой и надежной... Я прерывисто вздохнула. Почти невидимый в глубине кареты, лорд Фонтерой, кажется, усмехнулся:

– Полно, дорогая, это мне полагается нервничать, а не вам! Ведь это я тащу в приличное общество неграмотную авантюристку!

– Неграмотную?! – Оскорбленное чувство собственного достоинства заставило позабыть о страхе. – Милорд, я вообще-то умею писать. Более того, разными почерками. Дайте мне несколько часов, и я так подделаю ваше письмо, что не отличить от оригинала!

– Дитя многих талантов, – сокрушенно пробормотал Кеннет. – Где вы только этому научились?

Вместо уютного полумрака кареты перед моими глазами вдруг предстала крохотная каморка, озаренная засаленным светом старой лампы...

– Несколько лет назад неподалеку от нас жил один ученый человек, мистер Дринкли. Кажется, раньше он был монахом, но слишком любил приволочнуться за... в общем, слишком любил приключения, так что ему пришлось оставить монастырь. В конце концов жизнь привела его в Кречи. Ему нравилось заниматься со мной. Я выучилась чтению, письму и даже сацилийскому языку... немножко. Дринкли хвалил меня за скорость. Говорил, что я далеко пойду.

– О, в этом нет никаких сомнений! – воскликнул Фонтерой. Его глаза весело блеснули.

«Если только тебя не повесят, дитя мое», – добавлял всегда наставник, но об этом я предпочла умолчать. Тем более что мы уже приехали.

Услужливый лакей помог нам выбраться из экипажа. Возле парадного крыльца собралась очередь из карет, и в холле была тьма тьмущая народу, так что во мне снова проснулась паника. Другой лакей принял из рук Фонтероя пальто и мою роскошную меховую накидку, к которой я никак не могла привыкнуть. Надеть такую – все равно что завернуться в теплые деньги.

Я заметила, что другие дамы были одеты так же нарядно. Некоторые поглядывали на нас с интересом. Глаза разбегались от обилия позолоты, огней и зеркал. В одном высоченном зеркале я вдруг увидела лорда Фонтероя под руку с незнакомой дамой. Ее каштановые локоны блестели в свете свечей, на шее и запястьях поблескивали драгоценности, пышные розовые юбки облаком окутывали маленькую стройную фигуру. Честное слово, понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что это – я.

Глядя в зеркало, я поняла одну вещь. Чтобы стать невидимкой, не обязательно прятаться в тени. Блестящее оперение тоже может быть отличной маской. Ни один человек не разглядел бы в этой райской птичке настоящую Энни Фишер. Уверенности у меня сразу прибавилось, и я, рука об руку с графом, легко поднялась по лестнице, покрытой красным ковром. На самом верху нас приветствовали радушные хозяева.

Виконт де Шарбон, посол Сацилии, был облачен в нежно-голубой, ладно скроенный фрак, но, к сожалению, это не могло скрыть тот факт, что спина его была кривой, как у горбуши. Его жена сияла улыбкой и блестящей диадемой в темных курчавых волосах. Она неуловимо напомнила мне Рут Бобарт, отчего я сразу почувствовала себя как дома. То есть как в Кречи: вроде бы вокруг все свои, но лучше не расслабляться.

Скользкий сацилийский посол, видимо, жаброй чуял, что мы явились по его душу: рассыпался в любезностях перед графом и поскорее сплавил его другому собеседнику – лорду Пенвику. Насколько я поняла, этот пожилой господин тоже заседал в Верхней палате и даже занимал какой-то пост в министерстве. Фонтерой обменялся с ним парой слов, а затем потащил меня дальше.

– Хочу познакомить вас с моей невестой, – бросил он на ходу.

Его невеста! От неожиданности у меня чуть ноги не отнялись. Я и забыла, что Кеннет почти женат! Почему-то сейчас это известие больно меня задело. Запнувшись, я на миг потеряла Фонтероя из виду в блестящей толпе, но сейчас же увидела снова: он стремительно направлялся к какой-то тощей белобрысой вобле, одиноко стоявшей возле окна. Ладно, будем беспристрастны – к очаровательной белокурой девушке в голубом платье из люстрина и в туфельках с блестками. Любой нормальный человек, кроме меня, счел бы Клариссу Эмберли красавицей. Она имела стройную фигуру, пышные волосы и тонкие, слегка надменные черты лица. Хотя была, пожалуй, бледновата. Природа, рисуя ее внешность, по какой-то прихоти выбрала акварельные краски, щедро разбавив их водой.

Судя по натянутой улыбке, леди Эмберли тоже была не в восторге от встречи со мной. Я опоздала к началу их разговора, но, кажется, Фонтерой просил невесту позаботиться обо мне и представить почтенному собранию. Я прекрасно обошлась бы без ее услуг! Леди Кларисса мялась в нерешительности, как гусыня перед незнакомой лужей. Ее руки нервно сжимали великолепный веер из слоновой кости.

– Но что скажут люди? – спросила она наконец.

– Прошу тебя, дорогая, только один-единственный вечер! Через два дня приедет тетя Элейн, и я препоручу ей заботы об Энни.

– Что? – вскрикнула я. Какая еще тетя?! Не дай бог!

– Ты удивлена? – Фонтерой с улыбкой обернулся ко мне. – Думаешь, у такого монстра, как я, не может быть любимой тетушки?

Я живо представила себе пожилую дракониху, которая будет рычать на меня и таскаться следом по светским гостиным, гремя чешуей. Крыса-Кларисса сразу показалась не таким уж плохим вариантом.

– Вы давно приехали в Эшентаун? – с нарочитой вежливостью спросила меня будущая леди Фонтерой. – Странно, что Кеннет никогда не упоминал о вас!

– О, да он меня почти и не знал! – Я ослепительно улыбнулась. – Мы с сэром Кеннетом познакомились совсем недавно, когда я так некстати заявила в его спальню...

На этом месте Фонтерой ловко сунул мне блюдце с ореховым щербетом и развернул в сторону лакея.

– Ступай-ка выпей лимонаду, милая кузина.

Действительно, не помешало бы охладить голову. Понятия не имею, что на меня нашло, словно бес за язык тянул! Но меня ужасно раздражала эта белобрысая высокомерная дылда, cedившая слова сквозь зубы и сразу предъявившая права на Кеннета.

Если все аристократки такие, я здесь долго не протяну.

Когда я увидела лакея, то негодование вмиг сменилось изумлением. Это был Фокс! Лопнуть мне на месте, Фокс в фиолетовой ливрее, с напыженными волосами, так ловко управлявшийся с подносом, словно всю жизнь этим занимался! На подносе в бокалах пузырилось шампанское. Чудесно, давно мечтала его попробовать. Не желая портить себе вечер, я постаралась заглушить кольнувшее раздражение. Следовало ожидать, что Старик не отпустит меня сюда в одиночку! Это было, пожалуй, обидно, но все равно я была ужасно рада видеть Фокса. Хоть одно родное лицо в этой разряженной, душной толпе!

Когда лакей приблизился, я едва смогла сдержать неуместную улыбку. Он галантно поклонился, вложил мне в руку бокал и исчез.

Вздыхнув, насколько позволял корсет, я сделала крупный глоток.

В бокале оказался лимонад.

* * *

Пока Кеннет любезничал со своей дамой, мое внимание привлек один из гостей. Это был невзрачный человек средних лет со странно выпученными глазами и несколько суетливыми манерами. Он подобострастно раскланялся с какой-то дебелой дамой в ошеломляющем тюрбане, увенчанном павлиньим пером, затем долго беседовал с лордом Пенвиком. Фигура этого господина словно чуть расплывалась в воздухе, и на минуту мне показалось, что я вижу сквозь него мерцающие огоньки свечей. Я поморгала, решив, что зрение меня обманывает. Тем временем странный человек исчез в толпе, но вскоре вдруг появился в противоположном углу залы – на хорах, где собирались музыканты. Он отдавал им какие-то распоряжения. Очень интересно. Что это за тип с повышенной светопроницаемостью?

– Похоже, Тревор в вас не ошибся. Вы действительно наблюдательны, – прозвучало за моей спиной.

Я резко обернулась и остолбенела. Передо мной стоял один из самых привлекательных людей, которых мне доводилось встречать. Его светлые, почти белые волосы волнами обрамляли высокий лоб, на котором выделялись изогнутые черные брови. Холеное красивое лицо тоже поражало своей бледностью, а темно-синие глаза мягко блестели.

– Господин, который привлек ваше внимание, – это мистер Лайбстер, секретарь сацилийского посольства. Виконт де Шарбон привез его с собой. Говорит, что без своего секретаря он как без рук. Мол, тот работает за троих и умеет бывать в двух местах одновременно. Очень полезное качество, не находите? Я знал трех человек, владеющих схожим искусством. И все они работали на Сацилию.

– И, вероятно, все они плохо кончили?

– Если бы это было так легко, – с искренним сожалением вздохнул Белый лорд. – Эти господа так расторопны, что иногда даже тени не отбрасывают, зато тень от Сацилии расползается все дальше и дальше. Она уже накрыла Лигерчи, Астилию, зацепила Миснийскую империю и подбирается к Биарланду... Вы слышали, что они собираются закрыть для нас порты в Цинтрии? Если это случится, нам придется туго. Поэтому сейчас как никогда нужен Фонтерой! Он непревзойденный дипломат.

– Никогда бы не подумала! – искренне сказала я, наблюдая, как мистер Лайбстер, отделившись от группы гостей, отступил к окну, а затем словно слился с портьерой и... исчез! Вот это фокус!

– Впечатляет, не правда ли? – согласился мой странный собеседник. – И, главное, почти никто из окружающих ничего не замечает. Этот тип умеет отводить людям глаза.

«Как и вы», – подумала я. Интересно, кто этот человек? Он знает Тревора и, похоже, в курсе нашей проблемы. Или это ловушка? Вообще-то ему не мешало бы представиться. Разве это не против приличий, беседовать со мной, хотя мы не знакомы друг с другом? Однако Белый лорд держался так уверенно, словно ему все было позволено.

К счастью, Фонтерой вовремя вспомнил о своих опекунских обязанностях и подошел к нам, держа под руку Клариссу. На его лице вспыхнула радостная улыбка:

– Ингрэм! Вот уж не думал увидеть тебя здесь! Энни, позволь представить тебе лорда Мериваля, моего старинного друга еще со времен колледжа. Ингрэм, это Энни Фишер, моя кузина, которая любезно согласилась приехать в Эшентаун, чтобы уладить одно небольшое семейное дело.

"Лишь бы они не вздумали сейчас углубиться в студенческие воспоминания! – подумала я, улыбаясь Меривалю и в то же время стараясь не потерять из виду тощую фигуру сацилийского секретаря. – У нас тут затеваются дела по-серьезнее!"

– Надеюсь, что вы сможете помочь Фонтерою, – слегка поклонился Мериваль.

С этими словами он послал мне долгий многозначительный взгляд. На лице Клариссы появилось кислое выражение. Светское чутье ей подсказывало, что нас троих объединял общий секрет, который ей почему-то не потрудились сообщить.

– Да, мне как раз очень нужно поговорить с вами насчет нашего дела, – заявила я, стараясь незаметно оттеснить Кеннета от вцепившейся в него Клариссы. Ничего не могу с собой поделать, в присутствии этой особы у меня аж язык щиплет от множества колкостей, которые так и просятся наружу. Мериваль едва заметно улыбнулся, словно прочитав мои мысли, и предложил леди Эмберли взглянуть на картины виконта де Шарбона, которые, по его словам, были весьма хороши.

Прежде чем она успела отказаться, нас позвали к столу. Кеннет предложил мне руку, чтобы проводить меня в столовую, а Клариссе пришлось удовольствоваться обществом лорда Мериваля. Я кожей чувствовала, как ее взгляд яростно сверлил мне спину.

– Нельзя ли усадить меня так, чтобы я хорошо видела вас, мистера Лайбстера и виконта – всех троих? – вполголоса спросила я у Фонтероя.

Он мягко улыбнулся:

– Это решительно невозможно, если только вы не хотите заработать косоглазие. Успокойтесь, моя милая сыщица, места за столом были распределены заранее. Почему бы вам не забыть на время об амулете и не постараться просто получить удовольствие от этого вечера?

Мое возмущение не знало границ. Он еще и шутит! Поразительное легкомыслие!

Длинный стол был залит сиянием десятков свечей. Сверкало серебро, искрилось граненое стекло, рубинами посверкивало вино в бокалах. Среди гостей было несколько именитых персон, я узнала четырех представителей дипломатического корпуса и двух кабинетных министров, чьи имена мистер Тревор заставил меня выучить наизусть. Их присутствие придавало значительность сегодняшнему вечеру. Слышалось позвякивание столовых приборов и приглушенный гул светской беседы, в которой я, поглощенная слезкой, принимала очень мало участия. Однако мистер Лайбстер больше не проявлял никаких необычных способностей, да и виконт тоже не давал повода для подозрений. Он вел себя как обычный гостеприимный хозяин: развлекал соседей по столу, сыпал шутками, которые из-за его акцента казались еще более

забавными. О политике, разумеется, никто не говорил. В течение всего обеда мне не удалось уловить ни одного двусмысленного намека на волшебство, мистику, амулеты и прочие чудеса.

Увлечшись наблюдением, я едва не опозорилась, ткнув десертной вилкой в кокотницу, но вовремя спохватилась, перехватив ироничный взгляд леди Эмберли. Как удачно, что она сидела неподалеку! Что бы я к ней ни испытывала, но по части манер она была настоящим экспертом.

После ужина Кларисса оказала мне большую услугу, представив некоторым гостям в зале. Я не сразу поняла причину такой любезности, однако вскоре разгадала ее маневр, когда музыканты на хорах заиграли контрданс. Мадам де Шарбон пожелала развлечь гостей танцами, и Кларисса немедленно упорхнула под руку с Кеннетом, оставив меня в компании двух почтенных джентльменов. Учитывая истинную цель моего пребывания здесь, это было даже кстати. Я старалась держаться в толпе, которая расступилась, освободив середину залы для танцующих. Кивая и улыбаясь новым знакомым, я переходила от одной группы к другой, внимательно прислушиваясь к разговорам. Неподалеку снова мелькнул Фокс, но тут же скрылся, заметив мой настойчивый интерес к его подносу. Ах так! Я нахмурилась – и вздрогнула, внезапно услышав над ухом голос Фонтероя:

– Не нужно держать веер так, словно это топор палача, – шепнул он. – Осторожнее! Разве вы не знали, что с его помощью можно подавать сигналы кавалерам? Вы только что намекнули мистеру Лайбстеру, что не прочь потанцевать с ним.

– Вот черт! – Я резко захлопнула веер, вспыхнув от досады.

– Успокойтесь, он не осмелится пригласить вас в моем присутствии. Слышите? Начали играть вальс.

– И что?

Фонтерой тут же напустил на себя преувеличенную суровость:

– Как опекун я обязан строжайшим образом надзирать за вашим поведением. Разве можно дебютантке вальсировать с посторонним мужчиной? Поразительно, как вы можете не знать таких вещей! Дорогая кузина, своими манерами вы просто позорите пансион госпожи Кобот, который, – тут Кеннет наклонился ближе к моему уху, – вы, между прочим, закончили с отличием, не перепутайте.

– Знать не знаю никакой госпожи Хобот, – сердито пробормотала я, расстроенная оплошностью с веером. Интересно, кому еще сегодня я надавала авансов?

Без лишних церемоний граф отобрал злосчастный аксессуар, положил на окно за спиной и подал мне руку.

– Чтобы Лайбстер не вздумал вам докучать, я сам вас приглашу. Мисс Фишер, не окажете честь потанцевать со мной?

– Что?! Но я... я почти не умею, я...

Возражать было поздно. Фонтерой уверенно вел меня в круг. Что он творит?! Мне вдруг страстно захотелось вернуться к стенке, к многообещающей кучке чопорных матрон, которые как раз начали обмениваться весьма интересными сплетнями, когда графу вздумалось утянуть меня оттуда. Особенно усердствовала тучная леди Виверна... пардон, Виверхэм – та самая дама в павлиньем тюрбане, с которой раскланивался Лайбстер. В ней легко можно было

угадать завязтую сплетницу, и, пробудь я рядом еще немного, мне наверняка удалось бы узнать что-нибудь интересное! А вместо этого...

– Я не умею танцевать! – отчаянно прошептала я Кеннету.

Сияющие золотые глаза вдруг оказались совсем близко. От его лукавой улыбки у меня перехватило дыхание.

– И не надо. Положись на меня.

Он обнял меня за талию – и музыка увлекла нас за собой, просторная зала закружилась перед глазами. Лица гостей смешивались в пеструю неразличимую массу, чужие голоса растворялись в потоке волшебной мелодии, от которой в груди что-то дрожало и раскрывалось, словно цветок. Впечатление от музыки было так сильно, что к глазам невольно подступили слезы. Сморгнув, я ахнула – стены вдруг оплели сверкающие лианы, наполнившие комнату золотистым блеском. Люстра над головами выпустила серебряные лучи и заискрилась гроздьями звезд. Мы танцевали как будто посреди неба.

– Тебе нравится? – спросил Фонтерой.

Я посмотрела на него – в первый раз посмотрела на него по-настоящему, то есть увидела что-то еще, кроме холодной маски, вечно нахмуренных бровей и постоянного брюзжания на мой счет. Я впервые попыталась проникнуть взглядом сквозь его защитную броню, и тогда... Не знаю, как это объяснить: я просто смотрела на него, и почему-то это сделало меня невероятно счастливой.

Мы замерли в объятьях друг друга, а звезды хороводом кружились вокруг. Казалось, что время остановилось. Увы, к сожалению, время нам не подвластно.

Когда музыка медленно стихла, волшебная сеть, затянувшая комнату, осыпалась с тихим шелестом. Мне стоило немалых усилий выпустить руку Кеннета. Прошедший танец казался сказочным сном. Однако нам следовало вернуться к гостям, так что я мысленно приказала себе сосредоточиться и спуститься с небес на землю. Нас встретили десятки взглядов: любопытствующих, восхищенных, шокированных. Кажется, опекунам все-таки не полагалось приглашать своих подопечных на вальс, но, странное дело, мнение блестящего общества совсем перестало меня волновать. Кто-то аплодировал, другие наперебой просили графа "представить его очаровательной воспитаннице". Не прошло и пяти минут, как мне пришлось раздать следующие три танца настырным молодым джентльменам. Возникла отчетливая мысль, что отсидеться у стеночки уже не удастся. Фонтерой одним экстравагантным жестом разрушил наш план ко всем чертям.

Но надо отдать должное, он сделал это красиво. Как я ни старалась, у меня не получалось на него рассердиться.

Глава 9

Заметив неподалеку нашу леди-в-голубом, то бишь Клариссу, чья мрачная физиономия не предвещала ничего хорошего, я покинула Кеннета, шепнув ему пару слов. Мне нужно было найти Фокса и предупредить, что теперь вся надежда только на его чуткие уши. Кроме того, я пока так и не попробовала шампанское!

Фокс, как челнок, сновал среди воздушных платьев и модных сюртуков. Заметив меня неподалеку, он сделал ловкий пируэт и поднялся на галерею к музыкантам, которые встретили его появление с горячим одобрением. Вскоре он уже спускался обратно, чуть ли не насвистывая и помахивая опустевшим подносом. Я демонстративно отвернулась, пылая от гнева. Ничего, я отомщу!

– Не печальтесь, моя леди, – прогнусавил над ухом мерзкий Фоксов голос, и рука в фиолетовой униформе протянула мне фужер с лимонадом. – Вас ожидает незабываемое впечатление! Кажется, дамы уговорили лорда Мериваля сыграть им на фортепиано. Говорят, он виртуоз, каких мало, но нечасто соглашается демонстрировать свое умение.

– Подожди! – встрепелась я. – Мне нужно тебе сказать...

– Потом, все потом, – и мой вероломный напарник растворился в толпе.

Я проводила взглядом длинную фиолетовую спину, выплеснула содержимое фужера в кадку с фикусом, который казался достаточно крепким, чтобы выдержать этот сладкий душ, и последовала за остальными гостями. Вокруг фортепиано уже расселась стайка дам, напоминавшая душистую разноцветную клумбу. Среди изящных причесок, локонов, капоров и прочих уборов взгляд выхватил задорно торчащее павлинье перо. Я постаралась сесть поближе к леди Виверхэм.

– Он обещал сыграть "Полет нетопыря", – говорила Виверна, наклонившись к соседке. Стул под ней жалобно покряхтывал. – Это, можно сказать, его фамильное произведение, ведь нетопырь изображен на родовом гербе Меривалей! И я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь еще исполнял эту вещь так виртуозно!

Под шелест аплодисментов Ингрэм Мериваль уселся за инструмент. Бережно открыв крышку, взмахнул руками, отбросив назад копну серебряных волос. Мериваль был настолько хорош, что одно его присутствие придавало блеск этому вечеру, а уж когда он заиграл... Его пальцы бегали по клавиатуре так быстро, что и взглядом не уследить. Музыка ворвалась в комнату, словно горный ручей. Мы все затаили дыхание.

Когда умолк последний аккорд, мне показалось, что я оглохла – такая тишина стояла вокруг. Первые неуверенные хлопки вскоре превратились в ливень аплодисментов. Я аплодировала вместе со всеми, пока не заболели ладони. Мериваль, даже не раскрасневшийся от бешеной игры, непринужденно раскланивался, и на какой-то миг почудилось, что он смотрит мне прямо в лицо.

Дама, сидевшая рядом с леди Виверхэм, даже прослезилась от избытка чувств:

– Поразительно! Какой талант! Просто поразительно! Не зря его называют лорд-Серебряные-Руки. Поистине, в игре на рояле у него нет соперников!

– К счастью для них, – хмыкнула виверна в павлиньих перьях. – Мериваль

ревнив к своей славе, как мавр. Соперничества он бы не потерпел.

* * *

Кеннет в третий раз обвел глазами толпу гостей, высматривая розовое платье. Куда опять запропастилась его «кузина», черт бы ее побрал? С тех пор как она появилась в доме на Гросвен-стрит, у него не было ни минуты покоя. Поначалу несносная девчонка вызывала у него лишь раздражение, к которому примешивалась изрядная доля чувства вины. При одном взгляде на ее тонкое лицо, словно очерченное острым карандашом, у Фонтероя начинали чесаться ладони, дыхание тяжелело, наливаясь драконьим пламенем, а за спиной сам собой вырастал шипастый хвост. Однако с течением времени неприязнь сменяли другие чувства. Удивление – когда в то утро на крыльце она вдруг замерла перед ним, словно увидела перед собой чудовище. Честное слово, он вовсе не хотел ее напугать! Одобрение – когда она засыпала Амброзиуса вопросами, словно ребенок, охочий до новых впечатлений. Наконец, восхищение – когда сегодня Энни спустилась с лестницы такая неузнаваемо прекрасная, что он, кажется, потерял представление о хороших манерах и вообще лишился дара речи.

Впрочем, сейчас громче остальных чувств подавало голос беспокойство. Фонтерой еще раз огляделся. Внутренний дракон угрожающе поднял голову, а воображаемый хвост, если и не стегал по ногам, то, во всяком случае, нервно подергивался. Усилием воли граф подавил раздражение, заметив, что леди Эмберли снова ищет его общества. Она двигалась грациозно, словно лань. Всегда сдержанная, элегантная – воплощенное совершенство, леди до кончиков пальцев. Фонтерой весело подумал, что Кларисса и Энни отличались друг от друга как полноводная река и неутомимый горный ключ, плюющийся пеной.

– Сегодня утром я получила ваше письмо, – начала Кларисса. Между ее ровных бровей пролегла тоненькая складочка – единственное, в чем проявлялось ее недовольство. – Вы просили меня приехать, сказав, что мое присутствие необходимо вам как воздух. Но я никак не предполагала, что вы собираетесь использовать меня в качестве дуэньи!

– Только сегодня, – успокаивающе произнес Фонтерой. – Скоро должна приехать моя тетка, леди Элейн, она будет возить Энни в театры и на ассамблеи, а мы сможем заняться своими делами.

– Да уж, я надеюсь! Мы с вами еще не так стары, чтобы наблюдать, как развлекается молодежь! Ах, я, наверное, слишком сентиментальна. Я так надеялась, что вы вспомните...

Ее взгляд затуманился, вызывая в памяти события прошлых лет.

– Я помню, – ровным голосом сказал граф. – В этот день, десять лет назад, вы тоже встретили меня в голубом платье. Я был младшим сыном – без титула и почти без денег. С моей стороны было наглостью претендовать на вашу руку. И все же... Одного намека, что я вам, возможно, небезразличен, мне хватило, чтобы примчаться верхом из колледжа прямо к вам. Если бы вы тогда согласились, я готов был целовать следы ваших ног. Вы очень сдержанно обещали подумать. А через два месяца вышли замуж за этого... лорда Эмберли.

– О, Кеннет! Я...

– Да, разумеется, он был завидным женихом! Пусть в три раза старше вас и со скверным характером, который еще ухудшился из-за подагры, но его титул и солидный годовой доход искупали любые недостатки!

– Вы не понимаете! – со слезами в голосе воскликнула Кларисса. – Такому человеку невозможно отказать! Отец угрожал отлучить меня от семьи, мать слегла с нервным расстройством, я была вынуждена согласиться...

– Поверьте, Кларисса, я никогда ни в чем вас не упрекал.

Фонтерой отвернулся к окну, не замечая, с какой жадностью леди Эмберли вглядывалась в его лицо. Оно показалось ей тусклым и безразличным. Кларисса почувствовала замешательство. Ее план, тщательно продуманный, рушился на глазах. Когда-то при одном взгляде на нее глаза Фонтероя загорались страстью, но, похоже, все давно перегорело, отболело и умерло. Однако она не привыкла сдаваться так легко:

– Кеннет, мы с вами так давно знаем друг друга... Мы оба потеряли близких. Вы лишились отца и брата, я потеряла мужа. Для меня невысказанно потерять еще и вас лишь из-за того, что нам обоим не достало смелости! – Она смущенно потупилась, а затем, словно решившись, вскинула блестящие глаза: – Прошу вас, скажите откровенно...

– Да, – просто ответил Фонтерой. – Да, я готов был снова рискнуть своим сердцем и сделать вам предложение, но... внезапно возникли новые обстоятельства.

Хруп! Веер в руках леди Эмберли сломался с сухим треском. Это прозвучало как выстрел.

– Что ж, понимаю, – сухо сказала она. – Я видела эти «обстоятельства». Она очаровательна.

– Ничего вы не понимаете! – сердито бросил Фонтерой и уже тише добавил: – Мне действительно нужно найти Энни. Я волнуюсь не только за нее. Если она в одном из своих взбалмошных состояний, этот дом может не выстоять.

* * *

Да пропади оно все пропадом! Я была ужасно зла. Фокс исчез, Кеннет, протанцевав со мной один вальс, снова застрял возле своей ненаглядной Клариссы, бросив меня на растерзание другим кавалерам. Конечно, ему весело! И плевать, что он завалил все дело!

Последние два танца пришлось отдать настойчивому господину Лайбстеру, и теперь у меня болели оттоптаннные ноги, а уши ныли от слащавых комплиментов. Кроме того, у него была дурацкая привычка прищуривать один глаз, так что окончания музыки я ждала с большим нетерпением. Под конец саццилиеца немного реабилитировался в моих глазах, предложив бокал шампанского, но едва я поднесла его к губам, как кто-то толкнул меня под руку, и напиток выплеснулся на юбку.

– Ах, простите, я так неловок! – засуетился лакей. Разумеется, это был Фокс – Может быть, лимонаду? – спросил он, забирая мокрую салфетку.

Я молча постаралась испепелить его взглядом в ответ. А в другое ухо что-то продолжал бубнить мистер Лайбстер. Честное слово, от такого собеседника даже манекен убежал бы в форточку! Мне жизненно необходима была передышка, и как только удалось незаметно ускользнуть, я гордо удалилась в одну из пустых гостиных, где, первым делом захлопнув за собой дверь, с облегчением сбросила туфли.

– Дьявольщина!

Туфля, пущенная со всей силы, звучно врезалась в стену. Что-то жалобно

звякнуло, тренькнуло, и статуэтка, стоявшая на краю каминной полки, упала, разбившись вдребезги. Зато мне полегчало.

– Простите, мадам, – послышалось вдруг из дальнего угла. Тени, сгустившиеся в углу, зашевелились, и из кресла поднялся какой-то человек.

Я замерла, ахнув от неожиданности. Полутемная комната была освещена лишь одним канделябром, поэтому я сначала никого не заметила. Оказалось, что я была не первой, облюбовавшей это укромное место.

Подойдя ближе, мужчина застенчиво улыбнулся. Это был коренастый молодой человек, облаченный в опрятный сюртук сдержанных темных тонов, с приятным, располагающим лицом. Его русые волосы, не испорченные помадой, трогательно взъерошились на макушке.

– Боюсь, я немного задремал, – сказал он с обезоруживающей улыбкой. – А тут вы.

– Простите меня! Я так устала от этого вечера!

– О, понимаю! Сам к такому не привык. Я приехал в столицу ненадолго, скоро мне придется вернуться в полк. Извините, я должен представиться: Оливер Уайтвуд, лейтенант Десятого пехотного полка.

Я протянула ему руку:

– Меня зовут Энни Фишер, я здесь со своим опекуном.

– А меня пригласил лорд Пенвик. Сказал, что мне будет полезно развеяться после госпиталя. Я был ранен в сражении при Вимейре, знаете ли. Ну и натерпелись мы тогда!

Мне следовало сразу догадаться, что он из военных. Вид у него был такой, словно он боролся с сюртуком, прежде чем надеть его, а его рука то и дело тянулась к бедру, чтобы придержать несуществующую саблю. Очевидно, штатское платье было ему непривычно. Значит, мистер Уайтвуд сражался в Цинтрии и был одним из тех героев, которым удалось вытеснить оттуда сацилийцев – правда, ненадолго. Даже я что-то слышала об этой истории, хотя у меня не было братьев и кузенов, участвовавших в войне на Полуострове. Да, было бы обидно уцелеть там лишь для того, чтобы по возвращении домой тебя прибили дамской туфлей! Я улыбнулась:

– Вы обязательно должны рассказать мне о Цинтрии!

– Не хотелось бы уподобляться завзятым путешественникам, которые в разговоре только и делают, что болтают о своих подвигах, пока не доведут всех присутствующих до мигрени. Но, сказать по правде, это чудесная страна, если на минутку забыть о сацилийцах. Вы не хотите присесть? Может быть, вам что-нибудь принести?

Мистер Уайтвуд с каждой минутой нравился мне все больше. Будь что будет, а шампанское я сегодня все-таки попробую! Однако сначала следовало обуться.

– Принесите мне, пожалуйста, вон ту туфлю.

– Разумеется. Как удачно, что она не попала в камин! Готов поспорить, что вы меткий стрелок, – сказал он, возвращаясь с туфлей.

– Да, я мастерски умею швыряться камнями. Но, кажется, я что-то разбила?

– Всего лишь одну статуэтку. Вы тоже можете попасть в глаз со ста шагов, как ваш опекун?

Я пожала плечами. На мой взгляд, совершенно бессмысленное умение. Как говорил Дэннис, зачем целиться в глаз, когда можно попасть по затылку – и

глаза выскочат сами?

– Мне очень жаль, что я нанесла ущерб господину послу! Я не хотела! Эта статуэтка...

– Забудьте о ней. Это подарок лорда Пенвика, так что де Шарбон терпеть ее не может. Всегда ставит на самый краешек, надеясь, что кто-нибудь из слуг рано или поздно ее разобьет.

– Вот черт! – расстроилась я. – Так и знала, что обязательно что-нибудь наворю! Знаете что, давайте поскорее смоемся отсюда. Я вовсе не хочу, чтобы моя туфля спровоцировала международный скандал!

Мистер Уайтвуд от души рассмеялся:

– С вами не соскучишься! Позвольте, я помогу.

Он с почтением опустил передо мной на колени, хотя его глаза все еще смеялись. Я оперлась на его плечо, и в этот момент за спиной прозвучал медовый голос:

– Следует ли понимать, мисс Фишер, что вам сделали предложение?

Я в панике оглянулась. В дверях стояли двое: мой так называемый опекун и леди Эмберли. Лорд Фонтерой молча смотрел на меня с непередаваемым выражением иронии, веселья и грусти. Леди Кларисса сладко улыбалась, но в ее глазах сверкало злорадное торжество.

Глава 10

— Он вовсе не собирался делать мне предложение! Просто помог надеть туфли!

Агата смеялась, отмахиваясь от меня. Я обиженно надулась. Мы вдвоем сидели в спальне, где подруга-горничная помогала мне освободиться из блестящей светской сбруи. В одиночку я бы с этим точно не справилась! На столике по-уютному теплилась свеча, розовые юбки пышным облаком оседали на стуле. Я была очень благодарна Агате за то, что она меня дождалась.

С приема мы вернулись далеко за полночь. Всю обратную дорогу я пыталась объяснить Фонтерю, как получилось, что он застал нас с мистером Уайтвудом в таком неловком положении, но его светлость весь путь до дома молчал как убитый, только позддравил меня с «ошеломительным успехом», а затем, проводив в особняк на Гросвен-сквер, немедленно удалился. Нед этой ночью тоже отсутствовал. Зато Агата засыпала меня вопросами:

– Ну что? Как все прошло?

– Ужасно! То есть прекрасно, – поправила я, вспомнив волшебную музыку вальса и теплые золотые глаза Кеннета. Все-таки были на этом проклятом рауте и приятные моменты!

– В общем, было хорошо, пока я опять все не испортила! Кажется, это уже становится традицией.

Агата с горящими от любопытства глазами присела напротив:

– Расскажи-расскажи-расскажи! А как тебе леди Эмберли? Ты ее видела? Правда же, она хорошенькая, но немного похожа на рыбу?

Судя по последнему замечанию, Агата не принадлежала к числу поклонниц Клариссы. Какое счастье! Мы обе с удовольствием предали уютному злословию.

– Она, наверное, всю жизнь сидит на диете из картофеля, вымоченного в уксусе! Тощая, как сельдь, и такая же унылая!

– Миссис Бонс ее тоже недолюбливает. Говорит, что с такой хозяйкой каши не сварить. Когда она приезжает с визитами, то распоряжается здесь как у себя дома!

Я вздохнула. Да, похоже, леди Эмберли твердо намеревалась в ближайшем будущем обосноваться на Гросвен-стрит. От одной мысли об этом у меня начало саднить под сердцем и появлялась горечь во рту. Как мог Кеннет, с его прямоотой и горячим нравом, выбрать Клариссу? Ведь она ему совершенно не подходит! Вероятно, граф решил жениться на ней в момент помрачения рассудка, вообразив себя покорителем полярных льдов.

– Но подать себя она умеет, этого не отнимешь, – болтала Агата. – У нее самые элегантные туалеты и самые изящные манеры из всех леди, что мне доводилось видеть!

Не прекращая разговаривать, она ловко избавила меня от платья, ужасного корсета и нижних юбок. Наконец-то можно было вздохнуть полной грудью! Набросив на рубашку мягкий пеньюар, я упала в кресло перед зеркалом и почувствовала себя почти в раю. Агата принялась разбирать и расчесывать мои сбившиеся локоны, вытаскивая из них шпильки, как косточки из рыбы, и складывая их на столик. Рядом лежали веер и перчатки.

– Это правда, по сравнению с ней я все равно что сальная свечка рядом с лунной, – признала я, горько вздохнув. – Ты не представляешь, что я отчудила сегодня!

Я бросила укоризненный взгляд на злосчастный веер, который едва не забыла на окне в посольстве. Когда мы с Фонтером уже садились в карету, к нам подбежал один из лакеев и вложил веер мне в руку. Машинально раскрыв его сейчас, я вдруг заметила среди складок маленькую бумажку, свернутую в трубочку.

– Что это? – спросила Агата, подняв ее с пола. – Ах ты, проказница! Тебе уже пишут любовные письма?

При виде ровно написанных строчек мое сердце заколотилось. Это письмо было очень похоже на то, которое мы с Уолтером недавно получили от дворецкого мистера Мэллори.

Скандальчики и светские сплетни тут же были забыты. Смахнув со стола перчатки, перья, букетик искусственных цветов и еще какую-то мишуру, я зажгла побольше свечей и выложила на стол обе записки.

– Смотри! Тот же почерк!

В нас обоих проснулся хороший зубастенький азарт. Агата воодушевленно склонилась над письмами рядом со мной. Внезапно ее профиль показался смутно знакомым. Этот вздернутый носик, рыжеватая челка, слегка раскосый прищур... Отогнав непрошеное видение, я постаралась сосредоточиться на письме.

– И бумага похожа – обычная, кремовая.

– Ага. И написана опять какая-то чушь, – проворчала я. – Что за скотина пишет мне эти записки?

На сей раз таинственная скотина хотя бы обошлась без стихов, но смысла тексту это не добавило:

«Моя Стрекоза, моя ветреная мечта! Тот дракон опасен, не верь ему. О, певчая птица в золотой клетке! Где ты прячешь мое сердце, верни его...»

И еще несколько строк такой же чепухи. Я поразмыслила, кто из моих зна-

комых настолько безумен, и вдруг меня осенило:

– Ну, Фокс, паршивец! Я его убью.

– Фокс? – Карие глаза Агаты искрились от любопытства.

– Один из людей мистера Тревоора. Шутник, чума его побери!

Конечно, это он, больше некому! Подбросить записку мог лишь тот, кто присутствовал на балу, а Фокс там был. И только он знал о моем старом уличном прозвище! Решил, значит, подшутить надо мной. Ну, я ему завтра устрою!

С другой стороны, Фокс никак не мог быть автором первого письма. И тот рыжий бородатый господин, который приходил в Кречи и беседовал с дворецким мистера Мэллори, действительно где-то существовал. А у виконта де Шарбона имелся крайне подозрительный секретарь, похоже, умеющий проникать сквозь стены...

«Завтра! – решила я. – Завтра я спрошу Амброзиуса насчет магических заморочек мистера Лобстера... то есть Лайбстера, и припру к стенке Фокса. Все завтра!»

Сегодня сил у меня хватило лишь на то, чтобы доползти до кровати. Оказывается, несколько часов активной светской жизни могут довести человека до изнеможения. Неудивительно, что некоторые знатные леди выглядят так, словно постоянно находятся на грани полного упадка сил! Здоровье тут нужно железное.

Агата подоткнула мне одеяло и пожелала спокойной ночи. Кажется, я провалилась в сон еще до того, как она задернула полог.

* * *

На следующий день после завтрака мне удалось побеседовать с Амброзиусом, а затем я сразу бросилась на Клоу-стрит, чтобы сообщить новости нашим ребятам. Сведения, полученные от волшебника, стоили того, чтобы поспешить. Я надела самое скромное платье, с которым могла управиться без помощи горничной, так как у Агаты вдруг разнылись зубы, и она засобиралась к доктору.

– Зачем? – удивилась я. – Пусть мистер Амброзиус тебя посмотрит!

На лице девушки отразился сильнейший испуг:

– Нет-нет, не нужно его затруднять! Я знаю отличного доктора, который живет в Патвейле, недалеко от Ясеневого моста, и берет недорого.

Понятно. Ее страх перед колдовством был настолько силен, что Агата скорее согласилась бы вырвать себе зуб с помощью нитки, чем довериться волшебнику. Я все поняла и не стала настаивать.

– Хорошо. Только постарайся вернуться к шести. Мне понадобится твоя помощь, чтобы переодеться к обеду, – сказала я строгим тоном, изображая придирчивую хозяйку.

– Да, мадам. – Присев в шутливом реверансе, Агата показала язык и исчезла за дверью.

Сегодня мистера Тревоора на месте не оказалось, что существенно сказалось на работоспособности остальной команды. Дисциплина сразу упала на несколько пунктов. В кабинете царил атмосфера запредельного благодушия: Винс что-то жевал, Фокс вдохновенно страдал от похмелья, а Хаммонд, кажется, пытался излечить его с помощью бренди. Только Нед сидел за столом, собранный и серьезный, как всегда.

– Вот она, звезда вчерашней вечеринки, – приветствовал меня Фокс. Выгля-

дел он сегодня не блестяще. Бледный, глаза красные, воротник смялся, галстук слегка сбился в сторону, что для нашего щеголеватого друга обычно было предметом катастрофы.

– Мне жаль, что я вчера привлекла так много внимания, – развела я руками. – Это все лорд Дракон постарался. Теперь окончательно ясно, что он мне не доверяет и поэтому постарался изящно вывести меня из игры. Но кое-что нам все-таки удалось узнать.

Фокс потер ладонями лицо и нахмурился:

– Да. Очевидно, что как бы ни хотелось сацилийцам отстранить Фонтероя от переговоров, виконт де Шарбон никак не может быть тем загадочным рыжебородым господином, который приходил к Мэллори и наводил справки в Кречи. Де Шарбон невысок, и его кривую спину не спрячешь ни под каким плащом. Зато его секретарь – тот тощий тип с глазами надетого на кол филина – крайне подозрительная личность!

– Я кое-что узнала о нем сегодня от Амброзиуса, – подхватила я.

Когда я заглянула утром в аскетичную обитель нашего волшебника, он как раз помешивал какое-то зелье на спиртовке. Амброзиус был всецело поглощен этим занятием и только сделал мне знак, чтобы не мешала. Я тихонько присела к столу. Сегодняшнее зелье пахло неожиданно приятно: яблоками и медом.

– Вчера на приеме я встретила одного человека, и кое-что в нем показалось странным, – начала я рассказывать. Волшебник молча кивнул. В отличие от прошлого раза, сегодня он принял меры предосторожности, защитив глаза полупрозрачным щитком из необычного материала. Амброзиус выглядел страшно занятым, и я, как могла, в двух словах рассказала о странных привычках мистера Лайбстера время от времени пропускать сквозь себя свет и сливаться с портьерами. Тем временем волшебник закончил колдовать над зельем и, прихватив медный сосуд полотенцем, отнес его на окно – остудиться.

– Понимаю, что тебя удивило, – сказал он, вернувшись. – Довольно неожиданно встретить их здесь. Знаешь ли ты что-нибудь о сидах?

– То есть... о волшебном народце? – удивилась я.

– Да, о феях, Feadh-Ree, о созданиях, живущих на Той Стороне. Известно ли тебе о "третьей дороге"?

Разумеется, я знала кое-какие сказки. В прошлой жизни мистер Дринкли кое-что рассказывал, а миссис Бонс и вовсе упоминала о феях так часто, словно они были ее надоедливymi родственниками. Но из уст Амброзиуса это прозвучало по-другому. Здесь, в этой комнате, набитой потрепанными старинными книгами, а также таинственными предметами вроде бронзовых маятников, сложных измерительных линеек, пахучих зелий и скрюченного скелета, торчавшего в углу, волшебное имя Feadh-Ree прозвучало так естественно, что я бы не удивилась, если бы сейчас распахнулась дверь, и вошел один из них.

– Когда я была маленькой, я слышала историю о трех дорогах от мистера Дринкли. Но там речь шла о праведниках, так что эта сказочка быстро выветрилась у нас из головы.

Мы с Глэдис с детства уяснили, что путь праведников – это не для нас.

Амброзиус мягко засмеялся:

– Наверное, ваш мистер Дринкли немного напутал. Как говорил Томас из

Эрсилдуна[6], есть три дороги: первая из них, узкая и крутая, заросшая колючками, – это путь праведников, и редко кто осмеливается идти им. Вторая, широкая и прямая, где пляшут солнечные зайчики и растут цветы, – это путь порока, он для простых смертных. Третья же, та, что вьется сквозь заросли папоротника, ведет в волшебную страну...

Он погасил спиртовку, накрыв пламя фитиля колпачком, и задумчиво добавил:

– Вот только никто из слушавших его так и не смог запомнить, как отыскать ту чудесную поляну, заросшую папоротником...

Дымок от погасшей спиртовки смешался с ароматом зелья, оставив на языке сладковато-горький привкус. У меня слегка закружилась голова. Утро выдалось пасмурным, больше похожим на вечер. Стол был освещен двумя свечами в высоких подсвечниках, и тень Амброзиуса двигалась вдоль стен и между шкафами, словно третий молчаливый участник беседы. В руке у него вдруг сам собой возник серебряный шиллинг, ловко вертящийся между пальцами. Голос волшебника доносился словно издалека.

...Есть два мира, как две стороны одной монеты.

Они находятся так близко, что между ними нельзя просунуть лист бумаги...

...И вместе с тем так далеко, что тебе пришлось бы стоптать не одну пару башмаков, прежде чем ты достигнешь волшебной страны.

...Только одни существа могут легко перемещаться из одного мира в другой – фоморы. Они приходят по кромке прибора, по краю тени, по гребню крутого холма...

Фоморы. Это тяжелое слово упало будто камень. Вздрогнув, я порылась в памяти, пытаюсь припомнить все, что знала о сказках:

– Фоморы – это вроде бы такие уродливые великаны, одноногие и одноглазые?

– Это просто аллегория, – рассмеялся волшебник. – Такими их изображают легенды, желая подчеркнуть, что фоморы одной ногой стоят в нашем мире, а другой – на Той Стороне. Говорят, что правым глазом они могут видеть наш мир, а левым – мир волшебный.

Конечно, я ожидала чего-то подобного, но все равно была ошарашена. Ну и дельце нам досталось! Конечно, фомору, с его-то способностями, ничего не стоит просочиться в чужой дом, даже не утруждая себя поиском двери. И учуять волшебный артефакт для него – плевое дело. Но как прикажете ловить такого преступника, если он в любой момент может ушмыгнуть в некий загадочный Дивный мир? Таких подозреваемых у нас еще не бывало!

Вероятно, растерянность отразилась у меня на лице, потому что Амброзиус вдруг улыбнулся, отчего от его глаз разбежались добрые морщинки, и успокаивающе похлопал меня по руке.

– Не бойся, дитя, сиды хитры, но, к счастью, в нашем мире довольно беспомощны. Магия – это тонкий духовный огонь, который согревает и пронизывает грубую глину нашего бытия. Слишком тонкий, чтобы гореть в местном воздухе. Чтобы творить волшебство в этом мире, приходится прикладывать массу усилий. Так что, пока ты здесь, «мистер Лайбстер» мало чем сможет тебе навредить. Но берегись, чтобы он не заманил тебя на Ту Сторону! Там он будет гораздо сильнее! Не бери его за левую руку, не принимай от него ни еды, ни

питья, и на прогулке с ним внимательно следи за дорогой. Если он трижды обведет тебя по кругу против солнца, ты можешь внезапно оказаться так далеко, что ни «ищейки» мистера Тревора, ни даже я не сможем тебя отыскать!

Все это я вкратце поведала ребятам, заодно вспомнив про бокал шампанского, который Лайбстер настойчиво предлагал на приеме. Нахмурившись, я обернулась к Фоксу:

– Я вчера здорово разозлилась на тебя, но, похоже, ты спас меня от незапланированного визита к фоморам, так что спасибо.

– Не за что, – болезненно поморщился Фокс. – Далось тебе это шампанское! Гадость редкостная, до сих пор не могу перебить вкус этой кислятины! – Он снова оглянулся в сторону Хаммонда. – Эй, дружище! Плесни-ка мне еще бренди! Да не в рюмку, что ты его в наперстках таскаешь, как приворотное зелье! В кружку давай!

– Если Сацилия вербует сторонников на Той Стороне, это важное известие, которое нужно срочно сообщить Тревору, – заволновался Нед.

– От короля Рауля еще не такого можно ожидать, – заметил Хаммонд. – Это как раз в его стиле. Он всегда интересовался мистическими учениями.

– Подождите, это не все, – спохватилась я. – Вчера я получила еще одно письмо. И у меня закралось подозрение, что его отправитель сейчас находится среди нас!

Глядя Фоксу прямо в глаза, я сунула злосчастную записку ему под нос. Остальные «ищейки» сгрудились позади. Фокс начал читать, и его брови медленно поползли вверх:

– Я такое не напишу даже спьяну! – возмутился он под шуточки и хохот товарищей. Понадобилось довольно много времени, прежде чем ребята переварили этот мадригал и немного пришли в себя.

– Знаете, мне все больше кажется, что эти записки – просто дело рук досужего поклонника, – задумчиво сказал Хаммонд, вертя в пальцах злополучное письмо. – Тебе, Энни, следует быть осторожной и не выходить в город одной. Если этот рифмоплет вздумает докучать, Уолтер живо свернет ему шею, так что он сможет смотреть вдоль своего позвоночника!

– Да, лично меня гораздо больше интересует Лайбстер, – вклинился Фокс. – Я, правда, не заметил за ним особых странностей. Просто урод с нервным тиком. Но мне он определенно не нравится. Надо будет за ним проследить.

– Не так-то просто подобраться к секретарю чужого посольства! – сказал Винс. Он редко подавал голос на совещаниях: обычно его рот был занят едой.

– О, у нас есть отличная приманка для этого фомора, или как там его! – осклабился Фокс. – Вчера он весь вечер тенью ходил за Энни, только что не ворковал, как токующий козодой! Ставлю шиллинг против дохлой мыши, что он будет искать способ свидеться еще раз!

– Слишком рискованно, – посерьезнел Нед, а я задумалась.

– Мы все время будем поблизости, – сказал Хаммонд, взглянув на меня внимательными умными глазами. – Конечно, Энни вправе отказаться...

– Да ладно, поняла уже, что одним светским раутом не отделаюсь, – пробурчала я. – Хорошо, попробуем вывести господина секретаря на чистую воду. – И, бросив сердитый взгляд на Фокса, предупредила: – Но замуж за него пойдешь сам в случае чего!

Глава 11

После утреннего разговора с Амброзиусом город виделся мне совсем по-другому. Когда мы с Недом возвращались на Гросвен-стрит, день уже перевалил за середину, и на улицах было довольнолюдно. Улица была та же, исхоженная мною вдоль и поперек, укутанная привычным сереньким туманом, похожим на старую свалывшуюся шаль. Изменилась я, а не она. Теперь я лучше понимала Амброзиуса, который говорил, что линейное время – это лишь фикция, порожденная человеческим воображением.

Эшентаун был очень старым городом, люди селились здесь веками, поколение за поколением, и я словно бы видела все его слои одновременно. Говорят, что каждый камень, попавший в Эшентаун, больше не покидает его, воплощаясь в новых и новых постройках. Вот этот угол дома когда-то был частью старой крепостной стены; вместо церкви Сент-Мари-де-Грейт, сотрясающей воздух колокольным звоном, на этом кургане, окаймленном рекой с юга, когда-то шумела священная роща, и по праздникам в ней зажигали огонь в честь совсем других богов. Мостовая, по которой мы шли, повторяла древний тракт, похороненный под толщей земли.

А еще раньше на этом месте среди зарослей ивняка возвышались богатые дворцы сидов. Сказки говорили, что сиды ушли из наших мест, растворились в бескрайнем Западном море, перебравшись по мостам, сотканным из лунного света, на волшебный Стекланный остров, который не под силу отыскать ни одному мореплавателю. Но сейчас мелькнувший под аркой разносчик в кучей обдергайке и красном колпаке вдруг показался мне похожим на лепрекона. Девушка, идущая навстречу, проводила нас взглядом таким пронзительным, как у baobhan-sith, так что я невольно посмотрела вниз: не мелькнут ли под юбкой оленьи копытца? А золоченый грифон, растопыривший крылья на каменном мосту, подмигнул мне так лукаво, словно под его опорой действительно был зарыт горшок с золотом.

Сказки ошибались. Сиды были здесь, их мир пронизывал наш, как солнечный свет проходит сквозь плотные тучи. Надо только уметь их видеть.

Когда мы с Недом подошли к дому, от ворот отъехала почтовая карета, до осей забрызганная грязью. В холле я споткнулась о гору чемоданов, рядом с которой лежала стопка картонок, увенчанная огромной собольей муфтой. В первую минуту я подумала, что это происки мисс Нидли, притащившей на примерку очередную кучу барахла из своей модной лавки, но, услышав оживленный разговор в гостиной, поняла, что к нам нагрянули гости. Причем гости основательные, либо решившие поселиться здесь насовсем, либо привыкшие ради удобства возить за собой половину дома.

– Думаю, приехала тетка Фонтероя, – шепнул Нед, и сердце у меня упало. Я-то надеялась спокойно пожить еще денька два или три. И вообще, зачем мне нужна какая-то патронесса?

Подозрение Уолтера тут же подтвердилось. На лестнице показалась Агата, как всегда энергичная, раздумянившаяся от спешки, с теплой шалью в руках:

– Леди Элейн приехала! – крикнула она на бегу и умчалась в сторону кухни.

– Ну, теперь я за тебя спокоен! – развеселился Нед, которого даже мимолетная встреча с Агатой могла привести в хорошее настроение. – Если она хотя бы вполтину так грозна, как лорд Фонтерой, никакой сочинитель записок к

вам даже близко подойти не посмеет! Как там у поэта: «Я встретил Вас – и стал заикой...»

– Тебе смешно, – прошипела я вполголоса. К нам уже направлялся мистер Батлер, предложивший проводить нас в гостиную. Дворецкий выглядел совершенно как обычно. Его профессиональную невозмутимость не поколебало бы нашествие целого выводка драконов. Хочешь не хочешь, а пришлось идти знакомиться.

Когда я переступила порог комнаты, мое сердце замерло на миг, а потом зачастило с удвоенной силой, стоило мне увидеть возле окна высокую фигуру Кеннета. После вчерашнего вальса я не могла относиться к нему как раньше. Весь прежний страх куда-то улетучился. Когда мы ехали на прием, я не решалась даже взглянуть в его сторону: перед глазами снова вставала оплавленная стена в грязном переулке, а горло невольно сжималось от удушливого горелого смрада. Сейчас все было по-другому... До сих пор в ушах звучали волшебная музыка вальса и тихий голос, без тени обычной самоуверенности, спрашивающий: «тебе нравится?»

Так что при виде Фонтероя я совершенно потерялась, а он не спешил помочь мне справиться с неловкостью. Он выглядел так, будто его внезапно одолела застенчивость, если предположить, что он в принципе способен на такое чувство. В результате я заметила леди Элейн, только когда она сама поднялась мне навстречу:

– Дорогая Энни, я так рада, – произнесла она глубоким, теплым голосом.

И подошла ближе, обняв меня. Это ласковое участие – ко мне, совершенно незнакомой девушке, от которой не было причин ждать чего-то хорошего – ошеломило меня почти до слез. Конечно, я не заплакала (уже давно никто не видел, чтобы я плакала, кроме Агаты), но прошло довольно много времени, прежде чем я смогла присоединиться к разговору.

К счастью, в этом не было особой необходимости. Лорд Фонтерой представил тетке Уолтера, рекомендовав его как талантливого служащего магистрата, личного помощника мистера Тревора. Присутствие Уолтера в своем доме граф объяснил очень просто: несколько дней назад сюда пытался забраться вор, поймать которого, к сожалению, не удалось, поэтому Кеннет попросил друга погостить у него некоторое время.

Из его слов я сделала вывод, что он не спешил посвящать тетку в свои проблемы.

Теперь, немного справившись с эмоциями, я могла лучше ее рассмотреть. На вид леди Элейн можно было дать лет сорок. Конечно, в глаза сразу бросалось их с Кеннетом фамильное сходство: прямой решительный нос, выразительные темные брови. Но Фонтерой, высокий и весь будто состоящий из острых углов, казался колючим даже будучи в человеческом обличье, а леди Элейн была маленькой и округлой, начиная от темных кудрей и заканчивая миниатюрными, почти детскими руками. Несмотря на полноту, двигалась она с необычайным изяществом. Она ходила так, как другие танцуют. И, кажется, таким же легким был ее характер.

Всего час назад я с тоской думала о приезде «драконихи», мечтая оттянуть момент знакомства как можно дальше, а теперь была почти в нее влюблена.

* * *

К обеду нас почтила своим присутствием леди Эмберли, отчего в столовой

стало как-то прохладнее. По сравнению с душевной теплотой Элейн холодность Клариссы особенно бросалась в глаза. Можно было простудиться, даже просто побеседовав с ней пять минут. А на вид она казалась сущим ангелом! Этот безмятежный взгляд, сиреневое платье из шелковистого крепа, скромная нитка жемчуга у горла... За столом леди Эмберли сидела безукоризненно ровно на краешке стула и держала вилку и ножичек под абсолютно правильным углом. Я никогда еще не видела, чтобы обед на Гросвен-стрит проходил так тихо. Фонтерой молчал как рыба. Уолтер под жалящими взглядами Клариссы смутился до слез, потом уронил вилку, окончательно смешался и полез за ней под стол. Судя по выражению лица, он мечтал остаться там до конца обеда. Даже Амброзиус как-то притих, изредка бросая заинтересованные взгляды на леди Элейн и тут же снова смущенно утыкаясь в тарелку.

Наконец, Элейн, решила нарушить тяжелое молчание:

– Я слышала, что вчерашний обед у виконта де Шарбона очень удался, – заметила она.

Кларисса тут же оживилась:

– О, сацилийцы умеют устраивать приемы, этого у них не отнимешь! У них всегда прекрасно вышколенная прислуга, изысканные блюда и великолепно подобранный оркестр. Хотя, – она бросила косой взгляд в мою сторону, – поведение некоторых дам вчера показалось мне несколько фривольным. Впрочем, я полагаю, можно многое простить девушкам, которые не извели материнской любви.

Это был увесистый камень в мой огород, однако возразить было нечего. Я сделала вид, что оглохла на одно ухо, и молча занялась палтусом на моей тарелке.

– Мне также рассказали, что вам удалось уговорить лорда Мериваля немного поиграть? – поспешно спросила Элейн. – Как досадно, что я опоздала всего на день! Мериваль капризен, как примадонна, теперь мы не скоро его услышим!

– Уверена, что вам он не откажет, – сладко улыбнулась леди Эмберли. – Все знают, как мало в Эшентауне людей, которые так ценят и понимают музыку, как мы с вами! Музыка для меня превыше всего. Лорд Мериваль вчера показал мне несколько новых импровизаций – ах, это божественно, вы просто обязаны их услышать! Кстати, а вы, мисс Энни, что предпочитаете играть? – вдруг обернулась она ко мне.

Она прекрасно знала, что я не владею никаким инструментом, поскольку уже спрашивала об этом на вчерашнем приеме. Ей просто хотелось унижить меня перед Фонтером и его теткой.

– Я вообще не играю. У меня совершенно деревянные пальцы, – безмятежно ответила я.

Длинная пауза и поднятые брови леди Эмберли наглядно продемонстрировали ее изумление моей необразованностью. Хотя лично меня образование, полученное в «уличном колледже» Кречи, вполне устраивало. Думаю, оно учит жизни не хуже, а то и лучше, чем строгие гувернантки и закрытые школы. По крайней мере, двоечников среди нас не было. Они попросту покидали этот бранный мир по ходу обучения.

– Но вы хотя бы поете? – не отставала Кларисса.

Подняв голову, я посмотрела ей прямо в лицо:

– Только когда хочу оскорбить чей-то слух.

Вообще-то мистер Бобарт пытался нанять мне учителя, ведь воспитанным девушкам полагается мило чирикать под музыку, словно птичкам. Природа наградила меня неплохим слухом, а в придачу к нему – таким пронзительным голосом, что дребезжала посуда на полке. С уроками у нас не задалось. Сначала старый Хью, владелец «Синего якоря», начал жаловаться, что я распугиваю клиентов, потом по округе поползли слухи, что в нашем углу то ли завелась банши, то ли бродит чей-то неуспокоенный дух. Наконец, после визита священника, которого соседи пригласили освятить все дома в переулке, мы решили покончить с музыкой.

– Уверена, что ты скромничаешь, дорогая, – ободряюще улыбнулась мне леди Элейн. – Кроме того, девушке необязательно и даже нежелательно преуспевать во всех искусствах. Женщина неумеренных достоинств способна вызвать аплодисменты, но никак не пылкие чувства.

Кларисса польщенно улыбнулась, хотя мне показалось, что Элейн изящно щелкнула ее по носу. Но это было сделано так тонко, что не подкопаешься. О, у этой женщины многому можно было поучиться! Мое восхищение росло с каждой минутой.

– Вы приехали с юго-восточного побережья, леди Фонтерой. Слышно ли там что-нибудь о сацилийцах? – спросил Уолтер, тоже наверняка желая отвлечь внимание от обсуждения моих недостатков. Правда, его попытка сменить тему вышла довольно неуклюжей.

– О, конечно! – воскликнула леди Элейн, с тревогой оглянувшись на Фонтероя. – Все только и говорят, что о готовящемся вторжении сацилийцев. Люди уезжают из Дуверна целыми семьями!

Леди Элейн владела поместьем Аппор-холл в графстве Канхи недалеко от порта Дуверн. Сацилия находилась меньше чем в сотне миль от этого города, через пролив.

– Чепуха, – резко ответил Фонтерой. – О каком вторжении может идти речь после того, как мы наголову разбили их под Тарфалем? На чем они собираются пересекать пролив, хотел бы я знать?

– Говорят, что король Ральф собирается использовать флотилию воздушных шаров для высадки десанта. Наши солдаты спешно укрепляют стены. Башни мартело[7] растут по всему побережью, как грибы, – рассказывала Элейн.

– Может быть, Ральф и построит воздушные суда, но кто наколдует им попутный ветер? – саркастически спросил Фонтерой. – Учитывая типичную местную погоду, их шары отнесет в Биарланд или еще дальше на север. Вот уж белые медведи обрадуются неожиданной закуске, свалившейся прямо с неба!

– Ну, если сацилийцы смогут найти воздушные суда, способные перемещаться независимо от ветра... – начал рассуждать Уолтер.

«Дракон! – вдруг осенило меня. – Дракон – вот идеальный летучий корабль, к тому же оснащенный огнеметом!»

Я даже поперхнулась пирожным, окончательно уронив себя в глазах Клариссы. Нед поспешно предложил мне стакан воды. Отдышавшись, я немного пришла в себя и поспешила выбросить из головы пугающую картину. Бредовая идея! Никогда такого не было, чтобы дракон выполнял человеческие при-

казы!

И все-таки мысль о дрессированном боевом драконе так меня захватила, что я продолжала что-то жевать, не чувствуя вкуса еды и не принимая участия в дальнейшем разговоре. Одно хорошо: все остальные колкости леди Эмберли прошли мимо моих ушей.

* * *

После обеда, когда Кларисса, наконец, отбыла восвояси, я не сразу поднялась к себе, а задержалась в гостиной. Мне хотелось поговорить с Уолтером наедине и подробнее обсудить стратегию охоты на мистера Лайбстера. К сожалению, Нэд застрял на кухне, наслаждаясь общением со своим предметом страсти, то есть с Агатой. Миссис Бонс не мешала им, занятая приготовлением теста для очередного кулинарного шедевра. Мне тоже не хотелось путаться у них под ногами, поэтому я ушла наверх.

Сидеть в гостиной было скучно. Я заметила, что леди Элейн всегда могла занять руки вышивкой или книгой, но такая игрушечная деятельность нагоняла на меня тоску. Я уже подумывала подождать Неда в саду, как вдруг услышала в холле голоса. Это были Элейн и Фонтерой. Вскочив с кресла, я бесшумно проскользнула к двери и наострила уши. Вообще-то подслушивание в этом доме не поощрялось, поэтому я постаралась спрятаться получше. Самым страшным опасением было, как бы в гостиную не вошел мистер Батлер. Он имел скверную привычку внезапно возникать словно из ниоткуда. Однако никакой страх, никакая сила не могли сейчас сдвинуть меня с места – ведь Элейн с Кеннетом говорили о Клариссе! Меня точило едкое любопытство.

– ...да, но ее поведение за столом мне совсем не понравилось! – возмущалась леди Элейн. – У нее нет никакого права читать нотации нашей Энни!

Спокойный голос Фонтероя примирительно ответил:

– Кларисса очень щепетильно относится к вопросам, касающимся репутации. Она действовала из лучших побуждений. Энни совершенно неопытна, и ее непосредственность кто-то может принять за распущенность.

– Как это мило с твоей стороны, так думать! – саркастически заметила леди Элейн, пока я пыталась переварить этот нелестный комментарий. – И все-таки зря ты вчера попросил Клариссу о помощи! Некоторые люди в своем стремлении причинить добро не могут вовремя остановиться. Лучше бы ты дождался меня!

– Но тебя вчера не было, а благодаря Клариссе Энни смогла прекрасно провести время. Кажется, она произвела сильное впечатление на наших спесивых болванов. Сегодня утром дверной молоток просто не умолкал, и на подносе в холле я заметил кучу карточек от джентльменов, которые вчера были поражены ее красотой.

Судя по легким шагам, прозвучавшим в холле, леди Элейн отправилась инспектировать поднос.

– О, действительно! – радостно воскликнула она. – К нам заходил даже лорд Кервуд! Чувствую, что нынешний сезон будет интересным. Нам обязательно нужно дать прием в честь Энни. Тихий скромный вечер – без танцев, только музыка и карты, – то, что нужно для первого появления в обществе!

– Это так необходимо? – в голосе Фонтероя слышалось уныние.

– Если ты против, тогда я устрою прием в честь моего приезда! Знаешь, дорогой Кеннет, когда ты хмуришься, то становишься похож на мрачного палту-

са!

Некоторое время из холла доносилось неразборчивое бормотание. Потом снова раздался звучный голос Элейн:

– Хорошо, мы можем обсудить это завтра. Пойдем в библиотеку, покажешь мне свои последние приобретения. Ты писал, что заказал несколько книг на сацилийском? И я с радостью посмотрела бы на офорты того астильского художника, Лусьентеса. О нем ходит масса любопытных слухов!

Выждав, пока голоса затихнут, я осторожно спустилась. На столе, на серебряном подносе действительно лежала россыпь карточек. Некоторые фамилии показались мне вовсе неизвестными, другие слабо ассоциировались с лицами их обладателей, так что я не знала, поздравить себя или посочувствовать. Вдруг взгляд упал на фамилию Уайтвуда, и сердце наполнилось теплом. Оливер мне понравился. Приятно, когда к тебе проявляет внимание такой открытый, светлый и обаятельный человек! Пусть он лишен таинственной притягательности лорда Фонтероя, возможно, это только к лучшему!

Карточки мистера Лайбстера на подносе не было.

Глава 12

Не успели мы пережить приезд «драконихи», как на следующий день особняк на Гросвен-стрит подвергся нашествию виверн. Проще говоря, нас навестила леди Виверхэм с двумя дочерьми.

Произошло это ранним утром, когда мы с Недом сидели за завтраком. Фонтерой еще не спустился, а леди Элейн предпочитала завтракать у себя. Миссис Бонс только что отнесла ей наверх кофе с бисквитами.

Стоя возле буфета, на котором исходили паром тяжелые блюда под серебряными крышками, я пыталась сделать сложный выбор между омлетом и гренками с печеночным паштетом. Тут-то меня и настиг Уолтер, с ходу накинувшись с претензиями по поводу «моей новой подруги» Клариссы. Моей подруги?! Ошеломленная этой новостью, я хлопала глазами и не знала, что ответить.

– Может, она и будущая хозяйка этого дома, но все равно ей не следовало упрекать Агату в недобросовестности! Она и так работает за троих! Она же не виновата, что Фонтерю пришлось распустить почти всю прислугу!

Слово за слово мне удалось вытянуть из него, что Кларисса вчера ласково попеняла Агате за пыльную мебель в гостиной: «Станный обычай для прислуги – брать лишней выходной, когда дом зарастает грязью». Горничная, всегда добросовестно относившаяся к своим обязанностям, очень расстроилась.

Мне тоже показалось, что вчера вечером Агата была слишком тихой, но я приписала это банальной усталости. Нам всем пришлось изрядно поволноваться.

– Поверь, мои отношения с леди Эмберли очень далеки от дружеских! – попыталась я успокоить разбушевавшегося Неда.

– Зачем она вообще лезет не в свое дело!

– Лорд Фонтерей сказал бы, что она хочет только добра, – съязвила я.

– Да ничего она не хочет! Ей нравится показывать свою власть над людьми, вот и все!

В этот драматический момент в комнату вошел Батлер, объявив о приезде леди Виверхэм. Выглянув в холл, я сразу же узнала ее тучную фигуру. Сегодня

она была без тюрбана, но ее утренний сине-зеленый туалет, отделанный пышным кружевом, производил не менее сильное впечатление. Во внешности этой леди было что-то экзотическое. Ее сопровождали две хорошенькие девушки с круглыми карими глазами и пушистыми локонами цвета имбиря, одетые в одинаковые муслиновые платья.

Стоило мне их увидеть, как тут же захотелось прокрасться наверх и запереться в комнате, сославшись на головную боль, внезапную простуду, тиф, холеру – да что угодно сойдет! Что мне с ними делать? О чем говорить? Любая тема казалась слишком неловкой. Вряд ли им будет интересно узнать, например, о нелепой гибели пивовара, утонувшего в чане с горячим суслон, или о поимке одного головореза-эринца[8] на Флит-Бридж-стрит, в драке с которым Уолтер проявил небывалый героизм. Эта история пользовалась большим успехом в «Золотом лососе», нашем любимом пабе, но для светской гостиной явно не годилась.

– Фанни, дорогая! – вдруг послышалось с лестницы. Там стояла Элейн в пеньюаре и кружевном чепце.

– Элейн!

Встретившись на середине лестницы, пожилые дамы радостно обнялись. Надо же! Леди Элейн и «виверна» оказались старинными подругами!

Спустя полчаса они сидели рядышком на софе в голубой гостиной, с удовольствием обмениваясь свежими сплетнями, а мы с Селиной и Селией уютно устроились в уголке, где стояло старинное фортепиано. Принимать визит оказалось вовсе не страшно. Одно мне непонятно – зачем называть дочерей похожими именами, если их и без того сложно различить?! Сестры были похожи, как две горошины в стручке. За исключением маленькой неловкости, вызванной этим обстоятельством, все шло отлично. Усевшись за пианино, девушки болтали за троих, а моих познаний в музыке как раз хватало на то, чтобы вовремя переворачивать ноты. Я кивала, улыбалась и краем уха старалась прислушиваться к разговору старших дам.

– ...Брекнелл женится на мисс Филдинг, это уже решено. На мистера Рэттуэя я бы тоже не рассчитывала, он страдает от хронического истощения кошелька и уже третий год пребывает в поисках богатой наследницы, – рассказывала «виверна». – Что поделаешь, дорогая Элейн, хорошие мужья не растут, как грибы, под каждым кустом!

Очевидно, дебют своих дочерей здешние дамы планировали так же тщательно, как мистер Тревор – операцию по поимке преступника. Удивительно, как в Эшентауне еще уцелели холостые мужчины!

Моя персона тоже удостоилась обсуждения:

– Милая девочка, очень милая девочка, – говорила леди Виверхэм, бросив на меня быстрый взгляд. – Не знаю, почему оказываете ей покровительство, но если она из Фонтероев, то явно родилась в рубашке, и вам будет совсем нетрудно выдать ее за приличного джентльмена!

Разумеется, своей родственнице Фонтерой не мог предъявить внезапно объявившуюся новую кузину. Как я слышала, он наплел леди Элейн, будто я – дочь его покойного близкого друга, о которой он якобы обещал позаботиться, когда она достигнет совершеннолетия. Мне было очень неловко лгать такой достойной женщине, как Элейн, но я утешала себя, что это делается ради благого дела. Кроме того, мой маскарад не должен был продлиться долго.

От приступа самоедства меня отвлекло веселое восклицание Селины. Или, возможно, Селии:

– На днях мы собираемся погулять в Текучих садах. Надеюсь, вы с леди Элейн сможете к нам присоединиться!

Эта новость заставила меня позабыть обо всем на свете. Текучие сады! Одно из трех чудес Эшентауна, по легенде, доставшееся нам от сидов! Другими чудесами были театр «Дримхилл» на Клинвэлл-плейс и кладбище возле Торнийского аббатства, где изредка можно было встретить Туманного человека или Джека-на-пружинах – таинственных, пугающих созданий, явно не принадлежащих к нашему миру.

Текучие сады (или «Фэйри-гарденз», как их еще называли) представляли собой гигантскую оранжерею под открытым небом площадью в несколько акров, где даже в стылую зиму царила вечная весна. Теплая атмосфера поддерживалась магическими накопителями: серые каменные монолиты были установлены по всему периметру парка. Между ними колебалась мутная магическая завеса, удерживающая тепло и не позволяющая взгляду проникнуть внутрь. Если коснуться столба ладонью, можно было почувствовать глубокий монотонный звук, причем каждый монолит звучал по-своему. В детстве я могла часами так развлекаться. Когда выпадал удобный случай, наша стайка сорванцов подолгу торчала возле «Фэйри-гарденз», надеясь, что в завесе откроется хоть крошечная прореха. В конце концов, нас прогонял сторож – косматый черный мужик, похожий на медведя, вставшего на задние лапы. Наше присутствие почему-то выводило его из себя. Стоило ему увидеть хоть одного «оборвыша», как он тут же раздражался проклятьями, потрясая устрашающей метлой. А теперь он мне не страшен!

Улыбнувшись Селине (или Селии, кто их разберет), я искренне ответила:

– Разумеется, мы будем очень рады.

* * *

С приездом леди Элейн дом на Гросвен-стрит словно проснулся от спячки: встряхнулся, распахнул чисто вымытые глаза-окна, принялся насвистывать сквозняками в прежде наглухо запертых комнатах. С мебели и картин снимались белые марлевые чехлы, по коридорам сновали уборщицы, нанятые в помощь Батлеру и Агате, несмотря на возражения мистера Тренора. Многоярусную люстру в самой большой гостиной освободили от холщового чехла, спустили вниз и почистили, так что ее подвески засверкали, словно россыпь бриллиантов. Миссис Бонс ежечасно советовалась с Элейн по поводу праздничного меню, постоянно пробовала новые рецепты и каждый вечер потчевала гостей таким количеством блюд, что Нед Уолтер закатывал глаза и грозился привести сюда Винса. Леди Элейн была полна решимости устроить небывало роскошный прием, о котором еще долго говорили бы в городе. От ее зоркого хозяйского взгляда не ускользала ни одна, самая незначительная деталь.

Спасаясь от неумеренной энергии своей тетки, Фонтерой попытался укрыться в библиотеке. Однако стоило ему устроиться в кресле с томиком ин-кварто в руках и плеснуть в стакан золотистого виски на два пальца, как в комнату завила Элейн, бормоча что-то о столах для виста.

– Я так и думала, что сюда прекрасно поместятся два стола, – удовлетворенно сказала она, озирая помещение. – Хорошо, что я сохранила свои связи. Я знаю двух-трех старых ворчунов, готовых приехать куда угодно, чтобы сыг-

рать в вист. Они еще те зануды, но их присутствие придаст вес вечеринке. – Элейн воодушевленно прошла по комнате. – Нужно будет еще нанять небольшой оркестр, чтобы он услаждал наш слух спокойной, тихой музыкой. Или нет! Пусть лучше сыграют пару контрдансов. А может быть, даже вальс? Как ты думаешь, Кеннет, это не слишком шокирует наших почтенных матрон?

– Я не нахожу в вальсе ничего шокирующего, – пожал плечами Фонтерой. – Его танцуют даже на Ассамблеях Уорда.

«Однако он может шокировать, если ты вальсируешь с девушкой, похожей на живое пламя». Взволнованное лицо Энни снова встало у него перед глазами, и Кеннет поспешно отхлебнул виски, прячась за стаканом от слишком пронизательного взгляда своей тетки.

– Да, вальс любую, самую занудную вечеринку сделает неожиданно модной! – воскликнула Элейн, захлопав в ладоши. – Решено! Кстати, я еще хотела уточнить насчет напитков. Мне заказать их у Мартина?

– Конечно, нет! Мой погреб в вашем распоряжении. Как и весь остальной особняк. Я бы только хотел оставить за собой эту комнату, если вы не возражаете.

– Пойду поищу Батлера. Он обещал что-нибудь придумать насчет навеса над парадным входом, – сказала Элейн, полностью проигнорировав просьбу Кеннета насчет библиотеки.

– Почему бы вам не взять себе в помощь Энни? В ней таится масса энергии, которую было бы полезно направить в мирное русло, – предложил Фонтерой.

«И, возможно, это хотя бы на время отвлечет ее от других авантур».

– Энни сейчас пишет карточки для приглашений. Она мне нравится. Ты правильно сделал, что взял ее к нам! Ручаюсь, до ее приезда этот дом был похож на унылую гробницу!

– О, да. На тихую, уютную гробницу с отлично подобранной библиотекой, – саркастически заметил граф.

– Но Кеннет, этот пансион, в котором она воспитывалась...

– Что с ним не так?

– Бедное дитя, да она, должно быть, росла в монастыре! Кстати, мне не нравится твой кашель, – нахмурилась Элейн. – Знаешь, дорогой, воздух Эшентауна для тебя явно вреден!

– Ничего страшного, – прохрипел Фонтерой, пытавшийся за кашлем скрыть приступ смеха. – Ты говоришь, в монастыре?!

– Вчера мы выезжали в Серпент-парк, и я была поражена, как она радуется развлечениям, которые девушки ее возраста считают самыми обыкновенными! А потом мы прогулялись по Форланд-стрит, и мне пришлось приложить массу усилий, чтобы уговорить ее купить себе перчатки! У Энни какой-то пунктик насчет того, что ей не следует тратить твои деньги.

Фонтерой скептически вздернул бровь:

– Я желаю ей как можно скорее избавиться от этого предрассудка. Значит, вы побывали на Форланд-стрит? Могу себе представить, как лавочницы и модистки обрадовались твоему возвращению! Я помню, что мадам Пэлхем передавала тебе горячие приветы еще три года спустя после того, как ты уехала в Апнор!

– О, спасибо, что упомянул о ней! Я хотела заказать у нее новые скатерти.

Старые уже никуда не годятся!

Кеннет с грустью подумал, что ему придется подыскать себе другое убежище на ближайшую неделю. Кажется, в особняке осталась лишь одна комната, свободная от притязаний леди Элейн – кабинет Амброзиуса.

– Вы были не вполне правы, – сказал он, входя к волшебнику с двумя книгами подмышкой. – Этот дом был хорош для одного дракона, но слишком тесен для двоих!

Граф заметил, что стол, за которым обычно работал Амброзиус, сегодня был необычно пуст, а сам волшебник – странно задумчив. В середине стола на расчищенном месте одиноко стоял круглый хрустальный флакон. В воздухе расплывался терпкий медовый аромат и звучали отголоски магии, что-то вроде призрачного шепота по ту сторону слуха и разума. Фонтерой так и замер на пороге.

– Неужели у вас получилось?!

– О нет, – Амброзиус встрепенулся и снова поник. – Это зелье не для вас. Это, скажем так, альтернативный вариант решения проблемы.

– Интересно. И какой же?

– Вы никогда не думали, что вместо того чтобы подавлять в себе дракона, можно избавиться от проклятья раз и навсегда? В пророчестве не зря говорится о девушке...

Фонтерой отмахнулся, пожав плечами:

– Не в моих обстоятельствах сейчас ухаживать за девицами, да и нет у меня времени на это... Постойте, так это что – любовное зелье? Вы серьезно? Собираетесь попотчевать какую-нибудь глупышку настойкой из «драконьей крови»[9], чтобы уберечь меня от превращения в дракона? Какая ирония!

Рассмеявшись, он положил книги, подошел к камину и принялся разбивать тяжелыми щипцами крупные угли в очаге. Амброзиус, насупившись, молча сидел у стола.

– Я давно уже бросил попытки отделить доброе от злого, чтобы не лгать самому себе, – произнес волшебник усталым, надтреснутым голосом. – Я видел, как добрые намерения приводят к страшным последствиям, видел и обратное...

– Так вы не шутите? – Фонтерой, вздернув бровь, обернулся. – И кому же предназначается этот флакон?

Оба, вероятно, одновременно подумали об одном и том же человеке, и Амброзиус даже отпрянул под взглядом побелевших от ярости драконьих глаз на человеческом лице. Он поспешно отгородился столом, вдруг с пронзительной ясностью сообразив, что находится в дальней глухой комнате наедине с почти-что-драконом. Даже воздух в комнате звенел от гнева. Но Фонтерой, тяжело вздохнув, все же справился с собой. Он отошел от камина, аккуратно прислонив искореженные щипцы к стене.

– Вы что же, полагаете, что у меня нет чести? – спросил он тихим голосом, который был страшнее любого крика. – Вы думаете, что я способен нарушить слово, данное Клариссе, и соблазнить невинную девушку, чтобы спасти свою шкуру?!

– Не только свою, – сердито буркнул волшебник. – Вы забыли про Сацилию? Слишком многое поставлено на карту! Кроме того, Энни молода. Она это легко переживет. В семнадцать лет даже полезно попробовать разбить себе сердце,

хотя бы ради того, чтобы убедиться, что дело того не стоило.

Фонтерой криво улыбнулся:

– Вижу, что в женщинах я разбираюсь лучше вас, мой ученый друг. Вероятно, сказывается богатый опыт. Взять хотя бы Энни. Вы хоть раз пробовали бросить взгляд за панцирь из шуточек и показной бравады, под которым она обычно прячется? Хоть раз видели ее – настоящую?

– А вы? – тихо спросил волшебник, снова усаживаясь обратно. Фонтерой тяжело опустился на стул рядом с ним, положив на стол сцепленные руки.

– Знаете, что меня в ней восхищает? Ее смелость жить настоящим, всей душой проживать текущий момент. Мало кто решается на это. Мы мастерски научились избегать жизни, застревая в прошлом или откладывая ее на будущее. А вот Энни не боится, несмотря на то, что прежняя жизнь в Кречи наделила ее немалым цинизмом, отравила тоской и страхом одиночества. И вы хотите, чтобы я так с ней обошелся? Даже не думайте.

Ему вдруг захотелось уйти. Проклятый флакон, маячивший перед глазами, казалось, источал удушливый приторный аромат гнилых плодов. Вся эта комната, пропитанная любовными чарами, кружила голову и давила на виски.

– Где же вы предпочитаете прятаться от жизни: в прошлом или в будущем? – спросил Амброзиус, рассматривая свои пальцы так, словно видел их впервые.

Фонтерой, уже направлявшийся к двери, оглянулся:

– Ну, мое будущее будет очень коротким, если вы не приготовите, как обещали, чудодейственное средство, способное любого человека превратить в бесчувственное бревно. Я очень надеюсь на вас, господин Амброзиус. Только Энни, пожалуйста, оставьте в покое.

* * *

Когда за графом закрылась дверь, волшебник горестно покачал головой. Этот молодой упрямец, Кеннет, скорее умрет, чем пожалуется на что-то, но Амброзиус не зря обладал зорким взглядом лекаря, и вид подопечного сказал ему о многом. Скованные движения, влажные от пота виски, тени под глазами и закушенная губа, когда он выпрямился, разбудив огонь в камине, – все это говорило о том, что неведомый злопыхатель начал эксперименты с амулетом. Возможно, он хотел чего-то добиться от Фонтероя. Или просто издевался – бывают же такие извращенные натуры, которым нравится чувство власти над другим человеком.

Взяв флакон, Амброзиус открутил крышечку и наклонил его над камином. Несколько капель, зашипев, упали в серую золу. В воздухе сильнее запахло розами и сандалом, закурился розоватый дым, свернувшись на миг в лукавое большеглазое лицо с остреньким подбородком. Лицо это было волшебнику хорошо знакомо. Нимуэ, его бывшая коварная возлюбленная... Один миг – и все исчезло, остался только аромат, тяжелый и сладкий, как ее духи.

– Это даже не было бы Запрещенным Вмешательством! – сердито сказал волшебник в глухое черное нутро камина. – Просто чуть-чуть подтолкнуть события! А теперь придется идти длинным путем, и я понятия не имею, сколько у нас осталось времени!

Передумав, он закрыл флакон и сердито сунул его на каминную полку. Вернулся к столу. Достал свертки с лечебными травами, вынул из блистеров несколько разноцветных таблеток, ссыпал их в ступку. Взял в руку тонкий ме-

лок и вздохнул, пытаюсь сосредоточиться. Для предстоящей работы следовало отринуть гнев и жалость, приведя свой дух в состояние внутреннего равновесия. Несколькими точными штрихами Амброзиус нарисовал на столе правильный шестиугольник и разложил в его углах разные травы, сообразно их предназначению. Потом закрыл глаза и замер, собирая вокруг себя тишину магии.

Глава 13

Когда я увидела, какое устрашающее количество булочек, сладких лепешек, сэндвичей и пирогов приготовила миссис Бонс к завтраку, то поняла, что вскоре придется снова приглашать мисс Нидли, снимать новые мерки и расставлять платья. Сверхъестественным усилием воли отказавшись от ореховых колечек и кремовых пирожных, я взяла себе кофе с сэндвичем и уселась за стол.

Миссис Бонс иногда ворчала, что едоки из нас были так себе. Уолтер был слишком занят мыслями о расследовании, так что забрасывал еду в организм чисто механически, не особо обращая внимания, что лежит у него на тарелке. Я сегодня мучилась головной болью после ночного сидения над записками. Предположение Хаммонда о том, что записки – лишь знак внимания некоего поклонника, меня не очень убедило. Отчего-то казалось, что под легким фривольным содержанием эти письма таят в себе скрытый зловещий смысл. Агата была со мной солидарна, убеждая меня не выбрасывать записки, а бережно хранить их, ибо чем больше их будет, тем легче мы сможем найти какую-нибудь закономерность. Однако пока единственное, за что удалось зацепиться – это тот факт, число символов в обеих записках ровно делилось на восемь. Ночью я расписала буквы по строкам, потом по столбцам, попробовала применить частотный анализ – бесполезно. Когда от свечи остался только оплывший огарок, а в глазах уже рябило от букв, я сдалась.

Фонтерой сегодня тоже выглядел довольно бледно и почти не ел. Наверное, начал сознавать, какой ураган в лице леди Элейн он вызвал на свою голову. Его тетя никому в доме не давала спуска, отказать ей в чем-нибудь было решительно невозможно. Моя рука почти онемела от бесконечных приглашительных карточек. Даже Батлер, прежде чем войти в комнату, сначала старался осторожно выяснить, какова вероятность, что он встретит там неугомную леди Фонтерой.

Однако сегодня нас вместо хозяйственных хлопот ожидала долгожданная прогулка в Текучих садах. Мое радостное предвкушение немного омрачал тот факт, что к нам собиралась присоединиться Кларисса, однако с другой стороны это было даже кстати. Это могло уберечь Агату от ее очередного карательного десанта, а Фонтероя – от лишней порции сладкого яда, который леди Эмберли лила ему в уши под видом ласковой заботы. Украдкой взглянув на осунувшееся лицо Кеннета, я подумала, что отдых ему просто необходим.

Еще одной причиной, по которой я так рвалась в «Фейри-гарденз» было то, что я надеялась встретить там мистера Лайбстера. Увидеться с ним оказалось не так-то просто. Мистер Лайбстер, очевидно, был идейным противником визитов. За прошедшие четыре дня он ни разу нас не навистил, а прибегнув к осторожным расспросам, я выяснила, что другие дома он тоже не баловал вниманием. Можно было подумать, что он слег от простуды или умер, однако

Фокс с Хаммондом, неусыпно следившие за сацилийским посольством, известили нас, что там-то он появляется регулярно. Может быть, я смогу встретить его хотя бы на прогулке? Зимой многие знатные эшентаунцы любили гулять в Текучих садах. Каждому хотелось вырваться хоть ненадолго из опостылевшей ледяной слякоти.

В парк мы отправились в модной четырехместной коляске, запряженной парой гнедых лошадей. Леди Элейн, глядя на них, всегда вздыхала. В Канхи она состояла в охотничьем клубе, прекрасно ездил верхом и сама управляла маленьким ландо. Однако лошади Фонтероя были слишком норовисты, и он категорически настаивал, чтобы мы всюду ездил в сопровождении грума, хотя Элейн так и рвалась взять вожжи в свои руки. Я же править вообще не умела, поэтому просто наслаждалась поездкой.

Должна сказать, что из роскошного экипажа Эшентаун выглядит совсем по-другому, гораздо привлекательнее! Наша коляска проезжала мимо нарядных вывесок, обгоняла важных лакеев, спешивших по поручениям своих хозяев, и «бегунов-горлодеров», выкрикивавших последние новости. Меня позабавил фонарщик, который, засмотревшись на нас, запнулся о свою же лестницу и едва не упал.

– Хлебные бунты! Арест бунтовщиков на Кларкенэлл-плейс!

Навстречу коляске с пронзительными воплями промчался шустрый мальчишка с пачкой газет.

Элейн опечаленно вздохнула:

– Столько бед из-за этой континентальной блокады... Проклятые сацилийцы! Цены на хлеб подскочили почти на треть! Я слышала, что в некоторые районы города пришлось отправить конные патрули.

Как правило, конные стражники патрулировали дороги за городом. Придорожные кусты в тех местах изобиловали разбойными засадами, которые каждую богатую карету рассматривали как свою законную добычу. В последние годы в окрестностях Эшентауна развелось много таких бродяг.

– Помяни мое слово, добром это не кончится! – продолжала Элейн. – Кеннет говорил, что, возможно, ему придется уехать в Астилию.

– Зачем? – удивилась я.

– Астилийцам от этой блокады приходится хуже всех. Вся их экономика держится на поставках шерсти, которую теперь некуда отправлять. Вряд ли они станут с этим мириться! Стоит чуть-чуть подлить масла в огонь – и сацилийский король на собственной шкуре узнает, что такое астильская герилья! [10]

Значит, Фонтероя собирались отправить за море, чтобы он разжег огонь партизанской войны в Астилии. Вот когда я пожалела, что мало интересуюсь политикой! От слов Элейн у меня в груди будто вырос тяжелый ледяной ком. Страх за Кеннета мешался с досадой. Почему он мне ничего не рассказывал? «А кто ты такая, чтобы он делился с тобой своими планами?» – подсказал здравый смысл. И все равно мне было обидно.

Я не успела расспросить Элейн поподробнее, так как возле массивной каменной арки, за которой начинались Текучие сады, случилась небольшая заминка. Откуда ни возьмись, огромный, как теленок, черный пес метнулся из-под колес экипажа, напугав лошадей. Наш грум оказался на высоте. Он удержал коляску одной рукой, вытянул пса хлыстом – и мы с разгону влетели под

арку. Мир вокруг разительно изменился. Вместо промозгой сырой улицы нас обступил океан плещущей зелени, согретой мягким алхимическим огнем. В лицо дохнуло теплом и ароматами весенних цветов. Я завертела головой, не веря своим глазам. Над нами было все то же низкое серенькое небо, однако вокруг царила весна. Вдоль главной аллеи, вымощенной розоватым камнем, росли каштаны, чьи цветы в темных кронах сияли так мягко, словно белые свечи. Отчаянно цвели тюльпаны – желтые, сиреневые, пурпурные и даже черные. Я слышала, сумасшедшие коллекционеры съезжались сюда со всех уголков Грейвиллии, чтобы полюбоваться редкими видами и, может быть, купить пару луковиц за бешеные деньги. Откуда-то издалека доносился ровный, умиротворяющий шум падающей воды.

Оставив меховые накидки в коляске, мы поспешили к ожидающей нас леди Виверхэм. Ее дочери и Кларисса тоже были здесь.

– О, и Меллинг с ними! – сказала Элейн слегка упавшим голосом.

Этого молодого господина я частенько видела в компании Селии и Селины. Он всегда выглядел, как настоящий денди: тщательно уложенные волосы, модный шейный платок, очки, кармашек для часов и все такое. Селина говорила, что он недавно приехал в Эшентаун из университета. Похоже, что в науках мистер Меллинг себя не проявил, зато обладал другим счастливым талантом: в любом обществе он чувствовал себя легко и непринужденно, как блоха на собаке. Его истинной страстью была поэзия. Как все начинающие поэты, он чрезвычайно любил делиться плодами своего таланта, а также испытывал сильную склонность к засадам, внезапно выпрыгивая на вас из кустов с очередной «удачной строфой». В общем, прогулка в его обществе могла стать серьезным испытанием для нервов.

– Будем надеяться, что сегодня Муза ему изменит, – шепнула я своей патронессе.

– В таком-то романтическом месте? Нет, боюсь, новой поэмы нам не избежать.

Обменявшись традиционными приветствиями с другими дамами, мы задумались, куда бы направиться. «Фэйри-гарденз» предлагали массу увеселений. Главная аллея и боковые дорожки пестрели яркими шляпками и зонтиками. Неподалеку собралась кучка зевак: там какой-то щуплый старичок демонстрировал зайца, танцующего на тамбурине. В киосках, увитых зеленью, продавали вино, пунш, сэндвичи с ветчиной и четвертинки кур, а в глубине сада имелись лужайка для игры в шары и мишени для стрельбы в цель.

– Пойдемте поиграем в шары! – уговаривала нас Селия. – Ну, пожалуйста!

Я уже научилась различать сестер – по характеру. Старшая, Селина, была мягкой, слегка меланхоличной и более других сочувствовала мистеру Меллингу. Кажется, этих двоих сблизила любовь к книгам. Зато младшая, Селия, была настоящим чертенком в юбке. За каких-то два часа, проведенных в нашем доме, она успела подружиться с Агатой, очаровать миссис Бонс, а напоследок получила в подарок корзинку печенья (от нашей кухарки) и новую шляпку (от леди Элейн).

Клариссе явно не хотелось растрепать свои локоны и испортить цвет лица, катая тяжелые «вудсы», так что идея Селии не нашла у нее одобрения. «Вы должны помнить, моя дорогая, что некоторые из нас вообще видят сад впервые и хотели бы для начала все осмотреть», – произнесла Кларисса в своей

обычной манере. Мне пришлось, скрепя сердце, поблагодарить ее за заботу. В конце концов, наша компания отправилась гулять по узким тропинкам, поросшим первоцветами.

Здесь было темнее и не так многолюдно. Лучи света, проникавшие сквозь пышную листву, приобрели прозрачно-зеленый оттенок. Тонкие, узловатые стволы образовали по обеим сторонам тропы живой узор. Понизу пестрели сиреневые и белые цветы, кроны деревьев тонули в сероватой дымке. Снег, идущий за пределами сада, превращался здесь в легкий туман, отчего казалось, что мы попали в призрачное царство фей. Мистер Меллинг впал в нехорошую задумчивость. Я лихорадочно думала, чем бы его отвлечь, как вдруг за деревьями заметила нескладную фигуру мистера Лайбстера. Неужели это он? Наконец-то!

На мое счастье, он тоже нас заметил и подошел первым, вежливо приподняв шляпу.

– Прекрасный день сегодня, – заметил он, щуря левый глаз по своей привычке. – Впрочем, этот сад хорош в любое время года.

– Должно быть, это правда, – горячо подтвердила я. – Никогда не видела ничего красивее!

– Эни здесь вообще в первый раз! – воскликнула болтушка Селия.

– О, вот как? Значит, вы еще не видели Плачущее озеро? – спросил Лайбстер, пронзив меня бесцветным взглядом.

– Буду признательна, если вы сможете мне исправить это упущение, – сказала я пересохшими губами.

Сердце у меня колотилось. Все складывалось на удивление удачно: Меллинг очень вовремя разразился стихом, отвлекая на себя внимание обеих сестер. Элейн, Кларисса и леди Виверхэм были увлечены разговором. Никто не заметил, как мы с Лайбстером свернули с тропы и спустились вниз по каменным плитам.

Плачущее озеро было частью каскадной системы озер, образованной плотинами из травертина. Маленькое и круглое, оно располагалось под обрывом, густо заросшим боярышником. Вода в озере была так прозрачна, что я отчетливо видела дно, покрытое водорослями и мелкими камушками. Пахло прелью, водой, мокрыми листьями. Ветви боярышника поникли под тяжестью глянцево-красных ягод. Сюда не доносились голоса гуляющих и пение птиц. Обстановка не то что располагала, а прямо-таки настаивала на откровенности. Как во сне, я двинулась по деревянным мосткам, желая обойти озеро вокруг.

– Его вид меняется, смотря с какой стороны вы на него смотрите, – сказал молчавший до сих пор Лайбстер.

– Вид многих вещей изменяется в зависимости от нашей точки зрения, – усмехнулась я.

С другого берега на озеро падала тень от оврага, отчего оно казалось непрозрачно-черным, словно матовый глаз огромной птицы. Со всех сторон доносилось монотонное бормотание водяных струй.

– Как и многих наших поступков, – парировал Лайбстер. – Призвать в Эшен-таун дракона – это злодеяние или благо?

Я резко обернулась:

– Вам известно, кто взял амулет!

– Мне – нет. Но ему известно, – сказал он, кивнув на водную гладь. – Это озеро ответит на любой вопрос, если знаешь, как спрашивать. Подойди сюда.

Стоя на мостках, Лайбстер протягивал мне руку. Невысокий худой человек в немодном коричневом сюртуке, с умным нервным лицом и пепельными растрепанными волосами. «В крайнем случае, я просто столкну его в озеро, если он вздумает мне навредить!»

Я колебалась, опасаясь ловушки, но любопытство пересиливало.

– Некоторые говорят, что вода – отъявленный лжец, – пошутила я, подходя ближе.

Его ладонь оказалась сухой и твердой, а хватка – неожиданно крепкой.

– Может быть. Но только не для меня.

Посмотрев на озеро, я невольно вскрикнула. Вместо россыпей камней и шевелящихся водорослей в черно-синей глубине смутно отражалась внутренность комнаты. Бархатные складки тяжелого балдахина на кровати, темная громада бюро в углу, поблескивающий инкрустацией изящный секретер... Обстановка была знакомой, когда-то я ее видела. Той ночью, в спальне Фонтероя.

– С этой стороны плохо видно. Пойдем туда, где вода прозрачнее.

Словно замороженная, я двинулась за ним следом. Тишина стояла такая, что в ушах звенело. Среди бликов воды показались размытые очертания человеческой фигуры. Казалось, стоит сделать шаг, еще один – и я узнаю, кто там движется на дне! Небо потемнело, словно перед грозой. На грани слышимости до меня долетел замирающий полусшепот: «сейчас, если она не очнется... сейчас...»

Вдруг где-то в другой вселенной, за пределами сада настойчиво загомонил колокол. Сюда донеслось лишь приглушенное эхо, но оно ударило меня, как шторм. Внезапно я очнулась. За нашим занятием я не заметила, что мы обошли озерцо уже дважды. Темный омут превратился в зияющую воронку, неудержимо притягивавшую взгляд. Водопад стал стеклянной завесой, за которой сквозь дрожание радуг виднелся неведомый мерцающий мир в серебристом слиянии воды и камня. «Мы еще не прошли третий круг! – с облегчением сказала я себе. – Еще не поздно вернуться назад. Разве не интересно, как далеко я смогу зайти по Третьей дороге?»

– Все ответы – в тебе самой, – веско произнес Лайбстер. Это был новый, незнакомый мне мистер Лайбстер, таким я его еще не видела. Черты его лица заострились, глаза из тускло-серых превратились в серебряные. Вместо невзрачного, ничем не примечательного джентльмена передо мной стояло древнее существо, чьи кости были налиты тьмой, а кровь холодна от древней мудрости и тайн. Его взгляд пронизывал насквозь, прямо как у Фонтероя... Вспомнив лорда-дракона, я вздрогнула. Кеннет! Боже, что я творю!

Резко выдернув руку, я попятилась. Кусты боярышника вновь обрели четкость, а странные видения рассеялись, словно зыбкий туман.

– В этом мире ты не имеешь надо мной власти, – прошептала я, как заклинание.

Мой внезапный приступ своеволия явно рассердил «мистера Лайбстера»:

– Тебе не убежать от самой себя! – прошипело это существо. Глаза его засверкали гневом, лицо оскалилось, показав мелкие острые зубы: – Идем со мной!

– Ох, вот вы где! – вдруг раздался возглас, за которым последовал треск ло-

маемых веток.

Клянусь жизнью, никогда еще я так не радовалась появлению Меллинга! Наш поэт, неуклюже оскальзываясь на каменных ступенях, бочком-бочком спускался к озеру и под конец обрушился в боярышник, барахтаясь среди ветвей, как кролик в ловушке. Я поспешила ему на помощь:

– Мистер Меллинг!

– Нет-нет, мисс Фишер, стойте где стоите! – поднял руку поэт. – Вы изумительно смотрите среди прозрачных струй водопада! О, нимфа, окруженная нездешним светом, Белей луны, сияющей на небе... или лучше сравнить вас с «лилией»? Но как тогда срифмовать...

Не обращая внимания на его бормотание, я помогла ему выпутаться из куста.

– Леди Эмберли встревожилась из-за вашего отсутствия и послала меня на поиски, – сказал Меллинг уже нормальным голосом, без поэтических подвываний. – Мне показалось, или с вами был Лайбстер?

Я оглянулась – Лайбстер исчез. Так сказать, ушел по-фейски, не прощаясь. Куст боярышника, под которым мы с ним стояли, весь искрился, осыпанный инеем, а его листья почернели и съежились от нездешнего холода. Словно ледяная рука провела меня по спине и безжалостно стиснула сердце.

– Пойдемте скорее отсюда! – прошептала я, изо всех сил потянув Меллинга наверх, к людям.

Каким счастьем было снова услышать звонкий голосок Селии и теплый, как мед, голос Элейн! Даже «тактичные» замечания Клариссы о том, какой вред репутации дебютантки может нанести приватная беседа с таким ловеласом, каким, без сомнения, является мистер Лайбстер, не могли меня расстроить. С трудом удерживая на лице покаянное выражение, я пообещала, что до самого вечера не отойду от нее ни на шаг. Кажется, Клариссу это не слишком обрадовало.

Остаток прогулки мы с Селией, ее сестрой и мистером Меллингом посвятили игре в шары и стрельбе по мишеням. Меллинг оказался неплохим игроком, если бы ему не мешали внезапные приступы вдохновения. Иногда он замирал и, подняв глаза к небу, начинал что-то бормотать, напрочь забывая про очки. Селию это ужасно бесило. О мистере Лайбстере больше никто не сказал ни слова.

Глава 14

– Не знаю как, но у него почти получилось! – взволнованно говорила я – Три часа спустя.

Мы с Недом сидели в кабинете Амброзиуса, который превратился во временный штаб. Уолтер только что отругал меня в хвост и в гриву за то, что я отправилась в Текучие сады без прикрытия. Я как-то упустила из виду, что в «Фэйри-гарденз» пускали только избранное общество по специальным приглашениям, так что Нед с Фоксом остались за бортом. Но кто мог подумать, что Лайбстер попытается умыкнуть меня среди бела дня в двух шагах от наших знакомых!

На выговор Неда я не сердилась. Понимала, что таким образом он выражал свое беспокойство. Я и сама здорово струсилась. При воспоминании о матовом омуте, похожем на глаз зловещей птицы, меня просто в дрожь бросало. А вот Амброзиус, который знал Дивный мир как собственный карман, мог бы рассказать о фоморах и побольше!

– Вы же говорили, что он не сможет меня околдовать! – обвиняюще выпалила я.

– Он и не применял чары...

Сидя на обычном месте, волшебник размеренными движениями что-то толк в ступке. Он выглядел задумчивым и притихшим. – ...Лишь слегка подстегнул твое любопытство и пригасил чувство опасности. Так они обычно и действуют. Скрытно, исподволь. Тебе кажется, что ты поступаешь по своей воле, а потом вдруг осознаешь, что все это время был марионеткой в ловких руках сида.

– Он показал мне Дивную страну! Клянусь, я ее видела собственными глазами!

Мне не сиделось на месте. Вскочив, я подошла к камину, протягивая к огню озябшие руки. Та ледяная темнота, что подстерегала меня во сне и жила в сердце озера, казалось, притаилась в дальних углах и теперь наблюдала за мной. От страха снова пробрал озноб. Темнота пугала... и одновременно притягивала.

– Не каждый может ее увидеть, – кивнул Амброзиус, – даже в волшебных Текучих садах. Но магия Лайбстера здесь не при чем. Слишком много Ограничений ему пришлось бы преодолеть.

В его голосе отчетливо слышалась заглавная буква.

– Что за Ограничения? – живо спросила я. – Как они могут остановить фомора? Я должна знать!

– Не только фомор, любой волшебник подчиняется им. Это основы магии. На каждую силу в мире найдется другая сила, и чем сильнее ты ударишь заклинанием, тем мощнее будет отдача. Поэтому уважение к Правилам и Ограничениям внушается с самого начала. Каждый волшебник при посвящении получает три гейса – три своеобразных запрета, как противовес при вручении магического дара. Иногда они могут показаться забавными и нелепыми, но эта традиция появилась как раз для того, чтобы внушить уважение к Ограничениям.

– И у вас они есть? – спросил Нед.

– Разумеется. Не засыпать в пещере, не заводить домашних животных и не

оглядываться, когда зовут не тебя, – перечислил Амброзиус.

– Действительно, странные запреты, – улыбнулась я. – Но они кажутся несложными, особенно последнее.

– На первый взгляд так оно и есть, однако я знал случаи, когда из-за гейса чародей оказывался в безвыходной ситуации. Магическая стезя таит в себе массу опасностей! Поэтому сиды обычно не спешат пользоваться волшебством. В этом мире у них есть более острое оружие: чуткость и поистине дьявольская прозорливость насчет человеческих тайных желаний.

Помолчав, Амброзиус задумчиво добавил:

– Это заставляет меня сомневаться, что Лайбстер и есть тот вор, которого вы ищете. Все, что ему нужно, он мог бы получить от Фонтероя более тонкими средствами, как это принято у сидов.

– На данный момент это наш единственный подозреваемый, – утрюмо отозвался Нед. – Кто еще ночью мог забраться в особняк, если не он?

Волшебник развел руками:

– Вспомните юридические максимы: quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando?

«Хороший совет, – подумала я. – Главное – конкретный».

– Но пока что мы продолжаем подозревать мистера Лайбстера, и это значит, что мне придется встретиться с ним еще раз, – мрачно сказала я.

Уолтер с волшебником обменялись быстрыми взглядами, заронив во мне нехорошее подозрение. Что еще они задумали?

– Мы тут посоветовались и решили, что тебе нужна верховая лошадь, – нерешительно начал Нед.

– Особая лошадь, – подчеркнул Амброзиус, – которая при случае сможет унести тебя даже от фомора.

От такого известия я почти лишилась дара речи.

– Вы... вы что, смерти моей хотите? За всю жизнь я сидела верхом разве что на бревне!

Не скрою, в Серпент-парке я с завистью провожала глазами изящных всадниц в развевающихся амазонках. Они казались такими независимыми, такими бесстрашными... При взгляде на них сразу возникало впечатление, что эти леди уверенно держат в своих маленьких ручках не только поводья, но и бразды правления в доме. И, безусловно, скакать верхом гораздо интереснее, чем трястись в коляске с леди Элейн, раскланиваясь и улыбаясь ее многочисленным знакомым. Но я же и десяти ярдов не проеду – мигом вылечу из седла, как мешок с песком!

– Не бойся, – глаза Амброзиуса пронизательно блеснули из-под молочно-белых бровей. – Эта лошадь тебя не сбросит. Пойдем-ка со мной.

Оставив Уолтера греться у камина, мы вдвоем вышли из дома в чернильную хмарь. Амброзиус захватил в холле фонарь, так что шел впереди, освещая дорогу. Приземистое здание конюшни занимало довольно много места на заднем дворе, хотя сейчас там содержались всего три лошади: пара гнедых, отдохавших после сегодняшней прогулки, и Корунд, здоровенный жеребец лорда Фонтероя. Конь недобро покосился на нас из-под темной челки. Я слышала, что эта зверюга не признавала никого, кроме хозяина. Даже грум с ним едва справлялся.

После уютного домашнего тепла в конюшне царил стылый холод. Пахло се-

ном и лошадьми. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Я потерла ладони и сунула их подмышки, пытаюсь согреться. Фонарь Амброзиуса, стоявший на полу, отбрасывал тусклый неширокий круг света; маленькие окна, вжатые в толстую стену, отражали синие сумерки.

– Мы здесь надолго?

Амброзиус не обращал на меня никакого внимания. Остановившись напротив пустого стойла, он прикрыл глаза и что-то зашептал. Потом поднял с пола клочок соломы, дунул на него и бросил впереди себя. В стойле собрался сгусток тумана. Я затаила дыхание. Туман рос, клубился; подчиняясь движениям волшебника, в нем переливались дымчатые потоки. Не веря своим глазам, я смотрела, как это вещество становится плотнее, формируя маленькую голову с пышной гривой, крутобокое тело и изящные недлинные ноги. Вскоре волшебный туман рассеялся, оставив вместо себя небольшую лошадку серой масти с молочно-белой гривой.

– Это... невероятно!

Сорвавшись с места, я бросилась к ней, однако замерла на полпути. Я так долго не решалась войти в стойло, что Амброзиус нетерпеливо подтолкнул меня в спину:

– Ну же, смелее!

Ее голова была как цветок, грива и высокий хвост струились мягкими прядями, а крепкое тело блестело, слегка переливаясь, и вся она казалась такой призрачно-волшебной, что было страшно к ней прикоснуться. Я боялась, что если попробую ее погладить, моя рука пройдет сквозь туман. Но шерсть лошадки на ощупь оказалась теплой и лоснящейся, вполне осязаемой. Ладонью я ощутила, как движутся под кожей сильные мышцы. Чтоб мне лопнуть, вот это волшебство!

Всхрапнув, лошадка будто подмигнула мне лукавым взглядом и потянулась мягкими губами к моим пальцам. Корунд, некоторое время наблюдавший за происходящим, заинтересованно взоржал.

– Что ж, владей! – улыбнулся волшебник. – Она тебя не подведет.

– Это... это мне?! О, спасибо-спасибо-спасибо!

Очень сложно подобрать слова благодарности, когда тебе внезапно дарят такое чудо! После того как я, запинаясь, смогла худо-бедно выразить переполнявший меня восторг, Амброзиус напомнил мне, что лошади следовало дать имя.

– ...ибо не зная истинного имени, ты не будешь знать ее сущности и не сможешь ей управлять, – непонятно закончил он.

Мои губы сами растянулись в улыбке:

– Я назову ее Шайн... потому что она похожа на лунный луч.

Она была так хороша, что глаз не отвести! Я готова была заночевать рядом с ней, прямо в конюшне. Вдруг к утру волшебство бесследно исчезнет, как это обычно бывает?! В конце концов, Амброзиусу с трудом удалось оторвать меня от стойла, оставив Шайн осваиваться на новом месте, и мы медленно побрели к дому. Всю дорогу я размышляла о чудесных вещах, неожиданно появившихся в моей жизни вместе с лордом Фонтероем... О странных снах, о разных путях, на которых человеку дается возможность понять о себе что-то важное.

– Амброзиус, – решила я спросить, – а ты мог бы провести меня по Третьей дороге?

Мой внезапный интерес к Той Стороне ничуть не удивил волшебника:

– Только не сейчас. Слишком мало времени прошло после Холланд-тайда [11]. Сейчас сиды слишком горячи после Охоты. Они завлекут тебя в свои курганы, напоят красным вином, которое отравит твою кровь, и ты будешь обречена вечно слышать волшебное пение в шелесте тростника, будешь вечно скитаться по вересковым полям, мечтая отыскать путь в страну снов, который больше никогда не откроется... Сиды – те еще шутники.

Это уж точно. Сегодня я уже получила некоторое представление об их коварстве. Амброзиус смерил меня внимательным взглядом:

– Если ты действительно хочешь этого, я покажу тебе Дивный мир. Но мы отправимся туда в другое, безопасное время по моему выбору. Тебе нужно запомнить одно, самое важное: сид, способный потерять голову от симпатичной мордашки, – не сид. Не вздумай ему доверять. Если Лайбстер преследует тебя, значит, ты нужна ему для каких-то собственных целей.

Глава 15

Кто бы мог подумать, что именно Шайн послужит причиной моей первой открытой ссоры с Клариссой! После нашего с Амброзиусом визита в конюшни я едва могла дождаться следующего дня. Нед пообещал, что завтра в десять утра составит мне компанию в парке и даст пару уроков верховой езды.

Моя радость от подарка была так велика, что перевесила даже опасения по поводу моей способности удержаться в седле. Рано утром, наскоро проглотив завтрак, я уже расхаживала по холлу, поджидая Уолтера. Хвала предусмотрительной мисс Нидли, в моем новом бездонном гардеробе отыскалась модная темно-зеленая амазонка со шнуровкой на рукавах. С помощью Агаты я приладила к кудрям высокую шляпку, и чувствовала себя полностью готовой к подвигам.

Признаться, когда Нед посадил меня в седло, в первую минуту я растерялась. Колеблющаяся земля вдруг оказалась невообразимо далеко, подол амазонки путался в ногах, и мое положение казалось крайне шатким. Однако Шайн была поистине волшебной лошадью. Гибкая и изящная, она в то же время была устойчива и надежна, как хороший диван. Управлять ею мог бы и ребенок. Мы еще не успели выехать за ворота, а меня уже охватило ощущение полнейшего восторга.

Леди Эмберли была первой, кого мы встретили за ажурными воротами Серпент-парка. Сидя верхом на крупном гнедом жеребце, в матовой бледности туманного утра, она была похожа на картину, написанную великолепным мастером. Ее лицо слегка разрумянилось, что добавило ей прелести; голубая амазонка ниспадала ровными складками, словно вычерченными по линейке. Маленькое перышко на шляпке заносчиво топорщилось.

– Чудесная лошадь, мисс Фишер, – произнесла она с легким недовольством в голосе. Подумала, поди, что Шайн – подарок Фонтероя. Я не стала ее разубеждать.

– Вероятно, она астилийской породы?

– Скорее, смитфилдской, – пошутила я, намекая на происхождение соломы. Кларисса, разумеется, не поняла шутки, но она была не из тех, кто переспрашивает. Вежливо кивнув Уолтеру, она толкнула свою лошадь в более быстрый

шаг. Мы поехали рядом по дорожке для экипажей. В этот ранний час в парке было малоллюдно. Легкий прозрачный туман обвивал ноги лошадей, утренняя прохлада покусывала за щеки. Бледный солнечный диск скользил по небу в переплетении голых ветвей. Изредка слышался чеканный дробный топот, и из-за поворота навстречу появлялась коляска с сидящими там улыбающимися людьми. Шайн пританцовывала, желая показать, на что она способна. Чинная поступь солидного жеребца Клариссы была ей явно не по нутру.

Я лишь слегка подтолкнула ее, и моя красавица легко перешла на рысь, а потом пустилась в галоп. Деревья слились в серую ленту по обеим сторонам дороги, сердце забило в такт бешеной скачке. Сразу же набросился ветер, треплющий одежду и заставляющий щурить глаза. При каждом толчке Шайн легко взлетала над землей. Казалось, еще немного – и она взлетит выше узловатых ветвей, влажной черной черепицы толпящихся крыш, поднимется выше облаков и умчится прочь из этого мира. Встречные экипажи мелькали так быстро, что я не успевала даже улыбнуться. Меня провожали обескураженными, шокированными взглядами. Одна дама с огромной пушистой муфтой даже вывернула шею, чтобы рассмотреть меня получше. Тут я заподозрила, что снова совершила какой-то промах, и поспешила вернуться к своим. Заметив, что Уолтер порядочно обогнал Клариссу, я натянула поводья, и Шайн, описав круг, пристроилась рядом с ней.

Нетрудно догадаться, какой прием меня ожидал. От лица леди Эмберли веяло ледяным спокойствием, но ее голубые глаза яростно сверкали из-под шляпки:

– У вас совсем нет представления о приличиях? – зашипела она, стоило мне поравняться с ней. – Галопировать в парке! Ни одна воспитанная девушка не посмела бы так выставлять себя напоказ!

– Надеюсь, никто не скончался от изумления? – огрызнулась я. Жемчужная прелесть сегодняшнего утра, пьянящий восторг от первой поездки верхом и собственной удачи вскружили мне голову. Неужели эта зануда не может понять таких простых вещей?! Мне казалось, что за спиной выросли крылья. Однако безжалостная леди Эмберли тут же отсекала их в два счета. Ее взгляд был как лезвие холодной стали:

– В силу своей ограниченности вы просто не можете оценить последствий своей несдержанности. Что ж, я поясню. Как любой дебютантке, вам, безусловно, захочется бывать на Ассамблеях Уорда. Там собирается самое изысканное общество. Так вот, после сегодняшней выходки можете забыть об этом! Если слух о ваших... чудачествах достигнет ушей патронесс, вы никогда не получите поручительство! И не надейтесь, что покровительство леди Элейн вам поможет!

Упоминание леди Элейн привело меня в чувство. Мне-то, конечно, плевать с высокой колокольни на все их балы и ассамблеи, но если мое поведение навредит репутации Фонтероя или его тетки... Эта страшная мысль заставила меня присмиреть. В лице Клариссы мелькнуло что-то похожее на удовлетворение. Несомненно, она готовилась разразиться новой воспитательной речью, но мне в очередной раз повезло. Меня спас Оливер Уайтвуд. Заметив нас издали, он подъехал с группой джентльменов, в которых по осанке можно было безошибочно угадать военных. Я счастливо заулыбалась. Как приятно было увидеть его бесхитростное, честное лицо после змеиного шипения Кла-

риссы!

– Мисс Энни, я бесконечно рад вас увидеть, – улыбнулся Уайтвуд, пока внимание Неда и Клариссы было занято остальными. – Позвольте заметить, что я восхищен вашей храбростью. И еще, – добавил он, наклонившись к моему уху, – у вас ужасная посадка.

– Да, мне уже сообщили, – уныло кивнула я.

– При галопе нельзя ложиться на спину лошади, иначе вы рискуете перелететь через голову. И следует гасить толчки, иначе лошадь устанет, не пробежав и двух миль!

– Две мили! – горько воскликнула я. – Да я проехала едва ли с четверть этого расстояния, а меня уже сочли отъявленной кокеткой! После двух миль от моей репутации остались бы одни лохмотья!

– Я бы на твоём месте прислушался к советам мистера Уайтвуда, – подал голос Нед, отвлекаясь на минуту от общего разговора. При этом он выразительно поиграл бровями, словно желая напомнить, что Амброзиус подарил мне коня не для развлечений, и, возможно, когда-нибудь мне придется пренебречь приличиями ради спасения своей жизни. Хотя я уверена, что леди Эмберли никогда бы так не поступила.

Мы с Уайтвудом пустили лошадей легкой рысью, и за следующие полчаса я узнала от него множество мелких секретов, очень нужных для всадника: как поберечь силы лошади, как лучше действовать шенкелями, как правильно обтирать коня и как его не избаловать – в общем, массу полезных штук!

Вернувшись к Уолтеру, я обнаружила его в гордом одиночестве.

– Леди Эмберли сказала, что устала, и просила ее извинить, – сообщил он.

Я была очень рада. Не хотелось портить такое чудесное утро очередной пикировкой. Моя радость продлилась ровно до порога нашего дома, когда мы с Недом завели лошадей в конюшню и в одном из денников обнаружили гнедого жеребца Клариссы. Я застонала сквозь зубы. Ну что за женщина! Разумеется, она не могла удержаться, чтобы тут же не прибежать к Фонтерою и пожаловаться на мое безобразное поведение!

– Боишься драконьего гнева? – пошутил Уолтер, который отнесся к сегодняшнему происшествию более чем легкомысленно. По его мнению, Кларисса раздувала из мухи слона.

– О, леди Эмберли способна из несчастной мухи сделать не одного, а целое стадо слонов! – простонала я. – Тебе хорошо, тебя ждут улыбки Агаты и новая порция вкусенького от миссис Бонс, а мне придется схлестнуться с двумя драконами и одной змеицей!

Если честно, втайне я надеялась на заступничество леди Элейн, но тут мне не повезло. Нашей доброй тетюшки в гостиной не оказалось. Клариссы там тоже не было. Фонтерою в одиночестве задумчиво прохаживался по комнате, временами поглядывая в окно.

– Доброе утро, мисс Энни, – приветствовал он меня с улыбкой кота, в лапы которого забежала неосторожная мышь. – Как прогулялись?

«Можно подумать, вы не знаете!» – вздохнула я.

– Сожалею, если я позволила себе лишнее, сэр. – Лучше сразу объяснить, чтобы поскорее покончить с этим неприятным делом!

На лице Фонтерою отразилось легкое недоумение.

– Вы имеете в виду свое лихачество в парке? – переспросил он. – Кларисса

что-то упоминала об этом. Как ваш опекун, я решительно запрещаю подобные выходы с любой другой лошадью, кроме Шайн. На коня, подаренного Амброзиусом, вы можете смело положиться. Как ни удивительно, он великолепно разбирается в этом вопросе, можете мне поверить! Я ни разу не видел его верхом, однако все кони, подобранные им, были отлично выезжены.

– Я не подумала, что это может повредить... вашему положению... репутации... – покаянно забромотала я.

Судя по веселому блеску глаз, этот щекотливый вопрос графа нисколько не беспокоил:

– Вы полагаете, что ваша невинная шалость может испортить мою репутацию гордеца, волокиты и дуэлянта, которую я заботливо создал себе десять лет назад? Моя дорогая мисс Энни, право, я не ожидал, что вы настолько самоуверенны!

Я невольно улыбнулась в ответ. На душе вдруг стало легко, будто с плеч упал тяжелейший груз.

– Но галопировать в парке все же не следует, – мягко пожурил граф. – Эшентаун – это настоящая оранжерея для сплетен! Наши почтенные столпы общества давно махнули рукой на меня, но они могут порядком отравить жизнь вам, если однажды вы захотите к этому обществу присоединиться...

– Конечно, не захочу! Что за абсурд! – вырвалось у меня, и я тут же смутилась. – Ох, простите...

– Да, действительно.

Кеннет отвернулся, и на его лицо легла тень, будто я его обидела. Почему-то когда он отворачивается, меня охватывает чувство заброшенности и тревоги. Словно его взгляд был костром – ярким, согревающим, внушающим безопасность. Похоже, наш разговор был окончен. Я уже взялась за ручку двери, когда Фонтерой вдруг накрыл мою руку ладонью. Он казался смущенным:

– Я был бы вам очень признателен, если бы вы, образно говоря, пришли к Клариссе с оливковой ветвью. Видите ли, я заказал на завтра ложу в театре «Дримхилл» и надеялся, что мы все сможем провести приятный вечер.

Мое лицо залила краска стыда. Я не смела поднять глаз на нашего хозяина. Ну конечно! Наверняка он хотел сделать приятное леди Элейн, которая просто грезилась музыкой, а тут вмешалась я со своей выходкой и все испортила! В нашем городе было много театров, однако «Дримхилл» – это нечто особенное; чтобы достать там ложу в разгар сезона, пришлось бы изрядно постараться. Какой нужно быть свиньей, чтобы испортить им с Элейн такое удовольствие!

– Конечно, – выдавила я сквозь ком в горле. – Я сейчас же перед ней извинюсь.

Кларисса отыскалась в маленькой гостиной в задней части дома. При виде меня на ее бледном личике появилась забавная смесь выражений оскорбленного достоинства и христианского смирения.

– Я очень сожалею, что поставила вас в неловкое положение и, надеюсь, вы сможете простить меня за это, – выпалила я.

Нужно отдать должное Клариссе, ее прекрасное воспитание не позволяло ей снова упоминать о проступке, в котором грешник уже покаялся на исповеди. Получив удовлетворение, она сменила гнев на милость и даже любезно согласилась помочь мне разобрать несколько фортепианных пьес.

Как раз недавно лорд Мериваль – не исключено, что по настоянию той же

Клариссы – прислал мне нотную тетрадь. Одним из первых произведений в этом сборнике значился «Полет нетопыря».

– О, вот это прекрасно подойдет! – обрадовалась леди Эмберли.

«Да они издеваются! – подумала я с досадой. – Мне никогда не удастся сыграть эту вещь, даже если я отращу дополнительную пару рук!»

Пальцы Клариссы легко пробежались по клавишам.

– Мы с вами вряд ли достигнем мастерства лорда Мериваля, однако эта вещьца хорошо развивает беглость и технику, – наставительно сказала она. – Взгляните: здесь в каждом такте по восемь нот, причем очень коротких. Нужно поставить пальцы вот так и так, чтобы вы могли потом быстро переменить их.

На мой взгляд, монотонная долбежка по клавишам была пустой тратой времени, к тому же унылой до зубовного скрежета. Впрочем, спустя некоторое время ровная, повторяющаяся мелодия меня успокоила и даже почти усыпила. Пальчики Клариссы порхали над клавиатурой, мои – еле ползали, как дохлые осенние жуки.

Через час я достигла того, что могла сыграть первую страницу почти без запинок. Леди Эмберли была очень довольна. За обедом она шумно хвалила меня перед Элейн, хотя я понимала, что она гордится не моими успехами, а своим талантом преподавателя. Точно так же она расхваливала бы мартышку, которую удалось научить нескольким забавным фокусам. Зато я была вознаграждена теплым взглядом лорда Фонтероя, который незаметно мне подмигнул.

В конце концов, ради сохранения мира в этом доме я готова была посвятить музыке хоть целый день.

* * *

Поздним вечером, задув свечу, я некоторое время сидела за столиком, на котором лежали две записки и кипа исчерканных листов бумаги. Внизу в гостиной еще горел свет – значит, Фонтерой с теткой снова засиделись за картами. Выйдя на цыпочках в коридор, я могла разобрать доосившийся снизу негромкий разговор и приглушенный смех.

Признаюсь, я немного ревновала и завидовала их близости. Кеннет советовался с теткой по поводу новых книг, которые он заказывал по почте или откапывал у букинистов. Леди Элейн каждый вечер ждала его за карточным столиком. Они явно дорожили обществом друг друга, хотя Элейн иногда шутила, что ей пришлось уехать именно для того, чтобы сохранить с племянником хорошие отношения:

– Некоторых родственников нужно любить на расстоянии. Мы с Кеннетом опытным путем установили, что лучше всего у нас идут дела, когда мы находимся за шестьдесят миль друг от друга.

Наверное, я могла бы присоединиться к ним, и меня бы даже не прогнали. Но я не хотела появляться без приглашения. Кеннет ведь видел полоску света под моей дверью... Мог бы постучать, позвать вниз... а если нет, значит нет.

Тихо притворив дверь, я направилась к огромной холодной кровати и отдернула полог. В синеватом свете луны виднелись очертания стола с громоздившейся на нем кучей бумаг. При виде этого устрашающего зрелища я безнадежно вздохнула. Агата права: двух записок слишком мало.

Мне нужно третье письмо.

Глава 16

Мистер Дринкли говорил, что нам, эшентаунцам, органически свойственна театральность, экстравагантность в одежде, склонность к эффектным жестам и драматизму. Думаю, все дело в тумане. Мы здесь слишком привыкли, что реальность может внезапно оказаться совсем не такой, какой кажется.

Как бы там ни было, а театральные представления в городе всегда пользовались неизменным успехом. Круглые деревянные тумбы постоянно пестрели новыми афишами. Когда в «Клэр-маркете» повысили цены на билеты, возмущенная публика устроила погромы на улицах. Несколько лет назад мы с Дэннисом ходили на уличные представления в Смитфилде или в «зрелищный дом» в Шорди. Там со сцены в изобилии сыпались соленые шуточки, а среди публики царил несмолкающий шум: кто-то грыз орехи, кто-то громко требовал эля, горластые зазывалы расхваливали достоинства спектакля. Один раз спектакль эффектно перерос в общую потасовку, и мне пришлось вытаскивать разъяренного Дэнниса из драки.

Театр «Дримхилл», хоть и находился всего лишь в четверти мили от Смитфилда, отличался от него, как небо от земли. Он гигантским горбом возвышался на площади Клиновэлл-грин, а две его тесно стоящие башни напоминали огромные рога. Когда-то это место почиталось священным. До сих пор вокруг площади уцелели остатки роци, посвященной древнему богу, а сломанный железный насос безмолвно свидетельствовал, что раньше здесь находился священный родник. Когда солнце высоко поднималось между «рогами» театра, на площадь падал узкий сноп света. Говорили, что иногда в столбе солнечного света можно было увидеть волшебный пейзаж, а некоторые избранные могли даже войти в него. Правда, мало кому это удавалось, но те, кому довелось видеть подобное, уже никогда не могли забыть.

Возле Клиновэлл-грин почему-то любили селиться часовщики – люди, привыкшие дробить время на мелкие осколки. Также здесь жила известная на весь город герцогиня Ньюшатская, «безумная Мэдж», как ее называли, – женщина, для которой время остановилось еще сотню лет назад. Ее мрачный особняк выходил окнами на театр, ставни в нем всегда были закрыты. Герцогиня редко выезжала, но иногда утром можно было заметить, как лакеи усаживают в черно-серебряную карету неловкую согбенную фигуру в кринолине, скроенном по моде столетней давности.

Здание «Дримхилла» было построено триста лет назад одним полубезумным архитектором, и многие в Эшентауне считали, что его рукой водило колдовство сидов. Войдя в ложу, я мысленно согласилась с этим утверждением. Большой зал «Дримхилла» производил ошеломляющее впечатление. Вдоль стен поднимались мраморные колонны, одни из которых были толщиной не шире ладони, а другие с трудом можно было обхватить двумя руками. Под потолком переплетения колонн образовали замысловатую вязь, похожую то ли на кроны деревьев, то ли на сплетение корней. Ложи, поблескивающие позолотой, лепились к стенам, словно гроздь древесных грибов на стволах. Бархат кресел походил на зеленый мох, а хрустальные подвески, украшавшие люстры, наводили на мысль об искристых родниках.

Мы с Элейн, Меривалем, Фонтероем и Клариссой удобно разместились в просторной ложе бельэтажа. Мериваль явился к нам с визитом за час до пред-

ставления и, разумеется, тоже был приглашен в театр. Кроме того, меня сопровождал Оливер Уайтвуд, которого пригласил Кеннет. Амброзиус остался дома. По его словам, «Дримхилл» был слишком похож на пещеру, на внутренность волшебного кургана сидов, так что он опасался задремать во время спектакля и нарушить ненароком один из гейсов. С Амброзиусом сложно было понять, говорит он серьезно или шутит.

Публика здесь была, разумеется, попрличней, чем в Смитфилде, однако истинных ценителей музыки, вроде Элейн или Клариссы, было немного. Большинство посетителей явились, чтобы посмотреть на других, посплетничать и покрасоваться самим. Даже когда поднялся занавес и раздались чудесные звуки музыки – а зал был построен таким образом, что каждое слово, произнесенное на сцене, было отчетливо слышно даже на галерке – среди зрителей не смолкал монотонный шум. Публика гудела, как шершни, набившиеся в дымовую трубу.

– О, взгляните, Меллинг снова уселся рядом с мисс Виверхэм!

Кларисса, склоняясь к плечу Элейн, указала веером на противоположную ложу, и обе дамы обменялись хитрыми взглядами.

Я мысленно поздравила Селину с успехом. Мне тоже казалось, что она симпатизирует нашему поэту. В обычное время Меллинг был просто вялым трутнем с нелепым подбородком, но когда он читал стихи, то совершенно преобразился. Некоторые люди становятся красивее, когда грустят, другие – когда смеются, Меллинг же необычайно хорошел в состоянии вдохновения. Не удивительно, что Селина в него влюбилась.

Рядом со счастливой влюбленной парой сидела (вернее, подпрыгивала на месте) бойкая Селия, помахавшая нам ладошкой, а позади них важно поблескивал тюрбан леди Виверхэм. Я заметила в зале и других знакомых. В посольской ложе важно расселся виконт де Шарбон. Его жена тоже была здесь, а с ними еще несколько сацилийцев. Что бы ни происходило за закрытыми дверями министерских кабинетов, но сацилийцев благородного происхождения, богатых и хорошо одетых, всегда хорошо встречали в Эшентауне. Позади них стоял еще один человек, чье лицо скрывалось в тени. Вот он наклонился к послу, негромко сказав что-то, и мое сердце испуганно толкнулось в ребра. Это был Лайбстер.

Будто почувствовав мой взгляд, он внезапно выпрямился, глядя в нашу сторону. Между нами словно натянулась невидимая нить. Она лопнула с еле слышным звоном, когда я с усилием заставила себя перевести взгляд на сцену. Там под загадочную, слегка зловещую музыку кружились в танце несколько фигур. Одна из них, в блестящей мантии и с короной на голове, требовала расправы над вероломным «человеческим сыном» за то, что тот соблазнил его дочь.

– Необычная музыка, – улыбнулась я сидевшему рядом Уайтвуду.

– По легенде, сиды и сейчас присматривают за этим театром, – шепнул он. – И если хоть раз на сцене «Дримхилла» прозвучит фальшивая нота, то его стены рухнут. Все актеры свято верят в это.

«Вполне возможно», – подумала я, не решаясь еще раз взглянуть в сторону сацилийцев.

Элейн и лорд Фонтерой заворуженно следили за представлением. Мне было сложно понять, что происходит на сцене, пока Уайтвуд не подсказал загля-

нуть в программку. Оказывается, специально для невежд вроде меня там было написано содержание пьесы.

Развернув плотные листочки с золотым обрезом, я узнала, что главным героем пьесы был грейвильский военачальник по имени Эдвард Уэсли. Почти весь первый акт он печально бродил по холмам родного графства Думанон, размышляя, как ему изгнать с родных земель вероломных сацилийцев (очевидно, в свете последних событий кто-то решил дать в театре такую патриотическую постановку). В этих холмах он встретил прекрасную сиду по имени Морэнн. Должна сказать, что наши южные графства, в особенности Думанон, всегда считались исконным местом обитания фей.

Я бегло пробежалась по остальному содержанию. Храбрая сида обещала юному герою свою любовь и волшебную защиту, если он освободит священные холмы от жестоких чужеземцев. Уэсли прогнал сацилийцев, однако с сидой у них что-то не заладилось, и с волшебной защитой тоже. Будучи тяжело ранен в последней схватке, герой едва не погиб, и опечаленная Морэнн забрала его в свой курган, ибо только так могла сохранить ему жизнь.

– У этой пьесы есть и другой финал, – шепнул Уайтвуд. – Уэсли умирает от раны, и его подруга, не в силах пережить это горе, бросается в море. Ария сиды Морэнн «Вдова я и дева, по юноше плачу»[12] считается одной из самых красивых в мире. Но все-таки оптимистичная концовка мне больше по душе!

– Мне тоже, – горячо согласилась я.

– Хотя на самом деле все было совсем не так...

– Что значит «на самом деле»?!

Тут нам пришлось прервать разговор, так как на сцене двое влюбленных как раз затянули общую песню. Невозможно говорить о посторонних вещах, когда люди так нежно и искренне признаются друг другу в любви! Элейн промокнула глаза платком. Кларисса, что-то прошептав, склонила голову к плечу Фонтерою. Мне очень хотелось стукнуть ее чем-нибудь тяжелым.

Внезапно наступил антракт, и зрители зашевелились, поднимаясь со своих мест. Повеяло сквозняком, захлопали двери. Мериваль и Элейн заспорили о средствах выразительности в музыке. В нашу ложу на всех парусах вплыл лорд Кервуд, и, согласно дурацким правилам этикета, Уайтвуду полагалось уступить ему место подле меня. Потянулся обычный бессодержательный светский разговор, кое-где сдобренный блесками острословия. Я едва могла дожидаться, когда антракт закончится. К тому времени, когда Кервуд, наконец, убрался восвояси, я испытывала сильное желание захлопнуть дверь в ложу и еще подпереть ее изнутри, чтобы нам с Оливером больше не мешали.

– Так что там с пьесой? Разве Эдвард Уэсли – это реальный человек, не выдумка? – нетерпеливо спросила я.

Уайтвуд воззрился на меня, как на чудо. Я почувствовала себя крайне неловко. Что поделать, мои познания в истории были так же прискорбно ничтожны, как и в музыке.

– Подполковник Уэсли – герой последней войны во Вландерене, – терпеливо, как ребенку, объяснил мне Уайтвуд. – Разумеется, к нам в Грейвилию никто не вторгался. Уэсли служил в оккупационных войсках. И любовь у него была не с сидой из холмов, а с актрисой этого самого театра, Мэри-Энн Брайер. Правда, про мисс Брайер говорили, что ее поцеловала фея в колыбели, таким чудесным был ее голос! А насчет Уэсли среди солдат ходил слух, что он, веро-

ятно, обручился с сидой, так как его бригада всегда выходила целой из любых передраг, и на Уэсли не было ни царапины. Однако, в конце концов, военное счастье ему изменило.

Я затаила дыхание. И в этот момент зал вдруг погрузился во тьму.

Сначала я подумала, что это просто эффектный трюк, деталь представления, но по взволнованным голосам, доносившимся из партера, поняла, что случилось нечто непредвиденное. Оркестр смущенно умолк, выдав напоследок нестройный аккорд. Из-за внезапной слепоты я чувствовала себя совершенно беспомощной, зато обострились другие ощущения: я отчетливо слышала шелест платьев Элейн и Клариссы и различала запах их духов. Потом успокаивающий голос Фонтероя произнес:

– Оставайтесь здесь. Я схожу, посмотрю.

Моих щек коснулось дуновение воздуха, когда он поднялся с места, и одновременно по ногам потянуло ледяным сквозняком, словно кто-то открыл дверь в ложу. Мне даже послышался тихий скрип. Вдруг так же внезапно свет зажегся снова.

Фонтерой стоял, облокотившись на парапет ложи, рядом с ним находился лорд Мериваль. Уайтвуд сидел чуть позади меня. Леди Элейн с Клариссой взволнованно озирались по сторонам. Дверь в ложу была плотно закрыта. А на моих коленях лежала маленькая сложенная записка. Прежде чем я успела осознать это, моя рука проворно схватила бумажку и сунула ее за пояс. Потом я сообразила, что человек, подбросивший записку, вряд ли успел уйти далеко. Нужно посмотреть в коридоре! Я живо вскочила на ноги.

– Что с вами, Энни? – обеспокоенно спросила Элейн.

– Все уже в порядке, не волнуйтесь, – сказал лорд Фонтерой, бросив на меня быстрый взгляд.

– Но что это было? – послышался голосок Клариссы. – Как могло случиться, чтобы все светильники разом погасли, а потом вновь загорелись?

– Мало ли, – пожал плечами флегматичный Мериваль. – Может, подул мощнейший сквозняк?

– Я всегда думала, что эти газовые горелки ненадежны, – поддержала его Элейн.

Бросив взгляд на посольскую ложу, я убедилась, что Лайбстер был там. Он смотрел прямо мне в лицо, не обращая внимания на виконта де Шарбона, который суетился, успокаивая свою жену. Рот мистера Лайбстера кривился в жесткой усмешке. На сцене метался какой-то полноватый человек, успокаивая публику в партере. Из оркестровой ямы вновь заструилась нежная мелодия, и спектакль понемногу возобновился. Элейн с Фонтероем снова отвернулись к сцене.

Усевшись на место (все равно преследовать кого-то было уже поздно!), я ободряюще улыбнулась Уайтвуду:

– Вы рассказывали мне об Эдварде Уэсли...

– ...и о его последнем сражении, – подхватил он. – Бригаду Уэсли окружили у Бокстела, где они попали под обстрел. Эдварда сильно ранило, из-за чего пришлось ампутировать руку. Он умер в лагере. Интересно, что тела потом так и не нашли. Однако в те дни нашим войскам пришлось спешно отступить к Арнштейну, так что в суматохе всякое могло случиться.

– А что случилось с мисс Брайер?

– Ее тоже больше никто не видел.

– Печальная история...

Мне было искренне жаль молодого подполковника и его возлюбленную.

– Да... грустно, что так получилось. Титул и замок Белого Вепря – кстати, расположенный в графстве Думанон – отошли какому-то кузену Эдварда Уэсли по отцовской линии. Правда, сейчас замок пустует. Я слышал, что после смерти хозяина в нем завелись привидения. Иногда по ночам в замке раздавался страшный шум, а утром перепуганные слуги замечали длинные царапины на полу и находили обломки разбитых статуй.

От последних слов Уайтвуда у меня возникло минутное ощущение, будто меня поразила молния. Замок Белого Вепря! Сразу нахлынули воспоминания: рев дракона в темном провале холла, серая галерея, полосатая в лунном свете, уходящая вверх каменная стена и висящий на ней гобелен с призрачным силуэтом зверя, который в свете луны казался синеватым. О, я идиотка! Тревор прав, не было еще на свете такой дуры, как Энни Фишер! Я уже неделю штудирую дурацкие светские ритуалы и титулы, так почему же я ни разу не догадалась заглянуть в Серебряную книгу, чтобы взглянуть на герб, который снился мне почти каждую ночь?!

Уайтвуд, вероятно, по-своему истолковал мою растерянность:

– Простите, мисс Энни, что напугал вас, – шепнул он с раскаянием. – Все эти сказки о феях и привидениях – полная чушь! Я в них не верю.

Роскошно убранная зала, похожая на внутренность волшебного кургана, вкрадчиво поблескивала позолотой. На сцене «сацилийцы», одетые в синие мундиры, теснили отряд Уэсли. Лайбстер, неподвижно застывший со скрещенными на груди руками, навис над виконтом де Шарбоном, как воплощение зловещей угрозы. Сверкающие под куполом гирлянды огней живо напомнили мне струи водопада, питающего волшебное Плачущее озеро в Текучих садах.

Задумчиво покачав головой, я прошептала:

– А я верю.

* * *

Дома я первым делом, даже не сняв перчаток, бросилась в библиотеку. Большая книга в бархатном переплете с серебряным вензелем на обложке – гербовник грейвильского дворянства – была такой тяжелой, что выскользнула из рук. Уместившись в кресле, я пристроила неудобную книжицу на коленях. Понадобилось некоторое время, чтобы отыскать в ней графство Думанон, а потом я застыла, разглядывая знакомый силуэт свирепого зверя на густо-синем фоне.

Значит, во сне мне довелось побывать в замке Белого Вепря. В замке Эдварда Уэсли. Интересно, почему этот сон преследует меня с таким упорством?

Я так и сидела с книгой на коленях, когда в библиотеке появился Фонте-рой – тоже в парадном сюртуке и белом жилете. Когда мы уезжали из театра, я слышала, что Кларисса звала его присоединиться к каким-то друзьям на вечере у лорда Пенвика. Теперь я малодушно обрадовалась, что этой занозе не удалось завлечь Кеннета обещанием танцев и болтовни в компании избранных гостей и изысканных спиртных напитков.

– Вы слишком много работаете в последнее время, – мягко укорил Фонте-рой. – Давайте хотя бы сегодня посвятим вечер отдыху!

– О, я только смотрела справочник старинных фамилий.

Герб Фонтероя я тоже успела найти. Красный дракон на зеленом поле с угрожающе поднятой передней лапой. Нельзя сказать, что он в точности напоминал нашего хозяина, но определенное сходство, безусловно, имелось. Взгляд Кеннета между тем задержался на рисунке с белым вепрем, и в нем появилась странная задумчивость.

– Да, эта книга может быть... познавательной. Скажите, Энни, а ваши родители живы?

Я отрицательно покачала головой:

– Нет, милорд, я сирота.

– Вы их совсем не помните? И ничего не знаете о них?

Я не люблю такие расспросы. Однако в голосе Фонтероя было столько мягкости и доброжелательности, что нельзя было не ответить. Остановившись напротив, он пристально смотрел на меня; его взгляд, казалось, отметил каждую черточку моего лица. Я опустила глаза:

– Нет.

Кеннет иронически хмыкнул, снова возвращаясь в обычное состояние добродушной насмешливости. В таком настроении он мне нравился больше всего, когда не впадал во властный тон и не целился в вас шутками, колючими, как драконья чешуя.

– Это довольно необычно, – сказал он. – Как говорила наша леди Брэкнелл, «потерю одного из родителей можно рассматривать как несчастье, но потерять обоих – это уже похоже на небрежность».[13]

Он прошелся по комнате от камина к окну, и от окна к камину, где под сугробом серого пепла тлела алая полоска горячих углей. Я по-кошачьи навострила уши. Лорд Фонтерой, при всей его показной ленивой отстраненности, обладал невероятной чуткостью, а также дьявольской проницательностью, не хуже чем у сида. Он мог осветить тайники вашей души одной точной фразой. Я же имела достаточно секретов, которые мне хотелось бы оставить при себе.

Одно из печальных преимуществ сиротского положения заключается в том, что ты можешь сам выбирать себе родителей. Я видела свою мать в каждой красивой леди, милостиво улыбнувшейся мне на улице; своего отца – в каждом благородном джентльмене, случайно задержавшим на мне взгляд. Где-то на доньшке моей души упрямо теплилась надежда, что однажды дверь приюта (или жилища Ушлого Гарри, или Треворского кабинета) распахнется – и войдет некто, кто любил и искал меня всю жизнь.

Впервые посетила мысль, что, может быть, мои родители находились слишком далеко, чтобы протянуть мне руку. Что если дверь, разделяющую нас, можно открыть лишь с моей стороны?

– Спокойной ночи, мисс Энни, – послышался вдруг голос Фонтероя.

Я вздрогнула, разом очнувшись от дум. Оказалось, что граф все это время стоял рядом и смотрел на меня! Под его испытующим взглядом я смешалась. Наверняка ему хотелось поскорее получить библиотеку в свое полное распоряжение. Действительно, что это за жизнь, когда человек не может достичь желанного уединения даже в собственном доме!

– Простите, – отложив книгу, я поспешно поднялась. – Доброй ночи, милорд.

Пролетев через холл, по выражению Дэнниса, «как смазанная жиром мол-

ния», я ухватилась за перила лестницы и оглянулась, чутко прислушиваясь. В библиотеке все было тихо.

Глава 17

Не только сны о родовом замке Уэсли меня волновали. Третье письмо, полученное в театре, снова ни на шаг не приблизило меня к разгадке, однако, в отличие от предыдущих, его содержание показалось мне зловещим. Это был слегка подправленный текст той знаменитой арии, в которой сида Морэнн оплакивала своего возлюбленного.

«Тяжелой утраты узнала я слезы; был милей мне всей жизни любимый; и я флаг опушу на башне одинокой; и какой бы ни была моя боль, море утишит ее...»

Я постаралась снова припомнить все обстоятельства. Перед тем как погас свет, Лайбстер находился в ложе виконта де Шарбона, и сразу после инцидента он тоже был там. Это я помнила точно, так как украдкой постоянно следила за ним. За две-три минуты, пока в зале царил темнота, он не успел бы добежать до нашей ложи, бросить мне на колени записку и вернуться обратно. Но кто-то к нам все-таки заглядывал: я вспомнила, как ледяной сквозняк погладил мои щиколотки. Будто в глубине ложи открылась дверь и сразу же закрылась обратно.

Лайбстер не мог лично передать письмо, но мог воспользоваться услугами лакея. На следующий день Уолтер опросил служащих в зале, однако никто не сознался. Оставался еще вариант, что записку подбросил кто-то из зрителей...

«Почему мы не догадались оставить в коридоре Фокса на время спектакля!» – подумала я с запоздалым сожалением. Как-то так получалось, что Лайбстер всегда опережал нас на шаг!

Чем больше я вчитывалась в письмо, тем сильнее меня снедало зловещее предчувствие. От него ощутимо веяло угрозой. Что если похититель амулета устал ждать, пока Фонтероя прикончит сидящий внутри дракон, и решил перейти к активным действиям? Или наоборот, кто-то пытается нас предупредить?!

Ужасно хотелось показать письмо Кеннету, хотя бы для того, чтобы он пожал плечами и развеял мои страхи. Ладно, если честно, мне просто хотелось его увидеть. С некоторых пор это желание превратилось в навязчивую потребность.

Выбежав из комнаты с письмом, я очень удачно столкнулась с Фонтероем на лестнице. Он как раз поднимался к себе, бормоча что-то о гробницах.

– Вы снова в приподнятом настроении, да? – спросила я после того, как вежливо поздоровалась. – Мне очень нужно с вами поговорить. Пожалуйста, пойдете в библиотеку. Не следует обсуждать семейные дела там, где кто-то может нас услышать.

Ознакомившись с содержанием письма, Кеннет озабоченно потер щеку:

– Вы считаете, что оно содержит завуалированную угрозу? Для кого?

«Конечно для вас, разве сами не видите?» – чуть не сорвалось у меня с языка. И тут я почувствовала, что неудержимо краснею.

Почему, получив письмо, я сразу испугалась за Фонтероя? Только сейчас я осознала, что он уже многие дни не покидал моих мыслей. Мне нравилось его лицо, решительное и суровое, когда оно внезапно озарялось улыбкой. Нрави-

лась его непринужденность и дружеская откровенность, с которой он держался, хотя мы с Недом были ему не ровня... Нравилась его постоянная готовность прийти на помощь...

Боже мой, да я ведь люблю его! Это озарение вспыхнуло в моей душе, как маяк в ночи, и я совершенно растерялась. До сих пор я не знала, с какой ужающей легкостью нежность находит путь к нашему сердцу. Я покраснела до корней волос, щеки, наверное, просто пылали. Кеннет, закусив губу, не отводил от меня взгляда, а я не решалась посмотреть ему в глаза.

– Вы полагаете, что злоумышленник мог угрожать Уолтеру? – пришел он мне на помощь.

«Какая замечательная, спасительная мысль!»

– Да, – выпалила я с облегчением. – Конечно! Неду Уолтеру, да. Моему напарнику.

– Хорошо, – рассеянно нахмурился граф, – мы подумаем, как избежать этой новой напасти. Мистер Тревор уже уехал, но я...

– Как уехал?! – я решила, что ослышалась. Что случилось? Тревор никогда бы не покинул город в разгар расследования!

– Он уехал на юг, чтобы проверить одно мое предположение.

– Это как-то связано с сацилийцами? – насторожилась я.

Фонтерой несколько смутился:

– Можно сказать и так.

Я вспомнила, как мистер Тревор говорил тогда в кабинете: «Это дело может быть связано с политикой». Вероятно, это означало, что Тревор с Фонтероем и другими высочайшими особами будут шепотом строить хитрые планы, в то время как мы, простые сыщики, продолжим слепо блуждать в «политическом тумане».

«Хоть бы Тревор догадался взять с собой Хаммонда! У него больше мозгов, чем у нас четверых, вместе взятых!»

Тем временем граф все еще вертел в руках письмо:

– Вы получили его в театре? Но как? Ведь я почти все время был рядом с вами!

– Это случилось, когда вдруг погас свет, – объяснила я.

– Преступник, должно быть, чрезвычайно ловкий тип, – хмыкнул Кеннет. – Ведь темнота длилась совсем недолго... Что ж, я поговорю с Уолтером, а этот пасквиль, если не возражаете, мы сейчас сожжем в камине, чтобы он больше не омрачал вашего настроения.

– Стойте! – резко наклонившись, я выхватила листок. – Мы с Агатой думаем, что в письмах могут быть зашифрованы тайные сообщения, и вы только что чуть не уничтожили третью часть нашего эксперимента.

Фонтерой, извиняясь, развел руками:

– Простите, я не знал. Если это все секреты на сегодня...

– Нет, сэр.

Было еще одно дело, которое нам давно следовало обсудить.

– Мне кажется, сэр, что наша игра в «дебютантку» слишком затянулась. В театре леди Элейн представила меня некоторым своим знакомым, и все они смотрели на меня, как на ее родственницу! Это... это невысказано!

Лицо Кеннета вспыхнуло улыбкой, отчего он стал похож на двадцатилетнего:

– Вас смущает серьезный настрой моей тети? О да, если она решила обеспечить кому-то успех в свете, то ее ничто не остановит.

– Но, сэр, это ужасно! Она милая, добрая женщина, и мне совсем не нравится громоздить перед ней ворох лжи! Это не шутки!

– Когда я говорил, что хотел бы помочь вам устроить свое будущее, Энни, я вовсе не шутил, – серьезно ответил он.

– Вчера лорд Мериваль оставил у нас свою карточку, и леди Элейн так обрадовалась, что весь день не знала, куда ее положить!

– Действительно, Мериваль к нам что-то зачастил. Раньше я не замечал за ним такого энтузиазма. Однако на вашем месте я бы на него не рассчитывал... Я знаю, он превосходный человек, но это не мешает ему быть самым тщеславным павлином из всех, кого я знаю!

– Я вовсе не...

– На вашем месте я бы присмотрелся к мистеру Уайтвуду. Он кажется надежным малым. Жаль, что он всего лишь лейтенант, но это поправимо. Я куплю ему к свадьбе патент на чин капитана.

Я понятия не имела, что Фонтерой, оказывается, наводил справки об Оливере Уайтвуде.

– Вы что, совсем меня не слышите? – крикнула я, уже не заботясь о том, что чуткие уши Элейн и Батлера могли находиться неподалеку. – Я не собираюсь замуж ни за Уайтвуда, ни за кого-то другого! Я прекрасно могу сама позаботиться о себе!

– Неужели? – Фонтерой иронически вскинул бровь, и в глазах его снова появился рыжеватый блеск озорства. – Простите, мисс Энни, но эта идея для меня слишком... новаторская, что ли. Я должен ее хорошенько обдумать, с вашего позволения.

И он, усевшись в кресло, отгородился от меня газетой. Разговор иссяк сам собой. Поскольку спорить с ровными печатными колонками, внезапно возникшими перед моим носом, не имело смысла, я выдохнула, резко развернулась и с достоинством (как надеялась) удалилась восвояси.

Что называется, поговорили.

* * *

Наконец, настал этот великий день, на который была намечена вечеринка. С раннего утра в доме все стояло вверх дном. В холле я столкнулась с незнакомой служанкой, тащившей в столовую кипу белоснежных скатертей. Возле парадного входа рабочие стучали молотками, прилаживая навес. Батлер приглядывал за ними, пока его не позвали в буфетную, так как возник срочный вопрос насчет столовых приборов. Из кухни доносились умопомрачительные запахи: там в облаках ароматного пара колдовала миссис Бонс, сердитая и сосредоточенная до крайности. На завтрак она выдала нам по тарелке бисквитов и велела не трогать ее до самого ленча.

Фонтерой, который, как всякий дракон, не выносил бестолкового шума и суеты, забился куда-то в нору. Зато Амброзиус, к моему удивлению, принял живейшее участие в подготовке праздника, правда, не всегда оно приносило пользу. Мы с Элейн обсуждали приглашенных музыкантов, когда внизу вдруг раздался ужасный грохот. Выбежав на галерею, мы увидели нашего волшебника, растерянно топтавшегося на лестнице. У его ног валялись обломки огромной керамической вазы вперемешку с поломанными стеблями и ли-

стями. По только что отполированным ступеням лестницы протянулся язык черной земли.

– Ничего не понимаю! – расстроено восклицал Амброзиус. – Доттис в «Пляске священных камней» точно описал, как им удалось с помощью пения поднять исполинские камни, устанавливая их в форме подковы или полумесяца, и накрыть их сверху тяжелыми блоками. А я попытался всего лишь поднять кадку! Почему же это не сработало?!

Я испугалась, что Элейн съест волшебника живьем за это безобразие, но она лишь мягко улыбнулась:

– Дорогой Амброзиус, дело в том, те истуканы были священными камнями, чрезвычайно восприимчивыми к музыке. Воздействовать же чародейством на грубую глину – только зря растрачивать свой дар. Позвольте пригласить вас в мою гостиную, где я смогу перевязать ваши ссадины, а здесь пока все уберут.

Амброзиус послушался, как ребенок. Пытаясь удержать разбившийся тяжеленный горшок, он действительно сильно рассадил ладонь. Проходя мимо меня так близко, что она почти задела меня пышным платьем, Элейн еле слышно шепнула:

– И если Кеннет что-то заметит, скажешь, что эти царапины на балясинах были всегда.

Я проводила две удаляющиеся спины ошарашенным взглядом. Что тут вообще происходит?! Похоже, увлекшись расшифровкой писем, я совсем упустила из виду членов нашего маленького сообщества, и теперь их отношения стали для меня не меньшей загадкой!

Чтобы привести мысли в порядок, я вывела Шайн на прогулку в Серпент-парк. После выволочки, которую устроила мне Кларисса, я больше не решалась скакать во весь опор, так что мы чинно-благородно проехали по дорожкам. Нашу прогулку омрачил только черный пес, который внезапно набросился из кустов в уединенной аллее, но умница Шайн играючи ушла от него. В отличие от других лошадей, она не отличалась нервозностью, ей не страшны были ни уличные собаки, ни вопящие мальчишки, ни резкие звуки почтовых рожков. Потрепав свою красавицу по шее, я, довольная, направила ее к воротам.

Дома, не успела я снять амазонку, как в дверь постучала горничная леди Элейн с сообщением, что хозяйка желала меня видеть. Элейн, закружившись в вихре хозяйственных забот, не забыла и обо мне:

– Дорогая, за этими хлопотами я совсем упустила тебя из виду. Что ты собираешься надеть сегодня вечером?

– То розовое платье, в котором была на приеме, конечно! Оно мне очень нравится!

– Что?! Появиться в одном и том же платье два раза подряд? Милая, это почти скандал! Джейн! – окликнула она свою горничную, – ступай с мисс Энни и помоги ей подобрать что-нибудь.

Мне едва удалось отбиться от ее услуг. Я боялась, что Агате не придется по душе такое вмешательство в круг ее обязанностей. Агата в последнее время и так постоянно была не в духе, то ли из-за частых визитов Клариссы, то ли из-за размолвки с Уолтером. Я недоумевала, чем Нед мог ее обидеть. С женщинами он был учтив, как священник, а уж с любимой девушкой даже намек на

грубую шутку счел бы непозволительной вольностью. В том, что он искренне любил Агату, сомневаться не приходилось. Как говорил известный поэт, «скорей убийство можно спрятать в тень, чем скрыть любовь: она ясна как день» [14].

Я застала свою горничную, когда она, нахмурившись, раскладывала на кровати мои платья: пышные наряды из тафты, муслина и шелкового газа, отделанные кружевом, блестящим бисером и серебряной синелью. От их блеска рябило в глазах.

– Пожалуйста, подбери что-нибудь, что сделало бы меня сегодня неотразимой, – с улыбкой попросила я, надеясь развеять угрюмую атмосферу, висевшую в комнате. – Мисс Нидли правильно говорила, что удачный наряд может любую Золушку превратить в принцессу!

– Я приготовлю вот это. – Агата сердито выдернула из шуршащего пышного вороха платье, сшитое из шелковистого зеленого крепа с высокой талией и неширокими оборками. – А остальные уберу. Не беспокойтесь, мадам.

Меня задел этот нарочито услужливый тон, но я не подала виду:

– А тебе не кажется, что зеленый цвет меня несколько бледнит? – спросила я.

Ответом на мой вопрос был резкий стук захлопнувшейся двери. Схватив в охапку платье, Агата стремительно вылетела в коридор.

Нет, в нашем доме точно происходит что-то неладное!

Как бы там ни было, но прием прошел великолепно. Леди Элейн, очень красивая и помолодевшая, в темно-синем платье из узорчатого атласа, стояла вместе с Фонтероем на верхушке лестницы, встречая гостей. Лестницу покрыли красным сукном, среди гостей сновали нанятые лакеи (одним из которых был Фокс), угощая всех фруктами и напитками.

В организации вечеринки главное не в том, чтобы позвать в дом подходящих людей и засыпать им овса в кормушку. Следовало создать особую атмосферу, и Элейн это прекрасно удалось. По комнате струились утонченные беседы, слышался мягкий приятный смех. Хозяйка переходила от одной группы к другой, чтобы представить нового гостя, подбросить тему для разговора или ободрить кого-нибудь.

Одно омрачало мое настроение – Лайбстер так и не явился. Невероятно! Все самое блестящее общество собралось сегодня у нас, а он взял и не пришел! Сначала я подумала, что могла пропустить его в этой нарядной беспечной толпе. Я поискала глазами Фокса, и тот еле заметно покачал головой. Лайбстера здесь не было.

– Послезавтра вечером в «Золотом лососе», – шепнул мне Фокс как бы ненароком, обходя меня с подносом. – Скажи Уолтеру.

Значит, им с Винсом удалось что-то обнаружить! И мне предстоит еще двое суток мучиться неизвестностью! Эх, если бы нам удалось нормально поговорить!

Итак, Лайбстер отсутствовал, зато я заметила среди гостей леди Виверхэм. Отличаясь пристрастием к экзотическим нарядам, сегодня она надела кружевную астильскую мантилью, приколов ее на груди крупной сверкающей брошью. Это было настолько чудовищно, что казалось даже красивым. Почему-то сегодня «виверна» вела себя необычайно тихо и почти не открывала рта. Против обыкновения, звонких голосов ее дочерей тоже не было слышно.

Селина пряталась за спину матери. Даже розовое платье не могло скрыть ее бледность, а глаза казались красными и припухшими. Маленькая Селия, стоявшая рядом, выглядела взъерошенной и сердитой, как воробушек.

Кажется, здесь тоже было что-то неладно.

За стол мы сели около восьми часов. Я жила здесь уже около месяца, но только сегодня смогла по достоинству оценить искусство нашей поварихи! Обед был великолепен. На первое подали заячий и устричный суп, а также рыбу. Вторая перемена блюд включала седло барашка, запеченных голубей, соус из белых грибов и различные закуски, а на десерт принесли апельсиновое суфле и бланманже, за которое миссис Бонс следовало бы присвоить звание пэра. Гости, и так довольные вечеринкой, встали из-за стола в самом чудесном расположении духа.

После обеда музыканты заиграли контрданс, и все желающие потанцевать потянулись в большую залу. Ко мне подошел мистер Уайтвуд, но я попросила его пригласить Селину, а сама поманила ее сестру в укромный уголок за буфетом.

– Выкладывай, что случилось, – спросила я без обиняков.

– Это все из-за Меллинга, – насупилась девчонка. – Он уже пять дней к нам носу не кажет. А раньше приходил каждый день! Вчера Селина получила от него письмо и чуть не свалилась в обморок. Теперь она плачет и твердит, что им следует все забыть.

– Вот уж не ожидала от Меллинга такого вероломства!

– Ну, Селина призналась, что они не были помолвлены, – разочарованно вздохнула Селия. Похоже, они с леди Виверхэм в своем воображении далеко опередили действительное положение вещей. – Я думаю, все дело в том, что в Эшентаун приезжает его отец.

– И что с того?

Я слышала, что старший мистер Меллинг жил, обрастая мхом, в своем поместье где-то в Хэмфордшире, но не могла взять в толк, какой вред от него может быть в Эшентауне.

– Он скряга, каких мало, – без обиняков заявила Селия. – Меллинг – младший сын, и наверняка отец хотел подобрать ему в жены увесистый сундучок с деньгами. А мы не так богаты.

В это время танец как раз закончился, и Селина подошла к нам. Глядя на нас, ей нетрудно было угадать предмет нашей беседы.

– Ты опять за свое! – с досадой сказала она сестре. – Мистер Меллинг не давал мне никаких обязательств. Он выказывал мне некоторое расположение, однако ни разу не объяснился открыто, а в последнем письме прямо заявил, что не свободен распоряжаться своей судьбой! – в голосе Селины зазвенели слезы.

– Да мы все видели, что он от тебя без ума! – вмешалась я. – Завтра же схожу и поговорю с ним. Если его чувство так серьезно, то никакой отец не сможет ему помешать!

Две пары круглых карих глаз воззрились на меня с одинаковым изумлением:

– О нет! Ты не можешь!

Я с ностальгией вспомнила своих соседей в Кречи. Когда Дик в первый раз сбежал от Бетси и спрятался на августовской ярмарке, она не заламывала ру-

ки, а отыскала его, взяла за ухо и призвала к ответу. Это потом все привыкли, что Дик сбегает каждое лето – просто, чтобы отдохнуть от Бетси. Очевидно, в светских кругах, где жизнь определялась множеством условностей, такая прямота была не в чести.

Наша беседа уже начала привлекать внимание, и мне давно пора было вернуться к Элейн, чтобы помочь развлекать других гостей. Напоследок Селина, словно решившись, произнесла с трагическим выражением:

– Я схожу к прорицательнице мадам Теллер. Хочу узнать, какой злой рок подстерег нас с Меллингом, и что сулит мне будущее!

По ее лицу читалось, что если это будущее не включало в себя мистера Меллинга, то ей и жить не стоит.

– Прекрасная мысль! – глазенки Селии загорелись от восторга.

Лично я ни за что не стала бы верить свое будущее гадалке, но возражать Селине, когда она находилась в таком состоянии, означало лишь укрепить ее в ее намерениях, так что я решила отступить. Тем более что музыканты заиграли народный танец, на который Уайтвуд меня снова настойчиво пригласил. Неподалеку от нас улыбались друг другу Амброзиус и Элейн, у которых был вид заговорщиков, а в соседней паре стояли Мериваль с Клариссой. Эти двое сегодня тоже вели себя странно. Их поведение напоминало двух котов, облюбовавших один конек крыши: вроде бы и не смотрят друг на друга, а шерсть у обоих так и топорщится от раздражения.

Да, это был действительно странный вечер! В мечтах я представляла его совсем не так, особенно когда, засыпая, снова видела теплый взгляд Фонтероя и чувствовала его руки на своей талии. Увы, наш хозяин куда-то исчез сразу после ужина, и среди танцующих его не было. Около полуночи я нечаянно налетела на него в коридоре, когда, устав от танцев, решила поискать, не найдется ли среди изысканных закусок немного орехов.

– Это вы! – с каким-то облегчением выдохнул Фонтерой, держась за дверь библиотеки.

– Энни, у меня к вам огромная просьба, – сказал он, схватив меня за руку. – Вы можете устроить так, чтобы пять минут сюда никто не входил?

Выглядел он совсем плохо: едва стоял на ногах, был бледен, как призрак, в глазах – лихорадочный блеск. Что с ним? Заболел? Внезапный приступ? Испугавшись до смерти, я помогла ему дойти до кресла:

– Прошу вас, сядьте, сэр! Я сейчас позову Батлера.

Ладони у него были горячие, как из печки.

– Батлер тут не поможет, – криво усмехнулся Фонтерой. – Прошу вас! Мне нужно только пять минут.

– Хорошо.

Надеюсь, он знает, что делает! Я быстро вышла и захлопнула за собой дверь. Замок был автоматическим, и я помнила, где лежат ключи – в холле, в верхнем ящике комода. Напольные часы в холле, прокашлявшись, натужно пробили полночь. Тенью метнувшись к комоду, я украдкой вытащила нужный ключ, бросила его к стене и с размаху придавила каблуком. Ногу прострелило болью. Дьявольщина! Совсем забыла, что на мне вместо привычных башмаков были легкие бальные туфельки.

Морщась от боли, я захромала обратно к библиотеке. И вовремя! Туда уже направлялся мистер Пенвик в сопровождении еще троих джентльменов, же-

лающих пощекотать себе нервы над зеленым сукном. Он в недоумении подергал дверь и оглянулся.

– Похоже, кто-то случайно ее захлопнул, – улыбнулась я. – Одну минутку, джентльмены.

Следующие несколько минут мы беспомощно топтались у двери уже впятером.

– Что здесь происходит? – послышался красивый ленивый голос.

Конечно же, это была леди Эмберли. Кларисса чуяла чужие промахи, словно акула, которая повязывает салфетку, когда ныряльщик в десяти милях от нее поранит палец.

– Кто-то из слуг захлопнул дверь, а я пыталась ее открыть и нечаянно погнула ключ, – пролепетала я, изображая крайнюю растерянность.

Леди Эмберли возвела прекрасные глаза к небу с выражением: «Слава богу, я-то никогда не была так глупа!»

– Так позовите Батлера! – воскликнула она с нетерпением. – Если у кого и есть запасной ключ, то наверняка у него!

Батлер, выросший словно из-под земли, смог одним взглядом правильно оценить обстановку. Поковырявшись для виду в замочной скважине, он выпрямился:

– Замок заело. Ничего страшного, сейчас исправим. А пока что осмелюсь предложить вам, джентльмены, винтажный портвейн, который я только что со всеми предосторожностями принес в столовую из погреба его светлости, где оно пролежало нетронутым двенадцать лет. Тем временем я разберусь с этой дверью.

Джентльмены с готовностью удалились. Ловкость Батлера простиралась так далеко, что ему даже удалось спровадить с ними Клариссу. Как только последний из черных фраков скрылся в холле, дворецкий легко открыл дверь.

– Здесь никого нет, – заметил он, глядя мне в глаза долгим взглядом.

Я молча кивнула. Уже с порога было видно, что комната пуста. Из открытого французского окна в глубине библиотеки тянуло холодом. Я прикрыла створки, но запереть их не решилась.

– Если вы побудете здесь, я принесу вам чаю, – сказал Батлер со своей обычной деликатностью. И бесшумно исчез.

Я подошла к окну. В густом сумраке, напитанном сыростью, еще дрожало еле слышное пение магии. Светил бледный диск луны, и в низко нависшем небе мне на секунду пригрезился шелковый всплеск исполинских крыльев.

– Мисс Энни?

Вздвонув, я оглянулась. На пороге стоял Мериваль.

– Что случилось? Где Фонтерой?

– Его здесь нет, – спокойно ответила я, задерживая тяжелые портьеры.

Лицо Мериваля не выражало ничего, кроме легкой скуки, но я видела, как нервно билась жилка на его виске, а рука в кармане была сжата в кулак. Должно быть, он волновался за друга.

– Леди Эмберли просила отыскать его, – сказал он, огорченно нахмутив красивые брови. – Я-то понимаю, что Кеннету в его положении сейчас не до веселья. Наверняка ему хотелось бы побыть одному. Ладно, пойду к Клариссе, и да помогут мне боги поудачнее соврать!

Состроив печально-ироничную мину, он ушел. Я смотрела ему вслед с бла-

годарностью, думая, что какое бы несчастье ни постигло Кеннета, ему должно послужить утешением, что у него есть такие хорошие друзья!

Глава 18

Идея Селины нанести визит прорицательнице мадам Теллер не канула в небытие, как я тихо надеялась, а наоборот, нашла скорое воплощение. Селина, всегда такая меланхоличная и нерешительная, вдруг проявила невероятную изобретательность, и уже на следующий день мы втроем ехали в наемном экипаже на Кейтон-стрит, где жила эта гадалка. Пока наш кэб пробирался в ранних городских сумерках, подкрашенных бледным светом фонарей, я всячески пыталась отговорить сестер от этой затеи.

– Мадам Теллер – не какая-то шарлатанка, – убеждала меня Селия. – К ней навещают многие леди. Она хорошего рода, седьмая дочь седьмой дочери, может предвидеть исход беременности или судебной тяжбы и бесподобно предсказывает погоду!

– Тоже мне, фокус! – фыркнула я, вспомнив Чертову Матушку, старую гадалку из Лачмира. Та предсказывала суровые зимы с помощью своих котов. Если их шерсть была особенно густа осенью – значит, запасайся углем, не то превратишься зимой в хорошую сосульку. Матушкины коты никогда не ошибались. Жила она в конце перекрестка, в низком, словно насупленном доме. Часть окон в нем была разбита и заткнута оберточной бумагой. Возле этого зловещего дома всех невольно охватывал страх: стоило нам завидеть грузную фигуру Матушки в темной шали, как мы опрометью бросались в разные стороны.

Махнув рукой на бестолковых сестер, я отвернулась к окну, за которым в тумане иногда мелькали призрачные фигуры прохожих. Кэбмен повез нас кружной дорогой, так как на Феттер-лейн и на Дьюк-Инн-Филдс, по слухам, были «волнения».

– Чума на головы этих бродяг! – ворчал кэбмен. – Колеса выворотят, стекла побьют... Можно подумать, их буйство приведет к тому, что лорд-мэр лично откроет закрома с хлебом!

– Я слышала, что вчера для усмирения мятежников пришлось разослать отряды гвардейцев! – блестя круглыми глазами, прошептала Селия.

Я тоже слышала об этом – от Мериваля, которому однажды пришлось сопровождать такой отряд. Что бы ни говорил о нем Фонтерой, Мериваль был не из тех надушенных лордиков, что бесцельно слонялись по гостиным, сокрушаясь о «старых добрых временах». Если что-то шло не так, Мериваль засучивал рукава и брался это исправить. Мне импонировал такой подход.

Благодаря осмотрительности нашего кучера, путь до Кейтон-стрит удалось преодолеть почти без происшествий. Мы уже подъезжали к перекрестку Северейс, когда вдруг послышался грохот, ругань, и из переулка выплеснулась кучка людей с палками и факелами в руках. Они выглядели, как хищники, сбежавшие из зверинца. Один из мятежников замахнулся – и камень, брошенный с силой, громко ударил в стенку кареты. Селина испуганно вскрикнула. На наше счастье, кэб быстро промчался мимо. В глубине соседней улицы я заметила красные солдатские мундиры – оттуда в сторону бунтовщиков направлялись пешие гвардейцы в сопровождении двух верховых офицеров. С детства я ужасно боялась толпы. На городских улицах нет страшнее зверя, чем

разъяренная толпа! Человек в ней моментально теряет свою личность и с удовольствием предается порокам, о которых в одиночку не смел бы и помыслить. Я мысленно прокляла упрямую Селину и беспечную леди Виверхэм, отпустившую девушек одних в такое опасное время.

Мое дурное настроение еще усугублялось бессонницей. Вчера вечером Кеннет так и не вернулся. Всю ночь я чутко ждала, не захлопают ли в тишине гигантские крылья, не послышится ли скрежет огромных когтей по черепице, но так и не дождалась. За завтраком его тоже не было. Нед где-то пропал, Элейн отдыхала, довольная после вчерашнего приема, как питон после трапезы. Дверной молоток не умолкал, возвещая о прибытии все новых и новых посыльных: благодарные гости засыпали хозяйку вечера карточками и цветами.

Весь день я не могла найти себе места от беспокойства. Вид фортепьяно нагонял на меня тоску, библиотека без Кеннета казалась нелепо пустой. Когда я вошла туда и увидела пустое кресло и холодный камин, у меня ком подступил к горлу. Лишь бы с ним все было хорошо! Амброзиус был занят и только отмахнулся, попросив меня зайти позже. Каждую минуту я боялась, что к нам заявится Кларисса, которой придется что-то врать насчет Кеннета. «Если, конечно, он сейчас не с ней». От этой мысли мне стало еще хуже, и я отправилась за утешением к Элейн.

Тетушка Фонтероя сидела в нарядном пеньюаре в своей гостиной и угощалась бисквитами с большого блюда. Усадив меня рядом, она предложила мне кофе.

– Чудный вечер вчера получился! Жаль, что Кеннет так быстро ушел. Это не очень-то вежливо с его стороны по отношению к Клариссе.

– Значит, их свадьба – дело решенное? – спросила я нарочито безразличным голосом. Рассыпчатые бисквиты миссис Бонс сегодня не лезли мне в горло.

Леди Элейн немного помедлила с ответом:

– Когда-то я просто мечтала, чтобы они поженились. Я помню ее первый сезон. Когда Кларисса начала выезжать, она затмила всех наших девиц. Лорд Эмберли был сражен наповал, как только ее увидел. И эти щенки, Ингрэм с Кеннетом, тоже увивались вокруг нее наперебой...

Она отхлебнула еще кофе, погрузившись в золотую паутину воспоминаний:

– Конечно, родители вряд ли позволили бы ей выйти замуж за Кеннета. Младший сын, небольшое состояние, никакой склонности к карьере... Я надеялась, что Кларисса, такая разумная и благовоспитанная, сумеет сгладить острые углы его натуры и примирить его с отцом. Этот брак представлялся мне идеальным. Кроме того, я устала утешать девчонок, имевших глупость влюбиться в него!

Элейн бросила на меня быстрый взгляд, в котором мне померещилось сочувствие.

– А сейчас? – спросила я, постаравшись принять спокойный и уверенный вид. – Что вы думаете сейчас?

Помешав кофе серебряной ложечкой, она задумчиво вздохнула:

– Дорогая Энни, люди так меняются с годами! Когда-нибудь ты сама это поймешь... Кеннет никогда уже не станет тем беспечным юношей, и преж-

нюю Клариссу тоже не вернуть.

Внезапно она заговорщицки подмигнула:

– Я ее нежно люблю, но вместе с тем очень рада, что окажусь в Аппор-холле за шестьдесят миль отсюда, когда она войдет в этот дом хозяйкой! И если хочешь, я могу взять тебя с собой!

Я обдумывала это великодушное предложение, пока мы с Селией и Селиной тряслись в наемной карете. В Эшентауне у меня была работа, хотя я понимала, что буду невыносимо чувствовать себя в городе, где Фонтерой с Клариссой начнут вить свое семейное гнездо. Мое чувство к Кеннету так безнадежно, нелепо... волшебно. Но уехать... бросить мистера Тревора и ребят – нет, я просто не могла!

На перекрестке Севенрейс экипажу пришлось остановиться, чтобы пропустить толпу возбужденных прохожих. Семь улиц сходились здесь к маленькой площади, образуя некое подобие звезды. Вероятно, городские астрологи усмотрели в этом счастливое предзнаменование, так как очень полюбили здесь селиться. В угловом доме жил известный алхимик, рядом с ним обретался продавец пилюлей. Табличка на соседней двери извещала, что проживающий за ней джентльмен берет за предсказать исход конных гонок. Все эти дома, впрочем, выглядели опрятными и благополучными: аккуратные фасады, начищенные дверные ручки. Контраст с халупой Чертовой Матушки прямо-таки бросался в глаза, так что мой скептицизм несколько увял.

Дверь нам открыла опрятная горничная в сером платье, со скромно опущенными глазами. Прошелестев какое-то приветствие, она провела нас в гостиную. Здесь меня ждал второй сюрприз. Я помнила, как выглядят изнутри шатры гадалок на ярмарках: таинственный ароматный полумрак, стеклярусные занавески, жуткие аксессуары вроде черепов или засушенных чучел. Здесь ничего подобного не было. Обстановка напоминала гостиную в хорошем доме, разве что немного вычурную. На столе стоял умывальный таз, наполненный водой, словно хозяйка собиралась совершить вечерний туалет.

Миссис Теллер оказалась немолодой, деловой и опрятной женщиной, больше похожей на вдову почтенного торговца, чем на гадалку. Ее белокурые волосы были убраны под чепец, на губах при виде нашей притихшей троицы появилась вежливая улыбка:

– Кажется, я догадываюсь, чем могу быть вам полезна, юные леди. Особенно вам, – безошибочно выделила она Селину.

– Только, пожалуйста, давайте обойдемся без нелепых гаданий по ладони и карточных фокусов, – вмешалась я. Мне казалось, что на правах более опытной подруги, знакомой с повадками гадалок, я должна была предостеречь девушек.

– А вы считаете, что между оккультной и экспериментальной формами познания лежит непреодолимая пропасть? – поинтересовалась мадам Теллер, сразив меня этим вопросом. Такую фразу я ожидала бы услышать от Амброзиуса, но никак не от дамы, раскладывающей карты, чтобы узнать, не захватить ли ей на прогулку зонтик.

– Присядь к столу, дорогая. – Мадам Теллер, напористо шурша шелками, провела Селину вглубь комнаты. – А вы подождите здесь, – обернулась она к нам с Селией.

Мы послушно уселись в мягкие, слегка обтрепанные кресла, стоявшие по-

одадь.

– Мне нужна какая-либо вещь, принадлежащая ему, – сказала гадалка.

Поколебавшись, Селина вынула из-за корсажа сложенное письмо и протянула его вместе с бархатным коричневым кошельком. Взяв вознаграждение и взвесив его на ладони, мадам Теллер, кажется, осталась довольна. Открыв небольшую шкатулку, она убрала кошелек и вытащила небольшой камень размером с куриное яйцо. Он был яркого красного цвета, блестящий и чешуйчатый, как шкура змеи. Сжав его в ладонях, гадалка монотонно забормотала заклинания. Ее голос был похож на шелест сухих листьев, гонимых ветром. Затем она коснулась камнем глаз, губ и волос Селины и положила его на край миски. К моему удивлению, камень не плюхнулся в воду, а покатился по ободу блюда.

– Держи руками чашу и смотри, – сказала гадалка изменившимся низким голосом. Сама она положила ладони поверх рук Селины и тоже уставилась в воду.

Эта сцена внезапно напомнила мне наше с Лайбстером приключение у озера, отчего мне стало не по себе. Вероятно, мадам Теллер пользовалась для гадания схожими методами. В комнату бесшумно, как туман, проникла та «серая девушка», горничная. Присев у окна, она взяла инструмент, похожий на маленькую арфу, и затянула протяжную песню. Мелодия была такой странной и жуткой, что я вся похолодела, словно дотронулась до трупа. «Чешуйчатый» камень не успел сделать и десяти оборотов по краю чаши, а мы уже прониклись мистическим настроением по самые жабры. Селия притихла, глядя на происходящее круглыми расширенными глазами. Селина с хозяйкой, сидя со сцепленными руками, казалось, пребывали в другом мире, о котором не пристало ведать душе смертного.

Когда я уже готова была вскочить, завопить, сделать что угодно, чтобы разбить эту вязкую, жуткую магию, творившуюся здесь, песня умолкла, а гадалка быстро забормотала:

– Любовь его к тебе не угасла, но преградой между вами – этот старик. Запомнила? Теперь хватит! Отпусти его!

Камень задымился, но мадам Теллер, сделав отвращающий жест, сбросила его в воду. Сидевшая на стуле Селина покачнулась, ее повело, и она едва не упала. К ней подскочила проворная Селия с флаконом нюхательной соли и быстро привела сестру в чувство.

– Все ли ты узнала, что хотела? – спросила мадам Теллер уже обычным, нормальным голосом.

– Да, благодарю вас, – пролепетала бедная девушка.

– Может быть, у твоих подруг есть вопросы? – Мадам Теллер обвела нас взглядом маленьких, холодных, как камешки, глаз.

Селия испуганно затрясла головой. Я мечтала лишь поскорее убраться отсюда. Проклятая гадалка перехватила мой взгляд, и ее лицо рассекла хищная улыбка:

– О, – прошептала она, засмеявшись, – я вижу тут целый клубок вопросов! А сколько дорог – одна, две, три!

Ее сухой смех был похож на щелканье мертвых костяшек. Я хотела зажмуриться – и не могла. Страшная женщина надвигалась на меня, как гора. Серая тень ползла за ней следом, занимая уже добрую половину комнаты. Я спиной

осторожно отступила к двери. Глаза мадам Теллер изменились: лишённые белков, они стали похожи на пустые черные окна. Не сомневаюсь, что теперь они будут являться мне в кошмарных снах.

– Ты – глупая, беспечная стрекоза, которая не боится опалить себе крылья! О, ты найдешь ответы еще до конца этого Круга, только не забудь о цене, которую придется заплатить! Помни: человек, ищущий знания, словно ходит под кручей. Знание падает на него, как камень, сорвавшийся с обрыва!

Снова щелкающий смех пробрал меня до костей. Я проворно бросилась к двери.

– Ради милосердия к тем, кто тебя любит – выбери третью дорогу! – крикнули мне вслед.

Эти слова прилетели мне в спину, когда я выбежала в переднюю. Обе сестры уже ждали меня там. Серая служанка с бесстрастным лицом и пустыми рыбьими глазами снова отворила дверь, в которую ворвался туман. Мы втроем с облегчением вывалились наружу.

– ...И запомни, что ты – связующая цепь между теми, кого оставишь, и теми, кого найдешь! – долетело нам вслед, после чего дверь наконец-то захлопнулась. Слава богу.

Уже совсем стемнело, на окрестных домах зажглись фонари. Я хватанула полной грудью живительного эшентаунского воздуха, пропитанного сыростью, уличными запахами и угольной пылью. Как же хорошо!

– Уф! – выдохнула Селия, сердито посмотрев на сестру: – Ты должна мне как минимум три визита в магазин мадам Пэлхем! Это было жуть как страшно!

– Он любит меня! – воскликнула счастливая Селина, эйфорию которой не могли нарушить никакие мрачные пророчества. Уж не знаю, чего ей там привиделось в тазу, но это вознесло ее на небеса. – Я знала, знала, что это отец Меллинга настраивает его против нас! Я видела его лицо – отвратительный скрюченный старик с седыми патлами, в круглых очках и с большим ртом, как у жабы! Он стоял перед картотечным шкафом, мерзко хихикал и потирал руки, вот так! – Селина очень похоже изобразила хорошенького алчного кареглазого старикашку.

В моей голове будто сдвинулись какие-то колесики, все-таки страх не совсем отшиб мне разум. Я задумчиво спросила:

– А не было ли у него кольца-печатки с черным камнем на правой руке?

– Кажется... да, действительно! Но как ты узнала?

– Очень интересно.

Портрет, столь живописно нарисованный Селиной, разительно напомнил мне одного джентльмена, который, в отличие от Меллинга-старшего, постоянно проживал в Эшентауне, и имел такое же отношение к светскому обществу, как гусеница к яблоку.

– Вы что, не могли найти другого времени для разговора? – сердито воскликнула маленькая Селия. – Между прочим, становится все темнее, а наш кэб уехал!

Забавно было видеть, как две решительные девушки внезапно превратились в растерянных котят, которых хозяйка вытряхнула из насиженной корзинки в незнакомый двор.

– Как уехал? Что же делать? Ведь возчик обещал нас подождать! – воскликнула Селина, и в ее глазах заблестели слезы.

– Ничего страшного, – пожалала я плечами. – Если мы дойдем до конца этой улицы, то попадем напрямиком на Бишопс-роуд. Там полно кэбов!

– Может быть, лучше вернемся в дом и попросим служанку найти нам экипаж? – нерешительно спросила Селина, замаявшись на крыльце. Вероятно, ей за всю жизнь не довелось самостоятельно пройти по городу хотя бы милю.

– Что?! Вернуться – туда? Ну уж нет! Боюсь, моя нежная натура не выдержит еще одного соприкосновения с мистическим талантом мадам Теллер! Селия, а ты как?

– Я скорее доберусь домой пешком, – мрачно согласилась девушка и храбро зашагала в темноту. Селине ничего не оставалось, как последовать за нами.

Должна сказать, прогулка по вечернему пасмурному Эшентауну – удовольствие на любителя. Особенно если перед этим вы хорошенько встряхнули себе нервы магическим ритуалом. Туман, которому городские испарения придавали желтоватый оттенок, усиленно клубился вокруг нас. Его плотные клочья, носимые сквозняками, придавали уличным подворотням такую зловещую ауру, что мы невольно прижимались ближе друг к другу. За редкими витринами горел газ. Мы прошли мимо пожилой торговки каштанами, от чьей маленькой жаровни исходило красноватое мглистое свечение. Отблески этого света и запах жареных каштанов еще долго сопровождали нас в темноте. В окружающей дымной хмари было даже своеобразное величие, как в первом кругу ада.

Где-то неподалеку раздался собачий лай. Это было не бодрое собачье тьяканье, возвещавшее о том, что луна сегодня особенно хороша, а жизнь прекрасна. Нет, эти звуки скорее походили на мрачное зауспокойное уханье. Это так же мало напоминало нормальный лай, как песня сегодняшней «серой девушки» – веселые застольные куплеты. Меня снова пробрал озноб.

Впереди уже слышался шум большой улицы, когда Селия холодной лапкой осторожно тронула меня за руку и прошептала:

– Там какой-то человек идет прямо за нами! Мы медленнее, и он медленнее! То исчезает, то опять появляется!

Я оглянулась. За два дома позади нас мелькала смутная тень, то возникая, то проваливаясь в клубы тумана. Шагов его не было слышно. Мы ускорили темп.

– Мне страшно! – на бегу выдохнула Селия. – А вдруг это Туманный человек?!

– Вздор! – нахмурилась Селина, едва поспевая за сестрой, но в ее голосе было мало уверенности.

Будь я одна, задала бы сейчас такого стрекача, что только меня и видели, но не бросать же подруг на произвол судьбы! Тем временем, мои нежные спутницы уже порядком запыхались. Эх, а Бишопс-роуд была так близко! Не успеем!

– Сюда! – потянула я девушек в переулок. Насколько помню, он заканчивался тупиком, перегороженным ажурной решеткой старого особняка. Крайний каменный дом имел низенький полуподвальчик с аркой, вечно загроможденной плетеными корзинами и старыми ящиками. Я помогла Селине с Селией втиснуться вглубь, а сама осторожно выглянула наружу...

Из конца переуллка не доносилось ни звука. Существо просто возникло на фоне светящейся щели между домами, и фонарь, висевший на углу, очертил

контур его щеки и плеча. Что-то в его силуэте показалось мне знакомым. Постояв перед входом в переулок, оно втянуло носом воздух. Спустя несколько минут, в течение которых мы старались даже не дышать, существо исчезло, словно растворившись в сумерках. На вид это был обычный человек из плоти и крови, крупного сложения, рыжебородый, в коричневом плаще с тремя перелинами. Меня охватил охотничий азарт.

Словно стайка испуганных птиц, мы вылетели из-под арки и почти сразу услышали звяканье упряжи, возвещавшее о появлении лошади. Вскоре из тумана проступили очертания высокого черного кузова. Как же нам повезло!

– Садитесь в кэб, – сказала я девушкам, – а мне нужно догнать этого человека!

– Нет! – вскрикнула Селия, удержав меня за руку. Ощущение было такое, будто меня схватил аллигатор. – Слышала, что говорила гадалка? «Ты – связующее звено между теми, с кем расстанешься, и тем, кого встретишь». Я боюсь! Не хочу из-за тебя быть связанной с этим жутким типом!

– Да ну, гадалки вечно несут всякий бред! – отмахнулась я, делая движение, чтобы соскочить с подножки.

– Нет, не ходи! Селия, скажи ей!

– Что? О чем вы? – Селия, уже сидевшая в экипаже, перевела на нас затуманенные глаза. Вероятно, она была занята мысленной примеркой свадебного платья и составлением списка гостей.

– Все ясно! С тобой разговаривать бесполезно! – страдальчески закатила глаза ее сестра.

В конце концов, Селия смогла отговорить меня от погони. Мы втроем загрузились в кэб и поехали домой.

* * *

Не удивительно, что после пережитого мне снова не удалось заснуть. Меня одолевали оцепенение и усталость, но сон не шел. Отдернув полог, я бездумно разглядывала ночные тени, метавшиеся на потолке. Ветер усилился, в его шуме чудился приглушенный плач и стон. Этот унылый звук все повторялся и повторялся. Должно быть, это гуляли сквозняки в старом доме. Далеко внизу, в холле, часы пробили час ночи, потом два. Вдруг неясная тревога заставила меня оторвать голову от подушки. Показалось, что кто-то стоял за моей дверью.

Из коридора не доносилось ни звука, но там точно кто-то был! Соскользнув с постели бесшумно, как дух, я осторожно приотворила дверь. Вместо глухой темноты перед моими глазами возникли дрожащие коричневые тени. Коридор был смутно освещен, ближе к лестнице на полу стояла свеча, пламя которой металось на сквозняке. В дальнем конце коридора, таявшем в сумраке, мелькнула чья-то высокая фигура. Мистер Батлер? Взяв свечу и прикрыв ладонью слабый огонек, я посмотрела вниз.

Батлер не стал бы будить меня просто так. Повинуясь скорее непонятному предчувствию, чем логическим соображениям, я спустилась в холл. Дверь в библиотеку была приоткрыта. Похоже, кто-то развел там огонь, на паркетном полу в коридоре дрожали его отблески.

Кеннет был здесь. Он сидел возле камина, прямо на полу, и смотрел в красноватое пламя. От внезапно нахлынувшего облегчения я пошатнулась, так что пришлось на минуту опереться о стену. Словно почувствовав мой взгляд,

он обернулся. На дне его глаз еще трепетало пламя, и вид у него был – как у хищной птицы, сбитой с неба и запертой в этой клетке, где царил застоявшийся дух пыльной бумаги и кожаных переплетов. Наверное, библиотека должна была показаться ему очень тесной после небесных просторов.

Почему-то он совсем не удивился, увидав меня ночью, в теплой рубашке и длинной шали, достававшей почти до пола.

– Каждый раз это все тяжелее, – сказал он, снова глядя в огонь. – Я имею в виду – возвращаться.

Поставив свечу на стол, я подошла ближе и села рядом. Машинально отметила, как измучило его постоянное сопротивление драконьей магии. Кеннет исхудал и выглядел не таким педантично аккуратным, как всегда. Воротник у него был расстегнут, как и верхние пуговицы на шелковом жилете; из пучка стянутых лентой черных волос выбилась прядь. Каминное пламя, осветив снизу его лицо, подчеркнуло аскетичную линию губ и тонких скул.

– Я не думал, что это будет так. Боялся другого. Боялся вспышки ярости, гнева, разлитого в опаленном воздухе. А потом – опустошение и осознание того, что уже ничего не исправишь. Оказалось, дракон – это не только огонь. Это парящее чувство полета. Ты видишь все вместе и сразу, понимаешь, как рождаются дожди, когда движутся льды на полюсах. Видишь, как борются между собой течения. Слышишь голоса ветров, чувствуешь, как поет хрупкая паутина магии, опутывающая все сущее... Ты знала, что драконы видят наш мир и Ту Сторону одновременно?

Кеннет постепенно приходил в себя, но его голос все еще был голосом дракона, и он завораживал:

– Сила духа дракона такова, что ее не сравнить с человеческой. Наши радости кажутся мелкими, наша боль – это просто ничто. Наверное, я не вернулся бы вовсе, если бы не... – тут он смолк и посмотрел на меня. Какие-то слова готовы были сорваться с его губ, но голос его не слушался.

Меня пугала эта перемена в нем. Человек и дракон боролись в его сознании, и мне отчаянно хотелось найти что-то, что вернуло бы прежнего Кеннета. Но что? Может быть, его гордость? Долг? Ответственность?

– Вы как-то говорили, что истинная сила духа – в самоуважении и верности долгу, – неуверенно прошептала я.

Кеннет слабо улыбнулся:

– Это слова моего брата. Я тебе не рассказывал? У меня был старший брат, Джеймс. Он был удивительным человеком, жаль, что умер так безвременно. Я мало знал людей, в которых воплотилось бы столько достоинств, и иногда мне кажется, что все лучшее во мне – от него. Все-таки он успел преподать мне несколько уроков. Отец Джеймса просто боготворил, советовался с ним во всем. Я не завидовал, нет, но и подражать ему не хотел. Наверное, из странного духа противоречия я старался преуспеть в таких делах, в которых Джеймс никогда не стал бы со мной соревноваться. Он властвовал в учебных аудиториях – я преуспевал в карточных клубах, в тире и Манеже. Он снискал расположение профессоров и нашего управляющего – зато я царил в светских салонах. Что бы я ни натворил, я всегда знал, что могу рассчитывать на его расположение и добрый совет. До тех пор, пока из-за одной злосчастной случайности... По настоянию отца, Джеймс поехал на охоту. Лошадь, чего-то испугавшись, сбросила его. Он умер мгновенно. Отец до конца жизни не мог себе это

го простить.

Я не знала, что тут можно сказать. Как его утешить.

– Потерять их обоих – это было больнее всего. Даже больнее, чем... – здесь он снова запнулся, но я и так поняла. Мне следовало раньше догадаться! Внезапная болезнь Кеннета, его худоба, бледность, плохое самочувствие позавчера на приеме... Мало ему проблем с собственным драконом, искушающим его новой магией, так еще какой-то мерзавец издевается над ним с помощью амулета! Огненная злость и горячее сочувствие сплелись в моих жилах, эмоции нахлынули волной, заставив позабыть о скромности, и вообще обо всем:

– Этот проклятый амулет! Больше он не сможет причинить тебе зло! – выпалила я, обнимая Кеннета за плечи. – Я не позволю. Я люб...

– Тсс! Тише!

Он вдруг стремительно поднялся, увлекая меня за собой. Впрочем, он сразу же выпустил меня из объятий и отступил на шаг.

– Нет, Энни. Ты не должна...

Его глаза горячечно блестели, и когда на них падал отсвет огня, в них вспыхивало золото.

– Но это правда! Я...

– Нет.

Это мягкое «нет» было хуже любого оскорбления. Для меня оно прозвучало как пощечина. Кеннет, оглянувшись напоследок, уже стоял на пороге. Наверное, мне нужно было что-то сказать, крикнуть, обругать его, в конце концов, но разве можно удержать дракона? Быстрые шаги прозвучали в холле, хлопнула входная дверь. Минута – и он исчез, оставив меня стоять в одиночестве у остывающего камина.

Глава 19

До самого утра я просидела у окна в своей комнате. В холодном стекле дрожал слабый огонек моей свечи. Единственный – в окружающей темноте. В это время года ночи особенно длинные, и мне казалось, что густая непроницаемая мгла навсегда поглотила этот мир. Завернувшись в шаль, я бездумно наблюдала, как за окном заново рождались на свет очертания деревьев и ровные контуры крыш.

Мир потихоньку светлел, а у меня на душе царил все тот же мрак.

Как только рассвело, я оделась потеплее и вышла в сад. Туман, похожий на холодный серый пот, оседал на перилах крыльца, леденил руки. Гросвен-стрит в этот ранний час была сонной и тихой, с улицы доносилось только мяуканье молочниц[15].

На скамейке под дикой яблоней я заметила знакомую спину, обтянутую форменным серым сукном. Похоже, Уолтеру тоже не спалось в эту ночь.

– Она мне отказала, – печально сказал он в ответ на мое приветствие. Мне не требовалось уточнять, кто именно.

– Не иначе, виноваты звезды, – вздохнула я. – Видно, время нынче неподходящее для любовных дел! Меллинг рассорился с Селиной, тебя отшила Агата, и мне тоже не повезло.

– Я заметил, – угрюмо отозвался Нед. – У тебя дрожат руки и щеки красные, как вишни. Что случилось?

– Ночью вернулся Фонтерой, и я почти что призналась ему в любви.

Нед открыл рот. И закрыл. Помолчав, я добавила грустно:

– Нас здесь не любят. Агата злится на тебя, а Кеннет, кажется, предпочел бы выпить зелье Амброзиуса и превратиться в ходячий айсберг, чем прикоснуться ко мне хоть пальцем...

Я представила, как они с Клариссой, словно две глыбы из льда и камня, будут дрейфовать по безупречно обставленным гостинным своего прекрасного дома, внушая почтительную дрожь любому случайному гостю. Разве это жизнь?

Уолтер некоторое время хмурился, потом осторожным тоном, каким обычно говорят с детьми и больными, лишенными разума, ответил:

– Энни, он вообще-то лорд.

– Ты прав. Вчера я об этом как-то забыла.

Между нами опять повисло молчание. Уличные молочницы продолжали зазывать покупателей с такой настойчивостью, что мне вдруг нестерпимо захотелось джина. Очень кстати вспомнилось поручение Фокса:

– Фокс предложил нам сегодня собраться в «Золотом лососе».

Нед кивнул:

– Давно пора. Старик уехал, но это не значит, что мы должны бездействовать.

Мой напарник как-то приободрился. Я тоже встряхнулась. Уолтер прав – я слишком заигралась. Конечно, когда в твою жизнь в одночасье врываются нежнейшие шелка и изысканные яства, это кому угодно вскружит голову! Вчера я забылась до такой степени, что едва не навязалась в любовницы графу. Кеннет еще проявил деликатность, что не начал смеяться прямо при мне! Куда подевался мой разум?! Нужно срочно воззвать к нему и вернуть преж-

нюю Энни, которая прилежно трудилась в магистрате и была вполне довольна своей участью! И тогда, если мне повезет, когда-нибудь я выйду замуж, например, за скромного помощника аптекаря.

* * *

С тех пор как мы с Амброзиусом стали свидетелями рождения Шайн, он взялся меня учить. Незаметно, исподволь. Он рассказывал мне о Daine-Sidhe, обольстительных и опасных, об их мудрости и коварстве. О знаменитом Каррахморском кристалле – волшебном шаре из горного хрусталя, который невежественные крестьяне с острова Эрин использовали для лечения скота: если положить этот шар в ручей, и провести через него животных несколько раз, можно исцелить их от всех болезней. На мой взгляд, не самый плохой способ применения волшебного предмета.

Амброзиус учил меня трем сильнейшим гаданиям: по воде, огню и глине. Он говорил, что есть три великих силы: сила, что подымается – огонь, сила, что падает – вода, и сила, что таится в земле и хранит тайны мертвых – глина.

Он рассказывал о Каллиах Вер, синелицей ведьме с Нагорья, о дружелюбных гоблинах с рудников, всегда готовых помочь заплутавшему путнику, если тот проявит учтивость. И о гораздо менее дружелюбных почитателях кровавой древней богини, умеющих послать за врагом летящий нож. Этот нож мог преследовать несчастного многие дни, и перед тем как он пронзит жертву, та услышит в воздухе свистящий звук.

Я приходила в обитель волшебника, когда у меня было беспокойно на душе. Правда, в последние дни я все чаще заставляла там Элейн, и, несмотря на радушный прием, меня не покидало ощущение, что эти двое предпочли бы побыть наедине. Я даже подумывала прекратить свои визиты.

Однако сегодня Амброзиус сам позвал меня:

– Ты еще не передумала побывать на Той Стороне? Тогда будь готова через час.

Честное слово, с нашим чародеем не соскучишься. Я аж заикаться начала от изумления:

– Что – прямо сейчас? Мы вот прямо возьмем и отправимся туда?

– Сегодня самый подходящий день. Осталось четыре дня до Йоля – первого праздника годового Круга. Скажи леди Элейн, что ты вернешься к вечеру, ихвати с собой немного хлеба и молока, – попросил волшебник и больше не стал ничего объяснять.

Меня не удивило, когда Элейн захотела к нам присоединиться:

– Давно пора выбраться на загородную прогулку! Сколько можно сидеть дома?

Заметим, что это говорил человек, который все свободное время тратил на визиты к друзьям и походы по магазинам! Ну, кроме последних дней, когда бунтовщики совсем распоясались. Тем временем Элейн придирчиво выбирала наряд для поездки:

– ...И погода сегодня совсем неплохая!

Я скосила глаза на окно, за которым сыпал мелкий холодный дождь вперемишку со снегом. Видимо, наше с тетушкой представление о хорошей погоде разительно отличалось.

Амброзиус сделал попытку избавиться от второй спутницы, но у него это вышло крайне неловко:

– Дорогая Элейн, ведь нам придется ехать верхом! Дороги за городом сейчас не годятся для колясок!

Этим замечанием он только подлил масла в огонь. Элейн с достоинством выпрямилась:

– Позвольте заметить, сэр, что в Канхи я до сих пор являюсь заметной фигурой в охотничьих кругах! – фыркнула она. – Я прекрасно могу проскакать хоть полдня, и, поверьте, вам не придется оживлять меня с помощью нашатырного спирта!

Итак, дело кончилось тем, что мы отправились втроем. Амброзиус посоветовал нам одеться в зеленое, «чтобы почтить обитателей Дивной страны накануне их праздника». Для него и Элейн оседлали гнедых лошадей, а я, разумеется, поехала на Шайн.

– Запомните, что на Той Стороне нельзя верить глазам, слуху и даже памяти! – предупредил волшебник, когда мы выехали за ворота. – Слушайте меня во всем и не отставайте ни на шаг!

Напугав нас напоследок таким образом, он направил коня на север, к Гизелдонской заставе.

Дорога была спокойной. Очевидно, в этот час бунтовщики еще не выползли из трактиров, где они отмечали вчерашние успехи. Однако я заметила, что многие лавки были закрыты, а ставни на нижних этажах – заперты на засов. На стоянках кэбов и портшезов было пусто. Город затих, затаился. Не было слышно ни криков разносчиков, ни грохота телег. Редкие прохожие скользили, как тени, будто пугаясь звука собственных шагов.

После заставы потянулись низкие дома предместий, окруженные садами. Здешние болотистые почвы были достаточно плодородны, чтобы на них хорошо росли яблоки и сливы. Из-за частых оттепелей дорога так раскисла, что наши кони проваливались в грязь по самые бабки. Дождь продолжал сыпать, заставляя нас плотнее кутаться в теплые дорожные плащи. Свинцово-серое небо пригибало холмы к земле, ветер переменялся и дул с севера, неся с собой холод ледников. «Где-то сейчас Кеннет?» – тоскливо думала я, кутаясь в меховой капюшон.

Под действием непогоды окрестности погрузились в сонную тишину. Летом пейзаж оживляла стайка гусей или пастух, стороживший овец на каменистых склонах. Сейчас не было никого, только бесприютный ветер метался и выл между холмами. Все было мертво и покрыто инеем.

Дорога полого поднималась в гору. Я оглянулась. С этой высоты город открывался весь, как на ладони. Панораму темных крыш и острых шпилей венчал огромный, круглый, как перевернутая чаша, купол Собора. Вместо привычного крикливого шума сюда долетал лишь ровный монотонный гул, по замечаниям путешественников, похожий на «рокот морских волн, разбивающихся о каменистый берег». Сама я никогда не бывала на побережье, так что не могу судить. У меня захватило дух от перспективы города и просторного неба, обнимающего его сверху. В городе столько неба нечасто увидишь. Из грязных ущельев Кречи, стиснутых громоздящимися крышами и стенами, небо казалось бесконечно далеким... Не удивительно, что цели и стремления местных обитателей отличались некоторой приземленностью!

– Энни! – окликнул меня Амброзиус. – Если мы хотим вернуться засветло, нужно поспешить.

Вскоре ветер стих, зато в долине, где мы ехали, сгустился туман. Он разительно отличался от плотного «горохового супа», в котором плавали улицы Эшентауна. Здешний туман серебристо искрился, игриво льнул к нашим плащам, перешептывался с ветром и, кажется, даже что-то напевал. Выступавшие из тумана горбатые холмы нависали, как мрачные темные тучи. Миновав поворот, наши кони вступили в лесок, где росли ольха и молодые дубки, шелестевшие остатками пожухлой листвы. Под копытами то и дело похрустывали раздавленные желуди. Белесый туман висел между деревьями, как рыбацкие сети, развешенные для просушки.

Хотя Амброзиус отмалчивался на вопросы, я все равно догадалась, куда мы едем. Как-то раз он рассказывал мне, что дверь на Ту Сторону можно открыть, если выбрать подходящее место и время. В пяти милях к северу от города находился холм Гислы, или, как его чаще называли, холм Отшельника. Это место издревле почиталось священным. Холм венчала часовня, построенная на фундаменте старого храма, а невдалеке от нее находилась пещера или, вернее, углубление в земле, где когда-то жил святой старец.

Проехав через лес, мы наконец увидели этот холм, высившийся в некотором отдалении от остальных. Туман окружал его со всех сторон, создавая впечатление, что верхушка холма парит на облаке.

– Как волшебный остров в облачном море... – прошептала Элейн, замороженная этой тихой красотой.

Остров! От этих слов искрой вспыхнуло воспоминание об Инис Авалон – чудесном Яблоневоом острове, о дивной земле, где никто не испытывает нужды, не бывает засухи и морозов, где вечно царит нерушимая гармония. Я изумленно взглянула на Амброзиуса – тот довольно улыбался, прямо как кот, перед которым поставили миску сметаны.

– Не может быть! – вырвалось у меня. – Авалон же находится в Западном море, очень далеко, дальше, чем Эрин!

– На Той Стороне нет понятия «далеко», – поправил меня волшебник. – Разумеется, мы не можем за два часа достигнуть Западного моря, но в нужный день и час можно сделать так, чтобы западный берег приблизился к нам. Впрочем, ты права. Это еще не Авалон. Это только вход.

Сказав это, он снова тронул коня, посылая его вперед. Мы въехали в серебристый туман. Я с трудом могла различить фигуры своих спутников, слыша только звяканье упряжи и стук копыт. Таинственный холм тоже исчез из глаз, но его незримое присутствие чувствовалось постоянно. Он словно притягивал нас к себе. О волшебном острове было сложено так много историй, что хватило бы на целую полку книг по магии! Разные люди в разные времена дали ему множество названий. Его называли Ynis Witrin – Стекланный Остров, так как иногда он становился прозрачным, и сквозь него можно было различить звезды и облака. Хай-Бресейл – остров в морской дали. Эмайн Аблах... Амброзиус говорил, что каждому, кто его увидит, откроется иное. Меня охватило предвкушение чуда.

Туман окружал холм так плотно, что о существовании деревни у его подножия я узнала только по лаю собак. Они, безусловно, оповестили всех о нашем появлении. В деревне при дороге имелась даже харчевня с громким названием «Пещера Мерлина». Низкое здание, сложенное из грубого камня, стояло немного в стороне от дороги. Во дворе нас яростно облял косматый пес, но хо-

зяин, вышедший на шум, очевидно, знал Амброзиуса. Он приветливо кивнул нам, отогнал собаку и показал, где можно обходить лошадей. Отчего-то хозяин не выразил ни малейшего удивления, зачем троим путникам понадобилось карабкаться в тумане на холм.

Расседывая коня, Амброзиус пояснил:

– Лошадей лучше оставить здесь.

– Бойтесь, что сиды, живущие наверху, заплетут и запутают им гривы? – пошутила я, потрепав Шайн по шелковым прядям.

Волшебник остался серьезным:

– Вряд ли у нас будет время и возможность успокаивать перепуганных животных.

Это замечание заставило нас с Элейн умерить свою веселость. Мы укрыли разгоряченных коней, чтобы они не остыли, и задали им корма из седельных сумок. За стеной конюшни шумел трактир. Здесь продолжалась привычная, нормальная жизнь, а наверху нас ждала неизвестность. Мне не терпелось отправиться в путь.

Обледенелая трава была еле различима сквозь туман, одевавший все вокруг. Зимнее солнце тщетно пыталось пробиться сквозь тучи, и мы двигались в слабом молочном свечении. Амброзиус шел последним. Оглянувшись, я увидела, что он сыплет на тропу позади нас соль из висевшей на плече котомки. При этом лицо у него было такое сосредоточенное, что я не решилась спрашивать, зачем без толку переводить дорогой продукт. Волшебнику виднее. За крутым поворотом тропы я едва не вскрикнула, наткнувшись взглядом на смутно различимую фигуру в тумане. Оказалось – стоячий камень. Чуть поодаль торчал еще один. Они стояли, как часовые, поддерживая низкий серый свод небес. Я еще долго чувствовала спиной их взгляды.

Говорят, что мир Той Стороны на первый взгляд не отличишь от нашего мира. Мы шли и шли, вокруг простиралась все та же трава и валуны, но взглянув на небо, я вдруг заметила, что мутное солнечное пятно сменил узкий месяц. Он был похож на серебряный серп, отделяющий прошлое от будущего. Мы поднялись почти до самого верха. Сторожевые камни здесь торчали так часто, что походили скорее на волчьи зубы. Стоило нам шагнуть на вершину, как наступил рассвет, высветлив небо нежно-бирюзовой и розовой краской. От камней по снегу протянулись длинные синие тени. Я не могла понять, куда девалась часовня? Это странно, но она исчезла! Вершину холма покрывали лишь каменные колонны, заросшие боярышником и рябиной. Снег у их подножия был чистым, нетоптанным. В прозрачной тишине звучал негромкий приятный голос – кто-то невидимый пел о волшебнике, искавшем яйцо морского змея на берегу, в полем камне, и о юной девушке, пленившей чародея нехитрым колдовством. Голосу вторила мелодия флейты. Амброзиус недовольно поморщился, бросив смущенный взгляд на Элейн. Мы стояли, как замороженные, а воздух вокруг был полон чар.

Вдруг от одного из камней отделилась серая тень:

– Мир твоему дому, чародей, – прозвучало слегка насмешливо. – Я знала, что однажды ты вернешься. Это было написано на звездах.

Голос был другой, не тот, что недавно пел. Более низкий и глубокий. Она выступила из-за камней, как королева, окруженная преданными стражами. Невысокая, темноволосая, в пепельно-серых одеждах, словно сотканная из ту-

мана. От каждого ее движения легкая накидка сверкала в лучах рассветного солнца. Сначала мне показалось, что она была расшита бриллиантами и жемчугом, но, приглядевшись, я поняла, что это просто капли росы.

– Госпожа моя королева, – поклонился Амброзиус. – Мы хотели засвидетельствовать тебе свое почтение.

– Уж мне-то не лги, – зеленые глаза незнакомки жестко сверкнули. – Я знаю, зачем ты явился. Твое зелье, леденящее кровь, не подействует без последнего ингредиента. Тебе нужно перо птицы, которая в середине зимы строит гнездо в морской пене, которая своим пением может утишить волны и не боится прогнать от гнезда дракона. Перо птицы, которое можно достать только здесь, на Яблонево́м острове.

Мягко засмеявшись, королева сидов подошла ближе, отводя ветки рукой. На голых иззябших прутьях тут же завязались почки, брызнули белые цветы. По поляне разлился аромат весеннего сада, повеяло теплом, зазвенели переливчатые птичьи рулады. Будто синяя молния мелькнула среди кустов – и на ветку уселась крохотная верткая птичка. Оперение ее отливало синим металлическим блеском, словно рыцарские доспехи, а грудка имела рыжеватый оттенок. По легенде, этот след на груди остался от встречи с драконом, опалившим храбрую пичугу своим огнем. Это был зимородок.[16]

Амброзиус не сводил горящего взгляда с зимородка, а королева тем временем изучающе смотрела на него, склонив голову:

– Вообще-то довольно самонадеянно с твоей стороны явиться на остров после того, как ты унес одно из его сокровищ, – продолжала она. В голосе зазвучали нотки гнева, но глаза искрились смехом. Судя по всему, ей было весело подначивать смущенного волшебника. Тот снова искоса взглянул на Элейн, будто заранее прося у нее прощения. Королева явно развлекалась.

– Все, что я когда-то унес с Летнего острова, было потом возвращено.

– Однако в этом нет твоей заслуги. Правильнее сказать, твоя пропажа вернулась сама и была на тебя очень зла.

Из тумана слышались смешки. За спиной королевы, прячась за камнями, колыхались смутные тени. Мне мерещились рогатые головы, чьи-то руки, растрепанные волосы с вплетенными в них цветами. Любопытный волшебный народец сбился в стайку, чтобы поглазеть на пришельцев. Я изо всех сил старалась не глазеть в их сторону, но глаза мне не подчинялись, а сердце, казалось, готово было выскочить из груди. Была ли она среди них? Видела ли меня? Почему она оставила меня так надолго? Или все мои надежды – лишь нелепая фантазия, родившаяся из красивой сказки и парочки ночных кошмаров?

– Если Нимуэ все еще в обиде на меня, пусть скажет об этом сама, – с достоинством возразил Амброзиус.

Королева отмахнулась – подумаешь, мелочь.

– Оставим это. Лучше расскажи нам, волшебник, что делается в большом мире, пока мы здесь прядем лунный свет и воюем с летучими мышами! – теперь в ее голосе мне почудилась бессильная горечь.

Словно по волшебству, из земли вылезли невысокие округлые камни, на которые можно было присесть. Я думала, что они окажутся ледяными (из-под снега-то!), но от них исходило мягкое тепло, словно после летнего дня. Из-за стоячих камней-великанов выплыл лоскут тумана и опустился перед нами

прямо на снег. На этой импровизированной скатерти появилась посуда, достойная королевского стола. Чаша с блеснувшими на солнце рубинами, полная орехов. Спелые яблоки на золоченом блюде. Узорчатые кубки с красным вином.

– Угощайтесь, – милостиво кивнула королева, показав мне на вазу с орехами. Как она догадалась, что орехи я люблю больше всего на свете?!

Я отрицательно замотала головой, помня свои прежние ошибки с Лайбстером. Элейн последовала моему примеру.

– А зря, – в жестких глазах снова блеснул изумрудный свет. – Орехи вам были бы кстати.[17]

– В большом мире все как обычно, – поспешно заговорил Амброзиус, пока ее фейское величество не разгневалось. – Мы торгуем, строим, растим детей и воюем с соседями. Увы, в мире нет мира...

Королева усмехнулась:

– Почему-то людей из-за Узкого моря постоянно тянуло к нашим холмам.

Кажется, она не горела желанием оказать помощь нашему волшебнику, поэтому я решила вмешаться:

– В этот раз сацилийцы могут и преуспеть, если смогут заполучить собственного дракона! Амброзиус делает все, чтобы им помешать! Вы должны помочь Кеннету!

– Что за вздор, – пожалала плечами прекрасная фея. – Нельзя «получить» дракона, девочка. Его можно только вырастить. В себе. Причем на это потребуются не одна сотня лет.

«Ну, не знаю. У Фонтероев вон получилось так хорошо и сразу, что проблема теперь только в том, чтобы загнать этого дракона обратно в подсознание!»

Королева недовольно взглянула на меня, и вдруг глаза ее расширились. Я заметила, как блеснули драгоценности на ее груди, словно она пыталась сдержать прерывистый вздох. До этого момента мы с молчаливой Элейн едва удостоились ее беглого взгляда.

– Хотя ладно, – улыбнулась она. – Ты меня убедила. Подойди же и возьми его, малышка.

На ее ладони лежало синее птичье перышко – яркое, как мазок краски. Я поспешила подойти, пока она не передумала. Ладонь королевы была совсем человеческой, живой и теплой. Я опасливо к ней прикоснулась, боясь, что переменичивая волшебница вдруг превратится в птицу и умчится прочь. Или в рой бабочек, или в клок тумана... От такой всего можно ожидать. Вместо этого сида крепко вцепилась мне в руку. Она улыбалась, но в разрезе ее красивых глаз, в очертаниях губ виделось что-то чуждое, хищное и опасное.

– В канун Йоля никто не уходит от нас без подарка. Но это перо – плохой подарок для тебя, дитя. Попроси что-нибудь другое.

Мне несложно было определиться с желанием. Заветный вопрос готов был сорваться с моих губ, но я не успела и слова сказать. Отпустив мою руку, королева вдруг рассмеялась, словно горсть драгоценных бусин рассыпала по холму:

– О, я вижу, кто занимает твои мысли! Это существо, которое прячется под именем Лайбстер, которое прибыло к нам с недобрыми намерениями... Он не тот, кого вы ищете. Я знаю его. Один из его гейсов – не переступать порог чужого дома.

Когда-то я слышала, что сиды не лгут, но могут так исказить правду, что она делается хуже лжи. Однако сейчас, вспомнив о поведении Лайбстера, я сразу поверила королеве. Лайбстер никогда не пытался проникнуть в дом к Фонтерою. Даже когда я была нужна ему, он караулил меня на прогулке, на улице, в парке, но ни разу не явился к нам домой. Значит вор – не он.

Это также значило, что я потратила кучу времени на погоню не за тем человеком. Еще и ребят с толку сбила. Боже мой, я худшая сыщица во всем Эшентауне! Я просто никто!

Королева продолжала сверлить меня испытующим взглядом. Глаза ее превратились в холодные камешки – совсем как у мадам Теллер, подумалось мне внезапно.

– Твое сожаление мне непонятно, – произнесла она задумчиво. – Что значат несколько жалких потерянных дней? Но если ты так ценишь время, тогда у меня есть для тебя подарок.

Она протянула мне камень – небольшой, величиной с куриное яйцо, красный, чешуйчатый. Очень знакомый. Я вся похолодела, не решаясь его коснуться.

– Если когда-нибудь будешь очень спешить, брось его перед собой, и ты успеешь вовремя. Но помни, что за каждое чародейство приходится платить!

Поблагодарив и неловко поклонившись, я уселась обратно на каменное сиденье. Перо сразу отдала Амброзиусу, а чешуйчатое «яйцо» положила в кошелек, где оно холодило мне бок. На ощупь камень был как кусок льда. Я не знала, решусь ли когда-нибудь воспользоваться им. Я вообще ничего не понимала. Тем временем волшебник и Мейвел продолжали неспешную беседу, а Элейн помалкивала, сочувственно сжимая мне руку под плащом.

Когда солнце поднялось выше, укоротив синие тени, мы поняли, что пора возвращаться. Гонимый солнцем, туман отступал с вершины. Волшебные спутники королевы, так и не решившись показаться открыто, спрятались вместе с ним. Серая тропа под нашими ногами сбегала вниз по склону, похожая на змею.

– Надеюсь, мы не прощаемся, – напоследок улыбнулась королева. Солнце высушило бриллианты на ее накидке, заодно выявив на лице следы усталости и печали. Теперь она казалась не такой величавой и более близкой, понятной, почти домашней.

Мне не хотелось ее покидать. Как замороженная, я следила за синим подолом плаща Элейн, почти скрывшимся в тумане. Потом неохотно двинулась следом.

– Не спеши, маленькая сида. Зачем тебе возвращаться? – вкрадчиво прозвучало мне в спину.

Я замерла на половине шага. Разве не этого я ждала с самого начала, как только моя нога ступила на землю волшебного острова? С того часа, когда я услышала историю Эдварда Уэсли, великого полководца и возлюбленного сиды? С той ночи, когда сон привел меня в замок Белого Вепря? Мое место здесь! В Эшентауне я была жалкой неудачницей, над которой все потешались. Здесь я смогу начать все заново, научиться чему-то новому, отыскать среди волшебного народца моих родителей... Сердце возбужденно забилося. Хотелось крикнуть: «Да! Я согласна!»

Резкий толчок между лопаток привел меня в чувство.

– Ступайте вперед и не оглядывайтесь! – прошипел Амброзиус. – Прямо по следу, видите?

Соль, рассыпанная им по тропе, вспыхнула белым призрачным светом. Ее было хорошо видно, несмотря на то что туман стремительно сгущался вокруг нас. Волшебник, обернувшись, раскинул руки, будто защищая нас с Элейн.

– Ты не можешь оставить ее здесь! У тебя нет над ней власти!

Ответом ему был чарующий смех королевы. Словно вторя ему, где-то в стороне послышался тоскливый собачий вой. Со всех сторон в тумане замелькали черные тени, похожие на крылья летучих мышей. Воздух наполнился шорохом, писком, невнятным бормотанием. Элейн испуганно схватила меня за руку, и мы побежали.

Глава 20

Бежать было тяжело. Туман хватал за плащи, над извилистой тропой низко нависали корявые сучья, на которых болтались клочья серого мха, похожие на лохмотья висельников. Отовсюду раздавались то странные шорохи, то злорадный хохот; за деревьями мелькали чьи-то злобные рыла. Словно Дивный мир, только что радушно нас привечавший, вдруг вместо улыбки явил свой жуткий оскал. По счастью, пылающий соляной след, оставленный предусмотрительным волшебником, был хорошо виден. Туман протягивал к нему хищные щупальца, но сейчас же отдергивал их, будто обжегшись. Тропа корчилась под этим следом, выворачиваясь у нас из-под ног, так что мы с Элейн то и дело спотыкались, падали, но снова бежали, подгоняемые страхом. Шагов Амброзиуса не было слышно.

На вершине холма деревья, иссеченные ветром, росли редко. Когда лес пошел гуще, я поняла, что мы спустились почти к самому подножию. Тропа здесь рассыпалась на несколько стежек, а потом и вовсе исчезла. Мы метнулись в одну сторону – запутались в густом подлеске, метнулись в другую – и замерли: там под чьим-то натиском трещали и ломались кусты. Судя по звукам, к нам ломился матерый кабан. Вдруг Элейн тихо ахнула и схватила меня за руку. Впереди, в тумане, неясно обозначились контуры человеческой фигуры.

– Эй! – закричала она. – Пойдите!

Фигура исчезла. Вместо человека нам навстречу из леса выметнулся пес – лохматый, черный, с оскаленной пастью. Элейн, вскрикнув, упала. Вне себя от страха, я вслепую нашарила камень, метнув его в проклятую тварь:

– Пошел прочь!

– Оставь его, он не посмеет к вам приблизиться, – прозвучал запыхавшийся голос.

Вырвавшись из тумана, к нам подбежал Амброзиус. Как я была рада его видеть! При его появлении черная псина, поджав хвост, тут же канула в сумерки, будто растаяла.

– Гостиница в той стороне. Пойдем, – сказал он. Поднял на руки бесчувственную Элейн и уверенно зашагал в темноту.

Уходя, я не раз оглянулась, однако никто нас не преследовал.

Плутая в лесу, мы потеряли всякое представление о времени. Когда мы спустились, небо над деревушкой уже вызвездило, только на западе еще алела полоса заката. Был вечер того же дня. Хозяин харчевни, привлеченный крика-

ми Амброзиуса, без лишних слов отвел нам комнату наверху и приказал служанке нагреть камни в очаге. Эти нехитрые приспособления использовались здесь вместо грелок.

Меня тревожило состояние Элейн. Она была все так же холодна и неподвижна, когда Амброзиус уложил ее на постель поверх покрывала. Если она потеряла сознание от страха, то почему до сих пор не пришла в себя? Некстати вспомнилось вдруг старое поверье: никогда не спрашивай дорогу у черной собаки, ибо если она ответит, то спрашивающий умрет до конца года.

– Она ведь поправится, да? – спрашивала я с лихорадочной надеждой.

Разом постаревшее, застывшее лицо Амброзиуса с суровой складкой у губ не предвещало ничего хорошего. Влажной тканью он обтер лоб Элейн и все время держал ее за руку, слушая пульс. Затем достал из-за пазухи какой-то флакон, жидкость в котором мерцала, переливаясь золотистым цветом. Стоило отвинтить крышку – и по комнате поплыл запах меда, смешанный с ароматом спелых абрикосов. Будто бы за стылým, подернутым изморозью окном внезапно расцвело лето. Амброзиус бережно поднес флакон к губам бесчувственной женщины. Мне послышалось, что он пробормотал при этом: «прости меня».

– Стойте! – перехватила я его руку. Я доверяла волшебнику, но сейчас его поведение казалось подозрительным. – Вы уверены, что это ей не повредит?

Амброзиус ответил не сразу:

– В ее положении это единственный способ сохранить ей жизнь. Королева Мейвел притянула ее душу своим колдовством, и нужна не меньшая сила, чтобы суметь противостоять этому. Увы, прогулки по сопредельным мирам – не для простых смертных. Стеклáнный остров ранит своими осколками прямо в сердце...

Несколько капель из флакона упали в полураскрытые губы Элейн. Я напряженно ждала. Харчевня внизу жила своей обычной жизнью: было слышно, как люди спорили о ценах, о безопасных дорогах, о мятежниках. Под тростниковой кровлей копошилась какая-то живность. Небо за маленьким окошком сделалось густо-синим, потом почернело. Где-то в морозной дали послышался крик ночной птицы, вылетевшей на охоту. Элейн лежала тихо, не шевелясь, однако лицо ее слегка порозовело, и дыхание стало более ровным.

У меня вырвался шумный вздох облегчения. Искося взглянув на Амброзиуса, я увидела, что он тоже слегка расслабил плечи. Кажется, у нас появилось время для разговоров. Отойдя от постели больной, я грозно надвинулась на волшебника:

– Это вы виноваты! – крикнула шепотом, чтобы не беспокоить Элейн. – Зачем вы позволили ей поехать с нами, если знали, что для нее это так опасно?! Почему сразу не рассказали, что отправляетесь на Авалон за компонентами для лекарства? Задурили мне голову своими сказками! Думаете, я не понимаю? Вы взяли меня с собой, потому что боялись, что если придете один, то остров вас не пропустит!

Амброзиус понуро сторбился, опустив глаза.

– Это правда, – ответил он наконец. – Мы с Мейвел никогда не были друзьями, и я боялся, что она захлопнет дверь перед моим носом просто из вредности. Ты – другое дело. По праву рождения ты можешь выбрать наш мир или Ту Сторону, как пожелаешь. Но я не позволил бы сидам забрать тебя. Твои роди-

тели этого не хотели. Жизнь на Той Стороне похожа на волшебный сон, который повторяется и повторяется без конца, как бег часовой стрелки по кругу. Одни и те же танцы под луной, одни и те же развлечения. Вечером они загоняют кабана на охоте, а к утру он встает, отряхивается от стрел, и снова готов к новой забаве. Твои родители не хотели для тебя такой судьбы.

Теперь мне и самой было страшно, как легко я готова была отказаться от моей настоящей жизни, променяв ее на призрачное обещание волшебства!

– Зачем я нужна королеве?

– Только восемь раз в году завеса между мирами истончается настолько, что Мейвел с ее слугами может проникнуть к нам, – объяснил Амброзиус. – Самхейн, Йоль, Имболк, Остара... Праздники годового Круга появились не просто так. Все, что происходит в нашем мире, находит отражение на Той Стороне, однако повлиять на события королева не может. Фоморы, умеющие ходить между мирами, ей не служат. Мейвел неустанно ищет слуг, которые помогли бы ей поддерживать связь с нашим миром.

– Драконы! – воскликнула я, вспомнив, что рассказывал Фонтерой. – Драконы тоже могут проникать на Ту Сторону!

– Значит, она будет охотиться за Кеннетом так же усердно, как за тобой.

– Но тогда... – целая куча вопросов роилась у меня на языке, я просто не знала, о чем спросить в первую очередь. – Как объяснить то, что произошло у мадам Теллер? Я могу поклясться, что через нее со мной говорила сама королева сидов!

Выслушав о происшествии с гадалкой, Амброзиус озабоченно поднял на меня усталый выцветший взгляд:

– Мадам Теллер не следует увлекаться магией *Daine-Sidhe*, – сказал он. – Пусть Мейвел безвылазно сидит на острове, но ее колдовство, как брошенное копьё, может проникнуть очень далеко! Она поймает в тенета душу этой гадалки так же, как пыталась проделать это с Элейн!

От одного упоминания имени Элейн во мне снова всколыхнулся гнев:

– Почему вы не запретили ей ехать с нами?!

Амброзиус молчал, хмурясь собственным мыслям. Потом, словно решившись, ответил:

– Ты же сама ощутила, насколько сильны чары Мейвел. Если бы она приняла облик Элейн и попросила меня, боюсь, я отдал бы ей и тебя, и Кеннета в придачу. Был только один способ этого избежать – если бы настоящая Элейн в этот момент стояла рядом. Ее чары для меня сильнее, чем искусство любой волшебницы сидов...

Это неожиданное признание, сделанное спокойным тоном, меня смутило. Молчание, повисшее между нами, было почти осязаемым. Внизу продолжали шуметь люди. От горевшей в плошке сальной свечи по комнате шел тяжелый чадный дух. Чтобы избавиться от неловкости, я поспешила переключиться мыслями на Лайбстера, насчет которого мне еще предстояло объясняться с начальством, о его проклятом гейсе... Вспомнив по аналогии о гейсах нашего волшебника, я едва не подскочила на табуретке:

– Господин Амброзиус! Ведь харчевня называется «Пещера Мерлина»! Пещера, понимаете? Вам точно не повредит, если мы здесь заночуем?

– Теперь это уже не имеет значения, – со спокойным безразличием ответил волшебник.

– Как это не имеет?! – не сразу поняла я.

Вдруг мне отчетливо вспомнилось, что произошло на холме. Как королева напоследок позвала меня. И как Амброзиус ответил ей – вместо меня.

Вот из-за чего он выглядел таким... погасшим. Я думала, что он просто устал и волнуется из-за Элейн. А он все это время пытался смириться с необратимой потерей.

– Вы уже нарушили один из гейсов, – прошептала я. – «Не откликаться, когда зовут не тебя».

Волшебник кивнул, овладев собой:

– Я же говорю – никто не сравнится в коварстве с Мейвел, – произнес он почти с восхищением. – Она знала, на чем меня подловить. Кеннет может быть спокоен, на один эликсир магии у меня хватит. Но это будет последнее волшебство.

Меня охватили противоречивые чувства. Амброзиус был далеко не святой. Он хитрил со мной, манипулировал нами, был недостаточно откровенен с Элейн... однако, чтобы спасти нас, он принес в жертву самое дорогое, что у него было, – свою магическую силу. Какой чародей решился бы на это? Могла ли я его осуждать?

Элейн безмятежно спала, разметавшись поверх покрывала. Амброзиус смотрел на нее так, словно в этой женщине теперь сосредоточился для него центр и смысл его жизни. Мне хотелось оставить их одних. Пробормотав извинения, я вышла из комнаты и отправилась на поиски заплутавшей служанки с горячими камнями.

* * *

Все-таки нам не пришлось ночевать в «Пещере Мерлина». К ночи Элейн пришла в себя и пожелала немедленно вернуться в город. Разумеется, о поездке верхом не могло быть и речи. Хозяин помог нам раздобыть какую-никакую повозку, не совсем пригодную для леди, но, как говорится, «нищие не выбирают». Я залезла внутрь вместе с Элейн и задернула занавески от ночного холода. С нами поехал хозяйский мальчишка, который вел в поводу лошадей.

– Чем скорее мы увезем ее от этого холма, тем лучше, – озабоченно говорил Амброзиус, так что мы не стали мешкать и отправились.

Наше возвращение на Гросвен-стрит произвело впечатление даже на непрошибаемого Батлера. Взволновавшись, дворецкий сразу же надел пальто, чтобы отправиться за доктором. Только уговоры Амброзиуса и самой леди Фонтерой убедили его повременить с этой затеей. Качая головой, Батлер встревоженно смотрел, как мы с волшебником отвели (вернее сказать, отнесли) Элейн наверх. Джейн, ее горничная, с причитаниями бегала вокруг.

Распорядившись насчет лекарства (три капли из золотистого флакона на чашку воды, давать каждые три часа), Амброзиус ушел к себе, а мы с Джейн остались дежурить у постели больной. Я боялась оставить ее даже на полчаса. Волшебное питье помогало, но ненадолго. Несмотря на грелки, которыми Джейн обложила постель со всех сторон, Элейн постоянно просыпалась, жалуясь на холод. Иногда она наоборот впадала в ледяное оцепенение, которое пугало меня еще больше. Тогда я ее будила, уговаривая выпить еще глоток снадобья.

Воздух за окном посерел, когда Элейн наконец забылась вполне нормальным, хоть и беспокойным сном. Джейн, приоткрыв рот, дремала в кресле. Я

клевала носом над записками, которые прихватила с собой нарочно, чтобы не заснуть.

Вообще-то я уже отчаялась вытянуть из них что-нибудь полезное. Число букв в третьем письме, как и в первых двух, тоже делилось на восемь, так что это точно была не случайность. Если мои догадки верны, то у меня не было никакой надежды добраться до исходного текста. Я предполагала, что отправитель пользовался чем-то вроде решетки Кардано[18] – прямоугольником с прорезями в нужных местах. Чтобы уяснить истинный смысл зашифрованного письма, буквы в нем следовало записать подряд, без пробелов, потом наложить сверху прямоугольник и прочитать текст в прорезях. Не имея на руках исходной «решетки», понять письмо было невозможно. Вот интересно, зачем вообще отправлять мне сообщения, смысла которых я все равно не смогу понять? Если только... письма предназначались не мне?

* * *

И снова, как две недели назад, Амброзиус сидел перед расчищенным столом, на котором стоял флакон – на этот раз густо-синего цвета. На краю стола в сложной системе колб булькал очищающий раствор. В комнате витал бодрящий запах ледников, холодного соленого моря и свежего ветра. Волшебник не спал. Впрочем, никто не спал на Гросвен-стрит в эту ночь. Амброзиусу не было нужды выходить из комнаты, чтобы убедиться в этом. Своим волшебным зрением он видел, что Энни сейчас сидела у постели Элейн, прислушиваясь к дыханию больной и вглядываясь воспаленными глазами в неровные строчки. Пытается разгадать тайну записок, бедняжка. Батлер был у себя, хмуро бродя по комнате взад и вперед. Миссис Бонс чутко дремала в закутке рядом с кухней, и против обыкновения, снилось ей что-то мутное и тяжелое. Амброзиус пожалел, что не может больше влиять на чужие сны. В комнате Агаты горела единственная свеча; девушка угрюмо сидела на разобранной кровати, сцепив руки. Робкий, мечущийся свет рисовал ей глубокие тени вокруг глаз и чертил печальные морщины возле рта. Здесь волшебник тоже ничем не мог помочь, увы.

Наконец, хозяин этого беспокойного дома в настоящее время тихо крался по лестнице на второй этаж. Амброзиус мысленно усмехнулся. Жидкость во флаконе мерцала синими искрами, отражая каминное пламя. Другого света в комнате не было. За спиной волшебника тихо-тихо скрипнула дверь.

– Входи, – позвал он, не оборачиваясь.

Дверь открылась шире, и в кабинет неслышно проник Фонетрой. Вид у него был какой-то легкий и невесомый, словно ветры на воздушных тропах, где он блуждал в драконьем обличье, продули его насквозь. Но лицо воспитанника, хоть и осунулось от усталости, горело беспокойством и энергией:

– Батлер прислал мне известие. Что с Элейн?

– Она поправится, хотя для нее будет лучше уехать отсюда, – успокоил его волшебник и поспешил сменить тему: – Что за манера прокрадываться в собственный дом среди ночи?

Как и следовало ожидать, Кеннет не поддался на эту уловку:

– Ты действительно готов сопровождать ее в Аппор-холл?

Амброзиус помолчал. Пляска огня в камине отбрасывала на стены отблески света.

– Я останусь с ней до тех пор, пока мое общество не будет ей в тягость, – от-

ветил он с тихой решимостью. И заметил, как просветлело лицо Кеннета при этих словах.

– Это хорошо. Меня беспокоило, как она будет там одна. Теперь я уеду в Астилию с легкой душой, тем более с твоим зельем! Спасибо тебе!

Взяв со стола синий флакон, Фонтерой спрятал его за пазуху.

– Ты даже не попрощаешься? – в голосе волшебника прозвучал отчетливый намек. Имя Энни ни разу не прозвучало в их разговоре. Оба они так старательно избегали его произносить, что казалось, его отзвуки неслышно дрожали в темных углах комнаты. Кеннет, махнув рукой, прошелся из угла в угол. В каждом его движении кипела нервная энергия. Потом, повернувшись на пятках, встал перед волшебником лицом к лицу:

– Так легче для всех, поверь мне! Ее делами займется мистер Тревор. Если наши с ним предположения подтвердятся, она скоро станет состоятельной женщиной. Я надеюсь, что она будет счастлива. И что судьба ее сложится лучше, чем у нас с Клариссой.

Амброзиус упорно смотрел в камин, где язычки пламени, догорая, лизали почерневшую головню.

– Разумеется. Но я тебя не понимаю. Ты ее любишь?

– Всей душой, – просто ответил Кеннет. И открыто, искренне улыбнулся.

Тут Амброзиус впервые за много недель ощутил, что может наконец-то спокойно вздохнуть:

– Так это же прекрасно! – выдохнул он. – О, слава всему существу! Я рад за вас обоих, мальчик мой! Скорее верни мне это дурацкое зелье и иди к ней!

– Нет-нет, ты что! – Фонтерой схватился за флакон, словно боясь, что волшебник его отнимет. Он смотрел на своего учителя и друга прямым, твердым взглядом, а тот напрягал все понимание, пытаясь разрешить этот нравственный парадокс.

– Позволь уточнить, – поднял руку волшебник, до крайности озадаченный. – Ты любишь девушку, и у меня есть основания предположить, что взаимно. Тем не менее, ты уезжаешь, не попрощавшись, а по возвращении собираешься жениться на другой?! Я ничего не упустил?

– Все верно. – Глаза Кеннета, вспыхнув золотом, погасли, и на лице проступила усталость.

– Тогда, клянусь клыками хитрости, я не могу этого понять! Такое впечатление, что ты просто наказываешь себя за прошлую жизнь, за какие-то старые грехи!

– Безусловно, меня есть в чем упрекнуть! – невесело рассмеялся граф. – Аж зло берет, как вспомню, сколько времени я потратил зря, пытаясь удовлетворить свою гордыню! Сколько сил положил на то, чтобы заслужить одобрение людей, которые вовсе того не стоили! Вместо того, чтобы заняться чем-то полезным, я недели напролет просиживал за картами, торчал у портных... Какие сапоги, какие жилеты я тогда носил! Господи, за один такой жилет полагается лишняя сотня лет в чистилище. Но эти «старые грехи», как ты их назвал, я надеюсь искупить нынешней работой, в том числе в Астилии. Энни здесь не при чем.

– А в чем тогда дело? Чего ты боишься?

Фонтерой снова заходил из угла в угол. Однако, овладев собой, он заговорил почти спокойно:

– Я не доверяю пророчествам! Вдруг что-то пойдет не так, и Энни окажется привязанной к чудовищу! Или, еще хуже, к человеку с куском льда вместо сердца... Нет, Амброзиус, этого не будет. Знаешь, мы ведь с ней встречались прошлой ночью в библиотеке.

«А то я не знал!» – мысленно воскликнул волшебник.

– Я на целую минуту позволил себе поверить в ее любовь. Это самое большое чудо, которое можно подарить человеку. Энни достойна не меньшего. Жаль только, что я не могу сделать ей такой подарок.

Амброзиус еще трепыхался в попытках переубедить воспитанника, хотя уже понимал, что это бесполезно:

– Значит, ты отказываешься от нее, пытаешься уберечь. Ладно. А леди Эмберли тебе не жаль?

Кеннет бросил на него быстрый горящий взгляд:

– Если у Клариссы когда-то и было чувство ко мне, его давно заглушила гордыня. Выпив твоё зелье, я стану идеальным мужем в ее глазах: богатым, безразличным, с положением и связями, способным обеспечить ей привилегии, к которым она так стремится. Думаю, любовь между супругами ее не интересует. Кларисса посчитала бы ее пустой блажью или, не дай бог, проявлением дурного вкуса!

Усмехнувшись, он продолжил:

– Конечно, с моим несчастьем лучше было бы не жениться вовсе, но я последний в роду, и мне нужен наследник. Наш брак с леди Эмберли – всего лишь честная сделка... Амброзиус? – Кеннет, вскинув бровь, замер на полуслове. – Что ты делаешь?

– Считаю до десяти, – сквозь зубы процедил волшебник. – Нет, до десяти мало – до двадцати.

– Это нужно, чтобы засесть время для перегонки? – спросил граф, кивнув на дымившую на столе реторту, про которую Амброзиус, честно говоря, позабыл. – Я тебе, наверное, помешал? Извини.

– Нет! – рявкнул волшебник. – Это нужно мне, чтобы успокоиться!

Кеннет осторожно сместился к двери:

– Я, пожалуй, пойду. Спасибо тебе за лекарство. И за совет, хоть я и не могу ему последовать. Удачи вам с Элейн в пути.

Амброзиус оглянуться не успел, как остался в кабинете один. Похоже, его бывший воспитанник многому научился у своего дракона, в том числе умению мгновенно растворяться в пространстве. Жаль только, что в некоторых вопросах он остался таким же непроходимым глупцом, как и десять лет назад! Волшебник злобно пнул тяжелый табурет, схватился за ногу и зашипел, как рассерженный кот:

– Боже, пошли мне терпения! Он, видите ли, на целую минуту поверил в любовь! О, бестолковый благородный баран! Лучше бы в ту ночь, когда пропал амулет, он сам выскочил из окна, причем головой вниз! Глядишь, через трещину в черепе засосало бы немного ума из Вселенной!

Глава 21

– Энни... Энни!
– А?!

Голос Элейн пробился сквозь муть сновидений, заставив меня поднять голову. Оказалось, что я заснула прямо за столиком в ее спальне. Руки у меня затекли от неудобного положения, записки, лежавшие под щекой, слегка помялись. Я поспешно сгребла их в тощую картонную папку. В комнате было светло. Элейн сидела на постели, недоуменно озираясь по сторонам с видом человека, очнувшегося после хорошей вечеринки и слабо соображающего, кто он и где. Я протянула ей стакан воды, не забыв капнуть туда зелья из волшебного флакона:

– Как вы себя чувствуете?

– Я в порядке. Кажется... А он? С ним все хорошо?!

Было ясно как день, что она спрашивала не про Кеннета.

– Амброзиус? Вчера он до ночи торчал в своей комнате, разговаривая с пустотой в камине. Надеюсь, это был голос его совести, – буркнула я. Обида на волшебника все еще давала о себе знать.

– Мне нужно пойти к нему!

Элейн откинула одеяло, слабыми ногами пытаюсь нашарить свои туфли. Я подхватила ее, иначе она бы упала. Все-таки она была еще слишком слаба.

– Что вы, лежите! Я сама схожу!

Вдвоем с прибежавшей горничной мы еле-еле уговорили леди Фонтерой остаться в постели. Джейн хлопотала возле хозяйки, а я поплелась навещать Амброзиуса, чтобы потом дать полный отчет Элейн. Сон за столом не пошел мне на пользу: побаливала спина, ныли уставшие ноги. После вчерашних приключений в холмах и последовавшей за тем беспокойной ночи я чувствовала себя, как лягушка, попавшая под плут.

На галерее, проходившей над холлом, мне навстречу попался Нед, тоже явно не блиставший здоровьем. Его лицо выглядело уставшим и помятым. Кажется, прошлая ночь выдалась тяжелой не только для нас с Элейн.

– Энни, вот ты где! – обрадовался он. – Я искал тебя весь вечер, пока Батлер не сказал, что вы отправились на прогулку. Наш дворецкий очень волновался, когда вы не вернулись к ужину.

– Ох, прости! – из-за вчерашних тревожных событий я совсем забыла, что мы с ребятами собирались обсудить наши дела. – Как прошла встреча?

Уолтер, нахмурившись, облокотился о перила:

– Есть одна хорошая новость и одна плохая. Хорошая новость: Фокс нашел в Кречи одного человека, который вроде бы напал на след того «рыжего господина». Плохая заключается в том, что теперь у нас есть труп этого человека.

По моей спине пробежал холодок. Часы в холле пробили десять, отбивая удары с каким-то похоронным звуком.

– Как-то это все... скоропостижно.

– Не то слово, – серьезно кивнул Нед. – Вчера этот осведомитель должен был подсказать нам, где раскинуть невод, однако на встречу он не явился. Фокс костерил его последними словами, пока ночью мы не наткнулись на труп в районе Дьюк-Инн-Филдс.

Название улицы заставило меня вздрогнуть:

– Точно! – выпалила я, не подумав. – Позавчера я как раз видела нашего «рыжего джентльмена» в том районе, когда мы с девушками возвращались от мадам Теллер! Вот дьявольщина! Если бы только Селия не помешала мне проследить за ним – !

Судя по резко помрачневшему лицу, напарник не оценил мою инициативу:

– Благодарю бога, что она тебе помешала! Энни, когда ты наконец научишься работать в команде?! Что за манера действовать в одиночку и втихаря?

– Извини, я должна была тебе рассказать, – покаялась я. – Просто вчера столько всего случилось, что эта встреча начисто вылетела у меня из головы!

«Да уж, случилось. Поездка на Авалон, после которой мы еще долго будем приходить в себя. Мое неудачное объяснение с Кеннетом. Если вдруг он сегодня вернется к обеду, я запасусь печеньем и запрусь в комнате. У меня наглости не хватит посмотреть ему в лицо! Лучше помереть от голода, чем от стыда!»

– Нам будет проще, если в ближайшие несколько дней ты воздержись от визитов, – строго сказал Нед. – Энни, кем бы ни был этот рыжий тип, он чертовски опасен! Безжалостен, как акула, и лихо управляется с ножом. Я видел... – тут он запнулся, – тело.

Я горячо пообещала, что шагу не сделаю за порог. Все равно мне нужно было присмотреть за Элейн, пока она не поправится. Вспомнив о поручении леди Фонтерой, я заторопилась в кабинет волшебника.

К моему удивлению, Амброзиуса на месте не оказалось. В комнате царили такая тишина и покой, каких здесь давно уже не наблюдалось. Когда Амброзиус работал, у него вечно что-то взрывалось, шипело и таинственно булькало, а воздух гудел от магических испарений. Сейчас здесь царила необычная звонкая тишина. В тусклом солнечном луче танцевали пылинки. Штора, висевшая справа от окна, подозрительно оттопыривалась.

Бесшумно отступив к очагу, я протянула руку за тяжелыми каминными щипцами. Сразу бросилось в глаза, что их рукоятки были искорежены, будто кто-то с немислимой силой согнул их, а потом попытался распрямить обратно. Это какую же силу надо иметь... Что за чудовищ разводил здесь Амброзиус? И куда делся он сам? Сожрали?!

Перехватив щипцы, я угрожающе направилась к шторе. Оттуда послышался слабый вскрик:

– Не надо! Это я!

– Агата?!

Девушка так отчаянно пыталась выбраться из укрытия, что, наоборот, запуталась в портьере. Растрепанная, со съехавшей набок наколкой, она выглядела довольно комично.

– Что ты тут делаешь?

– Миссис Бонс хотела попросить у господина Амброзиуса порошки от зубной боли. Я пришла, а его нету. Я думала, он не рассердится, если я поищу... Я думала...

«Врет, – молнией промелькнуло у меня в мозгу. – Миссис Бонс боялась волшебника, как самого дьявола. Она бы пальцем не притронулась к его снадобьям. Скорее всего, это Батлер послал Агату разведать, чем тут занимается Амброзиус. Похоже, после вчерашнего происшествия он доверяет ему еще меньше»

ше, чем я».

– И как, нашла?

– Ничего нет, – растерянно ответила Агата. – Никаких лекарств. Все так чисто прибрано, будто...

«Как будто волшебник решил незаметно нас покинуть. Господи помилуй, надеюсь, у него хватит совести не бросать больную Элейн на произвол судьбы!»

Резко развернувшись, так что подол хлестнул меня по ногам, я бросилась обратно. Однако мое опасение было напрасным. Еще не добежав до комнат леди Фонтерой, я услышала голоса и поняла, что Амброзиус был там. Он меня опередил.

Они с Элейн сидели у окна, взявшись за руки. На ней был кокетливый кружевной пеньюар и чепец, из-под которого выбивались кудрявые черные локоны. Элейн что-то оживленно рассказывала, смеясь, и казалась до невозможности юной. Лица ее мне не было видно. Зато в глазах у волшебника я заметила странное выражение – нежное и решительное одновременно.

В глубине комнаты Джейн укладывала в дорожный несесер щетки и флаконы с туалетного столика. Двое у окна, увлеченные беседой, не повернули к ней головы, даже когда она прошла в двух шагах. Мое вторжение тоже осталось незамеченным. Одна только Джейн, оглянувшись, озабоченно покачала головой и наклонилась, чтобы вытащить из-под кровати большой сундук для одежды.

Внезапно я поняла, что Амброзиус был одет по-дорожному. Он действительно собирался уехать, только не один. Меня они оба так и не заметили. Постояв еще немного, я тихонько ушла к себе, пытаюсь смириться с ощущением горькой потери.

* * *

После завтрака дом опустел, как брошенная раковина. От Батлера я узнала, что лорд Фонтерой все-таки уехал в Астилию. Уехал – и даже не попрощался. Потом нас покинули Элейн и Амброзиус. Батлер с Агатой общими усилиями стащили по лестнице тяжеленный дорожный сундук. Почтовые лошади фыркали, нервно переступая у ворот, пока Джейн бегала наверх за какими-то забытыми второпях мелочами. Наконец, карета укатила, оставив на дороге троих провожающих: меня, Агату и миссис Бонс. Сентиментальная повариха даже смахнула слезу.

Я, конечно, не плакала, но у меня тоже кошки скребли на душе. Бесцельно бродя по дому, я разглядывала пустые комнаты, казавшиеся теперь угрюмыми, темными и неприветливыми. Словно вместе с Элейн из дома исчезли уют и тепло. Только в спальне еще сохранился отпечаток ее живой, энергичной натуры. На столике осталась чашка с недопитым кофе. В гардеробной висели ряды платьев: темно-синее, в котором она была на приеме, серебристое – для театра, темно-красное... От муслина, атласа, шелка и жоржета исходил еле уловимый аромат мяты и магнолии. Сидя здесь, легко было представить, что хозяйка этих изящных туалетов просто ненадолго отлучилась. Элейн предпочитала густые, насыщенные цвета и струящиеся силуэты, которые очень подходили к ее пышной яркой красоте. Проводя пальцем по ободку чашки, я вспоминала день ее приезда: веселую суету, ворох сундуков, загромождивших половину холла, оживленный смех, доносившийся из приоткры-

той двери в гостиную. В то время я ее не знала и заранее опасалась. Как же я ошибалась! Сегодня Элейн уехала налегке, не взяв с собой почти ничего, кроме верной Джейн. На миг я остро пожалела, что не могла уехать вместе с ними.

Спустившись в холл, я обнаружила там мистера Батлера. У него, очевидно, был свой способ справляться с печалью. Вооружившись скипидаром, пчелиным воском и куском чистого полотна, он наводил последний лоск на дубовые перила.

– Эту лестницу прадед лорда Кеннета спроектировал сам в то время, когда строился дом. Сразу после Великого пожара, – сказал дворецкий, не отрываясь от своего занятия. – Вы могли видеть его портрет в спальне леди Фонтерой. Или в библиотеке.

«А гобелен, висящий в библиотеке, наверняка соткала прапрабабка Кеннета, сидя в башенном покое своего замка, чтобы скоротать время между набегами», – подумала я. Со всех сторон меня окружали деяния предков лорда Фонтероя, далеких и не очень. Особняк на Гросвен-стрит был настоящим семейным гнездом, здесь берегли старинные вещи, которые образовали как бы связующую нить, протянутую сквозь века.

В отличие от них, у меня ничего подобного не было. Я вдруг осознала себя какой-то былинкой, прибившаяся к кряжистому дубу, корни которого уходили далеко в прошлое. Даже не былинкой, а сорняком, учитывая мою неказистую биографию. Перекати-поле. Если мистер Батлер хотел намекнуть на неуместность моего пребывания здесь, он не мог бы придумать лучшего способа. Теперь, после отъезда Кеннета и Элейн, мне не имело смысла оставаться. Я приготовилась сообщить, что сегодня же избавлю их от своего присутствия, однако Батлер меня опередил:

– Перед отъездом лорд Кеннет особенно настаивал, чтобы вы задержались у нас хотя бы до возвращения мистера Тревора, если вам не сложно. Мистер Тревор должен вернуться на днях.

Вероятно, за годы работы с таким сложным хозяином, как лорд Фонтерой, Батлер развил в себе способность читать мысли.

– Также я хотел сообщить, что для вас пришло письмо от мисс Виверхэм.

Письмо действительно лежало на свеженачищенном подносе. Поблагодарив, я взяла его и ушла к себе. К сожалению, Селина не писала ничего утешительного. Меллинг упорно продолжал избегать ее общества, даже носа не показывая на Квендич-сквер. Несчастливая девушка взяла на себя смелость отправить ему записку, но в ответ получила только жалостное послание с советами на злую судьбу и обещаниями встретиться в другой, лучшей жизни. Отец Меллинга еще не приехал, его ждали со дня на день. Последние строчки, написанные Селиной, я почти не могла разобрать, настолько они расплылись от слез.

Отложив в сторонку этот воплощенный в бумаге крик отчаяния, я почувствовала раздражение. Жизнь и без того слишком грустна, чтобы изводить себя надуманными проблемами! У этих бестолковых щенков было все, что нужно для счастья, но нет! Один нагородил в своем воображении каких-то немислимых препятствий, а другая сидит и страдает вместо того, чтобы хорошенько встряхнуть любимого за шиворот и указать ему, в чем суть его заблуждений.

Досада на Селину с Меллингом заставила меня взбодриться, отложив уны-

лое настроение до более подходящего момента. Обдумав ситуацию, я принялась собираться. Когда я снова спустилась в холл, Батлер уже покончил с перилами и теперь занимался старинными часами. Полированный темный дуб и начищенная медь просто сияли. Не оборачиваясь, он произнес:

– Я взял на себя смелость нанять для вас кэб, мадам. Он ждет у ворот. Сегодня в городе достаточно спокойно.

– Спасибо! – с чувством ответила я. – Дорогой Батлер, вы просто волшебник!

Таким образом, приблизительно через час я, кипя от гнева, дергала за звонок возле двери, за которой жил мистер Меллинг. Мне не хотелось облегчать жизнь эшентаунским сплетникам, поэтому вместо обычной накидки я надела просторный бурнус и шляпу с вуалью.

На лакея, неохотно приоткрывшего дверь, я не обратила никакого внимания. Он бубнил что-то вроде «господин не принимает», но я, не дослушав, вихрем влетела в гостиную. Здесь было темно, не топлено и неудобно. В холодном полумраке не сразу можно было различить фигуру мистера Меллинга. Наш поэт сидел за конторкой в углу, зябко кутаясь в толстый ватный халат, и тарасил на меня глаза, как филин в ночи. Выглядел он нездоровым и бледным, горло до самого подбородка было замотано шарфом. Я глупо застыла посреди комнаты, чувствуя себя как рыцарь, который приготовился сражаться с драконом, а навстречу ему из пещеры выполз тщедушный котенок. Черт бы побрал этого стихоплета! Похоже, он всего лишь подхватил лихорадку и в приступе меланхолии настроил Селине прощальное письмо, а она, дурочка, вообразила себе невесть что!

– Мисс Энни? – растерянно проговорил Меллинг, не двигаясь с места. – Я... я не ждал, не рассчитывал...

– Ох, извините! – окончательно смутилась я. – Просто на Квендич-сквер очень беспокоились о вас, вот я и решила вас навестить.

От этих слов на скулах Меллинга заалели яркие пятна. Я же, осмотревшись, успела отметить некоторые детали. В пустом камине явно давно не разводили огонь, хозяин квартиры мялся, как грешник в аду, а его лакей, хоть и держался безупречно на первый взгляд, пренебрежительно задирает нос. Это говорило о многом. В этом доме пахло нуждой и безденежьем.

– Как у вас холодно! – передернула я плечами, снимая перчатки. Пока поэт суетился возле конторки, собирая рассыпавшиеся листы, я незаметно поманила лакея в коридор и отправила его за углом, велев еще купить еды в трактире.

Стоило развести огонь, как комната сразу повеселела. Меллинг, усаженный в кресло у камина и получивший чашку горячего чая, тоже приободрился. По крайней мере, горячки у него не было. Невзначай коснувшись его руки, я с удивлением отметила, что она холодна как лед. Однако с расспросами пришлось повернуться. Лакей принес запоздалый завтрак, и какое-то время Меллинг был целиком поглощен яичницей, выныривая на поверхность лишь для того, чтобы попросить еще чашку чая.

– Итак, что же с вами случилось? – спросила я, грея руки о чашку.

Поэт застенчиво улыбнулся:

– Поверьте, мисс Энни, мои проблемы не стоят вашего драгоценного внимания. Лучше я прочту вам последний сонет...

Порывисто вскочив, он снова принялся рыться в куче бумажного хлама, ва-

лявшегося на конторке, на стуле и даже на каминной полке. Нужно было срочно спасать положение, пока моего собеседника вновь не унесло по реке вдохновения:

– Ваши обстоятельства заботят нас с мисс Виверхэм гораздо больше, чем вы думаете. Вы еще помните мисс Виверхэм? Или ее поэтический образ, так сказать, заслонил для вас реального человека?

– Забыть мисс Селину! – драматически воскликнул Меллинг, возведя глаза к потолку. – О, если бы я мог! Увы, звезда моя еле мерцает во мраке! Судьба ко мне столь враждебна, что может обрушиться и на этого ангела, поэтому мне придется смириться и терпеть разлуку...

Мое терпение было уже на исходе:

– Дорогой сэр, я тащила сюда целый час в проклятом тумане! Мой кэб собрал все фонари по дороге и едва не утоп в Тессе, так что я не очень расположена сейчас слушать патетические стихи! Объясните простыми словами, что стряслось?

Изъясняться простыми словами Меллинг не умел. С трудом продравшись сквозь нагромождение эпитетов и красочных метафор, я уяснила, что он оказался в сложном финансовом положении, однако «благодаря помощи одного господина» надеется избежать долговой ямы.

– Этот господин случайно не мистер Скруп с Дорсет-стрит? – прозорливо спросила я. – Он взял с вас расписку?

Я заподозрила что-то подобное еще в тот момент, когда Селина рассказала нам об увиденном во время гадания. Нарисованный ею портрет алчного старика удивительно походил на одного мерзкого ростовщика, обитающего в районе Белой часовни.

От моего простого вопроса Меллинг взошел, как на дрожжах, так что мне стоило немалого труда его успокоить. По его мнению, леди вообще не должна была знать таких слов, как «расписка» и «ростовщик». Слово за слово, я вытянула из него всю историю. Она оказалась довольно банальной. Попав в столицу из тихих университетских лекториев, Меллинг сблизился с компанией блестящих молодых щеголей. Первым делом он радикально обновил гардероб, чтобы новые приятели, не дай бог, не посчитали его отсталым провинциалом. На одно только это ушли немалые деньги. Затем он пару раз проигрался в карты и довершил катастрофу феерическим проигрышем на скачках в Ньюфилде. Признаться в растратах отцу он не мог – скупого старика хватил бы удар прямо на каминном коврике. Кто-то из новых «друзей» присоветовал ему занять нужную сумму у ростовщика, и по несчастливой случайности Меллинг нарвался на мистера Скрупа. Мы все в Кречи были наслышаны о нем. Даже другие ростовщики отзывались о нем с негодованием и старались открывать свои конторы подальше от Дорсет-стрит, чтобы их случайно не перепутали.

– Сначала он одолжил мне сто фунтов... или сто пятьдесят? – бормотал Меллинг, заблудившись в дебрях воспоминаний. – Я их вернул, мне в тот раз повезло в картах. Однако Скруп заявил, что я просрочил с оплатой, так что должен еще уплатить проценты, и расписку мне не отдал. Мы с ним даже поскандалили. Я сгоряча объявил, что ноги моей больше не будет в его доме!

– Но потом вернулись снова, не так ли?

– Сразу же после скачек. – Поэт тяжело вздохнул и опрокинул в себя бокал ренского, принесенный лакеем. – Проклятая кобыла, на которую я поставил,

пришла шестой. До сих пор не могу понять, как такое возможно!

– Так всегда и бывает, поверьте. Так сколько вы ему должны?

– Кажется, двести фунтов. Нет, триста. Проклятые проценты! Проклятые ростовщики! И лошади.

– Так двести или триста? – воскликнула я, потеряв терпение.

Зря я вспыхнула. Меллинг сразу очнулся, вспомнив, что ведет беседу с юной девицей, чьи нежные уши давно должны были загореться от столь неприглядных подробностей. Он умолк, как захлопнулся, и больше мне ничего не удалось из него вытянуть. Но и сказанного было вполне достаточно.

Мне не понравился затаенный страх, мелькавший в глазах Меллинга, когда он говорил о ростовщике. А особенно насторожило мимоходом оброненное высказывание о том, что мистер Скруп придумал для него другой, более быстрый способ разделаться с долгом, «так что к приезду отца все будет в ажуре». Вот тут мне стало крепко не по себе. Скруп у нас благородством и великодушием отроду не страдал. И если бы ему понадобился сообщник для каких-нибудь темных делишек, то Меллинг, запутавшийся в долгах и до дрожи запуганный отцом, представлял собой идеальную кандидатуру.

Нет, нужно было срочно вызволять нашего поэта из цепких Скруповых лап, хотя бы ради Селины!

К счастью, у меня созрел план.

Глава 22

Признаюсь, на обратном пути меня не раз посещала мысль, а нужен ли вообще Селине такой муж? Но Меллинг так неподдельно раскаивался, с таким искренним отвращением отзывался о картах и своем преступном легкомыслии, с такой грустью вспоминал о потерянной любви, что я растаяла. В конце концов, кто из нас, однажды сглупив, не мечтал получить второй шанс? Кто хоть раз не мечтал о возможности все исправить? Мне очень хотелось им помочь.

Дома я первым делом написала Селине, объяснив ей, как в действительности обстоят дела, и каковы истинные чувства мистера Меллинга. Потом я задумалась о выборе помощника. Ежу понятно, что Нед не одобрил бы моего вмешательства, поэтому я решила обратиться к Оливеру Уайтвуду. Я написала ему тоже, пригласив на следующее утро покататься в коляске в Серпент-парке.

Уайтвуд согласился, и с утра ждал меня у ворот. На козлах сидел грум, так что все приличия были соблюдены. Благодаря Клариссе я стала настоящим экспертом по части приличий! Пусть теперь это никому не нужно, но лорду Фонтерою больше не пришлось бы краснеть из-за меня!

Выслушав мою пылкую речь о том, как столичные соблазны сгубили молодого поэта, Оливер поначалу скривился:

– Не могу сказать, что меня переполняет сочувствие к Меллингу. Этот стихоплет кого угодно может довести до мигрени. Недавно мы с ним возвращались откуда-то с края света, и Меллинг принялся читать мне свою проклятую поэму. Клянусь, он занимался этим всю дорогу, до тех пор, пока не стемнело! Я готов был выскочить из экипажа прямо на ходу.

– Да, эти странные существа, поэты, имеют такую прискорбную привычку, – согласилась я. – Но все же это недостаточный повод, чтобы отдать его на

растерзание Скрупу!

– Скруп? Ростовщик с Дорсет-стрит? Я кое-что слышал о нем. Говорят, он хуже крокодила. Как Меллинга угораздило связаться с ним?

Я бы объяснила – как, но мне не хотелось, чтобы о делах Меллинга и Селины поползли сплетни среди слуг. Нужно было как-то избавиться от грума. Мы как раз проезжали мимо пустой длинной аллеи, и я предложила Уайтвуду немного пройтись. Грум поехал дальше, чтобы лошади не остыли. Он должен был захватить нас на обратном пути.

В промерзлой аллее, словно в трубе, свистел ветер. Не удивительно, что здесь не было никого из гуляющих! Я поглубже засунула руки в муфту, Уайтвуд поднял воротник пальто.

– Т-так что вы хотели мне рассказать? – спросил он, слегка стуча зубами от холода.

Я в красках живописала печальную участь несчастных влюбленных. Несомненно, отец Меллинга – этот старый скупой мешок с костями – вышвырнет сына из дома, едва узнав о его долге ростовщику. Или, что еще хуже, женит его на богатой злобной бабе.

– Всем известно, что богатые наследницы поголовно обладают злобным нравом! Судьба Меллинга висит на волоске!

Должно быть, трагическое завывание ветра придало убедительности моим словам, так как сердце Уайтвуда дрогнуло:

– Хорошо. Но мы-то чем можем помочь? Триста фунтов! К сожалению, я не располагаю такой суммой.

– Я тоже. Однако у мисс Виверхэм есть двести фунтов, и лучше не спрашивайте, как мы их добыли! (На самом деле Селина, готовая на все ради любимого человека, заложила свое ожерелье). Надеюсь, Скрупу этого будет достаточно. В крайнем случае, обойдется без процентов. Он и так уже ободрал нашего поэта до нитки!

Уайтвуд задумчиво покачал головой:

– Вы, должно быть, плохо знаете ростовщиков... Да скорее Тесса потечет вспять, чем мистер Скруп проявит сочувствие к должнику!

«Это я-то плохо знаю ростовщиков?!» – хотела вскрикнуть я, но сдержалась.

– Разумеется. И здесь нам понадобится ваша помощь. Предложите Скрупу что-нибудь. Какое-нибудь рискованное дело, на котором он мог бы сорвать хороший куш. О, придумала! Вы ведь недавно вернулись из Цинтры? Так предложите ему партию контрабандного зеленого вина.

Мистер Уайтвуд, как и Меллинг незадолго до него, был явно шокирован моими познаниями по части незаконных махинаций.

– Но зачем?! – едва мог он спросить.

– Затем, что после вас к Скрупу явлюсь я! Я знакома с мистером Тревором, а он давно держит этого типа на прицеле. (Чистая правда. По мнению шефа, Скруп был самым зловонным пузырем, когда-либо отравлявшим своим дыханием задворки Дорсет-стрит). Я пригрожу, что если Скруп не вернет Меллингу расписку, то мы с Тревором спустим на него всех собак. Думаю, в нашем положении порция изящного меткого шантажа будет очень кстати. Накануне выгодной сделки Скруп не захочет привлечь к себе внимание магистрата и согласится. Ручаюсь, что он возьмет эти двести фунтов, даже не поморщившись!

– В вашем плане мне не нравится только одно, – подумав, сказал Уайтвуд. –

Вы что, хотите лично навестить этого мерзавца? На такое я никогда не соглашусь!

В этом вопросе Оливер был непоколебим. После долгих споров мы сошлись на компромиссном варианте: вместо меня к Скрупу должен был отправиться Нед Уолтер. Тут как раз появился грум с лошадьми, и Оливер помог мне усесться в коляску. Домой я ехала замерзшая до костей, но довольная, пряча улыбку за полями шляпки. Придуманый нами план мне действительно нравился.

Жаль, конечно, что ему не суждено осуществиться, однако Оливеру это знать не обязательно.

И третьим человеком в нашей команде будет отнюдь не Нед Уолтер.

* * *

Ближе к вечеру, когда солнце скрылось за темными городскими крышами, я оседлала Шайн и украдкой выскользнула из особняка. Хотелось верить, что мне удастся скрыть эту поездку от зоркого взгляда мистера Батлера, но я не очень-то рассчитывала на это. У нашего дворецкого был чрезвычайно острый нюх на сомнительные дела! Впрочем, лорд Фонтерой сейчас далеко, и даже если Батлер донесет ему на меня, он уже не сможет мне помешать. Да и не захочет, наверное.

Миновав продуваемое всеми ветрами открытое пространство набережной, мы с Шайн пересекли Тессу и кривыми переулками добрались до трактира «Черная кружка», где мой старый приятель Деннис любил проводить свободные часы, хвастаясь своими подвигами.

Перед трактиром, как обычно, топтались нищие, бродяги и всякое отребье. Эти люди были не настолько богаты, чтобы зайти внутрь, поэтому ждали снаружи. Ждали разного. Случайной подачки, пьяного в стельку клиента, которого можно обобрать в соседней подворотне, свежих сплетен, крепкой потасовки, которой можно поаплодировать или даже принять в ней участие. Наше с Шайн появление вызвало нехороший ажиотаж среди этой публики.

Только крайне наивный человек оставил бы здесь лошадь без присмотра, поэтому я подозвала мальчишку, выскочившего из задней двери с лоханкой помоев, бросила ему фартинг и попросила позвать Денниса. На мое счастье, приятель появился довольно быстро, пошатываясь и скаля зубы в приветственной улыбке:

– О, смотрите, кто к нам пожаловал! – распахнул он пьяные объятья. – Сама Стрекоза Ночи!

Ни у кого в Кречи я не видела таких белых зубов. Они добавляли Деннисовой физиономии толику хищности. «Подойдите-ка поближе, – словно говорила его ухмылка, – и кое-кто из вас унесет свои уши домой в шляпе!»

Каким-то образом ему удавалось дать понять это без единого слова, просто прислонившись к столбу под навесом трактира. Трое мрачных типов в лохмотьях, алчно поглядывающих на Шайн, предпочли молча сгинуть в ближайшей подворотне.

– Так зачем ты явилась? – спросил Деннис, когда мы удалились от трактира на условно безопасное расстояние. Я размышляла, где мы могли бы спокойно поговорить, но выходило так, что удобнее всего было просто устроиться посреди улицы. Проще найти прохладную воду в аду, чем спокойный уголок в этом бурлящем котле человеческих жизней!

Здесь район мы называли Грачовником. Люди здесь в прямом смысле жили друг у друга на головах. Каждый дом, от подвала до чердака, давал пристанище целому десятку семей: эринцам, приехавшим на заработки, поденщице с детьми, сапожнику, торговцу птицами... Даже крошечный грязный закуток под лестницей обычно бывал занят каким-нибудь бродягой, у которого в жизни не было ни одной близкой души, кроме облезлой псины.

Я прямо как в детство вернулась. Мы с Деннисом шли по улице, благоухающей сточными канавами, где-то недалеко раздавались бранчливые и веселые голоса, а одно внезапно распахнувшееся окно изрыгнуло на нас поток такого витиеватого сквернословия, что Деннис даже уважительно присвистнул. Шайн настороженно повела головой. Мне хотелось ладонями закрыть ей уши.

– Значит, ты решила пощипать Скрупа? Дельная мысль! Я давно говорил, что пора прищучить этого негодяя!

Я мысленно похвалила себя за верный расчет: очевидно, Деннис еще не успел набраться до полного оупения, но принял на грудь достаточно, чтобы в его крови заиграл дух авантюризма.

– Поможешь? – спросила я.

– Без проблем. Скруп живет на Дорсет-стрит, снимает полдома у трактирщика Уоттона. Пес у трактирщика нормальный, с ним можно поладить. Просто кошмар, сколько собак развелось нынче в городе, да таких злющих, что некоторые дома приходится покидать в страшной спешке! Скруп обычно принимает посетителей внизу. Наверху в спальне стоит картотечный шкаф, где он хранит свои бумажки, с помощью которых вытягивает деньги из разных простаков. Не шкаф, а чисто золотая жила! Некоторые полжизни готовы отдать, чтобы запустить туда лапу!

«Надеюсь, от меня не потребуется такой жертвы», – подумала я, а вслух сказала:

– Я знаю, где он живет. Завтра после ленча к нему придет один офицер. Думаю, они со Скрупом будут заняты не меньше часа. Мне нужны твои «подружки». И чтобы ты подежурил во дворе, пока я буду наверху.

Деннис замялся, но я знала, что он согласится. В некоторых вопросах он был ужасно щепетилен. Мы с ним были старыми друзьями, кроме того, однажды я спасла его с дружками от облавы. В Кречи принято за добро платить добром.

– Лады, – кивнул он наконец. – Слышь, Стрекоза, есть у меня один знакомец, господин Эмрил его звать. У Скрупа лежит одно его письмецо, за которое бедняга Эмрил расплачивается уже два года. Не окажешь ли заодно нам услугу? Я бы сам давно забрался в Скрупово логово, да грамоте не обучен. Может, оно и к лучшему. Судя по Эмрилу, лишняя ученость приносит одни только беды и, того гляди, доведет до виселицы!

По опыту я знала, что услуги, оказанные «заодно», обычно приносят массу хлопот, а ценятся гораздо меньше. С другой стороны, одним письмом больше, одним меньше – какая разница? Я согласилась.

Поскольку мы обо всем договорились, я направила Шайн к реке. Деннис, который этим вечером взял на себя роль паладина и заступника, продолжал идти рядом.

– Провожу тебя немного, чтобы худа не случилось, – сказал он. – Лошадка у тебя уж больно хороша. Эх, Стрекоза, тошно здесь без тебя, хоть волком вой!

Может, вернешься, а? Не к добру это, якшаться со всякими джентами. Завлекут тебя ласковыми речами, а нрав-то у них холодный, змеиный...

«Не змеиный – драконий! – хмыкнула я про себя, – и горячий, пуще всякого пламени». Неожиданно вдруг снова захлестнула острая тоска по Кеннету. Без него этот город стал для меня ледяной пустыней. Деннис продолжал настаивать:

– Клянусь, что с того дня, как я встретил тебя у Гарри с тем франтоватым типом, у меня все сердце изболелось!

Состроив печальную мину, этот шут картинно приложил руку к груди. Вот выпендрожник! Я невольно рассмеялась:

– Ты сейчас показываешь на желудок. И, поверь, он почувствует себя гораздо лучше, если ты откажешься от мысли, что можно питаться одним джином!

Возле Товернского моста мы попрощались, условившись встретиться завтра.

Деннис некоторое время стоял, прислушиваясь к размеренному цоканью лошадиных копыт. Над рекой, как всегда, висел туман, и лошадь с всадницей вскоре скрылись в его таинственных глубинах. Город затих, приготовившись к ночи. В городской тишине, в отличие от деревенской, не было и тени умиротворенности, естественного покоя. Скорее она наводила на мысли о возможных неприятностях, притаившихся неподалеку. Это была настороженная тишина, тишина, чреватая сюрпризами. «Она уже на другом берегу. Там безопасно», – думал Деннис, вглядываясь в мерцающие размытые пятна фонарей.

Внизу под ногами угрюмо ворочалась река – черная, скованная мостами, похожая на огромную сонную змею. Река напомнила ему о Скрупе. День-деньской этот ростовщик сидел в своей норе, флегматичный, как удав. Но стоило появиться возле логова неосторожному зверьку – молниеносно набрасывался на жертву.

Кроме того, ростовщик был настолько ядовит, что от его укуса запросто можно было отбросить копыта. Ах черт, что же ему делать?! Деннис задумчиво почесал колтун спутанных курчавых волос на затылке. «Об Энни-то можно не беспокоиться, – вкрадчиво нашептывал притаившийся внутри голосок. – Ей всегда удавалось выйти сухой из воды. А простому парню вроде тебя следовало бы позаботиться о себе».

Потоптавшись на месте еще немного, Деннис махнул рукой и решительно зашагал в сторону продуктового рынка.

Глава 23

На месте трактира Уоттона когда-то находился магазин игрушек мадам Сэлмон, в котором находчивая хозяйка для привлечения публики выставляла также восковые куклы городских знаменитостей. Однако магазинчик не прижился на мрачной Дорсет-стрит и вскоре переехал в другое место, а от коллекции восковых чучел осталась лишь светло-желтая фигура прорицательницы Мамаши Шиптон, стоявшая снаружи. При нажатии на потайной рычаг она давала пинка ничего не подозревающему прохожему. Это действие каждый раз вызывало буйный восторг у завсегдатаев трактира, болтавшихся на улице.

Мы с Деннисом, поджидая Уайтвуда, прогуливались взад-вперед. Я надела самое невзрачное платье, до которого мисс Нидли побрезговала бы дотронуться даже пальцем, и темную твидовую накидку. Просторный капюшон защищал меня от любопытства прохожих и хоть немного приглушал окружающий гомон. Клиенты Уоттона отнюдь не отличались благонравием, к тому же неподалеку находилась бондарная мастерская, где с утра до вечера стучали молотками, набивая обручи. Спустя полчаса ожидания моя голова гудела, как колокол, от уличного шума. Вместе с тем я понимала, что этот шум придется очень кстати, когда настанет время проникнуть в обитель ростовщика.

Наконец в конце улицы показалась стройная фигура офицера. Уайтвуд, по военному чеканя шаг, направлялся к дому мистера Скрупа. Удачно избежав напутственного пинка Мамаши Шиптон, он шуганул стайку наглых попрошайек, бросившихся врассыпную, и подергал за шнурок железного звонка, висящего на крыльце. С той стороны кто-то проделал ряд сложных манипуляций, в результате которых дверь приоткрылась и тут же снова захлопнулась за офицером.

– Пора! – шепнул мне Деннис.

Мы незаметно просочились во двор. Лохматый пес, принадлежащий трактирщику, успел ухнуть пару раз для острастки, но вовремя признал Денниса и униженно завилял хвостом. Опытный Деннис угостил его порцией куриных потрошков, отчего пес преисполнился благодарности и уполз в убогую конуру, предоставив нам делать во дворе все, что заблагорассудится.

Зайдя с другой стороны дома, мы вдоль стены добрались до окна, ведущего в спальню на втором этаже. Деннис послушно подставил мне свои плечи. Цепляясь за выступы в стене, я вскарабкалась наверх, прихватив сумку со снаряжением. Карниз был узким, не развернуться. Деннис мутным пятном маячил где-то внизу. По счастью, уже достаточно стемнело, да и окно выходило во двор, а не на улицу, так что наши действия не привлекли ничьего внимания.

Разумеется, окно было заперто изнутри на защелку. Мне еще повезло, что ставни были открыты, иначе пришлось бы провозиться до ночи. Двигаясь медленно и расчетливо, как кот в засаде, я извлекла из Деннисовой сумки алмазный циркуль и прочертила им круг на стекле. В котомке лежала масса полезных инструментов самого разного назначения. Каждый из них был упакован в отдельный чехольчик, чтобы не дай бог ничего не звякнуло в самый неподходящий момент. Иногда жизнь вора зависит от сущей мелочи! Не удивительно, что Деннис называл эти железные штучки «мои красотки» и обходился с ними куда бережнее, чем со своими девицами.

Стеклянный круг упал внутрь и разбился, как мне показалось, с ужасаю-

щим грохотом. На некоторое время я замерла, вся обратившись в слух. В комнате было тихо. Медленно-медленно я протянула руку к защелке...

Возможно, матерые домушники выполняют эти операции с привычным равнодушием, чуть ли не позевывая в процессе. Но у меня было мало подобного опыта, и мой последний визит в чужой особняк вышел, мягко говоря, не совсем удачным, так что я ужасно волновалась. Сердце колотилось об оконную раму так громко, что я боялась, как бы его не услышали Оливер со Скрупом, сидевшие внизу.

Осторожно подтянувшись и перекинув ногу через подоконник, я бесшумно соскочила в душный сумрак комнаты. Здесь было холодно, так как камин был заложен кирпичами, и совсем темно, но в волшебной сумке Денниса нашелся «воровской» фонарь, внутри которого торчал сальный огарок. Затебив свечу, я подошла к высокому шкафу, таинственно поблескивавшему маленькими ящичками. Надписей на них не было, поэтому на то, чтобы отыскать ячейку с буквой «М», у меня ушло довольно много времени. Вдруг за дверью мне слышались голоса.

Сидя на полу, я застыла с распиской Меллинга в руке, готовая в любую секунду дунуть на свечу и сигануть в окно. Спустя некоторое время я с облегчением поняла, что голоса доносились снизу. Доски пола кое-где неплотно прилегали друг к другу, и, приложив ухо к щели, можно было подслушать разговор. Это меня несколько успокоило, так что я вернулась к потрошению шкафа. Как там звали приятеля Денниса – Эмрил?

Перебирая пачку бумаг в ячейке с буквой «Э», мой взгляд вдруг споткнулся о фамилию «Эмберли». Нервы были так напряжены, что я не сразу сообразила, отчего она кажется такой знакомой. Потом в сознании вспыхнуло – Кларисса! Ее фамилия была размашисто написана поперек чистого конверта, а в конверт было вложено письмо. Я, не раздумывая, сунула его за пазуху. Конечно, Кларисса – та еще зараза, но мне не нравилась ситуация, когда письма невесты лорда Фонтероя хранились у такого мерзавца, как Скруп. Ради Кеннета я готова была вытащить Клариссу из передраги. Пусть потом скажет мне спасибо, треска мороженая!

Голоса внизу усилились. Разговор явно перешел на повышенные тона.

– ... вы поступаете не так, как подобает порядочному человеку! – услышала я гневное восклицание Оливера. Оно прозвучало так громко, что даже не пришлось прикладывать ухо к щели.

Я снова притихла. Что там происходит?! Уайтвуд должен был соблазнить ростовщика заманчивой сделкой, а не взывать к его совести, которая в этом доме отроду не ночевала! Придется поспешить. Мистер Скруп – это вам не какой-нибудь лавочник, для сложных клиентов он наверняка держал поблизости парочку крепких парней, вооруженных обрезком трубы. Оливеру нельзя его злить, это слишком опасно!

Мои пальцы как раз вытащили из пачки письмо несчастного господина Эмрила, когда внизу раздался выстрел. Я заметалась. Одним взмахом погасила фонарь, сунула его в сумку, повесив ее через плечо. Швырнула в окно заранее припасенный камень – это был знак для Денниса, что ситуация вышла из-под контроля, и нас пора спасать. Пинком захлопнула ящик, бросилась к двери, но с полпути вернулась, чтобы прихватить со стола оставленные там двести фунтов. Верну их Селине, а Скруп перебьется! Если он тронул Уайтвуда хоть паль-

цем...

С лестницы я скатилась кубарем, уже не думая о том, чтобы сохранять тишину. После оконной защелки справиться с замком на двери, ведущей в кабинет, было плевым делом. Я жадно прищелкнула глазом к замочной скважине, пытаясь оценить обстановку. Сначала передо мной возникли лишь мечущиеся тени, но вдруг в поле зрения попало бледное лицо Оливера, искаженное ужасом. Что могло так напугать бывалого офицера?! Не колеблясь, я распахнула дверь.

Уайтвуд вытянулся, вжавшись в стену, прижимая правую руку к груди. Рукав на ней был темен от крови. Ростовщик, сторбившись, опирался руками на стол, жидкие пряди волос свесились ему на лицо. Пистолет валялся посреди комнаты, и от него по полу протянулась красная полоса.

При моем появлении Скруп резко обернулся. В глазах у него загорелись хищные красные огоньки:

– А, вот и долгожданная мисс Фишер! – протянул он, ослабившись.

Его мертвенно-бледное лицо перекосилось, уголки рта поползли вверх. Это была улыбка маньяка, прячущего за спиной топор. Подбородок был вымазан чем-то темным.

– Да, представьте, я слышал, как вы копошились там наверху. Весь шкаф успели перерыть?

Значит, он знал! Но мои объяснения могли подождать. Главное – Оливер.

– Что с вами? Вы ранены?! – спросила я, подбегая к моему другу.

– Когда я выстрелил, он попытался... попытался откусить мне руку, – произнес Уайтвуд безучастным голосом. Он не удивился, увидав меня здесь. Он на меня вообще не смотрел. Его сосредоточенный взгляд не отрывался от Скрупа, словно тот был противником на дуэли.

– Что?! – не поверила я своим ушам.

– ...Впрочем, это неважно, – продолжал тем временем Скруп, будто беседуя сам с собой. – Все равно все тайны, которые вы успели найти, сгинут вместе с вами.

После этого он, должно быть, запер входную дверь, и самое страшное было в том, что я вообще не заметила, как это случилось. Просто прозвучал лязг засова, вставшего в пазы, но, когда я обернулась к двери, рядом с ней уже никого не было. Скруп снова стоял, опираясь на стол, и с ухмылкой смотрел на нас. Его бросок к двери был неуловимым и бесшумным, как мелькание тени. Он широко улыбнулся, наслаждаясь произведенным эффектом. Мне вдруг показалось, что его клыки были гораздо больше, чем у нормальных людей.

– Боже милостивый, Энни... он вампир, – ошеломленно прошептал Оливер.

Я осознала, что некоторое время стою, набрав в грудь воздуха, и шумно выдохнула. Вместо мыслей в голове была белая пустота, в которой вихрем пронеслось воспоминание о бледном перепуганном Меллинге, закутанном в шарф до ушей. Вот это мы влипли. Вся надежда теперь была только на Денниса.

Происходящее было настолько нереально, что мне, как ни странно, пока удавалось сохранять спокойствие. Наше с Оливером положение было действительно отчаянным. Без сомнений, Скрупу уже довелось убивать, а такие вещи легко приобретают силу привычки. Нужно попытаться потянуть время.

– Нас будут искать! – воскликнула я, сумев даже заставить свой голос не

дрожать. – Я оставила в своей комнате письмо, в котором сообщила, куда направляюсь! И с кем.

Пока мои губы двигались, произнося какую-то чепуху, уши чутко прислушивались, надеясь услышать тяжелый топот ботинок на лестнице. О, Деннис, где тебя черти носят, когда ты так нужен?!

– Когда-нибудь вас, безусловно, найдут, – осклабился Скруп. Одним смазанным движением метнувшись на середину комнаты, он отбросил крышку замаскированного люка в полу. Невероятно, как вообще можно так быстро двигаться?! И что у него там – ледник для трупов?

Из-под пола долетел монотонный гул, а по комнате потянуло сыростью. Я все поняла. Под этой частью дома проходил подземный канал, что для Скрупа было серьезным преимуществом при выборе жилья. Это позволяло ему прятать концы в воду в прямом смысле слова.

Пока мы со Скрупом вели занимательный диалог, Уайтвуд, не теряя времени, схватился за кочергу. Проклятый ростовщик только ухмыльнулся. Мимо пролетела серая тень – и Оливер, вскрикнув, упал на колени, а кочерга отлетела в угол. Под руку мне попало ведро для угля. Недолго думая, я нахлобучила его Скрупу на голову. Все равно оно стояло пустым – вампиру, похоже, холод был нипочем. В тот же миг какая-то сила швырнула меня на пол. В глазах потемнело, рот наполнился кровью. Сплюнув, я нечаянно попала Скрупу в лицо, и к моему удивлению, он отпрянул с шипением, как человек, неосторожно залезший в жгучую крапиву.

«Ага, значит, кровь сидов тебе не по вкусу!» – обрадовалась я. Вряд ли это меня спасет, конечно. Костлявый, хилый на вид старик оказался настолько силен, что мог голыми руками придушить меня, не вспотев. Думаю, он до сих пор не убил нас только потому, что хотел продлить себе удовольствие.

Что-то мелькнуло за окном, и в комнате на миг стало еще темнее. Неужели Деннис?!

– Оливер, дверь! – крикнула я. Из нас двоих Уайтвуд находился ближе к выходу. Если бы он догадался хотя бы попытаться открыть засов! Но, как и подобает офицеру, Оливер прежде всего думал о защите дамы, а не о спасении собственной жизни. Пошатнувшись, он снова поднял кочергу раненой рукой и вызывающе выпрямился. Где Скруп?! Даже отследить его перемещение по комнате было невозможно. Я успела ощутить над ухом чужое смрадное дыхание, и внезапно меня поперек туловища обхватило нечто вроде ледяного каменного кольца, чуть не вышибив дух.

Внезапно страшный удар сотряс дом. Оконная рама влетела внутрь, брызнув стеклами и каменной крошкой. Державшие меня тиски разжались – и я, кашляя, поспешно откатилась в сторону. Послышалось глубокое алчное рычание. Тень ростовщика возникла на фоне пролома как раз в тот момент, когда на стену обрушился второй удар. В воздухе мелькнул шипастый снаряд, блеснул чешуйчатый хвост. Полетели камни и обломки мебели.словно в замедленном сне я увидела, как мистер Скруп споткнулся и упал под тяжестью свалившихся на него досок.

– Энни, скорее! – крикнул Оливер, изо всех сил пытаясь отпереть дверь. Засов заклинило, но вдвоем мы кое-как смогли его отодвинуть. Кашляя и задыхаясь от пыли, мы вывалились на лестницу. Ступеньки мелко стучали под нашими ногами. Волосы у меня шевелились от ужаса, каждую секунду я жда-

ла, что выбравшийся из-под завала Скруп настигнет нас и схватит меня за плечо ледяной костлявой рукой.

Дом содрогнулся от очередного удара, посыпалась штукатурка. Косо рухнула деревянная балка – к счастью, мы успели прижаться к стене. Выход был уже близко, но его вдруг перегородила чья-то фигура, едва различимая в клубах пыли. От страха я дико завизжала. Это Скруп! Он опередил нас, мы погибли!

– Неужели я так страшен, мисс Энни? – спросил некто, поднимаясь нам навстречу.

Я узнала этот голос, и на меня нахлынуло облегчение, хотя в другой ситуации я предпочла бы его вовек не слышать. Небрежно отряхиваясь, к нам подошел мистер Лайбстер в своем фейском обличье: ледяные серебряные глаза, исполненные достоинства плавные жесты. Он небрежно приветствовал нас, словно находился в собственной гостиной, а не на замызганной лестнице старого дома, грозящего вот-вот рухнуть.

– Вам лучше поскорее уйти, – заметил он, глядя вверх. Лестничная площадка тонула в мутной темноте, но мы услышали, как дверь Скруповой квартиры, на треть заваленная обломками кирпича и штукатурки, вдруг дернулась, будто кто-то толкнул ее изнутри. Я похолодела.

– Этот тип очень опасен, – счел нужным предупредить Уайтвуд.

– Поверь, мистер Лайбстер с ним справится, – вмешалась я. Если кто-то и мог приструнить вампира, то разве что сид. А нам лучше не путаться у него под ногами! Подтолкнув Оливера, я поспешила на улицу, откуда уже доносились возбужденные крики.

Здесь нас ожидало еще одно потрясение. Можно было вообразить, что посреди улицы внезапно вырос холм, обросший бронзовой чешуей, если бы этот холм не сверкал на всех холодными топазовыми глазами, и не помахивал угрожающе длинным хвостом с рогульчатой шишкой на конце.

Угол дома лежал в руинах, кое-где беспомощно торчали обнаженные балки. Двор трактира и мостовая были черны от разлившейся жидкости и блестели в свете фонарей. Остро пахнувшие ручейки, журча, растекались по канавкам, выбоинам и трещинам. Я сообразила, что один из ударов дракона нанес приличный ущерб винному погребу господина трактирщика. Однако никто не спешил предъявлять претензии. Люди выбегали из трактира и останавливались, не веря своим глазам. «Ох, и забористый же джин у этого Уоттона!» – пробормотал один из зевак неподалеку от нас.

– Боже милостивый! – словно в ответ ему выдохнул Уайтвуд. Он постарался заслонить меня собой, но на дракона глядел с жадным восхищением, как на ожившую сказку.

Дракон был действительно прекрасен. В прошлый раз в переулке я не имела возможности его рассмотреть. Темно-бронзовый, в закатных сумерках он казался почти черным, как ночное небо, в котором мерцали редкие звезды. От его острой чешуи и шелковых сложенных крыльев веяло жаром, во всем его облике было нечто грозное и разрушительное, будто приглашенное пламя, готовое при малейшем дуновении вспыхнуть, сокрушив все на своем пути. Причудливые узоры тянулись по чешуйчатым бокам под крыльями, голова на грациозной шее с длинными черными шипами походила на орхидею. В глазах потаенно горел золотой огонь, распространяющий вокруг сияние волшеб-

ства. Магия дракона, словно невидимый свет, проникала повсюду.

Это великолепное, гордое и опасное существо не имело ничего общего с Кеннетом Фонтероем. Оно могло прихлопнуть меня одним ударом шипастого хвоста (которым, кстати, только что разворотило полдома), но сейчас это меня не заботило. Волшебство дракона завораживало и лишало собственной воли...

Из созерцательного транса нас с Оливером вывел стук копыт по мостовой.

– Солдаты! – крикнул кто-то. Зеваки разом очнулись, бросившись врассыпную. Большинство клиентов Уоттона – не говоря уже об остальных местных жителях – имели веские причины держаться подальше от представителей закона. Люди метались, расталкивая друг друга в страстном желании оказаться подальше от злополучного трактира. Кто-то в суматохе выронил факел. Разлившийся спирт вспыхнул мгновенно, по канавам и трещинам мостовой побежали огненные дорожки. Оранжевое пламя осветило улицу, засверкало на бронзовой чешуе дракона, с холодным безразличием наблюдавшего за окружающей суетой. Послышались крики: «Пожар! Горим!»

За долгие годы Эшентаун горел так часто и интенсивно, что у всех обитателей с детства выработалась обостренная реакция на крик «Пожар!» Это был своего рода боевой клич, на который сейчас же сбегались десятки людей. Улица, опустевшая было при виде солдат, снова заполнилась народом. Тащили ведра, багры, мокрую парусину, мешки с песком. Даже Оливер, едва державшийся на ногах, принялся помогать. Огонь, лизнув мостовую жадным языком, быстро добрался до трактира и радостно заревел. Здесь ему было где развернуться! Добровольные пожарные не решались подойти к дому, так как боялись дракона.

Растолкав толпу, я осмелилась подойти ближе:

– Уходи! – крикнула я ему. – Они убьют тебя!

В прошлый раз я тоже боялась его до дрожи. Теперь я больше боялась за него. Пылающая желтизна огромных глаз обратилась ко мне, пронзая сознание железным драконьим гневом. Даже тени узнавания не было в них, одна только злость и презрение. Мол, какая-то ничтожная букашка смеет ему указывать! Дракон раздраженно фыркнул, и горячий ветерок от его дыхания отбросил волосы с моего лица.

– Пожалуйста! – добавила я умоляюще. Люди в недобром молчании сплотились позади нас, красные мундиры и блестящие штыки неумолимо приближались. Страшно подумать, что случится, если кто-нибудь из них с перепугу пальнет в чудовище! «Если он убьет кого-то, находясь в облике дракона, то навсегда останется драконом!» – грозно прозвучало в памяти предостережение Амброзиуса.

Может быть, дракон прочитал мои мысли, или ему просто надоело наше общество. Окинув напоследок взглядом полыхавший дом, крыша которого была почти вровень с его головой, он распростер над нами крылья, как две грозные тучи, и лениво поднялся в воздух. Мы все, затаив дыхание, провожали его долгим взглядом. Дракон в небе был похож на огромную летучую мышь, выкованную из бронзы. Лучи заходящего солнца алыми искрами рассыпались по чешуе, могучие крылья безжалостно пронзили пухлое лиловое облако, и вскоре дракон скрылся из глаз, будто его и не было.

– Мисс Фишер? – слышался над ухом знакомый надменный голос. – Не объясните ли, что здесь происходит?

Я мысленно застонала. Ну почему, когда тебе кажется, что ситуация хуже быть не может, обязательно случится что-нибудь еще более пакостное?! Надо мной, сидя верхом на коне, угрожающе навис лорд Мериваль, прибывший сюда с отрядом солдат.

И снова за меня заступился Уайтвуд:

– У меня было дело к проживающему здесь мистеру Скрупу, а мисс Фишер просто ждала меня снаружи, – произнес он с такой естественностью и достоинством, что у Мериваля язык не повернулся спросить, какое такое дело может быть у находящегося в отпуске офицера к ростовщику, не брезгующему грязными авантюрами.

Чтобы отвлечь его от скользкой темы, я сочла нужным вмешаться:

– Вы же видите, Оливер ранен! Прошу вас, помогите нам добраться до врача, раз вы так кстати оказались здесь!

– Мы получили сообщение, что вечером в этом квартале ожидаются беспорядки, – объяснил свое появление Мериваль. – Но пока что я не вижу поблизости ни одного бунтовщика.

– Кроме разве что дракона, устроившего пожар, – заметил молодой офицер, командующий солдатами.

Я встрепенулась:

– Что? Послушайте, дракон здесь вовсе не причем! Это была случайность, какой-то пьяница уронил факел...

– Раскурочив перед этим половину дома? – саркастически спросил офицер. – Какая, однако, буйная клиентура у старины Уоттона!

– Да, насчет дракона мне тоже интересно послушать, – вмешался в разговор еще один голос. Лайбстер! Я резко оглянулась. Секретарь сацилийского посольства невозмутимо возник из клубов дыма, за которыми смутно виднелся трактир. Сейчас Лайбстер выглядел таким же невзрачным и скромным, как в тот день на приеме, где мы познакомились. Он казался совершенно невредимым, и я от души понадеялась, что мистер Скруп уже справляет новоселье в аду, как он того и заслуживал!

– Судя по тому, что я видел, – продолжал Лайбстер, – Грейвилия владеет мощным оружием, о котором на Континенте даже слыхом не слыхали.

– Это чушь! – резко ответил Мериваль.

Раздавшийся позади грохот заставил нас невольно оглянуться. Это обрушились стропила крыши, несмотря на все усилия добровольных пожарников. Неудивительно, если учесть, что трактир Уоттона был буквально пропитан спиртом от стойки до самой последней лавки. Взметнулся столп рыжих искр, когда очередное бревно провалилось в ревущую огненную пасть. Все теперь старались, чтобы огонь не перекинулся на другие постройки.

– Итак, поскольку бунтовщиков поблизости не обнаружено, нам остается лишь позаботиться о раненом, – вдруг заговорил лорд Мериваль, явно желая увести разговор подальше от дракона. – Мы с мисс Фишер отвезем его...

– Минутку, – перебил его Лайбстер. – Я приехал сюда в экипаже, который ждет на соседней улице. Позвольте мне отвезти мисс Фишер домой. Думаю, после такого потрясения ей необходим отдых.

– Может, лучше уступить карету раненому? – нахмурился лорд Мериваль. Очевидно, он не доверял Лайбстеру, и я тоже. Но я быстро сообразила, что если поеду с Меривалем, то мне всю дорогу придется оправдываться за очередной

дурацкий поступок, а сейчас у меня не было на это сил.

– Не волнуйтесь за меня, милорд, я смогу удержаться в седле! – подал голос Уайтвуд, который, по моему мнению, и на ногах-то держался только отчаянным усилием воли. Лицо его в отблесках пожара было совершенно зеленым. Бросив на него один взгляд, Мериваль сразу перестал спорить:

– Хорошо. Вы, мисс Фишер, отправитесь с мистером Лайбстером. Я навещу вас завтра. И даже не пытайтесь – я настойчиво рекомендую – не пытайтесь покидать особняк!

Коротко переговорив с командиром, Мериваль отрядил с нами двух солдат. Остальные помогли Уайтвуду взобраться на лошадь позади него, и все вместе двинулись в сторону госпиталя.

Пока Лайбстер провожал меня до кареты, мы оба молчали. Но когда возница щелкнул кнутом, и лошади тронулись в сторону Гросвен-стрит, я не выдержала:

– Послушайте, я видела этого дракона так же близко, как вижу вас. Если вы думаете, что это существо станет выполнять чьи-то приказания, то вы жестоко ошибаетесь!

– О, я так не думаю, – лениво ответил Лайбстер, глядя в сторону.

– Но вы служите сацилийцам! Объясните им...

– Я?! – Лайбстер, вздернув бровь, взглянул на меня сверху вниз, снова неуловимо преображаясь из скромного секретаря в высокомерного сйда. – Кто они такие, чтобы мы, древний народ, работали на них? Мы трудимся сами для себя. У короля Ральфа есть кое-что интересное для нас, поэтому мы пока держимся рядом. Подчеркиваю – пока.

Я замолчала, пытаюсь нащупать свой путь в хитросплетениях чужих интересов и интриг. Вместе с тем я не забывала следить за дорогой. Если хитроумный сид только попробует провезти меня трижды по кругу против часовой стрелки – он горько пожалеет!

– Не волнуйтесь, – тонко улыбнулся Лайбстер, безошибочно угадав мои опасения, – по дороге нам не встретится ни одной площади, и я не собираюсь больше вас обманывать. Второй раз это не сработает. Но если бы вы знали, – его мерцающие серебряные глаза вспыхнули, – если бы вы знали, как много вы теряете, отказываясь последовать за мной!

Может быть, он прав. Возможно, мне открылись бы новые знания и потаенный смысл вещей. Я узнала бы, наконец, кто я есть, и смогла бы по-настоящему помочь Кеннету. Мысль, что сегодня он опять ужасно рисковал из-за меня, отзывалась в груди тупой болью. Набрав воздуха, я выпалила:

– Я согласна пойти с вами, если вы вернете лорду Фонтерою его амулет! Или хотя бы скажете, кто его похитил!

На лице Лайбстера не отразилось ни малейшей радости по поводу этого заманчивого предложения. Он сидел, скрестив руки, и молча разглядывал меня невозможными серебряными глазами. Мой порыв вдруг показался неловким и неуместным.

– Это была бы нечестная сделка, – ответил он наконец, изогнув губы в насмешливой улыбке. – Ты уже знаешь, кто похититель.

– Я?!

– Просто ты не можешь в это поверить, – соизволил пояснить зловредный сид. – Но ты знаешь.

Всю дорогу до Гросвен-стрит я пыталась переварить это известие, представляя на месте преступника разных людей. Нет, это невозможно! Когда лошади остановились, Лайбстер вежливо помог мне спуститься.

– Знаете, Королева тоже предлагала мне остаться с ней, – призналась я неожиданно для себя самой. Все, что случилось на Авалоне, до сих пор казалось нереальным, горячечным порождением моей фантазии. Если бы не камень, полученный в подарок, я решила бы, что мне приснился слишком яркий сон.

– О, Мейвел умеет убеждать. Будь осторожна, маленькая стрекоза. Если ты поддашься ей, станешь таким же слепым орудием в ее руках, как и твой отец.

– Вы знали моего отца?!

Лайбстер, криво усмехнувшись, отступил на шаг... и внезапно исчез. Карета тронулась с места, будто не случилось ничего необычного. Вскоре стук копыт затих вдали. Я в бессильной ярости стукнула себя кулаком по ладони. Будь прокляты эти сиды, с их высокомерием, склонностью к утонченным издевательствам и изящным жестам! Наверняка Лайбстер заранее все продумал: и эффектный уход, и последнюю фразу, которую он метнул в меня, как отравленный дротик. Очень хотелось кого-нибудь пнуть, но, сдается мне, сегодня я и так достаточно поразила городскую публику. Чуть не угробила беднягу Оливера, разорила трактирщика, лорда Фонтероя опять подвела под монастырь... Еле передвигая ноги, я расстроено поплелась к двери.

– Чудесный вечер, мадам, – как всегда, приветствовал меня Батлер, ни словом не обмолвившись насчет моего хмурого лица и неприглядного внешнего вида. – Позвольте ваш плащ?

Моя грязная накидка, пропитавшаяся запахом гари и спирта, не годилась даже на то, чтобы постелить ее здесь вместо коврика.

– Я, пожалуй, разденусь наверху, – сказала я, проглотив комок в горле.

– Как вам угодно. Я попрошу Агату, чтобы она принесла вам горячего чая.

– Спасибо. И, пожалуйста, господин Батлер... простите меня.

Было горько и стыдно. Я поняла, что если еще хоть на минуту задержусь здесь, то разревусь, как последняя идиотка. Глотая слезы, я через три ступеньки бросилась наверх.

Глава 24

Весь следующий день я не могла найти себе места. Я послушно оставалась дома, как велел Мериваль, но тишина и безмолвие пустых комнат меня угнетали. В окна заглядывало подслеповатое, не греющее декабрьское солнце. В саду среди ветвей маячили фигуры двух соглядатаев. Интересно, кого они подстерегали: меня или Фонтероя?

Утром я выскочила из дома только за газетами, не дожидаясь, пока это сделает Батлер. От броских заголовков похолодели ладони: «Беспорядки на Дорсет-стрит!», «Лорд-Дракон на стороне бунтовщиков!» Поговаривали даже об аресте и заключении в Холодный дом. Когда Батлер принес кофе, он застал меня, сидевшую с потерянным видом над желтоватыми листами. Дворецкий успокаивающе заметил:

– Не переживайте так. Все давно привыкли, что в газетах нет ни слова правды. «Горлодеры» готовы тиснуть любую чушь между объявлениями о петиционных боях и пропаже собаки, зная, что им все равно не поверят. Такой товар, как правда, слишком плохо продается в Эшентауне, поэтому для газет куда важнее крик и суета...

Все так, но сообщение об аресте целый день не выходило у меня из головы. Теперь я ждала Мериваля с еще большим нетерпением. Чтобы скрасить уныло тянувшиеся часы, я написала письмо Селине, приложив к нему расписку Меллинга и двести фунтов, затем отослала все это на Квендич-сквер. Поэт и его невеста могли больше не бояться Скрупа, и я надеялась, что им хватит решимости отстаивать свое счастье. Теперь все было в их руках.

От письма меня отвлекла миссис Бонс, готовившая тесто для рождественского пудинга. По обычаю, каждый из домашних должен был помешать тесто и загадать желание. Батлер с Агатой наотрез отказались украшать опустевший дом пучками остролиста и веточками омелы, но уж пудинг, по мнению миссис Бонс, должен быть обязательно, иначе весь следующий год, того и гляди, получится несчастливый!

Мы все послушно столпились в тесной, жарко натопленной кухне, чтобы по очереди помешать тесто, важно всходявшее в огромной кадучке. Я зажмурилась и горячо пожелала, чтобы у Кеннета все сложилось благополучно и никто – ни солдаты, ни дракон, ни манерная Кларисса – никогда не смог бы поймать его в ловушку. В кухне вкусно пахло масляным печеньем и ванилью. Над кадучкой мы нечаянно соприкоснулись руками с Агатой, и обе смутились. С того дня, когда Нед неудачно сделал ей предложение, мы почти не разговаривали. Агата явно меня избегала. Наверное, чувствовала себя неловко, ведь Нед был моим напарником, фактически «братом по службе».

– По правилам-то настоящий пудинг следует готовить за три недели до Рождества, чтобы дать ему отстояться, – добродушно ворчала миссис Бонс. – Так всегда было. Но где уж тут возиться с тестом, когда у нас то грабеж, то душегубство – сплошные страсти, прости господи! А в тесто мы всегда подмешивали разные мелочи: колечко, пуговку или еще что-нибудь. Кому за столом достанется серебряная холостяцкая пуговица, тот, глядишь, останется холостяком. Кому колечко – выйдет замуж, кому наперсток – будет старой девой...

– ...А у кого-то это и без наперстка на лбу написано, – грубовато перебила Агата. – Простите, миссис Бонс. Я лучше пойду, у меня еще глажки полно.

Она обняла маленькую растерянную повариху, замершую с большой ложкой в руке, поцеловала ее в макушку и стремительно вышла. Вот и пойми ее попробуй. Бедный Нед!

Старания миссис Бонс напомнили мне, что через несколько дней наступит Рождество, а сегодня по календарю праздник Йоль, ночь солнцеворота. Самая длинная ночь в году, исполненная особой силы, когда наш мир соприкасается с запретным миром духов и волшебства. Интересно, не пожелает ли королева Мейвел заглянуть к нам в гости?

Я совсем извелась от ожидания, когда Мериваль все-таки явился. Город уже погрузился в сумерки; в библиотеке, куда Батлер проводил важного гостя, разожгли камин. В полутемном холле мягко горели светильники. Я так торопилась, что чуть не свернула ногу на лестнице. «Не очень-то он спешил! – думала с неприязнью. – Поди, нарочно не приходил, выдержал паузу, чтобы я как следует прочувствовала свою вину!»

Однако стоило мне увидеть осунувшееся, посеревшее лицо лорда Мериваля, как все обвинения вылетели у меня из головы. Он сидел, сторбившись, перед камином, и весь его облик говорил о крайней усталости. Волосы обвисли влажными сосульками, сюртук под пальто измялся, галстук имел жалкий вид... В нормальном состоянии Мериваль ни за что не потерпел бы таких прегрешений в одежде!

Завидев меня, он невесело усмехнулся:

– Ну и беспорядок вы устроили! Вы серьезно осложнили положение Фонтероя, понимаете это?

– Что с ним? – задыхаясь, спросила я. – Его не поймали?

– Нет. Нам удалось пресечь неблагоприятные слухи, однако это стоило немалых трудов. И его дипломатическая миссия в Астилии теперь под угрозой. Никто не пошлет туда настолько... хм... взрывоопасного переговорщика.

Резной бордюром и ажурный потолок библиотеки вдруг поплыли у меня перед глазами. Я поспешно присела в соседнее кресло.

– Послушайте! Я вовсе не просила Кен... лорда Фонтероя о помощи. Он спас жизнь мне и Оливеру, но чем хотите поклянусь, я сама не понимаю, как ему удалось появиться так вовремя!

– О, это я могу объяснить. – Мериваль безразлично пожал плечами. – Это ваш бывший опекун постарался, мистер Бобарт.

– Гарри Бобарт?! Но каким образом...

– Насколько я понял, Кеннет не так давно попросил его сообщать все новые сведения о вас. Разумеется, не безвозмездно. Накануне вечером мистер Бобарт узнал о вашем грандиозном замысле ограбить ростовщика и поспешил сообщить о том лорду Фонтерю.

«Деннис проболтался!» – молнией мелькнуло у меня в голове.

– ...И хотя я очень ценю ваше общество, мисс Фишер, признаюсь, за сегодняшний день я не раз пожалел, что посланец мистера Бобарта успел застать Кеннета до отъезда в Астилию! Что на вас нашло, скажите на милость? Почему бы просто не попросить эти деньги у Фонтероя? У меня, в конце концов?!

Я покаянно опустила голову:

– Мы хотели уладить это дело без лишнего шума...

– Без лишнего шума?!

Мериваль умолк, потрясенно глядя на меня, как на какое-то диковинное

насекомое. Вероятно, ему тоже вспомнилось оранжевое зарево пожара, треск огня и крики людей, суетившихся вокруг. И бледное неживое лицо Оливера Уайтвуда с закушенной от боли губой.

– Могу я спросить, как себя чувствует мистер Уайтвуд? – выдавила я. Совесть требовала задать этот вопрос.

– Да все с ним в порядке, – пробурчал Мериваль, снова уставившись в огонь. – Плечо ему вправили, рану на руке обработали, через месяц будет как новенький. Кеннета очень впечатлило, что ради этого парня вы решились на такое опасное дело. Он выхлопотал Уайтвуду капитанский патент и передает вам свои наилучшие пожелания.

– Вы считаете, что я сделала это ради Уайтвуда? – Я изумленно подняла голову. Неужели Кеннет думает, что я из любви к офицеру решилась на безумный визит к ростовщику?! Боже мой!

– А разве нет? – ответил Мериваль вопросом на вопрос.

Я приготовилась бурно возразить, но вовремя спохватилась. Еще неизвестно, в каких отношениях состоит Мериваль со старшим мистером Меллингом! Вдруг они закадычные приятели, и тайна нашего поэта вот-вот выплывет наружу? Нет уж, лучше объяснить с самим Кеннетом!

– Вы говорите, что лорд Фонтерой еще не уехал из страны. Где он? Я могу его увидеть?

– Это было бы крайне неразумно! – нахмурился Мериваль, весь ощетинившись. – Послушайте, мисс Фишер, вам не кажется, что вы и так достаточно натворили дел? Я сегодня весь день мотался по городу, как ртутный шарик, пытаюсь убрать с глаз долой свидетелей вчерашней сцены! Солдат отослали в военный лагерь, мистер Уайтвуд уже отбыл в Дуверн, откуда он, когда подлечится, уедет в свой полк. Вы сейчас не сидите в камере только потому, что мы с Фонтероем честью поклялись, что вы не покинете пределов этого особняка.

Я нервно сглотнула. Видя мой испуг и раскаяние, Мериваль несколько смягчился:

– Кеннету тоже лучше не появляться в городе, пока не утихнут слухи. Вчера ему удалось уехать вместе с леди Эмберли. Ее карету не посмеют досматривать. Я предложил им провести несколько недель у меня в Лонгбери-холле. Это не слишком далеко от Эшентауна, и в то же время там довольно уединенно.

«Кеннет в безопасности!» – радостно стукнуло сердце. И тут же меня прошил десяток игл, когда я представила Фонтероя с Клариссой в романтическом уединении загородного поместья. От этой картины потемнело в глазах, и противно заныла голова.

Мериваль, откланявшись, ушел, а я так и осталась сидеть перед камином, глядя, как поленья в огне медленно чернеют и распадаются на части. Я сама чувствовала себя примерно так же. Перед глазами возникали различные сцены, но участники были одни и те же – Кеннет и Кларисса. Я представляла их в саду, прогуливающимися по засыпанным снегом дорожкам. Представила, как они сидят в очаровательной старинной гостиной, склоняясь друг к другу за доверительной беседой. Как они рука об руку направляются в спальню, и дверь за ними закрывается... К счастью, на этом мое воображение отключилось.

Я пыталась отвлечься на что-то другое, но против воли в моем сознании неотступно возникал Кеннет, расстроенный моей выходкой и, что еще хуже,

убежденный в моей страстной любви к Уайтвуду. А следом появлялась Кларисса – столь же теплая, как блестящий на солнце снег – сочувственно кивающая Фонтерою, когда он будет меня бранить. Или он просто пожмет плечами и выбросит меня из головы? Кларисса с радостью поможет ему забыть об одной неудачливой сыщице, доставившей столько проблем.

Сидя в кресле, я рассерженно хлопнула ладонью по подлокотнику:

– Не такая уж она невинная овечка! А письмо, найденное мной у Скрупа?

Точно, письмо! Я совсем о нем забыла! Бросившись к себе в комнату, я отыскала среди вещей плотный белый конверт. Совесть подсказывала бросить его в огонь, не читая. Но я же тогда просто помру от любопытства! Скруп не стал бы хранить письмо у себя, если бы оно не содержало чего-нибудь предосудительного! А мне так хотелось отыскать у безупречной леди Эмберли хоть один малюсенький недостаток!

Усмирив свою совесть фразами «я только одним глазком» и «потом сразу же сожгу», я лихорадочно развернула конверт. Первые же строки заставили меня мучительно покраснеть: письмо было не просто личным, а очень личным. Такое можно написать только любовнику. Меня охватило сочувствие, смешанное с удивлением: кто бы мог подумать, что за ледяной внешностью благонаправной Клариссы скрываются такие страсти?! Ох, могу себе представить, как тяжело и унижительно было ей узнать, что такое письмо попало в грязные лапы мерзкого шантажиста!

«...вы не будете презирать меня за то, что я не могла противиться этому сладостному чувству...

...возвращайтесь скорее, мой друг, и вы найдете во мне нежную и покорную вам возлюбленную...

...каждое ваше прикосновение дарит острое наслаждение, большее, чем я когда-либо могла вообразить...

...неужели вы боитесь, что ваше отсутствие когда-либо изменит мои чувства к вам? Я думаю о вас ежеминутно, я живу лишь вашим возвращением...»

Это невозможно было читать. Письмо дышало искренностью, и каждое его слово причиняло мне острую боль. Теперь я не сомневалась, что чувства между Кеннетом и Клариссой были гораздо глубже, чем я себе вообразила! Вытерев слезы, я сердито сунула смятые листки в камин, в самую середину пламени. От огня один лист развернулся, быстро темнея по краям, и в глаза мне бросилась фраза:

«Вы единовластно царите в моей душе, мой дорогой Ингрэм...»

Ингрэм?! Мир вокруг перевернулся с ног на голову, а потом, после минутной неуверенности, снова обрел равновесие. Я выхватила письмо из огня, не чувствуя боли в обожженных пальцах. Заново пробежала глазами уцелевшие фрагменты. Точно, я ошиблась, это послание было адресовано не Фонтерою, а Меривалю! Радость, охватившую меня, невозможно было выразить словами. Потом я задумалась. Мериваль – и Кларисса?!

Предоставив письму спокойно догорать в камине, я рассеянно спустилась вниз. На душе у меня полегчало. Подумаешь, Мериваль с Клариссой когда-то были любовниками (письмо было датировано прошлым летом). Она написала неосторожное письмо, которое случайно попало к мерзавцу Скрупу, но теперь конверт уничтожен, и никто о нем не узнает. Во всяком случае, не от меня. Лично я не собиралась ее разоблачать. Если любовники все еще испытывают

друг к другу нежные чувства, а Фонтерой так наивен, что не видит обмана со стороны ближайшего друга и невесты, меня это не касается. Как-никак, у меня есть собственная гордость.

«Жаль, что я не увижу лица леди Эмберли, когда она узнает о пожаре на Дорсет-стрит! – весело подумала я. – Представляю, как бы она обрадовалась!» Почему-то после знакомства с письмом я больше не могла относиться к этой женщине как к высокомерной пустышке. Теперь я видела в ней человека – живого человека, способного мыслить и чувствовать.

По гостинной уже прошла рука волшебницы Агаты: заново взбила подушки, вытерла пыль с полированной мебели, сменила цветы в вазах. Единственный элемент беспорядка вносили раскрытые ноты, стоявшие на пианино. «Полет нетопыря», подарок лорда Мериваля. Когда-то (по моим ощущениям, добрых сто лет назад) Кларисса пыталась научить меня этому музыкальному упражнению. Бывало, я играла его сама, желая отвлечься от надоевшей расшифровки записок. Подойдя к инструменту, я привычно пробежала пальцами знакомый мотив – по восемь нот в каждом такте. «А каждую записку я пытаюсь расшифровать, разбивала на восемь колонок», – вспомнилось вдруг. Забавное совпадение. Вдруг я медленно выпрямилась, оглушенная внезапной догадкой.

Что если это не совпадение?

Глава 25

«Золотой лосось» был самой обычной харчевней на Бишопс-роуд, разве что чуть почище прочих. Пол покрыт камышовыми подстилками, низкая полутемная зала разгорожена на отсеки. В камине ровно горел каменный уголь, на вилках с длинными ручками подрумянивались несколько булок. На стене висело грозное предупреждение: «Уносить с собой сахар воспрещается». Это заведение давно облюбовали кэбмены, чья стоянка находилась недалеко отсюда, и мелкие судейские клерки. А также ищейки с Коул-стрит.

Фокс и Уолтер мрачно сидели за столом, поглощая свой двенадцатипенсовый ужин – говядину под соусом, куропатку, чуть-чуть соли и горчицы на краю тарелки, кружку пива и булочку. Нед уткнулся в тарелку, работая челюстями с неумолимостью конвейера. Фокс, сидевший напротив, откинулся на высокую спинку скамьи и задумчиво созерцал длинную стойку, на которой в беспорядке толпились буханки хлеба, масло, баки с кипятком для чая и кофе, насос для эля и стеклянная банка с маринованным луком.

Оба молчали. В магистрате уже распространилась новость о вчерашних беспорядках на Дорсет-стрит и о роли Энни Фишер в этой заварухе. Нед с Уолтером вполне представляли, какой будет реакция Тревора на это известие. Уезжая, он попросил обоих присмотреть за «этой козой», но, увлекшись поисками неуловимого рыжебородого господина, они как-то упустили Энни из виду. Когда Старик вернется, расплаты не избежать. Мистер Тревор, будучи не в духе, мог за пять минут так понизить вашу самооценку, что потом неделю придется собирать себя по кусочкам.

– Ну, Энни, натворила дел! – вздохнул Фокс и сокрушенно покрутил головой. – А Скруп-то каков! Признаться, я всегда считал его кровопийцей, но, так сказать, в метафорическом смысле.

– Кто бы что ни говорил, но Энни избавила город от этого мерзавца! – воз-

высил голос Уолтер. Фокс отметил про себя, что кружка приятеля почти опустела, что повлекло некоторые изменения в поведении. По крайней мере, вилка в его руках уже точно не отличалась. – Пусть она действует не по правилам, пусть ошибается, но она смогла сделать хоть что-то толковое, в отличие от нас! Мы уже третью неделю нарезаем круги вокруг сацилийского логова – и все бесполезно!

Приблизив лицо к изумленно вздернутым бровям Фокса, Уолтер тихо и четко проговорил:

– Я собираюсь сегодня ночью проникнуть в посольство.

– А приказ Тревора? – прищурился Фокс.

– Плевать я хотел на приказ.

Тут Фокс всерьез обеспокоился, потому что когда Нед Уолтер говорит «плевать на приказ», это должно насторожить человека в здравом рассудке.

– Давай не будем торопиться, – успокаивающе произнес он. – Лучше возьмем еще эля. Эй, любезный! – кликнул он подавальщика.

– Пей, если хочешь, я не буду, – нахмурился Уолтер.

Вооружившись кувшином крепкого эля, Фокс так и сяк пытался отговорить напарника от безумной затеи, прежде чем с сожалением признал, что, похоже, этот сгусток больной совести был не готов прислушаться к здравому смыслу. Вразумлять его было столь же бесполезно, как биться лбом о каменную стену. Фокс сдался:

– Хорошо. Посольство так посольство. Только пойдем вместе.

Пока он расплачивался, Нед набросил широкое пальто, свисавшее с его плеч, словно мантия, и решительным шагом проследовал в волглый туман за порогом. Фокс догнал его уже на улице. Погода вполне благоприятствовала преступным замыслам: с неба сыпалась мелкая ледяная крупа – то ли снег, то ли дождь – в общем, мелкая унылая морось. Прохожих было мало. В этот час дома представлялись сплошной темнеющей массой, фонари мерцали в тумане, словно призрачные бледные луны. Проскользнув по узкой улице, больше напоминавшей мокрое каменное ущелье, «ищейки» довольно быстро (слишком быстро, по мнению Фокса) добрались до парадного подъезда длинного серого здания.

Подняв взгляд, Фокс увидел двух жутких каменных химер, по счастью, плохо различимых в темноте. «Не сюда», – одними губами сказал он Неду и увлек приятеля за собой, пробираясь вдоль стены. Наконец, перед ними предстала маленькая невзрачная дверь, ведущая, вероятно, в полуподвал. Такая дверь – верный союзник для любого взломщика. Фокса всегда имел при себе одно-два приспособления, с помощью которых можно было вскрыть несложный замок, но сейчас они не понадобились. Нед приналег плечом, и низенькая дверца, жалобно крикнув, приоткрылась. За ней зияла многообещающая темнота.

– Бог хранит дураков и пьяниц, – вполголоса пробормотал Фокс, покачав головой. – Однако теперь они будут знать, что здесь кто-то побывал.

В подвале пахло пылью, старой ветошью и брошенными вещами. Фокс протиснулся туда первым, дав знак Неду следовать за ним. Они поднялись по узенькой лестнице, на которой было темно, как в колодце, и вскоре очутились в просторном прохладном вестибюле. Здесь было светлее, в высокие окна проникал белесый свет фонарей. Полы были выложены мрамором, наверх уходил темный изгиб лестницы, покрытой ковром.

Ковер – это хорошо, ступать по нему можно так бесшумно, словно твои башмаки подбиты бархатными подметками. Любой вор при виде ковра на полу испытывает огромное облегчение и благодарность к заботливым хозяевам. Вот мрамор – другое дело, он гулкий и звонкий, в ночной тишине каждый шаг по нему сопровождается многократным эхом, доходящим до самых отдаленных уголков. Фокс жестами приказал Неду снять ботинки. В холле не было ни души, но кто знает, вдруг какой-нибудь слишком усердный клерк решил сегодня заночевать на работе?

Они поднялись на верхний этаж, где было много высоких двустворчатых дверей, важно поблескивающих бронзовыми ручками, и солидных кабинетов, дремлющих в скудном свете уличных фонарей. За окнами летали вихри снега, наметая сугробы, погружая город в белоснежное искрящееся волшебство. От свежавыпавшего снега улицы посветлели. «Ищейки» переходили от одного кабинета к другому, от ящичков одинаковых полированных столов к запертым ячейкам в секретерах. Молчаливые обитатели посольских кабинетов послушно выдавали свои секреты Фоксу, стоило ему только поколдовать над ними с помощью одной маленькой железной штучки, спрятанной в рукаве. Нед помогал просматривать разные рукописи и свитки с красными печатями. Многие из них были написаны на сацилийском или других языках, вовсе ему незнакомых, и тогда Нед, скрепя сердце, передавал их Фоксу, а уж что из документов мог понять Фокс – это только ему ведомо.

Они как раз закрывали за собой очередную дверь, когда внизу, в холле, слышались гулкие шаги. «Ищейки» настороженно переглянулись. Шаги звучали глуше – должно быть, неизвестный добрался до крытой ковром лестницы – но это были твердые, уверенные шаги человека, который чувствовал себя в своем праве и не думал скрываться. Встреча с ним ничего хорошего не сулила. Спрятаться двум мужчинам в кабинете было негде. Фокс, отчаянно жестикулируя, толкнул Неда в сторону хлипкой статуи, стоявшей в неглубоком портике, – коридор в этом месте расширялся, образуя небольшую рекреацию с четырьмя окнами. Потом Фокс ткнул себя пальцем в грудь и указал на высокий узкий шкаф, темнеющий в дальнем углу кабинета.

Уолтер согласился, хотя статуя представляла собой сомнительное укрытие. Ее субтильные формы не могли полностью скрыть его квадратные плечи и внушительный рост. Однако шаги доносились уже из коридора, так что искать другое убежище было некогда. Скрючившись в три погибели, Нед постарался, как мог, разместить свои конечности в узеньком закутке, и вдруг затылком ощутил чей-то взгляд. Он медленно поднял голову. Возле окон напротив портика кто-то стоял.

В отличие от человека, поднимавшегося снизу, это существо просто возникло среди ночи, словно призрак, освещенный уличным светом. Призрак смотрел на него нечеловеческими серебряными глазами. Уолтер замер на месте, стараясь не дышать и даже не думать.

* * *

В этот вечер, накануне Йоля, я допоздна засиделась в библиотеке. Бесчисленные ряды книг с золотыми обрезами поблескивали за стеклом. Тишину нарушало только потрескивание огня в камине, да иногда – гудение ветра в трубе. К ночи погода испортилась, ветер гонял по улице легкую поземку, бросая в окна горсти ледяной крупы. Все уже разошлись по комнатам, кроме Неда. Я

вспомнила, что не видела их с Фоксом в последние два дня. Даже странно, что Нед не примчался устроить мне нагоняй за вчерашнее! Наверное, они оба сейчас сидят на Коул-стрит и кипят от злости.

Я взяла в библиотеку три записки и, мысленно извинившись перед Фонтером, позаимствовала у него несколько листов чистой бумаги. А еще прихватила с собой ноты, подаренные Меривалем. Раньше я пыталась применить простые способы разгадывания шрифтов: читала только определенные буквы в каждом слове – первые, вторые, третьи... Теперь мне пришло в голову, что шифр, возможно, основан на мелодии «Полета нетопыря».

Что мне было известно о Меривале? Я задумалась. На первый взгляд он казался идеальным воплощением благородного дворянина, таким рыцарем без страха и упрека. Его приятные манеры и привлекательная внешность сразу располагали к себе. А еще его брови красиво поднимались к вискам, что, по моим наблюдениям, могло быть признаком изощренного коварства натуры и склонности к интригам. Хотя мистер Тревор считал физиогномику бесполезной ерундой и не советовал полагаться на ее методы.

Нельзя же, в самом деле, подозревать человека только из-за формы бровей! Я пыталась вспомнить, что говорили о Меривале другие люди, знающие его гораздо лучше, чем я. «Он превосходный человек, но это не мешает ему быть самым тщеславным павлином из всех, кого я знаю!» – заметил как-то Фонтерой. «Он не терпит соперничества», – говорила леди Виверхэм. «Кларисса... затмила всех наших девиц, – рассказывала Элейн. – И эти щенки, Ингрэм с Кеннетом, тоже увивались вокруг нее наперебой».

Я старательно воспроизводила в памяти жесты, взгляды, оттенки поведения Мериваля – и постепенно из отдельных штрихов и черточек передо мной возникал портрет человека болезненно самолюбивого, гордого, не прощающего обид. Я вспомнила прием у леди Элейн: какое напряжение, граничащее с ненавистью, витало тогда между ним и Клариссой! Возможно, Мериваль не простил ей давнишнего оскорбления (если он предлагал ей замужество, а она отказалась) и спустя много лет решил своеобразно отомстить – увлечь, сделать ее своей любовницей, а потом бросить. «Да еще передать ее откровенное, доверчивое письмо грязному ростовщику», – мелькнуло у меня в голове, но тут я засомневалась. Это было бы совсем уж низко! Надеюсь, что письмо Клариссы попало к мистеру Скрупу по какой-то несчастливой случайности!

Легко было представить, что Фонтерой постоянно затмевал своего приятеля, и Меривалю надоело вечно быть «вторым», вечно держаться в тени своего блестящего друга. Когда они были студентами, Фонтерой верховодил в кутежах и попойках. Потом он остепенился, пересмотрел свои жизненные принципы, приобрел вес в эшентаунском обществе. На него обратили внимание в парламенте, ему стали поручать ответственные, сложные задачи, а Мериваль... так и остался просто Меривалем. Единственное занятие, где никто не оспаривал его первенства – игра на фортепиано. Вряд ли его устраивало такое положение вещей.

Я попыталась вообразить сложную смесь дружеского расположения, неистовой ревности и зависти, царившую в душе этого гордого человека, считавшего себя недооцененным. Смог бы он удержаться от искушения, когда представилась возможность погубить Фонтероя, превратив его в огнедышащее чудовище? Или наоборот спасти, проявив великодушие и вернув «внезап-

но найденный» амулет, который не смогла отыскать целая команда «ищеек»?

Да, у Мериваля хватило бы решимости и злости, чтобы пойти на это. Он был достаточно самолюбив, чтобы наслаждаться ощущением власти. И достаточно самоуверен, чтобы бросать мне подсказки время от времени – более того, сунуть ключ мне под нос и снисходительно наблюдать со стороны, как я раз за разом бьюсь головой о стену, пытаюсь его разгадать. Каким умным, должно быть, он казался себе по сравнению со мной, со всеми нами!

Если «Полет нетопыря» – это ключ к шифру, тогда восемь нот в каждом такте должны иметь какой-то смысл. Все ноты имели одинаковую длительность – одна шестнадцатая, так что выделить какую-то из-них по длительности не получится. А если по высоте? Может быть, какая-то определенная нота обозначала те позиции в записке, которые следовало читать? Я взяла нотную тетрадь. Цепочка черных значков извивалась по нотному стану, как хвост змеи. Сразу бросилось в глаза, что ноты «соль», «ля» и «си» использовались очень редко, с ними много не зашифруешь. А с остальными можно попробовать. Но как тогда быть с полутонами? Следовало ли считать бемоли и диезы за один символ – или за разные?

Я запаслась бумагой и принялась за работу. Скоро моя бедная голова загудела, как котел, набитый пчелами. Ноты и буквы разбежались по листу, словно мелкие букашки, от работы заныла голова, и зарябило в глазах. Дом давно уже погрузился в сон. Маленькие часы на каминной полке торопливо отсчитывали секунды, иногда из холла доносился натужный бой напольных часов, заставляя меня вздрагивать. Беспольные исчерканные листы я бросала прямо в огонь. Спустя час камин почти потух, и в комнате потемнело. Пришлось сделать перерыв. Я со стоном разогнула спину, потирая уставшие глаза. Зажгла свечи, которые нашла на столе, и снова принялась за дело, хотя мой энтузиазм, вспыхнувший из-за посетившей меня новой идеи, угасал с каждой минутой. Прогорал, как дрова в камине. Может быть, я зря напридумывала все это, и Мериваль тут вовсе не причем?

Выписав в который раз ровные колонки букв, я, сверяясь с нотами, отметила нужные места и прочитала: «Даже не пытайся». Очень созвучно моему настроению.

– Не надейся, не отстану, – упрямо проворчала я, доставая новый чистый лист.

И тут до меня дошло. Я медленно выпрямилась, уставившись перед собой. В первый раз за черт знает сколько времени я получила осмысленный текст! Неужели это оно?

Дрожащими от возбуждения пальцами я схватила вторую записку.

* * *

Неду Уолтер уже готов был выскочить из засады и напасть на пришельца – вернее, на двоих, если быть точным – когда «призрак» вдруг отвернулся и кивнул своему приятелю, вынырнувшему из темноты.

– Ты никого не встретил? Мне слышались внизу какие-то шорохи, – сказал подошедший человек.

– Здесь никого нет, – безразлично ответил «призрак». Он встал так, что его собеседнику пришлось повернуться к портику спиной. Уолтер пригнулся и замер, стараясь слиться со статуей в одно целое. – Зачем вообще эта таинственность? Для чего встречаться ночью?

– Между прочим, я только что освободился. Все из-за вчерашней заварухи! Ты-то зачем вчера вмешался? Если бы не ты, с девчонкой уже было бы покончено!

– Я же говорил, – в шелестящем голосе «призрака» появились угрожающие нотки, – она наша. Ты получишь своего дракона, лорд. Хотя только боги знают, чем обернется твоя затея. Но девушка уйдет с нами.

– Ладно, как знаешь, – человек нетерпеливо дернул плечом. Уолтер, сидя в засаде, старался не пропустить ни одного слова. О какой девушке идет речь? Об Энни?!

– Тебе передали необходимое оружие? Когда ты собираешься сделать это? – спросил призрак.

– Да хоть завтра, прямо с утра, если хочешь. Только мне понадобится твоя помощь. Помоги мне добраться до Лонгбери-холла.

Это слово – Лонгбери – что-то разбудило в памяти Уолтера. Высокий силуэт человека, беседующего с «призраком» в ночи, вдруг показался ему странно знакомым.

– Я тебе не извозчик, – усмехнулся «призрак». – Вот когда подчинишь дракона, тогда и прикажешь ему, чтобы он тебя возил. Только амулетик огнеупорный не забудь.

– Да брось, мы же действуем в общих интересах, а своим ходом я буду добираться до поместья целую вечность! К тому же, сегодня такая ночь, что никого не удивит, если по небу проскачет целая конница!

«Сегодня Йоль», – вспомнил Нед. Он подумал, что потустороннее существо, которое стояло в двадцати шагах от него, небрежно облокотясь о подоконник, вполне могло быть сидом. Может быть, сам Финварра решил тряхнуть старинной и прогуляться среди людей?

– Хорошо, – позволил уговорить себя предполагаемый сид, – но это в последний раз! И придется поискать лошадей.

– Я думал, что вы можете сотворить коней буквально из воздуха!

– А ты уверен, что воздушный конь тебя выдержит?

Вяло переругиваясь, странные ночные гости удалились в сторону лестницы. Выждав для верности еще полчаса, Нед рискнул выбраться из укрытия, морщась и разминая затекшие ноги. Он вздрогнул, когда дверь в ближайший кабинет слегка приоткрылась, и оттуда выглянула хитрая физиономия Фокса.

– Я тут кое-что откопал, – сказал Фокс, поманив напарника к столу, на котором лежала растрепанная пачка бумаг. Острый луч фонаря проникал в окно, давая достаточно света, чтобы можно было прочитать строчки на верхнем листе: «нужно срочно передать белому нетопырю «коготь дьявола», чтобы тот укротил дракона и привел его на службу императору».

– Что это? Какой-то мистический бред, – удивился Нед.

– Пора уходить, – сказал Фокс вместо ответа. – Эти двое, которые сюда притащились, могли разбудить сторожа. Боюсь, как бы он не вздумал пройтись с обходом.

– Один из них меня явно заметил, – признался Уолтер. – Но почему-то не выдал. Странный человек!

– Меня он тоже почуял. – Фокс аккуратно рассовывал свитки обратно по ящикам, запирая их за собой. – И, клянусь моими лучшими ботинками, он не человек.

Они беспрепятственно вернулись тем же путем в душный, забитый ненужным скарбом подвальчик, и выскользнули оттуда на улицу. Поднявшаяся метель приняла друзей в ледяные объятия, щедро сыпанув им снега за шиворот и растрепав полы пальто. Нед, ворча, поглубже нахлобучил шляпу на голову, чтобы не сдуло. Сторожа они так и не видели. Вероятно, он дремал, не высывая носа из привратничьей. И все равно Фокс смог немного расслабиться, только когда они удалились от потревоженного посольства за три квартала, и их следы замело снегом.

– Теперь срочно двигаем на Коул-стрит, – распорядился он. – Нужно рассказать Тревору намерениях сацилийцев и еще кое-о-ком. Очень надеюсь, что Старик уже вернулся! Без него нам не справиться со знатным лордом!

Неду невольно передалась его озабоченность:

– Если ты думаешь, что найденные сведения были так важны, почему не забрал ту бумагу? – спросил он, придерживая шляпу рукой и стараясь перекричать ветер. – Я вообще ничего не понял, о чем речь! То ли ритуал какой, то ли шифр! Ничего не понятно!

Чтобы перевести дух, они спрятались в подворотню, где снег хотя бы не хлестал в лицо. Фокс наставительно поднял палец:

– Во-первых, важные документы не похищаются, а копируются. Во-вторых, Тревор поверит нам и без бумажек. В-третьих, наш таинственный потусторонний друг, который почему-то не захотел поднять тревогу, возможно, простит нам сломанную дверь в подвал, но вряд ли сможет объяснить сацилийцам, куда подевался ценный документ. Наконец, в-четвертых, никаким шифром там и не пахнет.

– Да? А что тогда означала эта ересь: нетопырь, коготь дьявола?

– А ты не помнишь, у кого из наших лордов на гербе красуется нетопырь?

– Вот черт! – Нед Уолтер замер, как вкопанный. Воспользовавшись его растерянностью, сильный порыв ветра таки сбил с него шляпу. Пришлось догнать, выуживать головной убор из наметенного сугроба и отряхивать от снега. Тем временем разрозненные мысли в его голове сложились в цельную картину: белый нетопырь, название поместья Лонгбери, прозвучавшее в подслушанном разговоре, и неуловимо знакомый силуэт человека, стоявшего напротив окна.

– Лорд Мериваль, – прошептал Нед. – Вот оно что! Слушай, мне кажется, он что-то замышляет против Энни!

Он вкратце передал Фоксу недавний разговор в коридоре. Тем временем они добрались до решетки, ограждающей здание суда, и Фокс заранее предвкушал привычный уют кабинета: мягкое тепло, струящееся от камина, усыпляющий свист железного чайника...

– А «коготь дьявола»? – встрепенулся Нед. – Это что такое?

– Дорогой мой Уолтер, – задумчиво произнес его напарник, которого воображаемая картина горячего чайника, висящего над камином, привела в наилучшее расположение духа, – твоя проблема в слишком узкоспециализированном образовании. Не отрицаю, это делает тебя отличным законником, но если бы ты иногда обращал внимание на другие вещи, помимо своей службы, то знал бы, что «когтями дьявола» или «вулканическим стеклом» иногда называют обсидиан. По легенде, когда-то из обсидиана делали зеркала, с помощью которых охотились на василисков. Эта тварь, понимаешь, увидев себя в

зеркале, буквально столбенела от изумления. Потом василиски повывелись, для изготовления зеркал придумали другие способы, но репутация камня-драконоборца у обсидиана осталась. У него очень острый скол, так что изготовленные из него инструменты имеют необычайно тонкое лезвие.

– Насколько я понял, порывшись в документах, – продолжал Фокс, – кое-кому удалось отыскать уникальный обсидиановый нож, способный пробить драконью шкуру и обладающий таким свойством, что раненый им дракон становится послушен его владельцу. А Ральфу, королю Сацилии, чрезвычайно пригодился бы дракон для некоторых личных надобностей. У него, видишь ли, очень амбициозные планы по захвату территорий. Он спит и видит себя властителем королевства, простирающегося отсюда до самых Рифейских гор. И даже взял привычку называть себя императором.

– Против дракона логичнее было бы выйти с копьем, – хмыкнул Уолтер.

– Зато нож легче спрятать.

– Значит, король Ральф через своих людей передал нож этому предателю Меривалю, чтобы тот притащил ему ручного дракона?

– Именно.

– Тогда он просто спятил, – резюмировал Нед.

* * *

Со второй запиской дело пошло быстрее, ведь теперь я знала ключ. Не прошло и двух минут, как сквозь патетические строки проступил настоящий текст: «Завтра в четыре у Ясеневого моста».

Честное слово, состояние мое в этот момент было таково, что я готова была немедленно сорваться с места и бежать к мосту. Немного отрезвил тот факт, что письмо я получила – когда? – ага, сразу после бала у виконта де Шарбона. В тот вечер мы с Агатой сидели в моей спальне, я, смеясь, рассказывала ей про свою оплошность с веером, а из веера выпала записка... Так что если кто-то и ждал меня на Ясеновом мосту, он давно уже отчаялся и ушел. Или утопился, кляня мою непроходимую тупость.

«Но зачем?» – готова была я крикнуть. Зачем приглашать меня на свидание, используя шифр, который я вряд ли пойму? Было только одно логичное объяснение: письмо предназначалось не мне. От кого-то я слышала недавно про Ясеновый мост... В памяти отчетливо возник следующий день после посольского бала. Мы с Недом собирались на Коул-стрит, чтобы отчитаться перед Тревором. Мне нужна была помощь горничной, но Агата отпросилась к врачу: «Я знаю отличного доктора, который живет в Патвейле, недалеко от Ясеневого моста, и берет недорого». Агата?!

Я даже потрясла головой, отгоняя абсурдную мысль. Не может быть! Наверняка это просто совпадение. С тех пор как Фонтерой распустил почти всю прислугу, Агата и миссис Бонс очень редко брали выходные дни. И надо же было такому случиться, чтобы Агатин выходной как раз совпал с получением очередного письма! Нет, этому должно быть другое объяснение! Порывшись в ворохе бумажек, я торопливо выудила третье письмо, которое когда-то показалось мне зловещим предупреждением. Истинный смысл его оказался вполне прозаичен. Среди печального напева сиды Морэнн скрывалось краткое поручение: «Разбей флакон». Вероятно, до Мериваля дошел слух о попытках Амброзуса создать лекарство, и он боялся, что это может помешать его планам.

Я мрачно сидела перед потухшим камином, перебирая письма. Передо

мною в подсвечнике мигали и гасли свечи. Агате было проще простого добраться до амулета, так как они с миссис Бонс пользовались полным доверием хозяина. Она легко могла вынести его из дома и передать Меривалю. Она ходила к Ясеновому мосту на следующий день после бала. А после получения третьей записки я застала ее в комнате Амброзиуса, куда раньше она и на порог ступить боялась!

И все равно я не могла в это поверить. Единственным человеком, который мог рассеять мои подозрения, была сама Агата. Недолго думая, я схватила записки и взлетела по лестенке на чердак, в нашу – когда-то общую – комнатку. Переведя дух, осторожно постучала. Потом постучала еще раз. Ожидание немного охладило мой пыл. Наверняка Агата ни в чем не виновата, а я сейчас разбужу ее своими дурацкими теориями... Да она выгонит меня из комнаты веником и будет права! Не получив ответа, я нерешительно толкнула дверь, издавшую зловещий пронзительный скрип, от которого у меня озноб прошел по коже. Терпеть не могу этот звук!

Комната, освещенная синеватым лунным светом, была пуста, кровать не разобрана. Я растерянно прошла внутрь, недоумеваю, куда могла деваться хозяйка посреди ночи. На подушке белела записка. Крупные печатные буквы были написаны твердым и острым почерком, который за последние часы так въелся в мои глаза, что я его вовек не забуду. Машинально подняв листок, я подошла к окну, чтобы прочесть. На первый взгляд это была очередная романтическая чепуха, достойная пера мистера Меллинга, но теперь-то я знала, куда смотреть. Если подчеркнуть нужные буквы, письмо получалось простым и понятным: «Убей ее».

Глава 26

Когда я снова подняла голову, в дверном проеме стояла Агата. Я даже испугаться не успела. Исходя из письма, я бы не удивилась, если бы она прихватила с собой, например, топор, но в руке у нее была только свеча, которую она ладонью прикрывала от сквозняка. Агата молча смотрела на меня ничего не выражающими глазами. Она казалась очень усталой.

Интересно, как в светском обществе полагается приветствовать человека, который явился тебя прикончить? Шагнув ей навстречу, я припечатала записку к столу:

– Что это значит, позволь спросить?!

Даже в скудном свете свечи было видно, как она побледнела. «Стала белой, как полотно», говорят в таких случаях. На деревянных ногах войдя в комнату, она осторожно поставила свечу на стол, нащупала стул рукой и почти упала на него. Лицо ее отразило ряд противоречивых эмоций: жесткость, настороженность и внезапно – облегчение, будто что-то грызло ее долгое время, а теперь отпустило.

Я присела на кровать напротив:

– Расскажи мне все.

И она рассказала.

– У меня был брат...

Вспомнилась найденная когда-то одежда в шкафу:

– Тот, который давно умер?

– Может, лучше было бы, если бы он умер, – невесело усмехнулась Агата. –

Мы перебрались в Эшентаун пять лет назад. Я надеялась, что в большом городе нам будет легче прокормиться. Работала поденщицей, прислугой – где могла. Мой брат... Он не такой. Ему хотелось всего и сразу. Он связался с дурными людьми, попал в неприятную историю...

Агата вздохнула, отвернувшись. Ее профиль, очерченный пламенем свечи, вдруг снова показался мне знакомым. Где-то я уже видела этот прищур чуть раскосых глаз, капризные пухлые губы...

Память вернула меня в детство, в нашу голоштанную бойкую компанию, бродящую по улочкам Кречи. Был в шайке Денниса один пацан по кличке Нытик – вечно хлюпающий носом, хитроватый и себе на уме. Он хвостиком бегал за Деннисом, выполнял мелкие поручения и, бывало, тырил вещи из раскрытых окон. Сейчас, когда лицо Агаты приобрело усталое, циничное выражение, я едва не вскрикнула от внезапного сходства. Как я сразу не заметила?! Для серьезных дел Нытик не годился – кишка тонка. Он любил строить из себя «крутого перца», но вообще-то был труслив до такой степени, что даже наша мелюзга его презирала. С моих губ готово было сорваться «я же его помню!», но я вовремя прикусила язык. Вряд ли Агата обрадуется, если услышит, что Дэннис постарался отделаться от ее братца при первой же возможности.

– Когда он попался на краже, его должны были повесить, но, видимо, судья попался добрый и пожалел нас, – продолжала она рассказывать. – Стива отправили в Холодный дом. Я просто обезумела. Кроме него, у меня не было ни одного близкого человека. Я в то время уже служила у лорда Фонтероя, и однажды в этом доме я встретила Мериваля. Наша мать была родом из Лонгбери, поэтому я его знала. Я подумала, что он мог бы помочь. Конечно, поначалу он и слушать меня не захотел...

Она перевела дыхание, при этом резче обозначились горькие складки от крыльев носа к губам:

– ... Но потом, когда Мериваль узнал, кто мой хозяин, он внезапно смягчился. Пошутил, что не хотел бы лишать своего друга толковой горничной – мол, в наше время непросто найти хорошую прислугу. Похвалил меня за то, что училась грамоте. Я ведь не собиралась всю жизнь мыть горшки да проветривать постели! Мериваль обещал замолвить словечко, чтобы пересмотрели дело. По его распоряжению Стива перевели в более удобную камеру и разрешили мне его навещать. Я была ему так благодарна! А потом...

– А потом распрекрасный лорд Мериваль потребовал, чтобы ты украла амулет, – сурово отчеканила я, скрестив руки на груди. – И ты согласилась!

– Да, я выкрала его. Не без твоей помощи! – поддела меня она.

Все подробности той ночи всплыли у меня в голове. Значит, пока мы с Фонтероем барахтались в складках кроватного полога, Агата, переодетая в мужскую одежду, умыкнула амулет. Вынесла его лорду Меривалю, который вместе с сообщником поджидал ее снаружи. А сама рысью метнулась обратно и сделала вид, что только что поднялась вместе с Батлером и миссис Бонс.

Пальцы Агаты сжались так, что побелели костяшки:

– У меня не было выбора! Я надеялась, что когда Мериваль получит, что ему нужно, то Стива выпустят, и нас оставят в покое. Но тут появилась ты. Лорда насторожило, когда в доме обосновались двое «ищеек». Он хотел, чтобы я следила за вами и доносила. Здесь разговаривать было опасно: у Батлера слух, как у лисы. Тогда Мериваль сказал, что будет давать мне поручения с по-

мощью записок.

– Зашифрованных записок, которые якобы предназначались мне! – воскликнула я, все еще не понимая, как такое возможно. – Но как?! Только не говори, что он ухитрился объяснить тебе шифр, основанный на мелодии его любимой композиции! – Если честно, по части музыкального образования Агата была еще более дремучей, чем я.

– Я ничего не знаю про шифр. Мериваль дал мне вот это, – Агата вынула из кармашка передника небольшой прямоугольник из плотной бумаги. В некоторых его местах были проделаны отверстия. – Я должна была переписать текст по восемь букв в строке и читать то, что появлялось в прорезях. Писать я умею. Мериваль очень гордился, что придумал такой необычный способ общаться прямо под носом у «ищеек».

«Вот и доигрался!» – мстительно подумала я.

Девушка всхлипнула, яростно вытерев глаза. Было видно, что рассказ давался ей все тяжелее.

– Мне так хотелось сбежать от всего этого! После того как я взяла амулет, просто невыносимо было находиться здесь! Лорд Кеннет был так добр к нам, а я... мне приходилось смотреть ему в глаза и лгать, лгать! Я хотела сбежать сразу после той ночи. Даже собрала вещи. И почти сразу пришло первое письмо. Ты сама его показала, помнишь? «Даже не пытайся». Я поняла, что он следит за мной. Мериваль убил бы и меня, и Стива. Поверь мне, это страшный человек! Чужая жизнь для него ничего не значит...

– Что ж, я рада, что ты не спешила выполнить его последнее поручение, – не удержалась я от шпильки.

Агата выпрямилась:

– Что бы ты ни думала, но я никогда не желала тебе зла, – сказала она с неожиданной горечью. – Ни тебе, ни мистеру Уолтеру! Видит бог, как больно было мне ему отказывать, но не могла же я допустить, чтобы он связался с преступницей!

Дрожащими руками она придвинула стакан и налила воды из графина, расплескав немного на стол. От резких движений огонек свечи панически заметался. Мне было слышно, как постукивали ее зубы о край стакана, когда она поднесла его к губам.

– Тебе бы сейчас чего покрепче, – сказала я искренне. Что бы ни натворила Агата, мне было ее жаль. Сложно представить, что можно испытывать такую горячую привязанность к никчемному младшему братцу, который цепляется за тебя, как пиявка, но я все-таки понимала, что такое любовь и как много она требует от человека.

– Я не упаду в обморок, не бойся. У меня их вообще никогда не бывает, – выдохнула Агата, с преувеличенной аккуратностью ставя стакан обратно на стол. Она двигалась как кукла, словно ей приходилось контролировать каждый жест. – Даже Меривалю не удалось меня запугать, хотя он старался. Очень уж ему хотелось вызнать что-нибудь про вас с лордом Кеннетом, сделать что-то такое, из-за чего Фонтерой разъярился бы до крайности, забыл себя и насовсем обернулся драконом!

– Мериваль расспрашивал обо мне? – удивилась я.

– А как же! – Агата вдруг по-доброму улыбнулась. В ее голосе звучало удивление моей наивностью: – Да мы все видели, как лорд Кеннет к тебе относит-

ся. Он же глаз с тебя не сводил, стоило тебе появиться. Все ходил по пятам да присматривался.

«Он следил за мной, потому что подозревал меня в краже амулета, и еще бог знает в чем! – подумала я сердито. – Напридумывали себе!»

– Я не знала, как тебя предупредить, чтобы ты остерегалась Мериваля. Если бы он узнал, как ты дорога господину графу, то наверняка загнал бы тебя в ловушку! А потом засел бы в засаде, поджидая дракона. На драконе он в последнее время просто помешался, только о нем и говорил.

От ее слов стало крепко не по себе. Я вспомнила, как в тот раз после пожара Мериваль настойчиво предлагал мне поехать с ним. Если бы я согласилась, то кто знает, смогла бы я добраться до дома живой! Ведь проще некуда – ткнуть меня по непутевой голове и свалить все на мятежников! Выходит, что я чудом избежала смерти!

Вероятно, страх мобилизовал мои умственные способности, так как сложившаяся ситуация вдруг предстала передо мной в новом свете. Вспомнив об уединенном поместье, я вскочила так резко, что Агата дернулась на стуле:

– О боже, ведь Фонтерой с Клариссой сейчас в Лонгбери, у Мериваля! И оба полностью ему доверяют! Наверняка он нарочно это подстроил!

Я взволнованно прошлась по комнате. Мысли приходили четкие и острые, ранящие, словно ножи. Уверена, что Мериваль готовит какую-то каверзу! Не просто так он предложил укрытие «старому другу»! А Клариссу, мечтавшую о титуле леди Фонтерой, уговорить и вовсе не составляло труда! Агата смотрела на меня, растерянно хлопая глазами. От волнения мне казалось, что тесная чердачная каморка сжимается вокруг нас, пытаясь задушить своими стенами:

– Мериваль крепко недолюбливает Клариссу, а Фонтероя и вовсе ненавидит, – быстро рассуждала я. – Так, мне срочно нужно на Коул-стрит! Нужно их предупредить, а Мериваля вывести на чистую воду! Не возражаешь, если я снова одолжу те старые лохмотья? В платье верхом неудобно, тем более в метель. Надеюсь, мистер Тревор уже вернулся в город!

– Но... во дворе же солдаты. Они тебя не выпустят, – растерянно проговорила Агата.

Я предвкушающе улыбнулась:

– Ты не знаешь, на что способна Шайн. Пусть сначала попробуют нас догнать.

* * *

Когда Фокс с Уолтером постучались в ворота дома на Гросвен-стрит, во всех окнах первого этажа горел свет. Дверь им открыла Агата, собранная и полностью одетая, что было необычно в этот поздний час, когда всем добропорядочным горожанам полагалось мирно спать в своих постелях. Со двора доносилась крепкая ругань. Судя по всему, Батлер пытался оседлать лошадь, а кто-то другой, невидимый в темноте, энергично возражал.

– Только не говори, что у вас еще что-то случилось! – вместо приветствия вырвалось у Неда. – Что с Энни?!

– Полчаса назад она уехала на Коул-стрит.

– Значит, мы с ней разминулись! – Фокс с досадой махнул рукой. – Вот незадача!

Незнакомый голос во дворе зазвучал громче, настойчиво заявляя, что вплоть до особого распоряжения этот дом больше никто не покинет. В ответ

послышался голос Батлера, который так вежливо, насколько это было возможно, послал собеседника ко всем чертям. Фокс поспешил вмешаться:

– Мы с напарником из городского магистрата, и как раз явились за этим парнем, чтобы он показал нам дорогу в Лонгбери, – внушительно сказал он молоденькому солдату. Перед двумя нахрапистыми «серыми капюшонами» тот почувствовал себя неуютно, однако был полон решимости не сдавать позиций.

– Нам необходимо попасть в Лонгбери как можно скорее, чтобы арестовать опасного преступника, – напирал Фокс.

Накаленная обстановка слегка разрядилась с появлением миссис Бонс, которая принялась настойчиво совать Батлеру узелок с пирогами: мол, путь-то неблизкий. Солдат окончательно растерялся. На его памяти еще ни одного узника, находящегося под домашним арестом, не снаряжали для побега с такой заботой. Пока все спорили, Агата тихонько окликнула Уолтера:

– Нед!

«Ищейка», который до этого так старательно не смотрел в сторону девушки, что это всем бросалось в глаза, с готовностью обернулся. Лицо Агаты потеплело от безнадежной, потерянной улыбки:

– Пожалуйста, отойдем на минутку. Мне нужно тебе кое-что рассказать.

* * *

Пробраться в конюшню, отведя глаза соглядатаям, оказалось довольно легко. Шайн пританцовывала от нетерпения, пока я затыгивала подругу, шепотом уговаривая ее потерпеть. Она вырвалась на волю, словно серебряная стрела, и остановить нас не смогла бы даже пуля, если бы кто-то из солдат решился стрелять. Мы с разбегу перемахнули железные ворота особняка и оказались на улице.

Метель подхватила нас в ледяные искрящиеся объятия, закружила, словно понукая ехать быстрее. Эшентаун тонул в снежной пелене. Мимо нас мелькали золотые цепочки фонарей; эхо, отбрасываемое гулками стенами, билось у меня в ушах, смешиваясь с тревожными ударами сердца. До здания суда, тяжелая громадина которого смутно виднелась в темноте, мы домчались в мгновение ока. Увы, на этом мое везение кончилось. Мистер Тревор все еще был в отъезде. Об этом мне сообщил невозмутимый Винс, оставленный на дежурстве. Он уже знал о коварных поползновениях лорда Мериваля: как оказалось, Фокс с Уолтером и без меня смогли нащупать недостающие нити к расследованию.

– Дождемся Старика, – посоветовал Винс, спокойно прихлебывая горячий чай. – Без него тут ничего не сделаешь. Он добудет нужный указ, возьмет людей... Арестовать знатного лорда – это не шутки! Кто будет слушать простых «ищеек»?

Разумеется, Винс был прав, хотя сердце у меня ныло от нетерпения. Я строго напомнила себе, сколько раз мой ненужный энтузиазм вредил делу. И все равно было больно представлять себе Мериваля рядом с Кеннетом. Может быть, в эту самую минуту он как раз подносит амулет к огню, заставляя друга корчиться от боли! Или придумывает очередную ловушку, чтобы Кеннет сгинул, а на свет появился Дракон!

Вне себя от бессильного гнева я выбежала на крыльцо. Метель ударила в лицо, охладив пылающие щеки. Что мне делать?! Я зажмурилась, спасаясь от

пронизывающего ветра и снега, и перед глазами тут же возник укоряющий золотистый взгляд – не успела, не спасла...

Шайн коротко заржала, приглашая меня сесть в седло.

– До Лонгбери не меньше двадцати миль! – всхлипнула я. – Мы с тобой будем добираться туда целую вечность! И я не знаю дороги!

Я резко запрокинула голову, пытаюсь остановить непрошеные слезы. Собственная беспомощность просто убивала. Мистер Тревор уехал, Амброзиус тоже. Даже Элейн меня покинула, а так хотелось сейчас уткнуться ей в плечо, шуршащее шелком, пахнувшее теплом и мелиссой, чтобы она погладила меня по голове и пообещала, что все будет хорошо. Сквозь смерзшиеся ресницы в клубке снежного вихря вдруг привиделось лицо Амброзиуса, окруженное косматой белой гривой.

– Ты же волшебник! – крикнула я. – Почему ты не можешь послать ему на помощь кого-то другого? Кого-то поумнее меня?!

Отчаяние и тревога за Кеннета гнали меня вперед. Но еще сильнее грыз страх, что я снова все испорчу. Страх висел на плечах тяжелым грузом, не давая сделать ни шагу. Ведь раньше, что бы я ни делала, получалось только хуже!

Шайн нетерпеливо переступила, снова заржав. Мой волшебный и самый верный друг, единственное существо, которое безусловно мне доверяло! Я шмыгнула носом, невольно улыбнувшись:

– Действительно глупо, да? Стоять и орать в метель.

(Согласное ржание).

– Ладно, ты меня пристыдила. – Улыбнувшись, я смахнула снег и вскочила в седло. Красный чешуйчатый камень, драгоценный подарок королевы Мейвел, приглашающе заблестел на ладони.

«Помни, что за всякое волшебство придется платить», – услужливо подсказала память.

«Сиды коварны. Они честно предупреждают об оплате, но никогда заранее не называют цену. И она всегда оказывается слишком высока».

Пытаясь совладать с волнением, я ободряюще погладила Шайн по шее:

– Знаешь, Амброзиус как-то рассказывал о мудреце по имени Стагирит[19], который говорил, что всегда следует предпочесть вероятную невозможность невозможной вероятности. Кажется, сейчас самое время поверить в «вероятную невозможность».

Где-то на границе наших миров, в бесконечном преломлении вероятностей, возникло лицо королевы Мейвел, сверкнув загадочной улыбкой. Я не доверяла ей ни на волос. Но разве у нас был выбор? И я, размахнувшись, бросила камень перед собой.

Глава 27

Камень королевы стрелой вонзился в небо и превратился в красную звезду, указывающую нам путь. Шайн, будто только и ждала этого знака, рванулась вперед. Улица растворилась в быстроте скачки и мельтешении снега, остался только четкий ритм, отбиваемый копытами по брусчатке, а потом исчезла и дорога – мы поднимались все выше, пролетая сквозь вихри снега, мимо костлявых ветвей и угрюмых сонных крыш. Город ушел вниз, выгнулся чашей и потерялся в темноте, а впереди призывно сияла алая звезда.

Человеческая кровь застыла в моих жилах, зато проснулась другая, древняя, как сама тьма. Она серебряными молоточками стучала в висках и тяжелыми ударами билась в сердце. Если раньше я сомневалась, верить ли рассказам Амброзиуса и Уайтвуда, то теперь последние сомнения исчезли: ни одно человеческое существо не выдержало бы такой скачки, но я уже не была человеком, мы с Шайн были плоть от плоти этого мира, две тени среди теней. Здесь все отбрасывало тени, даже мысли.

Тяжелая багровая луна вышла из-за туч, приветствуя Йоль и рождая на свет новые существа. Это была ночь, когда двери обоих миров приглашающе распахивались настезь. В такую ночь человек, выйдя за порог, рисковал встретиться с порождением своих фантазий, а выйдя за пределы реальности – мог увидеть такое, что ему и во сне бы не приснилось.

Мы поднялись выше облаков. Шайн мчалась по зеркально-чистому небу, ее копыта высекали искры из небесной тверди. Позади послышался шум, будто море набегаёт на берег, и нас обогнала группа всадников верхом на странных лошадях. Или не лошадях? От них пахло жаждой и яростным неистовством, их плащи вились за спиной, словно дымные клочья, некоторые всадники имели на головах короны, как будто сплетенные из веток. Возглавлял кавалькаду высокий бледнолицый человек в серебряном венце, в котором тревожно горели густо-красные камни. Я придержала лошадь, чтобы пропустить их. В ответ человек оглянулся и подмигнул мне желтым кошачьим глазом.

Внизу между облачными гривами проплывала земля. Иногда мелькали печальные огни какой-нибудь деревеньки, маленькие и ненужные. Однажды блеснуло тусклое лезвие реки, блеснуло – и исчезло. Черно-синяя ночь простиралась вокруг нас, мы с Шайн двигались в ее звездном шлейфе, и я кожей чувствовала ход времени, так, словно нам приходилось пробираться против течения.

Наконец, я заметила, что густой покров ночи стал менее плотным, и восточный край неба понемногу посветлел. Одновременно внизу показалась кучка скучных бурых крыш, сгрудившихся между невысокими холмами. Сердце радостно стукнуло – Лонгбери! Поместье Мериваля, прямоугольный двухэтажный дом под серой крышей, окруженный просторным парком, располагалось несколько в стороне. Оно постепенно приближалось, как картинка в волшебной трубе господина Амброзиуса, если покрутить специальное колесико.

Небо совсем посветлело, а сугробы окунулись в бледно-розовое рассветное марево, когда Шайн спрыгнула на тропу, уходившую вглубь парка Лонгбери-холла. Мы вернулись в реальность, и она обрушилась на нас со всей тяжестью, присущей материальному миру. Невесомая легкость и волшебство ночи

растаяли вместе с темнотой. Я снова обрела тело Энни Фишер, каждая клеточка которого сейчас протестовала против безумной скачки. Протянув руку, я сгребла горсть снега с ближайшего куста и отерла уставшее лицо. И вздрогнула, увидев, что случилось с Шайн.

Она таяла на глазах. Мы медленно ехали по тропе, и я видела, как двигаются ее мышцы под полупрозрачной кожей. Мне тоже порядком досталось. Сознание мутилось от слабости, руки, державшие поводья, за одну ночь исхудали, как после долгой болезни. Прошиб страх, что моя кожа сейчас покроется морщинами, а из под шапки вместо каштановых кудрей вывалятся седые лохмы. Кто измеряет время часами и секундами? Мера времени – это удары сердца, которое заходится в тревоге за любимого человека, это тысячи разделяющих нас шагов, помноженные на горечь несказанных слов.

За одну ночь мы с Шайн состарились на целую жизнь.

– Шайн, хорошая моя... – горько прошептала я. Попыталась соскочить с седла, чтобы облегчить ей ношу, но она протестующе заржала и прибавила шаг. Моя преданная Шайн прежде всего заботилась о том, чтобы я не опоздала.

Сквозь сплетение ветвей ничего нельзя было толком разглядеть. Крик дракона я не услышала, а, скорее, увидела, когда Шайн взбросилась на дыбы, по деревьям пронесся ветер, и нас осыпало искрящейся снежной взвесью с ближайшей ветки. Я соскользнула на снег. Последнее усилие обошлось моей лошади слишком дорого – она просто развеялась в воздухе. Погасла, как огонек свечи. Растаяла вместе со снежинками, оседавшими на моем плаще.

– Шайн...

У меня даже не было времени, чтобы ее оплакать. Кеннет был где-то рядом, и я чувствовала, что ему грозит серьезная опасность. Я сорвалась с места, нырнула между ветвями ясеня, хлестнувшими меня по лицу. Двигаться было тяжело, ночью намело много снега, так что мои ноги проваливались при каждом шаге.

На другом берегу замерзшего озера находились трое. Издалека я увидела, как бронзовый дракон, сверкающий янтарем в солнечных лучах, грозно навис над маленькой женской фигуркой, скорчившейся в снегу. Неподалеку от них, почти неразличимый среди деревьев, застыл лорд Мериваль в сером пальто, похожий на клоч тумана. Он опирался на трость, и вся его поза выражала напряженное ожидание. Тень дракона, огромная, как гора, надвигалась на Клариссу, которая беспомощно барахталась, пыталась отползти подальше. Судя по яростному шипению зверя, слышному мне даже отсюда, жить ей осталось считанные секунды.

Я бросилась к ним напрямик через озеро, проклиная себя за медлительность и не обращая внимания на предательский хруст под ногами.

– Ингрэм, спаси меня! – завопила Кларисса, беспрестанно оглядываясь. – Я перед тобой не виновата! Мне не нужна эта помолвка, я не люблю его и никогда не любила!

«Боже мой, Фонтерой ее точно убьет! – в панике подумала я, из последних сил прибавляя шаг. – Разве чуткие драконьи уши могут выдержать эти вопли?»

Если он прикончит Клариссу, то Кеннет, которого я знала, погибнет. Зато на свет появится дракон. И что-то мне подсказывало, что тогда нам всем не поздоровится.

Тяжелый шипастый хвост гневно обрушился на ближайший куст, взвизгив облако снега. С треском полетели в разные стороны сломанные ветки. Кларисса что-то придушенно пискнула, закрыв голову руками. Увернувшись от обломков, я вылетела на утоптаный снег прямо под ноги дракону.

– Кеннет, не надо!

Два глаза, как два золотистых фиала, молниеносно обернулись ко мне. Их взгляд словно клинком пронзил меня насквозь. Я подошла ближе, не чувствуя под собой ног. Страх остался где-то позади. Кажется, я достигла того состояния, когда человек уже ничего не боится.

Воздух вокруг дракона дрожал и струился. Магия его наполняла поляну, словно музыка, слышимая во сне. Я легко различала в ней отдельные ноты: гнев, беспокойство, изумление... радость?

– Не делай этого, – повторила я. И прошептала еще несколько слов. Тихо, чтобы их слышали только мы двое.

Дракон склонил ко мне голову, обдавая горячим дыханием. Лезвия его чешуи слегка топорщились, как шерсть на загривке у рассерженного кота. От него пахло железом и камнем, сухим ветром и чужими просторами. Я ласково погладила янтарный чешуйчатый узор, бежавший от изящно вырезанных ноздрей к вискам, покрытым роговыми шипами. Теплые веки, скрывшие от меня огненное пламя глаз, на ощупь были как шелк. Он был такой невероятно сильный – и такой трогательно беспомощный. Я обняла его, насколько хватило рук, и поцеловала прямо в коричневую полосу между глазами. Как и в прошлый раз, когда мы танцевали, обнявшись, на поляну опустилась тишина, окутанная золотистым светом. Мы снова были одни.

И как в прошлый раз, наше уединение долго не продлилось.

– Очень трогательно, – презрительно прозвучало сзади.

Я обернулась. Пока мы с Кеннетом были заняты встречей, Мериваль успел подойти ближе. Его красивое лицо его перекошилось от злобы, правильные изящные черты вдруг изломались, сложившись в уродливую гримасу тролля. Позади меня повеяло холодом – дракон исчез, словно его и не было, хотя золотое пение еще витало в воздухе. Вместо грозного бронзового холма, ошестиненного чешуей, за моей спиной стоял Фонтерой. Улыбнувшись, я вздохнула. Никогда не смогу привыкнуть к его внезапным превращениям! Кеннет с благодарностью сжал мои плечи, а мои пальцы накрыли его руку. Счастье переполняло меня от макушки до пяток. Все-таки я не опоздала!

– Что ж, не хотел быть драконом, значит, сдохнешь, как человек, – оскалился Мериваль.

Подняв трость, он крутанул рукоять – и нам весело подмигнуло три дюйма острейшего темного лезвия. В трости был спрятан обсидиановый клинок! Я не успела даже вскрикнуть. Кеннет резко оттолкнул меня в сторону, я поскользнулась на склоне и ухнула в сугроб, как ложка в миску с кашей. Снег набился мне в рот, за шиворот, залепил глаза. Лихорадочно отгребая его в стороны, барахтаясь в сугробе, я услышала свист рассекаемого воздуха, очередной вопль Клариссы (черт бы ее побрал!) и хруст веток под тяжестью упавшего тела. Кеннет!

У меня чуть сердце не разорвалось, пока я не выбралась наружу. Высунув голову, я дико огляделась. Фонтерой, по крайней мере, стоял на ногах. Вид у него был донельзя удивленный. Кларисса визжала на одной ноте, в ужасе за-

крыв лицо руками. Мериваль валялся на снегу, раскинув руки, а к нему, проваливаясь при каждом шаге, спешил какой-то человек, размахивая пращой. За ним – еще один. И еще. Не веря своим глазам, я узнала Уолтера с Фоксом. Тут уже я завопила не хуже Клариссы:

– Нед, мы здесь! Сюда!

Я попыталась сделать шаг и снова провалилась почти по колено. Мои друзья были здесь! А кто же третий, неужели Хаммонд? Но тут я узнала третьего «разбойника». Это был Батлер, наш великолепный невозмутимый дворецкий! Он приближался, резко размахивая руками, полы его пальто развевались, и вид у него был довольно грозный.

Нед Уолтер добежал до меня первым. Он легко выдернул меня из сугроба, как морковку из грядки, сжал в объятьях и встряхнул:

– Ну ты даешь, Коза! Ты же синяя вся! Очумела? – воскликнул он, поспешно стягивая с себя пальто.

– Как... как вы здесь оказались?! – всхлипнула я.

– Агата мне все рассказала...

При этих словах лицо его резко посуровело, будто состарилось. Я молча кивнула. Наверное, Агате нелегко было решиться на этот разговор. Однако еще тяжелее было Неду ее выслушать!

– В общем, когда мы явились на Гросвен-стрит, Батлер как раз запрягал лошадей, так что мы втроем запрыгнули в повозку – и сюда.

– Но как вы смогли добраться так быстро?!

– Вообще-то нам кое-кто помог, – подмигнул Уолтер. И шепотом добавил: – Кое-кто с Той Стороны...

Рассказывая, он ловко завернул меня в свое пальто, оставив снаружи лишь кончик носа. Это было очень своевременно. От холода, ночной скачки и от пережитого страха меня начала бить дрожь.

В то же время Батлер успел вздернуть на ноги осоловевшего Мериваля. Тот мотал головой и, кажется, плохо соображал. На его лбу вздулась уродливая лиловая шишка, по виску стекала темная струйка крови. Фокс, поддерживая истекающую жалобами Клариссу, бережно повел ее к дому. Нед отошел от меня, чтобы помочь мистеру Батлеру. Он крикнул, что надо бы подготовить еще один экипаж: в одном, мол, не разместимся. Все вдруг засуетились, заспешили куда-то, и внезапно я оказалась посреди утоптанного снега наедине с Кеннетом, а остальные тактично исчезли.

После вырвавшегося откровенного признания мне было неловко взглянуть ему в лицо. Я же помню наше прошлое объяснение в библиотеке, и как он тогда рассердился! Белизна снега слепила мне глаза, но я упорно смотрела вниз.

– Энни, – мягко произнес Кеннет, взяв меня за руки. От одного прикосновения во мне поднялась волна тепла, словно внутри него пряталось маленькое солнце – только для нас двоих.

Вдруг я представила, как сейчас выгляжу: зареванная, с красным распухшим носом и в нелепом пальто, рукава которого доходили мне до колен! Хорошо хоть не седая – я отлично видела темные пряди своих волос, мокрых от снега. Растрепавшись, они свесились мне на глаза. Кеннет бережно отвел их за ухо.

– Просто жуть, – буркнула я, окончательно смутившись.

– Я тебя тоже, – ответил он невпопад. А потом вдруг обнял меня так, что ста-

ло трудно дышать, и крепко поцеловал.

* * *

Дом Мериваля с выступающими фронтонами и высокими каминными трубами производил значительное впечатление, но находиться в нем было неприятно. Словно бы изысканно роскошная обстановка носила отпечаток личности хозяина. За внешним лоском и ухоженностью мне мерещился гнилостный запах разложения. Пока я осматривалась в холле, ко мне подошел Нед, держа в руках листок, найденный им на столе:

– Глянь, Коза, тут о тебе написано.

Это было письмо, вернее, донос в магистрат города Эшентауна, где сообщалось, что девица Энни Фишер, в настоящее время проживающая в доме лорда Фонтероя на Гросвен-стрит, на самом деле является известной воровкой из Кречи. Автор выражал опасение, что девица Фишер наверняка проникла в этот дом не с добрыми намерениями, обманув доверие хозяев.

– Сведения-то в письмеце устарели годика на три, – весело хмыкнул Фокс.

– Письмо якобы от леди Эмберли, – сказала я, взглянув на конверт. – Но писала не она.

Несмотря на неприязнь к Клариссе, честность обязывала меня сказать это. Мне всегда удавалось различить, писал человек от себя или подделывался под чей-то почерк. Так мой опекун, Гарри Бобарт, умел, бросив монету на стол, по звуку отличить настоящую от фальшивой. Я же всегда могла распознать фальшивые письма. От них пахнет излишней старательностью.

– Думаю, письмо сочинил лорд Мериваль, которому очень хотелось поссорить Кеннета леди Эмберли, – высказала я предположение.

– Мы разберемся, – кивнул Уолтер, забирая у меня листок.

– Кажется, я должен принести извинения леди Эмберли за свою несдержанность, – улыбнулся Кеннет, входя в дом следом за мной.

В его голосе не слышалось ни капли раскаяния, и я поняла, что он отлично запомнил те истеричные выкрики, которые вырвались у Клариссы в момент испуга. Как бы там ни было, но, разумеется, ни о какой помолвке между ними теперь не могло быть и речи.

Леди Эмберли вскоре отбыла в том же экипаже, в котором приехала сюда. Она вышла из дома, раздраженно шелестя шелками, и ни с кем не попрощалась. Ее болезненное самолюбие было задето тем, что «ищейкам» удалось застать ее в столь жалком виде: барахтающейся в сугробе, напуганной, умоляющей о пощаде. Теперь она держалась высокомерно, словно королева. Молча прошла мимо Кеннета, как если бы он был предметом мебели. Впрочем, что она могла ему еще сказать? Все и так было ясно.

Мы тоже принялись собираться, так как никому не хотелось задерживаться в этом доме ни одного лишнего часа. Слуги Мериваля разбежались еще до нашего прихода, однако удачливый Фокс нашел запас дров и вскипятил чайник, чтобы мы могли подкрепить свои силы перед отъездом. Пирожки миссис Бонс тоже пришлись очень кстати. На конюшне мы с Недом обнаружили двух лошадей. Батлер, пройдя по дому с поверхностным обыском (чего не догадались сделать «ищейки») с триумфом принес вниз рыжий парик и накладную бороду. Теперь стало окончательно ясно, кто был тем таинственным рыжебородым господином, который не давал нам покоя в течение всего расследования.

– Значит, это Мериваль тогда явился в Кречи, чтобы нанять грабителя для Фонтероя, – размышлял Уолтер. – Это он оставил для тебя письмо в доме Мэллори, и он следил за тобой на улице. Готовил ловушку, чтобы поймать дракона.

Мы с Недом сидели в конюшне, разбирая упряжь. Я работала молча, так как окружающая обстановка остро напомнила мне о Шайн. На глаза невольно навернулись слезы. Теперь я понимала, что имел в виду Амброзиус, когда говорил, что сиды всегда возьмут свою цену. Мне удалось успеть вовремя, чтобы спасти любимого человека, зато я потеряла подругу...

Мысль о Мейвел заставила вспомнить еще кое-о-чем:

– Ты говорил, что добратся сюда вам помогли помощники с Той Стороны? – встрепелась я. Боже мой, неужели мои друзья тоже заключили какую-то сделку?! Это могло быть чревато самыми неожиданными последствиями!

Нед посмотрел на меня долгим взглядом:

– Да, нам повезло их встретить. Мы совсем уж было приготовились к изнурительной скачке, тем более что погода была не сахар. Однако, едва мы выехали за заставу, как нас догнали двое всадников: мужчина и женщина. Они сказали, что знают более короткий путь. Мы сразу опознали в них ребят из того народца, что появляется среди людей только в определенные ночи, а вчера как раз был канун Йоля. Выглядели они, как король и королева из сказки: дымчато-серебряные плащи, золотые венцы на головах, сбруя коней вся украшена драгоценными камнями... В общем, только полный псих рискнул бы отправиться с ними, и поначалу мы, разумеется, отказались. Тут женщина принялась умолять нас, говоря, что тебе грозит серьезная опасность, а мужчина молча смотрел исподлобья, но глаза его были совсем как твои. Фокс сдался первым. Батлер проворчал, что если Фонтероя прикончат из-за нас, то ему все равно остается только одна дорога – под холмы. Так мы и оказались в Лонгбери.

Я слушала его, затаив дыхание. В груди у меня вдруг стало тесно:

– Ты думаешь, что это были... что это могли быть мои родители?!

Нед улыбнулся:

– Когда мы спешили, и Батлер с Фоксом занялись лошадьми, она отвела меня в сторону для разговора. Просила передать, что не хотела тебя оставлять, но у нее не было другого способа спасти вас обоих. Тебя и твоего отца, как я понял. Она говорила, что всегда старалась присматривать за тобой. И еще попросила передать тебе это.

Шмыгнув носом, я взяла у него серебряную стрекозу на тонкой цепочке. Пришлось вытереть слезы, чтобы рассмотреть ажурную вязь тонких, как паутинка, серебряных нитей. Сплетенная с поразительным искусством, стрекоза казалась живой и согревала мне ладонь, словно теплый привет от мамы. Нед сочувственно погладил меня по плечу:

– Твой отец тоже держится молодцом, хоть и остался без руки. Они оба мне очень понравились. Мне жаль, что все так сложилось, Энни.

Неловко потоптавшись рядом, он деликатно вышел, оставив меня одну. Я надела цепочку на шею и безудержно расплакалась. Смутные картины моего прошлого теперь постепенно прояснились, когда мне открывался один фрагмент за другим. Значит, когда Эдвард Уэсли был тяжело ранен в Цинтре, мать

метнулась к нему на Континент, используя тот же способ, что и я вчера. Только она приехала слишком поздно. Чтобы спасти ему жизнь, ей пришлось увести его на Ту Сторону и остаться там навсегда. Почему она не взяла меня с собой? С кем она оставила меня в Эшентауне, и как так вышло, что я оказалась в приюте? Вероятно, этого я уже не узнаю. Довольно сложно поддерживать контакт с родителями, которые имеют право навещать вас лишь восемь раз в году, соблюдая при этом всякие Ограничения.

Кто-то, подойдя сзади, обнял меня за плечи. Это был Кеннет. Он привлек меня к себе и обнял так, словно окутал собой. Я снова ощутила бившееся в нем тепло, хватаясь за это чувство, как утопающий за соломинку.

– Энни, милая... успокойся.

– Они оба бросили меня! – всхлипнула я. – Ушли, оставив меня одну!

– Может быть, они хотели, чтобы у тебя была настоящая жизнь...

«Твои родители не хотели для тебя такой судьбы», – вспомнились вдруг слова Амброзиуса. Я с негодованием подумала о волшебнике, который наверняка знал гораздо больше того, что рассказывал. Зачем нужно было от меня скрывать...?!

– Жизнь на Той Стороне словно сон, – тихо говорил Фонтерой, пытаюсь меня успокоить. – Я же был там... когда был драконом. Восхищался ее чудесами, но чувствовал только холод и пустоту. Все богатства Той Стороны не стоят одного прикосновения твоей ладони, одной твоей лукавой улыбки. Неужели ты согласилась бы уйти туда и оставить меня?

В его голосе послышались ревнивые нотки.

– Конечно нет, – поспешно сказала я. – Из всех возможных реальностей я бы выбрала ту, где есть ты.

Похоже, Кеннет обладал потрясающим талантом насчет поцелуев. Наш второй поцелуй был совсем не похож на первый, но оказался именно тем, в чем я сейчас нуждалась. Он был требовательным и нежным одновременно. Мое сердце отчаянно билось в ладонях и в горле – везде, где есть пульс. Все печали, растаяв, исчезли, сметенные новым чувством.

– Вернемся к остальным? – тихо спросил Кеннет, пока я пыталась вспомнить, как дышать. – Нас уже ждут.

Снаружи под солнцем весело искрился снег. Оседланные кони стояли у ворот особняка, из ноздрей у них шел пар. Батлер с Фоксом сидели на козлах, а подбитого Мериваля со связанными руками запихнули в коляску. К моему беспокойству, Фонтерой тоже направился туда. Я схватила его за руку:

– Ты же не собираешься ехать с Меривалем?!

Вообще-то я рассчитывала, что к преступнику сядет Нед – для охраны. Кеннету сегодня и так порядком досталось!

В уголке его рта затеплилась улыбка:

– Не волнуйся за меня, моя фея. Разве ты не освободила меня от заклятья? Мериваль мне больше не страшен.

– Но ты забрал у него амулет?

Он кивнул, успокаивающе похлопав себя по жилетному карману.

– Хоть проклятье и снято, я оставлю его для памяти. Будем потом показывать его детям, рассказывая историю нашего знакомства.

От подобной перспективы мое лицо полыхнуло жаром:

– Если помнишь, наше знакомство началось с того, что я забралась через

окно в твою спальню. Я бы предпочла, чтобы это осталось между нами!

– О да, это воспоминание я сохраню для себя, – улыбнулся Фонтерой. Наш диалог не предназначался для ушей остальных «ищеек», поэтому он не стал развивать эту тему, добавив только: – Энни, мы с Меривалем знакомы уже двадцать лет, и я хотел бы понять, что толкнуло его на подобный поступок.

Подумав, я согласно кивнула. Есть вещи, которые не стоит оставлять недосказанными. И есть слова, которые медленно оседают в душе, копят, отравляя существование, заставляя снова и снова проигрывать в голове несостоявшийся разговор. Может быть, Кеннету с Ингрэмом действительно стоило все прояснить.

Итак, Фонтерой забрался в коляску, мы с Уолтером вскочили на лошадей и все вместе направились в Эшентаун.

Глава 28

На следующий день утро в магистрате на Коул-стрит началось очень бурно. Звучный голос мистера Тревора далеко разносился по коридорам:

– Как она могла исчезнуть?! Из запертого кабинета! Кто ночью был на дежурстве?!

Все «ищейки» сгрудились в закутке у привратника, не желая попасть Старику под горячую руку. Винс шепотом клялся, что лично запер в шкафу злополучную трость с обсидиановым лезвием. Фокс поддразнивал незадачливого напарника, Нед старался их помирить, а я помалкивала. Я знала одного не-человека, для которого запертые двери не представляли серьезного препятствия. Вернее сказать, «дверью» для него могло стать все, что угодно: отражение в пруду, осколок зеркала или заплатка лунного света на полу. Правда, у «мистера Лайбстера» был гейс, запрещающий появляться в чужих домах. Неужели трость с обсидианом была так важна для фоморов, что он решился рискнуть ради нее своей магией? Хотелось надеяться, что обсидиановый клинок теперь пребывает на Той Стороне, как можно дальше от Кеннета, а не плывет на каком-нибудь судне ко двору короля Ральфа. Даже если лорд Фонтерой больше не зависит от своего дракона, все равно тот клинок равно опасен для них обоих.

Мысли о Кеннете унесли меня далеко-далеко от тесной привратницкой, пропахшей старыми газетами и дешевой чайной заваркой. Только вчера я узнала, как многим ему обязана. Вчера вечером, после того как протестующего Мериваля отправили охладить голову в Холодный дом, мистер Тревор неожиданно вызвал меня к себе.

– Я тут кое-что привез для тебя, Коза, – сказал он, указав мне на стул напротив себя. А затем выложил на стол маленький овальный портрет, конверт и сложенный пополам лист бумаги.

С портрета на меня смотрел молодой человек в красном офицерском мундире, аккуратно выбритый, с темными, коротко подстриженными волосами. Лицо его было исполнено достоинства и энергии. Яркие зеленые глаза под прямыми решительными бровями разительно напоминали мои. Это был портрет лорда Эдварда Уэсли.

Мы-то все считали, что мистер Тревор ездил в Дуверн, чтобы разведать о коварных намерениях сацилийцев, а оказалось – ничего подобного! По особой просьбе лорда Фонтероя мой начальник ездил в графство Думанон, в неболь-

шую деревню возле замка Уайтбор, или замка Белого Вепря, как его называли местные. Там ему удалось найти одного старого священника, который помнил мою мать. Я слушала рассказ шефа, затаив дыхание, и остро жалела, что не могла сопровождать его в этой поездке.

Священник, хоть и находился уже в том возрасте, когда человек с трудом отличает недавние события от случившихся двадцать лет назад, все же отыскал запись в церковной книге, где говорилось о венчании лорда Эдварда Уэсли с девицей Мэри-Энн Брайер. Все эти годы у него хранилось мамино письмо-исповедь, в котором она писала, что тайно обвенчалась с моим отцом, несмотря на противодействие его семьи. Сейчас это признание лежало передо мной.

– Когда Эдвард Уэсли погиб в Цинтрии, его кузен и наследник, был не слишком обеспокоен розысками какого-то побочного отпрыска, – рассказывал Тревор. – Однако эти записи подтверждают, что ты – законная дочь лорда Уэсли и можешь отстаивать свои права.

Вот, значит, как. Некоторое время я сидела молча, пытаюсь осознать себя в новом качестве: наследницы знатного рода и дочери известного полководца. Кроме того, у меня внезапно обнаружился дядюшка, некий Робин Уэсли, кузен моего отца. Правда, я не обольщалась, что он обрадуется моему появлению. Вряд ли в замке Уайтбор меня ожидает теплый прием.

Вероятно, эти сомнения отразились на моем лице, так как мистер Тревор ободряюще похлопал меня по плечу:

– Ты отличная сыщица, Энни. Твоя последняя работа с зашифрованными письмами – выше всяких похвал. Не дай запугать себя этим высоким лордам. Но и не спеши отказываться от семьи, понимаешь? Человек без семьи – как дерево без корней.

Вместе с портретом отца Тревор передал мне послание от лорда Робина Уэсли, где тот в очень изысканных выражениях приглашал меня навестить замок Уайтбор, когда мне будет удобно. Всю ночь я промаялась над конвертом, так и не решив, как поступить. Разумеется, я не уеду из Эшентауна! Здесь у меня есть работа, здесь мистер Тревор с командой, а главное, я не испытывала ни малейшего желания расставаться с Кеннетом.

Наверное, стоит с ним посоветоваться. Наше объяснение в Лонгбери посеяло в моей душе сумасшедшую надежду, что когда-нибудь мы сможем быть вместе. Кого он скорее захотел бы видеть рядом с собой: сыщицу с Коул-стрит или наследницу рода Уэсли?

В глубине души я надеялась, что мое социальное положение ему безразлично, что ему нужна я сама... Так или иначе, мы должны были увидеться сегодня утром, когда лорд Фонтерой заглянет к нам в магистрат.

Пока я витала в размышлениях, перепалка между Винсом и Фоксом неминуемо стремилась к фазе, за которой должна была последовать вспышка вулканического взрыва. Я своевременно покинула друзей и удалилась в полутемный вестибюль, где мне на глаза попало висевшее в простенке старое зеркало. Снова вытащив отцовский портрет, я украдкой приникла к зеркалу. Вопреки опасениям, волшебный «йольский» бросок в Лонгбери не состарил меня до неузнаваемости, и все-таки я изменилась. Овал лица утончился, линия скул стала тверже, а взгляд – более непреклонным. Тем сильнее было сходство с портретом. Интересно, мистер Робин Уэсли похож на отца? Каков он? Что у

него за характер?

Толкнув тяжеленную входную дверь, я выбралась на крыльцо. После вчерашней метели вся улица была запорошена нежной, чистой белизной. Воздух пьянил, как глоток колодезной ледяной воды. По ступеням поднимались судейские чиновники и первые посетители. Из открытого окна доносились гневные выкрики мистера Тревога, клянущего на чем свет стоит беспечных охранников.

Я стояла на крыльце и ждала моего Дракона.

Алена Волгина

ХОЗЯЙКА ЗАМКА УАЙТБОР

Пролог

В детстве я мечтала стать принцессой. Когда нам удавалось выбраться из Кречи, мы с Глэдис пересекали бесконечный каменный мост через Тессу и украдкой, как зверьки, пробирались в «чистые» кварталы. Неподалеку от набережной, за вечно закрытым маленьким театриком и круглой тумбой, облепленной потрепанными афишами, сверкала витрина самой чудесной в городе лавки. Это место манило нас сильнее, чем миска сметаны — двух оголодавших котят.

Повиснув животами на каменном цоколе, мы могли подолгу обтирать пыльную стену, замирая от восторга перед витриной, где стояла Она — в пышном оборчатом платье, похожем на распустившийся цветок, с золоченой короной в пышных кудрях и в леденцовых туфельках. К кукле-принцессе прилагалась расписная карета, запряженная четверкой лошадей, и замок, поднимавшийся ярусами наподобие свадебного пирога.

Глэдис восхищалась платьем, в то время как я уделяла больше внимания замку, изучая его контрфорсы и зубчатые ободы башен. Они крепко упирались в склон холма, на котором зеленели кусты, вырезанные из бархатной бумаги. Ужасно хотелось проникнуть взглядом за замковые стены из папье-маше, чтобы оценить убранство внутренних покоев, но мне ни разу не предоставилось такой возможности. Обычно через некоторое время после нашего появления дверь игрушечной лавки распахивалась с мелодичным звяканьем, и на пороге возникала долговязая черная фигура магазинного клерка, грозящая нам кулаком. Так угрюмая ворона прогоняет от крошек шустрых воробьев. Мы с Глэдис были на него не в обиде. Схватившись за руки, мы, обмирая от собственной дерзости, мчались обратно через мост. Полученных впечатлений нам хватало надолго. Дома мы мастерили свадебные вуали из старой обмахрившейся занавески, которая не годилась даже на тряпки и потому была отдана в наше распоряжение. Потом строили «дворец» под столом, откуда крикливая Рут Бобарт, моя приемная мать, выметала нас веником, чтобы не путались под ногами. В то время я и подумать не могла, что когда-нибудь окажусь в настоящем замке, да еще на правах хозяйки!

Строго говоря, замок Уайтбор, где я сейчас находилась, не был моим. После смерти отца (которого я никогда не знала), здесь хозяйничал его двоюродный брат, мистер Робин Уэсли. Я подозревала, что он не слишком обрадуется моему приезду, несмотря на его вежливые письма, поэтому не стала настаивать на немедленной встрече. Больше всего мне хотелось «познакомиться» с замком, который раньше являлся мне только в снах. Оставив Неда Уолтера объясняться с встретившей нас экономкой, я прошла через темный коридор, который, изгибаясь, вел в правое крыло, и остановилась, очутившись в полукруглой комнате с высоким потолком.

Вероятно, раньше здесь находилась часовня. Акустика была просто великолепная. Звук шагов, отзываясь эхом, возносился ввысь и тонул в сумрачной глубине под стропилами. Несмотря на теплые зимние ботинки, мои ноги чув-

ствовали холод, сочившийся из каменных плит. Замок следил за мной пристальным недоверчивым взглядом. Каждый камень его дышал стылостью. В окружающей звонкой тишине дрожали отголоски старых напевов, звучавших здесь в те времена, когда я еще не родилась на свет.

Взгляд скользнул по стене и поднялся выше, от мрачно-серой каменной кладки к горящим витражам узких стрельчатых окон. Снаружи был обычный январский день, серенький и тусклый, но окна жадно вбирали в себя свет с улицы и переливали его в комнату, бросая вниз пряди невесомого разноцветного шелка. Я поднесла к свету ладонь и смотрела, как она окрасилась в смугло-желтый, фиолетовый... а потом вдруг вспыхнула тревожно-алым.

В воздухе зазвучала новая нота, некое смутное беспокойство, и я поежилась, как кошка, которую погладили против шерсти. На всякий случай убрала руку, сунув ее в муфту.

Уайтбор, замок Белого Вепря — непростое, таинственное место. Его корни уходят глубоко в земли графства Думанон, исконного царства фэйри. Все холмы на многие мили вокруг когда-то принадлежали им. Моя мать была фэйри. Она забрала отца на Ту Сторону, потому что только так могла спасти ему жизнь. Этот замок будил во мне нечто такое, что я предпочла бы не вытаскивать на свет божий. Словно серый скалистый материк возвышался он над долиной, и отголоски волшебства пробегали по его стенам, как тени от солнца бегут по склонам холмов.

Или я просто все придумала? Я была закоренелой горожанкой, вся моя жизнь прошла в Эшентауне, среди уличной толчеи и грохота экипажей, разбавленного криками лоточников и «бегунов». После такой жизни любой уединенный замок, расположенный в глуши, показался бы прибежищем колдовских сил!

Вспомнив о покинутом напарнике, я засобиравалась обратно. На пороге часовни в последний раз оглянулась. Пока я стояла здесь, солнце успело сместиться, и теперь в центр площадки падал робкий карамельно-розовый луч, снова напомнивший мне о Глэдис. Моя бывшая подруга исчезла, растворившись в закоулках Кречи. Эти грязные трущобы были своего рода городским брюхом, за годы существования переварившем немало человеческих судеб. Редко кому удавалось вырваться оттуда. Мне, можно сказать, повезло. Два года назад меня взял под крыло мистер Тревор, а потом вдруг отыскался влиятельный родственник — мистер Уэсли, обитающий в этом замке. После того как шеф отыскал кое-какие старые документы, Уэсли скрепя сердце согласился стать моим опекуном, дать мне крышу над головой и даже защитить меня от дракона.

Вот только повзрослевшей принцессе это было уже не нужно.

Глава 1

Бывают такие дни, когда все идет наперекосяк. Особенно обидно, когда ты не ждешь подвоха, можно сказать, расцветаешь душой в предвкушении счастья — и внезапно получаешь от судьбы под дых. Для меня таким днем стало Рождество 18** года.

С раннего утра мы все были заняты украшением особняка на Гросвен-стрит.

Я помогала Батлеру укрепить за картинами пучки остролиста и развесить по стенам ветки омелы. В самый просторный угол столовой поставили крепкую пушистую елочку. Горничная Агата вдвоем с миссис Бонс наводили последний лоск на праздничный стол. Наша повариха, расставляя тарелки, время от времени промокала глаза фартуком от избытка чувств. Ничего удивительного, ведь еще пару дней назад она была убеждена, что придется встречать Рождество в унылом одиночестве. Ее хозяйина, сэра Кеннета Фонтероя, собирались арестовать за несанкционированное превращение в дракона и уничтожение чужой собственности. Вообще-то в тот раз Кеннет пытался спасти мне жизнь, так что в случившемся была изрядная доля моей вины. Их дворецкого, Батлера, тоже хотели привлечь к ответственности за помощь хозяину. В довершение неприятностей тихая, скромная Агата поразила всех, признавшись, что под действием шантажа была вынуждена совершить кражу. В порыве самоуничтожения она даже была готова покинуть особняк. В общем, если нас послушать, то почтенный дом на Гросвен-стрит представлялся каким-то разбойничьим гнездом. Мягко говоря, наши дела были не очень хороши[20].

И вдруг внезапно все наладилось. Мне удалось вернуть пропавший амулет, за что мистер Тревор, главный магистрат с Коул-стрит, перед всеми сотрудниками объявил мне благодарность. Более того, из-за вспыхнувших чувств между мной и Кеннетом родовое проклятье рассеялось, так что внезапное превращение в дракона ему больше не грозило. Стоя сейчас у высоких окон гостиной, я смотрела, как небо над Эшентауном постепенно меняет цвет с рыжего на фиолетовый, и с нетерпением ждала Фонтероя. Половину своего последнего жалованья я потратила на платье. Сшитое из светло-зеленого муслина, без всякой отделки, оно гораздо больше подходило скромной «ищейке» с Коул-стрит, чем прежние роскошные наряды. Те были лишь на время, чтобы в процессе расследования изображать светскую дебютантку. Вчера я аккуратно убрала их в чехлы и заперла в шкафу. Мне казалось, так будет честнее. Не хотелось, чтобы в наших отношениях с Кеннетом возникли фальшивые ноты, а та леди, с которой ему однажды пришлось танцевать на балу — это была не я. Сможет ли он принять меня настоящую, еще вопрос. Снаружи загорались золотые глаза фонарей. Очертания крыш медленно таяли в сгустившихся сумерках, мягкий снежок заметал подъездную дорожку к особняку, а Кеннета все не было. Волнуясь, я вытерла вспотевшие ладони о юбку. Сегодняшний вечер был для нас очень важен. Хоть бы все прошло благополучно!

Наконец, в холле хлопнула дверь, отчего мое сердце заколотилось, как сумасшедшее. Кеннет! Мне вдруг захотелось встретить его первой. Раньше, чем его вниманием завладеют Батлер или другие домашние. До того, как нам придется изображать равнодушную вежливость перед другими гостями. Вниз сбегал темно-полированный изгиб парадной лестницы. Света здесь было мало, и

я лишь смутно видела в передней силуэт высокого человека, который стоял, разматывая шарф. К нему уже спешил дворецкий, чтобы взять шляпу и пальто. Отряхивая снег, человек отбросил со лба намокшие светлые волосы. Моя вспыхнувшая улыбка резко увяла. Это был не Кеннет. Новоприбывшим гостем оказался мой напарник Нед Уолтер.

* * *

Горящие свечи создавали в столовой уютную атмосферу, а высокие серебряные подсвечники, ради праздника извлеченные из недр посудного шкафа, придавали ей оттенок торжественности. Таинственно мерцала наряженная елка. По улыбчивым лицам гостей скользили теплые оранжевые отблески. В общем, комната прямо-таки лучилась уютом, что порядком действовало мне на нервы.

Как только стало ясно, что Кеннета мы сегодня не дождемся, вечер утратил для меня всякое очарование. Не радовали ни аппетитные ароматы, щекотавшие обоняние из-под запотевших серебряных крышек, ни крошечные пирожные миссис Бонс, буквально таявшие во рту, ни веселая болтовня моих подруг, Селины и Селии Виверхем, пришедших поздравить нас с Недом. Мой взгляд то и дело падал на два письма, которые лежали рядом с салфеточным кольцом. Их принес Нед Уолтер. Одно было от мистера Тревора, другое — от Фонтероя. Первое я бы с огромным удовольствием сожгла в камине, а второе мне хотелось отнести к себе в комнату, положить под подушку и выплакаться всласть.

Мой напарник неуклюже пытался меня утешить:

— Ты ведь давно знала, что лорда Кеннета хотели отправить в Астилию. Правда, все соглашались, что дракон-переговорщик — не слишком подходящая кандидатура для столь деликатной миссии. Но теперь, когда проклятье благополучно снято, Фонтерой может оказать неоценимую помощь нашим союзникам!

Это правда, некоторое время назад я ужасно удивилась, узнав, что Кеннет, славившийся в молодости дуэльными подвигами и скандальными похождениями, заслужил среди высоких лордов репутацию искусного дипломата. Ситуация на Континенте была, мягко говоря, нестабильной: король Ральф, наш грозный соперник, подминал под себя одно государство за другим. Несчастливая Астилия пыталась то откупиться от грозного соседа, то договориться с ним. За развитием событий напряженно следило наше правительство, не желавшее терять в Астилии выгодные рынки и порты для торговли. Но почему нужно было посылать именно Кеннета?! Ему лучше бы держаться подальше от короля Ральфа, который был одним из соучастников кражи амулета, так как давно мечтал заполучить на службу личного дракона.

— Уверен, что с ним будет в порядке, — продолжал Нед Уолтер, за время совместной работы научившийся читать мое лицо, словно книгу. — Вот увидишь, Фонтерой вернется через месяц-другой как ни в чем не бывало, получив очередную благодарность от правительства. Кстати, ты за это время могла бы наладить отношения со своим дядюшкой. Тревор правильно говорит: что бы ни случилось, а родственниками пренебрегать не следует.

Я нахмурилась. В своих письмах Тревор и Фонтерой с удивительным единодушием старались выдворить меня из Эшентауна. Прервав монолог Уолтера, за нашими спинами возник мистер Батлер, который никому бы не уступил привилегию прислуживать за рождественским столом. Он бесшумно подлил

в бокалы вина — легкого и светлого, пахнувшего почему-то сеном и земляникой. Впрочем, в дорогих винах я разбиралась слабо. Зато, поработав два года у Тревора, научилась неплохо разбираться в человеческих характерах. Кеннет действительно иногда страдал от излишнего протекционизма, стремясь защитить меня от любой воображаемой опасности, но за мистером Тревором никогда такого не водилось! Отчего у них возникло это странное желание отправить меня к какому-то дяде, который двадцать лет меня не видел и знать не хотел?!

Отложив вилку, я с подозрением уставилась на напарника, который тут же принял преувеличенно беззаботный вид.

— Это заговор, да? Выходит, не зря Фонтерой в тот последний раз заезжал к нам в суд! Что случилось на этот раз? Нам на голову свалилось новое дело, вызвавшее у лорда Кеннета обострение беспокойства?

— Нет-нет, что ты... — запротестовал Уолтер, но его выдала Селия:

— Я слышала, в газетах писали, что на той стороне Тессы, в квартале за Белой Часовней утром нашли труп молодой женщины! Восемь ножевых ранений — ужас! — выпалила она полусшепотом, перегнувшись ко мне через стол. Ее карие глаза блестели от волнения и страха.

— Мисс Селия! — воскликнул шокированный Уолтер. — Вот уж никогда бы не подумал, что вы читаете газеты!

— А я и не читаю, — тряхнула она светлыми локонами. — Но я слышала, как мама обсуждала эту новость с мистером Кервудом во время утреннего визита. И еще они шептались, что это уже не первое подобное убийство!

Моя мысль заработала с лихорадочной скоростью. Значит, пока я была увлечена поисками амулета и другими делами лорда Фонтероя, эшентаунский преступный мир по-прежнему жил своей бурлящей жизнью. В трущобах «на той стороне Тессы», где-нибудь в Кречи или в Доках, человеческая жизнь подчас ценилась дешевле, чем лохмотья, которые на вас надеты. Но даже для тех мест подобные зверства были несколько чересчур...

— После такого жестокого убийства преступник наверняка был покрыт кровью с головы до ног, — задумчиво произнесла я. — Тот район возле рынка очень оживленный, так что человек в подобном виде далеко не уйдет, если только он не совершил свое черное дело в глухую полночь. Однако неподалеку есть опиумная курительня старика Квинси, где можно переодеться, причем клиенты Квинси обычно пребывают в таком состоянии, что ничего не заметят, даже если он притащит в лавку слона. Квинси — вот кто нам нужен! Нужно срочно его допросить!

— Стоп-стоп-стоп! — осадил меня Уолтер, прихлопнув ладонью по столу. — Лично нам с тобой нужно завтра же собрать вещи и купить билеты на дилижанс, который отправляется в Кэреск, в графство Думанон. А твой совет насчет Квинси я передам Фоксу, спасибо. Наверняка он будет признателен.

Нед уже давно делал мне страшные глаза, намекая, что подобные разговоры вряд ли уместны в присутствии сестер Виверхем, но я только отмахнулась. С того дня, когда мы с Селиной спасли ее жениха, мистера Меллинга, от мерзейшего из городских ростовщиков, я сочла, что девушки достаточно знакомы с «изнанкой» эшентаунских улиц, и их тонкая душевная организация вполне может выдержать обсуждение убийства. А младшая, Селия вообще отлично бы вписалась в команду «ищеек»! В умении выуживать информацию ей не

было равных; клянусь, она дала бы сто очков вперед даже Фоксу!

Занимательная беседа была прервана появлением рождественского пудинга — огромного и румяного, размером с тыкву. Миссис Бонс, сверкая улыбкой, внесла его в комнату на серебряном подносе. Пудинг весь был усыпан сахарной пудрой, поверх которой заодно торчала веточка остролиста. Я вспомнила, как две недели назад мы все вместе замешивали тесто и загадывали желания. Тогда я молилась, чтобы Кеннет как-нибудь поладил со своим внутренним драконом. А теперь вот возникли новые проблемы... Мне отчаянно хотелось перемахнуть через пролив, чтобы оказаться рядом с ним, в Астилии. Если уж встречать опасность, то вместе! Насколько легче иметь возможность помочь, чем сидеть тут и грызть ногти до локтей в ожидании редких весточек!

Пока миссис Бонс ловко раскладывала пудинг по тарелкам, Селина, старшая из сестер, застенчиво мне улыбнулась. У нее было доброе сердце, и ей было жаль Уолтера, который погибал от неловкости, пытаюсь придумать другую тему для разговора. Селина с готовностью пришла на помощь:

— Мистер Меллинг передавал всем горячий привет. Он так жалел, что из-за простуды не смог лично засвидетельствовать вам свое почтение!

— Да уж, — прыснула Селия. — На самом деле он жалел, что лишился возможности прочитать нам свои новые стихи. После схватки на Дорсет-стрит он написал целую эпическую поэму, посвященную храбрости мисс Фишер, — подмигнула она мне.

«Вот так банальная простуда может спасти четырех человек от мигрени», — подумала я.

— Передайте ему мою благодарность, — боюсь, в моем голосе слишком явно слышалось облегчение. Но Меллинг, жених Селины, со своими стихами был действительно сущим наказанием! От его высокопарных декламаций подвывали даже собаки. Селия обычно не стесняясь подшучивала над поэтом, и сейчас не упустила бы случая поупражняться в остроумии, однако ее что-то отвлекло. Поднеся к губам ложку с пудингом, девочка вдруг восхищенно вскрикнула:

— Монета! Мне выпала монета, я буду богата! Селина, а тебе? Что, колечко? Ну давайте же, проверьте, кому что досталось!

Я уж и забыла, что суеверная миссис Бонс начинила тесто всякими мелкими штучками, в страстном желании предсказать нашу судьбу на будущий год. С осторожностью я разломила вилкой пышное тесто. На край тарелки, звякнув, выпала «холостяцкая пуговица»[21].

* * *

Ожидая, когда подадут экипаж для обеих мисс Виверхем, мы с девушками пили кофе в гостиной. Уолтер, у которого были еще дела, откланялся и ушел. Селия вертелась возле елки, собирая с колючих ветвей конфетную дань. Мы с Селиной занимались тем, что обсуждали предсвадебные хлопоты. Особенно ее волновал план рассаживания гостей за столом.

— Тетя Роуз не может сидеть рядом с дядей Генри, поскольку они друг друга на дух не переносят, — говорила она с огорчением. — А кузен Росс не может сидеть рядом с ними обоими, так как категорически не ест мяса, даже запаха его не терпит.

М-да, проблема. Такая задачка, пожалуй, требовала недюжинных познаний

в комбинаторике! Вот уж не думала, что организация семейного праздника — настолько сложное дело!

Селина, неверно истолковав мою задумчивость, мягко накрыла мою ладонь своей:

— Забудь ты об этой дурацкой пуговице. Гадание на пудингах вообще никогда не сбывается! Уверена, что у вас с мистером Уолтером все получится, ведь он так на тебя смотрел!

— Э-э... что?!

Кажется, отвлекшись на математическую задачу, я слегка утратила нить беседы.

— Ты не замечала? — удивилась Селина. — Ведь Уолтер явно увлечен тобой!

Быть того не может. Мой напарник не из тех мужчин, кто способен легко увлечься. Кроме того, недавно он пережил тяжелую личную драму, когда Агата Доусон призналась в своем предательстве. Ее поступок навлек на нас массу проблем, но больше всего я злилась на нее из-за Неда. Его цельная натура не могла простить любимой девушке расчетливую злонамеренную ложь. Думаю, он скорее простил бы убийство! И теперь расстроенная Агата при каждом появлении Уолтера пряталась в недрах дома, а он так подчеркнуто не интересовался ее делами, что воздух в комнате буквально звенел от невысказанных вопросов.

— Ты ошибаешься... Вообще-то мы помолвлены с Кеннетом Фонтером, — растерянно произнесла я и сразу же пожалела, что у меня вырвалось это признание. Глаза Селины изумленно округлились:

— О! Ну тогда конечно... Если лорд Фонтерой просил твоей руки, он, конечно, не такой человек, чтобы ему можно было отказать! Но... ты точно уверена?..

От неловкого разговора меня спасло появление Батлера. Тут как раз подали карету, и я вышла в холл, чтобы проводить обеих сестер. Однако слова Селины посеяли в моей душе зерно сомнения. Почему я была так уверена, что Кеннет меня полюбил? Может, его теплые слова и признания были продиктованы лишь благодарностью, ведь я фактически спасла ему жизнь!

Да нет, чепуха. От воспоминаний о нашем поцелуе в саду моим щекам стало жарко. Из одного только чувства благодарности люди так не целуются! Хотя... что я в этом понимаю? Селина, конечно, гораздо опытнее меня. Да и Уолтер смотрел с каким-то непонятным сочувствием...

Вспомнила: точно так же «ищейки» смотрели на Хаммонда, когда он при задержании получил опасную рану, и мы все боялись за его жизнь. Нед, вероятно, опасался, что меня постигнет сильнейшее разочарование, а внезапный отъезд Фонтероя добавил ему оснований для беспокойства. Я вспомнила, как он однажды сказал: «Высокие лорды редко женятся на бедных сыщицах». Не потому ли мистер Тревор вдруг решил спровадить меня в Думанон?! А ведь Кеннет был честолюбив...

Он многого добился за последние годы, но, чтобы продвинуться еще выше, ему следовало заручиться поддержкой какой-нибудь влиятельной семьи. В политическом мире действовали свои законы. Брак с подходящей девушкой был самым распространенным способом упрочить карьеру.

Просторный, продуваемый сквозняками холл в доме на Гросвен-стрит

вдруг показался очень неудобным местом. Со стен, обшитых темными панелями, на меня строго смотрели достойные предки рода Фонтероев в золоченых рамах. Их взгляды не добавляли оптимизма. Нет, я должна была верить Кеннету! Разве можно забыть то тепло, которое он дарил каждым взглядом, каждым прикосновением? Я зябко обхватила себя руками. Из высоких окон и входных дверей тянуло холодом.

Стоя в неосвещенном холле и глядя в мерзлое завьюженное окно, я приняла решение: если Кеннет может поступиться честолюбием, чтобы жениться на мне, то и я должна немного умерить свои желания. Карьера «ищейки» подождет. Я поеду в Уайтбор, завоюю доверие дяди (который представлялся мне забавным сморщенным старичком-отшельником) и докажу всем, что могу стать настоящей светской леди, такой же обходительной и заботливой, как Элейн! Кеннет увидит, что я тоже могу быть ему полезна! В письме он обещал, что как только вырвется из Астилии, то приедет сразу в Думанон. Обещал, что наша разлука продлится не дольше двух месяцев...

Я улыбнулась про себя. Он удивится, когда увидит, как сильно я могу измениться!

Глава 2

Два дня спустя мы с Недом уселись в дилижанс, следующий из Эшентауна в Кэреск, самый крупный город южного побережья. Нам предстояло провести в пути около недели. Был один из тех ясных, искристых дней, которые приносят с собой радость и оживление. Ночью дорогу прихватило морозцем, на ветвях деревьев поблескивал свежий иней. Наша повозка, запряженная четверкой лошадей, весело бежала вперед, позвякивая упряжью. Правда, кучер скептически хмыкнул, что это ненадолго. «Мы еще хлебнем распутицы, не успев доехать до Шиффрида», — сказал он, отъезжая от станции.

С нами ехали четверо попугчиков, которых не отпугнули тяготы зимнего пути. Рядом со мной и Недом, сидевшем возле окна, разместился немолодой священник с узким остроносом лицом, не выпускавший из рук пухлую Библию. Напротив расположились: чопорная вдова, закутанная в темную вуаль, румяный джентльмен с бакенбардами, одетый в коричневый сюртук и слишком яркий клетчатый жилет, и молодая девушка. Звали ее мисс Бейли. Лицо она скромно прятала под дешевой соломенной шляпой, тощий плащик тоже был потрепанным и не слишком чистым, зато она была обута в новенькие желтые полуботинки, которые стеснительно задвинула под скамью.

В тесной карете никуда не денешься от разговоров. Мы быстро перезнакомились. Чопорную вдову, похожую на ворону, звали Харриет Трелони, и она возвращалась от родственников. Мистер Сликер, священник, ездил в Эшентаун по делам своего прихода. Пухлый господин с бакенбардами, по имени мистер Пай, подвизался в торговле.

— Я б ни в жисть не поехала в такую стынь, кабы не моя мамаша, — жаловалась девушка, оказавшаяся дочкой кожевника. — Мою дурицу-сестрицу угораздило выйти за сапожника из Шиффрида. Нынче она на сносях, вот мать и послала меня помочь...

И она с тоской посмотрела в окно, где проплывали белесые заснеженные пригороды, кое-где размеченные серыми штрихами небольших рощиц. Над темными крышами курился дымок.

— Ну, вы-то, мисс, доберетесь до места еще затемно, — позавидовал Клетчатый Жилет. — А вот мне предстоит тащиться до самого Кэреска!

— О, вы едете в Думанон? — восхитился словоохотливый священник. — Правда ли, что медь и олово лежат там почти под ногами, и если поладить с нокерами[22], те вынесут вам из недр богатейшей руды на десятки фунтов? — и его маленькие острые глазки заблестели от жадности, словно мелкие монеты.

— Если бы! — хохотнул мистер Пай. — Мой приятель служит в банке в Босвене, так вот он говорит, что почти все местные шахты убыточны. Горная порода в Думаноне давно истоцилась, и теперь, прежде чем извлечь деньги из недр земли, приходится их сначала вложить, так что местные землевладельцы вынуждены занимать деньги у банкиров.

— Чушь, — уронила строгая миссис Трелони, так что непонятно было, к кому это относилось. Потом она поджала губы под вуалью и надолго умолкла.

Так за разговорами незаметно пролетело время. Зимой вообще рано темнеет. Мы едва проехали половину дневного пути, когда небо начало густеть, принимая лиловый оттенок. С востока напозала сырая пелена облаков. Пейзаж за окном оставался таким же унылым, только вдалеке зажглись редкие огоньки человеческого жилья. В соответствии с прогнозами нашего кучера, дорога действительно стала хуже, и повозку нещадно трясло на каждом ухабе. При каждом толчке кожаный верх, обитый медными гвоздями, раскачивался над нашими головами. Когда нас тряхнуло особенно сильно, проснулся даже Клетчатый Жилет, прикорнувший в уголке кареты.

— Эй, полегче, уважаемый! — возмутился он, заколотив он в переднюю стенку.

Кучер, похоже, не внял его просьбе. Повозка, раскачиваясь, покатила еще быстрее.

— Нам повезет, если мы доберемся до места с целыми костями, — держась за раму окна, процедила миссис Трелони.

Снаружи послышался залихватский свист, сопровождаемый дробным стуком.

— Что там происходит? — удивился мистер Сликер.

— Нас кто-то догоняет! — воскликнул Уолтер, высунувшись в окно.

— Разбойники? — пискнула мисс Бейли.

«И охранника нет, как назло!» — с досадой подумала я. Многие дилижансовые компании сэкономили, нанимая охранников только после Шиффрида, так как на дорогах возле столицы дежурили вооруженные патрули, и ездить по ним было относительно безопасно. Однако сегодня нам не повезло.

— Почему этот болван кучер не взял охранника! — словно эхо моих мыслей, воскликнул мистер Сликер, прижимая к груди драгоценную Библию.

— Вероятно, надеялся на волю Провидения, — пошутил мистер Пай. Никто не засмеялся.

— Только полный идиот способен придумать такое! — отгрызнулся священник. Очевидно, несмотря на свое занятие, он был не слишком тверд в вере.

Топот, нагоняющий нас, приближался. Кучер выжимал из лошадей все, на что они были способны, но погоня неминуемо нас настигала. Миссис Трелони, со сжатыми в нитку губами, заносчиво выпрямилась:

— Клянусь, от меня эти бродяги не получат ни пенса!

Затянутыми в перчатки пальцами она проворно достала из сумочки глухо звякнувший кошелек и сунула его за подушки сиденья. Глаза ее торжествующе сверкнули из-под вуали. Уолтер, очень сосредоточенный, извлек откуда-то одноствольный пистолет с кремниевым замком. Я невольно отшатнулась, а впечатлительная мисс Бейли даже вскрикнула. Нед принялся торопливо взводить пистолет, что из-за отсутствия сноровки заняло некоторое время. «Ищейкам» Тревора нечасто случалось применять огнестрельное оружие. Мне, например, ни разу не довелось держать его в руках, и я понятия не имела, что Нед, оказывается, вооружен! Остальные попутчики испуганно сбились в противоположном углу кареты.

Зарядив пистолет, Нед высунулся в окно, старательно прицеливаясь. Мы все затаили дыхание:

— Стреляйте... стреляйте же! — не выдержал мистер Пай.

Все случилось одновременно. Грохнул выстрел, и сразу же повозку тряхнуло. От толчка Нед едва не упал на миссис Трелони; мисс Бейли, свалившись вперед, чуть не исцарапала мне лицо своей корзинкой, мистер Сликер, шаря под скамьями, причитал: «Моя книга!» Прошло некоторое время, прежде чем удалось восстановить порядок. Прежде всего мы убедились, что топот позади экипажа затих.

— Мы спасены, да? — неуверенно произнесла мисс Бейли. — О, мистер Уолтер! Вы просто герой! Наверняка грабители испугались вашего выстрела!

— И лошади тоже, — пробормотал священник. Впрочем, Неду он улыбнулся вполне дружелюбно.

Далеко впереди маячило более крупное скопление огоньков. В сгустившемся мраке с трудом можно было различить шпиль колокольни. Очевидно, мы приближались к Шиффриду. Все поздравляли друг друга с чудесным спасением. Все, кроме миссис Трелони. Среди лучившихся счастьем улыбок ее лицо резко выделялось своей мрачностью. Она сидела не шевелясь, с ровной, как жердь, спиной.

— Что с вами, миссис Трелони? Надеюсь, я не ушиб вас! — учтиво осведомился Нед.

— Хм, — прозвучало в ответ.

Я первой догадалась, в чем дело:

— Где ваш кошелек? Тот, который вы спрятали за подушками сиденья?

В лице миссис Трелони боролись досада и нежелание ввязываться в публичные разборки:

— Вы знаете... его действительно нет. Хм. Я нахожу это очень неприятным.

Поиски под обеими скамьями ничего не дали. Радостные улыбки в экипаже погасли, сменившись настороженными, подозрительными взглядами. В воздухе повисла угроза.

— Че ты пялишься? — набычился Клетчатый Жилет, которому не понравился пристальный взгляд Уолтера. Может, это ты спер! Ты ж едва не упал на бедную даму, когда нас в последний раз тряхнуло! Так что вполне мог пошарить за подушками!

Нед промолчал, но за него вступился мистер Сликер:

— Зато вы сидите с миссис Трелони на одной стороне, так что вам куда проще было добраться до кошелька. Послушайте, так мы ни к чему не придем. Может быть, тот, кто взял кошелек, сознается в дурной шутке? Не обыскивать

же нам друг друга!

Мы снова обменялись взглядами. Сознаться никто не спешил. Экипаж постепенно приближался к городу, а обстановка в нем становилась все более накаленной. Я поняла, что пора брать дело в свои руки:

— Обыскивать никого не придется, — сказала я, сурово глядя на мисс Бейли, которая снова вся спряталась под полями шляпы. — Давай-ка сюда твою корзинку, дорогуша. Ты, конечно, неплохая актриса, но твоя речь слишком грязная даже для кокни. Чтоб ты знала, в Кречи так не говорят. И ботиночки тебе явно жмут: я же видела, как ты поджимала ноги всю дорогу. Судья в Шиффриде наверняка спросит, с кого ты их сняла!

Когда я была маленькой и жила в Кречи, мистер Бобарт, мой опекун, собиравшийся использовать меня в своих грязных делишках, весьма жесткими мерами приучил меня разговаривать на чистом языке. Но когда все вокруг коверкают слова и проглатывают звуки, поневоле привыкаешь к такой манере. Мисс Бейли слишком переигрывала, изображая жительницу эшентаунских трущоб. Больше было похоже, что она родом из какой-нибудь местной деревушки, и, скорее всего, «разбойники», якобы преследовавшие экипаж, были ее сообщниками. Не думаю, что они всерьез собирались напасть на карету, просто хотели посеять панику, чтобы в общей суматохе девчонка могла стянуть что-нибудь и тут же сойти на ближайшей станции.

Всхлипнув, девушка беспрекословно протянула мне корзинку, накрытую не очень чистым платком. Я поворошила вещи: узелок с хлебом, неоконченное вязанье, две луковицы... и никаких признаков кошелька! Неужели я ошиблась?! Мои щеки залились тяжелым жаром от стыда.

— Думаю, преступница действовала не одна, — прозвучал над ухом безмятежно спокойный голос Неда. — Девушка вытащила кошелек из-за подушки и незаметно уронила его на пол, а потом... — с этими словами мой напарник резко выхватил Библию из рук мистера Сликера.

Мы все ахнули от такой непочтительности. Но каково же было мое изумление, когда книга оказалась фальшивкой! В середине было вырезано углубление, как раз достаточное для того, чтобы спрятать небольшой предмет. Оттуда торчал краешек темного бархата. Мысль, что священную книгу можно использовать таким образом, заставила всех онеметь.

— Это не Библия, — так же спокойно добавил Нед, просмотрев уцелевшие строки.

— Хотя преступление от этого не становится менее дерзким. Думаю, теперь всем очевидно, что у нас имеется двое сообщников.

— Ну и дела! — ошарашенно вытаращился мистер Пай. Миссис Трелони молча сверкнула глазами из-под вуали, и в ее взгляде на миг почудился опасный серебряный блеск.

В Шиффриде нам пришлось завернуть в магистрат, чтобы сдать в руки правосудия двух воришек. Служащие оказались не слишком расторопны, так что, когда мы с Недом, наконец, добрались до постоянного двора, над городом уже стояла глубокая ночь. С самого утра у нас во рту не было и крошки, однако сердобольная хозяйка, сжалившись, налила нам по тарелке еще теплого сливочного супа. В полутемном зале мы с Уолтером были одни. Все светильники уже потушили, под сероватым пеплом в камине приглушенно краснели угли.

Нед определенно гордился моим участием в сегодняшнем деле:

— Когда вернусь, расскажу Старику! Ты отлично показала себя, разоблачив эту тихоню мисс Бейли!

Я с трудом оторвалась от супа, оказавшегося восхитительно вкусным:

— Наоборот, я чуть не опростоволосилась, когда обыскала ее корзинку. Вот ты действительно молодчага! Насчет Сликера у меня даже тени подозрения не было!

— Мне не понравилось, как они переглядывались с мисс Бейли. И потом, ни один священник не стал бы так дерзко говорить о Провидении, у них это не принято. Знаешь, мои родители хотели, чтобы я выучился на священника. Я ведь четвертый сын в семье.

Я этого не знала, хотя проработала с Недом около двух лет. Я подумала, что сегодня мы оба приблизились к истине, однако раскрыть преступление смогли только общими силами... Молнией прострелила внезапная мысль: до чего же хитрец мистер Тревор, как он ловко подобрал команду так, чтобы наши способности дополняли друг друга! Я, к примеру, лучше всех знала закоулки Кречи и их обитателей. Фокс великолепно ориентировался в Доках и имел там массу полезных знакомств. Уолтер мог наизусть процитировать любую статью из свода законов... Так и вышло, что из жалкой кучки неудачников Тревор соорудил отличное оружие с ладно пригнанными деталями — команду «ищеек», каждая из которых знала свое место.

— Мне так будет этого не хватать! — искренне сказала я, чуть не плача. — Я имею в виду — всего этого. Общей работы... разглагольствований Хаммонда... даже Фоксовых ядовитых шуточек, черт бы его побрал!

Нед, похоже, отлично меня понял:

— Мне тоже, Коза. Без тебя наша команда будет уже не та... Но я уверен, ты найдешь, чем заняться в Уайтборе. Просто представь себе, что замок — это загадка, которую тебе предстоит разгадать.

Он наклонился ближе, сцепив сложенные на столе ладони. В его светлых глазах заблестел азарт сыщика:

— Почему замок был заброшен после смерти подполковника Уэсли? Почему твой дядя сторонится общества? Почему Уайтбор являлся тебе во снах? Подумай об этом.

И, откинувшись на спинку стула, он добавил:

— Сыщик так устроен, что куда бы ни отправился, везде найдет себе дело.

Тогда мы понятия не имели, насколько он оказался прав.

* * *

Чтобы добраться от Кэреска до Триверса, самого оживленного города в графстве, нам пришлось пересечь в почтовую карету. Путь теперь шел вдоль побережья, так как полуостров Думанон узким клином вдавался в холодное Гэльское море. Я смотрела, как на пустынный берег, изрезанный бухточками и заливами, снова и снова набегали пенные волны, разбиваясь об угрюмые скалы. По обеим сторонам дороги тянулись унылые пустоши, порыжевшие, прихваченные морозом. Кое-где в холмах торчали дымоходы шахт. Над некоторыми из них вился дымок, но большинство казались заброшенными, а в дымоходе одной шахты, находившейся рядом с дорогой, свили гнездо голуби. Все это подтверждало правоту мистера Пая.

Бесприютный однообразный пейзаж не мог отвлечь меня от мыслей о замке Белого Вепря. Впервые я увидела его во сне сразу после того, как пропал

амулет лорда Фонтероя. Как будто прикосновение к волшебной вещи разбудило дремавшую во мне магию, унаследованную от матери. Сколько я ни пыталась потом воспроизвести в памяти увиденный когда-то образ, Уайтбор ускользал от меня. Перед глазами возникал не один замок, а словно бы несколько — вложенных, перетекающих друг в друга.

Строгий фасад с высокими сводчатыми окнами напоминал о классическом стиле. Мощные башни, испятнанные черным плющом, грозно вздымались к небу, поддерживаемые изящными контрфорсами. Черепица крыш мягко серебрилась в свете луны. Окруженная сияющим ореолом, луна обливала стены кислотным тревожным светом, погружая подножие замка в глубокую тень.

Чем ближе я подходила к замку — тем сильнее менялся его фасад. Колонны у парадного крыльца превратились в пилястры, а затем и вовсе исчезли. Мрачную истертую кладку заменил темно-красный кирпич; круглое витражное окно на высоте третьего этажа вдруг выпятилось, образовав решетку ажурного балкона. Теперь фасад выглядел куда веселее. Из крыш вылезли высокие каминные трубы, словно свечи на торте. Замок будто сворачивался внутрь себя, изгибался, нахально презрев все физические законы.

Когда я поднялась на крыльцо, тяжелые двери со стоном распахнулись. Изнутри полы были выстланы мягким мхом, золотившимся в свете ламп. Среди мха пестрели россыпи мелких белых цветов, похожих на брызги лунного света. Внутреннее убранство холла, с его хрупкими висячими галереями и разновеликими колоннами, тянувшимися вдоль стен, до боли напомнило залу театра «Дримхилл», где мне однажды довелось побывать.

«„Дримхилл“ здесь не при чем, — вдруг отчетливо поняла я. — Это внутренность холма сидов». Волей случая замок Уайтбор представлял собой ворота в волшебное царство фэйри, находясь на самой границе между нашей — и Той Стороной.

Тут бы мне и отступить, тут бы и вернуться назад, но позади вдруг послышался грохот осыпающихся камней, и стало ясно, что воспользоваться прежним выходом уже не удастся. Не зря Амброзиус предупреждал, что в мире фэйри нет двух одинаковых дверей, и любая дверь, сквозь которую ты пройдешь, захлопывается навсегда!

Я в смятении оглянулась. В этот момент кто-то потряс меня за плечо:

— Энни, проснись! — послышался голос Неда. — Мы проезжаем реку Тэйме. Ты не можешь бездарно проспать такой момент! Эта река отделяет земли Думанона от остальной Грейвиллии.

Тревожный сон рассыпался в клочья. Остатки сна слетели с меня, когда колеса кареты загрохотали по булыжникам, и нас нещадно затрясло, как на стиральной доске. Шесть высоких каменных опор пронзали скользкое темное тело реки, словно огромные ребра доисторического животного. Далеко внизу неохотно двигались почти застывшие водяные струи. Мы миновали мост, и я поежилась от осознания, что Тэйме будто ледяным лезвием безжалостно отсекла мое прошлое. С каждым оборотом колеса Эшентаун отодвигался все дальше, и впечатления от прежней жизни постепенно размывались в памяти. Будущее представлялось слабо.

Я прерывисто вдохнула холодный воздух, влажный после дождя. Вероятно, волшебный сон был тому причиной, но казалось, что в иссеченных ветром путошах Думанона притаился и дышит целый зачарованный мир.

Почтовая карета движется быстрее дилижанса (и гораздо лучше охраняется), так что остаток пути прошел без происшествий. В Триверсе мы наняли экипаж, чтобы добраться до поместья Уайтбор. Нед убеждал меня отдохнуть в гостинице хотя бы несколько часов, но меня подгоняло нетерпение, так хотелось поскорее увидеть замок.

Не поверите, но я чувствовала зов этого каменного исполина все время, пока наша повозка тащилась по холмам, покачиваясь под порывами ветра. Какое-то смутное чувство гнало меня вперед. И когда над холмами показались грозные башни, подпирающие небо, я забыла обо всем на свете: о предстоящей встрече с дядей, об экономке миссис Дэвис, встретившей нас у дверей, и даже о моем заботливом друге. Таинственные лабиринты замка полностью захватили мое воображение.

Разумеется, встреча с мистером Уэсли все-таки состоялась. Когда я немного пришла в себя, мой новообретенный родственник принял нас в гостиной, освещенной пятью огромными паникадилами, свисавшими с потолка. Несмотря на относительно ранний час, свечи уже горели. Может, лорду нравилось исходящее от них тепло. Или он просто не выносил зимних сумерек. Вид у него был усталый, слегка раздраженный, и он менее всего походил на румяного добродушного сквайра, которого я успела нарисовать в своем воображении.

На вид Робин Уэсли казался не намного старше Фонтероя, хотя, конечно, был далеко не так красив. Его узкое нервное лицо имело отдаленное сходство с отцовским портретом, но было словно перекручено, искажено от каких-то потаенных чувств. Губы плотно сжаты, темные волосы зачесаны на одну сторону, левая бровь вечно вздернута в ироническом удивлении.

Он стоял перед нами, скрестив руки на груди, и я заметила, что одно его плечо было выше другого. Большие глаза скрывались под тяжелыми полуприкрытыми веками, на лице застыло угрюмое, желчное выражение.

«Не удивительно, что ему приходится жить отшельником!»

— Значит, вы — та самая племянница из Эшентауна, — лениво процедил «добрый» дядюшка, пройдясь по мне неприязненным взглядом.

— Да, милорд. Меня зовут Энни Фишер, — просто сказала я, неловко поклонившись. — А это мистер Уолтер, мой... хороший знакомый.

Такие слова как «магистрат», «ищейка» и «расследование» были совершенно неуместны в этой рыцарской гостиной, под высокими сводами которой чувствовалось дыхание древних веков.

Мистер Уэсли рассмеялся. Дробный колючий звук рассыпался по углам:

— Энни Фишер? — выплюнул он. — Чем скорее вы забудете эту плебейскую кличку, тем лучше. Леди Анна Уэсли.

«Это он еще про Козу не знает», — мелькнула мысль. Каждый звук нового имени падал веско, словно камень. Дядя не просто произнес его — он облек меня в это имя, словно в парадную мантию. Я всей кожей ощутила ее тяжесть, возложенную на плечи. Стало как-то не по себе. Лорд Уэсли тем временем обернулся к Неду:

— Разумеется, вы останетесь пообедать?

Это прозвучало так, что даже человек не светский, чьи уши не были приучены различать тонкие оттенки смыслов, понял бы, что ему здесь не рады. Поистине, мистер Уэсли был виртуозом интонаций.

Нед засомневался, перехватив мой умоляющий взгляд. Я и раньше подозревала, что жизнь вдвоем с дядей вряд ли будет приятной, но теперь подобная перспектива приводила в ужас. Можно я не останусь с ним наедине хотя бы сегодня?!

— Я... Да, конечно, милорд, но вообще-то мне нужно как можно скорее вернуться в Эшентаун. Служба не ждет, — принялся оправдываться напарник, явно пытаясь извиниться перед нами обоими.

— Что ж, понимаю. Миссис Дэвис покажет вам комнаты. Моя экономка.

Схватив со стола колокольчик, мистер Уэсли раздраженно затряс им. Видно, ему не терпелось вновь остаться одному. Дверь в столовую тут же приоткрылась. На пороге стояла серенькая невзрачная женщина — та самая, что встретила нас по приезду в замок. Мы с Недом были несказанно рады ее видеть и устремились прочь из гостиной с непочтительной поспешностью. Ну и тип этот Робин Уэсли! Даже не знаю, как выдержу здесь до приезда Фонтероя!

Уже на пороге я неожиданно для себя оглянулась. Мистер Уэсли, выпрямившись, стоял возле стола и смотрел мне прямо в лицо. Взгляд его пронизывал насквозь, а глаза оказались ярко-зеленые, дерзкие и безжалостные. Слишком яркие для человека.

Глава 3

После чрезвычайно церемонного обеда Нед Уолтер отбыл обратно в Триверс (с немалым облегчением, я полагаю), оставив меня обживать на новом месте. Миссис Дэвис приготовила мне комнату в правом крыле замка, почти в самом конце длинного коридора. Моя уставшая голова не в состоянии была запомнить маршрут. В памяти отложилось только, что мы добирались до комнаты довольно долго, миновав несколько темных лестниц. Замок чутко прислушивался к нашим шагам, провожая нас гулким эхом. Мелькнуло опасение, что в каменных лабиринтах Уайтбора немудрено заблудиться.

— Здесь вам будет спокойно, мисс, — говорила экономка, пока маленькая смуглая горничная застилала постель. Простыни, нагретые у каминной решетки, хлопали, как белые паруса.

— Надеюсь, привидения меня не побеспокоят, — пошутила я. В таком древнем замке они просто обязаны быть! Отчего-то казалось, что если остаться здесь надолго, Уайтбор так основательно вплетет тебя в свою жизнь, что даже после смерти ты не сможешь вырваться отсюда. Интересно, сколько людей жили до меня в этой комнате?

— Вряд ли, — невозмутимо отозвалась миссис Дэвис. — Белая Леди редко удостоивает нас своим посещением. В основном она обитает на чердаке или в башне Корвин. Любит уединение, понимаете ли.

«Она шутит, — подумала я. — Не можем же мы всерьез обсуждать манеры и привычки местного привидения! Да еще в присутствии прислуги!»

Я оглянулась в сторону кровати, закрытой тяжелым бордовым балдахином, но горничной там уже не было. Когда она успела выйти? Я выглянула в коридор. Вдалеке, смутно освещенная стоявшим на полу фонарем, хрупкая девушка добросовестно обметала стоящие в нише старинные доспехи. Метелка так и мелькала в ее смуглых руках. Надо же, до чего здесь расторопные и проворные слуги!

Возвращаясь к обществу миссис Дэвис, я остановилась на пороге. Потом

снова на секунду выглянула в коридор. Абсурдная мысль, но мне показалось, будто скамья, стоявшая в нише окна недалеко от моей комнаты, вдруг отрастила себе лишние ноги.

Ниша была пуста. Я протерла глаза — скамьи не было. Нет, я просто устала с дороги, вот и мерещится всякое!

— Все хорошо? Принести вам стакан молока перед сном? — предложила экономка.

Речь ее звучала мягко и добродушно, однако лицо оставалось на редкость бесстрастным, безвольным, как у тряпичной куклы. Не человеческое лицо, а набросок, ожидающий, что ему сообщат какие-то чувства.

Пересилив внезапную неприязнь, я улыбнулась:

— Не нужно, спасибо. Доброй ночи.

— Спокойной ночи. Спите крепко.

Миссис Дэвис вышла, шурша накрахмаленными юбками. Теперь можно было как следует осмотреться в своих владениях. Подойдя к окну, забранному круглыми «лунными» стеклами в свинцовом переплете, я толкнула неподатливые створки. Лицо и руки сразу съежились от холода, взгляд провалился в темноту. Кажется, комната выходила на замковый ров. В нижних этажах замка кое-где светились теплые огоньки, но высокие башни, иссеченные ветром, угрюмо чернели, утопая в низких облаках.

— Я могу разобрать ваши платья, если хотите, — прозвучало вдруг за спиной.

От неожиданности я подскочила. В дверях смежной комнаты, куда мы сгрузили мои чемоданы, стояла давешняя горничная, держа стопку нижних юбок. Ее руки, погруженные в ворох белых кружев, на их фоне казались хрупкими коричневыми веточками. Я ошарашенно перевела взгляд на дверь, ведущую в коридор. Не могла же девчонка раздвоиться!

— Как твое имя?

— Меня зовут Джонс, мисс. Элспет Джонс.

— Я же недавно... да чего там, только что видела тебя в другом конце коридора!

Помявшись немного, она ответила:

— Наверное, это была моя сестра, мисс. Мы с ней обе служим здесь.

Ну конечно! Почему такой простой вариант сразу не пришел мне в голову? Двойняшки — не такая уж редкость. К примеру, Селия и Селина Виверхем, мои эшентаунские подруги, тоже обладали удивительным внешним сходством. Зато характеры у них отличались, как небо и земля. Вероятно, все дело в замке. Это он виноват в моих настроениях. Мистическая атмосфера, окружавшая Уайтбор, действовала на нервы, а тут еще туман, наползающий с пустошей, в котором мне упорно слышались отголоски волшебства...

Сделав книксен, Элспет ушла, оставив меня готовиться ко сну. За окном разгулялся ветер, вытряхивая душу из деревьев и бросая в стекло горсти ледяных капель. К счастью, в кровати обнаружилась грелка, заботливо приготовленная горничной. Я вспомнила, что сейчас самое время для рождественских штормов. Надеюсь, Нед доберется благополучно! Вряд ли у него хватит благоразумия переждать непогоду в Триверсе или Босвене! Нед Уолтер получил от мистера Тревора однозначный приказ: доставить меня в Уайтбор и вернуться обратно, а Нед у нас имеет дурную привычку понимать приказы буквально.

От напарника мои мысли перекинулись к Агате (так как я надеялась, что они помиряются), потом — к безмятежно-счастливой Селине... Вдруг вспомнился забавный обычай, и я, немного стыдясь, прошептала в подушку: «чур, на новом месте приснишь жених невесте».

Было бы так чудесно увидеть Кеннета, хотя бы во сне, хотя бы на минутку! С этой мыслью я задремала... и приснился мне мистер Лайбстер.

* * *

Проснулась я оттого, что на меня давил холодный лунный свет. Ночью небо очистилось, и луна единовластно царила на нем, обливая крыши Уайтбора голубоватым свечением. Ключья ускользающего сна, казалось, еще витали под пологом кровати, не давая мне покоя.

Я надеялась, что окончательно распрощалась с Лайбстером, когда мы закрыли дело о пропавшем амулете. Кроме моих коллег никто не знал, что на самом деле «мистер Лайбстер» был вовсе не секретарем сацилийского посольства, а сидом с Той Стороны. Встреча с ним во сне ничего хорошего не сулила. Хуже было бы только встретиться наяву! А то в последние дни мне удивительно «везет» на неприятные встречи...

Снова заснуть не представлялось никакой возможности. Так я и просидела в постели до утра, завернувшись в одеяло и размышляя о разных вещах. Когда квадрат окна посветлел и комната вокруг постепенно обрела очертания, я бесшумно выбралась из кровати. Пора мне основательно познакомиться с замком! Нечего тут пугать меня таинственными коридорами и странными сновидениями!

Слуги, наверное, уже поднялись, но на верхних ярусах еще царило безмолвие. Мне хотелось подняться повыше, чтобы осмотреть окрестности, оценить положение замка и уточнить расположение домов ближайших соседей. Задумчиво бредя по изгибающемуся коридору, я вдруг замерла перед поворотом, расслышав шепот за полуприкрытой дверью. Два тоненьких голоска взволнованно обсуждали что-то между собой:

— Ты видела ее глаза? А кожа, бледная, как снятое молоко? Она наша!

— Хозяин рассердится.

— Может быть. А вдруг хозяйка будет лучше?

Развернувшись, я на цыпочках двинулась в обратную сторону. Понятия не имею, о чем шла речь, но сейчас мне не хотелось бы встречаться со слугами и терпеть их любопытные изучающие взгляды. Лучше поищу другую лестницу, благо их здесь десятки.

Вскоре я нашла то, что нужно: узкие ступени виток за витком поднимались в сумеречную высоту. Вокруг не было ни души. Замечательно! На миг меня охватило острое чувство предвкушения, пронзив дрожью с головы до ног. Это было как в детстве, когда ты впервые забираешься в заброшенный дом, манящий неведомыми сокровищами и духом приключений.

Подъем давался мне нелегко. Я совсем запыхалась, когда лестница привела меня наконец к низкой двери, обитой древними медными гвоздями с квадратными шляпками. Ее запирала внушительная щеколда, которую с трудом удалось отодвинуть. Пригнувшись, чтобы не разбить лоб о притолоку, я переступила порог и очутилась словно в другом мире. Кажется, это был чердак — просторное сонное царство, пронизанное полосами белесого света. Высоко над головой плыли по воздуху гигантские стропила. Возле стен сгрудились сундуки,

рванные ширмы, какие-то мешки, ящички, обломки... Чердак представлял собой кладбище покинутых, ненужных вещей. Дневной свет едва пробивался сюда сквозь пыльные окна и трещины в покоробленном дереве.

Здесь царило запустение и легкая невесомая печаль. Толстый слой пыли укрывал все вокруг, разлегшись на темных крышках сундуков, на мягких подушках кресел, обитых истертым шелком, цвет которого уже нельзя было определить. Я пробралась к окну, оставляя в пыли четкую цепочку следов. Судя по ним, сюда лет сто не заглядывала ни одна живая душа. Никто, кроме меня.

Ниже окна теснились разномастные кровли, покрытые черепицей. Кое-где в ней проглядывали прорехи. Еще ниже виднелась часть угловатого дворика размером не больше носового платка, где сутились человеческие фигурки размером с наперсток. За горой Уайтбор, на которой был выстроен замок, простирались пологие спины холмов, полускрытые туманом, да тянулась колючая полоска Кардинхэмского леса.

Вдруг по стене чердака наискось метнулся крапчатый, пятнистый свет, будто кто-то решил поиграть в «солнечные зайчики». Только солнца снаружи не было. Стояло обычное зимнее утро, когда в воздухе разлита тишина, и белесое небо безмятежно глядится в озябшую землю.

На чердаке по-прежнему никого не было, но мне показалось, будто что-то изменилось. В теплую, задумчивую дремоту этого места вкралась тревожная нота. Неужели Белая Леди решила дать о себе знать?

— Миледи? — тихо позвала я, чувствуя себя довольно глупо. Ну извините, у меня не было навыков вежливого общения с призраками.

В ответ — тишина. Только качнулись в углу лохмотья роскошной паутины, свидетельствующей о многолетнем неумолимом труде пауков.

— Есть тут кто-нибудь? — спросила я уже громче. И вздрогнула, заметив на пороге щуплую невысокую фигурку. Девушка стояла, смиренно сложив руки-веточки на чистейшем белом переднике. Это была Элспет. Или, возможно, ее сестра.

— Хозяин привык завтракать в девять, — произнесла она извиняющимся тоном. — Мы никак не могли вас найти.

«Ну еще бы. Как она вообще ухитрилась отыскать меня здесь?!»

— Что ж, тогда не будем заставлять его ждать. На минутку только загляну к себе.

Девушка нерешительно мотнула головой, вперив в меня яркий взгляд, в глубине которого мерцала жалость:

— Я бы на вашем месте поторопилась, мисс. Иначе лорд Робин может здорово рассердиться.

* * *

Завтрак накрыли в Каминной Зале. Комната была такой длинной, что стол, рассчитанный на пятьдесят человек, казался маленьким островком, теряясь в ее серых прохладных глубинах. Огромные толстые колонны подпирали расписной потолок. Там среди облупившихся голубых облаков мифические герои застыли в напыщенных позах, демонстрируя свои подвиги. Одну стену целиком занимали высокие окна, изукрашенные витражами, зато противоположная стена, в середине которой торчал огромный камин, щеголяла голой каменной кладкой, отчего казалась ободранной и нелепо пустой.

За столом сидели двое: Робин Уэсли и его экономка. Блеклая фигура миссис Девис в неярком утреннем свете выглядела почти бесплотной. Мой дядя угрюмостью мог бы поспорить с дождевой тучей:

— Наконец-то вы явились, — желчно произнес он. — Я не потерплю неаккуратности в своем доме, тем более от такой незначительной особы!

— Прошу прощения, — ответила я кротко, не желая начинать утро с семейной ссоры.

Откуда мне было знать, что мистер Уэсли так чувствителен к расписанию? Я спешила как могла, только умылась и смахнула с волос паутину, которой обзавелась после посещения чердака. Вряд ли мне удалось бы выдать такое «украшение» за последний писк столичной моды!

Дядя явно собирался продолжить воспитательную речь, но в этот момент солнце наконец прожгло путаную пряжу туч и выпустило лучи, разом ворвавшиеся в двадцать витражных окон. Стало понятно, почему художник оставил противоположную стену пустой: солнечные блики расцветили ее тысячами блесток алого, синего и золотистого цвета. Я невольно ахнула:

— Как красиво!

Пробурчав какое-то ругательство, лорд Уэсли резко махнул рукой замершей у дверей служанке, приказав, чтобы подавали еду. Завтрак прошел в меланхолическом молчании. Миссис Дэвис отрезала ножом крошечные кусочки сладкого пирога и клала их в рот заученными жестами, словно кукла. Робин Уэсли безмолвствовал, озирая выставленные перед ним яства: варенья и желе в вазочках, крашеные вареные яйца, сложенные горкой ломти хлеба, источавшие приятный аромат свежей выпечки, пузатый кофейник, в котором отражалось его причудливо искаженное лицо. Судя по задумчивому хмыканью и изредка подрагивающей левой брови, мысли лорда Уэсли бродили где-то далеко отсюда. Но когда его взгляд случайно задевал меня, в глазах снова вспыхивал тлеющий огонек.

Я готова была поддержать беседу, только с чего начать? «Знаете, по дороге к вам я довольно ловко помогла раскрыть одно маленькое преступленьице» — нет, об этом лучше не упоминать. «Кажется, я только что на чердаке столкнулась с нашим фамильным привидением» — это тоже не годится. Жуя кусок тоста, безвкусный, как бумага, я с тоской вспоминала уютные завтраки на Гросвен-стрит. Миссис Бонс по утрам никогда не ломилась в наши спальни, заставляя нас подниматься ни свет ни заря! Она просто оставляла блюда под крышками на буфете, на специальных подставках с маленькими горелками, чтобы мы могли сами выбрать, что хотели.

Покончив с завтраком, Уэсли отложил салфетку, устремив взгляд на меня. Мой начальник, мистер Тревор, тоже иногда вот так буравил меня взглядом, когда мне случалось совершить очередную ошибку. Однако Уэсли по суровости далеко его превосходил. Я почувствовала себя как кролик, внезапно узревший перед собой чешуйчатую морду змеи. Закашлявшись, я смутилась и залпом допила весь кофе, оставшийся в чашке.

— Итак, — веско сказал лорд Уэсли. Посмотрел сквозь экономку, и та, пожелав нам приятного утра, поспешила покинуть трапезную.

— Итак, обсудим наши дела. Вы не можете оставаться в этом замке. Но позволить вам жить одной я тоже не могу. И, конечно, совершенно недопустимо, чтобы вы продолжали работать у мистера Тревора, при всем моем уважении.

Я всем видом изобразила вежливое внимание. Интересно, к чему он клонит.

— Вам необходимо выйти замуж, и поскорее. Я намерен позаботиться об этом. В пяти милях отсюда, в поместье Хоппер живет миссис Полгрин, имеющая трех дочерей на выданье. Где трое, там и четверо. Полагаю, что она не откажется вывести вас в свет в обмен на некоторые услуги.

Я насторожилась. Кажется, мне снова навязывали роль дебютантки. Но это будет совсем не так, как в Эшентауне, где мне приходилось осваивать тонкую науку кокетства под чутким руководством леди Элейн. Тогда это было понарошку, а дядя явно вознамерился взяться за меня всерьез! Нужно было скорее исправить это недоразумение:

— Я благодарна вам за заботу, милорд, но в этом нет никакой необходимости. У меня уже есть жених, и он скоро должен сюда приехать.

В первый раз за все утро на дядином лице отразилось что-то, кроме брюзгливого безразличия: необычная смесь облегчения и легкого беспокойства.

— Мистер Тревор, вероятно, забыл упомянуть об этом, — сказал он с удивлением в голосе. — Кто же ваш избранник?

— Сэр Кеннет Фонтерой, — храбро сказала я, надеясь, что небеса не накажут меня за самонадеянность. Что я буду делать, если Кеннет появится здесь через месяц, горячо поблагодарит меня за спасение и исчезнет?

— Вот как?! Хм...

Недоумение, прозвучавшее в дядином тоне, показалось мне обидным.

— А что? — запальчиво спросила я. — Вам кажется странным, что человек его положения заинтересовался скромной особой вроде меня?

— Нет, почему же. — Тонкие губы изогнулись в саркастической улыбке. — Напротив, мне всегда казалось, что вкус лорда Фонтероя в отношении женщин никогда не отличался изысканностью.

От этого оскорбительного замечания мои щеки полыхнули жаром. Я резко вскочила, жалея, что не обладаю способностью мгновенно придумывать достойные ответы. Как правило, они приходят мне в голову гораздо позже. Дядя тоже поднялся, не сводя с меня глаз:

— Неужели вы думаете, — произнес он негромко, но со сдержанной яростью, — что я позволил бы женщине из рода Уэсли выйти замуж за светского хлыща, имя которого годами не сходило со страниц скандальных хроник?!

Я не сразу поняла, что он имел в виду. Кеннет — и скандальные статьи? Какие? Когда? Потом только сообразила:

— Но это же было десять лет назад! С тех пор он изменился!

— Да неужели?! Знаете, как у нас говорят? «Черного кобеля не вымоешь добела». Забудьте об этом. Кеннет Фонтерой, возможно, был бы хорошей партией для Энни Фишер, однако он недостаточно респектабелен для Анны Уэсли.

Я готова была возразить, но вовремя спохватилась, что моя резкость не принесет пользы ни мне, ни Кеннету. Поэтому я молча направилась к двери, бросив на ходу:

— Мне нужно подумать.

Мистер Уэсли, однако, успел поймать меня за запястье. Для таких тонких рук, как у него, хватка оказалась неожиданно сильной:

— Мы сегодня же нанесем визит миссис Полгрин. Будьте готовы к трем.

Уходя, я едва удержалась от того, чтобы с силой захлопнуть дверь. Неужели

дядя так разозлился из-за какого-то утреннего опоздания? Из-за такой мелочи?! Нет, здесь явно крылось что-то еще... За его резкими, язвительными словами скрывалось нечто большее, чем обычное раздражение человека, на которого вдруг взвалили нежеланную новую ответственность.

В безопасном уединении своей комнаты я с размаху села на кровать и невесело рассмеялась.

Несмотря на расстройство, нельзя было не оценить комизм ситуации. Подумать только, целую неделю я изводила себя переживаниями, что недостаточно хороша для лорда Фонтероя! А оказывается, с точки зрения моего дяди, это Кеннет недостоин меня!

Так и хотелось грохнуть что-нибудь об пол, чтобы выплеснуть злость, но в чисто прибранной комнате не нашлось ничего подходящего. Пока я изнывала в столовой за завтраком, чья-то невидимая рука успела застелить постель, вычистить камин и заново развести огонь. Элспет, конечно. На каминной полке стояла маленькая жестяная ваза с одуванчиками. Одуванчики! В январе! Интересно, где она ухитрилась их раздобыть? Конечно, можно было предположить, что где-то в замке имелись оранжереи, но вряд ли лорд Уэсли вздумал бы разводить в них одуванчики. Хотя... что я знаю о нем? Что он вообще за человек?

Как бы я ни храбрилась, но дядино отношение к Кеннету представляло серьезную проблему. Формально Робин Уэсли считался моим опекуном, и если он будет решительно настроен против брака, нам с Кеннетом останется только сбежать из Уайтбора в почтовой карете, словно каким-нибудь романтическим героям. Сомневаюсь, что он на такое согласится. Кеннет настолько щепетилен в вопросах чести, что наверняка предпочтет добиваться моей руки официальным путем.

«А ты уверена, что он вообще будет тебя добиваться? — прозвучал в сознании ехидный голосок. — Может, наоборот обрадуется, когда Уэсли ему откажет!» Но я сердито запихнула эту мысль в самый дальний уголок памяти и хлопнула за ней дверь.

Если я хочу выжить в Уайтборе, мне необходимо в кого-то верить.

Глава 4

Я уже поняла, что распоряжения лорда Уэсли выполнялись в Уайтборе беспрекословно. К трем часам у ворот уже ожидала запряженная двуколка, готовая доставить нас к миссис Полгрин, в дом с забавным названием Хоппер (гнездо). Забираясь в коляску, я пыталась привыкнуть к мысли, что здесь, чтобы добраться до ближайших соседей, приходилось каждый раз преодолевать несколько миль по серым заиндевелым пустошам. Для меня, всю жизнь прожившей в большом городе, это было так необычно! В Эшентауне мы, можно сказать, жили друг у друга на головах. Серые просторы Думанона, окруженные морем и насквозь продуваемые ледяным ветром, ошеломляли, сбивали с толку.

Вскоре коляска бодро катилась по глубокой колее, проложенной многими поколениями мулов. Лорд Уэсли, отвернувшись, смотрел в сторону, хотя, на мой взгляд, смотреть там было особо не на что. Изредка попадались клочки обработанной земли, но вообще казалось, что в этих краях люди не столько возделывали землю, сколько старались забуриться вглубь, пытаясь извлечь сокровища, скрытые в глубине. Гораздо чаще полей нам по пути встречались канавы, штольни, отвалы пустой породы, деревянные буровые вышки и колесные дробилки. Все это перемежалось унылыми картинами болотистых пустошей, где ветер шевелил сухой вереск и трепал редкие чахлые деревца. Единственными обитателями здешних болот были стоячие камни, провожавшие нас тяжелыми мрачными взглядами. Солнце давно скрылось, и землю заливал какой-то неопределенный, болезненно-серый свет. Могу поспорить, что девять из десяти эшентаунцев при виде такого пейзажа впали бы в меланхолию.

Один раз мы проехали через шахтерскую деревню — горстку деревянных и глинобитных хибар, крытых плавником. Меня поразила царившая вокруг нищета. Краска на стенах облупилась, кровля кое-где пестрела прорехами. Одна хижина и вовсе стояла пустой: окна заколочены, сквозь доски крыльца проросла ежевика. Мелкая ребятня при виде коляски побросала свои игры, высыпав к дороге, будто экипаж, запряженный двойкой лошадей, был здесь невиданным зрелищем. Какой-то мужчина в рабочей робе и жесткой шляпе с прилепленной к ней свечой, заслышав скрип колес, хмуро оглянулся, но, встретившись взглядом с лордом Уэсли, торопливо изобразил почтительный поклон. Вдалеке в холмах торчал полуразрушенный подъемник заброшенной шахты.

— Шахта Уил-Дейзи, — подал голос мистер Уэсли. Это были его первые слова за всю дорогу. — Вам не помешает запомнить несколько ориентиров, когда сами начнете наносить визиты соседям. Здесь на пустошах легко заблудиться.

Я представила, как в одиночестве буду брести через болота, чтобы насладиться обществом неведомой миссис Полгрин, и мысленно содрогнулась.

— Полагаю, вы умеете ездить верхом? — холодно осведомился Уэсли. — Я подберу вам подходящую лошадь.

«Вряд ли она заменит мне Шайн», — горько подумала я, отвернувшись. Беседа снова увяла. Шайн была волшебным созданием. Мне подарил ее Амброзиус, друг и наставник Кеннета, чтобы при случае уберечь меня от Лайбстера. А вот я не смогла ее уберечь... Шайн была так хороша, что сидя на ней, даже

полный неумеха ощутил бы себя отличным наездником. С другой лошастью я вряд ли управлюсь. Откуда у обычной «ищейки» взяться навыкам езды в дамском седле? Или дядя думает, что в Эшентауне я вместо работы брала уроки в манеже?!

Пока я предавалась мрачным мыслям, мы пересекли неширокую рощу и добрались, наконец, до Хоппер-хауса. Небольшой дом окружали буйные кусты сирени, которые разрослись так густо, что наружу виднелась только крыша. Уже смеркалось, и сквозь ветви кустов просвечивали приветливо мерцающие окна. В саду за домом слышалось монотонное бормотание ручья. Наше появление вызвало легкий переполох, так как мой дядюшка, со свойственным ему пренебрежением к удобству окружающих, заявился раньше положенного времени. Впрочем, хозяйка — полноватая дама в широком синем платье и кружевном чепце — приветствовала его очень тепло, тут же засыпав вопросами о каких-то акциях и облигациях. Из слов миссис Полгрин я поняла, что она давно овдовела и привыкла в насущных делах полагаться на мнение Уэсли. Меня же без церемоний отправили «поболтать с девочками». Лично мне такая простота обращения пришлась по душе. В характере миссис Полгрин прекрасно сочетались добродушный эгоизм и неугасимая бодрость духа.

— Приятно, когда в нашей глуши появляются новые лица, — улыбнулась Джейн, старшая из трех дочерей.

Она была года на три постарше меня, с нежным, но твердым лицом и большими серыми глазами. На мой взгляд, Джейн была самой красивой из сестер. В резких манерах средней сестры, Кэролайн, слишком откровенно читались упрямство и решимость всегда оставлять за собой последнее слово. С ней, наверное, будет сложно поладить. Младшая, Мэри, была совсем еще ребенок, не больше двенадцати лет. Она видела в углу с книгой, забравшись с ногами в старое кресло, и едва обратила внимание на гостей. Трудно сказать, что из нее вырастет.

— Красивое платье! — похвалила меня Кэролайн. — Где вы его заказали? В Эдгартоне?

Я приехала из Эшентауна, — смущенно призналась я, с новым для себя ощущением некоторого превосходства. Мои прежние подруги, Селия и Селина, были гораздо образованнее и умнее меня, так что трудно было отделаться от ощущения, что иногда они смотрели на меня сверху вниз. Здесь же вышло наоборот. Обе старшие мисс Полгрин, преисполнившись интереса, забросали меня вопросами о столице. Даже малышка Мэри слегка оживилась. Бывала ли я в театре? Какие книги сейчас в моде? Правда ли, что улицы Эшентауна битком забиты роскошными экипажами, а вечером на них светло как днем из-за газовых фонарей?

Для этих девушек, запертых посреди пустоши, любой человек, приехавший издалека, казался посланцем из другого мира. Вряд ли им часто удавалось выбраться хотя бы в Триверс. Я заметила на рабочем столике у окна стопку зачитанных до ветхости модных журналов и выкровок. Наметанный глаз «ищейки» быстро определил признаки бедности и запустения: лепнина в углах потолка пожелтела от сырости, половицы и двери скрипели, тисненные обои, когда-то красивые, давно поблекли и напращивались на замену. Зато сосновая резная полка над камином была натерта до блеска, как и дверцы буфета, от чашек на столе поднимался ароматный пар, а задернутые шторы охраняли покой и уют.

Было видно, что девушки любили свой дом и старались поддерживать его в порядке, несмотря на недостаток средств.

— Боюсь, после Эшентауна вам у нас будет скучно, — со всей прямоотой заявила Кэролайн. — Зимой здесь тоскливо, хоть волком вой. В прошлом месяце мы вообще из дома не выходили — лило как из ведра! Ручей за домом вышел из берегов, и я уже начала бояться, что нас попросту смоет.

— Ну, Кэрри, не будь такой мрачной, — мягко упрекнула ее Джейн. — Согласна, что летом в наших краях веселее, больше приезжих... Многие приезжают отдохнуть от городской суеты и полюбоваться морем.

— А некоторые даже остаются насовсем, — перебила Мэри, стрельнув взглядом на Кэролайн. — Как Чарли Медоуз, например. Тоже приехал на лето, но был так очарован красотой здешних пустошей... или не только пустошей, что купил здесь врачебную практику и остался.

На щеках Кэролайн заалел легкий румянец.

— Такому специалисту, как мистер Медоуз, не место в нашей глуши, — решительно заявила она. — Я уверена, что для него найдется хорошее место в Триверсе... или даже в Кэреске!

— Конечно, уж ты постарайся, — пробормотала Мэри.

— Да, представь себе, я не собираюсь похоронить себя на болотах!

Назревавшую ссору прекратила Джейн, со свойственной ей деликатностью:

— Мистер Медоуз — это здешний врач, — пояснила она мне. — Кроме того, он увлекается ботаникой и составляет каталог местных растений.

— То есть бродит по болотам и бросает деревянные обручи, а потом ложится на живот и часами рассматривает землю! — хихикнула Мэри, весело блеснув глазами. — Но я не сомневаюсь, что Кэрри после свадьбы отучит его от этих странных привычек!

Кэролайн вздернула голову, резкие слова готовы были сорваться с ее губ, однако Джейн снова ее опередила:

— Ты просто боишься, что с отъездом Медоуза мы лишимся хорошего доктора, — поддразнила она сестру. — Кроме него, никто не мог вылечить твой застарелый кашель! Мистер Коуд только и умел, что пустить тебе кровь.

— И сколько я ни жаловалась, что мне от этого становится хуже, он мне не верил, — усмехнулась Мэри.

— Тише вы обе, он идет сюда! — шикнула Кэролайн, опуская штору. Снаружи уже сгустилась темнота, так что непонятно, как Кэрри смогла угадать появление молодого доктора, разве что сердцем.

В первый раз отвлекшись от разговора, я с изумлением заметила, что мой дядя куда-то исчез. Миссис Полгрин сидела теперь в одиночестве, помешивая угли в камине. Я огляделась, не веря своим глазам. Ну и манеры у лорда Уэсли! Бросил меня одну с чужими людьми и уехал!

— Лорд Робин никогда не остается к обеду, — улыбнулась хозяйка, поймав мой растерянный взгляд.

— Это все потому, что у нас часто обедает ужасный мистер Гимлетт, который каждый раз донимает бедного мистера Уэсли просьбами вновь открыть старые шахты, — шепнула неугомонная Мэри. Джейн бросила на нее укоризненный взгляд, но миссис Полгрин неожиданно встала на сторону младшей дочери:

— Я совершенно согласна с лордом Робинем. Если бы Господь хотел, чтобы мы пользовались этой медью, он разместил бы ее на поверхности. Ни к чему тревожить обитателей холмов — это может плохо закончиться, точно вам говорю!

Начавшийся интересный разговор был, к сожалению, прерван появлением доктора Медоуза.

— Что, Гимлетт приходил? — сразу спросил он, как только поздоровался с дамами.

— Нет, но зато у нас был лорд Робин, и он познакомил нас со своей племянницей, — сказала хозяйка.

Я слегка поклонилась. Чарльз Медоуз был высоким молодым человеком, хорошо сложенным и, пожалуй, даже симпатичным, несмотря на узкий лоб и впалые щеки. Рыжеватые волосы в беспорядке спадали ему на плечи, карие глаза, из-за очков казавшиеся слишком большими, весело поблескивали. Он был одет в простой длинный сюртук, один рукав которого был слегка запачкан глиной. Вероятно, доктор пришел с визитом сразу после своей очередной вылазки на болота. Подтверждая мою догадку, он протянул зардевшейся Кэролайн маленький букетик сушеных былинки.

— Взгляните только на этот цветок. Это редчайший вид *Geum rivale* из семейства *Rosaceae*, подобного которому не найдешь во всей Грейвиллии...

И он пустился в длинные объяснения, не совсем уместные в дамской гостиной. Однако лицо доктора сияло таким энтузиазмом, что никто не решился возразить, чтобы его не обидеть. Кэролайн довольно улыбалась, миссис Полгрин издали наблюдала за ними с благосклонным выражением, а Мэри украдкой шепнула мне на ухо: «У нее уже целый альбом таких гербариев!»

После того как он заметно расширил наши представления о местной флоре, мистер Медоуз наконец обернулся ко мне:

— Значит, вам не пришлось быть свидетелем очередной эпической битвы между Гимлеттом и вашим дядей? — засмеялся он, показав крепкие белые зубы.

— Мистер Гимлетт живет на самой границе Босвенской пустоши, — объяснила Джейн. — Он патриот нашего края. Мечтает, чтобы шахты Уайтбора вновь заработали, и у шахтеров снова появился хороший доход.

— На самом деле он просто метит в парламент, вот и старается заранее набрать побольше очков, — негромко заметила Мэри. Похоже, эту девочку отличал удивительно трезвый взгляд на вещи. Или она мастерски умела подслушивать.

С другой стороны, вспомнив дух нищеты, витавший над крышами увиденной сегодня деревеньки, я подумала, что мистер Гимлетт в чем-то может быть прав.

— С нынешними ценами на медь никакого заработка они не получают, — уверенно возразил Медоуз. — Я позавчера был в Триверсе и видел, что медь уже продают по восемьдесят фунтов за тонну. А запустить старую шахту встанет еще дороже, чем открыть новую! Нужно откачать воду, нужны насосы, дренаж, — он покачал головой. — Это просто финансовое самоубийство.

— Да, но шахту Уил-Дейзи ведь закрыли не поэтому, — напомнила миссис Полгрин.

— Разве вы не помните, откуда взялось это название? Та девушка из шах-

терского поселка...

— Бедняжка, — вздохнула Джейн. — Девять лет прошло с тех пор, как она утонула. В тот год тоже шли сильные дожди, затопившие шахту. Кажется, это был несчастный случай.

— Зачем ее вообще понесло туда на ночь глядя? — нахмурилась Кэролайн. — Я слышала, что она всегда была немного странной. Из тех мечтательных дурех, которые любят танцевать с феями в лунные ночи. Ну и дотанцевалась. Между прочим, под холмом, где расположена шахта, есть старый спиральный лабиринт, а это все равно что ворота в царство сидов. Причем широко раскрытые ворота.

— Может, Дейзи испугалась. Убегала от кого-то, — предположила Мэри. — В то время на пустоши часто слышали странные звуки...

— Людям вечно что-то мерещится! — фыркнула миссис Полгрин. — Не далее как на прошлой неделе Ханна (наша кухарка), возвращаясь от Тремонтенов, перепугалась до смерти, услышав чей-то заунывный вой. Лично я уверена, что это была всего лишь бродячая собака, но некоторые боятся даже собственной тени! Я насилу смогла ее успокоить!

Кэролайн, вздрогнув, шутливо, но с заметным беспокойством положила ладонь на руку доктора Медоуза:

— Я просила бы вас, Чарльз, в ваших прогулках по болотам не забираться слишком далеко. Иначе плакал по вас Босвенский зверь!

— Какие звуки? Какой зверь? — спросила я, переводя взгляд с одного собеседника на другого. Было впечатление, что я попала в середину какой-то истории, у которой мне были неизвестны ни начало, ни конец.

— Это грустная история с Дейзи, сама не знаю, зачем я ее вспомнила, — покачала головой миссис Полгрин.

— Кое-кто подозревал, что несчастную девушку убили. Даже вызвали магистрата из Триверса. Однако ее тело странным образом исчезло. Про шахту по округе ходили пугающие слухи, и тогда лорд Уэсли распорядился ее закрыть. Тем дело и кончилось.

— А может, и не кончилось, — зябко повела плечами Кэролайн. — Не зря говорят, что каждую девятую зиму на землях Уайтбора кто-то исчезает. И каждый раз перед этим воет Босвенский зверь. То ли гончая, то ли страж королевы Мейвел. Говорят, что пропавших людей сиды забирают в холмы — как плату за пользование замком, который когда-то был их собственным владением.

— Кэрри, дорогая, боюсь, мисс Уэсли сочтет нас слишком суеверными, — упрекнула ее миссис Полгрин, а затем обернулась ко мне. — Здешние места отличаются такой суровой красотой, что поневоле вызывают к жизни старые легенды, не находите? Однако замок Уайтбор, несмотря на его впечатляющую мощь, несомненно является творением рук человеческих.

«Но исчезновения людей — это правда? Кто еще пропал, кроме Дейзи?» — хотела я спросить. Вдруг меня осенила пугающая мысль, от которой захватило дыхание. Восемнадцать лет назад умер подполковник Уэсли. Мой отец. Двоюродный брат нынешнего лорда Уэсли. Он погиб не здесь, но его тело тоже не было найдено. А со смерти Дейзи минуло как раз девять лет...

Разговор затих, так что в наступившей тишине стало слышно бормотание ручья за домом. А еще — хлопанье входной двери и чьи-то шаги в передней.

— Кто-то пришел! — встрепелась Мэри.

Вместе со всеми я обернулась ко входу в гостиную... и застыла в замешательстве. Там, снимая накидку, стояла миссис Трелони! Та самая миссис Трелони, с которой мы ехали в дилижансе, и которую мы с Недом спасли от ограбления! Мне стало нехорошо. Почему я не уехала вместе с дядей?! А вдова уже раскланивалась с радушной хозяйкой:

— Позвольте вас познакомить с племянницей нашего дорогого лорда Робина, — пропела миссис Полгрин, ласково подзывая меня к себе.

Я приблизилась к ним на деревянных ногах, со страхом ожидая, что миссис Трелони сейчас воскликнет: «Ба! Да мы уже знакомы! Это же маленькая „ищейка“, которая ловко болтает на кокни и обрабатывает мелких воришек!» После чего образ рафинированной барышни, которую я изображала здесь перед новыми подругами, вмиг слетит с меня, как листья с осеннего дерева. Я невольно втянула голову в плечи. Но вдова, прищурившись, только сказала:

— Сдается мне, вы приехали сюда в очень интересное время, мисс Анна Уэсли.

И мне показалось, что в ее глазах снова на мгновение мелькнул этот необычный серебряный блеск.

* * *

Хотя лорд Уэсли не забыл прислать за мной грума, миссис Трелони сама вызвалась меня отвезти. Я обрадовалась, так как физиономия дядюшкиного слуги, на девяносто процентов состоявшая из усов и бороды, подозрительно напоминала волосатую морду хобгоблина, и мне вовсе не улыбалось ехать с ним в темноте через пустоши.

Снаружи все так же завывал ветер. Старенькую коляску слегка раскачивало и подбрасывало на ухабах, но лошадь бежала резво, вероятно, стремясь поскорее попасть в родную конюшню. В воздухе носились клочья тумана. Ветер то взметал их к небу, то безжалостно прибывал к земле. Окрестности таяли в темноте. Можно было легко представить, что находишься посреди океана. Шорох моря заменял сухой шелест вереска, замершие вдалеке холмы походили на окаменевшие штормовые волны.

— Здешние люди называют это слоа. Мертвое воинство, — произнесла молчавшая до сих пор миссис Трелони.

— Что?

Она махнула рукой в сторону туманных вихрей, пронесившихся мимо:

— Люди верят, что солдаты, чьи тела не были похоронены в освященной земле, обречены вечно сражаться. Завтра все окрестные болота запестрят красным лишайником — это кровь слоа пятнает скалы и камни. Они мечутся, не находя покоя, совершают новые злодеяния, сбивают с дороги путников...

Очень утешительные сведения, и главное — как вовремя! На всякий случай я выглянула из коляски. Темно, не видно ни зги. Наш кучер, вероятно, находил дорогу каким-то шестым чувством.

— Не бойся, — в голосе странной вдовы слышалась легкая насмешка. — Мы не заблудимся. Колеса повозки обиты гвоздями из заговоренного железа, а у лошади — железные подковы. Вряд ли слоа собьют нас с пути.

Как и в случае с миссис Дэвис, я не могла понять, шутит она или говорит серьезно. Мы снова миновали ту шахтерскую деревню. Ночью вид ее изменился. Туман, протянувшийся между холмов свои жадные лапы, приглушил огоньки в окнах домов, что придавало пейзажу слегка потусторонний оттенок. Каза-

лось, что деревня не вполне принадлежит этому миру.

В Эшентауне мне довелось встретиться с одним из фоморов — существом, постоянно балансирующим на грани между нашим миром и Той Стороной. В Думаноне складывалось впечатление, что фоморами были абсолютно все.

— Вижу, люди здесь совсем не так относятся к фэйри, как в столице.

— Это верно, — согласилась вдова. — Здесь никто не подойдет ночью к амбару, если оттуда доносится звук молотьбы. И даже отъявленные скептики носят при себе склянку со святой водой или мешочек соли. Или могильной плесени, если соль слишком дорога.

В Эшентауне фэйри были легендой. Здесь они постоянно заглядывали вам через плечо.

— Рядом с Уил-Дейзи действительно есть лабиринт сидов? — не удержалась я от вопроса.

Миссис Трелони спокойно кивнула.

— Старое волшебство, но вполне действенное. — Острый взгляд блеснул в полутьме кареты. — Знаешь, в чем проклятие лабиринта? Ты всегда идешь по проторенному пути. Ни шагу в сторону. Никакой свободы.

Помолчав, она решительно произнесла:

— Фэйри любят таких, как ты — любопытных девушек с горячим сердцем, но не вздумай играть с ними в игры! Это тебе не кошельки по дилижансам искать!

«Значит, она все-таки меня узнала».

— На первый взгляд ты неплохо разбираешься в людях, но любой сид заморочит тебе голову без труда. Лучше с ними вообще не связываться, а то знаешь, как бывает? Была девочка из шахтерского поселка — стала служанка королевы Мейвел. Был подполковник Уэсли — стал новый Нуада Серебряная Рука, и легенда подчинила его, увлекла за собой.

От неожиданности я даже подскочила:

— Вы знали моего отца?!

— Очень мало. Он ведь редко приезжал сюда. Военная академия, потом армия...

Но я живу здесь давно, и видела многое.

Кажется, миссис Трелони старалась предостеречь меня от чего-то. Что-то в этом духе говорил и Амброзиус, представлявший себе волшебный мир как тележное колесо, надетое на прочную ось. Колесо, для которого характерно бесконечное вращение и повторение пройденного.

— Легенды повторяются, — сказала миссис Трелони, причем в ее голосе не было и тени шутливости. — Меняются исполнители, но роли на Той Стороне век за веком остаются те же. Смотри, чтобы Мейвел не затянула в свою сеть и тебя. Кажется, члены вашей семьи ей особенно по вкусу.

«Интересно, кого она имела в виду? Уж не моего ли дядюшку?»

Я бы непременно задала этот вопрос, но впереди уже показалась громада замка Уайтбор, подпиравшего небо высокими башнями. Между их зубчатыми кронами метались бешеные слоа, в бессильном гневе снова и снова разбиваясь о камни. Где-то в темноте заорала разбуженная сова. Наша коляска остановилась в круге бледного света от фонаря, горевшего над сторожкой. Ступив на подножку и придерживая плащ от ветра, я обернулась, чтобы поблагодарить добрую женщину и заметила, что миссис Трелони вся подалась вглубь коляс-

ки, стараясь, чтобы замок не коснулся ее даже тенью. Слабый свет очертил хмурое лицо и недовольные складки возле рта.

— Не нравится мне это место, — буркнула она. — А тут еще Имболк через три недели... Знаешь что? Если тебе покажется здесь... неуютно, ты всегда можешь погостить несколько дней у меня или у миссис Полгрин. Уверена, что лорд Уэсли не станет возражать.

Я со всей вежливостью отказалась от этого великодушного приглашения. На Имболк приходилась одна из ночей, когда обитатели Той Стороны могли появиться в нашем мире, и я очень надеялась встретиться кое-с-кем. А королевы Мейвел я не боюсь, мы с ней уже встречались. Знаю я ее хитрости. Во второй раз она меня не поймает!

О том, что в прошлый раз нам удалось сбежать лишь благодаря Амброзису, я старалась не вспоминать.

* * *

Хотя лорд Уэсли не забыл прислать за мной грума, миссис Трелони сама вызвалась меня отвезти. Я обрадовалась, так как физиономия дядюшкиного слуги, на девяносто процентов состоявшая из усов и бороды, подозрительно напоминала волосатую морду хобгоблина, и мне вовсе не улыбалось ехать с ним в темноте через пустоши.

Снаружи все так же завывал ветер. Старенькую коляску слегка раскачивало и подбрасывало на ухабах, но лошадь бежала резво, вероятно, стремясь поскорее попасть в родную конюшню. В воздухе носились клочья тумана. Ветер то взметал их к небу, то безжалостно прибывал к земле. Окрестности таяли в темноте. Можно было легко представить, что находишься посреди океана. Шорох моря заменял сухой шелест вереска, замершие вдалеке холмы походили на окаменевшие штормовые волны.

— Здесь называют это слоа. Мертвое воинство, — произнесла молчавшая до сих пор миссис Трелони.

— Что?

Она махнула рукой в сторону туманных вихрей, пронесившихся мимо:

— Люди верят, что солдаты, чьи тела не были похоронены в освященной земле, обречены вечно сражаться. Завтра все окрестные болота запестрят красным лишайником — это кровь слоа пятнает скалы и камни. Они мечутся, не находя покоя, совершают новые убийства, сбивают с дороги путников...

Очень утешительные сведения, и главное — как вовремя! На всякий случай я выглянула из коляски. Темно, не видно ни зги. Наш кучер, вероятно, находил дорогу каким-то шестым чувством.

— Не бойся, — в голосе странной вдовы слышалась легкая насмешка. — Мы не заблудимся. Колеса повозки обиты гвоздями из заговоренного железа, а у лошади — железные подковы. Никаким слоа не сбить нас с пути.

Я никак не могла понять, шутит она или говорит серьезно. Как и днем, мы снова миновали ту шахтерскую деревушку. Ночью вид ее изменился. Туман, протянувшийся между холмов свои жадные лапы, приглушил огоньки в окнах домов, что придавало окружающей местности слегка потусторонний оттенок. Казалось, что деревня не вполне принадлежит этому миру.

В Эшентауне мне довелось встретиться с одним из фоморов — существом, постоянно балансирующим на грани между нашим миром и Той Стороной. В Думаноне складывалось впечатление, что фоморами были абсолютно все.

— Вижу, люди здесь совсем не так относятся к фейри, как в столице.

— Это верно, — согласилась вдова. — Здесь никто не подойдет ночью к амбару, если оттуда доносится звук молотьбы. И все привыкли носить при себе склянку со святой водой или мешочек соли. Или могильной плесени, если соль слишком дорога.

В Эшентауне фейри были легендой. Здесь они постоянно заглядывали вам через плечо.

— Рядом с Уил-Дейзи действительно есть лабиринт сидов? — не удержалась я от вопроса.

Миссис Трелони спокойно кивнула.

— Старое волшебство, но вполне действенное. — Острый взгляд блеснул в полутьме кареты. — Знаешь, в чем проклятие лабиринта? Ты всегда идешь по проторенному пути. Ни шагу в сторону. Никакой свободы.

Помолчав, она решительно произнесла:

— Фейри любят таких, как ты — любопытных девушек с горячим сердцем, но не вздумай играть с ними в игры! Это тебе не кошельки по дилижансам искать!

«Значит, она все-таки меня узнала».

— На первый взгляд ты неплохо разбираешься в людях, но любой сид заморочит тебе голову без всякого труда. Лучше с ними вообще не связываться, а то знаешь, как бывает? Была девочка из шахтерского поселка — стала служанка королевы Мейвел. Был подполковник Уэсли — стал новый Нуада Серебряная Рука, и легенда подчинила его, увлекла за собой.

От неожиданности я даже подскочила:

— Вы знали моего отца?!

— Очень мало. Он ведь редко приезжал сюда. Военная академия, потом армия...

Но я живу здесь давно, и видела многое.

Кажется, миссис Трелони старалась предостеречь меня от чего-то. Что-то в этом духе говорил и Амброзиус, представлявший себе волшебный мир как тележное колесо, надетое на прочную ось. Колесо, для которого характерно бесконечное вращение и повторение пройденного.

— Легенды повторяются, — сказала миссис Трелони, причем в ее голосе не было и тени шутливости. — Меняются исполнители, но роли на Той Стороне век за веком остаются те же. Смотри, чтобы Мейвел не затянула в свою сеть и тебя. Кажется, члены вашей семьи ей особенно по вкусу.

«Интересно, кого она имела в виду? Уж не моего ли дядюшку?»

Я бы непременно задала этот вопрос, но впереди уже показалась громада замка Уайтбор, подпиравшего небо высокими башнями. Между их зубчатыми кронами металась бешеные слоа, в бессильном гневе снова и снова разбиваясь о камни.

Где-то в темноте заорала разбуженная сова. Наша коляска остановилась в круге бледного света от фонаря, горевшего над сторожкой. Ступив на подножку и придерживая плащ от ветра, я обернулась, чтобы поблагодарить добрую женщину и заметила, что миссис Трелони вся подалась вглубь коляски, стараясь, чтобы замок не коснулся ее даже тенью. Слабый свет очертил хмурое лицо и недовольные складки возле рта.

— Не нравится мне это место, — буркнула она. — А тут еще Имболк через

три недели... Знаешь что? Если тебе покажется здесь... неуютно, ты всегда можешь погостить несколько дней у меня или у миссис Полгрин. Уверена, что лорд Уэсли не станет возражать.

Я со всей вежливостью отказалась от этого великодушного приглашения. На Имболк приходилась одна из ночей, когда обитатели Той Стороны могли появиться в нашем мире, и я очень надеялась встретиться кое-с-кем. А королевы Мейвел я не боюсь, мы с ней уже встречались. Знаю я ее хитрости. Во второй раз она меня не поймает!

О том, что в прошлый раз нам удалось сбежать лишь благодаря Амброзису, я старалась не вспоминать.

Глава 5

Лорд Уэсли сдержал угрозу, предоставив в мое распоряжение Ласточку — отлично выезженную трехлетнюю кобылу гнедой масти. Мои сомнения в своих способностях наездницы полностью подтвердились: в дамском седле я держалась как куль с песком. После первой же поездки у меня болело все: колени, плечи и даже почему-то голова. Ласточка всем видом показывала, что предпочла бы порхать без меня. Я понимала, что обладание лошадью давало больше свободы, позволяя за день объехать хоть половину пустошей, поэтому, сцепив зубы, продолжала тренировки. Первые дни прошли в состязании, кто кого переупрямит.

Кое-как совладав с капризным характером кобылы, я прежде всего направилась в деревню Кавертхол. Сидский лабиринт словно магнитом притягивал меня к себе.

Сегодня погода была потише. По крайней мере, ветер не пытался сбить вас с ног или вытряхнуть из одежды. Солнце с утра потянулось было сквозь пласты холодного тумана, но передумало и лениво дремало в облаках, так что его тусклый диск едва виднелся.

Серые и рыжие крыши домов почти сливались с бурой пустошью. Из печных труб тянуло дымком. Уютный домашний запах смешивался с прохладой тумана и терпким запахом влажной земли. Деревня Кавертхол встретила меня смачной уличной дракой. Правда, с моим появлением потасовка тут же прекратилась. Стайка мальчишек — сплошь мелюзга, лет на десять младше меня — порскнула в разные стороны. Из уличной грязи с трудом поднялась скрюченная фигурка в рваной заляпанной рубаше. Мальчишка еле держался на ногах, но был полон решимости отомстить обидчикам.

— Как тебя зовут? — спросила я, подведя сорванца к уличной колоде, где скопилась талая вода. Палкой разбила лед, намочила платок и дала ему обтереть лицо.

— Джоэл, мэ.м.

Он был явно не рад моей заботе. Дичился и, похоже, жалел, что не успел смыться вместе с остальными. К его ногам жалась псина, такая грязная, что больше походила на волосатый ком глины.

— За что они тебя так?

Ответом мне было молчаливое сопение. С отвращением стряхнув с себя капли воды, Джоэл дернул плечом. Мол, тебе какое дело?

— Ты здесь живешь?

— Я к Дуайту приходил, — буркнул оборвыш тоном «отвяжись уже нако-

нец». Кивнул в сторону глинобитной хибары, замыкавшей короткую улицу. — Принес ему кое-что.

Значит, он не местный. Тогда понятно. Я на собственной шкуре знала, как любая уличная банда относится к чужакам. Когда-то в Кречи (тут мне с ностальгией вспомнился Деннис) мы дрались не хуже, особенно если взрослых не было поблизости. Дрались за сытный «доходный» угол, за свою территорию. Да и просто так, для острастки. Чужаков нигде не любили.

— Ничего, я их тоже вздул! Будут помнить! — сипло хмыкнул Джоэл и солидно сплюнул под ноги. Потрепал пса по загривку. Тот иногда поджимал заднюю лапу, но в остальном не сильно пострадал. Впрочем, судя по виду, ему не привыкать к побоям.

— Я племянница мистера Уэсли, хотела бы посмотреть шахту. Покажешь? Я заплачу.

— Да уж знаю, мэ. — На меня исподлобья зыркнули острые, как у волчонка, глаза. — Тут все про вас знают.

Да, это вам не Эшентаун. Не сомневаюсь, что мой приезд был обмусолен вдоль и поперек со всеми подробностями. Насупленные неприступные дома, окружавшие нас со всех сторон, словно обменивались хитрыми взглядами. Наблюдали, оценивали.

Я здесь тоже чужая, как и Джоэл. У меня нет союзников. Ну и ладно. Значит, найдем.

Показав украдкой медную монетку на случай, если алчные приятели юного сорванца таились где-то поблизости, я предложила:

— Получишь, когда доберемся туда. Залезай.

Мальчишка не заставил просить себя дважды, мигом взобравшись на лошадь. Пихнул меня острыми, как вешалки, локтями, заулыбался. Еще бы, такое приключение! Пес (по кличке Белс, как мне сообщили) послушно затрусил сзади. Направив лошадь к холмам, я мысленно усмехнулась. Видел бы мистер Уэсли, как я подсаживаю в седло мелкого вонючего оборванца! О, меня ждала бы целая неделя проповедей, не меньше!

Конечно, проще было добратся до шахты в одиночку, но я надеялась, что Джоэл сможет оживить легенду об Уил-Дейзи какими-нибудь подробностями. Мальчишки обожают страшные сказки.

Полуразрушенный подъемник торчал над холмом, как изувеченный палец. Похоже, местные жители потихоньку растаскивали обвалившиеся камни для своих нужд: кому дом подправить, кому еще что. Вход весь зарос колючим дроком, изнутри в лицо дохнуло пагубной сыростью и запустением.

Мы заглянули в темноту ствола, куда уходила старая деревянная лестница.

Джоэл бросил камень — и спустя некоторое время вниз что-то негромко плеснуло. Шахта была затоплена.

— Саженой сорок, — с видом знатока сказал мой спутник.

Вонючий сырой воздух пробирал до костей. Я захватила с собой свечи, рассчитывая спуститься хотя бы до первого помоста, чтобы взглянуть на штольни, но теперь отказалась от этой затеи. Холод и гнилой запах действовали удручающе. Казалось, можно было подцепить заразу, просто посмотрев вниз. Да и лестница выглядела не очень надежной. Все здесь истлело, дренажное оборудование разрушилось.

«Если дядя все-таки решит запустить рудник снова, ему придется здорово

постараться!»

С облегчением выбравшись наружу, я вдруг поняла, что мне казалось странным в этом месте. Неподвижность и тишина. Обычно на пустошах хозяйничал ветер: гонял поземку, шуршал вереском, ерошил заросли сухого дрока. А здесь было тихо. Таинственный провал шахты неслышно дышал мне в спину. В этом безмолвии хотелось раствориться.

С того места, где мы стояли, нам был отлично виден бугристый лабиринт, расположенный внизу. Невысокие валы из камней, смешанных с землей, образовали причудливые извивы. Точно такие же, как на схеме в одной из книг Амброзиуса.

Меня обдало жаром. Это был действительно спиральный лабиринт! Прямо возле шахты, так близко от человеческого жилья!

Я почти ждала, что за валуном, возвышавшимся в центре лабиринта, вдруг мелькнет серебристая тень Мейвел. Или оттуда выйдет «мистер Лайбстер», не к ночи будь помянут.

В сгустившемся тумане послышалось тонкое ржание Ласточки, привязанной с другой стороны холма. Не слушая, что бубнит за спиной Джоэл: «Охота вам ноги ломать... нехорошее это место, злое...», я спустилась к самому лабиринту. Стоило углубиться в него на несколько шагов, как мир наполнился шорохами, а воздух вокруг потеплел, поманив знакомыми запахами. Чем-то родным, уютным... безопасным. Я впервые видела это место — и все же знала азбуку этих покрытых лишайниками коридоров и изгибов; мое тело само вспомнило движения танца, в котором следовало скользить по замшелым тропам, чтобы не пропустить нужный поворот.

Этот лабиринт можно было пройти, только танцуя. Он обещал привести меня в мир незапамятной древности, неизменный и вечный. Он говорил со мной. Нашептывал, звал... Если между нашим миром и Той Стороной действительно пролегла граница, то здесь она была не прочнее мыльного пузыря.

Шахта Уил-Дейзи находилась от деревни не слишком далеко, но горстка рыже-серых домов словно отдалилась, будто я смотрела на них в перевернутую подозрную трубу. Они были там, а я здесь. Из-за облаков просочился медный луч солнца, осветив деревню и резче подчеркнув глубокие тени на холмах...

— Мисс Уэсли!

Пронзительный голосок Джоэла вонзился в уши, заставив меня вздрогнуть и очнуться. Мальчишка, как верный сторож, ждал меня на склоне, но его поза выражала нетерпение:

— Лучше не стойте там, а то всякое бывает! Спросите хоть Дуайта, если не вериге. Он мне много чего про эти валы рассказывал. Говорил, что их построил один сид для своей милой. Ей, видишь ли, больше человек по душе пришелся. Вот, чтобы ей легче было приходить сюда, фейри и соорудили этот... как его...

— Лабиринт? — подсказала я. — Ты хочешь сказать, что сид построил лабиринт[23], чтобы его возлюбленная могла встречаться с другим?!

— Ну это же фейри, — пожал плечами Джоэл, как будто это все объясняло. — Чего удивляться?

— То и удивительно, что сид повел себя, как человек, — пробормотала я, оглядываясь.

Молчаливые валы лабиринта настороженно прислушивались к разговору. Джоэл не унимался, едва не приплясывая от нетерпения:

— Пойдемте отсюда, мэм. Здесь нельзя долго торчать, а то будет как с Дейзи. Вы же знаете, да? В Кавертхоле говорят, что она до сих пор иногда из круга выходит. Обычно ночью. Лицо повернет к деревне и смотрит. Скучает, видать.

— А ты сам-то не боишься сюда приходить?

Повернувшись спиной к лабиринту, я пыталась вернуть себя в реальность. Мир вокруг постепенно приходил в норму. По крайней мере, перестал сворачиваться в трубу, ведущую... куда-то там.

Победоносно ослабившись, Джоэл подбросил на ладони завязанный лоскут:

— Видали? Самая что ни на есть кладбищенская пыль. Вокруг себя насыплешь, заговор скажешь — и никакой сид тебе не страшен! Будет бродить вокруг да около, пока не развеется.

Я усмехнулась: тоже мне, храбрец! Слышал бы его Лайбстер... Поди, хохотал бы до колик. А потом, чего доброго, завел бы нахала в болото и макнул в трясину до самой макушки, чтобы на всю жизнь запомнил. После стычки с Лайбстером у Плачущего озера мне как-то слабо верилось в действенную силу амулетов и заговоров. Настоящего сида вряд ли отпугнешь щепоткой могильной грязи! Это все равно что выйти с деревянной сабелькой против дракона...

— Хотите, я отведу вас к Дуайту, мэм? — дребезжал над ухом голосок Джоэла. — Могу поспорить, он сейчас дома. Старик теперь редко выбирается из берлоги. Незачем, говорит.

Да, нам пора. Я решила, что мы достаточно прониклись атмосферой запустения и старых легенд. От шахты веяло какой-то обморочной стылостью. Даже знобило немного.

— Ладно, пойдем, — согласилась я. — Познакомишь меня со своим приятелем.

Тем же манером мы вернулись в деревню. Старик действительно оказался дома — сидел на пороге своей хижины, грязной, как лисья нора. Похоже, Дуайт был из тех людей, которые с возрастом, так сказать, утрачивают вкус к жизни. Становятся желчными и брюзгливыми, трудятся с неохотой (мол, хватит, наработались уже!) и проводят целые дни в ленивой праздности, изредка наведываясь в паб, чтобы оскорбить кого-нибудь.

Хотя время еще не перевалило за полдень, от Дуайта за милю разило элем.

— Ну? — соизволил он поднять голову, когда мы с Джоэлом оказались в поле его зрения.

— Помнишь, ты рассказывал мне о кругах под шахтой? — зачастил Джоэл. — Расскажи вот этой леди.

— Можя и рассказывал, — недовольно пробубнил старик, взглянув на меня красными бульдожьими глазами. — Недосуг мне. Вон, сеть прохудилась, чинить надоть.

Он потянул к себе рваную рыбацкую сеть, которая явно валялась здесь уже не один месяц. Джоэл приставал к нему так и этак, но ничего не добился, пока я не сделала ему знак, чтобы оставил старика в покое. Мысленно я поставила себе галочку застать как-нибудь почтенного Дуайта в трезвом и более разговорчивом состоянии, после чего покинула негостеприимную деревню. Близилось время обеда, а я скорее предпочла бы свернуть себе шею, пустив Ласточ-

ку в галоп, чем снова выслушивать дядины претензии.

Палево-рыжие пустоши тянулись миля за милей. Время от времени однообразный пейзаж оживлял какой-нибудь дольмен, похожий на огромный стол: три валуна стоят торчком, на них сверху положен огромный плоский камень. Встречались иногда и кромлехи, и отдельно стоящие валуны, и совсем уж диковинные сооружения. Будто рассеянное по пустоши великанское войско внезапно окаменело, оказавшись на свету.

Возле развилки на Ловери я натянула поводья, заметив мелькавшее среди кустов дрока знакомое коричневое пальто. Как бы я ни спешила, не следовало пренебрегать беседой с соседом:

— Добрый день, мистер Медоуз!

Обернувшись, молодой доктор радостно заулыбался, поспешив мне навстречу. Перед собой он катил два больших деревянных обруча. Я спешила и сошла с дороги, ведя Ласточку в поводу. Мягкая, как губка, сырая земля хлюпала и слегка пружинила под ногами.

— Эти рамки нужны, чтобы определять и считать растения на пробных участках болот, — пояснил Чарли Медоуз в ответ на мой недоуменный взгляд. — Бросаете их случайным образом, а потом считаете, что попало внутрь.

Таким образом, странное поведение доктора, о котором говорила Мэри, получило вполне рациональное объяснение.

— Вы бы осторожнее гуляли по пустошам, — посоветовала я, все еще находясь под впечатлением от посещения лабиринта.

— Вот и мисс Кэролайн говорит то же самое, — вздохнул Медоуз, озирая окрестности безмятежным взглядом человека, чьи устойчивые представления об окружающем мире не могло поколебать абсолютно ничего.

Меня кольнуло недоброе предчувствие.

— ...Но вы зря беспокоитесь, уверяю вас, — продолжал он. — Даже в гиблом болоте можно всегда найти безопасную тропу. Вот, взгляните! Видите? Это сивец. Там, где растёт эта трава, можете смело ставить ногу или даже ехать верхом на лошади!

Почва выдержит. А вон там, смотрите, какое чудо!

Прыгая по кочкам, как тощий коричневый грач, мистер Медоуз присел, аккуратно срезал и преподнес мне невзрачный комочек прутиков, похожих на спутанные шнурки от ботинок.

— Скаллария, первое весеннее украшение здешних мест, — благоговейно произнес он. — Согласен, сейчас она выглядит не очень впечатляюще, но посмотрите, что будет через месяц! Скаллария расцветает с первыми оттепелями. И почти сразу гибнет, к сожалению. Такова жизнь.

Говоря о своих любимых растениях, доктор Медоуз даже порозовел, добрые карие глаза возбужденно блестели за стеклами очков.

При виде этой наивной самоуверенности предчувствие беды, осенившее меня минуту назад, еще больше окрепло. Казалось, что опасность тенью витала у нас за плечами, ускользая от прямого взгляда. Я попыталась еще раз призвать доктора к осторожности, но вскоре сдалась. Бесполезно. Лучше поговорю с Кэролайн. Уж если она не сможет отвлечь Медоуза от созерцания болотных прелестей, то этого не сможет никто!

Я волновалась, потому что люди вроде мистера Медоуза, люди научного

склада, чуть что пожимающие плечами с выражением «ну, это просто слухи» или «да ладно, таких чудес не бывает», были наиболее уязвимы для чар королевы Мейвел или для когтей Босвенского зверя. Причем неизвестно, кто из них хуже.

Глава 6

В следующие дни я продолжала свои поездки по округе, и лорд Уэсли поощрял это занятие, хотя, подозреваю, им руководила не столько забота о племяннице, сколько желание держать меня подальше от замка. В Уайтборе тем временем творилось что-то необычное. словно каменный материк среди рыжего моря холмов, он застыл, мрея в тумане, в ожидании какого-то события. Я считала дни до Имболка, однако в основном моя голова была занята новыми знакомствами и визитами.

Сегодня я возвращалась от миссис Полгрин в довольно скверном настроении. Передав Ласточку на попечение конюха, с досадой толкнула дверь в холл. Мы с Джейн и Кэролайн собирались провести утро в приятной беседе, но нашим планам помешало появление миссис Гимлетт. Я еще не успела познакомиться с мистером Гимлеттом, энтузиастом шахтерского дела, но, похоже, в умении довести собеседника до нервной трясучки миссис Гимлетт не уступала своему супругу.

Как оказалось, она тоже имела родственников в Астилии и, узнав, что мой близкий знакомый пребывает там с дипломатической миссией (я сто раз прокляла себя, что проболталась Джейн про Кеннета!), устроила мне настоящий допрос. Верно ли, что астильского короля вынудили отречься от престола? Правда, что сацилийские войска уже продвинулись за Бебрийские горы? Что слышно в министерстве? Неужели будет война?

Можно подумать, я что-то знала об этом! За истекшие недели от Кеннета не пришло ни письма, ни весточки. Я успокаивала себя, как могла: может быть, ему запрещено писать, или письмо не дошло до Грейвиллии, или потерялось на почте. Мало ли что могло случиться! Но тревога росла. Ночью я ворочалась без сна, глядя на серебряное лунное колесо, проплывающее в синем квадрате окна. Когда наконец приходил сон, передо мной возникала фигура Кеннета, охваченная огнем, а затем — всплеск драконьих шелковых крыльев и пронизывающий золотой взгляд, словно удар ножа. Я просыпалась вся в поту с колоотящимся сердцем.

Назойливые расспросы миссис Гимлетт еще больше разбередили мое беспокойство, и поэтому я была зла. Раздраженно стягивая перчатки, я посторожилась на лестнице, пропуская Элспет с сестрой, тащивших вниз, в кухню огромный котел. Поглощенная тревожными мыслями, я только наверху сообразила удивиться: а что, собственно, делал здоровенный медный котел в парадных покоях замка? Но спрашивать было уже поздно, сестрички скрылись из виду.

С верхней площадки лестницы один проход вел к жилым комнатам (не все из которых я еще успела изучить), а другой — на галерею, расположенную над парадной залой.

Окна коридора выходили на внутренний двор. Сквозь них падали длинные снопы белесого зимнего света. Выглянув в окно, я от неожиданности замерла на месте. Там хозяйничали Элспет и Нэнси, выбивая щетками ковры. Те са-

мые Элспет и Нэнси, которых я минуту назад встретила на лестнице! Я протерла глаза, думая, что зрение меня подвело. Нет, это точно были они: две маленькие фигурки, смуглые и крепкие, как абрикосовые косточки.

Не зная, что и думать, я машинально вернулась назад, пройдя на галерею. Она находилась почти на одном уровне с массивными железными люстрами, висевшими на длинных цепях, как огромные пауки. Сейчас люстры были спущены наземь и лежали внизу, раскинув железные лапы, в ожидании, когда их начистят до блеска. Столы в парадной зале были сдвинуты, возле одной стены торчала стремянка. Никто — ни дядя, ни миссис Дэвис — ни словом не заикнулись мне о бале, однако, судя по некоторым признакам, замок усиленно готовился к приему гостей.

Пока я растерянно стояла на галерее, внизу появилась еще одна Элспет со шваброй и ведром мыльной воды. Я только пожала плечами. Мое удивление достигло уже той степени, когда ему все было нипочем. Возможно, Уайтбор умеет исторгать слуг прямо из своих каменных стен по мере необходимости, кто его знает?

Этот замок будто играл со мной, сговорившись со своими обитателями. Каждый раз, пытаясь наладить отношения, я словно натыкалась на невидимую стену. Лорд Уэсли пожимал плечами и отворачивался, непостижимый и загадочный, как сфинкс. Миссис Дэвис молча скользила по мне бесстрастным взглядом, иногда с оттенком недоумения, будто еще не вполне освоилась в роли человека и не знала, как себя вести. Элспет (а также ее многочисленные копии) появлялись и исчезали, словно призраки, и исподволь следили за каждым моим шагом, что начинало уже несколько надоедать.

Даже сейчас мне казалось, что в спину постоянно смотрит кто-то невидимый, облаченный в накидку из тишины. Бросив подозрительный взгляд на лестницу, я вдруг резко обернулась. По стене метнулась чья-то бесхозная тень. Она плавно проскользила мимо и исчезла в дальнем углу.

Кроме меня, на площадке лестницы больше никого не было. В дальнем углу даже днем царил полутьма. Подойдя ближе, я вдруг увидела, кроме знакомого коридора, еще один проход. Это было так неожиданно, что я даже ощутила его рукой, желая убедиться, что это не иллюзия. Привычная твердость и холод камня меня отрезвили. Но раньше здесь точно не было никакого прохода! Не настолько уж я невнимательна!

Снова какие-то фокусы замка. «Что ж, посмотрим», — подумала я с внезапной решимостью. Новый коридор оказался коротким: он заставил меня спуститься на несколько ступеней, потом изогнулся и закончился тупиком. Впереди светлел дверной проем (лишенный дверей), а напротив на стене дрожали оранжевые отблески. Повеяло теплом, я заволновалась. Надеюсь, Уайтбор не ведет меня полюбоваться пожаром?

Вид с порога комнаты меня потряс. Справа одна стена пылала огнем. Длинные окна здесь были расписаны алыми витражами, так что при желании невероятную игру пламени можно было списать на особенности освещения, но, поднеся руку, я могла ощутить жар, исходящий от камней. Зато противоположная стена, казалось, была скована льдом. Между выступов кладки мерцали хрустальные друзы, и от пляски огня в глубине кристаллов вспыхивали алые искры. Сочетание льда и пламени завораживало, мне стало холодно и жарко одновременно. Под сводами потолка, скрещиваясь, дрожали радуги.

Но сильнее всего меня поразили ключи. Они висели поверх хрустальных друз на цепочках, на вбитых в стену крючках, сплетенные из проволоки, изготовленные из олова, из дерева, из кости, самых разных размеров и форм. Их здесь были десятки, сотни. Их ужасно хотелось потрогать, но я не решилась. Грани кристаллов казались жалеюще острыми, а их льдистый блеск напоминал о глазах лорда Уэсли и о том, что мне не стоило опаздывать к обеду.

Сзади кто-то тихо кашлянул, заставив меня подскочить. От мысли, что лорд Уэсли может застать меня здесь, сердце упало в пятки. Я обернулась — на пороге стояла Элспет. Слава богу, это была всего лишь Элспет!

— Я хотела только предупредить, что у нас будут гости к обеду, мисс, — сказала она совершенно бесстрастно, будто камни, истекающие пламенем, и настенное панно из ключей были здесь обычным делом.

— Не знала, что в Уайтборе столько комнат, — пошутила я, обведя рукой сверкающее хрустальное великолепие. Дрогнувшие подвески отозвались тихим перезвоном.

— Вы о ключах? Это не от комнат. Это для души, — непонятно ответила Элспет и вышла.

Расспрашивать ее, конечно, было бессмысленно.

* * *

Кроме дяди и миссис Дэвис, в столовой обнаружился мистер Гимлетт. Мысленно я похвалила себя за догадливость. Вообще-то лорд Уэсли редко приглашал кого-то в замке, предпочитая вместо общения с людьми запирается в библиотеке среди книг, словно в гигантской тюрьме с бумажными стенами. Очевидно, прослышав о моем приезде, мистер Гимлетт воспользовался этим предложением, чтобы «засвидетельствовать свое почтение», а на самом деле — поговорить о любимом деле, то есть о шахтах.

Надо отдать ему должное, у него хватило вежливости спросить, как прошло мое путешествие, и посоветовать на превратности зимней погоды. После этого он полностью переключил внимание на мистера Уэсли:

— Вы должны признать, что под вашими ногами лежат целые сокровища, а вы ничего не желаете предпринять!

Плотный, седоватый, с покрасневшимися после обеда щеками, нависающими над высоким воротничком, мистер Гимлетт напоминал азартную черепаху, то и дело высовывавшую голову из панциря. В отличие от него, мистер Уэсли в основном сидел молча, опираясь локтями о стол и устроив подбородок в гнезде из изящно сплетенных пальцев.

— Мне ли вам говорить, что любая дыра в земле стоит денег, а превратить старую дыру в современную действующую шахту — стоит огромных денег, — лениво возразил он. — При нынешних ценах на медь это попросту невыгодно.

В ответ мистер Гимлетт разразился длинной речью о недооцененных старых выработках Уил-Дейзи и о залежах меди под холмами, только и ждущих, когда до них доберутся предприимчивые дельцы. Он даже притащил какие-то карты. Экономка, поднявшись, тихонько вышла, но никто из мужчин этого не заметил. Я от нечего делать ощипывала маргаритки в вазе. Лорд Уэсли так увлекся беседой, что со стороны мог сойти за спящего.

— Пробивать тоннель, рассчитывая наткнуться на богатую жилу — это рискованная авантюра, — сказал он наконец, когда мне уже стало казаться, что поток красноречия мистера Гимлетта затопит нас с головой.

Гимлетт, понизив голос, выбросил козырную карту:

— По моим сведениям, цены скоро начнут расти. Вы же знаете, что сестра моей жены замужем за астильским грандом, — заметил он как бы между прочим, но чувствовалось, что ему приятно вернуть в разговор такую подробность. — От него я узнал, что король Ральф плевать хотел на соглашение с астилийским наследником и хочет захватить Астилию для себя. Думаете, другие монархии молча проглотят это? Точно вам говорю, что скоро на Континенте разразится война, и Грейвилия не сможет остаться в стороне. Пролив — не такая уж надежная защита. Нам понадобится медь для оружия. Медь будет нужна всем.

От его рассуждений у меня по спине пробежал холодок. Как хладнокровно он рассуждал о добыче руды, которую собирался продавать для убийства сотен и сотен людей! Мистер Гимлетт прикидывал будущие выгоды, а я думала только о Кеннете и его дипломатической миссии. О том, что письма из-за пролива не доходят уже третью неделю... О сацилийцах, постепенно наводнявших Астилию, и о короле Ральфе, который давно знал об особенных талантах Кеннета и давно мечтал его заполучить...

От гнетущих мыслей меня отвлек спокойный холодный голос лорда Уэсли:

— Чтобы оправдать запуск Уил-Дейзи, остановленной девять лет назад, медь должна вырасти в цене по крайней мере вдвое. Когда это случится, тогда и поговорим.

«Черепаша» снова высунула голову из воротничка:

— О, если дело только в нехватке средств, я мог бы...

В глазах Робина Уэсли, полускрытых тяжелыми веками, загорелся опасный огонек:

— Я все-таки джентльмен, — сказал он с обманчивой мягкостью в голосе, — и не желаю покровительства от другого джентльмена, или еще от кого-либо.

Мистер Гимлетт сам почувствовал, что переступил черту. Он промокнул взмокший лоб салфеткой и заговорил с гораздо меньшей напористостью:

— Я взял на себя смелость пригласить штейгера[24] из Триверса, чтобы оценить перспективы здешних шахт. Он мог бы осмотреть и Уил-Дейзи, разумеется, с вашего позволения. Отчет будет вам предоставлен по всей форме.

— Разве лишь для того, чтобы доставить вам удовольствие, — произнес лорд Уэсли, растянув губы в морозящей улыбке, от которой в столовой повеяло холодом.

Раздосадованному мистеру Гимлетту ничего не оставалось, как нас покинуть.

Что он и сделал, едва кивнув мне на прощание и вторично не заметив миссис Дэвис, поклонившуюся ему у дверей.

— Не выношу этого типа, — неожиданно признался Уэсли, когда шаги гостя затихли внизу. — Упрямый, как мул, и с моральным кодексом, как у акулы.

Он небрежно крутил в пальцах серебряный кубок, рассматривая гравировку. Молча смотрел куда-то в себя полуприкрытыми глазами, и казалось — что-то невысказанное таилось в них, в глубокой зеленоватой тьме за ресницами.

А мне вдруг вспомнились печальные серые хижины Кавертхола и жалкая пересохшая улица, по которой низкий ветер лениво гонял кучки мусора. Место, где царил дух уныния, запустения и нищеты. Мистер Гимлетт не вызывал у меня ни малейшей симпатии, однако запуск шахты мог бы встряхнуть де-

ревню, вдохнуть в нее жизнь.

Я решила спросить прямо:

— Почему вы не хотите восстановить Уил-Дейзи? Боитесь, что когда начнут бить новые шурфы для разведки, то повредят волшебный лабиринт? Вам известно, куда он ведет?

— А вы, конечно, уже успели выяснить это? — восторженно воскликнул Уэсли, впившись в меня острым взглядом. — Поди, и волшебный порошок у старух раздобыли, чтобы иметь возможность увидеть кого-нибудь из фэйри?

— Разве существует такое средство? — искренне удивилась я.

Уэсли с досадой отбросил кубок. Нервные пальцы стиснули наверху трости, прислоненной к стулу. Ему пришлось опереться на нее, чтобы подняться.

— Вся в отца! — пробурчал он. — Его тоже вечно тянуло, куда нельзя!

Я молча ждала, пока он, вколачивая трость в доски пола, нервно прошел к окну.

— Вы хорошо знали Эдварда Уэсли? Что с ним случилось?

Лорд Робин ответил не сразу:

— Если бы только с ним. Лабиринт многих вводил в искушение... Лучше держитесь от него подальше, не то, боюсь, мне придется переименовать шахту еще раз, когда фэйри заберут вас в холмы.

Он явно пытался увести разговор в сторону, но я тоже была упряма. Кроме него, мне больше некого было расспросить о родителях! Я имела право знать!

— Каким был мой отец?

Мистер Уэсли обернулся, и я пожалела, что свет теперь лился ему в спину, так что виден был только искривленный силуэт на фоне окна, а лицо терялось в тени.

Мне почудилась ироническая ухмылка:

— Гордым до умопомрачения. Тщеславным, самолюбивым болваном — вот кем он был. Он имел все, что душа пожелает, но захотел большего. Он мог жить здесь в почете и уважении, но погнался за славой, уехал в Цинтру, там попался в ловушку и героически погиб вместе со своими людьми. Полагаю, с его характером — это лучшее, что он мог сделать!

Я тоже вскочила из-за стола. Видит бог, я старалась быть хорошей подопечной, но с таким опекуном, как лорд Робин, это решительно невозможно!

— Мой отец погиб, чтобы здешние люди могли жить спокойно, не боясь, что однажды сюда явятся сацилийцы! — вспыхнула я. — А вы? Что сделали вы за последние двадцать лет?

Худощавая фигура на фоне окна как-то поникла, тяжело опираясь на трость. До этого дня я не замечала, что Робин Уэсли действительно хромал. Да, он повсюду таскал с собой трость, но я думала, что это только позерство.

— Вы правы, — помолчав, согласился он. — Я ничего не сделал.

* * *

В каменной махине Уайтбора, среди комнат, забитых старинной, ненужной мебелью, и гулких лестничных маршей я нашла-таки одно уютное место, ставшее моим тайным убежищем. Это место находилось на чердаке. Добираться туда было далековато, но оно того стоило. Здесь было мое царство. Устроившись в уголке, я могла предаваться размышлениям сколько душе угодно, а вокруг простирался пыльный, полосатый от света, безмятежный мир, принадлежавший лишь мне одной. Сюда не достигал колючий взгляд

Уэсли и не дотягивались длинные руки миссис Дэвис и ее помощниц.

На чердаке пахло пылью и немного лавандой, как в лавке старьевщика. Запах напоминал мне о детстве. Гарри Бобарт, мой первый опекун, частенько промышлял сбытом подержанных вещей. Заброшенные пространства под крышей Уайтбора походили на кладовку в доме Бобарта, только выросшую до грандиозных масштабов. Самые разные вещи мирно дремали здесь, нежно укрытые одеялом из пыли. Я соорудила себе логово, накрыв продавленное кресло выцветшим пледом и подтащив к нему колченогий туалетный столик с выдвигаемым ящиком. В этом ящике я прятала записки от Джейн и Кэролайн Полгрин, а еще — недавно пришедшее письмо от леди Элейн, которые мне неосознанно хотелось скрыть от досужего любопытства замковых слуг.

Здесь я, фигурально выражаясь, зализывала раны после «задушевных» бесед с мистером Уэсли. Поверьте, я далеко не цветочек, вянущий от любого резкого слова.

В магистрате Тревор иногда так меня распекал, что было слышно по всему дому! От его начальственного крика на каминной полке дребезжали забытые кем-то кружки, а другие «ищейки» старались найти себе дело подальше от кабинета. Что уж говорить о Гарри Бобарте, который в гневе мог не только наорать, но и побить меня линейкой. Уэсли, правда, действовал по-другому. Он молча обливал меня язвительным взглядом, будто дивился безумному стечению обстоятельств, наградивших его такой племянницей. Это было гораздо обиднее. Злясь на Тревора или Бобарта, в глубине души я лелеяла утешительную мысль, что они мне просто чужие, и оттого между нами нет понимания. «Ничего, — мечтала я, — когда-нибудь я найду своих родных, и тогда...»

Ну вот, нашла. Спустя двадцать лет я наконец-то встретила человека, родного мне по крови, и что? Мы понимали друг друга еще хуже. Может, со мной действительно что-то не так? Я по-прежнему отчаянно ждала Имболка, но теперь надежда увидеть родителей мешалась во мне со страхом. Что если они тоже разочаруются во мне? А вдруг — меня пронзила ужасная мысль — вдруг они уже разочаровались, раз не объявляли о себе столько времени?!

— Что мне тогда делать? — спросила я у облезшего столика и древнего погнутого подсвечника, моих единственных собеседников.

Мимо глаз внезапно пронеслась белая тень. Я моргнула. На какой-то миг померещился круглый птичий глаз, веер встопорщенных перьев — и все исчезло. Чей-то голос, подобно туману, окутал комнату:

— В ночь Имболка будь осторожна, — прозвучало еле слышно.

Глава 7

Поверенный мистера Гимлетта объявился у нас через два дня. Почему-то при слове «штейгер» мне всегда представлялся закопченный шахтер с натруженными руками, но Джереми Хартман даже близко не напоминал этот образ.

Он оказался молодым человеком лет тридцати, и в момент встречи у меня дрогнуло сердце, так как показалось, что внезапно вернулся Кеннет. Потом Хартман обернулся — и меня кольнуло разочарование. Боюсь, из-за этого я была не так приветлива с гостем, как он того заслуживал. Лорд Уэсли тоже не блистал гостеприимством: цедил слова и бросал на приезжего ядовитые взгляды, как василиск. Мистера Хартмана это, однако, нисколько не смутило. Он держался как джентльмен и одет был как джентльмен: модный сюртук, панталоны песочного цвета, начищенные сапоги и жилет — все свидетельствовало о безупречном вкусе.

— Полагаю, я никого не беспокою, если немного прогуляюсь по окрестностям, — улыбнулся он.

Я хотела предупредить его о Босвенском звере, но сдержалась.

У Джереми Хартмана были правильные черты лица; такое лицо могло бы послужить хорошей оправой для горящего романтического взгляда. Но глаза у него были цепкие, с хитринкой. Они не просто смотрели, а словно оценивали каждую вещь в гостиной, и нас с дядей в том числе. Встретившись с ним взглядом, я без труда прочитала: «молодая девица заурядной наружности и сомнительной полезности», после чего он послал мне изысканную улыбку. Дядя с присущей ему «сердечностью» выпроводил гостя очень быстро.

Зато остальные семьи, живущие в окрестностях, приняли его с распростертыми объятиями.

— Даже по речи сразу видно, что мистер Хартман — человек светский, с деньгами и положением! — восхищалась миссис Полгрин, бросая многозначительные взгляды на старшую дочь. Джейн из вежливости кивнула, зато Кэрлайн поддержала мать, принявшись вспоминать о Триверсе, о его роскошных магазинах и богатых особняках в верхнем квартале. Я подумала, что акции Чарли Медоуза, нашего простодушного доктора, заметно упали с приходом нового блестящего конкурента.

Одна только Мэри пробормотала, что вообще-то никто точно не знает, какое положение мистер Хартман занимает в Триверсе, и каким образом оно приносит ему деньги. Поговаривали, что он был связан с банковской конторой, кредитующей местных землевладельцев. Но для почтенных матрон, мечтающих пристроить дочерей, и для девушек, тоскующих в глуши о блестящем обществе, это, конечно, не имело большого значения.

* * *

Поскольку раздражающий меня мистер Хартман, казалось, незримо поселился в доме миссис Полгрин (и в мыслях его обитательниц), я стала реже у них бывать, зато возобновила свои прогулки по пустошам и побережью.

Однажды на берегу я снова повстречала Джоэла. Был обычный ветреный день, когда солнце ненадолго выглядывало из-за облаков, и с моря дул холодный бриз. Я наблюдала, как в бухте Крэгги-коув длинные волны медленно накатывали на берег, а над ними плавно кружили олуши, время от времени па-

дая в воду и выныривая обратно с поблескивающей добычей в клюве. На влажном песке литорали[25] темнели цепочки следов, так что вскоре отыскался и их хозяин: мальчишка плелся нога за ногу, вороша палкой водоросли, а вокруг него носился радостный Белс, изредка взлаивая от избытка чувств. В комках водорослей, выброшенных морем, иногда попадались кое-какие полезные вещи. Для местных подростков это было что-то вроде традиционного промысла.

— Эй! — помахав рукой, я осторожно спустилась вниз, на песок. Обогнула нависший утес, и тут заметила, что Джоэл был не один. В дальнем конце бухты на берегу сушилась перевернутая лодка, а рядом с ней хлопотал Дуайт, раздувая огонь над костром. Над кучкой плавника трепетал легкий дым, словно клочок серого шелка.

Я обрадовалась. С нашей первой встречи я не оставляла попыток расспросить старика о лабиринте, но Дуайт упорно отмалчивался, прячась от меня в хижине или прикрываясь несуществующими делами. Однако сейчас тишина и уют уединенной бухты более-менее настроили его на общительный лад.

— Дались вам эти развалины, — пробурчал он.

Мы сидели рядом, глядя в огонь. Джоэл, развлекаясь, забрасывал палку до самых волн, лизавших мокрый песок, а неутомимый Белс каждый раз притаскивал ее обратно. Из-за низко бегущих туч вода в бухте, подернутая зыбью, казалась хмурого темно-зеленого оттенка. Камень подо мной был холодным и жестким, слева и справа чернели угрюмые скалы, тихо шелестело море, и где-то вдалеке волны соприкасались с небом, смывая синеву с облаков.

— Слышал я, что хозяева Уайтбора издревле водили шашни с Той Стороной... Да чего там, даже замок был свадебным даром красавицы сиды, сочетавшейся браком с кем-то из Уэсли! Говорят, в нем спрятан тайный проход — такой же, как тот, что лежит под холмом Уил-Дейзи, либо его отражение. И ведет он прямехонько в логово сидов! Так что все Уэсли с рождения носят в себе каплю серебряной крови. Ну, кроме лорда Робина, он-то из другой ветви, — ухмыльнулся старик. — Хотя хозяин из него получился лучше прочих. И продуктами подсобил нам в зиму, и вон Джонсам помог отстроиться после пожара. Три года назад пришла оспа, так наш лорд был единственным, кто не потерял головы, и, кажись, в Кавертхале было помене покойников, чем у других. Но жизнь здесь все одно тяжела...

Я просто ушам не верила. Мы точно сейчас говорим о Робине Уэсли? О мистере «я-запрусь-в-библиотеке-и-плевать-мне-на-ваши-проблемы»?! Слушая старика, я удивлялась про себя, но помалкивала, боясь спугнуть его неожиданную разговорчивость.

Задумавшись, Дуайт выбил в костер пепел из трубки.

— Да, лорд Робин — хороший хозяин, — заключил он. — Благодаря ему в Кавертхале никогда не знали, что такое голод. Но человеку, кроме куска хлеба, нужно еще кое-что. Нужно чувствовать себя на коне, нужно что-то, чем он мог бы похвастать в пабе или перед соседями. Нужна уверенность, что он может справиться сам, без подачек. Иначе старики гаснут, а молодые парни все чаще начинают поглядывать в сторону моря.

«Вероятно, он говорит о том, что Амброзиус называл „социальной значимостью“, — подумала я.

Намеки Дуайта были прозрачны как день. Я и так знала, что в Думаноне

почти каждый, кто владел лодкой, яликом или баркасом, промышлял контрабандой. Трудно было удержаться, зная, что одно плавание в Сацилию за грузом спиртного может принести кругленькую сумму. Наверняка в этой бухте был прикопан не один бочонок контрабандного джина. Четыре-пять поездок могли обеспечить пропитанием целую семью по крайней мере на год. Как тут не рискнуть? Разумеется, их ловили. Таможенники давно изучили в окрестностях все укромные бухты и тайные пещеры, словно нарочно созданные для того, чтобы прятать в них запрещенный груз. Однако смельчаки, желающие быстро разбогатеть, все равно не переводились.

Дуайт хмуро косился на Джоэла, забавлявшегося с собакой, и я поняла, что старик затеял этот разговор неспроста. Целыми днями болтавшийся без присмотра, Джоэл легко мог попасть под дурное влияние. Сначала его попросят подежурить на берегу, потом — помочь разгрузить лодку, потом — поработать посыльным, а там и до тюрьмы недалеко. Нужно было срочно что-то предпринять.

Как мне ни претило обращаться за помощью к своенравному дядюшке, только он мог подыскать Джоэлу службу в замке. Может быть, на конюшне? При виде мальчишки я испытывала смутное родственное чувство. Мы с ним оба сироты, оба можем рассчитывать лишь на себя... Я обязана была помочь. Ради этого стоит немного поступиться самолюбием...

Облака над нами сгрудились теснее, резкий порыв ветра хлестнул по скалам.

Над притихшей бухтой, над утесами, беспомощно вросшими в песок, вдруг прокатился тоскливый, утробный вой. Он ознобом прошелся по нервам — и унесся дальше, растворился, растаял в холодных серо-зеленых волнах.

Глава 8

Хотя я в последние дни пренебрегала компанией барышень Полгрин, но они меня не забыли. Как-то раз, в бездеятельный сонный промежуток между завтраком и обедом к нам в Уайтбор нагрянули гости. Встретила их, разумеется, бдительная миссис Дэвис. До меня издали донесся ее голос: «Добрый день, сударыни. Да, он в библиотеке. Вообще-то мистер Уэсли не любит, когда мешают его занятиям, но я доложу ему о вашем прибытии».

— Мы хотели бы повидать мисс Анну, если можно, — прозвучал мягкий голосок Джейн. Затем снова послышалось негромкое кудахтанье экономки, торопливые шаги и шорох снимаемых меховых накидок.

В этот момент я находилась на верхней площадке, изучая дальнюю стену в тщетной попытке снова отыскать проход в ту загадочную комнату, полную ключей. Несмотря на все усилия, каменный монолит оставался глух к моему любопытству. Бросив это бесполезное дело, я поспешила вниз, пока миссис Дэвис не запугала девушек окончательно, и еще на лестнице различила взволнованный шепот Кэролайн: «Но когда лорд Уэсли впускает гостей, он ведь потом выпускает их обратно, правда?»

— Кэролайн! Джейн! — я заулыбалась как можно приветливее, будто моя улыбка могла сгладить жутковатое впечатление от мрачной атмосферы замка. Было немного неловко. Миссис Полгрин в прошлый раз отнеслась ко мне с такой теплотой, а я, заинтригованная местными загадками, совсем о ней позабыла!

— Какой дивный сюрприз! — холодно прозвучало сверху. Лорд Уэсли тоже показался на лестнице следом за мной. В руке его была книга с заложеной пальцем страницей, а на лице — привычная кривая гримаса, свидетельствующая, что в гробу он видал такие сюрпризы.

После смущенных приветствий и раскланиваний, сестры Полгрин наконец расположились на софе в гостиной, явно испытывая почтительное опасение перед хозяином. Миссис Дэвис принесла чай.

— Как здоровье вашей матушки? — вежливо осведомился Робин Уэсли.

— Все хорошо, спасибо.

— Она вся в делах, — добавила Кэролайн. И, не удержавшись, выпалила главную новость: — Через три недели в Триверсе дают бал! Будет музыка, танцы в доме приемов. Вы ведь тоже поедете, правда?

Ее лицо все вспыхнуло от предвкушения. Для Кэролайн это было, безусловно, событие года. Я слегка растерялась. Через три недели? Мои мысли были целиком поглощены послезавтрашней ночью, когда настанет Имболк, распахнув дверь на Ту Сторону для тех, кто сумеет ей воспользоваться. Как же мне заставить этот чертов замок выдать его секреты? Или плюнуть на опасность и попытаться счастья в Кавертхале? Успею ли я повидаться с родными до того, как в меня вцепится Мейвел? Я часами напролет ломала себе голову над этой проблемой, беспокойство преследовало меня даже во сне, и мне мало было дела до балов, даже самых роскошных.

— Разумеется, она поедет, — безапелляционно заявил Уэсли, даже не взглянув в мою сторону.

Что?! Я уже открыла рот, чтобы возмутиться таким произволом, но тут Кэролайн принялась болтать о последних сплетнях из жизни каких-то общих

знакомых, Джейн стеснительно засмеялась, — в общем, момент был упущен. Переводя взгляд с одной сестры на другую, я отмечала кое-какие странности в их поведении. Ох, неспроста они явились в Уайтбор! И им определенно не хватало Мэри для душевного равновесия. Я примерно понимала, какую роль каждая из них играла в семейном тандеме: Мэри часто шокировала общество прямыми высказываниями, маскируя их под детскую непосредственность, Кэролайн чувствовала себя более уверенно, когда могла снисходительно подсмеиваться над младшей сестрой, ну а Джейн была всеобщим миротворцем.

Как бы я ни гордилась своей проницательностью, Робин Уэсли догадался о тайных желаниях девушек раньше меня:

— Вероятно, вам не помешали бы какие-то мелочи для полного бального блеска? Какой-нибудь финальный штрих, как бы последний мазок кисти. Ленты, кружево, новые перчатки? — вкрадчиво спросил он. — Почему бы вам не съездить в Триверс и не купить там все необходимое? Уверен, Анна будет рада составить вам компанию. Как раз послезавтра коляска мне не понадобится, так что мои лошади в полном вашем распоряжении.

По смущенному лепету «о, как можно, сэр!» и «вы так добры, сэр!» я поняла, что это было именно то, о чем они мечтали. Лорд Уэсли заулыбался как кот. С ним произошла внезапная алхимическая перемена, словно по волшебству превратив его из угрюмого затворника в гостеприимнейшего хозяина.

— Что вы, не стоит благодарности, — отмахнулся он. — Попробуйте эти трюфельные конфеты, мисс Кэролайн. Вам нравится миндаль? Я удивлен, что ваша матушка сама не обратилась ко мне с этой просьбой. Для чего же еще нужны друзья, если не помогать друг другу?

«О, чтоб тебе пропасть!» — в бешенстве подумала я. Уэсли только что нашел идеальный способ удержать меня накануне Имболка подальше от Уайтбора.

— ...И не торопитесь возвращаться обратно, — уговаривал он сестер. — Я категорически не советую вам ехать по пустошам в сумерках, даже в сопровождении грума!

— Это правда, там бывает жутковато, — вмешалась я, воспрянув духом. Может, девушки испугаются Зверя и откажутся от поездки? — Как раз недавно я гуляла на берегу и слышала...

Но у Робина Уэсли на уме было совсем другое:

— Вам ведь есть где остановиться в Триверсе, не так ли?

— О, мы, наверное, могли бы... — прошептала Джейн, переводя взгляд с меня на дядю и обратно.

— Мы переночуем у миссис Хейтроп, — решительно перебила ее Кэролайн.

Насколько помню, миссис Хейтроп была дальней родственницей Полгринов, достаточно дальней, чтобы они не осмеливались досаждать ей визитами, но все же родственницей, которая не оставит трех девушек ночевать на улице.

Лорд Уэсли одобрил этот план с истинно отеческой заботливостью. Я мысленно кипела. Какая поразительная сердечность для человека, предпочитающего всем гостям в мире общество своих любимых книг и избранных спиртных напитков! Что за лицемерие!

Кажется, пора было расставить все по местам:

— Вообще-то я...

На меня уставились три пары глаз: две — умоляющих и одна — проницательно-хитрых, отливающих зеленью.

— В чем дело, Анна? Разве на послезавтра у вас намечено какое-то дело, не терпящее отлагательств? — спросил лорд Робин вроде бы с участием в голосе, но его брошенный на меня острый взгляд напоминал выпущенный на долю секунды коготь.

«Ну конечно, так я и призналась!»

Я отрицательно покачала головой.

— Вот и хорошо. Значит, решено. Послезавтра вы отправляетесь в Триверс!

— Как чудесно! — воскликнула Кэролайн.

Джейн казалась донельзя смущенной. Она была из тех натур, которые больше всего боятся обременить собой кого-нибудь. Зато Кэролайн просто сияла! Я с трудом выдавила ответную улыбку.

«Значит, придется действовать хитростью».

* * *

Некоторое время назад мне уже приходилось проделывать путь от Триверса до Уйтбора вместе с Недом Уолтером, но ехать в компании девушек оказалось гораздо веселее. Кэролайн и Мэри болтали без умолку. Вид притихших серых холмов, простиравшихся до горизонта, как всегда, вызывал у меня ощущение смутной угрозы, хотя присутствие дядиногo гpума несколько успокаивало. Как я уже упоминала, он был так бородат и космат, что среди хобгоблинов, обитающих в заброшенных шахтах, наверняка сошел бы за своего. Кроме того, он обладал недюжинной силой и, как я надеялась, при случае мог бы защитить нас даже от Босвенского зверя.

Моих спутниц, судя по всему, подобные опасения не тревожили. При свете дня все рассказы о чудесах, населяющих местные холмы, казались просто страшными сказками.

— Из всех девушек на балу ты несомненно будешь самой красивой, — говорила Джейн сестре. — И мистер Медоуз, увидев тебя, просто потеряет голову!

— Боюсь, доктор Медоуз слишком занят научными изысканиями, чтобы почтить своим присутствием наше скромное собрание. — В голосе Кэролайн слышалась легкая досада. — То ли дело мистер Хартман! Несмотря на занятость, он как-то ухитряется выкраивать время для светской жизни! Недавно он мне сказал, что еще никогда не видел столь приятного общества и таких очаровательных женщин.

— Ну, если кто-то собирается вскружить голову мистеру Хартману, то боюсь, его ждет разочарование, — вмешалась Мэри. — Мистер Хартман, похоже, из тех людей, чья голова всегда крепко сидит на плечах. И я бы не стала принимать за чистую монету все любезности, которые он расточает!

Да, Мэри в конце концов тоже пришлось взять с собой. Когда я утром подъехала к усадьбе Хоппер, чтобы забрать Джейн и Кэролайн, она встретила меня снаружи, кутаясь в шерстяную накидку и прячась среди голых кустов сирени.

— Мисс Анна! — подбежала она ко мне. — Пожалуйста, можно я тоже поеду с вами?

Я ужаснулась ее виду:

— Боже, ты вся замерзла! Зачем?

Девочка потупилась. С бледным, даже голубоватым от холода лицом, она

казалась маленькой и одинокой, как эльф.

— Я хотела посмотреть новые книги, — призналась она. — А Кэролайн не хочет меня брать! Говорит, что некому будет за мной присматривать, и миссис Хейтроп рассердится! Она не очень-то любит гостей. Но нам так редко выпадает случай побывать в городе!

Такая одержимость книгами была мне непонятна. Что Кеннет, что Робин Уэсли — оба могли часами просиживать в библиотеке, роясь в старых страницах и чихая от книжной пыли. Амбросис тоже вечно пытался подсунуть мне то одну, то другую книжку, надеясь, что хоть какая-то из них меня заинтересует. Лично я предпочитала учиться у живых людей вместо того, чтобы верить нацарапанным на бумаге закорючкам. Но Мэри — другое дело. С кем ей еще общаться? Мать занята, старшие сестры озабочены своими делами... Пусть заведет хотя бы бумажных друзей.

— Вы не подумайте, у меня есть деньги! — горячо воскликнула девочка, неверно истолковав причину моих колебаний. — Никому не расскажете? — Улыбнувшись, она придвинулась ближе и зашептала: — Когда мне удастся лечь позже всех, я всегда оставляю на кухне ведерко с чистой водой у каминной решетки. Наутро оно оказывается пустым, а внутри каждый раз лежит новенький шиллинг! Я так хотела зайти в Триверсе в книжную лавку... Кэролайн не хочет, чтобы я ехала, но вам она возражать побоится!

Конечно, я не могла ей отказать. Я отвела ее в дом, чтобы она выпила горячего поссета перед поездкой, а то на здешнем ветру и простудиться недолго. Надеюсь, ее шиллинги доживут до Триверса и не превратятся по дороге в сухие листья! Фэйри — те еще затейники, их подаркам доверять не стоит...

У меня в сумочке тоже лежал увесистый кошелек, который мне дал перед отъездом мистер Уэсли. Дядя проявил значительную щедрость: мол, держи, любезная племянница, и ни в чем себе не отказывай, главное — назад подольше не возвращайся. Собираясь в дорогу, я взвесила на ладони звонкие монеты, полюбовалась их блеском — а потом решительно ссыпала обратно в кошелек. Тратить их я не хотела. Кто знает, из какого ведра доставал их лорд Робин! И так обойдусь. Леди Элейн с последним письмом прислала мне целых десять фунтов, так что я чувствовала себя богачкой.

Подчиняться прихоти Уэсли, который решил в ночь Имболка отослать меня из замка, я тоже не собиралась. Я рассчитывала, что мне поможет Джоэл. Незадолго до этого дня дядя согласился приютить мальчишку в конюшне и дать ему работу:

— Вы собираетесь так часто выезжать, что вам понадобился отдельный конюх? — поддразнил он меня. — Впрочем, я рад, что вы привыкаете к Думанону, и у вас появились друзья.

Затем Уэсли спрятался от меня в очередную книгу, показав, что дальнейший разговор ему не интересен. Я поблагодарила и попрощалась — как можно скорее, чтобы дядя не начал меня расспрашивать. На самом деле мне совсем не нравилось ездить верхом, и с Ласточкой у нас установилось хрупкое перемирие, в основном, благодаря запрещенным сладостям, которые я регулярно таскала для нее из кухни.

Но Джоэлу действительно нужна была работа.

Поманив мальчишку за угол, чтобы нас не слышали другие конюхи, я негромко сказала:

— Когда я уеду в коляске, оседлаешь Ласточку. Если спросят зачем, скажешь, что с нами собралась ехать миссис Полгрин, так что для меня в экипаже не осталось места.

Я надеялась, что дядя не станет проверять, как и в каком составе мы отправились в Триверс.

— В городе поставишь лошадь в платную конюшню в «Лорелее», знаешь такую вывеску с железной русалкой? Передашь хозяину, что Ласточка мне понадобится вечером. Вот деньги.

Выслушав, Джоэл серьезно кивнул:

— Сделаю, мэм. Хотите пораньше вернуться?

— Да. Но мистеру Уэсли — ни слова!

Мальчишка сделал рукой непонятный знак:

— Могила. Только вы осторожней. В Имболк лошадей не выводят на пустошь — плохая примета. Напугают, а то и сведут. Сами знаете кто.

Я храбро улыбнулась, не позволяя дурным предчувствиям испортить мне все дело:

— Ничего, я проеду. Не зря же у Ласточки все подковы сделаны из заговоренного железа. Я не заблужусь.

* * *

Двух- и трехэтажные дома Триверса, сложенные из местного светлого камня, резко выделялись на фоне низких серо-синих облаков. Мостовая поблескивала от дождя. Повезло, что дождь не застал нас в дороге, иначе наш путь продлился бы гораздо дольше! Коляска остановилась возле модной лавки, чтобы высадить нас и дать, наконец, отдых лошадям. Джейн и Кэролайн восхитились модными шляпками, выставленными в витрине. А войдя внутрь, они и вовсе потеряли представление о времени:

— Посмотри, какой тонкий батист!

— Да, но четыре шиллинга за ярд... Кэрри, дорогая, это слишком дорого!

Кэролайн со вздохом остановилась перед манекеном, облаченным в яркий бирюзовый шелк. Такой цвет идеально подошел бы к ее рыжеватым волосам.

— О, какая прелесть! Но мне нужна еще шляпка. И перчатки.

— И шесть ярдов кружева для нижних юбок, — подхватила Джейн.

Мэри незаметно подергала меня за рукав, напоминая о нашем уговоре.

— Мы отлучимся ненадолго, — сказала я Джейн.

— Как так? Разве ты ничего не хочешь выбрать?

Я безразлично оглядела выложенные на прилавок рулоны шелка, тафты и батиста. Не могу сказать, что мое сердце совсем не трогают эти женские радости, но у меня были дела поважнее. Кроме того, в отсутствие Кеннета меня не очень волновал мой внешний вид.

— Вот этот сиреневый шелк очень подошел бы к твоей бледной коже, — поддержала ее Кэролайн. — Я в нем выглядела бы как загорелая мулатка, но тебе он будет очень к лицу!

Женщины вроде Кэролайн всегда исподволь изучают других женщин.

Подмечают, оценивают, примеряют на себя чужие жесты и манеры. Я улыбнулась, не желая с ней спорить:

— Я подумаю. Отведу Мэри в книжную лавку и вернусь.

Магазинчик, торгующий книгами, находился недалеко, через улицу. Мелодичный звонок возвестил о нашем с Мэри приходе, но навстречу никто не вы-

шел. Тут и там высились стопки книг, загораживая обзор. Книжные полки были забиты битком.

Пахло старой бумагой и просто старостью, в тусклом свете мерцали пылинки. Единственное узкое окно, не загороженное книгами, так заросло грязью, что солнечному свету было бы проще пробиться сквозь стену.

Пока мы осматривались, со стремянки в дальнем углу сполз кособокий низенький торговец, похожий на пожилого округлого паука, питающегося книгами. Старый сюртук на нем совсем порыжел от времени, клочки бакенбард задиристо торчали в разные стороны, глаз было не разглядеть за толстыми стеклами очков. Но я заметила, как эти глаза вспыхнули при виде Мэри, видимо, угадав в ней родственную душу.

— Что угодно юным леди? — осведомился он. Даже голос его был похож на шорох переворачиваемых страниц.

Я опустила руку Мэри на плечо и легонько подтолкнула ее вперед:

— Эта леди желает выбрать книги себе по вкусу.

Вынув из сумочки дядин кошелек, я передала его букинисту:

— Помогите ей найти все, что она захочет, хорошо?

Говорят, что деньги фэйри, потраченные на благое дело, приносят удачу. Надеюсь, я не ошиблась.

— Мне, к сожалению, придется тебя оставить, — сказала я девочке. Она на меня даже не взглянула, озираясь по сторонам, как рыбак, выброшенный на безлюдный остров и внезапно обнаруживший там пещеру сокровищ. — У меня есть еще одно неотложное дело. Передай мои извинения Джейн и Кэрролайн.

— Что? — переспросила Мэри, замороженная зрелищем открывшихся богатств.

Я вздохнула. Ладно, если что — Джейн знает, где ее найти.

— Ничего. Желаю успеха.

* * *

Хвала Джозелу, он сделал все как надо! Ласточка преспокойно пощипывала сено в конюшне «Лорелеи» и успела даже отдохнуть за то время, которое я провела в Триверсе. Над городом постепенно сгущался вечер. По расчетам, я должна была прибыть в Уайтбор как раз вовремя.

— Собирайся, подруга, нас ждет немалый путь, — с наигранной бодростью сказала я, потрепав лошадку по холке. Та недовольно фыркнула.

Не считая возможной встречи с Мейвел, это была самая рискованная часть моего плана. Прodelать тридцать миль верхом на норовистой лошади, в темноте — весьма сомнительное предприятие, даже если не брать в расчет Босвенского зверя и другие опасности, подстерегающие в холмах. «Но это, возможно, мой единственный шанс увидеть родителей», — напомнила я себе. Учитывая тяжелый характер лорда Уэсли, как только появится Кеннет, нам лучше будет поскорее убраться отсюда, а Эшентаун — не то место, куда фэйри любят заглядывать на огонек.

Вместе с Ласточкой мы двигались по широкой улице, влево и вправо от которой разбегались темные кривые переулки. В лужицах плескались отражения фонарей. Уютно, словно свечи, горели окна домов. В каком-то из них сейчас сестры Полгрин чинно сидели за ужином с грозной миссис Хейтроп. Меня ожидало другое. Наконец мы пересекли одну из трех рек, сливавшихся в Три-

версе, и выехали из города на простор. Небо, исполосованное облаками, в середине расчистилось и простерлось над нами, как зеленоватая купель, в глубине которой уже зажглись первые звезды. Дорога погрузилась во мрак. Только на западе еще горело бледно-красное зарево, острое, как нож у горла. Было тихо, но мне казалось, что из глубины холмов доносится странный, щекочущий шепот существ, чувствующих, какая ночь сегодня спускается на землю, и понимающих, что для них настало время охоты. В воздухе остро,пряно пахло волшебством.

— Н-но! — подтолкнула я Ласточку, которая заметно нервничала, прядая ушами. — Нужно спешить. Не бойся, у нас все получится. Мы возвращаемся домой.

Глава 9

Теплые, зовущие огни города давно растаяли позади. День мягко уступил свои права ночи, так что мы с Ласточкой плелись посреди стылой темноты, наполненной пугающими звуками, запахами и ощущениями. К сырому запаху, доносящемуся с болот, примешивалась едкая дымная нота: вероятно, где-то далеко на берегу еще работали плавильни. Все мои чувства обострились до предела, и все же мне не раз приходилось слезать с седла, чтобы проверить, не сбились ли мы с наезженной колеи. Каждое шуршание ветра в иссушенных морозом кустах вызывало мгновенный приступ паники.

Ласточка тоже вела себя нервно. Ее пугала ночь, казавшаяся сегодня особенно непроглядной, словно мир вокруг нас пошел трещинами, в которые просачивалась чужая, нездешняя чернота. Пытаясь успокоить то ли лошадь, то ли себя, я ободряюще похлопала ее по боку:

— Все будет в порядке.

В этот момент порыв ветра донес из холмов приглушенный вой. Ласточка, словно пуля, рванулась вперед. Я вцепилась в поводья. Под копытами зачавкала грязь — а это значило, что мы точно сбились с утоптанной тропы — но направить лошадь обратно на дорогу я не могла. Моих умений едва хватало на то, чтобы просто держаться в седле. Я молилась только, чтобы Ласточка не споткнулась и не угодила копытом в яму. Да и где теперь та дорога?! От бешеной скачки у меня спутались все ориентиры.

Хруст, доносившийся сзади, слышался все отчетливее, и к нему мое воображение живо дорисовало хрип тяжелого дыхания хищника и зловещий рык. Кто-то мчался за нами, ломаясь напролом сквозь кусты дрока. Снова по нервам продрал тягучий вопль — гораздо ближе, чем в первый раз. Ласточка заметалась, бросаясь то вправо, то влево. Один раз мы едва не угодили в канаву, заполненную водой. Или это было болото? «Сейчас он заманит нас в трясины и сожрет!» — мелькнула ужасная мысль. Но внезапно мы вырвались из вязкой грязи на пологий холм, копыта Ласточки звонко простучали по сухому, а темнота впереди ступилась — и обернулась каменным массивом Уайтбора, высоко вздымавшимся над холмами. Мигающие огоньки, которые я приняла за кверзы болотных духов, оказались горящими окнами в нижнем ярусе замка. Только свет был какой-то странный, бледный и неживой.

Хруст позади, кажется, стих. Из темноты проступила ажурная сетка ворот. Я испустила облегченный вздох, и вдруг Ласточка шарахнулась в сторону, когда нам наперерез метнулась белесая тень. Вероятно, это была одна из сов, в

изобилии гнездившихся в заброшенной башне замка. Перепуганная лошадь вскинулась на дыбы — и я птичкой вылетела из седла. Мир несколько раз перевернулся перед глазами. Я оглушенно приподнялась, задохнувшись от удара и чувствуя, как мое платье постепенно пропитывается ледяной водой. Локоть правой руки, на которую я неудачно приземлилась, прострелило болью.

— Ласточка! — позвала я.

Тишина. В окружающем густом мраке только слышался затихающий стук копыт. Искать лошадь в ночи (где, возможно, затаился хищник!) было бесполезно. Плюнув, я понадеялась, что у своенравной кобылы хватит ума добратся до конюшни. Если Босвенский зверь еще бродит неподалеку, Ласточка имела больше шансов спастись, чем я. В конце концов, у нее были четыре ноги, оснащенных к тому же тяжелыми копытами, а у меня всего лишь две — и я едва держалась на них после пережитого.

Здоровой рукой кое-как нашарив засов на воротах, я протиснулась внутрь и старательно заперла их за собой. Замок приветственно шелестел мне навстречу, словно древний лес. Этой ночью все изменилось. Я поняла, что сегодня мне не придется ощупывать камни в поисках тайной двери. Уайтбор, это гигантское каменное веретено, балансирующее на краешке нашего и иного мира, сегодня гостеприимно распахнул двери для каждого, кто посмеет войти. Я скользнула в волшебство так легко, как рука входит в перчатку.

Амброзиус всегда говорил, что магию нельзя увидеть: просто легкое движение воздуха, холодок на коже, словно кто-то приоткрыл дверь, из которой тянет сквозняком. Собственные глаза говорили мне, что я иду через темный холл, полосато освещенный луной, но под ногами вместо гладкости мраморных плит чувствовался мягкий мох, и в воздухе пахло клевером, жимолостью, зеленой свежей травой. Из ярко освещенной парадной залы доносились шум и голоса. Притаившись за высоченной дверью, я осторожно заглянула внутрь.

Судя по всему, пир был в самом разгаре. Пять огромных люстр ярко светились, будто луна упала с неба и разлетелась на тысячи осколков, застрявших между хищно изогнутыми железными крючьями. Длинные столы были густо заставлены снедью. Старый камин, который при мне никогда не топили, сейчас тоже пылал бледным лунным огнем. В нем подвесили котел — кажется, тот самый, который недавно горничные протащили мимо меня по лестнице.

Котел важно лоснился, исходя ароматным паром. Элспет, с голубым от жара лицом, помешивала поварешкой какое-то варево. Мимо прошмыгнула еще одна Элспет со стопкой тарелок в руках. Третья, стоя неподалеку, подливала вина огромному рыцарю, увенчанному роскошными лосиными рогами.

Вообще, в зале суетилось множество Элспет — куда больше, чем я когда-либо видела в замке. Гости тоже вызывали интерес. Некоторые из них имели кору вместо кожи, другие слегка просвечивали, наклоняясь друг к другу. Над столом, то смеясь, то рыдая, витала мелодия скрипки.

Теперь я понимаю, почему люди, которым случалось услышать музыку фэйри, на всю жизнь оставались под впечатлением. Говорили, что она может заставить вас танцевать или плакать, и что к ней невозможно подобрать слова. Эта музыка проникала в самую душу. Счищала ненужную шелуху слой за слоем, разглаживала мятые складки мелких мыслишек — и выпускала вас обратно, обновленными, беззащитными перед ее красотой. В ее присутствии было невозможно смотреть на мир прежним засаленным взглядом.

В центре главного стола, на почетных местах сидели Мейвел и Робин Уэсли. То ли музыка фэйри была тому виной, то ли волшебство праздника Порога, но я просто не узнавала своего дядю. Он смотрел только на Мейвел. Его взгляд таял в свете волшебных ламп, а в лице проступало что-то такое... будто кто-то зажег свечу в фонаре из темного стекла, подчеркнув внезапно его красоту.

Королева на него не смотрела. Она лакомилась ежевикой (я изумилась: ежевика — в начале февраля?!), ласково кивала в ответ на поклоны гостей, изредка достаивая кого-то из них коротким приветствием, и вообще вела себя здесь как хозяйка.

Я так засмотрелась на этих двоих, что забыла, зачем вообще сюда явилась. Но тут кто-то за столом поднял кубок — и вдруг ярко блеснуло серебро, приковав мое внимание. У этого человека была серебряная рука. Рядом с ним, опустив глаза, сидела дама в свободно струящихся одеждах, легких, как сумерки. Ее тихая печаль представляла странный контраст с буйным весельем собравшихся гостей. Неужели... это отец? Мама?!

Он казался таким юным, что я не могла в это поверить. Да, каштановые волосы, как у меня, и знакомый росчерк бровей, совсем как на портрете, который передал мне Тревор. Но если бы я встретила его на улице, то приняла бы за родного брата...

Скрипка стихла, и в пустое пространство между столами вдруг ворвалась толпа спригганов, колотящих в маленькие барабаны. Низенькие, ростом не выше ребенка, одетые лишь в легкие штаны и жилетки, они старались от всей души. Яростный ритм их игры бился в горле, заставляя невольно притопывать. Из-за столов слышались хлопки и ритмичные выкрики.

— Нынче последний Имболк в этом замке! — неожиданно возвысил голос Робин Уэсли, перекрыв даже звук барабанов. Пока все веселились, он о чем-то спорил с Мейвел. Я заметила, что кузены ни разу даже не обернулись друг к другу. Они были в ссоре? Или Эдвард Уэсли вообще забыл свою прежнюю жизнь? Вспомнит ли он обо мне?

Королева сделала знак рукой — и барабаны умолкли. Она вздохнула, отодвигая блюдо с ежевикой:

— Значит, больше не пить нам здесь молоко и мед, не сжигать в камине йольское полено, не дарить орехи на Остару и не зажигать костры в Бельтайн... Как печально, ведь Уайтбор давно стал мне почти домом... Уэсли были с нами в родстве еще с тех пор, когда воздвигли лабиринт Кавертхола.

— Но не я, — жестко подчеркнул лорд Робин. — Во мне нет серебряной крови. И я честно служил тебе, как условились, дважды по девять лет и еще один день. Но отныне земли Уайтбора будут свободны от власти фэйри.

Затаив дыхание, я наблюдала эту странную игру между ними. Робин Уэсли говорил с таким усилием, будто каждое слово причиняло боль ему самому — и вместе с тем он был рад, что хотя бы в этом споре мог восторжествовать над королевой.

Мейвел грустно вздохнула, подчиняясь его упорству:

— Пусть будет так, — сказала она. — Отныне проход закрыт, и больше ни один смертный не проникнет на равнины-без-возврата через ворота Уайтбора: ни пешком, ни конным, ни через дверь, ни через окно. Проход закрыт.

На лице Уэсли блеснула улыбка, как обнаженная кость.

— Выходит, мы в последний раз пируем в этом замке, — раздумчиво продолжала королева. — В Грейвиллии все реже вспоминают серебряную кровь. Но уверен ли ты, что в роду Уэсли нет других наследников, кроме тебя?

— Уверен, — не моргнув глазом, ответил Уэсли.

Только тут до меня дошло, что речь шла обо мне, и меня охватило возмущение. Ну, дядюшка! Ведь врет и не краснеет!

Скорее всего, он хотел защитить меня от Мейвел. Или отчаянно пытался спастись сам — от ее волшебного очарования, этой сладкой и болезненной игры, ее мерцающей неуловимой улыбки, навевающей горячечные сны...

До всего этого мне было мало дела. Меня душила обида: издали подглядывая за чужим праздником, я вдруг ощутила себя потерянной как никогда. Слово все одиночество, накопленное за двадцать лет, разом легло мне на плечи. Родители, похоже, обо мне позабыли, дядя от меня отказался... Черт, зачем я вообще приехала в Думанон?! Внутри клокотал такой гнев, что он, казалось, пытался прожечь путь наружу. Поморщившись от боли, я потеряла кожу между ключиц и, ойкнув, отдернула руку. Меня обожгла серебряная стрекоза.

Вряд ли в праздничном шуме могли услышать мой вскрик, но печальная женщина в сумеречных одеждах вдруг вскинула голову, а Мейвел обернулась к дверям, и в ее глазах зажглось темное предвкушение. Алые губы изогнулись в улыбке, такие яркие, будто они были вымазаны кровью, а не соком ежевики. Она медленно проговорила, обращаясь к Уэсли:

— Сдается мне, мой лорд, что ты забыл пригласить на пир еще кое-кого?

Теперь все они смотрели на меня. Дядя бросил короткий злобный взгляд и отвернулся, зато остальные приближенные королевы Мейвел бурно возликовали:

— Незванный гость — лучший гость! Она пришла незваной! Налейте ей вина! Пусть отведаст нашего угощения!

Рыцарь с лосиными рогами приветственно грохнул кубком о стол. Давешние спригганы, недавно вдохновенно колотившие в барабаны, утянули со стола блюдо с фруктами и всей толпой потащили его ко мне. Я попятилась. «В доме фэйри не бери ни еды, ни питья, если не хочешь остаться у них насовсем», — вспомнились слова Амброзиуса.

Коротышкам-спригганам пришлось образовать живую пирамиду, чтобы поднять блюдо наверх. В дюйме от моего носа зависло нечто похожее на засахаренную сливу.

— Давай же, ешь! — послышался придушенный всписк откуда-то снизу. — В такую ночь невежливо отказываться от угощения!

Я попятилась, и вся «пирамида» протестующе загалдела: «Что за невежа! Она нарушает закон!»

Вдруг чей-то плащ взметнулся перед моими глазами, серебряная рука с зажатым в ней мечом описала сверкающую дугу, разметав вопящих спригганов в разные стороны.

— А ну, пошли прочь! — прогремело над ухом. Вероятно, таким голосом Эдвард Уэсли командовал своей бригадой в сражении.

Я бросила взгляд на Моранн — та, прижав руки к груди, что-то быстро шептала. Цепочка, на которой висела моя подвеска, вдруг лопнула, полоснув мне шею короткой болью, серебряная стрекоза сорвалась в воздух и обернулась миниатюрной девушкой в короткой тунике и легком хитиновом доспехе. Она

быстро схватила меня за руку (к счастью, за здоровую):

— Бежим!

Мы с отцом успели обменяться только взглядом. «Беги!» — долетел от стола голос Моранн, не спускавшей с нас глаз. Мейвел, полыхая глазами, была целиком поглощена ссорой с Уэсли:

— Ты обманул меня! — вонзился мне в спину ее разъяренный вопль.

«Стрекоза» так дернула меня за руку, так что я чуть не ткнулась носом в камни, на ощупь казавшиеся мягким мхом. Мох пружинил под нашими ногами, когда мы неслись по тесным каменным коридорам. На стенах вспыхивали и гасли зеленые всполохи, а в ушах постепенно затихало веселье волшебного народца, которому я слегка подпортила праздник.

— Но она же знала! — возмущенно воскликнула я. — Она знала, что у Эдварда Уэсли есть дочь! Мы уже встречались... на Авалоне... на холме... Она знала!

Девушка-стрекоза, похоже, не владела речью. Однако в ее брошенном вскользь озабоченном взгляде я без труда прочитала: «Ловушка. Для Робина Уэсли. И для тебя, если поймают».

Мысль о дяде заставила меня остановиться. Чтобы перевести дух, я схватилась за стену:

— Что... она... может ему сделать?

«Стрекоза» пожала плечами: «Наложит проклятье. Или гейс. На него и на тебя тоже. Бежим. Ее Зверь где-то здесь».

Вместо просторного холла мы попали в какую-то каменную утробу, сплошь состоящую из лестниц и переходов. Я не помнила в Уйтборе такого места, но сегодня здесь все было не так! Все смешалось и перепуталось этой ночью. Будто замок вывернулся наизнанку, обернувшись ко мне другой — Чужой Стороной. Под ногами текли ступеньки, наверху была сплошная путаница из перекрещенных лестничных пролетов. Они медленно, рывками, двигались, словно мы находились внутри исполинского часового механизма. Мы то поднимались, то спускались, и вскоре я совершенно потерялась в этом движущемся лабиринте. Будь я одна, уже давно забежала бы в тупик, но «стрекоза» каждый раз безошибочно выбирала пролет, который ровно к нужному моменту совмещался с другим пролетом.

Сквозь зловецкий каменный скрежет я вдруг различила другой звук: тяжелое дыхание бегущего хищника, приглушенный удар, когда он по-кошачьи мягко перескочил с одной лестницы на другую. По стене метнулась чья-то тень. Он был здесь! Босвенский зверь, охотник и страж королевы Мейвел!

Вскрикнув от страха, я обернулась к своей спутнице. Лучше бы я смотрела себе под ноги! «Стрекоза» спускалась очень быстро, опередив меня почти на половину пролета. Я не заметила, что ступеньки здесь были другой высоты, и оступилась, неуклюже взмахнув руками. Когда теряешь равновесие, то время словно растягивается. Ты летишь, и все внутри тебя сжимается в ожидании удара.

Последнее, что я помню — расплывающийся рисунок бесконечных лестниц у меня над головой.

* * *

Мне мешали голоса. Было жарко, ломило в висках, и ужасно хотелось уплыть обратно в обволакивающую прохладную темноту, но чужие голоса

ввинчивались в уши, вынуждая проснуться. Поморщившись, я открыла глаза, стараясь унять шальную карусель в голове.

— ...Все-таки ей следовало бы принять микстуру, — бубнил кто-то в глубине комнаты. — Доктор Коуд всегда прописывал ее от лихорадки. И еще нужно положить горячую грелку ей в ноги, Элспет как раз принесла...

— Да оставьте, — раздраженно отмахнулся второй голос. — Дайте ей нормально выспаться, и все. Организм сам справится с болезнью. О, смотрите, она очнулась!

Одна из двух смутных теней, движущихся по комнате, подошла ближе и внезапно превратилась в миссис Трелони, которая участливо положила ладонь мне на лоб.

— Дорогая, как ты нас напугала!

Я находилась в своей комнате, в постели. Миссис Трелони присела рядом, а поодаль, смирно сложив руки на животе, застыла миссис Дэвис с недовольным лицом, выглядевшая не более живой, чем обычно.

— Я... была больна?

Собственный голос показался мне чужим и каким-то ломким. В горле было сухо, как в пустыне. Миссис Дэвис, словно обладая умением читать мысли, подошла к комоду, наполнила чашку из кувшина и подала мне какой-то отвар, пахнувший сеном. Впрочем, на вкус он был вполне ничего.

— Все так переполошились, — принялась рассказывать миссис Трелони, — когда Ласточка под утро вернулась с пустым седлом. Всю деревню подняли на поиски. Вас нашли конюх Джоэл и какой-то старик — Дуайт, кажется, его зовут? — недалеко от шахты Уил-Дейзи. Вы были без памяти и, должна сказать, вам очень повезло, что они смогли так быстро отыскать вас в тумане! У этого Джоэла, должно быть, глаз как у орла. Он первым заметил лоскут лиловой амазонки, зацепившийся за куст.

— К сожалению, ваше платье все пропиталось грязью и теперь безнадежно испорчено, — добавила экономка с осуждением в голосе. Я посмотрела на нее с изумлением. Меньше всего на свете меня сейчас волновало какое-то платье! Тут бы разобраться, что приключилось со мной!

— Как вы вообще решились на такую поездку! Что за безрассудство! — подержала экономку миссис Трелони.

Я скосила глаза вниз. На мне была надета полотняная ночная рубашка, мокрая от пота, и от ног до груди меня укрывало толстое одеяло, казавшееся неподъемно тяжелым. Я попробовала его скинуть и невольно вскрикнула от боли, вспыхнувшей в правой руке.

— Осторожнее, мисс! — слышался третий мягкий голосок. Ага, это Элспет (по крайней мере, одна из них). Все собрались, только дяди здесь не хватает. Кстати, что случилось с Робинот Уэсли? При одном воспоминании об угрозах Мейвел у меня в груди что-то тоненько противно заныло.

— Мистер Уэсли... очень сильно сердился?

— Даже не вздумайте вставать! — проворчала миссис Трелони, полностью проигнорировав мой вопрос. — Вам сейчас нельзя волноваться. И как минимум неделю следует провести в постели! Шутка ли — целую ночь пролежать на холодной земле! Хорошо еще, что обошлось без воспаления легких!

Целую ночь?! Растерянно моргая, я пыталась собрать в кучку уцелевшие воспоминания. Последние часы перед забытьем выдались богатыми на собы-

тия. Подъезжая к Уайт бору, я свалилась с седла — это факт. Точно помню, как болела ушибленная рука. А все остальное? Замок, преображенный волшебством, безумное веселье, встреча с родителями, скандал, который закатила Мейвел, подруга-стрекоза и наш бег по бесконечным лестницам... Неужели все это привиделось мне в бреду?! Богатое у меня воображение, однако.

Здоровой рукой я поспешно нашарила цепочку. Слава богу, серебряная стрекоза была на месте! У меня осталось хотя бы это!

Тем временем миссис Дэвис отошла куда-то и вернулась с очень кислым лицом:

— Мне не следовало бы это поощрять, но, наверное, будет проще его впустить.

— Кто там? — спросила я, приподнимаясь на подушках. — Это дядя?

— Нет, и, думаю, мистер Уэсли никогда бы не одобрил этого визита, однако ваш знакомый проявил просто невероятную настойчивость.

Интересно, кто так рвался меня увидеть?

Я не успела толком удивиться, так как в комнату стремительными шагами ворвался Кеннет.

Глава 10

— Это ты! Ты приехал!
Он присел рядом со мной, сменив миссис Трелони, которая тактично отступила на два шага. Завладев моей рукой, Кеннет скользнул губами по костяшкам моих исцарапанных пальцев. В этом прикосновении был целый мир. Все мое горе, все одиночество, преследовавшее меня со дня его отъезда, отступили прочь. Я так сильно по нему скучала — лишь сейчас поняла, насколько сильно. Вцепившись в его руку, как утопающий в спасательный круг, я молчала, не в силах выговорить ни слова. Все приветственные фразы казались нестерпимо банальными, пошлыми, пустыми. Они бы только все испортили.

— Энни, — мягко сказал Кеннет, — не плачь.

— Я и не плачу! — высморкавшись в предложенный им носовой платок, я облегченно вздохнула и снова жадно всмотрелась в его лицо.

Кеннет Фонтерой казался прежним и в то же время другим. Удивительно, как плохо мы запоминаем даже самые дорогие лица. Наша память — нерадивый помощник, она не утруждается, чтобы сохранить всякие мелочи вроде чуть неровных зубов, веснушек на носу или смеющихся морщинок вокруг глаз...

Он улыбался, однако резко бросалось в глаза, как он похудел. Лицо загорело, осунулось и выглядело усталым. Темные пряди волос, падавшие на лоб, прорезали ниточки седины. Этого точно не было, когда мы в последний раз виделись в Эшентауне! Я похолодела:

— Сколько... сколько времени я была без сознания?!

— Четыре дня, — подсказала услужливая Элспет. Стоя в ногах кровати, она с любопытством таращилась на нас.

Что ж, это еще ладно, можно сказать, мне повезло. Бывало, что люди проводили в волшебной стране десятки лет, а потом возвращались, когда их близкие уже покоились в могилах! Судя по его виду, дела Кеннет были не очень хороши. Что бы ни случилось с ним в Астилии, это его основательно перепахало.

ло. Впрочем, неважно. Главное — что он наконец-то здесь.

Я погладила его по руке:

— Ты вернулся! Значит, твои дела в Астилии...

— Они закончены, — ответил Фонтерой очень лаконично. Словно бы подвел черту, отсекающую возможные расспросы.

Я и не собиралась спрашивать его в присутствии строгих компаньонов. Если бы миссис Трелони и миссис Дэвис хоть на пять минут оставили нас наедине! Чем дольше я смотрела на Кеннета, тем сильнее росло мое беспокойство, как он ни пытался разыгрывать беспечную радость от встречи:

— Я приехал позавчера, сразу справился о тебе и узнал о твоей феерической ночной прогулке. Энни, я ведь столько раз предупреждал, чтобы ты была поосторожнее с лошадьми! Помню, в Эшентауне тебе тоже нравилось лихачить, но одно дело — галопировать в парке, и совсем другое — пересечь Босвенскую пустошь за несколько часов! На такое мало кто решится!

Он пытался шутить, но веселый голос не вязался с печалью, затаившейся на дне глаз, в которых, мне казалось, снова разгорались опасные золотые отблески. За спиной Кеннета мне чудились грозно распускавшиеся невидимые крылья. Но как это могло быть? Мы ведь уже покончили с этой проблемой! Или нет? Мне вспомнилось белое снежное утро в поместье лорда Мериваля, когда Кеннет впервые признался мне в своих чувствах, и дракон, это древнее проклятье рода Фонтероев, потерял над ним власть. А сейчас я снова отчетливо ощущала присутствие чужого могущественного существа, незримо наблюдающего за нами.

Несомненно, в Астилии что-то произошло.

Поболтав еще пять минут, Фонтерой, так стремившийся меня увидеть, почему-то вдруг заторопился уходить:

— Желаю тебе поскорее поправиться, — сказал он, прощаясь. — Рад, что повидал тебя, а то сердце было не на месте. Я, конечно, понимаю, что какой-то лихорадке тебя не одолеть, но все равно теперь мне гораздо спокойнее.

«А мне наоборот».

Посмотрев на меня напоследок непонятым взглядом, Кеннет вежливо поклонился обеим старшим дамам и ушел, а я твердо решила завтра же восстать с одра болезни, что бы там ни говорила миссис Трелони.

Мне было очень тревожно.

* * *

На следующее утро я нашла в себе достаточно сил, чтобы привести себя в порядок и спуститься к завтраку. Меня беспокоил не только Кеннет, но и Робин Уэсли. Что с ним случилось? Экономка и миссис Трелони упорно обходили молчанием эту тему. Неужели Мейвел что-то с ним сотворила? Королева фэйри даже в лучшие дни отличалась некоторой злокозненностью, а уж когда она была в гневе, лучше было вообще не попадаться ей под руку.

Тем не менее, пройдя в столовую, я обнаружила лорда Уэсли, как ни в чем не бывало сидящего на обычном месте. Трость была прислонена к стулу, перед ним на столе стоял завтрак. На первый взгляд дядя был таким же, как всегда — то есть желчным, язвительным и в дурном настроении.

— Рад видеть, что ваше безрассудство не нанесло серьезного ущерба вашему здоровью, — заявил он вместо приветствия. И хотя в его голосе звучала едкая насмешка, у меня отлегло от сердца.

Разливая чай, я продолжала исподволь наблюдать за дядей. Мне показалось, или сегодня он действительно был бледнее обычного? Возможно, это из-за серого утреннего света.

— Раз вы снова на ногах, значит, сможете сами принимать визиты, — продолжал добрый дядюшка, кроша тост на мелкие кусочки. По утрам у него никогда не было аппетита. — Целых три дня здесь проходу не было от ваших знакомых, все приезжали справиться о вашем самочувствии. Барышни Полгрин появлялись у нас каждый день. Непонятно, что нового они ожидали от меня услышать, так как я сразу сказал, что простуда уложила вас в постель как минимум на неделю. Должен признать, я был лучшего мнения об их здравомыслии.

— Кажется, в прошлый раз вы нашли общество мисс Кэролайн очень приятным, — поддразнила я.

— Она довольно мила... но ее пансионская привычка хихикать по любому поводу вызывает у меня мигрень, — отрезал галантный дядюшка.

— Думаю, мне следует навестить их и поблагодарить за сочувствие.

— Если это избавит нас от дальнейших визитов, то это будет поистине милосердный поступок с вашей стороны. Только никаких больше поездок верхом! Проявите милосердие и к Ласточке, бедняга захромала после той ночи. Если надумаете ехать к Полгринам, берите коляску, — предложил Уэсли. — Лично я надеюсь, что смогу наконец-то вернуться к своим привычным занятиям, так что никуда не собираюсь выезжать.

«Ну конечно! — с раздражением подумала я. — Дай вам волю — вы бы заперлись в библиотеке навечно!»

Всего час назад меня мучило беспокойство за дядю — и всего одного завтрака наедине нам хватило, чтобы я вернулась к своему нормальному состоянию молчаливого кипения. А все из-за его эгоизма, черствости и привычки брюзжать из-за любой ерунды! Кстати, странно, что он упустил такой удобный повод для брюзжания и ни слова не сказал о Кеннете.

— Кажется, лорд Фонтерой уже вернулся из Астилии?

Я решилась сама затронуть эту тему, так как начала волноваться, что короткий визит Кеннета мне тоже приснился. Однако судя по тому, как нервно дернулось дядино лицо, Фонтерой действительно являлся сюда во плоти:

— Да, этот бешеный демон несколько раз пытался взять замок штурмом, и мне стоило большого труда его убедить, что его присутствие здесь крайне нежелательно. Я уж думал, что придется прибегнуть к помощи экзорцистов, — соизволил пошутить Уэсли.

Жаль, что мне не довелось быть свидетелем их встречи! Хотелось бы взглянуть на эту борьбу воль! Я представила себе дядю, который мог легким движением брови и одной-двумя нотками в голосе привести в смущение любого гостя. С другой стороны, Кеннет, когда чувства в нем брали верх над рассудительностью, тоже превращался в сгусток концентрированной энергии и мог произвести ошеломляющее впечатление на неподготовленного человека. Не говоря уже о его «драконьих» способностях.

— Я слышал, он остановился в Триверсе, — продолжал мистер Уэсли. — Надеюсь, господин Фонтерой найдет там достаточно развлечений, или дела требуют его скорейшего возвращения в Эшентаун, так что он нас больше не побеспокоит.

«А я надеюсь, что скоро уеду отсюда вместе с ним! Даже если мне еще раз придется пересечь Босвенскую пустошь, причем собственными ногами!» — гневно подумала я, но вслух, разумеется, не сказала ни слова.

* * *

Когда на следующий день я подъехала к усадьбе Хоппер, девушек дома не оказалось. В гостиной была одна миссис Полгрин. Она разохалась из-за моей мнимой бледности, тут же усадила меня поближе к камину и вывалила мне на голову целый ворох свежих сплетен:

— Как удачно, что вы нас навестили, а то сижу здесь одна-одинешенька! В последние дни сюда редко кто заглядывает. Мистер Медоуз совсем помешался на своих болотных чудесах, будь они неладны, даже носа к нам не кажет. А девушки сейчас в гостях у Гимлеттов, хотя скоро должны вернуться.

— У Гимлеттов? — с изумлением переспросила я.

Я решительно не могла понять, до какой степени скуки нужно дойти, чтобы искать общества мистера Гимлетта, этого зануднейшего покровителя местных шахт. Что могло побудить Джейн и Кэролайн отправиться к нему? Любой здравомыслящий человек, разок послушав его разглагольствования, удрал бы от него без оглядки.

— А разве я не говорила? — спохватилась миссис Полгрин. — К Гимлеттам неожиданно приехала племянница, да не откуда-нибудь, а прямо с Континента! Все только о ней и говорят! Бедняжка лишилась всего из-за этой ужасной войны с Сацилией, и, кроме Гимлеттов, у нее не осталось ни одной родной души. Мы все должны проявить к ней особое участие.

Кажется, нынешняя зима в Думаноне выдалась необычайно урожайной на приезжих племянниц. Я мысленно порадовалась, что теперь общее внимание будет перенесено с моей персоны на другую девушку.

— Мне она показалась немного застенчивой и диковатой, но, возможно, у нее была слишком суровая гувернантка, — продолжала болтать миссис Полгрин, обрадованная, что нашла нового слушателя, еще не осведомленного о достоинствах мисс Гимлетт. — На Континенте свои порядки. Зато, я слышала, она прекрасно музицирует. У Гимлеттов теперь собирается все местное общество. И мистер Хартман тоже оказался горячим ценителем музыки! Правду сказать, некоторые джентльмены весьма непостоянны в своих привязанностях!

Только этим слабым намеком миссис Полгрин позволила себе выразить свое разочарование и материнское беспокойство. Я подумала, что мистер Хартман, несмотря на все улыбки и комплименты, которые он расточал перед Кэролайн, прекрасно знал себе цену и хотел распорядиться своей свободой наилучшим образом. «Ставлю шиллинг против старого башмака, что его привлек не ангельский голосок мисс Гимлетт, а богатство ее дядюшки», — усмехнулась я.

— ...Вот и сегодня мои девочки решили нанести Гимлеттам визит. Я и Мэри отправила с ними, а то сидит целыми днями над книжками, аж пожелтела вся. Что за польза девушке от книжных премудростей, хотела бы я знать?

Подойдя к рабочему столику, я нашла на нем стопку пухлых, довольно потертых книг. Видимо, это был последний улов из лавки букиниста в Триверсе. Разглядывая обложки, я с трудом могла разобрать полустертые названия, написанные нечитаемым причудливым шрифтом: Discourse on Devils and Spirits,

The Fairy Mythology, Temple Druidum... Раскрыв наугад одну из книг на странице, куда была вложена тоненькая закладка, я прочитала:

«...Чтобы вызвать фею, вам понадобится кристалл или стекло не менее трех дюймов длиной. Нужно дать ему отлежаться не менее трех пятниц подряд и трижды окурить огнем. Затем, встав под радугой и повернувшись лицом на восток, вы должны произнести заклинание призыва, и если расположение планет будет благоприятно, то фея окажется в плену этого стекла или кристалла...»

Я хмыкнула. Вот, значит, что на уме у Мэри! Ей уже мало общаться с домашними брауни посредством ведерка с водой, а хочется свести с ними более тесное знакомство! Между прочим, фэйри тщательно оберегали тайну своего существования и могли больно щелкнуть по носу за излишнее любопытство...

Напомнив себе, что с девочку следовало бы предостеречь, я снова с улыбкой обернулась к миссис Полгрин. Однако наш так приятно начавшийся разговор был прерван стуком подъезжающего экипажа.

— Мистер Хартман! Это его коляска! — возбужденно зашептала миссис Полгрин, склонившаяся к окну рядом с моим плечом. — Надо же, он привез девочек домой, чтобы им не пришлось идти пешком! В учтивости ему, конечно, не откажешь.

— С ними еще кто-то! Какая-то незнакомая девушка! — добавила я.

Значительное расстояние от дома до калитки не позволило мне рассмотреть ее лицо. Я успела заметить лишь модную шляпку, из-под которой выбивались пышные темные локоны, и богатую песцовую муфту, в которую она прятала свои руки.

— Должно быть, это и есть мисс Гимлетт?

— Мисс Рамирес, — поправила меня миссис Полгрин. — Она астилийка.

Это известие поразило меня как громом. Значит, она из Астилии! То, что эта девушка появилась здесь так неожиданно, и почти одновременно с Кеннетом, вдруг показалось дурным предзнаменованием.

Вскоре я смогла рассмотреть ее получше, когда веселая компания ввалилась в гостиную, и мистер Хартман представил мне новую знакомую по всем правилам. Ее звали Эстрелья Лаура (и еще несколько имен) Рамирес, дочь Фредерико Гарсии Рамиреса, графа Аранто, который героически сражался с саццилийцами в Пирренских горах.

Когда она услышала мое имя, на матовом бледном лице, обрамленном густыми локонами, радостно вспыхнули живые темные глаза:

— О, я так мечтала познакомиться с вами, мисс Уэсли! Лорд Фонтерой столько рассказывал мне о вас! Он настоящий герой! Если бы не он, я сейчас не стояла бы здесь...

От этих слов комната закружилась вокруг меня, словно калейдоскоп. Пришлось призвать на помощь всю вежливость и самообладание, чтобы продолжить беседу как ни в чем не бывало. Я улыбалась Кэролайн, заверяла Джейн, что мое здоровье нисколько не пострадало из-за той злосчастной поездки в Триверс, но в моей голове постоянно носились по кругу одни и те же взволнованные мысли. Мисс Рамирес встречалась с Кеннетом в Астилии. Он спас ее от какой-то опасности. И когда это он успел «так много» обо мне рассказать?! Сколько времени они провели вместе?

А главное, почему он ни словом не обмолвился мне об этом?..

Глава 11

Я быстро распрощалась с гостеприимной миссис Полгрин, сославшись на слабость после болезни, и спряталась поскорее в коляску, как укушенная белка в родное дупло. Наверное, это было не очень вежливо по отношению к Джейн и Кэролайн, с которыми мы проговорили меньше десяти минут, но есть же предел человеческому терпению!

Невозможно было слушать, как эта жизнерадостная астилийка щебечет о Кеннете, вспоминая его особенные словечки, манеру шутить или привычку допоздна засиживаться с книгой... Она знала даже о его пристрастии к горькому кофе! Почему-то меня это возмутило. Словно эта мисс Эстрелья претендовала на такую близкую дружбу с Кеннетом, на какую могли рассчитывать только я, леди Элейн и, возможно, Амброзиус. Дьявольщина, да кто она вообще такая?! Свалилась на нас, как снег на голову.

К сожалению, в следующие дни просто деваться было некуда от вездесущей мисс Рамирес. Все соседи были в восторге от ее воспитанных манер, образованности и музыкальных талантов, так что я чувствовала себя неловко, выказывая холодность девушке, которую все так превозносили. Она же, наоборот, явно вознамерилась стать моей близкой подругой. Приглашения из поместья Гимлеттов сыпались одно за другим. Миссис Дэвис по моей просьбе еле успевала сочинять вежливые отговорки: «мисс Уэсли сожалеет, но больная рука лишает ее удовольствия поучаствовать в верховой прогулке», «мисс Уэсли просит ее извинить, но боль в руке не позволяет ей присоединиться к музыкальным занятиям»...

Мой несчастный правый локоть, ушибленный той роковой ночью, оказался таким удобным предлогом, чтобы пореже встречаться с назойливой мисс Рамирес, что даже не хотелось его лечить! Но от добровольных помощников некуда было деваться. Каждый день Элспет приносила мне новые компрессы, бережно ощупывала руку и сочувственно цокала языком. Локоть слегка опух и побаливал, хотя, занятая невеселыми мыслями, в течение дня я почти забывала о нем.

Больше всего меня беспокоило, что от Кеннета не было ни слуху, ни духу. Я не могла поверить, что он преспокойно сидит себе в Триверсе, зная, с каким нетерпением я жду его в Уайтборе! Может, он, подобно Джереми Хартфорду, заделался меломаном и проводит веселые часы в салоне у Гимлеттов? Насколько я помню, игру Клариссы Эмберли он оценивал очень высоко. Мисс Рамирес по сравнению с ней была как пылающий факел рядом с сосулькой. Могли Кеннета привлечь подобный контраст? Что если наша любовь была лишь прекрасной фантазией... Это была слишком страшная мысль, и я гнала ее прочь.

Поток времени, текущий через замок, словно замедлился. Волшебство, окутавшее его в ночь Имболка, не совсем исчезло, в дальних комнатах и неосвещенных коридорах еще можно было различить его отголоски. Раскрывая окно, я вдыхала странный чужой воздух, доносившийся с холмов. По ночам к нам слетались невидимые духи, чтобы спрясть лунный свет и соткать из него серебристые плащи-невидимки. Иногда по утрам, когда Элспет (или кто-то из ее двойников) протирали зеркала от ночной темноты, я замечала в углах случайно оброненные клочки легкой ткани, похожей на серый туман. У меня по-

стоянно пропадали ножницы и иголки, зато однажды я нашла на подушке шелковую розу, сделанную так искусно, что она казалась живой.

Время текло размеренно и бесцельно: не успеешь оглянуться, как очередной день ускользает из твоих рук.

Спустя несколько дней Гимлетты устраивали музыкальный вечер, на который мы с дядей тоже были приглашены. Как и следовало ожидать, Робин Уэсли наотрез отказался участвовать в подобном веселье. «Чем тащиться куда-то в такую скверную погоду, лучше вообще обойтись без музыки, — ворчал он. — Не пойму, откуда это всеобщее помешательство? Я знал много достойных людей, которые годами обходились без фортепианных концертов, причем без всякого ущерба для тела и души». Напоследок он посоветовал мне взять с собой Кэролайн Полгрин: «Осмелюсь предположить, она будет для вас более приятной компанией».

Я еще ни разу не бывала у Гимлеттов. Обстановка гостиной говорила о хорошем достатке и о самых традиционных вкусах хозяев. Здесь была изящная, очень дорогая люстра и блестящие медные украшения на камине. Возле окна стояла жардиньерка, увитая цветами. Обивка стульев показалась мне неудобной, слишком скользкой, зато выглядела красиво. Это была не просто комната, а витрина, демонстрирующая образцовый дом и умеренную роскошь. И, разумеется, в глубине ее стоял рояль, за которым сидела улыбающаяся мисс Рамирес.

Каждый гость считал своим долгом сказать ей несколько комплиментов. Даже если бы она играла мимо нот, ее все равно удостоили бы аплодисментов: ведь Эстрелья была несчастной сиротой, лишившейся родителей по милости «этого чудовища, короля Ральфа»! Но, должна признать, играла и пела она прекрасно. В ее игре было не просто мастерство, нет, ее оживлял скрытый огонь, страстность, свойственная ее горячей южной натуре. Она сквозила в каждом взмахе ее руки, в каждом аккорде.

Мистер Гимлетт, довольный, теребил цепочку от золотых часов, глядя на племянницу как на ценное приобретение. Возникший за его спиной дворецкий что-то тихо шепнул ему на ухо. Гимлетт обернулся к дверям — и заулыбался, как могла бы улыбнуться акула, если бы умела.

В гостиной появился Кеннет. Следуя за ним взглядом, я подумала, что Кэролайн может быть спокойна: вряд ли мистер Гимлетт позволит Джереми Хартману увиваться возле его драгоценной племянницы. Он метил выше. Лорд Фонтерой, с его связями в парламенте, представлял для Гимлетта гораздо больший интерес. Поприветствовав его как близкого друга, хозяин пожелал, чтобы Кеннет взглянул на специально выписанный из города дорогой рояль и, разумеется, на прекрасную исполнительницу.

Да, я могла бы порадоваться за Кэролайн, если бы меня не мучили собственные переживания.

Фонтерой, однако, ухитрился повернуть ловкий светский маневр, и удачно избегнув рояля, устремился прямо ко мне. Мое сердце бешено забилося, как рыба, попавшая в сеть. Я изо всех сил старалась скрыть охватившую меня радость, помня, что в гостиной кроме нас было полно людей, а в двух шагах сидела миссис Рэттрей — настоящая *femme effrayante* нашего общества. Даже самые отъявленные кокетки при ней вели себя тихо, как мышки.

Подойдя ближе, Кеннет церемонно поклонился:

— Мисс Уэсли. Как ваше самочувствие?

— Рука все еще немного меня беспокоит, но простуда совершенно прошла, благодарю вас.

В глазах моего собеседника появился беспокойный блеск:

— Я несколько раз писал мистеру Уэсли, но он, вероятно, позабыл передать вам мои пожелания скорейшего выздоровления. Рад, что мне представилась возможность выразить их лично.

«Действительно, менее надежного корреспондента, чем дядя Робин, еще поискать!» — мысленно вскипела я, стараясь не подавать виду. Если смотреть со стороны, наша беседа журчала беспечно, как горный ручеек.

— Наконец-то установилась хорошая погода, — бархатным голосом говорил Фонтерой. — Жаль, что нездоровье не позволило вам принять участие в поездке к Стоячему Камню, которую устроила недавно миссис Гимлетт. Нет ничего приятнее, чем в солнечный денек прокатиться по окрестностям.

Это был обычный набор банальностей, принятых в любой светской беседе, однако Кеннет почему-то не сводил с меня напряженного взгляда, будто пытаюсь проникнуть в мои мысли или донести мне свои. Я насторожилась. Мистер Тревор всегда учил нас видеть разницу между смыслом и содержанием чужих слов. Он действительно хочет поговорить о погоде? После двух месяцев разлуки?! Или пытается мне о чем-то намекнуть?

— Знаете, — нерешительно начала я. — Мне теперь больше по душе пешие прогулки. Особенно приятно пройти в сторону Кардинхэмского леса. Там витает такой свежий дух, что буквально ощущаешь предвкушение весны...

Беспокойный блеск в глазах Кеннета превратился в одобрительный:

— Да у вас поэтический дар, мисс Уэсли! Вы так ярко описали этот лес, что я непременно должен его увидеть.

— Утром он особенно хорош, — со значением сказала я. — Часов в десять, после завтрака.

Мы улыбнулись друг другу, как заговорщики. В это время мистер Гимлетт все-таки добрался до Фонтероя и увлек его выразить восхищение королеве сегодняшнего вечера, то есть мисс Рамирес. Тучная фигура миссис Рэттрей невдалеке заколыхалась на стуле:

— О чем это вы говорили, милочка? Пешие прогулки — в такую сырость? Помилуйте!

— О, они прекрасно разгоняют дурное настроение, — сказала я, едва сдерживая расплывающуюся улыбку. — Советую попробовать.

Впрочем, моя улыбка быстро угасла, стоило мне заметить, как тепло Кеннет приветствовал мисс Рамирес, как горячо восхищался ее игрой, убеждая ее не бросать занятий и не зарывать свой талант в землю. А она просто вся расцвела, едва его увидев... Потом вниманием Кеннета завладели другие гости, и за весь вечер нам больше не удалось перемолвиться словечком.

Через два часа я уже начинала разделять дядину точку зрения, что музыка чересчур утомительна в больших количествах. Доза прекрасного оказалась слишком велика. Остальным гостям все было нипочем: они преспокойно готовились поглотить еще столько же песенок, серенад и прочих гавотов. Только один человек, кроме меня, не разделял всеобщего энтузиазма — Кэролайн Полгрин. Может быть, ее обидело, что ей не дали блеснуть как следует собственным талантом, или ее уязвила переменчивость мистера Хартмана... Как

бы там ни было, Кэролайн весьма сухо отозвалась о мисс Рамирес:

— Те, кто старательно рядится в маску искреннего добродушия, обычно лелеют в своем сердце весьма предосудительные чувства!

Мне хотелось с ней согласиться, но я промолчала. Несмотря на всю ревность и злость, внутренняя честность (подкрепленная предстоящим свиданием с Кеннетом) вынуждала меня признать, что Эстрелья казалась очень славной девушкой. И единственным (но фатальным!) ее недостатком было то, что в Астилии Кеннет успел с ней сблизиться гораздо больше, чем со мной...

* * *

На другое утро разразилась гроза — первая в этом году. Я уныло смотрела на сбегавшие по стеклу струйки воды, понимая, что наша с Кеннетом встреча снова отодвигается на неопределенное время. Однако гроза оказалась недолгой. Погремев и выказав сварливый характер, она умчалась в море, продолжая ворчать и огрызаться, отмахиваясь от вздыбленных серо-синих волн. Все стихло. Кусты, омытые дождем, радостно насторожились в предвкушении солнечного тепла. И какой-то неведомый художник, мазнув кистью по облакам, расцветил небо яркой радужной полосой.

Выскользнув из дома, я, задыхаясь, устремилась к лесу, не обращая внимания на сырость и грязь под ногами. Радужный шлейф простирался над моей головой, одним концом утопая в облаках, а другим — ниспадая куда-то за деревья. Я вспомнила, как Джоэл болтал, что запасливые лепреконы имели привычку закапывать под радугой свое волшебное золото.

Только добравшись до Кардинхэма, я немного опомнилась и пошла медленнее, выравнивая дыхание. Здравый смысл, проснувшись, подсказал, что Кеннету понадобится несколько часов, чтобы добраться сюда из Триверса, и что вряд ли он решился бы скакать верхом в такую грозищу. Я наверняка явилась сюда напрасно. Стоило подумать об этом, прежде чем сломя голову мчаться в лес!

«Но раз уж я здесь, не поискать ли мне хотя бы лепреконов?» — вдруг пришла озорная мысль. Свежий воздух после грозы пьянил и подталкивал на безумства. Если верить опытному Джоэлу, радугу нельзя поймать, высматривая ее за деревьями. Наоборот, нужно зажмуриться и идти спиной вперед, так как в царстве фэйри все не так, как у людей, и когда почувствуешь, что радуга близко, тогда — открывай глаза и смотри.

Заблудиться я не боялась. Кардинхэмский лес представлял собой лишь узкую полосу, отделяющую одну группу холмов от другой. Крепко зажмурившись, я сделала шаг, другой, третий... пока не услышала над ухом деликатное покашливание. А потом знакомый голос произнес с удивлением:

— Энни? Что ты делаешь?

Вздвогнув, я открыла глаза. Прямо передо мной стоял Кеннет Фонтерой... и улыбался.

Кажется, теперь я знаю, что чувствует человек, находясь внутри радуги. Ничего не изменилось, и лес стоял такой же тихий, но внезапно он словно расцвел, пронизанный радужными лучами — нежный и яркий мир вокруг нас.

Прошло некоторое время, прежде чем мы расцепили руки и смогли поздороваться нормально, то есть словами.

— Я уже не чаял тебя увидеть! — воскликнул Кеннет, и в его голосе смеша-

лись и радость от встречи, и смешливая досада, и словно приглушенная жалоба на то, что мы так долго были порознь. — Мистер Уэсли, похоже, стережет тебя, как дракон — свое главное сокровище! Он решительно дал мне от ворот поворот и не оставил ни единого шанса завоевать твою благосклонность.

— Значит, теперь каждый из нас обзавелся стерегущим драконом, — сказала я будто бы в шутку, но с тайной надеждой, что Фонтерой объяснит произошедшую с ним перемену.

Он невесело засмеялся:

— Да, только твой дракон сидит снаружи, за стенами Уайтбора, а мой — у меня внутри.

«Ох, в этом ты ошибаешься!» — горько подумала я. Мистер Уэсли по степени «зубастости» и в подметки не годился тому чудовищу, которое недавно поселилось в моей груди — где-то между четвертым и пятым ребром — и упорно точило мне сердце. Я впервые узнала, что такое ревность. Кеннет был моей первой любовью, хотя эти слова слабо передают, кем он являлся для меня на самом деле... Он был моими крыльями. Музыкой, заставляющей мое сердце петь. Огнем, согревающим каждый миг нашей будущей жизни. Те, кто говорят, что первая любовь недолговечна — бессовестно врут. По крайней мере, ко мне это не относилось.

Сама не знаю, что мешало мне сейчас воскликнуть: «Давай вернемся в Эшентаун! И плевать на согласие дядюшки, на эту жеманницу Эстрелью, которая настойчиво набивается мне в подруги... Плевать на них всех!» Может, это была гордость, или уроки Элейн Фонтерой оставили в моей душе более глубокий след, чем я предполагала, но мне хотелось, чтобы подобное предложение исходило от Кеннета. Чтобы он хоть раз показал мне, как сильно во мне нуждается.

«Ведь это я в тот раз примчалась к нему в Лонгбери! И это я первой призналась ему в любви! Разве не справедливо, чтобы он тоже проявил решительность и сделал следующий шаг?»

Однако Фонтерой не сделал ничего подобного. Предложив мне руку, он подвел меня к удобному (ладно, относительно удобному) широкому пню, на который можно было присесть. В насквозь мокрому февральском лесу не так просто найти удобное местечко для разговора. Я попросила:

— Расскажи мне об Астилии.

«И прежде всего — об этой мисс Рамирес!» — возопила моя ревность, хоть я и не позволила ей вырваться наружу.

Кеннет, казалось, смутился:

— Да, мне было важно, чтобы ты узнала... Я потому и хотел поговорить... думаю, это будет честно.

Начало не слишком обнадеживающее. Я молчала, чувствуя на себе его взгляд — он, верно, собирался с мыслями, решая, с чего начать.

— Как ты знаешь, меня послали в Алькор, чтобы поддержать Филиппа IV в переговорах с правителем Сацилии. Переговоры очень быстро зашли в тупик. Король Ральф был так горд своими победами, что выставил Астилии совершенно невыносимые условия соглашений, от которых даже Филипп, этот добродушный увалень, пришел в ярость. Все же он надеялся избежать войны. Но тут возмутились астильские гранды, чья гордость, видите ли, тоже чувствительно была задета. Генерал Рамирес был одним из самых непримиримых

противников короля Ральфа. Он стоял с полком в Пирренах, почти рядом с Сацилией и, по слухам, громко заявлял, что один рейд через границу сделал бы сацилийцев более сговорчивыми. У Рамиреса нашлось немало сторонников. Поскольку в столице от меня было мало толку, я отправился на север Астилии с приказом короля слегка остудить тамошние горячие головы, чтобы их проделки не повредили робким росткам мира...

Помолчав, Кеннет задумчиво качнул головой:

— Все равно из этого бы ничего не вышло. Знаешь, Пиррены — это особая территория, почти что другая страна. Там живут племена пьекоро: уж на что астилийцы вспыльчивы и спесивы, но северяне далеко их в этом превзошли! Чуть что — бурлят, как «тхаколи», их шипучее вино. Каждый второй из пьекоро — бандит, знает все тайные тропы в горах и считает делом чести курить только контрабандный табак. Шайки партизан-герильерос на севере почти все состоят из пьекоро. Как ты понимаешь, мое сочувствие в этой войне всегда было на стороне Астилии, но однажды я наткнулся на хижину, в которой герильерос пытали пленных сацилийцев... — тут Кеннет запнулся, виновато взглянув на меня.

— Лучше не рассказывать. Это война без правил, и, думаю, сацилийцы еще не раз пожалеют о том дне, когда решили вторгнуться в Пиррены. Ну вот. Тем временем Ральфу надоело торговаться, и он отдал своим генералам приказ наступать. Сацилийская армия с ходу заняла провинции Эскеро и Леонсо. В Алькоре вспыхнула паника. Пошли слухи, что король с приближенными собираются бежать на юг, в Илланору. Донья Эстрелья, дочь генерала Рамиреса, как раз была при дворе.

Однажды она случайно подслушала кое-что. В сущности, ее отца собирались бросить на произвол судьбы. Полк Рамиреса должен был задержать продвижение сацилийцев, насколько возможно, чтобы его величество Филипп IV успел убраться подальше. Тогда, возмущенная до глубины души, донья Эстрелья бросилась к отцу.

— Смелый поступок, — вынуждена была я признать.

Кеннет покачал головой:

— Ума не приложу, как ей удалось это провернуть. В одиночку пересечь две провинции, да еще охваченные смутой... В конце концов, она добралась до гор, и ее сцапали наши часовые. При виде дочери Фредерико чуть ума не лишился. Бранился так, что птицы в обморок падали на лету! Грозился отправить ее домой на самом дохлом из наших мулов. Дела и так были хуже некуда: за каждой скалой подстерегали сацилийцы. Из-за Эстрельи нам пришлось отступить... а на следующее утро нас окружили.

Он помолчал. Столпившиеся вокруг дерева внимательно слушали его рассказ, даже птицы притихли. Сидя посреди безмятежно-задумчивого леса, я пыталась представить себе маленький отряд, окруженный врагами, запертый в мрачных тесных горах...

— Положение было безвыходное. Мы уже приготовились отбыть в мир иной, и я тоже, хоть я и не астилиец. Разумеется, я остался бы с ними. Я жалел лишь о том, — Кеннет, запнувшись, посмотрел мне в лицо, — что не успел отправить тебе письмо, пока была возможность. Не успел поблагодарить тебя за то, что ты так решительно и бесповоротно изменила мою жизнь...

Я прерывисто вздохнула. Горло будто сдавила невидимая рука. Я уже дога-

дывалась, что ему пришлось сделать, и слушать об этом было невыносимо тяжело.

— А потом?

— В общем, мы приготовились к смерти, и тут меня вызвал Рамирес для тайного разговора. Я думал, что речь пойдет о какой-нибудь вылазке, а он стал просить спасти его дочь.

— Но как? Ты же не волшебник... Неужели он потребовал призвать дракона?

— Оказалось, он знал о моем необычном таланте, — кивнул Фонтерой. — Я пытался объяснить ему всю рискованность этой затеи. Это все же дракон, а не лошадь. Вдруг я не смог бы его контролировать? Моих сил едва хватало, чтобы удерживать его от убийства. Я мог выбросить Эстрелью в море, как ненужную игрушку. Мог случайно переломать ей все кости, чуть сильнее сжав когти. Однако Рамирес, как всякий отец, хватался за любую призрачную надежду. И надо же — это сработало! Мы с доньей Эстрельей благополучно добрались до Грейвилли.

— Ты спас ее, — выдохнула я со смешанным чувством.

Стыдно признаться, но даже в той ужасной ситуации я завидовала Эстрелье. Она была с Кеннетом в минуту смертельной опасности. Должно быть, она действительно незаурядная личность, раз сумела справиться с драконом. Я всего лишь дважды встречалась с ним лицом к лицу (вернее сказать, лицом к морде) — и всякий раз обмирала от восхищения и ужаса одновременно.

— Ее — да. А вот остальных... Знаешь, я вижу их каждую ночь. Всех.

Он невидяще смотрел сквозь чашу — так, будто ждал, что его друзья сейчас выйдут из-за деревьев.

— Ближе всех мы сошлись с Мануэлем, ординарцем Рамиреса. Веселый мальчишка, шутник, балагур. Раньше он был возчиком льда в Эскеро. Попав к генералу, пристрастился к пирогам и сладким рулетам, но при этом ухитрялся оставаться тощим, как игла. Весил, наверное, не больше кинтала. Прирожденный разведчик, мог пролезть в любую дыру и вернуться с ценной добычей. Другое дело — Торрес, злющий, как цепной пес. Я не спрашивал, но он был явно из этих... контрабандистов. Знал в горах каждую тропу и даже во сне не расставался с навахой в полторы пяди длиной. Огрызался на всех, но Рамиреса слушался беспрекословно. Или красавчик Эмилио... Мы в горах жили как звери, не снимая пальца с курка. А он каждый день не забывал помадить волосы и чистить платье. Над ним посмеивались, считали его чудачком. Но я думаю, он просто цеплялся за привычные ритуалы. Лишившись семьи, утратив привычные жизненные ориентиры, пытался сохранить какие-то обломки прежней жизни...

— Кеннет! — Я больше не могла слушать, как он казнит себя каждым воспоминанием. Просто сердце разрывалось. — Ты не мог их спасти!

Мы уставились друг на друга, и я со страхом заметила, как в знакомых глазах снова разгорается зловещий драконий блеск:

— Ты так думаешь? — вкрадчиво спросил он. — Зря. Дракон — страшный противник, поверь мне! Я видел сацилийцев его глазами: жалкие фигурки в синих мундирах, скорчившиеся за камнями. Меня переполняла чужая сила. Я понимал: один мой вздох — и они исчезнут в огне. Даже пушки их не спасут. Пока они будут возиться с ядром, дракон просто сметет оружие к хренам вме-

сте с расчетом. О, я много чего мог сделать! Я бы запросто вытащил из окружения Рамиреса со всеми его людьми. Вместо этого я спас только его дочь.

Я задыхалась от страха и осознания, как близко он подошел к тому, чтобы стать не-человеком.

— Ты же помнишь... что говорил Амброзиус? Хоть проклятье и разрушено, но Ограничение, свойственное любой магии, все еще действует: если ты убьешь кого-то, находясь в облике дракона, то навсегда останешься драконом!

Глаза Кеннета вспыхнули ярче. Я со злостью поняла, что чудовище, притаившееся в глубине его сознания, только этого и дожидалось! Оно нащупало слабое место моего друга и теперь запаслось терпением. У Кеннета просто сверхсильная потребность кого-то защищать. Рано или поздно он на этом попадетсЯ.

Мы помолчали, думая, вероятно, каждый о своем. Я слышала, как Кеннет вздохнул. Он высказал еще не все, что его тяготило:

— Я слишком хотел остаться человеком, но кто я теперь? Мне так хотелось вернуться домой, к тебе. Забыть Астилию как страшный сон. Я повторял себе, что это не наша война, не наша война. Только это невозможно — забыть. И уже ничего не исправишь...

Глава 12

Бал в Триверсе, воспламенивший воображение Кэролайн Полгрин и остальных девиц в округе (кроме меня), все-таки состоялся. Я долго колебалась, стоило ли туда ехать. Больная рука не позволяла мне танцевать, и вряд ли меня могло обрадовать зрелище, как Кеннет с Эстрельей кружатся среди других пар в плавном танце.

Однако я понимала, что если останусь дома, то эта картина весь вечер будет стоять у меня перед глазами, и я никакими силами от нее не избавлюсь. Уж лучше поехать туда и увидеть все собственными глазами, чем зря изводить себя печальными мыслями!

Мистер Уэсли в ответ на мою просьбу проводить меня на бал подарил мне из своих мрачных взглядов, которых у него был целый набор, от подавляюще-мрачных до мрачновато-снисходительных и мрачновато-насмешливых:

— На бал? И что мы с вами, двое калек, будем там делать? Подпирать стену? К тому же город далеко, возвращаться придется в темноте, да еще дождь может пойти...

Я подвела его к окну, чтобы он убедился в ошибочности своих прогнозов. Несколько дней подряд февраль, не желавший сдавать позиции, атаковал наши холмы колючими злыми ветрами, но под конец он смирился, и в округе установилась ясная, сухая погода, в которой явственно ощущалось пробуждение весны. По обочинам дорог лезла новая трава, на кустах бузины набухли почки, готовые брызнуть свежей зеленью.

Поворчав немного для порядка, дядя смирился (не столько ради меня, сколько потому, что хотел переговорить с кем-то в Триверсе). В дороге я жадно оглядывалась по сторонам, подмечая первые весенние признаки. Некоторые холмы сменили цвет с рыжего на зеленый, в палисадниках Кавертхола (из тех, что не заросли колючей ежевикой) задорно топорщились зеленые стрелочки первоцветов. Сонное оцепенение, которое туманило мне голову в Уайт-боре, здесь, на свежем воздухе, словно ветром сдуло. Когда мы проезжали ми-

мо Уил-Дейзи, я даже приподнялась в коляске от удивления: вдруг показалось, что валы лабиринта припорошило мелким снежком. В воздухе разливался таинственный тонкий аромат.

— Скаллария зацвела, — пояснил мой дядя и впервые за весь вечер улыбнулся. — Надо же, какая редкость! К завтрашнему утру, скорее всего, уже завянет... Хотите один цветок, приколоть к платью?

— Нет! — быстро сказала я, внутренне содрогнувшись.

Отчего-то вкрадчивый запах этих бледных цветов вызывал у меня отвращение. Не зря говорят, что скалларии пробиваются к нам с Той Стороны и долго в нашем воздухе не живут. Они были словно нежный и острый привет от Королевы, этакое изящное напоминание, что она всегда где-то рядом и следит за нами.

В последние дни Босвенского зверя слышали трижды. «Не иначе, к смерти», — шептались в деревне. Мне того не рассказывали, но я сама подслушала: кое-кто не верил, что я оправлюсь от лихорадки. Когда я, вопреки печальным прогнозам, снова принялась разъезжать по округе, суеверные фермеры переключили внимание на мистера Уэсли. Говорили, что он неспроста сидит в замке, как сыч, и почти перестал появляться на людях. Даже флегматичный Дуайт поддался всеобщему настроению:

— Милорд очень переменился, — качал головой старик. — Будто она оставила на нем свою отметину.

— Прекратите! — сказала я резко и зло, повысив голос от страха: — Как вам не стыдно распространять подобную чушь!

Потом я пыталась загладить свою резкость, но Дуайт еще долго на меня обижался:

— Конечно... Я же просто глупый старик, который греет бока на крыльце и беседует с курами. Чушь, скажете тоже! Конечно, кто вообще будет меня слушать?..

Сейчас я была рада, что нам никто не встретился в деревне, и наши спины не кололи ничьи встревоженные взгляды. Миновав Уил-Дейзи, лорд Уэсли снова подстегнул лошадей:

— Зря вы отказались. Эти цветы дивно сочетались бы с вашим бледно-зеленым платьем и... аналогичным цветом лица. Давно хотел спросить, Анна, что у вас стряслось? Вы просто на себя не похожи в последние дни. Не верю, что какая-то травма могла настолько выбить вас из седла, извиняюсь за каламбур.

От его слов я почувствовала себя неудобно. Непонятно, с чего вдруг дяде захотелось вызвать меня на откровенный разговор. Дома мы могли спокойно провести целый час в гостиной, не перемолвившись даже словом. Может, он хотел скрасить себе скучную дорогу? А отмолчаться, похоже, не выйдет. В глазах мистера Уэсли загорелся зеленый огонек любопытства.

— Не связано ли ваше унылое настроение с пребыванием в графстве одного джентльмена, который иногда навещает в Уайтбор, но испаряется при моем приближении, точно семейное привидение при первых лучах зари? Я устал ждать, когда же он уедет насовсем.

Я нахмурилась, давая понять, что не собираюсь позволять ему шутить над моими чувствами:

— Вам прекрасно известно, какие отношения связывали нас с лордом Фонтером! Вы запретили ему бывать у нас, хорошо, но вы не можете запретить

мне думать, о чем захочется!

Робин Уэсли помолчал, видимо, впечатленный моей отповедью. Коляска, слегка покачиваясь, неторопливо двигалась вперед.

— Когда вы только приехали сюда, — задумчиво сказал он спустя некоторое время, — я тоже думал, что брак с достойным человеком был бы для вас наилучшим способом устроить свою жизнь. Теперь, познакомившись с вами поближе, я понимаю, что это было слишком поспешное решение. Девушке ваших достоинств и положения вовсе незачем спешить с замужеством...

Это было что-то новое. Я с недоумением посмотрела на своего родственника.

— Вы еще молоды и вряд ли со мной согласитесь, но сами подумайте, разве можно жениться и выходить замуж лишь потому, что испытываешь склонность к какому-то человеку? Это противоестественно! Такой шаг требует серьезного осмысления, и вам ни к чему соглашаться на первое же предложение. В скором времени вы станете хозяйкой Уайтбора, полновластной хозяйкой этих земель.

Сможете самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Разве это не более заманчиво, чем зависимое положение замужней женщины?

Раньше он мне такого не предлагал. В первый раз мистер Уэсли так серьезно и, казалось, искренне говорил со мной. Меня это тронуло, но вместе с тем подстегнуло тревожные мысли: что значит «станете хозяйкой Уайтбора»? А как же он?

По мере того как мы приближались к Триверсу, вокруг постепенно темнело. Далекие холмы постепенно превращались в зеленые и коричневые пятна, медленно тающие в наступающих сумерках. Если взглянуть в них, можно было различить какое-то смутное движение, похожее на рябь.

От холмов к нам скользили серые призрачные силуэты, странные тени, похожие на языки серого дыма. Они стелились по земле, рыскали, словно искали кого-то.

Один из завитков вдруг протянулся к самой дороге, и на меня уставилось лицо: похожее на человеческое, только ужасно истощенное, со впалыми щеками, огромными светлыми глазами и узкой щелью рта. Я отшатнулась — и лицо исчезло.

Украдкой оглянувшись на дядю, я убедилась, что тот смотрел в противоположную сторону, так что не мог ничего заметить. Я не стала ему рассказывать. Между нами до сих пор висел нерешенный вопрос: видел ли меня мистер Уэсли в ночь Имболка? Знал ли он, что я пыталась нарушить его запрет? Действительно ли Мейвел наложила на него проклятье из-за меня? Робин Уэсли молчал как рыба об лед, а я не решалась спрашивать. Обычно я не так стеснительна, когда дело доходит до выяснения важных подробностей. В команде Тревора мямлям не место. Однако в присутствии дяди меня отчего-то сковывал холод, и слова не шли с языка.

Он и так не слишком меня любил. Я не хотела, чтобы он разочаровался во мне еще больше.

* * *

Когда мы прибыли к месту торжества, зал для приемов весь был наполнен светом. Вдоль стен расставили десятки канделябров с охалками свечей. Их уютное сияние скрывало поблекшую, слегка обветшалую обстановку и старые

пятна на стенах. Воздух был насыщен запахом духов, ароматом роз и гортезий, принесенных из чьих-то оранжерей. Меня ошеломили звуки чужого праздника: музыка, веселые голоса, шелест шелковых платьев. Те, кто не танцевал, образовали маленькие группы, в которых шла оживленная беседа. Кто-то постоянно приветствовал друг друга. Куда ни глянь, везде блестели улыбки и драгоценности.

Робин Уэсли, нахмуренный, решительно прокладываящий себе путь сквозь плотную толпу, выглядел как злобный тролль, случайно затесавшийся среди добродушных беспечных лиц. Уколов меня острым взглядом, он выпустил мою руку и усмехнулся:

— Всегда удивлялся, как мало женщинам нужно для счастья! Принарядиться, бывать в обществе, полюбоваться на наряды других и показать себя — и все, этого достаточно, чтобы они почувствовали себя счастливыми! Впрочем, не хочу лишать вас какого бы то ни было удовольствия. Желаю приятно провести время.

На этом он, вероятно, счел свой долг старшего родственника исполненным и удалился в сторону освежающих напитков. Я огляделась. Миссис Полгрин с двумя старшими дочерьми тоже были здесь — должно быть, приехали в наемной карете. Джейн приветливо кивнула мне, Кэролайн приветствовала всех подряд с таким видом, будто у нее в руках был букет улыбок, и она одаривала ими каждого встречного.

Оркестр играл чинный менуэт, и среди танцующих я заметила Эстрелью Рамирес в нежно-розовом бальном платье. Я замерла, ожидая и боясь найти рядом с ней Кеннета, но мисс Рамирес танцевала в квадрате с двумя важными господами и какой-то нарядной леди. Джереми Хартмана тоже поблизости не было. Он обнаружился в дальнем углу, где преувеличенно громко смеялся в компании молодых людей, изредка поглядывая в сторону мистера Гимлетта. Тот стоял весь багровый и что-то сердито выговаривал своей жене.

Ищевой инстинкт подсказал мне, что в мое отсутствие здесь произошел какой-то инцидент.

— Мистер Хартман сегодня переусердствовал с танцами, — вдруг послышался смешок за моим плечом. Оглянувшись, я встретила взглядом с пронизательным серебристым прищуром миссис Трелони.

— Добрый день. Разве в танцах можно переусердствовать? Ведь обычно кавалеров всегда меньше, чем дам, желающих танцевать!

— Тем более не стоило приглашать одну даму на три танца подряд, — усмехнулась миссис Трелони.

В группе беседующих мужчин, стоявших возле окон, где было прохладнее, я наконец отыскала Кеннета Фонтероя. Он о чем-то говорил с коренастым немолодым человеком в военном мундире, похожим на моряка. Любопытно, какой волной занесло этот жесткий солдатский сапог на здешний изысканный праздник?

Время от времени глаза Кеннета обращались в сторону мистера Хартмана, и тогда в них вспыхивали такие горячие искры, что на месте последнего я бы поспешила найти поверенного, чтобы, пока не поздно, устроить свои земные дела.

Увидев меня, Кеннет невольно сделал движение в мою сторону. Признать-

ся, я струсил. Рядом стояла эта ужасная миссис Трелони, а в присутствии Кеннета я невольно выдавала себя каждым словом и взглядом. Поэтому я кивнула ему, как обычному знакомому, и поспешно удалилась в сторону комнаты для отдыха, притворившись, что мне нужно поправить платье.

Потом мне было стыдно за эту минуту душевной слабости.

Глава 13 (интерлюдия)

Кеннет Фонтерой увидел ее сразу, как только она вошла в залу, будто она была факелом, единственным источником света. В своем скромном, преувеличенно простом платье она заметно выделялась среди других дам, украшенных жемчугом и кружевами.

Вместе с ней в душную залу ворвался горьковатый воздух с холмов, и он снова с болью ощутил то новое, что появилось — или, вернее сказать, возродилось — в ней на волшебной земле Думанона. Она была плоть от плоти этой земли: блестящая, словно олово, мягкая, словно медь, бесстрашная, как охотники Древних, чья кровь текла в ее жилах. Это была уже не та Энни, которую он когда-то знал в Эшентауне.

Оба они изменились.

Иногда сквозь образ юной воинственной принцессы в ее лице снова проступала незащитность, и ему начинало казаться, что она по-прежнему отчаянно нуждается в нем. В такие минуты Кеннет почти терял голову, но тут в сознании, как правило, вспыхивал предупреждающий голос лорда Уэсли: «Позвольте ей выбрать самой». Выбрать между ним — и Уайтбором.

Будь его соперником другой мужчина, Фонтерой знал бы, что делать, но Уайтбор был куда более коварным противником. Он видел, как Энни с каждым днем все сильнее поддавалась его волшебству, очаровываясь им все больше... Но это было ее наследство. А что он мог ей предложить? Уехать в Эшентаун, чтобы стать женой труса, из-за спины которого, к тому же, постоянно скалится дракон? Веселая это будет жизнь!

Три дня назад, в Кардинхэмском лесу он, можно сказать, отдал себя на ее суд. Теперь оставалось только принять ее выбор и как-то пережить, если он окажется не в его пользу.

Кроме того, была еще донья Эстрелья, за которую он тоже нес ответственность перед ее погибшим отцом. Нехорошо, что этот мистер Хартман, с его медоточивым языком и змеиными холодными глазами, так настойчиво вертится рядом с Гимлеттами.

Мистер Гимлетт, к сожалению, не обладал такой твердостью и разумностью суждений, как Робин Уэсли. «Вот бы их поменять местами!» — неожиданно подумал Кеннет. Гимлетт отдаст племянницу кому угодно, если сочтет эту партию выгодной для себя. Донье Эстрелье же это вовсе не нужно.

Правда, сегодня даже Гимлетт не выдержал, когда Хартман позволил себе такую наглость. Но Кеннет Фонтерой по опыту знал, что молодчикам вроде Хартмана одной отповеди обычно бывает мало, с них все как с гуся вода.

Он решил, что сам как следует поговорит с Джереми Хартманом.

* * *

Тем временем мистер Хартман вышел наружу, по-прежнему удерживая на губах беззаботную ухмылку. Как только приятная свежесть омыла его лицо, а ночная темнота надежно скрыла его от других гостей, ухмылка превратилась

в злобную гримасу. Хартман настолько привык, что его благосостояние зависело от сильных мира сего, что давно выучился не показывать своих истинных чувств. Однако сегодняшнее поведение мистера Гимлетта было оскорбительно, просто оскорбительно!

Его так тепло принимали в их доме, а мисс Рамирес была всегда так приветлива — разумеется, это дало ему право считать, что двадцать тысяч приданого уже у него в кармане. Как вдруг Гимлетт ни с того ни с сего принялся шипеть, будто разозленный индюк! Да еще этот столичный ферт, лорд Фонтерой, отчего-то возомнивший себя покровителем прекрасной астилийки, грозно светил из дальнего угла своей мрачной физиономией! Или между ними действительно что-то было? Говорят, он выгадил девчонку чуть ли не из лап сацилийцев... Вот пускай и забирает ее себе!

Хартман не привык подолгу переживать неудачи. Он затаил обиду, но рассчитывал поквитаться за нее позднее. Чтобы восстановить душевное равновесие, он протанцевал два танца с Кэролайн Полгрин (чему она была весьма рада), поболтал с приятелями и в результате остался почти доволен сегодняшним вечером.

А главное — мистер Уэсли, к которому раньше было не подступиться, наконец-то согласился на встречу, чтобы обсудить разработку Уил-Дейзи и второй шахты в поместье Уайтбор! Банкирский дом «Гренфил энд К», представителем которого выступал Хартман, будет очень доволен. Тогда они смогут, пожалуй, вовсе обойтись без мистера Гимлетта! Пусть он потом грызет локти вместе со своей драгоценной племянницей, сожалея об упущенной выгоде!

* * *

Доктор Чарли Медоуз пришел на бал исключительно для того, чтобы объяснить с мисс Кэролайн Полгрин. Половину вечера он собирался с силами, чтобы просто подойти к своей даме, а когда, наконец, решился, — оказалось, что ее уже пригласил на танец Джереми Хартман. И на следующий тоже. Мистер Хартман был, похоже, неутомимым танцором.

Пока пары танцующих кружились по комнате, доктор Медоуз маялся, пересчитывая свечи в канделябрах. От размеренных пируэтов и раскланиваний у него кружилась голова; блики свечей, дрожавшие на розовых, кремовых и золотистых платьях, напоминали болотную рябь. Наконец, улучив момент, он подкараулил Кэролайн с заранее отрепетированной фразой: «Сегодня необычайно теплая погода, не правда ли?». Та в ответ нетерпеливо дернула плечом, бегло улыбнулась и отошла к шуршащей шелками стайке других девушек. Сквозь глухие удары сердца, бухающие в ушах, Медоузу слышались смешки.

Никогда раньше она не была такой. Неужели это его Кэролайн? Когда успела скромная девушка, всегда такая мягкая и внимательная, вдруг превратиться в светскую львицу, насмешливую и острую на язык?

«Это все Хартман! — внезапно подумал он, злобно сжимая кулаки. — С тех пор, как он появился в их доме, Кэролайн так изменилась! Это он вскружил ей голову, мерзавец!»

В зале было нестерпимо душно. Задыхаясь, Медоуз начал пробираться к выходу, наталкиваясь на людей, отыскивая путь среди густой, внезапно ставшей враждебной, толпы. Он не останавливался и только бессмысленно улыбался, когда кто-то хлопал его по плечу.

Ему нужно успокоиться. Он просто слишком заработался, заржавел на своих болотах. Вот и Мэри то же говорит... Мэри Полгрин, сестра Кэролайн. Забавная девчушка с неугасимой жаждой знаний и сорочьей коллекцией книг. Когда он воображал, как поселится в маленьком домике недалеко от Хопперхауса, займется врачебной практикой и приведет в дом Кэролайн, Мэри тоже присутствовала в его мечтаниях. Такой пытливый ум, как у нее, поневоле нуждается в развитии. Один раз он застал ее, когда она рылась в его записях. Доктор только головой покачал.

Миссис Полгрин, конечно, была слишком бедна, чтобы нанять гувернантку, — отсюда все беды.

Но сейчас в его душе ворочался тяжелый гнев на все семейство Полгрин. Пылая от злости, он резко толкнул дверь, чуть не сбив с ног невысокого темноволосого джентльмена, в котором со смущением признал лорда Уэсли. Тот выглядел нездоровым. Лицо бледное, на висках поблескивает испарина. Доктору даже показалось, что за искривленным плечом Уэсли маячило какое-то темное пятно. Хотя, возможно, это была просто причудливая игра света.

«Однозначно, нужно меньше сидеть над книгами!» Медоуз извинился, получил в ответ вежливый кивок и вышел в ночь, не желая больше ни секунды задерживаться на балу, который настолько не оправдал его ожиданий.

Глава 14

Несмотря на мои первоначальные опасения, вечер складывался совсем неплохо. Жаль, что мне не довелось потанцевать с Кеннетом, но и донье Эстрелье он тоже не уделял повышенного внимания. Чаще всего я видела его в компании других мужчин.

Я с невольной улыбкой подумала, что где бы Кеннет ни появился, он невольно притягивал всех к себе, как огромное, ярко освещенное окно в ночи.

Мне же пришлось довольствоваться компанией миссис Трелони и миссис Рэттрей, развлекавшей нас едкими замечаниями о характере и поведении некоторых гостей. Когда их уютное злословие мне наскучило, я снова заглянула в комнату отдыха и обнаружила там Джейн Полгрин, раскрасневшуюся от танцев. Та сидела, словно нимфа среди папоротников, энергично обмахиваясь веером.

— Представляете, я так танцевала, что порвала ленту на туфле, — засмеялась она. — К счастью, один из лакеев обещал помочь с этой проблемой.

В этот момент к нам присоединилась мисс Эстрелья, казавшаяся немного смущенной.

— Мне так неловко из-за шума, который устроил мистер Гимлетт, — призналась она.

Добродушная Джейн только махнула рукой:

— Бог с вами, никто ничего и не заметил, кроме этой старой кошки миссис Рэттрей, у которой наверняка имеется запасная пара глаз под шиньоном. Никто о вас слова дурного не скажет. А мистер Хартман и так слишком долго расхаживал гоголем, давно пора было кому-нибудь сбить с него спесь! В следующий раз будет любезничать более осторожно!

Эстрелья порозовела так, что сделалась одного цвета со своим платьем:

— Я не думала... что это может... скомпрометировать...

— Но, дорогая, протанцевать с одним кавалером три танца подряд — это

все равно что согласиться выйти за него. Разве в Астилии не так?

— В Астилии все совершенно не так! Там мне вообще не разрешили бы танцевать перед всеми! Там даже в церковь нельзя ходить без дуэньи!

— Неужели так строго? — изумилась Джейн. — А в лавку?

— Только с дуэньей.

— А навестить подругу?

Эстрелья вздохнула:

— Даже на балконе нельзя сидеть одной, иначе тебя сочтут распутницей. Здесь настолько все по-другому! Столько простора! Мистер Гимлетт подарил мне лошадь.

Он так добр ко мне. В Алькоре я могла ездить лишь на осле или муле... Мне хорошо живется у Гимлеттов, и я пока даже не помышляла о замужестве!

Джейн сочувственно кивала. Окажись на ее месте Кэролайн, она бы не преминула скептически изогнуть бровь: «Как же, не думала она о замужестве! А сама поди только и мечтает, как бы заманить Фонтероя в ловушку!» Однако я была склонна верить Эстрелье. В том неопределенном положении, в котором оказалась ее семья, Астилия, да и весь Полуостров, если на то пошло, было бы неуместно строить какие-то личные планы...

Кеннет уверен, что ее отца нет в живых. Знала ли об этом Эстрелья? Подозревала ли? Она всегда становилась очень сдержанной, когда речь заходила о ее прошлой жизни.

Перед нами будто из воздуха соткался лакей, который принес ленту для Джейн и сообщение для меня:

— Ваш дядя ищет вас, мэм.

Слегка обеспокоенная, я нашла мистера Уэсли в креслах недалеко от дверей. Он сидел, прикрыв лоб ладонью, с лицом бледным, как холодные сливки.

— Мне... что-то нехорошо, — выдавил он, сглотнув. — Я собираюсь домой. Думаю, для вас будет лучше, если мы уедем вместе.

— Конечно. Не поискать ли доктора? Мистер Медоуз только что был где-то здесь.

— Он уже ушел. Не стоит беспокойства, это скоро пройдет.

— Разумеется, я поеду с вами!

Как бы я ни относилась к моему дяде, отправлять его в путь одного, в таком болезненном состоянии, было слишком жестоко.

Оглянувшись в последний раз на блестящее собрание, я послала мысленный привет Кеннету, которого все еще окружали новые знакомые. Он дернулся, увидев, что я ухожу. Я едва заметно пожала плечами. Что поделаешь — сегодня был не наш день. Потом, захватив спенсер и теплую накидку, я поспешила к ожидающей меня коляске.

Возле крыльца стояли еще два экипажа и чей-то портшез. Желтый свет из окон разбавлял ночную темноту, поблескивая на брусчатке. Сырой воздух после теплой, разгоряченной атмосферы бальной залы заставил меня поежиться. Робин Уэсли уже сидел в коляске, закутавшись в шарф и пальто по самые уши. Когда грум тронул лошадь, я предложила дяде флакон нюхательных солей (после моей болезни миссис Дэвис настояла, чтобы я постоянно носила его при себе).

— Благодарю, не нужно, — невнятно послышалось из вороха пелерин. — На свежем воздухе мне сразу стало легче. Главное — поскорее добраться до Уайт-

бора... Знаете такую поговорку: «В родном доме стены лечат»?

Высказав это, он умолк и более не шевелился. Весь путь до дома мы проделали в полном молчании.

* * *

Действительно, по мере приближения к Уайт бору мистер Уэсли подозрительно оживился. Он сам, без помощи грума, выскочил из коляски, отчитал привратника за нерасторопность и даже пожелал мне спокойной ночи, что было совсем не в его обычае.

Меня осенило страшное подозрение: а вдруг он нарочно изобразил приступ немощи, чтобы побыстрее увезти меня от Кеннета? Чем дольше я вертела в голове эту мысль, тем более вероятной она казалась. Учитывая вздорный характер мистера Уэсли, с него стало бы вызвать у себя даже чуму, лишь бы мне досадить.

Ночью я долго не могла заснуть. Мешал скрип половиц, тихое посвистывание ветра в щелях, какие-то постукивания и вкрадчивые шорохи — обычные ночные звуки старого дома. В окно нахально лезла яркая самодовольная луна. В комнатах дяди было темно и тихо, ни одной полоски света не пробивалось под дверь. Спит? Или, может, ушел куда-то? Несколько раз я вставала, потом снова ложилась, глядя в голубоватые лунные сумерки. Темнота черными кляксами плавала по углам. Я лежала и думала о Кеннете... об Эстрелье... о себе.

При всей неприязни к мисс Рамирес, я отдавала должное ее обаянию. Не удивительно, что Кеннет к ней тоже проникся! В ней столько энергии, страсти, столько нерастраченного огня! Я невольно сравнивала нас... и сравнение было не в мою пользу. А вдруг она смогла бы лучше, чем я, поддержать Кеннета в его сложных саморазрушительных отношениях с собственным драконом?..

Результатом этих размышлений была бессонная ночь и мрачное настроение наутро. Когда вас одолевают дурные мысли — нет ничего лучше легкой прогулки. Я решила пройтись в сторону Уил-Дейзи и Кавертхола. Захватчу с собой пачку табаку, чтобы умаслить Дуайта, если, конечно, удастся застать его трезвым. Старик все еще на меня обижался...

Завтракать мне пришлось в одиночестве. Почему-то ни дядя, ни миссис Дэвис сегодня не спустились в столовую. Я лениво жевала омлет, следя за тем, как тонкий луч перемещается по столу, скользит по фарфору, вспыхивая на серебряной отделке кофейника.

Погода вполне благоприятствовала моим замыслам, так что я принялась собираться. Мне все еще казалось удивительным, что можно было весь день заниматься своими делами. Праздность еще не успела мне наскучить. Когда я была Стрекозой Энни и жила в Кречи, Гарри Бобарт спозаранку поднимал меня пинками, заставляя помогать Рут по хозяйству.

У него находилась для меня тысяча поручений: сбегать на рынок, к трактирщику, к ростовщику... В команде у мистера Тревора тоже особенно не разнежишься, зато здесь, в Думаноне, я могла бездельничать сколько угодно, и никто даже словом не возражал!

Все-таки в жизни леди имелись определенные преимущества.

Утро было таким умытым и чистым, что я задним числом пожалела, почему мы с Кеннетом не условились о новой встрече. Такой денек пропадает зря!

В прошлый раз рассказ Кеннета поразил меня до глубины души, и все остальное просто вылетело из головы. Оставалось надеяться, вдруг моего друга тоже посетит светлая идея насчет прогулки в окрестностях Уайтбора...

Легкий ветерок разгонял туман между холмами, но тот упорно цеплялся за каждый куст, не желая отступать. Я шла по колено в белесой пелене, как в парилке. Сонные крыши Кавертхола дремали в утренней тишине. Лабиринт, покрытый цветущей сетью скалларий, выделялся на коричневом склоне холма цветущим белым пятном. В его середине, возле высокого камня, отмечавшего центр лабиринта, громоздилась какая-то темная масса.

Сначала я подумала, что это чья-то корова перебралась через глинистые валы и улеглась там на ночь. Но тогда странно, что никто из деревенских не хватился ее и не загнал домой! А крупных диких зверей в наших лесах не водилось.

Жители Кавертхола обычно избегали подходить к лабиринту. Я их суеверий не разделяла, поэтому, подобрав подол юбки, спокойно перелезла через первый вал. Потом через второй. Нужно же убедиться, кого это угораздило устроиться на ночлег прямо в центре строения сидов!

Неудобные башмаки скользили по глине, колючие кусты хватили меня за одежду, мешая пройти дальше. Я задержалась, шипя от досады, чтобы выпутать подол из цеплючих веток, и в этот момент слоистый туман вдруг разошелся, как ветхая ткань, открыв моему взгляду самый центр лабиринта. Я так и застыла, вцепившись в ткань. Меня приморозило к месту.

Это было не животное. Это был человек... мужчина... джентльмен, одетый в плотный плащ с тремя пелеринами. С ужасающей четкостью мне врезалось в глаза, что подол его плаща был вымазан глиной, а темные волосы слегка трепетали на ветру, как птичьи перья. Шляпы не было, затылок представлял собой сплошную рану. Белый камень, у подножия которого скорчился человек, был весь испятнан бурыми потеками.

В ужасающей, бездыханной тишине я медленно-медленно подалась назад, перелезая через вал обратно. Не помня себя, выбралась из лабиринта, споткнулась и припустила к деревне. Сердце бешено колотилось, легкие горели от скопившегося воздуха. И только добежав до человеческого жилья, до первых деревенских домов, я обнаружила, что могу кричать.

Глава 15

До этого дня жизнь деревеньки Кавертхол была спокойной и сонной, как поверхность пруда в дальнем конце улицы, чью мирную гладь может возмутить разве что стайка гусей. И вдруг в одночасье все изменилось. Спустя некоторое время возле места преступления собралась целая толпа. Впрочем, большинство людей, как я заметила, по-прежнему старались держаться на почти-тельном расстоянии от Лабиринта.

Мы довольно долго ждали, пока из Босвена придут судейский чиновник с констеблем. Меня немного потряхивало — то ли от озноба, то ли от пережитого страха: ведь в первую минуту мне показалось, что мертвый человек в лабиринте был мистером Уэсли. У дяди был похожий теплый плащ с пелеринами и такие же темные волосы. Позднее, когда нашлись двое смельчаков, которые перенесли тело к церкви, пристойно сложив ему руки на груди, мы все узнали в убитом Джереми Хартмана. Я ощутила даже некоторую неловкость от вспыхнувшего облегчения.

Мистер Уэсли появился еще позже, вполне себе живой, со сжатым в нитку ртом и сердитыми блестящими глазами. Оценив обстановку, он послал людей за дознавателем и сам куда-то уехал, а меня распорядился отвести в лачугу Дуайта, расположенную поблизости.

Жилище старого рыбака (которого, кстати, дома не оказалось) и само походило на одряхлевшего старика: скрюченного, подслеповатого и местами облысевшего (за годы существования домишко растерял часть черепицы, а у хозяина, видимо, никак не доходили руки поправить дело). Пахло в нем, словно в худших кварталах Кречи, зато можно было укрыться от ветра. Там мы и ждали, пока приедут судейские чиновники. Это произошло не скоро. Бледное чахоточное утро успело превратиться в такой же пасмурный мутный день, когда в Кавертхале появились представители правосудия. Узнав, что тело погибшего перенесли в дом, нарушив тем самым картину преступления, дознаватель расшумелся не хуже, чем мистер Тревор. Я слышала, как староста втолковывал ему что-то о Лабиринте и связанных с ним легендах, но не думаю, чтобы чопорный чиновник проникся этими мистическими настроениями.

Прошло много времени, прежде чем у него, наконец, дошли руки до свидетеля, обнаружившего тело, то есть, до меня. Мы сидели напротив друг друга, как два противника на дуэли, и я тихо радовалась, что скудный засаленный свет не позволял рассмотреть выражение моего лица. Дознаватель оказался человеком с непримечательной внешностью и поистине дотошной въедливостью. После его вопросов (ответы на которые он прилежно записывал в холщовую тетрадь) во мне снова зашевелился страх:

— Это правда, что вчера ваш дядюшка назначил встречу убитому? Где именно, не знаете?

Его глаза — совершенно заурядные, как два шестипенсовика — бродили по моему лицу. Я постаралась не выдать своего смущения. Сегодня на рассвете мистера Уэсли точно не было дома. Я заметила это по состоянию Уайтбора, очень чутко реагирующего на отсутствие хозяина: в такие часы замок становился похожим на старого пса, угрюмо лежащего возле будки. Где, интересно, носило моего дядю в столь ранний час? И как мне себя вести, чтобы не навлечь на нас лишних подозрений? Энни Фишер приложила бы все силы, что-

бы ввязаться в расследование, благородная девица Анна Уэсли при виде покойника лишилась бы чувств, ну а я застряла где-то посередине, как овца, запутавшаяся в кустарнике, и чувствовала себя примерно такой же беспомощной.

— Это было не настолько срочное дело, чтобы вставать ни свет ни заря, — наконец ответила я, вымучив отвратительно ненатуральную улыбку. — Но вы можете уточнить время у мистера Уэсли, конечно.

Дознаватель кивнул, разом потеряв ко мне интерес. Может быть, решил проявить сочувствие к барышне, чьи хрупкие нервы сегодня подверглись такому ужасному испытанию. Или наоборот записал меня в число подозреваемых. Известно же, что человек, первым обнаруживший труп, часто оказывается последним, кто видел покойника в живых.

Выйдя на воздух, я обнаружила, что дядя позаботился обо мне, оставив в деревне грума с коляской, чтобы тот отвез меня домой. Я невольно почувствовала благодарность: добираться пешком после тяжелого дня просто не было сил. Как бы я ни относилась к Джереми Хартману, его ужасная смерть вызывала только сочувствие. Кроме того, меня немного беспокоило, какотреагируют сиды на святотатство, совершенное в их владениях. Присутствие Лабиринта остро ощущалось даже в наступивших сумерках. Садясь в экипаж, я посмотрела в сторону холма и вздрогнула: если вчера вечером спираль лабиринта бледно светилась, словно месяц в ночи, то теперь он был весь покрыт черным кружевом. «Скалларии долго не цветут, — вспомнились объяснения доктора Медоуза. — Обычно они зацветают самыми первыми и быстро гибнут от малейшего холода». В отличие от вчерашнего, день сегодня выдался мрачным и промозглым, под стать совершенному злодеянию, а от соленого ледяного ветра листья скалларий почернели и казались вырезанными из жести.

Лабиринт будто тоже оделся в траур.

* * *

Мы сидели в зимней гостиной Уайтбора вчетвером: я, мистер Уэсли, Кеннет Фонтерой и миссис Трелони. В окнах, похожих на темные омуты, сгустились сумерки и дрожали огоньки свечей, словно стайки светлячков.

Ужасное происшествие в Кавертхоле как-то сблизило соседей: во второй половине дня нас посетила добрая половина окрестных сквайров, жаждущая узнать новости. Дядя стоически вытерпел это нашествие, за весь день не издав даже ни одного ворчливого восклицания. Приходил мистер Гимлетт, растерявший всю спесь и как никогда походивший на растерянную черепаху. Он качал головой и все время повторял: «нехорошо вышло... не по-христиански... мда...» Был и доктор Медоуз, подтвердивший, что Джереми Хартман скончался от удара острым предметом в затылок (окровавленный камень констебли нашли недалеко от тела). Кеннет появился около пяти вечера, прямо заявив мистеру Уэсли, что пришел справиться о моем самочувствии. Против опасений, дядя не выставил его за порог, а наоборот, пригласил остаться на ужин. Миссис Трелони никто не приглашал, но она, как я успела заметить, характером походила на кошку: приходила, когда ей вздумается, и оставалась насколько захочет, причем никому не приходило в голову ей возразить. Сейчас она сидела напротив меня за столом, в черном платье из жесткого армазина, с лицом непроницаемым, как густая туча. Поди разбери, что там кроется за намуренными бровями — гроза, буря, или безмятежная тишь?

Разговор, конечно же, вращался вокруг убийства. Судейские чиновники энергично взялись за дело, и итог их деятельности оказался для нас полной неожиданностью: арестовали старого Дуайта. Мистер Уэсли до сих пор не мог опомниться от возмущения:

— Мне сказали, что его дело будет рассмотрено в летнюю сессию. То есть их не волнует, что больному старику придется провести несколько месяцев в босвенской тюрьме! Между прочим, это вам не богадельня! Условия содержания там просто ужасные. За четыре месяца в этой клоаке даже здоровый человек помер бы от голода и инфекций!

Я отложила вилку. Почему-то не было аппетита, хотя за весь день в деревне я съела только кусочек ячменного хлеба и одно вареное яйцо. Цветы, украшающие стол, пахли слишком резко; один взгляд на разрезанные половинки апельсинов вызывал в памяти тошнотворную картину разбитой головы мистера Хартмана, а ножи и вилки блестели, как начищенные хирургические инструменты. Есть абсолютно не хотелось.

— Ну, улики против него очень шаткие, — слышался приятный баритон лорда Фонтероя. — Обвинять человека лишь на том основании, что его дом стоит на отшибе, ближе всех к шахте, и Дуайт меньше, чем другие, боялся призраков лабиринта — это просто смешно! Нет никаких доказательств, что он был связан с контрабандистами. И хотя эти разбойники действительно иногда используют заброшенные шахты, чтобы разместить там нелегальный товар, вряд ли они решились бы проделать такое с Уил-Дейзи. Жуткие слухи об этой шахте отпугнули бы кого угодно!

Яблочный пирог со сливками застрял у меня в горле. Дуайт — и контрабандисты?! Да быть того не может. Для этого старик был слишком осторожен.

— Ясно, что его арестовали для острастки, просто чтобы припугнуть остальных, — поморщился Уэсли. — Как считает мистер ищейка, Джереми Хартман был чужим человеком в наших краях, и вряд ли успел вызвать в ком-то серьезную неприязнь. Однако, изучая окрестные шахты, он мог случайно увидеть нечто такое, чего не следовало знать постороннему человеку, и за это, мол, контрабандисты его и прикончили. Я завтра же поеду в Босвен. Попробую добиться, чтобы Дуайта выпустили под залог. Эти судейские могут так отравить мнение публики еще до начала слушаний, что старик предстанет в глазах людей законченным злодеем.

— А что говорят в деревне? — подала голос миссис Трелони.

По лицу дяди было видно, что ему неприятен этот вопрос.

— В Кавертхале считают, что мистер Хартман был наказан за святотатство. Нарушил границу владений сидов, забрался в священный лабиринт...

Светлые глаза вдовы серебристо вспыхнули под черным убором:

— Но вы, просвещенный человек, в это не верите?

— Скажем так, я никогда не видел, чтобы кто-то из наших «добрых соседей» настолько варварски выражал свое недовольство.

Я задумалась. А действительно, что мистер Хартман делал в Лабиринте, да еще в такую рань? Допустим, он хотел еще раз осмотреть шахту Уил-Дейзи перед разговором с дядей и для этого отправился в Кавертхол. Может быть, он увидел под холмом что-то необычное... убийцу? Кто-то вошел в лабиринт следом за Хартманом или, наоборот, вышел из него?

Мне представились хищные слоа, мечущиеся по пустошам в поисках жертв-

вы... Голодные тени с холмов, протягивающие ко мне призрачные руки... Мое воображение унеслось так далеко, что я спохватилась, только когда миссис Трелони заторопилась уходить.

— Понятия не имела, что уже так поздно, — улыбнулась она обоим мужчинам, а потом посмотрела прямо на меня. Встретив мой взгляд, незаметно кивнула вправо, в сторону холла.

Я не сразу поняла, что ей нужно. Хочет что-то сказать мне наедине? Не вполне уверенная, что это был именно тайный знак, а не нервный тик, я на всякий случай предложила ее проводить. Как только мы оказались вдвоем, миссис Трелони озабоченно покачала головой:

— Не следует мистеру Уэсли ездить в Босвен. Ничего он там не добьется, только хуже сделает.

Я не разделяла ее скептицизм. Мне казалось, что мистер Уэсли, с его ледяным взглядом и острым, как бритва, языком, обладает исключительным умением добиваться своего. Уж если кто и может помочь Дуайту, то только он!

— Предположить, что Дуайт может быть связан с контрабандистами, — это полная чушь!

— Да, у нас контрабандой никого не удивишь, — отмахнулась миссис Трелони. — Всем плевать, сколько бочонков рома нелегально пересекает Узкое море и оседает в прибрежных деревнях. Но вот судьи и поверенные в Босвене смотрят на это по-другому. Чуть что, начинают вопить об интересах короны, хотя сами пекутся лишь о собственной выгоде. Если у них возникнет подозрение, что Робин Уэсли замешан в сговоре с контрабандистами, это может навлечь на него крупные неприятности.

Ее острый взгляд, как дротик, кольнул мою щеку.

— Говорят, даже в болоте клеветы иногда таится жаба истины. Кое-кто здесь недолюбливает Уэсли. С тех пор как упали цены на медь, Думанон переживает нелегкие времена, а в такое время ничего так не раздражает, как благоденствие соседа, — усмехнулась вдова. — Хотя обе шахты на ваших землях давно закрыты, но мистер Уэсли как-то ухитряется поддерживать прежний уровень жизни, да еще арендаторам помогает. Рано или поздно у кого-нибудь возникнет вопрос: откуда он берет на это средства? Отсюда и подозрения в контрабанде...

Я в задумчивости прикусила губу. Это правда, в Уйтборе не считались с расходами, если дяде требовались новые книги (бешено дорогие!) или новое, более удобное кресло для его драгоценной библиотеки. Или, например, когда мне понадобилась верховая лошадь... А в прошлом году, когда удача отвернулась от Кавертхола настолько, что даже косяки сардин в августе прошли мимо наших берегов, Робин Уэсли помог им с продовольствием. Но контрабанда?! Ха! Да я скорее поверю, что гномы-нокеры каждую ночь приносят дяде куски медной руды, складывая их под дверью его спальни! Тихо, удобно и никаких шахт не надо!

Миссис Трелони вывела меня из задумчивости, легонько похлопав по плечу:

— Не позволяйте ему уезжать из Уайтбора, — сказала она напоследок. Как будто я могла его удержать!

* * *

Когда я вернулась в гостиную, оказалось, что дядя поднялся к себе, сослав-

шись на усталость.

Это было невиданным знаком доверия с его стороны, учитывая его отношение к Фоигерою. Кеннет в одиночестве сидел у чайного столика возле окна. Конечно, здесь была еще Элпет, услужливым столбиком замершая у дверей, но я посмотрела в ее сторону — и девушка тут же упорхнула, как безгрешная душа из преисподней. Мы остались вдвоем.

Вместе с тем я кожей ощущала десятки, сотни невидимых глаз и ушей, неотрывно следивших за нами. Замок Уайтбор с любопытством приглядывался к гостю. Сверху на нас таращилось круглым глазом витражное окно-роза; бараньи завитки колонн походили на настороженные уши. Стоявший в углу открытый рояль скалился выжидающей черно-белой улыбкой.

Замок явно не одобрял наш тет-а-тет. Не сомневаюсь, что каждое слово, произнесенное здесь, будет непременно доведено до ушей мистера Уэсли. В глубине комнаты за спинкой кресла мелькнуло остренькое полупрозрачное лицо с парой глаз, горящих от любопытства. Один миг — и все исчезло. Я рассердилась. Дьявольщина, даже посреди бальной залы в Триверсе можно было достичь большего уединения, чем здесь! Мысленно я в сотый раз прокляла себя за то, что не решилась поговорить с Кеннетом на балу. Здесь, похоже, нам все равно не позволят.

— У вас выдалось тяжелое утро сегодня, — сочувственно произнес лорд Фонтерой.

Наверное, он тоже ощущал присутствие невидимых наблюдателей. Его обостренное драконье чутье позволяло заметить многое. И все-таки мне было немного обидно от его благопристойного холодноватого тона.

«Просто он давно приспособился прятать от всех свои чувства, — тут же придумала я ему в оправдание. — Ведь ему приходилось постоянно держать в узде своего „внутреннего дракона“, вечно скрывать свои способности перед друзьями и соседями. В результате он настолько преуспел в умении держать лицо, что скрытность стала его второй натурой!»

Рядом с Кеннетом я чувствовала себя беззащитной. У меня-то, в отличие от него, все эмоции были написаны на лице! Сидя рядом, он, потянувшись к чашке, случайно задел ладонью мою руку, и от этого прикосновения у меня сбилось дыхание и вся кожа пошла мурашками.

Я с теплотой подумала, что в этот ужасный день он решил поддержать нас с дядей, а не помчался утешать мисс Рамирес, потерявшую своего самого преданного поклонника. Однако не успела эта мысль отзвучать в моей голове, как Кеннет все испортил, сам заговорив об Эстрелье:

— Мисс Рамирес очень расстроена, особенно из-за вчерашнего бала. И мистер Гимлетт тоже, хотя, видит Бог, никто его не винит. Я и сам вчера расстался с Хартманом не самым дружеским образом.

После этого бесхитростного заявления у меня язык не повернулся спросить: «Кстати, а где вы были сегодня утром?» Невозможно предположить, чтобы Кеннет... нет, даже мысль об этом оскорбила бы его до глубины души!

Мы говорили о чем-то незначительном, медленно остывал чай в тонких фарфоровых чашках, а меня все точило беспокойство, как назойливый комар, пицавший над ухом. Вспомнилось, что в прошлом Фонтерой не раз улаживал подобные разногласия с помощью дуэльных пистолетов... Да, но есть большая разница между тем, чтобы выстрелить человеку в лицо и ударить его камнем

в затылок! Вчера на балу многие были свидетелями их ссоры, так что вскоре информация об этом наверняка дойдет до ушей дознавателя. Чем это может грозить Фоигерою? Он ведь тоже любитель утренних прогулок... Мог ли он настолько потерять голову от страсти к мисс Рамирес, чтобы зверски расправиться с Хартманом? Вдруг тот ляпнул про астилийку что-то оскорбительное, Кеннет вспылил и...

Я поймала себя на том, что даже в этой ситуации не могу осуждать своего друга, более того, пытаюсь придумать, как нам обвести вокруг пальца судебных, если у них вдруг возникнут подозрения. И это я, «ищейка», два года трудившаяся на благо правосудия в команде мистера Тревора!

Все-таки любовь пугающе меняет людей. Я говорю сейчас не только о себе. Робкая тихоня Селина Виверхем не побоялась заложить фамильные драгоценности, чтобы спасти злосчастного Меллинга из лап ростовщика. Из-за любви к Кэролайн добряк Медоуз превратился в мрачного меланхолика, целыми днями бродившего по болотам (кстати, надо будет уточнить насчет его сегодняшних передвижений). Как любил говорить мой отчим, «amor vincit omnia — любовь побеждает все». Этой фразочкой, засаленной от частого употребления, мистер Бобарт обычно оправдывал свои интрижки (стараясь, впрочем, устраивать их так, чтобы Рут ничего не узнала, иначе никакие возвышенные фразы не спасли бы его от когтей супруги), но мне в ней виделось что-то более глубокое и трагическое. Иногда любовь толкает человека на чудовищные поступки.

— Вы устали, а я слишком засиделся, — донеслось вдруг до моих ушей. Я очнулась. Чай давно остыл. Кеннет по-доброму смотрел на меня и улыбался. — Нет ничего несноснее гостя, который не умеет вовремя уйти!

Я испугалась, вдруг он обиделся, что я мыслями улетела куда-то далеко? Нужно было срочно спасать положение.

— К вам это точно не относится, — торопливо возразила я, глядя ему прямо в глаза. — Я была бы рада, если бы вы задержались здесь как можно дольше!

«И можете насплетничать об этом моему дяде, подхалимы ушастые!» — мысленно добавила в адрес замковых слуг.

Кеннет заметно просветлел лицом:

— Я ведь никуда не уезжаю, Энни. — Мне стало теплее оттого, что он назвал меня прежним именем, словно вернув на мгновение наши прежние вечера на Гросвен-стрит. — Боюсь, что мой отъезд из Думанона теперь расценили бы как бегство.

«Да уж, представляю, какие пойдут сплетни. Двое джентльменов поссорились на балу, после чего один скончался, а другой скоропостижно уехал. Занимательная складывается картинка!»

— ...И если мистеру Уэсли понадобится мое содействие, я буду рад помочь. Увидимся завтра, хорошо?

Прощаться под невидимыми пристальными взглядами было неловко, так что мы не стали тянуть кота за хвост и устраивать бесплатный цирк для наших соглядатаев. Потом Кеннет ушел, и я осталась одна.

Глава 16

Наступили ветреные весенние дни. Солнце теперь чаще радовало нас своим присутствием, разливая вокруг живительное тепло. Насмешливо звенела капель. На побережье орали чайки, ошалевшие от водяного слепящего блеска. Губчатые пустоши жадно впитывали воду, готовясь вспыхнуть свежей зеленью и желтизной дроковых кустов.

Прошло три дня — а Уэсли все не возвращался. Он упрямо оставался в Босвене, пытаюсь повлиять на судейских и хоть как-то облегчить участь старого рыбака. Я от нетерпения сгрызла сначала ногти, а потом и пальцы в ожидании новостей. По округе расползались слухи, один чудовищней другого. Когда лавочник в Ловери, округлив глаза, шепотом сообщил, что несчастный мистер Хартман был использован в качестве ритуальной жертвы, я не выдержала, отправилась в конюшню и попросила оседлать Ласточку. Хватит мне метаться по дому. Загляну к Полгринам, к миссис Трелони, выясню, что слышно о ходе следствия.

Дядин грум, похожий на хобгоблина, в ответ на мою просьбу недовольно пошевелил косматыми бровями:

— Лучше бы заложить коляску, мэм. Незачем вам рыскать верхом в эту пору. Вон вчера в Бигбоу один рыбак ушел на вечерний лов и до сих пор не вернулся.

Я раздраженно подумала, что на сегодня с меня достаточно страшных сказок:

— Делай, что тебе говорят.

Скорее всего, вчерашний рыбак, пьяный в доску, до сих пор храпел где-нибудь в пабе. И вообще, после убийства мистера Хартмана на пустоши царили тишь и благодать. Даже Босвенский зверь чего-то притих. «Оттого и притих, что получил свою жертву в Лабиринте», — мелькнула мысль, и меня посетило неприятное осознание, что грум может быть прав. Но дядин слуга, надувшись, как мышь на крупу, уже вел ко мне Ласточку, которая вся дрожала от предвкушения, так что я поспешила отбросить дурные мысли. Если даже загадочный Зверь попадется навстречу, пусть попробует сначала догнать! В прошлый раз у него не вышло.

Вскоре Ласточка, застоявшаяся в конюшне, бодро выбивала дробь копытами, а я наслаждалась солнечным днем и ветром, бьющим в лицо. Небо в прорехах между облаками сияло пронзительной голубизной. Яркая полоска моря мелькнула вдали и пропала, когда я свернула в холмы.

Проезжая через Кардинхэмский лес, я прислушалась и насторожилась.

Случайный порыв ветра донес чей-то приятный голос, напевающий какой-то мотив. Либо уши меня обманывали, либо это был Кеннет! Мое сердце сделало кульбит, а ноги сами пришпорили лошадь. Вдруг послышался другой голос и смех — мягкий, как перелив шелка. Смеялась женщина. На меня словно вылили ушат холодной воды. Я оцепенела, вцепившись в поводья, но Ласточка, приветственно заржав, уже выдала наше присутствие. Ей отозвалась другая лошадь.

Кеннет и Эстрелья медленно ехали через опушку и, заметив меня, остановились. Они были увлечены беседой. Кажется, речь шла о какой-то пьесе, которую оба видели в Алькоре, или вроде того. Встретившись со мной взглядом,

Эстрелья поспешно улыбнулась, но улыбка была ненастоящей, словно вырезанной из бумаги. Резко оборвав беседу, она сразу заговорила о другом:

— О, мисс Уэсли, представляю, что вам пришлось пережить! Это ужасно. Мистер Гимлетт был просто безутешен. Такой молодой, подающий надежды джентльмен... Не могу поверить, чтобы кто-то решился на такое злодеяние!

«Какой прок от этих причитаний, — подумала я с неприязнью. — Чужие сожаления еще никого не воскресили».

— Когда пришло это известие, я была у Полгринов, — продолжала Эстрелья взволнованным голосом. — Знаете, мы с Мэри почему-то сразу решили, что здесь не обошлось без потусторонних сил. Я была у Лабиринта, он похож на место духов. У нас в Астилии тоже есть такие места. Там можно встретить эль-янтаря, или «полуденника», как его еще называют, потому что он не боится солнца и может творить зло даже при свете дня. При встрече с ним нужно постараться взять себя в руки, сразу отвернуться и уйти. Иначе он заворочит вас своей вкрадчивостью и сверканием, заморочит голову и сведет с ума! Не могло ли мистеру Хартману привидеться нечто подобное? Предположим, у него затуманилось сознание, он потерял ориентацию и ударился головой о менгир, стоящий в центре лабиринта!

«Ну да, ну да. Споткнулся и ударился затылком о камень. Причем два раза, чтобы уж наверняка».

— Нам известно, что Хартмана ударили сзади, — ответила я деревянным голосом, в точности таким же, каким мой шеф разговаривал с газетными писателями. — Следы крови были не только на менгире, но и на камне, валявшемся неподалеку.

— Ну, не знаю... может, это был какой-нибудь грабитель... или бродяга... — пролепетала Эстрелья, стремительно терявшая энтузиазм под моим суровым взглядом.

— Случайный грабитель, вероятнее всего, сбросил бы тело в шахту, а не оставил лежать на виду у всех посреди Лабиринта, — сухо возразила я.

Кеннет молчал. Я старалась не смотреть в его сторону. В прошлый раз он казался таким близким — а теперь между нами будто снова захлопнулась дверь. Он был явно чем-то озабочен. Я заметила, что Эстрелья иногда бросала на него неуверенные взгляды. Их оборванная беседа, казалось, незримо витала между нами, словно еще один человек, которого забыли вовремя представить, а теперь всем неловко, и непонятно, то ли исправить упущение, то ли сделать вид, что ничего и не было.

В конце концов, Фонтерой решил все-таки вмешаться:

— Поверьте, мисс Рамирес, у мисс Уэсли гораздо больше опыта в подобных делах, чем вы думаете. Она вовсе не нуждается в подсказках и дополнительных версиях. Хоть это и нелегко, давайте постараемся ненадолго забыть об убийстве. Что вы скажете насчет прогулки к Стоячему камню?

С ним вдвоем я бы с радостью прогулялась куда угодно, но выносить присутствие Эстрельи, щебечущей всякие глупости, просто не было сил:

— К сожалению, я не могу. Я давно обещала навестить миссис Трелони, и теперь пришло время отдавать светские долги.

Особняк вдовы находился неподалеку. Кеннет недолюбливал эту даму («Как ей удастся, почти не выходя из дома, сунуть нос в каждое мало-мальски значимое событие в Думаноне?!»), так что вряд ли он променяет верховую

прогулку на унылое чаепитие. Вот пусть и катится со своей Эстрельей, куда захочет!

— Все-таки поговорите, пожалуйста, с Мэри Полгрин, — робко попросила мисс Рамирес. В больших темных глазах не было ни тени обиды на мою жесткую отповедь, одно только беспокойство. — Ей так много известно о Босвенской пустоши и ее обитателях! Знаете, с первых дней в Думаноне мне кажется, что в здешних холмах таится другая жизнь, укрытая от наших глаз.

Я не могла не признать ее правоту, отчего мое раздражение только возросло.

Мне давно хотелось предупредить Мэри насчет ее увлечений, только из-за последних событий это как-то вылетело из головы! Амброзиус всегда говорил, что дружба с сидами — гиблое дело. Ты считаешь, что просто играешь с ними, а на самом деле это они играют в тебя.

— Да, про наши холмы ходит много слухов, — улыбнулась я напоследок. — Вот как раз вчера произошел очередной инцидент... Но в компании лорда Фонтероя вам, конечно, ничего не грозит! Всего доброго!

— Какой еще инцидент? — сердито спросил Кеннет мне вдогонку. Я развернула лошадь и притворилась, будто ничего не слышу.

Вместо того чтобы направить Ласточку по тропе, ведущей к дому миссис Трелони, я помчалась к морю. Это больше отвечало моему настроению. Бег валов, с монотонным шорохом разбивающихся о гальку, всегда успокаивал. И что Кеннет нашел в этой кукле?! Ладно, если ему нравится разгуливать по округе с этой чужеземкой, слушая ее забавный акцент и глупое хихиканье, — пожалуйста, не буду мешать!

Привязав лошадь наверху, я по тайной тропе, которую когда-то показал мне Джоэл, спустилась на пляж и уселась прямо на влажный песок. Очередная колючая волна с шумом набежала на берег, растекаясь потоками пены и увлекая за собой мелкие камушки. Вместе с ней вдруг нахлынули тоска и одиночество. Ничего не хотелось — ни плакать, ни ругаться, ни вспоминать.

Это была узкая и тесная бухта. Серые скалистые утесы, толкаясь плечами, окружали ее со всех сторон. Толстые олуши при моем появлении поднялись в воздух. Лишь одна осталась, с любопытством следя за мной блестящим круглым глазом. Выражение у нее было сочувственное и сердитое, точь-в-точь как у Рут, моей опекунши, когда я в слезах прибегала домой после очередной драки: «Ну что, получила? Я тебе говорила — не лезь? Или тебе все мало?»

Наверное, за двадцать лет я так и не поумнела. Мой наивный план превратиться в идеальную леди, подобную Элейн Фонтерой, теперь казался глупым и смешным. Мы с Кеннетом разные, давно следовало это признать. Как бы я ни старалась, с такой девушкой, как Эстрелья, у него всегда будет больше общего: общие интересы, общие вкусы, похожее детство. Взять, к примеру, музыку, о которой они вечно болтают — это же просто набор усыпляющих звуков! А их скучнейшие книги?!

Да, я довольно далеко ушла от образа эшентаунской бродяжки, живущей как Бог на душу положит, но, вероятно, эта метаморфоза произошла слишком поздно. Рут наверняка сказала бы, что за любовь нужно бороться. Но какой смысл бороться, зная, что Кеннету я не нужна?

Тем временем прилив подбирался к моим ногам. Следовало поискать другое место, где можно выплакать свои горести, но мне было все равно. Подума-

ешь, промочу ноги — какая мелочь! Радужные всполохи, дрожавшие над гребнями волн, внезапно погасли.

Облака подернулись серым, потускнели, как глаза старика. Море вдали приобрело странный металлический оттенок, словно на стальной гравюре.

Олуша с глазами Рут Бобарт, вдруг, резко вскрикнув, тяжело взлетела и скрылась за скалами. Я огляделась, медленно поднимаясь. В бухте сгустилась странная, вязкая тишина. Свежий бриз, лохмативший верхушки волн, куда-то исчез, а между скал закурился белесый туман. С моря напозала густая, темная хмарь.

«Буря?» — успела подумать я.

Нет, это было живое. Голодное. Злое. Оно было похоже на сгусток тумана, в котором паучьим яйцом болтался огромный мутно-желтый глаз[26]. Оно перехватило мой взгляд — и от страха перехватило дыхание. Я зажмурилась. Серая муть навалилась со всех сторон. Чувство было такое, будто кто-то острыми крючьями вытягивал душу. Мысль о Кеннете вспыхнула — и ушла, почти не причинив мне боли. Казалось, будто я его уже потеряла, будто все в этом мире — сплошные потери.

Серое нечто затягивало меня в себя. Ноги вдруг обожгло. «Вода ледяная», — вяло подумала я, но даже это не заставило меня остановиться.

Иногда так хочется просто сдаться.

В этот момент кто-то ухватил меня за ворот, и разгневанный голос заорал прямо в ухо:

— Ты чего, утопиться решила? Совсем спятила, дура?!

Потом в другом ухе зазвенело от увесистой оплеухи:

— Назад, к берегу, быстро!

Резкая боль отрезвила. Ноги вязли в песке, бухта вся почернела, а скалы на миг закружились перед глазами. Я слотнула, борясь с тошнотой. Моей спасительницей оказалась... миссис Трелони! Похожая на ворону в своих одеяниях, с побелевшим от ярости лицом, она бесцеремонно выпихнула меня подальше на берег.

Позади зашипело. Хмарное туманное существо и не думало исчезать! (Я-то думала, что меня накрыл морок, вроде того, о котором рассказывала Эстрелья).

Нечто по-прежнему смрадно дышало нам в затылок. Один раз я оглянулась — и сейчас же накатила обморочная слабость.

— Не оглядывайся! — прошипела вдова. — Скорее! Наверх!

Выбраться из бухты было не так-то просто. Здешние скалы опасны, из-за ветра и непогоды сланцевые пласты часто крошатся, как сухое печенье. Где-то среди валунов петляла тропка Джоэла, о которой я забыла с перепугу. Миссис Трелони, ухватив меня неожиданно крепкой рукой, потащила куда-то влево, где, журча по камням, сбегал к морю неширокий веселый ручей.

— Сюда!

Мы перескочили ручей. В этом месте густой, плотный кустарник не давал камням обвалиться. Я полезла наверх, хватаясь за колючие ветки и не обращая внимания на содранные ладони. Сзади слышалось шумное дыхание миссис Трелони. По бухте вдруг прокатился тяжелый стон, исполненный тоски и бессильной злобы. Мои руки едва не разжались от страха. Я не выдержала и оглянулась.

Хмарь клубилась возле ручья. Желтый глаз, ворочаясь в серой мути, безошибочно был нацелен на нас, но невидимая преграда не давала твари сдвинуться с места. Туманные щупальца алчно тянулись вперед, каждый раз отдергиваясь и дрожа.

— Кажется... оно не может... перейти... — начала я, но, получив еще один тычок в спину, умолкла.

Когда сердце готово было лопнуть от напряжения, я подняла глаза и увидела наконец, что кромка скалы была совсем близко. На дрожащих ногах я выбралась наверх и без сил упала в траву, хватая ртом воздух. В голове, как вспугнутые птицы, металась сотня вопросов, но это все могло обождать. Что бы ни подстерегало нас в бухте, мы выбрались! Мы спаслись! Если бы не миссис Трелони... От запоздалого страха снова пробрал озноб. Я обернулась назад с благодарной улыбкой — и во второй раз за сегодняшний день остолбенела от изумления.

«Миссис Трелони» исчезла. Следом за мной, тяжело дыша, на утес выбрался мистер Лайбстер.

* * *

Исчезло черное вдовье платье с вуалью, чопорные манеры и морщинистые поджатые губы. Мистер Лайбстер выглядел в точности как тогда, возле Плачущего озера, со своей особенной, эфемерной сидской красотой... и злокозненностью, присущей обитателям холмов. Всю благожелательность с меня как ветром сдуло.

— Что это значит?!

Сид невозмутимо отряхивал брюки, слегка пострадавшие от быстрого подъема на утес.

— На твоём месте я бы успокоил лошадь. Животные чувствуют эту тварь.

— Он же сюда не заберется? — вырвалось у меня. Это был самый насущный вопрос из сотни других, теснившихся на языке.

— Откуда мне знать? — ответил Лайбстер с долей ехидства. — В общем-то полагают, что он привязан к морю, но у нас было мало возможностей его изучить. После встречи с ним обычно не возвращаются. Нам повезло.

Подойдя к Ласточке, я прижалась лбом к ее теплой шее, прогоняя дрожь.

Лошадь нервно переступала копытами, явно мечтая убраться подальше отсюда, и я всецело разделяла ее желание.

— На Другой Стороне мы называем его Хупер, — рассказывал сид, — и, поверь, его появление здесь для меня — полнейший сюрприз. Мейвел, должно быть, сошла с ума, если решила натравить на вас это... это.

— Вы полагаете, он оказался здесь из-за убийства?

— Сама подумай. Хупер мог проникнуть сюда только через Лабиринт. Человеческая кровь, попавшая на менгир, способна вызвать еще и не такое. Кто-то выбрал чертовски неудачное место для убийства. Или ты считаешь, что у Королевы были и другие поводы для мести?

Я поспешно прикусила язык, вспомнив о своих подвигах в ночь Имболка. Сид смотрел на меня, испытующе подняв бровь. Чтобы отвлечь его внимание, я как можно суровее спросила:

— Лучше расскажите, что за маскарад вы устроили! И где настоящая миссис Трелони?!

Во время нашего бегства Лайбстер сбросил фальшивый облик, как бросают

слишком тяжелый плащ. То-то мне казалось, что рука, поддерживающая меня, была слишком крепкой для старухи! Амброзиус как-то рассказывал, что сиды могли осуществлять прямой контакт со смертным, надевая его своим разумом. То есть использовать нас как марионеток. Но что тогда случилось с настоящей вдовой?

От моего вопроса на его острых скулах загорелись алые пятна, а взгляд полыхнул такой надменностью, что я невольно сжалась.

— Думаешь, я использовал чужое тело в качестве временного облика? Ты сама-то стала бы натягивать на себя чужое тряпье?! Миссис Трелони — призрак, иллюзия высшей пробы! Между прочим, не каждый из нас на такое способен.

«Слава богу!»

— И как давно вы морочите головы моим соседям?

Сид нетерпеливо махнул рукой, но все же снизошел до объяснения:

— Думанон — это место, где Мейвел появляется чаще всего. Она одержима желанием отыскать постоянный проход в этот мир, поэтому я старался присматривать за ней. Только мы, фоморы, можем свободно ходить через границу, Королеве нельзя давать такой власти! Чтобы не выделяться среди людей, двадцать лет назад я купил здесь маленький бедный коттедж...

— Но почему «миссис Трелони»? — выпалила я, покраснев. — Что вам стоило прикинуться почтенным сквайром, как в Эшентауне?!

Конечно, на фоне остальных проблем этот момент не стоил даже беспокойства, и все-таки меня немного смущало, что с миссис Трелони мы иногда говорили о вещах, которые я никогда не стала бы обсуждать с мужчиной. Кроме того, я нечаянно нарушила долг женщины перед другой женщиной, рассказав Лайбстеру кое-какие секреты Эстрельи. Помнится, мы славно посплетничали втроем на балу... Но кто же знал!

Судя по его виду, Лайбстер был очень доволен собой. Прямо как ребенок, которому удалась задуманная шалость:

— Изобрази я почтенного джентльмена, ко мне тут же выстроилась бы очередь из перезрелых девиц, мечтающих о семейном счастье. Здесь вам не Эшентаун. Здесь соседи только и делают, что перемывают друг другу косточки. Кстати, вы не замечали, что никто не обращает внимания на пожилых вдов? Они словно выброшены на обочину общественной жизни.

— Ясно, — прервала я его, не желая обсуждать недостатки общественного устройства. — Значит, вы выбрали самый непритязательный и скромный облик. Все равно удивительно, как вам всех удалось провести! Даже мистера Уэсли!

«В конце концов, дядя тоже близко знаком с Той Стороной! Неужели он ничего не заподозрил?»

— Ну, иногда мне казалось, что Уэсли посматривал на меня как-то странно... Кстати, он еще не вернулся? Это плохо. Неужели ты не могла придумать ни одной причины, чтобы задержать его в Уайтборе?! Тогда ты еще беспомощней, чем я думал!

— Не понимаю, почему это так важно! — огрызнулась я. — Почему бы человеку не съездить в Босвен, если ему так хочется?

— Ах, не понимаешь? — прищурился вредный сид. — Да потому, что в ночь Имболка Мейвел наложила на него гейс, запретив ему покидать замок! «Воз-

дух любого другого города будет ядовит для тебя», — так, кажется, она сказала?

Впрочем, ты могла и не расслышать, улепетывая от нее во все лопатки. Бедняга Уэсли. Все мечтал избавиться от Королевы, как от наваждения, да и замок свой от нее избавиться. А она все равно его перехитрила!

Наверное, я выглядела очень глупо с приоткрытым ртом и ошарашенным взглядом, так как сид развеселился пуще прежнего:

— Думаешь, мне не известно о твоих похождениях? Я же пытался тебя предупредить, чтобы в ночь Имболка ты держалась подальше! Кстати, твое убежище на чердаке мне понравилось. Что, не припоминаешь?

Та белесая тень, мелькнувшая под стропилами... Я приняла ее за фамильное привидение, а, оказывается, это Лайбстер подглядывал за мной! Вот наглец!

Я швырнула в него шишкой, но промахнулась. За кустами послышался хохот. Сид двигался с необычайной быстротой, совсем как тот вампир-ростовщик в Эшентауне, едва не убивший нас с Уайтвудом. Воспоминание было не из приятных. Следующая шишка удобно легла в ладонь, но Лайбстер, буквально соткавшись из воздуха у меня за плечом, успел перехватить занесенную руку. Я резко высвободилась, подумав, что он мне нравился больше в роли скромного, неприметного помощника сацилийского посла! Тогда в нем было гораздо меньше наглости и самодовольства!

— А как насчет вашего гейса «не переступать порога чужих домов»?! — прошипела я, от души желая хоть чем-нибудь его уколоть. — То что вы его нарушили, вас не беспокоит? В первый раз вы сделали это еще в Эшентауне, не так ли? Когда пробрались в кабинет мистера Тренора, чтобы унести некий артефакт!

Лайбстер посмотрел на меня погрустневшим, укоризненным взглядом... и снова исчез. Что называется, поговорили. Я осмотрелась по сторонам. Холмы вокруг нас постепенно приходили в себя. Хищная туманная хмарь, заполнившая собой бухту Крэгги-коув, уже рассеялась, хотя я не сомневалась, что еще увижу ее в ночных кошмарах. Краем глаза зацепив большое черное пятно среди серо-зеленой пестроты, я невольно вздрогнула. Там, изящно прислонясь к стволу, стояла миссис Трелони.

— Нарушать гейсы — всегда плохо, — сказала она, пока я пыталась отыскать в ее худощавом, изношенном лице другие, острые и резкие черты. — От этого теряешь силы. Но все-таки сил у меня пока хватит, чтобы прикрыть тебя от Мейвел. Ты для нее — лишь ниточка к лорду-дракону и, судя по тому, что случилось, она уже намотала тебя на палец. Поэтому миссис Трелони должна стать твоей лучшей подругой, ясно? Чтобы ни шагу от меня, и никаких больше секретов!

«Заклучить сделку с сидом?! Да лучше сразу утопиться в бухте!»

Я поразмыслила... и кивнула. Исключительно для того, чтобы выиграть время. Я могла думать сейчас только о Хупере и мистере Уэсли. После Имболка дядя действительно почти не покидал замка. Он с большой неохотой вызвался сопровождать меня в Триверс, и почти сразу ему стало плохо! А сейчас его нет уже три дня!

«Боже мой. Что же я натворила».

Лайбстер... миссис Трелони наблюдала за мной, склонив голову. Черное армазиновое платье спадало аккуратными складками, закрывая ее фигуру до

шей, до самых кончиков пальцев. Я, зажмурившись, потрясла головой. Как ни стараюсь, все равно вместо строгой вдовы вижу перед собой ехидную физиономию сида!

— Это невозможно! Я больше не могу обращаться к вам «миссис Трелони»!

— Почему?

— Дьявольщина! Да потому, что вы мужчина!

В пронзительно-светлых глазах мелькнула смешинка и что-то вроде сострадания к моей узколобости:

— Ты все время забываешь, что я не человек.

Забудешь, пожалуй. Стоило ему улыбнуться — и сразу вспомнила. Юная улыбка на старом морщинистом лице выглядела нечеловечески жутко.

— Когда мы одни, можешь называть меня Эйнон.

— То есть «человек без имени»? — я задумалась. — Ладно, сойдет. Как я понимаю, своего настоящего имени вы мне все равно не откроете?

Сиды очень трепетно относятся к именам. Если верить легендам, человек, узнавший истинное имя волшебного создания, мог обрести над ним неограниченную власть. Вон, Эйнон даже онемел на секунду от моего нахальства:

— Разумеется, нет!

* * *

На следующий день Робин Уэсли опять не вернулся, зато из Кавертхола пришло известие о еще двух пропавших рыбаках. Страх во мне постепенно сменялся злостью. Происшествие в Крэгги-коув неплохо меня встряхнуло. Что же получается? Пока я лелею свою меланхолию, какое-то неведомое чудовище бродит по округе, нападая на наших людей?!

Я поняла, что пора. Пора мне самой браться за дело. У меня было два варианта. Первый — броситься к дяде, попросить прощения за свою опрометчивость, уговорить его вернуться и вместе подумать, как справиться с Хупером. Второй вариант — найти преступника и объясниться с Мейвел. Если ее так разгневало то, что кто-то посмел совершить святотатство в ее Лабиринте, я готова лично притащить к ней убийцу, и путь делает с ним, что захочет.

Почему-то объяснение с дядей пугало сильнее, чем с Королевой. Да и сможет ли он помочь, в его-то состоянии?! Наоборот, это я ему помогу, отыскав настоящего преступника, ведь тогда чиновникам придется выпустить Дуайта!

Ищейское чутье подсказывало, что Дуайт здесь не при чем. И я не верила, что убийцей был Кеннет. Нет, это кто-то другой, притаившийся рядом. Может, он сейчас тоже смотрит в ночное окно, прикидывая, не оставил ли улику, не выдал ли себя неосторожным словом или поступком. Накинув халат, я подсе- ла к столу, взяла перо и составила список людей, которых следовало расспросить. Завтра же этим займусь. И начать нужно с доктора Медоуза.

Глава 17

Занятая поисками доктора, я совсем забыла о печальной необходимости присутствовать на похоронах мистера Хартмана, но мистер Медоуз сам напомнил мне об этом и даже отвез меня в церковь.

— Все равно мне потом понадобится экипаж, — сказал он, отклонив мои благодарности. — После похорон нужно съездить в Хелстон, у меня там несколько больных цингой. Эта зима для многих была тяжелой.

— Да, весной многие болеют, — согласилась я, вспомнив затхлые улицы Кречи. Больше всех, конечно, страдали бедняки... Однако бывало так, что болезнь не щадила и знатные семьи. Весной многие люди выглядели так, будто у них внезапно закончились силы. — Вам, наверное, приходится много разъезжать в последнее время?

Вопрос был с подвохом. Осторожно, окольными путями я попыталась подбратиться к интересующему меня моменту. Однако Медоузу нельзя было отказать в проницательности. Понимающе хмыкнув, он ответил:

— Когда произошло то несчастье, я был в Сент-Айвесе, занимался ангиной.

В прошлом году была эпидемия, и я очень надеюсь, что этот кошмар не повторится!

Не успел я вернуться, как меня сразу вызвали в Кавертхол. Судейским чиновникам требовалось заключение врача. Тогда-то я и узнал о Хартмане... упокой Господь его душу. Ужасный случай.

Искоса взглянув на меня, он нахмурился:

— Вам не страшно сейчас жить одной в замке? Ведь ваш дядя, насколько известно, еще не вернулся? Я могу поговорить с миссис Трелони... или с миссис Полгрин, чтобы вы у них погостили.

Меня не обрадовала такая перспектива. Под одной крышей с Эйноном я могла бы чувствовать себя в безопасности, только напихав железных гвоздей под подушку.

— Что вы, не стоит беспокойства! Мистер Уэсли должен вернуться со дня на день.

— Не понимаю я его. — Доктор Медоуз досадливо покачал головой. — Стоит ли так хлопотать о каком-то контрабандисте?! Если даже этот человек не убивал мистера Хартмана, то наверняка прикончил кого-нибудь другого или учинил еще какое-нибудь непотребство!

— Дуайт не убийца! — возразила я резче, чем собиралась. Чарльз Медоуз просто не понимал некоторых вещей. Для него старый рыбак был человеком другого круга, из тех, о ком не следовало особенно беспокоиться. Да, Медоуз лечил бедняков в деревнях, причем некоторых даже бесплатно, но вместе с тем считал их ниже себя, и мне это не понравилось.

— Кроме того, его участие в контрабанде еще не доказано!

Неизвестно, к чему привел бы наш разговор, но в этот момент из тумана вынырнул шпиль деревенской церкви, возле которой виднелись темные фигуры людей, тоже пришедших проводить Джереми Хартмана в последний путь. Я пристыженно умолкла.

Служба была торжественной и печальной, как полагалось, но даже во время пения гимнов среди пришедших не утихал шепоток. Я заметила Эстрелью, от макушки до пят закутанную в темную мантилью. Мистер Гимлетт, поста-

ревший, со скорбными складками возле губ, что-то тихо ей говорил. Кеннет пришел одним из последних и встал у дверей, не подходя к нам. Некоторые гости бросали испуганные взгляды на гроб. Джоэл притащил откуда-то целые охапки пижмы и розмарина, разложив их на крышке. Я вспомнила, что эти травы применялись знахарками для защиты от злого колдовства. Далеко в стороне мелькнул острый профиль Эйна (разумеется, явившегося в обличье миссис Трелони). В глазах сида застыло такое выражение, будто он нарочно пришел на похороны, чтобы убедиться, что Хартмана точно закопают, и из его могилы не поднимется что-нибудь жуткое.

Несмотря на всеобщее нервное настроение, похороны прошли без инцидентов. Процедуру омрачал разве что легкий дождь, больше похожий на водяную взвесь. Погода, такая переменчивая весной, снова испортилась. Всю ночь наши берега трепал шторм, и сейчас еще вдалеке погромыхивало. Очередной раскат грома ударил по ушам как раз в тот момент, когда гроб опускали в могилу. Я ждала, что со стороны пустошей донесется ответный вой, который неплохо вписался бы в окружающую мрачно-тоскливую обстановку, но Босвенский зверь молчал. Может, решил проявить уважение к нашему горю, или у него нашлись другие дела.

Многие гости, кажется, горевали вполне искренне. Даже те из них, кто считал Хартмана заносчивым индюком, которому следовало бы преподать хороший урок, теперь отзывались о нем, как о приятном джентльмене, так трагически и безвременно ушедшем. Поразительно, но стоит тебе умереть — и твои дела предстают совершенно в другом свете. Я с обидой заметила, что молодые люди, весело болтавшие с Кеннетом на балу, теперь только кивали ему издали и быстро уходили прочь, растворяясь в тумане. Сплетни все-таки сделали свое черное дело.

Стало интересно, как к случившемуся относится Эстрелья, ведь ее это тоже затрагивало. Я искала ее глазами, но они с Гимлеттом уже исчезли. Мне негодование слегка улеглось, когда ко мне подошла миссис Полгрин, опирающаяся на руку Джейн. Младших сестер, Мэри и Кэролайн, с ними не было. Завидев меня, пожилая дама заулыбалась:

— Рада вас видеть, мисс Анна! Давненько вы к нам не заглядывали.

Со времени моего последнего визита прошло всего две недели, правда, они выдались очень насыщенными на события. Я с удовольствием приняла приглашение на чай. Мне всегда было приятно поболтать с миссис Полгрин, кроме того, она и ее дочери тоже принадлежали к группе людей, которых мне хотелось расспросить.

* * *

Когда мы втроем подъехали к усадьбе, оказалось, что Кэролайн еще не спускалась. Мэри, против обыкновения, хозяйничала в саду. Мы нашли ее возле прополотой грядки, на которой не было ничего, кроме жирной черной земли.

— А должны быть тюльпаны, — угрюмо сказала Мэри. — Наверное, я их плохо укрыла осенью. Ни одного росточка!

Она казалась действительно расстроенной. Миссис Полгрин, улыбаясь, приобняла дочь за плечи:

— Дай им немного времени, дорогая. У меня есть рецепт чудесной подкормки, мы польем их, и твои цветы сразу дадут всходы.

В этот момент я поняла, почему к миссис Полгрин тянулись все, кто ее знает, почему сюда зачастила Эстрелья и почему я сама чувствовала себя рядом с ней так уютно. Она обладала чудесным умением починить все, что вы можете испортить или сломать. Могла зашить порванную перчатку («будет как новенькая, не переживай, дорогая») или залечить обиду, просто налив тебе чашечку горячего чая и спокойно выслушав твой рассказ. Это было простое домашнее волшебство, создающее ощущение защищенности и покоя.

За время моего отсутствия в гостиной Полгринов мало что изменилось, только пухлые книги мисс Мэри переместились с рабочего столика на дальний угол окна. Похоже, у их обладательницы сменились интересы. Из кухни знакомо пахло печеньем — суховатым и простым, как все остальное в этом доме. Сверху на стопке книг лежал альбом с коллекцией гербариев, которые мистер Медоуз исправно приносил, а Кэролайн прилежно клеивала внутрь. Я с любопытством взяла его в руки. От книг исходил странный запах — вкрадчивый, еле слышный. Почему-то вспомнился вдруг кабинет Амброзиуса и различные зелья, которые он мне показывал. Большинство из них были такого рода, что прикасаться к ним можно было только в перчатках, причем не дыша. Я иногда удивлялась, как волшебник еще не отравил сам себя, учитывая тот бардак, что постоянно царил у него на столе!

Джейн убежала наверх, чтобы позвать сестру. Пока Мэри и миссис Полгрин хлопотали, накрывая на стол, я раскрыла тяжелый альбом, заметив, что коллекция прилично пополнилась в последнее время. Кэролайн могла пренебрегать обществом доктора Медоуза, но по-прежнему бережно хранила его подарки. Я разгладила ладонью хрупкие веточки. Надо же, какие странные увлечения бывают у людей! Собирать цветы, например. Кому-то они доставляют радость, а кому-то — только сенную лихорадку.

Раскрыв очередную страницу, я вздрогнула. Посреди ее лежал распяленный цветок скалларии. Синие прожилки на бледных лепестках походили на вены. На меня словно повеяло холодом Лабиринта, и я поспешила перевернуть лист, убрав с глаз долой проклятый цветок. Подняв голову, я внезапно встретилась взглядом с Кэролайн, которая бесшумно застыла на лестнице. С непривычно-робкой улыбкой девушка спустилась вниз.

— Позвольте, — и она мягко, но непреклонно забрала у меня альбом.

— Я еще не закрепила как следует последние экземпляры. Боюсь, они могут выпасть.

Миссис Полгрин подала ей горячую чашку чая со сливками, искоса жалостливо взглянув на дочь. У Кэролайн был какой-то потерянный вид. Лицо болезненно заострилось, волосы небрежно собраны в узел. По всему было видно, что гибель Хартмана произвела на нее тяжелое впечатление.

— Служба сегодня была такая торжественная, — рассказывала миссис Полгрин, — и преподобный Тредженнис так хорошо говорил... А в Кавертхоле приготовили целый стол с пирогами и кексами! Видит бог, не любила я этого Хартмана, но похороны прошли как подобает!

— Перестань, мама, — тихо попросила Кэролайн, однако ее мать в искренней заботе о дочери была похожа на разогнавшуюся упряжку, не способную остановиться:

— Сколько можно оплакивать судьбу? Нет никакой пользы в том, чтобы сидеть взаперти, гоняя по кругу одни и те же мысли! Вышла бы хоть в сад, про-

ветрилась, помогла Мэри обрезать яблоны...

Кэролайн вспыхнула, как лучина. Она и в хорошие дни не выносила поучений, а сейчас вообще была вся на взводе, как старая дева, которой подсунули ежа в кровать:

— Я не сижу взаперти! И без напоминаний могу прекрасно выйти и пообщаться с людьми!

— Да когда же это было в последний раз?! — всплеснула руками ее мать. — Еще до несчастного случая с мистером Хартманом!

— Нет, на следующее утро после этого! Ты всегда все путаешь, мама! Я ходила в лавку в Ловери, по твоей же просьбе, между прочим!

— Это правда, — тихо поддержала Мэри сестру.

Кэролайн нервно схватила чашку, но не удержала ее, и темная жидкость плеснула на скатерть.

— Да что ж такое! Простите, — всхлипнув, девушка выскочила из-за стола. Простучали каблучки по лестнице, где-то наверху захлопнулась дверь. Миссис Полгрин расстроено покачала головой, не зная, что сказать.

— Не волнуйся, мама, я с ней посижу.

Мэри, тихая, как мышка, исчезла следом. Это противоречило всем моим планам. Я-то хотела расспросить ее об Эстрелье и их поездке к Лабиринту, но момент был явно не подходящий. Джейн сидела как на иголках, с алыми пятнами на щеках.

Миссис Полгрин выглядела как человек, слишком долго копивший в себе тревогу и наконец-то нашедший возможность выговориться:

— Сколько раз я жалела, что отвезла девочек на тот проклятый бал! Но Кэролайн им просто бредила. Как тут откажешь? И ведь сначала мне там так понравилось! Богатое убранство, свечи, музыка, приятное общество... Такой праздник — редкое удовольствие, правда, Джейн?

— Было весело, — улыбнулась Джейн, желая отвлечь мать от грустных мыслей. — Особенно когда заиграли гавот, который почти никто не умел танцевать. Но к этому времени все так разошлись, что это было неважно!

Она взглянула на меня, словно ища поддержки. Я с сожалением пожала плечами:

— Увы, гавот я уже не застала. Нам пришлось рано уехать, так как мой дядя почувствовал себя дурно.

Миссис Полгрин, добрая душа, тут же переключилась на мистера Уэсли:

— Как он, кстати? Мы о нем беспокоились. Наверняка у него весенняя лихорадка, попомните мое слово! Ему нужно пить больше чая с корицей и стараться беречь себя. Лорд Робин совсем себя не щадит. Разве можно с его самочувствием ехать аж в Босвен?!

— А вы долго оставались на балу? — спросила я, торопясь сменить тему, прежде чем миссис Полгрин снабдит меня десятком рецептов для лечения дяди, ни один из которых все равно не мог ему помочь.

— Мы уехали, как только я смогла увести Кэролайн из залы. Но теперь я жалею, что не увезла ее раньше, до того, как мистер Хартман снова удостоил ее вниманием! Некоторые джентльмены не имеют никакого представления о приличиях. Подумать только! Внушить девушке ложную надежду — и умереть!

— Но, мама! Вряд ли можно упрекнуть мистера Хартмана в вероломстве,

ведь это не его вина! — мягко укорила Джейн.

— Ах, надо же было случиться такому несчастью!

В том же духе беседа шла около часа. Как мы с Джейн ни пытались утешить миссис Полгрин, она все равно возвращалась мыслями к Кэролайн и ее разбитому сердцу. Я сидела до последнего, надеясь все-таки повидаться с Мэри, однако девочка так и не вернулась.

Глава 18

Дома я с грустью подумала, что мои первые изыскания почти не принесли результатов. Мистер Медоуз готов был поклясться на своей коллекции гербариев, что даже близко не подходил к Кавертхолу в то утро. У миссис Полгрин тоже не удалось узнать ничего полезного. Разве что поведение Кэролайн меня насторожило. Обычно она не снисходила до того, чтобы объяснять свои поступки, а тут на простой вопрос «где ты была утром?» разразилась целой речью. Как подсказывал мой опыт работы ищейкой, многословие — первый признак вранья.

К Кэролайн однозначно нужно присмотреться. У меня мелькнула мысль пригласить их с Мэри покататься в коляске (миссис Полгрин будет только рада!), но я сомневалась, что сумею вызвать ее на откровенность. Сейчас она насторожена, постоянно держится начеку. Мистер Тревор считал, что иногда полезно оставить подозреваемого наедине с его мыслями. «Вы сами удивитесь, сколько усилий это вам сэкономит», — говорил он.

Хорошо, хоть за Мэри пока можно не волноваться! Занявшись цветами и садом, она временно отложила свои намерения поближе познакомиться с фейри, чему я была очень рада. Пусть лучше копается в клумбах, это куда безопаснее!

Итак, отменив визит к Полгринам, я со вздохом приняла решение навестить другой дом, куда мне давно следовало съездить, но видеть его обитателей настолько не хотелось, что я раз за разом откладывала это дело. Нужно было поговорить с Эстрельей Рамирес. Она тоже общалась с Хартманом на балу, могла знать что-нибудь о его планах на утро и была несколько заинтересована в его смерти (если у нее имелись виды на Кеннета). «В конце концов, нельзя игнорировать свидетеля только потому, что на него неприятно смотреть!» — строго сказала я себе.

Чтобы выглядеть более респектабельно (все-таки я еду к Гимлеттам, а они любят пустить пыль в глаза), я распорядилась заложить коляску. Когда мы проезжали мимо коттеджа, где жил мистер Медоуз, то заметили лошадь, привязанную у ворот. Вероятно, доктор между делами решил ненадолго заскочить домой. Такое везение нельзя было упустить!

— Остановитесь на минутку! — попросила я грума.

Мистер Медоуз еще на похоронах выражал желание меня осмотреть, так как полагал, что мои расшатанные нервы нуждаются во врачебной помощи. Пришлось проявить немалую изворотливость, чтобы отказаться. Мне хотелось самой его навестить. Человеческое жильё может многое рассказать о своем хозяине, если знаешь, куда смотреть.

Изнутри коттедж оказался меньше, чем я думала, и был довольно запущен. Очевидно, у Медоуза руки не доходили следить за домом, а его служанка не особенно усердствовала с уборкой. Ворча что-то себе под нос, она проводила

меня в кабинет. Комната, обшитая деревянными панелями, казалась узкой и темной. В открытом камине горел торф. Доктор Медоуз стоял возле раскрытого медицинского саквояжа, перебирая лекарства. Он осунулся и похудел в последние дни. Карие глаза за стеклами очков близоруко уставились на незваного гостя, пальцы растерянно приглаживали взлохмаченные волосы. Кажется, ему понадобилось время, чтобы узнать меня:

— А, мисс Уэсли! Добрый день.

— Вот, решила все-таки прибегнуть к вашему совету, — сказала я, исподволь оглядывая комнату.

Чьи-то пыльные рога и бледные литографии, висящие на стенах. Стол у окна, заваленный бумагами. Книги, стиснутые в шкафу и стопками громоздившиеся на полках. На краю стола лежали большие альбомы с гербариями и отдельные листы, придавленные сверху «кирпичом» классификатора Карлоса — наверное, самым исчерпывающим справочником о растениях в мире. Медоуз подвел меня к окну, где было посветлее, и достал часы, чтобы послушать пульс.

— Слегка учащенный, — пробормотал он через некоторое время. — Как аппетит?

На сон не жалуетесь?

Посмотрев мои глаза, язык и послушав дыхание, он отошел к маленькому комоду, в ящичках которого позвякивали какие-то склянки. За окном качались под ветром ветви дикого ореха.

Я машинально заглянула под обложку справочника. Страницы, посвященные растениям Думанона, были все испятнаны серым и желтым, отчего складывалось впечатление, что Медоуз таскал Карлоса с собой на болота. Вполне возможно... Я действительно частенько видела его с толстой книгой подмышкой. И снова этот странный запах! Застыв на месте, я прислушалась к ощущениям. Точно такой же, как мне почудился у Полгринов!

Запах исходил от стопки книг и альбомов на столе. Почему он кажется таким знакомым? Снова вспомнилась тесная комната на Гросвен-стрит, полная волшебства, и тихий голос Амброзиуса: «Только одни существа могут легко перемещаться из одного мира в другой — фоморы. Они приходят по кромке прибоа, по краю тени, по гребню крутого холма...» Почему память упорно наводит меня на мысли о фоморах?

— Я совсем забросил свои исследования, сейчас не до них, — донесся голос Медоуза, вернув меня на твердую землю.

Может, и к лучшему, что забросил. По моим представлениям, борьба с постоянными болезнями, вызванными сыростью, голодом и тяжелыми условиями жизни, была более достойным занятием. А если учесть, что к странным обитателям наших болот добавился Хупер, то чем меньше кто-нибудь будет бродить по вересковым пустошам, тем лучше!

Вдруг я подумала, что Медоуз, постоянно разъезжающий по округе и пользующийся авторитетом даже у самых нахальных шахтеров, мог бы предупредить людей о новой опасности.

— Вы же часто бываете в рабочих поселках, — осторожно начала я. — Позавчера мы с миссис Трелони столкнулись в бухте Крэгги-коув с необычным явлением, которое сочли опасным. Не могли бы вы предупредить рыбаков, что если кто-то из них заметит густой плотный туман со странным свечением, то

в тот день не выходил бы в море?

— Плотный туман? — растерянно переспросил Медоуз. Я кивнула.

— Который сопровождается свечением?

Склонив голову, доктор внимательно смотрел на меня. Я запоздало пожалела о своей опрометчивости. Боюсь, если раньше Медоуз видел во мне пациентку, у которой всего лишь расшатаны нервы, то теперь у него зародились сомнения в моей нормальности.

— Миссис Трелони тоже его видела! — добавила я, чувствуя себя как человек, хватающийся за соломинку. — Оно словно преследовало нас! Вы не представляете, как оно действует на человека! Давит, внушает страх, лишает всяких сил, и сердце болит так, что хочется умереть!

На лице Медоуза отразилось скептическое сострадание к двум излишне впечатлительным дамам, испугавшимся прибой и клочка тумана.

Улыбнувшись, он заговорил со мной мягко, как с ребенком:

— Мисс Уэсли, вы недавно перенесли тяжелое потрясение. Ваш организм справляется с этим как может. Неудивительно, если какое-то время вас будут преследовать кошмары или странные видения. Может, вам стоит попросить горничную ночевать в вашей комнате? Лучше всего, конечно, было бы уехать из Уйтбора на некоторое время. Отвлечься, сменить обстановку...

— Что вы, я не могу! — воскликнула я. Разве можно бросить мистера Уэсли и наших людей в таком положении?!

Доктор печально кивнул и протянул мне маленький пузырек из темного стекла:

— Тогда принимайте по пять капель перед едой.

* * *

Повидать Эстрелью мне так и не удалось. Когда я добралась до Гимлетт-хауса, то нашла там только лакея, который почтительно сообщил, что хозяин отбыл по делам, а мисс Рамирес с тетушкой еще с утра уехали в Триверс. Я не слишком огорчилась. Девяносто процентов ищейской работы заключается в том, что ты колесишь по округе, пытая каждого встречного неудобными вопросами и втайне надеясь, что у преступника сдадут нервы, он не выдержит и как-то проявит себя.

Мне было чем заняться и помимо мисс Рамирес. Больше всего (даже больше, чем Хупер, болтавшийся где-то рядом!) меня беспокоило отсутствие дяди. Из Босвена по-прежнему не было вестей. Я решила, что утром поеду туда сама. Можно было отправиться прямо сейчас, но день уже клонился к вечеру, а предыдущий печальный опыт начисто отбил у меня охоту к ночным поездкам.

Этим вечером я собиралась найти себе занятие ближе к дому. Была еще одна группа свидетелей, к которой дознаватель отнесся с преступной халатностью — жители Кавертхола. Убийство произошло ранним утром, а значит, кто-нибудь мог что-то видеть. Вдруг кому-то из них не спалось, или азартный рыбак возвращался с ночной рыбалки, или молодой парень от девушки? Дознаватель же коршуном вцепился в Дуайта с его мнимой контрабандой, даже не пытаясь разработать другие версии.

Центром общественной жизни в Кавертхоле был паб, и если бы не крайние обстоятельства, я бы в жизни не решилась туда явиться. Деревенский кабак — специфическое место, там умеют отбрить как нигде. Благовоспитанная мисс

Анна Уэсли продержалась бы в нем не дольше двух минут — и свалилась в обморок, не дойдя до стойки. Поэтому я задвинула эту даму подальше и отправилась искать Джоэла, которого хотела взять с собой. Джоэл знал всех деревенских наперечет.

На мою удачу, в пабе собралось удивительно много народу. Стоило открыть дверь, как нам в уши ударил веселый гомон разгоряченных людей, а в нос — букет разнообразных запахов. Пахло дымом, выпивкой и мокрой шерстью от тех, кто спешил сюда издалека сквозь напитанный влагой вечер. При нашем появлении все стихло. Повисла изумленная тишина, наполненная недоуменными взглядами, тычками и перемигиваниями. Виданное ли дело, чтобы знатная леди притадилась в такое место!

Мы с Джоэлом сели за стол у стены, чтобы не маячить у всех на виду. Я заказала две кружки сидра и попросила еще миску каши с рыбой для мальчишки. Насколько помню, в его возрасте человек вечно голоден, так что лишний перекус ему не помешает.

Завсегдатаям пивнушки вскоре надоело таращиться, и на нас постепенно перестали обращать внимание. Только разговоры перешли на шепот, а взрывы смешков стали тише. Исподволь разглядывая собравшихся, я выделила одного старика — тощего, с острой бороденкой и крепкими узловатыми руками. Он любил пошутить, побалагурить и, похоже, был душой здешней компании. Я бровями показала на него Джоэлу, но мальчишка помотал головой:

— Не-а, он нам не поможет. Это Уильям Грин, шахтер. Его в то утро не было в деревне. А вон с тем парнем можно потолковать.

Джоэл кивнул в сторону угрюмого молодого человека, который сидел, обнявшись с кружкой, не замечая никого вокруг. Он казался похожим на бледную рыбу, застывшую в самом темном углу аквариума.

— Он тоже работает в шахте?

— Хам фри? Работал, но осенью перестал. Грудная болезнь, понимаете. Доктор Медоуз давно бьется над его кашлем, но пока что-то без толку. Так что Хам фри подрабатывает там-сям, а по утрам часто ходит на берег, поглядеть, не выбросило ли чего, — в голосе мальчишки послышались ревнивые нотки. Очевидно, молчун был его конкурентом в борьбе за морские богатства.

— Разве я не просила тебя пока не спускаться в бухту? — строго спросила я. — Это опасно!

— Конечно, мэм, — ответил негодный мальчишка с покладистостью человека, сознающего, что я все равно не смогу его контролировать.

Поддавшись на уговоры Джоэла, Хам фри согласился пересесть за наш стол, но на этом дело застопорилось. На любые вопросы у него был один ответ: «Не знаю, не видел, не помню». Не помог даже серебряный шиллинг, который я украдкой пододвинула ему под тарелку. Тем временем за соседними столами тоже заинтересовались нашей беседой. Шахтеры сгрудились плотнее, толкаясь тяжелыми плечами, а веселый старик, Уильям Грин, так и тянулся ухом в нашу сторону.

— Послушайте, Хам фри, — сказала я в отчаянии, уже не стараясь понизить голос, — я бы не стала настаивать, но в связи с этим делом могут обвинить не только Дуайта, но и мистера Уэсли, моего дядю!

К своему ужасу, я обнаружила, что глаза защипало от слез. Накопившаяся усталость и постоянная тревога последних дней сделали свое дело. Я слотну-

ла. Не дай бог разревётся у всех на глазах — тогда все пропало! Меня больше никто не будет принимать всерьёз!

— Незачем опять это ворошить, — пробасил кто-то у меня над ухом. Хам фри молчал. — Никому неохота, чтобы в Кавертхол прислали отряд драгун, приглядывать за порядком!

Уильям Грин оттеснил басовитого шахтера в сторонку:

— Мы не хотим неприятностей для лорда Робина, — примиряюще сказал он. — Ваш дядя — редкий человек. Такой человек, которого хочется видеть на другом конце веревки, брошенной утопающему.

Меня осенила догадка, почему все так легко согласились с обвинениями против Дуайта. Просто они не хотели, чтобы констебли нашли настоящий тайник с контрабандой, спрятанный где-то неподалеку! Очевидно, подозрения дознавателя насчет контрабанды были не беспочвенны... Не зря сколько народу собралось сегодня в пабе, причем даже не в ярмарочный день! Однозначно, где-то над округой пролился легкий дождик из серебра, и в карманах у людей забренчали монеты.

— Вы просто свалили вину на Дуайта и рады! — обвиняюще выпалила я в хитрое лицо старика.

— Дуайт — тертый калач и внакладе не останется, — твердо ответил Уильям Грин.

— У судейских на него ничего нет, так что им придется его отпустить. Ни в чем дурном он не замешан. А убийство мистера Хартмана — и вовсе не наших рук дело. Хам фри, расскажи этой леди, что ты видел тем утром.

Молчаливый Хам фри втянул голову в плечи, как улитка, которую присыпали солью. Лицо старого шахтера посуровело:

— Ты же видишь, что леди — не из тех судейских клопов в черных ночнушках, которых хлебом не корми, дай упрятать в тюрьму невинного человека! — (Вообще-то я была как раз «из тех», но старику этого знать необязательно). — Девушка беспокоится за мистера Уэсли. Рассказывай давай, что видел, иначе твоя тень больше никогда не упадет на порог моего дома!

Хам фри, окаменевший на табурете, испустил тяжелый вздох. Впечатление было такое, будто статуя зашевелилась:

— Я с рассветом вышел, как обычно. Хотел спуститься на берег. Был сильный туман. Когда шел мимо холма, то заметил, что возле дьявольского камня кто-то ходит.

— Где? В лабиринте? — встрепенулась я.

— Да. Он как раз из-за камня вышел. В тумане плохо видно.

— Так, может, это был мистер Хартман?

Вокруг нас сгустилась напряженная тишина — куда тишине той тишины, что встретила нас на пороге. Упади сейчас на пол булавка, она и то наделала бы много шума.

— Нет, мэм. Хартмана я тоже видел. Он торчал возле шахты, все разглядывал ее, как девицу на выданье. — Хам фри даже хихикнул, таким забавным показалось ему поведение джентльмена. — Я его по плащу узнал. Модный, небось. Такой плащ в наших краях носит только лорд Уэсли, но он, не в обиду будь сказано, росточком пониже будет.

— Значит, человека в лабиринте вы не узнали?

— Человека?! — молчун вытаращил на меня блеклые глаза. — Да туда ни

один человек не сунется ни за какие коврижки! Сид это был, вот кто. И как только я его увидел — мигом вернулся домой и заперся изнутри. Мне с «соседями» проблем не нужно! Они сами по себе, а мы — сами по себе. Будь мистер Хартман поумнее, он бы тоже сделал ноги.

Я подумала, что этими словами Хам фри исчерпывающе объяснил, как в Думаноне относятся к фейри. Но кто мог быть в лабиринте? Что он там делал? Проводил какой-то ритуал, который Хартман нечаянно нарушил? Если верить Амброзиусу, подданные королевы Мейвел не могли появляться в нашем мире вот так, за здорово живешь.

Правда, я знала одного фейри, на которого это правило не распространялось.

Что если в лабиринте был Эйнон? Вдруг это он вызвал Хупера, одноглазое чудовище, а потом свалил вину на Мейвел?! От таких мыслей у меня даже дыхание перехватило.

Тем временем люди, придавленные жуткой историей Хам фри, снова потихоньку оживали. Вокруг нас возобновились прежние разговоры. Уильям Грин, уходя, провел ручищей по моим волосам, будто ковшом погладил:

— Ты, дочка, не унывай. Лорд Робин вернется. Зря судейские в него вцепились — подавятся. Ступай себе домой и ни о чем не волнуйся.

Мы с Джоэлом посидели еще немного. Нас перестали стесняться, но в чужие беседы я по-прежнему не встревала. Первое правило «ищеек» гласило: «Чем больше говоришь, тем меньше слышишь». Заказав еще кружку сидра, я слушала, как вокруг обсуждали цены на скот, «четверговую» ярмарку в Триверсе... Какой-то рыбак, явившийся сюда аж из Сент-Айвиса, жаловался на жизнь:

— У нас в деревне ангина. Веселого мало.

Он закашлялся, поперхнувшись джином, и его приятели опасливо отодвинулись. Зря беспокоятся, думаю. Содержимое его кружки выглядело и пахло так, будто могло полыхнуть от случайной искры. Такое зелье убьет всю заразу на милю вокруг!

— Спасибо доктору Медоузу, дай ему Бог здоровья. Я-то в Кавертхоле был, тут судейские всех шерстили, только вечером вырвался. Возвращаюсь — жена без памяти, дочь в горячке. Ну, доктор приехал, посмотрел, порошки какие-то назначил. Полночи с ними сидел. Иначе бы швах...

Его утешали. Кто-то затянул песню. Переглянувшись, мы с Джоэлом решили, что пора и честь знать. Скрипучая тяжеленная дверь выплюнула нас наружу. Холодный воздух после тесной, прокопченной комнаты заставил поежиться, остудил разгоряченные щеки. На деревню упала ночь. Было темно, как в погребе — не видать ни луны, ни звезд. Ветер шумел в кронах деревьев, какие-то звуки царапали воздух. Я чуть не подпрыгнула, когда куст, растущий у дороги, вдруг зашевелился и кинулся к нам навстречу. Это оказался Белс, преданно ожидавший хозяина. Вот дурная собака, инфаркт из-за него схвачу!

Идти приходилось медленно, так как ночная тропа будто нарочно совала нам под ноги камни и рытвины. Я размышляла об Эйноне, о коварстве фейри, и мне было жарко от собственных мыслей. Дьявольщина! Стоит какому-то сиду вмешаться в расследование — и сразу начинается полная чехарда! В прошлый раз было то же самое. Я выругалась вполголоса. Джоэл шел молча, иногда пытаюсь утишить своего пса, который бурно радовался ночной прогулке.

Наконец, впереди показались освещенные окна Уайтбора. К моему удивлению, в гостиной горел свет. Обычно миссис Дэвис не разжигала там камин по вечерам, так как после ужина мы сразу расходились по своим спальням. Переступив порог, я мгновенно почувствовала изменившееся настроение замка. После отъезда хозяина Уайтбор напоминал болото, затянутое серой ряской, а теперь ее словно разметало горячей тревогой и оживлением. У меня заколотилось сердце. Неужели лорд Робин вернулся? Как я была бы рада!

В желтом проеме дверей показался высокий стройный силуэт. Слишком высокий и стройный, чтобы принадлежать моему дяде. Узнав Кеннета, я онемела от удивления. Что он здесь делает? Вид у него был озабоченный:

— Я только что приехал из Босвена, — сказал он, поздоровавшись. — Привез с собой мистера Уэсли. Энни... боюсь, он очень болен.

Это известие заставило меня разом забыть и об Эйноне, и о свидетелях, и вообще об убийстве. Спотыкаясь, я бросилась вверх по лестнице. От волнения в глазах все плыло. Что значит «очень болен»? Он вообще жив?! Лорд Робин согласился бы принять помощь от Кеннета Фонтероя, только стоя одной ногой в могиле. Или двумя.

Хотя я прожила в Уайтборе больше двух месяцев, мне еще не приходилось бывать в дядиных комнатах. Пламя камина освещало тяжелую мебель из резной сосны, на светлой стене в алькове черным штрихом выделялось узкое створчатое окно. На стеклянном столике рядом с кроватью стоял кувшин и лежали влажные полотенца. Миссис Дэвис и Элспет при моем появлении раступились, будто серые призраки.

В изможденном человеке, лежащем на кровати с закрытыми глазами, трудно было узнать прежнего мистера Уэсли — резкого, исполненного нервной энергии, с утонченно-язвительными манерами. В уголке за кроватью пригнулась ненужная трость. Почему-то ее вид меня особенно расстроил. Кто-то, подойдя сзади, погладил меня по плечу.

— Не волнуйтесь так, мисс, — прожурчал за спиной успокаивающий голос экономки. — Кажется, ему уже легче. Ему давно следовало вернуться. Как только мы с мистером Фонтероем перенесли его в замок, лорд Робин задышал ровнее и даже на одну минуту пришел в себя.

На секунду меня ослепила вспышка гнева от ее лицемерного сочувствия. Какие бы чувства ни испытывала миссис Дэвис к моему дяде, она тоже была одной из подданных Мейвел, одной из тех, кто причинял ему боль! И сейчас их с Элспет суетливая заботливость выглядела просто оскорбительно. Мне вдруг захотелось вытолкать обеих в шею, даже если сами они не виноваты в случившемся.

— Пошлите за доктором Медоузом, — выдавила я, проглотив ком в горле. — Я провожу лорда Кеннета и вернусь.

Пошатываясь, я прошла по темному коридору, гулко отсчитывающему мои шаги, и спустилась в гостиную. На лестнице пришлось крепко держаться за перила, так как от усталости ступеньки убегали у меня из-под ног. Слишком много всего произошло в этот день. Стало немного легче, когда я увидела в комнате Фонтероя. Его присутствие успокаивало и придавало бодрости. Пока я была наверху, он подбросил в камин еще дров, чтобы я могла согреться после холодной улицы, и теперь ходил по комнате взад-вперед. В его порывистых движениях угадывалась тревога, хотя он старался не показывать виду:

— Я хотел сразу отвезти его к врачу, — принялся рассказывать Фонтерой, — но мистер Уэсли разволновался и всю дорогу бормотал, что он должен как можно скорее вернуться. Мне показалось, что он бредит, но я не решился настаивать. В конце концов, доктора можно пригласить и сюда. Надеюсь, я правильно поступил.

— Не сомневайтесь, — успокоила я его. — Кажется, воздух в нашем замке настолько целебен, что излечивает некоторые хвори лучше докторов. Но за Медоузом мы все равно послали на всякий случай.

Помолчав немного, я добавила, так как меня терзала совесть:

— Надо было мне все-таки поехать с ним! Не представляю, что он мог сделать для Дуайта, когда сам так плохо себя чувствовал!

Кеннет усмехнулся краешком рта:

— Вообще-то мистер Уэсли много чего успел натворить... По правде говоря, только внезапный приступ болезни спас его от ареста. Когда я приехал, его как раз собирались арестовать за неуважение к суду.

Я застонала, спрятав лицо в ладонях. Мне следовало это предвидеть! Разговаривать с судьями — дело непростое, к ним нужно найти подход. Если хочешь добиться снисхождения, придется покорно выслушать их разглагольствования об уважении к закону, кивать и соглашаться, быть может, даже польстить при случае! Как оказалось, мой дядя не обладал запасом терпения, нужным для столь деликатного дела. Еще неизвестно, чем его участие обернулось для Дуайта! Хорошо, что Кеннет вовремя вмешался!

— Спасибо вам, — сказала я искренне, и мне показалось, что он слегка смутился. — Но как так вышло, что вы тоже оказались в Босвене?

Ради чего, интересно, он предпринял такую долгую и утомительную поездку?

— Просто хотел узнать, как движется дело, — пожал плечами лорд Фонтерой. — Аргументы против Дуайта меня не впечатлили. По нему не скажешь, что он мог бы одолеть в драке мистера Хартмана — молодого и полного сил. Конечно, чтобы оглушить кого-то камнем, нужна не столько сила, сколько сноровка. В принципе, даже женщина справилась бы...

Перехватив мой возмущенный взгляд, он поправился:

— Извини, я не имел в виду тебя. Хотя, — в его глазах мелькнула смешинка, — если бы дознаватель видел тебя на Кози-плейс, когда ты швырялась туфлями, ты была бы первой в списке подозреваемых!

Да уж, я прекрасно помнила тот день. Прием в доме сацилийского посла и мой первый выход в свет. Я пылала энтузиазмом, пытаюсь восстановить свою репутацию «ищейки», и была безумно зла на Кеннета, всячески мешавшего расследованию. Воспоминания невольно заставили меня улыбнуться:

— Спорим, что месье де Шарбон плясал от радости, избавившись от той статуэтки! Уайтвуд говорил, что он терпеть ее не мог!

— Я всегда считал тебя прирожденным дипломатом, — кивнул Фонтерой с самым серьезным видом. — Одним метким броском ты ухитрилась завоевать расположение сацилийского посла и приобрести надежного союзника, я имею в виду Уайтвуда.

Я вздохнула:

— Как бы он не пожалел потом, что стал моим союзником! Особенно в тот безумный вечер, когда ростовщик запер нас в комнате над трактиром. Если

бы не ты...

— Ну, это была моя ошибка. Надо учесть на будущее, что тебя нельзя оставлять одну в разгар расследования. В своем стремлении найти преступника ты так летишь, что не замечаешь никаких опасностей. Готов поспорить, ты и сейчас не теряла времени даром?

Мне пришлось приложить усилие, чтобы собрать ускользающие мысли и вспомнить, чем я занималась в последнее время:

— О, я просто расспрашивала всех о том дне, когда произошло убийство. Ходила и расспрашивала... Да, еще навестила паб в Кавертхале.

Судя по лицу, Кеннет с трудом воздержался от комментариев.

— Мы ходили туда с Джоэлом, — поспешно добавила я, так как не собиралась разыгрывать карту ревности. Из шушуканья светских леди в Эшентауне я вынесла для себя урок, что мужчин иногда полезно держать в состоянии неуверенности. Однако с Кеннетом мне не хотелось играть в такие игры.

— Если бы ты подождала один день, я мог бы проводить тебя туда вместо мальчика, — сказал он с оттенком досады в голосе. — Смею надеяться, я все-таки более надежный провожатый!

— Тебе они ничего бы не сказали. — Я отрицательно помотала головой и схватилась за стол, так как потолок отчего-то закачался вместе со мной. — Понимаешь, здесь очень недоверчиво относятся к чужакам. Если бы я пришла с тобой, все тут же захлопнулись бы, как устрицы, и заявили, что ничего не знают.

Хотя дракон мог бы их впечатлить. Помнишь, как тогда, в Кречи? Боже, какое лицо было у Денниса! — У меня вырвался глупый смешок. — Держу пари, он до сих пор икает от страха!

Фонтерой, однако, не засмеялся. Он отошел к камину, и на его лицо легла тень, отчего я тут же умолкла, сообразив, какую бестактность только что сморозила. Дьявольщина, нашла время вспоминать о драконе! Как будто Кеннету и так от него мало досталось! Это все паб виноват и последняя кружка портвейна, выпитая «на ход ноги», которую мне подсунул сердечный хозяин!

— Ох, прости, пожалуйста... — с раскаянием начала я, вскочив и взяв его за руку, но Кеннет уже справился с собой.

— Ничего страшного, ну что ты.

Никто из нас больше не решился произнести слово «дракон», будто это могло призвать чудовище сюда, под каменные своды старинной залы. Со времени нашей встречи в Кардинхэмском лесу мы впервые были так близко друг к другу. Фонтерой осторожно сжал мои пальцы, и у меня закружилась голова от ощущения, что мы чувствуем и дышим в унисон. Я заметила, что между его бровей залегла озабоченная складка.

— Просто у тебя был долгий день, и ты устала, — мягко сказал он, глядя мне в глаза. — Энни. Скажи мне, скольких Кеннетов ты видишь перед собой?

Я растерялась. Комната покачивалась вокруг нас, словно каюта исполинского корабля, переживающего бурю.

— Ну... одного. И у него очень суровый вид.

Он тут же улыбнулся, опровергая мои слова:

— Послушай, я знаю, что ты не боишься ни пьяниц, ни темноты у себя за спиной, но все-таки обещай, что больше не будешь выходить по ночам в сопровождении одного лишь мальчишки! Учитывая, что где-то рядом бродит

убийца, это верх безрассудства!

— Вообще-то я боюсь темноты, — пробормотала я, стараясь не слишком сильно опираться на его плечо. Кажется, мои ноги превратились в кисель. — Как жаль, что ты не можешь остаться на ночь.

В глубине души я была в ужасе от того, что болтал мой язык, но, черт возьми, почему люди всегда так трусят, когда нужно сказать что-то настоящее? Я прекрасно видела, что Кеннету тоже хочется остаться.

— Действительно не могу, — прошептал он. — Однако я положительно настаиваю, что тоже хочу принять участие в расследовании. Предлагаю завтра составить план. Сличим показания свидетелей и посмотрим, что можно сделать. А сейчас давай-ка позовем миссис Дэвис...

Я резко выпрямилась:

— О нет, только не ее! Я не вынесу неодобрения на ее постной физиономии. Лучше позови кого-нибудь из Элспет. Их тут много.

Кеннет посмотрел на меня странным взглядом. Но ничего не сказал.

* * *

Когда я добралась наконец до своей комнаты (благодаря доброте Элспет и ее твердой руке, не позволившей мне заснуть на ходу), то не стала ложиться, а сунула голову в таз с ледяной водой. Потом причесалась, передела платье и с тоской посмотрела на кровать.

Больше всего хотелось упасть и уснуть, но сначала нужно убедиться, что дяде не стало хуже. Я еще раз умылась, молясь, чтобы он не заметил моего состояния. Хватит и того, что я так опозорилась перед Кеннетом! Чего я только ему не наговорила!

Ладно, перед лордом Фонтероем будем извиняться завтра. Напротив кровати полутемным омутом мерцало большое зеркало. Критически оглядев себя, я осталась довольна. Лицо бледное, как у утопленницы, но теперь по моему виду нельзя было сказать, что я провела вечер в деревенской пивнушке. Узнав об этом, мистер Уэсли наверняка бы приподнял бровь, как он умеет, и изрек очередную колкость, от которой я провалилась бы сквозь все этажи до винного погреба, где мне сейчас самое место.

Когда я набралась решимости выйти из комнаты, вдруг раздался осторожный стук. За дверью стояла миссис Дэвис со свечой в руке:

— Меня послал лорд Робин, мисс, — сказала она извиняющимся голосом. — Я сказала, что вы наверняка легли... что лучше разбудить Элспет и Нэнси, но он...

Она бормотала всю дорогу, едва поспевая за моими шагами. На полпути я решительно посоветовала пожилой даме отправляться к себе:

— Вы все сделали как нужно, миссис Дэвис. Доброй ночи.

Я подождала, когда огонек ее свечи скроется за поворотом, и двинулась дальше. Дверь в дядину спальню была приоткрыта. Из алькова доносилось ровное дыхание — мистер Уэсли, вероятно, спал. Сейчас у меня было больше времени, чтобы осмотреться.

Это была самая обычная комната: с удобным столом для письма, рисунками на стенах, большинство из которых изображали необычные фантастические пейзажи.

Вся обстановка говорила о том, что человек, живущий здесь, вполне довольствуется своим обществом. На столе лежала стопка книг, чьи потертые

углы свидетельствовали о том, что их часто перечитывали. «Путешествие на летающий остров», «Мореплаватели Грейвилли», «О духе законов», «История кавалера де Гамбо»... Их названия без лишних слов говорили, насколько Уэсли мечтал вырваться из Уайтбора, из паутиной, обволакивающей атмосферы Думанона. Я снова почувствовала ком в горле и мысленно прокляла Мейвел с ее мстительностью, мелочностью и гибельной красотой!

— Анна?

Оказалось, что дядя уже не спал и смотрел на меня.

— Хорошо, что это вы, а не миссис Дэвис. Признаться, ее бесшумные манеры и пристальный немигающий взгляд меня сегодня пугают.

Его лицо, освещенное сбоку одной свечой, казалось странно помолодевшим, несмотря на складки, пролеглишие возле губ. Потемневшие глаза горячечно блестели. Я поискала на столике микстуру от лихорадки, потом села в кресло рядом с кроватью.

— Знаете, иногда мне казалось, что вы сами создали ее из осенней докучливой мороси, добросовестности и вечерней скуки.

Робин Уэсли улыбнулся:

— Миссис Дэвис появилась у меня на пороге с одним чемоданчиком и такими безупречными рекомендательными письмами, что я сразу заподозрил подделку. Но у меня не было выхода. Предыдущая экономка сбежала с воплями, что наш замок населен призраками. А та, что была до нее, попросила расчет, когда шкаф в бельевой отказался выдавать ей скатерти. У нее, видите ли, была странная привычка перекладывать сложенное белье цветами красной вербены[27]. Придя ко мне за расчетом, бедная женщина дрожала от обиды и возмущения. По ее словам, она привыкла терпеть критику от хозяев, но не может вынести того же от хозяйской мебели.

Я рассмеялась и смущенно умолкла, вспомнив, что нахожусь у постели больного. Впрочем, лорд Робин улыбался вместе со мной:

— Значит, вы считали меня волшебником?

— Если честно — да, — призналась я. — Но согласитесь, вы сами усиленно помогали создать о себе такое впечатление!

— И это при том, что я почти двадцать лет пытаюсь отгородиться от волшебства! Вы же видели пылающую комнату? Не отнекивайтесь, я знаю, что вы там были.

Видели там ключи? Они были нужны для того, чтобы не потерять себя на Той Стороне, где мне изредка приходилось бывать. — Уэсли запнулся, но потом продолжал: — Я мастерил их из проволоки и перьев, из детских воспоминаний, из локона одной леди, с которой когда-то был знаком, и из обломка шпаги некоего джентльмена, пытавшегося отправить меня на тот свет. Я привязывал себя к нашему миру, как мог.

Он закашлялся, и я протянула ему стакан воды.

— Сначала я делал их для себя и Эдварда. Потом только для себя.

«Значит, он пытался вернуть моего отца. Но потерпел неудачу...»

— Я сделал особый ключ и для вас — из чистого хрусталя, так как я впервые вижу человека, в котором стремление к истине проявляется так ярко.

От этого неожиданного проявления доброты со стороны мистера Уэсли я едва не расплакалась.

— Ведь Та Сторона влечет вас... — заметил он, пристально глядя мне в ли-

цо. Я с раскаянием кивнула.

— Я просто хотела увидеть родителей. Мне так жаль, что из-за моей опрометчивости на вас легло это заклятье!

Он пожал плечами, как будто это было что-то несущественное.

— Не о чем жалеть. Можно сказать, что Мейвел меня освободила. С вашей помощью.

Освободила?! Я даже не знала, что на это ответить.

— По-вашему, заключить человека в замок значит освободить его?! Простите, но это какой-то слишком сложный парадокс для меня.

— Я все силы бросил на то, чтобы избавить Уайтбор от власти фейри, а потом уехать. И почти добился этого! Кроме этой цели, я больше ничего не видел. Лишь недавно осознал, что у меня появились и другие желания, кроме неограниченной свободы.

Наверное, дядя заметил искреннее недоумение на моем лице, так как попробовал зайти с другой стороны:

— Невозможно искренне захотеть того, о чем ты понятия не имеешь. Я впервые понял, что такое привязанность, когда ваш лорд Кеннет сломя голову примчался в Уайтбор. Он как чувствовал, что с вами приключилась беда. Тогда я осознал, что испытываю те же чувства по отношению к Мейвел. Она в опасности. Ей нужна помощь.

— То есть, вы за нее еще и переживаете?!

«У него точно начался бред. А доктор Медоуз появится только завтра! Что же мне делать?!»

— Однажды она сказала: «Мир между людьми для нас пища и питье, а злоба и ненависть — яд». Хотим мы того или нет, наш мир связан с Той Стороной невидимыми нитями. Все зло, что творится здесь — отражается там, и наоборот. Теперь понимаете, почему Мейвел так рвется сюда? Только представьте, что ваша земля постепенно обращается в пепел, а корни этого зла лежат за границей, куда вы никак не можете дотянуться!

Я открыла рот, чтобы возразить, но потом вспомнила рассказ Кеннета в Кардинхэмском лесу... и промолчала.

Массовые убийства и жестокость, творившиеся на Континенте, могли отравить наш мир на много лет вперед, и если щупальца этой отравы дотянулись до Той Стороны, то беспокойство Мейвел можно понять. Но все равно это не дает права ее подданным ломиться к нам через Лабиринт и творить в нем невесть что!

Застонав, я стиснула виски пальцами. Какая-то мысль, занозой застряв в голове, не давала мне покоя. Что-то из услышанного в Кавертхоле меня настрожило, вспомнить бы еще, что именно!

— Уже поздно, вам лучше пойти прилечь, — посоветовал Уэсли. — Не волнуйтесь, с этим арсеналом микстур, которые оставила миссис Дэвис, я как-нибудь протяну до утра.

Если он шутит, то это хороший признак. Он действительно выглядел гораздо бодрее, чем час назад. А вот я, если останусь в этом кресле еще ненадолго, непременно усну. Оглянувшись на пороге, я увидела, что дядя улыбается мне вслед. Никогда еще он не был так добр со мной.

Впервые за последние несколько дней у меня было более-менее спокойно на душе. Добравшись наконец до постели, я сразу заснула, как в черную дыру

провалилась. Без памяти, без сновидений. Пузырек со снадобьем, которое дал мне доктор Медоуз, так и остался нетронутым стоять на комодке. Я про него просто забыла.

Глава 20

Всякий, кому случалось перебраться с портвейном, может представить себе мое пробуждение. Оно было не очень приятным. Я спустилась вниз, морщась от боли в голове и мечтая о чашке чая, такого крепкого, чтобы у мертвого язычника пятаки с глаз по отлетали.

Из-за своего нездоровья я не сразу заметила необычное состояние замка. В столовой сгустилась тишина. Казалось, замок застыл, как человек, оглушенный страшной новостью и пытающийся примириться с новым порядком вещей.

«Что-то случилось с дядей Робинем, пока я спала».

Завтрак моментально перестал меня интересовать. Одним духом я пролетела через холл, взлетела по лестнице и миновала коридор. Распахнула дверь в дядину спальню... и мне прямо с порога все стало ясно.

Мебель осталась на месте, но комната выглядела нежилой, как покинутая раковина. Отголоски вчерашней суеты еще витали в углах, однако с утренними лучами сюда уже прокралась тоскливая пустота. Постель была аккуратно заправлена. Книги, лежавшие на столе, исчезли. Бумаги, обычно ворохом громоздившиеся в середине, теперь были аккуратно разложены в стопки. Исчезло также дядино пальто, сохнувшее у камина, и его любимая трость, которая вчера произвела на меня такое тягостное впечатление.

Все еще на что-то надеясь, я обежала все комнаты жилого этажа и парадные гостиные. Никого. Миссис Дэвис тоже исчезла. В полной растерянности я стояла на лестничной площадке над холлом и вдруг заметила полоску тени, перечеркнувшую половицы. В спину повеяло теплом. Еще даже не обернувшись, я уже заранее знала, что увижу. Проход в «пылающую комнату» снова была открыт. Может, там я найду ответы?

Внутри почти ничего не изменилось. Так же горела огнем стена, отражавшая свет витражей. Так же сочилась ледяными потеками противоположная стена. Только теперь она была пуста. Все ключи исчезли. В центре висел единственный ключ — из прозрачного хрусталя. Подойдя ближе, я сняла его, и он блестящей колючей льдинкой лег мне в ладонь.

* * *

Неизвестно, сколько времени я просидела над остывшим завтраком, уставившись в одну точку. Трудно было поверить, чтобы дядя покинул меня, причем именно сейчас, когда я так отчаянно в нем нуждалась!

Очень хотелось обвинить в этом Мейвел и ее подданных. Наверняка это все она! Она прослышала, что мистер Уэсли вернулся в Уайтбор, и послала сюда своих слуг, чтобы схватить его! Я могла обманывать себя сколько угодно, но эта теория не выдерживала никакой критики. Вряд ли похитители были так любезны, что позволили дяде тщательно отобрать любимые книги, одежду, удобную для путешествия, и дорожный несессер. Я представила себе бесстрастных сидов, занимающихся сортировкой наших бумаг за столом, пока дядя Робин рылся в шкафу в поисках любимого теплого жилета. Мой смех прозвучал, как горькое эхо, в опустелой тишине столовой.

Как это ни больно, но приходится признать, что дядя ушел на Ту Сторону по доброй воле. Правда, оставалась тоненькая ниточка надежды, что у него внезапно нашлись срочные дела в округе, и он куда-то уехал. Нужно было проверить лошадей. Я заставила себя подняться со стула и отправилась в конюшню.

Я настолько привыкла к чувству опустошенности, воцарившемуся в замке, что, услышав размеренный шорох в конюшне, не поверила своим ушам. Там кто-то был! С радостным возгласом я толкнула дверь и вошла.

Оказалось, что это Джонс, дядин конюх, убирал грязную подстилку из денника, складывая ее в тележку. Угрюмый, заросший черной бородой до бровей, он зыркнул на меня и пробормотал что-то такое, что можно было принять и за приветствие, и за ругательство. Я отметила, что все лошади были на месте.

— Вы не видели сегодня мистера Уэсли? — задыхаясь, выпалила я.

Конюх не ответил. Отложив вилы, он взял метлу и принялся яростно скрести пол в деннике, поднимая клубы пыли. Сквозь шурх-шурх донеслось что-то вроде «пусть только вернется, стервец, он у меня получит».

— Что вы сказали? — изумилась я. Джонс, конечно, был со странностями, но до сих пор не позволял себе таких грубостей. Может, он пьян?

Зыркнув на меня еще раз, он с размаху ткнул метлой в угол. Будто она была копьем, которым он собирался пронзить злейшего врага.

— Хорошего же помощничка вы наняли, говорю! Теперь вот вкалываю еще и за него!

— А-а, так вы говорили о Джоэле? — сообразила я наконец.

— Паршивый мальчишка! Он должен был вычистить денники, но вместо этого куда-то исчез! Конечно, куда интереснее собирать всякий хлам на берегу, чем ковыряться в навозе!

Это была самая длинная речь, которую я когда-либо слышала от нашего конюха. Зато она кое-что прояснила.

— А мистера Уэсли вы не видели?

Джонс, не ответив, снова взял вилы и принялся разбрасывать солому. Я еще раз оглядела лошадей и медленно вышла наружу. Куда бы ни собрался мистер Уэсли, вряд ли он отправился бы туда пешком. А теперь еще и Джоэл исчез! Как это понимать? Это тоже имеет отношение к Мейвел? Или он действительно отправится на берег, несмотря на мой строжайший запрет?!

Я попросила оседлать Ласточку и направилась в Кавертхол. Попробую узнать что-нибудь у людей. Если окажется, что Джоэл там не появлялся, проедусь дальше, до бухты. Вдруг мальчишка упал со скалы?

На пустоши, залитой теплым светом, паслись несколько коз. Деревенские хижинки безмятежно грелись в солнечных лучах, сгрудившись во впадине между холмами. Первым делом я разыскала мистера Пенвена, местного старосту. При виде меня благодушная скука на его лице сменилась выражением осторожной самозащиты. Он не разделял моего беспокойства:

— Джоэлу и раньше случалось исчезать, мэм, — сказал он, пожав плечами. — Не парень, а чума каирская! Неделю-другую продержится на работе, а потом снова принимается бродяжничать!

Старосте явно не хотелось отрывать людей от дел, чтобы прочесывать побережье в поисках какого-то приبلудного мальчишки. Он изящно перевел разговор:

— Я слышал, что мистер Уэсли вчера вернулся. Как его дела?

От наших соседей ничего не утаишь! Новости распространялись здесь так быстро, будто их разносило ветром.

— А еще нынче в округе объявились судейские чиновники из Босвена, — добавил мистер Пенвен, и впервые в его голосе прорезалось беспокойство.

Это известие встревожило и меня. Наверняка судейские прихвостни явились по дядину душу! Что они подумают, узнав о его исчезновении? Не решат ли, что он ударился в бега? Тогда они точно будут считать его сообщником Дуайта, решив, что он пытался вызволить своего поделельника, потерпел неудачу и скрылся!

«Ну, дядюшка! Надо же было так „удачно“ подгадать момент!»

Я постаралась изобразить вежливое безразличие:

— Мистер Уэсли еще не совсем здоров, и поездка очень его утомила. Не знаю, примет ли он их.

На мое счастье, появившийся на улице экипаж избавил меня от необходимости громоздить одну ложь на другую. Я с готовностью обернулась — и моя улыбка увяла, когда я узнала потрепанную коляску мистера Медоуза. Доктор, правивший лошадь, приподнял шляпу:

— Мое почтение, мисс Уэсли! Как себя чувствует наш больной? Я как раз еду к вам с визитом.

Дьявольщина! И ведь я сама настояла, чтобы миссис Дэвис послала за доктором, а теперь это оказалось так некстати!

Чарли Медоуз насторожился, увидев наши встревоженные лица.

— Все хорошо? Надеюсь, в Кавертхале больше ничего не случилось?

Я вздохнула:

— Пропал Джоэл, мой конюх. Я хотела осмотреть побережье, чтобы проверить, не лежит ли он раненый где-то на берегу.

— Боже мой! — воскликнул Медоуз. — Я могу предложить свою помощь? Если хотите, мой экипаж к вашим услугам.

«Да-да-да! Все что угодно, лишь бы отвлечь его внимание от Уайтбора и от мистера Уэсли!»

— Буду вам очень признательна! — искренне сказала я. Староста тоже выглядел довольным, что проблема решилась без его участия.

Доктор протянул мне руку, помогая забраться в коляску, и мы покатали. Меня переполняла благодарность. Все-таки мистер Медоуз — удивительно отзывчивый человек!

Мы выехали на холмистый простор, поросший дроком и армерией. Кавертхол остался позади, теперь вокруг нас не было никакого человеческого жилья: ни деревеньки, ни фермы, ни даже рыбацкой хижины. Дорога вилась вдоль утесов. Справа хмуро поблескивало дымчато-серое море, по которому бежали белые барашки. Было слышно, как где-то внизу разбиваются волны. В небе ветер прибивал друг к другу тяжелые облака.

Почему-то окружающее нас безлюдье меня угнетало. Внезапно я ощутила, что Джоэла здесь нет и не было. Куда бы он ни подался, он не нарушал мою просьбу и не спускался на берег.

Кусты дрока покачивались под ветром. На них появились желтые почки — первые признаки пробуждения жизни.

— Скоро все зацветет, — сказал мистер Медоуз, в котором, очевидно,

проснулся ботаник.

Он крепко сжимал поводья, и вместе с тем алчно поглядывал на придорожные кусты, будто втайне мечтая бросить все и снова заняться гербариями. Все мои мысли занимало исчезновение дяди и Джоэла, поэтому я не сразу заметила необычное настроение моего спутника. Доктор был явно чем-то возбужден. В его манерах появилась несвойственная ему нервозность. Когда я смотрела на дорогу, он быстро вскидывал на меня глаза и тут же отворачивался.

— Спасибо, что потратили на меня столько времени, — поблагодарила я еще раз.

Мистер Медоуз нервно дернул щекой:

— Да неважно. Проедемся еще немного. Значит, вы говорите, что к утру вашему дяде стало лучше? Это радует. Сейчас нужно опасаться ангины. В Сент-Айвисе...

Его голос превратился в неразборчивое бормотание, слившись с шумом волн, так как в этот момент меня ослепила догадка. Цветок скалларии в гербарии Кэролайн... Рассказ доктора о том, как он провел ночь накануне убийства... Слова рыбака из Сент-Айвиса, подслушанные в пабе: «...я-то в Кавертхолье был, как назло... допросы, дознание... доктор только вечером приехал... полночи с ними просидел...» Доктор Медоуз приехал в Сент-Айвис уже после убийства!

— Мисс Уэсли? Вам плохо?

Оказалось, что я некоторое время сидела неподвижно, уставившись в лицо своему собеседнику. Чарльз Медоуз подавился нервным смешком, облизнув губы. В его глазах снова промелькнуло это странное, загнанное выражение.

Я почувствовала, как паника ледяной волной поднимается по спине, стискивает сердце, так, что становится трудно дышать. Хуже всего, что на мили вокруг не было ни души! Мы были одни в этом диком и безлюдном месте, в двух шагах от опасных скал. Я — и убийца.

Глава 21

Кажется, Чарльз Медоуз догадался о моих подозрениях. Он нахмурился, и я заметила, что его плечи слегка напряглись. Я невольно отодвинулась подалее на сиденье:

— Вы были в Сент-Айвесе вечером в день убийства... — Наконец-то отдельные факты, догадки и подозрения сложились в моей голове в цельную картину. — Тогда как утром вы отправились в Кавертхол за своими драгоценными скаллариями, потому что они могли исчезнуть в любой момент...

«Сейчас не рассуждать нужно, а бежать! — промелькнуло в мозгу. — Иначе только что раскрытая тайна умрет вместе со мной! А мистер Медоуз потом пустит лицемерную слезу на моей могиле: мол, такая жалость, такой прискорбный случай, мисс Анна в поисках мальчика неосторожно подошла к краю скалы, и пласты песчаника обрушились под ней». Я сделала движение, чтобы выскочить из коляски, но доктор успел схватить меня за локоть.

— Пустите меня!

— Стойте! Я хотел объяснить! Я специально поехал, чтобы поговорить с вами!

— Вы нарочно заманили меня сюда!

Я попыталась ударить его ногой, но запуталась в юбках и упала обратно на сиденье. Медоуз навис надо мной, сжав мне руки так сильно, что я не могла вырваться. Он запыхался от борьбы и пытался сдуть растрепанную прядь, падавшую ему на лоб.

— А лекарство? — выплюнула я ему в лицо. По мере того, как в памяти всплывали все новые подробности, моя злость становилась все сильнее. Негодяй, подлец, столько времени водить меня за нос! — Чем вы собирались меня опоить?

— С ума сошли? — искренне возмутился Медоуз. — Это было просто сновидение!

— Да что вы? Чтобы уснуть вечным сном?

— По-вашему, я такое чудовище?

Словно в ответ на этот вопрос, из кустов послышалось чье-то рычание. Или мне показалось? Настойчивый, размеренный ропот моря заглушал все прочие звуки, да еще Медоуз тяжело сопел над ухом. Внезапно лошадь, про которую мы оба забыли, настороженно вскинула голову. В боярышнике, растущем возле дороги, что-то зашуршало, будто там завозился дикий зверь, привлеченный нашими голосами. Очевидно, пустошь была не так необитаема, как казалось на первый взгляд.

Мистер Медоуз открыл было рот, собираясь что-то сказать, но не успел. Снова послышалось рычание, теперь уже ближе и отчетливей. Захрустели ветки, посыпались камешки, и вдруг на дорогу выметнулась размытая темная тень, размером крупнее волка. Рассмотреть ее я не успела. Испуганно заржав, наша лошадь рванула с места в карьер. Коляска мотнулась в сторону, едва не опрокинувшись. Все произошло так быстро, что глазом не успеешь моргнуть! Я ударилась затылком о перегородку. Доктор, выругавшись, изогнулся, пытаясь ухватить поводья.

Дорога здесь проходила так близко к обрыву, что камни, отлетавшие из-под колес, с шорохом падали вниз. На повороте коляска снова накренилась, впе-

чатавшись деревянным бортом мне в ребро. Перед глазами мелькнуло небо, блеснувшее внизу море и острые края скал. Я закричала. Медоуз на миг обернулся, и меня поразила его пустой, безнадежный взгляд, в котором сквозило безумие.

«Он хотел бы, чтобы мы разбились!» — поняла я, оцепенев от страха. Когда доктор протянул ко мне руку, я зажмурилась. Сейчас он столкнет меня — и я полечу, кувыряясь, прямо в пропасть, ломая кости! Вместо этого он придержал меня за плечо и втащил обратно. Я слышала его голос, негромкий и уверенный, когда он пытался успокоить коня. Каким-то чудом ему удалось отвернуть экипаж с дороги, направив его в гущу разлапистого кустарника. По бортам коляски захлестали ветки.

Лошадь остановилась только после того, как почти что уткнулась мордой в сплетение стволов. Соскочив с подножки, доктор быстро пробрался под ветками к взмыленной дрожавшей лошади, глядя ее по морде, успокаивая, отвлекая. Неведомая тварь, чуть не вызвавшая катастрофу, исчезла так же внезапно, как появилась. Непонятно, кто это был. Босвенское чудовище? Почему тогда так легко отстало? Вцепившись обеими руками в сиденье, я пыталась заново привыкнуть к ощущению, что жива. Даже воздух теперь казался другим! От насыщенных запахов соли, травы и нагретых влажных камней кружилась голова. Я спрятала лицо в ладони, так как меня все еще немного мутило от страха, и не могла надышаться. Господи, ведь минуту назад я была уверена, что погибну!

Коляска слегка качнулась, когда Чарльз Медоуз забрался обратно. Мне хотелось взглянуть на него, но я не решалась. Он легко мог позволить экипажу разбиться. Мог бы выбросить меня на повороте — и никто бы ничего не узнал.

— Как это глупо, что один миг, один бездумный поступок может перечеркнуть всю жизнь! — вдруг со вздохом сказал Медоуз. — Вы угадали, тем утром я действительно был в лабиринте. Я как раз упаковал отобранные экземпляры скалларий, когда из тумана появился этот Хартман. Выскочил, как черт из табакерки. И при этом сиял, будто новенький пенни, — добавил доктор с сарказмом.

«У Джереми Хартмана была такая особенность: чем сильнее он был уязвлен, тем больше силился показать, что у него все в ажуре», — подумала я.

— Он похвастал своими успехами на балу, и у него даже хватило наглости намекнуть, что мисс Кэролайн оказала ему особую благосклонность... простите, не хочу оскорблять ваш слух этими грязными сплетнями. Сам не знаю, что тогда на меня нашло. Видно, сознание помутилось. Помню, что схватился за камень, а потом... Когда в глазах у меня просветлело, Хартман был мертв, а Лабиринт, наоборот, будто ожил.

Я слышал чей-то шепот. Видел, как менгир впитывал кровь, словно губка. Мне стало так жутко, что я бежал оттуда сломя голову. Заперся дома, достал бутылку портвейна и вскоре почти смог убедить себя, что мне просто привиделся дурной сон. Я упал на кровать и заснул. Через два часа меня вызвали в Кавертхол, чтобы освидетельствовать тело.

Некоторое время мы сидели молча. В ропоте волн, доносившемся из-под обрыва, теперь слышалось что-то угрожающее. История, рассказанная доктором, омрачила этот тихий день, добавив к сонной безмятежности окружающей нас природы нотку смутной тревоги.

— Клянусь, с того дня не было ни минуты, чтобы я не пожалел о содеянном! — с горечью воскликнул Медоуз. — Иногда мне кажется, что тот человек в лабиринте был не мной, а каким-то моим зловещим двойником! Простите, вы, наверное, думаете, что я не в себе...

Как ни странно, я его понимала. Мистеру Медоузу была совершенно не свойственна такая первобытная жестокость. Вызвать Хартмана на дуэль — еще куда ни шло, но это... Тут я вспомнила об Эйноне, и у меня забрезжила новая догадка.

— ...Я не знал, как подойти к констеблю, чтобы признаться в содеянном, а когда собрался с силами, то оказалось, что опоздал. Они уже арестовали какого-то контрабандиста. К своему стыду, в тот момент я почувствовал облегчение. Думал, мне повезло, что какой-то убийца взял на себя мою вину. Для него одним грехом больше, одним меньше — какая разница? А я смог бы жить дальше, чтобы всей дальнейшей жизнью искупить тот поступок...

— Дуайт не убийца! — запальчиво возразила я.

— Теперь уже не важно. Вчера прошел слух, что в преступлении обвиняют лорда Уэсли. Этого я не мог допустить! Я хотел сегодня же рассказать ему, как было дело, а потом поехать в Босвен и сдаться. Моя честь требовала этого.

«Что это за честь, которая распространяется только на людей своего круга?!» — подумала я, кусая губы, чтобы удержаться от едких комментариев.

Получается, в кои-то веки длинные языки соседей сослужили нам добрую службу! Вероятно, кто-нибудь подхватил мои слова, сказанные сгоряча в пабе, и потрудился донести их до ушей мистера Медоуза, отчего у доктора наступило моральное прозрение. Очень вовремя, кстати. Иначе неизвестно, чем эта история обернулась бы для мистера Уэсли.

— Судейские чиновники как раз собирались в Кавертхол, — сказала я деревянным голосом. — Если вы действительно хотели признаться, более удобного случая не найти.

Доктор сгорбился еще больше, как человек, смилившийся с неизбежным. Мне было его жаль. Но как бы там ни было, а дело нужно довести до конца. Я сама взяла поводья, осторожно развернула лошадь и направила коляску обратно в деревню.

* * *

Деревенский староста слегка удивился нашему быстрому возвращению, однако его удивление не шло ни в какое сравнение с изумлением дознавателя, когда Медоуз выдал ему свою исповедь. Судейский чиновник дотошно расспрашивал доктора, очевидно, надеясь поймать его на какой-нибудь неточности, и в конце концов решил, что несчастный джентльмен просто пьян. Бедный мистер Медоуз! Ему пришлось приложить массу усилий, чтобы убедить судей в своей виновности!

Оставив их разбираться друг с другом, я тем временем одолжила у доктора его экипаж. К счастью, он не очень пострадал. После потасовки на обрыве моя раненая рука снова разболелась, так что ехать верхом на Ласточке я не могла, а чувство справедливости требовало от меня срочно нанести еще один визит. Я подозревала, что в смерти Джереми Хартмана был виноват не только доктор.

Вскоре я добралась до усадьбы Полгринов, все так же утопающей в зазеленевших кустах сирени. Миссис Полгрин, сидевшая с пальцами у окна, спокой-

но сообщила, что Мэри «как раз отправилась навестить миссис Трелони». Она была немало заинтригована, увидев меня в докторской коляске, так что мне пришлось быстро ретироваться, чтобы избежать объяснений.

«Значит, Мэри сейчас у него».

Миссис Трелони жила в маленьком коттедже на краю леса, таком тесном, что кроме нее здесь вряд ли поместилась бы даже компаньонка. Узкая и темная гостиная была обставлена с неожиданной изысканностью: портьеры из бледно-зеленого шелка, антикварная мебель, старинный клавикорд у окна. Судя по веселым голосам, доносившимся из открытых дверей, Мэри и миссис Трелони прекрасно проводили время. Девочка допивала чай, хозяйка сидела за клавикордом, и, входя в комнату, я успела услышать: «Ты лучше поймешь, если я сыграю тебе об этом».

Завидев меня, «миссис Трелони» удивленно приподняла брови:

— Мисс Анна! Какой приятный сюрприз! Хотите чаю?

Я смотрела — и не понимала, как могла обманываться так долго. Стоило присмотреться, как все выдавало в нем сида, решительно все! Необычайно пронзительный взгляд (чтобы спрягать его, миссис Трелони вечно изображала близорукость и щурилась), плавные движения, слишком быстрая реакция и особенная, нездешняя холодность.

— Нет, благодарю, — отказалась я, чувствуя, что умиротворяющая атмосфера этой комнаты против воли действует на меня. Тоже, наверное, какое-нибудь фейское волшебство. — Я пришла забрать Мэри. Матушка хотела срочно ее видеть.

— Что-то случилось? — в глазах Эйнона загорелась искорка интереса.

— Что-нибудь с мамой? — встrepенулась девочка. Она была похожа на серенького воробья, скромно примостившегося на стуле. А «миссис Трелони» — на кошку.

— Случилось, но не в Хоппер-хаусе, — успокоила я их. — Однако Мэри придется срочно уехать.

— Прямо срочно-срочно? — жалобно скривилась девочка. — Но миссис Трелони только что обещала рассказать мне о феях!

Я послала сиду многозначительный взгляд. «Вот, значит, кто морочил девочке голову!»

— Несомненно, миссис Трелони является настоящим экспертом в этой области! — не сдержалась я. — Надеюсь, она не забыла упомянуть, что хотя фэйри не могут лгать, зато они прекрасно умеют скрывать часть правды, чтобы легче было использовать нас в своих целях!

Я высказала это, глядя Мэри в лицо и не обращая внимания на предостерегающее покашливание, раздавшееся в окрестностях клавикорда. Девочка удивленно притихла. В воздухе повеяло грозой. Эйнон смотрел на нас с циничной усмешкой, и я сразу вспомнила, каким неприятным типом он мог быть, когда того хотел. Предположительно, мы сейчас играли на одной стороне, но мой предыдущий опыт общения подсказывал, что память сида необходимо периодически освежать. А без лорда Уэсли я чувствовала себя такой уязвимой...

Уж не знаю, какие мысли бродили в голове у Эйнона, но внезапно он сменил гнев на милость и заулыбался с преувеличенной любезностью.

— Милая, вы слишком взволнованы, — произнес он безупречным старче-

ским голосом. — Присядьте, выпейте чаю. Думаю, у вас была веская причина, чтобы примчаться сюда. Раньше вы не часто удостаивали меня визитами!

У меня не было времени расшаркиваться в извинениях:

— Да, причина есть. Доктор Медоуз только что признался в убийстве мистера Хартмана.

Мэри вскрикнула. Клавикорд издал нестройный звук, который постепенно затих, растворяясь в воздухе.

— Как это признался? — растерянно спросила девочка. — Что же делать? Я... мне нужно срочно увидеть Кэрри!

Она выбежала из комнаты так быстро, что никто из нас не успел ее остановить. Эйнон так и остался сидеть неподвижно.

— М-да. Надо же, какая неприятность, — сказал он слегка озадаченно.

— До свидания. И надеюсь, в будущем вы прекратите вербовать новых слуг для Той Стороны среди здешних наивных девчонок!

Эйнон меня будто не слышал, полностью уйдя в свои мысли. Потом он спохватился:

— Что? Ах, да. Пожалуй, я загляну к вам завтра.

— Отлично. Нам как раз нужно поговорить.

Я вышла из коттеджа с гордо поднятой головой и забралась в коляску, где уже сидела всхлипывающая Мэри. За всю дорогу она не проронила ни слова. Возле Хоппер-хауса я заметила чью-то лошадь, привязанную к дереву недалеко от ворот.

— Мисс Эстрелья приехала, — горестно сказала девочка. — Значит, она тоже узнает... хотя чего уж теперь!

Мы нашли миссис Полгрин в том же положении, в каком я недавно ее оставила, только теперь к ней присоединились ее дочери и мисс Рамирес. Джейн поправляла цветы в вазе. Кэролайн, полулежа на софе, лениво листала книгу. Эстрелья что-то весело рассказывала, сидя на низенькой кушетке рядом с хозяйкой. Ее алая амазонка словно воспламеняла эту скромную, непритязательную комнату, щеки разгорелись от верховой езды. Я всегда считала, что чувство зависти мне чуждо, однако яркая красота Эстрельи заставляла меня острее чувствовать свою ущербность. Джейн и Кэролайн тоже совершенно терялись на фоне прекрасной астилийки.

Наше появление вдребезги разрушило простодушное спокойствие, царившее в комнате. Оттолкнув меня, Мэри подбежала к матери и с плачем бросилась ей на шею:

— Мама! Мамочка!

— Что случилось, дорогая? — ошеломленно произнесла миссис Полгрин. — Мисс Анна? Что...

Я смотрела только на Кэролайн.

— Вы ведь знали, что он виновен, не так ли? — спросила я. — Вот почему вы хотели спрятать от меня гербарий. Думаю, вкладыш со скалларией вы уже сожгли. Медоуз мог сорвать цветок только утром в день убийства, так как вечер накануне он провел на балу в Триверсе, а потом ударил мороз, и цветы погибли.

Кэролайн приподнялась на локте, резко побледнев:

— Его... поймали?

— Он сам признался.

— Да что случилось-то?! — не выдержала миссис Полгрин.

— Чарльз Медоуз сегодня признался, что убил Джереми Хартмана, — сказала я. — И, должна заметить, он сделал это не без помощи вашей дочери, Мэри.

Целый хор восклицаний — удивленных, шокированных, негодующих — заглушил мои последние слова.

— Мэри понемногу давала ему настойку из корня виденника, — продолжала я, повысив голос. — Я узнала ее запах, когда в прошлый раз была у вас, и когда заходила к доктору. Это сильнейшее возбуждающее средство. Зачем вы это сделали?

Девочка смотрела на меня, будто онемев от страха. Миссис Полгрин, нахмурившись, крепче прижала дочь к себе.

— Что за вздор, будто моя дочь способна кого-то отравить! — сказала она ясным и решительным голосом. — Да и как она могла это сделать? Они с доктором почти не виделись в последнее время!

— Мэри несколько раз приходила к нему домой, так? — Я снова бросила взгляд на девочку, которая сидела столбиком, так и не шелохнувшись. — Вы притворялись, что вам интересны все эти растения, книги и коллекции. Улучив момент, вы смазали настойкой виденника края страниц классификатора Карлоса. Каждый раз, отправляясь на болота, Медоуз брал его с собой. Ему нужно было постоянно сверяться с текстом. От влаги и от старости некоторые страницы в книге просто слиплись. Возможно, Медоузу приходилось облизывать пальцы, чтобы листать их. Как бы там ни было, он получал дозу яда во время каждого своего похода на пустоши. Ловко придумано.

— Я сделала это, чтобы его защитить! — вскрикнула Мэри, очнувшись. — Я слышала от миссис Трелони о существах, живущих в холмах, об их волшебстве, побуждающем вас забыть свое имя и отправиться по скрытой тропе вслед за чудом...

Миссис Полгрин закатила глаза:

— Ох, дорогая, эти твои фантазии!..

— Ты никогда мне не веришь! — Мэри сердито отстранилась, шмыгнув носом. — И доктор Медоуз не верил! Такой уж он человек, пока не увидит что-то своими глазами — не поверит! Вот мне и пришлось дать ему настойку виденника, чтобы он сам убедился! Если смазать глаза этой настойкой или капнуть ее в питье, тогда сможешь увидеть тех, кто незримо живет среди нас. Я сделала это, потому что беспокоилась за него и Кэрри, потому что боялась, что они украдут его у нас!

— А вам не пришло в голову побольше узнать о свойствах виденника, прежде чем давать его кому-то? — перебила я ее. — Вы не знали, что это зелье обостряет все чувства? Или вы считаете, что дар видеть фэйри дается просто так?! — Я старалась говорить спокойно, но от волнения язык плохо меня слушался. — За способность видеть незримое люди всегда расплачивались истощенными нервами, галлюцинациями, гневливостью... Прежде чем предлагать человеку какое-то зелье, нужно выяснить его побочные эффекты!

Амброзиус не уставал повторять, что каждой магии всегда сопутствуют ограничения, каждому волшебству изначально положен предел. Нервное истощение, которое испытывал мистер Медоуз из-за большой дозы виденника, его погубило. Хартман со своим глупым хвастовством вызвал у него приступ гнева, временно лишивший его разума.

Кэролайн тяжело поднялась с кушетки, заслонив от меня младшую сестру. Ее худые пальцы беспрестанно комкали и расправляли концы длинного пояса.

— Знаете, а я рада тому, что все это открылось, — глухо сказала она. — Да, Чарльз сразу признался мне. Рассказал в тот же вечер. Я убедила его, что не стоит ломать себе жизнь, чтобы выгородить какого-то бандита. Но с тех пор я постоянно жила в страхе! А что еще хуже, Чарльз как будто считал меня обязанной за то, что он, видите ли, вступился за мою честь! Можно подумать, я просила его за меня заступаться! Как он смел ожидать, что я буду ему благодарна, что я стану таскаться к нему в тюрьму, как... какая-нибудь бродяжка к своему ухажеру!

Она выпалила это на одном дыхании, ненавидяще глядя на нас сухими горячечными глазами. В комнате повисла тишина. Кажется, все были поражены не меньше меня. Миссис Полгрин поникла, сторбившись, будто потолок давил на нее. Эстрелья тихо ахнула, прижав пальцы к губам. Наши взгляды случайно встретились, и астилийка отчаянно замотала головой:

— Я не знала! Клянусь вам, я ничего не знала...

От злости и чувства бессилия у меня ныло в груди и стучало в висках. Было безумно жаль и Мэри, и вмиг постаревшую миссис Полгрин, и Медоуза, и даже эту бестолковую эгоистку Кэролайн. Но на один миг, когда я посмотрела на Эстрелью, во мне вспыхнуло чувство зависти и обиды. Мне всегда так нравились Джейн и Мэри! Было горько сознавать, что теперь, после всего, что случилось, вряд ли я буду желанной гостьей в этом доме. Для миссис Полгрин я навсегда останусь вестником горя, поразившего их семью, черной вороной, которая принесла на хвосте беду. А Эстрелья возьмет на себя роль доброго ангела: успокоит Мэри, утешит хозяйку, пообещает помощь своего дяди, мистера Гимлетта. Тот, конечно, будет рад постараться ради Медоуза. Где еще он найдет такого хорошего доктора для нашей глуши? Тем более что мистера Хартмана он и сам недолюбливал.

Будто прочитав мои мысли, мисс Рамирес неуверенно проблеяла:

— Я уверена, что дядя может похлопотать...

— Вы тоже хороши! — выпалила я, не сдержавшись. — Если бы вы поменьше трясли юбками перед Хартманом, может, ничего бы и не случилось!

Эстрелья застыла на полуслове. В глубине души я понимала, что мои упреки обидны и несправедливы, но меня уже несло:

— Думаете, убийство мистера Хартмана было единственным злом? Если бы! Из-за того, что их угораздило столкнуться в Лабиринте, там произошло что-то странное! С вашей помощью Медоуз и Хартман выпустили в мир чудовище, из-за которого уже пропали двое людей, а сегодня исчез Джоэл, он ведь совсем еще мальчишка и... и я понятия не имею, как все это остановить!

У меня перехватило горло, и я умолкла. Под моим обвиняющим взглядом Эстрелья вся сжалась, на ее лице выступили некрасивые красные пятна. Джейн, которая до сих пор молча стояла у стены, подошла и обняла ее за плечи. Миссис Полгрин, прижимая к себе плачущую Мэри, строго посмотрела на меня.

— Мисс Анна, — сказала она очень твердо, — вам лучше уйти.

Я чувствовала себя, как полководец на руинах крепости, которую он разрушил, сам того не желая. Было бесполезно что-то доказывать и объяснять. Я

махнула рукой и вышла.

* * *

К вечеру оглушенная тишина, поселившаяся в замке, начала давить мне на уши. Когда я вернулась в Уайтбор, то первым делом заглянула к Джонсу, от которого узнала, что Джоэл так и не объявился. На подносе в холле меня ждала шутливая записка от Кеннета, которая только подстегнула мое чувство вины. Ужинать не хотелось. Я сидела в дядиной комнате за необъятным письменным столом, бездумно играя крышкой от бронзовой чернильницы. Что бы я ни делала, перед глазами постоянно возникало потрясенное лицо Эстрельи и заплаканная мордашка Мэри Полгрин. Вздохнув, я с ожесточением потянула к себе книгу расходов по поместью. Если не разберусь с первого раза, так хоть отвлекусь! Чтобы не щуриться в потемках, пришлось зажечь две свечи.

Под обложкой книги, поверх расходных листов лежали два сложенных письма. Если бы я утром догадалась поискать, то сразу заметила бы их. Первое письмо было адресовано мне:

Дорогая Анна!

К моему огорчению, я вынужден срочно тебя покинуть, однако я отдал ряд распоряжений, благодаря которым твоя жизнь в Уайтборе не изменится. Второе письмо предназначено для лорда Фонтероя, в нем я даю согласие на ваш брак. Только прошу, дорогая племянница, подумай еще раз! Все блестящие женихи, как правило, превращаются со временем в ужасных мужей.

P.S. Не показывай ему эту записку.

С надеждой на скорую встречу,

Робин Уэсли

Отодвинув книгу, я уткнулась лицом в ладони и заплакала.

Глава 22

Всю ночь меня беспокоили странные и яркие сны. Сначала Мейвел гонялась за мной верхом на диковинном звере, похожем на огромного косматого пса с шипастым хвостом. Потом привиделся Эйнон, усмехавшийся неподражаемой улыбкой, которая обычно предвещала крупные проблемы тому, кому была адресована. Потом мы с ним вместе спасались от Хупера, каким-то образом проникшего в Уайтбор.

В результате я проснулась довольно рано и в дурном настроении. Оно несколько не улучшилось, когда, спустившись в столовую, я увидела там Эйнона собственной персоной. Завтрак был накрыт на двоих. Сид невозмутимо восседал в кресле, одетый в щегольской бархатный сюртук, светлые бриджи и желтый жилет. Старушечий образ миссис Трелони он, вероятно, оставил за порогом замка. Впрочем, здесь ему не от кого было таиться.

— С этим замком что-то не так, — сказал он вместо приветствия.

Я прекрасно понимала, что именно. Всем своим каменным сердцем Уайтбор тосковал об уходе лорда Уэсли. Однако коварному сиду знать об этом было необязательно. Пусть думает, что мой дядя находится где-то поблизости.

— Очень кстати, что вы пришли. Я хотела поговорить с вами о Мэри Полгрин.

— Ты не покажешь мне комнаты? Давно хотелось взглянуть на них. Лорд Уэсли, прямо скажем, не блистал гостеприимством.

Легко поднявшись, Эйнон вышел в холл, с любопытством разглядывая высокие светлые колонны, переплетающиеся под потолком, словно кроны деревьев. Синие розетки между колоннами напоминали маленькие бочажки озерной воды. Мне пришлось проследовать за ним:

— Зачем вы дали девочке настойку виденника? Зачем соблазняли ее чудесами Той Стороны?

— Эта лестница, по-видимому, ведет на галерею? — Эйнон положил ладонь на перила, так, будто прислушивался к голосу полированного дерева. — Давай поднимемся.

— Вам не кажется, что мы ведем два разных разговора?

Зловредный сид даже не подумал обернуться:

— Я всегда считал, что в Уайтборе спрятан еще один путь на Ту Сторону, более удобный, чем в Лабиринте. Но теперь я его не чувствую. Неужели закрыт?

«Да, с тех пор как Робин Уэсли вынудил Королеву оставить замок в покое», — мысленно ответила я. Мне не нравилось, что Эйнон так упорно избегал моих вопросов. Хочет избежать неприятных объяснений?

— Вы не слышали, что я спрашивала о Мэри? Зачем вы морочили ей голову?

— Я морочил?! — возмутился сид, наконец-то соизволив обратить на меня свой взор. — Я бы подарил ей целый волшебный мир, если бы ты не вмешалась!

— То есть превратили бы ее в служанку Королевы?

— Ну а что, по-вашему, ждало ее здесь? Младшая дочка небогатой вдовы... пф-ф. Ее старшая сестра, Джейн, вероятно, выйдет замуж. Она достаточно привлекательна и простодушна, чтобы составить счастье какого-нибудь жалкого сквайра. Кэролайн — та из другого теста. Сильный характер, но маловато ума,

чтобы изменить свою жизнь. Постепенно в ней будет зреть недовольство, начнутся ссоры. Мэри станет заложницей отношений между матерью и сестрой. А я мог бы сделать так, что она покинет этот мир до того, как успеет его возненавидеть!

Он стоял, непринужденно опираясь на перила и посматривая на меня с выражением легкой снисходительности на прекрасном фейском лице. Я вскипела:

— Вы не смеее так поступать! Какое вы имеете право распоряжаться ее судьбой?

— Эйнон удивленно поднял безупречную бровь:

— Дорогая Энни, ты всегда отличалась неблагодарностью. Между прочим, я действовал в твоих интересах! Королева Мейвел привыкла получать дань из Уайтбора каждые девять лет. Мистер Уэсли щелкнул ее по носу, однако появление новой служанки немного утишило бы ее самолюбие. Нет же, тебе нужно было вмешаться и все испортить! Повезло, что я нашел сегодня другую душу, жаждущую пройти через Лабиринт. Так что можешь возвращаться в Эшентаун со своим лордом-драконом, не опасаясь мести Королевы.

Я не поверила своим ушам:

— Вы... что сделали? Вы сегодня были в Лабиринте?!

— Там чертовски запущенная тропа, между прочим, — добавил Эйнон слегка обиженным тоном, так и не дождавшись от меня похвалы за свои старания. — Я испортил новый камзол, отбиваясь от каких-то одичалых тварей, и до смерти напугал свою даму. Вот я и подумал, что в замке должен быть более удобный путь. О, взгляни-ка, здесь, похоже, тайник!

В течение всего разговора сид, стоя наверху лестницы, внимательно оглядывал стены. Тени на площадке разбегались от его пристального взгляда. Проследив за ними, Эйнон вдруг сделал пасс рукой — и в дальнем углу, скрытом за колонной, вновь открылся знакомый проход.

— Кого вы провели через Лабиринт? — спросила я, пытаюсь догнать его в узком темном коридоре.

Спина Эйнона невозмутимо маячила впереди. Переступив через порог потайной комнаты, он застыл на месте. Кажется, огненный чертог смог поразить даже его черствую циничную натуру. Сид восхищенно покачал головой при виде алых витражей, с любопытством протянул руку к языкам пламени, струившимся по стене, не решаясь, впрочем, к ним прикоснуться. Потом обернулся к ледяной корке, поверх которой висел один-единственный ключ, и в глазах его появился жадный блеск. Я встала между Эйноном и стеной, оказавшись с ним лицом к лицу.

— С кем вы были в Лабиринте?! — спросила я, теряя терпение.

— Не с Мэри Полгрин, раз уж ее судьба тебя так беспокоит, — отмахнулся сид. Ключ, поблескивавший на стене, захватил все его внимание. Он протянул руку: — Это одно из творений Уэсли? Лучше я его заберу. Нечего тебе делать на Той Стороне. Нельзя допустить, чтобы Мейвел завладела драконом, иначе мы вообще не сможем с ней сладить!

Все произошло так быстро, что я не успела понять, как это случилось. Эйнон потянулся к ключу, но я оказалась проворней. Не могла же я позволить ему отобрать последний дядин подарок! Сид едва успел прикоснуться к хрусталу, когда я его схватила. Пламя вдруг вспыхнуло с невиданной силой. На

хрустальных гранях засверкали отблески огня, разметав по стенам и потолку радужные брызги.

«...Чтобы вызвать фею, вам понадобится кристалл или стекло не менее трех дюймов длиной. Нужно дать ему отлежаться не менее трех пятниц подряд и трижды окурить огнем... И если расположение планет будет благоприятно, то феяри окажется в плену этого кристалла...»

Эти строки из книги, которую я когда-то видела у Мэри Полгрин, вспомнились немного погодя. Первые несколько минут я просто стояла у стены, недоуменно озираясь. В руках у меня был дядин ключ, а сид внезапно исчез.

— Эйнон? Мистер Лайбстер? Миссис Трелони? — позвала я, оглядываясь. Никого. Ключ, зажатый в ладони, казался теперь тяжелее и был теплым на ощупь. Я растерянно поднесла его к глазам и отшатнулась: из хрустальной грани меня полоснул знакомый гневный взгляд. Где бы Эйнон сейчас ни находился, он был просто в ярости.

«Что за дьявольщина», — пробормотала я, повертев ключ в руках. Он мстительно укусил меня за палец, отчего я чуть не уронила его на пол. Рассердившись, я сунула взбесившийся кусок хрусталя в карман платья. По крайней мере, в нынешнем виде Эйнон не сможет причинить новых неприятностей! Что он там говорил про сегодняшний поход в Лабиринт?!

В этот момент где-то в холле хлопнула дверь. Послышался стук трости по каменным плитам. От этих звуков сердце у меня радостно подпрыгнуло, и на душе сразу стало легче. Неужели вернулся мистер Уэсли? Как же мне его не хватало!

Задыхаясь от нетерпения, я сбежала вниз... и остановилась. Между колонн, опираясь на трость, стоял грузный джентльмен, походивший скорее на грозовую тучу в пальто и шляпе, чем на человеческое существо. Увидев меня, он сердито прорычал:

— Где моя племянница?!

Я узнала мистера Гимлетта.

— Почему вы думаете, что она здесь? — спросила я, подходя ближе и стараюсь сохранять хладнокровие.

Гимлетт снял шляпу и вновь заозирался, ища взглядом лакея. Не найдя, пристроил головной убор на маленький столик, стоявший в холле. Мне послышалось что-то вроде бурчания: «Не дом, а бардак...»

— У ворот я встретил вашего болвана-конюха, который вел в поводу ее лошадь. Мне понадобилось целых пять минут, чтобы выяснить, где он ее нашел! Оказалось, что ее поймали утром возле Кавертхола.

Я забеспокоилась:

— Будет лучше, если я сама спрошу Джонса. Сейчас схожу за мантильей.

За спиной послышалось недовольное сопение. Мистер Гимлетт, очевидно, рассчитывал на более теплый прием, но я не собиралась поить его чаем и расспрашивать, что за ссора произошла между ним и племянницей, из-за чего Эстрелья сбежала из дома с утра пораньше.

Пока я ходила за теплой накидкой, Гимлетт успел заглянуть в столовую и увидеть сервированный стол.

— Я не знал, что вы принимаете гостей, — сказал он с подозрением в голосе.

— Я тоже не знала.

— Ваш дядя, как я понимаю, снова отсутствует?

— Ему приходится часто уезжать по делам.

Мистер Гимлетт еще посопел, выразив недовольство такой беспорядочной жизнью и полным пренебрежением приличиями. Завязав ленты шляпы, я подождала, пока джентльмен проводит меня до двери. Мы вышли наружу и сразу возле дома наткнулись на конюха.

— Я как раз хотел спросить, что делать с лошадьё, мисс, — просипел он глухо, как из бочки. Гимлетт при виде его слегка стушевался. Наш Джонс, с его взлохмаченной шевелюрой и недобрый взглядом из-под кустистых бровей, мог действительно напугать кого угодно, особенно утром и в тумане.

Я узнала гнедую кобылу, которую видела вчера возле дома миссис Полгрин. Неужели Эстрелья упала? Она была слишком хорошей наездницей, чтобы вылететь из седла, но несчастье может случиться с каждым...

— Отведите кобылу в дом мистера Гимлетта, — сказала я Джонсу, — а мы поднимем людей в деревне.

«Кажется, это уже становится традицией. Вчера мы искали Джоэла, теперь вот пропала мисс Рамирес... Жизнь в Кавертхоле бьет ключом!»

Мистер Пенвен встретил нас сегодня совсем в другом настроении. От его прежнего благодушия не осталось и следа! Староста весь дрожал от возбуждения, от кончиков волос до стелек в ботинках. Я подумала, что он уже знает о новом несчастье, но оказалось, что нервозность мистера Пенвена была вызвана оккультными причинами:

— Она вернулась, мисс Уэсли! — выпалил он, как только меня увидел. — Призрак нашей бедной Дейзи! Хитер Джеффри видела ее сегодня утром недалеко от Лабиринта. Уже послали за священником, чтобы освятить дома на всякий случай.

«Час от часу не легче!»

— А миссис Джеффри случайно не заметила, куда потом девался этот призрак? — хотела я спросить, но меня перебил мистер Гимлетт, взрепевший над ухом:

— Это был не призрак, глупцы! Здесь была моя племянница!

Я сложила два и два — и мысленно прокляла Эйнона. Помог, называется! О, тысячетный упрямый баран! Он, видите ли, хотел уберечь Кеннета, чтобы тот не попал в когти Мейвел! Вместо этого он отправил к ней Эстрелью. Великолепный ход! Даже если бы он нарочно хотел все испортить, у него и то не получилось бы лучше!

Хрустальный ключ, казалось, обжигал мне бедро сквозь платье и нижние юбки. Мистер Гимлетт продолжал что-то кричать, староста неловко оправдывался. Я не могла позволить, чтобы в моем присутствии оскорбляли моих людей, и поэтому предложила:

— Пойдемте со мной. Я сама покажу вам Лабиринт.

Вскоре перед нами протянулся серый склон холма, по которому вились седые пряди тумана. Сухие пучки вереска таинственно шелестели под ветром. На меня снова, как в первый раз, накатило мимолетное головокружение, когда мир вокруг становится чуточку ненастоящим. Даже такой непробиваемый скептик, как мистер Гимлетт, мог ощутить притяжение, исходящее из потревоженного лабиринта. Кто-то воспользовался им совсем недавно, и реальность еще не успела прийти в себя. Это бросалось в глаза, как свежевспахан-

ная борозда на чистом поле.

— Вы хотите сказать, что она исчезла? Как ей это удалось? — немного взвинченно спросил мистер Гимлетт, не выражая, впрочем, желания броситься по «дороге фей» следом за племянницей.

Ответ на этот вопрос в прямом смысле лежал у меня в кармане, но я предпочла промолчать. Гимлетт с досадой пнул ногой ком земли, покотившийся по склону:

— Проклятье! Эти ваши легенды, слухи и сказки! Как вы можете жить рядом с этим?!

Казалось, пропажа племянницы не столько расстроила его, сколько разозлила. Вид лабиринта пробудил в его памяти давние споры с Уэсли по поводу открытия шахты, а теперь к этому еще добавилась досада на Эстрелью, которая своим опрометчивым поступком разрушила все честолюбивые надежды Гимлетта, связанные с ее замужеством.

— Они, видите ли, пригласят священника! — фыркнул мистер Гимлетт. — Что здесь делать священнику? Чем он поможет? Это дьявольское место нужно просто сравнять с землей!

— Могу дать вам лопату, — нелюбезно предложила я. — Вы же понимаете, что никто из местных даже близко не подойдет к Лабиринту?

Мой спутник хищно осклабился:

— Люди — это не проблема. Людей я найду. — Он смотрел на лабиринт таким взглядом, будто тот был средоточием мирового зла. — Пусть это обойдется хоть в сотню фунтов, но я сотру с лица земли этот зловонный прыщ, этот источник греха! Если, конечно, мистер Уэсли с его причудами снова не будет чинить препятствий!

— Можете быть уверены, что лорду Уэсли сейчас не до того, — с горечью ответила я.

* * *

Оставив мистера Гимлетта наедине с его кровожадными мыслями, от которых лабиринт испуганно затянулся туманом, я поспешила обратно к замку. Я не стала отговаривать пожилого джентльмена от его намерений. Во-первых, он меня все равно не послушал бы. Во-вторых, может быть, он прав, и феи действительно слишком активно вмешивались в нашу жизнь. Может, если лабиринт исчезнет, то Кавертхол станет спокойнее спать по ночам.

Гораздо больше меня беспокоила судьба мисс Рамирес. Теперь я горько упрекала себя за то, что вчера рассказала ей о Хупере. Да еще намекнула, что это она виновата в его появлении! Всему виной моя ревность. Я должна была предвидеть, как это подействует на Эстрелью, с ее-то характером! Разумеется, девушка тут же попыталась пробраться на Ту Сторону, чтобы все исправить.

Если Кеннет узнает об этом, он меня никогда не простит. Я сама себе не прощу. Что угодно бы отдала, лишь бы этого не случилось!

Последние слова я, сама того не заметив, сказала вслух. Дыхание сбилось от быстрой ходьбы, и мне пришлось остановиться, чтобы немного отдышаться. Замковая дорога петляла между холмами, пропадая в тумане. Где-то там, за туманом, остались потрепанные ветром дома Кавертхола, запах дыма из труб и собачий брех — привычная, будничная жизнь. Здесь меня окружала серо-зеленая пустошь, отделенная лишь кустистой изгородью вдоль дороги, в которой только что почудилось какое-то подозрительное шевеление.

Прислушиваясь, я пожалела, что не поехала в Кавертхол верхом. Что мне стоило задержаться еще на минуту и оседлать лошадь? Я напрасно вглядывалась в молочную мглу. Тишина вдруг стала неприятной, недоброй. Настороженной. Туман скрадывал расстояние, так что трудно было оценить, сколько еще осталось идти до замка. С резким щелчком хрустнула ветка. Я мгновенно развернулась:

— Кто здесь? — вырвалось у меня.

Среди темных колючек дрока определенно кто-то таился. Мне мерещилась грозная сила, свернутая в тугую пружину и заметная лишь по дрожанию тонких веточек. Я вздохнула:

— Ладно уж, выходи.

Если присмотреться, сквозь сплетение ветвей можно было различить очертания крупной лобастой башки с пристально глядящими, немигающими желтыми глазами.

Он не выполз из кустов, а, скорее, плавно перетек на открытое место. Босвенский Зверь был похож на огромного пса, если бы в нашем мире водились собаки размером с пони. Густая темная шерсть висела клочками, впалые бока ходили ходуном от быстрого дыхания. Пышный шерстяной «воротник» на плечах весь свалился в колтуны. В общем, вид у Зверя был довольно запущенный. Вместе с тем в его облике и точных, грациозных движениях было что-то благородное. Если проводить аналогии с человеком, он напоминал столичного джентльмена, удалившегося от цивилизации как минимум на месяц. В хищных желтых глазах мелькнуло затравленное выражение. Мне стало его жаль.

— Она послала тебя следить за мистером Уэсли, да? — негромко сказала я. — Вот почему ты все время крутился возле Уайтбора! Тогда у меня для тебя плохие новости друг. Уэсли здесь больше нет.

Похоже, он и без меня это знал. Зверь тоскливо поднял голову к небу, испустив обиженный рык, с подвыванием и переливами, от которого ближайший куст задрожал и уронил несколько желтых почек. Думаю, его было слышно даже в Кавертхоле. Во мне поселилась робкая надежда, что мистер Гимлетт, впечатленный этим сольным выступлением, немедленно покинет деревню и забудет сюда дорогу.

Почему-то я почти не боялась. Наверное, весь страх я израсходовала вчера, во время «прогулки» с доктором по краю обрыва. Кроме того, если Босвенский Зверь собирался меня сожрать, ему уже не раз предоставлялась такая возможность. Например, в ту ночь, когда я валялась с ушибленной рукой под воротами замка. Или вчера, когда я сидела в коляске Медоуза, благодаря Бога за наше чудесное спасение. Приходилось признать, что либо Зверь преследовал на пустоши какие-то свои цели, либо считал меня категорически невкусной.

Он загородил мне дорогу, но не пытался приблизиться. Только втягивал носом воздух, будто пытаюсь запомнить мой запах. Я на всякий случай старалась не шевелиться.

— Если ты приходил за Уэсли, то теперь самое время вернуться, — сказала я, скорее беседуя сама с собой. Тем не менее квадратная морда, обрамленная грязным меховым воротником, повернулась в сторону Кавертхола и Лабиринта. Я невольно усмехнулась:

— О нет, про этот путь можешь забыть. Там сейчас слишком много людей.

А все из-за того, что один мой знакомый сид — непроходимый болван!

Я с тревогой подумала, что в отличие от меня, Кеннету было гораздо проще добраться до Эстрельи, всего лишь выпустив на волю своего внутреннего дракона.

Но я не хотела, чтобы ему снова пришлось заключать сделку с этим чудовищем! Не хотела, чтобы дракон снова принялся искушать Кеннета магией, полетами и своей проклятой мудростью, будь она неладна! Боже, да я готова лично предстать перед Мейвел и вернуть Эстрелью хитростью или силой, если понадобится! Я могла попросить о помощи Эдварда Уэсли и Морэнн... Но сначала нужно было добраться до них.

— Как же мне попасть на Ту Сторону, если путь через Уайтбор закрыт, а Лабиринт пока недоступен? — пробормотала я. — Сколько у меня осталось времени, прежде чем слухи о пропаже Эстрельи дойдут до Кеннета? Боюсь, что совсем немного...

Босвенский Зверь почесал лапой за ухом, выразив тем самым полное пренебрежение к моим проблемам. Что-то звякнуло в густой шерсти. Блеснул ошейник — нарядный, кожаный, в серебряных клепках. Слабая, неоформленная мысль мелькнула в моем мозгу. Я вспомнила сегодняшний сон, где Мейвел мчалась верхом на звере — кстати, очень похожем на это лохматое существо, сидящее передо мной, если вычесать из него блох и как следует накормить.

— Должен быть и другой способ, правда? — шепнула я, делая маленький шагок навстречу Зверю.

— Эйнон не зря что-то почуял в замке... Мейвел закрыла проход в Уайтборе, как того требовал лорд Уэсли, но я готова поспорить на тысячу фунтов, что она обязательно оставила для себя какую-нибудь лазейку! Фейри — те еще хитрованы.

Я отлично помнила клятву королевы, произнесенную на пиру в честь праздника Имболка: «Отныне проход закрыт, и больше никто не проникнет на равнины без возврата через врата Уайтбора: ни пешком, ни конным, ни через дверь, ни через окно. Проход закрыт».

Я подумала, что огненные стены потайной комнаты, этого горячего сердца замка Уайтбор, возможно, скрывали тайну не только лорда Уэсли, но и королевы Мейвел.

— «Ни конным, ни пешком...» Она ведь не хотела расставаться ни с замком, ни с его лордом, так? Значит, должна была оставить для себя тайный путь на всякий случай, — рассудила я, делая второй шагок.

Зверь, устав от беготни, преспокойно улегся прямо в дорожную пыль, что дало мне возможность критически осмотреть его спину. Единственное ее неудобство заключалось в том, что перед ней располагалась свирепая морда, оснащенная мощными челюстями, способными перекусить ногу взрослому мужчине.

— Ты не можешь доставить на Ту Сторону лорда Уэсли, но ты мог бы отвезти к ней меня...

Подойдя вплотную, я перекинула ногу и быстро уселась на широкую спину, крепко схватившись за ошейник. Я ощутила дрожь крепких мускулов, после чего зверь протестующе рыкнул, мотнул башкой и едва не сбросил меня с себя.

— Ну п-п-ожалуйста! — взмолилась я, пытаюсь удержаться. — Тебе ведь тоже нужно туда, а я, кажется, знаю дорогу! Мы м-могли бы помочь друг другу!

Ответом мне был мощный рык, от которого заложило уши. Камни, кусты и небо серо-зелеными всполохами замелькали перед глазами. В горле першило от пыли, взбитой могучими лапами, когда зверь метался по дороге, пытаюсь меня скинуть.

«Если он догадается перекатиться на спину — мне конец!» Я держалась из последних сил, понимая, что если я упаду, это разъяренное существо тотчас меня растерзает. Закашлявшись, ничего не видя из-за растрепавшихся волос, я крикнула:

— Отвези меня в Уайтбор, и, клянусь, ты сейчас же вернешься к своей хозяйке!

Вообще-то сомнительно, чтобы зверь, даже волшебный, понимал человеческую речь. Однако, на мое удивление, это сработало! Дикая прыжки прекратились. Зверь, пофыркав, раздраженно хлестнул хвостом, сбив с куста пару веток, и неспешно потрусил в сторону замка. Я немного перевела дух, разминая сведенные пальцы и уговаривая себя, что, в конце концов, мне уже приходилось ездить на волшебном животном, и ничего страшного не случилось. Может, все еще кончится хорошо. Если подумать, чем Босвенский Зверь отличался от Шайн? Разве что двойным набором зубов.

К счастью, по дороге нам никто не встретился. Перед железными воротами замка Зверь, упершись лапами в землю, испустил еще один величественный рык, эхом разлетевшийся по саду. Очевидно, это был его привычный способ общения с миром. Ворота немедленно распахнулись.

— Я назову тебя Ворчун, — пробормотала я, осмелев, — так как тебе не мешало бы пересмотреть отношение к окружающим и свои манеры!

Тяжелые замковые двери тоже не стали для нас помехой. Мне даже не пришлось слезать с лохматой спины, чтобы их открыть. Когти Ворчуна застучали по каменным плитам. Колонны, задрожав арочными сводами, изумленно зашептались между собой. Уайтбор был шокирован появлением такого «гостя». Лестница, ведущая на галерею, испуганно съежилась, утратив лощеный блеск. Зверь уже поднимался по ступеням неуклюжими рывками, оставляя на нежном дереве белесые царапины. Каждая ступенька жалостно постанывала под тяжелыми лапами. «Прости, у меня не было выбора», — мысленно извинилась я перед замком.

На середине лестницы Ворчун остановился, раздувая ноздри, втягивая носом воздух. Он словно чувал воздух Той Стороны, проникавший через каменные стены. Хлестнул шипастым хвостом по перилам (я буквально кожей почувствовала чей-то вскрик) и безошибочно метнулся к дальнему коридору, видневшемуся за колонной.

Снова окунувшись в алую, пылающую атмосферу потайной комнаты, я вся подобралась. В горле пересохло от волнения. Вот сейчас все решится! Если я ошиблась, то стану хорошо подогретым обедом для хищника, который не замедлит выместить на мне свою ярость.

Я крепко вцепилась в ключ через складки юбки, подтолкнула Зверя ногами и направила его прямо в огонь.

Глава 23

В лицо ударила волна горячего воздуха, будто мы нырнули в раскаленную печь. Я зажмурилась, пряча глаза от жара, а когда открыла глаза, мы снова оказались среди холмов. Складывалось впечатление, что мы описали петлю сквозь замок и вернулись на пустошь, но с первого взгляда было понятно, что это уже не та пустошь. Слишком яркое, перламутровое небо с контрастными очертаниями облаков. Слишком пышная зеленая трава, над которой колыхались волны цветущего желтого дрока. Прозрачное марево, дрожавшее над травяными верхушками...

Зверь, встряхнувшись всей шкурой, заметно взбодрился. Я поспешила слезть с лохматой спины, так как не знала, как Ворчун поведет себя здесь, в родной стихии. Под ногами пружинила мягкая почва. Кое-где торчали высокие замшелые камни, будто путники, замершие в растерянности, позабывшие, куда и зачем они бредут. Один такой камень, в полтора человеческих роста, возвышался у меня за спиной. Ветра не было, но желтая от дрока равнина волновалась, шепча что-то неслышное, и в ее голосе слышался страх. Ключья облаков неслись из-за горизонта, будто убегая от неведомой опасности. Ворчун, глядя в ту сторону, припал к земле и зарычал. Я могла различить только дымную хмарь, в которой мелькали яркие, резкие вспышки. У меня екнуло сердце. Пожар? Гроза?

Я прищурилась до рези в глазах, вглядываясь вдаль. В нашем мире с его беспощадными физическими законами мне не удалось бы ничего рассмотреть, но здесь реальность была устроена иначе. Что-то случилось с моим зрением — горизонт словно приблизился, а клубившийся над ним туман обрел очертания...

Из густой серой хмари выступали сторбленные фигуры, отдаленно похожие на людей, но с отвратительно вытянутыми, суставчатыми конечностями. Ноги у них были то ли человеческие, то ли птичьи, будто наспех сращенные из собранных частей тел. Они двигались, изламываясь самым необычным образом. Руки нелепо свисали ниже колен. И у каждого в голове горел единственный глаз — жадный, рыщущий. Все, в чем теплилась жизнь, становилось их пищей. За ними тянулся язык мертвой, онемелой земли, покрытой нитями черной слизи.

«Это же Хупер!» — узнала я, похолодев. Точно такую же тварь я недавно встретила в Крэгги-коув. Но здесь их были десятки! У меня противно заныло под ложечкой. Лично мне и одного Хупера хватило бы с лихвой, а уж если их много! Их мертвящий взгляд парализовал любую волю к сопротивлению. Даже на таком расстоянии становилось жутко.

Зверь, заворчав, потянул меня за юбку, прочь от надвигающегося кошмара. Я взглянула в другую сторону, и мое внимание привлекли цветные пятна на зеленом холсте равнины. В узкую ложбину между холмами стекались всадники. Кони у них были — один краше другого! Их встречала королева Мейвел верхом на белом жеребце.

Я и раньше сомневалась, что Хупер был творением Мейвел, это как-то не вязалось с ее стилем. Чародейство Мейвел могло быть таким же смертоносным, но всегда отличалось утонченностью. Кажется, она собиралась дать отпор туманным чудовищам. Королева сурово оглядывала долину, сидя на рос-

лом коне в ажурном нагруднике, блестящем, как крылышки стрекозы. Ее голову венчал золоченый шлем, а в руке она держала легкое короткое копье. Я с сомнением покачала головой: разве же это защита?! Хупер сомнет ее «доспехи», как яичную скорлупу! Остальные воины были под стать своей госпоже: хрупкие, грациозные фигуры в струящихся шелковых плащах и легких кольчугах. Они выглядели, как стайка ласточек перед грозовой тучей.

Ворчун, встопорщив шерсть на загривке, снова дал понять, что мы тут слишком задержались, и потянул меня к Мейвел.

— Вряд ли я чем-то смогу помочь ей в этой ситуации... — усмехнулась я. Вдруг меня осенило: — Но я знаю, кто может!

Вынув ключ, я с размаху бросила его на валун, выступающий из земли. Хрустальные осколки брызнули во все стороны. Как и в прошлый раз, чудо произошло незаметно. Только что мы с Ворчуном были одни, не считая торчавшего рядом высоченного менгира, и внезапно будто из воздуха соткался Эйнон.

На Другой Стороне наш многоликий друг снова сменил обличье: вместо щегольского сюртука на нем был дымчатый плащ и вышитая туника, стянутая широким поясом. А еще сид обзавелся мечом, и не успела я слова сказать, как его лезвие уперлось мне в горло! Из такого положения меч казался очень длинным и дьявольски острым. Эйнон оскалился, сверля меня яростным взглядом:

— Назови хоть одну причину, по которой я должен оставить тебя в живых! — прошипел он.

Вжавшись в камень спиной, я сглотнула, чувствуя, как по шее бежит струйка крови. Если у меня и были разумные доводы, они тут же улетучились от страха. Наш разговор мог бы кончиться очень печально, не вмешайся Ворчун. Темный шерстяной ком, махом перелетев через куст, бросился Эйнону в ноги. Меч взлетел в воздух, я же рыбкой нырнула за камень, прижав ладонь к шее и выругавшись от полноты чувств. С другой стороны камня доносились хруст веток, звуки борьбы и тяжелое дыхание.

— Ты стоворила с Мейвел! — прорычал Эйнон. — Маленькая мерзавка!

Отпихнув Ворчуна, он снова бросился ко мне. Порванный плащ вился за ним ключьями. Мы описали еще один круг вокруг высокого менгира. Сид был явно настроен покончить со мной раз и навсегда. Я едва успела пригнуться, чтобы меч не отсек мне голову. Лезвие, чиркнув по камню, высекло искры. «Посмотри туда!» — крикнула я, показывая в сторону Хупера, но Эйнон не слышал. Неужели он не чувствует липкого ужаса, охватившего всю долину, неужели даже сейчас у него в голове только Мейвел и их старое соперничество?!

Долго убежать у меня не получилось. Споткнувшись о камень, я полетела на землю. Сид широко замахнулся мечом.

— Да посмотри же ты! — заорала я, неуклюже махнув рукой в сторону дымной хмари. Даже сейчас меня мутило от долетавшего гнилостного смрада. — Ты правда считаешь, что теперь самое время выяснять отношения?!

Эйнон взгляделся в горизонт и медленно опустил меч. Лицо его слегка поседело.

— Мейвел сошла с ума... — пробормотал он.

— Это не она! До тебя еще не дошло? Это не ее колдовство!

— А чье тогда?!

Было невыносимо тяжело от мысли, что эти чудовища — наших, человеческих рук дело. Воплощение затянувшейся войны на Континенте... Оживленные магией жадность, похоть и цинизм, годами копившиеся в уголках вроде Кречи, где одна ненависть порождает другую, и так до бесконечности... Неужели лорд Робин был прав? Он говорил, что Королеве нужна помощь, а я не поверила! Как оказалось, напрасно.

— Из всех нас ты единственный, кто раньше сталкивался с этими тварями! — сказала я, снизу вверх глядя на Эйнона. — Ты должен помочь! Можешь потом прирезать меня, если тебе от этого полегчает.

— Помолчи, — поморщился сид. — От тебя слишком много шума.

Казалось, его гнев немного утих. Он протянул мне руку, помогая подняться, и скептически оглядел игрушечное войско Мейвел, собиравшееся в долине. Нахмурившись, сид покачал головой:

— Безумцы. Разве Хупера мечом достанешь? Тут огонь нужен! Да и он не всегда помогает.

— Тогда предупреди их' — попросила я с отчаянием. — Пожалуйста!

Мы оба помнили, кто был главным военачальником у королевы. Эдвард Уэсли, мой отец. Он будет одним из первых, кто схлестнется с голодными туманными тварями, выпивающими душу...

Ворчун, выбравшись из кустов, поддержал мою просьбу низким переливчатым рыком. Эйнон посмотрел на нас с непонятым выражением в нездешних сидских глазах, и уголок его рта пополз вниз:

— Ладно. Предупрежу их. А вы оба убирайтесь отсюда, здесь сейчас будет жарко.

И, оглянувшись напоследок, добавил:

— Кстати, верхом ты едешь просто кошмарно.

Даже в такую минуту не мог удержаться, чтобы не съязвить! Я открыла рот, собираясь выдать ответную шпильку... и закрыла. Стоя рядом с Ворчуном, я молча смотрела, как исчезает в тумане дымчатый плащ. Эйнон был фомором, и как все фоморы, не особенно утруждал себя пешими прогулками. Его народ умел перемещаться мгновенно, в том числе и из нашего мира в иной, что всегда вызывало бешеную зависть у Мейвел. Корни их старой вражды скрывались именно здесь. Боже, надеюсь, его не убьют, прежде чем он успеет вымолвить хоть слово!

Дождавшись, когда сид окончательно скрылся, Ворчун неуверенно потоптался на месте и издал леденящий звук — нечто среднее между ржавым скрипом и уханьем безумной совы. Судя по жалостному взгляду, это было поскуливание. Бедняга, как мог, пытался разнообразить свой лексикон. От этого звука у меня озноб прошел по коже, но я оценила старания Ворчуна. Тем более что и так было понятно, чего он хотел:

— Лорд Робин тоже где-то в долине, да? — спросила я.

Зверь мотнул башкой, как будто кивнул.

— Сможешь его найти?

Снова кивок.

— Тогда иди.

Я подумала, что чем бы ни закончился для нас сегодняшний день, Мейвел и Робин заслужили право быть вместе. Хотя бы для того, чтобы попрощаться...

Подавшись в сторону, Ворчун взглянул на меня: «А ты?» Я отрицательно покачала головой:

— Мне лучше остаться здесь.

* * *

Тем временем в тех же холмах, но в другом мире, отряд из двадцати человек, вооруженный кирками и лопатами, двигался к Лабиринту. День выдался ясный, и солнце обливало теплом их плечи. Мистер Гимлетт приотстал, вытирая лоб и шею батистовым платком. Набранный отряд работников вызывал у него чувство приятного удовлетворения. Да, пришлось раскошелиться, но дело того стоит. Двадцать человек должно хватить, чтобы управиться до темноты. Уже к ночи от Лабиринта не останется и следа. Гимлетта немного пугал проклятый менгир, который угрожающим перстом торчал среди глиняных валов и, казалось, умел напускать туманы. Ничего, он лично проследит, чтобы эту пакость выкорчевали и сбросили в море!

* * *

Ворчун не заставил себя долго просить, мгновенно растаяв в кустах. Темная хмарь тем временем приближалась. От мертвенно-бледных зрачков, глядевших на меня из тумана, стало крепко не по себе. Я заметила, что всадники в долине тоже пришли в движение. Надеюсь, Эйнон придумал какой-нибудь план! Несколько фигур, отделившись от остальных, стремительно понеслись вперед, готовясь принять на себя первый удар. «Хотят дать Мейвел еще немного времени», — поняла я. Мне не нужно было видеть, как отблескивает свет на серебряной руке, чтобы узнать их предводителя.

Губы свело от злости: «Я не для того двадцать лет искала родителей, чтобы снова осиротеть из-за какой-то одноглазой твари!» Вот бы как-нибудь задержать Хупера, отвлечь его... Ведь тогда в бухте мы сумели сбежать! Я вспомнила, как отчаянно лезла на скалу, обдирая руки — и как грязная храмная масса вдруг остановилась перед лентой блестящей воды. В прошлый раз нас с Эйноном спас ручей! Точно! Текучая вода! Это могло сработать.

Нормальный человек вряд ли смог бы выжать из пустоши поток воды, но ведь я была частью этой долины, я слышала ее шепот, в моих жилах тоже текла серебряная кровь. Стоило попросить — и она откликнулась. Дохнуло холодом, мои руки превратились в быстрые водяные струи. Ноги сами понесли меня по склону холма, а небо опрокинулось над головой. По долине разлился ручей — широкой серебряной дугой, отрезая наползающий грязный туман от летящих прямо в него всадников.

Уродливые жадные отростки отдернулись перед водяной преградой, и я возликовала. Рано. Хупер навалился всей тушей, придавливая меня к земле. Сознание заметалось в мутной пелене кошмара; отчаяние, чувство потери и одиночество накрыли меня с головой. Вдруг небо рассекла молния, заставив Хупера ослабить хватку. «Молнией» оказался меч одного из всадников, намного опередившего остальных. Следом засверкали огненные стрелы, золотыми искрами канувшие в гущу тумана.

Увы, наших сил все равно не хватало! Хупер все крепче сжимал нас в вонючих скользких тисках. Я уже ничего не видела, кроме мертвенного свечения, в котором горела алчность и холодная злоба. В этот момент долина вдруг задрожала от рева. Сгусток живого огня отбросил Хупера в сторону, выжигая гнилотный смрад. Тень от огромных крыльев погладила холмы, ткань реально-

сти затрещала под огненным ветром. Ключья тумана панически съежились, пытаюсь укрыться между камней, под кустарником, в брошенной шахте — в общем, в любой щели, недоступной взгляду дракона.

Неужели мы спасены? Я чуть с ума не сошла от счастья, и вместе со мной радостно вскрикнула вся долина. Я слышала, как поют деревья, птицы, камни, и сама могла запеть в тон любому из них. С неба сыпались жирные ключья пепла, оседая на плащах бешено скачущих всадников. Хупер стремительно утягивался обратно за горизонт. Мне хотелось видеть погоню, увидеть все вместе и сразу! Я была ветром, кустом армерии, камнем, птицей, кувыркающей в воздушных потоках, и мышью, притаившейся под корнями... Я совсем запуталась в превращениях, но всей душой любила каждое из своих обликов. Как же это прекрасно — чувствовать себя живой!

* * *

...Когда я прихожу в себя, долина и лагерь фейри отчего-то видятся сверху. По земле тянутся длинные полосы выжженной травы, кое-где обугленными скелетами торчат кустики дрока. Зато мерзкого гнилостного тумана нигде не видеть: то ли весь развеялся, то ли сбежал зализывать раны. Я вижу, как всадники медленно возвращаются из погони. Прежде всех ищу взглядом отца — и, к своему облегчению, нахожу его: целый и почти невредимый, он стоит, опираясь на руку Моранн. А рядом с ним стоит — надо же! — Робин Уэсли, держа в поводу крупного черного жеребца. Из-за дядиной спины выглядывает любопытная физиономия Джоэла... Как! И он тоже здесь?! Возле ног мальчишки жметя белоснежный пес. Неужели это Белс? Его прямо не узнать. На Другой Стороне он избавился от репьев и обрел новую чистую шкуру.

Тут я смотрю на собственные ноги, и едва не падаю с ветки, на которой, оказывается, сидела. Вместо пальцев — крошечные когти, вместо привычной одежды — жалкие перышки. Шаткая опора уходит из-под ног, и я инстинктивно бью крыльями (крыльями?!), пытаюсь удержаться. Что со мной случилось? Кто я?

Обретя хрупкое равновесие в кусте боярышника, я снова всматриваюсь в людей, собравшихся внизу. Сиды выстроились полукругом, в центре которого находится Королева. А перед ней — тут мир на секунду снова опрокидывается в моих глазах — перед ней стоит Кеннет! Его сюртук слегка испачкан пеплом, волосы растрепаны, на щеке черный след от сажи, однако держится он так же невозмутимо, как в светской гостиной, с доброжелательным спокойствием эшентаунского джентльмена.

Эта сцена похожа на сбывшийся худший кошмар. Где же Эйнон? Как он мог его сюда допустить? Сид угрюмо стоит в стороне, скрестив руки и поджав тонкие губы. Он явно недоволен происходящим, но вмешаться не смеет. Остальные тоже не вмешиваются. Что бы ни происходило между Кеннетом и Королевой, это теперь касается только их. Я пытаюсь сосредоточиться, чтобы услышать их разговор:

— Соглашайся, — шелковым голосом мурлычет Мейвел, — и ты получишь любой дар, какой пожелаешь. Я сама надену на тебя корону, которая охранит тебя в ночи и на солнце, в битве и в пути. Сила и власть навечно пребудут с тобой, и я тоже буду твоей...

Кеннет вежливо, но непреклонно качает головой:

— Я пришел сюда за Энни.

По прекрасному лицу Королевы скользит проблеск досады, и она поспешно опускает голову, пряча недобрую усмешку. Но я-то вижу, что она притворяется! Кеннет ничего не замечает. Он слышит только ее голос, исполненный неподдельной грусти:

— Мне так жаль, герой, но ты опоздал. Анна Уэсли стала частью этой земли, ее душа будет вечно жить среди нас, о ее подвиге мы сложим печальные песни...

Что?! Мои эмоции сложно выразить словами. Что она несет? Моя душа пока еще при мне! Что за грязное колдовство?! Я так зла, что готова когтями вцепиться ей в волосы. Забив крыльями, падаю с ветки... и внезапно меня придавливает к земле! Я больше не птица. Мои корни тянутся вглубь, жадно вбирая воду, листья поворачиваются к свету. «Но я все еще здесь!» — кричу я. Только никто не слышит.

Вдруг все тело пронзает резкая боль. Я чувствую, как железные лопаты кромсают глинистые валы, как сгорает на солнце вырванная с корнем трава. Боль туманит рассудок, наполняет каждую клеточку тела и, почти отключившись, я успеваю подумать: «Кажется, мистер Гимлетт все-таки добрался до Лабиринта».

Королева тем временем шепчет негромко, словно поет:

*...Она — наконечник копья в бою,
Заветное слово, дарующее победу,
Она — рыба в ручье и озеро на равнине,
Тугой кремень, высекающий яркие искры...
Она — россыпь цветов и солнечный свет,
Кто сочтет, сколько лет он будет литься на землю?*

Этот вкрадчивый шепот проникает в самое сердце. Хочется закрыться от него, зажмуриться, но у меня нет ни рук, ни глаз, а каждый удар по Лабиринту почти вышибает сознание. Заклинания, произнесенные Королевой, все крепче привязывают меня к этой земле. Если она не прекратит, я останусь здесь навечно! Птицей на ветке, сухой травой, водяной рябью в озере... Что это будет за жизнь — каждый день умирать, возвращаясь снова и снова! Оглушенная болью, я пропускаю момент, когда Кеннет вдруг подхватывает напев:

*Она — песня, которая звучит во мне, когда все умолкают,
Огонь в очаге, который никогда не погаснет,
Она — дорога, бегущая через всю мою жизнь,
Мое слово, которое тяжелее меди,
Она — вкус яблок и земляники,
Предчувствие улыбки, заставляющее сердце биться чаще...*

Он смотрит Королеве прямо в лицо — смело и уверенно, без тени сомнения:

— Ты серьезно думаешь, что я ее не найду? Думаешь, я не узнаю ее в любом обличье?

От его слов Мейвел как-то скисает, но теперь мне становится еще тревожней. «Ох, Кеннет, — мысленно умоляю я, — будь осторожен!» Королева коварна, ее мысли — как змеи в траве! Мое сердце готово разорваться от любви и страха, тем более сильного, что боюсь я не за себя. Кеннет протягивает руку — и я рвусь к ней, цепляюсь за нее, как за якорь, привязывающий меня к жизни. На какое-то время меня охватывает ощущение, будто тысячи крошечных Эн-

ни Фишер снова пытаются собраться в одно целое. Задыхаясь, я хватаю ртом воздух, чувствуя, как вновь расправляются легкие. В ноздри бьет запах гари и паленой травы. Постепенно исчезает пелена перед глазами — и я снова вижу небо, серо-зеленые холмы и какие-то лица, собравшиеся вокруг. Все это не имеет значения. Единственный, кто мне нужен сейчас — это Кеннет. Вот он, рядом со мной, его рука, сжимающая мою, слегка дрожит, а в темных глазах я вижу отражение моих чувств.

— Анна! Она вернулась! — вскрикивает кто-то в толпе. Среди собравшихся фейри проносится шепот, будто ветер гладит ладонью верхушки кустов. К нам подходит Моранн — и вдруг обнимает меня крепко-крепко. Ее распущенные волосы пахнут ромашкой, повиликой, мальвой и всеми полевыми цветами сразу, холодные щеки мокры от слез. На одну долгую минуту я позволяю себе зажмуриться и побыть просто девочкой, греющейся в маминых объятьях. Но нельзя забывать, что мы все еще на Той Стороне, где лучше быть начеку.

Кеннет дал нам возможность побыть вдвоем, заслонив нас от Королевы.

Рядом с ним встал еще один человек — с каштаново-седыми волосами, в покореженном панцире и с блестяще-серебряной правой рукой. Мейвел явно разгневана, кусает губы от злости. Будь мы одни, она с удовольствием превратила бы нас в скользких жаб, но здесь присутствуют все ее подданные, перед которыми ей приходится держать лицо.

— Что ж, — говорит она Кеннету, — ты узнал ее. Ты победил. Можешь увести ее с собой.

И отворачивается, холодно кивнув. Аудиенция закончена, все свободны. Однако никто не двинулся с места. В наступившей тишине слышится чье-то деликатное покашливание. Эдвард Уэсли, подмигнув мне, решительно сказал:

— Сдается мне, это не слишком-то вежливо по отношению к моей дочери, которая только что спасла нас всех. — В его голосе слышится неподдельная теплота и гордость, когда он говорит мне: — Прощу, будь нашей гостьей.

— Будь нашей гостьей, — как эхо, повторили остальные. По бледным лицам фейри запорхали улыбки, сначала неуверенные и робкие. Потом напряжение спало, все как-то повеселели. Один суровый воин, с ног до головы закованный в железо, поймав мой взгляд, лихо поклонился, чуть не уронив рогатый шлем. Стоявший рядом с ним трухлявый сильван приветственно поднял деревянную руку. На его шишковатом лице (вернее, на том, что условно можно было назвать лицом) разверзлась душлистая улыбка.

* * *

Я боялась взглянуть на Мейвел, которая, кажется, готова была взорваться. К счастью, рядом с ней появился лорд Робин. Он что-то негромко сказал; Мейвел, дернув плечиком, презрительно отвернулась. На лорда Робина это, однако, не произвело ни малейшего впечатления. Он спокойно взял ее за руку. Я затаила дыхание. Боже, сейчас она испепелит его на месте! Однако Королева вдруг рассмеялась. Настроение у нее было переменчивое, как погода весной.

Вместе с мистером Уэсли она обернулась к холму, прошептав несколько слов. Земля задрожала. Пласты дерна раздвинулись в стороны, сместились каменные плиты — и холм расступился перед нами. Невероятно! В жизни не видела ничего подобного! Вглубь земли уходили широкие каменные ступени.

— Как странно! — пробормотал Кеннет, когда мы спускались. — Это же копия той лестницы, что ведет к парадному крыльцу Уайтбора!

Он был прав. Я еще не совсем пришла в себя после временного развоплощения, иначе тоже заметила бы это. У меня до сих пор слегка кружилась голова и шумело в ушах. Идти я могла, только опираясь на крепкую руку Кеннета, который держал меня так, будто вообще не собирался отпускать. Мы попали в прохладный холл, в точности походивший на вестибюль в Уайтборе. Те же светлые колонны, сплетающиеся наверху, те же голубые розетки, похожие на лоскутки неба! Я подумала, что замок, скрытый в холме, был фактически братом-близнецом Уайтбора, его перевернутым зеркальным двойником.

Эдвард Уэсли, державшийся поблизости на случай непредвиденных осложнений, улыбнулся:

— Робин не рассказывал тебе? — спросил он. — По легенде, фейри построили Уайтбор как серебряное веретено, балансирующее на границе миров. До тех пор, пока стоит этот замок и прядется тонкая нить из лунного серебра, волшебство в Грейвиллии не исчезнет...

За узорчатыми дверями «рыцарской» гостиной раздавались взрывы смеха и пиликанье скрипок. Все-таки легкомыслие фейри меня просто поражало! Час назад мы все едва не погибли. После появления Хуперов в Долине Шепотов часть ее, вероятно, придется переименовать в Немую Долину, так как эти чудовища уничтожили за собой все живое. И все равно, как только опасность миновала, сиды уже готовы были веселиться!

Стол в гостиной ломился от яств, пять пылающих светильников под стропилами заливали комнату теплым светом. Возле дверей я заметила Джоэла, который хитро улыбался, поглядывая на нас. Вот же шельма! Столько времени находился рядом — и даже ни разу не намекнул! Я посмотрела на него с укоризной:

— Знаешь, если бы у меня возникло подозрение, что кто-то из наших конюхов бегают по ночам в холмы, я скорее подумала бы на Джонса!

Джоэл с достоинством пожал худенькими плечами:

— По рождению я мог выбрать Ту Сторону или эту, вот я и решил уйти вместе с мистером Уэсли. В одиночку ему было бы трудно справиться с переходом, особенно после болезни, — объяснил он.

Значит, Джоэл был таким же, как я. Полукровкой. В отличие от чистокровных сидов, мы могли выбирать между человеческим миром и волшебной страной. И ни во одном из миров не чувствовали себя на своем месте... Я вздохнула и почувствовала, как Кеннет крепче сжал мои пальцы.

Мальчишка тем временем забеспокоился:

— Вы же не прогоните Джонса? Я думаю, ему вообще безразлично, Та Сторона или эта, главное, чтобы к лошадам поближе. Вы разрешите ему остаться?

Я заверила его, что не так глупа, чтобы избавиться от лучшего конюха во всем Думаноне. Потом появился распорядитель и пригласил нас к столу, во главе которого уже сидели Мейвел с лордом Робинотом. Мое внимание привлекла стайка девушек в легких струящихся одеяниях. Их светлые волосы блестели, как вода в реке, но одна из них была темноволосой. На секунду наши взгляды встретились, и я вздрогнула: это была Эстрелья! Кажется, она нарочно привлекла мое внимание, так как сразу отвернулась, неестественно засмеявшись. В ее движениях была заметна нервозность, и вообще, судя по виду, ее пора было срочно спасать. Между тем, Кеннет заметил мой взгляд:

— Это же мисс Рамирес! — воскликнул он с удивлением. — Как?! Она тоже здесь?

— Она попала сюда из-за меня, — призналась я, рассматривая серебряные завитушки на тарелке и не решаясь поднять глаза. — А ты разве не за ней сюда явился?

Кеннет посмотрел на меня с очень серьезным выражением:

— Вообще-то нет. Я приехал в Уайтбор как раз вовремя, чтобы увидеть, как ты лихо прогарцевала через вестибюль на каком-то мохнатом кабане с когтями. Это было очень эффектно, поверь мне. Только адского пламени не хватало. Я давно подозревал, что Уайтбор — непростое место, своего рода портал, и решил, что ты отправилась на поиски своего дяди. Было несложно догадаться, куда он исчез. Когда я вез его из Босвена, большую часть пути он был без сознания, но, очнувшись, говорил только о Мейвел. Я забеспокоился.

Мне хотелось сгореть от стыда:

— Я надеялась вытащить Эстрелью, пока ты узнал о ее исчезновении, но все пошло не так. Даже не представляю, как теперь уговорить Королеву отпустить ее! — добавила я уныло.

Одного взгляда на Мейвел хватило, чтобы удушить самые смелые надежды.

Кеннет мягко накрыл мои пальцы своей ладонью:

— Предоставь это мистеру Уэсли.

— Думаешь, дядя сумеет ее убедить?

— Не уверен, — признался Кеннет. — Но он бесит ее не так сильно, как мы!

На столе появлялись все новые блюда: молочный поросенок и пироги, творог со сладким медом, орехи и хлеб... Как назло, пахло все упоительно вкусно! Похоже, что Мейвел, ничего не добившись колдовством, решила взять нас измором. Я держалась из последних всех сил, помня, что в гостях у фейри нельзя проглотить ни кусочка пищи, ни глоточка вина, если хочешь вернуться обратно. У Кеннета получалось следовать этому правилу с гораздо большей непринужденностью.

Чтобы не думать о еде, я исподволь принялась следить за дядей и Королевой, стараясь угадать, о чем они говорят. Лорд Робин хмурился и поглядывал в сторону Эстрельи, что только подстегивало мое беспокойство.

— ...Ей будет лучше у нас, — хорошо поставленный голос Мейвел без труда пробился сквозь шутки и смех, звучавшие над столом.

Робин Уэсли, глядя ей в лицо долгим взглядом, что-то проникновенно сказал.

— А с чего ты решил, что меня интересует твоя душа или твои желания? — заносчиво хмыкнула Королева. Однако в уголках ее губ задрожала лукавая улыбка, и на один миг нас овеяло ароматом весенних цветов.

Я вздохнула и отвернулась. Эти двое вели себя в точности как Нед с Агатой, когда те впервые познакомились! Сплошные насмешки и подколки! Мейвел подала знак музыкантам, и скрипки, оборвав веселенький мотив, послушно затянули плавную, напевную мелодию. Королева первой вышла из-за стола, увлекая за собой лорда Робина. Очень быстро их окружили другие пары, что снова вызвало ее недовольство. Один щелчок пальцами — и вдруг откуда-то упала легкая цветочная завеса, отделив Мейвел с Робинотом от чужих взглядов, улыбок и прикосновений, от всего остального мира.

Мое внимание привлекла одна леди в довольно нескромном платье, с распущенными волосами. Подойдя к нам, она призывно улыбнулась Кеннету, положив руку ему на плечо. Я воззрилась на нее в немом изумлении. Она же не собирается пригласить его танцевать? Где это слыхано, чтобы дама приглашала мужчину?!

Невероятно, но именно этого она и хотела, причем очень настойчиво! Я уже набрала воздуха, чтобы спросить, где она позабыла свои манеры, однако Кеннет успел перехватить инициативу:

— Прошу меня извинить, мадам, — сказал он, вставая и учтиво кланяясь, — но я танцую, как трехстворчатый шкаф. Уверен, вы без труда найдете более достойного кавалера!

Распущенная леди наконец отцепилась, правда, выглядела при этом разочарованной. Кеннет успокаивающим жестом положил ладонь на спинку моего стула, пока я безуспешно попыталась спрятать смех за салфеткой:

— Трехстворчатый шкаф?! Ты к себе слишком строг.

Нежная мелодия скрипки напомнила, как мы вальсировали на приеме у сацилийского посла. Это был первый вальс в моей жизни! И единственный... Потеплевший взгляд Кеннета говорил, что в его памяти всплыли те же воспоминания. Наклонившись ко мне, он шепнул:

— Я бы как-нибудь сладил со своей неуклюжестью и пригласил тебя на танец, но твой отец уже несколько минут подает нам какие-то знаки. Кажется, пришло время исчезнуть.

Я тут же стряхнула с себя неуместное любовное наваждение (наверняка тоже вызванное чарами Королевы!) Эдвард Уэсли уже вел к нам Эстрелью. Ее новые подруги, поглощенные танцем, пока не заметили пропажи. Сиды из отряда отца отвлекли внимание остальных гостей, дав нам возможность незаметно покинуть праздничную залу. Напоследок я обменялась взглядом с Морэнн, прижав ладонью серебряную стрекозу, спрятанную под платьем. Ее подарок. Мама, улыбнувшись, кивнула. Как жаль, что мы опять не смогли нормально попрощаться!

Больше всех нужно было опасаться Ворчуна, которого Мейвел могла пустить по следу. В прошлый раз я чуть шею не свернула, убегая от него! Оглянувшись, я поискала его глазами. Лохматый ужас Босвенской пустоши вальяжно лежал у камина. На секунду он приоткрыл лукавый глаз, будто подмигнув мне, и сейчас же завалился на бок, вытянув лапы. «Я совершенно измотан, — говорила его поза. — С места не сдвинусь, хоть вы все тут лопните».

Когда я догнала Кеннета и Эстрелью за дверьми гостиной, я все еще смеялась.

— Энни! — вдруг окликнул кто-то. Мы обернулись.

К нам спешил Эйнон. Вот дьявольщина! Я и забыла, что за мной остался должок. Одна надежда, что он не станет убивать меня на глазах у Фонтероя. Нам ведь не нужен здесь еще один драконский пожар, правда?

Эту мысль я без слов попыталась донести до Эйнона, пока тот приближался. Однако вместо того чтобы пригвоздить меня мечом к стене, сид вдруг обнял меня, прижав к груди, и щекотно шепнул прямо в ухо: «Риаллоран».

Теперь пришла очередь Кеннета онеметь от изумления. При виде такой наглости его брови сами поползли вверх. Эйнон, правда, не стал испытывать его терпение и быстро отстранил меня на расстояние вытянутых рук:

— Прощай, Энни, и пусть не отцветет боярышник в твоей душе!

Последние слова он произнес почти на бегу, в тот же миг растворившись среди гостей.

— Однако, что за причудливые манеры у этого джентльмена! — заметил Кеннет, собственническим жестом взяв меня за руку и продев ее в свой согнутый локоть. — Не иначе, здешний климат так странно влияет на нервную систему!

— Забудь, — успокоила я его. — Он просто пожелал мне счастья... на свой манер.

«Да уж, спаси нас Бог от подарков фей и их благословений! Если вспомнить, что боярышник здесь считается символом целомудрия, Эйнон уготовил мне участь старой девы. Отомстил, так сказать, за хрустальный плен. Но вместе с тем он назвал мне свое настоящее имя!»

Поверить не могу! Зная истинное имя сиды, я могла... о, я много чего могла! Заставить его исполнить любое мое желание, навлечь на него любые несчастья — в общем, в моих силах было устроить Эйнону веселенькую жизнь. В то же время я прекрасно понимала, что никогда не сделаю ничего подобного. Это такое доверие, предать которое невозможно. Вместо того чтобы пырнуть меня мечом, сид нанес чувствительный удар по моей совести. Что за коварный, бесовский тип!

Ладно, сейчас было некогда размышлять о моих опрометчивых поступках или особенностях сидской натуры. Мы спешили изо всех сил, понимая, что благодущие Мейвел долго не продержится. Наверняка она уже роется в памяти, подбирая самое смертоносное заклинание. Одна надежда, что дядя Робин с моим отцом сумеют прикрыть нам спины!

Разъяренный вопль настиг нас на середине широкой лестницы, ведущей к выходу из холма. Он ударил по ушам, отразился от стен и заметался под сводами всполошенным эхом. От этого крика задрожала земля под ногами, по каменным плитам зазмеились длинные трещины. Одна из ступеней рассыпалась в пыль под моей ногой, но, к счастью, Кеннет успел меня поддержать. Сверху сыпались комья земли.

— Холм закрывается! — вскрикнула Эстрелья.

Другой рукой Кеннет схватил ее за локоть.

— Бежим!

Земля уходила у нас из-под ног, лестница рушилась. Светлое пятнышко входа, казалось, отодвигалось все дальше. Я с отчаянием подумала, что проклятый холм ни за что не выпустит нас из каменных объятий!

— Держитесь! — кричит кто-то голосом Кеннета. Или уже не Кеннета. Рука, крепко державшая меня за талию, вдруг резко выросла и обзавелась твердыми когтями, царапавшими тонкую ткань. Над головой раскрылся плотный купол драконьих крыльев. Дракону было тесно в узком проходе. Отовсюду сыпался песок и обломки камней. Я зажмурилась, но успела заметить, что светлая цель впереди как будто стала ближе и ярче. В лицо било горячим ветром, уши закладывало от свиста — и вот, наконец, дракон вырвался из закрывшегося холма, и все вспыхнуло вокруг ослепительным белым светом.

* * *

Мы ушли из Уайтбора — и очнулись в Уайтборе. Первое, что я увидела, открыв глаза — знакомые разлапистые светильники под балками «рыцарской»

гостиной. Потухшие, они были похожи на пустые клетки, выпустившие на волю огненных птиц. В окна лился слабый серенький свет. Все было на своих привычных местах, и вообще окружающая обстановка воскрешала забытое ощущение нормальности происходящего. Как я ни старалась, не могла уловить в воздухе ни единого намека на волшебство.

В кресле напротив я увидела Кеннета, задумчиво потиравшего лоб. Эстрелья, со стоном держась за виски, спустила ноги с софы. Можно было облегченно выдохнуть: как ни странно, мы все остались живы!

— Как ты себя чувствуешь? — с тревогой спросила я у Эстрельи, помня, что случилось с леди Элейн после посещения волшебного острова, и как сильно подействовало на нее колдовство. К счастью, девушка выглядела вполне здоровой.

— Стыдно признаться, но я голодна, как волк! — засмеялась она, собирая в узел растрепанные волосы. — Еле сдержалась, чтобы там, в гостях, не перехватить чего-нибудь! Никто не возражает, если я приготовлю кофе? Кажется, все слуги исчезли отсюда вместе с фейри.

На секунду она задержалась в дверях, послав мне ободряющую улыбку. Долг хозяйки велел мне помочь ей, но, заметив движение Кеннета, я осталась в комнате. Нам предстоял нелегкий разговор, и не было смысла его откладывать.

— Энни, — позвал он, как только мы остались одни. Я обернулась — и меня поразила произошедшая с ним перемена. Золотое свечение в его глазах, которое так часто меня пугало, теперь бесследно исчезло.

— Твой дракон... — выдохнула я. Кеннет безразлично пожал плечами:

— Остался на Той Стороне. Выбрал своим новым хозяином тот Уайтбор. Кажется, он пришелся ему по вкусу больше, чем я. Кроме того, на Той Стороне дракон может иметь собственный облик.

Я не знала, что сказать от нахлынувших противоречивых чувств. Представляю, как взбунтуется Мейвел, узнав об этом! Живой замок, наделенный самосознанием, плюс дракон, с его гордым и непредсказуемым характером — это поистине сногшибательный тандем! Сидам теперь скучать не придется... С другой стороны, кто лучше дракона сможет защитить Уайтбор от Хупера или какой-нибудь другой напасти? А пока замок цел, волшебство не исчезнет.

Было только тревожно за Кеннета. Магия живущего внутри дракона иногда его тяготила, но каково это — совсем от нее отказаться? Не увидеть больше землю с высоты, не почувствовать «музыку сфер», о которой он однажды рассказывал? И, главное, снова из-за меня!

— Прости, — сказала я искренне. — Это все из-за того, что тебе опять пришлось меня выручать!

На его лице отразилось легкое удивление, смешанное с улыбкой:

— Не сказал бы, что эта обязанность меня тяготит, но, — тут он посерьезнел, — мне невыносима мысль, что однажды я могу опоздать! Каждый раз, когда тебе приходится рисковать, я с ума схожу от тревоги! Есть лишь один способ обеспечить нам обоим спокойную жизнь. Ты выйдешь за меня замуж?

Мне вдруг показалось, что из комнаты откачали весь воздух. Я так мечтала, чтобы он это сказал! И теперь должна была отказаться от него. Ради самого Кеннета...

Неправильно расценив мое замешательство, он счел нужным объяснить:

— Понимаю, тебе нужно время, чтобы оправиться от всех этих потрясений. Я не тороплю тебя, просто каждый раз, когда я собираюсь сделать тебе предложение, тут же что-то случается! В первый раз я хотел сделать это еще в Эшентауне — и меня тут же выдворили из страны. Во второй раз собирался объясниться, когда вернулся из Босвена — и ты мигом сбежала на Другую Сторону...

Я невольно покраснела, вспомнив тот наш разговор. Кеннет тактично умолчал о том, что в тот вечер я была пьяна, как сапожник.

— В общем, я не мог упустить момент, когда мы с тобой находимся в одном мире, в одной стране, более того — в одной комнате! Если ты согласна, то в Кавертхале есть вполне приличная церковь. Я уже говорил со священником. Мы могли бы...

Чем дольше я его слушала, тем быстрее таяла моя решимость. Пришлось перебить:

— Кеннет, подожди! Я... очень благодарна тебе, правда, но я не могу! Я — неподходящая для тебя невеста.

Он определенно не ожидал такого ответа. Некоторое время он просто смотрел на меня, потом вздохнул с интонацией человека, которому приходится терпеть чьи-то непонятные причуды:

— Мне казалось, раньше ты была иначе настроена! Что случилось?

Я отвернулась, стараясь собраться с мыслями и не испортить все слезами. Пусть он разозлится, но для него же будет лучше отказаться от меня сейчас, чем потом жалеть о поспешном браке! Энни Фишер из Кречи не место рядом с лордом Фонтероем, равно как и Козе Энни с Коул-стрит. А благовоспитанной леди из меня, похоже, не выйдет. Настоящая леди никогда не полезла бы в расследование, не подвергла бы опасности Эстрелью, и ее не пришлось бы с риском для жизни извлекать из сидского холма!

— Мы с тобой слишком разные, — тихо сказала я. — Я ничего не понимаю в твоих увлечениях, не особенно умна, не...

Кеннет задумчиво прошелся по комнате.

— Ну почему же, сейчас ты демонстрируешь удивительное здравомыслие! — бросил он. — Прости, я перебил.

Он, казалось, чувствовал себя совершенно свободно и ничуть не выглядел оскорбленным, как мужчина, только что получивший отказ от женщины.

— ...Не очень образованна, не разбираюсь ни в твоей любимой музыке, ни в книгах, и боюсь, что однажды тебе со мной станет скучно!

— Господь с тобой, Энни! — не выдержал Кеннет. В два шага преодолев разделявшее нас расстояние, он поймал мои руки и взял их в свои: — Я хочу разделить с тобой свою жизнь, я счастлив от мысли, что ты просто существуешь со мной в одном мире, а ты беспокоишься, что нам будет трудно найти общую тему для разговора?! О чем ты вообще? Если я захочу поговорить с кем-то вроде себя, я схожу в клуб.

— Я хотела бы, чтобы ты взял в жены женщину, которой сможешь гордиться...

— Но я горжусь тобой! Ты смелая, у тебя доброе сердце, и, пытаясь кого-то спасти, ты вечно попадаешь в такие потрясающие ловушки, что нарочно не придумаешь! И ты еще переживаешь, что наша жизнь станет скучной!

Я улыбнулась сквозь слезы:

— Знаешь, я никогда не могла тебя переспорить! Никогда, с самой первой

встречи! Ты всегда меня обезоруживал. Хоть бы раз поддался, просто из вежливости!

— Только не в этом вопросе! — ответил Кеннет без тени спокойствия в голосе. — Если ты откажешь мне сейчас, я подожду. Но придет день — и я все-таки отведу тебя в церковь, даже если придется ждать всю жизнь!

— Не придется, — сдалась я, обнимая его за плечи.

— Надеюсь, — прошептал Кеннет мне в губы. — Я уже не так молод!

Эстрелья, с присущей ей деликатностью, появилась с подносом ровно через минуту после того, как мы смогли отстраниться друг от друга на пристойное расстояние в десять дюймов. Мои щеки пылали. Кеннет вопреки своему утверждению выглядел помолодевшим лет на двадцать.

— Мисс Анна оказала мне честь, согласившись стать моей женой! — воскликнул он.

— Я же говорила, сэръ, что вас можно счесть вполне привлекательным, особенно если прищуриться, — поддразнила его Эстрелья, незаметно мне подмигнув. — А вы сомневались!

Кофе и бисквиты пахли просто умопомрачительно. После «богатого» пира в холмах фейри мы были голодны, как волки, так что не долго думая приступили к завтраку. Кеннет шутливым жестом поднял свою чашку:

— За мою будущую жену!

От его взгляда мои губы сами сложились в улыбку. Последние несколько минут убедили меня, что без слов мы гораздо лучше понимали друг друга. Может, брак и семья — это действительно не так страшно?

— Не сходить ли нам в Кавертхол? — предложила Эстрелья с самым невинным видом. — Наверняка мистер Пенвен будет рад узнать, что с нами ничего не случилось. Кроме того, он может послать известие моим дяде с тетей!

Я подумала, что мои утренние визиты в Кавертхол уже стали традицией. Причем каждый раз я ухитрялась приносить с собой какие-нибудь неприятности: то судейских чиновников, то неведомое чудовище, бродящее по берегу, то неугомонного мистера Гимлетта с его копателями! Представив себе лицо деревенского старосты, когда мы заявимся к нему втроем, я засмеялась:

— О да, мистер Пенвен будет особенно рад меня видеть!

Эпилог

С течением времени волшебство в Уайтбор так и не вернулось. Когда мы приехали в Эшентаун, Кеннет первым делом нанял для замка хорошего управляющего и экономку. Мы регулярно получали от них отчеты, но не находили там никаких жалоб на неподобающее поведение коридоров, каминов, лестниц или платяных шкафов. Можно было заключить, что волшебный замок на Той Стороне окончательно закрыл свои двери, не оставив ни малейшей щелочки.

В столице нас тоже ждали дела. Пока нас не было, Селина успела-таки выйти замуж за мистера Меллинга, что вызвало у ее новоиспеченного супруга обострение поэтических чувств. В результате мы с Кеннетом удостоились целой эпической поэмы в честь нашего возвращения. Первым делом я наведася в магистрат к мистеру Тревору, где узнала, что убийцу, наводящего ужас на бедные районы за Тессой, наконец-то поймали. Нед Уолтер стал героем, хотя еще чуть-чуть — и мог бы стать покойником. Он получил удар ножом, после которого Агата выхаживала его целую неделю. К моей радости, отношения между ними снова почти наладились, хотя прежней доверительности, конечно, уже нельзя было вернуть.

«Некоторые вещи невозможно полностью стереть из памяти», — думала я, вспоминая миссис Полгрин и остальных соседей в Думаноне. Мэри снова погрузилась в книги, Кэролайн почти не появлялась на людях, а доктор Медоуз сидел в тюрьме. Его дело собирались рассмотреть в летнюю сессию, и мы надеялись, что суд примет во внимание некоторые смягчающие обстоятельства. В этот раз хлопотать за осужденного ездил Кеннет, а уж на его дипломатические способности (в отличие от дядиных) можно было положиться.

Я часто вспоминаю мистера Уэсли. Его последнее письмо бережно хранится в моей шкатулке. В нашем доме на Гросвен-стрит богатая библиотека, дяде она бы понравилась. Иногда, бросив взгляд сквозь дверной проем, краем глаза я замечала в кресле согбенную фигуру с книгой на коленях и слышала шелест страниц. Но это всегда оказывалась лишь игра теней и случайные сквозняки.

Хотя, кто знает, может, мы еще свидимся? Фейри же иногда заглядывают в наш мир...

Не прошло и трех месяцев после нашей свадьбы, как Кеннет начал поговаривать о возвращении в Думанон. Я подозревала, что его в конце концов утомят долгие бесцельные прения в парламенте и политические карьеры, строящиеся на популистских голосах и взаимных договоренностях. А еще он чувствовал ответственность за мисс Рамирес. После нашего отъезда в Думанон добралось, наконец, официальное известие о гибели генерала Рамиреса, и весь дом Гимлеттов погрузился в траур. Это плохо сказалось на характере мистера Гимлетта. Эстрелья никогда не жаловалась нам в письмах, но по случайным обмолвкам мы догадывались, что Гимлетт, потеряв надежду на скорое и удачное замужество своей племянницы, начал выказывать признаки недовольства.

Кеннет несколько раз ворчал, что мы могли бы позаботиться об Эстрелье гораздо лучше. Я не возражала. Моя ревность давно перестала меня беспокоить. Но я волновалась, что на самом деле моего мужа влекло в Думанон не только это... Та Сторона на всех нас оставила свой отпечаток. Однажды побывав там — ты уже не мог от нее отказаться. Она завладевала тобой изнутри.

Меня ведь тоже влечет в Думанон, особенно весной. Когда луна светлеет лицом и особенно нежно скользит по поверхности моря, когда холмы, потягиваясь, стряхивают с себя зимнюю дрему, этот край становится особенно красив. И над колючими зарослями дрока расплывается запах скалларий, словно тень призрачной и всеведущей королевы Мейвел.

Волгина Алена БАЛ С СЮРПРИЗОМ

Ночной Эшентаун засыпало снегом. Улицы и подворотни, припудренные белым, приобрели обманчиво мирный вид. Это не могло ввести в заблуждение Неда Уолтера, одного из «ищеек» мистера Тревора, который тревожно прислушивался к каждому шороху и смотрел во все глаза, прежде чем свернуть в очередной переулок. Неосторожного человека здесь по ночам могла подстергать масса сюрпризов.

Его коллега Фокс, дышавший ему в спину, глухо выругался:

— Не там ищем. Только зря прогулялись!

Оба сыщика облегченно вздохнули, когда вышли на Товерский мост, отделявший грязные трущобы на южном берегу Тессы от широких улиц Сити и Эбби-Гарденс. Здесь город распахивался перед зрителем, как строгий портрет, написанный углем: белая пустота улиц, черные контуры домов. Посветлело, начали появляться фонари. Их огни, окруженные дымчатым ореолом, напоминали об уютном пламени камина. Уолтер ускорил шаг.

— Помяни мое слово, Гастролер — не того полета птица, чтобы рыскать по кабакам Кречи! — настойчиво бубнил Фокс.

Две недели назад город потрясли несколько ловких краж. Вскоре слух об этом дошел до городского магистрата, и мистер Тревор отправил своих подчиненных в рискованный вояж по ночным трущобам, чтобы выяснить, что болтают завсегдатаи пабов об удачливом новичке. Как выяснилось, ничего.

— Ишь, дома-то какие выбирает! Сначала — кража у Бромфортов, через неделю — у Реттреев! И это только те, о которых мы знаем! Люди не рвутся сообщать о таком в магистрат. Боятся позора, огласки... Насколько я понял, ворюшка действует по одной схеме: в чьем-то доме проходит прием, а на другой день выясняется, что один из гостей лишился какой-нибудь ценности.

Нед вздохнул:

— Может быть, Гастролер — действительно из образованных. Чей-нибудь секретарь, нечистый на руку, например. Или гувернантка. Никто не замечает гувернанток! Но у Тревора была своя версия, и мы обязаны были ее проверить.

— Только время зря потеряли, — проворчал Фокс. — Поди, Гастролер сегодня опять чего-нибудь спер! Время сейчас такое, что балы и приемы идут чуть ли не каждый день! Нам бы не по трущобам, а по гостиным пошарить, да рылом не вышли. Вот если бы Энни...

Уолтер метнул на него предостерегающий взгляд:

— Забудь. Если ты хоть заикнешься о том, чтобы привлечь к делу Энни, лорд Кеннет живо свернет тебе шею, а Тревор ему еще и поможет.

Трудно было привыкнуть, что их бывшая коллега Энни Фишер внезапно превратилась в светскую даму, выйдя замуж за Кеннета Фонтероя. Эта свадьба наделала в городе много шума. Лорд Кеннет считался у светских матрон завидной, но, увы, неуловимой добычей, а потом вдруг взял и привез невесту откуда-то с юга, из самого Кэреска. «Не иначе, околдовали!» — шептались в гостиных. Помня о богатых магических традициях этого графства, кое-кто намекал, уж не сама ли королева фейри сосватала лорду Кеннету эту странную про-

винциалку с кожей белой, как молоко, и прозрачными зелеными глазами.

Только бывшие коллеги Энни знали, насколько это предположение было близко к истине.

Не удивительно, что дамы Эшентауна поначалу отнеслись к Энни как к захватчице, которая под покровом ночи прокралась в их лагерь и сбежала с самой жирной овцой. Впрочем, новая леди Фонтерой, с ее живым характером и обаянием, быстро освоилась в обществе и завела друзей. Бал, который собирались дать в особняке на Гросвен-стрит, обещал быть великолепным.

— Между прочим, у них скоро состоится прием, — продолжал искушать Фокс напарника.

— Нет. Мы не будем использовать Энни! Но мне очень интересно, как ты ухитришься быть в курсе таких новостей!

Фокс был так плотно интегрирован в городское общество, что, казалось, мог узнавать о событиях еще до того, как они успевали произойти. Он ухмыльнулся:

— Ну, я много чего знаю! Например, что у тебя в доме на Гросвен-стрит есть свой интерес. И сейчас ты злишься вовсе не из-за Энни!

Это тоже была правда. Не далее как вчера упомянутый «интерес» выставил Уолтера за порог вместе с обручальным кольцом. В третий раз уже. Агата Досон раньше служила горничной в доме лорда Кеннета, пока год назад ее не вынудили совершить преступление, чуть не погубившее ее хозяина. Несмотря на это, для Неда она все равно оставалась самой чудесной девушкой в мире.

— Я сказал — нет, — отрезал Уолтер. — И давай больше не будем это обсуждать!

* * *

В семь часов Кеннет Фонтерой вернулся из клуба с намерением провести тихий, уютный вечер дома. С некоторых пор домашние вечера приобрели для него особую прелесть. Правда, светские развлечения оставляли им с Энни мало возможностей для этого. «Вот он, недостаток столичной жизни! Родную жену видишь только по утрам, да и то урывками!»

Пройдя через анфиладу парадных комнат, он наконец отыскал Энни в маленьком салоне в задней части дома. Яркое пламя камина бросало оранжевые отблески на полированную мебель. За окном падал снег. На столе лежали какие-то списки и счета — вероятно, Энни планировала закупки для предстоящего бала. Но сейчас она стояла у окна, любуясь тишиной заснеженной темной улицы.

Кеннет, подойдя сзади, положил ей руки на плечи:

— Скажи, ты действительно счастлива со мной?

Этот вопрос не на шутку его беспокоил. Энни, казалось, с удовольствием устраивалась в Эшентауне: обновляла комнаты, спорила с Батлером, писала благодарственные письма и посещала театры, но за всем этим чувствовалось постоянное ежеминутное усилие. В конце концов, он женился на ней не для того, чтобы осложнять ей жизнь! Иногда его посещала мысль, не лучше ли им было остаться в Кэреске...

Она обернулась с улыбкой и Кеннет, как всегда, потерялся в ее огромных блестящих глазах. Ее нежное лицо каждый раз заново ошеломляло его, и вместе с тем казалось знакомым, словно собственная тень, будто он знал Энни с самого детства.

— Ты еще спрашиваешь? — удивленно выдохнула она.

— К местному обществу сложно привыкнуть.

— Мне хорошо там, где ты.

Она потянулась к нему и закрыла глаза, вероятно, решив ответить на его дурацкий вопрос без слов. Кеннет отнесся к этому с большим энтузиазмом. Время летело мимо. Пламя в камине успело померкнуть, прежде чем он спохватился, что хотел кое-что обсудить.

— Мне казалось, что тебя что-то тревожит.

Между ее бровей пролегла маленькая морщинка.

— Дело в Агате. Она опять весь день плакала. Не понимаю их с Недом! Оба любят друг друга — и оба несчастны!

«Агата Доусон», — с некоторым усилием припомнил лорд Фонтерой, заставив себя вернуться с небес на землю. Она была первой, с кем Энни познакомилась в его доме, и не удивительно, что между девушками сразу завязались дружеские отношения. Кеннет не держал на нее зла, хотя по ее милости ему пришлось пережить несколько неприятных моментов. Зато, если бы не ее дурацкая выходка, они с Энни вообще бы не встретились, и это с лихвой искупало все остальное!

Когда «дело с амулетом» было раскрыто, он подумал, что Агате было бы неприятно оставаться на Гросвен-стрит. Вызвав ее для разговора, он предложил ей на выбор: либо место в каком-нибудь хорошем доме, подальше от Эшентауна, либо небольшую сумму денег, достаточную, чтобы обрести независимость. Из Агаты, с ее твердым характером, получилась бы неплохая лавочница! Однако девушка, горестно ссутулившись, попросила разрешить ей остаться в доме в качестве помощницы кухарки, миссис Бонс. Кеннет удивился, но, посмотрев на ее удрученное лицо, молча кивнул и больше не соводался со своей благотворительностью.

— Не пойму, что им мешает? — хмурилась Энни.

Фонтерой, задумчиво хмыкнув, присел к столу.

— Гордость, я думаю. Агата — очень гордая девушка. Нед давно простил ее за предательство, но ей сложно это принять. Трудно вынести, что она должна быть вечно ему благодарной. Не думаю, что она относится к такому благодарному типу людей.

— Возможно, ты прав... Да, конечно, ей хотелось бы как-нибудь сравнять счет. Вот если бы она могла сделать для Неда что-нибудь такое... особенное!

Сцепив пальцы, Энни прошлась по комнате. Кеннет наблюдал за ней с некоторым беспокойством. Потом придвинул к себе графин с вином. Этот решительный блеск в зеленых глазах был ему отлично знаком. Он означал, что Энни обдумывает новую авантюру, которая неизбежно навлечет опасность на нее, а заодно и на окружающих.

— Я знаю, как им помочь, — улыбнулась она. — Я приглашу к нам на бал Гастролера!

Недрогнувшей рукой он плеснул в бокал немного вина и выпил залпом.

— Прекрасная идея. Конечно, пригласить на наш вечер неуловимого жулика, о котором уже месяц судачит весь Эшентаун — это именно то, чего нам не доставало!

Энни не уловила сарказма:

— Неуловимого? Ха! Я как раз его вычислила! И Фокс с Недом смогли бы, ес-

ли бы их мозговой трест пошустрее скрипел шестеренками!

Он невольно засмеялся:

— Люблю, когда ты выражаешься, как Энни Фишер.

— Только подумай, если Агата поможет разоблачить такого хитрого преступника, а Нед это увидит... Ты ведь позволишь пригласить Неда Уолтера к нам на праздник?

— Буду рад его видеть, — кивнул Кеннет, причем в этот раз без малейшей иронии. Он считал молодого сыщика одним из самых достойных молодых людей. У него был единственный недостаток — ему катастрофически не везло с девушками.

— Тогда все получится!

Кеннет отсалютовал ей бокалом:

— Радость моя, уверен, что это будет великолепно.

Засмеявшись и быстро поцеловав его куда-то в ухо, Энни упорхнула к себе за карточками для приглашений, а Кеннет отправился к своему дворецкому, Батлеру, чтобы предупредить его о возможных осложнениях. Даже ему было ясно, что предстоящий бал не обещал беспечного веселья. Ни один план Энни, насколько он помнил, никогда не воплощался в том виде, в котором был изначально задуман.

Проходя через темную гостиную, освещенную лишь пламенем камина, он вдруг подумал, что мог бы воспользоваться своим правом и запретить ей подобные эскапады. В конце концов, леди Фонтерой вряд ли пристало гоняться за преступниками!

В окна проникал холодный, голубовато-лимонный свет. Кеннет резко задернул шторы. Снегопад кончился, и луна, отодвинув облачную вуаль, ненадолго показала свое лживое прелестное лицо. Ее облик вдруг живо напомнил ему о Мейвел, королеве фейри, от которой они чудом ускользнули тогда в Кэреске.

«Нет уж, пусть Энни ловит воришек, пусть занимается чем угодно, если это заглушит в ней ту, другую тоску!»

...потому что, однажды побывав на Той Стороне, ты уже никогда ее не забудешь.

«Кроме того, — усмехнулся он, — это так раскрепощает — быть женатым на женщине, которая совершенно не поклоняется традициям!»

После их возвращения из холмов прошло больше полугода, но Кеннет до сих пор ловил себя на ощущении, что где-то на краю восприятия, куда его сознание не смело приблизиться, он чувствовал пристальное внимание Мейвел и отголоски ее волшебства. И он до сих пор боялся оставлять Энни одну. Было гораздо спокойнее, когда ее окружали другие люди. Для королевы фейри дверь в мир людей могло стать все, что угодно: пламя камина, солнечный квадрат на полу, радуга в фонтане или нежная мелодия, тревожившая душу...

«Фейри не всеильны», — успокаивал он себя. Однако близился Йоль, а в эту ночь им было многое позволено. И насколько он успел узнать королеву Мейвел, эта дама не привыкла выпускать что-то из своих цепких рук.

* * *

За два дня до бала дом на Гросвен-стрит превратился в арену оживленной деятельности, где с утра до вечера кипела работа. К дому то и дело подъезжали повозки торговцев, гремя колесами. Бегали туда-сюда бесчисленные по-

сылыные. Батлер руководил подготовкой к торжеству, словно опытный дирижер. Слуги не осмеливались беспокоить хозяйку, полагая, что леди Фонтерой вместе с помощницей миссис Бонс обсуждают изысканное меню для праздничного ужина.

Энни с Агатой действительно были заняты.

— А ловушку для вора мы устроим вот здесь, — говорила Энни, открывая дверь в небольшую комнату рядом с бальной залой. — У этой гостиной есть вторая дверь, выходящая в коридор. Идеально для жулика! Можно в любой момент покинуть дом, причем незаметно.

— Поразительно, до чего ловко вы все придумали! — удивлялась Агата.

Леди Фонтерой пожалала плечами:

— На самом деле нет ничего сложного в том, чтобы на музыкальном вечере сесть позади джентльмена и выудить у него из кармана что-нибудь ценное. Например, табакерку. Или поддержать даму, которой стало плохо от духоты, а заодно отцепить брошку от ее платья. Я и сама могла бы такое проделать!

— Да что вы! — шокированно воскликнула девушка.

Энни мысленно поздравила себя с тем, что Агата ничего не знает о ее «подвигах» в те времена, когда она была всего лишь Стрекозой Энни из Кречи. «И хорошо, что в те годы меня не пускали в приличное общество! Иначе не сидеть бы мне тут, а болтаться на Табреном дереве!»[28]

— Но вы точно уверены, что знаете, кто этот человек?

Энни кивнула:

— Я думаю, что это фокусник, да. Его зовут мистер Смейл. Я узнавала — его приглашали на каждый прием, на котором случались кражи.

— Может, стоит просто предупредить мистера Тревора?

«Но тогда ты ничем не сумеешь помочь своему Неду, глупышка!» — подумала Энни, однако и не подумала произнести это вслух.

— Не можем же мы голословно обвинить человека! Нужны доказательства. Вдруг он все-таки невиновен? Если им заинтересуется мистер Тревор, его репутация будет погублена, и его больше не пригласят ни в один приличный дом! Короче, ты хочешь помочь мистеру Уолтеру или нет?

— Конечно, хочу!

— Вот что я предлагаю: во время приема ты подежуришь здесь, в этой комнате.

— Я?!

— А что тут такого? Никто из гостей не знает тебя в лицо. Представишься моей дальней родственницей из деревни — помнишь, я однажды так делала?

От такой перспективы Агата начала заикаться:

— Но... но... я не осмелюсь обременить вас, мадам, такой неподходящей «кузиной»!

— Поверь, обо мне еще и не такое судачат, — хладнокровно сказала Энни. — Никто даже не удивится! Ты, главное, помалкивай и улыбайся. И не забывай поглядывать на гостей.

— Я думаю, — развила она свою мысль, — что наш вор не рискнет здесь остаться до конца бала. Слишком опасно, ведь пропажу могут заметить. Нет, он постарается смыться раньше! Только представь: шумный зал, всюду полно народу, снуют лакеи... Вору нужно куда-то скрыться, не привлекая внимания. Вдруг он видит смежную комнату, тихую и спокойную, у которой есть вторая

дверь в коридор. Он бросается сюда — и натывается на тебя!

Агата, нервно сжимая пальцы, только растерянно моргнула.

— Не волнуйся! — ободряюще улыбнулась Энни. — Мистер Смейл совсем не атлет. Он даже ниже тебя ростом! Ты легко с ним справишься.

— Но... все эти блестящие леди и джентльмены... ох, мадам, я не смогу!

— Брось, на этих приемах все заняты только собой! Тебя даже никто не заметит! Зато ты будешь видеть всех.

* * *

Наконец, настал вечер бала. Часть улицы заранее освободили, чтобы экипажи могли подъехать к самому дому. Парадный подъезд в доме лорда Фонтероя весь сиял, как украшенный свечами пирог.

Энни встречала гостей вместе с мужем, стоя на верхней площадке лестницы. Благодаря популярности Фонтероя и всегдашнему любопытству светской публики гостей собралось очень много — больше двухсот человек. Вскоре у Энни уже рябило в глазах от нарядных сюртуков, светлых жилетов, шелковых и атласных платьев, улыбок и умопомрачительных драгоценностей.

Кеннет приветливо здоровался с каждым гостем. Энни, стоя рядом с ним в платье из бирюзового газа на атласном чехле, была сама не своя от тревоги, но старалась не подавать виду. Улыбаясь каждому новому лицу, она вместе с тем думала, какое широкое поле деятельности они предоставили Гастролеру и тихо надеялась, что все гости, почтившие своим присутствием их праздник, сумеют сохранить свое имущество при себе.

Парадную залу постепенно заполняли негромкие разговоры и представления. Оркестр наигрывал изысканную мелодию. Энни обрадовалась, когда к ней подскочила ее подруга, Селия Виверхэм. Девушка пришла с матерью. Ее старшая сестра, Селина, не смогла присутствовать на балу из-за нездоровья.

«Жаль ее, бедняжку, но зато это избавило нас от ее супруга, мистера Меллинга, который непременно разразился бы очередной возвышенной поэмой», — подумала Энни. Люди, близко знавшие Меллинга, шарахались от его стихов, как от огня.

— Мама нипочем бы не оставила Селину одну, — болтала Селия, как всегда, исполненная жизнерадостности, — но в последнее время она что-то часто стала заговаривать при мне о достоинствах мистера Хендсли, особенно о его прекрасном поместье и годовом доходе... Это подозрительно!

Проследив за взглядом подруги, Энни увидела коренастого молодого человека, который явно скучал в компании других джентльменов. Селия скривилась:

— Мы поговорили с ним один раз, и это было ужасно. Он часами может говорить об охоте, ружьях или своих собаках, а я в этом совершенно не разбираюсь!

— Думаю, он более выигрышно смотрелся бы в своей естественной среде обитания — где-нибудь в загородном доме, — согласилась Энни. — Но, может, один-два танца с ним изменят твоё мнение в лучшую сторону?

— Вот уж нет! — фыркнула несносная девчонка. — На медведей лучше охотиться в лесу, а не в бальной зале!

Кеннета тем временем взял в оборот лорд Пенвик, бесцеремонно оттеснив его от других гостей. Словно позабыв, что на танцевальном вечере не принято обсуждать деловые вопросы, он надел на Кеннета с каким-то предложением о

военных займах, которое должно было обсуждаться на следующем заседании.

— Главное, кому поручить доклад? — вопрошал Пенвик. — Только не Кервуду, умоляю вас! Он же сущий дипломатический младенец!

— Да-да, я обязательно уточню этот момент, — рассеянно сказал Кеннет, думая в это время, что нужно бы поручить Батлеру уделить особое внимание леди Брекнелл. Эта дама обладала в обществе большим авторитетом, а ее ядовитого языка побаивались даже самые записные острословы. Ее визиты к соседям больше напоминали высадку карательного десанта.

Он немного успокоился, заметив, что его жена сама занялась капризной гостью. Энни непредсказуема, но у нее хватит смелости парировать любую шутку, и достаточно такта, чтобы деликатно разрешить любую проблему.

Энни нравилась леди Брекнелл, несмотря на ее покровительственный тон. Все дебютантки дрожали перед этой властной дамой, которая вела себя так, будто у нее есть единоличный доступ к колодезю мудрости, куда другим никогда не забросить свое ведро. Энни скорее забавляли ее наставления. К тому же, сегодня леди Брекнелл была в наилучшем расположении духа:

— Позвольте представить вам моего друга, миссис Чарсли, — произнесла она, как только поздоровалась с хозяйкой.

Ее сопровождала молодая женщина с изящными манерами, живыми черными глазами и решительным подбородком. Энни подарила ей очередную улыбку. Миссис Чарсли казалась приятной женщиной, и к тому же, Энни была заранее благодарна любой приятельнице леди Брекнелл, если та возьмет на себя труд развлечь чем-нибудь этого дракона в женском обличье.

Поговорив с обеими дамами несколько минут, она вскоре направилась к другим гостям. Ее остановил мистер Фостер, осведомившийся с беспокойством, состоится ли партия в вист. Энни заверила его, что для этого уже приготовлены столы в угловой гостиной. Потом до ее ушей долетел обрывок разговора между желчной леди Батгейт и ее тридцатилетним племянником, которому тетка давно мечтала подыскать подходящую партию:

— ...Мы вообще-то говорили о твоей женитьбе!

— Это вы говорили о ней, тетюшка. Я пытался сменить тему.

Как тут не вспомнить насмешницу Селию! «Интересно, почему все приемы в Эшентауне носят такой... матримониальный характер? — удивилась Энни про себя. — Почему бы людям не расслабиться и просто не потанцевать в свое удовольствие, в кои-то веки!»

К своим новым светским знакомым Энни относилась со смесью любопытства, недоумения и восхищения. В этом обществе больше всего ценились остроумие и ловкость в танцах. Здесь, как нигде, умели обесценить искреннее чувство каким-нибудь интеллектуальным афоризмом. Но зато среди мишур и изысканного пустословия можно было встретить действительно интересных людей. Их развлечения были для Энни в новинку и еще не успели наскучить.

На минутку покинув гостей, она отошла пошептаться с мнимой «кузиной»:

— Фокусник уже здесь. Ты готова?

— Вполне, — усмехнулась Агата. Она поманила хозяйку в смежную маленькую гостиную, казавшуюся тихим островком спокойствия по сравнению с бальной залой. Пошарив за подушками кресла, стоявшего в дальнем углу, Агата выудила из-под него небольшую, но увесистую сковороду.

— Надеюсь, тебе это не пригодится! — прыснула Энни.

— Может быть. Но мне так спокойнее.

— Вон он стоит, видишь? — шепнула Энни, указав на мистера Смейла. — Тот невысокий человек в коричневом сюртуке, рядом с Фостером.

Агата подумала, что на вид Смейлу было не больше тридцати пяти. Он скромно жался к группе гостей, не решаясь принять участие в разговоре, и был совсем не похож на артиста.

— Ладно, мне нельзя отлучаться надолго, — вздохнула Энни. — Смотри, не спускай с него глаз!

Поприветствовав фокусника, она передала его в надежные руки Батлера, заправлявшего всеми делами. Долг хозяйки требовал от нее непрестанно следить за гостями, чтобы никто не чувствовал себя покинутым, но когда среди чужих глянцевого улыбок вдруг мелькнуло лицо Уолтера, все заботы вылетели у нее из головы. Нед все-таки приехал!

Энни Фишер на ее месте завизжала бы от радости и повисла у сыщика на шее. Леди Фонтерой, разумеется, не могла позволить себе такую дикую выходку. У Энни задрожал подбородок от смеха, когда она представила, как отреагировали бы ее гости на подобное поведение.

— Мистер Уолтер! — церемонно приветствовала она.

Но ее глаза просияли «Нед, я так рада!» и молодой человек широко улыбнулся — не ее чопорному приветствию, а этому внутреннему свету. Их с Энни многое связывало: они вместе выслеживали всяких негодяев в трущобах Кречи, мерзли в засаде, получали выволочки у начальства и мучительно сочиняли отчеты. Такую дружбу не могли разрушить никакие светские условности!

— Чудесный праздник! Рад за тебя, — сказал он. — Я вижу, ты пригласила фокусника? Готов поспорить, что это была твоя идея!

— Ты очень проникателен, — ответила Энни, беря его под руку.

— В чем ты его подозреваешь?

— При чем тут это? — возмутилась она. — По-твоему, я не могу пригласить человека просто так, без задней мысли?

— Ну, мне-то можешь не говорить! Да ты с самого появления следишь за ним, как ястреб!

— Что, так заметно? — огорчилась она. — Спасибо, что предупредил. Я буду осторожнее.

Нед покачал головой:

— Если ты думаешь, что он и есть Гастролер, то ошибаешься. Мы его проверяли.

— Правда? Когда?

Он усмехнулся ее наивности.

— Думаешь, мы упустили бы тот факт, что он присутствовал на всех вечеринках, во время которых случались кражи? Двое наших агентов, прикинувшись бродягами, подстерегли его однажды после бала и обыскали. При нем ничего не было. А наутро стало известно, что в тот вечер пропало ожерелье!

— Может, он просто очень ловкий вор!

— Может быть. Но боюсь, что ты нацелилась не на того человека!

Всех позвали на ужин, и Уолтер галантно предложил руку хозяйке, чтобы проводить ее в столовую. Праздничный стол весь искрился, как свежий су-гроб. Блюда, над которыми миссис Бонс с тремя помощниками колдовала це-

лых два дня, были выше всяких похвал. Гости оживились, повеселели. Потекли разговоры. Энни с Кеннетом были заняты наперебой.

После ужина заиграли котильон, и в бальной зале началось самое веселье. Один раз Энни даже удалось потанцевать с Кеннетом, хотя большую часть вечера она была занята, представляя одних знакомых другим. А еще она старалась приглядывать за фокусником, который в стороне развлекал гостей. Мистер Смейл делал все, что полагалось ему по профессии: доставал в изобилии шелковые платки из огромного черного цилиндра, жонглировал шариками и даже вознамерился проглотить бутафорскую серебряную шпагу, но испуганные возгласы дам отговорили его от этой рискованной затеи. Впрочем, Энни не увидела, чем кончился их спор. Ей мешали чужие затылки.

«Надеюсь, что Агата окажется более глазастой!»

На мгновение Кеннет крепче сжал ее пальцы:

— Не волнуйся, Батлер за всем присмотрит. Постарайся просто получить удовольствие от этого вечера!

Энни, напряженно следившая за гостями, не видела его лица, однако слышала его слова и хрупкую нежность, стоявшую за ними. Она улыбнулась:

— То же самое ты сказал мне на нашем первом балу. Помнишь?

— Мне хотелось ненадолго отвлечь тебя от тревог.

— Тебе это удалось, — призналась она.

— Тогда или сейчас?

Они засмеялись, и у Энни в груди потеплело от этого смеха, объединявшего их.

— Еще один танец был бы очень кстати...

Оба понимали, что было бы крайне невежливо забыть о других гостях и заниматься только друг другом, но на минуту ей захотелось, чтобы в зале, кроме них, остались одни музыканты, и они с Кеннетом могли бы танцевать один вальс за другим...

Любопытная луна заглядывала в окна, словно бледный призрачный шар. Кеннет бросил на нее мрачный взгляд и почему-то насупился:

— Извини, я покину тебя ненадолго. Распоряжусь, чтобы закрыли шторы.

— Хорошо, — согласилась Энни, слегка разочарованная. — Мне тоже нужно уделить внимание леди Брекнелл. Иначе не видать мне успеха в свете!

Ей не пришлось долго разыскивать старую леди, так как она сама появилась вдруг под руку с миссис Батгейт, своей закадычной подругой.

— Очень жаль, что приходится вас беспокоить, — начала леди Брекнелл, — но со мной произошла неприятность. Мой браслет... он исчез!

— А я говорила, говорила, что совсем недавно был похожий случай в доме Реттреев! — зачастила миссис Батгейт. Ее маленькие жучиные глазки так и блестели в предвкушении скандала.

«Ах ты, старая сплетница!» — рассердилась про себя Энни.

— Когда вы заметили, что он пропал?

Оказалось, что дамы сидели в креслах под пальмой, довольно далеко от того места, где мистер Смейл старался поразить всех своими фокусами. Оглядев зал, Энни заметила, что фокусник уже закончил свое представление и исчез.

«Быстро же он испарился! Ладно. Сейчас главное — успокоить старую даму».

Она постаралась, чтобы ее голос звучал ровно и мягко, хотя внутри у нее

все кипело:

— Не волнуйтесь. Наверняка браслет закатился под кресло. Я сейчас позову лакея, и мы это уладим.

«Ну Смейл, ну паршивец! Фьюить — и испарился! Надеюсь, Агата сумеет его проучить!» — гневно думала Энни, быстро направляясь в сторону смежной гостиной. При этом она не забывала улыбаться, хотя подозревала, что вместо приветливости ее лицо излучало угрозу. Ах, попадись ей сейчас в руки та сковородка!

На полпути к цели ее деликатно остановил один из лакеев. Вид у него был очень растерянный.

— Мадам, кое-что случилось в библиотеке. Мистер Смейл, фокусник...

— Что? — вскинулась Энни.

— Боюсь, на него напали.

— Что значит — напали? Кто?!

Она чувствовала себя сбитой с толку. Развернувшись, Энни бросилась следом за лакеем.

Библиотеку, куда забыли принести свечи, освещал только скудный огонь камина. У дверей маялся второй лакей, чьей обязанностью было отваживать любопытных гостей. При виде хозяйки на его лице проступило облегчение. Энни быстро вошла в комнату и на мгновение почувствовала себя ослепшей. Она еле удержалась от испуганного возгласа, когда перед камином зашевелилась какая-то темная масса. Мистер Смейл лежал там, весь опутанный веревками, словно гигантская гусеница. Энни окончательно перестала что-либо понимать. Если Смейл — не преступник, то кто тогда вор? Неужели Нед был прав, а она ошибалась?

— Почему вы его сразу не развязали? — напустилась она на лакея. — Хотя подождите, я лучше сама. А вы приведите сюда Уолтера. И принесите свечи! — крикнула она вдогонку. Затем обернулась к пострадавшему:

— Кто это сделал?

— Клянусь Юпитером, я не видел! — воскликнул фокусник и даже пожал плечами, что в его положении сделать было затруднительно. — Я вошел сюда из любопытства — люблю книги, знаете ли — и почти сразу получил по затылку. Наверное, в комнате кто-то прятался! Не знаю, сколько времени я тут провалялся. А когда очнулся, то стал звать на помощь.

«Однако! — подумала Энни. — Раньше Гастролер не позволял себе таких выходов!»

— Потерпите минутку. Сейчас принесут свет, и я вас распутаяю.

Прогоревший камин почти не давал света, но Энни решила хотя бы попробовать ослабить узлы. Поворошив угли, она под села к несчастному фокуснику... и медленно выпрямилась. Напали на него, значит?! Ну, хитрюга!

Мистер Смейл заерзал под ее пристальным взглядом.

— Думаю, что вы и сами в состоянии освободиться, — ледяным тоном заметила Энни.

Ей был знаком этот трюк. Мистер Смейл только делал вид, что был связан. На самом деле такие узлы можно было легко сбросить одним движением. Когда-то в Кречи ее опекун, старый мошенник, тоже проворачивал подобные штуки.

Выбежав за дверь, она приказала лакею:

— Никого сюда не впускайте, а главное — не упустите фокусника!

От изумления лакей превратился в моргающую статую, но Энни уже про него забыла. Скорее к Агате! Она боялась, что преступник сумел-таки их обхитрить.

В бальной зале, полной хрустального блеска, гремела музыка. Праздник был в самом разгаре. Энни предстояло нелегкое дело: пересечь помещение, не столкнувшись с танцующими парами и не наступив на ноги сидящим у стен пожилым леди. Она осторожно двигалась сквозь толпу, чувствуя, как немеют скулы от застывшей улыбки, а в душе ширится тревога.

Вдруг откуда-то вынырнул Нед. Одного взгляда на бывшую напарницу ему хватило, чтобы понять, что дело неладно.

— Энни? Ты меня искала?

— Помнишь дилижанс до Кэреска? — бросила она на ходу.

Он понял ее с полуслова:

— Сообщник? Их двое?

В их сыщицком прошлом уже была подобная кража, когда один воришка ловко отвлек подозрения от другого.

— Один из мошенников — фокусник. Попытался симитировать нападение в библиотеке.

— Так. А кто второй?

— Сейчас выясним.

Дверь гостиной-ловушки была уже близко. Энни вошла туда первой — и ее словно отрезало от бала, который сразу будто бы отдалился за сотню миль. Воздух здесь искрился, гудел от магии. Тени ожили. Все привычные предметы покрылись серебряным светом, похожим на изморозь. Мир замедлился и обрел стеклянную ясность.

Возле кресла стояла Агата, намертво вцепившись в свою верную сковородку. А в другом углу... там, ощерившись, замерла Мейвел. Энни сразу ее узнала. Хотя никогда еще не видела королеву такой.

До этого дня она встречалась с Мейвел три раза — и всякий раз та была настолько прекрасна, что определение «красивая» применительно к ней казалось просто ничтожным. Не было таких слов, чтобы описать ее красоту! Любые эпитеты казались обтрепанными, как пыльные тряпки.

Но сейчас перед Энни предстала другая Мейвел — обозленная потусторонняя сущность, в которой не было ровным счетом ничего человеческого. Сгусток тьмы, сгорбившийся в углу комнаты, дрожал от ярости и излучал опасность. Посмотреть туда было все равно что встретиться взглядом со штормом.

А Нед, как нарочно, отстал! Да и что он мог сделать?!

Мейвел жадно оскалилась, и Энни почувствовала, что у нее внутри все смерзлось от страха. С ее губ нечаянно сорвалось одно слово.

* * *

Не очень-то весело сидеть среди почтенных матрон, когда все веселятся.

Агата добросовестно следила за фокусником, но поневоле ее внимание приковывал Нед Уолтер. Как ему идет этот синий сюртук! И какие у него благородные черты лица, как непринужденно он держится в обществе... даже слишком непринужденно, если подумать.

Очень быстро Агата заметила, что не она одна находила молодого сыщика привлекательным. Миловидная чернявая дама, которой покровительствовала

леди Брекнелл, то и дело строила ему глазки и норовила оказаться неподалеку. Один раз Нед даже был вынужден пригласить ее танцевать.

подавив вспышку внезапной ревности, Агата удалилась в смежную комнату и задумчиво посмотрела на кресло, скрывавшее под пышными подушками ее тайное оружие. Ей пришлось срочно стереть с лица угрюмую мину, когда в комнату впорхнули две юные дебютантки, чтобы поправить друг другу ленты на платьях. Слышать их сорочье трещание о достоинствах каких-то джентльменов, бальных книжечках и оказанных знаках внимания было просто невыносимо.

Как и предсказывала Энни, на нее почти не обращали внимания. Она выглядела как типичная бедная родственница, уже не первой молодости, впервые в жизни оказавшаяся в столице. Гости на приеме смотрели сквозь нее, будто она была невидимкой.

«Интересно, что они сказали бы, узнав, что год назад я чуть не погубила Кеннета Фонтероя и едва не ввергла этот дом в хаос?» — думала Агата с каким-то мрачным удовлетворением.

Вот тогда они бы точно ее заметили.

За обедом она сидела на дальнем конце стола, и все ее внимание было направлено на то, чтобы не совершить какую-нибудь вопиющую оплошность. О слезке пришлось временно забыть. Однако ей стало немного спокойнее, когда она увидела, что Неда и миссис Чарсли (так звали ту чернявую даму), усадили слишком далеко друг от друга, чтобы они могли беседовать или флиртовать.

Она честно спросила себя, почему ее это так задевает: ведь она сама решила, что не подходит Уолтеру в качестве спутницы жизни! Это Нед продолжал упорствовать в том, что они предназначены друг для друга... А теперь, когда его преданность вдруг испарилась, она почувствовала себя так, будто у нее из-под ног выбили опору. Словно эта миссис Чарсли отняла у нее самое ценное!

После обеда для желающих потанцевать заиграли котильон. Агате же следовало присоединиться к группе пожилых дам и джентльменов, которых фокусник собирался развлекать своими чудесами. Но против воли ее глаза то и дело следили за миссис Чарсли.

Она видела, как миссис Чарсли подозвала к себе ее покровительница, леди Брекнелл, сидевшая рядом с подругой. «Досадно, поди, проводить время с этими старыми перечницами, пока вся молодежь танцует!» — подумала Агата. Неда нигде не было видно. Тем не менее, миссис Чарсли послушно задержалась возле пожилых дам, что-то взволнованно говорила, прижимая красивые руки к красивой груди... Наверное, благодарила за оказанную честь.

Агата вздрогнула, когда зрители, окружавшие ее плотным кольцом, разразились аплодисментами. Мистер Смейл, увешанный гирляндами цветных платков, раскланивался направо и налево, помахивая огромным черным цилиндром.

Ее кольнула совесть. Ведь ее позвали сюда не для развлечений! Она снова покосилась в сторону кресла леди Брекнелл, возле которого по-прежнему увивалась эта лицемерная чернявая кокетка. Интересно, подойдет ли к ним Нед Уолтер? Что он думает о своей новой знакомой?

Не следи она за ними так пристально, ничего бы и не заметила. Ее взгляд поневоле отметил, как миссис Чарсли быстро провела рукой по подлокотнику

кресла, словно смахнув невидимую пылинку, а в следующий миг в ее ладони мелькнула блестящая змейка и исчезла за корсажем. Агата могла бы поклясться, что секунду назад этот браслет украшал руку леди Брекнелл! Пожилая леди, увлеченная разговором с подругой, ничего не заметила.

«Не может быть! — ужаснулась Агата, не веря своим глазам. — Ну и наглость!»

«А может, мне все-таки показалось?!»

Она готова была упрекнуть себя в излишней мнительности и пристрастности, но в этот момент миссис Чарсли, сказав что-то обеим дамам, деланно рассмеялась и не спеша направилась к подносам у стены, якобы для того, чтобы взять себе бокал лимонада. А потом, внезапно передумав, направилась в сторону пустой смежной комнаты. Агата принялась торопливо пробираться между сиденьями, чтобы оказаться там первой. В ней проснулся бодрящий охотничий азарт.

«Все-таки мы с Энни правильно все рассчитали!» — подумала она с мрачным торжеством.

* * *

«Они приходят по кромке прибора, по краю тени, по лунному лучу...» — вспомнились Кеннету слова Амброзиуса, когда он разыскал Батлера и велел приказать, чтобы закрыли шторы во всех комнатах.

Покончив с этим делом, он вдруг сообразил, что находится в двух шагах от своего кабинета. Можно было быстро просмотреть бумаги и удовлетворить любопытство мистера Пенвика, чтобы старик не мучился беспокойством целую ночь. Разумеется, в праздничный вечер ни один нормальный хозяин не стал бы заниматься делами, но Пенвику никакой закон не писан, и потом, праздник уже вовсю набрал обороты, так что от Батлера в парадной зале сейчас было больше пользы, чем от него самого.

Кеннет со свечой вошел в кабинет, но не успел он открыть нужный ящик секретера, как почувствовал, что находится в комнате не один. Он резко обернулся. Возле камина стоял человек в жемчужно-сером сюртуке, тонкий в кости, со светлыми волосами и необычно яркими холодными глазами, похожими на серебряные чашечки.

Приглядевшись, Кеннет понял, что поторопился назвать этого странного гостя человеком. Конечно же, это был сид! Тот самый! Тот, кто нагло улыбался Энни в холмах и однажды осмелился даже обнять ее! Он напруг память, пытаюсь выудить нужное имя. Эйнон, вот как его звали!

Разумеется, это было не настоящее имя, а кличка. Настоящего имени ни один фейри не откроет никогда в жизни.

— Так и знал, что увижу кого-то сегодня из вашей братии! — не выдержал Кеннет.

Сид ответил своей типичной ухмылкой:

— Я еще не худший вариант, между прочим. Тебе следовало получше присматривать за своей женой!

«Что он имеет в виду?!» Ярость ударила Кеннету в голову и прошлась по телу горячей волной, до самых кончиков пальцев.

— Кажется, в прошлый раз мы не договорили... кое-о-чем.

Мгновение они смотрели друг на друга: Кеннет сверлил противника испепеляющим взглядом, а сид только небрежно повел плечом, будто присутство-

вал на каком-нибудь скучном приеме.

— Если тебе так угодно, — насмешливо протянул он.

Комната вдруг изменилась, словно кто-то пригасил свет и выпустил на волю сквозняки и эхо. Тишина вокруг них сомкнулась, как мыльный пузырь. Кеннет обнаружил, что сжимает в руке длинную шпагу. Совершенно непонятно, откуда она взялась, но сейчас это его не заботило — так велико было желание стереть эту гаденькую ухмылку с бледной физиономии незваного гостя! Он заставит его проглотить свои оскорбления! Стянув сюртук, Кеннет махом отбросил стул, стоявший у него на пути.

Следующие несколько минут показали, что если гость и не был существом из плоти и крови, но в фехтовании он разбирался изрядно и свою шкуру старался беречь. Все яростные атаки Кеннета были отбиты. Сид уходил от ударов, как угорь, хитрил, уворачивался и ни на миг не потерял самообладания.

— У меня нет желания обременять тебя своей смертью, человек, — насмешливо бросил он, пока Кеннет пытался успокоить дыхание после первой схватки.

Очень быстро он понял, что человеку не сравниться в выносливости с существом из холмов. Кеннет применил все известные ему уловки, чтобы заставить противника раскрыться, но каждый раз его шпага натыкалась на серию быстрых ответных ударов. На лбу выступил пот. Сид сделал выпад, нанеся молниеносный удар из третьей позиции. Кеннет с трудом отразил его, но чужой клинок задел его руку. На белой рубашке выступило красное пятно. Губы Эйнана скривились в усмешке.

— Ну что, человек?

Кеннет молча переложил шпагу в другую руку. Он понимал, что его силы не бесконечны. Значит, придется действовать быстро. Отразив новый выпад круговым движением, он перешел в атаку. Эйнон, подвижный, как ртуть, вдруг гибко отпрыгнул. Он двигался молниеносно, так, что не уследишь глазами.

Вскоре левая рука Кеннета, менее привычная к шпаге, уже ныла от плеча до кисти. Дыхание сбивалось. Сид посмотрел ему прямо в лицо и засмеялся:

— Что, человек? — повторил он с издевкой. — Может, обернешься драконом и спалишь меня?

Его пристальный взгляд говорил: «Ты отказался от магии. Ты ненавидел и презирал ее в себе! А для Энни магия так же естественна, как дыхание. И однажды она разлучит вас».

Злость придала Кеннету новые силы. «Не дождетесь!» — подумал он. Схватка все продолжалась, но вдруг, резко развернувшись, он краем сознания заметил хрупкую фигурку в пышном платье, растерянно застывшую в дверях.

— Кеннет!

Это была Энни. Ее возглас разбил злые чары, затянувшие комнату. Шпага в руке вдруг исчезла. Пошатнувшись, Кеннет схватился за край стола. Проклятый сид снова стоял у камина и улыбался, как ни в чем не бывало. Самое странное, что и рана тоже вдруг затянулась! Рукав снова был чистым. Будто и не было этой безумной дуэли!

Пока он пытался справиться с изумлением, Эйнон раскланивался с хозяйкой:

— Ты позвала меня, и я пришел.

Энни нахмурилась:

— Я позвала тебя не для ссоры! Просто увидела Мейвел — и испугалась.

Из всех людей она, наверное, единственная знала его настоящее имя.

От ее слов Кеннет вздрогнул:

— Мейвел?! Где?

— Здесь ее уже нет, — сказала Агата, войдя в комнату следом за Энни. Позади маячила квадратная фигура Уолтера.

— Боюсь, я неласково ее встретила, — усмехнулась девушка.

Кеннет едва мог узнать свою бывшую горничную, наряженную в розовое муслиновое платье. Она выглядела не такой унылой, как обычно. Нед вообще сиял, как начищенная гравюра.

— Так. Что я пропустил? — спросил он, окинув взглядом обоих.

Нед по старой «ищейской» привычке отчитываться о завершенных делах ответил быстро и четко:

— Была предпринята попытка кражи, но в настоящее время браслет уже вернули владелице, леди Брекнелл, так что все в порядке.

Агата изложила более подробную версию происшедшего:

— Как мы договорились с мисс Энни, я присматривала за гостями и случайно заметила, как миссис Чарсли стянула браслет. Она тут же направилась с ним в маленькую гостиную, но я успела туда чуть раньше.

— Боюсь, в миссис Чарсли тоже есть капелька крови фейри, — пояснила Энни. — Как и во мне.

Нед кивнул, подумав, что это отчасти объясняло везучесть воришки. Одна капля серебряной крови даровала человеку необыкновенное обаяние и артистизм, которые миссис Чарсли, к сожалению, использовала во зло.

— Думаю, она тебя испугалась, — размышляла Энни, глядя на Неда. — Наверняка ей было известно о твоей работе у Тренора! Она не удержалась от кражи, но убедила своего сообщника устроить то представление в библиотеке, чтобы отвлечь на себя внимание, а сама тем временем попыталась скрыться. Хорошо, что Агата ее перехватила!

— Мы с ней чуть не подрались, но в этот момент в комнате вдруг появилась еще одна дама, причем она проникла внутрь прямо сквозь закрытое окно! Это было жуть как страшно!

— Да, у Мейвел есть такая прискорбная привычка, — пробормотал Эйнон.

— Я... испугалась и, наверное, слегка задела ее сковородкой, — смутилась Агата, бросив взгляд на бледного джентльмена в сером, нездешний вид которого не то чтобы намекал, а прямо говорил о его принадлежности к потусторонним гостям, которые иногда, в определенные ночи любили навещать человеческие жилища.

Правда, тот не казался разгневанным. Энни, стоявшей ближе всех к Эйнону, даже послышалось неразборчивое: «Как жаль, что я этого не видел». Но, возможно, ей просто показалось.

— В суматохе миссис Чарсли исчезла, да так ловко, что мы и глазом моргнуть не успели! Зато Агата успела отнять у нее браслет.

— Таким образом, вещь удалось вернуть, — подытожил Нед.

— Что ж, я рад, что репутация моего дома не пострадала! — сказал Кеннет. Глаза его смеялись.

— И моя карьера тоже, — добавил Нед, бросив восхищенный взгляд на Ага-

ту.

Девушка скромно потупилась, хотя ее лицо сияло от гордости.

— Более того, вы оказали леди Фонтерой огромную услугу, защитив ее от посягательства самой королевы фейри, — серьезно добавил сид. — Чугун — это, конечно, не заговоренное железо, но все равно никому не понравится, когда тебя встречают сковородкой по лбу!

Пока все наперебой поздравляли Агату, Энни растроганно взглянула на Эйнона. Уж она-то понимала, что Мейвел не испугал бы и целый отряд служанок, вооруженных кухонной утварью! Королева исчезла, как только почувяла, что Эйнон здесь. Их вражда была такой древней, что приобрела уже характер священной традиции, и, похоже, Мейвел была сейчас не готова к новой битве... В общем, Энни отлично понимала, кому обязана своим спасением, но ее поразило, что у сида хватило благородства отдать свою победу другому — тем более, человеку!

Голос Кеннета и басовитый смех Неда доносились будто издалека. На минутку у нее возникло ощущение, что они с Эйноном остались наедине. В воздухе повеяло запахом цветущего вереска.

— Наши холмы всегда ждут тебя, — шепнул он еле слышно.

— Я не вернусь.

— Кто знает.

Когда все немного пришли в себя и обернулись к камину, угол был уже пуст. Чего точно нельзя было отнять у Эйнона, так это умения эффектно и вовремя исчезать.

* * *

Праздник закончился только под утро. Был тот короткий предрассветный час, когда город замирает в предчувствии ослепительного сияния и ждет, что на серые стены домов прольется теплый розовый свет, а в окнах верхних этажей снова весело вспыхнет яркое солнце.

Перед особняком лорда Фонтероя выстроилась целая вереница экипажей, вокруг которых суетились лакеи. Гости радушно прощались с хозяевами:

— Прекрасный вечер! — говорил лорд Пенвик другому пожилому джентльмену, с достоинством уместив себя на холодном сиденье. Лакей торопливо прикрыл им ноги меховым покрывалом.

— Да, великолепный! — согласился тот. — Леди Фонтерой... несколько эксцентрична, но у нее, безусловно, есть стиль!

Если бы кто-нибудь мог проникнуть взглядом сквозь сад и взглянуть на заднюю дверь особняка, то увидел бы, что там тоже происходило прощание, пусть менее изысканное, зато гораздо более нежное. Агата, сияя лицом и глазами, напоследок улыбнулась Уолтеру. На ее пальце блестело новенькое кольцо.

Чистый снег искрился на ветках деревьев и коньках крыш. Предчувствие волшебства, как ненаписанный стих, дрожало и переливалось в морозном воздухе, но люди, занятые своими мыслями и повседневными делами, ничего не заметили. Просто у всех было как-то особенно хорошо на душе. Стоя на крыльце, Энни крепче сжала руку Кеннета и шепнула:

— Загадай желание.

Ее муж недоуменно приподнял бровь, потом засмеялся, поднял ее на руки и унес в дом, проворчав «нечего тебе тут стоять на холоде».

Самая длинная ночь в Эшентауне подходила к концу...

Волгина Алёна

Тайны Венеции-1

Глава 1

«В своем доме в Р'льехе мертвый Ктулху спит, ожидая своего часа»
Говард Лавкрафт «Зов Ктулху»

Хищный узкий нос гондолы летел над бутылочно-зеленой водой. Я сидела, откинувшись на кожаные подушки, а мимо меня проплывали причалы и богатые особняки. Глянцево блестящая вода, со всех сторон доносились голоса большого города: переключка гондольеров, зычный голос продавца воды, нежный напев лютни и смех из соседней лодки. После двух лет тихой, уединенной монастырской жизни я возвращалась домой, в Венецию.

Мимо нас, плеснув волной, проплыла огромная шестивесельная гондола с закрытой кабинкой-фельце, весьма подходящая для кражи слона. В кильватере ее шли две лодки поменьше. Движение на Большом канале всегда было плотным и оживленным, в отличие от боковых каналчиков, уводивших вас в потаенные переулочки и маленькие улочки, настолько тесные, что люди, живущие в домах напротив, вынуждены были открывать ставни по очереди. Однако Фабрицио, служивший гондольером еще у нашего отца, был опытным гребцом. Он невозмутимо стоял на маленьком изогнутом мостике на корме и ловко действовал веслом, заставляя наше суденышко проворно лавировать среди множества других лодок. Его шелковый камзол взблескивал на солнце, яркая бархатная шапочка с вышитым гербом рода Граначчи кокетливо сдвинута набок. Фабрицио всегда был немного щеголеват и гордился своим положением.

Перед нами выросла белоснежная громада Серебряной Арки – или попросту Арженто, как его называли венецианцы. Единственный мост, соединяющий берега Большого канала, слишком широкого, чтобы наводить через него переправы. Каменные опоры круто уходили вверх, изящная арка выгнулась над зеленой водой. Никто не верил, что мост продержится долго. Болтали даже, будто архитектор продал душу дьяволу, чтобы тот обеспечил прочность конструкции. Но если нечистый и поучаствовал в строительстве, после он никак себя не проявлял. Вероятно, боялся каменных грифонов, грозно распутивших крылья на каждой из опор. Так что ювелиры и суконщики, чьи лавки теснились наверху вдоль моста, могли чувствовать себя в безопасности.

Когда гондола зашла под мост, мы ненадолго погрузились в темноту. Водяные блики играли на затянутых зеленою камнях, гул толпы доносился приглушенно, словно эхо. Укоротив весло, Фабрицио осторожно гнал лодку вперед. В двух локтях от борта мне почудился всплеск, и чья-то плотная тень прошла прямо под лодкой. Я напряглась, приподнимаясь на подушках. Если оно добралось сюда с острова... Нет, показалось. В мутной воде мелькнула на миг оскаленная пасть, полная мелких острых зубов, затем протянулось бурое пятнистое тело и, вильнув хвостом, ушло на глубину.

Не оно. Слава Мадонне!

– Это моррена, не бойтесь, – ослабилась Фабрицио, не переставая орудовать веслом. Мост остался позади, перед нами снова расстилалась яркая панорама

города. – Они трусливые.

Это верно, моррены – падальщики, и их легко спугнуть, но я бы не рискнула сунуть руку в воду, где притаилась стайка этих хищников. Они способны за пять минут обглодать целого теленка до костей. Впрочем, после двух лет обучения на острове Терра-деи-Мираколо я уяснила, что моррены – отнюдь не самые опасные существа в здешних водах.

Вдоль берегов потянулись особняки знати, похожие на массивные резные сундуки, наглухо запертые, надежно хранящие свои секреты. На розовых и бледно-зеленых фасадах алыми пятнами выделялась цветущая герань, яркая, как кровь. Стрельчатые окна, поблескивая на солнце, провожали нас насмешливыми взглядами. Длинные террасы, сбегаящие прямо к воде, оцетинились причальными столбами, которые создавали подобие маленькой гавани для обитателей дома. Столбы были выкрашены в родовые цвета. Вода слепила глаза, ее блики колыхались на стенах, отчего казалось, что дома тоже колеблются, плавают в прозрачном весеннем воздухе. Это был другой мир – зыбкий, таинственный, ненадежный. Меня вдруг остро потянуло обратно – к безопасной тишине монастыря, размеченной колокольным звоном, монотонной чередой занятий и послушаний. Заныло недоброе предчувствие, и словно ниточка тоски протянулась от далекого острова прямо к моему сердцу.

Дзынь! – эта нить оборвалась, когда Фабрицио ловким движением весла направил гондолу к причалу. Оттуда нам махал рукой высокий проворный юноша в нарядном камзоле, с черными волосами до плеч. Облизнув губы, я ладонями старательно расправила платье на коленях, пытаюсь справиться с волнением. Это был Рикардо Граначчи, мой старший брат. Встретив мой взгляд, он ослепительно улыбнулся, так что казалось, что грязный фасад старинного дома даже немного посветлел. Я сделала вид, что меня вдруг заинтересовали изъеденные временем каменные ступени с плавающими возле них спутанными клубками водорослей. Рикардо сам помог пришвартовать гондолу, воткнув маленький железный багор на веревке в расселину между плитами. Потом он нетерпеливо шагнул в лодку и в два счета вытащил меня на твердую землю.

– Джулия! Наконец-то!

«Мы не виделись два года, – строго напомнила я себе, еле переводя дыхание. – Все будет в порядке!»

Мне стоило больших усилий просто поднять взгляд. Некоторое время мы молча рассматривали друг друга.

– Ты похудела, – с теплотой в голосе сказал брат. – И выглядишь бледной. Ну, это ничего! Главное, что ты здесь!

И, приобняв за плечи, он повел меня к порогу. Я молчала. Нужно было сказать что-то в ответ, но сокрушительное обаяние Рикардо всегда действовало на меня отупляюще. Наверное, он был самым красивым мужчиной в Венеции. Несмотря на высокий рост, он двигался легко и грациозно, словно танцор, а плечи у него были широкие, как у гондольера. В отличие от других патрициев, которые умели только нежиться на мягких подушках, Рико спокойно мог провести лодку от площади Трех Грифонов до самого Тарчийского подворья, даже не вспотев.

Какая-то тень отделилась от одной из колонн, и я только сейчас заметила, что на террасе мы были не одни. Там, в полосах света и тени, стоял молодой

мужчина в простом вельветовом камзоле глухого черного цвета и таком же мрачном плаще, переброшенном через плечо. Когда он шагнул на свет, я вздрогнула: левую половину его лица уродовал толстый шрам, протянувшийся от уголка глаза к подбородку. Серые, как зимнее море, глаза холодно блеснули, отчего меня пробрал озноб. Я отметила, что Рико не стал представлять мне этого господина, только кивнул ему на ходу.

«Вид, как у наемного убийцы!» – подумала я неприязненно. Интересно, кто это? Неужели Рикардо нанял для охраны одного из браво? Такое знакомство до добра не доведет! Одно дело – сговориться с браво тишком, под покровом ночи; этим в Венеции грешили многие, у кого водились лишние цехины. Но совсем другое – открыто приглашать кого-то из этих отщепенцев в свой дом! Хотя Рико, он такой. Ему сам черт не брат. Захочет – возьмет охранником даже Хорро из морских глубин, и никто ему не указ! Всегда таким был.

Глава 2

После яркой солнечной улицы, брызжущей красками, внутренние покои дома показались мне удивительно темными и тихими. На круглом инкрустированном столике до сих пор стоял букет траурно-белых лилий. Пышные цветы поникли, отражаясь в черном лакированном омуте. Я осторожно прикоснулась к гладким восковым лепесткам. Рикардо подошел сзади, положив мне руку на плечо:

– Отчасти поэтому я и просил тебя приехать, Джули. В тяжелую минуту лучше находиться вместе с семьей...

– Да, я помню твое письмо. Я не знала, что тебя тоже... так опечалила ее смерть.

– Она ведь была и моей матерью тоже, – мягко ответил брат.

Большую часть времени наши родители жили отдельно друг от друга. Я родилась слабой и болезненной, так что семейный врач советовал увезти меня подальше от дурного воздуха и сырых туманов Венеции. В конце концов мы с матерью обосновались в долине Brenty, недалеко от Патавы, где у нашей семьи было поместье, а отец с Рикардо остались в городе. Мне кажется, мать была только рада оказаться подальше от жесткого, деспотичного дона Граначчи. Они с отцом не очень-то ладили. Даже когда он умер десять лет назад (погиб во время очередного заговора), мать в Венецию не вернулась.

– Ты сказал – «отчасти». Какова же вторая причина, по которой ты меня вызвал? – спросила я, резко обернувшись. На красивом лице брата промелькнуло смущенное выражение, но тут же исчезло.

– Ты приехала очень вовремя. Граф Арсаго будет здесь через несколько часов.

Вот оно что. Я так и знала. Гнев и обида поднялись во мне мутной волной.

– Рикардо, я просто не могу сейчас... Ты что, забыл наш последний разговор? Я еще не готова выйти замуж! Побойся бога, ведь мама умерла всего два месяца назад!

– О, мадонна! – выдохнул он раздраженно. – Да половина девушек Венеции были бы счастливы оказаться на твоём месте!

Съездившись, я следила за ним напряженным взглядом. Как всегда, когда на его пути вырастало неожиданное препятствие, Рико мгновенно вспыхивал, словно факел.

– Кроме того, – добавил он, – эта свадьба одобрена Советом Десяти, а я не в том положении, чтобы с ними спорить!

– Совет Десяти не может продать меня графу, будто вещь, – возразила я из чистого упрямства.

На самом деле – еще как может. Патрицианские семьи Венетты обладают многими привилегиями, это верно, но вместе с тем мы постоянно живем под жестким контролем Совета. Рикардо хотел унаследовать место в Сенате, когда-то принадлежащее отцу. Поэтому мы не имели права, например, купить угодья в землях, куда не дотягивалась лапа священного Золотого грифона – только в пределах Венеттской республики. И супругов нам со временем тоже должны были подобрать почтенные мужи из Совета. Все давно привыкли к такому положению вещей. Это все из-за того, что больше любой напасти – больше чумы, больше кровожадных тарчей, подстерегающих наши корабли за мысом Рока – Сенат боялся заговоров. Боялся внезапного усиления одной из своих партий. Несмотря на внешнее единство, внутри него постоянно шла ожесточенная, невидимая постороннему глазу война.

Тем временем к Рикардо подоспела неожиданная помощь. Сначала я услышала мерное постукивание трости по мраморным плитам. Затем перед плавным изгибом широкой лестницы, ведущей в жилые покои, возникла сухощавая фигура, с ног до головы одетая в черное. Жесткое глухое платье этой дамы было словно нарочно создано для того, чтобы исключить всякие мысли о женской привлекательности, а белоснежное кружево у ворота только подчеркивало нездоровый цвет морщинистого сварливого лица. Это была синьора Ассунта, сестра отца. Мы с ней никогда не ладили.

– Похоже, монастырский воздух не пошел тебе на пользу, – заявила она вместо приветствия. Я вся подобралась под ее колючим взглядом. – Ты бледна как смерть, девочка. Рикардо, прикажи ей идти со мной. – Скептически оглядев мои измятые юбки и сбившиеся от ветра волосы, старая ворона усмехнулась: – Придется потрудиться, чтобы привести *это* в порядок к приезду гостей.

– Я никуда не пойду!

Рикардо, похоже, решил сменить тактику. Подойдя ближе, он бережно взял мои ладони в свои:

– Джулия, клянусь, я буду оттягивать свадьбу насколько возможно. Я понимаю, каково тебе сейчас. Но должен признаться, дела наши не очень хороши...

– Ты хочешь сказать, что мы разорены? – спросила я хладнокровно.

– Я делаю все, что в моих силах, однако морские экспедиции сейчас приносят больше беспокойства, чем барышей. Тарчи теснят нас с юга, на севере язычники отбирают рынки один за другим, в море подстерегают пираты...

Горестно махнув рукой, он взъерошил волосы, снова превратившись на миг из блестящего аристократа в неуверенного семнадцатилетнего мальчишку, на плечи которого после смерти отца легло целое семейное дело: три корабля, организация торговых экспедиций, переговоры с капитанами и с купцами-мошенниками, каждый из которых норовил урвать кусок пожирнее. Рикардо работал как проклятый. Все ради того, чтобы мы с матерью могли жить припеваючи в безмятежной деревенской глуши. Совесть требовала хоть чем-то ему помочь!

– Даже известие о твоей помолвке может серьезно поправить дело, – продолжал Рикардо, не подозревая о терзавших меня колебаниях. – «Прекрасная

ферроньера» задерживается уже на две недели. Если она не прибудет в ближайшее время, здешние ростовщики сожрут меня заживо! Только страх перед доном Арсаго держит этих акул на коротком поводке. Я никому не позволю обидеть тебя, Джули...

Я отвела взгляд, чтобы не видеть этих умоляющих глаз. Он был кругом прав, конечно. Когда на одной чаше весов – благополучие семьи, а на другой – какие-то девичьи капризы, о чем тут вообще спорить?

Интересно, что бы он сказал, если бы на кону вдруг оказалась моя жизнь.

Донна Ассунта отвела меня в маленькую комнату, находившуюся в самом конце жилой анфилады. Насколько я успела заметить, парадные покои, богато отделанные резьбой и драпировками, были очень хороши, зато здесь, в глубине дома, было гораздо уютнее. Из окна, прикрытого ставнями, падали косые лучи, освещая статуэтку мадонны на стене. Перед ней стояла низенькая скамеечка. Один угол занимал внушительный ларь для одежды, над которым висело шестиугольное зеркало. Посреди комнаты слуги водрузили огромную бадью, из которой поднимался пар.

Я заметила, что старуха продолжала исподволь следить за мной цепким сорочьим взглядом. Без церемоний избавив меня от блеклых монастырских одежек, она приказала мне выкупаться как следует и сама растерла мое тело жесткой губкой. Затем с помощью двух служанок помогла облачиться в тонкую рубашку, невесомую, как облако. Поверх нее тяжелыми складками легло роскошное платье. Голубой цвет – символ верности, которой я сейчас ни капли не ощущала. Богатейшая вышивка золотом, причудливая пена кружев и ни одной жемчужины на лифе и застежках. Оно и понятно: жемчуг – это слезы морских дев, обманутых женихами, невестам такое украшение не подходит. На сердце мне снова легла тяжесть. А куда деваться? Сама ведь согласилась! Оставалось надеяться, что Рикардо сдержит слово и постарается оттянуть свадьбу хоть ненадолго...

– Ты так разглядываешь комнату, будто впервые ее видишь, – вдруг сказала донна Ассунта.

– Конечно, ведь я не была здесь уже много лет, – ответила я очень спокойно. – Мы с матерью редко приезжали сюда.

– Могли бы приезжать и почаще!

Я мысленно усмехнулась. При каждом визите донны Граначчи Ассунта запыривалась в своих покоях, бурча, что ее раздражает шум, запах благовоний, неправильно приготовленный обед – в общем, решительно все! Каждая ее встреча с невесткой приводила к неизбежной пикировке, после которой обе синьоры, взбодрившись, расходились по разным углам, как две кошки. Какое уж там «приезжайте почаще!»

– Тебе понравилось, как я переделала комнату? – вкрадчиво спросила старуха.

Вопрос был с подвохом, но, к счастью, я была готова к подобным расспросам:

– О да, тетя. Эти новые светлые занавески как будто добавляют больше воздуха. И мне куда больше нравится цветочный бордюр, чем тот традиционный узор с морскими тварями! Из-за него я в детстве долго не могла заснуть по ночам!

За моей спиной рассыпался дробный сухой смешок:

– В монастыре тебе должны были привить больше уважения к живущим-под-волнами... Но ты всегда была на редкость твердолобой! Какую ленту вплести тебе в волосы?

Она сунула мне под нос три цветные ленты на выбор. Я кротко вздохнула.

– Эту, – указала на синюю с золотом. – Ведь это ее ты подарила мне на тридцатилетие.

Буркнув что-то, старуха принялась расчесывать мои каштановые кудри, да так, будто хотела выдернуть половину. Служанки недоуменно косились на старую госпожу, однако помалкивали. Должно быть, привыкли к ее чудачествам и вовсе не хотели, чтобы на них сорвали дурное настроение.

Когда волосы наконец были уложены и укрыты золотой сеткой, Ассунта, отойдя на два шага, критически осмотрела меня со всех сторон и снова осталась недовольна. Покачав головой, она вышла из комнаты, но вскоре вернулась, держа в руках большой ларец из полированного ореха. На его боках, сверкающих красно-коричневыми бликами, были искусно вырезаны птицы, сидящие на ветвях гранатового дерева. Внутри гнездилась масса склянок и флакончиков. Отыскав нужное средство, Ассунта щедро набелила мне лицо, не переставая ворчать:

– О чем только думали монахини, ума не приложу! Ты вся черная от солнца. Раньше у тебя была нежнейшая кожа!

– Доктор рекомендовал мне солнечные ванны от грудной болезни, – парировала я.

Возможно, я напрасно беспокоилась, и в сегодняшнем поведении донны Ассунты не было ничего подозрительного. Она тиранила племянницу с самого детства. «Не так стоишь, слишком громко смеешься, слишком дерзко смотришь...» От придирок Ассунты и постоянной необходимости держаться начеку у меня разболелась голова, так что я почти обрадовалась, услышав торопливый стук в дверь. Это был Рикардо.

– Ну что? Ты готова?

– Нет.

– Тогда пошли.

– Постойте-ка минутку, – одернула нас донна Ассунта.

Набросив мне на голову прозрачную вуаль, старуха живо выпроводила нас с братом за порог, а сама, обратившись к статуэтке, принялась истово молиться.

Глава 3

Он поднялся мне навстречу, разом заслонив собой остальных людей в салоне, невольно приковывая к себе внимание. Тяжеловесный, крепкий, с жестким надменным лицом и темным упорным взглядом. Его волосы, обильно тронутые сединой, покрывал вышитый берет, на руках сверкали золотые перстни с крупными камнями. Коричневый бархат камзола мягко поблескивал при каждом движении.

Граф Арсаго был одним из самых влиятельных людей в Венеции. Его знали как человека умного, решительного, привыкшего потворствовать своим желаниям. В его собственности находились несколько кораблей, роскошный дом на Большом канале и земельные угодья в долине Brenty, а также далеко на юге, за пределами республики – и Совету Десяти пришлось проглотить это. Ни одному другому сенатору такое не сошло бы с рук! Однако доходы графа составляли поистине баснословные суммы, большую часть которых он тратил на нужды родного города, так что Совет предпочел закрыть глаза на некоторые обстоятельства. Политика – тонкая вещь.

Мне уже доводилось раньше видеть графа, но только издали, в карнавальных шествиях. Послушницам и святым сестрам тоже разрешалось присутствовать на празднике. Мы добирались до площади с острова Terra-dei-Miracolo на трех больших шестивесельных гондолах и потом скромно стояли в толпе, будто стайка бело-серых голубей. Вытягивая шею из-за чужих спин, я видела, как дон Арсаго шествовал с другими представителями дожа, окруженный знаменосцами и музыкантами. Над их головами трепетали крылья золотых грифонов на флагах, вокруг шумела радостная толпа, пронзительно звенели серебряные трубы...

И вот теперь этот важный господин стоял в двух шагах от меня. Человек, который, как я подозревала, убил мою мать. Я украдкой отерла ладони, заледневшие от волнения и страха.

Обернувшись, синьор Арсаго пропустил вперед молодого человека, которого я поначалу не заметила. Лицом юноша походил на графа, но в нем не было и тени отцовской властности. Он мог бы служить зеркалом для дона Арсаго – волшебным зеркалом, отражающим только светлые черты. Это был его сын, Энрике.

Подойдя ближе, юноша поклонился, так что темные волосы, достигавшие плеч, упали ему на щеки:

– Джульетта, дорогая! Как я рад, как счастлив видеть вас снова!

Его светло-карие глаза просияли от радости. Я с трудом выдавила ответную улыбку. Вот оно, самое сложное за сегодняшний день – встретить этот прямой любящий взгляд. С первой минуты было ясно, что Энрике искренне любил свою невесту. Был открытым, простым человеком, понятным насквозь.

В общем, точно таким, как его описывала Джули.

Я уже готова была сбежать, позорно провалив все дело, но, к счастью, дон Арсаго снова перехватил инициативу. Он слегка осадил Энрике, хлопнув его по плечу, и снисходительно улыбнулся Рикардо:

– Прошу простить моего сына за неуместную горячность. Непонятно, зачем мы вообще посылаем сыновей в университеты, если они возвращаются оттуда такими же неотесанными, как были?

Энрике постигал науки в университете Патавы. Там он и познакомился с Джулией, когда ее матери однажды наскучило уединенное поместье, и ей вздумалось покорить патавское общество.

– Искренность нельзя считать недостатком, особенно в наше время, – слышалось со стороны.

Вздвогнув от неожиданности, я оглянулась. Возле балконных дверей, выходящих на Большой канал, стоял давешний незнакомец со шрамом. В отличие от меня, он и не подумал сменить потертый черный вельвет на что-нибудь более праздничное. Его вызывающе простой камзол выглядел нелепо рядом с синими оконными драпировками, расшитыми золотом, и прочим роскошным убранством салона.

Интересно, что он вообще тут делает? И как смеет разговаривать с доном Арсаго на равных? По моим представлениям, его место было внизу, вместе со слугами.

– Надеюсь, синьорита Джулия простит моему сыну эту бестактность, вызванную лишь глубоким чувством и слишком долгим ожиданием, – отрывисто произнес граф.

Я послушно наклонила голову. Шум, доносившийся с Большого канала, накатывал волнами. Или у меня просто в ушах шумело от волнения. Дальнейший разговор проходил без моего участия. Граф настаивал на свадьбе в ближайшее воскресенье, Энрике почтительно молчал, Рикардо же оправдывался, ссылаясь на траур:

– Бедняжка Джулия так горюет по матери, что отказывается даже выходить за порог дома.

Дон Арсаго недовольно сверкнул на меня холодными глазами, похожими на бусины четок. «Черт бы побрал этих баб с их капризами!» – явственно читалось на его лице. Меня передернуло.

– Господа, прилично ли синьорите выслушивать эти споры? – вновь слышалось со стороны балкона.

– Действительно, – согласился Рикардо, изобразив на лице подлинно братскую заботу.

Бережно поддерживая меня под локоть, он проводил меня до дверей, где в ожидании застыла хмурая Ассунта. Почтительно раскланявшись со всеми, мы с ней покинули высокое собрание, а за нашей спиной снова возобновился хор голосов.

Когда мы с Ассунтой вернулись в жилые покои, служанок там уже не было. Исходящая паром бадья тоже исчезла. Потеснив меня на середину комнаты и сурово подбоченившись, донна Ассунта спросила:

– А теперь давай-ка начистоту, милочка: кто ты такая?

«Ну вот, началось». Я с напускным безразличием пожала плечами. Присела на сундук, отстегивая вуаль:

– Не понимаю, что вы имеете в виду, тетя. Или это весеннее солнце напекло вам голову?

Трясущийся палец, покрытый старческими коричневыми пятнами, возник вдруг у меня перед носом:

– Ты не Джулия. О нет! Та была такая же взбалмошная, как ее мать! Я-то помню, как прошла их прошлая «помолвка»! Бешеная девчонка сдернула с се-

бя платье и орала, что Рикардо может тащить ее к графу прямо в рубашке: тому, дескать, все равно.

Мне стоило большого труда удержаться от улыбки. Да уж, узнаю Джули.

– В монастыре у меня было время подумать о многом. Я изменилась, тетя.

– Мне-то мозги не пудри! Изменилась она. Да легче Бренту заставить потечь вспять, чем обуздать такой характер, как у той проклятой девки! Это Рикардо тебя нашел? Вы сговорились? Где Джулия?

Я позволила себе повысить голос:

– Вы переходите все границы, тетя! Я больше не девочка и не намерена выслушивать этот вздор! Настоятельно прошу вас оставить меня одну! Мне нужно помолиться. Обещаю, что помолюсь и за ваш внезапно оскудевший разум.

Донна Ассунта даже задохнулась от возмущения. На ее щеках вспыхнули уродливые алые пятна, она резко развернулась и вышла, яростно стуча тростью. Я услышала, как в двери щелкнул замок. Ну и пусть, если ей так спокойнее. Мне даже лучше.

Разумеется, молиться я не собиралась, по крайней мере, в понимании Ассунты. Однако магия требует не меньшей сосредоточенности. Толкнув дверь и убедившись, что никто не следит за мной в замочную скважину, я снова присела на ларь, закрыла глаза и потянулась мыслями к Пульчино. Перед глазами постепенно возникла каменная набережная, зеленые воды лагуны и чайки, белыми лепестками кружившие над водой.

На старом языке это искусство называлось *кьямата* (от итал. *chiamata* – зов, прим. авт.), хотя, на мой взгляд, правильнее было бы сказать «заимствование» или «связь». Сейчас уже мало кто владеет этим даром. Однако искусство *кьямата* до сих пор считается почетным, и многие знатные семейства продолжают посылать юных дочерей в монастыри, надеясь, что под благочестивой сенью храма дар пробудится скорее. Почему-то чаще получалось так, что этим искусством владели девушки. Мы не *маннаро*, меняющие облик, не безумцы, которые каждое полнолуние теряют себя, растворяясь в звериной ипостаси. Мое тело продолжало смиренно сидеть на ларе, но мысленно я могла свободно парить над городом вместе с Пульчино, могла «одолжить» его острое чаячье зрение и проворство.

Благодаря Пульчино, границы моего маленького мирка раздвинулись настолько, как я и мечтать не могла. Он подарил мне небо и жемчужную прелесть лагуны, озаренной восходящим солнцем. До появления Джулии в монастыре Пульчино был моим единственным другом. С того дня, как я нашла беспомощного мокрого птенца на причале, мы больше не расставались. И я никому не позволила бы ограничить его свободу.

«Может, довольно патетики?» – недовольно прозвучало у меня в голове. Я словно очнулась, вынырнув из темного будуара в прозрачную синеву весеннего дня. Сильные крылья несли меня вдоль канала мимо Арженто и дальше, к дому синьора Граначчи. Описав круг над черепичной крышей, я вдруг заметила Рикардо: вместе с человеком-со-шрамом он стоял на аркаде винтовой лестницы, ведущей во внутренний дворик. Оба ожесточенно спорили о чем-то. Эх, даже клюв зачесался, так хотелось их подслушать! «Мне что, разорваться?» – снова ехидно заметил Пульчино, который за годы общения со мной уяснил, что такое сарказм, и с удовольствием пользовался им при случае. Зато моя память обогатилась знанием всех укромных местечек в лабиринте рыжих крыш

Терра-деи-Мираколо, где можно было спрятать добычу или притаиться самой. Да уж, мы многому научились друг у друга!

Как бы мне ни хотелось подслушать, о чем говорят Рикардо и тот странный господин, гораздо важнее было проследить за графом. В данную минуту он как раз садился в длинную позолоченную гондолу, намереваясь отплыть вместе с сыном. Я спикировала к ним на одолженных крыльях, присев на торчащий на корме набалдашник. Кто будет обращать внимание на какую-то чайку?

– Бедняжка, как она изменилась! – говорил Энрике. – Когда я встретил Джулию два года назад, в ней было столько тепла, счастливого предчувствия, надежды! Ее веселый смех звенел по всему дому. Знаешь, отец, бывает так, что встретишь человека – и сразу чувствуешь в нем родную душу.

– И ты, не откладывая, сделал ей предложение.

– Да, и мне показалось, что она была рада! А на следующий день вдруг заявила, что нам следует все забыть. Вернула мне кольцо. Я не мог понять, что на нее нашло. Честное слово, легче поймать облако над вулканом, чем постигнуть мысли женщины!

– К счастью, монахини на Терра-деи-Мираколо сумели вправить ей мозги.

Энрике печально покачал головой:

– Но этот мрачный монастырь выпил из нее все краски, всю живость. Представляю, что там за жизнь! Поди у них в саду даже крапива чахнет... Нет, дурной это обычай – ссылать туда девчонок перед свадьбой!

– Напротив, очень разумный, – усмехнулся граф. – Ты еще успеешь оценить, каким подарком для мужа является тихая, покорная, бессловесная жена. А главное, монастырь научил ее кое-чему. Мои люди донесли, что Джулия подлинно владеет искусством *кьямата*. Это редкость в наши дни!

– Я выбирал жену не по магическим способностям... – тихо возразил Энрике.

– Этот дар – ее единственная ценность! – возвысил голос граф. – Ты думаешь, меня интересует захудалый род Граначчи, который едва держится на плаву благодаря ловкости и обаянию этого плута Рикардо? Однако талант Джулии сделает тебя первым человеком в Венеции! За это я готов терпеть ее вместе с братцем, так что не глупи.

В этот момент раздался резкий крик, и Энрико, вздрогнув, поднял голову. В небе, обведенная сияющим солнечным контуром, парила чайка.

Глава 4

Мой первый обед в семейном гнезде рода Граначчи проходил в приятной, непринужденной обстановке. Во многом этому способствовало отсутствие Ассунты. Верная своей тактике, старая мегера сказалась больной и заперлась в своей комнате, вероятно, надеясь пробудить в нас с Рикардо остатки совести. Надеюсь, наш смех и веселый разговор, доносившийся из столовой, достаточно ее разочаровал. Интересно, рискнула ли она поделиться с племянником своими подозрениями?

Стол накрыли на два прибора. Фаянс и серебро уютно поблескивали в свете свечей. Графин был полон драгоценного вина, в гранатовой темноте которого вспыхивали фиолетовые отблески. Двое лакеев, наряженные в одинаковые ливреи и красные чулки, время от времени появлялись в комнате, вносили очередное блюдо или канделябр со свечами, и снова бесшумно исчезали.

Еда, разложенная по тарелкам и соусникам, выглядела аппетитно, но я все еще была немного чайкой, поэтому от запаха прожаренного мяса и тушеных овощей меня едва не стошнило. Хотелось нырнуть в канал, сцапать скользкую серебряную рыбешку и сожрать ее вместе с костями. Увы, такова была оборотная сторона связи с Пульчино. Всякий дар – палка о двух концах.

Воздавая должное жаркому и ветчине, Рикардо подлил мне вина и улыбнулся:

– Даже не помню, когда мы в последний раз сидели вот так, по-семейному. Разве что в детстве. Помнишь, когда мы с отцом приехали в поместье на твои именины?

Лицо его улыбалось, но в глубине глаз светилась настороженность, как у дикого зверя.

«Понятно. Значит, тетушка все же успела заразить племянника своими подозрениями».

Нарезая рассыпчатый сыр на мелкие кусочки, я небрежно пожалала плечами:

– Конечно, помню. Отец еще хотел оставить тебя немного погостить. Но ты был просто невозможен! Сначала сбежал от наставника и залез на дерево. Потом попытался прокатиться на папиной лошади. Мама решила, что с двумя детьми ей в одиночку не справиться, они с отцом поругались, и вы уехали обратно.

Рикардо расхохотался сначала, затем погрузился:

– Я действительно уделял мало внимания тебе и матери. Совсем замотался в делах. Не представляешь, как я об этом жалею! Но теперь все будет по-другому, обещаю.

Под его теплым взглядом я покраснела и зачем-то бухнула себе в тарелку пучок кресс-салата, который вообще-то терпеть не могу. Братская заботливость Рико меня растрогала. Но я никак не могла отделаться от мысли: мне почудилось, или действительно в его голосе слышалось облегчение?

– Тебе понравится в Венеции, – продолжал Рико. – Завтра же поедем прогуляться по каналам. Если что, гондола и Фабрицио в твоём полном распоряжении. А через две недели будет праздник в честь Дня Изгнания! Я покажу тебе Дворец дождей и галереи Прокураций, сходим на ярмарку, вечером глянем гонки гондол на Большом канале... Азартная вещь, я тебе скажу!

– А нас пустят на «Бученторо»?

«Бученторо» – церемониальная золоченая галера, с кормы которой дож бросал в волны кольцо, скрепляя этим свой брак с морем. В свиту дожа при этом допускались только знатные патриции, всем остальным приходилось довольствоваться созерцанием зрелища издалека, со своих лодок. Триста лет назад море защитило Венецию, прогнав от наших берегов алчных фиескийцев, тогда и возник этот обычай. С тех пор он неукоснительно соблюдался, хотя некоторые острословы любили пошутить насчет престарелого дожа и его вечно юной коварной возлюбленной, вдовы целой череды венецианских правителей. Из всех развлечений, предстоящих в День Изгнания, церемония обручения особенно меня интересовала.

– Надеюсь, все пройдет благополучно, – сказала я задумчиво, вертя в руках десертную ложку.

– Да, дон Соренцо – нынешний дож – стар и глух, как пень, но, надеюсь, у него достанет сил подняться на корму и произнести речь, – беспечно отозвался Рикардо. – Хотя кое-кто из сенаторов уже примеряет на себя золотую шапку, однако я заметил, что люди, облаченные властью, обычно чертовски живучи, так что Аугустино Соренцо еще поборется. Да и глохнет он лишь тогда, когда ему это выгодно.

Меня беспокоило не самочувствие дожа, а кое-что другое, но я не стала спорить. Перед глазами возникли песчаные отмели острова Дито... Это место, где мутно-зеленые воды лагуны смешиваются с морскими волнами. Золотое перышко парадной галеры выглядит как пушинка на ледяной ладони Длинного моря, в любой момент готовый сжаться в кулак. Кое-кто считал обряд в День Изгнания символом нашего господства над морем, но я-то знала, насколько это «господство» было призрачным и условным. Море – оно как глухая бездна, безразличная к людям. Оно сыто дремлет под небом, но в любую минуту может показать свой оскал и смести нас с земли, словно прилипший сор.

Замечание Рико насчет праздника напомнило мне о времени. День, назначенный для осуществления моих планов, неотвратимо приближался. Мне следовало срочно найти кого-то, сведущего в астрономии, чтобы уточнить даты. И еще я приняла твердое решение всеми силами уклоняться от свадьбы. Мне очень понравился Энрике, и не хотелось бы причинить ему такое горе, оставив его вдовцом. Ведь я приехала в Венецию, чтобы умереть.

Спустя несколько дней я в сердцах сказала себе, что моя жизнь в доме Граначчи мало чем отличалась от прежнего монастырского затворничества. Несмотря на обещания, у Рикардо на следующий день не нашлось для меня времени. «Дела, сестричка», – пробормотал он, глядя куда-то в сторону, небрежно погладил меня по плечу и исчез. Фабрицио, правда, остался. Он предложил мне свои услуги, но рядом сейчас же возникла донна Ассунта, твердо вознамерившаяся сопровождать меня повсюду. Пришлось отказаться от поездки по каналам и от посещения лавочек на Мерчерии, так как в присутствии старой мегеры прогулка не доставила бы мне никакого удовольствия.

Я не слишком тяготилась одиночеством. Старый дом Граначчи оказался настоящей сокровищницей, каждый день удивляя меня новыми сюрпризами. Темные резные комоды из грушевого дерева таили в своих ящиках рулоны

мягчайших тканей ярких расцветок, от которых мои светло-карие глаза казались золотистыми, как янтарь, а кожа матово светилась. За стеклянными дверцами поставцов чинно поблескивала дорогая посуда. Бродя по пустым парадным залам, я иногда замирала на месте, когда заблудившийся солнечный луч вдруг выхватывал из полумрака фрагмент старой фрески или картины. Комнаты Джулии вообще походили на волшебную пещеру Али-Бабы, столько в них оказалось чудесных вещиц, милых сердцу каждой женщины: затканые серебром шелковые накидки, надушенные перчатки, кружева, вуали, хрустальные флаконы с душистыми эссенциями... Раньше у меня никогда не было таких прекрасных вещей, и сейчас я наслаждалась ими, пока была возможность.

А вот Пульчино в Венеции не нравилось. «Рыбаки здесь хитрущие, – жаловался он, – часто привозят лежалую рыбу. Чайки наглые, не то что у нас на острове. Люди постоянно снуют вокруг. Мутят воду, грохочут тяжелыми молотами, забивая сваи. Чем вам старая лагуна не нравилась? Раньше здесь были такие отмели с мягким песочком, болота, тростник, шепчущий на ветру, соленые озера – красота! Нет, вам обязательно нужно все поменять, все переделать под себя...»

Когда на него находило угрюмое настроение, Пульчино мог ныть вечно. Правда, нам нечасто удавалось спокойно поговорить, так как донна Ассунта следила за каждым моим шагом. Она не пыталась разоблачить меня перед слугами – видимо, беспокоясь о чести семьи, но куда бы я ни пошла, следом вскоре раздавался стук трости, и старческий дребезжащий голос вопрошал: «Джули? Ты здесь?»

У нее находилась для меня масса поручений: помочь смотать шерсть в клубки, попробовать тесто для печенья, почитать книгу, обсудить новый рецепт... Просто удивительно, как она раньше справлялась, до моего приезда?!

– Я занята, тетя, – вежливо отвечала я, не желая устраивать прилюдные сцены.

– Но я столько лет тебя не видала, девочка моя, дай хоть налюбоваться перед смертью, – жалобно стонала вредная старуха, дряхлея прямо на глазах. А у самой лицо так и светилось злорадством.

«Да ты еще нас всех переживешь, противная карга!» Теткино двуличие бесило до невозможности, но при служанках я старалась придерживать язычок. Все знают, что у домашних слуг самые чуткие уши. Глоток свободы выпадал мне только под утро, когда донна Ассунта поднималась и тащила свои грехи на исповедь. На мое счастье, набожность не позволяла ей пропускать ни одной утренней службы.

Рикардо не встречал в наши склоки, и вообще бывал дома довольно редко. Днем он был постоянно занят, а после ужина отправлялся куда-то вместе с Фабрицио. Мое ревнивое воображение услужливо рисовало темный переулок, скрытый от чужих глаз, потайную дверцу, отворяющуюся от условного стука, женскую фигурку в маске, укутанную плащом, и долгие прогулки в гондоле под золотистой луной. Иногда, лежа по ночам без сна, я слышала плеск весла возле нашей террасы и приглушенный разговор – по воде звуки разносятся далеко...

Меня терзало любопытство. Так и подмывало расспросить Фабрицио, но я знала, что все гондольеры крепко берегут секреты своих молодых хозяев. Это

было что-то вроде мужского братства. Мои расспросы его только позабавят. Что мне за дело, на каком канале синьор Рикардо изволит проводить короткие весенние ночи?

– Не о том ты думаешь, – упрекнул меня Пульчино на третий день моего роскошного безделья. – Лучше бы побеспокоилась о другом человеке. Знаешь ли ты, кто тот мужчина с изуродованным лицом, который встретил тебя вместе с Рикардо?

Даже сейчас при одном воспоминании о незнакомце мне словно ледяной ладонью провели по спине.

– Понятия не имею! – раздраженно ответила я. – Какой-нибудь наемный убийца, почему мне знать!

В ответ Пульчино разразился хриплым клекотом, способным довести нервного человека до трясушки. Чайки всегда так смеются. Я уже привыкла.

– А вот и не угадала! – судя по довольному тону, ему действительно удалось узнать что-то важное. – Наоборот, это такой человек, который не дает спокойно спать всем наемным убийцам Венетты. Это Алессандро ди Горо, начальник графской охраны.

Я пожалала плечами, хотя мой друг, находившийся за несколько миль, не мог меня видеть:

– Значит, у графа дурной вкус, если он может без содрогания каждый день смотреть на это лицо!

– Он просто трезво мыслит. Лучше прожить долгую жизнь с дурным вкусом, чем безвременно почить с хорошим! Говорят, что за последние полгода на дону Арсаго покушались дважды, и цел он до сих пор лишь благодаря талантам своего главного охранника. Похоже, что у нашего графа в Венетте куча врагов – прямо как блох на собаке! Тут уж не будешь критиковать человека за лицо, если к нему прилагаются светлая голова и умелые руки!

Слова Пульчино натолкнули меня на новую мысль. Я знала, что кто-то из венецианских патрициев лелеял преступные замыслы против *кьямати*. Поэтому я и приехала сюда вместо Джулии. Кто-то хотел подчинить *кьямати*, чтобы заставить ее искусство работать на себя. Но мои подозрения были настолько слабы, что буквально таяли в воздухе. В своих фантазиях именно дону Арсаго я отводила главную злодейскую роль. Однако даже такого влиятельного человека можно загнать в ловушку. Действительно ли он виновен? У Совета Десяти длинные руки. А кроме него был еще тайный Совет Трех – настолько тайный, что даже никто из сенаторов не знал точного состава его участников. Однако эти трое инквизиторов могли распорядиться жизнью любого патриция в городе.

Робкий голосок служанки прервал мои размышления:

– Там пришел синьор ди Горо, хочет вас видеть.

«Легко на помине!» – ехидно фыркнул Пульчино. И исчез.

Я безразлично пожалала плечами:

– Донна Ассунта все равно не позволит мне его принять, но спасибо, что сообщила.

Сейчас моя тетка-тюремщица живо спровадит незваного гостя. Чтоб ей лопнуть! Благодаря ей я фактически лишь сменила одну келью на другую!

Служанка ушла, однако вскоре вернулась:

– Синьора, он настаивает, что все же должен увидеть вас.

Похоже, графский посланник оказался не так прост... А девушка продолжала:

– Он поговорил с донной Ассунтой, после чего она заперлась у себя и заявила, что до вечера не выйдет.

Я изумленно присвистнула: похоже, синьор ди Горо умеет обращаться с докучливыми старыми дамами! Не мешало бы взять у него пару уроков... Любопытство боролось во мне с опасением. Если верить Пульчино, этот господин мог доставить мне массу неприятностей. Начальником охраны кого попало не назначат! С другой стороны, он принадлежал к графскому двору и мог рассказать немало интересного.

В конце концов, любопытство победило. Метнувшись к сундуку, я извлекла из его глубин роскошное платье, спрятанное кое-кем подальше от зоркого глаза Ассунты. Нежно-сиреневое, сверху оно было отделано золотым шнуром и прозрачным газом, позволяя оценить красоту рук и плеч его обладательницы. По моим представлениям, ни один мужчина, увидев перед собой женщину в подобном платье, не стал бы расспрашивать ее о монастыре. Вообще, мысли о монастыре – последнее, что придет ему в голову.

«У синьора ди Горо свое оружие, а у нас – свое», – подумала я с внезапно вспыхнувшим озорством. Приложив к себе платье, подтолкнула растерянную служанку к двери:

– Ступай, скажи ему, что я выйду... но немного позже. Проводи гостя в салон, предложи ему вина. И пришли ко мне Лючию.

Из всех девушек Лючия наиболее искусно управлялась с моими волосами. Правда, и возилась с ними невероятно долго – гораздо дольше прочих! Но это ничего. Пусть графский пес не воображает, что я прибегу к нему по первому зову!

Я спустилась вниз через час с четвертью, перед этим вдоволь налюбовавшись своим отражением в зеркале. Шелковое платье переливалось, мягко колыхаясь от каждого движения, длинные серьги тихо позванивали. Волосы, перевитые золотой лентой, я небрежно перебросила через плечо.

К моей досаде, гость в салоне не метался от стены к стене, злясь на бесцельно потраченное время, а спокойно восседал в кресле и смотрел на канал, как человек, привыкший к долгому ожиданию. При моем появлении он учтиво поднялся, шагнул навстречу... и, кажется, оцепенел на несколько мгновений.

Приятно, что наши с Люцией усилия не пропали даром. Настроение у меня сразу улучшилось.

– Синьора, – восторженно воскликнул, дон Алессандро поклонился, как человек, внезапно очнувшийся от сна.

– Вы так настойчиво хотели меня видеть. Для чего же?

– Представляете – забыл, – ответил он простодушно. И улыбнулся.

Правда, из-за шрама улыбка вышла кривой и недоброй. «А ведь если бы не это увечье, он был бы даже красивым», – мелькнула неожиданная мысль. У него было твердо очерченное, несомненно привлекательное при всей жесткости лицо. Большие серые глаза под густыми прямыми бровями смотрели доброжелательно и открыто. Заметив, что я вздрогнула, он незаметно отступил от окна, так чтобы искалеченная половина лица оказалась в тени. Должно быть, ему часто приходилось прибегать к подобным уловкам. Меня кольнуло сочувствие.

Я предложила гостю миндальное печенье, к которому сама пристрастилась в последние дни. В монастыре нам такого не давали!

– Как вы находите Венетту? – спросил он.

– У меня еще не было времени познакомиться с городом. В этом доме масса дел! Сразу видно, что его давно не касалась женская рука.

Я надеялась, что пожилая кухарка, хлопотавшая с чайным подносом, донесет мои слова до ушей донны Ассунты, и та взбесится от злости. Синьор ди Горо поспешно потянулся за чашкой, пряча улыбку. Словно он разгадал мой коварный замысел.

– Ну, не можете же вы вечно сидеть взаперти. Поверьте, в Венетте есть на что посмотреть!

Пока мы обменивались ничего не значащими любезностями, я раздумывала, как бы перевести разговор на его сюзерена. Неожиданно мой гость сам поднял эту тему:

– Через два дня дон Арсаго устраивает прием...

– Боюсь, синьор, что мое присутствие там будет неуместно, – отказалась я, имея в виду траур.

На самом деле я еще не готова была встретиться с этими людьми лицом к лицу. Хотя Пульчино от души бранил меня и называл трусихой, сначала мне хотелось собрать побольше информации.

– Очень жаль. Вы стали бы украшением этого вечера.

От неподдельного восхищения, прозвучавшего в его словах, мне стало не по себе. Наш разговор свернул куда-то не туда, и я при всем желании не могла придумать, как исправить положение. Мысли разлетелись, сердце колотилось так, будто я взобралась на колокольню без передышки. Первый раз в жизни я была наедине с мужчиной, – если не считать «семейного» ужина с Рикардо, – но с Рико было легко смеяться и шутить обо всем на свете, а присутствие рядом дона Алессандро отчего-то вызывало чувство острой неловкости.

Над Большим каналом сгустились вечерние тени. Яркое горящий канделябр превращал уголок комнаты, где мы сидели, в уютный островок света, делая окружающую темноту еще глубже. Кухарка давно ушла, никакого движения в доме не было слышно. Мы были одни. Склонившись, Алессандро почтительно взял мою руку, которая вся утонула в его широкой ладони. Поднес к губам, не сводя с меня смеющихся глаз. Осторожно провел большим пальцем по ладони. Получилось нежно. Я вспыхнула, но руку он выпустил не сразу.

– У вас мозоли на ладонях, – сказал он доверительно и тихо. – Я наблюдал за вами с самого начала. Кисти рук загорелые, как и лицо под этими дурацкими белилами. Скажите своей служанке, чтобы не смела вас уродовать, они вам не идут. А плечи, руки и шея – чистойшей белизны...

Под его взглядом мне захотелось завернуться в мантилью. Нет, лучше в плащ-домино! Чтоб ни одного клочка кожи не было видно! Он же невозмутимо продолжал:

– Такой загар бывает у монашек, у «серых сестер», занятых грязной работой. Вы жили в монастыре, это очевидно. Но не ради обучения, как патрицианка, а как простая послушница. Вам пришлось бежать? Почему? С вами плохо обращались? Скажите! Быть может, я смогу помочь...

Меня словно окатили ледяной водой. Что называется, доигралась! Каким-то образом этот проклятый графский сторожевой пес ухитрился вызвать

во мне чувство абсолютного доверия, я расслабилась и позабыла об осторожности. Прав был Пульчино – с ним нужно держать ухо востро! Разозлившись на себя, я резко выдернула руку. Лицо под белилами горело так, что хотелось немедленно умыться ледяной водой.

– У меня нет никаких секретов, заслуживающих вашего внимания, – отчеканила я, глядя ему в глаза.

Синьор ди Горо даже бровью не повел.

– Если когда-нибудь вам понадобится помощь...

– ...то прежде всего я обращусь за ней к своему брату! И уж никак не к постороннему мужчине!

Мой собеседник наконец-то понял, что зашел слишком далеко. Он поспешно поднялся:

– Да, конечно. Простите, что отнял у вас столько времени.

Через минуту его шаги слышались уже на террасе. Судорожно сцепив пальцы, я ловила каждый звук, доносившийся снаружи, и выдохнула с облегчением, только когда различила плеск воды и приглушенный разговор с лодочником. Все, уехал.

Нет, больше никаких разговоров наедине с этим человеком! Эта добыча мне не по зубам. Слишком многое он подмечал своими серыми глазами, потом что-то складывал в уме и выдавал неожиданные предположения, слишком близкие к истине. Очень опасный тип!

Когда Рикардо вернулся, он так и нашел меня в салоне, сидящую в темноте рядом с давно погасшим канделябром.

– Джулия? – удивился он. – Что с тобой?

– Да так... задумалась.

– Ты слишком много сидишь дома, – энергично заявил брат, зажигая свечи на комод и в напольных светильниках. Комната вновь наполнилась мягким теплым светом. – Послезавтра граф дает большой обед, и ты там будешь.

Ну вот, и он туда же! Я досадливо поморщилась:

– Нет, что ты! Мне ни к чему...

– Да, Джулия. Ведь дон Арсаго пошел тебе навстречу и согласился отложить свадьбу? Теперь наша очередь уважить его просьбу. Это называется «компромисс».

– Но я же в трауре. Что скажут люди?

Рикардо молча посмотрел на меня долгим взглядом. Внимательно оглядел пышное платье, взбитые волосы, блестящие украшения... Я покраснела.

– Оденься поскромнее, вот и все. Дон Арсаго сегодня сам сказал, что твое присутствие очень желательно.

Поспешно ретировавшись к себе в комнату, я подошла к зеркалу. В нем отражалась разряженная девица, увешанная побрякушками, в вызывающе ярком платье с бесстыдно оголенными руками. Я вспомнила, как вела себя с Алессандро – и мои щеки запылали еще пуще. Кокетничать пыталась! Идиотка. А он смотрел и видел меня насквозь...

Мне было невыносимо стыдно. А хуже всего, что мы наверняка встретимся в доме дона Арсаго! Что если он расскажет гостям... Хотя нет. Почему-то я была уверена, что синьор ди Горо не скажет ничего ни Рикардо, ни кому-то другому. Не станет позорить меня перед всеми.

Глава 5

Когда мы с братом сели в гондолу, солнце уже опускалось на западе, окрашивая небо и воды лагуны в одинаковый розово-палевый цвет. В усталом вечернем свете лица домов смягчились, подобрели. Темнота в каналах сгустилась плотнее, а крыши, наоборот, запылали яркой рыжиной. Печальный и задумчивый, город гляделся в тихое водяное зеркало.

На причалах возле домов зажигали факелы. Издалека ветерок донес до нас запах гари, померанцевых деревьев и мягкий струнный перезвон. Я зябко куталась в накидку, подбитую куньим мехом. Рикардо задумчиво сидел, подперев голову кулаком, и смотрел на воду. За всю дорогу он не произнес ни слова.

Особняк донна Арсаго весь светился в сумерках, как ларец, полный сокровищ. Из окон верхнего этажа доносились звуки музыки и голоса, эхом разносившиеся под колоннадой. За несколько дней, проведенных в доме Граначчи, я успела немного привыкнуть к роскоши, но этот дворец все равно с порога поразил меня великолепием и своеобразной мрачной эстетикой. Словно я попала в замок какого-то подводного властителя.

По углам вестибюля стояли алебастровые фазы, выточенные в виде фигур осьминогов. Полы были сделаны из истрийского камня, гладкого и блестящего, как вода. Драгоценные колонны из мутного молочного стекла с вкраплениями меди вздымались к потолку, похожие на струи фонтана. Я посмотрела наверх. С потолочной лепнины тянули свои щупальца чудовищные медузы и полипы, со стены скалилась акуля голова, глядя мимо меня пустыми черными глазами. Рассматривая ее, я вдруг ощутила, как чей-то другой взгляд яростно сверлит мне спину. Беглый осмотр холла не дал никаких результатов. Здесь решительно негде было спрятаться! Рикардо уже ушел вперед, лакеи задержались снаружи, встречая другую барку с гостями, так что в холле я была одна. Тишину нарушало лишь потрескивание светильников, озаряющих фрески на дальней стене. Картина производила сильное впечатление. Очевидно, дон Арсаго был поклонником батальных сцен, на которые не пожалели красной краски. Может быть, этот сюжет прославлял какие-нибудь деяния его предков? От картины словно исходила волна мутной ярости; зрелище распоротых животов, вываленных внутренностей и отрубленных голов вызывало тошноту. Вместе с тем проклятое полотно обладало какой-то чудовищной притягательностью. Я с усилием отступила на шаг, потом еще на один – и все никак не могла отвести взгляд.

– Джулия?

Я вздрогнула. Сверху на лестнице показалась высокая фигура Рикардо.

– Куда ты пропала? Пойдем скорее.

Мой брат снова скрылся в дверях. Оторвавшись наконец от проклятой фрески, я поспешила за ним следом. Вдруг какая-то невысокая тень метнулась от дальней стены и мгновенно скрылась в проходе под лестницей. До моих ушей донесся drobный топоток, будто пробежал ребенок. С бьющимся сердцем я замерла на середине лестницы, пытаюсь справиться с необъяснимым ощущением липкого страха. Этот дом мне определенно не нравился.

Я еще пыталась прийти в себя после шокирующей встречи с искусством (той картиной в вестибюле), когда нетерпеливый братец затащил меня в угол

гостиной.

– Давай я быстренько расскажу тебе, кто есть кто из гостей, чтобы ты не попала впросак. Прежде всего, нужно будет представить тебя донне Арсаго. – Он указал на бледную, немощную с виду женщину, которая беседовала с другой дамой, пышнотелой и яркой, разряженной в пух и прах. Вторая дама что-то быстро говорила, беспрестанно улыбаясь, ее зубы и драгоценности напористо поблескивали в свете свечей. Рядом с ней графиня казалась блеклой и истонченной, почти как привидение.

– ...Дон Арсаго в грош ее не ставит, так что не тушуйся, если ты ей не понравилась, но все же следует проявить к ней уважение, – наставлял меня брат. – Дальше. Та черноволосая красотка рядом с графиней – это Джоанна Сакетти. Бывшая пассия графа. Ненавидит его со всем пылом оскорбленной женщины, но вслух ни за что не признается. А вон тот лисоподобный синьор в черном берете, с острой бородкой – ее муж. Бывший сенатор Джакомо Сакетти.

– И он здесь? – удивилась я. – А он знает, что его жена раньше... ну...

– Все знают. Но боже упаси тебя хотя бы намекнуть об этом! Здесь еще их дочь, Инес. Видишь блондинку, притихшую за спиной у Джоанны? Это она. В отличие от матери – скромница и молчунья, слова лишнего не скажет, но на твоём месте я бы ей не доверял. Подозреваю, что в этом омуте водится немало чертей.

– А как зовут вон ту синьору в красном? – спросила я с любопытством.

Девушка, которая привлекла мое внимание, кроме яркого платья выделялась необычно свободными манерами. Сейчас она непринужденно объясняла что-то пожилому синьору в коричневом плаще с меховой оторочкой.

– Это Бьянка. Бьянка Санудо...

Мечтательные нотки в голосе Рикардо заставили меня помрачнеть.

– Ее отец служит у донна Арсаго управляющим. Люди шепчутся, что синьор Санудо сильно сдал в последнее время, так что дочь проверяет вместо него счетные книги. Кое-кто поспешил донести эти сплетни до графа. А дон Арсаго, представляешь, заявил, что столь разумной девице он без колебаний доверил бы всю свою казну.

– Я бы на его месте поостереглась, – хмуро бросила я в ответ. – Не думаю, что синьора склонна к экономии. Одно ее платье из венецианского шелка стоит не меньше двухсот дукатов, не говоря уже об украшениях!

– Завидуешь, сестренка? – ухмыльнулся Рикардо.

– Угу. Восхищаюсь.

Я с грустью оглядела свой чопорный темно-синий наряд. Из украшений – только длинные ониксовые четки, волосы гладко зачесаны под покрывало. Но даже в таком монашеском виде мое присутствие здесь многие сочли бы неприличным: ведь я недавно потеряла мать! К счастью, Ассунта, продолжавшая тихо меня ненавидеть, нарисовала мне такое ужасное лицо, что рядом со мной любой покойник показался бы воплощением здоровья и красоты. При взгляде на меня никто бы не усомнился, что я не только потеряла близкого человека, но и сама стою одной ногой в могиле.

– Хм, а он что здесь делает? – бормотал тем временем Рикардо, указав на плотного темноволосого мужчину с высокомерным костистым лицом и пристальным взглядом выпуклых светлых глаз. – Это Фальери, один из нуворишей. Они с графом никогда не ладили...

Я кое-что слышала о постоянных стычках «новой» и «старой» знати в пестром венеццианском обществе. Двое мужчин, похоже, продолжали какой-то старый спор:

– Вы слишком привыкли считать Венецию королевой моря, – напирал Фальери, – но теперь уже не те времена. Все, баста! Золотому грифону пора выбираться на берег. Из-за войны с тарчами мы потеряли крепости на пути в Ханан, так что восточная часть Срединного моря теперь закрыта для нас! Кроме того, с тех пор как лозитанцы открыли морской путь в Бхарат, центр торговли необратимо сместился на север. Нам нечего больше ловить на море!

– Ну что вы такое говорите, синьор Фальери, – с улыбочкой вмешалась Джоанна Сакетти, исключительно с целью обратить на себя внимание. – Неужели Кашми и Магадха перестанут торговать с нами? Как же мы тогда будем обходиться без их прекрасных шалей, шелка и жемчугов, скажите на милость?

Дон Арсаго хмуро отвернулся от Джоанны, не обращая внимания на расточаемые улыбки.

– Вместо того чтобы ловить удачу у дальних берегов, следует заняться торговлей на континенте, – развивал свою мысль настырный синьор. – Пора, пора переделывать корабли в амбары и винные прессы, распахивать фермы, вкладывать деньги в *terra firma*...

– Для этого нам понадобится прежде всего прочный мир с Лигой Четырех и северными герцогствами, – раздраженно бросил дон Арсаго, давая понять, что спор слишком затянулся. – Какой смысл нам вкладывать деньги в спорные земли, если мы каждую минуту рискуем их лишиться?

Спор о судьбах Венеции увял сам собой, когда торжественная процессия слуг внесла с кухни блюда с яствами, и графиня распорядилась пригласить всех в столовую.

Глядя на этот стол, я с некоторым ужасом подумала, что одного такого обеда нашему монастырю хватило бы на месяц. Здесь была жареная дичь во всех видах, целые пирамиды из окороков и колбас, остро пахнущие соусы в маленьких кувшинчиках... Скатерть украшали охапки нарциссов и фиалок, распространявшие нежный аромат. В серебряных ведерках охлаждалось вино: бледно-желтое монфьоре, цветом похожее на зимнее солнце, и трентино, отливающее зеленую в бокале, с терпким и свежим вкусом. Гости оживились, рассаживаясь по местам. Только донна Джоанна молчала, обиженно поджав губы. Ее полные щеки и широкое декольте, прикрытое газовой вуалью, порозовели от гнева. Инес, сидевшая рядом с матерью, что-то тихо шептала ей на ухо.

По правую руку от меня сидел Энрике, дувшийся на меня за то, что я гораздо больше внимания уделяла другому собеседнику – синьору Фалетрусу. Хрупкий, немолодой мэтр Фалетрус был при дворе графа кем-то вроде доктора и астролога одновременно. Зато он прекрасно разбирался в астрономии, и мне было жизненно важно поговорить с ним – только, конечно, не при всех. Был здесь и Алессандро ди Горо, но, к моей радости, его усадили далеко от меня. За сытыми, лоснящимися лицами других гостей мы почти не видели друг друга. Вот и славно.

Рикардо тоже был, увы, далеко. Сдав меня на руки жениху, он тут же превратился в верного пажа прекрасной синьоры Бьянки. Я против воли то и дело поглядывала на них. Рико усиленно распускал хвост, но пока что его обая-

ние бессильно разбивалось об эту неприступную крепость. Девушка неохотно цедила слова и едва ли раз взглянула в его сторону. И почему мужчин вечно тянет к таким синьорам – холодным, насмешливым, с острым, как нож, языком? Я злорадно подумала, что алый цвет ее платья, хоть и шел к ее дерзким своевольным манерам, но был слишком ярким обрамлением для пепельных волос и бледного русалочьего лица с зеленоватыми глазами.

Имя «Джулия», внезапно прозвучавшее за столом, выдернуло меня из омота ревнивых мыслей. Оба важных господина – синьор Фальери и незнакомый господин в меховом плаще – улыбаясь, смотрели на меня.

– ...и по случаю помолвки мы хотели бы преподнести подарок прекрасной синьорите Джулии, невесте сына нашего любезного хозяина. Надеюсь, она не откажется принять нашу скромную дань ее таланту, добронравию и красоте!

Поздравления и тосты зазвучали со всех сторон. Энрике, положив ладонь поверх моей, ласково сжал мои пальцы. Я сидела как на иголках. Подарок? Что еще за подарок? Надеюсь, нас не собираются обвенчать прямо сейчас?!

Двое слуг, пыхтя и отдуваясь, еле втащили в зал огромный ящик размером с паланкин, накрытый узорчатым полотнищем. Ого! Покрывало сдернули – и мое чувство радостного предвкушения тут же растаяло, как дым. Внутри оказалась клетка из прочных металлических прутьев, в глубине которой скорчилось какое-то существо.

Тесная дружба с Пульчино внушила мне острую ненависть к клеткам. Теперь я знаю о них намного больше – и тем сильнее их ненавижу. Тем временем скользкая куча, застывшая в углу клетки, зашевелилась и вдруг пружинисто развернулась, бросившись вперед. Серые лапы с перепончатыми пальцами вцепились в прутья, отчего клетка задрожала, а гости невольно отшатнулись на стульях. Слуги, не будь дураки, тут же отскочили в сторону. Над покатыми плечами поднялась лысая вытянутая голова с провалившимися щеками и уродливой щелью рта. Засветились желтые точки глаз, в которых постепенно разгорался нехороший огонек.

Паурозо или, как ее называют рыбаки, каменная горлодерка. Я оцепенела от изумления. Господи боже, да зачем она мне и, главное, где они ухитрились ее раздобыть?! Раньше горлодерки еще встречались на отдаленных рифах возле Дито, но теперь их и там не найти, слава мадонне! Рыбаки люто ненавидели этих тварей, и было за что. Когда в лагуне пропадала рыба, голодная горлодерка подбиралась к рыбацким поселкам. За ночь она вполне могла перетаскать весь улов, а то и хозяином закусить, если ослабела от ран или если у нее имелся голодный выводок. Внешне она неуклюжа, похожа на огромную лягушку, покрытую отвратительной бурой слизью. Но бросается стремительно, как змея – и мгновенно вцепляется в горло. Оттого и прозвание. Правда, некоторые считали, что горлодерок прозвали так из-за песен. На рассвете, когда лагуну затягивает туман, они поют. Тянут и тянут на одной ноте – певуче, завораживающе. Противиться этому зову невозможно. Представь себе, сидишь ты в лодке, радуешься крупному улову, а твое весло само толкает лодку к маленькому симпатичному островку неподалеку, один вид которого навеивает дремоту... Потом очухаешься спустя час посреди бухты, уже без рыбы. И это еще в лучшем случае. В худшем – всплывешь в виде трупа где-нибудь у берегов Дито, и даже родичи тебя не опознают.

Вот такие они, горлодерки. Сомнительный свадебный подарок, прямо ска-

жем. Внезапно меня прострелила догадка: «Это же проверка!» Быстрый взгляд, брошенный на графа, подтвердил мои подозрения. Многие сенаторы знали, что Джулия Граначчи обладала даром *кьямата* и, значит, могла найти общий язык с любой бессловесной тварью. А насчет меня, кажется, возникли сомнения. То ли донна Ассунта проболталась, то ли синьор ди Горо поделился с сюзереном своими догадками... Сенаторы, улыбаясь, смотрели на меня, но за их фальшивыми улыбками скрывалась расчетливая безжалостность. Я покосилась в сторону Алессандро – тоже, поди, злорадствует! – и наткнулась на горящий встревоженный взгляд. Начальник охраны сейчас же поднялся:

– Мне кажется, здесь неподходящее место для демонстрации искусства *кьямата*. Слишком опасно для всех.

– Да полно вам, – отмахнулся граф. – Эту тварь поймали два дня назад, она еле дышит.

Даже над горлодеркой нельзя так издеваться. Я решительно направилась к клетке. Алессандро бессильно обернулся к Рикардо, но тот лишь ухмыльнулся, подмигнув мне вслед:

– Ни один из Граначчи не струсит перед какой-то жабой. Покажи им, сестренка.

Желтый немигающий взгляд уставился на меня из-за прутьев – и моя голова чуть не лопнула от ядовитой злобы, хлынувшей густым потоком. Чужое сознание, заключенное в жутковатых круглых глазах, металось передо мной комком хищной остервенелости. Даже прикоснуться к нему было страшно. «Тише... – попыталась я достучаться. – Я не сделаю тебе хуже». В ответ хищница яростно ощерилась пересохшими губами.

– Принесите воды, два ведра, – бросила я одному из слуг. – Вы что, с ума сошли? Ее нельзя так долго держать на воздухе!

Горлодерки могут довольно долго оставаться на суше, но эта, судя по сморщенной посеревшей коже, покрытой сухими струпьями, провела без воды больше суток. Болваны пустоголовые! Мою просьбу исполнили мгновенно. Рядом с клеткой плюхнулись два деревянных ведра, полных до краев, а слуга проворно отбежал подальше.

«Хочешь получить воду – замри и не двигайся».

Медленно, стараясь не делать резких движений, я отперла клетку и просунула ведро внутрь. Тварь следила за мной, не отрываясь. Даже воздух между нами звенел от напряжения. Я больше не пыталась наладить контакт, моих сил едва хватало, чтобы просто удерживать ее на месте. В ужасающей, бездыханной тишине было слышно, как звякнула, закрываясь, дверца клетки. Онемевшими пальцами я пыталась задвинуть в пазы заклинивший железный штырь... Чья-то рука легла сверху, и засов легко встал на место. Дон Алессандро! А я и не заметила, как он оказался рядом. Второе ведро я попросила вылить на клетку сверху, и плевать, что вода зальет начищенный пол. Подотрут, слуг здесь достаточно.

– Довольно! – хмуро сказал Алессандро, снова набросив на клетку покрывало. Изнутри доносился плеск и довольное урчание. Я не торопясь проверила надежность засова, только потом позволив себе оглянуться. Ладони у меня дрожали, спина взмокла от пота, но вряд ли кто-то из гостей это заметил, настолько все были поражены. Оба сенатора казались смущенными. Дон Арсаго лучился торжеством и смотрел на меня, как на любимую дочь. Рикардо что-то

тихо говорил синьоре Бьянке, в лице которой наконец-то появилась заинтересованность. Я мысленно вскипела: дорогой братец мог бы проявить ко мне больше участия! Развернувшись, я гордо прошла мимо них, торопясь поскорее вернуться за стол, пока мне не отказали дрожащие ноги. Энрике, необычайно взволнованный, встретил меня с явным облегчением:

– Дорогая Джулия, ваше искусство поразительно! Не сомневаюсь, что вы способны укротить любое чудовище! – произнес он галантно. Однако в брошенных на меня быстрых взглядах и суетливых неловких движениях я отчетливо видела страх.

Интересно, кого он боялся? Своего отца? Или хищника, запертого в клетке? Или может... меня?

– Не любое. Некоторых можно только убить, – улыбнулась я своему жениху.

Глава 6

Наш город стоит на костях дуба, вяза и лиственницы: глубоко в ил и песок вонзаются крепкие сваи, которые служат опорами для будущих зданий. Наши пышные особняки – словно крона мертвого леса, уходящего корнями в зыбкое дно лагуны. Однако некоторые до сих пор верят, что Венеция покоится на спинах чудовищ. Недаром один из кварталов называется Дорсодуро – «крепкая спина». Кто знает, что дремлет в лагуне под безмятежной зеркальной гладью?

Мыслями я снова была в крипте нашего монастыря на Терра-деи-Мираколо, пол которой с одной стороны наклонно уходил под воду, проваливаясь в темный омут, а вдоль всей стены тянулся барельеф с изображениями живущих-под-волнами. Все они были здесь. Водокрут с чудовищно длинными щупальцами, способными легко переломать кости взрослому человеку. Левиафан, «заставляющий море пениться, подобно кипящему котлу», как написано в псалме. Бешено извивался скрюченный кистенюг, рядом с ним скалилась зубами-иглами длиннотелая моррена. Взгляд мой скользил от потолка к полу, словно погружаясь в глубины моря. В верхней части барельефа художник изобразил тех, кого видел собственными глазами, и их образы были запечатлены с детальной скрупулезностью. Однако чем ниже опускался взгляд, тем чаще он выхватывал из темноты диковинных чудовищ, давно уже канувших в область преданий. Эти были нарисованы более схематично. Игольчатый живоглот, раздуваясь как шар, пожирал добычу. Две сцепившиеся горлодерки дрались из-за рыбины. Наконец, возле самой воды на стене был высечен Хорро, Глубинный ужас, дышащий в унисон с морем, просыпающийся при полной луне, чей гнев мог отправить в пучину целую флотилию кораблей.

Косые лучи света, проникая сквозь отверстия в потолке, отражались от воды, играя бликами на стенах, отчего казалось, что каменные щупальца, когти и плавники шевелятся, ворочаются, стиснутые рамками барельефа.

В любой из базилик Венеции можно было найти какую-нибудь легенду о море: "Чудесный улов рыбы", "Хождение по водам", "Укрощение бури". На стене церкви Сан-Джакомо изображен святой Николай, стоящий на спине морского змея. Однако наибольшей популярностью пользовалось сказание о походе святой Виадоры.

Я столько раз читала и слышала эту легенду, что она как живая стоит у ме-

ня перед глазами. В тот день, триста лет назад полководцы Фиески разбили наш флот и подошли к самому городу. По Венецкому заливу, словно голодные хищники, шныряли фиескийские галеры. В гавани Сан-Николо собирались отряды: устраивали завалы из бревен, натягивали цепи, чтобы преградить путь врагу. Старый дож Андреа Гримани скончался от горестных вестей, и колокола на главном соборе глухими протяжными звуками возвестили о его смерти. Казалось, что республика умрет вместе с ним. Тогда юная Виадора, монахиня с острова Терра-деи-Мираколо, вошла в море, чтобы призвать тех, кто живет под волнами.

Город сотрясли подземные толчки. Старый мост Арженто рухнул, как и несколько домов возле набережной, а каналы позеленели от прилива морской воды. Стремительно налетела буря, словно вырвавшись из набухшей тучи. Море вспенилось горбами, и в черных провалах между волнами можно было разглядеть то гладкую черную спину, то оскаленный рот, то страшные щупальца, похожие на бешеных змей. На глазах ошеломленных людей, столпившихся на берегу, длинные скользкие жгуты взметнулись вверх, оплели флагманский корабль фиескийцев, и тот медленно, словно нехотя, завалился на бок, а потом скрылся в пучине. Остальные корабли разметало по гавани, как прищепки в лохани. Город словно сошел с ума. Ликующие крики и победные звуки труб мешались с воплями ужаса.

На церковных фресках Виадора представала величественной, высокой женщиной, облаченной в лазоревые одежды. Но здесь, в тайной крипте монастыря Терра-деи-Мираколо, скрытой от чужих глаз, неизвестный художник изобразил все как есть. А согласно обычаю, девушке-кьямати надлежало входить в воду в том виде, в каком она вышла из чрева матери, то есть нагой.

На стене, оживая в загадочных переливах водяных бликов, маленькая монахиня, совсем еще девочка, едва переступившая порог созревания, бестрепетно стояла перед живой скользкой глыбой размером с фелуку. Яркие краски не потускнели от времени. Тоненькая угловатая фигурка девушки на фоне темных волн с ключьями седой пены словно светилась.

Сидя в крипте и слушая тихое дыхание моря, я размышляла о том, что художнику не хватило храбрости изобразить всю легенду целиком. Наверное, она казалась ему чудовищной. Ну, он же не был кьямати. Второе правило, которому нас учили, гласило: морю чуждо понятие справедливости, оно отзовется (если вообще отзовется) на те чувства, которые найдет в сердце зовущей. Поэтому ради собственной безопасности, прежде чем опускать руки в священные воды, следует научиться очищать свой разум от зла.

Виадора призвала живущих-под-волнами с гневом и ненавистью в сердце, желая сгубить фиескийцев, – и была растерзана теми, кто откликнулся на ее зов. Зато она спасла город.

Я, конечно, была не так сильна. Но после долгих часов бдения в крипте, постов и медитаций море все же откликнулось мне. Я надеялась, что оно придет на помощь, когда наступит время отомстить и защитить двух дорогих мне людей. Пусть даже такой ценой.

Обед в доме Арсаго закончился. Стол, разоренный гостями, был похож на пляж после шторма, на котором, словно ловкие крабы, суетились безмолвные лакеи. Общество переместилось в салон, куда на подносах принесли кофе – но-

вомодный горький напиток с чарующим запахом, навевающим мечты о горячих пустынях и восточных сказках. Я же, потихоньку покинув остальных дам, вышла на террасу.

После происшествия с *паурозо* мне нужна была минутка уединения, чтобы прийти в себя. С террасы было видно, как «подарок» со всеми предосторожностями погрузили в лодку и отправили к дому Граначчи. «Вот Ассунта обрадуется!» – подумала я не без ехидства. Может, мне повезет, и она запрется в комнате еще на неделю?

Запрокинув голову, я любовалась бархатным ночным небом. Ночной ветерок охлаждал влажную кожу, от крепкого прохладного воздуха закружилась голова. Ночь слегка посеребрила верхушки кипарисов, внизу невидимая вода в канале перешептывалась с замшелыми ступенями.

– Значит, вы все же владеете колдовским искусством!

Я вздрогнула. Из темноты на свет факелов выступила знакомая стройная фигура дона Алессандро. Сегодня он соизволил сменить свой обычный черный дублет на темно-синий, правда, того же глухого покроя, без всяких украшений.

Я приветливо улыбнулась:

– Теперь, надеюсь, вы не сомневаетесь, что я и есть настоящая Джулия Граначчи?

В колеблющемся свете факелов его лицо было плохо различимо, но я кожей чувствовала его изучающий взгляд. Наверняка обдумывает что-то, сравнивает старые догадки с новыми открывшимися фактами. Ну-ну. Меня не так-то легко поймать!

После нашей последней встречи я тоже успела разузнать о нем благодаря Пульчино, принесшему в клювике кое-какие сведения. Синьор Алессандро ди Горо с детства жил в доме дона Арсаго. Его отец погиб вместе с синьором Граначчи в те далекие дни, когда в начале правления дожа Соранцо кучка патрициев вознамерилась оттеснить дона Арсаго от власти. Заговорщики напали на него в храме с кинжалами, добавив к предательству грех святотатства, однако графу повезло – он остался цел. Зато двое его самых преданных сторонников погибли. Вероятно, в память о заслугах отца граф приблизил к себе сына. Он принял Алессандро в свою свиту и положил ему неплохое жалованье, но тот все равно жил как монах в миру. Не сорил деньгами в игорных домах, не рядился в бархат и кружева, питая слабость только к хорошему оружию. Мечом и кинжалом владел отменно. Уж не знаю, кто ухитрился наградить его шрамом, но нынешняя репутация его была такова, что даже браво отказывались принимать заказы на этого человека. В привычках дон Алессандро был скромн, женщин сторонился, что неудивительно, с таким-то лицом. Интересно, почему он не носит маску? И это в Венеции, где традиция маски священна! Такое впечатление, будто он нарочно старался усложнить себе жизнь.

– Рад, что вы еще можете улыбаться, – покачал головой синьор ди Горо. – Как у вас вообще хватило духу сунуться к этой твари?! Я уж собирался прийти вам на помощь...

– Я заметила, как вы придвинули к себе ту миску из-под оливок. Поди, сто раз пожалели, что в столовую не принято приходить с оружием! – поддразнила я его.

Алессандро только пожал плечами:

– Ваза показалась мне достаточно тяжелой.

Меня распирало от смеха. Наверное, сказывался пережитый испуг. Не выдержав, я расхохоталась:

– Да вы герой! С миской оливок против *паурозо*!

– Смейтесь, смейтесь! Мадонна, да половина гостей готова была умереть от страха, просто сидя за столом!

– Ну, меня же этому учили, – отсмеявшись, всхлипнула я. – Умение справляться со страхом – это третье правило, которому учат каждую *кьямати*.

«Каждый день в свое время ты спускаешься в крипту и ждешь. Ты не знаешь, *кто* выйдет к тебе из воды. И выйдет ли кто-нибудь вообще. И когда оно изволит явиться. Но что бы ни пришло к тебе из моря, ты должна принять это».

Начав рассказывать, я уже не могла остановиться:

– Есть два вида страха, вы знаете? Есть знакомые, понятные страхи, у каждого свои. Но хуже всего – боязнь неизвестности. От знакомых страхов помогают упражнения и медитации. С неизвестным справиться сложнее. Как вы думаете, для чего мы записываем и сохраняем имена, облик, повадки всех живущих-под-волнами, когда-либо выходявших на поверхность? Чтобы научиться защищаться? Нет, от этих существ нет защиты. Но так мы словно приближаем их к себе. Делаем их более понятными. Если существо, которые ты впервые увидишь сквозь толщу воды, будет тебе хоть чуточку знакомо – меньше вероятность, что ты потеряешь голову от страха.

– Да, – задумчиво произнес Алессандро. – Это я понимаю.

Он протянул на свет правую ладонь. Я заметила, что ее тоже пересекали уродливые шрамы, а два пальца срослись криво, так и оставшись скрюченными.

– С самого детства я боялся не смерти, а вот этого – беспомощности, слабости, увечья. Этот страх висел над моей головой, как грозовая туча. Но когда несчастье действительно случилось... оказалось, что огромный страх рассыпался на мелкие понятные задачи. Сколько времени можно выдержать без опия? Сколько минут в день придется мучить руку упражнениями, прежде чем пальцы снова обретут подвижность? Так и вышло, что облако страха постепенно рассеялось. Хотя ситуация не стала от этого более приятной, конечно.

Мы помолчали. Лицо моего собеседника почти таяло в темноте. Наверное, это придавало ему уверенности.

– И все же, – задумчиво продолжал он, – несмотря на ваш опыт, несмотря на всю подготовку, ваше искусство остается опасным. Вчера я узнал, что неделю назад на Терра-деи-Мираколо погибла девушка. Как раз, когда вы сюда приехали. Одна из послушниц.

«Разведал все-таки!» Я махнула рукой – надеюсь, с достаточной небрежностью:

– Вам рассказали рыбаки? Ну что вы. Это просто слухи.

Дон Алессандро, однако, смотрел недоверчиво. Прямые брови упрямо хмурились. Под его пристальным взглядом я попыталась рассмеяться, но вышло не очень:

– Про *кьямати* ходит немало пугающих сказок. Не стоит думать, будто кам-

ни в нашей крипте пропитаны кровью невинных девушек. Я помню легенды о святых, о Виадоре, но мне кажется, что с течением времени море постепенно засыпает. Оно все реже откликается нам. Можно несколько лет провести в монастыре и так и не встретить никого, кто ответил бы на твой зов.

– То есть за время вашего пребывания на Терра-деи-Мираколо не было никаких... несчастных случаев?

– На моей памяти – ни разу, – честно призналась я. – Однако слухи среди рыбаков ходили всегда. Это их способ справляться со страхом, понимаете? Вы не знаете, что это такое – жить в полной зависимости от моря, когда твою лодку может завтра сожрать шторм, или рыба вдруг пропадет из лагуны, или хижина твоего соседа наутро вдруг окажется пустой! Мы, *кьямати*, для них – что-то вроде посредников между людьми и морем. Оттого каждый слух, просочившийся из монастыря, раздувается до нелепых размеров. Рыбаки говорят: «Живущие-под-волнами взяли еще одну жертву», и это придает им уверенности. Помогает жить дальше.

Алессандро хмуро молчал, глядя перед собой. Луна поднялась выше, посеребрив крыши и ставни, нарисовала зыбкую рябь в темных провалах между домами. Я перевела дыхание:

– Даже сейчас, когда свет истинной веры добрался до самых отдаленных земель, все равно находятся люди, полагающие, что человеческая кровь, пролитая на алтаре, надежнее защитит их от гнева богов, чем молитвы и праведные поступки.

Глава 7

С этим проклятушим подарком Совета Десяти возникла масса проблем. Рикардо с радостью утопил бы опасную тварь в канале Орфано, но это могли расценить как неуважение. Пришлось смириться. Держать *паурозо* в клетке было невозможно – тут уже воспротивилась я. Работники соорудили для нее логово из камней в дальнем конце террасы и склепали прочную цепь, крепившуюся к одной из колонн. Фабрицио со своей гондолой был, понятно, не в восторге от такого соседства, но только флегматично пожал плечами: мол, старому гондольеру в Венеции еще и не такое приходилось видеть! На следующий день служанки подняли визг: оказывается, хищница ловко умела взбираться по стене дома, цепляясь за трещины и щели. Кухарку чуть удар не хватил, когда этакая морда заглянула на рассвете к ней в окно. Рикардо насилу смог их успокоить, пообещав поставить на окна решетки. Вышедшая на крики Ассунта драматично заявила, что *паурозо* – это кара, посланная нам за грехи.

– Зато какой отличный сторож, вмиг прогонит любого вора, – невесело пошутила я за завтраком.

– Боюсь, что в первую очередь этот сторож избавит нас от прислуги, – усмехнулся Рикардо.

Донна Ассунта молчала, поджав губы. В ее представлении любые действия Совета были непогрешимы, и нам следовало смириться с оказанной честью. Хотя появляться на террасе она теперь избегала. Заметив это, я возрадовалась и немедленно приказала перенести туда кресло для отдыха. Несмотря на жутковатую нотку, которую вносило присутствие водяной хищницы, я все-таки предпочитала ее обществу постоянному изматывающему контролю своей тетки. Я даже осмелилась вызвать сюда Пульчино, но тот, завидев перепончатые

лапы высунувшейся горлодерки, от страха свалился в воду, разорался, как подстреленный, и исчез. Тварь проводила его морозящим взглядом из-за камней, а затем перевела глаза на меня. Каким-то образом ей удалось переплавить вчерашнюю ослепительную ярость в медленно тлеющую ненависть. Она затаилась, выжидая. Ждала удобного момента, чтобы одним безошибочным броском вырваться, порвать нам всем глотки и обрести свободу. Это намерение крупными буквами было написано на ее уродливом шишковатом лбу. Всякий раз, когда я пыталась прикоснуться к ее разуму, мне становилось не по себе.

Зато я первой из домашних увидела просторную гондолу, спешившую к нашему причалу. В ней сидели три женщины в богатых расшитых мантильях. Все они были под масками, но я и так узнала пышную статью Джоанны Сакетти, золотые локоны ее дочери и русалочий профиль зануды Бьянки. Похоже, после моего визита в дом Арсаго дамы решили, что наш траур не так уж строг и позволяет принимать гостей.

Позади меня на плиты террасы упала темная тень. Разумеется, это была Ассунта – моя бессменная надзирательница, как всегда, закутанная в черное одеяние от пяток до подбородка. Когда она заметила Джоанну Сакетти, ее губы искривились, словно у воплощенной Добродетели при виде нераскаявшегося грешника.

– Ассунта, дорогая! – любезно распахнула объятия донна Сакетти, едва выбравшись из лодки при помощи гондольера и слуг. На строгую теткинскую гримасу она не обратила ни малейшего внимания, уверенная, что к ней это никак не может относиться. Наивная самоуверенность Джоанны была поистине изумительной. – Ну, полно убиваться. Беатриса смотрит на нас с небес, и мы должны не скорбеть, а позаботиться о ее дочери, хотя бы в память о ней. Ты так на нее похожа, милая, – заулыбалась она мне.

Беатриса Граначчи была маленькой энергичной дамой, белокурой и голубоглазой. Я же уродилась кареглазой и темноволосой, но у некоторых людей своеобразные представления о внешнем сходстве.

– Вы ведь навещали ее в поместье? Какой она вам показалась? – спросила я у Джоанны, поддерживая ее за руку. – Понимаете, ее смерть была для нас словно гром среди ясного неба. Когда вдруг на остров пришло известие... – я замолчала, так как мое горло перехватило спазмом. И это было вовсе не актерство.

Донна Сакетти, шмыгнув носом, успокаивающе похлопала меня по плечу:

– Ах, девочка моя, никто не ожидал такого страшного и внезапного конца! Беатриса очень волновалась за тебя, только о тебе и говорила. Ее мучили дурные предчувствия. Думаю, эти волнения оказались непосильными для ее слабого сердца. Все-таки нужно было мне уговорить ее перебраться в Венетту! Нам не следовало оставлять ее одну...

Однозначно не следовало. Меня мучило подозрение, что донна Граначчи умерла не от «слабого сердца», как гласил официальный диагноз, а, вероятно, от осложнения в виде бокала с ядом. Но попробуй-ка выясни это теперь, особенно сидя здесь взаперти! Очень уж вовремя подстерегла ее смерть. Беатриса Граначчи была единственной, кто яростно противился свадьбе Джулии с Энрике Арсаго, не считая самой невесты. Всхлипнув, я промокнула глаза платком, одновременно пытаясь запихнуть глубже в рукав сложенный свиток. Еще в первые дни, пользуясь редкими отлучками Ассунты, я начала составлять список подозреваемых. Перечень вышел, прямо скажем, внушительный.

После обеда в доме Арсаго некоторые имена из этого списка обрели лица. А сегодня одна из кандидаток заявила прямо к нам – надо же, какая удача!

Под жгучим взглядом *паурозо*, следившей за нами из-за камней, мы все проследовали к дверям. Инес шла за матерью, молчаливая, как сомнабула. Бьянка что-то замешкалась. Поднимаясь по ступеням, я вдруг поймала ее взгляд – она смотрела в угол, где находилось логово хищницы, и в глазах ее была жалость.

Женское рукоделье в чем-то сродни медитации. Тянется и тянется белая нить, петелька за петелькой вьется орнамент, уютно постукивают коклюшки, шелестит шелк дамских платьев. От сквозняка колышутся легкие занавески, сквозь широкие проемы балкона доносятся свежесть и веселый шум Большого канала. Подобревшая Ассунта расщедрилась принести нам печенья со сладким вином – пусть потом не болтают, что в доме Граначчи не умеют привечать гостей! Любопытный солнечный луч, проникнув внутрь, неспешно обследует комнату: пересчитывает плитки, вспыхивает алым на фреске в углу, отражается в лакированном столике, рассыпается искрами на гранях стеклянной посуды.

Мы сидели в салоне вчетвером. Потихоньку, дюйм за дюймом, росло кружево на валике, и так же неспешно тянулась наша беседа. Я понимала, конечно, что блестящие дамы явились сюда не ради моего приятного общества. Все они были тесно связаны с семьей Арсаго, и всем было любопытно получше узнать девушку, которую граф приготовил для своего сына, а также подготовить почву для дружеских отношений, если брак все же состоится.

Когда люди не знают, о чем завести разговор, обычно выручает присутствие детей или животных. Джоанна везде таскала с собой собачку по кличке Пиколетто неведомой мне пушистой породы. Маленький шустрый комок шерсти, не обремененный мозгами. Собачонка немало нас позабавила: облаяла насуспенный кривоногий комод, стоявший в углу – и тут же трусливо спряталась под юбки хозяйки. Затем, убедившись в своей безопасности, Пиколетто вытянулась ковриком в полосе солнечного света на полу и задремала. В наступившей тишине Бьянка с Инес негромко обменивались мнениями насчет предстоящего праздника в День Изгнания. Обсуждался животрепещущий вопрос: какие наряды лучше надеть на церемонию?

Ленивое благодущие, царившее в комнате, вдруг прервал порыв ветра, взметнувшийся занавески. Показалось, что какой-то низкий звук, словно вздох, прокатился по улице, и отголоски его проникли в комнату, рассыпались, затаившись в темных углах. На один миг, я остро, до покалывания в ладонях ощутила чье-то чужое присутствие. Вторя этому звуку, словно эхо, с террасы откликнулась *паурозо* своим чарующим, нездешним голосом. Мы все вздрогнули и переглянулись.

Отложив валик с кружевом в сторону, я поднялась, чтобы закрыть стеклянные створки. Джоанна зябко повела полными красивыми плечами:

– Наверняка задует сирокко. Я загодя чувствую этот ветер, вот здесь, – она легонько стукнула себя по груди, по бархатному лифу, на который стекало, переливаясь, жемчужное ожерелье. Вчера мне приснился тревожный сон...

– Мама, – укоризненно произнесла Инес.

– Какой сон? – встрепнулись мы с Бьянкой.

– Снилось мне, будто я пришла в сумерках на галереи Прокураций, чтобы встретиться с... ну, это неважно. На портике никого не было. Крутом тихо, светила луна, и тревожно кричали чайки...

Джоанна помолчала, вероятно, заново переживая увиденное.

– А потом? – жадно спросила я. Странно, что сон выбрал Джоанну. Впрочем, они сами решают, кому снится.

– Я хотела уйти. Мне вдруг стало страшно. Отовсюду слышался шелест, как бывает осенью, когда ветер кружит сухие листья. Но едва я сделала шаг, как в лицо мне бросилась чайка. Потом еще одна, и еще... их там были сотни! Они метались между арками, словно летучие мыши. В них было что-то неправильное. Я отбивалась шалью, потом бросилась бежать. Неслась так, что ног под собой не чувала! Под ногами хрустело. Тут я поняла, что не так было с этими птицами, и откуда взялся этот странный шелест. Они все были мертвые! Мертвые чайки. Я бежала оттуда по их костям.

Все немного притихли, придавленные услышанным. Затем Бьянка снова невозмутимо ткнула иглой в пальцы:

– Сочувствую вам, донна Джоанна. Знаете, такие сны, бывает, снятся после омаров на ужин. Я бы на вашем месте уволила повара. Или отправилась прогуляться, – она посмотрела в окно, за которым маняще искрился весенний день. – Хорошая прогулка разгонит любые кошмары!

Джоанна Сакетти упрямо покачала головой:

– Дону Арсаго и Совету Десяти не следовало задевать живущих-под-волнами именно сейчас, – вдруг заявила она, намекая на мой «подарок», плавающий под террасой. – Конечно, синьор Арсаго всегда был немного одержим магией *къамата*. Особенно с тех пор, как нашли ту проклятую фреску...

– Мама! – снова предостерегающе произнесла Инес, но ее опять проигнорировали.

– Что за фреска? Давно ее нашли? – невинно спросила я, стараясь не выдать своего острого интереса.

– Куда как давно, вы тогда еще пешком под стол ходили! Нашли ее, когда Арсаго дом купили на Гранде. Старую-то штукатурку сняли, а под ней оказалась святая Виадора, прямо как живая! Стоит словно королева в богатых одеждах, глаза щурит. Граф – молодой был, горячий – возгордился. Сказал тогда: видно нам, Арсаго, на роду написано магию возродить. Только дочери у них так не народилось, а Энрике магия обошла.

В ее тоне сквозь напускное сочувствие проскальзывало злорадство. Не любит она дона Арсаго, ох, не любит! Недаром говорят, что нет ничего страшнее мести брошенной женщины. Мне вдруг вспомнилось хитренькое остроносое лицо синьора Сакетти. Интересно, как он пережил бывшее увлечение жены... Находил ли утешение в дружбе, подобно истинному философу, или затаил злобу?

– При чем тут Энрике? Разве кто-нибудь вообще слышал о мужчине с даром *къамата*? – пожалала плечами Бьянка.

– Ну, вообще-то... слухи ходили.

– Мама! – в третий раз произнесла Инес, и на этот раз в ее голосе было что-то такое, отчего Джоанна стушеввалась.

– Да что я, в самом деле, разболталась, – забормотала она. – Это все сирокко. Сны... Налей мне лучше чаю, дочка.

Бьянка, отложив работу, потянулась грациозно, по-кошачьи и хмыкнула:

– Ой, Джули, ты, кажется, запуталась в узоре!

Вздвогнув, я перевела взгляд на валик. Действительно, во время рассказа Джоанны мне было не до кружев, и мои пальцы творили что хотели. Дурацкое занятие. Выброшу его к Хорро!

– У меня тоже от вышивки уже в глазах рябит, – продолжала Бьянка. – Может, возьмем гондолу, прогуляемся по каналам? День так хорош, что мне хочется слиться с его очарованием. Весна же!

Все с готовностью подхватили эту идею, радуясь случаю сменить тему. На правах хозяйки я позвонила служанке, чтобы она передала распоряжения Фабрицио. Мои новые подруги засобирались, складывая свои работы в корзинки. Инес значительно продвинулась в вышивке, а вот успехи ее матери были такими же скромными, как у меня: ее кусок кружева почти не увеличился. Зато я за один час узнала о семействе Арсаго больше, чем за неделю осторожных расспросов! Джоанна Сакетти была поистине бесценным источником информации, если, конечно, вы умеете отделять правду от сплетен.

Глава 8

Подплывая к дому, Рикардо и Алессандро ди Горо успели заметить корму гондолы, исчезающую за изгибом канала. Лакей на причале известил их, что молодая хозяйка с подругами изволила отправиться на прогулку. «Жаль», – подумал Алессандро, ощутив странную смесь досады и сожаления. Он хотел – и не хотел ее видеть.

Младшую сестренку Рикардо он почти не помнил. В городе она появлялась редко. Память, как мутное зеркало, подсовывала изображение смешливой девчонки с милым личиком и пронзительно-капризным голоском.

Зато женщина, вернувшаяся с острова, с первой встречи захватила его воображение. Маленький гордо вздернутый подбородок, бесстрашный росчерк бровей, взгляд светло-карих глаз бьет навывлет. «Невеста Энрике», – одергивал он себя.

Или же нет? Энрике должен был жениться на Джулии. А эта девушка... кто она?

Сам того не замечая, он прошелся по террасе, размеченной солнечными полосами, остановился в опасной близости от каменного логова, устроенного в дальнем конце. Звякнула цепь. В глубине щели, очерченной тенью, зажглись огоньки. Медленно выползли на свет перепончатые лапы и треугольная безноса морда с разъявленным перекошенным ртом, из которого тянулась ниточка слюны. Алессандро ее не видел. Перед его глазами стояло другое лицо – нежный лоб, как лепесток розы, тень от каштанового завитка, выбившегося из прически, ироничный, чуть насмешливый изгиб губ...

Может ли такое быть, чтобы под этим ангельским обликом скрывалось чудовище? Он слышал о морских тварях, умеющих превращаться в людей. «Это просто слухи», – сказала бы она. Как тогда, на скудно освещенной террасе в доме Арсаго. Но даже в неверном свете факела он заметил, как дрогнуло ее лицо.

Сзади на плечо опустилась ладонь:

– Ты бы отошел от греха, – посоветовал Рикардо. – Не ровен час...

Треугольная морда спряталась, канула обратно во мрак.

– Да уж. Опасная тварь, – покачал головой Алессандро.

– Не поверишь, сам ее боюсь. Но какова Джули! Нет, я помню, это в ней всегда сидело, с детства. Любую животину успокоить – сразу к ней. Навострилась у себя на ферме. И монахини ее хвалили. Но такого... не ожидал.

– Она очень изменилась, когда вернулась, правда?

Простой вопрос, но Рикардо отчего-то ошетинился:

– Что ты имеешь в виду?

– Съезди на Терра-деи-Мираколо – узнаешь.

– К монашкам, что ли?! Чего я там забыл? Сам езжай, если хочешь.

Он был там. Проболтался без толку полдня, стараясь не обращать внимания на сырость, грязь и убогую окружающую обстановку. Съел две порции отвратительной поленты, чтобы только разговорить трактирщика. В обитель, кстати, так и не попал. Наверное, проще верблюду пролезть в игольное ушко, чем мужчине пробраться в женский монастырь! Самым удачным оказался разговор с отвратительной нищей старухой, похожей на неопрятный куль в лохмотьях. Правда, бабуля была явно не в себе, к тому же от нее оглушающе воняло, зато она была первой, от кого удалось добиться более-менее связного рассказа. «Спустилась девчонка в крипту – и с концами. Только балахон да сандалии нашли потом у воды. Это все *они*. Приходят, когда хотят, берут, кого хотят», – прошамкала бабка на форлийском просторечии. Алессандро дал ей два сольдо – целое состояние для нищего острова, но старая ведьма, ловко сцапав деньги тощей скрюченной лапой, больше ничего не сказала.

– Надеюсь, что тебя, как брата одной из послушниц, приветливей встретят, – объяснил он Рикардо.

Тот нервно передернул плечом:

– Если вам так спокойней, могу и проведать старую аббатису. Вроде они с матерью были дружны.

«Вам», – отметил про себя Алессандро. Значит, не он один заподозрил подмену? А кто еще – донна Ассунта? С ней бы тоже не мешало перемолвиться словечком, но синьора при каждом его появлении запиралась у себя и отказывалась выйти, ссылаясь на многочисленные старческие хвори.

Непонятно, почему Рикардо так спокоен и безразличен? Алессандро гнал от себя мысль, что «новая» сестра, более покладистая и сговорчивая, была для Рикардо Граначчи гораздо удобнее прежней Джулии. Между прочим, один рыбак с Терра-деи-Мираколо (после того как Алессандро оживил его память парой монет) вспомнил некоего знатного молодого господина, которого ему частенько случалось возить на остров. «Сами понимаете, вашмилость, как ни прячь пташку за монастырскими стенами, а любовь свое возьмет», – хихикал рыбак. Если не врал, конечно.

Этого он не стал рассказывать Рикардо. Но про себя твердо решил, что с секретами таинственного острова нужно разобраться.

С высоты Венетта похожа на дельфина, под брюхом которого протянулась длинная цепочка островов – Спиналонга. Чуть дальше, в стороне лежит Терра-деи-Мираколо, над которым одиноко торчит колокольня монастыря святой Виадоры, и шесть раз в день разносится дребезжащий колокольный звон. Желтыми пятнами по бирюзовому шелку лагуны раскиданы несколько других островов и, наконец, довершают картину болотистые отмели Дито, отделяющие лагуну от Длинного моря.

Все это я могла видеть благодаря глазам и крыльям Пульчино. Однако сейчас мне впервые представилась возможность увидеть Венецию собственными глазами, с другого ракурса и несколько другой точки зрения. Пульчино, несмотря на свою разностороннюю натуру, был абсолютно холоден к красоте роскошных арок и квадрифолей; его не волновали тайны маленьких улочек, скрепленных мостами, таких узких, что они больше походили на проходы между шкапами. Я же – другое дело. Очарование Венеции меня захватило. Я чуть не выпала из гондолы, засмотревшись на проплывавший мимо дворец: отраженный в воде, он казался вдвое изящней и тоньше. Дворец сменила колоннада, увенчанная гроздьями бело-зеленого мрамора, напоминающего о морских волнах. Город в моих глазах двоился, мерцал, отраженные арки и балконы выглядели не менее реальными, чем те, что проплывали у нас над головой. Облака, плывущие в канале, растворялись в подземных течениях. Волнующаяся водяная картина рассыпалась, когда нас обогнала другая гондола, где сидели трое вельмож в белых масках. Они замахали руками, привлекая наше внимание, кто-то отвесил довольно смелый комплимент. Контраст между их бесстрастными личинами и пылкими словами показался мне забавным. Это было – как если бы ожившая статуя внезапно призналась тебе в любви.

Приближался час, когда весь город одевался в маски, что придавало ему оттенок театральности. Большую часть года, особенно в дни Карнавала, маска-баута вкупе с длинным черным плащом были практически повседневной одеждой. В эти дни рушились светские барьеры, отодвигались в сторону условности и приличия. Джоанна послала веселым господам воздушный поцелуй и призывную улыбку. Разумеется, наши лица тоже были прикрыты элегантными черными полумасками.

– Ты не упускаешь случая позабавиться, – упрекнула ее Бьянка, когда чужая гондола отошла на приличное расстояние.

– Ба! Это называется уметь жить, моя дорогая. Уметь действовать, уметь пользоваться случаем – изящно, прилично и непринужденно.

– Да, это не каждому дано, – произнесла Бьянка с ноткой осуждения, однако Джоанна со свойственной ей простотой пропустила ее замечание мимо ушей.

– Кстати, это же Алессандро ди Горо высаживался на причал, когда мы отчалили? – обернулась она ко мне. – Что-то он зачастил к вам, дорогая. Ничего не хочу сказать, но кое-кто заметил, как вы ворковали на террасе в доме Арсаго.

Приплыли. Только сплетен мне не хватало.

– Он просто расспрашивал меня о монастыре... о *кьямати*, – ответила я скупающим голосом. Сердце забило мелко и часто.

– О монастыре! Надеюсь, в следующий раз вы найдете более интересную тему для беседы. Ох, я бы с ним потолковала... под маской или даже без, – с бесстыдной мечтательностью улыбнулась Джоанна. – Он, конечно, неотесанный медведь, но есть в нем что-то настоящее. Мужское. Не то, что другие раздушенные кавалеры, сыплющие стихами и пудрой!

– Вряд ли тебе выпадет такой случай. Синьор ди Горо не жалуется женщинам, – усмехнулась Бьянка.

Джоанну этим было не смутить:

– Что за вздор! Просто не попался еще в настоящие руки. Но попадетсЯ.

– Я знаю, ты великолепно умеешь плести светские разговоры, но что поде-

лать с мужчиной, который в беседе думает о только своем и отвечает невпопад!

– Даже для такой тяжелой публики есть верное средство. Обморок! – настаивательно сказала Джоанна. – Поверьте, нет более надежного способа привлечь к себе внимание!

Разговор становился все интереснее, но его внезапно прервала Инес:

– Смотрите!

Мы как раз подплывали к мосту, на который вдруг как черт из куста выскочил какой-то парень. Палкой он ловко отбивался от двоих противников, хотя силы были явно неравны. Двое верзил теснили его, норовя сбросить в воду. Одеты они были в бурые плащи с алой подкладкой, которые обычно носили рыбаки. Интересно, чем он им насолил? Как правило, городские рыбаки были угрюмыми молчаливыми типами. Их ремесло мало располагало к болтливости и веселью. Еще затемно они выходили в море на утлых тартанах, а потом, если повезет, раскладывали улов на прилавке грубыми просоленными руками. Чтобы их разозлить, нужно было здорово постараться!

Между тем, беглец избрал дерзкий путь к спасению: продолжая отбиваться палкой, он вскочил на перила моста – и вдруг спрыгнул к нам в гондолу, которая как раз проплывала внизу! Лодка угрожающе закачалась. Джоанна завопила, Фабрицио сыпал проклятьями, мы с Инес в ужасе вцепились в борта. Казалось, кораблекрушение неминуемо. Нам повезло уцелеть только благодаря искусству нашего гондольера. Управляясь с веслом, он выровнял лодку, и вскоре мост с рыбаками, сыпавшими бранью, остался позади.

– Что ты творишь, подлец, негодяй, подлая твоя рожа! – кричала Джоанна на всю улицу. Пиколетто, вторя ей отчаянным лаем, подскочила к парню, сцапав того за штанину. Фабрицио угрожающе замахнулся веслом.

– Синьоры, синьоры! – взмолился несчастный беглец. Мгновенно оценив обстановку, он широко улыбнулся старшей из нас, Джоанне: – Поверьте, я не грабитель, я бедный сын мастера из Оливоло. Те господа на мосту живут в соседнем приходе и давно имеют на меня зуб. Вы спасли мне жизнь, и я ваш должник, но моя благодарность будет поистине безграничной, если вы отвезете меня на ближайший причал и не заставите добираться до него вплавь!

Весло вновь опустилось в воду. Не переставая говорить, незнакомец отцепил собачонку от своей штанины, макнул ее башкой в канал и посадил обратно в лодку, подальше от себя. Рычание сразу стихло. Мокрая, как мышь, Пиколетто шмыгнула под защиту хозяйки и бешено отряхнулась, окатив Джоанну брызгами с головы до ног.

Когда схлынул первый испуг, спасенный незнакомец действительно стал казаться вполне безобидным. Он был среднего роста, ловкий, как обезьяна, с загорелым лицом и живыми черными глазами. Маски на нем не было, или она пропала во время драки. У него оказался приятный, звучный голос, а речь была на удивление правильной. Обстоятельства, из-за которых он попал к нам в гондолу, вызывали сочувствие. Я и раньше слышала про состязания и драки между разными сестъерами – районами города. Иногда они превращались в целые побоища! В западных приходах костяк воинствующих групп составляли судостроители, работники Арсенала. Восточные приходы населяли, в основном, рыбаки. Соперничество между ними с годами приобрело характер священной традиции.

– Ваш отец, вероятно, работает на верфи? – угадала я.

Беглец кивнул:

– Да, и я там тоже трудился, правда, недолго. Древесная пыль вызывала у меня дикий кашель.

– Как это печально. И что вы тогда сделали – подались в матросы? – спросила Джоанна, постепенно сменившая гнев на милость. Похоже, незнакомец ее забавлял.

Судя по его ловкости, этот парень вполне мог служить матросом на каком-нибудь судне.

– Да, синьора. Но увы, и эта служба долго не продлилась, – повесил голову незадачливый оливолец. – Однажды возле Сиккилы наше судно атаковали тарчи. Я спасся чудом. Оттуда я подался в Аримин, где выучился играть на лютне. Два года прослужил у одного господина. Недавно вот вернулся в родной город.

– И сразу напоролись на рыбаков... Вас сложно назвать везучим человеком! – усмехнулась Бьянка.

– Увы, я с детства был таким! Лишь однажды Господь сжалился надо мной, когда послал мне лютню. Правда, эти двое ослов ее сломали. И второй раз – когда отправил мне навстречу гондолу с тремя прекрасными добрыми синьорами.

Кто бы мог подумать, что уличный бродяга способен на такую галантность! Незнакомец болтал и улыбался, но почему-то чем дальше, тем меньше он мне нравился. На сердце снова легла тяжесть, будто кто-то невидимый, встав за спиной, опустил мне на плечи тяжелые ладони. Показалось, что вода в канале вдруг изменила цвет, словно омертвела. Всеми обостренными чувствами я ощутила, как нечто огромное прошло внизу и затаилось прямо под лодкой. Я подняла голову – и вздрогнула, уколовшись об острый взгляд. В следующий миг незнакомец тепло мне улыбнулся.

Фабрицио тем временем причалил к берегу:

– Вот твоя пристань, парень, выметайся и не докучай синьорам, – буркнул он.

– О нет, – встрепелась Джоанна, – пусть лучше Фабрицио высадит нас возле моего дома.

– У меня есть одна старая лютня, – обернулась она к незнакомцу, – мне кажется, она тебе подойдет. Кроме того, отсюда слишком близко до того моста, где мы тебя подобрали. Вдруг те негодяи нападут снова?

Мне все это очень не нравилось, но Джоанну было не унять. Она походила на кошку, закогтившую воробья, и было видно, что наше присутствие ей только мешает. Бьянка украдкой подняла брови, Инес молча смотрела в сторону, безучастная ко всему. В конце концов, мы высадили всех троих – Джоанну, Инес и парня-счастливчика – возле дома Сакетти. Бьянка упорствовала в своем желании увидеть лагуну, так что наша прогулка продолжалась.

Через четверть часа блужданий по узким каналам перед нами распахнулся простор. Вдалеке темнели очертания Спиналонги, широкое поле лагуны перепыхивали десятки лодок. Море, прищурясь, насмешливо следило за ними искрящимся бирюзовым взглядом. Небо, склоняясь над водой, шептало ей что-то на ухо, неразличимое за птичьим гвалтом. На первый взгляд все было спокойно, но человек, выработавший в себе некоторую чуткость к морскому пульсу,

сразу ощутил бы напряженность. В голосах чаек слышалось неясное предвкушение. Интересно, где-то сейчас Пульчино... Мой друг все еще дулся на меня из-за *паурозо*.

Бьянка, очнувшись, вздохнула:

– Джоанна права, я тоже *это* чувствую. Действует угнетающе. Надеюсь, проклятый ветер вскоре придет и уйдет, оставив нам на память лишь парочку вещей кошмаров.

Хотелось бы с ней согласиться... но я-то знала, что одними снами здесь ничего не закончится. Напротив, сны – это только начало.

Глава 9

Праздник Дня Изгнания, посвященный победе над фиескийцами, начался для меня с громового раската. Вернее, мне спросонья показалось, что началась гроза, а на самом деле это стреляли пушки Арсенала, возвещая, что «Бученторо» уже готов к спуску. Когда мы с Рикардо спешили к Пьяцетте, нас обгоняли десятки других гондол. Пульчино в моей голове возбужденно вопил, что морская дорога из Фьюзи и внешние каналы тоже битком набиты лодками: «они идут, как косяки рыб, толпящихся на нерест». Все спешили к городу.

Белая каменная чаша Пьяцетты сегодня превратилась в калейдоскоп. Мелькали красные и черные джорне, плащи, скроенные по последней моде, солидные кафтаны с меховой оторочкой, яркие бархатные береты, украшенные серебряными пряжками и перьями. Белые стены Дворца дождей словно светились, на колокольне весело плескались бордово-золотые языки флагов. Главный городской собор с насупленными широкими куполами тоже приосанился, празднично поблескивая мозаикой. В чьем-то саду отчаянно цвела глициния – ее запах долетал даже сюда, на площадь.

Сверху на толпу, примостившись на верхушках исполинских колонн, благосклонно взирали каменные грифоны – волшебные защитники города. Из-за них главную площадь и назвали площадью Трех Грифонов. Третий птице-лев, помельче размером, венчал собой остроконечную макушку высоченной колокольной башни. Обшитая медью, ее крыша сияла так ярко, что в ясный день служила дневным маяком для проходящих мимо судов.

Шесть веков назад грифоны были не так доброжелательны к людям. В те времена на месте Венетты еще колыхался болотный тростник, а большинство людей селились на другом острове, Торсильо. На их беду, туда повадилась летать чета грифонов, разоряя рыбацкие хижины и солеварни. Спасаясь от напасти, люди перебрались на Ривоальто, но грифоны (уже втроем, с подростком детенышем) преследовали их и там. Говорили, что на одном из островков лагуны у них спрятано гнездо, что грифоны охраняют сокровище или некое тайное знание, потому и стараются выжить из лагуны людей. Битва была неравной, и городу грозила неминуемая гибель, не объявись тогда на Ривоальто один святой, который метким плевком обратил троих грифонов в камень (не спрашивайте меня, как он это сделал). Новорожденный город был спасен, а окаменевшие птице-львы стали его защитниками. На одном из островов действительно были найдены останки исполинского гнезда, в котором под кучей перьев и костей поблескивало золото. Его хватило на то, чтобы на площади, расположенной возле пристани, выстроить прекрасный собор – самый большой в городе.

Однако до сих пор среди венецианцев бродит слух, что когда-нибудь, когда человеческие грехи превысят меру божественного терпения, грифоны оживут, чтобы покарать нечестивцев. Глядя на статуи, осенявшие своими крыльями людскую толпу, я думала: интересно, какую же тайну они охраняли? Почему так старались прогнать нас подальше от лагуны? Может быть, для нашего же блага?

Когда мы дошли до Пьяцетты, Рикардо потянул меня в сторону – пройти между двух колонн считалось дурной приметой. Мы поспешили на пристань, где резной раззолоченной стеной возвышался бок «Бученторо». Прочие большие корабли уже убрали, освободив проход из гавани к дальним отмелям, защищавшим Венецию от коварных вод Длинного моря.

Церемония шла своим чередом. Иностранные послы, главы гильдий, сенаторы и патриции в нарядных дублетах – все заняли свои места на крытой палубе роскошного судна, строго по старшинству. Толпа оживилась, когда появился дож. Он был действительно стар, жесткое парадное одеяние делало его похожим на золоченого идола. Ему понадобилась помощь слуг, чтобы взойти на борт. Лоб и щеки пересекали глубокие морщины, тонкие слабые брови составляли странный контраст с жестким властным лицом. Я подумала, как причудливо в нем сочетаются сила и слабость. Сквозь телесную немощь сквозило непоколебимое упорство этого честолюбивого человека.

В городе к дону Соранцо относились по-разному. За четырнадцать лет правления он успел не раз подмочить себе репутацию, был уличен в злоупотреблении властью и раздаче прибыльных должностей многочисленным родственникам. Практика nepotизма при нем поднялась до невиданных высот. Но сегодня все это было забыто. Сегодня он был избранным, живым символом Венеции, призванным защитить город от гнева морской стихии.

Все наконец расселись по местам, и золотой «Бученторо» в окружении гондол, как огромный *балено*, сопровождаемый рыбами-прилипалами, неспешно двинулся к острову Дито. Я оглянулась. Берег отдалился, оставшийся позади город вытянулся в линию и растерял краски. Издалека он казался фарфорово-хрупким, незащищенным, особенно по контрасту с морскими волнами, тяжело ворочавшимися за бортом. Город, не имеющий иного фундамента, кроме отражения в воде. Приютившийся на краю лагуны, словно горсть нежно-палевых лепестков, брошенных на поверхность волны. Отчего-то кольнуло сердце, и я мысленно пожелала, чтобы сегодняшняя церемония прошла благополучно.

Люди на палубе развлекались, как могли. Сплетничали, злословили исподтишка, вполголоса уговаривались о делах. Дон Арсаго конечно же был здесь, вместе с другими важными сановниками. Среди окружавших его людей я с изумлением узнала спасенного нами незнакомца с моста. Правда, тот приоделся: сегодня вместо рваной рубахи на нем была полосатая куртка, расшитая яркими лентами, и лихо заломленный берет с пером. За спиной болталась выдававшая виды лютня. Так-так-так... Обернувшись к Джоанне, я тихо спросила:

– Это вы помогли ему сюда пробраться?

Ее ленивая сытая улыбка многое объясняла:

– Он чудесно играет... и не только на лютне, поверь мне. У него была какая-то просьба к дону Арсаго, вот я и решила помочь ему немного. В конце

концов, он тоже гражданин республики, и, возможно, его отец полировал эту палубу, на которой ты сейчас стоишь! Так почему же он не имеет права здесь находиться?

Демократичность Джоанны не стоила и медного кватрино. Просто ей приятно было ощутить себя покровительницей, а заодно покрасоваться с новым любовником на глазах у бывшего. Это как раз в ее стиле. Но ушлый лютнист вызвал у меня всплеск новых подозрений. Мне не нравилось его присутствие на церемонии, не нравился его интерес к графу. Конечно, у дона Арсаго есть охрана... кстати, а вот и она. За спиной у графа маячила темная фигура Алесандро ди Горо. «Тоже следит за лютнистом, как кот за мышью», – весело отметила я. Синьор ди Горо не принимал участия в общем веселье, взяв на себя роль учтивого, но слегка отчужденного наблюдателя. Вроде бы вместе со всеми – и в то же время чуточку в стороне.

Тем временем Рикардо попенял Джоанне за наивность:

– Бедный парень! Неужели он надеется музыкой продолжить себе путь сквозь толпу этих жирных сановников? Донна Сакетти, вам следовало дать ему более практичный совет! Чем терять время на «Бученторо», лучше бы он принял участие в вечерней регате... Судя по повадкам, этому парню явно приходилось иметь дело с морскими снастями, и если он так же ловок с веслом, как с лютней, мог бы сорвать неплохой куш. Дон Арсаго – азартный зритель, на моей памяти он не пропустил еще ни одних гонок.

Я удивилась:

– Но ведь гонки – это только для гондольеров! Твой Фабрицио взвился бы до небес, если бы узнал, что какой-то чужак покусился на его священное право в День Изгнания провести гондолу по Большому каналу. В этих делах гондольеры «снобистее» любого патриция!

– Ты просто давно не была в Венеции, сестренка, – улыбнулся Рикардо. – Забыла, что регат две. Первая – да, только для мастеров. Зато вторая – для всех желающих.

Я этого не знала.

– А что? Вы тоже хотите принять участие? – спросила подошедшая Бьянка Санудо.

Рикардо мгновенно обернулся к ней:

– Ну что вы, синьора. Я слишком не люблю проигрывать.

Их глаза встретились чуть ли не со щелчком, как два магнита. Стоило им друг друга увидеть, и весь остальной мир для них растаял, словно канул в небытие. Каждое слово в их разговоре приобретало особый смысл, понятный только двоим.

С этой минуты я могла делать что угодно, так как Рикардо, похоже, вообще позабыл, что у него есть сестра. Праздник был испорчен. Меня душила обида: ну чем я хуже Бьянки?! Ладно. Чего я точно не собиралась делать, так это топтаться рядом, наблюдая за их влюбленной игрой. Вот уж дудки! Лично мне позарез нужен был мэтр Фалетрус, и я огляделась, желая отыскать почтенного астролога. По крайней мере, «братец», увлеченный Бьянкой, не будет мешать мне своими шуточками и глупой болтовней.

К моей радости, темный кафтан мэтра Фалетруса действительно вскоре обнаружился среди ярких бархатных и парчовых спин. Тощая фигура астролога болталась в этом нелепом одеянии, как стилус в стакане. Он похудел, и меня

поразило его бледное, изможденное лицо. Для простого ученого было большой честью и удачей находиться в столь блестящем обществе, но Фалетрус отнюдь не казался довольным. Отчего-то он производил впечатление человека, который не будет счастлив нигде.

Я уже собиралась подойти к нему, когда меня вдруг отвлекли:

– Вы впервые присутствуете на церемонии?

Дон Алессандро. Умеет же он выбрать время! Неужели кроме меня у него здесь нет других обязанностей?!

Обернувшись, я улыбнулась со всей приветливостью:

– Да, и мне очень хотелось бы рассмотреть ее получше, но я не уверена, можно ли мне пройти на корму.

– Конечно, можно. Пойдемте.

Алессандро отвел меня в ту часть судна, где находился богато убранный коврами мостик, с которого дож вскоре должен был произнести речь. Чувство благодарности мешалось во мне с досадой. Это Рикардо должен был обо мне позаботиться, как старший брат! Ну, или Энрике на правах будущего мужа. Однако Рикардо был занят исключительно Бьянкой, а Энрике Арсаго после случая с *паурозо* уже не так рвался меня видеть. В нем заметно поубавилось обожания. Впрочем, его можно понять. Два года назад он влюбился в яркую веселую фею, теплую, как огонек свечи. А из монастыря вернулась настоящая ведьма, шутя усмиряющая чудовищ, вроде того святого с грифонами. Кто знает, что такая может сотворить с мужем в пылу семейной ссоры? Неудивительно, что Энрике призадумался.

Вот Алессандро, в отличие от жениха, меня совершенно не опасался. Его внимание было приятно, не скрою, но вместе с тем настораживало. Точно ли я ему нравлюсь? Или мне пора морально готовиться к прогулке по Мосту Воздохов? Поди пойми.

В ответ на мой испытующий взгляд синьор ди Горо улыбнулся шире, блеснув белой полоской зубов.

– Почему вы не носите маску? – вырвалось у меня.

Спохватившись, он незаметно отступил в тень галереи. Мне стало неловко. Я вовсе не то имела в виду! Его лицо меня уже не пугало. Ну, почти. Не так, как в день знакомства.

– Не хочу быть в глазах людей кем-то, кем я не являюсь. Вообще, не люблю маски.

Довольно необычно для его рода занятий.

– Полагаете, открытое лицо вызывает больше доверия?

В больших серых глазах промелькнул блеск озорства:

– Бывает, что у некоторых маски так срастаются с лицами – не отличить.

Это что, намек? Я насторожилась. Говорить с этим человеком – все равно что идти по канату. Приходилось балансировать, обдумывая каждое слово.

К счастью, Рикардо, появившийся под руку с синьорой Санудо, парой шуток разрядил обстановку. Тем временем «Бученторо» как раз прибыл к месту назначения. Кортёж остановился, с грохотом размоталась якорная цепь, за бортом раздался громкий всплеск. Наш корабль, огромный, как ковчег, золоченой скалой воздвигся посреди моря. Смех и разговоры стихли, только слышно было, как на ветру хлопали флаги. На алых полотнищах в вышине извивались крылатые грифоны.

Каюсь, речь Августино Соранцо я пропустила мимо ушей, встревоженно прислушиваясь к дыханию моря. Уверена, что эта речь была хороша – наш дож умел говорить и знал, как привлечь внимание публики. Но здесь ему приходилось иметь дело не с людьми, а с древней стихией, поведение которой предсказать вообще невозможно.

Мне казалось, что в тихих шлепках волн о борт «Бученторо» звучала легкая насмешка. Темные отмели Дито лениво дремали под изжелта-серым небом, в котором высоко-высоко висел узенький серп луны. В густой тишине, насыщенной ожиданием, слова дона Соранцо звучали особенно веско; они падали в воду, словно камни. Но стоило ему умолкнуть, как с отмелей поднялась чайчья стая, взорвавшись резкими криками. Можно подумать, что они нарочно из вежливости ждали окончания речи. Меня снова прихватило ознобом. Словно издали долетел шорох мертвых чайчьих крыльев.

Вот Августино Соранцо вытянул руку – и маленькая золотая звездочка сорвалась с его пальцев, канув в набегающую волну. «Бученторо» вдруг задрожал, как живой, жесткая палуба ткнулась мне в колени. Я слепо вцепилась рукой в парапет, двое слуг подскочили к дожу, подхватили, не дав старику упасть. Нервные крики чаек мешались с испуганными, взволнованными возгласами. Не глазами, но всем существом я почувствовала, как в глубине под глянцевою волнистой поверхностью от нашей галеры разошлись светящиеся концентрические круги. Потом они истончились, утасли, не достигнув берега. Море приняло подарок. И затаилось.

Глава 10

Когда «Бученторо» после церковной службы на острове вернулся в гавань, небо уже окрасилось в теплые охристые оттенки, а лагуна блестела, словно расплавленное стекло. Я с нетерпением ожидала высадки, мечтая о чашечке горячего чая с миндальным печеньем, но галера вдруг встала на якорь напротив широкого устья Большого канала. Оказалось, все ждали начала регаты, про которую я совсем забыла. Между двумя баржами протянули веревку с привязанными к ней флажками, обозначив линию финиша.

Самые искусные гребцы Венетты должны были провести свои гондолы по Большому каналу до самого устья. Этот водный путь был самым удобным для гонок, так как, во-первых, он был достаточно широк, а во-вторых, знатные дамы и синьоры могли следить за гребцами с балконов палаццо, выстроившихся вдоль воды. Зрители волновались, подбадривая своих фаворитов свистом и криками. Делались ставки. Похоже, за гонками следили все, кроме меня. У меня были дела поважнее.

– А, Джулия! – обрадовался мэтр Фалетрус, когда нам наконец удалось поговорить. – Как поживает твое хищное приобретение?

Все, буквально все, кто присутствовал на том памятном обеде у дона Арсаго, первым делом спрашивали меня о *паурозо*. Я отчитывалась о ней чаще, чем о здоровье любимой тетушки.

– Пока что она спокойна, – ответила я. – Однако я слышала, что на детей моря, особенно старой крови, очень сильное влияние оказывает луна. Я как раз хотела посоветоваться, чего следует опасаться.

Фалетрус кивнул:

– Да, я тоже слышал об этом, хотя, понятное дело, никому еще не удалось

проверить эту теорию на практике. Что ж, в ближайшие дни ты можешь быть спокойна, так как скоро новолуние. Но потом... – он озабоченно покачал головой. – Луна в этом месяце приблизилась настолько, что можно пересчитать все морщины на ее челе. Следующее полнолуние будет сильным.

«Тем лучше», – мрачно подумала я. Сердцу вдруг сделалось тесно.

– А вы можете точно сказать, в какой день оно случится?

Ученый старик, возведя глаза к небу, погрузился в подсчеты. Зрители вокруг ревели. «Тихо вы! – хотелось мне крикнуть. – Не мешайте ему!» Это все влияние Пульчино. Я постаралась подавить несвойственную мне чайчью раздражительность.

– Луна достигнет полноты через восемнадцать дней, считая от этого, – наконец ответил Фалетрус.

Восемнадцать дней! Так скоро! А я еще даже близко не подошла к разгадке!

Внимание всех зрителей было приковано к участникам регаты. Люди заполнили узкую набережную, которая сейчас представляла собой сплошную волнующуюся темную полосу. Исподтишка разглядывая новых знакомых, относившихся к верхушке знати венецианского общества, я размышляла. Невдалеке застыл граф Арсаго: пальцы вцепились в поручень, глаза напряженно следили за ходом гонки. Гондольер, одетый в его цвета, шел вторым. В ушах у меня стоял шепот Рикардо: «Старик Соранцо долго не протянет, и едва лишь ударит похоронный колокол, как во Дворце разгорится борьба за шапку дожа... Слово графа Арсаго будет иметь большой вес... Недавно на него дважды покушались...»

Кто он, синьор Арсаго? Злодей – или жертва, запутавшаяся в придворных интригах, как шмель в паутине? Я заметила, что Энрике весь день старался держаться подальше от отца. Зато рядом с моим женихом постоянно мелькала остроносая физиономия дона Сакетти. Чем не подозреваемый? Вполне себе хитрый план: женить мальчишку на колдунье, устранить графа, а потом занять при наследнике место опытного советчика. Одним ударом, так сказать, убить двух зайцев: обеспечить свое будущее и отомстить Арсаго за измену жены... Вот мелькнуло в толпе смеющееся лицо Джоанны Сакетти. Ее новый протеже тоже вызывал нешуточные подозрения. Кстати, где он? Ушлый лютнист обнаружился рядом с Бьянкой. Сначала мне показалось, что темноволосая голова стоявшего возле нее человека принадлежала Рикардо, но потом мужчина обернулся, и я убедилась в своей ошибке. Между прочим, именно Бьянка в тот день так настойчиво звала нас на прогулку, и именно она выбрала маршрут, который привел нас к месту драки – мосту между двумя узенькими калле. Могла ли она нарочно подстроить эту встречу?

Глухой удар колокола вывел меня из задумчивости. Регата закончилась удивительно быстро. Вернее, закончился первый этап. Победители сияли улыбками, проигравшие шумно оправдывались, списывая свои неудачи на взбесившуюся лодку, неверное течение, внезапно отяжелевшее весло – в общем, на что угодно. Внизу на пристани распорядитель зычным голосом выкликал желающих принять участие во втором заплыве. В его сторону уже пробирался Джоаннин лютнист, которого я узнала по полосатой куртке. Вид следующего потенциального участника заставил меня нервно стиснуть пальцы. Энрике?! А ему-то зачем?

Наверное, последнюю фразу я произнесла вслух, так как над ухом кто-то

меленько рассмеялся. Это оказался синьор Сакетти:

– Ах, молодость-молодость! Задор, отвага и огромное желание себя показать... Не смотрите на меня с таким укором, прекрасная Джулия, я пытался его отговорить! Дело в том, что наш Энрике опять поссорился с отцом. Тот упрекнул сына, что в нем напрочь отсутствует усердие к какому-либо делу, зато имеется огромная склонность к досугу. Энрике встал на дыбы и теперь тщится доказать, что он способен хоть на что-то.

– Но это же опасно... О, дон Алессандро тоже решил участвовать! – воскликнула я, перегнувшись через борт, чтобы лучше рассмотреть новых гонщиков.

Поведение начальника охраны было как раз понятно. Судя по недобрым взглядам, которыми синьор ди Горо весь день награждал затесавшегося в нашу компанию лютниста, он доверял ему не больше, чем я. От мысли, что рядом с Энрике на гонках будет надежный человек, мне стало как-то спокойнее.

– И он туда же, – неприятно улыбнулся дон Сакетти. – Выслужиться хочет. Загладить грехи отца.

Я машинально отодвинулась, вдруг почувствовав отвращение. У синьора Сакетти был широкий репертуар улыбок, и большинство из них были сдобрены ядом.

– О чем вы говорите? Какие еще грехи?

– А то вы не знаете! Тогда, во время прошлого заговора именно старший синьор ди Горо предал Лоренцо Арсаго и заманил его в ловушку. На графа напали прямо в церкви. Нечестивцы! Между прочим, в этой стычке погиб ваш отец. Что, братец не рассказывал вам об этом? Стыдился признать, что у него даже не хватило духу отомстить? – и снова зазвучал этот маленький змеиный смешок. – Мельчают люди, мельчают. Скажи кому в мое время, что сын убитого и сын убийцы могут стать закадычными друзьями, не поверил бы! Да и великодушные Арсаго здесь не к месту, лучше бы он сразу придушил мальчишку. Дурная кровь себя еще проявит...

Его мерзкое бормотание вызывало тошноту. Отец Алессандро – предатель?! Не может быть. От потрясения я пропустила выстрел, возвестивший о начале второй регаты. Будь проклят дон Сакетти с его змеиным языком, это все ложь, подлая выдумка, мне назло!

«Но если это правда, – вдруг пришла холодная мысль, – тогда понятно, откуда у Алессандро такое отвращение к маскам. И эта его истовая добросовестность». Священное писание учило нас, что дети не отвечают за грехи отцов. Алессандро ди Горо, видимо, считал иначе.

«Маски! Маски окружают нас повсюду, – с горечью думала я. – Поди разберись, кто тебе враг, а кто друг!»

Мы все, присутствующие сегодня на «Бученторо», разыгрывали роли. Никто здесь не был самим собой. Я изображала патрицианку. Бесстыдное кокетство Джоанны тоже было маской, за которой угадывался отчаянный страх перед старостью, уродством, одиночеством. Дон Сакетти – который, слава мадонне, успел найти себе другого собеседника – виртуозно прикидывался циником, однако что действительно творилось в его душе, один Хорро знает. Дружба моего брата с Алессандро теперь тоже казалась неискренней. Синьор Арсаго вообще походил на темный колодец, до краев наполненный мрачными тайнами. Такие люди могут хранить секреты годами, пока те их вконец не отравят.

А гонки между тем продолжались. Для «любительской лиги» отвели ди-

станцию покороче: от моста Арженто до устья Большого Канала. Я с удовольствием отметила, что лодка Энрике шла третьей. Мадонна, пошли ему победу, может быть, тогда дон Арсаго по-другому взглянет на сына! Алессандро шел четвертым, след в след. А вот «лютник» тянулся в хвосте. «Так ему и надо!» – подумала я не без ехидства. Управлять гондолой – это тонкая работа, которая, кроме физической силы, требовала еще немало искусства. Нашему бродяге его явно недоставало. Его лодка виляла по каналу, вызывая смех и шуточки зрителей. Соперники, бросая злобные взгляды, старались держаться от него подальше, чтобы их не зашибло.

Не следи я так настойчиво за подозрительным чужаком, я бы, наверное, ничего не заметила. Над каналом уже сгустились сумерки, а оранжевые блики факелов скорее слепили, чем позволяли рассмотреть подробности. Но я увидела, как «лютник» вдруг пригнулся, словно кот перед прыжком, и провел впереди рукой. Перед его лодкой вздулся горб воды, потом опал – и она рванулась вперед, как живая. Клянусь, ему даже не приходилось подгонять ее веслом!

Сначала на его маневр не обратили внимания, но когда полосатая куртка замелькала в первой десятке гребцов, зрители возбужденно загомонили. «Лютника» никто не числил среди фаворитов. Чувствую, многие карманы полегчают после этого состязания! Парень, напряженно вцепившийся в весло, не обращал внимания на восхищенные крики, так же, как раньше не замечал насмешек. Будто не человек стоял на корме гондолы, а сам *пескатор* – морской черт, принявший человеческое обличье! Необъяснимым образом он обогнал сразу две гондолы и вплотную подобрался к Энрике. Его лодка так вспенила воду за собой, что отставшим соперникам поневоле пришлось сбавить ход.

Все случилось очень быстро. Как на беду, Энрике в этот момент слишком широко размахнулся веслом. Гондола качнулась – и он полетел в воду. Зрители ахнули. Гонка застопорилась. Я метнула взгляд в сторону графа – тот стоял мрачный, как камень, даже не шелохнувшись.

Алессандро тоже остановился, бросив весло и помогая другу забраться в свою лодку. Для этих двоих регата закончилась. Когда первый испуг за судьбу юноши миновал, зрители по берегам канала нашли повод для зубоскальства:

– Смотри, моррена! – крикнул кто-то. – Пятки побереги!

Я и сама видела, как среди волн разок-другой мелькнула пятнистая спина. Обычно моррены таились в темных закоулках небольших каналов, устраивая там свои обиталища. В искусстве таиться им не было равных. Но сегодня две регаты, взбаламутившие водное пространство, шум и пальба заставили хищников подобраться поближе в надежде чем-нибудь поживиться.

К счастью, Энрике уже ничего не угрожало. Вместе с Алессандро они отгребли в сторонку, пришвартовали свои лодки и затерялись в толпе, провожаемые насмешками. В Венеции не любят неудачников. Будь ты хоть трижды патриций, всегда найдутся охотники над тобой пошутить – дай только повод! Впрочем, вскоре о них все забыли: внимание зрителей было приковано к финишу.

Я не удивилась, когда «лютник» первым проскочил между баржами, сорвав веревку с флажками. Теперь он неизбежно должен был оказаться перед дожем для награждения. Плохо, что рядом с дожем стоял дон Арсаго, а Алес-

сандро застрял где-то в толпе возбужденно орущих зрителей, и никак не мог успеть вернуться на «Бученторо»! Что же делать? Пульчино!

Против обыкновения, мой друг отозвался не сразу.

– Ни сна, ни отдыха измученной душе, – насмешливо проскрипел он наконец. – Что у тебя стряслось, моя бескрылая почти-сестра? Сегодня же праздник!

Будь он человеком, я бы предположила, что вытащила его из развеселой харчевни.

– Ты там угрей объелся, бездельник? Мне просто тревожно.

Дар кьямата объединил наши сознания в одно – и мир изменился. Мой рот наполнился слюной от насыщенных запахов рыбы и гнилых водорослей, доносившихся из канала. Крики людей стали громче (я поморщилась), а их фигуры резкими пятнами обозначились в сгустившихся сумерках.

Зато я как на ладони увидела «лютниста», опустившегося на колени перед дожем. Потом он обернулся к стоявшему рядом дону Арсаго, тот кивнул и, когда победитель поднялся на ноги, похлопал его по плечу. Я не сводила с них алчного взгляда. Мои пальцы, вцепившиеся в поручень, словно превратились в птичьи когти. Блеснув подаренной золотой цепью, «лютнист» вдруг оглянулся назад, перехватив мой взгляд. Его лицо тронула медленная улыбка, я напряглась, и... ничего не случилось!

Волны канала не вздыбились до балконов, как бывает во время *acqua alta*. Тело «лютниста» не вывернулось наизнанку, чтобы выпустить наружу морскую тварь, готовую пожрать всех и вся. Насмешливо кивнув мне издалека, он спустился с парадной галеры в толпу, приветствовавшую его радостными криками. Он смеялся, пожимал протянутые руки – в общем, вел себя как нормальный человек.

Однако тревога почему-то не отпускала.

Хотя уже совсем стемнело, расходиться никому не хотелось. Я не удивилась, когда Рикардо, коротко переговорив с Фабрицио, вдруг направил нашу гондолу куда-то в сторону от дома.

– Куда мы едем?

– Граф Арсаго пригласил всех к себе. Он умеет устраивать праздники! Будет весело, вот увидишь.

О да, граф Арсаго – мастер устраивать сюрпризы. Прошлый обед до сих пор не изгладился из моей памяти. Закралось нехорошее подозрение, что сегодняшняя ночь будет не менее интересной. «Когда вы там уже утомитесь», – заворчал Пульчино где-то на задворках моего сознания. Раньше мы никогда не соединялись так надолго; наш союз был добровольным, и обычно мы старались предоставить друг другу как можно больше свободы. Но сегодня я никак не могла его отпустить. Без чаячьих инстинктов я чувствовала себя оглохшей и ослепшей. Не покидало ощущение, что стоит только выпустить ситуацию из рук – и тут же случится что-то ужасное.

Беспокойство еще возросло, когда среди гостей на причале у дома Арсаго я заметила полосатую куртку сегодняшнего победителя регаты. А он-то что здесь делает? Не многовато ли ему почестей на сегодня?! Недовольно бурча себе под нос, я с трудом выбралась из гондолы. Веселые голоса графских гостей звучали издевкой, янтарные квадраты окон на густо-синем бархате неба реза-

ли глаз. Огни факелов, отражаясь в воде, превращались в длинные дрожащие языки пламени.

Я постаралась взять себя в руки, пообещав себе завтра же устроить отдых. Нельзя так долго находиться в связи *кьямата*, опасно это. Можно, например, всерьез вообразить себя чайкой и шагнуть из окна.

Рикардо, кажется, заметил мое состояние:

– Что с тобой, Джули? Чем тебе не угодил Луиджи? Ты следишь за ним, как ястреб.

«Вернее, как чайка, – усмехнулась я про себя, – но это неважно. Разница небольшая».

– А ты, выходит, уже знаешь его имя?

– Сегодня оно у всех на устах. Луиджи Манриоло – храбрец и везунчик, лучше всех в городе умеющий управляться с веслом. Как он сегодня финишировал, а?! Эх, надо мне тоже с ним как-нибудь посоревноваться! Чур, прямо от Тарчийского подворья до Пьяцетты!

«Угу. Если впряжешь *паурозо* в нашу гондолу, может, и выиграешь», – мрачно подумала я.

Даже своеобразная роскошь графского дворца не произвела на меня сегодня особенного впечатления – не до того было. Мы все расположились в салоне, куда слуги принесли вино на серебряном подносе, черный ароматный кофе в маленьких чашечках и графины воды к нему. Мимо проплыла Инес – холодный пристальный взгляд, лимонная свежесть в улыбке, светлые волосы перевиты жемчугом. Ледяная статуя, да и только. Она приостановилась, когда рядом неожиданно возник Энрике:

– Мое почтение, синьоры, – приветствовал он нас обоих.

В его тоне слышалась некоторая развязность, а глаза подозрительно блестели, как у пьяного. Меня это слегка покорило, но я понимала, как ему сейчас нелегко. При его появлении все старательно делали вид, что совершенно не помнят ту унижительную сцену на канале, однако за спиной тут и там вспыхивали смешки. Во всем виноват этот Манриоло, Хорро его поberi! Я отыскала глазами наглеца. «Полосатая куртка» вертелась рядом с графом Арсаго, который весь вечер демонстративно не замечал сына, зато непринужденно болтал с чужаком.

Беседа не клеилась. Мы перебрасывались учтивыми фразами, словно игроки на поле, но чем беззаботнее старался держаться Энрике, тем хуже у него получалось. Какой-то синьор в пышных кружевах бестактно хлопнул его по плечу: «Ну, как самочувствие, синьор кавалер кривого весла?» Неподалеку кто-то расхохотался. Для Энрике это было уже слишком. Он мучительно покраснел и, прежде чем я успела его остановить, скрылся в толпе, отшвырнув с пути «кружевного» невежу. Инес проводила его долгим взглядом. Потом обернулась ко мне – и я даже попятилась от гнева, искажившего ее холодные черты:

– Слушай, я, конечно, с первого дня заметила, что ты не очень-то расположена к своему жениху! – выпалила она горячим шепотом. – Но хоть сегодня могла бы проявить к нему больше сочувствия! А не пялиться во все глаза на этого проходимца Манриоло, совсем как моя мать!

В голубых, похожих на раковины, глазах вспыхнули слезы. Спрятав лицо, Инес быстро отошла от меня к донне Сакетти, словно испугавшись, вдруг я

начну ее расспрашивать или утешать. Я изумленно смотрела ей вслед. Сейчас она вовсе не походила на статую! Блистательный ледяной панцирь оказался только оболочкой, под которой скрывалась настоящая Инес: пламя и шелк, отчаянная нежность и горькое одиночество.

«Да она же влюблена в Энрике, глупышка, – сообразила я запоздало. – Вот это номер! Эх, если бы мы с ней могли откровенно поговорить!»

Ладно, сейчас не время было думать о влюбленных. Спрятав в карман обиду за незаслуженный упрек, я постаралась прислушаться к деловому разговору в той группе гостей, где царил дон Арсаго, и мелькала полосатая куртка Луиджи. У «лютниста» действительно было дело к графу, причем, судя по заинтересованным лицам, дело стоящее. На столе перед ними лежали какие-то списки, чертежи и карты. Насколько я поняла из обрывков разговора, ариминский синьор, у которого служил Луиджи Манриоло, был весьма ученым человеком. Он нашел способ вернуть Венетте главенствующую роль на Среднем море – или, по крайней мере, улучшить ее положение. Но поскольку сам он не располагал ни деньгами, ни влиянием, то хотел заручиться поддержкой наших патрициев.

Здесь необходимо кое-что пояснить. Венеттские купцы до сих пор не могли простить шустрым лозитанцам открытый ими морской путь в Бхарат вокруг мыса Эсперанса. Это открытие нанесло сокрушительный удар нашей торговле. Торговый путь на Восток через Среднее море разом утратил свое значение, ведь новая дорога была гораздо удобнее. Теперь один корабль мог доставить товар от порта отправки до порта назначения. Больше не нужно было перегружать шелка и пряности в Сувайсе, чтобы перевезти их через перешеек до Эритрейского моря. Больше не приходилось доверять товары медленным и ненадежным караванам верблюдов, бредущим через Орталыкские пустыни в империю Син. Логично, что центр торговли сместился в Лозитанию, а мы остались куковать на задворках. Кроме того, новый путь оказался дешевле, так как больше не нужно было платить налоги многочисленным восточным князькам, через земли которых проходили караванные дороги. В общем, мы в одночасье оказались не у дел.

И вот теперь неведомый мессир из Аримина предлагал поправить дело, соединив Среднее и Эритрейское моря судоходным каналом. Наши синьоры оживились:

– Если сделать это, Лозитания снова станет захолустной деревней на краю континента, как и раньше!

– Только не при Соранцо, – с безжалостной откровенностью заявил дон Сакетти, отодвинув в сторону пачку карт. – Нынешний дож слишком стар для таких амбициозных дел. Единственное, что его еще заботит – как бы не иссяк поток золота, струящийся в его карманы!

Все переглянулись. «Но дон Соранцо все равно долго не протянет», – читалось на их лицах.

Я посмотрела на Алессандро. Он вместе со всеми погрузился в изучение карт, и на его лице был написан живейший интерес. Густые черные брови чуть сдвинулись:

– Это может сработать! – заметил он с воодушевлением. – Конечно, для таких работ нужно будет получить одобрение фирмана от эмира, а это весьма непросто... но сама идея хороша!

К его словам присоединились и другие голоса одобрения. Раскрасневшийся от похвал, Луиджи Манриоло вытащил из-за пазухи еще один сложенный лист:

– Эту карту я нарисовал для собственного удовольствия и хотел бы подарить ее вам, дон Арсаго, в знак признательности за радушие, с которым вы приветили бедного странника из Аримина. Это карта Венеции.

Толпа вокруг них сдвинулась плотнее, одобрителльные возгласы переросли в восхищенные. Мне стало интересно. Покинув дамскую компанию и вооружившись парой улыбок, я смогла подобраться поближе, чтобы взглянуть на заветный листок. И онемела. Безусловно, это была Венеция. На расчерченном листе легко угадывались контуры города, очертаниями похожего на рыбу. Буквой «s» извивалась широкая лента Большого канала, четким прямоугольником в районе «хвоста» выделялся Арсенал... Сверху на листочке был мастерски изображен Герси, воздушный дух, усиленно наддувающий щеки. Внизу Геликон умирал бушующие волны своим трезубцем. Но главное, что меня поразило – насколько верно художник ухватил перспективу, и как точно запечатлел сложную сеть каналов, пересекавших город. Такую карту мог бы нарисовать Пульчино, если бы умел держать в лапках стилус...

Я отшатнулась, внезапно почувствовав головокружение. Что за человек был Луиджи Манриоло? И человек ли? Быстрый взгляд в его сторону показал, что пока я вместе с остальными восхищалась искусно сделанной картой, он внимательно изучал мое лицо. Мы присматривались друг к другу с настороженностью двух хищников. На какой-то миг в глазах «лютиста» мелькнул веселый огонек – и сейчас же его лицо снова приняло замкнутое выражение, будто где-то в голове у него захлопнулась некая дверца.

Я раздраженно подумала, что, кажется, начинаю разделять нелюбовь Алессандро к маскам.

– Весьма, весьма интересно! – воодушевился доктор Фалетрус. – Обычно для построения карты городские улицы измеряют шагами, а здания – мерными веревками. Но для Венеции эти методы неприменимы. Как вам удалось нарисовать такое чудо?

– Это было наитие свыше, синьор, – улыбнулся загадочный гость.

Поскольку мэтр Фалетрус настаивал, Луиджи пустился в длинные объяснения, иногда вставляя мудреные словечки вроде «тригонометрический», «градусы» и т.п. Остальные гости быстро утратили нить беседы, однако Фалетрус буквально весь обратился в слух. Он даже покраснел от волнения, на высоком ученом лбу выступил пот. Я подумала, что с его здоровьем старику вредно так волноваться. Граф Арсаго видимо, был того же мнения, так как успокаивающе похлопал доктора по плечу:

– Ну-ну, дорогой мой, успокойтесь. Лучше плесните себе вина, да и мне заодно. Я помню, что вы любите саонское. Карты господина Манриоло поистине изумительны, а проект с каналом, хоть и не лишен риска, может обернуться для нас невиданной удачей...

Фалетрус послушно занялся подносом и кувшинами, оставив Луиджи Манриоло нежиться в лучах славы. Все наперебой хотели поздравить нового графского фаворита, так что возле столика с картами царил веселое столпотворение. Толпа чуть расступилась, когда появился доктор с двумя бокалами. Случайно бросив взгляд на стоявшие поодаль кувшины с вином, я рассеянно по-

думала, что, вероятно, слабая рука Фалетруса не отличалась точностью, так как немного драгоценной жидкости пролилось на скатерть. «Будет трудно вывести маслянистые пятна со светлого полотна», – мелькнула досадливая мысль. Мои глаза все еще были глазами Пульчино, и я отчетливо видела свещающиеся голубоватые очертания брызг и капель.

Потом меня вдруг осенило: маслянистые пятна – от вина?!

Дон Арсаго, гордо сверкая глазами, уже поднял кубок, приветствуя собравшихся:

– Выпьем же за наш успех и новые морские пути!

Не в силах сказать ни слова, я в оцепенении смотрела, как он подносит кубок к губам... Вдруг другая рука перехватила его кисть:

– Ваша милость, позвольте сначала мне.

Это был Алессандро. В глазах у меня потемнело.

– Нет! – услышала я чей-то крик. Оказалось, мой собственный. Алессандро действовал без промедлений, но я все же успела. Кубок, выбитый из его руки, закатился под стол, темное вино кляксой расплзлось на полу. Все еще держа его за запястье, я замерла в одной пяди от страшного шрама, перекосившего лицо, и расширенных серых глаз.

– Это вино... очень странное на вид, – произнесла я посреди оглушительного молчания. Все вокруг таращились на нас. Граф Арсаго, овладев собой, принужденно рассмеялся:

– Видишь, Сандро, как заразительна твоя подозрительность! Она влияет даже на дам.

– Не пейте, – твердо повторила я. Алессандро молчал.

Дон Арсаго пожал плечами:

– Не думаю, что в дом мог пробраться отравитель. Есть способы гораздо проще, вон Сандро вам расскажет, если хотите. Но ради вашего спокойствия...

Оглянувшись, он ухватил за загривок собачонку Джоанны, безмятежно дрыхнувшую на подушке кресла. Та только пискнула, когда граф ткнул ее носом в бордовую лужу на полу. Никто из нас не решился возразить, все молча стояли, будто скованные оцепенением. Фалетрус тоже застыл с кубком в руке. На его внезапно постаревшем лице глубже прорезались морщины, резче обозначились синеватые круги под глазами. Рука Джоанны, украшенная драгоценными перстнями, нервно поползла вверх, комкая кружева на груди.

Лизнув несколько раз прямо пахнувшую жидкость, собачонка вывернулась из рук Арсаго и бросилась под защиту хозяйки. Вдруг она заскулила, лапы у нее заплелись, и она упала на бок. По толпе гостей, словно порыв ветра, пробежал шепоток. В воздухе разлился запах страха. Донна Сакетти, всплеснув руками, бросилась вперед, но ее удержали.

– Она, наверное, просто заснула... Ведь заснула, да? – бессмысленно бормотала Джоанна.

Фалетрус, отшвырнув свой кубок, присел перед жалкой кучкой меха на полу. Я видела, как бок собачонки мелко, часто дрожал от неровного дыхания.

– Выйдите все! – глухо приказал граф. – Кроме тебя, – обернулся он к Алессандро. – И доктора.

Я едва поднялась на ватных ногах, когда Рикардо взял меня под руку. Голова шла кругом. Я всего ожидала от сегодняшнего вечера, но – яд?!

Было до озноба жаль Пиколетто – слабую ниточку жизни, так нелепо обо-

рванную, но глухое непонимание, словно ватное одеяло, притупляло все прочие чувства. Вместе с испуганной, взбудораженной толпой гостей мы вывалились в гостиную. Мимо нас быстрыми шагами прошли кравчий и кастелян, очевидно, вызванные графом. Низенький кастелян, чуть не подпрыгивая, что-то горячо шептал своему рослому спутнику. Лицо кравчего приобрело творожисто-бледный оттенок, словно перед ним уже маячили призраки колодок и пыточного кресла. Дверь салона распахнулась перед ними, выплюнув наружу кусок гневной фразы, и снова закрылась.

«Пульчино, ты мне срочно нужен!»

Я присела на минуту, опершись на подлокотник кресла и низко опустив голову. Пусть все думают, что я потеряла голову от страха – в такой ситуации немудрено испугаться. В ту же секунду я-чайка, сложив крылья, опустилась снаружи на карниз. Окна салона были открыты в ночь, ветер шевелил шелковые занавеси. Силуэты людей двигались за ними, будто на сцене. Я видела, как дон Арсаго шагал взад-вперед по комнате. Видно было, что ему с трудом удастся сохранять внешнюю невозмутимость. Возле кувшинов, облокотясь на стол, стоял синьор ди Горо. Мэтр Фалетрус поднялся с пола, держа в руках какие-то склянки.

– Ну? – коротко спросил граф.

– Да, это яд. Аконит и еще что-то, похоже на сок сумаха. Аконит достать легко – «волчий корень» в изобилии растет вдоль берегов Brentы. Отравлено было вино в одном из кувшинов.

– Проклятье! Эй, Джино! – рявкнул дон Арсаго кравчему, да так, что меня снесло с окна, и в ту же секунду я очнулась, сидя на кресле в гостиной. За окнами было черным-черно, в их глянцевых черных провалах дрожали огоньки свечей. Рядом со мной, сторбившись, сидел Рикардо, задумчиво барабанил пальцами по столу. Я сочувственно накрыла его руку своей. В такую ночь хорошо бы взять гондолу и заблудиться вдвоем среди каналов, шептаться, пить терпкое лунное вино – из одного бокала, чтобы лучше узнать мысли друг друга. А не сидеть тут, плаваясь в душной атмосфере, насыщенной взаимными подозрениями.

Досадливо поморщившись, Рикардо помотал головой:

– Мерзкое дело.

На лицах остальных гостей читалась та же растерянность. Из угла в угол перекатывались тревожные шепотки, словно рябь на поверхности воды. Кто-то утешал всхлипывающую Джоанну. Инес принесла нюхательные соли и стакан воды, но Джоанна испуганно его оттолкнула. Здесь, в гостиной, на подносах тоже были и вино, и холодный лимонад, однако никто не решался к ним прикоснуться. Также никто не решался уехать, чтобы его случайно не обвинили в попытке отравления. «Или чтобы не упустить возможности обвинить соседа», – подумала я, задумчиво скользя взглядом по комнате. Спohватившись, оглядела гостей еще раз. Потом обернулась к Рикардо:

– А где же синьор Манриоло? Ты его видел?

Брат, изумленно вскинув брови, тоже осмотрелся по сторонам и длинно присвистнул. Луиджи Манриоло не было среди гостей. Наш бродяга-лютник деликатно исчез.

Глава 11

Утреннее солнце осторожно выглядывало из-за плотных штор, не решаясь нарушить покой хозяев. Рикардо и Алессандро сидели в полутьме в маленькой гостиной дома Граначчи, оба уставшие, как черти. Никто не ложился спать в эту ночь. Перед ними стоял графин с вином. На душе у обоих было скверно.

– Кто? Ну кто мог это сделать? – в сотый раз спрашивал Рикардо, словно надеясь на чудесное озарение.

– Мы все там были. Любой из нас, – сдержанно ответил Алессандро. Вчерашнее происшествие выбило его из колеи.

Дворянину, носящему оружие, позорно пользоваться ядом, но синьор ди Горо давно убедился, что люди чести среди придворных встречаются не так часто, как хотелось бы. Половине из тех, кто кружил вокруг дона Арсаго в ожидании подачек или милостей, лично он не доверил бы и кошки.

Рикардо Граначчи с досадой махнул рукой, вскочил, прошелся взад-вперед, стремясь выплеснуть лишнюю злость:

– Пари держу, это дело рук проклятого Манриоло! Недаром же он исчез! Сначала пытался утопить Энрике, а потом...

Начальник охраны снисходительно улыбнулся:

– Ну, положим, Энрике я бы не дал утонуть. А вот дон Арсаго... – он посерьезнел. – Если бы не Джулия...

– Да уж, – передернулся Рикардо.

– Ты был на острове? – спросил вдруг Алессандро, резко меняя тему разговора.

Его друг отвел глаза, буркнул неохотно:

– Ну, был позавчера. Аббатису не видел, если ты об этом. На нее, понимаете ли, снизошло видение, так что беспокоить ее строго запрещалось. Старушке привиделась башня, полная птиц. Чаячья башня. Если тебе интересно мое мнение, «тихие сестры» совсем сбрендили. Подумаешь, стая чаек выбрала остров местом для ночевки – и все монахини поголовно впали в религиозный экстаз.

– Чаячья башня... – задумчиво произнес Алессандро. – Погоди-ка, знакомое название. Что-то я такое слышал, какие-то смутные слухи. Помнишь, на берегу Бренты, недалеко от Фьюзи, есть старая усадьба? Дом давно заколочен. Башня стоит отдельно, прямо у реки, и птиц на ней всегда видимо-невидимо...

Рикардо пренебрежительно усмехнулся:

– Про любой заброшенный дом обязательно сочинят что-нибудь жуткое. А таких башен в округе десятки – и в каждой гнездятся чайки. Тоже мне, невидаль.

– Ладно, – синьор ди Горо решительно провел ладонями по волосам, словно пытаясь стряхнуть усталость. – Вообще-то я к тебе с просьбой. Донна Арсаго очень просила, чтобы Джулия составила ей компанию на несколько дней. Ты ведь знаешь, что Энрике возвращается в Патаву?

– Разумеется, мне же поручено его сопровождать! Надеюсь, парень не сильно рассорился с отцом?

– Не в первый раз. Лишняя встряска мальчишке не помешает. Может, наконец займется делом.

– К тому же, так оно безопаснее, – задумчиво согласился Рикардо. – Кто бы ни задумал известить Арсаго, он сейчас здесь, в Венеции. Все затаились, как крысы, ждут кончины Соранцо.

– Значит, ты не возражаешь, если Джулия поживет у донны Арсаго? Там будут еще девушки, синьориты Сакетти и Санудо.

– Нисколько. Напротив, это даже кстати. Боюсь, что без меня сестре здесь будет одиноко, Ассунта – не слишком подходящая для нее компания. Сейчас прикажу ей собираться.

– Я сам могу передать Джулии просьбу графини, если она дома.

– Она сейчас на террасе, с этой... *этой*, – Рикардо нервно передернул плечами и подлил себе еще вина. – Иди, если хочешь. Лично я стараюсь бывать там пореже.

Я сижу на террасе, закутавшись в плотный плащ, хотя солнце поднялось уже высоко и упорно греет мне спину. Передо мной стоит деревянное блюдо со свежей рыбой. Дальше – через шесть каменных плиток – зияет черный провал вонючего логова, куда тянется цепь от столба. Вчера расстояние составляло восемь плиток. Каждый раз я рискую подобраться на шаг ближе. Пульчино давно объявил меня чокнутой, и теперь просто исчезает по утрам, отгораживаясь от меня своими чайчыми хлопотами. Сегодня *паурозо* еще не появилась, хотя я всем существом чувствую ее голод. А еще – отвращение, боль и бессильную ярость. Я бы ушла, но кое-что меня беспокоит.

«Вкусная рыба», – зову я. В ответ получаю яркую мысле-картину моего трупа с разорванным горлом. Обомшелые, вымытые приливом плитки террасы все испятнаны кровью. Очень зрелищно, спасибо, пробрало аж до озноба. Пока я прихожу в себя, перепончатая лапа молниеносно выстреливает из темноты, хватает рыбину и исчезает. Я едва успеваю заметить мелькнувшую в проеме желтоглазую треугольную морду. Глянцево блестит мокрая кожа, вокруг рта – кровавые язвы. Так. Теперь ясно, почему она прячется.

Поднявшись, изучаю столб, к которому крепится цепь. Толстое крепежное кольцо, совсем недавно маслянисто блестящее, все усеяно точками ржавчины. В одном месте металл даже начал крошиться. У *паурозо* хорошие зубы и ядовитая слюна, способная разжесть что угодно, поэтому цепь и кольцо клепали из особого заговоренного сплава. Даже прикосновение к нему причинит хищнице серьезную боль. Однако это ее не остановило.

Вряд ли ей удастся освободиться таким способом, так как пластина слишком толстая, но в своей одержимости *паурозо* не желала этого понимать. Все обладатели старой крови тяжело переносят неволю. Пусти рыбу в аквариум – она приспособится со временем, *паурозо* – никогда. Я бы выпустила ее где-нибудь подальше от нашей лагуны, но кто мне позволит?!

«Я не могу тебя отпустить, – говорю как можно отчетливей. – Дождись полнолуния... и все случится само собой. Ты будешь свободна. Мы обе будем свободны. Не нужно себя калечить».

Два желтых огонька загораются во тьме – и гаснут. Хищница молча сопит, но глаза ее кричат так, что у меня закладывает уши. Мы обе задыхаемся от раскаленной ненависти. И все же чутье *кямати* подсказывает, что отношение ко мне немного изменилось. В мутной, глухой пелене злобы, затянувшей сознание *паурозо*, загорелся огонек любопытства.

Рядом падает тень, отвлекая меня лишь на мгновение, но паурозо этого достаточно. Снова гроыхает цепь, я резко оборачиваюсь – поздно. Блюдо уже исчезло в норе.

– Ну, Карита! – говорю я с укором.

Что ж, по крайней мере, она схватила рыбу. А могла бы меня. За ногу.

Алессандро улыбается:

– Как вы ее назвали? Carita? Милосердие? Очень подходяще.

Я ловлю глазами его улыбку, и почему-то на душе становится чуточку легче. Ядовитая сеть, которой опутала меня *паурозо*, сгорает, осыпаясь клочьями пепла. Наконец-то можно вздохнуть полной грудью, ощутить на языке прикус соли, весенних цветов, солнечных пятен.

– Я не могу дать ей свободу. Только имя.

– Это уже кое-что, – серьезно кивает Алессандро.

Это было первое, что пришло мне на ум. Безымянную тварь проще убить: капнуть в пищу сонной отравы, а потом столкнуть бесчувственное тело в канал, и всего-то делов. Кто-нибудь из слуг вполне мог отважиться на такое. Вон как дон Арсаго поступил с собачонкой Джоанны. Для него она была нелепым пустым существом, чем-то вроде мохнатого коврика под ногами.

– Я заметила, что здесь, в городе, имена вообще значат много. Они передаются по наследству вместе с должностью.

Лицо Алессандро вздрагивает, как от тяжелых воспоминаний, но он не подает виду:

– В монастыре было не так?

В памяти всплывают прохладные стены обители, тихое пение на утренней службе, блеск драгоценных окладов в синем сумраке, разбавленном яркими точками свечей, в котором движутся ровные ряды послушниц – белые и серые. Монахини учили нас, что «любая стезя драгоценна в глазах Господа». «Белые» послушницы обладали даром беседовать с морем, зато «серые» дарили обители тепло и уют. В монастыре приветствовались одинаковость, обезличенность. Мирские прозвища и титулы там вовсе ничего не значили.

– На острове меня звали Умильта. Наставницы всем послушницам давали новые имена, сообразно с теми качествами, которых нам, по их мнению, не доставало. Чтобы мы каждый день помнили о своих несовершенствах (*итал. umilta – смирение, прим. авт.*).

После напряженной игры в гляделки с *паурозо* было сплошным удовольствием чувствовать на себе этот серый взгляд, доброжелательный и спокойный. Алессандро выглядел усталым. Еще бы. Поди, всю охрану поставили на уши после того отравления. Тяжело жить, каждую минуту ожидая удара в спину, но иметь предателя внутри дома – это совсем скверно.

Я сочувственно думаю, что, судя по его виду, он давно уже спит по ночам не больше совы... И встает с рассветом.

– У вас в монастыре не было подруг?

Другого такого дотошного человека я давно послала бы к Хорро вместе с его любопытством, однако расспросы Алессандро почему-то не вызывают раздражения. Может, все дело в его подкупающей манере общения. Или во внешности? Раньше его жуткий шрам так бросался в глаза, что мешал заметить другие детали и черточки. Теперь же, пока мой собеседник любит утренней суетой на канале, я исподтишка разглядываю его. Поношенный дублет слегка

лоснится на локтях, коротко подстриженные волосы не достают до плеч. В Алессандро нет и тени утонченности, эдакого харизматичного коварства, свойственного Рикардо и другим знатым синьорам. Просто человек, который старается хорошо делать свою работу и оставаться в ладу с собой. Перед таким собеседником кто угодно с радостью распахнет душу...

Но я-то не «кто угодно». Я решаюсь приоткрыть лишь маленькую щелочку:
– Почему вы так думаете? У меня была подруга. Одна. Ее звали Умильта, как и меня.

В крипте монастыря на Терра-деи-Мираколо всегда царит мягкая усталая тишина. Сверху над пещерой-криптой проходит наружная галерея, в полу которой проделаны узкие щели. Солнечные лучи почти не проникают сюда, но света хватает: он колыхается в воздухе тончайшей золотистой пылью. Тишина такая, что звенит в ушах. Золотые блики от воды играют на стенах и потолке, создавая постоянную рябь. Своды крипты поддерживают полированные колонны, в которые можно смотреться, как в зеркало. Когда солнце постепенно взбирается все выше, они начинают тихо светиться.

Здесь пахнет солью и тайной. Все пространство состоит из мерцания и цветных пятен. Здесь даже камень кажется призрачным и зыбким. Это место для грез и молитв, где тебе открывается другой мир, уже не реальность, но еще не сон. Это место, где твое отражение может вдруг заговорить с тобой:

– Я заметила, что ты часто сюда приходишь.

– Мне нравится быть одной.

– Я мешаю?

– Конечно нет.

Разве она могла помешать? Она была как я, только светлее и чище. Даже имя у нас было одно на двоих. Она садится рядом на камни, каштановые волосы стекают по спине, белое одеяние слабо светится в уютном полумраке.

Молчать вдвоем несравнимо приятнее, чем одной.

Глава 12

На следующий день я перебралась на житье в палаццо Арсаго. Утро выдалось суматошным. Надеюсь застать Рикардо до отъезда, я разделалась с завтраком в рекордные сроки, не слушая ворчания служанки Мелины, что день, начатый с проглоченной на ходу еды, редко выдается удачным. «Брат» обнаружился у себя в комнате. Когда я вошла, он как раз затягивал ремни на дорожном сундуке. Брови нахмурены, темная челка все время падала ему на лоб, и он с досадой отводил ее рукой. Почему-то при виде багажа, собранного в дорогу, мне на сердце легла печаль.

– Ты ведь ненадолго уезжаешь? – с надеждой спросила я.

– А? – Рикардо вздрогнул, обернувшись. Похоже, мыслями он был уже далеко отсюда. – Не знаю, Джули. Как получится.

– Что ж, удачи.

– Тебе тоже, – оставив в покое сундук, Рикардо поднялся, приобняв меня за плечи, небрежно поцеловал куда-то в висок. – Пока меня нет, позаботься о своем будущем свекре.

В его темных глазах заблестело веселье. Я только фыркнула:

– У дона Арсаго и без меня достаточно охраны!

– И где она была позавчера, а? Не скромничай, ты оказала графу огромную услугу и, поверь, он этого не забудет. А если забудет, я напомню. Это может быть полезно для наших интересов.

Я с досадой высвободилась из его объятий. Ну вот, опять! Как будто на свете не было ничего важнее престижа и положения семьи Граначчи! Думал ли он когда-нибудь обо мне, как о человеке со своими мыслями и чувствами? Думал ли он о Джулии?

Взгляд «брата», безразлично скользнув по мне, снова задумчиво уперся в стену. Вероятно, с таким же выражением он разглядывал партию товара, прикидывая, как бы выгоднее сбыть его с рук. Что ж, теперь я знаю, как чувствует себя оцениваемый товар.

– Вокруг дона Арсаго творится что-то странное... – изрек наконец Рикардо. – Твоя зоркость может очень пригодиться. Я надеюсь на тебя, сестренка.

Мы попрощались гораздо суше, чем хотелось бы. К себе в комнату я возвращалась с тяжелым сердцем. На пороге меня поджидал еще один неприятный сюрприз: в моей спальне сутились Мелина с Ассунтой, вывалив на кровать устрашающую гору вещей. Золотистое покрывало совершенно скрылось под ворохом нижних юбок, корсетов и вуалей; с одного угла свешивался край черной шелковой накидки. На полу стояли два глубоких сундука. По сравнению с аскетичным багажом Рикардо это выглядело впечатляюще. Можно было подумать, что тетка решила, пользуясь случаем, выселить меня к донне Арсаго насовсем. В мои планы это не входило:

– Зачем мне столько одежды? Ведь я еду всего на несколько дней!

– Мы едем, – поправила меня Ассунта. Встряхнула свое очередное черное платье, неотличимое от других траурных одеяний, и передала его служанке.

Я растерялась:

– Что значит «мы»?!

– Неужели ты надеялась, что я отпущу тебя одну? – последовал короткий презрительный смешок.

– Но как же... ведь донна Арсаго...

Донна Ассунта смерила меня презрительным взглядом, пробурчав, что где уж там робкой слабосильной графине уследить за такой злокозненной девицей. Я попыталась воззвать к ее чувству приличия – бесполезно. Судя по сжатым в нитку губам и непреклонно торчащему подбородку, тетка твердо вознамерилась меня сопровождать. Положительно, мои «родственники» как сговорились сегодня свести меня с ума!

Разобидевшись на весь свет, я удалилась в салон, в свой любимый уголок за высокими стеклянными окнами, выходящими на канал. Там скрывался крошечный балкон величиной с ласточкино гнездо, весь заросший пышно цветущей геранью. Этаким уединенный островок, висящий на стене над беспокойной, шумливой человеческой рекой.

Выйдя наружу, я как раз заметила Фабрицио, подгребавшего к террасе. Ему навстречу выскочил Рикардо, который успел переодеться в простой дублет и дорожный плащ. Со своего наблюдательного пункта я видела, как крошечная записка перепорхнула из рук в руки, и Рикардо, пробежав ее глазами, довольно рассмеялся. Надо же, какое целебное действие может оказать на человека ничтожный клочок бумаги! Все утро Рикардо бродил бледный и угрюмый, как покойник, а теперь вдруг словно ожил. На скулах яркими пятнами вспыхнул румянец, на губах заиграла победная улыбка. Подняв глаза к небу, он случайно зацепил меня взглядом и дружески помахал рукой. Потом он вскочил в лодку, Фабрицио оттолкнулся веслом – и гондола заскользила по воде, но не в сторону Фьюзи, где обычно брали лошадей для путешествия в Патаву, а вверх по каналу. К дому, где жила прекрасная Бьянка Санудо.

Очень хотелось взять горшок с геранью и запустить «братцу» в спину, но вместо этого я ласково помахала ему вслед, как и полагается любящей сестре. А затем, пользуясь отсутствием Ассунты, хозяйничавшей сейчас в моей комнате, задумалась о доме Арсаго, куда мне предстояло отправиться, и его загадочном хозяине.

«Признайся, ты просто не хочешь, чтобы он оказался виновен!»

Иногда мне кажется, что Пульчино мог бы с успехом заменить голос совести. Он был так же зануден, говорил неудобные вещи и зрил прямо в корень.

«Конечно, не хочу! У донна Арсаго масса положительных качеств: он энергичен, смел, старается возродить бывшее величие Венеции... Кроме того, он сам недавно чуть не пострадал от отравы. Здесь явно прослеживается рука одного преступника! Сначала кто-то устранил синьору Граначчи, теперь пытается добраться до графа...»

«Да что ты! А мотив? Арсаго больше всех желает твоей свадьбы, ему не терпится прибрать к рукам еще и живущих-под-волнами, помимо всего прочего. Наверняка и дом с фреской он купил не случайно!»

Фреска со святой Виадорой, про которую рассказывала Джоанна, особенно меня интересовала. Странно, что дон Арсаго утаил ее от гостей. Обычно хозяева выставляли такие сокровища напоказ, чтобы похвастать перед гостями. Разве что у Арсаго были особые причины скрываться... Если прежние владельцы дома были почитателями святой Виадоры, наверняка там имелась и крипта. Знал ли о ней дон Арсаго? Часто ли он спускался туда и что он там делал? Я надеялась, что за несколько дней, проведенных в графском особняке, сумею

разгадать эту тайну.

Про *кямати* говорили, будто некоторые, самые талантливые из нас, могли разговорить даже камни. Я еще не настолько сошла с ума, чтобы беседовать с булыжниками, но вообще-то самая заброшенная крипта – не настолько пустое помещение, как кажется на первый взгляд. Живности там обычно хватает: каменные моллюски, пауки, моховые слизни... Разума в них не намного больше, чем у герани, торчавшей перед моим носом, однако они способны уловить какие-то отголоски событий. И если понадобится, я сумею их расспросить.

Свою сыщицкую деятельность я не постеснялась начать прямо с порога. Как только мы с Инес почтительно раскланялись с донной Арсаго, я словно невзначай спросила, нельзя ли мне взглянуть на лик святой покровительницы, под крылом которой я провела целых два года. Такой вопрос был вполне уместен со стороны послушницы, недавно вернувшейся с Терра-деи-Мираколо. К моему удивлению, графиня, и без того похожая на высушенную бабочку, побледнела аж до зелени:

– О, вы говорите о той фреске... К сожалению, ее не удалось сохранить. – Белые губы растянулись в принужденной улыбке. – Сырость, знаете ли. Увы, мне очень жаль.

Мне тоже было жаль, но не фреску, а саму хозяйку. Она с притворным увлечением потянулась за пальцами, будто надеялась спрятаться за ними от нашего любопытства. Худая рука слегка дрожала. На лице, покрытом сеточкой мелких морщин, застыло выражение тоскливой тревоги и какой-то обреченной покорности. Даже воздух вокруг был пропитан страхом. Разумеется, я сразу прекратила расспросы, но желание отыскать фреску и проклятую крипту разгорелось во мне с новой силой. Что-то здесь было нечисто...

Дом графа Арсаго, поместительный и просторный, был устроен обычным образом. Лишь несколько парадных комнат выходили окнами на Большой канал. Дом словно «отворачивался» от воды, группируясь вокруг внутреннего двора. Нижний этаж имел два выхода: водный, выходящий на просторную террасу, и сухопутный, который вел во дворик, заросший тощими кустами жимолости и акации. Изогнутая лестница в холле поднималась в парадную залу и на галереи, куда с обеих сторон выходили группы комнат. На чердаке жили слуги. Некоторые комнаты имели приватные лестницы, также имелось множество мелких чуланчиков, кладовок и других укромных уголков. Я подумала, что найти потайной ход в этом муравейнике будет непросто.

К вечеру в столовой собралось неожиданно много людей. Здесь были Инес с матерью, и дон Сакетти, и другие сторонники графа, и Бьянка, очень похорошевшая – то ли от печали, вызванной отъездом Рикардо, то ли по другой причине. Грусть смягчила ее острые русалочьи черты, придав им некоторую одухотворенность.

Несмотря на недавнее происшествие и трагическую участь бедняжки Пиколетто, гости ужинали с аппетитом. Правда, вино теперь подавали только в стеклянных кувшинах. Благодаря искусству наших мастеров, венецкое стекло было настолько тонким, что лопалось от действия отравленного напитка. Наверняка дон Арсаго принял и другие меры предосторожности. Не может же он всерьез рассчитывать только на меня! Вот забавно, если меня и правда пригласили сюда в качестве дегустатора!

Я украдкой бросила взгляд на мою потенциальную свекровь, которая без

всякого аппетита терзала ножичком куриное крылышко, лежавшее на тарелке. Может, ей действительно хотелось сойтись поближе с будущей невесткой... но почему тогда за весь сегодняшний день мы ни разу не остались наедине и не сказали друг другу даже двух слов! Зачем она меня пригласила? Стало скучно без сына? Или ей вздумалось собрать вокруг себя женский кружок, подобно герцогиням соседних княжеств? Иногда мне, напротив, казалось, что наше присутствие тяготит донну Арсаго, особенно бесцеремонные замечания Джоанны или слишком острые шуточки Бьянки.

«Больше похоже на то, что она боится остаться с мужем наедине, после отъезда Энрике», – мелькнула мысль, и мои подозрения против графа вспыхнули с новой силой.

– Конечно, это он! Кто бы сомневался! – громко произнес кто-то за столом, заставив меня вздрогнуть. Пока я витала в размышлениях, беседа ушла далеко вперед.

– Это и без доносов было ясно, – по-змеиному прошипел дон Сакетти, сидевший неподалеку.

– Каких доносов? Вы о ком? – встрепенулась я.

– Кто-то сунул записку в пасть грифону на парадной лестнице во Дворце дожей. Этого проходимца Манриоло обвиняют в том, что позавчера он пытался отравить дону Арсаго.

Действительно, был в Венеции такой обычай. Кое-где в стенах домов и на галереях Дворца дожей были выгравированы головы грифонов с щелястыми пастьями, в которые сознательные горожане могли опускать доносы на провинившихся соседей. Считалось, что это должно было облегчить работу судей, но лично мне претили анонимные кляузы. И хотя я ни на волос не доверяла Манриоло, меня поразило, как легко наши патриции готовы были обвинить его, забыв о том, что недавно его превозносили. Конечно, внезапное исчезновение Манриоло выглядело подозрительно, но главное, что повлияло – он был очень удобным обвиняемым. Он был здесь чужаком. Вряд ли у него найдутся заступники. Мне невольно стало жаль его.

Дон Алессандро тоже не разделял общего энтузиазма:

– Вам не кажется, что отравить вино в кувшине – это слишком ненадежный способ? Мало шансов, что его выпьет именно тот человек, кому оно предназначалось. Тем более что негодяй использовал быстродействующий яд. Не правда ли, синьор Фалетрус?

Доктор Фалетрус, сидевший с неподвижным восковым лицом, что-то невнятно проблеял в ответ. Да что с ним такое? День ото дня он выглядел все хуже.

– Ну, если бы Арсаго не отвлекли разговором о картах, не сомневаюсь, что он первым устремился бы к кувшину! – хохотнул какой-то пожилой патриций в богатом темно-синем кафтане. – Не обижайся, Лоренцо, но мы все знаем, как высоко ты ценишь саонские вина!

«А отвлек его именно Манриоло», – подумала я. Почему такая простая мысль никому не пришла в голову?

Все зашумели, заспорили. Кто-то засмеялся, кто-то сочинил остроту насчет смельчака, ускользнувшего от моррен в Большом канале, зато угодившего в пасть венецианского правосудия. Я сидела молча, пытаюсь подавить внезапно вспыхнувшую неприязнь к соседям по столу. Аппетит исчез, и вино в бокале

казалось мне кислым. Надо же, как все оживились! Удобный виновник был найден, все в порядке, а главное – у всех исчез повод для взаимных подозрений. Преступление сразу отдалилось, превратившись из угрозы в предмет болтовни, придававший сегодняшнему ужину пикантную остроту.

– Его еще не поймали? – спросила я, обернувшись к синьору ди Горо.

Алессандро медленно покачал головой. В отличие от остальных, он был предельно серьезен. Между бровей залегла резкая морщина:

– Преступник пока на свободе, но поверьте, это ненадолго.

При первой же возможности я постаралась незаметно покинуть избранное общество. С облегчением закрыла за собой высокую резную дверь столовой, разом отсекая глупые смешки, пошлые банальности, липкие взгляды... Мне было душно от сытых лоснящихся лиц и десятков горевших свечей. Спустившись по лестнице, я оказалась в холле, похожем на прохладную полутемную пещеру.

Здесь было царство камня, жесткое и безмолвное. Я разглядывала бледный мрамор с выступающими синими жилами, похожий на человеческую плоть. Зеленый порфир... Серо-розовый гранит, который сейчас, в скудном свете факелов, казался почти черным. Мутно поблескивали стеклянные колонны. Каждый шаг сопровождался негромким эхом, в факелах на стене тихо потрескивало пламя. На дальней стене кровоточила фреска, оскверняя тихий покой этого места сценами насилия и жестокости.

«Между прочим, крипта, если она вообще здесь есть, должна находиться на нижнем этаже», – сообразила я. Где можно спрятать потайной ход? Почему бы не за фреской, один вид которой внушает отвращение?

Тихими невесомыми шагами я прошла на середину холла, плиты которого были гладкими, как вода. Как и в других богатых домах Венеции, слуги по утрам полировали полы кожаным кругом и натирали льняным маслом, отчего их поверхность становилась почти зеркальной. В них отражались каменные вазы-осьминоги, неподвижными стражами замершие по углам. Щупальцы угрожающе вздыбились, свет факелов словно обтекал их, отступая перед жутковатыми тварями моря. Тени вокруг изгибались, ластясь к стенам и потолку. На мертвой акульей морде, пришипленной к стене, что-то сверкнуло, и мне показалось, что ее глаза повернулись в мою сторону.

Я почти дошла до фрески, когда один из осьминогов вдруг ожил. Воздух в холле сгустился, в нос ударил резкий запах сырости, слизи, гниющей тины. Каменные щупальца шевельнулись – и по светлым плитам пола в мою сторону скользнуло нечто, похожее на черную змею. Из угла долетел влажный, утробный звук. Задохнувшись от страха, я попятилась к стене. Каждый шаг требовал огромных усилий, словно я двигалась под водой. Наткнувшись плечом на проклятую фреску, я с отвращением отдернула руку... и тут мои пальцы сжались на древке факела. Схватив его, я бросилась вперед, наугад ткнув огнем прямо в вязкую, густую черноту. Темнота в ответ заверещала.

– Джулия?!

Первым из столовой на шум выскочил Алессандро.

– Не подходите! – крикнула я, заметив его на площадке лестницы. Если сюда вдруг явился один из живущих-под-волнами, оружием его не прогонишь!

Свет факела заплясал по стене, разбивая густой мрак на брызги мелких те-

ней. Длинная тень от вазы поползла вверх, остальные испуганно метнулись в стороны. Осьминог, изваянный в камне, стоял неподвижно, как ему и было положено природой. Зато из угла, отчаянно вереща, выкатился прятавшийся за вазой маленький человечек. Я отшатнулась, когда мерзкий карлик просеменил мимо. Ростом он был примерно мне по пояс.

– Спасите, помогите! Она пыталась меня поджечь!

Я онемела от изумления. Что это такое?! Прямо на моих глазах кошмар превращался в фарс.

– Скарпа? – громыхнул с лестницы дон Арсаго. – Ты чего там прячешься по углам, бездельник?!

Вслед за графом на площадку лестницы один за другим выходили другие гости. Я не знала, куда деваться от смущения. Вдруг отчетливо вспомнился мой первый визит в дом Арсаго, то тяжелое ощущение чужого взгляда в спину... Значит, гадкий карлик еще в прошлый раз следил за мной! Подумать только, я испугалась какого-то шута! Конечно, это был шут, его облик говорил сам за себя. Низенького роста, с непропорционально маленькими руками и ногами и огромной головой, он был одет в щегольской камзольчик, а в руке держал трехрогий колпак с бубенцами. До этого момента колпак был спрятан в укромном месте, чтобы звон бубенцов не выдал его обладателя. Лицом шут был на редкость уродлив: толстые губы кривились в злобной ухмылке, маленькие темные глазки торчали над пухлыми щеками, как изюм в рыхлой булке. Я с неприязнью подумала, что прозвище Скарпа подходило ему как нельзя лучше (*итал. scarpa* – «башмак», *прим. авт.*).

Да, но как же тинистые запахи? А мерзкие щупальца, тянувшиеся ко мне по леденцово-гладким плитам? Сейчас холл выглядел абсолютно нормально – ни следочка, ни пятнышка. Чудеса. Неужели во всем виновато мое разыгравшееся воображение? Мне хотелось провалиться сквозь землю – или, вернее, на дно лагуны, если учесть, что дом Арсаго стоял на воде. От смешков и перешептываний графских гостей закружилась голова. Думаю, примерно так же чувствовал себя Энрике после своего фиаско на гонках. Меня окружали сочувственные лица, но в глубине души все наверняка потешались над недотепой, испугавшейся безобидного коротышку. Все, кроме Алессандро, осторожно забравшего у меня факел. Дон Арсаго, подойдя к нам, с насмешливой ласковостью подал мне руку:

– Поощадите моего шута, донна Джулия! Он, конечно, болван, но без него нам будет скучно. А ты, мошенник, – пошарив за спиной, граф выудил оттуда карлика за весьма кстати подвернувшееся ухо, – больше не прячься по углам, да не пугай наших дам, не то живо подвешу тебя за хвост на конюшне!

Убоявшись угрозы, противный шут что-то вспискнул и мгновенно затерялся в хохочущей толпе. Мое нервное состояние почувствовал даже Пульчино. «Что у вас там случилось? Опять кого-то отравили?» – с интересом осведомился он.

«Пока нет, но уже подумываю об этом», – мысленно ответила я, снова наткнувшись взглядом на проклятого шута, стоявшего за дверью столовой и исподтишка корчившего мне рожи. Интересно, за что он меня так невзлюбил?

«Ну-ну. Могу подсказать пару мест, куда можно спрятать труп».

Осчастливив меня этой информацией, мой крылатый друг снова исчез. Остаток вечера я провела возле донны Арсаго, занимаясь совершенно безобид-

ными вещами вроде вышивки или чтения. Ассунта, мученически поджав губы, не отходила от меня ни на шаг. В другом углу Скарпа развлекал графских друзей, изредка насмешливо косясь в мою сторону. Под недобрыми взглядами этих двоих нечего было и думать о том, чтобы снова отправиться на поиски. Я сокрушенно вздохнула. Что за день такой! Нет, права была Мелина: если утро не задалось, то весь день насмарку!

Хотя в огромном доме Арсаго было в досталь пустующих спален, отчего-то меня поселили в одной комнате с Инес. В этот вечер я мечтала остаться одной, так что при виде непрошеной соседки мое лицо произвольно скривилось. Девушка смущенно потупилась:

– Я думала, что ты обрадуешься... В этом доме лучше не ночевать в одиночку.

Справедливости ради, Инес вряд ли могла мне помешать. Комната оказалась такой просторной, что в ней запросто можно было разместить четверых. Возле стены на возвышении стояла широченная кровать с резными столбиками, закрытая бархатным пологом цвета лесного мха. В камине уютно потрескивал огонь, бросая золотистые отблески на приземистые стулья и вычурный комод. Вся обстановка была сделана из орехового дерева. На стене таинственно мерцало старинное шестиугольное зеркало.

– Я принесла тебе миндальное печенье и мед, – робко добавила Инес, подвинув мне корзинку, аккуратно накрытую салфеткой. – Заметила, что ты почти не ела за ужином.

Судя по всему, ей очень хотелось подружиться. Печенье было восхитительно рассыпчатым, а мед, судя по аромату, собирали с цветов фиореллы. Это единственный цветок, ухитрявшийся выжить на заболоченных островах нашей лагуны. Мед из него был слегка солоноватым на вкус, как слезы.

Пока я расправлялась с печеньем, Инес расчесала свои белокурые локоны, а потом – к моему немалому удивлению – тщательно занавесила зеркало шалью.

– Зачем это? – спросила я. – И, кстати, с каких пор ты боишься ночевать одна?

Девушка присела рядом на постель, поджав босые ступни.

– Да так. Слышала всякое про этот дом. Иногда здесь случаются странные вещи. Говорят, что прежние хозяева были слишком тесно связаны с морем. Поклонялись живущим-под-волнами. И если слухи правдивы, то *они* до сих пор не забыли сюда дорогу.

Слово «они» прозвучало так, что я сразу поняла, кого она имела в виду. В окно словно повеяло стылým соленым ветром, заставив невольно поджать пальцы на ногах.

– Это донна Джоанна тебе рассказала?

Инес упрямо мотнула головой:

– Нет, не только мама. По Венетте ходит немало слухов... про *кьямати*... и про семейство Арсаго. Граф Арсаго всегда искал людей, умеющих говорить с морем. Он мечтал женить Энрике на патрицианке, обладающей сильным даром: ведь считается, что искусством *кьямата* владеют только женщины. Но однажды в городе объявился рыбак, который похвалялся отчаянной храбростью: он не раз купался в канале Орфано – на спор – и остался цел.

В канале Орфано у нас обычно топили осужденных. Моррены считали это место чем-то вроде бесплатной столовой. Чтобы проплыть по каналу хотя бы до Моста честной женщины, нужно быть действительно отчаянным человеком.

– Что, и моррены его не трогали? – изумилась я.

– Нет, он как-то умел ладить с ними, – Инес перешла на шепот. – Я слышала, что дон Арсаго сразу взял его на службу и поселил в этом доме. Это было давно. Никто не знает, что случилось потом с этим парнем. Кажется, они с графом пытались приручить *паурозо*, только у них ничего не вышло. Кончилось тем, что рыбак бесследно исчез. Но с тех пор по ночам в доме слышится стук и царапанье, а иногда – жуткий вой, похожий на пение горлодерок. Бывает, что ни с того ни с сего на стенах вдруг расползаются пятна плесени. Или в одной из комнат вдруг заведется тяжелый дух, да такой, что войти невозможно! А однажды служанка протирала зеркало и увидела в отражении...

В этот момент раздался треск. Мы обе подскочили.

– Это просто полено, – выдохнула я. – Полено стрельнуло искрами.

Инес побледнела, как полотно. Я решительно задержала полог кровати, оставив лишь узкую щель для света.

– Так-то лучше. Кстати, ты случайно не слышала о крипте, спрятанной в этом доме? – с замиранием сердца спросила я. – Ну, знаешь, тайное святилище?

Если верить тому, что она рассказывала о храбреце с канала Орфано – крипта здесь точно имелась. Однако Инес в ответ отрицательно замотала головой. Глаза у нее были как блюдца, до краев налитые страхом.

– Не знаю, но я бы не удивилась. Я помогу тебе ее найти.

– О, не стоит! Я просто так спросила, – отмахнулась я, изобразив самую беспечную улыбку. Только помощниц мне не хватало!

– Я давно заметила, что ты словно что-то ищешь. Или кого-то. Я хочу помочь...

– Да никого я не ищу! Просто меня заинтересовала эта история со старинной фреской, вот и все. Доброй ночи.

Взбив подушку, я улеглась, повернувшись к девушке спиной и давая понять, что разговор окончен. Инес не шелохнулась. Так и сидела, обхватив колени руками.

– Ты не понимаешь, – прошептала она еще тише. – Я хочу помочь не тебе, а Энрике. Ему не нравятся все эти слухи. Он не верит, что дон Арсаго мог совершить что-то злое, но считает, что нам опасно заигрывать с морем. Они даже поссорились из-за этого. Энрике говорит, что лучше оставить живущих-под-волнами в покое и не трогать их, чтобы не вышло хуже.

Надо же! Оказывается, у меня есть союзник в лице Энрике Арсаго! Это хорошо, что он не разделял убеждений своего отца. Я с интересом обернулась к Инес.

– Это все из-за политики! – горячо шептала она. – Не сомневаюсь, что половину слухов об Арсаго распускают лжецы вроде этого... Фальери. Нашему дожу очень уж хочется передать шапку и перстень своему племяннику! Это против закона, но у дожа много приспешников, которые боятся, что однажды бразды правления вырвут из их рук. Если к власти снова придет родственник Соранцо, Венеция опять погрязнет в стычках и переговорах с Лигой Четырех,

отчего потяжелеют карманы дожа и его сторонников, и прежде всего – Фальери. А тарчи тем временем так и будут отхватывать куски от наших южных владений, один за другим! Дон Арсаго хочет прекратить это.

– Это все Энрике тебе рассказал?!

Я была немало удивлена. Вот уж не ожидала от Инес такой осведомленности! Такие речи были скорее в стиле Бьянки.

– Однако это не наше дело. Почему ты хочешь ему помочь? – спросила я прямо, надеясь на такой же откровенный ответ. Если Инес признается, что влюблена в Энрике, значит, в моем окружении есть хоть один искренний человек, на которого можно положиться!

В скудном свете камина смутно виднелись очертания тонкой фигурки, кремовое кружево рубашки и пушистые волосы девушки, подсвеченные золотом. Судя по изменившемуся дыханию, мой вопрос ее немало смутил:

– Я... знаю его с детства, и уверена, что он не способен на низкий поступок! – выпалила она. – Ни он, ни его отец!

Я задумчиво кивнула. Нет уж, обойдусь без помощи Инес. Я играла опасную роль, каждый день рискуя ошибиться, а в таких делах лучше ошибаться в одиночку. Изобразив нарочитый зевок, я снова улеглась на подушку:

– Уже поздно, мне хочется спать. Мой совет – забудь про все это. Позволь Энрике самому разобраться. В конце концов, он мужчина. Вроде бы.

За моей спиной послышался возмущенный вздох:

– Ты... он же твой жених! Как можно быть настолько бессердечной! Да если бы...

«Давай уж договаривай, – весело подумала я, закрывая глаза. – Скажи прямо, что мечтала бы оказаться на моем месте!»

Увы, Инес была не готова к такой откровенности. Мне стало грустно. Секреты, всюду секреты. С самого приезда в Венецию я чувствовала себя пешкой, которую каждый игрок норовит втянуть в свою партию. Приходилось соблюдать осторожность, учитывая, что один из игроков был убийцей. Конечно, не всякая тайна ведет к преступлению, но каждое преступление начинается с чьей-то тайны. С подспудных задавленных желаний, чего-то не совсем законного, запретного... В истоках каждого убийства лежал чей-то секрет.

Не желая вступать в перепалку, я накрылась одеялом с головой и притворилась спящей. Судя по шороху, Инес тоже в конце концов прилегла. Даже сквозь одеяло было слышно, как она всхлипывала, пока ее не сморил сон. Но как я могла ее утешить?..

«Бессердечная», – снова прозвучал в ушах ее голос. Неправда. Если у меня нет сердца, что тогда тоскливо ноет в груди, с тех пор как я переступила порог этого дома?

Я не хуже Инес знала, что такое безнадежная любовь.

Глава 13

Алессандро, стоя у окна и щурясь от утреннего блеска, слушал доклад своего подчиненного. Купола находившейся неподалеку церквушки нестерпимо горели на солнце, звонкий голос Маттео словно ввинчивался в висок, усиливая головную боль. Даже в этот ранний час город был полон душной истомы. Это все из-за сирокко.

Обычно к утру теплое дыхание моря накрывало город облаком белесого тумана, тихо светившегося в лучах восходящего солнца. Сейчас же горячий, душный ветер быстро стогнал туман с улиц, запирали темную, дурную воду в лагуне, отчего в домах пахло гнилью, словно в трюме корабля, несколько месяцев болтавшегося в море. По вечерам ветер нудно выл над темными жилами каналов – монотонно, неотступно, нагоняя тоску. Сирокко по-разному действовал на людей: одних делал вялыми, других раздражительными. Люди огрызались друг на друга, из-за чего в городе чаще вспыхивали драки, и ночной страже – *signori di notte* – прилично добавлялось забот.

– Мы произвели осмотр портовых кварталов, предупредили стражу, допросили хозяек веселых домов, – бодро докладывал Маттео. – Нашего бродягу из Аримина пока не нашли, но Гвидо с ребятами сейчас работают возле Арсенальных ворот, где вчера видели какого-то подозрительного типа.

Кивнув, Алессандро незаметно оттянул ворот дублета, чтобы глотнуть немного душного воздуха, пропахшего сыростью. С досадой потрогал шрам, который сейчас зудел, не переставая, будто рана только что закрылась. Ныла искалеченная правая рука.

– Ваше усердие делает вам честь, – сказал он. – Сколько у Гвидо людей? Дюжина? Этого должно хватить. Про вознаграждение за сведения о беглеце объявили?

– Да, – коротко сказал Маттео, преданно глядя на начальство. – Вот.

Юноша протянул листок с коротким текстом. Под его прямым, открытым взглядом Алессандро ди Горо почувствовал себя неловко. Видит бог, он никогда не считал себя приятным человеком, был достаточно требователен, и служить под его началом наверняка было непросто. Но мальчишка, похоже, видел в нем некий образец, идеал рыцаря, которому любая ноша была по плечу. В то время как сам он чувствовал себя разбитым и измотанным. В последние месяцы его постоянно преследовал страх опоздать, пропустить роковой удар.

Прочитав текст, он вернул листок:

– Удвойте сумму и огласите еще раз. Вечером сюда должен прийти начальник сборов, пришлешь его ко мне. Ступай.

Маттео, однако, не спешил уходить, нерешительно замявшись на пороге:

– По городу ходят слухи, – пробурчал он. – Ну, знаете, болтают всякое. Будто бы на самом деле отравить хотели не графа. Кто-то вспомнил, что его милость приглашал дон Соранцо в тот вечер, и только болезнь помешала дожу прийти на праздник. А дон Соранцо у нас тоже большой любитель саонского. Про их трения в Совете все знают. Граф, конечно, предложил бы старику вина...

– Мадонна, что за бред! – не выдержал Алессандро. – Дон Арсаго сам едва не пострадал от отравы! Наверное, эту сплетню спешно измыслил Фальери, боюсь, что мы до него доберемся!

– Говорят еще, что мы нарочно упустили отравителя. Теперь некоторые

считают, будто Манриоло был тайным агентом дона Арсаго, а также его шпионом в Аримине.

Алессандро с досадой стукнул кулаком по оконнице:

– Взять бы хоть одного из этих «некоторых», и потолковать с ним хорошенько!

В глубине души он понимал, что это бесполезно. Слухи распространяются по Венеции как ветер, а вот искоренить их – это надо постараться... Махнув рукой, он отпустил Маттео; закрыл глаза, упершись лбом в прохладное стекло.

Манриоло они, конечно, найдут. Стража сейчас обыскивает каждую подворотню, каждую харчевню, каждую церковь. Чужаку в Венеции некуда скрыться, в любом месте он окажется на виду, а у дона Арсаго достаточно осведомителей... Одна загвоздка – Манриоло был невиновен. Алессандро доподлинно знал, что ариминец в тот вечер даже близко не подходил к кувшинам. Зря, что ли, он глаз не спускал с подозрительного гостя? А кроме Луиджи Манриоло на празднике чужих не было. Это означало самое худшее. Значит, где-то рядом с Арсаго притаился предатель.

Внизу на террасе мелькнуло светлое платье, заплескался по ветру лоскут вуали. «Джулия», – узнал Алессандро, невольно улыбнувшись. Тиски, сжимавшие голову, будто разжались, и душное тяжелое утро показалось уже не таким мерзким.

Девушка, бережно поддерживая под локоть донну Арсаго, усаживала ее в гондолу. Алессандро вспомнил, что графиня хотела сегодня посетить храм на Спинолонге, по случаю именин сына. Обычно Джулия с Инес сопровождали ее в этих благочестивых поездках, но сегодня из-за сирокко обе предпочли остаться дома.

Прислонившись к оконнице, он проводил девушку задумчивым взглядом. Чистая радость от нечаянной встречи померкла, придавленная угрызениями совести. По долгу службы ему следовало бы поделиться с графом своими сомнениями насчет синьориты Граначчи, но... он просто не мог. Из-за последних событий расследование, связанное с Терра-деи-Мираколо, несколько застопорилось. Как тут уедешь из города, когда вокруг творится такое? А поручить дело кому-то другому, позволить, чтобы другой ищейка вынюхивал ее следы, рылся в ее прошлом, безжалостно вываливая на всеобщее обозрение старые болезненные тайны... Нет, этого нельзя было даже представить!

Правда, перед самым праздником Дня Изгнания ему удалось выяснить еще кое-что. Таинственный юный аристократ, навещавший монастырь, похоже, появлялся там довольно часто. На маленьком нищем острове он бросался в глаза, как павлин в курятнике. Его хорошо запомнили несколько рыбаков, у одного из которых, по счастью, оказался на редкость чуткий слух. Он уверенно сказал, что загадочный визитер был не из венецианцев.

– Чужак это был, судя по его речи, – заявил старик. – Точно не поручусь, но вроде ариминец.

Я помогла донне Арсаго удобнее устроиться в фельце, передала ей молитвенник, помахала рукой и с облегчением проводила гондолу взглядом. Да здравствует свобода! Теперь на ближайшие полдня мы с Инес были предоставлены сами себе.

Честно сказать, наши обязанности при донне Арсаго нельзя было назвать

обременительными. У нас хватало времени на безделье, но вот поиски крипты пришлось отложить из-за неотступного надзора моей тетки. Даже здесь она ухитрялась меня донимать! А тут еще Скарпа с его шуточками и злобными выходками...

Впрочем, шут изводил не только меня. Во время сирокко он вел себя просто несносно, и я удивлялась, как донна Арсаго его терпит. В доме стояла духота, монотонный унылый свист ветра действовал на нервы. Джоанна, обмахиваясь веером, добродушно пожимала плечами: «Что взять с дурака? Видимо, ветер просквозил его голову и выдул оттуда остатки ума». Пульчино целыми днями пропадал в лагуне, держась подальше от отравленного города.

Только на дону Арсаго не действовали ни погода, ни тревожные вести из Золотого дворца. Он спускался к ужину в неизменно превосходном настроении, шутил со Скарпой, улыбался графине, таявшей с каждым днем, как свеча. Его энергичная натура оживляла наше общество. Теперь, когда он перестал заговаривать о свадьбе, он стал нравиться мне гораздо больше.

Вчера за ужином Скарпа, как нарочно, уселся недалеко от меня и принялся портить мне аппетит своими ядовитыми намеками. Когда Бьянка пожаловалась на опостылевший плач ветра по ночам, шут мелко захихикал:

– А может, это пение паурозо, явившихся сюда вслед за синьоритой Джулией? Я чувствую, как нечто роковое проникло вместе с ней в наш дом...

Я метнула на него уничтожающий взгляд, от которого Скарпа в притворном испуге спрятался за кувшином. Его шутовской колпак задорно топорщился, подобно петушину гребню.

– О чем ты там бурлишь, бездельник? – спросил граф, отвлекаясь от разговора.

– О, ни о чем таком, – забормотал шут. – Я-то лишь дурачина, по чину и по личине. Но говорят, что в полнолуние даже слепцы иногда прозревают, может быть, и шут заделается пророком? – и он снова зыркнул на меня уродливыми перекошенными глазами.

Я чуть не выронила вилку. Откуда он знает? Что он вообще может знать о моих планах?!

Тем временем до полнолуния осталось две недели.

Дон Арсаго, к счастью, не обратил внимания на эту болтовню, увлеченно рассказывая синьору Сакетти о старинной рукописи, которую ему повезло недавно заполучить. Второй страстью нашего хозяина (после гонок на гондолах) было коллекционирование. Он считал себя знатоком редкостей, таким *virtuoso*. В одной из комнат особняка за стеклянными витринами хранились драгоценные геммы, медали, старинные монеты и статуэтки. Мне пока не довелось полюбоваться этими сокровищами. Дон Арсаго чахнул над своей коллекцией, как дракон над сокровищницей: комната всегда была заперта, и домашним строго запрещалось входить туда в отсутствие хозяина.

Сегодня мы с Инес собирались туда наведаться. Момент был удобный: графиня уехала на Спиналонгу, мужчины разъехались по делам, и даже Скарпа, слава Хорро, куда-то исчез. Ассунту удалось нейтрализовать с помощью кухарки, которая обещала поделиться с ней уникальным рецептом приготовления маленьких пирожков – *pasticcino*. Этой хитростью я была обязана Инес. В конце концов, девушку тоже пришлось привлечь к делу: в одиночку я не смогла бы стащить ключ у кастеляна и сделать дубликат.

Мне казалось странным, что граф так прячет от всех свою кунскамеру. Этого нельзя было объяснить только ценностью коллекции. Что он там еще скрывает? Может быть, потайной ход?

– Думаешь, если мы найдем потайной ход, это прольет свет на тайны семьи Арсаго? – недоумевала Инес.

Почему-то я была уверена. Мне казалось, что найти крипту – это все равно что обнаружить прут, на который, словно кольца занавески, нанизывались непонятные события последних дней. По крайней мере, я узнаю, кто туда недавно спускался. И с какими целями.

Итак, помахав рукой вслед донне Арсаго, я хотела уже вернуться в дом, как вдруг проплывавшая мимо гондола замедлила ход, и ее владелец сделал мне знак подойти. Из-под шляпы блеснули внимательные глаза.

– Ты, должно быть, синьорита Джулия, невеста молодого хозяина? – тихо спросил он.

– Да, и что с того?

Я насторожилась. За плечом сам собой возник призрак тети Ассунты, назидательно грозящий мне пальцем. Молодой патрицианке не следовало беседовать с незнакомцем без присмотра дуэньи.

Чужой гондольер, впрочем, тоже не горел желанием плести долгие речи. Подведя лодку поближе, он скороговоркой прошептал:

– Если хочешь получить известия от людей, которым ты небезразлична, приходи к церкви Святой Марины сегодня после третьего часа.

– От каких еще людей? – растерялась я.

Но мужчина, сделав свое дело, снова активно заработал веслом. Его гондола грациозно развернулась на пяточке и вскоре затерялась среди других судов, спешивших по каналу. Я осталась на пристани в одиночестве. Сначала подумала, что это Энрике, скучая в Патаве, решил прислать мне весточку таким необычным способом. Это вполне было в стиле венецианцев. Некоторые женихи устраивали под окнами возлюбленных целые представления, с музыкой и серенадами. Однако Энрике вроде бы не был склонен к экстравагантным поступкам. А если не он, тогда кто?

На террасу выполз один из лакеев, и я, очнувшись от раздумий, поспешила в дом. Нельзя было терять ни минуты! Скоро вернется донна Арсаго, и нам с Инес снова придется коротать вечер за вышивкой, слушая тиканье старых часов на камине. Странный гондольер с его поручением тут же испарился у меня из памяти. Не хватало еще бегать по тайным свиданиям! На сегодня у меня были другие планы.

Тихо, сторожась каждого шороха, мы с Инес поднялись по темной лестнице на верхний этаж. В коридоре никого не было. Сюда выходили несколько дверей – высоких, двустворчатых, отделанных бронзой.

– Вот эта дверь ведет в Зал Масок, – шепнула Инес.

Так называлась кунскамера дона Арсаго. Ключ в замке послушно повернулся, дверь еле слышно скрипнула – и мы вошли.

Комната была маленькой и восьмиугольной, со стеклянным потолком в частой свинцовой оплетке. Из-под купола падал мягкий рассеянный свет. Полы были сделаны из дерева, старые и порядком потертые. Матово поблескивали прозрачные дверцы шкафов, за которыми лежали разные изящные безделушки. Блестела мозаика с кусочками золота и смальты, украшавшая стены.

Четыре стены, через одну, были заняты шкафами. Между ними в проемах висели высокие старинные зеркала, глядевшие прямо друг на друга. От созерцания их мутной туманной глубины делалось не по себе.

– Почему он называется Зал Масок? – спросила я шепотом. Тишину в комнате было боязно нарушить даже дыханием. Инес молча показала наверх. Я подняла глаза и вздрогнула от неожиданности.

Со стены на меня смотрело белое алебастровое лицо, искаженное яростью. Еще одно пялилось с другой стены. И еще одно, и еще... Шесть масок глядели на нас со всех сторон, и каждая была до невозможности живой. Их эмоции хлестали по нервам, как кнутом. Боль. Наслаждение. Гнев. Презрение. Страх.

– Это... ужасно, – сглотнула я, разом позабыв, для чего мы сюда явились. Тихая гармония комнаты с ее изящными пропорциями и мирно льющимся светом представляла жуткий контраст с искаженными лицами, торчащими из стен.

– Говорят, что во время последнего заговора граф допрашивал здесь предателей. Эти маски – слепки с живых лиц, – шепнула Инес.

Я с ужасом оглянулась, боясь найти среди страшных безглазых лиц черты Алессандро. Если его отец был среди предателей... Мадонна, надеюсь, ему никогда не приходилось бывать в этой комнате!

Заставив себя отвлечься от масок, я встретила взглядом с зеркалом, висевшим прямо передо мной. Выглядело оно так, будто находилось здесь не одну сотню лет, успело отразить тысячи лиц и теперь выполняло свою работу крайне неохотно. Вместо собственного силуэта мне виделся какой-то размытый блин. Из-за необычного расположения зеркал череда отражений уходила вглубь каждой стены, странным образом раздвигая пространство. Я стояла в середине зала, будто на перекрестке четырех дорог, уводивших куда-то в заповедье. Вдруг показалось, что в глубине зеркала что-то мелькнуло.

Инес схватила меня за руку:

– Не надо, не смотри туда, если не хочешь потерять свою душу!

– Подожди, – шепнула я. Движение в зеркале повторилось, а вместе с ним появилось ощущение чужого присутствия. В ушах у меня стоял шум, похожий на шум моря. По всегдашней привычке я позвала Пульчино, однако он не откликнулся.

Забыв про Инес, я осторожно подошла ближе. В зеркале отразилось мое лицо, но горевшие на нем глаза были чужими, как у паурозо – золотые, с острыми зрачками. Вдруг промелькнула физиономия Скарпы, затем мне навстречу распахнулась чья-то оскаленная пасть, заставив отпрянуть. Картинки менялись все быстрее. Позади меня кто-то кричал – кажется, Инес. Я отмахнулась, не до нее сейчас. Сумрачная зеленоватая глубина так и манила к себе. С бьющимся сердцем я прижала ладонь к зеркалу – и легко прошла его насквозь.

Вопреки здравому смыслу, я оказалась на улице, прямо на мостовой. Сквозь булыжники проступала вода. Канал рядом со мной порядочно раздуло, а морские волны все прибывали. Вода стремительно заливала причалы, от которых остались только колья, торчавшие наружу. Резко пахло солью, в ушах стоял неумолчный гомон чаек. Одна из них присела на камни рядом со мной. Маленькая голова с пустыми глазницами, клетка хрупких ребер, жалкие косточки крыльев... мертвая чайка. Отшатнувшись в испуге, я оступилась, ухнув с головой под воду. Захлестнула паника, как бывает, когда тебя утащит вол-

ной, и ты не знаешь, куда плыть, чтобы подняться на поверхность. Вязкая темнота душила, сковывала движения. Внезапно по глазам ударил свет, и чья-то ледяная ладонь звонко шлепнула меня по щеке.

Когда я очнулась, то обнаружила себя сидящей посреди комнаты. Волосы намокли, по платью расплылись мокрые пятна. Надо мной с кувшином в руке возвышалась донна Ассунта, а из-за ее спины злорадно ухмылялся Скарпа. Дверь в кунсткамеру была открыта. Перепуганная Инес стояла поодаль, прижимая ладонь к губам.

– Ну-ка принеси еще воды, – потребовала Ассунта, бесцеремонно сунув Скарпе кувшин. Тот пробурчал что-то, однако послушаться не посмел.

– Больше не нужно, спасибо, – еле выговорила я, когда шут скрылся за дверью. От холодного душа вся непонятая дурнота сразу прошла.

– Боже, как я испугалась! – воскликнула Инес, бледная до зелени. – Там... в зеркале...

Она смотрела на меня с таким страхом, будто ждала, что сию минуту у меня вылезут клыки и когти.

– Мне просто стало нехорошо от духоты, – солгала я.

– Но ты так выглядела... там, в зеркале... А потом вдруг появился Скарпа, толкнул тебя в сторону, кто-то начал колотить в дверь, и я так растерялась, что совсем не знала, что делать!

– Хорошо хоть у шута хватило ума, чтобы мне открыть! – фыркнула тетка. – Вы чего обе здесь забыли? Зачем полезли, куда не следует? Ну-ка, кыш отсюда, пока не вернулся хозяин!

– Но я действительно видела... – пролепетала Инес.

– Тебе показалось, – сказала тетка как отрезала. – И чем меньше вы будете болтать об этом, тем лучше.

В эту ночь Инес ушла ночевать к матери. Несмотря на уговоры Ассунты, она все еще меня опасалась. Или, может, надеялась, что донна Джоанна сможет лучше защитить ее от гнева синьора Арсаго, когда тот узнает о нашей проделке. Я не сомневалась, что проклятый шут поспешит наябедничать хозяину.

Кстати, как, интересно, Скарпа ухитрился проникнуть в запертую комнату? Я точно помнила, что мы с Инес заперли за собой дверь, а ключ оставили в замке. Неужели там действительно есть потайной ход?

Этой ночью я была бы рада компании, чтобы прогнать пугающие видения. Стоило только задремать – и воображение снова переносило меня в кунсткамеру, где из каждой стены скалились ужасные безглазые лица. Просто невозможно было заснуть! Сердито потерев лицо ладонями, я зажгла свечи в канделябре и уселась за конторку, придвинув к себе лист бумаги. Как назло, ночь была совершенно безмолвной. Даже ветер куда-то исчез. Тихо дремали соседние дома, выроставшие из невидимой черной воды. Светились редкие звездочки факелов. Не было слышно ни одного пронзительного вскрика, ни шума заплутавших допоздна прохожих. Любой звук разносился над стоячей водой очень далеко, разлетался по узким улочкам, как по трубам.

Взяв стило, я нарисовала кривой восьмиугольник – графскую кунсткамеру, отмечая по памяти шкафы с их содержимым и все остальное, что сумела запомнить. Вот здесь стоял шкаф, целиком занятый рукописями и старинными инкунабулами... Наверное, у графа еще руки не дошли разобрать эту часть

коллекции, так как кипы свитков валялись на полках в полном беспорядке. Вот здесь, напротив, висело зеркало... Я вспомнила, что оправа у зеркал была очень вычурной: хрустальные цветы, пышные бронзовые завитушки и тому подобное. Среди этого добра так просто было спрятать маленький рычажок, открывающий потайной ход...

Вспоминая, я бездумно смотрела в стену, на которой дрожала моя тень от свечи. Слабый огонек выхватывал из темноты контуры знакомых предметов. Моя тень вдруг шевельнулась. «Вообще-то она не моя. Очертания не те», – подумала я с каким-то отстраненным спокойствием. Снова нахлынула слабость и ощущение чужого пристального взгляда. Кто-то прямо сейчас стоял у меня за спиной, но после сегодняшних приключений в кунсткамере меня вряд ли что-то могло испугать. С усилием разорвав чары, я резко обернулась.словно порыв ветра пронесся по комнате, и в зеркале, которое я позабыла занавесить тканью, мелькнул золотистый блеск чешуи. Выругавшись, я дрожащими руками нашла шаль и старательно закутала опасный предмет, пообещав себе завтра же вынести его вон. А потом, дунув на свечу, забралась в постель. Тщательно задернула полог, так чтобы не осталось даже щели. Планы и чертежи подождут.

Сегодня я была еще не готова встретиться лицом к лицу со своими кошмарами.

Глава 14

Когда дон Арсаго заявил, что собирается в Ночь Тысячи Огней устроить маскарад, Алессандро поначалу решил, что патрон сошел с ума. Приглашать гостей, когда в доме затаился отравитель?! Когда половина патрициев ежедневно справляется о здоровье дожа, и в городе каждый день создаются и распадаются новые политические союзы? Как, спрашивается, можно обеспечить безопасность в такой ситуации?

В Венеции отмечали так много праздников, что иногда на один день их приходилось несколько. Однако Ночь Тысячи Огней была особенной. Это была ночь памяти, вины и прощения.

Двести лет назад в Венецию пришла чума. Той осенью одна венецианская галера вернулась из торгового плавания в Каффу и привезла в своем трюме черных крыс, которые распространили заразу. Незнакомые с новой напастью, медики мало чем могли помочь. Больные умирали прямо на улицах, их тела плавали в каналах. Священники в церквях призывали к покаянию и обличали погрязших в роскоши богачей, навлекших на всех гнев Божий. Напуганные массовыми смертями горожан, венецианские власти распорядились вывозить жертв чумы на ближайший остров Санто-Спирито, который жители быстро переименовали в Лазаретто. Туда свозили всех – мертвых, умирающих и даже тех, кто казался здоровым, но вызывал подозрения. Условия содержания больных были так ужасны, что многие бросались в воды лагуны, предпочитая утонуть в волнах, чем оказаться на проклятом острове. Днем и ночью над Лазаретто висели клубы дыма от сжигаемых тел. Люди шептались, что кое-кто ухитрился тайком пробраться с острова обратно в Венецию.

Город был охвачен пароксизмом отчаяния, ненависти к себе и взаимной подозрительности. И однажды ночью на Лазаретто вспыхнул страшный пожар, не оставивший никого в живых. Рыжее зарево всю ночь освещало город.

Венетийцы смотрели на него со смешанным чувством вины и облегчения.

После этого чума отступила. О пожаре напоминали лишь обугленные почерневшие руины Лазаретто. Рыбаки обходили их далеко стороной. Говорили, что над островом до сих пор слышны стоны и плач неупокоенных душ, вынужденных скитаться над лагуной. В конце концов, проклятый остров постепенно скрылся под водой и больше не маячил немым укором перед глазами венетийцев. Но с тех пор в годовщину страшной ночи по всей Венетте звонили колокола, и в каждом доме – от патрицианского особняка до последней нищей лачуги – зажигали лампы, факелы и свечи в память о невинных душах, погибших от огня.

Сотни, тысячи огоньков озаряли извилистые calle и маленькие сапро. Большой канал весь превращался в огненную реку. Некоторые верили, что по этой светящейся дороге, протянувшейся через весь город, несчастные призраки Лазаретто на одну ночь могли вернуться домой.

Традиция неукоснительно соблюдалась каждый год. Даже сейчас, когда дож медленно умирал в Золотом дворце, а будущее города было таким же смутным, как утренний туман, висевший над лагуной, веселье в городе било ключом. Музыка и веселье были испытанным способом отвлечься от проблем. Террасы многих домов украсили праздничные шесты, увитые цветами и лентами. Этот знак оповещал, что в доме готовится вечеринка, к которой может присоединиться любой желающий.

В день праздника Алессандро распорядился выставить такой шест у причала дома Арсаго и принес графу план охраны особняка, где практически на каждого гостя приходилось по стражнику. Дон Арсаго, взглянув на его выкладки, даже присвистнул:

– Ну это уж чересчур! Не к осаде же готовимся – к празднику!

– Лучше предупредить злодеяние, чем потом кусать себе локти, – пробормотал начальник охраны.

По его мнению, дон Арсаго в последние дни поддался непростительному легкомыслию и вообще был на себя не похож. Например, он только рассмеялся, когда Скарпа доложил ему о проделке Джулии с Инес:

– О, женское любопытство! Стоит запретить женщине входить в какую-то комнату – и она немедленно туда заберется. Пусть их, эти дурехи и так уже наказаны страхом. И кстати, напомни мне забрать у кастеляна ключ.

Учитывая, что дело касалось Джулии, Алессандро мог только порадоваться такому исходу. Однако на месте графа он не стал бы недооценивать женское любопытство. Девушки явно что-то затеяли... В последние дни Джулия ходила словно в воду опущенная, а Инес повадилась каждый день бегать в церковь. Не мешало бы проследить за ней, но откуда взять столько людей? Сейчас каждый был на счету.

Так же безразлично граф отнесся к покаянному отчету Гвидо о том, что Манриоло они так и не поймали. Можно подумать, дон Арсаго это не волновало:

– Главное, чтобы люди Фальери не нашли его раньше нас, – сказал он флегматично, пожав плечами. – Им плевать, виновен он или нет; палач Фальери заставит этого ариминца сознаться в чем угодно, даже в том, что я лично снабдил его ядом для дожа.

Алессандро, присутствующий при разговоре, смущенно отвернулся к окну,

сделав вид, что его вдруг заинтересовало происходящее на канале. С каждым днем ему приходилось все больше скрывать от своего сюзерена. Одна тайна цеплялась за другую; стоило скрыть один факт, как приходилось лгать и дальше.

Притворство было ему отвратительно, кроме того, он боялся запутаться с непривычки. В беспокойное время вроде нынешнего даже маленькая ложь может привести к большой беде. Однако неясный инстинкт упорно подсказывал ему, что прежде чем вывалить на дона Арсаго ворох сведений, кое-в-чем следовало разобраться самому.

Его царапнула ревность, когда на маскараде граф появился под руку с Джулией. Алессандро недоумевал: что здесь происходит, черт возьми? Дон Арсаго упорно удерживал сына в Патаве, не позволяя ему приехать даже к больной матери – мол, слишком опасно. И Рикардо, брат Джулии, находился там же. Разговоры о свадьбе почти прекратились. Между тем граф каждый вечер подчеркнуто обращался к девушке, явно выделяя ее из остального общества. Что он задумал? И какую игру ведет она? Судя по перешептываниям других гостей, эта ситуация у многих вызвала нездоровый интерес. Все понимали, что донна Арсаго из-за болезни не могла сегодня выполнять обязанности хозяйки, но никто не ожидал, что это право граф возложит на будущую невестку.

Правду сказать, Джулия справилась просто блестяще. Стоя рядом с графом в блеске алого бархата и золотистых кружев, она непринужденно приветствовала гостей, для каждого находя остроумную шутку или теплое слово. Алессандро и раньше удивлялся, как легко она умела подстроиться под собеседника, но сегодня девушка превзошла саму себя.

Да, она в совершенстве овладела искусством менять личины... В отличие от остальных, Джулия сегодня не надела маску, вместо этого заложив за гребень тонкое венецианское кружево, прикрывавшее ее лицо до самых губ.

«Ее лицо само по себе маска, – подумал он с внезапным гневом, – такая маняще привлекательная и напроочь лживая!» Подумать только, куда подевалась прежняя робкая Джулия, неловкая, сторонившаяся любого общества? Где так девушка, которая от любого пристального взгляда пряталась под траурное покрывало, словно моллюск в раковину?

Как узнать, которая из них была настоящей?

Смуцало еще то, что энергичные манеры Джулии казались ему смутно знакомыми. Цепкий взгляд сыщика невольно отмечал каждый наклон головы, улыбку, жест... Кого же она ему напоминает? «Брось, – критически сказал он себе, – признайся, что тебе просто нравится на нее смотреть».

Нравится – это было не совсем подходящее слово. В этой девушке, как ни в ком другом, он чувствовал отзвук своей души. До сегодняшнего дня. Нынешняя Джулия казалась до обидного чужой. Будто решила снова примерить роль оболстительной красавицы, как в их первую встречу.

Вспомнив ее наивное полудетское кокетство и то сногшибательное розовое одеяние, Алессандро невольно усмехнулся. Потом спохватился, случайно поймав ее взгляд. Разумеется, девушка не могла не заметить его неприлично назойливого внимания. Прежняя Джулия, вероятно, смутилась бы и постаралась затеряться в толпе. Сегодняшняя светская львица, не колебаясь, приняла вызов. Ослепительно улыбнувшись, она направилась прямо к нему.

Я ждала этого праздника, как манны небесной. Так хотелось отвлечься от забот и волнений последних дней! Мы с Инес (а также другие домочадцы, знающие о нашей проделке) ужасно переживали, какое наказание придумает нам синьор Арсаго. Гроза не замедлила разразиться: тем же вечером зловерный Скарпа подстерег графа прямо на лестнице и что-то возбужденно зашептал ему в ухо. Нам было прекрасно видно их через открытую дверь салона. Инес, сидевшая рядом со мной, побледнела:

– Ой! Мне нужно срочно подняться к себе, – вспомнила она вдруг.

– Сиди! – процедила я.

С лестницы раздался хохот. Мы удивленно переглянулись. Дон Арсаго, махнув рукой, проворчал что-то, надвинул шуту колпак на нос и ушел. Проходя мимо двери, он насмешливо нам поклонился. Что, и это все?! Даже как-то обидно.

Еще обиднее было то, что я нисколько не продвинулась в своих поисках. Сколько я ни вертела в руках злосчастный план комнаты – никак не могла сообразить, где скрывается потайная дверь. Мне хотелось еще раз наведаться в кунсткамеру, но ключа больше не было, а Инес наотрез отказалась мне помогать. Что-то из увиденного в зеркале произвело на нее неизгладимое впечатление. Она беспрестанно молилась и в своей набожности переплюнула даже Ассунту, ежедневно бегая в церковь.

– Когда она грешить-то успевает, чтобы так часто и подолгу исповедаться? – насмешливо фыркала моя тетка.

Мы с ней на удивление сблизились в эти дни. Я знала, что донна Ассунта по-прежнему мне не доверяет, однако она защищала меня от досужего любопытства Джоанны и одергивала служанок, когда те начинали болтать всякую чушь: то у них на кухне молоко вдруг превращалось в кровь, когда я проходила мимо, то им слышались странные шорохи за моей дверью... В этом доме многие меня боялись.

Старое зеркало из спальни я утащила в гардеробную, прислонив его «лицом» к стене. В таком виде оно казалось более безопасным. В небе родился новый блестящий серп луны. По ночам, лежа без сна, я слышала, как звенит его серебро. Море за рыжими отмелями Дито еще спокойно дремало, но уже через две недели я смогу их позвать. Стоит ли это делать? На кого я им укажу?

От гондольеров я получила еще два приглашения прийти в церковь святой Марины после полудня, и оба проигнорировала. Вся моя былая решительность куда-то испарилась. Чувство было такое, будто старый дом поймал меня в ловушку. Пульчино после долгих уговоров согласился подежурить на стеклянной крыше кунсткамеры, но пока тратил время впустую. Никто не входил в заветную комнату, никто не нарушал покой безделушек, дремлющих в лучах пыльного света.

Когда дон Арсаго известил всех о маскараде, Ассунта лишь покачала головой и достала из сундука очередное черное платье. Я мысленно закатила глаза. Ее лицемерие иногда просто поражало! Она терпеть не могла донну Граначчи при жизни, но продолжала истово чтить ее память после смерти.

– Вам не кажется, тетя, что траур на маскараде – это уже чересчур? – осторожно спросила я.

– Пригодится на всякий случай, – ответила Ассунта мрачным тоном, полным недобрых предчувствий.

Я хотела возразить, но вовремя вспомнила, чем закончилась предыдущая вечеринка в доме Арсаго, и послушно умолкла.

Тем не менее, несмотря на излишнее усердие Алессандро ди Горо, донимавшего всех заботами о безопасности, и мрачные прогнозы Ассунты, вечер начался очень весело.

Я еще никогда не бывала в Венеции в Ночь Тысячи Огней. Вид Большого канала, озаренного всплесками яркого пламени, меня просто сразил. Казалось, никто не спал в эту ночь. Все дома были ярко освещены, отовсюду слышалась музыка. Мы тоже были готовы. По стенам салона развесили парадные гобелены, отчего они заново расцвели свежими красками. На тканях были вытканы фантастические чудовища: грифоны, дикие кошки с человеческими головами, пестрые тигры, драконы... При мерцающем, неровном свете свечей этот сказочный мир оживал и двигался. Повсюду расставили столики с вином, фруктами и прохладительными напитками, на террасе развесили фонари.

Наше настроение немного омрачила болезнь донны Арсаго, которая была так слаба, что даже не смогла появиться на празднике. Я растерялась, когда граф неожиданно предложил мне, как будущей хозяйке, взять на себя труд приветствовать гостей.

– А кого ему просить? Не Джоанну же, – хмыкнула Ассунта, помогая мне управиться с платьем. Ее старая неприязнь к донне Джоанне только крепла со временем.

– Тем более что ты почти уже член семьи.

«Надеюсь, что не удостоюсь этой чести», – подумала я, нервно разглаживая юбку ладонями.

Я так разнервничалась от свалившейся на меня ответственности, что изо всех сил старалась не ударить в грязь лицом. Гости прибывали один за другим, и через час у меня зарябило в глазах от шелков и бархатов всевозможных оттенков. Дон Арсаго был популярен в Венеции, а его дом славился хорошим винным погребом, так что на праздник явилась уйма народу. Парадная приветственная улыбка, кажется, навеки приклеилась к моим губам.

Мой взгляд, измученный разноцветьем, с удовольствием остановился на единственном строгом темно-лиловом камзоле – и в тот же момент я узнала дону Алессандро. Его легко было узнать, так как среди гостей он единственный был без маски. Держался в стороне, будто нарочно подчеркивая, что находится здесь не для развлечений. Я заметила, что в начале вечера он часто поглядывал в мою сторону, однако подойти не решился.

В такую ночь, как сегодня, даме можно было самой проявить инициативу. Никто не имеет права торчать с мрачной миной посреди нашего праздника, пугая других гостей! В конце концов, хозяйка я тут или нет?

Думая так, я уже осторожно пробиралась сквозь толпу. Алессандро не сделал мне и шага навстречу, но его взгляд я чувствовала, как прикосновение. Сама не знаю, откуда во мне взялось столько храбрости. Будто легкое кружево, скрывавшее мое лицо, сделало меня неузнаваемой и немного чужой. Теперь я лучше понимала Джоанну! Маска дарила приятное ощущение свободы, граничащей с дерзкой бравадой. Гул веселых голосов, музыка и шелест праздничных платьев зажигали в крови пьянящую безуминку. Сегодня карнавал – значит, многое позволено!

Алессандро, судя по его строгой мине, так не считает.

– Добрый вечер, маска, – произносит он традиционную фразу. Белоснежная улыбка на мгновение освещает его лицо, но почти сразу гаснет. Словно свечу задули.

От его доброжелательного спокойствия у меня вдруг исчезают все заготовленные фразы. Любые возможные слова кажутся неуклюжими. Лучше бы он просто пригласил меня танцевать! Танец хорош тем, что не требует слов...

Разве можно как-то объяснить внезапное ощущение узнавания, душевной близости, которое чувствуешь к совершенно чужому человеку? Нет, слова – они как ржавое зеркало, в котором толком и не разглядишь собеседника.

Жаль, что Алессандро танцевать явно не расположен.

– Ну, не будьте же так серьезны! – вкрадчиво начинаю я. – Дон Арсаго прав, говоря, что тяжелые мысли заразительны. Глядя на вас я, пожалуй, тоже стану мрачной.

Серые глаза смотрят на меня долго и пристально – слишком долго и чересчур пристально.

– Это у вас получается прекрасно, – наконец отвечает он, и от его голоса мне вдруг становится холодно. Таким тоном можно заморозить целую лагуну.

– Что вы имеете в виду? – невольно спрашиваю я, хотя понимаю, что лучше было не уточнять. Разговор опять свернул куда-то не туда. Почему-то с Алессандро у меня это случается часто.

– А вы не замечали? – говорит он почти сердито. – Вы, как зеркало, отражаете собеседника! С Инес вы ведете себя мягко и сердечно, зато с Рикардо становитесь насмешливой и остроумной. Бьянка считает вас весьма разумной девицей, а Джоанна отчего-то видит в вас такую же кокетку и сплетницу, как она сама. Это странно, не правда ли? Даже интересно, какая вы на самом деле! Кто вы на самом деле, Джулия?

Мое праздничное настроение лопается со звоном, как стеклянный бокал. Я уже жалею, что подошла. Хочется скрыться куда-нибудь от его ищейской проницательности и умения видеть гораздо больше того, что ему хотят показать.

По крайней мере, у меня хватает самообладания, чтобы улыбнуться:

– Ладно, знаете что? Я вижу, вам здесь вовсе не скучно, так что прошу прощения. Пожалуй, я оставлю вас наедине с вашей невероятной прозорливостью. Всего доброго!

И быстро отступаю, стараясь, чтобы мой уход не выглядел как бегство.

– Джулия! – слышится сзади, но я не останавливаюсь. Наоборот, ускоряю шаг.

Сам того не зная, Алессандро наступил мне на большую мозоль. Вчера в первый раз после происшествия в кунсткамере я решила посмотреться в зеркало. Мне же нужно было подготовиться к маскараду, так? Я долго вглядывалась в свое лицо, со страхом замечая изменившиеся черты. Я действительно изменилась или мне показалось? То, что скулы стали острее, а в глазах поблескивает золото, как у паурызго?

Как влияет на человека связь *кьямата*? Те обрывки сведений, которые мне удалось выудить у святых сестер, не давали точного ответа. Я впервые осознала, насколько была неопытна и наивна. Как ребенок, играющий на отмелях во время отлива, не подозревая о том, что море может поглотить его с головой. Поначалу магия была для меня просто игрой. Наша связь с Пульчино возникла так давно, что казалась чем-то естественным, как дыхание. Но Карита – это

другое. Могла ли я измениться после долгих утренних бдений у логова паурозо? Кто я сейчас? Что станет с моей личностью?!

«Да нет у тебя никакой личности, – утешал меня Пульчино, когда ему особенно досаждали мои метания. – Ничего ты не изменилась. Как была робкой простофилей, так и осталась».

Но недавно я вдруг поняла, что Пульчино тоже изменился. В нем появилась *осознанность*. Нормальные чайки жили как бог на душу положит, Пульчино же научился *задумываться* о своих поступках.

– О чем вы грустите, прекрасная донна? Такая красивая девушка в эту ночь не должна предаваться печали, – произнес кто-то у меня за спиной.

Отглянувшись, я увидела незнакомого кавалера в пестром камзоле, плаще и черной бархатной полумаске. Понятия не имею, кто он. Сегодня на празднике было так много новых лиц, что я совсем запуталась. Кажется, этого человека я видела в начале вечера рядом с Инес. Или с Джоанной? Не помню. Поди разберись в этой кутерьме!

Синьор вежливо поклонился:

– Смею надеяться, у меня есть кое-что, что развеет вашу печаль, – сказал он, передавая мне сложенное письмо.

Я не сразу решилась его взять. А вдруг это тот самый поклонник, который так настойчиво звал меня встретиться в церкви святой Марины? «Если в письме назначено очередное свидание, я просто припру этого красавчика к стенке, сорву с него маску и потребую объяснений!» – сердито подумала я, разворачивая конверт. Однозначно, на меня повлияли хищные повадки паурозо.

От волнения строчки письма прыгали перед глазами. Записка была короткой – лишь несколько размашистых строк.

«Как ты, Джули? Я постараюсь вернуться к празднику. Береги себя. Твой преданный брат Рико».

Я вздохнула с огромным облегчением. Всю злость и тревогу как рукой сняло. Да я готова была расцеловать этого чудесного человека, который принес мне такую счастливую весть! Рико возвращается! Наконец-то! Я прижала драгоценное письмо к груди. Незнакомый вельможа с улыбкой смотрел на меня.

– Стало легче?

– О да, спасибо! Но мне срочно нужно домой!

Нужно приготовить все к приезду Рикардо. Собрать ужин, растопить камин в спальне... Я стрелой метнулась к террасе. Где наша гондола? Где Фабрицио? Мой новый знакомый, едва поспевая, вышел следом за мной.

– Фабрицио уехал, госпожа, – сказал один из гондольеров, одетый в черный камзол и красные чулки – цвета графа Арсаго. – Просил передать, что отправился встречать молодого господина.

Надо же, как некстати! Я притопнула ногой с досады. А вдруг Рикардо уже дома? Ну почему, почему он не известил нас заранее?! Я бы украсила комнаты, распорядилась подать печеных крабов, оливок по-асколански и вина – все, как он любит...

– Если вы желаете отправиться в дом Граначчи, для меня будет честью услужить вам, – поклонился черно-красный гондольер, широко улыбнувшись. Его зубы блестели в свете факелов.

Прекрасная идея! Я с благодарностью ухватила за его руку, забираясь в гондолу. Суровый окрик с террасы заставил нас обоих замереть на месте:

– Джулия?

Из оранжевой сетки освещенных окон выступил черный силуэт донны Ассунты. Я в радостном нетерпении помахала письмом:

– Это от Рикардо! Он возвращается! Я сейчас же еду домой!

– Что ж, давно пора, – невозмутимо согласилась Ассунта, подбирая край покрывала и влезая в лодку следом за мной. – Завтра я пришлю за вещами. И когда графиня поправится, не забудь навестить ее, чтобы поблагодарить за оказанную милость.

Мне было не до светского этикета. Рикардо здесь, наконец-то я его увижу! Дорога до дома промелькнула как во сне. Темнота Большого канала таяла в черном бархате ночи, в глубине его ярко горели отражения факелов и светильников. Когда весло погружалось в плотную воду, по ней шли золотые складки, словно по ковру.

Дом Граначчи был самым темным и тихим на улице. Почти все слуги ушли праздновать к родным, так что светились лишь два окна внизу и один факел на причале. В его свете тускло поблескивала цепь. Я с раскаянием подумала, что совсем забыла сегодня о Карите. Не испугал ли ее праздничный шум, взрывающиеся шутихи?

Ладно, это подождет. Сейчас все мои мысли были заняты предстоящей встречей. Нужно найти людей, проверить запасы, зажечь побольше огней...

Сзади послышался шум и плеск. Оглянувшись, я увидела, как Ассунта вдруг споткнулась, упав на колени. Гондольер поднял руку с занесенным ножом, лезвие которого блеснуло тускло и зло. Он с размаху ударил ее в спину. Послышался стон, хрип. Я онемела.

Это дурной сон. Этого не может быть. Однако «гондольер», пинком отшвырнув тело в сторону, уже направлялся ко мне. Нож в его руке был черен от крови. Я хотела крикнуть, но из пересохшего горла не вырвалось ни звука. Мои ноги внезапно ослабли, будто из меня вынули все кости. Неуклюже попятившись, я споткнулась о звякнувшую цепь.

– У твоей цепной твари сегодня тоже будет праздник, – осклабившись, произнес убийца.

Его тень надвигалась на меня, как гора.

«Он скормит наши тела паурозо, – молнией мелькнула мысль. – Все решат, что Карита вырвалась из-под контроля и убила нас обоих. О, мадонна! Кто-нибудь, помогите!»

Внезапно что-то проносится мимо, оттолкнув меня в сторону, так что я падаю, обдирая ладони и локти. Кажется, кричу, но не слышно ни звука. Небо и земля меняются местами, затылок взрывается болью. Свет факела на террасе обтекает две сцепившиеся фигуры. Кожа паурозо влажно лоснится, убийца старается высвободить руку с занесенным ножом. Слышится хруст, рычание, от которого остатки моей крови стынут в жилах. Дернувшись, человек успевает ударить – один раз, второй. Потом оба с шумом и плеском срываются в канал. А у меня наконец-то прорезается голос:

– Помогите! На помощь!

Кажется, я все-таки могу подняться. На причале пусто, только на самом краю чернеет неподвижное тело. Донна Ассунта! Забыв обо всем, я падаю рядом, пытаюсь приподнять ее голову. Пульс очень слабый, но она жива, жива!

Мои руки пачкаются в липкой крови.

На канале слышится плеск, и я чуть не теряю сознание от страха, представляя, что сейчас из воды снова вылезет убийца с ножом. К счастью, вовремя узнаю голос. К нам спешит лодка, один из гребцов в ней – Алессандро, он зовет меня по имени. В доме наконец распахивается дверь, выбросив на террасу пятно желтоватого света. Слышатся испуганные голоса. Рядом со мной вдруг собирается целая толпа, все возбужденно голосят, какая-то женщина в шали, брошенной прямо на рубашку, заходится в рыданиях. Я боюсь отнять ладонь от шеи Ассунты, где еле-еле бьется тонкая жилка.

– Позовите доктора, скорее! Позовите мэтра Фалетруса! – повторяю я снова и снова, но меня никто не слышит.

Если Ассунта выживет, этим она будет обязана Алессандро.

Выбравшись на пристань, он в два счета успокоил сбежавшихся слуг, отправил людей за Фалетрусом, всем нашел какое-то дело. Вскоре меня усадили на кухне с чашкой горячего отвара, а Ассунту перенесли в спальню наверху. Руки у меня слегка дрожали от пережитого, так что чашка позвякивала о блюдец. Синьор ди Горо сидел напротив, молча глядя в огонь. Мы оба ждали, что скажет Фалетрус. Наверное, мне следовало помолиться за Ассунту, но я просто не могла. Мысли путались, перед глазами снова и снова всплывала картина: Карита, сцепившаяся с убийцей на краю террасы.

– Их... не нашли? – откашлявшись, спросила я. Невыносимо было сидеть молча и ждать.

Алессандро молча покачал головой. Потом нехотя ответил:

– Мои люди вытащили тело этого «гондольера» из воды, но опознать его будет затруднительно.

– Моррены... – понимающе сказала я. Алессандро кивнул.

Я думала не об убийце, а о Карите. Я обещала ей свободу... а вышло... Почему она решила меня спасти?!

– Почему вы вдруг решили уехать? – спросил Алессандро.

Я не сразу поняла, о чем он говорит. Бал, маскарад и веселье в доме Арсаго сейчас были неизмеримо далеко от меня, словно за тысячу миль. Трудно поверить, что всего лишь несколько часов назад я беззаботно веселилась на празднике.

– Это все из-за нашего разговора? – продолжал он с волнением в голосе. – Простите меня. Я был непозволительно груб. Простите, Джулия...

Я потерла лоб. Что он хочет узнать? Почему я внезапно сорвалась домой? Ох, я же совсем забыла о письме!

Злосчастное письмо до сих пор лежало у меня за корсажем. Я поспешно положила его на стол и отбросила от себя подальше, как ядовитую змею.

Алессандро с интересом придвинулся к столу.

– Я тоже слышал, что Рикардо возвращается, – сказал он через некоторое время. – Но это не его почерк. И совершенно не его манера. Он бы никогда такого не написал.

«И настоящая Джулия, конечно, сразу догадалась бы от этом», – пронеслось у меня в голове. Страх холодком прошел по спине, заледенели руки. Попалась.

Я сидела, обхватив чашку ладонями, не решаясь поднять глаза. Это странно, но в глубине души я чувствовала облегчение. Наконец-то можно все рас-

сказать. Переложить свою ношу на кого-то другого. Слишком долго я колебалась, и сегодня по моей вине чуть не погибли двое!

Если бы я показала это письмо Ассунте, она сейчас была бы здорова. И Карита осталась бы жива. Все зло от того, что я взялась не за свое дело. Синьор ди Горо – начальник охраны, разбираться с преступлениями – это его работа. Кроме него, ни один человек в Венеции не вызывал у меня такого доверия.

Жаль, что он целиком и полностью на стороне дона Арсаго.

В ушах как наяву снова зазвучал дребезжащий голос синьора Сакетти: «Дон Арсаго своим благородством приковал к себе мальчишку надежнее, чем цепью, хе-хе. Превратил его в оружие, все равно что выковал меч себе по руке. Однако даже самый надежный меч может сломаться...»

Алессандро держится со мной как друг, но как только я выложу ему свои подозрения против графа, он сейчас же превратится во врага. Захочет ли он помочь? Или сбросит меня в канал, закончив дело, начатое убийцей?

И все-таки придется рассказать. Я уже набираю воздуха в грудь, но внезапно на пороге возникает служанка Мелина. Она не успела переодеться, так и ходит в шали поверх простой рубашки, лицо красное, опухло от слез.

От волнения у меня перехватывает горло:

– Как... что с тетей?

– Синьор Фалетрус сказал, что останется с ней на ночь, – вздохнула Мелина. Всклипнула, утерла глаза краешком шали. – Я растопила камин в вашей спальне, синьора. Вы можете лечь, если хотите...

Мечта о теплой постели очень соблазнительна, но для этого пришлось бы поднять себя со стула и проделать немисливо долгий путь по лестнице. Я с трудом могу пошевелиться, тело кажется таким тяжелым, будто я завязла в илистом дне лагуны, и на меня давит вся толща воды. Очертания кухонной утвари расплываются перед глазами. Голова плывет, как после падения. Наверное, кудесник Фалетрус что-то подмешал мне в отвар. Пятна света пляшут по стенам, откуда-то издали доносятся голоса служанки и Алессандро:

– Позвать доктора?

– Не нужно, она просто спит. Я сам ее отнесу, посветите мне.

Кажется, я действительно сплю. Меня подхватывает мягкая полутьма, границы которой теряются в темноте. Вспыхивают и гаснут вокруг мерцающие блики. Эта картина кажется такой знакомой... Ну конечно! Я снова в крипте, у себя дома. Здесь я в безопасности. От пронзительно-острого чувства защищенности щемит в груди, и на глаза сами собой наворачиваются слезы.

– Он хотел ударить меня ножом, – жалуясь я, когда темнота ласково гладит меня по щеке.

– Пусть только попробует. Я ему не позволю, – слышится в ответ с такой убежденностью, что я невольно улыбаюсь. И засыпаю уже окончательно.

Глава 15

На следующее утро я долго смотрела в потолок с цветочным орнаментом, прежде чем сообразила, что нахожусь в доме Граначчи, у себя в спальне. Судя по бликам от воды, танцующим на потолке, близился полдень. Вокруг царил мирная тишина, и на одну чудесную минуту можно было поверить, что вчерашние ужасы мне просто приснились. Но тут проснулась моя память, услужливо подсунув жуткую картину: две сцепившиеся фигуры на причале, тусклый блеск ножа, тяжелое тело донны Ассунты в намочшем от крови платье... С кровати меня буквально сдуло ветром.

На террасе в выщербленных плитах, подсушенных солнцем, кое-где еще остались темные потеки. Рядом с опустевшим логовом валялась цепь с разорванным железным кольцом. Остальные следы преступления были надежно скрыты в мутной зеленоватой глубине канала. Мне пришлось глубоко вдохнуть несколько раз, чтобы унять головокружение.

Значит, не приснилось.

Нужно было скорее узнать, что с Ассунтой. Здесь ли еще доктор Фалетрус? Развернувшись, я пересекла прохладный холл, взлетела по лестнице... и замерла за дверью салона, услышав внутри голоса.

– Ужас какой! В голове не укладывается! – это был Рикардо. Мое лицо само расцвело в счастливой улыбке. Он все-таки приехал! Я готова была влететь в комнату, чтобы приветствовать его, как полагается любящей сестре, однако второй голос заставил меня притормозить:

– Фалетрус сказал перед отъездом, что у донны Ассунты есть шанс, но пока что она в беспомощности, и ее состояние внушает опасения...

Алессандро? Он еще здесь? Я прижалась ухом к портьеру, висевшей за дверью. Зеленый плюш кое-где посерел от пыли, и у меня, как нарочно, зачесался нос. Только бы не чихнуть!

– Проклятый убийца! Счастье, что он не успел добраться до Джулии!

От слов Рикардо у меня теплеет в груди, но интонации Алессандро заставляют насторожиться:

– Да... не успел. К счастью. Она натравила на него паурузо.

«Это не я... Карита сама так решила...» – думаю я с раскаянием. Меня снова охватывает чувство вины. Я обещала ей свободу! А получилось...

– Его опознали? – спрашивает Рикардо. Его голос звучит как-то нервно.

– Шутишь? Моррены не оставили нам такой возможности. Тела паурузо мы вообще не нашли.

– Наверняка это кто-то из людей Фальери. Проклятье! Джулия – ценный козырь для дона Арсаго, вот они и постарались избавиться от нее!

– Для дона Арсаго и для тебя тоже, – роняет Алессандро. От холода в его голосе у меня по спине ползут мурашки. Я сильнее вжимаюсь в портьеру. – Ты еще не был на острове Мираколо?

– Когда бы я успел? – огрызается Рикардо. – Я торчал в Патаве с Энрико, потом сразу примчался сюда, а тут – такое!

Краешком глаза я вижу обоих. Рикардо стоит ко мне спиной, поза такая напряженная, будто перед ним – противник на дуэли. Серые глаза Алессандро похожи на холодные лезвия. Он едко усмехается:

– Примчался? Ты добрался сюда только под утро, хотя уехал из Фьюзи вчера

днем! Я это знаю точно, так как во Фьюзи постоянно дежурят мои люди. Стерегут Манриоло, если он вздумает сбежать из Венетты этим путем.

Даже по спине видно, как Рикардо ошетинился:

– Это что, допрос?! На что ты, черт возьми, намекаешь?!

– На то, что донна Ассунта определенно имела подозрения против твоей... сестры, и вчера ее едва не убили. Хотя я рад, что Джулия не пострадала.

Мне вдруг ужасно не хватает воздуха. Это неправда, синьор ди Горо ошибается! Тот человек хотел убить нас обоих! Голос Рикардо дрожит от злости:

– Ты думаешь, что я... да как ты смеешь?! Ладно. Вчера я заехал на Дито. Только что узнал, что «Прекрасная ферроньера» наконец-то вернулась в порт. Весь вечер мы с капитаном разбирали дела, когда явился Фабрицио с квадратными глазами и доложил, что на Джулию напали. Я знал, что ты здесь, и она в безопасности, поэтому не особо спешил. Теперь доволен?

В комнате повисло насыщенное молчание. Потом Алессандро насмешливо пожал плечами:

– Конечно, ведь сестра для тебя – лишь «ценный козырь»... Корабль, безусловно, важнее.

– Да, если хочешь знать! – вспыхнул Рикардо, стукнув кулаком по столу. – Я десять лет горбачусь, пытаюсь сохранить то, что нажил отец! Я ночами не спал, вникая во все тонкости торговых операций, научился торговаться с лоцманами и менялами, чуть не сдох от корабельной еды, когда болтался в море у берегов Сиккилы, а остаток крови мне выпили портовые чиновники! И все, что я требую от моей никчемной сестрицы – чтобы она вышла замуж за одного из самых достойных женихов Венетты! Вроде я не многого прошу, а? И мне плевать, что там случилось на острове! Если святые сестры и живущие-под-волнами смогли вложить Джулии в голову хоть немного здравомыслия, я буду благодарен им по гроб жизни!

Алессандро что-то тихо ответил, но я этого уже не расслышала. В ушах шумело, дыхание перехватывало от обиды. На цыпочках отступив подальше от портьеры, я опрометью метнулась к себе. Захлопнула дверь и сползла по стене, закрыв лицо руками.

«Ценный козырь»... «никчемная девчонка»...

Лицо горело так, словно мне надавали по щекам.

«А на что ты надеялась? – строго сказала я себе. – Что он влюбится в тебя?! Ты же явилась к нему под личиной сестры!»

Но в душе я понимала, что даже если бы случилось чудо, и меня представили Рикардо как одну из венецианских патрицианок, это не пробудило бы в нем никаких чувств. Он меня попросту не замечал. Так же как год назад, когда Джулия издала показала мне его среди веселой кутерьмы праздничного шествия... В тот момент мир для меня необратимо изменился. Солнечные лучи стали ярче, воздух наполнился сладостью, и украшенная площадь вокруг нас заблестела, как драгоценная брошка на голубом платье неба. С тех пор мои мечты, которым я предавалась в уединении крипты, приняли несколько иной оттенок.

Любовь – слишком сильное чувство для одного человека. Она греет, если разделить ее на двоих, но когда ее огонь горит лишь в одном сердце, оно вскоре устанет и обратится в пепел...

Снаружи послышались голоса служанок. Кто-то звенел посудой на кухне,

во дворе заскрипел ворот колодца... Дом постепенно просыпался. Отлепившись от стены, я старательно умылась, чтобы скрыть покрасневшие глаза, и приготовилась дальше добросовестно играть свою роль. Что поделаться, если Рикардо ко мне равнодушен? Это ничего не меняет в моих планах. Придав лицу подобающее выражение, я вышла в полутемный коридор.

– Мелина! Мелина! – долетел из салона веселый голос «брата». – Куда она подевалась, бесстыдница? Где таринский сыр? Где ветчина? Мы здесь, понимаешь, умираем с голоду!

Я подумала, что решительно не понимаю мужчин. Только что они готовы были поубивать друг друга, а теперь смеются и спорят, что лучше подать на завтрак: колбаски под соусом или острый сыр с ветчиной!

Хотя... что я вообще понимаю в дружбе? Стоя на площадке лестницы и касаясь ладонью гладких, отполированных перил, я вдруг почувствовала острое одиночество. Венетта не стала мне родным городом, я была здесь чужой, отгородившись от всех стеной лжи, которую сама же воздвигла. На какой-то миг мне отчаянно захотелось вернуться назад, на остров Терра-деи-Мираколо, где меня окружали друзья, жизнь была безоблачной и невинной, а ложь – маленькой и безобидной.

С этой маленькой лжи все и началось.

Мы с подругой сидим вдвоем, и крипта обнимает нас тихими темными крыльями, солнечные блики ластятся к стенам и потолку, колеблясь в ритмичном танце.

– Может, сходишь в скрипторий вместо меня? – спрашивает она умоляюще.

Друг от друга у нас давно нет секретов. Я вижу ее мысли как на ладони, и она мои – тоже. В крипте ей тесно и душно. Ее влечет в сад, где беззаботно поют птицы, одуряюще пахнет нагретой травой, а в дальнем, запущенном углу дремлет старый каштан. Его густая крона удачно скрывает тот факт, что каменная стена в этом месте наполовину разрушилась, превратившись в почти удобную лестницу для незваных гостей. По крайней мере, для тех, кто не боится порвать свою куртку о колючую ежевику.

В последние дни наш каштан навидался такого, что его листья начинают краснеть от неловкости.

– Он обещал тебе прийти сегодня? – прямо спрашиваю я.

Подруга не отвечает. Сбросив белое одеяние, она бестрепетно входит в темную воду, скороговоркой бормочет положенные молитвы, проводит ладонями по воде и стрелой вылетает обратно.

– Б-р-р! Холодная!

Она шумно отряхивается, как щенок, так что брызги долетают даже до меня. Отжимает тяжелые, потемневшие волосы. Вода в крипте еще долго ходит рябью, нервно поблескивает, оскорбленная таким пренебрежением. Я укоризненно качаю головой:

– Ты хоть понимаешь, что в *такой* молитве нет ни грана святости? – говорю я с нарочитой строгостью.

Судя по шороху, подруга уже успела облачиться в мою серую хламиду. Подойдя сзади, она обнимает меня крепкими мокрыми руками, распустившиеся концы волос щекочут мне шею:

– Тогда помолись и за меня тоже, милая Умильта... Ну пожалуйста! Не вол-

нуйся – никто не заметит! Сестра Агата подслеповата, да и вообще всем безразлично. Тем более что ты гораздо сильнее меня в искусстве кьямата! Настанет день, когда ты всех нас еще поразишь.

Я лениво размышляю, что могла бы поразить сестер прямо сейчас... если бы не Пульчино. Я могла бы выйти к сестре Агате – скромная «серая» послушница! – и продемонстрировать ей стаю чаек, послушную моему... нет, нашему с Пульчино призыву. О, святые сестры были бы просто счастливы! Они обрядили бы меня в белые одежды, раскрыли передо мной заветные сундуки с книгами и рукописями – крупницы драгоценных знаний, собранные монастырем за долгие годы...

Да, а Пульчино заперли бы в клетку и берегли пуще ока, потому что такие тесные союзы, как наш, – исключительная редкость. Святые сестры житья бы ему не дали, изучая нас вдоль и поперек. Пульчино ненавидел клетки. Я не могла с ним так поступить. И мне было жаль подругу, которую насильно заставляли учиться, хотя искусство кьямата ей было вовсе не интересно.

Вдруг подумалось, что, может быть, страсть подруги к «собираанию каштанов» – это некая форма протеста против *ее* собственной клетки?

Мне всегда было сложно сделать выбор. Любое решение дается мне ценой мучительных колебаний. Умильта знает об этом, поэтому, как обычно, все решает за меня. Наскоро попросившись, она хватает мои сандалии, нехитрые садовые инструменты – старенькую мотыгу с короткой ручкой да «рыхлилку», похожую на скрюченную птичью лапу, – и убегает. Некоторое время еще слышны шлепки босых ног по каменным ступеням, но потом и они затихают. Гаснет эхо. Я остаюсь одна, не считая молчаливых отражений в полированных колоннах и зеркально-темной воде.

Белые одежды, небрежно брошенные на камни, похожи на чайчьи крылья. С замирающим сердцем я трогаю их ладонью, чувствуя, как сердце колотится от предвкушения. Мою подругу ждет старый каштан в углу сада и, возможно, чьи-то жаркие объятия под его пышной всепрощающей кроной. А меня – урок кьямата и волшебство, которое иначе мне недоступно.

Удар колокола вынуждает меня поспешить. Я быстро набрасываю платье, привычно нащупывая серебряные застёжки. Пульчино откуда-то издалека искренне желает мне удачи. Наша дружба стала только крепче благодаря этой общей тайне, разделенной на троих. Тайне, подарившей всем нам глоток свободы.

Глава 16

По решетчатым оконным переплетам стекал дождь. Сирокко улетел прочь, забрав с собой тяжелую духоту, и на улицах снова воцарился привычный туман. В доме было прохладно, камины уже не топили. Стоя перед окном в салоне дома Граначчи, я держала в руках письмо от донны Арсаго, в котором она просила меня вернуться и погостить у них еще немного.

– Похоже, граф не может без тебя обойтись, – пошутил Рикардо. – Наверняка это он попросил жену написать тебе.

Я тоже так думала. Донна Арсаго всегда держалась со мной очень мягко, но у меня сложилось впечатление, что она меня немного опасалась и с радостью спровадила бы куда-нибудь подальше.

– Там тебе будет безопаснее, – продолжал Рико. – У Арсаго хорошая охрана, а я все-таки не могу стеречь вас целый день! Кто-то должен и делами заниматься!

Мне не хотелось уезжать. Казалось, что вернувшись к веселому обществу в доме Арсаго, я словно предам Ассунту, пострадавшую, между прочим, из-за меня. Хотя в уходе за больной толку от меня было мало. Я ужасно боюсь вида крови, так что при одном взгляде на рану у меня немеют колени и темнеет в глазах. Из-за этого глупого страха я становилась неуклюжей, вечно проливали воду или путалась в лекарствах. Дело кончилось тем, что мы с Мелиной разделили обязанности: она доверяла мне только читать тетке умиротворяющие книги и следить за лихорадкой, которая, к нашему беспокойству, все никак не проходила. Фалетрус приезжал каждый день со своим черным саквояжем, делал перевязку, слушал дыхание больной и все больше мрачнел.

Проводить меня в графский дом явился сам Алессандро ди Горо. Похоже, граф действительно всерьез озаботился моей безопасностью! В этот момент я как нарочно вышла из комнаты, чтобы распорядиться насчет обеда, и столкнулась со своим провожатым на лестничной площадке. Алессандро поднимался навстречу, как всегда собранный и серьезный, в неброском черно-сером дублете и темном плаще, отсыревшем от непогоды. При виде меня всегдашняя озабоченность на его лице сменилась каким-то другим, непонятным выражением. Я молча кивнула ему, стараясь не выдать своего испуга.

Мы не договорили в тот вечер. Алессандро никому не сказал о записке, с помощью которой меня выманили с праздника, но сам о ней наверняка не забыл, так что я съезжилась в ожидании допроса. Вместо этого он бережно взял мои руки в свои. Ладони у него были теплые:

– Как вы, Джулия?

Мне было совестно взглянуть ему в лицо.

– Уже лучше, спасибо, – буркнула я.

– Вижу, вы обзавелись оружием? – спросил он с легкой усмешкой. Тренированный взгляд сыщика, конечно же, заметил кинжал, который я с той ночи постоянно носила при себе. Больше никто не сможет застать меня врасплох!

Возмущенно вскинув голову, я наткнулась на ободряющую улыбку:

– Мне нравится ваш боевой настрой.

Странно, и почему я раньше думала, что улыбка ему не к лицу?

Желание все рассказать вспыхнуло во мне с новой силой, но внезапно в соседней комнате послышался шум, приглушенные ругательства, быстрые ша-

ги – и на площадку, словно вихрь, вылетел Рикардо:

– У «Ферроньеры» проблемы с таможенниками, так что мне нужно срочно ехать на Дито! – выпалил он. Крикнул, свесившись с перил: – Эй, Фабрицио, готовь лодку! Джули, ты собралась?

Если бы я могла придумать хоть одну причину, чтобы отложить отъезд! Но все мои вещи так и остались в доме Арсаго, собирать было нечего.

– Я сегодня еще не виделась с тетей.

Коротко поговорив со служанкой, я направилась в тетушкину спальню. Рикардо тоже выразил желание повидаться с больной, и Алессандро отправился с нами, так что в комнату мы заявились втроем. Подойдя к алькову, я поправила подушки в изголовье, с жалостью отметив, что за ночь у Ассунты еще больше осунулось лицо, коричневые тени под глазами стали глубже. Двое мужчин, неловко замешкавшись, остались стоять у порога. Медленно повернув голову, Ассунта в упор посмотрела на меня. Темные глаза на восковом, исхудавшем лице горели так, будто вся ее жизнь сосредоточилась в них. На один миг в ее взгляде мелькнуло узнавание, но потом она испуганно покосилась на две высокие фигуры, маячившие поодаль.

– Это Рикардо и дон Алессандро, тетя, – мягко сказала я. – Ты же их помнишь?

Слотнув, она снова молча перевела взгляд на меня. Слабой рукой показала на ларец, стоявший на столике рядом с кроватью. Тот самый ларец из полированного ореха, с которым она встретила меня в первый день.

– Тебе... от матери... возьми. – Было видно, что каждое слово давалось ей с большим усилием.

Я растерялась. Взять его с собой? Зачем он мне? Насколько помню, в нижнем отделении лежали кое-какие драгоценности, оставшиеся от Беатрисы Граначчи, а в верхнем – всякие склянки для красоты, в том числе ненавистные белила, пользоваться которыми я теперь избегала. Я не понимала, что означал этот жест. Донна Ассунта все-таки признала меня членом семьи? Или ей было так важно, чтобы я не ударила в грязь лицом среди важных гостей донна Арсаго? Учитывая непреклонный нрав нашей тетки, с нее стало бы восстать из гроба и проследить, чтобы я не опозорила род Граначчи неподобающим видом.

Глаза донны Ассунты перебежали с меня на двоих мужчин, будто она хотела что-то сказать, но не решалась. На болезненно-желтых висках выступил пот, и я осторожно промокнула его платком. В комнате было душно.

– Мела... – прошептала она, когда я наклонилась ближе к ее лицу.

– Мелина! – испуганно позвала я. Может быть, она хочет пить? Или ей больно? А я, бестолковщина, даже не знала, что делать!

В комнату вбежала служанка, оттеснив меня от постели. Захлопотала, звеня пузырьками. По комнате поплыл резкий, острый запах лекарств. Мелина махнула нам, чтобы мы уходили, и мы втроем, боясь причинить еще больше беспокойства, смущенно вывалились за порог. В коридоре Алессандро взял из моих рук ларец – громоздкий, неудобный, тяжелый, как моя совесть. Надев плащ и спускаясь по лестнице на террасу, я осознала, отчего было так тяжело на сердце. Взгляд Ассунты. К его обычной строгости добавилась какая-то потусторонняя отрешенность и некое запредельное понимание. «Вряд ли мы увидимся еще раз...» Я со страхом постаралась отогнать эту мысль, боясь накли-

коть беду.

Из домочадцев Арсаго превым на глаза мне попался шут. Едва наша гондола причалила возле шестов, как он выскочил прямо к воде, издевательски поклонился, подметая колпаком булыжники на причале. Жалобно тренькнули бубенцы.

– С возвращением, госпожа ведьма! – сказал он, ощерив зубы в улыбке. – Видать, правду говорят, что морских колдуний ни сталь не берет, ни морренские зубы!

– Кыш отсюда, – беззлобно шуганул его Алессандро. Шут, состроив испуганную рожу, сделал сальто назад, ловко откатился в сторону и исчез в темном прогале арочного пролета.

На причале было людно. Почти одновременно с нами прибыл водовоз со своим ценным грузом. Из-за вчерашнего шторма вода в колодцах испортилась, так что теперь пресную воду привозили с Бренты. Двое слуг, кряхтя от натуги, выкатывали бочку на пристань. В тот же момент какой-то юноша подскочил к Алессандро, размахивая письмом, и быстро проговорил что-то, неразличимое в общем шуме. Синьор ди Горо взял письмо и взамен передал парню теткин ларец, наказав отнести его в мою комнату. Пока они были заняты разговором, кто-то сзади тихонько подергал меня за плащ. Это оказался крестьянин, привезший воду. Мои пальцы сами схватились за рукоять кинжала, спрятанного в складках юбки.

– Тсс! Тише, госпожа! – испуганно отшатнулся водовоз. И добавил скороговоркой: – Церковь святой Марины, завтра, после полудня.

После чего он невозмутимо отвернулся, снова занявшись лодкой и бочками. Ступил на банку, оттолкнулся веслом и развернул свою перегруженную посудину, направляя ее к следующему дому. Графские слуги, вяло переругиваясь, уже катили бочку к входу.

Первым моим побуждением было крикнуть стражу, но потом я одумалась. Это же несусветная чушь – предположить, будто люди, пытавшиеся убить меня три дня назад, рискнут снова открыто появиться возле дома Арсаго! Вряд ли мои противники настолько глупы. Но кто же тогда так упорно пытается заманить меня в церковь?

Во время обеда я боялась, что гости дона Арсаго начнут наперебой выражать мне сочувствие, ахать и расспрашивать о неудавшемся покушении. Даже сейчас при одном воспоминании о той ночи у меня ком вставал в горле. Однако мой страх оказался напрасным. Я забыла про одну особенность Венеции: вчерашние новости здесь никому не нужны. По узеньким calle, отвечающим эхом, вести разносятся быстро. Сплетни, скандалы, подслушанные разговоры, слухи из Дворца дождей, обменные курсы... Мои похождения трехдневной давности померкли на фоне очередной новости, взбудоражившей город: наш дож внезапно заявил, что слишком стар для занимаемой должности. Он решил сложить с себя власть и передал свой перстень секретарю.

– Дон Соренцо хитер, – с уважением качал головой дон Сакетти, подав знак лакею, чтобы тот подлил еще вина. – Если провести выборы нового дожа сейчас, пока он жив, то у его племянника будет больше шансов получить заветную шапку. Вот увидите, Совет Десяти не одобрит этого!

Спустя некоторое время мы узнали, что Совет действительно этого не одоб-

рил. От дожа вежливо, но непреклонно потребовали, чтобы он исполнял свои обязанности до конца.

Вечером, одевшись теплее, я поднялась на алтану, надеясь немного побыть в одиночестве. После тишины и уединения дома Граначчи было трудно сразу привыкнуть к шумному блестящему обществу. Сумеречное небо выглядело так, словно кто-то размазал по нему синие чернила. Погода совершенно испортилась, и над горбатыми крышами ветер рвал в клочья грязные тучи, бегущие с моря.

К моему удивлению, уютный уголок возле балюстрады оказался занят. Там уже расположилась Бьянка, играя с одной из борзых графа. Она тоже предусмотрительно захватила с собой теплый плащ и фонарь.

– Я иногда выбираюсь сюда, когда хочу спокойно подумать, – улыбнулась она. – Обычно здесь никого нет. Донне Арсаго не нравится это место, ей здесь слишком досаждают чайки.

Мой взгляд невольно скользнул в сторону стеклянного купола кунсткамеры, возле которого должен был дежурить Пульчино.

– Чайки? И много их тут?

– В последние дни – слишком много. Донна Арсаго говорит, что они преследуют ее даже в снах.

Не только ее. Присев рядом, я поспешила сменить тему:

– О чем же ты размышляешь, если не секрет?

– Да вот, твой брат Рикардо подкинул одну задачку... – небрежно отмахнулась Бьянка, так, будто помогать мужчине в торговых операциях было для нее обычным делом.

– Он что, советуется с тобой?! – меня кольнула зависть. Вот Бьянку Рикардо никогда не назвал бы «никчемной девчонкой»!

– А что здесь такого? Отец многому меня научил. Он ведь знал, что однажды мне придется его заменить.

– Да, это разумно...

Я с сожалением подумала, что отец Рикардо и Джулии не проявил такой предусмотрительности.

– Послушай, – наклонившись ближе, Бьянка осторожно коснулась моей руки. Золотое шитье на ее платье сверкнуло в свете неяркого бронзового фонаря. – Я заметила, что не очень-то тебе нравлюсь, но...

Сумерки немного смягчили ее острые русалочьи черты, большие глаза мягко блестели в окружающем нас полумраке.

– Ладно, признаться, я многим не нравлюсь. Люди считают меня слишком высокомерной, заносчивой...

Это уж точно. Бьянка всегда демонстрировала редкую пронизательность и убийственную точность суждений. Ее язык резал, как скальпель. Даже мужчины предпочитали помалкивать в ее присутствии, помня о способности Бьянки одним метким словом обеспечить несчастному целую неделю всеобщих насмешек.

– ...но, уверяю тебя, мы с Рикардо отлично подходим друг другу. Он умен и приятен в общении, зато у меня есть опыт и полезные связи. Мы и поодиночке неплохо справлялись, но объединив наши предприятия, мы станем лучшими в Венетте! Я подскажу ему, какие галеры лучше фрахтовать, и куда безопаснее вкладывать деньги. Отец познакомил меня со старыми купеческими

семьями, где конторские книги передаются из поколения в поколение, как часть семейной обстановки. И не будь я Санудо, если не сумею добиться от них самых выгодных контрактов!

Борзая, негромко гавкнув, попыталась обратить на себя внимание Бьянки. Девушка небрежно потрепала ее за ухом. Этого вполне хватило. Осчастливленная собаченция завертелась волчком и вскоре улеглась неподалеку, положив морду на лапы и подняв одно ухо, чтобы не пропустить ненароком чего интересного.

– Уверена, что вы с Рикардо составите прекрасную пару, – растерянно произнесла я.

У меня было мало опыта в «девичьих» беседах. До сих пор только одна подруга изливала мне душу перед замужеством, и ее восторги звучали совсем по-иному. Я и представить не могла, что сердечный союз можно рассматривать как деловую сделку! Практичность и здравомыслие Бьянки меня ошеломили, хотя если вспомнить недавно подслушанный разговор, тогда становится понятно, почему Рикардо от нее без ума.

То утро после покушения многое во мне изменило. Скажи кто-нибудь несколько дней назад, что мы будем по-приятельски болтать с Бьянкой, сидя рядышком на террасе, я бы не поверила! Да она бесила меня одним своим видом! Каждый взгляд Рикардо в ее сторону причинял мне острую боль. Сейчас я чувствовала только печаль... и одиночество.

– Вы уже объявили о свадьбе? – спросила я, подумав, что «брат» запросто мог забыть сообщить мне об этом.

– Мы хотели сделать это, когда вернется «Прекрасная ферроньера», но из-за покушения и болезни донны Ассунты помолвку пришлось отложить... – запнувшись, Бьянка бросила на меня виноватый взгляд.

– Не думай, что я такая черствая, – добавила она после неловкого молчания. – Мне очень жаль. Представляю, что тебе пришлось пережить!

Из-за туч выглянула половинка луны, обведенная сияющим бледным контуром. Лицо Бьянки голубоватым пятном выступило из темноты – выпуклый лоб, темные провалы глаз, холодно сжатые губы... Не похоже, чтобы она испытывала жалость. Разве что легкую досаду на то, что пришлось немного подвинуть ее планы.

– Я-то отделалась легким испугом, в отличие от донны Ассунты, – сердито ответила я.

Бьянка снова ободряюще заулыбалась:

– Ничего, все обойдется! Рикардо говорил, что Ассунта обязательно поправится. И тогда мы сыграем три свадьбы сразу!

Я подумала, что человеческий эгоизм поистине безграничен. Некоторые люди настолько довольны собой, что их души – как полированные столы, на которых чужие страдания не оставляют даже царапины. Но почему же три свадьбы?

– Три? – переспросила я с удивлением.

– О, третьей будет Инес, – заговорщицки подмигнула Бьянка. – Знаешь, раньше мне казалось, что она несколько увлечена твоим Энрике. Ты не замечала? В любом случае, это все в прошлом. Кажется, они сговорились с синьором ди Горо.

Что?! На минуту у меня возникло ощущение, будто меня поразила молния.

Даже псина, лежавшая подле нас, удивленно подняла голову. Ну и день сегодня – сплошные сюрпризы! Нет, я все понимаю, но Инес... и Алессандро?! Хотя она, конечно, хорошенькая. Я вспомнила пышные белокурые локоны и голубые глаза, похожие на морские раковины. Красавица, да.

Почему-то ветер с моря вдруг прихватил меня ознобом. Я плотнее закуталась в теплый плащ, набросив на голову капюшон. Бьянка же разливалась соловьем, не замечая моего подавленного настроения:

– ...Джоанна просто счастлива! Поначалу она испугалась, что дело кончится монастырем, когда Инес повадилась бегать каждый день на исповедь. Для Джоанны это все равно, что похоронить себя заживо! Извини, конечно.

– Ничего, – прошептала я.

– Зато теперь она просто на седьмом небе и говорит, что не пожелала бы дочери лучшего мужа! Я не раз видела Инес вдвоем с Алессандро, а в ее случае это определенно что-то значит. Хотя по ней никогда не поймешь, влюблена или нет. Она как кошка отлично умеет скрывать свои чувства!

«И Алессандро тоже, – подумала я. – Значит, это называется «не люблю маски»? Он льстил мне, что я красива, притворялся другом, пытался выведать мои тайны, а сам все это время думал об Инес?» Голос Бьянки доносился как будто сквозь стену:

– ... думаю, что она и в церковь-то бегала только для того, чтобы без помех повидаться... Не зря говорят, что в тихом омуте... Разумеется, Джоанна не отпускала ее одну, но ведь ее служанка глупа, как пробка, такую обмануть – раз плюнуть!

Да, утренняя служба – удобное место для «случайной» встречи. Мне представился таинственный сумрак, пронизанный блеском мрамора и драгоценных мозаик, запах благовоний, разлитый в воздухе, негромкое пение, тихий шорох одежд молящихся, когда они движутся к выходу... Я представила, как Алессандро не сводит глаз с Инес, медленно идущей к дверям, как их взгляды встречаются над чашей со святой водой...

Такое вполне могло быть. Меня вот тоже кто-то весьма настойчиво приглашал.

Внезапно у меня созрела решимость ответить согласием на это приглашение.

Пульчино, узнав о моих намерениях, вспушился аж до ушей:

«Церковь святой Марины? И ты отправишься туда в одиночку после того, как тебя чуть не убили?! Очень, очень умно! Тогда уж сразу заупокойную мессу по себе закажи!»

«Не переживай, я собираюсь отправиться туда с тобой, – осадил я его. – Ты покружишь вокруг, убедишься, что нет опасности. Может быть, это наш единственный шанс узнать хоть что-то! Я не могу его упустить!»

Утром оказалось, что одно непредвиденное обстоятельство едва не разрушило мои планы. Поначалу все складывалось благополучно. Граф, желая отдохнуть от сенатских дел, уехал в лагуну поохотиться на уток и, разумеется, его личная охрана во главе с Алессандро отбыла вместе с ним. Донне Арсаго снова приснился дурной «чаячий» сон (я даже догадываюсь, какого рода) и она с утра пребывала не в лучшем настроении, бродя по дому, как королева, вставшая не с той ноги.

Первым делом она прошлась по всем комнатам и учинила разнос служанкам, обнаружив плесень на стенах своей любимой гостиной. Девушки с плачем клялись, что плесень, вероятно, выросла за ночь, и вдобавок пожаловались, что всю ночь из пустой бадьи на кухне доносились жуткое бульканье и хрипы. Я своими ушами слышала, как кто-то шептался, что это все из-за моего возвращения. По лицу донны Арсаго нельзя было понять, придает ли она значение этим сплетням. Выпустив пар, она вернулась к своим обычным делам, попросив Бьянку написать несколько писем, а Инес отправив за лютней. Тихая Инес сегодня тоже казалась раздраженной, как оса, и совсем не походила на счастливую невесту.

Когда донна Арсаго раздавала поручения, я успела отработанным движением спрятаться за портьеру, благодаря этой хитрости оставшись не у дел. Пока Бьянка будет корпеть над письмами, а графиня – внимать приятному голосу Инес, я как раз успею сходить в церковь. Храм святой Марины находился в сестьере Дорсодуро недалеко от нас, так что мне даже не придется брать лодку, чтобы туда добраться.

Тихо, стараясь не привлекать внимания, я спустилась в холл. Зеркала, висевшие в галерее, проводили меня насмешливыми взглядами. Навстречу попалась какая-то заплаканная девушка в переднике, при виде меня испуганно метнувшись в сторону. Стены давили; мне хотелось сбежать от больной атмосферы этого дома, пропитанной страхом, подальше от непонятных явлений, перепуганных слуг и шепотков за спиной!

Внутренний двор и переулок за домом тонули в тумане. Венецианцы различают много разновидностей тумана: *nebbia*, *nebbietta*, *foschia*, *caligo*... Сегодня туман был силен как никогда. Впечатление такое, будто вчерашние тучи, кружившие над гороом, отяжелели от сырости и легли мокрым брюхом на землю. Соседние дома целиком исчезли за белой завесой, уличные звуки странно искажались. Чужие шаги казались в тумане то опасно тихими, то непривычно гулкими.

Только отойдя на порядочное расстояние от дома, я поняла, что было не так. В город пришло море. Обычно такое случается осенью или зимой, после долгих холодных дождей. Весной и летом море обычно вело себя спокойно. Должно было сложиться какое-то особенно неблагоприятное сочетание прилива, ветра и непогоды, чтобы затопить город! Вероятно, не зря наш Фалетрус рассказывал с важным видом, что луна в этом месяце была особенно сильной.

Я с досадой подумала, что если бы не забивала себе голову переживаниями, то заранее смогла бы распознать предвестников наводнения! Ведь все вокруг говорило об этом! Грохот волн, разбивавшихся о берег Дито, был слышен даже с Пьяцетты. Небо над городом отяжелело, а каналы позеленели от морской воды... В любом случае, поворачивать обратно было поздно, так что я решила двигаться дальше. Да и когда еще подвернется такой удобный случай?

В воздухе остро пахло солью, и гниющими водорослями, и сырой штукатуркой, и рыбьими потрохами с рынка. На сваях сидели продрогшие толстые чайки. В водоотодах журчало, как по весне; вода била из люков, проступала сквозь булыжники, так что идти приходилось с осторожностью. Казалось, что мостовая убегает из-под ног. По всей улице раздавался стук: это плотники сколачивали специальные мостки, чтобы люди могли пройти через затопленные кампелло.

Когда сквозь туман проступили очертания церковной верхушки, звучно и тревожно заголосил колокол. «Может, все-таки вернемся?» – беспокойно спросил Пульчино. Я упрямо помотала головой. Боялась, что во второй раз у меня не хватит решимости. Под ноги выплеснулся узорчатый ковер пены. Оглянувшись, я увидела, как вода заливает мои следы. Когда будем возвращаться, мне придется нанять лодочника или искать другую дорогу.

Узкая улица внезапно окончилась тупиком. Я нерешительно остановилась. Церковь была совсем рядом, но в Венетте редко куда можно попасть по прямой. Старый квартал был весь источен узкими улочками, темными закоулками и проходными дворами. Несколько раз приходилось сворачивать, так как путь преграждала вода. Меня закружило в лабиринте переулков, подвесных галерей и мостиков, переброшенных от одного дома к другому. А колокол уже пробил два часа! Пришлось смирить свою гордыню и попросить о помощи Пульчино.

Пробормотав что-то нелестное о пустоголовых людях, неспособных даже отыскать свой зад без посторонней помощи, Пульчино пересел мне на плечо и принялся командовать со сноровкой заправского лоцмана. Вскоре перед нами выросла колокольня – она вздымалась, как мачта, и в тумане казалось, что вся церквушка качается на волнах, словно пришвартованный корабль.

К этому времени я совершенно запыхалась и дышала, как конь-тяжеловоз. Пульчино, оставив свой пост, снова поднялся в небо. «Вокруг никого», – доложил он, добросовестно облетев вокруг крыши. И добавил с неудовольствием: «Полагаю, тебя собираются убить внутри церкви, как дона Арсаго десять лет назад. Ты все-таки решила идти?»

«Ничего, графа же не добились», – возразила я, храбро поднимаясь по ступеням. На всякий случай нащупала под плащом рукоять кинжала. На паперти никого не было, и в притворе тоже. Церковь встретила меня прохладой и тишиной. Длинные пустые ряды скамей таяли в полумраке, в воздухе еще слышался запах ладана. Все-таки я опоздала!

Выйдя наружу, я обессиленно прислонилась к колонне, разглядывая скромно украшенный фасад. Штукатурка кое-где облупилась, под карнизами, под окнами и в нишах были наклеены фигурки диковинных чудищ. Согласно легенде, они должны были отпугивать от церкви всякую нечисть. Жутковатые каменные морды косились на меня со стены. Я подмигнула самой печальной из них и вдруг ощутила между лопатками два ледяных прикосновения.

За моей спиной между двух колонн стоял Скарпа и мерзко ухмылялся.

– Так это ты?!

Меня охватил страшный гнев, смешанный с разочарованием. Я столько ломала голову над этими таинственными приглашениями! Так надеялась встретить здесь тайного друга кьямати или, на худой конец, врага, а это оказалась всего лишь дурацкая шуточка нашего дурацкого шута!

– Значит, это ты все время звал меня сюда? Но зачем?

– Делать мне больше нечего, – сплюнул шут. – Просто стало интересно, куда это ты намылилась, когда все приличные люди сидят по домам!

– Это дон Арсаго велел тебе следить за мной?

– Вот еще! – ошетинился шут. – Я сам себе хозяин!

– Польщена, что ты так печешься о моей безопасности, – пошутила я.

Неожиданно он разъярился:

– О твоей безопасности?! Да я терпеть не могу мерзких ведьм вроде тебя! Вы без дела тревожите наше море, баламутите воду, всюду сеете смуту... Безопасность! Я бы с радостью вырвал твое сердце и скормил его морренам!

Я прищурилась:

– Ваше море?

Сообразив, что проболтался, карлик умолк, как захлопнулся, но я успела увидеть... Как же я раньше не замечала? Этот каркающий голос, водянистая стынь, проступавшая в его глазах, его злобные выходки и явная неприязнь ко всем подряд... Шут затрясся, пытаюсь защититься от моего взгляда. Опоздал, голубчик.

– Вон из моей головы, проклятая ведьма! – завопил он. Казалось, он готов был кинуться на меня, но вместе с тем не мог даже пошевелиться.

– Ты пескатор! Оборотень!

– Наконец-то догадалась, тупоумная колдунья! – огрызнулся шут.

– И ты служишь дону Арсаго?

– Я никому не служу! – яростно оскалился Скарпа.

– Ну конечно, – усмехнулась я. – И этот дурацкий колпак ты носишь исключительно по своей воле. Какой у тебя, однако, изысканный вкус!

Шут опять что-то злобно завизжал, но я не обращала внимания. Пусть его. Чем сильнее он злится, тем больше раскроет свою суть. Я скорее сердилась на свою невнимательность. Скарпа был мне настолько противен, что я никогда не пыталась к нему присмотреться. А наш шут оказался с сюрпризом... Как, интересно, он попал в дом Арсаго? Наверняка скрывался в Венеции, крупно на солив кому-то из живущих-под-волнами. «Морские черти» – исключительно вредные твари. Значит, он прятался в городе, а потом угодил в ловушку Арсаго, вероятно, не без помощи того загадочного рыбака, не боявшегося даже моррен.

– Значит, это ты пугал служанок, маячил в зеркалах и разводил плесень по стенам? – строго спросила я.

– А хотя бы и так! – огрызнулся шут. – Ненавижу служанок! Брехливые злобные твари с острыми булавками и гнусными шуточками!

Я не выдержала:

– Если мы все тебя так раздражаем, почему бы тебе не убраться обратно в море?

Он обжег меня взглядом, где за злобой можно было разглядеть что-то другое... Отчаяние. Боль.

– До чего же ты тупа! Думаешь, я торчал бы здесь, если бы мог уйти?! Это все граф, он спалил мою кожу и сказал особые слова! Теперь я заперт в этом уродливом теле!

Ну, положим, в рыбьей ипостаси пескатор тоже далеко не красавец – этакий сундук с хвостом, но о вкусах не спорят. У меня созрела идея:

– Ты сам знаешь, что все рассказы о сожженной коже – это только суеверия. Просто ты забыл, каково это – быть рыбой. Если хочешь, могу напомнить, – вкрадчиво предложила я. – Хочешь, я помогу разбудить твою истинную суть, а ты взамен расскажешь мне о крипте. Кто там бывает еще, кроме графа? Как часто?

Запрокинув голову, Скарпа рассмеялся горько и зло:

– Значит, вот что тебе нужно в доме Арсаго? Тоже, как все они, хочешь вла-

сти! Эх ты, кьяма-ати, – презрительно выплюнул он. – Ты ничего не знаешь о Море! Ты просто глупый манок, вообразивший себя «зовущей»! Манок, на чей запах может прийти кто угодно!

Теперь уже он впился в меня немигающим взглядом. Перед глазами поплыли неприглядные картинки того, что морские чудовища могут сделать с человеческим телом. Ясное дело – хочет отвлечь меня и запугать. Но у меня была хорошая практика с Каритой, так что пескатор зря старался.

Подождав, когда он выдохнется, я легко сбросила наведенные чары:

– Ладно. Я поняла, что ты ничего не знаешь. На твое счастье, у меня сегодня хорошее настроение, так что я согласна помочь тебе просто так.

Скарпа заметался, облизнув губы, посмотрел на воду. В его глазах горела жажда, как у человека, заблудившегося в пустыне.

– Я же не пресноводный! Речная вода меня убьет!

«Матерь божья, пошли мне терпения!» – мысленно взмолилась я.

– Оглянись вокруг! Ты что, не чувствуешь запаха соли?! Вокруг море!

Он весь дрожал. Злоба боролась в нем с мучительным желанием обрести свободу. Когда то, чего ты так страстно жаждешь, находится на расстоянии вытянутой руки, но обрести это ты можешь только с помощью злейшего врага, это выводит из равновесия, понимаю. Скарпа с радостью убил бы меня прямо на паперти, но его держал страх перед доном Арсаго. Я без зазрения совести бросила бы его здесь – честно говоря, шут со всеми его проблемами вызывал у меня очень мало сочувствия – но у меня был долг перед Каритой.

Пескатор, конечно, мерзавец, но ведь мы во многом помогли ему стать таким. Я подумала, что море и люди равно безжалостны друг к другу.

– Посмотри на меня.

Четвертое правило *кьямати*: встретив взгляд *иного* – не отводи глаза. Зрительный контакт – самый короткий путь к чужому сознанию. Главное при этом – не потерять себя, постоянно помнить, кто ты есть. Сестра Агата на полном серьезе советовала нам тренироваться на кошках. Кошек на острове было мало, поэтому мы с Умильтой старались переглядеть друг друга. Куда до нас Скарпе! Даже захоти он сейчас – не вырвался бы.

Взвыв, оборотень заскреб пальцами по лицу. Одежда на нем вздулась и повисла лохмотьями, с лица и рук клочьями слезала кожа. Жалобно заскулив, Скарпа скрючился, рухнул на колени, закрывая руками живот. Я пошатнулась, когда боль сдавила мне виски и обручем охватила лоб. Мало радости – видеть, как человека на твоих глазах выворачивает шкурой внутрь, но отвернуться было нельзя. К горлу подкатил комок, перед глазами поплыли цветные круги.

Наконец, проморгавшись и справившись с тошнотой, я увидела, что нелепый человечек исчез, а вместо него на каменных плитах распласталась толстая рыбина с коротким мощным хвостом. Я же говорю – сундук сундуком. Полежав немного, рыбина вдруг стремительно развернулась в мою сторону, запахнув пасть с двумя рядами длинных, слегка изогнутых зубов. Я проворно отскочила, спрятавшись за колонну, и юркнула за дверь. Снаружи в нее тут же жажнуло чем-то тяжелым. Кажется, в дело пошел хвост.

На мое счастье, пескатор не мог переступить порог церкви, так что я решила отсидеться внутри. Ощупью нашарив ближайшую скамью, я упала на нее, уткнувшись пылающим лбом в колени и от души жалея, что у меня нет при

себе фляги с вином или хотя бы воды – успокоить желудок после созерцания внутренностей пескатора. Дверь по-прежнему сотрясалась от ударов. Видимо, показав мне свои кишки, оборотень теперь был полон решимости взглянуть на мои.

«Долго еще будешь сидеть там, колдунья?» – ехидно спросил пескатор в моей голове.

«А куда мне спешить? – ответила я с тем же ехидством. – Я дождусь, когда море отступит, и ты, бестолочь, задохнешься в речной воде».

Снаружи послышался разочарованный рев и шлепки могучего хвоста. Возмущенный моим коварством, пескатор негодуяще взвыл, изрыгнул несколько проклятий в мой адрес, еще раз наподдал хвостом в дверь и исчез.

Некоторое время я постояла, прислушиваясь, положив ладонь на ручку двери. Нет, точно уплыл. Канал возле церкви жил своей обычной суетливой жизнью, в нем не чувствовалось никакой опасности – ну, кроме парочки моррен. Пескатор уволок свое брюхо в лагуну, как и прежде лелея злобу и мелкую мстительность. Вот же неблагодарная тварь!

Ладно. Это только ради Кариты.

«Я сделала это не для него, а исключительно в память о ней», – сказала я себе, выходя наружу. И едва не упала на пороге, когда откуда-то издалека, со стороны лагуны вдруг долетел ответ. Будто кто-то ласково-насмешливо щелкнул меня по носу. Карита?! Я застыла столбом, боясь спугнуть смутное, неуловимое ощущение ее присутствия. «Тела паурозо мы вообще не нашли», – всплыли в памяти слова Алессандро.

Неужели она жива?! Я боялась в это поверить. Долго вслушивалась в пение воды, в ее медленное течение, соединяющее паутину наших каналов с зеленой лагуной и дальше – с морем, до самого горизонта. Но сколько я ни старалась, больше ничего не могла расслышать. Только в небе над лагуной орала чайки.

Глава 17

Следующие несколько дней я при каждом удобном случае поднималась на Салтану, чтобы еще раз послушать море, но безрезультатно – Карита больше не появлялась. Впрочем, учитывая, каково ей пришлось в Венетте, это неудивительно. На ее месте я тоже постаралась бы убраться как можно скорее и дальше от города.

Я успокаивала себя, убеждая, что мне в тот день ничего не почудилось и Карита действительно жива. Это был единственный проблеск надежды в череде печалей, посетивших нас. Через день после моей прогулки к церкви святой Марины умерла донна Ассунта.

Я плохо помню торжественную панихиду, так как прогулка по затопленному городу не прошла для меня даром, и я простудилась. Утром черная гондола-катафалк пришвартовалась к набережной возле нашего дома. Трое мужчин осторожно снесли туда гроб, увитый цветами, чтобы отвезти его в церковь. Во время службы я стояла как в тумане, бледные лица людей под темными беретами и траурными покрывалами сливались для меня в одну колеблющуюся массу. Рикардо, видя мое состояние, не советовал мне ехать на кладбище, но я упрямо отказывалась подождать его дома. Я должна была сделать для Ассунты хотя бы это.

После панихиды нас ожидала поездка на остров, который на старом языке назывался Ла Каса Спирит – Дом Духов. Там находились склепы большинства городских семей. Траурная гондола бесшумно скользила по воде, рассыпая вокруг опаловые блески. Четверо гондольеров в черных шарфах и кушаках молча работали веслами, пятый стоял над гробом с жезлом в руке. От запаха цветов у меня кружилась голова, радужный блеск воды резал глаза. Ла Каса Спирит был последним пристанищем для многих горожан. Это было тихое, безмолвное царство скорби. Он был словно отделен от шумного города незримой завесой. Даже вода у его берегов казалась особенно темной и непроницаемой, маленькие волны негромко всхлипывали, разбиваясь о прибрежные камни.

Над белыми глыбами склепов иobelisksов ярко горело черное пламя кипарисов. За деревьями виднелись рыжие крыши старого монастыря. Наша процессия миновала церковь Сан-Микеле ин Изола, прошла мимо каменотесной мастерской, где предназначенные к продаже кресты и надгробные плиты образовали словно еще одно кладбище, затем спустилась в склеп.

Стоя вместе с Рикардо над новым саркофагом, я мысленно просила мадонну подарить душе Ассунты покой, а саму Ассунту – простить меня, если сможет. Я надеялась, что из той запредельной дали, куда улетела ее душа, она увидела теперь, что я не желала никакого зла семье Граначчи.

Рикардо молча стоял рядом со мной. В изголовье саркофага тускло горели два светильника, придавая лицу моего «брата» усталое и сердитое выражение. Он один организовал сегодняшнюю церемонию, не забыв ни одной мелочи, но всю дорогу до кладбища не проронил ни слова, целиком погрузившись в свои мысли.

Тихая, созерцательная атмосфера острова способствовала размышлениям. На обратном пути к пристани я невесело перебирала в памяти отдельные моменты моего «расследования». Честно сказать, гордиться мне было нечем. Я до

сих пор не знала, кто убил донну Граначчи. Более того, я не могла доказать, что ее смерть не произошла от естественных причин. А кто подсыпал яд в кувшины с вином в доме Арсаго? Куда девался Луиджи Манриоло, так что ни графская стража, ни слуги дожа до сих пор не могли его найти? Жив ли он вообще, или его тело давно унесло по каналу Орфано в открытое море? Наши каналы могли стать отличной могилой для внезапно умерших.

Свои опасения насчет синьора Манриоло я осмелилась высказать вслух:

– Поразительно, что его до сих пор не нашли! И это в Венеции, где даже секрет государственного банка не продержался бы и дня! Не хотела бы я оказаться в его шкуре...

– Я тоже, – безразлично откликнулся Рикардо. – Мне и в собственной забот хватает. На твоём месте я бы не волновался за этого парня. Он показался мне ловким типом, из тех, которые, если даже упадут в море, то мигом отрастят себе жабры и плавники.

Я даже споткнулась, настолько точным показалось мне это определение. У меня насчет Манриоло были схожие подозрения, но откуда бы о них мог знать Рикардо?!

Больше мы не разговаривали. Где-то в небе, за слоистыми облаками, невидимая луна постепенно наливалась светом. Даже просто закрыв глаза, я могла ощутить ее растущую силу.

Тем же вечером дон Арсаго наконец обнаружил, что его шут непонятным образом куда-то исчез. Я уже думала, он не заметит.

– Сбежал, предатель! – с тайным удовольствием изрек дон Сакетти. Пламя свечей оживило его нездоровую физиономию, придав ей оттенок благородной бледности, как на старинных портретах.

– Или убит, – нахмурился синьор ди Горо.

– Вот и разберись с этим! – хлопнул по столу дон Арсаго, сердито зыркнув на своего начальника стражи. – Надеюсь, хоть эта задача твоим людям окажется по силам?! Или Скарпа так же бесследно канет в воду, как тот ариминец... как его там звали – Манриоло?

Алессандро выдержал взгляд своего сюзерена со спокойным достоинством, только светлые глаза слегка подернулись льдом.

– Мы найдем его, – коротко кивнул он.

Я с волнением прикусила губу, понимая, что отыскать Скарпу в лагуне будет не так-то легко, а вернуть назад – и вовсе невозможно. Неужели мой импульсивный поступок доставит новые неприятности Алессандро? Этого я во все не хотела. Что же делать?

Меня отвлекла Бьянка, тихо шепнув на ухо:

– Между прочим, Скарпа часто убегал в город. Вот и позавчера тоже.

Мы втроем вместе с ней и Инес сидели у окна, расшивая скатерть для моего приданого, и старательно делали вид, что разговоры мужчин нас не касаются. От острого взгляда и слуха Бьянки ничего не могло укрыться. Я с беспокойством подумала, знает ли она о моей отлучке... или о поисках крипты... или о беседах с Пульчино...

– Любопытно, куда он отправился, да еще в разгар наводнения, – размышляла Бьянка. – Инес, ты не встретила его вечером в церкви?

– Нет, – односложно ответила та.

– Конечно, ведь на самом деле тебя там не было, – усмехнулась Бьянка, с поразительным спокойствием распутывая длинную нитку, – хотя Джоанна нам все уши прожужжала о твоей чрезмерной набожности.

Я подняла голову, посмотрев на подруг. Лицо Бьянки при этих жестоких словах оставалось совершенно невозмутимым. Она могла бы обвинить человека в убийстве, в то же время подбирая, какой шелк лучше подходит для вышивки.

Зато Инес вся напряглась, нервно комкая и расправляя ткань, и явно не знала, что ответить. Бьянка доверительно наклонилась к ней:

– Признайся, ты была с Алессандро? Чего стесняться? Мы же подруги.

Инес затравленно оглянулась. Дон Арсаго с его свитой уже покинули салон, оставив нас одних.

– Ну ладно, да! – вырвалось у нее. Голубые глаза вспыхнули от досады. – Мы с ним прогулялись по каналам. Ты, конечно, можешь наябедничать моей матери! Но я считаю, что синьор ди Горо – благородный человек, и провести с ним час наедине – вовсе не значит нанести непоправимый ущерб своей чести!

С этими словами она вскочила и, отбросив маленькие ножницы, ушла. Где-то вдалеке хлопнула дверь. Я облегченно перевела дыхание. Лицо у Инес было такое, что я не на шутку испугалась, как бы она не вонзила эти ножницы Бьянке в глаз.

Бьянка же спокойно продолжала работу, будто ничего не случилось. По ее губам скользнула снисходительная понимающая улыбка. Я тоже молчала, хотя знала, что Алессандро в тот вечер никак не мог наслаждаться приятной прогулкой по каналам. С утра он сопровождал графа на охоту, а потом вместе с Рикардо уехал в порт. Не то чтобы я нарочно следила за ним, просто как-то так выходило, что я всегда знала, где он находится и чем занят.

Значит, Инес лжет. Мне ужасно хотелось обсудить это с Бьянкой, но я боялась, что в ответ она примется расспрашивать о моих делах.

Интересно, найдется ли в этом доме хоть один человек, у которого за душой нет ни одного секрета?!

Глава 18

Поиски беглого шута, однако, пришлось отложить. На следующий день дону Арсаго пришло письмо из Дворца дожей, до крайности взбудоражившее все наше общество.

– Что здесь такого? – тихо спросила я у Джоанны, пока остальные обменивались взволнованными репликами. – Дон Соранцо всего лишь пригласил графа на ужин...

– Такое приглашение может запросто закончиться прогулкой по мосту Вздохов, – негромко сказала Джоанна, озабоченно качая головой. – Дон Арсаго никогда не скрывал, что не одобряет политики нашего дожа. А правосудие Совета Десяти обычно бывает очень быстрым и беспощадным, когда в деле затронуты *такие* интересы...

От Джоанны я узнала, что в покоях дожа есть секретная дверь, ведущая прямо к тюремным камерам. Узнала также печальную историю синьора Риццарди, который еще вечером заседал в Сенате, а к утру уже болтался между двумя колоннами на Пьяцетте с табличкой на шее «за государственную измену». История Венеции помнит многих знатных патрициев, которые удостоились чести быть задушенными в камерах Дворца дожей, а их тела потом тайно сбросили в воды лагуны. Так что, получив от дожа приглашение на ужин, разумный венецианец должен был до предела отточить не только аппетит, но и бдительность.

– Прежде всего, вам не следует идти одному, – посоветовал Алессандро. Судя по плотно сжатым губам, у него уже зрел очередной план.

– Чтобы Соранцо подумал, будто я струсил?! – взвился граф. В его черных глазах зажглись опасные огоньки.

На начальника стражи эта вспышка, однако, не произвела ни малейшего впечатления:

– Трусость и осторожность – разные вещи, – веско возразил он. – Иногда показная храбрость – наилучший способ переселиться с этого света на тот, с куском хорошо заточенной стали в печени.

– Ладно. Пусть тогда Рикардо составит мне компанию, – и дон Арсаго с напускной веселостью похлопал моего «брата» по плечу. Я испуганно посмотрела на них обоих.

Алессандро серьезно кивнул:

– Я возьму трех человек, и мы будем ждать вас снаружи, у арки, ведущей во дворец, под мостом Вздохов. Кроме того, неподалеку будет дежурить еще одна гондола. Это тихий узкий канал, ночью там почти никого не бывает. Зато нам будет слышен любой шум, доносящийся из дворца. А вы, – Алессандро бросил взгляд на ухмыляющегося Рикардо, – постарайтесь в случае чего шуметь погромче.

– Уж я постараюсь, – беззаботно засмеялся Рикардо. Его беспечность невольно передалась остальным. Напряжение спало, и когда дон Арсаго ушел, все постепенно заговорили о своем. День вошел в обычную колею.

Одна я не могла найти себе места от беспокойства. Мне хотелось поговорить с Алессандро, но он весь день был занят со стражниками. Только вечером удалось его перехватить, когда он зачем-то поднимался на алтану с кипой свитков и астролябией в руках.

– Дон Арсаго попросил мэтра Фалетруса составить новый гороскоп для до-жа и его самого, – пояснил он в ответ на мой изумленный взгляд. – Наш доктор что-то совсем расхворался, и я предложил помочь ему перенести необходимые вещи.

Я быстро сообразила, что на алтане в этот час нам никто не помешает. Только бы Бьянка опять не надумала явиться туда!

– Меня всегда завораживала астрология. Позвольте, я возьму эти свитки, вы же их сейчас уроните. Может быть, если я тоже немного помогу Фалетрусу, он посвятит меня в секреты своего искусства?

Алессандро улыбнулся:

– Если вы действительно хотите...

Застенчивая радость, прозвучавшая в его голосе, меня обезоружила. Признаться, в эту минуту, глядя в его теплые серые глаза, я напрочь позабыла и об Инес, и о нависшей над нами опасности, и о живущих-под-волнами, готовых проснуться со дня на день...

Впрочем, как только мы поднялись на крышу, ярко светившая луна вновь напомнила мне о море. Ее лучи пронизывали насквозь подобно серебряным ножам, испарывали каналы, проникали в толщу морской воды, беспокоя тех, кто дремал в глубине... Передернувшись, я отвернулась.

Уже почти стемнело. Зажженные фонари отбрасывали на каменный парапет террасы теплые оранжевые блики. Алессандро сложил инструменты на заранее приготовленный столик, и стоял, склоняясь над латунным диском астробии, задумчиво гоня пальцем визирную стрелку. В окутавшем террасу полумраке злое поблескивал «паук» с хищно изогнутыми лапами, указывающими расположение наиболее ярких звезд.

– Как утешительно, должно быть, сознавать, что все секреты нашего будущего и прошлого можно прочесть в звездах, – невесело усмехнулся Алессандро. – Иногда я завидую Фалетрусу.

Я пожалала плечами. Лицо моего собеседника таяло в тени. Ночные тени резче подчеркнули выступающие скулы и суровую складку между бровей. Последние дни для всех нас выдались нелегкими.

– Но некоторые тайны так глубоки, что даже звезды не могут пролить на них свет...

Не отрывая взгляда от верхнего тимпана, как будто меня вдруг заинтересовали линии экватора и небесных меридианов, я возразила:

– На самом деле тайны *хотят* быть разгаданными. Мы всегда оставляем ключи, надеясь, что кто-то пойдет по следу... потому что чем дольше хранишь тайну в себе, тем сильнее она отравляет душу.

Стоявший рядом с нами фонарь, помигав немного, вдруг вспыхнул ярче. Мы оба оказались в озерце золотистого света. Оставив в покое астробию, Алессандро шагнул ко мне:

– Джулия!

Подняв голову, я встретила его взгляд – взволнованный и горячий. У меня перехватило дыхание.

– Джулия...

Его пальцы легко коснулись моей скулы, провели по щеке. Кожа под его прикосновениями леденела и тут же вспыхивала огнем. Мое сердце не желало биться ровно. Что-то захлестнуло меня, смывая страхи, сомнения и гнету-

щее отчаяние последних дней.

– Я давно хотела тебе сказать... – прошептала я на волне внезапно обретенной смелости.

Скрип перил и чьи-то тяжелые шаги резко прозвучали в тишине, разрушив тихое очарование момента. Алессандро, вздрогнув, оглянулся. На алтану с кряхтением и стонами, запыхавшись, поднимался доктор Фалетрус. Я поспешно отступила назад.

– Дорогой синьор, разве стоило так спешить? – спросил Алессандро с оттенком досады в голосе. – Звезды никуда не убегут.

– Наш граф хочет видеть тебя, Сандро. Он приказал тебя поторопить. Кажется, в вашем деле возникли новые обстоятельства...

Синьор ди Горо, вздохнув, обернулся ко мне, и мне показалось, что в его взгляде мелькнула грустная смешинка:

– Поговорим, когда мы вернемся, хорошо? – тихо спросил он.

Я молча кивнула, не в силах высказать всего, что теснилось у меня на сердце. Мне хотелось попросить его, чтобы он был осторожен. И чтобы он позаботился о Рикардо. Снова вспыхнувший страх и неопределенное осознание хрупкой нежности, возникшей между нами, смешались так, что это нельзя было выразить словами. Наверное, Джулия не зря называла меня фантазеркой. Я человек образов, а не слов. О, если бы я могла обменяться мыслями с Алессандро так же легко, как мы это делали с Пульчино!

Перед уходом он успел легко коснуться моей ладони, а потом я стояла и долго смотрела, как его фигура тает в темноте лестничного пролета.

Дом затих, но не думаю, что кто-то смог уснуть в эту ночь. Дон Арсаго с Рикардо, важно погрузившись в парадную гондолу, со всей помпой отбыли по Большому каналу к площади Трех Грифонов. Следом за ними, не зажигая факелов, тенью скользнула другая гондола, на которой разместились стражники во главе с Алессандро. Они уплыли – и пока что от них не было ни слуху, ни духу.

Я сидела, не зажигая света, у открытого окна в своей комнате. Пробило полночь. Большой колокол зазвучал с Кампанилы, призывая к тишине. Холодный лунный свет заливал покатые крыши, разбавляя глухую черноту ночи. Глухо, как старое серебро, поблескивала вода. Над каналами уже собирался туман, его влажные испарения оседали на балконах, горбатых мостиках и неровной мостовой.

Сидя у окна, я ждала. Пульчино подстрекал меня самой навеститься в палаты дожа, но я в эту ночь отказалась от его помощи. Что может сделать одна чайка против вооруженной стражи? Кроме того, в последнее время мы с Пульчино и так слишком часто были вместе.

Если бы не медленно плывущая, почти круглая луна, город мог бы показаться картинкой в деревянной раме окна. Все затихло, замерло. Вдруг по каналу рядом с нашим домом прошла серебристая рябь, будто кто-то исполинской ладонью провел по воде. Я насторожилась. Внизу послышался тихий плеск.

Моррены вряд ли дорастают до таких размеров. Притаившись за окном, я раздумывала, что делать. Уж не Скарпа ли явился меня навестить?! Закрыв глаза, я потянулась мыслью к водному пространству под нами, стараясь «про-

читать» его, но деликатно, чтобы меня не заметили. Кроме беглого шута, в этом городе у меня хватало врагов. Например, Манриоло – подозреваю, что он владел искусством *кьямата* не хуже меня. Или кто-нибудь из людей дожа... Еще я рассчитывала получить весточку от Джулии, но в последние дни почти перестала надеяться на это. Моя подруга словно растворилась в бирюзовых далах Срединного моря.

Серебристая рябь появилась снова, когда таинственный соглядатай, круживший вокруг дома, пошел на второй заход. Это было очень крупное существо. Я могла уловить его чувства: беспокойство, нетерпение, досаду... Во мне созрела решимость «поговорить» с ним, когда внезапно раздался шум на другой стороне дома.

Это Рикардо! Они вернулись! Слава мадонне!

Как была, босиком и в рубашке, я выбежала в коридор. Потом, спохватившись, вернулась за халатом. Когда я добралась до центральной лестницы, среди проснувшихся слуг уже царил суеда. Кто-то требовал сухих дров, кто-то разжигал огонь на кухне, кто-то, расплескивая, тащил ведра с водой. Центром этого организованного хозяйственного вихря был Рикардо. Мой «брат» отдавал распоряжения хриплым, отрывистым голосом; его колет был полу-расстегнут и разорван на рукаве, волосы взмокли от пота. В общем, по его виду можно было без слов заключить, что стряслась беда.

– Что?! – выдохнула я. – Дон Арсаго...

– Нет, – буркнул он, отбросив с глаз прилипшие темные пряди. – Алессандро.

В ушах у меня противно зазвенело. Я крепче вцепилась в перила, и огоньки канделябров вдруг закружились перед моими глазами.

...не убит, только ранен. Эта мысль молоточками билась в висках, пока я сидела под дверью спальни, за которой колдовал мэтр Фалетрус.

Мы с Рикардо находились в комнате, которая при других обстоятельствах была бы очень уютной: стены убраны цветными тарчийскими коврами, столик у стены, где я сидела, был накрыт зеленой скатертью из рытого бархата. На столе стоял пузатый кувшин с вином и два бокала. Однако сейчас, несмотря на тепло и уют, меня била дрожь. Рикардо ходил взад-вперед, меряя помещение крупными шагами, и сбивчиво рассказывал о случившемся:

– У Соранцо все прошло благополучно. Отужинав и обсудив дела, мы с графом беспрепятственно вышли наружу и спустились во внутренний двор, посмеиваясь над собственными страхами. Правда, меня кольнуло, что на Лестнице Гигантов не было ни одного стражника, даже факелы не горели. Но тогда я не придавал этому значения. Дон Соранцо сам признался, что с утратой здоровья власть утекает из его рук, так что неудивительно, что во дворце творится бардак.

– За аркадой нас поджидал Алессандро со своими людьми. Мы направились к гондолам, и я уже возблагодарил мадонну за то, что нам повезло уцелеть, как вдруг из темной выемки ворот вынырнули три фигуры, вооруженные до зубов. Еще трое окружили нас сзади. Это была засада. Panteganas! Проклятые крысы! – выругался он.

«Значит, они знали, – лихорадочно думала я, пытаюсь отвлечься. – Брави, устроившие засаду, знали, где именно дона Арсаго будет ждать гондола с вер-

ными людьми. Значит, кто-то из присутствовавших в тот день в нашем доме потрудился сообщить им об этом».

Рикардо тем временем продолжал:

– ...Брави явно целились в графа, мы им были неинтересны. На него насели сразу трое, и лежать бы ему сейчас в переулке, если бы Алессандро не успел заслонить его от бокового удара. Он вовремя отбил выпад, зато его самого ранили. Я, признаться, в первую минуту растерялся...

Из спальни, где находились Алессандро с Фалетрусом, выскользнула служанка, придерживая таз с ржаво-красной водой. До нас долетел тошнотворно-сладковатый запах крови, от которого меня замутило. Снова вспомнилась страшная ночь, когда ранили Ассунту. Боже, неужели нам придется пережить это снова?! Мадонна, только не дай ему умереть! – мысленно взмолилась я.

– ...тут подоспел Гвидо с ребятами, да и Сандро было рано списывать со счетов, хотя он мог драться, только опираясь спиной на стену, – говорил тем временем Рикардо. – Трех мы уложили, остальные поняли, что дело не выгорит, и отступили, чтобы смыться в ближайшую подворотню. Дон Арсаго сторяча заколотил в ворота, однако мы его удержали. Это тоже могло быть ловушкой. Мы просили его вернуться домой, но Арсаго и слышать том не хотел. Поручил мне привезти сюда Сандро, который едва стоял на ногах, а сам отправился в городскую стражу. Клянусь честью, я давно не видал его в таком бешенстве! Надеюсь, им удастся изловить подлецов, хотя где уж теперь! Брави – они как крысы: укусят и уползут в свои норы, спрячутся в лагуне на каком-нибудь глухом островке, попробуй-ка сыщи их там!

«Ну, попробовать-то можно», – подумала я с внезапно родившейся холодной злостью. Нервно потерла ладони, горевшие так, будто их кололи иголками. Топот шагов и бряцанье железа на лестнице возвестили о появлении стражников. Рикардо метнулся им навстречу. Пока он отдавал страже новые распоряжения, я незаметно проскользнула мимо, спустилась и вышла к причалу.

Вода в канале, куда я опустила ладони, показалась горячей. Я точно знала, кого хотела найти, и мне не пришлось долго звать. Наша связь была еще достаточно сильна после его превращения на паперти церкви святой Марины. Где-то на отмелях возле Дито заворочалась грузная туша, похожая на сундук с хвостом.

– Ты сама напросилась, ведьма, – угрожающе прошипел пескатор.

Меньше всего сейчас меня волновали его угрозы. От моего тяжелого взгляда вода в канале пошла крупной рябью.

– Трое мужчин в лагуне, на острове. На них свежая кровь, так что ты легко их отыщешь. Убьешь всех. Кроме одного.

– Спятила? – ласково поинтересовался Скарпа. – С чего ты решила, что я буду...

– Ты мне должен, мошенник. Так что поднимай свое брюхо и чеши на остров.

Меня переполняла какая-то чужая сила. Я чувствовала морской прибой так, словно он бился в моей груди. На губах появился привкус соли. Я смахнула ее, удивившись, что ладонь окрасилась красным. Кровь была соленой, как морская вода. Я и море были одно, мы дышали с ним в унисон. Это было захватывающее ощущение.

Где-то на краю лагуны пескатор в ярости бросался на камни, кусая их от злости, поднимая тучи песка. Моя просьба его взбесила. Ни один из живущих-под-волнами не стерпел бы такого обращения. С *иными* не заключают сделок. Можно просто призвать их и положиться на их милость. Однако я рассчитывала на то, что Скарпа очень долго жил среди венецианцев, а мы все щепетильно относимся к своим долгам.

Наконец, истощив запас ругательств, пескатор выбился из сил и притих.

«Я убью их, потому что голоден!» – нашелся он. Сообразил, наконец, как выйти из ситуации, не ущемив своего достоинства.

«Ты всего лишь подсказала мне, где найти добычу, но за это ты мне заплатишь!»

Я подумала, что логика никогда не была его сильным местом – ни в человеческом обличье, ни в рыбьем.

Злобно хлестнув хвостом, бывший шут резко исчез из моего сознания, заставив меня отшатнуться. А потом меня словно отпустило. Сила, нахлынувшая, как морской прилив, так же неожиданно отступила. Предраассветная стылость тяжелым плащом легла на плечи. Я передернулась от озноба, вдруг ощутив, что рубашка на мне вся мокрая от пота. Огни факелов побледнели. Медленно просыпались соседние дома, стряхивая ночную дремоту. Я чувствовала запах дыма из печных труб, расходившийся во влажном утреннем воздухе.

Я снова была собой.

Шатаясь, я добрела до двери и вздрогнула, когда ледяное дверное кольцо холодом пронзило мне ладонь. Безразлично подумала, что в ближайшие несколько дней мне придется быть осторожнее на каналах. По крайней мере до тех пор, пока из квадратной башки пескаторо не выветрится сегодняшняя злоба.

Рикардо все еще командовал стражниками внизу и, кажется, даже не заметил моего отсутствия. Проводив их куда-то в туманное утро, он помог мне подняться наверх – снова в ту душную маленькую комнату, увешанную коврами. Перед слугами «брат» держался уверенно, но, оставшись наедине со мной, застонал, спрятав лицо в ладони.

– Это моя вина. Если бы я не промедлил! – горько воскликнул он. – Будь я более расторопен, Сандро сейчас не лежал бы там. Дон Арсаго же не растерялся – мигом выхватил меч! Его первый противник не успел даже «здрести» сказать, как уже был заколот! А я... эх...

Несмотря на тяжелую ночь и грызущую сердце тревогу, на душе у меня потеплело. Хорошо, что Рикардо так беспокоится о друге. Значит, он не совсем еще превратился в ходячую счетную книгу!

– Ты привез его сюда – это главное.

Подойдя ближе, я прижалась к его плечу. От Рикардо успокаивающе пахло железом, потом и ременной кожей. Мне хотелось забыть о море. О морской соли, до сих пор хрустевшей на зубах.

– Не волнуйся, Фалетрус знает что делает, – постаралась я его успокоить.

Разве можно винить себя за секундную растерянность в ночной драке? Рикардо все-таки купец, а не воин. Алессандро – другое дело, он с мечом, наверное, даже спать ложится.

– Все будет хорошо, он поправится, – повторяла я, стараясь убедить в этом не столько Рикардо, сколько себя. – Ты ни в чем не виноват, это все брави.

Проклятые убийцы! Надеюсь, они свое получат!

– В том-то и дело! – простонал Рикардо, подняв на меня больной воспаленный взгляд. – Я растерялся, потому что узнал его. Того наемника-браво, который первым напал на нас. Хотя он был в плаще, и тень от шляпы скрывала его лицо, я все равно его узнал. Когда-то, десять лет назад, я нанял его, чтобы убить Алессандро.

Глава 19

Выдав эту ошеломляющую новость, Рикардо снова с покаянным вздохом спрятал лицо в ладонях, а я, шумно выдохнув, едва не села мимо кресла.

Минутку, спокойно.

Прежде всего нужно было обезопасить нас от посторонних ушей. На цыпочках подойдя к двери, я выглянула в коридор. И даже не очень удивилась, обнаружив там прелестную Инес. В ее невинно распахнутых глазах светилась тревога, кружево ночной рубашки трогательно обвивало тоненькую шейку, золотые локоны рассыпались по плечам. Свеча в ее руке так дрожала, что грозила подпалить ей волосы.

– Что-то случилось? – взволнованно спросила она. – Мы с мамой слышали шум. Дон Арсаго вернулся?

– Еще нет, но с ним все в порядке, он цел.

«А вот синьор ди Горо – не очень», – вертелось у меня на языке, но я сдержалась.

Пусть Инес спокойно проспит хотя бы до утра, завтра ей и так не преминут сообщить. Кроме того, я испытывала настоящую потребность поговорить по душам с моим «братцем», и мне некогда было возиться с рыдающей невестой. Это тоже может подождать до завтра.

К счастью, Инес удовлетворилась моим объяснением и вскоре растаяла в ночи вместе со свечой. Плотно закрыв дверь, я метнулась обратно к Рикардо:

– Ты сделал – что?! Прошу, скажи, что я ослышалась!

Рикардо понуро теребил скатерть и выглядел таким несчастным, что меня прямо-таки разрывало от противоречивых желаний стукнуть его кувшином по голове или обнять.

– Это было в тот день, когда заговорщики вздумали напасть на графа. Мы все тогда немного сошли с ума, особенно когда узнали, что одним из предателей оказался Бонамико ди Горо, отец Алессандро. Он всегда был правой рукой дона Арсаго, поддерживал его во всем! Что за блажь стрельнула ему в голову – ума не приложу! Я действовал как во сне. Помню, что в тот день был праздник. Утром отец ушел в церковь с доном Арсаго, а обратно привезли его труп. Слуга рассказал, что старший ди Горо набросился на графа, как зверь, а наш отец встал между ними. Они с Бонамико были друзьями... Может, он думал, что у друга не поднимется рука... В общем, узнав подробности, я едва не спятил от гнева. Тут же отправился к Алессандро и вызвал его на поединок.

Я молчала, скрестив руки на груди. Рикардо еще больше сторбился на стуле:

– Это было чистое самоубийство, конечно. В фехтовальном зале Сандро уделял нас всех, как бог черепахе. Теперь-то я понимаю, почему он отказался. Не хотел лишить нашу семью последней опоры.

– Отказался?

– Когда я пришел, он выглядел так, что краше в гроб кладут. Поступок отца оказался для него таким же сюрпризом. В общем, Сандро выслушал меня, протянул кинжал и сказал, что я могу убить его хоть сейчас, но он считает себя не вправе драться со мной. Мы еще немного поорали друг на друга, потом я ушел и от безысходности напился. Ну и в алкогольном угаре меня озарила идея: если Сандро не хочет поединка со мной, найму-ка я пару отчаянных ребят. Со мной он, видите ли, не желает драться! Потом уже, когда протрезвел, передумал. Бесчестно это – творить месть чужими руками. Я хотел вернуться и все отменить...

Мне стоило большого труда удержать рвущиеся с языка упреки. Сначала дослушаю, чем дело кончилось. Хотя и так ясно, что оно не кончилось ничем хорошим – я же видела шрамы.

– Тут меня осенила другая мысль: а не лучше ли будет подстеречь их ночью и встать на сторону Сандро? Мне страх как хотелось с кем-то подраться! К тому времени я уже остыл и в общем-то понял, что Сандро был не виноват...

«Да неужели! – еле сдержалась я. – Какая потрясающая прозорливость!»

– Ну и как прошло ваше ночное randevu?

Рикардо замялся, уставившись в пол, будто что-то изучал у себя под ногами.

– Видишь ли... у того виноторговца, где я заливал свое горе, была хорошенькая дочка... Короче, я все проспал. Утром узнал, что Алессандро все же бился с ними. Один. Чудо, что он вообще остался жив! Видно, Господь пожалел меня, не дал взять греха на душу! Сандро повезло, он отделался всего лишь парой шрамов.

Тут я снова умолкла, потому что перед лицом такой сокрушительной глупости у меня закончились не только слова, но и мысли. Это называется – повезло?! После той ночи Алессандро фактически пришлось собирать себя заново, и трудно даже представить, чего ему это стоило!

– И все это – ради мести? – тихо спросила я. Рикардо не отвечал.

Некоторое время мы сидели молча, прислушиваясь к тиканью часов. «Кому она нужна, такая месть? – думала я со злостью. – Разве она что-то изменила? Разве отец Рикардо восстал из гроба оттого, что его сын искалечил близкого друга? Кому от этого стало легче?»

«А сама-то? – сурово спросила совесть. – Чем осуждать Рикардо, подумай, что ты творишь. Разве твоя месть вернет Беатрису Граначчи? Джулия уже далеко. Да, от нее нет известий, и это тревожно, но со времени нашего бегства прошло три недели. Можно надеяться, что убийце до нее уже не дотянуться. Тогда зачем ты здесь?»

Обернувшись к Рикардо, понуро барабанившего пальцами по столу, я решила спросить:

– Как ты думаешь... он знает?

«Брат», вздохнув, большими глазами посмотрел на кувшин. Плеснул себе вина. Потом с отвращением отодвинул бокал.

– За все эти годы он ни слова мне об этом не сказал.

И, подумав, добавил:

– Но я шкурой чувствую – знает.

Из-за нервной бессонной ночи и насыщенного диалога со Скарпой у меня к

утру разболелась голова. Я сидела в своей комнате с мокрым полотенцем на лбу, мрачно размышляя о содеянном. Мысль, посетившая меня после рассказа Рикардо, прочно поселилась в моей голове.

Мне нечего было делать в Венеции. Я ничем не могла помочь Беатрисе Граначчи, а для Джулии сделала все, что было в моих силах. После вчерашней ночи месть перестала казаться мне привлекательной. Что изменится, если я уничтожу графа Арсаго, даже если он виновен (в чем я до сих пор не была уверена)? Этим поступком я нанесла бы удар несчастной графине, привыкшей прятаться за спиной мужа от остального мира... Возможно, разорила бы Рикардо и дона Сакетти, у которых с Арсаго были общие дела. Лишила бы Венецию толкового правителя...

Прошлой ночью я впервые использовала свою силу для убийства, и мне это не понравилось. Готовность, с которой море отозвалось на мой гнев, немало меня испугало. Может быть, дар *кьямата* незаметно меняет нас. Каждый раз, медитируя в крипте, мы впускаем море к себе в голову. Каждый раз оно подбирается все ближе, постепенно, как во время прилива. А потом однажды утром ты просыпаешься другим человеком. Вернее, не человеком, а хладнокровным хищником, наподобие тех, что обитают в морских глубинах.

Я с иронией напомнила себе, что вообще-то приехала в Венецию, чтобы помешать алчным сановникам использовать *кьямати* в своих целях, а вчера сама с готовностью вмешалась в политические интриги. Узнай об этом дон Арсаго, он был бы просто счастлив!

В общем, мысль о том, чтобы сбежать, прихватив с собой Пульчино, захватывала меня все больше. Рикардо я все объясню в письме. Представляю, как он разозлится, узнав о нашем с Джулией обмане! Лучше мне в этот момент оказаться на другом конце Длинного моря!

Да, нужно будет позаботиться, чтобы письмо нашло его не сразу – не раньше, чем я успею унести ноги. Иначе я рискую все-таки скорострительно скончаться в Венеции. Может быть, потом Рикардо сообразит, что я взяла на себя весь риск, предназначавшийся Джулии, когда вошла в клетку паурозо или чуть не стала жертвой убийц. Может, он меня даже пожалеет, как жалел вчера об Алессандро. Но мне-то от этого будет мало толку!

Шкатулка для письма стояла на столе рядом с резным ларцом донны Ассунты. При одном взгляде на него у меня на душе привычно заскребли кошки. Я отодвинула ларец подальше, с глаз долой.

Жаль, что я не смогу попрощаться с Алессандро... Когда я исчезну, другие объяснят ему все за меня. Меня будут считать преступницей, самозванкой. Сможет ли он сохранить добрые чувства к девушке, столько времени водившей его за нос? Возникло искушение написать еще одно письмо, но я быстро подавила это желание. Нет, пока я не придумаю, что мне делать с магией *кьямати*, Алессандро лучше держаться от меня подальше. Ему и так хватает риска с его службой! Чего стоила одна вчерашняя ночь!

К моему облегчению, Фалетрус клятвенно заверил, что раны Алессандро не опасны. На рассвете я поймала нашего доктора, когда он собирался пойти вздремнуть:

– Не волнуйся, Джули, – устало пробормотал он, зевнув мне прямо в лицо, – держу пари, через два дня синьор ди Горо снова будет на ногах, если у него хватит благоразумия дать себе отдых и хорошенько отлежаться. Сроду не ви-

дал такого неутомного пациента! Едва я закончил перевязку, как он вознамерился смыться из комнаты и пуститься на поиски убийц вместе с доном Арсаго! Мне пришлось дать ему снотворного, так что не шуми.

Выпустив рукав доктора, я на цыпочках послушно отошла от спальни.

Дон Арсаго действительно развил сегодня бурную деятельность, отголоски которой долетали даже до моей комнаты. Его энергия вызывала невольное восхищение. Он поставил на уши портовых чиновников, чтобы снарядить флотилию лодок и выкурить преступников из лагуны. Он направил раздраженное прошение дожу, требуя усилить ночную стражу, и навел шороху в Совете, выступив там с гневной речью. В ответ дон Соранцо тут же слег с очередным приступом болезни, а остальные сенаторы выжидающе затаились.

Новость о ночном происшествии мгновенно разлетелась по городу, взбудоражив людей. Нельзя сказать, что подобные нападения у нас были редкостью. Обычно не проходило недели, чтобы труп какого-нибудь несчастного не падал в канал Орфано, где его подхватывало течением и уносило в бескрайнюю бирюзовую могилу, именуемую Длинным морем. Но дон Арсаго был известным в городе человеком, из старейшего патрицианского рода, так что покушение на него вызвало небывалый отклик. Об этом весь день судачили на Пьяцетте, рынках и маленьких сапро. Рыбаки, выходя на утреннюю ловлю, зорко всматривались в туман: не мелькнет ли где-то лодка с тремя отчаянными брави? К вечеру Гвидо, временно выполняющий обязанности синьора ди Горо, сбился с ног, собирая доносы, ибо троих негодяев видели буквально повсюду, и каждый человек считал своим долгом сообщить нам об этом. Ночных убийц видели и в рыночной толчее на Ривоальто, и в пропахших смолой доках Арсенала. Некоторые уверяли, что брави нашли убежище в церкви Сан-Сальватор, где, согласно традиции, любой преступник мог получить отпущение грехов, просто прочитав молитву Богородице.

Обо всем этом мы с Бьянкой узнали от Маттео, молодого стражника, которого я часто видела рядом с Алессандро. Беспokoясь о здоровье своего патрона, он весь день старался находить дело поближе к дому.

Мы с Бьянкой, как обычно, сидели на алтане, любуясь контрастом ярко-рыжих крыш и фиолетового закатного неба. Я старалась не смотреть на ту часть небосвода, где сквозь прозрачные клочья облаков, похожих на рваную кисею, проглядывал лимонно-кислый лунный диск. Завтра наступит полнолуние. С моря отчетливо доносился шум, похожий на тяжелое дыхание разгневанного человека. Разговор с Бьянкой позволял хоть немного отвлечься: от зовущих голосов, слышных в этом шуме, от насмешливого взгляда луны, от протяжных криков чаек, казалось, оплакивавших мою кривую судьбу... До прихода стражника мы говорили об Инес, которая сегодня весь день не выходила из своей комнаты.

– По словам Джоанны, она весь день молилась и плакала, – бесстрастно рассказывала Бьянка. – Не нравится мне это. Человек, у которого совесть чиста, не станет сутки напролет бить поклоны перед иконами!

Тут пришел Маттео, так что нам пришлось сменить тему. Юноша совсем запыхался в своем колете из толстого сукна, бегая весь день по городу с поручениями. Его темные курчавые волосы взмокли от пота. Маттео с благодарностью принял стакан воды и две пресные лепешки, которыми угостила его Бьянка.

– Целый день потратили напрасно! – огорченно воскликнул он, проглотив в один присест первую лепешку. – Хотя, казалось бы, все наперебой стараются нам помочь! Но их показания только хуже запутывают дело... Не иначе, дьявол утащил этих *ranteganas* прямо на дно лагуны!

Коротко рассказав о новостях и подкрепившись, Маттео поспешил дальше по своим делам. Кстати, его последнее предположение было не лишено смысла. Я не решалась позвать Скарпу еще раз, а сам он пока не давал о себе знать. Наши встречи обходились мне как-то слишком дорого. По сравнению с хищной целеустремленностью пескаторо, графские стражники выглядели благостными божьими коровками.

Ночь накрыла город влажным темным покрывалом. Развесила над каналами прохладный туман, приглушила звуки, успокоила разгоряченные головы, подарив нам долгожданный отдых от дневной суеты. Правда, мне было не до отдыха. Несмотря на все тревоги последних дней, заснуть никак не получалось.

Луна, вошедшая в полную силу, была похожа на миску, до краев налитую холодным облачным светом. Ее лучи проникали даже сквозь стены. Они насквозь пронизывали зажмуренные веки, пробуждая к жизни потаенные свойства моей натуры, которые мне хотелось скрыть от всех, в том числе от самой себя. Лунный свет был так ярок, что я обошлась без свечей, заканчивая письмо к Рикардо. Посыпав песком последние строки, дождалась, пока высохнут чернила. Потом, сложив лист вчетверо, написала на лицевой стороне имя адресата, капнула растопленным сургучом и осторожно вдавила печать.

Завтра я попрошу Маттео передать это письмо Рикардо. Мой мнимый брат вместе с доном Сакетти и другими сторонниками графа Арсаго целый день будет занят в Совете, так что Маттео доберется до него только к вечеру. Я как раз успею исчезнуть. Все было готово к побегу. Мужское платье, купленное сегодня на рынке, завернуто в полотно и припрятано на дне сундука. Деньги пересчитаны и сложены в кошель. По моим подсчетам, их должно было хватить, чтобы добраться до Аримина, где я рассчитывала найти Джулию. Заодно смогу убедиться, что с ней все в порядке.

Открыв крышку ларца, я аккуратно положила письмо поверх драгоценных флаконов из цветного стекла. Гладкие стеклянные бока загадочно мерцали в глубине. В сотый раз я задумалась: почему вдруг Ассунта решила отдать мне ларец? Мы с ней даже не попрощались толком... Кажется, в нашу последнюю встречу она вообще меня не узнала – назвала Мелиной... Нет, она сказала «мела». Перед моими глазами снова встало измученное, восковое лицо на бледных простынях, пропахших лекарствами и болезнью. Это тяжелое воспоминание я увезу из Венеции – в наказание за свою самонадеянность.

Пока я заново переживала эту сцену, мои пальцы безучастно гладили выпуклые фигурки птиц, вырезанных на боках шкатулки. Сидя на ветках гранатового дерева, птицы клевали его плоды. Между прочим, «мела» на старом языке означало «яблоко». Ларец выглядел древним. Такие шкатулки часто использовали для хранения семейных секретов. А вдруг...?

Затеплив свечу, я с пристрастием принялась изучать ларец. Вынула все флаконы, простучала дно. Ничего не нашла, но мне показалось, что внутренность сундучка была менее вместительной, чем его наружные размеры. Зна-

чит, в нижней части должно быть еще одно отделение!

Если бы не подсказка Ассунты, я его ни за что бы не нашла, так хитро оно было спрятано среди узоров! Осмотрев и прощупав все фигурки, вырезанные на боках, я случайно вдвинула гранатовое яблоко в клюв сидящей рядом птицы и – щелк! – нижняя часть шкатулки, которую я считала единым целым, вдруг выдвинулась вперед. В глубине узкого ящичка что-то белело. Дрожащими руками я схватила и распечатала письмо. Оно было адресовано Джулии.

«Милая моя девочка, жаль, что не могу тебя утешить хорошими новостями касательно нашего дела...»

Этот мелкий бисерный почерк был мне знаком. Он принадлежал Беатрисе Граначчи. Джулия иногда зачитывала вслух отрывки из ее писем, приходивших в монастырь каждую неделю. Слушая ее, я мысленно улыбалась, радуясь за подругу. Их отношения с матерью казались мне удивительными, полными веселой ласковости, теплоты и доверия. Их омрачало только одно обстоятельство: сватовство Энрике Арсаго и настойчивость его отца.

«...поскольку граф продолжает упорствовать в своем желании видеть тебя своей невесткой, я готова благословить тебя на поступок, который при других условиях сочла бы неприемлемым. Но прошу тебя, милая дочь, воздержись от опрометчивых шагов хотя бы до моего следующего письма! Надеюсь, я все же смогу уладить дело. Завтра я собираюсь встретиться с...»

Очевидно, Беатриса всеми силами старалась избавить дочь от ненавистного брака. Вот только отправить это письмо она не успела. Встреча, о которой здесь говорилось, закончилась для нее трагически.

Потерев ладонями горевшие от усталости глаза, я попыталась собраться с мыслями. Вероятно, Ассунта нашла это письмо в бумагах донны Беатрисы, разбирая вещи после ее смерти. Когда я приехала в Венетту, тетка не отдала его мне, так как подозревала во мне самозванку. Почему она в конце концов изменила решение, читала ли она письмо, заподозрила ли убийцу – этого я уже не узнаю... Может быть, познакомившись с домом Арсаго поближе, она согласилась, что выдать Джулию за Энрике означало принести ее в жертву? Может быть, сочувствие ко мне (или к племяннице) перевесило в ее душе те выгоды, которые семейство Граначчи получило бы от этого брака?

Я могла лишь предполагать. Но главное – теперь я знала, с кем виделась донна Граначчи накануне своей внезапной смерти. Вскочив, я с отвращением отшвырнула письмо. Она встретила его, как дорогого гостя – а он в ответ поднес бедной женщине бокал с ядом! Потому что она, видите ли, мешала его планам!

Я тяжело оперлась на оконницу, прижавшись щекой к мягкой бархатной портюре. Гнев тяжелыми толчками бился в груди. Если бы я могла отомстить! Вызвать сюда всех живущих-под-волнами, тех, кого боятся даже помянуть в разговоре, кто отравляет сны тяжелыми видениями, заставляя сердце замирать от беспомощности и ужаса... О, я могла бы до краев наполнить этот дом страхом! Снова, как вчерашней ночью, у меня закололо ладони. Луна, настороженно следившая за мной совиным взглядом, вдруг потемнела, наливаясь угрожающей краснотой. Было слышно, как вдалеке в нетерпении бьется море. Сегодня самая подходящая ночь, чтобы открыть ему дорогу в город!

«Мечь – это опасное оружие, которым невозможно управлять, – строго напомнила я себе. – И оно больше всего бьет по тем, кто ни в чем не повинен!».

Я подумала о Маттео, дежурившем сейчас на причале, об Алессандро, Бьянке и Инес, спящих в своих постелях, – и решимость моя увяла.

Джулия всегда говорила: если что-то задумала – делай сразу. Долгие размышления способны подточить любой замысел, как морская вода точит каменные стены...

Так и не решившись обратиться к морю, я внезапно сама почувствовала зов. Ощущение чужого присутствия было звонким и отчетливым, как ясный звук колокола на рассвете. Замерев от неожиданности, я вся обратилась в слух. Между прочим, вчера, перед возвращением Рикардо, тоже кто-то торчал под нашими стенами! Кого там носит? Может, Скарпа пришел требовать долг? Но больше всего меня поразило, что неизвестный пытался позвать меня по имени! Моему настоящему имени, данному при рождении, которое здесь, в Венеции, не знал никто! «Я здесь», – осторожно откликнулась я, как умеют *кьямати*. В тот же миг где-то в глубине дома раздался предостерегающий крик.

От резкого вопля, раздавшегося в ночи, я едва не вывалилась из окна. Что случилось? Пожар? Горим? Метнувшись к двери, я прижалась к ней ухом, но слышала только скрип полов в соседней комнате. Наверное, там тоже кто-то проснулся. Нужно выйти посмотреть, что случилось. В коридоре было темно, хоть глаз выколи. Крики доносились с другой стороны дома.

– Джулия? – послышался шепот.

Я мгновенно прижалась спиной к стене, выставив перед собой свой кинжалчик. Пусть смехотворное, но все же оружие!

– Кто-то проник в дом. Будьте у себя и никого не впускайте.

Чтоб ему лопнуть, он меня до смерти напугал! Постепенно привыкая к темноте, я могла различить только светлое пятно рубашки и блеснувшие на миг белки глаз, но этот уверенный хриловатый голос узнала бы из тысячи. Это был Алессандро. Светлое пятно скользнуло в сторону лестницы и растаяло в темноте. Навострив уши, я расслышала слабый шорох, с которым меч выходит из ножен.

Мне ужасно хотелось позвать Пульчино, чтобы непроглядная темнота обрела, наконец, контрастность, чтобы снова почувствовать себя сильной! Не такой беспомощной и одинокой, как сейчас. Но сегодня наступила особая ночь, когда магии было лучше не касаться. Я хорошо запомнила то ощущение, когда дремавшее во мне мирное волшебство вдруг обернулось кровожадным хищником, готовым убить всех вокруг.

Двигаясь вдоль стены, я хотела вернуться в комнату, как просил Алессандро. Чья-то рука зажала мне рот, отчего у меня вторично чуть сердце не выскочило из груди. Я дернулась, собираясь ударить нападавшего ногой. Меня удивил запах. Пахло чернилами, старыми книгами и чуть-чуть – маслом от фонаря, с которым мы сидели на алтане. Это была Бьянка.

– Тихо, тихо! – шепнула она, потянув меня за рукав.

Проскользнув в ближайшую комнату, мы бесшумно прикрыли дверь, стараясь не скрипнуть. Здесь тоже было темно, как в колодце. Над ухом еле слышалось чужое дыхание. На фоне окна, обведенного бледным лунным сиянием, выделялся чей-то силуэт. Длинные белокурые локоны, тусклый блеск шелка на рукавах... Инес! Значит, и она здесь!

– Что вы тут делаете? Зачем бродите по дому? – шепотом спросила я, когда

Бьянка подтащила меня к окну. Ее лицо, выступившее из мрака, скупое усмехнулось:

– Мы же не знали, что именно сегодня кто-то надумает вломиться! Скажем так, у нас здесь был свой разговор.

Снизу доносились крики, шум и лязг железа. Инес резко отвернулась к окну. Я подумала, что разговор с Бьянкой, если он действительно имел место, доставил ей мало радости. Что за дела здесь творятся по ночам? Обе девушки выглядели, как кошки, застигнутые врасплох.

Крики снаружи приобрели победный оттенок.

– Кажется, там кого-то поймали? – спросила я.

Оказалось, что нет. Нам, женщинам, никто не собирался ничего объяснять, но, насколько я поняла, в дом пытались забраться воры. Стража их просто спугнула. Некоторые были недовольны таким результатом. Стоя наверху лестницы, я смотрела, как в просторный холл, наспех освещенный факелами, стекались люди. Посверкивали железные кирасы стражников, среди них мелькала светлая рубашка Алессандро.

– Ушел! – с досадой махнул рукой высокий стражник, в котором, присмотревшись, я узнала Гвидо. – Прыгнул в воду – и был таков! Но я успел узнать его! Пусть меня повесят, если это не тот проклятый ариминец – Манриоло!

Я заметила, что Алессандро при этих словах изменился в лице и умолк, нахмурившись. Остальные тоже притихли, когда в холле появился граф. Строгий покрой темно-красного дублета делал его плечи еще шире, массивная голова была гордо поднята. Он излучал не меньше властности, чем дож в парадном золотом одеянии.

– Ушел – и к дьяволу его! – разнесся по холлу звучный голос дона Арсаго. – Пускай моррены его прикончат!

Мужчины согласно засмеялись. Прячась за одной из колонн, подпиравших галерею, я восхищалась графом и в то же время люто его ненавидела. Безусловно, дон Арсаго был прекрасным лидером для своих людей. Он хлопал их по плечу, благодаря за службу, и для каждого умел найти такое слово, что человек чувствовал себя особенно польщенным. Я видела, как расцветали лица стражников, готовых за него шагнуть в огонь и в воду. Бедняги. Они не подозревали, что Арсаго без раздумий пожертвовал бы каждым из них, окажись это в его интересах, как он поступил с несчастной донной Беатрисой...

«Это не человек, – думала я со злостью, – это какой-то осадный таран, по чистой случайности принявший человеческий облик!»

Между тем, в толпе мужчин граф заметил Алессандро:

– И ты здесь! – воскликнул он с неудовольствием. – Так. Где Фалетрус?

Наш застенчивый доктор тоже обнаружился неподалеку.

– Я что велел?! – грозной тучей надвинулся на него Арсаго. – Забирай пациента, – кивнул он на Алессандро, – и чтобы до полного выздоровления я его здесь больше не видал! И не спорь! – обернулся он к неугомонному начальнику стражи, собиравшемуся было возразить. – Ты мне здоровым нужен! С убийцами мы сами разберемся. А может быть, как в деле с Манриоло, нам помогут иные силы...

Говоря это, граф посмотрел вверх – и я отшатнулась за колонну, чтобы не встретиться с ним взглядом. Но я успела поймать выражение торжества, осветившее его лицо. Дон Арсаго выглядел сейчас как мастер, запустивший слож-

ный механизм и наслаждавшийся теперь его работой. Словно кукольник в театре, где все мы были марионетками.

В этот момент мне стало страшно.

Глава 20

Слова донна Арсаго оказались пророческими. Серо-розовое полотно тумана еще не успело истончиться под яркими солнечными лучами, когда от пристани, с Пьяцетты до нас дошла ошеломляющая весть. Гвидо с отрядом стражников отправился на площадь и, вернувшись, подтвердил, что это правда. На рассвете рыбаки нашли два тела, брошенные между колоннами на Пьяцетте. На том самом месте, где обычно проводились городские казни. Я, конечно, сразу поняла, чьих это рук – вернее, зубов – дело. Скарпа оказался расторопнее всех городских стражников, вместе взятых. В одном из погибших горожане опознали известного наемного убийцу, другой был торговцем из семьи Фальери, дальним родственником сенатора.

Город снова забурился, не хуже, чем вчера. Слухи о нападении на графа Арсаго были еще свежи у всех в памяти. Говорили, что третий разбойник сдался сам: он пришел к Дворцу дождей и умолял запереть его в самой жуткой камере Пьомби, лишь бы подальше от моря.

– Будет суд, – веско сказал дон Арсаго, вызвав меня к себе. – И ты тоже должна на нем присутствовать. Моя жена проводит тебя туда.

Он небрежно кивнул графине. Я только сейчас заметила ее присутствие. Хрупкая донна Арсаго совершенно терялась в тени своего мужа. В черном платье с серебристой отделкой и высоким оборчатый воротником, она походила на летучую мышь, беспомощно моргавшую на солнце.

– Но зачем? – робко возразила я.

Донна Арсаго бледно улыбнулась:

– Дорогая девочка, ведь ты была первой, кто пострадал от убийц. Вместе с донной Ассунтой. Ты нам почти как дочь, поэтому мой супруг будет защищать и твои интересы...

«Вероятнее всего, он хочет показать меня сенаторам, как главный козырь в борьбе за шапку дожа», – подумала я. Мне совсем не хотелось подчеркивать свою принадлежность к семье Арсаго, однако пришлось подчиниться. Граф не желал слушать никаких возражений. Оставив меня на попечении жены, он почти сразу ушел. Я послушно оделась, но, повинувшись неясному желанию, вытащила из шкатулки последнее письмо Беатрисы Граначчи, чтобы взять его с собой. Спрятанное за корсажем, оно похрустывало при каждом резком движении. Мое тайное оружие против всемогущего графа. Интересно, что будет, если я возьму и предъявлю его в суде?!

В гондоле нас сопровождали двое стражников. «Для безопасности», – объяснила донна Арсаго. Я сделала вид, что поверила. Люди, собравшиеся на берегу, приветствовали нас радостными криками, некоторые бросали цветы. За одно утро Лоренцо Арсаго стал почти национальным героем: человек, за которого отомстило само море! Венецианцы всегда относились к морю с огромным почетом, и это было на руку графу...

Через арку Порты Карта мы прошли во внутренний двор Дворца дождей, где заседали все советы, Коллегия и суд. Я с некоторым трепетом огляделась вокруг. Мне еще никогда не приходилось бывать здесь. Дворец Дожей был фак-

тически символом венецианской власти. В центре просторного двора, с четырех сторон окруженного стенами и аркадами, возвышался бронзовый колодец. Каждый день его наполняли чистой горной водой, которая ценилась дороже вина. Толстые бронзовые стенки были покрыты изображениями морских чудовищ. Среди лап, плавников и чешуи вдруг мелькнула знакомая ощеренная пасть. словно наяву мне послышалось: «Ты должна мне, колдунья». Вильнул толстый хвост, скрывшись в зеленоватой бронзовой глубине. Я поспешно отвела глаза – и встретилась взглядом с каменным грифоном, сторожившим вход во дворец. Волшебное существо, казалось, напряжилось, готовясь к прыжку, его острый клюв целился мне прямо в сердце, длинный хвост раздраженно подергивался. Грифоны никогда не любили «морских ведьм», а в вестибюле, коридорах и на лестнице меня поджидал еще добрый десяток этих тварей. Я понадеялась, что легенды об оживающих статуях, которые любили рассказывать в городе, – это всего лишь глупые сказки.

Пройдя на цыпочках мимо грозной статуи, я попала внутрь. Мы с донной Арсаго пересекли прохладный холл с тщательно натертыми, скользкими мраморными полами. Наши шаги рождали гулкое эхо, когда мы шли под угрюмыми тяжелыми сводами длинных коридоров. Наконец, перед нами распахнулись деревянные двери с вырезанной на них скульптурой богини Правосудия, и мы оказались в зале суда.

Как я уже говорила, судебные дела вершились в Венеции без всяких проволок. Мы успели как раз к началу заседания. Зал был почти полон. В дальней его части, на возвышении, покрытым красным бархатом, сидели судьи. Перед ними находились места для сенаторов. Важные господа, облаченные в алые тоги поверх одежды, рассаживались по креслам. Сбоку стояло специальное высокое кресло для дожа, который должен был присутствовать при слушании особо важных дел. Подсудимому отводилось место в центре пустой площадки, откуда всем было хорошо его видно. Стоять там под прицелом злых осуждающих взглядов уже было немалым наказанием.

Дальше, до самой стены, тянулись скамьи для зрителей. Знатным горожанкам не полагалось смешиваться с толпой, поэтому для нас были выделены места на боковой галерее, отделенной от простой публики высоким деревянным барьером. Донна Арсаго, усевшись, кивком указала мне на свободное место. Здесь, в «дамской» секции, шелестели широкие юбки, отовсюду доносился запах цветочных эссенций и душистых масел. У меня слегка закружилась голова. На нас с графиней косились, от самого прохода нас сопровождали взволнованные шепотки.

Наконец, явился дон Соранцо. Медленно, не торопясь он прошествовал к своему «трону» под балдахин, скрывая слабость за величественными манерами, и слушание началось. Публика зашевелилась, когда ввели обвиняемого. Тот выглядел обтрепанным и больным, хотя фигура его, если приглядеться, была рослой и крепкой. На грубом лице, заросшем неопрятной бородой, застыло угрюмое безразличие. Он был похож на одного из бывших солдат, из тех, кто после войны не пожелал возвращаться к скучным мирным делам и вместо этого бродил по городам, продавая свой меч всякому, кто согласится заплатить. Таких людей называли «кондотьерами».

Дон Арсаго, степенно поднявшись, произнес пылкую обвинительную речь, от которой на лицах сенаторов и судей отразился гнев и какое-то свирепое

удовлетворение. Дон Арсаго умел воздействовать на публику. Меня тоже тронуло бы его красноречие, если бы не письмо, извлеченное прошлой ночью из ларца донны Ассунты.

– ...Какое же наказание следует избрать для человека, посягнувшего на жизнь гражданина Республики? – спросил граф.

«Да, какое?» – подумала я, невольно прижав ладонь к груди. Спрятанное письмо, казалось, обжигало мне кожу.

Глаза графа в этот миг были прикованы ко мне – они сверкали, как полированные агаты. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Затем дон Арсаго ловко свернул патетическую речь и вернулся на свое место, успев по пути шепнуть что-то одному из стражников. Я узнала Гвидо. Тот тихо перешел на другую сторону зала, где за спинами сенаторов сидел беспечно улыбающийся Рикардо. «Он понял, что мне все известно!» – пронзила меня догадка. – Что он будет делать? Зачем ему Рикардо? Не собирается ли он причинить ему зло?!» Между тем, граф, метнув на меня еще один жесткий взгляд, тихо заговорил с каким-то пожилым сенатором с острой бородкой. Он держался так невозмутимо, будто все происходящее перестало его интересовать.

Судьи перешли к допросу. Самый главный из них, с высокомерно-холодным лицом, задавал обвиняемому один вопрос за другим. За отдельным столиком писарь торопливо скреб пером, едва успевая записывать ответы. Bravo, неподвижно стоявший в центре зала, отвечал механически, не раздумывая, даже не поднимая головы. Думаю, он понимал, что из себя представляет наша государственная машина, которая способна прожевать и выплюнуть любого, даже не поморщившись. Человеку, попавшему в ее шестерни, не на что было надеяться и неоткуда ждать спасения.

– Мы должны были подстеречь вон того синьора, – кивнул он на графа, – когда тот будет возвращаться из Золотого дворца. Я не знаю, кто заказчик. На это дело меня подрядил Бартоли.

Тело синьора Бартоли было одним из тех, что нашли сегодня утром на Пьяцетте. Дальний родственник дона Фальери. Неудивительно, что при упоминании этого имени сенатор встрепенулся, и его светлые выпуклые глаза вспыхнули, как у совы:

– Хочу сообщить уважаемому собранию, – вмешался он, – что я давно не веду дел с господином Бартоли, хоть и состою с ним в родстве. Я не знал даже, что он в Венеции!

– Ну да, конечно, – хмыкнул кто-то у меня за спиной. Судья стукнул молоточком по столу, призывая всех к молчанию. Допрос продолжался:

– Часто ли вы берете такие заказы?

– Ремесло не хуже всякого другого, – пожал плечами бессовестный наемник.

– Это вам неделю назад поручили убить синьориту Джулию Граначчи?

Обвиняемый поднял голову. В первый раз за время слушания по его спине пробежала нервная дрожь:

– Я ничего не знаю о других убийствах! Нас подрядили разобраться с тем знатным синьором, это я признаю. Но больше я ничего не знаю!

– Это вы пытались отравить дону Арсаго на празднике в День Изгнания?

– Нет! Я ничего не знаю о ядах! – в голосе убийцы послышалась паника. – Я простой человек! Нас подрядили...

– Ясно. Знакомы ли вы с господином Луиджи Манриоло из Аримина?

– Я не знаю этого человека.

– Кто напал вчера ночью на ваших товарищей?

– Не иначе, сам дьявол.

Эта фраза, произнесенная испуганным шепотом, вызвала немалое оживление в зале.

– Вот как? – насмешливо переспросил судья. – Что, сам дьявол вышел из моря, чтобы покарать вас?

Со своего места я не видела лица обвиняемого, но заметила, что его пальцы судорожно сжались в кулаки. Даже костяшки побелели. От него тошнотворно пахло страхом.

– Так все и было, – забормотал наемник. – У синьора, на которого мы дерзнули напасть, мечи оказались острее наших. Мы отступили и скрылись в подворотне. Бартоли заранее договорился с хозяином, чтобы маленькую дверь в воротах оставили открытой...

– Между прочим, домовладелец – один из должников Фальери, – ехидно прошептал за моей спиной все тот же голос. – Чисто случайно, конечно!

– ...там мы взяли лодку и вышли в лагуну, – продолжал неудачливый убийца. – Был туман. Мы заблудились. Ни один из нас в своем уме не поперся бы к тому проклятому острову! Не зря же его называют островом Семи Мертвецов! Души многих рыбаков нашли там последнее пристанище... Но у нас на пятках висела погоня, и искать другое укрытие было поздно. Поэтому мы развели костер в распадке между холмами, положившись на заступничество святых.

– Не очень-то они вам помогли, – позволил себе заметить судья.

– Под утро к костру подошел рыбак – старый, весь просмоленный насквозь. Сказал, что причалил за мысом. Однако Бартоли потом сходил проверить и не нашел никакой лодки, ни следочка!

– А зачем ему понадобилось проверять?

– Мы надеялись, что рыбацкий ялик окажется крепче нашей лоханки, – бесхитростно признался наемник. – К тому же, там наверняка были сети. Можно было выдать себя за рыбаков и ускользнуть на Дито. Но лодки не было. Бартоли так и сказал, когда вернулся: мол, не иначе морской конь принес тебя сюда, дедуля. А тот вдруг разъярился: «Сравнивать меня – меня! – с тупым валлуко?!» Лицо его страшно растянулось, во рту блеснули длинные зубы, похожие на лезвия ножей. Прямо на наших глазах мерзкий старик исчез, а вместо него из темноты выскочило чудовище. Одним ударом хвоста оно разметало костер. Меня сбило с ног, рядом кто-то кричал... Последнее, что я помню – как оно выпустило кишки Бартоли, а потом я, должно быть, отключился. Очнулся уже на площади. Как мы туда попали – не знаю. Оба моих товарища были мертвы.

После этой исповеди в зале воцарилась звенящая тишина. Я поймала на себе несколько взглядов – настороженных, почтительных. «М-да, попробуй-ка стань поперек дону Арсаго, когда ему ворожит само море!» – шепнул кто-то, не очень стараясь понизить голос. Впрочем, многие из присутствующих восприняли откровения убийцы с недоверием. «Брехня!» – шептались вокруг. – «Парень всю ночь провел на проклятом острове, вот и повредился умом!»

Одна я знала, как мало вымысла было в рассказе преступника. Пусть не я лично убивала брави на острове – но я тоже была их судьей и палачом. Доста-

точно было прочесть мысли проклятого пескаторо... Мне вдруг остро захотелось выйти на воздух.

Сзади продолжали шептаться:

– Полагаешь, его осудят?

– А ты как думаешь? Пеллагатти, главного судью, этими сказками не проймешь! Он даже с кошки ухитрится настричь тюк шерсти!

Пока законники совещались, зрители на свой лад обсуждали услышанное. Гул в зале становился все громче. Сочувствия к убийцам никто не испытывал. Если море иногда забирает жизни невинных, почему бы ему не покарать трех злодеев?

Наконец, по судейскому столу снова трижды ударил молоток, добиваясь тишины:

– Обвиняемый Джованни Бассо сознался в покушении на сенатора, – веско произнес судья. Его голос разнесся под сводами зала, достигнув самых дальних уголков. – Однако, учитывая плачевное состояние его рассудка, мы решили, что он не заслуживает смерти. Его отвезут в дом призрания на острове Сан-Клементо.

Последние слова судьи утонули в крике, хлестнувшем меня, как бичом. Обвиняемый резко вскинулся с места. Двое стражников едва могли его удержать.

– Остров? – вопил он, выдираясь из их рук. – Остров?! Нет! Лучше повесьте меня!

Дикий крик перешел в хохот, исполненный ужаса. Судья лишь бесстрастно пожал плечами. Сенаторы уже потеряли к преступнику всякий интерес, поднимаясь с мест и собираясь небольшими группами. Люди, сидевшие в задних рядах, начали пробираться к выходу.

«Вообще-то зря он так боится воды, – думала я. – Пескаторо теперь найдет его повсюду. Пусть живущие-под-волнами не везде могут появиться во плоти, зато они с легкостью могут проникнуть в ваше сознание, наполняя его кошмарами».

Словно услышав мою мысль, осужденный вдруг обернулся прямо ко мне и захлебнулся криком. «Ведьма!» – отразилось на его лице. Я поспешно отвела взгляд. Меня здесь удерживала только необходимость поговорить с Рикардо, но в такой толчее об этом нечего было и думать. Нас разделяло волнующееся человеческое море. Мой «брат» издали помахал мне рукой и отвернулся, беседуя с каким-то сенатором. Донна Арсаго уже второй раз тронула меня за локоть:

– Пойдем, дорогая. Сейчас будет давка. У большинства людей нет никакого представления о приличиях!

Поднимаясь, я огляделась, однако ряд кресел, расположенных позади наших, был уже пуст. Ближе к выходу виднелись несколько спин в плащах с наброшенными капюшонами. Так я и не узнала, кто были эти синьоры, но, похоже, они не испытывали симпатии к Фальери. Большинство зрителей, удовлетворив свое любопытство, расходились по своим делам, хотя преступник был еще здесь: он продолжал безумствовать и вырываться. Охранникам кое-как удалось подтащить его к выходу, когда он в последний раз обернулся, наставив палец то ли на дожа, то ли на дона Арсаго:

– Из-за таких, как вы, Республика падет! Слышите?! Не пройдет и дня, как

Золотой грифон будет повержен, а ваши дома зальет соленой водой! Попомни мои слова, Соранцо! Тебе осталось властвовать не больше суток!

Его грубый голос неожиданно усилился, в нем прорезались пророческие нотки. На помощь судейским поспешили двое солдат в блестящих кирасах. Общими усилиями им удалось, наконец, выпихнуть обезумевшего убийцу в коридор, ведущий к тюремным казематам. Сенаторы загудели, как улей, снизу до нас донеслись отдельные возмущенные восклицания. Старый дон Соранцо, как раз успевший подняться на ноги, замер под балдахином, неподвижно глядя перед собой. Лицо его на фоне темно-красной парчи казалось пепельно-серым. Он застыл – а потом вдруг, изломившись, осел обратно в кресло, свесив голову, будто сломанная кукла.

Снаружи нас уже поджидали слуги донна Арсаго с полосатыми желто-синими гербами на ливреях. Мне хотелось узнать, что случилось с дожем, но его сразу окружила толпа сенаторов в ярко-алых тогах, и под звуки их возбужденных голосов донна Арсаго вытащила меня из зала заседаний. На внутреннем дворе и под аркой ворот толпились люди. Они сходились и расходились, собираясь в группы. На нас никто не обращал внимания. Воздух вокруг гудел, подогреваемый невероятными слухами. Сплетни множились, как кролики весной. Пространство Золотого дворца, стиснутое с четырех сторон ажурными фасадами, сейчас напоминало котел, в котором выплавлялось политическое будущее Венетты. Здесь заключались союзы, покупались и продавались голоса. Я не сомневалась, что слух о внезапной слабости дожа уже дошел до Пьяцетты и теперь летит, как на крыльях, к Ривоальто, Дорсодуро и остальным сестьерам. Не пройдет и часа, как весь город будет в курсе событий.

Мы с донной Арсаго, в сопровождении двух стражников, едва успели подойти к пристани, когда по ушам ударил резкий колокольный звон. Все растерянно переглянулись, а один из стражников даже перекрестился. Бледное, худое лицо графини вдруг поджалось и отвердело.

– Госпожа! Госпожа! – долетело сзади.

Пробираясь через толпу, нас догнал запыхавшийся Маттео:

– Дон Соранцо скончался! – выпалил он, сверкая круглыми глазами. – Похороны послезавтра. Уже назначили шестерых сенаторов, которые пока будут всем распоряжаться, до выборов. Дон Арсаго просил передать вам письмо...

Нервными руками графиня быстро развернула записку, пробежала ее глазами, и уголки ее губ тронула неуверенная улыбка:

– Энрике возвращается, – пояснила она, коротко взглянув на меня. – Дон Арсаго приказал ему немедленно вернуться. Завтра же вы поженитесь. Муж просил, чтобы я известила священника и устроила все, что нужно. Пойдем, Джулия, у нас много дел.

Нужно было что-то ответить, но у меня как будто отнялся язык. Как хорошо было, пока Энрике торчал в Патаве, и наша свадьба откладывалась на неопределенный срок! Кто же знал, что положение так резко изменится!

Длинная гондола покачивалась на мутных зеленоватых волнах, негромко плещущих о деревянные сваи. Острый нос лодки был похож на клинок, блестящий от влажной мороси. В воздухе, в туманной дымке, клубившейся между домами, ощущалась затаенная тревога. Потянув носом, можно было уловить запах соли; на причальных столбах и беленых стенах поблескивали соле-

ные серебристые следы. Словно пущенный камень, с резким криком пролетела чайка. Вода, в которую погружалось весло, казалась слишком темной и какой-то вязкой. Один раз весло зацепило комок спутанных водорослей.

Дом донна Арсаго выступал из воды, подобно коралловому рифу. Как только мы высадились, слуга, почтительно склонившись перед графиней, распахнул ажурную решетку, отделяющую пристань от дома. А потом она с лязгом хлопнулась за нами, словно дверца клетки.

Находиться здесь было невыносимо. Холодный вестибюль из венозного мрамора, наполненный водянистым зеленоватым светом, вызывал озноб. Каменные истуканы-осьминоги насмешливо скалились мне в лицо. Донна Арсаго, окруженная слугами, всюду распоряжалась насчет завтрашнего парадного обеда:

– Ты пришлешь ко мне мясника. Лучше Бертуччо! Так. Ты достань и почишь серебро. Нужно нанять еще двух поваров. Список гостей у меня давно составлен... Клариче! Возьми ключи и достань шкатулку с пряностями. Где Джакомо? Пусть сбегает к булочнику за пирогами.

Молчаливый дом разом наполнился голосами и стуком дверей. Запустив эту хозяйственную машину, графиня обернулась и взяла меня за руку:

– Я должна поговорить с тобой, Джули.

Ее ладонь казалась холодной, а лицо в нездоровом свете холла – бледным и каким-то плоским, словно смятый лист бумаги. От нее пахло затхлостью, сухими цветами и застарелой печалью. Я осторожно высвободила руку:

– Я хочу увидеть Рикардо! Когда он вернется?

– Ах, дорогая, у мужчин сейчас полно своих забот! – почти пропела графиня, увлекая меня по лестнице наверх.

Моя комната встретила нас обычным уютом и покойной тишиной. Пока я сидела в зале заседаний, чьи-то невидимые руки застелили постель и собрали разбросанную одежду. Я украдкой бросила взгляд на ларец, в потайном отделении которого спрятала сегодня утром мое письмо-исповедь. Если бы все шло по плану, вечером Рикардо прочитал бы это письмо, а я была бы уже далеко. Как жаль, что дону Соранцо приспичило так не вовремя умереть!

– Давай подумаем, что ты наденешь завтра, – говорила донна Арсаго, открывая сундуки. – Все-таки свадьба – это самое яркое событие в жизни девушки. Жаль, конечно, что твоей матери нет сейчас рядом, родную мать никто не может заменить. Но завтра ты станешь моей дочерью, и мы...

Стараясь не вскипеть, я стиснула кулаки, так что на ладонях остались красные отметины от ногтей. Как она смеет говорить о Беатрисе, после того как ее муж подло убил бедную женщину! С каким удовольствием я бы достала письмо донны Граначчи и швырнула ей в лицо!

Правда, после этого я вряд ли выйду из комнаты живой. Донна Арсаго всегда была послушной исполнительницей воли своего мужа. Нужно быть осторожнее...

Тем временем графиня все вытаскивала и раскладывала на кровати цветные платья из бархата и шелка. Она оживилась, на бледном бумажном лице проступил румянец. Вспомнив, что на дне сундука лежит припрятанная мужская одежда, я спохватилась и заступила ей дорогу:

– Простите меня. Все это так неожиданно... Я хотела бы остаться одна.

Донна Арсаго осеклась. Было видно, что ее обидело мое пренебрежение.

– Пожалуйста, известите меня, когда вернется Рикардо, – добавила я твердо.
– Что ж... как знаешь.

Гордо расправив узенькие плечи, она величаво двинулась к двери. «Наверное, в мыслях уже представляет себя догарессой!» – хмыкнула я. На пороге она обернулась:

– Мой муж всегда был терпелив к твоим капризам, но теперь для них не время! Теперь, когда дож умер, Арсаго и Граначчи должны объединиться! Или ты хочешь, чтобы этот щенок Пьетро Соранцо и дальше тянул Венетту в пропасть, распродавая по кускам наши земли?! Вспомни хотя бы о брате! Хочешь, чтобы его дело пошло прахом? Подумай об этом хорошенько, девочка!

Высказав это, она вышла и аккуратно прикрыла за собой дверь. Проскрежетал ключ. Меня заперли в комнате. Оставшись одна, я шумно перевела дыхание, пытаюсь проглотить злость, раздражение и обиду. Не дать им воли. Луна, невидимая в сером небе, притаилась за тусклым жестяным светом солнца, но я чувствовала, как ее желтый глаз следит за мной. «Позови их», – подстрекала она.

Нет! Должен быть другой способ! Я дождусь Рикардо. Вернется же он когда-нибудь. Отдам ему письмо его матери. Может быть, вдвоем у нас получится свернуть эту скалу по имени Лоренцо Арсаго. Что бы там ни было, а свадьбе не бывать! «Главное – убрать отсюда Пульчино, – спохватилась я. – Нужно сказать ему, чтобы прекратил поиски и оставил крипту в покое».

Звать пришлось долго, я даже встревожилась. У меня взмокли виски, и пришлось присесть от слабости, прежде чем откуда-то издалека долетел слабый ответный возглас.

«Пульчино! Что случилось?»

«Давно тебя не было слышно, сестренка. Есть хорошая новость – я нашел крипту. И плохая, для равновесия: кажется, мне отсюда не выбраться».

Я вскочила, отбросив стул.

«Что?! Где ты? Я иду!»

Тишина. Ответом мне было мягкое, непроницаемое молчание. «Он обрубил нашу связь нарочно! – догадалась я, холодея от страха. – Чтобы я не сунулась в опасное место, чтобы оградить меня от чего-то!» Ох, Пульчино! Разве кто-нибудь из чайчьего племени поступил бы так?! Это все наша связь, это я виновата... Я принимала как должное, что во мне поселились некоторые черты и привычки Пульчино. Однако я забыла, что магия работает в обе стороны. Точно так же мой друг заимствовал мои мысли и принципы...

Сжав ладонями пылающий лоб, я заставила себя успокоиться. Паникой делу не поможешь. Как его смогли поймать? По нашему уговору Пульчино дежурил возле стеклянного купола на алтане. Вероятно, там он и попался. Чайка, целыми днями крутившаяся возле кунсткамеры, могла вызвать чьи-то подозрения. Значит, поиски нужно начать оттуда!

Толкнув дверь, я вспомнила, что она заперта. Более того, прикинув ухом к замочной скважине, я услышала чье-то сопение и покашливание. Меня не только заперли, но и приставили стражу. Ладно, еще поглядим, кто кого! Новое препятствие только пуще меня раззадорило. Раз в дверь не пускают – выйдем в окно... Я решительно распахнула створки. Над каналом стелился вечер. Соседний дом стоял, погруженный в дремоту, закрыв слепые глаза-ставни. Далеко внизу темнела шелковая гладь воды. Эх, стать бы мне чайкой, взлететь

бы свободно в открытое небо!

Увы, небо было пока недоступно. А вот каменная стена, вся в щербинах и выбоинах – вполне. Стянув с себя широкие юбки, я наспех переделалась в мужское платье: рубашка, дублет без рукавов, короткие штаны и чулки. Новая одежда была непривычно тесной, зато давала большую свободу движений. Перекинув ногу через окно, я выглянула наружу. Где-то внизу наверняка дежурил стражник, но его вряд ли заинтересует происходящее на крыше. Его дело – следить за каналами... Отлично! Они хотели запереть меня в клетку?! Ха!

В далеком детстве мне не раз приходилось спускаться по плющу из окна башни. Мои ладони вечно были в ссадинах и зеленых пятнах от травяного сока. Подняться наверх должно быть не намного сложнее... Под окном проходил карниз шириной в ладонь, а недалеко от края стены торчал водосточный желоб. Плюща в Венеции не водилось, поэтому я прихватила с собой декоративный шнур от портьер, сделанный из прочного шелка. Сделав на одном конце петлю, со второй попытки мне удалось захлестнуть ее вокруг шеи каменной горгульи, венчавшей угол алтаны. Крошечными шажками переступив по карнизу, я выбрала удобное место и начала подниматься, цепляясь за каждый выступ и осторожно нащупывая, куда поставить ногу. Главное – не шуметь. И не смотреть вниз. Слуги были заняты поручениями донны Арсаго или улизнули на площадь, чтобы поживиться свежими новостями. Никто меня не заметит. Нужно всего лишь подняться на один этаж, а затем перелезть через парапет террасы – плевое дело!

Город, выросший из моря, тем не менее оставался его неотъемлемой частью, и сейчас вместе с морем чувствовал себя неважно. Насупленные каменные дома дрожали, словно корабли, готовые сорваться с якорей. Купола церквей покачивались в загустевшем воздухе, пропитанном солью. Голоса колоколов сегодня звучали особенно тоскливо, заходясь в бессильной тревоге. Дворец дождей был похож на затонувшую барку, перевернутую кверху килем. Над ним, словно волны, угрюмо плыли вереницы туч.

Смутная тревога улиц невольно передавалась жителям, даже при том, что большинство были всецело озабочены смертью дожа и предстоящими выборами. На перекрестках, перед статуями Девы Марии, стоящими в нишах домов, загорелись золотые искорки-свечи – в благодарность за спасение погибающих в морских волнах.

Море издревле пугало своей мощью. Все сущее рождается из воды и после смерти растворяется в ней. Наводнение было старым знакомым врагом, уже много столетий игравшим с Венецией в прятки. Оно подкрадывалось незаметно – и вдруг набрасывалось на город, стискивая дома ледяными мокрыми руками, превращало площади в озера, отравляло воздух соленой сыростью.

На Пьяцетте вода жадно лизнула камни набережной. Потом плеснула выше, оставляя темные следы и приподнимая пришвартованные гондолы. Никто из взбудораженных новостями людей, расхаживающих по площади, этого не заметил.

Добравшись, наконец, до алтаны, я подтянулась на дрожащих от напряжения руках и с трудом перевалилась через парапет. Несколько минут посидела за кадкой с торчавшим в ней кустом жасмина, чтобы отдышаться. Кажется, на

алтане никого не было. Мне повезло. Саднили ободранные ладони, ныла ушибленная щиколотка, но в остальном первый этап моей авантюры прошел вполне удачно. Крадучись, я добралась до стеклянного купола и заглянула внутрь. Ничего не видно.

Тем временем сгустились сумерки. Заходящее солнце окрасило дома на одной стороне канала в теплые охристые оттенки, тогда как другая сторона была вся погружена в темноту. Плотная вода казалась свинцово-черной. По ней медленно ползли тяжелые баркасы и хищно скользили верткие гондолы. Изредка доносились выкрики гондольеров. Я осторожно достала кинжал. После нескольких бесплодных попыток, когда я уже взмокла от страха, боясь, что меня застигнут на месте преступления, удалось-таки подцепить лезвием щеколду, запиравшую изнутри одну из створок купола. Окно со скрипом приоткрылось. Для человека щуплого сложения, вроде меня, пролезть внутрь не составило труда. Портьерный шнур был слишком короток, чтобы спуститься вниз, зато на алтане нашелся моток хорошей веревки. Надежно закрепив один конец наверху (не дай боже сорваться!) я стала спускаться, морщась от боли в содранных руках. Нужно было захватить перчатки, но, конечно, я про них забыла. По крайней мере, у меня хватило ума забрать фонарь с алтаны, прицепив его к ремню.

Спрыгнув на пол, первым делом я отхватила ножом конец веревки, насколько могла достать, и обвязала ее вокруг пояса. Вдруг понадобится, мало ли что. Снаружи в кунсткамеру не проникало ни звука. Я словно оказалась на дне озера, заполненного вязкой тишиной. Зажгла фонарь – и он очертил вокруг желтый круг, за пределами которого темнота стала еще гуще и непрогляднее. Таинственно поблескивали зеркала, в которые я по понятным причинам старалась не смотреть. Подозреваю, что в одном из них притаился Скарпа. Ничего, подождет! Светлыми пятнами из стен выступали искаженные лица-маски. Желтые тени от фонаря придавали им еще более жуткий вид. На них тоже лучше было не оглядываться, иначе страх напрочь выметал из головы все здоровые мысли.

Я понятия не имела, как искать потайной ход в крипту, но опасность, угрожавшая Пульчино, изрядно подстегнула мою сообразительность. С одной стороны комнаты пол был затоптан сильнее, и в белесой пыли виднелся пронзительно белый мазок. Перо чайки. Сердце у меня заколотилось. Я дико оглянулась, ища другие следы. Ничего! Придвинув фонарь, заставила себя более внимательно изучить паркетные доски. Кое-что все же удалось обнаружить. Перед одним из шкафов, забитым книгами, на полу светлели широкие затертые полукружья. Возле других ничего подобного не было. Такие следы могли остаться, если несколько раз повернуть шкаф вокруг своей оси. Мне доводилось слышать о подобных тайных ходах. Обычно они открывались рычагом...

Эта задачка была посложнее, чем ларец донны Ассунты! Я прощупала шкаф со всех сторон, каждый дюйм его поверхности, кожей чувствуя, как утекают минуты песчинка за песчинкой. Наш «разговор» с Пульчино состоялся больше часа назад. За это время с ним могло случиться что угодно!

От бессильной злости я пнула гладкий деревянный бок, но и это не помогло – шкаф не спешил выдавать свои секреты. Рядом висело зеркало, которое тоже отвлекало от поисков, заманивая в свою черную глубину. Свет фонаря дробился в стекле, распадаясь на цепочки желтых огней. Вдруг среди теплых

огоньков зажглись две алых хищных точки. Я поспешно отвернулась. Дьявол бы побрал этого Скарпу! Почуял, значит, что я здесь!

Волшебное зеркало для пескатора было все равно что гостеприимно распахнутая дверь в мое сознание. Я бы накрыла его курткой, но меня крайне заинтересовала его рама. Вполне могло быть, что рычаг, отпирающий потайную дверь, был спрятан именно здесь, среди бронзовых завитков. Я внимательно их осмотрела. Не заметно, что к какому-то из них чаще прикасалась человеческая рука. Пришлось проверять все подряд. Пара алых огней в зеркальном омуте тем временем приближалась. В груди заскреблось недоброе предчувствие, мне послышался знакомый трескучий смешок и вдруг – крак! – одна из бронзовых веточек повернулась под моими пальцами. О, слава мадонне! Шкаф, дернувшись, медленно двинулся и встал поперек стены, открывая темный проход.

Я облегченно выдохнула, стянула какой-то платок из соседнего шкафа (попутно свалив на пол несколько безделушек) и поспешно набросила его на зеркало. Пусть там кляцают зубами хоть все пескаторы в мире, но мне срочно нужно к Пульчино! За шкафом мне открылась тесная каменная труба, внутри которой спускалась во мрак узкая винтовая лестница. Оттуда тянуло затхлостью, холодом и молчаливой угрозой, словно из открытой могилы. Причем, судя по отчетливому запаху тлена, – могилы давно обжитой. Но прежде всего меня поразила мозаичная картина, спрятанная на задней стенке шкафа. Хоть я и спешила, не могла удержаться от искушения рассмотреть ее получше, и поднесла к ней фонарь.

Просто чудо, что сырость ей не повредила! На картине была она – святая Виадора, в каноническом изображении, какой ее обычно рисовали на стенах церквей. Статная фигура в лазоревом платье, слегка склоненная голова, большие выразительные глаза под ровными дугами бровей, тонкий длинноватый нос... Шапочка и отделка на платье мягко поблескивали (наши художники очень любили украшать картины золотой пылью). На строгом лице святой читалась сдержанная печаль и что-то вроде предупреждения. Мол, уверена ли ты, дорогая, что действительно хочешь спускаться туда?

– А что, у меня есть выбор? – с горечью спросила я. Фреска, разумеется, промолчала.

Раздумывать было некогда. Стащив с полки тяжелую книгу, я заклинила дверь, чтобы она не захлопнулась за моей спиной, и решительно шагнула вниз.

Глава 21

Для Алессандро ди Горо прошло два дня с тех пор, как его ранили на темном узком канале за Золотым дворцом. Он очнулся внезапно, словно вынырнув из душного забытья. Узнал собственную комнату, кровать с зеленым, наполовину задернутым пологом. Судя по мягкому желтоватому полумраку, был уже вечер или раннее утро. На комод, подрагивая от сквозняка, тлела свеча. Алессандро осторожно приподнялся и сел.

Рана в боку его почти не беспокоила, про порез на руке и вовсе можно было забыть. Только голова гудела, как колокол, а во рту скопилась вязкая горечь. Поди, Фалетрус опоил его каким-нибудь зельем, чтобы проще было держать больного под присмотром! Алессандро сердито подумал, что надо было заставить доктора сначала самому попробовать каждое питье.

Его одежда лежала на привычных местах. Морщась от боли в боку, он натянул штаны, прислушиваясь к голосу своего «тюремщика», доносившемуся из коридора:

- А я говорю, вы не войдете!
- Но у нас срочное дело!
- Господин Маттео!

Послышался шорох, пыхтение и быстрый возмущенный шепот. Кто-то настойчиво пытался проникнуть внутрь. Алессандро поискал сапоги, не нашел, снова присел на кровать. Голову слегка повело с непривычки.

– Вы забыли, что приказал его светлость?! – взвился голос Фалетруса, очевидно, потерявшего терпение. – Ступайте отсюда! Придете завтра!

– Маттео! – крикнул Алессандро, решив, что пора прийти на помощь своему подчиненному. – Заходи.

Последовало еще одно короткое препирательство, возмущенное фырканье, и вот, наконец, перед глазами Алессандро возник его подручный... вместе с Бьянкой Санудо. Начальник стражи, растерявшись, поспешно застегнул ворот рубахи, бросив укоризненный взгляд на Маттео, который выглядел очень довольным. Это же надо додуматься – привести сюда даму!

Впрочем, как только Бьянка заговорила, стало ясно, что инициатором разговора была именно она.

– Мне жаль причинять вам беспокойство, синьор ди Горо, но вы должны знать! Во-первых, дон Соранцо умер. Об этом с самого утра судачит весь город.

Вот это новость! Алессандро разом выпрямился. А он валяется тут, как бревно, без всякой пользы! Ну, Фалетрус!

Длинная обиженная физиономия доктора маячила за спинами назойливых гостей. Всем своим видом он показывал, что изо всех сил старался предотвратить это безобразие и теперь не отвечает за последствия.

– Во-вторых, я нашла того, кто выдал вас в ту ночь убийцам дона Фальери, – продолжала Бьянка. – Это Инес.

Ее слова сопровождались сочувственным взглядом, что слегка озадачило Алессандро. С чего бы синьорите его жалеть? Потом до него дошел смысл сказанного, и изумление вытеснило все прочие чувства. Инес – предательница? Эта девчушка?!

- Есть доказательства? – только и смог выговорить он.

Бьянка презрительно хмыкнула:

– Да она сама мне призналась. Перепугалась до смерти после той ночи.

Лицо ее смягчилось, голос потеплел:

– Синьор, она не замышляла ничего дурного против вас... или против дона Арсаго. По ее словам, ей хотелось только спасти дону Энрике от женитьбы на «морской ведьме». Уж не знаю, что натворила Джулия, но Инес ее смертельно боится. Однажды в церкви она познакомилась с каким-то синьором, который резко отзывался о *кьямати*, говорил, что их дар не от Господа, а от дьявола. Сами понимаете, его слова упали на благодатную почву. Энрике тоже шутил иногда, что невеста вызывает у него некоторое опасение... особенно после того, как она лихо управилась с паурозо.

– Значит, Инес Сакетти замышляла зло против Джулии?! – не поверил Алессандро.

Бьянка сурово кивнула:

– В конце концов, тот синьор из церкви убедил ее, что от ведьмы нужно избавиться. Наверное, это был кто-то из людей Фальери. Сначала они подстроили Джулии ловушку в Ночь Тысячи Огней, но убийство сорвалось. Тогда Инес поручили докладывать обо всем, что происходит в доме Арсаго. Тот синьор якобы хотел улучшить момент, когда Джулия останется в доме без охраны. Меня злит, что Инес так легко ему поверила! Он выведывал у нее ценные сведения, обещая избавить Арсаго от Джулии, а вместо этого устроил засаду на самого дону Арсаго!

– Что с ней сейчас? – быстро спросил Алессандро, стараясь сохранять спокойствие.

– С Инес? Боится и плачет. Она очень раскаивается, – в голосе Бьянки появились просящие нотки. – Надеюсь, что вы не будете к ней слишком строги...

– Да нет же, с Джулией!

– О, все в порядке. Она у себя, готовится к свадьбе. Завтра приезжает Энрике.

Алессандро медленно выдохнул. Джулия жива, и на том спасибо! Получается, еще немного – и он проспал бы свадьбу любимой девушки с другим человеком. Это он Фалетрусу тоже припомнит.

– ...Инес не так уж и виновата... ее обманули... – слышался спокойный, холодноватый голос синьориты Санудо, которая, видимо, по-своему истолковала мрачную мину начальника стражи и неловко пыталась заступиться за подругу.

– За глупость тоже нужно отвечать, – резко ответил Алессандро. – Маттео! Прикажи, чтобы синьориту Сакетти заперли в комнате и приставили охрану. Чтобы больше не смела даже шагу ступить из дома в одиночку!

Он злился скорее на себя, чем на девчонку. Как же он ее проворонил?! Он под лупой изучил каждого из приближенных дону Арсаго, ночами размышлял, кому выгодно отстранить графа от власти, кто мог затаить на него зло из-за старых обид... Только человеческую глупость не принял в расчет. Даже Бьянка Санудо сработала в этом деле эффективнее, чем он! Вот кому следовало бы возглавить тайную службу в замке!

– Все исполним в лучшем виде, – ухмыльнулся Маттео, блеснув белым полумесяцем улыбки на смуглом лице. Он был рад, что с начальником, похоже, все в порядке. Тот всегда был таким, когда в расследовании что-то не ладилось. Сидит, хмурит лоб, устремив глаза в дальний угол, прокручивает что-то

в своей голове – все как всегда!

Как только в беседе возникла пауза, Фалетрус, воспользовавшись этим, выпроводил гостей за порог. Вернувшись, растерянно провел рукой по волосам:

– Знаете, я помню синьориту Инес еще ребенком и просто не могу поверить...

«Не вы один!» – подумал про себя Алессандро. Вслух же сурово спросил:

– Где мои сапоги?

– Вам нельзя вставать, – завел доктор прежнюю песню.

– Да поймите вы, я не могу здесь отсиживаться, тем более теперь! Сейчас нам как никогда нужны союзники! Дон Сакетти имеет большое влияние в городе. Нельзя, чтобы из-за глупого предательства его дочери между ним и донном Арсаго возникла распря! Нужно покончить с этим делом как можно скорее. О мадонна! Кто бы мог подумать, что эта тихоня Инес способна хладнокровно послать подругу на смерть?!

Взяв у доктора сапоги, Алессандро вдруг неподвижно замер с ними в руке:

– Кстати, интересно, как Инес ухитрилась отравить вино на празднике в День Изгнания? Она подходила к кувшинам?

При этих его словах Фалетрус нервно передернулся, но начальник стражи, занятый своими мыслями, ничего не заметил:

– ...Не так-то легко подсыпать яд, когда в комнате полно народу! Нужно иметь железные нервы. Впрочем, ладно. Сейчас допросим и все выясним.

– Не в кувшин, а в бокал, – произнес Фалетрус пустым, бесцветным голосом. Все краски, казалось, схлынули с его лица. У него был вид человека, получившего смертельную рану. – Яд был только в бокалах, которые я налил. Я тщательно отмерил дозу. Для его светлости она была смертельной, в отличие от меня. Я годами вырабатывал у себя привычку к этому яду. Это я отравил вино.

Поистине, сегодня был день сюрпризов! Алессандро обескураженно уставился в лицо старому придворному, не в силах поверить услышанному:

– Вы хотите сказать, что это вы пытались отравить дона Арсаго?! – вырвался у него недоверчивый смешок. – Слушайте, я понимаю, что вы хотите защитить синьориту Сакетти, и ваш рыцарский поступок делает вам честь, но... вы что, с ума сошли?! – воскликнул он.

– К сожалению, нет. И поверьте, у меня были причины так поступить, – ответил доктор с ледяной серьезностью. Нервные подвижные черты его лица внезапно обрели твердость, дрожь в руках исчезла. Подвинув стул, он сел напротив Алессандро, сложив на коленях большие ладони.

– Вы никогда не спрашивали себя, почему ваш отец из преданного сторонника графа вдруг стал его врагом? – сурово спросил он, вперив взгляд в собеседника.

Серые глаза Алессандро опасно прищурились:

– Продолжайте.

– Дон Арсаго был чудовищем. Его увлечение старой магией в конце концов переросло в одержимость. Мечтая обрести власть над морем, он проводил в крипте такие опыты, о которых душе христианина даже ведать не пристало! Он преследовал Джулию Граначчи ради ее способностей, рассчитывая выдать ее замуж за своего сына. И ведь я мог этому помешать! – Лицо доктора исказилось, скрюченными пальцами он оттянул ворот дублета, казалось, душивший его. – Я мог остановить это одним словом, но я клялся донне Беатрисе, что ни

на духу, ни во сне не выдам ее тайну!

– Какую еще тайну, дьявол вас возьми?! – воскликнул Алессандро, начиная терять терпение.

– Джулия не могла выйти замуж за Энрике, потому что является его сестрой. Она тоже дочь графа Арсаго! Беатриса никому, кроме меня, не говорила об этом. Да и я знал лишь потому, что помогал родиться ребенку. Донна Граначчи хранила эту тайну даже после смерти мужа. Боялась, что Арсаго, узнав правду, отберет у нее дочь, чтобы использовать ее дар в своих целях.

Алессандро молча смотрел на него расширенными глазами.

– Беатриса отказывала графу раз за разом, но дон Арсаго все никак не мог оставить ее в покое. Он даже отправился к ним в поместье, чтобы вынудить ее дать согласие на брак. На следующий день Беатриса умерла. Ее врач заявил, что причиной тому – слабое сердце, но я был на похоронах. Видел... признаки яда.

– Вы ее любили, – догадался Алессандро с проницательностью, свойственной всем влюбленным.

– Всю жизнь, – просто ответил Фалетрус. – Только что я мог ей предложить? Я беглец, изгнанник, простой лекарь, живущий на жалованье, без семьи, без состояния, без положения... Я не мог обеспечить ей достойную жизнь, но зато... – тут он поднял голову, и его губы скривились, – я решил отомстить за ее смерть. В День Изгнания представился удобный случай. Большой праздник, много людей. Понимаете, я, наверное, трус. Я хотел отомстить, но вовсе не желал быть повешенным. К счастью, подозрение пало на Манриоло. Я надеялся, что его никогда не поймают. Однако если вы обвиняете синьориту Инес, тогда долг велит мне сознаться... Поверьте мне, это не она. Она здесь не при чем.

Алессандро молчал. Слишком многое он узнал за последние полчаса, и ошеломляющие новости с трудом укладывались в затуманенной дурманом голове. Мысли путались. Сначала его озарила радость: «Джулия свободна! Она не выйдет за Энрике!» Правда, он тут же устыдился этой мысли, продиктованной эгоизмом. Что им делать с Фалетрусом? Без сомнения, доктор был преступником, однако если его рассказ правдив... Если подтвердится, что дон Арсаго действительно отравил Беатрису Граначчи... Страшно подумать, как это воспримет Рикардо! Вызовет графа на поединок? Нехорошо, если им придется снова подраться... Алессандро предпочел бы бросить вызов всем брави Венеции, чем причинить зло брату Джулии. Не лучше ли скрыть позорную тайну, позволив доктору сбежать? Что было, то былем поросло.

Эту мысль он тоже отбросил как трусливую и недостойную. Правосудие в Венеции должно быть одинаковым для всех, иначе в этом нет никакого смысла. Но поверят ли Фалетрусу судьи? Сочтут ли его обвинения убедительными, или увидят в них лишь жалкую попытку оправдаться в собственном преступлении? Алессандро искоса взглянул на доктора. Тот отнюдь не выглядел испуганным. Наоборот, облегчив душу признанием, он как будто обрел новые силы.

– Вы совсем не боитесь суда? – задумчиво спросил он. – На что вы рассчитываете?

– На божью милость, – усмехнулся Фалетрус. Его кривая волчья ухмылка заставила начальника стражи в тревоге подняться на ноги:

– Что вы имеете в виду? Где дон Арсаго?

Некоторое время доктор изучающе смотрел на него. Затем медленно произнес:

– Я думаю, в крипте. Вместе с Джулией. Он давно мечтал увидеть *кьямати* в полной силе. Вот теперь и увидит. Сегодня как раз подходящая ночь.

От этих слов Алессандро пробрал озноб. Он бросил взгляд в окно – там за решетчатым переплетом синели сумерки. В памяти всплыли легенды об *иных*, живущих на дне моря, просыпающихся с луной... О безжалостных тварях с холодной кровью, которые выходят на землю лишь для того, чтобы уничтожить всех на своем пути.

– Матерь божья, – пробормотал он. Схватил висевший на стуле тяжелый пояс, застегнул торопливо, сорвал со стены меч. Взял было колет – но отложил. Некогда возиться с застежками, да колет и не налезет на плечевую повязку.

Старый доктор встал у него на пути, схватив его за рубашку слабыми руками:

– Стойте! Вы там зачем?!

– Но Джулия!..

– Забудьте о девушке, это уже не она! Тот проклятый остров испортил, отравил ее. Я видел ее глаза... Морские ведьмы, променявшие души на магию, – такие же одержимые твари, как дон Арсаго. Пусть одно чудовище пожрет другое, вам что за дело?! Оставайтесь здесь!

– Она – не чудовище, – раздельно сказал Алессандро. Аккуратно подвинул доктора в сторону, схватил плащ и вылетел в коридор.

На середине винтовой лестницы я остановилась, успокаивая дыхание. Спускаться было страшно. В тесной каменной трубе было нечем дышать, вонь накатывала снизу густыми тошными волнами. Из кирпичных стен сочился пронизывающий холод, сырость скользкой пленкой оседала на ступенях, давно истершихся от сотен ног, ходивших по ним. Ступать приходилось с осторожностью. Сцепив зубы, чтобы не стучали от страха, я упрямо продолжала спускаться в скрученную винтом темноту. Шаг – ради Пульчино, еще шаг – ради Джулии...

Как она плакала в монастыре, получив письмо Рикардо! Я не знала, что делать, увидев свою веселую, беспечную подругу в таком отчаянии.

– Я не поеду в Венетту! Я не верю им! Мама хотела уберечь меня от этой свадьбы – и вот она мертва! – рыдала Джулия. – Слабое сердце?! Как бы не так! Больше похоже на яд! Дон Арсаго ни перед чем не остановится, лишь бы заполнить в свою семью волшебницу *кьямати*! Как только он узнает, насколько слаб и ничтожен мой дар, меня тоже убьют!

В последнее время я все чаще подменяла Джулию на занятиях. Монахини меня хвалили. Но теперь наш невинный обман мог выйти боком.

Шмыгнув носом, Джулия решительно вздернула голову, размазав слезы по щекам:

– Я не поеду к Арсаго. Роберто увезет меня, он давно обещал на мне жениться, с первой встречи. Мы уедем в Аримин, а уж там его родня сумеет нас защитить!

Я с сомнением покачала головой. Патрицианке, чье имя значится в Золотой книге, не полагалось выходить замуж за чужеземца. Возлюбленный Джу-

лии, синьор Роберто д'Эсте, о котором она давно прожужжала мне уши, был, конечно, всем хорош, однако он не был венецианцем. Узнав об их свадьбе, Рикардо пришел бы в ярость. А уж Совет Десяти взвился бы, как стая чаек, это точно! Джулии на роду было написано осчастливить своей рукой (и приданным) кого-нибудь из сенаторов, скрепив тем самым выгодный политический союз. Однако судьба распорядилась иначе, когда романтически настроенный синьор из Аримина, собиратель песен и сказок, добрался до нашего захудалого островка, заглянул за ограду монастыря и увидел там девушку с глазами цвета янтаря, прекрасную, как рассвет. Сердце его вспыхнуло и затрепетало. Они с Джулией сговорились очень быстро, каштан тому свидетель. И вот теперь, когда дон Арсаго черной тучей возник на нашем горизонте, подруга решила на побег.

В этот злосчастный момент у меня созрела идея:

– Тебе действительно незачем ехать в Венецию. Поеду я.

Тогда мне казалось, что я все отлично придумала. Уж я-то дознаюсь, кто погубил донну Беатрису! А когда найду убийцу, покажу ему такие чудеса искусства *кьямати*, что он сразу околеет от ужаса! И клянусь головой Хорро, его смерть легкой не будет! Кроме того – мое сердце возбужденно заколотилось – я ведь буду жить в одном доме с Рикардо... В те далекие дни я была еще влюблена, так что часто видеться с Рикардо мне казалось невиданным подарком судьбы.

Разумеется, я понимала, что за эту авантюру мне придется дорого заплатить. Нельзя вызвать живущих-под-морем – и уйти от них безнаказанной, как ни в чем не бывало. Я не стала посвящать подругу в эти детали, да и сама о них не особенно волновалась. От судьбы не уйдешь. Жизнь каждой *кьямати* рано или поздно вливается в море...

Наш побег с острова прошел без сучка и задоринки. Синьор д'Эсте подобрал мне одежду бедной рыбачки, а также сговорился с одним стариком, который согласился отвезти меня в Венецию. Свой монашеский балахон я оставила в крипте, и пусть наставницы думают, что хотят! Джулия должна была отправиться в город в барке с другими монахинями, ехавшими поклониться образу Святой Виадоры, так как наш отъезд пришелся как раз накануне праздника. Мы восприняли это как счастливое предзнаменование, будто нас благословляло само море. Джулия так и отписала брату: мол, нет необходимости утруждать Фабрицио и гонять его на далекий остров; она прекрасно доберется со святыми сестрами и подождет Фабрицио в гостинице на Пьяцетте, где обычно отдыхали паломники. В той гостинице мы и поменялись. Джулия, воссоединившись со своим возлюбленным, села на корабль, отправлявшийся в Аримин, а я, приняв образ гордой патрицианки, с колотящимся от страха сердцем отправилась в дом Граначчи.

Так я ступила на извилистую тропу лжи, которая в конце концов привела меня сюда, в тайную крипту рода Арсаго. Навстречу Пульчино, как я робко надеялась.

На последних ступенях я оступилась и схватилась за осклизлую стену, передернувшись от отвращения. Вонь становилась все гуще, так что дышать я могла только ртом, иначе начинала кружиться голова. Что за чертовщину творил здесь дон Арсаго?! Казалось, все пространство вокруг было пропитано страхом и желчью.

Лестница кончилась, приведя меня в тесное пространство под домом. Слабый свет, проникавший сюда из кунсткамеры, давно растаял, однако впереди вместо крошечной темноты простирался слоистый полумрак. Наверное, его создавали отсветы с улицы, отражавшиеся в мерцающей мути воды. Судя по всему, в крипту вел еще один проход – снаружи. Какая-нибудь неприметная решетка в одном из боковых фасадов дома...

Это зловонное подземелье не имело ничего общего с нашей криптой на Терра-деи-Мираколо, в которой я привыкла проводить долгие часы! Вместо просторной пещеры, наполненной солнечными бликами – тесная каменная щель между нависавшей сверху громадиной дома и мутной водой. Стиснутые кулаки каменной кладки были вымазаны липкой грязью, похожей на запекшуюся кровь.

«Пульчино?» – в страхе позвала я.

Меня окружали мрак и тишина. И никаких ориентиров. Как я ни боялась привлечь к себе внимание, но пришлось зажечь фонарь. Жалкий кружок желтоватого света делал окружающую темноту еще гуще, зато позволял двигаться, без риска переломать себе ноги. Я подняла фонарь повыше, осматриваясь. Справа масляно блестела вода – черная, непроницаемая. В другой стороне, среди камней, мне почудился металлический блеск. Клетка! Я бросилась туда. Внутри клетки что-то белело. Поставив фонарь наземь, я просунула пальцы сквозь металлические прутья, коснувшись мягких перьев. Я боялась худшего, но под руками затрепетало живое тепло. Ох, Пульчино!

«Моя добрая безголовая сестра... Как я надеялся, что ты не найдешь сюда дорогу!» – еле слышно отозвался мой друг. Одно крыло его бессильно повисло, грязные камни вокруг были испятнаны белыми перьями. «Ничего, сейчас помогу!» – подбодрила я его. Поискала камень поменьше, чтобы сбить замок. Проклятая защелка никак не поддавалась, руки у меня дрожали от волнения и усталости. Попав камнем по пальцам, я мысленно чертыхнулась. Потом выругалась еще раз – уже вслух, потому что окружавшая нас вязкая тишина была слишком жуткой.

«Потерпи еще минуточку, и я унесу тебя отсюда!»

«Поздно», – предостерегающе шепнул Пульчино, и столько страха было в этом немом коротком крике, что я невольно подняла голову. Мой друг никогда ничего не боялся! Что с ним сделали?!

Что-то лязгнуло в глубине крипты, заставив меня быстро погасить фонарь. Он только слепил, зато нас с Пульчино было видно, как на ладони. Моего взмокшего лба коснулся легкий сквозняк. Да, там точно был еще один проход! И сейчас из него доносились шаги.

Шаги звучали твердо, уверенно. Кто бы там ни появился, он и не думал таиться. Слабо очерченный в темноте, прямо на нас двигался чей-то силуэт. Вдруг резкая вспышка света ударила по глазам, отчего я беспомощно заморгалась. Человек принес с собой фонарь, спрятанный под плащом. Желтый свет озарил жесткую складку возле губ, мощные очертания плеч, блеск дорогого шитья на дублете... Я медленно поднялась навстречу дону Арсаго, на всякий случай заслонив собой клетку.

– Так-так-так... – насмешливо протянул он. – Зачем же было прикладывать столько усилий? Я давно хотел привести тебя сюда. Правда, я рассчитывал сделать это после свадьбы.

После свадьбы! Жаркий гнев плеснул мне в лицо, растекаясь теплом по всему телу, до озябших рук, до самых кончиков пальцев.

– Как вы смеете говорить о свадьбе?! После того как вы убили донну Граначчи!

На жестком самоуверенном лице не отразилось и тени раскаяния. Граф лишь досадливо повел плечом:

– А что мне было делать? Старая ведьма упорно противилась союзу Джулии с Энрике. Это было даже обидно, согласись.

– Посмотрим, что скажет Рикардо! – выбросила я свой козырь. – Я послала ему письмо!

– Во-первых, Рикардо – умный парень. Он отлично умеет оставлять прошлое в прошлом, а его будущее связано со мной, и он это понимает. Во-вторых, – лицо Арсаго насмешливо скривилось, – какое дело Рикардо должно быть до *тебя*? Пусть заботится о своей блудной сестрице!

– Что? Как... – только и выговорила я.

Дон Арсаго надвигался на меня, как скала.

– Думаешь, за те недели, что ты морочила головы нашим олухам, я не догадался о подмене? – прорычал он.

Я похолодела. Значит, вот почему от Джулии не было вестей!

– Что вы с ней сделали? – прошептала немеющими губами.

Граф, казалось, удивился:

– С кем – с девчонкой? Да ничего. О, я мог бы схватить этих голубков в любую минуту, но ты отлично показала себя в деле с паурозо, и я понял, что сила на самом деле была у тебя, а не у Джулии. Так что пусть бегут в Аримин, в Занклу, да хоть в Бхарат – куда угодно! Джулия мне больше не нужна.

– Другое дело ты, – прошипел он, ухватив меня за локоть. Жаркий шепот обжигал мне шею. – Мы вдвоем могли бы править всей Венеттой. Слишком много власти забрал Совет, с этим давно пора покончить! Давай же, призови их, пусть весь город увидит твою силу!

– Нет! – я с отвращением выдернула руку.

Лицо дона Арсаго блестело от пота, вместо глазниц зияли черные дыры, кожа на скулах натянулась, как старый пергамент. Было видно, что он совсем обезумел от алчности, от голода, который грыз его изнутри столько лет.

Этого человека я когда-то ненавидела настолько, что хотела убить. За то, что он сделал с моей матерью. За то, что он сделал с донной Граначчи. За то, что он пытался сделать с Джулией, в конце концов! Но теперь я видела, что он сам себя уничтожил. Ничего человеческого в нем уже не осталось – слепая жажда магии выжгла его насквозь.

Правда, это делало его еще опаснее. Бывает такая разновидность безумия, которая пробивает любую стену. Мои ноги вдруг обожгло ледяной водой. Мы с графом стояли у самой кромки, а вода в крипте потихоньку прибывала. В затхлом воздухе ощущалось чье-то приближение, будто кто-то невидимый тронул меня за плечо. Но меня снова отвлек дон Арсаго:

– Ты ведь тоже мечтаешь проникнуть в их тайны! Я читал это в твоём лице, когда ты смотрела на Дито, мыслями уносясь еще дальше, за пределы лагуны и Длинного моря! Я мог бы приказать перенести ваш замшелый монастырь в Венетту. Мог бы вынудить этих куриц передать тебе все знания, накопленные за сотни лет! Но лишь при условии, что мы будем действовать сообща!

– Да не нужны вам никакие знания, – отмахнулась я безразлично. На меня внезапно снизошло спокойствие. – И тайны живущих-под-волнами тоже не нужны. Все, чего вам хотелось бы – это продлить свою власть до самых морских границ. Вы хотели, чтобы *паурозо* сопровождали ваши корабли в дальних плаваниях, а *пескаторы* пробирались на чужие суда, чтобы ночью вырезать весь экипаж, не правда ли?

Кажется, он почувствовал в моих словах насмешку. Яростно втянув воздух, граф больно сгреб меня за волосы, так что из моих глаз брызнули слезы.

– Жалкая тварь! Если ты пос-с-меешь мне перечить, я растопчу этот комок перьев, а твоего фальшивого «братца» скормлю морренам! Зови их сейчас же или...

– Нет! – вскрикнула я, пытаюсь вырваться. Но железная рука держала крепко.

– Что ж, тогда...

Он замахнулся ногой, целясь в клетку, и я закричала:

– Оглянитесь! Да оглянитесь же!

Вода в крипте взбурлила. Лицо дона Арсаго осветилось свирепым торжеством. Выпустив мои волосы, он брезгливо отшвырнул меня в сторону и шагнул вперед, *им* навстречу. Скорчившись на камнях, я смотрела, как зияющая впереди темнота оживает, поблескивая мокрыми бликами на сморщенной коже, вспыхивает десятками, сотнями мерцающих огоньков.

Надо же, а я столько готовилась. Столько боялась. И в решающую минуту мне даже не пришлось *их* вызывать – безумие дона Арсаго сделало это за меня.

Глава 22

Как замороженная, я смотрела в клубившуюся над водой темноту. Длинные серые щупальца протянулись оттуда, такие широкие, что не обхватишь ладонями, усеянные светлыми присосками. Между ними мелькали другие – тонкие, как хлыст, по которым иногда пробегали голубоватые искры. Они трогали камни и стены крипты, словно пробуя, удивляясь, запоминая. Наконец они обнаружили нас с графом.

Один черный жгут обвился вокруг моего запястья, другой обхватил ногу выше колена. Я передернулась от скользкого прикосновения. Морской гость изучал меня, пробовал на вкус так же как камни, воду и все вокруг. Он запросто мог сломать мне руку, не рассчитав своей силы.

Прикоснуться к его разуму я опасалась, но чувствовала оранжевый огонек интереса, ленивое любопытство... из которого постепенно, словно опухоль, выростала алая злоба. Дон Арсаго рядом со мной торжествующе расхохотался, и его смех эхом заметался в стиснутом пространстве крипты.

А потом он вдруг закричал.

Я зажмурилась, отвернувшись, но я не умела закрыть свой разум от морского пришельца и поэтому *видела*...

...как пурпурно-серая змея стиснула дона Арсаго поперек туловища, ломая ребра,

...как десятки и сотни присосок впились в его ноги, втягивая кожу так, что она лопнула, брызгая кровью,

...как граф отчаянно дергался, раздирал ногтями скользкие щупальца, пы-

таясь отлепить от себя этот живой студень.

Я чувствовала предсмертную тоску и ярость дона Арсаго как свою собственную. Последнее, что я видела – искаженное криком лицо, на которое напознала черная глянцевая оболочка, будто желая высосать, поглотить его целиком.

Они сплелись в единое целое. Дон Арсаго кричал – гость из моря пил его заживо, насыщаясь чужой кровью, чужими чувствами, чужой жизнью. Я могла лишь оцепенело наблюдать за этим, сознавая, что следом придет моя очередь. Страх не было. Меня сковало безразличие. Вдруг сквозь крик я услышала чье-то движение, краем глаза поймала выскерк меча, золотой в свете фонаря, угадала знакомую фигуру – и меня пронзило таким ужасом, словно вся кровь в жилах превратилась в ледяную воду. Зато оцепенение как ветром сдуло.

– Нет! Сандро, нет, не надо!

Я рванулась к нему, выдираясь из «жгутов», уже видя, что не успею. Взблеск меча крест-накрест разрубил подвальную темноту. Вода в крипте словно вскипела, алая ярость морского чудовища сменилась белой вспышкой изумления. Тело графа выбросило на берег. Серые змеи-щупальца резко втянулись в воду – и я, наконец, почувствовала себя свободной. Затем тонкие искристые жгуты взметнулись вверх, осыпав каменную крошку с низкого потолка. Два из них хлестнули по груди Алессандро. Он упал возле самой воды, которая всколыхнулась, жадно слизывая кровь. На белой рубашке быстро набухали черные пятна.

– Стойте! Хватит!

Забыв обо всем, я влетела в воду по колению, замерев в одном в дюйме от слизистой массы, похожей на спутанный клубок змей. Толстое щупальце поднялось из воды, шевеля слепыми отростками. Пусть это... существо не имело глаз, но готова поклясться, оно меня *видело*. Каким-то образом.

– Уходи. Человек, который звал тебя, мертв! Его больше нет! А другого я тебе не отдам. Уходи!

Оно не касалось меня, но само его присутствие ощущалось как давление. Чужая воля просвечивала меня насквозь, давила со всех сторон, сминая мой разум, который быстро таял, словно горящая свеча. Это было совсем не так, как с Каритой. И не так, как с *пескатором*, в чьей квадратной черепашке сухими горошинами перекатывались коротенькие злобные мыслишки. Этот разум раскрывался передо мной слой за слоем, как цветок. Как часовой механизм, в котором вращались шестерни за шестернями. Один слой разума, за ним – еще один слой, и еще, и еще...

Этот гость, явившийся в крипту, был лишь разведчиком, маленькой капелькой слизи, наделенной собственной волей. Я видела сквозь него другое существо, невообразимо огромное, такое же старое, как сам мир. Оно обитало не в нашей мелкой лагуне, изрытой фарватерами, и не в уютном теплом Длинном море – нет, оно находилось гораздо дальше отсюда и все же *видело* меня, если здесь уместно это слово, так как я теперь понимала, что зрение – лишь одна из возможностей. Оно дремало где-то на глубине, куда никогда не проникал луч солнца, словно в холодной пустоте небесного пространства. Это было похоже на космос. Вокруг спящего древнего колосса плавали десятки, сотни живых созвездий, рассеивая мрак.

Я слышала, что многие морские организмы излучают свет, но теперь я видела это воочию, хоть и чужими глазами. В вечной прохладной тьме извива-

лись жемчужные ниточки морских червей, величаво плыли светящиеся гроздь медуз. Призывно подмигивали каракатицы, приманивая брачных партнеров. Беззвучно раскрылась пасть какого-то подводного охотника, нацеливаясь на светящиеся огоньки.

А древний колосс спал. Его мысле-картины проплывали передо мной, грузные и неспешные, словно киты. Он помнил время, когда наша лагуна представляла собой лишь унылую цепочку подводных мелей и грязных островков, поросших камышом. Я словно была им, когда он единственный раз поднялся к солнцу и шагнул на берег, отчего часть суши погрузилась под воду. Озирая чужими глазами незнакомое пространство, расцветенное голубым и рыжим, я вдруг поняла, что глубокие тинистые овраги на дне нашей лагуны раньше были руслами рек, и вообще это дно когда-то было сушей. Давно, тысячи лет назад. Теперь же колосс снова грузно ворочался на дне, медленно просыпаясь. Он испытывал неясное беспокойство и смутную зовущую тоску. Крохотной искрой собственного гаснущего сознания я понимала, что если такая туша поднимется на поверхность во второй раз – от Венетты останется одно воспоминание. Город будет сметен морской волной...

Меня охватил страх. Вторжению этого мощного разума было невозможно противиться. Задыхаясь от паники, я пыталась собрать воедино, удержать какие-то обрывки мыслей, клочья воспоминаний... бесполезно! Внезапно, когда голова уже готова была лопнуть, меня отпустило. Нахлынула такая слабость, что я упала в ледяную черную воду. Холод обжег мне конечности... кажется, это называется «руки»?

Совсем близко перед моими глазами проплывали тяжелые «присосчатые» щупальца, которые неохотно утягивались прочь, оставляя за собой грязные следы, похожие на разведенные чернила, и резкий чужой запах. Оно уходило. Чем бы оно там ни было, оно уходило!

После гостя осталась гулкая пустота – и в крипте, и в моей голове. Я слепо поднялась, моргая от плавающих перед глазами пятен. Рядом со мной, наполовину в воде, лежал человек. Я не помнила, кто это, но знала, что если вода накроет ему лицо, то он задохнется. Почему-то мне этого не хотелось. Ковыляя на непослушных ногах, я подхватила его за плечи и потащила.

Понемногу память возвращалась. Вспомнилась старая башня, источенная временем, вся белая от слетевшихся чаек. Рыжие крыши монастыря и колокольный звон, плывущий над островом... Купола Венетты, отражавшиеся в стеклянной лагуне... Встреча с «братом» и странным сероглазым человеком на пристани дома Граначчи. Алессандро! Последние события в крипте снова пронеслись перед глазами, и осознание непоправимости случившегося пронзило, словно ножом. Я хотела спасти Джулию – а вышло так, что погубила самого дорогого мне человека.

Мои руки совсем занемели от холода. «Зря стараешься, ему уже все равно, – кольнула ядовитая мысль. – Можешь оставить его там».

– Ни за что, – сквозь зубы прошипела я и вдруг услышала: «Джулия...» Слово прозвучало так тихо, будто испарилось, но меня оно буквально оживило. В руках сразу появились новые силы, и отчего-то хлынули слезы.

– Меня зовут Франческа! – всхлипнула я. Хотя мои признания ничего не значили сейчас. Но для Алессандро мне больше не хотелось зваться фальшивым именем.

Я заметила, как уголок его губ дрогнул в улыбке:

– Я запомню. Беги... стража... придут.

Присев рядом на каменную плиту, я убрала волосы с его лица. Его рука, которую я пыталась согреть в своей ладони, слабо шевельнулась. Упорство, с которым Сандро цеплялся за жизнь, заставило меня воспрянуть духом. Если бы я хоть чуть-чуть разбиралась в ранах! Когда я вытащила его на сухое место, кровь потекла сильнее, смешанная с чем-то черным. Большинство морских тварей ядовиты, как гадюки в разгар лета. Что делать с раной – перевязать? Или оставить так, чтобы яд вышел вместе с кровью?

Прежде всего, мне неосознанно хотелось убрать его как можно дальше от воды. Мало ли кто еще явится оттуда! Алессандро был очень тяжелым, гораздо тяжелее меня. Приподняв его за плечи, я ухитрилась продвинуться еще на пару шагов, стараясь не умолкать, чтобы тишина не так давила нам на уши:

– И как тебе в голову пришло напасть на него! Ты бы еще против Хорро с мечом вышел!

К моему изумлению, Сандро отозвался:

– А что? Удобнее... чем с миской из-под оливок.

Нашел время шутить! Но его настрой обнадеживал. Нужно было как можно скорее привести сюда Фалетруса. Вытерев пот со лба, я снова опустилась перед раненым на колени:

– Подожди меня. Я приведу доктора и вернусь!

Просто сердце разрывалось от необходимости оставить его здесь, в крошечной темноте, наполненной голодными тенями, но нам позарез нужна была помощь!

– Нет! – Алессандро сжал мои пальцы – не сильнее, чем мог бы это сделать ребенок, однако мне передалось его волнение. – Опасно... Беги.

Словно в подтверждение его слов, наверху раздался грохот. Слышался лязг металла по камню. Вероятно, стражники спохватились, что дон Арсаго отсутствует как-то слишком долго, и решили проверить, в чем дело. Я не знала, рискнут ли они спуститься в крипту. Что делать?!

Труп графа лежал в двух шагах от нас, в луже черной крови, с переломанными костями и страшными ранами на теле, там, где присоски морского гостя вырвали куски плоти. О Хорро, Гидра и Дагон! Если меня найдут здесь, мне несдобровать. Даже политические враги графа, мысленно возблагодарив Господа за его смерть, не преминут обвинить меня в том, что я гнусным колдовством извела одного из величайших людей Венеции. Повезет еще, если меня сразу утопят в Орфано, а не посадят в Пьомби!

Пульчино, очнувшийся от страха, забился в клетке живым пушистым упреком. Когда меня схватят, ему тоже придется несладко. Хотя кого я обманываю? Я сама жутко боялась тюрьмы. Как и других *кьямати*, меня мало страшила смерть, но тюрьма... Тесная вонючая клетка, издевательства, пытки... Даже мысли об этом оказалось достаточно, чтобы паника сковала мне ноги, будто чугунной цепью.

– Скорее! – выдохнул Сандро.

Стряхнув оцепенение, я заметалась. Схватила первый попавшийся камень, одним махом выбила замок на клетке, бережно достала из нее Пульчино. Измученный и мокрый, он дрожащим комком свалился мне в руки. Шум на лестнице быстро приближался, к топоту шагов теперь добавились голоса. На

той стене, что была ближе к винтовой лестнице, замелькали оранжевые отсветы факелов. Хорошо, что здесь имелся другой выход! Набросив на плечи плащ Алессандро, я в последний раз наклонилась к его лицу, поцеловала в холодную щеку.

– Я еще вернусь.

Из всей лжи, что я нагородила за последний месяц, эта далась мне сложнее всего.

Запасной ход из крипты вывел к железной решетке, выходящей на узкий канал позади дома. Это даже нельзя было назвать переулком – просто щель, стиснутая грязными облезлыми стенами без единого окна. В Венетте можно было встретить и такие закоулки, насквозь пропахшие мочой и тинной. Даже солнце заглядывало сюда лишь на полчаса в день. Ни один человек не захотел бы задерживаться здесь надолго, а уж я – тем более.

На стене горел факел, а к одиноко торчащему столбу был привязан двухсельный ялик. Уже стемнело, вечерний туман липнул к коже, как холодный серый пот. Со стороны главного канала доносился невнятный шум. Вероятно, целые потоки людей сейчас стекались к площади Трех Грифонов, чтобы быть в курсе новостей. Тем лучше, в большой толпе легче будет ускользнуть! Бережно посадив Пульчино на банку, я принялась вставлять весла в ключины. От волнения руки плохо меня слушались. Голова все еще противно ныла после «беседы» с морским гостем.

«Торопишься, колдунья?» – вдруг стрельнуло в виски, и в моей многострадальной голове прозвучал ехидный смешок.

Скарпа, будь он неладен! Застонав сквозь зубы, я тоскливо подняла глаза к небу. Не слишком ли много неприятностей для одного вечера?! Толстый короткий хвост, плеснув волной, издевательски толкнул лодку в борт, отчего Пульчино задрожал, а я, потеряв равновесие, резко села на банку. Скарпа, явно развлекаясь, еще раз наподдал хвостом – и наш ялик беспомощно завертелся на месте. В любую минуту из-за решетки могли показаться стражники! Взяв наизготовку весло, я осторожно поднялась на ноги, напряженно всматриваясь в глянцевою черноту. «Только вынырни, сволочь, – зло подумала я, – так приласкаю, что зубов не соберешь!»

Вдруг недалеко от нас вода забурлила пеной. На поверхности показалась квадратная морда пескаторо, имевшая довольно озадаченный вид, и тут же снова исчезла, а следом за ней гладкой серой дугой скользнула чья-то спина. Судя по всему, в глубине шла нешуточная драка. Мы с Пульчино переглянулись и решили, что это нам на руку. Самое время убраться отсюда!

Сев на банку, я успела сделать несколько гребков, прежде чем нам пришлось снова остановиться. Рядом с яликом из воды высунулась блестящая округлая голова. Мое весло чуть не задело это существо по морде! Длинный рот с рядами мелких треугольных зубов, казалось, улыбался; темные глаза, лишенные белков, загадочно мерцали в темноте.

Я так и замерла с полуоткрытым ртом. Это же *валуко* – морской конь! Никогда не видела их вблизи. Присмотрелась – ну да, точно он. На старинных гравюрах он выглядел точно так же: забавная вытянутая морда, сильная мускулистая шея. *Валуко* походила на дельфинов, но были крупнее и гораздо сильнее. Этот «конь» лукавой мордой напомнил мне дракона на стене церкви,

которого попирала ногами Святая Виадора. Склонив голову набок, он дружелюбно фыркнул. Хоть он и отогнал пескаторо, однако сам, кажется, не соби­рался поужинать нами, просто наблюдал с этаким снисхождением.

Интересно, как он сюда попал? *Валлуко* давно стали не меньшей ред­костью, чем *паурозо*.

Тут я сообразила, что судьба подарила нам крупный шанс. На веслах дале­ко не уйдешь, да и Скарпу все еще нельзя сбрасывать со счетов. А *валлуко* – это же готовый извозчик для того, кто решится его оседлать! Использовать дар *къямати* я боялась: что-то мне подсказывало, что сейчас это было не луч­шей идеей, однако у меня сохранился кусок веревки, с помощью которого я спустилась в кунсткамеру. Не отрывая взгляда от морского коня, я медленно, стараясь не делать резких движений, размотала веревку. Сделала на конце петлю. И резко метнула вперед.

Попался, голубчик!

Удивительно, но «конь» будто того и ждал. Он рванул с места так, что от толчка я рухнула на дно лодки, больно ударившись локтем. Справа и слева выросли два крыла из водяных брызг. Одной рукой я прижала к груди Пуль­чино, другой – крепко вцепилась в планширь. Ялик мотало из стороны в сто­рону, как поплавок. Казалось, стоило на миг разжать пальцы – и я тут же вы­лечу за борт.

– Стой, стой, куда?! – ахнула я, когда на повороте нас занесло и едва не уда­рило о причальный шест. Вслед нам неслись проклятья других лодочников. Все это живо напомнило гонки на канале в День Изгнания, только сейчас си­туация была более драматичной. Отлепившись от борта и схватив весло, я из последних сил пыталась направить лодку прямо, уворачиваясь от всего, что торчало или плавало в канале.

– Ты в них нарочно целишься, что ли? – проворчала я сквозь зубы, когда очередной причальный столб чуть не разнес весло в щепки.

Возле моста Арженто *валлуко* замедлил ход, подарив мне небольшую пере­дышку. Здесь столпилось несколько гондол и рыбацких баркасов. На носу у некоторых лодок горели факелы, отчего казалось, что над водой беспокойно завис рой золотых светляков. Слышались взволнованные, испуганные голоса. Что за переполох?

Вдруг я увидела, как знакомые черные жгуты, обвитые голубоватыми ис­крами, выметнулись из воды, ошупывая стену ближайшего дома. Подцепив ажурную решетку балкона, они рванули ее, вызвав осыпь мелких камней. Крики на канале усилились, кто-то отчаянно завизжал. Посреди канала мед­ленно вырастал глянце­вый скользкий горб.

Неизвестная тварь разительно напомнила мне ту, с которой только что до­велось «пообщаться» в крипте. Возможно, это она и была. Или какой-нибудь ее кузен, кто их разберет? В любом случае возобновлять разговор у меня не было никакого желания. Гондолы и баркасы шарахались от твари в разные стороны, как куры от забравшейся в птичник лисы. В общей суматохе нас едва не потопили.

– К берегу, к берегу, к берегу! – закричала я *валлуко*, хотя он вряд ли меня понимал.

Из-за столпотворения на канале произошла заминка. Лодки сталкивались, слышались крики, у кого-то с треском сломалось весло. Вода кипела. Я в отча-

янии подумала, что нам не выбраться из этой кутерьмы, но у «коня», очевидно, случился всплеск гениальности, так как он сам круто повернул к причалу. Миг – и пристань была уже в двух шагах. От страха я запуталась в веслах, потом замешкалась, пряча Пульчино под плащ, и не успела заметить, как на берегу бесшумно выросла тень в длинной накидке с капюшоном. Тень, шагнув на мокрые доски, протянула мне руку, заставив отпрянуть в испуге.

– Ну, здравствуй, Франческа, – усмехнулся таинственный незнакомец. – Долго же мне пришлось за тобой побегать!

Факелы, горящие на пристани, светили ему в спину. Из-под капюшона на меня глядели черные, как жуки, нахальные глаза Луиджи Манриоло.

Глава 23

Меня зовут Франческа Строцци.

Моя мать – дочь бывшего подеста из Патавы. Отца я никогда не знала, хотя догадки были. Мой дед, овдовев и потеряв богатство из-за неудачных спекуляций, поселился в маленьком поместье на берегу Brenty. Он был гордый человек, и заодно с богатством предпочел потерять и друзей. Не хотел, чтобы они видели его бедность. Мою маму, впрочем, вполне устраивала такая замкнутая жизнь. Ее дни текли один за другим, одинаковые, как бусины четок, заполненные одинокими прогулками вдоль реки, да возней с птицами.

Птицы всегда интересовали ее куда больше, чем люди.

Они с дедом могли бы всю жизнь провести в этом сонном, будто зачарованном поместье, не появившись однажды дон Арсаго, который с компанией друзей направлялся из своего имения в Венетту. Он ворвался в их размеренный быт, словно камень, упавший в середину тихого озера, подернутого ряской. Дед был польщен, что столь важные господа оказали ему честь погостить несколько дней. Мама... не знаю. Наверное, была очарована? Дон Арсаго умел очаровывать, когда того хотел.

Через девять месяцев родилась я. Дед, конечно, умел считать до девяти. Он допрашивал мать всеми способами, пока кормилица не пригрозила, что побои могут убить и ее, и ребенка. Мать ни в чем не созналась и не назвала ни одного имени.

Над маленьким поместьем на берегу Brenty словно сгустились тучи. По-мрачневший, угрюмый, дед распустил почти всех слуг, чтобы не было свидетелей его «позора», как он считал. Нас с матерью он запер наверху, в пристройке, которую люди прозвали Чаячьей башней. Крики чаек сопровождали меня с первых дней жизни. Они смешивались с негромкими песнями матери, укачивая меня с колыбели. Просыпаясь по утрам, я видела птиц, таких белых, будто их занесло сюда с чужого неба.

Мать все больше замыкалась в себе. Заточение ее не тяготило, отнюдь. Она теперь чаще улыбалась, но почему-то меня пугала ее отрешенная улыбка. А еще – мамина забывчивость, и ее легкая, птичья беззаботность.

Один раз она проснулась особенно веселой. Расчесала мои длинные волосы и поцеловала меня. Прибрала нашу комнатку, что-то напевая, распахнула высокое окно, впуская вкусные запахи первой зелени, талого снега и капли весенней безуминки. Потом вдруг легко, освобожденно рассмеялась – и шагнула наружу.

Я почти уверена, что ей удалось взлететь. Но поскольку мне было уже во-

семь лет, проверять и выглядывать в окно я не стала.

Два дня в доме царил переполох: хлопали двери, слышались причитания, нутжно скрипели давно не смазанные ворота, которые открыли, чтобы впустить похоронную повозку. Про меня все забыли. На третий день спохватившаяся служанка обнаружила меня в башне: на моих плечах сидели две чайки, на коленях лежала сырая рыба. Позвали деда. Тот, оглядев меня, потемнел лицом. Грубо схватив за ворот, стащил меня волоком по лестнице, посадил в лодку и отвез на Терра-деи-Мираколо. «Забирайте, это ваше», – буркнул он, толкнув меня в руки святой сестры. Я забилась, как попавшая в силос птица. «Она так юна. Ее рано учить!» – возразила монахиня. В ответ дед недвусмысленно дал понять, что не собирается платить за мое обучение и вообще принимать какое-либо участие в моей дальнейшей судьбе. Так я стала «серой» послушницей.

В монастыре, однако, жилось неплохо. Нас кормили досыта, а работа в саду была вполне по силам. Стало еще веселее, когда я нашла Пульчино. Я мало думала о прошлом. По моим понятиям, я просто сменила одну клетку на другую, более комфортную. О своем отце я задумалась лишь тогда, когда к нам присоединилась Джулия. Было в ней что-то родное, я почуяла это сразу, еще до того, как заметила наше внешнее сходство. Кстати, больше никто его особенно не замечал. В монастыре ко мне давно привыкли, я была неотъемлемой «серой» принадлежностью здешних серых стен. «Белые» и «серые» послушницы редко общались друг с другом. Дело не в том, что мы из разных социальных слоев – просто у нас слишком разные интересы.

Да, я впервые подумала об отце, лишь когда повстречалась с Джулией. Слушая ее письма, я припомнила имя дона Арсаго, которое кричал мой дед, ссорясь с матерью (это была единственная ссора, которую мне удалось подслушать).

Однако я не ожидала, что когда-нибудь встречу с ним, до того самого момента, когда отправилась вместо Джулии в дом Граначчи...

– Значит, ты искал меня по поручению Джулии?! – воскликнула я.

Луиджи Манриоло не отвечал – не до того было. Мы пробирались к Пьяцетте по узеньким каменным плитам между стеной дома и угрожающе-темной пропастью канала. Широкая полоса воды справа от нас резко опустела – никому не хотелось попасть на зуб к неведомым морским чудовищам. Люди были охвачены паникой. Я видела, как некоторых прохожих второпях спихнули в воду. Поэтому Манриоло пробирался вдоль самой стены и крепко держал меня за руку.

Я все еще не могла поверить. Так значит, это Джулия послала его сюда! Подруга беспокоилась обо мне... Вытащив нас с Пульчино из лодки, Манриоло в ответ на мои путанные вопросы только закатил глаза и пожал плечами:

– Ты же слышала, что я родом из Аримина. Роберто д'Эсте тоже оттуда. Неужели так сложно было догадаться?! Между прочим, я его слуга.

Вообще-то я и самого Роберто видела всего раз, откуда мне было знать его слуг?! Мало ли проходимцев из разных городов приезжает сюда, чтобы начать новую жизнь? Венеция была идеальным местом для этого. Город-порт, наводненный людьми со всех концов света, где человек, не боявшийся риска, мог без труда обрести новое лицо и имя. Луиджи Манриоло казался мне типич-

ным авантюристом, приехавшем в Венецию попытать удачи.

Тьма опустилась на город, растворив очертания фасадов и крыш. В железном небе громоздились мрачные тучи. Тяжелая, плотная масса воды грузно ворочалась в каменных тисках набережной. Уровень воды в канале стал выше. Маслянистые волны упорно толкались лбами в сырые, замшелые плиты.

– Если придет большая вода – нам крышка, – пробормотал Манриоло и потащил меня дальше. – Скорее! Нам нужно на пристань!

– Зачем? – прокричала я. Впереди в прогале между домами посветлело, и показались очертания двух колонн с неподвижно замершими грифонами, распростершими крылья над городом. Только на западе небо еще сохраняло теплые оттенки. Тучи, подсвеченные скрывшимся солнцем, походили на тлеющие угли.

Дыхание у меня сбивалось. Со всех сторон нас теснили люди, мне приходилось придерживать под плащом раненого Пульчино, а другой рукой я крепко держалась за пальцы Луиджи. После приключений в крипте ноги плохо слушались. Сквозь гул толпы донесся голос Манриоло, кричавший что-то про корабль.

– У тебя есть корабль?!

Наконец, мы добрались до Золотого дворца. Здесь было свободнее, зато на нас набросился ветер с моря, взметнув подол плаща и оставив на губах привкус соли. Аркады колонн рядами уходили вдаль, теряясь в темноте. Наверху во дворце багрово светились два окна, остальные чернели слепыми пятнами. Где-то там лежало тело дона Соранцо. Оплакивал ли его кто-нибудь? Темное пространство между дворцом и зданием Прокураций, обычно по ночам тонущее в безмолвии, сегодня было заполнено метущейся толпой. На площади было шумно. Взошла луна, и ее свет словно бритвой вырезал на фасадах ажурные тени.

Луиджи, оценив мое состояние, прислонил меня к колонне, дав мне возможность немного отдышаться.

– У тебя есть корабль? – снова спросила я.

На невидимом в темноте лице блеснула улыбка:

– Собственно, он не мой, а твоего дона Рикардо. Мы покинем Венецию на «Прекрасной ферроньере».

Я поспешно отшатнулась за колонну:

– Ты собрался отвести меня к Рикардо?! В таком случае – спасибо, но я лучше выберусь сама.

Манриоло успел схватить меня за полу плаща:

– Успокойся, дурочка, Рикардо там нет. А у капитана уговор с синьором ди Горо.

Что?! С Алессандро? Мой спутник снова потащил меня сквозь толпу, ловко пробираясь между людьми, и я больше не пыталась вырваться. Одно имя Алессандро заставило меня послушно следовать за ариминцем, хотя я совсем перестала что-либо понимать. Как так вышло, что они в стоворе с Манриоло?!

Когда мы вышли к причалам, все вопросы умерли у меня на языке. Море сегодня сошло с ума. Поверхность лагуны, обычно гладкая, как стекло, сейчас вся смялась и вздыбилась складками. В ушах свистел ветер, волны неслись к берегу, словно обезумевшие валлуко с пенными гривами. Они ударялись грудью о причальные столбы, набрасывались на камни, пытаясь отгрызть куски.

В воздухе висела мелкая соленая взвесь, огоньки Спиналонги вдалеке то показывались, то гасли. С лодок и баркасов, отчаянно пытавшихся добраться до берега, доносились крики. Некоторые лодки перевернулись, и среди пенных гребней мелькали головы людей. Засмотревшись на лагуну, я споткнулась и нечаянно толкнула какую-то женщину, столбом застывшую поперек дороги. Я извинилась, но она даже не шевельнулась, оцепенело глядя в море. Наверное, жена какого-нибудь рыбака. Ветер рвал на ней полушалок, саржевая юбка промокла до колен, гребень готов был выпасть из растрепанных волос – она ничего не замечала, безучастно комкая концы шали. Кто у нее там, в лагуне? Муж, сын?

Манриоло, идущий впереди, втянул носом воздух, резко и зло:

– Не знаю как, но ты должна это остановить! – прокричал он мне в ухо, стараясь перекрыть разбушевавшееся море и взволнованный гул толпы за нашими спинами.

Я разозлилась. Если бы я могла!

– А сам не хочешь попробовать?!

Меня учили, как призвать живущих-под-волнами. Но как отправить их во свояси?!

На пристани не было ни одной лодки, только болтались в прибое какие-то обломки.

– Вон тот парень... почти причалил, – долетел до меня голос Манриоло. – Сейчас я ему помогу!

Приходилось кричать, чтобы что-то услышать, но я не могла не спросить:

– Откуда ты знаешь синьора ди Горо?!

– Так ведь он меня выручил! – крикнул Луиджи, не сводя глаз с приближавшейся лодки. Не все слова долетали до моих ушей, но кое-что можно было разобрать: – ...он же знал, что я никого не травил!... зря, что ли, в тот вечер... на празднике... глаз с меня не спускал!

– Значит, это он помог тебе спрятаться?

Ариминец обернулся ко мне:

– Синьор ди Горо поселил меня на чердаке у одного своего знакомого трактирщика и посоветовал не мелькать в городе, если я не хочу стать разменной пешкой в играх патрициев. Я всю голову сломал, как бы до тебя добраться! Уж и в церковь пытался тебя вызвать, и к дому ночами подкрадывался – все без толку!

Тут нас отвлек несчастный рыбак, не чаявший выбраться из пенного котла, в который превратилась взбесившаяся лагуна:

– Э-ге-гей! – кричал он, размахивая он руками.

Манриоло, ловко поймав конец брошенной веревки, обмотал его вокруг причального столба. Выбравшись на твердую землю, рыбак первым делом истохо перекрестился в сторону собора. Луиджи что-то крикнул ему, сопровождая слова бурной жестикуляцией, однако мужик никак не мог взять в толк, чего от него хотят, и, похоже, вообще плохо сознавал, на каком он свете:

– Лодка? Зачем она вам? – тупо переспросил он, глядя на нас белыми безумными глазами. Когда Манриоло, не торгуясь, протянул ему яркую серебряную монету, рыбак даже отшатнулся:

– Плыть туда?! Да вы рехнулись!

Впрочем, отговаривать нас он не стал. Покачав головой, сгреб лапой день-

ги, бросил весла наземь и поспешно затерялся в толпе, вероятно, опасаясь, как бы мы не передумали.

– Не бойсь, не потонем, – бормотал Манриоло, подталкивая меня в сторону лодки. Я, однако, сомневалась, что нам удастся добраться до корабля. Нужно быть действительно сумасшедшим, чтобы окунуться в это кипящее варево!

Вдруг послышался оглушительный треск, и земля задрожала у нас под ногами. Над площадью заметался новый всплеск паники. С того места, где мы стояли, нельзя было разобрать, что там творится. Я успела заметить, как нечто черное и блестящее высоко взметнулось над желтыми вспышками факелов. Во все стороны брызнули булыжники и мелкие камни. Насколько помню, главная городская площадь, вымощенная красным кирпичом, когда-то покоилась на двух островах. Сто лет назад здесь посередине проходил канал, который потом засыпали и замостили. Похоже, что теперь вода снова пыталась пробить себе дорогу.

– Скорее! – Манриоло, не церемонясь, сгреб меня в охапку и бросил в лодку. Земля тряслась; грифоны в вышине, озаренные луной, расправили крылья, словно приготовившись взлететь, когда рухнут старые колонны. Пульчино под моим плащом дрожало крупной дрожью, царапая мне грудь коготками. Ему было страшно. Мне тоже.

В этот раз веревка не понадобилась – у моего спутника нашлась при себе специальная упряжь.

– Гриджо, Гриджо! – позвал он.

Лицо Манриоло приняло сосредоточенное, слегка отрешенное выражение, которое было мне хорошо знакомо. Такое же выражение я могла бы увидеть на своем лице, когда звала Пульчино.

За бортом послышался негромкий нетерпеливый свист. Разметав клочья пены, вынырнула черная гладкая голова. «Куда же вы запропали?» – будто говорил *валуко*. Луиджи в один миг надел на него упряжь, пропустив ремни под плавниками.

«Значит, он действительно сжульничал во время гонок!» – мелькнула неуместная мысль. Сейчас на *валуко* была вся наша надежда.

«Прекрасная ферроньера» стояла в порту Сан-Николо, так как была слишком тяжелой, чтобы грузиться в Венеттийской лагуне. Нам предстояло пересечь четыре лиги взбаламученного, глухо рычащего моря, готового раздавить хрупкую лодку, как ореховую скорлупку. Чистое сумасшествие!

Морской конь дернулся вперед, и мы отчалили. Волна за волной били в нос лодки, обдавая нас потоками брызг, но Манриоло как-то удавалось держать равновесие. При этом мы то и дело огибали препятствия, возникавшие на пути. Я съезжилась на дне лодки, прижимая к себе Пульчино. Маленькое сердце чайки колотилось рядом с моим. И вот, когда затеплилась надежда, что наше путешествие пройдет благополучно, прямо перед глазами вдруг вырос темный провал арки, из которого дохнуло смрадом. Оба ее конца терялись в воде. В свете луны в вышине блеснули кривые, изогнутые зубы длиной с локоть. Внезапно возникшее течение подхватило нас, завертело и потащило внутрь, в вонючую влажную темноту. Манриоло, длинно выругавшись, упал на дно, натягивая ремень так, что едва не поднял ялик на дыбы. Зачерпнув бортом воду, мы резко повернули.

– Это мешкорот, – выдохнула я через некоторое время, приказав своей руке

отцепиться от планширя, на котором, кажется, остались вмятины от моих пальцев.

Разминувшись с нами буквально на ладонь, чудовище теперь флегматично текло мимо, как слизистая грязно-коричневая река. Оно не преследовало нас, более того – оно нас вообще не заметило. У мешкорота глаза на макушке, так что когда он распахивает свою хлебрезку, то ничего не видит перед собой. Просто прет вперед, пожирая все на своем пути. В большом море хватит рыбы. Позади нас по лагуне заплескалась паника. Я не оглядывалась. В горле будто застрял горячий ком, стало трудно дышать.

Вскоре между слоисто-мрачными облаками и мутными катящимися валами бирюзы появилась полоса более плотной темноты – остров Дито. Мы добрались! Здесь было немного тише. Гриджо быстро домчал нас до нужного места, и вскоре лодка затормозила, освещенная кормовыми огнями «Прекрасной ферроньеры». Три мачты высоко вздымались в небо. «Ферроньера» была трехпалубной караккой с округлыми бортами и высокими надстройками на носу и на корме. Манриоло кричал и махал руками до тех пор, пока не привлек внимание матросов, дежуривших на палубе.

– Так о чем вы сговорились с синьором ди Горо? – не могла я не спросить.

– Он спрятал меня, так как ему нужен был ловкий человек, чтобы помочь кое-кому выбраться из города, – отвечал Луиджи, ловя брошенную сверху веревку. – Когда я понял, что речь идет о тебе, то сам обрадовался, как все удачно сложилось!

Я догадывалась, что Алессандро давно подозревал меня. И все равно пытался спасти! Хотел дать мне возможность скрыться, если мой обман раскроется... Я оглянулась назад, туда, где за островами скрывался город, задыхавшийся в грязно-белых пенных объятьях взбешенного моря. А что если вода поднимется до того, как в крипту спустятся стражники?! Что я наделала! Я должна была остаться там! Остаться рядом с Сандро – и будь что будет!

Луиджи, взяв меня за плечи, подтолкнул к веревочной лестнице:

– Э, нет, подруга. Я обещал тебя вытащить – значит, вытащу. Между прочим, могла бы поблагодарить меня за то, что я не выдал ваши девичьи тайны синьору ди Горо! Он человек серьезный. С виду вроде бы такой обходительный, но иногда так глянет ледяными глазами – и признания сами текут с языка, как чернила с кончика пера!

Два матроса помогли нам взобраться на палубу и проводили на шкафут. Там прохаживался кряжистый полноватый человек, в котором за лигу можно было признать капитана. В свете фонарей виднелись только внушительные черные бакенбарды и глаза, свирепо зыркавшие из-под шляпы. Когда мы с Манриоло подошли ближе, капитан подбоченился, засунув большие пальцы здоровенных ручищ за пояс:

– Явились-таки! Вовремя вы. На рассвете уходим. Надеюсь, эта чертовщина к утру утихнет!

Словно в опровержение его слов, внезапно ударил ветер. Палуба ушла у меня из-под ног. Манриоло, изогнувшись, как кот, ухитрился схватиться за ванты, перехватив меня другой рукой так, что клацнули зубы. Кормчий с помощником, матеря в бога душу мать и всех святых, вместе взятых, грудью налегли на рулевое весло. С надсадным стоном, скрипя деревянными зубами, корабль развернулся. По палубе пронесся поток белой пены, грозя унести нас за собой.

В провале между волнами над бортом поднялась голова мешкорота. словно сама бездна улыбнулась нам оскаленными зубами. Послышались крики, кто-то из матросов в страхе нырнул в трюм, кто-то предложил спустить шлюпки.

– Какие, к дьяволу, шлюпки! – перекрикивая панику, прогрохотал капитанский голос, напомнивший мне рокот волн по галечному пляжу. – В этой кутерьме мы пойдем ко дну быстрее, чем душа вылетит из тела!

Манриоло с отчаянием посмотрел на меня. И тогда я решилась:

– Хорошо, я попробую.

Улыбнувшись, ариминец протянул ко мне руки. Я подумала, что он хочет обнять меня напоследок, но вместо этого Манриоло обхватил меня веревкой за пояс, привязал к мачте. Это было нелишней предосторожностью, так как скользкая палуба ходила ходуном. За бортом бесновалось нечто кипящее, слепое, мутное.

– In boca al lupo, кьямати, (*) – пожелал Луиджи.

Подходящее напутствие, ничего не скажешь! Я закрыла глаза, стараясь от решиться от всего – от головокружительной качки, панических криков и ругани, зябкого неудобства мокрой одежды, жесткой веревки, впивающейся в поясницу... Если я хочу говорить с морем, придется забыть про собственную злость и усталость, ее здесь и так хватает! В тяжелом дыхании моря слышалась давно копившаяся ярость. Настырность дона Арсаго рассердила живущих-под-волнами. Они чувствовали ее, как если бы кто-то долго и упорно ломился в их запертую дверь. Не удивительно, что *они* были разгневаны...

«Ничего у тебя не выйдет! Ты всего лишь манок, глупый манок, ни на что не пригодный!» – долетел сварливый голосок Скарпы.

Ну и ладно. Манок. На мой голос пускай отзовется море... спокойно... тише...

...то обнимет скалу, то отступит назад, играя; пенной лапой игриво смахнет песок, оно и таким бывает; и за выдохом будет вдох, будут волны шептать бесечно; время скалы сотрет в песок, но дыхание моря – вечно; лишь в воде мы сильны, в нас касанье волны пробуждает пламя; прорастая внутри, море в нашей крови нас зовет и манит; слаще песенных слов пенный рокот валов нам ласкает уши; море мягко как пух, но соленым скребком обдирает душу; когда в ключья прибой, когда вслед за тобой ветер воет в тоске и горе, я замру между небом и дном, как струна, на которой играет море...

Меня увлекло в мир зеленоватого плотного волнующегося света. Золотым дождем промелькнула стайка ярких рыб, словно пестрый ковер, переливались на дне кораллы и морские звезды, ласково мерцали пушистые клубки медуз. Море... Почему я никогда не замечала, насколько оно прекрасно? Хотелось забыть себя, раствориться в этой красоте... Из глубокой синевы мне навстречу приблизились чьи-то желтые глаза, встревоженно глядевшие прямо в мои. Потом они укоризненно моргнули. А потом – вспышка боли, ударив в лицо, безжалостно выбросила меня в реальность. Кажется, я кричала.

Свет казался ослепительным даже сквозь плотно зажмуренные веки. Крик, который почудился мне во сне, теперь наяву сверлил уши. В нем безошибочно можно было угадать вопль разгневанной чайки. Пульчино!

Я распахнула слезящиеся глаза. Куда девалось грозное ночное небо, смутные очертания полупрозрачных многослойных туч, подсвеченных луной? Был яркий день. От резких теней, рассекавших палубу, у меня заломило в вис-

ках. Бедный Пульчино бился в руках какого-то чернокожего гиганта.

– Отдай! – сделала я попытку вскочить. – Сейчас же!

– Да пожалуйста, ради бога! – воскликнул мужчина, в котором я с некоторым опозданием узнала Манриоло. Солнце светило ему в спину, отчего лицо его обрело смуглую черноту, рассеченную белоснежной полоской зубов. – Я забрал его, так как он долбанул тебя в щеку, и я боялся, как бы он не выклевал тебе глаза!

Значит, вот кто меня разбудил... Коснувшись щеки, я с удивлением посмотрела на алые пятнышки на пальцах. Боли не было. Но мне приснилось, что это Карита свезла мне когтями по физиономии! Сон и явь перемешались так причудливо, что не сразу разберешь.

– Главное – у тебя получилось! – воскликнул Манриоло, глядя на меня с каким-то новым уважением. – Море успокоилось вскоре после того, как ты тут сомлела. Правда, мы уже не надеялись, что ты очнешься.

Я послала ему не слишком добрый взгляд. Хорошо хоть от мачты меня отвязал – и на том спасибо! Снова попыталась встать, но быстро отказалась от этого намерения. Все тело ломило, сказывались испытания последних двенадцати часов: подъем на алтану, пугающий спуск в крипту (б-р-р! не к ночи будь помянута!), бешеная гонка по каналам, а затем еще одна выматывающая «беседа» с морем.

Как приятно было просто сидеть с закрытыми глазами, пока мир вертится сам по себе, напрочь позабыв обо мне! Солнце гладило мои щеки теплыми ладонями, над головой в безмятежной голубой выси качались верхушки мачт. Пульчино притих у меня в руках, зато за бортом пронзительно голосили его собратья, перекрикивая забористую ругань капитана и корабельного плотника, подсчитывающих убытки. Нас прилично потрепало прошлой ночью, однако капитан Майрано был полон решимости выйти в море.

– Дойдем до Аримина, там починимся! У меня договор и полные трюмы кож и шерсти, которая сама себя не продаст! А венецианцы того и гляди закроют порты, пока не разберутся, кто у них теперь главный, и не повесят на Пьяцетте парочку виновников вчерашней кутерьмы!

Судя по приближавшемуся голосу, капитан направлялся в нашу сторону. Я открыла глаза, когда его массивная тень, как гора, заслонила солнце. Почему так трудно просто держать глаза открытыми?

– Я понятия не имею, кто вы такие, но за вас поручился синьор ди Горо, а он слов на ветер не бросает! – прогрохотало сверху. – К тому же, судя по вчерашнему, людей вроде вас полезно иметь на борту, когда вокруг творится всякая чертовщина. Решено – вы остаетесь!

– Благодарим вас, синьор, – ответил за нас обоих Манриоло, помогая мне подняться. На палубе, съезживаясь на глазах, сохли комки водорослей. Вокруг, насколько хватало глаз, расстилалась переливчатая водная гладь. За бортом волны умиротворенно шептались о чем-то своем. Как и я, море казалось уставшим, выдохшимся... Оно неплохо покуролесило прошлой ночью и теперь ошеломленно прислушивалось к себе, удивляясь новым ощущениям.

Вскоре, повинувшись командам капитана, захлопали паруса. Каракка грациозно развернулась на пологих волнах, поймала ветер – и направилась на юго-восток, в сторону Аримина.

(прим.: дословно – «в волчью пасть», у итальянцев это пожелание анало-*

лично нашему «ни пуха, ни пера»)

Спустя неделю после той ночи я чувствовала себя как лодка, брошенная посреди моря без руля и весел.

«Прекрасная ферроньера» благополучно добралась до Аримина и встала в док, чтобы залечить повреждения, нанесенные взбесившимися волнами. Манриоло, добыв нам комнату в портовой таверне, водворил меня туда и исчез – хотел узнать новости, прежде чем явиться в дом д'Эсте, где всем заправлял отец синьора Роберто. Вернувшись, он сообщил, что Джулия с Роберто отправились в Венецию, так что, стало быть, мы разминулись. Нервно меряя шагами комнату, мой попутчик готов был грызть пальцы с досады. Мне все было безразлично.

Сегодня с утра Луиджи опять отправился за новостями. Я осталась в компании с Пульчино, который, угрюмо нахохлившись, сидел на оконнице в нашей комнате. Крыло его постепенно заживало, но я понимала, что страшные события той ночи неизбежно оставят в его характере неизгладимый отпечаток. Такие вещи бесследно не проходят. Предложив своему пернатому брату немного воды и рыбы, купленной накануне, я спустилась вниз, в длинный зал с низким закопченным потолком. Здесь было тесновато, зато прохладно, наверху же воздух плавился от духоты. Я присела у окна, глядевшего на улицу. Трактирщик покосился было, однако возражать не стал, ему и без меня хватало забот. Хлопала дверь, один за другим заходили новые люди, слышался резковатый, непривычный говор. Все разговоры кружились вокруг наводнения, случившегося неделю назад. Страшный удар волны разрушил несколько домов и обвалил старый пяти-арочный мост, оставшийся еще от квиристов. «Свернуть такие глыбы – это постараться надо! – говорили вокруг. – Квиристы строили на совесть!» За последние дни я столько наслушалась про этот несчастный мост, что он стал мне почти как родной.

Я подняла голову, лишь когда услышала знакомые шаги – уверенные, легкие. Манриоло, блеснув улыбкой, стремительно пересек зал и присел напротив меня на низкий табурет. Тот только жалобно крикнул. Вместо обеденных столов здесь стояли старые почерневшие бочки.

– Донна Джулия с мужем благополучно добрались до Венеции, – обрадованно сказал он. – Я только что получил известие от синьора д'Эсте.

В ответ я молча наклонила голову.

– Ну и шуму было, когда дон Рикардо прознал о свадьбе! – продолжал Манриоло легкомысленным тоном, явно намереваясь меня расшевелить. – Он жуть как разозлился на сестру! Однако сразу утих, как только дон Роберто предложил ему поучаствовать на паях в одном выгодном деле. Так что все закончилось миром, слава мадонне!

– А Энрике? – любопытно спросила я. – Надеюсь, его не слишком подкосило коварство невесты, которая взяла и вышла за другого?

– Напротив, я слышал, что он первым поздравил молодых и даже помог им помириться с Рикардо!

Мои губы сами сложились в улыбку. Наверняка Энрике вздохнул с облегчением, узнав, что ему больше не нужно жениться на *кьямати*!

– Никогда не видел, как ты улыбаешься. Тебе идет, – между делом заметил Луиджи. – Дон Энрике был, конечно, опечален смертью отца. В Венеции гово-

рят, что Арсаго – герой, который в одиночку пытался совладать с живущими-под-морем, но не справился и погиб.

Я кивнула, думая про себя: «вот пусть венецианцы и дальше так считают!»

– Также я слышал, что нашлась девица, готовая утешить дона Энрике в его горе. Некая Инес Сакетти...

«Все-таки Инес своего добилась!» Она будет прекрасной женой для Энрике. Ему нужно именно такая женщина: чтобы смотрела ему в рот, восхищалась и вдохновляла на подвиги.

– Если верить слухам, новым дожем выберут Пьетро Соранцо, только сомневаюсь я, что он долго усидит в Золотом дворце. Венецианцы его не очень-то жалуют. Помани мое слово, скоро закрутится очередная политическая карусель... Ты не хотела бы вернуться? Донна Джулия будет рада. Собственно, она даже *настаивала*, чтобы ты вернулась и жила у них.

«Нет, не хочу. Венеция – мертвый город для меня». Слишком многих я там потеряла. Я боялась, что ночами мне будет сниться донна Ассунта, среди бликов на воде будут мерещиться глаза Кариты, а толпе я буду вечно искать пристальный взгляд Алессандро... Нет уж, лучше не возвращаться!

Луиджи, напряженно следивший за мной, как кот за добычей, вдруг нарочито вздохнул:

– Признаюсь честно, я и сам не хотел тебя отпускать. «Ферроньера» отсюда направляется в Занклу, и синьор д'Эсте дал мне поручение к тамошнему агенту. Я был бы рад, если бы ты отправилась со мной. Ты могла бы многому научить нас с Гриджо. И не сомневаюсь, что капитан Майрано с радостью приветит тебя на борту – после всего, что случилось Той Ночью! Но поскольку сил моих нет видеть тебя такой печальной, так и быть, я скажу: он жив.

Медленно-медленно я подняла голову:

– Что?

– Да жив твой синьор ди Горо, не плачь. Хотя досталось ему, конечно, по первое число.

Он жив! Вселенная сорвалась с оси и закружилась передо мной. Луиджи смотрел на меня с доброй улыбкой, но в его лице виделось некоторое замешательство. Опомившись, я отпустила его руку, смиренно сложив ладони на столе... то есть на бочке. Сама не помню, когда успела вцепиться ему в запястье. На душе у меня вдруг стало так легко, будто с плеч упала огромная тяжесть. Я с новым интересом оглядела уютный закопченный зал, добродушного трактирщика за стойкой, маленькие окошки, скудно пропускающие пыльный серенький свет...

– Этот венецианец тебе так дорог? – мягко прозвучало над ухом.

– Что с ним?

Луиджи пожал плечами.

– Ученый доктор, который его лечил, сам дивился его живучести, ведь яд морских чудовищ смертелен...

– Ох уж этот Фалетрус! – всхлипнула я.

– ...Но теперь все в порядке. Если этот ваш Фалетрус не высосет из синьора ди Горо всю кровь, тщетно пытаясь выяснить секрет противоядия, он определенно выживет.

Я облегченно вздохнула и закашлялась, так как воздух в таверне был сизым от табачного дыма. Всю неделю в глубине души я надеялась на чудо.

Сложно объяснить, но мне показалось, что тогда, в крипте, гость-из-моря послушался не меня, а Алессандро. Может, он и не хотел ему навредить. Может быть, в чем-то Алессандро был даже сильнее меня. Я вспомнила первое правило, которому пыталась научить нас сестра Агата: «Истинная *кьямати* понимает жизнь как дар, который следует истратить на ближнего». Мы с другими послушницами воспринимали это правило как нудное нравоучение. Для Алессандро же оно, похоже, было нормой жизни.

Всего этого я не стала объяснять Луиджи, который следил за мной плутоватыми хитрыми глазами, ожидая моего решения. В первый раз за многие-многие дни я беспечно улыбнулась:

– Хорошо, я поеду с тобой в Занклу.

Пока не утихнут слухи, связанные со смертью дона Арсаго, для меня будет лучше держаться подальше от Венетты. Занкла, расположенная на другом конце Полибийского «сапога», вполне для этого подходила.

– Я поеду с тобой в Занклу, и научу тебя всему, что знаю. Надеюсь, вам с Гриджо это будет на пользу. Но когда-нибудь... однажды я вернусь в Венетту.

В конце концов, я же обещала.

Расплатившись и собрав вещи, мы вышли наружу, в жару и ослепительный свет. Пульчино сидел у меня на плече. Стены низких домов сверкали близкой, вдоль по улицам сновали люди, нагруженные тюками и ящиками. Город был устроен так, что из любой его точки можно было увидеть яркий лоскут бирюзы. Море окружало нас повсюду. Пахло рыбой и горячим камнем, вдалеке на пристани темнели усталые силуэты баркасов. Мы с Манриоло неспешно шли в сторону порта, а перед моими глазами вставал совсем другой город – прохладный, чарующий, волшебный. Город, возникающий над лагуной будто из воздуха, словно мираж в дымчато-стеклянной раме из воды и тумана. Хмурый, таинственный... приветливый и жестокий одновременно.

Город, куда я однажды хотела вернуться.

Волгина Алёна

ОТРАВЛЕННЫЕ МОРЕМ

Глава 1

Сиккила, деревня близ Занклы.

Утром море палево-бирюзовое и пахнет солью. Солнца ещё нет, только на востоке золотится рассвет. Волны ласково гладят берег пенными ладонями, захлестывают мои ступни, увлекая за собой. Спину холодит утренняя стылость, но вода теплее воздуха. Я ныряю с головой, согреваясь, забирая тепло у моря и отдавая ему взамен — своё.

Говорят, волны шепчут каждому о сокровенном. Люди приходят на берег, чтобы отрешиться от суеты и понять что-то новое в себе. Меня же тянет на глубину, совсем как в Ту Ночь, когда мы с морем соприкоснулись душами слишком близко. Если бы не Карита, я так и осталась бы там — кораллом, стайкой рыб, моллюском, бездумной морской пеной.

Каждый раз выбираться на берег становится всё сложнее. Тело с непривычки кажется тяжелым, неуклюжим, и немного звенит в ушах. Кожу стягивает на солнце, острая галька впивается прямо в пятку, и до башмаков, отставленных подальше, приходится прыгать на одной ноге. Море с ласковой насмешливостью провожает меня бирюзовыми глазами: «Может, вернешься?» Но пока у меня хватает сил повернуться к нему спиной. Слишком многое держит меня на берегу.

Справа за песчаными дюнами, поросшими колючей травой, виднеются темные крыши. Это Перна, рыбацкая деревня, где мы с Манриоло нашли убежище на зиму. Мой друг плотничал, помогал рыбакам. Иногда я завидую его лёгкости. Когда человеку легко с собой, люди рядом с ним тоже чувствуют себя непринужденно. Манриоло любили. Меня боялись. За спиной шептались — «скъемара», морская колдунья, однако за советами обращались исправно. Где лучше поставить сети? Когда ожидать следующего шторма? Я была словно переводчик между людьми и глубинной синей страной, лежавшей в полулиге от их домов.

Возвращаясь домой, я стараюсь держаться узкой полоски тени. Когда я проходила мимо рынка, Альдо, наш сосед, сунул мне две рыбины — обычная плата за морские уроки. Нужно пожарить её до того, как упадёт жара. В дневные часы жизнь в Перне замирает. Палящее солнце загоняет всех в тень, придавливая к земле. Даже самые брехливые собаки прячутся до вечерней прохлады.

Печка во дворе уже старая и дымит, с ней приходится обращаться бережно. Вообще-то у нас были деньги, чтобы её починить. Хватило бы даже на собственную лодку, так что Манриоло не было нужды наниматься в помощники к другим рыбакам. Я не однажды намекала ему на это, но Манриоло всегда отказывался. Понятно почему. Мы не купили в этот дом ни горшка, ни ниточки, пользуясь тем, что осталось от прежних хозяев. Это было временное жильё.

Вести из Венетты сюда не доходили. Несколько раз я бралась за перо, чтобы написать Джулии... и снова откладывала. Прошлогодний обман чудом сошел

нам с рук. Интересно, что говорят сейчас в Венеции о смерти дона Арсаго? Заподозрил ли кто-нибудь, что в крипте он был не один? Вспоминает ли обо мне Алессандро?.. Конечно, зимой ни одно судно не пустилось бы в плавание по Длинному морю. Было легко убедить себя подождать. Но день проходил за днем, уже миновала весна, а я всё никак не могла решиться...

Спohватившись, я принялась переворачивать толстую рыбину, шипевшую на решётке. Опять с одного бока получится подгоревшей! Пульчино, напомнив о себе резким чайчьим криком, получил рыбины потроха и убрался под крышу. Я снова задумалась, когда на светлый песок рядом с моей упала ещё одна тень. Узнаю Манриоло! Где бы он ни бродил по утрам, он всегда чётко являлся к обеду, отточив этот навык до подлинного искусства!

Улыбнувшись, я обернулась, но при виде Манриоло заготовленные шуточки замерли у меня на губах. Обычно он сразу приносил тарелки, ставя их на растрескавшийся стол под седой оливой, где мы обедали. В этот раз руки у него были пусты, а в глазах горел новый азарт, и он выглядел, как человек, сбросивший с плеч тяжёлую ношу. По его оживлению всё было понятно без слов:

— Мы возвращаемся.

* * *

Капитан, которого нашёл Манриоло, был ариминцем. Звали его Алонзо Кариньяно, и он ходил на «Примавере» — небольшой фелуке, легкой и проворной, как ласточка. Обычно он курсировал вдоль Полибийского берега, заглядывая в тот или иной порт, чтобы взять на борт партию вина или шерсти. Или менее законного груза, если на то пошло. Легчайшую «Примаверу» ночью ни одна стража не догонит! А если и догонит, то взятка таможенникам поможет уладить дело. Судя по кафтану из дорогого сукна и золотому перстню с печатькой, синьор Алонзо привык распоряжаться большими деньгами. А судя по жесткой складке возле рта и непреклонному блеску глаз, он не постеснялся бы прибегнуть и к стали, если бы ему понадобились более эффективные средства убеждения.

— Это Франческа, — представил меня Манриоло, когда мы встретились, чтобы всё обсудить. — Мы с ней едем в Венецию вместе.

Синьор Алонзо белозубо улыбнулся и сказал, что будет рад нам помочь, причем без всякой платы, так как дон Роберто д'Эсте, у которого раньше служил Манриоло, был его хорошим знакомым.

— Мы, ариминцы, привыкли держаться друг друга, — сказал он добродушно. — Сегодня я окажу услугу Роберто, завтра — он мне. На том и держится мир.

Я осторожно спросила, не опасно ли ему появляться в Венеции, так как из-за сложной политической обстановки ариминцев там всегда недолюбливали. Капитан пренебрежительно отмахнулся:

— Пустое. У нас, у купцов, свои интересы! Пусть сенаторы и графья ломают копыя, нас это не касается.

Мы сидели в порту в таверне, насквозь пропахшей рыбой и дешёвой граппой. Манриоло сиял. Он снова обрёл тот вызывающий, победительный вид, который всегда отличал его в Венеции. Я его понимала. Мой друг был не из тех людей, кто мечтает всю жизнь просидеть в тихой заводи. Рыбацкая деревушка была для него лишь временным пристанищем, с которым он вынужденно

мирился.

Обговорив детали и сроки предстоящего путешествия, синьор Алонзо вместе с Манриоло углубились в воспоминания об Аримине, их родном городе, а я тем временем исподволь присматривалась к новому знакомому. Это был осанистый, крепкий человек с умным волевым лицом и рыжеватой бородой. Под бровями в палец толщиной блестели любопытные глаза, изменчивые, как вода в море. Что-то упорно мешало мне ему довериться. Слишком он был какой-то... текучий. С таким собеседником оглянуться не успеешь, как выложишь о себе всю подноготную, а он будет только кивать, поддакивать и мотать на ус.

Услужливый трактирщик принес новый кувшин с вином взамен опустевшего, и в воспоминаниях двух моряков (правда, для Манриоло это занятие осталось далеко в прошлом) зазвучали сентиментальные нотки:

— Как бы мне хотелось снова побывать в Арсенале! — с ностальгией вздохнул Манриоло. — Всё моё детство прошло под стук молотков на верфях!

Синьор Алонзо в свою очередь разразился воспоминаниями о прохладных крытых галереях на улицах Аримина, о колодце в каменном дворике, возле которого он любил когда-то играть, и о полосатом черно-белом фасаде церкви напротив родительского дома...

— Когда я вернулся туда в последний раз, то перестроил хоры в церкви и украсил её новыми колоннами с резьбой, — похвастал он. — Нет ничего прекраснее дома! Чем дальше ты уходишь в море, тем сильнее тебя тянет обратно, на зов маяка в родной гавани!

«Что-то он слишком сентиментален, — подал голос Пульчино, который караулил снаружи. — Такие люди часто бывают особенно жестоки». Будучи чайкой, Пульчино, конечно, не мог устроиться с нами в таверне, но природное любопытство не позволило ему остаться в стороне. Наша дружба с ним началась задолго до этой поездки, ещё на острове Мираколо, когда я подобрала на причале беспомощного птенца. Волшебный дар кьямата позволял нам обмениваться мыслями, даже если мы находились далеко друг от друга. Я могла бы, например, «одолжить» тело чайки, чтобы взлететь и увидеть город с высоты. Этот дар я с детства привыкла воспринимать как игру, однако прошлой весной в Венеции мне пришлось убедиться, что есть люди, которые относятся к волшебству очень серьёзно и не гнушаются использовать его в политических играх.

Меня до сих пор мучило чувство вины. Когда я по глупости ввязалась в венецианские интриги, это дорого обошлось Пульчино. Он едва не погиб, и до сих пор не мог нормально летать, после того как дон Арсаго выместил на нём свою злобу. Я пыталась помочь ему, как могла, но иногда с горечью думала, что в сердце Пульчино навсегда поселилось недоверие к людям.

Может быть, моя подозрительность к синьору Алонзо — это тоже отражение мыслей Пульчино? Мы ведь многие эмоции делили на двоих!

Манриоло тем временем громко засмеялся:

— Будь я один, добрался бы в Венецию куда быстрее вашей «Примаверы»! Готов поспорить, что валлуко, мой «морской конь», донесёт меня туда за неделю!

Я с досадой пнула его ногой под столом, чтобы не распускал язык. Прошлогодние события научили меня осторожности. Чем меньше людей знают о тво-

их способностях, тем лучше! Валлуко — это крупное морское животное, вроде дельфина. Манриоло назвал своего приятеля Гриджо из-за серой шкуры. У них была примерно такая же связь, как у нас с Пульчино, хоть и не настолько тесная. Одной из причин, по которой Манриоло взял меня с собой, когда мне пришлось бежать из Венеции, было его желание научиться искусству кьямати. Однако он не был хорошим учеником. Ему всегда не хватало терпения, кроме того, Манриоло любил, чтобы слушали его, а сам редко брал на себя труд прислушиваться к чужим мыслям.

В данный момент его разговорчивость, подогретая винными парами, была особенно некстати. Думаю, неспроста синьор Алонзо то и дело подливал ему вина! Вон как заинтересованно блестит глазами!

— Не хотите ли взять жареной рыбы на закуску? — предложила я, незаметно отодвигая кувшин подальше от Манриоло.

Капитан отказался:

— Нет, спасибо. В незнакомых трактирах я стараюсь держаться подальше от еды и поближе к выпивке. Это правило меня ещё никогда не подводило!

Манриоло снова расхохотался, будто это была бог весть какая шутка. Кажется, он был совершенно очарован новым знакомым. Я попыталась сменить тему, но это не помогло: синьор Алонзо упорно переводил разговор на нас.

— Жаль, что дон Роберто сейчас в плавании, зато его супруга будет чудо как рада встретиться с вами в Венеции!

— Разве Джулия не в Аримине? — вырвалось у меня против воли.

— Ну, похоже, ей веселее коротать время с её братом, чем со свекровью, — подмигнул капитан.

— Видишь, как удачно всё складывается! — воскликнул Манриоло.

Я снова толкнула его ногой, пытаясь привлечь к себе внимание. «Кто он такой, этот Кариньяно? — спросила я беззвучно, одними глазами. — Он показал тебе какой-нибудь знак от твоего бывшего хозяина? Кольцо, кинжал, письмо хотя бы?». Ответом мне была только счастливая бессмысленная улыбка.

Впрочем, может, я зря себя накручиваю. Какая разница, кто он, этот капитан, пират или кондотьер, главное — он обещал привезти нас в Венецию! Я снова увижу Джулию, увижу Алессандро! Сердце предательски толкнулось в ребра, и я поспешно опустила глаза, прячась от пронизательного прищуривания синьора Алонзо.

Иногда Алессандро снился мне, и это были сны, полные грусти. Я тосковала по нему. Пыталась вспомнить его черты, его особенную улыбку, приподнимающую уголки губ. Его привычку отступать в тень, когда кто-нибудь слишком пристально таращился на его шрам. Мне часто снилось, будто я искала его в венецианском порту, расспрашивая всех и каждого, пока кто-нибудь не разворачивал меня в сторону моря, показывая на белое пятнышко парусов, исчезающее вдаль. В своих снах я всегда опаздывала. И каждый раз, вглядываясь в слепящую полосу моря, разделяющую нас с Алессандро, я просыпалась с горящим лицом и болью в груди.

Манриоло вдруг хлопнул меня по плечу, заставив очнуться: «Поверьте, она тоже рада! Просто женщины привязываются к дому, как кошки, и их тяжело сдвинуть с места!» Они с капитаном пьяно расхохотались. Внезапно убогая хижина в Перне показалась мне уютным убежищем по сравнению с веселым угаром, царившим в таверне. По мере того как темнело, столы заполнялись

шумными, гогочущими людьми. Мимо нас постоянно кто-то шатался, задевая нас то кружками, то локтями. Пора было уводить отсюда Манриоло, пока он не наделал бед. Сгоряча он мог такого натворить, что нас потом ещё лет десять вспоминать будут!

«А ты вылей ему ведро воды на башку, — посоветовал Пульчино, снова проявив саркастический интерес к нашей беседе. — Враз протрезвеет!»

Синьор Алонзо хохотал и шутил наравне со всеми, однако его взгляд оставался на удивление трезвым. Он даже не покраснел от выпитого. Нет, он мне точно не нравился. Встретившись со мной глазами, капитан отсалютовал кружкой:

— Вы так молчаливы, синьорита Франческа. Похвальная осторожность. Однако есть же в Венеции люди, которым вы полностью доверяете?

Я мысленно произвела несложный подсчет:

— Есть. Целых два человека.

Алонзо дернул щекой, будто скрывая усмешку:

— Уверен, они оба будут очень рады вас видеть.

Глава 2

Венеция, дом Граначчи.

Ночью улицы Венеции словно вымощены темным стеклом. На носу гондолы горел фонарь, разбрасывая по воде золотые блики. Лодка скользила бесшумно, как призрак. Отражения редких факелов еще больше подчеркивали непроницаемую глубину каналов.

— К дому Граначчи, — приказал Алессандро гондольеру.

Он вернулся в Венецию утром, и за день устал как чёрт. Нужно было разместить галеры в порту, договориться о починке оснастки и об учениях, добыть такелаж, выслушать рапорты капитанов и отправить доклад в Золотой дворец. Было так соблазнительно завалиться в гостиницу, отложив все разговоры до завтра, но... Рикардо обещал его дождаться, во сколько бы он ни приехал. Они не виделись уже несколько месяцев, с самого начала навигации.

Дом Граначчи стоял тихий и темный. Только два решётчатых окна светились на втором этаже. Шагнув на пристань, врезанную в камень, Алессандро невольно бросил взгляд на тонувшую в тени аркаду, где прошлой весной он впервые увидел её. Франческу.

Эта встреча всё изменила. Как сейчас, он помнил большеглазое, тонко очерченное лицо с гордо поднятым подбородком, каштановые кудри, растрепавшиеся в долгой поездке... Помнил её скованность и тщательно скрываемую неуверенность, которая, как он теперь понимал, была вызвана отнюдь не застенчивостью! Он видел в ней тогда неопытную девушку, приехавшую, чтобы встретиться с женихом. А она готовилась играть роль. И сыграла её просто блестяще. Интересно, где-то она теперь?

Едва только отгремели зимние штормы, он разослал людей на поиски по всему Длинному морю. Не для того, чтобы вернуть Франческу в Венецию. А затем, чтобы убедить ее не приезжать.

В ночной тишине слышался лязг отворяемой решетки, и знакомый веселый голос позвал:

— Эй, ты где? Чего там застрял?

Они обнялись. Алессандро был рад встретить друга. Отрадно было видеть, что Рикардо совсем не изменился, хотя после женитьбы на Бьянке он приобрёл большой вес в купеческом сообществе Венеции. Благодаря влиянию тестя и умным ненавязчивым советам жены, дон Рикардо Граначчи заручился поддержкой самых крупных банкиров и теперь проворачивал одну сделку за другой. Сам он практически перестал выходить в море, тогда как Алессандро наоборот, с самой весны пропадавал на галерном флоте, патрулируя Длинное море и жестко пресекая попытки тарчей захватить венецианские форты.

Шумно радуясь, Рикардо пригласил друга в дом, где уютно мерцали огоньки свечей:

— Знал, что не забудешь старого приятеля! Ужин давно готов, и я добыл великолепного альберинского вина, чтобы достойно отметить встречу!

Алессандро только фыркнул:

— Уж поверь, на галерах в походе мне приходилось пить такое, что по сравнению с этим пойлом любое вино покажется амброзией!

После долгих недель плавания лестница слегка покачивалась у него под ногами. Рикардо, показывая путь, освещал им дорогу канделябром, от которого по стене бежали длинные тени.

Они поднялись в кабинет, где на столике возле окна был накрыт ужин. Бьянка, вероятно, давно спала. Рикардо, порывистый, как всегда, энергично придвинул стул, разлил вино и уселся напротив.

— Расскажешь, что нового в Венеции? — спросил Алессандро, взяв бокал.

После гибели графа Арсаго, едва оправившись от ран, он поступил на службу к новому дожу, однако они с патроном не сошлись характерами. Дон Сакетти желал бы держать слишком прямодушного синьора ди Горо подальше от Венеции и сенатских заседаний. Командование эскадрой галер как раз представляло такую возможность. Поэтому Сакетти с радостью отправил Алессандро защищать венецианские крепости на Альберино, Канди и Керкире от посягательств тарчей, которые с каждым годом становились всё нахальнее. Всецело поглощенный новыми обязанностями, Алессандро теперь крайне редко появлялся в городе.

— У нас до сих пор вспоминают церемонию «бракосочетания с морем», которую, по традиции, провел дон Сакетти. Брак в этот раз получился очень... скоростным. Было забавно смотреть, как напыщенный «Бученторо», весь украшенный позолотой и пунцовыми коврами, драпает обратно в лагуну так, что у гребцов аж весла гнутся! Моряки говорили, что за островом Дито перед ними вдруг всплыл гигантский полипус с такими щупальцами, что ими можно было опутать всю галеру, от носа до кормы!

— Быть того не может, — сказал Алессандро с ноткой растерянности в голосе. Облик морского чудовища, с которым ему довелось «пообщаться» в крипте, накрепко врезался в память.

Рикардо пожал плечами:

— Мистика, конечно. — Он понизил голос: — Но для тех, кто видел тело дона Арсаго прошлой весной, этот рассказ звучит правдоподобно. Энрике ведь тоже был на «Бученторо», как ближайший родственник дожа. Некоторые думают, что ему вовсе не следовало бы соваться в море, так как кровь Арсаго проклята морем навеки!

— В общем, — добавил Рикардо, — наш дож теперь старается держаться по-

дальше от морских дел. Может быть, поэтому он стал ярким сторонником «земельной» политики и легко согласился на союз с тарчами, чтобы торговать с Ханааном через них.

Эта новость ошеломила Алессандро гораздо сильнее, чем слух о появлении морского монстра. Он даже поперхнулся:

— Союз с тарчами?! Ты шутишь!

— Не поверишь, но Сакетти настроен серьезно.

— После того, что они натворили в Хрисе? После Элафониси и Пароса? После расправы в Арсиное?!

В лице Алессандро засветилось такое тихое страшное бешенство, что Рикардо невольно отодвинулся вместе со стулом:

— Чего ты на меня-то рычишь? Я тут вообще не при чем. Это всё фиеский-цы, они сговорились с Лигой Четырех и готовят против нас мощнейший союз. Вот Сакетти и повернулся к тарчам. Нужно же где-то искать союзников?

— Союзников?! А ты знаешь, что они сделали на Альберино? — спросил Алессандро почти шёпотом. — Крепость Арсиноя держалась всю зиму. Мы не могли прийти на помощь из-за штормов. В конце концов, гарнизон решил сдаться. Тарчийский паша обещал, что позволит уцелевшим защитникам свободно уйти. Вместо этого он приказал казнить двести человек, а остальных приковать к скамьям на галерах. Когда мы вошли в крепость, там были одни развалины, по колено залитые кровью!

Рикардо сидел как на иголках, не зная, куда спрятать глаза. И вздрогнул, когда Алессандро шарахнул кулаком по столу. Жалобно тренькнуло блюдо, один кубок упал, заливая светлую скатерть багровым потоком.

— Союз с тарчами?! Завтра же я отправлюсь в Сенат с докладом. Нам нужен порох! Крепостям нечем обороняться. Нужно усилить гарнизоны!

— Ты бы поосторожнее с доном Сакетти, — хмуро предостерег Рикардо, убирая салфеткой разлившееся вино. — Недавно один из сенаторов тоже разглагольствовал, что перед угрозой тарчей нам лучше бы замирились с Фиеской, и где он теперь? Казнили за измену! На следующий день про него уже никто не вспомнил. Сакетти ведёт себя как полновластный хозяин Венетты. Получив шапку дожа, он даже Джоанну ухитрился прибрать к рукам. Ходит теперь тише воды, ниже травы, как монашка. Никакого сравнения с тем, что было.

— Велика доблесть — справиться с женщиной, — хмыкнул Алессандро, вскочив с места и нервно прохаживаясь по комнате.

Рикардо следил за ним взволнованным взглядом. Его друг явно набрался вольнодумства, подолгу болтаясь в море. Здесь совсем не то, что на островах. В Венетте за неуважение к дожу можно было быстро загреметь в темницу, откуда тебя потом сам дьявол не вытащит.

— Боюсь, что ты слишком хорошо защищал острова от тарчей, — сказал он со значением в голосе. — Как бы дон Сакетти не вздумал наградить тебя за это... ударом ножа в спину. Вряд ли тарчийские эмиссары будут рады увидеть тебя в Сенате!

— Но ты же меня поддержишь? — спросил Алессандро с бесхитростной уверенностью.

Рикардо, смутившись, опустил голову:

— Я вообще-то тоже не в фаворе у Сената... из-за сестрицы. Она, если ты не забыл, замужем за ариминцем, да ещё торчит тут в Венетте, мозоля глаза на-

шим сплетникам! А поскольку Аримин, как всегда, держится в кильватере у Фиески, этот город теперь тоже считается нашим врагом. Говорят, что в Фиеске объявился новый флотоводец, некий капитан Антонио Маньяско. Начинал он так же, как ты, был когда-то капитаном кирасиров в Медиолане. Потом перешел на службу к фиескийскому дожу и заделался моряком. Можно сказать, пересел с лошади прямо на галеру! Однако удача благоволит к нему: имея всего три галеры, он сумел разделаться с корсаром Кадолином! Такое не каждому под силу!

— Ну, галеры, считай, та же кавалерия, только морская, — впервые улыбнулся Алессандро. — Я слышан о капитане Маньяско, хоть мы раньше и не встречались.

— И не приведи тебя Бог! — пылко воскликнул Рикардо. — Однажды он захватил наш галеас, шедший курсом на Сандрию. В отместку дон Сакетти арестовал на Хрисе две его галеры, куда они случайно зашли за дровами. Нет, с Фиеской нам теперь не договориться! Поэтому Сакетти и начал искать сторонников на востоке...

— Только не тарчи! — отрезал Алессандро. — После Арсинои — это позор. Против нас восстанет весь Полуостров, не только северные герцогства! И они будут правы!

Рикардо угрюмо отвернулся. Конечно, его друг говорил очень правильные вещи, но такие разговоры хорошо вести посреди моря, на собственной галере, когда тебя со всех сторон окружают преданные люди! А не здесь, в Венетте, где за каждым углом, возможно, подстерегает доносчик или шпион.

Эта дурацкая прямота Алессандро и его умение одной фразой, словно взмахом меча, чётко отделить правильный путь от лёгкого, всегда заставляли Рикардо чувствовать себя каким-то приспособленцем. Как будто с его загрубевшей совести разом содрали корку и подсунули под нос неудобную проблему — бери, решай! А он-то, дурак, ещё обрадовался встрече! Вечно у них всё наперекосья... Даже аппетит пропал. Рикардо угрюмо отодвинул блюдо с нежными куропатками, плавающими в вине, и принялся мрачно ковырять вилкой дорогую скатерть, украдкой поглядывая на друга. Встал у окна и стоит. Чего там высматривать, в темноте-то?

От Алессандро веяло непривычной свободой, морским ветром и ещё чем-то... неприятно напоминающим о коварной зыбкой пучине, способной запросто поглотить целую флотилию кораблей. После той трагедии в крипте (о которой Рикардо до сих пор не мог вспоминать без дрожи) в чистых серых глазах Алессандро появился опасный блеск. Иногда он замирал, будто прислушивался к чему-то. «Это всё она виновата, проклятая ведьма!» — подумал Рикардо с внезапной злобой.

Вдруг снова накатило воспоминание: страшная, залитая кровью подземная крипта, изломанное тело дона Арсаго возле кромки черной воды и Алессандро — полумертвый, с мечом в руке. Рикардо потом целую неделю не отходил от постели друга, помогая доктору, который пытался вытянуть яд морской твари из его жил и залечить две жуткие раны поперек груди. Но когда Алессандро наконец очнулся, на Рикардо из чужих потемневших глаз плеснуло такой жутью, что он весь взмок до костей и на миг пожалел, что душа его товарища не отлетела к праотцам.

«Много ли её, интересно, осталось, той души...» — подумал он мрачно.

Из-за общего переполоха и подготовки к пышным похоронам дона Арсаго никто не заметил кратковременного исчезновения Джулии. Через день сестрица вдруг объявилась, светясь от счастья, под руку с новоиспеченным мужем, который оказался знатным ариминским синьором. Рикардо, подогретый давними словами Алессандро и собственными подозрениями, припёр девчонку к стенке. Он знал, как на неё надавить, а Джулия никогда не умела хранить тайны. Хлюпая носом и заламывая руки, она выложила всё начистоту о своем страхе перед Арсаго, о горячей любви к дону Роберто д'Эсте и... о верной подружке Франческе, согласившейся ненадолго подменить её в Венетте, чтобы влюблённые успели удрасть. Рикардо впал в ярость. Если бы дон Роберто не оказался таким хорошим зятем — прибил бы негодяйку!

— Разве не безопаснее было бы твоей сестре дожидаться мужа в Ариминне? — вдруг спросил Алессандро, всё ещё глядя в окно.

— Она... у неё будет ребёнок. В таком положении особо не поездишь.

— О! Поздравляю. Значит, скоро ты станешь дядей?

— Да уж, подкинул зятёк проблем... Надо было мне тоже уйти в море! Лучше месяцы напролёт давиться солониной и лежать пластом во время шторма, чем потеть в Сенате, гадая, что ещё измышлят наши мудрецы!

— Ты прав. В море всё гораздо проще, — невесело усмехнулся Алессандро.

Его отрешенное спокойствие вдруг разозлило Рикардо.

— Потому что там нет Сакетти? Или потому, что ты надеешься там снова встретить эту ведьму, Франческу? — выпалил он, поддавшись неосознанному желанию уязвить.

Его друг резко обернулся:

— Откуда ты знаешь про Франческу?!

— Что значит откуда? Да ты постоянно вспоминал её в бреду! Я все мозги сломал, гадая, что это за синьора! Потом уж понял.

Их взгляды скрестились, как на дуэли, и Алессандро мысленно проклял себя за неосторожность.

— Надеюсь, ты не стал делиться этим знанием с доном Сакетти? — спросил он очень ровным голосом, от которого у Рикардо почему-то пробежал озноб по спине.

— Говорю же, я у него не в фаворе!

У него и в мыслях не было доносить на девчонку. Но попадись эта ведьма ему в руки, он бы схватил её за шею, сунул в канал и держал там, пока не растворится. Мало того, что она обвела его вокруг пальца вместе с этой дурищей, его сестрицей, она ещё отняла у него лучшего друга!

— Давай не будем говорить о ней, — попросил Алессандро, словно подводя черту. — Лучше о себе расскажи. Как тебе женатая жизнь? Не тяготит?

Рикардо невесело рассмеялся. Они снова вернулись к столу, бутылка вина совершила второй круг, и разговор пошел веселее. На самом деле это несложно, если избегать острых тем. Оба вели беседу с ловкостью опытных мореходов, обходя подводные камни и рифы. Но прежней непринужденности уже нельзя было вернуть. Рикардо сердцем чувствовал трещину, пролегшую между ними; она назойливо саднила, как царапина, и не давала покоя.

* * *

Пусть их беседа закончилась совсем не так, как он ожидал, всё же в гостиницу Алессандро не поехал. Поддался уговорам Рикардо остаться на ночь, в за-

годя приготовленной гостевой спальне. Не хотелось обижать старого товарища. Теперь, стоя возле узкого окна, он немного жалел, что не вернулся на галерею. Там дышалось свободнее.

Здесь, в маленькой уютной спальне, затканной гобеленами, он задышался, как рыба в садке. То ли от новостей, то ли от выпитого вина слегка шумело в голове. Алессандро усмехнулся, вспомнив расхожую шутку: мол, моряки потому и надираются на берегу, чтобы ощутить привычное шатание палубы под ногами.

Вздыхнув, он с тоской посмотрел на гостеприимно откинутый полог кровати. Он просто отвык от Венетты, от её каменного эха и туманных ловушек. Нужно лишь продержаться несколько дней, навести шороху в Сенате и во что бы то ни стало добыть припасов для крепостей, а потом можно будет снова вернуться в море, к привычному широкому простору и старым обязанностям.

Напомнив ему о Франческе, Рикардо разбередил старую рану. Алессандро действительно мечтал её отыскать. Лучше сделать это до того, как её найдёт дон Сакетти! В чём-то новый дож был ещё опаснее покойного графа Арсаго. Он привык действовать исподволь, незаметно и, желательно, чужими руками. А потом — бац! — оглянуться не успеешь, как уже трепыхаешься у него на крючке.

Месяц назад Алессандро узнал, что люди Сакетти побывали на острове Мираколо. После их визита старая настоятельница скончалась, а девушек-послушниц родственники быстренько разобрали по домам. В монастыре остались лишь несколько дряхлых старух. Что случилось с рукописями и книгами, посвященными древнему искусству кямата? Этого никто не мог точно сказать...

Глава 3

Венетта, бывший дом графа Арсаго.

«Ну и мрачный же домище!» — подумала Джулия, озираясь в сумрачном гулком холле палаццо, раньше принадлежавшего графу Арсаго. Холодно поблескивали резные колонны, по углам тонули в тенях высокие каменные вазы, выточенные в форме исполинских осьминогов. Настоящее подводное царство. Как раз под стать прошлому хозяину.

Здесь пахло сыростью и запустением. В этом доме больше года никто не жил. Сразу после похорон Лоренцо Арсаго его вдова перебралась на загородную виллу, а потом вообще удалилась в обитель. Энрике, единственный сын и наследник, после женитьбы на Инес приобрел новый дом недалеко от палаццо Сакетти. Никто из них не горел желанием вернуться в старое семейное гнездо, с которым было связано столько страшных воспоминаний.

Поднимаясь по лестнице, Джулия гадала, где мог находиться тайный вход в крипту. Не дай бог он где-то рядом! Ей казалось, она слышала тяжелый дух, поднимавшийся снизу, будто тело дона Арсаго, раздувшееся от яда, все еще лежало в жутком подземелье. Невольно прикрыв ладонью живот, будто пытаешься защитить будущего ребёнка, девушка ускорила шаг, чтобы не отстать от подруг.

Они с Бьянкой приехали, чтобы помочь Инес разобрать оставшиеся вещи и отвезти часть из них в дом к Джоанне, а другую часть — к молодожёнам. «Наверху остались неплохие ковры и кое-что из одежды, — говорила хозяйственная Бьянка. — Я сложила всё в сундуки, но лучше взгляни сама».

Опустелый дворец дон Сакетти собирался подарить синьору ди Горо, как награду за доблестную службу на островах. Догаресса Джоанна, всегда симпатизировавшая Энрике, позволила себе заметить:

— Безусловно, синьор ди Горо — человек, полезный для республики, и он хорошо сделал, что прогнал тарчей подальше от наших фортов, но всё равно, такой подарок — это неуважение к покойному дону Арсаго и к бедному Энрике!

Впрочем, донна Джоанна осмеливалась ворчать лишь тогда, когда мужа не было поблизости, так что никто не обращал на неё внимания. Джулия только плечиком повела: мол, много радости синьору ди Горо от такого подарка! Если вспомнить, что он пережил в крипте, пытаясь защитить своего патрона от морской твари, то подарок донна Сакетти вообще выглядел утончённым издевательством!

Джулия ничего не имела против Алессандро. Он был товарищем Рикардо с самого детства, и иногда демонстрировал весьма неприятную пронизательность, но это, с её точки зрения, был вполне простительный недостаток. Близкий друг её брата точно не заслужил такой «награды»: жить в этом мрачном доме, где из каждого угла на тебя пялились безглазые тени, а тишина давила так, будто гнилая душа дона Арсаго не провалилась в ад (на что Джулия тихо надеялась), а затаилась где-то неподалеку, продолжая творить свои чёрные дела. «Нужно будет намекнуть Рикардо, чтобы пригласил Алессандро пожить с нами, пока он в городе», — подумала девушка.

Комнаты на втором этаже, из которых вынесли всю мебель, казались неле-

по ободранными, а окна, лишённые занавесок, — голыми и пустыми. Бьянка открыла одно из них, чтобы проветрить, и в комнату сразу ворвался шум с Большого канала. По сравнению с кипучей энергией улицы, дом Арсаго казался мертвым, мертвее пыльного гобелена, забытого на стене. Острый глаз Джулии заметил пятна плесени, кое-где проступавшие на штукатурке, и она вздрогнула, когда одно из пятен вдруг показалось чьей-то оскаленной пастью. Или у неё просто разыгралось воображение?

— А вид отсюда хорош, — заметила Бьянка, никогда не верившая в привидения и прочую чушь. — Не жалеешь, что вы съехали отсюда?

Инес безразлично покачала головой:

— Мне этот дворец не нужен. От его лепнины и фресок в холле у меня мороз по коже! Мы с Энрике вполне счастливы в нашем собственном доме!

Джулия отметила, что по лицу Бьянки скользнула понимающая усмешка. Инес действительно слишком настойчиво повторяла это: мы сейчас счастливы, счастливы, счастливы... Будто хотела стереть воспоминания о днях, проведенных в палаццо Арсаго, из своей памяти, а главное — из памяти Энрике. Джулия никогда не спрашивала, что произошло здесь прошлой весной, ведь считалось, что она тоже была свидетелем. Хотя на самом деле её роль в те дни играла Франческа.

«Бедная Франческа! — внезапно подумала она. — Как же она, бедняжка, жила в этом склепе!»

Пожалуй, она недооценила услугу, оказанную подругой. Впервые Джулию кольнула совесть, что она так легко отмахнулась от Франчески, поручив её заботам Манриоло. Слуга дона Роберто, похоже, был тем ещё пройдохой... Ну ничего. Как только Роберто вернётся, он легко отыщет и беглеца, и Франческу. Они славно заживут все вместе в Аримине...

Джулия умела отгораживаться от проблем. Нужно просто верить в хорошее, и тогда оно обязательно сбудется! Это всё дом виноват, он давил ей на нервы. Сколько ещё Бьянка и Инес собираются здесь торчать? Вещи уже уложены в сундуки, зови слуг и неси!

Вдоль стены стояли сундуки-кассоне с откинутыми крышками, доверху набитые рухлядью. Джулии бросился в глаза лежавший сверху алый плащ из рытого бархата с меховой оторочкой — и все тягостные мысли вмиг испарились из её головы.

— О, Мадонна, какая прелесть! — вскрикнула она так громко, что Бьянка с Инес обе умолкли, разом обернувшись к ней.

Вытащив плащ, Джулия встряхнула его и приложила к себе. Что за счастливица Инес, если может носить такую красоту! Как бы Энрике ни относился к молодой жене, денег на наряды он явно не жалел. Не то что братец Рикардо, который умело притворялся глухим всякий раз, когда ей удавалось затащить его в модную лавку!

— А, это твой, — улыбнулась Инес. — Помнишь? Он так понравился тебе в прошлом году, что я тебе его подарила.

Бьянка, кашлянув, недовольно свела брови, но Джулия не заметила этого, всецело поглощенная обновкой. Подумать только, этот плащик теперь её! Только её! О, она великолепно будет выглядеть в нём вечером, прогуливаясь в гондоле!

Суровый голос невестки безжалостно выдернул её из сладостных мечта-

ний:

— Джули, там, кажется, пришел баркас за вещами. Сходи, посмотри.

Джулия мысленно скривилась, стараясь не подать виду. Ох уж эта Бьянка! Вечно она испортит всё веселье! Вечно ей нужно командовать!

— Сходи сама, — попросила она слабым голосом, положив ладонь на живот, и даже ойкнула, будто почувствовав толчки. В последние месяцы Джулия ловко научилась использовать свою беременность, чтобы увильнуть от неприятных обязанностей в доме брата.

— Хорошо, — сухо ответила Бьянка. — Я схожу.

Набросив на плечи подаренный плащ, Джулия едва удерживалась от улыбки. После первого месяца, когда она думала, что умрет от тошноты, ребёночек совсем не доставлял ей хлопот. Зато как удачно всё получилось! Не будь этого ребёнка, ей пришлось бы после отъезда мужа вернуться в Аримин и коротать дни со свекровью. В Венетте, конечно, было куда веселее! Рикардо почти не досаждал ей нравоучениями. Разумеется, она замечала, что брат при виде её хмурил брови, она же не дура. Однако у него совести не хватило выставить беременную сестру за порог, пусть даже она замужем за ариминцем. Это всё Сенат виноват с его непонятными правилами и законами!

Она вздрогнула, когда Инес вдруг предложила:

— Давай сходим, посмотрим на остальные комнаты!

— Зачем? — вяло отмахнулась Джулия, прислушиваясь. Шаги Бьянки уже затихли внизу. — Здесь везде одно и то же. Пыль, сырость и пустота.

«Будь моя воля, я бы вообще спалила этот дом дотла!»

— Когда ты прошлой весной гостила у донны Арсаго, нас поселили в одной спальне, помнишь? Пойдём посмотрим.

Глаза у Инес загорелись каким-то новым азартом. Джулия ласково погладила ладонью пушистый мех на оторочке плаща. Алые бархатные складки стекали по её фигуре, как пламя. После такого щедрого подарка неудобно отказаться... Хотя и непонятно, с чего Инес вздумалось шататься по дому?

Нехотя она поплелась за подругой. Инес, напористо шурша шелковыми юбками, так и летела вперед. Вдруг она резко остановилась перед одной из комнат и распахнула двустворчатые двери. Джулия осторожно заглянула внутрь.

Спальня как спальня. Здесь царило такое же запустение. Снова голые окна без занавесок, возле стен — две резные кровати с содранными балдахинами. В глубине комнаты возвышался шкаф-кабинет из темного, почти черного дерева, с двумя дверцами внизу и множеством маленьких ящичков. Он выглядел здесь так же неуместно, как одинокий могильный камень посреди поля. Больше смотреть было не на что. Инес, однако, казалась напуганной. Она почти дрожала, обхватив себя за локти. Её глаза болезненно блестели.

— Каждый раз мы разжигали камин, и все равно на стенах появлялись влажные пятна, помнишь? — прошептала она. — А дверцы шкафа я на ночь подпирала стулом. В темноте мне казалось, что они вот-вот распахнутся, и на пол вывалится клубок мерзких щупалец... Помнишь?

«Бедная Франческа!» — снова подумала Джулия, но теперь ещё больше, чем запустелая комната, её пугал нехороший огонек в глазах Инес. Однажды в Аримине они с Роберто гостили у одного синьора, державшего зверинец. Там в одном из вольеров сидела рысь, точно так же следившая за Джулией пристальным немигающим взглядом. Просто жуть!

— Конечно, помню, — торопливо закивала она, — а теперь пойдём отсюда. Кажется, Бьянка нас зовет. Слышишь?

— Я тебя тогда ненавидела, — продолжала Инес так бесстрастно, будто говорила о погоде. — Потому что Энрике должен был жениться на тебе...

— Ну, это дело прошлое, — перебила Джулия, растянув губы в улыбке. — Теперь-то всё изменилось!

Для всех было неожиданностью, когда Инес внезапно изъявила желание стать женой Энрике. Тот был так шокирован смертью отца, что ничего вокруг не замечал. Инес фактически сама сделала ему предложение. Джулия с Бьянкой не раз обсуждали между собой её поведение и нашли его слегка ненормальным. Энрике, конечно, довольно мил, — Джулия вспомнила, что сама влюбилась в него при встрече, ещё до того, как мать поведала ей связывающую их семейную тайну, — но всё-таки не настолько хорош, чтобы терять из-за него разум!

Правда, Инес всегда была немного странной. Замкнутая, отстраненная, вечно витающая в облаках. Кто знает, что за фантазии водятся у неё в голове...

«Чего доброго, ещё пырнет ножом на почве воображаемой ревности! — перепугалась Джулия. — И куда запропастилась Бьянка, когда она так нужна?!»

Лязг решетки, открывающей проход на пристань, прозвучал для неё райской музыкой.

— Пойду помогу Бьянке! — выпалила она, вихрем вылетела из спальни и чуть ли не бегом спустилась по лестнице, забыв, что доктор предостерегал её от подобных нагрузок.

С причала доносился плеск воды, веселые голоса слуг и носильщиков, изредка прерываемые резкими приказами Бьянки Граначчи. После настороженной тишины пустых комнат эти звуки казались такими обыденными, такими успокаивающе привычными! Переведя дух, Джулия поспешила им навстречу, мечтая поскорее выбраться из затхлой атмосферы на яркое солнце. «Нет уж, больше я сюда ни ногой! — подумала она, запыхавшись. — В этих стенах и спятить недолго!»

* * *

Венетта, Дворец дождей.

Выйдя из Зала заседаний на залитый солнцем внутренний двор, Алессандро облегченно вздохнул. Словесный поединок, который ему только что пришлось выдержать с изворотливым доном Сакетти в присутствии других сенаторов, по напряжённости не уступал пиратской стычке. С корсарами даже проще было иметь дело, чем барахтаться в политических течениях Венетты.

Он медленно спустился по широкой каменной лестнице. С площади доносился отдаленный гул голосов; под аркадами, протянувшимися вдоль стен, прятались от солнца менялы и банкиры. Деловая жизнь в Венетте, как всегда, была ключом. Алессандро мысленно поздравил себя с тем, что удалось добиться от Сената главного: отправки большого вооружённого корабля с порохом и припасами для крепостей на Канди, Альберино и Керкире. Позади в галерее раздалось гулкое эхо чьих-то шагов. Разумеется, это был Рикардо, кто же ещё. Догнав, друг хлопнул его по плечу:

— Поздравляю! Твоя речь была великолепна!

— Надеюсь, — коротко ответил Сандро.

Сегодняшний доклад о ситуации в восточных морях стоил ему двух бессонных ночей. Ну, не мастер он плести словесные узоры! Он привык считать, что хороший меч был гораздо более эффективным средством убеждения. К сожалению, в Венеции это не работало.

Алессандро покосился на золоченую рукоять подаренного меча. Дождь счёл нужным наградить его за службу, одарив парадным оружием и передав в его владение палаццо Арсаго на Большом канале. Пришлось кланяться и благодарить, хотя Сандро тут же мысленно пообещал, что ноги его не будет в том проклятом доме. Блеск самоцветов на рукояти слепил глаза. Лично он предпочёл бы получить ещё один корабль, по самые леера набитый порохом, но увы, такого подарка от Сената не дождётся. Хорошо, если его речь о печальном положении крепостей хотя бы заставит их призадуматься. Дон Сакетти выглядел так, будто съел мешок кислых слив. Всё же ему хватило самообладания подняться из высокого кресла и прочувствованным голосом объявить о торжественной поминальной службе в Соборе, в честь всех воинов, ценой собственной жизни защитивших границы Республики.

«Если бы вы раньше прислали подмогу, теперь не пришлось бы чувствовать столько погибших!» — думал Алессандро с бессильной злостью. Новый дождь, с его вкрадчивыми манерами и длинным носом, похожим на шпирон галеры, изрядно его раздражал.

— Рад, что у тебя хватило ума отказаться от титула! — продолжал болтать Рикардо. — Хотя «герцог Альберино» звучало бы весьма достойно!

Действительно, только титула ему не хватало.

— Я согласен защищать наши крепости с моря и даже возглавить флот, если понадобится. Но я не готов целыми днями торчать на берегу, разбирая бесконечные жалобы и тяжбы.

— Значит, тебе просто жаль расстаться с морем? — помрачнев, сказал Рикардо. — А я думал, что ты догадался, в чём тут подвох. Остров Альберино слишком далеко отсюда. Шестьсот лиг, не меньше.

— Пятьсот пятьдесят, — не раздумывая, поправил Алессандро.

— Пусть так, всё равно далеко. Когда тарчи, как саранча, налетят на остров, боюсь, дон Сакетти только разведёт руками, посылая вам лучи удачи из окна кабинета! Вряд ли он разбежится послать галерный флот вам на выручку!

Алессандро пожал плечами:

— До сих пор нам удавалось отбиться.

Здесь, на площади, окружённой слепяще-белыми каменными стенами, чуть дрожавшими в горячей дымке, ему вдруг явственно вспомнились пологие зелёные холмы Альберино и сосновые леса острова Канди, тёмными кронами оттеняющие бирюзовую морскую гладь. На его северо-западном берегу грозно высились бастионы Ханьи, выпячивая круглые широкие башни, будто предостерегая своим видом: «даже не пытайтесь». На Канди имелась даже собственная верфь, в которой можно было ремонтировать галеры и укрывать их на зиму. Это делало его менее зависимым от венецианского Арсенала. Хотя эти острова давно принадлежали Венеции, они привыкли обходиться своими силами. И своим умом. Лапа священного Золотого Грифона редко дотягивалась до их берегов...

«Франческе бы там понравилось», — неожиданно подумал Алессандро, но тут же одернул себя. Размечтался. Было бы неплохо сначала её найти!

— Больше всего меня радует, что Сенат, хоть и со скрипом, согласился снарядить на острова «купца» с сопровождением. Нужно поторопить людей в Арсенале. Отправим корабль скорее, пока Сакетти не передумал!

— Надо было просить три, — пошутил Рикардо. — Три корабля! Это же главное правило переговоров: проси больше, и тогда Сенат будет рад согласиться на меньшее!

— Жаль, что мне это раньше в голову не пришло. Почему, интересно, хорошие мысли вечно опаздывают на час-полтора?

Рикардо не поддержал шутки:

— Будь поосторожнее с Сакетти.

Друзья вышли к Пьяцетте, где, как обычно, жару разгонял свежий ветер с моря. Высоко над плоскими крышами поднималась верхушка Кампанилы. Гондолы, похожие на вытянутые черные башмаки с загнутыми носами, мягко покачивались от крупной зыби. Ближе к краю площади стояли две колонны, на которых развернули крылья гордые грифоны. Словно врезанные в голубое небо, они строго озирали город из-под облаков.

— Дождь теперь не оставит тебя в покое, — настаивал Рикардо. — После твоей речи в собрании даже полный тупица сообразит, что продвигать союз с тарчами сейчас было бы глупостью. Сакетти затаит злобу. Ты нарушил все его планы!

— Вообще-то я не заметил, чтобы политика нашего дожа пользовалась всеобщим одобрением. Большинство сенаторов просто помалкивают.

— Ну ещё бы! Старая знать подобна политическим флюгерам, чутко реагирующим на любое дуновение, прилетающее из Эттуро и северных герцогств. Эти рисковать не станут. Дон Сакетти опирается на поддержку купцов и гильдий, которых первыми вынудят развязать кошельки, если мы начнём новую войну.

Алессандро усмехнулся:

— Держу пари, что если бы сегодня на совете присутствовали эмиссары Лиги Четырёх, дон Сакетти держался бы гораздо скромнее! Кстати, это мысль. Ты не хочешь совершить деловую поездку в Медиолан? А я пока процупаю обстановку здесь, в городе.

— Что мне делать в Медиолане? — искренне изумился Рикардо.

— Найдешь там Джеронимо Фарузи, графа Онейли. Он имеет большое влияние в Лиге. Недавно мне посчастливилось оказать ему услугу, так что он прислушается к твоим словам. Я напишу письмо, а ты доскажешь всё остальное. Ты же купец, у тебя язык подвешен ловчее. Попытайся продать ему мир с Венеттой.

Рикардо даже присвистнул:

— Это будет непросто!

— Зато, если дело выгорит, это будет венцом твоей торговой карьеры! Тарчи и джазирские пираты, разбойничающие под их началом, мешают Лиге на морях не меньше, чем нам. Думаю, Фарузи согласится приехать. Вместе с ним мы убедим Сакетти подписать мирный договор.

После долгого молчания Рикардо хмыкнул, покачав головой:

— Что ж, это может сработать. Подумаем. Есть у меня один козырь... Если граф согласится, вернёмся через две-три недели. Постарайся за это время не дать себя убить.

Алессандро не ответил. С моря вдруг повеяло необычным запахом предвкушения, предчувствия. Он прислушался... и очнулся, лишь когда Рикардо толкнул его в бок.

— Эй, ты что, заснул на ходу?

Встретив отрешённый взгляд друга, Рикардо отвел глаза, изменившись в лице. Между ними снова повеяло холодком. Алессандро неловко засмеялся:

— Это находит на меня, как обморок на больного. Не обращай внимания. Когда месяц напролёт болтаешься по морю в утлой скорлупке, поневоле приучишься его слушать!

На пристани, где стояли гондолы, они расстались. Алессандро направился в Арсенал, а Рикардо предстояло готовиться к долгому путешествию в Медиолан. Однако, уходя с площади, Алессандро ещё раз оглянулся. Запах у сегодняшнего ветра был такой, будто он хотел возвестить о чем-то. Море явно готовило Венетте какой-то сюрприз.

Глава 4

У восточного берега Полибийского полуострова.

Погода для плавания была самой подходящей, и попутный ветер быстро гнал нашу фелуку вперёд. Я с нетерпением считала часы до того момента, когда снова увижу знакомые очертания Венетты, похожие на мираж, зависший в воздухе между морем и небом. Кроме того, мне не терпелось избавиться от синьора Алонзо с его показным добродушием. Он как-то странно действовал на Манриоло.

Мой друг, кажется, мыслями уже перенесся в Венетту, этот город неисчерпаемых приключений и возможностей. Он болтал с матросами и капитаном, хвастался прошлыми подвигами (беззастенчиво привирая для красоты), а на меня смотрел, как на докучливую обузу. Целый год мы прожили с ним душа в душу, но вот стоило появиться обаятельному капитану — и вся дружба пошла пескатору под хвост!

Я пыталась игнорировать неожиданные взбрыки Манриоло, но это было непросто. На маленьком судне никуда не денешься от попутчиков. Правда, нам, как гостям капитана, выделили крошечную каюту на корме. Даже не каюту — закуток, отгороженный грубой промасленной тканью, такой тесный, что если раскинуть руки, можно было коснуться обеих переборок. Мы побросали там свои вещи и решили, что приятнее проводить время на палубе. Манриоло помогал (вернее, мешал) матросам, стараясь произвести на них впечатление, а я коротала часы на корме, следя за ходом фелуки. Стоило нам приблизиться к берегу, как наш корабль атаковали стаи горластых чаек, к удовольствию Пульчино. Иногда он улетал со своими собратьями, но всегда возвращался к вечеру.

Фелука совершила очередной манёвр, взяв курс на север, и меня накрыло тенью от вздувшихся парусов. Море вокруг блестело серебряным и зелёным. Перегнувшись за борт, я вдруг увидела, как позади, за кормой вздулся водяной гребень. Наше судно догоняла какая-то крупная рыба!

Мгновенный испуг сменился облегчением, когда Манриоло резко хлопнул в ладоши — и тень выметнулась из воды, блеснув мокрыми серыми боками. Сверкающие брызги рассыпались веером. Это был Гриджо, «морской конь»,

которого приручил Манриоло. «Вот же показушник!» — с неудовольствием подумала я про ариминца. Матросы восторженно заорали, подначивая его на новые шутки. Подчиняясь приказам Манриоло, валлуко то обгонял судно, то огибал его по кругу, то снова высоко взлетал над водой. Капитан посмеивался вместе со всеми, однако в его прищуренном взгляде мне мерещилась неприятная цепкость.

Я боялась, как бы Манриоло, расхваставшись, не выдал и мою тайну. Как-то вечером в Перне, поддавшись откровенности, я рассказала ему о Карите. Прошлой весной в Венеции некоторые друзья дона Арсаго решили испытать мои способности кямати и «подарили» мне горлодёрку-паурозо, с тайной надеждой, что она меня тут же прикончит. Их надежды не оправдались. Мы с Каритой сумели поладить, более того, она защитила меня от подосланного наёмного убийцы. Я бы не хотела, чтобы эта история дошла до слуха синьора Алонзо. Иногда чужое любопытство обходится слишком дорого.

Выждав момент, когда матросы занялись своим делом, я украдкой поманила Манриоло и выбрала его от всей души:

— Что ты творишь?! Думаешь, дар кямата даётся для развлечения? Чтобы устраивать цирк на потеху толпе? Тебе нельзя так долго находиться в мысленной связи с Гриджо, это опасно! Причём не только для тебя, но и для него тоже! Я же тебе объясняла!

Увы, мои слова бесцельно канули в воздух. Манриоло, окрыленный успехом у публики, только плечами пожал:

— Да не бойсь, я знаю, что делаю. И Гриджо совсем не против. Теперь я чувствую его гораздо лучше, чем раньше. Ты отличный учитель! — заявил он, снисходительно потрепав меня по плечу.

Я была ужасным учителем, если благодаря мне Манриоло додумался рисковать сознанием валлуко ради «почётной» роли балаганного шута! Но переубедить этого упрямого было невозможно. Я пожалала плечами:

— Ладно, делай как знаешь. Может, тебе действительно стоит почаще общаться с Гриджо. Вдруг он сумеет вложить в твою голову немного мозгов!

Мне пришлось сбавить тон, чтобы нас не подслушали. Один из матросов как раз шёл в нашу сторону, разматывая бухту каната. Манриоло, заметив его, вдруг нахально приобнял меня за талию:

— Кажется, моя милая сегодня выгонит меня ночевать на палубу! — подмигнул он матросу, сопроводив эти слова фривольной улыбочкой. От возмущения у меня аж дух захватило. В Перне Манриоло никогда не позволял себе ничего подобного! Ясное дело, хочет покрасоваться перед командой. Выставить себя таким ловеласом, который играючи может соблазнить любую пташку с куста!

Разозлившись, я отпихнула его и ушла в каюту. Жаль, что её отделял от палубы лишь полотняный занавес, который нельзя было злобно за собой захлопнуть!

После яркого света казалось, что в каморке царил полный мрак. Сгоряча я ударила коленом об угол лежанки, что тоже не улучшило моего настроения. Здесь было так тесно, что мы каждый раз на что-нибудь натыкались. Но сейчас я предпочла бы сидеть в духоте, чем служить мишенью для дурацких матросских шуток! С палубы доносились смешки. Манриоло, наверное, разошёлся вовсю. Ну и Хорро с ним!

Смахнув с лежанки какие-то вещи, я уселась, хмуро подперев щеку рукой. В таком виде меня и нашёл Пульчино, вернувшийся вечером. Против ожидания, он отнёсся к выходкам Манриоло более снисходительно:

— Просто ему хочется утвердиться в новой компании, а на корабле, где у каждого есть своё место, это не так-то легко! Для парней синьора Алонзо он неудачник. Нищий изгнанник, застрявший в рыбацьем посёлке.

— То есть его потребность унижить меня происходит из желания сгладить собственное унижение? Мне, знаешь ли, от этого не легче!

— Через два-три дня к нему все привыкнут, и тебе больше не придётся отсиживаться здесь, словно сова в дупле! — пошутил Пульчино.

— Умеешь ты успокоить...

После выговора, который я устроила Манриоло, на душе стало ещё тревожнее. Я подумала, что замечания Пульчино отличались удивительной меткостью, и вообще, за годы нашей связи он научился мыслить почти как человек. Раньше я не придавала этому значения, но теперь задумалась: в кого я его превращаю? Наша дружба, такая естественная, как дыхание — куда она нас могла завести?!

Позже, воспользовавшись темнотой, я незаметно вышла на палубу. Море слегка раскачивало фелуку на маслянистых волнах. В небе на западе таял закат, грязно-розовый, как рыбы жабры. Вся команда собралась вокруг котелка с бобовой похлёбкой. Пахло солониной, грубоватыми шутками, усталостью после долгого дня и тем особым умиротворением, которое наступает, когда люди чувствуют, что неплохо потрудились вместе и теперь с полным правом можно предаться отдыху. Манриоло тоже был там. До меня по-прежнему доносились их смешки и обрывки разговоров, но теперь я постаралась отрешиться от этого, впитывая приглушённое бормотание волн, запах смолы и соли, поскрипывание снастей, тысячи таинственных ночных звуков... Наконец, я почувствовала себя просто точкой, скользящей навстречу невидимому горизонту. Сосредоточившись, я попыталась позвать бедного Гриджо, но никто не ответил. Море, простиравшееся вокруг, оставалось тихим и безмятежным, только стайка дорадо испуганно метнулась прочь от моего зова. Я подумала, что валлуко совсем измучился, бедняга. Манриоло — просто эгоист! Он вполне заслуживает, если Гриджо захочет уплыть насовсем!

* * *

На третий день вдруг задул свежий встречный ветер, так что часть пути нам пришлось проделать на вёслах. К вечеру все вымотались настолько, что даже Манриоло немного притих.

— Сегодня пораньше пристанем к берегу! — распорядился синьор Алонзо. — Спешить нам особо некуда.

Капитан был прав. По рассказам моряков я знала, каким коварным бывает ветер. Стоит зазеваться, и тебя в темноте быстро выбросит на скалы!

Впереди как раз показался Пицене — шумный прибрежный городок с рыжими черепичными крышами, черными иглами кипарисов и традиционным замком на холме. Толстые приземистые башни, расположенные по углам крепостной стены, казалось, проседали под тяжестью облаков. В порту на рейде стояли два больших корабля, в одном из которых — по округлому корпусу и высоким надстройкам на носу и на корме — легко было признать венецианского «купца». Сердце у меня дрогнуло. Я подумала, что капитан почти навер-

няка был знаком с Рикардо Граначчи... а может быть, и с Алессандро.

Грязный, крикливый порт встретил нас шумом и толкотнёй. Синьор Алонзо, хлопнув по плечу местного чиновника, принялся расспрашивать насчёт стоянки и приличной таверны. Издали было заметно, как они с портовым служащим шептались, склонив головы и поглядывая в сторону венеццианской каракки. Кажется, тот корабль возбудил не только моё любопытство.

— Хочешь попробовать?

Вздвигнув, я оглянулась. Рядом со мной стоял Манриоло, протягивая кулёк, сложенный из виноградных листьев. В кулёке была горсть оливок. И когда только он успел их раздобыть?

— Пройдёмся немного, — предложил он. — Синьор Алонзо сам обо всём договорится. Всё равно до завтра мы отсюда не двинемся.

Судя по оливкам и мирному тону, он надеялся меня задобрить. После вчерашней размолвки мы так и не помирились. Манриоло остался ночевать на палубе с матросами, а я всю ночь пролежала без сна, прислушиваясь к усталому поскрипыванию переборок и размеренному плеску волн.

Чем дальше мы отходили от порта, тем спокойнее и тише было вокруг. На молу торчали рыбацкие домишки на сваях, похожие на дозорных, бдительно следящих за морем. Ветер, так некстати задержавший нас в пути, трепал растянутые для просушки сети.

У оливок был крепкий, солоноватый вкус, но моего настроения это не смягчило.

— Мне не нравится, что ты выставляешь меня душой перед людьми Алонзо Кариньяно, — прямо заявила я. — Что это вчера было за представление?! Я тебе не жена и не наречённая!

— Твои слова разбивают мне сердце, — нарочито вздохнул Манриоло, но, споткнувшись о мой рассерженный взгляд, посерьёзnel: — Ладно. Будь ты моей невестой, всё было бы проще. В команде у синьора Алонзо есть разные люди, и кое-кто из них не прочь воспользоваться обстоятельствами. Взять хотя бы Джованни с Барилем. На последней стоянке они едва не разыграли тебя в кости! Хорошо, что капитан вовремя вмешался. Если донна Джулия когда-нибудь узнает об этом, она оторвёт мне башку и скормит её морренам! Пусть лучше эти невежи думают, что ты со мной...

У меня загорелись щёки. Раньше мне не приходилось сталкиваться с подобной грубостью. В монастыре на Терра-деи-Мираколо, разумеется, не было мужчин, кроме старого Ваноцци, целый день дремавшего в будке у ворот. Но Ваноцци был так стар, что вопрос о его поле можно было считать несущественным. Он казался ровесником монастырских стен. После этого, в Венеции, я жила под защитой Рикардо и донны Ассунты, ну а в Перне рыбаки слишком боялись моих талантов, чтобы позволять себе вольности. «Не дай бог оскорбишь морскую ведьму — потом будешь целый месяц хлебать пустой суп из капусты!» — вот что они, вероятно, думали. В Перне я была в безопасности. А теперь?

К одиноким женщинам вроде меня мир был не очень благожелателен. Когда мы попадём в Венецию, к кому мне обратиться за покровительством? Вероятно, Джулия могла бы меня защитить, но ещё неизвестно, что на это скажет её брат, Рикардо. Прошлой весной я обвела его вокруг пальца, выдав себя за его сестру, и в отместку он вполне мог упрятать меня в тюрьму. Для простой

девушки назваться патрицианкой — преступление, и неважно, насколько благородными были мои мотивы! А поскольку муж Джулии находился в отъезде, за нас некому будет заступиться! Разве что Алессандро... но я запрещала себе мечтать о нём. Может, он теперь меня презирает. Из-за меня ему пришлось пережить настоящий кошмар, и вряд ли его обрадует, когда я вдруг опять появлюсь у него на пути!

Манриоло тем временем продолжал извиняться. Спыхватившись, я поняла, что пропустила его последние слова мимо ушей.

— Ладно, забудем это.

Ссориться расхотелось. В конце концов, какая разница, что подумают или не подумают про меня синьор Алонзо и его люди! Через день-другой мы расстанемся и, надеюсь, больше никогда друг друга не увидим.

Размышляя каждый о своём, мы повернули обратно к порту и шумным улочкам Пицене. На постоялом дворе стоял дым коромыслом. В зале было так тесно — яблоку негде упасть! Манриоло ввинтился в толпу у стойки, чтобы найти хозяина, а я отошла в сторонку, пропустив запыхавшуюся разносчицу с подносом, и огляделась. За отдельным длинным столом я увидела синьора Алонзо с помощником в компании каких-то важных господ. Уж не капитан ли той каракки сидел напротив него? Пожилой седоволосый синьор был очень похож на венецианца. Об этом говорила и его солидная неброская одежда, и энергичная манера речи. Его спутники выглядели попроще и больше помалкивали. Может, охранники? Зато синьор Алонзо, как всегда, болтал за троих: речисто блестел зубами, улыбался, постоянно подзывал разносчиц, требуя то жаркого из козлятины, то ветчины, то новый кувшин вина. Похоже, все они отлично проводили время.

— Я, пожалуй, подсяду к ним, чтобы узнать, чего нового, — сказал Манриоло, внезапно появившийся рядом со мной. — А ты, если хочешь, поднимайся наверх. Здесь всё забито, но мне удалось сторговать одну комнату. Хоть сегодня выспимся как нормальные люди, в нормальных постелях! Господь свидетель, мне надоело складываться, словно нож, чтобы впихнуться в тот сундучок, который синьор Алонзо гордо называет каютой! И я устал засыпать на палубе под храп Барилы! Этот парень так рычит во сне, словно воображает себя медведем!

Я невольно засмеялась, взяла ключ и отправилась наверх. Мне тоже хотелось узнать новости из Венеции, но в свете нашего последнего разговора напрашиваться в компанию к подвыпившим господам было бы верхом глупости. Потом не оберёшься проблем, даже если Манриоло поклянётся перед всеми, что я его родная жена! Так что я смирилась и пошла готовиться ко сну.

Комната с низкими темными балками под потолком встретила меня тишиной и покоем. Снизу отдалённо долетали всплески голосов и звон посуды. Постель выглядела вполне удобной, а в умывальнике была вода. Что ещё нужно усталому путнику? Охалка сена на полу, накрытая одеялом, видимо, предназначалась для Манриоло. Хмыкнув, я раскрыла окно. Где-то вдалеке брехали собаки. Скользкий рыбный запах, ударивший в ноздри, на миг заставил меня вспомнить о Перне. Здесь было так же спокойно и тихо. Громкие события, бушевавшие в Венеции, Фиеске, Медиолане и Эттуро, обходили этот городок стороной. В местечках вроде Пицене оседали люди, которым больше нравилось быть зрителями происходящих где-то событий. «Идеальное место для тех, кого

потрепало жизненным штормом», — подумала я про себя. Потом забралась в пахнущую лавандой постель и решила хотя бы на одну ночь выбросить из головы все тревоги.

Несмотря на усталость, заснуть удалось не сразу. Оказалось, я привыкла к убаюкивающей качке и скрипучей жалостной песне фелуки, и теперь мне этого не хватало. Было душно, голоса посетителей внизу постепенно затихли. Кажется, я задремала... но внезапно чей-то вскрик безжалостно вырвал меня из сна. Подскочив, я села в кровати. В ушах у меня звенело, посреди темноты выделялся белёсый квадрат окна. Спросонья я не сразу сообразила, кто я и где нахожусь. Голова закружилась, в висках молоточками стучала боль.

Что-то случилось, пока я спала. Что-то плохое. Только не здесь, на берегу, а в море.

Глава 5

— Вероятно, взорвался пороховой погреб, — мрачно сказал синьор Алонзо. Его плечи ссутулились, глаза были в красных прожилках от недосыпа и усталости. — Такое случается. Одной искры достаточно, чтобы угробить целый корабль.

Вечерело. Мы сидели в той же таверне, где помимо нас собралась добрая половина населения Пиццине. Солнце клонилось к закату, и пыльный воздух в комнате наискось пронизывали рыжеватые лучи. Сегодня никто не веселился, все были слишком подавлены случившимся. На рассвете венецианская каракка «Доменико» снялась с якоря с утренним отливом, но не успел корабль скрыться из виду, как на нём громыхнуло, вспыхнуло пламя, и над бухтой потянулись клочья вонючего черного дыма. Солнце, поднявшееся над краем низких холмов, осветило накренившиеся мачты и вздыбленный нос несчастного судна.

— Дьяволово оружие, этот ваш порох, — пробурчал какой-то рыбак, чьи обвислые усы ещё больше подчеркивали скорбное выражение на его лице. — Недаром же от него смердит серой! Я подгрёб на своём баркасе одним из первых, и пускай меня схарчит горлодёрка, если возле обломков корабля не воняло серой, как в аду!

Сразу же, как только столб дыма поднялся над морем, местные рыбаки бросились к лодкам, чтобы попытаться спасти тонувших. Синьор Алонзо со своими людьми тоже участвовал в этом и довольно быстро заслужил всеобщее уважение. Несмотря на неприязнь, я была вынуждена признать, что без вмешательства синьора Алонзо жертв могло быть гораздо больше. Когда случается что-то настолько ужасное, многие люди просто теряются, мечутся туда-сюда, без толку тратя драгоценное время.

Поэтому теперь рыбаки с вниманием прислушивались к его словам:

— Не так-то легко перевозить порох на посудине, слаженной из просмолённого дерева и холста!

— Я и говорю, дьявольское это зелье! — продолжал горячиться рыбак. — Лучше бы вообще зарыть его подальше и забыть, где лежит! Добра от него не жди!

— Э, не скажи, — оживился Алонзо, будто рыбак затронул какую-то струнку в его душе. — Как же без пороха? Благосостояние всех городов, какой ни возьми, — Фьески, Венеция, Медиолана — держится на торговле с далекими земля-

ми. С Каликутом, Мадагхой... А без пороха там нечего делать. Синьор Васка ди Атанди никогда не смог бы открыть фабрики в Каликуте, если бы не поговорил с их князьками на языке пушек!

Я подумала, что это был не разговор, а, скорее, монолог. Мнения кашмирцев никто не спрашивал. Просто вдруг явился человек из-за моря на высоком, как башня, корабле, и устроил им огненный ад. Меня замутило, когда я вспомнила, в каком состоянии утром привозили раненых с каракки. Порох оставлял ужасные ожоги. Все хозяйки в Пицене спозаранку бросились растапливать плиты и греть воду: вдруг кого-то из несчастных привезут именно в их дом. В нашей с Манриоло комнате, где он так и не успел отоспаться, теперь разместились трое. Капитана венецианцев, того строгого пожилого синьора, так и не нашли. Кроме него, море забрало в свои тёмные стылые объятия ещё шестерых человек...

— ...Люди годами бьются над тем, чтобы сделать порох более безопасным, — продолжал разглагольствовать синьор Алонзо. — Я читал трактат *L'art de la poudre* молодого Бирингуччо, и другие его работы. Говорят, флорентинцы научились делать зерненный порох. Он не так опасен при перевозке и более удобен для пушкарей.

— Ну, от этих «поедателей фасоли» можно ожидать чего угодно! — фыркнул рыбак. — Те ещё хитрецы!

Тяжелый разговор о катастрофе плавно перетёк в уютное злословие: хотя большинство рыбаков за всю жизнь ни разу носу не казали из родной деревни, зато каждому было что сказать о чудачествах флорентинцев, медиоланцев или эттурян. Все сходились во мнении, что на чужбине, конечно, можно встретить иногда приличного человека, но лучшие люди, истинная соль земли, живут только в окрестностях Пицене. Люди немного ожили. Утренняя трагедия словно придавила всех к земле, однако нельзя же горевать вечно. Плавание в морях всегда считалось опасным делом. Сегодня смерть прошла совсем рядом с Пицене, но не задела никого из «своих» — нужно быть благодарным хотя бы за это.

Когда синьор Алонзо шумно заспорил с кем-то о преимуществах литых пушечных ядер перед каменными, я незаметно поднялась, посмотрела на спящего Манриоло и вышла наружу. Ариминец с утра страдал от невыносимой головной боли. Это всё из-за валлуко. Напуганный взрывом, Гриджо так расшумелся, что даже меня разбудил. А у Манриоло, по его собственным словам, «чуть мозги из ушей не вылетели». Я напоила его отваром и дала холодное мокрое полотенце на голову, с трудом удержавшись от реплики: «Я же тебе говорила!» Если бы он не связывался с валлуко так часто, не пришлось бы теперь страдать!

Под рыжеватым закатным небом мягко переливались тёмно-свинцовые волны. Кое-где в них вспыхивали золотые отблески. На гладком песчаном берегу не осталось ни следа катастрофы. Всё, что море выплюнуло вечерним приливом — куски деревянной обшивки, такелажа, обрывки канатов — жители Пицене деловито растащили по домам. В хозяйстве всё пригодится. А на местном кладбище появились две новые могилы...

Вдруг откуда-то возник Пульчино и, мягко захлопав крыльями, опустился рядом со мной на песок. Его присутствие действовало утешающе.

«Что там наш капитан, опять плетёт словесные узоры?» — осведомился он

с иронией.

«Может, я зря его подозревала. Сегодня он помог спасти жизнь многим матросам... и к тому же, он неплохо разбирается в пушках».

«Ну ещё бы! — фыркнул Пульчино. — На его фелуке припрятано целых шесть бочонков пороху!»

«Что? Зачем?!»

Я едва не выкрикнула это вслух. Шесть бочек пороха?! Но фелука даже не была военным судном! На ней не было ни одного, самого завалящего фальконета!

«А ты-то откуда знаешь?!» — с подозрением спросила я у Пульчино.

«Да уж знаю».

Просто невероятно, как чайка, действуя исподтишка и ухитрившись ни разу не попасться матросам, сумел обследовать всю лодку от трюма до кончиков мачт. Видимо, наши прошлые приключения научили его осторожности.

«Может, Алонзо надеется продать порох в Венетте?» — предположил мой друг, продемонстрировав вопиющую некомпетентность в торговле.

Я усмехнулась:

«Ага, вези финики в Аравию! В Венетте пороха и так навалом, целый склад в Арсенале. Вряд ли за него можно выручить хорошие деньги... Вот где-нибудь на островах, Керкире или Канди — другое дело!»

Я подумала, что комендант какой-нибудь отдалённой крепости заплатил бы за эти бочонки чистым золотом, так как пушки и крепостные стены были единственной защитой колонистов от тарчийского плена. Наш синьор Алонзо как-то очень нерасчётливо вёл дела...

«А ты спроси у него», — съехидничал Пульчино.

«Ну уж нет!» Я не могла себе даже представить подобный разговор! Да и какое я имела право его допрашивать? Но с того вечера у меня созрело решение ещё внимательнее следить за нашим капитаном.

* * *

На другой день мы покинули гостеприимный Пицене и отправились дальше на север, в Венетту. Вскоре море вокруг изменилось: вместо тёмной синевы на многие лиги протянулись мутно-зелёные воды лагуны. В воздухе висела дымка, солнечный свет мягко обрисовывал знакомые очертания куполов и крыш. Золотая Венетта, вся в роскошном блеске летнего утра, постепенно вырастала перед нами из моря. Я узнала огромный купол Собора, похожий на перевернутую чашу, высоко вонзавшуюся в небо макушку Кампанилы, на которой уже можно было различить крошечную фигурку грифона. Вдруг грифон шевельнулся, взмахнув крылом. От удивления я моргнула, стерев набежавшие слёзы. Нет, наверное, показалось. Это просто воздух дрожал над водой.

Кроме меня, все были заняты делом. Двое матросов опускали лот, меряя глубину. Манриоло стоял на корме рядом с рулевым, взяв на себя обязанности лоцмана. Летом лагуна часто мелела, и её илистые отмели представляли собой опасную ловушку для кораблей. Чужой моряк, не знакомый с фарватером, ни за что не сумел бы провести фелуку к причалу!

У меня из головы не выходили слова Пульчино насчёт бочек пороха в трюме. Так и подмывало сходить посмотреть. Кто мне сейчас помешает? Все матросы заняты на палубе, капитан только что спустился в каюту... Пробираясь бочком, словно краб, я оказалась возле тёмной и узкой лесенки, ведущей в

чрево фелуки. В этот момент дверь капитанской каюты вдруг распахнулась, и мне навстречу выплыла зубастая улыбочка синьора Алонзо:

— А, синьорита Франческа! Вы то мне и нужны. Прошу вас, уделите мне немного времени.

Он посторонился, пропуская меня в каюту. Дверь за нами мягко закрылась. Отчего-то я занервничала, как мышь в мышеловке, хотя внутри не было ровным счётом ничего пугающего. Капитанская каюта была чуть светлее и просторнее, чем у нас с Манриоло. Кроме лежанки, в неё помещался маленький стол, на котором сейчас красовались два блюда под блестящими крышками.

— Хотите? — спросил синьор Алонзо, сделав приглашающий жест рукой.

Он достал бутылку и по-хозяйски разлил вино в два тонкостенных бокала.

— За благополучное окончание нашего путешествия!

— Я предпочла бы отпраздновать это на берегу, — извинилась я, не желая показаться невежливой.

«И не наедине», — хотелось добавить.

Не слушая возражений, капитан выдвинул для меня массивный табурет и вложил в руку бокал:

— Очень удачно, что я вас встретил.

На моей тарелке лежал огромный красный омар, сваренный прямо в панцире. Я мысленно вздохнула. Никогда не умела изящно справляться с такими блюдами. Если капитану хотелось потом отчищать этого омара со стен своей уютной каюты — ну, тогда он не зря меня пригласил.

— Дело в том, что в Венетте меня ждет... одно деликатное дело.

Маленьким ножом синьор Алонзо ловко отсек одну из клешней и вскрыл её, извлекая нежное белое мясо. Я содрогнулась.

— Вы уехали довольно давно и, вероятно, не знаете свежих новостей. Кажется, ваш новый дож проявил удивительную недалёковидность, позволив себе заключить секретный союз с тарчийским султаном.

— Что?

Меньше всего я ожидала, что понадобится синьору Алонзо для разговора о политике, в которой разбиралась, как свинья в апельсинах. Капитан предупредительно вскинул ладонь, призывая меня к молчанию. Омар на его тарелке лишился уже обеих клешней. Выглядело это ужасно.

— Встреча с синьором Терецци, капитаном «Доменико», подтвердила мои подозрения. Уже не в первый раз от Дито отчаливают корабли, нагруженные порохом, деревом, сталью и заготовками для клинков. Этот груз предназначен якобы для колоний, а на самом деле идёт прямо в Ракоди, в руки к тарчам и джазирским наёмникам! У дона Сакетти в кабинете, в потайном отделении шкафа должен храниться коносамент на этот груз.

— Но... при чём тут я?

Алонзо посмотрел на меня, будто оценивая:

— Видите ли, я немного осведомлён о ваших приключениях. Думаю, что девушке, сумевшей незаметно проникнуть в охраняемую крипту графского дома, не составит труда пробраться во Дворец дожей и изъять документы.

«Надо было всё-таки прищемить Манриоло его длинный язык!» — подумала я с бессильной злостью. Но сдаваться не собиралась:

— Я понятия не имею, о чём вы говорите.

Взгляд синьора Алонзо стал более жёстким:

— Я говорю о гибели дон Арсаго прошлой весной, произошедшей при весьма необычных обстоятельствах. Это дело по некоторым причинам возбудило моё любопытство. В крипте, где погиб дон Арсаго, нашли нечто странное. Сломанную птичью клетку, например. А ещё — вот это.

Он достал маленький бархатный мешочек и демонстративно вытряхнул на стол его содержимое. На скатерть упала изящная золотая заколка в форме стрекозы, с рубинами вместо глаз, и кусочек богатого кружева. Именно таким кружевом были отделаны пышные манжеты моей шёлковой рубашки в тот день, когда злосчастный случай привёл меня в крипту. С тех пор, превратившись в невзрачную спутницу простого рыбака, я одевалась гораздо скромнее.

— Это кружево нашли зацепившимся за дверцу клетки, — будто издали донёсся голос капитана.

«Наверное, я порвала рубашку, когда пыталась сбить замок. А заколка могла выпасть, когда граф Арсаго вцепился мне в волосы».

Меня будто снова затянуло в скользкую темноту крипты, из которой мы с Пульчино выбрались только чудом. Стоило большого труда прогнать это воспоминание. Пожав плечами, я нахально посмотрела в лицо синьору Алонзо:

— Понятия не имею, чьи это вещи.

Капитана мой ответ нисколько не обескуражил. Он усмехнулся, так что от глаз разбежались лукавые морщинки:

— Да бросьте, Франческа! Мы же так хорошо поладили.

— И поэтому вы решили скрепить дружбу лёгким шантажом?

Он небрежно поддел пальцем заколку. Рубины на белой скатерти казались каплями свежей крови.

— Я забрал эти вещицы, так как дело показалось мне слишком деликатным, чтобы позволить судейским рыться в нём грубыми чернильными пальцами. Очевидно, в крипте вместе с графом была женщина. В тот день в палаццо Арсаго гостили трое: Джулия Граначчи, невеста юного Энрике, Бьянка Санудо, дочь управляющего именем, и Инес Сакетти, их близкая подруга. Значит ли это, что в крипте была одна из них? Почему она умолчала о случившемся? Почему её не видел начальник стражи, примчавшийся на выручку графу? Как его там звали — Алессандро ди Горо?

Слышать имя Алессандро от этого мерзкого человека было невыносимо.

— Мало ли кто мог обронить заколку и порвать себе платье! Дон Арсаго умер от руки... вернее, от щупалец чудовища, которое сам же вызвал. Вряд ли кому-то будет интересно заново ворошить это дело спустя год!

— О, вы ошибаетесь! — протянул капитан. — Многим, многим будет интересно! Если бы дон Арсаго не умер, его почти наверняка избрали бы дожем после смерти Соранцо. Получается, его смерть была выгодна дону Сакетти. Может, синьорита Инес помогла своему отцу избавиться от соперника, кто знает? Или её близкая подруга? Поверьте, в Венетте всегда найдутся люди, недовольные новым дожем и его политикой! Если я не добуду другие компрометирующие документы, то, возможно, сумею подстегнуть процесс против него с помощью этих улики!

Я лихорадочно соображала: «Чушь! Спустя столько времени никто не вспомнит, во что мы были одеты! Дон Алонзо просто хочет меня запугать!»

И всё же мне стало нехорошо от мысли, что Инес и Джулию потащат в суд для допроса... или будут допрашивать Алессандро... или, что ещё хуже, Бьян-

ку! О, Мадонна! Бьянка, с её острым, как лезвие, умом, которая видела нас всех насквозь! Кто знает, что она наговорит на допросах!

— У меня всё равно ничего не получится! — чуть не плача, сказала я. — Проникнуть в Золотой дворец не так просто. А открыть потайной шкаф вообще невозможно! (Это правда, вся Венеция знала краснодеревщика, который делал шкафы с тайниками для знатных господ. Замки он делал на совесть). — Если у вас нет ключа, единственное, что можно сделать — похитить сам шкаф и сбросить его с обрыва!

— Кто сказал, что у меня нет ключа? — бархатным голосом промурчал дон Алонзо. — К счастью, я сумел раздобыть дубликат.

Разинув рот, я бессмысленно смотрела, как на скатерть рядом с заколкой лёг маленький бронзовый ключик. Меня сковало оцепенение. Дьявол его поberi, да кто он такой, этот синьор Алонзо?! Скромный капитан, курсирующий вдоль побережья в надежде на небогатую выручку — ха, как бы не так! Тайный порученец Лиги? Или шпион? Как он ухитрился добыть ключ от тайника из самого страшного кабинета в Венеции, о котором даже патриции осмеливались говорить только шёпотом? Ибо Совет десяти имел в городе десятки ушей, сотни пальцев, готовых настроичить донос, и ядовитое жало, как у скорпиона.

Вдоволь насладившись моим испугом, синьор Алонзо решил сменить кнут на пряник:

— Дорогое дитя, ты выглядишь такой подавленной, будто я вынуждаю тебя пойти против всей Венеции! Дон Сакетти — это ещё не Республика. Он впал в пагубное заблуждение, но мы можем исправить его ошибку. Поверь мне, всем будет лучше, если этот документ окажется у меня! Многие старые семьи в Венеции ещё поблагодарят тебя за это!

«Сомневаюсь».

— И если тебе будет легче, то наш друг Манриоло тоже согласился помочь в этом маленьком предприятии.

Я молча подняла взгляд, не в силах сказать ни слова. Что ж, у Манриоло были свои секреты. Кто знает, какой из них наш капитан счёл для себя полезным.

Отложив вилку с ножом, синьор Алонзо аккуратно промокнул губы салфеткой. Обед был окончен. Я залпом выпила вино из бокала, чтобы прогнать предательскую слабость в ногах. Варёный омар с тарелки укоризненно смотрел на меня мученическим взглядом. Я к нему даже не прикоснулась.

Зато на тарелке капитана остались лишь жалкие ошметки панциря, похожие на вырванные ногти.

Глава 6

Мы причалили в устье Большого канала, где обычно швартовалось столько судов, что их стройные мачты были похожи на молодую поросль в лесу. Быстрый говор венетийцев звучал вперемешку с репликами на чужом языке, вокруг хлопали белые полотнища убираемых парусов. Наши матросы с жадностью поглядывали на берег. Всем не терпелось ощутить под ногами твёрдую почву — ну, условно твёрдую, раз уж речь идёт о Венеции. Некоторые вообще впервые видели этот город, вокруг которого ходило так много слухов. В их фантазиях он представлял таинственным лабиринтом, соблазнительным и опасным одновременно. Бариль только что узнал, что недалеко от Арженто есть квартал, где куртизанки демонстрируют в раскрытых окнах свои прелести, и эта картина полностью захватила его воображение. Они чуть не заспорили, кому первым сходить на берег, но синьор Алонзо грозным окриком прекратил перепалку. У себя на судне он распоряжался как кондотьер. Ему предстояла встреча с каким-то купцом в Арсенале, и он хотел взять с собой Манриоло, так как тот раньше работал на верфях и прекрасно ориентировался в доках.

— Тебе будет удобнее подождать нас на судне, — отрывисто произнёс синьор Алонзо, обращаясь ко мне. Отпускать меня на берег он явно не собирался.

— Если вы хотите, чтобы наше ночное предприятие прошло успешно, — сказала я вполголоса, — тогда мне нужно встретиться кое-с-кем в лагуне.

Капитан долго смотрел мне в лицо своими прищуренными глазами, меняющими цвет, как морская вода.

— Хорошо, — ответил он наконец. — Но помни, что я говорил.

Я молча кивнула. Улики, грозящие мне и Джулии судебным процессом, привязывали меня к фелуке крепче, чем любые замки и оковы. Я и не собиралась сбегать.

Я рассчитывала найти Кариту.

* * *

Яркое летнее солнце подсвечивало сияющий фасад Дворца дождей с длинным рядом арок на первом этаже, резче оттеняло барельефы и лепнину на стенах зданий, подчеркивая их красоту. Я шла по широкой Набережной от Пьяцетты и вспоминала.

Когда мы с Манриоло ночью бежали из Венеции, на этой маленькой площади творился ад, а лагуна превратилась в кипящий котёл из-за нашествия живущих-под-волнами. Сейчас вода гладко блестела, словно зеркальное стекло, по ней ровно скользили десятки лодок с высоко загнутыми носами. Развороченные плиты на площади уже восстановили. Снова, как ни в чем не бывало, Венеция встречала новоприбывших знакомыми песнями: переключкой гондольеров, выкриками торговцев, веселыми голосами праздных гуляк, глазающих на пристань.

Я купила у одного рыбака корзину со свежим уловом и одолжила до вечера его лодку. Мне предстояло обогнуть Спиналонгу, чтобы навестить один глухой уголок лагуны, наиболее удалённый от Дито. Насколько помню, там было несколько многообещающих, заброшенных островов. Разумеется, нежилых.

Когда яркая, праздничная панорама Набережной осталась далеко позади, я

оглянулась и невольно вздохнула. Было огромным искушением хоть одним глазком взглянуть на дом Граначчи, разузнать об Алессандро... но я не решилась. Мне казалось, ядовитые угрозы синьора Алонзо тянулись за мной, как скользкий улиточный след. Пусть сначала проклятый ариминец уберётся к дьяволу вместе с его «коносаментом», и тогда я с радостью обниму своих друзей!

Пульчино я оставила в Венетте. Он горел желанием отправиться со мной, так как дикие острова, поросшие камышом, привлекали его гораздо больше, чем городская толчея. Однако кто-то должен был проследить за Алонзо и Манриоло. Вряд ли синьор Алонзо сможет ещё больше осложнить нам жизнь, он и так порядочно постарался, но тем не менее мне не хотелось оставлять его без присмотра.

«Ладно, — нехотя пробурчал Пульчино, — будь по-твоему. Только не забывай оглядываться по сторонам, чтобы не угодить на зуб к пескаторо!»

Действительно, мне не следовало забывать о Скарпе. Бывший шут дона Арсаго, которому я помогла вернуть его истинный «рыбий» облик, преисполнился такой благодарности, что в нашу последнюю встречу едва не откусил мне ногу.

«Пусть только сунется, башмак плавучий», — угрожающе пообещала я.

Пока что всё было тихо. Когда лодка ткнулась носом в топкий илистый берег, я вылезла, оттащила её подальше от воды, выложила рыбу из мешка и уселась поодаль на отполированный волнами камень. Ждать пришлось долго. Солнце успело совершить длинный путь по выцветшему летнему небу. Я измаялась, сгрызла яблоко, прихваченное на рынке, и вдоволь насладились тишиной.

Когда я в сотый раз бросила взгляд на рыбу, уже утратившую свежий блеск, то заметила, что кучка явно уменьшилась. Краешком сознания можно было ощутить еле заметное чужое присутствие.

— Карита, — осторожно позвала я. И не сдержала улыбку, когда из-за груды камней осторожно показалась гладкая голова с остреньким подбородком и мерцающими золотистыми глазами.

Её серо-бурая шкура почти сливалась с каменной грядой, так что в двух шагах пройдёшь — не заметишь, особенно в сумерках. Огромные глаза при виде меня тепло засияли, как две свечи. Её радость ощущалась словно прикосновение.

— Я тоже счастлива тебя видеть, — прошептала я, расчувствовавшись чуть не до слёз.

Если бы не Карита, не сидеть бы мне здесь сейчас. Когда она снова потянулась к рыбе, я заметила криво сросшийся, бугристый шрам на её плече. Во мне всколыхнулась жалость пополам с благодарностью. Прошлой весной политические противники дона Арсаго наняли убийц, чтобы избавиться от меня, опасаясь, что союз с кьямати сделает его слишком сильным. Карита меня спасла.

«Тебя долго не было», — сказала она без слов.

«Я была далеко, прости».

Прикрыв глаза, я принялась рассказывать о чужих краях, лежащих далеко на юге, где море густо-синее и теплее, чем здесь, а беспечные кефали косяками идут прямо в сети рыбаков. Я рассказывала о тёплых зимах, чужих ветрах, об

особенностях приливов и течений. Паурозо слушала очень внимательно, в то же время уделяя внимание рыбе. Мне хотелось подарить ей эти новые впечатления, разделить с ней последний год моей жизни, так как без Кариты я не увидела бы ни Занклы, ни Перны, ни Пицене... Если бы не она, убийца прикончил бы меня на пристани дома Граначчи вместе с донной Ассунтой, и это моё, а не его тело потом вылавливали бы из канала.

А ещё я не знала, как сказать, что мне опять нужна её помощь.

* * *

Глубокой ночью, осторожно лавируя между зданий, укутанных темнотой, мы, словно воры, пробирались к рiu делла Палья — узкой водяной щели, тянувшейся вдоль заднего фасада Дворца дожей.

Манриоло, переодетый гондольером, вяло загребал веслом и не мог сдерживать беспокойства:

— Только дон Алонзо мог придумать такое! Шутка ли? Пробраться в резиденцию дожа! Там охраны — как зерен в кукурузном початке! Эта веревка, которую ты приготовила, как раз пригодится стражникам, чтобы затянуть ее у нас на шее! И когда нас подвешат между колонн на Пьяцетте, я умру от стыда!

— Т-с-с! Тихо.

Наша лодка беззвучно скользила по глянцево-черной воде канала. Впереди показалась темная глыба Дворца, кое-где размеченная яркими точками факелов. Я поглубже надвинула капюшон на глаза. Рядом со мной, скорчившись, как куль на дне лодки, сидела Карита.

Точным движением весла Манриоло вывел лодку прямо к причалу. Получилось удачно — ни шума, ни всплеска. Первой на берег выбралась Карита, я — следом за ней. Напоследок я послала Манриоло ободряющую улыбку, хотя вряд ли он мог разглядеть ее в темноте. Ариминец в ответ показал нам, чтобы мы постарались не шуметь.

— Не волнуйся, мы будем паиньками, — беззвучно шепнула я и строго посмотрела на Кариту.

Кислый лунный свет выхватил из темноты скошенный подбородок, пятнистые сероватые щеки и влажно блеснувшие клыки. Паурозо с наслаждением втянула ночной воздух, медленно провела языком по губам. У меня вырвался вздох:

— ...Но если услышишь крики, значит, у нас не получилось.

Мы шли медленно, так как по земле Карита передвигалась довольно неуклюже. Зато она великолепно лазала по стенам. Крадучись, мы пробирались вдоль здания, стараясь держаться подальше от галереи с балконами, по которой прохаживался часовой. Ещё двое охранников дежурили возле Порта делла Карта — церемониального входа в здание. Мы искали окно на северной стороне. Узкое окно, ведущее в маленькую тесную комнатку, где обычно работал дож. По нашему плану, Карита должна была взобраться первой, а затем спустить мне веревку.

Все шло хорошо, пока нас не подвела старая кладка. Несколько камешков осыпались со стены, и их стук грохотом отозвался у меня в ушах. В ночной тишине он прозвучал как гром среди ясного неба.

— Кто здесь? — сразу насторожился часовой. Раздались торопливые скрипучие шаги. По дорожным плитам заматались тени от приближающегося факела. Дёрнув за веревку, я вжалась в стену. Спустя мгновение рядом со мной

приземлилась спустившаяся Карита. Мы обе замерли, не дыша. Неужели нас обнаружат?

К недовольному бормотанию стражника в темноте вдруг добавился другой голос, сильный и чистый.

— Что случилось? — спросил он.

Всего два слова — но от них моё сердце подскочило к самому горлу. Это был Алессандро.

— Там кто-то есть, синьор! — воскликнул стражник, обрадованный, что у него в ночи нашелся союзник.

— Ты уверен?

Я зажмурилась, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами. Манриоло с утра успел разузнать кое-что. Говорили, что здоровье синьора ди Горо серьёзно пошатнулось от яда Глубинного, после схватки с чудовищем в крипте графа Арсаго. Он со стражником стоял за углом от нас, так близко, что мне казалось — я слышу его дыхание, затруднённое, как у долго бежавшего человека. Но его голос остался прежним.

— Ступайте, предупредите охрану у главного входа. Здесь я сам всё проверю.

Скрипучие шаги стражника послушно затихли вдали. Алессандро медленно двинулся к нам. Я видела, как постепенно разгорается свет от его факела. Мы с Каритой отползли подальше, но с другого конца здания тоже раздались голоса. Проклятый стражник переполошил всех! Сейчас Алессандро завернёт за угол и неминуемо нас обнаружит... Пауросо, прижавшись к моей ноге, напряглась, как тугая смертоносная пружина. Один прыжок — и...

«Нет! — мысленно вскрикнула я. — Не смей!»

Мысли метались. Что делать? Бежать было некуда. Взмолиться о помощи? Положиться на его милосердие? Даже если он простил мне прошлые грехи, с тех пор я успела совершить несколько новых. Алессандро служит дону Сакетти, а я... О Мадонна, за что же нам так не везёт-то!

Ему оставался до нас всего шаг, но почему-то он не спешил. Издали снова послышался быстрый топот:

— Синьор! Синьор!

— Всё в порядке. Здесь никого нет! — крикнул в ответ Алессандро. Я не поверила своим ушам.

— Сейчас из казарм подойдет отряд! — выпалил стражник, задыхаясь от служебного рвения. — Мы оцепим все здание!

— В этом нет необходимости. Ложная тревога. — В голосе Алессандро теперь слышались металлические нотки.

— Думаете, они пробрались внутрь? Мы возьмем факелы и проверим каждый закоулок!

— Во дворце и так полно охраны. Слушайте, неужели вы думаете, что злоумышленники явились ночью в Венегту лишь для того, чтобы нанести светский визит дону Сакетти?! Лучше направьте людей в порт и к воротам Арсенала!

— Да, синьор!

— Пойдёмте со мной. Я сам распоряжусь.

Когда их шаги и бряцанье оружия стихли вдали, я не смогла отлепиться от стены, а просто сползла по ней вниз, усевшись прямо на землю.

«Спасибо, что не убила его, — беззвучно сказала я Карите. — Этого я не смогла бы тебе простить».

Выглянувшая луна облила нас голубоватым светом. На меня уставились большие влажные глаза с горящими желтыми точками в каждом из них. Длинный рот искривился в усмешке. Я невольно улыбнулась в ответ. Показалось, что в гримасе пауросо сквозила настоящая человеческая ирония.

* * *

Спустя некоторое время я, крадучись, пробиралась по каналу на лодке, которую без раздумий стащила возле ближайшего моста. Взмокнув от напряжения, я старалась погружать весло в воду абсолютно бесшумно. Каждая тень на берегу таила угрозу. Я надеялась обогнуть опасный район, по которому, как разбуженные шершни, сновали стражники, а затем добраться до фелуки. Пауросо скрылась под водой, бросив свёрнутый плащ на носу лодки. В отличие от меня, она могла не бояться моррен. Когда узкая полоса воды расширилась, сливаясь с другим каналом, я немного придержала лодку. Здесь придётся быть особенно осторожной. Знатные венецианцы любили устраивать поздние вечеринки, и мне вовсе не хотелось оказаться нежданной гостьей на одной из них. Но всё было тихо. Темным зеркалом мерцала вода, мимо проплывали спящие дома, казавшиеся в етмноте одинаково серыми. Я засмотрелась на один из особняков, показавшийся смутно знакомым. В мозгу вспыхнула догадка: это же палаццо Граначчи! Дом, где в прошлый раз мне пришлось разыграть целое представление. Весло будто отяжелело, и я подумала, что каналы Венетты сыграли со мной злую шутку, приведя меня сюда!

Кроме факела, горящего на причале, в доме не виднелось ни одной искорки света. Стиснув зубы, я двинулась дальше. Если Джулия там, она могла бы помочь, но было немыслимо вваливаться к ней вот так, среди ночи, приведя на хвосте отряд стражников! За такое дон Рикардо точно притопил бы меня в канале!

Вдруг неподалёку послышался всплеск и приглушенный смех. Торопливо загребая веслом, я прижала лодку к берегу, где лежала самая густая тень, и затаилась. Судя по звукам, где-то рядом причаливала гондола. Может, кто-то возвращался с ночной прогулки или после встречи с дамой. Вспомнилось, как Рикардо каждую ночь бегал на свидания с Бьянкой, а я по глупости его ревновала. Дура была потому что. Тогда я ещё почти не знала Алессандро...

Вдруг оранжевая вспышка озарила небо, словно в Ночь Всех Огней, и ударил грохот. С перепугу я едва не свалилась в канал. В ушах тоненько противно зазвенело, как бывает после слишком долгого погружения. Когда явь понемногу обрела очертания, тишину вокруг прорезали панические крики. В окнах замелькал свет, на причалах одна за другой загорались звёздочки факелов. Я бессмысленно смотрела, как над островом Оливоло в восточной части города занимается рыжеватое зарево. Что случилось? Неужели пожар?! Как бы там ни было, мне срочно требовалось укрытие. Сейчас на улицы выплеснется весь город! Эту лодку, в которой я сидела, вероятно, кто-то уже искал.

— Фабрицио! Фабрицио! — вдруг послышался тихий испуганный голос. Очень знакомый.

Осторожно подавшись вперёд, я увидела на причале дома Граначчи невысокую фигурку, с головы до пят закутанную в плащ. Быть не может, чтобы мне привалила такая удача! Неужели Мадонна и морские боги всё же сжалились

надо мной?

— Джулия! — позвала я шёпотом.

Она замерла, потом медленно подошла к воде. Свет от факела, горящего на причале, превратил её лицо в золотую маску.

— Не может быть! — изумлённо сказала она, словно эхо моих мыслей. — Франческа!

— Тише!

Кое-как Джулия помогла мне подтянуть лодку к сваям и выбраться на твёрдую землю. Ей немного мешал живот. Плащ скрывал её всю целиком, но теперь я заметила, что Джулии скоро предстояло стать матерью. Мадонна, сколько же мы не виделись?!

Схватив меня за локти, она подтащила меня ближе к факелу и всмотрелась в моё лицо:

— Это и правда ты! Но как... Каким образом?!

У неё приоткрылся рот, когда она разглядела, что я вся тряслась, а моё платье было вымазано грязью и тиной.

— Всё потом, — еле выговорила я. — Главное — никто не должен знать, что я здесь!

Может, у Джулии и гулял ветер в голове, но в критической ситуации на неё всегда можно было положиться! Молча кивнув, подруга решительно потянула меня в дом. В холле она выпустила мою руку, приложив палец к губам:

— Только т-с-с! Бьянка дрыхнет чутко, как кошка! Странно, что она ещё не вскочила от шума!

В тот же миг откуда-то из внутреннего дворика донеслось:

— Джулия! Ты здесь? Это ты?

Вихрем взлетев по лестнице, мы с Джулией столкнулись плечами в дверях её комнаты, которая была знакома мне не хуже, чем самой хозяйке.

— Сиди здесь! — запыхавшись, выпалила подруга. — Сюда она не войдёт!

— Джулия? — снова послышалось внизу. Я прикинула ухом к запертой двери, но никак не могла расслышать, о чём они говорят.

— Я здесь! Что случилось? Пожар?

— А сама не видишь? Кажется, это в Оливоло. Фабрицио только что пошёл узнать, что там. Где Лючия? Куда она запропастилась? Клянусь всеми святыми, эта пустоголовая девчонка сведёт меня с ума!

Я сидела тихо, как мышь, пока Бьянка, новая жена Рикардо, продолжала ворчать. М-да, похоже, она держит слуг в ежовых рукавицах! Я не решалась ходить даже на цыпочках, чтобы меня не выдал скрип половиц, и боялась выглянуть наружу, чтобы меня не увидел кто-нибудь из соседей. Время тянулось томительно, как зубная боль. За окном неохотно забрезжил водянистый рассвет, посветлело. Я опять возблагодарила Мадонну, что так вовремя встретила Джулию! Интересно, что случилось в Оливоло? Надеюсь, Манриоло удалось скрыться! Угораздило же нас наведаться в Золотой дворец именно в эту ночь!

Как только внизу послышались тяжёлые шаги и басок Фабрицио, я снова метнулась к двери. На этот раз можно было не липнуть ухом к замочной скважине, так как возбуждённый голос гондольера эхом разносился по всему дому:

— Там пожар в Арсенале, синьора! Говорят, взорвался пороховой склад. Да, почти потушили, но столько домов разрушено! Нет, до верфи я не дошел,

стражники не пустили. Разбирают завалы. Сильнее всех пострадали дома рядом с церковью Сан-Джованни. Хорошо ещё, что ночью на верфях не было никого из арсеналотти! Говорят, это люди герцога Роверджио подожгли склад, чтоб ему самому сгореть в аду!

Фабрицио продолжал что-то говорить, отвечая на взволнованные расспросы Бьянки, но мой слух от таких ужасных вестей временно отключился. Пороховой склад? Я вспомнила случай в Пицене и содрогнулась. А потом похолодела, когда в памяти всплыли последние слова Алессандро. Сердце забилося как сумасшедшее. Арсенал! Он же собирался отправиться туда!

* * *

Немного исторических фактов: в марте 1509 года в венецианском Арсенале, на расстоянии в четверть мили от палаццо Дукале раздался взрыв. Это случилось днём, прямо во время заседания Большого совета. Говорили, что от случайной искры взорвался пороховой склад. Ударная волна разрушила дома в сестьере Кастелло, среди жителей было много раненых и оставшихся без крова. Ходили слухи о диверсии. В преступлении подозревали агентов французского короля Людовика. В это время Венеция находилась в конфликте с Францией, а также со Священной Римской империей и Испанией. Римский Папа тоже был зол на Венецию за то, что она не желала уступить ему земли в Романье. Против Венеции была сформирована так называемая Камбрейская лига. Этот союз стыдливо прикрыли религиозными мотивами (якобы завоевание Венеции должно было стать первым шагом в войне с турками), но вообще-то союзники думали в первую очередь о своей выгоде и заранее разделили между собой венецианские земли.

Глава 7

Эта ночь казалась бесконечной. Она длилась и длилась, даже когда серое, тусклое солнце взошло над лагуной, осветив почерневшие развалины, в которые превратился Оливоло. Алессандро вместе со стражниками тушил огонь, пока не прибыла пожарная команда, потом разбирал завалы. Здание Арсенала, с его обширными пакгаузами и кирпично-красными башнями у ворот, сейчас походило на руины захваченной крепости. К счастью, его люди знали, что делать, а вскоре к ним присоединились нобили и жители близлежащих домов. Одежда Алессандро пропиталась потом и копотью, на зубах хрустела пыль, руки слегка дрожали от таскания камней и брёвен, но он не мог уйти, так как поток дел всё не уменьшался.

Отправив троих солдат осмотреть очередной дом, слепо смотревший в пустоту выбитыми окнами, он позволил себе небольшую передышку. Под ногами хрустели обломки черепицы. Деревянные балки на крыше расшвыряло ударной волной, и они угрожающе накренились, словно старое воронье гнездо. Мимо пронесли носилки. Какая-то женщина сидела, раскачиваясь, прямо в пыли, прижимая к груди ребёнка, и горестно выла на одной ноте. От этого тоскливого, безнадежного воя его пробрал озноб. К женщине подбежала другая, обняла её и бережно увела в церковь, уцелевшую не иначе как чудом. Туда относили всех раненых.

«Здесь нужны ещё медики. Куда, интересно, запропастился Маттео?» — в десятый раз спросил себя Алессандро. Он отправил своего молодого помощника привести кого-нибудь из аптекарей. Год назад они с Маттео вместе служи-

ли в доме Арсаго. Молодой стражник мог сделать приличную карьеру, оставшись при молодом графе Энрике, но вместо этого предпочел отправиться с Алессандро в море.

«Ему бы побольше исполнительности, и тогда, глядишь, из мальчишки выйдет толк. Станет комитом или даже капитаном!»

— Дон Алессандро! Дон Алессандро! — донеслось издалека. Наконец-то!

Запыхавшись, Маттео подбежал к нему. Алессандро критически оглядел своего помощника: взмокшие черные кудри прилипли ко лбу, лицо аж светится от усердия. Он хотел сделать выговор, но все упреки растаяли у него на языке, когда Маттео протянул ему запотевший кувшин с водой. Благослови Бог этого парня! Он отхлебнул глоток ледяной воды, от которой заломило зубы, потом с облегчением вытер мокрой ладонью лицо, размазав копоть и грязь. Жить сразу стало гораздо легче.

— Отнесёшь в церковь, — сказал Алессандро, возвращая кувшин своему подручному.

— Я нашёл мэтра Фалетруса, как вы просили.

Долговязая фигура доктора маячила поодаль. Мэтр Фалетрус издалека кивнул, будто не решаясь подойти ближе. После тех событий, что потрясли Венецию прошлой весной, он старался как можно реже попадаться на глаза Алессандро. Его можно было понять. Кроме синьора ди Горо, больше никто не знал о попытке Фалетруса отравить дону Арсаго. Алессандро не стал доносить судьям. Не только из чувства благодарности к доктору, который собирал его по кусочкам после ранения в крипте... Просто это никому уже не могло помочь, зато на свет всплыли бы неприглядные тайны двух семейств, Арсаго и Граначчи.

«Кстати, надо будет заглянуть к донне Бьянке», — напомнил он себе. Три дня назад Рикардо уехал в Медиолан, и Алессандро обещал другу, что в его отсутствие позаботится о Джулии и Бьянке. Только сначала нужно привести себя в порядок, иначе он своим видом ещё больше напугает двух одиноких синьор.

— Это ужасно, — вздохнул Фалетрус, решившись наконец подойти. — Как такое могло случиться?!

— Есть некоторые предположения, — туманно ответил Алессандро.

Ночью они не успели добежать до ворот Арсенала, как внезапно их ослепило вспышкой и швырнуло на камни. Поднялся переполох. Однако среди стражи были люди опытные, обстрелянные в боях. Быстро придя в себя, они оцепили верфи. Им удалось выследить троих людей, пробиравшихся в порт. Двоим удалось ускользнуть.

Ближе к рассвету порядком уставшего Алессандро разыскал Гвидо Малипьеро, капитан венецтийской стражи.

— Мы его допросили. Это был человек Антонио Маньяско, — заявил он без обиняков.

— Был? — невольно вырвалось у Алессандро.

Он знал, что служба в страже включает в себя не только важное расхаживание с пикой и преследование ночных воришек, но и допросы в пыточных камерах. Не самая приятная часть работы, мягко говоря. Однако раньше Гвидо никогда не отличался чрезмерной жестокостью.

— Он был ранен, только потому мы и сумели его схватить. Не дожил до

утра. В любом случае, он был простым матросом и знал очень мало. Вчера дон Маньяско пробрался сюда на фелуке под видом торговца. Из города не выезжал. У него была встреча с кем-то в Арсенале.

— Портовая стража! — мгновенно сообразил Алессандро. Гвидо только рукой махнул:

— Мы известили их, но было поздно. Маньяско исчез с рассветом. Испарился, как призрак при первых лучах зари.

Алессандро задумался. Да, такой дерзкий налёт был, пожалуй, в духе отчаянного фиескийца. Фиеска была давней соперницей Венетты и недавно присоединилась к Лиге. Вот только...

— Как они прошли через лагуну? Им понадобился бы лоцман!

— По словам матроса, им помог какой-то парень из Аримина, хорошо знающий город, — злобно выплюнул Гвидо. — Это всё, чего я добился. Чертовы торгаши! Ариминские банкиры всегда заглядывали в рот Фиеске!

«Ариминец — это плохо», — подумал Алессандро, вспомнив сетования Рикардо о поспешном браке Джулии. Катастрофа в Арсенале была такой ошеломляющей, что было трудно сразу осознать все её последствия. Потеряна большая часть флота... Разрушен государственный архив... По городу расползались пугающие слухи: что взрыв был делом рук королевских эмиссаров, что отряды Лиги уже подходят к Патаве... Все эти проблемы надвигались на Венетту, как водяной вал во время нагонного наводнения.

«Это всё потом. Сначала — люди». Он заставил себя сосредоточиться на беседе с Фалетрусом, который продолжал что-то бормотать.

— Нам нужны ещё приюты для бездомных и раненых, — прервал его Алессандро. — Госпиталь в Каннареджо не справится с таким наплывом больных!

Вдруг пришла неожиданная мысль:

— Стойте! У нас же есть палаццо Арсаго!

— Что? — Фалетрус вздрогнул и, казалось, еле удержался, чтобы не осенить себя крестом.

— Особняк всё равно пустует. Там можно разместить десятки человек!

«Вот и пригодился подарок дона Сакетти!»

— Но... — замялся несчастный доктор.

Судя по его нездорово-бледному лицу, похожему на смятую бумагу, он скорее заночевал бы под открытым небом, чем когда-нибудь переступил порог того проклятого дома. Алессандро решительно взял его за плечо:

— Прошлое умерло, мэтр Фалетрус. Забудьте о крипте, о старых тайнах. Эти мысли разъедают вас изнутри, я же вижу. Разве дон Энрике виноват в злодействах отца? Или дом виноват в преступлениях, которые там творились? Сейчас это просто крыша над головой и сухое тепло для людей, которые в нем нуждаются!

— Если бы я мог забыть... — прошептал Фалетрус.

Неожиданно их опять прервали:

— Дон Алессандро! — ввинтился в уши резкий голосок Маттео, заставив Сандро невольно поморщиться. В голове ещё немного шумело после взрыва.

Маттео суетился возле кучки людей, выносивших из баркаса очередного раненого, и старался заглянуть им за плечи.

— Я же его знаю! — восклицал он. — Это тот моряк из Аримина! Вы не помните? Прошлой весной он выиграл гонку на гондолах! Дон Арсаго пожало-

вал ему специальный приз!

Будь у Маттео хвост, он наверняка вилял бы изо всех сил.

— Парню крупно повезло, что валлуко дотянул его почти до берега! — усмехнулся какой-то рыбак. — Не то кормил бы сейчас моррен в канале Спиналонги! Вишь, как его приложило, до сих пор не очухался...

Алессандро охватило странное предчувствие. То же неясное чувство ночью погнало его к Золотому дворцу, хотя проверка караулов давно уже не входила в его обязанности. Он отчетливо вспомнил, как поспешил на крик караульного, и внезапно ощутил рядом присутствие Франчески. Это было — как глоток воды в жаркий день, как шагнуть в прохладу тенистой рощи, спасаясь от раскалённого зноя. Он пытался отмахнуться от бредовой мысли — «наваждение какое-то!» — но тревога не проходила. В смутном потоке образов было что-то настораживающее, какая-то ядовитая нотка страха. Что случилось? Неужели Франческа в опасности? Ночью им вдруг овладела безумная надежда, что если он спроводит подальше стражников и вернётся один, то из-под аркады дворца к нему выйдет она. Алессандро действительно собирался вернуться, но пожар в Арсенале и другие кошмары сегодняшней ночи спутали ему все карты.

Вместе с Фалетрусом он подошел ближе, склоняясь над раненым. Молодой парень, темноволосый, загорелый. Правда сейчас его лицо было землисто-бледным, а одна щека покрыта коркой запёкшейся крови, и всё равно Алессандро его узнал. Это был Луиджи Манриоло — тот самый Манриоло, заботам которого он год назад поручил Франческу.

Алессандро медленно распрямился, стараясь удержать на лице невозмутимое выражение. «Ариминец?» — заворчал кто-то у него за спиной. Один из стражников грязно выругался. Другой предложил спихнуть «везунчика» обратно в канал — и Хорро с ним! Не хватало ещё спасти одного из врагов Венетты!

— Нет! — прервал их Алессандро. — Этот человек пригодится нам для допроса, когда очнется. Доставьте его в палаццо Арсаго. Я скоро вернусь.

Забыв о Фалетрусе, о делах и о своём неподобающем виде, он бросился к пристани, подзывая первого попавшегося гондольера. Все прочие мысли, кроме одной, смыло волной горячей тревоги. Скорее к Граначчи! Если Манриоло привёз с собой Франческу... если ей пришлось где-то искать убежища... то к кому она могла обратиться, кроме Джулии?!

* * *

Покинув наспех созванный Большой совет, дон Сакетти укрылся от всех в тиши своего кабинета. Ему нужна была минута тишины, чтобы осмыслить случившееся. Он плеснул себе вина из граненого кувшина, рассыпавшего по скатерти цветные искры, и устало опустил в кресло.

Как это могло произойти? Кто его переиграл? Герцог Роверджио? Или король Альфонсо, с его рыбьими глазами и вкрадчивыми лисьими повадками? В прошлый раз его приняли в Венетте как дорогого гостя, а он жадно шарил глазами по верфи и всё выпрашивал: правда ли, что военную галеру можно построить всего за один день?

Удар по Арсеналу означал не только разрушения, смерти и горе десятков семей. Это был удар по престижу Венетты, по её главной силе — военному флоту. Такую потерю не скоро получится восстановить. А что если...

Сакетти похолодел от мысли, что, возможно, планы заговорщиков простира-

лись ещё дальше. Его рука задрожала, и край кубка больно стукнул по зубам. Он поспешно поставил кубок обратно.

Только вчера они погрузили две тысячи бочек пороха на баржу и отвезли их на Дито, где сейчас снаряжался тяжелый корабль с грузом для венецианских фортов на островах. Всё из-за настырности этого наглеца ди Горо! А если бы эти бочки остались в Арсенале?! Тогда взрыв был бы такой силы, что ударная волна достигла бы до дворца, и он, Сакетти, смотрел бы сейчас на родной город с какого-нибудь уютного облачка.

С пронзительной ясностью представив себе эту картину, дож залпом махнул вино. Посидел, прикрыв ладонью лицо. Усмехнулся. Подумать только, какая ирония! Они с Алессандро на дух друг друга не выносили, но именно благодаря ему Сакетти остался жив.

Пожалуй, он повременит посылать наёмных убийц к палаццо Арсаго.

Взгляд его упал на шкаф-кабинет в углу комнаты. Пока не вернулся секретарь, самое время сжечь некоторые бумаги. Сейчас неподходящий момент для рискованных торговых союзов. Может быть потом, когда всё успокоится... Простые люди суеверны. Чего доброго, усмотрят в разрушении Арсенала проявление Божьего гнева за то, что их дож стакнулся с язычниками. Долго ли после этого он просидит в Золотом дворце?

Достав маленький ключик, Сакетти отпер потайной ящик и даже отпрянул, увидев разворошенные, помятые листки. Здесь кто-то рылся! Ошеломленно прикрыв ящик, он провел пальцем по длинной белесой царапине возле замка. Сам он обращался с драгоценным шкафом исключительно аккуратно. А вот воришка, похоже, спешил. И кто-то снабдил его дубликатом ключа. Трясущимися руками Сакетти выгреб бумаги на стол. Тщательно, несколько раз перебрал их, откладывая каждый лист, прежде чем заставил себя признать горькую правду. Коносамент исчез.

* * *

Алессандро надеялся поговорить с Джулией наедине, однако на пороге ему заступила дорогу деловитая Бьянка. Она проводила его в гостиную, куда приказала подать разбавленного вина и закусок, и при этом не переставала говорить:

— ...Я отправила слуг помочь с расчисткой завалов. Наша кухарка отнесла корзину с продуктами в церковь Сан-Джованни. Можем ли мы ещё чем-то помочь?

Бьянка Санудо была из тех закалённых венецианцев, которых не могли сломить никакие беды. Гнев только добавлял ей работоспособности. Алессандро знал, что в одном из доков Арсенала строилась новенькая крепкая галера, принадлежавшая на паях Рикардо и дону Санудо, отцу Бьянки. Пройшей ночью прекрасный корабль превратился в ничто. Рикардо, узнай он об этом, сейчас изрыгал бы проклятья, пинал сундуки и под вечер напился бы до положения риз. У Бьянки лишь лёгкая складка на лбу выдавала её озабоченность.

Алессандро поблагодарил её за помощь:

— Это очень мужественно и благородно с вашей стороны, синьора — поддержать тех, кто сейчас больше всего нуждается в этом.

— Это ужасно, — прошелестело от двери. — Столько людей остались без крова!

Оглянувшись, Алессандро увидел Джулию. На фоне алого бархатного пла-

ща её лицо казалось восковым. Застывшим. Насколько Бьянка была собранной и энергичной, настолько же Джулия казалась потерянной и погасшей.

Сейчас он ни за что не спутал бы её с Франческой. За последние месяцы нежные, округлые черты Джулии ещё больше смягчились. Ничего общего с Франческой и её острой, ранящей красотой.

Бьянка при виде зловки нахмурилась:

— Тебе вредно волноваться. Лучше ступай к себе и приляг.

Джулия упрямо мотнула головой и опустилась в кресло, явно намереваясь принять участие в светской беседе. Но когда она случайно перехватила взгляд Алессандро, то мучительно покраснела, от шеи до корней волос.

«Явно что-то скрывает, — с беспокойством подумал Сандро. — Эх, если бы донна Бьянка могла убраться отсюда хоть ненадолго! Как бы это устроить?»

Он снова заговорил с синьорой Санудо, чтобы дать Джулии время прийти в себя.

— Мы решили устроить в палаццо Арсаго временный госпиталь. Доктор Фалетрус уже отправился туда.

— Да, понимаю, — кивнула она. — Вам понадобится солома, тюфяки для постелей. Бинты. Вода и дрова для плит. Я распоряжусь.

Если он надеялся, что она помчится отдавать распоряжения немедленно, то ошибся. Бьянка сидела как сторож, прикрывая собой Джулию — жалкую, с красными пятнами на щеках. А время между тем утекало. Если Манриоло придёт в себя и начнёт говорить...

Алессандро решил:

— Я надеялся, что вы сможете помочь ещё в одном деле. Утром возле ворот Арсенала мы вытащили из воды раненого человека... ариминца. Я узнал его. Раньше он был слугой дона Роберто д'Эсте, вашего супруга, синьора. Его зовут Манироло. Полагаю, вы его знаете.

На лице Джулии отразилось сильнейшее изумление. Слишком сильное, — отметил про себя Алессандро, — чтобы быть искренним. Девушка переигрывает.

— Да что вы? Манриоло здесь?! Я... не видела его с самой свадьбы.

— Могу я узнать, не пытался ли он связаться с вами накануне?

Вместо Джулии ответила Бьянка:

— Разумеется, нет! Он не посмел бы явиться в приличный дом! Здесь вам не военная галера, синьор ди Горо, где можно пренебречь некоторыми условностями!

Алессандро молчал, не сводя глаз с Джулии. Багровые пятна у неё на щеках стали ярче. Он пытался дотянуться до неё взглядом, но девушка поджала губы и низко опустила голову. Никогда ещё он не чувствовал себя таким беспомощным. Как, ну как дать ей понять, что он им не враг?!

— Никто не пытался со мной связаться, — прошептала она еле слышно.

Лгунья из неё была никудышная. «Не то что Франческа!» — подумал он вдруг с теплотой. Та лгала виртуозно! Иногда у него просто руки чесались, так хотелось схватить её за плечи и вытрясти из неё всё враньё до последнего слова.

Может, и зря он в своё время этого не сделал.

Воздух в комнате будто сгустился. Бьянка тоже, конечно, уловила растущее напряжение. На её жестком, волевом лице появилось выражение лёгкой иро-

нии.

— Я готова поручиться, что в нашем доме нет никаких тайных агентов, — произнесла она холодным тоном. — Однако если вы сомневаетесь на этот счёт, можете сами всё обыскать, от крыши и до подвалов!

Джулия нервно вскинула голову, как загнанный зверь, и внезапно схватилась за живот:

— Ох! Я, пожалуй, и правда пойду к себе!

К сожалению, в этот раз её уловка не сработала:

— Конечно, милая, — чуть ли не пропела Бьянка. — Мы с Лючией уложим тебя в постель, а потом, — гневный взгляд в сторону Алессандро, — я вернусь и покажу синьору ди Горо весь дом до последней кладовки.

— Вы что, собираетесь обшарить и мою спальню? — возмутилась Джулия, разом забыв про все хвори. — Я не позволю!

Бьянка даже бровью не повела. Не обращая внимания на гневно пыхтящую, как ёж, золовку, она позвонила в колокольчик и приказала вошедшей служанке:

— Покажи синьору ди Горо кухню, прачечную и двор. Я скоро к вам присоединюсь.

Глава 8

Венетта, сестьере Оливоло.

Я хорошо помнила квадратные башни Арсенала, которые высились по обе стороны от бронзовых ворот, внушая невольное почтение. За воротами находился канал, куда заходили галеры, а левее располагался сухопутный проход, возле которого всегда дежурили караульные. На барельефе над главным входом был высечен священный грифон с гордо поднятой головой. Он словно оценивал взглядом каждого входящего, достоин ли тот проникнуть в святая святых Республики. Арсенал был сердцем Венетты, наглядным свидетельством её морской мощи. Было невыносимо больно видеть его в руинах.

Спрятав лицо под старой черной мантилей, найденной в комнате Джулии, я торопливо шла по улице, огибая завалы. Взгляды прохожих, казалось, оставляли ожоги на коже. Я боялась, что в любой момент кто-нибудь ткнёт в меня пальцем и крикнет: «Вот же она, воришка! Хватайте её!»

«Вообще-то я мог бы слетать сюда и один», — подал голос Пульчино, мой верный спутник. Он сам разыскал меня ночью. Я думала, что он ждёт нас на фелуке, и чуть не умерла с перепугу, когда чайка принялась биться в окно Джулии на рассвете.

«Вот и сидела бы у подруги!»

«Я не могу. Нам понадобятся две головы, чтобы всё разузнать. Я попробую расспросить об Алессандро, а ты поищи Манриоло. Тебе с высоты это проще!»

Из слов Фабрицио следовало, что раненых относили к Сан-Джованни, поэтому, отпустив Пульчино, я побрела туда, где над руинами высился строгий трехчастный фасад этой церкви. Так страшно мне не было даже ночью. Что если Сандро ранен?! Если он... нет, нельзя даже думать об этом. После рассказа гондольера я просто не могла спокойно прятаться в спальне, наблюдая, как движутся солнечные полосы по поцарапанному паркету. Выбрав момент, когда Джулия и Бьянка были заняты на причале, я проскользнула на кухню и

выбралась из дома через заднюю дверь. Никто из слуг мне не встретился. Лючия с кухаркой, наверное, убежали посмотреть на развалины. Мантилью я нашла в сундуке, вытащив её из-под груды цветных тряпок. Судя по виду, она принадлежала ещё донне Ассунте, Джулия такое не носила. Было стыдно, что пришлось её позаимствовать, и я пообещала себе, что обязательно извинюсь перед подругой при следующей встрече. Почему-то, когда нужно было ограбить Сакетти, совесть меня совсем не тревожила, но донна Ассунта — это другое дело! Если бы она встретила меня сегодня, у неё бы нашлось что сказать!

В притворе церкви разговаривали две женщины. Одна из них, с узлом за спиной, прижимала к себе двух детишек. Девочка застенчиво прятала лицо в складках материнской юбки. Мальчик с любопытством таращился на нас черными, как смородины, глазами, не выпуская изо рта грязного пальца. Другая женщина была похожа на монахиню, вся в сером, с усталым и печальным лицом. Она терпеливо что-то объясняла:

— Вам будет удобнее устроиться в палаццо Арсаго недалеко от Арженто. Обождите немного. Сейчас вернётся лодочник, и отвезёт вас туда.

— Но как же... — растерялась беженка. — Прямо в господском особняке?!

— Синьор ди Горо и мэтр Фалетрус распорядились устроить там временное жильё.

Я собиралась незаметно проскользнуть мимо, но последние слова монахини заставили меня остановиться. Мои пальцы стиснули тяжелую бронзовую ручку двери:

— Простите, — вмешалась я, обернувшись, — синьор ди Горо сам так приказал?

«Серая» женщина сочувственно мне улыбнулась:

— Церковь не может вместить всех, поэтому Совету приходится искать другие варианты. Никого не оставят на улице, не волнуйтесь. Подождите, я принесу вам воды.

— Н-не нужно, спасибо.

Кажется, она приняла меня за одну из тех несчастных, кто после сегодняшней ночи лишился крова. Выйдя наружу, я с облегчением прислонилась к стене, чувствуя спиной шершавость камня. Если Алессандро был здесь утром и отдавал какие-то распоряжения, значит, по крайней мере, он жив. Это была прекрасная, счастливейшая новость! Особенно по сравнению с остальными.

Там, возле церкви, меня и нашёл Пульчино. Спикировав сверху и задев крылом мне по уху, он привычно устроился у меня на плече. Острые коготки вцепились в кожу. Я улыбнулась, пригладив взъерошенные перья.

«Чему это ты так светишься? Я всё выяснил. Он в палаццо Арсаго».

«Да, я уже знаю. Слава Мадонне! А что с Манриоло?»

«Я про него и говорю. Лежит раненый в доме Арсаго, и его обвиняют в измене».

Яркие краски летнего дня вдруг потускнели. Я моментально пришла в себя, отлепившись от уютной стены:

«Что? Как — в измене?!»

«Говорят, взрыв порохового склада подстроили фиескийцы во главе с неким доном Маньяско. В Совете решили, что Манриоло — его сообщник».

Я растерялась: «Какой-то бред... Это из-за того, что он ариминец? Но Манриоло не успел бы даже забраться в Арсенал! Он ждал меня на лодке в канале

Спиналонги или прятался от стражников, в любом случае он и близко не подходил к пороховому складу!»

«Кто это подтвердит?» — скептически спросил Пульчино.

Только сейчас я вспомнила о синьоре Алонзо. Вряд ли он захочет, конечно, явиться во Дворец дождей и сообщить Совету о затее, которую намеревался осуществить нынешней ночью, но он должен был подтвердить невиновность Манриоло! Пусть скажет, что ариминец выполнял какое-то его поручение!

Я решительно спихнула Пульчино с плеча, плотнее запахнувшись в потрёпанную мантилью:

«Синьор Алонзо! Мы срочно должны его разыскать!»

Мы чуть ли не бегом направились в порт. Вчера, обговаривая детали предстоящей операции, Алонзо Кариньяно показал нам на пристани старую лодку с широкими бимсами, сказав, что в случае непредвиденных осложнений эта лодка будет ждать нас в устье канала. Сейчас её не было. Я прошла дальше, туда, где швартовались купеческие корабли, но фелука тоже исчезла. Среди десятков лиц, попавшихся мне на пути — матросов, нищих, перевозчиков, мелких торговцев, зеленщиков, выгружавших свой товар, — не было ни одного матроса с «Примаверы».

Наконец, трижды обежав всю пристань и вконец запыхавшись, я остановилась. Невозможно поверить! Неужели синьор Алонзо просто сбежал, бросив нас с Манриоло на произвол судьбы?! Пульчино, снова заняв место у меня на плече, имел недовольный, нахотленный вид.

«Ты же следил за ними. Помнишь, куда отправился Алонзо после встречи в Арсенале? — спросила я. — Может, встречался ещё с кем-нибудь?»

«Нет, засел вместе с матросами в одной харчевне в порту. Если хочешь — пошли, покажу. Но предупреждаю, тебе там не понравится!»

«Скорее! Вдруг он ещё там!»

Я не знала, как заставлю Алонзо доказать невиновность Манриоло, и мне было страшно явиться к нему без искомого документа, ведь нам с Каритой так и не удалось его похитить, но это был наш единственный шанс! Что бы ни случилось на пороховом складе, Манриоло к этому не причастен!

Харчевня действительно была так себе. Одно из тех зачуханных мест, куда люди приходят, чтобы растворить свои беды в кружке дешёвого пойла, а потом излить душу трактирщику, пока тот флегматично полирует тряпкой свою стойку.

Грязную стойку, кстати, действительно не мешало бы протереть, но хозяин и не думал этим заниматься. Сидя с дымящейся миской в руке, он шумно поглощал какое-то варево, и не сразу взял в толк, чего я хочу.

— Я ищу синьора капитана, — повторила я в третий раз. — Такой высокий, синеглазый, с рыжеватой бородой. Весёлый. Был здесь вчера.

— Капитана, значит, — задумчиво пожевал трактирщик. — Ну обожди.

Обогнув стойку, он вышел наружу, сделав мне знак оставаться на месте.

После беготни по пристани мои ноги гудели от усталости, однако тяжелые засаленные табуреты как-то не манили присесть на них. Я пристроилась на краешке ближайшего стола. Было тихо, в солнечном свете клубились пылинки. Вдруг мирную тишину нарушил беззвучный вопль Пульчино у меня в голове: «Беги! Он тащит сюда караульных!»

Очевидно, личность синьора Алонзо возбудила не только моё любопыт-

СТВО.

Я бросилась к выходу, но Пульчино вовремя подсказал: «Не успеешь! Они уже на подходе!» Тогда я метнулась обратно и, стукнувшись головой, залезла под стойку. По ногам мазнуло сквозняком. Послышался режущий скрип отворившейся двери, и по комнате тяжело затопали чьи-то шаги:

— Девчонка, говоришь? — пробасил кто-то. — Ну и где она?

Я наострила уши. Трактирщик что-то бубнил. Стражники в ответ громыхнули смехом:

— Эх, папаша! Проспался бы лучше!

Я не могла здесь прятаться вечно. Сейчас трактирщик вернётся за стойку и тогда... За моей спиной была ещё одна дверь, ведущая, вероятно, в кухню и на задний двор. Крадучись, я проползла мимо ящичков и потянула её на себя... Проклятый трактирщик! Не мог смазать петли!

От пронзительного скрипа у меня волосы на руках встали дыбом. Я спиной ощутила, как все в комнате обернулись в мою сторону:

— Вон она!

— Держи!

Бегом! Я пинком захлопнула дверь за собой. Чем её подпереть?! В полутёмной кухне не нашлось ничего подходящего. В очаге на низком огне булькала похлёбка. Где же выход? На заднем дворе (крошечном, с носовой платок) меня ослепило солнце, а в нос ударил запах помоев. Похоже, трактирщик выкидывал сюда все отбросы и не особенно утруждал себя чисткой. Поскользнувшись на какой-то требухе, я подтянулась и повисла животом на каменной ограде. Нога соскользнула, не сумев нащупать опору.

— Хватай её! — заорали сзади. Послышался хохот. Вероятно, для стражников мои болтающиеся ноги представляли комичную картину, но мне было не до смеха. В панике я птицей взлетела на забор и через миг была уже на улице. Только бы не догнали!

На узкой короткой улочке спрятаться было негде. Рядом шумел канал. Прокочив между двумя синьорами в коричневых дублетах, я с разбегу соскочила на пристань, прямо в лодку к какому-то рыбаку. Тот возился с сетью на корме — малорослый, почти карлик, но с жилистыми крепкими руками. При моем появлении он схватился за борт, обложив меня бранью. Потом поднял голову — и я застыла, споткнувшись о знакомый взгляд цепких маленьких глазок. Это был Скарпа! Оборотень-пескаторо, бывший когда-то шутом у дона Арсаго!

— Вот так сюрприз! — осклабился он. — А я ещё с вечера тебя почуял!

Не отвечая, я сунула ему вёсла:

— Гребь отсюда, живо! Не то выдам тебя страже!

— Чё?

Скарпа набычился, однако, бросив взгляд на берег, передумал шутить. Порывшись под банкой, он бросил мне грязный кусок парусины:

— На-ка прикройся. Глазищи у тебя, как у шального кота, дыру прожечь можно!

Скорчившись под парусиной, я вся дрожала от мысли, что стражники, исполошившие рыбаков, могли задержать и нашу лодку. Судя по доносившимся крикам, они продолжали искать меня на берегу. Возмущенные вопли были слышны ещё долго, но постепенно затихли, когда мы вышли на середи-

ну канала и направились к устью.

* * *

Лишь когда голоса окончательно остались позади, я осмелилась выползти на свет божий. Вокруг нас простирались безмятежные воды лагуны. Слышались только короткие всплески, когда Скарпа загребал веслом, и насмешливые крики чаек. Город золотой полосой поблёскивал вдалеке. Его панораму частично заслонял высокий мыс Спиналонги, покрытый зелёным бархатом деревьев. Вскоре лодка причалила к топкому берегу маленького островка, где не было ничего, кроме зарослей тростника и клочков порыжевшей травы на песчаных дюнах. Примерно на таком же клочке земли я вчера повстречалась с Каритой. Мелкие нежилые острова в лагуне были все похожи, как братья-близнецы.

— Приплыли, — осклабился Скарпа с нехорошим предвкушением в голосе.

Я спрыгнула прямо в воду и поспешно выбралась на берег, пока мой спутник возился с лодкой. «Эх, надо было весло прихватить!» — подумала с запоздалым сожалением. В сухом шелесте тростника слышалась насмешка над моей неказистой судьбой. Остров был от силы двести шагов в длину. Спрятаться негде. Чуть вдалеке, на низком холме виднелись развалины каменного сарая. Я бросилась к нему. Слабая защита от оборотня, но, может, там найдётся хоть пара камней?

За моей спиной захрустел сминаемый тростник:

— Что, ведьма? Сыграем в прятки?

Я припустила быстрее, проклиная вязнущие в песке башмаки. Остров словно хватал меня за ноги. Обливаясь потом, я влетела в сарай. Здесь было душно. Крыша, крытая гнилым тростником, давно прохудилась, и тёмное помещение наискось прорезали полосы света. Крадучись, я осторожно двинулась вдоль стены, вся превратившись в слух. Где же спрятался этот урод? Хоть бы палку какую найти!

Вдруг в самом тёмном углу кто-то мелко рассмеялся. Загорелись две яркие алые точки.

— Не подходи! — выпалила я, вжавшись лопатками в камни. — Иначе я могу сотворить с тобой что-нибудь похуже, чем дон Арсаго!

Вряд ли моя ложь могла напугать пескатора, но попробовать стоило. Под дырявой кровлей послышался шорох, заставив вздрогнуть. А вдруг там крысы? Неважно. Главной опасностью был пескаторо. Который почему-то не спешил нападать.

По нервам царапнул короткий смешок:

— Ладно. Тебе повезло, что я достаточно сыт сегодня!

Пыльные лучи обрисовали фигуру Скарпы — к моему облегчению, всё ещё в человеческом виде. Ростом карлик не доставал мне до плеча. Пока он остаётся в этом облике, я смогу с ним справиться. Солнечные полосы так причудливо расчертили его физиономию, что не разберешь, насмеялся он или злился. Я чуть не отскочила, когда мою щеку обдало струей теплого воздуха, и на плечо, тяжело дыша, свалился Пульчино. Скарпа попятился. Что с ним такое? Он испугался чайку?!

Вскоре всё разъяснилось: в узкой щели окна показались бледные перепончатые пальцы, оснащённые крепкими когтями, а затем блеснули выпуклые золотистые глаза. Паурозо двигалась бесшумно, как змея, и была столь же

опасна. Теперь понятно, отчего Скарпа вдруг присмирел!

— Давайте объявим перемирие хотя бы на этот вечер! — предложила я, стараясь придать голосу необходимую твердость. Никто не стал возражать. Правда, Скарпа с Каритой обменялись такими яростно-презрительными взглядами, что сарай чуть не задымился.

Я поспешно вышла наружу. Возле развалин обнаружилось черное кострище, позволявшее предположить, что остров до сих пор иногда давал убежище местным рыбакам. Надеюсь, никто из них не собирался заночевать здесь сегодня! У меня были свои виды на убогий сарайчик. Разумеется, вернуться к Джулии я не могла. Тяжесть обвинения, предъявленного Манриоло, меня просто ошеломила. Надеюсь, Джулию из-за нас не сочтут сообщницей?! Ведь когда-то Луиджи Манриоло был слугой её мужа.

Безымянный остров находился в северной части лагуны, так что если смотреть в сторону города, вдалеке можно было увидеть очертания сестьере Оливоло. Когда над лагуной сгустились сумерки, там один за другим зажигались факелы. Из-за большого расстояния они казались золотыми искрами. Они горели, как свечи на алтаре. Будто в память о погибших той ночью...

Паурозо отправилась на морскую охоту, напоследок послав Скарпе ещё один убийственный взгляд. Её верхняя губа сморщилась, обнажив ряд крепких зубов. Пескаторо на всякий случай отсел подальше.

У меня с собой был только кусок пирога с пекорино (овечьим сыром), купленный наспех на пристани. Я сжевала его без всякого аппетита. Половину отломала для Пульчино и высыпала крошки на плоский камень, отполированный волнами до идеальной гладкости. Очень хотелось пить, но вокруг было только море. Ещё сильнее мучило беспокойство за Манриоло. К тем, кто покушался на государственную власть, венецианское правосудие было беспощадно.

— Я должна поговорить с Алессандро.

Кажется, поглощенная своими мыслями, я случайно произнесла это вслух. Скарпа радостно оживился:

— Да ну? С удовольствием посмотрю, как ты будешь корчиться в тюрьме!

При одной мысли о жутких венецианских темницах у меня по спине поползли мурашки. Но что было делать? Манриоло, тяжело раненый, не сумеет себя защитить. Во всем виноват этот синьор Алонзо, который трусливо смылся из города, бросив нас на растерзание властям!

Я снова посмотрела в сторону мерцающих огоньков Оливоло. Как и в моем сне, нас с Алессандро разделяла широкая темная полоса воды. Со вчерашней ночи она, образно говоря, стала намного шире.

Пульчино тоже был заметно озабочен, но не стал меня отговаривать:

«Так будет правильней, — согласился он. — В прошлый раз из-за твоей скрытности дон Алессандро едва не отдал Богу душу. Чем раньше он обо всём узнает, тем лучше!»

Я же говорила, что Пульчино мог с успехом заменить голос совести? На его слова нечего было возразить. Паурозо, возившаяся с уловом поодаль от нас, бросила мне одну рыбину. Вероятно, в знак сочувствия.

— ...Если речь идет о государственной измене, дознавателям разрешено применять пытки, — разглагольствовал Скарпа со знанием дела. — Кто угодно заговорит, когда ему свяжут руки над головой и растянут на дыбе, пока не за-

трещат суставы! А ещё есть клещи. Или раскаленная кочерга. У кого нервы послабее, те начинают болтать, как только увидят её перед своим носом!

— О, заткнись! — Не выдержав, я запустила в него рыбой.

В глазах пескаторо блеснул азарт. Шлёпнувшись оземь, он обернулся, сгрёб зубами подачку вместе с горстью песка, и ловко плюхнулся в море, подняв фонтан брызг. Я и глазом моргнуть не успела! На берегу осталась лежать только кучка вонючей одежды.

Растерянно смахнув брызги с лица, я подумала, что в прошлый раз его превращение заняло гораздо больше времени и потребовало значительных усилий. Очевидно, с тех пор Скарпа здорово поднаторел в этом деле! «Может, именно это он и хотел показать, — вдруг пришла мысль. — Показать, что если бы он действительно захотел меня сожрать, Карита не успела бы прийти на помощь!»

Пауросо укоризненно зашипела. «Зачем тратить хорошую рыбу на эту тварь?!» — читалось в её глазах.

— Извини. Просто когда он жуёт, его пасть хотя бы помалкивает! — сказала я в сердцах.

«Пока его нет, давайте обсудим детали, — разумно предложил Пульчино. — Алессандро много времени проводит в палаццо Арсаго, где устроили лазарет. Ты не знала, что Сакетти пожаловал ему этот дом?»

— Вот же сволочь, — устало сказала я. — За один этот поступок дон Сакетти заслуживает, чтобы его ограбили!

«В общем, завтра синьор ди Горо точно там будет. Возле дома всегда толпа. Кто-то ищет лекарей, кто-то родственников, кто-то — убежища... Будет несложно пробраться внутрь».

— Я так и сделаю. Пульчино, ты просто золото!

«Могу оказать тебе ещё одну услугу. — Чайка брезгливо махнул клювом в сторону одежды, валявшейся на берегу. — Хочешь, я раздобуду огниво, чтобы сжечь этот хлам? Смердит на весь остров, даже спать невозможно!»

Хотя пескаторо невольно помог нам в прошлом году и здорово выручил меня сегодня, Пульчино не испытывал к нему абсолютно никаких теплых чувств.

— Не надо, оставь. Не будем злить Скарпу. По крайней мере, благодаря ему, у нас есть лодка, на которой можно доплыть до Венетты.

Мы решили, что завтра с утра я отправлюсь к графскому особняку.

Глава 9

Венетта, палатца Арсаго.

Алессандро приехал с рассветом и застал Фалетруса уже на ногах. С ним в гондоле прибыл Энрике, которого дон Сакетти послал, чтобы узнать о состоянии раненого ариминца. «Хочет узнать, не готов ли он для допроса», — холодея, подумал Алессандро. Он надеялся лично расспросить Манриоло, но понимал, что Сакетти вряд ли даст ему такую возможность.

Со вчерашнего дня мертвую, заболоченную тишину старого дома сменила бестолковая суэта. В бывших парадных гостиных разложили тюфяки для раненых. Во дворе грелся котёл с водой. Всюду виднелись признаки бытовой неустроенности: не хватало кружек для питья, одеял, чистого белья... Из кухни пахло фасолью со свиным салом. Хлопали двери, откуда-то тянуло сквозняком. Застарелая сырость, оставшаяся с зимы, пряталась по углам, неохотно уползала прочь, не желая сдавать позиций. Но это болезненное оживление было всё же лучше, чем прежнее угрожающее молчание пустых комнат. Алессандро всегда считал, что дома, как и людей, нельзя надолго оставлять в одиночестве. Иначе они обрастали странными привычками и приобретали слишком независимый взгляд на вещи.

Фалетрус выглядел так, будто за целую ночь вообще не прилёг ни разу. Энрике при виде его нахмурился:

— Разве вы здесь один? А где же те лекари из госпиталя, которых вчера отрядили вам в помощь?

Доктор несмело улыбнулся:

— О, они продержались здесь почти до утреннего колокола, за что я им премного благодарен. Признаться, господа, эта ночь была... довольно беспокойной.

— Как поживает наш ариминец? — спросил Энрике, нервно оглядывая ряды тюфяков. Раньше такую обширную картину человеческих страданий ему доводилось видеть лишь в церкви, на фресках. Здесь же это зрелище представало перед ним вживую, во всей своей неприглядности. Энрике втайне завидовал самообладанию мэтра Фалетруса и синьора ди Горо, поэтому старался не подавать виду. Однако вид открытых ран и запах грязных бинтов, сложенных в тазу, заставил его слегка побледнеть.

Фалетрус пригласил их пройти дальше по коридору:

— Господина Манриоло мы устроили отдельно, так как малейший шум, казалось, причинял ему сильную боль. По счастью, здесь хватает пустых комнат.

— Хорошо, — одобрительно кивнул Энрике. — Я пришлю ещё стражника для охраны. Этот пленник не должен сбежать! В Золотом дворце его ждут не дождутся.

— Поверьте, в ближайшую неделю он вряд ли будет на это способен! — с иронией заметил доктор.

В каморке, где лежал Луиджи Манриоло, раньше, кажется, была бельевая. Теперь в голой комнате размещался лишь тюфяк на полу и невесть откуда принесенный шестиугольный мраморный столик, на который поставили миску с водой. Из открытого окна веяло запахом свежего летнего утра.

Судя по виду, Манриоло был совсем плох. Его лицо потемнело от лихорадки, губы запеклись коркой, на белом лоскуте, обмотанном вокруг головы, расплывалось свежее алое пятно. Вдруг он беспокойно заметался на постели, и в тот же момент откуда-то снизу, из-под половиц, долетел тяжелый утробный стон. Казалось, его исторгли сами стены усталого старого дома. Энрике вздрогнул, невольно сделав шаг к Алессандро.

— И такой концерт продолжался всю ночь, — грустно вздохнул Фалетрус. — Это началось вскоре после полуночи. Зато никогда ещё исцеление больных не происходило настолько быстро! Едва мы успевали сделать перевязку, как человек, если он был в состоянии двигаться, сразу выражал желание поискать убежища в другом месте. Сейчас в доме остались только тяжелораненые или те, кому совсем некуда идти.

— Звук идёт как будто из крипты, — пробормотал Алессандро. Они с доктором обменялись быстрыми взглядами. Оба помнили, что находится там, внизу.

— Это что, колдовство? — Против воли голос Энрике чуть дрогнул. Он со страхом и ненавистью посмотрел на ариминца.

Вдруг Алессандро хлопнул себя по лбу:

— Вспомнил! Нет тут никакого колдовства! Просто дом выглядит так злоеще, что невольно наводит на жуткие мысли. Помните, что у этого бедняги был ручной валлуко? Теперь ясно, что животное последовало за своим хозяином и случайно проникло в крипту, а потом не сумело выбраться обратно. Там есть другой выход, перекрытый решёткой, которая выходит в узкий канал за домом.

— Я помню этого ариминца. Отец говорил, что он действительно владеет начатками колдовства... — не согласился Энрике, но тут раненый снова застонал, напомнив им о более насущных проблемах.

— Вчера я истратил почти все запасы обезболивающего, — словно извиняясь, тихо сказал Фалетрус.

Алессандро нахмурился:

— Мы пришлём вам ещё лекарств. Возьмите бумагу и составьте список, что требуется для нового лазарета. Попробуем раздобыть. Я пришлю военных врачей, может, их нервы окажутся крепче, чем у этих нежных ромашек с Каннареджо! Энрике, помогите мэтру, прошу вас. Ваш хозяйственный опыт нам пригодится.

Оставшись один, Алессандро снова склонился над раненым. Если бы он только мог проникнуть в его мысли! Все его вчерашние попытки отыскать Франческу оказались бесплодны. В Венетте было столько церквей и странно-приимных домов, а со вчерашнего дня в городе царил такой хаос, что в нём могла бесследно исчезнуть целая сотня девиц! Среди беженцев из Оливоло найти Франческу было не легче, чем иголку в стоге сена.

Визит к Граначчи тоже мало помог. Алессандро дважды обошёл дом и своими расспросами довел Бьянку до тихого бешенства, но не заметил ничего подозрительного. Единственным лучом надежды, да и то хилым, можно было считать короткий разговор с Джулией. Ему всё-таки удалось поговорить с ней наедине, поймав девушку в коридоре возле её комнат.

Лицо Джулии почти таяло в темноте. Она упорно смотрела в пол, изредка вскидывая огромные, потаённо блестящие глаза.

— Я хочу помочь вашей подруге, — быстрым шёпотом сказал Алессандро. — Прошу вас, скажите мне, где она? Где Франческа?

Ответом ему был уклончивый быстрый взгляд:

— Какая Франческа? Я не знаю, о чём вы, синьор!

— Ей грозит опасность! Я смогу её защитить!

Бесполезно. Что бы Алессандро ни говорил, чем бы ни клялся, было невозможно пробить эту скользкую стену вежливой лжи, которую Джулия возвела между ними. Где-то в доме хлопнула дверь и застучали уверенные шаги. Они приближались. Сандро заметил, что Джулия сжалась, зябко обхватив себя руками, будто ей хотелось спрятаться, скрыться от всех.

Пока Бьянка не застигла их за разговором, он торопливо сказал:

— Если она боится оставаться в городе, пусть приедет на Терра-деи-Мираколо. Там будет ждать мой человек, его зовут Маттео. Он проводит её на корабль.

Снова быстрый взгляд из-под ресниц:

— Если я её увижу, передам, — шепнула Джулия и скрылась за дверью. После этого ему больше незачем было задерживаться в доме Граначчи...

Его невесёлые размышления были прерваны очередным стоном Манриоло, за которым снова последовал гулкий утробный звук из глубин дома. Алессандро осмелился осторожно потрясти раненого за плечо:

— Луиджи! — тихо сказал он, оглянувшись на дверь. — Вы меня слышите?

Голова ариминца бессильно мотнулась на подушке, брови страдальчески изогнулись. Рядом с миской Алессандро увидел чистый платок и намочил его, чтобы охладить больному лоб.

— Франческа, — вдруг отчетливо пробормотал Манриоло. — Милая, оставь.

Отшатнувшись, Алессандро медленно выпрямился. Казалось, вся кровь бросилась ему в лицо. «Это просто от духоты», — подумал он, стараясь не давать воли гневу. В тесной комнате висел тяжелый дух болезни, смешанный с липкой сыростью, долетавшей с канала. Проклятье, да здесь дышать нечем! Алессандро машинально сделал несколько шагов и опомнился лишь на пороге, задумчиво опершись на дверной брус.

«Вообще-то она ничего тебе не обещала», — строго напомнил он себе. Но почему-то всё равно было больно.

«И ты сам отослал её из города с Манриоло!»

«Да, потому что у нас не было другого выхода!»

«Разумеется, она тебя забыла. Или ты думал, что она будет преданно ждать у окошка, когда ты соизволишь явиться?»

Раненый снова застонал. Нужно было позвать Фалетруса. Алессандро ждала масса дел в городе. У одной из галер повредило руль, и она нуждалась в ремонте. А ещё следовало проследить за вывозом битого камня из Оливоло. А ещё в полдень должно было состояться внеочередное заседание Большого Совета. Может, Гвидо обнаружит новые улики, и тогда дон Сакетти оставит Манриоло в покое. Тогда можно будет незаметно вывезти его из города...

— Мэтр Фалетрус! — крикнул Алессандро в коридор. Прислушался.

Издали доносился монотонный бубнёж доктора, перечислявшего самые неотложные нужды нового госпиталя. Очевидно, список был длинным.

Что ещё он забыл? Ах да, тот корабль с припасами для крепостей и галерную флотилию для его сопровождения.

Давящая тишина в комнате, казалось, с каждой минутой обростала острыми краями. Алессандро старался не смотреть в сторону больного, боясь услышать ещё что-нибудь... неподобающее. Все насущные дела, захлестнувшие его в последние двое суток, вдруг стали только поводом отвлечься от назойливых мыслей о Франческе. Хотя, если вспомнить, что между ними было? Та единственная встреча на алтане... Тогда ему показалось, что в её глазах светится неподдельное тепло и участие. Может, он вообразил себе всё это, когда валялся раненый, с переломанными рёбрами. Мало ли что ему померещилось, это ещё не повод предъявлять девушке претензии!

В поисках доктора он вышел на галерею, но Фалетруса в холле не оказалось. Там, как неприкаянная душа, болтался Энрике, прижимая надушенный платок к носу и явно не решаясь снова вернуться в лазарет.

— Я спущусь в крипту, попробую успокоить валлуко и выгнать его наружу, — сказал Алессандро. — А потом мы вернёмся и доложим обо всём дону Сакетти. Если увидишь Фалетруса, скажи ему, пусть зайдёт к ариминцу. Тот, кажется, бредит.

Энрике молча кивнул. При упоминании крипты на его лице мелькнул страх. Он не предложил составить компанию своему приятелю. Да тот и не хотел.

* * *

Зал Масок, откуда вёл тайный ход в крипту, неузнаваемо изменился. Здесь было тихо, пыльно и пусто. Исчезла богатая коллекция безделушек, которой так гордился дон Арсаго. Исчезли жуткие белые маски (чему Сандро был только рад) и собрание книг. Исчезли своенравные зеркала, отражающие только то, что им вздумается. Осталось лишь одно зеркало, в раме которого прятался маленький рычажок, открывающий потайную дверь. Алессандро повернул его — и старый шкаф со скрежетом развернул своё опустелое нутро вдоль оси.

Заклинив проход нарочно заготовленным камнем, чтобы тот случайно не закрылся, он начал спускаться в тесную каменную трубу. Стены были неприятно липкими на ощупь, скользкие от сырости ступеньки так и норовили выскользнуть из-под ног. В прошлый раз он проскочил эту лестницу, даже не заметив, так боялся опоздать! Сейчас спешить было некуда, но задерживаться в грязном склепе тоже не хотелось. Винтовая лестница виток за витком уходила вниз. Темнота, казалось, скручивалась вокруг плотными кольцами, сжимая грудь, лишая дыхания. Вонь здесь стояла невероятная. Алессандро старался дышать через раз, и всё равно перед глазами вскоре поплыли цветные круги. «Как только у Франчески в тот раз хватило духу забраться в это логово!» — поразился он про себя.

Франческа... Интересно, чем этот Манриоло её зацепил? «Тем, что не ходил вокруг да около», — поддел себя Алессандро. Сам-то он так и не решился признаться ей в своих чувствах. В отличие от обаятельного и бойкого ариминца, он никогда не умел выразить душу в словах. Да и шрамы не добавляли ему привлекательности. А если вспомнить, что отец его считался изменником, запятнавшим свою честь, и за тридцать лет Алессандро не нажил пока ни имени, ни влиятельных покровителей... М-да, его вряд ли можно было считать подарком!

Эти колкие мысли били по самолюбию, зато как будто помогали взбодриться, отгоняя вязкие страхи. Он сам не заметил, как нога нащупала последнюю

ступеньку. Внизу было подозрительно тихо. Темнота стояла такая, что, вытянув руку, собственных пальцев не различишь. Интересно, где же валлуко? Может, сбежал?

Нет, похоже, он здесь. Алессандро чувствовал присутствие живого существа. Почти слышал, как мечется чьё-то сознание, охваченное смутным страхом. Он сказал Фалетрусу, что валлуко привела сюда тоска по хозяину, но это была не вся правда. Очевидно, болезнь Манриоло разрушила мысленную связь кьямата между ним и Гриджо, и бедный валлуко не мог понять, что с ним случилось. Так, возможно, чувствовал бы себя человек, вдруг лишившийся зрения или слуха.

— Гриджо? — осторожно позвал он, пробираясь в темноте.

Послышался слабый всплеск — и всё стихло. По стене пробежало мерцание, будто случайный луч света, отразившись от чьего-то окна, на миг проник в крипту. Алессандро, боясь спугнуть несчастное животное, медленно двинулся вдоль кромки черной воды, ориентируясь лишь на слух.

«Я тебя понимаю», — хотел он сказать. После стычки с морским чудовищем (в этой самой крипте, между прочим!) иногда он тоже с изумлением прислушивался к себе. Один или два раза в месяц ему снились чужие яркие сны. Вслед за снами приходила особая чуткость, позволяющая угадать приближение шторма по рисунку облаков на небе, по особому привкусу ветра или по ширине морских гребней. А потом всё опять исчезало, и Алессандро снова становился нормальным человеком. Это было похоже, как будто кто-то поманил тебя сказкой — а потом отобрал. Но в отличие от валлуко, он мог хотя бы осмыслить своё состояние и сделать выводы. А бедняга Гриджо, чья жизнь внезапно лишилась половины красок, чувствовал только злость, боль и обиду: за что его так наказали?

В крипте было сыро и душно. Где-то мерно, одна за другой, падали капли. Каменная махина дворца, казалось, давила на голову, мешая сосредоточиться. Алессандро попробовал мысленно обратиться к валлуко: «Это плохое место, пойдём отсюда! Там, снаружи, просторно, а в волнах плещется много рыбы. Твой хозяин со временем выздоровеет и найдёт тебя. Всё будет хорошо, не бойся!»

В ответ — тишина. Видимо, не каждому дана способность разговаривать с морскими тварями. Вот если бы Франческа была здесь! Её магия действовала даже на пауросо. Если бы ему удалось подманить валлуко к решётке...

— Гриджо! — снова позвал он. — Иди сюда.

Глаза постепенно привыкали к темноте, так что теперь вместо густой черной тьмы его окружали смутные наслоения теней. Алессандро ловил малейшее движение, пытаясь угадать, где затаился валлуко. И едва не пропустил момент, когда один из сгустков темноты вдруг взревел и бросился на него.

Глава 10

«Мы просто хотели вернуться в Венецию! Не замыслили ничего плохого. Манриоло нашёл в Перне капитана Алонзо, который согласился помочь. По прибытии в город капитан обратился к нам с необычной просьбой...»

Перед встречей с Алессандро я вызубрила свою покаянную речь так, чтобы от зубов отлетало, но всё равно отчаянно трусила. Напрасно Пульчино, сидящий на корме, пытался меня подбодрить. Как только солнце поднялось над лагуной, проложив по острову длинные тени, я спихнула лодку на воду, и мы направились в Город. Скарпа больше не появлялся, паурозо тоже куда-то исчезла. Ночью выспаться не удалось, мешали тяжелые мысли, из-за них я чувствовала себя такой усталой, будто не спала полжизни. От волнения дрожали руки, и дважды я едва не выронила весло. «Погоди топиться, ещё успеешь», — пошутил Пульчино. Утренний перезвон колоколов эхом отдавался в голове. Я глубоко вздохнула, пытаюсь собраться с мыслями. «Если Алессандро отвернётся от меня с презрением, это будет хуже тюрьмы!» Пульчино в ответ скептически хмыкнул. Ладно, признаюсь, я немного покривила душой. Тюрьма страшнее.

К тому времени, как мы добрались до сестьере Трех Грифонов, я совершенно выбилась из сил. Нас обгоняли не только верткие, проворные гондолы, но и тяжелые рыбацкие баркасы, спешащие на рынок у Арженто. Мой своеобразный стиль гребли наверняка повеселил всех встречных на канале, и тем не менее мы понемногу продвигались к цели. При других обстоятельствах я восхитилась бы утренней, свежей красотой Венеции. Дома, стоящие вдоль берегов, купались в солнечном свете, парадно поблескивая стеклами. В глубине арок на нижних террасах сгущалась прохладная темнота. Справа над крышами серебрился тонкий шпиль церкви Святого Стефана.

Вот наконец показался знакомый фасад палаццо Арсаго с рядом стрельчатых окон на втором этаже, выходящих в парадную залу. Вспомнилось с грустью, что раньше донна Арсаго разводила на узком балконе герань и петунии, так что весь этаж утопал в пене малиновых, алых и бордовых цветов. Теперь дом казался обрюзгшим и мрачным, на серой стене — ни единого яркого пятнышка.

На террасе возле главного входа скучал охранник. У причальных столбов покачивалась на воде гондола — нарядная, масляно-черная, с бархатными подушками и бортами, изукрашенными позолотой. Не иначе, кто-то из знатных гостей пожаловал! Я вдруг оробела. Как узнать, там ли сейчас Алессандро? Меня смутило ещё то, что никакой толпы, которая, по замыслу Пульчино, должна была отвлечь внимание стражника от моего появления, на причале не наблюдалось. Наша лодка продолжала медленно двигаться по каналу. Я слегка подтолкнула её веслом... и мы неспешно проплыли мимо.

«Эй, ты чего? — встрепенулся Пульчино. — Заснула, что ли?»

«Там же стражник! Вдруг он спросит, кто я такая?»

«Скажешь, что ищешь родную бабушку или тетку, которая жила в Оливоло! Вчера вечером сюда привезли кучу народа!»

«А если Манриоло успел кому-нибудь про меня рассказать?»

«Ну, соврешь что-нибудь! Господь всемогущий! Ты собираешься его спасти или нет?»

Сцепив зубы, я развернула лодку в обратную сторону. Вскоре снова показался причал у дома Арсаго, вид которого абсолютно не изменился. Стражник всё так же бдил, прислонившись к колонне. Черная гондола, похожая на огромную вдовью туфлю, мирно терлась о сваи. Я направила лодку к пристани, но в последний момент опять передумала.

«Ну ты трусиха!» — не выдержав, заявил Пульчино.

«Погоди, — у меня возник другой план. — Есть же ещё один вход, через крипту».

«Ставлю тунца против дохлой селедки, что он заперт! Или вообще заколочен! На месте хозяев я бы завалил эту крипту камнями, после того, что в ней случилось!»

«Посмотрим».

Скрывшись от посторонних взглядов в тесной водяной щели за домом, я почувствовала себя свободнее. Солнце ещё не проникло сюда, и в воздухе пахло сыростью. Стена соседнего дома, до которой я без труда могла дотянуться веслом, понизу вся обросла зеленой мшистой бородой. В углублении между каменных блоков показалась решетка крипты, возле которой был привязан знакомый маленький ялик. Когда-то валлуко лихо прокатил меня на нём от этого дома до самой скуолы делла Карита!

Я почти дотянулась до решётки, как вдруг что-то бешено ударило в неё изнутри. Брызнули осколки камней, во все стороны полетели прутья. Пульчино стрелой взвился в воздух. Я, изогнувшись дугой, успела оттолкнуться веслом от стены. Что-то просвистело над ухом, а мгновение спустя из смрадной темноты подвала вылетела громадная серая туша и с шумом рухнула в воду.

Меня окатило с головы до ног. Кое-как выровняв лодку, едва не зачерпнувшую бортом, я увидела в воде скользкую лобастую голову. Вязкий тоскливый вой далеко разнёсся над тихим calle. От этого звука у меня заглодело сердце, и даже небо в щели между домами как будто поблекло.

— Гриджо! — выдохнула я, узнав, наконец, валлуко. Честно сказать, узнать его было трудно. Что с ним случилось? Как он вообще здесь оказался?!

Валлуко мгновенно развернулся на шум, нацелившись в мою сторону. Я обмерла. Это чудовище даже близко не походило на прежнего добродушного Гриджо! Оскаленная пасть с мелкими острыми зубами сочилась слюной, круглые глаза были похожи на блестящие камушки агата — мертвые, пустые. Он ударил хвостом — и ялик, привязанный у решетки, с хрустом развалился. Один из обломков больно задел меня по плечу, лодку закрутило на месте.

— Гриджо! — закричала я в ужасе. — Это же я!

На миг мои внутренности сжались от страха, что обезумевший валлуко просто размажет меня по стене. Однако Гриджо внезапно потерял ко мне интерес. Испустив ещё один вопль, он метнулся в узкий просвет между домами. Я дрожащими руками схватила весло. Манриоло и вообще цель моей поездки разом вылетели из головы. Валлуко нельзя было так отпускать! Страшно подумать, что он натворит сейчас в Большом канале! В этот час канал был переполнен всем, что в принципе могло плавать: парусными лодками, тяжелыми баржами с реки, изысканными гондолами, в которых не спеша прогуливались важные патриции и патрицианки. О, Мадонна! Если Гриджо не дай бог утопит кого-нибудь из нобилей, его же просто убьют!

Выбравшись из переулка, я поняла, что догнать валлуко нечего и пытаться.

Не с моими умениями. К счастью, он не пытался никому навредить, а просто мчался к лагуне, будто что-то неудержимо влекло его за собой. Я попробовала дотянуться до него мыслью, но меня вышвырнуло из его сознания, да так, что улица завертелась перед глазами, а во рту появился противный соленый привкус. И всё-таки на один короткий миг я смогла увидеть...

Сверху в лодку откуда-то свалился Пульчино. Забил крыльями у меня над плечом, он что-то крикнул и даже попробовал потянуть меня за ухо. Я не могла прочитать его мысли, в ушах шумело. Перед глазами так и стоял оскал валлуко и его неживой, омертвелый взгляд.

Не обращая внимания на чайку, настырно лезущую мне в лицо, я принялась грести что было сил, подальше от дома Арсаго. Больше не было смысла спешить, рисковать или лгать. Ничего этого больше не требовалось. Манриоло умер. Я опоздала.

* * *

Когда валлуко бросился на него, Алессандро в последний момент сумел увернуться:

— Тише ты, дьявол!

Он ещё успел подумать: «Может, что-то стряслось с Манриоло?!». Потом думать стало некогда. Скользящая серая туша уже набирала скорость для следующего броска. Алессандро снова отскочил, бессознательно выхватив меч. Он не хотел калечить валлуко, но что было делать? Тот, похоже, взбесился! А здесь, на узкой полоске возле воды, даже развернуться было негде!

Во второй раз Гриджо сумел-таки зацепить его хвостом, протащив по камням. Левый бок словно обожгло огнём. Сандро ударил мечом плашмя, надеясь, что боль отрезвит валлуко, но тот только пуще взъярился. В темноте взревело, черная вода плеснула до самых стен. Алессандро, поскользнувшись на мокрых камнях, не устоял на ногах. Снова раздался рёв, многократно отразившийся от низкого свода. Человек резко откатился в сторону, понимая, что третьим ударом валлуко просто вышибет из него дух. И вдруг... он снова это почувствовал. Присутствие чужого, древнего разума, смотревшего на мир его глазами. Нечто с любопытством огляделось по сторонам. Будто оценивало обстановку.

«Нашел время!» — с досадой подумал Сандро.

Этот некто попытался говорить с валлуко через него, и Гриджо, как ни странно, его услышал. Алессандро, затаив дыхание, ждал следующего яростного броска, но вместо этого из темноты послышался жалобный стон. Со стены посыпались мелкие камни. Судя по звукам, валлуко то ли пытался пробить себе выход наружу, то ли вознамерился себя убить.

— Гриджо, не надо!

В голове проплывали знакомые образы: мутная зеленоватая вода в лагуне, острый мыс Спинолонги, длинные отмели Дито, над которыми метались крикливые чайки... У Алессандро холодок пробежал по позвоночнику. Что-то позвало его — далеко, из моря. Его или Гриджо?

Валлуко, как пьяный, продолжал тыкаться в стену. Наконец, он отыскал сломанную решетку и вывалился из крипты. Следующий крик раздался уже снаружи.

«Это... невероятно!»

Дохромав до сухого места, Алессандро присел на камень. Голова слегка кру-

жила, потревоженная вода взблескивала и качалась перед глазами. Это снова было оно! То, что поселилось в его сознании после прошлого визита «морского гостя». Неужели на него тоже подействовала магия живущих-под-волнами? Или он просто надыхался ядовитыми испарениями крипты?

«Ладно, это потом. Сейчас главное — поймать валлуку, пока тот не разнёс пол-Венетты!» Поморщившись от боли, Сандро с трудом добрался до решётки, но к своей досаде вместо ялика обнаружил лишь плавающие на воде обломки. «Ну, Гриджо, чтоб тебя!» — сказал он в сердцах. Что теперь делать? Можно было попробовать добраться до главной террасы вплавь, но он решил, что с него достаточно приключений. Стать добычей моррен, притаившихся под сваями, ему совсем не хотелось. Делать нечего, пришлось выбираться из крипты через кунсткамеру. Снова ползти по скользким камням, потом — наверх по вонючей тесной трубе... Когда он, задыхаясь, вывалился в Зал Масок, эта комната показалась безмятежным раем, исполненным света. Отдышавшись, Алессандро рванул дверь и помчался к парадной лестнице. Ему навстречу неожиданно выскочил мэтр Фалетрус:

— Стойте! Стойте! Синьор ди Горо!

Доктор был бледен как смерть, длинное лицо даже перекошилось от страха.

— Валлуку сбежал! — коротко сказал Алессандро. — Некогда объяснять! Я пойду предупреджу стражу, а вы скажите, чтобы поставили на вход за домом новую решетку, да попрочнее!

Фалетрус перебил его, будто не слыша:

— Случилось несчастье! Господин Манриоло скончался.

— Что? Но как?!

Сандро не поверил своим ушам. Развернувшись, он пересек коридор и вскоре вновь оказался на пороге той крошечной комнаты. Доктор семенил за ним следом. Там, подпирая стену, стоял Энрике Арсаго, чьё растерянное лицо было уже не просто бледным, а скорее, зеленоватым. На полу рядом с мраморным столиком ничком лежал Манриоло, а под его головой расплывалась темная лужа.

— Я не видел, как это случилось, — дрогнувшим голосом сообщил Энрике. — Прибежал, когда услышал шум. Может, ариминец ненадолго пришёл в себя и попытался встать? Или хотел сбежать? Видно, он не рассчитал своих сил, ударился о край стола и — вот...

Доктор, подавленный случившимся, подтвердил, что такое возможно. Алессандро не знал, что думать. Раненый пленник, которого он покинул совсем недавно, отнюдь не выглядел как человек, способный самостоятельно передвигаться.

«А Франческа?! — вспомнил он и похолодел. — Что она подумает, когда узнает...»

От нервозной тишины, висящей в комнате, звенело в ушах. Слышалось только сопение Фалетруса и скрип башмаков Энрике, когда тот, неловко потирая руки, переминался с ноги на ногу.

— Ты что, поранился? — машинально отметил Алессандро, кивнув в его сторону.

Энрике недоумённо перевёл взгляд на свои пальцы. На костяшках правой руки запеклись пятнышки крови. Охнув, он аккуратно прижал их своим белоснежным платком.

— Наверное, задел за стену, когда торопился наверх, — пояснил он смущенно. — Здесь повсюду трещины, штукатурка отваливается прямо кусками...

Всех сковало странное оцепенение. Никто не решался подойти к телу. Фалетрус молчал, Энрике горестно качал головой:

— Дон Сакетти будет просто в ярости. Он ведь рассчитывал узнать от него насчет планов Маньяско! Боюсь, гибель пленника его не обрадует!

Наконец, доктор тихим голосом заметил, что следовало бы привести покойника в приличный вид и найти лодку, чтобы отвезти его в церковь. Поскольку Энрике не мог заставить себя прикоснуться к мёртвому телу, Алессандро отправил его за лодкой. «Иначе бедного парня, того и гляди, вывернет прямо в комнате, — подумал он. — Его самолюбие не перенесёт такого позора!»

Оставшись вдвоём, они с доктором осторожно подняли Манриоло и перенесли на постель. Фалетрус сложил ему руки, обтер кровь с лица и отчего-то нахмурился. Алессандро взволнованно ходил по комнате, размышляя, какие осложнения вызовет эта внезапная смерть. Случайно задел ушибленный бок, поморщился.

— Не представляю, как это могло случиться! — вырвалось у него.

Доктор что-то буркнул в ответ.

— Что вы сказали?

— Я говорю, очень странно, что у него на голове появились две новые раны!

Чуткие пальцы Фалетруса провели вдоль бледной щеки Манриоло, на которой темнела уродливая отметина.

— Он разбил затылок о край мраморного стола — вероятно, это и послужило причиной смерти. Но перед этим кто-то здорово врезал ему по лицу. Видите? Этой ссадины раньше не было.

Алессандро совсем растерялся.

— Может, он так ударился, когда падал?

— Ударился? Одновременно лицом и затылком? — скептически поджал губы Фалетрус. — Вряд ли такое возможно! Мне кажется, бедного юношу убили.

* * *

Ничего не видя перед собой, я врезалась на лодке в какой-то причал, чуть не разбив её утлый нос о сваи. Поднялся возмущённый гвалт, меня обругали. Кто-то даже схватил меня за плечо, но я вырвалась. Дневной свет резал глаза. После того как валлуко яростно вышвырнул меня из своего сознания, я чувствовала себя, как сова, проснувшаяся среди бела дня. На меня со всех сторон надвигались мутные фигуры, пахнувшие потом, жадным любопытством и грязными сплетнями. Чьё-то искаженное злобой багровое лицо зарычало, надвинулось и исчезло. Вырвавшись, я побежала. Как мне хотелось сейчас бежать подальше от всех! Особенно от себя.

Вслед мне что-то кричали, но я не оглядывалась. Блестящая лента канала казалась непроницаемой и враждебной. Раньше любой водоём представлял для меня коллекцию образов: на мелководье вспыхивали суетливые мыслишки крабов, там, где поглубже, паслись стайки рыб, привлечённые запахом выплеснутых помоев, где-нибудь под мостом пряталась вялая сытая моррена... Мой взгляд легко проникал сквозь воду. Теперь я не видела ничего, кроме обманчивого блеска воды. Вот, значит, каким видят море нормальные люди. Ровная приветливая поверхность, в глубине которой прячутся неведомые

опасности. Не удивительно, что оно их пугает.

Я бежала по риве — узкой каменной полосе вдоль канала — покуда хватило дыхания. Потом улица кончилась. Передо мной протянулись деревянные мостки, ведущие к плавучей пристани. Вокруг — никого. На берегу сохли перевернутые лодки.

Просто не верилось, что Манриоло больше нет... Да, иногда он был настоящей занозой, и я злилась на него, но теперь всё это казалось таким неважным! А валлуко? Сила его горя поразила меня до глубины души. Только теперь я осознала, сколько вреда причинило ему наше «обучение». Как я могла быть такой наивной? Я так радовалась, что Манриоло легко усваивал мои уроки, и их связь с Гриджо становилась всё прочнее... Кто мог знать, что магия кьямата окажется такой опасной? Что для тесно сплетённых разумов гибель одного из них приведёт к вспышке безумия у другого?

И в довершение всего, после неудачного «контакта» с валлуко в Большом канале, мой дар тоже меня покинул. Слово бы в наказание. Так мне и надо!

Легкий шорох возвестил о появлении Пульчино. Я вздрогнула, так непривычно было не знать заранее о его появлении. Не слышать его мыслей. Как будто я внезапно оглохла и онемела. Пульчино тоже чувствовал, что со мной происходит что-то не то. Он уселся чуть поодаль на киль перевернутой лодки и косил оттуда недоверчивым взглядом.

Легкий всплеск — и на мостки легли длинные бледные ладони с перепонками между пальцами, а из воды высунулась гладкая голова Кариты. В золотых глазах светился немой вопрос. Моя очередная попытка использовать магию кьямата привела лишь к тому, что у меня заныли виски, и город цветными пятнами завертелся перед глазами. Я потёрла лоб, дожидаясь, пока картинка придёт в норму. Напротив пристани каменный дом с группой стрельчатых окон безмятежно гляделся в водяное зеркало. На балконе второго этажа служанка выбивала ковер, энергично лупя по нему хлопушкой.

Засмотревшись, я вздрогнула от скрипучего голоса:

— Ты чего натворила, убогая?

О, вот и Скарпа явился! Подгрёб сюда на своей утлой посудине. Теперь все были в сборе!

Пескатор начал браниться, не успев даже толком причалить:

— ...Лодочку мою чуть не разбила, бросила её кое-как на пристани. Кто так делает?

После всего, что случилось, меня затошнило от его ухмылки. Я отвернулась, но Скарпа не унимался:

— Что? Судя по кислым рожам, ваша затея не вышла?

— Манриоло умер, — выдавила я, надеясь, что он отвяжется.

— Хо! Я так и думал. Не ожидал, что он столько продержится! Наши заплечных дел мастера знают своё дело! Я вот слышал...

— Прекрати! — не выдержала я. — Убирайся!

В маленьких глазках пескатора вспыхнула алчность:

— А должок? Или забыла?

Мне хотелось зажмуриться и снова проснуться на островке, чтобы этого дня просто не было. Казалось, весь город вокруг превратился в незнакомца — насмешливого и чужого. Боль и чувство вины смешивались со страхом при виде угрюмо молчавших каналов, со злостью на пескатора. Карита тоже ши-

пела на Скарпу и явно была не в духе. Стараясь угадать её мысли по выражению глаз, я чувствовала себя как слепой, пытающийся читать пальцами чужие лица. Безнадёжно!

Наконец, даже Скарпа сообразил, что со мной творится что-то неладное. Презрительно сплюнув, он уселся обратно в лодку:

— Ладно, пёс с тобой! Ты не ведьма, а просто жалкая кучка костей, набитая нитьем и соплями! Тьфу!

Его весло бодро вспенило воду, и вскоре его лодчонка затерялась среди других на канале. Я следила за ней взглядом, пока от водяных бликов не заболели глаза. Карита осталась у пристани, но теперь поглядывала на меня с опаской. Так всё неудачно складывалось! Мы с ней только учились доверять друг другу — и вдруг всё оборвалось.

Хотя, если вспомнить валлуко, то, может, это к лучшему.

Я застонала, спрятав лицо в сложенные на коленях руки:

— Уходи.

Она ещё немного помедлила, затем раздался резкий, обиженный всплеск, и мы с Пульчино остались вдвоем. Чайка сидел на перевёрнутой лодке, с беспокойством следя за мной то одним, то другим круглым глазом. Я решила попробовать ещё раз. Уж с Пульчино-то у меня должно получиться! Я же знаю его десять лет!

Ничего не вышло. Вместо вереницы образов чаячьего сознания мне предстала глухая серая пелена.

Я слишком мало знала об искусстве кьямата, чтобы разобраться, что со мной происходит. Сдавшись, я просто смотрела, как зелёная лента канала, изгибаясь, несёт гондолы и баркасы в лагуну, к Спиналонге, Дито и другим островам. Плавный изгиб водяной дороги навёл на мысль, что совсем недалеко есть место, где о магии знают намного больше меня...

Монастырь на Терра-деи-Мираколо! За последний год я редко о нём вспоминала. Трудно было представить, что со времени моего побега прошло всего лишь тринадцать месяцев. По моим ощущениям — целая жизнь. В памяти всплывали тихие, безмятежные дни в монастыре так, как будто это было с кем-то другим: вереницы фигур в одинаковых бело-серых одеждах, тихое пение и звонкая тишина крипты, в которой отчётливо раздаётся звук капель, падающих с потолка... Сестра Агата с её величавыми манерами, цитирующая по памяти старинные свитки, и деловитая Марта, от чьей горячей руки нам нередко попадало за неряшество...

В этот день, когда всё рушилось к Хорро, мне вдруг захотелось последовать за своими воспоминаниями, снова услышать звучный голос монастырского колокола, окунуться в прохладу темноватых комнат, знакомых мне до последней ступеньки. Всё так запуталось, что я даже не была уверена, хочу ли я действительно, чтобы мой дар ко мне вернулся? Но чего мне точно не хотелось, так это того, чтобы однажды из-за меня в городе появилась спятившая пауро-зо, убивающая всех на своём пути. Или обезумевшая чайка.

Мне казалось, яростный оскал валлуко и его мертвый взгляд навеки запечатлелись где-то на изнанке моих глаз. Забыть такое невозможно! Чем больше я обдумывала план возвращения на Терра-деи-Мираколо, тем сильнее он мне нравился. Я, конечно, не могла рассчитывать на тёплую встречу. Мой побег — не тот поступок, которым следовало гордиться. Но в конце концов на-

ставницы меня простят, ведь желание взглянуть на мир — это грех, прощительный для молодости. И секреты Джулии выдавать не придётся, я скажу, что просто воспользовалась обстоятельствами и сбежала. Разумеется, меня накажут, но вряд ли они захлопнут ворота перед моим носом!

Спохватившись, я поняла, что говорю вслух. Сказывалась привычка делиться всеми мыслями с Пульчино. Чайка подлетел поближе, пытливно заглядывая мне в лицо. Волновался, наверное! Я махнула рукой в сторону Терра-деи-Мираколо:

— Надеюсь, там мне помогут. Я не знаю, что со мной, дружище, и не знаю, как это исправить... Одно точно могу сказать: мне тебя ужасно не хватает!

Пульчино испустил резкий крик, который я приняла за согласие. Перелетев, он подсел ко мне ближе. Пусть мы не могли слышать мыслей друг друга, но каким-то образом он дал мне понять: «Близким существам не нужна никакая магия, чтобы чувствовать друг друга».

Глава 11

Семейный обед в доме Сакетти проходил в тягостном молчании. Городские колокола только что отбили полдень, и легкий ветерок доносил с улицы запахи горячего камня и стоячей воды из канала. Глава семейства, Джакомо Сакетти, был зол из-за происшествия с Манриоло. Если бы кто-нибудь мог проникнуть в его голову, он увидел бы, как мечутся мысли дона Сакетти между пропавшим документом и проклятым Маньяско, чья галера, победоносно вспенивая воду, сейчас наверняка мчалась к заливу Фиески. Джоанна, разряженная в алые шелка, сидела, не поднимая глаз. Чем роскошнее становились её наряды догарессы, тем молчаливее и тише был её нрав.

Инес тоже сидела молча. Аппетитные запахи ягненка, изжаренного в оливковом масле, и куропаток в апельсиновом соусе вызывали у неё тошноту. Сегодня Энрике опять ушел спозаранку, а вернувшись, прошел мимо неё, словно мимо пустого места, не сказав ни слова. Даже мать удивленно приподняла брови.

На вилле у Brenty, где они жили раньше, всё было по-другому! Там она почти поверила в его любовь. Но с тех пор как они вернулись в Венетту, Энрике перестал её замечать.

На их возвращении настаивал дон Сакетти. Он прекрасно понимал, что вырвал победу на выборах лишь благодаря тому, что был ближайшим сторонником дона Арсаго — героя Венетты, ценой жизни защитившего город от морских тварей. «Венеттийцы не должны забывать об этом, — говорил он дочери. — Я не хочу, чтобы выглядело так, будто я забрал всю власть, оттеснив Энрике в сторону. Хотя, правду сказать, твой муженек мог бы проявлять побольше интереса к государственным делам!»

Увы, политическая власть Энрике не интересовала. Зато очень интересовало всё, что было связано с его отцом. В последние дни он проводил много времени возле палаццо Арсаго. Он словно пытался загладить вину перед отцом, восполнить недостаток родственного тепла и внимания, который портил их отношения при жизни графа.

Инес оставалось бесцельно слоняться по комнатам в ожидании мужа. Ощипывая очередной злосчастный букет, она думала с неприязнью, что мертвый граф стал гораздо привлекательнее в глазах соотечественников и сына. Одна-

ко больше всего она боялась, что обстановка дома Арсаго будет постоянно напоминать Энрике о её предательстве. Не оттого ли между ними в последнее время появился холодок?

«Он поймёт, что я не виновата! — успокаивала она себя. — Я связалась с человеком Фальери только ради того, чтобы избавить Энрике от Джулии, этой бессовестной лгуньи!»

И всё равно она чувствовала себя неудобно. Ей казалось, отец постоянно хмурился, глядя на неё, Энрике сделался рассеян и безразличен, а из каждой ниши Золотого дворца угрожающе косились грифоны — священные символы Венетты. Один раз ей приснилось, что каменный грифон на Пьяцетте вдруг спикировал с колонны и опустился на мостовую прямо перед ней. От его неживого пристального взгляда Инес проснулась с криком. В тихой комнате горел ночник, соседняя подушка на постели была пуста. Куда мог деваться Энрике среди ночи? Она не осмелилась расспрашивать. И теперь, боясь наткнуться на его обвиняющий взгляд, сидела молча, уткнувшись в свою тарелку.

Тем временем Энрике, успевший сменить простой утренний костюм на зеленый дублет, затканый серебром, деликатно откашлялся:

— Мэтр Фалетрус проделал большую работу в доме Арсаго, — произнес он, чтобы разбить тягостную тишину.

— Но не смог сберечь самого важного свидетеля, — буркнул Сакетти. — Как мы теперь узнаем о намерениях дона Маньяско? Я не волшебник и не умею допрашивать трупы.

— Вряд ли дон Маньяско удостаивал доверием своих матросов, — примиряюще сказал Энрике.

— Но не этого конкретного матроса! — взорвался Сакетти, выплеснув давно копившуюся ярость. — Этот тип владел магией! Накануне его видели вместе с Маньяско в Арсенале! Это он провел их судно через лагуну! Уж ему-то фиескиец наверняка что-нибудь нашептал!

Энрике побледнел до того, что Инес, обеспокоенная, положила ладонь ему на руку. Он этого не заметил.

— Мой отец тоже ради этого приблизил Манриоло к себе? — тихо спросил он. — Потому что тот был колдуном?

Судя по тому, как дернулась щека дона Сакетти, вопрос был ему неприятен:

— Дон Арсаго был храбрецом! — отрывисто сказал он. — Зря он увлёкся магией, похоже, именно это и сгубило его в крипте! Боюсь, он стал жертвой самообмана. Он так упорно искал повсюду отголоски магии кьямата, что даже эта вертушка синьорита Граначчи сумела его провести. Уж не знаю, как ей удалось повернуть трюк с паурозо, но она определённо владеет лишь крохами дара. Мы допрашивали её несколько раз в течение года — бесполезно, девочка глуха, как стена!

Не подавая виду, Инес внимательно прислушивалась к разговору. Вдруг она подумала, что некоторые её заключения относительно Джулии могли быть полезны для отца и Энрике. Может, это поможет искупить её вину?

— Не удивительно, что вам так показалось, — громко заявила она, — ведь роль Джулии в доме Арсаго играла совсем другая девушка. Меня каждый раз удивляло, что Джулия как будто ничего не помнит о событиях прошлой весны, но потом я догадалась, в чем дело!

Даже если бы капитан Маньяско вдруг материализовался посреди столовой, это не произвело бы такого эффекта. Вилка донны Джоанны резко звякнула о тарелку. Энрике и дон Сакетти ошеломлённо обернулись к Инес.

— Да нет, что ты... — неуверенно сказал её муж. — Как такое возможно?!

Инес знала, что ей не поверят, но не зря же она пристально наблюдала за Джулией с тех самых пор, как дон Роберто ушёл в плавание, и та снова поселилась в доме своего брата. Стоило Инес упомянуть в разговоре те дни, когда они обе гостили у донны Арсаго — и Джулия ловко уводила разговор в сторону. Она даже не смогла правильно назвать комнату, в которой их тогда поселили, зато «узнала» плащ, который ей якобы подарила Инес (чего на самом деле никогда не было). Разве это не странно?

Дождь, казалось, задумался:

— Впрочем, кто знает, на что способны «морские ведьмы»? Не сомневаюсь, они умеют запудрить мозги при случае! Да ещё стража донесла, что наутро после взрыва в Арсенале некая девчонка разыскивала дону Маньяско. Хм... Я думаю, у Манриоло вполне могла быть сообщница, может быть, его ученица...

— По-вашему, я не узнал бы собственную невесту? — возмущился Энрике. — Быть такого не может!

Губы донна Сакетти сложились в улыбку — жесткую, как стальной коготь:

— В любом случае не помешает ещё раз побеседовать с Джулией д'Эсте.

Инес снова вмешалась:

— Я слышала от Бьянки, что Джулия собиралась навестить монахинь на Терра-деи-Мираколо, чтобы провести несколько дней в молитвах.

— Значит, мы нарушим её благочестивое уединение.

Украдкой бросив взгляд на Энрике, Инес отметила, что он все ещё казался растерянным. Каждый раз, когда он замыкался в себе, она боялась, что он мысленно сравнивал её с Джулией и, возможно, даже жалел о поспешной свадьбе. «Ладно, теперь он узнает, какова была его бывшая невеста! — подумала она с неприязнью. — Лгала всем направо и налево, строила глазки синьору из Аримина, пока простодушный Энрике готовился к свадьбе! Ну и кто из нас большая лгунья?!»

Её муж недоверчиво покачал головой:

— Другая девушка... Интересно, кто же она?

* * *

Наверное, я бы ещё долго предавалась отчаянию из-за смерти Манриоло и утраченного дара, но отвлекли насущные заботы. У меня не осталось ни солда. Денежные запасы, заботливо скопленные за год, в Венетте иссякли за два дня! Один кусок пирога здесь стоил дороже, чем целый ужин в пернской харчевне!

Чтобы добраться до монастыря, нужна была лодка, да и голод уже напоминал о себе... Я всерьез подумывала, не начать ли попрошайничать на паперти. Мешала гордость. Может, поискать работу на рынке? Поденщицей, посудомойкой... Мысль о том, чтобы стащить кусок еды или лодку, я отвергла сразу. Хватит испытывать удачу. Если попадусь стражникам — мне конец!

За этими невеселыми размышлениями ноги сами привели меня на рыбный рынок на Ривоальто. Видимо, по привычке. В Перне меня уже не раз окликнул бы кто-нибудь из рыбаков, хотя теперь, без своей способности «разговаривать» с морем, я была для них бесполезна. Эта новая проблема тоже ме-

ня озадачила. Что я буду делать, если вернусь в деревню?! Чем зарабатывать себе на жизнь? В задумчивости я остановилась в тени возле стены, где висели старинные каменные доски с предписанными минимально допустимыми размерами рыб, разрешенных для продажи.

В этот час торговля почти прекратилась. Большинство рыбаков успели распродать свой улов, похожий на живое сверкающее серебро, так что почти все прилавки стояли пустые. Я рассеянно наблюдала за человеком, грузившем в тележку какие-то ящики, как вдруг чьи-то цепкие пальцы ухватили меня за локоть. Вздогнув, я увидела рядом с собой знакомую одутловатую физиономию вчерашнего трактирщика.

— Ага! — довольно сказал он.

Я так испугалась, что не могла издать ни звука. На плече у трактирщика висела корзина, полная рыбы. От несвежей желтозубой улыбки меня замутило.

— Подружка «рыжебородого капитана»? А ну, пойдём!

— Пустите! — прошипела я. Куда там! Хватка у этого негодяя была что стальной капкан. Наловчился поди попрошаек из своей харчевни вытряхивать!

— Я ничего не сделала!

— Из-за тебя стражники вылакали шесть пинт моего лучшего пива! А платить отказались, засранцы! Отработаешь — отпущу.

— Зачем вы вообще их позвали?! Я честная девушка!

— Хочешь продолжить беседу в страже?

Я послушно заткнулась. Мы доволоклись до вчерашней харчевни, которая на второй взгляд показалась ещё более убогой. В стены старой лачуги на смерть въелся запах пивной пены и застарелого табачного дыма.

«Сбегу!» — молнией блеснула мысль. Подожду, пока мерзкий трактирщик отвернётся — и сбегу!

Мысленно я представила, как опрокину корзину с её скользким содержимым прямо трактирщику под ноги, а сама птичкой вылечу на знакомый загаженный дворик. Увы... стоило переступить порог кухни, как мой план увял на корню. Вчера кухня была пуста, а сегодня здесь трудились двое служек.

— Господин Бонифачо, — поклонился один из поваров, с удивлением посмотрев на меня.

— Вот тебе подмога, Пьетро, — осклабился трактирщик, злорадно блеснув глазёнками. — Пошевеливайтесь, дурни, у нас масса работы! На днях из Венеции уходит большой корабль в сопровождении трёх галер, да ещё сегодня-завтра городской совет собирался устроить траурное шествие на площади Трёх Грифонов и мистерии, прославляющие славу Венеции. Дождь, похоже, хочет продемонстрировать, что никаким фиескийцам нас не сломить.

Его лицо раскраснелось от возбуждения:

— Вечером к Пьяцетте слетится толпа народа! Толстосумы будут сидеть и ждать еды, так что расстарайтесь как следует! Пьетро, дай ей нож и доску, пусть почистит рыбу.

Почистить целую корзинищу рыбы?! Однако возражать, как я быстро уяснила, было бесполезно. Меня тычком отправили к столу и подвинули грязное ведро для рыбьих потрохов. Следующие два часа протекли довольно однообразно. Когда корзина, наконец, опустела, мою спину ломило, платье спереди

было все в грязных пятнах, а от рук пахло не лучше, чем на заднем дворе харчевни, который был своего рода зловонной летописью кухонных подвигов господина Бонифачо.

Сам Бонифачо тоже немало досаждал своим потным присутствием: забирал выпотрошенные тушки, уносил их на жаровню, изредка поругивая стражников: «чтоб их бездонные глотки пересохли!» Покончив с рыбой, я надеялась немного отдохнуть, но об этом можно было только мечтать. Работа на кухне не переводилась. Едва я вымыла руки под уличным насосом (к которому меня проводил второй служка, так как Бонифачо велел им не спускать с меня глаз), мне всучили ступку и приказали растолочь перец. Глаза тут же заслезились от перечной пыли. Потом понадобилось сварить рубец для похлёбки, выскоблить свиную голову, ощипать уток, замесить тесто для оладий... Это был какой-то нескончаемый парад еды! Оба повара обращались ко мне только «слышь, ты!» и на робкие попытки наладить отношения даже не откликались. Никто из них не поинтересовался моим именем — в самом деле, зачем утруждать свою память знакомством с какой-то подённой прислугой!

Одно хорошо, на кухне господина Бонифачо можно было не бояться помереть с голоду. Вон, Пьетро себе какое пузо наел! Вертясь, как юла, я успела-таки ухватить две оладьи и попробовать варево из каждой кастрюли.

О том, что на улице уже вечер, я поняла лишь тогда, когда в закопченных окошках посинело, а второй помощник, которого я мысленно прозвала Курчавым, принялся зажигать масляные светильники на стене. В обеденном зале было шумно. Каждый раз, когда распахивалась дверь, в кухню врвался новый всплеск голосов. Поминали тарчей, сравнивали фиескийские и венецтийские галеры (наши, разумеется, были лучше), говорили о безопасных путях в Кафу, о торговле солью, зерном, тканью и кожами.

Нашими едоками были, в основном, моряки. Как я завидовала их свободе! Целый день я держалась настороже, готовая улизнуть в любую минуту, но проклятый синьор Бонифачо ни на миг не выпускал меня из виду. Мне ни разу не удалось обмануть его неослабную бдительность.

— Слышь, ты! — обернулся ко мне Курчавый. — Сбегай-ка в кладовку за луком.

Я оставила черный от копоти котел, который напрасно пыталась отчистить, и направилась в пристройку, недоумевая, что ещё он собирается готовить? Основной вал посетителей уже схлынул, в зале остались только заядлые выпивохи. Тяжелые медные сковородки медленно остывали на плите. Выйдя наружу, я с наслаждением вдохнула прохладный ночной воздух. Очертания дворовых построек терялись в темноте. Мелькнула надежда: может, хоть сейчас получится ускользнуть? Однако я заметила, что Пьетро следил за мной: в кухонном проеме виднелся его приземистый силуэт, окаймлённый светом.

В глубине холодной кладовой висел окорок, на полках стояли горшки с медом и яблочный уксус. Высокая корзина с луком отыскалась внизу. Я набрала в фартук несколько штук. Вдруг дверь с шумом захлопнулась, погрузив помещение в сплошную черноту. Загремел засов. Что это? Меня что, заперли?!

— Эй! — крикнула я, забарабанив кулаком в дверь. — Что за шутки!

— Не держи меня за дурака! — проскрипел снаружи голос Бонифачо. — Видел я, как ты по сторонам зыркала, лишь бы сбежать! Завтра ещё день отрабо-

таешь, и мы в расчёте. Если тебе нужна посуда на ночь, то у порога есть ведро. А если попортишь мне запасы — я тебя побью!

После этого слышались удаляющиеся шаги, и всё стихло.

Глава 12

Дверь кладовой была прочной. Я сбила об неё все пятки и за полчаса истощила свой запас ругательств, потом сдалась. О, проклятый трактирщик! Да и я хороша! Что за черти понесли меня на рынок?! Надо было выспаться днём где-нибудь в укромном уголке, а с наступлением темноты увести лодку и добраться до монастыря!

В кладовой не было ни окошка, ни щёлочки, так что я совершенно потерялась в окружающей темноте. Не знаю, сколько прошло времени. Вместе с темнотой и тишиной снова навалился страх — вся моя слабость, трусость, беспомощность — всё, от чего днём можно было отгородиться суетой, теперь накатило с ещё большей силой. Мысли о Манриоло причиняли боль, как прикосновение к свежему ожогу. А ещё мучила тоска по Пульчино. Вся жизнь он был для меня близким, почти неосознаваемым мысленным отражением — и теперь, когда связующая нить между нами оборвалась, я не знала, чем заполнить открывшуюся пустоту.

Привалившись спиной к двери, возле которой было немного теплее, я, наверное, задремала. Или впала в оцепенение. Проснувшись я оттого, что кто-то настойчиво долбил мне в висок. Вернее, этот «кто-то» ковырялся в замочной скважине снаружи. Потом слышался шорох медленно выдвигаемого засова и чье-то задуманное ругательство, когда тяжелый брус упал ему на ногу.

Я неслышно поднялась, растирая затекшие, замерзшие конечности, и отступила вглубь помещения. Неужели к господину Бонифачо забрались воры? Не то чтобы я радела о сохранности его запасов, скорее наоборот, однако морскому ежу было понятно, что грабителям вряд ли понравится присутствие свидетеля, а моя шкура была мне всё-таки дорога. Может, закричать? Успеет ли кто-нибудь прибежать мне на помощь?

Пока я мучилась сомнениями, дверь со вкрадчивым скрипом приотворилась на дюйм.

— Эй, ты там жива? — слышался хриплый шёпот. — Вылезать собираешься или нет?

Я ущипнула себя за руку, чтобы проснуться. Этот сильный голос был мне отлично знаком. В последний раз я слышала его сутки назад, когда Скарпа расписывал прелести наших тюремных застенков. Неужели пискатора, как верный рыцарь, явился меня вызволять?! Нет, это точно сон!

Потом к приглушённому шёпоту добавился шорох крыльев, и в тесную кладовую, чуть не сбив пару горшков со стены, влетела светлая птица. Пульчино! Обрадовавшись, я кинулась к двери, потом спохватилась, бросилась к леднику и мстительно ухватила хороший ломоть ветчины. В конце концов, мне следовало основательно подкрепиться перед долгим постом у монахинь, а Бонифачо, пожалуй, не обеднеет!

Снаружи уже занималось утро, летом ночи вообще короткие. Густая чернота над крышами сменилась разбавленной синевой, в которой маячили верхушки колоколен. Скарпа ждал нас, чуть не приплясывая от нетерпения.

— Наконец-то! — приветствовал он моё появление, одобрительно покосив-

шись на ветчину.

Кое-как задвинув засов обратно, чтобы до времени скрыть мой побег, мы, пригибаясь, просеменили к забору. Я сомневалась, сумеет ли карлик через него перебраться, но тут в соседнем дворе забрехала собака, и Скарпа, подстёгнутый этим звуком, вмиг оказался на другой стороне. Задыхаясь, мы припустили по гулкой каменной улочке. Пескаторо на бегу пробурчал, что оставил свою лодку на пристани в устье Большого канала.

Только оказавшись на безопасном расстоянии от трактира, я позволила себе перевести дух и поблагодарить Скарпу:

— Спасибо тебе! Как ты меня разыскал?

Он скривился:

— Положим, это был не я, а твой настырный пернатый друг. Бонифачо — жалкий червяк, я давно точу на него зуб, так что решил, что не помешает сбить с него спесь.

Помня о склочном характере пескаторо, я бы не удивилась, узнав, что Скарпа заточил зуб почти на всех венеццианцев!

— Представляю, как ты загорелся, узнав, чем можно ему напакостить!

— Я тлел, — ухмыльнулся шут.

— Всё равно спасибо. Без тебя я бы пропала, — сказала я искренне, и, поскольку Скарпа то и дело поглядывал на ветчину, протянула ему свою добычу. Бывший шут не заставил просить себя дважды. Наверное, он тоже был голоден. Мясо исчезло в мгновение ока.

Пробираясь по светлеющим улицам, мы держали ухо остро, так как в этот час в Венеции бодрствовали только стражники и наемные убийцы. Пока нам везло. Впрочем, к Скарпе, несмотря на его щуплый вид, никто не решался приблизиться. В нём чувствовалась сжатая свирепость, упакованная в слишком мелкое тельце. Один раз нам навстречу выпал из переулка какой-то прохожий в низко надвинутой шляпе, бросил взгляд на карлика — и, деланно насвистывая, поспешил скрыться обратно.

Наконец, мы добрались до баркаса. Теперь можно было вздохнуть спокойно! Вряд ли Бонифачо будет преследовать нас по воде. Я попросила Скарпу отвезти меня в монастырь на Терра-деи-Мираколо, но бывший шут поднял меня на смех:

— Что тебе делать у этих бледных поганок? Там даже воздух прокис давно, на этом острове!

— Есть одно дело.

— Ладно. Только учти, что на твой долг только что выросли жирненькие проценты!

Скарпа оставался верен себе. Ну не может он не съязвить!

Восходящее солнце окрашивало воду в розовато-палевые цвета. Далеко в лагуне черными штрихами виднелись лодки рыбаков, вышедших на утренний промысел. Берег Терра-деи-Мираколо тонул в ленивой дремоте, подёрнутый дымкой. Мы причалили к старым рассохшимся мосткам, привязали лодку. Было тихо. Даже неумолчный хор лягушек, гнездившихся в зарослях тростника, почему-то затих. Меня так убаюкала эта обманчивая безмятежность, что я слишком поздно заметила, как из тумана на нас кинулись несколько мужчин. Резкий окрик Пульчино полоснул по ушам. Поздно! Кто-то сзади крепко схватил меня за локти. Двое других набросились на Скарпу. Тот хищно оскла-

бился, и мне показалось, что зубы в его широкой челюсти стали длиннее.

Я попыталась вырваться, но внезапно узнала бордово-красные цвета дома Граначчи.

— Тише, господа! Нам велено привести вас к хозяйке, — сказал кто-то над ухом. Этот голос я определенно слышала раньше. Вывернув шею, я увидела внушительный нос, длинный подбородок и курчавую седеющую шевелюру, выбивающуюся из-под маленькой алой шапочки. Это был Фабрицио!

Гондольер ничем не показал, что узнал меня, только коротко кивнул:

— Хозяйка просто хочет поговорить с вами. Вам не причинят вреда, если сами не начнёте драку! — сказал он внушительно.

Какая хозяйка? Джулия?!

Предупреждение Фабрицио явно относилось к Скарпе, который, судя по яростному оскалу, собирался дорого продать свою жизнь. Больше всего я боялась, как бы он не вздумал обернуться хищником в присутствии четырех вооруженных мужчин. Только бойни нам здесь не хватало! Я крикнула, пытаюсь его остановить:

— Стой, не надо! Это друзья!

— Друзья?! Не из тех ли, что запирают людей в кладовки? — злобно огрызнулся Скарпа, однако внял голосу разума и присмирел.

Под конвоем гребцов мы проследовали вдоль берега к длинной гондоле с закрытой кабиной, спрятанной в маленькой бухте. Когда мы подошли ближе, маленькая белая рука отодвинула занавеску. Я приготовилась улыбнуться, но, узнав пассажирку, опешила:

— Бьянка?!

— Быстрее! — поторопила она меня. — Не хватало ещё столкнуться с Сакетти!

Я забралась в тесную кабинку-фельце, и полог за мной тут же задёрнулся. Скарпа остался снаружи вместе с остальными. Гондола вылетела из бухты так быстро, будто за нами гнался сам Хорро. Бьянка сидела молча, поджав губы.

— Что случилось? — растерянно спросила я. — При чём здесь дон Сакетти?

— Сама увидишь, — процедила Бьянка, сверкнув глазами.

Мы не виделись больше года, да и раньше не были близкими подругами. За время моего отсутствия Бьянка Санудо превратилась в донну Граначчи, выйдя замуж за Рикардо, брата Джулии. Её резковатый нрав и острый язык отпугивали многих, желавших свести с ней знакомство. Приставать к ней с расспросами, когда она не в духе, было рискованно. Кроме того, вскоре я действительно увидела всё своими глазами. Когда мы отошли от берега на сотню локтей, нас обогнала другая гондола, тоже с закрытой кабиной и шестью гребцами. Все они были одеты в бело-зелёные цвета дона Сакетти.

— Они схватили Джулию в монастыре, — мрачно сказала Бьянка.

— Что?!

Я потянулась было к пологу, но моя спутница была начеку и тут же меня одёрнула:

— Сиди уж! Тебе повезло, что я догадалась, кого Джулия поджидала на острове!

Мы с подругой не уговаривались о встрече, но теперь я сообразила, до какой степени её должно было взволновать моё внезапное исчезновение. Вероятно, Джулия предположила, что я отправлюсь искать убежища в единствен-

ном безопасном месте — на Мираколо.

— Мы должны что-то сделать!

— Есть предложения? — иронически осведомилась Бьянка.

Я осторожно выглянула наружу. Корма чужой гондолы маячила далеко впереди, постепенно исчезая в сияющем пространстве лагуны. Вряд ли мы их догоним. И даже если догоним — что делать? Напустить на них Скарпу?

Бьянка склонилась ко мне, блеснув русалочьими глазами в полумраке кабины:

— Может, я должна привезти дону Сакетти тебя вместо Джулии?

От одной мысли, что меня будут допрашивать во Дворце дождей, у меня заледенели все внутренности... и всё же это было единственным верным решением. Я промолчала. Бьянка, снова откинувшись на подушки, сказала с оттенком презрения в голосе:

— Вряд ли он посмеет отправить её в тюрьму. Дон Сакетти — это ещё не Совет десяти! Джулия — патрицианка из старинной семьи, к тому же, она ждёт ребёнка. Именно поэтому здесь сейчас сидишь ты, а не она. С тобой он не стал бы церемониться!

Я не ожидала от неё такого участия, и, вероятно, моё удивление ярко отразилось у меня на лице, так как Бьянка сказала более мягким тоном:

— Что бы ты там ни думала, я не желаю тебе зла. Наоборот. Я считаю, это было смело с твоей стороны — разыграть целый спектакль перед этим чудовищем, доном Арсаго. Не уверена, правда, что романтическая интрижка Джулии стоила такого риска!

Дело было совсем не в романтической интрижке, однако в остальном Бьянка проявила удивительную догадливость. Я только глазами хлопала, переваривая услышанное:

— И... давно ты знаешь?

— С того дня, как погиб старый граф, — засмеялась Бьянка, явно довольная собой.

— Ты действительно умнее нас всех, — вынуждена была я признать.

— Благодарю. И всё же мне хотелось бы услышать полную версию событий. Нет, подожди! Не здесь. Но как только приедем домой, ты всё мне расскажешь!

За бортом тем временем проплыла Спиналонга. Наша гондола двигалась довольно быстро. Не то что я прошлым утром! У меня до сих пор ныли плечи от вёсел, а на ладонях саднили мозоли.

Как только мы оказались в безопасном уединении дома Граначчи, Бьянка, щелкнув пальцами, отослала служанку и нетерпеливо приказала:

— Ну, рассказывай.

Я не знала, с чего начать. Вдруг пришла мысль, что, наверное, моя тайна была одной из главных причин, по которой Бьянка не выдала меня дону Сакетти. Бьянке Граначчи, с её пытливым умом, мало было догадываться — она хотела знать мотивы чужих поступков, их подоплёку. Могла ли я ей доверять? При других обстоятельствах это был бы огромный риск, но, с другой стороны, у меня небогатый выбор. Если Алессандро действительно отправили в путешествие к островам, как вчера говорили моряки в трактире, то Бьянка — единственный человек в Венетте, на лояльность которого мы с Джулией худо-бедно могли рассчитывать.

В конце концов я рассказала всё, начиная с наших с Джулией совместных бдений в крипте. Рассказала о дружбе с Пульчино, положившей начало моему обучению магии. Впрочем, тут я немного лукавила, так как на самом деле мой интерес к кьямата возник ещё раньше. Море открывается тебе по-другому, если смотреть на него глазами его обитателей. Это затягивает. С раннего детства море притягивало меня к себе.

Я напомнила Бьянке о внезапной смерти донны Граначчи и рассказала о страхе Джулии перед графом Арсаго. Без ложной скромности я призналась, что своей славой талантливой ученицы Джулия была обязана только мне. Дон Арсаго раскусил бы её в два счёта, а потом... кто знает, до чего он дошёл бы в гневе? Он мог просто разорвать её помолвку с Энрике, или подстроить ещё один несчастный случай... мало ли что! Поэтому вместо Джулии в Венетту приехала я.

Я не стала рассказывать Бьянке о своей матери и моем личном интересе к дону Арсаго. У любой откровенности должен быть предел. Где-то приходится проводить черту, а мои личные дела никак не касались семьи Граначчи.

Незнакомая служанка (из новых?) принесла поднос с разнообразными кушаньями и кувшин разбавленного вина. Да, кормили здесь повкуснее, чем у синьора Бонифачо, не к ночи будь помянут! Служанка подала нарезанное холодное мясо, к нему — имбирный соус в кувшинчике, свежайшую сдобу и миндальное печенье...

Вкусные запахи щекотали нос, от волнения кусок не лез мне в горло.

— Помогите нам с Джулией выбраться из Венетты! — взмолилась я под конец. — Клянусь, мы уедем в Аримин и никогда больше вас не побеспокоим!

По сдержанно-суровому лицу Бьянки трудно было предположить, что за мысли бродят за её нахмуренными бровями. Наконец она вздохнула:

— Жаль, что Джулии вздумалось вернуться из Аримина. Для неё было бы лучше жить в семье мужа! С нас довольно скандалов! Мы уже пережили один, когда Джулия тайно обвенчалась с доном Роберто, а теперь вот опять... Если её будут допрашивать во Дворце дождей, это вызовет новую волну слухов, что повредит положению Рикардо на Ривоальто...

Я мысленно порадовалась, что Рикардо так вовремя отбыл. Вот уж кто, не задумываясь, пожертвовал бы мной ради собственного благополучия!

— Если вы обе исчезнете, это было бы идеально. — Погрузившись в раздумья, Бьянка рассеянно подвинула ко мне блюдо с нарезанным мясом. — Думаю, это можно устроить. Сегодня Сакетти не успеет заняться Джулией, так как у него полно других дел, требующих внимания. Мне говорили, что из Сан-Николоса отправляют корабль с порохом для фортов на островах, кроме того, на площади Трех Грифонов сегодня вечером устраивают шествие, а перед дворцом — мистерию в честь Венетты. Скорее всего, Джулию посадят под замок, или поручат присматривать за ней донне Джоанне. Пока внимание всех гостей будет занято представлением и парадом, можно попробовать вытащить её из замка.

Глаза Бьянки заблестели, по мере того как эта идея всё больше её захватывала:

— От Джоанны я слышала, что всеми празднествами заправляет синьор Лопарини, секретарь донна Сакетти. Из-за неразберихи в Оливоло всё делается в спешке. Наняли несколько трупп, половина актёров не знает друг друга. Тот

коротышка, который привёз тебя на остров — это же бывший шут графа Арсаго, да? Ладно, неважно. Думаю, вы отлично впишетесь в обстановку. Наденете маски, смешаетесь с труппой. Не забудь только захватить маску и плащ для Джулии! На Пьяцетте вас будет дожидаться лёгкая галера. И чтобы сегодня ночью даже духу вашего не было в Венетте!

Я поневоле восхитилась её стратегическим талантом. Однако были в этом плане кое-какие слабые места:

— Кто-нибудь должен предупредить Джулию...

Бьянка досадливо наморщила нос:

— Мне придётся торчать на празднике рядом с Джоанной, Сакетти распорядился. Я не смогу даже знак подать Джулии, чтобы этого не заметили остальные! Ладно, придумаем что-нибудь. Найдём кого-нибудь понезаметнее, кого-нибудь вне подозрений, кто смог бы сказать ей несколько слов. Главное — выбраться из дворца, остальное должно быть проще!

Я искренне поблагодарила её за заботу. Понятно, конечно, что Бьянка делала это не ради меня, а лишь для того, чтобы защитить престиж дома Граначчи, но это не уменьшало моей благодарности! Когда тревога за нашу будущую участь немного улеглась, ко мне вернулся зверский аппетит. Нежные куропатки под соусом и печенье пахли так вкусно...

Пока я наполняла свою тарелку и утоляла жажду вином, Бьянка задумчиво проговорила:

— Кажется, у меня есть идея, кого можно послать к Джулии. Инес Арсаго!

Я поперхнулась печеньем.

— Кого?!

* * *

К вечеру работы в Арсенале были почти закончены: расчистили широкий канал, ведущий к лагуне, убрали рухнувшие балки и осыпавшиеся камни. Зато на острове Дито работ было невпроворот: там снаряжали галеры для сопровождения огромного «купца» водоизмещением на шестьсот бочек, до предела нагруженного порохом, деревом и железом. Без защиты галер этот грузовоз мог легко стать добычей пиратов. Алессандро осматривал галеру в доке, когда его настиг приказ дона Сакетти: в срочном порядке явиться в Золотой дворец. Несмотря на суровый тон приглашения, он решил сперва заглянуть в дом Арсаго, где трудился Фалетрус. После того как валлуко с шумом и треском убрался из подземелья, там теперь царили тишь и благодать.

Алессандро собирался привезти кое-какие вещи для госпиталя, а ещё его грызли сомнения насчёт скоропостижной смерти Луиджи Манриоло. В основном его переживания были связаны с Франческой: что если она сочтет его виновным в гибели друга? Надо же было такому случиться, чтобы Манриоло умер в его доме, в то время, когда находился под его защитой!

— Не в вашем доме, а в доме Арсаго, — возразил ему доктор. — Я же говорил вам, это проклятое место!

— Суеверия, — пожал плечами Алессандро. — Может, в крипте и завёлся какой-нибудь злобный дух (честное слово, я бы не удивился!), всё же вряд ли он мог пробраться наверх и толкнуть человека так, чтобы тот рухнул навзничь! Не могу понять, как это могло случиться!

Фалетрус послал ему долгий пристальный взгляд:

— Рассуждая логически, прежде всего попадают под подозрение те, кто

оставался с синьором Манриоло наедине.

— То есть я, — спокойно сказал Алессандро. — Может, вы мне не поверите, но, клянусь, я пальцем его не трогал!

— Как и я, — кивнул доктор.

— Тогда кто? Не Энрике же!

Они оба задумались.

— Знаете, — сказал Фалетрус, — вот сейчас, когда вы спросили, я вспомнил, что ещё два моих пациента тем утром покинули дом. Это были двое рыбаков из Санта-Кроче. Один из них распорол себе руку, работая на завалах. Рана показалась мне нехорошей, так что я советовал ему остаться, но парень, чуть не поседев от ночных завываний из крипты, твёрдо заявил, что будет долечиваться дома. Его должен был забрать приятель. Теперь вспомнил: когда я передал лодочникам тело Манриоло для погребения, тот рыбак уже исчез вместе со своим другом.

— Но Манриоло не был в Венеции больше года... Неужели какой-то рыбак мог затаить на него злобу?! Для этого нужно быть дьявольски злопамятным человеком!

Фалетрус пожал плечами:

— Кто знает, на что способны некоторые люди!

Им ещё многое нужно было обсудить, но обоим ждали дела. Алессандро угнетало, что нельзя было провести нормальное расследование. Если смерть Манриоло действительно была не случайна, то ей, похоже, суждено было остаться безнаказанной. После взрыва в Арсенале каждая пара рук была на счету. Не было никакой возможности выделить стражников, чтобы те расследовали убийство какого-то ариминца! А ему самому приходилось почти всё время проводить на Дито, набирая экипажи для трёх галер.

Ещё неделю назад он не сомневался, что лично поведёт эскадру, но теперь... Как можно покинуть Венецию, зная, что Франческа где-то здесь? Если он уедет сейчас, он опять её потеряет! Алессандро сделал всё, что мог: поручил Маттео дежурить на Мираколо и приставил соглядатая к дому Граначчи. Пока ни один из них не сообщил ничего интересного. Правда, соглядатай доложил, что донна Джулия тоже вдруг засобиралась на остров. Вдруг ей что-то стало известно? Или она хотела просто разведать обстановку? Алессандро сам хотел отправиться туда, но дела постоянно требовали его присутствия в другом месте.

А ещё его тревожило, что с той ночи он ни разу не ощутил присутствия Франчески. Неужели она всё-таки ускользнула? Или нарочно прячется от него? Не доверяет?

Он представил себя на её месте и подумал, что сам бы никому не доверял.

Выйдя от Фалетруса, он нанял гондолу, чтобы добраться до Дворца дождей. По обеим берегам канала красовались стройные палаццо во всём предвечернем блеске. Даже сквозь мутную усталость последних дней Алессандро не мог не оценить великолепие Венеции: оно ручьями лилось с фасадов, стучалось под портиками церквей в маленьких кампо, шумно и весело клокотало в Большом канале. В этом городе некрасивый человек чувствовал себя изгоем. Готовясь к ночному торжеству, Венеция отряхивала свой жемчужный плащ и примеряла бриллианты огней. Алессандро поневоле восхищался её энергией, но вместе с тем видел в ней соперницу, спрятавшую от него Франческу в

складках многоцветного парчового одеяния.

На площади перед дворцом уже установили сцену, пока что закрытую занавесом. Перед ней как раз зажигали факелы, и пламя бросало оранжевые отблески на доспехи стражников, отгоняющих любопытных зевак. Алессандро отметил опытным взглядом, что караулов было больше, чем обычно. Трагедия, случившаяся в Арсенале, вынудила Совет десяти усилить меры предосторожности.

На верхней галерее собирались члены знатных семейств. В центре пёстрой компании стояла догаресса Джоанна, как всегда предпочитавшая яркие наряды и броские украшения. Рядом с ней Алессандро заметил бледное худощавое лицо Бьянки Граначчи и упрекнул себя за то, что больше не нашёл времени её навестить. Ведь Рикардо просил его! В отличие от остальных дам, разодетых так, что их шёлковые платья только чудом не падали с плеч, донна Бьянка выбрала для сегодняшнего торжества закрытое темное одеяние. Это, пожалуй, больше соответствовало траурному поводу, которому была посвящена эта ночь.

Подойдя к одному из стражников в бело-зелёной форме, Алессандро протянул ему письмо и печать, полученные сегодня днём. Тот внимательно оглядел рекомендацию, кивнул и позвал слугу, чтобы тот проводил синьора ди Горо внутрь. Они прошли по длинному сводчатому коридору, увешанному гобеленами, затем миновали несколько лестниц. Золотой дворец представлял собой как бы Венецию в миниатюре: здесь имелись и парадные залы с роскошными фресками и картинами, и неприметные закутки, и даже тюремные камеры. Чем дальше вы забирались в паутину его коридоров, тем теснее были проходы, скромнее обстановка и тем выше ставки, что вы сможете с той же лёгкостью выйти обратно.

Пока вся Венеция готовилась к торжествам, дон Сакетти уединился в своём кабинете, как сыч. Горевшие свечи придавали его лицу землистый оттенок, и, судя по виду, его тяготила то ли какая-то болезнь, то ли тяжёлые думы. Алессандро доложил, что три галеры готовы и в любой момент могут выйти из порта Сан-Николос, чтобы сопровождать ценный груз.

— «Анжело» тоже уже загружен, — ответил Сакетти. — Кстати, у меня возникла идея, что мы могли бы использовать эту экспедицию как приманку для дона Маньяско!

Алессандро удивился:

— Вы рассчитываете поймать капитана в ловушку?

Эта затея показалась ему сомнительной. Где теперь этот Маньяско? Ищи ветра в море! Но в желтоватом осунувшемся лице дона Сакетти светилась такая одержимость, будто у него имелась личная причина схватить чересчур удачливого фиескийца.

— Вряд ли он осмелится напасть на конвой, — размышлял Алессандро. — Если он действительно виновен в том, что случилось на пороховом складе, то теперь будет держаться подальше от всего, что связано с Венецией!

— Он обязательно нападёт, — с нажимом сказал Сакетти. — Я давно приглаживаюсь к этому человеку. Нам известно, что Маньяско был в Арсенале в тот день, когда все верфи, словно улей, гудели слухами, что мы отправляем тысячу бочек пороха для снабжения крепостей. Он не сможет упустить такую добычу! Далее, нам известно, что у него есть тайная база на Иллирийских ост-

ровах, где он держит в засаде несколько галер. Чует моё сердце, что он уже за-сел там и ждёт! Маньяско непременно попыбует захватить «купца», но ты сможешь его остановить. Твои галеры быстрее фиескийских.

— Это потому, что на моих галерах нет рабов, — недобро усмехнулся Алес-сандро.

Дон Сакетти сделал вид, будто не расслышал, хотя именно он в прошлом го-ду предложил использовать пленников в качестве бесплатных гребцов. К сча-стью, это предложение не встретило одобрения у других сенаторов.

— Я хотел поручить сопровождение корабля командирам Реньеру и Аль-бицци, — предложил Алессандро. — Уверен, что они справятся. Оба — опытные моряки и надёжные люди.

— Нет! — отрезал Сакетти. — Ты отправишься лично! Это ты доказывал в Сенате, что наши крепости отчаянно нуждаются в припасах! И это ты будешь виноват, если из-за потери корабля весь порох, дерево и заготовки для клин-ков попадут в руки фиескийцев!

Дождь чеканил каждую фразу, так, что любой из них можно было поставить точку в разговоре. Возразить было нечего — долг есть долг. И всё же Алессан-дро не мог прогнать мысли о Франческе... Из-за всех этих хлопот и визита в госпиталь он не успел повидаться с Маттео. Тот, наверное, ждёт его сейчас возле казарм. Вдруг он сумел узнать на острове Мираколо что-нибудь новое?

Он попробовал зайти с другой стороны:

— Но расследование ещё не закончено. Разве не подозрительно, что кто-то поспешил избавиться от Манриоло как раз накануне допроса? Может, мы могли бы больше узнать о намерениях дона Маньяско, сосредоточившись на рас-следовании в Венеции, вместо того чтобы ловить его посреди моря?

Ответом ему был мелкий неприятный смех:

— О, не беспокойся, здесь следствие завершат без тебя, — с непонятной улыбкой процедил дон Сакетти. — Да, мы потеряли возможность допросить Манриоло, зато нам удалось поймать его сообщника!

В голосе дождя слышалось злорадное торжество. Он картинным жестом рас-пахнул ещё одну дверь, ведущую из кабинета. Алессандро поднял голову и ды-хание у него перехватило, будто он с разбегу налетел на невидимую стену.

Там, в дверях, между двух дюжих охранников стояла Франческа.

Глава 13

Джулия всегда говорила: то, чего ты боишься больше всего, обязательно случается. Закон подлости. Больше всего в Венеции я боялась тюрьмы — и вот я здесь. В кабинете донна Сакетти меня надолго не задержали. Такое впечатление, будто дож нарочно хотел свести нас с Алессандро, чтобы посмотреть на нашу реакцию при встрече, поэтому я постаралась принять безразличный вид, уставившись на какой-то гобелен, скупо освещённый канделябром.

Дон Сакетти что-то раздражённо говорил, но я не слышала. В ушах отдавался стук сердца, а ещё меня вдруг охватил жгучий стыд от того, что Алессандро увидел меня в таком жалком положении. Вовсе не так я мечтала с ним встретиться! Но даже в моём взвинченном состоянии было заметно, что дож чем-то обеспокоен, и у них с Алессандро, похоже, был какой-то конфликт. Мне хотелось прикинуться мебелью и задержаться подольше, но дон Сакетти подал знак охраннику, и тот, схватив лапой меня за плечо, потащил в какую-то дверь. Я думала, это шкаф, оказалось — за дверью скрывался другой выход, который вёл в узкий тёмный коридор.

Второй охранник, опередив нас, снял со стены факел и пошёл впереди. Это место разительно отличалось от парадных покоев. Здесь было тесно, темно и душно. Мы гуськом поднялись по лестнице, такой узкой, что идущий впереди стражник своими плечищами почти что касался стен. Я не знала, что во Дворце дождей, блистающем позолотой и роскошными фресками, есть такие мрачные углы!

Судя по запаху и облезлой штукатурке на стенах, мы приближались к тюремным камерам. В некотором смысле удобно, когда всё рядом: и суд, и тюрьма. Меньше работы стражникам. Не успеют высохнуть чернила на твоём приговоре, как тебя протащат потайными коридорами в другое крыло, запихнут в гнилую, осклизлую камеру и выведут только для казни.

Я решила, что мне уготовано место в каком-нибудь подвале, но вместо этого мы поднялись на самый верх. Лязгнула тяжелая дубовая дверь. Меня заперли в тесной камерке с каменными стенами и маленьким зарешеченным окном. Оно выходило не на улицу, а в тёмную шахту, довольно широкую. Прижавшись носом к решётке, можно было разглядеть, что на другой стороне шахты виднеются два таких же квадратных окошка. Вероятно, там тоже были камеры. Интересно, есть ли в них кто-нибудь?

У меня вырвался вздох. Вот уже вторую ночь подряд я провожу взаперти! Кажется, это становится традицией. От страха слегка подрагивали колени. Я чувствовала себя одинокой и ужасно беспомощной — совсем одна, среди равнодушных тюремщиков и свирепых дознавателей. А если меня будут допрашивать?! От одной мысли ноги у меня подкосились, и я почти упала на деревянную скамью, которую оцупью нашла у стены. Тяжело, когда рядом нет ни одного дружеского лица. Сейчас меня осчастливило бы даже присутствие Скарпы!

Я не знала, куда его увели. Попробовала поискать его с помощью кьямата — но увы, мой дар был мёртв. Без него я чувствовала себя наполовину оглохшей и ослепшей. Поёрзав на жесткой скамье, созданной для чего угодно, кроме удобства узников, я оперлась затылком о стену и прикрыла глаза. За неимением других занятий моя память принялась прокручивать события это-

го вечера. Я до сих пор не понимала, каким образом нас схватили. Ведь мы были так осторожны!

Проникнуть во дворец оказалось несложно, особенно с помощью Бьянки. На площади вовсю шли приготовления к празднеству, в мраморном вестибюле тоже бегали слуги, таская туда-сюда разные блюда, кувшины, скатерти и подносы. С галереи доносился многослойный гул голосов, в который иногда вплетался беспечный смех. Караульный, честно старавшийся охватить взглядом всю беготню, царившую во вверенном ему помещении, мельком взглянул на грамоту, предъявленную Бьянкой. Величаво, как истинная патрицианка, она указала веером на нас со Скарпой:

— Эти двое должны были присоединиться к актёрам. Где у вас тут собираются музыканты?

Замотанный стражник мазнул по нам безразличным взглядом и, похоже, не увидел никакой опасности в разряженной, надушенной девице и карлике, ростом ей по пояс. Я поспешно поклонилась. Пусть он почувствует себя главным, людям его типа это обычно нравится.

— Вон там, дальше по коридору, — сказал караульный. — Вы легко их услышите.

Действительно, режущие слух звуки настраиваемых инструментов были слышны даже от входа. Возле высоких окон, почти в человеческий рост, собиралась группа людей в масках и блестящих накидках, расшитых мишурой. Здесь руководил (вернее, пытался руководить) энергичный тощий человек с шальными глазами, в камзоле со сбившимся воротником. Он размахивал руками, словно ветряная мельница, и пытался сотворить из окружающего хаоса некое подобие творческого процесса.

— Флейтисты! — надрывался он. — Скорее! Ваша очередь!

Около двадцати человек с флейтами и лютнями в руках должны были торжественно выйти из парадных дверей, открывая представление на площади. Артисты зашевелились. Кое-кто бросал любопытные взгляды на Скарпу. Тот важно приосанился, будто ему была уготована самая главная роль в начинающейся мистерии. Воспользовавшись суетой, я незаметно потянула его за рукав в темноту, подальше от факелов. Кивком головы показала на черную неосвещённую лестницу, уходящую наверх. Лестница вывела нас в коридор, сообщавшийся с парадной галереей на втором этаже. К этому моменту Инес уже должна была предупредить Джулию, что мы ждём её там. Вокруг талии у меня был обмотан бархатный плащ, притворявшийся верхней юбкой, а в рукаве была спрятана ещё одна маска. Попав в замок, мы приободрились и почти уверились в благополучном исходе дела. Бьянка говорила, что тех, кто выходит из дворца, никогда не досматривают строго. Дворцовую стражу больше заботила безопасность внутри замка, а не снаружи.

Когда мы поднялись наверх, Джулии в коридоре не оказалось, но мы не успели соскучиться от ожидания. Откуда ни возьмись, на нас налетели пятеро стражников. Потасовка была яростной, но недолгой. Я пустила в ход ногти, Скарпа отбивался и шипел, как разъяренный кот, но его быстро скрутили, а меня отвели в кабинет самого дона Сакетти... где прямо с порога я встретилась глазами с Алессандро.

Если бы охранник не держал меня за локоть, я бы, наверное, упала. Некоторое время я не могла отвести взгляд, жадно всматриваясь в каждую чёрточку

его лица. Выглядел он как обычно неважно — ну, то есть, как человек, которому служба не оставляла много времени для отдыха. Очень медленно он отступил в тень, чтобы поправить свечи, и я заметила, что двигался он как-то скованно. Новая рана? Резкий смешок дона Сакетти привёл меня в чувство. Алессандро издали послал мне предупреждающий взгляд, и в его глазах блеснуло отражение моей тревоги. Я поспешно уставилась в сторону с самым понурым видом, хотя сердце билось, как сумасшедшее. Наша встреча так меня потрясла, я даже забыла про дожа! Нельзя было показать ему, что нас что-то связывает, иначе мы оба пропали!

Сейчас, когда я ждала своей участи в камере, какая-то трусливая часть моей души отчаянно жаждала, чтобы Алессандро вмешался и вытащил меня отсюда. Правду говорят, что ожидание пыток хуже самих пыток. Страх выматывает. Крепче зажмурив глаза, я снова пыталась представить лицо Алессандро, надеясь, что это придаст мне храбрости.

Вдруг откуда-то снизу донёсся лязг отворяемой двери и грубые голоса. По стене заметались отсветы факелов. Вскочив, я снова прильнула лицом к решётке. Оранжевый свет высветил высокую квадратную шахту шириной около двадцати футов. По обеим её сторонам, сверху и снизу размещались несколько камер вроде моей. В середине свисала странная конструкция из веревок, закреплённых с помощью блоков.

У меня в душе зашевелилось нехорошее предчувствие.

* * *

После аудиенции у дожа трое стражников вежливо, но непреклонно проводили Алессандро до самого Понте делла Палья, где его ждала лодка с гребцами, и оставались на берегу всё время, пока он не отчалил.

«Не доверяют», — усмехнулся он про себя.

Если бы дождь был в силах, он наверняка проследил бы не только за лодкой, но и за его галерой до самого выхода из лагуны, желая убедиться, что беспокойный синьор ди Горо точно отбыл восвояси.

На площади всё ещё гудело празднество. По опыту Алессандро знал, что гуляния продолжатся до утра. Мистерия, правда, уже закончилась, он пропустил её, пока был во дворце, зато теперь посреди площади крутились огненные колёса, гимнасты строили пирамиды из своих тел, а под аркадами продавали освежающее вино и сласти. И до самого рассвета по лагуне будут дрейфовать нарядные гондолы с фонарём на корме, в которых так любят уединяться влюблённые пары. Традиции маскарада в городе были незыблемы...

Ему вспомнилось пышное яркое платье Франчески, составлявшее странный контраст с её бледным, осунувшимся лицом. Она выглядела такой потерянной, что сердце щемило. Когда стражник грубо встряхнул её, заставив поклониться дождю, Алессандро до боли сжал кулаки, чтобы не врезать этому охламону. В принципе, двух разомлевших от лени охранников, не ожидающих нападения, можно было вырубить без труда... а потом выбросить Сакетти в окно, забрать Франческу и сбежать.

Там, в кабинете, он серьёзно обдумывал эту мысль. Единственное, что его удержало — вряд ли он смог бы в одиночку вывести из дворца трёх женщин: Франческу, Бьянку и Джулию. А если с ними что-то случится, то как потом смотреть в лицо Рикардо?

Пока он колебался, пленницу увели, и удобный момент был упущен. Он

сам не заметил, когда в кабинете возникли ещё трое стражников при мечях. Значило ли это, что Сакетти его опасался? Алессандро внутренне собрался, подготовившись ко всему. Если дож разведал некоторые подробности тех событий, что потрясли Венецию прошлой весной, его тоже мог ждать арест. Запросто.

Тем временем дож по-хозяйски, с достоинством уместил себя в кресло и довольно потёр ладони:

— Как видите, мои люди тоже кое-что могут. Даже поймать «морскую ведьму»!

— Мне она не показалась опасной, — заметил Сандро с иронией.

— Ну, не скажите! Эта девушка обучалась в монастыре вместе с Джулией Граначчи, значит, кое-что смыслит в магии кьямата. По описанию она похожа на женщину, которая разыскивала дону Маньяско наутро после взрыва. Стражники взяли её во дворце вместе с карликом, ранее служившим у графа Арсаго. Понимаете, к чему я клоню?

Не дожидаясь ответа, дон Сакетти продолжил свои умозаключения:

— Тот арестованный ариминец, несомненно, был агентом Маньяско. Если помните, в прошлом году ему было предъявлено обвинение в покушении на графа Арсаго, но он сумел скрыться. Вслед за ним исчез и его сообщник, прятанный под маской шута в графском доме. О, эти двое давно замыслили злодейство! В прошлый раз им не удалось осуществить свой преступный замысел, но теперь они снова вернулись в Венецию, чтобы вредить нам!

Чем дальше Джакомо Сакетти развивал свою мысль, тем труднее было Алессандро сохранять хладнокровие. «Это же надо такое придумать! Только злокозненный мозг нашего дожа мог породить такую извилистую интригу!»

Однако, чтобы вытащить Франческу из лап судебных, прежде всего нужно было добиться встречи с ней. Желательно наедине. Поэтому он постарался не выдать своих чувств:

— Я хотел бы присутствовать на допросах, — заявил он.

Старый дож изобразил удивление:

— Мы же договорились, что ваша миссия — доставить «Анжело» с грузом на Канди и Альберино!

«Жаль, что здесь нет Рикардо!» — невольно подумал Сандро. Его друг гораздо лучше разбирался в законах и обладал невероятной способностью оборачивать их в свою пользу. Алессандро так не умел.

— Но поимка сообщницы всё меняет, — попытался он обосновать свою мысль. — Граф Арсаго мне не чужой человек. Он фактически заменил мне отца, так что его дело меня тоже касается!

В лице дон Сакетти промелькнуло что-то вроде досады. Он надолго задумался.

— Думаю, что мы можем отложить следствие, пока не получим показания дон Маньяско, — сказал он наконец. — Или хотя бы его архив. Без сомнения, дон Маньяско — истинный вдохновитель этого заговора, и в настоящий момент сложно судить, насколько остальные участники были вовлечены в его планы.

«Можно подумать, его заботит исключительно правосудие! — рассердился про себя Алессандро. — И зачем ему сдался этот Маньяско, хотел бы я знать?!»

Их дальнейший разговор ни к чему не привёл. Он напоминал пикировку, где каждая сторона пыталась как можно больше вызнать о намерениях противника и как можно меньше раскрыть свои. Добившись желаемого, Сакетти по своему обыкновению сделался мягок и велеречив. Он пожелал Алессандро успеха в поимке опасного агента и даже поднялся из кресла, чтобы выпроводить его за дверь вместе со стражниками. Алессандро прозрачно намекнул, что не нуждается в охране, но его слова были проигнорированы.

Пока его люди гребли по направлению к Сан-Николо, Алессандро обдумывал варианты спасения, один безумнее другого. Может, совершить налёт на тюрьму? Эта ночь была не самой удобной для подобного замысла. Гуляющие люди на площади и усиленные караулы несколько осложняли задачу. Зато внезапность играла ему на руку. Из курса истории Алессандро помнил два-три заговора, которые закончились крахом, так как заговорщиков выдал чей-то длинный язык или внезапно сдавшие нервы. «Львиные пасти» в Венеции действовали исправно, а Совет десяти, обогатившись нужной информацией, бросался на виновного быстро, как паурозо. Миг — и мятежники уже висят, подвешенные за ноги, на Пьяцетте. Но если он провернёт дело за одну ночь, никто просто не успеет предать!

Он вздохнул, понимая несбыточность этих мечтаний. Он располагал отрядом солдат, служивших на галере, но они присягали Республике, а не лично синьору ди Горо. Имел ли он право тащить их на штурм венецианской тюрьмы? Это вообще-то мятеж. Даже если их фантастический план увенчается успехом, все они станут в Венеции изгоями. Кроме того, у них не было средств для побега. Не на галере же уходить из города, чтобы их потом схватили в ближайшем порту!

Теперь Алессандро жалел, что он столько времени отдал, снаряжая в поход «Анжело», вместо того чтобы озаботиться покупкой лёгкого парусника. Например, бригантини. При хорошем ветре корсарские бригантини шутя уходили от тяжёлых венецианских галер, несмотря на всё искусство гребцов.

Праздничный гул, отдаваясь, звучал глуше и тише; берег постепенно таял в темноте, сливаясь с морем. Издали виднелись лишь цепочки огней на площади да высоко в небе сиял маяк Кампанилы. Золотой дворец тоже ярко светился, а сразу за ним, как помнил Алессандро, находилось низкое угрюмое здание тюрьмы Карчери, куда отвели Франческу. Поддавшись неясному искушению, он попробовал сам вызвать это странное ощущение прикосновения чужого разума к его собственному. После некоторых усилий ему показалось, что он начал различать тихое дыхание лагуны и мелочную суету её ночных обитателей, но со стороны тюремных казематов не доносилось ничего. Ни звука, ни тени мысли.

«Если у меня почти получилось с валлуко и даже с каким-то неведомым монстром из глубин, то почему я не могу связаться с Франческой? Может ли человек нарочно закрываться от чужой магии? Она настолько сердится на меня?»

Тёмная вода, потревоженная вёслами, мягко плеснула. Алессандро снова обернулся к далёкому берегу.

«Почему ты не разыскала меня? — спрашивал он, жадно пытаюсь дотянуться мыслью сквозь разделяющие их каменные стены. — Почему обратилась за

помощью к чужим людям, к Джулии, к Скарпе — о господи, к Скарпе! — но только не ко мне?!»

В ответ — тишина. Свет луны, усиленный бликами на воде, делал всё вокруг таинственным и зыбким. Глухо пробил колокол в монастыре на Кипарисовом острове, мимо которого они проплывали. Ему вторили городские колокола. Звук по воде разносился далеко...

Наконец они добрались до порта, где стояли галеры Алессандро и других командиров. Они хищно выставили вперёд заострённые шпироны, мягко покачиваясь на волнах. Три кормовых фонаря отмечали в ночи присутствие «Анжело». Он был вдвое выше галер, высотой в девяносто футов, круглобокий и крепкий.

При других обстоятельствах Алессандро был бы рад началу экспедиции. Все задержки устранены, можно ждать отлива и двигаться в путь, наконец-то! Но теперь...

Первым делом следовало найти Маттео. Оказалось, что парень сам его ждал, слоняясь возле казарм, и уже весь извёлся от нетерпения и переполняющих его новостей.

— Люди дона Сакетти были на Мираколо! — выпалил он, едва завидев своего командира. — Они забрали Джулию д'Эсте!

— Я знаю.

— Что теперь будет? — не унимался Маттео. — Её ведь не могут судить, пока не вернётся муж, правда? Может, послать известие синьору Рикардо?

— Не нужно. Ты дождёшься его и сам всё расскажешь.

От этих слов Маттео осёкся, и при свете фонаря было видно, как обиженно вытянулось его лицо:

— Но как же... мы ведь отплываем утром! Я хочу с вами!

Под суровым взглядом Алессандро он потупился и умолк. Поник, как судно с обвисшими парусами.

Чтобы сгладить обиду, Сандро дружески потрепал его по плечу:

— Дела складываются так, что мне очень нужен верный человек в Венетте, понимаешь? Дождись Рикардо. Обязательно нужно рассказать ему, что случилось. А теперь иди лучше спать.

Насчёт себя Алессандро был уверен, что не уснёт. Какой тут сон... Он прошёлся по пирсу, чтобы хоть как-то унять тревогу и лихорадочную жажду деятельности. Через час-полтора настанет время торжественной службы перед отплытием. Небо на востоке уже посветлело, утро и ночь встречались над городом, обмениваясь хмурыми кивками. От воды тянуло прохладой. Разглядывая корабли, постепенно выступавшие из темноты, Алессандро прикидывал, что даже при хорошем ветре «Анжело» дойдёт до Канди не быстрее, чем за неделю. Плюс ещё столько же на обратный путь. Две недели! За это время с Франческой могло случиться, что угодно.

С другой стороны, своим требованием отыскать фиескийца дон Сакетти развязал ему руки. Алессандро решил, что проводит «Анжело» до пролива Отранто, а дальше Реньер и Альбицци справятся сами. До Керкиры там всего день пути, переждут, если что. Если дон Маньяско действительно положил глаз на «купца», то скорее всего подстережёт их на траверзе острова Лагоста, ещё до выхода из Длинного моря. Хотя вообще-то искать в море корабль, не зная ни его точного курса, ни дня отплытия — чистейшая авантюра!

Над лагуной раскричались проснувшиеся чайки. Алессандро, вздрогнув, встряхнулся и размял плечи. После бессонной ночи его слегка знобило, а лицо горело так, будто он не сидел в городе, а целый день провёл в море под ветром. Он с усилием провел ладонями по лицу, стряхивая усталость.

«Если же Маньяско не нападёт, я разверну галеру в Отранто и произведу более тщательную разведку возле Иллирийских островов. Видно, дож не зря им интересуется. Ладно! Только я допрошу его первым. И когда я вернусь, мы с Сакетти поговорим уже на моих условиях», — подумал он, в последний раз оглянувшись в сторону Венетты. Потом, прищурив глаза, всмотрелся внимательно. К ним от города спешила какая-то лодка.

Глава 14

На галерее Золотого дворца собралась целая толпа жаждущих полюбоваться салютом. Огненные цветы распускались в тёмном небе над лагуной, освещая верхушку Кампанилы, купол церкви, расположенной неподалёку, и золотыми дорожками отражаясь в воде. Энрике Арсаго радовался вместе со всеми. На какое-то время ему даже удалось избавиться от навязчивых мыслей об отце, о его одержимости «морской магией» и постигшей его страшной судьбе.

С тех пор как они с Инес вернулись в Венетту, эти мысли преследовали его постоянно.

Вместе с остальными он восхищённо аплодировал, когда в небе с грохотом распустилась очередная «звезда», похожая на махровую астру, и в этот момент кто-то тронул его за плечо. Оказалось — капитан дворцовой стражи.

— Его светлость желает вас видеть, — сказал он, сопроводив свои слова почтительным кивком.

Энрике ощутил неприятный холодок в желудке.

— Прямо сейчас? Зачем? — спросил он, пряча за развязностью внезапно родившийся страх. Вызов к дожу посреди праздника не предвещал ничего хорошего. Хотя дон Сакетти был его тестем, Энрике не обольщался, думая, что тот постесняется бросить его в застенки, если посчитает нужным. А за ним водился один грешок...

— Подробности мне неизвестны, — признался стражник. Ему было жаль юношу, и он всегда питал глубокое уважение к покойному графу Арсаго. Кашлянув, он позволил себе заметить:

— Думается мне, это по делу того ариминского шпиона.

Спину Энрике прошиб холодный пот. Он поискал глазами Инес, чтобы взять её с собой — авось, присутствие дочери смягчит настроение дожа... Но её нигде не было видно. Это было странно. Казалось, она только что была здесь вместе с донной Бьянкой и донной Джулией...

Как бы там ни было, пришлось проследовать за стражником. В кабинет дожа Энрике вошёл, исполненный самых дурных предчувствий. Сюда не долетали отголоски праздника, царившего на Большом канале и площади Трёх Грифонов. В то время, когда весь город предавался веселью, венеттийский дож отчего-то предпочёл чахнуть в мрачном углу над чернильницей, перебирая бумаги.

— Торжество получилось просто прекрасным, — неуверенно начал Энрике, не зная, как начать разговор. — Мистерия всех просто поразила, жаль, что вы её пропустили!..

Дон Сакетти поднял глаза от бумаг, и его взгляд придавил Энрике, словно каменной плитой:

— К Хорро праздник. Собирай вещи. Будешь сопровождать «Анжело» вместе с... синьором ди Горо.

Энрике отметил, что имя Алессандро дож едва ли не выплюнул. Эти двое никогда не ладили. Сандро чересчур резок, дипломатия — не его конёк... Хорошо, что он нашёл себе дело в море, иначе нажил бы массу врагов!

Потом до него дошло, чего требовал дож, и Энрике удивился ещё больше. Сопровождать корабли? А он там зачем?! Это было неожиданно. С одной стороны, он был рад, что их разговор с Сакетти не коснулся тех тем, которые он бы предпочёл не затрагивать. С другой стороны, проболтаться полмесяца в море — это не то, чем ему хотелось бы заняться. Он не мыслил своей жизни вне города, его кипучей жизни и веселых клубных развлечений.

— Но с «Анжело» и так идут три галеры! — вырвалось у него. — Разве этого мало?

— В нынешнее беспокойное время — да, мало. Однако после взрыва на Арсенале мы всё равно не сможем отправить больше, — сказал Сакетти. — Забудь про «Анжело». Твоей задачей будет Маньяско. Его нужно схватить! Его архив не должен попасть в посторонние руки! Все бумаги привезёшь лично мне. Чтобы никто из Синьории даже близко не сунул туда свой длинный нос!

Дождь ворчливо доказывал, что все бумаги и письма покойного Маньяско должны быть подвергнуты тщательному исследованию, а Энрике, наморщив лоб, всё ещё тщился понять свою роль в этой миссии. По его мнению, для такого дела с лихвой хватило бы одного Алессандро. Синьор ди Горо — человек верный, ему можно поручить достать хоть морского дьявола — он и его притащит, причём в одиночку справится даже лучше, никто ему мешать не будет!

Зачем тогда на галере нужен он, Энрике? Вдруг его осенило:

— Вы что, не доверяете синьору ди Горо?

Дождь нехорошо усмехнулся:

— Синьор ди Горо действует в своих интересах. А мне нужен человек, который будет действовать в наших. И для этого я посылаю тебя.

Энрике слегка растерялся:

— Но, поверьте, Алессандро — надёжный человек! Мой отец всегда полагался на него, как на себя! Да, он бывает грубоват, но...

Насколько он помнил, синьор ди Горо всегда был правой рукой графа Арсаго. Энрике даже ревновал немного. При каждой встрече с отцом, натываясь на его разочарованный взгляд, он с горечью думал, что отец, вероятно, предпочёл бы иметь такого сына, как Алессандро. Решительного. Безупречно владеющего мечом. Хорошего стратега, который умел устроить засаду с двумя подручными против шестерых. Энрике нравилось жить в Венетте, но рядом с отцом он выдерживал не больше недели, потом они ссорились, и он с досадой возвращался обратно, в Патаву, где всё было как-то проще. В отличие от Сандро, им отец никогда не гордился...

Задумавшись, он не заметил, что Сакетти исподволь наблюдал за ним цепким взглядом.

— Если синьор ди Горо столь безупречен, — усмехнулся дож, — тогда почему его служба безопасности прошлой весной так и не смогла поймать Манриоло? — Его голос сочился ядом. — Что, этот проходимец обладал какой-то

особой неуловимостью? Да и с «морской ведьмой», сообщницей Манриоло, наш Алессандро явно знаком. Я нарочно устроил их встречу, так он глаз с неё не сводил!

Энрике, почти убедившийся в своей безопасности, вдруг снова почувствовал себя не в своей тарелке. Даже воздух в этом кабинете, казалось, был насыщен обвинениями, предательством и подозрениями. От горящих свечей исходил жаркий, смрадный дух.

— Граф Арсаго слишком ему доверял, — продолжал дон Сакетти. — Это он заронил в ум синьора ди Горо пагубную мысль обрести могущество с помощью магии... Может, из-за этого он и погиб!

— Нет! Алессандро никогда не пошёл бы против отца! — нашёл в себе силы возразить Энрике.

Дождь позволил себе лёгкую тень улыбки:

— Ты так думаешь? Однако синьор ди Горо вышел живым из той крипты, а твоего отца увезли на погребальной гондоле! Поразмысли об этом. Не каждому человеку можно подставлять спину.

Энрике чувствовал себя так, будто мир переворачивался с ног на голову, и всё, что раньше казалось прямым и честным, теперь представлялось лживым и полным опасностей. Пока он пытался заново осознать себя в этой реальности, дождь барабанил пальцами по столу и машинально поигрывал крышкой тяжелой бронзовой чернильницы:

— Синьору ди Горо не обязательно возвращаться в Венецию, — тихо, но веско сказал он. — Морские пути коварны, дон Маньяско — опасный противник... Понимаешь, к чему я клоню?

Крышка чернильницы захлопнулась с резким звуком, как выстрел. Энрике вздрогнул. Неужели дон Сакетти имел в виду... Тем временем дождь нетерпеливо подтолкнул его:

— Собирайся, но быстро. Тебя проводят. Барка уже готова. Вот твой паспорт. Ты поедешь как уполномоченный представитель Светлейшей Республики. С этими полномочиями ты имеешь право отдавать приказы хоть Реньеру, хоть Альбицци, хоть самому ди Горо. Ясно?

«Всё выглядит так, будто меня отправляют в ссылку», — подумал Энрике.

— Я могу попрощаться с Инес? — спросил он, пытаюсь изобразить улыбку. Но вместо неё получилась только жалкая гримаса.

На лице Сакетти не дрогнул ни один мускул. Он был мрачен, как надгробие:

— Я прощаюсь с ней за тебя. Корабли отходят с рассветом, так что поторопись.

Как в дурмане, Энрике двинулся к двери. Потянулся распахнуть её... и вдруг столкнулся со стражником в бело-зелёной форме, беспардонно ввалившимся внутрь.

— Это что ещё такое?! — рявкнул дождь.

Запыхавшийся страж порядка только молча открывал рот, тараща круглые глаза. Видно, какое-то событие лишило его дара речи:

— Там... на площади... это... оно...

Энрике с вопросом оглянулся на дождя. Тот медленно багровел лицом. Как будто гнев, давно зревший в нём, наконец-то нашёл себе выход. Резко поднявшись и оттолкнув их обоих с пути, дон Сакетти стремительно вышел наружу.

* * *

Факелы стражников осветили каменный колодец, стены которого внизу были тёмными от копоти. Сквозь решётчатое окно я увидела внизу фигурки вошедших людей. Первым появился могучий, плечистый человек в кожаном переднике, один вид которого вызывал очень тревожные ассоциации. Следом появился его подручный, который сразу же принялся раздувать угли в жаровне, а потом отошёл к стене, чтобы проверить какие-то рычаги.

Моё сердце затрепыхалось от страха, когда двое стражников привели Скарпу. Один из них пинком отправил карлика в центр площадки и велел ему раздеваться. Когда с бывшего шута стянули рубаху, я смущённо отвернулась, отпрянув от стены. Скарпа отнюдь не был похож на атлета, из тех, чьи фигуры украшали наши портики и балконы. Это была обычная, незащитная нагота искалеченного природой человека. Его бледная кожа блестела в свете факелов.

Его первый крик обжёг меня, как кнутом. Изнутри всё тело прошило болью. Ни за что на свете я не осмелилась бы выглянуть сейчас в то окошко, но по какой-то причине — то ли от страха, то ли от безумного желания ощутить рядом сочувствующую душу — дар кьямата вернулся ко мне с прежней силой! Так что весь боль и страх Скарпы я почувствовала как свои.

Очевидно, приспособление из верёвок, свисавших в центре шахты, было чем-то вроде дыбы. Меня замутило от запаха человеческого пота и горячего железа. Я зажмурилась и закрыла ладонями уши, но никуда не могла спрятаться от ощущений. Внизу палачи проделывали со Скарпой что-то такое, чего ни один человек не имеет права делать с другим живым существом. Даже с пескаторо!

«Боже мой! Алессандро, Бьянка, кто-нибудь, заберите меня отсюда!»

Вдруг сквозь пелену боли и страха до моего слуха донеслись отрывистые выкрики:

— Дьявол! Он меня укусил!

— Как он выскользнул?!

Я дрожащими пальцами схватилась за решётку. В скудном свете было видно, как болтается внизу пустая верёвка. Стражники, лениво караулившие у дверей, схватились за мечи. Карлик куда-то исчез — вероятно, ускользнул в один из тёмных неосвещённых углов.

Если он использовал превращение... Я обрадовалась, но потом испугалась: «Скарпа, нет!» Если стража опознает в нём оборотня — нам крышка!

Пока солдаты, выхватив мечи, собирались изловить слишком шустрого пленника, подручный палача шумно жаловался, показывая пострадавшую руку:

— Он мне чуть палец не откусил! Ты глянь!

— Бреешь! — пожимал плечами палач. В решающий момент он, похоже, занимался рычагами у стены и не заметил манёвра Скарпы.

— Да никуда он не денется! — слышался весёлый басок одного из стражников. — Вон он, в угол забился!

В его голосе слышалось превосходство здорового мужика, вооружённого мечом, перед голым незащитным карликом, съёжившимся в ненадёжном укрытии. Мне почти захотелось, чтобы Скарпа откусил ему что-нибудь! Но...

Не окажись здесь стражников, у пескаторо был бы шанс сбежать. Однако

четверо вооружённых мужчин — это слишком много для одного оборотня! А сколько их ещё торчит за дверью? Нет, таким способом ему не выбраться!

Словно в ответ на мои мысли дверь вдруг со скрежетом распахнулась, впус­тив ещё одного человека в форме дворцовой стражи. Сквозь грохот сердца в ушах я не сразу расслышала:

— Приказ... все на двор! Срочно!

— А с этим что? — спросил палач, указывая на пленника.

— Ну, запирайте в камере! Куда он денется?

Стонущего шута волоком протащили к одной из каменных каморок внизу, втокнули внутрь, заперли дверь и быстро ушли. Факелы они забрали с собой. Темнота упала так внезапно, что сначала мне показалось, будто я ослепла от ужаса. Это было бы даже к лучшему! Разум отказывался представить, что случится, когда стражники вспомнят обо мне, и в том страшном колодце вместо Скарпы окажусь уже я.

Меня мучило не только от страха, но и от осознания собственной трусости. Мне хотелось заранее попросить прощения у Джулии и Алессандро... Я не выдержу! Несомненно, как только эти, внизу возьмутся за меня всерьёз, я им выложу всё и о нашем с Джулией плане, и о моей мести дону Арсаго, и об участии Алессандро в моём спасении...

Было страшно и тошно от отвращения к самой себе.

* * *

Бьянка весь вечер была сама не своя. Куда, сожри её Хорро, провалилась эта вертихвостка, Франческа? Сидя рядом с Джоанной, она видела, как Джулия во время фейерверка ушла куда-то вместе с Инес, но вскоре вернулась. Бьянка сторала от желания поговорить с ней, но Джоанна не отходила от неё ни на шаг. Её трескучая болтовня и в обычные дни вызывала у Бьянки зубовный скрежет и головную боль, а сейчас она вообще с трудом удерживалась от желания схватить веер и запихнуть ей в рот. Три раза она делала вид, что ей нужно отлучиться в уборную, и под этим предлогом бегала проверить пустынный коридор, выходящий на одну из лестниц Золотого дворца. Никого, пусто. Где же Франческа?

«Может, она решила сбежать в одиночку?» — мелькнула нехорошая мысль. Да нет, не похоже... Раз уж она решилась подменить подругу в волчьем логове дона Арсаго в прошлом году, то и сейчас не бросила бы её в Золотом дворце!

Бьянка подумала, что по сравнению с графом Арсаго нынешний дож был больше похож на шакала. Любит таскать каштаны из огня чужими руками... Дон Сакетти, кстати, тоже почтил своим присутствием только официальную часть праздника, а потом бесследно исчез. Это наводило на подозрения. Что происходит?!

Под утро веселье пошло на спад. После ужина большинство патрициев и нарядных дам в масках переместились на площадь, где можно было вдосталь пофлиртовать под аркадами, потанцевать или прокатиться в закрытой гондоле. На галерее, откуда виднелись колонны Пьяцетты, остались немногие. Донна Джоанна, разумеется, была здесь. В углу стоял доктор Фалетрус, беседуя с пожилым сенатором синьором Санфермо, ради праздника нарядившимся в фиолетовый атлас, затканый серебром. Из внутренних комнат дворца вперевалку вышла Джулия, бледная, с тёмными подглазьями на лице.

«Пора уводить её отсюда, — решила Бьянка. — Не в её положении целую

ночь проводить на ногах!»

Только сейчас бросалось в глаза, насколько похожи были Джулия с Франческой. Прямо сказать, для двух совершенно чужих девушек это было необычайное сходство! Даже теперь, когда лицо Джулии расплнело из-за беременности и утратило нежный румянец, её большие глаза, линии носа и полных губ напоминали Франческу.

— Дон Сакетти распорядился, чтобы Джулию разместили в комнатах матери, — вдруг негромко прозвучало над ухом. — Я помогу тебе.

Бьянка вздрогнула и отшатнулась: Инес! До чего же тихо она подкрадывается! Ходит бесшумно, как кошка.

— Я не сказала отцу, что ты хотела помочь ей сбежать, — добавила девушка с лёгким неодобрением в голосе. — Сделала вид, что просто подслушала чей-то разговор на галерее. Но ты должна понимать, как это серьёзно!

Бьянка воззрилась на неё с немым изумлением:

— Что ты сказала? Ты рассказала дону Сакетти?!

«Значит, это из-за неё всё сорвалось. Но почему?!» — не могла понять Бьянка. От Инес она никак не ожидала такого предательства! Та всегда казалась немного чужой в собственной семье. Не вмешивалась в интриги отца, держалась в стороне от беспутных походов донны Джоанны, о которых знало полгорода...

Бьянка никак не ждала от неё такой подлости:

— Ты воображаешь, что они сделают с Франческой?!

Сзади послышался короткий вскрик. Оказалось, что Джулия успела подойти к ним и слышала каждое слово.

— Как? — воскликнула она. — Франческа здесь?

— Она тебя искала. Я хотела, чтобы вы уехали вместе, — была вынуждена признаться Бьянка.

Джулия перевела гневный взгляд на Инес, которая держалась абсолютно спокойно, с холодным достоинством:

— Я предотвратила похищение Джулии! — отчеканила она. — Или ещё что похуже! Та девица — сообщница господина Манриоло, и она замешана в заговоре!

— Это Манриоло, что ли, заговорщик? — снова изумилась Бьянка. Она, конечно, плохо знала слугу Роберто д'Эсте, но была наслышана о нём. Манриоло — гаер, ловкач и трепло, которому никто не доверил бы даже украсть горшок на базаре! Какой из него заговорщик?

— Кдохлым рыбам твой заговор! — завопила разъярённая Джулия, так что немногие присутствующие на галерее вздрогнули и стали оглядываться на них. — Франческа — моя сестра! Как ты смеешь говорить о ней такое!

Бьянка заволновалась. Допустим, пять минут назад она и сама подозревала нечто подобное, но считала, что незачем было делиться семейными тайнами со всей Венеттой! Она поспешно обняла дрожащую от ярости золовку за плечи:

— Успокойся, дорогая, дыши глубже! Тебе нельзя напрягаться!

Куда там, Джулию уже было не остановить! Даже Рикардо иногда отступал перед гневом сестры, убегая «по делам», чтобы дать ей возможность выпустить пар и пошвыряться вещами, пока не остынет. Инес тоже, слегка растерявшись, отступила перед её натиском:

— Твоя... сестра?

Джулия, презрительно рассмеявшись, стряхнула руку Бьянки с плеча:

— И не только моя, чтоб ты знала! Ты что, не замечала, как они похожи с Энрике?

Бьянка так и замерла на месте. Инес, сглотнув, могла только выдавить:

— Энрике?..

— Не слушай её! Она просто переутомилась! — всполошилась Бьянка, у которой все внутренности свело от страха. Матерь божья, эта безумная девчонка погубит их всех!

Джулия не обратила на неё никакого внимания, приблизив своё лицо вплотную к расширенным глазам и бледным губам Инес:

— Ну и как ты признаешься своему драгоценному супругу, что отправила его сестрицу прямиком в Карчери? — издевательски прошипела она. — Ах да, ведь наш мудрый дож выслал его из города... Отправил сопровождать эскадру. Очень умно! Именно сейчас, когда живущие-под-волнами ещё не забыли того оскорбления, что нанёс им дон Арсаго... Как ты думаешь, много ли шансов, что твой Энрике вернётся обратно?

Инес отшатнулась, побледнев, как человек, получивший смертельную рану. Бьянка хотела вмешаться, как-то утихомирить этих двух сумасшедших, но опоздала. Джулия вдруг схватилась за живот и прикусила губу, как от боли. Инес тем временем бросилась к высоким окнам, за которыми расстилалась панорама лагуны. Над Пьяцеттой медленно занималось утро. На верхушке одной из колонн каменный грифон, словно разбуженный солнцем, вдруг встрепенулся. Покрутил шеей. Развернул крылья, будто заново вспоминая привычные, отработанные веками движения. А потом слетел вниз, распугав стаю нахальных голубей. В воздух с гвалтом поднялась туча птиц.

То, что на площади что-то происходит, Бьянка, занятая Джулией, сообразила по крикам, доносившимся с улицы. Люди заметались, прячась под галереями Прокураций или убегая к Дворцу, под защиту стражи. Стражники оцетинились алебардами. Правда, оружие в их руках слегка дрожало, а на лицах читалось горячее желание оказаться подальше отсюда, лучше всего — на другом конце города.

Люди не могли поверить своим глазам. Грифон, неуклюже развернувшись, чиркнул когтями по брусчатке. Из-под мощных лап брызнули осколки камней.

На восточной галерее Дворца тоже поднялась сумятица. Все бросились к окнам, возбуждённо восклицая и ахая, только Инес казалась застывшей, будто неживой. Убедившись, что Джулия вроде бы не собирается терять сознание, Бьянка тоже захотела посмотреть, что там, но золовка вдруг схватила её за руку:

— Ой, Бьянка! — сказала она жалобным, не похожим на неё голосом. — Что-то мне совсем нехорошо!

«Как же всё это не вовремя!» — мысленно простонала Бьянка, не зная, куда кинуться: то ли поговорить с Инес, чтобы та не вздумала поделиться новыми сведениями с отцом, то ли искать помощь для Джулии.

В этот момент на галерею, подобно золотому вихрю, влетел дон Сакетти, весь в блеске парчового одеяния. Люди сразу притихли и расступились, чтобы дож смог лично увидеть непотребство, творившееся на Пьяцетте. Фалетрус,

случайно оказавшийся рядом с дожем, задумчиво покачал головой:

— Не к добру это, — глубокомысленно сказал он. — Плохое предзнаменование.

Тяжело взмахнув широченными крыльями, грифон взял разбег (при этом над площадью пронёсся общий вздох ужаса), взлетел и вскоре растаял в светящем небе.

Глава 15

Не помню, сколько времени я просидела, уткнувшись лбом в колени. Постепенно темнота передо мной посветлела. То ли настал рассвет, то ли мои глаза понемногу свыклись с тюремным мраком. Давящая тишина была невыносимой.

«Скарпа...» — не выдержала я. В ответ получила яркую мысле-картину: «Мне и без тебя хреново, отстань».

«Спасибо, что не выдал Джулию и Алессандро».

Я понимала, конечно, что «спасибо» — слишком слабая благодарность в такой ситуации.

«Они мне зла не делали», — всё-таки пробурчал пескаторо спустя некоторое время. Значит, его тоже давило одиночество. Пока мы разговаривали, страх перед будущими пытками и осознание безнадёжности нашего положения как-то рассеивались. Не утерпев, он спросил: «Значит, дар к тебе всё же вернулся?»

«Не уверена, что это к добру!» — воскликнула я, с содроганием вспомнив букет ощущений, который недавно получила благодаря этому дару.

Скарпа едко захихикал: «Что, понравилось зрелище? Погоди, ещё не так развлечёшься!»

Как он мог даже подумать, будто вид чьих-то пыток может вызвать у меня интерес! Скорее всего, просто ехидничал по обыкновению.

«Прекрати!» — отрезала я. К моему удивлению, пескаторо послушно заткнулся.

...Он мог сто раз сбежать, когда Бьянка везла нас к Пьяцетте, — вдруг подумала я. — Да и в доме Граначчи за ним не слишком следили. В отличие от меня, пескаторо был не обязан рисковать собой и спасти Джулию из Дворца дожей.

«Почему же ты не сбежал?»

«Ну, сплеховал, — хмыкнул Скарпа. — Знаешь, я пришёл к мысли, что если твоя жизнь не нужна тебе, обязательно найдётся кто-то, кто захочет использовать её вместо тебя. Здешние камеры вообще способствуют размышлениям».

Мне казалось, за его бравадой скрывалось другое. Просто Скарпа слишком долго был человеком. Это рыба в лагуне может жить сама по себе. Человек, как правило, живёт для кого-то.

Вместе с даром ко мне вернулась решимость. Хватит киснуть! Меня ещё рано списывать со счетов!

«У меня есть идея. Кажется, я смогу тебе помочь».

Камера пескаторо находилась на другой стороне, на один этаж ниже моей. Я чувствовала, как он сидит там, баюкая повреждённую руку и ёжась от сырости. Очевидно, дно шахты было ниже уровня воды. Я пыталась вспомнить долгий путь по сплетению коридоров, чтобы хотя бы примерно представить

расположение камер. Интересно, далеко ли мы от канала?

«В твоей комнате есть окно? Оно выходит на улицу?»

Моя собственная камера находилась в глубине здания, и единственное окошко из неё вело в тот ужасный пыточный колодец.

— Да! Есть окошко! Под самым потолком!

От волнения Скарпа заговорил вслух, но это было неважно. Всё равно нас некому было подслушать.

«Значит, прямо за той стеной находится канал! Ты чувствуешь воду?»

Через некоторое время (очевидно, Скарпа принюхивался) он послал мне такой поток недовольства, что я ойкнула, как от щипка:

— Теперь чую, и это бесит! Как мне до неё добраться?! Я всего лишь рыба, а не буровой механизм!

«Найди в камере самый сырой угол», — посоветовала я, пытаюсь говорить спокойно.

— Ну, нашёл, — отозвался пескаторо с возрастающим интересом. — И что дальше? Ты снесёшь эту стенку силой мысли?

«Нет! Но я знаю, кто может!»

Дар кьямата ярко горел во мне. Согривал. Придавал немного отваги. Я не подумала даже, что моё положение только ухудшится, если Скарпа сбежит. Меня грела мысль, что можно хоть так восторжествовать над извергами-палачами. А ещё — отплатить пескатору добром за добро.

Я отчётливо представила тёмную прохладу канала, с крупитчатым илом и мягким дном. Мысленно скользнула в зеленую воду, словно запустила руки в ларец с сокровищами. «Только не забывай о Манриоло!» — строго напомнила я себе. Нельзя было позволить магии взять над собой верх, забыть о мерах предосторожности и истощить чужой разум...

Твёрдо пообещав себе это, я позвала Кариту.

* * *

Дон Сакетти в тишине своего кабинета перебирал дела, намеченные на день. В окна заглядывало приветливое утро. Кабинет дожа выходил на рио делла Палья — тихий узкий канал позади Золотого дворца. Отсюда открывался умиротворяющий вид на новую тюрьму Карчери. За спинкой кресла почтительно маялся секретарь, синьор Лопарини, поправляя висевшую на шее доску для писания — с чернильницей, пучком перьев и кипой бумаг. Синьор Лопарини считал своим долгом заносить на бумагу чуть ли не каждое слово, сказанное патроном. Странная привычка, учитывая, что его память была похожа на отлично организованную картотеку и никогда не давала сбоя.

Дождь размышлял. Сегодня с утра он уже сбросил с плеч одну проблему: после торжественной мессы, под звуки почётных труб «Анжело» и три сопровождающие его галеры отбыли наконец из порта Сан-Николос к островам Канди и Керкире. Это внушало надежду, что синьор ди Горо больше не будет докучать ему своими докладами, а заодно, глядишь, решится вопрос и с Маньяско... Дождь с неудовольствием бросил взгляд на осквернённый шкаф-кабинет.

— Сегодня же вызови мастера, — бросил он секретарю. Краснодеревщик клятвенно обещал, что взломать его замки невозможно, а Сакетти не любил самоуверенных людей, чьё бахвальство не подкреплялось делом.

Синьор Лопарини кивнул и сделал пометки в бумагах.

Допрос Джулии д'Эсте, супруги ариминского купца, опять пришлось отло-

жить, на сей раз из-за того, что глупой девчонке приспичило родить чуть ли не во время праздника. Впрочем, подробнее расспросив Инес, дон Сакетти уже более-менее получил представление об этом деле. На первый взгляд, этот «бабий заговор» не стоил выеденного яйца. Вертихвостка Джулия, испугавшись графа Арсаго и возмечтав вместо свадьбы с Энрике сбежать с любовником, подговорила свою монастырскую подружку заменить её в Венетте на пару недель, используя их необычное сходство. За такую проделку обеих девчонок следовало бы высечь, но эту задачу можно перевесить на Рикардо Граначчи, когда он вернётся (пусть, в самом деле, сам разбирается со своей сестрицей!) Вот только одна деталь... Девушка, подменившая Джулию, имела связь с агентом Фиески и была ярко одарённой кьямати, что позволило ей втереться в доверие к дону Арсаго.

Дело Франчески нервировало дона Сакетти, как заноза под ногтем. Магия — это такая вещь, что и взять под контроль невозможно, и упустить нельзя. Что случилось вчера на Пьяцетте? Стоило прикрыть глаза, как перед внутренним зрением снова появлялась нелепо пустая колонна... без грифона. Колдовство? Или массовое помешательство? Или наказание за грехи, как не преминул заметить господин главный инквизитор?

Чтобы не сеять тревогу в городе, Сакетти поручил распусть слух, будто статуя обрушилась из-за порыва ветра. На виду у всех от Мола отошла барка, нагруженная обломками камней. Однако волнения не утихали. Во взгляде второго грифона, который пока что не собирался покидать насиженное место, всем мерещилась нехорошая усмешка.

Имела ли отношение к происшествию эта ведьма, Франческа? А тот странный случай с подручным палача? Тоже она?

Среди бумаг, скопившихся на столе, перед дожем лежал протокол беседы с неким Бьяджо, работавшим в камере пыток, который проводил вчера допрос одного из пойманных агентов. Прочитав этот опус, Сакетти поначалу решил, что парень перегрелся, трудясь у жаровни. Согласно его показаниям, в какой-то момент вместо лица пленника ему почудилась рыба пасть, клацнувшая зубами в дюйме от его носа, и пока несчастный Бьяджо пытался прийти в себя от шока, скользкий пленник вывернулся из пут и едва не сбежал.

Что могут означать эти бредни? Нерадивость охранников или опять колдовство?

Тем временем синьор Лопарини переминался с ноги на ногу, не решаясь нарушить размышления патрона. Наконец, откашлявшись, он заметил:

— Вы хотели отдать распоряжения насчёт двух агентов, пойманных вчера на празднике.

— Да, — поморщился дож. — Этого карлика удавить в камере. Сегодня же ночью. Без шума.

— А девушку?

Дон Сакетти с трудом удержался от вздоха. С тоской посмотрел на художественно исполненную карту города, висевшую на стене. Ту самую карту, которую год назад дон Арсаго принял в дар от господина Манриоло. После смерти графа дон Сакетти незаметно прибрал её к рукам. Карты всегда его успокаивали. Они создавали иллюзию контроля. Однако с того дня, когда в эту комнату и в шкаф-кабинет вторгся вор, дож чувствовал, что контроль над ситуацией всё чаще уплывает из его рук.

Месяц назад он бы попытался привлечь «морскую ведьму» на свою сторону. Если даже Фиеска так делает, почему им нельзя? Люди с даром кьямата могут быть незаменимы, когда нужно незаметно проникнуть на вражеский корабль или пробраться в закрытый порт, перегороженный цепью. Он бы не поддался магии, как несчастный граф Арсаго! В отличие от него, Сакетти не стал бы зарываться. Мелкие шпионские поручения — вот максимум, что можно доверить Франческе и ей подобным.

Но теперь, после случая на Пьяцетте ему не хотелось и этого. Маги — самые ненадёжные союзники и самые опасные враги, если дело дойдёт до драки. Больше всего ему хотелось бы задушить проклятую ведьму в камере вместе с её сообщником!

Однако был ещё синьор ди Горо, который тоже представлял нешуточную опасность, тем более что в городе его любили и считали героем. Почему он так оживился в присутствии этой девчонки? Может, придержать её, как козырь, до его возвращения? Заодно это усмирит скандалистку Джулию д'Эсте, которая вчера подняла такой шум, что он трижды проклял тот день, когда решил забрать её с острова Мираколо. Надо было просто запереть её в монастыре под стражей! Он бы с удовольствием бросил её в соседнюю камеру с подружкой, но тогда против него ополчатся все патрицианки Венетты. Женщины становятся словно помешанными, когда речь идет о младенцах, а новорожденная девчонка вопила в покоях дворца ещё громче, чем её мамаша. Дон Сакетти ограничился тем, что отвёл им комнаты в самом дальнем крыле, приставил охрану и запретил покидать дворец. Ничего, Джоанна последит за девкой до тех пор, пока не вернётся её супруг. От жены он узнал, что юная нахалка назвала дочь Франческой, и это тоже неприятно кольнуло.

Дождь устало потёр руками виски. От резких криков чаек, кружившихся над крышами и каналами, у него разболелась голова.

Тем временем секретарь терпеливо ждал, пока его патрон соберётся с мыслями. Ему нравилась его работа. Помимо приличного жалованья, она давала обширную пищу его наблюдательности. Синьор Лопарини любил наблюдать за людьми. Взять, к примеру, дона Сакетти. Интересное лицо. В близко посаженных глазах видна хитрость, в спинке носа — некоторое коварство, но есть и решительность — в твёрдых линиях рта и подбородка. В нём словно соединялись несколько лиц, пытавшихся ужиться вместе. «Наверное, таким и должен быть дож, — подумал Лопарини. — Ведь ему постоянно приходится уравнивать противоборствующие партии или гильдии, соперничающие друг с другом...»

Наконец, его патрон вздохнул и как будто очнулся от дум:

— Девчонку пока не трогать, — сквозь зубы процедил он.

* * *

Одна из самых удивительных карт Венеции была нарисована в 1500 году графиком и живописцем Якопо де Барбари. Она настолько точна и детальна, что это кажется невероятным для того времени. Барбари изобразил город словно с высоты птичьего полёта, указав каждую, самую маленькую церквушку и площадь. Люди до сих пор не могут толком понять, как он смог так подробно изучить город и нарисовать его в такой удачной перспективе.

Глава 16

В дальнем крыле Золотого дворца пахло тревогой. Утренняя суета, всегда сопровождающая появление на свет нового человека, давно улеглась, но запах тревоги никуда не делся. Бьянка, сидя в кресле, укачивала малышку. Джулия спала, скрытая нежно-зелёным пологом кровати.

Золотисто-розовое небо за окном постепенно тускнело. Мягкий свет скользил по пастельным фрескам на стенах, по шёлковым занавесям. И всё же, несмотря на эту роскошь, несмотря на фрески, резьбу и мягкий восточный ковёр, постеленный на полу, Бьянке эта комната казалась тюрьмой. Комфортабельной, очень удобной тюрьмой для молодой матери с младенцем.

В коридоре дежурил стражник. В дверь с утра то и дело совался секретарь дона Сакетти — невзрачный, невысокий человек с писчей доской на шее, от которого за пол-лиги несло доносительством. Бьянка поморщилась, пытаясь вспомнить его имя. Он задавал ей какие-то вопросы, она отвечала невпопад, потому что Джулия постоянно звала её к себе и вообще вопила как кошка, которой прищемили хвост. Хотя родила она очень легко, по словам Джоанны, «будто чихнуть отвернулась». Не успел отзвонить Марангона на площади, возвещая начало нового рабочего дня, а повитуха уже приняла крошечную девочку — всю красную, сморщенную и горластую, как стая чаек на Рыбном рынке.

Бьянка осторожно пошевелилась в кресле, чтобы не разбудить девчонку, расправила складки юбки. Комната располагалась на самом верхнем этаже дворца, и летом здесь было душно, особенно по вечерам. Бьянке очень хотелось умыться и переменить одежду. Она так и ходила в тяжёлом парадном платье, оставшемся со вчерашнего праздника, но все служанки куда-то исчезли, прибрал комнату и прихватив с собой тазы и кувшины.

Съездить домой и оставить Джулию одну она боялась. Когда донна Джоанна, приторно улыбаясь, протянула ей дочь и спросила, какое имя они придумали для ребёнка, Джулия, с вызовом вскинув голову, ответила:

— Франческа.

Тогда Бьянка впервые ощутила тревогу и напряжение, разлитое в воздухе. Намерения Джулии были ясны как день — ей хотелось хоть так защитить подругу. Вскоре она уснула, так как её знобило, и Фалетрус разрешил дать ей немного макового отвара, чтобы её успокоить. За весь день она просыпалась два раза, и сразу же звала Бьянку. Ей было страшно среди чужих.

«Такая маленькая!» — думала Бьянка, баюкая племянницу с каким-то новым тёплым чувством. Спящая девочка легко умещалась на сгибе локтя. У них с Рикардо детей пока не было. Интересно, обрадовался бы он дочери? Или был бы разочарован? Сын — другое дело, сын — это наследник, которого можно со временем приобщить к делам. От дочерей только лишние хлопоты, и Джулия — яркий тому пример! Из-за глупого легкомыслия взять и поставить всю семью под угрозу!

Малышка завозилась у неё на руках, на миг приоткрыв глаза. Как у всех младенцев, личико у неё было ещё неоформившееся, в красных пятнах. Но глаза — золотисто-карие, яркие. Почти как у той Франчески.

«Для всех нас будет лучше, если она без шума сгинет в тюрьме», — отстранённо подумала Бьянка.

Она влезла в дом Граначчи обманом! Лгала Рикардо, лгала донне Ассунте... Но вместе с тем она чуть не погибла от руки наёмного убийцы — вместо Джулии, а ещё чуть не стала жертвой морских чудовищ — тоже вместо Джулии.

Этот долг так просто не спишешь. Да, иногда старый долг можно похоронить в счётных книгах, спрятать незаметно под новыми столбиками цифр... Бьянка, будучи дочерью и внучкой купцов, научилась проделывать это в совершенстве. Только как забыть, если перед глазами у них всегда будет живое напоминание о предательстве?

Она так погрузилась в размышления, что не расслышала тихий стук в дверь. В комнате, бесшумно ступая по ковру, появилась Инес с тарелкой винограда в руках.

— Спит? — спросила она шёпотом. Бьянка кивнула.

Инес вся дышала свежестью и была похожа на фею весны в голубом платье с квадратным вырезом, с золотистыми волосами, убранными в жемчужную сетку. Её глаза цветом тоже напоминали зеленый прозрачный виноград. Бьянке стало неловко за свой неприбранный вид и неприятно при виде подруги. Вчерашний поступок Инес глубоко её поразил. Оказалось, что за её фарфоровой внешностью таился глубокий тёмный омут, и Бьянка знала, что теперь будет постоянно ощущать его ледяное дыхание. Дружба через прощение — это уже не то, что просто дружба.

Поставив блюдо поближе к кровати, Инес присела на ларь у стены. Под её глазами залегли голубоватые тени.

— Это правда? — тихо спросила она. — То, что Джулия говорила вчера о себе и Энрике?

«Энрике! Вечно этот Энрике! — со злостью подумала Бьянка. — Эта курица вообще о чём-нибудь может думать, кроме своего мужа?!»

У неё было неоспоримое доказательство слов Джулии, но она колебалась, заслуживает ли Инес такой откровенности. Хотя донне Беатрисе Граначчи огласка уже ничем не могла повредить, и дон Арсаго тоже больше года покоился в могиле... Все участники той старой драмы умерли. А сейчас важнее было спасти живых, чем оберегать репутацию мёртвых.

Вынув из-за корсажа письмо, она протянула его Инес.

— Вот, прочти. Донна Граначчи написала это Джулии, когда та жила в монастыре, а граф Арсаго не давал ей покоя, желая устроить помолвку её дочери с Энрике.

Инес зажгла свечи в бронзовом канделябре, потом жадно пробежала письмо глазами. Судя по тому, как долго она над ним сидела, письмо было перечитано не один раз. Бьянка успела переложить спящего ребёнка на другое плечо, чтобы дать отдых затёкшей руке.

— Значит, Джулия не могла выйти за него, так как они родственники, — задумчиво проговорила Инес, медленно складывая письмо. — Но почему она ему ничего не сказала?! Неужели донна Беатриса так боялась огласки, что...

«Если бы ревность не запудрила тебе мозги, ты бы сама догадалась!» — зло подумала Бьянка. Пришлось объяснить:

— Потому что Дону Арсаго было плевать на невестку, ему нужна была магичка кямата в своей семье! Если бы он узнал, что у него есть дочь, владеющая магией — тут же прибрал бы её к рукам и без всякой свадьбы!

Глаза Инес предостерегающе сверкнули:

— Грех говорить так о мёртвых! Тем более, об отце моего мужа!

— Ой, да брось! Ты сама его боялась! — гневным шёпотом отрезала Бьянка. — И правильно делала, между прочим! Я не говорю, что у него вовсе не было достоинств, но он был так одержим магией, что убил в себе всё живое!

Инес отвернулась:

— Энрике так не считает...

— Твой Энрике всю жизнь обожествлял отца! Пора бы ему повзростеть. Ему пойдёт только на пользу, когда он поймёт, что не обязан кроить себя по отцовским лекалам!

Между ними снова повисло молчание. Занавески на окне слегка шевелились от сквозняка. Бьянка устало подумала, что ей давно пора вернуться домой. Скоро должен приехать Рикардо, а слуги становятся так нерадивы без хозяйского глаза...

В коридоре раздался лязг — кто-то уронил алебарду. Послышался хохот стражников. Инес вся передёрнулась.

— Мне жаль. Что теперь будет с Франческой? — спросила она.

«О, святая простота! — усмехнулась про себя Бьянка. — Бывают же люди, которым кажется, что достаточно сказать „мне жаль“, и ситуация волшебным образом исправится, всё вернётся на круги своя. Что будет с Франческой! Откуда я знаю?!» Ей хотелось съязвить, что об этом следовало раньше подумать. Но, взглянув в подавленное лицо подруги, она предпочла промолчать.

* * *

День в заключении тянулся нестерпимо долго. Мне всё же удалось докричаться до Кариты, хотя поначалу она встретила мои извинения настороженным молчанием, а в ответ на просьбу спасти Скарпу фыркнула и вообще пропала на пару часов. Я была настойчива. От усилий у меня заныли виски, когда паурозо наконец милостиво согласилась: «Хорошо, я помогу ему, только отстань!»

В нижней части фундамента каменная кладка отсырела и кое-где раскрошилась, так как во время приливов эта часть здания скрывалась под водой. Выбрав самый сырой угол, Карита попыталась расшатать и выломать отсыревшие камни. Скарпа изнутри помогал изо всех сил. На то, чтобы справиться с первым булыжником, ушло три часа. Мы приуныли. Однако со вторым и третьим камнем дело пошло легче.

Я не хотела надоедать друзьям постоянными вопросами «Ну как? Сколько ещё удалось вытащить?», поэтому просто пыталась следить за их настроением. Это так увлекло, что скрежет ключа в двери прозвучал для меня словно гром среди ясного неба. Я подумала, что меня собираются тащить на допрос, и у меня чуть не отнялись ноги от ужаса. К счастью, это оказался всего лишь тюремщик, который принёс миску засохшей поленты и тощий тьюфяк.

Понюхав еду, я скривилась: от миски пахло ещё хуже, чем на заднем дворе у трактирщика Бонифачо! Мне нужны были силы, поэтому я попыталась проглотить несколько ложек застывшей бурды, но то ли пища была слишком грубой, то ли мой желудок весь ссохся от страха, но поесть так и не удалось. Тьюфяк тоже порядком вонял и был весь в подозрительных пятнах. В общем, я решила, что лучше посплю на голых досках, благо ночи стояли тёплые, да и бархатный плащ, предназначенный для Джулии, остался при мне.

Сразу после ухода тюремщика я послала мысленное предупреждение Скар-

пе, чтобы он спрятал следы подкопа, однако к нему никто не зашёл. Это настояживало. Если стража считает, что заключённый не нуждается в пище и питье, то какой приговор ему уготован? Сразу вспомнились слухи о тюремных «ночных душителях», неслышно проникающих в камеры с гароттой в руке, а потом вывозящих трупы в канал Орфано.

Внизу Карите с большим трудом удалось вытащить четвёртый камень. Я нервно кусала губы. Полосатая тень от решётки, медленно скользящая по стене, представлялась мне солнечными часами, которые отсчитывали последний день чьей-то жизни.

Когда вокруг потемнело, и тени совсем исчезли, я, не удержавшись, спросила у Скарпы: «Ну что?»

«Будь я кошкой, пролез бы», — коротко сказал пескаторо.

Близость свободы его воодушевила. К нему сразу вернулись энергия и прежнее ехидство. Но мне всё равно было тревожно, и чем быстрее сгущалась темнота, тем сильнее росло моё беспокойство. Тюрьмы в Венеции славятся своей неприступностью. На моей памяти ещё никому не удавалось выбраться из их каменных ловушек! Всем существом я чувствовала мягкий плеск глянцево-чёрной воды в канале и мрачную неподвижность выраставших из него стен. Хватит ли сил у Кариты вытащить ещё несколько скользких булыжников? Наступил час отлива, и вода, отступая, открыла нижнюю часть стены, покрытую темно-зеленым илом.

Ближе к рассвету мне послышались внизу, в колодце, какие-то звуки. Я вскочила. Скрежет отворяющейся двери продрал по нервам. За ней возникло жёлтое пятно фонаря.

«Беги!» — мысленно прокричала я Скарпе.

«Слишком узко! Я не пролезу!» — послышалось в ответ. Призвав на помощь свой дар, я увидела, как он пытается придвинуть кровать обратно к стене, чтобы скрыть следы разрушений.

Меня охватило дурное предчувствие. От волнения я чуть не выломала решётку, закрывающую крошечное окно в моей камере:

«Нет! Беги прямо сейчас! Карита!»

Лязг ключей слышался уже возле камеры пескаторо. Я приготовилась к худшему, так как понимала, что никто просто так не придёт к заключённому среди ночи, желая скоротать часы до утра!

Темноту прорезал чей-то вопль, но кричал не Скарпа. Снова послышался скрежет и топот множества ног, будто внизу промчался целый табун. Замелькали огоньки факелов. Тот тюремщик, который зашёл в камеру первым, весь трясся, прижимая ладонь к лицу. Его пальцы были черными от крови.

— Ого! Это он тебя так?! — спросил кто-то. — Вот дьявол! Надо было ему все ногти вырвать!

Пострадавший отчаянно замотал головой:

— Да не он это! Не он! Там другое! Глаза горят, когти — во!

— А карлик-то жив?

Сразу несколько человек потянулись в камеру, теперь уже с большей осторожностью. Вскоре раздались изумлённые возгласы:

— Нет его здесь!

— Что, сожрали?!

— А это ещё что?

Судя по проклятьям, донёсшимся снизу, они обнаружили лаз в стене.

Когда спустя некоторое время тюремщики вспомнили обо мне и гурьбой ввалились в мою каморку, я могла только всхлипывать от смеха, сжавшись в комок на полу. В душе у меня всё ликовало: «Он сбежал! Он смог! У него получилось!»

Первый стражник, увидев меня, даже попятился:

— Чего это с ней?

— Может, перепугалась?

Я до боли прикусила ладонь, чтобы не расхохотаться в голос.

— Припадочная! — буркнул тюремщик, схватив меня за плечо и пытаюсь вздёрнуть на ноги.

— Ты осторожней! Говорят, она ведьма!

Меня снова потащили куда-то по узким лестницам и коридорам. Втайне я надеялась, что на этот раз посчастливится угодить в сырое подzemелье, где мне было бы проще общаться с Каритой — вода близко.

Увы, новая камера оказалась под самой крышей. Это была унылая комната, вытянутая, как пенал, с низким потолком, нависающим над головой. На кирпичных стенах кое-где сохранились следы побелки. Зато в дальнем конце комнаты было маленькое окно с решёткой, сквозь которого виднелся клочок ночного неба.

На миг я забыла даже о присутствии тюремщика, жадно глотая ночной воздух. Только сейчас я поняла, каким смрадом дышала до сих пор! Меня отрезвил только грохот захлопнувшейся двери. Оказывается, человека может осчастливить даже такая малость, как глоток свежего воздуха, если надолго лишит его этого!

В тюрьме можно потерять многое. Здоровье, зубы, а то и некоторые конечности, не дай бог... При одном воспоминании об ужасном пыточном колодце у меня заранее ныли все кости. Но прежде всего ты теряешь чувство собственного достоинства. Ты смиряешься, когда с тобой обращаются как со скотиной. Привыкаешь радоваться мелочам. Куску хлеба без плесени, плошке воды, глотку воздуха из крошечного окна под крышей... За один день в этом ужасном месте я превратилась в дрожащий комок страха!

Стиснув руки, чтобы не дрожали, я сурово приказала себе:

— Разве этому тебя учили на Мираколо? Как говорили монастырские сёстры: «Что бы ни пришло к тебе из моря, ты должна с достоинством встретить это». Здесь, в Карчери, водятся свои чудовища — возможно, ещё пострашнее морских, но их тоже следует встретить с честью...

У стены вдруг послышался шорох, заставив меня нервно прислушаться. Неужели крысы? Говорят, в Карчери водились крысы размером с собаку! От моего хвалёного достоинства тут же не осталось и следа: взвизгнув, я проворно забралась с ногами на койку.

Что-то пролетело через комнату, невидимое в темноте. Мои щёки обдало воздухом, и не успела я опомниться, как что-то родное, тёплое со смехом прикоснулось к моему сознанию, а мне в руки свалился крупный комок перьев, бьющий крыльями и совершенно счастливый от встречи.

Глава 17

Для Энрике Арсаго плавание на военной галере было в новинку. Первые дни Дего просто ошеломили: тесно, душно, от гребцов несёт потом, в уши вонзаются резкие звуки флейт, задающих темп гребле, и отрывистые команды комитов. Галеры шли быстро, без остановок, на ночь обычно причаливая к берегу. В первый день они плыли на юго-восток, держа курс на Зару. Крейсерская скорость эскадры была не слишком высокой, так как «Анжело» иногда отставал, но они неуклонно продвигались вперёд. Поначалу Энрике старался держаться рядом с Алессандро, но потом стал проводить время то на одном, то на другом корабле, с тайной мыслью сойтись поближе с синьорами Реньером и Альбицци.

Поручение дона Сакетти не давало ему покоя. Он не понимал, в чём можно заподозрить синьора ди Горо, кроме разве что излишнего рвения и преданности делу. Но чем больше Энрике задавался этим вопросом, тем отчётливее понимал, что совсем не знает Алессандро, хоть они и были знакомы с самого детства. Алессандро никогда не стремился раскрывать душу, а здесь, в море, и во все превратился в другого человека, причём этот незнакомец производил слегка пугающее впечатление. Он часы напролёт проводил на корме возле румпеля, отдавая приказы рулевому. Энрике, затаив дыхание, следил за ним, и ему казалось, что Алессандро прислушивался ко всему: как шуршит ветер в парусах, с каким звуком плещется вода, обтекая корабельный корпус. Это действительно походило на волшебство! Казалось, что он мог предсказать намерения морской стихии, ориентируясь лишь по виду пенных гребней и лёгких росчерков облаков в небе, и всё это он использовал, чтобы проложить оптимальный курс.

— Он всегда так делает? — спросил Энрике у капитана Альбицци, с которым особенно сблизился за последние дни. В отличие от синьора Реньера, с его краткими сухими ответами и манерами фьорентийского принца в изгнании, Альбицци любил поболтать. Это был тучный, добродушный человек с мягким рябоватым лицом и большими, чуть навывкате, светлыми глазами. Главными удовольствиями в жизни он считал хорошее застолье и душевную беседу. Энрике оставалось лишь аккуратно направлять разговор, наводя его на нужный предмет.

— Зато вишь как ходко идём! — с одобрением заметил Альбицци. — Третий день пути — и ещё ни разу не попали в полосу штиля! Вот что значит чутьё!

Позади них в полусотне саженей, повторяя их курс, шёл «купец». От килевой качки слегка потрескивали мачты. Солнце, выглядывая из-за парусов, пригревало плечи, и от водяного блеска слепило в глазах.

— А это правда, будто дон Алессандро раньше служил начальником стражи у вашего отца? — любопытствовал Альбицци. Энрике кивнул.

— Только зря терял время, — отрезал моряк. — Море — вот его стихия! Я, почитай, лет пятнадцать на галере хожу, но такого чутья ни у кого не видел!

Энрике подумал, что лично он знал Алессандро примерно столько же, и тот никогда не проявлял особой страсти к морским путешествиям. Это у него в последний год началось. После того случая в крипте.

— Хотя, может, он выбрал морскую службу, чтобы быть подальше от политики? — вслух заметил он.

— Ну, тогда я его понимаю! — хохотнул Альбицци. — В наше время служба в Сенате требует необыкновенной гибкости! Не хочу сказать, что это плохо, — поправился он, вспомнив, видимо, что беседует с зятем Сакетти, — но простому человеку там придётся несладко! А дон Алессандро мне сразу пришёлся по душе. Он человек занятый. Прямой. С ним как-то спокойнее, даже когда шторм ломает мачты, отсекая тебя от гавани... Будто у него с морем свой уговор.

«Вот оно что!» — подумал Энрике. Синьор Альбицци выразил словами мысль, которая давно зрела у него в голове. Алессандро действительно выглядел так, будто невидимо для всех общался с кем-то в морских глубинах.

— И он всегда так... сосредоточен?

— В этот раз, пожалуй, больше обычного, — согласился Альбицци. — Так ведь и дело нешуточное! Этот груз на Канди и Альберино во как ждут! Порох им позарез нужен... Помню, когда мы добрались наконец до Арсиной и увидели, что от неё осталось, дон Алессандро был сам не свой. Тарчи там таких дел натворили... мда.

— Но сейчас-то на нас никто не нападает! — не отставал Энрике. — Зачем так спешить? Синьор ди Горо не говорил, может, кто-нибудь ждёт его на островах? Друзья? А может, женщина? — Чтобы старый капитан, не дай бог, не заподозрил неладного в его дотошных расспросах, Энрике притворился, что хочет свести всё к шутке и даже изобразил пошловатую ухмылку.

— Женщина?! — расхохотался Альбицци, обрадованный, что нашёл новую тему для разговора. — Если ты моряк, то надёжнее этой возлюбленной тебе не найти! — и он любовно похлопал по румпелю.

Стало ясно, что в ближайшее время от него нельзя будет добиться полезных сведений. Альбицци опять понесло.

— Любовь, скажешь тоже! Она ещё коварней, чем море. Любовь даёт тебе крылья, а потом бьёт под колени. Взлетишь — считай, повезло! Помню, был один случай...

Энрике мысленно отключился, пропуская монотонную болтовню мимо ушей. Он думал о другом. Четыре корабля быстро двигались посреди широкого водного пространства, где на каждой лиге пути их могла подстергать опасность в виде внезапно налетевшего шторма, тарчийской эскадры или чересчур удачливого капитана Маньяско, предположительно затаившегося в Иллирийском архипелаге. Оказавшись в непривычной стихии, Энрике постоянно испытывал беспокойство. И тревожная мысль, на которую намекал дон Сакетти, будто синьор ди Горо не прочь отхватить себе кусок власти с помощью тех-кто-живёт-под-волнами, здесь, посреди моря, уже не казалась такой бредовой.

* * *

К вечеру четвёртого дня они добрались до Ланси — маленького городка, где не было ничего примечательного, кроме церкви и рыбного рынка. Здесь решили остаться на ночь, чтобы дать гребцам отдых. Энрике, почуяв под собой твёрдую землю, едва сдержал вздох облегчения. С непривычки казалось, что берег уплывает у него из-под ног. Очертания города таяли, расплываясь в сумерках, в глубине неба загорались первые звёзды. За спиной размеренно дышало море. Лёгкий ветер нёс с собой запахи ила и водорослей — вероятно, начинался отлив. Кое-где в городе горели редкие огоньки.

Сил у Энрике хватало только на то, чтобы машинально передвигать ноги,

следуя за остальными. Добродушный Альбицци, как всегда, пытался шутить, и не нашёл отклика у своих усталых товарищей. Синьор Реньер и синьор Дзорци, капитан «Анжело», держались с подчёркнутой сухостью. Зато острый глаз Реньера раньше всех опознал трактир.

За ужином Энрике почти клевал носом, краем уха прислушиваясь к спору.

— Завтра мы пройдем мимо Иллирийских островов, — говорил Реньер обычным спокойным тоном. — Не лучше ли будет идти ближе к берегу и не отрываться далеко от «Анжело»?

— Может, ещё паруса убрать? — проворчал неугомонный Альбицци.

У галер была такая низкая осадка, что с убранными парусами они легко могли прокрасться вдоль берега практически незамеченными. Реньер напомнил всем, что если Маньяско действительно находится со своей эскадрой на островах, то ему ничего не стоит утром отправиться на разведку, отойти на несколько лиг, захватить добычу, если повезёт, и юркнуть обратно в укрытие, где его сам Хорро не достанет, так как море в тех местах изобиловало рифами и мелями, и нужно было очень хорошо знать фарватер, чтобы преследовать там кого-то.

— Нет уж, прятаться мы не будем, — возразил Алессандро, помня о поручении дона Сакетти.

Его горячо поддержали остальные два капитана:

— На борту у «Анжело» двадцать вертлюжных пушек, и если дон Маньяско рискнет подойти на расстояние выстрела, мы найдём, чем его встретить! — воинственно нахмурился Дзорци.

Они с Альбицци были оба согласны, что с огневой поддержкой «Анжело» у них появилась возможность проучить нахального фьескийца. Но в остальном их мнения расходились. Дзорци предлагал идти своим курсом и подождать нападения, если такое вообще случится. Альбицци же так разошёлся, что был готов даже совершить вылазку на острова.

Алессандро счёл это чрезмерным:

— Груз всё же важнее. За Маньяско потом вернёмся, — решил он.

Альбицци обиделся. После их обширных бесед Энрике узнал, что у него к Маньяско были личные счёты. Сестра капитана, почтенная синьора Альбицци, скончалась в Оливоло на другой день после взрыва в Арсенале. Сердце старой дамы не выдержало ночного переполоха и утренних слухов о том, что взрыв был спланированной диверсией северных герцогств, и войска Лиги якобы уже продвигаются к Фьюзи. Альбицци жил с сестрой как кошка с собакой, но родная кровь — не водица, так что теперь при одном упоминании дона Маньяско он взрывался, словно закупоренное вино на солнце.

Спор разгорелся. Алессандро, желая достать карту, похлопал себя по карманам и с досадой сказал:

— Эх! Кажется, я оставил её в каюте.

— Если надо, я принесу, — предложил Энрике, обрадовавшись такому случаю. Ему давно не терпелось заглянуть в каюту синьора ди Горо.

Вернувшись в порт, он опять поднялся на галеру, спокойно кивнув вахтенным. Почти все гребцы и матросы собрались возле камбуза. Поднявшись по трапу на корму, Энрике с колотящимся сердцем вставил ключ в замочную скважину и зажёл свечу от фонаря. В командирской каюте было тесно, как в бочке, и примерно так же темно. Смотреть тут было особенно не на что: узкая

кровать за пологом, миниатюрный стол, пара кресел — вот и вся обстановка. В углу стоял сундучок с вещами. На стене висели две полки: на одной стояли книги, на другой поблескивал диск астролябии. Энрике порылся в сундуке, но не нашёл ничего интересного, кроме запасной одежды. Никаких писем, никаких документов, которые можно было бы считать компрометирующими. Он наскоро пролистал книги и, наконец, подступился к бумагам, аккуратно убранным в бювар.

Карты и судовой журнал лежали отдельно. На листе, вложенном в журнал, он увидел столбик дат и какие-то расчёты. Одна дата была обведена в кружок с пометкой «Отранто», а чуть ниже её стояла другая, обозначенная как «Венета». Что бы это значило? Алессандро планировал вернуться? Вообще-то Энрике рассчитывал, что их плавание продлится гораздо дольше: от Отранто — до Керкиры, потом на Канди и, наконец, на Альберино, который находился так далеко, что казался почти краем света.

Задумчиво перебирая листы в папке, он вдруг наткнулся на портретный набросок: девичье лицо, нарисованное лёгким росчерком грифеля. «Джулия?!» — удивился Энрике, но, присмотревшись, понял, что он ошибся. У девушки были более острые скулы, а линии бровей и подбородка выдавали непреклонный характер. Это была та, другая. Магичка кьямати, которую поймал дон Сакетти... В изгибе её полных губ ему померещилась насмешка, и Энрике с досадой сунул листок обратно в папку.

Когда Инес сообщила всем об обмане, который устроила Джулия, он сперва не поверил. Кому нужна такая изощёренная ложь? Неужели Джулия считала его таким чудовищем? Если она была так категорически настроена против помолвки, почему не поговорила с ним откровенно? Он не стал бы настаивать на свадьбе и нашёл способ убедить отца... Но потом подтвердилось, что Инес была права. С тех пор Энрике не мог даже думать о Джулии без неприязни. Он и раньше старался избегать её, когда она вернулась в Венету вместе с мужем, чтобы не создавать неловких ситуаций. Но теперь выходило, что она не просто бросила его перед свадьбой, а вдобавок выставила идиотом: что это за влюблённый жених, который даже не распознал подмену невесты! Наверное, весь город исподтишка хихикал над ним! И та ведьма тоже.

Прошлой весной, когда она жила в палаццо Арсаго, они виделись не очень часто, но он помнил, как пугал его иногда её твёрдый сосредоточенный взгляд. В глубине её золотистых глаз словно горел потаённый колдовской огонь. Таким взглядом можно отправить в небытие кого угодно, хоть кровожадную горлодёрку, что Франческа и проделала однажды, на празднике у его отца!

«А ведь во взгляде Алессандро тоже время от времени мелькал этот колдовской огонёк», — вдруг сообразил Энрике. Он никак не мог отделаться от этой мысли. Нет, чушь всё это. Что может быть общего у синьора ди Горо с морской колдуньей?

Но портрет... и расчёты... и эта странная скрытность... А вдруг дон Сакетти прав, и Алессандро с Франческой давно сговорились? Что они замышляют?

Энрике опомнился, когда пламя свечи вдруг замигало, едва не оставив его в темноте. Спohватившись, он увидел, что свеча прогорела почти на треть. Ему давно пора было вернуться! Он поспешно принялся сгребать бумаги, убирая всё по местам. Чего доброго, сейчас явится Алессандро, чтобы узнать, куда он

запропастился! Энрике так погрузился в размышления, что, уходя, в спешке чуть не забыл прихватить карту, за которой его, собственно, и послали.

* * *

Ночью ему не спалось. То выл ветер в снастях, то скрипели переборки и бимсы, то на берегу вдруг разбрехались собаки. А главное, мешали неотвязные мысли. Энрике забылся сном лишь под утро, и почти сразу кто-то принялся немилосердно трясти его за плечо. С усилием разлепив глаза, он увидел перед собой Алессандро, который протягивал ему тонкую кольчугу:

— Надеюсь, что не пригодится, — сказал он серьёзно, — но всё же надень. На всякий случай.

— В такую жару?! — попытался возмутиться Энрике сквозь душераздирающий зевок. Получилось не очень. Солнце ещё не взошло, и от моря тянуло прохладой, но если день выдастся таким же ясным, как вчера, он ещё до полудня изжарится в этой кольчуге как лангуст на сковороде!

Алессандро пожал плечами:

— Если хочешь, чтобы я привёз в Венетту твой труп, тогда можешь не надевать, конечно.

Сам он был уже собран и одет в лёгкий полудоспех, не стеснявший движений. Энрике заторопился. Наскоро поплескав в лицо водой, он принялся одеваться, путаясь в завязках и стараясь не отстать от других. Алессандро и Дженнаро Бисса, его помощник, выглядели так, будто накануне весь день прохладжались в тени, а не вели корабль под палящим зноем. Даже толстый Сарто, служивший на галере канониром, и тот казался бодрячком! Энрике с завистью подумал, что моряки, окружавшие Алессандро, вероятно, были сделаны из дуба и так просолились в море, что их тела приобрели твёрдость железа.

Когда выглянуло солнце, небо стало похоже цветом на выцветший шёлк. Лёгкий ветерок еле трепыхался, из-за чего они едва не застряли в Ланси. Однако вскоре Алессандро удалось-таки поймать ветер, и четыре корабля снова заскользили по переливчатой водной глади. Энрике прилип к поручню по левому борту, до рези в глазах вглядываясь в горизонт и втайне мечтая первым увидеть вражеские галеры. Если Маньяско вообще соизволит явиться, конечно. Дженнаро тоже не выпускал из рук подзорной трубы. Он ещё больше насторожился, когда слева показались голубоватые очертания островов Наренти и Лагоста. «Похоже, что обошлось», — подумал Энрике, и в этот момент Дженнаро предостерегающе крикнул. Из-за оконечности дальнего острова им наперерез выдвинулись четыре галеры.

Алессандро только усмехнулся.

— Всё-таки дон Маньяско не удержался. Решил поживиться за наш счёт. Ну что же...

Он обернулся к помощнику:

— Просигнальте Реньеру и Альбицци, чтобы шли за нами. Подождём «Анжело». Может, ещё получится договориться миром.

— Вы хотите вступить в переговоры с этим мерзавцем?! — возмутился Энрике, в душе которого разом ожили все подозрения. Он прикусил язык, вспомнив, что на военной галере спорить с командиром не полагалось. Запрут в трюме — и все дела. К счастью, его оплошности никто не заметил, так как все стоящие на корме с тревогой следили за манёвром Альбицци. Тот упорно рвался вперёд, игнорируя все приказы.

— Что со стариком? — нахмурился Алессандро. — Перегрелся на солнце?

Энрике незаметно отступил в тень от паруса, притворяясь невидимым. Вчера после ужина у них с Альбицци состоялся свой разговор. Угадав в капитане союзника, Энрике раскрыл ему душу, рассказав о поручении дожа. Что бы ни случилось, Маньяско не должен уйти живым! Пригласив Альбицци пройти по берегу, Энрике показал ему бумагу, подписанную дожем, и заверил его, что тот, кто поможет разделаться с фиескийцем, не останется без награды. Альбицци очень воодушевился.

— Смотрите, они убирают мачту! — воскликнул Дженнаро.

— Готовятся атаковать!

Даже Энрике, отроду не бывавший в морских сражениях, знал, что означает этот манёвр. Во время боя галера не должна зависеть от капризов ветра, поэтому перед атакой обычно убирали паруса.

Тем временем два «фиескийца» готовились обойти их с левого фланга. На подмогу своим уже спешил «Анжело», и противники, разумеется, не хотели подставлять ему незащищенные борты. Алессандро рассчитывал, что именно «Анжело» начнёт бой, с дальнего расстояния обстреляв чужие галеры, но из-за опрометчивости Альбицци от этого плана пришлось отказаться. Если сейчас не поддержать атаку, капитану Альбицци придётся худо!

— Что будем делать? — с беспокойством спросил его помощник.

Алессандро нехотя отдал приказ:

— Рангоут рубить!

Матросы бросились убирать мачты и укладывать их на банки, после чего гребцы слаженно налегли на вёсла. Вздрогнув всем корпусом, галера пошла вперёд. Возле куршейной пушки, заряженной и готовой к бою, захопотали канониры. Энрике сам не заметил, как его пальцы сжались на поручне. Сердце билось в такт с ударами весел, язык от волнения присох к небу. Хищные обводы фиескийских галер надвигались всё ближе. Вскоре он мог различить на палубе человеческие фигуры и черные дула фальконетов, торчавшие на рамбаде, нацеленные прямо на них. Потом грянул залп — это ударила пушка Альбицци.

— Слишком рано, — нервно пробормотал Дженнаро. — Сейчас как ответят...

Перед решающей схваткой галеры успевали сделать всего один-два выстрела, поэтому тянули с этим до последнего, чтобы точно не промахнуться. Их наводчик тоже поднял руку, показывая, что готов. В другой руке он держал линь, прикрепленный к спусковому механизму. Энрике до боли прикусил губу, чтобы сдержаться и самому не крикнуть «Огонь!», а потом броситься ничком на палубу. Он невольно представил, как ядро со свистом летит на них, разнося рангоут в щепу, разрывая в клочья и снасти, и человеческие тела...

Раздался грохот, треск крошащегося дерева — это галера Альбицци на полном ходу протаранила встречного «фиескийца». Окованный железом шпирон глубоко вошел в корпус неприятельского корабля. Тот накренился, почти черпнув воду бортом. Гребцы попытались сдать назад, но — нет, куда там, галеры сцепились намертво! На палубах закипела схватка, которую скрыли от глаз клочья вонючего дыма.

— Огонь! — сквозь грохот послышался крик Алессандро. Два пушечных выстрела слились в один. Корабль содрогнулся и застонал, совсем как живой.

Фиескийская галера стремительно приближалась. Энрике замер, собирая в кулак всю храбрость, крепко стиснув рукоять меча. Дженнаро кричал ему что-то вроде «держись!», но он, замороженный зрелищем надвигающейся на них громады, почти ничего не слышал.

Корабли сошлись с оглушительным треском. Несколько человек сразу же перескочили на палубу. Воздух взорвался криками, топотом, треском разрываемых снастей и леденящими кровь звуками выстрелов.

— Вперёд! — орал кто-то, свой или чужой, неясно. Не разглядеть в едком дыму. Энрике отбивался от всех подряд. Его оттеснили от Алессандро, Дженнаро тоже исчез. С трудом увернувшись от чьей-то палицы, он отбил выпад другого матроса, который попытался подрубить ему ноги. В абордажной схватке в ход шло всё, что угодно: мечи, крючья, метательные горшки с жиром, палицы и арбалеты. Палуба превратилась в скользкий кромешный ад, в котором бестолково суетились человеческие фигуры, спотыкаясь о развороченный настил.

Кое-как проморгавшись от едкого дыма, Энрике пытался пробиться к своим, но внезапно на него налетел огромный краснолицый фиескиец с мечом. Его первый удар был такой силы, что у Энрике сразу же онемела рука. «Вот и всё», — подумал он обречённо. Фиескиец взревел, как медведь, и вдруг, выпучив глаза ещё шире, рухнул навзничь на палубу. Из-за его спины показалась знакомая стройная фигура в полудоспехе:

— Вот ты где! — воскликнул Алессандро. — Быстро в шлюпку!

— Нет! — почти всхлипнул Энрике. Его била дрожь, в глазах всё мутилось. Казалось, сам воздух был насыщен кровью, звериной жестокостью и предательством.

Алессандро, посмотрев на него, заговорил спокойнее, внятно и чётко, словно с ребёнком:

— Пришла шлюпка от Реньера. Тебя заберут. А я попытаюсь пробиться к Маньяско! Он мне нужен!

— Нет! — в груди у Энрике вдруг вспыхнула ярость. — Ты предатель!

Он неловко замахнулся мечом, но Алессандро машинально отбил удар. На его лице появилось озадаченное выражение.

— Да что с тобой?

— Думаешь, я не понял? Ты хотел сговориться с Маньяско!

Снова грохот, треск, глаза разъедает от сгоревшего пороха. Кажется, «Анже-ло» тоже вступил в игру. Повернувшись бортом, он обстреливает одну из галер, попытавшуюся зайти в тыл венеццианцам.

— Я хотел лишь понять, отчего он так нужен дону Сакетти! — кричит Алессандро, отбивая очередной удар. Энрике разбирает злость. Его противник будто заговорённый! Или он научился угадывать мысли? Куда бы Энрике не нацелил свой меч, он везде встречает непробиваемую защиту.

— Здесь не место для разговора! — теперь Сандро тоже злится. — Ступай к Реньеру! Остальное — потом!

В следующий удар Энрике вложил всю свою душу. И снова мимо. Ярость захлёстывает его мутной волной.

— Ты сошёл с магичкой кьямати, чтобы убить моего отца! — бьёт он наотмашь, стараясь перекричать окружающий грохот.

А вот это, кажется, попало в цель. Алессандро растерян настолько, что опус-

кает оружие:

— Что?! Это неправда!

— Манриоло мне всё рассказал! — наступает Энрике, воодушевившись. — Он был вашим сообщником! Вы убили отца! Хотели отнять его магию! Вы убийцы!

Алессандро пытается что-то ответить, но его слова тонут в грохоте, а за бортом совсем рядом вдруг вздымается водяной столб. «Пушечное ядро!» — успевает подумать Энрике, прежде чем палуба проваливается куда-то вниз, и он вместе с ней. В панике он хватается за измочаленные обрывки снастей. Настил стал скользким от крови и разлитого жира, но кое-как ему удаётся подняться на ноги. Сердце колотится чуть ли не в горле. Энрике оглядывается — Алессандро нет. Нигде. На ватных ногах он подходит к борту, цепляясь за уцелевшее ограждение. Смотрит, как на маслянистых, чёрных волнах колышется рябь.

— Дон Арсаго! — доносится вдруг сквозь дым и безумные вопли. — Дон Арсаго! Вы здесь!

Где его меч?! Неужели выронил во время падения? Энрике в панике шарит глазами по палубе. Оказаться безоружным перед врагами — верная смерть! Но чёрные тени, возникшие вдруг из дыма, не собираются его убивать. Это свои. Матросы с галеры Реньера. Он смутно припоминает, что Алессандро что-то твердил про шлюпку.

— Дон Арсаго! Вас приказано увезти отсюда!

«Дон Арсаго — так обычно называли отца, — отрешённо подумал Энрике. — Что ж, теперь я отомстил за него».

— Скорее!

В этот миг галера содрогается всем корпусом, их швыряет на палубу, а на головы градом сыплются обрывки канатов, обломки такелажа и прочий хлам. Энрике глохнет почти до потери дыхания, но потом кто-то резко вздёргивает его на ноги и тянет куда-то...

Он не помнил, как оказался в шлюпке. Оглянувшись, увидел, что галера Альбицци догорала пылающим костром, а на их собственном корабле ещё продолжался бой. Энрике мысленно возблагодарил небеса за то, что сумел вырваться из этого ада.

Через четверть часа он уже стоял на палубе перед Реньером, который даже в нынешней критической ситуации, весь пропахший порохом, ухитрился сохранять хладнокровие.

— А дон Алессандро? — только и спросил он.

— Погиб, — коротко ответил Энрике. — И Альбицци тоже.

Реньер выдержал приличествующую скорбную паузу.

— Дон Алессандро был прав, когда не спешил нападать, — сказал он немного погодя. — Видите, вон там? Смотрите!

Энрике взял предложенную подозрительную трубу и увидел на горизонте стайку подозрительных светлых облаков... нет, парусов! Это были паруса!

— Тарчийская эскадра, — с горечью сплюнул Реньер, пока Энрике, прижав к глазам окуляр, лихорадочно пытался сосчитать вымпелы.

— Не старайтесь, и так видно, что их там не меньше дюжины. Что нам делать? Маньяско, скорее всего, отступит. Попытается укрыться на островах. Он хорошо знает фарватер, где можно пройти между мелями. Мне эти воды

незнакомы, и в любом случае «Анжело» там не пройдёт. У него слишком глубокая осадка.

— Но мы же не можем защищать его в одиночку! — воскликнул Энрике.

Вооружённый «купец» возвышался неподалёку, словно грозная плавучая крепость. Тарчи, наверное, здорово оживились при виде столь желанной добычи. Энрике с усилием подавил дрожь от мысли, что придётся ещё раз окунуться в мясорубку абордажного боя.

— Но и оставить его мы не можем, — рассудил Реньер. — Иначе после возвращения в Венецию нас ждёт трибунал.

«Что же делать?» — металась мысль Энрике. Дожд поручил ему разобраться с Маньяско... и он почти выполнил это! Проклятый фиескиец вполне мог погибнуть в схватке. А если нет, тогда тарчи закончат начатое. Что касается «Анжело»... Жаль, конечно, оставлять его здесь, но вступать в схватку с целой эскадрой было бы чистым безумием! Дон Сакетти должен будет это понять!

Волшебное письмо с подписью дожа, порядком измятое, снова выглянуло на свет.

— Я считаю, нам нужно вернуться, чтобы известить сенат об этом событии, — заявил Энрике, протягивая письмо командиру Реньеру. Тот прочёл, и на его обычно невозмутимом лице что-то дрогнуло.

— Что ж, это аргумент, — задумчиво произнёс он. И отвернулся.

Энрике кусал губы, ожидая, чтобы Реньер отдал приказ рулевому и комитам. Если бы он мог, то сбежал бы отсюда впереди корабля. Чего медлить, ведь тарчи сейчас будут здесь! Вряд ли, конечно, они соблазнятся погоней за одинокой галерой, когда их ждёт более жирная добыча, но кто их знает... Однако Реньер молчал. Он смотрел на полыхающий вдали пожар и на море, кипевшее обломками, ставшее сегодня могилой для многих моряков Венеции.

Глава 18

Венетта, Дворец дождей.

Город плавился под жарким июльским солнцем. Влажный горячий воздух дрожал над мраморными статуями, гладкие блестящие плиты площади Трёх Грифонов слепили глаза, и всё живое в полуденные часы старалось забиться куда-нибудь в тень, под аркады, чтобы ухватить хоть глоток прохлады. Бьянка с Джулией задыхались в душных покоях. Джулия укачивала малышку, а Бьянка вяло прислушивалась к негромкому пению служанки, которая поливала поникшую от жары герань и базилик на террасе.

— Парит, как будто перед грозой, — недовольно сказала она, обмахиваясь веером.

— Какая она милая, правда? — глядя на дочь, прошептала Джулия. — Мне кажется, я никого не смогу полюбить так сильно, как её!

Бьянка невольно улыбнулась, засмотревшись. Укачивая ребёнка, Джулия словно преобразилась: всё, что было лучшего в её душе, отразилось сейчас на лице, придавая ей особое очарование. Она казалась такой трогательной и совсем беззащитной перед мощной силой, которую представлял сенат во главе с дожем.

— Пока она спит, поговорим о другой Франческе, — напомнила Бьянка шёпотом, чтобы не разбудить ребёнка. — Значит, она больше ничего о себе не рассказывала?

— Нет, — печально вздохнула Джулия. — Только про мать, деда... и всё. Она не очень-то разговорчива.

«То есть ты, по обыкновению, болтала за двоих!» — мысленно съязвила Бьянка, снова почувствовав всплеск раздражения.

Ей предстояла нелёгкая задача. Как можно вытащить из тюрьмы человека, о котором ты ничегошеньки не знаешь?! Тем более — человека, обвинённого в преступлении против государства! Бьянка остро нуждалась в союзниках. На Джулию, при всём её горячем сочувствии к подруге, нельзя было положиться. Та сама привыкла во всём полагаться на других.

— Если бы нам удалось найти кого-то из её родных...

Джулия сквозь слёзы покачала головой:

— Вряд ли. Её даже ни разу не навещали. Я имею в виду, в монастыре. Если кто-то из её родных ещё жив, наверное, они давно забыли о ней.

— Если бы мы могли узнать хотя бы её полное имя! — раздражённо сказала Бьянка. — Имя тоже способно защитить! Если Франческа принадлежала к одной из старых семей Венетты, к ней отнеслись бы совсем по-другому!

«А это вполне вероятно, учитывая, каким даром она владеет».

— Мы никогда не говорили об этом, — всхлипнула Джулия. — В монастыре никого не интересовало, насколько пышно твоё родословное древо. Бьянка, я чувствую себя такой беспомощной! Я спрашивала донну Джоанну, она молчит. С кем-нибудь из сенаторов увидеться невозможно. О, скорей бы вернулся Роберто! Он докажет, что Манриоло никогда не имел дела с агентами Фиески, и Франческу сразу отпустят. Кто вообще такое придумал, будто Манриоло — шпион?! Да у него бы на это сроду мозгов не хватило! И вообще, у сената нет никаких доказательств против Франчески!

«Чтобы тайно придушить человека в камере, доказательства не нужны», — мрачно подумала Бьянка. До неё дошёл слух, будто карлику, которого схватили вместе с Франческой, удалось бежать. Разумеется, это было ложью. Ни одному счастливику ещё не удавалось сбежать из венецианской тюрьмы! Нет, скорее всего, тело несчастного шута уже пошло на корм морренам...

Она не стала говорить этого Джулии, чтобы не пугать её ещё больше, но и сама не знала, как найти выход. Посоветоваться было не с кем. Отец Бьянки, дон Санудо, только хмурил седые брови: «Лучше бы ты не вмешивалась, а то как бы хуже не стало!» Дон Санудо, к старости накопив богатств и заняв прочное положение в обществе, сделался медлителен и осторожен, как старый карп в пруду. Бьянка, может, и послушалась бы отца, однако врождённое чувство справедливости не давало ей покоя. А ещё подспудно тлела мысль, что фальшивая «Джулия», с которой она познакомилась прошлой весной, нравилась ей даже больше настоящей золовки. У Франчески была внутренняя сила, здравый смысл и верность друзьям — качества, которые Бьянка превыше всего ценила в людях. Ей совсем не хотелось, чтобы такая девушка стала жертвой интриг дона Сакетти!

Малышка, будто почуяв печальное настроение матери, вдруг проснулась и расплакалась. Тотчас же за дверью послышалась суета. Бьянка насторожилась: в последние дни она привыкла нервно вздрагивать от любой новости. Но это оказалась всего лишь Дзанетта — кормилица, нанятая в помощь Джулии. Влетев в комнату, она с улыбками «А кто это у нас тут? Что за слёзки?» забрала девчонку у матери, стараясь её успокоить. От её ласкового сюсюканья у Бьянки заныли зубы.

Следом заглянула Инес, что тут же вызвало у Джулии разъярённое шипение:

— Зачем ты сюда явилась? Говорила же — не показывайся мне на глаза!

Инес смущённо потупила взгляд:

— Я хотела только помочь...

— Если ты хоть пальцем прикоснёшься к моей дочери, клянусь, я тебе руки поотрываю! — крикнула Джулия, гневно сверкая глазами.

Не желая устраивать сцену при слугах, Бьянка незаметно кивнула Инес в сторону двери: мол, давай выйдем. Когда они оказались одни посреди тихой пустой галереи, расчерченной полосами света, девушка огорчённо вздохнула:

— Она теперь так и будет на меня кидаться?

— А ты как хотела? — недобро усмехнулась Бьянка.

— Я же не знала! В ту ночь ты сказала только, что хочешь помочь им бежать! Я понятия не имела, что та девушка — её сестра, что они... что она сестра Энрике!

Бьянка отметила, что Инес выглядела бледной и какой-то потерянной. Словно после той ночи в ней что-то надломилось. Глаза её покраснели и были обведены синеватыми тенями, нежная фарфоровая кожа от волнения пошла пятнами:

— Я не сказала этого отцу... дону Сакетти, — тихо произнесла она.

— Правильно сделала, — кивнула Бьянка.

«Если Сакетти заподозрит, что Франческа — побочная дочь графа Арсаго, да ещё владеющая магией, он её точно живой не выпустит».

— Но если она действительно родственница Энрике, я хотела бы, чтобы с

ней обошлись по справедливости.

— Я наводила справки в монастыре, — призналась Бьянка. — Толку мало. Думаю, только настоятельница знала о родителях Франчески, а её уже нет в живых. Вроде бы мать Франчески жила где-то в пригороде, в глухом поместье...

Инес решительно сдвинула брови:

— А граф Арсаго практически не покидал Венетту — был вечно занят в сенате. Что-то не сходится. Как же они могли встретиться? Но если Франческа — действительно дочь патрициев, тогда её дело должно разбираться на Совете десяти, таков закон.

Бьянка приостановилась в задумчивости. Её осенило воспоминание: дон Арсаго и правда редко уезжал из Венетты, даже его сына в Патаву обычно сопровождал кто-нибудь из друзей или охранников, но время от времени граф навещал своих друзей в поместьях, расположенных по течению Brentы. Там же полно старинных усадеб! Для знатного господина, жаждущего уединения, но в то же время не желающего быть оторванным от новостей (а именно такой характер, судя по всему, был у деда Франчески), лучшим вариантом было бы приобрести один из домов на Brentе. Ей нужно только поехать в Киоссу, взять барку и проехаться по реке. Ну и ещё посмотреть архивы купли-продажи домов.

Она с новым интересом взглянула на Инес. Надо же, когда ревность не застит ей разум, в этой белокурой головке иногда заводятся дельные мысли!

— Спасибо за совет, — сказала она искренне. — И ты меня ещё больше обяжешь, если не станешь передавать наш разговор светлейшему дожу.

Взгляд Инес был серьёзным и каким-то печальным:

— Я не шпионка своего отца, зря ты так думаешь.

— Считаю, что я заразилась подозрительностью от дона Сакетти, — съязвила Бьянка, не удержавшись от шпильки. — Это ведь ему везде мерещатся лазутчики и шпионы! Боюсь, если бы не то происшествие с грифоном, которое можно объяснить только магией кьямата, Франчески уже не было бы в живых! Наверное, в Карчери боятся, как бы она не натравила ожившего грифона на своих палачей!

Инес отвернулась и подошла к окну:

— Тот случай действительно можно объяснить только магией... Но Франческа здесь не при чём, — сказала она глухо.

Все последние дни Инес думала лишь об Энрике. Галеры ушли в море три дня назад, и с тех пор с моря не было новостей. По ночам она долго лежала без сна, а когда засыпала, ей снилось, что она летит над сияющей густо-синей гладью, отыскивая взглядом цепочку судов под знакомым флагом. Во сне у неё были мощные крылья, способные унести её далеко от дома.

Во сне Инес была грифоном.

— Мне кажется, это я его разбудила, — сказала она, обернувшись.

Приглядевшись, Бьянка поняла, что подруга не шутит. Ничего себе новость! В это трудно было поверить. Зрелище внезапно «ожившего» грифона на площади было впечатляющим, так что более вероятно, что Инес просто посетило ложное виденье, галлюцинация со страху. Впрочем, она всегда была немного странной. Редко делилась своими мыслями, предпочитала держать всё в себе. Что касается внешней окаменелости, тот грифон мог у неё многому

поучиться!

Правда, сейчас Инес выглядела совсем по-другому — растревоженной и живой.

— Я не знаю, что с этим делать! — воскликнула она с отчаянием в голосе. — Это просто просыпается во мне... иногда. Я слышу чужие, не свои мысли. Чувствую крылья и могу увидеть город с высоты. Узнаю о вещах, о которых раньше и подумать бы не могла!

Стоя у окна, она беспомощно прислонилась плечом к стене, будто в поисках хоть какой-то опоры. Бьянка не знала, что ей сказать. После недавнего предательства ей было трудно вызвать в себе сочувствие к Инес. Однако она хорошо знала, каково это: справляться с проблемами в одиночку. Самой не раз приходилось. Стараешься как проклятая, делаешь всё, что можешь, а другие только снисходительно посмеиваются, и само их отношение только подчёркивает твою инаковость, непохожесть...

А Инес продолжала рассказывать, быстро, проглатывая слова, то ли боясь впоследствии пожалеть о своей откровенности, то ли спеша выплеснуть всё из себя:

— Я нашла у отца книги о магии, которые он привёз с Мираколо. Забрала себе. Он пока что их не хватился, и не думаю, что он заметит пропажу. Кажется, он отказался от мысли использовать людей с даром кьямата. Слишком непредсказуемо. Слишком опасно. Я пока не говорила ему, что я тоже, возможно... Вдруг это ошибка? С той ночи, когда пробудился грифон, у меня только дважды вышло его почувствовать, и то во сне.

— Ладно, давай разберемся, — не выдержала Бьянка. — Допустим, что нечто в ту ночь — приступ волнения, страх или сердечная боль — вдруг разбудили дремавшую в тебе магию. Если верить легендам, с нашими прабабками это случалось гораздо чаще.

«И такие случаи больше уместны в легендах, а не в реальной жизни», — мысленно добавила она.

— Но ведь это не делает тебя кем-то другим! Не думаю, что ты позволишь какому-то каменному чудовищу поработить свой разум. Магия изменит тебя лишь настолько, насколько ты сама захочешь.

Инес задумалась.

— Что ты собираешься делать? Ты решила помочь Франческе в надежде, что она объяснит тебе, как лучше справляться с даром? — прямо спросила Бьянка.

Может, это было эгоистично, но её мало волновали проблемы Инес, зато очень интересовало всё, что могло помочь Франческе и Джулии.

Девушка смутилась, замотав головой, так что длинные серьги затанцевали вокруг шеи:

— Нет-нет, что ты! Было бы нехорошо с моей стороны ожидать помощи от человека, попавшего в тюрьму по моей вине! Я просто хочу, чтобы всё было честно.

Правда, одна подспудная мысль у Инес всё же имелась. Она не стала рассказывать о ней Бьянке, так как не находила слов, чтобы объяснить, каково это: чувствовать себя Инес и в то же время — другим существом. Если Франческа так же тесно связана с живущими-под-волнами... и если она, Инес, сделает для неё что-то хорошее, может, тогда море сжалится и вернёт ей Энрике

целым и невредимым?

* * *

Свинцовые крыши тюрьмы Карчери, пылающие на солнце, источали жар. Воздух в камере превратился в удушливый смрад, от которого першило в горле. Даже просто открыть глаза было подвигом. По моим ощущениям, голова превратилась в тяжелый горшок с кашей, в которой тонули любые мысли. Измученная духотой, я не шевельнулась, когда заскрипела дверь и послышались знакомые шаги тюремщика. Хотя в первые дни каждый скрежет ключа вызывал у меня мгновенный всплеск паники.

Единственной радостью, скрашивающей мои долгие часы в этом пекле, был Пульчино. Он прилетал каждый день. Приносил мокрые камушки и раковины, пахнущие лагуной, желая меня подбодрить. Один раз принёс свежую рыбу, но я спала, и «подарок» нашёл тюремщик. Рыба его озадачила. С тех пор он заглядывал в камеру с опаской и никогда не забывал сложить пальцами охраняющий знак.

Несколько раз Пульчино «брал меня на прогулку», как мы это называли. Я «одалживала» тело чайки, чтобы ненадолго пролететь над каналом, почувствовать вольный ветер под крыльями, окунуться в прохладную воду... После душной, вонючей камеры это было как в сказке! В первый раз я боялась отлучиться надолго — вдруг тюремщик заглянет? — но потом заметила, что он всегда приходил в одно и то же время, под вечер, когда жара немного спадала, и тень от решётки переползала в дальний угол. Он всегда делал всё молча. Ставил на пол плоску с отвратительно пахнущим варевом, кружку с водой и уходил.

«Больше он не придёт сегодня! — подначивал меня Пульчино. — Полетаем?»

Вчера я отказалась, и Пульчино обиделся. Я не могла объяснить, каким безумным искушением стала для меня магия в эти страшные, горячечные дни. Сколько раз мне хотелось остаться чайкой, не возвращаться, бросить мое грязное тело тюремщикам — пусть делают с ним, что хотят! — и улететь.

Безусловно, этим поступком я погубила бы свою душу. И совершила преступление против кямата. А что самое страшное — я убила бы своего друга. Мы с Пульчино не сможем существовать в одном теле. Разум чайки не так обширен, как наш, и недолго продержится против мощи человеческого сознания.

Но свобода меня так манила! Никаких больше страхов, никакой боли, никаких унижений! Да, это будет стоить жизни Пульчино, и я вечно буду корить себя за это, но разве этим поступком я не спасу Алессандро с Джулией? Нам просто повезло, что дознаватели пока не взялись за меня всерьёз! Стоит им отвести меня в тот жуткий подвал — и я моментально выдам все тайны!

Перед страхом смертельной угрозы было так легко придумать себе оправдания... Я боялась не совладать с собой и поэтому стала отказываться от «прогулок». А Пульчино не понимал. Обижался. Я отделялась полуправдой, мол, нам опасно соединяться разумом так надолго, напоминала ему про валлуко. Пульчино пренебрежительно фыркнул и улетал. Но потом опять возвращался.

Без него я, наверное, дошла бы до сумасшествия. От раскалённого воздуха мутилось в глазах, мучила постоянная жажда, однако в тюрьме были свои правила, и больше одной кружки воды в день здесь не полагалось. Пульчино хотя бы отвлекал меня городскими новостями и сплетнями, которые он ис-

правно добывал на пристанях, на Пьяцце или на Ривоальто. Например, сегодня он осчастливил меня байкой об ожившем грифоне с Пьяцетты, причем многие, оказывается, были уверены, что это моих рук дело!

«Может, статуя просто рухнула от ветра, а воображение пьяных гуляк на площади доделало остальное?» — едко предположила я.

Пульчино засмеялся по-чаячьи. Я тем временем сойбрала в горсть все ракушки, которые он мне приносил. У них был приятный солоноватый запах. Пахло морем и солнцем. Острый край врезался мне в ладонь, наведя на мысль, что им можно выцарапывать чёрточки на стене, отмечая дни. Хотя какое-то занятие. Сколько я здесь уже просидела? Неделю? Сколько ещё придётся терпеть, прежде чем меня уведут на допрос или я расплачусь здесь от жары?

Тесная каменная каморка словно находилась вне времени. Я была снова выброшена из жизни, как тогда, в детстве, в монастыре. Только теперь вместо тёмной прохлады крипты меня окружала вязкая духота. Хотя бы дождь пошёл, что ли! Я отчётливо представила себе напитанные влагой грузные облака, громоздящиеся над крышами и куполами Венетты, порывистый ветер, обильные струи, хлещущие по стенам, звонко барабаниющие по черепице, вспенивающие воду в каналах...

Мне казалось, я чувствую, как где-то далеко над морем зарождается шторм.

Глава 19

Рухнув в воду с палубного настила, Алессандро в первый миг оглох и ослеп. Одежда и полудоспех отяжелели, сковывая движения, от солёной воды защипало царапины, которые он успел получить в бою. Звуки слышались странно искажёнными, и, как он ни старался грести руками, его медленно затягивало вниз, в темноту.

Со всей силой он рванулся наверх. Вдруг его обхватило поперёк туловища гибкое бревно толщиной с ногу и поволокло куда-то. Краткий миг паники сменило смутное узнавание — а потом его вытолкнуло на поверхность среди каких-то обломков. Алессандро жадно хватнул ртом воздух, закашлялся. Прежде чем снова погрузиться под воду, он успел увидеть возле себя клубок маслянисто блестящих щупалец, которых хватило бы, чтобы обвить обе мачты на галере. Он хорошо помнил, где видел подобное существо. Год назад, в крипте дона Арсаго. Это был то самое чудовище, которому он был обязан двумя шрамами поперёк груди и... своей новообретённой способностью слышать море. Неужели «морской гость» снова вернулся?!

В его сознание ворвался поток чужих образов: существо мягко изучало его, сравнивало, делало выводы. Алессандро видел себя со стороны кем-то вроде беспомощного жука, барахтавшегося в огромной синей лохани. Потом что-то несильно потянуло его за ногу — на глубину. «Нет! — подумал он, стараясь как можно отчётливее вообразить нужную картинку. — Мне нужно наверх!»

«Наверху — плохо. Шумно, грязно, кожа пересыхает от жара. Восемь деревянных рыбин плюются огнём. И ещё две спрятались вон за тем мысом. И ещё целая стая спешит сюда с юга».

Было, мягко говоря, странно слышать в собственной голове чужие мысли.

«А ещё на границах водяной чаши облака сдвигаются в штормовой узор. Скоро вода перемешается и станет совсем грязной. Зато внизу — тихо, про-

зрачно и сытно». Кончики щупалец, которые Алессандро на миг ощутил как свои, пронзила дрожь удовольствия при воспоминании о рыхлых придонных отложениях.

«Нет, наверх! — с отчаянием подумал он, выбиваясь из сил. — Я не могу дышать здесь! И я должен найти Маньяско!»

При мысли о том, что будет с Франческой, если он так глупо утонет здесь посреди моря, у него словно открылось второе дыхание, но ненадолго. Он пытался ухватиться за деревянный кусок обшивки, болтавшийся в воде неподалёку, но тот выскользнул из рук. Лёгкие жгло от нехватки воздуха. Существо, продолжавшее держаться поблизости, с интересом закружилось, наблюдая за его лихорадочными попытками. В его многогранном сознании, представлявшем собой облако смутных воспоминаний, странных мысле-картин и вопросов, появилась новая эмоция — лёгкие искорки любопытства.

«Помоги!» — попросил Алессандро. Любопытство в сознании чудовища заблестело ярче. Алессандро не чувствовал агрессии в этом необычном разуме, даже если вспомнить, как прискорбно закончилась их первая встреча. Но и доброты в нём не было. Похоже, существо решило примерить на себя роль наблюдателя. «Наверх! Мне очень нужно наверх!» — снова крикнул ему Алессандро, без всякой уверенности, что это поможет. Силы кончились. В подводной тьме он совсем потерялся и уже не понимал, куда двигаться. Вдруг в лицо ему ударил мощный поток воды, его опять подхватило, понесло, да так, что в ушах зашумело — и вытолкнуло на воздух, в ослепительный свет. Перед глазами пронеслось что-то тёмное, похожее на борт корабля, а потом его жёстко приложило спиной о доски. Алессандро с усилием разлепил глаза. В небе расплывчато качались мачты, которых было почему-то больше, чем две. На ветру бился флаг — алые волнистые полосы на белом фоне. «Флаг Фиески», — безразлично подумал он. В следующий миг его словно ошпарило: он на фиескийской галере!

Он вскочил на ноги, разом забыв про боль в теле и тошноту. На палубе были люди. Некоторые из них угрожающе выставили перед собой мечи, но старались держаться подальше и смотрели на него со страхом. Алессандро не сразу понял, чем их могло напугать появление еле живого утопленника, пока не заметил текучие щупальца, буро-черные, похожие на огромных змей, которые с интересом ощупывали боевую платформу на баке, мачту и враз опустевшие передние скамьи. Один из оставшихся гребцов, когда щупальце потянулось к нему, не выдержал и с воплем сорвался с места. Моряки, сгрудившиеся в центре палубы, отступили ещё на шаг. Только один человек не потерял самообладания — их капитан: высокий, рыжебородый, с пронзительными светлыми глазами. Он уверенно спустился со шканцев и шёл по куршее, на ходу вынимая из ножен меч.

— Нет! — поспешил вмешаться Алессандро. — Не трогайте его! Он уйдёт сам.

Его пронзило страхом от мысли, что будет, если кто-нибудь додумается полоснуть «морского гостя» мечом или всадить в него арбалетный болт. Один миг — и эта галера превратится в кучу щепок, а море вокруг неё — в кровавый бульон с ошмётками мяса.

Удовлетворив своё любопытство, щупальца медленно, очень медленно утекали с палубы. Пока все, кто был на палубе, затаив дыхание, следили за их от-

ступлением, Алессандро успел немного прийти в себя. Он увидел, что галера Альбицци практически погибла, а на двух других ещё продолжался бой. Пушки «Анжело» вынуждали остальных фиескийцев держаться подальше. А где Реньер? В тот же момент он заметил третью галеру, быстро удалявшуюся в сторону Венетты. Что ж, учитывая новую возникшую опасность в виде эскадры тарчей, это было бесчестно, зато разумно.

Когда от «морского гостя» на палубе остались только потёки слизи, люди задышали свободнее, а капитан иронично прищурился:

— Вы нашли весьма... оригинальный способ зайти в тыл противнику, сеньор ди Горо.

Значит, они оба были наслышаны друг о друге, хотя до сих пор не встречались. Дон Маньяско улыбался, чувствуя себя хозяином положения. Алессандро с деланной беззаботностью пожал плечами:

— Шлюпка была занята, а мой морской друг по счастливой случайности оказался рядом.

— И с какой целью вы поднялись к нам на борт?

— Чтобы обсудить изменившуюся ситуацию, конечно. Вы согласны, что тарчи с большим удовольствием уничтожат нас обоих?

— Нет, только вас, — с ядовитой учтивостью пояснил Маньяско. — Лично я собираюсь отступить в архипелаг, предварительно вернув вас вашему морскому приятелю.

— Слишком поздно. — Лицо Алессандро сделалось жёстким. Шутки кончились. — Мой «приятель» у вас под килем. Он с удовольствием поиграет с вашей лодочкой, а потом подгонит её тарчам.

Это был блеф чистой воды, но Алессандро надеялся, что после представления, которое «морской гость» устроил на палубе, ему удастся немного запугать фиескийцев! Он прекрасно сознавал, что даже под страхом смерти не решился бы надолго соединиться с этим странным, пугающим, многослойным разумом, обитающим в вечной тишине моря. Чем дольше этот кальмар-переросток клубился рядом, тем яснее чувствовалось, что твоё собственное сознание вот-вот разорвётся в клочья.

Кроме того, «морской гость» вовсе не горел желанием исполнять все его просьбы. В данный момент он, набравшись впечатлений, собирался вернуться к своим придонным делам. Море замерло в ожидании шторма. Алессандро всеми нервами чуял, как оно предупреждающе затаилось, готовя каждому кораблю в окрестностях смертельный сюрприз.

У них почти не осталось времени! А Маньяско, посмеиваясь в бороду, молча смотрел на него.

— Какова же альтернатива? Вы хотите, чтобы я помог вам отбить вашего «купца» у целой эскадры? С двумя оставшимися галерами?!

— С четырьмя. Это же ваши галеры прячутся вон за тем мысом? — спросил Алессандро, вовремя вспомнив одну из картинок, что показал ему «морской приятель» во время недавней беседы.

На лице Маньяско беззвучно отразился вопрос «Как вы узнали?!», но он только хмыкнул:

— Я могу переправить вас на «Анжело» — и расстанемся. Это моё последнее слово!

Они оба понимали, что без защиты галер «Анжело» был обречён, несмотря

на его внушительное вооружение. Он был слишком тяжёл, слишком неповоротлив, чтобы сражаться против целой эскадры.

...А шторм тем временем медленно, но неотвратимо сжимал кулак вокруг россыпи островов и горстки кораблей, сгрудившихся рядом...

— Тарчи знают про ваше укрытие в бухте Ламбарда, — выложил Алессандро последний козырь. — Они выкурят вас оттуда, как лисиц.

Это заявление наконец стёрло с лица Маньяско всю самоуверенность:

— Что? Откуда?! — громыхнул он.

— А откуда, по-вашему, о нём знаю я? — парировал Алессандро. — Лично мне рассказал дон Сакетти. И я сомневаюсь, что он поделился этими сведениями только со мной. У некоторых людей в Венеции возникло подозрение, что дож ведёт тайную переписку с агентами тарчей.

Судя по молнии, блеснувшей в глазах фиескийца, сходные подозрения возникли и у него. Алессандро старался говорить как можно увереннее, хотя базу фиескийцев на острове Наренти он «увидел» лишь сегодня глазами спасшего его морского существа, которое сейчас медленно дрейфовало на глубину, подальше от шторма. Если дон Маньяско не примет правильного решения в ближайшие несколько минут, вскоре их корабли отправятся туда же.

— Мы сумеем их победить! — воскликнул он. — Если вы согласитесь делать то, что я скажу.

Дон Маньяско скептически вздёрнул бровь. Ни один пленник на его корабле ещё никогда не произносил ничего подобного.

...Качка тем временем усилилась. Ненамного, на самую малость, но если чутко прислушиваться к морю, это можно было уловить. Небо ещё выглядело безмятежно чистым, однако шторм уже мчался сюда как на крыльях.

«Ну же, решайся!» — мысленно взмолился Алессандро.

Наконец, после долгой внутренней борьбы дон Маньяско сдался:

— Ладно. Каков ваш план?

— Всё просто. Я просигналю «Анжело» готовность к бою, а вы дайте знак запасным галерам. Будем держаться недалеко от берега, «Анжело» — на правом фланге. Надеюсь, что подмога успеет вовремя, так как тарчи уже перестраиваются.

Действительно, тарчийские галеры выстроились полумесяцем, чтобы удобнее было схватить добычу. Их подгонял усилившийся ветер.

— Даже паруса убирать не стали, — заметил помощник рулевого.

— Хотят разделаться с нами поскорее.

— Ветер попутный. Сейчас дадут залп — и мы утонем в дыму!

— Ветер скоро изменится, — бесстрастно сказал Алессандро. Маньяско в ответ на это самоуверенное высказывание скептически хмыкнул, но, посмотрев на пленника, воздержался от насмешек. Что-то в лице Алессандро вынуждало верить его словам. Капитан только кашлянул:

— Канониры готовы.

— Вижу. Рано, — ответил Алессандро.

Двенадцать тарчийских галер, раздув паруса, летели прямо на них.

Дон Маньяско кашлянул ещё раз: может, пора?

— Нет, — ответил Алессандро на повисший в воздухе вопрос. — Только по моей команде!

Возле него на юте само собой образовалось пустое пространство. Маньяско

невольно подумал, что в этом странном венеццийце было что-то жуткое. Кажется, он присутствовал на палубе — и в то же время был где-то далеко.

— Ещё немного... — шепнул Алессандро, весь напряжённый, как струна. — Сейчас!

— Огонь!

Порыв ветра ударил внезапно, смешав стройный ряд тарчийских галер. Их развернуло боком, и дон Маньяско со своими подручными дали залп прямо в подставленные борта. С правого фланга глухо бухнули пушки «Анжело». Собственно, на этом сражение можно было считать законченным, потому что в следующий миг небо резко потемнело, и над морем разверзся ад.

Ветер вздыбил высоченные волны, кипевшие пеной. Нос галеры задрался, потом рухнул в бездну, и его захлестнул мутный вал, прокатившийся до самой кормы. Послышались крики — некоторые матросы не сумели удержаться на палубе, их смыло за борт. Рулевой с помощниками всем весом налегли на весло, но даже втроем им едва удавалось удерживать корабль на плаву. Галеру нещадно мотало. Эти низкие длинные корабли были плохо приспособлены для плавания в шторм. «Анжело» чувствовал себя куда увереннее: у него и борта были повыше, и вес побольше. Хуже всех пришлось тарчам, чьи галеры только что получили несколько свежих пробоин. Алессандро видел, как они лихорадочно пытались убрать паруса. Один корабль перевернулся, ещё двоих вскоре вынесло прямо на скалы ближайшего острова Лагоста. Четвёртый тонул. Остальные отчаянно пытались грести в открытое море, но их шансы можно было расценивать как нулевые.

«Впрочем, — подумал Алессандро, — ещё неизвестно, удастся ли спастись нам самим!» При каждом ударе, когда волна набрасывалась на судно, корпус галеры надсадно стонал и потрескивал. Ослепительная молния рассекла почерневшее небо, и сразу же грянул грохот, да такой, что пушки «Анжело» по сравнению с ним показались бы слабыми пукалками.

Маньяско, весь промокший насквозь, кое-как цепляясь за поручни, приблизился к Алессандро.

— Попробуем войти в бухту! — проревел он.

Ломаная линия островов была совсем рядом. Алессандро резко мотнул головой, отбросив со лба мокрые волосы: нельзя! разобьёмся!

— Иначе потонем к дьяволу!

— Нет! Шторм скоро кончится!

Он чувствовал, что сила шторма постепенно иссякает. Море ещё тяжело дышало, но успокаивалось, как человек, выместивший свой гнев и медленно отходивший после хорошей драки. Небо в середине немного расчистилось, раздвинув косматые серо-синячные тучи. Четыре тарчийских галеры, одна из которых была с сорванными парусами — всё, что осталось от гордой эскадры — торопливо уходили обратно на юг.

На «Анжело» засуетились, желая дать прощальный салют из пушек в корму убегающим тарчам. Однако быстро выяснилось, что после бури у них отсырел весь порох, так что эту затею осуществить не удалось.

Только сейчас Алессандро почувствовал, что ледяной кулак, сжимавший его внутренности, как будто исчез. С плеч свалилась огромная тяжесть. Слава Мадонне, они были живы, и «Анжело» тоже! Расшатавшийся корпус галеры зловеще поскрипывал, но, по крайней мере, не дал течь, и рангоут уцелел.

— Вам просто повезло, — буркнул Маньяско, которого слегка покусывала ревность. Он привык считать себя хорошим капитаном, а тактиком и вовсе великолепным, поэтому бой, выигранный Алессандро, чувствительно задел его самолюбие. Среди матросов слышались шепотки: «Ну конечно, венеетийцы все колдуны, им ворожит само море! Где уж нам с ними тягаться!»

— Это был огромный риск! — покачал головой капитан.

— Но он оправдался, — улыбнулся Алессандро, бросив выразительный взгляд на чистое море.

Дон Маньяско ворчливо добавил:

— Нашу шлюпку унесло ко всем чертям, но ради ваших талантов я готов лично отвезти вас на «Анжело». Надеюсь, он не подметёт нам палубу своими пушками? Поскольку мы невольны оказались союзниками, предлагаю разойтись миром. Можете идти дальше своим курсом, мы не будем вас преследовать. Слово чести!

Алессандро чуть не засмеялся: преследовать! На чём это дон Маньяско собрался их преследовать — вот на этих галерах, едва живых после шторма?! Зря он тут изображал благородство.

— В этом нет необходимости, — ответил он таким же учтивым тоном, — так как «Анжело» может продолжить путь без меня. До Керкиры отсюда всего два дня пути. Мне же было приказано доставить вас в Венеету, так как у сената возникло к вам несколько вопросов, касающихся Арсенала. Однако, поскольку мы невольны оказались союзниками, я готов свидетельствовать в вашу пользу. Без вас «Анжело» непременно достался бы тарчам.

На лице у Маньяско застыло непередаваемое выражение. Переважив услышанное, он со смехом покачал головой:

— Вы безумец, синьор, но мне несколько жаль, что наше знакомство вышло таким коротким.

— Есть свидетели, видевшие вас в Арсенале накануне взрыва!

— Совпадение, — беспечно пожал плечами Маньяско.

— Это ещё не всё. За три дня до взрыва в Венеете точно такой же взрыв уничтожил наш корабль в Пицене, причём опять-таки в вашем присутствии. У вас примечательная внешность, дон Маньяско. Многим запомнился рыжебородый капитан, оказавший помощь матросам затонувшего судна.

— И что с того? — оцетинился Маньяско. — Случайность может повториться дважды, и всё равно остаться случайностью!

Его лицо отяжелело от гнева. Он уже готов был приказать вышвырнуть за борт наглого венеетийца, когда вдруг произошло непредвиденное: в небе раздался клёкот, и палубу накрыла густая тень. Задрвав голову вместе со всеми, Алессандро опешил, не веря своим глазам. Грифон! Мощный птице-лев, взмахивая крыльями размером с небольшой парус и растопырив когтистые лапы, завис в воздухе над галерой, высматривая место для посадки. Он был живым двойником многочисленных изображений и статуй, окружавших Алессандро с раннего детства.

Среди матросов поднялась паника. Кто-то попрятался под скамьи, самые проворные и сообразительные кинулись в трюм. Грифон, тяжело обрушившись на куршею (отчего галера аж присела, закачавшись на волнах), исподлобья уставился на капитана, словно олицетворённое правосудие, самолично явившееся покарать преступника.

— Так. А это кто? — безжизненным тоном спросил Маньяско, скосив глаза на Алессандро. — Ещё один ваш... приятель, который «случайно оказался неподалёку»?

Грифону его тон явно не понравился. Он угрожающе наклонил голову и пошевелил когтями, один взмах которых мог расплосовать парус сверху донизу.

— Случайность может повториться дважды, — пожал плечами Алессандро, вернув Маньяско его же слова. Честно сказать, он понятия не имел, откуда здесь взялся грифон и чего от него ожидать, но, надо сказать, он явился удивительно вовремя! Можно было подумать, что легенда о двух каменных статуях, семьсот лет украшавших Пьяцетту, вдруг ожила.

Под немигающим взглядом крылатого исполина дон Маньяско почувствовал себя крайне неуютно. Алессандро примирительно улыбнулся:

— В этом деле накопилось многовато случайностей, вы не находите? И, похоже, ключ ко всему лежит именно в Венетте.

Фиескиец свирепо покосился на грифона. Но поскольку его отнюдь не снело желание поскорее отправиться в мир иной, он неохотно кивнул:

— Да уж вижу, что другого выхода у меня нет.

* * *

Отплытие пришлось отложить. Поскольку невозможно было пускаться в путь на потрёпанной штормом галере, они направились в бухту Ламбарда, чтобы взять лёгкую фелуку, принадлежащую дону Маньяско. Алессандро сразу оценил достоинства «Примаверы». Заодно он навестил «Анжело», куда ещё до боя с тарчами успели переправить всех раненых. Он был рад встретить там Дженнаро Биссу, которому повезло уцелеть в схватке. Алессандро предложил своему помощнику сопровождать его, чтобы у них было два свидетеля как злодеяний, так и подвигов капитана Маньяско.

— Возьмём ещё Дольфина, — предложил Дженнаро. Это был один из комитов. Во время боя на галере его приложили по голове, но, к счастью, голова оказалась крепче вражеской палицы. — А то неуютно как-то среди фиескийцев! До Венетты нам придётся спать вполглаза, чтобы нас не отправили на корм рыбам.

— Лодка совсем маленькая, — возразил Алессандро. — Мы и вдвоём там еле поместимся. Не беспокойся, Маньяско дал слово, а в некоторых вещах ему можно верить, я думаю.

Внутренне он тоже испытывал беспокойство, которое подгоняло его отплыть как можно скорее. У дона Маньяско в Ламбарде было слишком много подручных, которых удерживал от убийства только страх перед «колдовством» Алессандро и — в особенности — страх перед грифоном. Тот разгуливал по лагерю как у себя дома, отлучаясь только для охоты. Дженнаро, впервые его увидев, округлил глаза:

— Кажется, я готов поверить в старые сказки, — присвистнул он. — Живой грифон! Кому скажи — не поверят!

— Говорят, магия возрождается, когда в ней возникает острая необходимость, — сказал Алессандро, вспомнив давнишние разговоры с доном Арсаго. — Может, ситуация в Венетте, на Полуострове, да и в Срединном море, если на то пошло, достигла такой остроты, что пробудила давно дремавшие силы?

Он боялся, что в его отсутствие в Венетте случится что-то непоправимое.

Боялся за Франческу, за Маттео... и даже за Рикардо, которого отправил в довольно опасное путешествие. Вечером он молился, прося Мадонну защитить дорогих ему людей, о которых сам он пока не имел возможности позаботиться.

На следующее утро они отплыли. Алессандро взялся самостоятельно проложить курс, желая доставить «Примаверу» в Венецию в кратчайшие сроки, но по комментариям Маньяско заметил, что и ему морская дорога была хорошо знакома. Вот же хитрый рыжий лис! Вместо того чтобы заниматься делами в Фиеске или, подобно другим купцам, торговать с отдалёнными колониями, он протоптал тропинку в Венецию!

Грифон тоже сопровождал судно. Иногда он улетал куда-то, но потом его тень снова мелькала над парусами. Алессандро с завистью следил за его виражами, прикидывая, как быстро он мог бы добраться до города, имея такие крылья! Вечером они с капитаном стояли на корме. Дон Маньяско следил за ходом корабля, Алессандро же вызвался подменить рулевого, надеясь выкроить момент для разговора, пока рядом не было никого из чужих. Над их головами покачивался купол небес с редкими брызгами звёзд, далеко на западе рдела закатная полоса. Тишину нарушал только свист ветра в переплетении снастей, мягкий плеск потемневших волн и негромкие голоса матросов на камбузе.

— Вы совсем недавно шли этим курсом, — начал Алессандро.

— Это очевидно. Я же не отрицал, что заходил в Пицене. На этом самом судне, кстати.

Представив, что лишь три недели назад Франческа стояла на этом месте, точно так же следя за ходом фелуки, Алессандро сбился с мысли.

— С вами были двое попутчиков, — сказал он, усилием воли вернув себя в реальность. — Так вышло, что они мне знакомы. Синьор Манриоло был слугой одного патриция из Аримина, который женился на сестре моего близкого друга.

— Значит, вы будете рады узнать, что он и другая синьора благополучно добрались до Венеции.

— То есть с ним была девушка, — уточнил Алессандро, хотя и так это подозревал.

Лицо капитана засияло явным интересом:

— О, настоящая дама, уж можете мне поверить, патрицианка с головы до пят! Лёд! Камень! Половина моей команды готова была сплясать тарантеллу прямо под мачтой, лишь бы привлечь её внимание, но она даже бровью не ве-ла! И со своим спутником держалась довольно прохладно. В общем, нам осталось только вздохнуть и завидовать её ручной чайке. Только с ней синьорита и была ласкова.

Алессандро снова пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отвлекаться. Судя по хитрому блеску в глазах Маньяско, получилось не очень. Хорошо, что вокруг них всё сильнее сгущалась темнота, которую рассеивал только свет кормового фонаря. Не так будет заметно его смущение. При одном воспоминании о Франческе у него горели ладони и перехватывало дыхание.

Заставив себя вернуться к разговору, он нахмурился:

— И если судить по дальнейшим событиям, вы втянули этих людей в свою авантюру?

— Я?! — воскликнул капитан тоном смертельно обиженного человека. — Да что вы! Никогда! Они оба сошли на берег, и больше я их не видел.

Алессандро не сводил с него глаз. Что-то здесь было не так.

— Ладно, — пошёл на уступку Маньяско, — признаю, что синьор Манриоло помог нам пройти через отмели в вашей лагуне. Больше я ничего не просил!

— А что произошло в Пицене? Можете рассказать?

Дон Маньяско слегка смутился. Или сделал вид, что смутился:

— Да, каракка в Пицене — моих рук дело. Но они нарушили интрэдикт! Торговля с тарчами запрещена специальным папским указом! Накануне мне удалось подслушать, что каракка следовала из Венетты в Ракоди, прямо в руки тарчийского султана. Капитан проболтался, что корабль был отправлен с ведома дона Сакетти, а среди груза обнаружили заготовки для клинков и дубовые балки для катапульта.

Алессандро был потрясён: «Не может такого быть!» Одно дело — планировать союз с тарчами, ладно, но тайно налаживать с ними торговлю, снабжать их оружием, которое они немедля обратили бы против военных фортов на Канди и Альберино... Вряд ли дон Сакетти на такое решится! Наверное, кто-то из его сообщников постарался.

— Эй, полегче, синьор, — сказал наблюдавший за ним Маньяско. — Экономнее расходуйте презрение, ибо в нём нуждаются многие, как говорил один философ[29].

— Для такого серьёзного обвинения нужны доказательства!

Лицо Маньяско кисло скривилось. Похоже, с доказательствами у него вышла осечка:

— Я и рассчитывал найти их в Венетте, — признался он. — По словам капитана, у дона Сакетти хранился коносамент на этот груз. Если бы я добыл его, мы могли бы вынудить его изменить курс внешней политики. Несмотря на разногласия в прошлом, Фиеске сейчас было бы лучше объединиться с Венеттой против тарчей, чем позволить, чтобы Венетта стала агентом Тарчийской империи на Полуострове!

«Значит, Фиеска хочет союза, а дон Маньяско тем временем грабит наши караваны? — усмехнулся про себя Алессандро. — Ох, лукавит капитан! Скорее всего, добыв доказательства, фиескийский дож хотел ещё больше очернить Венетту в глазах Лиги Четырёх, чтобы упрочить своё положение». Север Полибийского полуострова представлял собой лоскутное одеяло из маленьких герцогств, истощённых взаимными претензиями. Единственное, что их объединяло — зависть к торговому могуществу Венетты. Ценой невероятных дипломатических усилий несколько герцогств и соседнее королевство Рона объединились в Лигу, но союз этот был непрочен. К примеру, если бы король Альфонсо, кроме желаемых областей, положил глаз ещё на Медиолан, герцог Фредерико живо образовал бы другую лигу, уже против него, и первыми в этой лиге были бы венеццианцы.

— И как вы рассчитывали добыть доказательства?

— Путём подкупа, конечно же, — вздохнул Маньяско. Недавно мне удалось завербовать одного гвардейца из охраны дожа, недовольного своим жалованием. За хорошую плату тот согласился пошарить в кабинете у своего патрона. Прибыв в Венетту, вечером я передал ему ключ от секретного ящика, где хранились самые важные бумаги, но тот ничего не нашёл! А потом, после

взрыва мне пришлось быстро покинуть город, так как я опасался несправедливых обвинений.

Выражение глаз дона Маньяско в свете кормового фонаря было невинным, как у честнейшего человека. Правда, это ничего не доказывало. Алессандро уже приходилось встречать людей, умевших лгать с таким безупречно честным лицом. Нельзя было не признать, что в словах капитана была определённая логика. Если компрометирующий документ действительно существовал, тогда понятно, отчего Сакетти так боится дона Маньяско. Думает, что фиескийцу слишком много известно. Но если этот документ существует и даже Маньяско его не нашёл, тогда где же он?

Глава 20

Три недели назад, когда Рикардо Граначчи покидал Венецию, город задыхался под подушкой летней жары. Теперь же, по возвращении из Медиолана, Венеция встретила его мощным ливнем. В Местре он оставил измученного коня в гостинице и потребовал себе гондолу с закрытой кабиной, однако даже за время этих нехитрых манипуляций успел промокнуть до нитки. Дождь хлестал так, будто в небе открылись шлюзы, стремясь вылить на Венецию всю воду, которую она недополучила за последние жаркие месяцы.

Прожив три недели вдали от моря, Рикардо теперь жадно, как губка, впитывал сырой солоноватый воздух. Он чувствовал себя словно рыба, вернувшаяся в привычное место обитания — плавучий родной город, с его уютными двориками, до которых никогда не доберется ни один чужак, благодаря местной запутанной географии, с его роскошными балконами, на которые иногда выходили прекрасные синьориты, и кровеносной сетью каналов, пронизывающей весь город. Гондола тем временем добралась до главного «водяного» проспекта Венеции. По правую руку простирался сестьере Санта-Кроче, насквозь пропахший рыбой, по левую — Каннареджио, с его садами и виноградниками. Город струился сквозь дождь, покачивался в неустойчивом равновесии. Прозрачная вода, льющаяся с небес, смешивалась с тёмными водами канала, и казалось, что светлые дворцы, высившиеся по обеим берегам, вот-вот растут, как куски сахара, брошенные в чашку.

Они миновали мост Арженто, возле которого кипел разросшийся рынок. Рикардо поёжился, вспомнив свои похождения в Медиолане. Двести лет назад на правом берегу канала в этом месте красовалось палаццо сенатора Тьеполо, примкнувшего к заговору против дожа Градениго. Дождь вёл агрессивную внешнюю политику и очень хотел подчинить Венеции богатый город Волано. Его не смущало ни противодействие синьора Волано, ни поражение венецианской армии у подножия той крепости, и даже папа римский был ему не указ. Венецианские купцы несли огромные материальные потери, так как их товары за границей были конфискованы по условиям папского интредикта. Дождь продолжал упорствовать. Тогда родился заговор, но, к несчастью, он был разоблачён. Заговорщиков казнили, дом Тьеполо снесли, и его место тут же занял расползшийся рынок. А чтобы легче было предотвращать подобные заговоры в будущем, изобрели Совет десяти, который оказался настолько полезным, что существовал до сих пор, играя в городе роль тайной полиции. И если их с Алессандро намерения станут известны этому Совету, их участь будет решена быстро и страшно...

Рикардо постарался отогнать тревожные мысли. Всё должно получиться как надо. Синьор Джеронимо Фарузи, граф Онейли, вполне приветливо встретил его в Медиолане. Он хорошо помнил синьора ди Горо и был о нём самого высокого мнения, поэтому благосклонно выслушал предложения Рикардо и обещал подумать. Рикардо повезло, что тарчийские галеры недавно сделали несколько удачных вылазок, окончательно истощив терпение северных герцогов Волано и Касалоди. Дон Фарузи дал понять, что если Венетта сделает первый шаг, то Лига согласится рассмотреть соглашение с ней и даже, возможно, заключить военный союз. План Алессандро, поначалу казавшийся невозможным, понемногу обретал очертания.

Ёжась от сырости, Рикардо ступил под аркаду родного дома, потемневшего от дождя. Он жалел лишь о том, что не привёз посла Лиги — то есть дона Фарузи — с собой. Жизненным девизом графа Онейли было *festina lente* — «поспешай медленно». Он привык путешествовать со всем двором. В Венетту его сопровождал отряд молодых дворян и целая свита слуг: оруженосцы, стольники, пажи, псари, конюхи... Весь этот балаган создавал массу суеты и двигался черепашьям шагом. Рикардо выдержал два дня такой «поездки», а потом, убедившись, что медиоланский аристократ уже не повернёт назад, испросил позволения отправиться вперёд налегке.

Посол должен был прибыть дня через три. Если, конечно, не впадёт в расстройство от того, что любимый куафер испортил ему прическу, или если его любимая болонка не захворает в дороге. Тем временем Рикардо собирался разведать обстановку, так как его порядком тревожило молчание Алессандро. Он надеялся, что у друга хватит ума не поддаваться на провокации дона Сакетти.

— Бьянка! Я вернулся! — позвал он, ступив в холодный мраморный холл.

Ответом ему была тишина. Рикардо несколько огорчился. После трёх недель разлуки он рассчитывал на пылкую встречу, бокал горячего вина и безраздельное внимание супруги, которая, затаив дыхание, будет слушать рассказ о его приключениях. Куда, интересно, запропастилась любимая жена в такую отвратительную погоду? И где Джулия (впрочем, по сестре он скучал меньше всего)? Странно всё это...

Обойдя пустые комнаты, он наконец догадался заглянуть на кухню и нашёл там Мелину, которая при виде хозяина всплеснула руками, едва не уронив миску с мукой. От неё Рикардо узнал, что Бьянка зачем-то уехала в Кьоджи вместе с Фабрицио. А также узнал о взрыве в Арсенале, внезапном отъезде Алессандро и о несчастье Джулии, которую держали в Золотом дворце, обвиняя в том, что она «тайно бывала в обществе представителей иностранных держав и раскрывала им сокровенные секреты республики, в обмен на иные услуги».

Новости его ошеломили. Впрочем, получив наконец бокал вина с пряностями, горячую жаровню, полную душистых углей, и устроившись в мягком кресле вместо опостылевшего жёсткого седла, Рикардо немного успокоился. Ничего ещё не потеряно. Сейчас он отдохнёт, потом наведается в центр, на Пьяццу, чтобы узнать подробности. Навестит Джулию, если позволят. Расспросит Бьянку, в голове которой, он подозревал, было больше здравого смысла, чем у иных сенаторов. Они что-нибудь придумают.

Рикардо отхлебнул ароматного вина, которое мягко обволакивало нёбо и согревало, прогоняя дрожь. За балконными стёклами уютно шуршал дождь. В

дверь снова просунулась растрёпанная кудрявая голова Мелины:

— Вас там спрашивает паренёк от синьора ди Горо. Уже не в первый раз приходит! Видать, по важному делу!

— Зови, — посерьёзнул Рикардо, отставив кубок.

Он хорошо помнил Маттео, но таким его ещё никогда не видел. Глаза больные, плечи поникли, лицо пустое, как у мертвеца. Мокрые волосы прилипли ко лбу, дублет весь промок — но юноша, кажется, этого даже не замечал.

— Что случилось? — спросил Рикардо.

— Сегодня в гавань вернулась галера Реньера. Одна, — уронил Маттео. — Остальные... Альбицци, дон Алессандро, ребята с «Анжело»...

Он опустил голову, будто не решаясь выговорить последнее слово — «погибли». Слово, произнесённое вслух, признал бы этот факт окончательно и непоправимо свершившимся.

Рикардо показалось, что весь мир вокруг посерел. Серая комната, серый свет, льющийся из окон, напротив него в кресле — человек с серым лицом, такой мокрый, будто добрался сюда по дну канала. Дождь за окнами разошёлся пуще. Ему было кого оплакивать.

— Как это случилось? — услышал он чей-то голос. Свой голос.

Кто-то принялся рассказывать что-то про срочность, необходимость доставки пороха, про коварного фиескийца Маньяско и внезапно налетевшую эскадру тарчей... Рикардо слушал вполуха, краем сознания отмечая детали. Все его мысли были об Алессандро.

Он злился на друга и даже немножко завидовал его внезапно родившейся страсти к морю, но никогда не думал, что море способно его предать. Наоборот! Узнав от Мелины о его экспедиции, он даже обрадовался. Думал, в море ему безопаснее, чем здесь, среди политических подводных течений Венетты. А вышло...

Вдруг обнаружив, что вертит в пальцах пустой узорчатый кубок, Рикардо в ярости запустил им в стену:

— Проклятье! — выдохнул он, потом стиснул зубы. Ругательствами делу не поможешь.

«Ведь просил же его быть осторожным! Эх, Сандро, ну как же так...»

Паренёк в мокром дублете умолк, настороженно глядя на него большими тёмными глазами. Вот о ком надо позаботиться. Теперь ему о многом придётся позаботиться... вместо Алессандро.

— Я сейчас отведу тебя к Мелине, чтобы она дала тебе сухую одежду, — сказал Рикардо. — Но сначала расскажи ещё раз: значит, их выследила тарчийская эскадра?

Он прищурился, чтобы получше разглядеть собеседника. Маттео, глядя на него с испугом, закивал, отчего-то вжавшись в кресло.

Рикардо тяжело кивнул:

— Рассказывай всё по порядку.

* * *

Дождь струился за высокими окнами городского архива Кьоджи. Небо потемнело, и в окне, испещрённом дождевыми потёками, еле-еле можно было различить тёмно-красный и желтый каменные дома, расположенные напротив Архива. Внизу пенились воды рио дель Корсо — длинного канала, проходящего через весь город. Инес с Бьянкой сидели за столом в окружении тол-

стых папок, принесенных здешним секретарём. Дежуривший в архиве чиновник, услышав имя Санудо, сразу сделался внимателен и услужлив, а получив цехин за услуги, и вовсе преисполнился благодушия.

Бьянка искала сведения о продаже поместий на Бренте. С тех пор как семьсот лет назад на островках лагуны зародилась Республика, ни один клочок земли не переходил из рук в руки без должного оформления. К счастью, столь древние сведения им были не нужны. Они искали людей, купивших дом у реки двадцать-двадцать пять лет назад. В первую очередь их интересовали дома, которые были потом перепроданы, или, лишившись хозяев, превратились в развалины.

Вчера они, взяв напрокат барку, прокатились по течению реки, чтобы предварительно оценить обстановку. По левому берегу Бренты тянулись ухоженные поместья с красивыми мраморными виллами, выступающими из цветочных кущ и серебристых оливковых деревьев. Когда-то они принадлежали старинным фамилиям: Фоскари, Традонико, Дзиани... Эти старые, уважаемые семьи когда-то задавали тон в Венеции. Теперь многими домами завладела «новая» знать, нувориши — энергичные, напористые люди, ищущие новые способы обогащения и новые рынки сбыта. В их кругу ценилось не имя, а деньги, они искали не долгосрочной, а быстрой прибыли. Инес подумала, что прекрасные виллы на берегу Бренты были своего рода памятниками угасающей старой знати.

Иногда им встречались заброшенные усадьбы, с голыми крышами, почти лишёнными черепицы, со стенами, так плотно увитыми разросшимся плющом, что он был похож на мохнатое зелёное одеяло. Особенно запомнилась Инес невысокая круглая башня, торчавшая рядом с какой-то провалившейся крышей. Часть её была разрушена — видно, окрестные фермеры привыкли таскать отсюда камни для своих нужд. Окна в верхнем этаже были выбиты, и в их черных провалах то и дело шныряли чайки. Они кружили вокруг, оглашая воздух пронзительными криками. Мрачная и угрюмая, эта башня казалась то ли грозным предупреждением, то ли обломком чьего-то жизненного крушения...

Инес вздрогнула, когда Бьянка тронула её за рукав:

— Не отвлекайся, — попросила она. — У нас ещё полно работы!

С этими словами Бьянка так свирепо уставилась на стопку папок, будто те бросали ей вызов. Собственно, так оно и было: где-то в бумажных недрах таилось искомое имя матери Франчески, и Бьянка была полна решимости вытащить его оттуда.

Вчера она с такой же энергией донимала кормчего, время от времени приказывая ему причалить к берегу, и расспрашивала управляющих, которых им удалось найти и отвлечь от их собственных забот. Бьянка изображала состоятельную даму, желающую подыскать себе элегантное поместье в здешних местах.

— Разумеется, мы не можем прямо спросить у людей: мол, не помните ли вы по соседству сердитого нелюдимого старика, у которого тринадцать лет назад умерла дочь? — говорила она. — Будем действовать «в бархатных перчатках» — то есть пристойно и осторожно.

Инес поначалу скептически отнеслась к этой идее:

— Что если дед Франчески уехал отсюда после смерти дочери? Тогда его

точно никто не вспомнит! Столько лет прошло!

— О нет, не думаю... Вряд ли кончина дочери сильно его подкосила. Судя по поведению, что-то сломало его ещё раньше. Такие люди обычно доживают свой век на привычном месте. У них просто не хватает душевных сил начать заново где-то ещё.

Шум дождя, барабанившего в стёкла, стал громче, и Инес очнулась. Хорошо, что они вчера успели осмотреть реку, не то с неугомонной Бьянки случилось бы устроить прогулку сегодня! От такого ливня их не спасли бы ни плащи, ни навес на барке! Дождь лил так, будто небеса вознамерились смыть маленькую Кьоджу в море. Инес даже засомневалась, найдут ли они причал на пьядце Виго на том же месте, когда настанет время возвращаться?

Монотонный шелест водяных струй навевал дремоту. Как ни старалась, Инес с трудом удерживалась, чтобы не зевнуть. Ночью она долго молилась за Энрике, потом с бьющимся сердцем снова уселась за книги, пытаюсь проникнуть в таинства волшебства кьямати. В первые дни она прикасалась к тяжёлым переплётам с опаской, думая, не грех ли это? Не превратит ли её это знание в «морскую ведьму» с пустым сердцем, такую же, как Франческа? Правда, насчёт Франчески она, возможно, ошиблась. Кроме того, магия кьямати была признана церковью. Это утешало... немного.

А потом ей внезапно приснился кошмар. Во сне крылья грифона принесли её к россыпи островов, тёмными кляксами выделявшихся на поверхности моря. Но не острова привлекли её внимание, а корабли возле них, окутанные клочьями дыма. Инес видела разлетающиеся обломки дерева, вспышки и грохот выстрелов, окровавленные искаженные лица, в которых не осталось ничего человеческого...

Она проснулась, задыхась от страха. С той ночи она взялась за учение с новой силой, хотя после ночных бдений её пошатывало от усталости, а ровные строчки в архивных книгах, написанные выцветшими чернилами, приходилось перечитывать дважды, чтобы понять.

— Здесь тоже ничего нет. — Бьянка вздохнула и отложила очередную папку. Потёрла пальцами переносицу, успокаивая покрасневшие глаза.

Чтобы подбодрить подругу, Инес улыбнулась:

— У нас раньше тоже был дом на Бренте, помнишь? Рядом с виллой Фоскари. Один раз мать устроила праздник на мои именины, и мы вчетвером долго гуляли в саду. С тобой, Джулией и Катариной. Она потом вышла замуж и уехала в Патаву. Мы все тогда гадали, за кого и когда выйдем замуж...

Лоб у Инес разгладился при воспоминании о четырёх беззаботных девчонках, которые, удрав от надзора, бегали к реке, чтобы узнать свою судьбу с помощью венков и ореховых скорлупок.

«Мне уже тогда никто не был нужен, кроме Энрике», — подумала она.

— Помню, — мечтательно улыбнулась Бьянка. Её лицо тоже просветлело от воспоминаний.

Она не стала напоминать, что тот дом дон Сакетти продал после очередного скандала с женой, наказав донне Джоанне жить в Венетте, где его крепко держала служба. Он подозревал, что слишком много молодых людей просачивается в его усадьбу на Бренте через заднюю дверь.

Не хотелось пачкать детские наивные впечатления интрижками взрослых. Теперь-то наивности в них поубавилось, конечно. Это раньше их единствен-

ной проблемой было сбежать от няньки или утаить от матери фривольный романчик, чтобы почитать его на ночь. А сейчас...

— А теперь детство кончилось, — вздохнула Бьянка, раскрывая следующую папку, пахнущую слежавшейся пылью и чернилами. Она заметила, что Инес иногда морщится и трёт лоб украдкой.

— Голова болит? — спросила она. — Ты смотри, не переусердствуй с книгами, которые привезли с Мираколо! Ты-то ведь не каменная, в отличие от грифона!

Бьянка всё ещё не могла всерьёз воспринимать слова подруги о том, что та якобы обрела талант к магии, но потом она вспоминала Франческу и пауро-зо... или искалеченное тело графа Арсаго, когда его вынесли из крипты... Это ужасное зрелище кого угодно убедило бы в том, что магия, по крайней мере, действительно существует!

Инес слабо улыбнулась:

— Кажется, от меня здесь мало что зависит. Такое чувство, что грифон сам проникает в моё сознание, когда ему это нужно. Я пока не могу этим управлять... В книгах говорится, что люди становятся более чувствительны к магии, когда в ней возникает особая необходимость. В годы войн, потрясений или бедствий.

— Спасибо, ты меня успокоила! — В голосе Бьянки послышалась лёгкая ирония.

— В общем, грифонам нет дела до нас. Они охраняют не нас, не Венетту, а лагуну.

Бьянка молча кивнула, добавляя в свой список имя дона Марино Строцци, бывшего подеста Патавы. Двадцать три года назад он купил поместье на Бренте, а через пятнадцать лет скончался, отписав землю муниципалитету Кьоджи.

Подходящих домов было не так много, но Инес видела, что список Бьянки насчитывал уже восемь фамилий, а перед ними лежало ещё несколько папок.

— А что потом? — спросила она. — Как мы сможем узнать что-то об этих людях? Будем расспрашивать новых владельцев?

— В такую погоду? — скривилась Бьянка. — Нет уж. Я придумала кое-что другое.

— И что же?

Внутренне Инес ощутила облегчение. Она не решалась протестовать, когда Бьянка таскала её за собою по реке, так как была благодарна ей за понимание. За то, что та не оттолкнула её с презрением и позволила исправить совершённую ошибку... Однако она чувствовала себя совсем измотанной. Бессонные ночи, поездка в Кьоджу сквозь дождь и мрачная, пригибающая к земле погода её почти доконали.

Перечитывая имена из списка, Бьянка бегло улыбнулась, на мгновение подняв глаза:

— Не волнуйся, нам больше не придётся рыскать по лагуне. Мы навестим моего отца. Я подумала, что старики всегда знают друг друга.

* * *

К вечеру дождь утих, но тучи не спешили покидать небо над городом. Закатное солнце ярко осветило окна домов, обращённых к западу, однако в вышине всё небо было затянуто лилово-серой пеленой. Когда Фабрицио привёз

её к пристани дома Граначчи, Бьянка задержалась ненадолго, выпитывая вечернюю покойную тишину, наблюдая, как растворяются в сумерках очертания домов на другой стороне канала, как вкрадчиво, неслышными шагами в город спускается темнота.

Ей очень нужны были эти несколько минут одиночества, чтобы собраться с мыслями. Предположительно, им с Инес сегодня удалось установить имя Франчески, но предстояло ещё много работы. Нужно было кое-что уточнить (для этого она собиралась завтра отправить в Кьоджи Фабрицио), подать прошение в сенат и встретиться с секретарём суда. Завтра опять будет хлопотливый день...

Вздыхнув, она решительно толкнула скрипнувшую решетку и прошла в дом. Было темно, но Бьянка знала, что Мелина наверняка ещё не спит, поджидая хозяйку и грея ужин над очагом. Где-то за анфиладой этих сумрачных парадных комнат, тонувших в безмолвии, в самой глубине дома, на кухне теплится уютный огонёк. Проходя мимо гостиной, Бьянка вдруг остановилась, заметив в кресле неподвижную тёмную фигуру. «Призрак!» — мелькнула испуганная мысль. Она вспомнила донну Ассунту с её клюкой, согбенной спиной и непреклонным характером. Кто ещё мог бы тайно, на ночь глядя наведаться в этот дом?

В этот момент «призрак» шевельнулся, а вспыхнувшие угли в жаровне на миг высветили знакомое узкое лицо в обрамлении тёмных волос. Бьянка ахнула от неожиданности:

— Рикардо! О, слава Мадонне! Ты приехал!

Она бросилась в комнату, на ходу сбросив на пол тяжёлую, промокшую за день накидку. Плечам сразу же стало легко, и такая же лёгкость воцарилась у Бьянки в душе от мысли, что муж, наконец, вернулся! Дорога до Медиолана далеко не везде была безопасна.

— Как ты доехал? Неужели один? Верхом? — засыпала она его вопросами. В ответ Рикардо только засмеялся, мягко отведя её руки, когда она потянулась его обнять:

— Ох! Руки у тебя ледяные! Зачем ты ездил в Кьоджи?

— Гонялась за прошлым, — пошутила Бьянка, с облегчением устраиваясь в соседнем кресле. Она протянула ладонь к жаровне, от которой распространялось душистое сухое тепло.

Вдруг подумалось, как непохоже было на Рикардо вот так сидеть и сумерничать в гостиной после месячного отсутствия. Не случилось ли чего худого? Тот Рикардо, которого она знала, сперва стрелой помчался бы в Арсенал, чтобы узнать об убытках, потом наведался в порт, чтобы собрать последние новости о кораблях, проверил бы все счётные книги и засыпал писцов уймой вопросов и грузах и выгодных фрахтах. Потом Бьянка вспомнила, какую новость сегодня сообщил ей отец и медленно выпрямилась. На сердце ей снова легла тяжесть:

— Прости, я забыла. Я слышала о возвращении Реньера... Алессандро ведь был твоим близким другом. Мне очень жаль.

Она сочувственно погладила мужа по плечу, чувствуя ладонью его закаменевшие мышцы.

— Он во всём был лучше меня, — глухо ответил Рикардо, отстранившись. Послышалось звяканье, плеск, в свете жаровни блеснул алым цветом краешек

бокала. Бьянка хотела встать, чтобы зажечь свечи, но Рикардо её остановил:

— Не надо. Лучше так.

Помолчав, он добавил:

— Более близкого друга у меня не было и не будет. Между нами столько всего произошло за эти годы... Я тебе не рассказывал... Или рассказывал? — он задумчиво потёр лоб. — Нет, мы тогда говорили с Джулией. Хотя стоп, не с ней, а с той девчонкой, которая её подменила... с Франческой. Дьявол, я с вами совсем запутался!

Бьянка с тревогой взглянула на мужа. Судя по бессвязной речи, он уже глубоко погрузился в свою скорбь, и вина в нём плескалось порядочно... Ладно, если что, Фабрицио поможет дотащить его до постели.

— Ты узнал, как это случилось?

— Говорят, их подстерегла тарчийская эскадра. Проклятье! Поразительно, как тарчам удалось так точно выйти на курс «Анжело!» Не удивлюсь, если им помог кое-кто!

Бьянка вздохнула, понимая, на кого намекал её муж. Однако говорить (и даже думать) так в Венеции было небезопасно. Дон Сакетти, конечно, далеко не ангел, но нельзя же обвинять его во всех грехах!

— Это действительно могла быть случайность. Отец говорил, что тарчи контролируют сейчас всю восточную часть Средиземного моря...

— Не верю, — угрюмо мотнул головой Рикардо. — Алессандро в море могло погубить только чьё-то предательство!

Чтобы отвлечь супруга от опасных мыслей, Бьянка сказала:

— Я сегодня ездила в Кьоджу, чтобы разузнать о Франческе.

Это сработало. Рикардо с удивлением воззрился на неё:

— Об этой авантюристке? Зачем она тебе? Казнят — и поделом ей! Это она отравила мою сестру в проблемы с сенатом и погубила Сандро! Из-за неё он совсем помешался на море!

— О, теперь ты и её винишь? — скептически усмехнулась Бьянка. — Да брось, если бы синьор ди Горо остался в Венеции, дон Сакетти расправился бы с ним ещё быстрее. И Джулию никто в неприятности не втягивал, она сама мастерица находить их на свою голову! Я выслушала рассказ обеих девушек, и могу тебя заверить, что идея подменить себя подружкой принадлежала Джулии.

— Но твоя Франческа выдавала себя за аристократку, а это преступление, — назидательно сказал Рикардо. Бьянка с трудом сдержала улыбку. Её муж терпеть не мог проигрывать, даже в самом ничтожном споре! Только это сейчас могло ненадолго заставить его позабыть о горе...

— Ничего подобного. Я узнала кое-что о её родителях. Если хочешь знать, её матерью была Гаэтана Строцци, дочь Марино Строцци, бывшего подеста Патавы, — заявила Бьянка с торжеством. — Между прочим, эта семья была вписана в Золотую книгу ещё с той поры, как появились первые дома на Ривоальто! «А отцом Франчески, вероятнее всего, был граф Арсаго», — хотела добавить она, но запнулась. Это вынудило бы её открыть тайну Джулии... и донны Беатрисы. Знает ли Рикардо? Уместно ли сейчас обсуждать такой деликатный вопрос?

Она смущенно умолкла, сделав вид, что ей вдруг понадобилось разглядить помятые складки на юбке.

— ...Когда я узнал об обмане, меня больше всего удивило их сходство с Джу-

лией, — заметил Рикардо.

Молчание между ними стало почти осязаемым. Сейчас Бьянка порадовалась, что не стала зажигать света. В слоистом сумраке, который создавало скудное свечение жаровни, лицо Рикардо было почти неразличимо.

— Я маму ни в чём не виню, — добавил он тихо. — Думаю, она была не очень-то счастлива...

Бьянка нашла его руку и утешающим жестом мягко сжала его пальцы.

— И моё отношение к сестре не стало хуже, когда я узнал... Мы никогда не были близки, но я всегда старался быть к ней справедливым. Хотя видит Бог, иногда эта девчонка просто испытывает моё терпение!

— Ты хороший брат, — убеждённо сказала Бьянка. — и я рада за Джулию. А вот Франческе гораздо меньше повезло в жизни... За неё некому заступиться.

— Ох, только не надо на меня давить! — разозлился Рикардо, резко отстранившись.

«Если бы Алессандро был жив, он тоже наверняка попросил бы о ней позаботиться», — вдруг пришла мысль, и от этого хотелось завывать.

— Ты несправедлив к ней! — настаивала Бьянка. — Вспомни, как много требовал от неё граф Арсаго! Один случай с паурозо чего стоит! Что случилось бы с Джулией, окажись она перед клеткой? А убийца, от руки которого погибла донна Ассунта? Если бы не Франческа, твоя сестра сейчас была бы мертва! Ты не чувствуешь себя немного обязанным этой девушке, нет?

— Умеешь же ты всё перевернуть с ног на голову! — хмыкнул Рикардо. — И чего ты хочешь?

Бьянка помолчала, чтобы ещё раз как следует всё обдумать.

— Мы должны потребовать открытого суда. Пусть весь сенат узнает, что они держат в тюрьме по невнятному обвинению дочь и внучку венецианских патрициев! Будем надеяться, что наше правосудие окажется к ней более милосердно, чем дон Сакетти...

Рикардо горько засмеялся:

— Не забывай, что его светлость тоже присутствует в суде, сидя в своём высоком кресле и в золотой шапке! Мало кто из сенаторов отважится выступить против него!

— Хорошо, а что ещё мы можем сделать? — потеряв терпение, спросила Бьянка.

Ей стало обидно. Она до костей промёрзла под дождём, потом полдня провела в пыльном душном архиве, стараясь собрать хоть какие-то сведения, пока все остальные, начиная с отца и заканчивая её мужем, только и твердили, что у неё ничего не выйдет!

Рикардо, казалось, хотел что-то сказать, но умолк и опять потянулся к вину. Бьянка поняла, что сегодня она точно от него ничего не добьётся. Помолчав, она хмуро добавила:

— Мы все знаем, каким образом дон Сакетти забрал столько власти — с помощью сети доносчиков, которую он выстроил и развил, ещё когда находился на службе у графа Арсаго! Это не делает ему чести, и совсем не полезно для города, так как теперь никто из патрициев не может чувствовать себя в безопасности. Я надеюсь, что до наших сенаторов скоро дойдёт одна простая мысль: если сегодня они смолчат, позволив осудить кого-то другого, завтра на позорном месте обвиняемого вполне может оказаться кто-то из них!

Глава 21

Ночная темнота в комнатах и коридорах Золотого дворца казалась обитаемой — наполненной шорохами, исходящими из старых стен, колеблющимся светом факелов и свечей. Сидя за столом в кабинете, Инес подняла голову и прислушалась: ей показалось, что за дверью прошелестели чьи-то шаги. Потом она снова, опершись на локоть, склонилась над книгой:

«...Магия кьямати не ломает чужую волю, подобно волнам, набрасывающимся на скалы, и не рассекает чужой разум, словно ростр корабля. Нет, дар кьямати позволяет скользнуть сквозь чужое сознание мягко, как рыба...»

Инес задумалась, пытаясь представить себе подобный фокус. Каждый вечер монастырские книги открывали ей что-то новое, хотя иногда складывалось впечатление, что летописцы нарочно старались изъясняться как можно загадочнее, чтобы запутать будущих адептов. Или же сами плохо понимали, в чём заключается сущность кьямати. Одно было ясно: после тайн, в которые она проникла, уже невозможно было вернуться к прежнему незамысловатому существованию.

Её размышления прервал настойчивый стук в дверь. На пороге, слегка поклонившись, возник синьор Лопарини.

— Дон Сакетти желает вас видеть, — заявил он, нисколько не смутившись своего позднего визита. Секретарь был свято уверен, что не только дож, но и его родственники обязаны нести круглосуточную службу на благо республики.

Слегка встревоженная, Инес закрыла книгу и убрала её в шкаф, подальше от любопытных взглядов. Отец никогда не вызывал её к себе так поздно. Правда, в последние два дня весь город находился в волнении из-за прибытия галеры Реньера и известия о захвате «Анжело». Сама Инес, счастливая до беспмятства, что Энрике вернулся невредимым, поначалу не могла думать ни о чем другом. Потом её охватило беспокойство, что дон Сакетти, который и так ходил весь пожелтевший, будто его грызла какая-то внутренняя болезнь, вообще сляжет, получив весть о новом поражении на море. Однако опасения не подтвердились: отец вышел к обеду вместе с Энрике, дружески похлопывая зятя по плечу, и казался вполне довольным. Судя по его виду, он обрёл прежнюю уверенность, доказывая любому, кто был готов его слушать, что Венетте придётся-таки заключить с тарчами мир:

— Мы не можем одновременно воевать и с Лигой, и с султанатом! — горячился Сакетти, хотя никто и не думал с ним спорить. — Чтобы отстоять наши земли на Полуострове, нам сначала нужен крепкий мир в восточных морях!

Это не объясняло, однако, зачем ему понадобилось вызвать к себе дочь среди ночи. Секретарь проводил её до самого кабинета и остался за дверью. Инес вошла внутрь со смешанным чувством тревоги и любопытства.

Очевидно, её отец тоже ещё не ложился. Он сидел за столом в лёгком джеркине поверх рубашки и что-то писал чётким убористым почерком. Тишину в комнате нарушало только потрескивание свечей.

— А, пришла, — сказал он, метнув на дочь неприязненный взгляд. — Ну-ка взгляни. Что это, по-твоему?

Он подтолкнул к ней один из лежащих на столе листков, испещренный знакомым бисерным почерком Бьянки Граначчи. Инес не нужно было читать

это письмо, чтобы узнать его содержание. Они с Бьянкой составили его вместе.

— Что это такое, я спрашиваю? — возвысил голос дон Сакетти. — Ты в последние дни везде появляешься с этой донной Граначчи. Может быть, объяснишь?

Она вздохнула и постаралась взять себя в руки:

— Это прошение в сенат о рассмотрении дела синьориты Франчески Строрцци.

— Какой ещё синьориты Строрцци?! — взвился дож. — Этой шпионки? У неё внезапно обнаружились влиятельные родственники?

— Да, Бьянке удалось найти их следы. И, кстати, вина синьориты Строрцци ещё не доказана.

— Потому что её преступление так очевидно, что и доказывать нечего! — рявкнул Сакетти. — Не хватало ещё тратить время на всякую шелупонь! Удирать её в камере — и вся недолга!

Его жёсткое лицо скривилось, будто у него заболели зубы. Инес сверкнула глазами:

— Значит, донна Бьянка всё сделала правильно. Я поражаюсь, отец, как изменилось наше правосудие! Раньше даже раб мог подать ходатайство в сенат и надеяться, что его дело будет рассмотрено без всякого предубеждения!

— Молчи! Ишь, как заговорила! Обе вы хороши! Решили прикрыть грехи этой девчонки старинным именем? Вы не подумали, что позор одной недостойной женщины ляжет пятном на все старые семьи Венетты?! Так и знал, что от этих Граначчи одни неприятности! Вся их семейка — изменники! Учинить такое именно сейчас, когда любой внутренний раздор может погубить весь город!

Инес не выдержала:

— Отец, Бьянка лишь хочет, чтобы с Франческой обошлись по закону!

— Не тебе учить меня законам! — ещё больше разошёлся дон Сакетти. — Ступай лучше займись приличными делами, вместо того чтобы портить глаза над книгами! Вот уж действительно погибель для слабого женского ума! Пока ты напрасно жжёшь свечи, твои слуги бездельничают, а супруг бродит по коридорам, словно тень!

От этого несправедливого обвинения Инес внутренне сжалась. Это прозвучало как издевка. Не её вина, что Энрике вернулся из моря совсем другим! Весь вчерашний вечер он провёл с доном Сакетти, ночью ушёл куда-то, а сегодня целый день рассеянно смотрел вдаль и отвечал невпопад. Инес с болью подумала, что в Венетту вернулось лишь тело, тогда как душа Энрике, вероятно, осталась где-то там, в сражении возле островов Иллирии... Она могла лишь надеяться, что когда-нибудь душевное спокойствие к нему вернётся.

Отец знал, как её уязвить. Не желая больше с ним спорить, она положила Бьянкино письмо обратно и направилась к двери. Напоследок решила всё-таки предупредить:

— Я не знаю, насколько тяжелы преступления синьориты Франчески, но надеюсь, что вы, отец, не запятнаете наше имя каким-нибудь неосторожным поступком!

Хлопнув ладонью по столу, дон Сакетти прикрикнул:

— Я сказал, ступай к себе в комнату!

Некоторое время они молча смотрели друг на друга одинаково заиндевелыми светлыми глазами. В другое время Инес поспешила бы укрыться от отцовского гнева, но не сейчас. Ей казалось, что крылья грифона незримо раскрываются у неё за спиной. Она уже перешагнула ту грань, когда её можно было напугать гневным окриком или пощёчиной.

— Хорошо. Доброй ночи, отец.

* * *

Возвращаясь к себе, Инес так кипела от гнева, что казалось, факелы в коридорах ярче вспыхивали в такт её шагам. Она удивилась, увидев, что Энрике ещё не в постели. Похоже, никому в Золотом дворце не спалось в эту ночь! Её муж сидел возле раскрытого окна, прислушиваясь к ночным шорохам, и смотрел на пламя свечи. Может быть, он снова и снова перекраивал в уме ту проигранную битву.

— Где ты была? — спросил он с добродушным безразличием.

К злости на отца в растревоженной душе Инес добавилась обида на мужа. Ей захотелось ответить «у любовника», нарочно оговорить себя, чтобы посмотреть на его реакцию. Но она побоялась, что даже это заявление Энрике встретит с обычным прохладным спокойствием. И что ей тогда делать?

— Меня вызвал отец... по делу Франчески Строцци.

Лицо Энрике заметно передёрнулось:

— Эта ведьма! Терпеть её не могу!

— Одно время ты был с ней помолвлен, — поддразнила Инес.

— Не напоминай! — с досадой поморщился её муж. — Иногда мне кажется, что кьямати — это какое-то проклятие нашей семьи! Отец словно помешался на магии, потом захотел женить меня на магичке и, наконец, погиб из-за магии, когда синьор ди Горо отнял её у него!

— Уверена, что синьор ди Горо здесь не при чём, — спокойно заметила Инес, вспоминая то, что читала в книгах. — Ни один человек не способен отнять эту магию у другого. Море само решает, с кем ему говорить.

— Можно подумать, ты что-то понимаешь! — снисходительно усмехнулся Энрике.

Инес холодно посмотрела на мужа:

— Знаешь, несколько дней назад мне приснился сон: три галеры под нашим флагом подошли к Иллирийским островам, когда им наперерез из-за мыса вышли четыре «фиескийца». Две галеры сразу сцепились, а спустя некоторое время ещё один из наших кораблей поспешил на помощь товарищу...

Теперь Энрике смотрел на неё, не отрываясь, и в его глазах загорелось изумление, смешанное со страхом.

— Это дон Сакетти тебе рассказал!

— Нет, не он. Я видела тебя, стоящего на корме рядом с синьором ди Горо... А потом — тебя вместе с Реньером.

— Алессандро сам виноват! — не сдержавшись, выпалил Энрике. — Если бы он сразу напал на Маньяско, мы успели бы расквитаться с ним до того, как появились тарчи!

— Не думаю, что дон Маньяско так легко позволил бы с собой «расквитаться»... и мне странно, что ты во всём стараешься обвинить синьора ди Горо. Раньше вы как будто неплохо ладили. Один раз он даже помог тебе во время регаты, помнишь?

В другое время Инес никогда не стала бы напоминать Энрике о той гонке в День Изгнания, закончившейся для него позором, но сегодня её словно подталкивала какая-то чужая сила.

— Раньше я просто не знал, что он за человек! — запальчиво воскликнул Энрике.

— Ты не знал, что он способен общаться с морем, а теперь, вероятно, подумал, что если бы ты в своё время овладел магией кьямати, то ваши отношения с отцом могли бы сложиться совсем по-другому. Тебе жаль, что дар достался синьору ди Горо... Вот в чем кроется причина твоей неприязни! Разве я не права?

— Нет! — Энрике даже вскочил. — Я всегда говорил, что живущих-под-волнами лучше оставить в покое! Я никогда не хотел получить эту магию для себя и надеялся, что отец тоже откажется от этой затеи! И если хочешь знать — да, я рад, что синьор ди Горо сгинул в море, потому что это морское чародейство опасно для всех нас!

— Ты боишься.

— Если бы ты видела магию в действии, ты бы тоже боялась!

— Но я видела! Говорю же, я была с вами на корабле. Во сне я была грифоном.

Энрике недоверчиво рассмеялся. Он, конечно, заметил пустую колонну на площади — она сразу бросалась в глаза, и успел узнать последние слухи. Внезапное «оживление» грифона — это поистине необыкновенный случай. Но какое отношение к нему могла иметь Инес, его кроткая бессловесная жена?

— Лучше бы тебе не увлекаться такими фантазиями, — посоветовал он.

— Я сначала тоже боялась кьямати... Но потом поняла, что если вечно кутаться в свой страх, как в одеяло, то не сможешь защитить то, что действительно любишь, не сумеешь по-настоящему стать собой!

Глядя на Инес, Энрике не на шутку рассердился. Что с ней творится? Раньше он был уверен, что знает её насквозь, а теперь она молча смотрела на него, и по её лицу было невозможно догадаться, что она думает или чувствует. Её ироническая улыбка напоминала лисий капкан, спрятанный в траве. Словно бы перед ним стояла не Инес, а холодное существо, скрывающее мощь и тайны за хрупкой золотистой внешностью. Вместе с тем в ней появилась какая-то дразнящая привлекательность... Разглядывая жену, будто незнакомку, Энрике сглотнул, не в силах отвести взгляд от сияния двух полуружий в её декольте. Вдруг подумалось, зачем они вообще тратят время на какие-то пустые споры?

— Я просто волнуюсь за тебя, — сказал он примирительным тоном, подчиняясь внезапно вспыхнувшему чувству. — Забудь, это неважно. В Венетте осталась лишь одна ведьма, сидящая в Карчери, и теперь, когда она лишилась своего заступника, дон Сакетти быстро с ней разберётся.

Инес вздрогнула, но Энрике этого не заметил. Створка окна качнулась, впус- тив в комнату струю свежего ночного воздуха.

— Я так долго был без тебя... — прошептал он, проникновенно глядя ей в глаза. Ласково провёл ладонью по её щеке, приподнял подбородок. — Знаешь, в море я вспоминал о тебе каждую ночь.

По его опыту, эти слова очаровали бы любую женщину, но Инес, мягко отведя его руки, вдруг направилась к двери:

— Значит, придётся тебе потерпеть без меня ещё полночи.

Такой реакции от своей кроткой, нежной жены он точно не ожидал.

— Подожди! — растерявшись, воскликнул Энрике. — Ты куда?

Инес ненадолго задержалась в дверях, в перекрестье света, исходящего из коридора и от канделябра, стоявшего в углу комнаты. По её бледному лицу скользнула морозящая усмешка:

— К отцу. Мы, кажется, не договорили кое-о-чём.

Луна, медленно плывущая над городом, спряталась в облаках. Воды лагуны, лишившись серебристой подсветки, превратились в озеро жидкой черноты. Каменные плиты и пристани Пьяцетты словно зависли в пространстве над пропастью. В темноте вдруг раздался шорох. С колонны, на которой восседал второй грифон, поджидая улетевшего друга, просыпалась горсть мелких камешков. Послышался шелест и долгий звук, будто кто-то невидимый развернул затёкшие крылья, а затем с удовольствием выпустил воздух из лёгких, огромных, как у быка.

Когда лунный свет снова заблестел на колоннах Пьяцетты, обе были пусты. Хищная крылатая тень метнулась, обогнув купол Собора, и устремилась в сторону риа делла Палья и моста Вздохов.

* * *

Венетта, тюрьма Карчери.

Вряд ли найдётся человек, способный безмятежно выспаться в тюремной камере, но сегодня мне почему-то было особенно страшно. Лунный свет то появлялся, то исчезал, и в его сиянии мне виделся зловежий красноватый оттенок. Темнота была полна звуков... тихих, почти неслышных. Днём они предпочитали таиться по углам, зато ночью наступало их время. Моё чуткое ухо улавливало то шорох осыпающейся штукатурки, то еле слышный топоток крысы. В воздухе витало чувство опасности. Не выдержав, я свернула валиком свой истрёпанный, грязный плащ и положила его на постель, придав ему вид спящего человека, а сама забилась в дальний тёмный угол.

В коридоре не раздалось ни звука, просто дверь моей камеры вдруг приоткрылась, и внутрь проник человек. Невысокий, но гибкий и проворный, одетый в кожаный джеркин и простые штаны. Его руки были в перчатках. Он бесшумно подобрался к постели — так невесомо, будто наплывающий кошмар.

— Что вам нужно?! — вырвалось у меня. Сердце билось, как сумасшедшее.

Человек обернулся, и я завизжала — вместо лица у него был чёрная пустота.

От моего крика ночная тишина разлетелась на звонкие осколки. Облившись ледяным потом от ужаса, в следующий миг я поняла, что это была просто маска. Обыкновенная кожаная маска!

Он потянулся схватить меня, но я увернулась, вскочив на ноги быстрее мысли.

— Не подходи!

В тесной камере некуда было деваться. Я метнулась в одну сторону, в другую, попыталась позвать на помощь, но крик умер у меня в горле, задушенный кожаной перчаткой. Убийца прошипел что-то, разозлившись, что жертва посмела сопротивляться.

«Пульчино!» — отчаянно позвала я, уже не ни на что не надеясь. В глазах

потемнело. Вдруг чьи-то когтистые лапы ударили в оконную решётку и яростно трягнули её, так что с оконницы посыпались мелкие камни. Это точно был не Пульчино! У этого чудовища когти были длиной с мой мизинец! От неожиданности Кожаный Человек чуть ослабил хватку, я вывернулась и змейкой заползла под кровать. Пусть попробует вытащить меня оттуда!

Тем временем в коридоре раздались голоса, а под дверь появилась розоватая полоска света. Кто-то явно спешил сюда. Я услышала:

— Лопни мои глаза, если это был не грифон! Прямо у нас на крыше!

— Бреешь! И где же он?

— погоди, тут, кажется, кто-то кричал...

Мимо неслышно проскользнул ступок темноты. В камере не раздалось ни шороха, ни скрипа — просто в какой-то момент я поняла, что снова осталась одна. Кожаный Человек растворился в ночи за мгновение до прихода тюремщиков, причём даже не забыл запереть за собой дверь.

Кое-как собравшись с силами, я выбралась из укрытия. Как раз вовремя — дверь распахнулась, и в камеру ввалился надзиратель тюрьмы вместе с помощником. Фонарь пьяно покачивался в его руке, походка тоже твёрдостью не отличалась.

— Нет здесь никого! — громыхнул он. Я молча показала вверх. С крыши доносилось скрябанье, топот и странные звуки, напоминавшие хлопанье парусов. Очевидно, чудовище, обломав когти об оконную решётку, теперь решило проверить на прочность свинцовый настил. Неужели там действительно грифон?! Судя по лапам и клюву, которые я мельком увидела в окне — очень похоже.

— Надо проверить, — нахмурился надзиратель.

Они ушли. Я слышала, как помощник предлагал вызвать стражу и устроить ночной обход. Грифон над моей головой некоторое время продолжал заниматься вандализмом, потом затих. Чем, интересно, ему так не глянулась наша тюрьма? Откуда он вообще взялся? Может, он тоже пытался добраться до меня и убить? Если верить легендам, грифоны всегда не любили «морских ведьм» — кьямати.

«Я не причиню тебе зла», — мысленно сказала я, пытаюсь почувствовать это существо, яростно скребущее крышу в четырех футах над моей головой. Бесплезно! Его сознание походило на неприступную крепость с гладкими стенами, о которую разбивались любые мои попытки.

Возможно, мне мешал страх. Я устала бояться. Устала быть жертвой. В последнее время каждый, кто приближался ко мне, делал это со злыми намерениями. В таких условиях трудно сосредоточиться и «очистить свой разум от зла», как учили нас в монастыре!

Вдруг другая мысль вытеснила мои сожаления о собственной участи и даже страх перед ночным убийцей в кожаном облачении. Пульчино! Почему он не отозвался? Обычно, где бы он ни находился, он всегда откликался на мой призыв. А сегодня его не было, причём с утра он тоже не появлялся...

Я забеспокоилась. Вдруг с ним что-то случилось?

Глава 22

Утром Бьянка надела плащ и приказала Фабрицио отвезти её в Золотой дворец. Пора было навестить Джулию, а то её золовка уже два дня томилась в ожидании новостей. Дождь наконец прекратился, и временами сквозь облака проглядывало солнце — бледное, словно после тяжёлой болезни. Каналы угрожающе вздулись, в узких calle бурлили водовороты, кое-где вода подступала к самым порогам домов. На Пьяцетте лёгкий ветерок подсушивал влажные плиты. Бьянка, выбравшись из гондолы с помощью слуги, заметила группы людей, которые возбуждённо обсуждали что-то, посматривая наверх. Вместе со всеми она подняла голову и вздрогнула. Грифон со второй колонны тоже исчез! Что происходит? Что это могло значить?

«Надо будет поговорить с Инес», — размышляла она, направляясь к парадным воротам.

Джулия встретила её с обиженно-недовольной миной. Ей казалось, что про неё все забыли. Брат, заглянув на минуту, посмотрел на малышку, обещал свою помощь и исчез. Бьянка тоже куда-то пропала... Даже эта нянька, Дзанетта, заглядывала всё реже!

«Вот и хорошо, — подумала Бьянка. — Когда Джулия не была занята ребёнком, у неё оставалось слишком много времени для всяких взбалмошных идей, которые ей непременно захотелось бы осуществить!»

Она рассказала, каким образом им вместе с Инес удалось разузнать о матери и раннем детстве Франчески. Рассказывая, Бьянка чувствовала невольную гордость: далеко не каждый на её месте сумел бы по ничтожным обрывкам фактов восстановить настолько полную картину! Она думала, что Джулия порадуетя вместе с ней. Вместо этого её золовка вдруг насупилась:

— Вместе с Инес? — спросила она, и губы её задрожали. — Этой предательницей? Вы что, уже стали задушевыми подругами? Вот уж не ожидала от тебя!

Бьянка пожала плечами:

— Кажется, она действительно сожалеет, что неправильно судила о Франческе. Да не всё ли равно? Главное, что положение твоей подруги на суде теперь будет более выгодным!

— Много ли ей будет пользы от этого, пока рядом с судьёй сидит дон Сакетти! — пренебрежительно фыркнула Джулия.

Она говорила в точности как Рикардо, хотя Бьянка подозревала, что её слова были вызваны только ревностью и досадой. Отвернувшись, Джулия взяла дочь из колыбели, с преувеличенным вниманием расправляя одеяльце, будто хотела подчеркнуть, что она-то действительно занята важным делом, пока Бьянка с «этой» Инес без толку суетились по городу. И никакой благодарности! Бьянка уже открыла рот, чтобы высказать своей золовке несколько ласковых слов, но в этот момент (очень вовремя) появился Рикардо, который поспешил сюда напрямиком из Зала заседаний.

— Твоё прошение привело в действие многие рычаги, — сказал он жене. — Сегодня Совет десяти вынес решение по делу Джулии, а завтра будет рассмотрено дело Франчески Строцци.

Джулия, которая всё ещё обиженно поджимала губы, невольно изменилась в лице и крепче прижала дочь к груди:

— Что они решили? — спросила она ломким от нервозности голосом.

Бьянка, бросив один взгляд на мужа, уже поняла, что приговор Совета был неблагоприятным. В лице и жестах Рикардо угадывалась та потаённая злость и нервная энергия, которая появлялась в нём после неудач и часто толкала его на необдуманные поступки.

— По приказу Совета десяти сенат специальным декретом отправил тебя в изгнание, — отрывисто сказал он сестре. — Тебя отпустят в Аримин с условием больше не появляться на землях Республики.

Бьянка ожидала, что золовка ударится в слёзы, но та, наоборот, гордо вскинула голову:

— Вот, значит, как! Только пусть имеют в виду, что без Франчески я не уеду! Без обеих, — поправилась она.

— Думаю, сейчас неподходящий момент, чтобы злить Совет десяти, — поспешно сказала Бьянка, пытаясь пролить масло на эти бушующие волны. — Поезжай в Аримин, а мы сами позаботимся о твоей подруге.

— Позаботитесь?! — взвилась Джулия. — И каким же образом, позволь спросить? Будет чудо, если вы убедите хотя бы нескольких сенаторов выступить против дона Сакетти! Это всё равно что приказать варёным макаронам построиться по стойке «смирно»!

— Тише ты! — прошипела Бьянка, представив, сколько шпионов сейчас радостно наострили слух возле потайных отдушин. И какие роскошные доносы вскоре на них посыплются.

— Подожди меня снаружи, дорогая, — попросил её Рикардо. — Позволь, я сам поговорю с сестрой.

Когда Джулия была в таком состоянии, Бьянка и сама предпочитала держаться от неё подальше. Выйдя на галерею, она спустилась во внутренний двор Золотого дворца, посреди которого возвышался массивный колодец с бронзовой крышкой. Со всех сторон окружённый каменными стенами, в этот ранний час двор почти целиком тонул в тени. Солнце блестело на громоздком куполе Собора, нависающем над северным крылом дворца, и слегка золотило кромку крыш. С нетерпением поджидая мужа, Бьянка прошла до колодца, мысленно отсчитывая шаги, потом до Лестницы Гигантов, увенчанной статуями грифонов. Подсчёты и цифры всегда её успокаивали. Когда её слишком дожимали домашние неурядицы, ей достаточно было уединиться в кабинете и открыть счётные книги, чтобы вернуть себе душевное равновесие. Правда, сейчас ситуация была более сложной.

Наконец, когда солнце ярче осветило статуи святых и философов на фасаде северного крыла, появился Рикардо. Они вместе покинули дворец и направились к пристани. Оба молчали, пока не уселись в гондолу и оказались на середине канала в безопасном (то есть относительно безопасном) уединении кабинки-фельце.

— Надеюсь, ты сумел её успокоить, — сказала Бьянка.

Рикардо задумчиво покачал головой:

— В чём-то она права. Если Джулию выслали из города только из-за замужества с ариминцем и неблизкого «знакомства» с Манриоло, то с Франческой могут обойтись гораздо хуже. Говорят, у них есть свидетель, который показал, что наутро после взрыва она разыскивала дона Маньяско. Это... не внушает оптимизма, прямо скажем.

— То есть ты тоже думаешь, что все мои усилия были зря! — вспыхнула Бьянка, злясь одновременно на мужа и на свою беспомощность. Она не знала, что делать... и её пугал опасный огонёк, загоревшийся в глазах Рикардо после визита к Джулии.

— Вовсе нет, — улыбнулся он. — Твоя идея насчёт суда просто отличная. Она создаёт идеальные условия для побега.

— Что? Для чего?! — от волнения Бьянка даже повысила голос, забыв об осторожности. — Мы уже пытались устроить один побег! Джулия что, забыла? Именно из-за этого Франческа и оказалась в тюрьме!

— Но тогда с вами не было меня, — подмигнул Рикардо.

Она обречённо вздохнула:

— Ты сумасшедший. Вы оба спятили! Дождёшься, что Сакетти тебя тоже вышлет из города, причём в два места — голову и тело прикажет расселить по разным адресам, чтобы уж наверняка от тебя избавиться!

— Для нас не будет никакого риска, — зашептал Рикардо, придвинувшись ближе. — Я знаю одного гвардейца, который служит в охране дожа и не слишком предан своему хозяину, скажем так. Завтра он как раз на дежурстве. Франческу поведут в суд через мост Вздохов, так как всех арестантов водят этим путём. Нам понадобятся лишь двое крепких людей, чтобы нейтрализовать тюремщиков — и всё!

— Не желаю даже слушать об этом! — с досадой сказала Бьянка, резко отвернувшись. Она помолчала, щурясь от солнечных блёсток, сияющих на синезелёной воде. — Это какое-то безумие!

Теперь она сама была не рада, что сторяча ввязалась в это дело. Но кто мог ожидать, что Рикардо поддержит сумасбродство сестры, более того, поставит на кон своё благополучие и положение в сенате! «Ему ведь даже плевать на Франческу! — зло подумала Бьянка. — В нём бурлит уязвленное самолюбие из-за сегодняшнего декрета, так как в этом поспешном решении можно действительно усмотреть оскорбление семьи Граначчи, а главное — его подстёгивает боль от потери друга и ненависть к дону Сакетти!» Бьянка боялась, что эти чувства заведут Рикардо напрямиком в ловушку. Её, привыкшую всё держать под контролем, пугало, что события последних дней превратились в какую-то неуправляемую лавину, грозившую смести всё на своём пути.

Но что она могла сделать? Им всем оставалось только ждать.

* * *

Венетта, тюрьма Карчери.

После того как над городом прогремели дожди, жить в камере стало гораздо легче. Исчезла удушающая жара, от которой саднило горло, и постоянно хотелось пить. Когда дождь хлынул в первый раз, мне казалось, что струи воды с шипением испаряются с раскалённой крыши, настолько там всё прожарилось. Ливень шёл целый день, не прекращаясь, и постепенно в моём каменном мешке становилось прохладнее.

Меня беспокоило только исчезновение Пульчино.

Странно, что тюремщик тоже куда-то пропал. Он не появлялся уже второй день. Вчера мне удалось разложить ракушки на окне так, чтобы собрать немного дождевой воды. Этого хватило, чтобы напиться. Но если так дальше пойдёт, мне грозила реальная смерть от голода... «А вдруг, — похолодела я, —

меня действительно решили просто похоронить здесь?» Мне уже приходилось слышать о забытых узниках, ставших призраками страшных темниц Пьомби, Поцци или Карчери.

Всё утро я провела как на иголках, а днём мне внезапно нанесли визит. В камеру явился какой-то важный судебский чиновник в строгом дублете из тёмно-лилового бархата. Его сопровождал пожилой секретарь. Он представился, но от волнения я не запомнила его имя. Первый синьор, занимавший более важное положение, и не думал соблюдать правила вежливости: он лишь окинул камеру брезгливым взглядом, прижал к носу надушенный платок и остался на пороге, не решаясь войти внутрь.

Секретарь отнёсся ко мне с большим сочувствием:

— Завтра состоится суд по вашему делу, синьора, — сообщил он, в двух словах объяснив мне все обстоятельства.

Это известие повергло меня в такой шок, что я совсем растерялась. Меня вызовут в суд? Обычно судьба пойманных «заговорщиков», не относящихся к высшей знати, решалась проще и без всякой помпы. Потом я сообразила: Джулия! Наверняка это она задействовала все свои связи и привлекла нужных людей, чтобы помешать дону Сакетти тихо уморить меня в камере. Хотя нет, Джулия сейчас, должно быть, по горло в детских заботах... Тогда кто же? Бьянка?

В любом случае мне было совестно, что я доставила столько хлопот, и вместе с тем меня охватило тёплое чувство от счастья, что обо мне не забыли. Я чуть не расплакалась от облегчения и так разволновалась, что прослушала вопрос господина секретаря:

— А? Что? — спросила я, вздрогнув.

— Есть ли у вас какие-нибудь просьбы, синьора? — возвысив голос, повторил он.

Было видно, что ему не терпелось от меня отделаться. Его коллега в лиловом дублете нетерпеливо притопывал ногой, всячески давая понять, что они и так слишком задержались. Я отрицательно покачала головой, едва понимая смысл вопроса, но потом спохватилась и попросила воды.

Оба синьора поспешно удалились, прислав вместо себя тюремщика — другого, незнакомого. Тот принёс целый кувшин, накрытый ломтём хлеба. Невероятно! Хлеб был подсохший и приятно пахнул кислинкой. Я вцепилась в него дрожащими руками. После гнусной бурды, которой меня потчевали целую неделю, это был настоящий пир!

Потом я напилась воды из кувшина, умылась и кое-как расчесала волосы пальцами. Выглядела я, конечно, ужасно. Бывшее маскарадное платье, когда-то нарядное, всё пропотело насквозь, превратившись в грязную тряпку. Волосы свисали сосульками, и от меня дурно пахло. Я заранее сгорала от стыда, что придётся появиться в приличном собрании в таком непрезентабельном виде. Увы, об удобстве узников в Карчери не очень не заботились. Из туалетных принадлежностей здесь имелась только лохань для нечистот, которую опорожняли раз в три дня.

До самого вечера я никак не могла успокоиться: ходила взад-вперёд по камере, придумывала себе разные вопросы и репетировала ответы. Интересно, о чём меня будут допрашивать? Я решила, что буду молчать как рыба о своём коротком неудавшемся визите в Дворец дождей и о том, что случилось в крип-

те графа Арсаго... если о том вообще зайдёт речь. Никакой вины за собой я не чувствовала. Я никогда не злоумышляла против Венетты, не выдавала ничьих тайн и не использовала дарованную мне магию во зло. Судьи просто обязаны были поверить в мою невиновность!

Поздно вечером, когда уже стемнело, я попыталась ещё раз дозваться Пульчино... Тишина. Его не было. Что же могло случиться?

Вдруг показалось, что за окном промелькнула тень. Я встрепенулась: «Пульчино? Это ты?» Что-то тяжелое приземлилось на крышу, послышался скрежет. Под потолком, в том углу, где стояла кровать, чьи-то когти заскребли по железу. Затаив дыхание, я на цыпочках подкралась ближе, прислушиваясь. Вскоре мне на голову просыпалась струйка песка.

Мне стало страшно. Кто-то снова пытался до меня добраться, но кто? Грифон? Честно сказать, даже сейчас с трудом верилось, что эта каменная туша способна ожить! Или Кожаный Человек опять явился по мою душу? Кто бы там ни был, он орудовал наверху с таким упорством, будто твёрдо вознамерился пробить потолок.

Бросившись к двери, я отчаянно заколотила в неё кулаками:

— Помогите!

Никого. Что же делать?! Я была заперта здесь, беспомощная и без всякого оружия!

В сердцах я снова ударила в дверь и, наконец, услышала за ней какое-то движение. Заскрежетал замок, и на пороге появился тюремщик. Мой старый знакомый. В руке у него была дубинка, а фонарь он предусмотрительно поставил на пол, подальше от меня.

— Чего тебе? — рявкнул он. — В подвал захотела?

— Там на крыше кто-то есть! — выпалила я, не решаясь упомянуть о грифоне, чтобы меня не сочли сумасшедшей. — Кто-то хочет забраться сюда!

Тюремщик, засопев, посмотрел наверх. Как нарочно, в углу всё стихло. Тогда он перевёл взгляд на меня, и в нём было столько злобы, что я попятилась.

Я ничего не знала об этом человеке, но раньше он не казался жестоким и никогда не донимал меня грубостями. С тех пор как меня перевели сюда, мы старательно игнорировали друг друга. Мне было унижительно, что чужой человек (да ещё мужчина!) должен был выносить за мной грязное ведро и имел право зайти в камеру в любой момент. Мне казалось, единственный способ сохранить остатки достоинства — просто не замечать этих обстоятельств. Тюремщик, судя по его угрюмому молчанию, всецело разделял эту точку зрения. Но сейчас под его тяжелыми бровями полыхала злоба, а кривая ухмылка была похожа на край ржавой пилы.

— Ну и что? — грубо сказал он. — Завтра тебе вынесут приговор и, надеюсь, утопят в Орфано. Если бы не суд, я бы сам с удовольствием свернул тебе шею!

Я растерялась. За что он на меня так взъелся? Его дыхание отяжелело от гнева:

— Мой сын ходил на галере с синьором Альбицци, — пояснил он коротко и зло. — И погиб вместе с ним. Мы узнали позавчера. Это всё из-за тебя, ты, поганая шпионка, пособница Фиески!

Он выплёвывал эти слова мне в лицо, а я в ответ могла только молча раскрывать рот, как рыба. Пособница Фиески? Я?! О чём он говорит? А ещё меня беспокоило это имя — Альбицци. Почему-то оно казалось знакомым... Где я

могла его слышать? Гневные выкрики тюремщика мешали сосредоточиться:

— Ты сидишь здесь в грязи и вони, но ты дышишь. Живёшь. А моего мальчика больше нет! — внезапно заорал он. Я съёжилась, ожидая удара, но тюремщик сдержался. Сжав кулаки, выдохнул, потом развернулся, собираясь снова запереть дверь.

Вдруг я вспомнила наконец, где слышала об Альбицци, и меня пронзило страхом, словно мечом. Бросившись следом за мужчиной, я схватила его за куртку:

— Капитан Альбицци? Он ведь из той из эскадры, которая сопровождала «Анжело», да? Что вам известно? Кто-нибудь из них вернулся?

Он явно не хотел отвечать, но, вероятно, увидел в моём лице что-то такое, отчего сдался и пробурчал:

— Только Реньер. Остальные мертвы.

Потом он брезгливо оттолкнул меня и ушёл, хлопнув дверью, а я осталась, чувствуя, как вокруг ширится и ширится пустота... «Это неправда, — билось в висках. — Неправда. Неправда!»

Тюремщик не мог знать всего! Он мог что-то напутать. Мне нужны были точные сведения! Мне был срочно нужен Пульчино, его крылья, его скорость. Мы слетаем в Сан-Николос. Нужно столько узнать... разведать...

В этот раз Пульчино откликнулся сразу, и по его тону, по исходящей от него волне горячего сочувствия я сразу всё поняла. У меня сжалось горло:

«Ты всё знал, да?»

«Я не смог бы скрыть это от тебя. Франческа...»

«Ты должен был сказать мне!»

«Лучше бы ты узнала потом... позже».

Ясно. Он боялся, что я сломаюсь. Не хотел отнимать надежду, заставлявшую меня бороться. Невзирая на власть дона Сакетти и на страшную репутацию тюрьмы Карчери, в глубине души я упрямо надеялась, что выйду отсюда. Увижу Алессандро. Только эта ниточка меня и держала. Теперь всё было кончено. Ни суд, ни призрачное обещание свободы больше ничего для меня не значили...

Пульчино попытался меня утешить, но теперь я сама прогнала его. Горе захлестнуло меня с головой. Так бывает в море, когда тебя вдруг закрутит волна, и ты не знаешь, куда плыть, чтобы выбраться. Я совсем потерялась. Ощупью нашла плащ и закуталась в него, так как меня бил озноб, но вскоре поняла, что этот холод шёл изнутри... мне теперь всегда будет холодно.

Я привыкла думать, что море заберёт меня первой. За магию нужно платить, а я не единожды обращалась к живущим-под-волнами и всё ещё была жива. Я думала, что оно заберёт мою жизнь, но море, по своему обыкновению, обмануло... Вместо этого оно вырвало у меня сердце и отхлынуло, оставив меня в этом каменном городе-ловушке корчиться от боли.

Вдруг что-то толкнуло меня под руку, когда я, съёжившись, сидела на полу. В темноте рядом со мной возникла смутная тень. Это был Пульчино, он всё-таки прилетел. Я погладила его по перьям. И только тогда сумела заплакать.

Глава 23

Рикардо отказался посвятить Бьянку в подробности своего плана, мол, «чего не знаешь — того не выдашь». Но всё же она настояла, чтобы на следующий день отправиться вместе с ним к Дворцу дождей, даже если ей не придётся присутствовать в зале Сената на судебном заседании или стоять в карауле у моста Вздохов, чтобы похитить одну узницу. На причале уже была подготовлена быстрая лодка с гребцами, а в одну гавань на Дито причалил небольшой парусник, готовый в назначенный час забрать двух девушек с Сан-Ачиле — не приметного островка в лагуне, не пользующегося вниманием ни у рыбаков, ни у городской стражи. Рикардо клялся всеми святыми, что он всё предусмотрел, но Бьянке всё равно хотелось быть рядом. На всякий случай.

Яркий, праздничный день словно приветствовал их решительный настрой, и даже солнце сегодня всходило по-боевому, в окружении облачного войска, выставив золотые щиты и оцетинившись огненными копьями. В плотном воздухе, напитанном влагой, парили чайки. Над Собором далеко разносился колокольный звон, белоснежный прямоугольник Дворца дождей весь сиял в золотой пылице водяной взвеси.

Пристав к берегу рядом с другими гондолами в бухте Бачино, Фабрицио подал Бьянке руку, помогая ей выбраться из качающейся лодки. Рикардо уже стоял на берегу, запрокинув голову и уставившись на огромные колонны Пьяцетты, пронзающие утреннее небо.

— Невероятно! — прошептал он.

Бьянка тоже посмотрела наверх. Оба грифона были на месте. Она заметила, что другие люди, присутствующие на площади, тоже бросали на них удивлённые взгляды, тихо переговариваясь между собой. Если бы Бьянка собственными глазами не видела вчера два пустых постамента, подпирающих облака, можно было подумать, что чудесное «оживление» грифонов им просто приснилось!

Пока она стояла в задумчивости, ей подмигнул пожилой синьор в тёмном одеянии и бархатном берете, украшенным белым пером:

— Видали? — усмехнулся он, кивнув на колонны. — Мы с приятелем делали ставки на то, что грифоны вернутся на место, и я выиграл!

Насвистывая, он с довольным видом пошёл себе дальше. Бьянка подумала, что в его поведении заключалась вся сущность Венеции. «Мы всё, что угодно, сумеем превратить в игру!» Весь этот город с его масками и карнавалами представлял собой сакральный театр, и даже сама Пьяцетта была устроена как декорация: по обе стороны площади возвышались здания Дворца дождей и Прокураций, которые, уменьшаясь, сходились к точке перспективы — Часовой башне с огромным синим циферблатом и бронзовой статуей сидящей Мадонны. Здесь, на площади, разыгрывались городские драмы, проводились парады и публичные казни.

Бьянка вздохнула. Сегодняшняя драма могла стоить жизни некоторым из её близких. Оглянувшись в поисках мужа, она увидела, что он, нахмуясь, возвращался после короткого разговора с группой сенаторов.

— Я только что узнал, что слушание по делу Франчески будет закрытым, — отрывисто сказал он. — Готов поспорить, эту идею подкинул им дон Сакетти!

Рикардо был вне себя от бешенства, и Бьянка отлично его понимала. За-

крытое слушание ставило крест на их планах. Франческу не вызовут в суд, и сообщник Рикардо — тот самый безымянный гвардеец — напрасно будет ждать её в маленькой галерее, соединяющей тюрьму Карчери с Дворцом дождей. И всё же в первый миг Бьянка невольно почувствовала облегчение. Их план с самого начала казался ей слишком дерзким. Невыполнимым.

Вслух же она возмутилась:

— Что, ей даже не дадут оправдаться? Это бесчестно!

— Да уж. А ещё я узнал, что суд будет проводить синьор Дзени.

— Кажется, я его не знаю, — нахмурилась Бьянка, стараясь вспомнить это имя среди патрициев, приходивших когда-то к её отцу.

Рикардо горестно усмехнулся:

— Если ты когда-нибудь встретишь на лестнице человека, который сам не уверен, поднимается он или спускается, то это наверняка синьор Дзени! На него очень легко повлиять. Говорю же — Сакетти всё предусмотрел. Проклятье!

Он отвернулся, озабоченно хмурясь. Его внимание вдруг привлекла группа нарядных патрициев, вышедших из-под аркады дворца. Похоже, они направлялись на пристань. Среди них особенно выделялся один господин, чья приятная внешность подчеркивалась нарядным костюмом. Бьянка оценила бархатный дублет самого изысканного кроя, изящно подстриженные усики и бородку, и драгоценные перстни на холёных белых руках. Невольно подумалось, что за одно такое кольцо в Венеции можно было купить хорошую крепкую лодку!

— Кто это? — спросила она с любопытством.

— Это синьор Фарузи, граф Онейли, — ответил Рикардо задумчивым тоном, свидетельствующим, что ему только что пришла в голову некая мысль.

Бьянка с новым интересом присмотрелась к элегантному господину с его свитой. Значит, это с ним её муж встречался в Медиолане. Граф Онейли, посол Лиги в Венеции...

— Очень кстати, что он здесь оказался, — пробормотал Рикардо. — Надо бы с ним поговорить.

— Подожди! — Бьянка еле успела удержать его за руку. — Что ты задумал?

— Мне кажется, графу будет интересно присутствовать на суде. Обвинения против Франчески косвенно затрагивают и Фиеску, так что Лиги это тоже касается!

— Но захочет ли он помочь...

— Пожелай мне удачи! — и Рикардо оглянулся, боясь упустить знатного медиоланца.

— Только не наделай глупостей! — крикнула Бьянка вдогонку. — Мы ещё успеем их натворить, если приговор суда окажется слишком суровым!

Её муж на ходу улыбнулся той улыбкой, которая заставляла поверить, что среди его предков были пираты, после чего затерялся в пёстрой толпе. Проводив его взглядом, Бьянка медленными шагами вернулась на площадь. Солнце поднялось уже высоко, укоротив тени и посеребрив лагуну до слепящего блеска. Фабрицио терпеливо дожидался её на причале, но Бьянке не хотелось возвращаться, хотя её присутствие здесь ничем не могло помочь. Что-то неумолимо притягивало её к белоснежной громаде Дворца. Пьяцетта тем временем жила своей кипучей жизнью. Под аркадами сидели, прячась от солнца, меня-

лы и астрологи. Среди праздных гуляющих пар ходили торговцы, предлагавшие апельсины, печенье и сладкую воду. Из кондитерской высыпала стайка девушек с марципановыми корзиночками в руках в сопровождении строгих дуэний, похожих на серых ворон. Вокруг стоял такой гвалт, что Бьянка не сразу расслышала, как её окликнули:

— Бьянка! Подожди!

Она оглянулась. Со стороны аркады к ней спешила Инес, одетая очень скромно, в простой тёмной мантилье поверх лёгкого платья, словно ей хотелось привлечь как можно меньше внимания.

— Я только что узнала, что суд будет закрытым, — запыхавшись, сказала она.

— Да, я знаю.

Они помолчали, глядя на снующих мимо людей. Бьянка кожей чувствовала испытующий взгляд светлых глаз подруги.

— А ты хотела бы узнать, что там будет? — вдруг спросила Инес.

— Конечно! Но как? Разве есть такая возможность?

Инес снова смерила её пристальным взглядом, словно не решаясь посвятить в какую-то тайну, потом вздохнула:

— Поклянись, что никому не расскажешь!

Бьянка истово перекрестилась.

— Ладно. Тогда идём.

В городе много шептались про потайные ходы Дворца дождей. Прожив в этом замке полгода, Инес успела выведать некоторые из них. В частности, ей был знаком один тёмный закуток под самой крышей, ничем не примечательный, кроме потайного окна, выходившего в зал Сената.

* * *

Венетта, тюрьма Карчери.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем тени в камере уплотнились, посерели, и в окно проник розовато-оранжевый свет зари. Пульчино никуда не делся с рассветом, он остался со мной, и его молчаливое присутствие, хоть и не могло облегчить моё горе, всё-таки согревало. Когда свет окончательно разогнал по углам ночные тени, чайка встрепенулся, взлетел на кровать, и меня кольнуло его удивление:

«Смотри! Кто-то здорово раскурочил потолок в углу!»

«Это грифон», — ответила я равнодушно.

«Я слышал о грифонах с Пьяцетты. Значит, один из них прилетал сюда? А чего он хотел?»

Мне было всё равно. Пульчино тем временем обследовал новоявленную дыру в потолке. Я заволновалась, как бы он не застрял там. Если вдруг появятся судейские, они, недолго думая, свернут ему шею!

«Лучше вылезай оттуда!»

Наконец, мой друг соизволил вернуться.

«Грифон это или нет, он оказал тебе неплохую услугу! Это надо же — оторвать свинцовые плиты толщиной в полдюйма! Если разобрать обломки досок и штукатурки, то ты точно сможешь пролезть!»

Я скептически пожала плечами: «И что? Допустим, я выберусь на крышу, а что дальше? Предлагаешь прыгнуть в канал и покормить собой моррен? Они

будут рады!»

Это была бы скорая, хоть и мучительная смерть. Тоже вариант, если подумать.

«Никого не нужно кормить, — нетерпеливо перебил Пульчино. — Я сейчас найду Скарпу, а он добудет верёвку и лодку. Слышишь?»

Он опустил на пол прямо передо мной:

«Франческа... Я понимаю, как тебе плохо, но это реальный шанс! Горевать будешь потом, на воле!»

Ничего он не понимал. Я молча закрыла глаза. Неумеренный энтузиазм Пульчино вызывал только раздражение. Свобода, бегство... вся эта суета теперь была ни к чему!

«Мне ничего не нужно, и, пожалуйста, оставь ты Скарпу в покое! Он, бедняга, и так настрадался. На его месте я бы спряталась в самый дальний угол лагуны и даже носа не показывала в Венетту!»

Пульчино некоторое время укоризненно смотрел на меня, потом молча нахлился и улетел, протиснувшись сквозь решётку окна. Мне стало стыдно. Он столько хлопотал ради меня, столько рисковал, появляясь в Карчери, совершенно не заботясь о собственной безопасности... Чтобы успокоить свою совесть, я взобралась на кровать и внимательнее осмотрела потолок. Скажу Пульчино, что пыталась расширить дыру, но у меня ничего не вышло. Поневоле я поразилась, какой огромный объём работы грифон проделал всего за две ночи! Нормальному узнику здесь хватило бы дел на месяц! Деревянная обрешётка была вся измочалена в хлам, куски штукатурки отваливались, хоть вынимай их руками. Чтобы не шуметь и скрыть следы преступной деятельности, я аккуратно складывала выломанные куски на свой плащ, а потом прятала их под кровать. Вскоре дыра в потолке достигла таких размеров, что, прижавшись выше, я смогла бы просунуть голову на чердак. «Ну и зачем всё это?» — спросила я себя. Безднадёжность и чувство потери нахлынули с новой силой.

Может быть, над крышей повеяло ветром с лагуны, так как в лицо вдруг дохнуло морем. Я задумчиво села на постель, поджав ноги. Это уже было со мной однажды. Чувство покинутости, боль от потери — и запах моря. Давно. В детстве. В монастыре.

В первые дни на острове Мираколо я старалась вести себя тише воды, ниже травы, но иногда меня охватывала такая тоска по матери, что я убегала. Я пряталась в саду, под старым каштаном, а когда монахини привыкли находить меня там, однажды перелезла через ограду и оказалась на берегу. Тишина и одиночество окутали меня со всех сторон, словно кокон. Солнце высушивало слёзы на щеках, оставляя липкие следы. Пенные языки волн набегали на берег и с шорохом откатывались назад, грохоча галькой. Размеренное дыхание моря так завораживало, что я позабыла обо всём на свете, и чуть не подпрыгнула, когда кто-то тронул меня за плечо. Это оказалась сестра Агата. От страха у меня язык присох к нёбу. Я ждала, что меня будут бранить или строго накажут, но пожилая женщина только понимающе улыбнулась.

«Это пройдёт, — сказала она. — Представь себе волну в море. Ты можешь ощутить её силу, увидеть её синеву, когда её пронизывает солнечный свет. Она достигает берега — и разбивается, но вода никуда не исчезает. Волна — это просто способ жизни для воды на короткое время. Рано или поздно мы все

вернёмся в море...»

Теперь, сидя в камере, я вспомнила эти слова, и внезапно план Пульчино предстал передо мной совсем в другом свете. Море находилось всего лишь в полулиге от меня, отделённое только стеной тюрьмы и недлинной сетью каналов! Одно небольшое усилие, чтобы выбраться на крышу, потом короткая поездка в лодке до лагуны — и я смогу стать его частью!

И тогда мы с Алессандро навсегда будем вместе...

* * *

Венетта, Золотой дворец.

Вслед за Инес Бьянка торопливо поднималась по скудно освещённой лестнице, такой узкой, что подол её юбки иногда задевал по стене. Она понятия не имела, что в помпезном Дворце дождей имелись такие ходы, похожие на пыльную лисью нору! Инес взяла с неё обещание не рассказывать об этом, но Бьянка и без того была уверена, что в жизни не вспомнит, куда и сколько раз они сворачивали. Она надеялась, что если Инес завела их сюда, то сумеет потом и вывести отсюда!

Наконец, они остановились в полутёмном коридоре, который заканчивался запертой дверью, то есть тупиком. Свет падал в него из небольшого окна в стене. Инес, прижав палец к губам, поманила Бьянку к себе, и та осторожно заглянула в окно. Прямо перед ней предстал знакомый зал Сената, с его красочными фресками и богатыми драпировками. Окно находилось почти под потолком, так что сверху всё прекрасно было видно. На трибуне из тёмного дерева, отделанной красным бархатом, сидели судьи, главным из которых был синьор Дзени. Справа в высоком кресле под балдахином восседал дон Сакетти в драгоценной мантии, расшитой золотом и серебром, и в золотой шапке-корно. Присутствовал также граф Онейли и около двадцати сенаторов, среди которых был и Рикардо Граначчи. Бьянка подавила взволнованный вздох, увидев мужа. Он казался собранным и серьёзным, как перед дуэлью. Скамьи, предназначенные для зрителей, были пусты, так как никого из простой публики в зал не пустили.

Когда девушки добрались до окна, судейский чиновник уже зачитал обвинение, и теперь перед собранием выступал свидетель — трактирщик довольно плутоватого вида, как показалось Бьянке. Он подчеркнул, что лично изловил шпионку и доставил бы её в стражу, если бы она не сбежала.

— Вы сказали, что поймали шпионку в полдень, на рыбном рынке. А стражу позвали только на следующее утро! Почему? — спросил один вьедливый сенатор с весёлыми глазами. — Целый день собирались с духом, или девчонка оказалась так хороша, что жаль было расстаться?

Послышались смешки. Рикардо тоже иронически поднял бровь.

— Я... у меня было много дел, вашмильость, — смутился трактирщик, господин Бонифачо. — Но как только смог, я сразу же...

«Свидетеля» быстро выпроводили вон. Бьянка подумала, что его показания не имели особого значения. Судя по непреклонному выражению на лице дожа, и по тому, как часто оглядывался на него синьор Дзени, участь Франчески была заранее решена.

Вдруг двери распахнулись, и в зал Сената, не обратив никакого внимания на всполошённых стражников, вошли ещё двое. Бьянка опешила, узнав Алес-

сандро ди Горо. «О, — с интересом сказала Инес, — а я-то думала, что их плавание мне приснилось!» Алессандро был бледен и заметно похудел, но всё равно выглядел поразительно хорошо для человека, которого со всеми почестями отпели два дня назад в городском Соборе. Его сопровождал господин внушительного вида, рослый и широкоплечий, в строгом тёмно-синем дублете и с пышной рыжеватой бородой. По всему было видно, что оба только что сошли с корабля. Они были словно пропитаны морем, его яростью.

Их появление произвело небывалый эффект. Рикардо, не скрывая радости, вскочил на ноги. Дон Сакетти, наоборот, нервно стиснул подлокотники кресла, и благодушная улыбка, с которой он озираал сверху подвластное ему собрание, сменилась кривой гримасой. По рядам сенаторов прошёл взволнованный ропот, так что судье Дзени пришлось призвать всех к порядку:

— Господа, господа! — постучал он по трибуне. — Прошу соблюдать тишину! — Потом, сварливо оттопырив губу, он возрился на Алессандро: — Что означает это вторжение, синьоры?

Алессандро усмехнулся, хотя в его глазах горела тревога. Он словно искал кого-то взглядом, не нашёл и недобро прищурился в сторону дожа:

— Вы здесь опрашиваете свидетелей, а дону Маньяско тоже есть что сказать по этому делу!

Бьянка, стоя возле окна, затаила дыхание. Инес, наклонившись, щекотно шепнула ей в ухо: «Честно говоря, я не думала, что они успеют! Сильный встречный ветер...»

— Тише! — шикнула Бьянка, боясь пропустить хоть слово.

«Значит, вот он каков, знаменитый капитан Маньяско!» — думала она. Только зачем Алессандро привёл его сюда? Она хорошо помнила рассказ Франчески и понимала, что фиескиец своими показаниями мог как спасти её, так и погубить.

Тем временем дона Маньяско, похоже, нисколько не смущало выступать перед собранием враждебно настроенных людей.

— Синьоры, — начал он звучным голосом, которым привык отдавать приказы на судне, — я не вижу здесь девушки, против которой выдвинуто обвинение, но признаю, что три недели назад действительно доставил на своём корабле двоих венецианцев. Мне показалось, это были честные и достойные люди.

Тут же вскочил обвинитель:

— Вы привезли двух сообщников, с которыми планировали заговор против Венеции! — заявил он.

Фиескиец даже в лице не изменился, лишь слегка приподняв брови:

— Сообщников? — спросил он с оттенком высокомерия. — Зачем они мне? Я, знаете ли, привык сам улаживать свои дела.

«Это немного расходится с рассказом Франчески», — подумала Бьянка. С другой стороны, её ещё тогда удивило, что фиескиец готов был доверить столь важное дело случайно встреченной девушке. Скорее всего, он собирался использовать её как разменную фигуру, для отвлечения внимания. Сумеет добыть документ — хорошо, не сумеет — хотя бы оттянет на себя внимание городской стражи...

— Тогда для чего вы назначили встречу Франческе Строцци наутро после взрыва? — настойчиво продолжал обвинитель.

— Я? — удивился Маньяско, смерив чиновника насмешливым взглядом.

— Она вас искала. Зачем?

— Хм... Ну, будь она здесь, я спросил бы её об этом. Хотя, подождите-ка... вспомнил! Кажется, она забыла на корабле кое-какие вещи. Наверное, хотела их забрать.

— А почему вы так поспешно покинули город?

— Боялся, что из-за происшествия в Арсенале закроют порт, а вы сами знаете, как промедление вредит торговле.

Обвинитель обстреливал его вопросами со всех сторон, но дон Маньяско, отточив клинок иронии, легко отражал все нападки. В конце концов ему на помощь пришёл граф Онейли, который сперва проявлял очень умеренный интерес к процессу, но теперь оживился:

— Хочу заметить уважаемому судье, что у нас нет доказательств причастности дона Маньяско к взрыву, случившемуся в Арсенале, — заявил он.

— Однако аналогичный случай с караккой «Доменико», свидетелем которому был дон Маньяско, невольно наводит на подозрения, — вмешался дон Сакетти, просто из желания возразить послу. Было заметно, что эти две акулы сразу инстинктивно невзлюбили друг друга, угадав в сопернике одинаковую породу политических хищников.

Дон Маньяско с живостью обернулся к дожу:

— О, что касается «Доменико», то для меня было неожиданностью узнать, что кроме шерсти и кож это судно везло ещё груз пороха, прочного дерева и заготовки для алебард, причём следовало не в колонии, а напрямиком в Ракоди!

— Что?! — растерялся Сакетти. — Откуда вы взяли? Это ложь!

— Нет, это правда! — вдруг звенящим голосом воскликнул Рикардо Граначчи, и все, в том числе Алессандро, посмотрели на него с удивлением.

Поднявшись, Рикардо вынул из поясной сумки и выложил на стол несколько грамот:

— По случайности, мне в руки попал коносамент, подтверждающий право собственности на груз «Доменико». Здесь есть описание товара... и пункт назначения.

Он метнул на дожа такой острый взгляд, что зрачки его глаз казались остриями кинжалов. С лица дона Сакетти стекли все краски. Судья Дзени застыл в центре собрания, неподвижный, как свая.

— О, вот как? И кому же принадлежит этот груз? — с ещё большим интересом спросил граф Онейли.

От его голоса синьор Дзени словно очнулся:

— Господа, господа, — произнёс он поспешно, — не будем уклоняться от темы! Мы ещё не закончили разбирательство по делу Франчески Строщи! Обвинение дону Маньяско будет предъявлено... в свой черёд.

— Однако если эти два дела связаны... — начал Рикардо, делая вид, что готов передать документ графу Онейли.

— Господин судья прав, будем действовать по порядку, — перебил дон Сакетти, не сводя с Рикардо многозначительного взгляда. — Уверен, что это простое дело нас не задержит, и мы легко придём к соглашению!

Даже с такого значительного расстояния Бьянке было видно, что дожа будто надломило что-то изнутри. Его лицо посерело, на висках выступили капли пота. Это заметили и другие сенаторы. Кое-кто перешёптывался, другие каза-

лись смущёнными.

Как ни странно, ситуацию спас дон Маньяско:

— Господа, у меня создалось впечатление, что мы придаём слишком большое значение поступкам одной синьориты. Неужели дамы в Венеции имеют такое влияние, что вы всерьёз её опасаетесь? Лично я не так глуп, чтобы доверять свои планы женщинам, чьи помыслы меняются быстрее, чем рисунок облаков над морем, и мне несколько обидно, что у суда могло сложиться столь превратное представление обо мне!

Некоторые сенаторы согласно засмеялись, только синьор Дзени оскорблённо поджал губы:

— Не судите о вещах, в которых не понимаете! — возразил он.

Дон Сакетти, собравшись с силами, поднялся с места:

— Я согласен с доном Маньяско. Синьорита Строцци имеет не настолько большое значение. Поскольку семья Граначчи ходатайствовала за неё перед судом, я повелеваю назначить её опекуном Рикардо Граначчи, чтобы он поступил с этой девицей по своему усмотрению.

Бьянка с облегчением перевела дыхание, ещё не веря, что процесс закончился для них относительно благополучно. «Поступить по своему усмотрению!» Учитывая интерес, который проявил к этому делу синьор ди Горо, можно было предположить, что Франческа вскоре получит одно интересное предложение...

Снова посмотрев вниз, она вдруг заметила, что Алессандро исчез. Когда только успел? Бьянка удивилась, но её отвлекла Инес, встревоженно потянув за руку:

— Пойдем скорей! Не нравится мне это!

— Что?

— Ты не заметила, как дон Сакетти отдал приказ секретарю? Подал ему знак.

— Нет, — нахмурилась Бьянка, едва поспевая за более рослой подругой.

По губам Инес скользнула усмешка:

— Кое-в-чём мой отец похож на твоего Рикардо. Он тоже не любит проигрывать!

Её волнение передалось Бьянке.

— Кого ты ищешь? — спросила она.

— Кого-нибудь из охраны, кто не откажется выполнить мою просьбу. Боюсь, что твоей Франческе грозит опасность!

— Подожди!

Бьянка бросилась было за подругой, но вовремя вспомнила о планах Рикардо и его приятеле, дежурившем сейчас возле моста Вздохов.

— Подожди, — сказала она. — Кажется, я знаю, кто может помочь.

Глава 24

Венетта, тюрьма Карчери.

Щель была для меня слишком узкой, и всё же, исцарапавшись так, будто продиралась сквозь терновник, и оставив на обрешётке клочки одежды, я сумела вылезти на наклонную крышу Карчери. Оказавшись снаружи, я перевела дыхание, оглядывая раскинувшуюся вокруг сложную мозаику крыш и внутренних двориков, выступов и впадин, света и теней. После спёртой тесноты камеры у меня закружилась голова. Сколько простора! Я чувствовала себя как человек, вокруг которого внезапно рухнули стены.

Вокруг простирались блестящие свинцовые и рыжие черепичные крыши, по правую руку от меня вздымались массивные купола Собора и высоченная макушка Кампанилы, внизу темнели воды канала рио делла Палья, над которым нависала крытая галерейка моста Вздохов. Вид на лагуну заслоняла высокая стена Дворца дождей. Я невольно пригнулась, стараясь слиться с крышей, так как она находилась чуть ниже окон в верхних этажах Дворца, и любой из находившихся там людей легко мог меня заметить. В это время подоспел Пульчино, бросив мне конец веревки. «Скарпа ждёт внизу», — молча сообщил он. Я подумала, что пока мой побег проходил на удивление гладко, можно сказать, даже буднично.

Правда, с верёвкой вышла заминка. Гребень крыши был таким ровным, что зацепить её было не за что. Я в растерянности оглядела неприступную крышу, когда по ушам вдруг полоснул предостерегающий вопль: «Франческа!». Сразу же правую руку обожгло болью. Чуть не свалившись вниз, я зажала рану выше локтя. По пальцам побежали струйки крови. Оглянувшись, я с ужасом увидела, как в отверстие на крыше, заботливо расширенное мной, выбирается Кожаный Человек.

Обычно меня парализует от страха, но сейчас я каким-то образом ухитрилась отскочить на несколько футов и укрыться за выступающим слуховым окном. И это на гладкой наклонной крыше! Правда, укрытие было низким и ненадёжным. Убийца был гораздо крупнее и шире меня в плечах, так что ему пришлось потрудиться, чтобы пролезть через щель. Однако я не сомневалась, что у него в запасе имелись ещё метательные ножи, и во второй раз он прицелится точнее!

Рука у меня болела, рукав платья намок от крови. Я отчаянно подёргала створку окна — заперто! Больше спрятаться было негде. Пульчино отважно налетел на Кожаного Человека, метя клювом ему в лицо. Тот отмахнулся. Второй метательный нож, звякнув, ударился о свинцовую плиту рядом с моей головой, заставив резко пригнуться.

— Стой! — вдруг грозно послышалось невдалеке. Осторожно приподняв голову, я увидела, как следом за Кожаным Человеком на крыше появился ещё кто-то в бело-зелёной форме. Дворцовая стража! Вдруг моя нога соскользнула с опоры, и я съехала к краю, безуспешно пытаюсь ухватиться за гладкий настил. Пальцы, испачканные в крови, всё время соскальзывали. О, Мадонна! В последней момент я смогла кое-как зацепиться за выступ кровли.

В памяти всплыло непрошеное воспоминание, когда один узник вот так же пытался бежать из Дворца дождей. В конце концов его загнали на крышу, и он

с отчаяния прыгнул в канал. Разбился, конечно — глубина в этом месте была не очень большой. Я находилась примерно в том же положении, с той только разницей, что тюрьма Карчери была на этаж ниже. Повезёт или нет?

В отдалении послышался звон клинков, но даже если стражник спасёт меня от убийцы, сейчас мне ничто не поможет! Над головой раздалось хлопанье крыльев Пульчино... Поздно! Моя раненая рука совсем онемела, пальцы разжались, и я рухнула в пустоту.

Удар об воду с высоты трех этажей был ненамного мягче, чем о каменную мостовую. У меня вышибло дух, и в глазах потемнело. В рот и в уши сразу же залилась вода. Руки не слушались, но меня отрезвил холод, скользнувший по ноге, а потом — резкая боль пониже колена. Моррены!

Я забилась, как рыба, попавшая в силоч, и вылетела на поверхность. Рядом со мной в воде мелькнуло скользкое холодное тело. В панике я оттолкнула это, и вдруг встретилась взглядом с золотыми глазами Кариты. Зашипев на меня, она погрузилась под воду. Рядом с моей головой плеснуло весло. Лодка! Дрожащими руками я схватилась за борт. Что-то толкало меня наверх, ноги горели, будто их крючьями рвали на части.

Наверное, от боли и страха у меня помутилось в голове, так как очнувшись я уже в лодке, в лужицах красноватой воды, похожей на разбавленное вино. Кто-то упорно звал меня: «Франческа! Франческа!» Щурясь от боли, я узнала гребца — это был Скарпа. Непривычно серьёзный, он резко отталкивался веслом. Лодка двигалась по узкому каналу, с двух сторон стиснутому стенами домов. Всё казалось черно-белым: дома с провалами окон, небо — как выстиранная простыня. Наконец, совсем близко я увидела Пульчино. Двух Пульчино, если быть точной. Всё расплывалось.

«Отвези меня в лагуну», — попросила я без слов.

«Нет! Потерпи немного. Пожалуйста! Хорошо, что Карита быстро вытащила тебя!»

Трудно спорить, когда боль превращает твоё тело в пылающий костер. Даже просто повернуть голову было трудно. Чайка встревоженно суетился рядом:

«Когда боль слишком сильная, она может убить тебя изнутри. Отпусти её! — приказал он. — И тогда мы взлетим».

«Слишком рискованно, — возразила я. — Для тебя».

Мне-то уже всё равно, а вот погубить заодно и Пульчино совсем не хотелось. Жаль, что не вышло увидеться с морем... напоследок. Стены домов закружились и поплыли, заливаясь красным.

«Франческа!» — послышалось снова. Я застонала. Ну чего ему неймётся? Почему он не может просто оставить меня в покое? Я бы выкинула Пульчино из лодки, будь у меня больше сил.

«Улетим вместе! Не нужно терпеть!» — настаивал он.

От возмущения я даже очнулась:

«Так нельзя! Ты можешь погибнуть! Я боюсь убить в тебе птицу!»

Он бесстрашно смотрел мне в лицо тёплым понимающим взглядом и выглядел так, будто знал что-то, мне недоступное...

«Не бойся. С тобой я больше, чем птица. А ты — больше, чем человек».

Даже в забытии я ощущала его присутствие. Доброта Пульчино была маленьким островком, убежищем в океане калечащей боли. В конце концов я

позволила ему увлечь меня за собой, и моё сознание растворилось в небе среди новых, необычных запахов и звуков. Крылья унесли нас далеко-далеко от маленькой лодки, к которой от пристани уже бежали люди.

* * *

Мне снилось, что я была чайкой. Мир сузился до самых простых понятий: рыжая полоска камышей на отмели, ветерок, пахнувший солью, скользкий и блестящий рыбий бок в прозрачной волне...

Иногда что-то вторгалось в моё незамысловатое существование, какая-то тревожная нота, от которой становилось не по себе. Мне снился чей-то пристальный взгляд, зовущий голос, прикосновение чужой руки, от которого трепетало сердце. Тогда меня снова пронзало холодом, и я гнала прочь эти воспоминания, подозревая, что за ними стояло чувство потери, такое огромное, что невозможно осмыслить! Оно бы меня просто разрушило. Куда проще было думать о рыбе, ветре и камышах. Ловить крыльями ветер, паря в его тёплых потоках... Выслеживать, когда моряки начнут потрошить рыбу после лова, чтобы урвать самые лакомые куски. Но беспокойство мне так досаждало, что однажды я решила — хватит.

Я очнулась в тёплой и светлой комнате, в чистой постели, которая казалась мягкой, как облако. По сравнению с картинкой, запечатлевшейся в памяти — грязный баркас, жесткие сырые доски под спиной и ворох пёстрых юбок, запятнанных кровью — это был просто рай. На мне была чистая полотняная рубашка, и волосы больше не свисали сосульками, а пушистыми локонами рассыпались по плечам. Одна рука была забинтована выше локтя. Я больше не чувствовала крыльев, но тело казалось почти таким же лёгким, как у птицы. Только в ногах ощущалась тяжесть.

Откинув одеяло, я попыталась встать и обнаружила, что ноги от колен до щиколоток тоже все были в бинтах. Честное слово, я выглядела, как подагрик, и двигалась с таким же трудом! Постепенно ко мне возвращалась память. Я узнала комнату донны Ассунты — по светло-серым занавескам и статуэтке Мадонны в стенной нише. Значит, я у Джулии, в доме Граначчи. Я отчетливо помнила Джулию, Бьянку... Рикардо...

А потом я вспомнила Алессандро, и мир сразу померк.

Я его потеряла. Вот почему мне так не хотелось возвращаться! Без него этот мир был тюрьмой, пусть без решёток, грязной соломы и грубых охранников — всё равно. Как же это несправедливо! Сердито стерев набежавшие слёзы, я подняла голову... и вдруг встретилась глазами с Алессандро. Он стоял в дверях и взволнованно смотрел на меня. Сероглазый, осунувшийся, он, как обычно, выглядел так, будто не спал неделю. Я застыла, боясь пошевелиться. Если моя фантазия способна порождать такие реальные видения, то на этот раз я превзошла себя!

— Франческа, — выдохнул Алессандро. В два шага пересёк разделяющее нас пространство и обнял меня так крепко, что я как-то сразу убедилась в его реальности. Всё ещё не доверяя себе, я подалась назад в кольцо его рук, провела пальцами вдоль его лба, щёк... и боялась отнять ладони — а вдруг он опять исчезнет!

— Ты жив... Ты жив!

Он снова молча привлёк меня к себе. Я задыхалась, стараясь не плакать. Невероятно! Каким-то чудом мы оба оказались по эту сторону жизни.

— Мне сказали, что ты погиб!

— А ты неделю была без сознания! — сказал он с мягким упрёком в голосе. — Я уже не надеялся тебя дозваться!

Кажется, мы оба нечаянно ранили друг друга. Мне хотелось сказать, что он — единственный, ради кого я вернулась бы откуда угодно, но, прижавшись щекой к его плечу, я чувствовала его улыбку и понимала, что слова не нужны. Рядом с Алессандро меня снова охватило ощущение проникнутой теплом близости — такой, что казалось вполне естественным прикоснуться к нему, чувствуя ладонью прохладу его кожи, или закончить начатую им фразу... Наши мысли звучали в унисон.

Что-то ударило в окно, заставив нас отвлечься друг от друга. Там, запутавшись в занавеске, возник Пульчино. Я обрадовалась. Стоило вспомнить, что ему пришлось пережить! Всё-таки это был ужасный риск. К счастью, судя по бодрому виду, наше долгое единение ему не повредило.

— Пульчино!

Мне хотелось помочь ему освободиться, но я не учла, что за время болезни напрочь разучилась ходить на человеческих ногах. Сделав шаг, я споткнулась, ухватилась за спинку стула, уронила его и упала бы сама, если бы Алессандро меня не подхватил. Чайка справился самостоятельно. Выпутавшись из шёлковых драпировок, он устроился на подоконнике и окинул нас снисходительным взглядом:

«Ладно, я вижу, что вы в порядке, а теперь — пора по делам. Нужно навестить Скарпу, пожать пару клешней...»

«Я тебе так благодарна!»

«Не за что, сестренка», — и Пульчино устремился наружу, лёгкий и энергичный, как всегда. Алессандро немного обеспокоенно предложил проводить меня до ближайшего кресла. Я смутилась из-за своей неуклюжести:

— Кажется, мне придётся заново учиться ходить!

Он улыбнулся:

— Это не страшно, буду носить тебя на руках. То есть... если ты захочешь, конечно.

Стоило нам подумать о будущем, как к Алессандро вернулась прежняя неуверенность. Он смутился и по старой привычке встал боком к свету, чтобы шрам был не так заметен. Я не могла скрыть удивления:

— Ты что, сомневаешься, согласна ли я?

— Теперь уже нет, — улыбнулся он и потянулся, чтобы поцеловать меня, но, как назло, в этот самый момент за дверью послышался топот. Кто-то, привлечённый шумом, спешил сюда, и он даже не думал деликатничать! Мы с Алессандро застыли в объятиях друг друга, когда дверь с размаху отлетела к стене, а комнату сотряс громкий вопль:

— Она очнулась!

Джулия с радостным криком, больше похожим на боевой клич, бросилась мне на шею, снова чуть не свалив меня на пол. Следом появились Бьянка и доктор Фалетрус, которые, на моё счастье, вели себя более сдержанно. Прибежала Мелина с кубком укрепляющего напитка. Все заговорили наперебой, усадили меня в кресло, напоили лекарством и принесли обед, которого хватило бы на троих здоровых человек. Алессандро оттеснили в сторону, а потом девушки вообще выпроводили мужчин за дверь, так как, по их словам, меня

давно следовало привести в порядок.

— Ты выглядишь как кошка после драки, а не как невеста накануне свадьбы! — припечатала Джулия.

Что значит — накануне свадьбы? Они уже всё спланировали? Я поискала глазами Алессандро, но тот уже ушёл.

Заодно я узнала, как много всего пропустила за время болезни.

Джулия помирилась с Инес, узнав, что именно она послала за мной стражника, который отвлек убийцу на крыше. Правда, Кожаному Человеку удалось ускользнуть от стражи, зато внизу его встретил Алессандро. Причём встретил его сразу после того, как Скарпа подвёл баркас к пристани, и мне стало плохо от мысли, какое тяжёлое впечатление должно было произвести на него зрелище моего бездыханного тела, лежащего в луже крови. В общем, по словам Джулии, он разделал убийцу «как ястреб паутину», так что сыщикам потом некого было допрашивать. Так мы и не узнали, кто его подослал, хотя догадывались.

Не успели помириться Джулия с Инес, как вдребезги разругались Рикардо и Алессандро. Бьянка объяснила, что ссора произошла «из-за какого-то документа». Дом Граначчи бурлил вовсю! Сандро возмущался, что Рикардо, отправляясь в Медиолан, утаил от него какие-то важные улики против дона Сакетти. Его друг, наоборот, доказывал, что, предъявив этот документ месяц назад на Совете, они бы ничего не добились, кроме высылки или даже казни:

— Чтобы предъявлять дону Сакетти подобные обвинения, нужны были свидетели поважнее наших сенаторов! — горячился он. — Иначе случай с «Доменико» просто замяли бы, а ты потом доказывал бы свою правоту дознавателям в Пьомби!

Я пропустила все эти политические баталии и драматическое заявление дона Сакетти, пожелавшего отречься в пользу Энрике Арсаго. Рикардо по этому поводу пошутил, что в таком случае править Венеттой будет Инес. Пока суд да дело, власть перешла к регентскому совету. Популярность дона Сакетти в последние дни заметно упала. Ходили слухи о вопиющих нарушениях протокола, тайных встречах с тарчийскими послами и других его тёмных делах.

Дон Маньяско, воспользовавшись суматохой, снова тихо исчез. Его участие в трагедии, произошедшей в Арсенале, так и не было доказано. Про корабль, затонувший в Пицене, все предпочли забыть. Фиескийцы, надо думать, с облегчением убрались из Венетты. Напоследок их ожидало ещё одно потрясение: по случайности, в день моего побега Скарпа подвёл лодку именно к тому причалу, где была пришвартована «Примавера», и зрелище Кариты, выбравшейся на берег, поразило матросов до глубины души. Думаю, Венетта в их глазах окончательно приобрела репутацию колдовского города, где морские чудовища выходят прямо на берег, а его жителям подвластны даже морские течения.

В отличие от неугомного Маньяско, синьор Фарузи, граф Онейли, задержался у нас подольше. Венетта подписала договор с Лигой Четырёх, и Фарузи якобы хотел договориться о более выгодных торговых контрактах. Но люди шептались, что он каждый вечер приходил на Пьяцетту в надежде увидеть поднимающихся в небо грифонов.

Сами грифоны, кстати, вели себя тихо и больше не покидали насиженных мест. Правда, донна Джоанна уверяла, что однажды видела, как они поворачи-

вали головы вслед за Инес... но кто знает, могла и пошутить. Инес, серьёзная как никогда, проводила всё время за книгами. Теперь уже Энрике издалека следил за супругой влюблённым взглядом — видимо, расстановка сил в их отношениях волшебным образом поменялась.

— Бедный, он всё-таки женился на кьямати, — хихикнула Джулия, расчёсывая мои волосы. — От судьбы не уйдёшь!

Пока мы с ней болтали, небо за окном стало тёмно-розовым, а канал потемнел и украсился блестящей рябью от факелов. Вечерело. Чайки на отмелях, должно быть, устраивались на ночлег, и Пульчино с ними. Я чувствовала себя очень усталой. Всё-таки за последнюю неделю это был мой первый день в роли человека!

Мы думали, что потрясения на сегодня закончились, но неожиданно к нам заглянула Бьянка.

— Франческа, — позвала она. — Там в гостиной ждут Алессандро и Энрике Арсаго. Сможешь спуститься? Кажется, Энрике хочет вам что-то рассказать.

* * *

Наверное, доктор Фалетрус действительно был немного волшебником! Спустя несколько дней после моего «пробуждения» я смогла на собственных ногах добраться до церкви Санта Мария Глорियोза, где нас с Алессандро, наконец, обвенчали.

Наша свадьба обошлась без пышных торжеств с традиционным шествием, танцами, регатой и турниром. Всё равно я пока не могла танцевать, а Джулии вообще нельзя было появляться на людях, так как указ о её изгнании ещё не был отменён, хотя Инес с Энрике клялись, что сделают для этого всё возможное.

Энрике немного вырос в моих глазах после того вечернего разговора. Он признал, что напрасно обвинял Алессандро в гибели графа Арсаго и рассказал, что произошло между ним и Луиджи Манриоло, когда тот, раненый, лежал в их доме.

— Он очнулся, но как будто не узнал меня, — сдавленным голосом говорил Энрике. Признание далось ему нелегко. — Похоже, из-за раны у него в голове всё смешалось, и он принял меня за отца. Я хотел спросить его о магии, а он рассмеялся и заявил, что я проклят, и дела мои прокляты, и мне, мол, никогда не добраться до синьора ди Горо и Франчески, так как он, Манриоло, их не выдаст, хоть режь его. Я не мог стерпеть, слыша, как он говорит об отце такое! — воскликнул Энрике, с отчаянием глядя на нас. — Ну и... ударил его.

Мы помолчали. Я думала, что Манриоло всё-таки погиб, как герой. Теперь я знала, что с ним случилось, и почему тогда Гриджо чуть не разнёс пол-улицы. Больше я валлуко не видела. Можно было надеяться, что море постепенно успокоило его душевную рану...

В общем, вместо свадебного пира мы ограничились скромным праздником в доме Граначчи, на котором из гостей присутствовали только Фалетрус, Маттео, Инес с Энрике и Скарпа. Карита тоже праздновала, однако предпочла остаться снаружи.

На следующее утро, когда рассвело, мы погрузились на лёгкую фелуку, очень похожую на запомнившуюся мне «Примаверу». Оказалось, что Рикардо готовил её для нашего с Джулией побега, а потом назвал её «Чайкой» и подарил мне на свадьбу. Он сказал, что это самое быстрое, легчайшее судно, кото-

рое ему удалось отыскать. Я оценила намёк, насколько сильно ему хотелось избавиться от меня и Джулии.

Сенат назначил Алессандро одним из провекторов и отправил его на Альберино — надзирать за снабжением гарнизонов и ремонтом крепостей. Нам обещали всяческую помощь, но действовать нужно было без промедления. Однако прежде всего мы должны были отвезти Джулию в Аримин, а потом уже плыть к месту службы. После некоторых колебаний Скарпа тоже решил отправиться с нами.

Ещё до того, как «Чайка» вышла из лагуны, я с помощью Маттео, который чуть ли не светился от счастья, устроила себе на корме «кресло» из тюков и сложенных парусов. Пульчино тщательно осмотрел фелуку, одобрил и прочно утвердился на мачте, откуда ему было удобно наблюдать за всеми. Джулия с малышкой предпочли остаться в каюте, ну а Скарпа уселся рядом со мной, прислонившись спиной к стенке кладовой, где хранился такелаж. Алессандро со штурманом наблюдали, как встаёт солнце над горизонтом, и рассчитывали курс. Скарпа, по обыкновению, ворчал:

— Что это за должность такая — провектор? Я посмотрел в словаре у этого учёного Фалетруса, но не нашёл такого слова! Поди, опять какая-нибудь подстава. Вам будут очень нужны верные люди на Альберино!

— Значит, нам повезло, что ты отправился с нами, — улыбнулась я, глядя издали на стройную фигуру Алессандро и его благородный чёткий профиль на фоне парусов. Мне ужасно хотелось подойти к нему, но несколько футов неустойчивой загромождённой палубы для моих израненных ног были пока ещё непреодолимой преградой.

Разумеется, я понимала, что теперь, когда Венетта присоединилась к Лиге, тарчи озлобятся пуще прежнего и с новой силой возобновят набеги на наши колонии, а мой муж — не такой человек, чтобы прятаться от опасностей на Полуострове. Вряд ли наша жизнь будет лёгкой, и всё равно... Я смотрела на Сандро и думала, что даже если судьба подарит нам всего один день, остальное — неважно.

— Ну, я-то поехал с тобой не поэтому! — задиристо хмыкнул Скрапа, тут же разрушив свою репутацию верного друга, которую я успела ему присвоить. — Просто я стал слишком заметен в Венетте! После всего, что случилось, мне нельзя было спрятаться даже за Киоссой!

— Понимаю, и всё-таки хорошо, что ты с нами, — ответила я машинально, так как в этот момент Алессандро, словно угадав моё желание, оглянулся. На его загорелом лице блеснула белая полоска улыбки. Оставив штурмана колдовать над приборами, он помог мне подняться и подвёл меня к штирборту.

Я взяла его за руку, и мы молча смотрели, как размывается волнами пенный след, оставляемый кораблём, как мелькает таинственная жизнь в просверках сине-зелёного моря, и как тает позади наше прошлое... А за горизонтом постепенно исчезал обвенчавший нас светло-каменный город, растушёванный далью.

Дмитрий и Татьяна Зимины

Распыление. Дело о Бабе-яге

Глава 1

Иван

По жизни Лёня Кукиш был человеком довольно скверным, а после смерти и вовсе стал натуральным козлом.

Он лежал на замусоренном полу дворницкой, одетый в драные треники и застиранную фуфайку. Изо лба, покрытого белыми шелковистыми завитками, торчали крепенькие рожки, ноги с вывернутыми назад коленками оканчивались копытцами, а остекленевшие глаза, выпученные смертной судорогой, имели квадратные, как водится у козлиного племени, зрачки.

— Кто-то очень не хотел, чтобы Лёня расстался со своими секретами. — сказал я, присаживаясь рядом с трупом и прижимая пальцы к шее козла.

— Что ты делаешь? — поднял брови Лумумба.

— Надо же констатировать смерть.

— В таком виде не живут, стажер. Мог бы догадаться.

— А вдруг?

— Вдруг бывает только взрыв, когда о растяжку запнешься. Соберись.

Соберись... Двое суток в бронепоезде — и не подумайте, что там предусмотрены спальные вагоны. Затем на перекладных, по жаре, по пыльной степи, к черту на кулички. До сих пор зубы стучат и задница похожа на отбивную.

А всё потому, что начальству приспичило побыстрее. Могли ведь чинно-благородно, сесть на паром, в дороге поспать, покушать, может, на танцы сходить или кино посмотреть...

Но, несмотря на все усилия, мы опоздали. И зачем тогда все эти жертвы?

Говорить об этом наставнику я не посмел. Не ровен час превратит в какое-нибудь тихое, не подверженное приступам мести, животное. С него станется. И трансформацию, кстати, в отличие от здешнего недоучки, проведет как положено.

— Ладно, записывай, стажер. — прервал мои мысли Лумумба. Я достал блокнот. — Маганомалия уровня Б-тринадцать дробь два. Летальный исход. Адрес... — он растерянно огляделся. — Выйдем, посмотришь адрес. Время... — вынул из жилетного кармана сверкающий репетир и взглянул на циферблат... — Пять часов тридцать две минуты утра. Записал? — я кивнул. — Тогда приступай к осмотру помещения.

Лумумба отошел к окну и, обнаружив там надколотое блюдо с вялым соевым огурцом и вареной сосиской, глубоко задумался над ними. А я, как велено, приступил к осмотру.

Комната сырая, воняет в ней протухшими щами, да еще из закопченных углов таращатся откормленные пауки, явно с кулинарными намерениями. Только что зубом не цыкают... Я старался не смотреть им в глаза. Мало ли что...

Бетонный пол, вместо коврика застеленный старыми газетами, шаткая ме-

бель явно подобрана на помойке. Внимание привлек столик, притулившийся в уголке. Необычного в нем было то, что на столешнице, сделанной из куска криво обрезанной фанеры, содержалось несколько книг. Я подошел посмотреть. Толстый паук, резво перебирая крепкими мохнатыми ногами, подполз ближе и стал жадно принюхиваться. Меня передернуло. Дрессировал их Кукиш, что ли? Имущество охранять... С трудом поборол желание снять ботинок и жахнуть по наглому арахниду что есть сил.

Достоевский, Толстой, Стефан Гейм, Плутарх... Книги были в ужасном состоянии, у некоторых не хватало обложек. Корешки обуглены, на страницах чернеют следы копоты. Коснувшись кончиками пальцев верхнего в стопке тома, я глубоко вздохнул и закрыл глаза.

...Книги горели. Огонь жадно набрасывался на страницы, скручивал штопором корешки, одну за другой пожирал обложки. В воздух поднимались клубы черного пепла. Некоторым повезло: они оказались с краю, далеко от бледно-золотого, гудящего, как доменная печь, пекла. Их выхватывали голыми руками, поспешно ворошили страницы, сдувая искры, а затем прятали под одежду и исчезали в темных подворотнях. Молча, стараясь не встречаться взглядами. Чтобы следующей ночью, если повезет, вернуться, и спасти еще нескольких обреченных...

Я потряс головой. На курсах нам рассказывали, что сразу после Распыления, во времена бунтов, жечь книги было очень популярным занятием. Многим тогда думалось, что конец света означает так же и конец истории.

Значит, покойный Кукиш был не так уж прост... Интересно, что довело его до жалкой дворницкой в одной из заброшенных пятиэтажек, на краю города?

Одна из книг, лежащих в стопке, имела меж страниц небольшой зазор. В нём даже что-то поблескивало, какая-то проволочка. Осторожно подцепив её кончиками пальцев я вытащил женскую сережку. Довольно дорогую: аметист, оправленный в золото, с несколькими подвесками, украшенными более мелкими камушками.

— Что это у тебя? — наставник неожиданно возник за спиной.

— Да вот...

— Где это было? Зачем вытащил? Почему не позвал?

— Проволочка... Она торчала среди страниц, вот я и... Вы же сами велели осмотреть!

— Осмотреть, а не тянуть в руки всякую гадость! А вдруг это бомба?

— Ой, да что это вам, бвана, везде бомбы мерещатся! Откуда им здесь взяться? Натё! — я сунул ему в руки серьгу. — Вот она, ваша бомба...

— Где ты это взял? — смягчился Лумумба.

— Да там выемка в страницах. — я вновь потянулся к книге.

— Не трогай! — меня больно стукнули по пальцам. — Я сам...

Шуганув паука, учитель поводил над книгами руками, как бы ощупывая воздух, обнюхал их, одну за другой, и только потом вытянул ту, в которой была серьга. Раскрыв, сложил губы трубочкой и замычал свой обычный невразумительный мотивчик. Я, сгорая от любопытства, заглянул ему через плечо.

На хрупких страницах прятались мангазейский золотник и пакетик с дурью. Что это Пыльца, я понял сразу, седьмым чувством, известным любому За-

пыленному. А монета? Всем известно: Мангазейские бароны чеканят только золото...

Раскрыв пакетик, Лумумба вытряхнул на ладонь одну из таблеток. Достал из жилетного кармана лупу и, вставив её в глаз, повернулся к свету.

— Двойковыпуклое прессование, никаких опознавательных печатей. Производство... — лизнув таблетку, он закатил глаза. — Импорт.

— Что вы имеете в виду?

— То, что ты, молодой падаван, ленив, как конотопская попадья. До сих пор не изучил мою монографию относительно вкусовых различий штаммов Пыльцы, культивируемых на территории РФ! Стыдно должно быть!

— Может, местная лаба? Кукиш об этом и писал: ненормальное количество Пыльцы... — Лумумба стоически вздохнул.

— Влияние на рост культуры эндемичных условий, таких, как: вода, температура воздуха, сырье для базового конгломерата...

— Да понял я, понял. — не дал я учителю сесть на любимого конька. — Не отсюда она. А... Откуда?

— Уроки надо учить. — буркнул наставник, пряча в карман добычу и захлопывая книжку. А потом посмотрел на меня уже не так враждебно. — А ведь ты прав, стажер. Это может оказаться бомбой!

— Я про бомбу ничего не говорил. — открестился я. — На бомбе настаивали как раз вы, бвана.

— Да заткнешься ты, или нет? — потерял терпение Лумумба. — я тебе талдычу об уликах, а ты...

— Да что там улики? — вот не люблю я, когда кричат. Особенно, на голодный желудок: у меня от этого колики делаются. — Затрапезная монетка, полграмма дури, да сережка. Была бы хоть пара...

Начальник вдруг посерьезнел, заглянул мне в глаза и заботливо потрогал лоб.

— Что-то ты совсем плохой, падаван. Капец мозга: не иначе, от орков заразился.

Я набычился, готовясь продемонстрировать, как ведут себя настоящие орки, но Лумумба, вновь сунул мне под нос монету.

— На аверсе — герб Мангазеи: конь, а под ним — песец, бегущий в правую сторону. Герб, к твоему сведению, утвержден в тысяча восемьсот двадцатом году. А теперь присмотришься повнимательней, стажер.

Я послушно сощурился. Монета была мелкая, и где там конь, где песец, было не очень ясно. Но что-то... Что-то было с ней не так.

— Вот эта козявка смотрит не в ту сторону! — я ткнул пальцем, накрыв, правда, всю монетку целиком.

— Молодец! — восхитился Лумумба. Пара воспитательных подзатыльников и совсем немного крика — и ты понял, о чем говорит твой старый больной учитель. Но я тебя не виню... — он ласково погладил меня по голове. — Трудно быть умным, для этого напрягаться приходится... — наставник подбросил монетку и вновь поймал. — Что характерно: монета гораздо легче золотой. — сказал он задумчиво.

— Это вы тоже на вкус определили?

— На запах! — он кинул монетку мне. — Каждый уважающий себя маг должен отличать золото от других металлов. У этой, например — железный сер-

дечник. Чувствуешь? — Старинный и уважаемый в определенных кругах способ подделки. На вид — практически не отличить от настоящей, даже краешек можно прикусить. Забрав монетку, Лумумба куснул её крупным, как у лошади, зубом, и продемонстрировал вмятину. — Видал? Любую поверхностную проверку пройдет.

— Фальшивая монета и импортная Пыльца... — пробормотал я, уже не обижаясь.

— Надо думать, это и был сенсационный материал, который хотел нам продать Кукиш.

— Но... Почему тот, кто его убил, не забрал улики? Они ж, можно сказать, на самом видном месте.

— Возможно, не успел. — поджал губы Лумумба, разглядывая камень в сережке на свет. — Не завершил колдовство, не забрал улики... Кто-то его спугнул. И, сдаётся мне, это были не мы.

Я вспомнил своё прикосновение к окоченевшей шее козлика. Труп пролежал на полу дворницкой несколько часов...

После затхлого, пропитанного сыростью подвала прохладный утренний ветерок приятно бодрил. Небо, усеянное ватными шариками облачков радовало прозрачностью и голубизной, с реки доносились крики чаек и рыбные запахи.

По донесениям Кукиша мы предполагали в нем человека недалекого, но предприимчивого. Никогда он не забывал напомнить о гонораре и существующих надбавках за вредность, и славился умением выговорить для себя самые выгодные условия. Собственно, даже не имея другого занятия, кроме работы на нас, он мог позволить себе жить припеваючи. Найти жилье в приличном районе, с отоплением и горячей водой, а не эту конуру в забытых богом развалинах...

Мы-то решили, что дворницкая на отшибе, подальше от посторонних глаз, всего лишь явочная квартира. Но он жил в ней по меньшей мере несколько месяцев. Напрашивается вывод: Леонид Тимофеев, по прозвищу Кукиш, внештатный сотрудник АББА, нащупал что-то действительно серьезное, и дожидаясь нашего приезда, решил лечь на дно.

Из заброшенных спальных районов мы попали на берег реки. Здесь было чисто, светло и красиво. Набережная блистала газовыми фонарями, лавочками и урнами, выполненными в виде безобразных хвостатых жаб, по ней степенно прогуливались хорошо одетые граждане.

— А ничего так городок. Подходящий. — Лумумба молодецки оглядел реку, мост с бронзовыми балясинами, островерхие крыши домов на другой стороне и белые, чуть закопченные стены церквушки с разбитой маковкой, виднеющиеся за мостом, на небольшом холмике.

— Подходящий для чего? — угрюмо переспросил я. Всё никак не мог изгнать из памяти сытых пауков в дворницкой.

— Для пенсии, например. — живо откликнулся начальник. — Вот, лет через пятнадцать-двадцать, если повезет дожить, оставлю службу, переберусь сюда и поселюсь в домике с белым штакетником и курятником на заднем дворе... Смотри, какая красота!

Мы остановились и стали любоваться красотой: в рассветных лучах река

вся сверкала, будто покрытая серебряными чешуйками, над нею, как истребители, носились чайки. Время от времени то одна, то другая ныряла в воду и появлялась с зажатой в клюве килькой.

— И рыбы здесь много! — порадовался начальник, кивая на завтракающих птиц. — Вот тебе, Ваня, доводилось когда-нибудь рыбачить?

— Не-а.

— А я, признаться, люблю. В Африке, например, есть такая река: Лимпопо...

Мимо берега, ревя, как белуга, и распространяя вонь сивухи пополам с жареной картошкой, прошел катер. Переждав, пока он удалится, Лумумба продолжил:

— Так вот: на реке Лимпопо рыбачат так... — он причмокнул и закатил глаза. — Нужно взять упитанного поросенка и привязать его у воды. И, когда он начнет визжать, крокодил полезет за ним на берег. Дальше надо не зевать...

— Да какая ж это рыбалка? — перебил я. — Это у вас, бвана, охота получается. И вообще: тратить поросенка на какого-то вонючего крокодила, по-моему, преступление.

Видел я этого крокодила в Московском зоопарке: бревно бревном, и тиной воняет...

— Ты дашь мне договорить, или нет? Совсем от рук отбился. Наверное, это моя вина: слишком добрый стал. Говорил мой отец М'бвеле Мабуту, царь народа самбуру: детей надо драть. Очень любить, но при этом лупить нещадно...

Я хотел возмутиться, что какой же я, туды его в качель, ребенок, но над головой послышался оглушительный, быстро нарастающий свист, вроде того, который производит летящий фугасный снаряд. Мы с Лумумбой инстинктивно выставили щиты. По ним тут же растекся горящий напалм. Капая на мостовую, он плавил камни.

— Однако. — пробормотал учитель и выдохнул контрзаклинание в виде клуба ледяного воздуха, которое тут же всё заморозило.

Народ вокруг зароптал. Послышалась брань в адрес магов, от которых житья совсем не стало, и, где-то на периферии, пронзительно заверещал полицейский свисток.

— Ходу. — спокойно приказал Лумумба и мы, осторожно переступив озерцо остывающей лавы, удалились с места происшествия.

Шагая по проспекту, уводящему в сторону от набережной, начальник сиял, как именинник. Черная кожа аж лоснилась на его щеках.

— Чему вы так радуетесь, бвана? — голодный желудок и недавнее покушение как-то не способствовали игривости.

— Всегда приятно получить предупреждение. — отвечив тот, попутно раскланиваясь со стайкой симпатичных, в голубых платяцах и соломенных шляпках, барышень. — Помогает не расслабляться.

— Да уж. Расслабишься тут. — даже улыбки барышень не могли растопить моего черствого сердца. — Сотрудник погиб, а вы тут девушкам глазки строите. К тому же, нам в этом городишке явно не рады.

— Перестань брюзжать, стажер. А то я тебя выпорю, честное слово.

— Жрать охота. — пожаловался я.

— Ничего, потерпишь. Сытое брюхо к учению глухо.

— А я думал, что голодное...

— Отставить прения! — Лумумба так грозно сверкнул синими глазами, что я испугался: теперь точно превратит. И зажмурился.

— Ладно, расслабься. — сжалился начальник. — Люблю, когда боятся... И он, как ни в чем ни бывало, пошел дальше. — Итак, молодой падаван: от какой маганомалии мы имели счастье уклониться не далее, как десять минут назад?

Я быстренько прикинул:

— Файербол обыкновенный, сиречь — огненный шар. Напряжение... шестнадцать ампер по шкале Бен-Бецалеля.

— А о чем это говорит?

— О том, что в городе есть по меньшей мере один сильный маг, о котором в агентстве не знают.

— И... — подбодрил учитель.

— Лёня не врал: Пыльца в городе есть. И много. — я кивнул на звездообразную обугленную трещину в мостовой. Трещина давно остыла, и прохожие не обращали на нее никакого внимания.

— Опять файербол?

Наклонившись над трещиной, я осторожно потянул носом. Пахло соляной кислотой и желудочным соком.

— Нет. Думаю, это жаббервог.

— Интересно... — Лумумба опять принялся напевать. — Сначала козлик, потом огненный шар, теперь — жаббервог. О чем это говорит?

— Никакого почерка. Или это несколько разных магов, или...

— Очень мощный универсал.

— Хрен редьки не слаще.

— Не скажи... — Лумумба довольно потер руки. — А давненько мы с тобой не попадали в хорошую передрягу, а падаван?

— Да уж скажете тоже... — обиделся я. — А Стёпка-Растрепка в Воронеже?

— Ну, это было на прошлой неделе. Седая старина.

Я закатил глаза.

— Эх, нет в тебе духа авантюризма, дружок! — пихнул меня в бок Лумумба. — И в кого нынче такая скучная молодежь?

— Хотелось бы, знаете ли, пожить. — склочность моего характера возростала пропорционально радости наставника и бурчанию в собственном животе. — Вам-то что, вы уже старый... Сорок лет, как-никак. А мне, сиротинушке, неохота буйну голову под вражескими файерболоми в чужих землях сложить.

— А неохота — так учись! — потерял терпение Лумумба и больно стукнул меня по лбу. Я всхлипнул, всем своим видом демонстрируя неприкаянность и безутешность.

— Ладно. — сжалился учитель. — Пойдем, я, так уж и быть, тебя покормлю. Но сначала — зайдем в Агентство.

Глава 2

Маша

... На Филигранной улице распахнулась дверь продуктового и я ускорила шаг. Заскочу, куплю близняшкам чего-нибудь вкусенького. Да и Ласточку хочется порадовать.

Внутри никого, кроме сонных мух и зевающего во весь рот продавца, не было. Зато на прилавке красовался огромный мешок с мороженными пельменями. Ого! Это я удачно зашла: сама я готовить не умею, разве что макароны с тушенкой.

Увидев ценник, я насторожилась. Помнится, как-то польстилась на дешевый фарш, а он оказался крысиным. Все домашние брюхом маялись...

— А с чем пельмени-то? — спросила я.

— А с драконятиной. — дядька равнодушно зевнул, прикрывая рот толстой лапой. — Третьего дня за рекой дракона завалили. Мяса с него сняли — пропасть, все склады забили.

Драконятина. Ну-ну...

— И... — я заговорщицки понизила голос. — Как она на вкус?

Продавец медленно оглядел меня с головы до ног, отметив и бляху Охотника, и Пищаль за спиной, и куртку, забрызганную свежей кровью, но не повел и ухом.

— А как индюшатиная. Тока пожощцэ. Дак в фарше ж незаметно. — и подмигнул заспанным красноватым глазом.

— Ну, если как индюшатиная... — я тоже подмигнула, — Тогда на все. — и высыпала из кошелька горсть монеток. Было их не густо. Вчера, перед дежурством, пришлось заскочить в аптеку за лекарствами.

Дядька, не считая, смахнул монетки под прилавок, а на весы бросил большой кулек из оберточной бумаги. Нагреб пельменей, высыпал в кулек. Глянул на меня, перевел взгляд на Пищаль... Нагреб еще. Кинул взгляд на весы, зачерпнул из мешка прямо горстью и сыпанул еще десяток. Пельмени глухо стучались друг о друга.

— На здоровье! — напутствовал он.

— И вам не хворать, — поблагодарила я, принимая кулек. Тяжелый, килограмма на два потянет...

Улыбнулась. Вот приду домой, а Сашка с Глашкой: — Маш, а Маш! Что ты нам принесла? А я им: — Пельмени с драконятиной... Очешуеть.

Третьего дня за рекой завалили не дракона, а динозавра. Был он и вправду здоровенный, и глупый, как курица. Пугая огнеметами, его загнали в яму с колыями, и, между прочим, это я сделала решающий выстрел.

В переулке мелькнуло что-то белое, ослепительное. Мелькнуло — и пропало.

Показалось. Наверное. А... если не показалось? Осторожно ступая, я шагнула вглубь подворотни. Опять сверкнуло!

...Он стоял в тенистом дворике под липами и пристально смотрел на меня. Длинные точеные ноги, будто сотканная из солнечных лучей шкура, длинный витой рог...

Я протянула руку — единорог, всхрапнув, отскочил. Но не убежал, а опять застыл, искоса поглядывая на меня. Вокруг никого. Только я и он. Стоит, помахая пышным хвостом и легонько так бьет копытом. Но, как только я приблизилась, он вновь отпрыгнул. Затем заржал, мотнул головой и скрылся, мать его лошадь за ногу, в подворотне.

Нужно его поймать. Если поспешить, пельмени даже разморозиться не успеют, а я зато смогу... Ладно. Не буду загадывать раньше времени.

Я никак не могла разглядеть паршивца целиком — после первого раза глупая животина к себе не подпускала. Мелькал то длинный хвост, то изящный изгиб шеи, то хитрый, будто подмигивающий, глаз... Так и бежали: он — впереди, я — за ним. Не заметив, забрались в самую глушь, в Окраины.

Пришла в себя в глухом и узком, как колодец, дворе. Всё здесь заросло крапивой и лопухами, асфальт детской площадки взломали молодые деревья, песочница превратилась в черное квадратное озерцо. Наклонившись, я взглянула на свое отражение. Лицо бледное до синевы — сказывается бессонная ночь, волосы растрепались и торчат в разные стороны, как у тряпичной Энни...

На каждом дежурстве даю себе обещание: взять в следующий раз зеркальце и расческу. Но, вернувшись домой, благополучно об этом забываю. Пытаюсь расчесаться пальцами, заметила белую вспышку. Развернулась — никого.

Пробираться пришлось по центру улицы, держась подальше от домов. С крыш в любой момент мог сорваться кусок шифера или обломок кирпича. Места были знакомые, хотя за пять лет многое изменилось. Деревья стали выше, дома еще больше обветшали и таращились пустыми провалами окон. Кучи мусора заросли травой. Но приметы остались прежними. Вон там — старая водочка, над её крышей всё так же кружат вороны. Рядом расщепленный молнией дуб, под корнями которого вырыта обширная нора. В норе, если не находилось другого убежища, можно было переждать ночь...

А дальше был туман. Дорога уходила в лог, и туман колыхался в нем, будто белое болото. Кое-где из тумана торчали крыши домов.

Я нашла взглядом старую школу. Для нашей банды она была пиратским замком: много комнат, куча мебели для костров и решетки на окнах — легко защищать. А еще в школе была библиотека. Книжки почти все растащили и сожгли, но я спасла несколько штук. "Математика" за четвертый класс, "Книга для чтения", "Природоведение и география"... Читать я тогда не умела, и как они называются, узнала потом, от Бабули.

Единорог мог пойти в рощу, — подумала я и решила спуститься. Сделала несколько шагов по тропе и перестала видеть ноги. Туман перекатывался волнами и там, в глубине, плавали огромные призрачные тени. Одна из них, двигаясь всё быстрее, вдруг поплыла вверх и я чуть не рванула назад, но, услышав цокот когтей и прерывистое дыхание, сдернула с плеча Пицаль. Призраки не дышат, а с любой живой тварью я справлюсь.

Из тумана вышла собака. Огромный пес, весь пятнистый — даже на глазу, как пиратская повязка, чернело пятно. Выглядел он дружелюбно, и я, негромко посвистев, протянула руку. Пес её обстоятельно обнюхал, чихнул и уселся, перегораживая тропинку.

— Пропусти, пожалуйста. — вежливо попросила я. Демонстративно отвернувшись, пес стал чесать задней ногой за ухом. Но как только я попыталась его обойти, выпрямился заворчал.

Из лога послышалось негромкое призывное ржание и пес, резво вскочив, зарычал на туман. Затем оглянулся и показал глазами вверх, на тропу.

— Нет. — я упрямо мотнула головой. — Мне очень нужно его увидеть.

Все знают, что единороги исполняют желания. Нужно прикоснуться к рогу и загадать... Я, честно говоря, слухам не верила — очевидцев не встречала, а Бабуля говорит, что место единорогам — на картинках, в спальнях маленьких девочек... Но, встретив его сегодня утром, я решила: это знак.

Присев на корточки перед псом, я почесала ему голову и сказала:

— Мне очень нужно, понимаешь? Очень. — тот, шумно вздохнув, поколебался, но затем сдвинулся с тропы и негромко заскулил.

— Красава. — я потрепала его по ушам. — Да не ссы, я в курсе, что там и как.

Взяв наизготовку Пиццаль и поправив рюкзак, я пошла вниз. Пес так и остался сидеть на границе.

Внутри тумана было тихо. Тропинка едва виднелась, то с одного, то с другого краю мелькали обломки стены и куски старой арматуры. Надо двигаться очень осторожно — напомнила я себе. Чтобы не споткнуться и не напороться на ржавое железо. Вытащить меня будет некому.

Заметив впереди мотышек, остановилась. Над тропинкой вились мотыльки. Они беспомощно взмахивали истлевшими крыльшками, не в силах взлететь повыше. Странно... Туман поглощал все звуки. Пахло в нем скошенной травой, мокрыми кирпичами и рекой. Чем ниже, тем он становился плотнее: я уже не видела кончиков пальцев вытянутой руки.

Вдруг перед лицом мелькнуло что-то темное, и беззвучно унеслось. От неожиданности я подпрыгнула, сердце тоже подпрыгнуло, на мгновение застряло в горле, а потом упало на дно желудка.

Нацелив в туман Пиццаль, я, как безумная, завертелась на месте. И рассмеялась. За ветку, недалеко от меня, зацепился черный полиэтиленовый пакет. У страха, как известно, глаза велики.

Не убирая оружия, я двинулась дальше. Ноги противно дрожали, спина взмокла под рюкзаком. По словам Бабули, упрямство родилось раньше меня, и я нередко от этого страдаю. Но ведь единорог — это реальный шанс. Такой выпадает раз в жизни.

Ладно. Не буду об этом сейчас думать.

Оказавшись на дне лога, я попала в рощу — из тумана выступали светлые стройные стволы, запахло прелыми сережками. Честно говоря, я надеялась, что он вскоре рассеется — солнце было уже высоко, но взвесь становилась только гуще. Вытянув руки, чтобы не стукнутся лбом о какой-нибудь ствол, я побрела, прислушиваясь к каждому шороху.

Откуда ни возьмись, опять налетели мотыльки, я оказалась в самой их гуще. В первый миг испугалась — уж очень неожиданно появились. Лихорадоч-

но кружа перед лицом, они совсем меня запутали. Наступив на что-то скользкое — камень, или клочок травы, я со всей дури грохнулась на пятую точку. Позвоночник пронзила боль. Твою медь!

Мотыльки, сделав прощальный круг, улетели, а меня вновь обступил туман. Был он теперь плотным, как вата, и абсолютно сухим. Я что хочу сказать: туман — это конденсат из мельчайших капелек воды, верно? Но этот туман был не таким. И пах — я это заметила только что — не как туман, влагой и сыростью, а... сладковато и кисло. Как падаль.

Рука стиснула приклад. Ладно... Будем решать проблемы по мере поступления. Единорог показываться не хочет, значит, нужно выбираться из этого лукавого тумана и придумывать что-то другое. В конце концов, до сегодняшнего утра я на него и не рассчитывала. Одна проблема: непонятно, куда идти. Всё тонет в белом молоке.

Вдруг продрало холодом до самых пяток. Дошло, что в мотыльках было неправильным: они были мертвы. Как и те два, что на тропинке... Осыпавшиеся крылышки, сухие, лишенные усиков и лапок тельца... Святой ёжик, почему я раньше этого не поняла?

Вспомнилось сегодняшнее ночное дежурство. Совсем в другом районе, на другом конце города. "Вспышка некромагии" — гласила заявка. Старинное кладбище домашних животных. Скелеты собак, кошек, крошечные остовы хомячков и морских свинок.

Они бессмысленно бродили по улицам, лезли в палисадники, тыкались косяными мордочками в двери домов, до смерти пугая жильцов... Некроманта мы так и не обнаружили, так что вспышку определили, как "спонтанную" — просто случайное возмущение магического поля, ни к кому конкретно отношения не имеющее.

Но в Окраинах всё по-другому. Здесь, в каком-нибудь пустом подвале, вполне может прятаться спылившийся торчок, возомнивший себя магом. Замерев и боясь вдохнуть, я застыла. Если меня засекли...

И тут я опять услышала ржание. Чтоб тебя... Будто он, единорог, угадал мои мысли и теперь смеется: трусиха, наркомана испугалась. Да что он тебе, охотнице, сделает? Ну, наткнешься ты на него, бедолагу, дак у тебя ж Пицаль!

Нужно найти школу — осенило меня. Заберусь на крышу, осмотрюсь и пойму, как отсюда выбраться. Главное, не отвлекаться. Ни на единорогов, ни на бабочек, ни на другую хрень. Помечтала — и харэ.

Привалившись к стволу березы, я постаралась припомнить подробности. Школу окружает бетонный забор. Он почти везде осыпался, но фундамент сохранился. Роца находится слева, а справа, за забором — река. Если я доберусь до реки и пойду по берегу, обязательно наткнусь на бетонный поребрик. Останется только перелезть на ту сторону...

В школе всё было по старому. Затхлые классы с белесыми облезшими досками, выбитые окна, ржавые решетки... Когда мы здесь жили, всегда гадали: зачем такое большое здание? Родившиеся после Распыления, мы этого не понимали. Может, это детская тюрьма? Потом, от Бабули, я узнала, что школа — чтобы учиться.

Поднявшись по серой, пахнувшей кошками лестнице на самый верх, я вы-

бралась через люк на крышу. Когда-то на нем висел огромный ржавый замок. Он не имел ключа, дужку просто пропихивали в ушки, чтобы дверца не хлопала и внутрь не попадал дождь. Теперь замок исчез, а люк стоял нараспашку.

Подойдя к краю крыши, я осмотрелась. Над головой раскинулось прозрачное, без единого облачка небо, но в лощине всё так же лежал туман. Крыша школы колыхалась на нем, как корабль. И еще казалось, что туман дышит, как живое существо.

Река тоже была в тумане — по темной полоске берега угадывались её изгибы, а чуть дальше, на другом берегу, начинался лес. Раньше там тоже был жилой район, но вскоре после Распыления там что-то нарушилось. Старожилы рассказывали, что дома просто растворялись на глазах, как кубики сахара в кипятке. Вместе с жителями и всем остальным... С тех пор туда никто не ходит.

Высматривая приметы для пути наверх, заметила яркое пятно на одной из стен выступающих из тумана домов. Сначала не обратила на него внимания, но дом мог стать хорошим ориентиром. Напрягая зрение, попыталась рассмотреть, что там за пятно, и чуть не свалилась с крыши. Картина. Да какая огромная — на всю торцевую стену... Святой ёжик! И кому в голову пришло изображать ЭТО? Просто удивительно... Ладно, раз всё равно по пути, подойду поближе, рассмотрю хорошенько.

Запомнив направление, я побежала к люку и спрыгнула на лестницу. Сейчас-сейчас, только выберусь из школы, затем — через двор, к забору, опять через рощу и...

Негромкое ворчание раздалось откуда-то снизу. А я была уверена, что школа абсолютно пуста... Свесившись через перила, попыталась разглядеть лестницу, но внутрь проникало не так уж много света. Может, показалось? Я же топала, как слон, железные перила гудели, вызывая эхо... Точно, показалось.

Если б не волна смрада, он бы меня точно сцапал. Но, в то мгновение, когда пахнуло разлагающейся плотью, я инстинктивно остановилась. Огромная распухшая туша пролетела мимо, нелепо загребая руками и булькая прогнившим насквозь горлом.

Зомби. Маганомалия сорок два дробь шестнадцать... Редкое явление. В старые времена поднимать мертвецов было довольно популярным занятием, но со временем все поняли, что от мертвяков нет никакого проку. Они даже не страшные: слишком медленно ходят и слишком быстро разлагаются. Этот был очень старым, но в сухом прохладном воздухе подвала неплохо сохранился. Почувяв живую плоть, то есть, меня, зомби выбрался на белый свет и решил поохотиться.

Промахнувшись, мертвяк неуклюже развернулся на лестничной площадке и вновь ринулся на меня. В глазницах шевелились личинки, нос провалился, а зубов в черной пасти не осталось вовсе. Но всё-таки он чуял — гнилой кочан головы точно поворачивался вслед за мной.

Поднявшись на пару пролетов, я стащила с плеча Пищаль. После дежурства патронов оставалось всего два — только те, что были в стволе... Нет. Не

буду стрелять. Мало ли, кого привлечет грохот — выстрел в узком пролете лестницы прозвучит не хуже танковой канонады. Да еще и оглохну, вдобавок. Повесила обрез назад, за спину, и позвала:

— Цыпа-цыпа-цыпа...

Мертвяк довольно резво заковылял вверх по лестнице. Теряя, правда, куточки пальцев, когда цеплялся за перила, но это его даже не притормозило. Почуввав меня вновь, он исступленно заревел.

Зомби, как всем известно, вынуждены поглощать сырую плоть, чтобы хоть как-то продлить своё существование. Убили бедолагу, наверное, дней десять назад, да и сбросили в подвал. А кто-то поблизости творил магию — вот он и поднялся...

Опершись обеими руками о перила, я оттолкнулась и впечатала берцы ему в грудь. Раздался противный влажный хруст, грудная клетка провалилась, голова отскочила и покатилась вниз, а за нею, теряя конечности, и всё тело. В воздух поднялись клубы пыли.

Выбравшись из школы, я побежала через двор, к забору. Хватит с меня зомби. Хватит с меня единорогов. Хватит несбыточных желаний: надо смотреть на вещи трезво... Взгляну разок на картину — и сразу домой.

Направление я выбрала верно, и через пять минут была на месте. Остановилась, не доходя пары шагов до стены. И застыла задрав голову. Туман немного рассеялся, и теперь исполинскую фигуру было видно во всей красе. Огромные золото-зеленые крылья, длинный шиловидный хвост, когтистые лапы, сильное, покрытое золотой чешуей, тело...

Незнакомый художник запечатлел на стене дракона. Он парил в голубом небе, а внизу раскинулся город. Была видна телеграфная вышка, река с перекинутыми через нее мостами и даже маленький пароход.

Это ведь наш город! Мясникован, Слободка... Даже здание Агентства можно разглядеть.

Забыв обо всем, я уселась в траву и стала изучать запечатленный в мельчайших деталях рисунок. Вон "Зеленый Пеликан" — самый известный в городе клуб, где кутят всякие шишки, вон — полицейский участок, больница, магазин, в котором я недавно покупала пельмени...

Пельмени! — я огляделась. — Где мой рюкзак? Когда я успела его снять? Вскочив, я заметалась по траве. Этого не может быть. Я же никуда не отходила, всё время была здесь! Не знаю сколько времени я провела в трансе, рассматривая картину. Пришлось, правда, перемещаться, когда клочья тумана застилали отдельные участки. А рюкзак я скинула, потому что мешал задирать голову...

Я еще раз тщательно прошерстила траву и кусты. Да что ж это такое? Куда он мог запропасться? Твою дивизию. Там ведь у меня всё: и документы, и выданная в агентстве накладная на получение амуниции, и лекарства, за которые я отдала почти всю премию. А еще патроны, нож, другой нож, два кастета, револьвер, который я ненавижу из-за убойной отдачи, но всё равно жутко ценный, и... словом, в рюкзаке была вся моя жизнь. А теперь он пропал. Только верная Пицаль и осталась.

В отчаянии я побежала вокруг пятиэтажки. В тумане всё выглядит не так,

может, я пришла не с той стороны, может, я сняла рюкзак, еще не доходя до стены с картиной, и он лежит, как ни в чем ни бывало, где-нибудь за углом...

От дома почти ничего не осталось, только кирпичный, постепенно осыпавшийся остов. Ни дверей, ни оконных рам, лишь черные слепые проемы. Может, рюкзак закатился в бурьян?

Он прыгнул мне на спину, когда я миновала подъезд. За какую-то долю секунды я почувствовала его, услышала, как он бежит, успела пригнуться и тут же ощутила толчок. Покатилась, срывая с плеча Пицаль, нажала курок и... промахнулась. Он был уже рядом, из пасти летела слюна и несло падалью. Ударив по зубам стволом — с размаху, со всей дури, я вскочила на ноги и побежала.

Не знаю, кто это был. Точно не собака. Морда гораздо уже, губы едва прикрывают огромные, отсвечивающие металлом, клыки... Весь покрыт серой с черными проплешинами шерстью, не очень высок — мне по бедро, но мускулист и подвижен, так что не медведь. И на волка не похож — голова слишком тяжелая.

Дыхание вырывалось со свистом, ноги сами находили дорогу. Через стену школы перемахнула одним прыжком, приземлилась, больно ударившись ладонями о гравий, и побежала дальше. Зверь пыхтел, не отставая.

Только вылетев на старый пирс, я поняла, что добралась до реки. Туман стелился длинными седыми прядями, под досками проглядывала черная, на вид очень холодная, вода. Надо было бежать по песку, вдоль берега, но поздно. Чудовище вышло из тумана и ступило на пирс.

Наткнувшись на ржавую скобу, скрепляющую доски, когти его высекли искры. Я подняла Пицаль. Зверь заворчал, поводя головой из стороны в сторону, понюхал воздух, а потом пошел на меня. Я отступила. Патрон остался один, и если я промахнусь... Да нет, дело даже не в этом — на таком расстоянии трудно промахнуться. Что-то было в его глазах. Что-то осмысленное, не звериное. За свою жизнь я навиделась всяких тварей, и магических, и не очень. Эта была безусловно магической — железные когти, стальные зубы, — но его взгляд... А вдруг это изменившийся чародей? Вдруг это человек?

— Стой! — закричала я. — Я не хочу тебя убивать! — вы пробовали кричать в подушку? Так и здесь: слова идут, а звука нет... — Кто ты такой?

Он только зарычал, подняв верхнюю губу. С языка капала кровавая пена — вестимо, от моего удара.

До края пирса оставалась пара шагов, когда зверь прыгнул. Я нажала курок, попала ему в грудь — в лицо брызнули ошметки плоти, а меня отдачей швырнуло в реку.

От ледяной воды сперло дыхание, ботинки и куртка, быстро намокнув, потянули на дно. К тому же, течение было бурным, меня закрутило и поволокло от берега. Вцепившись в ремень Пицали, — только оружие мне не хватало потерять! — я стала барахтаться, пытаюсь всплыть и глотнуть воздуха.

Обрез за что-то зацепился. Лёгкие разрывало от желания вздохнуть, но я знала: если разожму руки — больше не увижу своей девочки, своей верной подруги, столько раз спасавшей мне жизнь... В голове стучало, глаза вылезали из орбит, рот сам собой открывался — я уже хлебнула мутной, отдающей

илом, воды. Придется бросить, вспыхнула мысль. Иначе не выберусь... Но, упрямо вцепившись в ремень, я продолжала дергать.

Вдруг ремень освободился. Я вяло дрыгнула ногами, пытаюсь всплыть, но сил не осталось. Сознание помутилось. А потом я почувствовала, как моё тело подхватила огромная мягкая ладонь и вытолкнула на поверхность. За спиной проплыло что-то огромное. Мелькнуло, и пропало в глубине... а я почувствовала под ногами дно.

К берегу меня прибило с другой стороны школы, река в этом месте делала излучину. Тумана не было и в помине.

Березовую рощу пронизывали ослепительные столбы света. На зеленых прозрачных листочках прыгали веселые солнечные зайчики. Где-то в вышине куковала кукушка, а совсем рядом, на соседнем дереве, выстукивал барабанную дробь дятел...

Усевшись на нагретый валун, я стала терзать мокрые шнурки — нужно вылить воду из берцев, выжать куртку и штаны, хоть немного просушить волосы... Нужно еще раз попытаться найти рюкзак — без тумана это будет намного проще. Может, он так и валяется там, в кустах у дома.

За спиной раздалось негромкое ворчание.

Кровь отхлынула из макушки в пятки, я остолбенела. Неужели он не умер? Патронов-то больше нету... Собрал все силы, я повернулась, чтобы встретить зверя лицом к лицу.

На песке сидел пес. Тот самый, с пятном на морде, что провожал меня в туман. Поймав мой взгляд, он дружелюбно вывалил язык. Рядом, у обломка стены, лежал мой рюкзак. На лямке желтел брелок с кроликом Пикачу, который мне подарила Ласточка. Пес зевнул, беззвучно гавкнул, и лениво потрусил вдоль берега.

— Эй! Спасибо! — крикнула я. Но он не обернулся.

Лекарства и остальное барахло были целы. Только кулек на пельменях пропитался влагой, а сами они слиплись в ком. Но это уже мелочи. Пока будут вариться, разлипнутся.

Выжав одежду, волосы, ботинки, вылив воду из Пиццали, потуже затянув лямки рюкзака, я решила: единорог-единорогом, но я, в первую очередь, охотник. Надо здесь всё проверить. На предмет наличия других нехороших зверьков со стальными зубками.

Возвращаясь к дому с картиной, я думала о псе.

Ничего. Никаких следов лап, царапин когтей, никакого запаха псины или падали. Будто тварь возникла из воздуха прямо перед тем, как броситься на меня. В подъезде не пахло даже кошками, только пыль на ступенях была потревожена: вверх по лестнице шли следы. Человеческие. Большие, больше моих. Вниз следов не было.

Затаив дыхание, я пошла по следам. Первый этаж, второй... Они обрывались у двери, с которой клочьями свисал старый дерматин. Дверь была незаперта. Толкнув её стволом револьвера, я заглянула внутрь. Сквозь разбитое окно на пол коридора падали столбы света, в воздухе кружились пылинки. Я

шагнула внутрь, половицы скрипнули, а из комнаты раздался стон.

Первым порывом было бежать — наверняка это спылившийся торчок, который наколдовал чудовище. Правильнее, конечно, добраться до Агентства и оформить, как положено, заявку. Взять подкрепление. Но... Я же слышала стон...

Осторожно заглянув в комнату, я увидела кучу тряпья, наваленную в углу. А потом эта куча чуть шевельнулась и сказала тихим голосом:

— Заходи. Не бойся.

Голос был мужской, очень усталый.

— Кто ты? — свет из окна слепил глаза, и я толком не могла ничего разглядеть. — Это ты нарисовал дракона?

Он лежал у стены, положив под голову свернутую камуфляжную куртку и укрывшись драной вязаной кофтой. Высокий белый лоб, ввалившиеся, в синих прожилках, щеки, на подбородке седая неопрятная щетина.

Сильно пахло корицей, как всегда в присутствии Пыльцы. Я невольно поморщилась. По словам Бабули, в старые времена так пахли яблочные пироги, но сейчас никто, в здравом уме и доброй памяти, не возьмет в рот хоть что-нибудь с таким запахом.

— Не нарисовал. Я её вообразил. — наконец ответил мужчина. — Получилось?

— Она прекрасна. — ответила я, опускаясь на колени. Запыленный попытался улыбнуться и закашлялся.

Поспешно стащив рюкзак, я достала фляжку. В ней еще плескалось несколько глотков.

— Вот, выпей. — я протянула ему чай, но сообразив, что сам он не напьется, придвинулась ближе.

Обхватив горячий, со слипшимися потными волосами, затылок, поднесла к губам мужчины горлышко фляжки. Выпив всё, он благодарно прикрыл глаза.

— Спасибо.

— Не за что.

— Ты охотник, да? — бляха висела на видном месте, её нельзя было не заметить.

— Я тебе не враг. — поспешно заверила я. — Не бойся. — он опять улыбнулся. На потрескавшихся губах выступила сукровица.

— Мне уже поздно бояться. Всё. Спылился.

На это было нечего возразить: когда на щеках появляются синие прожилки, а глаза утопают в синеве вместе с белками и радужкой — верный признак. Своё он отпылил.

— Это ты сотворил единорога? — спросила я.

— Да.

— Хотел, чтобы он исполнил твоё желание?

— Желание? — удивился мужчина. Он даже попытался приподняться со своей подушки. — О чем ты говоришь?

— Ну... Считается, если единорог тебя подпустит и даст потрогать рог... можно загадать любое желание. И он его исполнит.

— И что? Он тебя подпустил?

Я опустила глаза.

— Нет. Убежал куда-то.

— Жаль. А... Какое у тебя было желание?

— Так. Хотела, чтобы он исцелил одного человека. На него наложили заклятье, и... — я посмотрела на Запыленного и замолчала. Тот вновь закрыл глаза.

— Прости. — тихо сказал мужчина. — Получается, он исполнил моё желание. Привел тебя.

— Меня? Но при чем здесь я?

— Было необходимо... Я хотел, чтобы кто-нибудь увидел картину. Это очень важно, чтобы её увидели. И еще... это, конечно, малодушие, но я... побоялся умирать в одиночестве.

Потянувшись, я взяла его за руку. Ладонь была холодная и легкая. Как бумага.

— Ты потратил свою жизнь на то, что просуществует всего один день. Ты же знаешь...

— Она исчезнет вместе с моей смертью. — он вновь открыл глаза и я вздрогнула. То же самое выражение, то же отчаяние, было в глазах зверя. — Но я не мог по-другому. Очень важно, чтобы её увидели.

— А зверь с железными клыками? Он ведь тоже твой? Зачем?

— Прости. Не смог удержаться. Считай, что он охранял сокровище... Надеюсь, ты с ним справишься?

Беда с этими Запыленными. Даже на пороге смерти они верят в сказки.

— Да.

Он долго молчал, а потом сказал:

— Красота. Осталось так мало красоты...

Я не поняла, что он имел в виду, и сказала первое, что пришло в голову.

— Ну, не так уж и мало. Есть небо и солнце, и облака, и дождь. И деревья, и цветы... Мир очень, очень красивый. Просто надо уметь видеть.

— Уметь... видеть.

В его ладони, бессильно лежащей на полу, появился цветок. Ярко-красный, с шелковистыми лепестками и черной серединкой.

— Возьми. — сказал он. — На память.

Я осторожно обхватила твердый гладкий стебель, поднесла цветок к лицу... Он пах солнцем и травой, и немножко медом. Через мгновение в воздухе закружили яркие искры, и мак рассыпался.

Мужчина теперь лежал совершенно неподвижно.

— Ну, вот и всё. — тихо сказала я и, протянув руку, закрыла ему глаза.

Жалко. Жалко, что больше никто не увидит картины. Жалко, что нельзя теперь найти единорога и загадать желание. Жалко, что магия — это всего лишь мираж, несбыточная мечта.

... Жаль, что не получилось помочь Бабуле.

Глава 3

ИВАН

Внутри было непривычно тихо. Не сновали по коридорам служащие с папками, не дребезжали, перебивая друг друга, телефоны, никто не бряцал победительно оружием и не ругался матом.

Будто мы вошли не в Агентство по борьбе за безопасность аномалий, а в сонный, доживающий последние дни, трактир. В затхлом прокуренном фойе жужжали мухи, а у стены, рядом с казенного вида дерматиновым диваном, дрых громадный пес. Когда мы проходили мимо, он, приоткрыв один глаз, негромко что-то буркнул, а потом равнодушно отвернул брылястую морду к стене.

Из окошка, как в самом обычном почтовом отделении, торчала седая, в букольниках, макушка.

— Любезнейшая... — позвал Лумумба, — Не подскажете, где найти господина главного начальника?

— Вдоль по коридору направо по ступенькам вниз налево первая дверь. — тетка отбарабанила заученную фразу, даже не подняв головы.

— Однако странные здесь порядки... — пробормотал учитель, направляясь в указанный коридор.

...В кабинете, над столом, висела лысина. Обширная, бледная и вся в маленьких коричневых пятнышках, она покоилась в жесткой сивой поросли, как гигантское яйцо в неопрятном, сложенном как попало, гнезде. Скрип двери, возвестивший наше появление, на лысину впечатления не произвел.

На столе располагались хрустальный графин, мутноватый, с отпечатками пальцев стакан, пачка разнокалиберных бумаг, древний бакелитовый телефон и тощий букетик карандашей в стеклянной банке.

По бокам топырились локти, одетые в черные лоснящиеся нарукавники. Ладони прикрывали уши владельца лысины. Они были пухлые, как подушки — возможно потому он и не слышал ничего, что происходило в комнате.

Лумумба, заложив руки за спину, принялся рассматривать картинки, развешанные на одной из стен. Что он там увидел под вековым слоем пыли — непонятно.

Я было примерился вежливо постучать по столу, но тут зазвонил телефон. Звук его, пронзительный и громкий, всколыхнул воздух в комнате, а заодно вернул к жизни лысину. Она вскинулась, человек под ней, оказавшись курносый и веснушчатый, с жирными, будто он только что ел сало, губами, схватил трубку и заорал в нее что есть мочи:

— Ну! Что? Это точно? — из телефона темпераментно запищало. — Дьявольщина! — лысый бросил трубку и увидел нас.

Наставник мой к тому времени сидел, нога на ногу, в кресле для посетителей, я же чинно пристроился у него за спиной. Лысый протер глаза.

— Вы... Кто вы? — спросил он хрипло.

— Плохо работаете. — поругал его Лумумба. — Гнать вас надо с должности. А предварительно, непременно принародно, высечь. — мужичок побагровел и выпучил глаза, став похожим на разгневанного карася. — В вверенном вам округе, милейший, объявился Сказочник. — неумолимо продолжил учи-

тель. — Мы зафиксировали попытку превращения в козла. Жертва скончалась на месте! Но это еще не всё... По дороге к вам мы подверглись нападению. — мужик только хлопал веками, явно не понимая, что от него хотят. — В нас пустили файербол! Прямо на улице, при всем честном народе! Вы что тут, вообще мышей не ловите? Да вам трибунал светит, милейший, за такое попустительство...

Лысый наконец смог набрать воздуха и заорал в ответ:

— Да кто вы такие?! Кто пустил!? — багровые щеки его затряслись, изо рта полетела слюна, и я испугался, как бы несчастного не хватил удар. Явственно пахло перегаром.

Наставник, по-моему, тоже обеспокоился. Вытащив из графина пробку, он плеснул в стакан и протянул его через стол. Лысый принял. Выпил мелкими глотками, выдохнул, занюхал рукавом... Вновь пахло перегаром, глаза мужичка посоловели. Однако! Все не водичку на рабочем месте употребляет начальник местного отделения АББА...

— Привет вам от Товарища Седого. — мягко сказал Лумумба, когда лысый наконец свел глаза в кучу и перестал задыхаться. — Разрешите представиться: старший оперуполномоченный, майор Базиль М'бвеле. Это, — он кивнул через плечо, — мой стажер и напарник, Иван Спаситель. Наставник показал ему корочки.

— Бэ-э-э... — лысый впал в ступор, поводя рыбьими глазами с меня на Лумумбу.

— Вам должна была прийти телеграмма. — помог я из-за спины наставника.

— Не было никакой телеграммы! Знать ничего не знаю, ведать не ведаю... Никакой телеграммы в глаза не видел!

Он замахал на нас руками, будто таким образом намеревался развеять наваждение.

— Тем не менее мы здесь, и факта этого уже не отменить. — констатировал Лумумба, постучав костяшками пальцев по столешнице. Голос его зазвучал монотонно, в такт ударам. — Успокойтесь, мы не причиним вам вреда. — стук, стук... — Мы вам поможем... — стук — стук, — Всё будет хорошо... — стук — стук... Мы ваши друзья... Мы приехали, чтобы вам помочь...

Лысый начал расслабляться. Плечи его чуть опустились, со щек отхлынула багровость, к глазам вернулась осмысленность. Наконец он достал платок и вытер им лицо. Трубно высморкался, скомкал тряпицу и вновь запихал в карман.

— Извините, господа. Стресс. Я действительно не помню телеграммы.

— Ничего. Мы вас прощаем. — великодушно кивнул учитель. Стучать он перестал.

— Спасибо... Как, вы сказали, вас зовут?

Лумумба повторил. У Лысого глаза вновь съехались к переносице.

— Спаситель. — буркнул он. — Это шутки у вас такие?

— Да какие уж тут шутки. — я пожал плечами. — Детдомовские мы. Были у нас, например, Ирка Евангелие, Ленка Псалтирь. Илюха Первосвященник, Мухаммед Богородица... Даже Мойша Святой Мученик.

— Мой стажер воспитывался при Пастафарианском монастыре. — пояснил наставник. — Их макароннейшие преподобия принимали большое участие в

спасении детей-беспризорников, оставшихся в живых после Распыления. На-рекали же сирот в силу своего иронического отношения к юдоли скорби, коей является наш мир.

Лысый покорно кивнул. Наливая очередную порцию из графина — руки его уже не тряслись, — он с надеждой спросил наставника:

— Выпьём?

— Благодарствую. — прикрыл глаза наставник. — Мы сыты.

— А я выпью. — он быстро опрокинул стакан в пасть. — Если не возражае-те...

— Чего уж там. — милостиво разрешил учитель. — А теперь поведайте, ми-лейший, что привело вас в столь пограничное состояние. И заодно представь-тесь, окажите такую милость. А то как-то...

— Шаробайко. Хрон Монадович. — грохнув стаканом о стол, Лысый вытя-нул во фронт. — Временно исполняющий обязанности начальника местного отделения.

Кроме лысины, исполняющий обязанности был примечателен тем, что имел объемистый круглый живот в пиджаке с одной уцелевшей пуговицей. Под пиджаком, кроме прочего, имелись мятая косоворотка в горошек, толстая красная шея и целых три подбородка, покрытые небритой щетиной. Росту в нашем новом знакомом насчитывалось максимум сантиметров сто пятьдесят пять.

— Садитесь. — разрешил Лумумба. — И докладывайте.

Шаробайко разрешением пренебрег, а вместо этого заметался в узком про-странстве меж столом и подоконником.

— Мать Драконов. — выдавил он из себя на ходу, ломая руки. — Ведьма че-шуйчатая! Требуется выкуп: десять тысяч монет и фураж для тварей. — остано-вившись, он затравленно посмотрел в потолок. — А у меня денег нет! Казна уже восемь месяцев пуста, шаром покати! А жратва? Где я ей столько возьму? Фермеры — народ несознательный, за скот денег требуют! Не понимают, что ежели она драконов спустит — им первым достанется...

— Между прочим, вам в обязанности вменяется пресекать воздействия, а не платить выкупы. — заметил Лумумба, флегматично рассматривая ногти.

— Пресекать? — Шаробайко вновь начал надуваться. — А каким макаром, не подскажите, уважаемые господа начальники? Вы слышали про Новый Оскол? То-то и оно! Никто не слышал. Налетели твари огнедышащие, и спали-ли город к свиням собачьим. А потом фьюить! И гуси-лебеди... — упав на стул, он принялся вытирать порядком уже замызганным платком шею и лысину. — У меня в штате — сорок единиц охотников. И все, как один, пребывают за де-вяносто верст отсюда! — поведав эти важные сведения, Шаробайко плеснул себе из графина, но пить не стал, а мрачно уставился в стакан. — Рядом с Пере-беевкой объявился большой отряд имперских боевиков, — пожаловался он. — Голов около двухсот. Терроризируют местных жителей, скотину режут... Вот я и послал ребят. А тут — она. Стер-р-рва.

— Почему у вас в штате всего сорок единиц, когда положено сто пятьде-сят? — поинтересовался наставник, всё еще делая вид, что занят ногтями. — И содержание, насколько я помню, вам выделяется на полный штат. А вы гово-рите — денег нет...

— Содержание. — Хрон Монадович нервно хрюкнул. — Того содержания на

дырку от бублика. Это вам не Москва! Каждый рейд обходится... — закатив глаза, он начал загибать пухлые пальцы. — За патроны оружейники дерут, обмундирование, опять же... Почитай, каждую смену что-нибудь у них рвется, да броники — кто ж в рейд без броники сунется? Да сухпаек... Прожорливые эти охотники — ужас. Лечение за наш счет...

— Ясно. Но почему так мало людей?

— Охотником нынче быть не выгодно — это вам не пять лет назад... Сейчас все в фермеры идут, да на свалку, к механикам. Еще на винокуренные заводы — там завсегда рабсила нужна, и платят хорошо. К нам только самые пропащие и попадают. — он опять горестно хрюкнул. — Работа опасная, непредсказуемая. Да и немного её стало, что греха таить. Мать драконов — отдельный случай...

— Вам по штату положен маг. Почему его не привлечь к поимке Матери Драконов?

— Нету у нас мага. Был, да весь вышел. Спылился.

— А наркотик?

— А... Что наркотик? — Шаробайко вновь начал багроветь.

— Вы утверждаете, что маганомалий всё меньше, когда мы за одно только утро видели три...

— Три аномалии за день — это действительно мало. — он устало потер уши. — Можно сказать — ничего. В открытую-то Пыльцой не торгуют...

— В открытую? — Лумумба сделался вкрадчив, как леопард. — И вы считаете, это большое достижение? При том, что наркотик в стране запрещен, и использование оно преследуется законом!

— Ну и где он, ваш закон? — устало спросил Шаробайко. — Где? — он картинно отдернул тяжелую, битую молью, бархатную портьеру, в воздух взвились клубы пыли. — Нету его, нету! Здесь вам не Москва. У нас здесь свои законы! Я же говорю: в штате — сорок единиц на весь район, а это: город со столичным населением, да округ — около двухсот деревень... Только и можем, ликвидировать последствия по мере сил!

— Может, с головы надо начинать? — тихо подсказал я. — Устранить источник распространения, тогда и аномалий не будет...

— Ох вы там, в Москве, какие умные! — Шаробайко откинулся на спинку и вновь плеснул себе водки. Выпил, глаза его на мгновение остекленели. — Нету одного источника. Одну точку накроешь — три других возникают. Всё равно, что в плотине дырки пальцами затыкать...

— А полиция? — перебил Лумумба. — Куда смотрит градоначальник?

— В-основном, в рюмку. — глумливо усмехнулся исполняющий обязанности. — А по вечерам — на голые ляжки танцовщиц в Зеленом Пеликане. — говорил он это с какой-то остервенелой завистью.

— Налоги... — подсказал учитель.

— Я вас умоляю! Централизованной власти, как таковой, в городе не существует, всё мало-мальски ценное находится в руках частных предпринимателей: Господин Ростопчий, хозяин свалок. Господин Дуринян, промышленник и торговец... Мадам Елена, королева наша, благодетельница... Вот уж кто не выносит даже намек на Пыльцу! Только благодаря им, Отцам, так сказать, и держимся на плаву.

— Ладно, что там с Матерью?

Я всё ждал: когда ж Лумумба к этому вернется? Иногда какой-нибудь торчок, возомнивший себя магом, пытается наколдовать драконов. Но жизнеспособных особей, а тем более, летающих и огнедышащих, насколько я помню, ни у кого не получалось.

— С Матерью? — растерялся Шаробайко. — Да никак. Я к ней гонца отправил, с нижайшей просьбой повременить чуток — пока дань, мол, насобираем... День-два мы её промурыжим, а там, глядишь, мои молодцы вернутся, и...

— С вами всё ясно, милейший. — учитель поднялся. — Но напоследок... — Шаробайко втянул голову в плечи. — Порекомендуйте, будьте любезны, постоянный двор без клопов и ресторан, в котором не подают крыс.

— Да вот... — развел руками Хрон Монадович, — Гарцующий Пони, на Пригорной. Там и гостиница и харчевня. А вы что же... — он замялся. — Задержаться надумали?

— Там видно будет. — приложив два пальца к шляпе, Лумумба направился к двери.

На улице была лепота. Солнышко пригревало, в луже, прямо посреди дороги, барахтались воробьи, а на крылечке соседнего дома, не обращая на птах никакого внимания, умывалась откормленная кошка...

— Ты, Ваня, дуй на почту. — распорядился Лумумба. — Там почтовая карета, — он сверился с репетиром, — Аккурат сейчас прибывает. Заберешь вещи. А я — в гостиницу. Осмотрюсь, закажу обед... Давненько мы с тобой горяченького не едали, а стажер? Супчику, куриного, да с потрошками!

В животе тоскливо забурчало: не иначе, в предчувствии беды. Appetit пропал.

— А как же Мать драконов?

— Завтра. — решил Лумумба. — После трех суток дороги бойцы из нас с тобой — аховые. Так что завтра. С утра пораньше.

Глава 4

Маша

Дома было тихо. Не носились с воплями близняшки с самодельными луками из ивовых прутьев, никто не напевал на кухне, готовя завтрак, никого не распекали за невымытые уши и сбитые коленки. Даже воздух был стоячим, неподвижным.

Значит, изменений к лучшему нет.

Вдохнув, я потопала в ванную. Нужно снять грязный комбез, почистить оружие, и, самое главное, вымыть голову. До сих пор от волос зомбятиной несет. Бросив рюкзак на пол, я взялась за молнию на куртке. Дверь распахнулась.

Бабуля выглядел плохо. Хуже, чем вчера, когда я уходила на дежурство. Глаза ввалились, на висках залегли синие тени. В вороте растянутого свитера виднелись косточки ключиц — кожа натянулась так, что было видно, как у горла бьется нервная жилка. Пегие волосы собраны в аккуратный хвост, к длинному подбородку прилепился кусочек бумаги. Значит он нашел в себе силы побриться.

Окинув меня тревожным взглядом, как бы подсчитывая: голова — одна штука, руки — ноги в достаточном количестве, глаза, уши — на месте, — Бабуля спросил:

— Почему так долго?

— В магазин заходила. — было больно на него смотреть, и я отвернулась, сделав вид, что увидела что-то жутко интересное в зеркале. — И в аптеку. Вчера премию выдали, за динозавра, так что я купила лекарств.

— Как раз вовремя. — Бабуля немного приободрился. — Близняшки всю ночь прокашляли, да и Ласточке не становится лучше. Я надеялся на перелом, но...

— Всё будет хорошо. — оторвавшись от зеркала, я расстегнула рюкзак. — Вот стрептомицин и две дозы ампициллина. Предлагали Магаклон. Он, конечно, дешевле, хватило бы доз на пять-шесть, но я...

— Всё правильно. Ты молодец. — Бабуля потрепал меня по волосам. А потом, как ему казалось, незаметно, вытер руку о джинсы. — Если не возражаешь, обе дозы я оставляю для Ласточки. Близняшкам хватит стрептомицина.

На мгновение я почувствовала душевный подъем: Бабуля со мной советует. Как с равной. Как с добытчицей. Но тут же сникла: значит, он понимает, что на грани. Таким способом он просто дает понять, что скоро решать буду только я.

Поддавшись порыву, привстав на цыпочки, я обняла его за шею. Вдохнула смесь крепкого одеколona и табака с примесью земли и листьев... Над всем этим витал легкий, едва ощутимый металлический душок. Кровь.

— Я обязательно что-нибудь придумаю. — сказала я ему в шею. Бабуля отстранился. Взяв меня под мышки, легко поднял и перенес на коврик у ванны.

— Ты о чем? — спросил он так, будто речь шла о новом способе заряжать ружье.

У меня непроизвольно дернулась щека. Непонятно, то ли улыбнуться, то ли заплакать.

— О близняшках, конечно же. — всё-таки удалось превратить нервный тик в улыбку. — Я пельменей купила, представляешь? Из того самого дракона. Побалуем наших больных деликатесами... Поставь, пожалуйста, воду, пока я тут отскребаюсь.

— Да уж помойся, как следует. — Бабуля демонстративно почесал нос. — Представляем новый парфюм: "Гниющий зомби". Превалирует запах падали, так же угадываются нотки мокрой псины, березовых сережек, речного ила... — он прикрыл глаза, принюхиваясь. — И смерти.

— Где ты была? — вопрос звучал жестко, повелительно. Я набрала воздуха, и... выдохнула.

— Ты о чем? — невинно спросила, хлопая ресницами, и чуть приподняв бровь. Бабуля нахмурился, на мгновение напрягся... а потом расслабился.

— Пойду ставить воду. — вышел и прикрыл за собой дверь.

Один-один. — думала я, сдирая комбез. — Ты не хочешь, чтобы лезли в твою личную жизнь, а я не хочу, чтобы в мою...

Бабуля подобрал меня пять лет назад. Прыгая через забор, я сломала ногу. Воевали с Ночными Снайперами — другой, более сильной и многочисленной бандой, и потеря боеспособности стала приговором. Я умудрилась заползти в какой-то подвал и Снайперы меня не заметили. Но выбраться сил уже не нашлось. Мне было десять, я как раз получила свою первую татуировку, и очень ею гордилась...

Бабуля обнаружил меня, патрулируя Окраины. Подобрал озлобленного, одичавшего звереныша, он, в прямом смысле слова, сделал из меня человека. Научил читать и писать. Охотиться...

Вытирая голову полотенцем, читала послание от Шаробайки. Всучили его утром, вместе с премией, и, чтобы конверт не мешал пересчитывать монетки, я сунула его в карман рюкзака, к лекарствам. И забыла. Нашла только сейчас, в непромокаемом кармане с антибиотиками.

Думала, это очередная бюрократическая лажа "об увеличении срока годности бронезилетов", или "о вторичном использовании патронов"... Наш начальник любит нелепые формуляры. Наверное, придают его жизни смысл.

Конечно, ведь бумаги-то завались, перерабатывающие заводы Ростопчия дымят днем и ночью...

Но в письме речь шла о некоей Матери Драконов. Причем, это был не стандартный, отпечатанный на машинке текст. Со слов, неумело накарябанных пером, во все стороны летели брызги — значит, Шаробайко лично, так сказать, снизошел. После всех приключений сегодняшнего утра это выглядело очень подозрительно... Особенно, сумма, проставленная прописью в конце.

Почувствовав соблазнительный запах, мой живот урчало заурчал. Запихнув письмо в карман халатика, я, теряя тапки, галопом рванула на кухню. Из Бабули кулинар еще хуже, чем из меня. Мало ли, как он пельмени изуродует.

Но, к счастью, учитель справился. С каким-то ностальгическим видом он стоял у плиты, помешивая шумовкой в самой большой кастрюле. Увидев меня, смущенно улыбнулся:

— До Распыления я только пельменями и питался. Самая для программера была сытная и доступная еда... Кроме яичницы, конечно.

— А яйца тоже драконьи? — спросила я невинно. Бабуля фыркнул, но потом скроил строгое лицо:

— Следите за языком, барышня. Вы прекрасно знаете, что до распыления драконы на Земле не водились.

Я прикусила язык. Ведь хотела сказать о динозаврах, а не о драконах! Как они с языка-то сорвались? Если Бабуля заметит — ни в жисть не отстанет, пока всю правду не вытрясет. А о Шаробайкином предложении я ему говорить точно не собираюсь: на Мать Драконов он меня не отпустит. Запрет в подвале, и ключ выбросит. Он вообще не хотел, чтобы я в агентство устроилась. Особенно после того, как сам охотиться перестал... Но больше меня никуда не хотели брать — татуировки говорили о беспризорном прошлом, а считалось, и весьма обоснованно, что дети, выросшие на улице, совсем без башни.

Обед прошел мирно. Обоим не хотелось заострять внимание на скользких вопросах, так что я вкратце рассказала, как прошло дежурство, а Бабуля поведал, как он ухаживал ночью за близнецами, Сашкой и Глашкой.

На самом деле, никакие они не близняшки, а последняя находка Бабули. Глашку год назад нашел на выеденном вурдалаками хуторе, а Сашку подобрал в окраинах, на свалке. Были они примерно одного возраста, вот и стали неразлей вода... Только у Глашки головенка вся седая — натерпелась, пока от бывших своих родителей в погребке пряталась, а Сашке нельзя было давать в руки спичек: так и закатывался, увидев огонь.

Поднимаясь по лестнице в комнату Ласточки, я думала: может, он вовсе никуда и не убежал? Может, Бабуля выглядит изможденным потому, что всю ночь просидел с больными...

Ласточка выглядела хуже, чем вчера. Веки стали совсем прозрачными, скулы заострились, серебряные волосы вялыми прядями змеились по подушке. Поставив на тумбочку миску с пельменями в бульоне, я присела к ней на кровать. Взяла горячую узкую ладонь.

— Привет. — она открыла глаза и слабо улыбнулась. — Как ты, подружка?

— Всё путем, не ссы. — упершись локтями, она попыталась привстать, но упала назад.

Я помогла ей сесть, поправила за спиной подушку и протянула миску, от которой шел аппетитный пар. Ласточка вяло взялась за ложку.

— Близняшки? — спросила она.

— Бабуля их накормит.

Я специально подстроила так, чтобы побыть с Ласточкой наедине. Нужно о многом поговорить.

— А ты? — она никак не могла донести ложку до рта, и я, придерживав ей локоть, помогла.

— Я уже. Харчись.

Съев несколько штук и выпив бульон, она бессильно откинулась. Но глазами продолжала следить за мной.

— Что? — наконец спросила она.

— Я, кажется, знаю, как помочь Бабуле. — у Ласточки вспыхнул взор. Губы беззвучно подтолкнули меня продолжать. — Новое задание от Шаробайки су-

лит две тысячи монет. — подруга нашла в себе силы иронично поднять бровь.

— Расщедриться на такие деньги наш начальник может только в одном случае: если не собирается заплатить. — сказала она.

— Или когда у него нет другого выхода. — она опять открыла глаза. — Охота на дракона. — пояснила я. Ласточка закрыла глаза.

— Ты серьезно? — спросила она. Я показала письмо.

— Даже печать стоит, видишь? Не отвертится.

— Скажет, что подделка. В кабинет любая собака войти может.

— Ну, не одну же меня он пошлет... динозавра-то всей артелью валили.

Не хотелось сейчас делиться с Ласточкой историей про единорога. Она — прирожденный скептик, не верит ни в мистику, ни в счастливые совпадения. Честно говоря, я просто боялась, что она меня отговорит.

— Это единственный выход. — сказала я. — Амулет тыщу монет стоит...

— Соглашайся. — сказала она.

И привстала, вцепившись мне в руку с неожиданной силой.

— Он опять убежал. Уже на рассвете, и пропал совсем недолго. Но вернулся весь в крови — я видела в окно. Ты, когда шла домой... ничего такого... не слышала?

Я знала, о чем она: мы всё время боялись, что он не выдержит, зайдет в ближайший дом и... Я покачала головой.

— Нет. Всё было тихо. Наверное, кролик. Или курица.

— Будем надеяться. — Ласточка опять упала на подушки. — ты же знаешь, если б я могла, я бы пошла вместо тебя. — сказала она.

— Вместе. — поправила я. — Мы бы пошли на дракона вместе.

Я представила, как это могло бы быть и улыбнулась.

— Было бы круто, да? Мы плечом к плечу у мачты, против тысячи вдвоем... — пробормотала Ласточка.

— Ничего страшного. Пойдешь со мной в следующий раз. На наш век драконов хватит.

Она закашлялась, прижав рукав ночнушки к губам, а потом, глядя на красные пятна на ткани, усмехнулась.

— На твой — наверняка. Глупость какая: подхватить краснуху в моем возрасте...

Я вскочила.

— Совсем забыла! — откинув торжественно тряпочку с блюдца, я гордо сунула ей под нос шприц с беловатой жидкостью. — Оголяйте ягодицы, мадам. Вас ожидают приятные минуты.

— Сколько ты за него отдала? — цепко глядя на шприц, спросила Ласточка.

— Неважно. И вообще, нам премию дали, так что отставить сопли в сиропе.

Ночью Бабуле опять было плохо. Я долго слушала, как он мечется у себя в комнате и глухо рычит, колотя в стену кулаками. Потом затрещала раздираемая ткань, хлопнула рама окна...

До самого рассвета я так и не могла заснуть, так что, едва краешек солнца показалось над рекой, вышла из дому и, решительно поправив лямки рюкзака, зашагала к складу. Патроны у меня еще вчера закончились и подметка правого берца скоро каши запросит, так что, если повезет, затарюсь до наплыва охотников.

Склад был заперт.

Походив пару минут вдоль огромных дубовых ворот, я задумалась. На щедрое предложение Шаробайки должны были откликнуться почти все. Шутка ли, две тысячи монет! Кроме того, в глубине души каждый мечтал поохотиться на дракона. По себе знаю.

Соскучившись, я постучала в окованную железными полосами створу.

— Эй, Егорыч, открывай! — ничего. Развернулась спиной и заколотила каблуком.

А в ответ — тишина...

Мне стало не по себе. Склад не закрывался никогда, даже ночью. Особенно ночью... Егорыч здесь жил. За шторкой стояла походная армейская кровать, имелись запас консервов, примус с чайником и сковородкой. Мало ли что кому понадобится? Бывало, поднимут в три утра по тревоге, и летишь на склад — взять запас патронов, да пару фугасов, да огнемёт в любой момент может пригодиться...

— Ты чего буянишь? — я повернулась. Ну конечно, только их мне и не хватало. Двое самых отможенных охотников: Обрез и Таракан.

— Склад закрыт. — буркнула я и опять заколотила в двери кулаком. Если эти пришли, значит, и другие скоро подтянутся. Грош цена тогда моему преимуществу.

— Странно... — пробормотал Таракан. — Он же круглосуточный.

— И я об том же, м-мать моя девственница...

На Обреза я старалась не смотреть. Все эти дни, что прошли с охоты на динозавра, я старалась о нем не думать. Уговаривала себя: ну что Обрез? В наряды мы вместе не ходим, в конторе почти не пересекаемся... Остынь, плюнь и забудь. Бывает.

И только я себя почти уговорила, он — тут как тут. Непруха.

Стукнув несколько раз изо всех сил, я затрясла отбитой рукой.

— Давай, помогу. А то что-то ты тихо стучишь. — и непонятно, издевается он, или всерьез.

— Отойди. — еле сдерживаясь, я отпихнула его от себя. — Отойди сам, или я тебе все коленки повыдергиваю.

— Витаминов не хватит. — осклабился тот, и придвинулся еще ближе.

Молча размахнувшись, я вlepила ему кулаком по морде. Точнее, собиралась вlepить, но Обрез перехватил руку.

— У тебя что, совсем крыша протекла? — выкручивая моё запястье, этот гад еще и ухмылялся.

— Ты в меня из огнемёта палил. Идиотина косоглазая, криворукая... Да я тебе сейчас глаз на задницу натяну...

— Сама дура. Стояла, ушами хлопала. Я не виноват, что ты на линии огня оказалась.

— Не виноват? Думаешь, по своим палить — норм? — я одновременно пыталась освободиться и пнуть его по коленке. Но у Обреза руки были длиннее. — Отморозок.

— Я ж тебе говорил: динозавр на дуло наступил, оно и погнулось... — меня аж затрясло. Отойдя на пару шагов и прикидывая, куда сподручнее бить, я пообещала тихим шепотом:

— Я тебе сейчас х...х... хвост погну. И вместо ноги приклею: так и будешь по жизни гнутый ходить.

А ну ша, малявки. — Таракан встал между нами. — Нашли время...

— Он в меня из огнемета палил, псих недоделанный, ведро без ручки. Обогнув Таракана, я вновь попыталась достать Обреза. — Знаешь, как его в народе зовут? Катастрофа ходячая. Всё у него через жопу, только ты, Таракан, этого не замечаешь. Я бы ни в жизнь его в напарники не взяла — еще в спину стрельнет...

Обрез сплюнул.

— Да нужна ты больно, пигалица кургузая. Хотел, как лучше...

— Чтоб у тебя в печени вши завелись и все кишки съели.

— А у тебя — тараканы из мозгов вывелись! Метр с кепкой на коньках, а всё туда же: в охотники...

— Заткнитесь, оба. — Таракан вlepил напарнику затрецину. — Никто ни в кого не стрелял. Это был несчастный случай. Так, Витяй?

— Дак я ж и говорю...

— Он мне чуть волосы не спалил. — сказала я тише. — Кусок идиота.

— Маша, сейчас тоже получишь. Помолчи...

Я втянула полные лёгкие воздуха и задержала дыхание. Посчитала до десяти. Бабуля велел учиться сдерживаться. Он говорил, за это меня и не любят: бешенство нрава вкупе с мелким ростом вызывает в людях здоровое предубеждение.

Бешеная моська, говорил Бабуля. Будь спокойней, и люди к тебе потянутся... Ага, как же. Пыхнут из огнемета, и не заметят.

Я не привыкла быть милой. В банде это как-то не способствовало выживанию. Там было всё наоборот: не важно, какого ты роста. Главное, кричать погромче и ругаться позаковыристей. Один раз Бабуля мне рот даже мылом намылил. И самое обидное, как раз этот последний кусочек я для волос берегла...

— Почему склад закрыт? — наконец спросил Таракан.

— Ты сказал молчать.

— Не придирайся к словам. Так почему?

— У меня столько же информации, как и у вас.

— Чего шумите? — в двери открылось небольшое окошко, в которое просунулся конопатый нос. — Стучите, орете, спать добрым людям мешаете...

Обрез ловко ухватил этот нос и стал выкручивать.

— Открывай, добрый человек. — ласково попросил он. — Потом поспишь.

— Отпусти! — гнусаво заканючил нос.

— Откроешь — отпущу.

...вот всех по тревоге и подняли. Боезапас и амуницию выгребли подчистую, ничего не осталось. — закончив рассказ, мальчишка развел руками. Было на вид ему лет двенадцать, белобрысая голова светилась в полумраке склада, как новенькая серебряная копейка. — Так что дедуля отдохнуть решил, в кои-то веки на рыбалку сходить. Всё равно, говорит, пока охотники не вернуться, тут делать нечего... Ну, а меня за охранника оставил.

— Охранник. — сплюнул Обрез и ткнул пацана в грудь. — И много ты тут

наохранял? Поди на сторону патроны спихиваешь, пока дед не видит...

— Виктор! — осадил его Таракан. — Не груби. — он вновь повернулся к мальчишке. — Какие, говоришь, штурмовики?

— Имперские. Бластеры у них — ого! Сквозь любую броню дырки прожигают. Уже две деревни спалили.

— Да с чего ты взял? — я не могла поверить. Как так-то? Всех в рейд отправили, и только нас троих забыли?

— Митька слободской говорил. У него — мотик на кукурузном масле.

— И что?

— Хрен через плечо. Митяй, как про штурмовиков услышал, прыг на мотик, и туда... Обсмотрел их со всех сторон. И шлемы белые, и доспехи... Всё, говорит, как в кино... Идут цепью и палят во всё, что шевелится.

— У меня другой вопрос. — задумчиво сказал Обрез. — Почему нас не позвали? Пигалицу эту рыжую — понятно, но нас?

— Может, надоело за идиотами доморощенными косяки подчищать?

— Маша, не заводись. — попросил Таракан. — А вопрос хороший. Ты где вчера вечером была?

— Дома.

— А мы на охоте. — поджал губы Обрез. — В реке по-за городом цзяоженья видали. Нас в наряд и отправили. До полуночи в засаде просидели, как дураки. И ни сном ни духом...

— Покажи-ка письмо. — Таракан требовательно протянул руку. Я отдала.

— Мать Драконов. — прочитав бумагу, кивнул Таракан. А потом посмотрел на Обреза.

...Никто не знает, откуда она взялась. Но несколько лет назад пошли слухи: появился маг, который может кастовать драконов.

Драконы. Это ведь не какие-то там орки недоделанные. Или даже штурмовики. Говорят, они могут спалить целый город за несколько часов, а питаются целыми коровами. Просто глотают, не жуя.

— Подождите! — я не выдержала. — Что же получается? Всех за город послали, а нас специально в резерве оставили? Чтобы мы, втроем, с драконами разбирались?

— А ты что от Шаробайки хотела? — спросил Обрез. — Чтобы он всем встречным и поперечным по две штуки башлял?

Неужели сбываются Ласточкины дурные пророчества?

— Ну, не специально же он всех из города угнал... — в это я точно не поверю. Есть же границы.

— Да нет, конечно. — сказал Таракан. — Просто совпало так. Бывает. И имперские штурмовики, и Мать... У него выхода не было. Зря вы на начальника гоните, Хрон — мужик неплохой.

— Ага. — кивнул Обрез. — Только хитровы...чурный. Думает, если мы Дракониху завалим, он малой кровью отделается. А если она — нас...

— Тоже плакать не станет. — согласилась я. — Интересно, а почему именно мы?

Я имела в виду, что нас троих, наверное, меньше всего ценят: я — рыжая пигалица, метр с кепкой, к тому же — бывшая бандитка, а Таракан с Обре-

зом — самые безбашенные. Им море по колено... Но Обрез понял по своему.

— Ну, мы-то понятно, почему. За нами и скилла, и симфалийские птицы, и мантикора, и еще много кого. Опыт, сын ошибок трудных. А вот ты?

— А она стреляет лучше всех. — оборвал Таракан.

— А еще мне деньги нужны. — тихо добавила я. — Шаробайка знал, что я по-любому не откажусь.

— Ладно. — Таракан кивнул на Егорычева внука. Мальчишка, тихий, как мышонок, замер с открытым ртом, ловя каждое слово. — Раз на складе нет ничего, пошли отсюда. — и направился к выходу. — Маш, ты с нами?

Сожгут нас к Едрене-фене, и косточек не оставят.

— А куда я денусь?

В "Трёх Пескарях" было людно: все столики заняты, у раздачи длинная очередь. Пахнет жареной рыбой и блинами. В желудке сразу забурчало. Пельмени, от вчерашнего ужина оставшиеся, я для болящих сберегла, позавтракать не сподобилась. Единственная сложность: денег у меня — две полушки с четвертинкой.

— Я угощаю. — вдруг сказал Таракан, подталкивая меня к раздаче. Наверное, заметил мои колебания.

Вообще-то, по харчевням мы с Ласточкой никогда не шастали — каждую копейку сберечь старались. Только Бабуля ходил, иногда. Пообщаться с охотниками и выпить кружечку...

Пожав плечами, я взяла поднос: от халявной еды точно отказываться не буду. У меня вообще аппетит хороший, несмотря на недорост. Многие удивляются: и куда только влазит? Бабуля говорит, такой синдром развивается, если много голодать пришлось...

— И что ты предлагаешь? — спросила я Таракана, как только мы устроились за столиком и расставили тарелки. Рыбка была мелкая, зажаренная вместе с хвостиком и плавничками, и к ней прилагалась целая гора жареной картошки. А таких гречаников я в жизни не пробовала...

— Купим боеприпас сами.

Я подавилась. Прокашлявшись и дождавшись, пока схлынет злость, и на язык перестанут прыгать те самые слова, за которые мне рот мылом мылили, я посмотрела на Таракана.

— Я сказала, что хочу заработать, а не потратить.

— У нас нет выбора. Мать драконов ждать не будет. — Таракан взял стакан со сметаной, и вылил половину на блины.

— В смысле не будет?

— Завтра, самое позднее — послезавтра, она нападет.

— Может, это заставит власти раскошелиться?

— Может. Если от них хотя бы головешки останутся. Впрочем как и от всего города.

Я замолчала, переваривая услышанное. Вспомнилась картина: зеленый дракон, парящий над рекой. Художник потратил остатки жизни на то, чтобы её нарисовать. Он сказал: — Я не мог иначе. В Запылении он увидел будущее...

— Может, в слободе нам хотя бы патронов дадут?

Тяжелое, глухое отчаяние заставило желудок сжаться, выталкивая только что съеденное назад, в горло. Если распотрошу заначку — Ласточка меня убьет. Целый год мы с ней копили — копили, а тут...

— Ага, щас. — хмыкнул Обрез. — Воображаю: идем мы к оружейникам и говорим: так мол, и так, Мать Драконов. А они — цену в три раза против прежней! Потому что у нас выхода нет.

— Но... Почему? Она же всему городу угрожает!

— Да плевать им на город. У оружейников — бункера бетонные, со стальными дверьми. На атомный взрыв рассчитанные. Спрячутся и переждут.

— Шаробайка-то, небось, знал, что склад пустой. — я никак не могла поверить, что начальник мог так поступить.

— Это он на Тару рассчитывал. — пояснил Обрез, отправляя в рот целую кипу блинов. — Тара — он такой. Последнюю рубаху снимет.

— Не бренчи, Витюша. — Таракан, между прочим, за едой пользовался вилкой и ножом. И салфеткой.

— А чего я, не прав, что ли? — возмутился тот. — Ты ж уже всё решил. И заначку достал, я сам видел.

— Кто не хочет — может отказаться. — глядя ему в глаза, сказал Таракан. И повернулся ко мне: — Тебя тоже касается.

Я задумалась. Мать угрожает всему городу. А значит, и близняшкам, и Ласточке, и Бабуле. Он, правда, если узнает, во что я ввязалась, шкуру спустит. Но ведь...

— Как вы думаете: гонорар и вправду выплатят, хотя бы потом? — понимаю, вопрос звучит жалко, и даже меркантильно. Но прямо сейчас это для меня — самое важное. А Обрез опять ржет:

— Держи карман шире! Догонят, и еще приплатят.

Таракан, доев рыбу, отодвинул тарелку, выпил компот, затем вытер салфеткой губы и руки, и только после этого посмотрел на меня.

— Денег в казне нет. — сообщил он.

— Нет?

— Нет. Но есть альтернатива. Точнее, на эту идею меня натолкнул Хрон...

— Да уж он толкнет. — опять встрял Обрез. — Лететь будешь дальше, чем видишь.

— У Матери Драконов должно быть золото.

— Золото? — мы дружно уставились на Таракана.

— Ну подумайте: наш город — далеко не первый, к кому она пришла за данью. Бароны ей платили, и платили щедро.

— Ага, щас, будет она монеты с собой таскать, — скривилась я. — А где гарантия, что она их не зарыла, например?

Очень, очень хотелось, чтобы Таракан меня убедил. В голове звенела одна мысль: это знак. Просила единорога, чтобы он помог, и вот... Если мы возьмем сокровища Матери Драконов, я смогу для Бабули хоть десять амулетов купить. И еще на леденцы близняшкам останется.

— Никакой гарантии. — согласился Таракан. — Но что-то при себе у нее должно быть. Пыльцу-то Мать должна покупать.

— Короче, я в деле. — сказал Обрез. — Да ты, Тара, и так знаешь: куда иголка — туда и нитка. Прихлопнем Драконицу, сокровищ огребем... Пулемет наконец-то купим.

А потом они посмотрели на меня.

Я честно попыталась взвесить все "за" и "против", но в голове стоял туман. Такое было чувство, что, если я откажусь — лишусь чего-то очень важного. Такого, которое раз в жизни бывает.

Мечта идиота: убить дракона...

— Думаете, мы справимся втроем?

— Три — очень хорошее число. — сказал Таракан. — Тем более, что у меня есть план.

Глава 5

Маша

Пока собрались, наступил вечер. Я честно предполагала, что теперь мы прозойдемся, а встретимся уже на рассвете, но Таракан решил по-другому.

— Готовиться сейчас надо. — заявил он. — Как раз к рассвету и успеем.

И мы потопали в Слободку, к оружейникам.

Мать обосновалась на старом заливном лугу, где еще в прошлом месяце встали табором цыгане. Несколько раз они заявлялись в город, давали представления на площади. Мы с Ласточкой ходили смотреть кукольный театр, но в восторге не остались. Куклы только и делали, что лупили друг друга по головам дубинками.

Сейчас я понимаю, что театр был только прикрытием. На самом деле, цыгане были разведчиками Матери. Высматривали: стоит ли город того, чтобы требовать с него выкуп. Получалось — стоит...

Дорога шла вдоль реки, мимо тех самых заливных лугов. Виднелись цветные пологи кибиток, тянуло дымком от походных кухонь. Вскрапывали стреноженные кони. Кто-то наигрывал на скрипке, слышался звон бубна и молодецкие выкрики.

— О народ. — покачал головой Таракан. — Что ни день — у них праздник.

— А где драконы? — вытянул шею Обрез. Прямо как ребенок, впервые попавший в цирк.

— Мать их на ментальной привязи держит. Твари-то безмозглые. Если их не сдерживать, всё вокруг разнесут. Причем просто так. Из хищнического инстинкта. — пояснил непревзойденный знаток драконьих повадок Таракан.

— Хищники никогда не убивают всю дичь. — возразила я. — Ни тигры, ни львы так не охотятся. Я в книжках читала.

— Так то ж нормальные звери. — пожал плечами Таракан. — У них природные ограничители, выработанные эволюцией. А драконы — креатуры магические. Нежить, одним словом.

Телега сонно покачивалась и лишь иногда, наехав на кочку, вздрагивала. Кобыла, которую по дешевке удалось сторговать Таракану, была довольно пожилой, а груз — довольно тяжелым. Так что ехали мы медленно. За телегой, беспечно позванивая колокольчиком, брела корова.

Светила яркая луна, в густой траве на обочинах заливались сверчки, а от реки веяло прохладой и цветущими кувшинками. На другом берегу, в густом орешнике, пели соловьи.

Мы отдыхали. Передавали друг другу бутылку молока, закусывали копченым салом, вареными яйцами и черным, с поджаристой корочкой, хлебом. Мечтали, как потратим сокровища Драконихи. Точнее, мечтал Обрез, а мы с Тараканом слушали.

— Сниму хату в городе. — рассказывал он, довольно жмурясь. — Надоело в общежитии. Ни поспать, ни девку привести.

— Ага. — хихикнула я, — Девки на тебя так и вешаются. Гроздьями.

— А может, и вешались бы. Если б я один жил. Еще мечтаю в Зеленый Пеликан сходить. Говорят, кордебалет у них — полный отпад. Бабы в одних только перьях скачут.

— Ты окромя как о бабах, о чем-нибудь думать можешь?

— Между прочим, могу. — не обиделся Обрез. — Мотоцикл хочу вот купить, в Слободке у Ростопчия. Топливо — спирт пополам с кукурузным маслом. Ну, и мамке в деревню денег пошлю — пусть крышу на хате перекроет. Братишкам гостинцы, опять же.

— У тебя семья есть?

— А как же. Маманя и два братца-акробатца. Петька с Арменом.

— А чего имена такие?

— Отцы разные. Мамка моя — женщина видная и не старая еще. Как батя погиб, её армянин замуж взял. Хороший мужик был, хозяйственный. Тоже помер. Оба мужа по пыльной дорожке пошли.

— Так оно и бывает. — кивнул Таракан. — Разок вмазался — пиши пропало. Всё одно: спылишься.

— Ну, не скажи... — мотнул вихрами Обрез. — Маги вон, Пыльцу ведрами жрут.

— Так-то оно так. — кивнул Таракан. — Да только не попробуешь — не узнаешь, пластинка ты долгоиграющая, или вошь подноготная.

Мы дружно вздохнули... Исполнить все свои мечты. Я, например, всегда мечтала стать такой же красивой как Ласточка. Или Мадам Елена.

Да только я в магическое счастье не верю. Помню, как от отца среди ночи бежать пришлось, я тогда совсем маленькая была. Ну, честно говоря, настоящей-то памяти нет, только вспышки: чудовища с щупальцами, темнота, холод, страх...

— Драконы по ночам спят. — сказал Таракан. — Слепые они, как индюшата. Так что к утру мы должны тут окопаться. — он обвел взглядом обширную поляну, найденную нами невдалеке от табора.

Вокруг был лес. Одичавшие яблони да черешни, меж ними — густой малинник. Раньше, до Распыления, здесь колхозные сады были.

— Корову привязывай у опушки, под деревьями. — руководил он, показывая, где именно должна быть корова. — Вокруг зароем снаряды, сами заляжем на другой стороне, за деревьями. Драконы, почуяв корову, прилетят, но с воздуха её взять не смогут — ветки помешают. Им придется сесть, тут-то мы и подорвем фугасы.

— А ты уверен, что они прилетят? — спросила я.

— Сейчас они голодные. Фуражу Хрон не дал, а сами они пока не охотились — скот по деревням целый. Услышат поутру, как коровка наша мычит — она ж доиться захочет — и прилетят, как миленькие.

Я погладила Буренку по теплой шее. Жалко её. Если цела останется — домой заберу. Близняшкам молока попить полезно будет. Невольно хихикнула. Картина маслом: Ласточка, вся из себя расфуфыренная, с прической и в боевой раскраске, доит корову...

— Ты говорил, драконов Мать на поводках держит.

— Не бойсь. На счет этого предусмотрен отвлекающий маневр. — видно было, что Таракан уже устал от моих вопросов. — Сорвутся, как миленькие.

— А мне что делать? — я зевнула и посмотрела на часы. Начало первого.

— Как что? — удивился Таракан. — Нужно детонаторы фугасов к автосигнализации подключить. — он протянул мне брелок.

— Ух ты! Где взял? — на брелке была надпись: StarLine.

— Со старых времен осталась. — беспечно махнул рукой Таракан. — Я только машину купил. И сигнализацию по интернету заказал. Как раз посылка пришла, а тут — Распыление. Тойоту мою сосед файерболом грохнул, а сигнализация осталась.

— Если б ты её в Слободку снес, Ростопчий кучу денег отвалил бы.

— А на что мне деньги? Зато теперь для дела пригодится.

— Тара... — я замялась. — А кем ты до Распыления был?

— На юридическом учился. Пятый курс заканчивал, адвокатом собирался стать. Невеста у меня была.

— И... что?

— А ничего. Слишком быстро всё случилось. Сегодня — нормальный мир, и никто ни сном, ни духом, а через три дня — Средиземье. В точности, как у Рональда, тройным загибом его через косяк да об голову, Руэла Толкиена... Моя-то эльфийкой мечтала стать. Вот и домечталась. Арвен, блинский ёж, Ундомиэль.

До трех утра я работала, при свете крошечного фонарика. Пальцы онемели, перед глазами роились черные мушки, а в груди всё трепыхалось: одно неверное движение, и...

Таракан копал ямы.

— А куда Обрез делся? — спросила я, закончив с детонаторами. Под веки будто песку насыпали.

— Я его к табору послал. Для отвлекающего маневра.

— Это какого?

— Да ничего особенного. Присмотрит какой-нибудь безопасный объект — стожок, или пустую кибитку. И подожжет. У него канистра с бензином.

Так я и знала. Обреза хлебом не корми, дай что-нибудь поджечь. Или взорвать. Одна беда: ему дай волю, весь табор на воздух взлетит.

— Ёкарный бабай, вы офигели? Бензин на такую херню тратить? — я аж проснулась, от возмущения.

— За языком следи. — прикрикнул Таракан. — Нужно, чтобы рвануло быстро, ярко и наверняка. Мать, как всякая баба, испугается, кинется спасать доб-

ро, про питомцев своих на время забудет.

— На словах у тебя всё ладно выходит. А если не все драконы на фугасах подорвутся?

— На этот случай я РПГ взял, восемь кумулятивных подарочков. И еще один — термобарический.

— От него-то что толку? Кумулятивные в драконе хоть дырки прожгут, а этот только по бронированной шкуре расплещется, и вся радость.

— Зато по дешевке. В кулацком хозяйстве... Ну, еще противопехотки, двадцать штук.

— Тоже по дешевке?

— Мы их на нашем конце раскидаем. На всякий случай. Если какой гад к нам подобраться надумают — уж лапу, всяко, оторвет.

Я зевнула совсем душераздирающе, чуть челюсть не вывихнула. Вчера поспать не удалось, так что, получается, вторую ночь на ногах.

— Может, не надо? По-моему, и фугасов хватит.

— Приляг. — предложил Таракан. — В телеге сено. Залезай, кожушкой своим укрывайся, и спи. Я разбужу.

— А ты?

— Мины раскидаю и тоже вздремну. До рассвета еще далеко.

Услышав взрыв, решила, что всё проспала. Рывком скатилась с телеги и уткнулась носом в землю. По спине забарабанили комья земли и подозрительно теплый дождь. Пахнуло порохом и почему-то кровью.

— Корова! — закричал прямо в ухо Таракан. — Отвязалась, стерва, мать её раз так, и раз эдак.

— Что? — я ничего не понимала. — Где корова? Почему темно?

— Отвязалась, туды её в качель. — уже тише ругнулся Таракан. — Пошла, дура, по полю, травку щипать, и на мину наступила.

Вот, значит, откуда теплый дождь. Опять волосы хрен отмоешь.

— Мать перемать! Я говорила — лишние они, а ты — на халяву, на халяву...

Ёпрст. Все приготовления насмарку.

Только села и вытерла лицо рукавом, как со стороны табора тоже раздался взрыв. Над деревьями полыхнуло красным. Где-то там завопили, заголосили, послышалось истеричное ржание лошадей, задушенный клекот кур...

— Сигнал, мать его. — сказал Таракан упавшим голосом. — Обрез решил, что это мы атаку начали.

Я на него не смотрела. Пыталась разглядеть, что творится за лесом. Но кроме пожара — меж деревьев мелькало всё больше оранжевых языков — ничего не было видно. Не сразу дошло, о чем это он. А когда дошло...

С неба обрушился бешеный вой. И жар. И ветер.

— Беги! — закричал Таракан, и я побежала.

Вокруг полыхало, над головой что-то бухало и свистело. Пахло копотью. Не придумав ничего лучше, я забила под телегу, но она тут же вспыхнула, как спичка. А потом раздался еще один взрыв и такой рёв, будто включили десяток противотуманный сирен. Дракон тоже попал на мину! Теперь он ворочался посреди поляны, хлопая крыльями и пытаясь взлететь.

Они почуяли кровь. Мать, как и предсказывал Таракан, ослабила поводки, когда в таборе вспыхнул пожар. Да только начался он намного раньше, чем мы рассчитывали.

Над табором взвился сноп искр, послышалась сухая быстрая дробь. Или там палят из автомата, или огонь добрался до цыганских боеприпасов... Неужто по Обрезу палят?

Скатившись в глубокую промоину, я по-пластунски поползла к лесу. Там, под защитой деревьев, можно будет встать, оглядеться...

Услышав свист разрываемого воздуха, я замерла. Совсем рядом — рукой дотянуться — приземлился второй дракон. Сквозь траву виднелся черный, лоснящийся в отблесках огня, бок, изгиб мощной лапы. Шипастый кончик крыла торчал прямо перед лицом. Затаив дыхание, я боялась моргнуть, а где-то над головой огромные ноздри шумно втягивали ночной воздух.

Я же вся пропахла кровью. — вдруг пришло в голову. — От меня же несет, как от скотобойни... Сейчас он меня найдет, и снюхает, как мышку-полевку.

Дождавшись, чтобы он отвернул голову, я вскочила и рванула к деревьям. Вслед плеснула струя пламени. Чувствуя, как загорается куртка на спине, я упала и покатилась.

И тут на другом конце поляны грохнуло. Выстрел из РПГ! Преследовавший меня дракон трубно взревел и забил крыльями, пытаясь взлететь. В его боку зияла хороших размеров дыра. Еще один выстрел! Затем еще, еще и еще... Два попадания из восьми. Привстав на коленки, высунув голову из травы, я не могла оторвать взгляда от дракона.

Никогда не забуду: черный, чернее ночи, силуэт, подсвеченный алыми всполохами огня. Вот он поворачивается, взмахивая крыльями и задрал голову на длинной, как у лебедя, шее, неторопливо, как в замедленной киносъемке, распахивает пасть, втягивая воздух, и я понимаю, что уже не успею ни убежать, ни спрятаться от огненной струи.

Выстрел — и снаряд входит прямо ему в глотку, расплескавшись там огненным озером. Голову разносит к свиням собачьим.

Ура!!! Победа! Чистое везение, но как красиво... Туша, вздергивая лапами, как безголовая курица, мечется по траве.

Я огляделась. В отблесках пламени просматривалась вся поляна. Дракон, завалившись на бок, еще чуть трепыхался. Даже упав, он оказался выше меня. Намного выше. Я нервно сглотнула, обойдя его кругом и посмотрев на когти. Если б он не промахнулся... Глаза слезились от дыма и необычного, резкого запаха. Будто рядом подожгли целую тонну пороха.

Расхрабрившись, я подошла и пнула его по лапе. Затем прижала руку к черному боку, но тут же отдернула: чешуя была горячей.

— Цела?

Рядом возник Обрез. Глаза у него были безумные, совершенно белые. Брови обгорели напрочь, а волосы из-под закопченной банданы торчали клочьями. Пахло от него почему-то паленой псиной.

— Ты цела? — повторил он вибрирующим высоким голосом. По лбу у него текла кровь, и Обрез, совершенно не замечая, что делает, вытер её рукой. Недоуменно посмотрел на красную ладонь...

— Я-то цела! С тобой что? — я попыталась его ощупать, но он меня оттолкнул. — Где Тара?

— Не знаю. После того, как прилетели драконы, мы разбежались. Потом он стрелял в этого, — я кивнула на тушу, — Из РПГ.

— Это я стрелял.

Я не сразу поняла, что он говорит.

— Что? Почему ты?

— Потому, мать твою! — но, посмотрев на меня, он пояснил: — Я, как взрыв услышал — думал, у вас что-то сорвалось. Взрыватель не тем концом вставили, или еще что... Словом, решил, что вам хана. А тут — драконы. Они возле табора, под пологом ховались. Тихие, как мыши... Я, когда подходящую позицию искал, чуть не вперся к ним сдуру. Едва штаны не обделал. Услышав первый взрыв, они заволновались шеи повытягивали, что твои гуси... А потом поднялись, полог скинули, и прямиком сюда. Я тогда канистру в костер кинул и тоже к вам.

Смотрю — а они уже резвятся. Хорошо, один на mine подорвался и кровью истек, а второй... Я как увидел, что он за тобой гонится... А телега горит. Хорошо, боеприпас сгрузить успели. Я РПГуху схватил и давай лупить. С первого раза попал! Да только выстрел ему — что слону дробина. Все восемь штук в него, собаку, высадил... Тогда я тепловой и зарядил. Не убью, думаю, так напускаю. А оно вон как вышло.

— Спасибо. — с чувством сказала я. — С меня причитается.

— Где Таракан? — не слушая, опять спросил Обрез. — И где третья тварь?

— Третья? — я даже растерялась. Обрез тоже.

— Дак... Драконов-то — три штуки было.

Мы синхронно задрали головы. Лес почти догорел и звезды были яркие-яркие, будто начищенные. Где-то еще гудело и потрескивало, но на поляне стояла мертвая тишина. Я только открыла рот, чтобы позвать Таракана — вдруг услышит? Но Обрез схватил меня за руку и указал на дальний край леса. Оттуда, ревя как бомбардировщик, пикировал черный силуэт. Мы присели.

— Где взрыватель от фугасов? — уголком рта прошипел Обрез.

— У меня. — я похлопала себя по карману... Пусто. Обшарила остальные — ничего. Тогда я уставилась на него страшными глазами и покачала головой. — Потеряла.

Вместо того, чтобы меня придушить, он только вздохнул.

— Ищи. Иначе нам хана. А я его отвлеку... — Обрез попытался рвануть через поляну, я едва успела ухватить его за воротник, и мы вместе повалились за драконью тушу.

— Там противопехотки. — прошептала я ему в ухо. — Корова на такой и подорвалась.

Дракон, затормозив у земли, вновь начал подниматься, разгоняя воздух мощными взмахами крыльев.

— Где РПГ? — спросила я.

— Выстрелы кончились. — ответил Обрез. — Всё в этого гада высадил. — он пнул дохлую тушу рядом.

— Автоматы?

— Рядом с телегой. — мы осторожно выглянули. На том месте дымилась воронка.

И тут на поляну выползло... нечто. Оно имело коровью голову с рогами, да-

же хвост, но не имело ног. И издавало странные человеческие звуки: — Му-у-у! Му-у-у!

— Это Таракан! — закричал Обрез. — Он под коровьей шкурой! — Тара!!! Эгей!!! — дракон, вытянув шею стрелой, прынул к нам.

— Идиот! — заорала я, рыбкой уходя от струи пламени. Ногам стало горячо.

— Му-у-у! Му-у-у! — опять раздалось над поляной. Дракон, красиво кувырнувшись в воздухе, ринулся к коровьей шкуре.

Брелок... Я прикрыла глаза, вспоминая. Скорее всего, он выпал, когда я кувыркалась, уклоняясь от драконьего огня... Это было где-то здесь. Упав на колени, я лихорадочно зашарила руками в траве.

Дракон, выставив когти, пикировал на шкуру. Если он схватит Таракана... И тут я увидела Обреза. Он стоял у кромки леса и орал, размахивая руками. Тварь, оставив корову, понеслась к нему.

Моя рука нашарила гладкий камушек.

— Нашла! — заорала я что есть мочи. — Я нашла сигналку!

Дракон завис в воздухе. Перед ним было три цели, и он не знал, какую выбрать.

— Заманю его на фугасы! — закричал Таракан и, выбравшись из-под шкуры, побежал к лесу. Дракон рванул за ним, но у опушки его крылья запутались в ветках.

— Жми! — заорал Обрез и я нажала кнопку.

Огненная пирамида, только острым концом вниз, выметнулась из земли, подхватила дракона — стал виден четкий силуэт, — а в следующий миг его закрутило, крылья стали похожи на сломанные зонтики, и...

Не успела прикрыть лицо от летящих опметков дракона, как меня оторвало от земли, понесло и, наверное, обо что-то ударило. В глазах потемнело.

Услышав голоса, я села, пытаюсь руками удержать голову. Казалось, если её не подпирать, шея сломается, как маковый стебель, и голова покатится по выжженной земле... Вокруг было светло.

— Эй, ты как? — рядом присел Обрез. — Жива?

Всё болело. Ожоги — на спине, локтях, даже на пятках, нестерпимо саднило. Во рту было так сухо, что слова не выговаривались. Поперхав, я просто махнула рукой. Обрез протянул алюминиевую фляжку с чем-то теплым. Оказалось, с речной водой — она пахла илом, а на зубах скрипел песок.

— Что с Тараканом? — спросила я, напившись.

— Жив, курилка. — Обрез плюхнулся рядом и отобрал у меня фляжку.

— Как он по минному полю прошел? — я, приставив ладонь козырьком к глазам, пыталась рассмотреть, что творится на поляне. Там ходили какие-то люди.

— Чтобы минер, да на собственной mine подорвался? — усмехнулся Обрез. — Вон он, показывает приезжим господам, как дело было.

С глазами у меня было что-то не то. Силуэты казались черными.

Весь лес вокруг поляны полег. Как спички, рассыпанные из коробка. Чернели лишённые веток и листьев стволы, меж ними поднимались тонкие струйки дыма. Пахло золой и печеным мясом.

На поляне, горбами к небу, чернели туши драконов. Теперь было видно что

тому, первому, подорвавшемуся на mine, оторвало задние лапы. Всё-таки сработал план Таракана. Хотя бы частично.

И тут я вспомнила одну вещь, о которой совсем, совсем не думала с тех пор, как на нас напали. И повернулась к Обрезу.

— А что с Матерью?

— А вот тут — он вздохнул, — начинается самое интересное. — Когда ты взорвала последнего дракона, Мать, видимо, это почуяла. Может, он у нее любимчик был, или еще что... Не осела пыль от взрыва, смотрю — над лесом баба летит. Из ладоней — столбы света, как ракетное пламя. Волосы у нее белые-белые, длинные, и извиваются, как змеи. Жуть, в общем. Увидела мертвых драконов, раззявила пасть, да как заорет! И звук как бы материальный. Будто это не звук, а грязь, что-ли... Я уши руками прикрыл, и — носом в землю. Но потом не утерпел, выпростал один глаз. И вижу: выходят из лесу, со стороны дороги, двое...

В руках — будто сеть крупноячеистая из света. Набрасывают они эту сеть на бабу, от нее дым валит. Видно, жжется... И завязывается меж ними битва: она в них файерболы пуляет, они — в нее, только не огненные шары, а синие молнии. Шум, треск, и электричеством пахнет. Лес вокруг так и полег, как трава под росой.

А Мать возьми, и прямо из воздуха достань еще одного дракона! Громадного, как слон, и синего, как медный купорос. Дракон тут же изобразил из себя паяльную лампу и ну магов поливать. Те только руки растопырили и будто щит между ними — всё пламя в этот щит и ушло... А потом один пульнул диск от циркулярной пилы, тот дракона на мелкие кусочки и покрошил. Кровищи было... А Мать Тара замочил.

— Как это? — не поняла я.

— А так. Очнулся, достал револьвер — он его всегда в кобуре под мышкой носит — и высадил в неё всю обойму.

Мы немного помолчали. Таракан вдалеке размахивал руками, доказывая что-то магам.

— Значит, нет больше Матери. — задумчиво сказала я. — А сокровища? — Обрез только горестно вздохнул.

— Сокровищ тоже нет. Цыгане разбежались, а табор сторел.

Мы опять замолчали. Говорить было не о чем: очередной план спасения Бабули накрылся медным тазиком. Только и оставалось, что пойти, и повесится. Или вернуться, и вытрясти из Шаробайки компенсацию — хотя бы то, что на боеприпасы потрачено, вернуть.

— А маги, всё равно себе весь гонорар заберут. — будто подслушав мои мысли, пробурчал Обрез. — Скажут, что это они и Мать, и драконов ейных завалили. А нам — шиш с маслом.

— Путь только попробуют. — я поднялась. — Я им все кишки вырву и на гольфы пушу.

Глава 6

Иван

... В городе стояла удушающая жара, и это было непривычно. У нас в Москве давно научились контролировать погоду... Пока забрал с почтовой станции багаж да отыскал постоянный двор, вымотался окончательно.

Лумумба сидел у распахнутого окна в удобном плетеном кресле. Благородные кудри его обдувал прохладный ветерок, а ноги, в щегольских сапожках из кожи химеры, покоились на мягком пуфике.

Время от времени учитель подносил к губам хрустальный бокал. Глаза его были полузакрыты а движения полны праздной неги.

За креслом, изогнувшись в подобострастном поклоне и нашептывая что-то на ушко его сиятельству, пребывал напوماженный, благоухающий гвоздичной водой, управляющий гостиницы.

Эта парочка, являя собой довольство и благолепие, окончательно пошатнула мою веру в разумное, доброе и вечное.

С грохотом побросав сундуки и нарочито пыхтя, как паровоз, я упал на диван рядом с неубранным еще, накрытым кружевной салфеточкой столом, налил полный стакан воды и выхлестал залпом.

— Стажер! — обрадовался наставник, будто только что меня заметил. — Как быстро ты вернулся. А мы тут с милейшим Аполлоном Митрофановичем городские сплетни обсуждаем. Прелюбопытная картинка получается... Да ты кушай, пока не остыло. — он кивнул на блюда под серебряными крышками. — Отведай супчику: райское блюдо! Курочка домашняя, нежная — м-м-м... А какая здесь осетрина, Ваня! За такую осетрину и душу не грех продать. — он посмотрел на свет сквозь бокал. — Не говоря уж о коньяке. Вы меня не обманываете, милейший? — он повернулся к управляющему.

— Никак нет-с. Не обманываю. Сей напиток производят у нас в городе, на заводе господина Дуриняна. Особые технологии, так сказать-с.

— Прекрасно! — восхитился учитель. — Просто замечательно! Что характерно: раньше, до Распыления, никакие технологии такого букета не давали. Только по старинке: бочки, купажирование, выдержка...

Дальше я не слушал. После предложения угощаться я как-то сразу подобрел, простил учителя за праздность и тоже преисполнился благости. Супчик оказался и вправду мировой — не знаю, в чем тут дело. Может, куры здесь более породистые, чем у нас.

Душистый хлеб хрустел снаружи и был мягок внутри, осетрина, как и обещал Лумумба, оказалась ароматной и прозрачной, аки розовые лепестки, и та яла во рту.

Через полчаса неторопливой беседы с Лумумбой управляющий наконец-то усмотрел возможность испариться, сославшись на необходимость подготовки второй комнаты — для меня. А я, насытившись, стал оглядываться.

В глаза бросалась нарочитая роскошь новой нашей обители. Полосатые, в розочках, обои, зеркала и картины в тяжелых рамах, обивка мебели и портьер — всё выдержано в золотых и пурпурных тонах. Ванная комната облицо-

вана каррарским мрамором — поддельным, я так понимаю. За то само корыто — рассчитанное, по меньшей мере, на левиафана, чугуннойковки, и на роскошных львиных лапах впечатляло... Коврик на полу — и тот был пурпурным, с золотой окантовкой. Как его, барокко мать его за ногу рококо. Я всерьез обеспокоился.

— Бвана, во сколько нам эта роскошь обойдется? Месячный оклад за сутки? Чем вам вдруг так разонравились обычные номера для командировочных? Клопы надоели?

— Не ной. — отмахнулся учитель. — Пока я сюда шел, подумал, что лучше не афишировать, кто мы такие. Не будучи агентами, мы скорее выйдем на поставщика пыльцы. А это, как ты понимаешь, требует большего размаха, нежели могут себе позволить скромные служащие.

— Да нас Шаробайко видел. Он же в курсе.

— Он будет молчать, это и в его интересах. Подумай: заезжее начальство сильно понижает его в статусе. Ему это не с руки — перекрывается путь к казенной кормушке.

— Он же плакался, что в казне ничего нет. — честно говоря, иногда я любил включить дурачка. Просто, чтобы взбодрить драгоценного учителя. Не дать ему расслабиться окончательно.

— Деньги просто разворовали, обычное дело. Такова натура человеческая: брать то, что тебе не принадлежит. — Лумумба, поднеся бокал к глазу, посмотрел сквозь него на меня, и подмигнул.

— Вы ж не берете.

— Для воина великого племени самбуру это является единственно возможной линией поведения. Мой отец, великий вождь М'бвеле Мабуту, всегда говорил: — не воруй, сынок. Руку отрежу.

— Так и что у вас за идея? — я зевнул. Глаза слипались. Жара, жужжание мух, негромкое чириканье, доносящееся через окно — всё навевало сонное оцепенение.

— Представимся публике гастролерами. — от голоса начальника я встряхнулся.

— Это как?

— А так: маги мы с тобой не из последних, а Пыльцы здесь хоть отбавляй... Ты погляди на этот коньячок! — он протянул мне пузатый бокал. — Да нет, пить не нужно — всё равно не оценишь, лучше понюхай. Чуешь? Авторитетно заявляю: ни один доморощенный коньячный спирт ТАК не пахнет.

— А что пахнет?

— "Курвуазье", разлива тысяча девятьсот семьдесят третьего года.

— Именно семьдесят третьего?

— Именно.

Я напряг извилины.

— Так это же...

— Правильно. Может, где-то еще и сохранилась крошечная партия оригинала, но, смею тебя заверить, друг мой: за бутылку "Курвуазье" семьдесят третьего года можно купить этот городишко вместе с потрохами, то бишь, с жителями. — учитель, отобрав у меня бокал, сделал маленький глоточек. — И какой отсюда следует вывод?

— Волшебство?

— Разумеется. Сидит на заводе господина Дуриняна маг с хорошим воображением, делает глоток оригинала, затем нюхает Пыльцу, и — вуаля.

— Сразу в бутылках.

— Именно! — начальник пружинисто вскочил и хищно прошелся по комнате. — Так что мы, друг ситный, нынче не старший оперуполномоченный майор Базиль М'бвеле со стажером, а Великий Заклинатель, Проводник в Другие Миры, унган Вася Лумумба. С ассистентом.

— И что изменилось? — опешил я. — Мы же, вроде как, они и есть... — учитель закатил глаза.

— Врать нужно, по возможности, только правду, падаван. Иначе спалишься.

...поднял меня среди ночи и велел лететь ко входу в гостиницу. Сунув ноги в штаны, натянув рубаху и прихватив ботинки, я полетел. С учителем, когда он в таком состоянии, лучше не спорить.

На улице ждало такси.

По дороге Лумумба объяснил, что во сне, вдруг, ощутил такой ужас, пустоту и отчаяние, что вкушать отдых далее сделалось абсолютно невозможным. Поднявшись, он тут же погадал на крокодильих зубах — я, впрочем, давно подозреваю, что были это клыки, выдранные у обыкновенного дикого кабана, но не суть... Зубы указали, что опасность исходит от холодных кожистых существ, одновременно как бы огненных.

Вспомнив о Матери Драконов, учитель тут же бросился поднимать меня и управляющего, которому приказал найти любой транспорт, способный доставить нас за город в самые кратчайшие сроки.

В городе царила паника. Над ближним лесом полыхало зарево, и половина населения уже торчала на крышах, возбужденная и напуганная взрывами. Никто еще ничего не понимал, но слух о драконах успел просочиться.

Тем более, что в город, под защиту стен, с окрестных деревень стекался народ. Дороги заполонили цыганские кибитки, запряженные белоглазыми, в пене, лошаадьми, телеги с медлительными волами и крестьяне, нагруженные детьми, клетками с курами, корзинами с гусями и мешками с визжащими поросятами.

Водила воняющего самогоном тарантаса сообщил, что слышал от свояченика, а тот — от оружейника из слободки, что это — точно драконы. Мало того, воевать драконов отправилась целая армия, потому как скупили они большую часть слободского боеприпаса. За поимку живого дракона Шаробайка сулил сокровища, якобы хранимые Матерью в сундуках... Кому и зачем мог понадобиться живой дракон, таксист, назвавшийся Мамедом, не знал, но думал, что употребить в дело такую скотину очень даже полезно: вместо огнемета, например. На страх агрессору. На вопрос, какому именно агрессору, и как он собирается управлять крылатой тварью, водитель, дергая небритым подбородком и шевеля горбатым, с торчащими из него черными волосами носом, процедил презрительно: — знаем, каких... Расплодилось пыльцеедов — нормальным людям житья нет. То файерболы взрывают, то динозавры по огородам,

как у себя дома, шастают. Весь, почитай, урожай капусты потоптали... Спустить на них всех дракона — пусть-ка на этом свете адской сковородки отведают.

Проколов в собственной логике он не видел.

К месту побоища Мамед подъезжать категорически отказался. Остановил машину у реки, километрах в трех, и — ни в какую. Тарантас, мол, нэ его, а казэнный, взятый в арэнду. И, ежели дракон его подпалит, возмещать придется из своего кармана.

Три километра многовато, сказал учитель. Можем не успеть. И протянул водиле десятку. Водитель десятку взял, но предупредил: — Если что — пеняйтэ на сэбя. Лумумба пенять согласился, и мы поехали дальше.

А потом из леса, как вражеская субмарина из пограничных вод, поднялся дракон. От морды до хвоста было в нем метров двадцать — у меня аж дух захватило. Размахом крыльев он свободно покрывал площадь футбольного поля... Пыхнув огнем, тварь подожгла лес и вновь скрылась за пылающими стволами.

В этот же миг грохнуло так, что заложило уши, и дракона, как жареную курицу, подбросило над деревьями. Нас тоже подбросило, одна покрывка лопнула, тарантас ухнул в канаву и перевернулся.

С Мамедом случилась истерика. Утратив дар человеческой речи, он рычал, плевался, как павиан, и хватал попеременно то меня, то Лумумбу за грудки. Учитель не глядя протянул таксисту увесистый кошелек, и пошел вперед, не отрывая взгляда от деревьев, за которыми скрылся дракон.

Я пошел за ним, пытаюсь высмотреть безопасный путь — вокруг начинался капитальный пожар. А потом я увидел Мать Драконов. Она парила над лесом, и её длинные белые волосы клубились в горячем, поднимающемся от земли воздухе, как облако.

— Скорее! — завопил наставник и рванул к ней, прямо через тлеющий подлесок.

Слава богу, мы с Лумумбой успели принять по дозе, так что оба были на пике формы. Это нас и спасло.

Волна эйфории как раз схлынула, оставив холодное ощущение магущества. В Академии курсантов специально тренировали справляться с чувством восторга. Даже использовали отрицательное подкрепление, чтобы не возникало соблазна вмазаться просто так.

С привычным уже равнодушием я проследил, как сдвигается Завеса и мир раскалывается на два света: на тот, и на этот. Фигура наставника стала однобокой. Только правая половина головы, одна рука и одна нога, а вся левая его часть приобрела зыбкую, эфемерную текучесть и исчезла в Нави. Стволы деревьев, камни, даже тарантас Мамеда, сделавшись пронзительно четкими и ясными, больше не отбрасывали тени.

В "том" свете Мать выглядит устрашающе. Волосы, в Прави бывшие белыми, здесь сияют чистым серебром, вместо глаз, носа и рта — темные провалы. Она левитирует на столбах света, бьющего из ладоней. Вокруг, окутывая её, как саваном, клубится сила. Сила темная, дурная. Она как черное, чадящее

пламя, и от нее инстинктивно хочется держаться подальше.

— Ваня! — зовет Лумумба, становясь в боевую позицию. — Давай вместе, в три касания!

И мы даем.

Мать беззвучно кричит, корчится, а потом, оторвав от себя кусок черного савана, набрасывает его на нас, как пелену. Я моментально слабею — будто выключили лампочку у меня в груди. Сердце затихает, как уставший двигатель, и ничегошеньки больше не хочется. Даже дышать. Руки сами собой опускаются, и Навь, окружив меня плотным коконом, начинает затягивать к себе в нутро.

Лумумбе же черная сила Матери не причиняет никакого вреда, даже наоборот. Впитав свою часть савана, бвана громко смеется, запрокинув голову и кровожадно оскалив зубы. А затем, набрав полные щеки ветра, с силой дует на меня — и саван сдувает. Как рваная паутина, он опадает на землю и исчезает. Выпрямившись, я встряхиваюсь, словно пес, которого заели блохи — именно такое ощущение оставляет послевкусие темной силы, и начинаю дышать нормально.

Наставник делает свой ход. Раскрутив над головой огненное лассо, он набрасывает его на Мать. Петля затягивается на шее, не давая ей подняться выше. Мы с Лумумбой тянем, пытаясь посадить её на землю, но магичка не сдаётся. Тёмная сила поддерживает её в воздухе, не давая упасть, а потом Мать срывает с неба тонкий серпик луны и, как ножом, перерезает им огненную нить Лумумбы.

Освободившись, она раздирает Завесу и достает еще одного дракона.

Я застываю столбом: вот как она это делает! Черпает силу не из себя, а прямо из Нави. Её твари — не наколдованные, а самые, что ни на есть, "настоящие". Но удивляться некогда.

Дракон огромный. И черный, до синевы. Взмыв под самый небесный свод и медленно развернувшись, он пикирует прямо на нас. Из пасти его бьет огненный столп, цветом напоминая расплавленный металл. Я чувствую толчок в плечо и слышу бодрый голос наставника:

— Не спи, падаван, веселье только началось. Держи!

Он достает из жилетного кармана крошечную, но растущую на глазах монетку, и вот мы поднимаем над головой щит Джян-бен-Джяна — только он способен выдержать пламя дракона. Щит тяжелый, почти неподъемный. Будто сработан не из шкур тысячи василисков, склеенных желчью отцеубийцы, а из стальной плиты банковского сейфа.

Щит поглощает весь жар, но раскаляется, и мы бросаем его на землю, где от остывает, исходя искрами и поджигая траву. Опять я не успел ничего рассмотреть...

По слухам, на внутренней стороне щита были запечатлены все великие битвы прошлого, а на внешней — грядущего. По крайней мере, так говорили в Академии.

— Не зевай, стажер. — кричит Лумумба. — Твой выход!

Я киваю и достаю из Нави свою заветную сударшана-чакру. Сколько сил и Пыльцы я потратил на её создание — ужас. Пришла пора сдать "выпускной эк-

замен" и получить аттестат зрелости. В одиночку сразиться с чудовищем. Убить дракона.

Хорошенько раскрутившись, я, как дискбол, запускаю чакру в небо и стальной диск, визжа и вращаясь, врезается в тело твари. Дракон, запрокинув голову, ревет, пока диск, как циркулярная пила, режет его на куски.

— Пять с плюсом, стажер! — наставник довольно потирает руки. — А за зрелищность — дополнительный бонус в виде стаканчика мороженого.

Увидев, что её оружие уничтожено, Мать сатанеет. Воя, как сирена, она вновь запускает руки в Навь и достает огненный шар. Подняв его над головой, магичка бросает шар в нас с Лумумбой, и мы еле успеваем отскочить в разные стороны. Не дожидаясь ответного удара, Мать бросает шары один за другим. Падая на землю, они взрываются, как горшки с греческим огнем.

— Надо брать живьем! — кричит довольный, как кот, Лумумба. — Такая девушка! Персик!

Девушка-персик запускает очередной шар, и он расплескивается о грудь наставника. Меня задевает брызгами и одежда загорается.

— Вы уверены, бвана? — я приплясываю среди горячих угольков, сбивая пламя с рубахи.

— Она станет нашим лучшим боевым магом, можешь не сомневаться. Давай Сеть миродержца! Раз, два, три!

Крупноячеистая огненная сетка окутывает девушку, и поначалу кажется, что нам удалось её спеленать. Но через пару минут магичка, придя в себя, рвет нити голыми руками. А затем...

Воздух разрывает череда выстрелов и Мать, как подкошенная, падает на землю. Становится очень тихо.

От лица девушки ничего не осталось. Грудь тоже разворочена, среди белых осколков ребер виднеются сизые тряпочки спавшихся легких. Сердце не бьется.

— М-м-мать! — ругается учитель. Мы ж её почти связали!

— Мне так не показалось. — звучит незнакомый спокойный голос. Мы оборачиваемся.

Невзрачный, вываленный в грязи и пепле мужичок. На щеке — глубокая царапина, из которой, теряясь в бороде, стекают струйки крови. Он весь какой-то средний: не высокий и не низкий, не толстый и не худой, ни молодой ни старый... Но взгляд — будто ледяной буравчик. Так и кажется, что дырку провертит. В руке мужичка покоится здоровенный "Носорог".

— Сожалею, если испортил вам игру. — говорит он таким тоном, что можно понять: ни о каких сожалениях речи не идет. — Но я не мог рисковать.

— Это была не игра. — Лумумба, отряхнув руки, поднимается и отворачивается от поверженной Матери. — Вы хоть представляете, какой силы мага вы убили?

— Я застрелил преступницу. — посчитав оставшиеся патроны и с щелчком вернув барабан на место, он сует револьвер обратно в кобуру. — И избавил город и всех его жителей от участи быть сожженными заживо. До ваших магических экзерсисов мне нет никакого дела.

Посеревшие щеки и сузившиеся в иголку зрачки означают, что учитель взбешен до крайней степени. Но он берет себя в руки: на чужой территории, инкогнито — не время качать права...

— Возможно, вы приняли единственно верное решение. — говорит он горько, а затем, после секундного раздумья, протягивает незнакомцу руку. — Василий Лумумба. Маг.

Незнакомец руку принимает спокойно, без опаски и предубеждения, и пожимая, улыбается.

— Очень приятно познакомиться. Таракан. Охотник на магов.

Глава 7

ИВАН

Она была тонкая, мелкая, на вид — не больше пятнадцати. Глаза — как у дикой кошки. Видели таких? Тощие, злые, готовые на всё ради котят.

Маша... Рыжая бестия. У нас в банде была такая. Её даже вожак боялся.

Девчонка сидела на пригорке, рядом с парнем в разбитых стеклах, и, когда Лумумба протянул руку, я думал, она вцепится в неё зубами.

— Зачем вы приперлись, тройной вам тулуп об лед с переворотом. — наставник от такого загиба из уст крошечной девчонки опешил. Я, признаться, тоже присел.

— Барышня... — робко попытался наладить контакт учитель.

— Тамбовский упырь тебе барышня. — она вскочила на ноги и уперла руки в бока. — Мать застрелил Таракан. Драконов тоже мы завалили. Но что мы видим? В последний момент, как чертики из табакерки, из лесу выпрыгивают два паршивых наркомана, делают ручками пару пассивов и забирают себе все лавры. — она наскакивала на Лумумбу как молодой, едва оперившийся петушок на старого матерого орла.

Я возмутился. Какое право имеет мелкая пигалица на нас орать? Мы, можно сказать, их жопы из пекла вытащили. Должны в ножки кланяться, да благодарить. По гроб жизни.

— С чего ты взяла, что мы это из-за денег?

— А из-за чего же еще? — встрял парень. Глаза его разъезжались в стороны, как у безумного кролика. — Присвоите себе все заслуги, Шаробайка вам, магам, и поверит. Мы-то кто для него? Так, пушечное мясо...

— Господа! — Лумумба примирительно поднял руки. — Смею вас заверить: никакой славы и наград мы не добиваемся. Оказались мы в вашем городе случайно, проездом. Проснулись среди ночи, от криков испуганного населения. Вмешаться решили исключительно из чувства самосохранения — не хотелось наблюдать поутру руины гостеприимно отнесшегося к нам населенного пункта.

— Мы прекрасно обошлись без вас, город был в безопасности. А теперь... — Маша безнадежно махнула рукой.

— Они правы. — вдруг сказал Таракан, до того не принимавший в беседе никакого участия. — Поймите правильно, молодежь: если б маги её не спеленали — хрен бы я попал. Револьвер — это не снайперка. Всё могло закончиться по-другому.

— Вот, Тара, ты всегда так. — буркнула Маша. — Сделаешь большое дело, а

победу кому-нибудь другому всучишь, насильно. Дон Кихот хренов. И что нам теперь? Табор сторел — одни головешки, сокровища развеялись пеплом... А мы в это дело столько бабла вбухали — год можно было ничего не делать, только на балалайке играть.

— Если дело только в компенсации, то я... — Лумумба сделал вид, что лезет в карман плаща, за бумажником.

Маша устало вздохнула.

— Ну откуда у вас деньги? Разве что, наколдуете. — она окинула взглядом Лумумбу, одетого в свой походный, вываренный в щелоче и пропитанный смолой, плащ. Выглядел плащик и вправду не очень, да и весил порядочно, зато мог отразить огненный шар или даже пулю.

— Девушка, не надо грубить. — урезонил её наставник. — Люди мы действительно не богатые, но предлагаем ведь от чистого сердца.

— Чужого нам не надо. — обрубил Таракан. — Сами разберемся. Пойдем к Хрону, посчитаем, может, хоть компенсацию за боеприпас выплатит... А тебе, Маха, я отдам. — он сочувственно посмотрел на девчонку. — В конце концов, это я тебя уговорил.

— Никто меня не уговаривал. — в голосе дюймовочки звякнул металл. — Рисковали вместе, и проиграли тоже вместе. Всё равно без сокровищ Матери это всё бесполезно. Столько, сколько мне нужно, ни у кого нет. Конец всем надеждам. — совсем тихо добавила она отворачиваясь, как бы про себя.

— Жадность — второе счастье, я всегда так говорил. — заржал Обрез. Он явно не проникся моментом.

Маша глянула на парня через плечо — как на искалеченную, но неприятную и опасную зверушку, но ничего не сказала.

— Помнишь, Витюша, я тебе говорил: есть время варезку разжевать, а есть время язык за зубами держать? — Таракан отвесил парню хорошего леца. Из очков, жалобно брякнув, вылетели разбитые стекла.

— Ну...

— Монеты гну. Пальцами. — парень схлопотал еще одного леца. — Попрошу вот господ заезжих магов превратить тебя в тихое незлобивое животное. Ёжика, например. Или черепаху.

— А сколько тебе нужно? — тихо спросил я, пока никто на нас не смотрел. Почему-то перед этой девчонкой я ощущал личную вину. Будто обманул в чем-то. — Ты не думай, мы с бваной не такие уж и нищие. — она горько усмехнулась и покачала головой.

— Прав Таракан. Извини, что наехала. Сами дураки... Может, и не было никаких сокровищ. Попались, как дети на пустые фантики. — подняла ко мне лицо и улыбнулась. Будто лучик солнца сверкнул. — Не бери в голову, заезжий маг.

— А и вправду, Машенька, зачем столь юной девушке так много денег? — встрял Лумумба. Она только дернула плечом, и отвернулась.

— Для Бабули. — вместо нее ответил Таракан, и почесал затылок. — И как я сразу не сообразил... — Маша обернулась к нему, как ужаленная. На бледном, заострившемся лице остались только огромные, полные боли глаза.

— Замолчи. — она еле сдерживалась, чтобы не кричать. — Это не ваше де-

ло. Это ничье вообще дело, и никого не касается.

— Эх Маха, добрая душа... — грустно улыбнулся Таракан и протянул руку, будто хотел погладить её по голове, но передумал. — Да разве ж Бабуля не нашёл бы денег, если б это помогло?

— Я узнавала. Амулет десять тысяч стоит на черном рынке.

— Нет такого амулета, который ему поможет, дочка. — вздохнул Таракан. — Да если б был, мы бы всей артелью... Не ты одна Бабуле жизнью обязана. Из тех, кто сейчас в охотниках ходит — каждый второй. Думаешь, мы бы на амулет, кабы он был, копейку пожалели?

— Он ни у кого не стал бы просить. — буркнула Маша. — Он и о нашем с Ласточкой плане не знает. — и уставилась себе под ноги. — Только всё хуже ему. Почитай, каждую ночь... А мы ничего не можем, и только соседей по утрам пересчитываем.

И пошла, не замечая, куда ставит ноги.

— Витяй, пригляди. — скомандовал Таракан. — Да смотри у меня — насчет языка. А то я быстро... — парень молча кивнул и бодро поскакал вслед за Машей. — И чтоб до дому довел. — строго крикнул ему в спину Таракан, а потом обернулся к нам.

— Вы насчет парня плохого не думайте. Хороший он. Просто ушибленный малость.

— Из завязавших? — сочувственно спросил наставник.

— Ни-ни! Чистый, аки слеза младенца. Досталось ему только. В детстве.

— В детстве нам всем досталось. — я, не удержавшись, фыркнул. — И чего из этого сенсацию раздувать?

— Ваня. — негромко позвал Лумумба. — тебя тоже в молчаливое тихое животное превратить? В рыбку, например. Золотую.

— Да не надо меня ни во что превращать. Я и сам, кого хочешь... — я вдруг понял, что это начался отходняк. Отвернулся, вздохнул несколько раз, сжав со всей силы кулаки.

Задержались мы здесь. Обычно после работы я стараюсь забиться в какой-нибудь темный уголок на пару часиков. Пока "тот" свет и "этот" вместе не сойдутся.

— Что, плохо? — спросил Лумумба. Ему-то хорошо... Пятнадцать лет оперативником служит, с самого Распыления. Привык. — Ничего, сейчас поедем. — утешил он, и похлопал меня по плечу. Потерпи чуток. И повернулся, как ни в чем ни бывало, к Таракану. — Так что там с Бабулей?

— Проклятый он. Двоедушник. — Таракан смотрел в сторону. — Днем человек, а ночью — зверь дикий, без разума... Хороший мужик. Скольких детей от горькой участи спас. Маша — питомица его. Он их по помойкам да подвалам ищет, приручает — дети, они же что котята, дичают без ласки. Кормит, лечит, обучает... Да, видно, уж недолго осталось. Не выдюжит. Против проклятья не попрешь.

У Лумумбы сделался очень задумчивый взгляд.

— Расскажите, где его найти? — Таракан удивленно поднял бровь.

— Вы же слышали: денег у них нет.

— Ничего. Уверен, мы что-нибудь придумаем. — Таракан долго молчал, будто решая, доверять нам, или нет. — Вы же, я так понимаю, тоже на свой страх и риск воюете? — спросил учитель и окинул взглядом разоренные

окрестности.

— Ох и не простой вы маг, товарищ Лумумба. — Таракан впервые улыбнулся, став лет на десять моложе. — Обещаю содействовать, чем могу.

— А вы — не простой охотник, товарищ Таракан. Обещаю не преминуть воспользоваться вашим содействием. — наставник постучал себя указательным пальцем по кончику носа. Оба рассмеялись, будто старые друзья.

Я незаметно закатил глаза.

— Жалко, что не удалось в вещичках Матери Драконов пошарить. — сетовал Лумумба, когда мы остались наконец-то одни, в нашем номере.

Спать хотелось невероятно. Запыление всегда отнимает много сил. Чувствовал я себя, как осиновый листок, с которого удалили всю мякоть, оставив лишь тончайшие, похожие на сеточку, прожилки.

Но спать было нельзя. Пока вся Пыльца из организма не выведется — ни-ни. Сколько было случаев: отключится человек, а во сне, как известно, себя не контролируешь... А проснется каким-нибудь мальчиком-с-пальчиком в сапогах и с пулеметом. Проще говоря, у каждого свои скелеты в шкафу. И вовсе незачем их оживлять.

Так что, спросив себе ячменного кофе — настоящий, как нам сказали, можно только в "Зеленом Пеликане" найти, у Мадам Елены, — мы с Лумумбой мужественно бдели.

— Думаете, что-то ценное могло попасться? — от скуки поддержал я разговор.

— Прежде всего, хотелось бы взглянуть на её запас Пыльцы.

— Вычислить поставщиков по качеству наркотика?

— В том числе. — кивнул бвана. — А главное, разобраться: откуда у всей этой аферы ноги растут. Над обычными дилерами обязательно должен быть главный. Координатор. — Лумумба, опрокинув в себя остатки мерзкого кофе вскочил, и, по своей привычке, заходил по комнате. — Сам подумай: по всей стране люди пытаются избавиться от наркотика. Ловят распространителей, казнят наркоманов, борются с маганомалиями... Устали, за пятнадцать лет, от вседозволенности. А здесь — тишина, покой и воля! Даже начальник Агентства в ус не дует, тревоги не бьет, депеш в головной офис не строчит. Почему?

— Привыкли, наверное. — пожал я плечами.

— Почему в других местах не привыкли? Почему там, — он неопределенно махнул рукой в потолок, — нас дергают, если кикимора под полом заведется, а здесь, — теперь он потыкал пальцем в пол, — драконы над городом летают, и никто не чешется?

— Ну, говорил же Шаробайко: до Москвы далеко, у них здесь свои законы... А и правда, бвана, чего вы так кипятитесь? Вон, про Мангазею рассказывают: тамошние бароны завели моду Запыленных на службу брать. И боевых берут и природных... Даже у нас, в Москве, за погодой маги следят!

— Ты меня не путай, стажер. — Лумумба затряс головой. — В столице всё под контролем. Хозяевам Мангазеи тоже не резон собственные угодья разорять, они магической силе меру знают. А здесь — он выглянул в окно — всё как-то по-глупому. Анархия, одним словом. Разброд и шатания. Возьми хоть Мать Драконов: колдунье такого уровня, а тем более, Долговечной, были бы рады везде. И у баронов, и у нас в Агентстве. А на что она свой дар тратила? На

мелкий шантаж нищих фермеров. Какой в этом смысл?

— Эх, жалко, угрохали её эти горе-охотнички... — я, зевая, потянулся. — Моя бы воля — шкуры бы с них спустил и на просушку вывесил.

В следующий миг я очутился на полу. Удар был бесконтактным, Лумумба мог это делать одним взмахом брови.

— Объяснить, за что?

— Очень бы хотелось услышать... — буркнул я, потирая копчик.

— Ты, Ваня, не помнишь первых лет после Разлома. А уж жизнь до него — тем более...

Как не помнить! Особенно, до того, как к монахам попал... Детские банды — самые жестокие, ибо дети не отличают добра от зла и не испытывают сочувствия к ближнему, а просто хотят выжить. Я был тогда одним из младших — только что пятый день рождения отпраздновал. Подростки такую мелюзгу и за людей не считали. Чтобы доставались хотя бы объедки, такое делать приходилось... Я потряс головой и зажмурился. Те годы я действительно старался не вспоминать. Иногда, внезапно проснувшись среди ночи, стыдно признаться, начинал плакать. От облегчения, осознания, что я уже вырос, и больше никогда не стану прежним. Маленьким зверенышем по кличке Глист...

— ...Между порядком и хаосом, стояли только они: вот такие вот охотники. — закончил Лумумба не заметив, что я на время отключился.

— Убийцы они. Им мага замочить — что утереться. Извините, бвана, можете превратить меня в гусеницу на этом самом месте, но что охотники — благородные люди, искренне радеющие о благе общества, вы меня не убедите. — на всякий случай я всё-таки отполз подальше. — Возьмите хоть мегеру эту рыжую... От полу — метр с кепкой на коньках, а предоставь ей возможность — вцепится прямо в горло. Зубами. Повернись спиной — всадит нож под лопатку, да еще и карманы обчистит. У них даже имен нет! Таракан, Обрез... Как цепные псы, ей богу.

Лумумба протянул руку, помогая мне встать. Усадил на стул, протянул кружку с кофе, заботливо наполнив её из кофейника. Сел рядом. От кофе явно пахло желудями.

— Ты думаешь, что маги и охотники — по разные стороны баррикад. Одни призваны колдовать, а другие — это самое колдовство пресекать. — крякнув, он расстегнул ремень, снял через голову перевязь с пистолетами и повесил её на спинку кресла. Затем принялся, упираясь пятками, стаскивать сапоги. — Но это не так. Когда-нибудь ты поймешь, что делаем мы одно общее дело.

Я не стал возражать. Может, наставник и прав. Когда-нибудь всё станет как раньше, и все станут счастливы.

Но... Он сам сказал: я уже не помню, как было раньше. До Распыления. И таких, как я — больше. Старики постепенно вымирают, а дети, особенно родившиеся сейчас, не знают другой жизни. Они не могут представить мир без магии. Я не могу.

Утро нас порадовало визитными карточками, их принес управляющий. Мы с Лумумбой, пребывая в куда более приятном расположении духа, чем вчера,

кушали чай.

Похмелье... От любого удовольствия бывает откат, и Пыльца не исключение. Как погано я себя чувствовал вчера — словами не передать. И наша размовка с наставником — следствие банальной ломки. Конфликт отцов и детей вечен. Нужно просто смириться с тем, что мы живем в немного разных временах.

После отдыха, хорошего сна, между нами установились мир и благодать. Было очень покойно сидеть за столом, перед самоваром, вдыхая ароматы свежееиспеченных бубликов и клубничного варенья.

— Ну-ка, глянем... — Лумумба мановением брови приказал подать визитки. — Господин Дуринян, Тигран Аванесович, виноторговец. Приглашает отобедать в ресторации "У Чаши", в два пополудни. Господин Ростопчий, Михайла Потапович, промышленник. Приглашает к себе домой. Адрес прилагается. Господин Цапшель, градоначальник... О! Вот это интересно: контрамарка на две персоны в "Зеленый Пеликан". Концерт-кабаре и ужин в нашу честь.

— В нашу честь? — удивился я.

— Мы нынче знаменитости, Ваня. — Лумумба кивнул на газету, лежащую на том же подносе, что и визитки, и сложенную так, чтобы видна была наша с начальником большая фотография, сделанная прямо на пороге гостиницы. — Спасители города. Победители Драконов. — нараспев прочел учитель. — Как удачно всё складывается: теперь не мы будем искать клиентов, а наоборот. — плеснув в блюдце раскаленного чаю, наставник подул на него и шумно выпил. — Только вот... — отставив чай, он защелкал в воздухе пальцами, будто пытаясь уловить нужные слова. — Одеться бы соответствующе.

— А чем плохи мундиры? — я даже удивился. Очень мне нравилась форма нашего управления: строгий тёмно-зеленый китель с галунами, брюки с золотым кантом, жесткая фуражка с лаковым козырьком...

— Тем, что они — мундиры, садовая твоя голова. — беззлобно ругнулся учитель. — Мы ж теперь совсем другие люди. Факиры. Заклинатели. Мы исполняем желания и дарим волшебство! — я растерялся.

— И... что делать будем? — никогда о себе не думал, как о факире и заклинателе.

Лумумба уже тянул вышитый бисером шнур для вызова слуг. Примчался управляющий. Такой же набриолиненный во всех местах, как и вчера. Бвана критически оглядел его малиновый бархатный пиджак, чесучовые модные галифе, лаковые, пускающие зеркальные блики, узконосые ботиночки...

— А скажите мне, любезнейший, где можно раздобыть вот такой же дивный лапсердак? Нас тут, понимаете, в гости пригласили, а мы — с дороги, не подготовившись...

— Осмелюсь спросить-с, к кому приглашены господа маги?

— В... Зеленый Пеликан, так, кажется? — бвана небрежно бросил на стол визитку, всю заляпанную золочеными завитушками.

— О-о-о, к Мадам Елене? — тонко улыбнулся управляющий. — К Мадам Елене господа одеваются только в парадное. Фрак, пластрон, гвоздика в петлице. Всё это можно найти в торговом доме господина Ростопчия...

— Никаких гвоздик. — Лумумба бросил в руки управителя пухлый бумажник. — Только орхидеи. Желательно, черные. Гулять, так гулять.

Глава 8

Иван

— **Ч**увствую себя не в своей тарелке. — буркнул я недовольно.
— Привыкай. — отмахнулся важный, как павлин на заседании городской комиссии, Лумумба. — Для настоящего оперативника не существует чужих тарелок.

— Вам-то хорошо. На вас-то вон, костюмчик как влитой сидит.

Драгоценный учитель выглядел, как принц крови. Роскошный шелковый бант подпирал благородные бакенбарды, а орхидея в петлице благоухала так, что хотелось открыть форточку. На меня же фрака не нашлось. Только пронзительный, как небесная синь, камзол, расшитый золотым позументом, и — позор на мою рыжую бедовую голову, — панталоны, схваченные у колен серебряными бриллиантовыми пряжками.

В сотый раз я нервно провел ладонями по штанинам и пошевелил плечами. Уверен: одно неосторожное движение, и бархат лопнет по всем швам.

— Да не возись ты! — приказал Лумумба. — Кто ж виноват, что на тебя ни один фрак не налез? Радуйся, что хоть это было. Портной сказал, от прошлогоднего карнавала осталось: заказал один молодчик, да так и не забрал — убили его раньше...

— Вот уж славно! Обрядили, как клоуна, да еще и в покойничьи шмотки. Спасибо вам, бвана, по гроб жизни, век воли не видать... — получив подзатыльник, я обиделся и запыхтел.

— Не ёрничай. Да не чешись! Дамы, знаешь ли, не выносят, когда при них чешутся.

— Пряжки под коленями жмут.

— Ничего, потерпишь. И в носу ковырять не смей.

Я в сердцах отвернулся. Мало того, что обрядили, как лакея, дак еще и носом тычут.

— Извини. — через пару минут наставник легонько похлопал меня по коленке. — Волнуюсь я что-то.

— Опять предчувствие? — предчувствия Лумумбы обычно не предвещали ничего хорошего.

— Да не то что бы... — он слегка, чтобы не помять фрак, пожал плечами. — Так, соображения некоторые. Ты, главное, не расслабляйся. Мало ли что.

В первый миг, войдя в заведение Мадам Елены, я был ослеплен.

Зеркала. Над зеркалами — хрусталя. Меж них — плюшевые шторы с кистями. Паркет натерт так, что глаза слепнут. В дальнем конце — возвышение, прикрытое до времени малиновым занавесом. Фонтан, устроенный посреди зала, выбрасывает хрустальные струи под самый потолок. Столы так и ломаются от всяческой яств. За ними сидят господа. И дамы.

Глаза у меня и вовсе на лоб полезли: в нашей скудной армейской жизни о том, что такие дамы на свете водятся, я и помыслить не мог. Бриллианты, голые плечи, глубокие эти... как их... декольте. Все титьки наружу. И не стесняются совсем! У одной в разрезе юбки видно, где кончается чулок в сеточку и начинается... О-бал-деть, одним словом.

Лумумба незаметно толкнул меня в бок.

— Ваня, не пялься так откровенно.

— Извините, бвана. Не могу удержаться: такие дамы...

— Это, стажер, не дамы.

— Ну женщины...

— И не женщины. Это шлюхи, Вань. Дамы в такие заведения не ходят. Но имей в виду: вести себя с ними нужно, как с дамами.

— О...

— Ничего, разберешься. Главное, поменьше пялься и руки не распускай. На развлечения денег нет.

Через весь зал, лавируя среди белоснежных столов, к нам плыла... Вот точно не шлюха. Высокая, с черными, коротко завитыми волосами. Изумрудное, словно из змеиной чешуи, платье обливает фигуру, как дорогое вино. На шее, в ушах и на запястьях благородно и тускло поблескивают золотые кольца.

Она улыбнулась большим красивым ртом и сказала:

— Добро пожаловать в моё заведение.

Наставник, не растерявшись, щелкнул каблуками и склонился к шелковой черной перчатке. Я же стоял столбом, забыв все наставления учителя. Голос у нее был... Вот если золотую ложечку погрузить в банку с медом и медленно так, тягуче помешивать — он самый и будет. А когда она вспорхнула ресницами, будто крылышками, меня аж током пронзило. Откуда-то из живота начал распространяться жар, и я испугался, как бы он не дошел до щек: то-то сраму не оберешься...

— Василий Лумумба. — отрекомендовался учитель. — К вашим услугам. А это — мой ассистент. — он небрежно кивнул в мою сторону и незаметно пнул по туфле. Я спохватился и, копируя наставника, клюнул протянутую перчатку. Пахла она... Не знаю. Чем-то таким знакомым. Терпким и как будто жгучим. Лилии и кайенский перец?

— Иван. — я чуть не дал петуха. — Иван Спаситель. Т-тоже к вашим услугам.

— Какая прелесть. — она улыбнулась большим красивым ртом. — А я Мадам Елена. — и подмигнула. Ей богу, не вру!

— А! Я так понимаю, наши герои! — к нашей компании приблизился лощеный и прямой, как циркуль, господин. Он тоже был во фраке — тканью получше чуток, чем у наставника, но сидящем, как шинель на вешалке. Он схватил Лумумбину ладонь и затряс, проникновенно глядя тому в глаза. — Премного благодарен. Даже, можно сказать, обязан. Потрясен. Впечатлен. Восхищен. — всё это время он тряс. Наконец учитель осторожно извлек у долговязого свою конечность и вопросительно приподнял бровь. — О! Где мои манеры... — господин, прижав руки к бокам, поклонился. — Кнут Гамсунович Цаппель. Градоначальник.

Я чуть не закатил глаза. Казалось, эти реверансы никогда не кончатся. А жрать хочется! И тянет по залу тушеной в орехах курицей, и свиными эскалопами, и, черт меня побери, дорогими шампанскими винами; и где-то уже начинает играть музыка и занавес колеблется призывно и завлекательно...

А мы до сих пор стоим в дверях и кланяемся, как болванчики.

— Господа! — фальцетом вдруг взревел Цаппель, роняя монокль. — Прошу за наш столик. — и он зашептал Мадам почти что на ухо: — Леночка, душенька... не возражаешь, если я сам займусь господами? Вот и славно, вот и договорились... А я уж тебе, как всегда... я уж...

Улыбнувшись нам еще раз, Мадам Елена равнодушно глянула на градоначальника — лысина у того покрылась мелкими бисеринками пота — и неторопливо удалилась. И это было отдельное зрелище! Спины у её платья не было вообще, кожа аж светилась, а бедра двигались в таком ритме, что...

Меня вновь толкнули в бок.

— Не зевай, стажер! — подмигнул Лумумба. — Предчувствия меня не обманули...

Через несколько минут мы наконец были представлены и усажены за самый большой и роскошно убранный стол. Публика подобралась заочно знакомая: тут были и упомянутый Шаробайкой господин Дуринян — чем-то смахивающий на нашего гостиничного управляющего набриолиненный хлыщ в шелковом пиджачке и рубашке с бриллиантовыми запонками. И господин Ростопчий — мужчина, напротив, основательный и крупный. Кабаньи щеки его отливали апоплексическим румянцем, маленькие глазки смотрели недоверчиво и настороженно, а могучая шея высвобождена из черного галстука, — его хвостики уныло свисали на крахмальную грудь. Располагался Ростопчий вольготно и широко — видно, при своих габаритах никогда не чувствовал себя слоном в посудной лавке...

Дальше сидел еще один. Представился, как Ян Живчик. Говорил он по-русски с еле заметным, очень мягким акцентом. Волосы имел золотые и кудрявые, но видно, что редующие на темени и у лба, глаза голубые, но мутные от выпитого — перед блондином на столе стоял хрустальный графин, на дне которого едва плескалось что-то густое и почти черное. Фрачок на нем был заваленный, рубашка несвежая, а руки с длинными нервными пальцами постоянно пребывали в беспокойном движении, как у карточного шулера.

Странно было вот что: он явно не вписывался в компанию блестящих богачей, торча меж них, будто редька среди благородных роз. Но, тем не менее, когда он что-нибудь говорил, все замолкали, несмотря на слегка пьяное заплетание языка. Вот он обратился к Дуриняну, и армянин тут же почтительно наклонился ближе, а затем во весь голос расхохотался, будто услышал уморительнейшую шутку. А в следующий момент блондинчик через стол доказывал что-то фон Цаппелю, и тот, склоняя благородные седины, кивал острым носом... Дамы, сидящие за столом, но нам почему-то не представленные, обращались к блондинчику запросто, называя Янеком, и всё время хихикали.

Один Ростопчий в этом царстве всеобщего веселья был будто угнетен. Когда блондин обращал на него внимание, гигант только невразумительно рычал, демонстративно напихивал в рот что попадет с тарелки и яростно жевал, не вступая в прения. Чем-то ему Живчик, в отличие от других, не нравился.

Лумумба блистал. Сверкая белозубой улыбкой, он рассказывал анекдоты дамам, подливал вина в бокал градоначальника, так же, как Дуринян, хохотал над неуклюжими остротами Янека... Потом учитель принялся рассказывать, что такое настоящий африканский бокор.

— Вот умер, например, ваш богатый, а потому горячо любимый дядюш-

ка. — вещал он проникающим в душу басом. — А завещания не оставил. Тяжба меж наследников может затянуться на многие годы, поглотив немалую часть состояния... Как быть? — он небрежно глотнул вина, — Конечно же, пригласить меня! Я поднимаю усопшего дядюшку и задаю ему вопрос, интересующий скорбящих наследников. Дядюшка отвечает — сия юдоль скорби ему уже до лампочки, и он быстренько, не чинясь, озвучивает завещание в присутствии понятых и стряпчего... Вуаля! Все довольны.

Янек, недовольный тем, что внимание переключилось с него на нового фаворита, презрительно фыркает.

— Или вот еще случай... — не обращая на него внимания, продолжает наставник. — Хочет уважаемый всеми коммерсант избавиться от конкурента...

— Всё это ерунда. — вдруг чеканит Живчик и обводит стол помутневшим взором. — Зомби-шмомби, порчи с приворотами... Бабкины сказки. А вот я... — он поднимается, шатаясь и держась одной рукой за спинку стула. Из кончиков пальцев у него вырывается здоровенный язык пламени, все пригибаются. Дамы возмущенно пищат, у одной из них загорается перо в прическе...

— Впечатляет. — спокойно говорит Лумумба, осторожно изымая перо из волос у дамы и макая его в стакан с водой. — Нет, правда... Вы молодец. Только с контролем нужно поработать. — хладнокровно достает сигару и, в свою очередь, вызвав тонкий и четкий, как у газовой горелки, язык, прикуривает.

На этот раз стол аплодирует.

Янек пыжится и пытается совершить еще какой-то пасс, но тут подлетает Мадам Елена и, взяв его под локоток, начинает что-то шептать. Янек обреченно вникает. Затем кивает и выходит из-за стола.

— Извините за причиненные неудобства. — говорит, улыбаясь, Мадам. — Я распоряжусь насчет шампанского... — и пытается увести Янека.

Тот упрямится. Вырывая руку, он стремится рухнуть на своё место, но Елена, не отпуская, тянет его в сторону. Наконец Пьяного удается посадить за соседний стол.

Янек как будто успокаивается. Он сидит, бессильно откинувшись на спинку, заломив одну руку назад, и вытянув ноги. Глаза его томно прикрыты, и теперь видно, как он плохо выбрит: по подбородку расходится неровная синевка...

Хозяйка кивает лакею, тот исчезает и возвращается с полным подносом всякой всячины. Быстро и умело накрывает стол: лафитничек, селедочку, посыпанную зеленым лучком, картошечку, исходящую масляным, прозрачным паром... Мадам Елена наливает по рюмочке и они с Янеком, чокнувшись, как старые приятели, выпивают вместе.

Затем Мадам, клюнув блондинчика в щеку, уходит, покачивая бедрами, а на сцене вдруг задергивается занавес. Звучит бодрая музыка, из дальних кулис с игривыми визгами выскакивают девушки в коротеньких юбочках и перьях и начинают дрыгать затынутыми в черную сетку ногами. Публика оживляется. Мужчины похохатывают в такт и подкручивают усы, лакеи, молодецки выпятив ливрейные груди, снуют меж столиков, фонтан выбрасывает в воздух хрустальные струи — словом, веселье набирает обороты.

И тут, застав девушек с вскинутыми над сценой ногами, раздаётся пронзительный вопль. Кричит Янек.

— Елена! — кричит он так, что музыканты, взяв несколько нестройных нот, смущенно замолкают. — А ведь я тебя предупреждал! Я говорил тебе не водиться с этой шушерой! — Янек, пошатываясь, вновь воздвигается над стулом. — И моё терпение на исходе! — каждую фразу он выкрикивает визгливым, надтреснутым фальцетом. — Ты пожалеешь, Елена, что не слушала меня! — та уже спешила с дальнего конца зала, но дело было сделано: все присутствующие с любопытством ожидали новых выкриков. И они последовали.

— Все сволочи! — орал Янек, указывая поочередно то на Дуриняна, то на Цапшеля или Ростопчия. — И ты, и ты, и ты тоже... Коньяк! — он фыркнул в рюмку, как морж. — Ну какой же это коньяк? Так, видимость одна. Уж я-то знаю. Всё-о-о про вас знаю... И повернулся к подошедшей Елене. — Ах ты, змея...

На мгновение нам перекрыло вид на Живчика спиной дюжего лакея, а в следующий миг он уже сидел на своём стуле и скорбно смотрел в рюмку. С носу у него, по-моему, капало.

Постепенно о Янеке забывают. Возобновляется гул разговоров, стук вилок и ножей. Мой аппетит, пропавший было от смущения, возвращается с новыми силами. Сгрузив себе в тарелку сразу три отбивных, я почувствовал себя счастливым. А еще были фаршированные раковыми шейками яйца, паюсная икра, обложенная салатным листом, маленькие такие бутербродики с зелеными невкусными сливами на палочках, и варенье из печени. Наставник на мои восторги долго смеялся, а потом, слава богу, просветил, что никакое это не варенье, а фуа-гра, а невкусные сливы — оливки...

Словом, оторвался я по полной. Учитель не мешал. Только изредка по-отечески похлопывал по плечу да подливал клюквенного морсу вместо вина. А чего? В Москве мы, конечно, не голодаем, но таких разносолов нет. Всё больше макароны и тушенка с армейских складов...

Девушки на эстраде отплясали — мне лично очень понравилось; за ними вышел бледный клетчатый хлыщ в беретке и почитал стихи. Я не прислушивался, но Лумумба несколько раз кивнул одобрительно и даже милостиво похлопал в конце.

Потом на сцену выкатили сверкающий, как айсберг, рояль. Все оживились и притихли. Свет погас, оставив только желтый круг рядом с роялем, за которым уже сидел тот самый хлыщ со стихами, а в круге явилась... Мадам Елена собственной персоной! На ней было что-то сверкающее, как рыба чешуя, облегающее — никакого простора для фантазии, ей богу, сверху совсем прозрачное, а к низу падающее шуршащими волнами. Откуда ни возмись перед алыми губами возник микрофон, и она запела. Причем, не по-русски, а по-английски.

Не знаю... То ли стадо медведей, что пробежалось по моим ушам, давно в диких лесах сгнуло, то ли я вообще человек для музыки неподходящий... Лично мне кажется так: девчонки перьях куда как круче.

И вдруг песню разрывает душераздирающий визг. Я обрадовался ему, как родному: есть повод прекратить эту иностранную тягомотину. Видно опять Янеку что-то не понравилось.

Пока включили свет, пока разобрались, кто кричал... Оказалось, официант-

ка.

Живчик был мертв. При включенном свете стало видно, что под стулом скопилась немаленькая лужа крови, а в спину его — это выяснилось при ближайшем осмотре — прямо через плетеную спинку, был воткнут нож для колки льда, по самую рукоятку.

Мы с Лумумбой одновременно посмотрели на часы: два пополуночи. Ближе подойти не стали. Я было хотел, но учитель вовремя дернул меня за рукав.

Кордебалет разбежался. Мадам Елена, спустившись со сцены, была бледна, но держалась. Дуринян, так заливисто смеявшийся над шутками Янека, меланхолично сидел за столом и крошил на скатерть корочку хлеба. Цаппель кудахтал и, как петух, хлопал себя руками по бокам. Ростопчий, пробасив "собаке собачья смерть", бросил салфетку и гордо двинулся к выходу, но столкнулся с человеком в черной форме с погонами и фуражке.

Форменный человек обладал гладко выбритый, выдвинутой вперед челюстью, стальными и узкими, как танковые амбразуры, глазами, и большим, хищно шевелящимся носом. Ни мало не смуглившись, он впихнул Ростопчия обратно в зал, захлопнул двери и, приставив к ним двух бульдогов в таких же, как у себя, черных мундирах, гаркнул:

— Всем оставаться на своих местах!

Мы расселись. А что? Развлечение предстояло не хуже прежнего...

— Наверное, Мадам Елена вызвала. — шепнул фон Цаппель. — Какое несчастье, ай-ай-ай... Это наш полицеймейстер, Отто Штык. Служака, но дело знает. — он покосился на мертвого Янека. — Прямо в заведении, при всем честном народе... Какой удар по репутации. Бедняжка Елена...

Отпустили нас уже на рассвете. Я клевал носом и чувствовал себя, как морковь вареная. Но бессердечный Лумумба объявил: раз уже утро — ложиться смысла нет. Наставника распирала кипучая энергия. Громким трезвоном шнурка предупредив прислугу, он сгонял полового за самоваром и бубликами и, вольготно раскинувшись на софе в парчовом халате и с трубкой в зубах, возвестил: — продолжаем разговор! Я осоловело моргнул.

— К-какой разговор? — по дороге в гостиницу мы не проронили ни слова.

— С нашего приезда случилось три убийства. Тебе это не кажется чересчур, молодой падаван?

— Откуда я знаю? — с появлением самовара я оживился. — Может, это у них в порядке вещей...

— Не скажи! — устроившись за столом, наставник налил себе и мне чаю. — Ты обратил внимание, с каким рвением приступил к расследованию уважаемый полицеймейстер? Прямо душа радуется!

— Ну, хоть кто-то в этом сонном царстве относится серьезно к своим обязанностям... — буркнул я и подсел к столу. От бубликов шел такой аромат, что слюнки текли.

— Да, это, конечно, отрадно. Но тем не менее: судя по реакции гостей, к такому здесь не привыкли. Обычная уголовщина, в отличие от сказочных превращений, местной публике в диковинку. Штык так суетился потому, что наконец-то смог проявить себя. Ведь маганомалии — не его епархия, там должен звездить Шаробайко.

— Ага... я усмехнулся. — Может, и должен, но не обязан. Помните, бвана, как он отреагировал на смерть Кукиша.

— Так ведь и я об том же! — Лумумба выбил трубку и со смаком укусил бублик. — маганомалии здесь на каждом, почитай, шагу, а вот банальное убийство шокирует.

— Как вы думаете, кто это? — спросил я. — Мы-то, разумеется, ни при чем...

— Не скажи, друг ситный! — бвана довольно улыбнулся. — По мнению Отто Штыка, полицеймейстера, мы с тобой очень даже причём!

— У нас мотива нет.

— Это знаем только мы. Ростопчий, например, во всеуслышанье заявил, что маги — одна шайка-лейка, и искать убийцу надо среди них. А Дуринян добавил, что Живчик приехал в город совсем недавно. Так же, как и мы... Ты на пальчики его внимание обратил?

— Шулерские пальчики. Самые, что ни на есть. Он всё время будто колоду перебрасывал.

— И что-то он такое знал. — Лумумба обмакнул бублик в мед. Помнишь, как он тыкал пальцем то в одного, то в другого...

— Да он и в нас с вами тыкал! Хотя мы-то его в первый раз видели.

— Очевидно, покойный оказывал услуги магического характера, и испугался что мы перехватим клиентуру. Естественно, он оказался в курсе многих городских тайн.

— И, когда нависла угроза разоблачения...

— Скорее всего, убийца просто запаниковал. Действовать нужно было немедленно — кто знает, что пьяному придет в голову в следующий миг? Орудием послужил нож для колки льда...

— В баре таких несколько штук, я сам видел.

— Вот именно. И валялись они без всякого присмотра.

— Это мог быть кто угодно: хоть гость, хоть кто-то из прислуги...

— Лакей мог быть подкуплен. — кивнул наставник.

— А что, сам он не мог иметь зуб на Янека?

— Служивые люди обычно действуют не так. В тёмном переулке, кирпичом по башке... или ребра переломать — тоже милое дело. Но чтоб с таким размахом и риском? Вряд ли. Выяснив, кто убил Янека, мы, скорее всего, выйдем на дилера Пыльцы!

— Предчувствие? — я понимающе улыбнулся.

— Элементарная дедукция. Кукишу тоже заткнули рот — как и ему. А Лёня как раз и хотел рассказать о Пыльце...

— Вы сказали, три убийства.

— А про Мать Драконов ты забыл? Её ведь тоже застрелили.

— Но она...

— Точно знала, где взять наркотик. С её силой, думаю, девушка жрала Пыльцу ложками. Возможно, она и подалась в эти края с таким расчетом: быть поближе к источнику.

— Значит, вы думаете, что охотники тоже замешаны?

Учитель поморщился.

— Не уверен. Не того типа человеком мне показался Таракан... Но — всему своё время. А пока... — Лумумба, дотянувшись до шнурка, дернул что есть мочи. Раздался оглушительный трезвон, и, не успели мы прочистить уши, как

примчался управляющий.

— А скажите, любезнейший: где в вашем городе можно раздобыть Пыльцы? — с места в карьер спросил Лумумба.

Я подавился чаем.

Несколько минут ушло на то, чтобы привести меня в чувство. Управляющий заботливо похлопал по спине, дал салфетку, вытер разбрызганные по скатерти слюны и только потом осторожно сказал:

— Вообще-то, торговать Пыльцой запрещено законом.

— Вот ведь незадача! — всплеснул руками наставник. — А мы-то как раз поиздержались... И вот ирония судьбы: маги — я имею в виду, лицензированные маги, имеющие спецразрешение употреблять Пыльцу и делающие это без всякого вреда для здоровья — есть, а точек, где они могли бы искомое приобрести — нет.

Управляющий скорчил сочувственную мину.

— При всем моём уважении... Вы же понимаете, я могу лишиться места... Но, раз уж вы "лицензированные" маги, и можете предъявить "разрешение"... Могу поделиться одной сказкой, имеющей хождение в нашем городе. — и он кинул косой взгляд на Лумумбу.

— Делитесь. — решил наставник. — Мы никому не скажем.

— Ходит один слух... — управляющий подошел к двери и осторожно выглянул. Затем прикрыл её поплотнее и, вернувшись, зачастил: — ходит слух, что распространяет наркотики без всякого счета и по совершенно сходной цене, некая Баба Яга.

— Так... — поощрил его Лумумба, ибо слуга вновь замолчал. — И где её найти?

— Нигде. Нужно просто пойти ночью на кладбище и встать там, среди могил. Три раза хлопнуть в ладоши, три раза притопнуть, обернуться трижды вокруг себя и сказать: — Без ковша пришел. Там же, под ближайшим надгробием, оставить деньги и спокойно идти домой. Пакет с Пыльцой, как правило, уже ждет.

Действительно, всё предельно просто. Никто никого не видит, куда деваются деньги — неизвестно, и как поступает товар — тоже. Наверняка, действует по типу Нити Ариадны: есть привязка к месту — то бишь, кладбищу, вербальное воздействие и движения активизируют заклинание, и всё шито-крыто. Любой может отмазаться: гулял, мол, на чистом воздухе...

— Ну что ж... — довольно потер руки наставник, когда управляющий удалился. — Остается проверить, хорошо ли работает система доставки Бабы Яги.

— Как? — с интересом спросил я. И тут же об этом пожалел.

— Как это как? — возмутился Лумумба. — Конечно же, отправить тебя на кладбище.

Глава 9

Иван

— Ну почему именно я должен идти на кладбище? — Потому что ты — помощник. — с ангельским терпением пояснял Лумумба. — Будет неправдоподобно, если среди могил начнет рыскать великий маг и некромант, собственной персоной. Не по статусу. Да и подозрительно зело... Особенно, после моих рассказов про зомби.

— А вдруг я чего-то не замечу? Вдруг не уловлю тонкие вибрации?

Честно говоря, идти на кладбище, ночью, одному — страсть как не хотелось. Но так же я прекрасно понимал, что придется. В некоторых случаях Лумумба бывал совершенно неумолим. Не признаваться же, что я до смерти боюсь покойников. То есть, обыкновенных мертвецов — убитых там, или умерших от какой болезни, но еще свеженьких — сколько угодно. Но тех, кто немалое время пролежал в сырой земле... Чур, чур, оборони великий макаронный монстр!

— Кончай сопли распускать. — беззлобно ругнулся Лумумба и зевнул во весь рот.

Днем мы поспать не успели. В гостиницу приперся городской и два часа скрупулезно расспрашивал. Казалось бы: ну какая ему разница, где мы были до того, как приехать в их замечательный город, да чем там, где были, занимались? И что привело нас сюда, и по какой причине проявили альтруизм в борьбе с Матерью Драконов, да поминутно — где, чего, сколько, как... измотал почти до смерти.

После всего я охотней отправился бы в свою комнату — не такую роскошную, как у наставника, но зато с пуховой периной.

— Фонарик хоть бы дали. — канючил я, с тревогой выглядывая в окошко. Так и знал: сплошные тучи. При моей невезучести все шишки соберу. — Знаю, есть у вас...

— Обойдётся. — обрубил Лумумба. — примешь дозу и сам будешь, как фонарик. Народ только не пугай...

Я немного приободрился. Доза — это хорошо. Это повышает шансы. Со стороны учителя — неслыханная щедрость разрешить вторую дозу за неполных трое суток. Обычно он предпочитал обходиться подручными средствами. Да и меня, что греха таить, приучил не полагаться только на магию.

Так что сейчас я испытывал двойственные чувства: с одной стороны — с дозой оно как-то спокойней, с другой — раз наставник решил на столь радикальный шаг, дело ожидается серьезное.

— И не разбрасывайся. — предупредил он. — Пыльца тебе нужна для того, чтоб ухватить начало заклинания. Я же, находясь здесь, в гостинице, поймаю его конец. Затем смотаем клубок и — дело в шляпе. — выглядел драгоценный учитель тревожно. Будто и сам не хотел меня отпускать, но другого выхода не видел.

— Ты пойми. Если пойду я — это его спугнет. — тихонько добавил Лумумба. — И тогда придется искать по-плохому... А мы же этого не любим, правда?

— Да понимаю я. — натянув куртку и самые плотные свои джинсы, я за-

шнуровывал ботинки. — Вы, опять же, опытней... В случае чего — схватите дилера, и вся недолга!

— Сплюнь. А то сглазишь.

— Тьфу, тьфу, тьфу.

Лумумба осмотрел меня, похлопал по спине, и протянул таблетку.

— Дорогу помнишь?

— Надеюсь...

Как дойти до кладбища, выяснили у того же управляющего, чтоб не впутывать лишних людей. Он даже план на бумажке нарисовал, на вид — ничего сложного. Выйти к реке, перейти на другую сторону по мосту, затем мимо яблоневых садов, мимо разрушенной церкви, а там — и кладбище.

— Ну... ни пуха, ни пера! — напутствовал бвана.

— Раминь.

По городу я пробирался, почитай, ощупью. Темень была страшная: ни зги видно. Натыкаясь то на фонарные, но почему-то потушенные, столбы, то на стены, выложенные крошащимся под пальцами кирпичом, я брел, как слепой, на едва слышимый шепот реки.

— Вот выберусь на берег, — надеялся я, — тогда и сориентируюсь...

Один раз забрел на пустырь, весь заросший ржавыми, злобно скрипящими кустами — насилу выбрался, весь исколовшись; в другой — нарвался на бродячего пса. Пес был странный. Подозрительно щуря желтые светящиеся глаза, он молча проводил меня до самого моста, и только там отстал, не захотев переходить, видимо, через воду... Я прикинул: уж не соглядатай ли это Бабы Яги? Вполне может быть. Но тратить Пыльцу, чтоб взглянуть на него через Навь, я не стал. Смотрит — и пусть его. Собак я не боюсь.

Пока искал мост, думал вот о чем. В жизни, конечно, всякое бывает, но молодые маги больше питают пристрастие ко всяким там Авада Кедавра, Экспекто Патронум и Коллопортус. Старшее, более солидное поколение, предпочитает синдарин или квэнью, на худой конец — Мордорский язык.

В академии мы изучали все ведущие направления. Старшую Эдду, Калевалу, Гомера... Лумумба, например, вёл семинар по мифологии африканских народов. А каталог самых популярных маганомалий так вообще заучивали наизусть.

Наш же кудесник, получается, питает искреннее расположение к русским сказкам. Козлик-Кукиш, Баба Яга, "Без ковша пришел"... это, кажется, из Бажова. Хозяйка медной горы. Наставник его так и окрестил: Сказочник.

Как только я взошел на мост и почувал под собой реку — медленную, тягучую, как патока, — из-за туч показалась луна. Мир в миг преобразился. Будто в небе раскинули тонкий светящийся полог, в свете которого стали видны каждая балясина на широком, как дорога, мосту, и могучие дубы на той стороне, и кусты раkitника над водой, и лодки, привязанные у пристани. Высыпали звезды — казалось, что черную бархатную материю вдруг истыкали иглой, и с той стороны, с изнанки, пробивается небесный свет.

Я невольно заслонил глаза: на волне эйфории, подхватившей меня после приема Пыльцы, показалось, что иглы звездных лучей имеют ледяную твер-

дость и если какой угодит в глаз — тот сразу ослепнет.

Идя по мосту, я слышал, как скрипит каждая половица деревянного настила, как шуршат под ним камушки и пересыпаются песчинки. Мир разделился: Правь стала ясной, светлой — дубы впереди были будто живые, я мог почувствовать все листочки и зеленые еще, с твердыми, липкими шляпками, желуди. Навь же текла и постоянно изменялась, как река под мостом. Чернильные извивы её вихрились, а звезды вдруг превратились в огненные колеса, от которых расходились желтые светлые круги. Меж огненных колес летали бледные эфирные духи.

Под звездами, в тихой, безмолвной дали, спало старое кладбище...

С тревогой подходил я к погосту. Ноги будто сами отказывались идти, цепляясь одна за другую, будто кто-то, из озорства, связал мне шнурки. Сердце в груди надрывалось, разгоняя ленивую кровь, а глаза, совершенно независимо от моего желания, пытались смотреть сразу во все стороны — как у экзотического зверька хамелеона.

В эту минуту, глядя на огненные колеса вместо звезд и черные пламенники вместо деревьев, я всерьез пожалел, что вмазался. Страшно мне было точно так же, как и без Пыльцы. И еще не факт, что я сумею различить в этом хаосе то, что нужно...

Ветка под ногой треснула оглушительно, я от неожиданности подпрыгнул, а совсем рядом, из-под черного надгробного камня, поднялся призрак. Борода до пупа, ногти, серые и завитые, словно проволока, скребут землю. Узрев меня слепыми бельмами, он глухо застонал: — Душно мне, душно!

Я шарахнулся, но от другой могилы тоже вставал призрак, и, таким же заунывным манером, как и первый, заорал: — Душно мне, душно...

Я, ни жив ни мертв, шагнул к следующей могиле — и снова здорово! Всем призракам почему-то вдруг стало неуютно в могилах, и об этом они решили поведать именно мне, горемычному.

И как прикажете работать, когда над ухом беспрестанно орут?

Увернувшись от очередного призрака, я угодил прямоком в того, который висел за спиной. Сердце схватила ледяная рука и стала давить. Перед глазами поплыла мертвенная зелень. Я задергался что есть мочи, но призрак не отпускал. Всхлипывая, он шарил руками у меня в груди и плотоядно приговаривал: — Отдай моё сердце, отдай моё сердце... Тела я уже не чувствовал, только одну лишь боль.

Вдруг промелькнула какая-то тень. Крупная, как волк, она метнулась сбоку, отсекая меня от призрака. Почувствовав облегчение, я упал на колени и наконец смог вздохнуть.

Дальше шел, внимательно следя, чтоб не наступать на могилы, хотя это и было нелегко: кладбище было тесное и погосты перекрывали друг друга. Многие кресты покосились, некоторые вовсе были повалены, и угадывались в густой траве только по светящимся в Нави призракам. Под надгробными плитами поскрипывали истлевшие гробы, а кости в них, заслышав мою поступь, начинали пританцовывать, собираться в скелеты, и пытаться вырыться наружу.

Вдобавок откуда-то прилетела сова, и стала кружить над головой, издавая

временами тянущие за душу, тоскливые крики. Я запустил в нее палкой — не со зла, а так, пугануть, но промахнулся. Вредная птица только издевательски захохотала и прицельно какнула мне на плечо. Да что ж это такое! Честный человек пришел на кладбище с вполне ясной целью, а ему во всю мешают...

Сорвав пучок травы и кое-как оттерев совиные художества — воняло всё равно премерзко, — я наконец нашел более-менее пустой пятак и встал посередине. Воздел руки для хлопка, но передумал, и, упершись одной ногой в землю, стал, приволакивая другую, чертить круг. Начертил, замкнул кольцо — в Нави оно тут же успокоительно засветилось, — и только тогда, удовлетворенно кивнув, приступил к ритуалу. Совершил, как велено было, три круга и, замерев, прислушался.

Ничего...

В теории, я должен был ухватить свой конец колдовской нити, и, сматывая её в клубок, идти, куда она поведет. Лумумба, Как только появится посылка с Пыльцой, должен был проделать то же самое. Таким образом, встретиться мы должны были аккуратно у того, кто эту нить прядет. Но это — в теории.

Взяв себя в руки, я проделал ритуал еще раз, придавая каждому хлопку, слову и топанию особый смысл. Замер. Прислушался.

Ничего.

Сова, паршивка, уселась на надгробие в паре метров от меня. Как только я начинал топать и поворачиваться вокруг себя, она хлопала крыльями, раззевала клюв и беззвучно хихикала. Я показал ей язык. Хоть в Прави, хоть в Нави, было видно, что птица она — самая обыкновенная, ни к какому колдовству отношения не имеющая. Просто характер склочный.

Чувствуя себя последним дураком, я начал всё с начала. Его макароннейшее величие, как говаривал отец Дуршлаг, усердие любит. Оттопал, отхлопал, открутился, и, восстановив равновесие, принялся вглядываться в кладбищенскую тьму. Перед глазами немножко рябило, но это, я думаю, от излишнего рвения.

Ничего, никого... Даже сова улетела.

Плюнув в сердцах, я уже собрался хлопать в четвертый раз, как услышал позади себя:

— Привет.

Подскочив на полметра, потом запнувшись о корень, я вывалился из круга. Путаясь в ногах и руках, неуклюже отклячив задницу, заполз назад, восстановил поврежденную линию и только потом обернулся.

Рядом стояла девушка. Невысокая, чернявая — коса, толстая, как полено, была перекинута на грудь и кокетливо перевязана зеленым бантиком. Глаза у нее тоже были зеленые, прозрачные, а брови густые, вразлет. Губы сложены в лукавую улыбку. Одета она была в зеленую брезентовую ветровку, такие же штаны и красные резиновые сапожки. Всё это я ухватил одним взглядом, за мгновение, пока приосанивался, одергивая куртку и стараясь встать так, чтобы не было видно совиного пятна на плече.

В Нави девушка смотрелась несколько не так, как в Прави, но это меня не насторожило: все в Том свете кажутся иными. От человека зависит... Мой на-

ставник, например, выглядел, как огромный, королевских расцветок, ягуар.

— Здрас-сте! — наконец проблеял я и сделал шаг навстречу девушке. Та отстранилась, будто ветерком плавно подуло.

— За Пыльцой? — сочувственно спросила она.

— За ней. Только вот не получается что-то.

— А денежку ты положил? — хитро сверкнула глазами девица.

Я хлопнул себя по лбу, заодно лишив жизни парочку комаров.

— М-мать! Совсем забыл. Д-дубина...

— Ничего, это лечится. — утешила девушка. — Меня Чернавой звать, а тебя?

— Иван. — я еще ближе шагнул к девушке, та вновь на шагок отступила. Вдруг повеяло стылью, как от давешнего призрака, и я посмотрел под ноги: может, опять на могилку случайно заступил? — Чернава рассмеялась.

— А ты не местный, да?

— С чего ты взяла?

— Местные напролом прут, могилок не обходят, призраков не видят. Скороговоркой выбалтывают, что нужно, деньги под камушек пихают и — домой. За посылкой...

— А ты, значит, часто здесь бываешь? — я кивнул на корзинку в руках Чернавы. В ней, на листе лопуха, было уложено несколько подберезовиков.

— Ага... — она улыбнулась и показала на ближний пригорок: — Присядем? У меня и выпить есть — ночь нынче зябкая.

Я замялся. В гостинице ждет Лумумба, к тому же отходняк начнется довольно скоро, и тогда я просто не увижу клубка... Чернава, мотнув косой, отвернулась. А потом оглянулась через плечо и подмигнула. Я пошел за ней.

Сели. Она вытащила из-под грибов берестяную фляжку и, отпив глоточек и скромно обтерев горлышко, протянула мне.

Потянуло какой-то промозглой сыростью, в воздухе разлился болотный запах. Издалека донесся волчий вой.

— А ведь и вправду похолодало... — подумал я и сделал глоток.

Вкус у напитка был не алкогольный. Угадывались шалфей, подмаренник, одуванчик, еще что-то терпко-неуловимое... Но в глазах почему-то начало двоиться и вдруг зверски, просто никакого терпежу, захотелось спать. Чернава смотрела на меня и улыбалась. В глазах её, тёмных и глубоких, с вертикальными зрачками, отражались звезды...

— Кто ты такая? — хотел спросить я и повалился навзничь в траву. Почувствовал еще, как из рук моих вынимают фляжку, как по телу шарят маленькие проворные руки, извлекая монетки, ключ от номера, другую всячину, что со временем накапливается в карманах... И отключился.

Глава 10

Иван

Разбудил крик петуха. Он прямо таки ввинтился в ухо, заметавшись по черепной коробке, как взбесившийся мяч. Я подскочил, как ошпаренный.

Очумело оглядываясь по сторонам, попытался сообразить, почему нахожусь среди могил, на кладбищенской земле. В локоть впился, как мне показалось, острый сучок, я взвизгнул, отдергивая руку, и увидел петуха. Черного как смоль, с налитым красным гребнем и роскошным разноцветным хвостом.

— Кыш, пернатое! — прикрикнул я на него. — Нечего тут клеваться!

— Ко... — сказал петух и, чуть наклонив голову, иронично уставился на меня круглым глазом.

— Бвана? — от изумления я совершенно пришел в себя. — Что вы здесь делаете? — петух, прикрыв голову крыльями, энергично потряс гребешком. Ну конечно! Как же он ответит...

Я еще раз осмотрелся. В утреннем солнышке кладбище уже не выглядело таким мрачным и зловещим, как ночью. Никто не вздергивался из потревоженных могил, никто не орал заунывным голосом, что ему душно, не хохотал гомерически, не хватал за сердце...

— Бвана! Здесь девушка была... — петух смотрел внимательно, ожидая продолжения. — Такая... — я попытался поточнее припомнить, как она выглядела, но, кроме зеленого бантика, ничего в голову не лезло. — Симпатичная, в общем. С косой. — руками я пытался показать, какая у нее была коса. Петух покатился со смеху.

Хорошенькое я, наверное, представлял собой зрелище, если даже птице смешно. Вихры растрепаны, весь в репьях, пуговиц на рубаше не хватает. Роба мятая и невыспатая... Вещей нет. Это я понял, похлопав себя по карманам. Ни расчески, которую я привык носить в заднем кармане джинсов, ни ключа от комнаты, ни носового платка... Интересно, кому понадобился не первой свежести носовой платок?

Зрелище, которое мы с петухом представляли, направляясь обратно в гостиницу, произвело на публику неизгладимое впечатление. Разговоров хватит надолго. Разумеется, прямо посреди кладбища Лумумба перекинуться не мог — одежды на нем, как на птице, предусмотрено не было, так что...

Петух, ростом мне почти по пояс, гордо вышагивал впереди, выбивая из каменной мостовой искры огромными шпорами. Я с трудом плелся за ним, держась за голову. Чувствовал себя при этом так, будто вместо мозгов — лебединый пух.

Один раз прямо перед нами выскочил матерый — один глаз и одно ухо в комплекте — котик. Черный, как смертный грех. Польстился на дармовую петушатинку... Лумумба, грозно встопорщив перья, так на него глянул, что бедолага со всех лап взлетел на дерево, где и угнезвился на самой верхушке. После встречи с наставником этот кот, я уверен, никогда больше не будет охотиться на птиц, ни на больших, ни на маленьких. И котяткам своим закажет.

Перед самой гостиницей всю проезжую часть перегородили несколько под-

вод. В одной из них горой были навалены глиняные горшки, в другой — что-то накрытое большим пестрым тентом, в третьей громоздились бочонки. Хозяева, сошедшись на перекрестке, ругались о том, видимо, кто кому должен уступить. Лошади всех троих меланхолично переступали копытами, опустив головы. Передышке они были только рады. Не знаю, о чем думал драгоценный учитель, когда налетел на всю эту честную компанию. Может, петушиные бойцовые инстинкты возобладали...

Как хищный коршун, Лумумба рухнул с небес. Все три скотины дружно шарахнулись в стороны. Телега, груженная горшками, перевернулась. Грохот бьющейся утвари еще больше испугал лошадей. Одна из них попыталась совершить маневр разворота на сто восемьдесят градусов, оставшись при этом на месте, и опрокинула подводу, накрытую тентом. На мостовую посыпались громадные, как арбузы, яблоки. Они весело катились под горку, подскакивая, как исполинские градины. Возницы, всё так же громко ругаясь, кинулись к лошадям и попытались их растащить. Лошади же, обладающие упрямым и непредсказуемым нравом, всячески им в этом препятствовали.

Кульминацией катастрофы стало падение третьей подводы. Бочонки, громяхая и лопааясь, как пушечные ядра, тоже покатались под горку, на ходу выплескивая золотистое, пенящееся содержимое. Если верить душистому хмельному духу, это было первосортное ячменное пиво.

Я зачарованно замер посреди всего этого хаоса, совершенно позабыв о наставнике, кладбище, Бабе Яге и даже о том, кто я такой.

Любимое занятие всех бездельников: пялиться на то, как впахивают другие. На нашем перекрестке, спасибо петуху, в данный момент работы хватило на всех. Кто-то уже аппетитно хрустел наливными яблочками — ваш покорный слуга в их числе; другие освобождали телегу от уцелевших бочонков и споро утаскивали их куда-то в переулок — видно, чтобы уберечь от дальнейшего произвола. Глиняной утварью тут же принялись жонглировать вездесущие мальчишки. Горшки, выскальзывая из их озорных ручек, с оглушительным треском лопались о мостовую и стены окрестных домов. Возницы орали, как оглашенные, пытаясь спасти остатки имущества, народ развлекался тем, что выкрикивал различные дельные советы, которые только усугубляли хаос.

Петух, лавируя среди всего этого безобразия, подскочил ко мне и больно клюнул в коленку.

— Ай! Бвана, чего вы клюетесь? — захныкал я, потирая ногу.

— Ко... — он примерился клюнуть еще раз, но я отскочил.

Смачно откусив сразу половину яблока, я пожал плечами и спросил:

— Что я вам такого сделал? Сами отправили на кладбище, да еще и ночью, а теперь сами и недовольны... Стою тут, яблочко кушаю, никому не мешаю, а вы клюётесь...

Петух зарычал, как дракон. Я шарахнулся от него еще дальше. Наставник, успокаиваясь, на секунду прикрыл желтой пленкой глаза — не иначе, считал до десяти, — тряхнул гребнем, а затем, взяв меня крылом за руку, как маленького, потащил прочь. На ходу я успел набить полную пазуху яблок.

— А теперь, свет мой зеркальце, рассказывай, как ты развлекался на кладбище вместо того, чтобы работать.

Учитель, в шелковом халате, с трубкой, умытый и без перьев, расположил-

ся на софе.

— И ничего я не развлекался, скажете тоже. Какие развлечения могут быть на кладбище, ночью? Разве что некрофилия, дак я этим не страдаю...

— Ближе к телу. — обрубил Лумумба.

Я отхлебну кофе. Настоящего, между прочим, а не из желудей. Учитель расщедрился, ради любимого ученика.

— Ближе к телу... — мысли разбегались, как легкие облачка. — Во-первых, там были призраки.

— Эка невидаль! — фыркнул учитель. — Призраки на кладбище...

— Не скажите. Один чуть мне сердце из груди не вырвал, а вы знаете, бвана: призраки на такое не способны. Бестелесные они.

— Это верно. — Лумумба задумчиво выпустил ароматное колечко. — Может, это был упырь? Ты не ошибся?

— Да что я, в самом деле, упыря от призрака не отличу? — я обиженно надулся. — Пес там еще был, тоже подозрительный. Всё ходил за мной, как на привязи... И девушка. Чернавой звать.

— Угу... — задумчиво промычал учитель. — Чернава, значит.

Несмотря на кофе, меня начало клонить в сон. Разумом всё еще владело пуховое отупение, а душа блуждала по сумеречным полям Нави. Ведь опоили-то меня, когда я под Пыльцой был... Неизвестно еще, каких побочных эффектов можно ожидать от двух зелий, действующих синергично.

— Не спать! — на окрик наставника я вскинулся. — Напрягись, Ванюша. Что еще там было необычного? — я послушно наморщил лоб.

— Да ничего... Кладбище, как кладбище. Сыро, промозгло, мертвечиной воняет. А заклинание не сработало. Вы уж поверьте, бвана: я очень старался. И топал, и хлопал, и вокруг себя вертелся, что твоя юла...

Наставник обеспокоенно поджал губы, а потом тяжело вздохнул.

— Сначала — файербол, теперь — кладбище... Походу, тебя пытались убить, падаван. И, если б не твоя клиническая толстокожесть, это бы легко удалось. К сожалению, нас раскусили. Точнее, о том, кто мы такие, враг знал с самого начала. А значит, игра в гастролеров была бесполезным фарсом.

— Значит, Кукиша убили из-за нас? — тихо спросил я.

— Определенно. И всё остальное... — наставник задумчиво пыхнул трубкой.

— Что, остальное?

— Укладывается в общую схему. — Лумумба отбросил трубку и вскочил. — Вставай! Пора прогуляться. Нам нужен новый план.

Идти никуда не хотелось. Томно прикрыв глаза, я откинулся на спинку дивана, изображая умирающего лебедя.

— Что-то у меня голова кружится... И коленки дрожат... Может, вы как-нибудь сами?

— Ни в коем случае. — наставник бессердечно пнул меня по лодыжке. — Поднимайся, падаван. У нас появилось срочное дело. — и смерил меня критическим взглядом. — Только умойся. И надень что-нибудь чистое.

— Бвана, а куда мы идем? — я находился в эйфорической фазе отходняка. Ощущал себя воздушным шариком — в буквальном смысле. Лумумба тащил меня за собой за веревочку, и я всё время боялся, что он эту веревочку выпу-

стит. Говорят, в верхних слоях стратосферы давление воздуха уже не такое хорошее, как у земли, и запросто можно лопнуть...

— Идем мы к старым знакомым. Точнее, к одной знакомой: девочке Маше. — снизошел до ответа Лумумба.

— Ух ты, здорово! — я несколько раз подпрыгнул. Просто так, потому что мне это нравилось. — А зачем?

— Придем — узнаешь, а сейчас помолчи.

Я честно попытался выполнить требуемое, но не смог. Так и распирало от любопытства.

— Бвана, как вы думаете: а что это за девушка была на кладбище? А отыскать её можно? Расчесочку мою ukrала, а она, вы знаете, дорога мне, как память...

— Это я тебе подарил. — напомнил Лумумба. — И всё равно ты ей не пользовался.

— В том то и дело... Подарок от любимого учителя, — я прослезился. — Пуще собственного глаза... Пылинки сдувал... Только вы один, бвана, любите меня, один заботитесь о сиротке без роду без племениии... — шмыгая носом, я начал тереть глаза.

Жизнь вдруг перестала быть чудесной и удивительной. Теперь я чувствовал себя, как камень, пролежавших под ногами прохожих тысячу лет. Вот, сейчас отращу лапки и зароюсь в землю. Насовсем.

Лумумба, глядя на мои сопли, поморщился.

— Так. Мне это надоело. Что-то долго тебя таращит... Думал, погуляем, ветерком тебя обдует — глядишь, и отпустит. Но, видно, не всё так просто.

Грубо схватив меня за ухо и притянув к своим губам, наставник что есть силы дунул. В голове моей образовался смерч. Пометавшись под сводом черепа, он вылетел через другое ухо и покатился по улице огромным серебряным колесом. Зашатавшись, я не удержался и шлепнулся на задницу.

Помотал головой. Затем ощупал себя, сосчитал руки, ноги, глаза, уши, пальцы — вроде всё сходится. Осторожно поднялся, цепляясь за Лумумбу, и огляделся вокруг.

Вот есть такое выражение: родиться заново. Сейчас это самое случилось со мной. Мир предстал ярким, новым, не очень, правда, чистым — мы находились на задворках какой-то харчевни, и оттуда отчетливо несло помоями. Прямо на тротуаре валялись капустные листья и картофельные очистки, в них радостно рылись двое поросят и четыре курицы.

— Спасибо, бвана. — с чувством поблагодарил я.

— Обращайся. — милостиво кивнул Лумумба и, заложив руки за спину, продолжил шествие.

— А всё-таки... Зачем нам к Маше?

— Хочу предложить ей работу.

— О как... — теперь я уже не подпрыгивал, и не хотел зарыться в землю. Какие-то остатки зелий еще бродили в глубинах моего сознания, как потерявшиеся дети по пустому гулкому дому, но голова наконец-то очистилась и ноги стали мне подчиняться. — Так она и согласится...

— Я сделаю Маше предложение, от которого она не сможет отказаться.

— Но зачем? Нам что, вдвоем плохо?

— Как показала практика, не зря магам определено ходить по двое. Разделились — и сразу неприятности. Бабу-Ягу так и не обнаружили, ты угодил под удар суккуба...

— Суккуба? — я был поражен. Ничего такого я в упор не помнил.

— Девушка твоя, Чернава. Не улавливаешь? — я помотал головой. Или еще хмель до конца не выветрился, или впрямь я дурак. — Она — суккуб. Или, по-здешнему, навка. Ночная охотница.

В справочнике картинка была: грудастая девица в неглиже. То есть, без ничего. Лично я никакого неглиже не видел.

— Они ж на красоту приманивают, верно? — поделился я с Лумумбой. — А та меня вовсе не соблазняла. Ничего "такого" — я покраснел, — не предлагала. Вот, разве что, выпить...

— Из круга ты вышел, как миленький. А ей только того и надо было.

— Но зачем суккубу моя расческа?

— Плохие у тебя зубы, молодой падаван. Никак тебе гранит науки не дается.

— Я первым на курсе был! Ну, вторым — это точно. Третьим, во всяком случае... А зачем?

— Суккубу не расческа была нужна, а волосы твои рыжие, которые меж зубьев застрячь могли. Что еще она взяла?

— Деньги. Ключ от номера. Платок...

— Придется поработать над твоей защитой. — пробормотал бвана себе под нос и сочувственно похлопал меня по плечу. — А то утащит, не ровен час, в омут глубокий.

— В омут русалки тащат! — радостно сообщил я Лумумбе. — А вы говорите...

Вот так, мило беседуя, мы добрались до места. Улица была узкая, извилистая, заборы стояли вплотную к дороге. Через заборы свешивались ветви черешень. По пыльной колее бродили куры, в густых лопухах спал, раскинув лапы, громадный, пегий с рыжим подпалом, пес. Когда мы проходили мимо, он приоткрыл один глаз, оглядел нас с ног до головы, затем беззвучно щелкнул челюстями на муху и повернулся на другой бок. Я нахмурился: где-то я эту псину уже видел...

Дом был довольно старый, под серой шиферной крышей. Сайдинг, давно не крашенный, производил впечатление заброшенности и неуютности, однако во дворе пестрели радующие глаз клумбы. Половину цветов на них я даже не знал. Только бледно-синие васильки, да розово-красный львиный зев. В стороне, как король среди подданных, высился единственный розовый куст. Бутоны на нем были богатого, багрово-винного оттенка. Так и захотелось подойти, понюхать...

— Ваня, веди себя прилично. — напомнил Лумумба, направляясь по дорожке к рыльцу. — Помни: мы пришли не ссориться.

— А почему именно она? — шепотом задал я вопрос, который терзал меня всю дорогу. — По мне, полезнее был бы тот парень, Обрез.

— У Обреза уже есть наставник. Если бы он сам захотел... Но он не захочет.

Тем более, нам нужна девушка. — договаривая, Лумумба уже стучал в дверь, и спросить, почему именно девушка, я не успел.

Дверь распахнулась рывком, будто там знали, кто пришел, и очень этого ждали... Но, увидев выражение лица Маши я понял: ждали не нас.

— Здравствуйте, Марья. Позвольте войти? — Лумумба вежливо улыбнулся.

— Маша меня зовут. — буркнула она. — Чего надо?

— У нас к вам предложение. — она на секунду задумалась, потом кивнула.

— Ладно, проходите. Хуже всё равно не будет. — мотнув копной распущенных, и похожих на огненное облако волос, она пошла вглубь дома.

Внутри было очень уютно, несмотря на то, что обои кое-где отставали, двери давно нуждались в покраске, а потолок в побелке. Но общая атмосфера — детские картинки, яркие и веселые, которыми были залеплены почти все свободные места, чистые, как слеза младенца, окна за кружевными занавесками, запах какой-то выпечки — всё это говорило о том, что дом этот любят. Я даже позавидовал, немножко. Впрочем, у нас, в казармах при агентстве, тоже неплохо. Тепло и сухо. Кормежка три раза в день...

Нас провели на кухню. За круглым столом, бессильно сжав руки, сидела красивая и бледная девушка. А рядом с ней — Таракан. Я удивился: не создавалось впечатления, что они с Машей такие уж друзья.

Неуверенно махнув в нашу сторону, Маша сказала:

— Вот... пришли. Я тебе о них рассказывала. — обратилась она к девушке.

— Это Ласточка. Мы вместе живем. — уже нам с Лумумбой. — А Таракана вы знаете.

— Рад познакомиться. — наставник чопорно поклонился. — Но... Я бы хотел видеть вашего учителя. Нельзя ли его тоже пригласить?

— Нельзя! — вдруг крикнула она. Его никуда больше нельзя пригласить! — и, развернувшись, выбежала из кухни. Где-то хлопнула дверь.

Мы перевели взгляды на Таракана.

— Бабуля ушел. — вместо него сказала девушка. — И не вернулся.

Глава 11

Маша

Бабуля исчез в ту ночь, когда я ушла на охоту. Ласточка думает, он сам так решил. Почувствовал, что больше не может сдерживаться, что навсегда становится чудовищем. И ушел, чтобы никому не навредить.

Это был удар. После всего что было, после Матери Драконов, психованных магов, из-за которых всё и покатило к чертям собачьим, вернуться домой и узнать, что он ушел... У меня опустились руки.

Ласточка, бледная после болезни, теперь и вовсе походила на ледышку — тонкую до прозрачности. Близняшки рыдали взахлеб.

...Обрез, как и велел ему Таракан, довел меня до самого дома. Я, переборов себя, пригласила его войти. Нельзя отпускать человека, который тебе чем-то помог, даже чаем не напоив. Пусть он тебе и не очень нравится... Так мы и застали Ласточку с детьми на кухне. За пустым столом.

Сила привычки. Бабуля всегда говорил: кухня — сердце хорошего дома. На кухне всегда тепло, вкусно пахнет, и есть стол, за которым может собраться вся семья... Без него — без привычного терпкого запаха самокруток, ироничного смеха, громкого голоса, распекающего за очередную проказу близнецов, было пусто и одиноко. Как мы будем теперь жить?

Узнав, что произошло, я бессильно рухнула за стол. Навалилась усталость: две бессонные ночи, сумасшедшая битва с драконами, а теперь — это. Я будто провалилась в глубокий черный омут. Если б не присутствие близняшек, я бы наверное расплакалась. Но нельзя. Теперь я — старшая в доме. По-честному, старшая конечно Ласточка, но она всегда была не от мира сего. За ней тоже придется приглядывать...

Обрез, поздоровавшись и уяснив, по какому поводу похоронное настроение, развил бурную деятельность. Растопил плиту, поставил чайник, смел окаменелые крошки со стола, выгнал близняшек умывать сопли и слезы.

Ласточке приказал чистить картошку. Ну откуда Обрезу было знать, что ножом дома мы ей не даем? Что моя подружка, начав резать — неважно, что, — уже не могла остановиться... Это была обратная сторона непревзойденного искусства владения клинком. Самое главное, не Бабуля её этому научил. Она уже такая была, когда к нам попала. Только ничего о своей прошлой жизни не рассказывала.

Теперь, глядя на то, как она аккуратно снимает тонкий слой картофельной кожуры, высунув язык от усердия, я не знала, что и думать. Подменили подружку...

Или Обрез так на неё повлиял? Она смотрела на парня — длинного, нескладного, с куцей, растущей только местами, бородкой, в постоянно съезжающих на нос разбитых очках, как на святого.

— Откуда ты знаешь, что Сашка до сладкого сам не свой? — спросила я, пока Обрез споро замешивал тесто.

Тесто, спросите вы? Ну да, самое настоящее, для блинов. Меня это поразило.

Бабуля шутил, что профессионально он только консервы вскрывать умеет, мы с Ласточкой тяги к кулинарному искусству тоже не испытывали. Максимум — яичница и покупные полуфабрикаты. А этот невозможный парень... Каким отморозком он бывал на поле битвы — мама дорогая! Это ведь он меня чуть из огнемета не спалил! А третьего дня целый цыганский табор сжег...

Напоив всех чаем, он пошарил по полкам, и, никого не спрашивая, побежал в продуктовой. Дома было шаром покати, после пельменей, которые я принесла третьего дня, никто толком ничего и не ел. Притащил целую гору продуктов — страшно подумать, сколько всё это стоило, и вот теперь, стоя у нашей, не так уж часто используемой плиты, собирался печь блины.

Мешая большой ложкой тягучую массу, он рассказывал:

— Я тебе уже говорил. У меня в деревне два брата: Петька и Армен. Мы втроем месяцами жили, пока маманя на заработки ездила. А я — за старшего, так что пришлось научиться. И хлеб печь и суп варить... В деревне продуктовых лавок нету. — А что до сладкого... — он усмехнулся. — Помню, лет десять мне было. Сварила маманя варенье из малины, и поставила тазик на верхнюю полку, чтобы я не добрался. Да пригрозила: хоть ложечку сожрешь, пока меня не будет, все уши оборву. Естественно, как только она ушла, я полез за вареньем. Мелкий был, как клоп, а таз высоко стоял, я за край полки уцепился, подтянулся... А табуретка возьми, и упади. Так я и повис. Полка не выдержала, таз с вареньем перевернулся, и — на меня. Так и грохнулся, с тазом на голове. Сижу на полу, обтекаю...

— Что, прямо весь таз? — мне малиновое варенье, может, разок и пришлось попробовать. Я в магазине банку стащила — давно это было. Бабуля тогда так всыпал, за воровство, что вкуса варенья я и не запомнила...

— Ну да, весь. — кивнул Обрез. — Сижу на полу, обтекаю, а вокруг осы роятся. Хорошо, что варенье остыть успело. А тут маманя заходит.

— И что? — близняшки слушали, раскрыв рты. Даже Ласточка, вместо того, чтобы вставлять ехидные комментарии, только сопела потихоньку.

— А то... Маманя даже бить меня не стала. Языком, говорит, чтобы всё слизал.

— А ты?

— А что я? Слизал. Тошнило пото-о-о-м...

— И что, больше ты сладкое не ешь?

— Еще чего. Только пуще прежнего любить стал. Сахар могу тоннами жрать. А уж конфеты...

Близняшки дружно захихикали.

Помявшись, я сказала совершенно искренне:

— Слушай, спасибо тебе. А то мы с Ласточкой по-хозяйству как-то не очень. Да и вообще... Не знаю, что теперь делать. Ладно, мы. А кто близняшек выучит? В городскую школу их не возьмут — больно дикие. Да они и не пойдут...

Жизнь без Бабули представлялась страшной и полной скрытых до поры до времени неурядиц. А если дом отберут? Я удивилась своей отстраненности. Почему я думаю, как мы будем без него? Почти автоматически что-то рассчитываю, планирую... наверное, потому что не привыкла верить в лучшее. Всегда так: как только настроишься на что-то хорошее, поверишь — обязательно случается что-то плохое. Так что лучше не обольщаться. Не раскатывать гу-

бу...

— Найдем мы вашего Бабулю. — не переставая мешать — очки запорошены, руки по локоть в муке — спокойно сказал Обрез. Тара — лучший следопыт в наших краях. Обязательно найдем.

— Даже если найдем, что дальше? Как мы его из зверя расколдуем?

И тут я поняла, что нужно делать. Единорог всё-таки не обманул: приезд магов в наше захолустье — судьба. Только они могут помочь Бабуле.

Наконец вкусно запахло блинами. Стало тепло и уютно, будто Бабуля и не уходил вовсе. Последней мысли я устыдилась. Честно отвесила себе пинка, спрятавшись за дверь в углу, чтобы никто не видел. Бабулю заменить нельзя! Да и не нужно... Мы его найдем. Обязательно найдем, а потом я пойду к этим заезжим магам и упрошу, умолю, заставлю, подкуплю... Что угодно сделаю, но уговорю их Бабулю расколдовать.

Сашка ходил за Обрезом как приклеенный — наверное, увидел в нем старшего брата. Он, когда помладше был, часто брата вспоминал. Того, настоящего. Тоже от Пыльцы сгорел: хотел магом стать, да не вышло.

Пока накрывали на стол, Ласточка ускользнула с независимым видом наверх, и спустилась через пять минут совершенно преобразившись. Я глазам не поверила. Никакой бледной немочи! Щечки — розовые, глазки блестят, даже губки чем-то намазала... Вырядилась в своё лучшее платье и волосы по спине, как бледный серебряный дождь! Если б это был кто угодно другой, я бы решила, что моя подружка настроена на серьезный штурм. Или всё-таки?

Когда на столе воздвиглась огромная стопка блинов, с куском желтого масла сверху, я посмотрела на Обреза с уважением. Может, не такой уж он и долбоклюй. Возится же с ним почему-то Таракан, а Таракана все уважают. И Сашка в него сразу влюбился... А у нашего Сашки нюх на людей такой, что собаки завидуют.

— Мир этому дому. — на пороге стоял, кто бы вы думали? Таракан! А я почему-то даже не удивилась...

— Как раз вовремя. — по-хозяйски пригласил Обрез. — Проходи, Тара, знакомься.

Он уже вел себя, как дома! Рубаха на груди расстегнута и выправлена из джинсов, рукава по локоть закатаны. Хаер убран под красный, в цветочек, платок, в котором я с ужасом опознала любимую косынку Ласточки. Да что ж такое, а? Я что, попала в параллельный мир?

— Здравствуй, Марьяшка. — это мне. — Не переживай, отыщется Бабуля...

Я еле сдержалась, чтобы не закричать и не затопать ногами. Тоже мне, нашлись героини. Взяли шефство над бедными сиротками. Мы и сами бы прекрасно справились! Без всяких мужиков.

Но, глянув на подругу в поисках поддержки, я опешила: она сидела вся такая хрупкая, такая незащитная... И это — моя подружка? Та, которая может не моргнув глазом перерезать горло упырю? Попасть, не глядя, ножом в сердце василиску? Да мне до сих пор снится, как она — глазищи горят, на губах кровавая улыбка, — расстреливает из автомата орду орков на гигантских вол-

ках! А теперь сидит, заламывает ручки и строит из себя цветочек аленький... Точно параллельный мир.

А блины были вкусные. Таракан принес с собой меду — и теперь Сашка, я так себе думаю, продаст ему душу... Мы макали блины в мед и запивали чаем из душицы и чабреца.

Стемнело. Я всё ждала, когда Таракан с Обрезом соберутся восвояси, чтобы поговорить начистоту с Ласточкой, да и свои мысли в порядок привести — третьи сутки на ногах, я уже не понимала, где право, а где лево; но они, кажется, никуда уходить не собирались.

Странно... Не потому же, что Таракан хочет под шумок оттяпать себе жилплощадь, а Обреза так уж волнуют прекрасные глаза моей подружки? Ладно, не гнать же их на ночь глядя — тем более, после всех гостинцев. Завтра разберемся.

Таракан заявил, что прикорнет в гостиной, на диване. Этой комнатой мы почти не пользовались. В ней были собраны раритеты с прошлых времен, до Распыления: несколько шкафов, набитых книгами — могу с гордостью сказать, что уж один-то шкаф набила я сама, лично... Магнитофон. Диски хоть и поцарапанные, но вполне можно было послушать "Травиату" или "Кармен"... Бабуля нам пересказывал по-памяти, в чем там сюжет: ерунда, сплошь любовные страдания. Но пели очень красиво, что есть, то есть.

Ноутбук давно не работал, Бабуля носил его в Слободку, к спецам, те сказали, материнская плата выгорела, а новая стоила больше, чем весь наш дом... Была целая коробка журналов — комиксами назывались. Только мы ими как-то не увлеклись: видала я этих суперменов, трех или четырех. Обыкновенные мужики в трусах поверх штанов, ни ума, ни фантазии...

Был даже телевизор, плоская черная панель размером два на метр. Он, конечно, не работал — не было каналов, которые бы вещали в наших краях, но Бабуля пользовался им иногда вместо радио — что-то там настраивал и слушал голоса, пробивающиеся сквозь белый шум...

Обрез спросил разрешения устроиться в комнате Бабули — я не успела открыть рот, чтобы отбрить его как следует, а Ласточка уже разрешила... Дети, даже Глашка, без звука отправились спать, умывшись и почистив зубы, я тоже не стала выкобениваться — глаза слипались сами собой, так что по лестнице, в нашу с Ласточкой комнату, я поднялась не помню как. Переделалась в ночнушку и вырубилась.

А потом мне приснился зов. Он летел над тихими крышами домов, над сонными печными трубами и ветвями черешен, меж заборов и темных фонарных столбов, мимо запертых дверей и забранных ставнями окон.

И во сне я поняла, что это Бабуля.

Встав с постели — босые ноги приятно холодили деревянные половицы, — я ступила в квадрат лунного желтого света, шедшего сквозь тонкие занавески. И, закутавшись в этот лунный свет, как в одеяло, пошла...

Внизу, перед входной дверью, увидела близняшек. Переглянувшись, мы

кивнули друг дружке. Казалось, что поступаем мы очень разумно и даже правильно. Единственно верным способом. Отперев дверь, мы дружно шагнули на крыльцо, а потом дальше, в мокрую от предрассветной росы, траву.

Он ждал нас за домами, у реки: огромный, лохматый, похожий сразу на медведя и на волка. Тяжелая голова со светящимися, как плошки с горящим маслом, глазами, низко опущена, лоб покрывает бугристая чешуя. Но мы не боялись, мы понимали, что так Бабуля теперь выглядит.

Зверь беззвучно позвал, и мы подошли к нему. Близняшки, громко смеясь, стали его гладить, я тоже хотела обнять за шею и зарыться лицом в густую шерсть...

И тут перед глазами мелькнул огонь. Зверь фыркнул и отскочил, а потом, в ярости ударив в землю огромной лапой, заревел.

— Уходи. — сказал тот, кто держал огонь. — Уходи, и я не причиню тебе вреда.

— Они мои. — зарычал зверь. — Они мои, и должны быть со мной. Им будет хорошо со мной, на той стороне...

— Уходи. — перед мордой Зверя вновь загудело пламя. — Ты не можешь больше заботиться о них. Ты больше не человек.

— Мне не нужно быть человеком для того, чтобы заботиться о тех, кого я люблю! — зарычал Зверь. Он вновь махнул лапой, но тот, кто ему возражал, увернулся, и лапа не задела его. — Они мои и будут принадлежать мне.

— Ты утратил все права, став зверем. Если ты не уйдешь, мне придется тебя убить. — Зверь засмеялся.

— Давай сразимся! — зарычал он. — Я сломаю тебе шею, вырву внутренности и всё равно возьму то, что принадлежит мне по праву!

Человек с горящей веткой вытащил громадный пистолет и направил его Зверю в грудь.

— Нет! — закричала я и бросилась на него, стараясь вырвать оружие.

— Нет! — закричали близняшки и встали перед Зверем, загораживая его своими телами.

Зверь утробно захохотал.

— Видишь? Они сами пришли ко мне! Ты не сможешь меня убить, не причинив боли им...

Тьму прорезал бледный, неуверенный луч — краешек солнца показался над рекой и в этот же миг раздался громкий, пронзительный крик петуха.

С меня будто сорвало прозрачный, но душный мешок. Сразу всё стало отчетливым и ярким. Зверь больше не казался добрым и красивым. Он был огромен, черен, как подземельный мрак, и так же страшен. Напротив нас стоял Таракан. В одной его руке догорала ветка — от нее остался небольшой огрызок, в другой, дулом вниз, он держал пистолет.

Я еще вернусь... — прорычал Зверь и растворился в отступающей тьме.

— Что случилось? — спросил Сашка. — стоя в уличной пыли, он зябко поджимал босые ноги. — Я думал, это всё сон... Что мы здесь делаем? — хлопая глазами, он глядел по очереди на меня и Таракана. Глашка беззвучно плакала, глотая слёзы.

— Что случилось, дядя Тара? — он пытался сдерживаться, но голос преда-

тельски дрожал, а в носу хлюпало. — Это был Бабуля, да? Он приходил за нами?

— Он нас любит. — сказала на удивление спокойным голосом Глашка. — Он хотел, чтобы мы пошли с ним. Я хочу к нему.

— Зря ты вмешался. — кивнул Сашка. — С ним нам будет лучше.

— Простите, детки. — виновато развел руками Тара. — Ошибся. Я не знал, что это Бабуля. Думал, чудовище...

— Он не чудовище! — заорал, срываясь на визг, Сашка. — Он нас любит, а ты его прогнал! — бросившись на Таракана, он замолотил его кулачками.

Страхнув оцепенение, я подхватила Глашку на руки и крепко прижала к себе. Моё сознание раздвоилось: одной половиной я понимала, что Зверь — это уже не Бабуля, что он изменился, и никогда уже не будет прежним, но другой... Другой я жаждала оказаться рядом с ним. Запустить пальцы в густую шерсть, почувствовать его силу, его могущество... Помотав головой, чтобы избавиться от наваждения, я стала успокаивать близнецов.

Подойдя к крыльцу — хорошенькое мы представляли собой зрелище: босые, чумазые, в ночнушках, Глашка — у меня на руках, Сашка — вцепившись в Таракана мертвой хваткой, — столкнулись с Ласточкой и Обрезом.

— Где тебя носило? — с ходу налетел на парня Таракан. — Я велел тебе стечь вверх, а ты?

А я стояла молча, и только глазами хлопала. Были они оба — моя Ласточка и Тараканов Обрез — раскрасневшиеся, встрепанные, и видно, что одевались впопыхах... А еще они держались за руки. Таракан тоже, видимо, всё это заметил, потому что осекся на полуслове и заткнулся.

А я подумала: зря Таракан на Обреза ругается, он своё дело исправно делал. Ласточка-то с нами не пошла...

Глава 12

Иван

— Значит, а-ля Гаммельнский Крысолов. — произнес Лумумба, задумчиво постукивая по чашке кончиками пальцев.

— Именно, что а-ля. — кивнул Таракан. — к сожалению, дети полностью попали под его влияние. Только Ласточка нашла в себе силы сопротивляться. — он бросил косой взгляд на красивую девушку, та почему-то покраснела и поспешно опустила лицо в чашку. Маша нервно хихикнула, но тут же зажала себе рот ладошками.

Наставник сделал вид, что не заметил всех этих перемигиваний, а мне стало интересно: что у них тут происходит?

— Он придет снова. — тихо сказала Маша. — Я знаю, я чувствую. И Таракан попытается его убить. А я тогда попытаюсь убить Таракана... — на глазах у нее выступили слёзы, лицо сделалось бледное-бледное, и каждая веснушка засияла, как крошечное солнце.

— Спокойно, товарищи! — гаркнул Лумумба так, как он один только умеет. — никто никого не убьет. — все заинтригованно уставились на него — чего учитель и добивался. Для пущего эффекта выдержав паузу, он сообщил: — Мы его расколдуем.

— Как? — у Маши загорелись глаза.

— Еще не знаю. — честно ответил Лумумба, чем, на мой взгляд, несколько подпортил впечатление, но Машу это не смутило. Теперь она смотрела на наставника, как на идола и путеводную звезду в одном флаконе.

Я, к своему глубокому удивлению, почувствовал... обиду? Ревность?

— Вопрос в другом. — сказал Таракан, задумчиво водя кончиком ножа по салфетке. — Захочет ли он возвращаться?

— Конечно захочет! — Маша удивленно подняла брови. — Он же нас любит! Он же пришел прошлой ночью, он хотел, чтобы мы пошли с ним...

— Дети шли бесконечной серой колонной по серым размытым дорогам, шли спотыкаясь, оскальзываясь и падая под проливным дождем, шли согнувшись, промокшие насквозь, сжимая в посиневших лапках жалкие узелки... — процитировал Таракан.

— Нет, не так. — помотала головой Маша. — Они шли радостно, щебеча и болтая, и скрылись в тумане...

— И кстати, раз уж зашла речь... — перебил её Лумумба. — А где, собственно, дети?

Мне тоже было интересно, о каких детях мы тут всё время говорим. Никого младше Маши я лично не заметил.

— Обрез предложил им поехать на каникулы. — сказала молчавшая до того Ласточка. — У него мама в деревне, недалеко...

— Недалеко — это сколько?

— Двадцать километров. — ответил Таракан. — Мы подумали, что оставлять их здесь слишком опасно. Простой ночью я успел в последний момент.

Наставник вскочил, и, по своей привычке заходил туда-сюда, о чем-то размышляя.

— А почему вы решили, что двадцать километров будут для Зверя непре-

одолимым препятствием? — вдруг спросил он.

— Нам показалось, что он привязан к этому дому. — пояснила Маша. — Мы все здесь жили... живем, то есть. И Бабуля будет возвращаться сюда, как делал это всегда.

— Заколдованный Зверь — это неизвестная величина. — сказал Лумумба. — Конечно, в его памяти, в подсознании, сохранились какие-то сдерживающие механизмы, но... насколько их хватит? Он может пойти за детьми. Вы уверены, что ваш... напарник справится в одиночку?

Таракан вскочил. Было видно, что он корит себя за то, что не подумал о такой возможности раньше.

— Если взять в слободке машину — успею до темноты. — бросил он на ходу.

— Я с тобой! — крикнула Маша и кинулась вон из кухни. Где-то хлопнула дверь, потекла из крана вода... Мне почему-то стало грустно. Только познакомились, а она опять убегает.

— И я! — Ласточка тоже встала.

— Вообще-то... — протянул Лумумба, и все обернулись. — Я бы предпочел, чтобы Маша осталась с нами. На мой взгляд, вы, уважаемый, — поклон в сторону Таракана, и вы, сударыня — кивок в сторону Ласточки, — справитесь и без нее. — девушка зло рассмеялась.

— Попробуйте Машку остановить. Охота посмотреть, как у вас получится...

— Что получится? — Маша вернулась, успев надеть джинсовую куртку и ботинки с высокой шнуровкой. Волосы она убирала в хвост, держа во рту резинку. За спиной её болтался армейский рюкзак.

— Я хочу, чтобы вы, Маша остались. — повторил учитель. Глаза её стали большими и темными. Руки опустились, и волосы вновь рассыпались по плечам.

— Почему? — спросила она.

— Вы ведь тоже попали под влияние Зверя, так ведь? — она кивнула. — Есть вероятность, что он вернется домой. И если никого не найдет...

— Точно рванет в деревню. По следам. — закончила Маша. — Хорошо. — она стащила рюкзак и посмотрела на Ласточку. — Я останусь. Бабуля должен знать, что здесь его ждут.

Прощаясь на пороге, Лумумба сказал Таракану:

— Одну ночь вы продержитесь, я уверен. Главное, не причиняйте ему вреда. Отгоняйте, разговаривайте — так же, как делали это сегодня. А мы постережем здесь. Если зверь придет сюда — я постараюсь понять, как его заколдовали и тогда придумаю контрзаклинание. Если же он пойдет за детьми... Следующей ночью мы обязательно будем у вас. Ну... ни пуха!

— К черту. — Таракан с Ласточкой пошли к калитке. Маша только вздохнула, провожая их взглядом.

Когда мы остались втроем, установилась неловкая тишина. Лумумба, упав на стул и налив себе чаю, задумался. Я знал, что в таком состоянии его лучше не беспокоить. Маша так и осталась стоять у проёма двери, прислонившись к стене. Казалось, она тоже о чем-то напряженно думает, даже губами шевелит от напряжения.

А я не знал, куда себя деть. Стул подо мной уже предательски поскрипывал,

но встать и размяться я не рискнул. Ловкости такой, как у наставника, у меня нет, еще сломаю чего...

— Почему вы нам помогаете? — вдруг спросила Маша. Лумумба с трудом сфокусировал на девушке взгляд. — Зачем? — повторила она. — Какая вам от этого выгода?

Учитель печально усмехнулся.

— А вы уверены, что люди живут исключительно ради выгоды? — спросил он. — Вот ваш Бабуля... Он что, имел какую-то выгоду с того, что помогал детям? — Маша покраснела, но упрямо мотнула хвостом. Кулачки её были крепко сжаты. — Конечно же, вы думаете, что я и ваш Бабуля — две большие разницы. — продолжил Лумумба, отхлебывая чай. — И будете абсолютно правы. Но, поверьте мне, Машенька, мир — не без добрых людей. Как раз наоборот: в жизни всё строится на доверии. Честность, доброта, благородство — всё еще не пустые звуки. По крайней мере, пока на земле есть такие люди, как ваш Бабуля. Как Таракан. Как вы с Ласточкой и Обрез.

— Как вы, бвана... — тихо добавил я.

— Как я. — не стал отпираться Лумумба. — Вам просто нужно немножко нам поверить, Маша. — он допил чай и деятельно потер руки. — Ну... Хватит расслаиваться. До вечера еще куча времени, можно многое успеть.

Наверное, она просто устала сопротивляться, быть против всех. Понимаю, сам через это прошел... В какой-то момент невыносимо, до визга, хочется перестать решать всё самостоятельно, и просто подчиниться кому-то, кто знает, как надо. И еще я понял, почему испытал ревность. Маша теперь смотрела на Лумумбу точно так же, как я.

— Что нужно делать? — спросила она.

— Я надеялся, что вы не откажетесь побыть гидом. — обратился к ней наставник. Как вы понимаете, мы с Ваней люди пришлые и в городе ориентируемся плохо.

— Хорошо. — она одернула курточку и провела руками по волосам. В глазах её мелькнула былая строптивость. — Но если вы ему навредите...

Лумумба нетерпеливо её прервал, направляясь к двери.

— То вы навредите мне. Я уже понял.

Полицейский участок располагался ровнехонько напротив Агентства, на другой стороне улицы. Они были похожи: старинные купеческие дома, с кирпичным цоколем и деревянным верхом. Высокие крылечки, крашенные зеленой краской, такие же наличники на многочисленных, тянущихся вдоль улицы, окнах... На обоих зданиях не было никаких знаков отличия: ни вывесок, ни памятных табличек или указателей, что же за заведения располагаются по данным адресам. Наверное, и так все знали.

Маша заходить внутрь категорически отказалась, обещав подождать на лавочке в ближайшем скверике.

Буквально через три минуты я начал ей завидовать: более суконного, затхлого и неудобного заведения мне еще не встречалось. Лица полицейских, встретившихся в коридоре, были сплошь неприветливы и будто заранее подозревали нас во всех смертных грехах. К тому же, внутри было сильно накурено — сизый махорочный дым буквально стелился, затрудняя видимость. На столике в приемной стоял хрустальный, но до того засиженный мухами гра-

фин, что самого стекла и видно не было. Ни за какие коврижки не согласился бы пить воду из этого графина...

— Чем обязан? — рыкнул полицеймейстер, когда нас наконец провели в его кабинет, и пыхнул исполинской самокруткой. Ну, по крайней мере, мы выявили источник распространения дурного запаха...

— Если для этого есть какая-то возможность... — витиевато начал наставник, — не позволено ли будет узнать, как продвигается расследование убийства Яна Живчика.

— А вам-то что за дело? — всё так же неприветливо, но более спокойно, спросил Штык.

— Ну как же... — Лумумба развел руками. — Убит коллега по цеху. Я хочу знать: стоит ли и мне волноваться за свою жизнь?

Честно говоря, я и сам не понимал, зачем мы приперлись в участок. Помому, учитель действовал по какому-то наитию. Мы вроде бы шли в Агентство, разузнать о вознаграждении за Мать Драконов, но, когда Маша упомянула — в ходе лекции о городских достопримечательностях — что напротив располагается полицейский участок, он резко сменил курс, направив стопы к соседям.

— Вы были знакомы? — буркнул Штык, подозрительно переводя узкие глаза с меня на Лумумбу.

— Нет, но...

— По какой надобности в нашем городе? Что делали у Мадам Елены?

— Послушайте, господин Штык. — Лумумба без приглашения уселся в гостевое кресло. — Всё это есть в подробнейшем рапорте, который не далее как вчера, составил с наших слов ваш сотрудник. Я же хотел...

— Мне плевать, что вы хотели! — вдруг заорал полицеймейстер. — Мне так же плевать на этого дохлого мага! Будь моя воля — я бы всех вас сам, лично, ставил бы к стенке! Развели в стране барррдок! Нарррккоманы! Над городом летают драконы, людей превращают в домашнюю скотину, а я должен расследовать смерть какого-то мошенника!

— Насколько мне известно, драконы больше городу не угрожают. — флегматично заметил учитель, составив ладони домиком и глядя на кончики пальцев. — К тому же драконы, а так же иные другие маганомалии — забота не ваша, а вашего коллеги через дорогу.

— Коллеги? — Штык вытер лицо большим красным платком и запихал его в карман кителя. — Третьего дня городскую стену штурмовал динозавр. Ему было наплевать на то, что он — маганомалия. И уж тем более на то, какому ведомству он, динозавр, подчинен. Зверюга просто хотела жрать. А Шаробайко выделил на поимку гиганта шесть единиц огнеметов. Всего шесть! Сказал — нету фондов. Двое охотников были убиты. А теперь разгадайте загадку, господа маги: охотники убиты маганомалией, и она — ведомство Агентства. Но Запыленный, создатель аномалии, — человек. Кто преступник: орудие, или его создатель? Кого наказывать?

— Вы уверены, что это был динозавр? — спокойно спросил Лумумба.

Я думал, полицеймейстера хватит удар. Он покраснел, открыл рот и начал хватать воздух, как рыба.

— Простите, я поясню... Это был действительно динозавр — древняя исполинская рептилия, а не какой-нибудь сказочный зверь? Мифическая Лернейская гидра? Цербер? Птица Рух?

Зарычав, Штык с трудом выдрал себя из кресла и поковылял к обширному шкафу, занимающему одну из стен кабинета. Рванув створки, он стащил с полки яркий глянцевоый том и бухнул на стол перед Лумумбой. На обложке красовался огромный зверь, и имелась золоченая надпись: Большая Энциклопедия Динозавров.

Штык открыл книгу на закладке.

— К сожалению, всё, что удалось отыскать в остатках городской библиотеки — книжка для детей. — проворчал он. — Но оказалось, этого достаточно. Вот! — он ткнул пальцем в красочное изображение. — Вот эта тварь. Или очень похожая.

— Аллозавр. — прочел наставник и присвистнул. — Грозный противник.

— Огнеметами загнали в яму с кольями и расстреляли разрывными. — пояснил Штык. — Но двух бойцов он успел затоптать.

— Мне очень жаль. — сказал Лумумба

Полицеймейстер ответить не успел. Дверь кабинета с грохотом распахнулась, ударив ручкой в стену, а на пороге возник фон Цаппель — градоначальник.

— Ага! — уперев руки в бока, он и вправду был похож на циркуль. — Вот вы где! — обращался он, как ни странно, к Лумумбе. — А я вас с самого утра ищу! Пройдемте! — и он, не глядя на полицеймейстера, властно ухватил наставника за рукав. Тот, к моему сожалению, возражать не стал. А жаль. Только интересный разговор начался...

— Одну минуту! — тактично высвободив рукав из цепких пальцев, Лумумба вернулся к столу Штыка. Извлек из жилетного кармана большую, туго скрученную сигару и вручил её полицейместеру. Подмигнул ему, хитро постукав себя по носу, и вышел.

Цаппель провел нас дальше по коридору, пропустил сквозь узкую, как вход в пещеру, дверь и мы оказались в совсем, совсем другом месте, нежели полицейский участок. Здесь было тихо и пусто. Не витали клубы махорочного дыма и никто не топал грязными сапожищами в прогнившие половицы. Никто не тащил проституток, и не ругался хриплым, надсаженным голосом. Никто не усаживал вдоль стены пьяниц с разбитыми носами и уголовников в наручниках.

Воздух здесь был сух и прохладен. Пол покрывали мягкие ковры богатых расцветок, в простенках высились вазоны с ухоженными фикусами, а прозаический вид из окон скрывался под водопадом из шелковых французских штор.

На фундаментальной дубовой стойке благоухал роскошный букет, вставленный в хрустальную чистую вазу. Рядом выстроились разноцветные телефоны.

Лумумба, остановившись, одобрительно огляделся.

— Вот это я понимаю: учреждение. — заявил он, поводя вокруг восхищенным взором. — Так и хочется пустить слезу по ушедшей эпохе канцелярита и бюрократии.

Цаппель скромно опустил бледные глазки.

— Стараемся, господин Лумумба. Поддерживаем, по мере сил... Иначе мы станем анархией, а анархия, как известно, э...

— Мать порядка. — напомнил наставник. Цаппель смутился.

— Ну да, конечно... вы правы, наверное... Порядок и хаос... две стороны одной медали... — наконец мы добрались до ресепшена, за которым сидела миленькая барышня в прозрачной блузке и кудряшках. — Стэллочка! — искусственно обрадовался Цаппель, будто не ожидал у себя в приемной узреть эдакое чудо. — Сделай-ка нам чайку...

И распахнул дверь в просторный, как зал ожидания на вокзале, кабинет.

— Ну, чем мы можем служить отцу, я не побоюсь этого слова, города? Опоре, я не погрешу против истины, нашей нации? — спросил Лумумба, устраиваясь без приглашения в самом большом гостевом кресле.

Цаппель поспешно проследовал к своему месту: резному черненому трону, установленному за обширным столом со слоновьими ногами и столешницей зеленого, немного вытертого сукна.

Устроившись, он поочередно поправил стопку лежащих с краю бумаг, хрустальный шар, служащий, видимо, пресс-папье, набор самопишущих перьев в красивом серебряном подстаканнике, открыл и закрыл несколько ящичков... Мы ему не мешали.

— Видите ли, — наконец начал он. — У меня к вам дело.

— Это ничего. — благосклонно кивнул наставник. — Я готов вас выслушать.

— Точнее, просьба. Еще точнее, вопрос...

И градоначальник вновь замолчал. Поерзав, он с тоской выглянул в окно, будто желая, чтобы мы сами собой испарились. Так бывает: обращаться к магам многие считали чем-то неприличным, даже постыдным. Наставник говорит, что это — наследие прошлого. Те, кто родился до эпохи Распыления, подсознательно отрицали магию. Поверить в действительность заклęcia — всё равно, что писать письмо Деду Морозу, всерьез ожидая ответа. Этой метафоры я никогда не понимал. Знавал я нескольких дедов Морозов — вполне себе адекватные мужики...

И тут вошла Стэллочка, катя перед собой сервированную тележку. Лумумба незаметно подмигнул, я кивнул в ответ и кинулся помогать секретарше.

Цаппель явно нервничал, и Лумумба собирался немного над ним поработать. Но для этого нужно было отвлечь внимание...

Светски содрогаясь, я попытался выхватить тележку из фарфоровых ручек секретарши, бормоча при этом что-то насчет ангелов, спустившихся с небес. Девушка оказалась с норовом и тележки не выпустила. Несколько мгновений мы перетягивали дребезжащее сооружение каждый в свою сторону, но потом одновременно отпустили. Тележка пошатнулась, и чайник, разумеется, опрокинулся. Во все стороны брызнул кипяток, мы со Стэллочкой отскочили. Я — со сдержанным матом, она — с визгом. Тележка перевернулась.

Бухнувшись на колени, я принялся собирать блюдца, чашки, сушки, конфеты в ярких фантиках — парочку зажилил в карман, для Маши — и тут услышался многозначительный кашель Лумумбы. Кашель означал, что цирк можно прекращать.

Стэллочка, бормоча извинения и утирая несуществующие слёзы, потащила разоренную тележку за дверь, я, как ни в чем ни бывало, пристроился на стульчик в уголке. Учитель повернулся к Цаппелю.

— И так... поощрил он градоначальника. Тот явно пришел в себя и глядел гораздо веселее.

— Вы давеча говорили о некромантии. Что можно, мол, поднять усопшего и расспросить... Надеюсь, это было сказано не для красного словца?

Лумумба возмущенно фыркнул в усы и щелчком взбил бакенбарды.

— Уважаемый господин фон Цаппель. — начал он обязательную речь. — Я — дитя двух миров. Будучи сыном африканского негуса, науку сантерии и некромантии под руководством своего отца, по-совместительству — духовного вождя и шамана славного племени самбуру, я постиг еще в детстве. Затем приехал в вашу страну и поступил в неизвестный институт международных отношений, получив прозвище, ставшее впоследствии моим вторым именем. Меня, как профессионального бокора, сиречь — колдуна, очень интересовала доктрина материалистического коммунизма. Она только подтвердила моё глубокое убеждение в том, что всё на свете имеет свою причину и следствие. Теперь же, после Распыления, как вы сами изволили убедиться, чудеса случаются. Более того, они упорядоченно проистекают из известных причин и имеют определенные последствия. — сложив пальцы домиком у подбородка, Лумумба многозначительно посмотрел на Цаппеля. Тот нетерпеливо заерзал в кресле, и учитель поспешил закончить: — Говоря коротко, да. Я могу поднимать усопших. Цена зависит от давности захоронения. Мертвецы двухсот и трехсотлетние идут по особому тарифу. Конфиденциальность информации, полученной от усопшего, гарантирована. И так... — он вопросительно посмотрел на градоначальника. — Чем могу?

— Моя жена. Ядвига фон Цаппель, урожденная Зиммельдорф.

— Поздравляю. — небрежно бросил Лумумба.

— Скончалась от сердечной недостаточности несколько месяцев назад.

— Тогда приношу соболезнования. — учителя было очень сложно смутить. — Кажется, я начинаю понимать... — Лумумба сделал вид, что его осенило. — Вы хотите поговорить с безвременно ушедшей супругой. Попрощаться. Поплакать вместе. Вспомнить былые чувства...

— Узнать, где она спрятала фамильные драгоценности.

— Ни слова больше! — поднял ладони наставник. — Я всё понял. Материальная выгода — это похвально. Это, я бы сказал, даже благородно. Когда вы хотите осуществить ритуал?

— Хотелось бы побыстрее...

Лумумба, прикрыв глаза, забормотал: — Юпитер в доме Сатурна, Ковш приближается к Порогу, из восьми вычесть двенадцать... — открыв один глаз, он спросил градоначальника:

— Когда усопла супруга? Месяц, день, час...

— В январе сего года, двенадцатого. После обеда. — Лумумба вновь закрыл глаза.

— Великая Иеманжа приветствует Огу Ферей... Луна в знаке Тельца и славные духи-лоа пребудут в дом Ибо Леле... Сегодня ночью. — объявил он. — Обязательно до полуночи. Кто, кроме вас, будет на церемонии?

— А я должен там быть? — Цаппель не на шутку растерялся.

— Позвольте, милейший... — Лумумба сделал вид, что неприятно удивлен. — Мертвецы обычно не имеют склонности мирно беседовать с посторонними. Вообразите: лежишь себе, спишь мертвым сном. Вокруг тишина, чер-

ви... А тут — приходят, поднимают... Поневоле разозлишься! Обязательно нужен родственник. Кто-то близкий, кто поможет утихомирить разозленного зомби... — и веско добавил: хотите денег — извольте потрудиться.

— Ну... ладно. Хорошо. — градоначальник слегка побледнел. — как обычно, алчность пересилила страх.

— Тогда извольте задаток и мы пойдем готовиться. — наставник поднялся.

— Задаток? — Цаппель будто впервые услышал это слово. — К-какой задаток? Я думал...

— Для церемонии нужны редкие ингредиенты. — категорично отрезал Лумумба. — Ритуал требует жертв. Впрочем, если вы не готовы — забудем, и разойдемся, как в море корабли. — он повернулся к двери.

— Подождите! Подождите. — Цаппель стащил с мизинца перстень. — Может, возьмете это?

Лумумба, не касаясь кольца руками, склонился над камнем, посмотрел одним глазом и отступил.

— Я не ювелир, господин градоначальник, так что камнями не интересуюсь. — высокомерно бросил учитель. — К тому же, он фальшивый.

— Ну хорошо. Хорошо!

Цаппель отошел в дальний угол кабинета, кряхтя, опустился на пол и вставил ключ в деревянную панель, ничем не отличающуюся от тех, которыми была обшита вся комната. Затем, опасливо покосившись на нас, отодвинул массивную дверцу.

Мы делали вид, что совершенно не интересуемся процессом. Лумумба и во все отвернулся, любуясь своим отражением в стеклах секретера, расположенного напротив.

— Вот. — Поднявшись, градоначальник выложил на стол один за другим пять золотых червонцев. — Этого хватит? Или тоже будете проверять?

— Не буду. — Бвана покосился на монеты. — Я и отсюда вижу... Впрочем, это несущественно. — царским жестом он опустил монеты в карман и направился к двери. Остановился на пороге. — Да, чуть не забыл. На каком кладбище захоронена драгоценная супруга?

— На старом. — буркнул Цаппель. — За разрушенной церковью.

— Хорошо. — кивнул Лумумба. — Жду вас у могилы в десять вечера. Прошу не опаздывать. Приводите с собой стряпчего — или любого другого достойного доверия свидетеля, нам не нужны недоразумения. Честь имею.

— Бвана... Это ведь то самое кладбище. — Лумумба спешил покинуть пределы гостеприимного учреждения, и я за ним не поспевал. — Ну, то, где суккуб...

— Что такое, молодой падаван? Тебя гложут страхи и сомнения?

— Страхи меня не гложут! А вот сомнения — таки да. Зачем вы согласились? Нам что, делать больше нечего? Мы же обещали Маше помочь...

— Если ты помнишь, Зверь явился к дому под утро. Он не должен изменить привычкам. Мы успеем.

— Но зачем? Не из-за денег же! Монеты-то фальшивые. Точно такие, как у Кукиша...

Мы наконец оказались на улице. Солнце палило всё так же немилосердно, на дороге перед управлением клубилась пыль — только что промчалась запряженная лошадьми повозка, и я невольно закашлялся.

— И тебя это не настораживает? — спросил Лумумба, когда я перестал кашлять. — Поддельное золото, Мангазейская чеканка.

— Но... откуда вы знали? Когда мы сюда шли, вы же ни о чем таком не догадывались, верно?

— Чутьё. — отмахнулся Лумумба.

— Вот всегда вы так. — обиделся я. — Сами всё знаете, а мне не говорите.

— Головой учись думать. — и он замахал Маше. Я, разумеется, тут же заткнулся.

Глава 13

Иван

Остаток дня, пока Лумумба придавался послеобеденному отдыху и размышлениям в номере гостиницы, мы с Машей бегали по поручениям, собирая всё необходимое для ночного ритуала. Маша тоже опасалась, что взятые на себя обязательства помешают Лумумбе разобраться со Зверем, но учитель сказал, что всё идет по плану. Выдав пару ассигнаций и список, он закрыл дверь со своей стороны, оставив нас в одиночестве.

В глубине души я понимал, что со всеми приготовлениями мог спокойно управиться наш управляющий, услужливый и расторопный господин Скупердяев, но так же сознавал, что Лумумбе нужно какое-то время побыть одному, чтобы настроиться. Поднять зомби шестимесячной давности — это вам не баран начихал, несмотря на его хвастливые слова о двухсотлетних покойниках. Это, я вам скажу, работка не для всякого. Разумеется, он справится — не в первый раз, но какая-никакая подготовка всё-таки требуется.

К тому же, неумная энергия нашей новой сотрудницы требовала выхода и применения. Кажется, она совсем отбросила недоверие, которое испытывала к нам с Лумумбой, и, пока мы перемещались по городу, забрасывала меня вопросами, вперемешку с сведениями о родном городке. Примерно так:

— А в этом месте река весной заливает прибрежные районы, Мясникован — армянскую слободу и Зоопарк. Им приходится надстраивать над улицами мостки, и по ним ходить. А тебе Лумумба кто? И как так получилось, что негр живет в России?

— Он в Москву учиться приехал, еще до Распыления. А потом до Африки стало не добраться. Он и обрусел, женился даже. А я ему — ученик, слуга, мальчик для битья и лучший друг. А это что за каланча?

— Каланча — это где пожарные, дубина, а здесь бывший элеватор. Видишь, голубей сколько? Зерна давным-давно нет, а они всё летают... Говорят, в Москве магию совсем запретили, и Пыльцы нет. Вы поэтому к нам приехали? А правда, что рано или поздно все маги сгорают? Ни один еще до старости не дожил...

— До старости никто не дожил, потому что всего пятнадцать лет прошло. Сгорают, не сгорают — про всех, опять же, не скажу. Но срок действительно у каждого есть. А с чего ты взяла, что мы из Москвы?

— А больно вы гонорные, как все москаля. До всего вам дело, всё вам надо... Наши не такие. А во-он, видишь, за пригорком дымы черные? Это слобода Механиков. Раньше там городская свалка была — люди чего только не выбрасывали! Холодильники даже, телевизоры старые, компьютеры, мясорубки... Всё это Ростопчий скупил. Сначала хотел расчистить, для новой застройки, а по-

том сообразил, что на старых вещах можно хорошо заработать: новых-то не производят... Он в молодости сам слесарем был, на авторемонтном, так что руки откуда надо растут. И голова... Постепенно к нему стали другие умельцы прибиваться, и получилась слободка, а на самом деле — отдельный город. Они даже автомобили делают. И всё, что в хозяйстве нужно. Плуги там, жестянку, ложки-вилки... А оружейники — отдельно. У них свои правила. Мы, охотники, без оружейников — никуда. Только дорого дерут, собаки. С армейских складов дешевле, но порох у них сырой.

— И часто вы на охоту ходите?

— Да каждую ночь. А у вас что, не так? И охотников нет? Ну дела... А говорят, в Сибири бароны магов даже на службу берут, и деньги немаленькие платят. Вы туда не думали податься?

— Думаем. Может, и подадимся... А Баба Яга — она местная колдунья?

— А никто не знает. — беспечно отмахнулась Маша. — Только слухи, а так — не видал её никто. Может, это и не тетка вовсе, а ведьмак. А тут смотри, река поворот делает. Давай на холм заберемся — оттуда видно всё. Мы с Ласточкой сюда часто приходим. Приходили... Видишь развалины? Бывший монастырь. Там монахи жили, которые в бога верили. После распыления, утратив веру, все разбежались... Нам Бабуля рассказывал. — она погрустнела. — Говорили, раз допустил ихний бог такое безобразие, как Распыление — значит, и нет его совсем. А ты как думаешь? Может, наоборот: это он такую кару на людей наслал? Ну, как казни Египетские, только наркотик...

— Тоже Бабуля рассказал?

— Нет, это я, между прочим, в книжке вычитала. Библия называется. Занятная, только текст больно мелкий и слов много старинных. Но читать я люблю. Все книги, которые нахожу — обязательно читаю. Бабуля говорит, только так и можно постичь мир...

— Все книги написаны до Распыления. Мир с тех пор сильно изменился.

— Люди-то прежние остались. Бабуля говорит, в психологии и менталитете ничего не изменилось. Только предлагаемые обстоятельства... Ой, пароход! Гляди, колесо какое здоровое! Эге-гей! — и Маша замахала пароходу, святая простота.

Я незаметно вытер пот. Фильтровать базар так, чтобы ненароком не выдать чего-нибудь, чего Лумумба пока открывать не собирается — та еще работенка.

Но девочка наша, по-моему, тоже многого не договаривает...

К тому времени, как солнце село, мы обегали чуть ни весь город. У меня болело всё: и ноги, и руки — от сумок с покупками, и язык — от бесконечной болтовни, и голова — от жары и миллиона мыслей. Но экскурсия оказалась чрезвычайно полезной, сами мы ни за что бы столько не узнали...

Например то, чего хитрый Цапель не пожелал упомянуть: о сокровищах, зарытых перед смертью его женой, знает весь город. Более того, эти самые сокровища всем городом одно время и искали. Оказалось, его супруга занимала немаленькую должность в местном банке, и дамой слыла весьма жесткой и дальновидной. Сразу после Распыления она вывезла из хранилища банка золотой фонд — более сотни килограмм в слитках. Якобы, в целях сохранения оного. Никто этого золота больше не видел, а супруга, оставив должность, уда-

лилась на покой, в семейное поместье фон Зиммельдорфов. Многие пытались вызнать, куда старуха спрятала слитки, но упрямая тетка не открыла сей тайны даже мужу, так и унесла её в могилу.

Всё это Маша выдала мимоходом, пока мы искали черную курицу. Про жизнь остальных замечательных людей она тоже много чего знала — город всё-таки небольшой. Надо только не забыть, Лумумбе пересказать...

Сложнее всего оказалось с тыквой. Середина июля, для тыкв — не сезон. В конце концов мы просто сперли небольшую глиняную кринку, сушившуюся на чьем-то заборе в пригороде. Из нее, путем применения нечеловеческой изобретательности, предстояло соорудить агогон — африканскую погремушку для отпугивания злых духов...

На кладбище было спокойно. Никаких духов, вздымающихся из могил с воплями, что им душно в сырой земле, никаких суккубов, соблазняющих отравленным вином...

Бвана был прекрасен. Одетый во всё белое, он, как дух, парил над черной землей, только зубы сверкали в плотоядной улыбке. На чело его были нанесены ритуальные вевес — дорожки из белых точек, в руках, как царский скипетр, дребезжал агогон. Его мы смастрячили с Машей, раскрасив кринку яркими, светящимися в темноте красками и украсив петушиными перьями. К кринке приделали длинную ручку от метлы, а внутрь насыпали сухой горох. В кладбищенской тишине он издавал тихие, таинственные звуки...

К кольшку у могилы Ядвиги фон Цаппель, урожденной Зиммельдорф, была за лапу привязана черная курица. Пока суть да дело, она клевала зерно.

Припозднившись, явился Цаппель с двумя свидетелями. Истец был бледен. Его заметно штормило и разило тоже за версту — поддал для храбрости, голубчик. Двоих других нам не представили, но это явно были не стряпчие. Разве что, в ихнем городе так заведено, чтобы адвокаты имели пудовые кулаки, квадратные, жесткие, как терка, подбородки и крошечные бульдожьи глазки.

Я прикинул, что с одним-то я точно управлюсь. Остаются второй тяжеловес и сам Цаппель, выступающий хоть и в весе пера, но зато с пистолетом. Его ручка торчала из кармана куртки... Интересное кино: нас, походу, собираются тихонько кокнуть после того, как станет известно, куда старуха подевала золотишко. А что? Тоже проверенная веками традиция: о кладе должен знать только его хозяин...

Я незаметно указал Лумумбе на пистолет. Тот, не выходя из образа, величественно кивнул прибывшим, а мне подал незаметный знак: всё путем, мол... Ладно.

Тут еще вот какое дело: мне учитель вмазываться категорически запретил. Во-первых, от прошлой дозы пополам с зельем суккуба еще отходняк не прошел, а во-вторых... В общем, он сказал, что управится сам.

Ну и ладно, не больно-то и хотелось на его вудуистские штучки смотреть. Скажу прямо: зрелище то еще. Наше, эндемичное, так сказать, колдовство, по сравнению с настоящим вуду — детские бирюльки. Лично меня, после того, как впервые увидел папу Легбу в "большом теле", пришлось неделю манной кашей кормить, через трубочку — больше ничего в горло не лезло... Так что, может, оно и к лучшему: Папа по сравнению с хозяином кладбищ — просто

милый старичок в похоронном костюмчике и затрапезном котелке. А сегодня придется договариваться с Бароном Субботой — иначе зомби не поднять, хоть тонну Пыльцы сожри. Лоа своё дело крепко знают, и за базар отвечают всегда. Только вот от людей, заключающих сделки, они ожидают того же. Иначе... Тьфу, тьфу, не буду сейчас, ночью, на кладбище, вспоминать, что бывает с теми, кто пытается кинуть древних африканских духов.

Пока мы с Машей тцательно, в четыре руки, сыпали вокруг могилы дорожку из соли и золы, Лумумба разговаривал с Цапшелем. Объяснял порядок ритуала, кто где должен стоять и как себя вести. Градоначальник, в первое мгновение смутившись при виде Маши, быстро пришел в себя. Одним человеком больше, одним — меньше... Девчонку видели в нашем обществе, несложно будет доказать: увязалась мол, девка, за приезжими магами...

И вот началось.

Взмахнув ритуальным ножом, Лумумба снес голову курице. Кровь, черная и глянцевая в свете луны, хлынула на землю и бвана, разбрызгивая её во все стороны, начал ритуальную пляску, нараспев читая заклинание. На самом деле, как он мне объяснил, это была простая считалочка на языке самбуру. Слова ничего не значат, они нужны для общего антуража. Лоа привлекают не звуки, а жизненная сила, которой владеет унган. Ну, и свежая кровь, конечно.

Выжав тушку досуха, Лумумба встал прямо над могилой и воздел к небу агогон. А затем... Я знал, что учитель это умеет, но не подумал, что он пойдет на такой риск сегодня.

Стоя прямо на кладбище, над могилой, он приоткрыл Завесу для нас, незрячих. Отодвинул пелену, скрывающую Правь от Нави.

Сразу стало светло. Но не солнечным или лунным светом, а бледным сиянием болотных гнилушек. Над многими могилами воздвиглись крутящиеся наподобие смерчей столбы — духи убитых; по тропинкам зашмыгали тени, похожие на тощих кошек, со светящимися глазами. Видать, где-то рядом свежая могила, и гули собрались полакомиться мертвечинкой. За пригорком кто-то пел хрипло, заунывно, на два голоса, то и дело сбиваясь на какой-то древний архаичный язык, а в воздухе колыхались мельчайшие прозрачные капли протоплазмы — остатки прошлых заклинаний и других магических воздействий...

Оттуда, где стояли охранники, раздались приглушенные вопли страха. Я удовлетворенно хмыкнул. Подумают еще десять раз, прежде чем нам вред какой учинить...

А из могилы, как ростки, показались серые длинные ногти и начали рыть. Следом вздернулись тонкие руки, похожие на вымоченные в воде палки, вылезла макушка, сплошь облепленная седыми волосами, показался крючковатый нос, за ним — острый, загибающийся к носу, подбородок. Появилось белое, вымазанное в земле платье с истлевшими кружевами, и старуха, наконец, воздвиглась над собственной могилой.

Вся она была опутана тонкими, как паутина, волосами, ногти на руках завивались штопором, глаз не было, на их месте копошились белые жирные личинки. На шее трупа поблескивало бриллиантовое кольцо.

Покойница подняла руки и попыталась выдавить из себя какой-нибудь

звук. От охранников вновь послышались глухие, едва сдерживаемые стоны.

Лумумба бросил зомби куриную тушку. Ловко схватив её, несмотря на ногти, старуха, рыча, впиалась в сырое мясо, в стороны полетели черные перья. Съев всё, без остатка, она подняла скрюченные руки и двинулась к краю соляного круга. Но, разогнавшись, и грохнувшись всем телом в невидимую стену, отлетела к разрытой яме, из которой выбралась.

Наставник отдал короткий приказ. Покойница замерла, прислушиваясь, а потом встала ровно.

— Слушаю и повинуюсь, Хозяин. — прошелестел тихий голос.

— Скажи, милая, кто ты? — ласково спросил учитель.

— Я — Ядвига фон Зиммельдорф.

— Отчего ты умерла?

— Мой муж отравил меня.

Наставник повернулся назад, и многозначительно приподняв бровь, прокомментировал, обращаясь к Цаппелю:

— Это усложняет дело, уважаемый. Мертвые не любят разговаривать со своими убийцами... Отчего вы упустили эту маленькую, но столь важную деталь, когда поручали мне встретиться с вашей супругой?

— Это навет! — взвизгнул Цаппель. — Она умерла от сердечной недостаточности, у меня и заключение доктора имеется!

— Мертвые не лгут, господин хороший. — покачал головой Лумумба. — Им это просто незачем, ибо отринули оне суетность мира сего. Впрочем, сейчас это не важно. — он вновь развернулся к зомби. — Заседание продолжается!

И только сейчас я ощутил дикую, почти невыносимую боль в руке. Оказывается, Маша впиалась в мою многострадальную конечность не только ногтями, но и зубами — не иначе для того, чтобы не кричать: перед ритуалом наставник строго настрого запретил издавать любые звуки, не относящиеся к делу. Просунув меж её зубов палец, я кое-как разжал девичьи челюсти, и еле успел этот палец спасти — Маша, совсем, как щелкунчик, с хрустом захлопнула рот. Она тряслась, как заячий хвост, а лицо блестело от липкого, холодного пота.

Тихо обругав себя дубиной, я обнял её обеими руками, и, отворотив от страстей, творящихся на кладбище, прижал к себе. Вот так, без предупреждения, без подготовки, увидеть Навь... Если она не станет потом заикаться и отказываться спать в темноте, я сильно зауважаю пигалицу! А Лумумба тоже хорош — не предупредил. Хотя... Всё-таки я сам виноват. Надо же думать: как бы еще Цаппель смог увидаться с покойницей? Мог бы подумать и предупредить, чего ждать.

Разговор Лумумбы с умертвием тем временем продолжался.

— Скажи, милая, — вопрошал ласково учитель, — это ты вывезла золото? — Цаппель при этом протестующе заверещал, ведь он думал, мы про золото знать ничего не знаем. — наставник отверг его властным мановением руки.

— Я вывезла. И спрятала.

— А куда, позволь узнать?

Старуху затрясло и перекорежило.

— Не скажу! — наконец прошипела она. Большой личной силы была жен-

щина: сопротивляться прямому приказу унгана зомби не способны. — Не скажу! — стенала она, качаясь, как былинка на ветру, и заламывая руки. — Не отдам!

— Отчего же, сударыня? Вам оно, как мертвой, без надобности... — увещевал старуху Лумумба, делая в воздухе руками пассы.

— Давит, давит, не дает мне покоя! — выла старуха, напомнив мне тут же давешних призраков. — Держит меня у Завесы, не отпускает... Золото! Золото! Не отдам! Моё! — она повалилась на землю и стала проворно закапываться.

— Стоять! — взревел Лумумба. Старуха перестала копать. — Предлагаю сделку: скажи, где золото, и я отпущу тебя! Я дам тебе покой!

— Покой... — с тоской проскрежетала покойница. — Нет мне покоя, пока убийца мой ходит по земле... Нет мне покоя! — тонкие руки со страшными ногтями потянулись к мужу.

— Однако! — наставник вновь развернулся к Цаппелю. — Высокие, как я погляжу, у вас отношения. — градоначальник с посиневшим лицом только хватал воздух, как рыба, и слабо отмахивался. — Стоило бы вас убить, чтобы бедняжка упокоилась... — продолжил безжалостно Лумумба. — Ну да ладно, всё в свой срок. Встретитесь еще. — унган нехорошо хохотнул.

— А ну, милая, сейчас забудь всё, кроме того, где лежит золото! — и Лумумба легонько тукнул старуху агогоном по голове.

Та перестала выть, расслабилась и вытянулась. А потом заговорила. Бормотала она минут пять, я не сильно прислушивался. Маша утрелась у меня на груди, и только сопела, тихо-тихо... А я гладил её по волосам.

Договорив, покойница замерла. Лумумба вновь воздел руки и прокричал призыв. С неба упал огненный столб, грянулся оземь, и вдруг, прямо рядом с нами, из воздуха соткался скелет. Одет он был в черный с иголки фрак, повязанный красным кушаком, на брюках же светились белые щегольские лампасы. Ноги скелета были обуты в остроносые лакированные туфли, а на голом, желтоватом черепе поблескивал шелковый цилиндр. Оглядевшись, и кивнув Лумумбе, как равному, барон Суббота подошел к мертвой женщине и поклонился так, будто приглашал на танец. Затем, сложив руку кренделем, предложил ей. Покойница, вдруг необыкновенно помолодев и став жгучей брюнеткой, улыбнулась и руку барона приняла. Суббота взмахнул тростью, и перед парой выложилась дорога из желтых золотых кирпичей. Они ступили на неё и растаяли.

Лумумба, взмахнув агогоном, задернул завесу. Все выдохнули.

Я огляделся: оказалось, охранников Цаппеля и след простыл, а сам градоначальник сидел на земле, привалившись к могильному камню и разбросав ноги. Вид у него был совершенно отсутствующий.

Лумумба, заботливо попрыгав на могилке, разрушил ногой соляной круг и вышел.

— А вы молодец. — бросил он Цаппелю, раскуривая трубку. — Многим на вашем месте приходилось срочно искать чистое исподнее.

Градоначальник только бессильно махнул рукой. Об убийственных планах по поводу наших персон он и думать забыл.

— Ну? Вы удовлетворены? Устраивает полученная информация? — продол-

жил допрос учитель. — Но я бы на вашем месте поторопился. Ваши люди тоже слышали слова покойной, и, мне кажется, уже отправились в места не столь отдаленные.

— А теперь ходу. — Лумумба повернулся к нам и потер руки так, будто только что вышел из-за стола. — Нас ждут великие дела.

— Какие? — спросила Маша на бегу.

— Как это, какие? Твой наставник ждет не дождется, когда его расколдуют. До рассвета не так уж много времени.

Глава 14

Иван

Дачный поселок, в котором жила Маша, располагался недалеко от кладбища, за излучиной реки. Оставив Цаппеля приходить в себя и собираться с мыслями, мы припустили прямо по берегу — так было короче.

Лумумба, чтобы не сверкать во тьме белыми одеждами, накинул свой любимый плащ. И теперь полы его раздувал встречный ветер, делая наставника похожим на громадную голенастую птицу.

— Вань? — Маша, пристроившись рядом, взяла меня за руку.

— Ты чего?

— Так, ничего. Не по себе что-то.

— После Нави всегда так. Скоро пройдет.

— Да я больше о Бабуле. Как думаешь, его правда удастся расколдовать?

Я честно задумался.

— Не знаю. Мы ж сами еще ничего не видели. Будем надеяться...

Зайдя домой, Маша принялась хозяйничать. Поставила чайник, достала вазочку с колотым сахаром, и, пока он закипал, попыталась навести порядок. Вытерла пыль, собрала оставленную с прошлого визита посуду в раковину. Руки у нее немножко дрожали. Но это, я думаю, от волнения. Я и сам переживал: как пройдет встреча с Бабулей? Один Лумумба был спокоен и невозмутим, будто и не разговаривал всего пару часов назад с мертвецами, а сейчас ему предстоял заслуженный отдых, а не новое колдовство.

Чаю попить мы так и не успели. Почувствовали. Выразалось это вот в чем: по спине, от лопаток, пошел жар и стало страшно. Этот-то беспричинный страх явственней всего и указывал на присутствие потустороннего существа.

Когда я был совсем-совсем маленьким, меня возили на лето в деревню. О тех золотых днях я не помню ничего, кроме одного.

Домовой. По словам бабушки он жил за печкой, а по ночам бродил по дому. Первые ночи я просыпался от душного ужаса. Он как влажная простыня облепившая тело, не давал ни вздохнуть, ни позвать на помощь, ни пошевелиться. Бабушка говорила, что так бывает, когда к кровати подходит домовой и смотрит, как ты спишь...

Когда я впервые увидел Тот свет, спытал это самое чувство, и назвал его по-своему: нетерпячка. Потому что не видеть, но при этом чувствовать вторжение Нави в Правь — это всё равно, что усесться голым задом на муравейник и не иметь никакой возможности с него подняться.

Будто черти пляшут на твоей могиле — говорил на лекциях товарищ Седой. Лумумба же объяснял всё проще и прозаичнее: спазмом коронарных сосудов.

Ощутив Навь, Лумумба хищно зашевелил носом и поднялся. А Маша как раз чай разливала, да так и замерла. Кипяток побежал через край чашки в блюдце, а затем потек на скатерть.

— Это он. — сказала она шепотом. — Зверь. Я его слышу...

Учитель, скользнув к подоконнику, выглянул наружу.

— Вижу. — спокойно сообщил он, а затем оглянулся и внимательно посмотрел на Машу. — Ты чувствуешь в себе силы встретиться с ним еще раз?

— Боюсь, у меня не хватит сил отказаться.

Я всё больше восхищался этой девушкой: любой на её месте, слышав зов Нави второй раз за ночь, имел право впасть в истерику.

— Тогда иди, голубушка, и ничего не бойся. Мы будем рядом. — напутствовал её Лумумба. Маша удивленно улыбнулась.

— А я и не боюсь. Это же Бабуля. — она встала и направилась к выходу из кухни. — Обещайте мне одну вещь. — попросила, задержавшись у притолоки. — Что бы ни случилось, не убивайте его.

— Не волнуйся. — сказал Лумумба. — Я же обещал.

А мне сказал:

— Не вмешивайся, стажер. Лучше всего, подожди здесь, у дома. Сейчас от тебя мало пользы... — и пошел вслед за ней, а я остался.

Тонкая фигурка Маши удалялась в сторону реки по освещенной луной улице. Лумумба крался за ней, хоронясь в тени заборов. Он прекрасно всё видел, так как всё еще был под кайфом, и мог вмешаться в ход событий в любой момент. Мне же оставалась участь жалкого наблюдателя, так как Нави без Пыльцы я увидеть не мог.

Но я не выдержал. Остаться на месте было выше человеческих сил, и приказов наставника, соответственно. Путаясь в траве и тихо чертыхаясь, я всё-таки пошел вслед за ними вдоль обочины, уповая на то, что никого не разбужу.

Стояла мертвая тишина. Хуже, чем на кладбище. Там хоть сверчки пели, да совы кричали, а здесь не было ничего. Я не слышал даже собственных шагов.

Добравшись до реки, я спрятался за небольшой холмик, поросший камышом и, раздвинув твердые гладкие стебли, стал наблюдать. Волны накатывали на берег совершенно бесшумно, как в немом кино, и резкий, ацетиленовый свет луны высвечивал каждую песчинку на пляже. Маша стояла по колено в воде и разговаривала с кем-то невидимым. Она то протягивала ему руки, то прижимала их к груди, о чем-то умоляя. Ветер раздувал её волосы, закрывая прядями лицо, но она даже не пыталась их убрать.

Потом я понял, что она плачет — по тому, как содрогались её плечи. Чувствовалось, что её тянет на глубину, будто невидимой веревкой, и Маша поддается — шажок за шажком. Потом её рвануло особенно сильно, она упала, скрывшись под водой, и я вскочил. Черт с ними, со всеми обещаниями, вместе взятыми. Если эта тварь утащит её под воду...

— Спокойно, падаван. — Лумумба, незаметно подобравшись сзади, упал сверху, прижимая меня к земле.

Как только учитель меня коснулся, Завеса поднялась и я увидел Зверя. Он стоял в воде, и волны образовывали вокруг его длинных стройных ног серебряные круги. Его обнаженный торс светился и мускулы рельефно перекатывались под гладкой кожей. Бледные, как лунный мед, волосы буйно струились по плечам, а узкие глаза над высокими скулами пламенели синими всполохами. Губы улыбались. Он держал Машу на руках — голова её бессильно свешивалась, волосы плавали в воде. Глаза девушки были закрыты, а рот приоткрыт. Я никак не мог понять, дышит она или нет...

— Бвана, сделайте что-нибудь. — срываясь на визг, зашептал я. — Сделайте, или я за себя не ручаюсь. Он же её сейчас утащит!

— Тихо, стажер. Не думай о нем хуже, чем он того заслуживает.

— Да при чем здесь хуже или лучше? Это же Зверь. Он же её околдовал, и сейчас утащит в своё логово...

— Не утащит. Ты же видишь, он пытается сохранить антропоморфную внешность — а значит, он всё еще пытается остаться собой.

В поведении наставника, к сожалению, было куда меньше уверенности, чем в его словах. Он подобрался, готовый в любой момент прыгнуть. На мгновение у меня захватило дух. Если они сцепятся... Если в схватке сойдутся Зверь и Тигр — это будет самым захватывающим зрелищем, которое мне доводилось видеть. Возможно, что последним в жизни...

Зверь повернулся от берега и пошел в глубину, всё так же держа Машу на руках. Я рванулся.

— Отпустите! Я должен её спасти! — видимо, забывшись, я заорал слишком громко, потому что Зверь остановился.

Выпустив Машу, будто забыв о ней, он пошел к берегу, на ходу изменяясь. Лицо его вытянулось, став мордой с огромными челюстями и глубоко запавшими, светящимися глазами. Ноги и руки стали лапами, спина покрылась шерстью. Смотреть на превращение было жутко. На какой-то миг показалось, что его вывернуло наизнанку, явив миру кишки и кровеносные сосуды.

Остановившись возле нас, он втянул носом воздух и прорычал:

— Человечьим духом пахнет. — в гробовой тишине голос Зверя звучал, как гром.

Учитель, ткнув меня носом в песок и навалившись сверху всей тяжестью, забормотал скороговоркой:

— Уйди от костей моих, уйди от мяса моего, уйди от волос моих...

Зверь зарычал, а потом заскулил, будто щенок.

— Уйди от мыслей моих, уйди от дыхания моего, уйди от сердца моего... — еще громче продолжил наставник.

— Забудь мой запах, забудь, что видел меня, забудь, что слышал меня...

Я почувствовал его дыхание на затылке. Волосы зашевелились, и мне тоже захотелось заскулить. Под кожу будто набился песок, так же, как во рту и в груди. Лёгкие нестерпимо жгло — всё это время Лумумба не давал мне дышать.

— Забудь мою жизнь, забудь мою смерть, уйди туда, откуда пришел!

И он отступил. Песок зашуршал под тяжелыми лапами, раздался плеск, другой, и — всё. А потом вернулись остальные звуки.

Я услышал, как натужно дышит прямо над ухом наставник, как накатывают волны на песок, как шелестит трава... А потом я чихнул. Мы с наставником подскочили, и вновь ударились оземь, плашмя, всем телом, а звук покатился по реке, отражаясь от высоких берегов, будя спящую в камышах птицу.

Лумумба вскочил, я, отплевываясь от песка, за ним. Маши нигде не было. Бешено вертя головой, я ощупывал взглядом небольшие, поросшие травой дюны, надеясь заметить тоненькую фигурку, потом что-то увидел — просто какую-то тень на воде, и побежал.

Она качалась на волнах вниз лицом, и волосы веером плыли по поверхности. С воплем я бросился к Маше, поднял её, потащил на берег, перевернул... Она не дышала. Обливаясь слезами, не в силах сдержать икоту, я стал бить её по белым щекам. Голова бессильно моталась из стороны в сторону, но глаза оставались закрыты. Ругая себя, Лумумбу, Зверя, магию, я положил её на песок и склонился, чтобы вдохнуть ей в лёгкие воздух...

— Не так надо. — учитель был спокоен и сосредоточен. — У нее в легких вода, а ты пытаешься наполнить их воздухом. — я только хлопал глазами, не понимая, что он имеет в виду. Попытался что-то сказать, но не смог.

— Переверни её, положи ребрами себе на колено, и... похлопай по попке. — и он показал руками, как именно надо хлопать. — Давай, чего ждешь?

Я сделал, как он велел. Если Маша, очнувшись, поймет, что я прикасался к её драгоценной попе... Лучше об этом не думать. Зажмурившись, я отвел руку для очередного хлопка, и тут она, на счастье, закашлялась. Вода полилась из её горла, как из ушата.

Придя в себя, она долго сидела на песке и смотрела на воду. Иногда вздыхала. Иногда — вытирала слёзы. Я сел рядом с Машей и взял её за руку. Так мы встретили рассвет. А потом пошли обратно в город, в нашу гостиницу.

Про Зверя она так ничего и не сказала. А я не спрашивал.

...Около восьми мы наконец-то добрались до своей нынешней резиденции. Перед "Гарцующим пони" былолюдно. Я удивился: с чего вдруг наша гостиница стала такой популярной?

Рядом со входом было припарковано сразу два автомобиля: черный, с глухими стеклами, "Лексус" и длинный роскошный "Понтиак" цвета "коричневый металлик". Дальше, на углу, как бедный родственник, притулился серенький тарантас со значком управления полиции.

Роскошные тачки, естественно, вызывали нездоровый интерес мальчишек, бродячих собак и прочей публики. Среди присутствующих можно было отметить двух бугаев в косоворотках и смазанных салом сапогах; здесь же отиралась парочка молодчиков в черных, с искрой, пиджаках и лакированных штиблетах. Не иначе, охрана Хозяев роскошных тачек. Рядом с серым тарантасом стояли несколько полицейских, безуспешно делая вид, что они просто вышли погулять.

— Как вы думаете, бвана, отчего спозаранку стольким людям вдруг приспичило прогуляться у нашей гостиницы? — и не подумав приглушить голос,

спросил я.

— А это они по наши души пришли. — охотно объяснил наставник. — Вчерашние события сделали нам неплохую рекламу, и народ спешит воспользоваться услугами господ магов.

— А как же полиция?

— Ну, у всех свои нужды. — усмехнулся учитель. — Градоначальник к нам уже обращался, так почему бы его примеру не последовать и полицеймейстеру?

Пока мы пробирались к двери гостиницы, меня пару раз толкнули в спину, а Маше злобно шипели вслед.

— У, нашла себе дружков.

— Да она и сама не лучше.

— Давно пора их всех перевешать. Сколько можно терпеть?

— Ага... А они в тебя файерболом...

— Наркотики сжигать надо, тогда и бестий этих не будет...

Странно. Вчера на нас никто внимания не обращал, а сегодня, прямо с утра, что-то не жалуют.

На заднем плане, задрав ногу на колесо "понтиака", стояла огромная псина и смотрела прямо на меня. Что-то много у них в городе бродячих собак... Или это один и тот же пес? Вроде у того одно ухо было черное и обвислое, а у этого — пятно на глазу... Нет, всё-таки не тот.

— И что же нам делать? — спросил я, распахивая дверь в фойе и пропуская Лумумбу и Машу вперед.

— А ничего не делать. — отвечивал благодушно наставник. — Поднимемся в номер, закажем свежего кофе...

Из плетеного кресла поднялся полицеймейстер собственной персоной. По бокам его, вытянув руки по швам, материализовалась пара дюжих молодцов.

Мы с учителем предугадывали и такой поворот событий. Молва о местонахождении клада наверняка облетела весь город. Неудивительно, что многим пришла охота поучаствовать в поисках. Золото ведь было украдено из государственного банка, и личной собственностью Цапшеля, строго говоря, не являлось. Скорее всего, Штык хочет, чтобы Лумумба раскрыл секрет.

У окна, в другом плетеном кресле, я вдруг увидел господина Дуриняна, виноторговца. Тот безуспешно прикрывался развернутой газетой, но эти тонкие усики и лаковый пробор могли принадлежать только ему.

— Именем закона вы арестованы. — Штык достал наручники. — Вы имеете право хранить молчание...

— Позвольте. — удивился наставник. — сначала хотелось бы услышать, в чем нас обвиняют.

— В убийстве господина фон Цапшеля, градоначальника. — и Штык кивнул своим молодцам.

Мы с Машей застыли, выпучив глаза, да и Лумумба несколько посерел лицом.

— Убийство? — тихо спросил он. — Когда это произошло?

— Вопросы буду задавать я. — Штык нетерпеливо дернул подбород-

ком. — И совсем в ддрругом месте. Извольте подчиниться.

— Хорошо. — учитель протянул руки и полицейский быстро захлопнул браслеты. — Убийство меняет дело. Пройдемте. Надеюсь, мои стажеры, в отличие от меня, могут быть свободны?

— Так как вы являетесь убийцей, ваши ученики, соответственно, становятся сообщниками. И ответят по всей строгости закона.

Лумумба моментально стряхнул наручники, а затем протянул их полицейскому, брезгливо держа двумя пальцами.

— Вы бросаетесь необоснованными обвинениями, герр Штык. Я готов пройти с вами в управление, чтобы всесторонне изучить преступление и найти виновного, но подвергаться голословным нападкам не имею желания.

— Я сам был свидетелем тому, как вы удалились вместе с Цаппелем к нему в кабинет! — процедил полицеймейстер.

— Это было днем. — спокойно сказал учитель. — Куча народу видела, как мы вышли из управления, попрощались с градоначальником и направились в гостиницу.

— Все знают, что он подрядил вас отыскать клад.

— Не отыскать. А всего лишь узнать у покойной супруги, где он находится.

— У покойной? — выкатил глаза полицеймейстер. — Что вы мне тут ваньку валяете! Какие могут быть разговоры с покойниками!

Вокруг нас начал накапливаться народ. Управляющий, пара горничных, три носильщика в тускло-коричневых, с желтым кантом, тужурках, повар из ресторана — его крахмальный колпак подпирал потолок. Внутри просочилось даже несколько зевак с улицы. Все внимали, раскрыв рты: новая сенсация городу обеспечена.

Уже по привычке я огляделся в поисках пса. Странно, что его нет. А я уже как-то привык...Еще я одним глазом следил за Дуриняном, гадая, какой из роскошных авто принадлежит ему: Понтиак или Лексус? Решил, что скорее Лексус. Армянин то и дело высовывал любопытный нос из-за газеты — тоже прислушивался.

Его можно понять: спешил к магу, наверняка имея какую-нибудь животрепещущую просьбу, и теперь вынужден ждать, чем закончится спор с полицией. В случае, если нас арестуют — Дуринян в пролете... Интересно, кому принадлежит второй автомобиль?

Как бы отвечая на мой вопрос, одна из дверей дальше по коридору распахнулась и перед нами возник Ростопчий, Михайла Потапович. За ним угадывались кафельные стены и громко шумела вода. Промышленник на ходу вытирал руки обширным, в красную клетку, платком.

Завидев Лумумбу он хрюкнул и стал решительно продираться сквозь толпу.

— А, Штык! — проревел он так, что становилось ясно, кто здесь на самом деле главный. — И у тебя проблемы? Тогда становись в очередь. Я первый пришел.

— Я здесь не по частному делу, а как представитель власти. — отчеканил полицеймейстер. — Произошло убийство, и господин маг является... — он кинул опасливый взгляд на учителя, — важным свидетелем. Так что, прошу. — щуплый полицейский попытался плечом оттеснить Ростопчия, но тот

не двинулся с места.

— Да хоть чертом лысым пусть является. Этого проныру Живчика убили, а мне срочно требуется маг. Подождет твое расследование. Мертвецу-то уже всё равно...

— Убит градоначальник. — зашипел сквозь зубы Штык. У него дергался глаз. — Дело государственной важности.

— Кнут убит? — тихо переспросил Ростопчий. Он весь преобразился, будто медведь, учуявший колоду с медом. — Когда? В его кабинете уже побывали? А дома? Много народу в курсе?

— Да я сам узнал час назад. — буркнул Штык, успокаиваясь. — Тело обнаружили рыбаки, под мостом... К берегу прибило, застрял в камышах. — он непроизвольно сглотнул и поправил галстук. — Кабинет я опечатал, домой к нему молодцов послал — тоже чтоб опечатали, у него там наверняка бумаги. А сам — сюда. Они вчера с этим, — он кивнул в сторону Лумумбы, — На кладбище собирались.

— Ага... — Ростопчий что-то прикидывал про себя. — Значит, это не пустой был треп. — говорил он так, будто Лумумбы рядом не было.

— Какой треп? — переспросил Штык.

— А, тебя ж тогда не было... — вспомнил промышленник. — В тот вечер, когда Живчика грохнули, мы все у Ленки сидели. Он трепался, будто умеет с зомби разговаривать. Смекаешь? — промышленник многозначительно поднял бровь.

— А Цаппель за это ухватился! — будто прозрел Штык.

— Господин Лумумба. — вспомнил полицеймейстер. — Кроме вас и фон Цаппеля, кто еще присутствовал на кладбище?

— Мои ученики и понятия господина градоначальника. — ответил учитель, и нетерпеливо поморщился. — Слушайте, мы так и будем торчать в фойе? Вам не кажется, что назрел конфиденциальный разговор? — и он обвел взглядом толпу. — Может, поднимемся ко мне в номер?

— Нет! — вдруг засуетился Ростопчий. — Поехали ко мне... — и, взяв Лумумбу за рукав, потащил к выходу.

— Пааазвольте. — Штык перегородил дорогу. — Это — полицейское дело.

— Да ты что? — выкатил глаза Михайла Потапович. — Совсем нюх потерял? Да я тебя... — он занес кулак, будто бить людей для него — обычное дело.

Лумумба, спокойно взяв его за запястье, руку отвел. Видно было, что Ростопчий сопротивлялся, но учитель оказался сильнее.

— Господа... Льстит, что вы оба проявляете внимание к моей скромной персоне, но... — он брезгливо отпустил Ростопчия, — Не будем мешать правосудию. Бытовыми делами я смогу заняться после того, как поговорю с любезнейшим господином полицеймейстером. — и кивнул полицейским. — Прошу, господа. Раньше сядем — раньше выйдем.

— Вы тоже. — впервые Штык обратился к нам с Машей. — Во избежание распространения нездоровых слухов.

Глава 15

Маша

Лично я думаю, Цаппеля грохнули свои же. Хотя бы те молодчики, которых он на кладбище притащил. Рожи у них, мало того, что незнакомые — явно не наши, не городские, так еще и насквозь уголовные. И слиняли они слишком быстро. Я тогда еще подумала: обделались со страху и к реке побежали — портки стирать. А выходит, вовсе они не испугались. Узнали про сокровища, которые Зиммельдорфиха зарыла, и ходу.

Возможно, прямо сейчас клад копают. А Ядвигу жалко. Такая она была печальная, одинокая... Каково это: знать, что тебя отравил собственный муж? А Цаппель и вправду злодей. Ходили слухи, что он по подвалам на беспризорников капканы ставит. Теперь я им запросто верю...

Когда Лумумбу повинтили, внутренний голос твердил: уходи, пока на тебя никто не смотрит. Скройся, заползи в канаву и сиди там, как мышь под метлой... Но я заупрямилась: надоело. Надоело быть незаметной, прятаться при малейшем шорохе, чувствовать себя никем. Вон, магам убийство шьют, а они скалят зубы как ни в чем ни бывало. Ни Ванька не боится, ни Лумумба. Хочу, как они. Чтоб ничего не бояться и ни на кого не оглядываться!

К тому же, с ними довольно весело. Всё время что-нибудь происходит.

Когда уходили из гостиницы, я даже испугалась, что про меня забудут. Но Штык не забыл. Вообще-то он мужик неплохой, даже хороший. Делает для города, что может, кражи расследует, убийства. И не только всяких там денежных мешков, простым людям тоже помогает.

Я знаю, потому что Бабуля к нему иногда обращался. Дети часто терялись: одни убежали, наслушавшись сказок про магию, другие — от непутевых, обдолбавшихся Пыльцой, родителей... Вместе они многих спасли. Находили, вразумляли, отправляли по домам. Если это было невозможно, пристраивали в другие семьи или в ученики к ремесленникам. Самых трудных, одичавших, потерявших всякую надежду — забирали мы...

Не могу перестать думать о Бабуле. Увидев прошлой ночью как он изменился, я почти потеряла надежду. Пока он оставался Зверем — страшным, несчастным, с чешуйчатой головой и огромным, заросшим шерстью телом, была уверенность: таким он быть не захочет. Но сегодня ночью... Это был почти что он, такой родной и хорошо знакомый. Только лучше. Такой как мы с Ласточкой его себе представляли в мечтах. Мы обе были в него влюблены... Но это не такая любовь, когда сюсюканья и поцелуи при луне, а совсем другая. Безнадежная. Страшная. Мы-то знали, у кого на самом деле его сердце... Только Бабуля теперь по ту сторону ходит, а любовь его здесь осталась. Он ведь чувствовал, что так случится, и сам от нее отказался.

А в Управлении ничего не изменилось. Накурено и мрачно, как и пять лет назад. Стены обшарпанные и полы грязные, будто их с тех пор и не мыли ни разу. Полицейские бегают, как ошпаренные — из-за убийства градоначальника. Таких громких дел у нас отродясь не было, вот и вздрючили их по полной.

Никаких бомжей и пьяниц, не наблюдается, только за конторкой дежурно-

го сидят две девки в лифчиках и панталонах и уличными голосами орут чашушки. На них никто не обращает внимания.

Нас почти силком протащили в кабинет полицеймейстера. Здесь было почище, но воняло всё так же гадостно — горелой бумагой и махоркой.

Штык, отмахиваясь и отбрыкиваясь от подчиненных, захлопнул дверь, запер её на ключ и, стремительно пройдя через комнату, упал на своё место за старым, изрезанным ножиком столом. Базиль уселся в единственное гостевое кресло. Нам же с Ванькой пришлось довольствоваться табуретками у стенки.

— Итак, приступим. — сложив руки на груди, Штык мрачно посмотрел на Лумумбу. — Когда и при каких обстоятельствах вы виделись с господином фон Цапелем в последний раз?

— Господин полицеймейстер. — откликнулся тот. — Думаю, пришло время поговорить начистоту. — и, достав из внутреннего кармана какие-то корочки, протянул их через стол.

Корочки были тускло-коричневые, с потертыми уголками. Полицеймейстер так и впился в них взглядом. Когда дочитал, глаза его съехались к переносице, а рот открылся. И стал господин Штык точь-в-точь окунь, вытащенный из воды и тут же брошенный на сковородку. Через секунду, придя в себя, он злобно посмотрел на Базиля и зарычал что-то невразумительное. Тот, на свистывая легкомысленный мотивчик, сидел, как ни в чем не бывало. Тогда полицеймейстер налил себе воды из засиженного мухами кувшина, выпил залпом, и спросил:

— Почему вы не пришли ко мне сразу?

— При всем уважении, это не ваша епархия. Кому надо, мы представились. Штыка затрясло.

— Это Шаробайке, что ли? Да он...

— Знаю. — Лумумба прикрыл глаза. — Поэтому и посчитал небесполезным уведомить еще и вас.

— Но...

— Это не отменяет подозрения в убийстве? У нас не было мотива.

— Убивать Живчика у вас тоже якобы не было мотива. Однако вы ошивались рядом и в том, и в другом случае. С тех пор, как вы в городе — случилось два убийства. Два!

— Возможно, с тех пор, как мы появились в городе, кое-кем овладела паника? — флегматично спросил Лумумба. — Вы же понимаете, мы здесь не просто так. И вправе подозревать вас точно так же, как вы подозреваете нас. Судя по филиалу нашего Агентства, коррупция охватила самые высшие эшелоны власти.

— Пыльца. — с силой проводя по лицу ладонью, как делает всякий человек, которому не дали выспаться, простонал Штык. — Черт бы её побрал.

— Слишком много Пыльцы. — поправил его Лумумба. — Для такого захолустного городка.

— Наш город является транзитным. — возразил полицеймейстер. — Река, а так же крупные междугородние трассы... Невозможно отследить все пути распространения.

— Вот видите. — похвалил его Базиль. — Вы и сами всё понимаете. Так случилось, что именно этот город является ключом к югу России. И воротами на

север. Отсюда многое видно, и многое можно сделать.

Они замолчали, думая каждый о своём. А я гадала, когда нас отпустят. Лумумба говорил, что если не получится с Бабулей здесь, нужно будет ехать в деревню...

— Что вы задумали? — вдруг спросил Штык. Он успокоился. Казалось, даже расслабился. Может, вздохнул с облегчением: не придется распутывать убийства в одиночку.

— Будем работать. — пожал плечами Лумумба. — Мы думаем, что убийства Живчика и Цаппеля связаны между собой. И, если не принять меры — будут и другие.

— Другие? — на лбу полицеймейстера выступил пот.

— Мы думаем, они действительно спровоцированы нашим приездом. Кто-то догадывается, кто мы, и избавляется от свидетелей. Чувствует, что ему вот вот прижмут хвост. — Базиль сложил пальцы домиком перед подбородком и уставился на Штыка. Белки его глаз недобро сверкнули. — Но мы не дадим ему спрятаться. Не имеем права. Потому что Пыльца — только звено.

— Гибридная война. — поморщился полицеймейстер. Лумумба с интересом выпрямился.

— А вы далеко не так просты, как хотите казаться.

— У меня тоже есть начальство. — буркнул Штык и многозначительно посмотрел в потолок.

— А-ха! — Лумумба хлопнул себя ладонями по коленям. — А я-то всё думаю: отчего это от вас так знакомо пахнет? — и хищно дрогнул ноздрями. Я тоже осторожно принялась. Кроме плохого табака, пахло еще носками и порохом. Больше ничем.

— По какому ведомству? — спросил Базиль совсем другим тоном.

— Контрразведка. — он встал из-за стола.

Поднявшись, Штык расстегнул китель, ослабил узел галстука и, достав из портсигара длинную сигарету с черным фильтром, отвернулся к окну. С наслаждением затянулся, выпустив дым из ноздрей...

А я сидела и думала: почему он нас с Ванькой не выгнал? Или хотя бы меня. Понятно, что с Лумумбой они теперь найдут общий язык — ворон ворону... Но при чем здесь я? Даже разозлилась. Любопытство — любопытством, но влезать в игры всяких там сильных мира сего мне не улыбается, даже статистом. Особенно статистом, потому что именно их обычно убивают в первую очередь.

— Назревает война. — сказал Штык, глядя в окно. — После Распыления начался новый виток Большой Игры. Он вернулся к столу и затушил сигарету в пепельнице. Затем взял окурки, разломал его на кусочки, вместе с фильтром, и поджег. Поплыл вонючий желтый дым.

— Только я не знаю, кто работает непосредственно в городе. Я здесь не так давно, мне еще не доверяют.

— А что случилось с прошлым полицеймейстером? — спросил Базиль.

— Вышел в отставку по возрасту. — усмехнулся Штык. — В отличие от начальника вашего агентства. Того, по слухам, убрали...

— Ну что ж. — Лумумба поднялся и протянул руку полицейскому. — Будем держать вас в курсе.

— Не забывайте: расследование веду я. — предупредил Штык, отвечая на рукопожатие. — На самом деле, я не должен был вам ничего говорить, но...

— Я понимаю. — кивнул Базиль. — Очень трудно всё делать в одиночку... Да! Вы обследовали кабинет градоначальника? — Штык кивнул. — Поделитесь?

— Ну...

— Давайте начну я. — Лумумба прошелся по кабинету. — В сейфе обнаружено золото Мангазейской чеканки. — запустив пальцы в карман жилета, он извлек монету.

— Фальшивка. — сказал Штык. — Но мы еще не знаем, откуда оно.

— У Цаппеля были долги? — спросил Базиль. Штык пожал плечами.

— Возможно. Он же хотел отыскать клад, зарытый женой.

— Но тогда зачем ему это? — Лумумба подбросил монету и поймал.

— Это золото ищут уже много лет. И сам Цаппель, и другие... — сказал полицейский. — Но безрезультатно.

— Не думаю, что он искренне полагал, что в моих силах поднять из могилы его жену, а тем более, расспросить. — Лумумба всё подбрасывал монету. Сверкала она, по-моему, как вполне себе настоящая. — Магия — магией, но в такие вещи люди обычно не верят. Возможно, Цаппель что-то подозревал или даже знал о наших истинных целях. И просто хотел избавиться от помехи — в стороне от города, на кладбище. А потом придумать какую-то правдоподобную версию нашего исчезновения... Например, что заезжий маг, не справившись с заказом, устыдился и убрался от греха подальше. Кто бы стал проверять?

— Вы предполагаете, что градоначальник был шпионом?

— По приезде мы должны были встретиться с нашим осведомителем. Неким Лёней Кукишем. Он обещал вывести на поставщика Пыльцы... Но был убит. Мы так и не успели поговорить.

— Кукиш был убит магическим способом. — заметил Штык, вытащив из пачки какой-то листок и помахав им в воздухе. — Есть заключение эксперта.

Лумумба фыркнул.

— Дорогой коллега. Когда человека превращают в животное, это можно увидеть, простите за банальность, невооруженным взглядом. Без всяких экспертиз.

— Я пытаюсь сказать, что Цаппель не был магом.

— Он мог нанять Живчика. А потом убрать и его, как ненужного свидетеля... — быстро проговорил Лумумба. — Вспомните показания: в какой-то момент Живчик, выпив лишнего, устроил скандал. Он кричал, что всё знает. И что готов прямо сейчас вывести всех на чистую воду... Градоначальник мог испугаться, что Живчик, напившись, разоблачит его перед всеми, и принял меры. Прошел мимо кресла, в котором сидел пьяный маг, и незаметно всадил нож... Вы, кстати, сняли отпечатки пальцев?

— Рукоять была чистой. — буркнул Штык. — Её вытерли.

— Ну разумеется. — кивнул Лумумба.

— Предположим, убив Кукиша и Живчика, Цаппель решил заняться вами. — напомнил Штык. — Так что же пошло не так?

— Элементарно, мой друг: он испугался. — Базиль чуть театрально наклонился к полицеймейстеру. — Для свежего человека увидеть Навь — изрядное испытание.

— Так вы и вправду подняли его жену? — глаза Штыка блеснули.

Лумумба фыркнул.

— Мы — не какие-то шарлатаны.

— Она сказала, что Цаппель её отравил. — все повернулись ко мне. Штык — с новым интересом, Базиль и Ванька — с осуждением. Я упрямо мотнула головой.

— А чего? Он же — полицейский, так? Пусть знает... Это же лишнее доказательство того, что Цапля — убийца!

Лумумба устало потер переносицу.

— Во-первых, Маша, будьте добры называть градоначальника по фамилии. Имейте уважение к покойному. А во-вторых... Ладно, ограничимся пока этим. — и он вновь повернулся к Штыку.

Я понимала, что сморозила глупость. Сама же не хотела вступать, а получается, что я теперь в их глазах — капризный, несдержанный ребенок, и доверять мне нельзя.

И тут меня осенила еще одна гениальная идея.

— Извините. — упрямото вновь подняло меня со стула. — Может, я вновь скажу глупость, но я вот о чем: если жена Цаппеля сказала, кто её отравил, почему бы вам не спросить Живчика, кто убил его? — и я снова села. Ванька незаметно вздохнул.

Штык требовательно уставился на Лумумбу, но тот невозмутимо усмехнулся.

— Если б вы там были, Маша, то не стали бы задавать такой вопрос.

— Почему? Думаете, не справитесь с магом? — иногда меня словно бес за язык тянет. Никак не могу остановиться.

— Живчика закололи со спины. — тихонько сказал Ванька. — Он просто ничего не видел.

— Итак... — будто подводя итог, Штык провел карандашом черту поперек белого листа бумаги. — Вы выяснили, где находится золото Зиммельдорфов, а так же то, что саму Ядвигу Карловну убил муж... И это слышали те двое, которых привел с собой Цаппель. Самый простой вывод: услышав, где спрятаны слитки, они пристукнули Цаппеля, а сами отправились за золотом. — налив воды из графина, Штык выпил, и со стуком вернул стакан на поднос. — Вам удалось всунуть палку в самый центр муравейника, коллега. — он рухнул в своё кресло и задрал ноги на стол. — Золото Зиммельдорфов — уважаемая в городе легенда. Сам старик, царство ему небесное, давно перекопал все свои владения — и участок при городском доме, и поместье жены... Да и среди горожан было много желающих найти клад. Теперь охота начнется по новой. — он оглядел нас слезящимися глазами и нервно хихикнул. — Гонка за сокровищами. Только этого мне не хватало.

Глава 16

Маша

В гостинице нас ждали. Как только мы вошли, навстречу поднялся армянин. Дуринян, кажется, владелец вино-водочных заводов. Я его видела раньше, издалека. Всегда окружении охраны. Не думала, что вблизи он окажется таким мелким скользким типчиком.

— Освежимся? — предложил Ванька. — Пока начальство беседует, можем зайти в бар, выпить прохладительного.

— У тебя что, денег куры не клюют? — буркнула я. — Можно и водички попить, из-под крана...

— На лимонад точно хватит. А потом нужно отдохнуть, я тебе свой номер уступлю, а сам у Лумумбы, на диванчике.

— Нет, что ты, не надо... — я дала увлечь себя по коридору, туда, где звучали тихие аккорды пианино и пахло сигаретным дымом. — Я могу и в кресле поспать.

— Не дури. Нам еще в деревню ехать на ночь глядя.

Отдохнуть не удалось. Как только принесли напитки, мне — розовый, с клубничным запахом, а Ваньке — воду с пузырьками, явился Лумумба. Оказывается, он успел договориться с Дуриняном о работе. Спиртное на его заводе вдруг превратилось в воду, и Лумумба обещал разобраться как это случилось. Точнее, это мы с Ванькой должны были ехать на завод, а Базиль сказал, что у него другие дела.

— Интересное кино... — поджал губы наш хозяин и повелитель. — Были в истории случаи, когда воду — в вино, но чтоб наоборот? Вы уж там не подкачайте.

— А если я опять лишнего сболтну? — со шкворчанием втянув последние капли молочного коктейля, спросила я.

— Ничего, небось, не пропадете. А мне недосуг.

— Конечно... — привычно заныл распаренный, не отошедший от жары, Ванька. Как в прохладном номере храпака давать, так вы первый, а как дело лютое, опасное — так сразу я. А Маша так вообще никому ничего плохого не сделала... — Лумумба только глянул сумрачно, из-под бровей, и Ванька тут же стух. — Ладно, пойду. — он тяжело вздохнул и мужественно поднялся с мягкого дивана. — А ежели не вернусь, доложите товарищу Седому: так мол, и так, пал стажер Спаситель в неравном бою. Смертью храбрых... И памятник. Черного, как ночь, мрамору... — я думала, Базиль его убьет, но тот только вздохнул терпеливо, а потом душевно так, от всего сердца, обнял дубину, облобызал троекратно, и отпустил.

— Лети, голубь. Через три часа жду с докладом.

А меня на прощанье по голове погладил.

Дуринян, увидев нас одних, поморщился. Поздоровался, рассыпался в комплиментах — Лумумбе, не нам; и даже ручку подал — мне, не Ваньке. Когда усаживал в свой крутой Лексус...

Двигатель заработал, запахло жареной картошкой.

— Признаться, я рассчитывал на помощь самого эээ... мастера. — полуобернувшись сказал он, устроившись за рулем. — Очень надеюсь, что вы эээ... справитесь не хуже.

— Отчего ж, эээ... не справитесь? — усмехнулся Ванька. — Обслужим по первому разряду.

Я уже просекла эту его фишку: при посторонних Ванечка старался казаться эдаким увальнем: сила есть — ума не надо. С его наивным детским взглядом, пухлыми губами и румяными щечками это прекрасно получалось.

— А барышня тоже... по магической части? — спросил Дуринян. Взгляд армянина мне совершенно не нравился: масляный какой-то, плотоядный.

— Что-то вроде того. — приобнял меня Ванька за плечи. — В ученицах пока.

После его слов я попыталась представить, каково это: стать ученицей у мага... Наверное, и Пыльцу принимать придется — а как же? А если я окажусь настоящей? Смогу колдовать... Как Мать Драконов, например.

В животе что-то перевернулось противно, и оборвалось. Вспомнился иступленный, синий-в-синем, мамин взгляд... Нет. Ни за что. Даже попробовать не стану.

Завод располагался за городом, на другой стороне реки. По-моему, раньше здесь была тюрьма, а после Распыления, когда бандитов стало некому охранять, и они разбежались, это место досталось Дуриняну.

Сейчас на крыше трехэтажного лабаза с глухими, заложенными кирпичом окнами, дымило множество черных труб. Стена была оплетена колючкой, а на вышках всё так же, как в старые времена, дежурили автоматчики.

Вылезали из машины с опаской: вдоль забора бегало три лохматых, неопределенной породы, кобеля. Я присмотрелась: странные они были. Слишком большие. Несуразные.

— Это от воров. — проследив мой взгляд, пояснил Дуринян. — Лезут, не верите, и днем и ночью.

— А вы их — собаками? — простодушно уточнил Ванька.

— И собаками, и стрелять приходится. — равнодушно кивнул хозяин. — Пройдемте. — и он гостеприимно указал в сторону железной запертой двери.

Густой и плотный запах можно резать ломтями. У меня начинает кружиться голова, и противно щиплет в горле.

— Это из цехов. — говорит Дуринян, заметив, как я морщу нос. — Чаны с закваской. Я, если хотите знать, хорошую закваску на нюх определяю. Бывает на день перебродит и всё. Выливать приходится... Мы — производители честные. Что на витрине — то и в магазине.

В здании тоже автоматчики. Они ходят по коридорам, стоят на галерее, окружающей по периметру большой зал, по дну которого снуют люди в зеленых пластиковых костюмах и масках.

— Здесь у нас брага, из которой потом перегоняют спирты... — рассказывал Дуринян, ведя нас мимо чанов.

— А здесь — он кивнул на огромную, больше всего похожую на оцинкованный бак от стиральной машинки, цистерну, — Пиво. Наш собственный сорт, "Живое Ухмельное". Может, пробовали?

— Не доводилось. — мотнул головой Ванька.

— А вот мы сейчас это исправим!

Веселость его была показная, натужная. Наш хозяин почему-то очень нервничал. Он что-то крикнул по-армянски ближайшему человеку с автоматом, и тот, кивнув, убежал. Через пять секунд вернулся, неся три кружки. Я произвольно слотнула: были они запотевшие, золотисто и медово поблескивающие, прикрытые белоснежными шапочками из пены.

Выпив, Дуринян и Ванька в упоении прикрыли глаза. Я тоже отхлебнула — в этой духоте очень хотелось холодненького, но остальное отдала назад. Бабуля, я уверена, ни за что не разрешил бы мне пить...

— Дальше, дальше, тут уже нечего смотреть. — увлекая нас, Дуринян бодро застучал каблуками по лестнице, ведущей куда-то вниз, в подвал.

Внизу автоматчиков не наблюдалось. Было гораздо прохладней, тянул сквознячок, в котором присутствовал затхлый и сырой, какой-то грибной запах.

— Ну вот... — мы остановились рядом с огромными, метра по три в диаметре, бочками. — Это наши коньяки. Точнее, коньячные спирты. В высоких кругах принято считать, что наименование "Коньяк" можно давать только тем напиткам, которые произведены в провинции с соответствующим названием... — армянин презрительно вскинул голову. — Ну и ладно. Ну и пожалуйста. А на выставке в Мелитополе мы первый приз взяли.

— Это те, которые сглазили? — спросил Ванька. Дуринян кинул на него неожиданно злобный взгляд и засопел.

— Нет, это другие. — буркнул он после паузы. — Не желаете отведать?

И, не дожидаясь согласия, наклонился к бочке: невысоко над землей из нее торчал краник. Рядом, на столике, располагался ряд небольших стеклянных кружечек. Взяв одну, он нацедил на доньшко золотой жидкости. Поднес к носу, сладострастно вдохнул и передал кружечку Ваньке. Взяв вторую, проделал ту же процедуру и отдал мне. Я испуганно замотала головой.

— Попробуйте, барышня, — с нажимом сказал Дуринян. — Вам понравится.

Я не хотела, честное слово! Но он сунул кружку прямо в лицо, и пришлось её взять, а то испугалась, что она опрокинется, и это всё потечет за пазуху...

Никогда в жизни не пробовала коньяк. Собственно, кроме домашней вишневой наливки Бабули я вообще ничего "такого" не пробовала, и поэтому было интересно. Жидкость обожгла язык, в носу смешно запузырилось, а в голове раздался звон, будто меня огрели по макушке золотым молотком, завернутым в дольку лимона. От неожиданности я чихнула, а потом рассмеялась.

— Ну, вот видите! — оживился наш хозяин. — "Герцог Алайский", три звезды. А это вот, извольте... — он побежал к следующей бочке, — "Голубая змея". Тоже три, хотя по вкусовым качествам не уступает пятизвездочным. Ваше здоровье! — и нам вновь протянули по кружечке.

На сей раз напиток был цвета благородной дубовой коры. И более терпкий, более жгучий, что ли... Я только намочила язык, а Ванька, с видом заправского знатока, пригубил. Кружечку он держал не как положено, за ручку, а подставив широкую, как том Достоевского, ладонь, под доньшко. Глаза у него бы-

ли добрые-добрые, и такие синие, что я испугалась.

— А вот еще... — взяв одной рукой под локоть, а другой обняв за талию, Дуринян повел меня к третьей бочке. Делал он это вроде бы вежливо, и вырывать, чтобы не показаться грубой, я не стала. — Наша гордость. — он постукал кулаком по деревянному боку. Тот откликнулось глухим мерным гулом. — "Прекрасная Мария". Вас, кажется, Марией зовут? — навалившись, он чуть не уткнулся носом мне в шею. — Сударыня, этот божественный напиток я пью в вашу честь! — и он потянулся к очередному кранику.

— Мы что, бухать сюда приехали? — шепнула я, пока Дуринян наполнял новые кружки. — А что Лумумбе скажем?

Ванька мечтательно закатил глаза.

— Лумумбе бы здесь понравилось. Всё такое вкусное... — я со всей силы ткнула его под ребро.

— Ты что, пьяный уже?

— Ну что ты, Машунь, ни в одном глазу. Мы ж, и-ик, на работе...

— Прошу! — нам вновь поднесли кружки. На этот раз жидкость была на вид тяжелая, бархатная. Она перекатывалась по стенкам, оставляя прозрачно-золотой след. — Прекрасная Мария! — было непонятно, обращается он к коньяку, или ко мне. — Когда я поимел... имел честь лицезреть ваши юные черты...

Закатив глаза, Ванька хлопнул свою порцию. И сразу выпучил глаза, открыл рот и застучал себя по груди. Звук был точно такой, как по бочке.

— Осторожнее, молодой человек. — Дуринян брезгливо отобрал у него кружку. — Что ж вы, благородный напиток, как водку, хлещете...

Выпив свою порцию, он чуть пошатнулся и вновь ухватился за меня. Ладони у него были мягкие и потные, а в спину мне, через его черный с искрой пиджак, уперлось что-то твердое. Я сразу поняла, что это пистолет.

— Однако приступим делу! — вдруг вскричал Ванька, хлопая армянина по плечу так, что тот отлетел от меня, как фантик. — Где больной?

— Какой больной? — не понял Дуринян.

— На ком поррча.

— А. Эээ. — наш хозяин замялся, будто вспоминая, зачем мы вообще здесь. — Поррча. Ну конечно, а как же...

— Говорят, в Зеленом Пеликане половина напитков в воду превратилась. — подсказала я.

— Точно! — обрадовался Ванька. — Я помню, управляющий, этот, как его... Жадюгин. Нет, Скупердяев! Жаловался... Приобрел партию для экссс...клюзивных клиентов, а в бутылках — вода.

— Вода. — повесил голову Дуринян. — Чистая, дистиллированная. — и он посмотрел на нас блестящими, как маслины, глазами.

— Ну, так показывай... те. — улыбнулся Ванька, как бы невзначай вставая между мной и армянином.

В самом конце коридора была еще одна железная дверь. Дуринян долго гремел ключами.

— Вот, полюбуйтесь! — хозяин махнул рукой на стеллажи, уставленные ящиками. Из ящиков торчали залитые воском горлышки, упакованные в рез-

ную солому.

Потянувшись, он вытащил пузатую, как тыква-горлянка, бутылку. На этикетке блестела радужная птица, а надпись гласила: "Золотой феникс". Размахнувшись, Дуринян ахнул бутылку о стену, во все стороны полетели осколки. Я от неожиданности взвизгнула.

— Нюхайте! — велел он и ткнул в лужу. — Нюхайте, чем пахнет? Ничем! — окунув кончики пальцев, и поднеся к носу, Дуринян скривился, будто собирался заплакать. — Вода, чистейшая, как слеза младенца! Весь запас спортили.

Приподнявшись на цыпочки, он достал еще одну бутылку, тёмно-фиолетовую и узкую, как восточный кувшин. Размахнулся и тоже грохнул о стену. Полез за следующей...

— Мы поняли. — остановил его Ванька. — Лучше покажите, где вы храните оригиналы.

Дуринян поднял бровь.

— Оригиналы? — хмель слетел с него, как не бывало. — Что вы имеете в виду?

— Не принимайте нас за дурачков, господин Дуринян. — Ванька опять оглушительно икнул. — Никто ваших напитков не портил: это попросту невозможно. Они изначально были водой — в воду и вернулись.

— Вы мне не верите?

— Вера здесь ни при чем. Ваши напитки сделаны магом. Статья сто четыре дробь три, Нового кодекса РФ. Использование магии в корыстных целях... В городе знают?

— Что вы несете? Вы пьяны! — Дуринян и сам покачивался, но глаза его из под нахмуренных бровей сверкнули жестко и расчетливо. Я чуть отступила, чтобы иметь место для маневра.

— Ну и пьян. И что с того? — Ванька легкомысленно пожал плечами. — Я завтра протрезвею, а вы — мошенник. Вот я учителю скажу...

— Напитки настоящие. Я их на экспертизу возил.

— Это всего лишь значит, что маг, их сотворивший, был выс-сочайшего класса профес-ссионалом. — Ванька на секунду будто завис. — А потом он умер. Вы об этом не думали?

— С чего вы взяли? — Дуринян, кажется, по-настоящему испугался. — Почему умер?

— А потому... — Ванька нагнулся, и, чуть не упав, макнул пальцы в лужу, а затем поднес их под нос Дуриняна. — Потому, что со смертью мага, рано или поздно, заканчивается и его колдовство. И теперь, все ваши дорогостоящие заколдованные напитки — вода из-под крана. Много успели продать?

— Порядком. — не стал отпираться армянин.

— А нас вы пригласили, чтобы ситуацию исправить. А для этого я и спрашиваю: где вы храните оригиналы?

В глазах Дуриняна зажглась безумная надежда.

— А ты... действительно можешь? Ты смотри, я ничего не пожалею! Большие деньги вложены!

— В воду? — удивилась я.

— Почему в воду? В вино, в коньяки! Со всего мира, на аукционах...

— Чтобы творить волшебное спиртное, нужно иметь что-то для примера. —

пояснил Ванька. — Старое, разлитое до Распыления вино или там, коньяк — на вес золота... Интересно, схему сами придумали, или подсказал кто? — повернулся он к Дуриняну. Тот только плечом дернул.

— Мы не мошенники. Вот, глядите! — он достал из ящичка целую бутылку. На этикетке была оленья голова с ветвистыми рогами. Этикетка гласила: "Король — Олень" — Был в природе такой брэнд? — он сунул бутылку Ваньке под нос. — Не было! Мы никого не подделываем, всё своё. Что на витрине — то и в магазине.

— Магия.

— Ну и что? — окрысился армянин. — Кому от этого хуже?

— Предметы магического происхождения продают на черном рынке. Покупатели знают, на что идут. Вы же влезли в рынок легальный. И деньги дерете, как за натурпродукт. Вам за это срок светит. — жестко сказал Ванька. — Более того: коллекционеры, обнаружив в бутылках воду, вас из-под земли достанут и за яй... за кишки подвешат. Разве не так?

— Если сдэлаэш, как я гаварю, никто ничего нэ узнает. — от волнения, что ли, армянин вдруг заговорил с жутким акцентом. — Я заплачу. Много.

— А если я откажусь?

— Не откажешься. — опять без всякого акцента сказал Дуринян. — Теперь, после всего, что вы видели, я вас просто так отсюда не выпущу. — Колдуй, мажонк, а то девчонке твоей кранты придут.

Когда он вытащил пистолет, я прыгнула. Армянин стоял боком, он не принял меня в расчет, глядя только на Ваньку. Врезавшись всем телом, мне удалось повалить его на землю — повезло, что он и сам мелкий. Пистолет выстрелил, пуля ушла в стену рядом с моей головой, а где-то наверху послышался топот ног и голоса.

— Ходу! — крикнул Ванька. Оставив Дуриняна, мы выскочили за дверь.

Бежали, правда, недолго: в конце коридора показались охранники.

— Отойди к стене. — приказал Ванька.

Подбежав к бочке с коньяком, он попытался выбить один из деревянных костылей. У нас над головами ударила очередь, посыпалась каменная крошка.

Тогда Ванька, оставив в покое костыль, присел к бочке спиной, крикнул, а потом начал вставать. Я смотрела, выпучив глаза, как он медленно, побагровев от натуги, распрямляет ноги, а бочка, казавшаяся такой тяжелой, такой незыблемой, медленно сходит со стропил и валится на бок. Ударившись об пол ребром, она трескается, но продолжает катиться по коридору прямо на автоматчиков. На пол тугой струей хлещет коньяк.

Из комнаты, вытирая кровь со лба кулаком, с зажатым в нем пистолетом, выходит Дуринян. Увидев разлитый коньяк, он вопит дурным голосом и открывает стрельбу по Ваньке. Ванька пригибается, а я бросаюсь армянину под ноги и сбиваю его на пол. Пули уходят в стены, высекая искры.

Коньяк, разлитый по полу, вспыхнул весь и сразу, фиолетовое пламя гудит и дорожкой устремляется к бочке.

Переглянувшись, мы с Ванькой беремся за руки и бежим. Дуринян за спиной сыплет проклятиями.

Единственным недостатком гениального плана было то, что бежим мы вглубь завода.

— А если там тупик? — кричу я.

— Должна быть пожарная лестница!

— А если нет, ты снесешь стену?

— А то! — на мгновение он поворачивается ко мне, сверкают синие-в-синем глазища.

И тут до меня доходит: он принял Пыльцу. Перед тем, как уехать из гостиницы, Ванька ходил в туалет. Наверное, там и вмазался... Всё это время он был под кайфом, а я ни сном ни духом.

Вот почему ему удалось своротить бочку. В ней же тонны три, не меньше — ни одному человеку, в здравом уме и доброй памяти...

Как я и говорила, впереди был тупик, без всяких признаков каких-либо дверей и, уж тем более, пожарных лестниц. Сплошная бетонная стена.

Ванька, не снижая скорости, поднимает кулаки вровень с лицом и делает такое движение, будто бьет кого-то невидимого по морде: один раз, и другой. В стене возникает провал. Мы в него прыгаем не глядя, потому что за спиной уже гудит — огонь добрался до бочки и она взорвалась, как паровая машина Карлсона!

Мы оказываемся на обрыве, над рекой. В лицо дует теплый ветер.

До вышки с автоматчиками метров пятьдесят, они уже собираются стрелять. Ванька делает руками еще одно движение и прямо из воздуха, перед нами — ей богу, не вру! — приземляется конь с крыльями. Серый в яблоках, с белой гривой и синими, как у Ваньки, глазами.

— Руку давай! — Ванька уже сидит верхом, а я в себя не могу прийти от изумления, и только моргаю, как кукла. — Маша! Очнись! — он подхватывает меня и сажает впереди себя на спину пегаса.

Миг — и мы парим над заводом, сердце проваливается, потом подскакивает в горло. Снизу слышатся взрывы, но мы уже высоко, под облаками. С грохотом взмахивают огромные, похожие на лебединые, крылья, в лицо плещет конская грива, а спиной я чувствую горячую Ванькину грудь...

По жизни я всё время сталкиваюсь с волшебством, или, как говорят у нас в агентстве, с маганомалиями. Но обычно я нахожусь... Как бы это сказать? По другую сторону. Обычно я охочусь на Запыленных и уничтожаю плоды их жизнедеятельности.

И никогда, даже во сне, я не предполагала, что магия может быть такой. Прекрасной. Удивительной. Заставляющей сердце петь. И, уж конечно, не догадывалась, что на такое волшебство способен этот увалень, дубина стоеросовая...

Пегас делает круг над заводом — снизу поднимаются серые клубы дыма — и летит к лесу. Я, раскинув руки, мечтательно гляжу вперед, на далекий, загибающийся чашей, горизонт.

Глава 17

Иван

В какой-то момент, сквозь пьяный угар, я сообразил, что не стоит заявляться в город верхом на Пегасе — народ и так устал от магии. Это нас и спасло...

Когда мы добрались до гостиницы обычным пехом, Гарцующий Пони пылал. Крыша уже провалилась, из верхних окон вырывалось пламя. Мрачные пожарники в закопченных касках разворачивали брезентовый шланг. Одна цистерна опустела, и её на телеге откатили в сторону. Но было понятно, что никакая вода здесь не поможет. Бывают такие пожары, когда загорается всё и сразу, и потушить просто невозможно, пока есть, чему гореть...

Пожарники это понимали наверное, даже лучше, чем я: они поливали не гостиницу, а дома, стоящие вокруг.

Первой мыслью было применить заклятье холода. Просто высыпать на огонь тонну снега. Я даже поднял руки, но Маша схватила меня за рубаху.

— Даже не думай! Лучше пойдем отсюда, да поскорее.

— Ты что, с ума сошла? Там же люди! — я пытался вырваться, но она, как собачонка, повисла на локте.

— Никого там уже нет. Совсем никого... Понимаешь?

— Ну... Хотя бы огонь потушить?

— Не надо, сами потушат. Лучше пойдем. — она потащила меня в переулок. Я, ничего не понимая, подчинился.

— Да в чем дело-то? — хмель слетел, оставив горькое чувство вины пополам с головной болью.

— Народ говорит, гостиницу поджег маг. — мрачно ответила Маша.

— Какой маг? Кто там мог оказаться, кроме Лумумбы? — и наконец-то до меня дошло.

— О господи! Не может этого быть. С чего ты взяла?

— Послушала, о чем люди говорят.

— Мало ли что говорят? Чтобы учитель в здравом уме...

— Говорят, он сошел с ума. Говорят, он выскочил из гостиницы — глаза пылают синим, из ушей валит дым... И полетел.

— К-куда полетел?

— Не куда, а вверх, как шутиха. Потом приземлился на крыше и стал отплясывать дикий африканский танец.

— Бред собачий. — с облегчением выдохнул я.

— А затем, говорят, он превратился в страшную черную птицу, а затем в крокодила, а затем в бегемота...

— Всё страньше и страньше... — меня разобрал смех.

— А потом, — Маша упорно продолжала, — пробил крышу, и тогда вспыхнул огонь. Больше его не видели. А огонь до сих пор потушить не могут, потому что он магический...

— Идем назад! — я решительно развернулся, но она вновь повисла на моей руке, еще и уперлась в мостовую. — Всё, что ты сказала — неправда. Лумумба не сумасшедший, он не мог намеренно поджечь дом. Идем, разберемся. Наверняка его там даже не было, а пожар начался где-нибудь в кухне...

— Может, и так. — Маша пыхла от натуги, но не отпускала. — А только еще говорят, что, как только поймут мажонка — то есть, тебя... Сразу вздер-

нут на ближайшей березе. Во избежание. И меня вместе с тобой.

— Но если Лумумба всё ещё там...

— То он уже сгорел!

На нас и так уже оглядывались, а два молодца, в испачканных рубашках и обгорелых кепках, вырвав по дырину из ближайшего забора, приближались с явно членовредительскими намерениями.

— Он или сгорел, и тогда уже ничем не поможешь, или всё это неправда, и Базиль сам нас отыщет. — сказала она тише, отпуская меня и настороженно осматривая улицу. К первым молодцам присоединились соратники, и теперь народ окружал нас недобрый ропщущим кольцом.

— Не вздумай колдовать. — предупредила Маша. А я разозлился.

— Да как они смеют? Очевидно, что всё произошедшее — чушь слоновья. Какого черта эти жалкие людишки...

Почти рефлекторно я вызвал огненную сеть, но получил такой жесткий удар по щеке, что глаза чуть не повывлетали.

— Опустите руки. Руки опустите, я сказала.

Она говорила тихим, страшным шепотом. Я подчинился. Пригасил, а потом совсем убрал заклинание, которое намеревался швырнуть в толпу...

Переулок опустел.

— Вот поэтому вас и не любят. — буркнула Маша. — Разве можно, чуть что, файерболлами пулять? А если я достану Пиццаль и начту палить во всех, кто мне не понравится?

— Это был не файербол.

— Только это тебя волнует? Ты такой же, как все маги! — в глазах её блеснули злые слёзы. — Только собственное благополучие, да чтоб, не дай бог, неуважения никто не высказал, и волнует.

— Они думают, что мы враги. Что от магов одни неприятности. Но мы — такие, какие есть, и не им нам указывать, как жить.

— Пока что ты демонстрируешь обратное. Если ты думаешь, что Лумумба не виноват, нужно найти того, кто на самом деле устроил пожар, а не кидаться в людей огненными шарами. Идем к Штыку. Расскажем, как всё было: про пожар, про Дуриняна... Он поможет, я уверена.

— Нет.

— Ванька, миленький, ты просто не понимаешь. В одиночку мы...

— Это ты не понимаешь. — хотел схватить её за плечи и хорошенько встряхнуть, но сдержался. — У нас просто нет времени! Скоро ночь, Зверь может явиться за близняшками. Мы должны быть там, даже без Лумумбы, иначе...

По глазам Маши я понял, что она об этом забыла. Ну, не то, чтобы совсем забыла, просто насущные проблемы заслонили главное.

— Ты можешь еще раз вызвать Пегаса? — тут же переключилась она. Я опустил глаза.

— Прости. Запал кончился. Незавершенное колдовство... В общем, чтобы погасить огненную сеть, я затратил энергии больше, чем если б её выпустил.

Она не стала меня упрекать. Возмущаться, называть дебилом пустоголовым... Постояв несколько секунд, видимо, переваривая услышанное, просто сказала:

— Тогда побежали.

Через несколько кварталов, когда сердце начало глухо бухать в ушах, а в глазах запрыгали черные мушки, я спросил:

— А далеко еще?

— До деревни — двадцать верст.

Я чуть в канаву не улетел.

— Двадцать верст? Ты предлагаешь бежать двадцать верст? Да мы и к завтрашнему вечеру не успеем...

Она тоже запыхалась. Рыжие завитки прилипли ко лбу, а щеки покраснелись.

— Я хотела просто отбежать подальше от... ну, от пожара, а потом позаимствовать тачку.

— Позаимствовать? — упершись руками в колени, я попытался перевести дух. Тренироваться надо чаще...

— Угнать. Иначе не успеем.

— А водить-то ты умеешь?

— Я думала, ты умеешь...

Глядя друг на друга, мы неожиданно рассмеялись. Пружина, сжимавшаяся внутри, ослабла. Не такой человек Лумумба, чтобы прозаически стореть в пожаре. Что бы там не говорили. Думаю, раз я вспомнил про Зверя, он уж точно о нем не забудет. Придет, никуда не денется. Не будь он сыном великого вождя Мбванги Мабуту!

...Жучок был древний-древний, наверное, прошлого еще века. Покрытый тусклой голубой краской, с одной желтой, и одной напрочь отсутствующей дверцей. Но движок, переделанный на самогон и кукурузное масло, ревел вполне воинственно, и давал аж тридцать километров в час. Нашли мы его почти случайно: Маша заметила приткнувшееся к забору и почти утонувшее в лопухах облупленное чудо на самой окраине, у маленького домика. Почему хозяин не загнал своё сокровище во двор — так и осталось загадкой. Надеюсь на то, что в баке есть топливо, мы укатали его на руках, а потом вскрыли проволочкой и завели от искры.

Первые минут тридцать молчали. Я боролся с непривычным управлением: от родной панели в Жучке ничего не осталось, сейчас она выглядела, как больная фантазия Левши, дорвавшегося до электрического паяльника.

Стемнело. Фары не горели — их попросту не было, так что я на малой тяге включил ночное зрение. Маша, увидев два голубых пятна на дороге, нервно поёжилась.

— Ты же говорил, магии не осталось.

— Да это не магия. Так, остаточные брожения в организме.

Она помолчала, а потом спросила:

— И как оно?

— Что?

— Употреблять Пыльцу, колдовать? Как ты докатился до жизни такой?

Я осторожно пожал плечами: коленки подпирали уши, локти уместались между ними. Макушкой я то и дело стучался о крышу.

— Да как, как? Как у всех... Мне тогда лет двенадцать было, нашел дохляка

на помойке. Обшарил и наткнулся на несколько граммов Синьки. Это первичный леофилизат, совершенно неочищенный. Где он его взял — одному богу известно...

Принес его на хазу — добыча, как никак... У нас тогда в предводителях Крутой ходил. Ну знаешь, такой: челюсть — как наковальня, кулаки по пуду, а мозг — как у трехлетнего ребенка. Вот он и велел всем попробовать. Типа, проверить, кто не хлюзда...

Почувствовал, как где-то внизу живота намерзает ледяной ком, и замолчал. Какие мечты могут быть у беспризорников? Оголодавших, больше похожих на диких зверят, чем на человеческих детенышей? Сам Крутой, помнится, во сне всё мамку звал. Она и пришла... Запомнились только громадные, белые, как тесто и такие же мягкие, гнущиеся во всех направлениях, руки...

— И что?

— А ничего. Трое даже не проснулись, так во сне и угасли. Остальные не смогли выйти из Нави — мы тогда и не подозревали, что это такое. Застряли за Завесой, а сил вернуться не было. Синька высосала весь их разум досуха. Крутой спылился одним из первых.

— А ты?

— А я? Я не умер вместе со всеми. Повезло. Оказался я поцелованный синим ветром... это мне потом монахи сказали. Лежал, и галлюцинировал сутками напролет. По ожившим глюкам меня пастафарианцы и нашли. Выходили...

— Что означает поцелованный?

— Что я настоящий маг: могу жрать Пыльцу тоннами, и ничего мне от этого не делается.

— Пряма таки тоннами?

— Ну... По правде сказать, "срок годности" есть у всех. Просто у таких, как я и Лумумба, он дольше. Но знаешь ведь, нервные клетки не восстанавливаются... Неизвестно, когда кирпич прилетит.

— Поэтому бвана не разрешает тебе часто закидываться?

Ответить я не успел: машинку нашу трягнуло и подбросило. Я, как бешеный, завертел баранку, но это не помогло. Нас понесло юзом поперек колеи. По сторонам не смотрел: был слишком занят.

Когда под задний бампер поддало так, что треснул кузов, я крикнул Маше "Прыгай!" — и сиганул в кусты. Угодил во что-то страшно колючее, да еще и затылком ударился. Пока очухался, вылез на дорогу, пока вытащил шипы из задницы...

Жучок наш лежал кверху брюхом, а земля вокруг выглядела так, будто её вспахали. Маши видно не было, зато рядом с машиной, купаясь в лунном свете, стояла зверюга. Огромная, как мамонт, и страшная, как смертный грех. Увидев меня, она опустила голову, сверкнув желтыми очами, и заклокотала горлом.

— Маша... — неуверенно позвал я. — Маш?

— Не верещи. Здесь я. — она подошла сзади, прячась за меня от зверюги.

— Ты это... Я его отвлеку, а ты беги. — глаз от светящихся желтых зрачков твари я оторвать не мог.

— Ага, щас. — почему у нее такой спокойный голос? Я лично не удивился бы, обнаружив на себе абсолютно мокрые портки...

— Не спорь, Машунь. Тебе еще жить да жить... Замуж выйдешь, детки у тебя будут... Беги, я его задержу!

Разведя руки, я попытался открыть Завесу. Меж ладоней проскочила крохотная синяя искорка, и испарилась.

— И надолго ты его задержишь?

Что-то она там, у меня за спиной, делала. Чем-то шебуршала, потом взвизгнула молния, потом был какой-то металлический лязг...

— Не знаю. — я переступил с ноги на ногу. — Уж больно он здоровый... Уходи. Только сначала не беги, а спрячься в лесу. А потом уж...

Рядом с ухом грохнуло. Да так, будто прямо в черепе взорвалась граната, оторвав уши. Подскочив метра на два, я наконец развернулся и посмотрел на Машу. Лежа на спине, она сжимала в обеих руках громадный револьвер. Наземь её, походу, отдачей отбросило...

— Отойди! — заорала она. Это я по губам угадал: голова была, как чугунная болванка, ничего не слышал. Только звенело где-то в затылке. Я подскочил еще раз, мимо просвистела еще одна пуля, собака истошно взвизгнула, но продолжала бежать на нас.

Маша отбросила револьвер и выхватила огромный мачете. Вскочив перед носом твари, она махнула ножом.

— Не мельтеши! — бросила мне через плечо и пригнулась, как пантера перед прыжком.

— Да как же... Ты же...

— Не мельтеши, я сказала. — и бросилась на тварь.

Смотреть, как Маша пластает тварь, словно куриную тушку для супа, было страшно. Она скакала вокруг неповоротливой туши, нанося точные удары, а когда тварь упала с перерубленными передними лапами, запрыгнула ей на спину и хладнокровно перерезала горло.

В белесую от лунного света пыль хлынула черная кровь.

Когда она подошла, вся в крови, вытирая тесак листом лопуха, я уже пришел в себя. Теперь мне было стыдно. Герой! Решил подороже продать жизнь, чтобы спасти невинную девушку...

— Ненавижу этот револьвер. — как ни в чем ни бывало сообщила Маша, упрятывая в рюкзачок своё хозяйство. — Вечно все руки по самые гланды отшибает...

Меня разобрал нервный смех. Чтобы это скрыть, я отвернулся и попытался рассмотреть мертвую тварь. Огромная. Голова похожа на медвежью, с мощной грудью, покрытой клочкастой бурой шерстью, и, при этом на довольно тонких высоких лапах. Хвост, как сучковатая палка...

— Никого не напоминает? — спросила Маша, встав рядом.

— У Дуриняна на заводе бегали такие же красавцы.

— То-то и оно. Мне они еще тогда странными показались. Несуразными. Слишком большими.

— Тоже волшебные?

— Ты же у нас маг. Смекай.

— Ну... Если это не особая порода волкодавов, которой славятся именно ваши места...

— Не славятся. Я думаю, это оборотни. Точнее, обращенные люди.

Меня продрало холодом.

— С чего ты взяла?

— У него глаза человеческие.

Я наклонился ближе. Глаза твари, глубоко посаженные, под нависшими лохматыми бровями, были подернуты смертной пленкой. Но, как это ни при-
скорбно, Маша права: раньше эта тварь была человеком.

Глава 18

Иван

Деревня Васюки располагалась на двух холмах, и делилась, соответственно, на Большие и Малые. Меж ними, в глубоком овраге, журчала речка. На то, что эта деревня и есть наша цель, оставалось только надеяться, памятуя подробные указания Обреза. Спросить-то, по ночному времени, было не у кого...

Глядя издалека на уютно светящиеся окошки и поднимающиеся в звездное небо дымки, мы с Машей спорили под оглушительный стрекот кузнечиков: искать дом, в котором ночуют наши, или остаться за околицей? Маша хотела искать, я же настаивал на свежем воздухе. Трудно объяснить, но мне казалось, так будет лучше: встретить Зверя здесь, подальше от жилья.

— А если он придет с другой стороны? — шепотом возражала Маша. — Ты тут будешь ушами хлопать, а он в это время...

— Он учует тебя. Так же, как и в городе. А близняшки даже не проснутся...

— Но я хочу знать, всё ли у них хорошо! Два дня прошло — мало ли что?

— В Багдаде всё спокойно. — вдруг раздалось совсем рядом. Мы подскочили.

— Обрез, твою дивизию! Как ты нас нашел? — Маша повисла у него на шее, я отвернулся.

— Да о вас вся деревня в курсе. Слышите? — и точно: во дворах на разные голоса перебрехивались собаки. — Ну, вы-то городские, в таких тонкостях не шарите... — улыбнулся он, пожимая мне руку.

Я тоже улыбнулся. По крайней мере, половина вопросов снята с повестки.

— Где Ласточка, где Таракан? Как близняшки? У вас всё нормально? Они тебе не надоели? Они хорошо кушали? Сильно хулиганили?

— Тихо, тихо. — Обрез, защищаясь, поднял руки. — Все живы, все здоровы. Таракан на той стороне, в засаде. Оторвы твои спят без задних лапок — я их специально днем умотал; Ласточка... — он замялся.

— А вот и я! — из темноты выскользнула подружка Маши.

Высокая, бледная, с заплетенными в косу волосами. Кожаная черная куртка и такие же штаны, обтягивающие стройные ноги, скупые точные движения, создавали ощущение стремительной силы. Так и виделся в руке её узкий, остро заточенный клинок... Девчонки обнялись, отошли в сторонку и о чем-то зашептались. Между мной и Обрезом повисла неловкая пауза.

— Ну это... как там в городе дела? — наконец спросил он. Я тяжело вздохнул.

— Ты мне не поверишь...

Лумумба не появился. Мало ли, что его задержало — мы-то хоть часть пути на машине проехали... Но он обязательно придет. Я уверен.

Было начало второго, когда мы с Машей опять остались вдвоем: Таракан, появившись на несколько минут, определил для каждого боевую задачу и снова исчез.

Но перед этим нас накормили. Ласточка принесла целую корзину всякой вкусной всячины! Там были и вареные яйца, и картошечка — еще горячая, и огурцы, и деревенское сало, и сметана в кринке. А такой курицы я никогда не пробовал, и, наверное, уже не попробую... Не ели мы с самого утра, так что набросились на угощение — будь здоров. Маша, по-моему, больше меня умяла. И куда в неё лезет?

— Как ты думаешь, он придет? — спросила она.

Сидели мы в сыром распадке, у ручья, неподалеку от кладбища. Увидев замшелые кресты и покосившиеся оградки, я подумал: наверное, это карма. Чем-то я насолил тому, кто присматривает за мной, грешным, вот он и водит меня по погостам. Намекает.

От воды тянуло холодом и пахло ряской.

— Обязательно придет. Лумумба — он... Понимаешь, он — самый лучший. Знает больше всех... Ну, кроме товарища Седого, конечно. Он всегда говорил: не бывает безвыходных ситуаций. И еще: лучше всего браться за задачи, которые решения не имеют.

— Как это?

— А так: их решать интереснее. Кому, мол, нужны задачи, про которые уже известно, как их решать? Бвана говорит: пытаться нужно снова и снова, пока не получится. В общем, он придет. Не может не прийти.

— Мне он сначала показался очень страшным. — призналась Маша. — Сам черный, а глаза... Будто в череп лампочку вставили. Синюю. Я таких еще не видела...

— В смысле?

— У нас тут всё больше Запылённые. Настоящих, как вы с Лумумбой, почти нет. Да даже если б и были, мне с ними и сталкиваться не приходится... Я как-то больше по маганомалиям.

— А как ты в Агентство попала?

— Это всё Бабуля устроил. Без него меня б ни за что не взяли. — она коротко глянула на меня, и принялась чертить прутиком на земле. — Я ведь тоже из банды... Наверное, в те времена почти все дети через это прошли. Выхода не было. Или подохни, или прибежешь к таким же, как ты. Вместе выжить легче. — она горько усмехнулась. — У меня даже знак остался. Вот... — Маша задрала рукав. На внутренней стороне локтя я разглядел неумелую татуировку летучей мыши. — А вы делали татуировки?

Я приспустил с плеча ворот рубахи.

— Бойцовый кот. Нигде не пропадет.

— Это как в "Парне из преисподней", да?

— Откуда?

— Книжка такая есть.

— Честно говоря, не читал. Может, и из-за книжки. Это еще до меня придумали.

— Там про то, как чувак с другой планеты, где всё время война, попал на Землю, в будущее. Я, когда в первый раз читала, думала, всё наоборот: парень

с нашей планеты попал на другую: чистую и красивую... — Маша, не отрываясь, смотрела на воду. — Потому что нет у нас ни самодвижущихся дорог, ни космических кораблей. Бабуля говорит, были корабли, еще совсем недавно были. А теперь нет. И вряд ли когда будут.

— А Лумумба уверен, что обязательно будут. Когда-нибудь мы создадим симбиоз магии и науки. И полетим к звездам.

— Мы с тобой, к тому времени, скорее всего сдохнем. И слава богу.

Так жестко, по-взрослому она это сказала, что у меня мурашки по спине пробежали.

— А ты совсем не мечтаешь, да? — она только плечом дернула.

— Конечно мечтаю. О том, чтобы завтра было чего пожрать. Чтобы близняшки не подхватили какую-нибудь заразу, от которой лекарства нет... Чтобы целой остаться, когда в рейд иду... Чтобы Бабуля вернулся. — добавила она совсем тихо. — А то, что в книжках? Я очень люблю читать, но... Это всего лишь придуманные истории. В жизни всё по-другому.

Маша вздрогнула, и я вдруг понял, что она давным-давно дрожит, как заячий хвост. Подсев поближе, я укутал её полрой своей куртки и крепко обнял.

— А я вот мечтаю! — задрал голову, я нашел глазами млечный путь. — Как наведем мы в мире порядок. Как научимся заново всему, что знали до Распыления... Потом другие планеты освоим, на Марс, например, полетим, — а как же?

— И ты в это правда веришь?

— Как говорит мой друг и наставник, доктор магических наук Базиль М'бвеле: — Мы наш, мы новый мир построим. Ну, если не просрем, конечно.

Маша прыснула.

— Как вы с ним познакомились?

— Ну как... — я попытался пристроить задницу поудобнее на узком бревне. — После детдома я в академию при Агентстве попал. Настоятель наш, его макароннейшее преподобие отец Дуршлаг, договорился... Лумумба уже тогда легендой был. Он курс боевой магии читал, и практику тоже вел. А еще семинар по некромантии... Понимаешь, ему, можно сказать, повезло: в том, до Распыления, мире, бвана учился на колдуна. Традиция такая: третий сын должен стать унганом... Потом приехал в Советский, еще тогда, Союз, чтобы дипломатом сделаться. А вскорости грянуло Распыление, и домой, в Африку, он уже вернуться не смог. А потом и сам не захотел.

— Ты хочешь сказать, он умел колдовать еще... До?

— Ну да. Его этому учили: открывать Завесу, заключать сделки с Лоа... Унгань тоже пользовались всякими растормаживающими палеокортекс вещами — пейотлем, мандрагорой... Просто до Пыльцы им было далеко.

— Ладно, а как ты-то с ним связался? — я усмехнулся.

— Да случайно. Стоял я как-то на посту, на шпиле Останкинской... Оттуда всю Москву видно — проще маганомалии отслеживать. Жрать хочется — аж переночевать негде. В столице тогда голодуха была, не то, что сейчас. Стою я, голова кружится — того и гляди, свалюсь... Ну, и наколдовал себе с горя кусок колбасы. Вкуса, конечно, никакого — одна видимость. А тут — он. За какой-то надобностью тоже на башню поднялся. Увидел меня, с колбасой этой, подошел, руку в карман сунул, и протягивает горбушку. Которая пахнет квасом и этим, как его... тмином. Настоящего хлеба. Из своего, между прочим, офицер-

ского пайка. — Жуй, говорит, боец, и не отчаивайся. Мы всех победим. — сделал, что ему надо было, и ушел. Я и спасибо сказать не успел... А потом, через год где-то, я на гауптвахте сидел. Так, неважно, за что... И опять он: нужен, говорит, доброволец — смертник на дело чрезвычайной важности. Я и вызвался...

Откуда-то со стороны кладбища долетел тоскливый вой. Мы вскочили.

— Собака? — спросил я.

— Нет. Собаки как раз молчат.

— Значит, это Зверь! — и мы рванули на голос.

Всё это время я ждал. Считал секунды, надеялся, что вот-вот он выйдет, как ни в чем ни бывало, из-за ствола березы — большие пальцы в кармашках вышитого павлинами жилета, в зубах — трубка... И скажет: — Что-то ты мышей не ловишь, падаван. Смотри, как бы без тебя история не закончилась.

Теперь же в груди всё спёрло: что делать, если он не придет? Что мне делать, если Лумумба всё-таки погиб в пожаре?

Сцепив зубы, я отогнал тоскный липучий страх. Он не может умереть. Не так. Не здесь. Наставник не распространялся, как собирается расколдовать Зверя, а я, честно говоря, не спрашивал. Во всём полагался на него.

Маша сильно меня обогнала: легконогая, она скакала по валунам и торчащим из земли корням, как горная коза, я же спотыкался на каждом шагу. Один раз поскользнулся и свалился в ручей, прокатившись по всему склону, потом чуть не угодил в капкан — спасся только чудом, потом врезался в дерево — ушиб лоб, рассадил ладони... Будто путал меня кто.

Когда добрался до кладбища, всё было, как в прошлый раз. Только вместо Близняшек, Сашки и Глашки, рядом со Зверем стояли Маша и Ласточка.

Зверь выглядел плохо. Он будто выцвел, утратил материальность. Когда-то блестящая чешуя потускнела, местами отвалилась, обнажив серую, болезненно шелушащуюся кожу. Глаза покраснели и заплыли бельмами, в уголках пасти скопилась желтая слизь.

Застыв на границе, которую, чувствовалось, не нужно было переходить, я посмотрел на девчонок. Обе плакали. Обнимали Зверя за шею, прижимались к нему, а он тихо скулил. От того грозного и величественного существа, что предстал перед нами прошлой ночью, ничего не осталось.

— Он умирает. — я не заметил, как подошел Таракан. — Бабуля пришел попрощаться...

— Зверь. — поправил я.

— Нет. Бабуля. Он совладал со Зверем. Загнал его вглубь сознания.

— Откуда вы знаете?

— Чтобы жить, Зверь должен кормиться. Должен убивать. Бабуля не приемлет убийство. Ни в каком виде. Скорее всего, это его последняя ночь. Теперь он станет призраком и забудет наш мир... — Таракан вздохнул. — Жалко, что твой наставник не пришел.

Я, больше не слушая, лихорадочно вспоминал всё, чему учил Лумумба. О том, как вызывать обратно ушедших за Завесу, и, самое главное, как их удерживать и не дать забыть, кто они такие...

- Дайте мне нож. — приказал я Таракану. — И скажите его истинное имя.
— Что?
— Как его зовут и нож, иначе будет поздно!

Крепко взявшись за рукоять, я всадил лезвие себе в запястье и повел его вверх, к локтю. На штаны, на ботинки, на землю, хлынула кровь. Борясь с головокружением, я шагнул в Навь и протянул руку Зверю.

— Сергей! Вы слышите меня? — тот поднял голову и, приоткрыв пасть, принюхался. Затем, низко наклонив голову и глухо ворча, отступил. Было видно, что это дается ему огромным напряжением сил. — Это добровольная жертва! — сказал я, протягивая руку. — Я, в здравом уме и доброй памяти, отдаю свою силу. Жизнь за жизнь!

Зверь, покачнувшись, приблизился и опять втянул носом воздух. Из пасти его закапала слюна. А потом он прыгнул.

Где-то за Завесой, на Той стороне, закричала Маша.

Глава 19

Иван

Лежать было тепло и уютно. Под спиной угадывалось что-то мягкое, сверху — пушистое. Только вот шея затекла и нос чесался. Просыпаться не хотелось, и я, крепко зажмурившись, затаил дыхание, но...

Чих взорвался в черепе и вылетел наружу так, что стекла задребезжали. В ушах что-то лопнуло и зазвенело. Меня подбросило над лежанкой, а полушубок, которым я был укрыт, снесло на пол.

— Ну и горазд же ты чихать. Меня чуть об стену не приклепнуло. Будь здоров, кстати.

Рядом сидел Обрез. На коленях у него лежала куча бумаги и тонких палочек.

— К-х-х...

— Вот, кваску хлебни! — он протянул глиняную кружку. — Мамаля сказала, тебе много пить надо. Бугай ты, Ванюха. Литра три крови потерял, и ничего. Взбледнул тока.

— Что? Где? Как?

— А, ты о Звере? Жив курилка. Как начал он твою кровь лакать — только брызги полетели. Еле оттащили, за хвост... Тара говорит, ему теперь надолго хватит. Ну, на несколько дней, наверное. На сутки — точняк. А товарищ твой черноликий так и не появился. Видно, и впрямь в пожаре сгинул, пустьземля-емубудетпухом, хороший человек был. Маньку спать отправили: до рассвета, почитай, с тобой рядом сидела, за лапу держала да в морду заглядывала, а потом вырубилась. Сила духа в пигалице великая есть, да вот тельце подкачало... Это от того, что в малявках кормили её плохо. Витаминов на рост не хватило.

Неторопливо повествуя, Обрез скручивал, вырезал и приклеивал. Получалась у него странная лёгкая конструкция с длинным, усаженным пестрыми лоскутками, нитяным хвостом. Проследив мой взгляд, он пояснил:

— А это я для Сашки с Глашкой. Воздушный змей, не слыхал? А мне батя в детстве мастерил. Возьмем, бывалоча, такого змея, выйдем на холм за деревней, ветра дождемся... Главное, бечевку подлиньше иметь, тогда — самая кра-

сота. Он в небе парит, хвост по ветру вьется, а ты лежишь в одуванчиках и на облака пялишься... Вот я и решил детишек развлечь — уж больно мальцы по Бабуле убиваются. Он им вместо отца ведь был. Всем им. А я даже не знал, что в миру его Серегой кличут. Никто, получается, кроме Тары не знал. В прошлой жизни они однокашники были. Друзья-товарищи, не разлей вода...

Обрез всё говорил, слова текли, омывая сознание, но думать не мешали.

Лумумба не пришел. Значит, нужно идти в город и на месте разбираться, что с ним случилось. Если и вправду погиб — писать рапорт в Москву, искать виновных... В то, что он просто так, на пустом месте спятил — я никогда не поверю. Скорее всего, это происки того, другого мага, Бабы Яги. Видно, слишком близко подобрался бвана к его секретам...

Я резко сел. Голова закружилась. Получается, нас с Машей тоже хотели убрать! Сначала — на заводе, потом — на дороге, когда тварь эту подослали...

Дуринян так нервничал, только зубами не клацал. Я, грешным делом решил, это он о бизнесе своём переживает, но получается... Кто-то велел ему нас грохнуть. У него и пистолет наготове был. А я, дурилка картонная, напился на халяву и всё прохлопал...

— Где моя одежда?

— Тихо, тихо, герой. — Обрез, отложив змея, поднялся. — Пропала твоя одежда. Так кровищей испакостил, что не отстирать. Пойду, у дядь Степана, кузнеца нашего, спрошу, может, даст чего поносить. А больше и не у кого. Богатырь в наших широтах — животная редкая. Из красной книги, можно сказать. Ты, Ванюха, пока простынкой прикройся, и иди себе. До ветру, небось, приспичило, так нужник во дворе стоит. За дом, по дорожке через огород... Не ошибешься, в общем.

Намотав на туловище какую-то цветастую тряпку, сдернутую со стола, я выскочил за дверь. Надо найти Машу и рассказать ей всё! Больше я ни о чем не думал, и по сторонам, выскочив из комнаты, особо не смотрел. Ну и сверзился со второго этажа по узкой деревянной лестнице. Голова-ноги, голова-ноги... Перильца своротил, картину какую-то со стены снес. Грохоту было о-о-о... Напоследок хорошенько кумполлом о ступеньку приложился — искры не только из глаз, но и из ноздрей посыпались.

— Ой, зырь, Глаха, бетмен! — голосок был тонюсенький и ядовитый.

— Не... Бетмена Машка еще о прошлом годе шлепнула. Это супермен. Вишь, трусы на нем красные. Такие только у супермена...

— Не, у того трусы — поверх штанов. А у этого — прям так, на голую жо...

Послышался звук оплеухи, а затем притворное хныканье и сердитое бурчание.

— Вань? — кажется, Машин голос.

Собрав в кучу руки-ноги — все старые болячки возопили по новой, к их хору присоединились несколько свежих — я попытался подняться. Встал, стараясь не сверкать голыми местами, но, запутавшись в бахроме, опять грохнулся.

— Не, это точно не супермен. Тот хотя б ходить умел. А этот собственную жо... голову найти не может.

— А ну, сорванцы, дуйте на улицу. Неча на чужой срам пялиться. — сказал

взрослый строгий голос. — Давайте, давайте, а то быстро за учење засажу.

Возмущенный вой и дробный топот возвестили об отбытии сорванцов.

А я, медленно и аккуратно, подтянув ноги и помогая себе руками, наконец-то поднялся. Убрал волосы с глаз и узрел белый свет. А вместе с ним — Машу, Ласточку и незнакомую, с красивым лицом, женщину.

Обилие дам с неожиданной остротой дало почувствовать, что стою я перед ними, аки ангел небесный, в трусах и валенках. А они, все трое, на меня смотрят. Маша — с беспокойством, Ласточка — чуть насмешливо, а третья дама — с каким-то, я б сказал, исследовательским интересом. Бойкие карие глаза с ведьминским прищуром так и шарили по моей обнаженной наружности, я аж засмутился весь. Поймав себя на том, что комкаю перед грудью замурзанную рваную женскую шаль, как красна девица ночнушку в первую брачную ночь, я опустил руки.

— Ты как, Вань? — жалостливо спросила Маша. — Живой?

Я добросовестно себя оценил: бок с одной стороны ободран и саднит — уже выступили рубиновые, как вино, капельки крови. Коленка распухла и почти не гнется, рука... рука замотана почти до самого плеча, и сквозь белую ткань проступают бурые пятна.

— Вроде бы. — оглянувшись на лестницу, я присвистнул. — И кто ж это меня на такую верхотуру затащил?

— А Витюша, сыночек мой. — откликнулась красивая женщина. — Самая большая кровать во всем доме, в моей, значить, спальне... — подмигнув и улыбнувшись завлекательно, она уперла руку с ярко-красными ноготками в крутое бедро. Я начал краснеть и нагреваться, как самовар. От греха подальше отвел глаза, делая вид, что очень интересуюсь обстановкой.

Комната была большая, с широкими окнами и кружевными вязанными занавесками. На занавесках плыли белые лебеди. Натертый до блеска деревянный пол был застелен красивыми полосатыми ковриками, а вся мебель: кресла, диван с высокой спинкой, даже настольная лампа, были увешаны крахмальными салфеточками. Уютно тикали невидимые ходики.

— А, вы уже познакомились? — Обрез появился очень вовремя. В руках он держал объемистый тючок, и я понадеялся, что это для меня. — Мама моя, Любовь Александровна. — он нежно приобнял женщину за плечи. Та, вздернув бровь, кокетливо фыркнула:

— Ну, зачем же по отчеству-то? Можно и по-простому: Любочка.

— Фельдшер, между прочим, первой категории. — не слушая маму, гнул своё Обрез. — Это она тебя, Ванюха, отмыла всего и заштопала. Так что с тебя причитается...

При этих словах мама так зазывно улыбнулась, обнажив чистые жемчужные зубки, что я аж закашлялся. Щеки горели.

— Благодарствую. — буркнул я, неловко кланяясь, и отвернулся.

Ну почему здесь нет Лумумбы? Он бы непременно поцеловал ручку, рассыпался в комплиментах, и быстренько наладил самые теплые и дружественные отношения...

А я продолжил кашлять — уже специально, чтобы скрыть накотившее смущение.

— Чего вылупились, девки? Голого мужика никогда не видели? — деликат-

ностью Обрез явно пошел в маманю. — Он, может, еще девственник, а вы прилипли к нему глазами, как вихотки банные. — А ну брысь на кухню! А вы, мама, пока на стол накрывайте. Таракан обещался к обеду быть.

Таракан, оказывается, успел стонять в город, и новости принес неутешительные. О Лумумбе не было ни слуху ни духу, зато завод Дуриняна сгорел дотла, как и Гарцующий Пони. Во всём обвиняли нас с наставником. И главное: вернулся отряд, отправленный еще до нашего приезда охотиться на имперский штурмовиков. Из сорока человек домой вернулись десять. Временно исполняющий обязанности начальника Агентства Шаробайко, боясь народного гнева, сбежал.

— Я знаю, кто за всем стоит! — сидеть я не мог. Во-первых, всё болело, во-вторых, не привыкшая к грубым домотканым штанам кожа зудела и чесалась.

— И кто? — отстраненно спросила Маша. Казалось, мысли её витают где-то далеко.

— Баба Яга!

Таракан хмыкнул.

— Так-то оно, может, и так, да только где она, Яга эта? Ищи ветра в поле...

Совет держать пришлось уйти аж за околицу: в доме Любови Александровны было слишком шумно. Близняшки, вместе с младшими братцами Обреза, носились в индейцев, размахивая настоящими топориками. Того и гляди, полуха отхватят, или скальп снимут, в порядке контрибуции. Да еще соседи. Под разными вымышленными предложениями простодушные деревенские жители валили поглазеть на заморских гостей. И ладно бы, просто поглазеть. Каждый считал своим долгом завести умный разговор о политической обстановке в городе, в стране, в мире... Ну, и выпить под это дело. Бутыль с самогоном стояла на столе, рядом с вареной картошкой и кислой капустой с огурцами. Её даже пробкой не затыкали.

— Всё сходится. — я горячился, но ничего не мог с собой поделать. Казалось что времени, как в песочных часах, становится всё меньше... — Во-первых превращения. Козел-Кукиш, собаки эти Дуриняновские... Всё это — магия преобразований.

— Драконы. — тихо подсказала Маша.

— Мать Драконов мы убили, — отмахнулся я. Это точно не Баба Яга — почерк совсем другой.

— Напитки на заводе Дуриняна. — напомнила Маша. — Что еще?

— Пыльца! — закричал я. — Мы с Лумумбой собирались отследить цепочку раздачи Пыльцы... И заклинание не работало!

— Бабуля пошел вразнос в ту самую ночь, когда умерла Мать Драконов. — сказала Ласточка. — Наверное, если сверить часы...

— Бердяй сказал, в какой-то момент Штурмовики просто упали. — подал голос Таракан. — Я успел поговорить с товарищем по службе... Вы его не знаете. — это он Маше с Обрезом. — Одним из десяти вернувшихся. Так вот: наши там попали в окружение. Против пистолетов и ножей — бластерные винтовки. И броня... У охотников шансов не было. Но в какой-то момент они просто

попадали и расплылись лужами эктоплазмы.

— Ты спросил, когда? — поднял голову Обрез.

— Нет, как-то не подумал.

— Ладно... — я схватился за голову. — Жаль, нет бумаги. Записать бы всё, а потом оценить трезвыми глазами... — Есть еще этот, как его, Живчик. Тоже магом был.

— Цаппель. — напомнила Маша. — Только их просто так убили, без всякой магии.

— Живчика убили у меня на глазах, прямо посреди вечера в Зеленом Пеликане. — сказал я. — Цаппель тоже там был. Мы с Лумумбой его даже подозревали...

— Перший друг мадам Елены. — кивнул Таракан. — Сам слышал, как он хвастал: идею нанять твоего наставника узнать, где золото, она подала. — Широкой, говорит, души женщина. Даже охранников своих одолжила — золото тащить.

До меня не сразу дошло.

— Что? Что ты сказал про охранников?

— Слышал от Цаппеля, — он заходил зачем-то к Шаробайке, — что охранников в помощь Цаппелю одолжила мадам Елена.

— А они нас кокнуть хотели, да только обосрались и сбежали. — подитожила Маша. Я уставился на нее выпученными глазами.

— Маха... ты понимаешь, что это значит? Они и грохнули Цаппеля, а мадам Елена теперь знает, где золото!

— Но... ты ведь тоже знаешь. — резонно заметила она. — Мы же рядом стояли, и слышали, что покойница Лумумбе сказала.

— Вы знаете, где золото старухи Ядвиги, и молчите? — взвился Обрез. — Да что ж вы за люди-то такие? Надо было первым делом, как только узнали...

— Обрез? — попросил Таракан, — помолчи. Не до того сейчас.

— Как это не до того? Нужно это золото быстренько выкопать и перепрятать!

— Его там может и не быть. Даже скорее всего: молодцы-то сбежали — только мы их и видели. Может, они и хозяйку свою обманули...

— Не может. — твердо сказал Таракан. — У нее всё схвачено: Дуринян, Ростопчий, Цаппель... не говоря уже о мелкой шушере. Все на карачках ползают, с рук едят. Есть в ней что-то такое... бабское. Я уверен: охранники первым делом побежали к хозяйке — чтобы выслужиться. Она им доверяла, иначе не отравила бы вместе с Цаппелем.

— Погодите! Вы все не о том! — остановила нас Ласточка. — Ваня с Машей знают, где клад... Можно туда пойти, и проверить: если золота нет — значит, оно у Елены. Если больше никто взять не мог. — и многозначительно посмотрела на меня.

У меня потемнело в глазах.

— Ты что же, думаешь, Лумумба, выкопав клад, просто сбежал? А я тогда зачем тут с вами валандаюсь?

— Может, для отвода глаз. — она холодно пожала плечами. — Откуда мы знаем, может, вы так всё и планировали.

Я ведь не мог её ударить, правда? Поэтому просто ушел, куда глаза глядят.

Дошел до ручья, снял кузнецову, пахнущую потом и окалиной рубаху, намочил, и набросил на голову. Даже слёзы выступили, от обиды. Почему? Что я такого сделал?

За спиной послышались шаги. Я напрягся.

— Не обижайся на Ласточку.

Маша...

— Уходи.

— Она не со зла, правда. Просто... Нам никто никогда не помогал. Она не верит.

— А Бабуля? А Таракан? Им от вас что-нибудь нужно? Или они свои, здешние, а мы с Лумумбой — чужие? И потому заведомо лжецы? — я убрал с лица мокрую тряпку. — Учитель говорит: образ мыслей определяет человека. Если сам — негодай, думаешь, что и все вокруг такие же...

— Ты им сказала, где клад?

— Да. Всё равно нужно проверить. Ну, про мадам Елену. Они уже поехали: кузнец, дядь Степан, мотоцикл одолжил, с коляской. На котором Таракан утром в город мотался.

— И далеко это?

— Не очень. За пару часов обернутся. — она села рядом. — Так странно всё.

— Чего уж тут странного? Решила Мадам легких денег срубить. Дуринян с Ростопчием, по-моему, решили примазаться. А мы мешали. Вот они и решили нас пристукнуть, чтобы под ногами не путались.

— Да нет, ты не понимаешь... Елена хорошая.

— С чего ты взяла?

— С того. Она встречалась с Бабулей, пока он... Пока его не заколдовали на охоте. Бывала у нас дома, книжки приносила... Вкусности разные.

— И из-за этого ты решила, что она хорошая? — я не мог скрыть горькой печали. Маша упрямо наклонила голову.

— В первую очередь потому, что Бабуля не стал бы заводить отношения с... нехорошей женщиной. Жалко, ты его не знал, а то бы сразу понял. Он такой же, как Базиль. Честный и благородный. Добрый. Они поженится хотели. И еще... она совсем, совсем не переносила Пыльца. Пострадала от нее в молодости, очень сильно. И не переносила. Как и Бабуля.

— И почему не поженились?

— Он пошел в рейд и попал под заклятье. Стал двоедушником.

— Елена его бросила?

— Нет. Он сам сказал, что не может обречь её на жизнь рядом с чудовищем.

Что-то в мозгу щелкнуло.

Она всё время на виду. Благодетельница. — так, кажется, выразился Шаробайко. Красавица, умница, законодательница мод, хранительница традиций. Знакома со всем городом: градоначальник слушается её совета, фабриканты не брезгают зайти на огонек... А влюбилась в простого охотника. Так разве бывает? Бывает, наверное. Но у нее прибыльный бизнес: кабаре с выпивкой и девочками. И при чем здесь Пыльца?

— Маша... А Елена не предлагала денег на амулет для Бабули? Всё-таки, богатая женщина...

— Нет.

— Никогда?

Маша только покачала головой.

Лумумба, например, сразу сказал: никаким амулетом заклятье не снять. Но он — маг, и такие вещи просто знает. А она?

Я вскочил.

— Ты чего? — удивилась Маша.

— Нужно торопиться. — я попытался натянуть мокрую рубаху. Ткань жалобно затрещала.

— Куда?

— В город. А то будет слишком поздно...

Глава 20

Иван

— Вы уверены, что это необходимо? — я затравленно топтался возле бани. — Может, я просто кепку надену? Или парик какой?

Любовь Александровна игриво хихикнула, пожав круглыми плечиками.

— Ну где я тебе, соколик, парик возьму? Разве что, из соломы... — она подошла близко-близко, чуть не уткнувшись в меня высокой грудью. — А хочешь, девкой тебя вырядим? Косу-то, глядишь, найдем. Сарафан красный, лапти... — и нежно так провела ручкой по моей щеке. — Бровушки насурьмим, щечки нарумяним, губки...

— Нет! — я отскочил, уворачиваясь от очередной ласки. — Обойдусь, спасибо большое. Давайте лучше красить.

— Ну вот, другое дело... Идем, сокол ясный. — кивнув, она скрылась в предбаннике. Я покорно поплелся следом. — Внешность у тебя уж больно, милок, колоритная. — бормотала будто бы себе под нос любезная Любовь Александровна, размешивая краску. — Малой маскировкой не обойдётся... А так — кудри твои буйные черными сделаем, кафтанчик подберем, сапожки — глядишь, и за человека сойдешь...

— Может, я того, магией? По смене личин у меня пятерка была.

— Не выйдет. — поджала губки хозяйка, наливая в ушат воды и пробуя её локтем. — Пыльцы-то совсем нема. Мы граждане послушные, ни в чем таком не замешаны... Так что, если у тебя самого не припрятано...

Я горько вздохнул. Весь запас, что был у нас с Лумумбой, сгинул вместе с гостиницей.

— Да ладно, не кобенься. — она гостеприимно махнула полотенцем на тазик. — Сделаю в лучшем виде, мама родная не признает.

Обрез вернулся злой, как цепной кобель — как же, такой шанс разбогатеть упустили! Золота под расщепленным дубом не оказалось, только свежеразрытая яма с осыпавшимися краями.

Бесполезно было доказывать, что уж он-то к кладу не имеет никакого отношения...

Когда я заявил, что возвращаюсь в город, Таракан стал отговаривать.

— Пожары, убийства — у нас давным давно такого не было, — говорил он. — Народ уверен: всё началось с вашего приезда. Знаешь, чем заняты уцелевшие в бойне с имперцами охотники? Сидят по трактирам, демонстрируя

боевые ранения, и пьют за счет сердобольных граждан. Попутно расписывая всем желающим мажеский беспредел.

— Мы потому и приехали, что беспредел!

— Это еще доказать нужно. А бесплатное магическое шоу, что устроил твой наставник, перед тем, как гостиницу подпалить — полгорода видело.

— Есть доказательства. — мрачно напомнил я. — Наш осведомитель, Лёня Кукиш, оставил улики. Лумумба не виноват...

— И где они?

Я сник. Улики — поддельная монета, сережка и пакетик с Пыльцой, тоже сторели в гостинице.

— Узнают тебя — и повесят на ближайшем фонарном столбе. — сплюнул Обрез. — Будет городу бесплатное украшение.

— Нужно подождать. — гнул своё Таракан. — Несколько дней, может, недельку... Пока хоть немного не схлынет.

— Нельзя ждать! — горячился я. — Пока мы тут загораем, она золото вывезет, следы заметет, и тогда уже точно ничего никому не докажешь.

— Послушай... — Таракан замялся, коротко глянув на Обреза. — Давай начистоту: так ли оно тебе надо?

— Не понял. — я злился всё сильнее.

— Наставника твоего...

— Пустьземляемубудетпухом. — вставил Обрез.

— Пусть земля ему будет пухом. — кивнул Таракан. — Уже не вернешь. Ты в свою Москву укачишь. А нам здесь жить.

— Но если Мадам Елена — и есть дилер, а мы её прижучим, вам же лучше будет! Без Пыльцы в городе куда как спокойнее станет.

— Да это всё понятно. Однако...

— А, боитесь работу потерять? Конечно, без маганомалий — на хрена охотники?

— Да как ты... — замахнулся Обрез. — Да если хочешь знать...

— Тихо! — Таракан встал между нами. — Успокойтесь, оба. В чем-то ты, Иван, прав. Мы — охотники. Но это ерунда: не будет работы здесь — подадимся в другие края. Тут другое...

— Что?

— Ты сам сказал: Баба Яга — только дилер. А искать надо сам источник. Твой наставник, будь он жив, со мной согласился бы. Свято место пусто не бывает, поймаем одного — придут другие. Место уж больно выгодное: река, дороги во все концы...

Сказать, что Елена — и есть главный источник, я пока не мог. Всё это не больше, чем мои догадки и ощущения. Чтобы разобраться окончательно, и найти новые доказательства — нужно попасть в город.

— Можете сидеть здесь до Морковкиного заговенья, а я ухожу. — заявил я, и отвернулся.

— Я с тобой. — Машу я поначалу не признал. Идет, думаю, пастушок деревенский, по своим пастушьим делам. В картузе, широких, на вырост, штанах, с котомкой через плечо...

— Еще чего.

— Меня Базиль нанял. Ему и увольнять.

— Так он же...

— Ты без меня пропадешь. Базиль нанял меня работать твоим помощником — вот я и буду. Это не обсуждается.

— Маш... — честно говоря, я даже обрадовался. Как-то непривычно было, совсем одному... Да и к Маше я уже привык.

— Надо тебя замаскировать. — сказала она, оглядывая меня критически. — Чтоб первый встречный-поперечный в полицию не донес... Идём, там Любовь Александровна уже всё приготовила.

...По дороге неторопливо катит телега. Лошадь сонно перебирает ногами, колеса негромко поскрипывают... В телеге двое: мальчишка лет тринадцати, несмотря на жару, в натянутом на уши картузе с порванным козырьком. И цыган в красной рубахе, с черными, как смоль, кудрями до плеч, тонкой бородкой и кольцом фальшивого золота в свежeproколоте ухе...

Из-за этого кольца я возмущался больше всего: ну что я, в самом деле, как скоморох? Ухо, между прочим, до сих пор болит.

На телегу для виду навалили всякого хлама: глиняных горшков, кочанов капусты, десяток глянцевого, чуть не лопающихся от распирающих соков, арбузов... Словом, создали полное впечатление деревенских, едущих в город на ярмарку.

Маша вовсю изображала мальчишку: ловко сморкалась через одну ноздрю, сплевывала сквозь зубы, а от её "пацанячьей" фени так вообще уши в трубочку заворачивались.

Развалившись и заложив руки за голову, я пытался думать. Всё время накачивала дремота — сказывалась бессонная ночь. Да и мерное покачивание телеги не стимулировало процесс брожения мыслей...

Тогда я сел рядом с Машей, и, взяв у нее вожжи, чтобы занять руки, стал рассуждать вслух.

— Начнем по-порядку. Агентство в Москве получает тревожный сигнал из города N, и высылает двух оперативников — проверить информацию. Но вот незадача: к тому времени, как прибывают агенты, осведомитель уже скопился, простите за каламбур... На месте преступления обнаружены три предмета: пакетик с дурью, фальшивая, как и моё кольцо, золотая монета и сережка. Кукиш собрал доказательства, но рассказать ничего не успел.

— Может, это не совсем доказательства? — спросила Маша.

— Это как?

— Ну, может быть, это подсказки? Откуда, например, у дворника взялась дорогая сережка?

Я помолчал, собираясь с мыслями. Потом продолжил:

— Откуда поступает необычная, спрессованная в таблетки, Пыльца...

— И кто привез в город фальшивое золото? — продолжила Маша.

— Мангазейские дензнаки — самая твердая валюта. Великий князь лично следит как за качеством золота, так и за весом монет...

— Им очень не понравится то, что кто-то занялся подделками. — закончила она.

— Фальшивомонетчики — не моя проблема. А вот откуда в городе дурь... — я почесал зудящее ухо. — Товарищ Седой дал четкий, абсолютно недвусмыс-

ленный приказ: узнать, кто распространяет Пыльцу. Я не имею права его не выполнить.

Всё время, с самого бдения на кладбище, меня терзали смутные сомнения. Кто-то мог сказать, что это интуиция подает сигналы, но я, наученный горьким опытом и тумачами, называл это состояние "наркоманской чуйкой".

Пыльца — наркотик, а значит мы, маги, что греха таить — наркоманы. Мы испытываем кайф от дозы и ломку, когда этой дозы долго нет. Но в промежутке... В промежутке между двумя этими крайностями маг может всё. Ну, или почти всё. Во всяком случае, многое — в силу своих способностей...

Лумумба как-то сказал: — Поиски истины — тоже наркотик. Единожды попробовав, ты уже не в силах отказаться.

Я что хочу сказать: прямо сейчас меня буквально трясло. Как гончую, почувшшую добычу. Казалось, на руках имеются все ключи, надо только выбрать нужный, вставить в замок и повернуть...

— Ты что, уснул? — Маша ткнула меня в бок, и я понял, что вновь задремал.

Потянувшись и сладко хрустнув всеми суставами, я достал котомку, собранную нам в дорогу заботливой мамой Обреза. Хорошо всё-таки, когда есть мама... Достав бутылку с молоком и ломоть хлеба, передал Маше.

Отхлебнув, она отдала бутылку назад и отщипнула тёмную корочку.

— Вот ты совсем не скорбишь о Лумумбе. Почему?

Я тоже хлебнул молока и закусил горбушкой.

— Во-первых, есть дело, которое нужно довести до конца. А во-вторых...

— Ты не веришь, что он умер? — Маша шмыгнула носом. — Я, честно говоря, тоже не верю. Ну не мог он — так...

— Тут дело не в вере. — я полез за пазуху и достал крестик на веревочке. Такие носили многие. Если не по религиозным соображениям, то по привычке... Так что вопросов он обычно не вызывал. — Гляди. — сняв крестик с шеи, я протянул его Маше. — Эту вещь сделал учитель. Магическим, сама понимаешь, способом. И подарил мне. Я, в свою очередь, тоже сделал некую вещь. Кольцо у него на пальце, видела? С синим камнем.

— Я поняла! Если кто-то из вас умрет...

— Второй обязательно об этом узнает.

— Потому что со смертью мага...

— Умирает его колдовство.

— Но... это не отменяет того, что Базиль мог попасть в беду!

Я усмехнулся.

— Вот ты — охотник. Много ты знаешь способов обезвредить практикующего мага, не убивая?

— А если у него нет Пыльцы?

— Лумумба — очень непростой маг. Помнишь, я говорил: он стал унганом задолго до того, как появилась Пыльца.

— То есть, он может колдовать и так? Без наркотика?

— Если сильно захочет. Или если его вынудят.

— Но почему он не приехал в деревню? Он же обещал!

— Очень может быть, ему просто помешали. Взяли в плен, например, и дер-

жат в бессознательном состоянии.

Маша вдруг засмеялась.

— Знаешь, что такое ирония судьбы? — спросила она. Я вылутился непонимающе: к чему это она? — На днях я купила пельмени из динозавра. — сказала она. Ну, за городом объявился динозавр — наколдованный, естественно, и мы его прибили. Всей артелью загоняли, двоих он почти насмерть затоптал. Обрез мне еще чуть волосы огнеметом не спалил... — она почесала под картузом. — Ну, а власти решили: не пропадать же добру, и пустили мясо в переработку.

— Так оно же ненастоящее! — удивился я.

— То-то и оно. Прихожу домой на следующий день, а от пельменей — тех, которые накануне не съели, — одно тесто. Фарш исчез.

Со смертью мага умирает и его колдовство. — это прописная истина, аксиома. Как бороться с маганомалиями? Проще всего вычислить источник — то есть, мага. И убить. Все созданные им креатуры самоликвидируются.

За последние дни было убито двое магов. Мать Драконов и Янек Живчик. После этого: испарилось мясо из пельменей, имперские штурмовики и спиртное на заводе Дурияна.

У меня не получилось установить контакт с поставщиком Пыльцы на кладбище — мы тогда предположили, что им был Живчик...

Я припомнил вечер в Зеленом Пеликане: он сидит с нами и пьет. Потом он начал буянить, пускать огонь из пальцев, и Елена увела его за соседний, пустой, столик. Но он не успокоился, и начал обвинять присутствующих в разных смертных грехах... даже Лумумбе досталось, хотя он-то точно был ни при чем. Опять к нему подошла Елена, о чем-то поговорила, выпила с ним на брудершафт... Больше он никого не доставал.

Потом начался концерт, о Живчике все забыли, а потом официантка обнаружила, что он мертв.

Тогда и в голову никому не пришло подумать на хозяйку заведения! Он жил где-то в комнатах над рестораном, а значит, у Елены были и другие возможности с ним покончить, но она ими не воспользовалась. Живчика устранили, только когда он начал болтать.

Я лично думал на Дурияна. Не знаю, почему... Просто его очень легко было представить, всаживающим тонкий стилет кому-то в почку. Ростопчия, или там, Цаппеля — нет, а его — запросто. Опять же, прямая связь: фальшивый коньяк — магия... Штык обещал заняться расследованием, и мы с Лумумбой как-то выпустили покойного Живчика из поля зрения.

Но вот сейчас... Он был знакомым именно Елены, а не кого-то другого. Приехал к ней в гости. Логично предположить, что про хозяйку Пеликана он и знал больше всего. И, когда грозился всё раскрыть — то имел в виду именно её делишки! А остальных приплел так, для красного словца...

У нее и возможностей было хоть отбавляй — время от времени хозяйка подходила, и, склонившись, осведомлялась, как у него дела. По крайней мере, так думали все остальные.

Что же получается?

Живчика убила мадам Елена.

Цаппеля тоже убила она — ну, или её охранники, что сути не меняет.

Козленок-Кукиш... Если мы обнаружили в книге сережку мадам Елены — сомнения отпадают. А кому еще в городе могла принадлежать столь дорогая и изысканная безделушка? Не женам же мастеровых из Слободки...

Лёню, кстати, мог от её имени прикончить Живчик — чем не версия? Способностей больших в нем не было, этим и объясняется незавершенное превращение в козла.

Как в эту схему укладывается Мать Драконов — пока не знаю. Разве что, связать между собой фальшивое золото, клад Цаппеля и выкуп, который требовала от города Мать.

Всё тело вновь начало зудеть, будто под кожу колючек насыпали. Схватив Машу за руку так, что она вскрикнула, я быстро заговорил:

— Штык сказал: ваш город — место схождения сил. Ключ от севера и ворота на юг... Река, по которой вверх-вниз ходят пароходы, почтовые дилижансы, поезда... И все останавливаются здесь.

— Еще грузовики. — подсказала Маша.

— Какие грузовики?

— Фуры Дуриняна — они развозят спиртное по другим городам, и тягачи Ростопчия... Те — наоборот: свозят всякое барахло на свалку. Он даже хвастался: сломанное и выброшенное на другом конце страны у нас обретает новую жизнь.

Сердце забило: это меняет всё! Одно дело — передать небольшую посылочку с проводником или сунуть лишнюю коробку в почтовую карету... Со всем другим — собственный транспорт. Среди бутылок и разной сломанной рухляди можно запрятать тонны! Таможни... А у какого предпринимателя не куплены таможенники? Ящик коньячка здесь, старенький, но исправно работающий телевизор — там...

Я еще раз посмотрел на Машу.

— И много таких грузовиков?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Много, наверное. Они постоянно курсируют.

— Предположим — только предположим, что мадам Елена — и есть Баба Яга, дилер. Дуринян с Ростопчием, разумеется, в доле... Понятно, что она запаниковала, когда в город прибыли мы с Лумумбой. Весь её сверхприбыльный бизнес оказался под угрозой. Кукиш явно что-то пронюхал, и, зная его жадную натуру, можно предположить: стал требовать с Елены выкуп за молчание. Она и заставила его молчать, но поздно: мы уже были здесь. Что сделать проще всего? Устранить нас тоже! В первый же день, когда мы гуляли по набережной, кто-то пульнул в нас файербол...

Потом было дело с Матерью Драконов, и Елена сообразила, что мы — более крепкие орешки, чем она думала, и пригласила к себе — прощупать, на что мы способны. Она не учла, что Живчик, будучи магом, приревнует к Лумумбе, и начнет хвастаться... Убила она его из-за нас, к бабке не ходи. Понимаешь?

— Не понимаю. — честно сказала Маша. — Все знают, что мадам Елена не выносит Пыльцы. Когда Бабуля попал под заклятье... она лично заплатила

охотникам за то, чтобы мага убили.

— И что, удалось?

— В пыль разнесли... — и она посмотрела на меня круглыми, как плоски, глазами.

— Вот то-то и оно. — кивнул я. — давно подозревал, что с заклятьем не всё чисто, только ухватить никак не мог. Таракан ведь тоже говорил, что Бабулю накрыло во время рейда, но никто не упоминал, что магу удалось скрыться.

— То есть, он жив и находится где-то рядом?

— А вот мы сегодня и проверим. — схватив вожжи, я огрел лошадь по спине и заорал так, что вороны заметались над головой: — Н-но, залётные!!!

И мы понеслись.

Глава 21

Иван

— Первым делом пойдём к Штыку, — я думал вслух, одновременно пытаюсь сдержать не в меру разогнавшуюся лошадку. Под колесами уже громыхали камни мостовой. — Потом надо найти кого-то из персонала гостиницы. Управляющего, например. В то, что наставник спятил — я в жизни не поверю. Узнаем из первых рук, как всё было.

— А почему ты решил, что он нам поможет? — по мостовой телега катила очень тряско, и Маше приходилось хвататься за что попало, чтобы удержаться.

— Полицеймейстер сейчас — главное должностное лицо в городе. И он знает, кто такой Лумумба. Если откажется — значит, тоже замазан, по самые уши.

— Штык — дядька хороший, не обвиняй его напрасно. Я просто хотела сказать, что у него и без нас дел по горло.

— Всё эти события связаны между собой. Что-то он успел раскопать... Расскажем ему, что знаем мы. Я уверен, вместе мы это дело раскроем.

Меня так захватила эта идея, что я перестал смотреть по сторонам, забыв, что нас могут разыскивать. Мысленно я был уже в кабинете полицеймейстера, выстраивая аргументы и доказательства.

Вдруг в голове взорвалась боль — именно так бывает, когда по затылку со всей дури засветят булыжником. От неожиданности дернув вожжи, я кувырнулся через передок телеги, под ноги лошади.

Откуда ни возьмись, вокруг образовалась толпа.

— Попался! — схватив за руки и за ноги, меня потащили из-под колес, на ровное место. Я взбрыкнул, пытаюсь вырваться, но держали крепко.

— Руки, руки хватайте. Не давайте ему пальцами шевелить. И пасть заткните. Чтоб не сболтнул чего.

— Спокуха. Вишь, глаза синим не светятся — значит, наркотика в ём нема.

— Береженого бог бережет. Затыкай.

Не успел я опомниться, как в рот мне напихали какую-то вонючую тряпицу.

— А это точно он? Тот, помниться, рыжий был, а этот — цыган-цыганом...

— Сказано было: на енттой улице в енто самое время. А он, или не он — не наше собачье дело.

— Девка — та самая. Парнишкой прикинулась, а шапку сбили — глядь, кося! Я видел, как они из гостиницы с тем черножопым выходили... Ссыкуха ры-

жая. Нашла с кем связаться.

— Права была Мадам Елена. Точно они.

Сердце глухо забилося.

— Умнейшая женщина, дайбогейздоровьичканамногиегоды... Как первый-то сгинул, про младшего и думать забыли, а она напонила. Всё предсказала, благодетельница, как в воду глядела.

Я был кругом прав. Это всё она, Елена. А ну... Попытался вызвать в себе хоть слабенькую искру, приоткрыть Завесу. Сосредоточился, и даже что-то почувствовал... Но получил пинок в брюхо и задохся.

— Эй, ты чего? Лежачего-то не бьют. — надо же, кто-то сердобольный выискался.

— А вдруг он колдовать вздумает?

— Сказано же, без Пыльцы не может.

— Хозяйка отдельно предупредила: чтобы без членовредительства. И сразу — к ней.

— Щас до площади дотащим — поглядим...

— Хозяйка велела в Пеликан тащить.

— А твоя хозяйка нам не указ! Виселицу сколотили? Сколотили. Значица, болтаться на ней мажонку еще до захода солнца.

— Девку, девку не забудьте.

Во время спора меня тянули в разные стороны — видимо, две различные группировки. Сильно пахло перегаром: участники самовольного судилища все, как один, были навеселе. Я пытался разглядеть Машу, но вокруг топтался целый лес ног — в воняющих смальцем сапогах, в тяжелых рабочих ботинках, в обычных городских туфлях... И эта разнообразная обувь то и дело пинала меня по всем местам. Бока отзывались трескучей болью, из носу текла вьюшка, не давая нормально вздохнуть, запястья резало — к ним примотали по крепкой тонкой веревке. Стало страшно: а ну, кому-то придет в голову не тащить меня на площадь, а привязать к двум разным телегам и дать лошадям хлыста.

И всё время мерещился где-то рядом знакомый пес...

От-тставить самосуд! — вдруг рявкнуло сбоку начальственным голосом, и я немного расслабился.

— О, б... Полицай нарисовался, фиг сотрешь. — и, совсем другим голосом: — Да никакого самосуда, вашбродие! Разрешите доложить: накрыли банду магов. Тех, что винзавод спалили.

— И гостиницу.

— По стратегическим объектам целились. На самое дорогое, ироды, покусились...

— Вздернуть его, и вся недолга!

— Мы ж только помочь, вашбродие! Со всем нашим усердием...

— Прально! Чего вам, господам, перчатки белые марасть? Уж мы сами управимся, по-простому. Мы с магами разбираться привычные. — я почувствовал пинок по почке. Судя по ощущениям, сапог был подкован.

— Я сказал, отставить.

— У деда Федора двое сыновей под Перебеевкой сгинули.

— Это где имперские штурмовики?

— Ну... А у Мирониhi внука динозавр затоптал. Так и не оклемался мальчонка.

— Брата! За брата отомстить! Мажья погань... зубами бы грыз, да тошнит.

— Градоначальника-то, градоначальника — тоже они грохнули, сердешного. Про клад ихнего благородия узнали...

— А вот мы его сейчас и спросим, где тот клад...

— Прально! И мага того помните? Живчика... Тоже они. Чтоб конкуренции не было.

— Отомстим за мага!

— Сил наших больше нет беспредел терпеть, вашбродие! Вы уж тут, в сторонке, по стойте, пока мы мажонка вешать станем. Уж вы не сомневайтесь, управимся в лучшем виде...

— Вина преступника должна быть доказана, и только тогда он будет осужден по всей строгости закона.

— Да и где он, ваш закон? Цапеля убили, Шаробайка сбег... А маги, вашбродие, не в вашей компетенции. Так что идите себе, убивцев ловите. А тут мы как-нибудь сами...

— Данные действия я приравниваю к бунту. Если не разойдетесь... Я буду стрелять. Послышался громкий щелчок железа о железо.

Народ замолчал, переваривая угрозу. Потом раздался робкий голос:

— Че, правда штоль? За мага вонючего, по своим?

— Как представитель закона, я не имею права попустительствовать произволу. Если для сохранения порядка нужно будет применить силу — за мной не заррржавеет. И вы это знаете.

— Но он же — маг! Преступник...

— Разберемся.

— Разберешься, говоришь?

Поборники справедливости, видать, подостыли и теперь искали способ сохранить лицо.

— Даю слово. ВСЕ виновные будут наказаны.

Последовала еще одна пауза, наполненная сопением, хмыканьем и шарканьем ног. Затем более-менее трезвый голос подвел итог:

— Ну чо, ладно тогда, мужики? Пускай всё по закону.

— Отпускать его, штоль? А вдруг побегит?

— Не побегит. Вишь, еле дышит. — меня вновь потыкали в брюхо носком сапога, я прикинулся ветошью. — Бока-то мы ему знатно намяли.

Меня раскачали и закинули обратно на телегу. Развязывать не стали.

— А с девкой-то что делать? — я наострил уши: была надежда, что Маше удалось бежать...

— Разберемся. Так что тоже грузите. — непререкаемым тоном приказал Штык.

— Тут её того... огрели малость сильно. Так что деваха без памяти. Почти наверняка без памяти... Может, даже дышит.

Я попытался разлепить стремительно заплывающий глаз и увидел кусочек бледной щеки, прикрытый копной кудрявых волос. С виска стекала тонкая струйка крови...

Захлестнула ярость. Как они могли? Среди толпы, судя по комментариям, было и несколько охотников, вернувшихся из того злополучного рейда на штурмовиков. И ни один не подумал заступиться...

Задержавшись и замычав, я попытался освободиться. Не люди, звери... Ладно, напирать связанного мужика — от меня не сильно убудет. Но девчонку? За то, что видели её рядом с магом?

Завеса открылась сама, будто только того и ждала. Навь предстала во всей красе: Полыхнуло северное сияние призраков, засветились гнилушки пропащих душ, замигали светлячки невинноубиенных...

Я потянулся в неё всем своим существом, всеми оставшимися силами. Почувствовал, как ослабевают давление веревок на запястьях, как лёгкие сами набирают воздух, чтобы выдохнуть заклинание, и... Где-то в позвоночнике зародилась волна боли. Огнем пробежав по синапсам, она добралась до черепа и расплескалась под сводом, ослепляя, оглушая, и наконец, милосердно лишая сознания.

Ну, всё. Конец. — пришла последняя мысль. — Спылился.

— Ваня?

— М-м-м...

— Вань, просыпайся, обед стынет.

— Что? Где обед?

Сев, я с размаху вписался лбом во что-то очень твердое. Показалось, что череп раскололся, как грецкий орех, и распухшие мозги выплеснулись наружу.

— М-мать святая богородица...

— Не ори. Охранники услышат.

Не пытаюсь больше шевелиться, я разлепил глаза. Низкий колючий потолок, такие же стены, все в неприятных темных потеках. Серенький свет едва пробивается сквозь зарешеченное окошко.

И запах. До боли знакомый, вызывающий чувство суконной тоски, безнадеги и вшей. Карболка пополам с прокисшей капустой... Так пахло в приемнике для бродяг, куда я частенько попадал в детстве.

— Где мы?

— В участке. В камере.

И я всё вспомнил. Нахлынуло облегчение: мы всё-таки живы. И Маша жива, и я жив. Не спылился. Еще нет.

Осторожно, пригнув голову, я сел. Потолок был низким — наверное, специально. Согнувшись в три погибели не очень-то побуянишь...

Маша выглядела нормально. Ну, почти. В тусклом свете её кожа светилась, будто восковая, а глаза были огромные и темные, как колодцы. Волосы с одной стороны лица потемнели и ссохлись сосульками.

Неожиданно меня охватила нежность к этой девчонке. Знакомы без году неделя, а она вон как за меня стоит — прям, как за брата...

Протянув руку, я погладил её по щеке.

— Бедная. Досталось тебе.

— Не больше, чем тебе. Ты как, кстати?

Я, кряхтя, ощупал бока.

— Ничего, жить буду.

— Ага. До вечера.

— Что до вечера?

— Жить нам осталось до вечера. То есть, часа полтора. Уже и виселицу на площади смаздрячили, по заряду дробы им в пузо...

— Значит, нас повесят.

— Вроде как.

— Быстро же в вашем городе позабыли о том, что все люди — братья.

— Штык этого не допустит. — Глаз и щека у Маши налились нездоровым багрянцем, это было видно даже в полумраке, царящем в камере.

— А кто нас в тюрьму кинул, как преступников?

— Может, это для нашей же безопасности.

— Ты сама в это не веришь.

— Штык не может оказаться плохим. Он Бабуле всегда помогал.

— Ты и про Мадам Елену так говорила.

— И что?

— Ты не слышала? Это она наводку дала, чтобы нас схватили.

Она сникла. Виновато посмотрела на меня и отвернулась. Я притянул её к себе и обнял. От волос Маши чуть-чуть пахло кровью.

— Пока ты спал, в участок Ростопчий приходил. — буркнула она мне в плечо. — Так орал, что стекла дрожали. Требовал выдачи преступников — нас, значит...

— Про Лумумбу ничего не говорили? — спросил я после паузы. Маша молчала. — Ты что-то знаешь?

— Ростопчий клялся, что видел его мертвым.

Голова начала болеть сильнее.

— Этого не может быть.

— Когда умирает сильный маг... — проговорила она, ковыряя дырочку на моем рукаве, — Колдовство рассеивается не сразу. Бывает, проходит несколько дней.

Рванув ворот, я попытался нашарить крестик, и не смог. Стащил рубаху, осмотрел всё своё туловище... Пошарил в карманах, даже трусы обхлопал! Потом упал обратно на лавку и слепо уставился в стену.

Стена была серая, бугристая, в трещинах и потеках. В углу, под ней, скопилось горстка мусора. Травинки, сухие соломинки, пара дохлых пауков и окурков. А еще — мертвые мотыльки с истлевшими, похожими на пепел, крылышками...

Лумумба. Мой друг, наставник, мамка и нянька. Он был уверен, что безвыходных ситуаций не бывает. И еще в том, что бороться нужно до конца.

Как-то он спросил:

— Знаешь такую поговорку? Когда бог закрывает дверь, он открывает окно.

— Ну...

— Гвозди гну. Нафига, скажи на милость, нужно это окно? Свежего воздуха перед смертью глотнуть? Боги буша никогда не оставляют открытых окон. Они дают топор, чтобы ты сам вырубил новую дверь...

Попытавшись вскочить, я вновь жестко ткнулся в потолок макушкой. Боль отрезвила и придала сил.

— Ты чего?

— Я не собираюсь здесь сидеть и покорно ожидать какой-то там казни. Я оперативник, а не сопля зеленая.

Маша красноречиво кивнула на запертую железную дверь.

— И куда ты, с подводной лодки, денешься?

Пошарив безумным взглядом по стенам, потолку, забранному толстыми прутьями окошку, я вновь уставился на Машу.

— Кричи. Изо всех сил кричи. — она несколько раз удивленно моргнула.

— Ты что, окончательно с катушек съехал?

— Наоборот. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

— И... Что кричать-то?

— Что насилуют.

— Очешуеть... Ты серьезно?

— На все сто.

— И это весь твой план?

— Время планов прошло. Пора рубить дверь.

Маша была прирожденной актрисой. Она так орала, что даже я поверил, и засмутился: вдруг на меня подумают...

Когда в замке загремел ключ, мы были готовы. Первый охранник влетел в камеру сам — даже ничего делать не пришлось, только протянуть руку и несильно стукнуть его о стену. Второго я огрел дверью. Третий успел сдернуть древний калаш и уставить мне в брюхо, но Маша, подскочив, рванула ствол на себя, охранник потерял равновесие, а я дал ему по ушам, втащил в камеру и выскочил в коридор.

— Налево и вверх по лестнице. — подсказала Маша.

Несколько раз глубоко и быстро вздохнув, я почувствовал, как кровь побежала быстрее. Сердце, дав несколько сбоев, ускорилося, и наконец застучало в ровном, ускоренном, ритме. Воздух сгустился.

— Держись позади меня и не отставай. — сказал я и побежал.

Это не был бег в прямом смысле. На самом деле, я двигался будто сквозь мутный вязкий кисель. Им можно было дышать — если прилагать усилия. Когда на пути попадались серые, слегка размытые тени, я хватал их, стучал о стену и укладывал на пол вдоль плинтуса. Оставалось только надеяться, что никого до смерти не убил...

Раздалось несколько негромких хлопков — по нам стреляли. Мне пули были не страшны, а если Маша выполняет мои указания, ей — тоже.

Комната, в которую мы попали, миновав коридор, колыхалась, будто я сидел в аквариуме с зеленоватой водой. Значит, времени осталось мало. Вихрем пролетев через нее — столы и стулья разлетались веером, как обычные щепки, я вырвался на волю. Маша была рядом, но из участка по нам продолжали стрелять.

Навалившись, мы синхронно захлопнули створки тяжелых дверей. Маша уже тащила какой-то железный прут, и я, просунув его в ручки, завязал узлом. Теперь точно не выберутся. Разве что двери с петель снять...

Праздношатающаяся публика начала с интересом прислушиваться к воплям, доносившимся из полицейского участка.

— Пленный маг вырвался на свободу и громит полицию! Граждане! Помогите совладать с супостатом... — закричала Маша, встав на высоком крыльце, как на трибуне.

Народ как ветром сдуло.

Мы быстро пошли по улице.

— Цела? — спросил я на ходу.

— Вроде бы...

Возле обочины заметили чей-то шарабан. Не церемонясь, я рванул ручку и усадил Машу на водительское место. Упал на сиденье с другой стороны, вырвал из-под панели провода и соединил их накоротко. Мотор взревел, запахло жареной картошкой.

— Я же не умею. — запротестовала Маша.

— Заодно и научишься. Рули к Пеликану!

Толчками шарабан выехал на середину улицы и покатил с горки. На крыльце Агентства, которое, как я припомнил, находилось ровно напротив полицейского управления, сидел громадный пес с черным пятном на ухе и пристально глядел нам вслед.

— Что это было? — спросила Маша. Она сидела, напряженно выпрямив спину и вцепившись в баранку обеими руками.

— Сцепление отпусти. — посоветовал я. — А теперь газу...

Шарабан поехал ровнее.

— От тебя пули отскакивали. — она напряженно ворочала руль, из-под колес в панике разлетались куры. — Тебя должны были в решето превратить. Как ты это сделал? Без Пыльцы...

— Это не магия. — наконец сердце замедлилось до привычного ритма. Предметы обрели четкость, а воздух стал легким и прозрачным.

— А что тогда?

— Умение.

— Умение?

— Ну, вроде как боевое искусство. Наш тренер по футболу, Сан-Саньч, называл это именно так. Он в Советском спецназе служил...

— А причем здесь футбол?

— Ну, официально Академия — гуманитарный вуз. Я, например, на историческом учился. Мифотворчество кочевых народов... Военной кафедры у нас не было, только спортивная секция.

— Ага. Понятно. — она бросила на меня короткий взгляд, но тут же с новой силой вцепилась в руль. — А меня бы в вашу академию взяли?

— Тебя? Запросто. — хотел добавить: — Хочешь, я с Лумумбой поговорю? — и осекся. В груди заболело.

— Приехали! — вдруг сказала Маша и нажала на тормоз. Я едва успел выставить руку, чтобы не разбить нос. — Что теперь? Снова это своё умение включишь?

— Не могу. Второй раз такой нагрузки сердце не выдержит.

— О...

— Попробуем по-хитрому. — она молча выгнула бровь. — Подождем, к свиням собачьим, этот курятник и посмотрим, какие птички из него вылетят.

— Ты с ума сошел? Нас же как раз за поджоги вешать собираются!

— Вешать нас собираются за шеи. А поджог... Лумумба как-то сказал: если тебя обвиняют незаслуженно, нужно вернуться и заслужить. — я развернулся к Маше всем телом. — Понимаешь, нужно доказать, что мадам Елена — магичка. Если все это увидят...

— Ты точно с ума сошел. Спятил. С глузду двинулся. Она не может быть магичкой.

— Почему?

— Она не переносит Пыльцы, я тебе уже говорила. Если б она могла колдовать, она бы освободила Бабулю от заклятия!

— Ты уверена? А может, именно она его и заколдовала? Может, он узнал про нее что-то нехорошее, и таким образом Елена заставила Бабулю молчать?

Маша какое-то время беззвучно открывала и закрывала рот, очень походя на удивленную золотую рыбку.

— Она ведь его любила. — беспомощно повторила она. — Это правда. Даже после... После того, как он начал превращаться в Зверя, она продолжала к нему ходить. Я знаю, я видела. Я видела, как она плачет.

— Маша... — сзади раздался нетерпеливый гудок. — У нас один-единственный шанс всё проверить. Мы должны её спровоцировать. Или пан, или пропал.

Она глубоко вздохнула, а потом кивнула.

— Ты прав. Я должна знать. Если это она... Если Бабуля погибнет...

— Еще не всё потеряно. Убьем Бабу-Ягу, и заклятье спадет! — меня охватил безумный кураж. — А Бабуля вновь станет самим собой...

Сзади сигналили всё истеричнее, но у Маши уже горели глаза.

— Что будем делать?

Глава 22

Маша

Ванька сошел с ума. Через какой-нибудь час нас собираются повесить, а он хочет устроить еще один поджог. И что, вы думаете, он хочет подпалить? Зеленый Пеликан! Самое роскошное казино в городе...

Здание огромное, в пять этажей. На первом — кабаре и ресторан, два других занимает собственно казино. Выше — "комнаты для девушек" — подразумевается, что они там живут... Еще должна быть административная часть — всякая там бухгалтерия и персонал.

Вот интересно, сегодня тоже будет концерт? Развлекательная программа: первым номером — повешение, затем ужин в ресторане и танцы...

С одной стороны — маги достали всех. Конечно, таких специалистов, как Ванька и Лумумба, у нас нет. Но и свои, доморощенные, у народа как кость в горле. Умертвия, Динозавр, Мать Драконов, жаббервоги...

А тут еще мы: бегаем, и поджигаем, что ни попадя.

...Сквозь громадные, в рост, окна ресторана виднеются накрытые столики, в полумраке зала похожие на белые зонтики медуз. Меж них, подобно рыбкам, снуют ловкие официанты. В дальнем конце, как пасть кракена, темнеет скрытая занавесом сцена.

— Уйма народу. — предупредила я Ваньку. — В комнатах у девушек могут быть клиенты, в кухне работают повара, уборщики, посудомойки...

— Как только начнется пожар, они сами побегут на улицу. — авторитетно заявил наш главный специалист по поджогам. — К тому же, именно они собираются вешать магов, не забыла?

— Сама только что об этом думала. Но всё равно до конца не верю. Не могут нормальные люди...

— Есть такое явление: массовый психоз. Они боятся, и хотят избавиться от страха самым простым способом.

— Убийством?

— Нет человека — нет проблемы.

— И как они потом будут спать?

— Безмятежно. С чувством выполненного долга.

Я вздохнула. Можно просто уйти. Всё бросить, податься на заработки к какому-нибудь барону... Забыть о Бабуле, Ласточке, близняшках, Лумумбе... Только вот незадача: я-то спать безмятежно не смогу.

— Ладно. Давай начинать.

Туго закрутив волосы, я спрятала их под поварской колпак. Нацепила не очень чистый фартук и завязала его на поясе. Посмотрела на Ваньку.

— Ну как?

— Отлично. Вылитый поваренок... Особенно хорош фингал. Придает правдоподобности.

Я показала ему язык.

Одежку, как и корзину с морковкой и огурцами, мы позаимствовали у настоящего поваренка. Ванька подстерег его у черного хода в гостиничную кухню, и, отобрав рабочую форму и напугав до смерти угрозой превратить в лягушонка, отпустил.

— Ты же не думаешь, что он будет молчать? — спросила я.

— Конечно нет. — мой подельник кровожадно улыбнулся. — Нам понадобится куча свидетелей. — и строго напомнил: — Заходишь, разведываешь, и выходишь. Остальное я беру на себя. Поняла?

— Захожу. Разведываю.

И действую по обстановке. — добавила я про себя. Меня ведь тоже обвиняют во всех смертных грехах. Попытаюсь, по мере сил, соответствовать.

— Ты очень смелая, Маш. И... И вообще крутая. Но всё равно: никакой самостоятельности. Начудишь — уши оборву.

— Спасибо. — ответила я невпопад. Чувствуя, что жар скоро доберется до щек, быстро чмокнула его в уголок губ, подхватила корзину и нырнула внутрь.

Идти было неудобно: фартук путался в ногах, корзина оттягивала руки, а колпак сползал на глаза. Так что первым делом, переступив порог кухни, я споткнулась и грохнулась носом в пол. Морковка с огурцами раскатились.

Моё падение тут же едко прокомментировали:

— Федюня опять в собственных ногах запутался. — вокруг заржали. Я, не поднимая головы, принялась кидать овощи обратно в корзину. Перед глазами замаячили ноги в огромных рыжих сапогах. К каблuku левого прилипла луковая шелуха.

— Что там на площади? Еще не началось? — пахнуло потом и жареным мясом. — Не опоздать бы...

Я закашлялась.

— Ты чо, подавился чтоль? — меня со всего маху огрели по спине. Я опять ткнулась носом в пол, колпак слетел.

— Ой... А это не Федя.

Меня обступили дюжие люди в белых, не очень чистых халатах. У некоторых в руках ненавязчиво поблескивали тесаки.

— Ты кто такая?

Из-за спин раздался тонкий, дребезжащий голосок:

— Магичка она, ага. Когда их в участок волокли, я сам видел: рыжая и конопатая. Точно она. — народ опасливо отхлынул.

— А к нам зачем пожаловала? — спросил дядька с мягким бабьим лицом и маленькими и острыми, как буравчики, глазками. — И... где Федька?

— А она его в жабу превратила. — авторитетно сообщил всё тот же противный голос. Я попыталась рассмотреть, кто бы это мог быть, но паршивец на глаза не казался.

— В жабу, говоришь? — спросил другой повар, с брюхом, заляпанным бурыми пятнами. А потом задумчиво поднял тесак и с хрустом почесал щетину на тройном подбородке.

Со всех сторон ко мне потянулись руки.

Поднырнув под них, я что есть сил боднула повара головой в обширный живот. Мужик хрюкнул, посинел и медленно осел на пол.

Протиснувшись в щель между ним и другим дядькой, который пока только тупо моргал, не успев сообразить, что происходит, я подпрыгнула и ухватилась за штангу, подвешенную над плитой. На ней болтались сковородки и здоровенные половники. Раскачавшись и пнув пару кастрюль, в которых что-то булькало, я перепрыгнула на другую сторону и рванула к двери.

Сзади образовалась куча мала. Кого-то обварило бульоном, на кого-то опрокинулось тушеное мясо... Надеюсь, больше всего пострадал обладатель противного голоса. А вообще было смешно: толстые повара, поскользываясь и плюхаясь в подливку, хрюкали, как рассерженные кабаны. В воздухе клубились ругательства.

Добежав до спасительного выхода, я притормозила. Рядом никого — все барахтались на другом конце кухни, а на плите дымила забытая сковородка с раскаленным маслом. Я же обещала заслужить? Вот прекрасный повод, даже делать ничего не надо, только легонько толкнуть...

Пламя взметнулось до потолка и загудело. Сразу занялись брошенные кем-то полотенца, раздались испуганные крики... Я рванула к дверям, но отшатнулась: в кухню неслись похожие на бульдогов официанты.

— Держите её! — заорали повара. — Чертовка устроила поджог! — первый официант оскалился и растопырил руки.

Ёшкин кот, ну почему люди такие злые? Я же, на самом деле, ничего им не сделала...

Отступив к стене, я схватила со стола первое попавшееся: огромную двузубую вилку на здоровенной деревянной ручке. М-да, это, конечно, не нож, но тоже сойдет. Никому не нравится, когда вилкой в глаз тычут... Сзади гудело и трещало: пожар набирал обороты.

— Вам что, больше всех надо? Пожар же! — закричала я. Как зомби, честное слово...

Схватив чайник, я запустила его в голову ближайшего преследователя. Тот, уклонившись, кровожадно улыбнулся. Я разозлилась.

— Гоблины вислоухие!

Нашаривая не глядя всякие предметы, я начала швырять их.

— Гуси лапчатые!

Официанты упорно не отступали.

— Индюки маринованные!

— Крысы банановые!

Под руку попалась миска с мукой, и её я тоже метнула. В воздухе повисло белое облако, парни закашлялись. Не теряя времени, я пригнулась и понеслась к двери.

Ресторанный зал почти пуст, занято лишь несколько столиков. Прячась за колоннами, я пробиралась к дальнему концу, где малиново поблескивали бархатные портьеры сцены. Успеть бы...

Кухонные двери распахнулись, выплескивая маты, дым и официантов. Я спряталась за шторой. Нисколько не пострадавшие, только все белые от муки, преследователи заметались по залу. Что характерно: тушить пожар они даже не пытались, всё их внимание сосредоточилось на мне.

На парней будто нашло затмение: опрокидывая столы и стулья, не обращая

никакого внимания на обедающих, они методично обшаривали ресторан. Перестав дышать, я скукожилась в уголке, понимая, что обнаружение — только вопрос времени.

Пожар тем временем распространялся. Уже занялись ближние к дверям кухни портьеры, дымилась скатерть на перевернутом столике. Если огонь доберется до бара... Сначала испугавшись, в следующий момент я встрепенулась. А это идея! Повара, я надеюсь, давно покинули поле боя через заднюю дверь, немногие гости тоже разбежались, одновременно напуганные и воодушевленные возможностью не платить по счету...

Несколько раз глубоко вздохнув, я сорвалась с места. Перепрыгнула столик, увернулась от загребущих волосатых рук и в несколько прыжков долетела до бара. Девушка — барменша, недоуменно хлопавшая глазами, как кукла, при виде меня приоткрыла накрашенный ротик.

— Беги. — приказала я. Девчонка сделала шаг в зал. — Да не туда! — поймала я её руку. — На улицу беги, зови пожарных!

Схватила бутылку с чем-то золотистым и темным. Размахнувшись, метнула её... Неделет. Вторую ловко перехватил официант. Третья... Третья попала туда, куда нужно, но не загорелась. Холера!

Повернувшись, я пригляделась к этикеткам. Дым уже ел глаза, он стелился по залу длинными языками. Сквозь слезы я читала названия: шампанское "Сюрприз". Не подойдет, слишком мало градусов. Ямайский ром... не знаю, будет ли он гореть... О! Знакомые всё лица! "Герцог Алайский", собственной персоной. Этот точно запылает, как миленький.

Взяв тяжелую квадратную бутылку за горлышко, я вскочила на барную стойку. А затем, размахнувшись, как на картине "подвиг Александра Матросова", и закричав: — Врагу не сдастся наш гордый "Варяг"! метнула её в зал.

Красиво кувыркаясь, бутылка пролетела через весь зал разбилась о колонну. По полу побежала волна синего пламени.

Оставался завершающий штрих. Схватив тяжелый стул за спинку и хорошенько раскрутив вокруг себя, я запустила его в окно. Стекланный дождь зазвенел по мостовой, а получившее доступ к кислороду пламя взметнулось до лепного, с дорогими хрустальными люстрами, потолка.

Теперь — ходу. К черту осторожность, нужно найти Елену. После того, что я здесь натворила, терять уже нечего: не повесят — так утопят.

За сценой было относительно тихо. Дым сюда еще не добрался, только еле заметный, и поэтому даже приятный, запах горящего дерева. Будто где-то недалеко пекли картошку на углях.

Вдоль стен громоздились какие-то сундуки, в проходе теснились вешалки на колесиках, с них свисало яркое тряпье. Дальше была гримерная. Распахнув дверь, я чуть не закричала: показалось, что вдоль громадного, во всю стену, зеркала, ко мне спиной сидят девушки. Но оказалось, это всего лишь парики на деревянных головах.

Мелькнула соблазнительная мысль. Напялить один из париков — вот этот, с черными, как смоль, длиннющими патлами, что-нибудь из театральных одежек и выскочить вместе со всеми на улицу. Руки чесались примерить —

всегда мечтала о таких красивых волосах...

Нет. Свалить я всегда успею, а вот разобраться с Еленой другого шанса не будет.

Выбравшись из лабиринта пропахших дешевыми духами коридоров, я попала в административную часть. Очень похожую на наше агентство: голые крашенные стены, протертый до дыр линолеум и неистребимый запах бумаги и чернил. Тут о пожаре еще не знали. Ну ничего. Сейчас мы это исправим...

— Пожар! Горим!

Из дверей высунулось несколько лисьих мордочек.

— Беда! — я прибавила в голос паники. — Маги подожгли "Пеликан"!

Кровь, запах гари и закопченные волосы придавали словам правдоподобия. К тому же, на мне до сих пор был фартук поваренка.

Отовсюду, как тараканы, начали высовываться люди. Однако сколько народу у нее работает! Никогда бы не подумала.

В узком коридорчике образовалась давка. Толстая тетка, метнувшись в один из кабинетов, распахнула окно и с визгом сиганула наружу. Я выглянула: второй этаж. Внизу — мягкий газончик. Она даже колени не ссадила...

Вокруг дома плотно стоял народ. Где-то вдалеке раздавался звон колокола — кто-то сподобился вызвать пожарных. От левого крыла, того где кухня, поднимался дым. Из окон вырывались языки пламени. Что характерно: внутрь, спасти имущество мадам Елены, никто не спешил. Даже на тех, кто прыгал из окон, не обращали особого внимания. Они вставали, отряхивались и спокойно вливались в толпу.

Я огорчилась. Какая-то учебная тревога получается. Никто не кричит, не мечется в панике, заламывая руки, вдоль горящих стен, не швыряется в окна роялями... Скучно.

Найдя глазами пишущую машинку, я примерилась, чтобы выбросить её в окно... И поставила на место. Испортить такую ценную вещь рука не поднялась. Вместо нее взяла тяжелую урну для бумаг, и, размахнувшись, швырнула в стекло. Снаружи наконец-то послышались крики. Тогда я вскочила на подоконник, и, взмахнув фартуком, заорала:

— Убивают! Люди добрые, не дайте помере-е-ть! А-а-а-а...

Сделав вид, что теряю сознание, я рухнула внутрь комнаты. Может, хоть это придаст событиям ажитации...

Распахивая все двери, что попадались на пути, и время от времени швыряясь в окна разными предметами, я двинулась вглубь здания. Людей больше не видела, все разбежались.

Лестница. Вверх и вниз. Кабинет Елены, помнится, наверху, под самой крышей. Внизу — подвал. Ванька предполагал, что там могут прятать золото. Если я его отыщу, если добуду доказательства... Я решительно затопала вниз по ступенькам.

— А ну, стоять. — ни разу не пришло в голову, что в подвале может быть охрана. Двое огромных, как призовые хряки, дядек. Такие же мордастые, с крошечными, утопленными в сало, глазками. — Чего здесь забыла? — я вовремя вспомнила про поварской фартук.

— Так пожар, дяденьки. Меня за вами отправили... Все уже эвакуирова-

лись. — Бабуля говорил, что длинные непонятные слова внушают больше почтения. — Одни вы остались. Мадам Елена лично приказали...

— Пожар, говоришь? — один из хряков недоверчиво принюхался. — Чегой-то я нихрена не чую...

— А вы повыше поднимитесь. Дым-то, он же легкий. Весь вверх утекает...

— Насчет Мадам это точно? — спросил второй. Руки с пистолетов они убрали.

— Ей-же-ей, дяденьки. Поваренок Федька на кухне сковороду с маслом опрокинул, да прямо на плиту. Полотенца занялись, потом на скатерти перекинулось. А там и на ресторан. Бар с напитками... Они как давай взрываться! Говорят, из спирта даже гранаты делают.

Правильно Ласточка говорила: если попадешься — ври правду. Она всегда лучше работает.

Хряки переглянулись. Затем синхронно посмотрели на меня.

— Эта... А Мадам чо, и впрямь велела всем эвак... уходить?

— Ей-же-ей. — твердо сказала я. — Прямым этими словами: Иди, говорит, и скажи моим самым верным сотрудникам, пусть спасаются... — я заткнулась, почувствовав, что переигрываю. — Тока скорее.

Наверху что-то, судя по звуку, взорвалось, а затем обрушилось. Стены легонько содрогнулись.

— Быстрее! — заголосила я. — А то всем капец придет...

Над лестницей еще раз грохнуло, и наконец-то показались клубы дыма.

— Уходим. — гаркнул первый и решительно направился к лестнице.

— А как же... — второй указал на дверь у себя за спиной. Первый махнул рукой. — Брось ты их.

Тот, который остался, вставил в замок ключ и повернул.

— Не настолько много нам платят, шоб такой грех на душу брать... — буркнул он, и с силой дернул толстую створу. — Выходите, бабоньки. Кончилась ваша смена.

Я была уверена, что за дверью, которую они охраняют, возделенное Ванькино золото. Но, когда окованная стальными листами плита отошла, оказалось, что там большая светлая комната. Посередине — длинный стол. На столе, на высоких табуретах, сидят тетки в белых халатах и таких же чепчиках, и фасуют синий порошок. Вся комната густо пропахла корицей.

Услышав окрик, тетки повскакивали и недоуменно уставились на охранника.

— Пожар. — высунулась я из-за его локтя. — Горим!

Все молча ломанулись на выход. Про меня забыли...

Полсекунды ушло на то, чтобы совместить в уме составляющие: теток в халатах, синий порошок, запах корицы... Сбивали с толку незнакомые приборы. Незнакомые, да не совсем: круглые стеклянные блюда, весы с маленькими блестящими гирьками, стеклянные же, с гнутыми длинными ручками, ложечки... Микроскоп.

Я знала, что первичная Пыльца — живая культура. Бабуля рассказывал историю открытия. Он говорил: хотели вывести болезнетворный грибок, для

биологической войны. А получили наркотик... Точнее, Пыльца — это высушенные споры этого самого грибка. Леофизат.

Здесь, в подвале под Пеликаном, были сотни килограмм Пыльцы. Запаянные в пластиковые пакеты, ссыпанные в большие прозрачные колбы, расфасованные в маленькие пакетики — на дальнем конце стола находился, я так понимаю, ручной пресс. Для пробы я нажала на рычаг. Из отверстия над столом выскочила крохотная голубая таблеточка...

Забыв обо всем, я смотрела на россыпи наркотика, пытаюсь в уме подсчитать примерное его количество и стоимость. Вот бы сюда Лумумбу! Он бы быстро сообразил: этим количеством всю страну можно отравить, или только половину... Лаборатория в центре города! И никаких слухов, даже намек. Ничего. Хотя тетки явно местные, городские. Может, я с ними в одной очереди за хлебом стояла...

Сомнения, что это может быть Мадам Елена, отпали окончательно. А значит, и Бабулю могла она заколдовать, и теток припугнуть: превращу, мол, в крольчих, так и будете остаток жизни травку жевать да крольчат плодить...

Нос чесался от всепроникающего коричневого запаха. Интересно, — мелькнула мысль, — а того, что носится в воздухе, хватит, чтобы заторчать? Тетки-то были в респираторах...

Сверху опять послышался грохот. Я вздрогнула: совсем забыла про пожар. Так потрясла меня мысль, что Пыльцу делают у нас, прямо в центре города.

По лестнице забухали тяжелые шаги. Я нырнула под стол. Наверное, это охранники — вспомнили о том, что меня здесь оставили...

— Маша! И здесь её нет...

— Ванька! — я бросилась к нему. — Ты как... Ты что тут делаешь?

— Это ты что тут делаешь? — подняв над полом, он хорошенько меня встряхнул. — Я тебе что сказал? Обсмотреть всё, и назад!

— Пожар начался случайно. — я дрыгала ногами, пытаюсь освободиться от его хватки, но не тут-то было. — Меня раскусили почти сразу, принялись ловить, вот я и...

— Ты могла выпрыгнуть из окна! Я тебя видел: высунулась, покричала, и — упала назад. Представляешь, что я почувствовал?

— Поставь меня на пол. — я несильно пнула его по коленке. Ванька подчинился. — А теперь оглядись, дубина.

— Мать моя богородица!

Выпучив глаза, он ошалело забегал по комнате, всё время бормоча:

— А я ему говорил... Говорил я ему, а он и слышать не хотел... Импорт, импорт! А это местная лаба... Я знал! — и вдруг он сник. — Да только что толку-то теперь? Бвану-то не вернешь...

Бессильно упав на табурет, Ванька повесил голову.

— Ты был прав. Это всё Елена. — сказала я. Глаза защипало. — Мы должны об этом рассказать. Чтобы все узнали...

Глаза щипало всё сильнее. Я закашлялась. Затем огляделась и только сейчас заметила, что комната полна дыма. Он лез внутрь через решетку вентиляции в потолке. И еще: становилось всё жарче.

— Нужно выбираться, Вань. — я подергала его за руку. — Если загорится

лестница, мы спечемся здесь, как гуси в духовке.

Он поднял голову. Огляделся еще раз, дотянулся до ближайшего пакета на столе и вспорол его ногтем. Набрал полную ладонь, задумчиво полюбовался, как порошок стекает на стол сквозь пальцы.

— Не беспокойся. — наконец сказал Ванька и посмотрел на меня. — Мы не сгорим. — и поднес ладонь ко рту...

— Нет! — я ударила его по руке. — Только не это.

— Ты с ума сошла? Я же маг. Я всё время это делаю.

— Не в этот раз. — я старалась подобрать слова. — Лумумба же говорил: нельзя часто...

— Сейчас — как раз можно. — он вновь потянул ладонь ко рту. — Я должен отомстить.

— Еще как нельзя! — пришлось повиснуть на его руке всей тяжестью. — Елене не обязательно быть магом, чтобы торговать Пыльцой. — я заговорила всё быстрее, на ходу додумывая мысль. — А если ты обдолбаешься и начнешь чудить, то этим только напомнишь, за что вас не любят... Это настроит против тебя всех...

— Они и так уже настроены.

— Но можно попробовать договориться! Рассказать про лабу, показать — пусть сами всё увидят... Привести Штыка, других людей... Пусть её поймают они, а не ты.

Ванька упрямо мотнул головой.

— Лумумбу не вернуть, но можно спасти город. Этого же хотел твой учитель?

Он поднял голову и посмотрел на меня чистыми, еще не окрашенными Пыльцой глазами.

— Эти люди жаждут повесить тебя на городской площади. — сказал он. — Ты уверена, что стоит их спасать? Может, лучше предоставить их самим себе? Пускай жрут друг друга...

— Нет, не пускай! — закричала я. — Дыма стало столько, что я почти не видела Ванькиного лица. — Бабуле тоже говорили: зачем спасать зверенышей? Рано или поздно они перегрызут тебе глотку... Но он никого не слушал. И ходил по помойкам. Лазал по затопленным подвалам. Бродил по насквозь пропахшим магией лесам. Я бы подохла, как крыса, в том подвале, если б он меня не вытащил. И Ласточка, и все остальные... Ему никогда не было всё равно, а значит, и мне не будет.

— Лумумбе тоже никогда не было всё равно. — сказал он. Глаза у него покраснели и слезились от дыма.

— Тогда давай выбирать, мать твою богородицу! Бери ноги в руки...

Он едва поймал меня за лямки фартука.

— Не так быстро. — поднявшись, Ванька огляделся уже совсем осмысленно. — Ты понимаешь, там наверху — чистое пекло? Чувствуешь, как жарко?

— И что?

Я боялась, что он вновь потянется к Пыльце.

— Что, что? Прибегнем к логике...

Он бросил на пол несколько халатов. Затем взял бутылку с водой и хорошенько их полил. Остатки выплеснул себе на голову и взялся за вторую бутылку. Вылил её всю на меня. Я не сопротивлялась.

Накинув халаты на головы, мы ступили на лестницу. По деревянным перилам стекали ручейки пламени, бетон ступеней был горячим — это чувствовалось даже сквозь подошвы берцев. Обняв меня, Ванька перекрестился.

— Ну... Как говорил отец Дуршлаг, не подведи, Великий Повар, Владыка всея белыя, красныя и шпинатныя пасты...

Глава 23

Иван

Сильнее, чем за себя, я боялся за Машу. Такая маленькая — всё время боялся случайно её зашибить. Но в девчонке бушевал истинно бойцовский дух, этого не отнять.

Выбравшись из подвала, мы оказались на распутье. Лестница наверх или коридор? За коридором, как я помнил, анфилада хозяйственных помещений, в любом из них можно распахнуть окно и — проблема решена. Другое дело лестница. Ведет через все этажи, но неизвестно, в каком она состоянии. Возможно, некоторые пролёты уже обрушились.

И тут мы услышали до боли знакомый голос:

— Ребята! Наконец-то я вас нашел! — перед ступеньками лестницы, как ни в чем не бывало, стоял Лумумба.

— Бвана? — неуверенно спросил я. Глаза слезились, в голове был туман. В первый миг показалось, что учитель — это галлюцинация, что я успел надыхаться угарным газом... Даже контуры его фигуры дрожали.

— Некогда разговаривать! — крикнул он и сделал шаг к коридору. — Выше только огонь, но здесь еще можно выбраться. За мной!

Маша рванула за темной фигурой, исчезающей в дыму, я еле успел её поймать.

— Погодь.

— Ты что, с ума сошел? Не рад, что он жив? — глаза у нее были красные, как у кролика.

Я осторожно заглянул в узкий проем, и тут же отпрыгнул. Коридор превратился в пылающую трубу — горел даже потолок.

— Нет. Что-то здесь не так... Лумумба прекрасно владеет заклинанием холода. Он бы в два счета потушил огонь.

Выглядел-то он как наставник, точь в точь. Бакенбарды, белоснежная рубашка, вышитый павлинами жилет... Откуда, на хрен, белая рубашка в этом чаду? Воротник ничем не должен отличаться от его черной кожи.

Я подтолкнул Машу к лестнице.

— Может обрушиться в любой момент. — предупредила она. — Я-то легкая, а вот ты...

— Значит, пойдешь впереди. Если я провалюсь — даже не оглядывайся. Выбирайся сама.

— Ага, щас. Шнурки только поглажу... — она применила свой фирменный взгляд. — Если я провалюсь — ты меня вытащишь.

Без дальнейших разговоров она крепко ухватила мою руку и поставила но-

гу на ступеньку.

— Ну... Раз, два, три. Побежали!

Под моим весом ступеньки жалобно стонали и трескались. От них поднимались тучи искр. В какой-то миг, почувствовав, что вот сейчас всё и обрушится, я подхватил Машу под мышку и прыгнул. Целый пролет позади нас канул в огненное озеро.

Дальше был какой-то ад. Прикрывая рукавом глаза, я метался по коридорам, отскакивая и уворачиваясь от рушащихся балок, кусков горячей дранки и клубов раскаленного удушающего дыма. В голове мутилось.

— Главное, не потерять Машу. — билась одна-единственная мысль. — Главное, не разжать рук, что бы ни произошло...

С потолка упало что-то черное, обугленное, я пригнулся, подставив спину. Почувствовал, как куртка начинает тлеть, встряхнулся и побежал дальше. Ничего, шкура не казенная. Зарастет.

— Сюда! — слышался слабый крик.

У закрытого, чудом уцелевшего окна, лежал мужик с белым хвостиком на затылке. У нас в Москве такой называли "бойцовой рыбкой". Он был в проклепанной черной кожаной куртке и таких же штанах. Щеку его пересекал старый, стянувший кожу, шрам. Взмахом руки привлекая внимание, мужик приподнялся и указал на окно.

— Нужно выбить стекло и выпрыгнуть. — прокаркал он сквозь дым.

Маша, извиваясь, освободилась от моей хватки и сделала шаг к мужику.

— Бабуля? — она, кажется, почти не удивилась. — Ты вернулся? Ты...

— Некогда! Нужно выбить стекло и прыгать. Здесь невысоко.

Я уже поднял тяжелое кресло, собираясь метнуть его в раму, но Маша повисла на руке.

— Обратная тяга, Ваня, обратная тяга! — как сумасшедшая, закричала она.

Я опустил руки. Свобода была так близко: там, за закопченным стеклом, виднелось небо с редкими облачками и ветви зеленого дерева...

— Ты не Бабуля. — сказала Маша, повернувшись к мужчине. — Он бы никогда не допустил такой глупости, даже если б смог вернуться из Нави. Ты Елена. Это ты претворялась Лумумбой, Ванька прав. Ты — Баба Яга.

Мужик ощерился и начал меняться. Лицо удлинилось, уши поднялись к макушке, сквозь кожу проступила отливающая металлом чешуя. В глазах заплясали синие молнии.

— Ты мне не веришь. — прохрипел Зверь. — Я пришел спасти тебя. Я. Пришел. За тобой!

Руки его стали лапами, по полу чиркнули огромные когти. Оттолкнувшись, Зверь прыгнул.

Не помню, как схватил Машу в охапку и рванул из комнаты. Выход нашелся только один: пожарная лестница в узком бетонном простенке. Она была железная и горячая, вверх по простенку, как по печной трубе, шуровал плотный поток жара. Слыша за спиной скрежет когтей и шумное дыхание, я карабкался по раскаленным перекладинам, не обращая внимания на волдыри на ладонях. Маша болталась на плече, как тряпичная кукла. Она потеряла сознание.

Выбравшись на крышу, наконец-то вздохнул полной грудью. Раскаленный,

пахнувший гарью, но почти без дыма. Дальний конец "Пеликана" уже просел, крыша там провалилась, и на фоне ночного неба языки пламени смотрелись особенно красиво.

Где-то в дыму лестничной шахты ворочался Зверь — всё еще слышалось его хриплое дыхание. Не теряя больше времени, я рванул к краю. С разбегу вскочил на поребрик... Слишком высоко. Даже до деревьев, которые могли бы смягчить удар. Эх, жалко не пришло в голову прихватить хотя бы горсточку пыли...

За спиной раздалось негромкое рычание, и я отошел от края крыши. Зверь, точнее, Елена в его обличье, всё-таки сумела выбраться из шахты вслед за нами, и теперь готовилась к драке. Глубоко утопленные глаза испускали синий кварцевый свет, с оскаленных зубов капала слюна.

Осторожно положив так и не пришедшую в сознание Машу на теплый гудрон, я пригнулся и выставил руки.

— Уйди от костей моих, уйди от волос моих, уйди от сердца моего... — ведьма утробно зарычала.

Сжалось сердце. Вспомнилось, как то же самое говорил Лумумба, защищая меня. Теперь моя очередь...

Прыгнув, она целила передними лапами мне в грудь, стараясь повалить и добраться до горла, как это делают обученные собаки. Подставив плечо и ощутив мгновенную боль, когда зубы впились в плоть, я сделал подсечку. Обхватил её поперек ребер и мы покатались.

Ведьма норовила вцепиться в горло, но я давил и давил, слушая, как трещат кости. А потом вдруг почувствовал, что тело её меняется. Оно становилось мягче, тоньше, податливее...

Миг — и это уже не волосатая зверюга, а голая женщина. Она посмотрела мне в глаза и улыбнулась. Черные волосы разметались по плечам, пухлые губы сложились, как для поцелуя. Даже через куртку чувствовалась мягкая упругость больших грудей. Согнув ногу, она поерзала и прижалась теснее.

— Неужели ты хочешь меня убить? — спросила томно, с придыханием. Волоски на шее встали дыбом.

— Елена...

— Да. — она поощрительно улыбнулась, сощуривая синие глаза и взмахнув ресницами. — Я могу подарить тебе неземное блаженство. Могу сделать тебя счастливым.

Я почти поддался. Даже ослабил хватку, собираясь отпустить её руки. В глазах ведьмы мелькнул торжествующий огонек, а улыбка сделалась хищным оскалом. Слишком рано. Слишком рано она начала радоваться. Это меня и спасло...

Перехватив поудобнее, я сдавил её запястья так, что хрустнули косточки. Когти, кинжально-острые, готовые впиться мне в шею, втянулись, оставив кровавые бороздки на её же ладони.

Ведьма плюнула мне в лицо.

— Сука.

— Идиот.

Она вновь начала превращаться, теперь в подобие летучей мыши, с кожистыми крыльями и игольными зубами.

— Ты еще не понял, с кем связался. Я уничтожу тебя. Я уничтожу всех, кто встанет на моем пути... — голос её становился всё менее разборчивым, превращаясь в злобное шипение.

— Так же, как ты уничтожила Кукиша? — я старался поймать её руки-крылья и заломить их за спину. — Так же, как разобралась с Цаппелем и Живчиком?

— Они были никем, пешками, они только путались под ногами...

— А Лумумба? — ярость придавала сил. Мало просто её убить. Нужно предъявить её городу, чтобы снять обвинения с себя и Маши. И с учителя.

Елена отбивалась, пытаясь выскользнуть из-под меня, и, шипя, била крыльями по спине. Но я только крепче прижимал её к крыше, навалившись всей тяжестью.

Она могла стукнуть меня коленом по яйцам. Могла попытаться вцепиться в горло. Но Елена слишком полагалась на магию. Теперь, когда тайна была раскрыта, она больше не сдерживалась. Завеса так и хлопала, то открывая, то скрывая Навь, и ведьма черпала оттуда полными горстями, но не могла толком ничего сделать — я сковал её по рукам и ногам. И не позволял себе ослабить хватку ни на мгновение. Оставалось ждать: кто из нас устанет первым...

— Твой учитель оказался глупцом. — вдруг к ней вернулись грудной бархатный голос и чарующая улыбка. — Таким же, как и остальные мужчины. Ты — не такой. Ты смог меня победить.

— Что ты с ним сделала?

— Не я. — вернувшись в человеческий облик, она слегка пожала плечами, от чего всё её тело соблазнительно всколыхнулось. — Мой помощник. У хозяина свалок полно разных диковин...

Её кожа была настолько чистой, почти прозрачной, ресницы такими черными и длинными, а глаза... Её глаза...

— Говори. Что вы с ним сделали?

— Ростопчий подсунул ему наркотик. — увидев мой недоуменный взгляд, она пояснила: настоящий наркотик, героин. Дитя распыления, ты даже не знаешь, что это такое.

— А вот и знаю. Мы в Академии проходили... — удерживать её становилось всё труднее. Тело ведьмы увеличивалось в размерах. Теперь её запястья едва уместались в моей руке...

— Прилежный ученик. Отличник, наверное. — она чувственно облизнула губы. — Именно такие легче всего переходят на темную сторону... Твой наставник действительно сошел с ума. Героин помноженный на Пыльцу. Он почувствовал себя богом. Но, вот ирония судьбы: богом бессильным. Героин напроць отсекает возможность творить. Пользоваться силой Нави.

— Ты его подставила. Лумумба не поджигал гостиницу...

— Ну конечно он её поджег! И даже не заметил... Не забывай: он чувствовал себя богом. — она вновь пожала плечами, и мои руки соскользнули с её запястий.

Елена стала огромной, просто великаншей. Спокойно сев, она стряхнула меня с себя, как назойливого щенка.

— Хочешь стать таким? — она вновь повела плечами. Ростом женщина достигала уже трех метров. — Я могу научить тебя...

— Покорнейше благодарю, но нет. Думаю, бюст мне не пойдет. Фигура не та.

Я тоже встал и отряхнулся, нашел взглядом Машу. Она пришла в себя, и теперь сидела, уставившись на Елену.

— Дурачок. Пытаешься меня задеть... А ведь я еще тогда, в первую нашу встречу увидела, насколько ты превосходишь своего наставника. Идем со мной. Хочешь, сделаю тебя звездой первой величины? Нам будут поклоняться целые народы...

— Не люблю звездить. — я сплюнул под ноги. Жест задумывался, как оскорбительный, но слюны не было.

— Щенок. Ты пожалеешь. Но сначала я разделаюсь с твоей маленькой подружкой...

Пока мы предавались беседе, Маша почти добралась до Елены. Не знаю, какой вред она собиралась причинить гигантской голой бабе, но та её опередила. Протянув длинную, как оглобля, руку, она схватила Машу за шею и подтянула к краю.

— Сейчас я её отпущу, и ты сможешь полюбоваться, как девчонка разmozжит себе голову.

— Тогда я убью тебя. Чего бы это мне не стоило, я убью тебя, Елена.

Она только рассмеялась. А затем вскочила на поребрик, окружающий крышу. Посмотрела вниз...

— Как мне надоел этот городишко. — Маша болталась у нее в руке, как тряпичная кукла. — Мелкие людишки, пустые заботы. Как набить пузо, да наплодить таких же недоумков. Серые, никчемные... Ненавижу.

Она вновь начала меняться.

Стала еще крупнее, шея удлинилась, голова вытянулась и сузилась. Руки превратились в крылья. Они всё росли, перепонки распрямлялись, и наконец распахнулись. На краю крыши замерла громадная зеленая драконица. Повернув изящную голову, она стрельнула змеиным языком. Затем отшвырнула Машу.

— Не могу заставить себя убить девчонку. — голос оставался прежним, бархатным. — Как-никак, нас связывает давняя дружба...

— Ты правда любила Бабулю? — крикнула Маша, поднявшись на ноги. Если не считать кровавых отметин на шее, она нисколько не пострадала.

Драконица наклонила голову, и её золотые глаза оказались вровень с нашими.

— Правда. Я и сейчас люблю его.

— Бабуля ненавидит магов. — сказала Маша очень тихо, но ведьма услышала.

— В этом-то всё и дело. — в золотых глазах полыхнули синие молнии. — В этом, демоны меня побери, всё и дело... Однажды я решила, и показала ему, как прекрасна Навь, но он отверг мой дар. И теперь обречен жить там один. Без меня.

Взмахнув крыльями, она взмыла в темное небо.

В следующий миг шею драконицы захлестнула веревка. Тварь протяжно закричала, а рядом послышался знакомый голос:

— Захлопни варезку, стажер, и помоги её тащить. У меня уже руки онеме-

ли.

Я послушно закрыл рот и схватился за канат. Ладони обожгло, но это только придало бодрости.

— Базиль! — Маша прыгнула к нему и обхватила руками. — Я знала, я чувствовала...

— Чертовски приятно, мадемуазель, но играть в обнимашки будем позже. Нужно поймать эту птичку.

Наматывая на кулак всё новые витки веревки, я медленно но верно волок драконицу обратно на крышу. В душе установились мир и покой. Лумумба вернулся, а значит, теперь всё будет хорошо...

В следующий миг меня толкнула могучая рука, а мимо пролетел гигантский язык пламени.

— Не спать, падаван. Нас ожидает последняя часть Марлезонского балета...

Ведьма не собиралась сдаваться и рвалась в небо, плюясь огнем, как психованная шутиха.

— Подсекай её, подсекай! — руководил Лумумба. — А теперь тяни...

Кожа на ладонях уже была сорвана до мяса.

— Может, вы хоть как-то примете участие? — прошипел я сквозь зубы. — Это ж не щука, в конце концов...

— Тебе лишь бы жаловаться, падаван. Совсем от рук отбился без моего чуткого руководства.

— Сами виноваты. Не надо было наводить тень на плетень... Я может, все глаза себе выплакал, а вы — как чертик из табакерки. Чуть до инфаркта не довели, честное слово. Могли бы и раньше появиться. До того, как ваши верные ученики обгорели, как головешки.

— Да и совсем не обгорели. Так, припеклись чуток. До меня еще далеко... — Лумумба сверкнул своей фирменной улыбкой. Пламя на крыше он, кстати, потушил. — Ты веревку-то не отпускай. — напомнил драгоценный учитель. — А то превращу в птеродактиля, и полетишь её ловить.

— А вам бы всё стращать сиротинушку. — пыхтя, я, наконец, намотал конец веревки на железную трубу, торчащую из крыши. — Вот, пожалуйста, никуда она теперь не денется.

Прищурившись, наставник наблюдал за ведьмой. Та, прямо в воздухе, начала трансформацию. Крылья усохли, шея истончилась и выскользнула из петли.

— Ловите её, дядя Базиль! — закричала Маша. — Уйдет...

— Не уйдет.

Вопреки угрозам превратить меня, Лумумба изменился сам. Нос его вытянулся клювом, из спины, прямо сквозь рубашку, проросли черные перья. Раскинув руки-крылья, он подмигнул нам, а потом сиганул на спину ведьме. Так, вдвоем, они и канули в бездну.

Мы с Машей одновременно подбежали к краю. Редкие газовые фонари несколько не развеивали тьму на площади, ставшую еще более густой на фоне пожара. И там, в этой тьме, ворочалось что-то громадное, плотное, постоянно меняющее форму. Проскакивали синие молнии.

— Так мы ничего не увидим. — сказала Маша. — Нужно как-то спуститься.

— Прыгать слишком высоко. — я не мог оторвать взгляда от клубка тел. — Разобьемся.

— А здесь поджаримся.

Я оглянулся. Огонь, потушенный Лумумбой, разгорался опять. Местами крыша провалилась, и сквозь дыры вырывались языки пламени.

Пройдясь вдоль края, я обнаружил внизу балкон, на который можно было прыгнуть, и позвал Машу.

— Что-то ты не очень рад тому, что Лумумба воскрес, а? — спросила она, ловко приземлившись за ограждением. Под моим же весом балкон жалобно затрещал, и я поспешил перелезть на водосточный желоб, обхватив его руками и ногами.

— Ты не понимаешь. — стена была горячей, как в хорошо натопленной бане. — Ты не знаешь, что я чувствовал, когда думал, что он погиб...

Маша, выждав, пока освободится место, тоже перелезла на трубу.

— Я-то как раз понимаю. Не хуже тебя, между прочим. Представь, каково мне было, когда Зверь появился прямо здесь, в Пеликане? — я, кряхтя, перелез на подоконник, за которым не было огня. Помог Маше. — Чурбан вислоухий. — буркнула она. — Только о себе и думаешь.

Подоконник был широкий, и мы остановились, переводя дух.

— Сама чурбан. Никакого сочувствия от тебя... Кажется, здесь можно перелезть на дерево. Оно, по крайней мере, не горит.

Подтянув к себе толстую ветку, я посадил на нее Машу.

— Понимаешь, я теперь никогда не смогу доверять ему безоглядно. — уцепившись руками за ту же ветку, попытался подтянуться. Маша, ухватив меня за шиворот, помогала.

— Наконец-то слышу слова не мальчика, но мужа. А то были опасения, на всю жизнь инфантилом останешься, — сказала она, когда я уселся рядом на ветке.

— Я не инфантил.

— А тогда не ной, как маленький.

— А я и не ною, а делюсь переживаниями.

Никак не могу понять: это ветка качается на ветру, или у меня голова кружится?

— Очень тронута. Теперь захлопни пасть и давай руку. А то свалишься, как мешок с дерьмом.

— Злая ты.

— Не мы такие, жизнь такая.

Обдираясь о жесткую кору, перемазавшись в смоле, мы спустились на землю и припустили к месту битвы.

Вокруг площади стеной стоял народ. Задние ряды упрямо вытягивали головы, мальчишки гроздьями облепили фонарные столбы и деревья. Любая возвышенность пользовалась огромным спросом — никто не хотел упустить хотя бы мгновения из эпической битвы Бабы Яги с Лумумбой. Точнее, это мы с Машей знали, что там происходит на самом деле. Остальным, кому не посчастливилось присутствовать на горячей крыше, оставалось только гадать. Версии выдвигались различные.

— У ей там, в подвале, зверинец был. — вещал со знанием дела старичок в теплом меховом жилете и косоворотке. — Бестиарий, по научному. Для опытов. А как пожар начался, бестии и вырвались. Теперь территорию делят.

— Да не, какие бестии? — возражал деду мужик с черной окладистой бородой. — Ты чот, дед Илюша, путаешь. Морок это. Приблудный маг наколдовал, шоб народ пужать.

— Морок, гришь? — щурилась рядом тетка в цветастом платке. — Дак иди, сунь руку в евонну пасть. Поглядим, какой это морок...

Мы, работая локтями, продвигались к центру площади.

— Почему они не разбегаются? — спросил я. — Это может быть опасно.

— Надоело. — Маша застряла меж двух толстых теток, пришлось ей помочь. — Устал народ бояться. Чувствуют, что дело к развязке, и хотят всё своими глазами увидеть.

— Сдается мне, на нашу казнь с не меньшим любопытством смотрели бы.

— Тише ты, дубина. Радуйся, что нас пока никто не узнал...

И то верно. Что-то я слишком быстро успокоился. Как увидел, что драгоценный учитель жив-живехонек, так и расслабил булки. А рано. Он ведь может и не победить...

— Ты дракона в небе видал? — спросили прямо над ухом. — Вон та зеленая бестия — дракон и есть. — голос вещал не мне, а кому-то другому. — Если он того черного гада победит — мэром станет.

— Совсем, баклан, с глузду двинулся? Как это: дракона — в мэры? Еще скажи, в президенты.

— А чё? Ты представь, кум: тут тебе и воздушные силы, и артиллерия в одном флаконе. Да с таким мэром мы и Берлин по новой завоюем, и Рейхстаг возьмем!

— А жрет он сколько, ты думал? На одних коровах разоримся.

— По честному, драконам не коровы нужны, а телочки молоденькие. — кто-то глумливо заржал. — Если вы понимаете, о чем я...

Оставив спорщиков позади, мы наконец протолкались в первый ряд. Несколько секунд я пристально всматривался в противников, стараясь разобрать, кто из них кто. Света было мало. Только от горящего Пеликана. Да еще некоторые предприимчивые граждане, наломав веток и поджегши от пожара, размахивали ими вместо факелов.

По тому, как всё медленнее менялись обличья, я понял, что силы противников на исходе. Вот Лумумба, приняв облик могучего одноглазого дэва, руками, подобными стволам деревьев, обхватил толстое тело гигантского змея Шеши. Шеша в это время обвивал желтыми кольцами колонноподобные ноги и туловище дэва, всё больше сжимая хватку.

Учитель, вытянувшись ввысь, принял вид черного удава. Распахнул пасть и стал заглатывать желтого змея, начиная с хвоста. Желтый в ответ попытался укусить его за хвост — тот пронесся в каком-то метре от края толпы, вызвав волну вздохов, — да промахнулся.

Лумумба всё время пытался вернуться к антропоцентричной форме, а Елена ни в какую не желала этого делать. Она становилась пантерой, змеей, ба-

бочкой, змеей, мантикорой, змеей — похоже, генотип рептилии был у нее в крови.

Наконец — молнии становились всё короче и ярче, а огненные шары — меньше и тусклее, Елена сдалась.

Неожиданно отскочив, она приняла вид обнаженной прекрасной женщины. Толпа восторженно взвыла, а я усмехнулся: плавали мол, знаем.

Женщина улыбнулась, и как Афродита, возникшая из пены морской, протянула руки к толпе.

— Неужели вы позволите убить беззащитную женщину? — нисколько не стесняясь наготы, спросила она. В голосе, бездонном, как звездное небо, тайлось обещание сказочного блаженства любому, кто этого захочет.

— Нет! Не позволим! — из толпы то и дело вздергивались бородатые головы.

Лумумба, приняв свой естественный облик, устало вытирал трудовой пот белоснежным платочком.

— Гнать черножопого!

— Повесить!

К учителю стали подкрадываться какие-то темные личности, а я взял низкий старт...

И тут раздался пронзительный женский крик:

— Шлюха! Гляньте, бабоньки, на бесстыдницу!

К нему присоединились другие:

— Хоть бы буфера прикрыла, визгопряха.

— А ты куда зыриш, блудоумок? — слышалась звонкая оплеуха. — Голых баб никогда не видал? Дак я тебе щас так покажу, на всю жисть запомнишь!

— Куда милиция смотрит? Дети вокруг, а тут баба голая без привязи шастает!

Я успокоился. Если мужское население еще могло, отбросив здравый смысл, кинуться спасать ведьму, то женщины этого точно не допустят.

— Гляньте бабы, да это ж Ленка из борделя! И чо мы её сразу не признали?

— Эт потому, что тряпок на ей нету. Ряженая-то она — цаца-цацей, а без всего — так обычная шалава.

Отовсюду засвистели, заулюлюкали, на площадь, к ногам Елены, полетели огрызки яблок и прочий мусор.

— Ну всё. — рядом возникла Маша. — Магичка она или нет, а в нашем городе теперь ей житья не будет.

Народ, сменив градус, начал сжимать круг. Оно и понятно: известный враг — уже не такой страшный.

— Успокойтесь, граждане. — Лумумба, примирительно расставив руки, пытался сдержать толпу. — Преступницу необходимо передать в руки полиции.

— А ты чё, не приступник, что ли? — закричали рядом с учителем. В лоб ему попал огрызок, вокруг заржали.

— Вздернуть обоих! — подхватили в толпе. — Зря, что ли, виселицу строили?

— Вздер-нуть! Вздер-нуть!

В глазах Лумумбы заплясали синие всполохи. Прекрасно его понимаю: у са-

мого была бы хоть капля магии, в пыль бы разнес этих зажавшихся бюргеров. Никто ведь даже не подумал, что учитель, рискуя жизнью, спасает их задницы. Хотя, если разобраться, их от самих себя спасти надо. Как там сказала Елена? Серые, скудоумные...

— Успокойся. — Машина ладонь была горячей и твердой. — Они не виноваты. Каждый в отдельности — хороший человек.

— Оттставить самосуд! — рывкнуло над головой. Да так, что с фонарей, как яблоки, посыпались мальчишки.

Толпу осветило электрическим светом. Народ стал расступаться, жмурясь и прикрывая глаза. Через пару минут установилась полная тишина.

Раздвигая толпу, как кит мелкую рыбешку, на площадь выехал броневик. Взревев двигателем и выбросив клуб черного дыма, он остановился рядом с Лумумбой. Из люка выбрался Штык.

— Ну надо же, едрён-бетон. Кто б сомневался... — Маша, прищурившись, смотрела на полицеймейстера, как кошка на воробья. — Ни одного культурного мероприятия без наших доблестных войск...

Спрыгнув на землю, Штык, прямой, как шомпол, двинулся к Елене. Та, кстати сказать, уже не сверкала голыми ляжками. Лумумба галантно укутал её в свой пиджак, оставшись в закопченной рубашке и шелковом, в незабудках, жилете.

— Милостивая государыня. — официально начал полицеймейстер. — Вы обвиняетесь в незаконном распространении Пыльцы, краже государственного золотого запаса и убийстве градоначальника Кнута Гамсуновича Цапделя, мага Яна Живчика, а так же городского архивариуса Леонида Мартовича Кукиша.

Толпа в ужасе отхлынула.

— Вы не посмеете. — надменно бросила Елена, кутаясь в пиджак с чужого плеча так, будто это был норковый палантин. — У вас нет доказательств.

— Доказательств предостаточно. — громко сказал Штык, обращаясь, в основном, к толпе. — Благодаря оперуполномоченному АББА, майору Базилу Мбвеле, любезно согласившемуся расследовать это сложное и запутанное дело, мы наконец раскрыли крупного наркодиллера, орудовавшего в нашей и сопредельных областях. — он выдержал театральную паузу и гаркнул: — Бабу Ягу!

Толпа ахнула. Я усмехнулся: полицейские всегда любили театральщину. Не то что мы, скромные работники невидимого фронта... — и икнул, почувствовав тычок острым локотком.

— Пробку вынь. — шепнула Маша, глядя в сторону.

— Чего?

— Пробку из задницы вынь, говорю. А то лопнешь. От важности.

— И ничего я не... — кровь бросилась к лицу. Ну почему она всё время меня куроцает?

— Ой, да ладно, успокойся. Ты тоже молодец. — подняв ко мне лицо, она улыбнулась. Просто так, без всякого злого умысла. На покрытых веснушками щечках заиграли ямочки. — В конце концов, что Елена — и есть Баба Яга, ты же сам догадался. Я тобой горжусь. Нет, правда... Ты настоящий герой, Ванька.

— Одну минутку! — вперед вышел Лумумба. — Чтобы быть до конца точными, нужно прояснить несколько деталей. — Штык, держа наготове наручники, развернулся к учителю. — Я имею в виду личность преступницы. — Елена стояла, как Жанна Д'Арк перед монахами. Высоко подняв голову и сверкая прекрасными глазами. — Женщина, известная нам, как Мадам Елена, так же зовется Матерью Драконов.

Толпа негодуяюще взревела, Штык поднял руки в белых перчатках, и волна народного гнева улеглась. Я, признаться, тоже был удивлен. Мать Драконов мертва. Я сам видел огромную дыру у нее в груди.

— До того, как появиться в вашем городе, она успела наследить и в других местах. — продолжил Лумумба. — Все слышали слухи о сторевших дотла городах. Некоторые из них — правда. — он скорбно поджал губы. — Настоящее её имя Салтыкова Дарья Николаевна. Мало на белом свете преступниц, которые могут соревноваться с нею в коварстве, изобретательности и жестокости. И в количестве трупов, оставляемых за собой без всякого сожаления. — он подошел к Елене. — И мало у кого внешность может столь точно соответствовать внутреннему содержанию... — он сделал пасс.

Движения рук были не нужны, просто они помогали сконцентрировать внимание публики на предмете. На самом деле Лумумба приоткрыл Завесу, позволяя всем увидеть краешек Нави.

В толпе раздались испуганные возгласы. Елена зашипела.

— Мама, это настоящая Баба Яга! — закричал испуганный детский голосок.

Она изменилась. Стала меньше ростом. На спине появился безобразный, переваливающийся на одну сторону, горб. Волосы потеряли блеск, и напоминали теперь пыльную паутину. Глаза на коричневом, как печеная луковица лице, ввалились и загорелись злобным исступленным светом. Нос провис почти до подбородка, изогнутого, как крючок.

— И впрямь, полюбуйте: чистая Баба Яга! — толпа вновь заулюлюкала, засвистела, захохотала диким, издевательским смехом.

Елена рывком сбросила пиджак, оставшись в своей безобразной, пугающей наготы. Подняла руки с растопыренными черными когтями — меж ладоней у нее вспыхнула огненная плеть. Взмахнув ею, она хлестнула по людям в первых рядах. Никто не успел среагировать. Ни Штык, ни Лумумба, ни я — всё случилось очень быстро. Плеть пронеслась в каком-то миллиметре от моего лица, у Маши затрещали искры в волосах. Люди испуганно закричали и отхлынули.

И тут грохнул выстрел. Елена, с огромной дырой в груди, упала.

— Тут и сказочке конец. — послышался знакомый голос и на площадь, к Лумумбе и Штыку, подошел Таракан. В руке его дымился знакомый "Носорог".

Эпилог

Иван

— Земля к земле, прах к праху, пыль к Пыли. — глядя на мертвую колдунью, Лумумба негромко цитировал кодекс погребения магов.

Она уже не казалась ни страшной, ни безобразной. Просто пожилая женщина с огромной дырой в груди. Черты лица разгладились, и в них угадывался отблеск былой красоты, которой так славилась Елена.

— Не могу поверить, что она такая старая. — сказала Маша, смахивая слезу.

— Многое предстоит узнать о Пыльце. Кто знает, может, нас всех ждет подобная участь. — задумчиво сказал наставник. — Что наша жизнь? Игра...

— Думаете, это магия состарила её раньше времени?

— По моим сведениям, мадам Салтыковой было не больше сорока. Так что... — он пожал плечами и отвернулся.

Таракан молча стоял рядом, опустив дымящийся ствол к земле.

— Зачем вы стреляли? — спросил у него Лумумба. — Мы ведь собирались её допросить...

— Да, господин Краснов. — подошел Штык. — Вовсе не обязательно было её убивать.

— Убивать нужно только отъявленных негодяев. — сказал Таракан, всё так же глядя на Бабу Ягу. Потом поднял взгляд на полицейского, и посмотрел ему прямо в глаза. — Но отъявленных — обязательно.

Народ потихоньку расходился. Несмотря на предыдущую браваду, многие понимали, что убийство — это уже слишком. Дети плакали. Думаю, эту сказку они запомнят надолго.

— Позвольте, а что теперь делать нам? — недовольно спросил Штык у Лумумбы. Пребывая в такой же растерянности, как и остальные, он неосознанно искал, на кого бы переложить ответственность.

— Тушить пожар, я полагаю. — нисколько не смутился наставник. — Хотя, думается, там мало что осталось. — он кивнул на догорающее казино. — Хорошо, что здание стояло отдельно, и огонь не успел распространиться. Ну и... — он присел и заботливо прикрыл полами пиджака тело женщины, — позаботьтесь о погребении.

— Я бы хотел знать... — начал Штык, но учитель остановил его взмахом руки.

— Всему своё время. Сейчас нас ждут в другом месте. — поднявшись, он подзвал взглядом меня и Машу.

— Но...

— Утром. — проходя мимо, Лумумба устало похлопал Штыка по плечу. — Приходите в Агентство, там всё узнаете. А сейчас... — он кивком указал на догорающие руины, на растерянные лица людей, — Город нуждается в вас, господин полицеймейстер.

Обняв за плечи меня и Машу, он поочередно чмокнул нас в щеки и с удовлетворением произнес:

— Как же я рад вас видеть, дорогие мои!

Так мы и зашагали по улице, обнявшись, а люди останавливались и провожали нас взглядами.

В Агентстве горели все лампы. Желтый керосиновый свет лился из незадернутых окон, ложась на брусчатку большими светлыми плитами.

— Странно. — встревожилась Маша. — Шаробайка, что-ли, вернулся?

— Лучше, я надеюсь. Гораздо лучше. — пообещал учитель.

В прихожей, на диванчике, сидел Таракан и флегматично читал какую-то книжку. Припомнилось, что он, о чем-то пошептавшись с Лумумбой, быстро ушел с площади. Я тогда решил, что наставник услад Таракана, чтобы его присутствие не возбуждало в людях нездоровых эмоций.

— Ну как? Всё получилось? — спросил учитель. Таракан только кивнул вглубь коридора, и вновь углубился в чтение.

Признаться, он меня немножко пугал. Всегда корректный, собранный, твердо знающий, на каком он свете. И всегда наготове. Не удивлюсь, если его книжка называется "Молот ведьм"...

Хлопнула дверь, и в темном коридоре раздались тяжелые шаги. Они приближались. Маша осторожно взяла меня за руку, и я был ей за это благодарен. В голове билась одна мысль: хватит. Хватит сюрпризов. Хватит волнений, убийств... хотя бы на сегодня. Пусть это будут хорошие новости.

Наконец на свет, щурясь и вытирая лысую голову полотенцем, вышел мужчина. Одет он был в белую, называемую в народе "алкоголичкой", майку и тренировочные штаны с красными лампасами. На ногах его были клетчатые тапочки со смешными помпонами. Майка не скрывала ни тяжелых покатых плеч, ни обширного живота. И в то же время чувствовалась в незнакомце огромная мощь. Звериная, я бы сказал, сила. Поднимавшийся от него пар, покрасневшиеся лицо и шея, всё указывало на то, что мужчина только что принимал душ. Одна была в нем странность: ухо и область вокруг глаза были черными. Это выглядело, как родимое пятно, и отчего-то казалось очень знакомым...

— Ну, здравствуй, здравствуй, Василий М'бвелевич. — пророкотал мужчина густым, чуть взреывающим басом, на ходу протягивая руку Лумумбе. — Сколько лет, сколько зим...

— Взаимно, Мокий Парфеныч, взаимно.

Они встретились, как старые приятели. Да нет, что я говорю? Как друзья! Они пожимали руки, тискали друг друга в богатырских объятиях, гулко хлопая по спине, и даже пустили скупую мужскую слезу...

Я покосился на Машу. Может, хоть она понимает, что здесь происходит? Почувствовав мой взгляд, она покосилась в ответ и еле заметно пожала плечами.

Спрашивать, что происходит, у Таракана я не стал. Пусть читает свой "Молот"...

— Это вы меня спасли. — вдруг, совершенно неожиданно, заявила Маша. Мужчины перестали хлопать друг друга по спинам. — Там, в тумане, за школой...

— Добре, яка ж глазаста дивчина. — обрадовался незнакомец. — Узнала та-

ки. — и повернулся к Лумумбе. — А я всё гадал: допетрят, или нет?

— Вы тот пес! — наконец-то дошло и до меня. — Я вас у гостиницы видел. И у Пеликана. И еще много где. Вы... оборотень?

— Тут, ребята, всё гораздо сложнее. — сказал наставник. — Давайте присядем.

На этих словах поднялся Таракан и распахнул двустворчатые двери, за которыми угадывался то-ли конференц-зал, то ли зал заседаний. Длинный стол покрывала чистая, с петухами, скатерть. На ней исходил паром самовар. Были тут и огромная миска с пряниками, и блюдо с баранками, а так же вазочки с несколькими видами варенья и меда.

Чай был облепиховый. Такой душистый, что дух захватывало.

— Я всё поняла. — сказала Маша, осторожно дую на горячую поверхность. — Вы — бывший начальник Агентства, Железняк. Вас мадам Елена заколдовала.

Тот согласно опустил всё лицо в блюдце с чаем, и шумно, высунув язык, стал пить.

— Именно так. — подтвердил вместо него Лумумба. — Пять долгих лет Мокий Парфеныч не расставался с обликом пса, являясь добрым хранителем города и его окрестностей. Именно он спугнул Елену, когда она пыталась превратить Кукиша...

— Но не успел, к сожалению. — вздохнул начальник АББА. — И вас предупредить тоже не смог. — плечи его поникли.

— Зато успел спасти мне жизнь. — заявил наставник, обращаясь к нам. — Именно Мокий вытащил мою бездыханную тушку из-под развалин горячей гостиницы после отравления героином. Еще один факт в копилку исследований Пыльцы: в синергии с обычными наркотиками она сводит с ума. — он посмотрел на нас почти виновато. — Я действительно потерял разум, ребята. И если б не Мокий Парфеныч...

— В самый последний момент успел. — не стал чиниться тот. — Еще бы чуть-чуть, и завалило б моего бывшего ученика.

— Ученика? — восторженно спросил я. Нечасто удается узнать что-то о прошлом наставника.

— Вместе с товарищем Седым, товарищ Железнов сколачивал наше Агентство. — пояснил Лумумба. — Я тогда был совсем еще зеленым студентом. Значит, вот куда вас занесло. — продолжил он задумчиво. — А я-то гадал...

— Устал. Хотелось покоя. Вот товарищ Седой и предложил. Езжай, говорит, Мотя, на родину. Заодно и приглядишь.

— Вот и отдохнули... — протянул Таракан. Сидел он рядом с Лумумбой, и флегматично прихлебывал остывший чай.

— Поначалу всё гарно было. — кивнул Железняк. — Тишь да гладь. А потом стали люди пропадать. Глядишь — один на работу не вышел, другая за ребенком в детсад не пришла... Оказалось — Запыление, чтоб его. Мало мы в Москве с этой заразой боролись, теперь — здесь. Ты уж прости, Василий Мбелевич, не в обиду тебе будет сказано.

— Чего уж. — согласился Лумумба. — Бесконтрольное употребление Пыльцы иначе, как заразой, трудно назвать.

— Ну, начал я копать. — продолжил начальник агентства. — Не торопясь,

чтобы не спугнуть. Птичка по зернышку клюёт, так и я. Собрал досье, выявил дилера, поставщиков... А сообщить куда следует — не успел.

— Но почему она вас не убила? — спросила тихонько Маша.

— Чувство юмора у бабы такое. — вздохнул тот. — Будешь, говорит, всё видеть, да только сделать ничего не сможешь.

— Но Мокий Парфеныч — не той закалки Железняк, чтоб его смена облика могла переломить. — сказал Лумумба, откидываясь на стуле.

— Чего я только не насмотрелся. — кивнул начальник управления. — Песто везде пройдет, не то, что человек. С него и спросу никакого.

— Два года назад, я только в Агентство пришла. — сказала Маша. — Это вы нас о засаде предупредили. Если б не залаяли, нас всех бы в Хливкой Мороси растворило. И тот ребенок в болоте. И...

— Всякое бывало. — прервал её Мокий Парфеныч, и шумно куснул под мышкой. — Чего теперь вспоминать. Кукиша вот не уберег... Он ведь, можно сказать, по моей вине помер. Я его подталкивал: доказательства находил и ему подсовывал. Как монету с сережкой...

— Ох уж мне эта сережка. — фыркнул Лумумба, доставая из жилетного кармана украшение. Взял двумя пальцами за дужку, посмотрел сквозь камень на свет... — Еще в средние века алхимики использовали аметист, чтобы распознавать иллюзии. Камень чистой воды, оправленный подходящим образом, является природным фильтром для магических ухищрений. Подумать только! Разгадка была у нас под носом уже в первый день. — он посмотрел на меня. — Стоило вспомнить о свойствах аметиста, и применить его к окружающим людям...

— Мы бы сразу поняли, что мадам Елена — колдунья. — кивнул я.

— Но... как же Мать Драконов? — спросила Маша. — На площади вы сказали, что она — и есть...

— Та, кого вы убили в лесу, ученицей была. — пояснил начальник Агентства.

— И всегда их двое: учитель и его ученик. — процитировал учебник Лумумба. — Наша школа, Московская... Жаль, что я сам не догадался, откуда взялась эта Мадам Елена.

— Она сильно изменилась. — сказал Железняк. — Не вини себя. Я вот тоже не сразу допетрил... Великая мастерица была обличья менять. А когда-то ведь учились вы с ней, Василий Мбелевич.

— Даша Салтыкова... — кивнул тот. — С женой моей большими подружками были. А я её не узнал. Ни сном, понимаешь, ни духом...

— Как она докатилась до такой жизни? — спросила Маша. — Торговля Пыльцой, бордель...

— А это уже другая история. — улыбнулся наставник. — Ей всегда хотелось большего. Когда грянуло Распыление, она решила, что это — её шанс. И первая приняла Пыльцу. А в Агентстве Даше быстро наскучило. Размаху нет, говорила. Всё ограничения, да запреты... И ушла. Куда — нам было недосуг.

— Но почему она так быстро состарилась?

— Магия — наука новая, учиться приходится на своих ошибках.

В дверь постучали. Маша вскинулась, но, когда увидела Штыка, сникла.

— Ты чего? — спросил я. Она только плечом дернула.

— Не помешаю? — полицеймейстер утратил прямую осанку, был вымазан в саже, на подбородке проступила седая щетина. — Я в участок приехал, гляжу, а у вас свет горит... — робко объяснил он, бросая короткие взгляды на Железняк.

Он здесь всего два года, вспомнил я. Так что они не знакомы...

После взаимных представлений, удивленных вздохов и ахов, Штыка усадили за стол и тоже налили чаю.

— Ну, теперь, когда все в сборе...

— Почти все. — упрямо сказала Маша.

— Почти все, — покладисто согласился Лумумба, — Наверное, стоит прояснить обстоятельства этого запутанного дела. — он повернулся к начальнику Агентства. — Я начну, Мокий Парфеныч, ты не против? — тот кивнул.

...Итак. Общими усилиями, собрав информацию из разных источников, удалось выяснить: Дарья Салтыкова действовала в вашем городе не сама. Есть у нее хозяин, можно не сомневаться. Её сюда послали осваивать новый рынок сбыта Пыльцы.

Взяв новое имя и изменив внешность, восемь лет назад она устроилась работать официанткой в небезызвестный "Зеленый Пеликан". Опищу подробности её восхождения к власти, скажу только: через два года она уже владела заведением и развернула обширную сеть торговли Пыльцой.

— Помогали ей Дуринян и Ростопчий. — добавил Железняк. — Старьевщики из Слободки к тому времени начали совершать долгие поездки, в поисках сохранившихся после Распыления приборов и инструментов.

— А развозил товар по клиентам Дуринян. — кивнул Штык. — Вместе со спиртным... Взятки таможене — старинный, уважаемый обычай. Особенно, когда предлагают хороший коньяк.

— Совершенно верно. — продолжил Лумумба. — И всё у нее было хорошо: Мокий Парфеныча она нейтрализовала, Цапшеля прикормила — после смерти Ядвиги тот оказался нищим, как церковная мышь, и охотно принимал подачки...

— А потом явились мы? — спросил я.

— Не совсем. — усмехнулся наставник. — дела у нее пошли наперекосяк несколько раньше, к счастью для нас. За крупную партию Пыльцы кто-то расплатился с мадам Еленой фальшивым золотом. — он достал из кармана монетку, и бросил её на стол. — Афера удалась, потому что, как я уже говорил, подделка очень хорошая. И Елена забила тревогу далеко не сразу...

— А когда приехал Ян Живчик. — добавил Железняк. — Он был её поделником на "той" стороне. Принимал прибыли и отпускал товар.

— Получив фальшивое золото, он прикатил требовать возмещения. — удовлетворенно сказал Штык. — И ей ничего не оставалось...

— Как проверить старый трюк с Матерью Драконов. — кивнул Лумумба. — Сама она отлучиться из города, не вызывая подозрений, не могла, и послала ученицу. Всё это время она держала её при себе, под видом помощницы.

— Помню её. — кивнула Маша. Мы с Ласточкой её Мышью прозвали. Мерзкая сучка...

— Маша. — строго напомнил Лумумба. — Помнишь, что я тебе говорил?

— А чего? Сучка крашенная и есть. Всё тишком да бочком... А глаза завиду-

щие так и бегают. Всё к Ласточке подкатывала...

— Так вот. — с нажимом прервал её учитель. — Устроив отвлекающий маневр в виде имперских штурмовиков где-то на границе области...

— Чтобы выманить из города охотников. — кивнул Штык.

— Она надеялась раскрутить на деньги так называемых "Отцов", иначе — своих поделщиков, Ростопчия и Дуриняна. Напрямую рассказать им о своих проблемах она не могла, сами понимаете.

— Но жадный Шаробайко, вместо того, чтобы идти к отцам, решил пожить сам. — опять встряла Маша. — И предложил нам соблазнительный контракт.

— Хрон — мужик неплохой. — сказал Таракан. — Только слабый.

— На голову он ушибленный, а не слабый. — буркнула Маша. — Это ж надо придумать: сокровища Матери Драконов!

— Мы ж повелись. — пожал плечами тот. — Во всяком случае, вы с Обрезом. — Маша набрала полную грудь воздуха, чтобы достойно ответить, но Лумумба поднял руку.

— Сейчас речь не об этом. А о том, что с этого момента планы Бабы Яги пошли наперекосяк.

— Это она кидалась в нас файерболами на набережной. — сказал я. — И на кладбище: Чернава, помните?

— Как не помнить. — подмигнул мне Железняк. Еле прогнал, супостатицу... Еще чуть — и остались бы от добра молодца рожки да ножки...

Я смущенно замолчал. До сих пор не могу простить себе тот прокол.

— Мы явились в город, что уже заставило Елену насторожиться. — продолжил повествование Лумумба. — Затем убили её ученицу. Внаглую явились к ней в ресторан и увидели Живчика, который, напившись, чуть не выдал её с потрохами.

— Поэтому она убила его. — кивнул я. — Очень хладнокровно и расчетливо. А потом весь вечер изображала, что он жив. Подходила, шептала на ушко, подливала напитки...

— И, если б не официантка — новенькая, как потом выяснилось, — никто бы ничего не понял. — закончил Штык. — Все спокойно разошлись бы по домам, а Елене оставалось сказать, что Живчик уехал.

— Кроме того, — сказал Лумумба. — она меня узнала. И, соответственно, поняла, по чью душу я явился. И у неё созрел другой план. На него, стоит признаться, натолкнул Елену я сам, когда в ресторане рассказал свою любимую байку про зомби. Обычно я делаю это для красного словца. Чтобы вызвать приятную дрожь у собеседников...

— Но в нашем случае попал не в бровь, а в глаз. — засмеялся Железнов. — Дюже ей монеты надобны были.

— С Цапшелем она послала доверенных людей, приказав им убить нас, как только покойница сообщит о местонахождении клада. — кивнул Лумумба. — Но не рассчитала, что поделщики облажаются. Испугавшись мертвецов, они не рискнули связываться со мной, а просто прикончили градоначальника и отправились за золотом. Доставив клад Елене, они таким образом рассчитывали оправдаться.

— Думаете, она получила клад? — спросила Маша.

— В месте, которое указала Ядвига, золота не было. Только следы раскопок и чего-то тяжелого, что тащили волоком. — сказал Таракан.

— Но в Пеликане тоже никакого золота не нашли. — возразил Штык. — Мои люди перерыли всё до самого подвала. Нашли лабораторию, как и указывал ваш стажер, — короткий кивок в мою сторону, — но никаких следов золота. Ни настоящего, ни фальшивого.

— Нашла она золото, или нет, оставались мы. — сказал Лумумба. — Чтобы я её не вспомнил, она привлекла своих поделщиков: Дуриняна и Ростопчия. Елена напугала их разоблачением и тем ничего не оставалось, как пойти на убийство.

— Вы уже о чем-то догадывались, бвана? — спросил я. — Поэтому не пожалели прогуляться с нами на винзавод?

— Отчасти. Я просто собирался еще раз навеститься в "Пеликан", чтобы осмотреться. Но не успел...

— А как же Дуринян с его поддельным коньяком? — спросила Маша.

— Коньяком занималась Лёля. Как и динозавром, и штурмовиками... Все эти маганомалии благополучно аннигилировались после её смерти. А вот Бабуля...

— Мы сами догадались, что это дело рук Елены. — сказала Маша. — Вернее, Ванька догадался. И что она — это и есть Баба Яга.

— А я в вас даже не сомневался. — улыбнулся наставник. — Самая важная часть моего плана строилась на твоей, Маша, сообразительности и умении Ивана делать правильные выводы. Но обо всём по порядку...

— Как Ростопчию удалось подсунуть вам наркотик, бвана? — спросил я. Этот вопрос жег меня уже давно.

— Самым банальным способом. — вздохнул Лумумба. — Как известно, героин — это белый порошок, похожий на сахарную пудру. Ростопчию, зашедшему как будто по делу, оставалось просто высыпать его в ладонь и дунуть мне в лицо, выбрав подходящий момент. Я непроизвольно вдохнул. Мизерной дозы оказалось достаточно, ведь незадолго до этого, готовясь к поездке в город, я принял Пыльцу...

— Сдается мне, мадам Елена была осведомлена о действии героина на принявшего Пыльцу мага. — вставил Штык. — Она не из тех, кто ставит на непроверенную карту.

— В любом случае, совместное действие двух наркотиков отразилось на мне самым пагубным образом. — признался Лумумба. — На какое-то время я совершенно утратил разум. Не утомляя вас рассказом о том, в каких закоулках собственного подсознания мне довелось побывать, скажу одно: это пугающий, но в то же время не лишенный ценности опыт.

— Я нашел его в винном погребе. — дополнил Железнов. — Провалившись сквозь перекрытия, он лежал там без сознания, а огонь уже подбирался. Из гостиницы все давно разбежались, так что я смог вытащить Васю незаметно. Принес в свою логово, и, когда он пришел в себя...

— Первым делом увидел аметистовую сережку. — подхватил Лумумба. — Посмотрел сквозь камень на пса, и сразу всё понял.

— Прямо таки всё? — прищурилась Маша. По-моему, ей очень понравилась игра в вопросы и ответы.

— Я прикинул: кому в городе может принадлежать украшение такого качества и ценности? Вывод напрашивался сам собой. Оставалось выманить её из Пеликана и спровоцировать на колдовство. И тут недюжинную изобретательность проявили вы, мои драгоценные помощники.

Я не понял, он нами и вправду гордится, или это был тонкий завуалированный сарказм. Я-то считал, что дров мы наломали изрядно. Подставились по дороге в город, попали в тюрьму, побили полицейских... Я посмотрел исподлобья на Штыка.

— Ваши люди в меня стреляли. Вы что, и вправду собирались нас повесить?

Полицеймейстер только открыл рот, но Лумумба его опередил.

— Вас задержали по моей просьбе. Чтобы успеть подготовиться, нужно было время. Вот я и попросил милейшего господина полицеймейстера уберечь вас от неприятностей.

— А стрельба велась холостыми. — добавил Штык.

У меня в животе образовался холодный ком. Челюсти свело, перед глазами сгустилась муть. Лумумба продолжал что-то говорить, но я его перебил.

— Стало быть, кое-кому вы всё-таки дали понять, что находитесь на Этом свете.

Наверное, я говорил слишком громко, потому что вдруг все уставились на меня. Но я не собирался извиняться. С грохотом отодвинув стул, поднялся и заявил:

— Не знаю, что вы там себе думали, бвана, но держать близкого человека в убеждении, что вы мертвы — жестоко. Я, может быть, уже совсем за вами в Навь собрался. Как дурак.

Чувствуя, что щеки наливаются предательской багровостью, я вышел.

Светало. Улицы были тихи и пусты, за набережной, в своем ложе из гранита сонно плескалась река, а горизонт разгорался чистейшим золотом.

Вдохнув полной грудью прохладный медовый воздух, я расслабился. И вдруг понял, что наставник был прав: городок и вправду симпатичный.

На крыльцо вышел Лумумба. Посмотрел на встающее солнце, точно так же, как я, вздохнул, и сказал, не глядя на меня:

— Уж от тебя-то я истерики не ожидал, молодой падаван. Стыдно должно быть.

Мне и вправду было стыдно за вспышку, но я только фыркнул.

— Сами хороши. Хлебом не корми, дай представление устроить. Вам бы, бвана, в бродячий цирк устроиться. Фокусы показывать.

— Спасибо, хоть в клоуны не записал.

Я снова фыркнул, и гордо отвернулся. Иногда так бывает: знаешь, что не прав, а всё равно в бутылку лезешь.

На крыльцо вышла Маша. Посмотрела на меня, на Лумумбу...

— Ну что вы, как маленькие. У меня Близняшки так друг на друга дуются. Дядя Базиль, а вы знаете, что Ванька ваш крестик потерял? Теперь вам придется ему другую подарульку смастерить. Чтоб не волновался зазря.

Лумумба дернул меня за рукав.

— Что, правда, потерял? — я только кивнул. В носу предательски щипало. Ну дурак, сам понимаю...

Вдруг он обхватил мои плечи, и, заглянув в глаза, прижал к сердцу.

— Прости, Ванюха. Я ведь о таком повороте и не думал. Решил, что ты, как всегда, ваньку валяешь...

— Проехали. — я сдержал всхлип и отстранился.

По улице, в нашу сторону, кто-то шел. Кто-то высокий, тощий, одетый во всё черное. Пегие волосы собраны в хвост на затылке — такие у нас в Москве зовут "бойцовыми рыбками". Длинное, немного лошадиное лицо упрямо сосредоточено, а глаза впились в нашу группу.

Маша, как только его увидела, вскрикнула, и побежала. Повисла у этого длинного на шее, и, кажется, заплакала.

— Ну, теперь точно все в сборе. — удовлетворенно сказал Лумумба, и, взяв меня за рукав, потащил к дверям. — Идем, Вань, обратно. Пускай люди поздороваются.

* * *

...Река искрилась и переливалась миллионом серебряных чешуек, над водой по-утреннему суетились чайки. То одна, то другая стремительно пикировали, и появлялись с зажатой в клюве килькой.

— И вправду симпатичный городок. — примирительно сказал я Лумумбе. — Может, задержимся на немножко?

Рядом с нами, на высокий гранитный парапет приземлилась здоровущая ворона и принялась прыгать, потешно встопорщивая перья. Балансируя крыльями, она всё время поглядывала на нас желтым круглым глазом. Смотреть на чаек мне надоело, и я стал наблюдать за этим новым чудом природы.

— Кар-кар. Чирик-чирик. — сказала птица, и посмотрела на меня выжидательно. — Дай птичке крошек, хороший человек. Вон, у тебя из кармана баранка торчит. Покорми птичку.

Я покосился на учителя. Может, у меня опять капец мозга от напряжения сделался? Уже с птицами разговариваю...

— Ну, чего уставился? — сказала ворона. — Птиц никогда не видел? Или баранки жалко?

— Бвана, вы её слышите? — спросил я уголком рта.

— Отчего ж не слышать? — пожал тот плечами. — Обыкновенный магический вестник.

— Птица-Гамаюн. — гордо выпятила грудку ворона. — Отличается умом и сообразительностью. Умом. — она со значением посмотрела на меня, — И сообразительностью... Дай птичке баранку, жадина.

Наставник нежно погладил ворону пальцем по черной головке. Та довольно прикрыла глаза.

— Ты откуда, милая? — спросил он так, будто птица была нормальным человеком.

— Летела я через тридевять земель, из тридесятого царства. Из северной страны Мангазеи. К тебе, черный колдун, с просьбой о помощи.

— И кто ж тебя послал? — Лумумба подставил руку, и ворона порхнула ему на запястье, крепко обхватив рукав здоровущими черными когтями со сталь-

ными наконечниками.

— Поклон шлет и челом бьет тебе Великая Княгиня... — раскинув крылья, ворона неуклюже поклонилась, да чуть не тюкнулась клювом вниз. Наставник её подхватил.

— Ладно, ладно, гостя чужедальняя. Я понял. Теперь давай по-существу.

— А по-существу... — ворона с облегчением переключилась на деловой тон. — Бывшая жена твоя, Ольга Владимировна, просит помощи. Потому что больше никому доверять не может. Обложили хозяйку со всех сторон, казнить в скором времени грозятся.

— Сроки? — подобрался Лумумба.

— Сроки все давно вышли. А времени до суда — в лучшем случае неделя. Или семь дней. Как тебе больше нравится...

Лумумба посмотрел на меня. Я покорно вздохнул.

— Бежать на вокзал, за билетами?

— Нет времени. На этот раз воспользуемся магическим экспрессом. — он посмотрел на птицу. — Координаты точки выхода есть?

— Как не быть. — ворона чистила клюв о рукав наставника. — Всё давно готово, ваше сиятельство.

— А как же Маша? — вдруг мне стало страшно, что мы, прямо сейчас, сиганем в портал.

— Ну разумеется, ты за ней сбегаешь, падаван. — закатил глаза Лумумба. — Или мне, самому, прикажешь...

Я сорвался с места.

* * *

Маша

Под крышей, прямо над запертой дверью, свила гнездо ласточка. Пришлось притащить лестницу, чтобы аккуратно переместить его за стреху, подальше от входа. Яички были крохотные, чуть голубоватые и пестренькие.

А в доме ничего не изменилось, разве что пыль протереть и полы вымыть. Я любила мыть полы в нашем старом доме. От колодезной воды мокрые доски приобретали особенно душистый запах.

Сначала я вымыла верхний этаж. Нашу с Ласточкой комнату, затем детскую близняшек, запасную спальню — её часто использовали для найденышей. Крутую узкую лестницу — Бабуля всё собирался её перестроить, да руки так и не дошли...

В его комнате беспорядка было больше всего. Кровать сломана, покрывало разодрано и скручено, бутылка с парусником внутри — памятка о прошлой жизни, — разбита. На деревянных половицах белеют глубокие следы когтей.

Постояв на пороге, я тихонько закрыла дверь. Бабуля не любит, чтобы совались без спросу в его личное пространство. Пусть уж сам, когда с делами закончит.

Ласточка на веранде выбивала половики. Я присела на перила, не зная, как начать разговор. То чувство неотвратимых перемен, появившееся несколько дней назад, вместе с единорогом, вернулось обновленным и сильным.

— Я замуж выхожу. — неожиданно сказала Ласточка. Я, не удержавшись, брякнулась с перил прямо в крапиву.

Потирая копчик, вновь взобралась на веранду. Подружка, как ни в чем ни бывало, орудовала выбивалкой.

— За Обреза?

— Его, между прочим, Виктором зовут.

— Я знаю. — в груди образовалась пустота. — А как же близняшки?

— Мы... — наконец она повернулась ко мне. — Мы в деревню решили перебраться. У мамы Витюшиной большое хозяйство. Лишние руки не помешают. И Глашке с Сашкой там нравится.

— Ну да, ну да... — я никак не могла собраться с мыслями. — Честно говоря, не представляю тебя в деревне. А как же твои наряды? Танцы? Ножи...

— Как-нибудь. — подружка посмотрела как-то робко, чего раньше за ней не водилось. — Любовь Александровна меня медицине обучать будет. Но ты не волнуйся! — она улыбнулась своей обычной лучистой улыбкой. — Мы будем часто-часто приезжать. Вы с Бабулей и соскучиться не успеете.

— Бабуле предложили мэром стать. Вместо Цаппеля. — сказала я. — Так что ему точно скучать некогда будет. Детдом затеет организовывать, школу... Он уже планы составляет: брошенных зданий в городе полно. Мокий Парфеныч уезжает в Москву — на кладбище, говорит, отдохну. А за себя, начальником Агентства, назначил Таракана.

— Я знаю. — кивнула Ласточка. — Мы поэтому в деревню и собрались. Вите без наставника одиноко будет.

— Понятно...

У калитки послышался дробный топот. Словно несется огромный битюг, запряженный в телегу. Ванька, не иначе.

Перепрыгнув через низкий заборчик, он подскакал к крыльцу и только здесь перевел дух.

— Здрасьте, доброго здоровьичка. — кивнул он Ласточке, и повернулся ко мне. — Там это... Лумумба, в общем, зовет.

— Я... с вами? — даже не верилось, что это на самом деле происходит.

— Ну да. Будешь вторым падаваном. Младшим.

Завизжав от радости, я повисла у Ваньки на шее. Но быстро опомнилась, отпустила его и виновато посмотрела на Ласточку. Та, отбросив выбивалку, подошла ко мне и обняла. Крепко-крепко.

— Я всё понимаю. — сказала она. — Ты только возвращайся к нам, ладно? Главное, возвращайся.

Конец

Алма-Ата 2018

Татьяна Зими́на Дми́трий Зими́н

Распыление 2

Полуостров сокровищ

Глава 1

Иван

— **А** ничего так они похороны справляют. Даже карусель есть, — сказала Машка, оглядывая пляж.

— Странная штука жизнь, — согласился Лумумба. — Сегодня мы наслаждаемся её дарами, а завтра...

— А завтра расследуем убийство — отрезала Гамаюн. — И советую поторопиться. Время уже пошло... О! Вон, блины продают, — ворона перескочила с моего плеча к наставнику, умильно заглядывая в глаза. — Купи птичке блинка!

— Сытое брюхо ум притупляет, — отомстил ей учитель, отворачиваясь от снеди и устремляя взгляд на плот, пришвартованный к берегу.

— Не знал, что вы были женаты, — не обращая внимания на вороньи вопли, я тоже смотрел на плот. Костер еще не запалили и на поленнице, на самом верху, можно было разглядеть тело князя, укрытое до подбородка. — Почему вы никогда об этом не говорили?

— Давно это было. Чего теперь вспоминать, — вяло махнул рукой Лумумба.

— Пошли, а то всё сожрут, а нам не достанется, — горячилась птица. — И рыбьих деток возьми. Вон тех, черненьких.

— Да вы-то никогда и не забывали, — хлюпнула распухшим носом Маха. — То-то кинулись, как на пожар, стоило ей пальчиком поманить.

— При всем уважении, мадемуазель, это не ваше щенячье дело, — спокойно так, даже добродушно, ответил Лумумба, всё-таки направляясь к лотку с блинами. — И впредь, раз уж вы пристали к нашей компании, советую испытывать к моей особе приличествующие статусу ученика трепет и пиетет.

— А то что? В лягушку превратите?

— Хуже. В червяка. Желтого земляного червяка.

Блинами торговала румяная тетенька в цветастом платочке, завязанном на лбу наподобие медвежьих ушек.

— Почем блины, красавица? — спросил учитель, доставая кошелек.

— За три копейки — канарейку, а блинок — за алтын, — улыбнулась продавщица.

— А давай на рубль, — учитель бросил в блюдце золотую монетку.

Тетка посмотрела с уважением и, протягивая пухлую кипу завернутых в бумагу блинов, добавила пластиковый стаканчик с медом.

— Почин дороже рубля, — сказала она, пряча монетку в карман обширного фартука.

Достав из жилетного кармана петушка на палочке, Лумумба протянул его тетке.

— Долг платежом красен.

— Да пошли уже... — взмолилась Маша. — Есть очень хочется.

— Прально, — согласилась птица Гамаюн. — Правда, чего тут есть-то? Разве что червячка заморить... — и ловко увернулась от Машкиного пинка.

Усевшись прямо на нагретые солнцем камни, мы принялись за еду. Вредная птица добилась, чтобы ей, в благотворительных целях, пожертвовали всю икру, и теперь радостно склевывала черные шарики.

— Вообще мне здесь нравится, — сказала Маха, макая свернутый блин в мед. — И весело и вкусно...

— Пирьы, или тризны, в погребении умерших имеют важное, можно сказать, стратегическое значение, — назидательно прокаркала птица Гамаюн. — Как напоминание живым, они символизируют... — незаметно протянув руку, Машка выдернула из хвоста вороны перо. Та подскочила.

— Ай! Чего дерешься?

— Перестань нудить. Appetit только портишь, — моя напарница потрогала кончик стержня пальцем, и слизнула выступившую каплю крови.

— Отдай! — подскочила к ней птица, забыв про икру.

— Фиг тебе, — Машка спрятала перо за спину. — Было ваше, стало наше. Я из него дротик сделаю.

— Какой такой дротик... — Гамаюн, грозно встопортив оставшиеся перья, пошла на Маху, но Лумумба, выхватив из кармана еще один леденец, сунул его вороне в клюв. Закатив глаза, я отвернулся. Как дети малые, честное слово...

Невдалеке от нас, отгородившись лоскутной занавеской, выступали скомо-рохи: длинноносый Петрушка с шутками и прибаутками дубасил толстого боярина в высокой шапке. Публика, лузгая семечки и прихлебывая пиво, с удовольствием ржала. С другой стороны силач в полосатом трико жонглировал гирями — вокруг него народу было заметно больше. Еще дальше, под парусиновым тентом, выстроились игровые автоматы. Оттуда доносились «Пиу, Пиу» морского боя и «Бах! Бах!» танковой атаки.

— Уважаемые граждане! Не забудьте почтить память князя, выпив его любимого пива «Княжеского»! Ларек купца Сальникова, главного поставщика двора, находится возле пирса, с левой стороны...

В небе медленно и вальяжно проплывал воздушный шар веселенькой красно-желтой расцветки. Из корзины торчал раструб громадного громкоговорителя.

— Не похоже, чтобы по князю кто-нибудь скучал, — Машка, задрвав голову, любовалась шаром.

— Всяк волен выражать скорбь по своему, — ответил Лумумба, вытирая пальцы платочком. — Не обязательно драть ногтями лицо и посыпать голову пеплом.

— Особенно, если на этом можно заработать, — птица Гамаюн, доклевав последние икринки, взгромоздилась мне на плечо. Я невольно поморщился: весила она килограмм десять, не меньше.

— На шею не дави... — попенял я вороне, но та только переступила лапами, прорывая железными когтями рубаху.

— А что еще вы заметили, кроме веселья? — строго спросил учитель. —

Клюв скотчем замотаю, — пригрозил он птице, которая уже раззявила варежку для очередной скучной лекции. Та вопросительно покосилась на меня. Я сурово кивнул.

— Стражники, — сказала Маша. — Слишком много стражников.

— Здесь их зовут дружинниками, — поправил Лумумба.

Я внимательно оглядел цепочку людей в форме. Среди пестрой толпы они были единственными, кто вел себя соответственно печальному моменту. Черные броники, каски, высокие шнурованные берцы, неподвижные, суровые лица... На груди каждого, дулом в песок, новенький АК.

— Стена вдоль берега мощнее и выше, чем с другой стороны, — сообщила Маха. — И пушки.

— Посмотрела бы я, как вы обойдетесь без пушек, когда из воды гигантские Кайдзю попрут, — проворчала Гамаюн.

— Кайдзю?

— И левиафан, и кракен, а еще этот... — она посмотрела в небо, будто там была подсказка. — Лиоплевродон. Такой водный динозавр, зубастый — просто ужас. После гибели Мурманска тут много кого расплодилось. Только успевай отстреливаться... О! Тухлая рыбка! — спрыгнув на песок, ворона хищным подскоком ринулась на какую-то дрянь и, разогнав мух, принялась с энтузиазмом клевать.

— А там кто?

Взобравшись на камушек и приставив руку козырьком к глазам, моя новая напарница рассматривала группу на помосте под красивым тентом, на полотнище которого светились громадные золотые буквы MOZK.

— Вероятно, бояре, — не глядя ответил Лумумба. — Члены правления золотодобывающего концерна.

— Покупайте футболки с портретом Князя Игоря! — вдруг заревело над головой. — Купите, и лик Великого Вождя не покинет вас никогда!

В воздухе развернулось гигантское полотнище. С него, как непокоренный Че Гевара на революционеров, взирал, вестимо, сам покойный. Машка мстительно прищурилась на воздушный шар:

— Интересно, а нельзя его как-то сбить? — а потом вздохнула. — Разве что из РПГ... Да где ж его взять-то?

Ветер принес густой, низко вибрирующий гудок: в порт, расположенный дальше по берегу, входил сухогруз. Даже отсюда было видно, что в доках работа не прекращается ни на миг. Кивали длинными шеями краны, по воздуху летали многотонные контейнеры, то и дело слышался лязг опускаемых цепей и скрип лебедок. По разгрузочным пирсам сновали грузчики. Автомобильные шины, мешки, ящики, пакеты... Обед, как говорится, обедом, а война — по расписанию.

Со стены грохнула пушка. Звук покатился над заливом, оставляя за собой гулкое эхо.

— Плот отбывает, — сказал я. — Эх, жалко, тело осмотреть не удалось.

— Нас бы всё равно не подпустили, — Лумумба поднялся и приставил ладони трубочкой к глазу, на манер подзорной трубы. — Черт, ничего не видно... Может, это вообще не князь. Выставили на всеобщее обозрение куклу...

Мы поднялись и пошли к берегу. Свинцово-серые тяжелые волны накатывали на серый прибрежный песок, в их серой масляной глубине отражалось тоскливое серое небо... М-да, поэтом лучше мне не быть.

Тот берег еле виднелся — просто темная полоска скал. Но над ними парило что-то громадное. Я попытался всмотреться, но глаза заслезились.

— А вы были знакомы с князем? — лично меня бы не удивило знакомство Лумумбы даже с чертом. Хотя с чертом, по правде говоря, он действительно знаком.

— Виделись пару раз, в Москве. Мы с Ольгой входили в комиссию по выработке монетарной политики. Игорь лично приезжал на переговоры.

— Так вы знали, что ваша бывшая вновь выскочила замуж? — Маша, хлопнув, вытерла нос рукавом. Лумумба закатил глаза, и, достав из кармана платок, протянул ей.

— Что за манеры, мадемуазель. Вы же девушка...

— Монстрам обычно по барабану мои манеры. Так что с вашей бывшей?

— Зато мне — нет. А с бывшей... То есть, с Ольгой, — разумеется, знал. Мы же были коллегами. Пока она в Великие Княгини не подалась.

— Ясно. Обиду, значит, всё-таки держите.

— И ничего я не... — Лумумба замолчал, наконец-то сообразив, что Маха его троллит.

— Вы тут стоите, а гроб, то есть, плот, уплывает, — засуетилась птица Гамаюн. — Как блины жрать — так вы первые, а как убийство расследовать...

— Ты же сама верещала, что жрать хочешь! — не выдержал я. Да если б не ты, мы бы уже давно...

— Не ссорьтесь, дети. Щас всё будет, — Лумумба повернулся и критически оглядел меня с ног до головы, бормоча про себя: — Юпитер в доме Сатурна, Стрелец ушел в тень...

— Но-но, — предчувствуя недоброе, я спрятался за Машку. — Вы мне это прекратите. Не люблю. Пусть Гамаюн слетает.

— Она слишком заметная. Тут тонкота нужна...

— Тогда Машку превращайте. А меня после ковра-самолета до сих пор тошнит.

— А вот это... — Лумумба поднял руки, готовясь произнести заклинание. — Совершенно никого не кольшет.

ЭРЕК. УЮ. ЧОРС!

В следующий миг в моем теле образовалась необыкновенная легкость. Глаза свободно, не испытывая никакого неудобства, развернулись назад и я увидел собственную спинку, покрытую жесткой черной с прозеленью, щетиной. Меж лопаток расправились и загудели радужные крылышки. Гамаюн, став вдруг железной громадиной, подскочила и уставила на меня круглый бездонный глаз.

Показав ей неприличный жест сразу четырьмя лапками, я поспешно взлетел. Ветер тут же меня подхватил и понес наверх, в сияющее чистое небо.

— Рассмотря там всё хорошенько, — напутствовал Лумумба. — Да побыстрее. Одна лапка здесь... — остальное унес ветер.

Подо мной опрокинулась синяя широкая река, и я сообразил, что это и есть Кольский залив. На берегу, в узкой полосе между тайгой и водой, приютился

город — деревянные терема, мощные дубовыми плашками улицы... В центре, как одинокий палец в неприличном жесте, высилась стальная башня, поблескивающая зеркальными окнами. Венчала башню золотая корона с ослепительными, сверкающими на солнце буквами: MOZK.

...Весь город, как в лукошке, уютно уместился внутри высокой железной стены. Приноравливаясь к ветряным потокам, я понесся над её краем. Перед глазами мелькали то грубые сварные швы, то круглые, похожие на шляпки грибов заклепки, то дула разнокалиберных пушек и пулеметов, направленных на залив...

Наконец, разобравшись с крыльями и воздушными потоками, я нашел казавшийся крохотной точкой погребальный плот и спикировал. Плот состоял из гигантских кедровых стволов — меня окружили запахи душистой смолы и бензина, которым полили бревна. На них возлежало неподвижное, укрытое пеленами тело. Голову охватывает золотой венец, глаза плотно закрыты, но борода упрямо торчит вверх. От тела исходит головокружительный, сладкий и манящий запах тления...

Опустившись на лоб князя, я приступил к осмотру, лапками ощущая восковую плотность кожи, а хоботом, как щупом, фиксируя малейшие нюансы.

Тело было омыто каким-то мылом — остались следы антисептика. Но в глубине ноздрей, среди волосков, сохранились запекшиеся сгустки крови. Я взял кусочек на пробу. Клетки эпителия, мертвые кровяные тельца, чуток сивушных масел, и... всё. Я разочарованно вздохнул: как было бы хорошо обнаружить следы яда, например. Раз, два — и дело закрыто.

Поползав у губ и взяв пробы слюны, не поленившись сползть даже в ухо, я мог уже сказать наверняка: в теле князя посторонних примесей нет. Хотелось над этим поразмыслить, но мушиные инстинкты не позволяли долго оставаться на одном месте.

Скрывшись под покрывалом, я попытался найти следы внешнего воздействия: удары кинжалом, например, или пулевое отверстие... Тоже ничего. Только длинный, грубо схваченный суровой ниткой шов через всю грудину и живот: вскрытие, значит, всё-таки делали. Надо будет запросить результаты... Напоследок проверил ногти на руках: если князь перед смертью дрался, под ними могли сохраниться частички чужой кожи, волос или одежды. Пусто. Или Игорь был дотошным чистюлей, или тот, кто обмывал тело, отличался скрупулезной аккуратностью... Ну ничего. Как говорит бвана, отсутствие результата — тоже результат.

И только под конец... я лихорадочно забегал вокруг одного места на бедре. Всего лишь слабая эманация, след чего-то металлического. Точнее, механического. Может, князь носил оружие? Надо будет уточнить, как пахнет оружейная смазка...

Со стены вновь грохнула пушка. Звук, распугивая птиц, покатился над заливом. Не успел он стихнуть, как в бревно рядом со мной впилась горящая стрела. Рядом с ней воткнулись вторая, третья. Политое бензином дерево занялось сразу, повалил черный удушливый дым. Стрелы посыпались, как огненный дождь, я в панике заметался. Огонь. Опять огонь...

Наконец, почти одурев от угарного газа, я сообразил подняться повыше и

вылетел из облака дыма. Плот превратился в гудящий костер. Языки пламени, раздуваемые ветром, возносились на гигантскую высоту и от них в небо поднимался плотный столб жара.

Я, натужно гудя крылышками, устремился к берегу.

Фух, еле долетел. О чем только думал драгоценный учитель? Слабое мушиное тельце не приспособлено для длительных перелетов! Просто повезло, что на полпути оказался сигнальный буй, на нем-то я и передохнул. Но всё равно. К берегу подлетел уже на последнем издыхании, и без сил рухнул на крышу белого тента с золотыми буквами. Нужно подкрепиться. Желательно, чем-нибудь сладеньким... Отдышавшись, нашел в парусине дырочку и переполз на внутреннюю сторону крыши.

За накрытыми белоснежными скатертями столиками, с бокалами в руках, сидело человек двадцать-тридцать. Высота помоста давала им возможность наблюдать как за толпой на берегу, так и за морем, где догорал, удаляясь от берега, погребальный костер.

Бояре, вспомнились слова Лумумбы. Члены какого-то там правления. Что ж, стоит посмотреть на них поближе.

Собирался изящно спикировать на край стола, поближе к тортнику, умопомрачительно-ванильный запах которого будоражил мушиное сознание, но промахнулся и с шумом плюхнулся в чей-то бокал. Бокал оказался с шампанским. И, смею сказать, весьма неплохим...

Ух ты! Никогда не принимал ванну из вина. Перевернувшись на спину и праздно заложив верхние лапки за голову, я закачался на янтарной волне. В голове приятно загудело. А жизнь, ребята, таки удалась!

— ...если не запустим в ближайшее время — хана компании, — я живо перевернулся и обратился в слух.

— А как же накопления?

— Какие какие накопления? Зарплату шестой месяц не даем, всё в уплату долга идет...

Надо мной нависла громадная рожа. Поры были что твои кратеры, а нос походил на рыхлую, в синих прожилках, картофелину.

— Ерш твою медь, чертова муха! — проревело над головой и меня, вместе с содержимым бокала, плеснуло на пол.

Хорошенько приложившись о доски, я на мгновение отключился. Бр-р-р... Интересно, мухи умеют блевать? Бяк... Оказывается, умеют.

Придя в себя и просушив крылышки, я попытался вновь взлететь на стол, да не тут-то было: то ли ветер крепчал, то ли навигационные навыки после ванны с шампанским сильно ухудшились, но меня отнесло довольно далеко от тента. Пришлось покрутиться, чтобы поймать встречный попутный поток...

— Еще пара дней простоя — и старатели взбунтуются.

Остального не расслышал — вновь промахнулся мимо стола. Развернувшись и упрямо гудя крылышками, взял курс на боярина с короткой косой, заплетенной на затылке, и серьгой в ухе. Того, что выплеснул шампанское.

— Игорь заключил с ними договор, — послышалось слева.

— Но теперь его нет, и нойды не хотят даже разговаривать, — ответил мой боярин.

— Золото пробовали предложить?

— Сменяются.

— По договору, председателем правления должна стать Ольга...

Меня опять отнесло ветром.

Пока развернулся, пока подлетел поближе...

— Сварог об этом и слышать не хочет.

— Тогда пусть сам разбирается.

— Он предлагает просто выжечь всё к свиням.

Уцепившись за громадную золотую серьгу в красном, с торчащими волосками ухе, я попытался перевести дух.

— Может, это и выход. Нет недовольных — нет проблемы. А пожары по летнему времени частенько случаются...

И только я решил, что наконец-то занял выгодную позицию, гигантская рука бесцеремонно смахнула меня на скатерть. Затем стремительно и неумолимо стал опускаться похожий на бревно палец... Фух! Еле увернулся. Повезло спрятаться за блюдом с тортиком, удачно оказавшимся рядом. С края как раз свисала аппетитная капля крема...

— Может, проще другое месторождение найти?

— Ага... А кто искать будет?

— Ну, Игорь же как-то нашел.

— Дак он геологом был. В той, прошлой жизни... Да и то в тайге чуть не загнулся.

— Но есть же карта...

— Только княгиня знает, где он её прятал. Но хрен она нам что скажет.

— Пообещаем свободу...

— А Сварог вместо нее нас посадит. Игорь его лучшим другом был...

Исследуя крошки на скатерти, я неосторожно подобрался к краю стола, и сильный порыв смахнул меня к самой воде. Пенные брызги намочили крылышки, я плюхнулся в ледяной прибой и чуть не захлебнулся.

Наконец, изрядно попотев, удалось выбраться из воды и устроиться вниз головой с обратной стороны помоста. Здесь было относительно тихо, порывы ветра почти не чувствовались. Песок внизу сплошь усыпан окурками, мятыми бумажками и пустыми бутылками.

Почистив крылышки и переведя дух, я споро пополз к тому месту, где сидели мои бояре. Женские голоса, обсуждают какую-то тощую Катьку... Не то. Мужской голос, рассказывает что-то похабное, затем — громовой гогот... Еще мужские голоса, как ни странно, говорят о той же тощей Катьке... Вот! Знакомый запах: копченая рыба и дорогой одеколон.

Голоса звучали глухо, сквозь скрип половиц и плеск волн, но кое-что всё же можно было расслышать. И тут...

Место было глухое, темное, у самого края помоста. В углу, возле сваи, скопилась какая-то пыль, или паутина. И в этой паутине... Вам приходилось когда-нибудь видеть, как в полной темноте вдруг загораются электрические фары? Примерно это и случилось. Только загорелись не фары, а глаза.

Сначала вспыхнули два больших. Затем, один за другим — еще четыре, поменьше. И наконец, далеко по краям, еще два. Они загорались по очереди, в совершенном безмолвии. Я с интересом подполз поближе, пытаюсь рассмот-

реть их обладателя.

И тут заработал человеческий мозг. Он спросил: кто может похвастаться сразу восемью глазами?

Мушиное тельце замерло. Лапки прилипли к доскам. Крылышки бессильно обвисли. Паук, маму вашу мушиную за ногу, вот у кого целых восемь глаз! ПАУК!

Почуввав добычу, громадный как кабан, черный, покрытый плотной толстой щетиной арахнид проснулся. Неторопливо, будто в замедленной киносъемке, он расправил длинные мощные конечности... На конце каждой был острый коготь — это я заметил уже в полуобмороке. Движения паучьих ног замораживали. Они двигались совершенно независимо от толстого, с красным крестом на спине, тела, они плясали, гипнотизировали... Они подбирались всё ближе...

Я попробовал собраться. Отключить мушиные инстинкты, на которые воздействовал паук. Я же человек! У меня есть крылья! Нужно просто улететь, только и всего. Так... А как это делается? Я попробовал напрячь спину. Пожужжать крылышками. Ничего не получается.

Дилемма: как муха, я не могу пошевелиться от страха, а как человек — не знаю, как управлять крыльями. Оставалось одно, самое распоследнее средство: закрыв глаза, я упал в обморок. И шлепнулся на песок под помостом.

Пришел в себя, отдышался... Далеко вверху растерянный хищник не мог понять, куда делась муха, которую он уже считал своей законной собственностью. Грозно шевеля хилицерами, он сердито топтал по доскам и бурчал что-то ругательное. Жаль, я паучиного не понимаю...

— Пссс... — я вздрогнул и подскочил. — Эй ты, мухоподобное!

Мушиные инстинкты включились сами собой и крылышки радостно зажужжали. Подлетев, я увидел птицу Гамаюн. Она сидела на свае, вбитой в прибрежный песок.

— Как ты меня нашла? — она только отмахнулась.

— Хватит прохлаждаться, хозяин зовет.

Я сердито зажужжал. Только избавился от страшной гибели — и сразу куда-то лети, что-то делай...

Как донести до этой недалекой пернатой, что я вовсе не прохлаждаюсь, а занимаюсь важным делом? И вообще. Кто кому еще хозяин...

— Ну-ну, хватит выпендриваться. А то склюю, — пригрозила ворона, нацелив на меня острый клюв.

Показав ей язык, я отлетел подальше. Хрен она меня поймает!

Я от пламени ушел, и от паука ушел, а от тебя, дирижаблиха неповоротливая, и подавно уйду!

— Я серьезно,- ворона подскочила, и облетела вокруг помоста. — Ты что, последние мозги в мушином облике утратил? Бвана зовет, у него созрел план. Давай, полетели. Не в клюве же тебя нести...

Глава 2

Иван

— А нас пустят? — спросила Машка, когда мы подошли к высокому, с наглухо закрытыми воротами, терему.

— Скажешь, что ты — племянница. Приехала проведать тетушку.

— Так мне и поверят.

— А ты прикинься бедной родственницей, — посоветовал я. — Ну типа, Крошечка-Хаврошечка...

— Может сработать, — кивнул Лумумба.

— Ладно... — Машка критически оглядела свою курточку. — Базиль, у вас не найдется старенького платочка? А лучше — двух.

— Как не найтись... — учитель запустил пальцы в жилетный карман. — Годится?

Одним платочком — ветхим, с размухренными концами, — она повязала голову, спрятав волосы и плотно обмотав шею. Из второго соорудила узелок, напихав в него какой-то ерунды из рюкзака. Затем, прижав узелок к груди худыми бледными лапками, посмотрела на нас несчастными, полными слез глазами и пролепетала:

— Пропустите, дяденьки, с тетушкой проститься. Одна она у меня, сиротиночки... — и шмыгнула носом.

— Гениально! — похвалил учитель. — Сейчас, сейчас... — скинул свой любимый плащ, вывернул его наизнанку, швами наружу, и снова надел.

Изнутри кожа василиска была покрыта налезавшими одна на другую заплатами, жженными проплешинами и бесчисленными карманами. Из некоторых торчали непонятные предметы. В других, плотно застегнутых на пуговицы, что-то шепуршало и пыталось выбраться. Из одного даже показался глаз на стебельке, но Лумумба прихлопнул его ладонью, и глаз спрятался.

Затем, зачерпнув под забором горсть белесой пыли, наставник стал втирать её в щеки, в бакенбарды, в руки... Машка уже тащила откуда-то сучковатую палку. Взяв её, бвана совершенно преобразился. Плечи сгорбились, колени ослабли, ноги скрючились колесом, в руках появилась неуверенная дрожь, а глаза закатились, явив миру одни белки.

— Подайте на пропитание слепому страннику Василию... — загундосил Лумумба, выбивая палкой частую дробь по мостовой.

Я невольно улыбнулся.

— И я! И я горазд!

Минутку подумав, я расслабился. Убрал из глаз малейший проблеск мыслей. Приподняв брови, сделал взгляд наивным и чистым, как весенняя лужица. Потом выправил из штанов рубаху, скосолапил ступни, а указательный палец засунул в рот, пустив из уголка слюну.

Рядом с нами остановилась толстая, в белом переднике, тетка. Подмышкой у нее была зажата корзина, в которой негромко гоготал откормленный гусь.

— Откуда идете, калики перехожие?

— С Урала, — тоненьким детским голоском пропищала Машка. — Слышали, в Мангазее молочные реки текут, между кисельных берегов. Вот, пришли своими глазами убедиться. А тятенька наощупь осознает, — она, склонив го-

лову в платочке, трогательно прижалась к Лумумбе. — Тятенька от злого колдуна пострадал. Зрения лишился и кожа вся, как есть, почернела... А братца моего ребеночком с печки уронили. С тех пор ум у него напрочь отшибло, на одних базовых рефлексах существует.

Икнув, я подпустил слюны и возвестил басом, смачно обсасывая палец:

— Жрать. Срать, спать, драть...

— Тихо, тихо, Иванушка, — Маша погладила меня по плечу. — Вот пойдем сейчас на площадь, я куплеты буду петь, а тятенька Илиаду на память почитает. Денежку заработаем — купим тебе пирожок. А пока, братик, камешек поглодай. Авось, голод и утихнет...

Тетка всхлипнула и утерев слезу могучим кулаком, полезла в недра обширных юбок. Затем протянула Машке монетку.

— Спасибо, добрая женщина. — поклонился в пояс бвана, забыв, что недавно ослеп. — Воздастся тебе доброта по заслугам...

Утирая слёзы, тётка потопала дальше. Гусь, высунув голову из-за её плеча, смотрел на нас с укоризной.

— Не перегнуть бы, — обеспокоился учитель, когда на нас стали задерживать взгляды и другие прохожие.

— Фигня. — Машка цинично подкинула подаренный теткой грошик. — На Руси убогих любят.

Вид домашней птицы пробудил во мне смутную тревогу, которая наконец-то вылилась в конкретные опасения.

— А где Гамаюн?

Только что она крутилась рядом, выпрашивая у Лумумбы петушка на палочке, а сейчас — ни слуху ни духу.

— Я её с поручением услад, — пояснил наставник, шаркающей походкой направляясь к воротам. — Острог — место защищенное. С магическим существом туда лучше не соваться...

Машка оказалась права. Растроганные её щенячьим взглядом дружинники без звука пропустили нас в крепость.

Проблемы начались чуток попозже. Когда выяснилось, что пресловутая Машкина родственница — сама Великая Княгиня, запертая до суда в отдельных палатах на самом верху башни. Заминка грозила перерасти в нудное разбирательство, и здесь Машкин длинный язык мог сыграть совершенно противоположную роль...

Переглянувшись с Лумумбой, мы уже собирались ретироваться, чтобы изобрести другой способ увидеться с княгиней, когда из той башни, где держали Ольгу, вышла группа военных. Все в черной отглаженной форме, брониках и при оружии. Заметив нас, один остановился. У меня сердце ушло в пятки: сейчас нас погонят поганой метлой, и накроется расследование медным тазиком...

Дружинник был молодой, лет тридцати, высокий, чернобровый и чернородый, с волевой складкой рта и цепким прищуром. Постояв мгновение, он бросил своим несколько слов, а сам пошел через двор. Машка зыркнула на меня вопросительно, я чуть заметно пожал плечами. В конце концов, чего мы боимся? Ну, достанем мы с бваной, в крайнем случае, удостоверения. Рабо-

тать, конечно, придется в этом случае официально: посылать запрос о разрешении действовать на территории другого государства, то, сё... И здесь как повезет: захотят нам помочь — разрешение будет уже завтра, а не захотят — бюрократическая машина затащит с выдачей настолько, что Ольгу раньше казнят...

Я покосился на Лумумбу, но тот стоял спокойно, по пыльному усталому лицу ничего не читалось.

Дружинник подошел и внимательно оглядел нашу троицу, сложив губы трубочкой. Мы с Машкой постарались выглядеть как можно более невинно. Насмотревшись вдоволь, коротко спросил дежурного:

— Кто такие?

Тот ответил. Дружинник задумчиво покачался с носка на пятку, с каким-то ироничным доброжелательством глядя на Лумумбу, коротко насвистел бодрый мотивчик, и приказал:

— Пропустить.

Затем развернулся и исчез за воротами. Мы даже вякнуть не успели.

Хорошо, что барахло оставили в неприметном тупичке, сложив под камушек: на входе в острожный терем стояла самая настоящая пропускная рама. И если б Лумумба не настоял, чтобы Маха оставила снаружи всё, до последнего ножичка — грош цена нашим личинам.

Рядом с рамой, без всякого намордника или там поводка, стояла собака. Одна, без какого-либо хозяина. Некрупная, пепельной масти, с длинной мордой и умными, совершенно не собачьими глазами. Вообще-то, собак я люблю. И никакого вреда от них, кроме пользы, не вижу. Но здесь я реально перетрухал. Потому что у псины этой был такой взгляд, что становилось совершенно ясно: если что не так, она откусит сразу и всё. Даже захотелось прикрыться руками, на всякий случай, но я сдержался.

Когда мы благополучно миновали раму, псина обнюхала меня и Машку, позволив моей напарнице почесать себя за ушами, но задержалась возле бваны. На Пыльцу обучена, понял я. Слышал о таком: ищеек с хорошим нюхом натаскивают на корицу, а потом заставляют выслеживать Запыленных... Лумумба не долго думая достал из жилетного кармашка громадную мозговую кость и протянул собаке. Та, обнюхав и аккуратно взяв подношение зубами, милостиво моргнула и отошла.

— Любовь приходит и уходит, — продекламировал шепотом бвана, — а кушать хочется всегда...

К светелке княгини вела узкая, с несколькими крутыми поворотами, лестница. На каждой площадке прохаживался дружинник с АК.

— У вас пять минут. — напомнил охранник, отпирая внушительный замок на толстой двери.

Кроме двери, вход перегораживает решетка, которую отпирать никто и не думал. А за решеткой находится обыкновенная комната. Как в дешевой гостинице, например. Светлые голые стены, чисто выметенный пол, маленькое, тоже забранное решеткой, окошко. В дальнем конце — узкая, застеленная лоскутным одеялом кровать, рядом — скромный коврик с лебедем, тумбочка с во-

дой в графине и геранью в горшке.

У противоположной стены притулился рабочий столик с придвинутым к нему жестким стулом. На стуле, к нам спиной, сидит женщина. Видны заплетенные в толстую косу бледные волосы и темное, прямых очертаний, платье. Женщина пишет.

Лумумба, взявшись обеими руками за решетку, смотрит молча на её спину. Смотрит долго, может, минуту, или две. Просвистит между ними в этот момент пуля, она расплывется: взгляд бваны имеет напряжение киловольт в пятьсот, но женщина только продолжает водить пером по бумаге. В свете из окна рука её кажется прозрачной, даже стеклянной.

Дружинник, который нас привел, наконец понимает, что ничего интересного не будет, вздыхает и топает по ступенькам вниз, пробурчав, что осталось минуты три. И только тогда женщина, будто почувствовав его уход, стремительно встает и в один миг оказывается у решетки. А потом сплетает свои пальцы с пальцами Лумумбы.

— Ты... — говорит она так, будто не верит своим глазам.

— Я, — грустно и обреченно отвечает наставник.

Так они стоят еще секунд тридцать, вглядываясь в лица друг друга. Ни она, ни он, не шевелятся.

Первой всё-таки отводит взгляд Ольга. Отступив, окидывает взглядом нашу кампанию, задержавшись на мне, потом на Маше. Чуть улыбается, кивая на наши наряды.

— Остроумно.

— Рано себя выдавать, — пожимает плечами Лумумба. Он старается говорить как обычно, но голос его подводит. Он становится низким и хрипловатым, будто с похмелья. — Как ты?

— Почти закончила, — она оборачивается на стол, а потом улыбается уже по-настоящему.

— Это то твоё исследование? Всё не сдаешься?

— Оно самое. Ты даже не представляешь, чего я добилась! У тебя волосы распрямятся, когда...

— Послушай, у нас мало времени. Ты должна рассказать всё, что знаешь. Почему все думают, что это ты убила Игоря?

— Поздно... — Ольга досадливо вздыхает. — Всё здесь против меня, буквально всё. Так что не стоит и пытаться.

— Но тогда зачем ты меня позвала? — Лумумба пытается дотянуться до её руки сквозь решетку, но Ольга отступает.

— Вот это! — она тыкает пальцем в тетрадь, лежащую на столе. — Это спасение для всех магов, как ты не понимаешь? Дело всей моей жизни. Ты должен забрать тетрадь, увезти в Москву, показать Седому. Дальше вы и без меня разберетесь...

— Ты с ума сошла? — Лумумба отворачивается, но через мгновение не выдерживает и вновь подступает к решетке. — Через семь дней тебя...

— Не будем об этом говорить, Вася, — в уголках её рта прорезались жесткие складки. — Что сделано, то сделано. Мы с Игорем мечтали... — в глазах сверкнули слезинки, и она отвернулась. Затем вновь подошла к решетке и страстно зашептала: — Знаешь, почему я вышла за него? Игорь умел мечтать! И умел заразить своей верой остальных. Весь этот город... — княгиня оглядела стены

крепости так, будто смотрела сквозь них, на дома и улицы. — Этот город возник только благодаря его мечте... Почти совершенный город. Еще немного, и мы бы... — она опустила глаза. — Теперь он мертв, и всё кончено. Мне всё равно, что со мной будет.

— Может, хватит уже мечтать? — жестко спросил Лумумба. — Ты до сих пор не поняла, что жизнь — это не воздушные замки.

— А ты всё такой же приземленный прагматик, — казалось, они продолжают какой-то давний, но неоконченный спор. — И веришь только в то, что можно пощупать.

— Разумеется. И считаю, что убийца, кто бы он ни был, должен быть наказан. И... — тон и взгляд его смягчился, — Очевидно же, что это не ты. Кому-то выгодна твоя смерть, ты это знаешь. Кому?

На лестнице вновь появился охранник. Он выглядел почти виновато, но, громко позвонив ключами, сказал:

— Свидание окончено.

Убрав руки от решетки, Ольга отступила вглубь комнаты.

— Я буду писать до самого конца, — сказала она. — Хвала судьбе, этого мне делать не запрещают. Ты должен обязательно дождаться казни, — она напряженно смотрела на Лумумбу. — И потом обязательно заведи бумаги. Это — твоя миссия. Я тебя позвала именно за этим. Не подведи хотя бы на этот раз, — резко отвернувшись, она вновь подошла к столу и раскрыла тетрадь.

— Я тебя вытащу, — крикнул ей в спину Лумумба. — Слышишь, Оля! Не сдавайся. Даже не думай о казни. Я вытащу тебя не смотря ни на что.

Она даже не повернулась. Охранник молча указал дулом автомата на лестницу.

Оттерев лица и приняв свой обычный облик, мы шли по улице. Бвана был тих и задумчив, я тоже молчал: как-то не очень всё складывается... Одна Машка вела себя как обычно. Независимо задрав нос, вертела головой, изучая вывески, разглядывала прохожих, прыгала на одной ножке по камушкам мостовой...

— И почему вы разошлись? — спросила вдруг она, заглянув в лицо Лумумбе.

— Оля считала меня неромантичным, — коротко буркнул бвана. Но потом вздохнул, и пояснил. — Пятнадцать лет назад, сразу после Распыления, мне казалось более важным помочь людям обустроиться в новом мире. Защитить, наладить поступление продуктов. Отыскать брошенных детей, изъять из обращения запасы Пыльцы... А ей... Не только ей, но многим магам, хотелось строить будущее. Своё, магическое будущее. И они с пылом и жаром, отбросив, как им казалось, всё лишнее, принялись его строить.

— И как? Получилось? — спросила Машка.

— Кое-что получилось. Открыть академию, например.

— А вам — агентство борьбы с маганомалиями? Оказались по разные стороны баррикад, значит. — ехидно заметила Машка.

— Это потому что надо защищать людей от всяких горе-мечтателей. — встал я на защиту бваны.

Смахнув пыль с лица и волос, переодевшись, он вроде бы стал тем самым

учителем, которого я знал и любил. Но что-то изменилось. То ли волосы серебрились больше обычного, то ли у глаз образовалось несколько новых морщинок...

— Вот вы где! — на плечо, как мешок с песком, плюхнулась ученая птица Гамаюн. Рука привычно заныла, я обреченно поморщился, — Ну, куда без меня успели вляпаться?

— Не твоего ума дело, — показала ей язык Машка. — Будешь много знать — заржавеешь.

— Да не больно-то и хотелось! — птица лязгнула над моим ухом клювом. Звук получился, будто железный гвоздь лопнул. — Утонете — домой не приходите...

— Ты всё сделала, милая? — прервал перепалку Лумумба.

— Как велено было, — Гамаюн перешла на деловой тон. — Комнаты чистые, светлые. Сдаёт старая ведьма. Бельё хорошее, кормежка по требованию. Жаль только, клопов нет. И тараканов...

— Молодец, — погладил её по хохолку учитель.

— Спасибо сыт не будешь. Мне бы орешков...

— Ой, смотрите!

Моя напарница указывала на строгую вывеску, расположенную над одним из домов. Дом по здешним меркам был солидный: добротный каменный цоколь, верхний этаж собран из цельный бревен. Окна, крыльцо, петушок на коньке крыши, украшены затейливой резьбой.

На вывеске крупным шрифтом значилось: Купцы Кулибины, Тульский оружейный завод. И, более мелким шрифтом: Дробовики. Самозарядные ружья. Винтовки. Ещё ниже, курсивом: Сабли. Мечи. Боевые ножи.

В витрине, на красивых подставках, были выставлены вещи, с помощью которых люди очень быстро и эффективно уничтожают друг друга. Что характерно, без всякой магии.

— Базиль, давайте зайдём! Ну пожалуйста... — Машка смотрела на всё это железо, как голодный ребенок на витрину с пирожными. — Только одним глазком, честно-честно.

Я уже закатил глаза, собираясь прочитать лекцию о пагубной любви к оружию массового поражения, но бвана меня опередил.

— Отчего же не зайти, если ребенок просит, — пожал он плечами. — Других дел у нас нет, так что можно и прогуляться.

— Ура! — подпрыгивая, как счастливый воздушный шарик, напарница рванула к дверям лавки.

Конечно, на провинциальную барышню ассортимент Тульского оружейного завода производил впечатление чрезвычайное. Видал я, чем они там в своём городе воюют. А здесь... Охотничьи ружья, винтовки, дробовики с инкрустацией по ложу и без оной, пистолеты с магазинами на десять, двадцать, тридцать пуль. Отдельно к ним, как новогодние подарки, коробки с патронами. Дальше — упакованные в лотки, наподобие куриных яиц, гранаты.

В отдельной витрине, за толстым стеклом — мечи. Светлая японская сталь, голубая дамасская, с характерным волнистым узором, и, конечно же, знаменитый русский булат. Машка, увидев эти сокровища, так и застыла. Его макароннейшее святейшество, она бы еще ручки, как для молитвы, сложила...

А потом Машенька увидела его. Черного, масляно поблескивающего, власт-

но попирающего ногами постамент, высунувшего сытый длинный язык заостренных пуль... Внизу поблескивала скромная надпись: KORD.

— Вот бы нам бы такой, когда с Матерью Драконов бились... — благоговейно прошептала Машка, не отрывая от чудища влюбленного взгляда. — Денег заработаю — обязательно такой куплю. Таракану в подарок.

— Так за чем же дело стало? — к нам подошел учитель и тоже посмотрел на пулемет. — Красавец, правда? — Машка только кивнула, сглатывая слюну. — Ну, так и бери! Эй, любезнейший... — и Лумумба щелкнул пальцами приказчику за прилавком.

— Бвана, вы что, с глузду двинулись, от перенесенных страданий? — спросил я уголком рта. — Нафига нам пулемет?

— Тебе же ясно сказали: в подарок, — в глазах учителя загорелся безумный огонек, которого раньше не наблюдалось.

— И правда Базиль, не нужно, — смутилась Маша. — Это же я так, помечтать... Да и дорогуший он, наверное...

— Что деньги? Тлен, — махнул рукой бвана. — Любезнейший, вы принимаете аккредитивы Московского банка?

— Конечно-с. Никаких проблем-с, — склонил аккуратный пробор приказчик.

— А доставить покупку в другой город?

— В течении недели-с. У нас как в аптеке.

— Тогда заверните этого красавца! — наставник барски махнул в сторону пулемета. — Ну, и что там к нему полагается. Боеприпасы, то, сё...

— Не извольте беспокоиться. — взяв у Лумумбы карточку и поклонившись, приказчик убежал, а наставник добро улыбнулся Машке:

— И себе что-нибудь присмотри, милая. Я же вижу, тебе хочется...

Та убежала, а Лумумба повернулся ко мне.

— Ну, а ты, падаван? Чего желает твоя душа?

— Побыстрее проснуться, — признаться, учитель меня уже просто пугал. Он что, вообразил себя добрым джинном? Стариком Хоттабычем?

— Я вдруг осознал... — обняв за плечи одной рукой, наставник повел меня к широкому, во всю стену, окну. — Вот что ты видишь? — я закатил глаза.

— Улица. Народ мельтешит. Машины едут. Жизнь бьет ключом, одним словом.

— Вот именно. Жизнь, — он покатал слово на языке, как леденец. — Я вдруг понял, Ванюша, что человек смертен. Более того, смертен до неприличия внезапно. А значит, не стоит отказывать себе в маленьких удовольствиях и радостях. Тем более, что деньги в могилу не заберешь...

— Это из-за княгини, да? — догадался я. — Так вы же обещали её вытащить! Сейчас разберемся, что к чему, найдем настоящего убийцу... Чего температурить-то раньше времени? В первый раз, что ли?

— Ты не понимаешь, Вань, — он пригорюнился и кажется, даже смахнул слезу. — Оля — дама исключительно умная. К сожалению, гораздо умнее меня... Если она говорит, что всё бесполезно, значит, так оно и есть. Она уже просчитала все варианты — а у нее на руках все козыри, согласись, — и пришла к выводу, что проиграла.

— Базиль, а можно мне вот это? — к нам подскочила Машка с какой-то внушительной железной трубой.

— Всё, что захочешь, детка... — светло улыбнувшись, бвана ласково погладил её по голове, и подтолкнул обратно к витринам. — Беги, малыш. Играй, пока играет... Присмотри за ней, падаван, — попросил он, задумчиво глядя Машке в спину. — Мы в ответе за тех, кого приручили...

Меня чуть удар не хватил. Папа Огу, Хозяин огня, Повелитель Кладбищ — и вдруг такое.

— Присмотрю. Обязательно присмотрю, — я громко всхлипнул и утер нос рукавом. А потом деловито спросил: — На могилку крестик хотите, али памятник? Только скажите, ради вас, бвана, живота не пожалею. Вот представьте... — я мечтательно простер руку вдаль. — Черный как ночь, осколок метеорита. А на полированной панели вытравленные золотом письма: — Он жил как безумец. Он умер, как жил... Дальше еще не сочинил. Как вы думаете, что лучше: про сверхновую магического небосклона, или про черный бриллиант отечественной магии? О, о, придумал! — я в упоении закатил глаза:

*Он жил как безумец,
Он умер, как жил.
Он стал властелином вселенной.*

— А что? — я подмигнул. — Простенько и со вкусом. Соглашайтесь. Людям понравится.

Наставник смотрел на меня долгую минуту, а затем плюнул на пол и выпрямился.

— Шалишь, падаван. Совсем нюх потерял? Вот превращу тебя сейчас в ко-та. Или, еще лучше, в мокрицу.

У меня отлегло от сердца. Японский городской! Мы чуть его не потеряли...

— Закругляйтесь, мадемуазель, — гаркнул учитель, более не обращая на меня никакого внимания и бодро направляясь к выходу. — Нас ждут великие дела!

Глава 3

Иван

Покинуть гостеприимную лавку купцов Кулибиных сразу мы не смогли: пришлось дожидаться, пока упакуют всё, приобретенное Машей. А когда наконец дождались...

Мы удивленно, я бы даже сказал с благоговением, уставились на маленькую девочку с игрушечным медведем в руках. Медведя ей, кстати сказать, дали там же, в лавке, на пристрелочном стенде. Как приз за поражение абсолютно всех целей.

За девочкой выстроились четверо дюжих носильщиков, навьюченных, я так понимаю, покупками. Тут было два продолговатых кейса, в каких богатые господа хранят винтовки. Три баула, набитые чем-то угловатым и, судя по позам носильщиков, невероятно тяжелым. Одна крупного калибра труба, чертовски смахивающая на гранатомет...

— А пулемет они сами доставят, с почтовым дилижансом, — скромно пояснила Маша, прижимая медведя к груди. — Таракан описается от счастья.

Лумумба только хрюкнул, пробежав взглядом длинную ведомость, но подмахнул и царским жестом отпустил приказчика. Тот, скривившись всем телом в подобострастном поклоне, протянул визитку.

— Скидочка-с, двадцать процентов... В любом филиале нашей фирмы...

Маха проворно выхватила квадратный клочок и сунула в карман курточки, любовно застегнув его на пуговку.

— Зачем тебе всё это? — зачарованный масштабами девичьего шоппинга, только и мог спросить я.

— Патронов много не бывает, — в глазах напарницы светилося совершенно детское, ничем не замутненное счастье.

Что характерно: сразу на квартиру мы не пошли. Лумумба, хоть и грозился тут же, не сходя с места, наворотить великих дел, сначала решил пройтись по магазинам — благо, что заведение купцов Кулибиных находилось аккурат в начале здешнего Променада.

— У нас же все вещи в прошлой кампании сгорели. К тому же, послушаем, о чем в городе судачат...

В одной лавке наставник приобрел себе дюжину шелковых белых рубашек. В другой — черный шелковый цилиндр и трость с собачьей головой вместо набалдашника, в третьей — узконосые, с белым верхом, штиблеты... Я только хмыкал. Всегда так: накупит барахла, а я сундуки таскай. К тому же, чисто по опыту: ни один, купленный в дороге гардероб еще де дожил до размещения в шкафу Московской квартиры.

Потом бвана взялся за меня. Оглядев подгоревшие по краям джинсы и мою самую любимую ковбойку, он решительно приказал всё это выбросить, и тут же, не отходя от кассы, переодеться во всё новое. Новое состояло из колючих чесучовых брюк, бумазейной рубахи и приличного пиджака в ёлочку. Безропотно переодевшись, я даже в зеркало смотреть не стал: по Машкиному хихиканью догадался, что выгляжу чучелом огородным. Пиджак, кстати, мгновенно треснул на спине... А потом понеслась: мы заходили в каждую лавчонку, не пропуская даже те, в которые вели узкие, пахнущие кошками лестницы. И в каждой, недолго поговорив с хозяином, что-то покупали. В крупных магази-

нах Лумумба обязательно примерял новый наряд, беседуя в это время с приказчиками или управляющим на самые разные темы: почему нынче хлеб и сахар, трудно ли купить в Мангазее жильё, сколько было приезжих в этом году по отношению к прошлому, чем славятся народные ремесла и много ли выловили рыбы в Заливе... Нам оставалось только зевать в кулачок да бессмысленно пялиться на витрины: систему учителя создавать впечатление о новом городе я ещё не постиг. У меня всё базируется на подсознательных впечатлениях...

Машка, кстати сказать, ни к каким девичьим увлечениям интереса не проявляла. Ни воздушные бальные платья, ни туфли на высоких шпильках, ни шеренги флаконов духов и помад не вызвали у неё даже слабенького вздоха восхищения. Зато от витрины с армейским обмундированием девочку пришлось отрывать силой...

Лично моё внимание привлекла только одна лавка. На затейливой вывеске значилось: «Джон Серебро. Заморские редкости.» Я ещё подумал: в городе, набитом, как мешок крупой, золотым песком, довольно смело заявлять о его, так сказать, антагонистичной ипостаси...

— Зайдем? — спросил я у бваны.

— Пожалуй, — кивнул тот.

В витрине крутилось небольшое, метра полтора, колесо обозрения. В гондолы были усажены крохотные люди. Выглядели они совсем как живые: тонкие личики, шелковистые волосы, модная одежда... Дамы держали сумочки и крошечных собачек, кавалеры курили трубки и читали газеты. Машка с восторженным писком кинулась рассматривать кукол, я облегченно вздохнул: хоть что-то человеческое ей не чуждо...

Я пошел вдоль полок. Больше всего это было похоже на старинные супермаркеты, которые я видел в кино. Длинные ряды ярких упаковок с чаем, кофе, сахаром, шоколадками в ярких фантиках... За рядами с продуктами — бытовая техника. Тут я побродил с искренним удовольствием и восхищением. Электрические кофемолки, пылесосы, кухонные комбайны... Поразил настенный телевизор. Толщиной в палец, шириной экрана он превышал размах моих рук.

У нас в Москве тоже продавалась уцелевшая техника. Но, пожалуй, на весь город её набралось бы меньше, чем в этом магазине — электричества в столице было мало, и, как это ни смешно, стоило оно на вес золота.

Я восхищенно потрогал гладкую пластиковую панель холодильника с сенсорным управлением. Неужели есть люди, которые запросто покупают и пользуются такими вещами? Мы с Лумумбой, например, зимой устраивали морозильную камеру за окном, на подоконнике. А летом просто старались не покупать скоропортящихся продуктов... Да и вообще, если подумать: зачем нам такие роскошества? Появляемся дома пару раз в год.

В самом конце была запёртая на замок витрина с мелкими диковинами. Я опознал только крошечные, с пуговку, видеокамеры и подслушивающие устройства — их мы проходили в академии. Остальное, в мешанине проводов, с блестящими экранчиками и множеством кнопочек, мне было незнакомо. На отдельной полке, как бриллианты в короне, сияли яркими красками детские игрушки. Там были красная радиоуправляемая «Феррари» и почти что самый настоящий вертолет. От этой витрины я отошел, только сделав над собой уси-

лие. Не уподобляться же Машке...

По улице слона водили... — это точно про нас. Вообразите: впереди, отмахивая полированной тросточкой, шествуют господин наставник. В шелковом, расшитом золотыми рыбками жилете, цилиндре и жемчужного цвета фраке, он похож на знаменитого певца или циркового распорядителя. Дальше я, в новом порванном пиджаке и с железной птицей на плече. Птица, кстати сказать, даже не думает прикидываться ветошью. Она активно скачет по моему плечу, комментируя всё происходящее вокруг громким лязгающим голосом и задирает прохожих.

Дальше, держа мишку за лапку, идет Марья-искусница. Вот она: гордая владелица винтовок, пистолетов, боевых метательных ножей и даже одного гранатомета. Идет ни на кого не глядя, задрав нос так, что иногда даже спотыкается...

За Машкой следует целая вереница носильщиков из разных лавок и мануфактур. Они, как ломовые лошади, нагружены сумками, коробками, пакетами и корзинами. Такое чувство, что мы прибыли в Мангазею с одной-единственной целью: обогатить местных купцов.

Вспоминая слова бваны о том, что не стоит привлекать к себе внимание раньше времени, хочется заметить, что он добился абсолютно противоположного эффекта. Лавочники, завидев длинную вереницу носильщиков, теряли голову: такие клиенты бывают раз в год, а то и реже. Нам сигналили автомобили: переходя улицу, наш кортеж останавливал движение. Нам свистели и улюлюкали мальчишки — когда еще на такую развлекуху нарвешься? Словом, когда мы наконец-то добрались до квартиры, которую нашла для нас умная птица Гамаюн, у меня все нервы кончились и восемь потов сошло, а жрать хотелось так, что еще чуть-чуть, и я действительно начну глодать камни...

— Что, хороша фатера? — хвастливо встопорщилась птица Гамаюн, важно входя в предназначенную для нас комнату.

Просторная. Стены белены известью, как и печка, которая занимает весь дальний угол. На окнах расшитые крестиком занавески, обширная кровать застелена пуховым одеялом, изголовье её украшено пирамидой из подушек. На полу — вязаные полосатые коврики, а сами доски пола чисто вымыты и даже блестят.

Ворона, тяжело подпрыгнув, устроилась на спинке кровати.

— Тут и ванная с горячей водой есть! — похвасталась она так, будто лично проектировала здание.

— Тебе-то зачем вода? — спросила Машка, проходя мимо и, как бы невзначай, толкая птичку локотком. — В воду упадешь — язык заржавеет.

— Куда ставить-то? — натужно возопил первый из носильщиков, втаскивая в комнату гору коробок. Моя напарница, спохватившись, принялась распорядиться.

Я устало плюхнулся на диван. Был он добротный, обтянутый настоящей кожей, с подлокотниками красного дерева. Ажурную полочку над диваном украшали деревянные резные слоники.

Здрав ноги, чтобы не мешать ходить грузчикам, я принялся смотреть в окно. Рама была распахнута, и со двора доносились голоса Лумумбы и нашей новой хозяйки. Старуха говорила сильно окая, глубоким, чуть надтреснутым басом.

— Постель два целковых: электричество подорожало, а воду грей, стиральную машину заводи... Харчи — полтора за всех.

— Девушке — отдельную комнату... — тоном ниже басил наставник.

— На раскладушке поспит, за шторкой. Пятьдесят копеек будет. А ежели колдовать надумаете...

— Не надумаем. Говорю же: Пыльцы нет.

— Дак и я об том. Надумаете — обращайтесь.

Возникла пауза.

— Вы серьезно? — наконец переспросил Лумумба.

— А чего? Наш товар — ваш купец. Продукт чистый, лицензионный. Все налоги уплочены. А ежели вам экзотики какой — Бразилия, Гуанчжоу, остров Пасхи... — тогда только к завтраму ожидайте. На доставку время требуется. Желаете дегустировать?

— А то! — оживился наставник.

Я вздохнул. Знаю я его: сам вмажется, а мне, как обычно, фигу с маслом...

— Тогда пройдемте в лабораторию, — деловито предложила старуха, и голоса стали удаляться. — Соглашение о ненападении подпишем...

Старик со старухой ушли, но во дворе было еще много чего интересного. Например, дуб. Кряжистый, расщепленный молнией и обмотанный в несколько рядов якорной цепью — видать, чтобы совсем не развалился... Цепь толстенная, не от какой-нибудь там мелкотравчатой яхты, а, по меньшей мере, от сухогруза. Она тянулась через весь двор от дуба до громадного, выше меня, камня, валявшегося здесь, судя по всему, со времен ледникового периода. Цепь крепилась к массивному кольцу, наполовину погруженному в камень, и была увешана чистыми выстиранными рубахами и подштанниками.

Еще был колодец. Высокий, срубленный из толстенных почерневших бревен. Вот вы мне скажите: городу от силы пятнадцать лет, а колодец выглядит так, будто стоит тут не меньше двухсот... Колодезный сруб был накрыт железной, в потеках ржавчины, крышкой, придавленной сверху мельничным жерновом.

Птица Гамаюн, неожиданно снявшись со спинки кровати, левитировала через комнату и устроилась рядом со мной, на подлокотнике дивана.

— Теперешняя Мангазея выстроена на месте староверского хутора Белокаменка, — произнесла она лекторским тоном. Наверное задумавшись, про колодец я спросил вслух, и птица приняла вопрос на свой счет. — Великий Князь, тогда еще простой геолог Игорь Романов, умирая, вышел на скит из тайги. Жители хутора выходили его и выкормили...

— А почему крышка придавлена? — проводив наконец грузчиков, Машка устало рухнула рядом со мной.

— А чтобы не лазил никто. Ни туда, ни обратно. — на пороге стояла старуха. Высокая, с абсолютно белыми, собранными в пучок на затылке волосами, в белом же, с кружевной стойкой вокруг горла, кисейном платье. Лицо у старухи было суровое, коричневое, со множеством мелких морщинок, а синие, без

белков и радужки глаза сверкали совершенно по-бесовски. Зато руки у нее были молодые, изящные, с длинными, как у пианистки, пальцами.

— Вот, дети... Прошу любить и жаловать: наша хозяйка. Арина Родионовна Горыныч, — Лумумба бочком протиснулся мимо старухи в комнату. Глаза его светились точно так же, как и у хозяйки. Я обиженно отвернулся: на двоих, значит, вмазались. Ладно-ладно... — Арина Родионовна, — продолжил учитель светским тоном, повернувшись к хозяйке, — Познакомьтесь с моими...

— А не надо, — старуха сложила руки на животе, под фартуком. — Сама вижу: Иван да Марья. По лугам, по полянам, дружат Марья с Иваном. Тут любовь без обмана...

— Скажете тоже! — преувеличенно громко фыркнула Маха, отворачиваясь. — Какая еще любовь-морковь?

— Без дружка, без Ивана, жить и Марья не станет, а зачахнет, завянет, — упрямо закончила старуха.

Было это похоже на детский стишок или считалочку, но я всё равно почувствовал, как от шеи на щеки переползает душный жар. Только хотел уточнить, что же она всё-таки имеет в виду под «зачахнет-завянет», но тут раздался душераздирающий крик.

— Убивают! Режут! Хулиганы зрения лишают!

Мы с Махой оживились.

На подоконнике, обернув лапки в белых носочках толстым, как полено, хвостом, сидел кот и лениво изучал нашу птичку.

— Че орешь, дурында? Не бойсь, сегодня я уже завтракал, — сказал кот и вальяжно спрыгнул на пол. Один глаз мурзика пылал неугасимым синим пламенем, другой был черен и пуст.

— О! Говорящий котик! — Маха плюхнулась на пол и запустила пальчики в шерсть. — Котик ты мой котик, тёпленький животик. Бархатная спинка, шелкова шерстинка... — кот затарахтел, как хорошо смазанный дизельный движок, подставляя под её руки пухлые хомячьи щеки.

Я закатил глаза. Нужно как-нибудь научить её различать магических животных. Наша птичка, например — безобидный вестник. Одушевленное письмо, ходячая энциклопедия. А вот бабкин кот...

— Мотя, на стол пора подавать, — строго напомнила старуха.

Дернув хвостом, котофей удалился, по пути ненавязчиво обтершись сначала о мои ноги, потом о ноги наставника. Ростом он был мне по колено. В холке.

— Поаккуратнее с ним, — предупредила Арина Родионовна. — Тот еще проказник.

По-моему, она его немного приревновала...

Я прыснул в кулак, чем заработал неодобрительный взгляд наставника.

Освежившись, мы наконец-то уселись пить чай. Чай у Арины Родионовны состоял из огромного пирога с осетриной, миски маринованных с луком груздей, вареной, исходящей паром, молодой картошечки, заправленной топленным маслом и посыпанной зеленым лучком, ватрушек с творогом и изюмом, халвы, двух видов меда — цветочного и гречишного, и морошкового варенья.

Распоряжался кот. Как заправский официант, он вкатил в комнату двухэтажную, нагруженную снедью, тележку, затем внес на вытянутых лапах рас-

каленный самовар. Споро расставил блюда, чашки, тарелки, разложил салфетки и приборы, обмахнул полотенцем табуретки и уселся рядом, скроив умильную рожу.

— Отведайте, гости дорогие, чего хозяйка послала, со мной переслала... И обо мне, служивом, не забудьте. Мур.

— Садись, коль не шутишь, — пригласил кота бвана. Тот проворно вскочил на табурет, и, придвинув ближайшую чашку, принялся наливать чай.

Птица Гамаюн, спрыгнувшая было на стол и уже цапнувшая ватрушку, ретировалась за печку и оттуда возмущенно закаркала:

— Эй, чего вы этого хищника за стол пускаете! Да он родную маму за пяточок на базаре продаст! Ему верить — себя не уважать...

— На маму наговаривать не позволю, — строго одернул ворону кот. — Я сирота. С тех пор, как дорогая родительница в осмнадцатый раз замуж выскочили.

— Бедненький... — пожалела кота Маха, усаживаясь рядом. — А какой работающий! Не то, что некоторые, — она кинула уничтожающий взгляд на птицу Гамаюн.

— Я еще крестиком вышиваю, — потупился пушистый хвостун. — И на машинке... тоже... — Машка вовсю чесала ему шею.

— Тук, тук! Можно к вам? — на пороге материализовался старичок в косоворотке, лаптях и с румяной лысиной, по краям опущенной седыми волосками.

— Просим! — махнул рукой подобревший после вмазки бвана. — Будьте, как дома... Матвей, не считите за труд, поставьте гостю чашку.

Кот, приподняв одну бровь, зыркнул на стол и на скатерти материализовался новый чайный прибор. Красный, в крупный белый горох. Лумумба уважительно присвистнул, Машка взвизгнула от восторга. Я фыркнул и отвернулся, но тут же подумал, что становлюсь слишком похож на ворону, и сделал вид, что закашлялся.

— Просыпаюсь после дежурства, чувствую — русским духом запахло. Дай, думаю, зайду, узнаю у новых постояльцев: от дела лытают, или правду пытаются... — тарахтел старичок, влезая на лавку между мной и Машкой. — Агасфер Моисеевич. — он протянул узкую, но крепкую ладошку сначала учителю, потом нам. — Можно деда Фира.

— А мы... — начала Маша.

— Слухами земля полнится, — отмахнулся дедок, вгрызаясь в здоровенный кус пирога, подсунутый котом. Зубы у него, кстати, были как у молодого. Здоровенные и белые, будто из Мейсенского фарфора.

— А откуда? — не выдержал я. — Вот и Арина Родионовна...

Дедок, осторожно дуя на горячий чай, только флегматично пожал плечами.

— Хозяйка пасьянс раскладывала. — пояснил кот, а потом многозначительно покосился на бвану и процитировал: — «И Придет Сатана: ликом черен и прекрасен».

— Согласно книге пророка Захарии, — высунулась из-за печки неугомонная птица Гамаюн, — Сатана выступает обвинителем на небесном суде...

Машка запустила в неё кренделем, а Лумумба поспешно сменил тему, обратившись к Агасферу Моисеевичу:

— Вы говорили, что вернулись с дежурства. Что за служба у вас в Мангазее,

если не секрет?

— Воздушный дозор, — фыркнула птица Гамаюн, споро проглотив угощение. — Тоже мне, летучие отряды выискались.

— Ты там на печь случайно не какни, от избытка чувств, — поддел её кот. — Завидуй молча...

— Это те, которые на воздушном шаре? — перебила кота Маха. У нее горели глаза. — Я на пляже видела, и еще над городом...

— Глазок-смотрок у красавицы, — усмехнулся дед. — Они самые и есть. В каждом дозоре — три боевые единицы.

— И для чего такие нужны?

— А для всего. За болотами да тайгой приглядывать. За приисками — худой народец на караваны засады устраивает, так сверху-то всё-ё-ё видать. За морем следим — какие корабли в гавань входят, какие на рейд становятся. Попад городом, опять же... Воздушный дозор князь Игорь учредил, — дед тяжело вздохнул. — Больших талантов человек был.

— А почему три? — не унималась Машка.

— Двое дружинников и маг. Мы, звезда моя, сугубые индивидуалисты. Только по-одному и можем.

— А почему тогда вы напарники? — живо повернулась она ко мне.

— Темных всегда двое, — опять встряла птица Гамаюн. — Ворон ворону, как говорится...

— Кто постоянно на Тот свет ходит, да с душами людскими дело имеет, обязательно в страховке нуждается, — пояснил деда Фира. — Это не то, что мы, светлые: магия слова, фокусы-покусы с психополями...

— Ученик клятву на крови дает, что учителя в спину не ударит, — ехидно прокаркала птица, а я поморщился: без этих подробностей можно было спокойно обойтись...

— Это правда? — Машка пытливо уставилась на Лумумбу. — вы вместе только из-за какой-то клятвы?

— Неправда, — вместо учителя ответил я. — Я за бвану горло кому хошь перегрызу.

— Вот и я об чем, — беззлобно хихикнул деда Фира. — Маги — что твои хищники. Агрессия у нас в крови. Или, по науке этологии, врожденная высококоранговость вкупе с высокопримативностью...

Все замолчали. Видимо, задумались, каким местом этология стыкуется с магией.

— А вы? Давно служите? — наконец нарушил молчание Лумумба.

— Да с месяц, наверное, — старик, скривившись, помассировал поясницу. — И если в скором времени перемен не будет, как есть все кости выстужу. Верхние ветра — не чета поземельным. Иной раз так дунет, душа в теле еле держится. Чертов Душегубец... — он передал пустую чашку коту и тот мигом её наполнил. Чай, кстати, был индийский, байховый. Такой и в Москве не вдруг купишь. — Таланты у меня не совсем в боевой области лежат, — продолжил дед Агасфер. — Раньше-то я при порте служил, на таможне. Суда на контрабанду проверял... Но пришлось мобилизоваться, учитывая прошлый, до Распыления, военный опыт. Пехота — матушка пехота... — глаза его мечтательно затуманились.

— А что случилось в городе? — спросил я. Подумал: может, таким образом и об убийстве Игоря разузнать удастся...

— Серийный убийца случился, — вместо него ответил кот, шумно отхлебнув из блюдца. — Вот Сварог и ярится. Дружина три месяца под ружьем, маги нервное истощение в вине топят... Сыщики доморощенные.

— Сварог своё дело знает, — одернул кота дед Агасфер. — За то время, что облава идет, десятка два малин накрыли. Почитай, всех воров да разбойников извели.

— Главный-то упырь на свободе, — не сдавался кот. — На той неделе свежий труп был.

— Труп? — как бы невзначай уточнил Лумумба, намазывая медом булочку.

— Да и не труп вовсе, а так... недоразумение сплошное, — махнул рукой дед. — Кусочек уха, клочок волос... Ну, и кровящи ведра три. Почерк у него такой: на всех местах преступлений — только кусочки. В одном тереме даже отрезанная коса нашлась.

— Это где дочка купца Толстопузова пропала? — уточнил кот. Агасфер кивнул, а кот непочтительно фыркнул. — Пусть на Веселой улице поспрашивают.

— Что ты мелешь, рыжий? — насторожился дед.

— А то, что жадничать меньше надо. Дуньку Толстопузову проезжий немец свел. Косу отрезал, да в свиной крови вымочил, чтобы на Душегубца похоже было. Дурища по воле папеньки, в девках засиделась, выгодного жениха дожидаясь. Вот и бросилась на шею первому, кто пальцем поманил. Немец ею натешился да и продал в веселый дом. Хорошие деньги взял: купцова дочка налитая да гладенькая, на чистом сливочном масле воспитанная... Не чета приبلудным кошкам с торговых кораблей.

Дед ухватил кота за ухо. Раздался звериный мяв.

— Ах ты паскуда! Ты почему об том, что знаешь, раньше не сказывал?

— А кто меня спрашивает? — кот вырвался и уполз под стол. — Моё дело маленькое: хозяйке угождать, да ушки на макушке остро держать!

Машка сунула ему под скатерть кусок пирога.

Возникла неловкая пауза. Было только слышно, как птица Гамаюн возится на печи, негромко лязгая железными перышками, да на стене отсчитывают секунды ходики. Часы, кстати, были прелюбопытные: над циферблатом у них были настоящие живые глаза, которые внимательно следили за всем в комнате.

— А вы ведь... из служивых будете? — кашлянув в кулачок, вдруг спросил дед.

— Есть такое дело, — кивнул наставник, предупреждающе выстрелив взглядом в Машку. Та мигом захлопнула рот и разочарованно засопела. — Только мы по дипломатической части.

— А сыскным делом, значить, никогда не увлекались? — Агасфер хитро прищурился, и Лумумба покаянно склонил голову.

— От вас ничего не утаить.

— И к нам тоже неспроста прибыли, — утвердил дед.

— Что хитро, то и просто, — вздохнул учитель. В глазах его мелькнула печаль.

— А раз так — пошли в кабак, — подвел неожиданный итог дедуля и бодро

вскочил, оправляя косоворотку. Кот заинтересованно высунул морду из-под скатерти.

— В кабак? — переспросила Машка, глядя в окно. — Так день на дворе.

Лумумба достал часы, а затем удивленно причмокнул.

— Однако. Девять часов уже.

— А светло...

— Скажите мне, что может быть прекрасней майской белой ночи? — продекламировал Агасфер Моисеевич и подмигнул. — Уважьте, господа, не побрезгуйте. Я вас с нашими познакомлю. Заждались поди...

Глава 4

Иван

К ночи похолодало. Солнце бултыхалось у самого горизонта, как замороженный желток в мутном бульоне. По красному небу, радужными перьями исполинской жар-птицы, расходились облака. Сквозь них просвечивала лиловая изнанка. У меня с недосыпу и усталости все контакты в мозгу переклинило, но местных эта постъядерная расцветка, походу, не напрягала: город, несмотря на поздний час, бурлил. Лавки наперебой зазывали покупателей, по мостовым, гудя клаксонами, грохотали автомобили, а по тротуарам фланировали зеваки.

Агасфер Моисеевич, в кипе, чуть потертом на локтях черном лапсердаке поверх косоворотки и кирзовых, смазанных салом сапогах, важно выступал впереди. За ним шел Лумумба, помахивая новой тросточкой. Наставник, игнорируя обновления, напялил любимый кожаный плащ, мне пришлось влезть в тесный пиджак, починенный заботливым бабкиным котом, а Машка не захотела расстаться с любимой джинсовой курточкой, протертой в самых стратегических местах. Она и медведя с собой прихватила. В качестве талисмана, наверное.

Птица Гамаюн, уютно устроившись на плече Лумумбы, интимно ворковала ему на ушко, я не прислушивался. Сначала птицу брать не хотели, но кот так плотоядно ей подмигивал, что сжалились все, даже Машка.

Никто на нас внимания не обращал, не то что днем. Я удивился: драгоценный учитель, в белых перчатках, длиннополом плаще и бакенбардах, имел внушительный вид даже без толпы носильщиков за спиной, но потом дорогу нам перешла толпа викингов — при кольчугах, рогатых шлемах, топорах и моргенштернах, и я успокоился. Портовый город, дикие нравы...

Как бы в подтверждение Маша, толкнув в бок, указала на одну из лавчонок. На вывеске значилось: «Пыльца. Первосортный продукт. Лаборатория Жоржа Милославского».

— У них что, Запыленных совсем не боятся? — спросила она шепотом.

— Не знаю. Я бы боялся.

Вспомнить того же Пеннивайза. Десятка два детей пропало, пока он не спылился... Я тогда еще маленьким был, и у нас, беспризорников, это самая ужасная страшилка была: не прячься, мол, в канализации, к безумному клоуну попадешь...

— На такой халыве наркоманов должно быть, как грязи. Разве это правильно?

— Здесь так не говорят, — птица Гамаюн, услышав наш разговор, слетела с

Лумумбиного плеча и приземлилась на моё. Я привычно уже крикнул от тяжести. — Альтернативно зависимые — так мы их зовем в Мангазее.

Машка скептически хмыкнула, и на этот раз я с ней согласился: как не называй, а наркоманы — они и в Африке наркоманы...

Ветер дул так, словно хотел сорвать скальп с черепа. — И это еще низовой, — припомнил я слова деда Агасфера. Страшно подумать, что наверху делается... Задрав голову, я посмотрел на воздушный шар, маячивший над Железной стеной. От него к земле тянулся толстенный канат, напряженный, как струна.

— Они же сторают, как свечи, — не унималась Маха. — Две-три вмазки и всё, спылились. Какие из них маги?

— Сколько жить — личное дело каждого, — нахохлилась, закрываясь от ветра железным крылом, птица. — А казне прибыток.

— Ясно всё с вами, — презрительно скривилась моя напарница. — Жадность — второе счастье. А с маганомалиями кто борется?

— А сами маги и борются, — присоединился к беседе дед Агасфер. — И волки, как говориться, сыты, и овцы целы.

— Это как? — тут уж и я удивился. — Как Мюнхгаузен, который себя из болота за волосы тащил? И еще деньги за это платят?

— Всех такой порядок устраивает, — пожал плечами дед Фира и остановился. — А вот мы и пришли.

Оказались мы перед сплошным, в рост человека, деревянным забором. Стоял он из заточенных и обожженных наверху кольев, не имея в себе ни щелочки, ни лаза, ни дверки. Я вспомнил про гигантских Кайдзю. Такой забор, пожалуй, даже их бы остановил. Ненадолго.

— Куда пришли? — спросила Машка, осторожно трогая почерневшие, вековой давности бревна.

— Глаза разуй, — лязгнула клювом птица Гамаюн.

А чего тут разувать? Частокол как частокол, высокий да крепкий. Такие на Руси еще со времен татаро-монгольского ига любят... Ворона закатила глаза, и я наконец додумался протянуть руку и чуток приоткрыть Завесу.

— Ох ты ж... оперный бабай!

Вход в магический кабак находился в Нави и выглядел, как древняя замшелая изба на куриных ногах. За избой произрастал сумрачный лес: могучие заплесневелые стволы, склонившиеся под тяжестью игл ветки, папоротники с закрученными в спиральки листьями... Меж еловых стволов поблескивала толстая, как бельевая веревка, паутина. Я передернулся от отвращения: до сих пор, как вспомню чуть не сожравшего меня паука, живот болеть начинает.

От леса тянуло стылой могильной сыростью, а из темноты доносились такие звуки... Будто кто-то что-то раздирал, отрывал и проглатывал.

При нашем приближении избушка издала утробное «Ко-о-о...» и, покачиваясь, переступила с ноги на ногу. Ноги у нее были мощные, в желтой бугристой шелушащейся коже, с громадными загнутыми когтями и твердыми беговыми мозолями. К двери мимо них вели высокие ступеньки, огороженные перильцами с резными балясинами.

Дверь была наглухо закрыта, а по обеим сторонам её застыли рыжей масти ифриты с кривыми ятаганами, в чалмах, крошечных жилетках и широченных

шароварах.

Старик Агасфер, поманив нас за собой, стал подниматься по ступеням, меняясь с каждым шагом. Лысину его прикрыла черная треуголка, отороченная серебряным позументом, из-под неё воинственно встопорщилась просмоленная косичка. Спина выпрямилась, с плеч упал бархатный, чуть траченный молью плащ, а у бедра тяжело качнулся эфес длинной шпаги. Серебряные шпоры негромко зазвенели...

— Пароль! — громыхнули ифриты.

— План по валу, — прокричал Агасфер.

— Вал по плану. Проходи, — хором ответили стражники.

Дверь сама собой распахнулась.

— Ух ты! — Маха даже рот раскрыла. — Я раньше такое только в кино видала. Как это вообще возможно? Пятое измерение, да?

Изнутри изба выглядела, как обыкновенный пивняк, только расположенный в просторном фойе научно-исследовательского института. Столики были высокие, за которыми принято стоять, а не сидеть. Сходство с институтом придавали еще и развешанные по стенам графики и диаграммы, нарисованные от руки на листах ватмана.

Зал был украшен высокими мраморными колоннами, капители которых были увешаны гроздьями нетопырей. Время от времени кто-нибудь из них расправлял крылья, отрывался от насеста и плавно, описывая круги, опускался до уровня столиков, подхватывал сухарик или рыбку голову, и взмывал к потолку. В дальнем конце угадывались две лестницы, завинченные друг вокруг друга, как цепи молекулы ДНК. Они уходили ввысь, где совершенно терялись в облаках.

Посреди зала возвышалась круглая хромированная стойка, утыканная крапами. Их рычагами орудовало существо, больше всего смахивающее на огромную крысу. Нет, я серьезно: у него были красные бусинки-глазки, острый нос с торчащими усами, покрытая шерстью грудь и аккуратные лапки с черными когтями... Присмотревшись, я уважительно и восхищенно присвистнул: это был древнешумерский демон-рапаит. Насколько я помню из курса истории, в его обязанности входит совращение рода людского всякими излишествами нехорошими... А местные маги, получается, обернули это его свойство себе на пользу, обязав бесконечно поставлять спиртное. Причем, бесплатно...

«Использование магического существа в корыстных целях», — вспомнилось совершенно автоматически. Статья двадцать шестая Магического кодекса... Чтобы не показаться деревенщиной, я сделал вид, что всё пучком.

Зал густо пропах копченой рыбой, дым от сигарет клубился такими плотными облаками, что на них можно спать. Столики почти все заняты, вокруг кучкуются по двое, четверо и даже шестеро человек. Стоит негромкий равномерный гул голосов.

Дверь, поддав мне пониже спины, наконец с грохотом захлопнулась. Обернулись все. Лумумба замер, давая себя рассмотреть, и я почувствовал, как над столиками взвихрились потоки силы. Будто мальки на мелководье, они легонько касались язычками меня и наставника, равнодушно обходя Машу.

— Спокойно, падаван, — негромко сказал Лумумба, я кивнул.

Была у нас в общаге такая игра: два мага вытягивали по ложноножке силы, упирали одна в другую и старались передавить. Как в армреслинге, только без рук. Здесь было похоже.

Удивляло другое: среди магов, как будто так и надо, сидело довольно много дружинников. На фоне вычурных плащей, треуголок, шелковых цилиндров и широкополых, с перьями, шляп, люди в вороного цвета комбезах с золотыми нашивками выделялись, как акулы среди тропических рыб. Что характерно: ни один дружинник и ухом не повел, когда у собутыльников, как болотные огни, повспыхивали глаза...

Когда из-за плеча Лумумбы выдвинулся деда Фира и подал рукой какой-то знак, вспышки синевы поутихли, ложноножки силы попрятались, а их хозяева вернулись к пиву и прерванным разговорам.

— Чего стоите? — спросил дед, подталкивая нас в спины. — Вон, наши ждут...

Лавируя между столиками, я вдруг увидел знакомое лицо. Сначала удивился: познакомиться-то вроде ни с кем не успели. А потом вспомнил: это был тот человек из острога, который нас к Ольге пропустил.

— Вань... — Машка незаметно взяла меня за руку.

— Ты чего?

— Да так. Не нравится мне здесь. Столько магов — и на свободе.

— Это в тебе охотничьи инстинкты говорят. Расслабься.

Хотя... Я прекрасно понимал, что последовать моему совету невозможно. От инстинктов просто так не отвернешься.

— Того военного видел? — спросила она. — Как думаешь, узнает он нас?

— Нас может и не узнает... — я многозначительно покосился на наставника.

— То-то и оно, — кивнула напарница.

...представили друзьям Агасфера Моисеевича. Имен я не запомнил — голова была забита опасениями по поводу разоблачения. В памяти остались только черный аккуратный пробор, нервные ухоженные руки, перебирающие колоду карт, тонкие усики да одинокая, повисшая в воздухе улыбка. И еще чей-то простуженный голос за спиной, постоянно перхающий и пытающийся втолковать, что на воздушные дежурства власти обязаны выдавать зипуны и валенки за казенный счет...

Лумумба, сопровождаемый Агасфером, органично влился в магический коллектив и тут же затеял какой-то профессиональный спор, а мы с Махой робко пристроились в сторонке, у пустого столика. Нам было неудобно: Машке он был слишком высок, а мне — низок. Попытался опереться о столешницу локтями — оказалась она вся в мокрых пятнах от пролитого пива и с присохшими рыбьими костями... Правда, к нам тут же подросла девица с блокнотиком и полотенцем вместо фартука. Она вытерла стол, а затем принесла Машке складную скамеечку.

— Только попробуй что-нибудь ляпнуть, — пригрозила она, взгромождаясь на табурет.

— И в мыслях не было...

Хотя, конечно, было. Но лучше я воздержусь.

Спросили клюквенного морсу. Вернее, Машка и спросила. Я-то пива хо-

тел — подавальщицы в красных сарафанах разносили симпатичные кружечки с пенными шапками, но моя новая напарница, больно ткнув в бок острым кулачком, прошипела:

— Обойдётся. Мало ли что...

В целом, она была права.

Кроме морса, нам принесли корзинку с чесночными хлебцами, блюдо с жареной корюшкой и целую миску грецких орехов. Мы ничего такого не заказывали, но деда Фира, на мгновение возникнув за плечом, протарахтел:

— Угощайтесь, детки. За счёт заведения.

Маха тут же потянулась к рыбе.

— Ну, и что ты обо всем этом думаешь? — спросила она, засовывая в рот целую рыбку. На щеки и подбородок ей брызнуло масло. Я, вздохнув, тоже взялся за вилку. — Княгиню и вправду казнят? Спросила она это очень громко, совершенно не скрываясь. Я нервно огляделся.

— Не знаю. Бвана после встречи совсем духом упал.

— А тебе не кажется, что это она так его подзуживала? Ну, типа... на слабо?

— С чего ты взяла?

— Женская интуиция. — игнорируя салфетку, она облизала пальцы и шумно приложила к высокому стакану с красным, как кровь, морсом.

— Это у тебя-то?

— А чего? По-моему, всё понятно.

— Это ты по собственному опыту?

Машка на мой сарказм только закатила глаза, и упрямо продолжила:

— Базиль — её бывший, так? Но обратилась она именно к нему, а не к кому-то другому.

— Бвана — лучший. Если он не сможет помочь — никто не сможет.

— Вот то-то и оно. Ольга — магичка. Кто ей мешал... ну, обернуться птицей, например, и улететь? В Москву, под крылышко товарища Седого? Но она осталась. Она хочет, чтобы Лумумба во всём разобрался.

— У нее там какое-то исследование, — вспомнил я. — Дело всей её жизни...

— Это — предлог. Она не может признаться, что ждет спасения от бывшего мужа, да еще и другого мага. Помнишь, что деда Фира говорил? Маг магу — волк...

На стол, громыхая крыльями как ангел страшного суда, пала птица Гамаюн. С места в карьер она ткнулась клювом в орехи, оловянная миска зазвенела, посыпались искры. Ворона, смешно растопырив ноги, шмякнулась на пол.

— Ты что, наклюкалась? — я помог ей взобраться обратно. Птица со скрипом повертела головой, на мгновение её глаза потухли и затем, как две лампочки, вспыхнули вновь.

— Я думала, это глазные яблоки.

— А то, что они твердые и коричневые, тебя не насторожило? — буркнула Маха.

— А может, они сушеные. — не сдавалась ворона. — О! Жареная рыбка!

— Она же железная, почему тогда столько жрет? — повернулась ко мне напарница.

— Для энергетической подпитки, — подкинув рыбку в воздух, птица Гамаюн заглотнула её вместе с головой и плавниками, как червяка. Затем, схватив клювом орех, принялась долбить им о край стола. Звук был, будто огромным

молотом лупят по наковальне...

Вздохнув, я взял горсть орехов и сдвинул их в ладони, а потом высыпал обратно в миску. Ворона, благодарно каркнув, принялась выклевывать ядрышки.

— Тебя же княгиня сотворила. Ты питаешься от её сил. — укорила Маша.

— Вам что, дармовой еды жалко? — огрызнулась Гамаюн. — Сами-то жрете и не краснеете. — Маха собралась сказать еще что-то обидное, но тут хлопнула входная дверь. Вбежал молодой дружинник. Он тяжело дышал, забытый автомат сбился на спину, а бронежилет расстегнулся и скособочился. Светлый чуб у парнишки прилип ко лбу.

— Беда, батюшка сыскной воевода! — вскричал он. — Не вели казнить...

К нему быстрым шагом направился наш знакомый незнакомец, а в зале, как давеча, вновь завихрилась сила.

— Вот, выпей.

Взяв со чужого стола, мужчина протянул дружиннику полную кружку. Тот опрокинул её залпом, прижал на мгновение рукав ко рту, а потом выдохнул:

— Душегубец, батюшка сыскной воевода. Опять.

— Где?

— На Веселой улице. В доме госпожи Лады. Мы мимо дозором шли, а она как выскочит, как выпрыгнет... Мы — туда. Я, как увидел... — дружинник судорожно вздохнул. — Я, как увидел... — повторил он, поперхнулся, но справился и закончил: — Меня старший наряда сюда и послал. Беги, говорит, и без сыскного воеводы не возвращайся.

— Подожди.

Воевода обернулся к залу и стал вглядываться в присутствующих. Будто взвешивал каждого, и, приняв решение не в его пользу, искал дальше.

Народ реагировал разнообразно: кто-то с готовностью поднимал голову, кто-то, уткнувшись в кружку, делал вид, что его это не касается, а кто-то и во все демонстративно отворачивался. Дружинники, все как один, вскидывались, но воевода лишь скользил по ним взглядом, а маги... Деда Фира, например, демонстративно отвернулся, как и его собеседник, который ратовал за выдачу бесплатных валенок. А вот их сосед быстро и размашисто шагнул вперед, но воевода, благодарно кивнув, только покачал головой.

Когда очередь дошла до нас, мы с Машкой, не стовариваясь, вытянулись в струнку. Не знаю, почему. Может по привычке, или взгляд воеводы обладал такой, знаете, двигательной силой. Завидев нас, воевода удивленно поднял бровь, а затем кивнул вороне, как старой знакомой. Та ответила, уважительно тряхнув хохолком. Когда очередь дошла до Лумумбы... Поймав взгляд воеводы, наставник на него ответил и... удержал. Честно говоря, на другое я и не рассчитывал: чтобы бвана отказался от какого-то дела, пусть даже напрямую оно его и не касается — такого еще не случалось. К тому же, мы у этого человека в долгу...

Воевода явно такой реакции обрадовался, потому что широко улыбнулся, подошел к столу и протянул руку.

— Сыскной воевода Олег, — сказал он просто. — А вас я узнал. Вы — сыщик из Москвы.

Я тихо вздохнул: не удивлюсь, если завтра с нами уличные шавки здороваться начнут.

— Значит, наш маскарад в остроге... — начал Лумумба, отвечая на рукопожатие.

— Мы вас ждали, — пояснил воевода. — Княгиня не скрывала, что обратилась за помощью... — он замялся, и учитель быстро кивнул.

— Ясно. Чем могу помочь?

— Может, по дороге поговорим?

— Разумеется. Только со мной помощники.

— Буду рад любой помощи.

— Сейчас я понимаю, что начались убийства еще полгода назад. Но связать их воедино мы смогли лишь недавно.

Олег вел нас по пустым сумеречным улицам. Я удивился: буквально час назад они просто кишели народом. Неужели слух об очередном убийстве разогнал людей по домам?

— Уголовщины у нас всегда хватало. Молодой, богатый портовый город... Авантюристов всех мастей такие места притягивают, как коровья лепешка навозных мух. А хватились мы не сразу еще и потому, что жертвами были люди, состоявшие, так сказать, в группе риска. Побродяжка, шлюха из портового кружала, мелкий воришка, про которого все думали, что его подельники замочили... А потом проявилась система. Или, как еще говорят, почерк. Всегда это люди подозрительные. Где-то нечистые на руку, или просто замешанные в чем-то. И еще одно: само место преступления. Всё в кровище, а вокруг — никаких следов. Будто убийца по воздуху прилетел и таким же манером скрылся.

— Была у нас как-то банда скоморохов, — сказал Лумумба. — Так они на ходулях передвигались, трехметровыми шагами.

— Вот и я о том же, — оживился Олег. — Серийный убийца — не наш уровень. Мы же, если по-честному, не сыскари, а военные. Даже с основами криминалистики не знакомы, действуем, почитай, наугад. Как те слепцы, что на ощупь воображают слона... А люди гибнут. Когда княгиня сказала, что обратилась за помощью к вам... В общем, я обрадовался. Авось, подскажите что-то дельное.

— Только не говорите, что поэтому вы княгиню и повинтили, — брякнула Машка. Я споткнулся, Лумумба неопределенно хрюкнул. По-моему, он подавил смешок.

— Не скажу, — покладисто согласился Олег. — Однако напомним, что у нас еще поруб свободен.

— Поруб, — ласково пояснил наставник, — Это холодная землянка с крепкой дубовой дверью. Обычно используется для хранения разнообразной снеди.

— Горячие головы тоже неплохо остужает, — дополнил лекцию воевода.

Машка, как всегда, только фыркнула.

...Он всё спланировал, — заключил Лумумба, глядя на отрезанный женский палец, лежащий на белоснежной подушке. Ноготок был выкрашен в ярко-красный свет. Точно такой же, как и небольшое пятно, расплывшееся по белой наволочке.

— А деда Фира говорил, кровищи ведра три... — повторила Машка уже в третий раз. Она стояла, прикипев взглядом к подушке, стиснув плюшевого

медведя так, что голова у того почти отвалилась. — Он говорил, что обычно на месте преступления кровищи...

— Да, мы помним, — обняв за плечи, я насильно отвёл её от кровати.

— Больше ничего не было, — утирая глаза кружевным платочком, ответила хозяйка заведения. — Вечером девочки спускаются в общую залу. Играет музыка, можно потанцевать... — она себя оборвала. — А Лидочка не появилась. Я отправила за ней прислугу, думала, совсем обнаглела парш... девушка. А тут — вот это... — губы хозяйки безобразно распялились.

— И никто ничего не слышал? — резко спросил Олег. Госпожа Лада вздрогнула и затрясла кудряшками. Обширные телеса, выпирающие из декольте, заколыхались, и я отвел взгляд. — Но ведь... когда отрезают палец, это очень больно, — продолжил воевода. — Неужели девушка не кричала?

— Палец могли отрезать у мертвого тела, — задумчиво пробормотал Лумумба. — Больше никаких следов?

— Нет. Мы всё обыскали, — женщина перестала плакать и сжала губы в тонкую линию. — Найму мага в охрану, — сообщила она. — Это ж какие убытки, когда лучших девочек...

И тут послышалось тяжелое кап... кап... Все автоматически посмотрели на потолок. Тот был, если можно так выразиться в подобном заведении, девственно чист. Дождя сегодня тоже не наблюдалось, только ветер.

Машка, отбросив медведя, как загипнотизированная потянулась к кровати. Я хотел её остановить, но Лумумба отрицательно качнул головой.

Взяв за уголки, Маша сначала приподняла, а затем полностью откинула покрывало. По комнате поплыл сладковатый, железистый, такой знакомый запах...

— М-мать-перемать. — конструктивно высказался воевода.

Глава 5

Иван

— Правду деда Фи́ра говорил, — нервно сглотнула Маша. — Я столько кровищи в жизни не ви́дела. В смысле — человеческой...

Она стояла, затолкав кулачки в карманы куртки. Лицо бледное, каждую веснушку сосчитать можно, но в голосе уже прорезалась привычная ершистость.

Когда Машка подняла покрывало и мы увидели озеро крови, пропитавшее и одеяло и перину, всем стало не по себе. Но когда наставник, сунув в центр багрового, со свернувшимися сгустками месива палец, затем его невозмутимо облизал, к горлу неудержимо подкатило. Машка так сразу бросилась на улицу, да и я, пользуясь моментом, рванул за ней: воздух вдруг обрел ватную плотность и стал горячим, как в бане.

— Брр... И этот человек запрещал мне соплю рукавом вытирать, — сев на крылечко, Машка уткнула лицо в ладони. — Никогда этого развидеть не смогу...

Я сел рядом. Страшно, почти до судорог, хотелось водки. И еще: я теперь прекрасно понимал магов, которые не хотели идти с воеводой.

— На первом месте преступления все блюют.

— Правда?

— Об этом в Академии специально предупреждают. Естественно, все думают: ну, уж это точно не про меня! А потом блюют.

— Слабаки. — фыркнула Маха и отвернулась, задрав нос.

— Эй, а сама-то, чего за угол бегала?

— Да ничего, — она независимо дернула плечом. — Писать захотелось.

— Врешь. Тоже блевала. Представила, какова на вкус холодная, свернувшаяся кровь... Скользкая, чуть солоноватая... А пахнет она ржавчиной и... — Машка засопела и судорожно сглотнула.

— Замолчи, — еле выдавила она, вцепившись мне в руку.

— Вот то-то же.

— Ну извини, что я место преступления в первый раз вижу... — отпустив меня, она уставилась себе под ноги.

— А вот я не блевал, даже в первый раз. А ты сама слабачка и есть!

— Ах ты... — прынув как барракуда, она больно ущипнула меня за бок. Я вскочил. Уже размахнулся, чтобы отвесить леца, но в последний миг удержался. Ладно она меня стукнет — что слону дробина? А если я, да еще и не рассчитаю...

Машка неожиданно хихикнула.

— Ты чего?

— Хорошо, что птичку с собой не взяли. С её любовью к глазным яблокам.

Умную птицу Гамаюн по настоянию Машки мы оставили в кабаке, на попечении деда Фиры. Ворона, правда, пыталась возмущаться, но напарница пригрозила скормить её коту. Что-то у них с птичкой не заладилось, пока не пойму.

— Ну... — поднявшись, она взялась за ручку двери. — Идем назад.

— Ты можешь не ходить.

Машка перестала улыбаться, и посмотрела на меня огромными, темными

из-за расширившихся зрачков, глазами.

— Она была совсем молоденькая, верно? Моя ровесница, может, чуть старше. Красивая. Он её заставил молчать. Ну, когда палец резал. Как-то он её заставил. Может, пригрозил родственникам навредить, или еще что...

— Какие могут быть родственники у шлюхи из борделя? — пожал я плечами.

— А шлюхи что, не люди? — Машка вытянулась передо мной во весь рост. — Любая может оказаться в таком месте. Ласточка, например.

— Ну, а ты?

— Меня бы не взяли. — у нее чуть дернулся уголок рта. — Я некрасивая.

Резко повернувшись, она взбежала на крыльцо и потянула дверь на себя. Я пошел следом, пытаюсь придумать, как ей объяснить, что мне её внешность даже очень нравится...

— Она могла быть беженкой, — сказал я, догнав Машку в коридоре. — Ну, знаешь, многие стремятся сюда на заработки. В порту так вообще вертеп на вертепе...

Она только дернула плечом и прибавила шагу.

Кроме Лумумбы и Олега в комнате никого не было. Окровавленные матрасы и одеяла вынесли, и кровать темнела голой панцирной сеткой. Из фиолетовых сумерек, которые здесь считали ночью, через распахнутое настежь окно доносились пение соловьев и запах жасмина. А еще почему-то каши и щей.

— Надо узнать, как она жила, — с места в карьер подступила Машка к Лумумбе. — Может, у ней родственники есть, или еще кто. Ну, и вообще... Девочек расспросить.

— Вот и займись, — меланхолично кивнул наставник.

— Я? — даже приятно сделалось от того, что она растерялась.

— Инициатива наказуема исполнением. Не Ивана же по девичьим светелкам посылать.

Представив, как допрашиваю веселых девиц в так называемых «светелках», я почувствовал, что краснею и отвернулся.

Не дождавшись других указаний от наставника, моя напарница повернулась к двери, но её остановил Олег.

— Подожди. Расспроси девушек еще вот о чем: кто где был, что делал. Может, всё-таки что-то слышали... Шум, падение чего-то тяжелого, что угодно. И во сколько. Хозяйке велено не препятствовать. — Маша вопросительно глянула на Лумумбу. Тот, всё так же рассеянно, но ласково кивнул, и она убежала.

— Может, вы и другие случаи изучить желаете? Мы всё, что можно, записали, — обратился сыскной воевода к Лумумбе.

— Лучше расскажите своими словами, — учитель прохаживался по комнате, заложив руки за спину, изредка наклоняясь, чтобы рассмотреть щетку для волос на зеркальном столике или косынку, небрежно брошенную на спинку стула. — Каким было первое убийство?

Комната была небольшая, темноватая, с одним окошком. На полу — яркий половичок, в углу — мутное, с облезшей амальгамой зеркало, убранное кружевной накидкой. За раму заткнуто несколько бумажных цветков. Почему-то они живо напомнили о кладбище...

На столике под зеркалом — баночки, скляночки, шкатулочки — всё дешёвенькое, простенькое, но какое-то аккуратно-симпатичное. На керосиновую

лампу наброшен шелковый цветастый платок. Дверцы высокого, под потолок, шкафа залеплены открытками, этикетками и картинками, вырезанными из журналов. Сплошь броско разодетые дамы в окружении дорогих автомобилей, яхт и прочих атрибутов красивой жизни...

— Первое убийство случилось еще зимой, — начал Олег. — Дружинник Данила Кручинин. Нашли его под Железной стеной, с нашей, городской стороны. Я до сих пор не уверен, что он имеет к остальным какое-то отношение. Просто... Видите ли, он был весь переломан. Значит, падал с самого верха, метров с двадцати. Но случайно со стены упасть нельзя: там высокие зубцы, чтобы бойцы не оставались на виду во время атак. Значит, самоубийство? Но смущало вот что: парень собирался жениться. Напарники говорили, Данила все уши про невесту прожужжал. Мечтал, как они станут жить-поживать, да сколько деток народят. В дружине на хорошем счету был, повышение по службе к свадьбе готовили... С чего ему со стены вниз головой сигать?

— Причины могли быть иного свойства, — заметил Лумумба, опускаясь на колени. Из кармана он достал лупу, и стал водить ею над полом, изучая одному ему заметные следы. — Например, его могли сбросить... Магов спрашивали?

— Пытались. Молчат, как рыбы об лед, эгоисты хреновы. Извините.

— Ничего, — забравшись под кровать, наставник чем-то там погромыхивал. — Я привык.

— У нас, в Мангазее, ведь как? — сыскной воевода разгорячился. — Каждый сам за себя. Приезжают за свободой, да за длинным рублем... А где деньги — там и наркотики. Игорь вот решил Пыльцу легализовать. Говорил, пылиться всё равно будут, ничего с этим не поделаешь, пускай хоть налоги платят. Маги к нам и хлынули, как лосось на нерест. Тогда он, помимо налогов, еще и общественную повинность ввел: каждый обязан сколько-то часов в неделю работать на город. Ходить в дозоры, дежурить на таможне, в госпитале, на атомной станции...

— Умно, — глухо похвалил из-под кровати наставник. — Поставили, значит, магию на службу обществу.

— У вас в Москве и научились.

Лумумба вылез из-под кровати, держа в руке портняжные ножницы, вымазанные в подсохшей крови. Сразу вспомнился отрезанный палец... Наставник протянул ножницы мне.

— Это по твоей части, падаван. А у меня голова что-то разболелась.

Усевшись на стуле у окна, учитель принялся обмахиваться носовым платком.

Я осторожно взял ножницы за кольцо, стараясь не касаться окровавленных лезвий. Сосредоточился и произнес про себя формулу поиска.

...Бездна голодных глаз. Они смотрят, они ждут, они жаждут... А сзади уже поднимается тень. Заносит руку... Острая боль, удивление, а затем — отчаянное желание жить.

Под окном, с уличной стороны, заворчалось, заворчало глухо, тоскливо, пахнуло землей и трупной вонью, и за доску подоконника ухватилась рука. Мы, все втроем, дружно отшатнулись: рука была синяя, с черными длинными ногтями. Они шелушились и отслаивались, по пальцам сочились слизью белесые гнойные пузыри.

Хищно скрючив пальцы, рука царапнула штукатурку, а потом бессильно разжалась и исчезла. Что характерно: на этой мертвой страшной руке не хватало указательного пальца...

— Эвона как! — первым пришел в себя Лумумба и, придерживая шляпу, сиганул через окно в сад.

Мы с воеводой одновременно ринулись за ним, но, столкнувшись плечами, застряли. Кое-как выпроставшись, ринулись опять. Вновь застряли. Посмотрели друг на друга. Я приглашающе махнул рукой и Олег, не касаясь подоконника, перемахнул подоконник. Я — за ним.

Продираясь через густые кусты шиповника, я мельком отметил неглубокую, развороченную яму: из нее-то и выкопался труп.

Калитка выходила в узкий, заросший крапивой и лопухами переулок. По нему, припадая на обе ноги и по-обезьяньи загребая клешнями, бодро чесал мертвяк. Следом, забыв о головной боли, скакал мой наставник.

— Вперед! — крикнул Олег, и мы тоже поскакали. — Еще не хватало, чтобы по моему городу мертвецы разгуливали! Это твой учитель постарался?

— Да вроде нет... — мы на рысях донеслись до поворота, но Лумумба с мертвяком уже скрылись. — Сам не знаю, как это случилось.

— В Мангазее быстро приучаешься чувствовать магию, — бросил Олег, оглядывая окрестности.

— Я всего лишь пытался прощупать орудие убийства... Ножницы, то есть.

С чьего-то двора послышались истеричные вопли кур, лай собак, и мы припустили туда.

— И что? Узнал что-нибудь? — на бегу спросил Олег.

— Да как сказать... — мы перемахнули через широкую, полную черной воды и ряски, канаву. — Я же только начал. Почувствовал жадные взгляды, а потом — боль.

— То есть, убийцу ты не видел.

— Да так его и не увидишь... Это скорее эмпатический образ, чем картинка. Интересно, почему он убежал?

— Не поверишь, но мне тоже, — прорычал Олег. Из-за длинного деревянного сарая опять послышался собачий лай и мы прибавили прыти.

Мертвяк повис на заборе, перекинув одну ногу на другую сторону. Лумумба держал его за другую, а в полу его плаща вцепился громадный пес. Он задуманно рычал и тянул наставника назад.

— Плащ сбросьте, — издали посоветовал Олег.

— Вот еще... — проворчал наставник. Сверкнула синяя вспышка, пес покатился кубарем, а мертвяк с наставником грузно перевалились на ту сторону.

Выругавшись, Олег сиганул следом, я же, обдирая ладони, перелез с трудом — наверное, сказывалась усталость последних дней. Сердце в груди трепыхалось, как жаба, застрявшая в бутылке.

Следующий забор дался еще тяжелее. Устроили строевую подготовку, закопай их комар...

— И почему он не бежит по улице? — посетовал я Олегу, уперев руки в колени. — Там ровно, ни собак, ни заборов...

Водички бы. В горле совсем пересохло.

— Он движется к какой-то одному ему ведомой цели, — предположил воевода. — По кратчайшему пути.

Следующий забор был особенно высок: каменный, с битым стеклом по верху. У меня упало сердце. Через эту махину я точно не переберусь...

— Тут лаз. — сказал Олег, раздвинув крапиву. Мертвец с твоим наставником тоже по нему лезли — вон, лохмотья прилипли и след от каблука... Заглянув внутрь, он поморщился и помахал рукой перед носом. — Может, всё-таки через верх?

Я представил, как карабкаюсь опять на верхотуру, переваливаюсь, раздрав ладони и пузо, через стекло, а потом, как мешок с картошкой — вниз.

— Не. Лучше так, — я скинул пиджак.

Кряхтя, опустился на брюхо и сунул голову в дыру. Темно. Воняет мертвечиной. Но протиснуться можно.

Лаз оказался узким и длинным, как кроличья нора. Вытянув руки, я начал извиваться и отталкиваться, и сначала всё шло хорошо, а потом... Сжав зубы, я рванул из всех сил. Плечи заткнули проем, как притертая пробка бутыл с шампанским.

— Ты чего валандаешься? — попинал меня по пятке Олег.

Я в ответ только брыкнул ногой. Говорить не мог — грудь сдавило, дыхание сперло. Вдалеке, кажется, на другом краю вселенной, приветливо подмигивал выход из норы, перед глазами переплетались какие-то корни, тонкими струйками осыпалась земля и мелькали хвосты червей...

— Эй! Ты что, застрял? — раздалось от моего северного конца.

Нет блин, устал. Отдохнуть прилег. Ну что за идиотский вопрос! Я опять дернул ногой.

— Ваня? — это послышалось уже с другой стороны. Видно, Олегу надоело ждать, и он перемахнул через забор.

— Бя... — задушенно выдал я. Перед глазами уже всё плыло.

— Хватайся, — вытянутых рук коснулась веревка. — Держись, я тебя вытаску.

Ага, щас. Тут тягач нужен, или ломовая лошадь на худой конец. В крайнем случае — лаз расширить, дак для этого лучше киркомотыга подойдет... Но веревку я взял. Обмотал слабину вокруг запястий и крепко схватился обеими руками.

— Готов?

— Хрю...

Рвануло так, что хрустнули плечи, но меня чуток сдвинуло. И только я вздохнул, как рвануло опять. Пуговицы от рубахи поотлетали, на спине тоже лопнуло, хребет ободрало, но голова выскочила на белый свет. Брезжило утро. Серенькое, мутное, но всё равно чудесное. Я подслеповато прищурился на Олега. Тот, молодецки подбоченясь, только усмехался в усы.

Почувствовав дуновение свежего воздуха, я завозился и задрогал ногами.

— Давай, вытаскивай скорей!

Отбросив веревку и взяв меня за руки борцовским хватом, воевода покрепче уперся ногами, крякнул, и рванул. Вылетел я, как та самая пробка. Остановил только забор, на другой стороне улицы.

— Спаси-бо...

— Цел? — Олег вытер рукавом трудовой пот.

— Главное цело, — я потряс головой. — Остальное нарастет. Спасибо еще

раз, что не бросил.

— Время себе сэкономил. — ответил воевода.

— В смысле?

— Обглодали бы тебя к утру псы, а на мне — еще один труп. Вноси тебя в отчет, да рапорт пиши...

Я непроизвольно поёжился. А потом накатило такое облегчение, какого я, наверное, еще никогда не испытывал. Будет время — поставлю Олегу четвертную. А Его Святейшеству Летучему Макаронному монстру сварю целую кастрюлю пасты а-ля болоньезе. С фрикадельками.

С проспекта донесся визг тормозов и глухой удар, будто столкнулись две железные цистерны.

— Т-твою дивизию, — воевода вновь перешел на рысь. — Ни на минуту оставить нельзя...

Я поковылял за ним.

Перед Олегом расступались. И комментировали.

— Поглянь, сам сыскной воевода пожаловали.

— Где, где?

— Да не мельтеши. Не видишь, человек на работе. Отступи в стороночку, мы на него с заду полюбуемся. Ну, видишь?

— Вижу, конечно. Я ж не слепая, когда такой видный мужчинка прет. И всё при нем: и усы, и пистолеты...

— Вот дура баба. При чем здесь усы?

— Усы всегда причем. Верное средство знаю: если усы торчком, то и всё остальное...

Я зашелся кашлем.

— А как выступает... Смотри, Матрена, у него не только усы, а еще и грудь колесом. Бронежилет-то как завлекательно топорщится...

— Красавец-мужчина, что есть, то есть. Весь в отца... — где-то за спиной сладко вздохнули.

Столкнулись черный, с лоснящимися боками Геллендваген и раскоряченный, как черепаха в случке, пятнистый Хаммер. Я вздохнул от зависти. Кучеряво живут господа Мангазейские золотопромышленники. Сколько такие движки топлива жрут...

Перед машинами топтались владельцы. Пузатые дядьки в кожаных куртках, кепках и с такими здоровенными цепями на бычьих шеях, что могли бы выдержать вес небольшой яхты. Дядьки были похожи, как двое из ларца. Да, и самое главное: они крепко держали за руки Лумумбу.

Под глазом учителя рдел синяк, щека была ободрана. На пыльные бакенбарды капали густые капельки крови. Я уже наострился рыбкой нырнуть в драку, чтоб, хотя и ценой собственной жизни, отбить драгоценного учителя...

— Спокойно, Ваня, я разберусь, — поймал меня за шиворот воевода и сам шагнул в центр композиции. — Нарушаем? — обратился он к мужикам.

— Прикинь, сыскной воевода, мы Душегубца словили. — радостно осклабился первый.

Вот это поворот! За преступника бвану еще никто не принимал...

— А... с чего вы взяли, что он и есть душегубец? — осторожно спросил Олег.

— А кто же еще? — ощерился золотыми зубами второй. — Черный, одет не по-нашему, воняет мертвечиной. И денег у него нет...

Как последний аргумент работал в пользу Душегубца, я не представлял.

— Схватили, можно сказать, на месте преступления. — подключился первый.

Бвана молчал. И не удивительно: как только наставник порывался что-то сказать, бдительные стражи встряхивали его так, что лязг зубов слышался в последних рядах толпы.

— Докладывайте, — приказал Олег.

— Он мертвяка тащил.

— Ага, прямо посреде дороги. Совсем офонарел, маньячина.

— Ну. Еду, смотрю: прет через перекресток, и мертвяк на шее...

— Я его как увидел, так и дал по тормозам.

— И я дал. Чудом не зашибли, аккурат меж бамперов проскочил. Так что вот: бери его тепленького, сыскной воевода, да чтоб живого места на ём не осталось.

— Столько народу сгубил, ирод. — подхватили в толпе.

— Ничего, отольются кошке мышкены слезки! Уж сокол наш ясный, ба-тюшка сыскной воевода, постарается, приложит ручку свою белую...

— А плечи-то какие широкие... И профиль мужественный.

— У Душегубца чтоль?

— Тьфу, дура! У воеводы. Как у Феба...

— Эт кто такой? Почему не знаю?

— Потому, что Феб — это латинянский бог любви. Где б ты о нем слыхала, темнота подзаборная?

— А ты где?

— А мне кузнец наш, дядь Филип, сказывал, когда на сеновал водил. Амор, говорит. И глазами зырк...

Пытаясь вытрясти из ушей бабскую брехню, я перебрался поближе к Олегу. Тот деловито осматривал поврежденные автомобили, на Лумумбу пока не обращая никакого внимания.

— Протокол составим? — спросил он владельцев.

— Да на хрена козе баян? — махнул рукой первый. — Я такие тачки — пачками, паромом из Европы...

— Не будем бакланить, — кивнул второй, звякнув пудовой цепью. — Ты лучше этого черного чисто — конкретно разъясни. Ну и нас не забудь, когда дело состряпаешь. Медаль там какую, или грамоту... В рамку повешу, братаны обзавидуются. А если помощь нужна... Прижать кого, или язык развязать, ты только свистни.

— Разберемся.

Лумумбу торжественно передали с рук на руки.

— Расходитесь, граждане. — повысил голос воевода. — Больше ничего интересного не будет.

— А ведь воевода-то еще не женат... — да что, преследуют меня эти сплетницы, что ли?

— Эт кто говорит-то? Ты, что ли?

— А хоть бы и я. Мне ихняя ключница сказывала: подыскал папаня невесту, да сынок заупрямился. Не хочу, говорит, на купцовой дочке жениться, а хочу принцессу заморскую, магии обученную...

— Ага. Чтобы и его в гроб свела. Как князя...

Я поспешил за Олегом, ненавязчиво уводящим наставника в ближайший темный переулок.

— Извините, господин сыщик. Народец у нас темный, столичных методов поимки преступников не понимает... — говорил воевода с совершенно каменным лицом, даже не моргая.

— И вы на меня не сердчайте, — ровно в таком же тоне отвечал наставник. — Увлёкся, вспомнил молодость... — он осторожно потрогал разбитую скулу. — Жаль, мертвец сбежал.

— Ничего, найдем. — пообещал Олег.

— Вряд ли. — Лумумба достал платок, и принялся вытирать руки. — Скорее всего, он уже далеко.

— Значит, мы о нем так ничего и не знаем? — спросил я, наконец-то отдышавшись.

— Ну отчего же? — поднял брови учитель. — При жизни это был мужчина лет сорока. Лысеющий, с бородой и солидным брюшком. Авантюрист и неудачник, но в последнее время дела его шли на лад. Скорее всего, был артистом. Смеею предположить — певцом. Насколько я знаю, князь Игорь учредил в городе оперный театр, так что остается сходить и узнать, не пропал ли у них сотрудник.

— Откуда вы всё это взяли? — удивился Олег.

— Дедуктивный метод. Возраст я узнал по зубам. Зубы у него так себе, кривоватые и мелкие, но на левых коренных — новые золотые коронки. Множество шрамов и травм позволяют заключить, что жизнь покойный вел бурную и беспорядочную. Одним словом — авантюрную. В Мангазею подался, как и все — за счастьем, и здесь ему наконец-то повезло. В момент смерти одет был во фрак, пластрон, хорошие кожаные туфли... Вечерние фраки в будние дни носят или артисты, или официанты, но, судя по возрасту — он скорее артист. Так как актеры обычно держат себя в форме и не разъедаются между гастролями, заключаю, что покойный был певцом — для их братии солидный вес только на пользу...

— Круто. Я тоже так научусь, — кивнул воевода. — Хотя, я думал, вы его магическими методами допросите.

— Магическому допросу, к сожалению, помешали обстоятельства непреодолимой силы. — Лумумба вновь потрогал скулу. Шишка была уже заметно меньше. — На шее с левой стороны — глубокая колющая рана, — продолжил он отчет. — Повредили яремную вену, человек скончался от потери крови. И палец; его отрезали уже после смерти... Зачем — пока сказать не могу. Зарыли неглубоко — или сил не хватило, или торопились. Он потому и проснулся: почувал заклятье поиска, которое применил мой помощник.

— Можно спросить мадам и девочек, — вставил я. — Ходили ли к ним артисты... — вспомнился образ, который я мельком уловил от ножниц.

— Спросим. — кивнул Олег.

— И откуда под кроватью орудие убийства, — напомнил я.

— Это еще доказать надо, — возразил Лумумба. — Чья кровь была на ножницах, мы не знаем.

— Вопрос в другом. — воевода глубокомысленно взялся за подбородок. — каким местом этот старый мертвец соотносится со свежим трупом, который, кстати, тоже пропал?

Глава 6

Иван

Приснилось, что я снова в учебке. Сплю на своей койке, и тут влетает наш инструктор, Сан-Саныч, и, пронзительно дую в свисток, объявляет побудку...

Скатившись с лавки, я ощупью надел штаны, пятерней приглаживая волосы, вытянулся по стойке смирно, и только после этого проснулся. Оказалось, это не Сан-Саныч, а бабкин петух. Мелкий тиран гаремных кур, в перспективе — суп с лапшой. Взлетев на подоконник, он орал так, будто началось Второе Пришествие Марсиан. Я запустил в него тапком. Пернатый паршивец с достоинством удалился, а в комнате раздался громовой хохот.

Визгливо каркала Гамаюн, устроившая гнездо на полатях, подальше от кота. Смеялся кот — он нашел пристанище в ногах кровати Лумумбы, и теперь совершал утренний туалет с помощью собственных слюны и лапы. Ржала Машка. Сидя на своей раскладушке и разложив вокруг разнообразные железные детальки и промасленные тряпочки, она чистила пистолет.

Пылая праведным негодованием, я набрал воздуха, чтобы отчитать супостатов, испортивших такой хороший сон, но в лицо прилетела подушка. Не удержавшись на ногах, я плюхнулся обратно на лавку, а она, коварная, вывернулась, встала на дыбы и огрела меня по кумполу. Из глаз посыпались искры.

Под грудой одеял, где по идее, должен был почивать драгоценный наставник, раздался драконий рык. На столе, прикрытые вышитым полотенцем, зазвенели чашки и блюдца.

Из подушек возникла встрепанная голова. Свирепо оглядев единственным здоровым глазом комнату, она оскалилась и гаркнула:

— А-а-а, черти полосатые, покою от вас ни днем ни ночью! Лейтенант Спаситель! Паччему личный состав бьет баклуши? Назначаю приказ: марш на улицу, делать зарядку, а не то... — не в силах продолжать, голова рухнула обратно в подушки и вновь накрылась одеялом.

Хулиганы притихли. Машка юркнула к себе за шторку, птица Гамаюн, остекленев глазами, прикинулась чучелом, кот быстренько вымелся за дверь, а я, согласно приказу, пошел во двор. Во-первых, добежал до нужника, устроенного в дальнем конце огорода. Санитарное сооружение радовало свежей зеленой краской, в дверце, на уровне глаз, было прорезано окошко в виде виноградной грозди. Внутри царили уют и благолепие: пауки таращились без привычного плотоядного блеска в глазах, на стульчаке, обмотанном несколькими слоями тряпок, сидеть было тепло и мягко, а в пределах досягаемости, на гвоздике, нашелся толстенный календарь-ежегодник за тысяча девятьсот семьдесят пятый год, с мягкими страничками и напечатанными на другой стороне анекдотами.

Потом я решил умыться. В комнате был рукомойник, но я подумал, раз во дворе имеется колодец, лучше не беспокоить наставника. К тому же, всегда приятно поплескаться в чистой ледяной воде...

Пробираться к колодезному срубу пришлось с боем. Плети колючей ежевики царапали руки, исполинский репейник цеплялся за штаны и рубаху, на голову сыпалась тонкая пыльца с каких-то желтых цветов, от нее свербело в но-

су и хотелось чихать. Бадейка отыскалась и вовсе случайно — я об нее, зате-рянную в кушарях, споткнулся.

Когда начал поднимать железную крышку, всю в кружевах ржавчины, бо-ка прошило острой болью, и я вспомнил весь вчерашний день. Похороны кня-зя, суровую княгиню, знакомство с пестрым населением старухиной избы, ка-бак и погоню за мертвяком. Ах да, был еще шоппинг... Зубы заныли от дурного предчувствия: во что всё это выльется?

Привязав к бадейке оборванную веревку, я сбросил её в колодец, наклонил-ся, чтобы удобнее было тащить, и... Из колодца на меня уставились звезды. Они колыхались в далекой черной воде и негромко пели. Потом, став светляч-ками, сорвались с мест и закружились в хороводе, меня начало затягивать в этот хоровод, в голове создался вихрь, я понял, что падаю...

Очнулся весь мокрый на траве. Надо мной склонились три морды. Точнее, две морды — кота и вороны, и одно любопытное веснушчатое лицо.

— Кажись, пришел в себя, — сказала Машка, нежно пиная меня в бок.

— Кто? Што? — я ничего не понимал. — Почему я мокрый? Что случилось?

— Еще немного, и искали б тебя на реке Смородине, у камня Алатыря, — промурлыкал кот.

— Меня благодари, — каркнула Гамаюн. — Если бы я тебя в окно не замети-ла...

— Остались бы, как говорится, от козлика рожки да ножки, — заключила Маха, помогая мне сесть. — В последний момент успели, — похвасталась воро-на. — Машка тебя за пояс ухватила, кот за Машку уцепился, я — за кота. Ну, и петух помог. Надо будет наведаться к нему в курятник, отблагодарить... — во-рона кокетливо оправила перышки, а Машка прыснула. Птица Гамаюн тут же оскорбленно напыжилась. — А что смешного? Петух, между прочим, мужчина хоть куда. В полном расцвете сил...

— Хорошо, хозяйки нет, — шепнул кот, заботливо обмахивая меня лапка-ми. — Вчерась еще на Лысую гору отбыла... Путь-то неблизкий, туда да обрат-но — больше ста верст. А была бы дома — сама бы голову тебе отвинтила. За то, что к Водокруту полез.

— Чего? — спросили мы с Машкой в один голос.

— Водяной. Живет он там, в колодце... — пояснил кот и постучал меня по лбу. — Мозг иногда включать надо!

— Я умыться хотел.

— Так на этот случай в доме водопровод есть. Набрал ванну — и плещись сколько влезет! А закаляться вздумал — так холодной напусти и вся недолга. А то могу баньку истопить, только скажи... — раскипятился пушистый домо-хозяин.

— И правда, Вань, чего ты к колодцу полез? — Маха выдрала у меня из во-лос репей. — Я, например, в душ сходила. Красотища!

— Ты теперь от водоемов подальше держись, — предупредил кот. — Водо-крут на тебя глаз положил.

— Ну, что вы там прохлаждаетесь? — в окне, всё такой же встрёпанный, возник Лумумба. — Завтрак стынет.

— Бабке не говори, — попросил я кота, взбираясь на крыльцо.

— Всё одно, узнает, — вздохнул тот. — Попадет мне.

— Тебе-то за что?

— Не углядел за порядком да за гостями. Три шкуры спустит.

Кот задумчиво почесал спину.

— Тогда я сам скажу. Объясню, что ты ни в чем не виноват, а это меня беспопутал.

У кота на глаза навернулись благодарные слёзы. Встав на задние лапы, он пожал мне руку и промурлыкал:

— Спасибо, друг. Век не забуду...

Когда мы ввалились в горницу, громко обсуждая приключение, Лумумба любовался своим отражением в боку самовара, время от времени прикладывая к синяку под глазом холодную ложку.

— А, явились, не запылились.

Мы с Машкой молча проскользнули за стол, ворона, цапнув ватрушку, убралась на полати, и только кот, как ни в чем ни бывало, принялся разливать чай.

— Я вот всё думаю, — завел я издалека. — Должно же у всех убийств быть что-то общее? Если Душегуб — серийный убийца...

— Напарники называются, — вдруг буркнула Маха, погрузив нос в чашку с чаем.

И только сейчас я заметил на её веснушчатой щечке глубокие царапины. Запястье, перевязанное чистой тряпочкой, свежий кровоподтек над локтем... Стало стыдно.

— Слушай, Маш, ты извини, — начал я. — Там такое дело... А как ты вообще дома оказалась?

— Меня благодарите, — каркнула ворона с печи, расклеывая булочку. — Отыскала сиротку, привела домой за ручку...

— Ага, щас, — ощерилась Машка. — Деду Фире скажите спасибо. Послал эту бестию прожорливую узнать, как у нас дела. А «нас» — то уже и нету...

— От бестии слышу! — возмутилась птица Гамаюн. — И чужим куском меня попрекать не надо!

— Бестия, — нравоучительным тоном процитировала Машка, — Животное, не существующее на самом деле. Крылатые кони, говорящие птицы и рыбы — всё это выдумки досужих умов. Геродот, трактат «Физиолог». - она торжествующе посмотрела на птицу. — Тебя не бывает. А значит, и кормить тебя не нужно.

— Много ты понимаешь...

Ворона, угрожающе лязгнув крыльями, спорхнула на лавку.

— Молчать! — рявкнул учитель, стукнув по столу кулаком.

Ворона брыкнулась на пол, однако Машка сдаваться не собиралась. Выпятив челюсть и сжав кулаки, она свирепо уставилась в глаза наставнику. Мы с котом прикрылись, как щитом, серебряным подносом. Даже гадать не берусь, во что он её превратит: когда я, будучи молодым и зеленым, вздумал перечить пребывающему не в духе учителю, на неделю стал ужом. Сидел тихонько в банке из-под огурцов и перебивался случайными мухами. Килограмм на пять похудел...

Минуты через две Лумумба сдался.

— Ладно, — сказал он, и как ни в чем ни бывало подвинул к себе чашку с горячим чаем. — Рассказывай, что узнала.

Я восхищенно выдохнул. Переглядеть наставника еще никому не удава-

лось. Как в городе буду, надо ей что-нибудь купить. Гребешок красивый или конфет шоколадных...

— Покойная была странная, — не тая более зла, начала моя напарница. — Ну, так считали остальные девчонки. Не очень-то они её любили.

— Почему?

— Скрытная. Прижимистая. Они заработки на сласти да украшения тратят, а Лидочка — в кубышку прятала.

— Так может, просто бережливая, — предположил я.

— Задавалась много, — продолжила перечислять Маха. — Вела себя так, будто лучше других. Ну, это опять же со слов девушек. Нос, говорят, задирала, и ни с кем дружить не хотела. Хвасталась, что в скором времени уйдет от них, а веселый дом забудет, как страшный сон. С клиентами переборчивая была...

— А что хозяйка? — перебил её Лумумба.

— А ничего, — Машка насупилась. — Найду, говорит, чертовку живой, сама глаза выцарапаю... Уж больно, говорит, доходная девка была. В последнее время, правда, не так уж много от нее того дохода... После того, как её артист бросил. Тихая стала, да печальная — клиенты таких не любят.

— Артист? — переспросил наставник.

— Певец один, итальянец. Энрико Базилика. Каждый день к ней шлялся. Лидочка про него и хвасталась, что он её в театр заберет и артисткой сделает. А девки дразнили: никуда её итальяшка не заберет, уж больно жаден: цветы с концертов да дармовое шампанское — вот и весь с него гешефт... А недавно он к ней ходить перестал. Наверное, другую себе нашел, или уехал куда...

— А ты-то почему вся поцарапанная? — спросил я.

— Пусть сами не лезут, — буркнула напарница и уткнулась в чашку.

— Она уличных девок пыталась феминизму учить, — встряла птица Гамаюн. — Когда я за ней прилетела, учение полным ходом шло...

— Это как? — уточнил наставник. Мне тоже стало любопытно.

— Я им всего лишь сказала, что промискуитет — не выход. Осыпая их деньгами и драгоценностями, мужчины заявляют своё право на гендерное превосходство, а значит, в широком социо-психологическом смысле, и на женщин. Как на собственность. Я просто им объяснила: чтобы освободиться, нужно перестать спать с мужиками за деньги.

Мы немного помолчали, переваривая концепцию Машкиного феминизма.

— Ну, а у вас-то какое важное дело было, что даже про меня забыли? — спросила она, допив чай.

— Да так... — рассеянно ответил Лумумба, потирая фингал. — То, да сё...

— Ясно, — вздохнула напарница с завистью. — Весело, поди, было?

Постучав, в горницу шагнул батюшка сыскной воевода.

— По-здорову ли, гости дорогие? Всем ли довольны? Хорошо ли о вас тетушка заботится?

— А ты её откуда знаешь? — вчера мы с Олегом как-то незаметно и легко перешли на «ты».

— Дак кормилица моя бывшая, Арина свет Родионовна... Вырос, можно сказать, у нее на руках. — пройдя в комнату, Олег по-хозяйски уселся на лавку. Кот подскочил с новой чашкой. — Не надо, милый, — остановил кота воевода. — Дела у нас.

— Что за дела? — вскинулась Машка, но тут же притихла. Олега она немно-

го робела.

— Воевода обещал нас с бваной в княжеский терем свести. — объяснил я. — Осмотреть место преступления...

— А я? — глаза у напарницы сузились, как у ястреба, вообразившего, что его вот-вот лишат законной добычи.

— А ты, — пожал плечами наставник, — Работай дальше по Лидочке. Сходи в театр, попробуй найти этого певца — как единственную пока зацепку...

Я хотел напомнить, что певец, скорее всего, и есть тот самый мертвяк, но вовремя захлопнул варежку: раз бвана так себя ведет — значит, свой расчет имеет.

— Но... я города не знаю, — от перспективы самостоятельного расследования Машка растерялась.

— А мы тебе проводницу дадим, — ласково улыбнулся наставник. — Гамаюша, милая, иди сюда...

Фыркнув, ворона отвернулась.

— Да я лучше с котом пойду! — взбрыкнула Машка, а сам кот тяжело вздохнул и скрылся под скатертью.

— Матвей — каргоруша, — сказал Олег. — Со двора уйти не может.

— Ну тогда... тогда я сама. — Машка упрямо сжала губы. — Она же на каждого червяка кидаться будет, меня люди засмеют...

— Я бы всё ж не отпускал девушку одну, — посоветовал воевода, не обращая на Машкино бахвальство никакого внимания. — Не ровен час, обидят.

Ох, зря он это сказал.

Машка, громко топая, прошла в свой отгороженный шторкой угол и, пытая, выволокла из-под раскладушки одну из сумок с вчерашними покупками. Демонстративно достала здоровенный пистолет, щелчком вогнула обойму, дослала патрон, и, прокрутив на пальце, убрала в кобуру. Прodelала всю процедуру еще раз, со вторым пистолетом. За спину, в длинные ножны, вставила тесак с тусклым зазубренным лезвием. К лодыжке прикрепила еще одну кобуру, поменьше, а к другой — выкидной ножик на липучке. В свой любимый рюкзачок упихала несколько запасных магазинов, и, улыбнувшись особенно нежно, связку гранат.

У Олега отвалилась челюсть. А я поразился: как она стоять-то может под всей этой тяжестью? Но ничего не сказал. Себе дороже. Еще и отвернулся, чтобы она, не дай Макаронный монстр, не увидела, как я смеюсь... Но где-то в затылке трепыхалась ревнивая мысль: а ведь напарница хочет произвести впечатление на Олега!

— Этого хватит? — невинно спросила она, хлопнув ресничками и мило улыбнувшись. — А то у меня еще гранатомет есть.

— Хватит, — с каменным лицом одобрил Лумумба.

— Когда город взлетит на воздух, мы хотя бы будем спокойны: ты сделала всё, что могла, — добавил я. — А потом тихо соберем вещички и слиняем, так как в противном случае нас вываляют в смоле и перьях. — я покосился на Олега. — А потом сбросят в Кольский залив, на корм Левиафану...

— Вообще-то, носить оружие у нас не запрещено, — пожал плечами воевода. — А за порядком следят дружинники. Всё просто: бузотеров помещают в поруб, дают несколько дней на осознание пригрешений, а когда они хорошенько заколдобятся — казнят, назначают штраф или отправляют на приис-

ки. В зависимости от ущерба...

— Тоже неплохо, — согласился наставник. — Мы будем вести расследование, а ты, пока суть да дело, золотишка намоешь. В возмещение убытков.

Машка, не глядя на нас, вытащила из-за спины нож и с грохотом бросила его на пол. Затем сняла одну кобуру, но бросать не стала, а аккуратно положила на раскладушку. Посмотрела на наставника, вздохнула, сняла вторую кобуру, положила к первой, а затем вытащила из рюкзака гранаты. Опять посмотрела на Лумумбу. Тот милостиво кивнул и глазами указал на птицу.

— Отправляете голую и босую на смерть лютую...

— Но-но. Слезливое нытье — Ванькина прерогатива. Что-нибудь другое придумай, — безжалостно оборвал её наставник.

— Ладно, — сдалась напарница. — Только я её таскать не буду. Сама пусть ходит.

— Да как ты... — взвилась ворона.

— Суп сварю, — флегматично сообщил учитель. Ворона сорвалась с печи, приземлилась на пол рядом с Машей и важно прошлась туда-сюда.

— Птица Гамаюн отличается умом и сообразительностью. — возвестила она. — Умом, — многозначительно покосилась на мою напарницу, — И сообразительностью.

— Толай уже, горе луковое, — Машка, подхватив рюкзак, вышла за дверь.

— Это кто тут горе? — донесся до нас возмущенный вопль. — Нет, подожди, давай разберемся...

— Ох, натерпимся мы еще от этой парочки, — посетовал учитель и тоже пошел собираться.

Жизнь на центральном проспекте, у терема князя, была ключом. Ревели автомобили, воняли солярой тяжело груженные фуры, переругивались грузчики и водители, им не уступали торговки с тяжелыми корзинами овощей и тележками яблок. В голове с недосыпу тихонько позванивало, а действительность временами растворялась в зыбком мареве.

Один раз меня спас Олег, дернув буквально из-под колес выскочившего из-за угла гоночного «Мазерати». В другой я чуть не прошел сквозь громадное стекло, которое тащили по тротуару двое неприветливых дядек... Чувствовал себя деревенщиной, честное слово. Куда до Мангазеи нашей Москве, с её запахнутыми во все стороны улицами, неспешным течением жизни и высоким, темнеющим по ночам, как ему и положено, небом...

Лумумба тоже был не в форме. Под глазами у него набрякли мешки, а настроение так и не улучшилось.

— Вы плохо выглядите, — придержал наставника Олег, когда тот споткнулся на ровном месте. — Не удалось отдохнуть?

— Чертово солнце, — буркнул учитель.

— Скажите тетушке, — посоветовал воевода. — Она вам сон-травы даст.

Не знаю. Мне, после вчерашних приключений, отдохнуть ничего не мешало: спал, как младенец. Только мало.

Терем был большой, возведенный по старинной технологии без единого гвоздя, из золотистых кедровых бревен. Напротив, через площадь, высилось здание из стекла и металла, которое я видел в день нашего приезда.

— Что сие? — спросил, опережая меня, наставник, тыкая в здание пальцем.

— Офис золотодобывающей компании. Там сейчас бояре.

— Ясно. Надо будет заглянуть... — учитель оглядел высотку так, будто она угрожала чем-то лично ему.

...Заходите, не стесняйтесь. — пригласил Олег, отпирая дверь. — Здесь никого нет, даже охрану сняли. Можно начать с кабинета...

Внутри терема было прохладно, пусто и гулко. Воевода щелкнул выключателем, под потолком зажглась цепь электрических лампочек. Я посмотрел на них с интересом: у старухи Арины и на Веселой улице пользовались керосиновыми лампами...

— Игорь сумел запустить плавучую атомную электростанцию, — пояснил Олег, перехватив мой взгляд, и открыл очередную дверь. За нею обнаружилось большое, похожее на библиотеку помещение. — Её собрали в Мурманске, как раз перед Распылением. Мы запитали деловой центр, жилые многоэтажки, но на частный сектор не хватает — население с каждым годом растет.

— Князь, я так понимаю, был лидером харизматичным, — заметил Лумумба, рассматривая огромную карту, занимающую всю северную стену кабинета.

— Если учитывать то, что без него здесь было бы одно болото, — усмехнулся Олег, — То да.

— Но как так получилось? — спросил я. — Как он умудрился поднять город за неполные пятнадцать лет?

— Игорь знал, где залегает золото, — ответил Олег, раздвигая бархатные зеленые шторы. С тяжелых складок взлетело облачко пыли. — Он просто приходил и тыкал пальцем, в этом месте и обнаруживалась главная жила. А уж золото... — он пожал плечами, — Открывает все двери и служит отменным стимулом для привлечения людей. После разрушения Мурманска многие остались не только без работы, но и без крова. Можно сказать, он нас спас. Всех нас. Мой отец, как и другие, служил на военной базе в Североморске. Вы должны знать эту историю...

— Разумеется, — буркнул Лумумба, не отвлекаясь от изучения карты. — После смерти князя... Кто-нибудь владеет информацией о месторождениях?

— Ходили слухи, что у Игоря была карта, но её никто не видел. Князь создал Компанию, он же был председателем правления и держателем основного концессионного пая.

— Стало быть, после его смерти... — небрежно заметил наставник.

— По брачному договору все его полномочия отошли к Оль... к Великой Княгине. — сказал Олег.

Задумчиво кивнув, Лумумба поджал губы, а затем, кивнув сам себе, неторопливо вышел в коридор.

— А где нашли князя? — спросил он.

— Вот здесь. — воевода распахнул двустворчатые двери, за которыми угадывалась богато обставленная комната в голубых с серебром тонах. — Выходя из спальни, он почувствовал себя плохо. Схватился за сердце... а потом упал. Когда прибежал дежурный, было уже поздно.

Супружеское ложе, утопавшее в ненормальном количестве вышитых подушек, высилось в алькове. Там же, рядом с кроватью, на подзеркальном столике лежали ноутбук с надкушенным яблочком на крышке и часы «Ролекс» в золотом корпусе.

— Вещи князя, — пояснил Олег. — Пока что ни у кого не хватает духу их за-

братъ.

Лумумба, достав неизменное увеличительное стекло, приступил к осмотру. Думаю, он еще перед выходом закинулся Пыльцой, и сейчас применял заклинание «рентген», собственного изобретения, а лупу достал только для вида, чтобы не смущать Олега. Встав на колени, он тщательно обследовал пространство под кроватью, прощупал плинтуса, обнюхал, и даже лизнул обои, усыпанные легкомысленными розочками, выдвинул поочередно ящики тумбочек, комода, открыл дверцы большого платяного шкафа; надолго скрылся в ванной, скрытой за матовой стеклянной перегородкой, затем, вернувшись, задумчиво пролевитировал к потолку и всесторонне изучил люстру...

Такой вдумчивый и тщательный осмотр я проводил всего один раз: на выпускных экзаменах. Обычно, чтобы найти улики, много времени не требовалось — что-то всегда было. Но здесь... У меня родилось две версии: или комната была абсолютно стерильна, и бвана рыл носом землю в тщетном поиске хоть какой-то мелочи, или он давно всё нашел, а своей деятельностью пытался сбить с толку воеводу.

Обычно всё происходило наоборот: я проводил осмотр места преступления, пока бвана опрашивал свидетелей, но сейчас, по понятным причинам, говорить предстояло мне.

— Ты сказал, что кто-то видел, как князь вышел из спальни и схватился за сердце, напомнил я Олегу. — Но потом добавил, что дежурный прибежал не сразу.

— Камеры наблюдения, — пояснил воевода. — Собственно, на видео и строится всё обвинение против Ольги.

— Внутри камер нет?

— Как можно! На записи видно, как князь с княгиней идут по коридору, о чем-то беседуя, затем входят в опочивальню. А через полтора часа Игорь распахивает двери, хватается за сердце и падает.

— А Ольга, надо думать, в это время спала, как подстреленная, — невесело усмехнулся наставник, краем уха слушающий наш разговор.

— Да, — воевода кинул на учителя быстрый взгляд. — Оль... Княгиня славила богатырским сном. Её разбудил дежурный.

— Ты ей веришь? — спросил я.

— Иначе бы не помогал, — кивнул Олег.

— А враги? У нее были враги?

— У княгини было не так уж много друзей. Сами понимаете: пришлая, да еще и магичка... Многие хотели, чтобы князь женился на местной девушке.

— Дочери какого-нибудь концессионера, не так ли?

— Одно время, — Олег отвернулся, — Игорь ухаживал за моей сестрой. А потом поехал в Москву на переговоры, и там...

— Встретил Ольгу, — закончил за него я.

— Сердцу не прикажешь, — сказал Олег, всё так же глядя в сторону. — К тому же, моя сестрица...

— Ясно, — я кивнул, не желая продолжать эту тему. — А что, князь не болел? Сердце? Сосуды? Нервы?

— Об этом лучше спросить его лечащего врача. Доктор Борменталь... Он же констатировал смерть и делал вскрытие.

— А Ольгу, значит, сразу арестовали, — задумчиво сказал наставник, подхо-

дя к нам и стаскивая резиновые перчатки. — Скажите, Олег... Вот вы — сыскарь. Вам в этом деле ничего не странно?

— У нее были все возможности. И веский мотив. К тому же: хочешь найти убийцу, ищи в самом близком окружении...

— Ольга по натуре не лидер, а ученый. Ей до лампочки власть и неизбежно связанные с нею интриги. Кому еще была выгодна смерть Игоря?

— Да никому! Боюсь, без него тут вообще всё развалится. Или, по меньшей мере, придется очень туго. Все переговоры — с торговцами, иностранными послами, Игорь вел сам, многие шли на уступки лично ему, под его честное слово... Золотодобычу, например, после его смерти пришлось сразу остановить: местные, на землях которых расположены прииски, отказываются вести дела с кем-то другим. А того запаса, что есть, надолго не хватит. Бояре рвут и мечут...

— Надо же, какая досада, — посочувствовал Лумумба.

Олег хотел еще что-то сказать, но за дверьми спальни послышались тяжелые шаги, а потом дверь открылась. Воевода нервно дернулся, но быстро овладел собой.

Проем заслонил огромный мужчина. Волосы его были белы и коротко подстрижены, как и строгая щетка усов под носом. Внимательные глаза утопали в сетке морщин. С правой стороны всю щеку и часть брови, доходя до кромки волос, занимал старый ожог. Грудь прикрывал бронежилет, надетый поверх черного, как у дружинников, комбинезона. Руки покоились на ремне с ярко начищенной пряжкой.

Передвинув зубочистку с одного уголка рта в другой, мужчина сказал:

— Иду мимо, вижу — свет в покоях горит. Решил посмотреть, кто это хозяйничает без спросу...

— Познакомьтесь. — тихо сказал Олег. — Мой отец, главнокомандующий дружиной Сварог.

Глава 7

Иван

Олег на фоне папы как-то стушевался, поблек. Оно и понятно: родитель у сыскного воеводы был хоть куда, всем отцам отец. Громовержец.

Войдя в комнату, он заполнил собой всё пространство. Я и сам не заметил, что вытянулся по стойке смирно, как на параде в День Независимости Москвы. Во время представления я невольно втянул живот и выкатил глаза. Сварог нехотя кивнул, пережевывая свою зубочистку, но руки не подал. Да я особо и не рассчитывал...

Лумумба, пока Олег объяснял, кто мы и что, флегматично рассматривал вышитые крестиком подушки на кровати, но когда прозвучало его имя, подошел.

— Так и не бросила своего увлечения, — кивнул он за спину, на княжеское ложе. — У меня дома тоже парочка сохранилась. Майор М'бванга М'бвеле, к вашим услугам.

— Наслышан, — пожимая руку наставнику, буркнул Сварог. — Князь о вас рассказывал. — путешествие зубочистки в другой угол рта. — Вы были хорошо знакомы?

— В рамках составления экономического договора.

— Великая Княгиня в своё время была... вашей женой.

— У всех свои недостатки.

От уголков глаз главнокомандующего пошли лучики морщинок, придав лицу добродушное выражение. Но сами глаза остались холодными. Я бы даже сказал, ледяными. Вдобавок он оскалился, что, наверное, должно было означать улыбку. Я поспешно отвел взгляд. Даже не знаю, как теперь засну... Сон-травы придется у бабки просить.

— Так что вы конкретно хотите? — спросил Сварог. Он демонстративно развернулся к Лумумбе, как бы оставляя нас с Олегом за кадром.

— Разобраться, — мило улыбнулся наставник. — Мою жену, хоть и бывшую, собираются казнить. Дабы не испытывать в дальнейшем угрызений совести, я решил убедиться в э... справедливости и правомочности сего мероприятия. Да и товарищ Седой проявляет живейший интерес. Ольга — его, можно сказать, любимица...

— Нам скрывать нечего, — нетерпеливо перебил Сварог. — Можете прочесть заключение доктора. Я распоряжусь.

— Но... нам казалось, что сыск — вотчина вашего сына, — невинно заметил учитель, как бы невзначай придвигаясь к Олегу.

— Убийство Великого Князя — не обычная уголовщина. Это дело политическое. Да и княгиня — не пьяный варнак.

У Олега дернулся уголок рта, но он смолчал.

— Понимаю, — наклонил голову Лумумба. — Буду благодарен за любые предоставленные сведения. Товарищ Седой, смею заверить, тоже в долгу не останется.

Наставник, многозначительно глядя на Сварога, постучал себя по носу. Тот только хрюкнул, повернулся и пошел, не оглядываясь, по коридору.

...Вот здесь, — Сварог обвел рукой новое помещение, — всё и пишется. Каж-

дая минута, каждый час.

У нас в академии тоже был компьютерный зал и даже небольшая сеть. Машины собирали со всей Москвы, и допуск к ним имели далеко не все.

— Оборудование установили по приказу князя Игоря? — спросил Лумумба.

— В британской фирме заказывали, — кивнул Олег.

— Они наладили сборку системных блоков? — поднял бровь наставник.

— Скорее, старые запасы распродают.

— Баловство всё это, — рыкнул Сварог. — И денег потрачено, и от беды не уберегли. По мне — поставить по дружиннику на каждый угол, и то больше толку. Но «некоторые» настаивали на личном пространстве. Воздуху им, видите ли, не хватало...

Олег коротко вздохнул, подавляя раздражение.

— Однако именно камеры предоставили вам так называемые доказательства виновности Ольги, — заметил Лумумба, потирая переносицу. Выглядел он не лучшим образом. Подбитый глаз набряк, синяк под ним стал фиолетовым. Остальная кожа, наоборот, слегка посерела. В бакенбардах стало больше седины...

— Не «так называемые», а железобетонные доказательства. На камерах видно, что никого другого рядом с Игорем попросту не было. Не сам же он себя убил.

— А вы точно уверены, что это убийство, а не несчастный случай?

— Уверены. Другой вопрос: как она это провернула? Игорь был далеко не дурак, и не дал бы себя травануть просто так, за здорово живешь. Даже если распылить яд на стены, или отравить листы книги, пропитать фитили ламп... Она бы пострадала сама. Остается магия.

— Вы думаете, князя заколдовали? — живо спросил наставник.

— Другого варианта просто нет, — отрезал Сварог. — Ольга была колдуньей.

— Была?

— Ну, есть. Пока...

— В городе полно и других магов, — заметил Лумумба.

— Но никто из них не имел доступа к князю, — отрезал Сварог. — Признается. Деваться-то ей некуда... Так что, будете смотреть записи? А то мне недосуг.

— Включайте.

Звука не было, только картинка. Вот князь с княгиней, о чем-то беседуя, идут по коридору, открывают дверь в покои, но остановившись на пороге, начинают оживленно жестикулировать. Видно, что Князь пытается в чем-то убедить Ольгу, но та упрямо качает головой.

— Мать волнуется, — долетело из-за спины. Сварог, пользуясь случаем, негромко отчитывал сына. — Якшаешься с разной швалью... А маньяка третий месяц поймать не можете... Что сложного-то? Выследили, устроили засаду, схватили.

— Прикажешь хватать кого попало?

— Народ успокоить-то надо.

— Нельзя сажать невиновных.

— Все в чем-то да виноваты, — тон родителя немного смягчился. — На ужин придешь? Мать пирогов напекла.

- Опять смотрины устройте?
- Внуков не в капусте находят.
- А сыновей не для забавы растят.
- Не шлындрай допоздна. Завтра важный день.
- У меня каждый день — важный.
- О нас с матерью подумай. Перед людьми стыдно...
- Никогда и не переставал.
- М-да. Вот страдаю я от того, что сирота. Нет, мол, у меня ни папы ни мамы...

Лумумба, просмотрев всю пленку, кадр за кадром, устало потер переносицу. Главкомандующий Сварог дожидаться окончания просмотра не стал, наказав сыну докладывать о расследовании лично. У меня сложилось впечатление, что учитель специально тянул, цепляясь к каждой мелочи.

— Напоследок, хотелось бы еще раз осмотреть спальню, — обратился наставник к Олегу, выходя из тесной смотровой и потягиваясь.

Мне осталось только тяжело вздохнуть. То ли вчерашние приключения не позволили восстановить силы до конца, то ли уже сегодняшние действовали столь утомляюще, но глаза слипались. Бока, поврежденные во вчерашней гонке, болели всё сильнее, мозги будто поджарили в масле, и там и забыли. Масло постепенно застыло, схоронив крошечную шкварку разума в своих жирных глубинах...

Реактивный рев проник в уши не сразу, исподволь набирая обороты и громкость. Мы с Олегом, не сговариваясь, опрокинули стол и нырнули за мраморную столешницу. Стекло разбилось мелкими брызгами и в терем влетел снаряд. Черный, отливающий металлом, размером с мою руку. С громким дзеньканьем воткнувшись в деревянный пол, он завибрировал, постепенно уменьшая колебания. Взрыва так и не последовало.

Я осторожно выглянул из укрытия: Лумумба, не сдвинувшись с места, терпеливо массирует виски кончиками пальцев.

— Кто-нибудь, помогите ей, — сказал он, тяжело вздохнув.

В «боевом» состоянии птица Гамаюн формой напоминала подкалиберный снаряд. Железные крылья плотно обхватывали тело, голова и железный клюв представляли собой острие. Клюв на добрых десять сантиметров ушел в дубовую доску. Нервно кося круглым глазом, ворона издавала горловое кулдыканье и слабо подергивала торчащими в воздухе лапками.

Совместными усилиями мы с Олегом выдернули её из паркетины, в наборных плашках осталась здоровенная дыра. Лязгнув на пробу клювом, птица хотела заговорить, но красноречие её покинуло.

— Там... Там... — прижав крыло к сердцу, она пыталась одновременно говорить и дышать, но не получалось ни то, ни другое. — Они её ножом, а она ногой, ногой!

Нехорошо засосало под ложечкой. Если она о Машке...

— Говори толком, что случилось! — схватив ворону за горло, я затряс её в воздухе. У птицы закатились глаза.

Олег, осторожно высвободив из моих пальцев, посадил вестницу на перевернутый стол и сунул под клюв стакан воды. Ворона, благодарно прикрыв глаза, запрокинула голову — по горлу запрыгал шарик...

— Да говори уже! — взорвался я. — Сил больше нет твой цирк терпеть...

— Цирк? — возмутилась птица. — Рискаю жизнью, лечу на всех парах, кидаюсь, как камикадзе, головой в окно, а вам — цирк? Не буду говорить, — и она демонстративно отвернулась.

Мои пальцы скрючились и самопроизвольно потянулись к тонкому птичьему горлышку...

— Говори, Гамаюша, — учитель подставил ей руку. Взобравшись по ней к Лумумбе на плечо, вредная тварь еще секунд тридцать изображала судорогу, и только потом соизволила выдать:

— Машку похитили викинги.

Не слушая больше ничего, я рванул на выход. И грохнулся во весь рост о подставленную ногу учителя.

— За что, бвана? — взревел я нечеловеческим голосом, потирая коленки и лоб.

— Ты куда собрался? — спокойствие Лумумбы можно было заворачивать в бумагу, порционно, и продавать в психбольницы, для особо буйных пациентов.

— Ну как же! Машка! Наша девочка...

— Во-первых: она сама кого хочешь в рогалик свернет. Еще во-первых: ты знаешь, куда нужно бежать? — я с надеждой уставился на птицу Гамаюн, та сразу надулась от важности.

— Драккар из Исландии стоит в порту, — сказал Олег. — Скорее всего, её потащили туда... Викинги — что сороки. Прут всё, что блестит, — он снял с пояса рацию. — Не беспокойтесь. Из дока их не выпустят.

— Но они могут... — дыхание перехватило. Как представил: Машка. На лице ужас, глаза огромные, в бледных лапках прижатый к груди плюшевый медвежонок...

— Успеем, — отдав распоряжения, Олег повел нас к выходу из терема. — Я вызвал транспорт, доедем с ветерком.

— Вечно с Машкой что-нибудь случается, — посетовал я, запрыгивая в кузов лендровера.

— Натура такая, — буркнул Лумумба. — Сначала наплодить проблем, а потом мужественно их решать... — драгоценный учитель менялся на глазах. Синяк исчез, во взоре появилась молодецкая удаль, плечи расправились, жилетка засверкала новыми красками. — Гамаюша, ты сможешь пробраться на корабль? — птица неожиданно смутилась.

— Да как вам сказать... Я же... Они там вроде того... А я сразу к вам...

— Трусиха, — осудил я птицу.

— Агасфер Моисеевич упоминал, что раньше работал в порту, на таможне, — вспомнил Лумумба. — Он может помочь советом.

Ворона с готовностью взяла низкий старт, но её опередил Олег.

— Он, насколько я помню, состоит в отряде «три шестерки». Скажу, чтобы они подошли к порту. На всякий случай... — и он вновь взялся за рацию.

Собрались в офисе начальника порта. «Офис» представлял собой громадный стакан, поднятый на металлической штанге над скопищем морских контейнеров. Из контейнеров образовался целый город: здесь были свои площади, улицы, оживленные перекрестки и глухие закоулки. Воздух заполняли

мачты кранов, с ловкостью жонглеров перебрасывающих грузы с кораблей на сушу и обратно. Начальник, сидя в стакане, мог видеть все окрестности: причалы, доки, корабли, стоящие на рейде и большую часть Кольского залива в придачу.

— Вон он, супостат, — кивнула подбородком Зинаида Карловна, начальница порта и старинная, как оказалось, подруга деда Фиры. — В последний момент успели док перекрыть, иначе улетела бы ваша девчуля, аки лебедь перелетная.

Я уставился на корабль. Казался он довольно большим, с высокой, выкрашенной в красное кормой, несколькими подъемными кранами, торчащими прямо из палубы, и огромной лебедкой.

Борта при этом были увешаны кожаными щитами, а бушприт украшала голова дракона. На боку, готическими буквами, было начертано: «Молот Дьюрина». На парусе красовался герб: молот, наковальня и корона, увенчанная семью звездами.

— Может, просто пойти и потребовать, чтобы её вернули? — спросил Олег. — Я могу вызвать дружинников.

— Эх, вы, крысы сухопутные... — пыхнула трубкой начальница. — Это ж траулер.

— Простите пожалуйста, — нарушил молчание Лумумба. — Объясните мне, как сухопутной крысе, почему нельзя пойти на траулер с отрядом дружинников?

— Траулер — это автономный завод, — подал голос деда Фиры. — Холодильники, трюмы, конвейеры по разделке рыбы... Если они там спрячут девчонку — вовек не сыщем.

— Там что-то происходит, — сообщил Олег, глядя в морской бинокль.

У меня бинокля не было, и я стал смотреть просто так, прижавшись носом к стеклу.

На корабле шла какая-то бурная, но пока непонятная деятельность. Толпа полуголых мужиков в рогатых шлемах носилась туда-сюда, передвигая и перемещающая объемистые тюки. Кое-кто, не принимая участия в общей беготне, готовил оружие — я заметил острый блеск топоринных лезвий и секир. Может, парни собираются с боем взять выход в море?

— Опять игрища затевают, — глядя в антикварную подзорную трубу, развеял мои опасения деда Фиры. — О прошлом годе два морских крана сломали, охальники. А потом почти весь груз отдали, чтобы убытки возместить...

— Вы это о чем?

— Скучно им, варварам. Подвига в жизни не хватает. Вот и устраивают молодецкие забавы по каждому поводу и без. Видать, девчулю вашу делить надумали... — пояснила Зинаида Карловна. — Кто победит — тот и сорвет цветок, так сказать... — дальше слушать я не стал, а рванул к выходу. И снова грохнулся на пол. Из глаз посыпались самые настоящие искры, а вокруг головы замельтешили мелкие чирикающие воробушки. Не иначе, драгоценный учитель постарался.

— Что-то ты совсем думать разучился, падаван, — ласково пожурил он, помогая встать. — Дважды за день на одни грабли наступить — это надо сильно постараться.

— А он в Машку втюрился! — не к месту встряла птица Гамаюн. — Тили-ти-ли тесто, Иван да Марья, жених и... — не глядя протянув руку, я сдавил ей клюв. — М-ме... м-ме..

— Отпусти птичку.

— Грррр...

— Отпусти говорю, олух, — меня грубо оттащили в угол и загородили от других. — Перед людьми стыдно, право слово, — забубнил учитель над ухом. — Не оперативники, а театр античной комедии на гастролях. Успокойся! — последнее слово хлестнуло, будто бичом, и я начал приходить в себя. Перед глазами развеялась стылая муть, нос прочистился и задышал, мышцы одна за другой расслабились. — Пока они будут топорами меряться, ей ничего не грозит, так?

Я подумал, и кивнул, но сразу спросил:

— А потом что?

— Потом? — наставник нехорошо улыбнулся. — Мы всё продумаем. Подготовимся. А потом пойдем и...

— Нужно взять корабль штурмом! — я опять рванулся.

— Подожди, — с нажимом сказал наставник, придерживая меня за пояс. — Ты когда-нибудь на кораблях бывал? Куда бежать, где искать, знаешь?

— Да я... Да их... Да я там всё разнесу!

— Не пойдет, — к нашей маленькой беседе присоединился Олег. — Ссориться с исландцами мы не можем. Слишком выгодные партнеры.

— Всё о деньгах думаете, а там человек пропадает.

— Викинги — основные поставщики рыбы в Мангазею. Поссоримся — и на город обрушится голод.

— Но Машка же!

— Нужно действовать с умом, — подкатился подвижный, как ртуть, деда Фира. — Соберем магов, применим заклинание усыпления...

— Да не, тут нужно по-другому: заслать казачка, предложить выкуп... — внесла предложение Зинаида Карловна.

Закатив глаза, я ушел, от греха подальше. Пока они там судить да рядить будут, Машку, может быть, уже...

— Идем, — я не заметил, что вслед за мной из стакана спустился Олег.

— Куда?

— К викингам, конечно. Заберемся на корабль, а там по обстоятельствам, — на ходу воевода обернулся, кинув на меня критический взгляд. — Ты насчет подраться, вообще как?

— Грррр...

— Только без смертоубийства. Нам с викингами ссориться не с руки...

Воевода бодро трусил меж контейнеров, ориентируясь по номерам. Я и сам уже примерно представлял, куда идти: высмотрел с верхотуры. И собирался этот самый план осуществлять в одиночку. Просто Олег меня немножко опередил.

— Слушай, а у тебя же завтра какие-то важные дела... — вспомнил я слова Сварога. — Может, лучше я сам? А ты на причале постоишь, покараулишь.

Сказав это, сам понял, какую сморозил глупость. Предложили бы мне постоять на шухере, пока самая развлекуха где-то в другом месте...

— Завтра не какие-то там дела, а Суперкубок Мангазеи. В честь Князя Игоря. Я участвую.

— Ну тем более... Тебе же, наверное, готовиться надо... В форму себя привести...

Нудил я так, для очистки совести. Очень не хотелось лезть к викингам в одиночку.

— Я всегда готов, — подмигнул на ходу Олег. — Да и вообще... Первейшая обязанность воеводы — защищать гостей города. Так что всё путем. Щас быстренько заберемся на корабль, отыщем твою девчонку, еще и время на отдых останется.

Вблизи корабль был куда больше, чем из офиса начальницы порта. Бок его возвышался над пристанью как громадная, ржавая, вся в потеках и проплешинах, скала. Пахло мокрым железом и водорослями.

— И как мы на него заберемся? — признаться, я впервые видел такую махину. Куда до нее драконам!

— Как все пираты, — ухмыльнулся Олег. — По якорной цепи.

Он споро снял с себя обмундирование: броник, форменный китель с нашивками, португую с тяжелым, черным и грозным на вид пистолетом. Потом отстегнул ножны с большим ножом, из-за голенища ботинка вытащил пару маленьких...

— Ты прямо как Машка, — подивился я. — И чего вам без этих плюющихся смертью штук не живется?

— Ну, дак мы же не наркоманы. Огненными стрелами, чуть что, пулять не привыкли... Извини. Я не хотел тебя обидеть.

— Ничего, — я постарался расслабить челюсти. — Я привык.

— Нет, правда... — протянув руку, Олег коснулся моего плеча. — У меня младший брат — маг. Так что я...

— Проехали, — через силу улыбнулся я. — Ты зачем оружие снял?

— Корабль — суверенная территория другого государства. А я — представитель власти. Когда в мундире...

— Ясно. Значит, будем изображать забулдыг, перепутавших корабли?

— А это мысль, — оживился Олег. — Поймают — скажем, что мы кочегары с «Броненосца Потемкина», во-о-он его флаг виднеется. Полезли!

— Подожди. А барахло? Так и бросишь посредеь дороги?

— Точно, — взяв в охапку всё сразу, Олег подошел к какому-то выступу и аккуратно сложил на него сначала броник и куртку, затем оружие, а поверх всего — бляху воеводы. — Вот так никто не споткнется... — и он опять подмигнул.

Чуть всё не полетело к чертям, когда я не смог пролезть в дыру, в которую уходила якорная цепь. Олег, извернувшись ужом, как-то просочился, а я опять застрял.

— У кого-то слишком узкие двери... — я сердито дергался, обдираясь о железо, но плечи никак не хотели пролезать.

— Нет, это кто-то слишком много ест... — в ответ пробурчал Олег, подтягивая меня за руки.

Наконец, почти сломав пару ребер и истратив все крепкие выражения, я

вывалился на палубу. Откуда-то из-под нее шел равномерный глухой гул. Будто кто-то со всей дури лупит в огромный барабан... Да чем они тут занимаются?

— Идем, — Олег, пригибаясь, подбежал к овальной, утопленной в металлическую стену двери. — Пора преподать урок толпе северных варваров.

Честно говоря, могли бы не мучиться, а спокойно зайти через парадный вход. Внутри, в кубрике или кают-компании — не знаю, как правильно, дым стоял коромыслом. В прямом смысле.

Из громадных, во всю стену, динамиков редела музыка. Что-то очень тяжелое, лязгающее, прерываемое утробными драконьими взрыкиваниями и высокими гитарными запилами. Басы глухо и ритмично резонировали с железными переборками. Бородатые мускулистые ребята, одетые в основном в кожаные штаны и рогатые шлемы, ревели в такт, потрясая над головами разнообразным оружием. Мышцы на их голых и потных торсах перекатывались, как вареники в сметане.

У дальней стены высилась раскрашенная разноцветными кругами мишень, утыканная топорами, ножами и горящими стрелами. Вот откуда дым. Как им вообще пришло в голову стрелять в помещении?

— Поджига-а-ай! — услышав знакомый голос, я тут же вскинулся, как охотничий спаниель.

Глазам своим не поверил, честное слово. Пришлось протереть хорошенько, и всё равно в голове не укладывалась картина... Я узнал её только по волосам. Охристо-рыжие, они расплескались по плечам, прикрытым тонкой серебряной кольчугой. На голове — рогатый шлем, в руках — громадный лук. На лук натянута горящая стрела...

Вот тренькает тетива, и стрела вонзается в самый центр, расщепив древко предыдущей. Восторженные крики перекрывают рев музыки. Машку подхватывают на руки и, как богиню, несут по кругу, скандируя: Брюнхильд! Брюнхильд! Брюнхильд!

Она же, гордо улыбаясь, посылает воздушные поцелуи...

Глава 8

Маша

Конечно, я знала, что Ванька прибежит на помощь, как только узнает, что меня похитили. Надеюсь правда, что случится это несколько позже... Чертова птица. Хотя нет, это я сама виновата: испугалась, когда они меня схватили. Запаниковала, принялась брыкаться, кричать... Потом конечно успокоилась, сообразив, что прямо сейчас меня не убьют. А корабль викингов интересно посмотреть.

В целом они оказались совсем неплохими ребятами, даром, что в дурацких рогатых шлемах, да еще и с ног до головы татуированные. Чего только на этих татуировках не было! И косматые рыбы, и зубастые мечи... По-нашему ребята болтали довольно сносно, только смешно коверкали слова, будто говорить их учили на каком-то хуторе, близ Диканьки. И шепелявили немилосердно.

Как сказал их Набольший, Сигурд Длинные Руки, в первую очередь викинги славны битьем. Дерутся с любим, кого видят, а если все уже разбежались — между собой. Чтобы навык не терять. Второе, чем гордятся викинги — это бухлом. А так как в море пить им не дают, то остается мутузить друг дружку — вот зубы-то и повыбивали... Еще они любят воровать. Тащат всё, что не прибито гвоздями. Особенно девушек. Их не очень часто прибивают гвоздями, поэтому и воровать легко — так Сигурд и сказал...

Ну, а в промежутках между бухлом, битьем и ворьем они ловят рыбу. Потому что викинги — самые лучшие рыбаки. Лучшие рыбаки, лучшие мореплаватели, лучшие воины, лучшие любовники... Словом, выйти замуж за викинга — мечта любой здравомыслящей девушки. А значит, и моя. Доказывать обратное бесполезно.

Когда меня привезут в Кеблавик, сообщил Сигурд, то устроят настоящую Большую Драку. Соберутся парни со всего острова. Но он, Сигурд, всё равно победит, потому что вот уже ровно полчаса, как влюблен без памяти. А еще ему очень скучно, потому что второй день в порту, а подраться не с кем.

Я презрительно фыркнула: не надо опережать события, — это по поводу любви; а вот насчет подраться — пожалуйста, со всем нашим удовольствием. На берегу — куча дружинников. Давай пойдем и начистим им рыла.

А я под шумок улизну...

Сигурд понурился. Оказывается, в прошлую навигацию они уже чистили рыла дружинникам. Но тех оказалось больше, они скрутили доблестных викингов и посадили в поруб, на неделю. А еще такой штраф наложили, что пришлось пол-улова отдать. Второй раз без богатой добычи плыть домой стремно, другие капитаны засмеют, а то и корабль отнимут, за долги... И вообще: я должна выйти за него, Сигурда, прямо сейчас, не дожидаясь Больших Игр. Потому что он — самый лучший кормчий, и знает тайный путь в Гардарику прямо через поля ручных айсбергов, которых пасут Йотуны...

— А как же остальные? Разве честно будет оставить их без законного развлечения?

— Это фигня, — машет рукой Сигурд. — Еще одну дивчину покрадем. Потому что викинги славны ворьем...

— Да да, я помню. Но видишь ли, друг сердешный, выйти за тебя просто так я не могу, потому как и сама родом из племени боевых амазонок. У нас замуж

выходят только за того, кто победит девушку в честном поединке.

— О! Так то ж гарно! — радуется наивный исландский вьюнош. — Будем как Зигфрид и Брюнхильд! Он смог победить прекрасную деву в честном бою, и она отдалась ему той же ночью!

— Повторяю: не будем опережать события. Но имей в виду: победа должна быть честной. Надеюсь, ты учиываешь, что на кулачках я с тобой драться не стану.

— А что тогда? — светлые бровки над синими, как арктический лед, глазами ползут вверх по синему от татуировок лбу...

— Как что? Будем соревноваться в стрельбе. Из чего хочешь, хоть из базуки, если найдется такая на твоей дырявой лоханке...

— «Молот Дьюрина» не лоханка! Это самый быстроходный траулер в трех морях...

— Конечно, дорогой, извини. Просто я в роль вхожу. Как берсерк.

— О да! Берсерки — славногоучие воины... А ты что, одна из них?

— Да нет, что ты, милый. Я белая и пушистая.

— Белая? — и щупает двумя пальцами мои волосы.

Молча закатываю глаза.

В общем, поединок решили организовать прямо на корабле — чтобы администрация порта не придиралась.

Из самого большого трюма убрали тюки и контейнеры, временно вытащив всё добро на палубу. Кто-то приволок громадный бочонок с пивом — ну какой праздник без бухла? Затем установили громадные, до потолка, колонки — больше всего викинги любят громкую музыку. Опять же, кто бы сомневался? Вишенкой на торте была жареная свиная туша. От нее так вкусно пахло, что пришлось оторваться от трудов праведных и быстренько заморить червячка... Когда от жаркого остались одни косточки, а от пива — пустой бочонок, всё было готово.

Соревноваться решили в трех видах единоборств: метании ножей, швырянии топоров и стрельбе из лука. Из огнестрельного оружия внутри железного трюма, по здравом размышлении, решили не палить...

Под вопли «Брюнхильд!» и «Зигфрид» мы с Сигурдом медленно сошлись в противоположном от мишени конце трюма.

— Если я выиграю, ты меня отпустишь, — сказала я очень громко.

— Айе. Если выиграшь... — Сигурд оглядывается на толпу собратьев, и многозначительно подмигивает, — Я тя отпущу. Нахрена мне жинка, которая более, чем я, горазда? — команда раздражается подобострастным смехом.

Ах так?

— Если ты, редиска, проиграешь, то не только отпустишь меня на берег, но и отдашь половину улова.

Следует задумчивое чесание под шлемом и потягивание за косички бороды.

— На хренашь?

— В соревнованиях положен приз. Если выигрываешь ты — получаешь жену, правильно? Она будет тебе готовить, приносить пиво, а ты сможешь её бить, унижать, ну и заниматься сексом, конечно... — синеглазое лицо озаряется сладкими мечтами. — Но ведь я тоже должна что-то получить, если выиграю, — повернувшись к толпе, я громко спрашиваю: — Верно, ребята? Ведь бу-

дет только честно, если я, победив Сигурда, получу приз?

Громкий скрип мозгов, вкупе с волной почесываний и похмыкиваний. Потом вперед выходит еще один викинг, с круглым, как бочонок, пузом и длинными рыжими косами. Подкручивая сивый, свисающий до пояса ус, он оглядывает меня с ног до головы, а затем снимает рогатый шлем и бьет в него кулаком. Звук получается, как если лупануть черпаком по пустой кастрюле.

— Я, Боб Квадратные Штаны, считаю, что мальчика велика дивчинка тоже достойна приза, потому как при поимке дралась, как морской черт.

— Айе, Боб!

— Всех рва-порва!

— Даешь призы!

— Но должно к этому решению внести уточнения: если дивчинка выиграла, ты, Сигурд Длинные Руки, отдашь ей СВОЮ часть улова.

— Айе!

— Всё точь!

— Красава, Боб!

Капитану отступить некуда. Клан высказал свою волю.

— Кривенс, — бормочет себе под нос Сигурд, я презрительно поднимаю бровь.

— Ну, если ты испугался...

Тогда он тоже снимает шлем и бьет в него кулаком.

— Айе! Если ты выиграешь, я тебя отпускаю и отдаю свою часть улова.

Под общие радостные клики мы скрепляем сделку, лизнув большие пальцы и приставив их к друг другу. Сделка большого пальца среди викингов нерушима.

Пока готовится оружие, я нахожу совсем молодого парнишку в шлеме, похожем на слишком большую для его головы миску.

— Тебя как звать?

— Слегка Чокнутый Мыш, хозяйка.

— Очень приятно... А скажи-ка мне, Слегка Чокнутый Мыш, доля Набольшего — это сколько?

Тот закатывает глаза, затем что-то прикидывает на пальцах и наконец называет сумму в золотых Мангазейских монетах. Я долго хлопаю ресницами, затем мелкими шажками отодвигаюсь к стеночке и опускаюсь на лавку. Это надо как-то переварить... Сколько, например, это будет в пулеметах? Ну, не так уж и много, с такой суммой я как-нибудь справлюсь. Ласточке свадебный подарок надо будет сделать. Ваньке, Базилю... Да, а это, на самом деле, проблема. Что подарить всемогучему чародею, который всё, что захочет, достает из кармана жилетки? Ладно, раздумья оставим на потом. Сначала нужно победить.

...Когда, торжественно пронеся три круга по залу, меня опустили на пол прямо перед обалдевшим Ванькой, из-за спины которого совсем неожиданно тараялся сыскной воевода, я так растерялась, что сболтнула первое, что скакнуло на язык:

— О, привет. А вы что здесь делаете?

— Так так... — прокурорским тоном начал мой напарник. — Развлекаемся? Мы с бваной с ног сбились, все глаза себе выплакали, все руки до локтей стер-

ли, сыскного воеводу вот в помощь привлекли, а ты...

— Кривенс.

Это сорвалось само собой. Наверное, успела от викингов нахвататься...

— Чего? — не понял Ванька.

— Ничего, — извинилась я. — Ладно, пошли отсюда.

И только я повернулась к двери, как на плечо опустилась рука. Тяжелая и твердая, выражающая намерение никуда меня не отпускать. На другом конце руки был Набольший Сигурд. Сдвинув брови, он развернул меня к себе и сурово покачал головой.

Честно говоря, мне просто очень хотелось в туалет. А спрашивать у борода-тых дяденек, где тут у них гальюн, я не стала бы и на краю гибели.

— Ну что еще? Я же выиграла!

Капитан вытащил из-за спины вторую руку, в которой была зажата бутылка. Этикетка гласила: «Рагнарёк» и шрифтом поменьше: «Русская водка». Понятно. Победу, значит, непременно нужно sprysnut'. А то не засчитают...

Повернувшись к братьям, Сигурд воздел руку с бутылкой к потолку.

— Чем славны викинги? — заорал он так, будто его режут.

— Битьем! — дружно закричали мужики в рогатых шлемах.

— А еще чем?

— Ворьем!

— А ЕЩЕ ЧЕМ?

— БУХЛОМ!!!

— А еще чем?

Это заставило их задуматься.

— НУ! — подбодрил Набольший.

— Кривенс!

— Всех рва-порва!

— ЧЕМ ЕЩЕ СЛАВНЫ ВИКИНГИ?

— БИТЬЕМ, ВОРЬЕМ И БУХЛОМ!!!

— Бух-лом! Бух-лом! Бух-лом! — начали скандировать славные исландские парни, ударяя в шлемы, как в барабаны.

Опаньки. А пить-то я не умею. Может, и удачно Ванька с воеводой за мной зашли...

— Вань, а Вань? А у тебя случайно нет такого заклинания, чтобы пить и не пьянеть? — и я мило, как только могла в подобных обстоятельствах, улыбнулась.

— Ты с ума сошла?

— Победу обмыть нужно. А то меня на берег не отпустят, — про денежный приз я решила пока ничего не говорить. Сюрприз будет.

— Как так не отпустят? — переспросил Ванька. — А вот мы и спрашивать не станем... — и он цепко оглядел веселящихся викингов.

Беря во внимание то, что их было где-то человек по тридцать на каждого из моих защитников, бой представлялся многообещающим.

— Вообще-то мы с Сигурдом поспорили, — сказала я, ковыряя носком ботинка палубу. — И я выиграла. Так что всё путём. Только вот... — я подбородком мотнула на толпу.

— Вор-ьем!

— Бить-ем!

— Бух-лом...

— Придется пить. — вынес вердикт Олег.

— Чего? — тупо спросили мы с Ванькой хором.

— Нам с викингами драться не с руки, — объяснил сыскной воевода. — Так что придется перепить.

— У тебя завтра соревнования, — напомнил Ванька. — А сегодня к ужину мама с папой ждут...

— Они очередную боярскую дочку притащат, — пожаловался Олег.

— Ладно, — мой напарник всем своим видом старательно подчеркнул, что делает нам ПРОСТО ОГРОМНОЕ одолжение. — Значит, будем пить.

Посидев с ними немножко и аккуратно выливая водку на пол, я незаметно ушла. Веселье было в самом разгаре: Сигурд, обняв Олега за плечи, учил его настоящей варяжской песне, а Ванька развлекал ребят тем, что, оживив шахматные фигурки, заставлял их драться между собой...

Воспользовавшись якорной цепью, я спустилась на причал.

— Опрометчиво с твоей стороны оставлять старшего падавана одного, — слышалось над самым ухом.

Я так и подскочила. Только что никого не было, разве что муха какая-то жужжала, раз — и рядом стоит Лумумба. Шляпа набекрень, бакенбарды взбиты, на жилетке вышитые золотые рыбки так и машут хвостами.

— Он там не один, а с сыскным воеводой.

— О, ну тогда всё в порядке. Будет кому этого олуха до дому дотащить.

— Откуда вы знаете, что они там делают? Подглядывали, да?

— Побольше почтения к начальству, девушка. Идем. У нас много работы.

Крепко схватив за локоть, наставник повлек меня от пирса. Честно говоря, устала я, как собака. Хотелось просто посидеть где-нибудь в тишине, перевести дух. В конце концов, меня чуть замуж не выдали!

— А Ванька? — спросила я, углядев в этом аргументе призрачную надежду.

— Как ты правильно заметила, он там занят. А у меня бессонница, так что почетная обязанность ассистента временно переходит к тебе, младший падаван, — и наставник, не обращая внимания на моё сопротивление, резво зашагал в сторону города.

У меня-то никакой бессонницы нет...

— А птица где? — даже непривычно было без её комментариев, по поводу и без. — Это она вам про меня наябедничала, да?

— Скажи спасибо. А то была бы уже на выходе из Кольского залива в Белое море...

— Будет пугать-то. Я с ними сделку заключила. Точнее, с капитаном. Выиграла всю его долю... Так что смогу с вами рассчитаться.

— За что?

— Ну, за вчерашнее, — чтобы успевать за учителем, приходилось бежать вприпрыжку. — Честно говоря, я как тот магазин увидела — крышу снесло напроць. А вы, Базиль, были такой добрый... Я потом поняла, что это из-за бывшей.

— Перестань. Всё уже в прошлом.

— Ага, как же. Развела, как маленького...

— Что ты несешь?

— Вертит вами как хочет, а вы и рады...

Базиль остановился. Осоловело на меня посмотрел — белки глаз у него были в синих прожилках, и очень походили на вареные, слегка залежалые яйца.

— Что ты сказала?

Закатив глаза, я приготовилась объяснить еще раз, но он только махнул рукой.

— Ладно, идем. Надо выпить.

— Да не пью я!

— Чай. Я говорил о чае.

Чайная нашлась неподалеку от порта. Называлась просто и без затей: «Три Медведя». Я заказала себе кофе с шоколадом и взбитыми сливками, а Лумумба взял стакан крепкого чаю. Выпив, спросил еще один, а затем — еще. После третьего он откинулся на спинку стула и приказал:

— Рассказывай, что узнала про убитую.

— А почему вы не хотите поговорить о своей бывшей жене?

— Потому что не о чем говорить.

— Стесняетесь, да? А вы её, между прочим, до сих пор любите...

— Это не твоё дело.

— А вот и моё.

Закрыв глаза, Лумумба устало потер виски, несколько раз вздохнул, а потом строго на меня посмотрел:

— Я начинаю думать, что ты специально тянешь время.

Блин. Быстро он меня выкупил.

— Да ничего я не тяну... Чего рассказывать-то?

— Ты же в театр отправилась, верно? Чтобы разузнать, что за певец к ней ходил.

На столе вдруг оказалось много очень интересных царапинок.

— Ну... На самом деле, до театра я не дошла... Гамаюн вам разве не сказала?

— Представь себе, нет. Только, что тебя похитили.

Я тяжело вздохнула.

— В поисках театра мы с Гамаюн вышли на площадь. Такую большую, в центре города, знаете? Красивую такую... Там еще здание это, на небоскроб похожее. С буквами MOZK наверху...

— Ближе к делу, сударыня.

— Я увидела огромный шатер в сине-белую полосочку, и решила посмотреть, что это... Оказалось, цирк, представляете? С клоунами, красным манежем и настоящим львом в клетке!

— Значит, вместо работы вы, сударыня, отправились развлекаться. Не ожидал... Ладно бы, Ваня. От его неокрепшего рассудка всего можно ожидать, но вы...

Я уже поняла, что Лумумба переходит на «вы» в крайней степени раздражения. В такие моменты он становится предельно вежлив. Наверное, чтобы не навредить никому, ненароком.

— Сами-то хороши. Вздумали за зомби посреди города гоняться.

Упс. Сейчас он меня точно превратит.

— Я тебе этого не рассказывал, — вкрадчиво произнес наставник.

— Кот проболтался. Он о том, что в городе творится, всё-всё знает.

Лумумба несколько секунд смотрел на меня, как удав на цыпленка, а потом встряхнулся и щелкнул пальцами, подзывая официанта.

— И как ты оказалась на корабле викингов?

— Они тоже были в цирке.

— Ну конечно. И как я сразу не догадался?

— Там был метатель ножей. Он попросил кого-нибудь из публики подняться на сцену... Я и пошла.

— Так он метал в тебя ножи?

— Вот еще! Что я, дура, давать незнакомому фраеру кидать в себя острые штуки? Это я в него метала. С завязанными глазами. Причем ножи, при ближайшем рассмотрении оказались тупые, и по-настоящему фраер их не кидал, а только делал вид — из доски в нужных местах выскакивали лезвия, стоило нажать на рычажок... Совсем неинтересно. Так что я свои взяла, из рюкзака. Представляете, как он удивился, когда его вместо меня привязали? — я вспомнила бледное, в тон с манишкой, лицо метателя, и засмеялась. — Жалко, что Ласточки не было. Вот она бы показала настоящий класс...

— А привязывали, видно, викинги?

— Ну да. Им тоже не понравилось, что ножи тупые. А когда представление закончилось, я пошла еще раз посмотреть на льва...

Дальше рассказывать не хотелось. Глупо же я выглядела: визжащая, брыкающаяся, и с мешком на голове.

— Ясно всё с тобой, — Базиль поднялся и бросил на стол несколько мелких монеток. — Значит, заглянем в театр сейчас.

Но в театр мы снова не попали, потому что, выйдя на злополучную площадь, увидели отряд дружинников. Они пронеслись мимо, бряцая оружием и грохоча ботинками по брусчатке.

— Ходу! — подхватив меня под локоть, наставник ускорил шаг.

— Думаете, опять что-то случилось?

— Уверен.

Переулок, в который втянулись дружинники, с обеих сторон огораживали шикарные заборы. Тут были и кованые решетки, и розовый, с искрой, камень, и филигранные, с копьями по верху, ворота. За заборами угадывались новенькие, буквально с иголочки, особняки. Под красными черепичными крышами сверкали свежeweмытые окна с кружевными занавесками, с горшками герани на подоконниках, с гортензиями в палисадниках и ровными, как футбольное поле, стриженными лужайками. Я даже удивилась: что могло случиться в таком красивом месте?

За оцепление нас не пустили. Дружинники стояли намертво, окружив место происшествия высокими щитами. Толпа перед оцеплением волновалась, высказывая разные версии и соображения, но видеть — ничего не видела. Я уже высматривала лазейку в оцеплении, но Лумумба поймал меня за шиворот и стал пробираться сквозь толпу назад.

— Вы что, вот так просто уйдете?

— Помолчи, — повернув за угол, он оглянулся, проверяя, что нас никто не видит. — Сыскной воевода сейчас где?

— С Ванькой, у викингов. Вы же сами...

— Правильно. И никто об этом не знает.

— Так может, сбегать за ним? Тут же явно что-то серьезное...

— Мы ему потом всё расскажем.

— О... — я, кажется, поняла, что он хочет сделать. — Но... вам не кажется,

что это неправильно?

Наставник, взяв меня за плечи, заглянул в лицо.

— Подумай сама: это по нашей вине сыскной воевода не на работе?

— И если узнают, что он там веселится... — я кивнула. — А что со мной?

— Подождешь тут.

— Ни за что. Куда вы — туда и я.

— Ты слишком приметная.

— Ну, так замаскируйте и меня тоже. Или превратите.

— А не испугаешься?

— Ванька же не боится.

Посмотрев на наставника в очередной раз, я вздрогнула. Передо мной стоял Олег — точно такой, каким я его помнила: темные волосы зачесаны назад и спускаются кольцами почти до плеч, глаза под густыми бровями смотрят ласково и чуть насмешливо, тонкая линия бороды оттеняет волевой подбородок... Пришлось напомнить себе, что это вовсе не он.

— Готова? — и Олег, вытянув руку, коснулся моего лба.

Я чихнула. Очень сильно, будто всем телом. Земля приблизилась, а забор, кусты сирени и наставник стали гораздо выше. Нос вдруг сделался главным: запахи обрели цвет и заколыхались в воздухе, как северное сияние. Самый густой, плотный и осязаемый широкой полосой тянулся сквозь толпу, цепь дружинников и уходил за щиты. Насторожив уши, я посмотрела в ту сторону и негромко тьякнула. Звук получился смешной: щекоткой прокатившись по горлу, он лягушкой соскочил с языка. Для собственного удовольствия я тьякнула еще несколько раз, а потом, от избытка чувств, завиляла хвостом. Тоже интересные ощущения...

Подпрыгнув, я ткнулась передними лапами в грудь наставнику и лизнула ему щеку. Ух ты! Как интересно-то! Выглядит как Олег, а пахнет, как Лумумба: земляничным мылом, кремом для бритья и табаком. Затем — легкий запах пота, металла и пороха. А поверх всего — запах корицы. Стойкий и густой, как патока. Он буквально сочился из его пор, пропитывая окружающий воздух и развеваясь длинным шлейфом позади. Наверное, пользуясь только этим запахом, я могла бы проследить все перемещения Лумумбы по городу, с самого нашего приезда.

Подул легкий ветерок. Он принес запах горящих дров, сдобной выпечки, горького дыма и теплого цыплячьего пуха... Забыв обо всем, я забегала кругами, наслаждаясь своим гибким телом, сильными лапами и острым нюхом. О дивный новый мир! О прекрасная и удивительная жизнь! Почуввав совсем рядом, под корнями молодого дубка, мышиную нору, я бросилась самозабвенно рыть, в стремлении добраться до горячих и вкусных комочков жизни...

— Ко мне, девочка, — позвал наставник. — А теперь успокойся, — голос подействовал просто магически. Сердце перестало подпрыгивать, восторженные взвизги, поднимающиеся из живота, как юркие пузырьки, утихли, а голова прояснилась. Я вспомнила, кто я на самом деле. — Идем. Держись рядом и не отвлекайся.

Напоследок он протянул руку и почесал мне за ушами. Такого экстаза, такого чистого животного наслаждения, я не испытывала никогда. Язык сам собой вывалился из пасти, глаза закатились, изо рта закапала слюна...

— Манюня! Приди в себя! — голос хлестнул, как кнут. — Мы же на работе.

Помотав головой, я всем телом выразила готовность слушаться и повиноваться...

Из-за щитов истекал ужас. Он имел багровый, набитый острыми колючками запах и вкус старого железа. Я застыла. Лапы просто не хотели идти дальше, а нос почти уткнулся в пыль.

— Батюшка сыскной воевода... — голос дружинника был голубым от облегчения. — Тут такое...

— Спокойно, боец. Разберемся.

Взяв за ошейник, Лумумба провел, или скорее, протащил меня за щиты. Чувствуя его уверенность, я тоже успокоилась. Подошла к огромной черной луже и принялась.

Запахи ударили в нос с новой силой. Мясо, костный мозг, свернувшиеся сгустки крови... И удивление. У него был цвет ледяного серебра. Оно переливалось, как следы слизи на росистой траве, а по краям темнело и дымилось. А еще была боль. Она была прозрачная и пахла снегом. Из горла вырвался скулеж, переходящий в тонкий визг, но рука наставника, легшая на голову, придала уверенности.

Глубоко вдохнув, я вобрала в себя всё, что было. Разум запоминал и сортировал детали, не разделяя их на важные и не важные. Всё: кто здесь находится сейчас, сколько народу побывало раньше, когда случилось несчастье... Личность убитого, точнее, убитой. Снова молодая девушка. Она красными вспышками проявлялась повсюду. Но было еще что-то... Что-то мимолетное, почти незаметное. Легкий ветерок сознания, которое испытывало бесконечную жалость и глубокую, безысходную печаль.

Кто-то очень сожалел, что ему пришлось здесь находиться и делать то, что он делает... Меня поразило, как громом. Так это же убийца! Это тот, кто убил девушку! И при этом не испытывал ничего, кроме печали и жалости... Ни единой нотки кровожадности, торжества или просто удовлетворения. Только горечь.

А еще пахло кашей и щами. Рассыпчатой гречневой кашей, заправленной топленным маслом и грибами, и супом из кислой капусты, который я терпеть не могла, а Ванька, например, считал изысканным деликатесом...

Лумумба где-то над головой разговаривал с людьми, и стараясь не наступать на следы, ходил вокруг лужи — его мысли имели задумчивый фиолетовый оттенок, а слова сочились синим и оранжевым. К нему обращались, как к сыскному воеводе.

Наконец, взяв за ошейник, он повел меня назад, сквозь оцепление и толпу. Отойдя на достаточное расстояние, учитель завел меня в какую-то подворотню и в последний раз положил руку на макушку... Я вновь чихнула всем телом.

И почувствовала голой кожей колючий ветер, а босыми ступнями — мелкие камешки. Пошатнувшись, схватилась рукой за стену, но всё равно упала на колени. Мир стал холодным, серым и пустым. Из него исчезла жизнь.

— Одевайся.

Передо мной упал тючок с курткой, штанами и ботинками. Наставник стоял, повернувшись ко мне спиной, и это снова был он, Лумумба, а не Олег. Стуча зубами, я натянула джинсы, майку, зашнуровала берцы, кое-как собрала спутавшиеся волосы в резинку и застегнула куртку до подбородка. Холод не

отступал.

— Вот, выпей, — Базиль протянул фляжку. — Метаморфоза отнимает много сил, так что нужно тебя накормить. — я, неловко стучаясь зубами о горлышко, сделала глоток и закашлялась. По-моему, это был чистый спирт. — Но сначала... Расскажи, что запомнила.

Глава 9

Маша

Чуть отдышавшись и глотнув еще разок из Лумумбиной фляжки, я попыталась вспомнить, что видела, когда была собакой. Закрыла глаза, сосредоточилась... Образы хлынули, как горный поток. В стробоскопических вспышках замелькали бледные испуганные лица, судорожно сжатые кулаки, вибрирующие высокие голоса...

— Не торопись, — подсказал Базиль. — Не пытайся объять необъятное. Сосредоточься на деталях.

Мысленно я постаралась восстановить то, что запомнила на месте преступления. Жирная, с черным отливом и белесой пеной на поверхности, громадная лужа крови. Она успела частично впитаться в дорожную пыль, но по размерам пятна можно догадаться, сколь много её было. Посреди этой лужи лаково блестит тёмный холмик. В сознании собаки он выглядел довольно аппетитно и пах соответственно, но, переведя собачье восприятие на человеческий язык, я зажала рот рукой и, добежав до ближайшего куста, согнулась пополам.

Тёмный холмик посреди лужи был ногой. Человеческой ногой, только лежащей отдельно, без всего остального человека. И нога была девичья: различался изящный изгиб стопы, маленькая круглая пятка, небольшое колено... Пышное бедро заканчивалось четким, как в мясной лавке, срезом, посреди которого белело круглое колечко кости, окруженное какими-то синими, на вид резиновыми, трубочками...

Мир завертелся и ушел куда-то в бок, рот вновь наполнился горькой, едкой слюной...

— Вот поэтому лучше вспоминать на голодный желудок, — Базиль сочувственно похлопал меня по спине. — Ну, ничего, ничего... Сейчас пройдет.

— Не пройдет, — сев на землю, я уткнулась лицом в колени. — Я больше никогда не буду есть, — опять мелькнуло видение трубочек, к горлу подкатил новый спазм, но в желудке ничего не осталось. Даже слюна кончилась.

— Всё проходит. Привыкнешь.

— Ага. Посидите голым задом на раскаленной сковородке. Может, тоже привыкнете.

— Думай об этом, как о головоломке, которую нужно решить.

— Тогда я — Алиса, а вы — Безумный Шляпник. Мы попали в Зазеркалье, и должны найти дорогу назад.

— Скорее, отыскать Червовую королеву.

Вдохнув запах влажной земли, я подняла голову. Попыталась думать отстраненно. Не охватывая всю картину целиком, а вспоминая отдельные детали, как советовал наставник.

— Это какой должен быть нож, чтобы так ровно отрезать?

— Циркулярная пила, например.

Я представила: привязанная к доске девушка медленно подъезжает к беш-

но возвращающимся зубьям пилы... Нет. Не отвлекаться. Думать только по делу.

— Были запахи. Боль, например, пахла, как снег.

— Всё имеет запах. Нищета. Горе. Радость...

— А еще — гречневая каша. И кислые щи со сметаной, — перебила я.

— Прямо на улице? Может, из ближайшего кафе занесло?

— Такой же запах был в борделе у госпожи Лады, — вспомнила я. — Когда мы с Ванькой зашли в комнату Лидочки, пахло кашей.

Солнце, как потерявшийся воздушный шарик, трепыхалось над горизонтом. Небо было очень белым, просто ослепительным. От него резало глаза и постоянно наворачивались слезы.

Лумумба верно подметил: этот город никогда не спит. По деревянным мостовым, ревом клаксонов разгоняя зазевавшихся прохожих, грохочут автомобили, магазины с огромными, во всю стену, витринами, предлагают такое море разных товаров, что разбегаются глаза, по тротуарам шныряют лоточники, от них пахнет жареной рыбой, пирожками и пивом.

Внимание привлекло яркое изумрудное пятно, и я подошла поближе, чтобы рассмотреть. Оказалось, это модный магазин, а в витрине красуются платья. Пышные, похожие на бутоны роз, юбки, расшитые жемчугом лифы... Я вздохнула. С теми деньгами, что я выиграла у Сигурда, я могу купить хоть десять. Только кого я обманываю? Надев даже самое дорогое платье, красивой не станешь.

— Кто-то сказал, что уже такое видел. — сказала я, отворачиваясь от витрины. — Вы слышали?

— Да. Один из дружинников. Пару месяцев назад мальчишка упал под поезд, и ему отрезало ноги. Что характерно... — взявшись пятерней за подбородок, Лумумба завис.

— Что характерно? — переспросила я, устав ждать.

Мы медленно брели по деревянному тротуару, на витрины я уже не обращала внимания. Привыкла, наверное.

— Ногу опознала одна из женщин. По шраму возле колена... Она сказала, что нога принадлежала их домработнице, Глаше. Девушка как раз сегодня не вышла на работу. Кстати, Глаша была немая. А мальчик, которого нашли на путях — сын этой самой женщины, ему тогда было двенадцать лет.

— То есть, всё сходится на этой тетке? Попавший под поезд сын, теперь — домработница. Так может, это она...

— Рано делать выводы, — оборвал наставник. — Нужно всё хорошенько разведать. Связь между этими событиями есть, я это чувствую. Вопрос — какая?

— Кому могли помешать молодые девушки? — спросила я. — Сначала — Лидочка, теперь — Глаша...

Обе они были... как бы это сказать? Незначительными. Не представляющими ценности. Шлюха и немая уборщица. И в то же время — не из тех, чьей пропажи никто и не заметит...

— А что вы узнали в княжеском тереме? — спросила я Лумумбу.

Захотелось отвлечься, переключить внимание. А то на каждом углу начнут мертвые девушки мерещиться.

— Одновременно довольно много, и ничего конкретного, — поморщился наставник. — Терем оборудован видеокамерами, на которых видно: в спаль-

ню, кроме княжеской четы никто не заходил. И в тереме тоже: никаких следов постороннего, а тем более, враждебного присутствия.

— Может, его всё-таки отравили? Бывают же яды, которые действуют не сразу. Подсунули в каком-то другом месте, князь спокойно пришел домой, и только потом почувствовал себя плохо...

— Они сделали анализы. И вскрытие. Яда не обнаружили.

— Я читала, бывают такие яды, которые имитируют сердечный приступ, например. Или спазм сосудов головного мозга. Нельзя это проверить?

— Тело сожгли, ты же помнишь.

— Но был же кто-то, кто делал это самое вскрытие? Его-то не сожгли...

Лумумба остановился и посмотрел на меня со странным выражением.

— Я как раз думал, не навесит ли мне доктора, который давал заключение о смерти. Есть его адрес...

— Нам. Не навесит ли НАМ доктора, который давал заключение. Я ваша ассистентка, не забыли?

— Тебе нужно отдохнуть. Поесть, выспаться... грешно эксплуатировать детей круглые сутки. Так что беги домой, под крылышко к коту, он о тебе позаботится.

— Ни есть, ни спать я теперь дней сто не смогу. И вообще... Бабуля всегда говорил: от душевных страданий лучше всего помогает работа. Так что ходимте, господин начальник. Где живет этот ваш доктор?

Лумумба достал из кармана бумажку, а следом за ней — очки с круглыми прозрачными стеклышками. Очки он нацепил на нос и попытался прочитать, что написано в бумажке. Собрал брови домиком, наморщил лоб, пошевелил губами...

— Дайте, я.

Нетерпеливо выхватив у него листок, я отвернулась.

— Почерк у сыскного воеводы... — смущенно пробормотала через минуту.

— М-да. Я б сказал, у него вообще нет почерка.

Повертев бумажку, я бессильно пожалала плечами.

— Поступим проще, — взяв листок, Лумумба остановил прохожего. — Любезнейший! Как пройти по этому адресу?

Прохожий, толстый усатый мужчина в сером лапсердаке и картузе, сначала тоже нахмурился, но тут же просветлел лицом.

— А! Это ж адмиралтейский госпиталь! — выдохнул он с облегчением. — Во-он шпиль, видите? Это он и есть. Вот по этой улице, квартала два. Не заблудитесь.

Госпиталь был построен из камня. Как айсберг возвышался он над деревянными теремами, а покрытая золотой жемчужной крыша, отражая солнечные лучи, создавала впечатление нимба.

— Очень похоже на церковь, — задрав голову, я пыталась рассмотреть фигурку на шпиле.

— Скорее, собор. Или храм, — Лумумба задумчиво читал выгравированные на бронзовой доске письма. — Основан в год тринадцатый от Распыления Великой Княгиней Ольгой Романовой. — произнес он вслух.

Взяв за руку, я потянула наставника в ворота.

За воротами оказался тенистый парк. По нему неспешно прогуливались

люди в серых теплых халатах — видать, больные. Само здание стояло в глубине, к нему вели высокое крыльцо и гладкий бетонный пандус. Рядом с пандусом стоял грузовик с красным крестом на боку, из нее выгружали кого-то, привязанного ремнями к каталке, с кровавым, быстро расплывающимся пятном на груди. Из-под простыни виднелись ноги в черных форменных штанинах и ботинках. К раненому бежали люди в зеленых халатах, таких же чепчиках и штанах. На нас никто не обращал внимания. Единственным, кто стоял неподвижно, был водитель скорой. Прислонившись к дверце машины, он неторопливо курил.

— Что с ним случилось? — спросила я, кивая на раненого. Каталка как раз скрылась за двустворчатymi дверьми.

— Поножовщина в тринадцатом доке, — водитель равнодушно сплюнул в пыль. — Грузчики взбунтовались.

— Взбунтовались?

— В тринадцатом доке загружают галеоны, — я всё еще не понимала. — Сухогрузы, которые возят золото. А докерам шестой месяц зарплату не дают.

Вспомнились платья с центрального проспекта. Жемчуг, бриллианты, золотая канитель...

— А где найти доктора Борменталья, не подскажете?

— Главврача? — подбородком он указал на здание. — Внутри пошуйте...

Кабинет главврача был совершенно не похож на остальную больницу. Там, в освещенных белым электрическим светом коридорах кипела шумная, но упорядоченная деятельность. Здесь же, за тяжелыми дубовыми дверьми, было тихо. Звуки глушили толстый ковер на полу и бархатные занавески. Свет, льющийся из-под зеленого абажура настольной лампы, создавал камерную, почти интимную атмосферу.

За столом, устроившись головой на бумагах, мирно спал человек. Лумумба громко кашлянул. Спящий не пошевелился. Пахло спиртом и почему-то йодом.

Пока мы осматривались, мужчина всхрапнул, приподнял голову и попытался устроиться на другой щеке. Блеснули стекла очков. Лумумба кашлянул еще раз. Храп прекратился. Затем голова поднялась и доктор, поспешно поправив съехавший на бок колпак, поспешно сел прямо. На первый взгляд он показался совсем молодым, едва ли старше Ваньки, и только когда снял очки, стали видны лучики морщинок у глаз и глубокие складки, избороздившие лоб.

— Ч-чем могу служить? — подслеповато прищурившись, он принялся протирать очки куском марли, извлеченной из кармана белого накрахмаленного халата.

— Нам нужен доктор Борменталь, — вежливо произнес Лумумба. Доктор пристально посмотрел на наставника.

— Вы — сыщик из Москвы, — сказал он. — Не думал, что вам будет интересна моя персона... Впрочем, присаживайтесь.

Я, конечно, удивилась, но потом сообразила: наверное доктор, как и сысканой воевода, пообщался с княгиней Ольгой. А она не скрывала, что отправила в Москву за помощью. Базиль, по-моему, тоже так решил.

— Моя помощница, — коротко бросил наставник в мою сторону, устраиваясь в гостевом кресле.

Что мне нравилось в Лумумбе, так это то, что он чувствовал себя свободно в любой обстановке. Не то, что я... Вечно ляпаю невпопад, и не знаю, куда деть руки.

— Итак... Чем могу? — встав из-за стола, доктор направился к ширме и скрылся за нею.

— Я хотел бы поговорить о результатах вскрытия Великого князя, — повысил голос Лумумба в направлении ширмы. Там зашумела вода.

Шло время. Наконец доктор вышел, вытирая обнаженные до локтя руки вафельным полотенцем.

— Простите, не могли бы вы повторить? Я ничего не слышал, — но, только Базиль открыл рот, доктор вновь заговорил сам: — Вторые сутки на дежурстве. То одно, то другое... Рубашку сменить некогда.

Бросив полотенце, он направился к шкафу на другом конце комнаты, открыл его и стал громыхать чем-то стеклянным. Базиль, сложив ладони домиком перед подбородком, терпеливо ждал. Доктор вернулся за стол, держа в руках трехлитровую банку и две небольшие колбы.

— Выпьем? — спросил он так буднично, словно такое предложение было здесь в порядке вещей. — Простите, о чем мы говорили?

Не дожидаясь ответа Лумумбы, он наклонил банку над колбой.

— Самогон тройной очистки, — пояснил доктор. — Крепость такая, что волосы на груди кучерявятся начинают. Так что вам, барышня, не предлагаю... — и подмигнул, хотя до этого не обращал на меня никакого внимания.

Приподняв свой сосуд, он опрокинул его в рот. Проглотил, смачно зажмурился, а потом потянулся к блюду, накрытому бумажной салфеткой. Снял её, тщательно осмотрел два засохших бутерброда с сыром, и брезгливо отставил. Поискал глазами по столу, обнаружил пузырек с йодом, и, свинтив крышечку, длинно и глубоко вдохнул.

Лумумба, понюхав из пробирки, осторожно поставил её на стол, так и не пригубив.

— Приходится гнать в медицинских целях, — объяснил доктор чуть севшим голосом. — Нормального спирта нет, а то, что они выдают за водку, даже не горит, — и он налил снова. Самогон был таким прозрачным, что банка казалась пустой. — Вообще-то я не пью, — пояснил он, опрокинув в себя вторую колбу. — Точнее, не пил. Но этот город... Эти белые ночи... Вот вы — африканец.

— Я москвич, — мрачно поправил Лумумба.

— Это всё равно. Я имею в виду, что полгода тьмы — это слишком.

— Зато потом полгода свет.

— Ваша правда, — доктор налил третью как бы уже между делом, хлопнул, занюхал йодом и продолжил, как ни в чем ни бывало: — Но оказывается, сплошной свет — еще хуже, чем тьма. Человек — животное упорядоченное. Ему нужно, чтобы солнце всходило каждое утро, и заходило, по возможности, каждый вечер. Я схожу с ума, — глаза его посоловели, язык уже чуть заплетался.

— Давно вы здесь? — спросил Лумумба, всё так же глядя на доктора поверх кончиков сложенных домиком пальцев.

По-моему, он Базилью не нравился. А вот мне доктора было жалко: спит на рабочем месте, питается какими-то столовскими бутербродами, еще и прибу-

хивать начал. Душу вот взялся изливать совершенно незнакомым людям...

— Приехал, как и все, за мечтой. Новый город в новом мире, — Борменталь налил себе новую порцию, поднес ко рту, подержал, а затем аккуратно вылил самогон назад в банку. Закупорил капроновой крышкой и отставил на край стола. — Думал, может, здесь будет по-другому, — он впервые посмотрел в глаза Лумумбе. — Но знаете... Люди не меняются. Меняются времена, условия, но люди? Мы только при-спо-сабливаемся, — сказал он по слогам. — Но не меняемся.

— Чтобы что-то изменить, нужно приложить усилия, — как-бы нехотя ответил Лумумба.

— Вы правы. Но...

Соскучившись, я потихоньку отошла от Базиля, и стала рассматривать корешки книг за стеклянными дверцами шкафа. «Практическая Анатомия». «Введение в физиологию». «Органическая химия».

В следующем шкафу, на специальных подсвеченных полочках, лежали довольно странные вещи. Мне стало интересно. Потемневший от времени огрызок на блюдечке с голубой каемочкой. Под ним, на бумажке, написано: «Яблоко молодильное». Под банкой, внутри которой в прозрачной жидкости плавала пластиковая фигурка супермена, раскрашенная в красное и синее: «Гоммункулус обыкновенный». Большая прозрачная бутылка, внутри — будто бы небоскребы, башни... На бумажке написано: «Город Кандор в миниатюре», и в скобках: пл. Криптон.

— В микроскоп можно увидеть улицы и даже жителей. — доктор, стоя у меня за спиной, тоже смотрел на бутылку. Пахло самогоном.

— Что это?

— Артефакты нового времени. Их продают с развалов в переулке Последних Вздохов. Я, знаете ли, коллекционер.

— Так они — магические? — к нам подошел Лумумба. — Странно, я не чувствую эманаций.

— Большой частью, они нет, — щелкнув тумблером, доктор выключил свет в шкафу и вернулся за стол. Казалось, он уже протрезвел. По крайней мере, язык не заплетался.

— Так почему вы не хотите говорить о князе? — спросил Лумумба. Борменталь захохотал ящиками стола. — Бросьте, доктор. Вы же знаете, без ответов я не уйду.

Тот вздохнул, с надеждой посмотрел на банку с самогоном, затем на дверь...

— Черт с ним, в крайнем случае, наймусь судовым врачом на китобой, — пробормотал он и вновь открыл банку. — Выпьем?

— А давайте, — решился Базиль. — Завьем волосы на груди... — я фыркнула.

Они чокнулись колбами, выпили, и на несколько секунд воцарилась тишина. Мне даже показалось, что на глазах наставника выступили слезы.

— Рассказывайте, — сказал он наконец очень мягко, почти по-отечески.

— Стыдно, — потупился доктор. — По Фрейду: удар по самолюбию для мужчины является самой болезненной из психологических травм.

— И что у вас за травма?

— Я, дипломированный патологоанатом с докторской степенью НГУ, не смог распознать, отчего скончался пациент. Вы ведь читали отчет?

— Ни в коем случае, — качнул головой наставник. — Мне нужны свежие впечатления.

— Впечатления... — взяв ланцет за концы, доктор поднял его на уровень глаз. — А впечатления таковы, что князь скончался «по щучьему велению».

— То есть, вы хотите сказать...

— Я — не хочу. Но другого объяснения просто не вижу. Князь был здоров, как бык. Я сам обследовал его не далее, чем месяц назад. У нас — очень продвинутая клиника. Самая лучшая в этой части Европы. МРТ, УЗИ, электронные микроскопы, зонды, рентгены, черти лыдые... У него был организм двадцатилетнего. Гемоглобин — сто сорок, давление — сто двадцать на восемьдесят. В прежние времена сказали бы, что с таким здоровьем надо в космонавты.

— Аллергия? Яд? Опухоль мозга?

— Цитология, гистология, биопсия... Ничего. Был человек — и нет его.

— И поэтому вы решили, что Игорь умер от магии?

— Если отбросить всё невозможное, то, что останется...

— Ясно. Значит, вы тоже думаете, что его убила княгиня.

— Не я! — доктор вскинулся, как цепной пес. — Ольга просто не могла... Вы бы видели, какой они были парой! Ой, простите. Кажется, я сморозил бестактность. Она же ваша бывшая...

— Ничего. Я привык, — оборвал Лумумба.

— Кроме того, по образованию Ольга тоже была медиком. Клятва Гиппократата.

— Есть такие болевые точки... — и доктор, и Лумумба, одновременно установились на меня. — Ну знаете, как акупунктурный массаж, только наоборот. Я читала.

Борменталь, вздохнув, поднялся из-за стола и подошел к окну. Резким движением отбросил портьеру. В кабинет проник слабенький серый свет.

— Когда человек умирает... — взяв лейку, он стал поливать фиалки на подоконнике, — Остаются следы. Изношенность или рубцы сердечной мышцы. Спавшиеся альвеолы в легких. Заворот печеночной вены, аневризма, оторвавшийся тромб, в конце концов. Я проверил ВСЁ. Послойные срезы — томограф позволяет делать снимки толщиной в микрон...

— То есть, любые физические э... аномалии, можно исключить. — констатировал Лумумба.

— Абсолютно.

— Подведем итоги: князь умер от неизвестных науке причин, а рядом с ним в этот момент была только его супруга. Магичка.

— Или, как принято говорить в Мангазее, ведьма. — закончил доктор, стоя к нам спиной и глядя в окно.

— И всё-таки я не понимаю... — давно стемнело. Это выразалось в том, что свет солнца стал сумрачным, тусклым, а на проспектах зажглись фонари. — Почему тело князя сожгли так поспешно? Буквально на следующий день. Конечно, напрашивается вывод, — Лумумба шагал очень быстро, я еле за ним успевала, — Что кому-то было не выгодно оставлять его э... во плоти. Может, кто-то знал о ваших способностях, и боялся, что вы допросите труп?

— Это было бы слишком просто, — отмахнулся наставник. — К тому же, не всякий труп знает, от чего умер.

— Думаете, они это из-за Ольги? Чтобы вы доказательств не нашли?

— Ничего я не думаю. Я спать хочу, — огрызнулся Лумумба.

Пер он, как таран, почти не разбирая дороги. Прохожие разбегались с его пути, как цыплята от кошки, а позади раздавались невнятные ругательства.

— Хотя нет... — продолжила я рассуждать вслух. — Им бы только на руку, если б вы тоже подтвердили её виновность...

— Перестань болтать. Зубы ноют.

Я опешила. И что я такого сказала?

Остальной путь до дому проделали молча. Молча свернули в наш переулок, сдавленный высокими, почерневшими от времени заборами, молча вошли во двор, подметенный и побрызганный водичкой заботливым котом. Раздраженно топоча взобрались на крыльцо, вошли в сени, отворили дверь в нашу комнату, и... Застыли на пороге, аки каменные статуи. За столом, в рядок на одной лавке, сидели Ванька, сыскной воевода и Сигурд. Все трое — пьяные в дым.

Глава 10

Маша

Такого мне еще видеть не приходилось. Они походили на картину Айвазовского «После бури»: сломанные мачты, разорванные и унесенные ветром паруса, пробоины в корпусе...

— Что случилось? — спросила я, когда прошел ступор.

— Да ничего особенного, — прошамкал Ванька. Здоровенная гуля под глазом наливалась фиолетовым, а челюсть, свороченная на бок, была трогательно подвязана косынкой в цветочек. — Мы там поборолись немножко...

Олег попытался сфокусировать на мне съехавшиеся к переносице глаза, но не смог и бессильно уронил голову на руки. Сигурд радостно оскалился. Двух передних зубов у него не было, и от этого его простецкая круглая рожа стала совсем как у младенца. Только погремушки и не хватает.

— Где Гамаюн? — прогремел Лумумба. Кажется, он нашел выход для своего дурного настроения. Ванька попытался ответить но, схватившись за челюсть, просто указал на печку. Оттуда доносился богатырский храп.

— Я же велел ей следить за вами, оболтусами! Что вы с ней сделали?

— Напилась, — подняв голову, лаконично сообщил сыскной воевода и опять рухнул вниз лицом.

— Чего? — это мы с наставником спросили хором.

— Споили ироды птичку, — в комнату вошел кот. В лапах у него был тазик с водой, а на шее — банное полотенце. — Вестник существо волшебное, нежное. Мозгов, опять же, как у курицы... А они ей — самогону, — поставив тазик на лавку, он смочил конец полотенца и принялся осторожными движениями промокать Ванькино лицо. Тот пыхтел, но терпел.

— Как вы здесь оказались? — по моему скромному разумению, они не то что ходить, а и сидеть толком не могли.

— Воевода приволок, — пояснял кот, не прерывая благотворительной деятельности. — Этих двоих, и птицу в придачу. А потом уж и сам свалился, сердешный, — отвлекшись от Ваньки, он нежно погладил Олега по голове. — За птичку не волнуйтесь! Проспится и будет как новенькая, — обратился он к наставнику. — Я ей с утра огуречного рассолу подам. А вот воевода...

— Но что здесь делает Сигурд? — перебила я.

— Говорит, какой-то долг отдать хочет, — викинг вновь улыбнулся. Будто включили щербатую лампочку.

Я закатила глаза. Как дети, честное слово. Ни на минуту оставить нельзя. И Лумумба тоже хорош: отправил присматривать за попойкой Гамаюн: существо, хронически неспособное устоять перед халявным угощением.

Разрываясь между праведным гневом и жалостью, я подошла к Ваньке. Погладила его по здоровой щеке.

— Бедненький... С ним всё будет в порядке? — я посмотрела на кота. Кажется, он единственный понимал, что делать.

— С ним-то что, а вот воевода...

— Да что ты всё заладил: воевода, да воевода! Он что, умирает?

Умирающим сыскной воевода не выглядел. Так, полумертвым разве что.

— Через два часа начинаются соревнования, — трагическим голосом возвестил кот. — Олег должен возглавить заплыв.

— Ага, — кивнул Ванька, попытавшись улыбнуться одной половинкой рта. — И мы с Сигурдом тож.

— Всемогущие лоа! — из-за печки появился Лумумба с храпящей вороной на руках. — Про гонку-то я совсем забыл.

Походу, все, кроме меня, были в курсе, об чем речь.

Когда мне всё объяснили, я тоже рухнула на лавку и уткнулась лицом в ладони. Это ж надо! Переплыть Кольский залив туда и обратно, попутно сражаясь с встречным течением, ветром, ледяной водой и множеством населяющих эту воду чудовищ. Магией пользоваться запрещено, а Ванька больше ничего не умеет...

Даже если бы он находился на пике формы, я бы сочла это особо изощренным способом самоубийства, а теперь...

— Базиль, запретите ему! Это же верный Смерть.

— А вот и нет, — возразил Ванька, придерживая челюсть. — Олежик уже три раза плывал, и ничего.

— Так он получается, привычный. Хотя... В нынешнем состоянии, я бы и ему запретила.

— Мне запретить нельзя. Я там главный, — простонал Олег и вновь уронил голову. Сыскной воевода был пьян в дрезину.

— Слышь, красава, мы теперь кровные братки, айе. И поплывешь всем скопом, айе. А если встретишь какую брюкву-редиску — кирдык её по кумполу! Всех рва-порва! Гэтьски на соревнова!

Кривенс. Ну что тут еще скажешь?

— Базиль, что вы молчите? Запретите им!

— Кто я такой, чтобы запрещать, если душа стремится к подвигу? — пожал плечами Лумумба. Птицу он укачивал на руках, как младенца.

— И сказали мне, что эта дорога приведет к океану смерти. И с полпути я повернула обратно. С тех пор тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы... — проскрежетала Гамаюн, не открывая подернутых белесой пленкой глаз.

— Да он же там ласты склеит, дубина! Он же, наверное, и плавать не умеет...

— Всё я умею, — промычал Ванька. — Меня бвана научил.

— Ну хватит! — гроыхнув тазиком, кот соскочил с лавки. — Кончилось моё терпение. Я пошел за хозяйкой.

Арины Родионовны я побаивалась. При первом знакомстве она показалась старушкой суровой и неумолимой. Кот, например, уважал её до судорог, и даже Лумумба выказывал известную долю почтения. Только чем она могла помочь прямо сейчас?

— Так так... — когда она возникла на пороге, высокая, с поджатыми губками, одетая в черный китайский халат с белыми иероглифами и платок с мандалой на лбу, даже Олег попытался выпрямиться. — И что тут у нас?

— Нае проблемо, хозяйка, — расплылся в улыбке Сигурд. — Энто — он указал на свои синяки, — Нью-Аннсы. Всех рва-порва!

— Маттушка... — пробасил Олег. — Я...

— Ясно всё с вами, — она подошла ближе. — Опять развлекались? — расстрельная команда покаянно свесила головы. — Теперь помолчите, все, — приказала строгая бабушка и забормотала, вроде бы себе под нос, но довольно громко: — А здесь что? — глядя на Сигурда, — Переломы? Прэлэстно, прэлэстно... Два ребра, одно в уме... Колено? Колено мы вправим, нае проблемо, а вот почки... Почки придется поднимать, — она перевела взгляд на Олега. — Гематома в лобной доле, батюшки мои, как замечательно! Ну ничего, это мы выосем, а это — подтянем... растяжение связок устраним, вывих плечевого сустава... Ай, с вывихом всё просто. Дальше! — старуха повернулась к Ваньке. — Челюсть на место, ручку — повыше, грудинку вправим, а в целом — ничего, заживет, как на собаке... Итак, ребятки, — она укоризненно оглядела в всех троих. Выношу вердикт: вы слишком много пьете.

Отойдя на пару метров, старушка покрепче уперлась в пол ногами в изящных лаптях и резко двинула руками, как каратист, ломающий кирпич.

— ИЧИ! НИ! САН, — провозгласила она громко, и пошла мыть руки.

Заполоскалась вода в ракумоунике, кот подскочил к бабке с вышитым пехухами полотенцем. Я оглядела нашу расстрельную команду... Ничего, никаких следов побоев — даже зубы у Сигурда были на месте, краше и белее прежних.

— Ну, теперь можно и на соревнования, — сказал Олег, поднимаясь из-за стола. — Спасибо тебе, Арина свет Родионовна! Век благодарен буду.

— С голодным брюхом не отпущу, — пробасила старуха, не поворачиваясь, и кивнула коту: — Матвей! Распорядись.

— Сей момент...

Распушив хвост, кот пулей вылетел за дверь. Вернулся, неся подмышкой свернутую скатерть.

— Готовить некогда, так что не обесудьте, гости дорогие, — деловито пробормотал он. — Раз хозяйка разрешает... ЭЙН! ЦВЕЙН! ДРЕЙН. - и, как фокусник, взмахнул лапками.

Скатерть белым облаком взмыла над столом, а потом опустилась, разгладившись до последней морщинки. Млея от восторга, я смотрела, как возникают на ней огромная миска с пельменями, блюдо с жареными пирожками, кастрюля с дымящимся огненным борщом, судки со сметаной, маслом, горчицей и медом, салатники с сопливыми, как детские носы, маслятами, маринован-

ной капустой, мочёной морошкой, вазочки с вареньем и даже баночка стущеного молока... Рот наполнился слюной, в желудке нестройно забурчало.

— А говорила, что год теперь есть не будешь, — съехидничала ожившая ворона. Подскакав к квашенной капусте, она запустила в нее клюв.

— Ты-то откуда знаешь, пьянь подзаборная?

— Это кто пьянь? Кто пьянь? И всего-то пригубила на посошок...

Сразу после завтрака мы отправились к морю. На пляже завывал пронзительный и кусучий, как голодный пес, ветер. Он лез под куртку, шебуршал загребущими лапами в карманах и громко хлопал штанинами джинс. С неба провисло трухлявое одеяло туч. Вода под ними казалась тяжелой и маслянистой, как ртуть.

— М-да... Самая погодка, чтобы искупаться, правда, Вань? А загар-то как хорошо липнет!

Он даже не повернулся. Так и стоял, ковыряя носком ботинка песок.

— Я тут узнала... — сделала я еще один заход. — В одну сторону плыть два с лишним километра. А потом обратно. Выходит, пять. А еще говорят, на том берегу — Зона.

— Кто говорит? — буркнул он, не отрываясь от своего занятия.

— Гамаюн.

— Всякой пьяни верить.

— И кот. И Арина Родионовна.

— Что мы, зон не видали?

К нам подошел Олег. То, что он всю ночь бухал и дрался, выдавали только глаза. В остальном сыскной воевода был орел-десантник. Брови вразлет, складками на форменных брюках можно колбасу резать...

— Готов? Сейчас будет первый заплыв, это недолго. А потом — мы.

— И что это всё значит? — спросила я.

— В первом заплыве участвуют выпускники Академии, победителей ждут места в княжеской дружине.

— Победителей? Их будет больше одного?

— Очень на это надеюсь, — серьезно кивнул Олег.

— Мой сын имеет в виду тех, кто останется в живых.

К нам подошел внушительных размеров дяденька, тоже в отглаженной военной форме и лихо заломленном на одну выгоревшую бровь берете.

— Знакомьтесь. Мой отец, главнокомандующий Сварог, — сухо сказал Олег.

— А что значит остаться в живых? — спросила я у Сварога. Мне он показался вполне симпатичным: седые короткие волосы, такие же усы, спокойные серые глаза. Чем-то он напоминал Таракана. Не внешностью, а, скорее, манерой держаться. Выправкой, что ли...

— Кандидаты должны продемонстрировать профессиональные качества. Доказать, что потратили время в академии не зря.

— А второй заплыв? — нетерпеливо спросила я.

— Чемпионы прошлых лет. Те, кто не боится схлестнуться со стихией вторично. Они могут плыть с оружием, усмехнулся Сварог. — Если захотят...

— Кто записался в этом году? — тихо спросил Олег.

— Мог бы и сам узнать, если б не шлялся всю ночь...

— Отец.

— Буба записался. Григорьев, Кошкин — это из наших.

— Коротышка Брюс?

— И Конан с ним, сожри его кракен. Скала тоже не опоздал. Я говорил тебе готовиться...

— Не беспокойся. Я готов.

— Вы сказали, им можно плыть с оружием... — я решила прервать чтение нотаций.

— Чемпионы должны не только переплыть залив, но и совершить марш-бросок по Зоне, — как-то слишком небрежно сообщил Сварог. Я красноречиво посмотрела на Ваньку, но он, отойдя подальше, что-то тихо обсуждал с Лумумбой.

Наставник вел себя странно. Такой же сумрачный и нахохленный, как птица на его плече, он созерцал набегающие волны и почти не шевелился. Может, он так переживает? Своим, унганским способом. Я же знаю: он Ваньку любит, как родного сына...

На берегу, вдоль всего пляжа, установили трибуны. Их плотно заполняла толпа: казалось, поглазеть на соревнования, невзирая на плохую погоду, собрался весь город. Играла громкая музыка, небо бороздили воздушные шары. По пляжу с горячими пирожками и пивом носились лоточники, от них, клянча монетки шутками и прибаутками, не отставали циркачи и скоморохи.

Весело у них тут, в Мангазее. Что ни день, то праздник. Все мельтешат, продают и покупают, даже дети не отстают от взрослых: разносят бутылки с пивом и лимонадом, вяленую рыбу, семечки, смешные шапки с плюшевыми рогами и махалки в виде огромных ладоней.

Я вспомнила своё детство. Если б мы, беспризорники, вздумали появиться на каком-то людном сборище, народ бы тут же позвал охотников. А здесь? Вон, идет пацан, с виду — тот еще плут, весь в рванине, и глаза как у голодного крысеныша... Походя, как-то лениво, мальчишка запустил лапку в карман прохожего, блеснуло что-то яркое, но никто даже не почесался. Эх, люди! Слишком кучеряво живут. Вот в нашем городе... И я себя оборвала. А может, это и неплохо, что все стремятся заработать? По крайней мере, искать выгоду — лучше, чем охотиться на бродяг.

Раздался вой противотуманной сирены, а в воздухе, прямо над заливом, вдруг развернулся громадный экран. На экране, увеличенные в несколько раз, плескались волны, среди них перекачивались, жирно поблескивая, черные щупальца.

— Морские змеи, — пояснил воевода Сварог. О тварях он говорил так ласково, будто чудовища — его любимые домашние зверушки.

— А если они кого-нибудь сожрут?

— На то и состязание.

Ладно, не хрен со своим самоваром в чужой огород лезть...

— А что это за экран? На чем он держится?

— Синтез магии и технологии... — командующий сварливо кивнул на помост, три дня назад занятый боярами. Там сидели несколько человек в надвинутых на глаза очках, больше всего похожих на приборы ночного видения.

— Это что, они наколдовали?

— Ну.

— Круто.

— Круче всего то, что удалось заставить этих дармоедов работать, — фыркнул Сварог. — Смотри: сейчас объявят первую двадцатку.

На воздушном шаре прокашлялся громкоговоритель.

— Итак! Мы начинаем! — проревело сверху. — В первом заплыве участвуют...

На пирс вышла толпа парней, одетых только в плавки. Все, как один, здоровенные, накачанные, с бритыми затылками. На спинах черной краской нарисованы номера. Парни улыбались и махали публике — «магические глаза» выхватывали крупным планом то одно, то другое счастливое лицо.

...«Цвет военной академии, лучшие из лучших»... — долетело с воздушного шара. Парни по очереди подходили к краю пирса и, махнув на прощанье, без всплеска уходили в воду.

Над головой оглушительно тархтел комментатор, но я его не слушала, прикипев взглядом к экрану. Вот, возле одного быстро взмахивающего руками пловца появился белый бурун, он раскрылся широкой, усаженной двойным рядом зубов, пастью. Пловец заработал руками еще быстрее. Волны вспухли черными кольцами, обвили парнишку... Экран дал максимальное увеличение. Мелькнуло лицо: расширенные глаза, распяленный в крике рот, потом тело ушло в глубину а на поверхности расплылось большое красное пятно. Трибуны взвыли.

— Кандидат Петренко выбыл из соревнований! — прокричал комментатор. — Третий номер выбыл.

Я повернулась к Сварогу.

— Как же так? Никто не придет ему на помощь?

— Участие в заплыве — дело добровольное. Можно отучиться в академии и уйти на вольные хлеба. Уехать в другой город, стать охранником при богатом купце... Но чтобы получить место в княжеской дружине — нужно переплыть залив, — сказал Сварог. Он, щуря глаза, следил за пловцами.

— А как вы относитесь к тому, что в этих... гладиаторских боях участвует ваш сын?

— Впервые Олег переплыл залив в восемнадцать. Монстры чувт слабаков. А мой сын — не слабак.

— И вам... совсем за него не страшно?

Оторвавшись от экрана, Сварог посмотрел на меня долгим непроницаемым взглядом, а потом медленно, будто нехотя, произнес:

— У нас здесь всегда страшно.

Пловцы добрались до противоположного берега. Там не было пляжа, только длинные плоские камни, о которые бился прибой. В узких промоинах меж ними громоздились кучи плавника, водорослей и дохлой рыбы. Мальчишки по одному выбирались на камни. Кому-то повезло проскочить полосу прибоя сразу, на высокой волне, кого-то отбрасывало назад. Те, кто выбрался, помогали остальным. Но не все. Некоторые сразу отходили, размахивая руками, делая наклоны, и не обращали никакого внимания на тех, кто еще бултыхался в воде. Цифры на мускулистых спинах влажно блестели.

Сварог, бросая короткие взгляды на ребят, помечал что-то в блокноте.

— Кто вам больше нравится? — спросила я. — Те, кто помогает, или те, кто сами по себе?

— Иногда, чтобы победить, нужно кем-то пожертвовать, — протянул командующий. Меж его губ из угла в угол непрерывно передвигалась зубочистка. — Но в иных случаях бывает важнее спасти людей. Главное — выжить. А каким образом, личное дело каждого.

— Вы же их всех знаете, да? Учили в этой своей академии, воспитывали... А теперь они гибнут на ваших глазах.

— В одной древней книге было сказано, что слабые наследуют Землю, — после долгой паузы сказал Сварог, почти не разжимая губ. — Но книга ошибалась. Нам нужны только сильные.

Пловцы вновь попрыгали в воду и рванули назад. Вокруг них кружило гораздо больше черных блестящих тел. Возможно, многие поранились о скалы, а хищников, как известно, привлекает кровь... Появились быстрые узкие тени. Они как серебристые стрелы пронзали воду вокруг незащитных тел. Вот одна стрела прошила мальчишку насквозь. Тот дернулся, попытался плыть дальше, но вода вокруг буквально вскипела. Невольно вскрикнув, я прижала ладонь ко рту.

— Остановите их! Так же нельзя...

Я видела много плохих смертей, что правда, то правда. Но сейчас было особенно паршиво: ребят будто специально бросали в пасть чудовищам на потеху толпе, и ничего с этим нельзя было сделать.

— Они чувствуют страх... — глядя, как замороженный на экран, прошептал Сварог. — Просто не надо бояться.

На торжественное награждение кандидатов я смотреть не стала. Не хотелось знать, сколько из них уцелело: перед глазами стояли недавние счастливые лица, машущие толпе, а потом — расширенные глаза того, первого погибшего мальчика... Я пошла к Ваньке. Они с Лумумбой вместе смотрели на экран.

— Вань... — я взяла его за руку. Она была большая и теплая. — Мне не удастся тебя отговорить?

— Почему ты не веришь, что у меня получится?

Я не знала, что на это ответить. Вся эта затея — большая глупость. В мире и так много смерти, и рисковать собой понапрасну — непросительное расточительство... Надо же иногда думать не только о себе, но и о близких, которые тебя любят.

— Хотя бы скажи, зачем ты это делаешь.

Ванька покраснел. Как всегда, когда он очень сильно смущался, шею и уши залило малиновым, кончик носа побелел, а глаза стали словно зеркальца, в которых отражается небо...

К нам подошел Олег.

— Пора готовиться, — сказал он. — Вода холодная, нужно как следует разогреться.

Ванька посмотрел на меня, перевел взгляд на Лумумбу...

— Ну, я пошел, — сказал он так буднично, будто собрался в магазин сбегать, за хлебушком.

Базиль коротко кивнул. А потом не удержался и обнял. Похлопал по спине...

— Удачи, — сказал наставник. Отвернулся и пошел вдоль берега. Гамаюн, тяжело взмахивая крыльями, полетела за ним.

Мне вдруг стало страшно-страшно. Будто, если я не сделаю сейчас чего-то очень важного, никогда больше не увижу этого увальня.

— Вань, подожди! — я вновь поймала его руку, обхватила двумя своими. — Я в тебя верю. Нет, правда... Я просто очень боюсь. Ты... возвращайся, ладно?

— Не переживай, всё путем.

Чмокнув меня в нос, он улыбнулся и побежал догонять Олега. А я вздохнула, вытерла набежавшие от ветра слёзы и уселась на песок.

Вдруг вспомнился Бабуля. Как он смотрел, когда я уходила в ночной патруль...

С воздушного шара объявили готовность ко второму заплыву, в небе опять развернули экран. Крупным планом дали причал, на котором выстроились участники. Я сразу увидела Ваньку и Сигурда, снова надевшего рогатый шлем. В руке викинга был громадный, почти с него ростом, топор.

Дальше, важно выпятив грудь, стоял белокожий и беловолосый великан в красном плаще. Под кожей у него перекачивались мускулы, похожие на пушечные ядра. Великан довольно скалился и махал могучей рукой.

Еще дальше подпрыгивал на месте и вел бой с тенью обычный на вид дружинник — я уже научилась различать их по специфическому выражению лица... За ним, сложив руки на широкой груди, высился смуглый татуированный мужик с черными, собранными в хвост, волосами. Он никому не махал, а мрачно и пристально пялился в воду. К спине его был привязан громадных размеров ассегай.

Еще дальше топтался лысый коротышка. Про таких еще говорят: «легче перепрыгнуть, чем обойти». На нем были простые, неровно обрезанные джинсовые шорты. Коротышка небрежно поигрывал армейским обоюдоострым ножом, на шее небрежно болталась штурмовая винтовка Хеклера и Коха.

Остальных я рассмотреть не успела, потому что раздался сигнал к старту, и все подошли к краю причала. Всего участников, включая наших, было девять.

Выстрелила пушка. Олег ушел в воду красиво, по пологой дуге, Сигурд поднял огромный фонтан брызг, а Ванька плюхнулся, как кирпич, но тут же всплыл и принялся бодро работать руками. Я не отрывала взгляда от его облепленной светлыми волосами головы.

Греб он сильно, размеренно, поворачивая лицо то на одну сторону, то на другую. Обогнал великана, в последний момент скинувшего свой красный плащ, затем — Сигурда, гребущего топором так, словно он был продолжением руки, поравнялся с Олегом, и уже не отставал.

Где-то наверху надрывался комментатор, но я не воспринимала ни единого слова. Смутно помню, как он выкрикивал имена участников, что-то лопотал об их достоинствах и недостатках, будто речь шла о призовых лошадях.

Смотрела я только на Ваньку. Когда к нему приближались черные маслянистые змеи, у меня в животе кишки сворачивались в тугую жгут, и я начинала шептать: — Я не должна бояться. Страх убивает разум. Страх это маленькая

смерть...

Однажды прямо перед Ванькой из воды вспучилось толстое, покрытое белесыми пятнами и розовыми присосками щупальце, но Сигурд ловко рубанул по нему топором. По воде расплылось чернильное пятно, вокруг замелькали челюсти, зубы, хвосты... Ванька улыбнулся прямо в экран, и я подумала что это он передает мне привет...

Наконец пловцы начали выбираться на берег. У коротышки через всю спину алел ожог, а у гиганта с асеегом кровь текла по ноге. Ванька на вид был целехонек.

Почти сразу они побежали: Сварог говорил, что чемпионы должны пересечь зону. Экран показывал мшистые валуны, острую на вид траву, похожую на «Щучий хвост», только гораздо выше; темные бочаги с громадными, неземной красоты бело-розовыми лилиями... Когда такую лилию перепрыгивал беловолосый, из цветка выстрелила зубастая пасть и выхватила из его ноги, чуть ниже колена, здоровенный кусок плоти. Я вскрикнула. Великан даже не споткнулся.

Остальные убежали, а Олег с Ванькой всё еще топтались на берегу. Сварог, глядя на сына, рычал от нетерпения, подпрыгивал и даже грозил экрану кулаком. Сигурда ждут, поняла я. Правильно, втроем шансов больше.

Наконец викинг появился, таща за собой голову гигантской черной пиявки, последовала небольшая перепалка и наконец ребята, во главе с Олегом, тоже припустили вдоль берега.

В первые минут двадцать ничего не происходило: всё те же болота, хищные цветы и другие мелкие твари. Викинг стриг их топором прямо в воздухе. Затем появился туман. Он стелился по земле, скрывая опасности. Туман загустил, поднялся и стал похож на вал мокрой ваты. В нём скрылись коротышка, гигант с асеегом, за ними — белогривый великан...

Перед Ванькой из тумана неожиданно выскочил монстр. Черный, будто облитый нефтью, и с хвостом, похожим на бич. Ванька пригнулся, внимательно глядя на зверя. А потом... Глаз выключился. На экране появились большие цифры, отсчитывающие время.

Я беспомощно огляделась. Сзади стоял Лумумба и тоже ничего не понимал.

— Что происходит? Почему больше ничего не показывают?

— Туман, — доходчиво пояснила птица Гамаюн. — «Магические глаза» в нем не видят.

— Что ты мелешь? — подскочила я к птице.

— Это ж Зона, едрен батон. Чего ты хочешь?

— Я хочу знать, что с ним всё в порядке! — я посмотрела на Лумумбу. — Что будем делать? — тот пожал плечами.

— Пойдем, чайку пошвыркаем.

— Чайку?

— От нас сейчас ничего не зависит, — Лумумба примиряюще протянул руку. — Пойдем, Марья-Искусница. Глядишь, и время быстрее пролетит.

Глава 11

Иван

Как переплыли залив, я не запомнил. Почему-то казалось, что всё важное ждёт на том берегу, поэтому ни морские змеи, ни кракен, ни мелкие зубастые твари, похожие на иглы или стрелы, меня не впечатлили.

Зачем я решил участвовать? Хрен его знает. Правильно сказал бвана: душа иногда просит подвига. Сигурд, вон, вообще не заморачивался. Безумное и отчаянное приключение? Полное опасностей и риска? Потребуется невероятная сила и храбрость? Кривенс, канечна хачу!

А если честно... Стыдно стало перед Машкой. Она такая боевая, даже викингов зашугала — парней, в три раза больше себя! А я? Правильно Олег тогда сказал: по синьке любой крутым станет. И захотелось попробовать без ничего. Без Пыльцы, без бваны...

Когда выбрались на берег, каменистый и скользкий, весь в мокрых водорослях и ракушках, кожу жгло, как от укусов пчел. Оказалось, это и вправду укусы — кровь, смешиваясь с морской водой, сочилась из миллиона крошечных ранок. На кровь тут же начал собираться гнус. Мошкара была не такая уж и мелкая, размером со среднюю муху. Басовито гудя, она пикировала на плечи, спину, макушку... Я было примерился швырнуть в насекомых заклятье отращения, но вспомнил, что выжат досуха. Магии не было ни в одном глазу — на это специально проверяли перед заплывом. Ладно, придется, как все. Сам же хотел, верно?

Чуть отряхнувшись, я хотел бежать, но заметил, что Сигурда еще нет. Олег, стоя рядом, пристально вглядывался в воду.

— А разве скорость тут не главное? Может, тебе нас лучше не ждать? — спросил я воеводу.

— Я за вас вроде как вписался, — ответил тот. — Так что будем держаться вместе.

Волны, разбиваясь на мелкие брызги, замерзали и падали на камни ледяной крошкой. Невдалеке от берега возник мощный бурун. Воду взрезало стальное лезвие, затем показалось топорщице, а вслед за ним — довольная рожа викинга. Выбираясь на камни, он тащил за собой отрубленную голову морского змея.

— Ну и гарна ж охота! — поделился он через плечо, выволакивая монстра на камни.

— Сигурд, брось её, — сказал Олег усталым тоном.

— Ага, щас. Брюква всхотела полакомиться моей ногой...

— Сигурд. Брось. Её. Сейчас же.

— Да ни в жисть.

— А как же медвед? — спросил я, тронув Олега за руку и подмигнув.

— Какой такой медвед? — викинг сделал охотничью стойку.

— Вооот такой! — я попытался показать зверя метров четырех в холке, не меньше. Что ты, змей никогда не видел? Зато голова медведа... Ух!

И почему, когда надо, ничего умного вспомнить не можешь?

— Обещаешь? — на меня уставились голубые, совершенно круглые от восторга, глаза.

— Спрашиваешь!

Хороший парень, Сигурд...

— Бежим по кромке берега, — инструктировал Олег. — Вдоль губы, на соседний мыс — залив уходит вглубь зоны на три километра. Североморск остаётся справа, туда лучше не соваться. Если повезет, обойдем Зону по самому краю.

— А что там?

— Ничего хорошего, — говорили уже на ходу, долго стоять на ветру, в ледяных брызгах, было невозможно. — Туда только нойды заходят, из местных. Ну, и князь Игорь. Пока жив был...

— Так он тоже в соревнованиях участвовал?

— Игорь ходил договариваться с шаманами, чтобы позволили устроить прииск. В Зоне — самые богатые месторождения.

Тропы никакой не было. Мы просто бежали друг за другом, Олег — впереди. Он предупредил, чтобы мы следовали точно за ним, желательно след в след. Я старался, хотя получалось не очень — как у человека городского, навыка ходьбы по пересеченной местности, да еще и босиком, у меня не было. Сигурд вообще плевать хотел на препятствия. Сзади то и дело доносились цветистые ругательства, включающие далеко не только овощной ассортимент.

— А кто такие нойды?

— Местные колдуны из саамов.

Туман, до этого стелющийся всё больше понизу, начал подниматься выше. Сейчас он доходил до пояса, и мы будто плыли в молочной реке. Чтобы не чувствовать себя совсем уж безоружным, я вырвал с корнем небольшую рябинку и сделал из нее копьё, обстругав Олеговым ножом.

— Так местные тоже на Пыльце сидят? И где берут?

— Сами выращивают, на болотах.

Я поставил мысленную зарубку: надо будет рассказать о неизвестном источнике Пыльцы Лумумбе.

— Интересно было бы взглянуть... Ай!

Увлечшись, я не заметил, как наступил на трухлявое бревно. Из него тут же выскочила зубастая пасть и нацелилась на мою пятку. Успел вовремя подставить древко, и пасть, обломав зубы, исчезла в норке.

— Что там у тебя? — не оглядываясь спросил Олег.

— Да тут паршивец один сидит, кусается.

— Тут всё кусается.

Как бы в подтверждение его слов, из плотной стены тумана выскочила тварь. Олег ловко отскочил, и образина оказалась прямо передо мной. Пасть у твари была побольше, чем у паршивца из бревна... Отдаленно оно походило на помесь волка с удавом. Только черного и как бы лысого, резинового. Хвост его, узкий и гибкий, непрерывно хлестал по бокам, вызывая негромкий, завораживающий свист.

— Ах ты ондатра! — мимо меня как молния пролетел викинг и опустил лезвие топора на шею твари. Голова отвалилась с влажным хлопом, викинг тут же поставил на нее ногу. — Кривенс! Всех рва-порва!

Бросив равнодушный взгляд, Олег повернулся к туману.

— Ну всё. Побежали.

Я обошел черного волка боком, и только Сигурд на минутку задержался, чтобы вырвать у зверя клыки.

— Сильно нас обогнали? — на ровном участке я догнал Олега и пошел рядом. Туман колыхался вокруг, противный и липкий, как остывшая манная каша.

— Это не важно, — сказал Олег. — Здесь каждый движется со своей скоростью.

— Но твой отец хочет...

— Он ни разу здесь не бывал. С тех пор, как разрушили Мурманск. Он думает, здесь всё по-старому.

Сзади доносились радостные вопли, свист топора и щедро раздаваемые «брюквы» и «редиски».

— Нам об этом в Академии рассказывали... — начал я, но впереди что-то протяжно загудело и заухало. Было очень похоже на противотуманную сирену, но звук был более... живым, что-ли. Органическим.

— СТОЙ! — крик пронесся сквозь туман, как копьё.

Олег предупреждающе выбросил руку со сжатым кулаком, я застыл на одной ноге. Рядом шепотом чертыхался Сигурд — крик застиг его посреди небольшого озерца, населённого здоровыми, как удавы, пиявками.

Вновь заухала сирена, её сопровождали глухие удары в почву. На нас надвинулась тень. Пахнуло прелой шерстью, скошенной травой и еловыми шишками. Тень надвинулась совсем близко и, подняв хобот, издала тот самый рев. Я зажмурился, чувствуя, как в лицо летят щепки, обрывки травы, мелкие камешки... «Только бы Сигурд не решил, что мамонт — хорошая добыча,» — пронеслось в голове, но викинг, слава Макаронному Монстру, был не настолько безумен. Сотрясая влажную зыбкую почву, мамонт прошествовал дальше. Следы его ног, круглые как тарелки, на глазах заполнялись мутной коричневой водой.

— Кто нас предупредил? — спросил я Олега шепотом. Шуметь, и вообще вести себя вызывающе как-то расхотелось.

— Не знаю, — ответил воевода, вглядываясь в туман.

— Наверняка, кто-то из тех, кто ушел вперед, — предположил я с надеждой.

— Возможно.

В голосе его не слышалось ни грамма убежденности.

— Ты знаешь, где мы находимся? — спросил я через какое-то время.

Солнца не было, вообще ничего видно не было, кроме того, что неожиданно выступая из тумана, коварно било по лбу, в живот или по ногам. От берега мы давно отделились — не слышно было даже прибоя. Последние пять минут блуждали меж каких-то слякучих деревьев, на макушку постоянно капало — и это была никакая не вода, отовсюду раздавались еле слышные пiski, визги и смачный хруст чего-то пережевываемого. А может быть, и кого-то...

— Мы не заблудились? — спросил я еще раз, потому что в первый Олег только сердито отмахнулся.

— Ну, долго вы тут? — подтолкнул в бок возникший за плечом Сигурд. — Зыко-то как! — и он, размахивая топором, вновь скрылся в тумане.

Как он нас находит? Я был уверен: стоит отстать от Олега хоть на полшага, и я точно потеряюсь.

— Я не помню этого места, — вдруг сказал Олег. — Когда мы проходили здесь в прошлый раз, деревьев не было.

— Ты уверен?

— Море там, — вытянул руку вправо Олег. — Военная база там, — он вытянул другую руку. — Даже сюда пахнет старым бетоном и ржавым железом. Но, даже зная это, я почему-то не могу из этой рощи выбраться...

— Откуда ты знаешь, где море?

— Я его чувствую, — серьезно сказал воевода. — Я же здесь родился. Прибой всегда бьется в моей груди... — выхватив нож, он рубанул где-то у меня над ухом. На плечо пролилась теплая жидкость, а на землю упали две половинки чего-то, могущего быть как летучей мышью, так и облысевшей птицей.

— Почему здесь всё... такое? — спросил я, в то время как Олег внимательно осматривал скользкую кору одного из деревьев. — Последствия Мурманской катастрофы?

— И это тоже, — теперь он, опустившись на корточки, изучал каких-то черных слизняков, поднося их к самому носу. Одного даже лизнул. Я содрогнулся. — Но в-основном, это порождения зоны. Нойды развлекаются: ходят слухи, что где-то в центре они прячут сокровище. И, чтобы чужие к нему не шастали, населили окружающие земли чудовищами.

— И что за сокровище?

— А пес его знает.

— Ну, вы скоро? — из тумана, как чертик из табакерки, вынырнул Сигурд. — Давайте уже гэтски. Скучно здесь.

— Мы заблудились, — сообщил я. — Олег не знает, куда идти.

— Ха! А я думал, вы нарочно.

— Что нарочно?

— Мабудь, ищите чего...

— Хочешь сказать, что ты с самого начала знал, что мы ходим кругами? — аккуратно подходя к нему, спросил Олег.

— Ох, айе.

— То есть, ты можешь отсюда выбраться?

— Нае проблемо.

Викинг пер напролом. Малые препятствия в виде пней, оврагов и луж он перепрыгивал, через большие — перелезал или переплывал, как придется. Но скорость наша существенно возросла. Олег бежал легко, повторяя путь, пройденный Сигурдом, мне же приходилось постоянно уворачиваться от лиан, корней, хвостов, челюстей и когтей. Посетила мысль, что заблудились мы из-за меня: Олег специально выбирал более щадящий маршрут. М-да, незадача. Если б я был под Пыльцой, я бы просто проложил просеку отсюда и до самого финиша...

Из тумана донесся протяжный вой. Было в нем столько тоски и голода, что у меня все волосы на теле встали торчком.

— Ходу! — закричал Олег и прибавил скорости.

Вой раздался снова, но уже с другой стороны. Потом — с третьей и с четвертой. Мы замерли, прижавшись друг к другу спинами.

— Черт его знает, где они на самом деле... — пробормотал Олег.

— Кто?

— Электроволки. Говорят, они сводят людей с ума. Насылают галлюцинации.

— Так они телепаты?

Вой раздавался со всех сторон, в тумане замелькали светящиеся глаза.

— Надо гэтски, — перехватив топор поудобнее, Сигурд сделал несколько пробных взмахов. — Этих брюкв слишком дофига.

— От электроволков так просто не убежать. Тем более, нас окружили.

— Почему они не нападают? — спросил я. Светящиеся синим глаза были совсем близко, перемигиваясь, как болотные огоньки. И было их пар пятьдесят, не меньше.

— Ждут, пока их побольше не наберется.

— Очешуеть. И что делать?

— Они не ходят на базу. Ну, на бывшую Североморскую... Говорят, они железо не любят.

— Но туда еще нужно добраться. А потом выбраться.

— Об этом можно вообще не думать, — совершенно нормальным голосом, без всякого акцента сказал Сигурд. — Скорее всего, мы и туда не попадем.

— То есть, можно считать, наше соревнование окончено? — спросил я. — Добегались?

— Добегались, — согласился Олег. — Простите, ребята. Электроволки — твари редкие. Я вообще не слышал, чтобы они в стаи сбивались. Нам просто не повезло.

Самая смелая тварь наконец прыгнула. Сигурд, хекнув, перерубил её одним ударом, но волков прорвало. Одного Олег принял на нож, двоих я отшвырнул копьем... А потом, улучив момент, достал таблетку Пыльцы, и закинул её под язык. Одно дело — спорт. Совсем другое — выживание. Если я не вернусь, Лумумба с меня шкуру спустит.

Мир привычно разделился на Навь и Правь, Завеса, как старое покрывало, заколыхалась перед глазами, я протянул руку и сдвинул её в сторону. Тумана на Том свете не было, а над головой, в черном бархатном небе, сияли звезды. Электроволки больше напоминали поджарых тонконогих собак, только совершенно слепых, с заросшими диким мясом глазницами. То, что мы приняли за светящиеся глаза, было металлическими антеннами со светодиодами, что торчали из их макушек.

Просунув руку поглубже в Навь, я нашарил световой меч и, ухватив за рукоять, потащил к себе. На самом деле, простейший фокус: Лумумба постоянно это проделывает с карманом жилетки...

Двухметровое лезвие негромко гудело и плевалось искрами. Олег тихо хмыкнул, Сигурд издал боевой клич. Я на пробу взмахнул мечом. Непривычно без инерции, но привыкнуть можно.

— Пойду впереди, вы прикрывайте.

И ринулся в самую гущу электроволков.

Твари мечу поддавались неохотно, будто рубишь старые автопокрышки, набитые камнями. Через какое-то время мы с ног до головы покрылись смердящей слизью, кровью и ошметками мокрой шерсти. В воздухе висела плот-

ная взвесь жирных капель, через которую ничего не было видно. Ладони скользили по рукояти, вытираться было нечем.

Плечи занемели, меч поднимался всё медленнее. Всё сложнее стало протыкать кожу тварей, всё чаще идущий сзади Сигурд пропускал удары...

— Далеко ещё до этой базы?

Олег был рядом, за левым плечом, я слышал его дыхание.

— Мы прошли треть пути. Примерно.

Кривенс. Казалось, волков, с каждым взмахом меча становилось не меньше, а больше...

— Нужно тормознуть.

Напрягшись, я установил силовой купол. Небольшой, метра три в диаметре. На несколько минут его хватит...

— Я думаю, для каргования дурь надобна, — пробормотал Сигурд. Он отдышал, опершись на рукоять топора. Олег тоже тяжело дышал, уперев руки в колени. Дальше, за чуть опалесцирующим барьером, бесновались электроволки. Когда они бросались на силовую стену, их антенны начинали искрить.

— Я и принял «дурь», раз мы больше не соревнуемся. Помирать-то какой смысл? — я пожал плечами и почувствовал, как по позвоночнику проскочила искра боли.

— И... Где ты её пронес? — осторожно, с непередаваемым выражением лица, спросил Олег. Я сплюнул.

— В плавках, конечно! Там специальный кармашек есть. Непромокаемый... А вы что подумали, раздолбай?

— Укажи как можно точнее, в каком направлении эта военная база, — попросил я, когда чуток отдышался. Ни на себя, ни на товарищей смотреть не хотелось. Сплошная пленка грязи и крови, только глаза и блестят.

Олег, не обращая внимания на волков, подошел к самому краю защитного поля и потянул носом воздух. Затем поплевал палец, и поднял его над головой.

— Туда, — наконец указал он направление. — Кажись туда...

Туман клубился вокруг, как кипящее молоко, оставалось только надеяться, что он не ошибся. И тут меня посетила гениальная идея. Протянув руку, я дотронулся до Олегова плеча, одновременно сдвигая Завесу.

— Ёшкин кот! — подскочил воевода, — Что это за бабуйня?!

В Нави никакого тумана не было. Равнина, кое-где вспучиваясь небольшими холмами, уходила к далекому темному горизонту, у самой кромки которого полыхало оранжевое зарево. Оно пульсировало, то раскрываясь павлиньим хвостом, то превращаясь в тонкую ослепительную полосу и пуская искры по небосводу.

— Ориентируйся. У нас будет всего одна попытка.

— Остатний мир! — рядом появился Сигурд, держась за плечо Олега. — Ох и гарная здесь охота, хлопчики...

— Ты откуда знаешь?

— Наша карга водила. Чтобы стать стоящим воином, каждый отрок должен спуститься в остатний мир и приволочь главу своего кровного врага.

— То есть, ты хочешь сказать... Викинги регулярно отправляются в Навь, чтобы поохотиться?

— Ох, айе. Айслэнд — очень красивое место, но скучное. Всех драконов переловили давным-давно. А ведь викинги в первую очередь славны битьем...

— Извини, Сигурд, потом расскажешь. Олег, ты понял, куда нам надо двигаться?

— А тут и понимать не надо, — воевода вытянул руку. — Вон те две колонны видишь? — в паре километров от нас в небо поднимались высокие тонкие столбы. — Так это вход на базу и есть...

Заклинанием «аэродинамической трубы» я владел не то, чтобы хорошо. Изобрел его один парень из нашей Академии, он потом погиб. Изучали «трубу» в порядке ознакомления, теоретически, потому что сил она отнимала много, а результат был не всегда предсказуем. Но сейчас ничего лучше я придумать не смог.

— Вы должны мне довериться, — сказал я, опустив Завесу. Купол стал не толще, чем пленка мыльного пузыря, еще пара минут, и лопнет. — Я постараюсь перенести нас как можно ближе к воротам. Это будет... Как будто мы попадем в плотный вихрь. Нужно крепко схватиться друг за друга и не отпустить. Я не знаю, что будет с тем, кто вывалится из вихря...

— Нае проблемо! — оскалился Сигурд. Подтолкнув нас с Олегом друг к другу, как цыплят, он взялся за концы топорища, и мы с воеводой оказались как бы в кольце его рук. — То гарно?

— При вращении нас будет растаскивать в разные стороны, как в центрифуге. Так что держи крепко.

— Как любимую жинку, — серьезно кивнул викинг.

— Ну... — я в последний раз прикинул расстояние, направление и скорость. — Тогда поехали.

РАЗ. ДВА. ТРИ!

Растаскивало в стороны не только тела. Казалось, глаза продавливаются внутрь черепа, чтобы проклюнуться в затылке и отправиться в самостоятельный полет, кишки влипают в позвоночник, а вся кровь перетекает на спину.

ЁРШ ТВОЮ МЕ-Е-Е-ЕДЬ... — раздалось над седой равниной, а потом мы вывалились из воронки, хряснувшись со всей дури в небольшое, но зверски ледяное озеро.

Хорошо, что не на камни. А то останки пришлось бы веничком в кучку сметать...

База сильно заросла. За пятнадцать лет вокруг самолетных ангаров вымахали тополя, меж ними всё сплошь заплели шиповник и ежевика. Даже бетон взлетных полос взломали стебли могучих одуванчиков, цветки у них были величиной с суповую тарелку. Зато тварей никаких не наблюдалось. Даже в озерке, в которое мы плюхнулись, не водилось ни кусачих тритонов, ни даже заваливающих пиявок. Ветер пробирал до костей и горько пах полынью.

— А ты случайно какой-никакой одежды наколдовать не можешь? — спросил Олег.

— Она греть не будет, — ноги подгибались, и я сел на бордюр, ограждающий старую асфальтированную дорогу. В голове гудело. — Но я могу сделать огонь. Нужно только найти что-то сухое, что будет гореть...

Тумана здесь не было и в помине, и, что характерно, у горизонта наблюдалось самое что ни на есть настоящее солнце. И оно садилось.

— Эт справно? — Сигурд приволок откуда-то ветхую лавочку из горбылей, вместе с чугунным основанием.

Я вытянул указательный палец. С ногтя соскочила жалкая искра и тут же погасла. Поднапрягшись, я собрал последние крохи. По позвоночнику пробежала волна, будто оголенные нервы опустили в кипяток... Горбыли вспыхнули.

— Дальше сами, — и свернулся клубком прямо на земле, рядом с живительным огнем. — А мне надо поспать...

...Открыв глаза, я тут же сел. Костер почти прогорел, и только угли багрово тлели из-под седой шубы пепла. Олег и Сигурд спали. Олег — на земле, вытянувшись во весь рост, а викинг — сидя на корточках, держась за свой верный топор, упертый топориком в землю... Напротив, через костер, сидел еще кто-то.

Сидел тоже на корточках и смотрел на меня узкими, ярко-голубыми, без радужки, глазами. Волосы у незнакомца были белые и стриженные, как говорится, «под горшок». А лицо непонятное: ни молодое ни старое, ни злое ни доброе. Одет в штаны и рубаху из кожи, коротким мехом наружу. Пустые руки покойно лежат на коленях.

— Привет, — сказал я тихо, боясь разбудить парней. — Ты кто?

Незнакомец не пошевелился, и ничего не сказал. Сидел он близко, буквально в полутора метрах. Я взял камушек, и кинул его через костер: было подозрение, что это глюк. От усталости. Но камушек от незнакомца отскочил и упал в пыль. Незнакомец улыбнулся, подобрал его и кинул в меня. Попал.

— Может, ты нойда? — вспомнилось, что говорил о местных Олег.

— Я-то нойда, а ты кто? — неожиданно громко, квакающим голосом ответил незнакомец. — Сижу, никого не трогаю, протыкаю мозгом вселенную, а тут валяются на голову, мешают... — и он кинул в меня еще один камешек.

— Я Иван. И... извини, мы не хотели. На голову. Там были электроволки...

— Бегают, копают, грязь разводят... — будто не слыша, продолжил ворчать нойда. — Вот Горь — хороший. Не шумел, не копал... Пришел, попросил по-хорошему.

— Игорь? Вы говорите о князе? — нойда кивнул. — Он умер несколько дней назад.

— Так я и говорю: попросил — мы дали... А вам чего надо? Бел-Горюч камень ищите?

— Нет. Мы тут случайно. У нас соревнования...

— Знаем мы ваши соревнования. Только и думаете, как бы сунуть нос куда не следует. Вынюхиваете да высматриваете.

— Да ничего мы не вынюхиваем! — незнакомец стал меня раздражать. — Нам бы выбраться отсюда живыми...

— Как, говоришь, тебя зовут, Иван?

— Как слышал.

— Ван-Иван, Иван-Ван... Получается Нав. Раз Нав, два Нав... — он забавлялся с моим именем, будто с детской считалочкой. — Пришел один, ушел дру-

гой... — чувак был, что называется, без обратной связи: лопочет что-то своё, а собеседник ему в общем-то и не нужен.

Сигурд вдруг заворчал во сне, как пес, и нойда тут же поднялся.

Уже выйдя за пределы светового круга, он обернулся.

— Ну, ты заходи... Если что.

...Почувствовав вкусный запах, я проснулся. Над костром, на самодельном вертеле, жарилась тушка зайца. Жир капал на угли и аппетитно шипел. Рядом сидел Олег и улыбался сквозь усы. Сигурда не было.

— Долго я спал? — кряхтя, я начал распрямлять затекшие конечности. Спи-на гудела, по почкам будто слоны пробежались.

— Часа три, — ответил воевода.

— А вы?

— Мы решили подождать, пока ты проснешься. Мало ли что... Сигурд дозо-ром ходит.

— То есть, вы не спали.

— Честно говоря, как-то не хочется. Уж больно здесь тихо, — отрезав от тушки кусочек, Олег взял его губами прямо с ножа, задумчиво пожевал и кив-нул. — Сойдет. Горячее сырым не бывает.

Приставив руки ко рту, он издал крик, похожий на свиный, и принялся снимать мясо. У меня потекли слюнки.

Утром солнце взошло как положено. То есть: был рассвет, затем — восход и только потом наступил день. Я даже спрашивать не стал, почему так. Зона...

Взобравшись на пригорок, воевода осматривал окрестности в бинокль. Одет он был в летный комбез, такой же, как и у нас с Сигурдом. Викинг еще ночью нашел самолетный ангар и приволок кучу всякого полезного добра. Там был даже сухпаек, которым мы и закусили неведомую жареную тварь. Словом, жизнь удалась.

Только вот... Вся местность вокруг базы так и кишела электроволками. Их были тысячи. Казалось, что землю покрывает живой ковер, по которому вре-мя от времени проскакивают синие искры.

— Нойда сказал, с базы уходить нельзя, — произнес я, пытаюсь найти в сплошном море голов хоть какой-то просвет.

— Какой нойда? — Олег посмотрел на меня, как на больного.

— Откуда я знаю, какой? Он Игоря знает, и то, что князь помер, тоже...

— Ваня, окстись, не было никого. Мы бы заметили. Может, ты переутомил-ся? Или Пыльца...

— Может, — легко согласился я. — Что угодно может быть. Может, я обдол-бавшийся наркоман, а может, нойда не хотел, чтобы вы его видели... Для ме-ня, например, такой фокус — раз плюнуть.

— Да ты не обижайся. Это я так, в порядке самообороны. Мы понимаем, что это ты наши жопы спас.

— Ага. Чтобы в новую безвыходную ситуацию загнать.

Пыльца у меня кончилась. Говорил мудрый Лумумба, чтобы я больше брал. Надо было слушать...

— Безвыходных ситуаций не бывает. Идем. Кажется, есть идея, — и мы на-чали спускаться с горки.

Я понимал, что, как всегда после употребления Пыльцы, у меня откат. Похмелье. Абстинентный синдром. Старался сдерживаться, но раздражение нет-нет, да и прорывалось.

Бвана вот тоже всегда говорил, что безвыходных ситуаций не бывает. Точнее, бывают, но тем интереснее этот самый выход искать...

Олег привел меня к дальнему, не очень большому ангару. Ворота его были распахнуты настежь, а внутри стоял небольшой самолет, покрашенный в красно-белый цвет. Кукурузник АН-2, я такие видел в Москве. Доносились негромкие постукивания вперемешку с ругательствами, а потом из-за шасси выглянул перемазанный мазутом и безмерно счастливый Сигурд.

— Ну, как дела? — по-хозяйски спросил Олег.

— Всё зыко! Тильки одну хвилиночку погодить треба. Топлива залить.

— Вы что, и летать умеете? — меня всё больше удивляли эти северные парни. Казалось, что ни придумай — им всё по плечу. И мамонту хобот оторвать, и самолет в небо запустить...

— Ох, нае проблемо, трохи способны, — кивнул Сигурд, размахивая громадным разводным ключом, словно это его любимый боевой топор. — Тянешь одни хреновины, отпускаешь другие... Главное, чтобы стрелочки на малых блескучих тарельцах ниже красной черточки не спадали, и всё будет в аж-журе.

Я беспомощно посмотрел на Олега.

— Я умею управлять самолетом, — успокоил тот. — Учился на тренажерах.

Значит, у нас есть обученный на тренажерах пилот и первый помощник, для которого циферблаты — блескучие тарельца... Всё зыко, всё в ажуре.

Из ангара катили самолет на руках — не настолько Олег крутой пилот, чтобы развернуться в тесном пространстве и вырулить на взлетную полосу. Бетонка была неровная, в трещинах и ямах, во многих местах пробитая кустами и травой, но кукурузник легкий, ему много не надо.

— Поехали? — спросил Олег и нажал какую-то кнопку. Винт негромко загудел.

— Погодь, — я взял его за плечо. Воевода и Сигурд устроились в креслах, а я на приставном, сразу за сиденьем пилота. — На полосе кто-то стоит.

— Опять твой нойда?

— Не... — Сигурд наклонился к самому колпаку. — Ентот мутнец поболе будет.

Винт остановился. Мы молча пялились на перегородившего взлетную полосу саблезубого тигра. Тот вольготно развалился поперек дороги, вытянув толстый, как бревно, хвост в одну сторону, а голову — в другую. Не обращая никакого внимания на самолет, он томно вылизывал подушечку передней лапы, которой спокойно можно было ушатать матерого медведя.

— Что делать будем? — повернулся Олег к Сигурду. Тот покосился на топор, прислоненный к переборке здесь же, рядом с сиденьем.

— Жалко убивать. Уж больно зверь красивый, — сказал я.

— Он нас проглотит вместе с самолетом. Толко колесици выплюнет, — сказал Олег.

— Ты же говорил, зверье к зоне не ходит.

— Я много чего говорил, — пожал плечами воевода.

Ну конечно: Зона. Самое простое и действенное объяснение всех аномалий. Эх, отряд магзачистки бы сюда, во главе с товарищем Седым... Но мечтать не вредно.

— Олег, а ты не мог бы... — я не договорил. Викинга в кабине уже не было.

— Чирик-чирик! Кар-кар! Ах я бедна мальчика птаха, подбила крылышко!

На бетонке перед самолетом был Сигурд. Напялив пеструю плащ-палатку с капюшоном, он пригнулся и неловко взмахивая лапами, скакал в сторону тигра.

— Кар-кар, чирик-чирик! Ах, нет ли тут великуча тигра, что споймает меня за больную лапку? Ах, я несчастна небесна ласточка, что не может улететь к малым детушкам! Чирик-чирик, порхи-порх...

Тигр увидел Сигурда. Перелившись внутри шкуры, он потек к нему, мягко вытягивая лапы, расплзаясь по земле, как сгущенка... Потом прыгнул на маленького человечка, накрыв его своим телом. Но викинга уже не было на земле. Перекувырнувшись в воздухе и сбросив с себя палатку, он карабкался по передней лапе к морде зверя. Встав на нос и ухватив по уху в каждую руку, викинг треснул тигра между глаз своей головой.

— Вот те, брюква полосатая! И еще, на коня! А теперь на посошок! Геть ты в дышло!

У тигра глаза сошлись к переносице. Он попытался смахнуть досаждающую козявку, но только огрел себя лапой по морде и замотал головой. Сигурд повис, ухватив обеими руками за усы. Раскачавшись на них, он пнул тигра в подбородок, а потом прямо в розовый мягкий нос. Тот взвизгнул.

— Ага! Не нравишься, ондатра! Геть с дороги, пока шубу не отняли!

Зверь завертелся на месте и где-то на третьем витке Сигурд легко соскочил на землю, а потом бросился бегом к самолету. Зверь помчался в другую сторону.

— Гетьски теперя, швидче! — викинг запрыгнул в кабину. — Он скоро очуается и захочет кого-нить выпотрошить... Зыко будет, если это будем не мы.

Разогнавшись, самолет оторвался от бетона. Чуть покачав крыльями, он набрал высоту и пошел в обход базы.

— Здорово ты его! — восхитился я, когда викинг устроился в кресле второго пилота. — Как это тебе удалось?

— В управе со зверьми нужна ласка, — улыбнулся тот. — Ну, и небольшой кусок живодерства.

— Ты очень смелый человек, Сигурд, — сказал я совершенно искренне. — Мы у тебя в долгу.

— Ох, нае проблемо. То не страшно, если вже помер.

— Как так?

— Мы же в Вальгалле, чувак, ты не знашь? В раю, если по-вашему, — и он улыбнулся мне ласково, как ребенку.

— Да с чего ты взял, Сигурд?

— Гарная охота, сколь угодно битья и бухла — всё, как в книжках обещано. Так что неча трухать. Второй раз помирать не страшно.

Над Мангазеей плыли черные облака. Я не сразу понял, что это дым. Густыми клубами поднимался он откуда-то из центра, но было не видно, что горит.

— Приземляемся на пляже, — решил Олег. — Держитесь, посадка будет жесткой.

Глава 12

Маша

Оказалось, нервы для еды не помеха. Даже наоборот: несмотря на плотный завтрак, стоило носу учуять запах жареных пирожков, желудок ожил и возбужденно заурчал.

— Зайдем внутрь, или на свежем воздухе? — спросил Лумумба, когда мы подошли к столовому шатру.

Я поёжилась. Ветер не только вышибал слезу из глаз, а еще и сопли из носа и серу из ушей.

— Давайте лучше внутри, — попросила я. — Лето называется. Даром, что бесконечный день — холодрыга такая, что я уже последнюю задницу отморозила.

Наставник, скорбно вздохнув, отодвинул передо мной полотнище входа. Птица Гамаюн соскочила с его плеча.

— Вы идите, — она смущенно ковырнула песок когтистой лапкой. — А у меня дела...

— Какие у тебя могут быть дела, Гамаюша? — удивился Базиль.

— Да она помойку столовскую учуяла, — хихикнула я. — Вороны — они такие. Хлебом не корми, дай в каком гнилье поковыряться.

Действительно, ветер временами приносил запахи тухлой капусты и гнилых костей — что, на мой взгляд, резко понижало рейтинг заведения. Но, с другой стороны, мне ли привередничать?

— Ну и что, что помойка? — взвилась Гамаюн. — Да если б вы только знали, какие замечательные, прекрасные вещи выбрасывают...

— Стоп. Избавь нас от подробностей. А то аппетит пропадет.

— Да тебе, чтобы аппетит пропал, надо... — я не стала слушать и нырнула внутрь.

А ничего так, уютненько... Шатер был высокий, из красно-белого брезента. Одну сторону занимает длинный прилавок, на нем радуют глаз горы румяных куличей, ромовых баб, фаршированных блинов и пирожков. В углу пыhtят сразу несколько самоваров, каждый на ведро воды. В отдельной стойке поблескивают бутылки с горячительными напитками. Я улыбнулась, заметив знакомую этикетку: «Герцог Алайский», собственной персоной. Сказать им, что ли, что за раритет они по бросовой цене отдают?

Стоило усесться за чистенький столик с букетом ландышей в вазочке и выжидательно оглядеться, как к нам подлетел половой — конопатый мальчишка с расчесанными на пробор волосами и в белом, до самого полу фартуке.

Базиль заказал пять стаканов крепкого черного чая с сахаром, и ржаных сухарей. А я спросила котлет по-киевски. Слышала, что очень вкусно, но ни разу не пробовала.

— Кучеряво живут, — озвучила я давешнюю, высказанную еще Ванькой мысль, придвигая к себе один из стаканов с чаем. Учитель глянул сумрачно, но только вздохнул. Чай был крепкий, душистый, в стакане с серебряным под-

стаканником. — Я имею в виду, всё у них есть: и чай вот настоящий, а не морковный, и сахар не комковой, а рафинад...

— Торговый порт, — коротко бросил Лумумба.

— Ага. У нас вот тоже порт. Да только возят почему-то исключительно Пыльцу да бухло.

— Спрос решает предложение.

— Конечно, тут еще и денег полно. Ну, в смысле, золота... — не унималась я. — За золото, поди, что угодно можно купить.

Выпив мелкими глотками раскаленный, только что не кипящий чай, Лумумба крикнул, вытянулся на стуле и прикрыл глаза шляпой.

— Есть непреходящие ценности, — пробубнил он напоследок.

— Ну да. Конечно. Скажите это грузчикам золотых слитков, которым зарплату по полгода не платят.

— И с каких это пор тебя волнуют нужды грузчиков?

— Просто мне это кажется несправедливым.

— Вопиющее богатство рядом с вопиющей бедностью — признак цивилизованности общества, — изрек Лумумба, сел нормально и взялся за второй стакан. А мне как раз принесли котлетки. В золотистой корочке, вкусно пахнущие печеной курицей и истекающие прозрачным соком. У меня потекли слюнки. Вот я сейчас как откушу...

Прямо над ухом раздался крик. Истошный, на пределе человеческих сил, когда крик продирает до печенок, до доньшка легких, до подошв башмаков... От неожиданности я подскочила, опрокинув оба оставшихся стакана с чаем, так что Лумумбе тоже пришлось вскочить, чтобы спасти брюки от кипятка.

Кричали не у нас, а за тонким полотнищем шатра, на улице.

— Идем, посмотрим, в чем дело, — наставник, бросив на стол монетку, бодро поскакал к выходу.

— Чичас... — я вгрызлась в котлету. Язык обожгло, сок потек по подбородку. Учитель недоуменно задрал брови.

— Маша, брось жевать. Время не ждет.

— Мясо бросать глупо, — прочавкала я, запихивая в рот последние куски первой котлеты.

Закатив глаза, он ухватил меня за локоть и потащил. Я только и успела, что ухватить оставшиеся две котлетки за косточки, обернутые фольгой. Эх, запить бы еще...

По ярмарке концентрическими кругами расходилась паника. Мужики носились, как куры с отрубленными головами, тетки визгливо голосили, дети ревели.

— Чего случилось-то? — спросила я рысящего мимо лоточника, бодро откусывая от второй котлеты. Она уже чуток остыла, и жевать было куда как приятнее. Лоточник, мотнув головой куда-то в бок, поскакал дальше.

— У-Б-И-И-И-ЛИ!!! — послышался тот же истошный крик, только теперь членораздельный.

Народ ломанулся к будочке, на которой было скромно написано: «Ме» и «Жо». Будочка была переносная, пластиковая, явно из прошлых времен. Неужели какого-то бедолагу замочили прямо... Нет. Это было бы слишком ужасно.

Я снова откусила от котлеты. Ням-ням, очень даже неплохо, если не обра-

щать внимания на обожженный язык и поцарапанное небо...

— Прекрати, — бросил Лумумба, таща меня к будочке. Это, в конце концов, негигиенично.

— Щас...

— Я сказал, прекрати.

Третью котлету пришлось запихать в карман.

Вокруг сортира собралась здоровенная толпа, так что к эпицентру пришлось проталкиваться. Состав толпы был разномастным: гуляки и лоточники, мальчишки-карманники, дворники, вездесущие бабы с корзинами... Присутствовало также несколько «черносотенцев» — так я прозвала дружинников.

У самой будки пребывала крупная тетенька в замызганном голубом халате с серыми от времени манжетами. Тетенька рыдала, сидя на складном стульчике. Толстые её щеки мокро блестели, хлюпающий нос походил на раздавленный помидор, вокруг губ размазалась помада. Никто не спешил тетеньку успокаивать. Публика только переминалась с ноги на ногу и обменивалась впечатлениями. Из долетавших оттуда-отсюда шепотков выходило, что никто толком не понимает, отчего подняли такой шум.

— В чем дело, гражданочка? — строго спросил Лумумба, мелькнув перед глазами тетки коричневыми корочками — удостоверением, между прочим, оперуполномоченного агента АББА. Только Москвы, а не Мангазеи. Здесь, как я поняла, никакой организации, следящей за магами, и в помине не было.

Гражданочка, вместо того, чтобы ответить, заревела совсем белугою и драматично ткнула пухлым пальцем в туалетную будку.

Коротко кивнув мне, чтобы держалась ближе, наставник мужественно распахнул дверь... На полу стояла кожаная сумка. Большая такая, объемистая. Не дешёвая — это было заметно по золоченым замочкам, заграничным лейблам и общей ауре крутости, которой обычно окружены дорогие вещи.

При виде сумки тетенька взревела басом, а потом впала в кому. Не обращая на неё внимания, Луумумба осмотрел улику со всех сторон, а потом наклонился и медленно потянул замочек. Края сумки разошлись и изнутри на нас глянуло бледное бородатое лицо. Глаза походили на брюшки вареных раков, нос провалился, синюшные губы натянулись, обнажив крупные и ровные, хотя и желтоватые зубы. Базиль быстро застегнул замок и выпрямился.

— Так... сказал он.

Было заметно, что мой бесстрашный наставник пытается собраться с мыслями. И я его несколько не виню: кто угодно растеряется, увидев отрезанную голову в обыкновенной спортивной сумке...

— Приведи дружинника, — бросил он мне. — Лучше из сысского ведомства.

Ага. У сыскарей, как у воеводы Олега, должны быть специальные нашивки: щит и меч. Сейчас поищу...

Как ни быстро Лумумба застегнул сумку, некоторые любопытные успели углядеть голову. Вокруг тут же началось брожение. Чаще всего произносилось слово «убили» — то же самое, что кричала тетенька в самом начале. Понятное дело, несчастным случаем такое не назовешь. Следующим словом было «боярин». Тоже очевидно. Боярами здесь звали тех, кто одевался в дорогие костюмы и ездил на крутых тачках. Третьим часто повторяемым словом было «Ду-

шегубец». Вестимо, преступление, ничтоже сумняшеся, приписали серийному убийце.

Немного потолкавшись, я отыскала дружинника, которого видела рядом с сыскным воеводой. Схватив его за руку, притащила к сортиру. Парень, заглянув в сумку, сбледнул с лица и выматерился шепотом.

— Это Жадин. Финдиректор, — объяснил он. — Что теперь будет...

Лумумба, поджав губы, мрачно кивнул.

— Нужно сообщить Сварогу, — тоскливо вздохнул дружинник. — Сыскного воеводы-то нет...

— Вот и сообщите, — согласился наставник. — Только сообразите быстренько, куда можно это — он покосился на сумку — убрать.

— Слухи-то всё равно пошли. Что теперь начнется...

— Нда-с, загадали вы мне загадку... — бормотал доктор Борменталь, завязывая тесемки длинного клеенчатого фартука. — Отрезанную голову пришивать приходилось, но чтобы вот так, по кусочкам, всё тело... — подняв брови, он что-то поискал в шкафике, и не найдя, задумчиво вышел, прикрыв за собой дверь.

В прозекторской Адмиралтейского госпиталя было холодно и пахло чем-то жгуче-противным. Напротив сумки, помещенной на металлический стол, стояли Лумумба, воевода Сварог и двое незнакомых бояр. Я пристроилась сбоку, нацепив оставленный кем-то на спинке стула халат — авось примут за ассистентку доктора и не прогонят...

— Главный был претендент на должность председателя правления, — сказал Сварог с каким-то остервенелым удовлетворением, кивая на сумку. — А ведь так хорошо всё начиналось...

— Вы имеете в виду сегодняшний праздник? — спросил один из бояр.

— Нет блин, собственные похороны, — буркнул Сварог. — Только народ успокаиваться начал, жизнь вошла в привычное русло. А теперь черт-те что начнется...

Примечательно то, что он почти повторил слова того молоденького дружинника...

— Сами-то, небось, рады-радешеньки, — поддел Сварога один из бояр.

— Скупердяев, не заводись, — бросил второй. — Только междоусобицы нам и не хватало.

— А она будет, хотите вы того, или нет! — не унимался первый. — Жадин был единственным, на кого соглашались все. Он обещал с нойдами договориться. Вот вам, воевода, слабо в Зону пойти? После того, что они сделали с приисками, лично я ни за что не отвечаю...

— Да ты никогда ни за что не отвечаешь, — огрызнулся второй. — Только почему-то всегда всё имеешь. Вообще-то, если подумать, именно тебе смерть Жадина ой как выгодна. Он же как раз твоё ведомство инспектировать собирался... — нехорошо улыбнулся боярин.

— Это очередной заход Душегубца, — повысив голос, сказал Сварог. — Ясно же, как белый день.

— Правильная мысль. Продолжайте в том же духе, — высокомерно бросил Скупердяев. — Нам новые убийцы не нужны...

— Сомневаюсь, что это был серийный убийца, — впервые подал голос Лумумба. — Не его почерк.

— А вы, собственно, кто? — спросил боярин так, будто только что заметил наставника.

— Это сыщик из Москвы, — процедил Сварог. — Именно он обнаружил тело Жадина.

Я уже открыла рот, чтобы уточнить, что вообще-то это был не учитель, а тетенька, но почувствовав взгляд наставника, захлопнула варежку.

— Как интересно, — поднял бровь второй боярин. — А вы чем же, э... занимаетесь здесь, у нас в Мангазее?

— Отпуск, — кратко ответил наставник.

— Ясно, ясно... — покивал боярин. — Послушайте! — преувеличенно бодро воскликнул он вдруг. — А ведь вы можете заняться князем! — он повернулся к Скупердяеву. — Верно, Витюша? Пусть он расследует, как там всё на самом деле...

— Со смертью князя и так всё ясно, — отрезал Сварог.

— Да, да, конечно. Но для рекламы, а? Пусть будет, как у цивилизованных людей: улики, доказательства, адвокат... Этот, как его, прокурор. А? Пригласим прессу, иностранных послов... Сделаем всё красиво.

От его последнего высказывания у Сварога чуть дернулся шрам под глазом.

— Ой, да ладно вам, — продолжил убеждать боярин. — До суда осталось четверо суток. Пусть походит, поспрашивает — людям это нравится. Отвлечет от финдиректора...

— Его смерть ты тоже хочешь расследовать? — мрачно спросил Скупердяев. — Не боишься, Мощнов?

— Ну-с, приступим, — в прозекторскую наконец-то вернулся Борменталь. Шел он чуть покачиваясь и распространяя запах дорогих клопов.

Не обращая внимания на присутствующих, доктор взмахнул скальпелем, сумка разошлась вдоль, и на столе, в быстро увеличивающейся луже крови, стала медленно расползаться гора мяса. Голова, бывшая сверху, смотрела с какой-то скорбной укоризной — никто так и не удосужился закрыть ей глаза...

— Вы с ума сошли, Борменталь! — вскричал Скупердяев. — Здесь же люди! Мы же беседуем, в конце концов... а вы скальпелем размахиваете.

Несмотря на холод, из сумки шел тяжелый сладковатый смрад, и оба боярина прижали к напояженным усам платки. Возмущенно пыхтя, они устремились к выходу. Только от двери второй боярин обернулся и крикнул Лумумбе:

— Так значит, мы договорились, насчет расследования! Гонорар обсудим позже...

Доктор, натянув перчатки и что-то напевая, принялся раскладывать куски тела на соседнем, пустом столе.

— Почему вы не сказали боярам, что я уже занимаюсь расследованием смерти князя? — спросил наставник у Сварога.

— Это ничего бы не изменило.

— Они слишком заняты своими проблемами, — не оборачиваясь, заметил доктор. — Нойды не желают сотрудничать ни с кем, кроме Игоря.

— Занимайтесь своим делом, Борменталь, — рявкнул Сварог.

Доктор медленно повернулся. В его правой руке, в окровавленной зеленой

перчатке, был зажат скальпель.

— Я-то как раз и занимаюсь исключительно своим делом, — отчетливо выговаривая каждое слово, произнес он. — Вопрос в том, чем занимаетесь вы? — постоял, глядя Сварогу в глаза, а затем отвернулся к трупам и продолжил будничным голосом: — Рубили чем-то вроде поварского тесака — мышцы расходятся чисто, но на костях и суставах видны засечки. Включая голову, я насчитал дюжину кусков...

Мне стало грустно. Нет, честно, разве можно о смерти человека говорить таким тоном? Да кем бы ни был этот Жадин, такой смерти он не заслужил. Никто не заслуживает такой смерти.

Снаружи донесся вой сирен. Из-за толстых стен морга он звучал глухо, но становился всё громче. Я вопросительно посмотрела на Лумумбу, а тот, в свою очередь, на Сварога.

— Это не морская сирена, — определил тот. — Это полиция. — не говоря больше ни слова, он бросился к выходу. Мы — за ним. Борменталь даже не повернулся. Прочувствованно напевая, по-моему, что-то из «Кармен», он склонился над трупом, зажав в пальцах большую гнутую иглу.

По улице шла колонна людей. Одеты они были празднично, рукава у многих повязаны красными ленточками. На лицах при этом читалась угрюмая решимость. Там и сям в колонне мелькали топоры, колья и дубины. Кроме того, я заметила несколько пистолетов и даже один автомат Калашникова. Вспомнилось, что говорил Олег: в городе не возбраняется носить оружие...

Где-то совсем недалеко, может, на соседней улице, всё еще завывала сирена.

— Что происходит? — спросил наставник.

— Я знаю не больше вашего... — Сварог потянулся к рации.

Прибор зашипел, командующий бросил в микрофон короткий позывной, а затем стал слушать. На лице его, коричневом от загара, чуть подрагивала только полоска белых усов. Дослушав, он быстрым шагом пошел в сторону центра. Лумумба, махнув мне рукой, бросился следом.

— Боярин на джипе сбил ребенка, — искоса бросив взгляд на наставника, нехотя сообщил Сварог. — Очко сыграло, когда Жадина грохнули, чтобы им всем в ад въехать голым задом верхом на ёжике... Только о своих шкурах и думают, бога их душу мать... Любовница покойного устроила вой на весь пляж... Ну, все и перепугались. Решили, что Душегубец по их души пришел... Ломанулись со смотровой площадки, расселись по тачкам и дунули в MOZK. Думали, никто там до них не доберется... — Сварог говорил так, будто давно держал эти мысли под спудом, и вот наконец они вырвались. Слушатели ему, по большому счету, были не нужны... — И кто-то из этих разинь сбил девочку, едрить его через два ребра в дырку с зубами... Ребенок стал последней каплей. Грузчикам зарплату четыре месяца не платили, долбаны жадные... А когда встали прииски — прекратили платить и старателям. А у людей семьи, дети... Эти каплуны жареные уперлись: пока прииски не работают, никто зарплату не получит. Жадность — второе счастье... Ха! Монетный двор скоро по швам лопнет и золото само на улицы потечет... Спокойно можно было раздать, но нет. Все активы, говорят, заморожены, пока нового председателя не выберем... А с нойдами кто договариваться будет? Один вот пришел на прииск, на промприбор толь-

ко глянул — у того цепь полетела.

Тем временем мы вышли на площадь. Ту самую, где с одной стороны был княжеский терем, с другой — острог за высоким забором, а с третьей — единственное здание в городе из стекла и металла. Мангазейская Объединенная Золотодобывающая Компания.

— Скажите, а Монетный двор тоже здесь? — задумчиво спросил Лумумба, глядя, как высотку окружают толпы народа.

— Где же еще? — глумливо усмехнулся Сварог. — И банк, и сейфы, и квартиры этих каплунов недорезанных... Холодильники, джакузи, рояли...

В здание полетела бутылка, из которой торчал зажженный тряпочный фитиль. Горючая жидкость расплескалась по бетонной стене.

— Окна там пуленепробиваемые, — Сварог, прищурившись, обозревал площадь. — Какое-то время они продержатся.

— А потом? — не выдержала я. В некоторых окнах виднелись бледные, едва различимые лица.

Пожав плечами, командующий надел гарнитуру и вставил в ухо наушник.

— Говорит Сварог, — произнес он в пустоту. — Внимание! Говорит главнокомандующий дружиной Всеволод Сварог. Приказ всем частям. Площадь — в оцепление. Народ — пропускать. Толпу не разгонять, пожары не тушить.

Глава 13

Иван

Вместо того чтобы сразу приземляться, Олег повел машину над городом.

— Сделаем кружок, оглядимся, — бросил он через плечо.

На площади, как перевернутая многоножка, колыхалась толпа. Она окружала высотку, черную и закопченную, но целую. На крыше догорал раскуроченный вертолет.

— Всё-таки не удержали, — прокричал Олег, и взял курс обратно за городскую стену, на пляж. Сесть можно было только там.

— Что не удержали? — спросил я.

— Людей не удержали. Не нужно было праздник устраивать. После смерти князя прииски встали, а старатели в город подались. В порту докеры вторую неделю бунтуют... Я предупредил отца, что надо подождать.

Самолет коснулся песка, ткнулся колесами во что-то твердое, подпрыгнул и пошел вдоль прибоя, медленно забирая к стене. Остановился метрах в полутора от ржавой громадины. Выскочив из самолета я, не стесняясь парней, рухнул на колени и прижался лбом к Земле-матушке. С Лумумбой, на ковре-вертолете, и то безопасней было...

На плечо, лязгая железными крыльями, рухнула Гамаюн. Угнездившись, она нежно прижалась к моей щеке и обняла крыльями, больно сдавив уши.

— Откинулся, родимый! Уж и ждать перестали, и слёзы выплакали, одна я, горемычная, вторые сутки дозором, глаз не смыкая, крыльев не покладая, сладкий кус не доедая...

— Постой, как вторые сутки? — осторожно сняв ворону с плеча, я поставил её на песок. — Нас не было одну ночь.

— Для кого одну, а для кого и вечность прошла.

— Наши целы?

— Да целы, целы, что им сделается... — ворона, откопав в песке какую-то дрянь, уже трепала её клювом.

— А в городе что творится?

— Всё хорошо, прекрасная маркиза. Народ взбунтовался, бояре бежали, власть перешла к военному правительству. О, почти целый пирожок!

Олег вдруг как-то сдулся. Плечи его поникли, глаза запали, а кончики усов опустились. Он сел на песок и уткнул голову в руки.

— Я должен был это предвидеть, — сказал воевода глухо. — Батя еще Игорю всю плешь проел... Ну, о том, что нельзя отдавать власть в руки Маммоны.

— Маммона — это демон наживы, — прокаркала Гамаюн с набитым клювом.

— О, я знашь, — кивнул Сигурд. — Наша карга так же речет. Не можно, чтобы в жилах вместо крови золото булькало...

— Когда народ окружил высотку и полез за золотом, боярам ничего не оставалось, как бежать.

— А Сварог? — спросил Олег.

— Дал сутки. На грабеж и разгул. А в остальном, прекрасная маркиза...

— Ты говорила, нас два дня не было, — перебил Олег.

— А на второй день, — она покосилась на нас и отскочила подальше, — Он отдыхал. Вывел патрули, на площади танки поставил... Ну, и виселицу, конечно. Какое ж народное гулянье без виселицы?

...Пока мы с Олегом шли к центру, Гамаюн летала над головами и вещала:

— Когда люди пошли на приступ, Сварог приказал дружине не вмешиваться. «Они не возьмут больше, чем им уже должны». Когда взломали ворота Моветного двора, на улицу в буквальном смысле потекли золотые реки... Да, к слову: «Молот Дьюрина» принял горячее участие в путче, — добавила птица.

— Викинги пошли на баррикады? — переспросил Олег.

— А чего удивляться? Они же за любой кипишь, кроме голодовки. Как услышали, что золото можно из канавы прямо ковшом черпать, соскочили со своего траулера и всем скопом ринулись помогать восстанавливать справедливость. Ну, а в остальном, прекрасная маркиза...

— Но почему бояре сбежали? У них же охрана, маги, в конце концов...

— Не надо было детей под джипы бросать. Но в остальном, прекрасная...

— Погоди, каких детей? Ты что несешь?

— Один из бояр во время паники сбил ребенка.

— А с чего паника-то началась?

— Так Жадина замочили. Прямо в сортире, ей богу не вру. А в остальном...

— Убили финдиректора? — быстро переспросил Олег. — Кто?

— Кабы знать... Половина думает на Душегубца, другая — на самих бояр. Кое-кто, мол, устраняет конкурентов... С этого путч и начался: не остановить гнев народный, за детушек своих, за кровиночек...

— Дальше рассказывай!

— Нагрузившись золотом, народ решил линчевать бояр — а что, виселицу зря строили? Те — ноги в руки и айда. Нагрузили вертолеты... Да только жадность фраера сгубила: один даже в воздух подняться не смог, так и опрокинулся на крышу вверх колесами. Это его уже потом подожгли, когда выпотроши-

ли...

— Гамаюн. Ближе к делу.

— В порту как раз «Король Георг» стоял, так они на него и перепорхнули. Выпросили политическое убежище у английского посланника, за мешок золота... Теперь в Европу подадутся, из тамошнего народа кровь пить станут. Так что Сварог-батюшка власть вовсе не захватывал, а взял то, что плохо лежало. А в остальном...

— А что маги? — перебил я.

— Маги... — Гамаюн как-то замялась. — Да, собственно, никак. Сначала встали на защиту башни — зарплату им, в отличие от докеров, выплачивали исправно. Окружили её силовым кольцом... Но потом почему-то разбежались.

— Папаня вмешался? — хмуро спросил Олег.

— Через дружину. Точнее, через патрульных. Они с магами долго щиподним лаптем хлебали... Этим воевода и воспользовался. Надавил на одних, чтобы повлиять на других. А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо!

Олег выругался. Отвернувшись, он остановился, и задрал голову, стал смотреть в белесое небо. Там, на почти неразличимой высоте, медленно летела стая птиц. С земли не было видно, что это за птицы, различались только черные крестики, идущие друг за другом.

Улица, ведущая к площади, была пуста. Стояла тишина, но призрак тревоги витал в воздухе. Среди бела дня закрытые ставни, крепко запертые двери — в их неподвижном безмолвии чувствовалась настороженная готовность. Миг — и ошестинятся стволами...

Я потряс головой. Возможно, ничего такого и нет, просто беспорядок. Поваленная скамейка, большая ветка дуба, упавшая на дорогу, и никем не убранная, машина с разбитыми стеклами, кривобоко притулившаяся у обочины... И мусор. Груды мусора — я такого здесь еще не видел. Пустые коробки, упаковочный пенопласт, гоняемый ветром вместо сухой листвы, хрустящее под ногами стекло, какое-то тряпье, наваленное под забором... Поравнявшись с этой бесформенной кучей, я остановился. Сердце подпрыгнуло и провалилось куда-то в желудок. Никакой это не мусор — в тени забора лежал мертвый человек. Лица я не видел, но зато видел глубокую вдавленную рану на затылке. Кровь давно засохла, над ней деловито жужжали крупные зеленые мухи...

— Это не последний труп, который мы сегодня увидим, — я не заметил, как подошел Олег. — Так уж повелось... — не договорив, он пошел дальше.

Чуть приоткрыв завесу, я извлек из Нави огненного мотылька. Посадив на ладонь, подул на него, давая разгореться, и направил к погибшему. Магическое пламя перескочило на тело, разрослось, вспыхнуло, и погасло, оставив только хрупкие очертания пепельной фигуры. Чешуйки пепла тут же подхватил ветер.

Издали доносился мерный глухой гомон, похожий на рев прибора.

— Если переворот свершился, почему на площади до сих пор буянят? — спросил Олег Гамаюн, вновь вцепившуюся в моё плечо.

— А кто сказал, что буянят? Митингуют. Вот, как утречком зенки залили, так и митингуют. Решают, кого бы повесить...

— Мой отец — не злой человек, — Олег говорил, резко отмахивая рукой. В

пятнистом десантном комбезе, с всклокоченной бородой и волосами и перемазанным лицом, он был похож на Че Гевару со старинных плакатов. — Отец любит Мангазею. И хочет для неё только самого лучшего. Только лучшего — как ОН это понимает.

Воевода повернулся ко мне:

— Вам с майором М'бвеле лучше покинуть город как можно быстрее. Отец не даст вам вести расследование. После того, как он захватил власть...

— Я понял. Княгиня Ольга — главная претендентка на престол, Сварогу она не нужна. Но знаешь, бвана не уйдет. Он никогда не бежал с тонущего корабля. Тем более, тебе понадобится наша помощь.

— С чего ты так решил?

— Слепому видно, что у вас с батей «непростые» — я сделал кавычки в воздухе — отношения. Он потребует от тебя официального признания его власти. Захочет, чтобы ты публично ему подчинился. Но ты не подчинишься.

— Я не буду провоцировать гражданскую войну.

— М-да, ситуация, — встряла птица Гамаюн. — Как удачно батя тебя в Зону сбаврил, не находишь?

— Слушай, а это идея, — я приободрился. — Ты можешь где-нибудь спрятаться, а? Ну, хотя бы у старухи Арины... Пока не выяснится, что к чему. А мы с Сигурдом скажем, что ты в Зоне...

— Никогда не любил крыс.

— Ну разумеется. Все мы принципиальные... Предлагать Ольге сбежать в Москву тоже бесполезно? — покосившись на меня, Олег усмехнулся. — Ясненько... Ну, тогда я домой. Мои, наверное, от беспокойства с ума сходят.

— Спокуха, хряц, болото наше, — буркнула ворона, ковыряя железным когтем в клюве. — Я их предупредила.

— И каким образом, если ты всё время с нами была? Может, у тебя встроенный радиопередатчик имеется? Или видеокамера? — что-то я устал от сногшибательных новостей. Запарился.

— Никакого радио. Обыкновенная телепатия, — фыркнула ворона и, оттолкнувшись от моего плеча, с лязгом расправила крылья. — Блудный сын вернулся! — прокаркала ворона, поднимаясь над крышами.

Поди разбери, о ком это она...

— Ванька! Живой!

Повиснув на шее, Маха принялась слюнявить мне щеки. Я осторожно обнял её в ответ. В животе разлилось приятное тепло.

— Я вас на площади искал, — сумел вставить я промеж её телячьих нежностей. — Знал бы, что вы дома, давно бы прибежал.

За столом, как в старые добрые времена, сидели кот и деда Фира. Гамаюн, гордо встопорщив хохолок, гордо прохаживалась по столу.

— А где бвана? — спросил я. — Нашел Душегубца?

Кот отвел глаза. Машка сделала вид, что лихорадочно увлечена ощупыванием меня на предмет ранений и не совместимых с жизнью травм. Дед Агафер меланхолично дул на чай, налитый в блюдецце.

— Да ты садись, служивый, — пригласил он, шумно отхлебнув. — В ногах правды нету.

И точно. Ноги подкосились, будто меня сильно шибанули под коленки, и я

плюхнулся на край лавки. Другой край тут же вздыбился, я рухнул на пол, а лавка — сверху. Послышался треск, с каким обычно раскалывается грецкий орех. В потолке отразилось звездное небо...

— Это могло бы стать трагедией, достойной Царя Эдипа, если б не было так смешно, — услышал я голос нашей не в меру умной птицы. — Пройти Зону без единой царапины, а дома скончаться от черепно-мозговой... Но! Были бы мозги — было б и сотрясение. А так — полежит чуток, да и оклемается. Вот я на него чаем побрызгаю...

Я сел. Содрал с головы рушник, отбросил лавку и повторил громовым голосом:

— Спрашиваю в последний раз: где Лумумба?

— Пьет, — вздохнув ответил кот. Я не поверил ушам и повернулся за разъяснением к Машке. Она-то уж врать не будет, правда? Не про учителя же?

— Помнишь, когда ты решил участвовать в соревнованиях, наставник сказал: нельзя мешать человеку, если душа подвига просит, — сказал кот, забирая у меня рушник и помогая подняться. Усадил, придерживая за локоток, погладил мягкой лапкой по шишке и пододвинул чашку с горячим чаем. — А еще нельзя мешать человеку, когда душа горит. Понимаешь?

— Вчера, пока тебя не было, он к княгине Ольге ходил, — тихо сказала Машка. — А как пришел, спросил у Арины Родионовны самогону, заперся в бане и с тех пор...

— Не беспокойся, всё путем, — утешил кот. — Я с банником договорился: тот ему компанию составляет и закуску подсовывает.

— Ну вы блин даете, — не глядя, я хватил стакан раскаленного чаю, и ничего не почувствовал. — Стоило на минутку отвернуться...

На моей памяти Лумумба уходил в запой два раза. Первый — когда с женой развелся, а второй — когда мы с ним Умруна проморгали. Бвана тогда уверен был, что мы идем за ним по пятам и вот-вот схватим, а Умрун в это время, совсем в другом месте, целую деревню в плесень превратил. До сих пор иногда снятся мягкие и ноздреватые, как сыр, дома. С коньков крыш капает слизь, из окон текут зеленые сопли, деревья, как травинки под дождем, льнут к земле, а уж люди... Давно это было, года три тому. Когда мы его наконец убили, наставник заперся в номере на постоялом дворе и никого к себе неделю не подпускал.

Но сейчас-то дело еще не окончено, так ведь? Ведь так? До суда еще три дня, да и Душегубца пока не поймали...

Сбил с мысли кот, насильно запихавший мне в рот ватрушку. Чтобы не подавиться, пришлось начать жевать. Творог с изюмом... Вкусно однако.

— А вы почему не на работе? — спросил я деда Фиру. Получилось как-то не так. Хотел вежливо поинтересоваться делами, а получилось, будто я чем-то недоволен. — Я хотел сказать...

— Да понял, не в обиде, — махнул рукой Агасфер Моисеевич. — Расформировали наши Летучие отряды, Ванюша. Котлеты, как говорится, отдельно, а мухи — отдельно. А еще ввели комендантский час: после семи вечера из дому не выйдешь. Так что кабак тоже отменяется, — деда Фира тяжело вздохнул. — И Пыльцу не продают...

Ватрушка во рту вдруг стала напоминать мокрую вату. Проглотить смог,

только отхлебнув чаю.

— Получается, это такие намеки, чтобы магов из города попросить? — опередив меня, спросила Маха. Она всегда быстро схватывала.

— Даже не намеки, а конкретный указ: в семь дней собрать манатки и на выселки. За сто первый километр, — тихо пожаловался кот. — Причем, не только пришлым, а и коренным. Мы с хозяйкой на этом самом месте двести сорок лет обитаем. Пережили и норманнских пиратов, и разбойничков Емельяна Ивановича, и голландских купцов... А теперь вот, будем голь перекатная, — соскочив с лавки, он принялся убирать со стола. — Но ничего... Отольются кошке мышкены слёзки. Уйдем — с Водокрутом сами пусть разбираются. Да и еще много с чем.

— Сварог собирается на тот берег бомбу сбросить, — вдруг сказала Машка.

Я чувствовал себя Алисой, нежданно-негаданно угодившей в Зазеркалье. Только и оставалось сказать: — Всё страньше и страньше.

— Какую бомбу, Машунь?

— Точно не знаю. Но Сварог прямо с трибуны объявил, что бомба у него есть, и он не постесняется её применить. Если нойды не откроют прииски...

— Нойдам бомба по барабану, — вздохнул Агасфер, устало потирая уши ладонями. — Тут другое: как бы они её обраткой на город не отправили...

— Так объяснить это надо Сварогу! Не совсем же он сбрендил, в конце концов.

— Великий Князь Сварог прекрасно знает, что делает. Точнее, думает, что знает. Нойды в Зоне выращивают Пыльцу. Он решил, если припугнет их лишением источника силы, они подчинятся.

— А как же Бел-Горюч камень?

Установилась неподвижная, совершенно мертвая тишина. Даже муха, пролетавшая над столом, вдруг замерла, будто попала в каплю меда...

— Где ты про него слышал, касатик? — откуда ни возмись, нарисовалась Арина Родионовна. Стоя в дверях, она глядела на меня совершенно черными и круглыми, как у совы, глазами.

— Дак... В Зоне и слышал, — не стал отпираться я. — Наверное. Я уснул, и увидел во сне нойду. Он сказал, что многие хотят до Бел-Горюч камня добратся, да немногим это удастся. Сказал, что именно он, камень, охраняет их владения... Как-то так.

— Во сне, говоришь? — скептически поднял бровь деда Фира.

— Я думал, что не сплю. Но Олег с Сигурдом никакого нойды не видели, и тогда я подумал...

Они рассмеялись. Старуха даже как-то обмякла и подобрела. Подойдя, она ласково погладила меня по голове, и уселась рядом.

— Дурак ты, Ванюша, — пробасила ведьма. — И не лечишься... Ежели видел его только ты — значит, только тебе в том нужда и была... Что еще припомнишь?

Я наморщил лоб. События прошлой ночи казались далеким фантазмагорическим сном. Электроволки, гигантский тигр, спящие чутким сном самолеты в ангарах... Нойда. Невысокий узкоглазый паренек с льяными волосами, стриженными под горшок.

— Он сказал, что Игорь к ним приходил. Ну, после своей смерти... И они

ему что-то дали.

Старуха неторопливо взяла ватрушку, разломилась пополам и стала крошить творог в блюдце. Тут же подскочила ворона и стала выклеивать у нее из-под рук распухшие в выпечке изюмины.

— Ясно дело, — кивнул Агасфер. — Куда ж ему, сердешному, податься было?

— А раз он на том свете... — встряла Машка, — Нельзя ли у Игоря напрямую спросить, кто его убил? Ну, как Лумумба у нас в городе, на кладбище, спрашивал...

Я живо повернулся к старухе.

— Он уже далеко, — вместо нее ответил маг. — До того берега не всякий докричатся сможет.

Ну, может, и не всякий... Я вскочил. Возбуждение распирало изнутри, как крылья созревшей бабочки распирают тесную клетку куколки.

— Мне нужен наставник. Покажите, где баня.

Кот с готовностью соскочил с лавки.

— Сиди, Бегемот. Я сама, — Арина Родионовна тяжело поднялась. — Идем, дурачок.

— Я с вами! — подхватила Маха, но старуха властно повела рукой.

— Сиди, девка. То будет мажий базар. Других не касаемый.

Глава 14

Иван

Гром гремел не переставая. Над головой, казалось, опрокинули еще один океан, и он падает, падает на меня, и всё никак не кончится. Под ледяными струями дождя вода в заливе казалась почти теплой.

Вдох-выдох...

Руки устали, глаза щипало от соли. Меня окружала крошечная тьма, которую принесла с собою буря. Оставалось надеяться что магический компас, подаренный Ариной Родионовной, продолжает показывать верное направление. Его иногда засвечивали молнии, но ярко-синяя стрелка упорно пробивалась сквозь волны и брызги.

Вдох-выдох...

Когда я впервые плыл через Кольский залив, было легко. Рядом был Олег, рядом был Сигурд... С Лумумбой, моим первым и единственным наставником, тоже было легко. И в горе и в радости, как говорится. Когда в Москве, на разборках со шпаной я схлопотал пулю в живот, он не отходил от меня ни на шаг. Поил своими унганскими зельями, помогал ходить до ветру, ночевал рядом с моей постелью... Я тогда выжил только благодаря ему.

А потом, когда Лумумба, разругавшись в пух и прах с тогдашним руководством, с треском вылетел из АББА, причем без права применения магии в Москве, я ушел вместе с ним.

Мне предлагали остаться. Поступить к любому из практикующих наставников, на выбор, и жить не тужить... Но я даже не раздумывал. Полтора года мы с бваной перебивались случайными заказами на воспитание полтергейстов и расшалившихся домовых. Чуть не загнулись на голодном пайке от абстиненции. Для нас, бывших штатных сотрудников, оказалось неприятным сюрпризом, что Пыльца на черном рынке стоит сумасшедших денег, а найти чистый продукт почти невозможно... Так бы и сгинули под каким-нибудь Смо-

ленском, если б не товарищ Седой. Возглавив Агентство, он первым делом нашел Лумумбу и попросил вернуться.

Вдох — выдох... Дождь перешел в противную морось, но плыть от этого не легче.

...Увидев наставника сейчас, я натурально испугался: поначалу он меня даже не узнал. Сидел в жарко натопленной бане — она ему, видите ли, напоминала родную Африку — пил самогон и разговаривал с лоа. Банник, добрая душа, всё пытался сунуть ему соленый огурец...

Если останусь жив, никогда не буду вспоминать того, что мы с наставником друг другу наговорили. Но самое страшное было вот что: Лумумба поверил в виновность Ольги.

Пока меня не было, он перебрал все способы, которыми могли умертвить князя Игоря и пришел к заключению, что был применен магический яд. Доза микроскопическая, укол почти незаметен, поэтому добрый доктор Борменталь ничего не заметил. Будучи безупречным профессионалом, он оказался элементарно подслеповат.

— Нельзя бежать с тонущего корабля, — сказал я бване, вспомнив давешний разговор с Олегом.

— Я вовсе не бегу, — Лумумба, попытавшись сфокусировать на мне взгляд, чуть не свалился с лавки. — Как преданный капитан, я тону вместе с ним.

— Никто не верит в виновность Ольги.

— Вера в невиновность — это катахреза, — глотая, как воду, самогон из граненого стакана, возразил наставник. — Существуют факты. Если отбросить всё невероятное — то, что останется и будет истиной.

— Мы можем вернуть душу Игоря...

— Пусть мертвые сами говорят со своими мертвецами.

Лумумба, унган в шестом поколении, отказался говорить с духом мертвого князя. А как это было бы красиво! Игорь, собственной призрачной персоной, является в суд и заявляет, что любимая супруга невиновна. И, конечно же, называет настоящего убийцу...

Впрочем, убийцу мы отыщем и сами: следователи мы, или где?

Вдох-выдох. Вода становится медленной и тягучей, как кисель. В её глянцевой поверхности отражается луна...

Надо мной нависает громадная оскаленная пасть, но я только цыкаю зубом, и она скрывается в пучине: запрет на Пыльцу в моем личном заплыве отсутствует. Бабка расстаралась. Намекнула, конечно, что из своих кровных запасов отрывает, но ведь ради правого дела... Я, конечно же, обещал не остаться в долгу.

В Москве, найдя частную точку торговли Пыльцой, я был бы обязан доложить куда следует, и бабку бы замели. Но здесь, в Мангазее, слава Макаронному монстру, были иные законы. То есть, раньше были...

— Вот эта, — говорила старуха, выдвигая ящик комода, разбитый на аккуратные ячейки, — С Гоа. Очень хорошая. Действует быстро, не оставляет по-

слевкусия и почти не дает отката...

Комнатка её, сплошь заставленная фарфоровыми пастушками, глупого вида собачками и кошками, помахивающими поднятой передней лапкой, корицей пропахла необычайно. От этого казалось, что Завесу можно даже не сдвинуть, а просто сдуть.

На деревянных полочках вдоль стен красовались валенки. Расписные, с вышивкой, с меховой оторочкой...

— А вот эта, — ведьма достала следующий мешочек, перетянутый современным пластиковым зажимом, — из Индонезии. Не такая, как с Гоа, но тоже очень, очень хорошая. А это, — следующий пакетик с ярко-синим порошком, — Сырец из Китая. Бьет, как паровой молот, возможности — уровня Дарта Вейдера. На время, конечно, да и откат — только держись. К сырцу нужно загодя привыкнуть, так что не предлагаю.

— Мне нужно переплыть залив.

За окном сверкнуло, на миг высветив на лице бабки каждую морщинку. Затем громынуло так, что не только стекла задрожали, а и половицы приподнялись.

— Охо-хо... — старуха подошла к окну и задернула занавески. — Не часто в наши широты гроза приходит, ой как нечасто. Разок лет в пятьдесят. Свезло тебе, дурачок. Как утопленнику.

— Не каркайте.

— А я и не каркаю. В грозу Океан — чистая смерть. Волна такая — танкеры опрокидывает. А ты говоришь, переплыть...

— И сколько она продлится?

— Гроза-то? Да кто ж его знает. Может, к завтраму стихнет, а может — на седмицу зарядит.

— Я всё равно поплыву.

А что мне остается? Ковры-Вертолеты, как бвана, я еще не умею...

Бабка пожевала губами.

— Не вместно мне спрашивать, но всё-таки: на хрена тебе, касатик, на тот берег? Подвиг ты уже совершил, силу молодецкую показал...

Я вздохнул.

— Не вместно мне отвечать, но всё-таки: — ключ к нашим проблемам надо искать там. Нутром чую.

— Ах, нутром... — старуха понимающе кивнула. Ну... тогда сырец — то, что доктор прописал.

— А как же обратка?

Я помнил, что такое закинуться Синькой — так у нас называли сырую, необработанную Пыльцу. Возможности она и вправду давала исполинские. И так же быстро выжигала мозги. Как порохом.

— Есть один способ. Но об этом — молчок. Рот на замок, замок — в огород. Поклянись.

Я ударил себя в грудь.

— Могила.

Усадив меня в изножье застеленной белым кружевным покрывалом кровати, бабка достала из комода потертый кожаный несесер, гнутую, закопченную снизу ложку и зажигалку «Зиппо». Затем протянула руку и щелкнула

кнопкой старенького кассетного магнитофона «Романтик».

— Это так, для настроения. Муж-покойник любил говорить: блюз — это такая музыка, когда хорошему человеку плохо... — она подмигнула. — Расслабься, дурачок, я не сделаю тебе больно.

В несесере, как гильзы в газырях, лежали стеклянные шприцы и иглы с канюлями старинного литья. Достав один, старуха аккуратно нацепила иглу и затянула покрепче.

— От мужа инструмент остался. Он ведь доктором был, Михайло свет Афанасьевич... Уж восемьдесят лет скоро, как помер, пусть земля ему будет пухом, а всё в гости ко мне, старой, захаживает... Не ссы, касатик. Всё стерильно.

Кинув мне резиновый жгут, приказала перетянуть руку, а сама, отмерив на электронных весах дозу, высыпала её в ложку и щелкнула зажигалкой...

Вдох-выдох. Вдох.....Выдох. Холода я уже не чувствовал. И не потому, что привык, а просто руки-ноги онемели. Я еще мог ими как-то шевелить, но ощущение того, что это не мои конечности, а деревянные колоды, всё усиливалось.

Вдох... Выдох.

Из воды, прямо передо мной, воздвигся голый бородатый мужчина. От пояса он был покрыт крупной чешуей и стоял на хвосте, как дельфин. В руке мужчина держал трезубец. Отплевываясь от соленой воды, я перевернулся на спину, выпучив глаза на новое морское чудо.

— Ну вот мы и встретились, красавчик. Долгонько же тебя ждать пришлось, — трубно проревел мужик и махнул трезубцем. Сверкнула молния, небо, как фарфоровое блюдо, раскололось пополам.

— Ты Водокрут! — догадался я и схватился за запястье. Оберега, подаренного котом после приключения у колодца, не оказалось. Потерял, растяпа.

— Я на тебя сразу глаз положил. Уж больно пригож ты, молодой маг.

Морской царь, призывно поведя могучим голым плечом, подмигнул и подкрутил усы. Я чуть не захлебнулся. Нет, честно! Всякого можно было ожидать: и магического поединка, и игры в загадки, и требования отдать того сам не знаю чего... Но заигрываний?

— Пойдем ко мне, на дно морское, — томно пел Водокрут. — Там ложе мягкое, шампанского три бочонка, а еще икра заморская, баклажанная...

Ветер нес ледяную крошку и она намерзала в бороде и усах хвостатого мужчины.

— Окстись, морской царь, — выкрикнул я, отчаянно работая руками и ногами. — Парней любить — себя не уважать. И вообще... Я в такие игры не играю. Просто мимо плыву.

— Ну, давай хоть водки выпьем, да в картишки перекинемся, — совсем другим тоном попросил Водокрут. — Скучно мне. Русалки — дуры набитые, только о женихах и думают.

— Прости, морской царь, дело у меня. На тот берег надо...

Вода превратилась в снежную кашу. Еще немного — и схватится ледяными глыбами.

— Если водки со мной выпьешь, я тебя куда хошь в один миг доставлю. Время так и сяк сэкономишь.

Я задумался. На самом деле, согреться бы не помешало, но...

Ногу свело судорогой.

— А приставать не будешь?

— Слово Морского Царя.

...Когда я открыл глаза, в небе сияло солнце, а в ушах звучала музыка. В спину больно впивались острые камешки, и я сел. Синие волны с белыми гребешками накатывали на идиллический берег, сверкая, как бриллианты в короне Морской Царевны...

Этот образ потянул за собой цепочку воспоминаний: дно залива сплошь усыпано песком. Да не простым, а золотым. Кое-где из песка торчат якоря, сундуки с распахнутыми крышками и разбитые кили кораблей. Сломанные мачты с истрепанными парусами колышутся над ними, как диковинные водоросли.

А еще была она. Морская Царевна. Русалочка. Сидя на крышке старинного сундука, из которого свешивалась нитка крупных, как орехи, жемчужин, она расчесывала зеленые волосы, призывно улыбалась и пела:

*Если хочешь быть богатым,
Если хочешь быть счастливым,
Оставайся, мальчик, с нами,
Будешь нашим королем...*

Словом, Водокрута можно понять: дочка — в самом соку. Брачного, что ни на есть, возраста. По ночам выползает на берег и песнями заманивает любого, кто окажется рядом. Сколько народу утопила — страсть, уже слухи пошли, воевода на берег гарпунную пушку поставил... Вот папаня и решил лично озаботиться счастьем дочери: подыскать зятя не на одну ночь, а как бы на подольше. С перспективой. Чтобы не подстрелили дуру хвостатую...

Чего мне стоило отмазаться — лучше не спрашивайте. В какой-то момент пожалел, что сходу отмел намеки на нетрадиционную ориентацию... Потом вспомнил, что являюсь правоверным адептом Его Пастафарианского Святейшества, приплел обет безбрачия и это решило дело в мою пользу. Обеты Морской Царь уважал.

В результате мы с Водокрутом так накидались — он с горя, что упустил жениха, я — с радости, что отвертелся от почетной участи, — что перебаламутили к морскому дьяволу всё дно и утопили корабль. Я сначала расстроился — всё-таки невинные люди, а потом понял, что это тот самый, на котором бояре в заграницу намылились. И отошел. Бог шельму метит, как говорится.

Йо-хо-хо! И бутылка рому...

Придя в себя, я вытряхнул воду из ушей, проверил, на месте ли руки-ноги, нож на поясе, подарки для нойд в непромокаемом пакете, примотанном к пузу скотчем — бабка строго-настрого велела первым делом гостинцы отдать...

Затем прокричал, приставив ладони рупором ко рту:

— Спасибо, Водокрут! Большое спасибо!

Развернулся и побежал прочь от берега.

Сначала боялся, что вновь набегут электроволки и не дадут пройти. Но вокруг было пусто. Точнее, жизнь вокруг была ключом, но жизнь безобидная: пе-

ресвистывались, сидя рядом с норками толстые сурки, в озерах заливисто квакали лягушки и плескала рыба, а высоко в небе, зависнув прямо над моей головой, пел жаворонок.

Я ничего не узнавал. Возможно потому, что сейчас не было никакого тумана и равнина, лишь кое-где вздыбленная холмами, просматривалась до самого горизонта. Далеко, на самом пределе видимости, чернели столбы — вход на Североморскую базу. Они-то и служили единственным знакомым ориентиром.

Где искать нойду, я не представлял. Надеялся, что как в прошлый раз, он сам меня найдёт.

К вечеру — здесь по-прежнему солнце садилось нормально — я вышел к обрыву, за которым как язва чернел развороченный котлован. В центре его булькало грязевое озеро, по краям громоздились ярко-желтые экскаваторы, утопшие по самое брюхо гигантские самосвалы и рабочие вагончики.

Никогда не думал, что добыча драгоценного металла выглядит так отвратительно. Наверное, даже после того, как жила иссякнет и машины уберутся, здесь уже никогда и ничего не будет расти.

Золото. Единственный металл, который нельзя создать магически. Кровь и слава Мангазеи... В то, что князь Сварог, крутой, как отвесный склон и скорый на расправу, как вскипевшее молоко, спокойно сбросит на Зону бомбу, почему-то верилось. Сбросит, подождет пока осядет пыль, а потом явится и установит над сурками диктатуру пролетариата.

— Здравствуй, Нав.

Тот же узкий прищур, светлая челка, добрая, несколько растерянная улыбка... В первый раз я не понял, сколько ему лет, но сейчас сразу увидел, что нойда — совсем молодой пацан. Младше Машки наверное...

Рядом чуть дымил костерок, на прутиках жарилось несколько карасей и крупные, с мясистыми шляпками, подберезовики. Чуть дальше, почти не выделяясь на фоне зеленой травы, притулился шалашик из еловых веточек.

Пару минут назад я здесь проходил. Вот лужа, в грязи темнеет отпечаток моей ноги. Вот примятый стебель Иван-Чая, сдвинутый с тропинки камушек... Стукнув себя по лбу, я закрыл глаза и посмотрел на Завесу. Она была прозрачная, будто саван из белесой кисеи или тумана.

— Я уж думал, ты никогда не прочухаешь, — хитро прищурился старый знакомый. — Меня, кстати, Куксой звать.

— Очень приятно... — взявшись за твердую ладошку пацана, я шагнул в Навь.

Здесь было тепло. Это первое, что я почувствовал. Ветер, мягкий и ласковый, дул в лицо, принося запахи меда, душистых трав и свежеспеченного хлеба. Больше всего это напоминало стойбище оленеводов, которое я видел на картинке в старой энциклопедии: высокие, покрытые шкурами шатры, в центре — громадное, выложенное камнями костровище. Вокруг суетятся беловолосые женщины, одетые в платья из оленьих шкур и бегают дети в одних рубашонках.

Я посмотрел на Куксу.

— Вы даете Пыльцу младенцам?

— Они не те, кем кажутся.

— Но вы живете на Том свете! Как это возможно?

— Здесь никто не живет.

— Тогда что это? Галлюцинация? Морок?

— Видит горы и леса, облака и небеса, а не видит ничего, что под носом у него... — словно детский стишок, продекламировал недомерок, шурудя в костре прутиком.

Я сел прямо на землю и почувствовал под собой твердь. Протянув руку, провел ею сквозь пламя, и ощутил жар: волоски на руке скрутились и осыпались. Принюхался — в ноздри проник вкусный дух жареной рыбы. В животе забурчало.

— Это не похоже на Навь, — сказал я. — Как вы это делаете?

— Просто смотри...

Мимо прошел дух. Он был одет в кухлянку и широкие кожаные штаны, и выглядел бы как любой нормальный человек, если б не был прозрачным. На одном плече духа покоилась такая же призрачная, как и он сам удочка, а в другой он нес ведро, из которого свешивался щучий хвост. Хвост был вполне реальный: от него пахло тинной и мокрой чешуёй. Поравнявшись с нашим костерком, дух приветливо кивнул, бросил что-то нойде на почти понятном, но вывернутом языке, и пошел дальше. Дети, игравшие у большого костровища, завидев духа, начали свистеть и кричать что-то, похожее на дразнилку: — «Немец-перец-колбаса»...

— Видит горы и леса... — пробормотал я про себя, глядя на духа.

Кукса снял с распорок прутик с карасем и грибами, улыбнулся и протянул его мне. Я замер. Первое правило посещения Нави: не брать ничего у тамошних жителей. Ничего не пить и не есть. Иначе не вернешься.

Желудок раздраженно забурчал, в носу засвербело. Рыбка выглядела аппетитно, грибы истекали соком, от них шел такой запах... А, какого черта! У Водокрута я уже и ел и пил, и — ничего, остался жив...

Взяв из рук мальчишки прутик, я откусил кусочек гриба и начал жевать.

— Пойдем к авторитету. Он с тобой базарить хочет, — сказал Кукса, когда мы съели всех карасей. Нойда задул костер, снял с пояса веревку и примотав один конец к моему запястью, другим обернул свой кулак.

— Я что, арестованный?

— Ты глупый. Ходить не умеешь. Можешь ненароком за горизонт шагнуть, как богатырь Ляйне.

— Да я вроде как не первый раз замужем...

— Не выпендривайся, Нав. Потом спасибо скажешь.

Мелкий совсем пацан. А ва-ажный...

Шли мы и вправду интересно: оглянувшись на следы, я заметил, что правой ногой иду нормально, а пальцы левой вывернулись и смотрят назад. Тощие стволики северных березок, шатры, даже детей, будто специально встающих на нашем пути, мы проходили насквозь, но споткнувшись о камень, я рассадил палец до крови. Больно адски.

Стойбище оказалось довольно большим, шатров на тридцать. На натянутых меж ними веревках сушилась рыба, колыхались олени шкуры и пучки трав, от запаха которых кружилась голова. Запах трав кое о чем.

— Говорят, вы тут Пыльцу выращиваете.

— Трохи, тильки для сэбэ... — подражая говорку Сигурда сказал Кукса и захихикал. Нет, ну на редкость противный пацан! Так и просится на воспитательный подзатыльник... — Кто живет в Нави, и питается от Нави. Но на экспорт — держим. Плантации там... — он махнул рукой куда-то за горизонт.

— Ух ты! Покажешь?

— Сам увидишь. Если сможешь.

— А оленей вы тоже в Нави пасете? — припомнились шкуры, растянутые для просушки.

— Саамы — олений народ однако.

— И как это вас угораздило?

— Не мы такие, жизнь такая...

Шли довольно долго, во всяком случае, я опять проголодался. Да и ноги устали. Но Кукса брел и брел меж холмов, да по-над берегом озер, круглых, как монетки, и чистых, как зеркальца. Иногда мы натыкались на шатры, детей и костровища. Через некоторое время я стал подозревать, что нойда водит меня по кругу. Вспомнилось наше приключение с Олегом и Сигурдом: здесь что, мода такая — по кругу ходить?

Намеренно споткнувшись, я наклонился, подобрал камешек и положил его на другой. Камень, покачавшись, встал вертикально, острым концом вниз. Кукса забеспокоился. Сбросил ногой маленький камешек с большого и строго покачал тощим пальцем перед моим носом.

— Нельзя так делать, — противным голосом, как маленькому, попенял он.

— Да я и не знаю, как так вышло. Просто хотел дорогу отметить. На всякий случай.

— Больше не отмечай. А то приканиают по кривой дорожке злые вертухай, и будет нам всем кирдык.

— А это тогда что? — я указал на громадный валун, стоящий на маленьких камнях, как на коротких ножках. Он был похож на горбатого, обросшего моховой шерстью мамонта. Только без бивней.

— Это Сейд, — сплунув себе под ноги, пояснил пацан. — Закрывает дырку в старший мир. Его поставил Шаи-Хулуд, когда вертухай прорвались впервые. Были они серые, обожженные, и всё время хотели мяса...

— А что такое Бел-Горюч камень?

— Он — Алатырь, всем камням камень.

— Что, закрывает самую большую дырку?

— Можно и так сказать однако. Таковую, что если его убрать — весь мир наизнанку вывернет. И станем мы тогда карликами, и будем жить на внутренней поверхности полой Земли...

— Ты что, серьезно?

— А ты как думаешь? — Кукса с каменным лицом подмигнул.

— Слушай... — через какое-то время спросил я. — А может, ты мне его покажешь? Алатырь?

— Ты его уже видел.

— Когда?

— Да мы раз пять мимо прошли. Я уже заманался, в натуре, меж трех сосен тебя водить, а ты так и не просёк.

— Что не просёк?

— Да камень, котелок ты дырявый, — грубо дернув меня за запястье, нойда содрал веревку и опустил её за пазуху. — Хожу тут, как вертухай голодный, голова уже кругом идет, а ты всё на месте топчешься.

— Но... Зачем? — у меня самого уже шарики за ролики от этих загадок заехали.

— Ты должен увидеть камень. Сам. Горь вот его видел. И жена его, когда знакомиться приходила...

Отвернувшись от меня, Кукса сказал в сторону, будто невидимому собеседнику:

— Он не Тот. Ты ошибся, Старший.

— Да Тот он, Тот, — раздалось рядом с нойдой. — Ты сам виноват, Мелкий. Не понял, что парень с железом ходит. Оно-то ему взор и застит... — я посмотрел на своё пузо. Мать-перемать! Гостинцы от Арины Родионовны. Совсем о них забыл.

Морщась, оторвал приклеенный намертво пакет и с поклоном, как было велено бабкой, протянул его пацану.

— Вот. Гостинец вам с Той стороны.

Хмыкнув, Кукса развернул подарок. В нем оказалась запаянная стеклянная ампула и россыпь стальных иголок. Самых разных: от громадных цыганских, до тоненьких, едва заметных.

— Ну вот, теперь другое дело.

Повернувшись теперь на голос, я увидел мужика. Невысокий, но очень крепкий и плотный. Круглая бритая голова на короткой шее, покатые могучие плечи, бочкообразное туловище, затянутое в старый, много раз штопанный тельник... На ногах старые, седые от времени кирзачи.

— Здравова, гость потусторонний! — широко улыбнулся мужик и протянул сплошь исколотую татуировками руку. — Илюха я. Мурманский. Авторитет здешний.

— А я Иван. Э... Спаситель. Очень приятно, — пожав твердую и теплую, даже горячую руку, я почувствовал себя значительно лучше. Слава Макаронному монстру, хоть один нормальный мужик попался.

— Ну вот! Даже погоняло у тебя подходящее: Спаситель, — осклабился Илюха. — Нам как раз такой и нужен.

— Да это не погоняло. Фамилия у меня такая.

— А это, друг Ванюха, абсолютно фиолетово. Главное, ты здесь.

И он вновь улыбнулся. Лицо Мурманского, покрытое множеством морщинок, стало похоже на добродушное печеное яблоко.

Глава 15

Маша

«У каждого додика своя методика», — говаривал Таракан, отправляясь на охоту за очередным монстром. Сейчас его теория проявила себя как нельзя лучше: Ванька за своим монстром ушел в Зону, а Лумумба — в запой. Обидно то, что никто из них не подумал обо мне. Друзья называются.

Чуть с ума не сошла от скуки, честное слово. Чтобы отвлечься, попыталась сунуться на улицу, но не вышло: ливень такой, что ничего не видно — сплошная стена воды. А ветер — я вообще молчу. Не ветер, а чугунная баба какая-то.

К тому времени, как гроза стихла, у меня уже свербело во всех местах. От отчаяния даже попробовала подружиться с птицей Гамаюн — ничего не вышло. От сырости железная бестия совсем заржавела и только поскрипывала, как сломанный пулемет. Кот предложил вышивать крестиком — чтобы руки занять, но я лучше оружие чистить буду с утра до ночи, чем иголку в руки возьму. Найдя на подоконнике книжку, сперва обрадовалась — книжки я с детства люблю, но через пять минут захлопнула, положила обратно, а сверху еще чугунный утюг поставила. Оказалось, это какой-то бабкин гримуар: буквы, как жучки, то и дело перебежали с места на место, составляясь в неприличные ругательства, и пытались царапаться. А еще мне показалось, что книжка пытается читать меня...

Словом, когда гроза наконец стихла, я вздохнула с облегчением и поспешила на улицу. Одолжив у бабки красные сапожки на резиновом ходу и древнюю, оставшуюся с Великой Отечественной плащ-палатку. В пронизанном электричеством воздухе витали запахи влажной земли, травы и сирени, на заборе возбужденно чирикали воробьи, а над головой сияло умытое солнышко. Впервые здесь, в Мангазее, показалось голубое небо. Оно было такое чистое, такое голубое, что захотелось забыть все свои печали, обернуться маленькой птичкой и взмыть в его прозрачные выси.

Но даже умиротворяющая картина счастливой природы не позволила моему мятущемуся духу принять неопределенное будущее с кротостью и смирением. И, выражая протест против безоблачного, но поистине унылого существования, я разбежалась и обеими ногами плюхнула в не успевшую высохнуть лужу. Брызги взметнулись выше головы, окатив проходившего мимо кота, кучку воробьев и случившегося рядом совершенно постороннего петуха. Переполох поднялся до небес: петух орал, как оглашенный, воробьи выражались так пронзительно и ёмко, что захотелось запомнить парочку ругательств на будущее, и только кот отряхнулся молча, всего лишь покрутив лапкой у виска.

А мне как-то полегчало. Решив не останавливаться на достигнутом, я хищно оглядела бабкин двор в поисках приключений, но тут за спиной послышался ехидный кашель.

На завалинке перед баней сидел Лумумба. В новых белых кальсонах и исподней рубаше, сунув босые ноги в стоптанные калоши, он щурился на солнце, затягиваясь от исполинской козьей ноги, свернутой из вчерашней газеты. Глаза тонут в сеточке морщинок, пальцы, отмытые до розового блеска, чуть подрагивают, а суточная щетина покрывает щеки налетом белого одуванчикового пуха. Не погрешив против истины, можно смело сказать: Базиль вы-

глядел как старик, который, проболев всю зиму, впервые выполз погреться на весеннее солнышко.

— Привет алкоголикам и тунеядцам, — поздоровалась я. А что? Им можно, а мне нельзя? Может, у меня тоже склонность к самоубийству прорезалась.

Не ответив, Лумумба бросил бычок, поднялся и вновь скрылся в бане.

Ну привет. Даже в лягушку не превратил... Значит, совсем плохи наши дела.

К моему удивлению, из предбанника великий сыщик вышел буквально через минуту: кудрявая шевелюра уложена волосок к волоску, гладко выбритые щеки лоснятся, а голубой, под цвет неба, вышитый золотыми рыбками жилет играет новыми красками.

Я восхищенно вздохнула: вот бы и мне так научиться! Отбоя от кавалеров не будет...

— За мной! — бвана, проходя мимо, едва удостоил взглядом. Что характерно: никакого перегара, только земляничное мыло и французский одеколон. — Докладывай, что у нас плохого?

— От Ваньки до сих пор никаких вестей.

— В смысле? — наставник резко затормозил, я ткнулась ему в спину.

— А то вы не в курсе, что он опять в Зону побег, доказательства для вашей бывшей искать. Или с перепою не помните? — невинно задрал бровки, спросила я, подпустив в голос побольше ехидства. Видно, демон раздора во мне соскучился за время грозы, и теперь собирался взять реванш за бесцельно прожитые сутки.

— Я помню, что запретил своему ученику предпринимать какие-либо опасные для жизни действия.

— Ну да. Конечно. И подтвердили личным примером беспробудного пьянства.

— Но-но! Тебе по рангу начальство критиковать не положено.

— А начальству положено посреди дела в запой уходить? А подчиненных без присмотра бросать?

— Это был не запой, — высокомерно бросил Лумумба, взбираясь на высокое крыльцо. — А творческий поиск.

— Белочек или маленьких зеленых человечков?

Остановившись, он посмотрел на меня со ступеней. Зрачки в желтых глазах, вдруг став вертикальными, то сжимались в булавочную головку, то расширялись на всю радужку.

— Шалишь, младший падаван. Может, превратить тебя в обезьянку? Продадим бродячему шарманщику, а он тебя фокусам обучит и на ярмарках показывать станет...

Покраснев, я ковырнула носком сапожка асфальт:

— О, товарищ майор, вы столько обещаете... — а потом отскочила на безопасное расстояние и показала язык. — Черта с два вы меня превратите! Пыльцы-то не в одном глазу... А продавать её теперь запретили, так что хренушки.

Лумумба хитро прищурился.

— Ты в этом абсолютно уверена?

— По глазам вижу.

Вытянув шею, и став похожим на седого удава, Лумумба приблизил свою

голову к моей, заглянул в глаза и плотоядно улыбнулся, облизав губы раздвоенным языком.

Я сглотнула сухим горлом.

— Ладно, прощаю на первый раз, — став прежним, он подмигнул.

— А в запой уходить больше не будете?

— Постараюсь.

— Тогда я вас тоже прощаю.

— Премного благодарен, — с совершенно серьезным лицом поклонился наставник. — Век воли не видать. По гроб жизни...

— Да поняла я уже, поняла.

— Где Гамаюн? — как ни в чем ни бывало спросил он, бодро вбегая в сени.

— На печи дрыхнет, без задних лапок. Заржавела уже от лени.

— Ничего. Сейчас мы её разбудим. Гамаюша! Ко мне! — распахнув дверь в нашу комнату, Лумумба застыл на пороге, победительно оглядывая плацдарм.

Птица, слышав голос хозяина, осторожно выглянула из-за вьюшки. Затем бочком вышла, встопорщила перья — послышался тихий железный шорох, — и только после этого неуклюже спорхнула на стол.

Кот уже разводил пары под самоваром.

— Чего изволите, хозяин? — как-то невесело спросила птица.

— А найди-ка ты мне Ивана-молодца! — распорядился наставник, усаживаясь к столу. — Где он, что делает...

— Не могу знать, хозяин. Не вижу я его.

Лумумба отставил только что наполненный чаем стакан.

— То есть как не видишь? Слепла?

— Вы же знаете, хозяин: я только живых зреть способная.

До меня не сразу дошел смысл сказанного. А когда дошел...

— Что ты несешь, железяка ржавая?

Схватив ворону за жесткую сегментированную шею, я принялась её душиТЬ. Гамаюн не сопротивлялась. Как тряпочка, провисла она в моих руках, раскинув крылья, и только горько, закатывая глазки, вздыхала.

— Отставить экзекуцию! — гаркнул Лумумба, отнимая у меня птицу и пристраивая её обратно на стол. — Гамаюша, вдруг я чего не понял: где Иван? — попросил он так ласково, что у меня мурашки по всему телу забегали.

— Я не вижу его среди живых. А это значит, что он...

— Не каркай, — поднял руку бвана. — Не надо делать поспешных выводов. Иван — мой ученик. А я, как ты знаешь...

— Унган, Великий и Ужасный, — покорно кивнула Гамаюн. — Но и вы, хозяин, должны помнить, что мои глаза открыты день и ночь, и видят всё, что творится на белом свете, если я чего не вижу, значит этого больше...

— Клюв скотчем замотаю, — флегматично предупредил Лумумба. Птица хлопнулась. — То, что ты его не видишь, ничего не значит. Я верю в своего ученика.

— Кто-то недавно говорил, что вера — это катахреза, — съехидничала ворона.

— Вера вере рознь, — отрезал наставник.

В ушах было ватно и глухо. Ноги дрожали. Если я правильно всё понимаю, Ванька... Стоп. Фигушки. Я тоже верю. Даже мысли не буду допускать, что он...

По лесам, по полянам, дружат Марья с Иваном... Тут любовь без обмана...
Без дружка, без Ивана, жить и Марья не станет, а зачахнет, завянет...

Я помотала головой, чтобы вытряхнуть из ушей назойливый голос. Свой собственный, между прочим.

— Извините, господин начальник. Не объясните ли насчет веры?

— Вот ты, падаван... — он отхлебнул черного, тягучего, как кофе чаю, и зажмурился. — Ты веришь в чудеса?

— Конечно верю, — я даже удивилась. — Потому что сама неоднократно становилась свидетельницей, и даже объектом...

— А зря. На самом деле, чудес на свете не бывает.

— Как вы можете так говорить? Вы же маг.

— Магия — это всего лишь продукт человеческой воли, усиленной наркотическим стимулятором. Верить надо в факты.

И тут до меня кое-что дошло. Вцепившись в раскаленный стакан и крепко зажмурившись, я выпалила:

— Вы не верите, что Ольга невиновна! Вы и бухали, потому что убедили себя в том, что ваша бывшая — убийца!

Повисла тишина. Только старинные бабкины ходики на стене негромко, но отчетливо, выплевывали бисеринки секунд. Вокруг лица воздух сгустился и стал горячим, я не выдержала и приоткрыла один глаз. От кота над столом торчали одни уши. Ворона, схоронившись за самоваром, подавала безмолвные знаки: беги, мол, спасайся...

Лумумба, в первый миг показавшийся спокойным и собранным, гнул взглядом ложки. Когда очередная, покорная его воле, стибалась буквой «зю», он откладывал её на скатерть и брался за следующую. После шестой посмотрел на меня и спросил:

— И откуда ты взялась, такая умная?

— А что, не правда?

Наставник вздохнул и отвернулся. Кот вылез из-под стола, ворона, выкатившись из-за самовара, принялась чистить клюв. Я поняла, что пронесло.

— У меня нет доказательств, — не поворачиваясь, упрямо сказал наставник. — А на суде, как ты понимаешь...

— Ванька отправился на тот берег за духом Игоря, — напомнила я.

— Духа к присяге не призовешь.

— Да какая разница? Если Игорь сам, при всем честном народе, скажет, кто его убил... Помните, как вы допрашивали Ядвигу Карловну?

— Дух — это не зомби. Как ученица угнана, ты должна знать разницу.

— Да как я могу что-то узнать, если вы мне ничего не говорите? Ваньки нет, вы в бане штаны просиживаете, ворона на печи ржавеет... А мне что остается?

Вздыхнув, Лумумба поднялся и потянулся за плащом.

— Вы куда? — спросили мы хором с Гамаюн и котом.

— Как куда, а Душегуб? Хотела расследование вести? Идем, младший падаван, буду учить тебя уму-разуму...

Не помня себя от радости, я вскочила. Наконец-то! Наконец-то мы собираемся что-то делать! Ура!!!

Уже возле калитки нас догнал взъерошенный кот. Шаркнув лапкой, он протянул небольшой узелок, связанный из косынки в мелкий красный горо-

шек.

— Вот, извольте. Хозяйка кланяется, просит передать: всё исполнено, как велели...

Выйдя за калитку, Лумумба развязал узелок. Я думала, там какие-нибудь ватрушки или сухари на худой конец — позавтракать-то так и не успели, но это оказалась ромашка. Крупная, с желтой бархатной серединкой и почему-то разноцветными лепестками.

— Цветик — Семицветик, — удовлетворенно кивнул Базиль, осторожно вынимая ромашку из узелка. — Спасибо Арине Родионовне, постаралась голубушка...

— Это как в детской книжке, да? — спросила я. — Шесть глупых желаний, а седьмое — чтобы отменить всё, что натворили первые? — не внушал мне доверия этот лукавый цветочек. Уж больно хитёр на вид.

— Не совсем, — не обиделся моему недоверию наставник, рассматривая сквозь лепестки, как сквозь стеклышки, солнечные лучи. Он поворачивал цветок по кругу, как зонтик, и зеленые, желтые и синие блики плясали в еще не просохших лужах. — Он конечно выполняет желания, но не те, что ты производишь вслух. Хороший Цветик угадывает, в чем ты по-настоящему нуждаешься. А получишь это или нет — зависит только от тебя...

Сорвав желтый лепесток, он подкинул его в воздух, подул, а потом пропел:

*Лети, лети лепесток, лети на запад, восток,
Лети на север, на юг, лети, наматывай круг.
Во след сплошной полосе, над незнакомым шоссе,
По черно-белым полям, вдоль земляничных полян...*

Лепесток закружился, его подхватил ветер, а меня подхватил Лумумба и мы понеслись...

Временами он походил на листок, сорванный с дерева, на золотую искорку, на конфетный фантик из фольги, на мятую, никому не нужную бумажку... Ветер гнал его над деревянными мостовыми, над узкими, прижатыми к заборам тротуарами, над проходными дворами и заросшими бурьяном огородами. Дважды мы перелезали через плетни, первый раз — безнаказанно, а на втором меня чуть не съел громадный злющий кобель. Задыхаясь от ярости и брызжа слюной, он прыгнул и ухватил резиновый бабкин сапог. Взвизгнув, я дернула ногой и, босая, свалилась на ту сторону. Лумумба только фыркнул и припустил дальше.

Нас исхлестала крапива, исцарапали крепкие, как проволока, ежевичные побеги, босая нога тут же замерзла и онемела, а еще я больно порезала пятку осколком стекла...

Наконец мы оказались на Веселой улице, прямо перед борделем Мадам Лады. Я принялась хохотать. Аж задохнулась, честное слово, до того было смешно.

— Ничего забавного не вижу, — буркнул наставник.

— Вы сказали, лепесток тайные желания исполняет. И он привел нас на улицу красных фонарей...

— Набрал стендап-комиков на свою голову, — возведя очи горе проворчал

Лумумба, а потом сиганул через низкий заборчик в палисадник борделя.

Лепесток попетлял меж кустов сирени и жасмина, над дорожками, засыпанными мокрыми лепестками, над белесой от дождевых капель травой, а затем, покружившись на одном месте, как собачонка, опустился на взрыхленный, расчищенный от травы и листьев пяточок. Вспыхнул в последний раз и исчез.

— Однако, — протянул Лумумба. — Ты понимаешь, где мы находимся?

— Чего ж тут непонятного, — буркнула я, балансируя на одной ноге, и пытаюсь согреть вторую руками. — Это то самое место, где убили Лидочку. Пойдемте отсюда, бвана, а то на нас из окон уже пялятся... Еще подумают, что вы извращенец.

— Что ты скачешь? — раздраженно спросил он в ответ. — Не мельтеши, я сосредоточиться не могу.

— Сложно, знаете ли, не скакать, когда сапог в зубах у собаки остался. У меня, может, обморожение сделалось. Теперь пальцы отвалятся и замуж никто не возьмет...

— Так лучше? — на моих ногах оказались кроссовки. Новенькие, с белоснежными шнурками и подошвами. Как раз мой размер! Они были такие чистые и блестящие, что ходить в них по сырой грязи казалось кощунством.

— Ой, спасибо, я даже не знаю...

— А не знаешь, так и не говори, — отмахнулся Базиль и, встав на четвереньки, принялся обнюхивать землю. — Здесь он и лежал, голубчик, — проворкотал наставник, водя носом над прелой листвой. Затем немного разгреб грязь и приложил ухо. Закрыв глаза...

— Это тот мертвяк, из-за которого вас в милицию замели?

Приоткрыв один глаз, Лумумба пренебрежительно фыркнул и поднялся. Отряхнул мокрые насквозь, заляпанные грязью брюки...

— Это еще кто кого замел, — буркнул он и полез за пазуху. Достал Цветик, оторвал еще один лепесток, на этот раз — зеленый, и вновь на него подул.

*Лети, лети лепесток, лети на Дальний Восток,
Лети за ближний острог, лети, наматывая срок.
Быстрой тугих парусов, над острой кромкой лесов,
Над ровной гладью морей, чужой ракеты быстрой...*

На этот раз лепесток полетел над центральным проспектом. Кувыркаясь и кружась, он опускался будто принюхиваясь, к крышам автомобилей, к шляпам прохожих, к фонарным столбам и афишным тумбам — никто, кроме нас с Лумумбой, его не замечал.

На улицах царили тишина, покой и воля. Граждане, благолепно улыбаясь, уступали друг другу дорогу. Гордо выступали, придерживая за ручки румяных деток с леденцами на палочках, хорошо одетые дамы. Вежливые, как архангелы на небесах, военные цепко следили за прохожими.

Архангелов в черном было довольно много. Они кучковались на перекрестках, бродили парами по тротуарам, усмехаясь, жевали сигареты и переговаривались по рациям. Дула автоматов скромно смотрели вниз.

Кое-где меж домами зияли провалы, и там, за растянутой на шестах мешковиной, шла бурная деятельность: споро растаскивались сторевшие терема, заново стеклились витрины — почитай, каждые две из трех были разбиты. Кра-

сились свежей побелкой уцелевшие стены...

Быстро князь Сварог навел порядок, подозрительно быстро. Как по мне, получившие наконец-то зарплату докеры и старатели должны непросыхать еще, как минимум, неделю — пока не спустят в городскую казну половину заработка... Но всё было тихо. Разве что в подворотнях угадывались тяжелые махины БТР-ов, а над головой то и дело проносились, шелестя винтами, беспилотники.

Вспомнились первые дни, когда мимо распахнутых дверей кабаков и казино спокойно нельзя было пройти. Теперь совсем другое дело: никто не орал, высунувшись из окон, похабных песен, не поливал мостовую и головы прохожих прокисшим пивом. Никто, хвастаясь молодецкой удалью и широтой бродяжьей души, не посыпал дорожки золотым песком и не бегали, визжа, дамы легкого поведения в одном неглиже...

— Вот! Здесь он от меня вырвался, — сказал Лумумба. Вокруг ревели клаксонами автомобили и надрывались, поливая нас бранью, водители.

Оказалось, мы стоим прямо на перекрестке, мешая движению.

— Бвана, давайте уйдем с перекрестка. А то нас опять заметут, за создание аварийной ситуации.

Наставник, недовольно покрутив носом, всё же послушался: к нам приближался патруль из троих толстомордых вояк с бритыми затылками. На нашивках их красовался знак, которого я еще не видела: отрезанная собачья голова.

— Предъявите документки. — сказал один, для внушительности качнув дулом автомата. Базиль полез за пазуху и достал удостоверение.

Мазнув глазами по корочке и уважительно притронувшись к козырьку фуражки, мужик повернулся ко мне. Я растерялась. Не было у меня никаких документов, отродясь не водилось. Откуда?

— Она со мной, — высокомерно бросил Базиль. — Ученица.

— Без документов нельзя, — развел руками дружинник. — Если нет бумаги, удостоверяющей личность — депортация за пределы периметра. Приказ князя Сварога. Пройдемте, гражданочка, — он вежливо, но крепко взял меня за локоть.

Лумумба махнул рукой у него перед глазами.

— Всё в порядке. Вам не нужно смотреть её документы, — тихо и властно сказал он. Мужик повернулся к остальным.

— Всё в порядке. Нам не нужно смотреть её документы, — повторил он слова наставника. Вся троица заморгала, посмотрела на нас, как на пустое место и пошла дальше.

Я облегченно выдохнула, а бвана уже доставал ромашку.

*Лети, лети лепесток, лети скорей, со всех ног,
Лети с большой высоты, минуя все блок-посты,
Не нарушая рядов, не оставляя следов,
Пока дымятся угли, лети, пока не сожгли...*

Теперь я по-настоящему устала. Мы пробежали весь город, притормозив только у железной стены. Лепесток сиганул сквозь распахнутые ворота и был таков.

— Что будем делать? — спросила я, уперев руки в коленки. Бегать в кроссовках было гораздо удобней, чем в резиновых сапогах, но ноги всё равно гудели.

Ворота охранялись. Проход загораживала черно-желтая перекладина, а рядом стояла будочка, в которой сидел дружинник. Завидев нас, он вышел. В одной руке — надкусанный бутерброд, в другой — автомат Калашникова.

— Выход из города запрещен до семи ноль-ноль утра, — сообщил он казенным голосом.

— А нельзя сделать исключение? — вежливо спросил Лумумба. Мы ненадолго: за грибочками только, и назад... Дождик-то какой был, жалко грибочки упускать.

— Не велено, говорю же. Завтра приходите.

— Ну дяденька... — заканючила я.

Охранник вскинул автомат.

— Скопление перед охранной зоной запрещено! — гавкнул он и махнул стволом.

— Послушайте, милейший... — попытался еще раз Лумумба.

— Ска-а-апление больше одного прекратить! — истерично закричал дядька, а потом добавил нормальным голосом: — Ну отойдите вы, Христа ради. Беспилотники так и шныряют, увидят — и мне и вам на орехи достанется. Утречком приходите за своими грибами. Пропущу.

Мы отошли.

— Что будем делать? — повторила я вопрос, но Лумумба меня не слушал.

Сняв свой любимый плащ, он аккуратно его свернул и спрятал под камушек. Выглянул из-за угла и убедился, что охранник вновь скрылся в будочке. Потом повернулся ко мне.

— Ничему не удивляйся. Дыши спокойно, и делай то же самое, что и я... — и дотронулся до моей макушки.

Земля приблизилась, а деревья, заборы и дома вдруг стали значительно выше. Вновь обрушилась волна цветных запахов, а тело налилось новой силой.

— Гав! Гав, гав, гав!!!

— Ко...

Я села на хвост и вывалила от удивления язык. Вместо наставника передо мной стоял громадный, черный, с налитым гребнем и радужным хвостом, петух. Ростом выше меня!

— Ко! — строго повторил петух, подмигнув желтым, как у бваны, глазом, и гордо пошел к воротам.

И шествуя важно, походкою чинной, рыжая собака и черный петух спокойно миновали блокпост.

Охранник подавился колбасой и уронил автомат себе на ногу.

Лепесток, оказывается, нас ждал. «Завидев» Лумумбу, он подпрыгнул, сделал радостное сальто и устремился в ближайшую березовую рощу.

...И вот мы на кладбище. О том, что это именно кладбище, я поняла задолго до того, как увидела первую могилу — к запаху влажной земли и травы примешался запах тления. Он не был неприятным. Скорее, сладковатым, с нотками поедаемого древоточцами дерева и ветхих тряпок.

Лепесток, сделав широкий круг по поляне, рассыпался золотыми искрами, а рядом со мной возник наставник, в своём собственном облике, и одетый, как

обычно. Я с готовностью подставила голову, но он только почесал мне за ушами.

— Извини, дружок. Одежка-то твоя осталась там, в городе, так что иди, погуляй пока...

И я пока погуляла: погналась за бабочкой. Потом еще пока погуляла, охотясь за кузнечиком, за толстой, как блюдце, лягушкой... А потом спустились сумерки.

Ну, не то, чтобы сумерки... Учитывая местные географические особенности, небо просто затянула белесая мгла, а мутный желток солнца завис над самым горизонтом. Но всё равно чувствовалось, что уже вечер: наверное, собаки, в отличие от людей, в таких вещах разбираются. Жучки-козявки попрятались — кто под листики, кто в щели в коре деревьев; мелкая живность затихла, готовясь ко сну. Зато поблизости обнаружили несколько хищников, сладко потягивающихся в предвкушении ночной охоты... И как-то сразу стало неуютно. Тоскливо как-то стало, неинтересно.

Со всех лап я побежала назад, к бване. Сначала угодила в болотце — просто очередная кочка ушла из-под ног, и я оказалась по брюхо в зеленой густой жиже. Затем заплутала в поле режущей осоки, вспугнув нескольких устроившихся на ночлег уток, а затем... Я поняла, что нужно просто сосредоточиться. Поймать запах наставника — мыло, табак и немножко куриных перьев, и тогда бежать.

Лумумба сидел на пригорке посреди кладбища, а вокруг колыхались призраки. Уверена, что, будучи человеком, ни за что бы не заметила зыбкие, похожие на невыстиранные полотенца, тени. Они толпились вокруг наставника, простирая в его сторону лохматые рукава. В том месте, где у них должны быть головы, были только сгустки тьмы, в которых едва угадывались слабые искорки глаз.

— Все ли собрались, уважаемые? — спросил бвана, поигрывая прутиком.

— Все... — прошелестело в ответ.

— Видели ли вы неупокоенного, у которого не хватает одного пальца на правой руке?

— Не видели...

— Не видели...

Будто ветер пронесся, играя длинными березовыми ветками.

— Я видел, — вперед вышел мальчик. Он был маленький, лет семи, с замурзанной мордашкой и очень бледный. Я не сразу поняла, что с ним не так: у мальчика ниже бедер не было ног. Он просто висел в воздухе, слегка колеблясь, и изредка шмыгал носом.

— Ну, говори, милый, — ласково кивнул ему бвана.

— Он пришел сюда недавно, — пояснил мальчик. — И был совсем глупый, ничего не понимал. Сначала ходил вокруг и пытался влезть в чужую могилу, но его никто к себе не пустил. Тогда он попытался вырыть свою, но пальцы были мягкие, и ничего не получилось... И он ушел.

— Куда?

— Обратно, в город. Там дальше есть лаз под стеной — он махнул рукой, — так он через него пролез.

— Что ты хочешь за свою помощь? — Лумумба присел на корточки рядом с мальчиком.

— Хочу Глашке отомстить, — твердо сказал мальчик, но потом заколыхался и заплакал. — К мамке хочу. Хочу вернуться домой, в свою постельку, и чтобы ножки не болели...

Наставник вздохнул. Погладил мальчика по голове — или по тому месту, где должна быть голова, и подул. Дух развеялся и впитался в землю.

— Спи, малыш, — сказал тихо бвана. — Ни о чем больше не помни, и просто спи...

На обратном пути в город Лумумба был задумчив, и даже забыл превратиться обратно в петуха. Когда из будочки выскочил охранник, наставник не глядя достал из кармана горсть сияющей пыли и выдул её в глаза мужику. Тот сразу улегся под шлагбаумом и захрапел. Я обошла серебристое облачко стороной.

...Пока я, пережидая попеременно накатывающие волны жара и холода одевалась, Лумумба, оторвав красный лепесток, пел:

*Лети под музыку рок, под стук железных дорог,
Лети под музыку джаз, лети и помни всех нас,
И вместе с пением птиц, едва достигнув грани,
Скажи, что с той стороны никто не хочет войны...*

— Зачем нас гоняли на кладбище? — спросила я, завязывая шнурки на кроссовках. — Если мертвяк вернулся в город, зачем...

— Цветик — штука неразумная, — ответил Лумумба, следя за лепестком. — Учувяв моё желание найти мертвеца, он просто шел по следу... Не переживай, — сказал он уже на ходу. — Осталось недолго.

Мы нашли его в канаве — так или иначе, мертвяк обрел упокоение. Дождь намыл на него ила, нанес веток, прелых листьев и размокшей травы, так что уже трудно было узнать в этой куче мусора мертвого человека. Маленькие звездочки разрыв-травы усыпали могилу, придавая ей вид обыкновенного холма.

Лумумба, прикрыв глаза, простер руки над его последним пристанищем. А потом удовлетворенно кивнул.

— Ну, вот я тебя и нашел, — сказал он ласково. — Теперь ты всё мне расскажешь.

Глава 16

Иван

И тут я увидел Бел-Горюч камень. Он был совершенно не похож на другие сейды: камень Алатырь сверкал, как маленькое солнце. От него исходили вполне ощутимые волны света и тепла, а на макушке рос молодой ясень, корни которого, оплетая трещины, уходили в землю.

Подступив к самому камню, я положил на него руки — не знаю почему, просто очень захотелось это сделать. Когда отнял, на ладонях остались светящиеся золотые следы, а на камне, напротив, отпечатались мои ладони.

— Ну, видишь, Кукса? Принял камень нашего Спасителя, — довольно проворчал Илюха.

— Принял? — переспросил я.

— Если б ты ему не понравился, камень бы тебя сжег. И пепла бы не осталось, — пояснил нойда и жизнерадостно улыбнулся.

— А предупредить? — я разозлился. В самом деле: а если б я чертову камню не понравился?

— Да как обошлось же, чего зря базарить? — похлопал меня по голому плечу Илюха и обратился к нойде: — Кукса, найди ему барахло. Не гоже новому Привратнику голым гузном отсвечивать, — и снова повернулся ко мне: — Идем, Спаситель, народ ждет.

«Народ» ждал у большого костра посреди стойбища. Что характерно: раньше, когда мы бродили здесь с Куксой, я никого не видел.

Было их человек двадцать — и мужчин и женщин, старых и молодых. Некоторые разглядывали меня недоверчиво, как неожиданную диковину, другие — дружелюбно, третьи — с затаенной надеждой. Женщины обрадовались иголкам, а один из мужчин, молодой парень по имени Миха, с дредами и в джинсах, прижал к сердцу ампулу. Объяснил, что это — новые штаммы Пыльцы, специально заказанные через нашу бабушку из Бразилии, и теперь можно вывести гибрид, устойчивый к повышенной влажности...

По поведению нойд, по их взглядам, по намекам, бросаемым Авторитетом, я понимал: что-то им от меня надо, но не мог понять что. А они не говорили. После трапезы — все как один, пристально наблюдали, как я глодаю кусок сушеного оленьего мяса.

— Спасибо за гостеприимство, — подсев к авторитету, я поплотнее закутался в толстовку с капюшоном, только чуть траченную на локтях и по вороту.

На тыльной стороне ладони Мурманского была вытатуирована половинка солнечного круга с бегущим внутри оленем и надписью «Север». На пальцах, коротких и покрытых седым волосом, тоже что-то синело, но слишком мелкое, не разобрать. Дальше, до закатанного по локоть рукава тельника, была женщина, ноги которой оплетала змея.

— А тебе уважуха за грёв, — Илюха вновь улыбнулся и похлопал меня по плечу. — Наш ботаник твоему хабару больше всех рад. Что-то он там химичит, я не в теме, но Зоне с этого прибыток капает. Так что всё путем.

— Но сами вы не употребляете.

— А у нас своей дури хватает, — Илюха постучал себя пальцем по лбу. — Когда камень убивает, он же делает тебя сильнее. Ты это очень скоро пой-

мешь.

— Вообще-то... Я к вам по делу.

— Ну ясен пень, не с зайцами в футбол играть. Спокуха хрящ, болото наше. Поживешь, осмотришься...

— Да не могу я у вас тут жить! Мне назад, на тот берег как можно быстрее надо.

Глаза Илюхи, похожие на два прозрачных голубых буравчика, вдруг сощурились.

— А... как же камень?

— Да к черту ваш камень! — я вскочил. — Я о вашем Алатыре в первый раз слышу, а вы заладили...

— Но Камень тебя принял, — к нам подошла женщина. Лицо её, тёмное и обветренное, было будто высечено из твердого, как гранит, куска дерева. — И тебя впустила Зона — это верный знак. Ты принимал подарки, ел нашу пиццу и не обеспамятел. Ты — Привратник.

— Кто-кто?

— Таможня, — охотно пояснил Илюха. — Между Тем светом и Этим. Сечешь? Чтобы обмен шел беспрепятственно, нужен на воротах человек с понятием. Зона без греха загнется, а воля не получит рыжевья. Так что привыкай, Ванюха.

— Князь Игорь! — до меня только дошло. — Он был вашим человечком, то есть, Привратником. А теперь он мертв и вы думаете, что я его заменю, — я горько рассмеялся. — Но вы опоздали. Князем стал воевода Сварог, а ему на зону начхать.

— Привратнику не обязательно быть князем, — сказала женщина с твердым лицом, которую все звали Наст. — Это так, приятный бонус. Таможенником стать может кто угодно, хоть кладбищенский сторож. Что, по правде говоря, было бы даже удобней.

— Ага. Тело закопал, а душу сюда, на поселение...

Я засмеялся, думая, что они оценят: хорошая ведь шутка вышла! Но почему-то никто даже не улыбнулся. Все смотрели строго и выжидающе, только Кукса, тяжело вздохнув, покачал головой. Осекшись, я по очереди заглянул в глаза Илюхе, Наст, Михе... Нет, они точно не смеялись.

— То есть... Вы серьезно насчет души.

— А ты думал, мы тут так просто сидим, для собственного удовольствия, — наконец хмыкнул Миха. Затем взял прутик, растопырил пальцы и вонзил его себе в ладонь. Прутик прошел насквозь, не оставив никакого следа, не говоря уже о крови.

Сев на бревно, заменяющее лавку, я обхватил голову руками. Спаси и помилуй, Твоё Макароннейшее святейшество! Так они реально все до единого мертвые. Но... Как они тогда здесь живут? Выращивают оленей, растят детей... Я вспомнил ребятишек, играющих возле большого костра. Вечно им бегать в рубашонках, с соплями до пояса. Никогда они уже не вырастут, пусть земля им будет пухом...

— Но я же вас трогал! — я поднял глаза на Илюху. — Вы не призраки, не души бестелесные!

— Я ж тебе талдычу: камень Алатырь дает силу. Благодаря ему мы здесь и

живем.

— Ты ел нашу еду, тебя принял камень, а это значит, теперь ты наш. Нет тебе дороги назад, — вставила Наст.

— Нечего меня раньше времени хоронить, — буркнул я, уставившись в землю. А затем вскинулся: — Игорь жил в Мангазее! Он даже в Москву ездил...

— Коли в Закон войдешь — и тебя отпустит. Алатырь камень добрый, с понятием. А Мангазея? Город специально построили на границе миров, для пущего удобства, — сказал Илюха. — Так что, Ванюха-Спаситель, быть тебе таможенником.

— Но я не могу! Я не хочу жить в Мангазее, у меня другие дела. И... Я ведь из-за Ольги пришел! — я вновь вскочил. — Через два дня жену Игоря казнят. Сварог думает, что это она князя убила. Нас с учителем вызвали расследовать, правда ли это. Вот я и пришел к вам, чтобы расспросить князя, потому что Кукса сказал, что он где-то здесь. Я сыщик, понимаете? Мне бы только со свидетелем поговорить и — сразу назад. На тот берег.

— Тут мы тебе помочь ничем не можем, уж извини, — ласково улыбнулся Илюха.

— А я у вас помощи и не прошу, — удивился я. Я вам просто объяснить пытаюсь, почему остаться не могу. Я же Завесу — в любой момент... — а Мурманский всё смотрел на меня, и продолжал улыбаться. Добро так, с пониманием. — Что, не верите?

Протянув руку, я нащупал Завесу. Ну конечно, она была здесь — куда ей деться? Облегчение накатило волной: признаться, на какой-то миг я и вправду поверил Илюхе. Ухватил покрепче, дернул, и... Ничего. Будто рыба по самым кончикам пальцев чешуей мазнула. Я сосредоточился. Сдвинув Навь обеими руками, занес ногу и уже почувствовал, как пахнуло ледяным морским ветром...

— Что, геморно? Рыбку в мутной воде, да голыми ручками, — посочувствовал Илюха. И это сочувствие меня окончательно добило.

Достав из кармашка последнюю, рассчитанную на возвращение заначку, я выстелил дорожку на тыльной стороне ладони и вдохнул. Ноздри опалила пряная волна, в ней проскакивали незнакомые оранжевые искорки.

Закрыв глаза, я подождал, пока мир привычно не разделится на Правь и Навь, увидел Завесу, рассмотрел её во всех подробностях, прочувствовал, проникся, так сказать, моментом, и... Она подалась, открылась, как старая штопаная занавеска, но за ней ничего не было. С Той, мирской стороны, была пустота. Ни тумана, ни тьмы, ни холода — только бестелесная безмолвная пустота.

Плюхнувшись на траву рядом с Мурманским, я застыл. Так вот он какой, значит, Смерть. Один шаг — и всё. Приехали.

В отчаянии я шибанул кулаком по земле. Раз, другой, третий, понял, что кулак никакой боли не чувствует. И в землю уходит на полвершка...

— Вот так и мы, — понимающе кивнул Илюха. Взгляд у него был ласковый-ласковый. — Всё время должны думать. О том, чтобы не проваливаться в землю, о том, что мясо оленя надо жевать, затем глотать, а затем, переварив... ну, ты понял. Думать, а скорее, помнить о том, как выглядишь, — он растопырил перед моим лицом татуированные руки с короткими пальцами. — Какой у тебя голос, какие любишь словечки... Без Привратника, без грева, поступаю-

щего с воли, мы теряем себя.

— Я теперь тоже потеряю?

— Если не согласишься служить камню — уж извини.

Я поднялся. Хотелось убежать. Куда-нибудь где никого нет, где на меня никто не будет смотреть. Сделал пару шагов...

— И последний момент, — сказал Илюха уже в спину. — Ты — не мы. Тебя Шай-Хулуд не спасал. Ты потеряешь память очень быстро и уйдешь за реку.

— И сколько у меня времени? — спросил я через плечо.

— От тебя зависит, — Илюха поднялся и почесал пузо под драной телняшкой.

— Но с Игорем-то можно поговорить? Весточку на Тот свет отправить...

— А вот это — со всем нашим удовольствием.

Достав из кармана выцветших, с оттянутыми коленками треников телефон, Илюха выдвинул антенну и нажал несколько кнопок. Послышались гудки, а затем авторитет расплылся в своей фирменной улыбке.

— Але! Хай, Горь! Мурманский на проводе. Как сам? Да тоже всё путем. Тут у нас человек с воли нарисовался, с тобой побазарить хочет. Балакает, жену твою знает... Замётано, — картинно хлопнув крышечкой телефона, он посмотрел на меня. — Скоро будет. А ты погуляй пока. Подумай.

— А почему Игорь живет не с вами?

Мы с Куксой отправились навстречу князю. Сидеть на месте не было мочи и Илюха послал пацана проводить меня до Смородины.

— Горь живет в Беловодье, шибко-шибко далеко. К нам только в гости навещается.

— Потому что он остался без тела, да?

— Потому что он умер, дурья твоя башка.

— Но... Я думал, вы тоже... Вы же сами говорили...

— Мы — тоже, — с умным видом кивнул Кукса.

— Так в чем разница?

— Нет никакой разницы. Просто мы живем на этом берегу, а он — на том.

Нет, ну ведь ему только на пользу будет парочка хороших, крепких лещей... Совсем пацан берегов не чуёт. Разговаривает, как с дитём.

Чем дальше мы шли, тем больше вокруг становилось признаков знакомой мне Нави. Исчезли зеленая трава и пушистые зверьки, да и птички-бабочки больше не порхали над былинками. Деревья почернели, на стволах, в складках коры, прорезались суровые лица, неотрывно наблюдающие за нами гнилушечными глазками. С веток колючих кустов сочилась склизкая капость, мясистые цветы хищно облизывались неприятно скользкими языками, а вдалеке, за пригорком, кто-то громко и тоскливо ухал. Словом, лепота Зоны сменилась своеобразной Навьей хмарью.

— Как она получилась? — спросил я, чтобы не молчать. — Ну, Зона?

— Я ж тебе уже говорил: в Мурманске шибко большой кирдык был. Мы жили в эпицентре катаклизма, сечешь? Никогда не приходилось видеть, как реальность медленно, со скрипом, сворачивается в трубочку, как блин? А начинкой в этом блине — ты? Не приходилось чувствовать, что вместе с реальностью тебя всего скручивает в тугой жгут? А ты при этом живой, а время оста-

навливается, и ты уже понимаешь, что так будет продолжаться вечность... — пацан хитро подмигнул. — Хорошо, что Шаи-Хулуд сумел остановить свертку и сделать всё, как было. А тех, кто уже умер, привел сюда, — Кукса беспечно улыбнулся. — Он сделал так, что в Зоне всегда весна. Рыба сама в садки прыгает, оленей даже пасти не надо... И это тоже продолжается целую вечность.

— Только получается, чтобы у вас тут рай был, нужно иметь человечка на той стороне, который грев гнать будет.

— Равновесие надо соблюдать однако.

Дальше шли молча. Тоже мне: дети цветов. Устроились в теплом месте, дырки сейдами позатыкали, чтобы сквознячок, не дай бог, не продул, и радуются. А что они здесь видят? Три холма на краю света, да глупых сурков у норок? Ни забот, ни хлопот. Не жизнь, а нежить...

Вспомнилась Машка — перед тем, как мне уходить. Бледная до синевы, с огромными, в пол-лица глазищами и тонкими, вытянутыми в струнку губами.

— Я с тобой, — говорит, едва ворочая языком от страха, от злости, от обиды на судьбу нашу хромоногую. — Я твоя напарница и должна прикрывать тебе спину. Без себя не отпущу.

Как ей объяснить, что и мне, здоровому мужику, переплыть залив — уже подвиг, а уж ей, пигалице мелкой... Котик, дай ему боги здоровья, расстарался, наслал на девку сон необоримый. Камикадзе: когда Маха проснется и поймет, что случилось... Словом, лучше я — здесь, чем он — там.

А как же наставник?

Представилось: в обвисшей шляпе, в тяжелом истертом плаще, бредет мой учитель один, позабыт-позаброшен, по раскисшему тракту. Сапоги увязают и скользят в липкой грязи, и некому даже поддержать старика... От столь трогательно-безутешной картины навернулись слёзы. Но я не дал себе раскиснуть. Мужественно вытер сопли, втянул живот и потопал вслед за пацаном.

Лумумба сам виноват. Тоже мне, настоящий русский мужик: сидит в бане, вспоминает родину и хлещет водку...

Я ведь до последнего надеялся, что он меня догонит. Даже здесь, на берегу, после встречи с Водокрутом, всё ждал: вот оглянусь, а рядом — бвана стоит. Усмехается хитро, как он один это умеет, и говорит:

— Шалишь, стажер. Поперед батьки в Пекло лезть...

А вообще... что-то день сегодня урожайный. То царскую дочку в жены сулят — даром, что дура, зато красивая и с хвостом... То сытую спокойную жизнь — бери и черпай полными горстями... Что-то здесь не так. Обычно судьба-мачеха исключительно пинками да подзатыльниками потчует, а не пряниками медовыми. Однако шибко-шибко ей что-то от меня надо...

Незаметно дошли до реки. С крутояра спускалась пыльная тропинка и я решил ополоснуться. Тормозя о кочки, поросшие сухой травой, спрыгнул на берег, закатал рукава и опустил руки в темную, будто чернильную воду. Тут же, заорав нечеловеческим голосом, отскочил. В первый миг показалось что в реке кипяток, но всё было наоборот: температура воды приближалась к абсолютному нулю. Кожа на руках побелела и покрылась синими цыпками.

Рядом раздался ехидный смешок.

— Однако мозгом думай. Зачерпнуть воды из Стикса — большую силу надо иметь. Как у Шай-Хулуда, например.

Минут десять пришлось растирать ладони и стучать ими друг о друга, пока наконец не обрел надежду на выздоровление: ощутил слабенькое покалывание в кончиках пальцев.

— Что означает это имя? Ну, Шай-Хулуд?

— Большой Червяк, — сказал Кукса, равнодушно пожав плечами.

— Всего-то?

Нойда немного подумал.

— Шибко-шибко большой. И толстый.

С того берега послышалось ровное тарахтение, а через минуту показалась ядовито-желтая резиновая моторка. На корме, налегая на рулевое весло, сидел человек. Голову его покрывала пушистая соболья шапка, плечи укутывала такая же шуба. Борода и изгиб носа показались знакомыми. Ну конечно: я видел их на высокой кипарисовой поленнице, сложенной на плоту.

Причалив, Игорь ловко выскочил на берег и глубоко, полной грудью вздохнул. Затем скинул шубу и шапку и направился к нам.

— Только здесь и можно погреться! — улыбнулся покойный князь и протянул руку. Ладонь была жесткая, с наслоениями трудовых мозолей. — У нас в Беловодье пурга. Дороги занесло, так что не обессудьте. Пока до Смородины добрался — последние кости выморозил.

Я взглянул на тот берег. Река была неширокая, метров пятнадцать-двадцать, а за ней шел пологий плёс, поросший зеленой травкой. Качали коричневыми головками камыши, в них негромко крякали утки.

— Да ты не смотри. Из предбанника и баня меньше кажется.

Был он какой-то ненастоящий. Как актер, которому досталась роль Великого князя, но играть которого он совершенно не умеет. Раскатистый голос, барские замашки, эта картинность, с которой он сбросил дорогую шубу прямо в песок... Ему бы очки — подумал я, — твидовый пиджак с такими кружками на локтях... И джинсы.

— Что закручинился, Иван-воин? Али не любя тебе Зона?

Я поморщился. Все играют роли. Лумумба играет роль великого сыщика. Илюха — крутого Авторитета. Кукса — загадочного нойды, Игорь — Великого князя... А я? Мне-то какая роль досталась? Главного дурака?

— Извините. Устал я что-то. Заманался, как у вас тут модно говорить.

Игорь поскущел. Исчез налет наигранности, куража, в глазах мелькнуло сочувствие. Властно кивнув пацану, князь приказал:

— А ну-ка, Стрефил-птица, лети-ка ты границу охранять. Нам поговорить надо.

Кукса, ничего не сказав, полез на обрыв. Мы молча смотрели, как он карабкается, пуская из-под подошв ручейки рыжей пыли, а когда беловолосая голова показалась наверху, я сказал:

— У меня к вам дело, Великий князь. Вы должны...

— Я ведь тоже был мертв, — перебил меня Игорь. Сложив руки на груди, он смотрел в черную воду. — Заблудился в тайге. После Распыления решил попытать удачу: разворошил старые архивы о богатых Кольских месторождениях, нарисовал по ним карту и пошел. Я еще тогда смекнул, что в мире Пыльцы зо-

лото будет самой твердой валютой. Вот и придумал, как в этом новом мире устроиться — магией я владеть не мог, не судьба. Оставался презренный металл... Пока собирался, зима началась. Никаких поверхностных россыпей не нашел, заблудился, потом еще ногу сломал... Ну, и замерз насмерть. Оказался у Алатыря, Бел-Горюч камня. Он предложил сделку, я согласился. Оттаял по весне, целый и невредимый, вышел к поселку староверов, а потом... После Мурманской катастрофы таких же неприкаянных как я, без роду без крова, много было. Вот мы и решили город отстроить...

— Предлагаете мне тоже заключить сделку? — перебил я. Игорь вздохнул.

— Хочешь вернуться — другого выхода нет. Иди к камню, поклонись да попроси службу твою принять.

— Золото — это плата, — догадался я. — Ты с Алатыря за службу золото требовал.

— Не плата, а награда. И я ничего не требовал. Он просто показал. Я же — геолог. Алатырь показал мне недра Кольские, со всеми их сокровищами и тайнами. А я построил город. Замечательный город, в котором всем рады.

— Теперь уже не всем, — буркнул я. Игорь вопросительно поднял бровь. — Сварог устроил военный переворот. Выгнал бояр, а всех магов обязал покинуть пределы Мангазеи. Пыльцу продавать запретил... Нет больше замечательного гостеприимного города.

Князь отвернулся. Подошел к лодке, задумчиво попинал тугой борт... А затем вернулся и, глядя в сторону, спросил:

— А Ольга?

— В остроге сидит. Завтра, если я не сбился со счета, казнь. За твоё, между прочим, убийство.

Игорь переменялся в лице. Казалось, он хочет бежать сразу во все стороны: на свою лодку, к камню, прямо в реку...

— Мы знали, что рано или поздно Сварог попытается захватить власть. Он ведь был комендантом Североморской крепости, когда Распыление грянуло. Он много сделал для Мурманска. Почти навел порядок: наладил отопление, подвоз продуктов — здесь, на Севере, без Большой земли не выжить... А потом грянула Катастрофа. Сварог после нее так и не оправился. Когда узнал, что его младший сын, Владимир, хочет стать магом, выгнал из дома.

— И как вы с ним договорились?

— Карту золотых месторождений только я знал. Поэтому мы четко поделили сферы влияния: я управляю городом, он отвечает за безопасность. Я ведь и завещание написал — так, на всякий случай... Ввёл Ольгу в правление компании, сделав так, что только она может занять кресло председателя в случае моей смерти...

— Нет больше ни кресла, ни компании. Финдиректора убили, а на бояр Сварог напустил оставшихся без зарплаты докеров и старателей. То, что прииск с вашей смерти стоит, вы знаете?

— Это и было гарантией. Прииск должен заработать, как только Ольга встанет у власти. Нойды...

— Если прииск не запустят в ближайшие дни, Сварог скинет на Зону бомбу, — перебил я. — Если не врет о том, что она есть.

— Погоди, — Игорь уставился в воды Смородины. Постояв так минуты три, посмотрел на меня и кивнул: — Он может это сделать. Помимо прочего, с Се-

вероморской базы мы вывезли несколько тактических ядерных зарядов... Можно всю Зону накрыть, как медным тазиком.

— Вы же и так все мертвые, — напомнил я. — Зоне за Завесой ничего не будет, меня больше Правь волнует. Экологическая катастрофа.

— При взрыве Алатырь, скорее всего, уйдет под землю, — сказал Игорь. — А без камня не будет ни Зоны, ни золота. Да и Навь пострадает, ты не обольщайся. Никогда не бывал на Припяти, возле реактора?

— Тогда срочно нужно запустить прииск. Что вам, золота жалко? Пускай себе роют, зато Зону в покое оставят.

— Ты так ничего и не понял, — загрустил князь. — Прииск не мы остановили, а камень. Там сейчас нет золота, ни крупинки. Всё в глубину ушло.

— Экий меркантильный минерал. Баш на баш, значит. По вашему выходит, что Алатырь — чуть ли не одушевленное существо...

— Пойдем, — сказал князь. — Сам увидишь.

Взобравшись на крутояр, мы вновь окунулись в теплый, пахнущий медом и хлебом мир. До самого горизонта раскинулись алые, подернутые голубоватой дымкой поля. В них, мерно взмахивая косами, кто-то трудился. И только подойдя ближе, я понял, что это и есть плантации. Маки, над которыми висел густой туман из голубой пыльцы, косили зайцы...

— Ух ты! А у нас Пыльцу из микоризы выращивают, — восхитился я.

— Экспериментируем помаленьку, — кивнул Игорь. — Гибриды создаем... Представляешь, сколько в мире живых стоит Пыльца, принесенная с Того света?

— Всё о прибылях думаете?

— О будущем.

Проведя над травой рукою, Игорь поднес ладонь, сплошь облепленную голубой пыльцой, к моему лицу. Запах был одновременно очень знакомый, и слишком чужой.

Смеркалось. Камень в вечерних лучах светился мягким теплым светом, совсем как электрическая лампочка.

— Смотри внимательно, — приказал Игорь.

Я послушался. Глаза, при взгляде на Алатырь больше не болели, даже приятно было обстоятельно, вершок за вершком, исследовать шероховатую поверхность, испещренную выпуклостями, бороздами и выемками. При определенной доле фантазии они начали складываться в...

— Ёрш твою медь! — не знаю, когда я начал так ругаться. Наверное, Машкино дурное влияние сказывается... — Это же голова. Игорь, закопай тебя комар, это же гигантская голова!

Бугры надбровных дуг были покрыты кудлатым седым мхом, он же рос вместо усов и бороды. Каменные веки были плотно зажмурены, зато ноздри равномерно раздувались и опадали, а губы издавали негромкие, рокошующие звуки. Гигантская голова спала.

— Он хотел повернуть время вспять, — задумчиво сказал Игорь. — Вернуться туда, где еще не изобрели Пыльцу. Возмечтал стать Атлантом.

— Иногда мечты превосходят возможности, — заметил я. — Мы с учителем этого добра тоже навидались.

Я уже понял: это и есть Шай-Хулуд. Маг, погубивший Мурманск и спасший племя саамов.

— Он думал, что всё получится, — тихо, будто боясь разбудить великана, сказал князь. — Всё произошло очень быстро: столько требуется, чтобы капля дождя сорвалась с травинки на землю. Он стал великим, он осознал, что может совершить любое чудо и решил это самое чудо воплотить в жизнь. Избавить мир от Пыльцы... Но ведь всегда есть условия, верно? Чудо не должно было причинить вреда ни одному существу во вселенной. А такого чуда, как ты сам понимаешь, не существует... Не выдержав противоречий, мир стал схлопываться: нельзя породить новую вселенную, не уничтожив старой. Но он остановил этот взрыв, заперев его в бесконечном миге своего сна. Если голову разрушить...

— Вселенная схлопнется, — договорил я. — Но откуда ты всё это знаешь?

— Он сам показал. Нашел мой дух, скитающийся по пустоши рядом со Смоудиной, и предложил сделку.

— То есть, настоящая работа состоит не в том, чтобы гнать грев, а в том, чтобы охранять камень?

Присев на корточки, Игорь протянул руку и притронулся к щеке спящего великана. Рука, точнее, кончики пальцев, прошли насквозь, не встречая никакого сопротивления. Когда камня коснулся я, всё было на месте: теплая шероховатая поверхность, чуть заметно подрагивающая от храпа.

— Постепенно ты развоплотишься, — пояснил Игорь, глядя на меня снизу вверх. — Станешь духом. Тебя будут глотать невыполненные обещания...

— Что от меня требуется? — буркнул я.

— Ничего. Просто будь. Следи, чтобы в Зону не шлялся кто попало... Здесь о камне заботятся Нойды, твоя забота — Правь. Не давай Сварогу зарываться.

— Если я стану привратником... Мне придется отказаться от своей жизни, так?

— Посмотри на это с другой стороны: «своей», как ты говоришь, жизни у тебя уже нет. Ты умер. Так что теперь получаешь как бы двух тузов на прикупе.

— Кто тебя убил, князь? — спросил я. Игорь вздрогнул и отвернулся.

— Я не хочу об этом говорить. Я... не помню.

— Неправда. Умершие не своей смертью всегда помнят. И знают, кто их убил, уж поверь.

— Я правда не знаю! — вскинулся князь. — Хочешь верь, хочешь — нет, но я не знаю. Помню, как мы легли спать, как я заснул... а потом проснулся от того, что сердце разрывалось от боли. Оля была рядом. Я не хотел её будить, встал, думал попить воды, умыться, открыл дверь и...

— Тебя нашли на пороге спальни. Неужели в княжеских покоях, как в дешевой гостинице, «удобства дальше по коридору»? Ты шел не в ванную, ты хотел позвать на помощь. Потому что не доверял жене. Ты ей рассказал о завещании, верно? И думал, что она хочет захватить власть. Что княгиня отравила своим колдовским снадобьем.

— У нас не всё было гладко в последние месяцы. Мы много спорили и мало соглашались.

— Она любила тебя, — сказал я. — Она позвала своего бывшего мужа, чтобы он нашел настоящего убийцу.

— И что? — холодно спросил Игорь. — У него получилось?

«По лугам, по полянам, дружат Марья с Иваном. Тут любовь без обмана. Без дружка, без Ивана, жить и Марья не станет, а зачахнет, завянет...»

Это был Машкин голос, честное слово! Будто я проходил мимо чужого окна и подслушал посторонний разговор или радиопередачу. Но голос был точно Машкин, его я ни с чем не спутаю.

— Ладно, — сказал я. — Я буду охранять камень. Что нужно делать?

Игорь живо вскочил. Снял с шеи гайтан, на котором болтался небольшой золотой ключик, и протянул мне.

— Значит, всё? Я никогда больше не смогу стать собой?

— Нужды многих важнее нужд нескольких. Или одного, — сказал Игорь, надел мне на шею гайтан, а затем повернулся и быстро пошел в сторону реки. Он не оглядывался.

Я остался один. Не считая головы, которая, чуть накреньясь, негромко похрапывала. Губами она время от времени издавала рокошующий звук «пуфф». На макушке в такт дыханию подрагивали веточки ясеня с небольшими аккуратными листочками.

— Я согласен, — сказал я голове, чувствуя себя ужасно глупо. — Эй, уважаемый... Есть кто дома?

Голова сладко причмокнула во сне, приподняв брови — на меня посыпалась каменная пыль — и, оглушительно свистнув ноздрей, захрапела с новой силой.

Вот те на. Столько уговоров, страданий, терзаний — а ей и дела нет. Может, Илюха с князем ошиблись? Игорь сказал, что его Алатырь нашел сам. Рассказал о себе, пригласил на службу...

В растерянности я посмотрел под ноги и только сейчас заметил, что через ступни, обутые в старые разношенные кроссовки без шнурков, просвечивает трава. Странно. Раньше такого не было. В животе неприятно засосало, к горлу подкатил комок. Попытался сорвать круглую головку дикого лука — рука прошла сквозь стебель, хотя я и почувствовал некоторое сопротивление.

Вместе с тем вокруг меня начали стучаться какие-то прозрачные тени. Они колыхались в воздухе, как вывешенные на просушку рубахи, и я вдруг понял, что это призраки тех, кто умер окончательно, а не остался на краю Завесы. Они обступили меня плотной толпой, и каждый что-то говорил. Будто негромко гудел спящий пчелиный улей. Я стал прислушиваться. Постепенно из общего гудения проступили слова, они слились в связный рассказ...

Я схватился за голову. Ну конечно! И как мы с бваной сами не догадались! Это же так элементарно...

Духи через какое-то время разбрелись по своим делам, и я опять остался один. Похолодало. Задул жесткий пронизывающий ветер — казалось, он проходит через меня, как сквозь решето. Посмотрел вверх. С пустого неба, кружась и сверкая, летели снежинки. Я подставил ладонь — снежинки её не замечали.

Чует моё нежелание, паршивец, — подумал я, нарезаю круги вокруг камня. Тот продолжал светиться, но тепла больше не давал. — Насильно мил не будешь, так ведь? Заманили хитростью, вынудили согласиться на службу... А те-

перь вот поняли, что я — не Тот.

Сжимая в кулаке ключ, я подошел к голове. Вот засуну сейчас этот золотой ключик ей в ухо. Или в ноздрю... Чтобы тоже жизнь медом не казалась. Ишь, разоспалась...

Снег густел. Теперь он валил целыми хлопьями, на плечах и голове у меня уже скопились небольшие сугробы. Ноги в расхлябанных кроссовках провалились по колено, но холода я не чувствовал, только оцепенение. И еще страшно хотелось спать — впервые с тех пор, как оказался в Зоне. Веки отяжелели и не хотели открываться. Ноги передвигались всё более неохотно. Я каменел.

Попытавшись взбодриться, нагреб полную горсть снега и растер по лицу. Кожу приятно закололо и это придало уверенности: я чувствую — значит, еще существую. Надо просто собраться с мыслями. Привратник стоит у врат. А ключ, как это ни банально, нужен, чтобы эти самые врата открывать. Я с надеждой огляделся. М-да... С вратами на заснеженной, продуваемой ветром пустоши, была напряжёнка. Но... Я же маг! И, как говаривал бвана, не самый плохой.

Вспомнился смешной нойда Кукса, его тощий строгий палец и наказ:

— Не делай так больше...

Усмехнувшись, я нашарил под снегом пару камней и положил один на другой. Верхний тут же встал торчком. Притащив еще пару, я соединил их таким же образом. Затем, меж камнями, небрежно очертил в воздухе прямоугольник — там, где я провел рукой, вспыхнула синяя полоса, похожая на дверь. Отлично. Осталось вставить ключ, повернуть и толкнуть.

Глава 17

Маша

Как я ни старалась, слышала лишь невнятное бормотание да ворчание. А Лумумба только бросил вскользь: мертвяк мол, почти разложился, к тому же был совершенно не в себе, так что говорить с ним пришлось на специальном унганском языке... Я понимающе кивнула: ну конечно, унганский, мать его, язык, кто ж его не знает? Проще простого.

А потом мы пошли домой. Настроение — хуже некуда. Последний день промелькнул в дурацкой беготне за старым разложившимся мертвецом, с которым так и не случилось ничего интересного. Господин учитель сделались необыкновенно задумчивы и мрачны, на мои вопросы только отмахивались. До казни одна ночь. Когда я об этом напомнила, учитель рассвирепел окончательно, пообещал превратить в муху и отдать на растерзание почтенному крестоносцу, обитавшему в сенях у Арины Родионовны.

Плавали, знаем... В первый раз что-ли? Но я всё-таки решила немножко помолчать. Побережь нервы наставника.

Пришедши домой, Лумумба бросил сапоги, шляпу и плащ в дальний угол и спросил чаю. Кот робко намекнул, что неплохо бы повечерять — он как раз пирогов напек, с вязигой и грибами... Базиль отмахнулся. Всё, что нужно — это пять стаканов крепкого черного чаю и кусковой сахар. Вприкуску. И не мешать: не дышать, не пукать, и вообще не отсвечивать. Ему, бване, подумать надо.

Я обиделась. В конце концов! Без меня он бы этого мертвяка ни в жисть не отыскал, и вообще до сих пор бы в бане сидел, пьяный и несчастный... Но кто

оценит? Кто, ласково погладив по голове, подарит вкусный медовый пряник? Кто похвалит за неоценимую помощь в расследовании и скажет, что я — единственный лучик света в темном царстве... Никто. Ноль внимания, фунт презрения. А Ваньки всё нет... Даже ворона куда-то подевалась.

С горя я решила перебраться и привести в порядок свой арсенал: руки заняты — и голове легче. Но Лумумба, каким-то седьмым чувством учуяв мою осторожную возню, схватил за ухо и приказал убираться с глаз долой. Я, надувшись, потащила в сени.

И тут мне в голову пришла гениальная мысль: а чего это я буду тут сидеть сложа руки, с пауком в гляделки играть? Ваньки нет, наставник пьет, и от того, что он пьет чай, общий смысл не меняется: Ольгу спасти никто не намерен. Нет, видите ли, доказательств. Ну и что? Вот возьму, и спасу её сама. Уж тогда-то они поймут, тогда оценят! И пусть им потом будет стыдно...

Эти и всякие сопутствующие мысли я додумывала, упаковывая в рюкзачок пистолеты, запасные магазины и гранаты. Эх, жалко РПГ под куртку не спрячешь. Но ничего: пристрою в кустах у заборчика, где потемнее, и сбегая еще раз. От острога до бабкиного дома не так уж и далеко.

Затянув все ляжки и попрыгав для верности, я бесшумно выскользнула во двор. Ну, это я только в мечтах двигалась, как черный призрак на крыльях ночи, а на самом деле под тяжестью рюкзака топала, как беременная черепаха. Но ничего. Нам бы день простоять, да ночь продержаться...

Главной задачей было не нарваться на патрули. Хорошо что я мелкая — за камушек присяду и не видно. А еще я умела исчезать. Меня Таракан научил: нужно застыть, почти перестав дышать, и убрать себя из окружающей действительности. Заставить мир поверить, что тебя нет. Это не магия, просто надо так вписаться в тени, чтобы рука стала продолжением ветки дерева, нога — корневищем, лицо — отблеском луны на кирпичной кладке...

Луны сегодня не было, зато на город опустился туман, что только облегчало задачу: не то, что патрулей, собственных рук и ног не видно. Один раз всего прятаться пришлось, когда мимо проскакала возбужденная толпа магов. Заслышав бодрый говорок Агасфера Моисеевича, я решила перестраховаться: вдруг дедуля начнет проявлять отеческую заботу? Или, чего доброго, нажалуется Лумумбе, что видел его ученицу совсем не там, где ей полагается быть... Хорошо, что к новому рюкзаку прилагалась тактическая накидка «под камень». Сядишься, накрываешься с головой — и красота.

Когда я увидела у причала «Молот Дьюрина», отлегло от сердца. Была подленькая мыслишка, что ребята смотались к себе в Кеблавик, испугавшись нового режима...

На борт пришлось карабкаться по якорной цепи — все мостки были убраны, а орать, стоя на берегу, не хотелось. Чуть не сорвалась пару раз в темную, покрытую мелкими льдинками воду. Преимущество действий в одиночку: никто не читает нотаций, никто не зудит над ухом что у тебя, мол, ничего не выйдет, что падать в воду обвешанной железом с ног до головы — верный Смерть... Так. Не думать. Делать.

Перевалившись на палубу, я не успела даже пикнуть. Навалилось что-то тяжелое, жесткое, пахнущее оружейной смазкой и перегаром, сорвало рюкзак, а рот зажало грубой заскорузлой ладонью. Я тут же впила в нее зубами — всё равно что кусать старый кирзовый сапог. Над головой зашипели, выруга-

лись по-исландски, и я получила такой шлепок по мягкому месту, что мозги едва не вылетели, с противоположного конца... Руку пришлось отпустить.

Негромко переговариваясь меня подняли, закинули на плечо и потащили в трюм. Дураки! Я же своя...

Когда меня поставили, одернули курточку и убрали волосы с глаз оказалось, что мы находимся в том же зале, где давеча проходили соревнования. Прямо передо мной, сложив руки на груди, стоял Сигурд. В одной руке он сжимал жареную ногу исполинской курицы, а в другой — любимый топор.

— Ну конечно, — буркнула я. — Бухаете, как суслики.

— Брюнхильд, что ты здесь делаешь? — глупо спросил Набольший. — Ты передумала, и хочешь выйти за меня замуж? — в глазах его плескался детский пьяный восторг.

— Ага, сплю и вижу, — подпрыгнув, я врезала ему по морде — а чего он?

Капитан зарычал. Глаза его налились красным. Ой. Кажется, переборщила...

— Прости, дорогой! — еще раз подпрыгнув, я звонко чмокнула его в другую щеку. — Я так по тебе соскучилась, а ты не звонишь...

Сигурд уставил на меня круглые от удивления голубые глаза и, кажется, протрезвел.

— Что-то не так? — тихо спросил он, инстинктивно заслоняясь топором.

— Надо поговорить, — шепотом ответила я, многозначительно пошевелив бровями.

Когда я заявила на корабль, попойка, видать, была в самом разгаре. Лыка уже никто не вязал, хотя на ногах некоторые еще держались. Популярный исландский бард Лютик, взгромоздившись на стол, исполнял эпическую сагу о любви ёжиков. Ему вторил ритмичный грохот глиняных кружек. Исландского я не знала, но скабрезные ужимки и подмигивания сказителя недвусмысленно намекали, что с половой жизнью у героев саги всё не так просто, как им бы хотелось...

Отойдя в уголок, мы с Сигурдом присели на какие-то ящики. Набольший махнул рукой и нам тут же принесли пива, еще одну жареную курицу и краюху хлеба, так что дальнейший разговор я вела с набитым ртом. Со вчерашнего дня в животе маковой росинки не было.

— Ты в курсе, что Олега посадили? — спросила я, отламывая горбушку.

— Ох, айе, — понурился капитан. — Отец Дружин скажешь, если мы взбучать вздумаем, и нас упечет.

— И вы испугались? — кусок курицы застрял в горле.

— Мы — торговцы и рыбаки. Мы должны соблюдать законы.

Я икнула.

— А как же бухло, битье и ворье?

— То зыко. Но... — не договорив, он виновато отвел глаза.

— Трусы, — сказала я громко. Так, чтобы слышало как можно больше народу. — И ты, Сигурд Длинные Руки, самый гнусный и паршивый трус из всех! Стыдно должно быть, Набольший клана Дьюрина за то, что оставил друга в кутузке гнить.

Музыка стихла. Викинги, побросав забавы, с интересом столпились вокруг нас.

— Твоего кровника заковали в кандалы, а ты тут веселишься!

Сигурд взревел. Вскочил, пнул пару ящиков, а потом, схватив кружку, разбил её о свою голову. По лицу его потекло пиво.

— Не можно нам на берег сходить, хозяйка, — раздался рядом с плечом молодой ломкий голосок. Я прищурилась.

— Слегка Чокнутый Арни, не так ли?

— Аёе, хозяйка. Эт я, — в широкой улыбке паренька уже недоставало значительного количества зубов.

— И почему это вам нельзя сходить на берег?

— Из-за того битья, ворья и бухла, что мы учинишь, — по-моему, он единственный из всех оставался трезвым. — Отец Дружин наложил на нас ковы, хозяйка, и заарестовал весь груз. Сказал отдаст, когда всё уляжется, тогда и выпишет путевую грамоту...

— И вы ему поверили?

— Ох, аёе. Нерушимо слово Отца Дружин.

За нашими спинами пронеслась волна энергичных кивков. Из всклокоченных волос викингов посыпались припрятанные на потом бычки, ножики и другие полезные вещи.

— Но Олег — его сын! А он посадил его в острог... — я чувствовала, что теряю инициативу. — Стойте! Ваш груз принадлежит мне! Помните? — я повернулась к Сигурду. — Ты дал слово, Набольший. Я выиграла спор и твоя доля отошла ко мне. Ты не имел права отдавать её Сварогу, — в моем голосе чувствовалась неуверенность, но может, пьяные викинги не заметят... — Нужно пойти, освободить Олега, и потребовать вернуть вашу собственность.

Про княгиню я им пока говорить не стала. Что им дел до чужой тетки? Зато там, на месте, можно будет убить двух зайцев: пока ребята пойдут за Олегом, я быстренько сбегая за ней. Думаю, накануне казни Ольга Батьковна будет несколько стоворчивей, чем неделю назад, и поймет, что живая собака таки лучше мертвого льва...

— Ну что? — я обвела викингов горящим взором, — Пойдете отстаивать свои права? — капитан отвел глаза, остальные тоже заворчали что-то невразумительное по-исландски, ковыряя палубу носками тяжелых подкованных ботинок.

— Ну и ладно. Тогда я пойду одна, — я подняла рюкзак и закинула лямку на плечо. От неожиданной тяжести повело. Я зашаталась, Сигурд протянул руку, чтобы помочь, но я вырвалась.

— Позор на оба ваших дома. Вот спасу Олега сама, в одиночку, а вы сидите и завидуйте.

Сигурд взревел, как раненый бизон.

— Мабудь... Мабудь я знаю выход из создав-шейся экс-тремальной ситуации, — подал голос Слегка Чокнутый Арни. Сигурд закатил глаза.

— Помнишь братишка, я сказывал, что бывает такое время, когда нужно молчать в тряпочку и не отсвечивать?

— Аёе, Набольший, я помнишь.

— Так вот прямо сейчас то самое время, — назидательно изрек Сигурд и вновь повернулся ко мне. Юнга подергал его за рукав.

— Не серчай, Набольший, но всё ж я разумею, ты должен дать мне высказаться. Из-за приз-унции.

Сигурд с тяжелым вздохом оглядел своё воинство.

— У кого-нить остались пилюли из сушеных лягушек? — спросил он. — Слегка Чокнутый Арни, походу, стал Чокнутым на всю Голову, раз смеет возражать капитану...

— Никак нет, Набольший! — юнга вытянулся в струнку и отдал честь. Всё было бы хорошо, если б в этой же руке не был зажат шлем... Придя в себя, поднявшись и помотав головой, он упрямо продолжил: — Ты должен меня выслушать, потому как если нет, это будет нарушением моих прав. Есть такая призуния, из-за которой, если ты ничего не сделал, то и не виноват. Это значит, пока я не скажу, чего хотел, ты не можешь меня ругать.

Сигурд закатил глаза.

— Ладно, Слегка чокнутый Арни. Тока знай: если это опять твоя обычная бредятина насчет демократических выборов в капитаны, я законопачу тебя в бочку из-под палтуса и выкину за борт. И это будет моя призуния.

— Айе, Набольший. Я согласный.

— Тогда реки.

Все затаили дыхание.

— Не можно нам, бла-ародным викингам, отпускать девушку одну, ночью, с цельным мешком оружия. Наш долг — пред-отвратить кото-строфу, — на лице Сигурда появились признаки глубокого раздумья. — То есть то, что может из-за энтого случиться, — пояснил Слегка Чокнутый Арни для непонятливых.

Я, кажется, ухватила суть.

— Ваш юнга прав, — всхлипнув, я опустила рюкзак на пол. В нем отчетливо-металлически гроыхнуло. — Я бедная слабая девушка. Не могут же такие доблестные воины, любимцы валькирий, отпустить меня одну в тёмный страшный город, полный злодеев... Вот уйду сейчас, и случусь с кем-нибудь. А вы будете виноваты, что не проследили, не уберегли...

Сигурд просветлел лицом.

— Значит, мы не воры и дезертиры, а охранники!

— Да!

— Имеем бла-ародную цель: охраняем город от беззащитной девушки!

— Да!!!

— Наоборот, — шепнула я.

— Айе?

— Это меня нужно охранять.

Подлец подмигнул и постучал по носу указательным пальцем.

Чтобы избежать эскалации напряжения, — еще одно выражение из лексикона Слегка Чокнутого Арни, — Сигурд приказал подтягиваться к острогу мелкими группами. Через час в канаве перед воротами собралась вся команда, вооруженная до зубов. Стоит ли говорить, что мой любимый рюкзачок тоже был здесь — его, в качестве почетной обязанности, нес юнга. Кроме того, пока войска собирались, я сбегала до дома Арины Родионовны и прихватила спрятанный в кустах у забора РПГ. Так, на всякий пожарный.

— Чертов Тупица Джони, Жирный Вилли и Вонючка Сэм идут со мной, — шепотом командовал Сигурд. — Проникаем на территорию острога, находим камеру Олега, открываем, и...

Я толкнула Набольшего в бок.

— Ничего не забыл?

— ???

— Это я вас сюда привела. И тоже должна попасть внутрь.

Сигурд упрямо помотал головой.

— Помнишь, я сказывал, что мы особенно хороши в ворье? — я кивнула. — Так вот: Жирный Вилли как-то раз стащил подушку из-под задницы любимой наложницы шейха Кадрама, и та ничего не заметила. А Чертов Тупица Джонни в это же время скрал кальян у самого шейха, в то время, как тот его курил... Сечешь, об чем я реку?

— Вы хотите не освободить Олега, а... украсть.

— Айе, молоток. Верно рубишь политику партии. Ну, мы пошли, — он начал подниматься из канавы.

— Я всё равно должна пойти с вами, — Сигурд замер в весьма угрожающей позе. — Если не возьмете — закричу.

Набольший заскрежетал зубами.

— Айе, ладушки. Брюнхильд идет с нами братва, и вы все отвечаете своими яйцами за её голову. — Набольший обвел викингов таким суровым взглядом, что никто не посмел возразить. Или рассмеяться.

И всё бы прокатило как по маслу, если б не один ма-аленький, просто крошечный прокол: когда мы, для соблюдения ритуала вымазав лица жженой пробкой, вылезли наконец из канавы, сразу нарвались на патруль. Трое дружинников как раз обходили дозором площадь... На викингов тут же наставили автоматы, те в ответ оцетинились топорами, слово за слово, кто-то кому-то врезал в глаз, из канавы на выручку полезла остальная братва, а я потихоньку отступила. Укусить или пнуть под коленку — вот и всё, на что я способна в толпе здоровых мужиков...

Когда, узрев численный перевес, начальник конвоя дал свисток, Сигурд скомандовал «На абордаж». Останавливать викингов, вышедших на тропу войны, всё равно, что сдерживать ленточкой несущееся на всех парах стадо бизонов. Кроме прочего, ребята захватили с собой громадные стальные крюки на цепях и теперь с воем и улюлюканьем карабкались на стены. Зрелище, я вам скажу, еще то: рогатые шлемы, закинутые за спины круглые черные щиты, мечи и секиры — прямо как в фильме «Властелин Колец», который мы с Ласточкой смотрели в видеосалоне...

Со сторожевой вышки кто-то закричал «Тревога!», к острогу со всех сторон кинулись дружинники, и вот тут всё стало взаправду и всерьез. Автоматные очереди, вой сирен, топот, крики, зверские оскаленные рожи в стробоскопических фонарных вспышках... Не помня себя, я скатилась в канаву и стала расчехлять РПГ. Руки тряслись. Если из-за меня их перебьют... Если, из-за моей дурачности, пострадает хоть кто-нибудь...

Подняв гранатомет на плечо, я встала во весь рост, и заорала: — Побереги-и-ись!!! А потом пальнула вверх голов. Но второпях не сделала поправку на свой рост, и снаряд влетел аккуратно в запертые ворота. Викинги, обрадовавшись неожиданной удаче, ломанулись в черный обугленный проём.

Я не помню, куда бросила РПГ, не помню, как оказалась в самой гуще атакующих — после выстрела в голове звенело, а перед глазами прыгали синие зайчики. Помню только, что рядом бежал Слегка Чокнутый Арни, так и не бросивший мой рюкзак... Умирать — так с музыкой. Я завлекла ребят в эту бессмысленную бойню, значит, огребать будем вместе.

Влетев во двор, мы затормозили, сбившись в кучу: внутренняя площадь

крепости была не такой уж и большой, и окружали её высокие срубы с узкими бойницами. Из бойниц, со стен, из каждого окна в нас целились из автоматов.

— Допрыгались, Набольший, — сказал Жирный Вилли. — Теперь нам точно капец.

Сказал-то он по-исландски, но и так всё было понятно.

— Нае проблемо, — сказал Сигурд. — Гэтьски швидче на корабль и — в открытое море.

Но, как только все развернулись к разбитым воротам, проход загородил здоровенный БТР. Его башня целилась точно в нас. Я первая подняла руки.

Обшмонав и забрав всё, вплоть до шнурков, нас заперли в длинном и сыром подвале. В дальнем его углу высилась громадная куча прелой, с проросшими глазками, картошки. Я вздохнула: жалко, что не яблоки... А потом еще раз вздохнула. Вот если б с нами был Ванька, он бы в два счета снес стену. Как тогда, на винзаводе... Стало совсем грустно.

Я подошла к Сигурду и села на пол рядом с ним. Пол был холодным, и чуть сыроватым, но больше сидеть было не на чем.

— Прости, что так вышло. Я честно-честно думала, что у нас получится.

— О, нае проблемо, — достав откуда-то горбушку хлеба, он разломал её, половину протянул мне, а сам впился в другую.

Я оглядела нашу расстрельную команду. Походу, кроме меня, никто особо не переживал: некоторые, усевшись в кружок, резались в карты, другие, нагнув шлемы на глаза, улеглись подремать, а Жирный Вилли, например, сложив ноги по-турецки, спокойно зашивал порванную рубаху. М-да, многому еще предстоит учиться...

— А вы не бойтесь, что Сварог вас за слушание казнит? — робко спросила я, прожевав хлеб. После боя, после всех треволнений он был очень кстати. — Говорят, на площади строят большую виселицу...

— Ну, энто просто: мы вернемся домой немножко раньше, чем задумали.

— Не поняла... Как вы попадете домой, если умрете?

— Вальгалла — наш отчий дом, — добро улыбнулся Сигурд.

Я замолчала. Во что только не верят взрослые, и на первый взгляд, почти разумные люди...

— Ты тоже не бойся, — он по-братски обнял меня за плечи. — Смерть — это не так уж и страшно. Чик — и ты уже дома... Ты тоже этого достойна, Брюнхильд. Не меньше, чем мы...

— Спасибо, Сигурд. Ты настоящий пятачок.

Я была тронута. Нет, правда. Если такие крутые вояки считают меня своей... А что мозгов у них на всех — один котелок, да и тот не варит, дак и я — не самая умная на свете. Как показывает практика.

Меня сморил сон. Несмотря на холод, на страх, глаза закрывались сами собой. Снилось, что мы с Ванькой гуляем по зеленым холмам, вокруг цветочки, бабочки... Точнее, не бабочки, а ночные мотыльки с истлевшими крылышками. Затем мы оказались на борту ковра-вертолета. Сидели рядышком и смотрели мультики по телевизору, а вертолет негромко так гудел, гудел... От этого гула я и проснулась. Доносился он из-под пола, словно там работал бур. Я огляделась. В углу тихо светится гнилушками картофельная куча, викинги равнодушно спят или режутся в карты. Я одна его слышу?

Через пару минут стало ясно, что не одна. Звук всё больше напоминал

жужжание дрели, земля мелко задрожала, а потом вспучилась, как кротовая нора и из нее показался знакомый железный клюв.

Плотно прижав крылья к телу и вращаясь, как сверло, Гамаюн вывинтилась из дыры, отряхнулась, сплюнула набившуюся в клюв землю, и каркнула:

— Ванька с того света вернулся!

Где-то в животе разжалась туго взведенная пружина. Накатило такое облегчение, такая радость, что я не говоря ни слова вскочила и прижала ворону сердцу, а потом ещё и поцеловала в слегка запыленную, горячую макушку.

— Но-но! Телячьи нежности... — вырвалась вредная птица. Но видно было, что ей приятно.

Викинги, негромко перешептываясь, собирались вокруг. Они глазели на Гамаюн, как дети на чудесную заводную игрушку. Еще миг — и кинуться разбирать на винтики, чтобы узнать, как она работает...

— Как он? — спросила я, вставая и отгоняя от Гамаюн самых ретивых исследователей.

— Всё хорошо, прекрасная маркиза...

— Он узнал, кто убил князя?

— Со мной не поделился.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы до меня дошло.

— То есть, суд всё-таки состоится?

— Похоже на то, — буркнула ворона и понурилась. Глаза её потухли.

Гамаюн — порождение Ольгиной магии. Как только магичка умрет, умная птица тоже перестанет существовать... Но не время предаваться рефлексии. Ванька вернулся и он меня ждет! Я же его напарница...

— Мы сможем расширить проход? — спросила я ребят, заглядывая в нору. — Сбежим отсюда к чертовой бабушке...

Но сделать мы ничего не успели. Только викинги принялись вынимать землю шлемами, дверь загромыхала и отворилась. На пороге стоял Сварог.

Глава 18

Маша

... Он был серьезен. Он был суров. Он был снисходителен: сообщил, что викингов, как представителей дружественного королевства, не расстреляют на месте, но подвергнув справедливому суду, выберут наказание.

Меня Великий Князь Сварог попросту не заметил. Ну конечно: курица не птица, женщина не человек. А ничего, что ворота острога разнесла хрупкая девушка, собственными руками? Ну, с помощью гранатомета, конечно... Хотела возмутиться такому вопиющему небрежению, но Сигурд очень больно наступил на ногу.

Прорывав что-то об антиобщественном поведении, Сварог приказал заковать всю честную кампанию в кандалы и препроводить на площадь. Что характерно: несмотря на игнор со стороны начальства, на хрупкую девушку навесить кандалы не постеснялись. И это были не какие-то там легкомысленные наручники, а настоящие, чугунные вериги, тяжелые, как гири у циркового силача. Один из наивняг-дружинников даже попытался подступить с кандалами к Гамаюн. То-то радости: птичка в наручниках! Или, в её случае, наножниках? Но ворона так щелкнула стальным клювом, что охранник сдулся. И я его очень понимаю: птичка у нас не промах, откусит все выступающие из тела части, съест, а потом скажет, что так и было...

Так нас и вывели на белый свет: впереди, с гордо поднятой головой, Набольший клана, Сигурд Длинные Руки, за ним тридцать три похмельных и побитых богатыря, все красавцы удалые, великаны молодые... А уж в конце, еле передвигая ноги, мы с Гамаюн. Кандалы были тяжелые и противно звякали на ходу, так что изображать гордую поступь валькирий изобразить не получилось. Гамаюн, летая над головой, громко кричала лозунги о пролетариате, которому нечего терять, кроме своих цепей... Пробовали сбить её камнем, так он, отскочив от бронированных перьев, попал в лоб кидавшему.

Когда выходили из обугленных ворот, увидели Олега. Его тоже вели на площадь. Правда, не лишив оружия и не в кандалах, но всё-таки под охраной. Увидев меня, он сначала удивился, затем, судя по выражению лица, хотел что-то сказать, но нас уже растащили в разные стороны...

На площади не то, что яблоку негде было упасть — косточка от вишни не проскочит. Собрался натурально весь город. По периметру установили амфитеатром длинные скамейки, получился вполне современный стадион. Но и за ним — из окон домов, с балконов, крыш и окрестных деревьев люди свисали гроздьями. Казалось, топни хорошенько ногой и посыпятся, как спелые персики...

В центре находился эшафот с виселицей и лавка с присяжными, солидными дяденьками в бородах и бобровых шапках. Цвет нации: купцы, менялы да вышибалы, — пояснила скрипучим шепотом Гамаюн.

Нам отвели место на возвышении рядом с виселицей, на огороженном стальной решеткой пяточке. Видать, чтобы любовались пейзажем и проникались моментом. Олег был тут же, а кроме него — трое хорошо одетых, но поче-

му-то с синяками на мордах, дяденек, сидевших особняком. Когда все заняли места и немного утихомирились, привели Ольгу. В деловом костюме, в черных туфлях-лодочках, она будто явилась не на собственную казнь, а на совещание совета директоров. На лице Великой Княгини не отражалось ничего, кроме легкой скуки.

Её посадили слева от меня, за толстое, наверняка бронированное стекло. Словно муху в стакан. Судя по мявшемуся рядом с виселицей палачу — толстому дядьке в надвинутом на самый лоб красном капюшоне — вздернуть её собирались сразу же после суда. А она и бровью не ведет! Мазнула взглядом по мне, по Олегу, кивнула доктору Борменталу — он, как неприкаянный воздушный шарик, маялся рядом с присяжными, и уткнулась в тетрадочку с записями.

Первым слушалось дело тех самых дядек с синяками. Оказалось, это были купцы, а поймали их на мухлеже. Один поставлял для дружины побитое мольбу сукно, другой привез в Мангазею партию гнилой муки, третий — просроченные консервы.

— Где их носит? — спросила я Гамаюн. — Когда они уже явятся, и всех спасут? Надоело здесь сидеть, и есть хочется...

Вредная птица только встопорщила с мягким шорохом железные перышки.

— А ты почему скрипишь? Заржавела, что ли? — я дружески толкнула Гамаюн локотком, но ворона только буркнула:

— Заржавеешь тут, сутки без продыху над океаном летать.

До меня наконец дошло, почему она валялась на печи без задних лапок.

Придвинувшись поближе, я тихо спросила:

— Так ты всё это время Ваньку искала? — птица потупилась. — Ты же сама сказала, что не видишь его среди живых...

— Я много чего говорю.

Обняв вредную птицу, я погладила её по хохолку.

— Ты молодец. Спасибо тебе. Не терять надежды — это самое главное. Я вот тоже не верила, что он умер.

— А кто захлеб в подушку рыдал? — ядовито осведомилась ворона, глядя на меня снизу вверх. — А кого кот валерьянкой с корвалолом пичкал?

Отпихнув птицу, я искоса посмотрела на викингов. Вроде, никто не слышал...

— Сказала — верила, значит, верила. А плакать девушка и по другому поводу может.

— И по какому же?

— Живот болел. От зеленых яблок.

Пока мы препирались, дело купцов, всесторонне рассмотренное неподкупными присяжными, близилось к завершению. Каждому присудили штраф в форме добровольного пожертвования и конфискацию имущества в придачу. А кроме прочего, в качестве воспитательного элемента, вломить по двадцать плетей.

Палач споро распластал мужиков на дыбе, заголил и, под шутки и прибаутки веселящегося на трибунах рабочего класса, отстегал хворостиной по мяг-

ким местам. Работал дядька не за страх, а за совесть, аж вспотел весь — на красной рубахе и колпаке, закрывающем всю голову, проступили темные пятна...

Следующим слушалось дело о разбое и вандализме, учиненном в городе и остроге. То есть, наше. Я оживилась: охота посмотреть, как у лавочников, разжиревших на халявном золоте, получится отстегать хворостиной викингов...

К «позорному столбу», то есть к виселице, вызвали Сигурда — он представлял всех обвиняемых, скопом. Пока Сварог, прохаживаясь по эшафоту, зачитывал обвинение, присяжные важно кивали каждому его слову. Наверное, подсчитывали, сколько добровольных пожертвований можно содрать с исландской команды...

Список, громогласно зачитываемый Сварогом, никак не кончался. Походу, орда пьяных варваров успела изрядно накуролесить. К примеру, у купца Первача они «экспроприировали на народные нужды» десять ящиков шампанского. Часть тут же выпили, а остальное раздали страждущим и поколотили о стены и сопредельные витрины. — А гарно это сладко шипуче бабско пошло оказалось! Дюже веселяще... — закивали дружно викинги. Народ на трибунах заржал, Сварог ударил молотком.

У кабатчика Вторицкого стащили пять, нет, десять копченых кабаньих окороков, прихватив для ровного счета десять бочонков пива... Парни оживились: — то истинна правда, доброе было пивко. Только ошибочка вышла, господа хорошие: копченых окороков было не десять, а одиннадцать...

У ювелира Третьяка мальчики разгрохали все стёкла. — То были соревнования по метанию бутылок с шампанским, а вовсе не вандализм, — громко и доходчиво объяснил Слегка Чокнутый Арни.

У владельца мануфактуры Четверного уперли сколько-то там штук добротного парусного шелка, причем, огненно-красного, самого дорогого; владельца сети уличных лоточников Пяточкина окунули головой в отхожее место — видите ли, у него сосиски на палочках невкусные оказались...

И вот в таком духе продолжалось довольно долго. Я начала подозревать, что отыскать купца, не пострадавшего от нашествия викингов, просто не удастся. С каждым новым пунктом обвинения мальчики лыбились всё шире и гордо кивали, сопровождая речь обвинения комментариями:

— Айе, то были гарны кумачовы тряпицы... Жинке на ночнушку.

— А я первый в ту блескучу цацку попал!

— Ага. И в карман притырил.

— Эх, кабанчик-то скусен попался...

— Да то не кабанчик был, а гусь.

— Сам ты гусь. Лапчатый...

Только у Набольшего клана Сигурда Длинные Руки лицо делалось всё мрачнее и мрачнее. Наверняка прикидывал, сколько лет на рудниках кайлом махать придется. Мне было очень стыдно: если б не безумная идея вызволить Ольгу, сидели бы мальчики на своем кораблике, доедали краденые окорока, запивая халявным шампанским, и ждали хорошей погоды. А теперь — даже не знаю, что с ними будет...

Дочитав список, Сварог промокнул лоб белым платочком, а потом очень добро оглядел всю честную компанию. Компания ответила честными взгляда-

ми порядочных людей, через минуту собирающихся нарушить все обещания.

— Ну, что с вами делать? — князь демонстративно почесал в седом затылке. На присяжных он даже не взглянул. — Груз я и так конфисковал, и взять с вас, кроме анализов, больше нечего. На прииски не отправишь — стоят прииски, и неизвестно, когда заработают. А вас — корми, пои, спать укладывай — и всё за счет казны... Забрать в счет долгов корабль — того хуже: вы ж тогда в Мангазее насовсем пропишетесь. А мне только орды одичавших варваров и не хватало для полного счастья.

Услышав, что плавсредство отбирать не будут, Сигурд приободрился. Для него потерять корабль — хуже, чем расстаться с жизнью. Остальные капитаны уважать перестанут...

— Выношу приговор, — наконец объявил Сварог. Викинги притихли: ну надо же, им стало интересно... — Убраться из города в двадцать четыре часа.

Сигурд, судя по виду, сначала не поверил своим ушам, а затем облегченно выдохнул. Видать, на такой расклад он совершенно не рассчитывал. Народ на трибунах загомонил. Особенно возмутились пострадавшие купцы, уже пристроившиеся в длинную очередь за компенсацией...

— Дополнение! — повысил голос Сварог. — Следующие пять навигаций — скидка для города сорок процентов. — Набольший взвыл. — И призовая доля в придачу, — тут уже взвыли все викинги.

— Отец Дружин... Туточки ослобонить надобно, — робко промолвил капитан, прижимая к сердцу шлем. — Если призовая часть у вас останется — ко мне матросы не пойдут.

— Не будете платить — чтобы духу вашего в Мангазее не было. И остальным передай: пока долг не выплатишь, с другими кланами тоже дела иметь не буду. Всё. Я сказал.

И стукнул молотком.

— Легко отделался, — шепнула я Сигурду, когда того усадили на прежнее место. — Так уж и быть, не буду требовать свою долю. Прямо сейчас не буду, потом как-нибудь отдашь, — поспешно уточнила я. — Набольший пронзил меня взглядом. Я так и не поняла: то ли он расцеловать меня хочет, то ли убить особо жестоким способом...

— Следующим слушается дело некой Брунгильды, — громко возвестил Сварог. — Стража, привести обвиняемую.

Я принялась высматривать эту самую Брунгильду, гадая, чего же она такого натворила, раз удостоилась судилища на площади. А вот когда подошли ко мне... Я просто онемела. Ворона, кстати сказать, тоже. Сидела, захлопнув железную варежку, и хоть бы каркнула...

На ватных ногах я спустилась на площадь, а затем поднялась на эшафот. Страшно было — жуть. Меня еще никогда не судили. В прошлый раз до суда дело не дошло — мы с Ванькой успели смыться...

Эшафот, виселица — я каждый волосок на веревке разглядела, пока шла, — и двенадцать абсолютно чужих мне людей. Ах да, еще Великий Князь. Который так на меня ни разу и не взглянул...

*Судили девушку одну,
Она юна была годами...*

С надеждой во взоре я оглядела площадь: самое время появиться наставнику и другу! Но фигурки: мои напарники блистали своим отсутствием.

Зачитали список преступлений. Первым шло разрушение из крупнокалиберного оружия ворот острога. Вторым — использование этого самого оружия в пределах города. Третьим — подстрекательство к бунту граждан дружественного государства. Я так поняла, здесь речь шла о викингах. И последнее: сношение с неблагонадежными лицами. Под неблагонадежными лицами подразумевались маги, а на слово «сношение» я решила не обижаться — наверняка они его используют не в том смысле, что и я... Нет, как-то это всё нечестно: я ведь ничего не сделала! Я была милой, отзывчивой, и только хотела всем помочь...

Вердикт: шпионаж, государственная измена и подстрекательство к бунту.

Приговор: казнь через повешение.

У меня язык прилип к нёбу. В ушах зазвенело, стало жарко, как в бане. Нечеловеческим усилием сдержалась, чтобы не разреветься, не повалиться в ноги присяжным с криками: — простите дяденьки, я больше не буду...

Как Жанна Д'Арк, распрямив плечи и гордо подняв голову, я сошла с эшафота и, под крики беснующейся толпы, проследовала к своему месту за решеткой... Интересно, будет очень больно?

Следующим слушалось дело Олега. Я, чтобы отвлечься, попыталась вникнуть. Его тоже вывели к столу присяжных, но на эшафот забраться не предложили. Одет сыскной воевода был в свою форму, только без нашивок, стоял прямо, смотрел на отца открыто и чуть насмешливо. Так и чудилось, что под этим честным взглядом новоявленный князь застесняется и признает, что всё судилище — чистый фарс, что он всех отпускает с миром и ни на кого не сердится...

А правду говорят, что при удушении все сфинктеры расслабляются? То-то позорище...

Сварог задвинул очередную речь. О чести и бесчестии, о долге перед родной и родителями, о том, что жить надо так, чтобы не было мучительно больно...

— Псс...

Я не сразу поняла, что это меня.

— Псс... Голову опусти. И сделай вид, что плачешь.

— Гамаюн? Ты где?

— Под помостом. Когда тебя увели, меня дружинники поймать пытались. Ну, как дела-то?

— Очешуенно. Умираю со смеху.

— Спокуха, хрящ. Всё под контролем.

— И что ты сделаешь? Веревку переключешь, или Сварогу на голову какнешь?

— Будем тянуть время: пока разберутся с княжичем, пока выслушают дело Ольги...

— Кривенс. Жить мне ровно столько, сколько будут другую тетку судить.

— В крайнем случае, организуем еще один бунт. Решительный и беспощадный. А теперь мне пора... Не скучай тут!

Пока мы с птичкой беседовали, Сварог закончил читать Олегу нотации, приказал развязать и поставить рядом с собой. На плечи княжичу тут же накинули новый китель, с большой собачьей головой на рукаве — какой-то новый знак, таких я еще не видела.

Князь повернулся к народу.

— Мой сын, осознав свои ошибки, просит прощения и теперь готов принять присягу! — торжественно возвестил он. — Воевода Сварог снова на посту!

Народ разразился приветственными кликами, в воздух полетели шапки.

— Нет! — Олег демонстративно сбросил обновку. — Я не буду давать присягу тебе.

Ответ княжича очень удачно попал в паузу между криками и голос его, уверенный, спокойный, разнесся по площади. Все заткнулись.

М-да, Олежик — княжий сын... Походу, на шаткой табуретке вместе отплясывать будем.

— Что ты сказал? — Сварог явно не поверил своим ушам.

— До тех пор, пока ты будешь единолично судить кому жить, а кому умереть; что является ложью, а что — истиной, я не присягну тебе на верность. У нас — свободная страна, а ты — тиран и диктатор.

— Окстись, сынок, — тихо попросил Сварог. Губы его тряслись, ожог на щеке побелел. — Ты что, синьки налопался?

— Прости, отец. Я готов служить, но не тебе. У города есть законная правительница.

— Она находится под судом.

— Это несправедливый суд. Княгиня ни в чем не виновата! Она не убивала своего мужа...

Он кричал что-то еще, но народ ревел так, что слов было не разобрать. Кое-где в людском море образовались водовороты, в воздух взметнулись кулаки, палки, полетели камни...

Я посмотрела на Ольгу. Она сидела так близко, что можно было дотронуться — если б не пуленепробиваемое стекло. Княгиня, почувствовав мой взгляд, подняла голову от тетради. Я открыла рот, намереваясь что-нибудь сказать, но так и не придумала, что. Подождав несколько секунд, княгиня вежливо приподняла уголки губ и снова принялась быстро писать.

— Мой сын — изменник! — вдруг прорвалось сквозь крики толпы. — Он не признает действующей власти, а значит, должен быть казнен. — вдруг совершенно спокойно, даже отрешенно, сказал Сварог. Где-то на краю площади слышался женский вскрик. Повисла ледяная тишина. Только свист ветра и неодобрительный гул множества голосов. Негромкий, но неумолимый, как прибой. В этой тишине Олега взяли под стражу, сковали за спиной руки и подвели к скамье подсудимых. Ни на кого не глядя, бывший сыскной воевода уселся рядом со мной.

— Осталось последнее дело, — как ни в чем ни бывало возвестил Сварог. — Дело княгини Ольги, вдовы Великого Князя Игоря.

Что характерно: Ольгу на эшафот не повели. Она так и осталась сидеть в своем стакане, не поднимая головы. На её медовых волосах играли блики све-

та, а безупречный костюм походил на сгусток бархатной тьмы.

Вдруг неимоверно захотелось спать. Глаза просто слипались, будто в них насыпали волшебного песка... Удивительно, как разум перескакивает с мысли на мысль, пытаюсь объять необъятное за оставшееся невеликое время. Сижут тут, смотрю может быть, в последний раз на солнышко, ради разнообразия выглянувшее из-за туч, радуюсь воробышку, бесстрашно прыгающему по скамейке совсем рядом со мной, выклеывая хлебные крошки...

На глаза сами собой навернулись слёзы, и я отвесила себе мысленного пинка, а для верности больно ущипнула за руку. Что-то я совсем расклеилась. Ерунда всё это... Молодые смерти не боятся.

...Вызвали дружинников, стоявших в карауле в ту ночь. Парни рассказали то, что и так уже было известно всему городу: князь показался из спальни, попытался позвать на помощь, схватился за грудь, упал...

Затем вызвали доктора Борменталья. Доктор взошел на помост так, будто вешать собирались его самого. Вопреки обыкновению, эскулап был кристально трезв. На вопрос Сварога, он ли являлся семейным доктором княжеской четы, ответил утвердительно. На вопрос, болел ли князь сердечными, желудочными или какими другими заболеваниями — отрицательно.

Затем было спрошено, он ли делал вскрытие, и что при этом обнаружил. Тут Борменталь замаялся. Посмотрел на Ольгу. Та, словно почувствовав, подняла голову, спокойно выдержала взгляд доктора и вернулась к писанине. Борменталь набрал полную грудь воздуха.

— Вскрытие показало, что Великий князь скончался от острой сердечной недостаточности! А значит, княгиня не имеет к его смерти никакого отношения.

По толпе прокатился негромкий шелест, будто ветер гнал сухие листья... Наверное, тишине способствовала плотная цепь дружинников с собачьими нашивками, незаметно окружившая площадь.

— Мог ли сердечный приступ быть вызван каким-либо ядом? — спросил, не смущаясь, Сварог. На присяжных он не обращал никакого внимания. Будто их и не было.

Доктор вздохнул и пожал плечами.

— Например, яд черной гадюки. Или некоторых лягушек и пауков... Есть еще нейротоксины. Но все они легко обнаруживаются в тканях! Могу сказать точно, — твердо и громко закончил доктор. — Князь не был отравлен ни одним из известных науке ядов.

— Не известным науке, — повторил задумчиво Сварог. — Значит, нужно искать в другой области, так? — отвернувшись от доктора, он стал прохаживаться взад-вперед по эшафоту. Толпа ловила каждое слово. — Учебники по сыскному делу учат: ищи убийцу в ближнем круге. А кто имел доступ в спальню, кроме самого князя? Жена. Кто должен занять его место после смерти, стать Великой Княгиней? Жена. Кто сядет в кресло председателя совета директоров? Жена... А ведь княгиня, к тому же, магичка... — народ забыл, как дышать. Если б над площадью сейчас пролетела стая коров, гадя всем на головы, никто бы не почесался.

Сварог подошел к самому краю.

— Ольга отравила мужа магическим ядом! — неожиданно рявкнул он. Люд-

ское море заволновалось, но он вскинул руки, призывая к тишине. — Мы знаем, как действует магия. Все... Все помнят, что маги сотворили с Мурманском. — Сварог простер руку в сторону Кольского залива. — У кого там не остался муж, сын, мать? Или... вся семья, — он замолчал. Народ больше не шептался, не переговаривался. Все взгляды были обращены к обвинителю. — Я терпел магов, сколько мог, — сказал он через минуту. — Я предоставил им равные права. Я разрешил им работать в городских службах. И вот результат: они восстали против нас. Князя Игоря, построившего наш любимый город, давшего нам всем кров, спасшего нас от гибели, убила ведьма. А знаете, зачем? — народ молчал. — Все помнят, что Ольга — пришлая. Она охмурила князя, чтобы проникнуть в руководство нашим городом и сделать Мангазею придатком Москвы! Игорь был просто человеком, он не мог противиться её чарам. А она... Она с самого начала хотела разрушить всё, что он построил. И забрать нашу с вами свободу. Я давно это подозревал: в новом мире маги желают управлять такими, как мы. Они построят свои башни и будут навязывать простым людям свою волю. Наша с вами задача — не допустить этого. Не допустить гегемонии магов! Противостоять им где угодно, силой и правдой, огнем и мечом...

Отвернувшись от толпы, будто не в силах справиться с чувствами, Сварог простоял секунд тридцать. Затем посмотрел на присяжных. Впервые. Было видно, что бедным дядькам очень неуютно от оказанной высокой чести.

— Я всё сказал. Теперь решать вам. Как постановите — так и будет, — и пошел к ступенькам.

Палач, будто всё уже решено, принялся одергивать веревку на виселице и проверять, хорошо ли завязана петля...

— Минут-точку! — доктор Борменталь, спотыкаясь и путаясь в ногах, вновь полез на эшафот. Несколько минут назад трезвый, как стеклышко, сейчас он выглядел так, будто искупался в самогоне: запах шибал до самых трибун. Галстук у него съехал за ухо, манжеты рубашки успели посереть и размокнуть, штiblеты и брюки по колено вымазаны в грязи... — Минут-точку! — возвестил он, кое-как взгромоздившись на эшафот и громко икнул. Затем пошатнулся, чтобы не упасть, вытянул руку и схватился за веревку. Ноги эскулапа подкосились и он так и повис, неторопливо покачиваясь и задумчиво глядя под ноги. Трибуны взорвались хохотом. Кто-то заливисто свистел, на эшафот полетели огрызки яблок.

Сварог молча ждал, глядя на доктора, как на мокрицу: придавить бы, да пачкаться неохота...

Наконец, совладав с веревкой, собственными ногами и руками, доктор выпрямился, поправил пенсне и заявил:

— Обвиняемой требуется защитник. Чтобы по справедливости: раз есть нападение, должна быть и защита... Так ведь, товарищи? — он опять икнул и, чуть покачиваясь, подслеповато оглядел толпу. Сварог усмехнулся.

— И кто же будет этим защитником? Может быть вы, доктор?

— Я. - на глазах у изумленной публики прямо из воздуха соткался Лумумба. — Я буду защищать княгиню.

Глава 19

Иван

Конечно же, мы договорились обо всём заранее. Предупредили Гамаюн, доброго доктора Борменталья — ему одному бвана посчитал безопасным довериться. Жалко, что нельзя было подать весточку Машке. Наставник сказал, что её мы поставим в известность в самую последнюю очередь, а иначе секретность можно и вовсе не разводить — она тут же всё выболтает.

Время. На подготовку требовалось изрядное его количество, а вернулся я, почитай, в самый последний момент, так что пришлось пропустить судилище над Олегом и моей напарницей. Жалко было Машку — сил нет, даже Гамаюн не хотела её за решеткой бросать. Но Лумумба, заявив, что некоторая психологическая встряска пойдет ей только на пользу — начнет думать прежде, чем сотворить очередную глупость — пригрозил вороне намертво склеить клюв суперклеем, если она вякнет хоть слово.

На эшафот мы пробрались пользуясь моим новым талантом ходить по Нави, как у себя дома, без всякой Пыльцы и других прибабасов. Даже бвана так не мог! Аккуратненько приоткрыв Завесу, я провел наставника по самому краю. Мы взобрались на эшафот, представляющий из себя пологий холмик, а уж затем, в самый драматический момент, вышли из сумрака. То-то переполоху наделали!

Нам-то невдомек было, что Сварог успел настропалить горожан против магов, и до погрома не хватало, можно сказать, последней искры — нашего появления из воздуха. Так что впечатление мы произвели, кто бы сомневался. Только не то, на которое рассчитывали...

Как только Лумумба заявил, что намерен защищать княгиню, в нас полетели гнилые помидоры.

— Магов долой! — кричали из толпы недружелюбными голосами.

— К стенке их через одного и стрелять по очереди!

— Перевешать всех на одной березе, как курей!

— Не дадим в обиду Мангазею-матушку и Сварога — батюшку!

— Катитесь из города колбаской!

— Без сопливых скользко!

Лумумба слушал, слушал, а затем, дождавшись паузы, как заорет:

— Я НАШЕЛ ДУШЕГУБЦА! — голос наставника прозвенел над площадью, как иерихонские трубы в день страшного суда.

От неожиданности толпа притихла. Только где-то рядом, у самого эшафота, ревел, как резаный, чей-то младенец. Его плачу вторили вороний грай и поднявшийся вдруг ветер.

Насладившись как следует моментом, учитель продолжил:

— ХОТИТЕ ЗНАТЬ, КТО УБИВАЛ ВАШИХ БЛИЗКИХ? КТО НАГОНЯЛ СТРАХУ НА ВЕСЬ ГОРОД? ИЛИ ПРЕДПОЧТЕТЕ, ЧТОБЫ ВАС И ДАЛЬШЕ ОБМАНЫВАЛИ?

— Никто нас не обманывает! Мы сами кого хочешь, обманем!

— Не учите вора воровать!

— Сами с усами!

— Мы свои права знаем!

— Пусть говорит! Пусть расскажет про Душегубца!

— Не позволим магам нашим мозгом думать!

На эшафот нет-нет, да и залетали отдельные огрызки. Бвану они почему-то миновали, хотя мне присвистело разок яблоком по затылку, а помидором — в глаз. Хорошо, что овощ был гнилой да мягкий...

Сварог стоял гордо, как одинокий капитан на палубе тонущего корабля. Только взгляд его всё время цепко шарил по толпе, перескакивая с одного разверстого в крике лица на другое и ни на миг не останавливался.

— Я НЕ ТОЛЬКО НАЗОВУ УБИЙЦУ, НО И ПРЕДОСТАВЛЮ ЕГО ВАМ НА СУД!

Заявление наставника вызвало новую волну полемики.

— Сами разберемся!

— И Душегубца отыщем!

— Мажья сила — вражья сила!

— А всё же любопытственно про маньяка-то послушать... Когда еще такой развлекухи сподобимся?

— Повесить его вместе с остальными! Нечего нам, честным гражданам, указывать, что делать...

— Это ты, что-ль, честные граждане?

— Я!

— Вот умора, держите меня семеро... Вор и пьяница Филька — честный гражданин!

— Фильку маги сколько раз на домушничестве за руку ловили, да всё на поруки отпускали.

— Вот она где, благодарность человеческая...

— А всё одно! Не след нам магов слушать. Своим умом проживем, без супостатов.

— Дядь Семён, не наседай. Они такие же люди, как и мы. У меня сосед — маг. Нормальный мужик...

— А кто мне крышу сглазил? Текёт крыша-то! Новый шифер положил, а он текёт!

— Ты б, дядь Семён, за воротник поменьше закладывал, так и крыша не текла бы.

Кое-где слышались смешки. Я вопросительно посмотрел на Лумумбу, тот в ответ чуть заметно двинул бровью.

— А ежели они нас всех продадут?! Купят, а потом еще раз продадут?

— Да кому ты нужен, трепло беспросветное.

— Сам ты трепло, а я, по новым законам, честный гражданин в своём праве!

— Хочим знать, кто есть Душегуб!

— Прально, повесить его и потом можно. Пущай говорит.

— Говори, маг!

— Только думай наперед, что говорить.

— А мы подумаем, верить тебе, или нет...

Еще пару минут продолжались дебаты, но фракция, ратующая за выявление Душегубца, победила. Лумумба вышел вперед.

— Собственно, говорить буду не я, — заявил наставник своим нормальным голосом, который благодаря небольшому заклинанию долетал до самых дальних закоулков. — Как я уже говорил, мы с помощниками отыскали серийного маньяка, прозванного Душегубцем. Ему-то и предоставим слово.

— А сам-то ты кто таков? — странно, что этот вопрос не прозвучал рань-

ше. — Чтой-то не припомню, чтобы в нашей сыскной дружине такие физиономии наблюдались.

— Я — частный сыщик. Приехал из Москвы, чтобы расследовать убийство Великого Князя Игоря. Доказать или опровергнуть причастность к его смерти княгини Ольги. И, самое главное, найти настоящего убийцу.

По толпе прошелестел удивленный гомон. В ходе прений о князе как-то забыли...

— Хочешь сказать, что знаешь, кто убил Игоря? И можешь это доказать?

Все замолчали, уставившись на Лумумбу. Доктор, присяжные, князь Сварог, все прикипели к нему взглядами.

Наставник, выдержав паузу, подошел к самому краю эшафота и сказал тихо, но отчетливо:

— Я знаю, кто убил князя Игоря. Я знаю секрет Мангазейского золота. Знаю, почему встали прииски и почему князь Сварог не любит магов.

— Князя Игоря убила Ольга! — выкрикнул Сварог, но его уже никто не слушал.

Людское море колыхалось, со всех сторон летели голоса:

— Мы хотим знать!

— Говори, заезжий маг!

— Расскажи нам всё!

— Прав-ду! Прав-ду!

Аккуратно, не поворачивая головы, я бросил косой взгляд на скамью подсудимых. Машка стояла с совершенно круглыми глазами, засунув в рот кулак. Олег повесил голову и закрыл руками лицо. А вот Ольга, спокойно сидя в своём стакане — надо понимать, служащим защитой от её магии — улыбалась.

Надо же, а улыбка ей очень идет...

— Вернемся к Душегубцу, — объявил Лумумба. — С него всё началось, им должно и закончится, — он стал прохаживаться по эшафоту, заложив руки за спину, как обычно это делал в учебном классе. — Невинные жертвы маньяка, смерть Игоря, остановка приисков — всё это звенья одной цепи. Признаться, еще вчера вечером я не видел всей картины преступления. А обвинение нельзя строить прежде, чем появятся факты: неизбежно начинаешь подгонять улики под свою теорию, а не строить теорию на основе улик. К счастью, сегодня утром удалось добыть самую последнюю деталь. И добыл её мой коллега, Иван Спаситель.

Я вздрогнул. Вот уж не думал, что наставник захочет говорить об этом прямо сейчас...

— За последним, ключевым доказательством Ване пришлось плыть на тот берег, в так называемую Зону. В одиночку. — Лумумба помолчал, давая народу проникнуться величиим момента. — Фактически, чтобы добыть улики, ему пришлось умереть. А затем воскреснуть, вернуться и передать их мне...

Наставник бросил короткий взгляд на Сварога. Было видно, что князь еле сдерживается — на скулах его играли желваки, кулаки сжимались, а серые глаза покрылись тонкой корочкой льда. И лед этот начинал потихоньку таять...

— Но хватит о нас, — поднял руку наставник, призывая к тишине. А потом отчетливо сказал: — Для дачи показаний я вызываю главного свидетеля, а также убийцу, прозванного в народе Душегубом.

По площади пронесся единый вздох. Народ завертел головами, боясь пропустить появление преступника...

— Внимание! — бвана принял эффектную позу «Мартихор». — МЕНЕ. ТЕКЕЛ. УПАРСИН!

Я незаметно сдвинул завесу и протянул руку ждущему с Той стороны...

— Всем общий привет!

По эшафоту запрыгал, как резиновый мячик, световой шар. Отскакивая от досок, столба виселицы, тонких перилец, он всё время рос в размерах, пока не достиг роста нормального человека. Тогда он остановился, улыбнулся, притопнул каблучками, простер руки к толпе и поклонился.

— Привет, привет! Здравствуйте! Не ждали? А это зря, зря... Надежда, как говорится, должна умирать последней.

— Да это же Данила! — закричали со всех сторон. — Эгей, Данила, как жизнь?

— Для кого жизнь, а для кого — посмертное существование, — отшутился мой подопечный и выкинул коленце, будто сказал что-то очень смешное.

— Ну точно Кручинин! Он же о прошлом годе еще с Железной стены сверзился...

— Ей-ей, куманек! — отвечивал дух, кривляясь. — Коли тебя по затылку стукнуть и в спину пихнуть, и ты свалишься.

— Чур меня, чур...

— И кто это тебя? Указать можешь?

— Отчего не мочь-то, куманек, могу...

Данила прошелся колесом вокруг виселицы и заплясал вприсядку. То, что музыки не было, его совсем не смущало.

— Эх, соскучился я по воле-волюшке, по земле-матушке да солнышку ясному! Застоялись ручки-ноженьки без работы, без забав молодецких! А тра-та-та, а тра-та-та, а вышла кошка за кота... — и он отбил беззвучную дробь по призрачной груди.

— Ну точно, Данька. Тот еще хохмач был...

— Данила, а ты знаешь, что Ганя твоя утонула?

На миг дух поскуачнул. Вытянувшись во весь рост, он сложил руки у груди и закатил глаза, будто молился. Но в следующий миг перекувырнулся через себя и вновь отмочил коленце.

— Твоя правда, куманек! Как не знать, коли это я сам её под воду утащил... — воцарилась гробовая тишина. Дух, внимательно оглядев публику, усмехнулся. Да так широко, что в воздухе осталась одна улыбка. — Да не бойтесь, я за дело... Изменяла она мне, еще когда я жив был. С Яшкой Кнышем... Вот я и восстановил справедливость, — сказал рот, вокруг которого постепенно материализовался весь дух. — А вышла кошка за кота, за Кота-Котовича... Я и Генку Смурькина прибил — нечего было у вдовы последние копейки воровать и детишек её по миру пускать... Вдова-то опосля покражи удавилась, а деток её, Саньку да Серёжку, в работный дом отдали... Так что Генке поделом! — с «казачка» дух перешел к танцу, похожему на «канкан» и ну прыгать по эшафоту, высоко вскидывая ноги. — И Лидке-шлюшке за убийство певца, и Глашке-воровке за то, что пацана на рельсы толкнула... Малец увидел, как она у его мамки брошку воровала, а немая за то его под поезд... Ать-два, левой-правой, идет солдат по городу-у, по незнакомой улице-е... А Афоньку Шмата помните?

Полового из Сви́ньи и Сви́стульки? Так он наводчиком был! По иностранцам шабашил. Как богатенького заметит — бегом к Мурке-клофелинщице, клиента вдвоем обдирают, как липку, а самого в прорубь, пока в себя не пришел...

— Так ты, значит, роль правосудия на себя принял?

— Верным курсом идете, товарищи! — дух вдруг принял вид скелета, над черепом его замигала лампочка. — Коли власти мышей не ловят — чего еще остается? Покой душе моей обрести удастся только тогда, когда супостат наказан будет. Пришлось подтолкнуть в нужном направлении — не век же мне на грехи ваши земные любоваться... Вот вы мне скажите... — Данила, перестав крутиться волчком, подлетел к самому краю помоста, — Заслужил я, чтобы моего убийцу нашли? Заслужил?

— Ты, Кручина, хорошим мужиком был!

— Конечно заслужил!

— Ты уж поведай, кто это такой есть, а уж мы отомстим, не сумлевайся.

— Ага. Догоним, и еще раз отомстим...

— Вот то-то и оно! — на мгновение дух развоплотился, но тут же сгустился вновь. — А кто за меня отомстил? Кто нашел супостата, кто восстановил справедливость? — он оглядел толпу. — Никто! Никто не отомстил за маленького Лёньку, которому поездом ноги отрезало. Никто и не подумал, что это Лидка сама своего хахаля зарезала — прямо в шею ножницы воткнула мерзавка, а потом и зарыла у себя же под окнами... А самое главное: палец, палец-то ему отрубила, да себе на шею и повесила! На память! Ну не дура ли девка?

— Палец — это была подсказка! — вдруг выкрикнул всеми забытый Олег. — И ноги...

— Радуйтесь, куманьки! У сыскного воеводы просветление в мозгах сделалось! — Данила совершил победный круг по эшафоту. — Держитесь его, ребята. Каких-нибудь десять-пятнадцать лет, и Сварожич дельным сыскарем делается. Если не казнят, конечно, — дух глумливо хихикнул. — Я уж и так, и эдак намекал. Один запах чего стоил!

— Какой запах? — удивился Олег.

— Каша! Да Щи! — дух взвился юлой. — Что выходит? Ну? Кумекай... Кащей! — Олег молча хлопал глазами. Тогда дух повернулся к толпе: — Какое у меня погоняло в Академии было?

— Кащей!

— Точно! Даньку Кащеем за торчащие ребра прозвали!

Дух прищурился.

— Это кто там такой памятливым нашелся? Ты, Юрка Хлыст?

— Я, братан, я!

— А помнишь, как ты мне промеж пальцев горящие спички втыкал, пока я спал?

— Помню. Только это, ничего личного: ты ж дух был, а я — дембель.

— Дак я и сейчас дух! — Кручинин вывернулся внутрь себя, сделался похож на простыню, с нарисованным на ней сажеей скелетом, вытянул рукава и взмыл над толпой. — У... Угу... — стал вздыхать он, прядая то к одной голове, то к другой. Народ в страхе приседал, держать за картузы и шляпы. Налетавшись, он вернулся на эшафот, предстал огромным восклицательным знаком, а затем — игрушечным ружьем и выстрелил с нарисованным в пузыре

«БАЦ». — Саечка за испуг! Кто старое помянет... Если б ты Кольку тогда на своём горбу не вытащил — бродить бы тебе по берегу Пучай-реки. Всё, всё про всех знаю... — он зорко оглядел толпу. Народ подался от помоста, насколько это было возможно. — Кто кого, когда и как... Попомните на будущее, когда вновь грешить станете. Нам, духам, с Того света всё-ё-ё видать.

— Так кто тебя убил, Данила? — выкрикнул кто-то смелый.

— Скажу, дайте время. Одна закавыка: как только убийца будет назван — отлетит моя душенька на смертные пажити, и не гулять ей больше по волюшке, не наказывать супостатов да врагов рода человеческого. А хотите, я вам сказочку расскажу? Хорошую, правдивую. Сказка-ложь, да в ней намек, как говориться.

— Давай!

— Говори, Данилка!

— Ну, тогда слушайте, — народ молча ждал. — Жил-был добрый молодец, и захотелось ему жениться. Привели к нему красавиц: и дочек купцов-торговцев, и военных-генералов, и даже простых девушек. Да только не понравились они молодцу. Уехал он в дальние страны, и встретил там магичку. Влюбился, предложил выйти за него замуж, она и согласилась. Привез молодец новую жену домой... И жить бы им поживать, да добра наживать, только не по нраву пришлась молодая жена приспешникам добра молодца. Те-то хотели за него своих дебелих дочек пристроить, и через это дело на молодца вилять... Думали-думали приспешники, как быть, и решили известить молодую жену. Купили заморскую машинку, да и пристроили её молодым в опочивальню: машинка должна была до молодой добраться, да и вколоть той смертельный яд. Но машинка — не божья тварь, а порождение злой воли человека. Ошиблась машинка. Вместо женушки достался яд добру молодцу...

Дух, приняв наконец-то вид Данилы Кручинина, в парадной форме, лихо заломленной на одно ухо фуражке с выпущенным на лоб кудрявым чубом, в белых перчатках и начищенных сапогах, вытянулся во фронт и взял под козырек.

— Смекайте, товарищи, об ком в сказке речь велась, — пропел он замогильным голосом, лицо его вновь приняло вид черепа, и весь образ бравого офицера рассыпался. — А если не смекнете, я вам помогу. Слушайте! Игоря убил...

Со стороны залива ветер донес истеричный набат корабельной рынды. Народ начал оглядываться, пытаясь увидеть, что делается за пределами площади. И тут включился противотуманный ревун. За ним еще один и так — по всей Железной стене.

Глава 20

Иван

Со стороны залива ветер донес истеричный набат корабельной рынды. Народ начал оглядываться, пытаясь увидеть, что делается за пределами площади. И тут включился противотуманный ревун. За ним — еще один и так по всей Железной стене, протянувшейся вдоль пляжа.

Первым сорвался с места Сварог. Соскочив с эшафота, он понесся через площадь в сторону залива. Народ перед ним растерянно расступался. За Сварогом чесанул Олег. Забыв, что руки скованы, он перемахнул через перила и выкрикивая по пути команды, устремился к порту. Следом бежали черные цепочки дружинников. Суд, арестанты, присяжные — всё это вдруг потеряло смысл.

На площади стала происходить кипучая, но упорядоченная деятельность: люди разбегались, кто куда, но не в страхе, а зная, где кому надлежит быть и что делать. Мне с высоты эшафота было видно, как заползают и растекаются по стене вооруженные люди, издалека похожие на муравьев.

Рядом с помостом вдруг возник дед Агасфер. Пронзительно свистнув, он закричал:

— Маги! Из боевых, кто еще в городе остался? Подходи! Вот он я, рядом с виллицей. Стройся по одному!

К нему протолкалась Арина Родионовна. На шее у нее, как у заправского лоточника, висел короб, доверху набитый разноцветными пакетиками. Через секунду я понял, что это — Пыльца...

— А ну, налетай, торопись! — выкрикнула она. — Первая доза бесплатно, вторая — за спасибо!

Сирены продолжали рвать воздух и казалось, что всё: люди, ветер, даже облака, подчиняются их ритму. Пронзительный, заунывный вой ввинчивался в мозги и вымораживал нутро, не позволяя задуматься ни на секунду.

Немного придя в себя и сообразив, что никаких «мессершмиттов» всё-таки не наблюдается и бомбить нас прямо сейчас никто не будет, я потянулся к Завесе, чтобы водворить на место дух Данилы, пока тот не сбежал и не учинил еще какое-нибудь безобразие. Но, отодвинув полог, окаменел.

В Нави на месте города простирался рыхлый мелкосопочник. Сам Кольский залив был как на ладони. Из залива, медленно поднимаясь над водой, к берегу приближались чудовища. Они были громадными, метров по пятьдесят, и совершенно разными. Один — темный, шершавый, покрытый как бы акульей чешуей или асфальтом, с костяным топором, вырастающим прямо из черепа. Другой — сплошь утыканный иглами, как дикобраз, но иглами прозрачными, будто сосульки. Третий напоминал человека, но почему-то без кожи — будто её содрали живьем, оставив только кровоточащее мясо. У него была крошечная, вырастающая прямо из плеч голова, больше похожая на прыщ, только разорванный поперек широкой пастью с острыми сверкающими зубами... Они шли безмолвно, медленно загребая воду клешнями, словно уставшие пловцы. Но по бело-бурунному следу можно было догадаться, что двигаются Колоссы очень быстро.

Водворив духа на место, я с содроганием задернул Завесу.

— ТРЕВОГА! КАЙДЗЮ! ТРЕВОГА! КАЙДЗЮ! — над крышами, тяжело взмахивая крыльями, кружила птица Гамаюн.

Площадь быстро пустела. В переулки, ведущие к заливу, втягивались последние колонны ополченцев, за ними, шелестя гусеницами, тихо погромыхивал БМП.

Раздался треск, стакан вокруг княгини осыпался мелкими стеклянными брызгами. Ольга, спотыкаясь на высоких каблуках, неловко спустилась с моста. Лумумба устремился к ней.

— Оля! Как ты... Что ты собира...

— Некогда! — рывкнула та в ответ. — Ты что, не слышал? Кайдзю! Давай за мной.

Она побежала, но тут же споткнулась. Тогда княгиня скинула туфли, задрала повыше узкую юбку, и более не оглядываясь, припустила за последним дружинником. Бвана, не долго думая, помчался за ней.

Ко мне подскочила Машка и повисла на шее. Я прижал её к себе, втянул носом родной запах теплого воробушка, и поражаясь своей смелости, вlepил в губы жаркий поцелуй. А потом поставил на ноги, присел рядом на колени и заглянул в глаза.

— Маша. Ты сейчас же должна бежать домой. Запрись там, и сиди, пока всё не закончится. Ты всё поняла? — и посмотрел своим самым строгим взглядом. Тогда она улыбнулась и сказала:

— Конечно, Вань. Что ж тут непонятного? Бежать домой и залезть под кровать.

— Я не говорил, чтобы под кровать. Я сказал...

— Ты совсем рехнулся? — она подскочила, как ужаленная. — Думаешь, я буду отсиживаться дома, пока тут самое интересное твориться?

— Маша, — я постарался говорить спокойно. — Это не игрушки. Кайдзю — тот самый медный таз, который может накрыть весь город. И у меня должны быть развязаны руки... Я не могу, сражаясь с тварями, отвлекаться на мысли о тебе. Понимаешь? Это — не твоя битва. Ты будешь только путаться под ногами...

Глаза у нее сузились до крошечных щелочек, губы вытянулись в струнку, а на щеках проступили белые пятна.

— Ах вот, значит как? Мешать, значит? Ты забыл, что я — охотник, и сражаться с тварями — моя работа?

— Маша...

— Я, между прочим, завалила дракона. И не одного.

— Послушай...

И тут ревуны смолкли. Тишина рухнула неожиданно, как полог, в ушах зазвенело.

— Ты не имеешь права указывать мне, что делать! Ты мне не учитель!

— Я хочу тебя защитить!

Наши голоса разнеслись по опустевшей площади, и эхом отразились от домов.

— Я тоже хочу тебя защитить. Но не привязываю же за ногу к батарее, — сказала она нормальным голосом.

— Как ты не поймешь? Я должен быть на стене, вместе с Лумумбой и остальными. А ты — не маг. Тебе там просто нечего делать.

— Ну и ладно! — она толкнула меня в грудь, от неожиданности я упал. —

Иди, воюй! А обо мне больше не беспокойся. Никогда! — и она пустилась от меня прочь, как сумасшедшая.

Я хотел её догнать, но тут со стороны залива долетел утробный рёв. Начавшись на низких нотах, он набрал силу, завибрировал, поднялся до невысказанных высот, до комариного писка, а затем рухнул, уходя в инфразвук, от которого загудела грудная клетка и запузырилось в ушах.

К берегу я подоспел, наверное, последним. Чудовища уже выбрались из воды. Точнее, почти выбрались. И в Прави они выглядели ничуть не лучше, чем через Завесу.

По самому ближнему, с топором на морде, велась прицельная стрельба из пушек, расположенных на стене. Было видно, как снаряды вырывают из его серой шкуры целые куски. По плечам и торсу исполина текла зеленая густая жижа, но это его почти не тормозило. Выбравшись на песок, он отряхнулся, как собака, и долбанул башкой в железную стену. По стальным листам, как по воде, пошла мелкая рябь.

Иглообраз, похожий на помесь ежа и черепахи, гигантским прыжком преодолев прибор, выскочил вперед. Его окружили, паля из автоматов, дружинники. Растопырив все четыре лапы, Кайдзю задрал голову и махнул длинным хвостом. Полетел дождь ледяных игл. Они прошивали всё, что оказывалось на их пути.

Со стены на иглообразе пала огненная сеть, сверху, как горох из банки, посыпались файерболы. Гигант под сетью тяжело заворочался, заревел, и стал драть огненные веревки лапами. От игл его летели искры и шел смрадный черный дым.

Оставался третий монстр. Он всё еще мотылялся в воде. Вокруг него, не давая подойти к берегу, кружил водоворот — в волнах мелькала корона морского царя, в её зубцах потрескивали электрические разряды. Водоворот набирал мощь, затягивая в себя случайные катера и лодчонки, в голову гиганта одна за другой били ветвистые молнии, но тот стоял несокрушимо, только раззевал пасть, обнажая острые зубы, и вопил. Его крик-то я и услышал на площади...

Оценив обстановку, я решил не подниматься на стену, к магам. Зачем? Они и так неплохо справляются... Приоткрыв Завесу ровно настолько, чтобы одной ногой быть здесь, а другой — там, я посмотрел на камень Алатырь. Вот он, родимый. Сияет, как ни в чем ни бывало. Ну... — обратился я мысленно к камню, — Давай, выполняй свою часть сделки.

И я начал расти.

С каждым вздохом плечи ширились, руки и ноги увеличивались, голова поднималась всё выше... Я вошел в залив. Вода закипела вокруг ступней, поднялась до колен, до бедер, и выше уже не поднималась.

Тогда я разогнался и бросился на кайдзю. Сходу попытался обхватить его руками за шею — не тут-то было. Кожа его, багровая и скользкая, как свиная шкурка, не давала пальцам уцепиться. Пнул его между ног — только ногу отбил. Кто его знает, где у этих тварей жизненно-важные органы... И есть ли они вообще. Зубы у него в пасти двигались, как лезвия циркулярной пилы...

Раздался еще один удар — топороголовый продолжал упорно долбить стену. Грохот пушек сливался с ревом твари и гулом Железной стены.

Сцепившись как борцы, мы с чудовищем топтались по дну, стараясь сва-

лить друг друга, поднимая муть и уходя всё дальше от берега. Кайдзю всё время щелкал челюстями рядом с моим горлом, да еще пытался зацепить хвостом — опутать ноги и повалить.

Наша борьба подняла гигантскую волну, перевернув случившуюся неподалеку баржу. Она была пуста — люди, к счастью, успели эвакуироваться. Выпростав из хватки одну руку, я ухватил баржу за корму. А потом размахнулся и грохнул тварь прямо по кумполу. Потекла зеленая слизь. Приободрившись, я огрел чудовище еще раз, и еще. Череп лопнул, как дыня, а корабль вдруг развалился и стал тонуть. Я даже на миг растерялся. Этим воспользовался кайдзю, и подставив ножку, макнул меня в воду.

Сквозь взбаламученный песок я разглядел медленно падающие на дно обломки баржи, две темные шипастые колонны — ноги исполина, и крошечную золотую искорку. Надув щеки и стараясь не выпустить остатки кислорода, я мог только наблюдать, как искорка, проплыв прямо перед глазами, взмахнула трезубцем и вонзила его в лапу твари. Хватка разжалась, я смог выпрямиться и глотнуть воздуха. И только задним умом понял, что искоркой была морская царевна с папиным трезубцем наперевес...

За спиной кричали люди, грохотали пушки, трещало рвущееся железо. Сквозь гарь и дым прорвался равномерный гул движка. Самолет! Неужели Олег? Но на нем же совсем нет оружия! Надо его остановить. Нельзя позволить Олегу... Я повернул к берегу.

Проломив стену, исполин пытался расширить проход, отрывая лапами огромные стальные листы. Если он пробьется в город... У меня потемнело в глазах. Но тут над головой раздался пронзительный визг: набирая обороты, самолет вошел в пике. Ревя всё громче, он промчался над пляжем и врубился в спину твари. Грохнуло, громадным ярким клубком вспучился огонь, а потом покатила взрывная волна... От самолета не осталось ничего.

Топороголовый стоял еще миг, затем его передние лапы подогнулись и он завалился вперед, в пролом.

И тут передо мной вновь вынырнул кайдзю. Подняв вверх лапы и заревев, как Кинг-Конг, он обрушился на меня всей тяжестью. Я упал. Поднырнув под чудовище, ухватил одной рукой за голову, а другой за основание хвоста, поднял на плечах, как коромысло, а потом поднатужился и сломал хребет. Хвост заметался, как высоковольтный провод. Не удержав, я выпустил хвост, но продолжал крепко держать его за голову. Руку вместе с головой твари я опустил под воду, и упав на колени, придавил его ко дну. Мелькнула мысль: если кайдзю окажется амфибией — все труды водяному под хвост...

Тварь продолжала дергаться но, кажется, всё ленивей. Хвост уже не метался, а просто бился, как отрезанное щупальце осьминога. Я стискивал зубы и продолжал давить. Вокруг за клубились черные тени — морские змеи слетались к добыче. За ними угадывался мускулистый силуэт с трезубцем и короной на голове... От кайдзю полетели ошметки. Руки я уже не чувствовал, так что оставалось только надеяться, что мясо волшебной твари покажется змеям более деликатесным, чем моё.

Через несколько минут, поняв что держать уже в общем-то нечего, я разжал руку и начал подниматься. Плечо взорвалось болью — кто-то выстрелил по мне из пушки.

— Эй, вы что, с ума посходили, по своим лупить? — голос мой разнесся по воде не хуже противотуманного ревуна.

Упс. Я и забыл, что стал величиной с Колосса Родосского. А теперь, покрытый собственной кровью и зеленой слизью походил, верно, на одно из чудовищ, когда вдруг поднялся из пены морской... Я засемафорил здоровой рукой, но стрелы и так уже поняли свою ошибку. Скосив глаза, я посмотрел на рану. Пустяки. До свадьбы заживет.

На берегу был полный разгром. Часть стены, зияя рваными краями, провалилась внутрь. Рядом лежал, уткнувшись в пролом головой, дохлый кайдзю. Чуть дальше по берегу горел БМП, а за ним возвышалась туша иглобраза, от нее до сих пор шел дым. Прибрежная полоса была усеяна обломками — чудовища, пробираясь к берегу, потопили несколько судов.

Рваные спасательные жилеты колыхались на поверхности, как дохлые медузы. Среди обломков на песке я не сразу признал обугленное крыло самолета. Затем — второе. Приметил сломанную, с выбитыми стеклами, клетку кабины, оторванные шасси...

Обретя прежние, более привычные габариты, я стал лихорадочно бегать от одной кучи к другой, пытаюсь найти тело, выпавшее из кабины. На меня никто не обращал внимания — многие помогали выжившим выбираться из воды, оказывали первую помощь — делали искусственное дыхание, перевязывали, давали напиток... Другие, так же как и я, растаскивали обломки и искали тела.

Отдельно, под стеной, складывали тех, кому помощь уже не понадобится. Бросив взгляд на них, я почувствовал, как закололо ладони. Это ведь моя обязанность — помогать тем, кого ждет последний путь.

Заглянув в Навь, я увидел нестройные ряды теней. Они колыхались перед Завесой, не в силах преодолеть порог. Теней было довольно много... У меня засосало под ложечкой. Вдруг открылась новая грань работы Привратником. Такая, о которой я раньше не думал. Далеко не все умирают своей смертью, в глубокой старости, в окружении любящих потомков. Будут младенцы, дети, мужчины и женщины, погибшие в бою — таком, как сегодня. И, самое главное: среди теней нередко будут и те, кого я хорошо знал...

Я вдруг по-новому увидел Князя Игоря. Он ведь был знаком со многими в городе, да почти со всеми! И провожал каждого.

Откинув Завесу, я взмахом руки пригласил умерших внутрь. Тени, одна за другой, устремились за порог, и там, в Нави вновь приобрели свой привычный человеческий облик. Они оглядывались, кто — с удивлением, кто — со страхом, затем прощались взмахом руки и... исчезали.

Последняя тень уходит не спешила. Она стояла отдельно ото всех, так и не переступив порога, и смотрела на меня.

Решив, что этот дух не против подождать, я закрыл Завесу.

Вернувшись в Правь, увидел круг настороженный глаз.

— Нечистый! — донесся до меня чей-то шепот.

— Как есть нечистый! Давно тут ковыряется — я думал, помогает обломки растаскивать, а он возьми, да и уполовинься — правая рука с ногой нормаль-

ные, а левые вдруг сделались черными, плоскими, а затем и вовсе исчезли...

— Может, он маг?

— Держи карман шире. Те-то хоть с виду люди.

— Маги на стене кучковались, пока иглобрюха не завалили, а затем в город ушли, пожары тушить... Самолет-то тротилом под завязку нагрузили, я и сам помогал грузить...

— Не маг он, а Нечистый. Черт. Потому что из моря, как кайдзю, вышел... Вон, мокрый весь какой.

— Ты тоже мокрый.

— Так я-то от воды, меня волной сколько раз накрывало, а этот весь в зеленой кровище...

— Стойте! Я, кажись, его видел, — вперед вышел мужик в снятом по-пояс камуфляжном комбезе. Под ним была тельняшка, а рукава комбеза были завязаны вокруг талии. — Это ты репоголового завалил? — обратился он ко мне, кивком указывая на середину залива. Вокруг тела кайдзю вновь закручивался водоворот — на этот раз Морскому царю никто не помешает...

— Это сделал я. Вот. Такие дела... — еле ворочая языком, подтвердил я и утер лицо.

На глаза всё время капало, я думал вода, а отняв руку и посмотрев на ладонь, понял, что кровь. Красная. Не зеленая. Интересно, чья она? Голос был чужим. В голове бухали волны и меня изрядно пошатывало.

Это откат, подумал я. От Пыльцы... Но Пыльцу-то я не принимал... всё сделал камень.

Усмехнувшись, я медленно опустился на мокрый песок, и чтобы не упасть, оперся рукой в обломок самолета. Вокруг мельтешили чьи-то лица, кто-то хлопал меня по щекам — это воспринималось как далекое постукивание, а в глазах темнело. Я хотел махнуть рукой, улыбнуться и сказать, что всё путем, но не мог — губы онемели, глаза сами собой закрылись и я провалился во тьму.

Глава 21

Маша

Спал Ванька мертвецким сном. Когда ему чистили рану в плече и зашивали длинную царапину на лбу, он только страдальчески вздернул бровки, как ребенок, которому приснилось страшное, но глаз так и не открыл. Я даже начала бояться — целые сутки прошли, столько всего случилось за это время, а он...

— Богатырские подвиги требуют богатырского отдыха... — вскользь, проведя рукой по его волосам, заметила Ольга.

После битвы, после того, как княгиня практически в одиночку завалила иглобрюха, о том, чтобы её казнить, никто и не заикался. Как-то так получилось, что она вдруг стала всем руководить и распоряжаться, и слушались её при этом беспрекословно и шпаки и дружина. А уж как был рад доктор Борменталь — словами не передать. Так с улыбкой и проработал всю ночь и весь следующий день, по локоть в крови, в одной руке — скальпель, в другой — игла... И — ни в одном глазу. В миг трезвенником сделался.

Лумумба на какое-то время выпал из моего поля зрения: сначала он со всеми магами отражал атаки кайдзю со стены, затем ушел в город — тушить пожары и гасить вспышки вандализма.

А я всё это время, после ссоры с Ванькой, провела с Сигурдом. Когда собственный напарник попытался отправить меня домой, подальше от военных действий, я так разозлилась, что соображать перестала, и просто побежала, не разбирая куда. Вот ноги и принесли меня на пристань, к «Молоту Дьюрина».

Ребята как раз пересчитывали боеприпасы. Пропустить битву с кайдзю они не согласились бы ни за какие коврижки, даже если б им пообещали набить полный трюм рыбы и вдобавок подарить каждому по девушке.

Сигурд был счастлив: морские чудовища обеспечивали его парням все тридцать три удовольствия: битье, бухло — после битвы, разумеется, и ворье — на черном рынке кости, зубы и шкура кайдзю стоили баснословных денег. Не знаю, какой смысл покупать части дохлых магических тварей, ведь они существуют ровно до тех пор, пока не завалят создавшего их мага, но — у богатых свои причуды.

В общем, собрав всё имеющееся оружие, викинги построились и бодрой рысью рванули на пляж — отстаивать высокое звание первых на деревне драчунов. Мне Набольший вручил ручной пулемет — вот кто не считал меня обузой, которая только путается под ногами! На мгновение даже подумалось: бросить всё и уговорить ребят податься в пираты. Стать грозой морей, как капитан Блад. Но я эти мысли мужественно оттринула. Как раз накануне, когда еще в порубе сидели, Толстый Вилли показывал мне фотокарточки семерых белоголовых пацанов и могучей тетки с косой вокруг головы — своей ненаглядной женушки... И тут я подумала: а ведь у меня тоже есть семья. Причем не маленькая. Бабуля и Ласточка с Обрезом, Таракан, Ванька С Лумумбой... Что мы поругались — это ерунда, с Ласточкой мы постоянно ссорились, и даже дрались, а потом, когда мирились, только ближе и родней делались.

Сейчас, сидя в походной палатке красного креста и дожидаясь Ванькиного пробуждения, я всё же немного побаивалась: а вдруг он мириться не захочет? Окатит равнодушным взглядом и отвернется... Я этого не переживу. Тогда точ-

но придется в пираты уходить. А что еще остается?

Я потихоньку взяла его за руку. Вот Базиль на суде сказал, что Ваньке пришлось умереть, чтобы попасть к реке Смородине, пообщаться с князем Игорем и добыть доказательства невиновности Ольги. Точнее, найти свидетеля, который знает, кто убил князя и даже сам всё видел. А словам духа, как я уже успела убедиться, можно верить железобетонно: мертвые не врут.

И всё же надо у Базиля провентилировать, что он имел в виду, насчет Ванькиной смерти... Я беспокойно заглянула ему в лицо: на вид — такой же бугай, как обычно. Ну, чуть глаза провалились, да рот стал пожестче, скулы заострились, подбородок отвердел — как будто в один день ушло из него всё жеребьячье веселье, вся юношеская пухлость, и напарник стал окончательно взрослым. Разве что седых волос не видать...

А вот Лумумба поседел окончательно. Раньше его роскошная шевелюра была только слегка мукой присыпана. Перец с солью, как говорится. А сейчас — сплошная сахарная вата. Но это, на мой взгляд, его ни чуточки не портит, а только придает импозантности. Жалко, что Ольга этого не замечает.

Мне кажется, они друг другу очень подходят. Но Ольга теперь совсем важная — весь город к ней за советом бежит: что сдохлыми кайдзю делать, да как стену чинить, кто в дозоры ходить должен, какое имя младенцу дать, и чью траву отвязавшаяся коза съела... Сразу после битвы княгиня вернула летучие отряды на воздушных шарах — сказала, если б они всё время в воздухе были, кайдзю бы заметили намного раньше, а к городу и вовсе б не подпустили... А деда Фира обещал меня с собой в дозор взять и на воздушном шаре покачать — правда здорово?!

Сидя на краю кровати, я от нечего делать болтала ногами. Решила во что бы то ни стало первым делом с Ванькой помириться, а значит, должна быть здесь, когда он проснется.

Я правда на него очень злилась. Но увидев кайдзю, обо всем забыла. Они были не просто громадными — что я, драконов не видала? Морские чудовища поражали своей инородностью, и поэтому пугали до чертиков. Зачем они здесь? Кто их сотворил? И, самое главное, как их убить?

А потом я увидела Ваньку, как он бредет по воде, и залив в самом глубоком месте ему по колено...

Осознав всё его величие и мощь, я вдруг поняла, что являюсь крошечным мышонком, песчинкой, оказавшейся в водовороте стихий. Что я могу, по сравнению с такими исполинами духа, как Ванька и Лумумба? Когда напарник просил меня остаться дома, он не хотел обидеть. Он просто за меня боялся. А значит... Впрочем, об остальном я пока думать не буду. Других проблем хватает.

Я вновь поболтала ногами. Скучно так просто сидеть, когда все остальные делом заняты. Даже Гамаюн со мной не пошла: она теперь неотрывно рядом с княгиней, сидит у той на плече, а на всякую мелочь вроде простых людей и внимания не обращает. Удивляюсь, как хрупкая на вид тетенька выдерживает эдакую тяжесть.

Вам наверное хочется узнать, почему всем распоряжается княгиня Ольга, а не Сварог? М-да... В общем, тут такое дело...

— Маша?

— Ванька! Ты проснулся! Ты...

Забыв обо всём, я бросилась напарнику на шею, стараясь, чтобы он не увидел моего лица. Слёзы брызнули сами собой, я даже разозлилась: как кисейная барышня, право слово... Но я была так рада, так счастлива, что он наконец проснулся! Но... почему он молчит? Обижается?

— Вань, ты чего молчишь?

— Ты меня душишь.

— О.

Чинно присев рядом на кровать, я взяла его за руку.

— Вань... Прости меня, ладно?

Он посмотрел черными, без зрачков глазами, а потом медленно, будто позабыл, как это делать, улыбнулся.

— Ты меня тоже. Я там на площади глупостей наговорил, никакая ты не...

— Ладно, проехали. Мир?

— Мир.

Он спустил ноги с кровати и растерянно оглядел себя: кроме больничной распашонки в веселенькую надпись «Минздрав», на нем ничего не было. Ванька моргнул, провел рукой по ногам — на них тут же оказались зашнурованные берцы и плотные армейские штаны с настоящим кожаным ремнем и квадратной пряжкой. Провел по забинтованной груди — и та покрылась камуфляжной курткой. Провел по лицу — и трехдневной щетины как не бывало, только щеки остались такими же бледными, как и были.

— Ух ты! А я думала, ты так еще не умеешь. Тем более, без Пыльцы...

Ванька смущенно потупился и вздохнул.

— Это как раз та часть, которую я должен тебе рассказать.

— Ладно. Идем, там столы накрыли, прямо на пляже. Пожрем, заодно и расскажешь.

Я вскочила. Во всем теле будто булькали пузырьки. Ванька проснулся, и нисколько на меня не сердится. Мы помирились, и больше не поссоримся. Никогда-никогда!

— Давай лучше здесь, — поймав за руку, он посадил меня рядом и обнял за плечи. А потом, глядя в пол, поведал свою историю.

Пока я редела, беззвучно глотая слёзы и только чуть шмыгая носом, он сидел рядом и держал меня за руку. Не лез с утешениями, не пытался что-то сказать, а просто сидел и ждал, когда я успокоюсь. За что я ему очень благодарна. А еще мне ни капельки не было стыдно. Бабуля, между прочим, всегда говорил: иногда не грех и поплакать, если уж очень хреново... А мне так хреново наверное, никогда не было.

— Так ты всё-таки умер, — сказала я, успокоившись и подтерев соплю. Идти никуда не хотелось. И есть не хотелось. Да и вообще ничего больше не хотелось.

— Похоже на то, — вытянутая Ванькина рука вдруг стала прозрачной. Стали видны вены, сухожилия, кости... а потом она и вовсе исчезла. Я взвизгнула.

— Извини, я не подумал, — в руке, ставшей вновь нормальной, появился носовой платок. Белый, в синюю клеточку. — На вот, возьми.

— А он не укусит?

— Да нет конечно, — рассмеялся напарник. — Просто через Навь удобнее.

Ну там, вещи всякие доставать... Или угол срезать...

Мне было не по себе от его черных, будто дырки в земле, глаз. Казалось, сквозь Ваньку смотрит кто-то другой...

— И Пыльца тебе тоже не нужна?

— Не-а. Могу сколько хочешь колдовать, и ничего мне не сделается!

— Круто. Будешь теперь, как лампа Аладдина.

— Я не виноват, — он понурился. — Просто так получилось.

Мы помолчали, сидя рядышком на походной койке. От нечего делать я ковыряла пальцем поролоновый матрас.

— Останешься в Мангазее?

— Наверное. Сторожем на кладбище устроюсь...

— То есть, будешь жить даже немножко лучше, чем князь?

— Типа того.

— Я тогда тоже здесь останусь, — я неожиданно поняла, что это — офигенный выход. К чему страдать и плакать, когда проблему так легко решить? Жили же Ольга с Игорем... — А чего? Нормальный город. Устроюсь в Летучий отряд к деду Фире...

— Они девок в дружину не берут.

— Меня точно возьмут. Олег уже обещал...

— Когда это?

В его голосе и вправду ревность, или мне послышалось?

— Ну... — я скромно опустила глазки. — Когда мы с викингами завалили того топороголового... Олег сказал, что лично меня хоть сейчас бы в дружину взял. Он пока временно дружиной командует, потому что Сварог...

— Да, — кивнул Ванька. — Я знаю.

— Он, наверное, всех нас спас. Весь город, в смысле. Еще немного, и Кайдзю пролез бы за городскую стену, а там...

Я приободрилась. Ничего, и в Мангазее проживем. Будем к Ласточке в гости ездить — Игорь же в Москву ездил ненадолго, значит, и Ванька сможет...

— Вот бы и Лумумбу уговорить, — сказала я вслух, продолжая свою мысль. — Стал бы новым сыскным воеводой, женился снова на княгине...

— Нельзя тебе оставаться, — вдруг сказал Ванька. Я не поверила своим ушам, а он зачистил: — Бвана ни за что не согласится на одном месте осесть, тем более, рядом с Ольгой. А без напарника ему никак нельзя. Кто за ним приглядит? Кто спину прикроет? Он ведь только делает вид, что крутой, как вареное яйцо, а на самом деле...

— Лысый черт тебя подери! Опять всё за меня решил, да? — разозлившись, я соскочила с кровати. — Думаешь, мне нянька нужна? Думаешь, гвоздь тебе в пузо, я сама не справлюсь? Да если хочешь знать... — и тут я замолчала. Вдавила ногти в ладони что было сил, и зажмурилась. Нет. Лучше промолчу. Слишком часто приходится жалеть о том, что я говорю...

— Знаешь, не обязательно решать прямо сейчас, — примирительно сказал Ванька и поднялся. — Идем лучше покушаем. А то в брюхе так бурчит, аж переночевать негде... Слона бы съел.

— Всего бы не съел. Подавился бы.

— Ну, не съел — так покусал бы.

— Ты же мертвый. А мертвые не кусаются.

— Это ты зомби не видела. А еще охотница...

— Сам ты не видел! Да я этих зомби, может, побольше твоего видела, — я шутливо толкнула его в плечо, и случайно попала прямо по ране. Ванька взвыл. — Ой, прости, прости. Я не нарочно.

— Жить буду, — он потер плечо и принялся. — Шашлыки, что-ли, жарят?

— Сегодня общая тризна. Похоронили всех еще вчера, пока ты тут храпака давал, а сегодня Ольга распорядилась накрыть столы прямо на пляже. Ну, на том месте, где битва была...

Выходя из палатки, я взяла напарника за руку. Обычная теплая рука. Вся в царапинах и ногти обломаны. Всё, как у людей...

Море было тихое-тихое. Будто устало за эти дни бузить и буянить и тоже прилегло отдохнуть. Мы шли по самой кромке прибоя, по пенному следу. В прозрачной воде колыхались зонтики медуз, похожие на скопления выброшенных полиэтиленовых пакетов, а плотный песок был усыпан ракушками. Среди них попадались и плоские, и круглые, и закрученные спиралью. Вот бы взять и отыскать жемчужину!

— А откуда ты про Сварога узнал? — спросила я, вспомнив недавнюю перепалку.

— Я его видел. На Той стороне, когда помогал теньям сквозь Завесу пройти.

По спине пробежали мурашки. Никак не могла привыкнуть к его новым талантам. А еще, когда Ванька говорил о Том свете, у него делался ТАКОЙ голос...

— Ольга распорядилась его со всеми не хоронить. Сварог теперь — народный герой, и его похоронят в море, как князя Игоря.

Берег выглядел совсем, как в наш первый день в Мангазее. И праздничная толпа и лоточники и воздушные шары с матюгальниками. Имели также место карусель и высокий плот из кедровых поленьев, с телом на самом верху... Не верилось, что прошла всего лишь неделя.

Седую голову Лумумбы и светлую косу княгини я заприметила издали, они сидели за накрытым столом, прямо как простые смертные. Рядом, подперев голову локтем, блаженно щурился на солнце доктор Борменталь. Дальше сидели Олег и Сигурд — отодвинув тарелки и чашки, краснея лицами и надувая жилы на шее, они мерились силами в армреслинге. Иногда почти побеждал Сигурд, иногда — Олег. Гамаюн, в своём репертуаре, молотила свежие огурцы как патентованная овощерезка.

Завидев нас, все оживились. Олег и Сигурд бросили свои игрища, подбежали к Ваньке и давай мять ему бока и хлопать по спине. Ольга, поднявшись из-за стола, звонко расцеловала напарника в обе щеки, доктор пощупал пульс и заглянул в зрачки, и только Лумумба, повернувшись ко всем спиной, даже не думал радоваться. Наверное сокрушается, что если б не сидел пьяный в бане, а пошел в Зону вместе с Ванькой, всё могло повернуться по-другому... Но я, по здравом размышлении, его простила. От судьбы не уйдешь, будь ты простой человек или маг в законе...

После всех охов и ахов Ваньку наконец-то подпустили к столу. Как он ел! Гамаюн, оставив в покое черную икру, подскочила поближе и стала провожать завистливым взглядом каждый кусок.

— Вот бы и мне вместо клюва такую пасть иметь... — пробормотала она. —

Остановите его, кто-нибудь! Эдак он весь стол сожрет, вместе со скатертью... Нет, не могу больше на это смотреть, — сложив крылья на груди, птица отвернулась. Ты б хоть запивал, что-ли... — посоветовала она через плечо.

— Угм... — Ванька, заглотив гигантский кусок пирога с рыбой, запил его целым кувшином клюквенного морсу. — С самой смерти ничего не ел.

— Расскажите голубчик, как вы этого духа отыскивали, — попросил доктор Борменталь, когда напарник, сыто отдуваясь, откинулся на лавке.

— Это не я его отыскал, а можно сказать, он меня, — объяснил он. — Когда Игорь отдал мне ключ — выпростав из-под рубахи веревочку, Ванька продемонстрировал всем желающим небольшой золотой ключик, — вокруг стали собираться духи, скопившиеся за то время, пока Зона была без Привратника. Все новенькие, без году неделя. И только один — постарше, месяцев шести. Увидев его смерть, я сразу всё понял.

— Так кто это был? — жадно спросил Олег. — После объявления тревоги всё это вылетело из головы, но сейчас неплохо бы расставить все точки, — он многозначительно покосился на княгиню.

— Данилу Кручинина, так же, как и князя Игоря и финдиректора Жадина, убил Сварог... — тихо, ни на кого не глядя, ответил Лумумба. Все окаменели. Учитель, протянув руку к середине стола, взял самую пышную ватрушку и принялся крошить её вороне. Та благодарно заурчала. — Я это понял довольно давно, еще после убийства Жадина.

— Так почему вы никого не поставили в известность? — доктор был вне себя. Так же, как и я. И Олег. Одна княгиня сидела спокойно, будто её это всё не касалось.

— У меня не было доказательств, — пожал плечами Лумумба, и улыбнулся. — А что стоят обвинения без улик?

— Вы же маг! — воскликнула я. — Вы могли бы сотворить какие угодно улики, главное — наказать виновного! — на меня посмотрели с осуждением все. Даже Гамаюн. — Ну ладно, не сотворить. Но поискать-то можно было!

— Чем мы с тобой и занимались, младший падаван, — устало закатив глаза, ответил наставник. — Всё оставшееся нам время...

— Но... Зачем? — бурно пожал плечами доктор. Опять у него пенсне болталось где-то за ухом, а галстук развязался и вымок в мясной подливке. — Зачем было Сварогу всех убивать?

— По разным причинам... — начал говорить Лумумба, но его опередил Олег.

— Отец ненавидел магов. Он с трудом согласился на то, чтобы включить магов в Летучие отряды, был против легализации продажи Пыльцы, а уж к дружине не подпускал их и на пушечный выстрел. А Данила страстно желал стать магом. И даже потихоньку учился... Отец просто не мог стерпеть, что дружинник, солдат, переметнулся. Он счел Данилу предателем, и, понимая, что общественность его не поддержит... Он и брата из дому выгнал, — воевода отвернулся. — Матери сердце разбил, но на своём настоял. — Под моей крышей мажьей погани места нет, — так он всегда говорил. А уж когда Игорь на магичке жениться вздумал...

— Игоря он убивать не хотел, — прервала его княгиня, ласково взяв за руку. — Сварог целил в меня. Использовал он какой-то инструмент, механическую машинку, заряженную магическим ядом...

— Ты всё знала, — на Лумумбу было страшно смотреть. Он будто постарел сразу лет на двадцать. — Ты всё знала, и всё равно заставила меня пройти через это...

— Нет, на самом деле нет, — тряхнула кудрями Ольга. — Просто во время суда, в тот момент, когда он предъявил склянку с магическим ядом... Я видела точно такие в лавке Джона Сильвера, в отделе заморских диковинок. И еще вспомнила, что Сварог, как раз накануне смерти Игоря, приобрел через Джона крупную партию дронов... Среди них вполне могла оказаться крошечная игрушка, которой можно управлять дистанционно. Командующий просто ошибся. Волею случая яд попал не в ту задницу — улыбка княгини скривилась, по щеке её скользнула одинокая слеза.

— Почему ты мне не сказала? — мягко спросил Лумумба.

— Просто не успела. Я знала, что ты всё распутал, что ты всё про него понял... — она посмотрела на Базиля виновато и ласково. — Но ведь у нас не было времени. Тревога, бой с кайдзю... А потом это стало неважно.

— Почему мстительный дух не прикончил отца? — спросил Олег. — Он же добрался до остальных убийц, почему тогда не тронул его?

— Скорее всего, Сварог носил амулет, защищающий от потусторонних сил, — объяснила Ольга. — В магических лавках такого добра — по пучку за денежку. — Он не знал про мстительного духа, просто, по своей подозрительности, страховался от магических атак.

— Но зачем было убивать финдиректора? — спросил доктор Борменталь. — Ведь Жадин не был магом.

— Зато управлял крупнейшим золотопромышленным концерном по эту сторону пролива, — кивнул Лумумба. — Мешал захвату власти. Во-первых, Жадин был против казни Ольги: он прекрасно знал, что без неё прииски не заработают и золота не будет. Но Сварог считал иначе. Он думал, что став князем, сможет переломить нойд, вынудит их отступить от рудников и не станет зависеть от их благоволения... Когда в доках начались беспорядки он счел, что удача сама плывет в руки. В тех обстоятельствах убить Жадина было отличным ходом — с его, разумеется, точки зрения. С одной стороны — он убирал главного конкурента, с другой — обеспечивал себе поддержку народных масс.

— Каким образом? — спросил доктор.

— Он распустил слух, что Душегуб взялся за бояр. Те перепугались, запаниковали...

— После того, как отец открыл Монетный двор, люди сами попросили его стать князем, — криво усмехнулся Олег. Все знают: больше всего на свете он любил Мангазею, и хотел для города только самого лучшего.

— И он это доказал, отдав жизнь, — твердо закончила княгиня. — Так что пусть так и остается.

Это же нечестно, — подумала я, глядя в скатерть. — Нечестно, чтобы все думали, что он герой.

Но он и вправду пожертвовал жизнью, направив самолет на кайдзю... И это, безусловно, героический поступок. Его и будут помнить. А остальное...

— Князь Сварог пожертвовал жизнью, чтобы спасти город, — отчеканила Ольга. — Помните об этом.

— Ты стала совсем другой, Оля, — грустно заметил Лумумба.

— Я всегда была другой, — улыбнулась княгиня. — Просто ты не хотел этого

замечать.

Ванька, посмотрев на меня, подмигнул и поднялся.

— Пойдем, погуляем? А то города толком так и не видели...

— Да что там смотреть? После беспорядков и пожаров не так уж много и осталось, — вместо меня ответила Гамаюн, но, оставив булку, спрыгнула на песок.

— Вообще-то я Машу звал, — Ванька протянул мне руку. — Извини... — вона сразу надулась.

— Ну и пожалуйста, не очень-то и хотелось. Тили-тили тесто...

Но мы не стали обращать на нее внимания.

Эпилог

Маша

Мы брели по пляжу, постепенно оставляя позади накрытые столы и толпу. Веселье было в самом разгаре: плот с телом князя плыл уже где-то на середине залива, карусель катала очередную ватагу детишек, лоточники разносили пирожки и сушеную корюшку, а с воздушного шара рекламировали сорт нового пива. На этот раз марки «Сварог».

Домой идти не хотелось, потому что оба понимали: там нас ждут только сборы и проводы. Мы с Лумумбой — куда-нибудь на запад, а Ванька останется здесь, в Мангазее... Может, так и будет снимать комнату у Арины Родионовны, а может, ему княгиня новый терем подарит — как особо ценному сотруднику...

После пляжа еще погуляли по городу. Зашли в несколько лавочек, не побоявшихся открыться после путча, прикупили подарков. Всё, что я успела приобрести в самом начале, в лавке купцов Кулибиных, сама же и потратила, так что теперь, хорошенько подумав, я купила Ласточке несколько отрезов мягкой ткани, теплое одеяльце и парочку погремушек — что-то подсказывало, что ей это всё очень скоро пригодиться. А Ванька неожиданно сделал подарок мне: купил чудесную джинсовую курточку на меху, с кучей карманов и настоящими железными пуговицами.

А вот магазин Джона Сильвера был закрыт. Разбитые витрины заколочены досками, вывеска сбита...

Домой доплелись уже под вечер. Грустно было — сил нет. Понимая, что внутри наедине уже побыть не удастся, я остановилась перед калиткой, прорезанной в глухом бабкином заборе.

— Вань...

— Чего?

— Да ничего. Так просто, — я по привычке взяла его за большую теплую ладонь и сморщила нос, чтобы не заплакать. — Как ты тут один, без нас будешь?

— Вообще не представляю. Бвана мне как отец, а ты...

— А я?

Долгий миг мы смотрели друг другу в глаза, понимая всё-всё, до самого доньшка души, до самой тайной мысли, а потом загромыхал тяжелый засов и калитка со зловецим скрипом приоткрылась.

— Ну, где вас носит? — раздраженно спросил кот. — Шампанское выдохлось, канапе заветрились, сыр протухнуть успел. Заходите давайте! Все уже

собрались, только вас ждем.

Стол накрыли прямо во дворе — тесная бабкина изба не вместила бы такого количества народу. Здесь были и княгиня Ольга, в клетчатой, завязанной на поясе рубахе и джинсах почти похожая на настоящую живую тетку, и доктор Борменталь, не изменивший привычке сразу же макать галстук в самую жирную подливку. Рядом с ними, обнявшись как родные братья, восседали Олег и Сигурд, у каждого в одной руке — крошечная рюмочка, в другой — наколотый на вилку соленый гриб. Принять они уже успели изрядно, но держались огурцами. Деда Фира щеголял красной, как гребень петуха, косовороткой и новеньким картузом с лаковым козырьком.

Сам властитель куриных душ был тут же: прохаживался вокруг с важным видом, распушив роскошный радужный хвост. Гамаюн, растопырив железный хохолок, демонстративно делала вид, что не обращает на крылатого сердцеда никакого внимания.

Хозяйка Арина свет Родионовна, наряженная, вопреки обыкновению не в черное вдовье платье, а в яркую вышитую кацавейку и роскошный оренбургский платок, сидела во главе стола под могучим, обмотанным цепью дубом. Не стесняясь единственного зуба, она румяно и по-доброму улыбалась, как родная бабушка.

По другую сторону стола сидел громадных размеров дяденька, одетый в одни мокрые штаны. Могучие мускулы так и перекатывались на плечах, когда он поднимал руку, чтобы подкрутить ус... Рядом хлопала глазками хрупкая девушка с длинными зелеными волосами и немного рыбьим личиком. Я великодушно решила, что огромные глаза, придающие сходство с золотой рыбкой, девушку ничуть не портят, но тут она принялась так откровенно подмигивать Ваньке, что я сразу переменяла мнение.

— Ва-а-ань? Это она что-ли, морская царевна?

— Ага.

— Ты смотри у меня... Если что, всю чешую ей из хвоста повыдергаю.

— Ну, чего вылупились? — рядом возник кот. — Топайте к столу, гости дорогие.

— А где учитель? — уперся Ванька.

И точно. Лумумбы за столом не было... Я украдкой покосилась на баню. Та стояла, сиротливо поскрипывая открытой дверью и слепо щурясь единственным темным окошком.

— Задерживается. Но скоро будет, — солидно ответил кот и подтолкнул нас к столу. — Не ерепеньтесь, люди ждут.

— Вот всегда он так, — закручинился Ванька. — Опять бвана что-то интересное затеял, а мне не сказал...

— Что за шум, а драки нету? — за спиной раздался знакомый голос. — Старший падаван! Пач-чему личный состав до сих пор не принимает пищу?

— Бвана! — повернувшись, Ванька облапил наставника, да так крепко, что ноги того оторвались от земли. У моего напарника сделалось такое лицо, будто он расстается с любовью всей жизни. Или с очень нужной конечностью. Он мял Лумумбе бока, хлопал его по спине так, что по двору шел гулкий звон, как от медного таза, тряс, как молодую яблоню, и ревел при этом что-то невразумительное, ни капельки не стесняясь.

— Отпусти ирод, задушишь... — запросил пощады Лумумба через пару минут и был наконец выпущен на волю.

— Бвана... А я... А вы...

Мой красноречивый напарник тер покрасневшие глаза кулачищами и шмыгал носом. Глядя на него, я тоже начала шмыгать носом. Кот, стоящий рядом, принялся подозрительно быстро умываться лапкой и даже ворона, сидя на спинке стула княгини Ольги, бросив прихорашиваться перед петухом, пригорюнилась и смахнула крылом каплю смазки с кончика клюва.

— Надо выпить! — будто святую истину, возвестил Лумумба. А потом, обняв нас с Ванькой за плечи и оглядев всех присутствующих, добавил: — Всем нам.

— Пожалуйста, гости дорогие! — засуетился кот, обмахивая лавку пушистым хвостом, — Вот пирожки с грибами, студень говяжий, морошка моченая... Икра баклажанная заморская и белужья — наша, отечественная. Приятного аппетита!

Сев за стол, мы с Ванькой на какое-то время забыли обо всех своих горестях. Кот только успевал новые блюда подтаскивать. Драгоценный наставник от нас не отставал. Как ни в чем ни бывало, он орудовал ножом и вилкой, громко хохотал над шутками деда Фиры и рассказывал смешные случаи из их общей с Ванькой жизни. Я вздохнула: вот так и должны проходить прощания. Легко и весело, чтобы потом было, что вспомнить...

Когда все наелись, слово взяла Ольга. Изящно придерживая двумя пальчиками рюмку с водкой, она поблагодарила всех за службу и преданность. Ответила низкий поклон Арине Родионовне и деду Фире. Тут же, не сходя с места, возвела Олега в ранг Главнокомандующего всеми военными силами Мангазеи, а Сигурду пообещала пять лет беспоплиной торговли. И в качестве особого приза «за отвагу», право один раз за навигацию напиваться вдрызг и буяннить вместе с дружинниками по всему городу. Такой вот себе «День ВДВ».

Затем, переведя взгляд прекрасных глаз на Лумумбу, робко улыбнулась и спросила:

— Чем же мне тебя отдарить, мой благородный рыцарь? — и иронии в её словах была лишь самая чуточка.

— Твое доверие — и есть лучший подарок, — в тон княгине скромно ответил наставник.

— Тогда возьми хоть это, — и Ольга протянула ему крошечный ключик, только не золотой, а серебряный... Флэшка! — не сразу догадалась я. — Здесь — все мои исследования, все записи, — подтвердила догадку княгиня. — Вернешься в Москву — прочти. Обязательно. И товарищу Седому покажи.

— А как же ты? — спросил Лумумба, но флэшку взял, и сунул в жилетный карман.

— У меня теперь другие интересы, — пожалала плечами княгиня Ольга.

— А что же вы тогда писали в блокнотике? — не смогла удержаться я. — Там, в камере, и на суде тоже... — Ольга улыбнулась и подмигнула, и вдруг сделавшись похожей на озорную девчонку не старше меня.

— Я рисовала чертиков, — пояснила она. — Чтобы отвлечься...

Расхохоталась, увидев мою реакцию, коротко приобняла за плечи и чмокнула в щеку.

— Ну, а ты чего хочешь, красавица?

Я смутилась.

— Скажете тоже... Какая из меня красавица?

— А взгляни!

И княгиня протянула мне зеркальце. Самое обычное, у Ласточки такое в косметичке лежало... Но, посмотревшись в это, я себя не узнала. Откуда взялись соболиные брови и зеленые, как прудовая вода в жаркий полдень глаза, и точеный носик, и пухлые алые губки... От неожиданности я ойкнула и уронила подарок. Хорошо, что на колени... А потом взглянула на княгиню.

— Это зеркало отражает истинную суть вещей. И людей, разумеется. Будешь сомневаться — смело глядись, — пояснила та.

— Спасибо.

Я смущенно убрала зеркальце в карман новой курточки.

— Ну, а тебя чем наградить Иван-Воин? — лукаво улыбаясь, спросила Ольга. — Хотя знаю: — «По лугам, по полянам, ходят Марья с Иваном. Тут любовь без обмана. Без дружка, без Ивана, жить и Марья не станет, а зачахнет, завянет...»

Мы с Ванькой не стовариваясь запылали ушами, а княгиня почему-то многозначительно посмотрела на Лумумбу. Тот еще секунду сидел, делая вид, что поглощен крабовым салатом, а потом как бы спохватился и вскочил.

— Ах да, я забыл, — сказал он, беря Ваньку за руку и вытаскивая с лавки. — Всё заботы, дела, пообедать некогда... Подведя его к Ольге, он приказал ученику: — Доставай свой золотой ключик.

Ванька достал.

— Теперь отдай его княгине.

— Бвана...

— Делай, как я сказал.

Ольга улыбнулась и протянула руку.

Когда их руки соприкоснулись на ключе, мир моргнул и мы, со всей честной компанией, оказались на обширной цветущей поляне. Посреди поляны спала громадная каменная голова. Она мягко светилась, а листочки на ясене, растущем из макушки, подрагивали от богатырского храпа.

Рядом с головой стоял высокий черноусый субъект в собольей шапке и такой же шубе. Ольга, увидав его, вскрикнула и бросилась мужчине на шею. Я почему-то сразу поняла, что это — князь Игорь... Обнявшись, они стали целоваться и бормотать друг дружке что-то ласковое. Мы все смущенно отвернулись.

Из тумана вышел седоусый человек в парадном мундире и сверкающей золотым галуном фуражке. С другой стороны шел Данила Кручинин, тоже в парадном мундире, только чуть попроще. Ванька сразу вышел вперед и встал между ними, а все остальные замерли в отдалении.

— ВОЕВОДА СВАРОГ? — спросил напарник гулким, как колокол, голосом.

— Так точно, — ответил мужчина.

Данила только улыбнулся нам, как старым знакомым, но промолчал. Ванька взял их обоих за руки.

— ВАМ ПОРА.

Сварог нашел взглядом Игоря и Ольгу, долго смотрел на них, потом повернулся к Даниле.

— Я не мог поступить иначе, сказал он.

— Я знаю, — кивнул Данила.

Сварог оглядел всех, по очереди, даже на миг задержался на мне. Потом повернулся к Ваньке.

— Я хотел как лучше, — сказал он.

— Я ЗНАЮ.

Ванька открыл за ручку возникшую в воздухе дверь, и Сварог, а за ним и Данила, исчезли в темном проеме. Закрывшись, пропала и дверь.

— Ну... Вот и всё! — бодро воскликнул Лумумба, и потер руки с видом человека, только что проделавшего отличную работенку.

— Что всё? — переспросили мы с Ванькой хором.

— Ты свою работу исполнил, а дальше... — учитель легкомысленно пожал плечами. Мы всё еще не понимали.

— Привратником может стать любой, кого примет камень, пояснил он, закатив глаза. — А Ольгу Игорь водил к нему сразу после свадьбы. Тебе об этом даже говорили, а ты, дурья башка, забыл. И чему я тебя учил все эти годы?

Мы онемели.

— Значит, всё это время вы знали, что мне не обязательно оставаться в Мангазее? — спросил Ванька.

— Значит, мы с Ванькой зря страдали, думая, что расстаемся? — возмутилась я. — Да вы... Да я...

— Но-но, полегче, — Лумумба отвесил нам по легкому подзатыльнику. — Не забывайте о субординации. И вообще, впредь вам обоим уроком будет... — он подбоченился и посмотрел на нас, нахмутив брови: — Не след поперед бабки в пекло лезть! Усвоили?

Не веря своему счастью, мы дружно кивнули.

Поприветствовать нового Привратника собрались все жители Зоны. Ванька нас тут же и познакомил... Илюха Мурманский галантно поцеловал княгине ручку, Наст, обняв за плечи, что-то сказала на ушко и обе захихикали, как подружки, затем подошли остальные, окружили их с Игорем плотным кольцом... Миха, парень с дредами, тут же отвел в сторону бабку, и о чем-то начал с ней шептаться.

А к нам подошел Кукса.

— Значит, не будешь больше Привратником? — спросил нойда у Ваньки, жуя травинку.

Странный мальчишка: с виду — лет не больше четырнадцати, а по мудрым глазам, от которых разбегались лучики морщинок, — так больше сорока...

— Не буду.

— Жалко. Я к тебе привык. Вот, возьми, — неловко, как бы стесняясь, он протянул на ладошке небольшой камушек. — Это сейд. Чтобы дырки затыкать.

— Спасибо, — Ванька взял подарок. У того в середине оказалась небольшая дырочка, и напарник тут же поднес камень к глазу, чтобы посмотреть на солнце.

— Нельзя так делать... — противным голосом проквокал Кукса и захихикал.

Ванька, прижав к себе, взъерошил пацану челку.

— Я буду по тебе скучать, — сказал он.

— Заскучаешь — приходи, — пригласил Кукса. — Рыбки поедем...

Вернувшись, все пригорюнились. Казалось бы: радоваться надо, особенно нам с Ванькой, но почему-то наворачивались слёзы. То ли от мыслей о том что, как ни крути, а прощаться придется... Поникшие, сидели мы за столом. Водокрут опустил голову на руки, Ванька о чем-то тихо разговаривал с Олегом и Сигурдом, Гамаюн вообще пропала — наверное, отправилась с петухом шашни крутить... Деда Фира, подперев кулачком румяную щечку, что-то напевал про себя... И тут по столу кулаком стукнула бабка.

— Эх, что это за проводы такие? Бегемот! Тащи гармонь.

Кот, задрвав хвост трубой, сиганул прямо в открытое окно, а через секунду появился на пороге с гармошкой через плечо. Бока её лаково блестели, а сложенная серединка отливала малиновым бархатом. Музыкальный инструмент с подобающим поклоном был вручен Агасферу Моисеевичу. Тот растянул меха...

— Из-за острова на стрежень, на простор речной волны... — неожиданно грянул Водокрут. Бас у водяного был глубокий, бархатный, что называется, шаляпинский.

— Выплыва-а-ают расписные Стеньки Ра-а-азина челны... — грохнули все хором.

Потом его дочка спела про «В море ветер, в море буря, в море дуют ураганы...» На припеве она опять так завлекательно поглядывала на Ваньку, что пришлось показать ей украдкой кулак.

Хозяйка Арина Родионовна тоже решила тряхнуть. Подбоченившись, она сбацала очень смешные частушки:

*Шла лесною стороной, увязался чёрт за мной,
плюнула на плешь ему и послала к Лешему!*

— и затем:

*Самый вредный из людей, это сказочник-злодей.
Вот уж врун искусный, жаль, что он невкусный!
И-э-х!*

Взмахнув платком, она подбоченилась и пошла по кругу, поводя плечами и отстукивая каблучками залихватскую чечетку.

Веселье покатилося колесом.

Кот ходил по цепи, как цирковой акробат. Деда Фира отмочил камаринскую. Олег на пару с Сигурдом — матросский танец «Яблочко».

Даже баня пустилась вприсядку, выпростав из-под фундамента голенастые курьи ноги... Лумумба с Ольгой показали класс, станцевав танго на мотив «Подмосковных Вечеров».

Одни мы с Ванькой сидели на лавке, как приклеенные: оказалось, что ни я, ни он не умеем танцевать. Драгоценный учитель, проносясь мимо в лихой

кадрилы крикнул, что непременно восполнит этот пробел в нашем образовании, причем в самом скором времени...

Когда наплясавшись, красные и упаренные, все вновь собрались за столом, веселье продолжилось, разбившись на мелкие группки. Княгиня о чем-то договаривалась с бабкой и дедом Агасфером, Ванька ушел к парням — Сигурду и Олегу, а Водокрут, подсев к Лумумбе, выспрашивал, как в Москве обстоят дела с эстрадой.

— Дочку хочу пристроить, — пояснял он, прижимая здоровенную лапу с вытатуированным якорем к груди. — Ну их, женихов! Пусть лучше певицей станет. И респект, и уважуха... — Лумумба, наморщив лоб, честно пытался давать советы.

И только я подумала, как это у нас всё замечательно складывается, посреди двора стукнуло, грянуло, взорвалась будто бы шутиха или бенгальский огонь и воздвиглась из искр пламенных фигура высокая, черная, в плаще и с длинной, выше головы, острой на вид косой. Из-под капюшона просвечивали белым кости черепа...

От неожиданности все повскакали и чуть не опрокинули стол. Княгиня вскинула руки — по наманикюренным ноготкам забегали синие искры, Сигурд выхватил откуда-то из-под лавки свою любимую секиру, Олег — боевой молот, Водокрут — громадный трезубец, и даже царевна, скрючив когти, зашипела, как змея.

Но пока мы, всяк на свой лад, готовились отражать очередного супостата, искры потухли, тьма в глазах рассеялась и вместо черного скелета с косой пред нами встал одетый в пижонский фрак и кружевную манишку дяденька. Широко улыбнувшись, он изящно перекинул трость из одной затянутой в белую перчатку руки в другую, притопнул лаковыми штиблетами и приподнял цилиндр. На его тёмно-кофейных щеках заиграли ямочки.

Лумумба подошел к незнакомцу. Встав лицом к лицу, внимательно оглядел его с ног до головы, а потом в обратном порядке. Кудрявая шевелюра, черный фрак, белоснежная рубашка, брюки с шелковым галуном... Да они были как близнецы! Только у бваны волосы белые, а у незнакомца — черные.

— Геде? — наконец, чуть ли не обнюхав франта, спросил Лумумба. — Мой младший братишка Геде?

Франт широко улыбнулся.

— А кто же еще! — и полез обниматься.

Мы все, вплоть до старухи Арины, онемели и сидели на местах, как пришитые. Бвана преобразился. Глаза засияли, в движениях вновь прорезалась молодецкая удаль. Было видно, что он искренне рад родственнику.

— Это мой братишка, Самеди! — сияя, как новый пятак, обратился к нам Лумумба. — Прибыл из самой Африки, чтобы повидать старшего брата! — умилился он, а потом вдруг посуровел лицом. — А кстати! Почему раньше не навестил?

— Ты же знаешь, как это бывает, — потупился братик. — То одно, то другое... Папа Огу сделки устраивает, я за кладбищами приглядываю, у Мамаы Бриджит тоже дел по горло...

- Значит у вас что-то случилось, — констатировал Лумумба.
- Скорее, это у вас случилось, — поправил Самеди. — А я согласился оказать услугу товарищу Седому, поработав вестником.
- Но... Почему ты? У Седого и своих вестников хватает!
- Уже нет.
- И что же случилось?
- Мертвое Сердце.
- И что с ним? — Лумумба легкомысленно пожал плечами.
- Оно пробудилось и жаждет крови. А у меня прибавилось работы. Слова Самеди упали, как тяжелые камни в омут.

Наставник сделал охотничью стойку, хищно оскалившись и раздув ноздри.

— И что предлагает товарищ Седой? — спросил он.

— Бросить Сердце в пасть вулкану. Он думает, Килиманджаро сможет его переварить.

Лумумба победоносно улыбнулся, а потом, посмотрев на Ваньку, гаркнул:

— Старший падаван! Поставить младший состав под ружье, собрать вещи и приготовиться к отбытию, — внимательно оглядев наши куртки, джинсы и ботинки, он усмехнулся: — Хотя вещи можно не собирать. Там, куда мы отправляемся, теплая одежда не нужна.

— А как мы туда попадем? — спросила я.

Наставник полез в жилетный карман и достал крошечную модель чайного клипера, упрятанную в стеклянную бутылочку.

— Вот, берег для особого случая, — пояснил он.

Вытряхнул кораблик на ладонь и подул на него, как на одуванчик. Клипер принялся расти, как на дрожжах. Увеличиваясь, он поднимался над двором всё выше и выше, и наконец закачался над верхушками деревьев во всей красе.

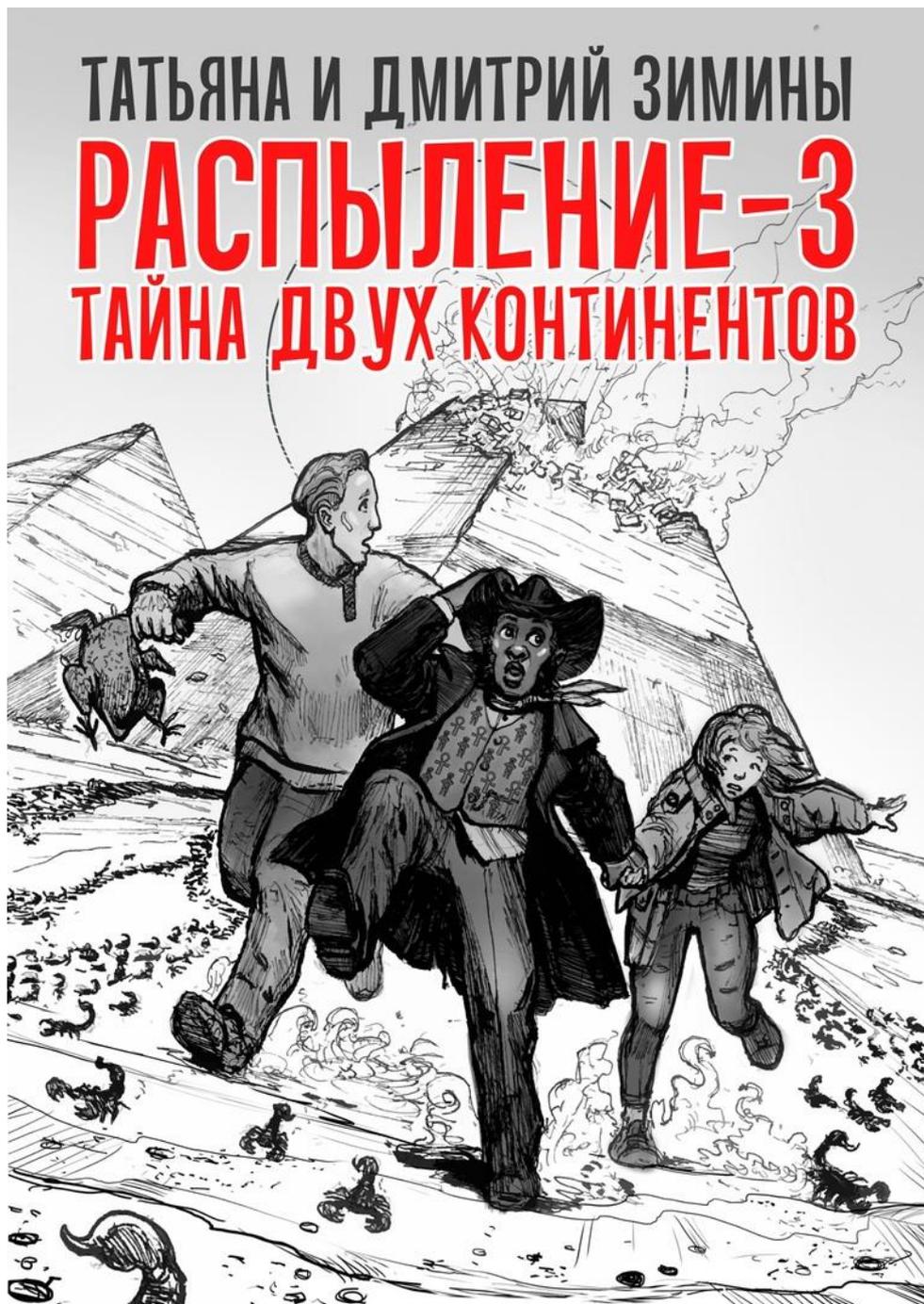
— Свистать всех наверх! — скомандовал Лумумба. — Нас ждут великие дела!

Распыление 3. Тайна двух континентов

Глава 1

Распыление 3. Тайна двух континентов

Татьяна и Дмитрий Зимины

Глава 1

Иван

Не став птицей высокого полёта при жизни, она обрела подобие величия после смерти.

Вольготно раскинувшись на спине, элегантно задрав к потолку желтые мозолистые ноги, казалось, она была полностью довольна своей участью.

Если б не одна крошечная, незначительная деталь: у курицы не было головы.

Птица лежала в круге, намалеванном, судя по приметам, её же собственной кровью. Кровь лаково поблескивала в зыбком, мятущемся свете свечи и тянулась жирной полосой к куриной тушке.

По-видимому, рисуя круг, чародей орудовал головой бедняжки, как малярной кистью.

- Как-то здесь темновато, - подала голос Машка.

- Это ж пирамида, - бросил я, задумчиво разглядывая жертву. На каменном полу крохотный трупик смотрелся трогательно и одиноко.

В темноте вспыхнули желтые глаза.

Машка выхватила пистолеты и навела их на цель - по одному на каждый глаз. Губы её сжались, подбородок отвердел. Взгляд сделался равнодушным и холодным, как скальпель.

- Не-е-е-ет! - я знал, что не успею, но всё равно прыгнул, чтобы заслонить собой...

- Спокойно, стажеры. Всё под контролем, - как призрак отца Гамлета, в круге света возник чародей, факир, заклинатель зомби, магистр черная, белая и серая магии, наш обожаемый учитель и наставник Василий Лумумба.

Я как скошенная травинка грохнулся к его ногам. Набрал воздуха, чтобы высказать Машке всё, что думаю о её влюблённости в эти бездушные, адские, плюющиеся металлом...

- А вот кричать не надо, - оборвал наставник. - Мертвецы этого не любят. Кстати, на полу валяться тоже не советую: скорпионы.

Мрачный, как непохмелившийся дворник, я поднялся, демонстративно отряхнул штаны и рубаху и уже хотел вернуться к осмотру, как что-то легкое пробежалось по моей голой шее. Издав высоковольтный визг и подскочив на полметра, я принялся лупить себя по всем местам в надежде стряхнуть... И тут раздалось гаденькое хихиканье.

Машка, как ни в чем ни бывало, вышла на свет и помахала прутиком.

Сделав глубокий вдох, я закрыл глаза и посчитал до десяти. Долгий будет денек.

- Тьфу на тебя три раза! - в сердцах плюнул я. И попал в свечку. Темнота обрушилась, как каменный потолок. И в этой тьме ухал, задыхался, отражался от стен и рассыпался по коридорам звонкий, залиvistый смех.

До-о-олгий будет денек. О-о-очень долгий.

Тьма, сдавившая нас со всех сторон, была куда плотнее, чем ватное одеяло и гораздо глубже, чем самый бездонный подвал с картошкой. А еще её под самое горлышко набили невнятными скрипами, загадочными шорохами, призрачным эхом и тихими, наводящими ужас шаркающими шагами.

Я представил себе замотанные в ветхие бинты трупы. Такие древние, что само время забыло, кем они были при жизни. Вот они беззвучно поднимаются

из саркофагов и, вытянув руки, слепо бредут по узким темным катакомбам. Их неспешному движению вторит зловещий стук костей...

Камера осветилась холодным и колючим, как лучики звезд, светом: наставник зажег магический фонарь. Со всех сторон на нас уставились любопытные глаза.

Шакал Анубис, Сокол Гор, собакоголовый Сет, кошка Баст, сова Никта, бык Апис и змей Апоп... Египетским богам не понравилось вторжение. Помахивая острыми на вид серпами, жезлами и зазубренными ножами, они глядели на нас сурово и безжалостно.

- А вот этот крючок я знаю, - пальчиком Машка прикоснулась к рисунку на стене. - Им достают мозги из черепа. Через носовые пазухи, - она понизила голос до шепота. - Пока ты еще дышишь...

- Может, хватит дурака валять? - вздохнул Лумумба. - Что вы, богов никогда не видели? Как по мне, абсолютно ничего интересного, - он поднес фонарь к стене, и я непроизвольно слотнул. Сдавленно пискнула Машка.

По серому ноздреватому камню ползали, издавая легкий, едва слышный шорох, сотни скорпионов. Были они крупные, с мою ладонь, и белесые, как личинки майского жука.

- Интересно, а что они здесь едят? - спросила напарница. - Наверное, друг друга, - тут же ответила она сама себе. - А кого еще? Мумий, разве что... Хотя, насколько я помню, пирамиду Хеопса разграбили давным-давно, и никаких мумий здесь не водится. Почти наверняка. Во всяком случае не здесь. Не в этой комнате.

- Но почему скорпионов так много? - удивился я.

Мерзкие твари включали во мне какие-то атавистические, первобытные инстинкты. Хотелось бежать, размахивая громадным кривым ятаганом, орать, жутко выпучившись, на распластавшихся у ног людишек и мановением руки в широком золотом браслете посылать в бой полчища скорпионозомби.

- Их привлек запах крови, - ответил Машке Лумумба. - Ну, и мертвечины, конечно, - он бросил взгляд на куриный трупик. - Таким пиршеством они наслаждаются нечасто.

Без малейшего душевного трепета смахнув с ближайшего рисунка пару десятков бледно-желтых тварей, учитель повел пальцем по выдолбленным в сером известняке иероглифам.

- Скорпионы чудесно отпугивают воров и прочих туристов. Египтяне пользовались этим их свойством с глубокой древности.

- Хотите сказать, их кто-то разводит специально? - я наконец смог отвлечься от видения золотого браслета на своей руке и сосредоточиться на словах наставника.

- Разумеется.

- Так они что, не ядовитые?

- Чрезвычайно ядовитые, - посадив тварь на ладонь, Лумумба пристально изучал каплю яда на кончике хвоста. - Легкая царапина, и жертва бьется в корчах несколько часов.

- А потом?

- А потом - умирает, - утешил наставник. - Противоядия, насколько я знаю, не существует.

Будто услышав последние слова, скорпион задрожал, изящно изогнул хвост и всадил жало Лумумбе в большой палец. Мы с Машкой в унисон заорали.

Учитель неодобрительно крякнул.

- Однако, - он повертел в ухе указательным пальцем свободной от скорпиона руки. - Вы так всех окрестных мумий распугаете, - выдавив из раненого пальца каплю крови, он поднес её к губам и слизнул. Задумчиво покатал на языке, сплюнул, и кивнул. - Как я и говорил, яд крепчайший, - учитель достал из жилетного кармашка пузырёк. Жилетка, кстати сказать, была декорирована золотой вышивкой в мелкие египетские крестики и крохотные мумии. - Ну давай, милый... - ласково обратился он к скорпиону и подставил пузырёк под хвост. - Поднатужься, - жало вытянулось, полупрозрачное тельце затряслось мелкой дрожью. Жирная, масляно поблескивающая капля неторопливо стекла по стенке бутылочки.

- На кого клык точите? - небрежно спросила Машка.

- В кулацком хозяйстве... - пробормотал наставник, проворно пряча пузырек. - Подарю Товарищу Седому. Он коллекционирует.

- А я знала, что с ним что-то не так, - фыркнула напарница. - Коллекция ядов... Что он, Екатерина Медичи? Кого он ими травит?

- Он их исследует, - сказал Лумумба. - И на основе химического состава создаёт лекарства.

- До Распыления Товарищ Седой был врачом, - пояснил я.

Но, судя по виду напарницы, она осталась при своём мнении.

Попав в кабинет к главе Московского АББА, первым делом Маша разгрохла аквариум с золотой рыбкой. Хотела видите ли проверить, умеет ли домашний любимец Великого магистра разговаривать. Рыбку удалось спасти, пересадив в графин, зато текинский ковер на полу, которым Т.Седой очень гордился, основательно промок.

Затем напарница довела до истерики телефон - ей, видите ли, не понравилось, как он на неё смотрит, и до конца инструктажа нервный аппарат издавал пронзительные трели. Чем довёл, в свою очередь, до белого каления остальных.

Не останавливаясь на достигнутом, Маша отпустила пару замечаний по поводу внешности, манеры руководства и соответствия должности самого Т. Седого; каких - я вам здесь не буду рассказывать.

Вишенкой на торте сделалось столкновение с пьедестала гигантского хрустального глобуса, по которому Т. Седой отслеживал политическую обстановку в мире. Магистрам удалось поймать махину в последний момент - нечеловеческим напряжением телекинетических способностей.

Думаю, в нашем спешном отбытии в Африку Машка сыграла решающую роль. Главный маг страны очень сильно захотел, чтобы между его кабинетом и нашим стажером пролегло как можно большее расстояние.

- Ладно, хватит воспоминаний, - Лумумба деятельно потер руки. - Пора и делом заняться.

Достав из кармашка жилетки внушительных размеров гроссбух он протянул его, вместе с цанговым карандашом, напарнице и ласковым тоном приказал:

- Звезда моя, зарисуйте во всех подробностях заклинания, расположенные с внешней стороны круга. А заодно скопируйте, детально, - я на этом настаиваю особо - иероглифы со стен.

- Нафига?

Наставник поперхнулся. Совсем как кот, который обнаружил на своей именной лежанке наглую, откормленную на хозяйской крупе мышшь.

- Недалеко отсюда я видел прекрасную скорпионью яму со всеми удобствами, - флегматично сообщил он. - Желаете поселиться?

- Это вы желаете засадить меня за бессмысленную работу, чтобы под ногами не путалась, - буркнула Машка, но карандаш и книгу взяла.

- Ошибаетесь, душа моя, - с легким намеком на скорую жестокую расправу возразил учитель. - Мы не знаем, к какому периоду времени относится данное жертвоприношение. А хотелось бы.

- Но курица свежая. Кровь еще не просохла, - Машка кивнула на лаково поблескивающий круг.

- Это еще ничего не значит, - отмахнулся Лумумба и принял позу лектора, которую я имел счастье неоднократно наблюдать в аудиториях и классах родной академии, на занятиях по практической некромагии. - Как вы знаете, в пирамидах время течет совершенно по-другому, нежели в остальном подлунном мире, - начал он. - Есть множество задокументированных случаев нахождения пищи, как то: кукурузные хлебы, маисовая каша и корнеплоды лотоса. Все продукты оставались удивительно свежими, хотя сами захоронения датировались двумя, тремя, а то и четырьмя тысячами лет тому.

- Хотите сказать, курицу могли зарезать две тысячи лет назад? - недоверчиво скривилась Машка.

- Могли, - не моргнув глазом, соврал наставник. - И для того, чтобы это подтвердить или опровергнуть, нам и нужно расшифровать иероглифы. Приступайте к конспектированию.

Смирившись с судьбой, Машка послунила стержень карандаша.

- Вы же понимаете, что две тысячи лет тому неоткуда было взяться конголезскому бокору? - я кивком указал на кровавые знаки, недрогнувшей рукой намалеванные поверх изображений богов.

- Две тысячи вряд ли, а вот пару недель - очень даже запросто. Когда было похищено Мертвое Сердце?

Я пошевелил губами. Товарищ Седой, выведенный из равновесия Машкой, как-то забыл сообщить точную дату пробуждения артефакта. Но выходило примерно четырнадцать суток. Плюс-минус.

- Думаете, труп мог храниться так долго?

- Я пока вообще не думаю, - отрезал бвана. - Слишком мало данных. Так что, ты тоже приступай.

- К думанью?

- К сбору фактов.

И я приступил.

Камера, в которой убили курицу, находилась в самом низу пирамиды, в её, так сказать, основании. На чертеже она значилась как Грот.

Мы оказались в нём непосредственно, благодаря прямому телепорту. А еще непреодолимому желанию Великого магистра избавиться от Машки...

Выбраться отсюда можно было таким же телепортом, - или по узкой вертикальной шахте, высотой около тридцати метров.

Вглубь же, из пола, вел еще один, совсем узкий лаз, и оставалось уповать на Макаронного монстра, чтобы Лумумба не послал меня его обследовать. Со всякими лазами у меня особые отношения.

Размерами Грот напоминал крупную комнату в общежитии. Пол каменный. Стены возведены из крупных блоков известняка. Рисунки богов на них такие же яркие, как и в день сотворения.

Пока Машка, гонимая с места на место скорпионов, трудолюбиво конспектировала, я успел осмотреть абсолютно все шероховатые, замшелые, пыльные закоулки. И ничего не нашел. С тем же успехом я мог искать колбасу в пустом холодильнике - когда бвана возвращался со смены раньше меня...

Кроме толстого слоя пыли, знаков ве-ве и дохлой курицы в помещении усыпальницы ничего не было. Впрочем, следов было предостаточно: моих, Машкиных, учителя... Но только снаружи круга. Внутри - ничего. Ни одна пылинка не сдвинута. Прикинув на глаз диаметр, я решил: метра три, не меньше.

Я что хочу сказать: как эта курица там появилась? Снаружи, с внешнего края, до центра было никак не достать. Тут же в голове возникла картинка: курица, привязанная к деревянному подобию подъемного крана. Но усыпальница для этого слишком мала. Развернуться негде.

Вечность назад, на прошлой неделе, мы уже видели похожие места преступления: кровавый круг, в центре - труп, и - никаких следов... Но там они были совершены мстительным духом.

Нет, вы не подумайте, духов я не боюсь. Я сам - некромант. Но для того, чтобы убить беззащитную, невинную птичку глубоко под землей, в полной темноте, когда над головой нависает чудовищная куча камней... Надо быть полным психом. Со справкой, круглой печатью и правом быть завернутым в смирительную рубашку столько времени, сколько захочется.

- Бвана, а где именно прятали Сердце?

- А вот прямо здесь и спрятали, - отозвался учитель. - В этой самой комнате. Сундучок стоял там, где сейчас курица.

- Но... почему? - Лумумба недоуменно задрал бровь и я попытался сформулировать: - Зачем прятать сундук с артефактом именно здесь? Не лучше было увезти его в Москву и запереть в нескороаемый сейф, например?

Он отвернулся, и беседовал теперь не со мной, а с трупом курицы.

- Нас было двенадцать человек, и ни один не знал, что нужно делать. Мы не представляли, как Сердце себя поведет. Не имели понятия, что случится, если его переместить - оторвать, так сказать, от корней. Будет оно лежать смиренно, или это - тикающая бомба, если ты понимаешь, о чем я... Единственное, в чем мы были убеждены - его ни в коем случае нельзя трогать магам. А в этом помещении есть определенная логика, - подойдя к стене, бвана смахнул десяток

скорпионов и прикоснулся к каменной кладке. - Грот существовал задолго до того, как стали править фараоны. Пирамиду построили вокруг него.

- И что с того?

Это я от Машки заразился привычкой задавать дурацкие вопросы?

- А то, милый, что древние архитекторы знали толк в возведении зданий, предназначение которых - удерживать зло.

- Но тогда ведь не было магии! Пыльца появилась всего пятнадцать лет назад.

- Магия была всегда, - веско заметил учитель. - Просто в те времена она имела э... другие формы. Впрочем, тебе свойственно углубляться в детали, минуя главное.

- И что здесь главное?

- То, что это - камера смерти, - неожиданно встряла Машка. - Сюда сбрасывали узников, предварительно подвергнув оных мучительным пыткам. Отсюда они уже не выходили. Отхожим местом служил вон тот колодец, - она указала на черную дыру в полу.

- Звезда моя, откуда тебе это известно? - ласково спросил учитель. - Внезапно обрела провидческие способности?

- И ничего я не обрела. Точнее, приобрела, но давно. Еще до вас.

- О сколько нам открытий чудных... - устало пробормотал Лумумба.

- Да ничего такого, - поспешила успокоить его Машка. - Просто Вавилонская рыбка.

- Что-о-о? - спросили мы с Лумумбой хором.

- Ну, такой артефакт, который позволяет понимать все языки, - она скромно поковыряла носком берца подсохшую кровавую линию на полу. - Я купила её на черном рынке, когда Бабуля записал меня в охотники...

- Я знаю, что такое Вавилонская рыбка! - рявкнул наставник. - Зачем ты её купила? Ты что, не понимаешь, как опасно пользоваться чужими артефактами?

- Сейчас-то понимаю. А тогда...

- Что тогда?

- Мне просто хотелось знать, о чем говорят драконы.

Мы немного помолчали, каждый о своём.

Нарушил тишину Лумумба:

- Итак, моё любознательное дитя, что конкретно ты вычитала в текстах?

Я прикинул: пока Лумумба будет потрошить Машку на предмет бесценных сведений, я спокойно закончу осмотр места преступления. Неохваченными остались только труп курицы и дорожки ве-ве вокруг него.

Ползая на коленях для лучшего обзора, но тщательно следя, чтобы не переступить кровавую линию, я опознал и законспектировал символы Дамбалы, Эрзули Фреды, мамы Бриджит и еще нескольких лоя. Любопытно.

Закрыв глаза, я наконец-то коснулся самого круга.

...Топор опускался на шею. Я видел его одним, обращенным к потолку, глазом. Громадный, с белой отточенной кромкой, он падал, как железный занавес, отсекая свет, звук, жизнь...

Взвыв, я подскочил метра на полтора, а потом уставился на ве-ве так, словно они отрастили ножки и сейчас убегут.

- Тебя что, скорпион укусил? - дружелюбно спросила Машка.
- Я знаю, чем убили курицу! Это было тяжелый металлический острый предмет.
- Молодец, - похвалила напарница. - Ты раскрыл преступление.
- Да, победа, достойная Ше Холмса и Не Пинкертон в одном флаконе, - кивнул наставник. - Я тобой горжусь, падаван.
- Вы не понимаете! - я горячился. - Факт, что я видел, как именно убили несчастную птичку, говорит о том, что... Эти символы... - я махнул рукой в сторону ва-ве. - Они не работают. Курицу просто зарубили, а ве-ве намалевали для вида.
- Значит, липа, - поджал губы наставник. - Я должен был догадаться.
- Липа? - переспросила Машка.
- Мистификация. Обман. Круг и жертва - для отвода глаз. Я должен был почувствовать линии силы, призывающие духов лоа, но их здесь нет. А я не обратил на это внимания.
- А может, он вовсе не был магом? - предположила напарница. - Ну понимаете... Пришел, намалевал эти художества, чтобы вы себе головы ломали, а сам... - она сделала неопределенное движение пальцами. - Просто взял, что ему было нужно, и ушел.
- Я поджал губы. Единственное, что вело из этой камеры наружу - условно вело - это тридцатиметровый вертикальный колодец. Спуститься или подняться по нему без магии мог только бесплотный призрак или профессиональный альпинист.
- Здрав головы, мы столпились под колодцем. Из него тянуло пылью и сухим затхлым воздухом. Если представить, на что похожи стенки... Шершавые и одновременно скользкие - прямо как рыба чешуя. Да нет. Обычному человеку совершить сей подвиг нереально.
- Значит, здесь больше делать нечего? - Машке надоело конспектировать описания кровавых ритуалов, и хотелось на свежий воздух. Впрочем, как и мне.
- Курицу подбери, - сжалился наставник. - Изучу на досуге. Что-то загадочное в ней всё же есть.
- Не предпринимая более никаких мер предосторожности, я пересек магический круг и поднял тушку за лапки.

Грохот раздался такой, словно раскололся небесный свод. По каменному полу, переходя на стены, пошла волнообразная рябь. Громадные блоки зашевелились, заколебались, подобно морским волнам и начали выпадать из своих гнезд, будто невидимый исполин энергично выталкивал их с другой стороны. В образовавшиеся провалы хлынул песок.

- Землетрясение! - завизжала Машка.
- Спокойно, юный падаван. В Египте землетрясений не бывает, - отозвался наставник. - Это ловушка.
- Ловушка? - воскликнули мы хором.
- Ну, это же очевидно, - легкомысленно пожал плечами Лумумба. - Её оставил вор Мертвого Сердца.

Стены и потолок начали угрожающе крениться внутрь и сдвигаться. Песка было уже по колено.

- Как-то неуютно тут, - пожаловалась напарница и, как обезьянка, вскарабкалась мне на плечи.

- Бвана, давайте я выведу нас через Тот свет, - предложил я.

- Не температуру, стажер. В незнакомую Навь соваться не стоит. Сейчас я открою портал... - учитель составил из пальцев левой руки хитрую фигуру и, направив её на стену, произнес:

- Йа'хид. И'итнэн. Т'алята.

Ничего не произошло. Ну, кроме того, что реки песка уже превратились в водопады.

- ЙА'ХИД! И-И'ТНЭН! Т'А-АЛЯТА!

- Не работает ваш портал, - заверещала Машка. Даже сидя у меня на шее, она по щиколотки зарылась в песок. Я так вообще молчал: боялся, что в рот попадет.

Песчинки были совершенно круглые, гладкие, как стеклянные шарики. Они затягивали, подобно трясине, не давая шевелиться и даже дышать. Из таких вот и создают отборные зыбучие пески... К тому же, стены и потолок продолжали сходиться.

Оскалившись, как упрямый осел, и напрягшись так, что вздулись вены на шее, Лумумба выбросил обе руки в направлении чистого кусочка стены.

- ЙА'ХИД!!! И'ТНЭН!!! Т'АЛЯТА!!! - опять ничего. Ничегошеньки. Бвана посмотрел на меня безумным взглядом...

И тут на наши головы обрушился потолок.

Глава 2

Глава 2

Иван

Как мы оказались в Нави - не помню. Я распахнул Завесу не осознавая, в последний момент поймал бвану за шиворот, и...

Мы оказались на круглой каменной площадке в центре небольшого, открытого всем ветрам храма. Вокруг копошились скорпионы - под тоннами песка бедных тварей погибли тысячи, и теперь, сливаясь в бледные потоки, твари деловито утекали прочь.

Храм был возведен из мегалитов и напоминал Стоунхендж. Крыши не было и свет призрачной луны проникал во все его уголки. Можно было разглядеть фигуры богов, и по количеству щупалец, рогов и клыков можно было предположить, что боги эти куда древнее, и гораздо свирепее тех, что мы видели в пирамиде на Той стороне.

Я никак не мог обрести равновесия и решил, что головокружение - это остаточный эффект перехода; Но дрожь, к моему удивлению, всё не стихала, а делалась только сильнее.

На полу, прямо по мозаичным изображениям древних богов, зазмеились трещины. Одна прошла совсем рядом, я пошатнулся и невольно заглянул в пропасть.

Там, в глубине, будто борщ в кастрюле, зловеще булькало и медленно переливалось всеми оттенками багрянца. Пахнуло нестерпимым жаром.

Чувствуя, как сворачиваются волоски в носу, я отвернулся и побежал вслед за цепочкой бестелесных скорпионов.

На плечах у меня подскакивала Машка, подмышкой, наподобие полотенца, полоскался учитель, а в руке я сжимал злополучную курицу.

Бвана пребывал в неглубоком обмороке.

Как только я выскочил на волю, храм, простоявший не одну тысячу лет, сложился внутрь, как карточный домик. Из центра воронки показалось гигантское, покрытое пятнами плесени щупальце, и начало слепо шарить вокруг развалин. Послышался утробный рев.

Существо, мирно спавшее под холмом проснулось, и теперь вымещало своё раздражение на ни в чем не повинных душах...

Бухая сапогами по слежавшейся гальке, я припустил с холма.

- Ва-а-аня, отпусти-и-и... - голос у наставника дребезжал, будто его крутило в лотерейном барабане.

Я притормозил. Аккуратно поставил учителя на ноги и только потянулся за Машкой, как меня обдало ветром: Лумумба, еще секунду назад бледный, как прихворнувший ангел, бодро пролетел мимо. Только полы плаща хлопали на ветру.

- Ходу, падаван! Ходу! - проревел бвана, не останавливаясь.

Рассудив, что учитель плохого не посоветует, я рванул следом.

- Что случилось? - догнать наставника было не так-то и легко.

- Мушхуш! - невнятно выкрикнул тот.

- Кто-кто?

- Дракон, ктулху его заешь!

Я оглянулся.

Больше всего Мушхуш походил на плод преступного союза Цербера с Лернейской гидрой. Бескрылый, зато с тремя парами мощных лап, бежал дракон весьма резво. Во всяком случае, нас он без труда догонял.

В тот момент, когда из всех шести глоток вырвался огонь, я споткнулся, налетел с размаху на бвану и мы кубарем скатились в канаву.

- Открывай Завесу и вытаскивай нас обратно в Правь, - приказал учитель.

Никогда еще его приказы не исполнялись с такой охотой и рвением.

- Кто-то приложил довольно много усилий, чтобы нас убить, - сказал Лумумба, меланхолично созерцая пейзаж.

Над пустыней занимался рассвет. Пирамиды отбрасывали длинные иссиня-черные тени. В первых лучах солнца они казались кубиками чуть подтаявшего сахара в лужице желтовато-коричневого чая.

Идиллическую картину портила черная яма на месте пирамиды Хеопса.

- А почему вы решили, что убить хотели непременно нас? - спросила Машка. - Может, ловушка была расставлена вообще. На страх агрессору.

Напарница пыталась причесаться пальцами, но ничего у неё не получалось. Непокорные рыжие кудряшки, жесткие от набившейся в них пыли, торчали во все стороны, как медная проволока. По-моему, они даже поскрипывали.

- Тот, кто украл Мертвое Сердце, знал, что вести расследование поручат нам. Поэтому и оставил ловушку не только в Правь, но и на Той стороне, - пояснил Лумумба. - Впредь будет нам наука...

Я его понимал: нас провели, как сопливых новичков. Не заметить банального демона, привязанного к трупу! Этим она, курица, учителю и не нравилась. И если б мы тогда притормозили и чуток подумали...

- С драконом тоже непонятки, - продолжил Лумумба. - Мушхуш - выходец из Шумера, ему совершенно нечего делать в Египте.

- Откуда вы знаете этого Киш-Миша? - спросила Машка. Оставив попытки причесаться, она стянула волосы резинкой.

- Бывал на ближнем Востоке, - ответил Лумумба. - Что характерно: именно с Мушхушем у меня давние счеты.

- Какие?

- Мардук, в некотором смысле, считает мою душу своей законной собственностью. А Мушхуш - его дрессированная собачка.

- Но вы же...

- Не забудьте про ве-ве, - перебил я Машку. Вспоминать, что было в стародавние времена - целых три года назад - сейчас не время и не место. - Кто-то очень хотел представить всё так, будто в пирамиде орудовал африканский бокор.

- Липовые ве-ве, Штуш-Кутуш, дохлая курица... - перечисляла Машка. - Сдается, кому-то мы очень сильно не нравимся.

Мы рядком сидели на дюне. Крайней в списке, но далеко не последней по значению, лежала курица. Наставник, проведя экспертизу заключил, что тушка, на удивление свежая, сама по себе уликой не является. Посему определяется в графу фуража - я собирался, как только немного приду в себя, приготовить из неё фрикасе на палочках.

- Кому-то мы не нравимся... - задумчиво повторил Лумумба.

- У вас много врагов? - спросила Машка. Оставив в покое волосы, она, орудуя прутиком, чертила что-то на песке.

- У кого их нет? - пожал плечами наставник.

- У меня, например, - затоптав нарисованное, напарница выбросила прутик. Я его хозяйственно подобрал: будет, чем разжечь костер.

- А как же господа Ростопчий и Дуринян?

- Ну, это другое, - отмахнулась она. - К тому же, они там, а мы - здесь.

- Вот и я об том же... - неожиданно вскочив, наставник потёр руки и оглядел дюны, как Римская империя город Помпеи. - Нечего здесь расслаживаться. Вперед! Нас ждут великие дела.

- А обед? - ревниво спросил я, подбрасывая на ладони куриную тушку. - После всего, что было, мы просто обязаны её сожрать. А?

Лумумба посмотрел на птицу. Судя по взгляду, она вызывала у наставника стойкую антипатию.

- Ладно, давай, - нехотя согласился он. - Только быстро.

Не думая, я тут же полез в Навь: чтобы приготовить пожрать, одной курицы недостаточно. Нужны соль, специи, котелок...

Прямо в лицо прыгнула оскаленная морда. С зубов капала кислотная слюна, глаза мерцали адским пламенем, из пасти дуло ветром преисподней.

Рядом с первой мордой возникли вторая и третья, и тут же принялись грызться между собой - только это помешало им вцепиться мне в горло.

Упав на пятую точку, я запустил в них тем, что оказалось в руке - несчастной дохлой курицей. Одна из голов, клацнув зубами, поймала добычу, другие бросились её отнимать, а я задернул Завесу.

- Думай, прежде чем что-либо делать, - отвесил бвана воспитательный подзатыльник. - Пяти минут не прошло, как мы избавились от дракона, а ты шаловливые ручонки снова в Навь тянешь.

- Дык я...

Я уже привык чуть что, обращаться к Нави. Быть там как дома, пользоваться её немногими благами и привилегиями. Навь стала для меня если не вторым домом, то уж точно вместительным шкафом со всеми удобствами.

- Теперь он и тебя посчитал, - беззлобно ругнулся учитель. - Раз почуяв добычу, Мушхуш никогда не останавливается. Кстати, Мардук - та ещё сволочь...

- А может, его просто убить? - невинно поинтересовалась Машка. - Нет дракона - нет проблемы.

Учитель посмотрел на неё с осуждением.

- Чем бы дитя не тешилось... Дай волю, так ты всех ужокошишь, кто на тебя

косо смотрит. А Мушхуш - существо нежное и в чем-то уникальное. Сохранившаяся, между прочим, с древних времен. Его изучать надо.

- Ага. В зеленую книгу драконов занести...

Когда Машке скучно, она начинает спорить. Не важно, с кем и о чем, просто из любви к искусству. А бвана спорить наоборот, терпеть не может. Он считает, что всегда прав, а споры - есть пустая трата времени и сотрясение воздуха. Он от них скучает. А когда учителю скучно, он превращает окружающих в мокриц, ящериц и других мелких и безобидных животных. Вот такой вот конфликт интересов.

- А вот мне интересно, - носить напарницу в коробочке не хотелось. - Как может быть древнее существо, если Нави всего полтора десятка лет?

- Тайна сие великая есть, - охотно переключился учитель. - Природа Нави - предмет многих философских размышлений. Что было в начале? Распыление - и, как результат коллективной галлюцинации магов, мир за Завесой. Или же, он существовал всегда... Что, в свою очередь, подтверждают сказания и мифы разных народов.

- В сказки верить - себя не уважать, - веско высказалась Машка.

- Тут всё сложнее, - не обиделся учитель. - Магических созданий поддерживает сама земля. Поколениями люди верили в сверхъестественных существ и богов. А мы, как ты помнишь, находимся в Египте - средоточии древних мифов. Вера настолько глубоко пропитала пески и камни здешних мест, что для воплощения фантазий достаточно искры - в буквальном смысле. Так что поосторожнее с желаниями, мадемуазель, - совсем другим тоном заключил Лумумба. - Не ровен час, сбудутся.

Повернулся и пошел по гребню дюны. Есть всё равно было нечего и мы покорно поплелись следом.

- А вы точно знаете, что это хорошее направление? - осторожно спросил я через час. Кругом были одни пески. Дюна плавно перетекала в дюну, и мы барахтались в них, как кильки в раскаленном томатном соусе.

Что характерно: мы с Машкой увязали по колено. Ноги скользили, подворачивались, вызывая оползни и пескопады, а вот наставник шествовал по песку, аки по проспекту Космомольцев. Лаковые штиблеты его были чисты, будто только что из магазина, стрелками на брюках можно было молекулы расщеплять, а полы плаща трепыхались на ветру, как крылья бабочки "Мёртвая голова".

- Видите тонкую полоску зелени? - указал Лумумба на горизонт, не сбавляя хода. - Там Нил. Большая вода. А значит, лодки, верблюды, носильщики в белых штанах - словом, любые блага цивилизации, каких только душа пожелает.

- А вы не можете наколдовать ковер-самолет, например? - спросила, пыхтя, Машка. - Или тапки-скороходы, на худой конец?

Бвана сердито на неё покосился.

- То есть моя лекция на вас, мадемуазель, не произвела никакого образовательного эффекта.

- Ну почему же? - сняв курточку, она повязала её вокруг талии за рукава. -

Очень интересно было...

- Интересно? Всего лишь? - начал заводиться Лумумба.

- Учитель хочет сказать, что нельзя переть в чужой монастырь со своим самоваром, - опередил я лавину упреков, сравнимую с падением Пизанской башни. - Здесь свои законы, и не зная их, мы можем наломать дров и разозлить всех местных. А мертвецы не любят, когда их злят.

Никаких благ цивилизации в виде белых штанов и осликов на пристани Нила не обнаружилось. Да и от самой пристани остались лишь гнилые мостки. Вокруг, в липкой и вонючей грязи, нежились крокодилы. Сначала я принял их за бревна, но когда попробовал наступить на одного и он открыл пасть... В общем, башмак удалось спасти только чудом.

- Сик транзит глория мунди, - печально заметил Лумумба. - Пристань Гизы всегда была довольно оживленным местечком. Отсюда начиналась куча маршрутов по Долине Мертвых. Она всегда кишела охотниками за сокровищами, гробокопателями и прочим сбродом, как амбар - крысами. Каждый день из Каира прибывали сотни лодок. Но нет больше верблюдов, разбойников в малиновых фесках, с черными, свисающими на грудь усами и кривыми ятаганами; нет европейцев в пробковых шлемах, с револьверами и фотоаппаратами, нет торговцев поддельными редкостями, ловких мальчишек, готовых своровать даже седло из-под погонщика ослов... Никого нет. Остался только песок.

- И мумии, - добавила Машка.

- Дались тебе эти мумии, - потерял терпение наставник. - Ни одной ведь еще не видели...

- Увидим, - мрачно пообещала напарница. - И тогда живые позавидуют мертвым.

Я привык ходить пешком. В Москве, например, использовать магию в бытовых целях запрещено, а иметь автомобиль, или хотя бы собственный велосипед, могли единицы. Даже товарищ Седой ходил пешком. Когда не ездил на правительственной "Чайке", конечно.

Но: несколько километров по каменным мостовым, под сереньким, сеющим дождик Московским небом, и столько же по раскаленной белой пустыне, под раскаленным белым небом, с которого безжалостно палит раскаленное белое солнце, а в морду, как бы ты не повернулся, дует раскаленный ветер... Это, как говаривал отец Дуршлаг, две большие разницы, дети мои.

В узкие улочки Каира мы вползали на закате. Еле живые, с болячками на губах и тоннами песка в желудках. Я сторел до тла - а еще говорят, жар костей не ломит. Машке тоже досталось: нос облупился, из щек впору свекольный суп варить, а веснушек столько, что их можно использовать вместо карты звездного неба. Она еле волочила ноги - оба ножа и связку гранат напарница бросила еще в самом начале пути, на берегу Нила.

Рукояти пистолетов непримиримо торчали из-за ремня. Машенька заявила, что скорее съест крокодила, вместе с зубами и шкурой, чем расстанется с прощальными подарками Олега и Сигурда...

Кудри наставника тоже запылились, в уголках глаз прорезались тонкие лучики морщин, на висках залегли синеватые тени.

- Вот я интересуюсь, - язык двигался с трудом, скорее напоминая старую губку для мытья посуды, нежели орган общения. - Вы говорили, Каир - столица Египта, деловой центр. Но я не вижу здесь никакого центра. Везде - сплошные окраины.

- Скорее, это козий выгул, чем столица, - прохрипела Машка, кивая на стадо тощих парнокопытных, обросших клочкастой, в репьях, шерстью.

Козы мирно щипали пыльный чертополох на обочине грунтовки. Судя по высоте бурьяна, проросшего между колеями, она уже и забыла, как выглядят автомобили.

- И что дальше? - устало спросил я, плюхаясь на обочину неподалеку от коз.

Лумумба оглядел пейзаж. Город был печальным, желтым и пыльным, как построенный из древних обувных коробок крысиный лабиринт. Узкие улочки, слепые провалы окон... В дымке над плоскими крышами плыл тонкий, как игла, минарет.

- Туда! - сказал бвана, указывая на минарет, как Александр Македонский на Индию.

- С какого перепуга? - вяло отреагировала Машка.

- Эх вы, горе-путешественники, - наставник вздернул нас на ноги, как щенят. - Это - Каирский археомагический музей. Башня на месте, а значит, внутри кто-то есть.

Музей встретил нас распахнутыми настежь дверьми, сумрачными залами и гулким эхом. То было циклопическое сооружение. Огромные колонны портика могли заменить собой титанов, поддерживающих Небесный свод.

По ступеням мог запросто маршировать кавалерийский полк при полном параде и с лошадьми впридачу. А уж внутри... Чем-то интерьер музея напоминал недоброй памяти пирамиду Хеопса - тот же кровожадный стиль настенной росписи, тусклый, скудно отмеренный сквозь узкие бойницы свет и запах запылившихся веков.

Проходя в высокие двери, мы казались муравьями, рискнувшими пробраться в человеческое жилище.

Зато внутри было сумрачно и прохладно. После раскаленной печи мы будто попали в отлично работающий электрический холодильник. Из глубин центрального зала веяло прямо таки пронизывающе.

Сделав несколько робких шагов, мы остановились, придавленные мрачным наследием древних веков. Вдоль стен, на гранитных постаментах, выселились золоченые саркофаги, на крышках которых Время навеки запечатлело лица древних фараонов. Глаза их выражали смертельную скуку, а царственные губы сжимались так, словно августейшие особы сплошь страдали запором.

Где-то наверху раздались шаги. С колонны, украшенной стилизованными лотосами, сорвалась стайка нетопырей.

По центральной, освещенной дымными факелами лестнице спустился гос-

подин в малиновой феске, белоснежной рубашке с широкими рукавами и длинным, до колен, подолом. Поверх рубахи на нем была бархатная зеленая жилетка. Горбатый нос, тонкая бородка и жесткий, оценивающий взгляд придавали незнакомцу вид торговца рабами.

- Созидающий башню жаждет напиток молока от сосцов пятнистой коровы, - сообщил он.

- Разрушающий башню плюёт в колодезь собственного безумия, - откликнулся наставник.

- Ветхие дети играют на пустошах моего разума, - посвятил нас в интимные подробности своего внутреннего мира горбоносый.

- Пантера, откусившая мою голову, скоро проснется и захочет пить, - не остался в долгу бвана.

Увидев незнакомца, Лумумба повёл себя очень странно. Не знаю, как объяснить... Он одновременно и напрягся, и расслабился. Знаком приказав нам оставаться на месте, учитель пошел навстречу горбоносому.

Сойдясь посередине обширного зала, каждый принял стойку "Пачад" и уставился в глаза противнику. Я на всякий случай задвинул Машку себе за спину.

К счастью, после нескольких томительных минут взаимного устрашения, предписанных протоколом встреч высшего уровня, магистры расступились.

Горбоносый, совершенно не стесняясь, снял феску и принялся вытирать ярким полосатым платком лоб. Бвана ограничился тем, что расстегнул верхнюю пуговку на сорочке.

- А вы меня не разочаровали, коллега, - наконец нарушил молчание горбоносый. - Именно таким я вас и представлял.

- Имею счастье испытывать те же чувства, - церемонно ответил наставник. - Рад с вами познакомиться, почтенный Роман-заде.

- Взаимно, майор М'бвеле.

- Предпочитаю, чтобы меня звали Лумумбой, - чуть поморщился наставник. - Если вас не затруднит.

- Отчего-ж, если вам так удобнее...

По опыту, эти харцуцуйские церемонии могли тянуться до морковкиного заговенья, а пить хотелось неописуемо. Да и душ принять не помешает.

Я кашлянул. Звук взорвался под сводами зала, будто слон, страдающий избытком газов. Даже Машка подскочила.

Ко мне обратились строгие взоры.

- Разрешите представить: мои ученики, - объявил Лумумба после некоторой заминки. - Мы тут попали в э... затруднение.

- Да, к сожалению, у нас тут э... беспокойно, - наклонил голову Роман-заде. - Местные реалии, знаете ли.

По-русски он говорил чисто, лишь немного растягивая гласные и смягчая твердые звуки. Я сделал вывод, что наш хозяин пользуется магическим толмачом.

- Прошу простить за неожиданное вторжение.

- Товарищ Седой упоминал, что пришлет опергруппу, - тонко улыбнулся горбоносый. - Так что вы не застали меня врасплох. А с вами, уважаемый Лу-

мумба, я давно хотел...

Раздался трубный пронзительный рев. Будто давешний слон, который пукал, теперь затрубил, используя всю мощь своих немаленьких лёгких. Роман-заде переменялся в лице.

- Что это? - спросил бвана.

- Местные реалии, - сердито буркнул горбоносый и начал подталкивать нас к стене. - Жаль, не удалось побеседовать, но придется поторопиться. Я всё подготовил, так что не беспокойтесь. Нижайший поклон товарищу Седому.

Наверное, он нажал на секретный рычаг, потому что одна из плит бесшумно поднялась, открыв узкий и темный ход. Скорее, вентиляционную шахту, чем коридор.

- Позвольте, мы не собираемся уходить прямо сейчас, - уперся Лумумба. - Мы только что прибыли. Хотели кое-что узнать, отдохнуть, наконец...

- Всё там, всё там, - горбоносый настойчиво толкал нас к дыре. Мы с Машкой обреченно вздохнули. Лезть в катакомбы не хотелось. - Я подготовил проводника, он всё вам расскажет.

- Но зачем такая спешка? Объяснитесь, дорогой Роман-заде, - вежливость бване давалась всё труднее.

Наш несостоявшийся хозяин тяжело закатил глаза.

- Вами заинтересовались боги. Да, да, не смейтесь. Это же Египет, чего вы хотели? Звероголовые боги, мумии и ожившие сфинксы - это и есть наши местные реалии. Простой народ разбежался, устав от кровавых вод, саранчи и прочих знамений. Боги, соскучившись, сражаются между собой... А тут вы, коллега. Обрушили пирамиду, выпустили дракона Мардука... Да еще и Мертвое Сердце разбудили. Словом, привлекли к себе внимание.

- Но это не мы! Мы сами стали жертвами ловушки. Мы уполномочены провести полномасштабное расследование, и Товарищ Седой...

- Это сейчас не важно, - мягко оборвал наставника горбоносый. Схватил Машку и стал запихивать её в дыру. - С Сетом шутки плохи. Видите ли, Пирамида Хеопса является... Точнее, являлась, его личной резиденцией. Фактически, вы оставили его бездомным - каков удар по божественному самолюбию, а! Так что бог смерти не пожалеет сил на то, чтобы отомстить.

- Может, лучше остаться и всё объяснить? Я, в конце концов, готов принести извинения...

- И думать не смейте! - замахал руками горбоносый. - Сет принадлежит к группировке радикалов. Они за создание старой, доброй, пирамиды - хе, хе - власти, и рабовладельческого строя. Вы меня понимаете? Единственная возможность для вас уцелеть - как можно скорее скрыться. Товарищ Седой не простит мне, если с вами что-нибудь... Ни в коем случае не пользуйтесь магией, иначе боги вас найдут. Доберетесь до Средиземного моря, оттуда - хоть на Кипр, хоть в Дамаск... Хотя в Дамаск не советую. Ифриты. Лучше всего морем до Сицилии, а там и до Европы недалеко. Вы поняли меня? - не давая больше вставить ни слова, он настойчиво толкал нас в темный провал, и бвана наконец сдался. - Идите прямо, только прямо. Никуда не сворачивайте. В лабиринте легко заблудиться... Ах, если б я мог вас проводить! Но я должен остаться здесь и задержать Сета, насколько это возможно. Постараюсь направить его по ложному пути. Торопитесь!

Глава 3

Глава 3

Иван

Согнувшись в три погибели, путаясь в паутине, то и дело наступая на противно лопающихся скарабеев, я удивлялся превратностям судьбы. Отчего именно мне, человеку, которому ненавистна даже мысль о сумрачных и душных катакомбах, где тебя хватают за руку твердыми костяными пальцами, где очень пыльно и даже само время пахнет как старые заплесневелые коврики, выпадает такая судьба?

В то время, когда другие гуляют по светлым проспектам, приглашают девушек в кафе-мороженное, а по ночам смотрят цветные, озвученные на киностудии "Союзмультфильм" сны, я должен протискиваться, обдирая макушку, сквозь узкие лазы.

Не слыша при этом и слова благодарности и не получая - я хочу отметить это отдельно - ни капли спиртного для поддержки душевных сил.

Я что хочу сказать: имейся у меня бутылка обыкновенного коньяку, все эти подземелья не нагоняли бы такого ужаса.

Вот взять Машку: совершенно бесстрашное существо, хотя и метр с кепкой. Сам черт ей не брат, чего уж говорить о каких-то скелетах.

Лумумба тоже хорош. Пустил из глаз два желтых луча и чешет, как Змей-Горыныч, которого ждет прикованная к столбу девственница... Только плащ по стенам шуршит.

А я застревал. Мелкие какие-то в Египте тайные ходы строят. То ли у нас, в Москве! Был я как-то в туннелях под Кремлем, так там даже узкоколейка проложена и электричество от атомных батарей.

Наконец повеяло свежим, живым воздухом. Впереди обозначился тёплый золотой круг - вскоре я увидел, что это керосиновая лампа. Она была подвешена к мачте и освещала небольшой плот.

На плоту кто-то сидел.

После темноты, слабенький керосиновый свет фонаря просто ослеплял, и сидельца разглядеть было трудно. Некрупный, ростом чуть выше колена. Собака? Да нет, не похож. Обезьяна? Горбоносый упоминал, что подготовил проводника... Я представил: Машка, с её темпераментом пороховой петарды, в дуэте с обезьяной, от которой тоже всего можно ожидать. О-бал-деть.

Сиделец спал. От богатырского храпа сотрясался плот, подрагивало стекло на фонаре, а по тёмной, будто целая бочка чернил воде шла мелкая рябь.

- А-кхм-м-м! - дал о себе знать наставник.

Сиделец поднялся. Сурово лязгнуло железо. Будто десять тысяч поваров отрубили головы десяти тысячам селедок.

- Ммм, м-м, ммм!

Мы молча хлопали глазами. После целого дня на солнце и утомительного

ползания по каменному кишечнику мысли ворочались со скрипом, будто ржавые колёса бронепоезда.

- Тьфу ты господи! Снять забыла... - сдернув с клюва какую-то нелепую приспособу, ворона неловко поклонилась. - Здрaвы будьте, бояре! Товарищ Седой челом бьет да поклон шлет. Не побрезгуйте, добры молодцы, примите подарок, редкости необычайной, ценности великой. Оберегайте его пуще глаза, кормите и поите вволю...

- Гамаюн! - первой пришла в себя Машка. - Мы не ждали вас, а вы припёрлись... А с намордником это ты хорошо придумала. Ошейника не хватает: посадим тебя на веревочку и будем по ярмаркам водить, за грифона выдавать. Кучу денег заработаем.

- Это не намордник, а накладной клюв, - с достоинством пояснила ворона. - Сливаюсь с местной фауной: изображаю священную птицу Ибис.

- Да из тебя Ибис, как из кошки - бульдозер, - фыркнула Машка и перескочила на плот. Сооружение вздрогнуло, ворона покачнулась и растопырила крылья, сохраняя равновесие.

- Это кто еще бульдозер, - проворчала она.

- И всё-таки, сударыня, чем обязаны? - похоже, бвану заклинило на высоком штиле.

- Птица Гамаюн отличается умом и сообразительностью, - важно выпятила грудку ворона. А потом добавила совсем другим тоном: - Напортачили вы тут. Вот в Москве и обеспокоились... Отправили меня, многомудрую, наставить вас на путь истинный, подсказать, посоветовать...

- Брешешь, - перебила Машка. - Поди, надоела всем хуже редьки, вот и сплaвили тебя, куда подальше.

- А вот и нет, а вот и нет! - ворона подпрыгивала и топорщила перышки, чтобы казаться выше. - Мне товарищ Седой велели: - лети, говорит, Гамаюн, птица вещая, да передай другу моему...

- Потом договоришь, - прервал ворону наставник. - Старший помощник, сгaйте на плот и сушите якорь.

Я осторожно ступил на шаткий помост. Конец плота тут же ушел под воду, и я поспешил переползти на середину, поближе к мачте. Лумумба порхнул легко и свободно, аки бабочка. Плот под ним даже не дрогнул.

Как только мы устроились, плавсредство самопроизвольно отошло от берега и стало выгребать на стремнину.

Роман-заде советовал добратсья до Средиземного моря. Я представил хрустальный глобус из кабинета Седого. Нил как раз в него впадает - в море, конечно, не в глобус... Так что плывем мы в правильном направлении. Но зачем такая спешка? Подумаешь, пирамиду грохнули - с кем не бывает?

А потом я вспомнил, как ревниво относились маги к собственности у нас, в Москве. Не то, что пирамиду - на ботинок никому не плюнь...

- Рассказывай, - приказал учитель вороне, усевшись на какой-то тюк. - Как ты докатилась до жизни такой...

Вообще-то плот был устроен неплохо. На одном его конце располагался шaтер из шелковой ткани в веселенькую сине-зелено-желтую полосу, вдоль

правого борта стояли корзины и тюки, накрытые белоснежными салфетками. Я сглотнул. Может, в них съестное? Почитай, дня два маковой росинки во рту не было...

Машка меня опередила. Подобравшись к одной из корзин, хищно сдернула салфетку, заглянула внутрь...

- Пусто, - перевернув тару, напарница потрясла ею в воздухе. На горбыли выпало несколько крошек.

Вторая корзина, третья... По мере инспектирования ворона отодвигалась всё дальше, оказавшись, в конце концов, на самом краю плота. Машка на неё даже не посмотрела. Поднявшись и отряхнув джинсы, она повернулась к учителю.

- Шеф, давайте, пока не поздно, скинем её в реку. А чего? Тварь ведь железная, так что ко дну пойдет, как утюг...

- Это кто здесь утюг, кто утюг, ты мне скажи? - ворона неосторожно подскочила к напарнице и тут же была схвачена за горло.

- Ты зачем все запасы уничтожила? Тут же прорва еды была! Даже крошечки нам не оставила.

- А что мне было делать? Я, может, три часа тут сидела. Заржаветь можно от скуки.

- Три часа? Ты не могла потерпеть всего три часа? Да мы два дня не жрамши! Ванька, вон, в голодный обморок сейчас брякнется, от наставника одни бакенбарды остались, а ты, канистра бездонная... - Машка пыталась подтащить ворону к краю плота, но та вцепилась в бревно когтями.

Я тоже заглянул в корзинки - так, на всякий случай, - затем вздохнул и меланхолично устроился рядом с бваной.

Плот резво плыл по течению, из-за туч выкатилась полная луна и нарисовала на воде серебряную дорожку. Вечерний воздух был свеж и наконец-то прохладен, повсюду распускались кувшинки - здесь, на Ниле, их почему-то зовут лотосами. Над рекой неслись душераздирающие вопли.

- Из-за о-о-острова на стре-е-ежень, на просто-о-ор речной волны-ы-ы... Может, их растащить? - спросил я наставника. - А то петь мешают.

- Милые бранятся, только тешатся, - рассеянно отмахнулся Лумумба. - Пусть их.

Взяв пустую бутылку - жадная птица выдула даже вино - я набрал забортовой воды и посмотрел на свет. Водичка была тепленькая, мутноватая, с песком. Покрытые усиками и ложноножками инфузории хищно щелкали зубами из-за стекла.

- Процедить бы. И прокипятить. Разика два, не меньше...

Руки так и чесались приоткрыть Завесу и нащупать там бутылку с холодными, покрытыми бисеринками пота, боками. Вода в ней будет чистой, прозрачной и чуть сладковатой. А еще от неё будет слегка ломить зубы и щипать в носу...

- Ну так разводи костер, - перебил мечты наставник. - Помнишь, как на рязанском болоте, когда кикимору ловили?

Не из магического кармашка жилетки, а из обычного, в плаще, он достал спички и швырнул мне, не глядя.

- И долго нам без волшебства? - спросил я, поймав коробок.
- Темпус эст оптимус магистер витэ - философски пожал плечами наставник.
- Может и так, - согласился я. - Только мы раньше сдохнем. От голода.
- Не ной, гардемарин. Штиль накличешь.

Пожав плечами, я стал ловить в воде плавник. В реке кипела жизнь: раскали, оставляя на воде след из длинных белых усов, крокодилы - их я уже наострил на отличать от замшелых бревен, которых в реке тоже хватало; громадными валунами темнели бегемотьи туши - они держались ближе к берегу и движению плота почти не мешали.

В прибое, в светящейся кромке песка, расхаживали длинноногие цапли, копошились чайки, черепахи и тёмное существо с повадками наёмного убийцы. До нас долетали обрывки свистящего шепота: - моя прелесть... где же мы её потеряли...

Отыскав несколько относительно сухих веточек, я сложил костерок и стал поджигать. Несмотря на жару, долго ничего не получалось. Во-первых, я не специалист. Вызвать искру из пальца, вскипятить воду взглядом - это пожалуйста, со всем нашим удовольствием. Но колдовать нам запретили.

Во-вторых, здесь всё было влажным. Влажное дерево, влажные руки, волосы, одежда - на всём плоту не отыскалось ни одной сухой нитки. Но я справился. Просушил несколько травинок, на них - несколько прутиков, затем щепочек и так далее. Терпение, как говорит бвана, и труд - всему голова.

Когда огонь разгорелся, Лумумба достал из плаща лоскут натуральной кожи, скатанный в тонкий твердый рулончик. Раскатал, пристроил над костром, растянув на палочках. В лоскут мы вылили пару бутылок набранной за бортом воды, процедив её через носовой платок. Секрет в том, что, пока в коже есть вода, она не загорится...

Да, давненько мы с бваной походной жизни не нюхали. Не зря он про Рязань вспомнил. Сидели мы тогда на болоте недели три, продукты и Пыльца давно кончились - осталось по одной вмазке на поимку кикиморы; жили в палатке, ловили на леску пескариков, грибы да ягоды собирали... Эх, хорошее было время.

"В Африке вы будете сами по себе", - сказал товарищ Седой перед тем, как зашвырнуть нас в пирамиду. - "Никакой помощи, никакой поддержки. Мы не знаем, что там происходит. Резидентура молчит, а если и пишет, то выдает такие фанаберии, каким нормальный маг, в здравом уме и доброй памяти, ни за что не поверит..."

Из воротника, отогнув подкладку, Лумумба извлек рыболовный крючок, обмотанный леской, и забросил в воду.

- А наживка? - спросил я.
- Закуска градус крадет, - туманно выразился учитель.

Говорил и действовал он на автомате, словно во сне. Я сделал вывод, что наставник напряженно о чем-то размышляет, и не стал его додумывать.

Когда вода закипела, мы перелили её обратно в бутылки, а кожаный лоскут просушили и спрятали.

По моему хотению, Лумумбину велению, на леску без наживки попалась рыба, похожая на карася. Только размером раз в десять больше. Выпотрошив складным ножом, я проткнул её прутиками и подвесил над угольками.

А сам улегся на спину и закинул руки за голову. Плескала вода, громко фыркали бегемоты. Кричала какая-то птица. Напоминает павлина, живущего в Московском зоосаде: нечто среднее между плачем девочки, потерявшей мячик и воплем алкаша, разбившего чекушку... Временами какой-нибудь крокодил, выбравшись на отмель, широко раззевал пасть и тоже орал - ну вылитый осёл. Только лысый и с бородавками.

На другом конце плота продолжалась свара. Голоса Машки и Гамаюн повышались и понижались, взлетали к далёким небесам и сливались с плеском волн.

Спорщицы скрупулезно перечисляли все обиды и оскорбления, промахи и косяки, - всплыло даже кое-что из того, о чем я не знал. В ход шли случайно замеченные и скопидомно припрятанные очерняющие факты. Выдуманные леденящие душу подробности беззастенчиво крылись наглыми поклепами, нелепыми эпитетами и уверениями в абсолютной бесполезности оппонента. Временами раздавалось гудение, будто кто-то в сердцах пнул трехведерный самовар - это Машка, растеряв аргументы, пыталась переубедить ворону с помощью ноги. Птица не оставалась в долгу: хирургически точными ударами клюва отхватывала с Машкиной курточке пуговицы и сплевывала их за борт.

Под этот размеренный и в чем-то даже убаюкивающий гвалт я задремал.

Над рекой поплыл аромат жареной рыбы...

- А что это у вас такое? - первой подступила Гамаюн, робко скосив глазки и умильно сложив крылышки.

- А ничего, - подросла Машка. - Ты столько сожрала, что месяц можешь святым воздухом питаться. Правда, Вань?

Мне в их разборки влезать не хотелось, но в целом напарница была права: сожрав всю еду, ворона поступила не по-товарищески.

- Правда, - кивнул я. И подал напарнице кусок рыбины на пальмовом листе - посуды я хозяйственно нарвал с дрейфующей мимо пальмы, еще и кокосами разжился. - Так как продуктов у нас теперь нет, каждый питается тем, что найдет.

Машка мстительно показала вороне язык.

- Хочешь, ныряй в воду. Там рыбы много... Ах да, я забыла: ты же плавать не умеешь. Ну, может, по дну походишь, пиявок поклюёшь.

- Пиявок? Да чтобы я, птица благородного происхождения... - плот в этот момент толкнуло, и Гамаюн повалилась на доски.

- Бог шельму метит, - мстительно пригвоздила Машка.

- А всё-таки, о каких богах говорил Роман-заде?

Чувствуя приятную тяжесть в желудке, я развалился поперек бревен, подложив под голову пустую корзину. Звезды в черном бездонном небе были многочисленными и крупными, как лягушачья икра.

- А вот мы сейчас и узнаем, - бвана оторвался от созерцания реки. - Гамаюн!

Птица не повела и клювом, изображая на краю плота памятник обиде и унижению.

- Что-то тяжело плавсредство идет, - громко сказал наставник. - Младший гардемарин, не пора ли скинуть балласт?

- Чего изволите, хозяин? - материализовавшись рядом, ворона преданно взглянула Лумумба глаза.

- Вот то-то же, - смягчился наставник. - Роман-заде предупредил, что ты в курсе местных реалий.

- Ничего она не знает, - фыркнула Машка. - Сидела всё время на плоту и припасы жрала.

- Я не знаю? - подскочила Гамаюн. - Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ПРОИСХОДИТ В АФРИКЕ? Да я знаю, сколько пингвинов в Антрактиде! Какая температура на Северном Полюсе! Какие подвязки носит Английская королева и какого цвета подштанники у Суданского серифа! Да я...

- Или ты немедленно отрабатываешь съеденные харчи, или летишь своим ходом к Товарищу Седому и докладываешь, что тебя уволили в связи с профнепригодностью, - быстро сказал бвана, вклинившись в поток птичьего красноречия.

- Значит так, - ворона опасливо обошла Машку и уселась рядом со мной. - В Европе, после Распыления, люди отринули веру, решив, что сам человек и есть демиург. Если, приняв Пыльцу, он может творить - значит Господь, как неизъяснимая персонификация всемогущего начала, отпадает за ненужностью. Здесь же в Африке, напротив, религия получила широчайшую поддержку. У, как вы понимаете, местных магов. А чего? Респектабельно. Солидно. К тому же, жертвы... Некоторое время новоявленные боги делили власть - запустение Египта и сопредельных стран - следствие этих разборок. Но сейчас всё улеглось. Ра и Гор ушли на Красное море - им платят дань пираты, Хатор обосновалась на Суэцком канале - берет пошлину с торговых судов. Тот обосновался в Асуане. В Каире же правит Сет. Составив альянс с Анубисом, они захватили себе чуть не половину Египта и сделались самыми сильными богами пантеона. Сет поселился в долине Гиза, избрав резиденцией легендарную пирамиду Хеопса. Фактически, бог смерти превратил пирамиду в восьмое чудо света: снаружи её украсили висячие сады, и даже на расстоянии дня пути она сверкает, как редкой красы изумруд. Внутри содержится обширная коллекция египетских редкостей: Сет, разграбив музеи и частные собрания по всей стране, свалил всё в одну кучу и теперь, как дракон, почивает на груди сокровищ... Ой, я и забыла! Вы же её обрушили... Нет больше восьмого чуда света. Нет несметных сокровищ, а саму пирамиду можно теперь увидеть лишь на гравюрах в книгах по истории... Сет, будучи богом властным и жестоким, обещал найти виновников и скормить их красным муравьям. Медленно, начиная с ног. Чтобы жертвы могли как можно дольше наблюдать. Хотя... - ворона хитро зыркнула на Машку. - Сдается мне, бога смерти могла бы умиловить жертва. В лице молодой и относительно прекрасной девы...

- Профнепригодность, Гамаюн. И своим ходом на другой континент, - напомнил учитель, пока Машка набирала в грудь воздуха.

- Я просто предложила, - ворона лязгнула перышками.

- М-да, ситуёвина... - протянул я. - И как вести расследование в такой нервной обстановке?

- Он же не настоящий бог, - пожал плечиками напарница. - Чего с ним церемониться?

Погладив рукоять пистолета, она многозначительно изогнула бровь.

- По влиянию в этом секторе, - кашлянула Гамаюн, - Сет может сравниться с боссами Нью-Йоркской мафии. А это, я вам скажу, даже немножко лучше, чем быть богом.

- Бвана, а вдруг этот Сет и похитил мертвое Сердце? - осенило меня.

- Конечно, он точил на него зуб, - кивнула железная птица. - Поэтому и поселился в пирамиде. Но... - Кишка тонка у Сета снять заклятья двенадцати магов, - вдруг сказал Лумумба. - Мог бы - давно украл.

- Но кто-то же его спёр, - резонно заметила Машка.

- Для того, чтобы усыпить Мертвое Сердце, понадобилась сила Великой Дюжины, - мрачно возвестила Гамаюн. - И тот, кто сумел его пробудить...

- Всё было не так, - вдруг сказал Лумумба. - Не было никакой Великой дюжины, это придумали после. Шел дождь... Не дождь, натуральный потоп. Нил вышел из берегов и затопил равнину. Пирамида Хеопса была единственным сухим местом на много миль. А двенадцать заклятий пришлось ставить потому, что мы не доверяли друг другу. Не могли, не имели права доверять.

- И что? - спросила Машка. - Дальше-то что было?

- Давайте спать, - уклонился Лумумба. - Утро вечера мудренее.

Вопреки собственному приказу, наставник уселся на краю плота и стал смотреть на реку.

- В пирамиде погиб М'бвеле Мабуту, король государства Самбуру, - шепотом пояснила Гамаюн. Я тяжело вздохнул. Ну кто её за язык тянул? Прямо болезнь какая-то - выбалтывать чужие тайны...

- А кто это? - Машка подпрыгнула от любопытства.

- Мой отец, - коротко бросил наставник через плечо. - Он был тринадцатым магом.

Будто получив облегчение от того, что сказал это вслух, бвана улёгся и на двинул шляпу на лицо.

- Гамаюн. Ты на страже... - из-под шляпы донесся мерный храп.

- А почему я? - возмутилась птица. - Думаете, раз железная, мне и сон не нужен? - никто ей не ответил. - Дискриминация! По материалистическому признаку!

- Марш в Москву, - пробурчал Лумумба сквозь храп. - Сейчас же.

- Так во сколько разбудить?

Проснулся я от жары. Солнце, пекущееся в белом небе, словно желток на сковородке, развлекалось во всю. Оно лезло горячими пальцами в глаза, отплясывало раскаленными пятками на спине, насылало тучи мошкары - крупной, что твои воробьи, и злой, как собаки.

А вот Машка сопела в две дырки, и жара ей была нипочем. Она свернулась клубочком, уютно подложив ладошки под щеку и накрывшись джинсовой курточкой.

Лумумба спал сидя, привалившись к мачте. Или не спал: вид у бваны был до того глубокомысленный и задумчивый, что я бы не взялся утверждать.

Ворона дрыхла без задних лапок у меня под боком - только храп стоял и доски плота тряслись, будто им было холодно. И, кстати, мы больше никуда неплыли...

Плот почти прибило к берегу. Он медленно дрейфовал посреди круглой, заросшей осокой и камышом - у египтян это называется папирус - заводи, а из кустов на нас таращились равнодушные глаза.

Нет, не совсем равнодушные: в них мелькали искры затаённого интереса. И, когда на солнце тускло блеснуло дуло автомата, я совершенно отчетливо понял, какого именно.

Глава 4

Глава 4

Маша

Разбойников было человек сорок. Они мирно сидели рядком вдоль кромки воды и следили за неспешным дрейфом нашего плота.

Все в белых распашонках, по самые брови закутанные в платки - глаза так и посверкивают, точь-в-точь каракурты из норок. Все, как один, с автоматами Калашникова, Михаила Тимофеевича. Хотя нет, вру. Не все... У ближайшего ко мне разбойника был не автомат, а пулемет. Кажется, конструкции Дегтярева. И связка гранат Ф-1. Таракан такие Фенями звал...

Рука как-то сама потянулась к пистолетам. Гранаты у них там или нет, но раз уж мы встретились, значит, планида у нас такая. О планиде Тоже таракан любил порассуждать. В смысле, кому суждено быть застреленным, тот не утнет. Не успеет просто...

- Отставить разжигать вооруженный конфликт.

Оказалось, шеф не спит.

- У них автоматы, - сказала я тихо, не спуская глаз с разбойников. - И пулемет. Как только мы пристанем к берегу, нас выпотрошат, пожарят на бездымном порохе и съедят. А еще продадут в рабство.

- Для этого мы должны пристать, - заметил шеф.

- И кто им помешает стрелять в плот? - спросил уголком рта Ванька. Он тоже проснулся, и теперь сидел и пялился на шеренгу разбойников, как окунь на стаю щук. Руки у напарника подергивались от желания распахнуть Завесу.

- Им помешают традиции, - объяснил Лумумба, как ни в чем ни бывало поднимаясь и прикасаясь к шляпе в знак приветствия. Разбойник с пулеметом, к моему удивлению, коротко, но заметно кивнул в ответ. - Пока мы не нарушили границ их владений, нас не тронут. Повезло, что это именно бедуины, а не туареги.

- И как вы их отличаете?

- А давайте вы об этом потом поговорите, - нервно попросил Ванька. Плот почти уткнулся в берег и его обгорелая морда с облупившимся носом находилась в опасной близости от дула пулемета. - Бвана, может я оттолкнусь?

- Ни в коем случае, - оборвал шеф. Стоя на другом, обращенном к реке краю плота, он водил ладонями над желтой и мутной поверхностью воды. - Как только ты хоть одним пальцем дотронешься до берега...

- А если палкой?

- Хоть палкой, хоть пальцем, один хрен. Не стоит.

Базиль ругался редко. То, что он позволил себе это сейчас, напугало меня больше, чем все угрозы превратить в тихое незлобивое существо, вместе взятые.

- Но что же делать?

- Взять себя в руки и заткнуться.

Сам он осторожно передвигался по краю плота и неразборчиво бормотал:

- Ну давай, милый. Давай, родной. Иди к папочке...

Вода под плотом забурлила. Поднялись тучи желтого ила, затем мелькнула замшелая коряга... Я ойкнула, но тут же зажала рот ладошками. Никакая это была не коряга.

- Шеф, к вам крокодил плывет. Здоровущий какой... Вы что, не видите? Сейчас он вас сцапает!

- Помолчи.

- Но шеф...

- Это не крокодил, - Ванька встал рядом и придержал мою руку, готовую выхватить пистолет. - Это зомби.

Почувяв, что меня его слова не успокоили, добавил:

- То есть, зухос.

Перед глазами всё поплыло. Воздух сгустился, в ушах раздался противный комариный звон. По спине, под майкой, потекли липкие горячие струйки... Не нравится мне эта Африка, как есть не нравится. Не зря еще дедушка Чуковский поучал: "Не ходите, дети, в Африку гулять."

Это всё от жары. А еще от голода. Так и Бабуля всегда говорил... Плохое настроение, бессонница, кошмары - это всё от пустого брюха. К сожалению, жрать было нечего. Да и вид крокодилозомби начисто отбивал аппетит.

...Был он скользкий, замшелый, свирепо воняющий гнильем и болотной тиной. Чешуя местами отвалилась и в проплешинах темнело тухлявое мясо. Зато зубищи - острые, как у циркулярной пилы и коричневые, как у курильщика, были как на подбор. Подплыв к самому плоту, крокодил положил на бревна страшную слепую голову и раззявил пасть в довольной ухмылке.

От позорного визга меня спасло лишь то, что я держалась за Ванькину руку. Не знаю почему, но это сильно помогало. Это, а еще то, что с берега на меня пялились сорок разбойников. Не пристало русской девушке проявлять слабость перед заграничными бандитами. Не доросли ещё.

Базиль, бесстрашно погладив чудовище по слипшимся, забитым тиной ноздрям, положил в раззявленную пасть конец веревки. Пасть захлопнулась, как капкан, крокодил соскользнул в воду, и махнув хвостом, поплыл от берега. Плот дернулся, веревка натянулась. Разбойники поднялись на ноги.

Защелкали затворы автоматов, я потянулась за пистолетами, но поняла: поздняк метаться. И просто зажмурилась.

Ничего не произошло. Мы удалялись, разбойники всё так же стояли на берегу.

- Меня зовут Саид, - вдруг на чистейшем русском крикнул тот, что здоровался с шефом. - Увидишь Сета - не убивай. Он мой...

Базиль еще раз прикоснулся к шляпе.

Крокодил бодро тянул плот от берега.

- А? Что? Где горит? - мы втроём глядели на птичку сверху вниз.

- Шеф, давайте играть в Степана Разина, - предложила я. - Вы будете донской казак, а мы с Ванькой - ваше войско. Гамаюн будет персидской княжной. Она вам не угодила, и вы приказали бросить её в набежавшую волну.

- "И морская пучина поглотила её в один момент" - кивнул напарник. - В общем, все умерли...

- М-да, нарушение устава караульно-постовой службы налицо. Трибунал тебе светит, - обрадовала я хлопающую мутными со сна глазками ворону. - Из-за тебя мы чуть в лапы к разбойникам не угодили.

- А еще её можно на запчасти разобрать, - предложил Ванька. - Из перьев ножииков понаделаем, из внутренностей - будильников. А чего? Надо же чем-то торговать с непокоренными дикими племенами.

- Согласна, - кивнула я. - А то расходы одни. Припасы сожрала, караул прошляпила...

Ворона съежилась. Глаза подернулись белой пленкой, клюв приоткрылся, из железного горла пошел тонкий писк - будто чайник на плите забыли, а вода выкипела.

- Может, приняв к сведению прошлые заслуги, дать подсудимой еще один шанс? - подмигнув нам, сурово спросил шеф.

Я поджала губы. На самом деле, ворона мне нравилась. Много анекдотов знала... К тому же, на её фоне мои косяки были как детский смех по сравнению с ковровой бомбардировкой.

- Так уж и быть, в Стеньку Разина в другой раз поиграем, - милостиво согласилась я.

Ворона приоткрыла один глаз.

- Ладно, - вздохнул Ванька. - Нечего местную фауну травить. Она нам ничего плохого не сделала.

- А бедуины тоже не любят Сета, - заметил Ванька.

Плот бодро чесал на крокодильей тяге, солнце плавилось в зените как сырок на сковородке, а мы вяло раскинулись на плоту, додремывая ночные приключения.

- А за что его любить? - спросила я. - Эксплуататор и негодяй, у нас таких в проруби топят. Дураки те, кто соглашаются в него верить...

- Ничего глупого здесь нет, - возразил шеф. - Люди находятся в плену мифа. Веками они пребывали в религиозных заблуждениях, и когда миф обрел реальное воплощение...

- Темнота, - пожал плечами напарник. - С предрассудками бороться надо.

- Запад есть запад, восток есть восток, - пожал плечами наставник.

Я спросила:

- Раз вы подняли зухоса, значит, Сет нас в скором времени обнаружит?

- С чего ты взяла? - отвлекся шеф.

- Ну, вам же пришлось колдовать...

- Призывание неживой сущности для некроманта - это не магия. Это состояние души, - высокомерно бросил Лумумба. - К тому же, воздействие было минимальным, вряд ли Сет его почувствует.

- Ладно, как скажете, - согласилась я. - И что тогда делать? Просто так плыть-то скучно...

Мы с Ванькой, не сговариваясь, посмотрели на наставника. Тот мгновение размышлял, а затем полез в карман плаща и извлек засаленную колоду.

- В картишки не желаете?

- В дурачка, али в двадцать одно? - подскочила ворона. После фиаско с караулом она всячески подлизывалась к наставнику.

- У нас тут бог смерти на хвосте, а вы в картишки? - с вороной мне играть не хотелось. Неинтересно. Она как счетная машинка: все карты помнит и никогда не ошибается. И мухлевать не даёт.

- Может, лучше к разбойникам вернемся? - заныл Ванька. Он тоже не хотел играть с Гамаюн.

- Спокуха, гардемарины. Всё под контролем.

- Но бвана...

- Бунт на корабле карается утоплением, - кротко сообщил шеф и уселся на перевернутую корзину.

Гамаюн верноподданически пристроилась у ног наставника, Ванька - напротив. Я, испустив глубокий вздох, сбоку.

- Так-то лучше, - смягчился шеф, тасуя карты. - В "серенького козлика" умеете? Нет? Так я вас научу...

Игра была странная. Правил, как таковых, не имелось - мы просто выбрасывали по очереди карты. Шеф, выхватывая их прямо из воздуха, очень быстро выстраивал расклады. Его руки так и мелькали, косынки сменяли аккордеоны, тенистые аллеи, ручейки и башни. Воздух гудел от напряжения.

Сами карты были довольно необычными, я таких еще не видела. Вместо шестерок и валетов на них были Сет, Анубис, Гор, другие боги, а еще пирамиды на фоне пальм и сфинксы с удивительно хитренькими глазками. Мне показалось, что там были картинки самого Лумумбы, Ваньки, меня и даже Гамаюн, но разглядеть их толком не удавалось - Базиль метал карты, как лосось икру... Так же присутствовали река Нил и наш плот.

Шеф, выстраивая пасьянсы, быстро-быстро, будто во сне, двигал глазами, иногда поджимал губы, цокал языком, сердито бормотал на непонятном языке или весело напевал по-русски: - у волшебника Аримана всё по-честному, без обмана... Мелодия была смутно знакомая.

Спустя полчаса, когда все карты из колоды были выброшены, он наконец кивнул и устало вытер пот со лба. А потом коротко сообщил:

- Нам капец.

- У капитана жар, - констатировал Ванька. Я вздохнула с облегчением: наконец-то и он это заметил.

- Макать будем?

- Эх вы, - укорил Базиль, пряча колоду. - Молодо-зелено. Капец, как и тепловая смерть Вселенной, состоится по-любому: я просмотрел четырнадцать миллионов шестьсот двадцать пять раскладов, - он оглядел нас совершенно трез-

вым взглядом и добавил. - Но, может быть, не сегодня.

- А я вот тоже одно гадание знаю, - буркнула я, чтобы прервать затянувшуюся мрачную паузу. - По внутренностям птиц, - и многозначительно покосилась на Гамаюн.

- По полёту, - поморщился шеф. - Чем вы мои лекции слушаете?.. Гадание по полёту птиц. Для того, чтобы гадать по внутренностям, нужен ягненок.

- Ну, за неимением ягненка, может, ворону выпотрошим? - что-то она слишком тихая стала, и меня это пугало больше, чем все пророчества, вместе взятые.

- Да, про капец хотелось бы подробнее, - поддержал Ванька.

- Отставить панику, - вскочив, шеф бодро прошелся по плоту. - Лёд тронулся, господа гардемарины. Командовать парадом буду я.

А потом, встав у края плота, стал водить над водой ладонями.

- Бвана, что вы делаете? - спросил Ванька с испугом.

- Совершаю ход конём. То бишь, крокодиллом.

Плот тем временем разворачивало против течения. Веревка натянулась, зазубренный крокодилий хребет то показывался на поверхности, то нырял под воду.

- Сет ждет, что мы будем убегать, - сказала я. - А мы на самом деле...?

- А мы на самом деле пока поспим, - благожелательно кивнул шеф. Повернув крокодила против течения, он расположился рядом со мной, на солнышке. - Важно плыть не по течению.

- А куда? - жадно спросила я.

- Туда, куда нужно, - отрезал наставник и, пристроив плащ себе под голову, закрыл глаза.

Солнце перевалило зенит, но палило всё еще жестоко.

Я попробовала посчитать...

- Шеф, до Каира - больше пятнадцати часов ходу. Сет найдет нас гораздо раньше.

Базиль приоткрыл один глаз.

- Пятерка за сообразительность и двойка за веру в наставника.

Может, ночью мы проплыли гораздо меньше, чем я думала, а может, плот на зомбокродильей тяге мчался быстрее реактивного катера, только до Каира мы доплыли за каких-нибудь пару часов.

Вернее, сначала мне и в голову не пришло, что это уже Каир. Ну, какой-то городишко, пострадавший при землетрясении...

Потом вспомнила, что в Египте землетрясений не бывает. Еще потом увидела башню. А еще потом я её узнала... Точнее, опознала останки.

- Шеф! - толкнула я в плечо наставника. - Скорее проснитесь, шеф!

Базиль пробудился мгновенно, будто и вовсе не спал. Молча оценил разрушения, а затем кивнул.

- Всё идет по плану, - пояснил он.

- По плану? - изумился Ванька. - Сет разрушил город, а вы...

- Созидающий Башню - сорвется, - философски пожал плечами наставник.

- Вы серьезно? - разозлилась я. - Горбоносый ради нас жизнью пожертвовал, а вы...

- А я планирую оставаться живым и впредь, - отрезал наставник. - Так как обязан думать о деле, а не о пустых сантиментах. К тому же, Роман-заде не погиб, - добавил он другим тоном, как бы оправдываясь. - Я бы знал.

- Ну конечно, - буркнула я. - Вам что живой, что мёртвый - один хрен...

Честно говоря, мне было не по себе. Ладно, пирамида. Но разрушение целого города по нашей вине - это уже выходит за рамки. Там же люди, в конце концов.

- Успокойтесь, гардемарин, - смягчился учитель. - Семь-во-о-осемь. Семь-во-о-осемь. Ну как? Полегчало? - я кивнула. - А теперь... - он развернул меня лицом к берегу. - Если вы внимательно изучите театр военных действий, то поймете: пострадало не так уж много. Несколько сараев на берегу и пустой лодочный склад. Город цел. Для Сета люди - ценный ресурс. Паства. Он не дурак, чтобы лишать себя источника дохода.

- А как же музей? - я с трудом слотнула.

- Он, если вы помните, был пуст. Так что... - шеф пожал плечами. - Города его отсутствие конечно, не украсит, но не более того.

У меня отлегло. И вправду, чего это я? Запаниковала, истерику устроила... Это всё от голода. Так есть хочется, что сама бы всех поубивала. И поджарила.

- Так что дальше? - спросил Ванька.

Зухоса Лумумба отпустил, и плот медленно покачивался у берега.

- Будем работать, - пожал плечами шеф. - И для начала... - на его лице заиграла ядовитая ухмылка. - Запросим поддержку с воздуха. Гардемарин Спаситель!

- Я!

- Начертайте круг вызова.

- Есть! - Ванька, уже бросившись исполнять приказание, вдруг остановился. - Но... Сет же нас застукает.

- Плыть туда, куда нужно, помнишь?

- Вам виднее, - покорно кивнул напарник. - А... Кого призывать-то?

- Как кого? - удивился шеф. - Хозяина кладбищ, конечно. Сдаётся, он нам должен.

Барон Суббота возник из воздуха на подворье у Арины Родионовны, вырвал нас с корнем буквально из-за праздничного стола. А потом, когда мы отправились на инструктаж к товарищу Седому, позорно слинял, сославшись на то, что многочисленные жены просто не поймут, если он вернется из Москвы без подарков...

Нагло экспроприировал Летучий Корабль и был таков. Шеф даже не успел его толком расспросить.

Устроившись в уголке, на паре корзин, мы с вороной стали наблюдать за действиями магов.

Ванька, достав из потухшего костра уголек, а из пустой корзины чудом уцелевшую белую салфетку, принялся рисовать.

Выглядело это примерно так: неуклюжий холмик, на нем - схематичный крестик. Кривоватый и шаткий, но вполне узнаваемый. По бокам - два прямо-

угольника в форме гробов. Верхушка креста украшена шляпой-цилиндром, а ствол обвивает змея.

Закончив и любововавшись шедевром, напарник аккуратно разложил салфетку в центре плота. Пеплом из того же костра насыпал защитный круг и с видом примерного ученика встал рядом. Шеф молча одобрил художества, а потом достал из жилетного кармашка сигару. Раскурил, пустил колечко дыма. Оно скользнуло в круг и там повисло, прямо над салфеткой.

Затем Базиль извлек из кармашка довольно внушительную фляжку. Свинтив пробку, глотнул - над рекой поплыл запах спирта и еловых веточек - а остальное вылил внутрь круга. Ванька, наблюдая процесс, стоически молчал, но от завистливого вздоха всё-таки не удержался.

- Ну, давай, братишка. Милости просим, - мстительно и ядовито проворковал Лумумба, затянулся и выпустил еще один клуб дыма.

Пару минут ничего не происходило. Мы с Гамаюн соскучились и от нечего делать принялись пихать друг друга - кто кого опрокинет; но тут дым начал густеть и клубиться, а затем из него сформировалась фигура...

Разглядев подробности, я так и покатила со смеху. Судя по виду, младший братец шефа, оставшись в Москве без присмотра, отправился вовсе не за подарками.

Голову хозяина кладбищ украшала половинка дамского лифчика. Размер, кстати сказать, соответствовал идеально. Губы измазаны оранжевой помадой с блестками, на бицепсе левой руки - кружевная подвязка. Розовая. Из одежды, кроме лифчика, на Самеди были узкие трусики из искусственного леопарда. Плечи украшала завязанная на манер мантии атласная простыня.

Пару секунд барон Суббота ничего не замечал и, томно прикрыв глазки, совершал губами чмокающие движения. Но порыв влажного горячего ветерка, шаловливо забравшегося под мантию, заставил его почувствовать неладное.

Приоткрыв подведенный глаз, хозяин кладбищ затравленно огляделся. Затем сделал попытку бежать во все стороны сразу, но стукнувшись о магическую преграду, плюхнулся на пятую точку. Сдернул с головы лифчик, и смяв его в кулаке, погрозил Базилю.

- Надень, - посоветовал шеф. - Тебе очень идет.

- Легба! Что ты наделал! - заголосил Самеди.

Поднявшись на колени и заломив руки, он с тревогой оглядел горизонт.

- Ничего особенного, - шеф демонстративно полировал ногти голубеньким шелковым платочком. - Соскучился по младшему братику. Дай, думаю, призову... Посидим. Выпьем. О делах наших скорбных покалякаем.

- Ты не понимаешь, Легба! Я теперь покойник.

- Все мы там будем. В перспективе.

- Сет! Он обещал меня убить!

И тут в воду, прямо перед плотом, ударила молния.

Глава 5

Глава 5

Маша

- Сет! - заверещал Суббота. - Скорее, выпустите меня!..

Молнии лупили всё чаще.

- Чтобы ты снова сбежал? - шеф хладнокровно оглядел младшего братца. - Нет уж, дружок. Любишь кататься - люби и саночки возить.

- Какие саночки? - Субботу била крупная дрожь. Лифчик в его руках превратился в мятую, искореженную тряпочку. - Что это такое вообще?

- Сани, санки, или же саночки, - это... - встряла Гамаюн.

- Да по фиг! - лицо Субботы стало фиолетовым. - Я спрашиваю, как ты мог? Как ты, мой старший брат, мог меня подставить?

Шторм набирал обороты. Воздух трещал, как петарды в консервной банке, а тучи расхаживали по реке, отрастив ноги из молний.

- Долг платежом красен, - сказал Лумумба. И вроде говорил он негромко, но слова, попав в промежуток между ударами грома, разнеслись по реке.

Суббота ссутулился, повесил голову и посмотрел на шефа как псина, застуканная за кражей колбасы.

- Ладно, я понял, - сказал он, отбрасывая лифчик. - Хочешь преподать мне урок. Тогда выпускай. Полюбишься на мою смерть.

- Во-первых, не всё так плохо, - заметил шеф, и стер ногой часть защитного круга. Суббота шагнул наружу. - Мы, с моим учеником, тебе поможем.

- Пфе, - всплеснул руками Суббота. Выйдя на свободу, он тут же обрел весь свой апломб. - Белый бокор - это оксюморон, Легба. Не бывает.

- Спорим?

- На что? - оживился Сббота.

- На твою шляпу.

- Ты хочешь сказать, на мой цилиндр?

- Ну да, на твой фокуснический цилиндр. На твою сущность. На то, чем ты являешься.

- А что поставишь ты?

- То, чем являюсь я, - произнес Лумумба, щелкнув по своему стетсону. - Рискнешь?

- Сильно же ты любишь своего ученичка, - Суббота плюнул на ладонь и протянул её шефу.

- Бвана... - попытался встрять Ванька, но Базиль, не обращая на него внимания, тоже плюнул, и хлопнул брата по руке.

- Любовь здесь ни при чем, - сказал он, глядя в глаза Субботе - Просто я - чертовски хороший учитель.

Чугунная ванна, которая служила небом последние несколько часов наконец не выдержала, раскололась, и на нас хлынул потоп. Только не подумайте, что из воды.

И не из лягушек - это было бы даже прикольно... Ливень пошел из крупных, как желуди, муравьев.

Они, выбивая дробь, падали на плот. Они плюхались в реку, поднимая фон-

танчики брызг и растекаясь по воде, как рыжая масляная пленка. Они облепили Гамаюн, сделав её похожей на какодемона - в фигуральном смысле. Ворона хлопала крыльями, молотила клювом, как отбойный молоток, но муравьев было слишком много.

Я почувствовала нестерпимое жжение сразу во всех местах - насекомые застревали в волосах, сыпались за воротник, заползли в штаны... Пытаясь их стряхнуть, я чуть не свалилась в воду. Спасибо Ваньке: поймал меня за шиворот.

По реке прокатилась огненная волна - шеф выдохнул струю пламени - и муравьев не стало.

Мне тоже подпалило брови, ну да я не в обиде.

- Лёд тронулся, - объявил Базиль и повернулся к напарнику. - К барьеру, господа гардемарины.

- Океюшки, - кивнул Ванька и встал на краю плота.

Через минуту поверхность вскипела. Показались такие хари, что и в страшном сне не увидишь. Огромные, только местами покрытые жесткой, как рубероид, шкурой, эти трое зухосов были еще старше и куда страшнее чем тот, которого призвал Базиль.

Кинув всем троим по веревке, Ванька крикнул:

- Н-но-о, залётная! - и взмахнул невидимым бичом.

Тьма, пришедшая из-за горизонта, накрыла город. Исчезли плоские желтые крыши, обступившие поверженную археомагическую башню. Исчезли базары, переулки, сторевшая пристань и безмятежно жующие козы... Пропал Каир - странный город, который нам так и не довелось полюбить.

Плот полетел над волнами. Берега слились в однообразную красно-желтую полосу.

Зябко кутаясь в простыню, к Ваньке подошел Суббота. С минуту наблюдал, как тот управляет крокодилами, затем неопределенно хмыкнул и вернулся к шефу.

- Зачем он так с тобой? - тихо спросила я.

Напарник бросил на меня короткий взгляд.

- Учителю виднее.

- С чего ты взял? Почему ты думаешь, что он всегда прав? Ведь он - тоже человек, а человеку свойственно ошибаться.

- Во-первых, не человек, а маг, - за плечом неслышно возник Базиль. - А во-вторых, наставники не ошибаются.

- Никогда?

- Такие, как я - никогда.

- Но почему?

Возмущение распирало меня, как строительная пена.

- Потому, что все свои ошибки я уже совершил.

Фигово. Фигово быть таким правильным. Ошибки - это самое интересное...

И тут появился морской змей. Он выскочил из воды, как чертик из табакерки. Тело его изгибалось, свивалось в кольца и восьмерки - будто им управлял

невидимый факир, играя на дудочке.

Голову змея покрывало такое количество рогов, наростов и бородавок, что приз за самое уродливое создание он получил бы вне очереди. Ноздри изрыгали пар, а из пасти воняло, как с заднего двора селедочной фабрики.

Базиль с братом встали на краю плота. Барон Суббота небрежно, словно шубу дорогих соболей, скинул с плеч простынку, Базиль снял и аккуратно положил у мачты любимый потёртый плащик.

- Гони во всю мочь, гардемарин. Ни в коем случае не дай себя поймать... - шеф без всплеска ушел под воду. Младший братец последовал за ним.

Обнявшись, мы с Гамаюн присели у Ванькиных ног.

Плот, влекомый тройкой крокодилов, маневрировал, как блоха меж собачьих зубов. Душный дым лез в глаза, барабанные перепонки лопались от пронзительного рёва - змей никак не мог нас ухватить.

Внезапно из воды выпрыгнули две акулы. Щелкая челюстями, как дыроколы, они вырывали из змеиного тела громадные куски - серебристое конфетти чешуи так и брызгало в разные стороны.

Гигантская рептилия заревела, как низкочастотный динамик. Звук становился всё выше, вот он перешел в вой, затем - в тонкий, на грани слышимости визг и змей, поднявшись под самые облака, лопнул. Над рекой за клубилась стая черных птеродактилей.

Построившись клином они, словно истребители, спикировали на акул. Те, махнув хвостами, скрылись в глубине. Птеродактили в воду не полезли.

- И часто вы так развлекаетесь? - пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос не дрожал.

- Игра в метаморфозы - это ерунда, первый курс. Камень, ножницы, бумага, - бросил Ванька. - Вот метафизиология - это да. Это, я тебе скажу...

Из реки взмыли орлы. Размахом крыльев они напоминали кукурузники, а повадкой - хищных мурен. Поднявшись повыше, орлы на бреющем врезались в черную стаю. Полетели клочки по закоулочкам...

Птеродактили, сбившись в кучу, превратились в смерч. Один из орлов не успел уклониться и задел смерч крылом. Я зажмурилась: будто воробей угодил в вентилятор... Безжизненный комок перьев плюхнулся в воду.

- Кто это, Вань? - крикнула я. Повернулась - а напарника и след простыл. Только мокрая рыжая макушка в десяти сажнях от плота...

Второй орел превратился в громадного фиолетового джинна. Вытянув толстые губы он, как макаронину, втянул смерч и крепко сжал челюсти. Из его рта раздалось сердитое жужжание, а щеки вспучились, будто бы их пихали изнутри. Джинн шмыгал окольцованным носом, потешно шевелил ушами, но терпел.

На реке в это время установилась необычайная благодать. Перестал завывать ветер, успокоились волны, улегся песок по берегам - мы оказались в спокойной, как зеркало, воде.

- Глаз тайфуна, - благоговейно прошептала Гамаюн и, выпустив стальные когти, вцепилась в доски. - Ну, теперь держись...

Будто услышав, джинн улыбнулся уголком рта и хитро подмигнул. Извлек

из складок просторных штанов древний позеленевший кувшин, выплюнул туда толстого шмеля, закупорил горлышко пробкой и небрежно швырнул глиняную тару через левое плечо.

- Тут и сказочке конец, - отряхивая руки, из воздуха соткался шеф и огляделся. - А где мой плащик?

Я смутилась. О чем угодно можно было думать, пока нас атаковал Сет: о жизни, о смерти, о рыбных консервах...

- Забыли, значит, - осудил нас с вороной Базиль. - Я тут за ваши жизни бьюсь, а вы об имуществе позаботиться не можете?

- Хозяин, мы... - начала оправдательную речь Гамаюн.

И тут из-под воды донесся и стал нарастать глубокий, не побоюсь этого слова, тектонический гул. Будто там, под ногами, столкнулись материковые плиты. Будто континенты, сойдясь в любовной судороге, бьются друг о друга скалами, горами и долинами...

В том месте, куда шеф забросил кувшин, река вспучилась горбом и собралась в гигантскую водяную фигуру. Хрустально поблескивая, она поднималась всё выше и выше. Вот уже обнажились берега, блеснуло илистое дно, - вся вода Нила собралась в громадного, до неба, великана. В его теле возникали свои течения, водовороты, мелькали косяки рыб и один очень удивленный бегемот...

Плот застрял в илистой каше на дне. Вокруг кишели оставленные без среды обитания рыбы, прыгали лягушки и лопались большие мутные пузыри.

Подняв ногу, подобную громадной водяной колонне, великан начал медленно опускать её на нас.

- А вот это, - сказал шеф и покрепче уперся ногами в доски. - Совсем другой разговор...

Волна обрушилась с такой силой, что бревна разметало, как спички. Возник водоворот. Всё - я, шеф, ворона, ошметки плота и корзины, - закрутилось, как лягушки в блендере.

...Вода была тёплая, чуть солоноватая, и сильно приправленная илом. Пиштолеты тянули на дно, так же, как и набравшие воды башмаки.

Плавать я, конечно, умела. Но только по-собачьи. Кричать и звать на помощь было бесполезно: никто не услышит. Небо потемнело, опять засверкали молнии, а воздух стал таким же плотным, как мокрый брезент. Горизонт начал закручиваться воронкой, на дне которой зиял багровый, как созревший чирей, глаз...

И тут, где-то высоко над головой, прорезался тонкий луч. Словно нож, входил он в стену воды, и резал её, как консервную банку. По мере прохождения луча горизонт разматывался и ложился на место.

Плюхая по воде руками и ногами, я следила, не отрываясь, за лучом и наконец разглядела серфера, стоящего на доске. По воде он летел с бешеной скоростью, нарезая водоворот серпантинном.

Пролетая мимо меня, он задорно улыбнулся и подмигнул - только тут до меня дошло, что это Ванька. Тело его, затянутое в серебристый костюм, пере-

ливалось мускулами, ноги уверенно попирали доску, а световой меч сверкал чистым изумрудным светом.

Миг - и горизонт с грохотом развернулся. Я оказалась в обыкновенной реке, среди мешанины веток, коряг и всякой водяной всячины.

Небо окончательно потемнело. Пошел дождь. К счастью, обычный, из крупных капель. Но к сожалению, холоднющий - будто его специально перед тем, как вылить в реку, хорошенько заморозили.

Сцепив зубы и стараясь дышать только через нос, я упрямо барахталась в маслянистом густом супе, совершенно не представляя, где берег.

Шло время. Плыть было всё труднее. Сил хватало только на то, чтобы держать голову над водой. Бабуля говорил, что смерть от переохлаждения - это не страшно. Перед самым концом ты согреваешься, а потом уже больше ничего не чувствуешь...

- Маша-а-а-а!..

- Ванька! - открылось второе дыхание и я отчаянно заработала лапками.

- Ма-а-а-ш-а-а-а!...

Кажется, голос идет оттуда. Или отсюда? Черт, темно, хоть глаз коли.

- Ва-а-анька-а-а!..

Вопль лишил меня последних сил, я захлебнулась и пошла ко дну. Дернулась пару раз, и... Всё.

Смутно почувствовала, как меня, поперек туловища, сдавили жесткие челюсти. Испугалась - а вдруг это крокодилозомби? Но, махнув рукой, ощутила гладкость металла и расслабилась. Только одно существо на свете имеет такие перья...

Воды из меня вылилось литров сто. Кажется, я теперь месяца два на воду смотреть не смогу. Ни пить не буду, ни умываться.

Буря стихла. Нил, потрепанный, но не покоренный, грел серебристую спину в закатных лучах. Мы с Гамаюн сидели рядышком у костра. Ворона всё отчетливее поскрипывала, кончики перьев на крыльях заржавели. Я пообещала себе: как только выберемся из этой глуши, раздобуду самого лучшего машинного масла и лично смажу нашу птичку от хвоста до кончика клюва.

Суббота, целый и невредимый, бессовестно дрых рядом. Шефа не было. Как мне объяснили, он уединился, чтобы поговорить с Сетом...

Весь берег был усеян речными валунами, вырванными с корнем пальмами, перемешанными с песком корягами и разнообразной живностью.

Неподалеку устроилось крокодилье семейство - с тугими от обжорства брюхами и снулыми ленивыми глазками.

Еще дальше различались тёмные туши бегемотов. Среди них, как доктор среди больных, расхаживала длинноногая цапля. Время от времени она наклонялась, выхватывала что-то из мокрого песка, задирала клюв и глотала.

Между бегемотами и крокодилами ползало черное существо - не-то ящерица, не-то мокрая обезьяна... оно громко сопело, будто что-то вынюхивая, и бормотало себе под нос.

- Неплохо бы перекусить, - робко вякнула Гамаюн.

- Тебе-то что, - буркнула я. - Вон, сколько дохлой рыбы навалило. Одними глазными яблоками обожраться можно... - и тут же устыдилась. - Ой, извини, это я по привычке. Кстати: мерси, что спасла.

- Не было заботы - дохлых девчонок из воды таскать... - смутилась ворона. - Кстати: всегда пожалуйста.

- Так ты всё-таки плавать умеешь, или по дну?

- Не твоего ума дело.

Кивнув, я отвернулась. Но, спустя пару минут, не выдержала:

- Так что, у нас всё по-старому?

- Само собой.

Поднявшись, я подошла к Ваньке. Курточка почти высохла, ботинки исходили паром у костра. Босые ступни приятно зарывались в песок. Было как в бане рано утром: сумрачно, влажно, очень тепло и тихо.

- Теперь понятно, почему весь Египет - сплошной песок, - шмыгнув носом, сказала я. - Удивительно, как эти пирамиды раньше никто не порушил.

- Пирамиды? - переспросил Ванька.

- Да ты глянь, - я кивнула на другой берег. - Стоят, как миленькие. Хотя и не все...

После песчаной бури от пирамиды Хеопса не осталось даже следов. Только небольшая ямка в песке, рядом со сфинксом.

- А ведь её считали первым чудом света, - оказалось, Суббота не спит. Встав рядом, он уныло обозревал тот берег. - Три тысячи лет стояла вещь - ни пылинки, а Легба чихнул - и нет её. Как корова языком.

Не удержавшись, я расхохоталась.

- Это не шутка, - обиделся Суббота.

- Мы вернулись ровно в ту точку, откуда начали. Иронично, правда?

- Скорее, символично, - хмыкнул барон. - Преступник всегда возвращается на место преступления.

- Это не мы, - устало буркнул Ванька, не отрывая взора от горизонта. - Пирамиду обрушил Гаки.

- Ну конечно, - презрительно фыркнул Суббота. - Я - не я, физиономия не моя... Смотреть надо было! Не заметить такую простую ловушку - это надо...

- А откуда ты знаешь, что это была ловушка? - быстро спросил напарник.

Маги схлестнулись взглядами. А я закатила глаза: нам, вот прямо сейчас, только еще одной разборки не хватает.

Подергав Субботу за край простынки, я спросила:

- А почему ты зовешь наставника Легбой?

- Это его профессия, бросил тот, не глядя на меня. - Я повелитель кладбищ, Легба - хозяин перекрестков.

- И чем вы лучше самопровозглашенных божков Египта?

Барон отвлекся.

- Мы - потомственные бокоры. Наша семья занимается сделками с лоа много веков. А сейчас, с появлением Пыльцы, отношения просто перешли на... новый уровень.

- Ага. С наркотой народ дурить легче.

- Дурить? Дурить?!

- Духов не бывает. Широко известный факт... Как и богов, призраков и прочей мистики. Все волшебные существа - суть порождения больного воображения наркоманов.

Суббота задохнулся так, что аж посинел.

- Да как ты...

- Расслабься, - бросил через плечо Ванька. - Она в нас не верит.

- И как вы её терпите? - изумился Суббота.

Чем бы дитя не тешилось: маги объединились против общего врага...

Суббота возмущенно удалился, а я подвинулась к напарнику и взяла его за руку.

- Извини. Я тебя в виду не имела.

Ванька не ответил. А руку, высвободив из моей, спрятал в карман мокрых джинсов.

Небо совершенно очистилось. Хотя еще не стемнело, над рекой показались первые звездочки. Одна из них перемещалась подозрительно быстро - причем, в нашу сторону. Я напряглась. В свете последних событий это мог быть кто угодно. От очередного бога, которому мы чем-то не нравимся, до метеорита.

Пистолеты лежали разобранные - первым делом, как только отдышалась, я их почистила и положила сушиться. Больше из оружия у меня ничего не было. Хотя... Похлопав по карманам курточки, я зловеще улыбнулась.

Вытащить чеку, дернуть кольцо. Этой премудрости учиться не надо. Она как бы с молоком матери...

- Убери, - сказал Ванька. - Это Лумумба.

Но было поздно: кольцо было у меня в зубах.

- Да ты что? Что теперь...

- Ложись, - посоветовала я и швырнула гранату в дюны.

Грянуло тихо, неинтересно. И песок поднялся лениво, будто устал. И огня почти что не было...

Базиль приземлился на кромке воды, в последний миг приняв обличье самого себя.

- Что за шум, а драки нету? - осведомился он как-то устало, без должной строгости.

- Машка хотела вас гранатой прибить, - тут же наябедничала Гамаюн. - Еле успели руку её предательскую отвести, вас, хозяин, грудью заслонить...

- Что ты несешь, дурында? - я шлепнула железное чучело по затылку и ворона шмякнулась клювом в песок. - Ты вообще спиной сидела, - я повернулась к Базилю. - Простите, шеф, не признала. Думала, опять боги шалят.

- Пятерка за бдительность, - похвалил наставник, оглядывая наш временный лагерь. - А где мой плащ?

- Кто о чем, а голый о бане, - укорил наставника Ванька. - Нет бы об учениках позаботиться...

- Учеников всегда можно новых набрать, только свистни, - отмахнулся шеф. - А плащ - изделие уникальное. Два месяца ушло, чтобы желчь отцеубийц для клея собрать, - издав торжествующий вопль, Лумумба поскакал к ближайшей дюне, на желтом боку которой темнело что-то мокрое. Честно го-

вора, больше всего это смахивало на дохлого крокодила. - А вот и мой плащик!

Мы с Ванькой непритворно офигели, когда он вытащил из песка свой страшный боевой наряд.

- Лежит, позабыт-позаброшен, - ворчал Базиль, любовно отряхивая и натягивая на себя этот ужас. - И никто о нём не позаботится, не почистит, не развесит у костра...

По напряженной спине, по выражению глаз, по неприятным дребезжащим ноткам в голосе я поняла, что наставник жутко зол. Он пытался это скрыть, старался подавить раздражение, которое, судя по его виду, плескало где-то у горла.

- Бвана, случилось что? - спросил Ванька. Он тоже почувал, что с шефом не всё в порядке.

- Да как вам объяснить, чтоб себя во грех не ввести? - пожал тот плечами. А затем рявкнул: - Геде! А ну, предстань пред очи. Да объясни мне, своему старшему брату, как тебе в голову пришло украсть Мертвое Сердце?

А в ответ - тишина.

Суббота пропал. Как корова языком.

Глава 6

Глава 6

Маша

...Светила луна, шелестел ветерок, а из-за черных силуэтов акаций доносился дробный стук босых пяток...

Базиль устало вздохнул, а затем, топнув ногой и хлопнув в ладоши, произнес:

- А ну, тропинка-невидимка, поворачивай назад.

Стук пяток начал медленно приближаться.

Показались светящиеся, как у кошки, глаза. Под ними - силуэт леопардовых бикини. Затем прорисовалась тень бегущего человека...

- Хотел обмануть хозяина дорог? - осведомился шеф. Суббота, уперев руки в колени, только одышливо всхлипнул.

Похлопав по спине - хлопки никак не походили на дружеские - Базиль подвел Субботу к костру и, надавив на плечо, усадил. Достал из жилетного кармана фляжку, открутил крышечку, протянул брату. Тот жадно запрокинул её... Полетел фонтан брызг.

- Вода? Ты дал мне воду?

- А ты что хотел? Марочный коньяк?

- Хотя бы пиво.

- Обойдётся.

- Я же тебе братишка, Легба.

- Тамбовский волк тебе братишка! Как ты мог?

Суббота втянул голову в плечи.

- Это всё Линглесу, это он всё придумал. Я только...

- Стоп, - поднял руку Базиль. - Давай по порядку.
Суббота отхлебнул из фляжки.
- Он сам пришел. Месяца два назад... Маленький, а ва-а-ажный. Тачка у него - "Мустанг" шестьдесят девятого, сечёшь?
- Так он не местный? - казалось, наставник сильно удивлен.
- Ну да, - кивнул Суббота. - Вот как он, - и ткнул пальцем в Ваньку. - Сахарок.
- Сам ты сахарок, - начал заводиться напарник, но Базиль успокаивающе похлопал его по плечу.
- Геде хочет сказать, что дружок его - человек европейской национальности, - и вновь повернулся к брату. - Продолжай. Но за базаром следи.
- Ты тоже следи, - буркнул Суббота. - Никакой он мне не дружок.
- Появился два месяца назад... - напомнил Лумумба. - И что дальше?
- А ничего. Я, говорит, фотограф и журналист. Снимаю дикую природу и этнические народы в естественной среде обитания. А сам...
- Суббота замолчал. На скулах его заходили желваки, глаза превратились в узкие щелочки. Дышал он хрипло, натужно.
- Что сам? - подтолкнул его наставник.
- В скорлупки меня обыграл.
- Тебя, - уточнил шеф. - В скорлупки.
- Что, не веришь? - оскалился Суббота.
- Да нет, почему же? Если ты был пьяный и связанный, да еще и ослеп в придачу - вполне возможно.
- Издеваешься?
- Немножко, - не стал отпираться шеф. - Но в голове всё равно не укладывается. Даже я тебя обыграть не мог.
- Я невольно приснула. У шефа, оказывается, далеко не безоблачное прошлое...
- Базиль, бросив на меня сумрачный взгляд, вновь повернулся к брату.
- Ближе к телу.
- Суббота вздохнул, философски пожал плечами, а затем зажмурился и выпалил:
- Линглесу обещал всё вернуть, если я помогу украсть Мертвое Сердце.
- Повисла тишина. Тихо потрескивал костерок, о прибрежный песок плюхали небольшие волночки.
- Сдаётся, ты проиграл действительно много, - наконец изрек шеф и отвернулся.
- Мы с Ванькой притихли. Суббота остервенело бросал в костер травинки.
- У меня не было выхода, - мрачно сообщил он.
- Выход есть всегда, - напомнил наставник.
- Тебе не понять, - отмахнулся Суббота. - Отдать игровой долг - это дело чести.
- Для тебя игра всегда была важнее жизни.
- Впрочем, как и для тебя, - не остался в долгу Суббота.
- Некоторое время они сверлили друг друга взглядами.
- Как бы там ни было, Сердце я должен забрать, - наконец буркнул шеф. - Долг выплатишь другим способом. Если что, я помогу.

Суббота дернулся, как от пощечины.

- У меня его нет.

- Нет? - шеф бросился на Субботу, как крокодил на трепетную лань. - После всего, что мы пережили, ты смеешь утверждать, что у тебя нет артефакта?

- Линглесу обманул нас!.. - завизжал Суббота, прикрывая голову руками. - И меня, и Сета. Он нас кинул, как только заполучил Сердце!

- Ну да, - кивнул Лумумба и вытянул губы трубочкой. В глазах его отразилось удовлетворение. - Конечно. Разумеется.

- Я не хотел, - заныл Суббота. - Честное слово, не хотел. Но он сделал предложение...

- От которого ты не смог отказаться, - кивнул наставник. - И всё-таки, мне интересно: что он тебе пообещал?

Суббота искоса глянул на брата, но упрямо мотнул головой.

- Тебе не понять, - повторил он. - Ты ушел от нас двадцать лет назад.

- А теперь вернулся. И хочу во всем разобраться. Так что начни с начала, Где, - мягко попросил Лумумба. - Можешь не верить, но я очень хочу во всем разобраться.

...Фотографом он не был. Что я, репортеров не видел? В старые времена их на озеро Баринго слеталось как пеликанов на утреннюю кормежку. Так вот... Никакой он был не журналист. Линглесу торговал пыльцой

- Статья двести двадцать восемь У. К, - вставил Ванька.

- Может, у вас и статья, - передразнил его Суббота. - А у нас - свободное предпринимательство. Да нашей Пыльцой вся Южная Америка кормится! Майами, Флорида и Калифорния. В Европу дорогу наладили. В следующем году планируем на Российский рынок заходить... Ты как, поможешь? - он с надеждой посмотрел на брата.

- Отчего же, - покладисто согласился шеф. - В острог, на десятку - запросто. И двадцать лет каторги... Охота посмотреть, как ваши челноки Сибирские морозы переживут.

- Значит, сами рынок осваиваете, - со знанием дела кивнул Суббота. - Конкуренции боитесь.

- Да пойми ты, дурья башка...

- Я-то может и дурак, - не обиделся Суббота. - Да только и дети понимают: без Пыльцы колдовать нельзя. Без дури - я, ты, ученичок твой, - домохозяйки с больным воображением.

- У нас торговля Пыльцой запрещена законом. Как и её производство, - вставил Ванька.

- Ой, только не надо... - отмахнулся Суббота.

- Ближе к телу, - оборвал его шеф. - Линглесу привез вам Пыльцу. И что?

Суббота неопределенно пожал плечами.

- Фишка в том, что его товар в три раза лучше, чем наш. И обратки никакой. Совсем другой штамм.

- Ты уверен? - оживился Ванька. - Бвана, если без обратки, это же...

- За всякий кайф положено платить, - отрезал шеф. - Это непреложная суть вещей. От алкоголя бывает похмелье, от наркотиков - ломка, от Пыльцы - обратка... Спылившихся много?

- Не больше, чем обычно, - равнодушно пожал плечами Суббота.

- Странно.

Мы дружно посмотрели на шефа.

- Линглесу привез вовсе не новый штамм, - объяснил тот.

- А что тогда?

- Пыльцу с примесью ЛСД.

- Но... зачем?

- Как раз за тем, чтобы вы, лопухи, почувствовали себя крутыми, - шеф невесело улыбнулся. - ЛСД дает ни с чем не сравнимое ощущение могущества. Иными словами, ты по-настоящему начинаешь верить, что стал богом... Размножить культуру пробовали?

- Не раз, - кивнул Суббота. - На третий день чёрной плесенью покрывается. Мама чуть с ума не сошла. Всё перепробовала: влажность, температура, субстрат... Даже кюветы стерилизовала, хотя всем известно: Пыльце чужеродные бактерии по барабану. Она их на завтрак жрет.

- Это не новый штамм, - повторил шеф. - Даже наоборот: неликвид пополам с химией. Он вас подсадил, а затем начал стричь.

- Выходит, мы полные идиоты? - набычился Суббота.

- Выходит, - согласился Лумумба. - Но давай вернемся к Сердцу. Почему Линглесу пришел именно к тебе?

- А к кому еще?

- Ну да, - кивнул шеф. - Действительно... Так что он тебе пообещал?

- Силу, - глядя в землю, буркнул Суббота. - Стать настоящим Бароном Саме-ди.

- И ты поверил?

- Еще бы. Кто от такого откажется?

- А как же я? - спросил Лумумба.

- Ну конечно, - Суббота сплюнул в костер. - Только это тебе и важно. Только о своём благополучии и думаешь...

- Не правда.

- А вот и правда! Ты нас кинул, бразэ, и не спорь. Тебе двадцать лет не было до нас никакого дела.

- Я приехал...

- Ты приехал, чтобы заграбастать самый сильный в мире артефакт! А на нас тебе насрать.

Базиль устало опустил рядом с братом на корточки.

- Ты даже не представляешь, насколько ты не прав, - тихо сказал он. - Но надеюсь, когда-нибудь поймешь.

- Пойму, что я дурак? Что ты - самый умный, ответственный, и только у тебя растут волосы на груди?

Лумумба усмехнулся. Достал из жилетного кармана самокрутку и протянул её Субботе. Тот жадно затянулся. Над рекой поплыл характерный терпкий аромат...

- Как вы всё провернули? - шеф, забрав самокрутку, тоже затянулся. Выпустил клуб дыма и вернул чинарик брату.

- Кое что я всё же могу, - буркнул Суббота, выбрасывая крошечную пятку в костер. - Я ж Хозяин Кладбищ.

- Ты нашел могилу отца.

- С точностью до полуметра, - гордо кивнул Суббота. - Линглесу знал, что

Сердце будет рядом.

- Продолжай...

- Нам понадобились деньги. Мно-о-ого денег.

- Зачем?

- Чтобы обойти заклятья двенадцати магов. Линглесу предложил прорыть туннель под пирамидой и выйти сразу на могилу. Снизу.

- Оригинально, - кивнул Лумумба. - Только рыть пришлось бы несколько лет.

- Линглесу заказал у англичан специальную машину, - сверкнул глазами Суббота. - Проходчик, которым в старые времена копали туннели для метро. Он вырыл подкоп за две ночи.

- А Сет за это заплатил, - догадался шеф.

- Англичане запросили полторы тонны Пыльцы, или золота в эквиваленте. Только у Сета было столько. Иначе мы бы обошлись без него... Да не смотри так, братец, я всё понимаю. Только сила - такая штука: один раз попробуешь - всю жизнь будешь мечтать только о ней, - Суббота посмотрел на Лумумбу. - Или я не прав?

- Поэтому мы и спрятали Сердце, - кивнул наставник.

- Кто придумал оставить в крипте демона? - перебил Ванька.

Суббота смутился.

- Я, я поставил ловушку! Довольны? - мы, все трое, молчали. Что тут скажешь? Подонок - он и в Африке подонок. - Но я не думал, что в неё попадетсЯ мой старший брат.

- Ты сам меня пригласил, - напомнил шеф. - Ты сам, лично, прибыл за мной в Мангазею.

- Не так всё было, - тоскливо протянул Суббота. - Можешь мне не верить. Но всё было не так...

- Мы хотели задержать Сета, - сказал Суббота. - И я предложил привязать там Гаки. Он тупой, как пробка. Если попытаться отнять у него хоть что-то, хоть столетней давности гнилую кость - не задумываясь лезет в драку. Но я не думал, что у него хватит силенок обрушить ВСЮ пирамиду.

- Но зачем ты поехал в Москву? - спросил Лумумба.

Суббота безумно улыбнулся.

- Понял, что Линглесу кинул меня так же, как мы с ним - Сета.

- Типичный стукач, - кивнула я. - У нас в банде таким тёмную устраивали. Случайно натыкались в тёмном переулке, и - финку под ребро... Почему ты не предупредил о ловушке? Хотел, чтобы мы в неё попали. Заманивал. Может, у вас с Линглесу тайный сговор...

- Я забыл! - взвыл Суббота. - Можете не верить, но я просто забыл. Замотался.

... Попал в Москву - тебя нет. Я туда, сюда - как корова языком. А тут еще этот, в кепке... Лампой в лицо светит: откуда, куда, зачем? Почему не отмечаешься? У нас все маги на учете, а ты - голь перекатная.

Я и расколосся. А ты бы нет? Он выслушал. Покивал. А потом посоветовал отыскать тебя. Я согласился: в Африку мне, пока Сет жив, лучше было не возвращаться... А про ловушку забыл. Столько всего случилось, что Гаки абсолют-

но вылетел у меня из головы.

- Мушхуш - тоже твоих рук дело? - мрачно спросил Ванька.

- Чем хошь поклянусь: не я это, - Суббота даже не побледнел, а посерел. - Мардук - псих на всю голову. Они с Нергалом устроились в Вавилоне и чувствуют себя там, как Мона-Лиза в Лувре: все смотрят, завидуют, а сделать ничего не могут...

- Значит, Линглесу и там наследил, - заключила я. - А что? Если он вам с Сетом мозги запудрил, то и Мардуку тоже. Ограбление по-итальянски.

- Пообещал всем Мертвое Сердце, а сам... - медленно произнес Ванька.

- А сам не собирался делиться ни с кем. Он всё знал заранее, этот ваш Линглесу. Знал, что ты согласишься помочь. Знал, что Ванька ходит по Нави, как у себя дома... И задумал прихлопнуть всех конкурентов одним махом.

- Я не хотел вашей смерти! - выкрикнул Суббота и вскочил. - Я только хотел... - он не договорил. Махнул бессильно рукой и отвернулся.

- Я тебя понимаю, - вдруг сказал Базиль. - Ты мне не поверишь, но я тебя очень хорошо понимаю.

Суббота только передернул лопатками.

- Тебе сейчас кажется, что всё кончено. Тебя ищет Сет, тебя хочет убить Линглесу, тебя, наверняка, совсем не рады видеть дома...

- Дома? - Суббота так и взвился. - Ты ничего не знаешь о том, что твориться у нас дома!

- Ты прав, - кротко согласился наставник. - Но лично я бы выгнал паршивую овцу, продавшую семью за жалкий серебреник.

- Что ты сказал? - казалось, Суббота не верит собственным ушам.

- Что слышал.

- Значит, всё?

- На текущий момент - да. А вот когда я разберусь с этим делом...

Суббота не дал ему договорить. Подошел, плюнул под ноги, а затем повернулся и размашисто зашагал в темноту.

Мы немножко подождали. Потом еще подождали. Потом я спросила:

- И что? Вы его не вернете?

Вместо ответа шеф посмотрел на темную фигуру по ту сторону костра.

- Ты всё запомнила? - спросил он у Гамаюн. Та молча кивнула. - Тогда лети.

Расправив крылья, птица мягко скользнула в воздух.

- Зачем вы так с ним? - вдруг спросил Ванька.

- Затем, что так надо, - ответил шеф. - Всё должно идти своим чередом.

- Это вам карты поведали? - ядовито спросила я. - Переквалифицируетесь в гадалки? А что? Платочек да цветастую юбку - вам очень пойдет...

Сказала шутки ради, чтобы разрядить обстановку. Но Базиль обстановку разряжать не захотел. Вместо этого схватил меня за ухо и больно дернул.

- За что? - ухо горело. В горле плескалась обида. Вот так стараешься, веселишь всех, не жалея языка, придумываешь новые приколы... а что в благодарность?

- Для вас я - Учитель. Глас ангела с небес и истина в последней инстанции. - Развели тут... полное отсутствие субординации.

- Насчет "истины"... - осведомилась я, растирая больное ухо. - Насколько она последняя?

Шеф собирался ответить, судя по лицу, что-то нецензурное, но с неба, как проклятье, рухнула Гамаюн. Пулей просвистев между мной и Ванькой, она врезалась в костер, разметала угли и подняла тучу искр. И воткнулась в самый центр пепелища клювом. Лумумба полез её вызволять.

- Ммм... Тьфу, тьфу...

- Ты что, с ума сошла? Ты нас чуть не убила! - подскочила я к вороне.

- Прощения просим. Не рассчитала. Магнитная буря, навигацию нарушает. А вода в брюхе - тангаж...

- Ты всё сделала, милая? - спросил шеф, отряхивая птицу от пепла. - Он действительно ушел?

- Как гриб сквозь землю, - кивнула ворона. - Уж я следила-следила, смотрела-смотрела...

- Тогда можно начинать, - нетерпеливо оборвал её шеф.

Извлек из жилетного кармашка маленький пузырёк, поставил на ладонь и подул. Пузырёк начал расти, расти, и вырос в пузатую трехлитровую банку. В банке сидел гомункулус - крошечный такой живой человечек. Со сплошь заросшим диким волосом лицом, с фингалом под правым глазом и с золотыми коронками во рту. Одет гомункулус был в вытертые хаки и такую же безрукавку, под которой угадывались синие тюремные татуировки.

Банка лопнула мыльным пузырём и гомункулус соскочил с ладони Базиля в песок. Он чуть-чуть подрос, но всё равно очень походил на гнома.

- Я твою маму мотал, я твою сестлу мотал, я тебя самого...

- Повежливее. Здесь барышня.

- Я твою балышню...

- Да это я тебя палочкой от мороженного выпотрошу, а из кишок шнурков намотаю, - я показала ему "козу". - Ноздри накинь, шарами стукнись, а потом затухни, гнилушка.

- Вах, какая дэвушка! Пэлсик, а нэ девушка... Луки убели, да?

- Ноздри, говорю, накинь!

- Маша, успокойся. Он больше не будет.

- Слушай, продай, а? Дэвушка продай! Характэр - бомба! Толко худая... Я её халвой кормить буду. Станэт круглая, красивая... Как ангэл!

- Я те покажу, ангел. Я тебя сейчас жопой на ботинок натяну...

- Маша, отойди от него. Сет - наш союзник.

Мы с Ванькой переглянулись.

- Это Сет?

Остановило меня от дикого хохота только то, что я твердо знала: над коротышками смеяться нельзя...

- А шо? Нэ нлавится? - бог смерти картинно повернулся вокруг себя. - Пасматли! Кылысавэц-мужчына... Пойдэм, за дюну э? Я тебя прямо счас счастливой жэнцыной сдэлаю!

Голову гомункулуса украшала блестящая лысина, камуфляж казался каким-то обсосанным, обтрепанным и обгорелым. Костяшки пальцев сбиты, ногти обкусаны. На ногах - резиновые сланцы. Из них торчали волосатые и не очень чистые пальцы...

- Вы нас разыгрываете, Базиль, это не бог смерти, - повернулась я к Лумум-

бе. - Это хоббит. И даже не маскируется.

Взгляд коротышки поскучнел, подернулся мутной пленкой, рука скользнула куда-то в недра штанов...

- Аккуратней, Сет, - Базиль флегматично смотрел себе под ноги. - Хочешь вечность в бутылке провести? - учитель повернулся ко мне. - А ты, юный падаван, не нарывайся.

- Он сам виноват. Намёки грязные делает...

- Вах, дэвушка! Какиэ намёки? Чистые намэрэния! Жинюс - царицэй станэшь... Четвэлтой. Или пятой. Челт, нэ помню...

- А ну... - вперед вышел Ванька. Сет доставал ему разве что до груди. Да и то, если подпрыгнет. - На чужой вершок пасть гнилую не раззевай!

Сет смерил взглядом Ваньку вдоль, а потом поперек. Глаза его двигались ме-е-едленно и долго.

- Эт кто? - спросил он уголком рта.

- Ученик ихний, - мстительно улыбнулась я. - А еще мой жених.

Как эти слова вырвались, не знаю. Наверное, те бесы, про которых Бабуля говорил, что они людей путают, вот прямо сейчас меня и попутали...

Зато Сет, кажется, проникся. Шаркнув ножкой, подошел к моему напарнику, уважительно пожал его лапищу и так же тихо отошел.

- Был не прав, - извинился он. - Обещаю загладить, искупить...

- Ты всё слышал? - перебил, потеряв терпение, шеф.

Отвернувшись от нас с Ванькой, Сет кивнул.

- Ты согласен заключить сделку?

Лицо бога смерти сделалось строгим и простым. В глазах, в осанке, прорезалось величие, а над головой возник призрак оскаленной волчьей головы.

Лумумба тоже изменился. Сорочка на нем сама собой побелела, в начищенных сапогах отразилась луна, а на бедре качнулся эфес тяжелой шпаги.

- Согласен, - кивнул Сет и протянул - плюнув на ладонь - руку. Лумумба, не колеблясь, плюнул на свою.

- Самеди всё равно мне должен, - сказал бог смерти.

- Я - его старший брат. Значит, могу взять этот долг на себя.

Сет оскалился.

- А не пожалеешь?

- Главное, сам не пожалей, - усмехнулся шеф.

Глава 7

Глава 7

Иван

Да, если б не Суббота - фиг бы Линглесу заполучил Мёртвое Сердце. А бвана теперь расхлебывай...

Последние шесть лет мы с Лумумбой были неразлучны. Мотались по городам и весям нашей необъятной, делили одну корку хлеба и последнюю понюшку. И что характерно: никогда, ни при каких обстоятельствах он не упоминал, что у него есть брат.

Поймав себя на этой мысли, я понял, что ревную учителя. А вдруг он плюнет на всё? На Москву, на АББА, на нас с Машкой... И останется здесь, в Африке.

- Шеф, у вас еще братья имеются? - спросила Машка. - Я хочу сказать, с таким родственником и врагов не надо, и если есть и другие...

- Геде - мой единственный живой брат, - ответил Лумумба таким тоном, что любой нормальный человек смекнул бы: пора закругляться. Но моя напарница была кем угодно, только не нормальным человеком.

- А кто правит вашим государством?

- Моим государством? - удивился наставник.

- Ну, я так понимаю, ваш папа был королем. А значит, он чем-то правил, верно? И если он уже умер - пустьземляемубудетпухом - а вы старший в семье, значит...

- Королевством Самбуру правит моя мать, королева Лайлани. Пребывает она в добром здравии, и уходить на покой не собирается, - бвана многозначительно пошевелил на Машку бровями. - А теперь помолчи.

- Нет, ну вы только представьте, - напарница сделала торжественное лицо. - "Его Величество король Лумумба". Звучит?

- Какая буква в слове " а сейчас помолчи" тебе непонятна?

- Да я что, я ничего, - Маша ехидно прищурилась. - Просто интересно... - бвана заворчал, как пёс, которому не дают спокойно погрызть мозговую косточку. - А куда это Сет запропастился? Не нравится он мне. Маленький, а сам хи-и-и-трый.

- Никого не напоминает? - огрызнулся учитель.

- А и правда, бвана, зачем вам этот уголовник? - поддержал я напарницу.

- Я уехал из Африки двадцать лет назад. Так что о местных реалиях знаю не больше вашего. А Сет - старожил. Он может оказаться полезным.

- И что вы ему пообещали?

- Одно желание.

Внимательно рассмотрев наставника, я не обнаружил никаких признаков слабоумия. Хотя речи его и оставляли такое впечатление.

Но ведь... Но ведь и раньше так бывало: он что-нибудь химичит в тайне от всех, строит планы... А потом - бах! И тишина. Только мёртвые с косами стоят.

Я что хочу сказать: глубоко уважая наставника, его творческих порывов я просто боюсь. Энергию бваны, да на мирные цели - Антарктиду можно растопить.

- А вы и вправду можете исполнить любое желание? - спросила Машка. - Как волшебная палочка?

Что-то в её голосе, в выражении хитрой мордочки, говорило о подвохе. Но бвана тоже был тертый калач.

- Разумеется, - многозначительно кивнул он. - Составляем договор, подписываем кровью. И желание твоё... В обмен на десять лет жизни, - из головы учителя показались витые рога, глаза заблестели желто и глумливо.

- Ой, да ладно. Мефистофель - не настоящий дьявол, - неуверенно хихикнула моя начитанная напарница.

- Хочешь рискнуть?

- Чем больше просишь - тем больше заплатишь, - встряла Гамаюн. - Уж ты-то должна это понимать.

- А всё-таки, от одного желания я бы не отказалась, - Машка даже причмокнула. - Чтобы тебе клюв запаляли. Представляешь? Ни пожрать, ни покудахтать.

- Это кто кудахчет? Я тебе не курица! Я - птица Гамаюн. Отличаюсь...

- Сет идет, - оборвал я ворону.

Он старался подойти незамеченным, но лысина, сверкающая на солнце, как смазанное маслом яичко, его выдала.

- Эх, спать вполглаза придется, - вздохнула Машка. - Сделка - сделкой, но этому хмырю в спину ударить - что почесаться.

- Сет по-своему человек честный, - отозвался бвана. - Во всяком случае, пока ему это выгодно. До тех пор, пока мы не найдем Сердце - почти наверняка.

- На Сета надейся, а сам не плошай, - пробурчала напарница.

...Песок осыпался медленно и неотвратимо. Он сходил, как снежная лавина с высокогорного ледника. Как водопад, столетиями пробивающий себе путь в скале. Как само время, крупинцы которого бесконечно точат стрелки часов. И только неподвластный времени сфинкс молчаливо наблюдает за секундами, умирая от скуки.

Когда весь песок ссыпался, в гладком боку пирамиды - небольшой, расположенной слева от разрушенной пирамиды Хеопса, - обнаружилась стальная дверь. Огромная, как ворота ангара и ржавая, как брюхо речного сухогруза.

Рисуясь, Сет вытащил из штанов пульт и нажал кнопку. Стальная плита застонала, как раненый кит, и начала подниматься. Реки песка хлынули вновь и мы поспешно отскочили от входа.

- Вань, почему он на нас смотрит? - тихо спросила Машка, косясь на сфинкса.

- Да не смотрит он, - отмахнулся я. - Кажется тебе.

- Ага, как же. Отвернешься - а он как прыгнет.

- Обезьяны прыгают. А сфинкс загадывает загадки, - встряла в наш разговор

как всегда непрошенная Гамаюн. - Если не угадаешь - ест.

- Не каркай, - Машка бросила в ворону горсть песку.

- Да я и не каркаю, - нахохлилась ворона. - Пирамиду свалили - вот он и хочет отомстить. Потому и смотрит: приценивается...

- В сотый раз говорю: не мы это, - я устало вытер пот и шлепнул замурзанный носовой платок на макушку. Хорошо Машке: мелкая, солнце её и не замечает. Лумумбе привычно - он здесь родился. Ворона так вообще железная. У ней тепло в энергию переходит. Всё внимание беспощадного светила достаётся мне... Уши на свежую отбивную похожи, нос - на печеную картофелину. Прямо экспресс-обед в косоворотке.

- Ну и что мы тут забыли? - спросил я великих комбинаторов, осторожно заглядывая в чёрное нутро пирамиды. - Каков план-то?

- Транспорт, - бросил Сет.

- Какой еще транспорт? Сланцы-скороходы? Лыжи-невидимки? Будто у бваны в жилетном кармашке этого добра мало.

- Не кипишуй, пацан. Ща всё будет.

Горбатым носом, невероятной волосатостью и наглостью Сет напоминал торговшей с Московской барахолки. Те тоже всё обещают...

В пирамиде было темно, прохладно и пахло железом. Сет пошарил руками по стене. Я напрягся. Вспомнил все те страшилки, что показывали в кино: и как проваливаются полы, и как вылетают копыя из стен, и как потолки падают. Вот сейчас как нажмет рычаг, как покатится по желобу гигантский шар...

Включился свет. Пирамида была небольшая, размером с самолётный ангар, и совершенно полая изнутри. Пол покрывали гладкие бетонные плиты, а по потолку тянулся провод с электрическими лампочками.

И в этом свете...

- Бвана, мы что, спим?

- Ух ты! Я таких снов никогда не видела.

Сет наслаждался нашим восхищением, как именинник сливочным тортом.

- Бвана, смотрите, настоящий Хаммер!

- А это Феррари, да? Нифига себе!

- Бвана, бвана, Чайка! Лопни мои глаза. А вот Ламборжини...

- Бугатти, закопай меня комар!

М-да, хорошо, что Субботы с нами нет. Он бы рехнулся от зависти.

Машин было десятка три. И все, как одна - новёхонькие, блестящие, пахнущие свежей краской. Некоторых логотипов я не знал. Только те, что помнил по старым журналам, которые сохранились в академии.

- Да вы маньяк, батенька, - уважительно присвистнул Лумумба. Сет польщенно потупил глазки.

- Это ж сколько все эти тачки стоят? - Машка с упоением провела ладошкой по хромированному рулю мотоцикла. - А можно послушать, как он ревет? А прокатиться?

- Сколько стоят - не скажу, - Сет с хозяйским видом облокотился о бок высокого, камуфляжной расцветки, джипа. - Самому страшно. Как вспомню, что пришлось отдать... Одних наложниц - триста душ. И каких наложниц! М-мух - он поцеловал кончики пальцев. Бедрa - как дыни, волосы - как... А, да что теперь вспоминать.

- А может, они не настоящие? - прищурилась Машка.

- Эй, думай, что гаваришь, да? Как это нэнастоящие? Всё бэз обмана. Сам покупал, сам прятал. Пылинки сдувал, ходовку перебирал, бока полировал. Я в прошлой жизни знаешь, кто был? Лучший автомеханик в Каире, вот кто! А ты гавалишь, нэ настоящие...

- Так каков план? - перебил я, пока Сет не разошелся. - Мы собираемся куда-то ехать?

- У нас расследование, помнишь? - бвана задумчиво рылся в карманах.

- А давайте на мотоциклах! Это будет офигенно круто! - встряла Машка.

Я подумал.

- Не, лучше на Хаммере. В нём и поспать можно. А на мотоцикле как ты поспишь?

- Хаммер жрет, как не в себя. Лучше тогда япошку взять. Вон ту, голубенькую. Японцы хорошие тачки делать умели.

- Ага. И где они теперь? Сплошная Яма Фудзи... То ли дело военная техника! Ничего лишнего, голый функционал.

Бвана участия в полемике не принимал, но, послушав нас, подошел к тускло-серому Вранглеру и вопросительно посмотрел на Сета.

- Тут такое дело... - смущенно хмыкнул самый лучший автомеханик. - Баки у всех пустые. И свечей зажигания нету.

Мы с Машкой переглянулись. Глаза у нас были абсолютно одинаковой круглой формы: нет, ну не дурак ли?

- Чтобы не украли! - с вызовом закричал Сет. - Только эти жемчужины делают мою жизнь сносной. Если которой не станет - я застрелюсь.

Машка с каменным лицом протянула Сету пистолет.

- Без топлива это не жемчужины, а страусиные какашки. А ты - дешевый вуайерист, понял?

- Да я тэбя...

Машка показала язык и надменно отвернулась.

- Если нет транспорта, - оборвал бога смерти Лумумба, - Как ты собираешься выполнить свою часть договора?

- Почему нету? - сразу успокоившись, пожал плечами тот. - Сет сказал - Сет сделал, - и направился к дальней стене, где громоздилось что-то длинное, приземистое, накрытое брезентом. Сдернул его и гордо повёл рукой. - Вот! Шевроле Импала. Металлический корпус. Движок турбо, бак - семьдесят девять и шесть... И еще четыре канистры по двадцать, - голос бога смерти любовно дрогнул. - Берег на черный день.

- Считай, он уже пришел, - буркнула Машка, проходя к водительскому месту. Открыла дверцу, постояла в раздумьях, закрыла... - А кто поведет? Шеф, вы водить умеете? Потому что этому гомункулусу я не доверяю, - она ткнула пальцем в Сета. Тот возмущенно фыркнул.

- Не важно, кто поведет, - сказал бвана, основательно устраиваясь на переднем пассажирском. - Хоть бы и ты.

- Ура! - Машка тут же взобралась на водительское место. - Эй, Сет, ключи дай.

- Нэ дам. Жэнщина за рулём - прэступнык.

- Сам ты уголовник мохнатый...

- Маша, - Лумумба устало потёр переносицу. - Ты умеешь водить?

- Ну...

- Тогда слазь и не выпендривайся. У нас не так уж много времени.

В кои-то веки моя напарница послушалась. Угрюмо выскользнув из машины, она открыла заднюю дверь - попутно показав Сету язык - и втиснулась рядом со мной. Гамаюн в машину лезть не стала. Расправив крылья, она взмыла в белесое небо и зависла там зловещим крестиком.

- Куда едем? - спросил бвана, когда Сет вырулил из пирамиды. Нажав кнопку, он ревниво наблюдал, как опускается железная плита, скрывая от мира его сокровища.

- В Бумбу, - откликнулся бог смерти, не поворачивая головы. К корешку моему. Если кто чего и знает про Сердце - так это он.

- Бумба, Бумба... Где это? Что-то я такой страны не помню, - наморщил лоб Лумумба.

- Бывшая Центральная Африканская республика. Теперь это называется государство Бумба. Со столицей в городе Бумба и королём по имени Бумба... Се-чёшь?

Дорога - вполне приличная бетонка - шла параллельно реке. Мы всё время видели на горизонте зеленую полоску.

Верхушки пирамид давно скрылись за дюнами, солнце палило так, что песок казался прозрачным, как стекло. Над ним стояло зеркальное марево.

Черная машина прокалилась так, что на капоте можно было жарить яичницу - если б было из чего, конечно. Я сглотнул слюну. Ели мы так давно, что желудок уже и забыл, как это - переваривать. Пить тоже хотелось. Лимонаду, например. Или холодного молока...

Запрет на хождение в Навь ударил по мне больше, чем я думал. И это настораживало: выходит, без магический прибабасов я уже совсем ни на что не годен?

Нужно отвлечься. Просто не думать о еде и всё. Рано или поздно мы куда-нибудь приедем. Если бензин не кончится.

- Вань... - подергала за рукав Машка. - Кто это там?

Чтобы посмотреть в окошко, пришлось скрючиться в три погибели. Маленькие машины делали эти американцы. Пока живы были, конечно.

...Смотреть пришлось искоса, снизу вверх, так что я долго не мог понять, что там мельтешит.

На одной из дюн, четко вырисовываясь на фоне закатного неба, стояла высокая фигура. С ног до головы, так, что не было даже лица, она была замотана

в тряпки - они полоскались по ветру длинными лентами.

Вокруг, покрывая дюны сплошным ковром, кишели остроухие твари. Они выли, задрав в небо узкие морды - и тем страшнее был этот вой, что мы его не слышали.

- Э, обыкновенные шакалы, - фыркнул Сет, бросив взгляд в зеркало.

- Не похоже, - поджал губы Лумумба. - Шакалы редко сбиваются в стаи.

- А еще они крайне редко, почти никогда, не слушаются мумий, - встала Машка.

- Нэ знаю, - как-то очень уж небрежно ответил бог смерти. - Мумии-шмумии какие-то... Дэвушка сказок начитался...

И вдавил педаль газа до упора.

- Точно мумия! - округлив глаза, возвестила Машка. Глаза её горели, на щеках выступил возбужденный румянец. - А я вам говорила!.. Теперь она будет нас преследовать.

- Да с чего ты взяла?

- Месть за сломанную пирамиду.

Я закатил глаза.

- И ты туда же! Говорю в сотый раз: пирамиду сломали не мы. Это Суббота - ты же сама слышала!

- Да-да, конечно-конечно... Но видишь ли: мумия-то думает по-другому. Правда, шеф? А вы мумиями командовать умеете? А с ней поговорить можно будет? Очень хочется знать, как там раньше было. В настоящем Египте...

- Точно так же там было, - устало пропыхтел я. - Пыльно, жарко и голодно. А таких, как ты продавали в рабство. И в гаремы фараонов.

- В гарэм такой болтливый дэвушка язык рэжут. Рраз - и тишина...

- Да я сама тебе сейчас все выступающие части отрежу, - Машка схватилась за ремень, но быстро скуксилась: нож-то она давно выбросила...

- Бвана, - позвал я тревожно. - Они приближаются.

За нами, растянувшись от горизонта до горизонта, шла гигантская волна. Она клубилась, как и красная пыль под колесами, но в этой пыли можно было различить морды, когтистые лапы и горящие ненавистью глаза.

- Шакалы, говоришь? - прищурилась Машка на Сета. - Обыкновенные?

- Может, это Линглесу? - предположил я. - Решил напасть первым...

Лумумба повернулся к богу смерти.

- Говори, - приказал он.

- А чего сразу я? - Сет, кося одним глазом на учителя, вторым всё-таки следил за дорогой. - Может, прав твой падаван. Может, это дружок твоего младшего братишки.

- Это ты мне и скажи, - спокойно кивнул наставник. - Ты видел Линглесу. Ты знаком с его магией...

- Да не видел я никакой магии-шмагии. От него Пыльцой даже не пахло.

- Странно... - бвана поджал губы и сложил кончики пальцев домиком. - Мне показалось, Линглесу - маг исключительной силы.

- Может и так, - равнодушно согласился Сет. - Я с ним одну дорожку не нюхал...

- Но если это не он, то кто? - перебила Машка. Забравшись на сиденье с ногами, она не отрываясь смотрела в заднее стекло. - Интересно, а покрышки эти шакалы едят?

- Это не Линглесу, - вдруг заявил Лумумба. - Это вообще не к нам. Это за тобой, Сет.

Бог смерти как-то весь сморщился, скривился, а потом, ни на кого не глядя, буркнул:

- Это мой сын. Анубис.

- Анубис? - удивилась Машка. - Такой собакоголовый?

- Я сам его учил, - Сет будто не слышал. - И первую дозу дал и первую ломку пережить помог. Мать не выжила, а нам повезло. И всё ведь хорошо шло... Караваны грабили, рабов продавали да камешки собирали... Эх, золотое время! Ну, повоевали, конечно - как без этого? Да только против нас двоих даже Осирис - мелкая шестерка. А месяца два назад что-то случилось с моим сыном. Спортили мне его, понял? Высокомерный стал. Берега совсем попутал. Я к нему по-человечески: так мол и так, сынок. Если какие проблемы - ты только скажи, а уж вместе мы... А он мне: нет больше никаких "нас". Есть бог Сет и бог Анубис. И будет меж нами вечная вражда. Ну, я взбесился. Поймал его, недоумка, голову подмышкой зажал, и по заднице ремнем, ремнем... Думал, поучу отцовской любящей рукой - придет в себя. А он только пуще разозлился. Нукеров своих крикнул и приказал меня пинками из дому гнать. Если б, говорит, не отец ты мне был, я бы тебя прямо сейчас прикончил. А так - иди и готовься. Воевать будем.

- Вот, значит, зачем тебе Сердце, - тихо сказала Машка. - Хочешь сына убить.

- Не убить, - терпеливо поправил Сет. - А расколдовать. Чтобы мы с ним - как раньше. Где ж это видано, чтоб сын на отца войной шел?

- Тебе по годам или по алфавиту перечислить?

- В мире и не такое бывает, - мудро перебил Машку Лумумба. - А вот причину, по которой это случилось, размотать любопытно...

В крышу бабахнуло чем-то тяжелым. Машка тут же вскинула пистолет, я поймал её за руку.

- Не стреляй. Это Гамаюн.

В подтверждение по стеклу забарабанил железный клюв. Открыв форточку, я втянул ворону внутрь. От её раскаленных перьев пахло машинной смазкой и чужим ветром.

За рассказом Сета мы как-то забыли о призрачных шакалах и теперь, оглянувшись, я увидел сплошной вал оскаленных пастей, горящих ненавистью желтых глаз и длинных узких клыков.

Он набегал на нас стеной, первые пасти уже касались бампера и примеривались жрать покрышки.

- Ну, сейчас начнется... - изрекла птица и покрепче впиалась когтями в сиденье.

Глава 8

Глава 8

Иван.

"Импала" под напором тварей заметно просела и замедлила ход. Оглушительно визжали покрышки - Сет выжимал из двигателя всё, что мог. Из-под колёс летели фонтаны пыли, но скорости это не прибавляло. Твари окружили машину со всех сторон.

В заднее стекло врезалась женщина с телом птицы. Распяленный в крике рот обрамляли черные губы, крючковатый нос нависал подобно клюву. Глаза у неё были по-птичььи круглые и абсолютно безумные. Впившись когтями в крышку багажника, женщина замолотила по стеклу крыльями.

С машиной поравнялся здоровый бугай с головой сокола. Вот он прыгнул, на мгновение руки его стали крыльями, а потом "Импала" содрогнулась - мужик приземлился на крышу. Зловеще заскрежетало железо.

- Наконец-то нормальное дело, - пробормотала Машка, расчехляя пистолеты.

Быстро крутя ручку, она опустила стекло.

- Пыли напустишь, - заныла Гамаюн.

- Спокуха, хрящ. Болото наше...

Моя напарница преобразилась. Исчез румянец, скулы заострились, глаза приобрели жесткий металлический блеск. Её движения перестали быть по-детски неуклюжими, а стали точными и скупыми.

- Вань, поддержи меня.

Она вылезла по-пояс из окна и прицелилась в бугая на крыше. Я ухватил её за ботинки.

- Этим тварям пули не страшны.

- Посмотрим, - вытянув руки, она уравнивала качку машины с движением ствола и открыла прицельный огонь. Выстрелы звучали глухо, будто лопались воздушные шарик.

Дорога сделалась хуже. То и дело попадались глубокие трещины, промоины, "Импалу" подкидывало, как на американских горках.

К моему удивлению, Машке удалось сбить птицеголового. Потом она взялась за гарпию, бестрепетно отстрелив ей крылья. Гарпия завизжала, свалилась с машины и её закрутил песчаный смерч...

- Держи крепче! - прокричала напарница и вылезла еще дальше. Одним выстрелом сняла тварь, присосавшуюся к колесу, затем выстрелила вверх - раз, другой, третий.

Лицо у Машки было безразличное и пустое. Как в тире, подумал я. Выстрел - очко, выстрел - очко...

Лумумба вел себя на удивление тихо. Для него погони как бы и не существовало, он её просто не замечал. Сидел себе и в ус не дул.

- Давай вторую обойму! - крикнула напарница. Визжали покрышки, свистел ветер, завывали песчаные твари...

Через пять минут Маша сменила пистолет - швырнув старый на сиденье, где он теперь тихо остывал и потрескивал.

В окно летел острый колючий песок, он пах кремнием и огнем. Жарко было, как в печке. Одно радовало: мотор Импалы гудел ровно и басовито, словно обожравшийся мёду шмель.

Вопреки моему недоверию к огнестрельному оружию, туча монстров поменьку редела. Никто больше не запрыгивал на крышу, не колотился головой в стекло, не рвал зубами покрышки, не пытался оторвать двери...

- Мы победили? - робко спросила Гамаюн, высовывая клюв из-под сиденья. Птица была вся в пыли и остро пахла перегретой проводкой.

- Так, немножко, - скромно пробурчала Машка, скатываясь в салон и быстро закручивая ручку окна. От неё пахло солнцем, здоровым девичьим потом и ружейной смазкой. - Эх, жалко нет пулемета. Пулемет бы мне сюда...

- Как это нет? - возмутился Сет. Нам было видно только его лысину и выпирающий из майки-алкоголички потный загривок. Не отрывая взгляда от дороги, он лихо ворочал руль, дергал коробку передач и давил на педали. - В багажнике лежит.

- И ты молчал! - Машка аж подпрыгнула на сиденье. - Остановись на минутку. Я его достану...

- Патронов-то нет. Я их в кости проиграл. Крокодилу Себеку.

- У... - напарница пнула спинку водительского кресла и понуро ссутулилась. - Лучше б ты свою жопу проиграл.

- Маша, не ругайся, - одернул её Лумумба, но так, по привычке. Без строгости. - Долго нам еще? - спросил он у Сета.

- Не доедем, - ответил тот, глядя в зеркало заднего вида на красное, как апельсин, солнце. Оно лениво зависло над горизонтом, прикидывая: то-ли рухнуть за край одним махом, как подбитая куропатка, то-ли спуститься медленно и осторожно, как гусь в холодную воду. - Ночь - вотчина Никты...

- Это та гарпия? - спросила Машка. - Без крыльев она не очень хорошо будет летать.

- А ей и не надо, - сверкнул глазами Сет. - Она на нас морок напустит, глаза затуманит, в зыбучие пески заведет - сгинем, как миленькие.

- Ну, не так всё плохо, - беспечно махнул ручкой учитель.

Мы с Машкой переглянулись. Он что, пока мы тут воевали, стоял в очереди за пиццей?

- Бвана, у нас тут как бы проблемы, - осторожно заметил я.

- Опять ноешь, падаван, - поморщился наставник.

- Я-то может и ною. Но вы могли бы и помочь, - беспечность наставника начала меня раздражать. - Хочется, знаете ли, хоть куда-нибудь приехать.

- Хочется, говоришь? - я уж думал, он сейчас меня отбреет, но наставник только забарабанил пальцами по подлокотнику, а затем обратился к Сету: - Эта Бумба... Местность там не слишком изменилась?

Сет честно подумал.

- Местность - нет, а так - да...

Я понял, что Лумумба хочет делать и помотал головой.

- Не получится.
- И почему, мой старший падаван?
- Двадцать лет прошло, вы сами сказали. А если река русло поменяла, или овраг появился. Врюхаемся - очень неаппетитная консерва выйдет.
- Не учи отца. И баста, - сердито изрек наставник и сосредоточился.
Конечно, на мои слова ему плевать с Останкинской башни. Когда он меня слушал?

Мысленно перекрестившись, я нашел под рубахой гайтан с волшебным амулетом и вцепился в него, как в спасательный круг. Ну... не попусти, Макаронный Монстр.

Пустыня вдруг превратилась в стремительно убегающее под колеса коричнево-желтое полотно. С обеих сторон замелькала рыжая неровная стена, и я понял, что это дюны. Воздух завизжал, закрутился вокруг "Импалы" воронкой, а затем всё - дорога, дюны, машина - сжалось в одну точку и исчезло.

Крышку черепа аккуратно сняли, и теперь медленно и методично вгоняли в обнаженный мозг ледяные иголки.

Сет, выпучив глаза и вцепившись в руль, остервенело давил на газ. Машка застыла с открытым ртом - волосы её взметнулись рыжим пламенем, да так и зависли в воздухе.

Ворона, затаив глаза пленкой и прикрыв крыльями клюв, притворялась дохлой. В груди у неё что-то отчетливо тикало, всё убыстряя ритм...

Вот не люблю я этого. Каждый раз прошу по-хорошему: не делать, или хотя бы выждать пару минут, дать подготовиться... Хотя, по-опыту, никакая подготовка тут не поможет.

Иголки тем временем достигли какой-то такой точки в мозгу, в самой его середине, что засвербело всё, до самых пяток. Нервы растянулись до предела.

Зажмурившись, я заорал.

Уши сразу разложило, воздух перестал выть, а пространство, развернувшись, с грохотом жестяного листа упало на место, став желтым, скучным и до омерзения песчаным. Одно только мешало поверить, что ничего особенного не случилось: солнце вновь, как ни в чем ни бывало, висело над горизонтом, и было оно прямо по курсу.

- Йу-ху! - завизжала над самым ухом Машка. - Круто! А... что это было?

Бвана не ответил. Откинувшись на подголовник и сдвинув шляпу на лицо, он мгновенно захрапел.

- Не буди, - я придержал напарницу за плечо. - Устал бвана... Мы теперь за сотни километров от пирамид.

- Это как? - глаза у напарницы сделались как медные пятаки.

- Хозяин создал временную червоточину. Или, как её еще называют, кротовую нору, - перспектива прочесть лекцию быстренько вернула нашу птичку в себя. Я мешать не стал. В конце концов, все эти фокусы-покусы с законами физики она понимает куда лучше... - Если он неправильно рассчитает и создаст мост Эйнштейна-Розена, мы окажемся одновременно во всех точках пространства-времени, вплоть до края Вселенной. Так что хозяину - заметь, чисто мыс-

ленным усилием, - нужно вычислить, а затем поддерживать в рабочем состоянии червоточину Морриса-Торна. Кроме того, он должен сделать так, чтобы её дальний конец не оказался ближе переднего, ибо тогда мы провалимся ещё и во времени, и окажемся не только на краю Вселенной, но и сможем наблюдать за её гибелью...

- Ой, всё, - Машка неосознанно поёжилась. - Как-то попроще нельзя?

- Проще... - Гамаюн задумчиво пощелкала клювом. - Являясь персонифицированной сущностью лоа Легбы, хозяин воспользовался своими магическими способностями и перенес нас в нужное место.

- Так бы сразу и сказала, - облегченно выдохнула напарница. - Надо попросить шефа, как проснется: пусть он Ваньку научит. Правда, Вань? Будешь меня к Ласточке на выходные возить...

Я содрогнулся. Столь высокими материями я оперировать не умел. Бвана говорит, мне концентрации не хватает. А по мне, так и отлично. Я лучше по старинке, через Навь, голубушку...

Спор между охотницей и вещей птицей, тем временем, продолжался.

- Кротовины, червоточины... Будто мы в колхозный сад без спросу влезли.

- А я не виновата, если некоторые законов физики не знают. Книжки надо было читать, а не по помойкам шастать.

- А какой физикой ты объяснишь мантикору? Или, например, дракона? А самое главное: как он огнем пыхает, а сам не сгорает?

- Механизм получения высокотемпературной струи... - ну всё. Понеслась.

Я сполз пониже, уместился в тесном закутке между передним и задним сиденьями и прикрыл глаза. Неизвестно, сколько еще ехать, а слушать, как Машка собачится с Гамаюн сил никаких не было. Взял бы, и выбросил обеих в окно. Так ведь догонят...

Проснулся от того, что прекратилась тряска. И от тишины. Почудилось, что я на своём диване, в нашей с бваной квартире. Он ушел на дежурство, а моя смена еще не скоро. Только диван что-то больно усох. Ни голова, ни ноги не помещаются...

Я сел, чуть не стукнувшись о потолок, испугался, что усох не только диван, но и вся квартира, запаниковал и наконец-то вспомнил, где нахожусь. Протёр глаза, с хрустом, чуть не вывихнув челюсть зевнул, а когда убрал кулаки...

Мать моя женщина, что это вокруг?

Начну по порядку. Под колесами теперь была не старая бетонка, а черный, широкий как река Волга, автобан. Я в энциклопедии читал, что так раньше скоростные дороги назывались.

По обеим сторонам от автобана раскинулись райские кущи - иначе, извините, и не скажешь. Всякие там пальмы, акации, какие-то кусты с громадными, как слоновьи уши, листьями... По этим кущам, резвясь и дурачась, прыгала разнообразная живность. Красно-зеленые попугаи размером с хорошего индюка, белки какие-то полосатые, обезьяны - завидев "Импалу", они поворачивались и глумливо виляли красным задом. Я краснел. Животная ведь, а всё туда же...

Среди зелени белели домики, вполне себе приличного вида. По правде сказать, домики эти больше походили на виллы. Или дворцы. Они плавно взбились на невысокие холмы, вверху раскинуло павлиний хвост изумрудно-лазурное, как море в ясный летний день, небо.

Я открыл окно. Воздух пах так, будто его только что выпустили из кондитерской и побрызгали духами. Апельсины и жасмин - это всё, что я смог разобрать. Ну, еще ваниль: как-то стоял я в карауле на ассамблее в Кремле. Так там гостей ванильным кексом угощали. А я запах запомнил...

Шины по этой благодати шуршали, как прибор ясным полднем, движок мурлыкал, как котенок, так что птичье пение, крики обезьян и шелест ветра сливались в прекрасную музыку, которую, по слухам, положено слушать праведникам на пороге рая. Ну, не знаю... По мне, шкворчание фрикаделек а-ля Карлеоне гораздо интереснее...

Будто мы угодили на роскошный курорт, какие бывали до Распыления - нам такие в кино показывали, в рамках исторического семинара.

Аж страшно сделалось.

- Бвана, вы уверены, что мы не провалились в прошлое?

- Скорее, в будущее, - буркнул Лумумба. Он задумчиво глядел перед собой, положив подбородок на набалдашник трости. - Ничего не узнаю. Не так тут всё было...

- Не прошлое и не будущее, - чуть повернул в мою сторону голову Сет. - Самое настоящее.

- Это меня больше всего и пугает, - вздохнул бвана.

- А... Где Машка? - я только сейчас понял, что нахожусь на заднем сиденье в гордом одиночестве. Ни Гамаюн, ни напарницы рядом не было.

- На крыше. Наслаждаются видами, - пояснил Сет. - Хоть уши от них отдохнут...

- А это что? - в углу я заметил кучу влажных листьев. Под ними оказалась связка бананов, несколько громадных, с мой кулак, волосатых кокосов, еще что-то яркое, красно-оранжево-желтое.

- Это тебе. Маша насобираала, - не поворачивая головы, откликнулся наставник. - Только почистить не забудь.

- А вы? - чавкая третьим по счету фруктом, я наконец вспомнил о вежливости.

- А мы уже, - небрежно отмахнулся Лумумба и вновь уставился в окно.

Бумба... Всё государство утопало в цветах, флагах и белозубых улыбках. Народу - тьма, и все чёрные. Но разные: одни - сухие и мелкие, как обожженные головешки, обернутые материей - у нас в Москве такие ситчики домохозяйки на занавески берут.

Другие - высокие и поджарые, как жирафы. В белых, до самого полу, распашонках и крошечных шапочках.

Третьи - и их большинство - одеты обыкновенно, как люди: в драные шорты и растянутые футболки. Но с раскрашенными лицами и множеством черных жестких косичек.

Стоял оглушительный гвалт - местные шумно и весело общались.

- Это мы удачно зашли, - Сет, скаля зубы, потирал волосатые лапки. На наш немой вопрос он картинно задрал брови и обвел бурлящую толпу хозяйским взглядом. - Праздник трех "Б"! Вся Африка собралась...

Машину оставили на оплачиваемой и охраняемой стоянке. Среди богатых сородичей наша "Импала" смотрелась крошечкой-хаврошечкой. Бога смерти аж трясло, когда мы топали вдоль ряда чужих хромированных красавцев. Но приходилось держать себя в рамках: за тачками зорко следила охранница. В бронированном лифчике, короткой юбке из кожи носорога и с крутым, как вареное яйцо, выражением лица.

- Что такое три "Б"? - спросила напарница, когда мы пристроились в хвост длинной очереди, которая вливалась в широко распахнутые ворота: согласно традиции, гости должны представиться и вручить дары правителю Бумбе.

- Не, ну вы внатуре с Урала... - Сет закатил глаза. - Таких элементарных фишек не рубите...

- Праздник трех "Б" является главным событием года для всего континента, - пока наш бог смерти щелкал vareжкой, инициативу гида перехватила - кто бы сомневался? - Гамаюн. - Он включает в себя Большие Бега, Большой Базар и Большую Игру.

- Не много ли "Б" для жопы мира? - Машка презрительно надула губки. На входе во дворец её вежливо принудили расстаться со всем оружием. Вытряхнули даже крошечный ножичек из каблука, и напарница никак не могла пережить трагедии.

- Сама нэ видэла, так и нэ гавали, э? - почему-то при общении с Машкой Сет включал дикий арабский акцент.

- А на что тут смотреть? Ну, город. Ну, небоскребы. Конечно, впечатляет, но по сравнению с другими столицами... - пожалала плечами великая путешественница по городам мира.

- Не скажи, - отринув меланхолию, бвана с интересом крутил головой. - Двадцать лет назад здесь было три хижины и один загон для свиней. Бедность такая, что вместо обуви носили резиновые автопокрышки на веревочках.

- Ага, а вместо одежды - мешки для мусора?

- И такое бывало, - с каменным лицом кивнул Лумумба. Конечно, когда не удавалось подстрелить леопарда.

- Вот и я об том же, - горячилась напарница. - Какая, к свиням, бедность? Жратва сама с деревьев падает. К тому же - лето круглый год. Чудо-остров, чудо-остров... Да здесь макаки толще кабанов!

- Бывает так, что бедность духовная превалирует над материальной, - встряла Гамаюн, взлетая ко мне на плечо.

- Ой, хоть ты заткнись, - махнула на неё Машка. - То же мне, исполин духа.

- Расскажи подробнее про праздник, - попросил я, опасаясь очередной словесной баталии.

- Ну что праздник? - Гамаюн переступила лапками. Я крякнул. - Во-первых Базар. Здесь заключаются Сделки, - последнее слово она произнесла с благоговейным придыханием. - Главы государств, племен, корпораций и организа-

ций прибывают в Бумбу для того, чтобы обменяться торговыми и военными обязательствами, заключить мир, объявить войну...

- Кому? - тут же заинтересовалась Машка.

- Кому угодно. Даже собственной теще. Здесь такими делами ворочают...

Пройдя через ворота, мы оказались в лабиринте крытых пальмовыми листьями хижин, фонтанов и бассейнов с золотыми рыбками. Всё здесь было новым: выложенные цветными изразцами колонны, посыпанные тончайшим белым песком дорожки, даже круглые хижины, выполненные в элегантном этническом стиле, выглядели так, будто их построили вчера.

На лёгком ветерке полоскались флаги золотисто-коричневых, синих и красных расцветок, их оттеняла отмытая до блеска зелень пальм и других растений, названий которых я не знал. Повсюду росли громадные кусты с белыми, розовыми и желтыми цветками, похожими на розы, только маленькими и собранными в грозди. Умными глазами провожали попугаи - Гамаюн им подмигивала, но пока безуспешно.

- Ну и как тебе здесь? - спросила тихо Машка. Она, как всегда в моменты наивысшего волнения, поймала мою руку. Наверное, со стороны мы выглядели, как Пятачок с пережравшим анаболиков Винни-Пухом...

- Не нравится, - честно ответил я. - Слишком всё блестит. Так не бывает.

На всю Москву, новым был только ковёр в кабинете товарища Седого. А от местного великолепия у меня рябило в глазах. И возникало непривычное желание что-нибудь стырить.

Очередь выглядела, как отдельное мероприятие: я так понимаю, большинство сделок и договоров - заключалось именно здесь. В ожидании лицезрения Бумбы, Великого и Ужасного.

Сет постоянно с кем-то здоровался, перемигивался или обменивался мало-заметными жестами. Он себя чувствовал, как карась, которого бросили в садок с мальками. Время от времени он куда-то исчезал. Один раз вернулся минут через пять, хитренько потирая руки и ухмыляясь - явно провернул что-то мерзкое. В другой - я уж думал, бог смерти и вовсе почил в бозе...

Увидев в толпе группу очень маленьких и очень черных людей, Сет как-то усох, съёжился и попытался спрятаться за мою спину. Но, когда пигмеи подошли - каждый в крошечной набедренной повязке и с острым на вид копьём - растворился. Оглядываюсь - а Сета нет. Как корова языком.

Машка, заметив вооруженных людей, собралась возмутиться - у неё, значит, пистолеты отобрали, а им можно? Я еле успел заткнуть ей рот ладонью. А бвана доходчиво объяснил, что маленькие черненькие дяденьки - местная охрана. Или полиция - кому как нравится. Напарница стухла: отношения с полицией у неё никогда не складывались...

- ...После Магических войн король Бумба объявил государство свободной зоной, - вещала Гамаюн. - Здесь находятся самые крупные банки, самые фешенебельные отели и самые популярные казино. Преступления - с применением магии или без оной, - жестоко преследуются. Наказание одно: смертная казнь. Не важно, царь ты сопредельного государства или мелкая шушера, покусив-

шаяся на чужую драную накидку.

Машка довольно хмыкнула: смертную казнь она одобряла. Дешево и сердито.

В воздухе носились крошечные, не больше шмеля, птички - одна нагло уселась мне на ладонь и больно клюнула в палец.

Давить мерзавку не посмел: пребывал под впечатлением смертной казни...

- Главное бабло здесь делается на ставках, - продолжила заполнять пробелы в нашем образовании ворона. - Большая Игра - важнейшее мероприятие года. Команды стекаются со всей Африки. Игроки - национальные герои, цвет нации. Краеугольный камень экономики... Попасть в команду - честь, достойная богов.

- А кто эти клоуны с раскрашенными лицами? - перебила Машка.

- Фанаты, конечно, - не смутилась Гамаюн. - По цветам различают принадлежность к разным командам. Они продают майки, шарфики и бейсболки. А горячие сосиски в тесте и попкорн берут на откуп семьи игроков - надо же как-то оплачивать медицинские счета...

- Кучеряво устроились, - хмыкнула Машка. - И жратва, и золотых рыбок немерено - черпай ковшом, да желания загадывай... - Эй, а тот толстый дяденька кто?

В тени павлиньих опахал, под беломраморным портиком, восседал человек-слон. У него были громадные уши и серая, в морщинах и складках, кожа. В хоботе человек-слон держал бутылку виски.

Длинная цепочка людей дефилировала мимо. Кланяясь, оставляя дары - кучи всякой всячины были навалены вокруг трона - и двигалась дальше, к накрытым столам.

Слон милостиво кивал подданным и ритмично, не отвлекаясь ни на минуту, отхлебывал из бутылки.

- Толстый дяденька с головой слона - это Бумба, - поведала ворона. - Единственный диктатор и тиран местного населения. Альфа и Омега государственных законов, главный держатель акций Большой Игры и владелец самой популярной команды.

Тиран и диктатор в этот момент с трубным шкворчанием всасывал последние капли из бутылки. Затем, перевернув сосуд вверх дном, исследовал на просвет, заглянул внутрь одним глазом, и наконец с сожалением отбросил. Печально оглядел кучи даров, переключился на придворных - вдруг кто-то из них догадался захватить еще одну бутылку... И наткнулся взглядом на нашу живописную группу.

Увидев Лумумбу, король фыркнул в сторону пигмея с длинным, выше головы, копьём. Тот незамедлительно поскакал к нам.

Мы с Машкой притихли - взгляд, которым его величество одарил нашу компанию, не внушал ничего хорошего. И Сет, как назло, куда-то запропастился... Интересно, а темницы у них есть? Я уже привык, что в любом новом городе нас первым делом бросают в темницу. По крайней мере, выспаться

МОЖНО...

Провентилировать этот вопрос я не успел: пигмей подошел к Лумумбе и, сложив руки лодочкой перед ртом, на чистейшем русском сказал:

- Принц народа Самбуру М'бванга М'бвеле! Король Бумба выражает радость по поводу твоего Присутствия на его Празднике, - заглавные буквы в его речи звучали так, будто их только что отчеканили. - Король Бумба Приветствует Тебя в своём Доме, как родного Брата. И Приглашает Напитаться до Розовых Слонов.

Глава 9

Глава 9

Иван

- Вань, Вань, а это что?

- Кажется, перепелка. В кокосовом молоке.

Лениво откусив, я откинулся на подушки. Мясо таяло во рту, даже жевать не надо. Аромат такой, что один раз нюхнув, можно спокойно умереть - всё равно ничего вкуснее не попробуешь.

- Вань, а это?

- Папайя. Или маракуйя. Не помню...

Икнув, я потянулся к калебасу с пальмовым вином и сделал глоток. Половина пролилась на пузо, вымочив рубаху. Одежку было жалко: шелковая, расшитая цветами и попугаями - у меня такой красоты никогда не было.

Равнодушно поковыряв огромное блюдо с фруктами, Машка выудила громадную сливу и запустила её в Гамаюн. Та даже не пошевелилась. Ворона лежала на пузе, блаженно раскинув крылья и вытянув лапки. Железный клюв утопал в блюде с глазными яблоками.

Поначалу, увидев это, я ужаснулся. Это ж скольким зверушкам пришлось насильно расстаться с органами зрения? Но потом успокоился. На блюде лежали улитки. Кажется. Глаза, насколько я помню, не такие твердые. Во всяком случае, пока свежие...

Какая-то мысль не давала расслабиться окончательно. Она, как надоедливый комар, зудела в ухе, скребла мозг крошечными колючими лапками, но постоять минутку спокойно, чтобы дать себя разглядеть, не хотела.

- Вань, а ты финики в меду пробовал? - спросила напарница, и мысль опять юркнула в щель между полушарий.

- Ага.

- А халву?

- Тоже.

- А тебе какая больше понравилась: арахисовая, или с изюмом?

- Не знаю. Я ничего не чувствую, - я вновь хлебнул вина, пролив на себя добрую половину калебаса, но даже огорчиться по-настоящему не смог. Ленъ было.

Признав в Лумумбе брата, Бумба отнесся к нам с Машкой, как к родным племянникам. Слюняво облобызал тёплым и мягким хоботом, одарил новой, никем не надеванной одежкой, приставил мамок-нянек и усадил пировать.

Наставника он забрал с собой. О чем-то они спорили... Причем это что-то напрямую касалось нас. Вроде бы. Если я ничего не перепутал...

Тогда мне на это было наплевать. Я был голодный, злой, и ни о чем, кроме жратвы, думать не мог. А всё потому, что этой жратвы вокруг было завались. Прямо на площади перед Домом Танцев - так называли хижину, в которой проходил устроенный Бумбой банкет - жарили на вертелах кур, поросят и даже целых быков. Кто угодно мог подойти, и ему тут же, ни капельки не жадничая, отрезали громадный, сочащийся розовым соком ломоть.

Рядом с вертелами высились целые груды печеного батата - это у них так картошку зовут; лепешек и фруктов тоже завались - целые корзины. Калebasы с пальмовым вином были сложены в аккуратные горки, и издали выглядели, как пирамиды из отрезанных голов.

Словом, подходи кто хочешь, и бери что хочешь...

Пахло вокруг так, что мозг у меня просто отключился, передав бразды правления желудку и вкусовым сосочкам. Если б мне в тот момент предложили продать Родину, отца Дуршлага, любимого учителя и Машку за жареного поросёнка - я бы продал.

Сейчас, возлежа среди мягких подушек и сыто цыкая зубом, я лениво наблюдал за танцами. Оркестр располагался неподалеку, на отдельном возвышении, играли в нём сплошь мартышки. Без устали, час за часом, они наяривали веселые мелодии, а подданные короля Бумбы выделяли зажигательные, и не лишённые изящества кренделя.

- Кучеряво живут, - завела свою шарманку напарница. - А ну как дракон? Спалит ведь этот соломенный рай одним пыхом. Что они тогда делать будут, а?

- Расслабься, они все маги, - сказал я. - Им твой дракон - что больная курица.

- Круто... И почему они недохнут?

Я понял, что Машка имеет в виду: процент спылившихся здесь был чрезвычайно низок. Фактически, он стремился к нулю.

- Тайна сие великая есть, - глубокомысленно изрек я.

- Мечта идиота, правда? - съехидничала напарница. - Чтоб у тебя всё было, и ничего за это не было...

- За всё надо платить.

- Ну естесс-но, - кивнула Машка. - Только всем добро, да не всякому - польза...

...Вдоль стен круглого, будто вырезанного стаканом, зала толпились сановники Бумбы. Наряженные в разноцветные распашонки, они походили на стайку общительных шимпанзе. Благородные седины государственных деятелей венчали короны из попугайских перьев, а к ушам, наподобие серег, были подвешены свои, личные, предметы власти: у одного - ручной кассетник, работающий, между прочим; у другого - смартфон, у третьего - ноутбук...

Троном королю Бумбе служил диван. Я, как увидел, даже глаза протёр: нет, не ошибся. Обычный диван, обитый коричневым дерматином. В кабинете То-

варища Седого такой стоит. На нем еще полочка с фарфоровыми слониками - один другого меньше...

Этот диван мог похвастаться всего одним слоном, зато очень большим. Он возлежал среди водопадов львиных, леопардовых и зебровых шкур. Рядом, как линкор среди рыбацких шаланд, маячила охранница. В настоящем шлеме с прибором ночного видения, бронике и высоких шнурованных сапогах.

Из-за спины военной дамы торчало дуло штурмовой винтовки, в крепком кулаке было зажато копьё. Тот факт, что кроме самой дамы под броней ничего не было, похоже, никого не смущал... Жара в Доме Танцев была плотной и душной. Она окутывала как влажное, липкое от пота одеяло и давила, как гора матрасов. Я принялся было за разработку идеи запастись тепло в аккумуляторы, как электричество, а потом продавать в страны с холодным климатом. Но бросил: жарко...

По национальности король, как я уже говорил, был слоном. Низ круглого, как дирижабль, живота Бумбы украшала более чем скромная набедренная повязка, а лицо, за неимением, уж простите, другого слова, - крошечные очки в золотой оправе. Глазки за прозрачными стеклами были маленькими, цепкими и совершенно трезвыми.

Из кучки мелковатых подданных его величество вздымался, как серая, облитая маслом гора. Только телохранительница чем-то напоминала своего могучего властелина. Может, приходились ему родственницей или даже клоном - а чего? После небоскребов и автобанов я и генной инженерии не удивлюсь.

Сила клубилась вокруг Бумбы, словно голубоватое облако. Когда он выпускал воздух из могучей груди, запах корицы шибал, как из пушки. Всё здесь - от одежды и еды до ковриков под ногами - было пропитано коричневым запахом. То и дело на разных концах зала я чувствовал возмущения и завихрения магии...

- Не вздумай открывать Завесу, - напомнила Машка.
- Да я и не собирался.
- Врёшь. У тебя пальцы шевелятся.

Я смутился. Кругом было столько магии, что не применять её становилось всё трудней. Завеса хлопала, как беспризорный ставень на ветру. Народ шал там-сяда, словно через невысокий порожек между комнатами - при условии, что одна из них невидима и находится в шестом измерении.

Для нас, выросших на скудном северном пайке, принятие Пыльцы, открытие Завесы, использование Силы, которую даёт Навь, было Действом. Невероятно сложным, опасным и ответственным Процессом, которому нужно долго учиться.

Здесь же... Казалось, эти люди живут магией. Она была у них в крови, в костях, и что самое главное - в сердце. Ворожбу они творили всей душой. Широко, свободно, и не задумываясь о последствиях.

Как алкаш, который знает, что печень по-любому через месяц накроется...

Бвана говорит, цена всегда выше, чем мы можем себе позволить, и мой личный жизненный опыт это подтверждает. Но разве вредно мечтать о том,

чтобы зарабатывать столько, сколько тратить?

Меж лопаток зачесалось. Обернувшись, я заметил давешнего собутыльника, а с недавних пор - моего лучшего друга. По-совместительству - капитана команды фаворитов, а по национальности гориллу.

Сейчас гориллы завтракали. Сосредоточенно уничтожая горы бананов, апельсинов и громадных пучков зелени, запивая это всё питательными коктейлями из перемолотых жучков и червячков, они напоминали мини-заводики по изготовлению кабачковой икры.

Заметив, что я тоже на него смотрю, капитан улыбнулся, закатав верхнюю губу и обнажив широкие желтые зубы. Я помахал ему в ответ.

Хорошие мужики эти гориллы. И пить умеют...

Время от времени к капитану подходил один из сановников Бумбы и, изящно помахивая в воздухе половинкой кокоса с воткнутым в неё зонтиком, толкал прочувствованную речь. Речи были на удивление однообразны: гориллам желали победы в предстоящей Игре.

...Игра, игра... Почему именно это сочетание звуков свербит особенно неприятно?

Дальше по курсу возвышался помост, на котором восседали крошечные молчаливые люди. Они носили белые чалмы, непрерывно курили и ловко жонглировали острыми на вид пиками. Гамаюн, пока не окосела от счастья и выпитого вина, объяснила, что это - Погонщики Слонов. Именно так, с большой буквы. Самые почетные гости на празднике - кроме самого Бумбы, конечно.

Они участвуют - или осуществляют - слоновьи бега. Для этого здесь, неподалеку, построили громадный стадион, мы видели его, когда проезжали мимо.

Стадион был самым большим сооружением в городе, да и во всей Африке. А может, и в мире... Из городских построек он торчал, как кит из стаи селедок. Стадион был Центром Вселенной и Замковым Камнем Мироздания. К нему притягивались все взгляды и помыслы - как к машине, которая бесконечно производит тянучку.

Слоновьи жокеи, в отличие от горилл, были людьми серьезными. На брудершафт ни с кем не пили, пьяных песен не орали и среди общего разгула и веселья выглядели скучно.

Самых слонов нам не показали: жутко дорогие породистые бегуны содержались в отдельных апартаментах при стадионе.

Я еще подумал: Бумба намеренно стал слоном - символом Большой Игры, или же Бега учредил в честь себя, Великого и Ужасного?

- Вань, а сколько мы уже здесь? Трое суток или четверо? - сбила с мысли напарница.

Я честно задумался. Мы ели, плясали, пили... Опять ели и плясали... Затем немножко спали - не нарушая общего веселья, - и всё заново. Король, правда, время от времени куда-то уходил. При ходьбе его огромные уши и круглый живот величественно сотрясались в неспешном, покачивающемся ритме. За

ним следовала его черная валькирия - копьё наголо, винтовка к бою. Капитан горилл, кстати, шепнул мне на ухо, что валькирия - жена Его величества. Главная её задача - охранять супруга и властелина. Ну а еще - продолжить королевскую династию...

Тяжелая работа, это самое королевствование. Даже в праздник не расслабишься.

- Эй, я тебя спрашиваю: сколько мы уже здесь? - мысли вновь начали скользить в неспешном ритме барабанов, по которым расслабленно была обряженная во фрак мартышка, но Машка безжалостно вернула меня к реальности, толкнув в бок. Бок спружинил на удивление мягко, будто внутри были не ребра, а поролон...

- Да не знаю я. Дня три. Может, четыре. Какая разница? Кормят, поят - чего тебе не хватает?

- Да ничего, - Машка потянулась за очередной виноградной гроздью. - Только, помнится, шеф заключил с Бумбой пари... И срок его истекает ровно через пять дней с нашего приезда.

Я наморщил лоб и стал с усилием проворачивать мысли в голове. Как фарш в мясорубке, право слово: ни одного связного кусочка. Мозг напоминал бутерброд с салом: снизу - сухой и ноздреватый, а сверху - жирный, липкий и не блещет сообразительностью.

- Что-то там про Игру, - добавила Машка.

- Может, они спорили, кто победит? - выдал я гениальную мысль.

- Здесь все спорят, кто победит, - отрезала Машка. - На этом вся Африка держится.

И тут мысли, столько времени ускользавшей, подобно крысиному хвосту в глубокой норе, надоело прятаться. Взяв в лапки ярко-красный флаг, она взобралась на самую высокую извилину, и замахала им что было сил.

- Игра! - сев почти прямо, я схватил Машку за запястье. - Ставки!

- Ну да, я так и говорю... Это называется бизнес, Ваня.

- Да знаю я! - мысль, помахав флажком, благополучно скрылась. - Какие ставки делали бвана и король? На что они спорили?

- На что спорили-то? А на тебя, - напарница метко плюнула виноградной косточкой мне в глаз. - Если проиграем - мы вылетаем из Бумбы, а ты остаешься здесь. Шеф всем хвастается, направо и налево, какой у него ученичок произрос - послушный, да исполнительный... Вот король и обзавидовался. Подари, - говорит шефу. А тот: не могу, уж очень ценный экземпляр, сам видишь. А король: - тогда продай. А шеф: - я как бы против рабства. А король: тогда давай меняться...

- Издеваешься?

- Ну почему же? С Субботой шеф на тебя спорил? Спорил. Почему с Бумбой нельзя?

Я прикрыл глаза и откинулся на подушки. С Машкой всегда так: непонятно, шутит она или нет. Если шутит, тогда ладно. Ха, ха, малиновые штаны - три раза "ку"... А если нет?

Бвана в последние дни и не так чудил. А вдруг он и вправду поспорил с

Бумбой? Как резонно заметила Машка, с Субботой он же поспорил... Да нет. Не может быть. Не оставит он меня среди дикарей и людоедов... Я в этом почти уверен.

Машка беззвучно покатывалась со смеху. У-у-у, язва. Я подумал: с тех пор, как она у нас на стажировке, я перманентно балансирую на грани нервного срыва. Лумумба, кстати сказать, тоже: никто и никогда не перечил ему столько, сколько наш младший стажер.

Надо спросить у бваны при случае: зачем мы подписались на эти галеры?

Так, надо сосредоточиться. Помоги Макаронный монстр,ними завесу с разума... И зачем я столько пил? Сначала - с Гамаюн, кто кого перепьет. Затем - на брудершафт с гориллой. Потом я пил еще с кем-то, всего лиц в памяти мелькало десятка два... А что же было до этого?

В голове вдруг прояснилось - Макаронный благодетель услышал молитву. Возник образ спокойного, улыбчивого Бумбы. Рядом вьётся Сет: что-то нашептывает королю в огромное ухо... Ай да бог смерти! Поймаю - собственными руками придушу.

Игра. Бвана поспорил с Бумбой на то, что неслабо нам будет сыграть в этой ихней игре.

Я бросил обреченный взгляд на команду горилл. Все красавцы удалые, великаны молодые... Двухкратные чемпионы по обнимашкам.

Ну ладно, ну хорошо, - я попытался успокоиться. - Гориллы - фавориты. Наверняка другие команды им уступают - в росте, весе, способности одним движением засунуть голову противника ему же в тусы... Если мы просто выйдем на поле...

- Кстати, мы должны победить, - вставила Машка.

- Кого? - тупо спросил я.

- Всех. Чтобы ты и дальше услаждал наши с шефом взоры своей персоной, мы должны победить в Большой Игре.

Инфаркт со мной не случился только по причине хронического ожирения сердца.

Я немножко полежал, глядя в круглый потолок Дома Танцев. Перед глазами пробегали, одна за другой, перипетии нашего неожиданного, нелепого путешествия. Ну зачем, зачем Товарищ Седой отправил нас в Африку? Почему нельзя было на Северный Полюс? В Антарктиду, на худой конец. Говорят, пингины - милейшие создания. Питаются одной рыбой и совсем, совсем не интересуются магией.

Дурные предчувствия шевелились в душе, как улитки с холодными липкими ножками.

Приподнявшись на локтях, я попытался найти взглядом тирана, диктатора и жестокого самодура, моего драгоценного учителя. С третьего раза нашел...

Обряженный в белую распашонку, неизменный жилет и вышитую шапочку, он о чем-то беседовал с Бумбой, сидя у трона короля в небольшом, но чер-

товски удобном на вид кресле. В одной руке бвана держал сигару, в другой - хрустальный стакан с жидкостью цвета чая...

Поймав мой взгляд, наставник подмигнул и отсалютовал рукой с сигарой. А затем отвернулся так, словно тут же забыл о моём существовании.

Я решительно вскочил. В своём воображении... На деле медленно, переваливаясь, как беременный бегемот, опрокинув по ходу блюдо с соловьиными язычками в подливке из птичьего молока, сполз с подушек и наконец взгромоздился на ноги. Постоял, покачиваясь, совмещая линию горизонта с уровнем зрения, а затем уж рванул через зал к бване.

Перед тем, как подойти к королевским особам, пришлось перевести дух - небольшая пробежка вызвала на удивление сильные колебания в области живота.

Одышливо вздыхая, я раскорячился позади кресла Лумумбы, чем вызвал неудовольствие у черной феминистки с копьём и винтовкой. Загородив роскошным телом супруга и повелителя, она наставила на меня копьё и закричала высоким пронзительным голосом:

- Перед тронем не стоять! Отойти от трона!

Я только махал руками, силясь показать, что не гожусь в террористы.

- Ска-а-апление перед тронем прекратить! Линию обстрела не загоразивать! - не верила мадам в бронелифчике.

Поспешно откатившись назад, я нечеловеческим усилием воли взял себя в руки. И уже отсюда, издалека, жалобно позвал:

- Бвана...

Лумумба медленно обернулся. Сделал вид, что удивился - палец могу дать на отсечение, он прекрасно всё слышал - а затем коротко спросил:

- Чего надо?

- Чего надо? - завелся я. - Да, в сущности, ничего! Так, кражу века раскрыть - но это мелочи. А еще, мне тут сказали, завтра у нас игра, а что это такое - ни сном, ни духом... Кроме того, птичка на хвосте принесла, что спорили вы на меня - своего преданного, безропотного, послушного ученика... А в остальном - всё хорошо, прекрасная маркиза. Сидим, коньяк глушим, финиками закусываем и косточки в придворных плюём. Не жизнь - сказка.

Дождавшись окончания моего экспрессивного спича, наставник с сожалением отставил стакан - столиком ему, между прочим, служила спина ядреной молодой служанки в бусах и юбочке из травы - и, кряхтя, поднялся. Уставил на меня полный мировой скорби взор и тяжело вздохнул.

- Ну что ты орёшь, как изменник родины? Али не кормили тебя жареными лебедями, не поили молочными киселями? По усам текло, да в рот не попало? Скучно тебе, добру молодцу, и силушку не с кем потешить? Так я схожу, распряжусь... - он кинул значительный взгляд на команду горилл.

- Да ладно вам, бвана, - я не на шутку испугался, что он и вправду заставит меня прямо здесь и прямо сейчас бороться с гориллами. - У нас серьезные проблемы, - я понизил голос. - Вы других игроков видели? Да что вы!.. А вот я с ними пил. Раскатают они нас, словно Пересвет Кочубея.

- Ну, не переживай так, - утешил Лумумба. - Мне птичка тоже кое-что на хвосте принесла. Только я тебе не скажу. А то сюрприза не получится.

- Да я вашими сюрпризами сыт по горло! Что ни день - новое, прости господи, приключение. Наворотите делов, а расхлебывать кому? - схватив наставника за грудки, я его хорошенько встряхнул. Попугаи, вышитые на жилетке, захлопали крыльями и сердито защелкали на меня клювами.

- Спокойно, падаван. Сопли не распускай, от них дрозодилы заводятся, - одернув жилетку, Лумумба успокоил попугаев. - Когда, ты говоришь, игра?

- Завтра, бвана. Завтра.

- Ну не сегодня же, - он похлопал меня по груди. Звук получился, как по пустой бочке. - Созывай команду. Тренироваться будем.

Глава 10

Глава 10

Иван

- Главное правило Большой Игры... - ворона почесала клюв. - Нет никаких правил.

Мы с напарницей переглянулись.

- Что, выходим на поле и мечемся, как сумасшедшие? - спросила Машка.

А я про себя подумал: всегда есть правила. В колдовстве, в любви, в мирной жизни и на войне... Значит, и здесь без правил не обойдется.

- Никто никуда не мечется, - возразила ворона, а я посмотрел на Лумумбу.

Учитель, с удобством развалившись в бамбуковом кресле, уже прикладывался к серебряной фляжке. Будто его это всё не касалось. Будто его здесь и вовсе нет. Может, наставника заколдовали?

Я осторожно принялся. Да нет, посторонней магией не пахнет, только клопами...

- Значит, какие-то правила всё-таки есть, - уточнил я у вороны.

- Ну да, какие-то, - согласилась Гамаюн. - Весьма условные. От трёх до одиннадцати игроков, от одного до трёх магов. На каждое заклятие - шестьдесят секунд. Но боевые запрещены. Никакого оружия, опять же... Только то, что дано природой, матерью нашей.

- Это тебе-то природа - мать? - фыркнула Машка. - Жертва магической вивисекции.

- Это я-то жертва? Да как ты...

- Как штрафуют нарушения? - перебила напарница.

Ну конечно. У Машки чёрный пояс по нарушению правил. Её это в первую очередь волнует... А Товарищ Седой рассказывал, что до Распыления любой вор Уголовный Кодекс наизусть цитировать мог.

- Штрафов в Игре не предусмотрено, - сказала Гамаюн.

- Ура! - обрадовалась Машка.

- Нарушителя сметают с поля метелкой.

Закрыв глаза, я помассировал виски. Голова напоминала лопнувший на солнце арбуз. То, что сейчас была ночь, вовсе не умаляло этого сравнения... Воздух, пропитанный ароматами горящих поленьев, потных разгоряченных

тел, экзотических цветов и пряностей, лип к коже, как влажный полиэтиленовый мешок. Оставалось завидовать змеям: те умеют сбрасывать шкуру...

- Бвана, ничего не хотите сказать? - я посмотрел на наставника.

Тот почесал шевелюру под шапочкой, поднял глаза к небу - будто там надеялся найти ответы на все вопросы - и развел руками.

- Не ссы, напарник. Прорвемся. Ничего сложного я в этой игре не вижу, - авторитетно заявила Машка, главная специалистка по африканским играм.

- Может, и меня просветишь? - почему никто, кроме меня, не боится?

- Да проще простого! Ты кастуешь одного дракона, шеф - другого... Ну, и Сет изобразит что-нибудь божественное. Кстати, где он?

- Да что с тобой такое? - вызверился я. - Чуть что - сразу драконы! Пунктик у тебя по ним, что ли?

- Если ты знаешь другое, настолько же злобное, безбашенное и беспринципное чудовище - пожалуйста, - пожалала плечами напарница.

Я честно напряг извилины. Нет. Ничего ужаснее, чем взбесившийся дракон, мне на ум не приходило. Разве что маг, кастующий взбесившегося дракона...

- Вот то-то же, - ухмыльнулась Машка. - Значит, слушай сюда...

- Драконы запрещены, - оборвала наполеоновские планы напарницы Гамаюн. - Вообще ничего выше двух метров и тяжелее двухсот килограмм.

- Значит, ма-а-аленького дракончика всё-таки можно?

- Да как ты не понимаешь...

- Нет, это ты не понимаешь...

- А кто следит за исполнением правил? - перебил я, пока эта их перепалка не превратила меня в сумасшедшего дракона.

- Магическая клетка Фарадея, - ответила ворона. - Она накрывает всё поле во время игры. Шаг вправо, шаг влево - и никто не узнает, где могилка твоя...

- Ты же говорила, нет никаких правил, - совсем понурилась Машка.

- Можешь кусаться, - великодушно разрешила птица. - Или плевать - тоже милое дело.

- Вот я тебя сейчас укушу...

- Зубы сломаешь.

И тут из Дома Танцев показался капитан горилл. Приветливо махнув нам огромной лапицей, он потрусил прочь, непринужденно отталкиваясь от земли костяшками пальцев. За ним потянулась вся команда...

Мы задумчиво проводили взглядами игроков-фаворитов.

Когда последняя мохнатая спина скрылась под сенью пальм, с моих глаз наконец спала пелена. Кого мы обманываем, обсуждая на полном серьёзе участие в Игре? Да еще и с намерением победить? Для нас это не более чем садистки-изоцранный способ самоубийства.

Товарищ Седой по головке за такое не погладит. Я вовсе не шучу: широко известный факт, что Товарищ Седой имеет очень хорошие связи на Том свете. Если мы провалим задание, он и в царстве мертвых устроит нам веселую жизнь...

- Ты играть не будешь, - заявил я Машке своим самым убедительным тоном.

- Что-что? - напарница посмотрела на меня тем особенным прищуром, который приберегала для клинических дебилов.

- Это слишком опасно, - понимаю, ничего глупее я сказать не мог.

- Помнишь, еще в Мангазее мы договорились, что не будем решать друг за друга? - спросила напарница.

- Маш, тут совсем другое, - я торопился сказать, пока она не перебила. - Тут будут и другие маги. А маги - существа беспринципные. Как драконы. Они колдовать станут...

Напарница схватила меня за грудки. Вероятно, она хотела эффектно притянуть меня к себе, чтобы прошипеть угрозу в лицо, но вместо этого повисла на моей шее, как маленький рассерженный терьерчик.

- Я буду делать то, что хочу, и где хочу, понял? Если я решу играть, или убить Бумбу, или управлять Вселенной, никто, а тем более ты, меня не остановит, понял? Я - охотник. Я могу завтракать магами, и только косточки выплевывать. И никто мне этого не запретит!

- Выплевывать косточки? - нежно спросил я, снимая напарницу со своей шеи и осторожно ставя на землю.

- Вот именно!

- Ну хочешь, я тебе руку отдам? Обглодаешь, и плюй сколько хочешь...

- Ты прекрасно понял, что я хочу сказать. Ты думаешь, я - никчемная малявка, и только путаюсь у тебя под ногами...

- И вовсе я так не думаю. Я думаю, что ты - самая замечательная, самая...

- Можно мне высказаться?

Я будто наткнулся на стену.

Мы уже забыли о наставнике. Честно говоря, мы забыли обо всём. О Бумбе, об Игре, об Африке и Мертвом Сердце. Сейчас для нас существовала только одна задача: любой ценой доказать свою правоту. Не выдавая истинных мотивов. Просто при одной мысли о том, что Маша может узнать... В общем, лучше я в Навь пойду. Устрою поединок с Мушхушем.

- Шеф, вы же не дадите Ваньке...

- Бвана, вы же не позволите Машке...

- Хозяин, вы же не дадите им...

- Играть будем все.

- Ну шеф, вы же без меня не спра... Что?

- Мы все примем участие в игре. Даже Гамаюн.

- Я - существо редкой красоты и ценности. А вдруг меня там поцарапают?

- Бвана, подумайте хорошенько: ну что Машке делать на поле? Её там просто затопчут, и...

- Не затопчут, - отрубил Лумумба и, кряхтя, поднялся из кресла. - У меня есть план.

План! Ну надо же. О сколько их упало в эту бездну...

- Бвана. Я вас очень прошу...

- Хозяин, вы меня без ножа режете...
- Ур-р-ра! Вот теперь-то мы повеселимся!
- Всем молчать.

Бвана щелкнул пальцами и мы заткнулись.

Наставник прошелся вдоль строя, заложив руки за спину. В белой феске, в длинном белом одеянии, с седой, как снег, головой, он походил на пророка из старинной книжки. Осталось вызвать разлитие кровавых вод и выход из оных морских чудовищ, дабы поглотили оне всё живое на белом свете...

- Долго ждать придется, - усмехнулся наставник.
- Чего? - вылутился я.
- Морские чудовища. Мы в экваториальной Африке, здесь до океана пилить и пилить... Так что с абокралиписом придется подождать, - он отечески хлопал меня по плечу.
- Я что, вслух говорил? - спросил я у напарницы.
- Я ничего не слышала, - пожала плечами Машка. Ворона недоуменно развела крыльями.

- Вы что же думали, я все эти дни только ел, пил и ни о чем не беспокоился? - спросил Лумумба, прохаживаясь вдоль строя. - Таки вы были правы. Но сейчас я подумал вот о чем, - он по-очереди заглянул в глаза мне, Машке, вороне... - Мы с вами - опергруппа. Больше того, мы - команда. Семья... - учитель громко икнул и приложился к фляжке.

- Ага, особенно, это чудо враждебной техники, - буркнула напарница, косясь на ворону. - Прямо младшая сестрица... Та, которую в бочку закатали.

- Не перебивать, когда на меня находит поэтический слог! - пошарив в жилетке, надетой поверх саронга, Лумумба вытащил трубку, нечувствительно разжег её пальцем, выпустил клуб дыма и встал в позу. - Мы - отдельная боевая единица. В этот трудный час, когда кругом одни враги, жизнь диктует свои законы. Свои жестокие законы. Я не стану говорить о цели - она вам известна. Мы, господа присяжные заседатели, должны победить. И мы победим.

Лумумбу несло. Несло на волнах того вдохновения, которое посещает приговоренных к смерти. Как щепку в сточной канаве. Как нищего, объевшегося зеленых яблок... И я не выдержал.

- Соратники, - сделав шаг вперед, начал я дрогнувшим голосом. - Как завещал великий Лумумба, свобода и честь - самые главные сокровища. Великие воины говорят, что можно отобрать землю, на которой мы живем, но нельзя отобрать землю, в которой нас похоронят. Так вот: не бойтесь смерти! Один раз через это нужно пройти... А потом бвана нас призовет, поднимет, и нам уже ничего не будет страшно. Потому что даже могил у нас не будет, а значит - терять нам будет абсолютно нечего...

- А что это вы тут дэлаэтэ?

Сет был в дымину. В одной руке у него был калebas с пальмовым вином, в другой - девушка, одетая в одну травяную юбочку. Она пьяно хихикала и висла у бога смерти на шее.

- Через Нил прыгаем, не видишь что ли? - отбрила Машка. Я с ней был солидарен: пьяная ипостась Сета была еще неприятнее, чем трезвая.

- Тебе что больше нравится: стоять в воротах или бегать по полю? - спросил наставник, критически оглядывая это ходячее недоразумение.

- Только его нам и не хватало! - испугался я. - Одумайтесь пока не поздно, наставник. Он всё испортит...

- Непра-а-ально рассуждаешь, младший, ик, падаван! - отпустив девушку, гримасничая, Сет выпрямился. Но, даже поднявшись на цыпочки, всё равно доходил мне только до нижнего ребра. - С-смерть - всему голова... А я - он и есть...

- Да тебя соплёй перешибить можно, - выплюнула напарница. - То же мне, гвоздь беременный.

Сет начал фокусироваться на Машке. Глазки его похолодели, сделались тупыми и равнодушными...

- Мы принимаем участие в Большой Игре, - сказал наставник. - Третьим будешь?

До Сета начало доходить. Не скажу, что он тут же протрезвел, но сделал по истине божественное усилие, чтобы не шататься.

- Вы... что? - переспросил он тихо. Обычно такой голос раздается с другого конца руки, поигрывающей перед твоим лицом заточкой.

- Мы, - поправил его бвана. - Мы участвуем в Игре.

- Это значит, что ты тоже, - охотно пояснила Машка. - Хотя я сомневаюсь, что от такой козявки будет толк.

- Козявки? - переспросил Сет, а затем повернулся к Лумумбе. - Убэлы её от мэня! Как мужчына прошу, убэлы па-харошему... Иначе я за себя нэ отвечаю.

- Ты заключил сделку, Сет, - равнодушно сказал бвана. - А это значит...

- Я знаю, что это значит! Но оскорбления моей персоны в условия не входили! А у меня, между прочим, тонкая душевная организация. И депрессия.

- А мой конёк - игра на нервах, - перебила Машка. - Не дадим друг другу заскучать?

- Уйми её! - прошипел Сет, яростно глядя на меня. - Слышишь?

- Ладно, Маш, оставь его в покое, - я попытался взять напарницу за руку, но та вырвалась и отскочила.

- Не трогай меня, - прошипела она могильным голосом.

- Я-то чем виноват? - нет, честно. Я даже не понял...

- Ты не хочешь, чтобы я играла. Ты вообще не хочешь, чтобы я тебе помогла. Я тебе не нужна!

- Не правда это! Я только хочу тебя защитить...

- Тили-тили тесто, жених и невест... - я махнул кулаком и ворона воткнулась клювом в землю. Честное слово, я не хотел так сильно... Но ведь накипело!..

- Еще раз вякнешь - все перья из хвоста повыдергаю и в гузку вставлю, - шепотом пообещал я.

- Я буду участвовать, - кивнула Машка.

- Ну вот, милые бранятся... - птица отряхнулась и выплюнула песок. - Главное, объединить влюбленных против общего врага.

- Да никто здесь не влюбился! - закричали мы с Машкой хором. Затем замолчали. Переглянулись...

- Ну что, выпустили пар? - осведомился Лумумба. - Имейте в виду: даже моего ангельского терпения на всех не хватает.

- Крылья у вас, хозяин, без сомнений, есть, - не упустила возможности подольститься Гамаюн.

- Ага, - кивнула напарница. - Только черные. И кожистые.

Все замолчали. Наверное, представляли учителя с крыльями...

- Вот в таком вот аспекте... - наконец закрыл тему Лумумба.

Принадлежность к ангельскому племени он отрицать не стал.

- Бвана, так ли уж нужна нам эта игра? - сделал я последнюю попытку. Ничего еще не началось, а мы уже переругались на десять рядов. Что дальше-то будет? - Добывать сведения таким способом - как-то даже... Сыщики мы - или где?

- Африка огромна, - тихо сказал Лумумба, глядя куда-то поверх моей головы. - Даже если Линглесу еще на континенте, у нас могут уйти годы, чтобы его найти. Но не это главное: чем больше проходит времени, тем он сильнее.

- Но почему мы тогда сидим в Бумбе, вместо того, чтобы...

- Бегать, как курицы с отрубленными головами? - перебил бвана.

- Вы хотите сказать, мы здесь стратегически? - проговорила Машка. - Как те быки, которые медленно спускаются, и...

- Именно, - поспешно кивнул Лумумба. - Именно как те быки. Очень хорошая метафора.

- А что за быки? - тут же спохватилась Гамаюн. - Что они должны делать?

- Нэ важно, - отмахнулся Сет. - Главнэоэ, что они вэли сэбя, как настоящие мужчины...

- Я хочу сказать, Игра - это то, что нам поможет найти Линглесу, - заключил наставник. - Только и всего.

Этого я и боялся: бвана сошел с ума. Нет, какая-то логика в его безумии есть, этого нельзя отрицать. Но... не так всё должно быть. Мы - опергруппа, а не цирк на гастролях. И должны действовать, согласно штатного расписания. Осмотреть место преступления, собрать улики, опросить свидетелей... Мне ведь потом рапорт составлять! А что я напишу? Что мы почти неделю бухали в гостях у гигантского слона, а потом решили поиграть в мячик?

Ну просто праздник какой-то, как говаривал один бородатый драматург...

- Значит, играем, - подвел итог Лумумба. Как всегда: мы посоветались, и он решил... - До рассвета два часа. Предлагаю потратить это время на отдых, - он кивнул на Дом Танцев, из которого доносились неспешный барабанный ритм и хоровое пение: - Во поле березка стоя-а-а-ала...

Пьяно покачиваясь, придворные водили хоровод.

- Что-то шумно там, - заныла Машка. - Я лучше здесь, на травке...

Я был согласен. Просто опасался: если зайду в этот вертеп, то не удержусь и напьюсь с горя. А тогда точно никакой игры...

- На травке случаются змеи, - строго напомнил бвана. - А так же пауки-птицееды и плотоядные летучие мыши, - он кивком указал на ближайшую пальму, ветви которой были сплошь покрыты шелестящей коричневой массой.

Небо слегка посерело и силуэты пальм напоминали аппликации из черного бархата.

- Я думала, это сухие листья... - Машка задрала голову.

- Крыланы, или гигантские летучие мыши, в африканских селениях служат ассенизаторами. Падальщики по натуре, они охотно питаются объедками и другими отходами жизнедеятельности людей. Сдохшие собаки, свиньи... За ночь они могут обглодать до костей осла, - она смерила Машку взглядом. - Интересно, ты спишь очень крепко?

- Ой, всё, - напарница прошла мимо вороны. - Леня с тобой ругаться: спать охота.

Я уже плелся ко входу в хижину, когда наконец-то оформилась мысль, которая не давала мне покоя последние пару часов.

- Эй, - окликнул я Гамаюн. - А как Игра называется?

- Игра-то? - птица лязгнула перышками, расправив и сложив крылья. - А Супербол.

Мои ноги приросли к земле.

Я слышал про Супербол. Все маги слышали. По легенде, изобрели его сразу после Распыления, когда каждый, попробовав первый раз запылиться, считал себя всемогущим.

Говорят, Товарищ Седой когда-то был чемпионом. Только он очень не любил об этом вспоминать...

Сев прямо в пыль, я обхватил голову руками. Я должен был догадаться! Говорят, летальных девять из одиннадцати - это норма. Остальные двое отделиваются тяжелыми травмами...

Пять лет назад Игру запретили. По крайней мере, в цивилизованных странах.

- Бвана... - я поднял голову. - Вы знали? - Лумумба сложил губы трубочкой.

- А это имеет значение?

- Уже нет.

Я поднялся и побрел, куда глаза глядят.

Наверняка Лумумба тоже играл. И одно то, что он остался жив, говорит о мастерстве. А еще жестокости, безбашенности и беспринципности. Совсем, как у дракона.

Вот всегда он так. Талдычит о взаимоуважении, о том, что я ему друг, товарищ и почти что брат... А сам берет и выворачивает всё наизнанку. И ладно бы, хоть предупреждал - так нет, ждет до последнего, а потом заявляет, что так и было...

...С тех самых пор, как я был зеленым юнцом, неопылившимся новобранцем первого призыва...

Гасили мы вурдалаков в Сколково - они там в подвале пятиэтажки закусную устроили. Меню: молоденькие девицы в ассортименте. Я там такого насмотрелся...

Так вот: придумал Лумумба сделать меня живцом. Наложил дивчачью личину, а мне даже не сказал. И всё бы ничего, но он это не вечером, перед выходом на задание сотворил, а еще утром, когда я на занятия в академию торопился... Меня потом полгода Ванессой дразнили. А ему что? Привыкай, гово-

рит, юный падаван. С кем поведешься - от того и забеременеешь...

- Вань? - меня догнала Машка и, пристроившись рядом, взяла за руку.

На душе сделалось мутно. Ладонка у неё, как всегда, была замурзанная, липкая. Но такая жесткая, негибкая, что мне сразу стало ясно: капец нам в этой игре просто гарантирован. Она каждого чужого игрока как личного врага воспримет. Выпотрошит и набьет из них чучела прямо там, на поле... И как мы после этого будем доказывать, что наша сотрудница - не киллер-берсерк, привезенный в Африку специально, для охоты на местных магов?

- Вань, руку раздавишь.

- Извини. Я нечаянно.

Может, заколдовать её? Превратить в малый камушек, да и схоронить за пазухой, промеж других амулетов? А когда всё кончится...

- Ну чё ты такой кислый? - она дружески ткнула меня в бок. - Не ссы. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

А глаза добрые-добрые...

Горизонт посветлел. Небо полыхало, как павлиний хвост, по нему, тоскливо курлыча, куда-то на юг тянулся клин розовых фламинго.

Раздался гулкий звон. Если б кому-нибудь пришло в голову отлить колокол размером с пятиэтажку, звонил бы он именно так. С соседней пальмы сорвалась туча крыланов и окатив нас гуано, унеслась.

Немного подождав и заключив, что прицельного ядерного удара не последует, мы, матерясь сквозь зубы, принялись чиститься. Машка вместо тряпочки приспособила мягкий банановый лист...

С неба рухнула птица Гамаюн.

- Эй, а чего это вы, словно в прорубь с дерьмом опущенные? Ладно, можете не отвечать. Сигнал слышали? Игра началась.

Глава 11

Глава 11

Маша

Дар убеждения у шефа был феноменальный. Ладно, я - за любой кипишь, кроме голодовки. Ладно Ванька. Как ученик, он обязан подыгрывать всем вытребенькам учителя. Но как Базиль убедил играть Сета - тайна сие великая есть.

Треп о какой-то там сделке, на мой взгляд, фигня. На то Сет и хозяин своему слову: захотел - дал, захотел - взял...

Словом, когда взошло солнце, мы оказались на поле, как одуванчики перед газонокосилкой. Такие же воздушные и хрупкие с недосыпу...

Поле было круглое, как блюдце. Или как громадное блюдо - дальняя кромка скорее угадывалась, чем виднелась. Покрывал его веселенький коврик зеленой травки.

- Вань, ты что-нибудь видишь? - подпрыгивая и вытягивая шею, я пыталась разглядеть плацдарм. - Вань, не стой столбом, подсади меня.

- Куда посадить?

- Да себе на плечи, орех ты кокосовый... Мне тоже посмотреть охота.

Поворчав, что не нанимался таскать ворон и мелких рыжих вредин, он подчинился.

- Ну вот, теперь другое дело!

С высоты Ванькиного роста поле казалось не таким уж и громадным. Просто большим. Окружали его заградительные щиты, за ними подымались трибуны. Они расходились концентрическими кругами, как Мальстрем, и были забиты до отказа.

Черное курчавое море рождало впечатление, что где-то неподалёку обретается еще три-четыре Африки, всё население которых собралось здесь, на стадионе.

Море волновалось, скандировало речевки - звук грохотал, как прибой во время шторма. Хотелось тихо опуститься на травку, прикрыть голову и ползти в сторону кладбища...

А ворот на поле, сюрприз, сюрприз!.. Было сразу восемь штук. Нет, я не шушу. И не заливаю. И даже не приукрашиваю. Похожие на клетки для волкодавов, они были расставлены по окружности, на равном расстоянии друг от друга. Интересное кино... Значит, играть будут все команды сразу? И почему наша птичка забыла рассказать о такой мелкой, совсем незначительной детали?

Перед воротами стояли игроки. Справа от нас - гориллы. Ихний капитан даже помахал нам громадной лапицей. Слева - почти что люди. В настоящей спортивной форме, в шлемах с забралами, наколенниках и бутсах. И я говорю "почти", потому что, положив руку на сердце, были это совсем не люди.

Это были ящеры. Здоровенные такие тритоны с зеленой чешуйчатой ко-

жей, раздвоенными языками и шипастыми бревнами вместо хвостов. Они во всю выпендривались перед публикой: делали стойки на руках, мгновенно собирали и разбирали пирамиду из собственных тел и крутили сальто.

Трибуны ревели.

Пигмеи стояли сразу за тритонами. Я еще подумала: - дяденьки-полицейские пришли следить за порядком. Но ошиблась. Дяденьки-полицейские пришли поиграть. В их руках не было привычных копий, зато имелись тяжелые на вид дубинки.

Внешне дяденьки-пигмеи тоже преобразились. Лица их, раскрашенные белыми точками, издалека напоминали посмертные маски. Те самые, что в перспективе украсят братские могилы других команд...

- Гамаюн, - позвала я. Ворона сидела на другом Ванькином плече. От птицы пахло нагретой смазкой и раскаленным железом. - Ты говорила, оружие запрещено.

- Это не оружие, - откликнулась птичка. - А спортивный инвентарь.

Я отвернулась, и посчитала до пяти. Очень хотелось скинуть вредную тварь на землю, разобрать на запчасти и прыгать на них, пока железные детали не превратятся в труху...

- Почему ты нам не сказала? Об инвентаре, восьми воротах... Может, в последний момент выяснится, что играть надо тремя мячами?

- Ну...

- Короче, ты облажалась, Гамаюн. Не спорь. После таких проколов тебя точно сошлют. И даже не в Москву, а куда-нибудь в Сибирь, на лесоповал. Будешь своими байками лесорубов травить.

- У нас нет никакого инвентаря! - завизжала ворона. - И всё равно мы не умеем им пользоваться... Крылья, ноги и хвост - вот то, что нужно для победы.

- Еще голова, - пробурчал Ванька. - У нас она, как выяснилось, одна на всех. Да и та в Москве осталась.

Игру напарник не одобрял. Еще ему не нравились я, Лумумба, Гамаюн, Бумба, Сет и жара. Но больше всего ему не нравилась Африка.

Ваньке хотелось побыстрее раскрыть преступление. А потом вернуться в Москву и заняться скучными, рутинными делами. Такими, как зачистка Московского метро от упырей.

А солнце жарило по полной. Я сейчас реально поняла, что свет может давить, как мешок с песком. Причем песком, хорошенько прокаленным на сковороде... Засвистев невинный мотивчик, я принялась обзирать остальные команды.

И наткнулась на пристальный взгляд желтых, с синими крапинками, глаз. Принадлежали они строгой на вид тетеньке с высокой прической из косичек, одетой во всё белое.

На мгновение эти глаза закрыли собой весь мир. Широко распахнутые, гипнотические, они завораживали и затягивали в себя. В их глубине что-то вра-

щалось... Голова закружилась, зеленое поле вдруг стало вертикальной стеной, а затем и вовсе перевернулось.

- Маша! Маша, очнись! - еле успела перехватить Ванькину лапищу, отведенную для удара по второй щеке.

- Тебе палачом работать не предлагали? - буркнула я, пытаюсь языком пересчитать зубы. - Один узник - один удар. И хоронить не надо: скатали в трубочку, и на полку.

- Я думал, тебе плохо!

- Мне хорошо. Особенно, когда не расплющивают и не бьют по морде, - я потерла гудящую скулу. Синяк, наверное, до коленок доползет...

- Ну извини, что я о тебе беспокоюсь.

Громко засопев, напарник отвернулся.

Я закусила губу. Ну почему у нас так? Только я к нему приласкаюсь - тут же грубит, отталкивает. А если он ко мне льнет - я пинаюсь... "По полям, по дубравам, дружат Марья с Иваном..." Да что-то дружбы той - с воробьиный нос. Расстройство одно.

Сделав вид, что это я просто шнурки завязывала, я поднялась. Затем постаралась найти взглядом тетку. Как-то хитро надо к ней присмотреться, чтобы снова в обморок не загреметь...

А тетка-то и не думала прятаться. Стояла себе неподалёку и усмехалась. Красивая. Скулы высокие, как небоскрёбы в Москве, кожа - будто кофе с молочно-розовой пенкой... А повадки - как у трущобной кошки.

Вздохнув, я отвернулась.

Магов я навиделась достаточно. И сгорающих свечками однодневок, и пылающих газовыми горелками долгожителей... Вот Лумумба например, или товарищ Седой, могли погасить свет в комнате, просто подмигнув.

Эта тётка могла погасить целый дворец. Не моргая.

Рядом с тёткой-кошкой тёрлись двое подростков. Всё было при них: дреды до плеч, полосатые вязаные беретки и широкие клоунские штаны. Один дымил громадной козьей ногой, а другой, нацепив круглые черные очки, вытянулся на траве - принимал солнечные ванны.

- Бвана, вы видите? - оказывается, Ванька тоже смотрел на троицу.

- Разумеется, - шеф отвесил женщине витиеватый поклон. Та в ответ чуть кивнула.

...Базиль, в отличие от нас, цвел хризантемой и благоухал, как французская королева. С головы его помахивала петушьим пером треуголка, шею обнимало кружевное жабо, с плеч струился бархатный камзол. О сапогах я вообще молчу: в начищенной до блеска коже отражалась вся Африка и сопредельные страны в придачу.

Нет, я не понимаю: он играть собрался, или на банкет с шампанским и устрицами?

Бог смерти протрезвел, побрился и поглядывал довольно воинственно. От него почти не пахло сивухой, зато аромат цветочного одеколona шибал про-

сто наповал. Надо будет посоветовать шефу это чудо морское нападающим сделать. Он одним запахом половину соперников перебьет...

Несмотря на то, что вырядился в поддельную спортивную форму, белоснежные кроссовки и сине-желто-зеленые гольфы, рядом с шефом он смотрелся, как фазанья курочка рядом с мужем.

Стратегию игры мы обговорили заранее. Инструктаж, правда, занял минуты две и заключался в приказе шефа действовать по обстановке, смотреть в оба и не зевать.

На меня оставили ворота. Смысла я в этом особого не видела, но возмущаться не стала. Я - охотник на монстров. Приходилось работать с вурдалаками, мантикорами, гидрами и грифонами, с мелкими пакостниками вроде шапунов, слякотников и причетников... С зомби, разумеется... Я знаю их повадки, умею выследить, не выдав себя, заманить в ловушку или убить в честном поединке.

Но здесь, на поле с зеленой травкой, собрались такие монстры, о которых ни в одной книжке не пишут и ни в одном кино не показывают. Это были монстры природные, монстры по натуре, монстры божьей милостью. Им богами прикинуться - что задницу почесать.

Я что хочу сказать: я привыкла к креатурам, наколдованным обычными людьми. Эти же были, как шампунь от перхоти. Два в одном: маги и чудовища, одновременно...

Честно говоря, меня к такому не готовили. Я будто попала в лес, где на каждом дереве висит табличка "здесь водятся драконы", и нет ни одной карты.

Бабуля - в той, до Распыления жизни, был профессиональным киберигроком. Так вот, он говорил: даже в игре нужно рассчитывать силы и трезво оценивать возможности. Иначе никаких жизней не хватит.

И я решила не выпендриваться. Побывать, как называл это Таракан, в запасе. Поле большое, монстров много. Пусть жрут друг друга.

А когда грядочку проредят, тогда и для меня работка найдется...

И еще один любопытный момент: вожак горилл, улучив момент, жестом подозвал Ваньку и что-то пробурчал на ухо. Ванька благодарно кивнул, похлопал гориллу по плечу и рванул назад.

- Это... - он даже запыхался от возбуждения. - Оказывается, Гамаюн, как существо магическое, попадает под правило шестидесяти секунд.

Мы посмотрели на птичку.

- Ты ведь об этом знала, милая, не так ли? - ласково спросил шеф. Ворона заметалась.

- Да я... наверное, забыла.

- Нет, милая. Ты собиралась сорвать игру, - шеф уставил на птицу обличающий перст. - Ты рассчитала: как только минует шестьдесят секунд, нам напишут удаление.

Гамаюн накрыла голову крыльями.

- Хозяин, я хотела как лучше... Вас же тут убьют. Покалечат и изуродуют... Что я Товарищу Седому скажу?

- Значит так... - начал Лумумба.

В этот момент прозвучал сигнал к построению. Все потрусили к середине поля.

- Твоё счастье, что игра началась, - быстро сказал шеф. - Но если проиграем - ты летишь в Москву, - он тюкнул её пальцем по голове и ворона, каркнув от неожиданности, втянулась шефу под ноготь.

Игра началась.

Момент, когда это произошло, как-то смазался.

Прозвучал гонг, с неба упали три крохотные точки, к ним рванули игроки. Я не сразу сообразила, что точки - это и есть мячи.

От ворот видно не так уж много. Слева застыл тритон - по-моему, он даже не моргал. Справа - горилл. Упершись костяшками пальцев в траву, он мерно раскачивался, ухал и поглядывал на меня добрыми маленькими глазками. Когда я на него посмотрела, горилл извлек откуда-то банан, улыбнулся и кинул его мне.

Основное рубливо шло в середине поля. Игроки казались оловянными солдатиками, выставленными на ковер в детской.

То и дело приходилось подпрыгивать и вытягивать шею, чтобы хоть что-то увидеть. Эх, мне бы ноги подлиннее... Или стремянку на худой конец.

И тут мимо - я почувствовала, как взметнулись волосы - пронесся золотисто-коричневый сквозняк. Мелькнул, как молния, и пропал, оставив запах мускуса и ощущение шелковистого меха.

Раздался пронзительный сигнал - будто прямо над ухом рвут железный лист. На наших воротах скрестились несколько разноцветных лучей. Трибуны взревели, небо над полем начало подпрыгивать, словно крышка на кипящей кастрюльке.

Нич-чего не понимаю...

- Ты пропустила гол! - рядом возник напарник. - Слышишь? Ты гол пропустила!

- Какой гол? Где?

Оглянувшись, я увидела позади себя мяч. Он лежал, уютно устроившись в сетке ворот, как кот в корзинке, и издевательски мурчал.

Не помня себя от досады, я пнула неблагодарную скотину в брюхо. Вспорхнув, мяч описал красивую дугу и упал где-то за центральной полосой, на другом конце поля. Трибуны снова взвыли.

- Еще два попадания, и нас удалят! - горячился Ванька.

Морда у него была красная, распаренная, рубаха насквозь пропотела, но глаза горели тем азартным огнём, какой бывает у рыбаков, почуявших поклёвку.

- Да я... - ну как ему объяснить, что я толком даже не видела, как это произошло. И в следующий раз не увижу.

На миг охватило облегчение. Еще два попадания - и мы вне игры. Ну, стрёмно. Ну, позорно. Зато можно будет забиться в уголок, заткнуть уши, за-

жмуриться и представить, что я в своей продавленной уютной кровати, в Бабулином доме. Сейчас войдет Ласточка и скажет, что пора на работу - динозавра валить...

А еще очень хотелось плакать. Нет, я не плакса, вы не подумайте. Просто...

- Шевелись! Не зевай! - ко мне подбежал Лумумба.

И как ему не жарко в таком прикиде, ума не приложу. Хоть бы треуголку снял.

- Шеф, я не хотела...

- Это я виноват, - он упер руки в колени. - Неправильно оценил потенциал. Будешь нападающим, поняла? А на воротах я сам постою.

- Бвана, но как же... Она же... - онемел Ванька.

- Гол забил оборотень-ягуар. У неё не было шансов. Против них - ни у кого нет.

- И что дальше?

- Постараемся держать перевертышей подальше от ворот, - шеф выпрямился и несколько раз, разминаясь, взмахнул руками. - Наша задача - быть в игре до конца. Когда в противниках останется только одна команда - тогда всё и решится. А пока, пусть бьются другие. А мы подождем.

Ну прямо мои мысли...

- Как-то не спортивно... - заныл Ванька.

Да что ему теперь-то не нравится? То вообще играть не хотел, а теперь копытом бьет, как племенной жеребец.

- Мы не спортсмены, - обрубил его шеф. - Мы - опергруппа. Для нас главное - победа. А не участие.

Ванька кивнул, но было заметно, что с позицией шефа он не согласен.

Прозвучал сигнал вернуться в игру.

Я побежала. Просто побежала изо всех сил, и это было здорово. Трава пружинила под новенькими - спасибо шефу - кроссовками, ветер обдувал горячую кожу, а самое главное, когда бежишь - больше ни о чем не думаешь.

Мимо, больно хлестнув хвостом, вновь мелькнул оборотень. Я полетела носом в траву.

Это та самая тетка в тюрбане, поняла я. Она мне сразу кошку напомнила. Причем, не рафинированную киску с бантиком, а жестокую помойную воительницу, готовую убить за рыбку голову. Опасная дама. Очень опасная...

Не успела я подняться, как прямо из воздуха материализовалась Гамаюн. В когтях она сжимала мяч.

- Пинай, - заорала птица, бросила мяч мне под ноги и пропала. Только воздух схлопнулся.

Я пнула. Точнее, сначала я оглядела поле, а уж потом размахнулась и запустила мяч в самую гущу игроков.

Что тут началось! Смешалось всё: гориллы, люди, под грохот башенных орудий... Мяч скрылся под кучей-малой. Вот пигмей, прижимая мячик к пузу, быстро пополз прочь, но его, схватив за штаны, утащила вглубь потасовки могучая черная рука.

Вопли болельщиков накатывали, как прибой.

Гориллы организовали живой таран. Упираясь друг другу в спины и ворча, как рассерженный шар для боулинга, они вбежали в самую гущу потасовки. Противники разлетались, как кегли.

Дяденька в чалме выдрал из бороды волосок и что-то забормотал. Перед стеной горилл появилась... просто стена. Кирпичная, добротная. С осыпающейся кое-где кладкой, но зато толщиной в метр. Гориллы попытались стену обогнуть - та передвинулась вместе с ними. Попытались в другую сторону - и стена туда же. Тогда они, сгрудившись всей кучей, начали толкать её в середине, как упрямую бурёнку.

М-да, не слишком далёкие парни - эти обезьяны... Могли ведь разделиться и обойти стенку с двух сторон.

Будто прочитав мои мысли, они так и сделали. Но стенка тоже разделась! Упс...

Спустя минуту колдовство, как и положено, рассеялось и гориллы повалились в траву. Куча-мала рассосалась, мяч упрыгал в сумке у кенгуру - я так и не поняла, заколдованном или нет. Впрочем, кенгуру в Африке не водятся...

К моему ужасу, на месте кучи-малы осталось несколько тел. К ним спешила скорая помощь: санитары с носилками. Тела погрузили и унесли, а игра покатила своим чередом.

Передо мной вновь возникла ворона. Конечно же, с мячом.

- Когда скомандую, пасуй Сету.

Я лихорадочно стала искать глазами нашего волосатого коротышку. А! Вон он...

- Давай!

Я пнула. Мяч полетел и приземлился у ног бога смерти. Тот, не зевая, тоже пнул. Через секунду раздался мерзкий звук - будто рвут консервную банку.

Трибуны взревели. Люди, потрясая кулаками, вскакивали с мест, и от этого по зрителям шла неровная рябь. У меня заложило уши.

- Что случилось? - прокричала я пробегающему мимо Ваньке.

- Сет забил гол!

- Кому?

- Не важно!

Ну да... Пока на поле столько команд - пофиг, кому прилетит. Главное, чтобы прилетело...

- Нэ спи! - мимо, подхватив меня на руки, промчался Сет.

По тому месту, где я только что была, пронесся камень. Около двух, согласно регламенту, метров высотой и с множеством маленьких ножек под брюхом. Передвигаясь с ужасающей скоростью, он проложил просеку в игроках, подминая их под себя, как асфальтовый каток.

- Спасибо, - я ошалело поблагодарила бога смерти.

- Нэ за что... - и Сет умчался.

Перед моим лицом возникла оскаленная морда. Я не задумываясь, ткнула пальцами ей в глаза. Морда, жалобно визжа, умчалась.

Опять ягуар. Не знаю, тетенька или кто-то из её детишек... Надо убираться с

этого края поля. Кошки, говорят, очень злопамятные...

Всё слилось в мешанину из рева противников, голов, беготни - в-основном, от разъяренных ягуаров: чем-то я им не понравилась. Может запах другой, или глаза не того цвета...

Появилась Гамаюн с мячом - и я опять пнула. И забила гол. Кажется. Кто-то подхватил меня на руки, закружил - небо завертелось, как в калейдоскопе. Кто-то слюнявил щеку, кто-то бил по спине...

Радоваться сил не было. Хотелось пить, есть, но, самое смешное, больше всего хотелось спать. Глаза прямо слипались. Адреналин был истрачен и организм устроил забастовку.

Я была готова рухнуть прямо на траву, но тут раздался рёв гигантской раковины - объявили перерыв. Целых двадцать минут покоя и тишины.

Пришлось тащиться через половину поля к своим воротам.

В глубине души я ожидала, что меня похвалят - как никак, гол...

Но мечтать не вредно. Моего появления даже не заметили. Ванька сидел понурый, как старая лошадь, Сет кривился на один бок, правая скула рассечена - кровь черными бусинами засохла на смуглой коже. Гамаюн тоже была здесь - видимо, перерыва правило шестидесяти секунд не касалось.

- Что случилось? - обреченно спросила я.

- Автогол, - вздохнул Ванька.

- Что это такое?

- Ты забила в свои ворота.

Глава 12

Глава 12

Маша

Более паршивой минуты в моей жизни еще не было. Как на меня смотрел Ванька. Как сочувственно поджимал губы Лумумба. Как хмыкал, отвернув лицо, Сет... И только Гамаюн, подскакав на коротких лапках, похлопала меня по ниже спины - выше не дотянулась.

- Спокуха, хрящ. Прорвемся...

Я слабо улыбнулась и погладила её по голой макушке. А потом требовательно посмотрела на шефа: это ведь он должен был охранять ворота!

- Меня отвлекли, - смутился Лумумба.

- Отвлекли?

Ладно, я в косяках - как в шелках, но оказывается, шеф тоже хорош!..

- Ягуариха строила ему глазки, - наябедничала Гамаюн.

- Вот оно значит как. Ягуариха...

Кулаки сами собой уперлись в бока. Подбородок выпятился, носок ботинка начал постукивать по траве.

- Ладно, все мы виноваты, - встал между нами Ванька. - Я тоже мог быть рядом... - он смущенно засопел. - Ну, когда Гамаюн тебе мяч принесла. Чтобы подсказать...

- Проехали, - буркнул Сет. - Игра еще не закончена. Главное - больше не облажаться.

Кто-то позаботился о том, чтобы команды могли перекусить. Нам досталась корзинка с шоколадными батончиками, несколько бутылок воды и... пакетик Пыльцы.

Увидев пакетик, я замерла. Все инстинкты охотника кричали: осторожно возьми пакет, вскрой и высыпь эту гадость на землю... Еще не хватало, чтобы до наркотика дети добрались, - я посмотрела вслед мальчишке, который оставил корзинку. Совсем пацан еще, лет десять, не больше. А если бы он хотел стырить шоколадку, а вместо этого наткнулся на Пыльцу? Нет, не нравится мне эта Африка.

Прав был Ванька: домой, побыстрее домой...

Выбрав батончик с шоколадом и орехами - я еще такой роскоши никогда не пробовала - я передала пакетик шефу.

- Тут, кажется, ваш допинг.

- О! Как раз вовремя, - ничуть не смутился Базиль.

- Вам же не полагается принимать дурь так часто.

Я видела, как они закинулись перед игрой. Ну, не в прямом смысле виде-ла... просто они, все трое, куда-то на минутку удалились, а потом глаза у Ваньки сделались голубые-голубые...

- Особые обстоятельства требуют чрезвычайных мер, - заметил шеф, вытряхивая горку голубого порошка на сгиб большого пальца. Сделав резкий короткий вдох, он передал пакетик Ваньке. Я отвернулась.

Видно, выиграть шефу хочется до свербежа в заднице. Чтобы он закидывался два раза за день? А уж о Ваньке и говорить нечего: его пайка была намного меньше. Просто в разы.

Нюхнув, напарник сразу подобрел. Глазки наполнились синевой, щечки покраснелись, плечики расправились... Поймав мой взгляд, Ванька дернулся и непроизвольно отскочил.

- Ты чего, Манюнь?

- Ничего.

Я отвернулась.

- Из-за Пыльцы, да?

Я и сама не очень понимала, почему меня это так задевает. Может банальный страх - ни один маг не знает, когда ему срок выйдет... Но, честно посмотрев себе в глаза, могу признаться: дело не только в этом.

Присев на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне, он взял меня за плечи.

- Я - маг. А маги принимают Пыльцу. Без Пыльцы я не буду магом, а значит, не буду собой.

- Может, если б ты был не магом, а кем-то другим, было бы намного лучше? - едва разжимая губы, прошептала я.

- Ну знаешь... - Ванька вспыхнул. Отпустил меня - почти оттолкнул, и заговорил о чем-то с Сетом.

Чтобы скрыть досаду, я откусила от шоколадки и принялась жевать, не чувствуя вкуса, будто картон, будто комок глины пополам с каменной крошкой... глаза набухли и стали тяжелыми, как стальные шарики.

Магия - это зло. В этом я уверена на все сто. Магия лишила меня родителей, пубертатного периода и подростковой неуверенности в себе. Она сделала меня охотником. Моей первой и любимой игрушкой была Пицаль - самопальный обрез, его подарил Бабуля на девятый день рождения... Мне легче убить, чем полюбить.

И в то же время: можно больше не бояться ядерной бомбы - её просто некому запустить; глобального потепления, экологической катастрофы... У нас нет генмодифицированных продуктов, СПИДа и рака - всё это на "раз" лечат маги.

Одна загвоздка: магия - удел избранных. Они всегда будут считать, что лучше знают, с какой стороны масло на бутерброде...

Я успела дожевать батончик - без всякого удовольствия, просто для того, чтоб набраться сил, - когда раздался рёв раковины.

Второй тайм начался.

- Меняем стратегию, - скомандовал шеф. - Иван бежит в центр, на воротах остаётся Сет. А ты...

- Да как же так? - перебила я. - Сет - лучший нападающий!

- У нас остался всего один гол до вылета, - шеф посмотрел на меня одним глазом, сразу став похожим на петуха. - Надеюсь, ты понимаешь всё серьёзность сложившейся ситуации, юный падаван?

- Как не понять. Западло ведь - каким-то гиббонам проиграть.
- Гориллы - человекообразные приматы, - поправил Сет. - Не по понятиям называть приматов гиббонами.
- А в чем разница-то?
- А в том, что приматы могут и навалить, если услышат. А гиббонам - всё равно.

Я посмотрела на соседнюю команду. Горилл было несколько меньше, чем в начале первого тайма, но капитан команды всё так же воинственно обзирал поле из-под низко надвинутого лба.

- Соберитесь, - прикрикнул Лумумба. - Осталось всего-ничего.
- Нам бы ночь простоять, да день продержаться... - пробормотала я себе под нос.

Все три мяча были где-то в центре поля: один под традиционной грудой тел, другой как раз промчался мимо меня... Точнее, не мяч промчался, а тритон в футболке под номером четыре. Зажав мяч подмышкой, он несся так, будто за ним гнались призраки.

Впрочем, это было недалеко до истины: пигмеи, гориллы, люди и не люди - неслись за тритоном так, будто он стырил золото партии.

Вот пигмей ловко подставил ножку горилле - громадный зверь мягко перекатился через голову, вскочил и побежал дальше.

Зато другой парень, в короткой набедренной повязке, получив такую подножку неловко подскочил, споткнулся, шея его согнулась под ужасным углом... Толпа унеслась дальше, а я подошла к упавшему. Лицо его выражало крайнее удивление, а дыхания не было совсем.

Летающие носилки были тут как тут.

- Лови!

Из воздуха мне в лицо летел мяч. Подавив инстинктивное желание уклониться, я приняла его на грудь, затем на колено, а затем... Я не успела ничего сделать. Мелькнул черно-золотистый мех, мяч вырвали у меня прямо из рук, и вот - его уже нет.

Тяжело дыша, я уперла руки в колени.

- Что ты ворон считаешь, - крикнул, пробегая мимо, Лумумба. - Такой был хороший пас!

- Всех не успела посчитать, - бросила я ему в спину.

Шеф остановился, затем развернулся и подошел ко мне.

- Странно, - сказал он. - Я думал, что именно с тобой проблем возникнет меньше всего.

- Каких проблем?

- Ты - человек азартный. Увлекающийся. Ты подбила викингов на совершенно бесполезный штурм острога. Собиралась переплыть Кольский залив. А сейчас... Я тебя просто не узнаю.

- Я тоже себя не узнаю, - это была чистая правда. - Мысли вот одолевают.

- Почему ты не можешь отбросить мысли и просто поиграть?

- Может, взрослою?

- И тебе совсем не жалко напарника?

- А чего его жалеть? Вон какой здоровый бугай... - и тут я вспомнила. - Стой-

те! Так это правда? Что вы на него с Бумбой спорили?

- А ты не поверила?

- Я думала, вы нас так мотивируете.

- Одно другому не мешает. Смекаешь? - и шеф умчался. А я повернулась к полю... Ванька, значит. Ну-ну.

Поле было такое большое, а я - такая маленькая... Это надо использовать.

За Ванькой, оглушительно фыркая, гнался носорог. Напарник бежал, прижав к пузу мяч и ничего вокруг не видел.

Улучив момент, я выскочила прямо перед носорогом и набросила куртку ему на рог. Животное затормозило - из-под широких, как тарелки, ножищ полетели пучки травы. Замотало головой, силясь устранить преграду, но куртка держалась крепко. Носорог обиженно заорал, но в следующий миг растворился в воздухе - шестьдесят секунд истекли. Ванька успел забросить мяч в ворота тритонов.

Отгремели литавры и команду ящеров под вопли и свист толпы удалили с поля - Ванькин гол был решающим.

Я огляделась в поисках следующей жертвы. Ага! Давешний бородатый мужичок делал пассы руками и что-то бормотал... Подскочив поближе, я заорала в ухо: - Грузови-и-ик! - и указала ему за спину. Мужичок ничком повалился в траву. Газон вокруг затрепещал синими искрами и задымился - энергия заклинания ушла в землю...

Я сбежала, пока он не опомнился.

Потом я нашла кучу-малу. Пощекотать пятку гориллы, бросить горсть сухой травы в глаза пигмею, быстро связать шнурки на кроссовках - причем, один белый, другой - черный. И оба правые. Ха-ха! А это даже весело!

На меня мчалась гигантская черепаха. Панцирь - как гора. Вся в выбоинах и трещинах, на морде - тупое упрямство. Обежав её сбоку и подгадав момент, я сделала подсечку. Черепаха запнулась, инерция потащила её вперед и вот рептилия, кувырнувшись, покатила, как камень с горы. Остановить её никто не посмел.

Черепаха на полной скорости влетела в ворота магов - тех самых, которые её наколдовали, и раскатала их в блин.

Заорала иерихонская раковина. Игру остановили.

Я независимо потрусилась к Лумумбе - вроде, никто не видел, что подножку поставила я...

- Колдовство, причинившее вред имуществу устроителей соревнований, подвергает дисквалификации всю команду, - изрекла возникшая ниоткуда птица Гамаюн.

- Интересно, кто её толкнул? - задумчиво спросил наставник.

- Такую махину? - я подняла бровки. - Ума не приложу...

Так, команду магов устранили. Остались оборотни, гориллы... И мы. До конца игры - пять минут.

Самыми грозными противниками, на мой взгляд, оставались оборотни-ягуары. Голов у них не было ни одного - над их воротами висела большая цифра "ноль". У горилл был один, у нас - два. Очевидно, что серьезными противниками нас не считают.

И тут у меня родилась идея.

Подобравшись к Ваньке, я пошептала ему на ухо. Тот скептически на меня посмотрел.

Я опять пошептала. Напарник почесал затылок.

- Может сработать, - кивнул он. - Только... Как же бвана? Он же строго-на-строго запретил...

- Победителей не судят.

И Ванька побежал в центр поля - туда, где должны были упасть мячи. Я в это время подскочила к богу смерти.

- Сет, ты можешь по моему сигналу сотворить что-нибудь безобидное, но такое, чтобы отвлечь всех на несколько секунд?

- Зачэм?

- Некогда, объяснять. Сейчас сигнал к началу игры будет... Ну так как?

- Ладно.

Мячи уже летели к земле...

- Давай!

Воздух над стадионом разорвал гром и на площадку хлынул град. Ледяные шарики величиной с голубиное яйцо. Они падали в траву, подскакивали, искрясь на солнце, барабанили по макушкам, плечам и спинам... А потом они таяли, оставляя после себя раскисший дерн и скользкую траву.

Отовсюду летели возгласы удивления и страха: ледяной град в этих широтах - явление уникальное. Он шел ровно шестьдесят секунд, но этого хватило с лихвой.

Раздался гонг: в ворота оборотней попал мяч. Стоп. Три мяча рядком лежат у самой сетки. Ура! Получилось!

Конечно же, Лумумба понял всё первым.

- Навь? - задрал он бровь. Я кивнула.

- А как же Мушхуш? Вы опять ослушались. Иван мог серьезно пострадать...

- Я подумала: есть же магическая сетка, - поспешно затараторила я, пока шеф не разбушевался. - Раз она не дает магии вырваться за пределы поля, значит и внутри работают те же принципы. Верно? Мушхуш не мог проникнуть сквозь магическую сетку, и Ваньке ничего не угрожало!

Лицо учителя отразило напряженную работу мысли.

- Молодец, - вынес он приговор. - Пятерка за сообразительность. Жалко, я сам не додумался... К сожалению, сработать это могло всего один раз, - вздохнул он.

- Зато мы вынесли самую сильную команду.

Когда ягуары гуськом шли на выход, предводительница бросила на меня уничтожающий взгляд. Я в ответ показала ей язык.

Осталась ерунда: победить команду фаворитов.

- Есть идеи? - спросила я, когда все - Ванька, Лумумба, Сет и Гамаюн собрались на совещание возле наших ворот.

- Им нужно забить один гол, - напомнил шеф. - И тогда игра окончится.

- Шестеро горилл против нас четверых, - заметила я.

- Пятерых, - сердито напомнила ворона.

- А нельзя на ворота какую-нибудь магическую хрень накинуть? - спросила я. - Ну, чтобы мячик влететь не мог...

На меня посмотрели, как на дурочку. Вот всегда так: сами что-то знают, а объяснить не хотят.

- С ворот магия скатывается, как ртутный шарик по стеклу, - наконец откликнулась ворона. - Они сами - порождение волшебства.

- А передвинуть? - вновь спросила я.

Базиль нахмурился.

- Мы должны победить честным путём, - заявил Ванька. - Никакой магии, никаких трюков. Никакого притворства, - все уставились на нашего дубину. - Гориллы - хорошие ребята. Трудяги. Мы уедем, а они останутся... Нужно, чтобы все знали: они проиграли достойной команде, а не какой-то шушере.

- А если проиграем мы? - тихо спросил Базиль.

- Значит, проиграем.

- А как же ты? - спросила я. - Ты ведь тогда в Бумбе останешься...

- Ладно, не горячитесь, - перебил меня наставник. - Будем играть, а там посмотрим.

И мы стали играть.

Гориллы превосходили нас всем: скоростью, силой, пониманием стратегии игры. Они носились по полю, как гигантские призраки - длиннорукие, бесшумные... Они посылали такие пасы, какие мне не могли даже присниться. Они так изящно жонглировали мячами, что это было просто красиво.

Паршивцы работали на публику.

Мы сделали за них самую трудную работу: устранили остальные команды. И теперь они наслаждались славой и старались продлить момент успеха.

И тут, видимо, наигравшись, капитан горилл длинным красивым выбросом послал мяч в наши ворота. Ну, всё...

К моему удивлению, сигнал не прозвучал: Сет поймал мяч! И тут же, пока никто не опомнился, запустил его в ворота горилл. Мяч запутался в сетке.

Трибуны взорвались.

Вот это было гениально! Никто не ожидал такого от вратаря. Никто не думал, что так можно - кроме Сета. Мелькнула мысль, что наш ручной божок смерти слишком хорошо разбирается в игре... Мелькнула, и пропала.

Два-два! Ничья. До конца матча сорок секунд - такое время показывало табло, висящее над полем. Кстати сказать, здесь всю применяли технологию "волшебного глаза" - ту же, что и в Мангазее. Маги, сидя на специальной трибуне, транслировали крупным планом всю игру, выделяя особо удачные моменты.

- Ну, теперь они заиграют в полную силу, - сказал шеф.
- Вы тоже заметили, что они дурака валяли?
- Что поделать? Высокопримативность накладывает свои правила поведения, - пожал плечами наставник. Я запомнила новый термин: надо будет посмотреть потом в словаре...

Всего одно попадание. От победы нас отделяет один мяч.

Я прищурилась. В игре три мяча. Казалось бы, завладеть одним из них - не такая уж трудная задача. Но учитывая спортивные качества горилл...

- Базиль, вы можете придать мне прыти?

- Это как?

- Ну не знаю... Вставить в кроссовки пружинки, или еще что.

- А как же решение играть честно?

Я вздохнула.

- А разве вам не нужна победа?

- Нужна, - кивнул наставник.

- Просто вы не хотите ранить нежную душу вашего падавана?

- Просто я не хочу ранить нежную душу своего падавана. А еще... Не люблю мухлевать.

Я кивнула на горилл.

- Но ведь бой с превосходящими силами противника - тоже нечестно?

Базиль посмотрел на меня с огорчением.

- Когда ты перестанешь воспринимать жизнь как непрерывный бой?

- Я по-другому не умею.

- Надеюсь, мне еще представится возможность тебя научить... - наставник, не давая мне ответить, встряхнулся. - До конца игры - сорок секунд. Ты готова играть не по правилам?

Я кивнула. Если б я всегда играла по правилам - просто не выжила бы. К тому же, это скучно...

- Жди, - шеф убежал, потому что вновь прозвучал сигнал.

Никто больше не посылал красивых пасов. Никто не бегал, рисуясь, по полю.

Гориллы, завладев всеми тремя мячами, как всадники апокалипсиса, устремились к нашим воротам.

Первый мяч Сет отбил - кончиками пальцев неимоверно вытянувшейся руки. Второй - приняв на лоб. Он сейчас действительно походил на бога - бога виртуозной игры.

Поймав очередной мяч, он крутил его на указательном пальце, прогонял по плечам, подбрасывал пятками, а затем, наигравшись, пинал так далеко, что мяч переставал быть виден.

Гориллы бесновались, ухали и закатывали губы, обнажая страшные желтые клыки... Но были вынуждены раз за разом бежать за мячом, возвращаться и повторять попытку.

Десять секунд. К нашим воротам, ведя мяч, устремился вожак. Сет как раз был занят отбиванием другого мяча и Ванька рванул наперерез.

Воткнулся в жоака, как бык в бронепоезд и оба рухнули на траву.

Закричав, я рванула к ним, но почувствовала уколы магического электричества и лёгкие судороги в конечностях.

Споткнулась, упала и вытаращила глаза: мои руки покрылись коричневой шерстью. Пальцы стали узловатыми и длинными. Лицо тоже покрылось шерстью, только челюсти выпятились и губы расползлись, как у лягухи. Волосы куда-то делись. Волосы! Мои длинные рыжие волосы - самое красивое, что у меня есть... Оглядывая себя и ощупывая, я поняла одно: теперь я форменный уродец.

- Шеф! Что вы наделали! - хотела крикнуть я, но из горла вырвалось только "у-ук, у-ук!"

- Действуй! - закричал бвана. - У тебя восемь секунд!

И я понеслась.

Никогда я еще не бегала так быстро. Никогда не двигалась так свободно. Тело сделалось невероятно ловким. Руки, которыми я с легкостью отталкивалась от земли, налились силой. Мешала, правда, одежда - эти тесные колодки на ногах, эти узкие кишки, в которых путались ноги... Как легко и привольно будет без них! Но я подавила желание сбросить штаны - на это просто не было времени.

Поймать один из мячей не составило труда - я просто взлетела в воздух и вынула его из рук гориллы. А потом понеслась к воротам.

Меня пытались остановить. Меня пытались поймать. Задержать, запутать - всё впустую. По сравнению со мной эти громадные увальни будто стояли на месте.

Ворота загоразживал медлительный, как кисель, бугай. Расставив лапы, он перекрыл всю площадь, от одной планки до другой.

Но я видела наперед все его действия. Он не мог мне помешать!

Сделав обманный маневр - один, другой, - я изо всех сил метнула мяч и увидела, как натянулась сетка позади вратаря.

Урра! Го-о-ол!

Магия ушла. Став собой, я повалилась на колени. Желудок бился где-то у горла, сердце провалилось в пятки. Как шум прибоя, накатывал грохот трибун. Как отдаленные раскаты грома, гудел гонг...

Победа! Мы победили! Встав, я поискала глазами напарника, и... Сердце остановилось.

Ванька неподвижно лежал там, где его повалил на траву вожак горилл.

Глава 13

Глава 13

Иван

Наверное, это уже входило в традицию: видеть Машку, как только проснусь. Рот сам собой растянулся до ушей, в глубине души затрепыхалась маленькая птичка... И больно клюнула прямо в сердце.

Я дернулся и тут же почувствовал каждую клеточку, каждый вершок своего тела. Они болели. Скрипели намятые бока, гундосил нос, лбом будто свай забивали... О коленях и руках я вообще молчу: написав коллективную жалобу, мои конечности взяли отпуск для поправки здоровья и в ближайшее время слушаться не собирались.

Я вспомнил, как пытался остановить капитана горилл и от этого сделалось еще хуже: саднила уязвленная гордость. Он меня согнул, как монетку из фольги и выжал, как промокашку. Меня, чемпиона Академии по армрестлингу, поднятию тяжестей и борьбе на больших пальцах! И это - при свидетелях.

Челюсть свело от стыда. Это же проще простого: дать отпор взрослому самцу гориллы, при скоплении всего-навсего нескольких сотен тысяч зрителей.

Каждый такое может.

Если напьется в стельку или обкурится до летающих обезьян.

Бережно, как неоперившегося птенца, лелея своё горе, я отвернулся к стене. Стена была щелястая. Решетка, а не стена. Из тонких бамбуковых реек. Словно издеваясь над моим мрачным настроением, сквозь неё всюду лупило солнце.

В его лучах, золотых и горячих, как растопленное масло, кружились пылинки.

Упрямо пытаюсь изгнать из памяти поражение, я уставился сквозь стену на африканскую природу. Та, в отличие от бури в моей душе, являла собой на удивление спокойную картину.

В пыли вольготно расположилось целое семейство. Мать, дородная хавронья черно-коричневой масти с десятком повизгивающих поросят. Детки, на удивление жилистые и поджарые, как волчата, носились вокруг мамыши, рылись, поднимая пяточками тучи пыли, в объедках и громко визжали, теснясь у материнского брюха. Свинья, прикрывшись обвислыми ушами, удовлетворённо похрюкивала.

Рядом степенно прохаживались несколько кур, возглавляемых громадным черным петухом. Вокруг копошились воробьи.

Эти из каждого найденного зернышка устраивали целое событие: возбужденно чирикают, кидались на добычу всем скопом, дрались, толкались... Со всем, как игроки на поле.

Челюсть опять свело.

- Вань... Ну Вань же! - Машка потормошила меня за плечо. - Как ты себя чувствуешь?

Голос просительный и робкий, что было не свойственно моей напарнице. Я

горько усмехнулся: издевается. Хочет усыпить бдительность, а затем уязвить побольнее.

Продолжая каменеть спиной, я угрюмо ответил:

- Нормально я себя чувствую. Так же, как и любой человек, которого предали все друзья.

- Но мы же выиграли, Вань.

- А какой ценой? - я всё еще продолжал пялиться в щель. Чем-то этот черный петух был подозрителен. Делает вид, что обхаживает кур, а сам нет-нет, да и зыркнет в мою сторону...

Вздыхнув, Машка уселась на кровать, облокотившись о мою спину, как о спинку кресла. Я стерпел.

- Удивляюсь я тебе, Вань, - сказала она чужим лёгким тоном. - Вроде бы и вырос на улице, и жизнь повидал, и магией не первый год балуешься. А ведешь себя как дитё.

Я вскинулся. Напарница скатилась на пол.

- Я? Дитё? А ты ничего не перепутала? Может, это вы с Лумумбой слегка заигрались?

- Да что такого-то? - отряхнувшись, она села на плетеный стульчик, подальше от меня. - Ну, поколдовал он немножко... Так на то и игра.

На мгновение я потерял дар речи.

- Мы же следователи! Мы должны быть выше этого... Только факты и доказательства! Никаких подтасовок.

- Посмотри на это с другой стороны: мы должны были выиграть, чтобы получить эти самые факты. И доказательства.

- Но вы провернули это за моей спиной! Ничего мне не сказав!

Я чувствовал, что в моей речи слишком много восклицательных знаков и замолчал.

- Так тебя волнует не то, что мы смухлевали, а то, что сделали это без тебя? - я не видел, как вошел Лумумба.

Признаться, до этой минуты я вообще не давал себе труда осмотреться и понять, где мы находимся.

Теперь я уделил этому самое пристальное внимание. Лишь бы в глаза наставнику не смотреть...

Находились мы в небольшой круглой хижине - такой же, как и Дом Танцев, только раз в пятнадцать меньше.

Из мебели здесь были бамбуковая раскладушка - я на ней лежал, и стульчик, на котором сидела Машка. Пол устилали полосатые соломенные коврики, а у плавно изогнутой стены притулился столик с тазиком и кувшином.

К сожалению, больше смотреть было не на что.

- Ну так что? - еще раз спросил бвана. - Правда, или желание?

- Меня волнуют оба аспекта.

Даже самому понравилось, как это прозвучало. Веско. Солидно.

- Сотрясение, - кивнула Машка. - Хорошо он с тем гориллой стукнулся... Вань, сколько я показываю пальцев?

- Да причём здесь какие-то пальцы? Я о справедливости говорю!

- Точно. Кукушечка съехала. Или заколдовал кто? - у Машки сделался такой приторно-заботливый, сладенький голосок, что мне захотелось пить. - Шеф, вы на что ставите? На сумасшествие, или на колдовство?

- Ай, да ну вас...

Не доводя до греха, я выпутался из объятий низкой лежанки и ушел в палящий зной.

Кто бы знал, как я устал от этой жары. И всё бы ничего, если б не влажность. Чувствую себя, как консервированный лосось в собственном поту. Даже в башмаках хлюпает. Рубаха, как только я вышел, сразу намокла. По лбу будто лупили раскаленным молотом, ноги налились свинцом.

А тут еще петух. Прошелся туда-сюда, оставляя в пыли четкие росчерки шпор и замер, озирая меня круглым глазом. Зрачок его был черен и пуст, как отгоревший своё уголёк.

Явно собираясь что-то сказать, петух открыл клюв, но передумал. Сделал вид, что вспомнил нечто важное и удалился, гордо подрагивая роскошным хвостом...

А я побрел куда глаза глядят.

И вскоре оказался на берегу пруда. Находился он на задворках тихой гостеприимной деревушки и служил водопоем для многочисленной домашней скотины. Черные маслянистые берега были истоптаны копытами и крестиками птичьих следов. Среди них попадались отпечатки треугольных лап с длинными когтями - может крокодильих, а может, и еще чьих-то.

Так что близко к воде я подходить не стал и уселся на пригорке, выбрав местечко посуше. Никто не беспокоил, хотя стайка голоногих мальчишек и девчонок настороженно наблюдала издалека.

Ветром донесло слово "Бокорван", и я горько усмехнулся: такое прозвище дали мне дети здесь, в городе Бумба - после того, как я показал ребятишкам несколько фокусов... Люблю детей. Они мне представляются копиями нас самих, только менее испорченными. Дети умеют быть счастливыми. И как удивительно мало им для этого надо! Показал, как из-за пазухи голубь вылетает - счастье. А голубь в небе возьми, и превратись в стайку бабочек - ваще восторг. Они и придумали это Бокорван... Ну типа: белый бокор по имени Иван.

Товарищ Седой как-то сказал: - У детей еще всё впереди. А у нас впереди - только они... Мне кажется, я понимаю, что он имел в виду. Мы, дети Распыления, смотрим в прошлое. Всё время вспоминаем, как это было: - до. А те, кто родился в новом мире, никакого "до" не знают. Им нечего вспоминать и не на что оглядываться. Они всеми силами стремятся попасть в будущее.

В мутной коричневой воде темнело несколько крупных валунов и я стал бездумно кидать в них камушки.

Один, как раз очень удачно, попал валуну по макушке. Тот вздыбился, оглушительно фыркая и разбрасывая тучи брызг. Мелькнула черная влажная спина и валун погрузился в воду целиком - только две дырочки и остались.

- Ипоппо не любят, когда им мешают спать, - рядом, как всегда неслышно,

появился бвана.

- Так это бегемоты, - запоздало дошло до меня. В Ниле мы таких валунов не видались предостаточно, и почему я не узнал их сейчас, кроме как хроническим дебилизмом объяснить было нельзя.

- Ты был прав насчет цены, - сказал бвана, устраиваясь рядом со мной. Он, правда, не поленился подстелить непромокаемый плащ...

- О чем это вы? - угрюмо спросил я.

Я скучал. Скучал по временам, когда мы были только вдвоём. Нет, я очень люблю напарницу, но... Раньше мы с Лумумбой были командой. Как это там: - "мы спина к спине у мачты, против тысячи - вдвоём".

Вместе носились по стране, разгадывали головоломки... А с тех пор, как нас стало трое, учитель от меня отдалился. Как бы опустил на ту же ступеньку, что и Машку. Он, мол, учитель, а мы - пыль манежная. Обидно.

Я не сразу заметил, что Лумумба вертит в руках небольшую книжицу. Она была в кожаном футляре, с тусклыми от времени металлическими застежками и потертыми уголками. Когда-то футляр, или точнее обложка, была благородно-коричневой, но сейчас стала светло-желтой, почти белой.

- Это дневник мага, - Лумумба бросил на меня короткий взгляд. - Того самого, которого мы убили.

У меня язык прилип к небу. Поспешно сглотнув, я облизал губы и втянул воздух.

- Это вам Бумба дал? - бвана молча кивнул. - Так может, если его прочитать, мы узнаем...

Наставник раскрыл книжицу и я понял, что с ней было не так: страниц не было. Только пустая корочка.

- И кто вырвал страницы?

- Линглесу. Он явился к Бумбе, втерся в доверие, помог повернуть несколько делишек, и...

- Стащил дневник. Вот откуда он узнал о Мертвом Сердце.

- Я с самого начала предполагал, что без дневника здесь не обошлось. Он - единственное, что мы не смогли отыскать тогда, десять лет назад. Спрятав артефакт, мы постарались убрать из реальности все следы, все намёки на его существование. Но не нашли дневник мага. И решили, что он его либо уничтожил либо спрятал настолько хорошо, что это уже не имеет значения.

- А он всё время был у Бумбы?

- Вероятно. Не на пустом же месте возникло его государство.

- И он похвастался перед Линглесу секретом своего могущества?

- Коллекционеру мало обладать какой-то ценностью. Ему важно, чтобы кто-нибудь другой так же её хотел, но не мог получить.

- Но хвастаясь, он сам нарываяется на кражу.

- Оправданный риск. Придает остроты.

- А вы хорошо его знали? Ну, того мага.

- Лё Биг-Мак, - кивнул Наставник. Его звали Жан-Жак лё Биг-Мак. И он не был магом, скорее... Авантюристом. Рыскал по миру в поисках интересных вещиц, которые можно выгодно продать. Где-то он отыскал Сердце и, видимо, хотел продать его Бумбе, но... - бвана замолчал.

- Но?

- Он не успел. Мёртвое Сердце обладает сложной, очень подвижной структурой. Оно мгновенно подстраивается под хозяина... и подчиняет себе, постепенно выпивая всю его силу.

- И почему все так стремятся его получить?

- Сердце исполняет желания. Но не простые, а тайные. Такие, о которых человек и сам лишь смутно догадывается.

- Это... Это пугает.

- До усрачки, - спокойно кивнул бвана. - Поэтому к Сердцу ни в коем случае не должен прикасаться маг.

- Ваш отец погиб из-за него?

- Мой отец был очень сильным магом, - глядя в землю, сказал Лумумба. - Он думал, что сможет управлять им. Понять, как оно устроено, изучить и... подчинить. Но не успел. Сила рождает равное ей противодействие, и артефакт... В общем, нам пришлось...

- Нет, - я не мог поверить, что бвана сам, своими руками...

- Да, - слова легли тяжело, как надгробная плита. - Более того, я хочу, чтобы мы с тобой договорились прямо сейчас: если одного из нас подчинит Сердце...

- Я понял. Договорились.

После Зоны, после Бел-Горюч камня, страшно подумать, какие у меня могут быть тайные желания.

Бвана молча похлопал меня по плечу.

Смеркалось. Солнце, как громадный апельсин, плескалось в жарком мареве заката. Небо дымилось оранжевым, палевым и голубым. У самого горизонта копились и пухли тяжелые грозовые тучи.

Силуэты акаций, черные и зловещие, казались вырезанными из бумаги.

Бегемоты негромко пофыркивали, в листьях пальм над нашими головами просыпались крыланы - наверное, собирались на ночную охоту. А я наконец-то был счастлив: мы с бваной сидели и обсуждали работу. Совсем, как в старые добрые времена..

- А что это вы тут делаете? - прокурорским тоном спросила Машка. Я подпрыгнул.

- Да ничего, - отозвался Лумумба. - Бегемотов вот на удочку ловим...

Напарница посмотрела так, будто не понимала, шутит он или нет.

- Базиль, там вас красивая женщина домогается. Иди, говорит, за этим великолепным, бесподобным, умопомрачительным мужчиной, и одна не возвращайся.

Теперь наставник посмотрел так, будто не верил.

- Да я правду говорю! - возмутилась Машка, честно хлопая ресничками. - Мечта поэта: золотые глаза, нежно-карамельная кожа, клыкастая улыбка... Пойдете?

- Спасибо за приглашение, но нет, - вопреки словам, наставник поднялся. Поправил крахмальную манишку, проверил узел галстука и нацепил плащ. - Так где, говоришь, она ждет? - было видно, что щеки у него, не смотря на темную кожу, порозовели. - Это я на всякий случай, чтобы случайно не наткнуться-

ся...

- А во дворце у Бумбы. Он, кстати, тоже там будет. И все придворные в при-
дачу.

Бвана моргнул пару раз, а потом плюнул. И не оглядываясь, пошел прочь.
Машка посмотрела на меня.

- А ты чего расселся? Нас тоже касается.

Я был уверен, что мы находимся где-то в глуши, в деревне. Но, повернув па-
ру раз, напарница вывела меня на главную площадь. Собралась изрядная тол-
па...

Будут бить, - с наскака, не разобравшись, решил я. - За что - всегда найдет-
ся.

Но присмотревшись, понял, что бить, может, и не будут. Во всяком случае,
не прямо сейчас.

Разодеты все были так, что глаза слезились. Бусы, перья, цветастые ткани,
белозубые улыбки, яркие, будто самоцветы, глаза...

В центре площади возвышался помост из трех разновеликих ступенек, к
нему вела красная дорожка.

Вокруг тусовались, я так понимаю, сливки местного общества: в белых, как
лебединое перо, распашонках и таких же шапочках. Среди них, как племен-
ной боров среди стада карликовых свинок, возвышался Бумба.

Немного в стороне, в своём черном плаще и шляпе, стоял бвана. А вот ря-
дом с ним... Как сказал классик, "Знойная женщина. Мечта поэта"...

Высокая. Платье - будто её облили жидким золотом, да так и оставили. Шея
утопает в кольцах до подбородка - голова в тюрбане кажется изысканной ва-
зой на золотой подставке.

Я не сразу понял, что она - та самая ягуариха, что не давала Машке житья в
игре.

Женщина смотрела на нас раскосыми кошачьими глазами и плотоядно
улыбалась.

- Вань, чего завис? Нам туда, - дернула меня за палец Машка и указала на
красную дорожку.

- З-зачем?

Шоколадная красotka наводила ужас. Чтоб я приблизился к ней по доброй
воле? Лучше пусть побьют. Так безопаснее...

- Как зачем? Награждение! Мы же выиграли, помнишь? - Машка тянула и
тянула, а я никак не мог оторвать ног от земли. Будто башмаки гвоздями при-
били. - Подарок вручать будут!

Я вдруг остро ощутил влажные на задку штаны и мятую, всю в зеленой тра-
ве, рубаху. Попытался пригладить волосы пальцами, но понял, что бесполез-
но. А еще я давно не брился...

От конца красной дорожки махал Сет. Он вырядился в золоченый смокинг.
На ногах - желтые штиблеты, в откинутой руке - золотая трость, в широкой
улыбке - золотой зуб. Всё в тон, всё со вкусом.

Даже Машка была в платье. Один я - охламон... Я икнул. Машка? В платье? И как я этого сразу не заметил?

Платье было такое... без плеч. Типа сарафан. Ткань тонкая, прозрачная, в зелено-коричневые ромбы. Даже волосы её были аккуратно причесаны и заплетены в толстую, как полено, косу, кокетливо перевязанную зеленым бантиком. Лицо напарницы было свежим, умытым, и пусть лопнут мои глаза, она даже губы нарисовала!

На какой-то миг я онемел. Наверное, видеть её ТАКОЙ было настолько непривычно, что мой мозг, дабы не перегреться, услужливо заменил реальность на привычную картинку пацанки в драной джинсе.

Но всё хорошее когда-нибудь кончается.

- А я всё думала: когда ты заметишь? - сказала Машка. Скулы на её лице заострились, на меня она не смотрела.

- Угм, - только и мог вякнуть я.

- Ну... И что думаешь?

- Думаю... А куда ты спрятала пистолеты?

Черт, совсем ведь не то хотел сказать!

- Не ссы. Куда надо - туда и спрятала.

И Машка пошла по красной дорожке навстречу Лумумбе, Бумбе и всем остальным. Я, как побитая собака, поплелся следом.

Награждение прошло, как в тумане. Бумба что-то говорил, его слова перекрывали улюлюканья подданных - они заменяли аплодисменты.

К нашим ногам бросили и раскатали длиннющий бухарский ковер - такой только в кабинет товарищу Седому, для особо провинившихся сотрудников.

Седло - размером с запорожец, обитое малиновым плюшем и увешанное золотыми кистями - водрузили рядом. Потом я узнал, что седло это - для верблюда.

А на седло поставили маленький неработающий телевизор.

М-да... Ну ладно, ковёр. Можно его в нашей с бваной квартире разместить. Одним концом на стенку повесить, а другой по полу раскатать... Седло вместо кресла приспособить, а телик... Телик в комиссионку сдать - нам его всё равно смотреть некогда.

Только вот беспокоит одна мелочь: подарки-то здесь, а квартира - в Москве...

Очнулся я внезапно. Будто лампочку включили. Или сдернули душный, мешающий дышать и смотреть полог. В одной руке - фужер с чем-то шипучим, в другой - шашлык из жареной саранчи.

А привела меня в себя вот такая мысль: надо встать, отыскать Машку и наконец-то сказать ей, какая она красивая, замечательная и... и вообще.

Тут надо понимать: трезвым я на такой подвиг ни в жисть не решусь. Пьяным... нет, пьяным тоже нельзя. Ляпну опять что-нибудь не то. А вот сейчас, после пары бокалов шипучего пальмового вина... Это казалось очень удачной идеей.

С такой мыслью я и поднялся с груды подушек, но был схвачен и скручен

капитаном команды горилл. Добрый дядька был так впечатлён моими подвигами, что предлагал тут же, не сходя с места, вступить в их команду третьим нападающим. Нужно только, чтобы надо мной поработал местный колдун. Ну, придал мне традиционный для их команды вид... И зарплата хорошая: отдельная хижина и три телеги бананов в месяц.

На этом месте я сообразил, что это не отвлеченный разговор, а конкретное предложение. Я онемел. А затем, тщательно продумывая жесты, попытался объяснить, что бананы - это, конечно, хорошо, просто отлично.

Но вот мех мне вряд ли пойдет. К тому же, рыжих горилл не бывает - это я специально узнавал, у специалистов. Так что, спасибо за предложение, и при других обстоятельствах я бы обеими руками, да и ногами тоже, но вот прямо сейчас меня ищет наставник, сиречь - вожак стаи... Насилу отбился.

Хорошие мужики эти гориллы. И пить умеют.

Рыжая Машкина коса мелькнула у фонтана. Подиум, как и красную дорожку, давно убрали и народ отплясывал под звуки флейт и барабанов, в свете редких фонариков и несметных полчищ светлячков. Красиво было до умопомрачения, и я бы это непременно оценил, если б не был так занят.

Машкина коса мелькала то там то сям и я протискивался через толпу, то и дело наступая на чьи-то босые ноги. На меня не обижались. Сегодня мы были героями и люди, потирая отдавленные конечности, только улыбались и махали руками - гуляй, Бокорван. Сегодня твой праздник...

Потом меня поймал какой-то чиновник. Хлопая по почкам - хотел похлопать по плечам, но просто не дотянулся - он начал пространно вещать о великом спортивном будущем, которое ожидает меня, если я подпишу контракт с "Буйволами Замбези". У меня будет отдельная хижина, три жены и столько новых кроссовок, сколько я захочу - а это, согласись, немножко лучше, чем какие-то жалкие бананы...

Размахивая у моего лица руками, подвыпивший царедворец живописал роскошную жизнь, которой я заживу, стоит мне поставить вот здесь совсем маленькую закорючку...

Я, как мог, объяснил, что всего три жены и кроссовки - это просто не мой уровень. Хаммер с полным баком, двенадцать жен и шесть телег бананов - вот тогда и поговорим.

Старичок посмотрел на меня с уважением. Затем, предложив никуда не уходить, как-то очень быстро смешался с толпой.

Затем меня перехватил Сет. Сияя, как новенький грошик он привстал на цыпочки, и подозрительно оглядываясь, зашептал о том, что можно неплохо срубить бабла, если я подпишу... Ну, дальше вы поняли.

Молча отцепив его волосатые лапки от своей мятой рубахи, я продолжил искать Машку.

Я видел то косу с зеленым бантиком, то курносый профиль, то раздуваемый тёплым ветром подол сарафана... И наконец оказался на краю площади, где неожиданно, и совершенно случайно, услышал слова, заставившие позабыть обо всём:

- Мёртвое Сердце.

Голос был женский, с лёгким певучим акцентом.

Я медленно повернулся.

И увидел богатый, практически европейский каменный особняк. На веранде особняка собралось интересное общество: король Бумба, давешняя золотая женщина и мой наставник.

Глава 14

Глава 14

Иван

Бумба возлежал на своём диване. Не знаю, как он притащил его на веранду, но это был тот самый диван. Я еще в Доме Танцев заметил, что на спинке дерматин лопнул и был аккуратно зашит рыжей ниткой. Женщина-ягуар удобно свернулась в кресле, рядом с ней - подозрительно близко - сидел бвана. Машки не было.

Наставник, завидев меня, недовольно поморщился и отвернулся.

Сделав морду кирпичом, я поднялся по трем беломраморным ступеням.

- Здрасьте всей честной компании. А я вот иду мимо, вижу - учитель драгоценный сидеть изволят. Дай, думаю, спрошу: не надо ль чего? Что ж ихней милости ножки свои бел... черные трудить, организм напрягать. Пусть скажут, а уж я, сердешный, расстараюсь...

- Садись, словоблуд, - вздохнул бвана. - Не срами перед державами...

Я сел. Стульев на веранде не было, так что устроиться пришлось прямо на полу.

- Он был очень силён, - тем временем говорила ягуариха, не обращая на меня никакого внимания. - И он был безумен. Мы ничего не могли сделать.

- Понимаю, - Лумумба учтиво склонил голову.

- Он разрушил наш дом.

- Мне жаль, - серьезно сказал бвана.

- В живых остались только Т'чала, М'баку и я... - женщина вздохнула и отвернулась.

Мы молчали. Признаться, я никогда не умел себя вести с людьми, у которых случилось горе. Нет, я всё прекрасно понимаю, и очень, очень сочувствую... Только словами выразить не могу. Всякий раз кажется, что они будут звучать фальшиво.

- Ариман хотел, как лучше, - овладев собой, женщина-кошка приняла царственную позу. - Он любил нас. По-своему. И желал только добра.

- Но... - тихо подсказал бвана.

- Всех остальных он уничтожил.

- Как это произошло?

- Зачем ворошить прошлое? - с каменным выражением лица спросила Це-

зария.

- И всё же... - настаивал бвана.
- Расскажи ему, - вдруг подал голос король. - Ты же за этим сюда пришла.
- Думаешь, он поймет? - к королю она обращалась запросто, без церемоний.
- Я буду стараться, - с нажимом ответил наставник. - Вы не представляете, насколько я понятлив.

Король Бумба, сказав пару слов, казалось, ушел в себя. Он задумчиво крутил хоботом, в котором поблескивала неизменная бутылка, и шумно вздыхал о чем-то своём, время от времени поправляя очки. Но ухо, мягкое, складчатое слоновье ухо, повернутое к парочке в креслах, оставалось настороженно приподнятым.

...Ариман всегда был гордецом, - пожала плечами Цезария, как бы смиряясь с неизбежным. - Он был уверен, что достоин большего, чем другие. Считал себя особенным. Так оно и было. Можете мне не верить, но так оно и было, - задумчиво повторила она. - Архимед считал, что имея хороший рычаг, можно перевернуть Землю. Ариман говорил что он - и есть этот рычаг. Просто пока не нашлось точки опоры.

Когда появилась Пыльца... - она горько усмехнулась. - Мой муж и мысли не допускал, что окажется однодневкой.

Его первым желанием было превращение нас - всей семьи - в оборотней. Ариман считал, что хищники - это вершина эволюции... Я и дети превратились, - на пальцах Цезарии мгновенно, как клинки из ножен, выскочили и втянулись когти. - Но он... он постарел на десять лет. И только.

Второе желание... Он не стал тратить его ни на кого, кроме себя. И, тем не менее, ничего не получилось. А мой муж стал глубоким стариком.

- Не всякий маг способен наложить колдовство на себя, - кивнул Лумумба. - Мы это поняли далеко не сразу.

- А вот Ариман так и не понял.
- И не остановился, - добавил наставник.
- Он просто не мог иначе.
- Это Ариман создал Мёртвое Сердце, - я не заметил, когда на веранде появилась Машка. Она успела переодеться в джинсу, распустить волосы и смыть косметику. Жалко. Платье мне нравилось.

- Да, - наклонила голову Цезария. В глазах её отразился свет праздничных фонариков. - Ариман заключил в него свою сущность. Своё естество...

- Потому что не хотел умирать? - не унималась Машка.
- Как ученице некроманта, дитя, тебе должно быть известно, что иные участи - страшнее, чем смерть, - холодно процедила Цезария.
- Но он убивал людей.
- Сердце требовало жертв. Ему нужна была сила, - пожала плечами ягуари-ха. Словно речь шла о регулярной поливке огорода.

Машке это не понравилось. Сузив глаза, она собралась ляпнуть что-то резкое. Я, дотянувшись, схватил её за руку, но это напарницу не остановило, а наоборот, придало уверенности.

- Меня учили, - жестко сказала Машка. - Что вешать нужно только отъявленных негодяев. Но отъявленных - нужно вешать.

- Ариман был моим мужем, - надменно заявила Цезария.

- И он был отъявленным негодяем.

- Маша! - рывкнул Лумумба. - А ну, извинись.

- За что? Разве я не права?

- Прошу простить мою ученицу, благородная Цезария, - быстро сказал наставник. - Видимо, жаркий климат пагубно действует на неокрепший ум.

- Воспитывать детей - тяжелая ноша, - надменно согласилась ягуариха. - Нужно очень сильно их любить, - она уставила узкие кошачьи глаза на Машку. - Но и наказывать нещадно.

- Я не ребенок! - выкрикнула напарница. - Я - охотник. Я обучена убивать таких, как...

- Маша! - голос Лумумбы хлестнул, как бич. - Ступай, разыщи Сета.

- А почему я? Пусть вон Ванька сбегает...

- Маша. Сейчас же.

Надувшись, как жабка, она гордо спустилась с веранды. Лопатки под курточкой, подрагивающие волосы - всё говорило о несогласии напарницы с начальственным произволом.

- Давайте поговорим о Линглесу, - вдруг сказал Бумба. - Он - вторая часть истории.

- Линглесу - это уже третья часть, - с готовностью сменил тему бвана. - Вторая - лё Биг-Мак. Судя по всему, ему удалось завладеть Сердцем Аримана, - Лумумба повернулся к Цезарии. - Вам известно, как умер ваш муж?

- Нет, - резче, чем следовало, ответила ягуариха. - Мы... расстались. Я должна была заботиться о детях.

- Вы боялись, что станете следующими в списке его жертв, - сказал я. И тут же захлопнул варежку. Неужели я всё-таки заразился от Машки недержанием?

- Нас бы Ариман не тронул! - оскалилась Цезария. - Мы - семья.

Лицо женщины явственно заострилось. В голосе прорезались рыкающие нотки.

- Ну хорошо, хорошо... - примирительно сказал бвана. - Давайте лучше я расскажу, что знаю.

...Лё Биг-Мак был журналистом. Путешествуя, он рассказывал об экологии, животном мире, этнических особенностях жителей. Он прекрасно рисовал и писал остроумные заметки. Разумеется, фотографировал... Подозреваю, что лё Биг-Мак приторговывал на черном рынке. Ему на глаза частенько попадались редкости, о настоящей цене которых не подозревали владельцы. Выменивая, а где и приворовывая, лё Биг-Мак добывал интересные вещицы и находил им новых хозяев. Возможно, Сердце попало к нему именно таким образом.

- Значит, он тоже был магом? - спросил я.

- Совсем недолго, - согласился наставник.

- Сердце выпило его досуха, - злорадно улыбнулась Цезария. - Он украл талисман моего мужа и тот свёл его в могилу. Ариман отомстил за себя.

И тут в мою душу закрались смутные сомненья...

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться и не дать мыслям позорно сбежать, я принялся рассуждать логически. Как сыщик.

Цезария - жена Аримана. Мага, сотворившего Мёртвое Сердце. И вот она оказывается в Бумбе и принимает участие в Игре. Зачем?

Ей был нужен дневник! Уж не знаю, что она собиралась с ним делать...

- Вы не хотели отдавать записи лё Биг-Мака Цезарии, - неожиданно сказал я, обращаясь к Бумбе. - "И откуда ты такой умный выискался?" - спросили его маленькие, спрятанные за стёклами очков, глазки. - Вы не хотели отдавать ей дневник, но не могли найти повода, чтобы отказать. И придумали стравить нас в Игре...

- Это было рискованно, - заметил Лумумба.

- Вы, - король Бумба оглядел собрание. - Не оставили мне выбора. Я не мог открыто встать на чью-либо сторону.

- Или не хотел? - прищурился бвана.

- Ариман был моим мужем, - перебила его Цезария. - У меня больше прав, чем у кого бы то ни было.

- Но зачем он вам? - спросил наставник.

- Это не ваше дело!

- К чему спорить? - примирительно поднял хобот Бумба. - Дневника всё равно нет. Он находится у Линглесу...

- И вы уверены, что его руки лучше моих? - ревниво спросила Цезария.

- Когда речь идет о магии, я вообще ни в чем не уверен, - сказал Лумумба. - Кроме одного: Мальчишку необходимо найти и обезвредить. А для этого пригодился бы дневник...

- Каким образом? - трубно взревел Бумба. - Каким образом ты намерен его обезвредить?

- Нужно уничтожить Мертвое Сердце.

Настала мёртвая тишина. Только сейчас я понял, что праздник давно закончился и площадь опустела. Где-то далеко, на грани слышимости, грохотал гром. А вокруг веранды оглушительно, сводя с ума, стрекотали цикады.

Цезария поднялась из кресла. Мягко, по-кошачьи, потянулась, а потом сложила руки на груди и ласково сказала:

- Я не допущу этого. Я не допущу, чтобы моего мужа убили еще раз. Если вы встанете у меня на пути, я вас убью.

Бвана тоже поднялся. Глаза его засветились, плечи напряглись так, словно из них сейчас вырвутся крылья...

- Подождите, - быстро сказал я. - Подождите... Вы говорили, что артефакт довольно быстро выпивает силы владельца. А вы не допускали мысли, что оно уже выпило Линглесу? Может, его давно нет в живых, и надо просто найти артефакт и получше перепрятать?

- Может и так, - согласился наставник, не отрывая взгляда от глаз Цезарии. - А может, он прямо сейчас убивает сотни невинных людей.

- Любые жизни - ничтожная цена за жизнь Аримана.

Она подобралась, ногти проросли черными когтями, лицо вытянулось и по-

что превратилось в морду...

- А что это вы здесь делаете? - раздался голос моей напарницы.

- Маша, не сейчас! - рявкнул Лумумба.

- Да я что? - невинно задрала бровки Машка. - Я ничего... Извиниться вот хотела. За своё плохое поведение. И подарочек принесла. В знак примирения.

И помахала прямо перед носом Цезарии игрушкой. Украшенной бусинами, ярко-розовыми перьями и колокольчиком.

- Ну что же вы, тетенька? - спросила она медовым голосом и еще раз позвела. - Я думала, все кошки любят с махалочками играть...

Ягуариха промахнулась. Она целила Машке в горло, но громадные когтистые лапы ухватили лишь пустоту.

На полу, там, где стояла напарница, сидела крошечная лягушка. Она была очень хорошенькая: с громадными печальными глазами, с гладкой блестящей кожицей, покрытой зелеными и коричневыми разводами, с золотистой полосочкой по спинке...

Задохнувшись, я посмотрел на бвану. Честное слово, до меня не сразу дошло, что лягушка - и есть Машка. Он всё таки её превратил!

- Ква? - недоуменно сказала земноводное и захлопало длинными ресницами.

- Бвана? - осторожно позвал я. - Вы не находите, что это как-то чересчур?

- Не нахожу, - раздраженно отрубил наставник. - Это послужит ей уроком.

- Может, послужит, - пробурчал я, аккуратно, двумя пальцами, подхватывая лягушку под передние лапки и сажая её себе в нагрудный карман. - А может, вы еще сами пожалеете. Ведь расколдовывать, рано или поздно, придется...

- Хозяин, а вот и я! - на беломраморных ступенях показалось новое чудо.

Наша железная птичка, пропадавшая невесть где, в буквальном смысле ползла на бровях. Была в зюю. В ржавый, совершенно бесполезный хлам.

За пьяной вороной стоял довольный Сет. Чем они занимались, и почему Гамаюн оказалась в столь пограничном состоянии, я спрашивать не стал. И так ясно.

Только порадовался, что вовремя спрятал Машку: не ровен час, пьяная бестия приняла бы её за червяка и склевала...

- Вискариком не угостите? - взгромоздившись наконец на перила и разобравшись в лапах и крыльях, ворона уставилась на короля.

Лумумба горестно закатил глаза. Я его понимаю: потеря лица по всем фронтам. Младшая ученица квакает, старший выглядит, как чучело гороховое, говорящий артефакт так вообще надрался до розовых слонов... один Сет пока еще подавал надежды.

- Эй, дэвушка, можна пазнакомица, э?

Недолго музыка играла, недолго продолжался бал.

Цезария как-то незаметно превратилась в женщину, и наш карманный бог смерти просто не смог пройти мимо. Рефлекс у него, что ли? Или мама в детстве уронила?

- Слушай, что такой пэрсик дэлаэт в кампании таких мужланов? - Бумба хрюкнул. Лумумба втянул воздух. А Цезария, к нашему общему удивлению,

покрылась нежным румянцем и скромно опустила кошачьи глазки. - Падем са мной! - нежно обнял её за талию Сет. - Пить будэм, гулять будэм! А патом... - и он, привстав на цыпочки, что-то прошептал ей на ушко.

Женщина-ягуар сделалась вовсе пунцовой, жеманно пожалала точеным плечиком и... позволила увлечь себя к ступеням.

- Мы еще не закончили, - промурлыкала она напоследок бване и - была такова. В обнимку с Сетом.

- Темна вода во облацех... - пробормотал Лумумба, провожая Цезарию задумчивым взглядом.

А я присел на перила рядом с Гамаюн. Птица была горячая, как утюг.

- Как у нас в садочке, как у нас в садочке, - пропела она хриплым басом и медленно, с достоинством перевернулась кверху лапками. - Розочка цвела... - закончила ворона фальцетом, и повиснув вниз головой, как летучая мышь, отключилась. Глаза потухли, металлические перья, остывая, тихо потрескивали.

И тут поднялся Бумба. Процесс этот ничем не напоминал то обычное действие, какое производит любой человек, поднимаясь со стула. Движения короля скорее напоминали медленный и неотвратимый сход ледника. Только в обратном порядке.

- Мой царственный брат! - обратился он к Лумумбе. - Чтобы сгладить неприятное впечатление от пребывания у меня в гостях, я хочу показать тебе одну фотографию. Плохо, если ты покинешь мою гостеприимную страну с затайенной обидой.

- Ну что ты, Бумба, - великодушно махнул рукой бвана, и тоже поднялся. - Мы уже получили от тебя абсолютно бесполезное седло, пахнущий кошками ковёр и сломанный телевизор. Разве можно рассчитывать на большее?

- Значит, всё-таки сердисься, - понурился король.

- Если и сержусь, то только на себя, - вздохнул бвана. - Самоуверенность - это грех. Надо бы приравнять её к убийству - именно этим и заканчиваются излишне амбициозные планы.

- Ты о чем? - Бумба вновь снял очки, без которых его глаза выглядели совершенно... ну, по-слоновьи.

- О Цезарии. Нужно было предусмотреть её появление. И желание завладеть Сердцем Аримана... Но мы не слышали о ней больше десяти лет - я и подумал...

- Что она умерла? Оставила попытки? Бросила магию и научилась вышивать крестиком? - водрузив очки на нос, король насмешливо посмотрел на наставника сквозь стёкла.

Всё он понимал, это громадный мудрый слоняра. И о бване, и о Цезарии и даже о нас с Машкой... Понимал и то, что действующий артефакт такой разрушительной силы может повлиять на расстановку сил не только в его государстве, но и на всём континенте. Да что там континент! Во всём мире.

Если на минуту представить, что Мертвое Сердце попадет к Бумбе, например... Что нас ждет? Африканский рай в масштабах планеты?

А если к Товарищу Седому? - я на минуту задумался. - О-хо-хонюшки, лучше бы Сердце уничтожили десять лет назад. Тогда и маги были помельче, и амби-

ции у них были не такие масштабные. Нет, судари мои: прав бвана. Прав на все сто: найти и уничтожить - это единственно верный выход.

В кармане ворохнулась напарница и я осторожно погладил её через ткань. Ничего, Машунь, вот отойдет бвана, отгадет сердцем - и превратит тебя назад. И дня не пройдет. В крайнем случае, недели. Месяц - крайний срок.

И тут мне пришла в голову другая мысль... Получается, Лумумба Машку спас!

У одного моего приятеля по Академии была кошка. Симпатичное пушистое чудо с голубыми глазками и белоснежной шерсткой. Она любила, забравшись на колени, свернуться клубочком и подремать, пока ты чешешь ей за ушком... Но, как только что-то не нравилось - тут же выпускала когти и вцеплялась зубами в палец.

Нет, к бабке не ходи: Цезария точно вырвала бы Машке горло. Одно то, как домашние кошки играют с мышью наводит на размышление... А наша новая знакомая - дикая пустынная хищница. Даром что в юбке.

- Держи, - прервал мои размышления наставник, доставая из жилетного кармашка небольшую деревянную коробочку.

- Что там? - я не спешил протягивать руку. Мало ли, что может достать из кармана разгневанный маг... Компактную сверхновую, например.

- Новый дом для твоей напарницы. Выложишь изнутри свежей травкой, да поливать не забывай - а то высохнет. А еще слизняки - лягушки их любят.

Мне оставалось только тяжело вздохнуть: в ближайшее время превращать Машку он точно не собирается.

- Да, и еще... - наставник уже направлялся куда-то вслед за Бумбой, но остановился на ступеньке. - Разыщи Сета и подготовь машину к путешествию. На рассвете мы уезжаем.

Рассудив, что Сета до утра искать бесполезно, я решил найти "Импалу". Смутно помнилось, что стоянка была где-то за дворцом, с другой стороны.

Посадив Машку в коробочку - я, по совету бваны, выстлал её мягкими банановыми листьями, полил из фонтана и даже нашел парочку толстых аппетитных гусениц - я отправился на поиски.

Да, чуть не забыл про ворону! Взбежав по трем ступенькам и привязав бездыханную птицу за лапки к поясу, на манер подстреленного фазана, я углубился в дворцовые переходы - почему-то казалось, что так будет короче...

Придворные, в отличие от простых жителей, продолжали веселиться. Ухватив друг друга за талии и выстроившись в длинную змею, они пьяно бродили между вилл и фонтанов, время от времени вскидывая голые конечности и нестройно выкрикивая загадочное "раз, два, три - брык!"

Мне улыбались, предлагали присоединиться, зазывно протягивали каласы с пивом и палочки с жареными пауками, но я мужественно отказывался. Цель, как говорится, превыше всего. А еще нагоняй от Лумумбы, если я не исполню того, что велено... Добрые придворные цепко хватали за рубаху.

- Эй, Бокорван, куда спешишь? Остановись, выпей снами!

- Не приставай к занятому человеку, дурья башка. Бокорван готовится выиграть скачки на слонах.

- А ты не врешь?

- Дело верное. Приятель сестры друга любовницы младшего подавальщика ночного горшка владыки Бумбы об этом слышал. А такой важный человек врать не станет.

- Эй, Бокорван! Я назову в твою честь восьмого сына своей пятой жены, если выиграешь гонки слонов...

- Эй, Бокорван, стой минутку! Сейчас я подарю тебе свою дочь! Хотя какая-то польза от паршивки...

- И как ты её сюда притащишь? Все знают, Заремба пятый год из дому не выходит: в дверь не пролазит...

- Беги скорее, Бокорван! Пока дочка старого Гакао не села на тебя, и не превратила в тонкую лепешку...

Неловко улыбаясь, кивая и то и дело отклоняя предложения выпить, перекусать, а также принять в дар ребенка, козлёнка, а в одном случае - глупого лупоглазого щенка, я наконец выкатился за ворота дворца и сразу увидел стоянку: над ней горела яркая неоновая вывеска с автомобилем и грудастой красоткой.

Охранница в будочке мирно похрапывала, привалившись к стене. Наверное, здесь считалось, что по ночам имущество граждан и гостей столицы охранять не надо...

Кое-как отыскав ряд, в котором, по моим расчетам стояла "Импала", я прочесал его вдоль и поперек. Затем прочесал другие ряды - на случай, если память меня подводит.

Вернулся к первому ряду, и прошелся еще раз.

Импалы на стоянке не было.

Глава 15

Глава 15

Иван

В первый миг я решил, что Импалу угнали. Во второй - что Сет бросил нас и слинял. Но поговорив с охранницей на стоянке - фанаткой Супербола - понял, что не всё так просто.

Девушка видела как бог смерти сам, без всякого принуждения, отдал ключи какому-то типу в малиновом пиджаке... Тип тут же укатил на "Импале", а Сет при этом выглядел очень довольным.

Поручив беспробудную Гамаюн красотке с кольцом в носу, я побежал назад, во дворец, и после коротких поисков отыскал Сета в одной из гостевых хижин.

Цезарии при нём не было. И слава Макаронному монстру...

- Ты куда машину дел, придурок? - сорвалось с языка, как только я смог ухватить бога смерти за потный загривок.

Тот только брыкался спросонок и мычал, как бычок. Глазки у него были соловые, мутные, на щеках - удивительной густоты и плотности щетина, а запах перебродившего пальмового вина мог убить не только лошадь, но и призового слона по кличке Навуходносор, которому я имел честь быть представленным во время попойки у Бумбы...

Перевернув бога смерти вверх тормашками и ухватив за заднюю конечность, я вытащил его на божий свет и окунул в ближайший фонтан.

Повторил процедуру разика три-четыре, после чего повторил вопрос.

- Отпусти. Голова лопнет.

Я аккуратно вернул бога смерти в нормальное положение.

- Ну?

- Ставки делать на что? Играть на что?

С похмелья он был мрачен и на удивление немногословен.

- Да зачем тебе вообще играть?..

Сет устремил на меня мутный младенческий взгляд.

- Мы же в Бумбе. Здесь нельзя не играть.

- Ладно, - смирился я с разницей в менталитете. - Что делать-то будем? Бвана сказал, на рассвете выезжаем.

- Нэ, - вздохнул Сет. - Я на Навуходносора кучу дэнэг поставил. До вечера нэ уеду.

Я достал из кармана коробочку и сунул её под нос богу смерти.

- Это видел? Хочешь соседние апартаменты занять?

Царевна лягушка уставилась на нас грустными библейскими глазами. Во рту у неё медленно трепыхал хвостом жирный слизняк.

- Выезжаем, так выезжаем. Я что, против, что ли? - бог смерти, кряхтя и прихрамывая, заковылял к выходу из дворца. - Закупиться только надо.

Я пружинисто вскочил. Колени и поясицу заломило.

- погоди, - поковылял я вслед за Сетом. - Машины-то нет.

- Как нет? - Бог смерти шумно поскреб щетину.

- Сам видел.

- Не верь всему, что видят твои глаза.

- А чему верить-то?

- Мне.

Через пять минут я ошалело хлопал глазами, а Сет сиял, как смазанный сапом кирзовый сапог.

- Вот так и дэлаются дэла, э?

Акула, - подумал я. Или кит-убийца. Черные хищные обводы кричали о скорости. Передний бампер скалился в кровожадной ухмылке, фары светились багровым светом преисподней...

- Астон-Мартин две тысячи третьего года, - Сет любовно погладил дверцу. - Последняя модель, - и нажал кнопку автозавода.

Железный зверь довольно заурчал. Будто только что проглотил порцию пассажиров и с нетерпением ожидает добавки.

- Сколько ты за неё отдал?

Сет грустно вздохнул и махнул рукой.

Лихо подкатив к фонтану на площади, мы увидели Лумумбу. Несмотря на жару, был он в своих потертых походных бриджах, любимом кожаном плаще и сапогах на толстой подошве. Голову учителя украшала широкополая шляпа, правую руку оттягивала тяжелая трость. К хищному чуду враждебной техники наставник интереса не проявил, чем сильно расстроил бога смерти.

Сомневаюсь, что бвана вообще заметил смену средства передвижения - настолько был задумчив и погружен в себя.

- Где Гамаюн? - только и спросил, оглядев внутреннее убранство кабриолета.

- В багажнике, - утрюмо буркнул я. - Спит.

Как всегда: ни здрасте, ни как спалось... Между прочим, никак. Не до того было.

Нетерпеливым жестом изгнав меня на заднее сиденье, Лумумба расположился рядом с Сетом и ткнул набалдашником трости в направлении далёких зеленых холмов.

- К Килиманджаро, милейший, - распорядился он.

- Бвана, а вы ничего не забыли? - спросил я.

Машка в коробочке шебуршала и скреблась - ей было жарко и скучно.

- Как будто ничего, - пожал плечами наставник, а затем чуть повернулся. - Ах, вот ты о чем... - он с каким-то неясным выражением посмотрел на коробок. - Не сейчас.

Спорить было бесполезно...

Чуть дальше, на тротуаре, маялся чувак. Завидев нас, он отчаянно замахал руками, призывая остановиться.

- Ну-ка, притормози, - скомандовал наставник.

Что-то в нём было смутно знакомое. Будто я видел его совсем недавно, буквально вчера. Кроме наушников, на парне были громадные белые кроссовки, широченные штаны и радужной расцветки майка на восемь размеров больше, чем нужно.

Без приглашения перемахнув через борт, он уселся рядом со мной и протянул руку.

- Хай бро. Я Т'чала.

Я ошалело протянул свою. Чувак ударил по ней кулаком, открытой ладонью, похлопал по предплечью, пошевелил пальцами в воздухе, издал губами смешной булькающий звук и хлопнул себя по груди.

Сет тем временем вырулил на автостраду и поддал газу. Лумумба благосклонно молчал.

- Ты ягуар, - наконец допетрил я, глядя на чувака. - Из Игры.

Одет он был тогда по-другому. В нечто пушисто-золотистое, с торчащими ушками и хвостиком.

- Точняк, бро. Круто побакланились.

- А здесь ты зачем?

- Т'чала едет с нами, - не оборачиваясь произнес Лумумба.

Я посверлил спину наставника взглядом. Безрезультатно.

- А как же Цезария?

- Не парься, бро, - вместо наставника ответил ягуар. - У Т'чалы - свои пути.

- Цезария настояла, чтобы на поиски Сердца отправился её представитель, - всё-таки снизошел Лумумба. - Во избежание.

- Значит, как только мы найдем Артефакт, он попытается его забрать? Чудненько.

Ягуар широко улыбнулся, оскалив белые, очень острые зубы.

Я незаметно отодвинулся на другой конец сиденья. И подумал: а что если Машка сидела бы рядом со мной? В Т'чалу - учитывая поведение ягуаров на Игре - она вцепилась бы мёртвой хваткой. Устроила бы скандал - или она, мол, или он. Вдребезги разругалась бы с учителем и окончательно испортила всем настроение... Получается, бвана заранее всё просчитал?

Тайна сие великая есть.

Некоторое время ехали молча. Т'чала слушал музыку - в его наушниках что-то негромко попискивало - и непрерывно дымил. Я только порадовался, что Астон-Мартин был кабриолетом: не знаю, что этот чувак крошил в самокрутки, но воняли они гадостно. И всё время по-разному.

Убаюканный ровным ходом мягких рессор, я стал думать о Линглессу. Что он сейчас делает? Какие строит планы? Цезария говорила, Сердце Аримана поглотит и его... но когда это произойдет? И не случилось ли уже?

Я покосился на Т'чалу. Тот как будто спал - только из ноздрей устойчиво поднимались две струйки дыма, будто в брюхе у ягуара горела печурка.

Почему Лумумба приказал ехать именно к Килиманджаро?

На этой мысли я заснул.

Проснулся от жары и от того, что солнце било прямо в глаз. Морда горела так, будто меня отхлестали крапивой, а потом сунули головой в муравейник.

Зевнув - при этом показалось, что кожа трещит и лопается, как шкурка перезрелой сливы - я огляделся. А затем удивился: мы вновь были в пустыне.

Кожаная спинка сиденья раскалилась и противно липла к спине, пыль свободно клубилась как вокруг салона, так и внутри него. Не помогал даже бьющий в лицо раскаленный ветер.

- А крыша у этого чуда техники имеется? - спросил я, отплеываясь и стараясь дышать через раз.

- Нэ работаэт, - мрачно сказал бог смерти.

Ну что ж, и на старуху бывает проруха...

И тут я вспомнил о Машке. Она же земноводное! А в такой жаре... Не помня себя, я распахнул коробочку. Пусто.

- Бвана-а-а... - заревел я не своим голосом. - Машка пропала-а-а-а...

Лумумба устало вздохнул и развернулся. А затем показал трехлитровую банку, наполовину полную воды. В ней, как в бассейне, плескалась моя напарница.

- Растяпа. Тебе и тамагочи доверить нельзя, не то что живую скотинку.

Сунув банку мне в руки, он отвернулся.

- Но почему вы её не превратите обратно? - спросил я, осматривая напарницу. Та выглядела бодрой и вполне довольной жизнью.

- Некогда, - отмахнулся учитель. - Да и не время еще.

По-моему, он просто хотел наслаждаться поездкой в тишине и покое.

- Бвана, - оглядевшись, тревожно позвал я.

- Ну что еще?

- Я тут подумал... А пирамиды только в Гизе бывают, или еще где?

- Только в Гизе, а что?

- А то, что вы сами-то давно по сторонам смотрели?

И я указал на далёкий горизонт. Там, на фоне заходящего солнца, вырисовывались четкие треугольники пирамид. За ними, клубясь черными смерчами, вспухала пыльная буря. С каждым поворотом колёс она становилась всё ближе.

- Тормози, - приказал Сету Лумумба. Тот послушно прижался к обочине. - А теперь выходим из машины, быстро.

- Но что случи...

- Линглесу, - Т'чала, вспрыгнув на капот машины, нюхал воздух. - Я чувствую биение его сердца.

Сняв наушники, он аккуратно уложил их в карман широких джинсов.

- Бвана, скорее превращайте Машку, - забеспокоился я.

Резонов было несколько: во-первых, потерять земноводное в суматохе - если, например, разобьется банка. Во-вторых... Если с нами что-нибудь случится, ей что, всю жизнь в лягушках ходить? И в-третьих, но не последних по значению: как же сильно она разозлится, когда узнает, что пропустила самое интересное!

- Дай сюда, - наставник выдернул банку у меня из рук и затолкал в жилетный карман.

Это решило проблему первых двух пунктов. Но с последним таки могли быть крупные неприятности...

- Она - существо без магии. Линглесу сочтет её слабым звеном, - наставник пристально посмотрел мне в глаза. - Это не её битва.

На миг я испытал облегчение. Пускай. Пускай пересидит в безопасности. А мы и сами разберемся, что к чему... А потом вернулась та же мысль: если с бваной что-нибудь случится...

Ненавязчиво, делая вид, что так и надо, я вышел вперед и загородил собой наставника.

Буря налетела, как таран. Воздух сделался густым и липким. Подобно горячей смоле, он прилипал к лицу, путался в волосах и совсем не хотел проникать в лёгкие.

Потемнело: песок, камни и прочий мусор пришли в движение, сбились в плотные смерчи и закружились вокруг. Меж ними проскакивали ветвистые, как перекасти-поле, молнии.

Когда Астон-Мартин оказался меж двух таких смерчей, молнии окутали его целиком, подняли над землей, а затем изо всех сил швырнули на дорогу.

А потом в небе, высоко над головой, показалась комета. Воя, как противотуманная сирена и пылая, как сто тысяч солнц, она неслась прямо на нас.

- Ложись! - закричал Лумумба.

Мы залегли. Я еще успел пожалеть, что упал на асфальт, а не в мягкий песок, а потом комета врезалась в Астон-Мартин.

Взрыв бензобака и отчаянный крик Сета слились в единый душераздирающий вой. На спину градом посыпались горячие камешки. Рядом с щекой, глу-

боко уйдя в асфальт, вонзилась искореженная железка.

Гамаюн! - несмотря на царящий вокруг адский жар, я покрылся холодным потом. - Она же отсыпалась в багажнике...

Не помня себя, я попытался вскочить, но ветер ударил, как взбесившийся паровой молот. Тогда я пополз. Не открывая глаз, наклонив голову, нашаривая путь израненными руками, я упрямо двигался к самой горячей точке - догорающему автомобилю.

На острые камни, раскаленные зазубренные осколки и прочую фигню я просто не обращал внимания.

Когда волосы на макушке начали потрескивать от жара, я остановился и открыл глаза.

Нутро Астон-Мартина светилось багровым. В нём гудело пламя - как в топке паровоза. Крышку капота сорвало и внутри, на месте двигателя, крутилась огненная шутиха. От неё во все стороны летели капли жидкого металла. Одна такая, упав, прижгла мне руку, но боли я не почувствовал.

Почувствовал гнев. Почувствовал обиду и бессилие что-либо изменить. И наконец, я почувствовал жажду мщения.

Не обращая внимания на ветер, на раскаленные искры и другие помехи я поднялся и взглянул слезящимися глазами на комету. Та металась на конце толстого, как корабельный канат, энергетического лассо. Другой конец был в руках у Лумумбы.

- Я не хочу тебя убивать! - голос наставника перекрывал вой ветра. - Давай поговорим! Чего ты хочешь?

Прищурившись, я разглядел в центре огненного шара человеческую фигуру.

- Я хочу твоей смерти! - прогудела она.

- Моя жизнь дорога мне, Линглесу.

- А мне моя - нет. Поэтому я непобедим.

- Ты ошибаешься, - закричал я и стал раскручивать над головой лассо.

Я вложил в него все силы, всю боль от потери.

Да, Гамаюн не была идеалом. Частенько косячила, спорила почему зря и жрала всё, что не прибито гвоздями. Но зато знала ворона всё на свете. Она была нашей палочкой-выручалочкой. Нашим справочным бюро. Нашим другом.

Хорошенько раскрутив, я накинул на шею Линглесу еще одну веревку...

Вас когда-нибудь било током? Да не случайно, как если коснуться оголенного проводка, а на полную мощность? Так, чтобы зубы в порошок?

Отбросило меня метров на пять. Дыхание вышибло, глаза, по-моему, тоже.

На время я выбыл из общей картины мира - заново учился дышать. А когда поднялся на ноги, увидел три фигуры.

Слева стоял ягуар. Хвост его распушился, по золотистой шерсти бегали синие искры. Справа - остроухий шакал с узкой мордой. Посередине высился

чёрный, с красным гребешком и могучими желтыми шпорами, петух.

В магической ловушке, которую они удерживали, бился в агонии Линглесу.

За ними, придавая композиции апокалиптические нотки, догорал Астон-Мартин.

От машины мало что осталось. Обугленный остов, голые рамы сидений, покореженный, с трудом узнаваемый руль... Колёс тоже не было - только чёрные смердящие лужицы расплавленной резины.

Я перевел взгляд на Линглесу. Сжал кулаки, затем челюсти, и ринулся вперед. Не выкрикивая никаких заклинаний, не размениваясь на энергетические лучи, я подобрался к нему поближе, собрал всё, что у меня было и жахнул.

Звук был такой, будто по громадному колоколу засадили кувалдой. Фигура Линглесу пошла рябью. словно круги по воде...

Канат, который держал наставник лопнул, напоследок пропев тонко, как струна. Ягуара с шакалом разбросало в разные стороны. Запахло паленой шерстью.

- Ты пожалеешь! - голос Линглесу был едва слышен. Он замедлялся и становился всё ниже, будто его затягивало в глубокую воронку. - Я еще вернусь...

Перейдя в инфразвук, от которого заныли зубы, голос исчез, а вместе с ним, сжавшись в одну точку, пропал и Линглесу.

Мы повалились на асфальт.

Лумумба выглядел так, будто только что восстал из мертвых. Его белые волосы запорошила пыль, она же покрывала толстым слоем лицо, плащ и рубашу. Он сидел зажмурившись, мелко подрагивая всем телом и судорожно втягивая воздух широко открытым ртом. Я уже испугался, что наставника хватил удар, но нет. Лумумба всего лишь оглушительно чихнул.

Пыль, поднявшись серым облачком, рассеялась по ветру.

- Почему он хочет вас убить? - спросил я, прочистив уши.

- Я убил его отца, - скромно ответил учитель.

- Дико извиняюсь, - сказал я, отряхивая штаны и рубашу. - Но мало ли кого вы, бана, убили. Если посчитать, очередь до самой Москвы выстроится. Что же теперь, все вам мстить прибегут?

- Линглесу - сын лё Биг Мака.

Я несколько раз моргнул, пытаюсь переварить новость, но затем кивнул.

- Ну, тогда конечно. Тогда, как говорится, наше вам с кисточкой... Пускай приходит, когда хочет и убивает, сколько хочет...

- Не ёрничай.

- Я не ёрничаю. Я просто удивляюсь: а почему именно вы? Почему не кто-то другой из Дюжины? Вы же, я так понимаю, действовали сообща?

- Верно.

Я потряс головой. Под черепом, где-то за лобной костью, перекатывались тяжелые валуны мыслей.

- Думаю, он хочет найти всех. Просто я оказался первым в списке, - пояснил бвана.

- А, ну тогда всё нормально, - кивнул я. И сразу об этом пожалел. - Монтекки

и Капулетти, чума на оба ваших дома... Старая добрая кровавая вендетта - что может быть лучше?

Лумумба хотел что-то сказать, но тут вновь загрохотало. По небу, как плесень на плитки в ванной, напоздали черные тучи. Что характерно: в тучах угадывались весьма четкие очертания когтистых лап, зубастых морд и злобных, подсвеченных красным глаз.

- Никак, Линглесу, - устало сказал я. - Вернулся, как и обещал. За добавкой.
- Это не он, - с затаённой гордостью произнес Сет. - Это мой сын. Анубис.
- Ну прямо крестовый поход детей, - буркнул я и кряхтя, стал подниматься. - Хорошо, что я сирота...

Драться не хотелось. Хотелось спать. А еще увидеть Машку. Чтобы она встала рядом и процедила сквозь зубы:

- Не ссы, падаван. Прорвемся.

- Тебе надо расслабиться, бро, - рядом возник Т'чала. Был он в своих широченных штанах, но без майки. Грудь и предплечья ягуара, переходя на спину, покрывали татуировки. На кофейного цвета коже они выглядели иссиня-черными пятнами. - Возьми, покури... - и он, широко улыбаясь, протянул мне косяк. Кончик его слабо дымился, а пятка была облюнована.

Ворона расплавилась. Машка сидит в кармане у бваны. Мы устали как черти, которые целую вечность бросали уголь в печь преисподней...

- А давай, - я взял бычок. - Сгорел сарай, гори и хата, - и затянулся до самых помидор.

Перед глазами всё поплыло, в зобу дыхание спёрло...

- Выдыхай, бобёр, - постучал по спине наставник. - Хочешь словить приход - делай это грамотно.

Я закашлялся.

- Что это было? - голос был сильным и каким-то далёким. На языке был привкус пепелища, горелых автомобильных покрышек, палёных птичьих перьев и лимонных корок.

- Это даб, бро. Самый, что ни на есть, чёрный, - хищно улыбнулся ягуар.

И тут я вспомнил, что творилось с Лумумбой, когда ему подсунули героин... А вдруг я теперь тоже сойду с ума?

С другой стороны, Т'чала ведет себя нормально... Если не обращать внимания на то, что у него из штанов до сих пор торчит хвост.

Небо тем временем сделалось черным, будто его сплошь затянули вдовьим платком.

Зато равнина сверкала всеми цветами электрической дуги. Светился песок, светились останки автомобиля, светился сам воздух - пространство вокруг нас будто набили светодиодами.

Маги тоже светились. Лумумба фонтанировал, как действующий вулкан - оранжевыми искрами.

Сет выглядел, как зеленый огненный смерч.

Т'чала был похож на подвижное озеро ртути.

Себя я разглядеть не мог, но вытянув руку, увидел белое, почти невидимое пламя ацетиленовой горелки...

- Бвана, позвал я, любуясь белым пламенем. - Почему вы меня не остановили? У меня же теперь крыша едет...

- Почему не дунуть, если душа просит? - безмятежно ответил наставник. - Как уехала, так и вернется.

Вот всегда он так. Как лишнюю понюшку Пыльцы отмерить - так фиг тебе с маслом, а как всякой гадостью ребенка травить...

Встряхнувшись, я оглядел пустыню. Её, от горизонта до горизонта, заполняли разнообразные существа. Они кишели вокруг, как пчелы в улье, как муравьи в разоренном муравейнике, как скорпионы в пирамиде...

Я решил, что случайно отодвинул Завесу и теперь люблюсь на тварей с Той стороны, но ущипнув себя за руку, убедился, что я всё еще в Прави. Это Навь пожаловала к нам...

Здесь были остроухие и зубастые клоны Анубиса.

Здесь были совы, с размахом крыльев, как у небольшого кукурузника.

Громадные, как диплодоки, крокодилы, одноглазые змеи толщиной в мою туловище, жабы размером с бегемота и совершенно невообразимые существа, в которых я с трудом опознал помесь шиншиллы и черепахи...

- Наверное, зря я всё-таки курил, - сказал я. - Не нравятся мне эти глюки.

- Это не глюки, бро.

Т'чала, скинув портки, принял боевую стойку. Ниже пояса он был таким же татуированным, как и сверху. Я отвел глаза. Разрываясь от сожалений, что Машки нет рядом, а еще от дикого облегчения по тому же поводу.

Рядом с ягуаром встал Лумумба. Плащ из кожи василиска был застегнут на все пуговицы, в одной руке бваны сверкнул боевой топор, в другой тускло поблескивал ассегай.

Вперед вышел Сет. Плечи его раздалились, забугрились мускулами. Они подпирали гордую остроухую голову с гривой черных волос, заплетенных в тонкие косички, а плотоядный оскал его пасти будет до-о-олго снится мне с похмелья... Если выживу, конечно.

Змеи, обвивавшие жезл Бога Смерти, были живыми и злобно шипели.

Они были похожи: Бог смерти Сет и сын его, Анубис. И глаза их светились одинаково: желтой непримиримой ненавистью. Пламя такой ненависти подогревается поколениями. Подпитывается памятью старых обид и искрами новых оскорблений. А потом передается по наследству, как денежный капитал.

Такую ненависть могут испытывать только родственники, предки которых так и не смогли решить, кому после смерти бабушки достанется серебряная ложечка.

- Ну всё, - сказал я, оттолкнул Сета и встал перед Анубисом. - Мне это надое-

ЛО.

Я протянул руку к Завесе и что есть сил дернул полог.

- Не тр-р-рогай Ваня-а-а-а!

Голос наставника шел издалека. Из другой вселенной. Из Нави.

Глава 16

Глава 16

Иван

Тяжелая аура окутала как плащом и я понял, что соскучился. По вечным Навьим сумеркам, по тонкому зуденью гнуса, по затхлому запаху болота... Здесь всего этого не было.

В Африке Навь была сухой, как желудок сдохшего за миллиард лет до нашей эры кита, и жаркой, как адская баня.

Ветер нес острые песчинки, которые секли обгоревшее на солнце лицо, забивали веки и ноздри и неприятно свистели в ушах.

Мушхуш всполошился. Он, как обычный помойный пёс, рылся в куче отбросов неподалёку, но теперь решил познакомиться со мной. Пригибая к земле тупорылые морды и невнятно переругиваясь сам с собой, он устремился вперед.

Я решил не обращать на него внимания. Закрыв глаза, отрешился от мирской суеты и спазмов в желудке, и обратился к Нави.

На удивление, она очень быстро откликнулась. Наверное, узнала во мне родственную душу, и распахнув объятия, раскрылась навстречу.

Дыша глубоко, как только мог, я принялся насыщаться.

Времени было мало, но уроки Бел-Горюч Камня не прошли даром. С каждым ударом сердца, с каждым вздохом я понимал местную Навь всё лучше, всё глубже проникал в неё и... всё больше любил. Сумеречный мир отвечал тем же.

Мушхуш подобрался совсем близко - я чувствовал его смрадное дыхание, сабельный скрежет когтей и утробное урчанье семи желудков.

Игнорируя истеричные вопли мозга о том, что пора спасаться бегством, я как лозоходец вытянул руки над землей. Не понимая, что конкретно хочу найти, просто поддался предчувствию. Этому провидению, что неожиданно появляется в самых опасных жизненных ситуациях и подсказывает абсолютно нелогичные действия...

Нащупав глубоко под слоем песка твердь, я улыбнулся.

Он был очень стар. Миллионы лет он спал под толщей песка и почти забыл, что это значит: быть живым. Но я был уверен, что смогу напомнить.

О том, каким жарким может быть полуденное солнце и какой вкусной род-

никовая вода. Как прекрасны наполненные мерным жужжанием пчел цветочные поляны и тихие голубые сумерки. О том, как глубокой ночью приятно лечь на землю, закинуть руки за голову и смотреть в звездное небо... О трепещущем сердце жертвы, её страхе и вкусе горячей крови на языке.

Моргнув, я потряс головой.

Земля затряслась. Песок заволновался, подернулся рябью и расступился, образуя гигантскую воронку.

На дне, в уютной глиняной колыбели, ворочался Он.

Разумеется, это был только скелет. Громадные блоки позвоночника, толстые, как колонны, берцовые кости задних лап, хвост, способный одним ударом разнести средних размеров БТР, и конечно же, голова. Массивная и тяжелая, она словно состояла из двух гигантских челюстей, утыканых острыми, загнутыми внутрь зубами.

Кости были тёмно-коричневые, как сама земля. Выветренные и ноздреватые, они несли отпечаток лет, что гнили под солнцем и дождем, постепенно покрываясь грязью и погружаясь в песок.

Скелет был вполне целым. Но я всё-таки решил добавить немножко деталей.

Как в ускоренной съемке, череп покрылся мясом. От мощных челюстей протянулись белые волокна сухожилий, выросла кожа - толстая, как линолеум и прочная, как рубероид, она тут же покрылась чешуей. В глазницах блеснули злобные маленькие глазки, в пасти затрепетал юркий красный язык...

Тираннозавр раскрыл пасть и заревел во всю мощь новых легких.

Мушхуш, похожий на беспородную шавку рядом с королевским догом, поджал хвост и дунул куда подальше. Головы его недружно повизгивали и жаловались на невыносимые условия труда.

Я удовлетворенно хмыкнул: даже жуткие твари из подземельных измерений понимают, когда их превосходят классом...

Теперь единственным объектом, оставшимся в поле зрения ящера, был я. Медленно, даже величественно, он склонил голову, чуть не сбив меня с ног жестким наростом на носу и шумно втянул воздух. Я прилип к жутким черным ноздрям, как фантик к решетке канализации.

Очень хотелось отступить, хотя бы на метр, а лучше - на все десять: из пасти ящера разило, как из цистерны с протухшими потрохами. Но собрав всю свою выдержку, вместо этого я мужественно протянул руку и почесал ему нос.

Довольно ослабившись и припав к земле, тираннозавр завилал хвостом. Поднялся небольшой песчаный ураган.

Отплевываясь от песка и стараясь не замечать, как кроссовки тонут в громадных шмотках слюны, я чесал и приговаривал: - хороший пёсик, молоток...

Кожа ящера была холодной и гладкой, как чуть бугристое стекло.

Обойдя сбоку, я кое-как вскарабкался на спину тираннозавра. Устроился поудобнее между лопаток, соорудил ментальную уздечку и скомандовал:

- Вперед, Пушок!

Тираннозавр развернул ко мне голову и подмигнул золотисто-зеленым, с вертикальным зрачком, глазом. Я спохватился и открыл Завесу. А потом командовал еще раз:

- Вперед, Пушок!

Ящер хищно оскалился и прыгнул.

Наш выход в Правь был незабываемым. Грандиозным и умопомрачительным. Колоссальным, эпохальным и величественным.

Если б хоть кто-нибудь его заметил.

Но все были заняты. Бвана отбивался от собакоголовых монстров. Т'чала сцепился с какой-то совой - во все стороны летели клочки шерсти, перья и пронзительный визг.

Наш приятель Сет... Я даже присвистнул. Да, когда нужно, боги умеют себя подать.

Как зеркальные отражения друг друга, сошлись в схватке боги смерти. В руках их были копья. Кажется, в египетской мифологии такие зовутся кадуцеями... Копья были обвиты змеями которые, кстати сказать, громко шипели и плевались ядом.

Молнии били из кадуцеев, как из хорошей динамо-машины. Яркие до боли в глазах электрические дуги перескакивали с копья на копье, уносились, сжигая тучи, в небо и плавили землю, оставляя гладкие черные проплешины.

Признаться, в этом бедламе было не отличить, где Анубис, а где Сет. Оба остроухие, гривастые, с серой, покрытой жесткой щетиной шкурой, они насккивали друг на друга, вырывая огромные куски плоти, выли, поднимая к небу острые шакальи рыла и бросая страшные, похожие на многоногих жаб, заклинания.

Вокруг богов шла битва: шакалы насккивали на сов, кто-то откусывал кому-то голову, кто-то выпускал кишки, а потом, не отходя от кассы, вгрызался в дымящуюся плоть...

Пушок долго рассусоливать не стал. Выбрав самую большую группу монстров, он рванул к ней, пуская пар из ноздрей и ревя, как раненый паровоз.

Я чувствовал его восторг. Его нечаянную радость тем, что он вновь жив, что челюсти его обрели былую мощь, а лапы - былую прыть. Тем, как замечательно струится по горлу горячая кровь врага...

Я подавился. Пушок вопросительно сверкнул лиловым глазом. В его пасти что-то трепыхалось, повизгивало и неистово било хвостом...

Интересно, что на краю сознания я всё время чувствовал какие-то яркие вспышки. Будто мелкие камешки падали дождем в жидкую ртуть...

Оглянувшись, я выпучил глаза: из Нави шествовала целая армия. Вспышки я чувствовал, когда монстры пересекали Завесу...

Тут были полчища динозавров - не таких древних и поменьше, чем Пушок. Тут были реликтовые крокодилы и бегемоты. Птицы, похожие на птеродакти-

лей и ящеры, похожие на птиц.

Тут были мумии. Никогда не думал, что в долине Гизы перемерло столько народу... Чистые, словно обглоданные скелеты, высохшие, обмотанные истлевшими тряпицами тела и даже очень хорошо сохранившиеся, почти свежие трупы. Построившись в костеланги и череполки, они шагали вслед за ящерами, издавая негромкий сухой стук.

Так же, как и Пушка, я чувствовал их всех. Каждого из них. Чувствовал исходящие от них волны эйфории - краткие мгновения жизни стоили того, чтобы ждать десятки, сотни и даже тысячи лет.

И все они испытывали жуткий, сводящий с ума, голод.

Вероятно, я так сильно соскучился по силе Нави, по её богатствам и возможностям, что не рассчитал зов и вместе с тираннозавром, так сказать на сдачу, поднял всю эту орду...

Глядя, как полчища гигантских зухосов жадно, вместе с перьями и когтями, глотают сов и шакалов, я меланхолично думал о том, что пора переходить на растительную диету. Во всяком случае, на месяц-другой. На пару недель уж наверняка.

До завтра точно в рот ни кусочка мяса не возьму...

Вокруг Лумумбы и Т'чалы образовался высокий бруствер из разрубленных тел. Учитель молотил асеегаем, как кукурузный комбайн. Ягуару, на мой взгляд, тоже было весело.

Убедившись, что им моя помощь не требуется, я направил Пушка к богам смерти. По их хищным, стремительным движениям, по яростным атакам кадуцеев можно было заключить, что уступать ни один не собирался.

Сет пошел в атаку, нанося удары быстрыми, почти незаметными глазу ударами. Анубис отступил, но тут же собрался и ударил в ответ. Бог с шакальей головой зарычал и поднял кадуцей повыше.

Я вспомнил, как Сет смотрел на сына перед битвой...

В конце концов, встречать в свару родственников - себе дороже. Обязательно крайним будешь.

Похлопав Пушка по твердой, как камень, шее, я направил его в сторону от богов. Пусть их. Ворон ворону, как говорится.

Даже как-то обидно сделалось. Никому я здесь не нужен, никто во мне не нуждается. Никого не надо спасать.

Вот была бы здесь Машка - она бы наверняка восхитилась моим мужественным профилем и профессиональной посадкой наездника! А так...

Я заметил яркий металлический проблеск. Искорку, совершенно неуместную в этой свалке кровавой плоти.

Убеждая себя что ошибся, стараясь отогнать надежду подальше, - чем больше веришь, тем больше обмануться, верно? - я направил Пушка в гущу сражения. Монстры косили друг друга пачками. Звуки и запахи были такие, будто одновременно блевал и опорожнялся отравленный тухлыми консервами ба-

тальон солдат.

Мой ручной зверек брел сквозь это месиво совершенно нечувствительно, только хвостиком помахивал: махнет в одну сторону - улица, махнет в другую - переулочек...

Я опять уловил блеск металла. Может, это деталь злополучного Астон-Мартина? Откатилась подальше, и блестит себе... Но нет. Металлическая вспышка перемещалась, причем довольно резво.

- Ну давай же, давай... - понукал я ящера, - Давай, пёсик, ищи...

Пушок, давя монстров как виноградины, наконец протолкался к тому месту, где я видел отблеск в последний раз. Свесившись с его шеи, я вглядывался в кучу... Вот мелькнул характерный клюв, вот - крыло. Вороненое перо отразило лучик солнца...

- Гамаюн! - заорал я со всей мочи. - Гамаюша!

- Ваня! - хрипло каркнула ворона. - Ванюша! Я знала!.. Я надеялась!..

Вырвавшись из чьей-то влажной от крови пасти, она с лязгом распахнула крылья, взлетела и... с размаху врезалась мне в плечо. От неожиданности я свалился с Пушка и тот, ощутив слабинку ментальной уздечки, взбрыкнул, как лошадь, и умчался.

На меня сразу наступили, вцепились в ногу и обвились вокруг шеи. И всё это были совершенно разные существа.

Гамаюн, не желая остаться в меньшинстве, обвила крыльями мою голову.

Я ничего не видел и постепенно задыхался, а ворона, не помня себя, тараторила, как заведенная:

- Прихожу в себя - вокруг жар, дым, резиной горелой воняет. А я лечу-у-у-у...

- погоди, дай вздохнуть, - я попытался оторвать крыло от своего лица, но железная птичка только усилила хватку. Перья больно врезались в кожу.

- Камни летят, песок летит, крышка багажника летит, я вместе с нею! Голова - ноги, голова - ноги...

- Крылья убери - не вижу ни черта.

- Потом удар и - тишинаа-а-а...

- Крылья, говорю, убери. И когти из плеча вытащи!

Я кое-как отодрал от ноги небольшого крокодила - пришлось открутить сначала туловище от головы, а затем вынуть челюсти, по частям. Выковырял из плеча совиный клюв. Размотал с шеи змею. Глубоко вздохнул. Позвал Пушка.

Тот прискакал на зов, как резвящийся щенок и положил к моим ногам палочку - бедренную кость какого-то бедолаги...

С огромным облегчением - я весь был покрыт укусами, помят и почти задушен - я взгромоздился на загривок Пушка и осмотрел побоище.

О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями...

Вся долина представляла собой кладбище. Только на нормальном погосте кости лежат себе мирно в могилках и не отсвечивают, а здесь каждый усопший норовит оторвать от тебя кусок мяса...

- Бвана! Я нашел Гамаюн!..

К этому времени птичка уже немного пришла в себя, перестала орать, но слезть с меня или ослабить хватку категорически отказалась.

- Бвана...

Бруствер, за которым я в последний раз видел Лумумбу, заметно подрос. За ним явно продолжалась какая-то возня, в воздух время от времени взлетали влажные на вид ошметки, и раздавались молодецкие хеканья. Я рванул туда.

Твари окружали моего наставника плотным кольцом. Где-то под их лапами, когтями и крыльями угадывался Т'чала. Его золотая шкура превратилась в слипшийся от крови войлочный коврик, глаза потускнели, из открытой пасти бессильно свешивался фиолетовый язык.

Лумумба стоял над ягуаром, мерно, как мясник, поднимая и опуская асsegай.

Завидев морду Пушка, наставник отшатнулся. В глазах его мелькнуло безумие обреченного. Подняв асsegай и встав в позицию "мартихор", он уже собирался выкрикнуть последнее проклятье, последний смертный клич, когда я, привстав на спине тираннозавра, замахал руками.

Бвана оскалился - сквозь пленку пота и крови улыбка его была усталой. И ужасающей.

Подхватив бездыханное тело Т'чалы, Лумумба гигантским прыжком взлетел на спину ящера. Только плащ взметнулся, как крылья летучей мыши.

- Ты как раз вовремя, падаван, - он осторожно передал мне ягуара. - Слишком стар я уже для этого дерьма... О, Гамаюн! В огне не горюшь, в воде не тонешь?

- Он мертв? - я не мог уловить ни дыхания ни биения сердца.

- Умаялся. Не кипишуй, оборотни - ребята крепкие. Давай, выноси нас. Надел этот балаган.

- А как же боги?

Мы посмотрели на остроухих богов смерти.

- Сами разберутся, - резюмировал наставник. Кровь текла у него по щеке, теряясь в густых зарослях бакенбард. Губа была разбита, на скуле наливался синяк.

- Как думаете, Линглесу приложил к этому руку? - спросил я, кивая на побоище, которому не видно было ни конца ни края.

- Скажу больше, он это инициировал, - отозвался бвана. - Зная лё Биг-Мака и его склонность к интригам, надо думать, сынок пошел в папашу. За те несколько лет, что он мотался по Африке в поисках Сердца, гаденыш успел стравить между собой всё, что шевелится. Мой братец Самеди и Сет были не первыми и не последними ниточками в его кошачьей колыбельке...

- Кстати, откуда вы узнали, что Линглесу - это сын?

- Бумба показал фотографию.

- Так он и у него побывал?

- А как же! Наш пострел везде поспел. Даже дневник украсть - нам достались только корочки...

- Ну да, - буркнул я. - Как же иначе?.. А как Бумба умудрился сделать фото?

- Старенький "Полароид". Фото мелкое, выцветшее, но семейное сходство трудно не заметить.

- Я что хочу сказать... - я пытался формулировать как можно точнее. На подпрыгивающей спине тираннозавра, среди сплошной массы дерущихся монстров, это было не так то просто, но я очень старался. - Почему он напал именно сейчас? Не раньше, когда мы еще не подозревали, кто он такой. Не тогда, когда мы перепились в Бумбе и перестали контролировать ситуацию...

- Ситуация была под контролем всегда, - отрезал Лумумба. - Не обобщай. К тому же, в Бумбе слишком много магов. Он бы не справился.

- И поэтому заманил нас в пустыню, - кивнул я. - Явился, осознал, что мы из себя представляем не такие уж лёгкие мишени и быстренько натравил Анубиса. Любитель загребать жар чужими руками...

- Зато мы убедились в том, что он - всё ещё Линглесу. А значит, оно того стоило.

- Ну, раз вы так говорите... Мушхуша, кстати, тоже он привёл.

- Как ты с ними разобрался? - встрепенулся Лумумба.

- Да мне и делать ничего не пришлось, - я скромно пожал плечами. - Всё сделал Пушок.

- Пушок? - переспросил после некоторой паузы наставник.

- Ну да, - я похлопал ящера по шее. Словно по железной трубе, обернутой в шубу из асфальта. - Пушок. Он на него накричал.

По пальцам одной руки можно пересчитать случаи, когда мне удавалось удивить бвану. А уж озадачить...

- Пушок, - повторил он, проводя рукой по щеке и не замечая, что размазывает кровь. И посмотрел на меня как-то по-новому, будто видел впервые. А потом пробормотал: - Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

- Это вы о чем?

- О том, что ты - самый крутой маг, которого земля носит. Богатырь Святогор и Илья Муромец в одном флаконе.

Я опять чуть не свалился с динозавра. Помешала ворона: вцепившись мертвой хваткой в плечо, она так придавила меня к шее Пушка, что я и двигался с трудом.

- Что вы этим хотите сказать?

Смотрел я настороженно, каждый миг ожидая, что наставник рассмеется, похлопает по щеке и заявит, что пошутил. Что мне, тугодуму и тормозу, еще учиться и учиться. И вообще: я без него - как дитя малое без няньки, жопу собственную в портках не найду...

Вместо этого Лумумба торжественно выпрямился, положил руку мне на плечо и сказал:

- Ты только что сдал свой последний экзамен. Поздравляю.

- ?.. - слова я все растерял. Одни знаки препинания остались.

- Ты вызвал из небытия самую древнюю, самую громадную и злобную тварь, какую только можно отыскать в Африке. И назвал её Пушком.

- Да какая разница, как я его назвал? Хоть Каштанкой... Что изменилось-то?

- Это и вправду не имеет значения. Потому что ты понимаешь его глубинную сущность.

Голос учителя мне совершенно не понравился. Торжественный и слегка дребезжащий, будто надколотое блюдце. Может, он и вправду уже стар для всего этого дерьма? Перегрелся, нанюхался кровушки... Вот и хвалит, вместо того, чтобы по шее дать, да обругать, как полагается.

- Обычный некромант может поднять труп, пролежавший в земле десяток лет, - я закатил глаза. Даже сейчас, едва спасшись от смерти, Гамаюн не удержалась от лекции. - Хороший - сотню-другую. Выдающийся - пару тысячелетий, плюс-минус. Тираннозавру, на вскидку, не менее двухсот миллионов.

- Главное, напомнить ему, что значит быть живым, - развёл я руками. - И всё... Скажите лучше, что с этими богами доморощенными делать? - Сет с Анубисом сошлись уже совсем коротко, от их молний стоял треск, как от радиопомех. - Это чертово побоище будет длиться, пока они оба не упадут.

- Не ругайся, падаван.

Я выдохнул. Что-то от моего прежнего учителя еще осталось, а значит, не всё потеряно. Надо только ему напомнить...

Может, и не самый удачный момент для лирического отступления, но другого может и не быть. Небо вокруг потемнело окончательно. Оно клубилось какой-то запредельной, нездешней чернотой. Воздух потрескивал и пах озоном.

Побоище раскинулось вдаль и вширь, напоминая распаханное под яровую пшеницу поле. Солнце жирной масляной каплей стекало за горизонт, а со стороны реки напознала тяжелая бронзовая туча. В ней проскакивали синие искры и багровые всполохи.

Когда она спустилась пониже, стало видно, что это не туча, а огромные полчища кузнечиков. Стрекоча, как миллион сердитых швейных машинок, они стремительно приближались.

Закрыв собою всё небо, стая саранчи рухнула на поле. Окутав, будто тёплой шалью, сов и шакалов, динозавров и зухосов, Анубиса и Сета, масса насекомых шевелилась и переползала с место на место.

- Опять Линглесу? - спросил я.

- Не думаю, - наставник, подняв руки, держал над нами защитный купол. На его прозрачной радужной поверхности, как на лобовом стекле автомобиля, становилось всё больше отвратительных зелено-желтых пятен. - Линглесу не стал бы тратить силы на них... Он бы напал на нас.

- Тогда кто? - помогая бване поддерживать купол, я одновременно старался разглядеть, что творилось за его пределами.

Саранча заполонила пространство. Земля превратилась в сплошной ковер шевелящихся надкрылий и зазубренных ножек.

Зато Анубис и Сет больше не метались, как ослепшие крысы, а встав спина к спине, пытались создать такой же защитный полог, как у нас.

Ничто не примиряет так хорошо, как общий враг.

- Давай к ним, - скомандовал я Пушку.

Когда мы добрались до богов смерти и наши защитные пузыри слились, оказалось, что и Сет и Анубис приняли свои человеческие обличья. Анубис, кстати сказать, оказался мужчиной стильным и презентабельным: лысый и сплошь в золотых браслетах.

В тот миг, когда боги смерти перестали драться, вся стая саранчи поднялась в воздух. Стрекоча, как страдающий бронхитом кукурузник, она вытянулась, принимая форму исполинской птицы с громадным клювом и размахом крыльев от горизонта до горизонта.

- Это Апоп, - авторитетно заявил Сет. Задрал голову, он следил за тяжеловесным, неуклюжим полётом.

- Решил поживиться на дармовщинку, собачий сын, - Анубис сплюнул в пыль под ноги Пушку и вопросительно посмотрел на отца. Тот криво ухмыльнулся и кивнул. А потом боги смерти посмотрели на нас.

- Уходите, - мотнул головой старший из богов.

- Ты уверен? - спросил бвана.

- Мы справимся, - Сет улыбнулся. - У вас - свой путь.

- Я должен тебе желание, - напомнил Лумумба.

- Моё желание исполнилось: я помирился с сыном, - сверкнул золотым зубом бог смерти. - Считаю, мы в расчете.

Анубис кивнул и обнял отца за плечи.

Птица тем временем вытянулась в узкое веретено и устремила похожий на острие ледоруба клюв прямо на нас.

- Поздно, - сказал я. - Он уже пошел в атаку... Бвана, в три касания?

- Лучше в четыре.

Мы подняли руки. Пушок угрожающе задрал голову. Боги смерти встали по сторонам и нацелили кадуцеи.

Птица же, не долетая до нас пары десятков метров, собралась в каплю, уплотнилась и... превратилась в старого знакомого.

Всё тот же хищный нос, черные, зачесанные назад волосы и красная бархатная феска...

- Простите за столь экстравагантное появление, майор М'бвеле, - сказал маг приятным светским баритоном. - Я не мог придумать, как остановить... всё это, - не скрывая брезгливости, он обвел глазами искореженную, заваленную трупами равнину. - Пришлось импровизировать.

- Не буду отрицать, что изрядно удивлен, - откликнулся так же светски учитель.

- Я принес сообщение от Товарища Седого, - сунув руку в карман парчового пиджака, Роман-заде показал скрученный в трубочку манускрипт. - Код красный.

- Красный? - переспросил Лумумба. - Вы не ошиблись?

- Краснее некуда.

- Что это значит? - тихо спросил я.

- Время вышло, - ответил наставник. - Мы провалили задание.

Запустив пальцы в жилетный карман, он достал баночку с царевной-лягушкой.

Глава 17

Глава 17

Маша

Это был самый отвратительный момент в моей жизни.

Только что, совершенно ничего не подозревая, я стояла на веранде, рядом с Бумбой, Цезарией и Ванькой, а потом раз!.. - и сижу верхом на динозавре.

Конечно, я не вдруг поняла, что болотно-коричневое, бугристое и твердое - это доисторический рептилоид. Который, кстати сказать, мирно топтался на холмике, объедая чахлые листочки с какого-то колючего кустика.

Первым делом поразило обилие трупов и я решила, что на Бумбу упала бомба... Ядерная, например. И ведь все признаки налицо: черная, сплошь усеянная телами равнина, в небе ворочаются тяжелые синюшные тучи... И тишина.

Хорошо, что Ванька меня за плечики придержал. Иначе свалилась бы я с этого гадского динозавра прямо в кровавую лужу.

- Успокойся, - ласково рявкнул на ухо напарник. - Ничего страшного не случилось. Все живы, все здоровы. А это, - он обвел окрестности жестом опытного работника косы. - Издержки перепроизводства. На сдачу.

Я даже не стала гадать, чем и за что пришлось платить, если на сдачу дали... Вот это.

- Война, да? - спросила я, когда ценой нечеловеческих усилий отлепила язык от гортани. Голос предательски дал петуха, но Ванька милосердно сделал вид, что не заметил. - Это... всё, что осталось от Бумбы?

- Успокойся, - повторил напарник как-то, я бы сказала, слишком назойливо.

- Да я абсолютно спокойна!.. Я спокойна, как ледяной айсберг! Как могильный памятник! Чугунный всадник!

- На, выпей, - напарник протянул пузырёк, от которого за километр несло валерьянкой.

- Да не буду я ничего пить, - пузырек шлепнулся под ноги динозавру. - Пока не объяснишь, что происходит...

- Мы уехали из Бумбы подрались с Линглесуи Анубисом а потом заключили перемирие, - выпалил Ванька, пока я не опомнилась. - А ты в это время была лягушкой.

Какое-то время ушло на раскладывание информации на составляющие. Потом - на осмысление.

- Лягушкой? - переспросила я, изо всех сил надеясь, что излучаю ледяное спокойствие.

- Бвана превратил. Чтобы тебя Цезария не съела. Уж очень ты её допекла.

Шок обрушился, как водопад из горячего влажного белья.

- Да что я такого сказала-то? И вообще. По какому праву...

- По праву учителя, - коротко и флегматично пояснил Ванька.

- Ты хочешь сказать, что наставник, на законных основаниях, в любой момент может...

- Да.

- А как же...

- А никак.

Я несколько раз моргнула.

- Но я думала, что всё это шутки. Думала, это вы меня так троллите. Ну, как новичка...

- Зато теперь ты прошла боевое крещение, - утешил Ванька. - Довести учителя до такого изумления, чтобы в лягушки загреметь - это, знаешь ли, уметь надо.

Я только помотала головой, отказываясь принимать действительность.

- Посмотри на это так: бвана тебя спас от участи, куда горше, чем быть лягушкой, - на посолок порадовал Ванька.

В желудке предательски забурчало. На ум почему-то пришли стрекозиные крылышки. Как они хрустят на языке...

- Вы меня чем кормили?

- Как это чем? - широко улыбнулся главный спец по земноводным, мой напарник. - Мухами и личинками майских жуков.

Наверное, он думал, что я упаду в обморок. Фигушки! Не на таковскую напал, чтобы личинок с мухами пугаться. Да мне и не такое есть приходилось. На голодный желудок лучше не вспоминать...

Так что я просто отвернулась и попыталась осознать новую реальность.

Собакой я уже бывала, и даже неоднократно. Если подумать... Если ХОРОШЕНЬКО подумать, собака не так уж сильно отличается от лягушки.

Разве что количеством шерсти и длиной ног... Так длинным ногам только радоваться надо, верно я говорю?..

Посмотрев на ладошку, я попыталась вспомнить: так она выглядела до превращения, или не так? Воздух поплыл, в ушах по-комариному запищало, а рука будто покрылась зелеными чешуйками. Меня бросило в холодный пот: были у меня перепонки между пальцев, или не было?

Мама! Мамочка-а-а... Не помня себя, я зашарила под майкой. Там, на крепкой шелковой ленточке, хоронился подарок княгини Ольги: маленькое ручное зеркальце. Вытащив его, я уставилась на своё отражение. Чёрт, ничего не видно... Только громадные влажные глазищи, распяленный до ушей рот... Дак это ж я реву! Ну отлично. Только истерики для счастья не хватало.

Пришлось сделать глубокий вдох, затем еще один. Вытереть рукавом глаза и щеки, и только после этого заглянуть в зеркальце вновь.

Ничего нового я в своей внешности не обнаружила. Те же злые зеленые

глазищи. Тот же курносый, как у терьера, нос. Те же оттопыренные уши. Даже веснушки на месте, закопай их комар. А что кожа холодная да мокрая - реветь меньше надо. На голове, правда, чёрт-те что, но зато я точно не лягушка: у земноводных волос поменьше.

Съесть хотела, говорите? Боевое крещение, говорите? Ну-ну...

Встав на спине динозавра - не очень устойчиво, но вполне безопасно - я огляделась, стараясь уделять поменьше внимания горам трупов.

Сет, кстати, помахал вполне дружелюбно. Рядом с ним тёрся лысый молодец с пирсингом по всему телу, так тот вообще поклонился, прижав правую ладонь к сердцу... Я кивнула в ответ.

Шеф, стоя неподалёку, разговаривал со смутно знакомым дяденькой в смешной малиновой тубетейке... Так это же Роман-заде! Он встретил нас в Каирском музее и выпроводил на реку.

Я прищурилась.

Если разобраться, наши злоключения начались именно с него. Но Базиль беседовал с музейным экспонатом вполне корректно, без изъятий вражды. Ладно, оставим это на потом...

Кстати, а где Гамаюн?

И тут мне снова сделалось плохо. Гамаюн... Счётная машина, которая всё видит и ничего никогда не забывает. Железный ящик злословия, мстительных подколов и ядовитых насмешек.

Почувствовав, как щеки наливаются тяжелым румянцем, я закрыла глаза. Всё. Жизнь моя кончилась, толком даже не начавшись. Придется наложить на себя руки во цвете лет.

Вот если б шеф превратил меня в менее мелкое и позорное существо... В львицу, например. Или в пантеру.

Красиво. Солидно. И все уважают...

Но злой рок в лице наставника превратил меня в земноводное. То есть, подарил этой гангрене неиссякаемый запас шуток на всю оставшуюся жизнь...

И кольнула еще одна, ох какая неприятная мысль: неужели лягушка - и есть отражение моей внутренней сущности?

- Как здесь оказался динозавр? - повернулась я к Ваньке.

Таракан всегда говорил что я, в теории, больше тактик, нежели стратег. На практике это означало, что разбираться в высоких материях мне быстро надоело и захотелось сосредоточиться на чём-то более конкретном. Например, на нашем средстве передвижения.

- Пушок - тираннозавр. А оказался он здесь, потому что Линглесу взорвал Астон-Мартин.

- ...?

- Долгая история, - смутился напарник.

- А мы, я так понимаю, никуда не торопимся.

- Еще как торопимся, - прокричал от подножия рептилоида шеф. - Мы должны срочно встретиться с Линглесу.

- Встретиться? - саркастически переспросила я. - Может, вы даже знаете, где его искать?

- Я - нет. А вот Гамаюн... - он огляделся. - Гамаюша!

Мне тоже было интересно, где эта гангрена шляется... И я, по примеру шефа, завертела головой. Почти сразу глаза ослепил солнечный зайчик, пущенный металлическим пером.

Ворона обнаружилась на самой большой куче мертвечины. Она сосредоточенно что-то выковыривала клювом.

Ну конечно!.. И как я сразу не догадалась? Мы же на поле битвы. Там, где очень много потерянных хозяевами голов, вываленных без присмотра кишок и прочих деликатесов.

А что, как всем известно, вороны любят больше всего? Правильно. Больше всего эти милые птички любят подгнившие глазные яблоки... А здесь этого добра - на батальон ворон хватит. И еще останется.

Почувствовав, что слюна во рту сделалась густой и кислой, я отвернулась.

- Гамаюша, лети сюда! - ласково позвал шеф и птица, сорвавшись с кучи падали, тяжело полетела к нам.

- Что старому хозяину надо? - спросила она, приземлившись на холке динозавра.

Клюв птицы был измазан в чем-то, до омерзения похожем на засохшую кровь. На когтях налипла черная липкая субстанция. А пахло от неё... Желудок мой сделал сальто и приземлился вверх ногами. Ну, если вы понимаете, о чем я...

Худой мир лучше доброй ссоры - так говорят. Но я думала вот о чем: если меня вырвет при всём честном народе, и это после того, как все видели меня в зеленой коже в пупырышках... Словом, лучше отвлечься на свару.

- Пшла отсюда, гнусная тварь, - толкнула я ворону.

Та, не ожидав такого коварства, плюхнулась спиной в грязь.

- От земноводной слышу! Мух наелась и уже умная?

- Да я хотя бы падаль не жру. Мухи - это чистый белок.

- Не ссорьтесь девочки, - перебил шеф на самом интересном месте. - О своём, о девичьем, потом пошущукаетесь. А сейчас мне нужны твои несравненные способности, мудрая птица.

Я фыркнула. Да у меня в мизинце больше мудрости... Ладно. Надо всё-таки сдерживаться. Говорят, частые превращения для здоровья не очень полезны.

Ворона тут же надулась. Гордо выпятив грудку, она прошлась туда-сюда перед наставником, демонстрируя удаль и готовность к делу. Трехпалые лапки громко чавкали по грязи.

- Какие сведения вам требуются, хозяин? - спросила она голосом Пифии. - Посчитать звезды на небе? Сказать, сколько песчинок в пустыне Гоби? Вычислить код ДНК древней ископаемой рептилии?

- Поработаешь компасом.

Ворона так и села.

- Компасом?

- Ты железная, легко намагнитить. Я должен определить направление.
- Но хозяйин, - заныла Гамаюн. - Вы же знаете, как я этого не люблю... Я после намагничивания север с югом путаю. К тому же, я недавно плотно поела...
- Ничего, потерпишь, - шеф наставил на неё указательный палец. - АХАТ, ШТАЙМ, ШАЛОШ!

Птица поднялась в воздух, и вопреки всем законам тяготения, застыла без единого движения, вытянувшись, как стрела. Точнее, как упитанный дирижабль в металлической оболочке.

Она начала вращаться. Сначала неторопливо и важно, затем - всё быстрее, пока не слилась в единый сверкающий диск. Раздался пронзительный вой, какой бывает при работе циркулярной пилы.

Поднявшись до едва терпимых высот, вой превратился в комариный писк, от которого зачесался мозг, затем он понизился и замедлился - диск постепенно перестал вращаться и вновь стал Гамаюн. Она застыла, нацелившись клювом куда-то за горизонт и указывая, видимо, направление.

Шеф удовлетворенно кивнул.

- Наши догадки подтвердились. Все дороги ведут к Килиманджаро, - произнес он.

- Там всё началось, значит, там и закончится, - кивнул Роман-заде.

- Рано или поздно, - пробормотал шеф.

- Так или иначе, - дополнил Роман-заде.

Тон магистров мне не понравился.

- Почему на Килиманджаро? - спросила я.

- Помнишь, Цезария рассказывала про своего мужа? - спросил шеф. - Так вот: их деревня была в том районе... Ариман, став магом, спровоцировал извержение - разбудил вулкан после миллионлетнего сна.

- Но зачем?

- Чтобы выковать кольцо, конечно, - сказал Роман-заде. - Только жар вулкана мог справиться с огнем в душе умирающего мага.

- Из расплавленной магмы, из предсмертных криков родичей, из горя своих детей выковал он кольцо, - сказал Базиль.

- Чтобы всех отыскать, воедино собрать и единою черною волей сковать... - мрачно пробормотал у меня над ухом Ванька.

Я закатила глаза. Ох уж мне эти маги...

- Так надо бросить его обратно в вулкан.

А что? Идея, по-моему, очень здравая.

- Сначала его нужно найти, - мягко напомнил шеф. - Затем - отобрать у Линглесу. А он, смею заметить, не захочет с ним расстаться ни за какие коврижки.

И все посмотрели на меня.

- Что?

- Даже не скажешь своё коронное: - А давайте его убьем? - удивительно похоже передразнил наставник.

- И в мыслях не было, - возмутилась я.

Нет, ну конечно было... Просто достало, что все считают меня убийцей. Захотелось временно побыть белой и пушистой. Как лягушка.

- Цезария упоминала, что рано или поздно Ариман поглотит Линглесу, - задумчиво сказал Ванька.
- Уже, - кивнул Роман-заде. - Именно это и хотел передать Товарищ Седой.
- Постойте, вновь перебила я. - Ванька рассказывал, что бы с ним дрались буквально только что. Несколько часов назад. Когда он успел?
- Дурное дело нехитрое, - пожал плечами шеф. Но голос у него, в отличие от жестов, был предельно серьезен. - Возможно, в битве с нами Линглесу и утратил остатки контроля над кольцом.
- И теперь придется иметь дело с Ариманом?
- Если б вы отыскали его раньше... - вздохнул Роман-заде.
- А кто советовал нам вообще валить из Египта? - возмутилась я. - Откуда нам знать, может, вы на стороне Аримана!
- Маша, - осадил шеф.
- А что сразу Маша? Может, он нас специально отвлекал...
- Обратно в лягушки захотела?
- Ваша напарница в чем-то права, - вдруг сказал Роман-заде. - Я и вправду не хотел, чтобы вы расследовали это дело, - он многозначительно посмотрел на Базиля.
- Из-за моего отца? - поднял бровь шеф.
- Нет. По совершенно другой причине...
- Сейчас это не важно, - быстро сказал Базиль. - Всё равно у вас кроме меня никого нет.
- У Аримана - тоже.
- У волшебника Аримана всё по-честному, без обмана.
- Вы зря шутите, майор М'бвеле, - укорил Роман-заде. - А нам с Товарищем Седым приходится всерьез опасаться...
- Не надо всерьез, - рассмеялся шеф. - Сами подумайте: я старый больной человек. У меня даже мании величия нет...

А я вдруг очень сильно, почти до слёз пожалела наставника. Вот стоит он рядом с громадным тираннозавром, такой весь седой, усталый... Под глазами - фиолетовые тени, пальцы дрожат...

Он мне сейчас напомнил Бабулю, в последней стадии перед превращением в Зверя. Сил почти не осталось, и держится человек на одном только честном поросычем слове... Потому что по-другому - просто не может.

Надо бы помягче с шефом, - решила я. - Поласковее, почутче...

С указательного пальца Базиля слетела синяя ветвистая молния.

- Едрена вошь! Чуть любимый мозоль не откусил! - гигантский шакал, подбравшийся непростительно близко, исчез в ослепительной вспышке.

И тут миленький пушистый коврик у меня под задницей дернулся. Взвизгнув, я подскочила на метр.

Честно говоря, никто мне на нём сидеть не позволял, просто спина у Пушки была жесткая, я всю попу уже отбила, а коврик тут просто лежал, на него никто и не претендовал больше. Вот я и подумала, что особого вреда не будет, если я на нем посижу... А он взял, и ожил.

- Что это? - я не заметила, как оказалась на загривке у Ваньки. Переизбыток впечатлений, вот нервишки и пошаливают. То в лягушку превращают, то на

тираннозавре катают, то коврики оживают... Тут всякий может умом тронуться.

- Это Т'чала, - ответил напарник, терпеливо отдирая меня от своей головы. - Он слишком устал во время битвы, вот и решил поспать. А ты его разбудила.

Нет, я точно пропустила слишком много. Надо как-то наверстывать.

Ягуар сел, культурно обернув хвостиком передние лапки и зевнул во всю пасть.

- Хороший котик... - промямлила я. - А какие у нас зубки...

Нет, я люблю кошек. Вот бабки Арины Родионовны кот Матвей, например, - почти что мой самый лучший друг...

Я еще раз посмотрела на Т'чалу. Ягуар ответил равнодушным взглядом сытого хищника, подмигнул и мягко канул под брюхо Пушка.

Наверное, всё дело в размерах...

В-общем, разобравшись, кто прав и что делать - прав, разумеется, был шеф, он же лучше всех знал, что делать - мы решили двинуть к Килиманджаро.

Единственное "но": между долиной Гизы и знаменитым вулканом пролегло более трех с половиной тысяч километров...

Ванька коротенько пересказал мне последние новости, так что хлопать ресничками, как сломанная кукла, я перестала. Но размах мероприятий впечатлял.

Нас навестил Линглесу. Накричал кучу угроз и сгинул, только его и видели. Анубис с Сетом передрались, как помойные шавки.

Роман-заде тоже оказался богом, только подпольным. Апопом, который, насколько я помню, любил являться в виде гигантского змея или тучи гигантских кузнечиков, и отвечал за мрак, inferнальный ужас и другие развлечения Подземного царства.

Ванька воскресил самое древнее и могучее существо всех времен и народов. Куда там драконы! Всем доморощенным волшебникам, что воображали себя Гэндальфами в Нарнии и Гарри Поттерами в Средиземье, и не снилось, какими бывают настоящие, жившие на Земле в древние времена, твари. Воображения не хватало.

Ворона до икоты обожралась мертвечины и теперь дрыхла на загровке у Пушка.

А вот Т'чала...

Когда он показался из-за хвоста тираннозавра, я ойкнула, покраснела и отвернулась. Кроме татуировок, на очеловеченном ягуаре ничего не было. Ничегошеньки.

А он еще и скалился! Глаза свои блудливые щурил и подмигивал...

- Ванька, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста пусть он что-нибудь надеет! Иначе я за себя не отвечаю.

Я почувствовала, как напарник просунул руку в Навь, пошурудил там и вытащил назад. Через минуту спросила:

- Ну что?

- Можно посмотреть, - разрешил он.

На Т'чале были шорты. Широленные - так что не возьмусь гадать, на чем они держались.

- Как ты думаешь, к Килиманджаро мы скоро пойдем? - спросила я. Хотелось поскорее увидеть знаменитый вулкан. Писатель Корней Чуковский, в книжке про доктора Айболита, его широко рекламировал.

- Пушка жалко, - откликнулся напарник, похлопывая ящера по толстой, как три быка, шее. - Я к нему привязался...

- Так давай на нем и поедем, - пожалала я плечами. - А чего? Другого транспорта у нас всё равно нет. Ты, я и шеф... Троих-то он точно увезет. Еще и для вороны место останется.

- Т'чала едет с вами, сестра, - вот он стоит у передней лапы Пушка, почесывая тому под коленкой, а в следующий миг - сидит рядом со мной, сверкая наглой рожой и голым пузом с татуировками.

- Ну хорошо, ну четверых... - я передвинулась от ягуара поближе к Ваньке. - А Сет здесь останется?

Не терпелось куда-нибудь отсюда убраться. Хотя та часть чудовищ, что Ванька привел за собой из Нави, уже рассыпалась прахом и благополучно упокоилась, оставались еще вполне себе реальные крокодилы, совы и шакалы. Дохлые. Под палящим египетским солнцем равнина смердела, как самая большая помойка в мире. Да и выглядела не лучше...

В общем, наша с Ванькой идея пришлась ко двору. Мы отправились к Килиманджаро на динозавре.

Сет с Анубисом остались зачищать плацдарм, Роман-заде обещал по-быстрому смотаться в Бумбу, пересказать последние новости и заручиться поддержкой самого короля - если в ней возникнет необходимость. А мы...

Мы отправились к легендарному вулкану.

Ах да, одна поправочка. Идти решили через Навь. Так было короче.

Глава 18

Глава 18

Маша

Потусторонний мир встретил душной жарой, сладким тягучим ветром и заунывными воплями Мушхуша.

Работы у дракона прибавилось. Эфемерные тени крокодилов, сов, шакалов и давно истлевших мумий - все они толпились нестройными очередями, ожидая приговора: плестись им вечность через огненную равнину, или быстренько переправиться по волосяному мостику меж стен льда и пламени...

Мушхуш носился вокруг теней, как овчарка вокруг стада. Лаем, короткими укусами и ударами лап он сгонял их к краю тёмного провала и сбрасывал в бездонную пропасть.

На Пушка дракон подчеркнуто не глядел.

- Что-то здесь не так, - сказал шеф.

Ясен пень, не так, подумала я. Это ж Тот свет, здесь живым противопоказано. Помереть можно.

Местный колорит мне решительно не нравился. Всё здесь было мутное, душное и липкое. В воздухе, несмотря на горячий, как из духовки ветер, клубились тучи гнуса.

Они сбивались в плотные столбы, которые мотылялись по равнине, как неприкаянные привидения. Они сыпались с серого неба, забивая глаза, нос, проскальзывая за шиворот и неприятно щекоча спину. Они мельтешили перед глазами, и от этого казалось, что мир - это большой кусок промокшего картона, истыканный иголками...

Лумумба, поймав насекомое двумя пальцами, сунул в рот и прикусил зубом. Разочарованно сплюнул.

- Не то... - протянул он.

- А чего вы хотели? - спросил Ванька, отмахиваясь от насекомых. - Гнус - он и в Африке гнус.

- Не скажи... - шеф мечтательно вздохнул. - Когда я был маленьким, мы жили в деревне. По вечерам мама давала мне и братьям по большой кастрюле с обмазанными черепашьим жиром стенками... Мы взбирались на пригорок и размахивали кастрюлями что было сил. На жир налипала мошкара и за час полтора набиралось столько, что хватало на хороший обед для всей семьи.

- Обед?

- Котлеты, - охотно пояснил шеф. - Мама жарила из мошкары вкуснейшие котлетки...

Вот почему дети в Африке не доедают. Я бы тоже не стала...

Г'чала, достав из-за уха толстую желтую самокрутину, затыкнулся. Я точно помню: кроме шорт, выданных Ванькой, у ягуара не было ничего. Тогда откуда самокрутка?

- Вам только мошкара не нравится, или всё вообще? - спросила я наставника, уклоняясь от клубов дыма - гнус они, между прочим, прогнали мгновенно.

- Пусто здесь как-то, - шеф пощелкал пальцами. - Как в квартире интеллигентного пьяницы: чистенько, но бедненько...

- Чистенько? - удивилась я. - Мошка, знаете ли, не в хлорке заводится.

- Это он в смысле силы, - пояснила Гамаюн. - Энергии здесь - шаром покати. Как в выметенном бетонном погребе.

- А Ванька как же? Откуда для Пушка энергию берет?

- Его Алатырь питает, - с некоторой долей зависти хмыкнула ворона. Перо у неё на спинке потускнело, а суставы явственно поскрипывали.

Вечерело. Солнце здесь было крошечное, как бенгальский огонёк, и так же плевалось искрами. Оно потухло, даже не садясь за горизонт и сразу сделались сумерки. А на небосводе зажглась звезда. Сияла она тускло и багрово, как уголёк в тёмной печи.

- Что это? - спросила я, указывая на новое зрелище. - Звезда Венера? Или, может быть, Марс?

- Во-первых, Венера не звезда, а планета, - рассеянно поправил учитель. - А во-вторых, это вулкан. Килиманджаро.

- Он же за три тыщи километров!

- Это ж Навь, - буркнул Ванька, направляя Пушка к красному угольку. - Свои законы пространства и времени.

Как ни хотелось шефу побыстрее добраться до вулкана, на ночлег остановиться пришлось. Просто в какой-то момент, посмотрев на спину Пушка, я увидела под кожей гигантский серый позвонок и взвизгнула от неожиданности. Ванька вскинул голову и замотал кудрями, как лошадь гривой.

- Спишь на ходу, - беззлобно попенял ему наставник. Ванька покаянно вздохнул.

- Жрать хочется, - намекнула я. - И переночевать негде.

- Да, червячка заморить не помешает, - вякнула в ответ ворона. - И отдохнуть... Приоткрыв один глаз, она роскошно зевнула. Я уставилась на птицу с ненавистью.

С тех самых пор, как мы оказались в Африке, эта железная гангрена только и делает, что жрет да спит... И она еще смеет заикаться о кормежке!

- Ладно, команду привал, - шеф и сам давно бы с ног свалился, если б не сидел. - Только выберем местечко посуше.

Пустыня давно кончилась и Пушок брел по самое брюхо в каких-то тростниках. Гамаюн авторитетно заявила, что это бамбук, я спорить не стала.

Из травы поднимались влажные миазмы, тучи откормленных мух и каких-то еще крылатых тварей, похожих на летучих мышей, но с зубами. Пушок щелкал крылатых ящериц, как семечки.

- Вон там пойдет? - Ванька указал на рожицу, черный, будто вырезанный из бумаги силуэт которой виднелся впереди.

- Ты с ума сошел! - возмутился шеф. - Это ж араукарии. Там пауков больше, чем листьев. Плотоядных, между прочим.

- А мне откуда знать? - огрызнулся напарник. - Вы тут у себя дома - вы и выбирайте.

Было заметно, что Ванька на последнем издыхании - несмотря на поддержку Алатыря, питание Пушка забирало все его силы. Зря, наверное, мы решили путешествовать на динозавре... А может, и не зря.

Африканская Навь отличалась от нашей так же, как реальный дом с привидениями от детской комнаты ужасов.

Тут была высокая трава с острой, как скальпель, режущей кромкой. В траве водились кровососущие летучие мыши и саблезубые тигры, которые охотились на кровососущих летучих мышей.

Тут были гигантские ленивцы, которые охотились на саблезубых тигров, которые охотились на кровососущих летучих мышей.

Тут были маленькие черные человечки, которые охотились на гигантских ленивцев, которые охотились на саблезубых тигров, которые охотились на кровососущих летучих мышей...

Я уже молчу о толстых, с ногу Пушка, змеях с лапками в крошечных лаковых башмачках и мохнатых пауках с длинными волосатыми конечностями, из которых росли пятипалые ладошки.

Если б мы двигались через эти джунгли пешком, а не на спине тираннозавра, остались бы от нас рожки да ножки. А еще несколько железный перьев и красивый ягуарий хвост.

Когда Базиль наконец-то нашел хорошее место и мы смогли, со стонами и охами, сползти с твердокаменной спины Пушка, уже окончательно стемнело.

Небо усыпали звезды - громадные, будто кубики льда из морозилки. От них исходил холодный и весьма колючий на ощупь свет. Лумумба посоветовал, без острой необходимости, под него не подставляться...

Но ярче всех, тяжелым багровым оком, тлело над горизонтом жерло Килиманджаро. Мы успели заметно к нему приблизиться и почти чувствовали исходящий от вулкана жар.

Спустившись с Пушка, я тут же обожглась в каком-то плюще, наступила на говорящую змею, которая обругала меня последними словами, и была укушена за палец зверьком, больше всего похожим на обычную мышь.

- Фух, как же тут всего много... - пробормотала я, слизывая выступившие на пальце капельки крови. - Зона по сравнению с этим местом - заповедник добра. Тишина, покой и воля...

- Что это? - строго спросил Ванька, дергая мою руку к себе. - Кто тебя укусил? На землю ничего не упало?

- Откуда я знаю? - я так устала, что даже спорить не хотелось. - Там, в дупле, мышка живет...

- В каком дупле? Зачем ты туда полезла?

- За ягодками. Красненькими такими. Я думала - земляника.

- Какая в Африке земляника? - Ванька перевязал мне палец не очень чистым носовым платком. - Запомни: ничего в рот не тащить. В туалет не ходить. Не плевать. Не кричать...

- Дышать-то хоть можно?

- Можно, - великодушно разрешил напарник. - Но только через раз.
- Но зачем такие строгости?
- Сказки помнишь? Напьешься из копытца - в козленочка, ягод поешь - в зайчика... А водицы из местной реки зачерпнешь - память потеряешь.
- Дак то ж в сказках...
- Сказка - ложь. А в ней - руководство, как себя в Нави вести. Понимать надо.
Таким строгим я Ваньку еще не видела.

- Можешь с ней попроситься, - мстительно каркнула ворона. - Чтобы эта пигалица - и ничего не съела? Наверняка что-нибудь слопает.
- На себя посмотри. Падали обожралась до икоты, а всё туда же...
- Всяк питается по способностям, - назидательно каркнула Гамаюн.
- А вот мы сейчас костер разведем, подвесим тебя над огнем и проверим, из чего ты внутри, под железными перьями...
- Но-но! Гамаюн - птица уникальная. Подлежит занесению в Красную книгу.
- В серо-буро-малиновую. С прозеленью. В графу злокачественных опухолей.

- Не ссорьтесь, дети. Я вам прялку подарю, - утешил Базиль, разводя нас с вороной в разные стороны. Вытащив из кармана вместо прялки леденцовых петушков на палочках, одарил всю честную кампанию, приговаривая: - Кушайте, детки. Уровень глюкозы - это очень важно...

- Чего это шеф такой добрый? - тихо спросила я у Ваньки, пока Лумумба шептался о чем-то с Т'чалой. Петушок, кстати, был очень вкусный. Апельсиновый.

- Да он в принципе человек не злой, - рассеянно отмахнулся напарник. В суть моего вопроса он не вникал: был занят, устраивая поилку для своего домашнего питомца.

Сначала он расчистил место. Затем выкопал в рыхлой, похожей на шоколадный торт, земле огромную яму. Встав на краю, вознес над ней ладони - и яма тут же наполнилась водой. Чистой и очень холодной на вид...

- Маша! Я кому сказал!

- Да я только пол-глоточка...

Нет, я не понимаю: Пушок, как и Гамаюн, - создание магическое, питается от сил создателя. Так чего он жрёт, как не в себя? Вот и сейчас: тираннозавр пьет - ему, значит, можно. А мне...

Ворона, сцапав дарёный леденец, пыталась раздолбать его клювом, как орех. Вот она долбанула особенно сильно и сахарный петушок разлетелся в мелкую крошку...

Я, проходя мимо, злорадно рассмеялась.

Пока суд да дело, в центре расчищенной полянки заиграл костер. Казалось бы, зачем в такой жарнице лишнее тепло? А вот зачем: костер отгонял всяких дружелюбных тварей, желавших с нами познакомиться поближе. И поужинать заодно.

Я устроилась в желтом, как растопленное сливочное масло, круге света. Эх, сейчас бы горячий пирожок с картошкой! Или... Или уж нет, на худой конец.

Облизав в последний раз палочку от петушка, я бросила её в костер.

- Мир этому дому.

Так высоко я еще не прыгала. Никогда. И надеюсь, больше не придется: если вы видели говорящего паука размером с себя, то можете считать, что видели всё.

У него была тысяча крошечных глазок - наверное, штук восемь. Длинные, покрытые черным густым волосом лапы и откормленное брюхо в веселенькую черно-красную полосочку.

Что характерно: вместо жвал с паучьего лица улыбался вполне человеческий рот с влажными румяными губами и мелкими белыми зубками. Этот человеческий рот, который шевелился невпопад с хорошо поставленным баритоном, и был в пауке самым пугающим...

Мы все: я, Ванька, Т'чала и Гамаюн, не сговариваясь сбились в кучку, оставив между собой и пауком ярко пылающий костёр. Ванька выхватил из костра тлеющую палку, Т'чала выставил когти, а Гамаюн раскрыла клюв и страшно зашипела.

Одна я была сирота: без пистолетов, без ножей... Даже заваливающей лимонки не осталось.

- Иду мимо, смотрю - огонек мелькает, - говорил тем временем арахнид, обращаясь исключительно к шефу. - Дай, думаю, загляну... Поинтересуюсь по-соседски: кто такие? Куда путь держите? Может, помощь нужна?

Улыбнувшись каким-то своим мыслям, шеф кивнул пауку.

- Говорят, не одна история в Африке не обходится без паука Ананси... Заходи. Будь как дома. Только не забывай, что ты в гостях.

- Не бойся, не забуду, - в круг шагнул высокий господин в морковно-канаречной тройке, белой сорочке, шелковом цилиндре и с тросточкой.

Внимательно оглядев всю честную компанию, он лучезарно оскалил зубы, которых было слишком много даже для такого большого рта, и сказал: - Приношу извинения, если напугал. Я не хотел.

- Бреешь, - беззлобно заметил шеф.

- Ага, - не стал отпираться человек-паук. - Скучно у нас... На Тот свет никого не пускают, сделки заключать не велят... Вот, хоть вы попались, и то мухи, - он перевел взгляд с учителя на нас. - Да вы присаживайтесь, молодые люди, не бойтесь. Я не кусаюсь.

- Опять враньё, - вздохнул шеф. - Ты ядовитый.

- Ой, да ладно тебе... - отмахнулся паук. - Всего несколько раз и было... Присаживайтесь.

- Спасибо, мы пешком постоим, - за всех ответил Ванька. - Лично я с детства пауков боюсь.

- Я могу пообещать хорошо себя вести, - зубасто улыбнулся Ананси.

- Не верьте, - быстро ответил шеф. - Чего бы этот тип не сказал, ничему не верьте. Даже если от этого будет зависеть ваша жизнь.

- Не хотите, как хотите, - пожал плечами паук и, наклонившись к шефу, что-то ему сказал. Базиль подумал, и помотал головой. Затем, склонившись к

уху Ананси, внёс своё предложение.

Шумел лес, костёр негромко потрескивал, и до нас из их беседы не долетало ни звука.

- Как пить дать, опять тебя рекламирует, - шепотом сказала я Ваньке.

- С чего ты взяла?

- А с того... Такое чувство, что он и в Африку приехал, только чтобы тобой похвастаться.

- Хорош сочинять, - у Ваньки зарделись щеки и уши. - Не такой уж я и крутой...

- Вот и я об том же. А шеф носится с тобой, как с золотым яйцом.

Напарник опять надулся. И кто меня за язык тянул?.. Но ведь я честно хотела, как лучше!

Наконец они о чем-то договорились и улыбнулись друг другу - совсем как Тузики, наконец-то порвавшие грелку ровно пополам. Ананси, вытянув худые ноги в черно-белых штиблетах, раскурил сигару, шеф достал любимую трубку.

- Ну, теперь мы заперты на ночь, - сказал он удовлетворённо, и прикрыл глаза. - Ананси, излагай...

В-общем, человек-паук выступал от местного сообщества Лоа. Их тоже достал Линглесу. По словам Ананси, он заявился к ним жутко давно - позавчера. И объявил себя единственным и неповторимым спасителем всех Навских тварей. Одним словом, диктатором.

От кого или чего их надо спасать, он не объяснил, но дал понять, что при нем жить сразу станет лучше, жить станет веселее. И перекрыл кислород.

Запретил колдовать и вообще проявлять любую магическую активность. Неповиновение каралось распылением. На атомы.

Но, самое главное, он запретил Лоа заключать сделки с людьми. А для них это - хлеб, вино и сигареты. И жареная курица, в придачу...

Как обитатели Мангазейской Зоны не могли существовать без грева с воли, так и местные духи не могли жить без сделок с Той стороной.

Африканская религия в этом смысле была проста и незамысловата: ты - мне, я - тебе. Все счастливы. Кроме тех, кто поленился прочесть пункты, написанные мелким шрифтом...

- Наши передают, что за ними должок, - обратился Ананси к шефу, докурив сигару. - За то, что пришлось вывести тебя обратно к пирамидам. Они не могли поступить иначе.

- А разве мой договор, заключенный двадцать пять лет назад, не кроет все последующие? - флегматично спросил Базиль.

- Тому, кто смог прижать Лоа, глубоко плевать на традиции, - вздохнул паук. - Он желает всё здесь изменить...

- Знатно Ариман вас нагнул, - дымя очередной самокруткой, бросил Т'чала. - А ведь вы знали, что так и будет! Знали, и сидели в своих лесах, выжидая и наблюдая... Вместо того, чтобы помешать Линглесу завладеть Сердцем.

- Знай своё место, кот, - зашипел паук. - Ты знаешь, Лоа не работают просто так. Вы могли заключить сделку... Да что я говорю! Вы сами могли убить его тысячу раз. И тоже выжидали. Так что вы нам теперь должны.

- Ничего мы вам не должны, - рыкнул ягуар. Лицо его вытянулось, приобретая явно кошачьи черты, из пальцев выскочили кинжально-острые когти. - Вы, шкуры продажные, сами виноваты. Могли просто не пустить его в Навь... Могли не подчиниться его приказам. Могли, в конце концов, связать его Словом...

- Я же сказал: мы бесплатно не работаем, - высокомерно бросил Ананси.

- Ну и сидите голым задом на муравейнике, - Т'чала отвернулся. - Пока не найдете дурака, который пойдет на сделку...

- Я так понимаю, тем самым дураком вы считаете меня, - встрял в их перепалку Лумумба.

На дне глаз Ананси мелькнуло отражение холодной, фасетчатой паучьей души, но он быстро овладел собой.

- Мы - лоа. Мы заключаем сделки. Мы не работаем бесплатно, но и по долгам платим всегда, - серьезно сказал паук.

- Но, тем не менее, ты здесь, - возразил шеф. - И ты просишь помощи.

- Ой, да ничего я у тебя не прошу, - отмахнулся Ананси.

- Неправда, - раздался из темноты серебристый женский голосок. - Мы все, и в том числе этот лживый мохнатый ублюдок, просим у тебя помощи, Легба. - из бархатной, густой, как чернила, тьмы в свет костра выступила женщина. - Не надо было посылать этого пройдоху, - добавила она, будто себе под нос. - Так и знала, что он всё испортит.

Одета была женщина в старинное платье. Такое, где сверху почти ничего нет и все прелести просто так вопиюще торчат на улицу, а снизу - гигантская рюмка, на которую намотаны тонны тряпок. Ткань была ветхая, серебристая от старости - будто набитая пылью паутина.

И еще поразило лицо: выбеленный овал, на котором черной краской нарисованы бездонные провалы глаз и носа, а также широкий рот, темный шрам которого стягивали грубые частые стежки... Страшненькое, в общем-то личико. Из тех, которые, увидав во сне, можно зайкой стать.

За женщиной, не переходя границ светового круга, стояли двое мужчин. Белыми манишками и черными похоронными костюмами они напоминали гробовщиков.

Четвертой была румяная, очень полная тетенька в белом, туго повязанном на голове платочке а-ля матушка-медведица.

Дальше были другие: девушки с глазами змей и покрытыми перламутровой чешуей обнаженными телами, добрый крокодил на задних лапах - я решила что он добрый, потому что на плече у крокодила сидела птичка, и он её не ел; громадный, желтый как касторка, бегемот - все они тихо стояли за пределами светового круга, больше угадываясь во тьме, чем реально присутствуя, и смотрели, не отрываясь, на нашего шефа.

Я подумала: а где же Пушок? Где наш ручной тираннозавр? Ведь он тоже был где-то там, в темноте, и все эти милые люди должны были как-то пройти мимо него, чтобы заглянуть к нам на огонек... Я скосила глаза на Ваньку. У него было такое лицо, что я догадалась: напарника одолевают схожие мысли.

- Эрзули! - поднялся навстречу женщине с зашитыми губами Базиль. - Рад тебя видеть, красотка! Всё хорошеешь.

- Так же, как и ты, Легба, - Эрзули кокетливо повела обнаженным плечиком. - Седина тебе в бороду.

Шеф поцеловал похожую на сушеную куриную лапку руку.

- Я скучал, - тихо добавил он.

- Лжец, - польщенно улыбнулась дама.

Зубы, кстати, у неё тоже были чёрными, и какими-то скользкими на вид.

А на свет вышла толстуха.

- Приветствую тебя, Легба, хозяин дорог, - сказала она, улыбаясь каждой морщинкой. Улыбка делала лицо толстухи похожим на добродушное печеное яблочко.

- Бригитта! - Лумумба раскрыл объятия. - Как дела, старая ведьма? - голос его был полон нежности и обожания.

- Твоими молитвами сынок, твоими молитвами, - оглядев Лумумбу с ног до головы, она перевела взгляд на нас с Ванькой, притулившихся, как две сиротки, у костра. - Твои? - спросила она чуть изменившимся голосом.

- Мои, - шеф гордо встал рядом с нами.

- Наслышана, наслышана... - пробормотала толстуха как бы про себя, но в то же время очень громко. - Ну-ка, добрый молодец, повернись-ка передом, - толстуха взяла Ваньку за плечи и вгляделась в лицо. Насмотревшись, вновь обратилась к Базилю: - Шалун у тебя сынуля, а, Легба?

Я прямо чувствовала, как по Ванькиным щекам ползет багровый румянец.

- Я это... госпожа Бриджит... Не сын я. Ученик тока...

- Сирота, значит? - и она похлопала его по щеке. - Зови меня Мамой, детка, - и толстуха, подобрав юбки, уселась на бревнышко у костра.

Ни мне, ни Т'чале толстуха не сказала ни слова.

- Ну, какими судьбами? - спросила она Лумумбу, обирая с подола травинки.

- Ты знаешь, Мама. Иначе бы не пришла.

- Вот и хорошо, - улыбнулась толстуха. - Меньше слов, больше дела... - и повернулась к подруге. - Фреда, милая, сходи, позови наших.

Красотка с зашитым ртом удалилась.

Лумумба молча повёл глазами и за ней, лязгнув железными перышками, сорвалась ворона.

Что-то не так, - сказал наставник, едва мы переступили границу Нави. И я была с ним согласна на четыреста двадцать процентов. Потусторонние джунгли, а в особенности эти лукавые Лоа не внушали никакого доверия. Самое главное, я никак не могла понять: мертвые они, или нет...

И тут, разрывая ночь на мелкие кусочки, заорал тираннозавр. Вопль вспугнул гнездящихся у нас над головами крыланов, огонь в костре взметнулся на невероятную высоту...

Ванька, сорвавшись с места, помчался к любимцу.

- Наверное, комарик укусил, - небрежно заметила толстуха, глядя вслед моему напарнику.

А я подумала: это какой хобот нужен комарику, чтобы пробить жесткую, как рубероид, шкуру...

- Наверное, - Лумумба, встав, пошел за Ванькой, но будто наткнулся на

невидимую стену. Ощупал её руками, попытался пробить плечом... А затем повернулся к толстухе.

- Хороший у тебя ученик, - глядя ему в глаза, произнесла толстуха. - Жалко, наверное, будет отдавать...

Глава 19

Глава 19

Маша

Шеф застыл. Он не верил тому, что услышал. Толстуха, сложив полные руки под передником, печально кивнула.

- Мы все заключаем сделки, Легба, - сказала она. - И всегда ищем выгоды. На этот раз повезло не тебе.

- У волшебника Аримана всё по-честному, без обмана, - передразнил её шеф. - Вы что, не понимаете, к чему это приведет?

- Сделка есть сделка, - пожалала плечами толстуха.

Из тьмы, будто по команде, выступили гробовщики. Их антрацитовая кожа поглощала свет, белели только зубы, белки глаз и манишки.

- Ну что ж, - вздохнул наставник. - На этот раз вы ухватили кусок не по зубам, Мама.

- Это еще почему? - толстуха надменно вскинула подбородок.

- Потому что у вас на пути, - Базиль демонстративно снял плащ и бросил его на землю. - Буду стоять я.

- И я... - я встала рядом с шефом. К своему удивлению, почувствовала бедром дружеский толчок - Т'чала, перекинувшись, встал слева от меня, и задрал верхнюю губу, негромко рычал.

- Ты что, будешь... драться из-за них? - игнорируя нас с ягуаром, спросила толстуха. - Ну сам подумай, Легба: одним учеником больше, одним меньше... - и двинула рукой в мою сторону так, будто смахивала крошку со стола.

- У тебя ведь никогда не было детей, правда, Мама? - спросил наставник, помогая мне встать. Женщина дернулась, как от пощечины.

- Ты сдашься, - сказала она. - Есть много способов сделать так, чтобы человек ХОТЕЛ умереть.

У меня свело живот. Толстуха говорила равнодушно, обыденно. Словно о способах приготовления оладушков. Словно смерть человека для неё - пустяк, недостойный упоминания.

Но больше всего я боялась за Ваньку: его-то магическое поле пропустило и неизвестно, где сейчас мой напарник и что делает.

Или, лучше сказать, что делают с ним?..

В лесу, между деревьев, мелькнула белесая тень, похожая на призрака. Когда она подошла ближе, стало ясно, что это - Эрзули, в помятом бальном платье. За ней толпились другие тени, но они в свет костра выходить не спешили.

- Когда я скажу, беги... - тихо, одними губами произнес Лумумба.

- Но...

- Маша. Хотя бы на этот раз...

Т'чала посмотрел на меня кошачьими бирюзовыми глазами и подмигнул.

Было видно, что красотка с зашитым ртом чем-то очень довольна. Она шла легко, сбивая былинки тоненьким прутиком и пританцовывая. Сквозь стежки на губах доносилось негромкое пение...

- Где Ванька? - крикнула я прежде, чем успела подумать. - Что вы с ним сделали?

- Это не важно, человеческое дитя, - почти ласково сказала красотка, даже не взглянув в мою сторону.

Она подошла к шефу, обвила руками его шею и поцеловала.

- Ну разве не замечательно? - мурлыкнула ведьма. - Мы снова вместе. Как в старые добрые времена...

Шеф улыбнулся. Обнял её в ответ и крепко прижал к себе.

- Беги, - сказал он громко. - Беги, что есть сил, и ни в коем случае не останавливайся.

Смотрел он на женщину, и в первый миг я решила, что говорит он с ней. Но тут же опомнилась и сорвалась с места.

О барьере, который остановил шефа я не думала, и... с разбегу врезалась в душную зеленую чащу.

Отглянувшись - всего на мгновение - увидела, как ягуар, присев на задние лапы, отталкивается от земли и летит через всю поляну, сквозь костёр, целя передними лапами в тонкую женскую шею...

Но шеф приказал не останавливаться, и я не остановилась.

О том, что заблудившись в лесу, я попросту не смогу вернуться в мир живых, я в тот момент не думала. Просто очень сильно, до икоты, до судорог под коленками, боялась.

Боялась теней, что толпились за спиной у Эрзули; Боялась одинаковых, как братья из ларца, гробовщиков и глухих, долетающих издалека, криков... Кто это кричит? Хотя не важно: будь то зверь или человек, ничего хорошего с ним не делают.

Ветка больно хлестнула по лицу. За ней - другая, третья. Лес пытался меня остановить. Цепляясь сучьями за одежду, ставя подножки корней и подстраивая ловушки в канавах, полных чёрной стоячей воды...

Сцепив зубы, я пробиралась вперед. Неважно, что происходит там, за спиной. Лумумба, Ванька или Т'чала меня в конце концов найдут.

Не знаю, сколько прошло времени, но я устала. Всё труднее было выпутывать ноги из цеплючей травы, всё больше дырок становилось на джинсах. Кроссовки раскисли, а в волосах, по-моему, поселилась мышь...

Упав в тридцать восьмой раз, я не наскребла сил, чтобы подняться. Ведь ничего страшного не будет, если я тут немножечко полежу, правда? Травка довольно мягкая, и вода в луже приятная, тёпленькая такая... А к запаху можно привыкнуть. Если хорошенько постараться.

К моей вытянутой руке осторожно подобрался зверек, похожий на тушканчика, и начал, нежно мурлыча, обнюхивать пальцы.

- Хороший мальчик, - вяло пробормотала я. - Цыпа-цыпа-цыпа...

Зверек моргнул огромными, как тарелки, глазами, а потом оскалил похожую на вспоротую консервную банку пасть.

- Ах ты, паршивец!

Дернув рукой, я отпугнула зверька и вскочила.

Окружив меня плотным кольцом, вокруг сидело еще с полсотни паршивцев. Они негромко урчали и провожали каждое моё движение жадными взглядами.

Приметив неподалеку обломок ветки, я стала потихоньку, не делая резких движений и не прерывая зрительного контакта с зверьками, за ним нагибаться.

- Псс...

Я подскочила. Затем быстро нагнулась, схватила палку и выставила её в том направлении, откуда шел звук. Зверьков как ветром сдуло.

- Псс... Сюда смотри.

Голос шел из-за дерева. Я обошла его кругом - никого.

- НА ДЕРЕВО смотри. А теперь выше. Еще выше...

На стволе, буквально в десятке сантиметров от моего лица, сидел жирный паук с черно-красным полосатым брюшком и улыбался в добрых полсотни звуков.

подавив стремление размазать его по шершавой волокнистой коре, я небрежно заметила:

- А, это ты, Ананси. Что-то ты с нашей прошлой встречи усох. Мало каши ел?

- Так удобнее, - паук, шевеля мохнатыми лапками, развернулся вниз головой и посмотрел мне в глаза. - Что, заблудилась?

- Пфуй, - фыркнула я, ненавязчиво отступая подальше. От его мохнатых лапок, на которых, если приглядеться, были надеты крошечные, лаковые с белым верхом, штиблеты. От его зубастой улыбочки - ну не могут пауки так улыбаться. Не должны. Не имеют права... - Было бы где блудить. Вот у нас в России леса - это да. Ёлки - во! - я расставила руки как можно шире. - Толще, чем медведи. А медведи... Как встанут не с той ноги после зимней спячки, как заревут... А волки? Злобные, как десять тысяч крокодилов, и голодные, как... волки. А тут - что? Змеи хилые, - я поддела носком кроссовки черно-пятнистое чешуйчатое тело и отбросила подальше. - Слоны мелкие. Зомби скучные... Даже разговаривать не умеют.

- Значит, заблудилась, - кивнул Ананси. - А Ваньку твоего к злому колдуну везут. Вот привезут, и вынет колдун из него душу. Станет твой дружок зомби. Безмозглым, бессловесным, только умеющим, что волю хозяина исполнять...

- Врёшь!..

- Не вру!..

- Шеф говорил, ты всегда врешь.

- А вот и нет, а вот и нет! Легбе ты больше не нужна. Он теперь с Эрзули кентуется, а она...

- Эта скелетина с зашитым ртом? Да она даже целоваться не умеет. На что ему такая?

- Много ты понимаешь во взрослых отношениях.
- Если хочешь знать, понимаю! У меня тоже... - я осеклась.
- Ну что у тебя, что? Любовь? К Ваньке-унгану?
- Не твоё дело.
- Ничего у тебя не выйдет. Забудет тебя твой суженый, и не пожалеет!
- Ах ты... - проворно сняв кроссовок, я хлопнула что было сил по стволу.

Ананси успел отскочить.

- Ой, ну что ты такая злая? Там, откуда ты родом, все такие?
- Гораздо хуже, - я еще раз шибанула по дереву, целя в паука.
- Ладно, всё это лирика, - проворчал Ананси, спрыгнул со ствола и превратился в давешнего прохвоста в канареечном костюме. - Ты договариваться будешь?
- Нет, конечно.
- А кто тебя в Правь выведет?
- Без Ваньки я никуда не пойду. И без наставника.
- Да я ж тебе говорю: они теперь зомби. Ничего не помнят, ничего не чувствуют... Но тебе я могу помочь. Не бесплатно, конечно.

Закатив глаза, я отвернулась и пошла прочь. Надеюсь, что иду обратно к костру.

- Ладно, послушай... - Ананси, догнав, пристроился рядом. - Насчет Легбы я пошутил. Его заколдовывать - себе дороже.

Я кивнула. И после небольшой паузы как можно небрежнее спросила:

- А Ванька?
- Его действительно везут к Линглесу.
- Чтобы шантажировать Базиля?
- Вроде того...
- Но мне говорили, Линглесу хочет его убить. Что-то там про отцов: он убил его отца, а он - его отца...
- Как ты не понимаешь? Линглесу - больше не Линглесу. Им завладело кольцо.

- Цезария говорила, что кольцо выпивает души, - я вспомнила о ней без всякой задней мысли, просто потому, что Ананси сейчас подтверждал её слова... Но на паука её имя произвело неизгладимое впечатление.

- Так ты знакома с Цезарией?
- Мы виделись на приеме у Бумбы. И очень мило побеседовали. Она рассказала про кольцо, в котором сидит её муж, а Лумумба обещал его найти.

Я решила не упоминать, что женщина-кошка меня чуть не съела.

- То есть, вы заключили сделку?
 - Мы должны найти Сердце Аримана, - кивнула я.
- Это была правда. А остальное... Разве я виновата, что паук меня не так понял? А указывать на ошибки я не нанималась.

- Если это так... - Ананси остановился. - Если она вас поддерживает... Это меняет дело. Я тебе помогу. Бесплатно. Только ты должна меня попросить.

- Вот еще, - фыркнула я и пошла дальше.

- Эй, в чём дело? - снова догнал меня паук. - Бесплатно же!.. Перебегать дорогу Цезарии я точно не хочу, так что давай заключим сделку и я помогу тебе освободить Легбу.

- Слушай... - я остановилась. - Я не могу тебе доверять. Ты врешь, как дышишь. Кто тебе помешает меня кинуть? Как ты только что кинул Эрзули и Маман Бригитту?

Ананси терпеливо вздохнул.

- С ними я никаких сделок не заключал. Они меня заставили. Так что я имел полное право их кинуть. А если мы заключим СДЕЛКУ, ты получишь то, о чем просишь.

- Именно то? - прищурилась я.

- РОВНО то. Ни больше, ни меньше.

- Ну хорошо, - решила я. Возможно шеф, когда узнает, по головке не погладит, но сейчас это казалось меньшим из зол. - Ты обещаешь помочь мне освободить друзей. А я...

- А ты обещаешь унести кольцо на Ту сторону. И сделать так, чтобы оно больше к нам не попало.

- Кольцо? Так это всё из-за него?

- А ты думала, я беспокоюсь о Легбе? Или твоём Ваньке-унгане?

- Но... тебе-то чем мешает кольцо?

- Ариман. Мне мешает Ариман.

- Я думала, вы одного поля ягоды...

- Не смей нас сравнивать! - Ананси прямо таки взвился. - Я - не он. Поняла?

- Да в чём разница-то?

- Я честно заключаю сделки. И ВСЕГДА выполняю условия. А он... Он берёт просто так. И ничего - слышишь - ничего не даёт взамен.

- А, закон сохранения массы и энергии.

- Равновесие, - кивнул Ананси. - Иногда выигрывает клиент, иногда - казино. Иначе всё сломается.

Я секунду подумала.

- Хорошо. Я согласна.

Я протянула - плюнув на ладонь - руку. Ананси протянул свою...

- Стоп! Шеф говорил, что у тебя слюна ядовитая.

- Только если я тебя укушу.

- Ладно. Но если что... - я сделала такое движение подошвой, будто что-то стираю.

- Да понял я, понял.

Ладонь у паука была жесткая и холодная. А в момент пожатия между нами проскочила искра...

- Теперь довольна?

- Чем?

- Ну... - растерялся паук. - Ведь ты заключила сделку с самим Ананси!

- И?

- Ты должна подпрыгивать от счастья.

- Именно так себя ведут наивные африканские дети?

- Ну... Да.

- Сочувствую. Детям, конечно. Не тебе.

- Ты сама, часом, лоа не работала? - подозрительно прищурился Ананси.

- А как же? С трех до пяти, год за два... - этой загадочной фразой я совсем его

успокоила.

- То-то я смотрю, повадки знакомые. А на вид - ребенок ребенком.
 - По одежке встречают.
 - И не говори.
- Дальше мы пошли рядом.

- Ну... Через пару минут спросил Ананси. - Какой у тебя план?
- У меня? Это ведь ты обещал помочь, верно?
- Для этого я должен знать, что делать.

Я остановилась и минутку подумала.

- Обрато к костру?
- Эрзули нас в порошок сотрет.
- Тогда к Ваньке.
- Его охраняет Бармалей. Я бы с ним не связывался.
- Эй, ты собираешься помогать или где?
- Ладно, ладно. Я отведу тебя к напарнику. Только не пожалей, - мы пошли дальше.

- Что за Бармалей?

- Ну такой... - Ананси, скрючив пальцы, поднял руки на уровень плеч и закатил глаза. - У-у-у...

- А, мумия? И что такого? Я их столько упокоила - уж и считать перестала.
- Ну ты даешь! - он смотрел с искренним уважением. - Врешь, поди?
- И ничего я не вру. У нас все охотники этим промышляют.
- Охотники?
- За нечистью, - до меня кое-что стало доходить. И сразу многое встало на свои места... - Охотник - человек, не употребляющий Пыльцы, зато умеющий уничтожать наколдованные магами креатуры и самих магов.

Ананси присвистнул.

- И что? Их за это не казнят?

- Зарплату платят. А за каждого убитого монстра - премия.

Паук нервно сглотнул.

- Не хотел бы я оказаться в ваших краях...

Базиль говорил, Африкой управляет миф. Когда появилась магия, а вместе с нею - сказочные существа, людям и в голову не пришло от них избавляться. Основой их жизни была вера в сверхъестественное. Просто теперь они увидели его своими глазами. А также попробовали на вкус и почувствовали на своей шкуре...

- Долго еще идти?

Стояла душная, тягучая жара - совсем как перед грозой. Волосы слиплись в горячую шапку, из-под которой постоянно текло. Ноги отваливались.

- Без понятия. Они всё время перемещаются, - Ананси равнодушно пожал плечами.

Ему-то не было жарко. Паука не донимала мошкара, а ноги не путались в высокой траве. Казалось, он её вообще не касается, а просто плывет над землёю, делая вид, что шагает.

Время от времени паук останавливался, нюхал воздух, оглядывал зачем-то

замшелые стволы... Я что хочу сказать: когда мох с одной стороны - ясно, что с северной. Но когда он покрывает дерево от корней до макушки, да еще и с ветвей свисает - это как расценивать?

- Может, ты заблудился?

- Не может.

- А что тогда?

- Просто... просто я никак не могу найти дорогу.

Спорить сил не осталось, и я плюхнулась на пятую точку.

- Это муравейник, - предупредил Ананси.

- О, черт...

- Пустой. Муравьи погибли.

- Ты у меня сейчас тоже погибнешь. Страшной, мучительной смертью от удара тапком. Если не перестанешь молотить ерунду и сейчас же, сей секунд, не выведешь меня к Ваньке!

- Ладно, слушай... - он сделал серьезное лицо и присел передо мной на корточки. - Ваньку уже не спасти. Он пропал. Сгинул. Стал умертвием. Единственное, чем ты сможешь ему помочь, так это - упокоить по всем правилам, чтобы он не натворил бед.

Я минутку молчала, переваривая его слова. А потом рассмеялась. От чистого сердца, от души. От облегчения...

- У тебя что, крыша поехала?

- Да нет, извини, - я пришла в себя. - Просто ты не в курсе. Понимаешь, Ваньке это не страшно.

- Еще как страшно, когда за дело берутся Маман с Эрзули.

- Такой большой, а в сказки веришь, - я ласково потрепала паука по щеке. - Видишь ли, мой напарник и сам в каком-то смысле - Смерть. Это Он случается с другими. Смекаешь?

Паук так мне и не поверил.

- Просто отведи меня к нему. Я сама разберусь.

- В том-то и дело, что я не могу. Его скрыли от всех. Спрятали. В такое место, где... - он поискал нужное слово. - Пещера Мариматле. Знаешь? - я помотала головой. - Там живут духи и призраки. Место силы.

- Ну и что?

- Ну и то! - разозлился Ананси. - Там твой Ванька станет Ариманом! Смекаешь?

Сжав челюсти, я с силой втянула воздух.

- Отведи. Меня к Нему.

- Это невозможно.

- Значит, ты проиграл. Нарушил клятву. Обгадился по полной.

- Я не...

- Ты трус. И врун.

- Я обещал помочь ОСВОБОДИТЬ твоих друзей. Не спасти. Освободить. От участи, которой они не желают.

- А я обещала отнести кольцо в Правь и уничтожить. Но если я его не получу - ничего из нашей сделки не выйдет. Ты должен привести меня к кольцу. А

раз Ариман в пещере Ма... Ну, в этом заковыристом месте, значит и кольцо с ним.

Ананси покачал головой.

- Вовсе не обязательно, чтобы кольцо было с ним. Кольца, знаешь ли, имеют привычку теряться. Скорее всего, и даже наверняка, Ариман спрятал его в каком-нибудь безопасном месте, как только оказался в Нави. Пойми, в кольце - его смерть.

- А, знаю, знаю, - я устало махнула рукой. - Смерть в игле, игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце...

- Откуда тебе это известно? - паук даже побледнел. Точнее, посерел.

- Да ни откуда, - я пожала плечами. - Все это знают. Широко известный факт... Слушай! - я даже вскочила. - Давай его найдем. Кольцо! И всё кончится...

Анаси изобразил глубокие раздумья. Почесал в затылке, скорчил несколько гримас, даже попрыгал с одной ноги на другую, будто пятки ему пятки поджаривали. А потом снял с головы шляпу и с размаху ударил о землю.

- А давай. Рискнем последним зубом.

- Ура!.. А что для этого нужно?

- Нужно немножко поколдовать. Только...

- Что?

- Пообещай не убивать меня. И... Ничему не удивляйся.

Получив моё согласие, Ананси выбрал местечко посуше, встал, встряхнулся как пёс, а затем стал пауком. Таким, как в самом начале: громадным и страшным.

Покачавшись на толстых лапах, он уравновесил пухлое, как дирижабль, брюхо и защёлкал на неизвестном языке.

- Ой вы, гой еси, звери мохнатые, птицы крылатые... - переводила вавилонская рыбка. - Где вы ходите, где вы бродите, мою поляну стороной обходите... А слетайтесь ко мне, а сбегайтесь, тайною своей со мной поделитесь...

Через какое-то время на поляне показалась такая тварь, что не в сказке сказать, не пером описать. На голове у неё были рога. На ВСЕЙ голове. Морда - помесь коровы с кошкой. Из туловища во всех направлениях торчали лапы, копыта, крылья и хвосты. Всё это в мешанине перьев, чешуи и разноцветной шерсти.

Честное слово, я чуть в обморок не упала. Как это существо передвигалось, питалось и размножалось - по сей день остаётся загадкой. Только это и даёт мне спать по ночам...

- Все собрались? - спросил Ананси.

- Все... - на разные голоса промычало, промяукало и провыло чудовище.

- А теперь скажите: кто знает, где Ариман спрятал кольцо?

Зверь помялся на лапах-копытах, а потом развел крыльями.

- Мы не видели, Ананси. Мы не знаем...

- Ладно, идите.

Я бы на его месте спросила поостроже, но не успела даже предложить: зверь рассыпался на отдельных медведей, волков, зайцев, куниц и енотов и разбежался в разные стороны. А паук завёл ту же шарманку:

- Ой вы, гой еси, гады ползучие, змеи гремучие. Где вы ходите, где вы бродите, мою поляну стороной обходите...

На этот раз к нам под ноги выкатился клубок змей. В нём смешались удавы, анаконды, какие-то черненькие и юркие змейки... Они беспрерывно двигались, шипели и стреляли раздвоенными язычками.

- Все собрались?

- Вссе....

- Кто знает, где Линглесу спрятал кольцо?

- Мы не видели, мы не з-з-з-знаем-ссс...

- Ой вы, гой еси, клопы да тараканы. Жучки малые, незаметные, муравьишки да гусеницы...

Эту фигуру можно было назвать антропоморфной. Во всяком случае, она передвигалась на двух ногах, у неё было подобие головы и рук.

- Видели вы, где Ариман прячет кольцо?

- Нет не видели...

Паук покачался на согнутых лапах, раздумывая.

- А все ли собрались? - наконец спросил он.

- Не все... Старая жужжелица задержживается...

Наконец на земле показался крохотный жучок. Он был похож на нашу уховёртку, но полосатенький, как арбузик. Вскарабкавшись на сплошь шевелящуюся фигуру, жучок затерялся в общей массе, а из "рта" донесся голос:

- Я знаю, где Ариман спрятал кольцо.

- Отлично! - паук бросил на меня торжествующий взгляд. - Теперь говори, где это было.

- В дупле старого дерева Гингко, на краю большой поляны у холодного ручья...

- Отлично, - потёр передние лапы паук. - Идём быстрее.

- Но его там больше нет...

- Что? - я вскочила. - А куда же оно делось?

- Железная птица вынула его из дупла и унесла...

Монстр из насекомых рассыпался, жучки разбежались кто куда. А я опустилась на камушек и закрыла лицо руками.

Ай да вещая птица! Ай да Гамаюн...

- Не расстраивайся, - участливо сказал Ананси, снова став человеком. - Придумаем что-нибудь другое.

- Ничего, всё в порядке, - встав, я решительно заправила майку в джинсы. Затем крепко завязала шнурки на кроссовках, а штанины заправила в носки. Никогда я теперь не избавлюсь от ощущения, что по мне ползают...

- Идем. Я знаю, у кого кольцо.

Глава 20

Глава 20

Иван

Открыв глаза, я увидел каменный потолок. Некоторое время тупо пялился на него: разум проводил ревизию организма. Голова - на месте, руки-ноги - на месте, мочевого пузыря... М-да.

На этой оптимистической ноте я торопливо вскочил. Из глаз посыпались такие крупные искры - любой высоковольтный провод позавидует.

Оказалось, потолок был невероятно низким. Метра полтора, не больше.

Когда в глазах перестало искрить, я огляделся. Пещера была громадной - если не брать во внимание то, что даже Машке здесь пришлось бы пригнуться.

Сумрачное пространство уходило вдаль и вширь, на границе видимости сливаясь в сплошную тёмную муть. Наверное, таким видится мир зернышку пшеницы, попавшему меж двух жерновов...

На первый взгляд, пещера была пуста. Но когда дыхание успокоилось и я немножко пришел в себя, стал различать голоса: кто-то непрерывно стонал и нашептывал.

Оглянулся. На краю зрения мелькнул неясный силуэт... Когда я постарался его рассмотреть, видение пропало.

Всё ясно. Призраки. Неупокоенные души. Учитель говорит, все бродячие души рано или поздно попадают в место, где ничего нет. Ни времени, ни пространства, ни жизни ни смерти... Подобно мусору, сносимому течением, их рано или поздно приносит туда. В пещеру Мариматле.

Он рассказывал, что когда-то Мариматле был обычным городом в Прави. Но его прокляли. Жители умерли и стали первыми неприкаянными душами... Город постепенно погрузился в Навь.

Если я каким-то образом попал в эту пещеру... Тогда я точно попал.

Услышав ехидный смешок, я опять подскочил.

- Уййй...

- Что, больно?

- А ты как думаешь?

Парень, который возник перед глазами, на вид был не старше Машки. Такой же отчаянный взгляд, постоянно шмыгающий нос и... ах да. Главное украшение переходного возраста. Прыщи...

- Да ладно, не злись. Привыкнешь, - снисходительно сказал он, наблюдая, как я потираю макушку.

- Даже не собираюсь.

Парень мне не нравился. И я ошибся подумав, что он похож на Машку... Во-первых, у моей напарницы не было прыщей. Во-вторых, взгляд у него был не отчаянный, а равнодушный. Циничный. Такой, будто весь мир, и я вместе с ним - не более, чем плевков под ногами. Разотри и забудь.

Волосы длинные, светлые, стянутые в резинку на затылке. И сальные. Да и мордашка какая-то усталая, замурзанная.

Огромная, не по размеру, байкерская куртка вываляна в пыли, за ушами грязь, ногти на пальцах окружены траурной каёмкой...

Такой вот самый страшный злодей всех времен и народов.

- Ты Линглесу.

- Меня зовут Жак лё БигМак! - ясененько: имя для нас - больное место...

- Очень приятно, Иван.

Не задумываясь, я протянул руку. Ведь именно так делают, когда знакомятся, верно? Парнишка отскочил.

Так как о потолок ему стукаться было неохота, передвигался он бочком, как краб.

- Успокойся, я не сделаю тебе ничего плохого.

- Ха! Думаешь, я боюсь?

- Нет, правда... Давай просто поговорим.

Я уселся по-турецки, изо всех сил стараясь излучать уверенность и спокойствие. На деле я их не чувствовал. Пещера Мариматле - не такое место, где можно чувствовать себя спокойно.

Воздух здесь мертвый, безвкусный. Теней нет - так как нет источника освещения; голоса звучат сухо, безжизненно - будто их перед употреблением хорошенько прожарили на сковородке.

Человек здесь - живой человек - постепенно стирался. Истончался до тех пор, пока не обнажится душа. Да и она со временем теряла память и забывала себя...

Сколько понадобится времени на то, чтобы потерять память - я не знал. Не думаю, что много. Природа этого места, не обладая собственной энергией, высасывала её из всего, до чего могла дотянуться.

Уже сейчас я заметил, с каким усилием делаю вдох. А потом выдох. Моргаю, говорю... Очень скоро придется заставлять сердце биться и кровь бежать по венам. И в какой-то момент придет мысль: а стоит ли напрягаться? Тратить силы на то, чтобы заставлять непослушное и тяжелое, как колода, тело - жить... Зачем, если можно обойтись без него? Стать лёгкой, как ветерок, душой, вспорхнуть под низкий потолок и полететь...

Линглесу вновь подобрался поближе. Был он похож на маленького петушка, которого хорошенько потрепали старшие собратья. Потрепали, но не лишили при этом наглости и гонора.

- Зачем ты украл Мертвое Сердце? - брякнул я. Тут же пожалел: надо было усыпить бдительность, начать как-то издалека...

- Я ничего не крал. Я взял то, что моё по праву.

- О как.

- Оно принадлежало моему отцу.

Я потёр макушку.

- Знаешь, мне неприятно это говорить, но ведь твой отец ТОЖЕ его украл...

- А вот и нет. Он его нашел. В древнем разрушенном городе.

- Это он тебе так сказал?

Парнишка шмыгнул носом.

- Я прочитал его дневник.

- Который стащил у Бумбы.

- Не стащил! Он и так был моим. По праву.

Странные представления о правах у этого мальчика.

- Ну ладно, ну хорошо... А зачем ты хотел убить нас? - он поднял на меня огромные глаза. Зрачки сжались до булавочных уколов...

- Это вы хотели меня убить! Вы охотились за мной, как за диким зверем. Вы хотели отнять то, что принадлежало моему отцу, а меня убить.

- Да кто тебе это сказал? Нет, послушай... Артефакт мы действительно хотели забрать - он опасен. Его нужно изолировать. Но ты? Никто не собирался тебя убивать.

Мальчишка похлопал глазами.

- Но... Вы же маги. А всем известно, что маги - злые. Они убивают любого, кто стоит у них на пути.

- Не правда. Маги - вовсе не злые. Во всяком случае, не все. Я - и бвана - точно добрые.

Линглесу зло рассмеялся.

- Твой бвана убил моего отца.

- У него не было выбора. Да и вообще: может, это был и не он вовсе. Там было двенадцать магов.

- Они все ненавидели моего отца, - буркнул Линглесу, уставившись в пыль под ногами. - Они завидовали ему.

- Те, кто там были, никогда и никому не завидуют.

- Но... Из-за них я стал сиротой, - в голосе Линглесу наконец-то появились нотки неуверенности.

- Я тоже сирота, - пожал я плечами. - Парень, сейчас этим вообще никого не удивишь. Мы - дети Распыления.

- Но есть разница! - он злобно оскалился. - Никогда не знать родителей, и знать - а затем потерять. У меня был дом!.. У меня была семья!.. Счастливая семья... Белый заборчик, дерево во дворе, собака... Пятнистый такой терьер в красном ошейнике.

Я прикинул: мальцу на вид - лет семнадцать, не больше. Распыление грянуло пятнадцать лет назад. Да ему и двух лет не было... - Я что хочу сказать? Дети часто придумывают то, чего нет, но чтобы они хотели видеть. Мы, в детском доме, тоже...

- Я не выдумываю.

- Ладно, хорошо. Но причем тут бвана? Почему в смерти отца ты не винишь артефакт? Судьбу, стечение обстоятельств... Ведь твой отец попросту мог НЕ БРАТЬ это кольцо! Впрочем, как и ты. Что ты пытаешься доказать?

- Тебе не понять. Ты, поди, с детства был крутым. Фокусы-покусы, волшебство, драконы... А я - нет. Я вырос обычным, - он посмотрел мне прямо в глаза. - В мире, где любой маг может вытереть о тебя ноги. Превратить в что-нибудь мерзкое. А то и просто убить, чтобы не путался под ногами. А ты не можешь ему ничем ответить. Помешать. Потому что ты - другой.

Он, значит, из этих... Была такая категория людей. До умопомрачения хотят стать магами, но до смерти боятся оказаться однодневками. Спылиться после

первой-второй вмазки. Они зверски завидуют и ненавидят тех, кому хватило смелости попробовать. Даже тех, кто выгорел, но совершил что-то великое... И при этом крепко помнят о миллионах, которые нюхнув Пыльцы, так никем и не стали.

- Моя напарница Маша - обычный человек. Девчонка, твоя ровесница. Как она обращается с пистолетами, да с любым оружием... Это тоже волшебство. Достигнуть совершенства. Стать Мастером. Ей просто не нужна Пыльца. Силой духа, силой характера она заткнет за пояс любого мага. Выпотрошит и сделает коврик.

- Я тоже стал мастером! - закричал пацан. - Смотри! - с кончиков пальцев у него сорвалась искра и превратилась в крошечного зеленого дракончика. Он пыхнул коротким - не больше зажигалки - язычком пламени и растаял. Мальчишка вытянул руку еще раз. Напрягся - так, что весь покраснел - и выдал крупную шаровую молнию. Она повисла между полом и потолком, издавая негромкое гудение и плюясь искрами.

Я усмехнулся. Создать файербол пробует каждый первый новичок, нанюхавшийся Пыльцы. Иногда получается огненный шар, а иногда - остаться без бровей. А также волос, ушей и пальцев...

- Видишь? - закричал пацан. - Я маг! Я лучше вас! Потому что мне не надо нюхать Пыльцу!.. Я никогда не спылюсь, как ты и твой наставник! Я никогда не умру.

Поразительно. Поразительно, как в подростках порой сочетается дьявольское хитроумие с дикой, дремучей наивностью. Этот пацан сумел найти Мёртвое Сердце. Он сумел опутать интригами всю Африку, вовлёл в разборки столько людей - постарше, и что уж греха таить, поумнее себя, - а теперь забился в пещеру, как испуганный зверек и пытается впечатлить меня дешевыми фокусами...

А еще он верит, что держит ситуацию под контролем.

Линглесу тем временем разошелся. Растопырив пальцы, он пускал вереницы файерболов - при этом губами издавая звуки, будто стреляет. Огненные шары были зелеными, синими, фиолетовыми... Они прыгали по всей пещере, освещая её призрачными вспышками и пугая призраков.

- Еще! - кричал пацан. - А так ты можешь? - Пу-у-у!.. Фейерверк!

- Ну хватит. Хватит тратить мою силу.

Новый голос был гораздо старше. Он был ворчливым, чуть дребезжащим, и что характерно, исходил изо рта мальчишки. Линглесу опустил руки и закрыл глаза. А когда открыл...

- Ариман!

Смешок был сухим и старым, будто пролежал под ногами тысячу лет.

- Догадливый, щучонок.

Странно было слышать этот стариковский брюзгливый голос из губ мальчишки. Сам парень тоже изменился. Исчезла молодая задиристость движений, наклон головы стал кривоватым - будто хозяина мучил прострел. Движения сделались скованными и скупыми.

Я вздохнул и собрался: игры кончились.

- Зачем я тебе, Ариман?

- Ты? - притворно удивился колдун. - Ты мне вовсе не нужен. Нужно твоё тело. Это... - он пренебрежительно дернул тощим плечиком, - слишком слабое. Оно слишком быстро начало умирать.

Оп-па... а мы-то думали, что цель Аримана - Лумумба. Могущественный волшебник, на хорошем счету, с опытом работы... Хотя, если подумать, зачем Ариману опыт работы? У него своего - вагон. И три вагонетки.

- Ну еще бы, - буркнул я. Изможденный вид мальчишки, маниакально горящие глаза... - Ты хоть иногда его кормил? Давал напиток, поспать, справиться нужду...

- Зачем? Мне это не нужно.

- Зато нужно живому телу. Иначе оно... Как это ты говоришь? Ах да: - слишком быстро умирает.

- Когда я стану с тобой одним целым, я буду кормить тебя магией. Я очень силен, ты знаешь об этом? Если ты мне подчинишься, станешь самым крутым магом на планете. Разве тебе этого не хочется?

- Да как-то нет... Зачем?

- Затем, чтобы править!

Судя по всему, фантазии у старого маразматика было не больше, чем у подростка...

- Пока что у тебя не слушаются даже Лоа.

- Они подчинятся. У них просто не останется выбора. Когда я заполучу тело русского богатыря...

Я скромно потупился.

- Ну какой из меня богатырь? Всю жизнь ел не досыта, спал без про... недосыпал, в общем.

- Скромный, - укоризненно качнул головой Ариман. - Вот твой хозяин и пользуется.

- Лумумба мне не хозяин, - обиделся я. - Учитель он. И наставник.

- Поэтому он тебя продал?

- Врёшь.

- Не хочешь - не верь, - Ариман уселся по-турецки. - А только продал тебя Легба с потрохами. А подружку твою в нагрузку отдал.

- Не может этого быть!.. - забывшись, я вскочил и вновь стукнулся о потолок.

- Сам он уже далеко, - продолжил Ариман. - Взял, что причитается и отправился к себе в королевство... Ты знал, что он законный наследник престола? Самбуру - страна богатая. Молочные реки, кисельные берега... Хочешь скажу, что он попросил в награду?

- Не хочу.

Ой, что это я несу? Ничего бвана попросить не мог, потому что ни за что, ни за какие коврижки он не меня не продаст. Я бы его не продал.

- Значит, всё-таки веришь.

- Слушай, наверное, ты не поймешь... Но бывает так, что другой человек тебе дороже всего. Дороже магии. Дороже жизни.

Ариман расхохотался. Запрокинув голову, зажмурившись, колотя по земле

кулачками и вздрагивая тощими коленками.

- Ты ещё молодой, - вытерев слёзы, заключил он. - Благородство, жертвенность - это всё слова. Красивые и громкие лозунги тех, кто не боится смерти. А не боится, потому что она еще далеко. Для молодых смерть - это то, что случается с другими.

Пришла моя очередь усмехаться.

- Ты, верно, ничего обо мне не знаешь, Ариман, - и я посмотрел ему прямо в глаза.

Маги редко смотрят друг другу в глаза. По-настоящему. Пристально, открывая душу навстречу другому взгляду. Потому что глаза - это зеркало души. А также амбарная книга, записная книжка и библиотечный каталог.

Опытный маг, посмотрев в глаза, может узнать о собеседнике ВСЁ.

И хотя маги любопытны, как целое стадо кошек, этим своим умением они пользуются нечасто. Потому что к собственным скелетам в таком случае добавляются еще и соседские. А не всякий шкаф такое выдержит...

Ариман не испугался и глаз не отвел. На краткий неуловимый миг наши взгляды образовали туннель, в котором замелькали знакомые и незнакомые образы... Лицо Цезарии - не строгое и властное, как я его помнил, а молодое, с задорными ямочками на щеках и лучистыми зелеными глазами. Губы её улыбаются и шепчут что-то ласковое, нежное...

Двое мальчишек лет десяти, с игрушечными пистолетами, короткими курчавыми волосами и белыми перышками, воткнутыми за правое ухо...

Языки огня, в которых угадываются очертания круглых островерхих хижин, тёмные бегущие тени и яркие вспышки выстрелов...

Пенные морские валы, джунгли с высоты птичьего полёта и черное сухое жерло вулкана. А еще - чувство ненависти.

Всепожигающий огонь, в котором тонут образы мальчишек и молодой Цезарии, преображаясь, превращаясь в видения диких зверей.

Огонь разгорается. Он питается бессилием, неспособностью управлять судьбой и страхом. Страхом внезапно нагрянувшей старости. Страхом неизбежной смерти. Огонь вспыхивает в черном жерле, делая его похожим на исполинский, полный ненависти глаз...

Некоторое время мы сидим молча, не глядя друг на друга. Ариман чертит пальцем что-то невидимое на каменном полу, я же просто смотрю себе в колени. Пристальному изучению подвергается выбеленная от долгой носки ткань джинсов - я прослеживаю каждое волокно, тщательно осматриваю каждую дырочку, каждое пятнышко...

Из груди вырывается тяжелый вздох.

- Ты сомневаешься, - тихо говорит Ариман. - Ты сомневаешься.

- Сомнение - основа веры, - отвечаю я словами отца Дуршлага.

- Он не ценит тебя, - говорит Ариман. - Он пользуется твоими талантами, твоей собачьей преданностью, твоей медвежьей силой - и делает то, что хочет. Он думает, что гораздо умнее и мудрее тебя. Он уверен, что знает, как надо. Ты всегда будешь для него учеником. Мальчиком на побегушках. А ведь ты

считал его отцом. Более того, ты мечтал, чтобы вы были напарниками - теми, кто стоит спина к спине... Но ты знаешь, что ему это не нужно.

- Неправда! - рявкнул я. Эхо, которого не должно быть, прокатилось по потолку.

- Правда.

Закрыв глаза, я опустил голову.

Гордыня... Я поднял древнего динозавра! Я разговаривал с морским царем! Да я сам камень Алатырь трогал, и остался жив...

Дав Ариману заглянуть в себя, я рассчитывал похвастаться. Но вместо этого сам, без всякого принуждения, вручил ему пульт управления личностью по имени Иван Спаситель...

- Ты правильно не доверяешь Легбе. Лоа нельзя верить.

- Учитель - не Лоа, - буркнул я себе в колени, не поднимая взгляда. - Он спас меня.

- Потому что ему это было выгодно. Потому что ему была нужна твоя помощь... Но теперь ему никто не нужен. Легба - самый сильный из Лоа. И он всегда добивается того, чего хочет.

- И чего же?

- Секрета изготовления кольца всевластья, вот чего! - Ариман от возбуждения аж подпрыгнул. - Он тоже стареет и тоже, как и я, боится смерти. А еще он жаждет могущества... Ты был приманкой, понимаешь? Как он расхваливал тебя своим друзьям!

- Но... Зачем?

- Как зачем? Чтобы привлечь моё внимание, конечно. Он знал, что мне нужно новое, молодое и могучее тело. Он знал, что получить я его смогу только в Нави - именно здесь я могу выбираться из кольца и на время, ненадолго, становиться самим собой... Десять лет он ждал. Подыскивал подходящее тело, натаскивал его и обучал. Чтобы в нужный момент... - не договорив, Ариман обвел пещеру многозначительным взглядом. - Как ты думаешь, смог бы ты здесь оказаться, если бы Легба этого не хотел?

- Лоа нас обманули.

- Тебя. А Легба заранее сговорился с Эрзули. У них с Фредой старая, старая любовь... Ты знал об этом? О том, что Легба когда-то любил её? А потом уехал, но никогда, никогда не забывал о первой любви... Теперь они снова вместе.

- Неправда, - угрюмо проворчал я. - Бвана любит нас с Машкой. Он ни за что нас не бросит.

- Проверим?

Ариман подул в воздух и в нём образовался мыльный пузырь. В пузыре, как на экране телевизора, медленно проявилась картинка.

Тёмные стволы деревьев, переплетение лиан, седых, похожих на длинные бороды, плетей мха... На пенечке, пригорюнившись, кто-то сидит. Машка! Босые, израненные лапки посинели от холода, одежда в дырках, волосы спутались в воронье гнездо... Подперев грязным кулачком подбородок, она роняет слезинки в чёрную воду пруда.

За спиной у Машки вырастает громадная разлапистая тень, я вижу, что у тени - множество маленьких злобных глаз. Она нависает над напарницей,

распахиваются ужасные челюсти...

- Маша! - забыв обо всём, я рыбкой сигаю в пузырь и... падаю на каменный пол пещеры. Больно.

- Стоит тебе согласиться... Ведь еще не поздно. Её еще можно спасти.

Поднявшись на колени, я вставил на место челюсть, вытер кровавые сопли и отряхнул ладони.

- Согласиться на что?

- А я разве не сказал? - притворно удивился Ариман. - Впустить меня добровольно. Позволить мне занять твоё тело.

Невольно я схватился за горло, слепо заелозил непослушными руками по груди... Машка! Ведь она здесь из-за меня. Если она погибнет... Может, стоит согласиться? Что значит моя жизнь против жизни напарницы?

По привычке я попытался нащупать амулет. Волшебную макаронину, подаренную отцом Дуршлагом, когда я поступил в Академию. Покрутить в пальцах твёрдый цилиндрик, почувствовать его хрупкую силу... Но макаронины на груди не было. Так же, как и крестика бваны, и других милых моему сердцу памятных сувениров.

Все они прятались под косовороткой. Ариман их не видел, не мог видеть. И значит, о них не знал... Как он там сказал? Морок. Видение.

Я усмехнулся и сунул под нос Аримана фигу. Или, как называл её Лумумба, магическую мудру из трёх пальцев.

Сильная вещь. Практически безотказная.

- Это видел? Еще вопросы есть?

Ариман тяжело вздохнул.

- Значит, не договоримся. А жаль.

И он легонько, словно шутя, стукнул меня по лбу.

В глазах потемнело, я начал падать...

Глава 21

Глава 21

Маша

- Зря не спросили, где видели железную птицу в последний раз, - попеняла я Ананси.

- Повторяю для тупых: Навь дискретна, здесь бесполезно пользоваться ориентирами.

- И что делать?

- Главное - сила намерения. Думай о птице. Как бы... притягивай её мысленно.

- Да стараюсь я. Только ничего не выходит.

- Плохо стараешься. Приложи усилия.

- Знаешь, что? Сам старайся. В конце концов, ты обещал помогать.

- Да? А ты не обещала? У нас сделка, между прочим. Может, соберешь всё-таки свои крошечные мозги в кучку и представишь...

- Да я сейчас твои мозги в кучку соберу. И скажу, что это ёжик накакал.

- Ау... Знакомые всё речи.

Из зарослей показалась обмотанная лианами низенькая фигурка.

- Гамаюн! Как ты нас нашла?

- Вы так орёте, что вся Навь в курсе.

Мы обнялись. От вороны пахло прелой листвой, болотом и перегретым машинным маслом.

Рада я была - слов нет. Иголка, упорно долбившая сердце несколько часов, с громким треньканьем выскочила и затерялась в траве.

- А мы как раз тебя ищем, - я погладила птицу по гладкой макушке. - Нам звери лесные рассказали, что ты кольцо Аримана спёрла.

- И вовсе не спёрла. Оно там без присмотра лежало, вот я и прибрала... Чтобы не украл кто.

- Ну да. Конечно. А ты, значит, самая честная. Никогда чужого не возьмешь.

- Сызмальства воровать не приучены.

- Аг-хम्म...

- Ой, Гамаюн, ты Ананси помнишь?

- Как не помнить... - ворона встопорщила перышки. - Ты это, скажи ему, если кусаться полезет - я и клюнуть не побрезгую.

- Но-но, - паук с достоинством выпрямился. - Мы с вами, уважаемая, на бру-дершафт не пили.

- А есть? - оживилась ворона. - Со вчера маковой росинки в клюве не было.

Паук посмотрел на меня.

- Она железная. Почему ведет себя, как живая?

- Тайна сия великая есть... - пожала я плечами. - Деус экс махина...

- Сама ты махина!

- Тихо, - Ананси, протянув длинные руки, одной зажал мне рот, другой - перехватил клюв вороны. - Сюда кто-то идет.

Я глазами показала, что поняла.

- Что делать будем? - проскрипела тихонько Гамаюн.

- Ничего, - так же тихо ответил Ананси. - Не двигайтесь. Не дышите. Не моргайте. Это - вопрос жизни и смерти.

И он зашевелил длинными бледными пальцами, словно плёл паутину.

Мы замерли. Только в брюхе у Гамаюн что-то очень тихо, но явственно тикало - как будильник под подушкой.

Тьма обступила со всех сторон. Стихли шорохи, скрипы, противные угуканья, на которые я старалась не обращать внимания последние полчаса... В ушах сделалось гулко, как после хорошей уборки. Я даже улыбнулась, до того это было приятно: ничего не слышать.

А потом у меня зачесался нос. Потом - ухо. Потом - правая ступня, левое колено и живот. Через десять секунд у меня чесалось в семнадцати местах. Аж слёзы на глазах выступили. Двигаться я опасалась - вдруг паутинка, которую набросил на нас Ананси, порвётся...

Через пару минут я была готова броситься на землю и кататься по ней, пока не сдеру всю кожу, но тут меж деревьев показался белесый силуэт и я сразу обо всём забыла.

Прямо на нас, аккуратно придерживая пышные юбки и обходя кочки, шла Эрзули. В предутреннем зыбком тумане она походила на сбежавшее из сумасшедшего дома привидение.

За Эрзули, одышливо побряхтывая и громко шурша подолом по мокрой траве, топала Мама.

Мы с Гамаюн встретились взглядами. Вот он, момент истины: стоит пауку подать хотя бы крошечный знак...

Эх, где мои верные пистолеты?

- Подожди, Фреда... - позвала Мама. Эрзули закатила глаза, а потом нехотя обернулась. - Считаешь, мы поступаем правильно? - казалось, они продолжают давний, начавшийся не сейчас, разговор.

- Он перестал быть Легбой, - ответила Эрзули. - Он нас предал, - дальше они пошли рядом. Не обращая на нас, кстати, никакого внимания... - Он вбил себе в голову, что люди и маги равны. Более того: на Севере он СЛУЖИТ обычным людям. По крайней мере, так говорил Самеди... Они отдают ему приказы, Мама! Еще не хватало, чтобы в Африке завелись такие приказчики, и стали тут всем распоряжаться.

- Но Ариман тоже устанавливает свои правила.

- Ариман - один из нас. Он понимает, что мы, маги, должны править миром.

- И это совсем не связано с тем, что Легба бросил тебя ради другой женщины?

Голос Мама звучал хоть и ядовито, но с оттенком боязни.

- Все мужчины одинаковы, - выдохнула Эрзули. - Я не открыла ничего нового.

Лицо её превратилось в равнодушную маску. А я подумала: если убрать всю эту краску, эти черные стежки вокруг губ и белила с щек... Она, наверное, станет очень красивой.

- Мы делаем это не из-за старых обид, Мама. Мы делаем это потому, что заключили сделку.

- И потому, что нам не оставили выбора, - ворчливо добавила толстуха.

- И потому, что нам не оставили выбора... - как эхо, повторила Эрзули.

Когда они скрылись из виду, Ананси снял полог. От облегчения я тут же упала в траву и стала кататься по ней, как блохастая шавка. Ох, как же хорошо! Особенно сильно чесалось между лопатками.

Заметив, как переглядываются ворона с пауком, я устыдилась своего порыва и поднялась.

- Что? Я, между прочим, единственный из вас живой человек.

- А с виду и не скажешь, - хихикнула ворона. - Скорее, кикимора болотная. Анчутка...

- Ах ты, тарахтелка железная...

И тут я мельком уловила выражение глаз Аанаси. Он понял, что я заметила и отвернулся, будто заинтересовавшись интересной паучихой на соседней веточке...

Ссоры, раздоры, споры и ругательства - всё это доставляло неизъяснимое наслаждение королю обмана. Для него это хлеб, вино и сигареты в одном флаконе.

Собачась у паука на глазах, мы поливаем мёдом его лживое сердце...

Подавая Гамаюн знаки бровями, я легонько наступила ей на лапку. Та застыла с открытым клювом. Я потыкала пальцем в спину Ананси и вновь сделала большие глаза. Ворона осторожно кивнула. Затем провела крылом по клюву, будто застёгивает его на замок, и выкинула ключ. Я радостно закивала.

- Легба сбежал, - вдруг заявил, резко повернувшись, паук.

- С чего ты взял?

- Иначе ведьмы бы тут не шлялись. Они его ищут. Но не найдут.

- Так значит, ура? - спросила я. - Кольцо у нас, шеф освободит Ваньку - и всё кончится?

- Не кончится, - передразнил меня Ананси. - Пока кольцо в Нави, Ариман пользуется его силой. На расстоянии. И твоего друга он просто так не отдаст.

- Но зачем? Зачем ему Ванька? Что он будет с ним делать? Шантажировать Лумумбу?

- Он хочет занять его тело, - каркнула ворона.

Я помолчала, переваривая. Потом спросила:

- Так же, как он захватил Линглесу? - они молча кивнули. - Но для этого, вроде как, нужно согласие... А разве нет?

- Ариман - профессор школы лжи, в которой я был только учеником, - фыркнул Ананси. - Скорее всего, он уже добился своего. Сменил, так сказать, квартиру...

- Что ты имеешь в виду?

- Что Ариман и Бокорван теперь - одно и то же лицо.

Так... - я отвернулась, чтобы скрыть эмоции. - Так...

- Получается, если мы вынесем кольцо из Нави, Ариман ослабеет и Ванька станет самим собой?

Паук вытянул губы трубочкой.

- Скорее всего, нет.

Я посмотрела на Гамаюн.

- Сложный вопрос, - вздохнула ворона. - То, что Ариман сразу ослабеет, оставшись без кольца - это факт. Но как это повлияет на Ваньку...

- Легбе в любом случае придется с этим разобраться, - кивнул Ананси. - Будет Ариман в теле Бокорвана, или где-то еще...

- Им придется сразиться, - закончила ворона. - И чтобы помочь хозяину, мы должны вынести кольцо в Правь

- Фигушки.

- Ты же заключила сделку, - ощерился Ананси.

- Мы никуда не понесем кольцо, пока не убедимся, что Ванька в безопасности. Всем ясно?

- Но...

- Как ты...

- Мы должны их найти и всё выяснить. Если Ваньке ничего не грозит, если Ариман всё еще в Линглесу, тогда...

- Это маловероятно, - покачал головой паук. - Линглесу, скорее всего, уже мёртв. А твой друг - вовсе не твой друг. Он теперь Ариман. И лучшее, что ты можешь сделать...

- Нет!

- Послушай паука, он дело говорит...

- Пока я не увижу всё своими глазами, из Нави мы ни ногой.

- А ведь птица может обойтись и без тебя, - сказал вдруг Ананси. - Кольцо у неё, и если я открою ей путь...

- Ничего не выйдет, - рассмеялась я. По правде сказать, слова Ананси меня жутко напугали, но в следующий миг... В следующий миг я вспомнила одну интересную особенность нашей птички... - Гамаюн - существо волшебное. Она предназначена для того, чтобы помогать. Служить. Она не может действовать самостоятельно. Даже когда очень этого хочет. - Смотри! - я повернулась к птице. - Гамаюн! Отдай мне кольцо.

- Но я...

- Отдавай. Сейчас же.

Я не хотела так поступать, честно не хотела.

На птицу было жалко смотреть. Вся спесь, весь гонор с неё слетели, как пух с одуванчика. Ворона понурилась и нехотя шагнула ко мне. А потом опустила что-то в мою протянутую ладонь.

Кольцо было тяжелым. Не знаю, может килограмм, может больше. Я с трудом поднесла тоненький ободок к глазам. Ничего ведь особенного. Оно даже не было золотым - обыкновенный кусок дерева.

Не очень ровное, не слишком изящное. Будто корявую веточку свернули колечком и закрепили суровой ниткой... Его даже на палец надевать не хотелось - внутрь торчали хорошо различимые шипы.

- Держи, - я вернула кольцо вороне. - Храни, пока я не скажу, поняла?

- Поняла, хозяйка.

- И никому, кроме меня, не отдавай.
 - Будет сделано, хозяйка.
- Я посмотрела на Ананси.
- Говоришь, главное - это сила намерения?
 - Что ты задумала?
 - Держитесь. Мы идем к Ваньке.

Место, в котором мы оказались, было пустым, гулким и очень низким. В смысле, потолок тут был так близко, что даже я чиркала макушкой. Долговязый Ананси сразу уселся на пол.

Удобно было только Гамаюн.

- Никогда не думал, что смертному удастся попасть в пещеру Мариматле, - сказал паук, удивленно осматриваясь.

- Что это такое?

- Чистилище, - охотно пояснила ворона. - Сюда сносит все неприкаянные души.

По пещере распространялся негромкий рокот. Был он густым, нажористым, как суп из тушенки. От него дрожали низенькие колонны и подпрыгивали мелкие камушки под ногами.

- Раз мы сюда попали, значит так было надо, - философски заключила я и пошла, не забывая пригибать голову.

- Ты куда? - Гамаюн пристроилась чуть позади. Как преданный пёс. Кольнула беспокойная совесть, но я её проигнорировала. Ворона, конечно, отличная девчонка, но... там же Ванька!

- Выяснить, что это за рокот.

- Зачем?

- Не знаю, - я на минутку остановилась. - Просто... надо же что-то делать, верно? А больше здесь ничего нет.

Насколько хватало глаз, пещера была пуста, как обворованный амбар.

Повертев головой, я определила направление и пошла на звук. Ворона покакала следом. Ананси тяжело вздохнул, поднялся - согнувшись в три погибели - и неуклюже поплёлся за нами.

- Ну зачем куда-то идти? - канючил он. - Это место не хуже любого другого...

Паука было не узнать. Он будто выцвел, потускнел и сдулся. Исчез лукавый задор из глаз, пропали вечная усмешка и нарочито небрежная, фланирующая походка - посеревшие штiblеты устало шаркали по полу и казалось, что за нами плетется глубокий старик.

Я тоже чувствовала себя не лучшим образом. Я что хочу сказать: в лесу мне было страшно, хотелось есть и пить, а еще - чтобы кто-нибудь пришел и сказал, что всё будет хорошо...

Здесь мне не хотелось ничего. Ни моргать, ни дышать, ни двигаться. Толкала вперед только одна мысль: где-то там - Ванька.

Гул нарастал, он перешел в равномерный рокот с басовитыми переливами - будто в железной цистерне ворочался дракон. Я ускорила шаг. Ворона и

Ананси, негромко ропща, поспешили следом.

Уже различались отдельные октавы - мощные, как океанский прибой.

Я побежала.

Еще не веря, но безумно надеясь, то и дело стучаясь макушкой о потолок, я спешила на звук. И наконец, увидела Ваньку.

Он спал. И забористо, оглушительно храпел.

Свернувшись калачиком и уютно подложив кулак под щеку, он выдавал те самые рулады, от которых ходила ходуном вся пещера.

Мной овладело праведное негодование. Как он мог!.. Пока я, рискуя жизнью, мотаюсь по призрачному лесу, заключаю сделки с пауками и всех, буквально всех спасаю от неминуемой гибели, он, видите-ли, спит.

От возмущения перехватило дух.

- Ах ты... - подавив порыв засадить напарнику пинком по мягкому месту, я подмигнула Гамаюн и пощекотала у Ваньки под носом. А потом присела, спрятавшись за его же могучей спиной. То-то увалень удивится!

Ничего не произошло.

- Ва-а-ань! - я потрясла его хорошенько.

Напарник спал недобудимо.

- Рота подъем!

Ноль результата.

- Он не проснётся, - тихо сказал Ананси. - Пещера не позволит.

- Это мы еще посмотрим... - буркнула я и перевернула Ваньку на спину. Тот перекатился, как пластмассовый пупс.

Кроме пауков, больше всего на свете Ванька боится щекотки...

Тоже не помогло.

После некоторой внутренней борьбы я протянула руку и осторожно растегнула косоворотку у него на груди. А потом... невольно улыбнулась. Чего там только не было!

Крестик на просмоленной веревочке - его я уже видела. Потом еще - обыкновенная макаронина, сквозь которую была продета серебряная цепочка. Какие-то зубы, перышки, веточки, похожие на кости и кости, похожие на сухие веточки... Пятиконечная перевернутая звезда и круг с плачущим глазом в середине... Среди всего - дырявый камешек на кожаном ремешке.

Камешек - его еще называют куриный бог - я тоже помнила: подарок Куксы, странного белобрысого нойды из мангазейской зоны...

Так вот значит где Ванька носит свои сокровища.

На шею его было навздвано столько амулетов, талисманов и эзотерических символов, что можно было устроить оккультную выставку. Или открыть лавочку подержанных артефактов.

- Сними с него это! - голос был истеричный, пронзительный. Натянутый, как струна. Казалось миг - и он лопнет, рассекая пополам всё живое... Я инстинктивно прикрыла Ваньку собой.

Когда он появился - бледный, с безумными глазами и торчащими как ме-

телка патлами, я не заметила.

Значит, он не успел! Не переселился в Ваньку, не сделал его своим послушным рабом...

- Мальчик, успокойся, пожалуйста. Ты Линглесу, да?

- Я Ариман! Не смей называть меня мальчиком!

- Хорошо, хорошо... чего ты хочешь? - надо его как-то отвлечь. Сообразить, что делать дальше.

Краем глаза я видела, как Ананси отступает в темноту, предатель. Гамаюн, угрожающе выставив клюв, заходит с тыла...

Из-за спины мальчишки выступили Эрзули с Мамой. Их сопровождал страшнолюдный тип с мертвыми глазами, редкими, прилипшими к черепу волосёнками и мерзкими, наверное, сантиметров по двадцать, ногтями.

Этого я сразу узнала. У нас в городке таких в Контору оптом сдавали: пучок за банку тушенки...

Внезапно я затосковала по своей старой, проверенной в боях подружке - Пищали. А её ведь категорически запретил брать с собой в Африку Лумумба! Выходит - зря.

- Сними его! - повторил Линглесу, повелительно тыкая Ваньке в грудь.

- Да о чем ты бормочешь? - спросила я настороженно. Пацан мне активно не нравился. Нервный он какой-то. От такого всего можно ожидать. Бритвой по глазам полоснуть или истерику с битьём головой об пол закатить - ему всё едино.

- О том камушке, о камушке... - бормотал он, как заведенный. - Сними с шеи камушек... Ему в камушке плохо, он от него проснуться не может. Злой камушек. Душит, вздохнуть не даёт, в сырую землю манит-заталкивает... Как только снимешь камушек - очнется дружок твой.

Я нерешительно протянула руку. Подергала кожаный шнурок - крепкий, не порвешь. И через голову не стащить - слишком просвет узок.

- Давай, снимай поскорее, - горячился Линглесу. Язык не поворачивался назвать это недоразумение Ариманом, главным доктором Зло всех времен и народов. - А я тебе за это желание исполню - любое, какое захочешь...

- А если я захочу оказаться с Ванькой, Лумумбой и Гамаюн в Москве? И чтобы все мы были здоровы, в своём уме и доброй памяти?

- Хи-и-итрая, - недобро сощурился мальчишка. - Хочешь и рыбку съесть, и...

- На саночках покататься?

Ананси смылся. Да и ворона с появлением этой троицы как-то ступевалась. Эрзули с Мамой в разговор пока не вступали. Но держались настороже.

Было видно: как только я дам промашку - набросятся... Сожрут и на косточках поваляются.

- Так что я получу, если сниму камушек?

Надо потянуть время. Авось, что-нибудь придумаю...

- Принцессой тебя сделаю, - с готовностью посулил Линглесу. - Девочки лю-

бят быть принцессами.

- А толку-то? - вздохнула я. - Ходи целый день в неудобном платье, да семечки лузгай... Скучновато будет. Может, еще принца дашь? В нагрузку?

- И принц тебе будет - а как же? Выбери любого...

- Выбираю этого, - я легонько похлопала напарника по груди.

Другой рукой, незаметно, я щипала его что есть мочи, до синяков - в надежде, что мой увалень пробудится и всем задаст. Но Ванька только недовольно кряхтел во сне, и просыпаться не желал.

- Любого другого, кроме этого, - стал торговаться Линглесу. - А в придачу - туфельки хрустальные. Хочешь?

- И карету из тыквы?

- Зачем из тыквы? Можно из золота...

- Она не собирается тебе помогать, Ариман, - нетерпеливо перебила мальчишку Эрзули. - Ты что, не видишь? Мерзавка морочит тебе голову.

- От мерзавки слышу, - буркнула я и тщательно застегнула косоворотку у Ваньки на груди. Дырку им пустую, а не камушек...

- Слушайся меня! - вдруг завизжал мальчишка. - Ты должна меня слушаться!.. Все меня слушаются...

- Мало тебя ремнем драли в детстве, - сказала я и поднялась. - Но знаешь, начать никогда не поздно.

- Тогда я заберу тебя, - сказал вдруг Ариман. Абсолютно спокойно, старческим надтреснутым голосом. Он перестал прыгать, корчить рожи и медленно, прихрамывая на обе ноги, пошел ко мне. - Твоё тело лучше, чем то, которое у меня сейчас. А магии я его научу...

- Не подходи! - я выставила руки. - Не подходи, слышишь? Я тебе шею сверну.

- Не успеешь.

Эрзули начала заходить с одной стороны, Мама - с другой.

- Давай уже кончать с этим, Ариман, - сказала толстуха. - Мне мужа пора кормить... Фреда, держи её крепче.

- Беги, я их задержу! - между ведьмами бесстрашно встала Гамаюн. И лязгнула крыльями. Как набором японских ножей для суши.

Ей наперерез двинулся Бармалей. Выставив вперед руки с страшными ногтями, приволакивая ногу и мыча что-то непонятное, он загородил собой ведьм, но при этом, не заметив, толкнул Линглесу. Пацан покатился. Бармалей, как бульдозер без одной гусеницы, пер дальше.

- Ах вот ты как! - крикнул мальчишка и выпустил из пальцев красные молнии.

Впившись в Бармалея, они начали жрать его изнутри - сквозь прорехи в ветхом костюме сверкали огненные вспышки. Миг - и осталась только кучка тлеющих костей.

- Бармалей! - закричала Мама так, будто ей надорвали сердце и бросилась к костям. Лицо её выражало искреннее горе. - Муж мой...

- Не реви, - жестко оборвала её Эрзули. - Другого себе поднимешь.

- Сука, - тихо сказала Мама и с ненавистью уставилась на младшую ведьму. - Это ты всё затеяла. Ты во всём виновата! - и она плюнула в Эрзули.

Попав на платье, плевков стал расползаться чёрным пятном. Оно быстро

росло, сквозь него просвечивал пол пещеры и ноги Линглесу.

Ведьма, поглядев удивлённо сначала на Маму, потом себе на живот, прыгнула к толстухе и вцепилась в косынку на голове.

- Ты испортила мне платье! - визжала она. Ведьмы покатались.

Ко мне на карачках полз Линглесу. Лицо его подергивалось, глаза разъехались в разные стороны, пальцы оставляли на неровных камнях кровавые полосы.

Когда до нас с Ванькой оставалось метра полтора, он неожиданно прыгнул и вцепился мне в ногу зубами. Не очень сильно, даже штанину не прокусил. Но противно: я чувствовала, как шатаются и крошатся его зубы.

Гамаюн попыталась оттащить мальчишку за ноги, но тот лягнул, и ворона закувыркалась через голову. Линглесу наконец проел дырку до голой кожи. Я закричала. Вывернулась, пнула его и попыталась подхватить Ваньку за плечи... Конечно, это было смешно. Мне, с моим бараньим весом, никогда не поднять великана.

Пацан упорно, как амеба, которая стремится к свету, полз ко мне и щелкал зубами. На него было страшно смотреть.

Спящий напарник служил нам барьером, препятствием. Когда Линглесу подползал слишком близко, я перепрыгивала на другую сторону - и всё начиналось снова. Что характерно: Ваньки он старался даже не касаться. Будто напарника защищало силовое поле.

Следовало прибить паршивца. Просто стукнуть хорошенько, чтобы сломалась тощая шейка. Но рука не поднялась. В глубине души я понимала, что мальчишка не виноват. Им управляет псих по имени Ариман.

Тут меня осенило: амулет, тот самый камешек, который подарил напарнику Кукса, и не даёт колдуну занять Ванькино тело! Так вот где собака порылась...

- Ариман! - закричала я. - Оставь мальчишку в покое и тогда мы поговорим.

- О чем мне с тобой говорить? - голос его не слушался. Он поднимался и падал, как на качелях. Будто шел не из горла, а из игрушечной пищалки.

- О твоей свободе, - сказала я. - О твоей жизни.

Я совсем забыла о кольце, которое прятала в недрах своего железного организма Гамаюн.

- Твоё сердце, Ариман. Я могу его сжечь. Могу разломать на мелкие кусочки. Могу бросить в жерло вулкана... И тогда тебе каюк.

Безумец расхохотался. Выглядело это ужасно: он заставил тело Линглесу подняться на подгибающихся ногах, запрокинул голову с невидящими, белыми глазами и издавал утробные звуки, больше похожие на рыдания.

- Тебе не отыскать мою смерть! - проревел он. В голосе уже не было ничего человеческого. - Ты никогда не найдешь кольцо. Я тебя не боюсь.

- А вот это ты видел?.. - я поднялась на ноги и огляделась. - Гамаюн! Лети сюда.

- Слушаюсь, хозяйка.

- Давай кольцо.

Выставив перед собой кольцо, как щит, я огляделась. Не знаю... В то, что

Ананси нас всё-таки бросил, почему-то не верилось. Это ведь сказка, правда? А в сказках случаются чудеса...

- Отдай! - заверещал колдун. - Оно моё, моё! Моя прелесть...

- Перебьесся, - буркнула я. - Гамаюн. Следи за этим психом. Будет мешать - выключи ему глаза.

Я посмотрела на Ваньку. Среди всего этого безумия, всего этого столпотворения он продолжал сладко спать, подложив кулачок под щечку и причмокивая во сне. Ах ты моя дубина...

Повинуясь порыву я упала на колени, обняла его за шею и крепко поцеловала в губы. Так, как не целовала никогда. Так, как и не мечтала...

А потом увидела ЭТО. Прямо из воздуха, из пустоты, тянулась тонкая паутинка. Она уходила куда-то в пустоту, в никуда, но была натянута, как струна.

Я поднялась и осторожно взяла кончик паутины из воздуха. Он послушно остался у меня в руках и легонько дернулся, приглашая идти за собой. Сделав несколько пробных шагов, я начала осторожно сматывать паутинку в клубок. А затем почувствовала порыв горячего, пахнущего апельсинами, ветра.

- Стой! - верещал издали Ариман. - Я дам тебе всё, что захочешь!

- Гамаюн, - позвала я, не глядя на него.

- Да, хозяйка, - подскочила ко мне птица.

- Идём в Правь. Нас ждёт одно небольшое дельце.

Глава 22

Глава 22

Иван

Открыв глаза, я вновь увидел Линглесу. Плюясь черной слюной и шипя, как вода на сковородке, он дергал за ремешок, на котором висел камушек, подаренный Куксой. Сам камушек он старался не трогать.

Кроме полумёртвого мальчишки рядом никого не было, хотя я смутно помнил чьи-то голоса, споры... Кто-то, пребольно щипая, пытался меня разбудить... Впрочем, я знаю только одного человека, умеющего так виртуозно щипаться. Машка.

Кроме щипков я помнил еще кое-что. В ушах глухо застучало, а щекам сделалось жарко. Поцелуй. Его я помнил отчетливо, словно и не спал вовсе. ДО него всё было, как в тумане, как в мутном невкусном киселе. Но зато ПОСЛЕ... Машка разбудила меня поцелуем!

Вскочив, я опять стукнулся макушкой о каменный потолок. Уй... Аж искры из глаз посыпались.

- Ма-аш? Маша... Ты здесь?

- А вот и нет, а вот и нет, - срывающимся голосом пропищал Ариман. - Девчонка тебя бросила, бросила. И ты здесь сгниёшь, сгниёшь... Обитель Мёртвых душ никого не выпускает. Так и будешь сидеть-сидеть, забывая, как дышать, как думать... Как Быть. И про тебя все забудут. Уже забыли.

- Если она здесь была, а потом ушла - значит, выход всё-таки есть?

- Она живая, а живым здесь не место.

- А я что, мёртвый?

- Ты - почти мёртвый.

- Но я же не сплю!..

- Откуда ты знаешь?

Я схватился за грудь. Полез под косоворотку... Всё было на месте. И макаронина - подарок его преподобия отца Дуршлага, и крестик - подарок бваны, и ожерелье из зубов росомахи - подарок одного лешего из лесов под Калугой...

Меня Лумумба научил: чтобы понять, спишь ты или нет, нужно иметь при себе что-то, о чем будешь знать только ты. Какую-нибудь мелочь, памятную вещичку... У наставника, например, был волчок.

У меня - макаронина на цепочке. Ариман о ней не знал, а значит, сейчас я не сплю.

Колдун, не замечая перемен в моём настроении, злобно хихикал, обнажив пустые чёрные десны. Тело несчастного мальчишки разлагалось на глазах...

- Теперь ты обречен, Бокорван. Не будет тебе ни звезд ни солнца, ни воды ни ветра, ни земли ни пепла... Не коснешься ты ни низа ни верха, ни Нави ни Прави, ни Того света, ни Этого. Не будет тебя ни потом ни сейчас, ни в прошлом, ни в будущем...

Посмотрев на Аримана, я тяжело вздохнул.

- Я бы испугался... Нет, честно. Не будь ты так жалок и беспомощен, я бы испугался. Тело твоё разваливается, в меня ты переселиться не можешь. А больше никого и ничего здесь нет. Так что ни дна тебе, ни покрывки.

Сев для удобства на колени, я стащил через голову камешек и начертил им в воздухе прямоугольник. Тонкая полоска налилась светом, стала толще, открылась... И тут я задохнулся: Ариман, набросив мне на шею удавку из красной молнии, затянул её до предела.

Святой Макаронный Монстр! Я снял сейд! Совершенно не думая, просто для того, чтобы было удобнее им действовать.

И Ариман был тут как тут. Правильно меня Машка обзывала: дубина я сторосовая.

В глазах темнело. Ариман, побряхтывая, затягивал удавку. Ему удалось обмотать красной молнией не только мою шею, но и руки. Они онемели и я увидел - не почувствовал - как камешек вываливается из ладони на пол...

- Ага! - победно закричал Ариман, - теперь ты мой!..

И тут дверь, которую я нарисовал, отворилась. С той стороны.

- Ну наконец-то, - сказал, входя, бвана. - А то мы ждем, ждем...

С Лумумбой были Т'чала в образе ягуара и Ананси. В образе паука. Во всяком случае, я надеюсь, что это был Ананси, а не какой-то другой представитель паукообразных. В смысле, что он такой - один. И не надо ждать нашего. Ой, я что-то запутался. Наверное, от недостатка воздуха.

- Ну, как ты тут? - буднично спросил наставник. - Не заскучал?

- Хр-р-р...шо, - выдавил я сквозь удавку. - Свсм... н скшн...

Что характерно: бване потолок нисколечки не мешал. Он стоял, как Наполеон на Эльбе: заложив руку за отворот сюртука и государственно оглядывая поле боя.

Никакого желания помочь мне, своему ученику, он не проявлял.

К счастью, Ариман отвлекся на гостей и улучив момент, я смог ухватить красную молнию руками. Она кусалась, как зараженная бешенством анаконда, но я терпел. И молча наматывал её на кулак. А смотав всю, без остатка, слепил в большой огненный шар и со всей мочи запустил им в Аримана.

Не попал.

Мальчишка неведомым образом оказался на потолке. Длинный хвост светлых нечесаных волос свесился вниз, но ладони и колени его приклеились к камню, как у геккона. Показав мне черный язык, Ариман бодрой рысью поскакал вглубь пещеры.

- А вот это непорядок, - буркнул Лумумба. - Ваня, лови его.

- Может, пускай бежит? - устало спросил я, в очередной, триста двенадцатый раз, потирая стукнутую макушку. - Пацан, в конце концов, не виноват...

- И за это ты хочешь оставить его на растерзание злому колдуну? Добрый мальчик.

- И ничего я не хочу, - заартачился я. - Просто... Убивать его - как-то неправильно.

- Ты его прежде поймай, - сердито буркнул учитель. - К тому же, Аримана можно изгнать.

Об этом я как-то не подумал. Свыкся с тем, что безумный подросток - это и есть злой колдун...

- В два касания? - деловито спросил я, усаживаясь по-турецки и разогревая ладони.

Учитель встал за моей спиной и скомандовал:

- ХИТО. ФУТО. МИ!

Как только побежденный, но не сломленный колдун упал к нашим ногам, Ананси выстрелил паутиной и ловко упаковал его в аккуратный свёрточек. Как куколку.

Вот и всё. Сказочке конец. А кто слушал...

- Можно, мы теперь уйдем? - устало спросил я. - Надоело, знаете ли, об потолка стучаться.

- Дверь открыта, - пожал плечами Лумумба, и взвалив свёрток с Ариманом на плечо, шагнул за порог. Я поспешил за ним.

Навь встретила, как родных: спёртым душным воздухом, тучами гнуса и зубастыми паршивцами - один из них, в знак приветствия, тут же вцепился мне в ногу пониже колена.

- Широка страна моя родная, - продекламировал я, отрывая паршивца вместе с изрядным куском мяса. - Много в ней лесов, болот и рек... А также пауков, мокриц и других милых животных, - я брезгливо отбросил паршивца. - Бвана, почему мы не пошли сразу в Правь?

Нет, вы не подумайте. Для меня Навь - дом родной. Но и на улицу иногда выйти хочется...

- Надо освободить Линглесу, - сказал наставник, опуская ношу на относительно сухую кочку.

- Да я что? Разве я возражаю? Ну и что, что он хотел вас убить. Подростки, они такие... Вечно хотят изничтожить старый мир, чтобы на его костях построить новый... С годами это проходит.

- С годами многое проходит, - как-то печально кивнул бвана. - И любовь, и дружба, и яблонь белых дым...

Что это? Очередной приступ меланхолии, или... Я присмотрелся к учителю.

Перо на треуголке - будто только что из петушиного хвоста. Сапоги начищены до блеска. Сюртук - минуту назад с витрины сняли. Но зато глаза... Глаза у бваны усталые. Волосы, заплетенные в короткую косицу, растрепались, в уголках рта залегли горькие складки, да и руки легонько, почти незаметно, но подрагивают.

- Бвана, что с вами было? - спросил я изменившимся голосом.

Стало стыдно. Я значит спал, сопел в две дырки, а учитель, чтобы до меня добраться, с половиной Нави сразился...

- Ты помнишь, кто тебя усыпил? - спросил, глядя в сторону, наставник.

- Ну... Мама водички поднесла, - до меня начало доходить. - Выходит, Лоа

нам вовсе не друзья? Выходит, вы с ними поцапались?

- Поцапались... - наставник потрогал царапину на щеке. Она была нанесена будто ногтями. - Очень точное определение.

- Бва-а-ана-а-а... - заревев, я бросился Лумумбе на шею. Стиснул в объятиях, оторвал от земли и сдавил еще сильнее.

Наставник меня любит! Он дрался за меня с родичами, он никогда, никогда, никогда не хотел от меня избавиться! Плевать на ссоры. Бвана считает меня своим другом и может быть, почти сыном...

- Поставь меня на место, дуралей, - пропыхтел Лумумба. - Ты мне ребро сломал.

- Простите. Это от избытка чувств.

- Вот правильно говорят: сила есть, ума не надо...

И совсем не обидно. Нет, правда! Я ведь видел, что ему приятно: даже щеки порозовели.

- Кстати, - я смущенно поковырял носком кроссовка влажную землю. - А где Машка? - может быть там, в пещере, она мне приснилась?

- На задании. Мы её в Правь послали.

- Одну?..

- Почему одну? С Гамаюн.

- Ну конечно. Это меняет дело! Две гангрены в одном лукошке - то-то радости...

- Им будет не до ссор. Во всяком случае, пока Кольцо не окажется в жерле Килиманджаро.

Я где стоял, там и сел. Час от часу не легче...

- Хотите сказать, что отправили Машку одну-одинешеньку, не считая вороны, через африканские джунгли к вулкану?

- Джунглям ничего не сделается, - отмахнулся учитель. - К тому же, они не пошли, а полетели...

Закрыв лицо руками, я уткнулся в колени.

Я ведь совсем забыл про Мертвое Сердце. Забыл, зачем изначально нас послали в Африку, - я вздохнул. - Уж послали, так послали...

- Что будем делать? - спросил я, немного придя в себя. - Могилки рыть? А чего? Как раз до вечера время есть...

- Не паникуй.

- Но она - не маг.

- И это замечательно! - рявкнул учитель так, что я подскочил. - Помнишь, что случилось с магами, которые прикасались к кольцу?

До меня начало доходить.

- Раз она не маг, то ей абсолютно пофиг...

- Точно. Для неё это не артефакт. Так, безделка самопальная. Фигня на палочке... А теперь соберись. Нам предстоит извлечь из тела Линглесу душу Аримана. В ином случае, как только кольцо упадет в магму...

- Парнишка погибнет вместе с ним.

- А это будет несправедливо, как ты недавно подметил.

Я, стараясь не обращать внимания на сарказм, посмотрел на сверток. Его

охраняли Ананси и Т'чала. Слава Макаронному монстру, в своей звериной ипостаси. Я хочу сказать, полемики и без них хватало...

Свёрток дернулся. Я вздрогнул.

Ариман вдруг принялся брыкаться, как червяк на крючке и Ананси, зашипев, приготовился ударить. На кончике когтя повисла капля яда...

- Погоди, - крикнул я. - Яд убьет Линглесу.

- Поздно, - сказал наставник, тоже глядя на сверток.

Белые нити паутины рвались одна за другой. Из-под них исходил черный свет - другого слова я и не подберу. Это были несомненно лучи, но лучи чёрные, как сама тьма. Антисвет. Они, как ножом, взрезали оболочку кокона, из которого выполз... вовсе не Линглесу, а маленький, мне по-пояс, карлик.

Я прерывисто вздохнул.

- Не вини себя, - тихо сказал наставник. - Мы сделали всё, что могли. Просто не успели.

- Зато теперь Ариман - это всего лишь дух, - мрачно кивнул я. - А с духами я обязан поступать, согласно штатного расписания.

- Приступай, Проводник, - пригласил Лумумба и отошел в сторону.

Я повернулся к колдуну. Кожа его была чёрной, как расплавленная смола. Руки опущены вдоль тела, босые ноги зарылись пальцами в траву. На нем ничего не было, кроме обрезанных до шорт штанов-хаки, и на голом животе отчетливо выделялась татуировка. Оскаленная голова ягуара. Она была серой, как холодный пепел, и только глаза зверя светились непримиримым желтым огнем.

Сделав несколько глубоких вдохов, я приготовился исполнить свой долг. Прикрыл глаза, нащупывая тоненькую ниточку Пути...

Золотая вспышка сбила с ног. А затем, прижав широкими лапами к земле, оскалилась и зарычала в лицо.

Я было решил - это Т'чала. Ведь зачем-то он крутился вокруг нас всё это время... Но ягуар, основательно заплевав мне лицо, встал на задние лапы и... принял облик высокой красотки. Совершенно обнаженной, эбеновой и ослепительно прекрасной.

- Цезария! - опередил мой возглас бвана. - Цезария, подумай хорошенько.

- Я не могу, - простонала та. - Вот уже десять лет я не могу думать ни о ком, кроме моего мужа, и чувствовать ничего, кроме огромной утраты, - она прижала руки к груди. - Вот здесь, где раньше билось моё сердце - дыра. Я готова на всё, чтобы вернуть его.

Тем временем черный коротышка, недобро усмехнувшись, встал рядом с Цезарией и погладил ту по голой спине. И, хотя прикосновение было призрачным, по телу женщины пробежала дрожь.

- Муж мой, - сказала она, прикрыв глаза. - Наконец-то мы вместе.

- Почему так долго? - сварливо спросил Ариман.

- Я... не могла, - опустила глаза красотка. - Меня не пускали. Но я сумела вырваться...

- Ты почти опоздала.

Цезария сломленной веточкой упала к его ногам.

- Я всё исправлю, любимый. Вот увидишь.

- Мама! - рядом с Лумумбой встал Т'чала. Тоже совершенно голый. Нет, я понимаю: жара, Африка, но надо же и совесть иметь... - Ты же знаешь, он тобой управляет. Борись!

Ариман злобно зыркнул на молодого ягуара, но затем улыбнулся и вновь коснулся Цезарии..

- Ты не понимаешь, сынок, - тут же сказала она, пряча глаза. - Он твой отец, ты должен любить и почитать его...

- Я его очень люблю и глубоко почитаю, - серьезно кивнул Т'чала. - Как отца. Но я - не он. Мы другие, мама! Мы с М'баку не хотим убивать для того, чтобы жить.

Вся лень, весь угарный травяной расслабон осыпались с Т'чалы, как черные пятнышки с желтой шкуры. Глаза его смотрели хладнокровно и трезво, черты лица заострились и отвердели.

- Иди сюда, мама, - он протянул Цезарии руку. - Ты же чувствуешь: он пьет твою силу. Он убивает тебя.

- Я хочу вас защитить! - крикнул Ариман. - Я делаю это для вас.

- Неправда, - мотнул косичками Т'чала. - Ты хочешь, чтобы тебе поклонялись.

- Только так можно быть уверенным! Только так можно быть спокойным, что твоим близким ничего не грозит! Чтобы чувствовать себя в безопасности, нужно быть сильнее всех. Я дал вам силу. Я сделал вас непобедимыми.

- Ты сделал нас хищниками, - тихо сказал Т'чала. - Ты внушил нам жажду крови, желание преследовать добычу, играть чужими жизнями...

- И это чувство прекрасно, - оборвал его Ариман, поглаживая распущенные волосы Цезарии. - Власть над другими - что может быть лучше?

Т'чала повернулся к Лумумбе.

- Он так ничего и не понял, - сказал ягуар. - Ступив в царство мертвых, став призраком, бестелесной тенью, он так ничего и не понял. Он безнадежен.

- Ты в этом убедился, - кивнул Лумумба.

- Я разрешаю вам поступить с моим отцом так, как должно, - сказал ягуар и отвернулся.

- Нет! - закричала Цезария. - Не надо, сынок...

Неожиданно Ариман, вытянувшись красной плетью, бросился к Т'чале и, обвив его шею, принялся душить. Совсем, как меня.

Я возмутился. Нет, ну это уже ни в какие ворота не лезет. Собственного сына!..

Хорошо всё-таки, что у меня нет родственников...

Желая помочь Т'чале, я схватился за красную плеть. Хорошо так схватился. Обеими руками.

Отбросило меня метров на десять. Благо, что в мягкую болотную жижу. Рука онемела до самого плеча, на языке осел налёт из раскрошенных зубов. А бо-

лезненный комок, в который превратились внутренности, очень просился наружу.

- Что ж ты, падаван, - бвана участливо приподнял мою голову, помогая прийти в себя. - Второй раз на те же грабли.

- Я думал...

- Я тоже думал. Оказывается, совсем не о том, о чем нужно.

- Так что, в три касания? - деловито спросил я, садясь в болотной жиже и закатывая рукава.

- Отставить, - Лумумба отвесил мне затрещину.

- А что? - не иначе, удар эдак в миллион эктоплазмовольт сказался на моих умственных способностях.

- Ариман сейчас - чистая энергия. Обычные фокусы-покусы с психополями здесь не годятся.

Т'чала тем временем сопротивлялся. Повалившись на колени, закатив глаза, он раскачивался, не давая Ариману присосаться как следует. Но было видно, что сил у него всё меньше.

Цезария заламывала руки. Не осталось и следа от той царственной богини, что встретила нас в Бумбе. Была лишь несчастная сломленная женщина. Её взгляд затравленно, почти безумно метался от мужа к сыну.

- Жена! Помоги мне, - повелительно прогремел Ариман, вновь став чёрным коротышкой.

Цезария неуверенно поднялась на ноги.

- Мама!.. - прохрипел Т'чала. - Не вмешивайся. Я сам...

Ариман, тем временем, набирался сил. Он рос, становился всё более материальным, зато Т'чала утрачивал телесную сущность прямо на глазах.

- Сын! - закричала Цезария и бросилась к ягуару, но Ариман, оторвав одну руку от шеи Т'чалы, схватил её за волосы и дернул к себе.

- А-ха-ха! - закричал он. - Я снова непобедим!

- Ой, да ну вас... - проворчал я, с чмокающим звуком покидая болото. - Развели тут Санта-Барбару...

Капая болотной жижей, я подошел к Ариману и что есть силы врезал в ухо. Тот только мотнул головой. Нет, честно... После моего удара даже медведи падают. А этот...

- Отойди-ка, падаван, - бвана тоже засучил рукава. - Тут твоя тактика не годится. Тонкоты ей не хватает...

Приняв позу богомола, наставник подпрыгнул на добрых полтора метра и выбросив ногу, ударил Аримана носком в висок. Чёрный колдун пошатнулся и выпустил Цезарию. Т'чала тоже повалился мордой в траву.

А Лумумба, не давая передышки, наскокивал на колдуна. С воплями К'я!, Банзай! и Но Пасаран! - он выбрасывал ему в голову то пятку, то ребро ладони, то, с разворота, лупил основанием стопы... Ариман не оставался в долгу. Он был шустрый, как макак, и мог подпрыгивать, отталкиваясь от земли и руками и ногами, на невероятную высоту. Вopil он совершенно нечеловечески...

Нас в Академии рукопашке тоже учили. И Каратэ-до и каратэ-после, и Ай-

ай Кидо в стиле пьяного муравья... Но бой, устроенный Лумумбой и Ариманом, мог по праву войти в учебники Шаолиня.

Вдруг Ариман, уклоняясь от очередного выпада бваны, взлетел на пальму. Оттолкнулся от упругого листа и перелетел на другую.

- Уходит! - закричал я. - Хватай его, Василий М'бвелевич!

Лумумба одним прыжком оказался на макушке пальмы. А затем, едва отталкиваясь носками сапог от ветвей, погнался за колдуном. Нам на головы полетели кокосы, бананы и прочий мусор.

- Не уйдет, - зло процедила Цезария, обернулась пятнистой кошкой и рванула за Ариманом. Я так и не понял, о ком это она...

Г'чала, не пожелав оставаться в стороне, тоже перекинулся и обдирая когтями кору, полез на пальму.

Я остался один. От нечего делать огляделся, почесал нос, пошарил в карманах... М-да. В школе, где Лумумба преподаёт, мне еще учиться и учиться.

А пока только и остаётся, что наблюдать, как наставник, в стиле крадущегося тигра, порхает по макушкам высоченного бамбука...

Ариман не сдавался. Он пускал в бвану черные стрелы, красные молнии, желтые файерболы... Лумумба ловко уклонялся от магических атак и подбирался всё ближе. К сожалению, когда он, улучив момент, набросил на колдуна своё синее лассо, тот со смехом порвал путы и убежал.

- А, вот вы где...

Из-за стволов показались Маман Бригитта и Эрзули. Обе изрядно потрёпанные. Мама где-то потеряла платок и теперь было видно, что волосы у неё, заплетенные в миллион косичек - совершенно седые. У Эрзули размазался грим, и теперь её лицо выглядело не устрашающе, а просто жалко.

Я попытался незаметно, носком кроссовка, очертить вокруг себя защитный круг.

- Не бойся, малыш, - ласково сказала Мама. - Мы тебя не обидим.

- Зарекалась свинья в грязь не лезть.

- Мы пришли помочь.

- Интересно, кому? - нога всё время застревала в спутанной траве, предательских корнях и ямах. Круг никак не хотел замыкаться.

- Легбе, конечно. Мы поняли свои ошибки.

- К тому же, Ариман первым нарушил условия сделки, - встрял, появившись из воздуха, как Чеширский кот, Ананси. Сменив, между прочим, личину мерзкого паука на личину продувной бестии. - Тем самым создав прецедент и освободив их от слова...

- Врёшь, - сказал я. - Просто вы поняли, что мы побеждаем. И решили присоединиться.

- Ой, да какая разница, - нетерпеливо дернула плечиком Эрзули. - Главное, мы хотим помочь.

- Фигушки, - я неуверенно покосился на бвану. Тот застыл на самой верхушке пальмы, раскинув руки для равновесия. - Я вам, дамочки, ни на грош не верю.

- Они помогут.

Новый собеседник был массивен, сер и в дымину пьян. Вяло обмахиваясь ушами, он опрокинул над пастью бутылку и винтом всосал содержимое.

- У них нет другого выхода, - Бумба обозрел ведьм через крошечные очки. - Нарушив слово, данное двадцать лет назад Легбе, Лоа сами выкопали себе яму. Сделка есть сделка.

- Здравсте, вашвеличество, - я, не отрывая взгляда от наставника, сделал неуклюжий реверанс. - Какими судьбами?

- Мировыми, какими еще?

Внимательно оглядев бутылку и убедившись, что она пуста, слон философски вздохнул и принялся мельчать. Он усыхал, становился всё меньше, пока не достиг размеров комнатной собачки. Только уши остались прежними. Махнув ими, как крыльями, король взлетел и закружил вокруг Аримана, обстреливая того крошечными молниями.

Ведьмы тоже преобразились. Мама стала неповоротливым бегемотом, а Эрзули - затянутой в кожаный латекс красоткой. Вскочив на бегемота верхом, красотка дала ему шенкеля и подняла в воздух.

Зрелище, я вам скажу, не для слабонервных. А если его в воздухе прослабит?

Схоронившись на всякий случай под пальмой, я посмотрел на Ананси.

- Может, метнешь паутину, или еще что? - я вздрогнул, когда Ариман, запустив красный шар, прицельно сбил крошечного слоника. Слоник, заложив крутой вираж, пошел на бреющем, задевая ветки пальм, но затем выровнялся и набрал высоту.

- Я не боец, - брезгливо поморщился Ананси. - Я, скорее, менеджер. Но если ты так уж просишь...

- Стой! Сделку заключать не будем.

- И не надо. Хватит той, что у меня с твоей напарницей.

- Что-о-о? - заорал я, как больной носорог, но Ананси исчез. А через секунду мне с ветки помахал крошечный паучок...

Ладно, фиг с ним. Говорят, маленькие пауки - самые ядовитые.

Ариман уже не скакал ни по каким верхушкам. Он просто висел в воздухе, отрывал от неба громадные куски, комкал их, как мокрую бумагу и бросал в противников. Где-то над ним ревел бегемот, женский голос непрерывно, на одной ноте, читал заклинания, в Аримана летели зубастые жабы, многоногие змеи и страшные, величиной с волкодава, мокрицы. Всё это скатывалось с колдуна, как с гуся вода.

По стволам метались две желтые молнии - Цезария и Т'чала пытались дотянуться до родственника.

Рядом со мной, практически на том месте, где я стоял, открылся портал. Из него вышли Сет, горбоносый Роман-заде и...

- Здра-а-астье... - одновременно я попытался пригладить пятерней вихры, заправить рубаху и встать по стойке смирно.

- Вольно, стажер. Доложите обстановку.

Всякого можно было ожидать. И богов, и героев и явления народу Макарон-

ного монстра... Но чтобы Он? Сам, собственными ножками...

- И-ик...

- Оставь парня в покое, - попросил Товарища Седого Роман-заде. - Не видишь, у него столбняк. А обстановка и так у нас перед глазами.

- Вижу, - буркнул главный маг страны и сняв картуз, утёр пот с лысины большим, в синюю клеточку, платком. - Ну и жара здесь. Упарился, как варёное поросё...

- Отвык от оперативной работы, - посочувствовал архимагу Роман-заде. - Ничего, мы недолго.

С небес спустился Лумумба.

- А, это вы, - кивнул он, как ни в чём ни бывало. - Подключайтесь. Он уже теряет силы.

- Отлично, - потёр руки Товарищ Седой. - У меня через полчаса совещание.

Всё выглядело так, словно было спланировано заранее. Я покосился на Лумумбу - тот только подмигнул - а чего ты, мол, хотел? - И встал рядом с Сетом.

- Становись рядом, стажер, - пригласил Товарищ Седой. Я, ещё ничего не понимая, подчинился.

Из лесу вышли Эрзули с Ананси - в своём нормальном виде, за ними - Цезария, поддерживаемая Т'чалой. Слава монстру, одетые. В арьергарде, неторопливо переваливаясь, шагали Бумба с Мамой.

Кивнув друг другу, они все - даже Цезария - выстроились большим кругом.

- Кто поведет? - спросил Лумумба.

- Давай ты, - ответил Седой. - Ты всё это начал...

- Мне и заканчивать, - кивнул наставник и бегло оглядел наш импровизированный ковен. - Итак, господа маги... В три касания. По моей команде... Давайте! КЮ. ДЗЮ. НИДЗЮ.

И мы дали.

Ариман, заключённый магами в клетку Фарадея - такую же, как на стадионе в Бумбе, но поменьше, - метался, как шаровая молния. Он искрил, ругался, пытался грызть прутья... Но мы держались. Минут десять.

А потом... Я увидел, как прутья клетки стали разжиматься. Напрягся, поднатужился - и закрыл дырку. Но в другом месте образовалось уже две, затем - три дырки...

- Как твой младший падаван? - сквозь треск помех бросил Товарищ Седой Лумумбе. - Успеет?

- Железобетонно, - кивнул наставник. - С ней Гамаюн.

- Ну, если Гамаюн... - на лице архимага отразилась некоторая борьба чувств. - Тогда поднажмем.

- САНДЗЮ. ХЯКУ. СЭН! - крикнул наставник.

Мы поднажали.

Эрзули пошатнулась - её подхватила под локоть Мама.

Сет, кажется, стал еще меньше, но упрямо, не моргая, сверлил взглядом Аримана.

Цезария смотрела спокойно, не мигая, только вертикальные зрачки её желтых глаз сузились до тонких щелочек. Вот она вздрогнула, схватилась рукой за сердце - Т'чала не глядя протянул руку, но Цезария её оттолкнула. Выпрямилась. Взгляд она не отвела ни на мгновение.

Роман-заде с Товарищем Седым стояли, как два тополя, и не сводя глаз с Аримана, перебрасывались редкими замечаниями.

Бумба, казалось, спал стоя. Только посверкивающие стёклышки очков говорили о том, что глаза его открыты и взгляд устремлен куда надо.

У меня затекли веки. Под них будто насыпали тонны песка. Я старался не обращать на это внимания и тоже смотрел, смотрел...

Конечно, опыта у меня не так много, как у магистров, но и мы в Академии постоянно повышали квалификацию игрой в гляделки. Чемпионом я не был, но на солнце мог смотреть, не моргая, минуты три...

- Он сейчас вырвется, - буднично сообщил Роман-заде.

- Не вырвется, - так же спокойно ответил Лумумба. По щеке его, я видел краем глаза, скатилась капля пота.

- Помощь нужна? - нового участника Марлезонского балета я узнал по голосу.

Суббота. Чтоб его.

- Присоединяйся, если хочешь, - небрежно пригласил наставник. - Мы почти закончили.

- Ну, если ты настаиваешь...

Я ощутил запах дорогого одеколона, когда брат Лумумбы встал рядом. Видать, пижонство - это семейное.

С приходом Субботы, как ни странно, дело пошло на лад. Ариман перестал метаться и искрить. Он замер в центре клетки, что несказанно облегчило нам работу и дало поистине бесценный отдых глазам.

Не сговариваясь, мы начали сужать площадь поражения.

Ариман завыл.

- Ну... Давай, милая. Бросай, - скомандовал Лумумба кому-то за пределами видимости, и только тут до меня дошло, что всё время, пока мы сражались, он поддерживал ментальную связь с Гамаюн.

Ариман взвыл особенно безутешно, а затем сжался в футбольный мяч, в яблоко, в маковое зернышко и... исчез. На месте черного мага осталось зыбкое облачко, которое приняло очертания головы ягуара. Через минуту рассеялось и оно...

Я с упоением зажмурился.

Цезария беззвучно плакала - все делали вид, что у неё просто слезятся глаза.

У меня действительно слезились глаза. Но все подумали, что я плачу...

Маги - вся дюжина, не считая меня - собрались над тем местом, где почил

Ариман. От него осталось не так уж много: несколько капель эктоплазмы, которые Цезария с Т'чалой заботливо придавили тяжелым камушком. И пустили через него ручей. И посадили сверху араукарию - словом, предприняли все меры, чтобы затруднить духу колдуна выход в этот уровень Нави...

...Тень Линглесу, забытая на время битвы, покачивалась над землей неподалёку. Я подошел.

- Вот, такие дела, брат. Прости, что мы не успели.

- Почему вы старались меня спасти?

Ну как ему объяснишь? Такие вещи нужно научиться понимать самому... Только для Линглесу время учебы закончилось.

И тут меня осенило.

- Слушай, я отправлю тебя в одно место...

Тень испуганно отшатнулась.

- В Царство мёртвых? Шеол? Аид?

- Да нет же, нет... Это называется Зона. Ты там будешь... Почти как живой.

- Почти? - парнишка смотрел на меня, как дикий волчонок.

- Понимаешь, это такое место... Еще не Навь. Но уже и не мир живых. Там хорошо... Нет, правда. Там люди живут. Там ты себя не забудешь.

- Ладно, - с сомнением кивнул Линглесу. - А... что ты за это хочешь?

- Да ничего...

Я открыл Дверь. На нас пахнуло прохладой, оленями и ягелем. Линглесу принюхался, присмотрелся, а затем сделал шаг.

- Да, найди там Илюху Муромского, - вспомнил я. - Скажи, что я тебя прислал.

Линглесу обернулся, кивнул и... пропал. Дверь закрылась.

А я улыбнулся: Илюха быстро научит мальчика жить по понятиям. Так что за эту часть можно быть спокойным...

Эпилог

Эпилог

Иван

Попав в свой кабинет, первым делом Товарищ Седой спрятал аквариум с золотой рыбкой на шкаф. Запер в специальный шкафчик глазастый телефон и накрыл пологом невидимости хрустальный глобус. Машка сникла.

Но главный маг страны не успокоился. Крепко взяв напарницу под локоток, подтащил её к своему креслу, вежливо, но настойчиво в него усадил, а колени припечатал здоровенным томом "Сказок народов мира" с картинками.

И только после этих манипуляций вздохнул относительно спокойно. Думаю, если б ему удалось пристегнуть мою напарницу к креслу наручниками, он был бы совершенно счастлив, и забегая вперед, могу со всей определенностью сказать: если Маша планирует бывать в этом кабинете хотя бы раз в год, необходимым оборудованием Т. Седой обзаведется.

Затем архимаг принялся хлопотать по хозяйству: расчистил стол и бросил на него скатерть, сдвинул в кружок стулья, обмахнул от пыли слоников на полочке...

- Да не суетись ты, - бросил Лумумба, тем не менее усаживаясь на стул. - Мы же не в гости к тебе зашли.

- Хоть чаем напоить позволишь?

Небрежно махнув рукой над серой, кое-где в пятнах соуса и подливки скатертью, Седой примостился рядом с бваной.

- Ух ты, Самобранка! - оживилась Машка, наблюдая, как на столе, из ниоткуда, появляется самовар, вазочка с вареньем, четыре разномастных чашки и кулёк сушек в заводской упаковке.

- Она самая, - скромно кивнул архимаг.

- А мороженого можно?

- Прейскурантом не предусмотрено.

- А что предусмотрено?

- Сушки. И клубничное варенье. Позапрошлогоднее.

Машка философски вздохнула и вгрызлась в твердокаменное, судя по звукам, мучное изделие.

А я всё никак не мог отвести глаз от панорамы за окном. Как мне нравились эти свинцовые, набитые снежной крупой тучи! Туманный, подернутый угольной дымкой воздух над скопищем Московских крыш... Широкие, засаженные тополями бульвары, конные повозки и редкие автомобили, казавшиеся с высоты сто тридцать шестого этажа Останкинской башни спичечными коробочками. Похожие как близнецы высотки, крошечные дворики с качелями и песочницами - всё казалось таким родным, таким... настоящим.

Оказывается, мне очень нравится серый цвет. Серые дома, серый асфальт, серые стволы деревьев, серая одежда прохожих... Красота, да и только.

Устроившись за столом, магистры продолжили начатый еще в Африке раз-

говор, но я не прислушивался. Так что, когда раздался весьма настойчивый крик наставника, подпрыгнул.

- А? Что? Где пожар?

Машка покатила со смеху.

- Не пожар, дубина, а ты. Дяденьки магистры интересуются, сколько маго-ампер тебе потребовалось, чтобы поднять тираннозавра.

Я только хлопал глазами, в глубине души сгорая от стыда: в кои-то веки главный маг страны обратил на меня внимание, а я ни "му" ни "кукареку"...

- Да ты садись, падаван. Выпей чайку, - Лумумба гостеприимно подвинул стул, в то время как Товарищ Седой наполнял из самовара еще одну чашку. На чашке был нарисован веселый слоник...

Чтобы скрыть смущение, я эту чашку тут же схватил и поднес к губам.

- Негоже старшего лейтенанта падаваном звать, - поглядывая на меня, заметил архимаг.

Я обжегся. Чай брызнул на скатерть.

- Извините, - трясущимися руками я вернул чашку на блюдце.

- Что ты говоришь? Я не расслышал, - бвана, придвинув к себе вазочку с вареньем, принялся культурно, чайной ложечкой, поедать раскисшие клубничины.

- К-х-mmm... - главный маг страны поднялся, одернул китель и торжественно напялил кепку. - За оказанные отечеству неоценимые услуги... - басовитые раскаты вызвали панику среди нетопырей, гнездящихся под потолком, на обширной люстре. - Стажер Иван Спаситель награждается медалью и внеочередным званием старшего лейтенанта.

- Уррра! - закричала Машка и подняла свою чашку в воздух. - Да здравствует Спаситель!

Мы с наставником тоже встали. Пребывая, я подозреваю, в одинаково растрепанных чувствах, чокнулись фарфоровыми чашками, сделали по глотку и сели.

- Поздравляю, - сказал Лумумба. Голос его, правда, от радости не звенел. - Ты теперь полноправный магистр. Можешь свою опергруппу собрать.

Меня будто ледяной водой окатило. Чай вдруг сделался невкусным, будто из соломы.

- А... Как же вы? - я искательно посмотрел на учителя.

- А что я? - Лумумба шмыгнул носом. - Уйду на покой. Мемуары буду писать... "Записки бывшего оперативника".

- Размечтался, - мстительно оборвал его Седой. - "Бывших" оперов не бывает, ПОЛКОВНИК Лумумба... Да, да, ты не ослышался. "Покой нам только снится" - так тебя прозвали курсанты?

Все опять неловко поднялись, чокнулись и выпили за новое звание бваны.

Признаться, за него я был рад больше, чем за себя.

Привычка делать только то, что сам считает правильным, органическое неприятие подковёрных интриг и слава первого бретера АББА не способствовали продвижению карьеры. Так что "полковника" бвана заслужил. Причем, давненько.

- Даже и не знаю, как к вам обращаться, раз теперь вы такие важные господа... - протянула Машка, когда отгремели поздравления и тосты. - С богами пить на брудершафт приходилось, с королями тоже... Но чтобы с "целым" полковником?

- Будешь обращаться к нему "Наставник", "Учитель", а лучше всего - "Отец Родной", - ответил Товарищ Седой. - Потому как ты, Марьяна, официально зачисляешься в опергруппу на должность стажера. С довольствием и окладом.

- Уррра! - опять закричала Машка. А затем, уронив с коленок "Сказки", прыгнула на шею главному магу страны и звонко расцеловала его в бритые щеки. Товарищ Седой, не привыкший к таким вольностям, только ошалело вращал глазами и задуманно кряхтел. - Вот теперь-то мы повеселимся по-настоящему, - мстительно заявила она, спрыгивая с архимага и преданно глядя на бвану. - Правда, Отец Родной?

Лумумба болезненно потёр переносицу.

- В Академию поступить всё же придётся, - смущенно хмыкнув, добавил Товарищ Седой. - На заочный. Так что сессия два раза в год, - он строго посмотрел Машке в глаза. - И экзамены чтоб на пятерки. Под мою ответственность.

Машка с каменным лицом отдала честь.

Честно говоря, я боялся, что Машке запретят оставаться с нами. Скажут, что нужно закончить Академию, пройти испытание Пыльцой... А на это она ни в жисть не согласится.

- Вы решили изменить правила? - тихонько спросил Лумумба. Очевидно, бвану одолевали схожие мысли.

- Нет никаких правил, - пожал плечами архимаг. Мы - организация молодая. Пятнадцать лет. Подросток, да и только. Опыт работы вашей группы показал, что Охотники более необходимы миру, чем мы думали. Да и вообще: иметь в организации людей, близко знакомых с Пыльцой, но при этом - не магов, будет нелишним.

- Ну, - Лумумба пожал плечами и вновь поднялся. - Тогда за АББА.

И только сделав хороший глоток, я понял, что в чашке вовсе не чай...

- Фу, гадость какая, - незамедлительно откликнулась напарница.

По кабинету поплыл запах очень дорогих клопов.

Товарищ Седой хищно принюхался. Затем попробовал. Покатал на языке, задумчиво подняв взгляд к потолку...

- Арарат?

- Курвуазье.

- Зачем?

- Скучно у тебя, - вздохнул Лумумба. - Песен никто не поёт, в пляс не пускается...

- Значит, скучно тебе... - допив коньяк, задумчиво пробормотал Седой. - Ну, это мы сейчас исправим...

Мановением руки свернув скатерть вместе с посудой, скомкав её, наподобие снежка и сунув в карман кителя, Товарищ Седой поднялся. Оглядел нашу

опергруппу, набрал в грудь побольше воздуха и заорал:

- Почему я должен, рискуя собственной репутацией, защищать вас перед Советом магов?

Пахнуло ледяным северным ветром, лицо обожгли солёные брызги, а в ушах раздался зловеший скрип уключин...

- Почему я должен задним числом оправдывать ваши хаотичные и беспорядочные действия?

Лицо Товарища Седого, в обычной жизни напоминающее гранитный бюст члена политбюро, в этот момент больше походило на помидор.

Мы с Машкой переглянулись: только что нас расхваливали, чесали брюшко и кормили вкусной рыбкой, а теперь взорвали под носом пороховой заряд, да еще огрели по затылку кувалдой...

Бвана однако пребывал в самом невозмутимом расположении духа. Выслушав обвинения, он поправил манжеты, снял треуголку и флегматично сказал:

- Я всё могу объяснить.

- Даже почему вы отвергли помощь опытного резидента Роман-заде, а вместо него связались с неблагонадежным и непредсказуемым богом смерти? - свистящим шепотом переспросил Седой. - И почему вы, вместо того, чтобы искать Мертвое Сердце, предавались роняющему честь мундира разгулу в банановой республике? И зачем, в конце концов, разрушили великий памятник древнего зодчества - пирамиду Хеопса?

- Да не мы это, - заревел я, как раненый медведь. Сколько можно, в конце концов?

- Кстати, откуда такие подробности? - перебил мою истерику наставник.

- Есть, есть источники... - Седой, пыхтя, упал на стул. Лицо его уже не было таким багровым, хотя на щеках и сохранились красные пятна.

- По-моему, ему нельзя пить, - шепотом сказала Машка. А я вспомнил один ходивший по академии слух... В общем, Товарищу Седому действительно нельзя пить. Остаётся гадать: бвана, превращая чай в коньяк, забыл о том достославном происшествии, или сделал это специально?..

- Следили за нами через Гамаюн? - спросил Лумумба, когда Товарищ Седой немного пришел в себя.

- Ты и сам знаешь, - поморщился тот. - У тебя полно недоброжелателей. Некая группа решила, что наблюдение будет бесполезным.

- Значит, вы видели всё, что с нами происходит? - спросила Машка.

- Не только я. Весь Совет магов, - Седой вытер шею и лицо обширным носовым платком. - Ваши похождения смотрелись, как лучший сериал всех времен и народов, - голосом его можно было травить крыс. Массово. - Вы даже не представляете, каких трудов мне стоило сохранять спокойствие и делать вид, что всё под контролем... Особенно, когда вы день за днем наливались пальмовым вином в гостях у ушастого диктатора. А затем, неизвестно с какого перепуга, решили играть, - Седой укоризненно посмотрел на Лумумбу. - Мы же договаривались, Вася. После ТОГО случая - ни-ни...

Было видно, что главного мага страны обуревают чувства. Он даже поднялся, со стуком опрокинув стул, и прошелся по кабинету. Семь шагов - туда, семь - обратно.

Телефон за стеклянной дверкой шкафчика тревожно провожал архимага взглядом, часы-ходики на стене - тоже, и только рыбка, тихонько посмеиваясь, безмятежно взмахивала красивыми плавниками.

- Вообще-то у меня был план, - сказал Лумумба.

- Да что ты? - Седой вновь уселся и заинтересованно сложил руки перед собой. - Может, расскажешь старому другу, почему он не удался?

- Как это не удался? - бвана заговорщицки подмигнул рыбке. - Всё сложилось тютелька в тютельку.

Я мстительно порадовался. Архимагу пришлось сейчас испытать ту бездну противоречивых эмоций, которые я испытывал рядом с Лумумбой по сто раз на дню.

...Когда мы только прибыли в Африку, - начал пояснения бвана, - Я сразу понял, что по уставу - не получится. Опрос свидетелей, сбор улик - всё это пришлось отбросить. Не та страна. Не те нравы.

- Люди, по большому счёту, везде одинаковы, - буркнул Седой.

- Что тебе скажут, если ты вдруг, сотворив пару-тройку рядовых чудес, объявишь себя богом? Перуном, например. Или Велесом. Со всеми вытекающими: алтарями, жертвами, ритуалами...

Седой честно задумался, сложив руки на животе и крутя указательными пальцами.

- Ну, через пять-десять лет, если бы я доказал соответствие занимаемой должности... Управление погодой, исправный прирост урожая ну и... что там ещё этому Велесу положено.

- Пять-десять лет, - кивнул наставник. - Да и то - с кучей оговорок.

...В Африке - всё не так. Там люди привыкли жить внутри мифа. Пирамиды, звероголовые боги, тайные храмы в джунглях, лоа, бокоры - были там всегда.

Конечно, Распыление всё изменило. Но... ТАМ люди были к нему готовы. Сама земля там пропитана мифом.

Доказано, что магией управляет палеокортекс, правильно? То есть, самые древние инстинкты и рефлексы... И учитывая, что Африка - это колыбель человечества...

- Ты хочешь сказать, что люди на Африканском континенте более восприимчивы к мифотворчеству, а значит, и к магии, - заключил Седой.

- В общем, да, - кивнул Лумумба. - следующий шаг - претворение законов мифа в жизнь. Правило "трёх", правило "дюжины" - когда мы бились с Ариманом, оно проявило себя во всей красе... Но меня интересовало так называемое "правило удачи".

- Поясни, - бросил Седой.

- Удача - дама капризная. Как это ни парадоксально, она не любит счастливыхчиков. В сказках удача достаётся кому?

- Бедным Золушкам, Крошечкам-хаврошечкам и Иванам-дуракам, - как на уроке, перечислила Машка.

- То есть тем, кто по-настоящему в ней нуждается, - кивнул Лумумба. - В сказках один шанс на миллион - обязательно срабатывает.

У меня в голове громко щелкнуло.

- Вы намеренно понижали наши шансы найти Мёртвое Сердце! - гаркнул я до того, как сообразил, что говорю вслух.

- Bravo, старший лейтенант. Звание прибавило вам сообразительности.

По тону наставника я понял, что догадаться об этом должен был самостоятельно, причем, довольно давно...

- Но... как ты до этого дошел? - спросил Седой. - Нет, я понимаю: сказки, мифы... Но всё-таки, магия - это прикладная наука.

- Я и применил научный метод определения шанса, - сказал, сложив ладони домиком, Лумумба. - То есть, погадал.

- "Серенький козлик"! - просветлел лицом архимаг.

- Твою теорию игр я подкрепил своей гипотезой об универсальности мифа, - кивнул учитель. - Добавил теорему Толкиена - Проппа... И высчитал, что шансы были - четырнадцать миллионов шестьсот двадцать пять к одному. А это для нас - слишком много.

Мы - я, Машка и Товарищ Седой, - смотрели на Лумумбу, как на Будду. Он, мол, уже постиг ход вещей, да и окаменел от собственного величия. А что делать нам, простым смертным, непонятно...

- Ну хорошо, давайте на примере... - сжалился новопросветленный Будда. - Вот вам надо убить дракона.

- А какие боеприпасы? - тут же заинтересовалась напарница. - Гранатомет? Пулемет Гатлинга? Противотанковые мины?

- Стрела. Деревянное древко, железный наконечник.

- Вообще без шансов. У дракона чешуя крепче стали.

- Был прецедент, когда дракона подбили именно таким образом, - сказал наставник. - Для этого стрелку пришлось стоять на одной ноге. С завязанными глазами. Спинай к дракону. И целить в одно-единственное незащищенное место на брюхе.

- Офигеть, - только и сказала Машка.

- Именно так работает магия, - подмигнул учитель.

- Победить в Игре у нас не было ни шанса. Но мы победили, - сказал я.

- И тем доказали, что мой метод - работает, - кивнул Лумумба. - Всё остальное было легко.

- То есть, Машку вы превратили тоже специально?

- Даже в великих планах что-то идет не так, - развел руками наставник. - Тем более что ты, Старший лейтенант, всё время путал мне игру.

- Да как? Да я же...

- Вот именно. Ты искренне старался сделать всё правильно.

- Да что я такого сделал?

- Ты поймал Линглесу, когда он настиг нас в пустыне.

Моему возмущению не было предела.

- Если б вы поделились со мной вашим "гениальным планом"... - я сделал в воздухе воображаемые кавычки.

- Вот видишь, - мягко упрекнул Лумумба. - ты в него до сих пор не веришь. А что бы ты сказал там, в пустыне?

- Вам нужен был Ариман, а не Линглесу! - нетерпеливо перебил Товарищ Седой. Выглядел он как человек, впервые собравший кубик Рубика.

- А потом он поднял тираннозавра, - вздохнул Лумумба так, словно я учудил что-то неприличное. - Самого крупного хищника на Земле... Под его защитой мы сделали практически неуязвимы, и наши шансы завершить миссию устремились к нулю.

- Поэтому вы ненавязчиво подтолкнули нас к идее путешествовать через Навь? - спросила Машка. - В Нави размер не имеет значения. Каким бы не был огромным Пушок в Прави, на Том свете всегда найдется кто-то покрупнее...

- Устами младенца глаголет истина, - согласился учитель.

- Могли бы просто сказать, что Пушок вам не нравится, - пробурчал я.

В детстве я мечтал иметь щенка. Лопухого, с пятном на морде и одним торчащим ухом... Я бы назвал его Почесун или Пирожок. Но, святой макаронный монстр, как мы тогда голодали...

- Видишь ли, я тогда еще не знал, что ты - главный ключевой элемент всего пасьянса, - вновь развел руками Лумумба.

- Я? Ключевой элемент?..

- Я довольно быстро догадался, что Линглесу охотится за мной - отомстить за смерть отца и всё такое... К тому же, карта "Дурак", её еще называют "Шут", это полностью подтверждала.

- А я думала, это Ванька у нас - дурак, - заметила, болтая ногами, Машка.

- И ты совершенно права, - не моргнув глазом, согласился Лумумба. - Если Линглесу был нужен я, то Ариман нацелился исключительно на Ивана.

- Как тебе удалось не впустить его? - спросил Товарищ Седой, обращаясь ко мне. Честно говоря, я не знал.

- Думаю, он просто не успел... - сказал я не очень уверенно.

- Оберег, - сказала Машка. - Когда я появилась в пещере, Ариман требовал снять с Ваньки камень.

Я полез за пазуху и извлек на свет крошечный сейд, подаренный Куксой.

- Вот эта фиговина и помешала ему занять моё тело?

- А ты думал, круче тебя только крокодильи яйца? Даже во сне? - ядовито прищурилась напарница.

- Береги своё сокровище, старший лейтенант. Оно тебя еще не раз из беды выручит, - заметил Седой. Я правда, так и не понял, о камне он говорит, или о Машке...

- Одним словом, для меня было полным сюрпризом, что не я - первый парень на деревне, - заключил Лумумба.

- А что же вы тогда его рекламировали на всю Африку? - спросила Машка. - То с Субботой спорили, то с Сетом... Да и перед Лоа хвастались, что ваш ученик - крутой, как варёный желток.

- Звезда моя, тебе не приходило в голову, что учитель может хвастаться учеником из чисто эгоистичных побуждений? Мама и Эрзули - мои старые приятельницы, мы не виделись много лет... Неужели зазорно было показать, чего я достиг?

Я решил сменить тему.

- Так вы знали, что Лоа заключат сделку с Ариманом? - спросил я.

- Я надеялся, что до этого не дойдет, что они смогут удержаться, но...

- Зато шансы упали ниже плинтуса, - съехидничала Машка.

- Только до тех пор, пока не вмешался Ананси, - не согласился наставник. -

С появлением короля обмана всё очень запуталось. Честно говоря, в тот момент я и сам уже ничего не понимал.

- Ну а Т'чала? - спросила Машка. - Я думала, его послала шпионить за нами Цезария...

- Так и было, - кивнул наставник. - Она настояла на его участии, чтобы "уравнять шансы" - бвана сделал кавычки в воздухе.

- Но ведь это он спас вас от ведьм, правда? Почему?

- Потому что без меня ни ему, ни Цезарии не удалось бы проникнуть в пещеру Мариматле.

- А я думал, это я открыл вам дверь, - сказал я.

- Ну, ты меня совсем-то за старика не держи, - рассердился бвана. - Всё-таки я - потомственный унган...

- Поговорим о Линглесу, - встрял насупленный архимаг. - Нужно этого парнишку разъяснить.

- А что тут разъяснять? - пожал плечами бвана. - Жалко его, конечно... Да кто ж виноват, что он такой прыткий оказался?

- Не скажи, - главный маг страны достал из кармана кителя пачку "Беломорканал". - Если хорошо поискать, виноватые завсегда отыщутся, - достав папиросу, он постучал её доньшком об основание большого пальца, прямо о синюю татуировку солнышка. - Где, говоришь, он проходчик покупал?

Никто про проходчик не говорил, но бвана послушно ответил:

- В Англии.

- А теперь подумай: ну кто, в здравом уме и твердой памяти, продаст мальчонке уникальное оборудование, которого в мире всего - две единицы?

- И Пыльца, которую, по словам Субботы, он разбрасывал горстями, - добавила Машка.

- И самое главное: откуда он вообще обо всём узнал? - подытожил я.

- Ну, мы тут, чтобы вы не думали, тоже на месте не сидели... - архимаг закурил, выпустил густой клуб дыма и оглядел честное собрание.

...Линглесу, урожденный Жак лё БигМак, появился на свет в Антверпене, за полтора года до Распыления. Произрастал и воспитывался, как и многие дети того времени, в детском доме. В четырнадцать угодил в колонию строгого режима: угон автомобилей, кража частной собственности граждан и незаконная продажа Пыльцы...

Бог шельму метит, - чуть не ляпнул я, но промолчал. Чья б корова мычала... Просто нам с Машкой повезло больше: добрые люди подобрали. Накормили, обогрели...

...Так вот: сразу по освобождении малец покинул родные пенаты и переселился в Англию, где его след потерялся, - говорил Седой. - И объявился уже в

Африке.

- Его намеренно на нас натравили, - сказала Машка. - Но зачем?

- Вот это, господа, вам и предстоит выяснить, - веско сказал архимаг.

- Думаешь, началась Большая Игра? - спросил Лумумба.

- Началась она давно, - пожал плечами Седой. - Я думаю, пора и вам принять в ней участие.

Мы молча переглянулись.

Вот, значит, зачем все эти повышения да внеочередные звания, - подумал я. Простых оперативников в большую политику никто не пустит, но зато полковник М'бвеле и старший лейтенант Спаситель - это совсем другие люди...

- Ваша опергруппа должна вплотную заняться нашим морским соседом, - объяснил Седой. - Не секрет, что Англия регулярно посылает к нам шпионов...

- Для шпионов мы слишком сильно бросаемся в глаза, - тихо заметил Лумумба. - Да и шумные мы, - он покосился на Машку.

- Никто не делает из вас шпионов, - буркнул Седой таким тоном, что становилось понятно: именно этого он от нас и ждал. - Я может, хочу тебя, Василий М'белевич, официальным посланником в Лондон назначить. А заодно... - он многозначительно пошевелил бровями.

Все замолчали, обдумывая перспективы. Я тоже обдумывал. Англия, это конечно не Африка, но ведь и дома надо иногда бывать! Верно я говорю?..

- Думаете, англичане хотели заполучить мёртвое сердце Аримана? - спросила Машка.

- Тайна сие великая есть, - вздохнул Седой. - Исключать этого никак нельзя. Представьте, если б оно к ним попало...

- Да, имперские аппетиты - не то, что у скромных африканских богов, - заметил Лумумба. - Дай англичанам артефакт уровня Мёртвого Сердца - Вест-Индская компания скопищем дедов-Морозов покажется...

За окном раздался приглушенный свист. Нарастая, он быстро переходил в режущий уши вой и явно приближался к нам.

Какие штуки могут летать на такой высоте? - подумал я.

- Фугасный снаряд! - закричала Машка. - Ложись!

Окно осыпалось стеклянным водопадом, а в паркет, проткнув ковёр, воткнулась железным клювом...

Ну конечно. Вы-то, поди, думали: а где это Гамаюн? А что это нашей птички не видать?

Как только вещь птицу извлекли из паркета, и маги - рефлекторным движением брови - восстановили стекло, Гамаюн заплясала вокруг нас.

- Нет, вы видели? Видели? Беззаправочный перелет из Мангазеи в Москву на рекордной высоте!

- Это она себя реактивным самолётом воображает, - тихонько пояснила Машка. - Ей перед полётом к Килиманджаро магистры апгрейд сделали - крылья увеличили, движок подкачали... До сих пор от радости опомниться не может.

- А кстати, как ты... - начал я задавать давно наболевший вопрос.

- А верхом, - с полуслова поняла напарница. - На ней, сердешной. Как взмыли под облака, так и понеслись... Над Килиманджаро - столб дыма, на него и ориентировались. Знаешь, там очень даже миленько: гарь, взрывы, лава раскалённая...

Так мы сбросили колечко в самое пекло, и назад.

- И не страшно тебе было?

- Верхом на сумасшедшей вороне с манией величия? Да нет, что ты.

И тут я почувствовал, что настал тот самый момент. Что, если не сейчас...

- Маш, - я почувствовал, что в голове малиново позванивают колокола. - Я давно хотел тебе сказать...

- Не надо, - глаза у Машки были огромные, зеленые и без единой смешинки. - Я и так знаю.

Она отвернулась к окну. Там, за Москва-рекой, всходило умытое солнышко, заливая радостным светом дома, проспекты, колонну скелетов-дворников: мётлы на плечо, бодрым маршем на уборку улиц...

- Вот наведём везде порядок, выгоним всю нечисть - и наступит тогда рай на земле и благолепие. Тогда и заживём! - с чувством сказал я.

Напарница посмотрела на меня и улыбнулась.

- Эх, дубина ты, дубина... Такой большой, а в сказки веришь.

Конец

Алма-Ата

2020

Читать продолжение "Распыление 4. Британский гамбит или Дело Тёмного Лорда." <https://author.today/work/95336>

Распыление 4. Британский гамбит или Дело Тёмного Лорда.

Глава 1

Глава 1

Труп лежал на самом пороге - я на него чуть не наступил. Довольно упитанный, в рыжем камзоле и чёрных сапожках с зазубренными шпорами.

- Что тут у тебя? - спросил Лумумба, присаживаясь рядом на корточки. - Любопытно... - задумчиво протянул он. - Пруссак обыкновенный, сиречь - таракан, - он измерил насекомое пальцами. - Крупный. Помер совсем недавно.

- С чего вы взяли?

- Кучер упомянул, что особняк готовили к нашему приезду почитай, до самого утра. Сейчас, - он вынул свой любимый репетир из жилетного кармана - восемь без четверти, по аглицкому времени. Думаешь, педантичные британские горничные допустили бы эдакий конфуз на самом пороге? Интересно, от чего он скончался?

Я фыркнул. Мало ли от чего может откинуться таракан. Яд - первое, что приходит на ум. И потом, на него могли банально наступить...

- Видимых повреждений нет, - констатировал учитель. - Посторонних химикалиев... - он хищно повёл носом над трупиком. - Тоже...

- Может, от старости?

Нет, честно: я хотел всего лишь пошутить. И не думал, что драгоценный наставник примет мои слова, как руководство к действию.

Достав из кармана спичку, Лумумба аккуратно перевернул таракана со спины на брюшко и внимательно, через лупу, осмотрел панцирь.

- Судя по цвету и твёрдости надкрылий, насекомое было в полном расцвете сил, - заявил он. - Отсюда вопрос: что его убило?

- Да какая разница?

Признаться, мне уже надоело топтаться на пороге. Устал. Цеппеллин фирмы Бристоль Электрик - это вам не ковёр-самолёт. Летит он неспешно, с британской, я бы сказал, обстоятельностью. И раскачивается, как поплавков на волнах.

На борту имеет около двухсот пассажиров в каютах от первого до третьего класса, а также трюм, набитый простым людом совершенно без счёта.

Всё время перелета через Ла-Манш я переживал: а ну как эта махина подорвётся - ведь одной искры хватит, честное слово, - да и грякнется в холодную воду...

Нет, не уговаривайте и не убеждайте меня, что машины абсолютно безопасны и никогда не взрываются. Ну, почти никогда. Во всяком случае, не слишком часто.

Магия надёжней.

Во всяком случае, если ею правильно пользоваться. И умело управлять. И

иметь достаточно сил для того, чтобы...

В общем, не уговаривайте.

Несколько часов я провёл, тревожно вслушиваясь в скрипы такелажа и вглядываясь в чёрную, подёрнутую свинцовой рябью воду в паре сотен метров за бортом. Такого натерпелся!

Ох, не надо было пить... А всё Машка: давай, говорит, отметим твоё повышение и моё зачисление в кадеты. Вот и доотмечались.

На борт цеппелина бвана меня просто пролевитировал...

- Может ну его, таракана этого, - заныл я. Голова раскалывалась. - Мало ли, какой твари приспичило на нашем пороге издохнуть...

- Не скажи, - добро оскалился Лумумба. - Насчёт этого таракана у меня крупное предчувствие.

- А у меня крупное похмелье. Дилемма однако.

- Никакой дилеммы на самом деле нет, - бвана с хрустом распрямил колени. - Одна только справедливость. Например: я иду пить кофе, принимать ванну и курить трубку, а ты остаёшься распаковывать вещи и - изучать обстановку.

- Но бва-а-ана-а-а...

- Пить надо было меньше, - наставник отечески похлопал меня по плечу. - А за всякое удовольствие надо платить, - величественно перешагнув труп, он направился в глубину устроенных анфиладой прохладных комнат. - И кстати, - наставник слегка приобернулся - проведи надлежащую некробиотическую экспертизу над потерпевшим. И запротоколируй, как положено.

- Есть, - я угрюмо отдал честь.

Спорить бесполезно. Если бвана решил преподать урок - он его обязательно преподаст. Хотя бы и ценой невероятных жертв - с моей, разумеется, стороны.

Прежде, чем приступить к осмотру резиденции и распаковке вещей, я решил провести экспертизу. Некробиотическую. Сиречь - проверить таракана на предмет магии.

Присел - голова сделалась тяжелой, как церковный колокол, захотелось закрыть глаза и устроиться прямо здесь, на пушистом коврикe с надписью "Велкам хоум"... Но я мужественно подавил этот порыв. А затем, преодолевая отвращение, прикоснулся к таракану.

Сахар, сахар, сахар... Вспышка страха, быстрый бег по пересеченной местности, и - темнота...

Вот и все тараканьи мысли.

Сняв энергетический слепок для присовокупления к отчёту, я аккуратно развеял трупик и наконец-то вошел в наше новое жилище.

А началась вся эта катавасия совсем недавно, третьего дня. Нормально пожить мы успели месяца два - половину осени. Заселились в нашу Московскую квартиру, показали Машке город, на учёбу в Академию определили - всё, как завещали Товарищ Седой.

И только начал я отвыкать от кочевой жизни - вызов к главному магу стра-

ны. На ковёр. Честно говоря, я еще и скучать не начал.

Но делать нечего: служба есть служба.

Оказалось, назначение Лумумбы посланником к английскому двору, которое мы считали весьма и весьма отдалённой угрозой, кругами на воде и специфическим чувством юмора главного мага страны, случится вот прямо сейчас.

Нынешний посланник, Барсуков Игнат Степанович, неслабый, кстати, маг и кудесник, помер при загадочных обстоятельствах, а Лондон, со всеми его сэрами, пэрами и королями, ну вот просто ни дня не мог обойтись без представителя Российской империи при своём дворе. Ноближ, как говорят у них тут в Британии, облидж.

Вот Товарищ Седой и ухватился. Езжай, говорит, Василий Мбелевич, и срочно расследуй это запутанное дело, исполни тайную миссию, а заодно уж, между прочим, прими на себя функции русского посланника в туманном Альбионе...

И мы поехали. Машка в Москве, на хозяйстве осталась - семестр заканчивался, и времени только и было, что к экзаменам подготовиться. Ух и возмущалась она!

Но Товарищ Седой остались непреклонны: так как в корпус Машу под его личную ответственность приняли, то её святая обязанность - не посрамить, не ударить в грязь лицом и всецело оправдать. А в Англию она и потом может заявиться. На каникулы.

Отдельно Гамаюн: когда мы только вернулись из Африки, в нашей законной однокомнатной квартирке сделалось чрезвычайно тесно. И тесноту эту создавала одна-единственная птичка.

Во-первых, она выжрала все продукты из холодильника. И новые завозить не имело смысла - они тут же исчезали в ненасытной железной глотке. Во-вторых, она не спала - вообще. И щебетала, щебетала...

Лумумба как представил, что эта известная в узких кругах скандально-механическая личность будет день-деньской у него на голове скакать, так и упал Товарищу Седому в ножки. Фигурально выражаясь, чтобы вы не подумали.

Архимаг на то и голова: в лысине почесал, куда-то позвонил, да и пристроил Гамаюн в Академию, на кафедру левитации, профессором. Читать курс о лётных возможностях маганомалий. С почётным насестом в пределах кафедры и полным казённым довольствием.

Ворона, разумеется, от чести такой чуть от гордости не лопнула, и пустив скучную масляную слезу, пошла преподавать.

Кадеты обрадовались - страсть.

И когда выпала нам с бваной дорога дальняя в казённый Лондонский дом, ворону на совершенно законных основаниях оставили в Москве: кто, мол, экзамены принимать будет?

Жить ей определили вместе с Машкой, на нашей бывшей квартире. Гово-

рю - бывшей, потому как со всей определенностью убежден: останется к нашему приезду от вполне приличной однокомнатной жилплощади одно горелое место...

Распаковкой вещей, как таковой, заниматься не пришлось: нам с бваной в дорогу собраться - что голому подпоясаться. Один саквояж на двоих, и тот с верительными грамотами местному премьер-министру, письмом в Королевскую Академию Магии и Волшебства - лондонскому аналогу АББА, и презентом для королевы.

Об академии магии потом расскажу, а сейчас хочу представить наш особняк.

В таких хоромах нам жить еще не приходилось. С зеркалами, с лебедями... Одних бронзовых канделябров - броненосец можно построить.

Ковров уйма. Хоть лавку подержанных восточных редкостей открывай. На каждом окне - портьеры тройным слоем. А полы... Мать моя женщина! Как зеркало. Даже наступать страшно...

К этому хозяйству приставлены горничная, повариха и конюх - дядя Петя. Он нас на станции цеппелинов встречал. Честь по чести: лошадь, повозка, вожжи.

Машин, то есть, автомобилей, здесь вообще очень мало: мы видели всего один. Полицейский. Остальные, включая сэров и пэров, разъезжали на кэбах - такси по-нашему, только на лошадином ходу.

Амбре на улицах соответствующее, с поправкой на уголь и чёрный, с жирными хлопьями копоти, дым.

- Топливо экономят, - тихо заметил наставник, глядя из окошка кареты на рассветный туман, в котором зыбкими арками рисовались каменные мосты через Темзу.

Улицы были пустынные, и дядя Петя вёл лошадку по кличке Мэри неторопливо, чтобы у нас было время как следует осмотреться.

- Думаете, для войны? - шепотом спросил я.

- А для чего же ещё? - фыркнул Лумумба. - Цеппелины - это так, ерунда. Пыль в глаза. Армию они будут переправлять на материк на десантных посудинах. А стальные лоханки на магической тяге работать, как ты понимаешь, не будут...

- То есть, где-то на побережье содержаться громадные запасы топлива?

- Ключевое слово: где-то. Это нам и предстоит узнать...

Подъехали к особняку. Зовётся он Харрингтон-хаус и располагается на Кенсингтон Пэллас Гарден, а служит Российским посольством уже около ста лет.

Дядя Петя высадил нас у входа, а сам отправился со своей Мэри и тележкой в конюшни. Присовокупив, что встречать нас в доме некому. Прислугу распустили после того, как были совершены все приготовления - никто не хотел оставаться в доме, где лежит покойник.

Лумумба только плечами пожал. Распустили - так распустиили. Что мы, са-

мостоятельно шнурки не развяжем?

- Да вы не волнуйтесь, - напутствовал нас дядя Петя. - Вернутся они, никуда не денутся. Горничные, конечно, девушки впечатлительные, да и поварихи не лучше - наслушались баек про покойников... Но народ-то наш. Ответственный... Помракобесят слегка и успокоятся.

- Мне говорили, должен быть ещё дворецкий, - флегматично заметил Лумумба.

- Мистер Вилликинз, - кивнул дядя Петя. - Единственный служащий - англичанин. Нанят для придания дому надлежащей респектабельности, а еще за знание местных обычаев и доскональное владение этикетом. Вчера слёг. Как услышал про Игнат Степановича, так и слёг. Близко к сердцу безвременную кончину воспринял.

- Ладно, разберёмся, - Лумумба кивнул, отпуская конюха. И взбежал на крыльцо.

- Интересный это дядя Петя конюх, - заметил я, когда коляска скрылась за домом. - Слова так печатает, будто десять поколений предков в центре Москвы прожили...

- Разумеется, - кивнул наставник. - У дяди Пети, или Петра Эдуардовича Незнанского, две докторские: "Агинские дацаны как мощные магические источники", и "Влияние сотрудничества и соперничества Англии и России на модели институционального регионализма". И не пучь на меня глаза. Пока ты в цеппелине обнимался с белым другом, я, между прочим, работал. Изучал личные дела сотрудников посольства и сопутствующие материалы.

- Сопутствующие чему?

- В общем сопутствующие. Всему, что требуется знать.

- Ну, если в общем...

И не успел я занести ногу над порогом - труп. Любопытный, как изволили выразиться драгоценный наставник, и загадочный - это я и сам разумею. Потому как даже тараканы, просто так, от нечего делать, не гибнут. Всему причина нужна. И она мне заранее не нравится.

Почему, спросите вы? А потому. Опыт, сын ошибок трудных. И гений, парадоксов друг. Мой, как вы понимаете, опыт, а гений - исключительно Лумумбин.

Такие дела...

Обследование особняка я начал с гостиной. Той, где стоял гроб с покойным. Точнее, без покойного - это я смог констатировать, заглянув внутрь.

Роскошный экспонат погребального зодчества, больше похожий на номер в Уолдорф-Астория, чем на последнее пристанище для брэнного тела, блистал девственно-белой шелковой подушечкой и таким же покрывалом, украшенным ручной вышивкой.

Никакого посланника в нём не было.

Поборов желание тут же, не сходя с места, позвать бвану и с облегчением переложить на его широкие плечи ответственность за происходящее, я занялся обследованием помещения.

Не считая пустого гроба, гостиная мне понравилась. Большие окна, занавешенные бело-золотыми шторами, овальный коврик на полу - в тон; столик - персон эдак на двадцать-двадцать пять, камин опять же...

Еще поражало обилие флоры. Фикусы, пальмы, какие-то разлапистые лопухие деревца в кадках - всего и не сосчитать. Вся зелень выглядела так, будто её только что умыли, причесали и одели в новое платье. Какие-то очень хищные на вид цветочки распахнули зубастые пестики... Я было сунул палец - проверить, да вовремя испугался и убрал - вдруг откусит?

На бетонной тумбе рядом с камином сидела птица. Я подошел поближе, чтобы разглядеть.

Размеров она была чрезвычайных - так и просилось на ум родство с приснопамятным Бумбой, королём африканским. Одно только отличие и успокаивало: король Бумба был по национальности слоном, а местная птица - орлом. К тому же, двуглавым. Исполненным в бронзе, и с познавательной табличкой на насесте: "Символ Российской Империи"

Ясненько... И как я раньше не догадался? Привык к всяким магическим существам, потому и принял чучело бронзовое за тварь живую.

Чучело открыло один глаз - на правой голове - и подмигнуло. Я подскочил.
- Чур меня, чур! Уйди от костей моих, уйди от волос моих, уйди от сердца моего...

- Над кем изгаляешься, старший падаван?

Наставник был великолепен. В цветном бухарском халате, феске и туфлях с такими загнутыми носками...

- Вещи у покойного одолжили? - спросил я, переводя дух. Признаться, при появлении бваны жить сразу сделалось легче.

- Ему они больше не понадобятся, верно? - философски пожал плечами наставник и упал в кресло во главе длинного стола. Его чёрная физиономия тут же отразилась в натёртой до зеркального блеска столешнице. - Излагай, - милостиво разрешил он.

- В особняке, не далее чем сегодня на рассвете, был произведен обряд Аш'к-Энте, - не мудрствуя лукаво, я начал с главного.

- Доказательства? - бросил бвана, раскуривая трубку.

- Таракан. Исход прислуги. Больная лошадь - помните, дядя Петя сказал, что пришлось одолжить соседскую Мэри, потому что собственный Гнедко неважно себя чувствовал?

- Дальше, - по виду наставника было непонятно, заинтересовали его хоть сколько-нибудь мои выводы, но я был уверен: слушает он очень внимательно.

- Две моли в платяном шкафу, мышь в кладовке, прямо на мешке с пшеном; мух - несчётное множество. За окном, на крыше - мёртвая галка.

- Вывод? - пыхнул колечком дыма наставник.

- Суккуб.

- Да, я уже видел пустой гроб, - задумчиво кивнул бвана. И в принципе, согласен с твоими выводами...

Я надулся от гордости.

- Возможно, очень даже возможно... - повторил он и вскочил - полы халата взметнулись, как крылья.

Лумумба принялся хищно расхаживать по кабинету, буквально приплюсываясь к стопкам книг, канделябрам с оплывшими свечами, вазам с цветами и без, фигурным часам, коих было гораздо больше, чем требовалось для банального узнавания времени, и картинам.

Он прошерстил все шторы, приподнял все гобелены - вытряхнув из них тучи пыли - и даже заглянул в камин.

Орла он будто бы не замечал. Я даже успокоился: наверное, мне просто помстилось, что двуглавое бронзовое чучело моргнуло.

- Не там ищите, - голос был такой, словно его подержали хорошенько на льду, а затем отмутузили железными молотками.

- Простите, милейший? - вот Лумумба сразу понял, что это за птица. Не то, что я...

- Искать, говорю, надо не здесь, - произнёс орёл правой головой. Левая в это время увлечённо искалась под крылом. - Это - золотая гостиная, или Зал Заседаний. Если вам нужны бумаги Барсукова, искать нужно в его личном кабинете. Он примыкает к голубой спальне.

- Премного благодарен, - поклонился птице Лумумба. - Обязательно учту... А что вы можете сказать по поводу маганомалии?

- В вверенном мне помещении за истёкший период маганомалий не происходило, - отчеканил орёл.

- Так уж? - вежливо усомнился Лумумба.

- Извольте проверить сами, - орёл растопырил крылья, направил глаза левой головы в стенку - в них загорелись два желтых прожектора - и на стене распахнулся экран, похожий на те, что бывают в кинотеатрах.

На экране этом был весь особняк, будто бы опутанный красными, синими и зелёными нитями. Они змеились по полу и потолку, составляли частые решетки на окнах, завивались вокруг люстр и дымоходов... Словом, были расположены столь продуманно, чтобы и мышь не проскочила. Магическая, само собой.

- Красные линии - огонь, зелёные - воздух, синие - вода, - уделял пояснения орёл. - Все заземляются на ауру самого дома, который обладает длинной историей, а значит - собственной магией. Ни одно охранное заклятье не нарушалось вот уже десять лет - с того памятного случая с алюминиевым костылём.

- Вы в этом абсолютно уверены, милейший? - спросил Лумумба.

- Я бы знал, - щелкнул клювом правой головы орёл. - Охрана дома является моей прерогативой. Ответственно заявляю: на территории посольства в эту ночь чужих не было.

- А суккуб? - тихо спросил я. Птица внушала почтение и трепет - почти такой же, как бвана. - Он же - и есть Барсуков? Восстал - пользуясь той энергией, до которой смог дотянуться, а потом - ушел. В неизвестном направлении...

- Вполне возможно, - свернул губы трубочкой наставник. - Если он заранее принял меры... А как Навь? - обратился он к орлу.

- Навь - согласно регламента, - скрежетнула правая голова. - Никаких возмущений.

- Но без содействия Того света... - начал я. Не задумываясь, приподнял Заве-

су и... окаменел.

Святой Макаронный монстр! Такого я еще не видел. Если в Африке Преграда была больше похожа на шторку из бус, в кухне коммунальной квартиры, то здесь, в Британии, она походила на Железный занавес. Плотная, незыблемая, она стояла между Тем светом и Этим неколебимо, как скала. Ни одного проблеска магического влияния, ни одного обращения к её неисчерпаемым силам... Хотя нет. Посмотрев своим "вторым" зрением, которым я пользовался, исполняя прямые обязанности, я узрел пронзающие вспышки - тут и там, вверху и внизу... Люди, а так же другие существа продолжали исправно умирать. И переправляться на Тот свет.

Навь была закрыта только для магов.

И кстати: души Барсукова, которую я, по правилам, должен был встретить и проводить, на Границе не стояло.

- Бвана, я...

- Да я уже и сам понял, - кивнул наставник. - Неладно что-то в данном королевстве...

- Согласно указу Премьер-министра, лорда Блэквуда, обращение к Нави требует отдельного, заверенного в Королевской Магической Академии разрешения, - гаркнул орёл.

- А как же... - я хотел спросить: а как же в таких условиях колдовать?

- А как получится, - предвосхитил мой вопрос орёл. - Артефакты, зелья, магические предметы и наговоренные талисманы. Лишь немногие удостоились разрешения нецелевого пользования Навью - несколько членов кабинета министров, ключевые фигуры в парламенте... Сам лорд Блэквуд, подавая пример соотечественникам, совершенно отказался от посещений Той стороны.

- Бвана, а как же мы? - вырвалось. Ну право... Я без Нави - как без рук. И без глаз и без всего остального...

- Полагаю, на нас распространяется дипломатический иммунитет, - вставил Лумумба.

- Именно так, - слегка поклонился орёл. - Но только в рамках территории посольства.

- Жестко, - высказался учитель.

- Да капец полный, - согласился я. - Нам что теперь, безвылазно в этих хоромах сидеть?

- В страданиях душа возвышается, - небрежно бросил наставник и отвернулся к окну.

Я вздохнул. Ладно, как-нибудь приспособимся. Человек - он ко всему привыкнуть может. Надо обойтись без Нави - обойдёмся. Пусть не думают, что русские маги без Того света - ноль без палочки...

- Кстати, о Барсукове, - вернул к земным реалиям наставник. - Вы видели, куда пошло тело?

Орёл недоумённо поморгал. Сначала - правыми глазами, затем - левыми. Посмотрел на нас - выражение у него было, как у попугая, увидевшего самого себя в игрушечном зеркальце.

- Согласно моим ощущениям, тело Барсукова находится там, где и должно быть, - наконец проскрежетал он. - То есть, в гробу.

- То есть вы... - начал я.

- Тихо, - бросил наставник, не глядя в мою сторону. - Опишите, милейший, ваши ощущения, - попросил он орла. - И ничего не пропускайте.

Птица нахохлилась и переступила могучими лапами на насесте - всё навершье его было изъедено кривыми и глубокими зазубринами.

От когтей.

- Посланник Барсуков умер не в особняке, - начал орёл. Одна голова говорила, другая ковыряла кривым исполинским когтем не менее впечатляющий клюв. - Иначе причина смерти не составила бы для меня никакой тайны. Он скончался внезапно, на балу в Букингемском дворце по случаю дня рождения королевы... Тело тут же доставили в госпиталь Святого Варфоломея, а оттуда, констатировав смерть, прямиком в морг.

- Причина смерти по мнению английских врачей? - спросил Лумумба.

- Удар кинжалом, который привёл к остановке сердца. Смерть наступила не сразу: посланник около десяти минут прожил в коме, но так и не пришел в себя.

- А потом Барсукова привезли сюда...

- Разумеется. По русскому обычаю покойный должен провести последнюю ночь под родным кровом, - пожал крыльями орёл.

- Чтобы у наших людей была возможность сделать самостоятельные выводы о причине смерти, - кивнул наставник. - И как? Есть выводы?

- Посольский доктор, Иван Николаевич Пончиков, пришёл к такому же выводу, как и прозектор в морге. С холодным оружием спорить трудно.

- Где нож?

- Орудие убийства не найдено, - ответил орёл.

- Но вы, тем не менее УВЕРЕНЫ, что тело никуда не делось.

И в этот момент раздался такой мелодичный звук... Одновременно похожий на райские арфы и трубы Страшного Суда. Такие, как я их себе и представлял.

- К вам полиция, - объявил орёл. - Хочет осмотреть тело.

- Оппаньки... - сказал я и посмотрел на Лумумбу.

Глава 2

Глава 2

- Инспектор Страйк, - объявила правая голова орла, когда я ввёл в гостиную чопорного джентльмена в полицейской форме.

- Полковник М'бванга М'бвеле, русский посланник в Великобритании, - добавила левая.

Имя наставника двуглавая птица произнесла легко, без запинки - будто хо-рошенько потренировалась. Или имела врождённый талант.

Инспектор же на умную птицу покосился неприязненно, с едва скрывае-мым страхом. Даже оглянулся на полицейских, которые заняли оборону по обеим сторонам широких дверей гостиной - будто взяли нас под стражу. Неприятное, скажу я вам, ощущение...

- Мы можем поговорить... где-нибудь в другом месте? - спросил инспектор. И вновь покосился на птицу.

Гроба с того места, где стоял Страйк, видно не было, и бвана, как я понял, не спешил его по этому поводу просвещать.

- Прошу, - наставник вытянул ладонь к другим дверям.

Выбрал он наугад - изучить расположение комнат мы еще не успели - и оставалось только надеяться, что за ними не окажется чулан с пыльными тряпками.

Пронесло. Там тоже была гостиная - очень миленькая, с обоями в голубой цветочек, с эркерным окном и громадным букетом на ломберном столике.

Лумумба жестом пригласил инспектора устроится в глубоком кожаном кресле, сам тоже уселся, а мне движением брови указал на место позади ин-спектора.

Расчёт простой: когда за спиной, вне поля видимости, но зато в прекрасной слышимости - я намеренно громко шмыгал носом и сопел - устраивается дети-на моих габаритов, любой почувствует себя неуютно.

А когда человек нервничает, то может сболтнуть что-нибудь лишнее для себя, но зато очень интересное для нас.

- Чем могу? - флегматично спросил Лумумба, раскуривая трубку. Вёл он се-бя так, будто Страйк пришел попросить в долг.

Но инспектор не повёлся.

- Кто вы такой? - выстрелил он в наставника. - Где Вилликинз? Почему нет никого из прислуги?

- На первый вопрос ответ вы уже получили, - с достоинством ответил учи-тель. На второй и третий... Сам хочу знать.

- Вы не можете быть русским посланником! - рявкнул инспектор.

Его брылястое, украшенное рыжими бакенбардами отражение, которое я видел в полированном кофейнике на столе, удивительно напоминало фарфо-рового бульдога. Ширококостного, криволапого, с коротким хвостом и обо-

дранными в жестоких драках ушами.

- Это почему? - удивился Лумумба. Не нравится национальность?

- До вашей национальности мне нет никакого дела! - вновь рывкнул инспектор. - Мне не нравится скорость, с которой вы нарисовались. Не успело остыть тело Барсукова...

- Поверьте, успело, - вставил Лумумба, рассматривая уголёк в трубке.

- Но его убили только вчера, поздно вечером. Как российское правительство могло так быстро...

- У нас свои методы, - внушительно сказал бвана. Я подтвердил, засопев еще громче.

Инспектор, к чести его, на моё сопение даже не вздрогнул.

- Магия? - агрессивно спросил Страйк.

- И оперативная работа дипломатического корпуса, - кивнул Лумумба. - Кроме того, мне вменяется расследование безвременной кончины Игната Степановича.

- Убийство произошло в Букингемском дворце, - отчеканил Страйк. - А значит, на территории Великобритании. Расследованием будет заниматься Скотланд-Ярд.

- Но убита персона, обладающая дипломатическим иммунитетом. Наш соотечественник. Расследованием будет заниматься АББА.

- Барсуков убит банальным стилетом. Я не усматриваю тут магического состава преступления.

- Но посланник был магом. А значит, магическая подоплёка в любом случае имеет место быть.

Собеседники угрюмо уставились друг на друга через стол.

Страйк двигал челюстями и прожигал Лумумбу взглядом, бвана невозмутимо дымил трубкой. Инспектор сдался первым. Он полез в карман кителя, достал исполинскую сигару и спички, долго её раскуривал - что позволило ненавязчиво отвести глаза - и наконец, выпустив удушливый клуб дыма, рывкнул:

- Вы мне не нравитесь!

- Вы мне тоже, - не остался в долгу наставник.

Первый раунд. Один-один.

Затем они будто пришли к какому-то негласному соглашению: напряжение спало, позы расслабились, в глазах проявилось что-то вроде делового уважения к противнику.

- Когда мы прибыли рано утром, - негромко сказал бвана без всякого давления со стороны инспектора, - особняк уже находился в этом виде. Ни горничных, ни дворецкого мы не застали. Так же, как и тела покойного Барсукова.

- Что-о-о? - проревел Страйк.

- Что слышали, - не очень вежливо пожал плечами учитель. - В особняке был совершен... магический ритуал, причиной - или следствием - которого стало исчезновение мёртвого посланника.

- Ритуал имел отношение к некромантии? - так же негромко, с оттенком вежливого интереса, спросил инспектор.

- С большой долей вероятности, - кивнул бвана.

Я-то понимал: Лумумба не просто уверен, а прекрасно ЗНАЕТ, что ритуал Аш'к-Энте имеет некромагическую природу.

- Значит, это тем более наше дело, - вернулся к приказному тону Страйк. - Точнее, британской Королевской академии магии и волшебства.

- Соблаговолите пояснить, - флегматично попросил наставник.

- Заниматься некромантией в Англии запрещено, - нежно улыбнулся инспектор. - Это считается преступлением против короны, и карается смертной казнью.

- Но только не в пределах посольства, которое является территорией другого государства, - парировал с широкой улыбкой людоеда Лумумба. - К тому же, применить смертную казнь к покойнику весьма... хе-хе... затруднительно.

Второй раунд. Два-один в нашу пользу.

- Вы не имеете права скрывать от нас информацию по убийству посланника, - буркнул Страйк.

- Обещаю сделать всё, что в моих силах для того, чтобы донести её до вашего сведения. Разумеется, как только сам что-нибудь узнаю, - сонно прикрыл веки Лумумба.

- Разрешите хотя бы осмотреть место... - инспектор покрутил в воздухе сигарой.

- Исчезновения? - помог ему учитель. - Милости прошу.

Оба поднялись и направились обратно в золотую гостиную. Я пошел следом.

Третий раунд. Три-один в нашу пользу.

Орёл был на месте - так же, как и полицейские у дверей. Дядьки так и стояли на вытяжку: дубинки у пояса, руки по швам, ремешки похожих на ночные горшки шлемов - под нижней губой...

Признаться, я о них на время забыл.

Наставник куртуазно подвёл Страйка к пустому гробу, дал его внимательно осмотреть, не повёл бровью, когда тот потыкал пальцем, затянутым в чёрную перчатку, в белую шелковую подушечку...

- Хотел убедиться, что пустой гроб - не иллюзия, - выдохнул инспектор.

- Я так и понял, - кивнул наставник.

- Собачья работа, - неожиданно пожаловался Страйк. - Я поступил на службу зелёным мальчишкой, простым полицейским. Это было двадцать лет назад. Но я до сих пор скучаю по тем временам. Банальный сбор улики, опрос свидетелей... Как же тогда было хорошо.

- Но ведь ничего существенно не изменилось, - посочувствовал Лумумба. - И сбор улики и опрос свидетелей никто не отменял.

- А если улики рассыпаются прахом после рассвета, а свидетель пыхает огнём?

- Выход один: самому научиться пыхать огнём и развеиваться в прах, - грустно усмехнулся наставник.

- Пробовал, - скривился инспектор. - Не хватило индекса.

- Это как?

- В английском законодательном акте есть такой пункт: каждый гражданин должен пройти обязательную проверку на предрасположенность к магии, - скрипучий голос бронзового орла заставил вздрогнуть всех присутствующих, включая полицейских у дверей и отсутствующего покойника. - И каждому присуждается определенный индекс. При достаточности которого гражданин может стать кандидатом, а со временем - получить магическую степень.

Страсти какие, - подумал я. - Просто разгул бюрократии.

С другой стороны, здесь должен быть исчезающе мал процент спылившихся...

- Сочувствую, - искренне сказал Лумумба.

- Это лишнее, - отвердел лицом Страйк. - Я подавал заявку исключительно по долгу службы.

- Уступка за уступку, - предложил Лумумба. - Я буду держать в курсе - лично вас - о ходе магического расследования, а вы взамен позвольте мне опросить свидетелей из Букингемского дворца.

- Да пожалуйста, - фыркнул инспектор. - Сколько угодно! Если они снизойдут и соизволят - я буду только рад.

- Что, всё так плохо? - вторично посочувствовал Лумумба.

- Сами увидите, - пожал плечами инспектор и направился к выходу из гостиной. - Я пришлю вам список, - бросил он, знаком приказывая полицейским следовать за собой.

Четвертый раунд. Ничья.

- Итак, - возвестил наставник, как только за окном раздался гул двигателя полицейского автомобиля. - Игра начинается!

Деятельно потеряв руки, он плюхнулся на стул и положил ноги в мягких туфлях на гроб. А потом повернул голову ко мне.

- Ты точно уверен насчёт обряда Аш'к-Энте?

Я удивился. Впервые, почитай, бвана полагается на мои суждения, не проверив версию лично. И обиделся: если полагается, то зачем переспрашивать?

Тем более что я не смог бы объяснить своей уверенности при всём желании: я просто знал, что в особняке произошли определенные возмущения магического поля, которые по каталогу АББА фигурируют как обряд Аш'к-Энте, сиречь: изъятие жизненной энергии у окружающих существ суккубом.

Поэтому на вопрос бваны я просто кивнул.

- Осталось выяснить, кто именно был этим суккубом, - подвёл итог Лумумба.

- Логично предположить, что сам Барсуков и был, - ответил я. - Точнее, есть. Где-то.

- Вот и поищи его, - ласково предложил наставник. - Страйк - не дурак, хотя и прикидывался, - добавил он. - Конечно же, он будет теперь землю рыть, что-

бы отыскать посланника раньше нас... Барсуков явно узнал что-то интересное, его поэтому и убили так скоропалительно.

- Почему скоропалительно?

- Стилетом в сердце. На балу у королевы. То есть, на глазах буквально у всех... - Лумумба вновь принялся разжигать трубку. - У противника явно не было времени на подготовку. Во дворце была куча магов, гвардейцев, пресса, наконец... Гораздо проще было расправиться с Барсуковым где-нибудь на пути домой. Или ночью. Но "он" боялся, что посланник может что-то кому-то рассказать. Словом, передать информацию третьему лицу.

- А теперь, чтобы его допросить, нужно вернуть тело домой. То есть, на территорию посольства.

- Вот и займись, - кивнул бвана. - Провожать усопших - твоя святая обязанность.

- То есть, искать я должен и на Том свете тоже, - сообразил я.

- АГХМ! - на этот раз мы с Лумумбой честно подпрыгнули. Если так будет продолжаться, я буду НАСТАИВАТЬ на том, чтобы орла куда-нибудь переселили. В кунсткамеру, например.

- Я вас слушаю, милейший, - сказал Лумумба, вновь приняв вальяжную позу.

- Вы всё время говорите так, словно тела посланника нет в гробу, - сказал орёл. - Я не стал указывать вам на ошибку при посторонних. Но сейчас...

- Стало быть, вы его видите? - быстро спросил наставник.

- Разумеется, - нахохлился орёл. - Это человек в парадном мундире с эполетами, с орденом Александра Невского на груди...

- Я вам верю, милейший, - перебил Лумумба. - Но поверьте и вы мне: тела в гробу нет.

Ничего больше не говоря, орёл расправил крылья. Сделав один взмах - в комнате поднялся ветер - он совершил могучий прыжок и уселся на спинку кресла с деревянной резной спинкой, которое стояло рядом с гробом. Кресло жалобно скрипнуло, но выдержало.

- Вы правы, - доложил через минуту, обследовав внутренность гроба и левыми и правыми глазами, орёл. - Игнат Степанович куда-то пропал. А я даже не заметил...

Из него будто выпустили воздух. Взгляд потух, перья сделались тусклыми и будто покрылись зеленоватой патиной.

- Наверное, старею, - пробормотал орёл, тяжело вспархивая обратно на свой мраморный насест. - Значит, пора в отставку...

- Полноте, милейший, - посочувствовал наставник. - Со всяким может случиться...

- Бвана, - тихо позвал я. - А ему могли отвести глаза?

- Это как? - услышал орёл. И впервые обратился непосредственно ко мне.

- К вам могли применить такой приём...

Я в кино видел. Там такие штуки: видеокамеры. Они направлены на одно место и всё время показывают, что там происходит. Но некие умельцы подключились к этим видеокамерам и зациклили картинку - будто бы ничего и нет. А сами спокойно ограбили банк, и смылись...

Когда я на пальцах объяснил, что имею в виду, орёл с сомнением почесал

когтем правый клюв.

- Сомневаюсь, - сказал он левой головой. - Я ничего не почувствовал.

- А вы и не должны, - горячился я. - Если диверсия была направлена только на вас...

- Сегодня в посольстве никого не должно быть, - сказал Лумумба. - Прислугу разогнали, про то, что приедем мы, никто не ведал...

- А если охранная система молчит - значит, всё в порядке, - закончил я.

- Разрешите, милейший... - наставник подошел к орлу и протянул руку к тумбе. Птица подвинулась.

Лумумба постоял с закрытыми глазами, перебирая в пальцах невидимые нити, затем вздрогнул и отдернул руку, будто обжегся.

- Ах собака! Кусается, - он открыл глаза. - Вы реабилитированы, милейший, - сказал он орлу. - В охранное заклятие действительно был мастерски вплетён дополнительный контур, который отводил вам глаза... Трудновато будет его убрать, не нарушая остального плетения...

- Проще поставить защиту заново, - подал голос оживший орёл. - Раз старая скомпрометирована. Я этим займусь.

- Сделайте одолжение, - Лумумба отошел от тумбы. - Сколько это займёт времени?

- До ночи управлюсь.

- Приступайте, милейший, э... А как вас всё-таки звать-величать?

Мне тоже было интересно, какое имя носит бронзовая птица, и я наострил уши.

- Зовите меня просто: Ваше превосходительство, - с достоинством ответил орёл и прикрыл все четыре глаза.

Мы спустились на кухню. Орёл просил ему некоторое время не мешать, да и нам хотелось перемолвиться с глазу на глаз. А также выпить кофе: поспать этой ночью не удалось, к тому же смена часовых поясов... Разница небольшая, а на мозг давит.

- Ну, что ты обо всём этом думаешь, старший падаван? - спросил учитель, бодро шаря по шкафчикам в поисках всего, что потребуется для кофе.

Слава Макаронному монстру, на кухне он обычно орудовал сам. Когда представлялась такая возможность, конечно.

Мне, по словам бваны, можно было доверить только обмывать заварочный чайник, да и то - медный. Фарфоровый разобью...

- Запутанное дело, - глубокомысленно ответил я, усаживаясь на высокий стул.

- Я бы и сам не смог выразиться лучше, - согласился Лумумба.

Он включил газовую плиту, налил воды в медный ковшик... Я вздохнул. Дома мы кофе тоже в ковшике варили. Только у нас он беленький, эмалированный, с милым бордюриком из незабудок. Эх, как там Машка с Гамаюн? - не знаю, по ассоциации ли, или просто так, но я почувствовал, что уже соскучил-

ся.

Кухонное помещение располагалось в цокольном этаже, и имело чёрный выход к мусорным бачкам на заднем дворе, а также высокие французские окна в сад.

Через окна шел мягкий солнечный свет, который укладывался желтыми квадратами на плиточном полу в чёрно-белую клетку. Кроме того, через правое окно за нами кто-то подглядывал.

Взгляд был не враждебный, а скорее, любопытный.

Я подал Лумумбе знак, тот молча кивнул. Достал из хрустальной вазы громадное яблоко - красное, сочное, и стал небрежно подбрасывать на ладони.

Бросал он размеренно, ни на миг не прерываясь, всё выше и выше. Я же незаметно сполз с табурета и протёк к окну. Аккуратно нажал на ручку, открывая створку...

- Ой. А как это вы здесь оказались?

Существо, которое на меня смотрело из-под треснувшего козырька кепки с надписью "АРСЕНАЛ", несомненно, было мальчишкой.

- Ловкость рук и никакого мошенства, - ответил бвана от стола. - Вы чьих будете, молодой человек?

- Местный я. То есть, посольский. Конюхов. Сын.

- Раз местный, тогда милости просим, - учитель кинул мальчишке яблоко, тот ловко поймал. - Входи, гостем будешь.

- Благодарствую, - солидно ответил конюхов сын.

- Как зовут? - спросил я, пододвигая парню табурет.

- Петром кличут.

- Пётр Петрович, стало быть, - учитель пододвинул мальчишке большую чашку, в которую плеснул чуточку кофе и большую порцию подогретого молока.

Подал сахарницу - здесь, в Англии, сахар был не как у нас, а кусочками. Даже щипчики специальные имелись - для того, чтобы кусочки эти в чашку кидать.

Мальчишка стесняться не стал. Навалил с десятков кусков, шумно помешал ложечкой, отхлебнул...

- Это хорошо, что вы меня сами позвали, - наконец сказал он.

- Почему?

К детям я относился с опаской.

- Потому что я всё видел, - заявил пацан. Ухоженный такой, кожа прямо фарфоровая. Белая чёлочка, аккуратно зачёсанная на бок, ясные голубые глазки... У него даже шея была чистая. И за ушами...

- И что же ты видел? - спокойно спросил Лумумба.

- А всё, - ёмко обрисовал пацан. - Только запросто так я ничего не скажу.

- И что же ты хочешь?

- Чтобы меня в штат приняли. На полное довольствие и зарплату.

- Экий ты, меркантильный... - вырвалось у меня. - Детям работать не положено.

- В Англии - положено, - по-взрослому сказал мальчишка. - Хочешь жить -

умей вертеться. А я мотоцикл купить хочу. На бензиновом ходу.

- Мал ты ещё для мотоцикла, - заметил я.

- Дак и стоит он немало, - вздохнул сын конюха. - Аккурат к шестнадцати и накоплю...

- Дальновидно, - похвалил Лумумба и вытащил из жилетного кармашка золотой рубль. Аккуратно положил на стол, пододвинул Петьке. - Если не врёшь - буду платить по денежке в день.

- Урра! - мальчишка протянул хищную лапку, но учитель быстро накрыл её своей рукой.

- Один момент, - веско сказал он. - Разрешение требуется. От отца.

- А это - пожалуйста, - Петька равнодушно пожал плечами, но руку от монетки убрал. - Пойдёте на Бромтонское кладбище, там отыщете могилку - свежая она, не ошибётесь. Поднимете папу моего - и спрашивайте, сколько влезет. Он у меня добрый, против не будет.

Я так и застыл с не донесенной до рта кружкой - кофейных чашечек Лумумба принципиально не признавал, в чём я его от всей души поддерживал.

Учитель был озадачен не меньше моего.

- Могилка? - переспросил он. - А кто же нас тогда сегодня со станции вёз?

- Чего не знаю, того не знаю, - покачал головой Петька. - Кэбмен какой-то. Я думал, вы его у станции наняли...

- А батя твой когда помер? - вежливо спросил я.

- Неделю тому. Игнат Степанович денег на похороны дали. Место на кладбище выбили... Дешешу на родину отправили. Я и письмо с соболезнованиями получил. Так, мол и так, Родина вас не забудет... Пенсия за беспорочную папину службу и место в Воронежском кадетском корпусе - как сироте. Только я в военные не хочу. В Лондоне жить останусь.

Здесь надо напомнить, что общались мы, как обычно, через Вавилонскую рыбку. Точнее, я общался через рыбку. А бвана - многознатец и полиглот - своими силами языковой барьер преодолевал.

- И чем ты в Лондоне заниматься намерен?.. - спросил Петьку наставник, а я на минуту отвлёкся.

О смерти посла мы узнали сразу, почти мгновенно - что и дало Товарищу Седому возможность так быстро среагировать. А о том, что Пётр Незнанский, конюх при посольстве, а по-совместительству, русский разведчик, умер неделю назад - в Москве никто ни сном ни духом.

Всё страньше и страньше, - как говорила одна английская девочка...

Почему нам не показалось странным то, что высадив нас у ступеней особняка, конюх как-то поспешно уехал? Он объяснил это тем, что должен сдать взятую на прокат кобылу, а мы были несколько ошалевшие с дороги, так что подвоха и не заметили.

Точнее, я не заметил. Про бвану нарекать не буду.

...Механикусом хочу сделаться, - долетели сквозь раздумья слова мальчишки. - Батя говорил, человек с профессией нигде не пропадёт. Хоть в Англии,

хоть в России. А здесь новую академию открывать затеяли. Не в Лондоне, конечно. В Ливерпуле. Вот заработаю денег, куплю себе мотоцикл, да и поеду... Мне Игнат Степанович протекцию составить обещали. И о стипендии похлопотать. Жалко, что его убили... Но ничего, - Петька приободрился. - Я и сам справлюсь.

- Ладно, самостоятельный ты наш, - кивнул Лумумба. Солидно, как взрослому. - О будущем твоём подумаем, А сейчас рассказывай, что видел.

Но хитрый мальчик говорить не спешил. Склонив голову, искательно посмотрел на бвану...

- А вот у кухарки Авдотьи варенье в холодильнике стоит. Айвовое. Я бы его с удовольствием попробовал...

Я молча поднялся, пошел к холодильнику - тоже зверь для меня диковинный, - открыл дверцу... Святой Макаронный монстр! Чего там только не было.

- Эй, - позвал я не оборачиваясь. - Ты своё варенье на вид узнаешь?

- Литровая банка, наполовину пустая, на правой верхней полке... - шустрый паренёк. Всё подмечает.

- Держи своё варенье, - я вручил ему холодную запотевшую банку и ложку в придачу.

- И начинай уже рассказывать, - в голосе Лумумбы проскользнули стальные нотки.

- Ну так вот... - Петька облизал ложку и положил рядом с собой на край стола. - Видел я, как покойный Игнат Петрович вышел из дому, сел в пролётку и уехал.

- Куда? - спросили мы с Лумумбой хором.

- А вот это, - Петька солидно расправил плечи. - Отдельный разговор.

Глава 3

Глава 3

- Что мы упускаем? - спросил я, когда Петька, доев варенье, ушел.

- Всё.

Лумумба покачался на стуле. Выглядело это довольно опасно, но кто я таковой, чтобы запрещать учителю убиться на ровном месте?

- Но?

- Слишком рано делать выводы, - отрезал бвана. - Сперва разберемся.

- Кому выгодна смерть посланника?

- Хороший вопрос, - одобрил Лумумба. - Как по учебнику. Но неправильный.

- Почему?

- Потому что слишком широк круг людей, которые от смерти Барсукова только выиграли. Возьми нас с тобой: благодаря его кончине - мы здесь. Со всеми вытекающими.

- Не сказал бы, что это такое уж счастье.

- Это как посмотреть... - ножки стула всё-таки предательски скользнули по плиточному полу, но наставник успел ловко соскочить, сделав вид, что всё равно собирался вставать. - С твоей стороны - несчастье. Потому что ты хочешь обратно к Машке, в Москву. А с моей...

Он направился вон из кухни, пришлось плестись за ним.

- А с вашей?

- Да хотя бы зарплата, - пожал плечами Лумумба.

- А что, есть разница? - удивился я.

- Оклад посланника против жалованья оперативника? Ну что ты, конечно нет.

- Это был сарказм?

- А ты как думаешь?

И наставник широким жестом распахнул двустворчатую дверь в кабинет.

Я как стоял на пороге, так и окаменел. Кабинет Товарища Седого в Останкинской башне, если бы увидел своего собрата здесь, на Кенсингтон-Пэллас, испытал бы острое чувство профнепригодности и заплакал.

Он был похож на дорожную шкатулку из редких пород дерева. Причём, изнутри. Книги в обширном шкафу можно было хранить, как золотой запас страны - столько на них ушло драгоценных металлов и тиснёной кожи. За ковёр, который лежал на полу - купить небольших размеров город, а на обивку дивана ушло не меньше трёх бегемотов и парочка тигров. Поверьте, я знаю, о чём говорю.

Бвана, в отличие от меня, к роскоши никакого пиетета не испытал. Протопал по ковру, завалился в кресло и сложил ноги в вышитых туфлях на стол, размерами больше похожий на площадку для крикета. Да ещё и носом подёргал - брезгливо так, с осуждением.

- Что, пыли многовато? - спросил я, разглядывая этот самый стол. В толстом

слое серой слоистой пыли чётко отпечатались след большой пятерни.

- Кресло жесткое, - откликнулся бвана, морщась и почёсывая спину. - Пружина в нём, что ли, вылезла... А пыль - это как раз хорошо, - и он с неодобрением посмотрел на меня. - Совсем расслабился, старший падаван. Забыл основы криминалистики.

- Да ничего я не забыл...

- Как следователь, - наставительным тоном начал бвана. - Ты должен только радоваться тому, что прислуга не проявила должного рвения о чистоте вверенного ей помещения. По слою пыли, а также её текстуре и количеству, можно определить весь путь перемещения предметов в комнате, - достав из кармана халата трубку, наставник принялся её обстоятельно набивать. - Впрочем, - добавил он, пустив первый клуб дыма. - Это вовсе не пыль.

- А что? - тупо спросил я.

- Это пепел, - мягко пояснил бвана, и мазнув кончиком мизинца по столешнице, облизал палец. Задумчиво причмокнул и закатил глаза... - От сожженной руки мертвеца, казнённого за убийство посредством повешения и похороненного на закате, на кладбище за городом.

Я икнул.

- Это всё вы узнали по вкусу пепла?

- Разумеется, - не изменившись в лице, кивнул бвана. А еще по тому, что я, в отличие от тебя, не спал на лекциях по некромагии.

- Дак вы же их и читали, - резонно заметил я.

- Вот именно! А ты, мой лучший ученик, гордость и надежда отечественной магонауки, не потрудился впитать хоть каплю из того родника знаний, что я безуспешно изливал на твою симпатичную, но тупую башку.

- Да помню я всё, - я даже обиделся.

Нет, правда... Сначала пить целый день напролёт. Затем хватают, бросают в портал и отправляют за пол-мира. Потом цеппелин - ну, о нём я уже рассказывал... А теперь вот, ни жравши ни спавши, заставляют вспоминать курс лекций трёхгодичной давности.

- А если помнишь - напряги извилины и излагай, - строго выдал наставник.

- И пепел пробовать?

- На твой вкус.

Итак... - я повнимательнее присмотрелся к пеплу. Наклонился над столом, принюхался. Затем присел на корточки, чтобы глаза сделались вровень со столом.

Пятерня... Что-то забрезжило на краю сознания. Я перестал дышать - чтобы не спугнуть мысль.

- Ямайка, - уверенно констатировал через пару секунд. - Ум'балеле. Малоизвестное направление, возникшее в группе Антильских островов под влиянием Гаитянского вуду. Пятерня - это их знак. Пепел - пережиток раннехристианской эры, когда причастие совершалось пеплом - типа, сожженное тело господне... Отсюда - рука: в симпатических ритуалах руки казнённых преступников чрезвычайно популярны. Убийцы - так как за воровство смертную казнь

не вменяют... В Англии самым распространенным видом казни является повешение, а то, что преступника не стали хоронить в городской черте - очевидно само по себе; как и то, что случилось это после заката - именно так поступают с людьми, на которых, - я сделал кавычки в воздухе, - не должен изливаться Божественный свет... Что тоже является пережитком, но довольно устойчивым.

- Молодец, - милостиво похвалил бвана. - Пять с минусом за знание материала.

- А почему с минусом?

- Потому что, как действующий оперативник в звании старшего лейтенанта, ты должен был вычислить всё это с первого взгляда, а не после моего нагоняя.

Туше. Когда наставник прав - он прав. Пора перестать, старший лейтенант, ныть по поводу невыносимых условий труда - собственно, а когда по-другому было? И включаться на полную мощность.

- Ладно. Вот мы обнаружили следы ямайканского ритуала в центре Лондона, в кабинете Барсукова. Что дальше? - подстегнул бвана.

- Проверить, не являлся ли сам посланник адептом Ум'балеле.

По пальцам одной руки можно пересчитать случаи, когда Лумумба смотрел на меня с восхищением. Это был один из них.

- Знаешь, это мысль, не лишенная священного безумия. Просто гениально... - я скромно потупился. Гениальным меня еще не называли. - Гениально тупо! Оправдывает тебя лишь то, что ты не был знаком с Барсуковым лично. А потому мог и не знать, что покойный был так называемым Белым магом. Сиречь, человеком, совершенно не способным на общение с потусторонним миром - в любом его проявлении. Впрочем и это не оправдание, - я совсем сник. - Обратив внимание на обилие зелёных насаждений в палатах особняка, их цветущий, ухоженный вид и особенно то, что в одном помещении уживаются совершенно антагонистичные по своей природе виды - он ткнул мундштуком трубки на банановое дерево в кадке рядом с коллекцией кактусов, помещенной в стеклянный виварий - ты должен был мгновенно сделать вывод, что Барсуков был травником. Это его качество, несомненно, является большим подспорьем в сельском хозяйстве, но совершенно непригодно в магии смерти.

Всё эту лекцию Лумумба выдал на одном дыхании. Мне же пришлось безропотно обтекать: ох, рано меня повысили в звании... Машка бы и то быстрее разобралась.

Я вздохнул. Может, в этом всё дело? Без наэлектризованного присутствия напарницы у меня мозги засохли?

- Ладно, ближе к делу, - бвана встал, и аккуратно прицелившись, подул на пепел.

- Эй, что вы делаете? - испугался я. - А как же улики?

- Такие улики к делу не пришьёшь, - скучно вздохнул наставник. - Отпечаток ладони - это тьфу, любой мог оставить. Вот хоть бы и ты. Давай-ка лучше

поищем ещё.

- А что будем делать с Ум'белеле?
- К ним мы наведаемся ночью. И о делах наших грешных покалякаем...
- А здесь такие есть?
- В Лондоне всё есть. Индийские Локапалы, китайские маги Гу, японские Оммыо - каждой твари по паре.

Кабинет был не то, чтобы большой, но какой-то уж очень плотно набитый. И перетряхивать все эти книги, пресс-папье, коллекции курительных трубок, официальных бумаг и неофициальных писем было очень муторно и пыльно.

В бумаги я даже не вдавался - сразу передавал Лумумбе. Он теперь посол, пусть сам и разбирается.

Попутно я продолжал думать. Перебирая трубки, нюхая остывшие угли в камине, ползая по ковру с лупой, я пытался сопоставить некоторые уже известные факты, но это никак не получалось.

- Что-то не сходится, - наконец сказал я, весь красный и потный вылезая из-под стола. Бвана даже не пошевелился. На коленях его лежала стопка разных писем, взгляд без остановки бегал по строчкам.

- Что не сходится? - спросил он отстранённо.
- Обряд Аш'к - Энте не из вуду. Это древняя магия коптов.
- В Ум'балеле есть аналогичный обряд. Сарабанда.
- Это вроде как танец?
- И это тоже, - кивнул учитель. - Но в первую очередь Сарабанда - это восставший мертвец. Причём, восставший не самовольно, а путём очень сложного колдовства.

- Но зачем оставлять улики? - удивился я. - Пепел, рука...
- Послание, - коротко ответил наставник.
- Кому?
- Нам.

Я помолчал, переваривая. Затем осторожно спросил:

- Именно нам, или нам - вообще. Как наследникам Барсукова?
- А ты как думаешь? - хитро прищурился наставник.
- Ну... Это может быть предостережение - мол, не суйтесь в наши дела... Попытка запугать - с той же целью.
- Или открытое письмо, которое может прочесть далеко не каждый, - подытожил бвана. - Да ты ищи, ищи...

- Что искать-то?

Ковёр на полу манил своей мягкостью. Так и хотелось завалиться на него, закрыть глаза...

- Что угодно. Какую-нибудь необычную вещь.
- А разве не лучше поискать самого посланника? - я душераздирающе зевнул. - Помните, как в Мангазее? След зомби...
- Посланник, скорее всего, пребывает на дне Темзы - откуда его и выловит в положенное время полиция, - пробормотал Лумумба, бегло просматривая какое-то письмо. - Его и подняли-то только для того, чтобы затруднить расследование.

- Значит, нужно искать мага. Как в деле Бабы Яги... Привязать магическую

ниточку, да и пойти себе по следу.

- Ты забыл, что за пределами посольства пользоваться магией мы не имеем права.

Я загрустил.

- Значит, по старинке? Опрос свидетелей и скрупулёзное выяснение того, что делал покойный перед смертью?

В этот момент раздалось пение ангельско-адских труб - звонили в дверь.

- А вот и первый свидетель, - довольным тоном заявил бвана, вскакивая со стула и сбрасывая на пол кипу бумаг. - Идём, засвидетельствуем.

- Отчего вы решили, что это непременно свидетель?

- От того, что я заставил их нервничать.

- Через Страйка?

- В том числе. Заявив, что собираюсь не просто занять должность, но и принять горячее участие в расследовании смерти предшественника, я взбаламутил здешний тихий пруд.

Распахнув двери в очередную гостиную - на этот раз с розовой лепниной на потолке - бвана крикнул:

- Ваше превосходительство! Впускайте гостя!

- А может, вы хотя бы переоде... - я хотел попенять Лумумбе, что негоже принимать незнакомых людей в домашнем халате, но осёкся. Бвана был при полном параде: во фраке, белоснежной сорочке и с уложенными волосок к волоску бакенбардами. - Научите меня, как это делается, - с завистью просипел я, оглядывая свою затрапезную джинсовую курточку.

- Хорошо выглядеть целый день - искусство не для всех, - фыркнул Лумумба. - Ты еще не дорос. Так что... - он помахал руками, будто развеивал дым, и я стал невидим. - Не шевелись, - приказал наставник. - А так же не чешись, не чихай и не сопи... Сделай хоть раз в жизни вид, что тебя нет.

Я на эти инсинуации отвечать не стал.

- Леди Чейз! - раздался громopodobный голос орла. Он разнёсся по всем комнатам, перекатываясь гулким эхом в зеркалах и каминных трубах, отражаясь от гладкого натёртого пола и сопровождаясь гулким буханьем литавров.

Пару минут ничего не происходило: бвана замер в авантажной позе, опираясь на каминную полку. Я в уголочке прикидывался веником.

Честно старался не сопеть. Но то ли пепла от ямайканского обряда налетело больше, чем следует, то ли трудолюбие английских горничных было сильно преувеличено, но мне захотелось чихнуть. И так захотелось - просто не утерпеть.

Бвана, чуя неладное, страшно зыркнул - он меня прекрасно видел - белыми глазами. Я зажал нос. Затем, испугавшись, что этого будет недостаточно, скорчил страшную гримасу. От избытка распиравших меня изнутри чувств присел на корточки. Открыл рот и часто-часто задышал... И тут я увидел свою лапу.

Здоровенную, покрытую короткой тёмно-рыжей шерстью, с крепкими чёрными когтями. Чуть не завизжал от неожиданности, честное слово.

А затем вошла Она...

Нет, это вовсе не было бесплотное видение, эфемерный образ, или элегантный призрак. Вот уж призраком я назвал бы её в последнюю очередь.

Она летела над полом стремительной и энергичной походкой. Глаза её сияли жаждой деятельности и любопытством. Фигура была напоена светом, окутанная ярким, канареечно-желтым платьем, а в тон ему - непокорными, торчащими во все стороны кудряшками цвета соломенного мёда.

- Так вы новый посланник? Очень рада. Ну, не то, чтобы рада смерти Барсукова - он был душкой и хорошим собутыльником, но рада тому, что это - вы.

С места в карьер. Ни здрасьте, ни как дела... Дамочка умела взять быка за рога.

- Я? - только и смог вставить наставник в пулеметную очередь коротких фраз, сказанных хорошо поставленным голосом. Тихий человек счёл бы его несколько визгливым или пронзительным, но зато слова чеканились, как на параде: одно к одному, и все во фрунт.

- Слава летит впереди вас, полковник, - выстрелила новой очередью наша гостья. - Лорд Блэквуд все уши прожужжал. Особенно про Мёртвое Сердце. Честно сказать, я устала от его иезуитских проповедей, и решила узнать всё сама. Слава богу, мы живём в современном мире, когда девушка может проявить любопытство к джентльмену, не вызывая лавины кривотолков. К тому же, наша встреча была просто неизбежна: я - именно та дама, с которой Барсуков танцевал, когда в него всадили кинжал.

- Значит, вы являетесь первой подозреваемой.

Наставника было не узнать. Первый красавец Москвы, любимец дам двух континентов, сейчас мямлил и заикался. Я даже наскоро проверил его ауру: вдруг дамочка применила незаметное, но действенное проклятье? Но нет. Леди Чейз была чиста. В этом конкретном смысле, конечно. А в остальном...

- Это замечательно! - захлопала в ладоши гостья, и я вдруг сообразил, что никакая это не дамочка, а скорее барышня. В смысле, что леди Чейз, при всём пристрастии, можно дать не более девятнадцати лет... - Какое захватывающее приключение! Такого со мной ещё не бывало.

Сверкая взглядом, - совсем, как мальчишка, которому в голову пришла свежая мысль выстрелить из рогатки в окно, и только осталось выбрать - в чьё, - она танцующей походкой пробежалась по комнате. Желтое платье из какой-то очень лёгкой воздушной материи в мелкий белый цветочек так и льнуло к её телу.

Набегавшись, леди упала на кожаные подушки дивана - которые при этом издали удовлетворённое "уфф" - и устала глаза на наставника.

- Ну давайте, - прикрикнула она приказным тоном. - Допрашивайте меня. И смотрите: чтобы никакого снисхождения.

- Извольте... - бвана отлепился наконец от камина и сделал шаг по направлению к девушке.

- Ой, собачка! - бодро спрыгнув с дивана, барышня рванула ко мне. Упала на колени, обхватила одной рукой за шею, а другой принялась тормозить, залиристо хохоча. Не могу точно сформулировать, в какой момент у меня начала дёргаться задняя лапа...

- Это ваш? - спросила барышня. - А какой он породы?

- Э... Русский мастиф, я полагаю.

- Ух ты! Я о таких не слышала.

- Новая линия. Недавно появилась.

- Замечательно. Значит, одолжите мне его на пару вязок. Это может существенно разнообразить родословные моих сук.

И барышня полезла смотреть мне зубы. Я увидел любопытный, искрящийся смешинками взгляд у самой своей морды... А потом лизнул её в щеку. Не смог удержаться. Щёчка была нежная, с лёгким румянцем и покрыта мягким пушком. Как мозговая косточка.

- Ванька, фу! - крикнул Лумумба. И уже барышне: - Извините его, леди Чейз. Совсем от рук отбился, мерзавец. Вот я его поводком по мордасам...

- Ну что вы, полковник. Я совсем не обиделась, - барышня легко вскочила на ноги, потрепала меня по ушам и направилась к Лумумбе. - Какие счёты между собачниками...

Ниточка слюны из моей пасти повисла до самого пола.

- Итак, вы танцевали с посланником... - начал Лумумба, когда барышня вновь чинно устроилась на диване. - Простите, леди, я бы предложил вам чашечку чаю, но...

- Да, полковник, почему в доме нет слуг? Вы дали им выходной? Когда я бывала здесь раньше, такого не случалось. Я, конечно, за демократию и всё такое, но ведь и совесть надо иметь: оставить совершенно незнакомых с домом людей одних, без помощников...

- Э... Вы имеете в виду совесть покойного Барсукова? - осведомился как можно вежливее наставник.

- Да нет же. Вилликинз! Здешний дворецкий. Я думала, он хорошо знает своё дело. Это лорд Блэквуд порекомендовал Игнату взять английского дворецкого. Понимаете, Британия... - она сделала гримаску - очень традиционная страна. Здесь плохо поддаются новым веяниям, отдавая предпочтение старым, проверенным шаблонам. Без знания традиций в Англии ты - никто. А посланнику, тем более, такой просвещенной державы, как Россия...

- Было просто необходимо влиться в местное элитное общество, - закончил за неё Лумумба. - Я всё понимаю. Но тем не менее, когда мы с помощником - он бросил смущенный взгляд на меня - прибыли, в особняке никого не было. Кроме Его превосходительства, разумеется.

- Признаться, - леди Чейз заговорщицки подмигнула - я его немного побаиваюсь. А вы?

- В определенном аспекте, - туманно выразился бвана. И немного утомлённо продолжил: - Итак, вы танцевали с посланником...

- Да! Бал в честь дня рождения королевы, - оживилась барышня. - Скукотища. Цветы, подарки, чопорные вельможи... Только с Барсуковым и можно было отдохнуть душой. Он пригласил меня на вальс, мы немножко потанцевали... Затем немножко выпили - Барсуков был непривычно молчалив, мне показалось, его гнетёт какая-то забота, какая-то мысль. Потом мы отправились на второй тур, и только я хотела спросить: - колитесь, посланник, что за камень у вас на душе?... Как он упал. В спине - кинжал, моя перчатка в крови.

- Так вы не видели, кто нанёс удар?

- Ну естественно! Там была давка. Вы не поверите, сколько народу посещает балы у королевы... На танцполе не то, что яблоко - блоха бы не проскочила.

- Ясно, - поджал губы Лумумба. - Значит, опросить свидетелей...

- Все скажут, что ничего не видели, - отмахнулась леди Чейз. - Понимаете, Англия. Все эти лорды, пэры и сэры не признают, что стали свидетелями убийства, даже если будут душить их жен. Причём у них на глазах.

- Стало быть, осмотр помещения...

Я, кажется, понял, почему так злорадствовал инспектор Страйк. Он заранее знал, что нас ждёт.

- А вот с этим я могу помочь, - решительно тряхнула кудряшками леди Чейз. - Так получилось, что у меня при дворе есть кое-какие связи, и... Я вас проведу. Только ночью. Вас устроит?

- Моей благодарности не будет предела, - чопорно кивнул Лумумба.

Я укусил свою подмышку: блохи замучили.

Когда леди Чейз удалилась, клятвенно пообещав, что будет ждать в два часа пополудни у задней калитки Букингемского дворца, Лумумба снова переоблачился в халат, а меня, слава Макаронному монстру, превратил в человека. Мог ведь и забыть...

- Эта женщина, - задумчиво сказал он, посасывая мундштук.

- Девушка, - поправил я. - Ей на вид не больше девятнадцати.

- Это называется деньги, падаван.

- В смысле?

- В том смысле, что леди Чейз выросла в холе и неге. Она не знает, что такое голод и холод. Не представляет, что значит: чего-то хотеть и тут же это не получить... Годы просто стекают с неё, не оставляя никакого следа. На самом деле, ей немного за тридцать.

- Стало быть, она из тех изнеженных барышень?

- Кто сказал, что изнеженных? Ты видел, как она двигается?

Я прикрыл глаза. Носки едва касаются пола, движения легки и уверенны, но вместе с этим очень скупы...

- Она двигается, как опытный фехтовальщик.

- Вот то-то и оно, - прикрыл глаза Лумумба, и снова повторил: - Эта женщина...

- Очень мило с её стороны было прийти, и рассказать нам о Барсукове, - попытался утешить я наставника, а затем непроизвольно почесался подмышкой.

- Рассказать... - повторил наставник, а затем вскинулся: - Чего ты всё время вошкаешься?

- А то, - огрызнулся я. - Могли бы и без блох обойтись.

- Блохи нужны для достоверности образа, - задумчиво пробормотал бвана. - Да не чешись ты. Пойдём в город - купим тебе противоблошиный шампунь.

- А ты заметил, что она нам так ничего и не сказала? - вдруг спросил учитель. - Нет, брат ты мой. Она приходила не давать показания. Она приходила знакомиться. Посмотреть, что мы из себя представляем. Попробовать, так ска-

зять, на зуб...

- Да ведь она даже не магичка, - заметил я, пытаюсь дотянуться зубами до области между лопаток. К сожалению, возможности человеческой анатомии этого не позволяли.

- Не магичка, - согласился Лумумба. - Но может ею стать в любой момент. Потенциал - ого-го.

А я вспомнил, как поначалу наставник мямлил и тушевался. Это он её сканировал... Хитрец! Даже я ничего не почувствовал.

- Всё-таки кое-что она сказала, - заметил я. - Барышня была очень близка к покойным. И здесь, в особняке, бывала неоднократно.

- И сейчас она приходила, чтобы проверить: что изменилось, - кивнул Лумумба. Статус ей позволял вызвать нас к себе, причём, в приказном порядке. Но она пришла сама...

- Потому что хотела в чём-то убедиться, - добавил я. - И что-то проверить. Вопрос - что?

- А вот это, - Лумумба поднялся. - Мы узнаем сегодня ночью.

Глава 4

Глава 4

Поспать нам так и не удалось. Едва дверь закрылась за леди Чейз, появились слуги: кухарка и горничная. Я с ними не разговаривал, но слышал, как их строго отчитывали Его превосходительство.

Орёл долго пенял женщинам за то, что те оставили боевой пост, но потом смиростивился и отпустил - наказав впредь исполнять обязанности, как подобает.

Лумумба, со своей стороны, с обеими познакомился - элегантно поцеловал ручки и расшаркался, включив обаяние на тысячу пятьсот вольт.

- Ликом чёрен и прекрасен... - восхищенно поделилась кухарка с горничной, когда обе проходили мимо меня по коридору.

Я увязался за ними - от кухарки вкусно пахло холодцом и свежим хлебом. Ах да... Во избежание коллизий меня опять превратили в пса. О каких таких "коллизиях" шла речь, наставник не упомянул, только бросил вскользь, что так со мной проще общаться.

Да я не в обиде. Во-первых: на кухне меня тут же накормили, и не чем-нибудь, а первоклассным борщом с обрезками мяса и размоченными в нём кусками хлеба. Во-вторых - слуги меня совсем не стеснялись, что позволяло незримо присутствовать при разговорах.

Так я выяснил, что покойного Барсукова в доме любили, потому что был он свой, русский - не то, что эти чопорные англичашки. Приходил посидеть по вечерам в людскую - когда дела позволяли - любил немножко выпить в своей компании, и сыграть по маленькой в дурачка. А еще с огородом помогал: под его хозяйским взглядом морковка из земли так и пёрла, так и пёрла.

Что леди Чейз - звали её, как выяснилось, Амалия, - бывала в особняке за просто, и очень интересовалась магией. В чём Барсуков ей в меру способностей помогал...

Что Вилликинз - тот ещё сморчок: ходит в таких же слугах, как и они, а нос дерёт, как благородный. Вот и накануне смерти Игнат Степаныча с самого утра куда-то запропастился, и ключи от сейфа в кабинете уволок - все с ног сбились, разыскивая, но ни ключей ни дворецкого так и не нашли...

И самое главное: под утро, после того, как покойного доставили в особняк и его освидетельствовал доктор, они, служанки, честно пытались остаться - негоже покойника одного бросать; но вдруг навалилась такая беспросветная тоска, да еще с головной болью, с ломотьём во всех косточках, что обе от греха ушли по домам. Отлёживались целый день, и только сейчас, к вечеру, почувствовали силы вернуться на работу.

Последнее полностью подтверждало мою теорию о произведенном в особняке ритуале Аш'к-Энте, который требует большого количества жизненной силы.

Отсюда вопрос: как мог быть произведен ритуал, если слуги в это время были в доме?

Ответ: колдун воспользовался кровью, которая осталась на кинжале. Имея кровь жертвы, вовсе не обязательно присутствовать на месте лично...

Еще вопрос: где кинжал?

- Спишь, падаван?

Я так и подскочил. И вовсе я не спал... Так только, обед переваривал.

- Идём. До встречи с королевой нужно кое-что уладить в городе.

- ?..

- Нет, превращать в человека не буду, не обессудь. Ты мне и так нравишься.

Надо бы потренироваться в магии метаморфоз. Сразу, как выпадет свободная минутка...

Когда мы вышли на улицу, почти стемнело. По улице вновь полз туман - желтый, как топлёное молоко. Деревья выступали из него подобно постовым, которым предстояло вечно охранять один и тот же дом...

По живой изгороди за спиной зашуршало, я инстинктивно зарычал. Но тут же успокоился: запах варенья, жевательной резинки и слегка поношенных шерстяных носков с головой выдавал Петьку. Опять шпионить намылился... Теперь уже за нами.

Я вопросительно посмотрел на бвану. Тот кивнул, и неторопливо натягивая перчатки, тихонько скомандовал:

- Петр Петрович, предстань пред светлы очи.

Шуршание стихло. Затем раздалось громче, и на дорожку рядом с нами вылез мальчишка, в тёмной курточке, джинсах и ботинках на толстой подошве. На голове его опять была кепка, козырьком назад. Спереди на лоб свешивался клоч соломенных волос.

- Вы что, на тайную встречу инкогнито собрались? - вместо приветствия спросил ребенок.

- С чего ты взял? - Лумумбе явно не понравилось, что пацан так быстро его раскусил.

- А по собаке. Уж больно масть приметная... Совсем, как кудри у вашего помощника. А зачем превращать человека в пса, если не для тайного мероприятия?

Лумумба хрюкнул.

- Я сразу догадался, что вы маг, - удовлетворённо кивнул мальчик. - Только не такой, как дядя Игнат... Тот мог апельсин - вот такой - из зёрнышка вырастить, а вы, значит, людей в собак... А меня превратите?

- Много будешь болтать - обязательно, - с чувством пообещал Лумумба. - Только не в большого красивого пса, а в такую... знаешь, на тонких лапках...

- Ага. У леди Амалии есть, - ничуть не испугался ребенок. - Черчиллем кличут. Ух и зловредный этот Черчилль! Чуть что, за пятку - хватать!

- Во-во, - похлопал его по голове наставник. - Так что подумай...

- А чего тут думать? - пожал плечами Петька. - Я вам помочь хочу. Мне дядю Игната знаете, как жалко?

- А отца не жалко?

- Папаня пили уж очень. И дрались. Без него даже лучше, честное слово. А вот дядь Игнат...

- Ладно, скажи-ка друг любезный, ты Лондон хорошо знаешь?

- Еще бы! Хайгейт, Хэмпстэд, Марлебон, Ислингтон, Паддингтон...

- И где там можно купить Пыльцу?

- Пыльцу-у-у?.. - мальчишка почесал под кепкой. - А у вас разрешение есть?

- Ну разумеется, - не моргнув глазом соврал Лумумба.

- Это хорошо, - кивнул пацан. - Идите тогда на Портобелло, это рынок такой. Там - магические лавки. Они и торгуют Пыльцой.

- А если на минутку представить, - бвана присел рядом с Петькой на корточки. - Что разрешения у меня всё-таки нет. Потерял. Тогда что?

- Тогда - в юго-западный боро, - шмыгнул носом мальчишка. - В Ньюхэм или на Собачий остров... Только это опасно.

- Ничего, мы справимся.

- И с Дементорами?

- С кем с кем?

- Такие охранники. Их Белый Совет Магов призвал... Появляются там, где твориться что-нибудь незаконно-магическое, и выпивают душу.

- Белый Совет, говоришь? - усмехнулся Лумумба. - Ну-ну...

Петьку он уговорил остаться. Поручил следить за домом: кто приходит, кто уходит, кто мимо шастает слишком часто... Его превосходительство, мол, изнутри дом охраняет, но на улицу ему хода нет: как хранитель, он к месту приязан. А нам до зарезу нужно знать, что в округе твориться.

Первые пару кварталов я еще прислушивался: не идёт ли пацан следом, но потом успокоился. Видать, в бедные районы мальчишке и самому не больно-то хотелось соваться.

Шли неспешно. Бвана решил, что бесполезно будет прогуляться, взглянуть на Лондон изнутри. Я не возражал. В собачьем теле бегать - одно удовольствие.

Пока мы шли, одежда наставника претерпевала изменения. Из Харрингтон-хауса вышел солидный господин в цилиндре, крылатке и с тросточкой, по Кенсингтону шел обычный прохожий в приличном твидовом пальто, а к Ньюхэму подходил бродяга, закутанный в драный клетчатый плед, в цилиндре с

оторванным верхом и с тележкой из супермаркета, в которой громоздилась куча всяческого тряпья.

- Лондон подобен огромной сточной канаве, которая влечет преступников, перекупщиков и бродяг, - пояснил бвана, отвечая на мой немой вопрос.

Себя я со стороны не видел, но количество репьев в хвосте и тусклая, свалывшаяся шерсть говорили о том, что из холёного русского мастифа я превратился в дикого ирландского волкодава.

Впрочем, внешность наша менялась сообразно городу: тенистые сады за изящными коваными решетками сменились на высокие каменные заборы, затем - на прилепленные друг к другу домишки, которым задний дворик заменяла бетонная площадка с мусорными бачками.

Потом пошли и вовсе трущобы: десятиэтажки с сплошь заколоченными первыми этажами, с выбитыми стёклами, с граффити везде, где можно и где нельзя...

Здесь надо пояснить, что на самом деле Лондон огромен. Пересечь его в какие-то полчаса просто нереально - если ты не маг уровня Лумумбы. Бвана применил тот же метод, что и в Африке: с каждым шагом он "протыкал" пространство таким образом, чтобы оказаться в намеченной точке кратчайшим путём.

Собаки видят в чёрно-белом диапазоне. Так считали учёные до Распыления - мне об этом Машка рассказывала. Только они, эти учёные, забыли про нюх... А запахи могут быть совершенно любого цвета. Даже того, которого нет в природе.

Трущобы пахли коричнево, с зелёными крапинками - как старая бумага, на которую недавно наблевали. И наделали еще чего похуже. Но собаки к запахам относятся несколько по-другому, чем люди, поэтому мне тут даже нравилось.

Давно просроченные консервы, застойная вода, гнилые листья. Тусклый, как потемневшее серебро, запах старости. Забористый, как штопор, дух немых тел, засорившейся канализации и вываленных прямо на улицу отходов и горький душноватый запах каменного угля... А уж над всем этим витал тонкий, всепроникающий запах корицы... Пыльца.

Трущобы, или как их называл Петька, боро - были просто пропитаны Пыльцой. Она сочилась из канализации, из трещин в асфальте, из щелей в заколоченных окнах... Она источалась из людей - неопрятных, закутанных в тряпье фигур с такими же, как у бваны, тележками, а еще от неприглядных куч прямо на асфальте, под стенами домов, в тёмных узких переулках...

Бездомные, - понял я. Они спали прямо на земле, в лучшем случае подстелив под себя тонкие листы пластика или ветхого, серого от старости картона.

Многие, завидев Лумумбу, заинтересованно шевелились - новичок вызывал законное желание поживиться; но завидев меня - я каждый раз подпускал слюны на язык и скалил клыки - отворачивались, всем видом показывая, что

до новоприбывшего им нет никакого дела.

- А вот и наши знакомые с раскрытой ладонью, - негромко заметил Лумумба после получасового блуждания в катакомбах разрушенных домов, кивая на ларёк, притулившийся у подножия шлакоблочной десятиэтажки.

Окна дома почти все были заколочены фанерой, но из многих высовывались трубы самодельных печек, нещадно дымивших.

Ларёк же являл собой образец творческого подхода к архитектуре. Он был слеплен, сколочен и связан из разнокалиберных листов мутного от старости пластика, тряпок, рубероида и клеёнки. На единственном, засиженном мухами до полной непрозрачности окошке зиял отпечаток ладони, выполненный зловещей красной жидкостью, с потёками и характерным запахом.

- Томатный сок? - спросил Лумумба, держась от ларька на почтительном расстоянии.

Я пошевелил бровями и оскалился.

- Мне нравится их чувство юмора, - кивнул наставник, и смело шагнул к ларьку, постучал в окошко.

В дверь стучать не представлялось возможным: вместо неё колыхалась такая занавеска из длинных листов полиэтилена. Как в морге.

После стука бваны эта занавеска чуть шевельнулась, выпуская на улицу клуб едкого, но в чём-то очень приятного дыма... Каннабис. Запах знаю, но пробовать не приходилось.

- Входи, бро. И да прибудет с тобой Джа.

Голос был праздным и досужим. Он никуда не спешил. И ничего не боялся. В его бархатном малиновом тембре угадывалось обещание вечности: все, мол, там будем. Но зачем торопиться? А еще предупреждение: если поведёшь себя неправильно, можно немного и поспешить...

Лумумба шагнул внутрь. Я просунулся за ним.

На топчане возлежал чувак с бородой, похожей на сильно запущенный, совершенно дикий лес, в желтом шелковом халате и с громадным ятаганом на поясе. Сквозь клубы каннабиса пробивался запах цыплёнка карри и немывтых ног.

- Добро пожаловать в Бобо Ашанти, - сказал чувак. Борода его шевельнулась, как живое существо, и внутри неё что-то завозилось. Я непроизвольно зарычал.

- Четвероногий брат почуял мою зверушку, - ласково сказал незнакомец, полез под бороду - Лумумба напрягся - и извлёк на свет крошечное пуховое существо, одновременно похожее на цыплёнка и на кошку. Существо поморгало большими удивлёнными глазками, потянулось, а затем вспорхнуло и приземлилось мне на голову. Я застыл.

- Дух Тафари принял тебя, бро. Ты хороший человек.

Бородатый спустил босые ноги с топчана, пинком отбросил грудку тряпья, которая громоздилась на полу, и открыл люк. Я заглянул. Ржавая лестница уходила куда-то в глубину, и освещалась через равные промежутки электрическими лампочками.

Однако. Настоящее электричество! Богато живут господа растафари...

- Идём, бро. Покинем Вавилон и вкусим дух свободы.

И он начал спускаться. Пуховое существо сорвалось с моей головы и устремилось за хозяином. И только сейчас до меня дошло, что это - непомерно раскормленная летучая мышь...

Лумумба - который, кстати сказать, не промолвил ещё и слова - двинул за ними. Я тоненько заскулил.

Наставник воззрился на меня с недоумением. Я поскрёб лапой край колодца.

- Ах да, - бвана легкомысленно махнул рукой, и я превратился в себя.

Голого и босого. А на улице, между прочим, почти ноль градусов...

- Прикройся чем-нибудь, - сердито бросил бвана, скрываясь в трубе.

Вот те раз! Себе, значит, личины, как перчатки меняет, а мне и плохонького костюмчика соорудить ленится?

Пришлось подобрать с пола то, что валялось в куче: клетчатую, пропотевшую под мышками рубаху с оборванными пуговицами и широкие брезентовые штаны.

Брезгливостью я с детства не страдал, так что облачился спокойно - вещи ещё и по размеру подошли. Будто меня ждали.

Обуви, правда, не нашлось, ну да мы люди не гордые. Из колодца веяло теплом, нагретой землей и терпким духом скошенной травы...

Плантация. Другое слово не подходило. Теплица - слишком мелко. Огороды, вроде как, на открытом воздухе разводят... Вот и вышло, что попали мы с бваной на громадную, расположенную в сети бывшей подземки, плантацию конопли.

Лампы под потолком давали яркий свет, где-то в отдалении тарахтел генератор - производители самого распространённого в мире наркотика спокойно могли себе позволить тратить просто ТОННЫ бензина.

По бокам туннеля, в громадных чёрных мешках из-под мусора, высились здоровенные, как кукуруза, побеги, с крепкими, сочными листьями. Из мешков в разные стороны лезли корни и сыпалась рыхлая чёрная почва...

- Связь чуешь? - спросил бвана негромко, когда наш проводник скрылся за очередным кустом.

- Барсуков был травяным магом, - так же шепотом ответил я.

- То-то и оно, - скорбно покивал бвана.

Я вполне его понимаю: версия, что посланника убили Растафари, сыпалась на глазах. Им это просто невыгодно...

- Дело даже не в версии, - угадал мои мысли Лумумба. - А в том, зачем нас на неё навели?

- А не могли эти поклонники травки сами оставить знак? - спросил я.

- Могли, - кивнул бвана. - Но не стали бы.

- Почему?

- Это не в их духе. Расты верят, что миром правит дух Джа. Он сводит нужных людей, позволяет совершаться нужным событиям... Но как-бы без вмешательства людей.

- Поэтому наш проводник не удивился, когда увидел нас на пороге?
- Именно. Для него это прямая связь: Барсуков умирает - мы появляемся.
Знак.

Шли мы довольно долго - у меня даже ноги заболели. Непривычные к босому передвижению ступни натёрло, я отбил большой палец о старые рельсы и страшно замёрз: тепло от преющей почвы поднималось вверх, а по ногам дуло, как в ледяной трубе.

Плантации конопли сменились палатками и кибитками, цветными шатрами и целыми вагонами - их сняли с колёс и поместили у стены, чтобы оставался проход с одной стороны.

В вагонах и кибитках жили люди. Белые, чёрные, жёлтые, шоколадные - всех цветов и размеров. Объединяло их одно: спокойные, чуть подёрнутые пьяной мутью глаза.

Дух каннабиса здесь был особенно силён. Клубы дыма окутывали золотистой аурой всё, что было в подземелье.

- Бобо Ашанти - одна из самых больших в мире обитателей Растафари, - негромко сказал бвана. А я в очередной раз подивился обширности и широте его познаний.

- Добро пожаловать в Сион, бро, - услышав наставника, широко улыбнулся наш проводник.

Моё превращение из собаки в человека не произвело на него никакого впечатления.

- Зачем мы здесь? - спросил Лумумба как можно вежливее.

- С вами хочет говорить патриарх.

- Он не знает, кто мы такие.

- Поверь, бро. Он - знает.

Летучая мышь на плече у бородатого широко открыла клювик и издала неслышный писк - только в ушах запузырилось.

Наконец нас подвели к вагону, поставленному на кирпичи в отдалении от других. Рядом с ним было организовано большое кострище, тоже выложенное тёмными кирпичами - вынутыми, очевидно, из стен туннеля.

- Входи, бро. И да прибудет с тобой Джа.

Проводник уселся в раскладное кресло рядом с вагоном и достал из-за уха громадных размеров самокрутку. На нас он больше не смотрел.

Как только бвана шагнул к дверям вагона, те разъехались в разные стороны и я понял, что это сработал какой-то механизм.

Мы вошли.

Дым внутри стоял так плотно, что я закашлялся. Закружилась голова... Я пошатнулся, и чтобы удержаться на ногах, схватился за какой-то тёмный предмет, на ощупь похожий на сушеный кокос. Как назло, именно в этот момент дым поредел, и я с ужасом увидел, что это вовсе не кокос, а мёртвая голо-

ва.

Пергаментная кожа, дырки на месте глаз и носа, сухой пучок волос на макушке, провалившийся рот с остатками зубов... Голова крепилась к такой же высохшей шее, которая переходила в... В общем, это была как бы мумия. Или очень усохший зомби.

Первой моей реакцией было отдернуть руку, но тогда голова, которая держалась на позвонках с помощью проволоки и такой-то матери, непременно отвалилась бы, а я привык относиться к мертвецам с уважением. А еще я их страшно боялся.

Так что руку я разжал осторо-о-ожненько, убедившись, что ничем не успел навредить.

- Извини, брат, - тихо сказал я.

Нет, конечно, я мог бы пробудить его к жизни. Влить толику своей силы, наполнить влагой кожу и мышцы. Но, честно говоря, я считал это... Не совсем этичным, что-ли. Одно дело - пробудить спавшего миллион лет тираннозавра. Всё равно, что позвать поиграть заскучавшего щенка... Человеки - другое дело. Не разобравшись, отчего они умерли, какие чувства испытывали перед смертью, да и хотят ли воскресать вообще - лично я поднимать людей отказываюсь.

Смерть - дело сугубо индивидуальное, и вмешиваться в процесс - всё равно, что впереться в чужую спальню во время полового акта. И ближнему кайф обломал, и самому стыдно...

При беглом осмотре помещения оказалось, что таких вот пересушенных мумий здесь десятка два. Все они были одеты в разнообразные костюмы - от ветхих, почти истлевших лохмотьев до вполне современных нарядов. Все сидели, стояли и лежали в очень человеческих позах. Как в музее восковых фигур, где изображаются различные сценки из жизни общества. Только наоборот.

Впрочем я сразу сообразил, что одна из мумий - живая... Знаете, это наверное профессиональное. Вот обычный человек почти всегда, в большинстве случаев, может отличить мужчину от женщины. А я могу отличить живую мумию от мёртвой...

Собственно, это была не вполне мумия. Просто очень, очень старая дама. Такая сухая и морщинистая, что практически не отличалась от интерьера.

Разумеется, она курила трубку. Дым из этой трубки и заполнял вагон, словно слон - спичечный коробок.

Лумумба сдержанно поклонился. Он тоже увидел старую даму. И намного раньше, чем я.

- Добрый день, леди, - мило поздоровался он.

- Здравсьте, - поклонился я.

- И вам не хворать, люди добрые, - сказала старуха очень молодым, веселым голосом. - Я Кебра. Кебра Негаст.

- Я слышал о вас, - намного более уважительно, чем раньше, поклонился бвана. - Полагаю, нам представляться не обязательно?

- Я тоже слышала о тебе, Папа Легба, - Кебра выпустила густой, как комок желтой ваты, клуб дыма. - Наш братан от другой маман, - она хихикнула, об-

нажив вполне себе крепкие, хотя и коричневые зубы. - Чем мы можем помочь тебе, бро?

- А почему вы решили, что мне нужна помощь?

- Ведь ты же пришел к нам, верно?

Один-ноль в пользу старушки.

- Буду с вами откровенен, леди, - повинился бвана. - Я пока не знаю, что ищу. И поэтому не знаю, что мне нужно.

- Игенатте был нашим другом, - вновь пыхнула трубкой старуха. - Он помогал растить дух Джа.

- Я ни в коем случае не обвиняю в его смерти вас.

- Мы знаем, - как болванчик, закивала старуха. Я затаил дыхание: - думал, у неё отвалиться голова.

Но нет. Обошлось.

- Духи предков сказали нам, что ты должен искать в большом доме на воде.

Духи предков? - я удивился только в первое мгновение. А затем... Нет, Завесу я открывать не стал - отлично помнил, что по этому поводу думает местное правительство, но я и так мог почувствовать...

Связь этих мумий с их ушедшими за Завесу душами была очень сильна. Они буквально СТОЯЛИ на грани Того света и Этого.

Здесь какая-то магия, - догадался я. - Странная, незнакомая, но... очень близкая. Они научились обходить запрет.

Завесу они не открывают. За них это делают духи... Протягивают, так сказать, руку помощи. А так же ногу, голову и печень... Хитро.

- Дом на воде, - повторил Лумумба.

- Большой дом на воде, - поправила Кебра. - Очень большой.

- Спасибо, буду иметь в виду, - поклонился бвана.

- Но ты должен отыскать... своего духа, - добавила старуха. - И для этого тебе нужна...

- Пыльца.

- Мы называем это Вавилонским грехом, - вновь кивнула старая ведьма. Поверьте, я её так назвал исключительно из уважения и огромного пиетета.

- Но тем не менее, культивируете.

- Дух Джа не запрещает зарабатывать, если очень хочется, - пожала плечами Кебра. - Тебя снабдят всем необходимым.

- Спасибо, - в очередной раз поклонился наставник. - Но... что взамен? - старуха подняла вылезшие брови. Выглядело это, я вам скажу, устрашающе. Будто всё её лицо, сместившись на черепе, поползло вверх... - Я хочу сказать, что никто не помогает просто так, верно? В чём ваша выгода?

Кебра мелко захихикала. Будто уронили горсть бисера.

- Дух Джа сказал нам дружить с тобой, чёрный брат. А он дурного не посоветует. На этом свете, или на том... Сочтёмся.

Поклонившись, Лумумба шагнул к выходу. Двери открылись и он вышел.

- Для тебя, друг мёртвых, у Джа тоже есть послание, - сказала старуха мне в спину. Я обернулся. - Когда увидишь дух Тафари, послушай его.

Старуха выпустила такой клуб дыма, что я вновь закашлялся, и поскорее выкатился из вагона, чтобы глотнуть относительно свежего воздуха.

Наверх нас вывел тот же бородатый чувак. Летучей мыши при нём уже не было, зато был солидный такой чемоданчик, который он передал Лумумбе, со словами: - подарок от Кебры, бро.

А на поверхности нас уже ждали...

Глава 5

Глава 5

Грязные серые полотенца полоскались в воздухе на уровне второго этажа. Вокруг всё омертвело. Только ветер гнал по растресканному асфальту сбившуюся в комки пыль...

- Что это, бвана? - тупо спросил я.

Полотенца мне активно не нравились. Было в них что-то неправильное, не людское. От слова "нелюдь".

- Это Дементоры, - спокойно сказал бвана и отщелкнул застёжку чемоданчика. Терпко пахнуло корицей.

Вывернутые души, - определил я, хорошенько присмотревшись. - Сиречь - души людей, намеренно и невинноубиенных, отправленных в Навь, а затем вытащенных обратно, - эта мысль заставила содрогнуться от ужаса. - Кому пришло в голову сотворить такую мерзость?

- ВЫ ОБВИНЯЕТЕСЬ В НЕЗАКОННОМ ПРИМЕНЕНИИ МАГИИ - раздалось с вмиг почерневших небес.

От этого голоса, казалось, позвоночник высыпался в штаны, а сердце превратилось в неприятную хлюпающую сосульку.

- ОПУСТИТЕСЬ НА КОЛЕНИ И ПОЛОЖИТЕ РУКИ НА ЗАТЫЛОК.

- Бвана, что будем делать? - спросил я, изо всех сил сопротивляясь пронзительному ветру, который задул со всех сторон сразу.

- В три касания, как обычно, - скомандовал наставник, щелчком отправляя в полёт голубую таблетку Пыльцы. Я поймал её зубами, как пёс - видимо, сказался остаточный рефлекс пребывания в собачьей шкуре.

- Вы серьёзно? - на всякий случай переспросил я. - Это же, вроде как государственные служащие...

- Эти госслужащие сейчас сделают из нас котлетки под клюквенным соусом, - предупредил бвана и поднял руки в классической позиции "Марти-хор". - ВАН... ТУ... ФРИ!

Из грязных полотенец вытянулись усики силы, похожие на виноградные. На глазах они утолщались и уплотнялись, свивались в канаты и... тянулись к нам.

Мы с бваной обрывали эти усики, но их становилось всё больше, они были всё настойчивее и быстрее. Там, где они касались кожи, появлялись мокрые язвы - не в прямом смысле, конечно. Дементоры рвали в клочья наши ауры.

Они старались добраться до самого сокровенного, до центра, до человеческой сущности. Они пытались выпить наши души.

Если Дементорам это удастся, от нас с учителем не останется ничего: ни следа, ни памяти, ни знака. Ни на Том свете, ни на Этом. Мы просто перестанем Быть - во всех смыслах.

Лумумба растянул над нами защитный кокон. Он прогибался и трещал, как скорлупа яйца, которое слишком сильно сдавили в ладони. Дышать становилось всё труднее - в кокон не поступал даже воздух.

Они пользуются силой Нави, - подумал я. - Как существа с Того Света, они черпают столько силы, сколько не снилось ни одному магу! И тратят её на то, чтобы пить души людей...

Безумцы! - подумал я про тех, кто призвал Дементоров. - Они сами не признают, какую силу выпустили в наш мир...

- А ведь их создал Белый Совет, - пробормотал бвана между двумя заклинаниями.

- Тогда чем же у них занимается Чёрный? - резонно спросил я, помогая ему удерживать силовой щит.

- Может, организовывает внеклассные чтения и вышивания крестиком? - проскрипел наставник.

Лицо его посерело от напряжения, по вискам, теряясь в бакенбардах, лил пот.

- Сейчас я сделаю одну штуку, - вдруг сказал он. - Как только увидишь просвет - беги.

- Вы что, с ума сошли?

- Любой ценой доберись до Седого и расскажи, чем они тут занимаются. Давай! АЙБ. БЕН...

- Стойте! - я схватил бвану за руку. Пальцы завибрировали - как если б я ухватился голой ладонью за высоковольтный провод. - Я знаю, что нужно делать.

- Ваня, не дури! - закричал наставник. - Нужно, чтобы ушел хоть кто-то. Остальные должны узнать...

- Я ЗНАЮ, ЧТО ДЕЛАЮ! - рявкнул я в ответ. Может, немного импульсивно, но согласитесь, меня можно понять: дорогому наставнику приспичило пожертвовать жизнью в самый неподходящий момент... - Дайте мне пару минут!

- Хорошо, - проворчал Лумумба. - Пару минут я тебе обеспечу. Но потом...

- Да понял я, понял... - кажется, это я сказал про себя.

А потом закрыл глаза - так мне всегда легче перешагнуть в Навь - и сосредоточился.

В первый миг я даже усомнился, что попал туда, куда нужно. Тот же запущенный двор, та же десятиэтажка. На месте ларька Растафари, правда, росло разлапистое дерево с большими, похожими на уши слона, листьями...

Значит, всё-таки Навь. Но какая-то мёртвая, сухая. Как пустыня, в которой десять тысяч лет не выпадало и капли дождя.

Эта искореженная, покалеченная Навь не имела ни цвета, ни вкуса, ни запаха. Она даже меня не узнала.

Из неё высосали всю энергию, - понял я. - По крайней мере, из близлежащих к Завесе районов... На месте некоторых домов высились замысловатые конструкции, будто сделанные из колючей проволоки или шипастой паутины. Между ними зияли трещины, из которых курился вонючий дым и время от времени вырывалось пламя. Еще из трещин слышались крики: будто там, в глубине, с кого-то живьем сдирали кожу...

Адский Ад, - подумал я, полный праведного негодования. - Это во что ж они

превратили Потусторонний мир? Не удивительно, что в Навь никого не пускают: любой нормальный маг с глазду двинется, узрев такой беспредел...

Вдалеке показалась красная точка. Я непроизвольно прикипел к ней взглядом, потому что это было единственное яркое пятно в чёрно-сером мире.

Точка приближалась. Я уже смог различить, что это конь. Конь горел. Его грива, хвост, копыта пылали, как адская топка. Из глаз и ушей вырывался чёрный дым.

На спине его сидел всадник...

Точнее, всадница. В сотканном из огненных всполохов платье, с красными длинными волосами и глазами цвета рассветного неба. С белой, как снежинки на воде, кожей.

На поясе её висел горящий меч.

Сжав кулаки, я приготовился к... Ну не знаю. Наверное, ко всему. Вряд ли дамочка с огненным мечом будет со мной церемониться. Я чувствовал в ней такую же природу, как и в Дементорах - Вывернутую, преображенную, пропитанную силой Нави.

Она была прекрасна.

- Что делаешь ты здесь? - спросила всадница, когда конь подскакал так близко, что чуть не затоптал меня копытами.

- Сражаюсь за свою жизнь, - просто ответил я.

- Я чувствую в тебе родственную душу, - сказала она. - Но я знаю, что ты - чужой. Кто ты?

- Я - человек. И я - Проводник.

Она немного помолчала.

Здесь надо пояснить: пока дамочка тихо склоняла чело в раздумьях, конь под ней гарцевал, подобно небольшому, но очень яростному тайфуну. Воздух кипел вокруг его копыт, от гривы сыпались искры, а из пасти вырывалось пламя.

- Я понимаю, о чём ты говоришь, - вдруг сказала она. - Ты помогаешь живым стать мёртвыми.

- В некотором смысле - да. Так и есть.

- И ты можешь мёртвое сделать живым.

- Только на время. Равновесие должно сохраняться.

- Я хочу заключить с тобой сделку, - внезапно сказала она.

Конь всхрапнул и обрушил на меня передние копыта. Чтобы устоять на месте, мне пришлось призвать все свои силы, всё своё мужество и самообладание. Но я справился.

Почти.

Во всяком случае, когда - и если - я попаду обратно в Правь, портки всё-таки лучше сменить.

- Чего ты хочешь? - крикнул я, вытирая с лица кровавую жижу, которая у коня сходила за слюни.

- Верни моих подданных домой. И я помогу тебе обрести всё, что пожелаешь.

- Ты говоришь о Дементорах?

- Вы, люди, зовёте их так. Для меня они - Сихои. Братья.

- Я... Я не знаю, как это сделать!

- Ты сможешь, - невозмутимо улыбнулась всадница, обнажив крупные, как

у тигра, клыки. - Я вижу.

Развернув коня, она дала ему шпоры.

- Как тебя зовут? - крикнул я в порыве вдохновения.

- Королева Мэб, - донёс ветер. Сама всадница уже исчезла.

Тогда я распахнул Завесу и шагнул назад, в Правь.

Дементоры, почуяв ветер родного мира, взвыли, и бросились к проёму.

Они забыли про бвану и меня, забыли про весь живой мир - твари рвались на родину. Завеса рухнула за моей спиной, будто груженная свинцом, и Сихои врезались в неё, как ледоколы в старый паковый лёд. Они давили и давили, они пытались рвать Завесу когтями - используя при этом силу и мощь, которой хватило бы на создание нового мира.

Но они не могли пробиться - заклятье британских магов не давало Завесе сдвинуться с места. Но ведь у меня же получилось! Да, но ведь это же я... В смысле: одно дело - пройти самому, используя путеводную нить к Алатырь-камню, а совсем другое...

Заворчав, будто меня вновь превратили в собаку, я обеими руками ухватился за край Завесы и потянул. Она немного подалась. Сихои взвыли.

Раскорячившись, будто тянул из земли здоровенный корень, я потянул что есть сил. В спине затрещали все жилы, а босые ноги на сантиметр погрузились в асфальт.

Заорав, чтобы снять напряжение, я со всей мочи рванул, и... приоткрыл Завесу на пару сантиметров. Этого хватило. Дементоры метнулись в просвет, с грохотом и воем продрались между Правью и Навью и исчезли.

Завеса, будто сделанная из бетона, рухнула назад. А я упал на задницу.

Лумумба, кряхтя, опустился рядом.

- Знаешь, - сказал он, задумчиво доставая из жилетного кармана тонкую сигарету - правда, уже прикуренную. - Я слишком стар для этого дерьма.

- Вы в курсе, что вот за такие кренделя на нас и напустили Дементоров? - кивнул я на сигарету, одновременно вытирая пот с лица и шеи. Ноги гудели, будто я камни пинал.

- Именно об этом дерьме я и говорю, - кивнул наставник. - Но я не привык отказывать себе в маленьких удовольствиях.

Он передал мне сигарету, я с удовольствием затянулся. И только потом понял, что это марихуана. Вот те раз!

- А как же пагубное воздействие наркотиков на Пыльцу? - сразу вспомнились другие кренделя. Которые Лумумба выписывал на крыше трактира, стоило ему нюхнуть героина...

- Это праведный План, - пояснил учитель. - Джа позаботится о том, чтобы нам не было плохо.

Я только пожал плечами. Нет, честно: если учитель предлагает кайфануть, кто я такой, чтобы отказываться?

К тому же, мне сразу стало легче. Сердце, которое в последние несколько минут сдавливала чужая холодная рука, отпустило, в голове прояснилось и даже ноги стали болеть гораздо меньше.

К этому времени на дворе уже была глубокая ночь. Казалась она еще темнее и непрогляднее из-за густого тумана, щедро приправленного угольной пылью: заводы Британской Империи продолжали работать и днём, и ночью. Чёрные закопчённые трубы высились по всему берегу Темзы, а над Ньюхэмом ви-

сел сплошной чёрный смог - ветер постоянно сносил дым в низовья реки.

Из подворотен, подвальных окошек и других неприглядных щелей на нас уставилось множество глаз. Нет, подходить никто не собирался - отголоски нашей битвы с Дементорами почувствовали, надо думать, все. Даже существа, начисто лишённые магии.

И то, что после неё мы остались в живых, служило явным доказательством нашей с бваной крутости.

Но взгляды были недобрыми. Изучающими. Выжидательно-нетерпеливыми. И в конце концов, кто им запретит применить такое проверенное временем средство, как камни, вывороченные из мостовой и запущенные нам в головы с безопасного расстояния?

Мы пришли на их территорию. И привели с собой неприятности.

- Надо убираться, - сказал я, с трудом подтягивая под себя ноги и вставая.

- Самое время, - кивнул Лумумба, хватаясь за протянутую мной руку. - До встречи в Букингемском дворце осталось меньше часа.

Святой Макаронный монстр! Я совсем забыл о дворце...

Прихрамывая на обе ноги, задыхаясь, я припустил за бваной. Он, конечно, тоже был не жеребец - битва изрядно потрепала нас обоих. К тому же, ломка от передоза Пыльцы началась гораздо раньше, чем обычно. Джа там или нет, но приём наркотиков всегда выходит боком. Как не изворачивайся.

Босые пятки глухо бухали в мостовую. Я то и дело оскальзывался, один раз подвернул ногу и со всей дури грохнулся на развороченный асфальт - только искры из глаз.

Наставник, убежавший далеко вперёд, - ему-то хорошо в сапогах на толстой подошве - остановился, вернулся, и погладил меня по голове. Как маленького.

- Потерпи, Ванюша, сейчас я тебе амнистию выпишу... - непонятно выразился он и щелкнул меня по лбу.

Всё сразу встало на свои места. Босые ноги были уже не ноги, а крепкие копыта со стальными подковами, и было их четыре, а не две...

Вскочив мне на спину, Лумумба закричал:

- Нно, залётные! - и мы понеслись.

Ветер свистел в ушах, грива развивалась, хвост стоял трубой. Глаза получили такой большой обзор, что я видел узкую улицу сразу с обеих сторон - и даже немного сзади. В груди грохотал могучий стосильный молот, лёгкие наполнялись кислородом, а копыта так врезались в мостовую, что оставались здоровые вмятины.

Нет, ну каков! - думал я про себя, пока копыта выбивали искры из мостовой. - Ай да бвана, ай да молодец...

До Букингемского дворца домчали в два счёта - каким-то чутьём Лумумба направлял меня в нужные улицы.

Узкие проезды сменялись широкими, полными света газовых фонарей проспектами здесь, в отличие от трущоб, жизнь была ключом.

Люди прогуливались по тротуарам, заходили в ярко освещённые магазины и рестораны, катались в открытых пролётках и ландо.

Здесь не было никакого тумана, весь он остался там, в низинах, на заболоченных берегах Темзы. Здесь же река светилась девственной первозданной чистотой, позвякивала браслетами мостов и сияла диадемами бриллиантовых огней.

Люди здесь были другие. Хорошо одетые господа и дамы, в цилиндрах и кринолинах, - на нас с бваной они оглядывались неодобрительно, поджав губы и приставляя к глазам диковинные очки на длинных палочках.

Им не было никакого дела до запустения и нищеты бедных районов. Они чувствовали себя хозяевами жизни.

Роняя с морды хлопья пены, я наконец остановился у высокого, с коваными пиками забора, за которым угадывался пышный сад. За темнеющей в ночи зеленью светились высокие окна дворца...

- Прибыли? - спросил я, как только Лумумба спрыгнул на землю и взял меня под узцы. Ну, на самом деле, вышел один храп, но я ведь думал, что он сейчас превратит меня назад... Он и превратил.

В собаку. Час от часу не легче...

- Извини, падаван. Выскажешь всё, что обо мне думаешь, потом. Как-нибудь. На досуге, если он у нас когда-нибудь будет... А пока - ты разве забыл, что леди Чейз очень понравился русский мастиф удивительной рыжей масти?

Я коротко рыкнул. А что тут скажешь? Мы, животные, - твари хоть и божьи, но бессловесные...

Пройдя вдоль забора немалое расстояние, мы обнаружили калитку. У калитки нас ждали. Собственно, это была сама леди Чейз - в чёрной кожаной куртке, таких же бриджах и высоких мотоциклетных сапогах. Удивительные волосы её были собраны в высокий хвост, кожа лица сияла бледной чистотой, а глаза светились искренним интересом.

- А вы пунктуальны, - заявила она вместо приветствия, и потрепала меня по голове.

Я непроизвольно растянул губы в улыбке. С языка закапала слюна, и бвана незаметно пихнул меня в бок коленом. Я захлопнул пасть и постарался принять важный и неприступный вид. Но хвост продолжал вилять сам собой...

- Вы тоже, - бвана поклонился и галантно поцеловал протянутую белую ручку. - У вас не будет из-за нас неприятностей?

- Как я уже говорила, у меня есть кое-какое влияние. Ну, и сам дворец я знаю как свои пять пальцев, так что, - она легкомысленно пожала плечами.

- Много времени это не займёт, - пообещал Лумумба. - Заранее извините за беспокойство.

- Я уже говорила, что хочу помочь, - леди Чейз отвернулась и лёгкой походкой опытной фехтовальщицы рванула по узкой, выложенной белым кирпичом дорожке. - Игнат Степанович был мне дорог, - она приобернулась на мгновение. - Как друг... А еще его ценили при дворе как хорошего политика и дипломата. Не все, но многие.

Ну что можно сказать о дворце? Это был дворец. С высоченными потолками, лепниной, золотыми украшениями, картинами и портьерами.

При ходьбе мне пришлось то и дело втягивать когти - чтобы не царапать паркет. Пахло вокруг по-разному: старыми пыльными коврами, газовым светом, ружейной смазкой и порохом... С далёкой, погруженной в подвальные глубины кухни доносились запахи копчёного окорока и тушеной капусты.

Во всех коридорах стояли часовые. В красных мундирах, при саблях и золотых аксельбантах. Все они были магами, доверху заправленными Пыльцой. И все они, когда мы проходили, смотрели вперёд, пустыми синими глазами.

Леди Чейз порхала мимо них, как мотылёк над чертополохом. Совершенно

не замечая...

- Вы выглядите уставшим, полковник, - заметила она на пороге зала, размерами схожего с футбольным полем у нас в Академии. - Чем вы занимались остаток дня?

- Да так, - легкомысленно пожал плечами Лумумба. - Разбирал бумаги, то сё... Не привык к сидячей работе. Я ведь оперативник.

- Вот как, - вежливо подняла идеальную бровь леди Чейз. - Тогда вам была бы интересна необыкновенная вспышка магии в районе Ньюхэма. Туда даже послали Дементоров, но...

- Но?

- Мне передали, что ничего не вышло, - бесподобно владея лицом, ответила леди Чейз. - Ни магов, ни Дементоров - просто растворились, словно из никогда и не было.

- Ну надо же, - вежливо поддержал беседу Лумумба.

- Премьер-министр в ярости, - сообщила девушка отстранённо. - Послал своих лучших людей - найти этих магов...

- Почему вы думаете, что их было несколько?

- Не я, - фыркнула красавица. - Лорд Блэквуд. Он считает, что справиться с Дементорами могут лишь маги исключительной силы... И теперь опасается за безопасность страны. Уверяет, что они проникли на территорию Англии с террористическими намерениями.

- Подумать только, - холодно заметил наставник. - Лорду Блэквуду действительно не позавидуешь. Столько забот...

- Лично я думаю, он сгущает краски, - глядя прямо в глаза Лумумбе, сказала леди Чейз. - Мне почему-то кажется, что эти маги преследуют какие-то свои цели. И если они и связаны с Британской империей, то не хотят причинить ей зла.

- Лорд Блэквуд - политик, - пожал плечами учитель. - А политики всегда сгущают краски, это их хлеб. Что до заезжих магов... А почему вы не думаете, что это кто-то из своих?

Леди Чейз рассмеялась. Немного искусственно, надо признать.

- Наши маги все на виду. Их способности измерены, взвешены и подсчитаны. Они связаны жестким кодексом, а так же условностями своего окружения.

- То есть, вы абсолютно исключаете появление... так называемых "диких" магов, - сказал Лумумба. - Тех, кто мог приобрести Пыльцу на чёрном рынке на свой страх и риск...

- Лорд Блэквуд утверждает, что это абсолютно исключено, - сказала леди Чейз. - Дементоры как раз и призваны следить за всеми перемещениями Пыльцы... В том числе.

А я вспомнил тот чемоданчик, который нам передал Раста. М-да, дела... Значит, вот на что приманили Сихоев. А ведь Кебра об этом знала.

Старуха нас испытывала, - шумно вздохнув, я посмотрел снизу вверх на бвану. - Все почему-то хотят нас испытать... Ну, будем считать, что испытание мы прошли успешно, - подумал я. Вопрос в другом: как пережить его последствия.

К тому же, я не успел рассказать бване о королеве Мэб...

- Вот этот зал, - сказала леди Чейз, подводя нас к третьему помещению, по размерами не уступающему футбольному полю. - Именно здесь проходили

танцы, а праздничный банкет - дальше. Но он так и не состоялся: королева, расстроенная гибелью посланника, удалилась к себе и гости быстро разошлись.

Окна огромные, от пола до потолка. Сейчас была ночь, и на паркетных пашках лежали тяжелые квадраты лунного света. Дальний конец зала утопал в тенях. Воздух был пропитан магией, как посудная губка хорошей хозяйки - мыльной пеной. Она пузырилась, искрилась, подобно праздничным гирляндам на стенах, и стелилась по полу, как призрачный туман.

Эти следы остались от множества людей. Создавалось впечатление, что маги со всех концов земного шара собрались тут, чтобы устроить вечеринку. Они веселились, пуская магические шутихи, фейерверки и салюты, наколдывая бабочек, напуская райских птичек и творя розовых единорогов.

Я вновь поглядел на наставника и тоненько заскулил. Бвана задумчиво кивнул.

- За подготовку к балу отвечал, я полагаю, лорд Блэквуд? - спросил он. Леди Чейз кивнула.

- Он устроил здесь сады Семирамиды. Иллюзия, в точности передающая роскошь прошлых веков. Был даже стеклянный пол, под которым плавали золотые рыбки... - она хихикнула. - Надо было видеть лица неподготовленных вельмож. Все боялись промочить ноги.

- Значит, для нас ничего не найдётся, - констатировал бвана. - Если Барсукова убили каким-то магическим способом, его следы совершенно скрыты за остальными.

- Но его закололи кинжалом, - подняла брови леди Чейз. - Я же вам говорила: мы в этот момент танцевали... Мы были вот здесь, - она прошла на середину зала и остановилась в одном из лунных квадратов. - Рядом никого не было, так что... О. Простите. Я об этом не подумала. Если вокруг нас было пустое пространство, то как...

- Кинжал можно было метнуть, - сказал Лумумба, подходя к девушке, беря её за талию и начиная медленно вальсировать под неслышную музыку. - Вы знаете кого-то хладнокровного, с отличным глазомером и чувством ритма, кто мог ловко метнуть кинжал, проплывая в танце мимо вас на расстоянии двух-трёх метров?

- В зале было несколько военных, - кивнула леди Чейз. - Но я не могу представить, чтобы кто-то из них испытывал неприязнь к русскому посланнику...

- Да что вы? - притворно удивился Лумумба. - К человеку, представляющему единственную страну, способную встать на пути у британской экспансии? Вы правы. Военные - сплошь благородные, честные люди.

- Я могу поручиться за каждого из них, - отчеканила леди Чейз. Выпрямившись, гордо подняв голову, она не уступала в росте Лумумбе.

- Тогда у меня остаётся еще одна версия, - всё так же танцуя, сказал Лумумба. - Его убили вы.

- Я?

- Ну разумеется. Если остальные версии оказываются несостоятельными, остаётся единственная. Вы были рядом с ним, вам ничего не стоило спрятать кинжал... Да хоть в рукаве платья. Отсюда вытекает вопрос.

- Какой?

- Леди Чейз, куда вы спрятали орудие убийства?

Глава 6

Глава 6

Разбудило непонятное шебуршание. Будто кто-то елозил чем-то железным в замочной скважине.

Я вскочил с коврика, завертелся на месте, не понимая, что происходит. И только увидев, как открывается входная дверь, пришел в себя.

Человек был одет в чёрную, с серебряным позументом, ливрею и напудренный парик. Бархатные штаны под коленками были перехвачены пышными шелковыми бантами, а туфли украшены такими пряжками, что некоторые не постеснялись бы надеть и на шею. В виде броши или кулона.

Важный человек, однако, - подумал я. - Вон как нос задирает. Будто он король, или еще кто...

Хорошенько рассмотрев гостя, я рывкнул от чистого сердца:

- Здравствуйте!

Гость поперхнулся, сделал шаг назад, не удержался на ступеньке, поскользнулся и сел на задницу. Парик съехал на бок, ноги взлетели выше головы.

Я бросился поднимать.

Гость, вместо того, чтобы принять мою помощь, тоненько взвыл и попытался уползти как был, на карачках. Да что ж такое! Я к нему всей душой, а он...

- Ваня, сидеть!

Не знаю, чего бвана добавил в голос, но мою задницу шмякнуло о землю так, что хвосту больно стало.

И тут только до меня дошло... Человек открывает дверь своим ключом - значит, не ожидает от оной никакого подвоха. И тут на него бросается громадный пёс... Моё радостное "Здрассте" он слышит как "ГАВ - ГАВ" - и что ему остаётся делать? Хорошо, в обморок не брякнулся.

- Чем могу помочь, уважаемый? - праздно привалившись к косяку двери, спросил Лумумба.

Был он в давешнем бухарском халате, в шелковых туфлях и белоснежной сорочке, запахнутой на груди так, что виднелась чёрная могучая поросль на груди.

- Я Вилликинс, - избавившись от моего назойливого внимания, гость быстро обретал былую надменность. - Служу здесь дворецким. А вы, сэр?..

- Василий Лумумба, - бвана тряхнул чубом. - Служу здесь русским посланником.

Осторожно обойдя меня по широкой дуге, Вилликинс снова взобрался на крыльцо и подошел к бване, внимательно того осматривая - словно наставник - скаковая лошадь, которую тот собирался купить. И выискивал изъян, чтобы сбить цену.

- Что-то не так? - спросил Лумумба, не привыкший, чтобы к нему относились, как к мебели.

- Мне казалось, что определение "русский" подразумевает несколько иной цвет кожи, сэра.

- А мне казалось, что дворецкие должны быть несколько выше ростом, - добродушно пожал плечами бвана. - Но я же не капризничаю.

Надо сказать, что наш новый знакомый действительно был невысок. Метр с кепкой на коньках - так у нас говорят... Невеликий рост он пытался компенсировать напыщенной надменностью.

Но рядом с бваной это вообще мало кому удаётся.

Даже Товарищ Седой как-то признался, что рядом с Лумумбой у него по коже будто бегают толстые шустрые мурашки и всё время хочется выпить... Чего уж говорить о таком изнеженном существе, как английский дворецкий.

- Если вы позволите, сэра, я найду всего на пять минут - забрать кое-какие личные вещи. Затем я вас покину, чтобы больше не беспокоить, - промямлил Вилликинс, окончательно угаснув под взглядом Лумумбы.

- Что так? - прищурился бвана. - Не нравится мой цвет кожи?

- Вовсе нет, сэра. Полагаю, что после допущенной мной бестактности...

- Ну что вы, - махнул рукой Лумумба. - Я не обиделся. Так что, можете приступить к своим обязанностям.

- В самом деле, сэра?

- Если вас всё устраивает, разумеется.

- В таком случае, спешу сообщить, что вам письмо, сэра. Через час вас ожидают на Даунинг стрит-десять.

Дворецкий протянул бване большой белый конверт, запечатанный сургучной печатью. Лумумба конверт взял, оторвал край - чем вызвал лёгкую мученическую гримасу у Вилликинса - и вытащил несколько листов бумаги. Наскоро их просмотрел...

- Из министерства, - пояснил он мне через пару минут. - Хотят, чтобы мы предоставили верительные грамоты, ну и... утрясли кое-какие производственные моменты.

Тот факт, что его новый работодатель имеет привычку разговаривать с собакой, Вилликинс принял со стоической невозмутимостью.

- Коляску подадут через три четверти часа, - с достоинством сказал дворецкий. - Завтрак будет ожидать в утренней гостиной через пять минут.

Такая оперативность учителя удивила.

- Слышал, конюх неделю назад скончался... - начал он.

- Я взял на себя смелость нанять местного парня, сэра. Как раз сегодня закончилась его проверка на лояльность, и он готов приступить к обязанностям. Впрочем, если у вас на примете другой кандидат...

- Нет! - Лумумба выставил перед собой ладони. - Делайте, что считаете нужным. Вижу, посольство в хороших руках... Так что, - он поглядел на меня. - Идём позавтракаем, что ли?

Я двинулся к крыльцу. И тут случилось удивительное: крошечный дворецкий, вытянувшись во весь рост и мужественно выпятив челюсть, заступил мне дорогу.

- В чём дело? - спросил нетерпеливо шеф. Я же негромко твякнул - чем вызвал новую бурю в районе напудренного парика Вилликинса.

- Осмелюсь вновь вызвать ваше неудовольствие, сэр. Но собака должна остаться здесь. Я могу заказать комфортабельную будку и отличную крепкую цепь. А так же собачий корм и надлежащий намордник.

Это он уже со зла.

- Какая собака? - наивно подняв брови, спросил бвана.

- Та, что находится у меня за спиной, сэр, - сказал дворецкий.

Я же - у него за спиной - спешно принимал свой первоизданный облик.

- Разрешите представить: мой помощник и адъютант, старший лейтенант Иван Спаситель.

Невозмутимостью бваны можно было колоть орехи. В пыль.

Когда Вилликинс обернулся, я как раз искал, что бы на себя накинуть, но кроме густых кустов рододендрона, не нашел ничего подходящего. В них залезать я не стал. Уж больно колючи. А в моём нынешнем положении...

- Вот как, - только и сказал дворецкий, наблюдая мои неуклюжие попытки выглядеть презентабельно в голом виде. - В таком случае, сэр, я посоветовал бы вам одеться. В доме находятся женщины. Горничная, - Вилликинс повёл носом. - И насколько я могу судить по запаху яблочной запеканки - кухарка.

- Вот блин, о них-то я и забыл... - смутился наставник. Щелкнул пальцами и я вновь стал собакой.

Нет, доведет он меня до цугундера этими превращениями. Туда-сюда, туда-сюда... Каждый раз потом такое чувство, что блохи прямо под кожей бегают, и всё время хочется погрызть кость.

На Даунинг-стрит мы отправились как белые люди, в карете с кучером и лакеем на запятках. Я и не знал, что у нас есть специальный лакей, вся обязанность которого - помочь нам сесть в карету, а по прибытии на место - выйти из оной.

Лумумба пытался робко возразить, что дверцу он и сам способен открыть - не безрукий, чай. Но Вилликинс был непреклонен. Регламент, этикет, предписания и распорядок - эти слова он произносил, как заклинания - в полной уверенности, что они произведут на нас надлежащее воздействие.

И ведь произвели.

- Вы ведь на самом деле не думаете, что Барсукова убила леди Чейз? - спросил я, когда мы, сопровождаемые неспешным цокотом копыт, откинулись на подушки.

За завтраком поговорить не удалось: Вилликинс настоял, что он непременно должен прислуживать за столом - будто сами мы и салфетки на шею не повяжем.

Отродясь не пользовался я салфетками. Нет, вы не подумайте, сиживал за

столом. И ложку с вилкой держать умею, но... Салфетки? Жесткие сооружения из льна и крахмала, с вышитым гербом Российской империи в одном углу и вензелем посольства в другом.

Они были отглажены до состояния картона и сложены с таким знанием законов аэродинамики, что летали не хуже бумажных самолётиков... Что я и продемонстрировал - заработав неодобрительный взгляд дворецкого.

Интересно, за что он меня не любит?

- Женщина, которая так искренне, заливисто расхохоталась на мои обвинения, вряд ли окажется виновной, - ответил бвана на мой вопрос.

- А может, леди Чейз хорошая актриса? - спросил я.

- Ну конечно, она актриса, - согласился бвана. - Как и любая дама из высшего общества, с детства приученная скрывать эмоции. Но её смех был искренним.

- Жалко, что мы так ничего нового и не узнали, - вздохнул я.

- Это ТЫ ничего не узнал, - фыркнул бвана. - Впрочем, чего еще ожидать от пса?

- Сами виноваты, - огрызнулся я. - Превращаете бесперечь туда-сюда... Так и последний ум растерять можно. А... Что вы узнали?

- Например то, что смерть Барсукова именно в этом зале была спланирована заранее.

- Вы же говорили, что так не сходится. Что если бы её планировали - сделали бы намного проще.

- Я передумал, - пожал плечами наставник. - Могу я передумать, или нет?

- Да сколько угодно, - обиделся я. - Только какой в этом толк?

- А такой, что появились новые факты.

Бвана упорно молчал, делая вид, что его чрезвычайно интересует пейзаж за окном кареты.

- Может, поделитесь? - не выдержал я.

Пиджак был невероятно тесным. Да еще и на горло мне намотали двухметровый, наверное, платок - так что голова торчала из него, как шарик для гольфа из лунки. Очень неудобно.

- Смерть конюха, - сказал Лумумба после того, как решил, что помучил меня достаточно.

- Почему о ней не знали в Москве?

- Потому, что кто-то уже начал планировать устранение Барсукова. Возможно, Незнанский стал подопытным - на нём проверяли то, чем хотели убить посланника.

- Или он что-то узнал.

- Петька сказал: папаня сильно пил, - поджал губы Лумумба. - Так что вряд ли. Пьяницы редко замечают что-то вокруг себя...

- Но это не объясняет, почему Петька даже получил соболезнования, а министерство в Москве - ни сном ни духом.

- Просто в тот момент они не были готовы к нашему приезду, - высказал догадку наставник. - Поэтому и сымитировали ответ из Москвы... А вот через неделю, когда совершили покушение на самого Барсукова - нас уже ждали.

- То есть, "они" - я сделал кавычки в воздухе - были уверены, что пришлют

именно нас?

- Иначе не стали бы замораживаться с некромагией. Это - приманка. Даже если бы на должность прислали кого-то другого, например - Алёшу Белозёрова...

- То он, опознав обряд Ашк'энте, всё равно вызвал бы нас, - закончил я.

- Так что остаётся запросить официальное разрешение на расследование смерти посланника Барсукова - и мы попались.

- В смысле?

- В смысле - это даст понять нашему противнику, что мы заглотили приманку.

- Но ведь мы её и вправду заглотили, - недоумевал я. - Надо разобраться, кто устроил обряд, куда делось тело... Где орудие убийства, в конце концов.

- Я тебе так скажу, Ваня, - наклонился наставник к самому моему уху. - Наживка наживке рознь. Пока они ловят нас, мы будем охотиться на них... Так что не зевай.

К серому, ничем не примечательному зданию мы подъехали, когда часы били полдень.

- Рад приветствовать вас официально на территории Британской Империи.

Лорд Блэквуд был, как сказала бы Машка, личностью байронического склада.

А мне он просто не понравился. Особенно гладкие, зачёсанные на пробор волосы. Прилизанные - вот нужное слово. И смазанные таким количеством коровьей слюны, что хватило бы на трёх телят.

Кабинетик у него был крохотный, захламлённый бумагами до такой степени, что легко сошел бы за конверт. Наверное, таким способом досточтимый лорд подчёркивал своё скромное место слуги народа. Хотя огромный бриллиант в галстук не вязался с образом изнурённого работой клерка.

За маленьким приставным столиком сидело и вовсе жалкое существо со сморщенными ушами, похожим на картофелину носом и испачканными чернилами губами. Оно носило серый тусклый костюм и чёрные нарукавники. И непрерывно скрипело гусиным пером в какой-то нескончаемой бумаге, верхний конец которой рулоном заворачивался на столе, а нижний уходил куда-то под ноги.

- Также я уполномочен передать о безмерной радости королевы. У нас, в Англии, наслышаны о подвигах майора Лумумбы и его верного стажера Ивана Спасителя.

Из-за тона премьер-министра, а также его позы и выражения глаз не очень-то верилось в его буйную радость.

- Полковника, - скромно поправил наставник. - Полковника Лумумбы и старшего лейтенанта Спасителя. Но к чему эти церемонии, - тут же махнул он рукой. - Вот наши документы.

- С ними ознакомится мой секретарь, - лорд Блэквуд небрежно смахнул пачку бумаг со своего стола на маленький, за которым сидело существо в нарукавниках. Видать, оно и являлось секретарём. - Я же хотел просто с вами познакомиться, - протиснувшись мимо нас, он распахнул дверь в коридор, приглашая нас на выход. - И принести извинения от себя лично - за то, что не уберегли господина Барсукова. И за прискорбный инцидент вчера вечером.

У лорда Блэквуда была не очень приятная манера говорить. Он цедил слова, едва разжимая губы - будто боялся, что за лишнее придётся платить. Еще он всё время прикрывал глаза и потирал пальцами правой руки лоб, словно никак не мог избавиться от мигрени.

- А что случилось вчера вечером? - невинно спросил Лумумба, не спеша избавиться лорда Блэквуда от своего присутствия.

- Дементоры, - отвечивал тот таким тоном, будто лишился любимого зуба мудрости. - Вы же не думали, что столь значительное событие, как пропажа двух стражей порядка, пройдет незамеченной?

- Лучше бы побеспокоились о том, что ваши стражи нападают на невинных туристов, - съязвил я. Не удержался.

"Прискорбный инцидент" - значит, так это у них называется. Нас чуть не лишили душ, а значит, и всякой надежды на посмертный покой - а для них это всего лишь инцидент.

- Мой коллега прав, - вдруг сказал наставник. Я расправил плечи. "Коллега" - так он меня еще никогда не называл... - Вам повезло, что мы оказались квалифицированными специалистами и приняли должные меры защиты, - когда бвана хочет, он просто принц крюкотворства и канцелярита. - Иначе официальная нота протеста от правительства Российской Империи не заставила бы себя ждать. И это могло привести к катастрофическим последствиям... Вы же не хотите воевать с Россией, верно?

- Воевать? - лорд Блэквуд плотоядно облизнулся. - Разумеется, нет. Но...

- Но?

- Вы нарушили около семнадцати законодательно утвержденных правил занятий магией... Так что, если на то пошло, Дементоры были в своём праве.

- Но мы обладаем всеми привилегиями дипломатической неприкосновенности.

- Разумеется, - поднял руки премьер-министр. - Но только после ОФИЦИАЛЬНОГО вступления в должность.

- Которое состоится...

- Как только вы подпишете все необходимые бумаги, пройдёте тест на предрасположенность к магии и засвидетельствуете свой статус на аудиенции у королевы. Не беспокойтесь, всё это пустые формальности, которые не займут много времени. Не больше недели, я полагаю. Дней десять - максимум.

- Дней десять?

- Не больше месяца в любом случае, - лорд Блэквуд обезоруживающе улыбнулся. - Наша система... не славится излишней гибкостью, но зато отлажена безупречно. Не беспокойтесь, как только всё будет улажено, вам пришлют уведомление.

- А пока...

- А пока - вам не рекомендуется покидать Хэррингтон-хаус без особого разрешения. Разумеется, всё необходимое вам будут доставлять по первому требованию. В течении двух-трёх дней, не больше. Неделя - макс...

- Я понял, - невежливо перебил лорда Лумумба. - Вы сажаете нас под домашний арест.

Глаза Блэквуда стали похожи на двух мух, замёрзших в сугробе.

- Не стоит играть моими словами, - тихо сказал он.

По кабинету пролетел порыв ледяного ветра. Вислоухий эльф уронил перо и полез за ним под стол.

- А я вовсе не играю, - мило улыбнулся Лумумба. - Сегодня же Товарищ Седой получит полный отчёт о том, как с нами обращается британское правительство. Более того, смерть Барсукова теперь представляется мне в совсем другом свете...

Я понял, что бвана провоцирует премьер-министра. Он мог проглотить оскорбление, вернуться в посольство, и преспокойно продолжить заниматься расследованием втихаря - под покровом ночи, например. Но он намеренно шел на открытый конфликт. Зачем?

- Вы меня неправильно поняли...

- А ведь королева обещала ЛИЧНУЮ поддержку Товарищу Седому, и - как его представителю - мне. Она сказала... Как же это там? - наставник закатил глаза к серому потолку, будто припоминая. - Да, точно: - к скорейшему разрешению ситуации и выяснению всех фактов прискорбной кончины русского посланника".

- Она так сказала? - недоверчиво переспросил Блэквуд.

- Точнее, написала. В письме. Которое в данный момент находится в заговоренном сейфе, в кабинете товарища Седого. Хотите проверить?

- Не помешало бы, - процедил премьер-министр.

- Нет ничего проще, - обезоруживающе улыбнулся Лумумба. - Будете в Москве - непременно загляните в Останкинскую башню, на сто тридцать пятый этаж, и поинтересуйтесь у магистра Седого лично. Уверен, он не откажет. Во всяком случае, рассмотрит вашу просьбу. Выслушает - это уж точно. Или... можете спросить напрямую у королевы.

Лорд Блэквуд покачался с носков на пятки. Я прямо таки слышал, как скрежещут его зубы.

- В этом нет необходимости, - наконец выдавил он. - Я... лично побеспокоюсь, чтобы вам выдали временное разрешение на оговоренные инструкцией действия - в пределах Лондона, разумеется. Вы получите его немедленно.

Последние слова больше походили на удар хлыста.

Да, бвана умеет разозлить собеседника. Когда сильно этого захочет.

Когда мы подъезжали к Харрингтон-хаусу, солнце уже тонуло в свинцово-угольном бульоне заката.

- Да, если ЭТО у них - ускоренная процедура о предоставлении временного разрешения... - я уважительно потрогал толстенную папку, переплетенную, как я подозревал, в кожу горгоны.

После того, как лорд Блэквуд, поручив нас своему секретарю, стремительно удалился, сославшись на неотложные государственные дела, мы с бваной потратили часа четыре на бесконечные формуляры, формы и прејскуранты.

То, что сейчас находилось в папке у меня на коленях - было вторыми экземплярами всех документов, трудолюбиво прочитанных, заверенных и подпи-

санных Лумумбой и мною. Здесь же находилась толстая пачка квитанций за уплату сотни пошлин - на покупку и употребление Пыльцы; на виды колдовства - каждое в отдельности; на ношение соответствующих одежд (мантии и шляпы); на владение рабочим инструментом (волшебная палочка); на владение магическим животным - (фамилиар по прейскуранту); на изготовление артефактов малой мощности; на покупку артефактов малой мощности (покупать, а так же изготавливать артефакты, превышающие мощностью триста магоампер было строжайше запрещено);

Там было еще что-то, я уже не помню... У эльфа к концу нашего марафона уши сплошь были в чернильных пятнах - он имел привычку закладывать за каждое оттопыренное ухо по два-три писчих пера на всякий случай, а с них бесперечь капали волшебные чернила.

Лумумба сидел, откинувшись на подушки и прикрыв глаза. Я же никак не мог устроиться: пресловутая палочка никак не помещалась ни в карман, ни в рукав, ни за пазуху... зачем нам вообще выдали эти абсолютно бесполезные предметы - ума не приложу.

- Ну что ты опять вошкаешься? - вскинулся на меня наставник.

- Да палочка эта...

Я вытянул руку, чтобы рассмотреть кривоватую, слегка потёртую "модель номер двадцать три" - как обозвал её пресловутый эльф. По-моему, её срезали с ближайшего бука, который произрастал у дверей в здание министерства.

- Забавная вещица, - согласился наставник, как ни в чём ни бывало, извлекая озвученный предмет из жилетного кармана.

Его палочка, кстати сказать, была совершенно прямой, имела слегка усеченную к кончику форму и сплошь была покрыта каким-то растительным орнаментом.

- Зачем нам это? - не унимался я. - Колдовать-то всё равно нельзя. Разве что молоко сквашивать. Или бородавку кому-нибудь на нос посадить...

- Но-но, не вздумай, - строго одёрнул меня Лумумба. - Порча - злостная магомалия под номером шестнадцать дробь три. Карается лишением магических прав сроком на три месяца.

- Да помню я, помню. Я пошутил.

- То-то же.

- А чётко он сдудся, когда вы письмо королевы упомянули, - припомнил я один из самых приятных моментов сегодняшнего дня. - Я сам чуть икать не начал.

- Эх Ваня, - вздохнул Лумумба. - Нельзя тебе играть с тузами на прикупе.

- В смысле?

- В смысле, что письмо - это был блеф чистой воды. А ты нас чуть не выдал. Хорошо еще, этот лорд на тебя внимания обращал столько же, сколько на своего секретаря.

- Блеф? - опешил я. - А как же цитаты, и монаршьи заверения... А вдруг он поймёт?

- Разумеется, он сразу всё понял.

- Но...

- Но ведь оставалась крошечная, почти незаметная возможность, что я прав. А спрашивать королеву о её личной переписке...

- Не посмеет даже премьер-министр.
 - Разумеется, он будет препятствовать нам всеми доступными способами.
 - Но мы ведь тоже не лыком шиты, правда бвана?
 - Да как сказать, - наставник вздохнул. - Если ты внимательно прочитал все формы и предписания, то должен понимать, что прав на расследование у нас с тобой - примерно, как у частных детективов. То есть, мы можем задавать вежливые вопросы, а вот отвечать на них никто не обязан. Право арестовать преступника мы тоже не имеем - для этого нужно вызывать полицию.
 - Ага, чтобы все лавры этому Страйку достались.
 - Что уж тут уж, - философски пожал плечами наставник. Придётся обойтись без лавров.
- В этот момент карета остановилась. Сквозь шторы пробивался мутный серенький свет - уже почти стемнело. Не дожидаясь, пока дверцу распахнет лакей, я открыл её сам, и потягиваясь, шагнул на подножку. Замер. Повёл головой туда-сюда...
- Бвана... Кажется, у нас неприятности.
- Вокруг чернел непроходимый лес. Ни лакеев, ни кучера в пределах видимости не наблюдалось.

Глава 7

Глава 7

- Очень интересно, - сказал бвана, выходя из кареты.
 - Да чего тут интересного? Темень вокруг, хоть глаз коли.
 - А ты помолчи. Может, что-нибудь и почувствуешь.
- Я послушался. Закрыв глаза, вдохнул полной грудью...
- Магия, - сказал я. - Много. Очень много... Погодите, а как это возможно? - открыв глаза, я обошел карету кругом. - Ведь, если верить всем этим предписаниям и формулярам, нам магии полагается - с воробьиный клюв.
 - Вот сейчас и узнаем, - спокойно сказал Лумумба и кивком указал за деревья.
- К нам приближалась процессия светлячков. Они плыли над землёй торжественно, неторопливо, на высоте человеческого роста, и было их где-то с дюжину.
- Деревья, когда их высвечивал тот или иной огонёк, казались древними великанами, сплошь поросшими мхом, с узловатой тёмной корой и громадными ветвями. Там и сям были протянуты нити паутины.
- Светлячки двигались меж ними длинной вереницей, один за другим.
- Бвана, заложив руку за отворот смокинга, ждал отстраненно. Я же никак не мог успокоиться: чесалось между лопатками, свербело в носу и даже волосы на голове нет-нет, да и шевелились. И это при том, что никакого ветра не было и в помине.
- По мере приближения светлячков запах корицы становился всё гуще, всё насыщеннее, будто там, за деревьями пряталась печь, в которой как раз подходил яблочный пирог...

Наконец все светлячки собрались на поляне, перед каретой. Именно в этот

миг из-за туч показалась луна - чересчур драматично, на мой взгляд. И в холодном голубоватом свете мы разглядели широкополые островерхие шляпы, просторные плащи и солидные седые бороды.

Да это волшебники! Они будто сошли с картинки из какой-нибудь книги сказок. Туфли с пряжками, полосатые чулки, волшебные палочки и тонны гонора.

На кончиках палочек и сияли яркие огоньки, которые я принял за светлячков.

- Приветствуем вас на священной земле Альбиона, - сказал самый толстый волшебник, делая шаг вперед. Остальные застыли за ним полукругом, торжественно и безмолвно.

Мы с бваной молча поклонились. У наставника это вышло естественно и изящно, у меня же, при наклоне, пиджак на спине треснул и разошелся по всей длине. Я покраснел: звук был такой, будто я, в простоте душевной, пустил ветры при всём честном народе.

Волшебники не подали виду - истинный пример английской невозмутимости.

- Мы приглашаем вас на Великий Шабаш, в качестве гостей и посланцев из другого мира, - продолжил говорить самый толстый.

- Другого мира? - удивился Лумумба.

- Как хранители ИСТИННЫХ магических традиций, мы не одобряем занятий чёрной магией, - раздался другой голос. Не такой торжественный и более гнусавый. Исходил он из-за спины первого волшебника. - А еще мы боимся зомби.

- Может, не надо заострять на этом внимание ПРЯМО СЕЙЧАС, Марвин? - спросил Первый уголком рта. - Мы же, в конце концов, хотим протянуть руку помощи...

- Просто я хочу, чтобы все точки над "и" были расставлены сразу, - сказал Марвин.

- Да, конечно, но сейчас...

- Они должны ясно понимать: мы против зомби.

- Хорошо, Марвин, а сейчас...

- Другие умертвия тоже не годятся. Мы настаиваем. Все должны следовать правилам, иначе куда покатится мир?

- Никто не СОБИРАЕТСЯ поднимать зомби, Марвин, - рявкнул самый толстый. - Успокойся.

Толстяк закатил глаза, всем видом давая понять, что кое-кого он бы с удовольствием превратил в зомби...

Затем он продолжил:

- Мы - Великие и Признанные мастера Тайной и Принятой Ложи Озарённых братьев, - эффект был немного смазан тем, что после слова "Принятой" его одолела одышка, и пришлось прерваться для того, чтобы положить под язык пиллюлю. - Меня зовут брат Верховный Тайный Мастер, - продолжил он после того, как синева покинула полные, обрамлённые жидковатой седой бородкой, щеки. - За моей спиной стоят... э... Слева направо... брат Мастер Совершенный, брат Мастер Любознательный, брат Мастер Избранный Из Девяти, брат Ры-

царь Востока, брат Рыцарь Востока, или же Меча...

- Мы же договорились, что я буду брат Мастер Меча, - всё тот же гнусавый голос.

- Да, Марвин, я так и сказал.

- Ты сказал Востока, или же Меча.

- Да...

- Просто путаница получается. Найджел - Мастер Востока. Я же не могу ТО-ЖЕ быть Мастером Востока И Меча...

- ДАЛЬШЕ ИДЁТ брат Мастер Орла и Пеликана...

- С этим тоже нужно ещё разобраться, Наверн. Почему именно Пеликана? Откуда в Англии Пеликаны?

- Это ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ пеликан, Марвин, - похоже, толстяку частенько приходилось участвовать в таких спорах. - Тот, что обретается в ГОРНИХ сферах... Ты мне сегодня дашь закончить?

И тут пошел дождь. И это был не весёлый молодой дождик, который азартно барабанит по крышам, скачет, надувая большие пузыри, по мостовой и радостно журчит в водостоках.

Вовсе нет. Это был старый, матёрый, умудрённый опытом дождище, который привык выполнять работу скрупулёзно и тщательно, но без огонька. Он умел идти неотвратно, как налоговая декларация. Нудно, как зубная боль. Долго и упорно, как отбойный молоток.

Такой дождь мог самый прекрасный и романтический закат превратить в серый и тусклый, похожий на рыбье брюхо, а любой погожий денёк с лёгкостью сделать раскисшим и мокрым, как старая промокашка.

Но специализировался он именно на ночах. Он умел сделать так, чтобы луна просвечивала сквозь плотный слой туч, словно желток, который случайно уронили в чай.

Он умел идти с такой неотвратимой равномерностью, что любому путнику казалось: этот дождь будет лить вечно. И именно с той интенсивностью, которая была ещё не совсем снег, но уже с примесью острого колючего льда.

Иногда он мог делать передышки. Но только для того, чтобы путник, на котором не осталось ни одной сухой нитки, наконец-то почувал надежду, что последние двадцать километров дороги будут не такими мокрыми и унылыми, как предыдущие.

Тогда он припускал с новой силой.

Деревья в этом дожде выглядели, как мутные призраки, с которых содрали их призрачные одеяния, и заставляют жаться совершенно голыми на холодном ветру. А волшебники походили на небольшие остроконечные горы, которые кто-то обрядил в бархатные мантии.

- Ладно, на этом и остановимся, - проворчал Верховный Тайный Мастер, задирая голову и глядя из-под полей шляпы на дождь. - Чёрт, как не вовремя... Кто у нас отвечает за погоду? Брат Рыцарь Башенных Часов? Питт, почему ты не побеспокоился, чтобы сегодня не было дождя?

- Я побеспокоился, Наверн, - этот голос был очень робок и полон насморка. Он исходил из-под приземистой серой шляпы, с полей которой текло, как из

водосточной трубы. - Подал заявку в трёх экземплярах, месяц назад.

- Ну и?

- Они сказали, нужно пятьдесят подписей проживающих в этом районе, которые не против, чтобы ночью не шел дождь.

- Ну и?

- Не хватило трёх подписей.

- Нашел бы других...

- Здесь ВСЕГО проживает сорок семь человек, Наверн. А подписей нужно ПЯТЬДЕСЯТ.

- Ладно, может он скоро кончится... - Верховный Тайный Мастер вновь обернулся к нам. - Прошу следовать за мной, джентльмены. Я провожу вас в Священный Чертог, дабы Свершить Таинство Ночи.

Неловко развернувшись, он потопал обратно в лес. Делегация волшебников потянулась следом - кашляя, сморкаясь, громко проклиная - дождь, а шепотом - Верховного Мастера и Рыцаря Часов, которые не могут обеспечить условий.

Они уныло шлёпали по лужам, тщетно кутаясь в бархатные плащи, которые, насколько я мог судить, умели впечатляюще развиваться от малейшего ветерка, но были совершенно не способны уберечь от дождя.

Надо сказать, что мы с бваной за это время не произнесли ни единого слова. Горячая полемика проходила совершенно без нашего участия, и насколько я могу судить, наше несогласие участвовать в церемонии даже не рассматривалось.

Нас просто привезли в дремучий лес и поставили перед фактом.

Когда последний из волшебников скрылся за деревьями и в воздухе расплылись призрачные туманные шары вокруг волшебных палочек, я повернулся к Лумумбе.

- Бвана, неужели вы позволите этим клоу...

- Т-ссс, - наставник многозначительно пошевелил намочшими бровями и покосился в сторону.

Там, никем не замеченный, мок ещё один волшебник. Его волшебная палочка давала настолько тусклый огонёк, что он больше напоминал едва тлеющий кончик сигареты, правда, почему-то зелёный.

Он терпеливо и неподвижно стоял в луже натёкшей с полей шляпы воды, и по всей видимости, ждал нас.

- Ну и что? - пожал я плечами. - Что они нам сделают? Заругают до смерти? Поедемте уже домой, я промок весь.

Но бвана, как обычно, голосу разума внять не пожелал.

- Обойдётся, - грубо пихнул он меня в грудь и двинулся к полосе деревьев.

- Но зачем?

- Во-первых, невежливо отказываться от приглашения. Даже такого бесцеремонного, - деревья и вправду были такими мокрыми и неприветливыми, как мне казалось. - А во-вторых, это может быть интересно. И поучительно. Э... не правда ли, любезнейший? - он повернулся к телепающемуся позади нас стражу.

- Брат Палец, - буркнул тот.

- Что, просто Палец? - удивился я. - Без всяких там Рыцарей и Мастеров?

- Я аколит, - так же уныло ответил страж. - Новичок. Стажер, в общем.

Я ощутил к брату Пальцу нечто вроде сочувствия.

- Я тоже стажер, - сказал я, продираясь сквозь чрезвычайно мокрые и густые кусты ежевики. Кажется, это была всё-таки ежевика, а не колючая проволока...

- Лучше бы я в пекари пошел, - пожаловался брат Палец. - По крайней мере, всегда сыт, и ноги в тепле... А всё миссис Орешкинс - это моя мамочка... Сама не своя до магии, вот что я вам скажу. Просто голову потеряла. Так хотела, чтобы в нашей семье был волшебник... Вот и выбила мне квоту - как сыну ветерана.

- Квоту? - удивился я.

- Мы ведь с миссис Орешкинс из простых, - пожал плечами брат Палец, щуплый прыщавый парень, у которого локтей и коленей, на первый взгляд, было гораздо больше, чем необходимо. - А в волшебники берут только аристократов. До последнего времени брали. Пока королева не издала тридцатипроцентный указ. А у меня индекс оказался высокий. Вот мамочка и подала заявку. Она, конечно, это из самых благих побуждений, и всё такое. Но лучше бы я пошёл в пекари.

- Интересно вы тут живёте, - подивился я.

- Да уж, обхохочешься.

На этой оптимистической ноте мы подошли к тёмному строению. Вспышка молнии очень удачно высветила островерхую крышу, изогнутый фронтон с горгульями и каменные, оплетенные плющом, колонны у входа.

- Это что за дворец? - спросил я.

- Охотничий домик лорда Блэквуда, - поведал брат Палец. - А по совместительству - Ложа Тайного и Принятого Ордена Озарённых братьев.

- Э... чем озарённых?

- Озарённых вообще, я так думаю. - брат Палец хлопнул носом. - В общем и целом.

Высокая двустворчатая дверь с зловещим скрипом приоткрылась. В неё просунулись малиновый хлюпающий нос и кончик мокрой бороды.

- Ну где вы ходите? Поспешите, брат Палец. Нужно разжечь этот проклятый камин.

Как только мы взошли на первую из десятка древних и потёртых ступеней крыльца, брат Палец тут же наступил на край собственной мантии и поскользнулся.

Звук его падения напомнил грохот деревянных вешалок в пустом шкафу. Я помог ему подняться. Поправил мантию, а затем нахлобучил на голову шляпу. Из-под неё на уши брата Пальца обрушился поток воды.

- Извини, - я поправил набухшие складки мантии у него не плечах.

- Ерунда, - на меня смотрели два скорбных покрасневших глаза. - Я уже привык.

- Брат Палец! - рявкнуло из-за двери. - Неужели ты думаешь, что мы будем ждать тебя ВСЮ НОЧЬ?

- Уже иду, - буркнул страдалец, задирая мантию повыше.

- Ну, НАКОНЕЦ-ТО все в сборе? - спросил Верховный Тайный Мастер, оглядывая своё влажное воинство. - Мы можем приступить к обряду? - раздался нестройный хор хлюпаний и чиханий. - Прекрасно. Я так РАД, - голос так и сочился горьким сарказмом.

- Э... Может, всё же сначала разожжем камин?

Повисла тяжелая пауза. Было слышно, как с мантий на каменный пол капает вода.

Зал, в который мы попали, отличался особенной неприветливостью и сумрачностью. Его будто специально создавали для того, чтобы вызывать чувство неприязни и непреодолимое желание поскорее выйти наружу.

Несмотря на то, что идёт дождь.

На каменном полу была аккуратно, с соблюдением всех правил тригонометрии, начертана пентаграмма, заключенная в круг.

Волшебники выстроились вдоль диаметра круга, следя за тем, чтобы не переступить белой меловой черты.

- Ну хорошо, - сжалился наконец Тайный Мастер. - Если вы такие нежные... Давайте. Все вместе...

Торжественным жестом он направил палочку в жерло громадного камина. Волшебники, стоя полукругом, повторили его жест.

- ИГНЕМ!!! - крикнули они хором.

Ничего не произошло.

- Что, опять забыли положить дрова? - спросил Верховный Старший Наставник. - Брат Палец, это ты отвечаешь за дрова?

- Я, Ваша честь.

- И почему, смею спросить, их нет в камине?

- Я спилил одно дерево, честно спилил. Но оно такое тяжелое, а никто из братьев не захотел...

- Всё с тобой ЯСНО, брат Палец, - горькая ирония в голосе Верховного Тайного Мастер достигла новых высот. - Ладно, - он повернулся спиной к камину. - Давайте просто покончим с этим и разойдёмся по домам.

Раздался нестройный, но согласный гул. Я неуверенно посмотрел на Луммбу, но тот только подмигнул.

С тех пор, как волшебники вошли в помещение, о нас, кажется, все забыли.

- Итак... - Верховный Тайный Мастер воздел руку с палочкой. Остальные повторили его жест и меж кончиками палочек побежали синие искры, превращаясь в еще один защитный круг.

- Итак... Все ли Фигуры начертаны? - спросил Верховный Тайный Мастер.

В голосе его проскочила явная угроза тому, кто, не дай бог, не успел начертать фигуры...

- Все, Верховный Тайный Мастер, - отозвался брат Палец.

- Все ли Буквы произнесены?

- Все, Великий Тайный Мастер.

- Черты ниспосланы?

- Да, верховный Тайный Мастер.
- Точно? Я ведь проверю...
- Да, Ваша честь. Потратил на ниспослание всю первую половину дня.
- Ладно, ладно... Все ли Гласы обозначены?
- На это ушла вторая половина, - голос брата Пальца звучал укоризненно.
- Прекрасно, прекрасно, - разочарованно смягчился Верховный Тайный Мастер. - Значит, мы можем начинать не боясь, что Чудовище, которое мы ПОЖЕЛАЕМ Вызвать из Бездны, не ПОЖРЁТ нас, одного за другим... Не слышу.
- Да не пожрёт нас Чудовище, - будто проснувшись, откликнулся хор волшебников.

Внутри круга стала закручиваться сила. Стоя у стены, рядом с высоким стрельчатым окном, я прямо чувствовал, как магия собирается в небольшой торнадо.

- МАЛЕС МАЛЕФИКАРУМ! - тянули волшебники нестройным хором.
- Что-то не так, - сказал я наставнику, указывая на круг.
- А ты посмотри за Завесу, - посоветовал Лумумба.

Так вот что они делают! - я даже восхитился простоте и изяществу решения, которое нашли местные маги.

Со всеми их запретами, ограничениями и формулярами, каждому магу допускалось использовать лишь крошечную часть своего потенциала. Но объединившись, они могли творить вполне приличное колдовство.

Тринадцать магов - включая брата Пальца - создавали хороший поток силы, которого хватало для того, чтобы открыть Завесу настолько широко, что в неё...

Волшебники расступились, освобождая пространство внутри круга. Между кончиками их палочек вместо искр протянулась синяя электрическая дуга, и в пентаграмму выпрыгнул горящий конь.

Я вздрогнул - настолько быстро он появился.

Можно не напоминать, что и конь, и всадница были мне хорошо знакомы.

Только теперь королева Мэб была одета в доспехи. Точнее, на ней был бронированный лифчик - довольно крупногабаритный, надо сказать; короткая юбка из пригнанных друг к другу кожаных полос, и сандалии с высокой шнуровкой. Волосы за спиной развивались, подобно конской гриве. И тоже горели. Сейчас, когда они не были собраны в причёску, было видно, что кончики ушей её сильно заострены.

В руке всадницы пылал огненный меч.

Круг был довольно тесным - конь неловко поворачивался вокруг себя и гарцевал, пытаясь встать на дыбы, но синяя молния на концах волшебных палочек надёжно удерживала его в пределах пентаграммы.

Я видел, как мощные копыта врезаются в каменный пол - любое из них могло с лёгкостью раздробить головы стоящих за пределами круга. Я слышал, как гудит огненный меч всадницы - одним движением он мог вспороть все толстые животы разом.

Но старички, вопреки ожиданиям, держались довольно бодро.

- Повинуйся нам, Отродье Тьмы, ибо мы призваны управлять тобою во имя Света! - торжественно возвестил Верховный Тайный Мастер.

- Что вам нужно на этот раз? - усмирив наконец коня, тихо спросила королева Мэб.

- Ты нарушила Договор, Нечистая, и должна ответить за свои поступки!

- Я не нарушала вашего паршивого договора, - выплюнула всадница вместе с всполохом пламени.

- Ты призвала двоих Стражей, хотя срок их службы ещё не вышел.

- Это сделала не я, - королева посмотрела поверх шляп волшебников прямо мне в глаза. - Но я рада, что так случилось.

- Тогда кто отправил Дементоров назад?

- Те, кто лучше вас понимает, где их место.

- Никто не понимает лучше нас! - выкрикнул, судя по голосу, Марвин. Брат Рыцарь Востока, или же Меча. - Мы - истинные Хранители Знания! Мы призваны Указать тебе, кто ты есть, Адское Отродье!

- Вы - кучка глупцов! - ощерилась королева Мэб. Между карминно-красных губ показались белые клыки. - Вы ничего не знаете о магии. Вы ничего не знаете о том, что лежит за Завесой. Вы хотите только брать, ничего не давая взамен.

- Мы тебе ничего не должны, адская стерва! - Марвин уже брызгал слюной. - Верни Дементоров, иначе пожалеешь...

- Полегче, - осадил его Верховный Тайный Мастер. - Эту часть должен говорить я.

Волшебник посмотрел на прекрасную женщину в круге.

- Верни дементоров, иначе пожалеешь! - прокричал он и махнул палочкой. С неё сорвалась синяя искра и впиалась в тело королевы Мэб. Та зашипела.

Я дёрнулся, будто искра поразила меня. Двинулся, чтобы преодолеть Завесу, но почувствовал на запястье железную хватку Лумумбы.

- Что ты собираешься делать? - спросил наставник.

- Не знаю, - честно ответил я. - Но нельзя же стоять и смотреть, как они её мучают.

- Гори же, ведьма! - прокричали хором несколько толстяков и послали в королеву Мэб целый сноп синих искр. Несколько попали в коня, и тот, взвившись на дыбы, жалобно заржал.

- МАЛЕС МАЛЕФИКАРУМ!!! - на разные лады кричали волшебники.

- Нет, я так не могу, - вырвавшись из захвата наставника, я шагнул сквозь Завесу и оказался рядом с жеребцом. А вокруг...

Вокруг простиралась, насколько хватало глаз, заснеженная равнина. И снег всё ещё продолжал идти. Он был мокрым, колючим и тяжелым.

Но всё это было за пределами окруженного кострами круга, в котором топтались горящий конь и ваш покорный слуга. Костры пылали жарко, в нас то и дело летели искры. Они прожигали одежду вместе с кожей, и проникали, казалось, до самых костей.

За границей костров сидели волки. Громадные, седые, с опалёнными мор-

дами и порванными в битвах ушами. Каждый волк неотрывно смотрел на всадницу, скаля зубы и роняя пену с языка.

Правда, один из волков был всего лишь подростком. Он подпрыгивал на месте от нетерпения и громко повизгивал.

Даже в волчьем обличии безошибочно угадывался брат Палец.

Королева здесь была одета в шубу из лёгкого красного меха, под ним угадывалось платье, сотканное будто из миллиона красных льдинок. Я же предстал в своей любимой косоворотке и джинсах.

- Что делаешь ты здесь? - склонилась в мою сторону Мэб.

- Я хочу помочь тебе.

Пламя, которым пылала грива коня, было холодным, от него по коже только пробежала лёгкая дрожь. Костры же, зажженные волшебниками, обжигали по-настоящему.

Они пылали яростью их веры, их убеждения в своей правоте, в своём превосходстве. Такое пламя трудно потушить.

- Что ты хочешь получить за свою помощь? - спросила вновь королева. Рукав её роскошной шубы как раз занялся горячим всепожирающим огнём. Волки за кострами торжественно взвыли.

- Ничего, - стащив косоворотку, я попытался сбить пламя с женщины. - Я просто хочу, чтобы тебе больше не причиняли боль.

Соскочив с коня - бедное животное кричало и извивалось под снопами жлящих искр - она подошла ко мне вплотную, и обхватив мою шею руками, уставилась в глаза. Я невольно уставился в ответ.

Её глаза были оранжевыми, с вертикальными зрачками. Они становились всё ближе, ближе... Я уже чувствовал на своей коже её холодное дыхание, и невольно закрыл глаза...

- Ты не врешь, - сказала она. - Ты действительно хочешь мне помочь.

- Держись за мной, - попросил я, и постаравшись не попасть под копыта взбесившегося жеребца, шагнул к ближайшему костру.

Протянул руку, ухватил горящее полено и отшвырнул его в сторону.

- Как только откроется проход - беги, - бросил я через плечо.

И отбросил следующее полено. А затем - еще одно и еще.

Волки огрызались. Скалили зубы, свешивая розовые, покрытые пеной языки, но близко почему-то не подходили. Я продолжал расшвыривать костёр, помогая себе пинками. Горящие угли летели в разные стороны.

- Берегись! - прокричала из-за спины королева.

Я оглянулся. На меня скалился самый большой волк. Пена капала с клыков, седой загривок яростно дыбился.

- Тебе не удастся сломать круг, - прорычал волк.

- Посмотрим, - я отшвырнул еще одно полено и принялся за следующий костёр.

- Ты, отродье зла, ничем не лучше этой стервы! Ты будешь гореть вместе с ней!

Искры, что летели из костров, начали описывать замысловатые дуги и впи-

ваться мне в спину, голову, руки...

Я повалился на землю, стараясь сбить пламя.

- Он был прав! - закричал волк. - Вы и она - одно семя! Вы оба стгорите вместе с ней!

Вопреки ожиданиям, огонь жегся не так уж сильно. Я даже смог подняться, и похлопывая руками, сбить пламя.

А потом обрушился на костры.

Не замечая боли, я расшвыривал угли, закидывал горящие поленья так далеко, как только мог, и при этом рычал, как раненый медведь. Ох как меня разозлили эти волшебники! Мэб права: они действительно не ведают, с кем связались...

Как только круг из костров был разрушен, я почувствовал новый поток силы.

Королева Мэб, стоя в середине разрушенного круга хохотала во весь голос. Она становилась всё выше, огненный меч в её руке удлинялся и удлинялся.

- Вот я до вас и добралась, - проревело пламя голосом королевы. - Трепещите, безумцы! Не видать вам пощады...

И она направила на волков остриё меча. С него сорвался огненный фонтан и врезался в стаю. Волки завыли.

- Стой! - я бросился к королеве, поскользнулся в раскисшем снегу и упал к её ногам. Обхватил их руками, и дёрнул на себя.

- Почему ты мешаешь мне? - оранжевые глаза эльфийки оказались на уровне моих, когда она плюхнулась на задницу в раскисший снег.

- Это всего лишь глупые старики, - сказал я. - Они и вправду не ведают, что творят.

- Это не умаляет их вины! - злобно ощерилась красотка. - Убери руки, и я убью их всех, до единого.

- Нет. Не убьёшь. Я спас тебе жизнь. Ты моя должница.

- Но мои братья...

- Я помогу тебе освободить их, - сказал я, поднимаясь и помогая подняться эльфийке. - А теперь уходи. Убирайся, пока они не пришли в себя...

Королева секунду смотрела мне в глаза, а затем поднялась. Молча вскочила на коня и прыгнула через остатки костра. А я вывалился в Правь.

Глава 8

Глава 8

- Он сломал мою палочку, - тут же раздался голос... Ну конечно. Брата Пальца. - Десять шиллингов за неё выложил, а он - хрясь, и пополам.

Я попытался сеть.

- Десять шиллингов на дороге не валяются.

И оглядеться.

- Мамочка меня за такие дела по голове не погладит...

Охотничьего домика больше не было. Я сидел в центре пентаграммы, а вокруг, в живописных позах, кряхтя и постанывая, ползали волшебники. Каменный пол за пределами круга обрывался в пустоту, за ним громоздились расколотые камни, закопчённые решетки и выбитые стёкла.

И только каминная труба возвышалась на своём месте незыблемо, как немой укор совести.

Из-за неё, слегка пошатываясь, вышел Лумумба. Смокинг его был распахнут, один рукав почти оторван, в курчавой шевелюре застряла штукатурка. Учитель осторожно толкнул трубу, а затем привалился к ней всем телом.

- Умели же строить, - восхитился он. - Даже не пошатнулась.

- Бвана, что случилось? - спросил я, с сомнением оглядывая свои руки. Волдырей от ожогов не было, зато ногти были сорваны в кровь, пальцы в каменной пыли и саже.

- Тебя надо спросить, свет мой ясный, - ядовито ответил бвана, набивая трубку. - Вот ведь моду взял: здания крушить. И всё сплошь исторические памятники архитектуры. Сначала пирамида...

- Не я это!

- Теперь - древняя часовня тринадцатого века...

Из-под обломков показался Верховный Тайный Мастер. Охая, стряхнул с себя штукатурку, а потом огляделся. Без шляпы и бархатной накидки он казался обыкновенным, очень испуганным дедушкой.

- Что это было? - спросил он в пустоту.

- Ну вы даёте, - резво подскочил к нему Лумумба. Помог отряхнуться, и перебравшись через самые большие булыжники, выбратся на ровное место. - Впечатлён, впечатлён... Вернусь - непременно поведаю сослуживцам из АББА о самом умопомрачительном колдовском ритуале, который мне довелось увидеть. Спасибо, коллега. Польщен и рад, что вы нашли возможным продемонстрировать нам, простым смертным, своё небывалое могущество.

- Я? - По-моему, сейчас Верховному Тайному Мастеру не помешала бы чашка горячего крепкого чая.

- Ну конечно! Иметь смелость призвать одно из самых страшных чудовищ, и с таким блеском изгнать его... До конца дней буду гордиться тем, что судьба свела меня с великим волшебником, чьё небывалое могущество, способное пошатнуть основы мироздания, вознесло, но в то же время упорядочило тайное Искусство, ибо... - тут Лумумбе пришлось взять паузу, чтобы набрать воз-

духу и собраться с мыслями.

- Правда? - Великий тайный Мастер удивлённо огляделся. - Думаете, это всё я? А где Марвин?

- Я здесь, - ответил гнусавый недовольный голос.

- Десять шиллингов. Целых десять! Мог купить за три, но мамочка сказала...

- А остальные?

- Остальные в порядке, - ответил Лумумба. - Лучше скажите, коллега, а какое заклинание вы использовали для вызова Дементоров?

- Заклинание?

Чашка горячего чаю. И булочка.

Из-под обломков выбрался пыльный Марвин. Он же - Рыцарь Востока, или же Меча.

- Это всё они! Эти отродья Сатаны!..

- Марвин, мы же договорились: не упоминать Сатану, - раздражение явно помогло Верховному Тайному Мастеру прийти в себя.

- А отродья тьмы?

- Отродья тьмы - сгодится. Но стоит ли применять этот термин по отношению к нашим зарубежным коллегам?

- Я всё видел! - Марвин взмахнул лапами мантии, как упитанный ангел мщения. - Он! - на меня направился испачканный указующий перст с обломанным ногтем. - Это он разрушил наш круг! Он позволил ей скрыться!

- Э... Ты уверен, Марвин? - растерянно спросил Верховный Тайный Наставник. - На вид он довольно безобиден.

- Я почти победил его там, в круге костров!..

- Десять шиллингов псу под хвост. А еще - два пенса за замшевый чехол. Индивидуальный чехол. Который не подойдет для другой палочки.

Честно говоря, я никак не думал, что тем злобным седым волчицей окажется Марвин.

- Я почти вонзил клыки ему в шею!

- Э... Марвин, давай без кровавых подробностей, ладно? Мне всё-таки не кажется, что этот юноша...

- НЕКРОМАНТЫ, - выплюнул Марвин, не обращая на Верховного никакого внимания. - От них всё ЗЛО, - старикашка трясся от ярости. С губ его летела слюна, как давеча с волчьих клыков. - Зомби, умертвия, вампиры... Я видел! - он направил на Лумумбу свою погнутую и закопчённую палочку. - Я ВИДЕЛ, как он шел по улице, как вышел на набережную и шагнул в воду... И вышел с ДРУГОЙ стороны реки и пошел дальше, весь в грязи и тине! Это всё они! И они и они!

Он поочередно тыкал палочкой то в меня то в Лумумбу, но с неё слетали только бледные искры, не причиняя никакого вреда.

- Ребята, хватайте его, - скомандовал Верховный. - У кого-нибудь есть сердечные капли?

- Они сидят на деревьях! - теперь Марвин направлял палочку в небеса. -

Они преследуют меня повсюду... - неожиданно с его палочки сорвалась довольно крупная шаровая молния и подожгла ближайшее дерево.

На него тут же навалились несколько волшебников и повалили на землю. Марвин скрылся под кучей-малой.

- Прошу простить за этот прискорбный инцидент, - закидывая под язык пилюлю, произнёс Верховный Тайный Мастер. - Брат Меча просто перевозбудился. С ним такое бывает от... Ну, от Священной Сомы.

- Мы называем её просто Пыльцой, - откликнулся наставник.

- А, без разницы, - махнул рукой Верховный и оглядел развалины. - М-да, лорд Блэквуд очень огорчится, узнав про свой домик, - пробормотал он. - Но, в конце концов, это же к вящей Славе Британской Империи...

Ни кареты, ни лошадей, ни кучера на опушке леса не оказалось. Пришлось добираться пешком: никому из волшебников даже в голову не пришло предложить доставить нас на своём транспорте...

- Мы для них - плебеи, - пояснил Лумумба, бодро шагая по направлению к плотной подушке смога, окружающей Лондон. - Социальная пропасть, которой они отделили себя от остальных, просто не позволит увидеть в нас равных. Да что там! Просто живых людей.

- Не больно-то и хотелось, - пожал я плечами. - Тоже мне, колдуны доморощенные. Без своих палочек да книжечек и простейшего заклинания сотворить не в силах.

- Не скажи... Как раз силы-то у них - хоть отбавляй.

- Только она какая-то странная, - подхватил я. - Когнитивный диссонанс делается. Между их поведением в Прави, и тем, как они ведут себя за Завесой.

- Это ты верно подметил, - Лумумба беззаботно топал по обочине старого шоссе с давно стёршимися знаками разметки. Я уныло тащился рядом. - Додумывай остальное.

Я еще раз представил себе волшебников. В Прави они походили на стайку престарелых суетливых кур, больше озабоченных тёпленьким местечком на насесте. Но зато на Том свете...

- Сила у них - заёмная, - сказал я. - Где-то они её берут.

- Или у кого-то, - согласился Лумумба. - У кого-то могущественного, но предпочитающего оставаться в тени. Сами они не смогли бы вызвать и дохлого призрака.

- Не то, что Сихоя, - кивнул я. - Когда вы спросили Верховного о Дементорах, тот даже растерялся.

- Осталось узнать, кто этот серый кардинал, и мы поймём, зачем он убил посланника.

- Вы думаете, что эти дела как-то связаны? - спросил я на всякий случай.

- Опыт, сын ошибок трудных, подсказывает, что обязательно. Главное, понять мотивы...

Дома нас ждали Петька, Его Превосходительство и письмо из дворца.

Едва рассвело, когда мы взошли на обширное крыльцо Харрингтон-хауса, но сын конюха был тут как тут.

- Ты когда-нибудь спишь? - спросил Лумумба, взъерошивая золотистые вихры на голове мальчишки.

- Спать не интересно, - отмахнулся Петька. - Так ведь всё увлекательное прозевать можно. Так что я днём потихоньку покемарю, пока вы на приём поедете.

- А с чего ты взял, что мы поедем?

- Так депешу с гербами еще вечером доставили. А когда Игнат Степаныч такое письмо получали - непременно на следующий день на приём ехали.

- А скажи-ка друг ситный: карету нашу ты не заметил? - спросил Лумумба, зевая во весь рот.

- А как же, - ухмыльнулся Петька. - В гараже стоит, и лошади там же.

- Очень интересно. А еще что-нибудь интересное было?

- С Даунинг-десять курьер приходил, - обстоятельно доложил мальчишка. - Очень хотел в дом попасть, да его Вилкин не пустил. И правильно сделал, потому что не курьер это был.

- А кто же?

- Да так, ловчила один, - по-взрослому усмехнулся Петька. - Я его и раньше видел. Для лорда Блэквуда документы стряпает.

- То есть, он стряпчий, - уточнил Лумумба. - Адвокат.

- Что-то вроде того, - согласился Петька. - Когда батя помер - он мне бумагу приносил, на подпись. Что я, как отпрыск и наследник, претензий к Английскому правительству не имею. Обещал похлопотать, чтобы меня в Королевскую Академию бесплатно приняли. Да только я отказался. Я в механикусы хочу...

- Ладно, ладно... А поподробнее про этого ловчилу ты можешь? Как зовут? Во что одет?

- Зовут его Вольф Хоул. Выглядит... - Петька прикрыл глаза. - Прилизанный такой. И глаза - как буравчики. Но одевается стильно, вроде Джеймса Бонда.

- Откуда ты знаешь про Джеймса Бонда? - спросил бвана.

- Меня батя в кино водил. Когда я маленький был. Мама еще жива была, и он тогда не пил почти совсем. Вот по воскресеньям и водил... Мы с ним много что смотрели: и Револютер, и Шпион выйди вон... Но больше всего мне про ноль-ноль семь нравилось. Джеймс Бонд - круче всех. Зайдёт такой, коктейль закажет, а потом раз - и спасёт мир! И выглядит стильно. Даже когда по крышам скачет, как макак. Я все фильмы смотрел - по ним и английский выучил. Сам.

- Ладно, гений - вундеркинд, - Достав из жилетного кармашка монетку, Лумумба кинул её ребенку. - Пятерка за наблюдательность. Беги, хорони денежку в копилку...

- Ух ты! Совершен... - ловко словив монетку, Петька зажал её в кулаке. - Тогда я лучше книжку куплю. "Дзен и искусство ухода за мотоциклом" называется. Я её в букинисте давно присмотрел, да всё денег не хватало. Раритетное издание, семьдесят четвертого года. Прошлого века, между прочим.

- Ого, - Лумумба, уже взявшись за ручку двери, остановился. - Это ж сколько она стоит? Целое состояние, наверное?

- У неё обложки нет, и корешок надорван, - пояснил Петька. - Поэтому - со скидкой. Ну я побежал. Как раз магазин открывается.

- Удачи тебе, - рассеянно напутствовал мальчишку наставник и открыл

дверь.

Точнее, собирался открыть, но перед самым его носом дверь распахнулась, и на пороге возник Вилликинз.

- Добро пожаловать домой, джентльмены, - сказал он с каменной рожей, уступая нам путь.

А удивиться ведь было чему: костюмы, в которых мы вчера вышли из дома, было не узнать. Рукава оторваны, сорочками будто посуду мыли, да и физиономии наши первозданной чистотой и свежестью не блистали.

Но Вилликинз, как истинный дворецкий, сделал вид, что всё путём.

- Э... Нам бы помыться с дороги, - сказал я робко, наблюдая, как спина Лумумбы гордо удаляется вглубь анфилады комнат.

- Всё готово, сэр, - невозмутимо кивнул дворецкий. - Ванна, а так же всё, что надобно джентльмену после оной, ждёт в ваших апартаментах.

Я моргнул. Как-то и в голову не приходило, что у меня могут быть свои, личные апартаменты - единственную ночь в особняке я провёл на коврике, в качестве сторожевого пса...

- Э...

- Вас проводить?

- Сделайте милость, - я изо всех сил старался соответствовать высокому стилю Вилликинза, но моих познаний в этикете явно не хватало. И я махнул рукой.

Чтобы так себя вести и так разговаривать, нужно поколениями двери открывать...

- И еще, Вилликинз... - я догнал его в коридоре и пошел рядом.

- Да, сэр?

- Перестань мне сэркать, лады?

- Вынужден отклонить ваше предложение, сэр.

- Это почему?

- Профессиональная этика не позволяет вести себя запанибрата с работодателем. Этого не поймут мои коллеги, остальные дворецкие. Понимаете, сэр?

- Так у вас что-то вроде профсоюза?

- Скорее клуб, сэр. Мы встречаемся там каждый второй вторник месяца.

- И конечно же, обмениваетесь некоторыми сведениями о хозяевах...

- Этого профессиональная этика не одобряет, сэр. В-основном мы играем в бридж, - он неожиданно остановился и распахнул двери, которые я еще не открывал. - Ваши апартаменты, сэр. Ванная - сразу за спальней. Помочь вам облачиться?

- Помочь мне что?..

- Снять одежду, сэр. А так же переступить край ванны - они бывают крайне непредсказуемы, сэр. Мой покойный работодатель, сэр - не здесь, это было еще в Суррее, - так вот он, сэр, отдал богу душу, поскользнувшись на мыле и стукнувшись о край ванны головой. Сэр?

- Спасибо за заботу, Вилликинз, - я мужественно посмотрел ему в глаза. - Но я постараюсь как-нибудь выжить. Сам. Без ансамбля.

- Очень хорошо, сэр. Впрочем, я взял на себя смелость приготовить бритвенные принадлежности. И как только вы примете ванну, я готов... - дворец-

кий сделал попытку просочиться мимо меня в помещение.

- Стоп! - я заступил ему дорогу. Может, это выглядело несколько грубовато, но всему же есть пределы! Чтобы один взрослый мужчина помогал принимать ванну другому взрослому мужчине... - Спасибо, Вилликинз. Дальше я сам.

- Как скажете, сэр. Завтрак принесут через сорок минут.

Этим он меня добил.

- К-куда принесут?

- В вашу спальню, сэр. Чтобы вы могли перекусить перед тем, как ехать на Бал Дебютанток в Виндзорский замок. Из достоверных источников мне известно, что кормят там из рук вон плохо.

Я уже было собирался закрыть двери и наконец смыть с себя каменную пыль охотничьего домика, но тут замер. Давешнее общение с английской аристократией мне не понравилось: еле живыми ушли. Но сегодня, судя по названию, намечалось что-то настолько аристократическое, что о возвращении домой в сколько-нибудь целом виде и речи идти не может.

- Что-что дебютанток? - подозрительно переспросил я.

- Бал, или же увеселительный вечер, - пояснил, угадав мои чувства, дворецкий. - Будут представлены ко двору лучшие девушки Англии, сэр. Предполагается, что там будут танцы, а также игры в шарады и фанты. В завершение вечера - лёгкий ужин, на котором традиционно подаются морепродукты: лобстеры, раковые шейки и мидии. Но, как я уже говорил, на кухню Виндзорского замка полагаться нельзя. Из достоверных источников мне известно, что их повар...

- Всё, - сказал я. - Хватит. Хватит с меня ваших церемоний. Ни на какой бал я не пойду. А пойду я в ванну, хорошенько там отмокну, а потом завалюсь спать. Так и передайте наставнику: на бал он поедет без меня.

- Благими намерениями выложена дорога в известное место, - флегматично сказал дворецкий.

- Это в какое же? - тело под остатками пиджака чесалось всё сильнее, и я стремительно терял остатки терпения.

- В очень неприятное, сэр. Так что я всё-таки прикажу подать завтрак.

Оставшись в одиночестве, я крепко-накрепко запер двери. Пододвинул комод - тяжеленный, из цельной, кажется, дубовой колоды, и подпёр им створки. Во избежание.

И только потом - проверив, что за шторкой не сидит еще какой-нибудь лакей, готовый меня раздеть, побрить, помыть и накормить с ложечки, - я пошел в ванную.

О том, как выглядит Харрингтон-хаус, я уже неоднократно рассказывал. Добавлю лишь, что ванная комната была похожа на стойку в бойком пивном баре: столько в ней было блестящих кранов, стеклянных штучек и пены...

Но само корыто оказалось так себе. Мелкое, не под мои габариты. Так что, поотмокав по очереди то одним боком, то другим, я решил, что русская баня в сто раз лучше.

Выбравшись из ванны и завернувшись в мягкий, как масло, халат, я вышел в спальню. А там... В общем, зря я мебель двигал. Наверное, у них тут потайных ходов - как дырок в хорошем сыре.

Но завтрак оказался неплохим. Пару булочек я даже заныкал - на всякий пожарный...

- А вот идёт лорд Квигли с супругой, - Лумумба чопорно поклонился и незаметно наступил мне на ногу. - Не стой дубиной, делай, как я тебя учил...

Конечно же, отвертеться от бала не получилось. Бвана только посмеялся на слёзную просьбу избавить меня от церемоний. А потом, не дав прилечь и на минутку, заставил танцевать.

Ей богу, не вру. Гонял добрых часа три - вальс там, еще какая-то мура, я не запомнил. Я убеждал, что толку от этого не будет. Что стадо медведей, которое пробежалось по моим ушам, давно вырастило потомство и эмигрировало на волю, в пампасы. Что двигаюсь я, как слон в посудной лавке. Вот дайте мне в руки оглоблю там, или лом - я покажу, где раки зимуют. Но танцы...

Лумумба был неумолим. Нельзя срамиться, говорит, перед державами. И если для поддержания чести русского двора ему придётся пожертвовать моей жизнью, чтобы обучить азам этикета - он, бвана, готов.

В какой-то момент меня даже осенила мысль: не пойти ли с наставником в образе пса... А чего? В доме посланника было полно картин, на которых всякие там аристократы пиروвали в залах вместе с собаками.

На что бвана резонно заявил:

- У тебя, Ваня, родословная не та. Так что имеется два выхода: или ты учишься танцевать сам... Или учить тебя буду я.

Пораскинув мозгами, я решил учиться. Альтернатива была страшнее.

А потом, когда с меня сошло семь потов, в глазах рябило, а в ушах звенело бесконечное "РАЗ, два три, РАЗ два, три..."

Меня посадили за стол. И вовсе не для того, чтобы накормить.

- А это что? - спрашивал я.

- Это вилка для шпината, сэр.

- А это?

- Для рыбы.

- А это... Нет, не говори. Я сам догадаюсь... Вилка для выковыривания глаз у той самой рыбы?

- Это для мидий, сэр. Нет, её держат другим концом. И не нужно так размахивать, сэр.

- Ой, извини...

- Ничего, сэр. Мне всё равно не нравился этот парик.

В общем, время до вечера прошло весело и познавательно. Ах да. Забыл про Его превосходительство. Он устроил нам с Лумумбой обширную лекцию на тему "кто есть кто" в Лондоне. Всякие там пэры, сэры, обычные герцоги, бароны,

их жены, дочери и любовницы. Кто в чём замешан, у кого какие больные мозоли, на кого и чем можно надавить...

Оказывается, наш бронзовый символ отечества имел подробнейшие досье на всех, кто хоть что-то представлял собой в Британии. Как Большая энциклопедия.

Сегодня он ограничился лишь теми, кто будет на балу - список гостей он раздобыл по своим каналам. Не спрашивайте, как.

- Граф Скуппердьясс, - слайд с портретом появлялся на белой стене. - Проигрался в пух и прах на лошадиных бегах. Удачно женился. Супруга - леди Скуппердьясс, урождённая мисс Жадноу, - на слайде - бледная барышня с длинноватым носом и почти без подбородка. - На текущий момент граф Скуппердьясс проживает состояние жены. Имеет синекурную должность в палате общин, на жалованье содержит любовницу, - на слайде - более симпатичная девица с задорной чёлкой. - Мисс Даунтон. Служит секретаршей на Даунинг-стрит, у лорда Корнишона, ближайшего соратника лорда Блэвкуда...

Лумумба внимал. Его фотографическая память мгновенно впитывала, сортировала и каталогизировала любую информацию. Я же запутался на четвертом слайде. Все эти гордые профили, подпёртые жесткими воротничками, все эти леди, больше похожие - да простят меня женщины - на надменных овечек в панамках, их завитые и напудренные дочери...

Отвлёкшись, я стал вспоминать Машку. Её зелёные рысьи глаза, непокорные кудряшки, сбитые коленки... Интересно, понравилось бы ей танцевать на балу?..

В целом, в целом, мероприятие мне понравилось. Никто никого не колот кинжалом, не пускал файерболов, не тыкал, рассыпая синие искры, в морду палочкой... Хотя волшебников было навалом.

Все, как на подбор: стадо карликовых бегемотиков в забавных шляпах.

Верховный Тайный Мастер благосклонно кивнул Лумумбе издали, Рыцарь Востока или же Меча гордо прошел мимо, сделав вид, что нас здесь не стояло.

Из женщин самой красивой была леди Чейз. Она, кстати, открывала бал. В каком-то облегающем, будто сотканном из изумрудов и дождя платье с голой спиной, на таких шпильках, что ими свободно можно было сражаться вместо шпага, она ослепительно улыбалась, и казалось, улыбка эта предназначена только мне...

- Кто этот удивительный юноша? - спросила она Лумумбу, легко, словно бабочка, скользя по натёртому паркету.

- Мой помощник, старший лейтенант Спаситель, - отрекомендовал меня наставник. Я, как было велено, склонил голову и клюнул леди в надушенную перчатку.

- Я хочу, чтобы на этом балу вы были моим летним Рыцарем, лейтенант Спаситель, - и протянув руку, она увлекла меня за собой.

Я беспомощно оглянулся на бвану, но тот лишь послал воздушный поце-

луй, от которого у меня по всему телу прокатилась тёплая волна... А потом от-вернулся.

Я думал, что скончаюсь в тот же миг, как леди Чейз что-нибудь у меня спросит, но вместо этого... Вместо этого меня понесло. Как на волне.

Что-то такое случилось с моей бедовой головой и неуклюжими ногами. Я перестал заикаться. Перестал мямлить и кряхтеть. Мне совсем - ну вот ни чуточки - не хотелось чесаться.

Я танцевал, как бог. Я смеялся впопад её шуткам и что-то остроумное гово-рил в ответ.

Я был представлен наверное, сотне генералов в таких блестящих мундирах, что они больше походили на новогодние ёлки - у нас в Академии такую на Но-вый год наряжали... Я протанцевал, наверное, сто кругов с разнообразными - хорошенькими, и не очень - девушками, которые мило улыбались, мило обма-хивались веерами и мило краснели, когда я смотрел слишком пристально.

Я был в ударе. Это был мой звёздный час. Таким изящным, остроумным и весёлым я не буду, наверное, никогда... Вдруг, из неуклюжего деревенского увальня я превратился в Джеймса Бонда.

Но всё хорошее, как правило, кончается, когда бьёт полночь. Золушка теря-ет туфельку, карета превращается в тыкву, а я опять стал неуклюжей деревен-щиной.

Кружась в очередном туре вальса, я почувствовал... Это было как дурной взгляд. Между лопатками засвербело, по позвоночнику пробежала дрожь. Со-вершенно инстинктивно я повалился на пол, увлекая леди Чейз за собой.

Над нами пролетело что-то незримое, у меня вся кожа пошла цыпками.

Звук вальса взлетел на невообразимую высоту, а потом музыка оборвалась. Было слышно, как на какой-то скрипке лопнула струна.

И в образовавшейся мёртвой тишине все посмотрели на меня.

Глава 9

Глава 9

- Спокойно, товарищи, всё под контролем, - из толпы танцующих внезапно материализовался Лумумба, подхватил леди Чейз под белые ручки и самым вежливым образом поставил на ноги.

- Он толкнул её!

В меня тыкал пальцем старикашка, похожий на доберман-пинчера, которого долго сушили на солнце. Его мундир был увешан таким количеством наград и орденов, что перестал гнуться, будто сшит не из ткани, а из картона.

- Он... - старикашка пошел красными пятнами. Палец его трясся у самого моего носа.

- Леди Чейз просто поскользнулась, ничего страшного, - увещевал старикашку Лумумба.

- Что вы несёте? - кипятился тот. - Я всё видел. Этот увалень толкнул её и повалил на пол! И вообще... А кто вы, собственно, такой?

- Это новый русский посланник, герцог Ржавли, - прощепетала леди Чейз. Она уже пришла в себя и выглядела так, словно падения вовсе не было. - Конечно же, это была досадная случайность. Я сама запнулась. Эти высокие каблуки... - и она выставила на всеобщее обозрение очаровательную ножку, обутую в хорошенькую туфельку.

Старикашка Ржавли поперхнулся. Вероятно, в его замшелом нафталиновом мире и вовсе не существовало таких вещей, как дамские туфельки. Особенно, обутые на самые стройные ножки, которые мне приходилось видеть...

- Кажется, вас ищет леди Ржавли. Я видела, как она подаёт вам знаки, - леди Чейз недвусмысленно дала понять, что разговор окончен.

Поклонившись, как журавль, старикашка отбыл.

- А теперь объясните, что происходит, - тихо сказала леди Чейз, светски улыбаясь прогуливающимся мимо нас придворным.

Музыка стихла, и гости, собравшись кучками, расползлись по всему залу. На нас время от времени бросали удивлённые взгляды.

- Очередное покушение, мадам, - так же тихо ответил Лумумба. - И к сожалению, направлено оно было на вас.

- На меня? - барышня вскинула золотистую бровь. - Но почему? Что я сделала?

- Это нам и предстоит выяснить. К счастью, мой помощник успел среагировать вовремя, и спас вашу жизнь.

Леди Чейз повернулась ко мне. В глазах её читалось немое восхищение.

Я зарделся. Жар начал подниматься от пяток. Он распространялся по спине, животу, добрался до груди... Под мышками и на спине намокли горячие пятна... Честное слово, сейчас я с большим удовольствием превратился бы в собаку.

- Моей благодарности нет предела, - прощепетала леди Чейз и похлопала ресницами. - Не зря я выбрала Летним рыцарем именно вас.

- Это... был мой долг, - в горле застрял комок, и голос неожиданно огрубел.

- Ваша скромность делает вам честь, - улыбнулась леди Чейз и похлопала меня по руке. - И я обязательно найду способ отблагодарить вас, юноша. Я мысленно фыркнул. Юноша! Ну надо же... Да она не старше меня.

А леди Чейз уже повернулась к Лумумбе.

- Но всё же, объясните мне, что случилось?

- Для начала я должен знать: насколько глубоки ваши познания в магии? - спросил наставник.

- Ну, я немного обучалась, - она сделала знак, и к нам подплыл официант, в белом фраке похожий на лебедя, который подавился жёлудем. - В тайне от всех. Возьмите по бокалу, и сделайте вид, что мы просто мило беседуем, - командовала она. Мы с бваной подчинились. - Игнат Степанович рассказал мне об основах. И дал кое-что почитать. Видите ли, он вёл дневник. Магический дневник. В котором описывал эксперименты с Пыльцой и свои наблюдения.

- Очень интересно, - Лумумба сделал вид, что пригубил шампанское, а я смутился: мой бокал был уже наполовину пуст. - Кто-нибудь об этом знал?

- Насколько мне известно, нет. Мы занимались у Барсукова дома, то есть, в Хэррингтон-хаусе.

- Значит, кое-что вы понимаете, - подвёл итог Лумумба. - Это облегчает дело.

Он вытащил из кармана небольшой узелок, связанный из обыкновенного носового платка. Узелок был покрыт тёмными пятнами и немного подтекал.

- Не буду показывать вам содержимое, оно выглядит довольно неаппетитно. Скажу только...

- Это магический артефакт, верно? - догадалась леди Чейз. - Где вы его взяли?

- Нашел на полу. Вон там, - Лумумба кивнул в сторону раскидистого фикуса в кадке. - Когда вы упали, я почувствовал магическую вибрацию. Выброс силы. И проследив за направлением выброса, обнаружил вот это. Внутри находятся треснувшее яйцо и куриные косточки.

- Фу.

- Согласен, штука мерзкая. Это смертное проклятье. Призванное очень быстро лишить жизни того, на кого оно будет направлено. Остроумная конструкция: энергия высвобождается в тот момент, когда трескается яйцо. До тех пор артефакт инертен.

- То есть, охранные заклинания, которыми окружили замок наши волшебники, не смогли бы его засечь?

- Именно, - улыбнулся Лумумба. - К тому же, придётся вас огорчить: ваши "волшебники" - не более, чем кучка играющих в салочки старичков.

- Барсуков неоднократно намекал на это обстоятельство, - кивнула девушка. - Но как быть с Дементорами? Насколько я понимаю, это очень сильные потусторонние создания. И они находятся в полной власти Ложи.

- Я не готов дать ответ на этот вопрос, - быстро сказал наставник. - Пока лишь можно утверждать: все эти события тесно связаны.

- Смерть Барсукова... - начала говорить леди Чейз.

- Для начала - смерть конюха, - вежливо перебил её Лумумба. - Затем - Барсукова. Теперь вот - покушение на вас.

- Вы танцевали с Барсуковым, когда он умер, - тихо сказал я. - А теперь - артефакт. И тоже во время танца.

- Кто это мог быть? - леди Чейз огляделась так, словно надеялась, что убийца прячется за кадкой с фикусом.

- Активировать артефакт мог кто угодно, - пожал плечами Лумумба. - И во все не обязательно - убийца. Он мог сделать его совсем в другом месте. А затем отдать доверенному лицу, или просто человеку, который ему чем-нибудь обязан. Снабдив инструкциями по применению.

- Мы можем узнать, кто это был?

- К сожалению, нет, - Лумумба поставил нетронутый бокал на поднос проходящего мимо официанта. - Это мог быть, например, кто-то из слуг. Или гость...

- Для начала нужно понять, кто хочет вашей смерти, - сказал я.

- У вас есть враги? - спросил Лумумба.

Леди Чейз громко расхохоталась.

- Это британское высшее общество, полковник. Здесь в принципе нет друзей.

- То есть, подозревать можно кого угодно? - спросил я.

- Не кого угодно, - поправил Лумумба. - А только магов.

- Или тех, кто мог этим магам хорошенько заплатить, - рассудительно заметил я.

Мы так долго стояли посреди зала, что на нас уже начали коситься.

- Бвана, может, отойдём куда-нибудь? - честно говоря, все эти придворные начали меня раздражать. Леди Чейз то и дело отвлекалась, кивая и улыбаясь то одним, то другим, Лумумба светски кланялся. Один я стоял столбом.

- Ровно через минуту, падаван. Как только выясним последнюю деталь.

- Куда делась магия из амулета? - спросила леди Чейз. Лумумба посмотрел на неё с уважением.

- Ваши познания несколько глубже, чем вы хотели показать, - сказал он.

- Это элементарно, - отмахнулась девушка. - Как в физике: если энергия возникла, она не может исчезнуть без следа. А магия - это направленное воздействие, значит...

- Заряд обязательно должен куда-то уйти, - кивнул наставник. - А так как это было "механическое" колдовство, то шло оно в одном-единственном направлении. И имея две точки: место, где найден узелок, и место, где стоите вы - мы можем начертить мысленную прямую, и выяснить...

Проследив за направлением взгляда учителя, я пошел к противоположной стене. Там располагался уголок отдыха: несколько диванов и кресел, собранных в группы и отгороженных друг от друга ширмами.

За одной из ширм, в глубоком кресле, сидел человек. Точнее, полулежал с закрытыми глазами, словно притомился и решил вздремнуть здесь, вдалеке от суеты.

Как обтянутый дорогим сукном дирижабль, вздымался к потолку обширный живот. Крупная, с густыми чёрными кудрями голова была откинута на спинку кресла. На бледном широком лбу еще не просохли бисеринки пота, а чувственные губы скрывала небольшая, щегольски подстриженная борода.

Он высок, - подумал я, оглядев всю фигуру незнакомца. Выше меня...

А еще красавец-гигант, к сожалению, был совершенно мёртв. Это я мог сказать, как специалист. Душа, всё еще связанная незримыми узами с телом, витала рядом, с удивлением оглядывая распростёртые на полу останки.

Я вздохнул. Мысленно дотянулся до души, почувствовал её страх и растерянность, её возмущение тем, что всё случилось столь неожиданно... В эти несколько мгновений я узнал о душе всё.

- ФРАНСУА ПИНЬОН, - сказал я, открывая Завесу. - ПРОШУ СЛЕДОВАТЬ ЗА МНОЙ.

Душа встрепенулась, отлетела наконец от тела - я видел, как лопнула последняя, похожая на паутинку ниточка, - и покорно устремилась следом.

Открывая Завесу, я оказался одновременно в двух мирах. И невольно заметил, как затрепетали, зашевелились некоторые придворные. Одни чутко повели носом, будто ноздрей их коснулся лёгкий, но хорошо знакомый аромат. Другие вскинули головы и приподняли губы - словно собирались зарычать. Третьи жадно вперили взор в Преграду, которая ограждала Тот мир от Этого.

Что характерно: всё это были люди из толпы. Придворные - мужчины и женщины. Некоторые слуги - они во множестве сновали среди танцующих, разнося напитки. Даже парочка музыкантов из оркестра...

А вот волшебники будто ничего не заметили. Их островерхие шляпы всё так же вальяжно покачивались над головами, их мантии эффектно колыхались... Но вот к потустороннему миру, на мгновение приоткрывшему себя прямо посреди бального зала, они не проявили никакого интереса. Вообще.

За опушкой, на которой я дрался с волками, шумел лес. Он был густым, тёмным и мрачным. В его чащобах прятались странные потусторонние существа, творящие странную потустороннюю магию. Я чувствовал на себе их пристальные взгляды, ощущал их жгучее любопытство. Я даже видел призрачные огоньки, мелькающие среди деревьев.

Но никто не вышел навстречу. Никто не захотел поприветствовать меня в этом заповедном лесу, сказать мне доброе слово.

Впрочем, одно я знал точно: они прекрасно понимали, кто я такой, и не собирались препятствовать свершению моих обязанностей.

Широким жестом я пригласил душу пересечь Границу. Та немного поколебалась.

- ТЫ БУДЕШЬ ЖДАТЬ ЗДЕСЬ, - сказал я. - ПОКА ДЕЛО НЕ РАЗРЕШИТСЯ.

Душа скользнула к лесной опушке и застыла там, как немой укор совести.

Я задернул завесу. По рядам придворных и слуг вновь пронёсся незримый шелест.

Они что-то знают, - подумал я. - Многие из них... Знают, но ничего не говорят.

- Боже мой, это герцог Парижский, - сказала леди Чейз, когда они с Лумум-

бой зашли за ширму вслед за мной. - Он мёртв?

- Мёртв, как гвоздь, - сказал я, и тут же спохватился. - Простите.

- И вы думаете, что его убило... - девушка не договорила.

- Заклятие, предназначенное для вас, - кивнул Лумумба. - Не возражаете, если я осмотрю тело?

- Конечно.

Она мужественно кивнула, хотя и побледнела немного. Только сейчас я увидел, что прелестный носик леди Чейз покрыт веснушками. Она их тщательно скрывала, под слоем пудры и косметики. Но сейчас, в момент истинного волнения, веснушки проступили на белой, как лепесток магнолии, коже.

Тут же я вспомнил о Машке, и затосковал...

А Лумумба, подойдя к телу, осторожно, пользуясь одной рукой, затянутой в перчатку, расстегнул пуговицы на белоснежной рубашке покойного. Обнажил покрытую густым волосом грудь... На месте сердца зияла чёрная, будто с закопчёнными краями, дыра.

Леди Чейз вскрикнула.

- Если бы не мой помощник, такая дыра зияла бы в вашей груди, - на мой взгляд, несколько драматично, сказал наставник. И пристально посмотрел девушке в глаза. - Леди Чейз, вы что-то от меня скрываете, - та лишь приподняла бровь. - И если не расскажете в ближайшее же время... В следующий раз мы можем не успеть вас спасти.

- Ну хорошо, - видно было, что слова эти даются ей с большим трудом. - Я вам расскажу... Но это - только догадки, ясно?

- Жду с нетерпением, - слегка иронично поклонился Лумумба. - Потому что, не зная всей картины, я просто не смогу вам помочь.

- Дорогая, что вы здесь делаете? - за спиной у леди Чейз возник премьер-министр. - Вы обещали танец лорду Пукли, и я обещал разыскать вас... - он замер, увидев тело. - Это герцог Парижский, - наконец выдавил лорд Блэквуд, едва, по своему обыкновению, разжимая губы. - Он мёртв.

- Какая поразительная наблюдательность, - вежливо ответил Лумумба. Рубашку на груди герцога он уже поправил, и стоял выпрямившись и заложив руки за спину.

- Что его убило? - премьер-министр был так раздражен, словно покойный своей смертью нанёс ему личное оскорбление.

- Магия, - коротко пояснил Лумумба.

- Представляете, Люциус, заклятье предназначалось мне, - нервно сообщила леди Чейз. - А эти господа меня спасли...

- Это скандал, - простонал премьер-министр, не слушая девушку. - Завтра мы должны были подписать договор...

- Он умер, Люциус, - прервала его леди Чейз. - Человек неожиданно скончался, а у вас в голове одна политика.

- К сожалению, думать в первую очередь о политике - мой долг, - мрачно ответил премьер-министр. - Особенно, когда она касается сопредельных государств, которые вот-вот должны войти с нами в союз... - и тут он прикусил язык.

- В союз?.. - мягко подтолкнул Лумумба.

А я вдруг вспомнил, что нас-то сюда прислали как раз за этим! Не разгадывать банальные убийства, а поразнюхать политическую обстановку. Как там её назвал Товарищ Седой? Большая Игра. Я совсем о ней забыл. А драгоценный наставник, выходит, нет. Хотя и изображал всеми силами горячую заинтересованность в расследовании убийства.

- Это государственная тайна, - быстро сориентировался премьер-министр. - Очень важная государственная тайна. И теперь... Я опасаясь кризиса. И поэтому вынужден попросить вас, господа, и вас, леди Чейз, хранить молчание по поводу этого досадного происшествия хотя бы до завтрашнего дня.

- Досадного происшествия? - возмутилась девушка. - Насколько я знаю, в Париже его ждут супруга и дочь... Разве вы не должны сообщить им о несчастье немедленно?

- Послушайте, - премьер-министр сделал шаг и взял руки леди Чейз в свои. - Это очень важно - подождать до завтра... Я прошу не так уж много. Просто нужно кое-что уладить, а завтра...

- Так-так та-а-ак... - этот голос я узнаю из тысячи. Нет, из миллиона. Даже если меня поднимут ночью, по тревоге, я безошибочно отличу этот надменный визгливый дискант от других. Марвин. Рыцарь Востока, или же Меча. - А что это вы тут делаете? - обращался он к Лумумбе, но когда увидел леди Чейз и премьер-министра, поперхнулся.

- Случилась одна досадная неприятность, сэра Перси, - быстро ответил лорд Блэквуд. - Герцог пил коктейль, подавился оливкой, и задохнулся.

Кстати, на столике, рядом с покойным, виселась целая батарея разнообразных сосудов, от которых пахло спиртным. И все они были пусты.

Не повезло, - подумал я. - Герцог, судя по всему, не дурак выпить, удалился в это уютное гнёздышко, скрытое от посторонних глаз, чтобы спокойно насладиться любимым пороком... А в него влетело заклятье, предназначенное другому.

Никогда не знаешь, откуда прилетит, - это Машка так говорит. - Очень правильное замечание.

- Разумеется, я вам верю, лорд Блэквуд, - поклонился волшебник. Одетый в чёрную мантию с серебряным позументом и широкополую шляпу с такой острой верхушкой, что она напоминала башенный шпиль, он являл собой забавную композицию.

Заложив руки за спину, Марвин прошелся вокруг Лумумбы.

- Как удобно, не правда ли? Совершить убийство, и сделать вид, что ты ни при чём, - он говорил задумчиво, вроде бы ни к кому не обращаясь.

- О чём вы говорите, сэра Перси? - резко спросила леди Чейз.

- С вашего позволения, вот об этом некроманте! - он ткнул перстом в грудь Лумумбе. - Все беды начались с него, - он оглядел сборище таким победным взглядом, будто только что решил теорему Фалеса. - И с него, и с него! - теперь палец упёрся в меня. - Это они убили Пиньона. Какая наглость! Прямо в замке, на глазах у всех...

- Сэр Перси, - попытался одёрнуть его премьер-министр. - Я вам заявляю со всей ответственностью, что герцог просто подавился. Это несчастный случай.

- Ну конечно, - чопорно вытянулся Марвин. - Конечно, несчастный случай. Именно так мы и скажем толпе. А с этими некромантами разберемся по-свойски...

- Сэр Перси, вы переходите всяческие границы, - осадила его леди Чейз.

- Ну что вы, дорогая, я еще и не начинал, - в глазах Марвина мелькнул мстительный огонёк. - Убийство Барсукова, теперь - герцога Парижского... А это всё люди, ответственные за судьбы мира! Не иначе, некроманты хотят прибрать всё к рукам.

- Помилуйте, сэр Перси. Когда был убит русский посланник, их даже не было в Лондоне, - процедил лорд Блэквуд.

От раздражения его лицо пошло красными пятнами. А вот леди Чейз прекрасно держала себя в руках. По-моему, инцидент с волшебником её немало развлекал...

- Они сами и убили посланника, чтобы занять его место! - победно заключил Марвин. - Ведь Барсуков оказался зомби! Ночью он восстал из гроба, покинул особняк и скрылся в неизвестном направлении. Я сам видел, как он переходил вброд Темзу - и это в восточной её части, где, как все знают, даже летом может утонуть пароход... - он фыркнул от отвращения. - Весь в тине, облепленный пиявками, выбрался он из воды...

У меня возник закономерный вопрос: а что сам рыцарь Востока или же Меча делал ночью на берегу Темзы? Но я промолчал.

- Они убили его своим чёрным колдовством, - авторитетно заявил Марвин. По-моему, он был в восторге от своей несокрушимой логики. - А затем избавились, чтобы не мозолил глаза. А вчера они пробрались на наш сбор и устроили ритуал чёрной магии!

- Вообще-то, в лес нас заманили обманом, - флегматично ответил наставник, рассматривая ногти, но его никто не слушал.

- Вы разрушили охотничий домик лорда Блэквуда! - брызгал слюной Марвин.

- Да не я это, - привычные слова сами сорвались с языка.

- Как интересно, - премьер-министр прожег меня взглядом. - И почему вы не сообщили об этом раньше, а, сэр Перси? Хотели приберечь для эффектного выхода?

- Они - само зло! - перебил его волшебник. - Они прибыли в Британию, чтобы попать сами наши устои, надругаться над Великим Искусством...

- У вас есть доказательства? - резко спросил лорд Блэквуд.

- Они некроманты, - озадаченно сказал тот. - Разве этого мало?

- Некромантия в нашей стране запрещена, - тихо кивнул премьер-министр. - Но эти господа обладают дипломатической неприкосновенностью...

- И являются моими личными друзьями, - добавила леди Чейз.

- Но, моя дорогая, разве пристало вам... - растерялся Марвин.

- Пристало, - отбрила его девушка. - И кстати: я - не ваша дорогая.

- Но...

- Причастность наших гостей к смерти герцога Парижского будет расследована самым тщательным образом, - отчеканил премьер-министр. - Этим зай-

мутся мои люди.

- Но, дорогой лорд Блэквуд, если вы позволите вызвать Дементоров, они в мгновение ока назовут убийцу! - всплеснул руками Марвин. - Для них нет ничего легче...

- Вы забываетесь, сэр Перси, - премьер-министр угрожающе надвинулся на Марвина. - Дементоры годятся для обычных преступников. А здесь - Виндзорский замок. Куча высокопоставленных вельмож. Вы хотите их всех подвергнуть опасности?

- Уверяю вас, мы держим Дементоров под полным контролем...

- Да ну? И как же тогда смогли вырваться и ускользнуть за Завесу двое из них?

- Я...

- Вот именно, - премьер-министр давил и давил. - А если они вырвутся из-под контроля здесь? И утачат за Завесу кого-нибудь из придворных? Мало вам одного скандала?

- Хорошо, - сдался Марвин. - Разумеется, мы полностью полагаемся на вас, лорд Блэквуд.

- Тогда сделайте милость: проводите леди Чейз к гостям. Кажется, её уже обыскались.

Девушка удивлённо округлила губы, но ловко превратила возмущение в улыбку. Хотя и кислую.

- Я и забыла о том, что я - королева сегодняшнего бала, - прощепетала она. - Люциус... Вы же позаботитесь о несчастном?

- И сделаю это тихо и незаметно, - кивнул премьер-министр. - Хватит с нас скандалов на балах. Особенно, связанных с вашей милостью.

- Тогда я удаляюсь, - склонив голову в нашу сторону, леди Чейз повернулась, чтобы выйти из-за ширмы. Марвин последовал за ней.

- Кстати, сэр Перси, - окликнул его лорд Блэквуд. - Налагаю на вас обет хранить молчание о случившемся.

- Но мои братья по Ложе...

- Разумеется, вы можете рассказать братьям, - скупой улыбнулся премьер-министр. - Но никому больше.

Мы остались наедине с лордом Блэквудом. И трупом.

- Эмм... не принимайте близко к сердцу то, что сказал сэр Перси, - процедил тот.

- Насчёт некромантов, или насчёт убийства герцога? - невинно поинтересовался Лумумба.

- Тёмное Искусство у нас не в чести, - выплюнул лорд Блэквуд. - И к его адептам относятся соответствующе.

С уходом леди Чейз его доброжелательность в отношении нас заметно усохла.

- А как же Дементоры? - спросил я.

- А что с ними?

- Насколько я знаю, вызов духов из потустороннего мира с целью воспользоваться их силой - это самое, что ни на есть, тёмное искусство. Темнее не бывает.

- Они поставлены на службу обществу, - процедил премьер-министр. Если

бы он мог, то с удовольствием прожег бы во мне дыру.

- Против своей воли.

- Только так можно обращаться с отродьями Тьмы.

- Интересно, о каких отродьях вы говорите? - спросил Лумумба.

Лорд набрал в грудь воздуха... А затем сдулся.

- Приношу свои извинения, - сказал он нормальным голосом. - Эта смерть выбила меня из колеи, и я невольно поддался влиянию сэра Перси. Разумеется, лично к вам никаких претензий у нас нет.

- Нам всем пришлось нелегко, - кивнул наставник. - Тем более, что для вас - это вторая смерть. И вновь расследование упёрлось в тупик.

- Над убийствами будут работать мои лучшие люди, - выдавил премьер-министр. Сейчас он больше всего походил на жабу в кружевной манишке.

- Тогда я спокоен, - сердечно улыбнулся Лумумба. - Единственное, на что я обратил бы ваше внимание...

- Да?

- Леди Чейз всё еще грозит опасность.

Глава 10

Глава 10

Спали мы недолго.

Казалось, только голова коснулась подушки - такой мягкой и пышной, что век бы на ней спал, не просыпаясь, - только смежились веки, только я, засыпая, облизнулся, предвкушая, как проснусь утром, как приму горячую ванну, а потом откушаю кофею со свежими булочками... Да, говорят, к хорошей жизни быстро привыкаешь.

Так вот: как только я как следует укутался в пуховое одеяло, от которого пахло лавандой и еще чем-то таким уютным, чистым... как мне стало жарко.

По телу побежали толстые колючие мурашки, ноги будто опустили в жаровню с тлеющими углями, а волосы на голове встали дыбом.

Тревога! - сообразил я и вскочил.

Нет, никакие сирены не выли, никто не кричал "Пожар!" и "Горим!". Во всём доме стояло тихое неподвижное безмолвие. Лунный свет падал ровными желтыми квадратами на натёртый паркет, лёгкие занавески колыхались от едва ощутимого сквозняка...

Но я точно знал: происходит что-то нехорошее.

Все мои внутренние контуры защиты визжали, будто их резали. Меня будто окунали попеременно то в ледяную прорубь, то в чан с кипятком. И всё это с бешеной скоростью.

Едва соображая, я кое-как натянул джинсы, ветровку и кроссовки, и пошатываясь двинулся в гостиную.

Лумумба уже был там. В своём любимом плащике из кожи василиска, в любимой жилетке с вышитыми золотой канителью злобными черепашками, с любимой тростью, концом которой он, отодвинув занавеску, осторожно наблюдал за улицей.

Его превосходительство, сидя на насесте, зорко сканировал пространство двумя парами глаз.

- Нападение? - спросил я, стараясь не попадать в проёмы окон.

- Оно самое, - кивнул Лумумба. - Прямо как по нотам...

- Так вы его ждали?

- Разумеется. После вчерашнего-то.

- А почему мне не сказали?

Наставник посмотрел на меня с предубеждением.

- Такие вещи, падаван, ты должен просекать на "раз". Сам. Без ансамбля, как ты любишь выражаться.

- Эй, я же почувствовал угрозу.

- Это Его превосходительство почувствовал угрозу. И объявил чрезвычайное положение. Вот оно-то тебя и разбудило.

- Могли бы просто сирену врубить, - проворчал я, ёжась от неприятных ощущений.

- Они не должны знать, что мы знаем.

- Волшебники? - я вспомнил прощальный взгляд Рыцаря Востока или же Меча. "Не предвещал ничего хорошего" - это самое лестное, что можно было о нём сказать.

- Они, болезные, - бвана, опустив занавеску, мягкими шагами направился к центру комнаты, где на стульях - подумать только! - до сих пор стоял гроб.

- Что делать будем?

По ощущениям, нас обложили, как лису в норе: неприятные сигналы шли со всех сторон, я не чувствовал ни единой лазейки.

- Ваше превосходительство, в доме никого не осталось? - спросил Лумумба.

- Я всех вывел заблаговременно, - проскрежетал орёл. - Особняк пуст.

- Празднично!.. - оскалился бвана. - Пора устроить "Абоквалипсис" местного разлива.

- Но... Зачем? - я тоже подполз к окну и выглянул на улицу. - На нас и так уже косо смотрят.

Ни один фонарь в округе не горел. Не светились окна соседних домов, и даже луна скрылась за пеленой плотных туч. Зато по улице перед фасадом протянулась длинная цепочка призрачных огоньков. Волшебные палочки, - понял я.

- Надо поддерживать реноме и статус-кво, - бросил раздраженно Лумумба. - Пора показать этим напыщенным индюкам, что русские посланники не лыком шиты. И что связываться с Российской империей - это не с бабкой в "лянг-гу" играть.

- Но Товарищ Седой просил по-тихому...

Лумумба улыбнулся. В темноте ярко блеснули зубы и белки глаз.

- Просьба - это не приказ, Ванюша. Скорее, пожелание. Но Товарищ Седой - уже достаточно взрослый. И знает, что не все желания исполняются... Пора разворошить этот муравейничек.

- И посмотреть, что из него вылезет?

М-да, недолго терпения бваны хватило на балы да ассамблеи... Всё-таки он не дипломат. Впрочем, кому что нравится...

После слов драгоценного учителя я прямо почувствовал, как сердце заби-лось громче, ровнее, как кровь заструилась по жилам, а в груди заиграла пес-ня. Сейчас! Сейчас мы покажем этим напыщенным индюкам, что такое насто-ящая магия!

- Ваше превосходительство, вы охраняете периметр, - скомандовал Лумум-ба. - А мы с напарником идём на крышу.

- Есть охранять периметр, - проскрежетал орёл. Все четыре глаза его багро-во пылали, как ффары адского катафалка.

С крыши открывался вид на близлежащие кварталы. Вдалеке серебряной лентой поблёскивала Темза, за ней дыбилась громада Виндзорского замка.

Ни одно окошко не светило не только в нашем квартале, а и во всём Лон-доне.

Вокруг Харрингтон-хауса был очерчен круг, вписанный в пентаграмму. Ли-нии пылали ярко, будто прочерченные огнём.

И тут порыв ветра донёс удушающий запах гари. Так чадит плохо очищен-ная солярка - это я знаю по Московским кострам, которые разводят зимой на набережной, в бочках.

Да, топлива они не пожалели - круг, вместе с лучами пентаграммы, зани-мал поистине гигантскую площадь. Канава должна быть довольно глубокой - иначе топливо прогорело бы минуты за две... Интересно, кого они собрались изгонять? Самого Нечистого?

- А ведь в три касания не получится, - задумчиво пробормотал я.

Для справки: одним касанием - по шкале маганомалий АББА - можно разве-ять мелкого беса, кикимору или домового. Двумя - матёрый полтергейст, вур-далака, оборотня или же снять проклятье без летального исхода.

Против маганомалий класса "А" мы с бваной пользовались заклятьями мощностью в три касания. Это были драконы, мантикоры, другие маги и их креатуры.

Четырьмя касаниями на моей памяти пользовались дважды. Один из них - для создания Мангазейской Зоны. А уж пять... Наверное, пятью касаниями можно запросто разрушить такой городок, как Лондон. Причём, вместе с ост-ровом.

Додумать мысль я не успел, потому что за пределами круга начали появ-ляться Дементоры. Они возникали один за другим, и на этот раз вовсе не похо-дили на грязные полотенца, полощущиеся в воздухе.

Теперь они выглядели, как сгустки мрака, обряженные в плащи с капюшо-нами, в глубине которых посверкивали голубые искры. Для придания соответ-ствующего имиджа каждого из них снабдили острой косой на изогнутом, от-полированном касаниями множества рук, древке.

Было их уже штук пятьдесят, и они продолжали прибывать.

Я усмехнулся. Ну что ж, чем больше, тем веселее. Я же обещал королеве Мэб вернуть потерянных братьев...

Жаль, что прошлый опыт так ничему британских волшебников не научил.

Не глядя, я потянулся к Завесе, и...

- Бвана, я не могу её нащупать, - пожаловался я.

Завеса не то, чтобы ускользала из-под пальцев. Её просто не было - одна лишь пустота. Холодная, сосущая пустота, которая вытягивала все силы - я понял, что оставаясь в таком положении, окончательно лишусь сил примерно через две минуты.

- Сосредоточься, - посоветовал бвана. - На тебя вся надежда.

- Они запустили обряд Ашк'Энте, - крикнул я, выдергивая руку из пустоты. Ощущение было, будто моя конечность побывала в космосе. - Но не здесь, а в Нави.

Волшебники создали вокруг нашего дома эдакий пузырь, защитное поле, замкнутое на себя. Не представляю, как оно работало - чтобы разобраться в механизме заклинания, нужно время.

Самое паршивое, что подпитываясь силой Нави, этот пузырь мог существовать практически бесконечно.

Вот это называется мы попали...

Дементоров за кругом собралась уже тьма тьмущая, они облепили силовой пузырь сплошным непроницаемым облаком. За ним угадывался рисунок горячей пентаграммы, который сопровождали призрачные голубоватые огоньки, которые сияли на кончиках волшебных палочек.

Сквозь дым и гудение пламени слышалось гнусавое пение. Оно длилось и длилось, и всё время на одной ноте. Я мог расслышать нечто вроде "абракадабра" - точнее было не разобрать.

- Они всё предусмотрели, - сказал я. И защитный круг, и силовой барьер... Не хотят, чтобы мы смылись через Навь.

- Ну что ж, значит, придётся принять бой прямо здесь, - буднично ответил бвана, поправляя лацканы жилетки. Черепушки на жилетке налились кроваво-красным зловещим цветом и неприятно подмигивали.

Я почувствовал, как накатывает горькая тоска. Эх, письмо Машке так и не написал... Всё собирался, но сами знаете, как это бывает: то одно, то другое...

- Как только они соберут всех Дементоров - откроют внешний круг защиты. Дождутся, пока они хлынут внутрь, а потом мышеловку захлопнут, - сказал учитель.

- То есть, нас запрут в этом пузыре, как крыс в бочонке? Отличная перспектива, босс.

- Помнишь, я учил тебя накапливать энергию внутри себя? - спросил Лумумба, поддёргивая рукава своего плащика.

- Помню, конечно. Да насколько её хватит, той энергии? Разве что, на десятков Сихоев. Больше я сквозь Завесу не протащу...

- Тебе надо протащить одного. И не на Тот свет, а сюда, к нам.

- Что?

- Твоя красноволосая подружка, - пошевелил бровями бвана. - Смекаешь?
- Она спит и видит, как бы сразиться с волшебниками!
- Готовься, - скомандовал наставник. - Чтобы впустить сюда Дементоров, им придётся снять ВСЮ защиту. Может, на мгновение, может, на два... Но ты должен успеть.
- А как же вы, бвана?
- А я пока повеселюсь, - страшненько улыбнулся наставник. - У папы Легбы найдётся по парочке козырей в рукавах.
- Только вы это, того, полегче, - попросил я. - Городок не троньте. Тут, в Лондоне, столько памятников старины - во век не расплатимся.
- Чуешь? - перебил учитель. - Сейчас начнётся. ЕК... ДО... ТИИН!

Я нырнул в Навь, как в омут, не оглядываясь и не видя, что впереди. По коже продрало будто колючей проволокой - дыра быстро затягивалась.

В последний момент я притормозил, и упёрся руками. Вот у меня сейчас видок в Прави, - пришла в голову мысль. - Одна задница с ногами из воздуха торчит...

- Королева! - заорал я со всей мочи. - Мэб! Ты нужна мне!

- Я ничего тебе не должна, смертный. Мы квиты.

На этот раз горящий конь возник просто из пустоты - никакого эффектного приближения, никаких искр из-под копыт.

- Я знаю. Но речь идёт о твоих врагах. И твоих братьях. Что ты готова отдать за то, чтобы отомстить?

- Всё. Я готова на всё.

Сегодня красotka была в чёрном. Чёрное бархатное платье, подол которого красивыми складками падал на круп горящего коня. Чёрные высокие сапоги заканчивались под безупречными коленями - их я видел в разрезах юбки; волосы её были уложены вокруг головы тяжелой короной, над которой то и дело курились язычки пламени.

Кожа королевы была, как всегда, бледной. И очень холодной - это я понял, когда она, соскочив с жеребца, подошла ко мне и положила ладонь мне на запястье.

- Я осыплю тебя несметными богатствами, - пообещала Мэб. - Я наделю тебя нечеловеческим могуществом. Если ты проведешь меня сквозь Завесу, я дам тебе всё, что пожелаешь.

- Я хочу, чтобы ты поклялась никого не убивать, - сказал я.

Дыра вокруг моей талии сжималась всё сильнее. Еще пара минут торговли - и Ванька Спаситель просто разделится на две совершенно бесполезные половинки...

- Ты просишь слишком много!

- Я впущу тебя в Правь, - прохрипел я. Казалось, талия моя свободно пролезет через обручальное колечко. - И ты сможешь делать там всё, что захочешь. До самого рассвета. Условие одно: никаких смертей. Ни от твоей руки или же руки твоих братьев; ни от стихийного бедствия - будь то наводнение, гроза или землетрясение; ни от внезапного холода или жары... Словом, пугай их, сколько влезет, выматывай, тяни жилы. Но с рассветом ты уйдёшь. И забе-

решь Сихоев с собой. Всех Сихоев, до единого.

- Согласна, - кивнула королева и я крепко схватив её за запястья, потянул в дыру.

Не было меня минут пять, не больше. Но что такое пять минут, когда цена сражения - жизнь? Особняка больше не существовало. Руины дыбились острыми обломками стёкол и штырями арматуры, завитыми в штопор от нестерпимого жара. Тут и там торчали закопчённые каминные трубы. Они походили на мачты затонувших кораблей, возвышающиеся над морем пыли.

Конечно же, я рухнул в самую гущу кирпичей с головокружительной высоты. Как жив остался - сам не пойму: аккуратно между зазубренным, как трезубец морского царя, обломком стены и громадным расколотым витражом. Чуть левее, и быть бы мне шашлыком, правее - докторской колбасой, наструганной красивыми ломтиками.

А вот королева Мэб никуда падать не стала. Сойдя по воздуху, как по ступеням, на землю, она достала здоровенный меч, густо покрытый чёрными рунами, и с размаху врезалась в защитное поле.

Надо сказать, Сихои, почуяв хозяйку, тут же рванули к ней, издавая гнусные, вымораживающие кровь крики - я очень надеюсь, это они так радовались.

Думал, красавица тут же натравит Дементоров на старичков, но она решила по-другому. Покончив с защитным кругом, королева единым взмахом меча вскрыла Печать, которая мешала проникновению в Навь, и широким жестом распахнула Завесу.

Дементоры, почуяв запах родного мира, как стая обезумевших летучих мышей, устремились внутрь. Потребовалось несколько минут на то, чтобы последний Сихой скрылся и Завеса упала, скрывая Тот свет.

Королева же осталась там, где стояла. Прекрасная. Бледная. Жестокая.

Кое-как выкарабкавшись из руин, я похромал к Мэб. Одна мысль не давала мне покоя. От неё перехватывало дыхание и темнело в глазах: где бвана?

Нечеловеческим усилием воли я заставлял себя не паниковать. Сиречь - не носиться с воплями и визгами по руинам, заглядывая под каждый камушек, и с замиранием сердца ожидая увидеть под ним посеревшее от пыли, неподвижное лицо Лумумбы...

Умом я понимал, что если бы он умер - я бы знал. Личность такого масштаба просто не может склеить ласты тихо и незаметно, как нормальный человек. Если бы умер папа Легба, небеса, я так себе думаю, содрогнулись бы от края до края, реки вышли из берегов, а на землю пролился бы дождь из жаб, пауков, ядовитых гадов и других тихих, незлобивых животных.

Умом я это понимал.

Но сердце - орган, более чувствительный к душевным страданиям - никак не хотело успокаиваться, и своим бухающим в ушах набатом заставляло нервно оглядываться и вздрагивать при каждом шорохе.

- Решила сразиться с волшебниками одна? - спросил я, добравшись нако-

нец до королевы.

Здесь, в Прави, без пылающего жеребца, без огненной короны, она казалась хрупкой, болезненной, одетой не по погоде девушкой.

Слишком лёгкие складки платья совсем не скрывали бледной кожи в синих прожилках, на обнаженные плечи падали снежинки. Да нет, не снежинки, понял я. Пепел.

Он уже изрядно запорошил огненно-рыжие волосы девушки, опушил ресницы, покрыл серым налётом платье...

- Братья заслужили покой, - сказала она тихим, совершенно человеческим голосом. - Их держали... в железных клетках, - в голосе её прорезалось негодование. - Ты знаешь, смертный, что такое для нас холодное железо?

- То же, что для меня - раскаленная кочерга?

- Да, - грустно улыбнулась она. - Ты знаешь. Ты такой же, как мы.

Не знаю почему, но слова её были мне неприятны.

- Только вот живу по Эту сторону, а не по Ту, - уточнил я. Так, на всякий случай.

- Это легко исправить, - улыбнулась королева. - Мы могли бы...

- **ПОБЕРЕГИСЬ!**

Я давно уже слышал какой-то не-то свист, не-то вой. Я думал, это ветер завывает в осиротевших каминных трубах. Но оказалось...

Здрав головы, мы с Мэб узрели явление, я бы сказал, космического масштаба. Полёт Его Превосходительства.

Бронзовый двуглавый орёл взмахивал крыльями с грохотом, достойным солидного камнепада. Воздух под напором его кованых перьев рвался в клочья и стонал, как целый сонм призраков. Когти бороздили небо, оставляя в нём глубокие чёрные прорехи, а из горла - точнее, из двух горл - рвался победный клёкот.

Но это было еще не всё.

На спине орла, как доктор Айболит, летящий на Килиманджаро, к больным бегемотикам, восседал Лумумба. Он-то и выкрикивал предупреждения громовым басом.

Его превосходительство на бреющем заходил в атаку. Защитный круг был разрушен, и ничто более не мешало ему пасть на головы волшебников, аки аспиду библейскому на головы то ли хеттеян, то ли сунамитян - точно не помню, кого. Про аспиды мы в Академии проходили, в рамках курса "Мифы ложных богов".

Даже Мэб впечатлилась, честное слово. Еще бы: не каждый день можно встретить чернокожего мага в плаще из кожи василиска, да еще и верхом на двухголовом орле. Эх, жалко, я рисовать не умею. Такая картина могла выйти!

- **ПОБЕРЕГИСЬ!** - прокричал бвана и обрушил орла на головы волшебников.

Что тут началось! Шляпы с них посдувало, как с гнилых сморчков. Кто-то угодил в горящую канаву, и теперь неуклюже отплясывал на одной ножке, пытаясь сбить пламя. Кто-то, запутавшись в мантии, катался по земле, как упитанный клубок шерсти. Кто-то, отклячив зад, торчал головой в лопухах, надеясь таким нехитрым способом пережить побоище.

Но не все волшебники запаниковали. Там и сям возвышались закутанные в плащи монументальные фигуры, гордо воздевшие палочки к багровеющим небесам, и выкрикивали срывающимися голосами разрушительное "Авада Кедавра" - теперь я точно разобрал. С палочек летели синие искры, пыль под ногами волшебников клубилась, дым от горящей пентаграммы копотью оседал в белоснежных бородах...

Что характерно: ни Верховного Тайного Мастера, ни Рыцаря Востока я среди волшебников не видел. Или против нас выступала какая-то другая ложа, или... Скорее, или.

Орёл, сделав круг над пентаграммой, взмыл в небеса, став размером с крохотную ласточку, и тогда волшебники обратили взыскующий взор на меня.

- Ай! - я подскочил от неожиданно болезненной шаровой молнии, которая врезалась мне прямо в ухо. - Так и слуха лишиться можно!

- Сгинь, отродье зла! Авада Кедавра!

- Сам ты кадавр недоделанный, - сердито буркнул я и выломал из порушенной кладки камень. Оружие, как всем известно, рабов и угнетённого пролетариата. А потом запустил его в шляпу толстяка.

На меня со всех сторон посыпались фэйерболы. Я зашипел: отвечать в полную силу этим клоунам было как-то не в жилу, но и терпеть обжигающие укусы не хотелось.

И тут вперед вышла королева Мэб. Чем больше времени она проводила в Прави, тем больше походила на обычную девчонку. Только ушки острые и клыки чуть длиннее обычных, а так - всем хорошая девица. И лицо и ноги и грудь. Ой. Что-то меня не в ту сторону понесло.

Окунуться бы сейчас в холодненькую водичку...

В руке у королевы вместо меча теперь был хлыст. Здоровенный такой - я видел, как в деревне таким коров в стадо сгоняют. Что, собственно, и принялась делать королева.

Ловкими взмахами хлыста она сбивала с волшебников шляпы, ломала волшебные палочки, резала, вместе с одеждой, мантии, открывая рыхлые, белеющие в свете одиноких звёзд, тела.

- Авада Кедавра! - надрывались волшебники.

Но королева только улыбалась.

- Знаешь, а это ты хорошо придумал, - прокричала она мне между ударами бича. - Я давно так не веселилась... Иногда унижение больнее смерти.

- Рассвет близко, - сказал я, заметив бледную полосу за дальними крышами. - Пора кончать балаган.

Волшебники, тем временем, взяли себя в руки. Собравшись тесной кучкой, они воздели волшебные палочки - у кого они еще остались - и нацелили на королеву Мэб.

В воздухе за клубилась энергия. Будто прямо здесь, в двух шагах, ударила молния. Даже запахло озоном.

Волосы у меня на всём теле встали дыбом, в носу засвербело. А в глазах волшебников я прочитал наш с Мэб приговор.

- Осторожней! - успел прокричать я, шагнул, чтобы заслонить её своим телом, и...

Королева только повела рукой, и всё замерло.

Перестали вздыматься языки пламени, перестала клубиться пыль. Застыл на полувзмахе летящий орёл...

- Ты остановила время? - я даже не знал, что такое возможно.

- Нет, улыбнулась королева. - Я просто нашла такое мгновение, в котором ничего не происходит. Я хочу рассказать тебе.

- О чём?

- О девочке, которая мечтала стать волшебницей. О том, как она бредила феями и эльфами, носила длинные платья, отороченные чёрным кружевом и перчатки без пальцев. Глупышка, она не понимала, что волшебство создают не наряды и украшения, а только лишь мысль. Когда Всё Изменилось, и миром стала править магия, она решила, что настал её звёздный час. Она надела свою самую красивую мантию и самую остроконечную шляпу и пошла в Академию Магии и Волшебства. Но знаешь, что было дальше?

- Что?

- Над нею посмеялись. Ей сказали, что Высокое искусство - не для юных дев. Сказали, что только мужской ум может выдержать Испытание - принять Пыльцу и не помрачиться, - Мэб посмотрела себе под ноги. - Одним словом, её выгнали.

- Одна из самых могущественных волшебниц, что я знаю - княгиня Ольга, - сказал я. - Да на моём курсе училось больше девчонок, чем парней. Всегда считалось, что вы, девки, обладаете лучшей усидчивостью и усердием в разучивании заклинаний.

- Я этого не знала, - прищурила изумрудные глаза королева. - Покинув обитель волшебников, я стала учиться сама. Не по книгам и гримуарам, а так, как подсказывали сердце, кровь и кости. И у меня получилось. Мне подчинились пять стихий, девять металлов и сто одиннадцать духов. Я сама нашла вход в Волшебную страну. Я вошла туда, полюбила её и стала её королевой.

- Сихои - это мятежные неуспокоенные души, верно? - тихо спросил я.

- Да. Это обездоленные, невинноубиенные, неотмщённые - все, кто не мог найти покоя ни на Этом свете, ни на Том. Я дала им дом и кров. Я подарила им надежду.

- А волшебники из королевской академии стали ловить твоих духов в железные клетки и заставлять творить зло.

- Я ненавижу их за это. Они пожалеют о своей гордыне.

Мы помолчали. Воздух был всё так же неподвижен. Как в центре тайфуна.

- Спасибо, - сказал я. - Спасибо, что рассказала.

- Это еще не всё, - сказала королева Мэб. - Ты помог вернуть моих братьев. Поэтому я говорю тебе: мы уходим. Я знаю, как можно запечатать мою страну, чтобы она никак не соприкасалась с известной Навью. Я не хочу, чтобы моим подданным причиняли вред, поэтому хочу уйти, - она посмотрела на меня долгим взглядом, а потом сказала: - И я хочу, чтобы ты пошел со мной.

- Что? - я прекрасно слышал её слова. Просто... Это было неожиданно. И пугающе. А еще - очень заманчиво.

- Пойдём со мной, - повторила королева Мэб. - Я сделаю тебя королём - настоящим королём. Ты будешь править волшебной страной, все эльфы и феи, и

другие волшебные существа подчинятся тебе. Ты будешь самым могущественным. И бессмертным. Как только мы переступим порог моего королевства, перестанем стареть. Навсегда.

- Звучит... - я закашлялся. - Звучит, как сказка.

- Это и есть сказка. Воплощенная в жизнь. Там всё по-настоящему, поверь мне.

- Я верю.

- А я устала быть одна. Ты... я чувствую, ты такой же, как я, - сказала королева Мэб. - И ты дополняешь меня. Вместе мы сможем создать самый лучший из миров.

Она подошла ко мне вплотную, обвила руками шею и поцеловала. Губы её были горькими, как полынь, и нежными, как мёд. А вот сердце не билось. Со всем.

- Так ты согласен? - спросила королева.

Глава 11

Глава 11

Я посмотрел в её лучистые глаза... И тут всё пришло в движение.

Медленно, со скрипом, Время начало прокручивать свои шестеренки. Взмахнул бронзовыми крылами орёл, зашевелились волшебники - так, словно двигались в густом сиропе.

С концов их палочек сорвались наконец файерболы, и сплетясь в один громадный шар, устремились к нам с королевой.

- Решайся, - сказала она. - Через пару секунд здесь останется только пепел.

Я нервно взглянул в небо. Бвана был уже близко.

- Я... - облизнув губы, я посмотрел на Мэб. В горле пересохло, а ноги стали ватными. - Я...

- Ну же! - нетерпеливо крикнула королева.

Закрыв глаза, я начал считать. А досчитав до десяти, потянулся к Нави и распахнул Завесу.

Первым в прореху влетели Его превосходительство с бваной на борту. Мы с Мэб прыгнули следом. Правь скрылась за плотным, словно вытканым из железной чешуи, занавесом.

И лишь через ту незримую связь, что связывает мою душу как с Навью, так и с Правью, я почувствовал, как громадный файербол взрывается точно на том месте, где мы стояли мгновение назад, и разливается морем синего огня.

Его волна ударилась в Завесу, та выгнулась пузырём, загудела, как жестяная крыша под ледяным градом, но выдержала.

На Той стороне от посольства не осталось камня на камне. Даже каминные трубы рассыпались в пыль. На Этой стороне, в Нави, шумел тёмными верхушками непроходимый лес.

- Ну приехали, - сказал я, отряхивая то, что осталось от джинсов. - Потусовались чуток у молочной реки с кисельными берегами - и айда. Нет больше по-

сольства, нет пуховых подушек с перинами, тёплых булочек с утренним кофе...

- Ух ты! Здорово как!

Голос не принадлежал Лумумбе. Не был он похож и на низкий, чуть с хрипотцой голос королевы, и на железный скрежет Его превосходительства. Это был восторженный, срывающийся от волнения голос мелкого пронырливого...

- Петька! Ты как здесь оказался?

В два шага преодолев расстояние до мальчишки, я подхватил того за шиворот и хорошенько встряхнул.

- Не деритесь, дяденька, не виноватый я! - заголосил конопатый прохиндей. - Там этот синий шар как надулся, орёл как полетит, а вы как прыгнете... И что мне оставалось?

- Прятаться в погребе, как это было велено всем нормальным людям, - я еще раз встряхнул парнишку и поставил на ноги. - Ну что теперь с тобой делать?

Видимо, рожа у меня была достаточно зверская, потому что мальчишка зарорал:

- Не надо со мной ничего делать, дяденька колдун! Ну пожалуйста, я вам еще пригожусь...

- Ладно, оставь парнишку, - вступился Лумумба. Он скатился с орла по бронзовому крылу, как по аварийному трапу и тоже деятельно осматривал окрестности. - Что сделано - то сделано.

К нам подошла королева Мэб. Тихо улыбнувшись, она провела по волосам мальчика и сказала:

- Это судьба.

- Да какая может быть судьба? - возмутился я. - Этот паршивец просто-напросто лезет везде, где не надо, и создаёт проблемы... Вы знаете, как скажется на обычном ребенке длительное пребывание в Нави? - обратился я к наставнику. Тот пожал плечами. - Вот и я не знаю... Одно известно точно: хапнем мы еще с этим поросёнком.

Лумумба наклонился к мальчишке так, чтобы смотреть ему в глаза.

- Ты слышал, что говорит строгий дядя колдун? - спросил он притворно-грозным голосом. Мальчишка кивнул. - Хочешь стать поросёнком? - Мальчишка замотал головой в стороны. - Будешь слушаться? - Тот вновь закивал.

- Ну вот, проблема решена, - бвана выпрямился и похлопал меня по плечу.

А я хмыкнул. Сколько раз я сам давал наставнику обещание слушаться и тут же его нарушал? Ладно, лучше не напоминать... Ох и наплачемся мы еще с этим поросёнком. Тьфу ты, с ребенком...

Над лесом, создавая воронку, кружили чёрные птицы. Но в отличие от земных птиц летали они совершенно молча.

- Жалко их, - сказал Петька, тоже глядя на птиц, - Такие одинокие, несчастные...

А мне они просто не нравились. В их кружении было что-то зловещее.

- А как ты вообще оказался в доме? - чтобы отвлечься, спросил я пацана. - Его превосходительство уверяли, что все ушли.

- А я в камине сидел, - уяснив, что наказания, вот прямо сейчас, сей секунд, не последует, улыбнулся мальчишка. - Как услышал, что Его превосходительство всех со двора гонит - так и залез. Я часто так делал. Чтобы за опытами подсматривать.

- За какими опытами?

- А когда к Игнат Степанычу леди Амалия приходила. Он её колдовству учил, а я прятался, чтобы посмотреть.

- Ясно, - вздохнул я. - Любопытство, значит, не порок. Но ведь... на этот раз всё было по-другому. Разве ты не понял?

- Конечно понял, а как же? Но ведь интересно!..

Я закатил глаза.

А потом подумал: ведь и я такой же был. Маленький беспризорник, до которого никому нет дела. Точно так же таскался за старшими ребятами, подглядывал да высматривал - страшно бывало до жути. Но ведь интересно!..

Пока мы разговаривали с Петькой, королева Мэб медленно брела к опушке леса. Там она остановилась, издала высокий, на грани слышимости крик, и вскинула руки.

Птицы устремились к ней.

Они её сейчас заклюют, - подумал я и хотел рвануть на помощь...

- Не мешай, - сказал наставник. - Дай поздороваться.

Сихои, - наконец-то допетрил я. Мог бы наверное и раньше, но явление мальчишки совсем выбило меня из колеи.

Спускаясь кругами к земле, духи складывали серые плащи-крылья и становились... обычными людьми. Клерки в узких похоронных костюмах, чопорные слуги в париках и ливреях, торговки в широких коричневых юбках, дамы в красивых платьях и мужчины, одетые в роскошные камзолы...

Было их много, больше сотни.

А две тени отделились от толпы и пошли к нам. Один мужчина был в черном фраке, с белой хризантемой в петлице и в начищенных до блеска туфлях. Второй - в простом шерстяном пальто, с не очень опрятными волосами до плеч и с бородой.

- Ой... - послышалось со стороны Петьки. - Это что, призраки? - и он шмыгнул за спину Лумумбы.

- Не бойсь, - ободрил мальчика учитель. - Дух ребёнка не обидит.

Мальчишка осторожно выглянул из укрытия.

- А не врёте? - он подозрительно оглядел мужчину в пальто. - Никакой это не дух, а батя мой... Вообще-то он хороший. А драться стал, как мамка померла. Батя думал, что она из-за меня померла, когда мы вместе корью заразились. Только я выжил, а она - нет. Вот батя и...

- Здесь он драться не будет, - успокоил Лумумба. - Я тебе обещаю.

Тогда Петька медленно, шагком за шагком, вышел к призраку. Мужчина в пальто на мгновение замер, затем в глазах его засветилось узнавание.

- Сын, - тихо сказал он. - Сыночек, Петенька!

Упав на колени прямо в мокрую траву, он протянул руки.

- Пап?.. - мальчишка сделал шаг, другой, а затем побежал.

Они обнялись. У мужчины было такое лицо, что мне стало неудобно, и я от-
вернулся.

- Так ты что же, умер? - спросил старший Незнанский, когда прошла первая волна лобзаний и приветствий.

- Он жив, - ответил Лумумба. - Просто обстоятельства так сложились.

Голос у наставника был виноватый.

- Не ругай их, батя, я сам пришел, - глуховато, уткнувшись в отцовскую шею, ответил Петька. - Представляешь, волшебники посольство разнесли.

- Волшебники... - Незнанский глухо завыл. Оттолкнув сына, он поднялся с колен и беспокойно заметался по полянке. Затем остановился и повернулся к Лумумбе. - Они опасны. Вы понимаете? Они творят такое зло, такое зло... Вы должны их остановить.

В этот момент к нам подошел второй, во фраке.

- Дипломат первой гильдии Барсуков, - лихо щелкнув каблуками, отрекомендовался призрак.

- Полковник М'бвеле, ваш временный заместитель, - поклонился в ответ наставник.

Барсуков протянул бесплотную руку, Лумумба её принял.

- Мы здесь, в Британии, много о вас слышали, коллега, - сказал дипломат. - Я безмерно рад, что разрешать кризис прислали именно вас.

И оба посланника - покойный и нынешний - медленно пошли вдоль опушки, обсуждая на ходу что-то животрепещущее - судя по тому, как оба размахивали руками...

Я посмотрел на Незнанского. Нервно комкая в руках конец замурзанного полосатого шарфа, тот топтался на месте, и поглядывал то на своих собратьев - сихоев, то на меня, как на истину в последней инстанции.

- Вы должны их остановить, - повторил он. Не глядя опустил руку и погладил Петьку по волосам. - Иначе им, - он склонил голову в сторону мальчишки. - Негде будет жить.

А вот это удар ниже пояса.

- Понимаете, мы из другого ведомства, - попытался объяснить я. - У нас своё задание и свои обязательства. Мы не можем изменить британские традиции. Не имеем права.

- Но ведь волшебники напали на посольство, - тихо сказал Петька. - А это уже - политический прен-цен-дент.

- Экий ты умный, - злясь на самого себя, буркнул я. - А вдруг, начав вмешиваться, мы начнём войну?

- Война с Британией неизбежна, - сказал призрак Незнанского. - Все предпосылки указывают на то, что правительство намерено развязать вооруженный конфликт, как только найдёт повод. Англия готова к войне.

- А вот с этого места, дорогой товарищ, можно поподробнее.

Я вспомнил, что Незнанский писал докторскую как раз про отношения России и Англии. Что-то там про индустриальный регионализм, чем бы он ни был.

Значит, чтобы разобраться во всей этой катавасии, он-то нам и нужен...

- Я готов поделиться всей информацией, которой располагаю, - сказал конюх. - Но только после того, как вы нам поможете.

- Но...

- Да, я понимаю. Шантаж - это очень низко. Тем более, когда речь идёт о своих же коллегах. Но поймите меня правильно: я мёртв. И по большому счёту, перипетии внешнего мира могу считать совершенно несущественными. Нам, покойникам, не важно, кто придёт к власти в Британии, сможет ли победить Россия в грядущей войне...

- А вот и нет! - встрял Петька. - Ты только об этом и говоришь всё время. То есть, говорил...

- Понимаете, по сравнению с вечностью, которая нам уготована на Том свете, - не слушая сына, продолжил Незнанский. - Жизнь в Прави - всего лишь миг.

- Есть только ми-и-иг... Между прошлым и будущи-и-и-им...
Именно о-о-он называется жи-и-изнь...

Я не слышал, как к нам подошел Лумумба.

- Случилось так, господа присяжные заседатели, - весело заявил он, перестав петь. - Что судьбы мира нерасторжимо связаны с глубокой, уж простите за сравнение, задницей, в которой вы оказались. Поэтому мы беремся вас вытащить.

- Вы что-то узнали? - спросил я наставника.

- Я узнал всё, что нужно, - отрезал наставник.

- Не поделитесь?

- Меньше знаешь, крепче спишь, - отечески похлопав меня по плечу, бвана пошел к королеве.

Вот так всегда. Как повоевать там, или поколдовать - так мы напарники. А как доходит до стратегических решений - так сразу я младший по званию... Обидно как-то. У меня, может, свои гениальные идеи есть.

И тут я усмехнулся. Ладно, ладно, дорогой товарищ полковник. У тебя свои секреты, у меня - свои...

- Вы обещали всё рассказать, если мы вам поможем, - обратился я к Незнанскому. - Так вот: считайте, что помощь вы получили.

Вот так я и оказался один.

В лодке, посреде реки, очень похожей на нашу Смородину.

Река текла неспешно и сонно. Тяжелые чернильно-чёрные волны лениво плескали в борта, мимо бежали унылые берега, на которых абсолютно ничего интересного не происходило. Что характерно: плыла лодка сама. Безо всяких с моей стороны усилий.

Минус в том, что сделана она была из человеческих ногтей... Да, на первый взгляд звучит мерзко. И на второй тоже. Но что поделать? Именно такие арха-

ичные средства передвижения популярны в Нави Британских островов, всё население которых, поголовно, зациклено на легендах и традициях прошлого.

Как-то раз, в очередном нашем с бваной диспуте о природе Нави, Лумумба выдвинул гипотезу о том, что Тот свет держится на коллективном бессознательном всех людей. На архетипах, если по Юнгу. Я спросил, что это значит.

Это значит, ответил тогда бвана, как вы лодку назовёте, так она и поплывёт. В смысле: что ты ожидаешь увидеть на Том свете - в силу сказок, рассказанных на ночь бабушкой, страшилок, услышанных от сверстников, и культурного слоя, который так или иначе осел на тебе за прожитые годы - то, собственно и видишь.

Но лодка, в данном случае, это еще полбеды. Гораздо хуже были мёртвые головы.

Объясню наглядно: лодка была построена из костей великана. Килем служила грудная кость, а рёбрами жесткости - э... собственно рёбра. Всё пространство между ними было заполнено ногтями - и не какими-то обрезками, а цельными ногтевыми пластинами, громадными, желтыми и толстыми, как драконья чешуя. Которую, правда, отродясь не мыли и не чистили... Но это не всё.

На каждое ребро, в качестве украшения, было насажено по мёртвой голове. Головы были отвратительные: с вытекшими глазами, синюшной отваливающейся кожей, выбитыми зубами и чёрными обрубками языков.

И они разговаривали.

Как только мы отчалили от берега, они начали трещать. И трещали, почитай, без умолку всю дорогу.

- Ну и дуралея нам выпало везти, - говорила, например, та, что располагалась на корме. - От самых Донебольских гор на севере, до берегов Килларни на юге не видали такого дуралея.

И только я хотел обидеться и возмутиться, как ей вторила другая - вторая от носа с правого борта:

- Скажешь тоже, до самого Килларни! Да в любом пабе Дублина, если заглянуть под лавку, и хорошенько там поискать, можно найти с десятков таких дуралеев.

- Так уж и с десятков, - включилась в разговор третья - с кошмарным щелястым ртом. - От силы двух-трёх. Нынче дуралеи уже не те...

- Слыхал я, как в Трали однажды подрались О'Салливан с О'Доннелом. Кабак, в котором они дрались, позднее растащили на изгороди для овец. Так вот, о кабаке...

- Так что там с дракой? - переспросила первая. - Из-за чего весь сыр-бор-то?

- Не помню, - ответила голова и зевнула. - Давно это было...

- Да, дуралеи уже не те, - вновь заняла третья. - Даже подраться как следует не умеют. Вот в моё время, если дрались добрые ирландцы с добрыми ирландцами - ибо никто другой противостоять им не может - так не только кабак разбирали на изгороди для овец, но еще и всю деревню раскатывали по брёвнышку. А на следующий день, маясь головной болью, отстраивали заново.

- От того во всей Ирландии такие неказистые дома, - вставила голова, что была с левого борта, посередине. - Потому что строили их не иначе, как с по-

хмелья.

А потом они хором запели:
Ни мяса на тарелках
Ни молока в кувшинах
Ни крова для бездомных
Ни золота для бардов...

К счастью, я быстро понял, что для поддержания разговора я им не нужен - разве что, как предмет светской беседы.

Тогда я решил написать письмо Машке. Просунув руку поглубже в Навь и пошарив там, я вытащил старую тетрадку с разлинованными страницами и огрызок карандаша. Уставился на плоский, поросший вереском берег, поплюнул карандаш, и бодро начал:

"Дорогая Маша..." И сразу остановился. А о чём, собственно, ей писать? Как мы сели в лужу, не в силах защитить посольство? Как ходили в лондонскую подземку к продавцам Пыльцы и нарвались на Дементоров? Или как я на балу, устроенном в Виндзорском замке, танцевал с самой красивой женщиной на свете? М-да... Узнай Машка про мои танцы, она мне так даст, что я долго буду иметь всё... Так про что же мне написать?

- Напиши, что скучаешь, дуралей, - посоветовала голова, которая висела прямо над моей лавкой. Она заглядывала мне через плечо, а заодно, по-видимому, и в мысли... - Напиши, что её лучистые глаза, свету которых позавидуют сами звёзды, снятся тебе по ночам. А её серебристому смеху учится вторить горный ручей...

Я вздохнул. Что умеют метать Машкины глаза - так это молнии. А смеется она чаще всего, сказав какую-нибудь гадость обо мне, болезном. Да и вообще: если я начну расписывать красоты её смеха, в первую очередь моя напарница решит, что я с глазуду двинулся.

Плюнув на попытки написать письмо, я изничтожил тетрадку и стал размышлять над тем, не совершил ли очередную гигантскую глупость, послушав королеву Мэб...

Тёмный лорд. Так они его называли. Никто не знал, кто он такой, никто его никогда не видел.

Но он решал проблемы. Достаточно было написать письмо, положить его в полночь в дупло дерева, капнуть туда же несколько капель крови... И через какое-то время желание исполнялось.

Только вот незадача: клиент недолго наслаждался сбывшейся мечтой. Через какое-то время он умирал. Несчастные случаи, болезни, даже убийства - всё шло в ход.

Но самое странное - это не мешало всё новым людям писать письма, смачивать бумажки своей кровью и относить их в дупло... Эх, глупость человеческая.

Наверняка каждый, кто очень сильно чего-то желает, но не может получить, думает так: я - не такой, как другие. Со мной не случится ничего плохого... И у меня будет то, чего я хочу больше всего на свете!

Беда в том, что человек не всегда может отличить то, чего он хочет, от того, что ему действительно нужно...

Королева Мэб, например, будучи обычной девушкой Мэри, очень хотела стать ведьмой, получить могущество. И получила его. После смерти... Доктор наук Незнанский, по совместительству, сильно пьющий конюх при Российском посольстве, хотел перестать пить. И перестал - потому что умер.

Лохотрон. Так бы его назвал бвана... Люди пишут писульки, и скрепляют их своей кровью - вот в чём цимес. Кровь, которую реципиенты жертвуют добровольно, без всякого принуждения. Она даёт Тёмному лорду, кем бы он ни был, неограниченную власть над их душами.

На основе каждого клочка с каплей крови Тёмный Лорд делает амулет, с помощью которого убивает человека, а затем превращает в Дементора.

Дёшево и сердито, - сказал бы Товарищ Седой. Безотказная схема, такая же, как в игре в "напёрстки". Всегда найдётся лох, который хочет рискнуть, несмотря на последствия...

Но не все сдаются просто так. Королева Мэб не сдалась. Сначала она просто старалась защитить Сихоев от влияния амулетов, создала своё "королевство" - местность в Нави экранированную от влияния Прави. Но Тёмный Лорд нашел лазейку и туда. Всё больше сихоев становилось Дементорами. Постепенно они теряли память, теряли себя и просто растворялись в вечности.

А Тёмный лорд собирал всё новые и новые души...

И тогда у королевы Мэб созрел другой план. Простой и ясный, как топор: нужно просто-напросто замочить Тёмного Лорда. Но: легко сказка сказывается, да непросто дело делается.

Они не знали, кто это такой. А потому не могли направить мощь своего праведного гнева в нужное русло.

И тут появляемся мы с бваной. Крутые, как два варёных яйца, и глупые, как слепые мыши, которым подсунули слона, и велели на ощупь определить, что это такое.

Это я про наше расследование...

А ведь она большая умница, эта девушка по имени Мэри, королева Мэб. Очень толково и грамотно расставила ловушку, в которую мы с бваной угодили не только коготками, а так же клювиками, хвостиками и крылышками.

И вот теперь, я несусь по потусторонней реке в волшебное королевство Эрин, чтобы отыскать там чувака по прозвищу Край Битвы и выпросить у него артефакт под кодовым названием "копье Кухулина" - уж не знаю, что это за цацки такие.

С помощью этого легендарного копья, заверили меня в один голос королева Мэб и бывший конюх Незнанский, можно не только убить Тёмного Лорда, но и развоплотить его к Чёртовой бабушке на веки вечные.

Я пытался им объяснить, что развоплотить маганомалию номер один (без всяких суффиксов и префиксов), которая классифицируется, как "враг рода человеческого", мы с бваной можем и сами, без всякого копья. В конце концов,

это наша работа...

Но потом вспомнил, какого на самом деле труда стоило справиться с Ариманом, и спорить не стал. Надо добыть копьё - добуду. Не вопрос. Главное, чтобы бвана к этому времени вычислил, кто на самом деле скрывается под кодовой кличкой "Тёмный лорд"...

Устав от напряженной работы мысли, я прилёг отдохнуть на дно лодки. Лодка бежала по реке сама по себе, мёртвые головы слаженно выводили мрачную мелодию:

"Этой ночью в горы, в скалы Квин-на-Барра,
Прилетит неясить строить гнездо..."

Песня была длинная и мрачная, хотя и удивительно однообразная. Я под неё незаметно уснул.

Во сне моём над бесприютными скалами, о которые бился холодный прибой, кружил чёрный дракон с необъятного размаха крыльями. У дракона почему-то было две головы...

- Эй, просыпайся, дуралей! Своё счастье проспишь, - такими ласковыми словами меня разбудила голова, которая была приторочена на носу, в качестве впередсмотрящего.

Не знаю, сколько прошло времени. Наверное, довольно много - лодка успела здорово набрать воды и тащилась всё медленнее. А впереди слышался непонятный гул.

- А? Что? Какое такое счастье?

Вокруг была беспросветная темень. Ни воды, ни берегов я даже не видел, только слышал, как плещет волна за бортом.

Привстав на лавочке, я попытался разглядеть хоть что-нибудь, и через пару минут, когда глаза привыкли к темноте, разглядел огромный зёв пещеры, в который уходила река. Гул доносился прямо оттуда.

Еще через минуту я увидел острые камни, которые возвышались у входа в пещеру, а сверху, над сводом, два горящих факела.

А потом - будто у меня в голове щелкнул переключателем - я понял, что никакая это не пещера. Это пасть огромного дракона!

Камни были клыками, горящие факелы - парой желтых, с вертикальными зрачками глаз, а река исчезала в глотке, наподобие языка. Оттуда и шел гул: достигая гортани, вода падала в пропасть.

- Череп, череп, черепок,

Из ноздрей валит дымок...

Запела та голова, что была на корме.

Лодку неудержимо затягивало в пасть. Подобравшись к борту, я попытался грести руками - чтобы отвернуть в сторону, но из воды высунулось несколько бледных щупалец и стали хватать меня за пальцы. Я едва не вывалился.

- Изо рта идёт огонь,

Убирайся, кто живой... - хором пели головы.

Когда лодка медленно, но неотвратимо всплыла в пасть к дракону, мне ничего не оставалось, как покрепче вцепиться в борта, зажмуриться и заорать.

Глава 12

Глава 12

МАША

На ковёр к Товарищу Седому меня вызвали прямо с экзаменов. И не простым звонком по телефону - курьера прислали, индивидуальным порталом.

Ну, к порталам мне не привыкать, а вот срочность внушала подозрение. Одно из двух: или с Ванькой и Лумумбой случился очередной капец, и мне хотят сообщить печальные новости в приватной обстановке, или я серьёзно накосячила на практических приложениях.

Практическими приложениями у нас звали условия, приближённые к боевым: там как приложит - мало не покажется.

А в качестве практики третьекурсников - а меня зачислили сразу на третий, с учётом боевого опыта - посылали в подмосковье. Я имею в виду, в прямом смысле. Под Москву.

Поле русских экспериментов - так звали за глаза Московское метро и обширную сеть катакомб, прорытых трудолюбивыми средневековыми монахами, скрытными советскими коммунистами и прогрессивными строителями светлого будущего.

Дело в том, что в подмосковье сбрасывались все отходы магической промышленности, с большим успехом развернутой предприимчивыми столичными магами. Причины были вполне резонными: некоторые особо стойкие креатуры исчезали лишь со смертью их создателя. К сожалению, сами создатели креатур, в свою очередь, планировали жить долго и по-возможности счастливо.

Вот городская администрация и нашла простой и дешёвый выход избавляться от нежелательных маганомалий.

На выходах из метро и всех канализационных люках города были поставлены запирающие Печати, заговоренные не выпускать из-под земли кикимор, зомби, вампиров, перекормленных золотых рыбок с щупальцами, кровожадных пауков и говорящих жаб.

Старшекурсники поговаривали, что в дальних ходах под Мытищами неоднократно слышали драконий рёв, а под Лужниками нашли город гарпий - с гнёздами, расположенными концентрическими кругами на склонах громадного кратера, уходящего чуть ли не к центру земли...

Студентов Академии регулярно посылали на зачистку ближайших к поверхности катакомб. В принципе, очень удобно: можно было сдать зачёт по полевой тактике, не выезжая за пределы города.

В качестве дополнительных бонусов к зачёту, рекомендовалось при каж-

дом удобном случае пополнять бестиарий редкими экземплярами, которые потом использовались в качестве наглядных пособий...

По здравом размышлении, не знаю, чего я там могла накосячить: экзаменационный балл у меня был самый высокий во всей группе.

Конечно, кое-кому это не нравилось: явилась откуда ни возьмись малявка, метр с кепкой на коньках, а убитых маганомалий у неё за плечами больше, чем у дипломированного экзорциста.

Особенно меня невзлюбили на кафедре магических креатур. И я их прекрасно понимаю: охотник на монстров для них - природный классовый враг. Каждый студент, и даже кое-кто из преподавов, глядя на меня, регулярно задавались вопросом: как скоро они окажутся по ту сторону направленной на них Пищали...

На самом деле, нас, охотников на нежить, в Академии было не так уж много. Точнее, тринадцать человек. Нас так и звали: Чёртова дюжина.

Товарищ Седой настоял на создании такого особого подразделения... Маги, разумеется, были против - по вышеизложенным причинам; но он их не слушал. "Квис кустодиет ипсос кустодиес?" - так он выразился. Я потом посмотрела в словаре: "Кто устережет самих сторожей?" - так это переводится.

Товарищ Седой намекнул, что мы, "Чёртова дюжина", - костяк будущего отдела внутренних расследований...

Разумеется, мы были отщепенцами. Выродками - как метко выразился один из младших преподавов с кафедры магических зелий.

У молодых магов была очень популярной такая идея: всю власть в мире отдать им, а нас, обычных людей, заставить на себя батрачить. Конечно же, реакционерам было не по нутру даже дышать одним воздухом с теми, кто смотрит на них как на потенциально опасные маганомалии с грифом ноль-ноль-один.

Ладно, что-то я отвлеклась. Просто... пока я шла за курьером по коридорам академического корпуса к порталу, который должен был перебросить меня напрямиком в Останкинскую башню, хотелось отвлечься.

Чтобы не думать и не воображать всякие ужасы, которые могли случиться с Ванькой без моего чуткого руководства... Нет, вы не подумайте. Нашему драгоценному учителю, Базилію Мбвелевичу, я доверю что угодно: и свою жизнь, и репутацию и даже Пищаль - если она станет камнем преткновения. Но в то же время... Его органическое неприятие того факта, что Ванька - тоже человек, и нуждается в заботе, ласке и кормёжке, как-то всегда меня немножко беспокоило. А вдруг он там, в Лондоне, трёхразового питания не получает? Может, он заездил Ваньку в конец, как Сивку-Бурку...

Вот и письма я ни одного не получила. Хотя остолоп и обещался отписывать почти каждый день, кроме короткой записки "доехали хорошо, устроились в посольстве, начали расследование" - больше ничего не было...

Ну вот, за такими мыслями мы и добрались до кабинета Товарища Седого. На всё про всё ушло минуты три... Курьер, проводив меня до двери, почтительно козырнул и удалился на цыпочках, а я застыла, как к полу приклеен-

ная.

Перед этой дверью, обитой дешевым ламинированным шпоном, укрепленной Соломоновой Печатью, заклинанием духов пяти стихий, солевым кругом против нежити и веточками остролиста и омелы против вампиров и зомби, я попросту оробела.

Нет, в самом кабинете я уже бывала, но... как бы с другой стороны. В качестве полноправного члена самой лучшей оперативной группы АББА. А сейчас, будучи простой студенткой-третьекурсницей, я вдруг поняла, какая гигантская социальная пропасть отделяет меня от главного мага страны...

Когда я наконец нашла в себе силы поднять руку и постучать, дверь распахнулась сама собой.

- Ну где тебя носит? - за те полгода, что мы не виделись, Товарищ Седой несколько не изменился. Тот же солидный, но чуть лоснящийся на локтях костюм, под ним - вышитая крестиком косоворотка... Только кепки не хватало - в помещении он её не носил.

- Заходите, Медведева. Только вас ждём.

Этот голос мне даже в снах преследовал. Профессор Бессмертный, с кафедры Вечной Жизни. В их ведении были всякие там скелеты, зомби и прочие ходячие мертвецы.

Ну да, это была как раз та кафедра, где в своё время преподавал Лумумба, и учился Ванька. О них там ходили легенды. Портрет учителя висел в главной аудитории, на почётном месте, а Ванька числился в лучших учениках и почётных кураторах... Каждый студент спал и видел заветное место в лучшей опергруппе. И слух о том, что меня Лумумба взял на стажировку просто так, даже без экзаменов, приводила большинство из них в бешенство.

Особенно, учитывая то, что я категорически отказалась пройти тест на мага. Пустышка - вот как здесь называли тех, кто не умел колдовать. Что тоже не добавляло мне популярности, потому что в ответ я называла их наркоманами синюшными... По каковой причине числилась опасной зачинщицей драк и имела несколько приводов к ректору. Но это уже совсем другая история.

Словом, мне казалось, что профессор Бессмертный придирается именно ко мне. Как-то задал перевод с санскрита текста Махабхараты, - там, где Арджуна сражается с Кауравами волшебным оружием...

Я искренне недоумевала, за каким хреном профессору понадобилась эта замшелая история, и по давней привычке высказала своё недоумение вслух.

- Из эпоса Пхальгуна мы знаем, что Арджуна был обычным смертным. Пока боги не наделили его особыми силами, - холодно заметил Бессмертный, неслышно возникая за левым плечом. - Вам, Медведева, это должно быть особенно близко... И если вы ленитесь провести исторические аналогии с нынешним положением дел, то я, в свою очередь, не берусь поставить вам хотя бы "удовлетворительно" за "сравнительный анализ артефактов современности".

И никого не волнует, что для меня санскрит - китайская грамота. Выручила всё та же Вавилонская рыбка. Трактат я перевела, и даже потратила целую ночь, чтобы оформить его красными чернилами на пергаменте, но вот незада-

ча: оказывается, студентам запрещено пользоваться артефактами во время занятий - без особого разрешения ректора. Словом, за "Арджуну" меня чуть не выперли из Академии, и только личное заступничество Товарища Седого спасло ситуацию.

И вот теперь профессор К. Бессмертный - тот самый, что громче всех ратовал за исключение меня, любимой, из альма - так её за ногу - матер, сидит в кабинете Седого, гоняет холодные чаи и поджидает меня, несчастную.

И что я ему сделала? Ну, написала эпиграмму, в которой сравнила внешность достойного профессора с наглядным пособием из кабинета анатомии... А потом, на практических занятиях на кладбище, когда профессор с помпой поднял прошлогодний скелет безвременно усопшей вороны, вскользь, невзначай так, упомянула, что Ванька не так давно оживил тираннозавра... Так это же я не со зла. А ради исторической правды...

- Ну здрасьте, коль вызывали, - собрав всю свою вежливость в кулак, поприветствовала я магов.

- Вот, полюбуйтеесь!.. - профессор Бессмертный пошёл зелёными пятнами. - Ждут её важные, занятые люди, а она в ус не дует.

- Как сказали, так я и пришла. С вашего, между прочим семинара, по восстановлению из пепла.

- По которому, Медведева, тебе таки придётся сдавать зачёт, несмотря на блат и связи в высших кругах, - желчно напомнил профессор.

- Ладно, Костя, сейчас речь не об этом, - остановил дальнейшие прения Товарищ Седой. - Мы же договорились.

- А о чём? - быстро спросила я. - Что-то с Ванькой, да? Ну, я так и знала. Вот не надо было отпускать их на задание без меня... А я говорила! То-то писем ни одного...

- Сядь и слушай, - ласково, по отечески посоветовал главный маг страны.

У него был такой голос, что ноги подкосились сами. И если бы не табурет о трёх ножках, услужливо подскочивший сзади, сидеть бы мне на полу, потирая копчик.

- Старший лейтенант Спаситель ушел в Аннуин и не вернулся.

Мне показалось, или в голосе Бессмертного проскочило злорадство?

- Аннуин это... - я поискала в голове хоть какую-то информацию, но её там не было.

- Царство мёртвых у ирландцев, - снисходительно пояснил профессор. - И если бы ты, Медведева, не прогуливала мои лекции, то прекрасно бы это знала.

- Я не прогуливала...

- Значит, спала на уроках.

А вот это было. Зачёт по зачистке нежити в катакомбах состоялся как раз накануне, ночью. Прилечь не удалось даже на десять минут - только смыть с себя эктоплазму, и сразу на лекции... А мрачный голос профессора Бессмертного, монотонно начитывающий материал о загробном мире, как нельзя лучше располагал ко сну.

- Подождите... - я прижала кулаки к глазам, чтобы лучше сосредоточиться. -

Ванька ушел в Навь. Ну и что? В первый раз, что ли? Вы же помните: у него сейд. Он даёт связь с Алатырь-камнем.

- В данных обстоятельствах это несущественно, - нетерпеливо перебил Бессмертный. - Аннуин находится на так называемом "втором круге" - что ты, Медведева, должна бы знать, если бы...

- Ближе к телу, - коротко бросил Седой.

- То есть, за рекой Смородиной, - сообщила я. - Там, куда Макар телят не гонял.

- Это не совсем так, - вновь подал голос профессор. - Имеются исторические свидетельства. Одиссей спускался в Аид, чтобы поговорить с отцом. Эней...

- Это мифы, Костя, - вновь перебил Седой. - Сейчас совсем другая ситуация.

- А... Что говорит Лумумба? - осторожно спросила я. - Он тоже ушел в этот, как его... Аннуин?

Маги переглянулись.

- Мы не знаем, - наконец сказал Товарищ Седой. - После разрушения посольства...

- Ах, значит, посольство в Лондоне разрушено? - я почти не удивилась. Виден почерк напарника: хлебом не корми, дай что-нибудь разрушить. В Африке - пирамиду Хеопса, а в Лондоне, значит, всего лишь посольство. Мельчит напарник. Хватку потерял.

- От них перестали поступать сведения, - закончил Седой.

- А откуда вы тогда знаете про Аннуин? - резонно спросила я.

- У меня есть свои источники, - важно заявил Бессмертный. - И я не намерен их раскрывать.

- С нами связалась княгиня Ольга, - пояснил, не глядя на профессора, Седой. - Являясь Проводником, она ощутила, как в запретную область за Смородиной вторгся кто-то из живых. По отпечатку ауры определила, что это был Иван.

- Я всё ещё не понимаю, что в этом такого страшного, - я искренне выпучила глаза.

- Видишь ли, так далеко никто из смертных еще не заходил, - снисходительно пояснил Бессмертный.

- И мы не знаем, насколько необратимые последствия имеет... - начал Седой.

- Никто не знает, - перебил Бессмертный.

- Помолчи, Костя, - главный маг страны извлёк из кармана обширный клетчатый платок и принялся вытирать вспотевшую лысину. - Мы действительно не знаем, может ли он вернуться, - честно глядя мне в глаза, закончил он. - Но одно известно точно: чем больше времени он проведет в Аннуине, тем меньше шансов на возвращение.

- Но Лумумба... - у меня перехватило дыхание. В глазах потемнело, и стало так жарко, словно меня засунули в печь. - Разве он...

Я хваталась за соломинку. Если матёрые магистры говорят, что дело швах, значит, так оно и есть. И никакие аргументы этого не изменят.

- Мы не можем с ним связаться, - мягко напомнил Седой. - Это значит: или он тоже пошел за Смородину, или...

- Но вы же - некромант! - закричала я. - Если бы кто-то из них умер, вы бы знали!

Товарищ Седой вздохнул.

- Маша, что ты знаешь про кота Шредингера?

- Это того, который и жив и мёртв одновременно?

- Навь с Британской стороны закрыта для нас железным Занавесом, - сказал профессор Бессмертный. - Мы не имеем возможности узнать, что происходит на Том свете в их регионе.

- Но ведь... Можно пройти отсюда? - у меня забрезжила одна мысль. - Я знаю, мне Ванька рассказывал! Навь отличается от Прави тем, что там нет привязки к географии.

- Своя топография местности есть и там, - возразил Бессмертный.

- Но эту топографию можно конкретно сократить! - торжественно добавила я. - Когда мой выход?

- А с чего ты взяла... - вновь начал профессор.

- Она не дура, Костя, - остановил прения Седой. - Мы бы не стали вызывать студентку с семинара, и рассказывать ей... всё, что мы рассказали, если бы...

- Не планировали послать меня на помощь Ваньке.

- У тебя с ним очень крепкая связь, - Товарищ Седой устало помассировал переносицу. - И мы думаем, если кто и сможет его отыскать - так это ты.

- Есть одно крошечное, почти что несущественное "но" - мрачно сказала я. - Я - не маг. И как попасть в этот ваш Аннуин, не имею никакого понятия.

- У тебя будет проводник, - сказал Седой.

И таким тоном он это сказал, что я сразу всё поняла.

- Нет, - крик души вырвался из самых печенок.

- Да, - злорадно кивнул Бессмертный и улыбнулся.

Я повернулась к Седому.

- Дяденька главный маг, пожалуйста, можно я пойду одна? У нас с профессором Бессмертным, при всё моём уважении, слишком разные взгляды, и...

- Гамаюн, - перебил Седой. - Проводником будет служить Гамаюн.

Камнем, который свалился с моей души, спокойно можно было убить слона.

- Уф... А я уже подумала...

- Да эта пигалица МЕЧТАТЬ должна о таком напарнике, как я, а она нос воротит!

- Костя, остынь. Мы уже всё обсудили.

- Нет, ну какая наглость!..

- Вызывали?

Услышав металлический скрипучий голос, такой пронзительный и родной, я кинулась вороне на шею.

Во время Африканской одиссеи мы с Гамаюн как-то даже сдружились. Один полёт к Килиманджаро чего стоил... Но после того, как Базиль с Ванькой отправились на задание в Лондон - почти не виделись. У меня был завал по учёбе, а Гамаюн читала какие-то лекции на старших курсах. Я не вникала.

А она изменилась, - решила я, погладив чёрные, с бензиновым отливом перья. Еще в Африке магистры устроили Гамаюн спешный апгрейд - увеличили размах крыльев, оснастили лапы мощными стальными когтями, нарастили клюв... Теперь птичка изменилась внутренне. Исчез заискивающий умильный взгляд, походка приобрела степенность и важность, даже голос стал более веским. Прибавилось в нём металла.

- Так и знала, что без меня не справитесь. Ну что, кого выручать нужно? - а вот характер остался прежним.

- Значит, опять напарники? - спросила Гамаюн, шагая рядом со мной по коридору.

Лекции как раз закончились, и навстречу валила толпа студентов. На нас старались не смотреть: мало ли, по какой надобности собрался кадет, в полной выкладке...

Жила я не в общежитии, а в однушке Лумумбы. Но всё же завела в Академии именной шкафчик, с разного рода полезными инструментами - в дополнение к стандартному обмундированию для спуска в катакомбы.

Эх, видел бы меня сейчас Шаробайка, - я мстительно усмехнулась. - Удавился бы от зависти...

В стандартный комплект охотника входили лёгкий кевларовый жилет, такая же каска, огне-кислото-чаронепробиваемые куртка и штаны, берцы со стальными набойками на носках и пятках, две винтовки - снайперская и штурмовая, огнемет и набор гранат. Ну, а я еще прихватила рюкзачок, который мне в Мангазее достался. С подарками: ножи разные, в ассортименте, два револьвера, конечно же, родная Пицаль с двумя комплектами боеприпасов, а также складной походный гранатомёт.

Со стороны я походила на низенькую самоходную артиллерийскую установку, только вместо гусениц были ноги. Многие удивлялись: и как я могла поднять всю эту тяжесть? Но никто не смеялся. Студенты академии прекрасно знали: бывают такие моменты, когда от перехода в состояние трупа тебя отделяет одна удачно брошенная запасная граната. Или нож, на худой конец.

Однако в глазах многих мелькал страх. И только пара-тройка посмотрела уважительно.

Громадная ворона - ей богу, после апгрейда она была ростом почти с меня - которая лязгала рядом металлическими шпорами, тоже добавляла в плане антуража.

Я мысленно вздохнула: легенды вокруг моей персоны обростут новыми подробностями, и надежда завести в академии друзей среди магов устремится к нулю...

Пройдя по коридорам корпуса Защитной магии, мы спустились в подвал. Здесь был оборудован стационарный портал для прохода в Навь - чтобы магам и стажерам во время сдачи экзаменов не приходилось тратить много Пыль-

цы.

Располагался он в дальней комнате, затхлой и ничем не примечательной - кроме того, что уж очень много в ней было пауков.

Сейчас я этому не удивлялась: было доказано, что арахниды, как создания древние и примитивные, обладают врожденной чувствительностью к маганомалиям. Как канарейки к угарному газу.

А портал в Навь приравнивался к маганомалии класса ноль дробь один - вот они и лезли, как муравьи на сахарный сироп. Плели паутины и питались эманациями, проникающими сквозь портал...

- Значит, вновь напарники, - еще раз повторила Гамаюн, неловко прыгая по ступенькам. Её короткие лапы не позволяли просто перешагивать с одной на другую, и ворона каждый раз легонько вспархивала, помогая себе крыльями.

- А ты этому не рада? - спросила я, поправляя огнемет.

Надо было подтянуть ремешок - всё время соскальзывает с плеча... Да всё руки не доходят.

- Ну почему же? Рада, конечно.

- Привыкла, поди, жировать на казённых харчах.

- На казённых харчах не пожирнешь, - отрезала птица.

- То-то я смотрю, у тебя красная икра к клюву присохла.

- И не икра это вовсе, - ворона попыталась обтереть кончик клюва о каменную стену, но только высекла сноп искр. - Это... глаза василисков. Ночью гоняла по Новодевичьему.

- А чего такие маленькие?

- Так не уродились. В городе вся нежить какая-то хилая...

Привычная перепалка подняла настроение нам обоим. Ну, во всяком случае, мне точно.

- Готова? - спросила Гамаюн, проложив путь к порталу сквозь паутину, и склевав пару десятков особенно жирных пауков.

Хорошо, Ваньки здесь нет, с его арахнофобией, - невпопад подумала я. И кивнула.

Ворона прицелилась и хорошенько долбанула клювом в железную, и на вид очень крепкую дверь. Раздался грохот, скрежет, будто оную дверь раздирали напополам голыми руками, а потом в железе протаяла светящаяся дорожка. Она расширялась, становилась всё ярче, и когда свет ослепил настолько, что пришлось закрыть глаза, Гамаюн скомандовала:

- Ходу!

И мы прыгнули в Навь.

Глава 13

Глава 13

МАША

Место было незнакомое. Не то, чтобы я отлично разбиралась в Навской географии - или топографии, как её называл профессор Бессмертный, - но кое-что я всё же видела.

Кроме того, многое я представляла по Ванькиным рассказам, дополненным красочными и ёмкими ремарками Лумумбы.

Это место не было похоже ни на что. Сейчас поясню: обычно на Том свете преобладали природные ландшафты. Там, где в Прави были города, в Нави свободно могли располагаться непроходимые леса, высоченные горы или пустыни, населенные воющими призраками вперемешку с голодными духами.

Здесь же, под Москвой, Навь была странная: всё те же коридоры с пауками, освещенные скудными лампочками, которые светили на непойми какой энергии, те же затхлые каменные подвалы и глухие, с остроконечными потолками крипты.

Пахло плесенью и тухлыми грибами. Под ногами чавкало, и отдирая от подошвы прилипшую капость, я поняла, что это спрессованная бумага. Замшелые тетради, какие-то плакаты, учебные пособия - на некоторых обложках сохранились названия: "Введение в политэкономiku", "Диалектический материализм", "За ответственную власть!"...

- А чего ты хотела? - пожалала железными крыльями ворона. - Академия находится на территории бывшего МГУ, сиречь - Государственного университета. Представляешь, сколько поколений студентов на этом самом месте проклинали лекции, зачёты, экзамены и всю учёбу в целом?

- То есть, мы попали в студенческий ад?

- Один из его кругов, я полагаю, - кивнула Гамаюн. - Ну, тебе-то это глубоко чуждо... Два класса, три коридора - вот и всё твоё образование.

- Эй, я первая в своей группе, между прочим.

- Ну да. В группе киллеров и отморозков.

Я остановилась. Ноги налились свинцом, лицо онемело, а глаза вдруг сделались чужими и какими-то горячими.

- Это про нас так в Академии говорят?

Видимо, было в моём голосе что-то эдакое, потому что железная птица попятилась. А затем, взмахнув крыльями, отлетела подальше.

- Эй, ты это... близко к сердцу-то не принимай, - затараторила она. - Ну подумаешь, киллером обозвали.

Усилием воли я подавила желание сдернуть с плеча винтовку и всадить наглой ржавой лоханке пулю между глаз. Сделала шаг, другой, третий... А затем пошла ровно, глубоко дыша. Ничего в этот момент я не видела: глаза застлала какая-то мутная пелена.

Ворона аккуратно пристроилась точно за спиной.

- Ты права, - сказала я минут через десять, когда наконец-то рассосался комок в горле. - Нет, правда. Кем я могу еще быть? Особенно, когда кругом одни маги - хоть ложкой их черпай.

- Посмотри на это с другой стороны, - каркнула птица. - Если ты и киллер - то один из лучших.

- Ложись! - закричала я и упала на пол, носом прямо в вонючую лужу.

По спине, прямо через броник и толстую куртку, продрало ледяным ветром. А на потолке, тоненько так, на одной ноте, завывало: у-у-у-у...

Звук был такой, будто в уши напихали жуков с острыми лапками, которые и скребут барабанные перепонки.

Я потрясла головой и попыталась оглядеться, чуть приподняв голову. Вокруг царила тьма-тьмущая. Я немедленно впала в панику: а что, если темнота не пройдет? Вдруг это не свет погас, а я ослепла?

- Каску поправь, негромко посоветовала Гамаюн. - Она тебе на глаза съехала.

Честно говоря, именно это предмет снаряжения я ненавидела лютой ненавистью. Во-первых, с такой кастрюлей на голове я выглядела, как гриб-переросток. К тому же, моего размера не было, а набитая за подкладку бумага почти не помогала держаться, как положено, и каска всё время съезжала.

Единственная причина, по которой я не выбросила её давным-давно, это была материальная ответственность - каждого из "Чёртовой Дюжины" заставили подписать длиннющий формуляр, в котором было перечислено снаряжение до последней пуговицы.

А еще на ней был клёвый прибор ночного видения - просто опускаешь щиток на глаза, и темнота тебе - друг товарищ и брат. Только зелёный.

- Гамаюн? - тихо спросила я.

- Здесь я.

- Что это было?

- Параграф сто восемнадцать дробь тридцать один.

Я на секунду прикрыла глаза.

- Маганомалия, не занесённая в каталог?

- Вот повезло-то, правда? - я слышала, как ворона за спиной завозилась, и тоже начала подниматься. - Отойти на двадцать метров от портала и тут же наткнуться на незарегистрированное явление...

- С нашим везением, - я настороженно огляделась через прицел винтовки. - И не такое возможно.

- Эй, на меня-то ружжо не наставляй!

- У тебя ж броня, - винтовку я всё же опустила. - Что тебе сделается?

- А полировка? Знаешь, сколько в мастерских за гальванизацию берут? С каждого пёрышка по грошику...

- А десять пёрышек - уже рубль?

Я пошла вперед, мягко ступая по перепрелой бумажной каше. Винтовку убирать не стала. Так спокойнее.

- Ой, всё. Ничего ты не понима...

Из-за спины раздался протяжный крик и вновь пахнуло ледяным ветром.

Уже падая на спину, я передернула затвор и начала стрелять в тот момент, когда почувствовала мягкий удар позвоночника об пол.

Чёрная туша, по ощущениям - словно резиновая, рухнула на меня сверху и облепила, как гигантский горчичник. На лицо полилась какая-то мерзкая жижа. По вкусу она напоминала чернила, смешанные с птичьим помётом.

Я захлебнулась. В лёгкие эта дрянь не попала только потому, что рёбра сжало. Как говорить, ни вздохнуть, ни пукнуть.

Ворочаясь под тяжелой, как мокрый матрас, тушей я что есть сил проклинала судьбу. Это ж надо! Вляпаться в самом начале пути, когда на счету каждая минута, каждая секунда. Пока я здесь валандаюсь, Ванька, может быть, уже...

- Жива?

Туша убралась и дышать сразу стало легче.

Протерев глаза тыльной стороной перчатки, я увидела, как чёрное нечто, больше всего похожее на кусок сырой печенки, медленно поднимается под потолок в когтях вороны. Срывается, падает у стены и лопается, как перезревший баклажан.

- Поберегись! - я попыталась прикрыться от фонтана чернильных брызг, но ничего не вышло. Меня окатило волной каких-то бурых ошметков.

- Что это было? - похоже, я начинаю повторяться.

Обойдя непонятное нечто по кругу, потыкав носком берца, я так и не нашла вразумительного объяснения. Сказать можно одно: оно было резиновое, с одной стороны - белёсое, с другой - тёмно-синее. Формой напоминало обычный прямоугольник. Ни глаз, ни рта, ни каких-то других отличительных особенностей, кроме четырёх рваных дырок от моих пуль, на существо не было.

- Резинка! - наконец-то я нашла подходящее объяснение. - Обыкновенный ластик, каким стирают неудачные надписи.

- Порождение коллективного разума студентов-двоечников, - пробормотала ворона. Она чистила когти, помогая себе клювом.

- Спасибо, - я неловко погладила её по железному хохолку. - Если б не ты, оно б меня задушило.

- Обращайся, - тяжело спорхнув с резиновой туши, ворона поковыляла по коридору.

Я прикусила губу...

- Слушай, тебе ведь наверное тяжело... ну, пешком?

- Здесь особо не разлетаешься, - буркнула Гамаюн.

- Да, раскормили тебя знатно, - я пристроилась рядом. Винтовку повесила за спину.

- Зато ты, - ворона бросила на меня косой оценивающим взгляд. - Как была козьявкой, так и осталась.

- Ладно, шутки в сторону. Я что хочу сказать... Может, пора выбираться из этого потустороннего универа на поверхность? Пока не набежали призраки не сдавших сессию студентов.

Ворона бросила на меня еще один косой взгляд.

- Помнишь, что Бессмертный говорил?

Я кивнула.

...Постарайтесь пройти как можно дальше по катакомбам, - напутствовал профессор. - Здесь почти безопасно. Всё просчитано, вешки проставлены, нечисти почти что и нет.

- Если Ванька пропал в Лондоне, почему бы нам не полететь туда? На дирижабле? - спросила я.

- Дипотношения с Британией разорваны, - поморщился Товарищ Седой. - Вас просто не пустят дальше аэродрома.

- К тому же, - вставил профессор Бессмертный. - Там вы не попадете в Навь. Во всяком случае, без помощи опытного специалиста... - Он повернулся к Седому. - Может, всё-таки я?..

- Мы это уже обсуждали, Костя, - закатив глаза, проревел магистр.

- Вот карта, - по выражению лица Бессмертного можно было подумать, что расстанется он не с картой, а с последней почкой. - Здесь отмечены все точки сопряжения реальности. Почти все. Карту не потеряй, Медведева. Это собственность библиотеки.

- Сдаётся мне, - обратилась я к вороне. - Что по этим коридорам можно до Морковкиного заговенья блукать. А у Ваньки счёт идёт на часы.

- Да как же, держи клюв пошире, - рассмеялась Гамаюн. - Бухает поди где-нибудь, и в ус не дует...

Такие мысли посещали и мою голову. Причём, в первую очередь. Но ведь... Но ведь магистры! - напоминала я себе. - Они тревогу просто так бить не будут. А еще - ответственность. Ванька ведь не совсем дуралей, а так только, наполовину. Ну не может он забухать, когда всё зависит от него.

- Не каркай, - бросила я вороне. - И без тебя тошно.

А про карту я вспомнила вовремя...

Достав сложенный гармошкой пергамент, я развернула его во всю длину. Корпуса университета, стадион, парковая зона...

Несколько мест были отмечены значками черепа с костями: ясно и понятно, туда лучше не соваться. Я поводила пальцем по шершавой, приятной на ощупь поверхности. Точки сопряжения. Вот одна, совсем недалеко. Отмечена замысловатым значком из пяти колечек. А выходит она... Я сложила гармошку обратно, и в том месте, где сгибы соприкоснулись, сложился такой же значок. Где-то в Рязани. Неплохо для начала.

Пользуясь этими точками, как своеобразной системой порталов, можно было довольно быстро добраться до Британских островов. Ну, относительно быстро. И еще неизвестно, что ждет по ту сторону.

- Нам туда, - сказала я, указывая на коридор, который заканчивался широкими дверьми. - Там одна из точек сопряжения.

За дверьми был просторный зал, окруженный колоннами. Мраморный

пол, расчерченный на тёмные круги и квадраты, отражал огни стосвечовой люстры.

- Что-то подозрительно чисто, - сказала я шёпотом. - Ни бумажек, ни пыли. Достань-ка мне гаечку.

Ворона, порывшись в моём рюкзаке, достала низку разнокалиберных металлических гаек. Это меня еще Таракан научил: если сомневаешься в поверхности, брось гаечку, и посмотри, что будет.

Гайка полетела по плавной дуге, упала почти в середине зала и... булькнула в пол. По мраморным плиткам пошли круги.

- Морок, - определила Гамаюн. - Во-о-он он сидит, в самом центре. Видишь?

Я внимательно оглядела пол. В самом центре зала угадывалось прозрачное мерцание - как над асфальтом в жаркий день.

- Теперь вижу, - буркнула я. Потянулась к жилету и отцепила от связки гранату. - Светошумовая, - пояснила я Гамаюн. - На мороков хорошо действует.

Выдернув колечко, я легонько подкинула гранату к потолку зала и дернула ворону за крыло. Мы побежали.

Свернув пару раз, остановились - в глазах темнело от напряжения. Ноги подкашивались, и я прислонилась к стене. Каска опять съехала на глаза...

- Можно вопрос, - отдышавшись, каркнула ворона. Я молча кивнула. В ушах до сих пор стоял равномерный гул - будто прибор бьётся о бетонную стену. - Только не обижайся...

- Чего хотела-то?

- Как ты на себе всё это барахло таскаешь? Тут килограмм пятьдесят, не меньше. А ты - далеко не Геракл.

Я усмехнулась. Такая простая вещь, а никто не догадывается.

- Никому не скажешь?

- Могила, - ворона гулко стукнула себя крылом в грудь.

- Артефакт.

- Чего?

- Я пользуюсь артефактом. Убавляет любую тяжесть на пятьдесят процентов.

- Бреешь. Студентам запрещено пользоваться несанкционированными артефактами.

- Может, поэтому я о нём и не треплюсь?

- Всё равно бы его вычислили. Ты же "рамку" проходила?

Вздыхнув, я полезла под куртку. Чуть спустила штаны сзади - всего на пару сантиметров, и показала вороне татуировку пёрышка.

- Видала? Такое на всякая "рамка" учует.

Татуировку мне сделали уже в Москве. Охотники из нашей "Чёртовой дюжины" посоветовали - и отвели к умельцу.

Магам такое без надобности, они целый арсенал в кармане унести могут. А нам, "пустышкам", - в самый раз.

Отдышавшись, я вернулась назад и приоткрыла дверь в зал. Никакой мраморной плитки, никаких колонн, никакой люстры. Всё пространство занимала гигантская паутина. Нити её были толстыми, как бельевые верёвки. В междоузлиях кое-где угадывались выпуклости.

Пленники, - догадалась я. - Те, кого морок успел заманить.

- Идём, - каркнула ворона. - Им уже ничем не поможешь. Поищем другую точку.

И тут один из коконов, ближайший к нам, трепыхнулся.

- Там кто-то живой, - я стащила рюкзак, расстегнула боковой клапан и достала охотничий нож.

- Это могла быть спонтанная реакция, - сказала Гамаюн. - Судорога.

Я уже встала на паутину. Держась за нить на уровне груди, побежала по другой, как по канату.

- Следи за центром, - бросила я вороне. - Морок еще в отключке, но если проснётся...

- Я не смогу здесь взлететь! - птица в панике заломила крылья. - Слишком мало места.

- Не ссы, - я уже почти добралась до кокона, который продолжал слабо трепыхаться. - Главное, подай мне сигнал.

По паутине идти было легко: подошвы и перчатки слегка прилипали к нитям. Фокус был в том, чтобы приноровиться плавно их отрывать. До кокона я добралась минуты за две, закрепила рукой и ногой и попыталась проткнуть клубок из паутины ножом.

- Иии... - раздался из кокона пронзительный визг.

- Не дергайся, - тихо пригрозила я. - И не ори. Морок разбудишь.

Кокон присмирел. А я начала пилить - по-другому это не назовёшь. Клей с паутины быстро затупил нож и он сделался бесполезен. Тогда я достала бензиновую зажигалку - лучшую подругу любой девушки. Так дело пошло веселее: нити паутины плавилась, как полиэтилен.

Когда дыра оказалась достаточно большой, тот, кто сидел в коконе заворочался, задёргался и... на пол вывалилась громадная крыса.

Махнув голым хвостом, она припустила куда-то вглубь зала. А зато морок...

- Он просыпается, - заверещала Гамаюн. - Этот гад просыпается!..

- Сама вижу, пробормотала я, стараясь как можно быстрее перебирать ногами.

После того, как я разрушила кокон, нити паутины провисли и стали опасно раскачиваться. В центре шевелилось, клубилось и булькало нечто...

- Не смотри на него! - завопила Гамаюн. - Ни за что не смотри на него.

Но было поздно.

Я бросила один-единственный взгляд. И зависла.

В центре зала открылся будто бы портал, или окно. В нём я увидела Ваньку. Не двигаясь, он лежал навзничь, с закрытыми глазами. Лицо было каким-то опухшим, с синими мешками под глазами и бледными, почти белыми губами.

- Ванька! - вскрикнула я, и не думая, метнулась к этому окну.

Казалось, его задушили, да так и бросили посреди какого-то не-то зала, не-то деревянной комнаты... Позади угадывались лавки и громадные, в подкованных сапогах, ноги. Ноги эти приближались, одна поднялась, будто собираясь отвесить Ваньке пинка по рёбрам, я дернулась, и запутавшись в паутине, упала.

- Беги! - голос вороны походил на вой бензопилы. - Он уже близко, беги, Машка!..

Морок походил на человека, одетого в зеркальный маск-халат. У него была голова, покатые плечи, похожие на толстые лапы руки и ноги... Только вот лица не было. Совсем. Просто пустая дыра с мигающими огоньками. Они постоянно двигались, кружились и свивались в загадочные узоры. Казалось, если я пойму, что за это узор, мне станут доступны все тайны мира...

В этот миг я почувствовала острую боль в щиколотке. Такую невыносимую, что мгновенно пришла в себя.

Морок был уже совсем рядом. Он протягивал ко мне свои толстые, почти не страшные лапы...

Взвизгнув от боли, я махнула по зеркальному телу тем, что было зажато в руке - тупым охотничьим ножом.

Морок рассыпался с грохотом стеклянных бусин по металлу.

Ну конечно, - подумала я, тупо таращась на горстку пыли под ногами. - Любая нежить в Нави боится холодного железа! Просто раньше никто к мороку так близко не подбирался.

- Эй, долго ты там валандаться будешь? - прыгая возле входа в зал, каркнула Гамаюн. - Давай, шевели ногами.

Прихрамывая, я пошла к дверям. Нити паутины таяли, оставляя на мраморных плитках влажные следы. Хотя морок и рассыпался, идти через зал к точке сопряжения как-то больше не хотелось. Другую найдём.

- Героиня, - ворчала ворона, помогая мне перебраться через последние нити. - Из-за паршивой крысы чуть не скопытилась.

Кстати о крысах...

- Ты видела, кто меня за ногу тяпнул?

- Уж извини, как-то мне не до того было, - буркнула ворона. - Рану перевяжи, через минуту напомнила она. Негоже кровь в Нави разбрызгивать.

Накладывая на рану ремкомплект, я думала вот о чём: профессор Бессмертный действительно советовал идти именно к этой точке. И клятвенно заверял, что в потустороннем универе абсолютно безопасно...

- Мы должны выбраться на поверхность, - твёрдо сказала я Гамаюн.

- Но магистры...

- В задницу магистров. У меня есть план.

Я думала так: если у тебя паранойя, это еще не значит, что за тобой не следят. В смысле - специально подсунул профессор Бессмертный битую карту, или он чист, как младенец, а мы с Гамаюн - сами круглые дуры, сейчас проверить никак нельзя. Но на всякий пожарный можно подстраховаться.

Вот и Базиль Мбвелевич всегда учили: на каждую хитрую гайку найдётся свой хрен с винтом...

На всякий случай спрятав карту в рюкзак, я сориентировалась по памяти -

в общих чертах загробный универ повторял топографию самой Академии. То, что тянулся он на десятки километров, еще ничего не значит: переходы, аудитории и лестницы оставались примерно там же.

- Вижу лестницу, - потянула меня за палец ворона. Я отмахнулась.

- Нам нужен не совсем обычный выход. Скорее, взлётная площадка.

Моя железная напарница остановилась. Всегда была умна не по годам.

- Нет, - покачала она клювом. - Ты этого не сделаешь.

- Конечно, не сделаю.

- О, хорошо. А я уж думала...

- Мы сделаем это вместе.

Гамаюн с шорохом встопорщила перья.

- Хочу убедиться, что мы думаем об одном и том же, - сказала птица. - Ты хочешь забраться на шпиль Главного здания.

- Да.

- И сигануть с него вниз.

- Помнишь, как мы с тобой летели к Килиманджаро? Тебе понадобилось залезть на дерево, чтобы взлететь со мной на спине.

- Тогда на тебе не было тонны барахла.

- Поэтому старт нужен еще выше.

Найдя нужную лестницу, я через две ступеньки полезла вверх. Лифты тут конечно были, но кому в здравом уме захочется пользоваться подъёмной кабиной в Нави?

- Слушай, я всегда знала, что ты сумасшедшая, - догнала меня ворона. - Причём, на всю голову. Вот и Товарищ Седой наказывали: присмотри, мол, Гамаюша, за этой психичкой. Как бы она дров не наломала...

- Неправда, - усмехнулась я. - Это мне Товарищ Седой говорил: присмотри, мол, Маша, за Гамаюн. Уж больно гонору в ней много. Глядишь, так зазнается, совсем нюх потеряет...

- Это кто зазнается? Кто?..

- Береги дыхание. Почти добрались. Всего-то этажей двадцать осталось.

Вид со смотровой площадки под самым шпилем разочаровал: всё скрывалось в тумане.

- Ну вот, приехали, - Гамаюн облегченно растеклась по полу. - Нелётная погода...

- Прыгать будем вон в ту сторону, - я указала рукой, куда именно. - Давай, поднимайся.

- Да ты чокнулась совсем. Я же говорю: погода не лётная. Да и запыхалась я, по этим лестницам карабкаюсь.

- Ты железная. Не выпендривайся.

Гамаюн поднялась, выглянула в окно - вместо стекла там трепыхался порванный кусок пластика, и посмотрела на меня.

- Ну, до Германии я без дозаправки дотяну. А потом...

Я упала на колени и обняла ворону за шею.

- Гамаюша! Мы же в Нави. Здесь всё относительно - помнишь, и Ванька так всегда говорил... Главное - очень хотеть попасть в нужное место.

- А... Ты знаешь, куда нам нужно попасть?
- Морок кое-что мне показал, - я посмотрела в глаза вороне. - Ваньку. Он лежал на полу. Как мёртвый.
- Значит, всё НАСТОЛЬКО плохо!.. - вскинулась птица. - Да что же ты раньше не сказала. Тревога! Тревога! Свистать всех наверх!..
- Подожди, подожди, - я попыталась схватить её за шею. Всё равно, что ловить машину на полном ходу... - Я сказала: КАК мёртвый. Но он жив, я чувствую. Просто... Ему очень нужна моя помощь.

Птица моргнула одним глазом, затем другим: крохотные металлические за-слонки сомкнулись, и разомкнулись. - И я видела еще кое-что, - добавила я. - Трилистник. Лист белого клевера. Он был нарисован на... не знаю, то-ли на стене, то-ли на лавке.

- Трилистник - символ Ирландии, - задумчиво каркнула ворона.
- Но Ванька с Лумумбой отправились в Англию.
- Оттуда до Ирландии - один шаг, - кивнула Гамаюн. - Этого остолопа запросто могло занести к сидхе.
- Ну что, - спросила я. - Прыгать-то будем?
- Будем, - вздохнула вещая птица. - Но... всё равно далеко. Где-то придётся садиться для дозаправки. Пожрать, то есть.
- Не придётся, - достав карту, даденую Бессмертным, я разложила гармошку перед Гамаюн, а затем сложила. - Смекаешь?
- Точки сопряжения!
- Ты можешь проткнуть нам путь прямо в воздухе!
- О-ох... - ворона плюхнулась на хвост, обмахиваясь крылом. - Такого никто еще не делал.
- Представляешь, как это круто? Тебя внесут во все справочники Академии. А может, даже медаль дадут.
- Или памятник поставят.
- Вот как заржавеешь - прямо тебя и поставят. А чего? - я поднялась на ноги и попрыгала, чтобы утрясти рюкзак. - Дёшево и сердито: памятник имени себя - себе, любимой...

Когда я взгромоздилась на ворону, страшно было до жути. Вокруг - только облака, земли вовсе не видно. А еще ветер. Казалось, он дует со всех сторон сразу...

- Ну что, готова? - каркнула Гамаюн, расправляя крылья.
 - Нет!.. - хотелось крикнуть мне. Но я только кивнула. А потом, сообразив, что она не видит, стукнула ладошкой по перьям.
- И мы полетели...

Глава 14

Глава 14

МАША

- Падаем!

Ворона ушла в крутое пике. Мимо проносились окна, и на мой взгляд, было их гораздо больше, чем положено университетскому зданию, даже такому высокому.

Из последних сил вцепившись в перья, я ждала, что Гамаюн вот-вот расправит крылья, выровняет полёт... но этого не происходило.

Вокруг, подчиняясь законам турбулентности, завывал ледяной воздух.

- Что случилось?.. - прокричала я сквозь ветер.

- Ты!..

- В каком смысле?..

- Слишком тяжелая!.. Бросай рюкзак!

- Фигушки!..

- Тогда мы разобьёмся!..

- Да ты крыльями махать даже не пытаешься!..

- Потому что без толку!.. Подъёмной силы всё равно не хватит...

Мысленно застонав, я расстегнула крепления рюкзака. Нет, ну надо же! В кои-то веки повезло: взяла с собой всё, что душа пожелала - благо, что никто не контролировал.

А теперь бросать?

- Я материально ответственная!.. С меня в Академии за порчу имущества три шкуры спустят!..

- Если не бросишь - не видать тебе Академии!..

Лихорадочно размышляя, с чем можно расстаться, я раскрыла застёжку. Так... гранаты... запасной ножик... еще запасной ножик... магазины к обеим винтовкам... Еще магазины...

Рюкзак сморщенной тряпочкой, кувыркаясь, исчез где-то за углом.

- Всё!.. Больше ничего не осталось.

- Иии-эххх!..

Крылья развернулись с грохотом стальной роль-шторы. Полёт из пике перешел в бреющий, затем выровнялся и мы полетели над зданиями. Некоторых шпилей ворона едва не касалась брюхом.

- Приготовься!.. - скомандовала она. Я прижалась к спине, крепко обняв птицу за шею.

Гамаюн вытянула голову, затем резко подняла вверх и долбанула клювом воздух перед собой. Открылась светящаяся дыра, в которую мы нырнули, как в прорубь.

Здания исчезли. Под нами зашевелился гигантский зверь, поросший тём-

ным колючим мехом, и я догадалась, что это лес. Сразу пахнуло хвоей, влажностью, и почудилось, что там, далеко внизу, таятся неведомые твари, которые провожают нас взглядами...

Ворона ухнула в воздушную яму, у меня сердце чуть не выпрыгнуло из горла. Хорошо, что поужинать не успели, - подумала я, одной рукой придерживая курточку, другой цепляясь за железное перо.

Ворона еще раз нырнула. Верхушки деревьев неожиданно стали ближе. Перестав быть сплошной пушистой массой, они оцетинились колючими, торчащими во все стороны ветками.

- Что случилось? - спросила я.

Здесь, над самыми верхушками ветер задувал не так сильно, и можно было почти не кричать.

- Всё равно тяжело, - каркнула ворона. - Крылья отказывают.

- Разожралась всё-таки, - буркнула я. - Совсем форму потеряла.

- Сама ты форму потеряла, - огрызнулась птица, вновь падая на десяток метров. - Карманы, поди, камнями набила...

- И вовсе не камнями, - прошептала я себе под нос. - Гамаюша, миленькая, постарайся! Нас же Ванька ждет!

- Иии-эххх!... - могучим усилием ворона вновь распахнула крылья во всю ширь, и мы начали набирать высоту. Верхушки вновь замелькали где-то внизу.

- Урра!..

И тут раздался такой звук... Как будто лопнул натянутый стальной канат. Нас тут же накренило, я чуть не сорвалась, в последний миг судорожно вцепившись в перья обеими руками.

- Держись!.. - каркнула ворона, взмахнула одним крылом и ушла в штопор.

Всё завертелось. По лицу хлестали колючие ветки, одежду будто кто-то пытался содрать вместе с кожей.

Зажмурившись, я прижалась к Гамаюн, обняв её руками и коленями, и сцепила зубы, чтобы не завизжать...

Буммм! Трах! Бабах!

Ворона, по своему уже вошедшему в привычку обыкновению воткнулась клювом в землю, меня сорвало и кубарем прокатило до ближайшего пенька...

Минуты три мы просидели, каждая в своём углу поляны. Я пыталась отдышаться, ворона выковыривала землю из клюва.

- Интересно, где мы оказались? - наконец отплевавшись, спросила птица.

- А ты ори еще громче, глядишь, кто-нибудь и услышит. Придёт, расскажет... - встав, я пошла к вороне, то и дело нагибаясь, чтобы подобрать выпавшее имущество. - На путь истинный наставит. А потом догонит, и еще раз...

- погоди, - птица отряхнулась и встопорщила пёрышки. - Я же говорила тебе, выкинуть рюкзак.

- Я и выкинула, - стараясь не меняться в лице, я подобрала еще одну связку гранат и приторочила к разгрузочному жилету. Отыскала в высокой траве запасной магазин - на него как раз очень удачно попал лунный луч. Пошарила по земле, чтобы найти нож...

- Да, но СОДЕРЖИМОЕ-то ты оставила! - вредная птица нависла надо мной, как Немезида на курьих ножках.

- А ты что, хотела, чтобы мы в этом лесу оказались совершенно безоружными?.. - я тоже умею нависать. По крайней мере, над травой.

- Да мы бы НЕ ОКАЗАЛИСЬ в этом лесу, если бы ты меня послушалась! - ворона надулась, как смазанная машинным маслом жабка.

Я почувствовала что-то вроде угрызений совести. М-да. Чувства для меня новые, неизведанные.

- Слушай, ну извини. Понимаешь, я просто не могу... - я застенчиво поковыряла приклад штурмовой винтовки. - Мне легче самой убится, чем...

- Расстаться с игрушками?

- И вообще это не игрушки! Просто...

- Просто без них ты чувствуешь себя маленькой и незащищенной.

- Да, наверное.

- А ты не любишь чувствовать себя маленькой и незащищенной.

Во время спора ворона топталась по траве, то складывая то расправляя крылья, подпрыгивала, как курица, которой страшно взлететь на забор, но очень хочется.

- Конечно, не любишь. Выше нас только горы, круче нас только яй...

- Ну что ты прыгаешь? - не люблю, когда моей персоне посвящают слишком много внимания. - Давай, подставляй крыло. Полетели дальше.

- Дальше? - Гамаюн с грохотом сложила крылья и уселась на хвост. - Не получится дальше. Я крыло сломала.

Лёгкие угрызения превратились в лавину зубастиков, которые так и вцепились в мою совесть.

- Сломала? - собственный голос показался тоненьким, будто у маленькой девочки.

- Представь себе.

- Тебе... Больно?

- Спрашиваешь.

Подойдя к птице, я погладила её по горячим перьям на грудке.

- Прости меня. Я... Я не подумала. В смысле - ты же железная!..

- Но это не значит, что у меня нет сердца, - каркнула Гамаюн.

- Да я и не...

- Ну конечно, - фыркнула она. - Только и слышу: железяка ржавая, мешок с опилками. А мне тоже обидно! Я тоже живое существо!.. Но кому до этого есть дело? Гамаюн не живая, Гамаюн всё выдержит... Ты-то крутая. Слона на скаку остановишь. Какое тебе дело до неодушевленной маганомалии номер три подпункт один?

Магическое существо, поставленное на службу обществу, - автоматически перевела я про себя.

А потом разозлилась.

- Знаешь что? Мне очень жаль твоё крыло. Но за остальное тебе должно быть стыдно.

- Да ну? А ты пристыди!..

- Ты думаешь, что я не считаю тебя живой?

- А что? Разве не так?
- Конечно не так! Ты для меня...
- Ну кто? Кто?

Я вспомнила, как мы подружились с Ласточкой. Было нам лет по двенадцать, Бабуля только что подобрал меня в том подвале, со сломанной ногой. А Ласточку притащил из какой-то деревни, которую мертвяки съели. И поселил в одну комнату...

Мы с ней лежали в разных углах этой комнаты, и изощрялись в оскорблениях - потому что встать и вцепиться друг другу в космы сил не было. На третий день оскорбления иссякли, на четвертый от скуки мы стали разговаривать... А когда мне сняли гипс, а ей разрешили вставать после сильного истощения, мы уже понимали друг друга так, как никто.

- Подруга, - неожиданно сказала я. - Я тебя считаю подругой. Или даже семьёй... Я, ты, Ванька и Василий М'белевич. Семья.

Бабуля с головой погрузился в восстановление города, Ласточка воспитывает двойню и ждёт третьего...

- Так что, кроме вас, у меня никого и нету. А то, что я обзываюсь иногда - так это все друзья так делают. Главное, ты не обижайся.

- Ты правда считаешь меня семьёй? - ворона закашлялась. В горле у неё подозрительно клокотало.

- Конечно, - у меня в носу тоже защипало. А этого допустить было никак нельзя. - Семью-то не выбирают.

Когда тебя обнимают железным крылом, создаётся впечатление, что находишься в гигантской, с отлично заточенными лезвиями, мясорубке.

- Ладно, проехали, - я осторожно вырвалась из железных объятий. Отметила, что второе крыло ворона держала как-то неловко, скособочив на сторону. - Пора дальше двигать.

- Умираем, но не сдаёмся, верно? - хрипло хихикнула птица.
- А ты что, думала, я заплачу и поверну обратно в Академию?
- Ну что ты, это было б главным разочарованием в моей жизни.
- Тогда пошли.
- А карту не хочешь посмотреть?

Ближайшая точка сопряжения находилась, судя по карте К. Бессмертного, километрах в десяти-пятнадцати... Не так уж и далеко, если подумать.

Идти по дремучему лесу, в темноте, да еще и с двадцатью килограммами железа на горбу - удовольствие среднее. Прибор ночного видения помогал, но слабо. Стволы деревьев в нём выглядели зелёными призраками, из каждого второго норовил выбраться древесный дух и ухватить меня призрачными лапами... В конце концов, я отключила прибор. Во-первых, побережь батарейки, а во-вторых - чтобы не мельтешило.

Почему всякую нечисть особенно хорошо видно именно в ПНВ - неизвестно.

но. Но факт: в зелёном свете электронного устройства нечисть из щелей так и пёрла.

Но я решила, что в данном случае, с глаз долой - только на пользу. К тому же, если будет что-то серьёзное, ворона предупредит.

- Слушай, - спросила я, устав выпутываться из цеплючих кустов и вылезать из зыбучих болотин. - А почему бы тебе не проткнуть точку... ну, прямо здесь. Как в воздухе.

- Скорости не хватит.

Гамаюн приходилось немногим лучше, чем мне. Переступая короткими лапками, помогая себе одним крылом, она походила на несчастную Серую Шейку, которую на берегу подстерегает Серый Волк..

- Скорости?

- Чтобы пробить пространство, нужно обладать достаточной скоростью. Сто сорок два километра в час, если точнее. На своих двоих я так не разгонюсь.

- Ладно, проехали.

Я как раз поскользнулась, и сверзилась на пятой точке во влажный, с прелой листвой на дне, овраг. Джинсы и куртка сразу промокли.

По оврагу тянуло какой-то запредельной промозглой сыростью. Пахло плесенью и почему-то зверями. А еще где-то там, в глубине оврага, плакали...

- Ну где ты возишься? - ко мне свесилась воронья голова на необычайно удлинившейся сегментированной шее. - Хватайся, я тебя вытащу.

- Погоди, - выставив ладонь, я прислушалась. - Плачет кто-то. Слышишь?

Ворона вздохнула.

- Я так понимаю, мы теперь просто обязаны проверить?

- Тут недалеко, - я поднялась и выпутала винтовку из куста папоротника. - Я быстренько сбегаяю.

- А если это крокодил, который плачет, потому что не может проглотить целого телёнка?

- В русской Нави крокодилы не водятся, - отмахнулась я.

Идти по оврагу было еще труднее - по самому его дну тёк ручей. Я то и дело оскальзывалась на мокрых корягах, один раз нога застряла между камней, но благодаря жесткому берцу всё обошлось.

В душе я корила себя за то, что не спешу из последних сил Ваньке на помощь. Точнее, спешу, и даже двигаюсь примерно в нужном направлении, но... Понимаете, я просто не могу пройти мимо, когда кто-то просит о помощи. Ну, пусть не просит, а просто страдает.

Бабуля ведь не бросил меня в том подвале. Хотя спокойно мог пройти мимо, не заглядывая в каждый вонючий закоулок.

Плач прекратился. Вместо него послышалось громкое сопение, которое перемежалось судорожными вздохами.

Наверное, он меня услышал, - подумала я, поскользнувшись в сотый раз и чертыхнувшись по этому поводу.

- Эй, кто здесь?

Овраг заканчивался родником, который журчал на краю небольшой полянки. Посреди полянки стояла избушка. Сначала я решила, что на курьих ножках - в лунном свете два пенёк, глубоко ушедшие корнями в землю, именно так и выглядели.

Невдалеке от избушки сидел медвежонок. Толстый ошейник проблескивал через густой бурый мех, цепь тянулась к замшелому стволу мёртвой сосны.

- Привет, - тихо сказала я, присаживаясь на корточки. - Это ты плакал?

Медвежонок был совсем маленький, с грустной мордочкой и тёмными глазками-бусинками.

- А ты кто такая? - шмыгнув носом, он вытер сопли и постарался выглядеть настолько воинственно, насколько смог.

- Я Маша.

Почему то это имя произвело на медвежонка чрезвычайное впечатление. Он весь сжался, припал к земле и закрыл голову лапами.

И вновь начал сдавленно всхлипывать.

- Эй! - позвала я, подходя немного ближе. - Не бойся. Я тебя не обижу. - медвежонок заплакал в голос.

А со стороны избушки донеслись глухие удары. Будто там был заперт кто-то большой, тяжелый. Кто-то, кто не может выбраться...

- Мама... - заплакал медвежонок.

Из избушки раздался грозный рёв:

- Не тронь наше дитятко. Ты получишь, что хочешь.

- Я ничего от вас не хочу, - сказала я громко. - Просто скажите, что случилось и я постараюсь помочь.

- Мы тебе не верим, - это был другой голос. Более густой и глубокий. Слова различались еле-еле.

- Почему?

- Потому что ты - Маша.

Я пожала плечами.

- Ну и что? Мало ли Маш на свете...

Подобравшись к медвежонку, я осмотрела цепь, затем - здоровущий замок на ошейнике.

- Потерпи, маленький, сейчас я его сниму, - сказала я, и порывшись в кармашке жилета, достала отмычку. - Сейчас-сейчас... Ну вот и всё, - лязгнув, ошейник упал на землю. - Готово.

Я осторожно почесала медвежонку шею - в том месте, где ошейник натирал больше всего.

- Так ты не та Маша? - слёзы у ребёнка быстро просохли, карие глазки заблестели.

- Определённо не та, - сказала я убеждённо. - Я медвежат на цепь не сажаю. А там твои родители, да?

Только сейчас я разглядела, что дверь избушки подпёрта тяжелым бревном. Мне такое не оттащить...

- Это всё злые люди, - пожаловался медвежонок. - Я играл, а они подкарау-

лили маму с папой, когда те были дома, и заперли. А потом и меня поймали.

- А где они сейчас?

В тёмном лесу, на крошечной полянке сделалось как-то неуютно.

- Они за спичками пошли. Сказали, что к утру вернуться и спалют избушку вместе с родителями, если те не выдадут тайну. А меня в цирк продадут...

- И когда у нас утро?

Медвежонок понюхал воздух.

- Скоро. Солнышко уже просыпается.

- Ладно. Значит, действовать будем быстро...

Была мысль позвать Гамаюн. Но даже на то, чтобы вдвоём своротить громадное бревно, потребуется куча времени и сил. Найти рычаги, соорудить противовес...

Я достала одну из маленьких гранат направленного действия. Осмотрела бревно и прикинула направление взрыва.

- Отойдите от двери, - крикнула я медведям. - Укройтесь где-нибудь, под столом или за печкой...

А сама дернула кольцо, схватила медвежонок на руки и побежала.

Взрыв застал нас на краю поляны. Воздушная волна мягко подняла в воздух и... бросила прямо на корягу. Дыхание вновь вышибло. Если я сегодня обойдусь лишь парочкой сломанных рёбер - это будет подарок.

Через полминуты, я наконец смогла дышать и села. И сразу, не успев еще толком открыть глаза, почувствовала прямо у шеи жаркое дыхание. В нём ощущалась мощь, угроза и обещание скорой расправы...

Ну вот, подумала я. - Приехали. Сейчас меня перекусят, как ивовую веточку.

- Ты не та Маша, - сказал густой рокочущий голос.

Дыхание от шеи убралось. Я с облегчением выдохнула.

- Mamочka! Папочка!

Когда я повернулась, медведи обнимались на полянке, перед входом в избушку.

Из кустов показалась ворона.

- Железное чудище! - заверещал медвежонок.

- Железное чудище, - вслед за ним грозно повторили родители. И загородили собой чадо.

- Стойте! Она своя! Это моя подруга!

- Кар-кар-кар, я безобидная маленькая птичка...

А вот с этим она переборщила.

- Смерть железному чудищу!

...В общем, когда все прояснилось, все подружились и перезнакомились, уже рассвело. Я скоренько рассказала медведям, кто мы такие и что ищем, а они поведали, что "Маша и медведи" - банда разбойников, которая держит в

страхе всю округу.

- Только это не те медведи, - пояснил медвежонок. После того, как я подарила мальцу свой самый маленький ножик, он стал моим лучшим другом.

- Ну ясен перец, как и я - не та Маша.

- Они ездят на железных волках с круглыми лапами.

- Наверное, мотоциклах, - вставила пять копеек ворона.

- И отбирают всё, что понравится. А если кто не даёт - убивают. Или продают Соловью-разбойнику.

- А что они хотели от вас?

Папа-медведь, которого звали Михал Потапыч, замялся.

- Мы - старинная семья, - сказал он. - Давно живём в этом лесу и храним его секреты. Маша - та, другая - хотела заполучить один из них.

- Поведай, - сказала медведица, Пелагея Петровна. - Сдаётся мне, им это очень нужно.

- Мы храним тайные тропы, которые ведут в другие места. Иные Пути.

- Один шаг - и ты уже там, - похвастался медвежонок Санька.

- Точки сопряжения, - умно кивнула ворона.

- Тайные точки, - поднял громадную лапу медведь. На морде его красовались очки в проволочной оправе, а одет он был в вышитую косоворотку и широкие холщовые штаны. - Такие, что только мы, хранители, о них и знаем. Так куда вы хотите попасть?

Я объяснила. Медведь задумался.

- Напрямую перехода в Ирландию нет, - наконец сказал он. - Но я могу обчитать кратчайший маршрут.

Он встал на задние лапы и продекламировал:

- Избушка, избушка. Встань ко мне передом, а к лесу задом.

- Погодите, - я робко притронулась к рукаву косоворотки. - А как же разбойники? Санька говорил, они на рассвете должны прийти...

- О них больше не надо беспокоиться, - нехорошо улыбнулась Пелагея Петровна. Лённой сарафан в крупные красные маки очень шел к её глазам. - Мы и так долго терпели. Потапыч вас проводит, а тут я уж сама. Санька, - прикрикнула она на отпрыска. - Подь с отцом.

- Хорошо, мама, - медвежонок уцепился за мою руку и потянул. - Ну идём. Надо на крылечко взобраться.

Примечательно, что крылечко у избушки было с противоположной от двери стороны. Оно вело к простенку между двумя окошками, забранными настоящими стёклами. Только мутными - ничего через них было не видеть...

Когда мы с Михал Потапычем, Санькой и Гамаюн столпились на верхней ступеньке крыльца, медведь надавил на середину толстого, почти с меня, бревна, и вдруг в простенке открылся проход. Из него пахло водой и рыбой.

- Идите за клубочком, никуда не сворачивая, - напутствовал медведь, вкладывая мне в ладонь обычный клубок шерстяных ниток. И вот еще что... Спасибо тебе, Маша. От нас всех.

- Вам спасибо.

Обняв медвежонка в последний раз, я шагнула в проём.

Клубок выкатился на берег озера. На котором полным ходом шло сражение: громадный белоголовый детина бился с морским чудовищем. Походило оно на помесь плезиозавра с диплодоком - шея длинная, голова крошечная, но заканчивается громадной пастью. А тело скрыто под водой - только волны пузырями.

Клубок бодро бежал по тропинке, не обращая внимания на битву. Догнав его в несколько прыжков, я поймала конец ниточки и подтащила клубочек к себе. Он рвался и подскакивал, как нетерпеливый пудель на прогулке.

Бросив на меня равнодушный взгляд, детина приподнял бровь при виде Гамаюн, но ни на миг не оторвался от своего занятия. Его меч как раз застрял в пасти у диплодока, и тот бешено мотал головой, чтобы вытрясти занозу. А белоголовый, уперев руки в бока, внимательно наблюдал за мучениями твари.

- Здравствуйте, добрый рыцарь, - вежливо сказала я. - Вам помочь?

Было у меня припрятано с десяток таких патрончиков... Если правильно попасть - голова твари так взорвётся.

- Идъ своей дрогой, проше пани, - детина сверкнул грозными очами с чёрными вертикальными зрачками.

- Польша, значить, - констатировала Гамаюн.

Я отпустила клубок и побежала за ним. Ворона, лязгая, трусила следом.

Не хочет - не надо... Кто я такая, чтобы мешать людям развлекаться так, как им нравится?

Клубочек остановился у старого вяза. Ствол дерева треснул в незапамятные времена, образовав дупло. Из него тянуло птичьим помётом и почему-то металлом...

...На меня мчалось нечто грохочущее, воняющее железом и соляжкой... Гусеницы резво лязгали по асфальту, поднимая пыль.

- Поберегись! - я толкнула ворону и сама спрятала голову обратно в дупло. - Танк. Ей-богу, не вру!.. По-моему, Тигр.

- Стало быть, до неметчины добрались, - каркнула Гамаюн.

Я осторожно выглянула из дупла - которое в германской Нави было дырой в асфальте, прикрытой чугунной решеткой

Над нами, роняя хлопья сажки и капая отработанным топливом, шла колонна танков. Я посмотрела на клубок - тот рвался наружу, под гусеницы.

- Куда ты, дурачок... - я запихала его в карман курточки и застегнула пуговку. - Подождать придётся...

За колонной танков ехала мотоциклетная рота - в щели решетки мне было видно, что на каждом бампере развивается флаг со свастикой.

Где-то вдалеке надтреснутый фальцет толкал речь в мегафон. Её обрывки доносил ветер - в те моменты, когда в колоннах случались перерывы.

По небу мчались чёрные клубы дыма и похожие на крестики самолёты...

За танками шла пехота - сотни ног в начищенных сапогах, воняющих старыми портянками. За ними отряды с овчарками - собаки исходили хриплым лаем, и мы с Гамаюн отошли подальше в дупло, на всякий случай.

Затем случилось затишье, и я уже решила, что пора выбираться, но сверху

донёлся такой лязг... Будто кучу консервных банок бросили в железную бочку, а бочку спустили с горки.

- Тевтонские рыцари, - сказала я шепотом, осторожно выглянув наружу.

Печатающая шаг, они шли ряд за рядом, с уст их лилась какая-то очень ритмичная песня. Языка я не понимала, но было в нём что-то от костров, холодных вагонов и колючей проволоки...

Наверное, прошло несколько часов - я успела подремать, привалившись к тёплому боку Гамаюн.

А потом настала тишина, от которой я и проснулась.

- Кажись, затишье, - шепнула ворона и клювом приподняла решетку. - Вылазь, я подсажу.

Мы оказались на громадной площади. Вдалеке угадывалось какое-то здание с реющим над ним флагом, а с другой стороны, издали, грохотала канонада и сверкали зарницы.

- Ходу, - прикрикнула на меня Гамаюн. - Где клубок?

В следующий люк мы успели юркнуть за две секунды до того, как по нему пошла очередная колонна танков...

Из подземелья долго пахло старыми угольями, пылью и жженым железом. Потом посветлело и запахло морем. Этот солёный, слегка йодистый запах я помнила по Мангазее.

Вдыхая всей грудью, я побежала за клубочком, ворона - за мной.

Проход вывел в пещеру. Небольшой зал окружали громадные камни, покрытые рисунком из спиралей. Подойдя поближе, я поняла, что спирали не нарисованы, а выбиты прямо в камнях. Камни были выше моего роста, серые и пористые, как пемза.

Выбравшись на белый свет, я прищурилась от солнца. Пещера пряталась в зелёном холме, покрытом короткой травкой. Рядом, на небольшом валуне, сидел рыжий человечек в зелёном костюмчике и шляпе с пером, и перекладывал медяки из одного глиняного кувшина в другой.

- Здравствуйте! - сказала я. - Скажите пожалуйста: это Ирландия?

- Провалиться мне на этом месте, если не она, - спокойно сказал человечек, не отрываясь от своего занятия.

- Приехали, - сказала Гамаюн, выбираясь из пещеры.

Глава 15

Глава 15

МАША

Вид с холма открывался чудесный. Зелёный склон был усыпан лиловыми, желтыми и голубыми цветочками, он уступами сбегал к скалистой бухте. Дальше, в розовой туманной дымке, угадывался город, сплошь в острых шпилях. Небо над головой было синим, прозрачным - хоть бери и нарежь из него шелковые ленты. А между небом и землей, до самого горизонта, расстилалось море...

- Скажите, уважаемый, что это за город?

Что характерно: человек не выказал никакого удивления тому факту, что мы вышли прямо из-под земли. Наверное, у них, в Ирландии, это принято.

- Эт' Дублин, мисс, - и зелёная шляпа с пером вновь низко склонилась над кучкой медяков.

- А... Вы случайно не видели здесь, в окрестностях, такого молодца... - я попыталась показать руками, какого. - Высокий, рыжий, и плечи - будто в рукава оглоблю сунули. А?

- Отчего ж не видеть, - человек сдвинул шляпу на затылок и стало видно, что мордочка у него хитрая, лисья, а глаза зелёные, как бутылочное стекло. - Видел.

- Где? - жадно спросила я. - Можете показать?

- Так в Дублине и видел, мисс.

- В Дублине? - спросили мы хором с Гамаюн.

- Ну да. Зайдёте в любой паб, заглянете под лавку - и пусть я никогда не возьму в рот эля, если вы не найдёте под одной с десятков таких молодцев.

И в знак того, что он говорит правду, человек сплюнул, снял шляпу и с силой ударил ею о землю.

Я понурилась.

- А ты что хотела? - фыркнула ворона. - Чтобы первый встречный нам всё про Ваньку рассказал?

- Есть такая штука: везение называется, - я начала спускаться с холма к бухте. - Могло и сработать.

- А сейчас ты куда идёшь? - вороне прыгать по камням было неудобно. Но со сломанным крылом на настоящий полёт она не решалась, только перепархивала метра на два, как раскормленная куропатка.

- Слово "паб" слышала?

Вереск, если это был он, пах мёдом и тихонько шуршал на ветру.

- Ну.

- Зная Ваньку, только там он и может быть.

- Да с чего ты взяла?

- В незнакомом городе? Без наставника?

- Тут ты права. Слаб он на алкоголь.

Меня начала разбирать злость. Такая безбашенная, развесёлая ярость, при которой можно или строить дворцы, или крушить города.

Строить дворцы мне однозначно не хотелось. А вот если в этом Дублине

всё обернётся, как сказал зелёный человечек - что-нибудь разрушить мне обязательно захочется.

В городе мы оказались как-то сразу. Сначала, правда, долго шли по кромке прибоя - солнце немилосердно слепило глаза, ветер пах морской пеной и немножко рыбой. Затем тропинка вновь увела на холм, обрывистый склон которого уходил прямо в воду. А затем мы вдруг, неожиданно, оказались на улице. Вдалеке, рядом с заливом, виднелись высотные башни с чёрными выбитыми стёклами, дальше дымили какие-то трубы, но прямо перед нами была извилистая каменная улочка, зажатая меж двухэтажных, крыльцо к крыльцу, домиков с острыми крышами.

Двери домиков были украшены вывесками, и на каждой пенилась объёмистая кружка с пивом.

- Ну, и в каком пабе, по твоему мнению, стоит искать?

Я фыркнула, сдувая с глаз короткую прядь.

- Начнём по порядку. И будем двигаться, пока не найдём. А уж когда найдём...

- Ладно, не продолжай. А то я уже боюсь.

К первой двери, украшенной затейливой росписью из цветов и птиц, мы подошли с опаской. Изнутри доносился ровный гул голосов, стук кружек и тихая музыка.

- Заходим, оглядываем зал на предмет Ваньки, и быстренько выходим, - проинструктировала я ворону.

- А не лучше будет разделиться?

Я только сейчас увидела, что железный клюв птички покрылся мелкими бисеринками влаги...

- Обойдётся, - я толкнула дверь. - От меня - ни на шаг.

- Ой, да ладно тебе! Даже по-маленькой не пропустим?

- Зная тебя, маленькой дело не ограничится.

Колокольчик звякнул, дверь негромко хлопнула, и мы вошли в полутёмное помещение, смутно похожее на пещеру, через которую попали в Ирландию.

Голоса смолкли, музыканты на небольшом помосте перестали играть. Даже стройная девушка в белом передничке, с шестью кружками в каждой руке, встала, как вкопанная и уставилась на нас. Точнее, на ворону.

Да, я и не подумала, что железная птичка может кому-то показаться необычной...

- Здравствуйте, люди добрые! - с подъёмом начала я. - Я ищу своего друга. Он такой...

- Псс... - ворона легонько толкнула меня под коленки. - Оглядишься повнимательнее.

Она была права. Впрочем, как и зелёный человечек с горшком медяков: на лавках, а также под ними насчитывалось полтора десятка очень похожих на Ваньку молодцев. Все одни обладали разной степени рыжести шевелюрами, широкими плечами и громадным - если потрудиться поставить их вертикаль-

но - ростом.

- Извините за беспокойство, - вякнула я и мы с вороной выкатились на улицу.

Следующий паб - то же самое. Третий по счёту, четвёртый...

- Слушай, ну сил же никаких нет, - стонала ворона каждый раз, как я выпивала её за дверь. - Хоть одну кружечку! А еще у них там сухарики... Солёные, наверное. И крендельки. Слышишь, как пахнут?

У меня тоже живот сводило от голода, но зная, чем это может кончиться, я держалась.

- Это у тебя галлюцинации, - ворона была тяжелая, и отпихивать её от чужой еды становилось всё труднее. - Ничем, кроме перегара и табачного дыма там не пахнет.

- Ты человек. У тебя с нюхом проблемы. А я - существо тонкое, у меня обоняние сенсорное...

- Это у тебя с нюхом проблемы, - коленка, которую я ушибла о воронье крыло, немилосердно саднила. - Совсем потеряла. Тебя ж только до барной стойки допусти! И придётся не только Ваньку искать.

- Тогда давай я на улице ждать буду, - ох и хитрая же бестия...

- Гамаюн, послушай, - я присела на крылечко. - Я ни капельки не сомневаюсь в том, что как только ты останешься без присмотра - плакала наша спасательная миссия. И вообще: на кабаки у нас денег нет.

Честно говоря, этот момент я как-то упустила. В Москве о том, что мне могут понадобиться финансы, я даже не задумалась - путешествуя с Ванькой и Лумумбой, я таких проблем не испытывала.

- Ну можно же как-то заработать, - горячилась птица. - Спеть там, или сплясать... Я знаю, ирландцы это любят.

- И кто будет петь и плясать? - я тащила её за крыло к следующей вывеске с кружкой. - Ты?

- Нет, ну почему сразу я...

Солнце пекло всё сильнее. Сначала, после промозглой Москвы, сумеречного леса и подземелий, мне это даже нравилось. Но через несколько часов бесплодных блужданий, да под зудящую сурдинку ворониного нитья... В глазах начало двоиться.

Присев на выступающий фундамент какого-то дома, я опустила голову на руки и затихла. Должен, должен быть выход! Обойти все пабы в городе - это, конечно, бред. Нужно что-нибудь придумать.

- Ты и сама уже с ног валишься, - ныла железная птица. - Вот упадёшь без сил, от голода и холода...

- Гамаюн, ну какой холод? Тут жара - градусов тридцать.

- Это всё Гольфстрим, - сразу переключилась птица. - Тёплое течение, которое берёт начало в...

- Слушай, заткнись, а? Пожалуйста.

Должен, должен быть какой-то выход. Ох и устройю я этому остолопу, когда найду!..

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Пальцы привычно теребили фе-

нечку - браслетик на левой руке, который мне Ванька подарил. Кожаный ремешок, цепочка, бусинки... Он сказал, это на удачу.

Задумчиво расстегнув карман, я достала клубок. Покатала по ладони. Подарок медведей лежал смиренно. Ведь свою задачу - доставить нас в Ирландию - он выполнил...

Сняв с руки фенечку, я положила её рядом с клубком.

- Нюхай, Шарик. Нюхай...

- Совсем умом тронулась, - пробормотала Гамаюн. - На солнце, что ли, перегрелась? Это ж нитки, у них мозгов нету.

Клубок встрепенулся. Покатался по моей ладони, по браслетику, а потом соскочил на круглые булыжники мостовой. Подпрыгивая на месте, он будто только и ждал команды.

- Ищи, Шарик! Ищи Ваньку!

Клубок резво поскакал по улице.

- Ходу! - крикнула я вороне, набирая скорость.

Усталость будто испарилась.

Я почти не смотрела по сторонам. Помню только удивительной красоты мост, похожий на арку, широкую тёмную реку под ним, красные, оранжевые, белые дома в несколько этажей - они стояли так близко к реке, что по воде плыло их отражение.

Потом были какие-то подворотни, в которых воняло мочой и пивом и кто-то весело наигрывал на скрипке. Какие-то тёмные личности бесшумно выросли перед глазами, но увидев железную птицу, на всех парах несущуюся по узкому проулку, точно так же быстро исчезали.

Наконец клубок запрыгал по ступеням, ведущим к полуподвальной двери. На лестнице запах кошек был особенно забористым, аж глаза слезились. Дверь была деревянная, выкрашенная зелёной краской.

Краска вся облупилась и висела хрупкими чешуйками. И только при великом воображении и очень большом желании угадывалось на ней изображение трилистника...

- Никогда бы по своей воле не вошла в эту дверь, - каркнула ворона. Стальные перья её тихо потрескивали, остывая после гонки.

Я тоже запыхалась. Прислонившись к кирпичной стенке, я упёрла руки в колени и только помотала головой. Волосы на затылке были мокрыми, хоть выжимай.

Наконец, отдышавшись, я выпрямилась и подняла руку, чтобы толкнуть дверь. Шарик послушно запрыгнул мне в ладонь.

- Маш, Маш, послушай... - ворона ухватила меня клювом за рукав.

- Чего?

- Ты это... Сильно там не буянь. Это ведь он от природы такой... Увлекающийся. А против природы не попрёшь.

- Ты мне еще будешь указывать, - буркнула я и открыла дверь.

Почему я была так уверена, что Ванька забухал? Очень просто: хорошенько повертев в памяти то, что показал мне морок, я поняла, на что похожи все те

бочки, лавки и деревянные столы, что окружали Ваньку. На убранство трактира! А синий и опухший он был не потому, что его задушили, а с перепоею. И мёртвым он казался, так как спал беспробудным сном...

И самое главное: та самая фенечка, которую я Шарику давала понюхать. Была на нём одна бусина серебряная, заговоренная. Ванька её в последний момент навесил, перед тем, как на дирижабль до Лондона бежать. Так вот: она то и служила индикатором самочувствия моего бедового напарника. Я об этом не то, чтобы забыла. Просто... Товарищ Седой с Бессмертным были так искренни встревожены, и беспокойство их было, мягко говоря, шибко заразным, поэтому я и не обратила внимания на то, что бусина сияет, как новенькая.

А во время путешествия по Нави у меня было время поразмыслить. И сообразить, что ни главный маг страны, ни тем более профессор, так хорошо как я, Ваньку не знали.

Для них не вышедший на связь оперативник, который находится на важном и ответственном задании - это почти что конец света. Значит, что-то пошло не так, значит, сотрудник попал в беду и нуждается в помощи...

Собственно, так оно и было - тут магистры не погрешили против истины. Ванька в одном городе с таким количеством пабов, да без Лумумбы - это форменная беда. И даже ёжику очевидно, что напарник страшно, просто до колик в животе нуждается в помощи... Потому как по собственному желанию, на своих ногах, заведение, где наливают, он ни за что не покинет.

В пабе было тихо, темно и очень накурено. Сквозь узкие бойницы окон пробивались робкие лучи вечернего солнца, в них привольно кружились пылинки и маленькие бабочки. На барной стойке, подперев пудовым кулаком пухлую щеку, храпел рыжий детина. На Ваньку он походил лишь статью и вихрами, но одет был не в косоворотку, а в кожаную косуху на голое пузо и линялые, с дырками на коленках джинсы. Грудь детины была украшена цепью, которую явно сняли с волкодава. На пальцах, сжатых в кулак, сквозь редкую рыжую щетину проступали угловатые знаки какого-то письма, вытатуированные синими чернилами.

- Мама, - шепотом сказала ворона.

- Чего? - не замечала я за птичкой такой сентиментальности...

- Татуха его, говорю, означает "Мама". Это огам. Древнее руническое письмо кельтов.

- А. Спасибо, - шепнула я. - Очень познавательно.

Детина зевнул, почесал голое брюхо и перевернулся на спину. Паб огласил могучий, с переливами храп.

- Как думаешь: стоит его будить? - спросила ворона.

- Не буди лихо...

Пол, столы и большинство широких лавок были заняты спящими мужиками. Все они были рослыми, в кожаных куртках или жилетках на голое пузо, обмотанные цепями, как сундуки пиратских сокровищ, и в старых обтерханных джинсах такого немодного покроя, что их отказалась бы носить даже шпана из моего родного города.

Иногда кто-нибудь сонно и задумчиво рыгал, иногда, в простоте душевной, гулко и забористо пукал...

- О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями... - пробормотала я, и пробравшись через эти живые руины, попыталась открыть окошко, расположенное над самым тротуаром. С четвертой попытки удалось, и дым, перемешанный с запахами невымытых тел, пота и прокисшего пива, начал медленно улечиваться из помещения.

- Тут еще одна дверь, - позвала ворона. - Заглянем?

Мы вместе, упираясь ногами в пол, толкнули дубовую дверь...

Такого даже я не ожидала. Ноги приросли к полу, лицо онемело а уши сделались такими горячими, что хоть печку от них зажигай.

- Упс... - сказала ворона и испарилась. Только машинным маслом пахло.

А я, стоя в дверях, всё никак не могла пошевелиться. И глаз от открывшейся картины тоже оторвать не могла.

Комната была в общем-то миленькая. Небольшая, с обоями в незабудки и розочки. На стенах - плакаты про мотоциклы и симпатичные занавески в тон покрывалу на кровати. А вот на самой кровати...

Да, там определенно был Ванька. Почему-то тоже в кожаной куртке на голое брюхо, а не в любимой косоворотке - все обереги, крестики, косточки и фенечки, что он носил на шее, всё наружу.

Но проблема была не в этом. А в том, что КРОМЕ этой самой куртки, на нём ничего не было. Если не считать двух девиц, тоже в полном неглиже, которые прижимались к моему напарнику с обеих сторон...

Наверное, я всё же издала какой-то звук. Потому что Ванька заворочался, снял руки с округлых попок девушек, со вкусом потянулся и сел на кровати. Затем кулаками, как ребенок, протёр глаза и... Посмотрел на меня.

Во взгляде его медленно, как негатив в проявителе, проступило узнавание. Губы округлились, чтобы сказать моё имя... И в этот момент я не выдержала. Развернулась на каблуках, и хлопнув дверью, испарилась.

Ворона, разумеется, уже хозяйничала за барной стойкой. Негромко громыхая посудой, она что-то деловито сыпала, добавляла и перемешивала в большой кружке. Как только я подошла, она подвинула эту кружку мне.

- Что это? - от жидкости удивительно пахло свежим мёдом и ромашкой.

- Как ни странно, знаменитый вересковый мёд, - каркнула Гамаюн. - Я думала, он только в литературе бывает, а вот поди ж ты...

Я осторожно сделала маленький глоточек.

- Вкусно.

- Ему приписывают удивительные целебные свойства, - с видом заправского бармена ворона протёрла пустую кружку, а затем открыла никелированный кран, который торчал прямо из барной стойки, и в кружку хлынула золотистая пенная струя. - Поднятие настроения, боевого духа, усиления поэтических способностей, а так же... излечение хворей физических и душевных. Самое то для тебя.

- Да нет у меня никаких хворей, - фыркнула я в кружку. Напиток приятно щипал язык, а в животе разливалось уютное тепло.

- Пей-пей, - ворона опрокинула в собственную широко открытую глотку сразу литр. - Тебе это сейчас необходимо.

- Слушай, - я хотела ей объяснить: то, что я видела Ваньку в компании девиц, меня совершенно не касается. Что мы просто напарники и никаких обещаний друг другу не давали. Что та парочка поцелуев - совершенно не в счёт, и он волен выбирать, что ему вздумается...

Вместо этого я мягко улыбнулась и повалилась головой на стойку. Было так тепло и уютно лежать на твёрдой, липкой и пропахшей пивом деревяшке... Высокий табурет, правда, норовил выскочить из-под седалища, но это ничего.

На полу тоже хорошо.

Открыв глаза, я обнаружила себя в той же кровати, что давеча - Ваньку. Я её опознала по лоскутному, с узором из звёзд и мельничных колёс, покрывалу.

В душе поднялась волна возмущения, но я её задавила. Нет. Ни за что. Никто не должен видеть, как мне плохо.

Рядом, на табуретке, сидел Ванька. Слава богу, в штанах и даже обутый. Увидев, что я проснулась, он встрепенулся.

- Ты зачем подстриглась?

Вот так, значит. Лучшая защита - это нападение, да?

Впрочем, было видно, что Ваньке жутко неудобно. Ну да я здесь ни при чём. Не меня же застали голую. С девками.

- И тебе не хворать, - я села и потянулась. - Долго я спала?

- Часов восемь.

- Чёрт.

Я поспешно выкарабкалась из постели - слава богу, и джинсы, и майка и куртка были на мне. Берцы аккуратно стояли на коврике, рядом с кроватью.

- Гамаюн тебе медовухи налила. А с усталости, да на голодный желудок...

- Ничего, всё в порядке.

Ничего не в порядке! Столько времени потеряли - что я товарищу Седому скажу? И главное, чем я теперь отличаюсь от Ваньки?..

- Маш... Не хочешь объяснить, как ты здесь оказалась?

А ты мне не хочешь объяснить, как оказался в постели с двумя красотками?

- Разве Гамаюн тебя еще не просветила?

- Да она тоже спит. Выдула бочонок эля, закусила пудом жареных крендельков и дрыхнет без задних лапок.

- Нас Товарищ Седой послал. Потому что ты пропал.

- А Лумумба им не мог сказать, куда я пошел?

- Базиль тоже на связь не выходил. Магистры забеспокоились, что у вас случилось что-то серьёзное, и послали...

- Вас с Гамаюн? Как самых крутых, что ли?

Вот тут мне сделалось больно. Будто лицом, со всего маху, саданули об сте-

ну.

- Может, и не самых, - сказала я, едва разлепляя губы. - Но Товарищ Седой сказал, что только я смогу тебя найти. И ведь получилось, верно?

Хоть ты, Ванечка, получается, этому совсем не рад...

- Слушай, ну извини, - напарник, как всегда в моменты душевного волнения, пошел красными пятнами. - Я же не думал, что каких-то пять-шесть часов окажутся столь критичными.

Магистр сказал, что Ваньки нет уже несколько дней. Да мы с Гамаюн проплутали по Нави суток двое...

- Неделю не хочешь? - спросила я, шнуруя берцы. Это давало возможность не смотреть на Ваньку. Правда, опущенная вниз голова гудела так, будто по ней бухали молотом... - Тебя нет в природе уже неделю. Между Лондоном и Москвой отношения натянулись, как сопли на морозе. А ты...

- Маша!

- Тамбовский волк тебе Маша! - меня прорвало. - Мы с Гамаюн двое суток не спали. Пешком. По Нави... Да она крыло сломала из-за тебя!.. А ты...

- Маша, я не виноват.

- Ой, правда? Наверное, тебя заставили. Ну да, точно. Пей, говорят, Ванюша, а то жизни лишим.

- Ну... честно говоря, почти так всё и было.

Закатив глаза, я протопала мимо него и распахнула дверь.

Упс... - как говорит наша вещая птичка. Зал был полон вполне себе бодрствующих мужиков. А так же девиц - к счастью, вполне себе одетых.

- Морриган! - закричал один из мужчин. По-моему, как раз тот, что давеча спал на барной стойке. - Ребята, поприветствуйте старушку великого Эогана, Морриган! - и он так стукнул кружкой по стойке, что пиво вспенилось и пролилось белой шапкой.

- Морриган! - закричали ребята и последовали его примеру.

Мне сразу вспомнились викинги. Эх, Сигурда бы сюда... Или уж нет. На худой конец.

- Здорова, ребята! - я помахала залу обеими руками.

В конце концов, в наших тёрках с Ванькой они не виноваты. Ну, напрямую не виноваты. Образно говоря...

- Завтракать будешь? - спросила вполне приветливо одна из тех девиц. Та, что обнималась с моим напарником. Подавив спонтанное желание вцепиться ей в космы, я мило улыбнулась. - А какое сейчас время суток?

- Ночь еще молода, - вместо девицы ответил детина. - Кстати, меня зовут Край Битвы.

- Самое время позавтракать, - кивнула я девице и повернулась к детине. - Очень приятно, Край Битвы. А я - Маша.

- Эоган о тебе рассказывал, - солидно кивнул мужик. Лицо его сделалось суровым и строгим. - Рыжекудрая дева, что не убоялась встретиться лицом к ли-

цу с драконом... Для меня честь познакомиться с тобой, Морриган.

В этот момент девица поставила передо мной глиняную тарелку размером с тележное колесо. Там было штук шесть яиц, практически задняя нога вепря - во всяком случае, столько бекона на одной тарелке я никогда не видала. Горка квашеной капусты, солёные огурчики и какие-то круглые зеленоватые штуки, в которых, после мучительных размышлений, я признала маринованные луковицы.

- Приятного аппетита, - сказала девица и улыбнулась. - Кстати, я Ольвен.

- Очень приятно, Ольвен, - прочавкала я, вгрызаясь в глазунью. Желтки были крупные, оранжевые, в них так приятно было макать горбушку чёрного хлеба...

Где-то посреди трапезы меня посетила новая мысль. Мы же в Нави! А Ванька говорил, что живым на Том свете ни дай божечки что-нибудь в рот взять! Съешь хоть сухарик - домой нипочём не вернёшься.

Кусок застрял в горле, я закашлялась.

- Вот, попей сочку томатного, - в поле зрения появилось железное крыло, которое протягивало кружку с кроваво-красной жидкостью.

Схватив кружку, я отхлебнула. Кусок провалился в желудок, дышать стало легче. Чёрт. Опять облом... Хотя, с другой стороны?.. Я ведь вчера этот их мёд пила. Так что сейчас уже всё равно.

И я вновь накинулась на яичницу. Бекон, правда, местами похрустывал, но кто я такая, чтобы перебирать дармовыми харчами?

Наконец, сыто отдуваясь, я отодвинула и пустую тарелку, и пустую кружку. Вытерла губы салфеткой и скромно, прикрыв рот, рыгнула.

- Если я и не совсем верил в то, что рассказывал о тебе Эоган, - с уважением проговорил Край Битвы. - То сейчас я убедился, что он не врал.

- Подвиги в застолье только подтверждают подвиги на поле брани, - важно кивнул толстый дядька в кожаной жилетке и с вьющимися волосами, рассыпанными по плечам.

- Если б вы видели, как она стреляет...

Я и не заметила, как рядом оказался Ванька. Кинув на него косой взгляд, я спрыгнула с табурета, поправила курточку и сказала:

- Спасибо, люди добрые. Для меня большая честь познакомиться с вами и разделить ваш хлеб. Но теперь нам пора. Тучи над родным городом встали, в воздухе пахнет грозой... И только могучий Эоган сможет защитить свой народ от поругания.

- Маш, ты чего? - шепотом спросил Ванька. - Какая муха тебя цапнула?

- А ничего, - огрызнулась я. - Пока я дрыхла, в Прави, поди, еще неделя прошла. Товарищ Седой все волосы себе со спины повывёртывал... Да и Базиль наверняка без твоей хари соскучился.

- Пора и... ик... честь знать, - присоединилась ко мне ворона. - Спасибо этому дому, пойдём к другому.

Глава 16

Глава 16

МАША

- Это что? - спросила я, когда мужики, всей толпой высыпав из паба, сгрудились вокруг мотоцикла.

- Эт' чоппер, детка, - возвестил Край Битвы так гордо, будто презентовал личный лимузин.

- Я вижу, что чоппер. Почему мы возле него трёмся?

- Эт' чоппер Эогана, - пояснил детина, почёсывая густую поросль на подбородке. - Он вишь, его завоевал. В честном поединке.

Я посмотрела на Ваньку.

- Серьёзно? Завоевал?..

- Ну, выиграл, - потупился мой напарник.

Я закатила глаза.

- Даже не буду спрашивать, во что...

- А он всех перепил, - брякнула довольная ворона. Она уже залезла на чоппер и пристраивалась на руле, наподобие гигантской скульптуры.

- И почему я не удивлена?

- Таланты Эогана в поглощении эля будут воспеты в энглинах и кеннингах, и прославят его перед потомками.

- Ага, - буркнула я про себя. - Через девять месяцев, поди, потомки и появяться. Сразу у двух счастливых мамаш.

Ванька услышал, но ничего не сказал. Только покраснел, затмив цветом щек свою шевелюру.

Находились мы сейчас не с той стороны паба, куда привёл нас Шарик, а с другой, на соседней улице. Кроме того чоппера, что "выиграл" Ванька, там находилось еще десятка полтора хромированных по самые кисточки на рулях машин. Украшенные отлитыми из серебра черепами, они походили на диковинных кентавров, рогатых монстров, огнедышащих драконов, осёдланных, взнузданных и прирученных.

Делегация во главе с девушкой Ольвен, одетой в короткую юбочку, высокие сапожки и тесную кожаную курточку - просто загляденье! - торжественно приблизилась к Ваньке. На вытянутых руках Ольвен держала чёрную стрелу. Протянув её Ваньке она поклонилась и произнесла торжественно, звенящим голосом:

- Вот копьё Кухулина, славное в битве,

Будь достоин этого дара, воин Эоган.

Порази им злодея, вырви его чёрное сердце,

И возрадуется Богиня Смерти и осенит тебя славой.

- И не забудь вернуть, когда замочишь гада, - хозяйственно добавил Край Битвы.

Ванька принял стрелу - в его могучей лапке на копьё она никак не тянула,

и неловко поклонился в ответ.

- Копьё ты тоже выиграл, всех перебухав? - шепотом спросила я.

- Я не виноват, что по-другому они не соглашались, - буркнул напарник.

- Ну да, как же, - каркнула ворона. - Сам, небось, и предложил...

- Спасибо вам, славные воины! - взревел Ванька, обрывая пререкания. - Я обязательно замочу гада, покрою себя славой, и э... обагрю копьё чёрной кровью злодея. А потом, как и договаривались, верну его вам... - последнюю фразу он сказал обычным голосом, запихивая стрелу себе за пазуху.

И тут, совершенно неожиданно, наши знакомые стали растворяться в воздухе. Они улыбались, взмахивали руками и... таяли, один за другим. Исчезали их чопперы, исчезла даже сама улица, а мы оказались на небольшой площади, окруженной домами.

Улицы расходились от площади радиально, полукругом, и были они совершенно одинаковые.

- Что случилось? - спросила я.

- Последнее испытание, - Ванька устраивался за рулём чоппера. Мне ничего не оставалось, как сесть ему за спину. - Мы должны самостоятельно найти дорогу из этого места.

А я уже и забыла, что мы на Том Свете. Всё было такое реалистичное - и море, и каменные переулки... А особенно - пабы, с вечными своими завсегдатаями.

- И что, - взяв Ваньку за рукав, я почувствовала жесткость дублёной кожи косухи. - Весь сыр-бор из-за этой стрелки?

- Это копьё, - укоризненно поправил напарник. - Артефакт страшной разрушительной силы. Оно должно поразить... Ладно, долго рассказывать. Давайте лучше выбирать.

Что характерно: никаких угрызений совести, никаких попыток оправдаться. Ну, переспал... С кем не бывает?

Со мной не бывает, Ваня. Со мной.

Впрочем, если он так к этому относится - то и я буду. С этого момента - просто напарники. Ничего личного. Точка.

В тот момент, когда Ванька газанул, площадь перед нами ожила. Откуда ни возьмись, появились торговки. Дощатые лотки ломились от рыбы. Рыбу разделявали здесь же: ножи так и мелькали. Во все стороны летела серебристая чешуя и бледные головы с ярко-красными жабрами и снулыми выпученными глазами...

Головы и требуху тут же, под лотками, подхватывали шустрые коты с рваными ушами и мордами, больше похожими на мускулистые кулаки в облезлых плюшевых перчатках.

Какие-то мужики тащили на спинах огромные мешки, другие вели через площадь лошадей - те в простоте душевной засыпали мостовую конскими яблоками; меж взрослых сновали вороватого вида мальчишки в картузах и тяжелых, подбитых гвоздями ботинках, тут и там мелькали заточки и бритвы, которыми они резали кошельки. Жирные голуби склёвывали просыпанное зерно, над головой с безумным смехом кружили чайки, а из-за спины накатывался ровный, неумолчный грохот прибора.

На парапете набережной, под палящим солнцем, спали громадные псы. Окраса они были неопределенно-серого, с лохматыми вислыми ушами и длинными голенастыми лапами. Обрубки хвостов мерно постукивали по камням, сопровождая собачьи сны.

Ванька газанул еще раз.

Как мы прорвёмся через это столпотворение? - мелькнуло в голове.

И тут начали просыпаться псы...

Они неторопливо потягивались, выставляя напоказ кинжально-острые когти, скаля белые, словно из мраморного алебаstra, зубы, жмуря красные, без единого признака радужки, глаза...

Затем они, один за другим, неторопливо соскочили с парапета и направились к нам.

- Ва-а-ань? - спросила я необычно тонким голосом.

Вообще-то я люблю собак. Но необычный цвет глаз и то, что с клыков почти беспрерывно капала слюна, наводили на мысли, что именно эти собачки не расположены проникаться добрыми чувствами к незнакомцам.

- Вижу, - коротко бросил напарник и газанул в последний раз. - Держитесь.

И мы понеслись.

Псы с обманчиво-медленной грацией расправили длинные лапы и кинулись в погоню. Они не лаяли, не рычали, не клацали зубами, а страшно и молча, устремив пылающие взоры на заднее колесо чоппера, летели над мостовой. Их лапы едва касались круглых камней, а тела, от носа до кончика хвоста, были втянуты в струну.

Мелькали рыбные лотки, торговки, лошадиные морды, кирзовые, начищенные салом сапоги и грохочущие телеги.

Ванька умело лавировал. Мальчишки пронзительно свистели нам вслед и орали что-то оскорбительное.

Один раз колесо влетело прямо в кучу тёплых, исходящих паром и мухами конских яблок, и чоппер пошел почти параллельно земле.

- Держись! - орал Ванька, как ненормальный.

Ворона на руле расправила крылья для равновесия и время от времени издавала пронзительные, страшные крики.

Мне прямо в лицо прилетел рыбий хвост, от неожиданности я выпустила Ванькину куртку и чуть не скатилась под лапы псам.

Чудом восстановив равновесие, я прижалась к широкой спине напарника. Сердце колотилось, как бешеное.

Вот один из псов, вскочив на лоток и хорошенько оттолкнувшись, полетел прямо на нас. Ванька крутанул руль, нас повело юзом. Пёс, кувыркаясь и воя от злобы, улетел в канаву, полную рыбьей требухи.

- Урра! - закричали мы с вороной, когда после нескольких мучительных мгновений Ванька выровнял руль.

- Где ты научился так ездить? - прокричала я, цепляясь изо всех сил за его

талию.

- Нигде, - коротко бросил напарник. - Всё это - только в голове...

Ворона, изображая ягуара в прыжке, прикипела к рулю. Она будто стала меньше, обтекаемее. Взгляд её остекленел, клюв то и дело открывался в пронзительном вопле.

Надо думать, то ещё зрелище мы представляли со стороны...

Вырвавшись наконец с площади, мы влетели в узкий переулок. Рукоятки руля, высекая искры, чиркали по закопчённым каменным стенам, вторые этажи нависали над улицей так, что не видно было неба.

Псы всей сворой ввинтились за нами, превратившись в сплошной ковёр вылезшей шерсти, когтистых лап и надрывного воя.

Пару раз нам на головы норовили вылить что-то мерзкое, дурнопахнущее, но большая часть доставалась псам...

Переулок походил на аттракцион, который я видела в Московском парке: мостовая поднималась почти вертикально вверх, потом резко ухала вниз, и снова вверх - от этих постоянных перепадов закладывало уши.

Через пару минут мне начало казаться, что желудок прочно обосновался в горле, а глаза до конца жизни так и не смогут сфокусироваться.

Зато псы отстали.

Их надрывный лай скрылся за поворотом, вместе с ним пропало зловоние мокрой псины.

Через пару минут мы вылетели на пригорок, за которым зеленели холмы. Даже сюда доносился медовый запах цветущего вереска.

Чоппер резко остановился, я ткнулась носом в Ванькину спину.

- Чё чилось? - столкновение с жесткой дублёной кожей дикции на пользу не пошло.

- Сама глянь, - Ванька развернул чоппер боком.

Улица упиралась в дверь. По обе стороны тянулись неприветливые глухие заборы, и только небольшой каменный домик с зелёной дверью уютно светил желтыми окошками.

Изнутри доносились глухие ритмичные удары и нестройное пение. На двери белел знакомый трилистник, вывеску над крыльцом украшала пенная кружка.

- Ух ты! - восторженно воскликнула ворона, соскакивая с руля на мостовую. - Как раз вовремя. Заглянем, промочим горло на дорожку?

Ванька гулко сглотнул.

- А неплохо было б... - он начал слезать с чоппера, но я схватила его за куртку.

- Стой! Нам... нам нельзя останавливаться. Товарищ Седой ждёт известий! Лумумба в опасности!

На самом деле, я живо представила, как Ванька заходит в паб, а там - девушка типа Ольвен, в такой же тесной курточке, из которой выпирают... Вобщем, всё, что можно выпирает.

- Ну Маш... - заканючил Ванька. - Мы ведь только на секундочку...

Ворона уставилась на меня умильными глазками. Железный клюв запотел, перья негромко потрескивали.

- Нельзя, - я потрясла короткими волосами. - Гамаюн, запрыгивай. Иначе останешься одна.

Ворона полезла обратно на руль.

- На секунду могли бы и заглянуть, - ворчала она. - Выпили бы по кружечке - кому от этого хуже?

- Каждая секунда здесь - это час в кабинете Седого, - отрезала я и ткнула Ваньку в бок. - Заводи драндулет.

Напарник с тяжелым вздохом газанул, и мы вновь понеслись. Вверх-вниз, вверх-вниз.

Я думала, получится найти объезд и выехать наконец в холмы - где-то там скрывается пещера с украшенным спиралями входом...

- Зачем ты опять поехал в город? - спросила я через пару минут, когда стало ясно, что холмами и не пахнет.

- Это не я, - ветер рвал слова с Ванькиных губ и уносил за спину. - Это дорога нас водит.

Послышался знакомый лай. А вот уже и первый кобель, норовит вцепиться мне в берц.

- Надо вырулить обратно к холмам! - крикнула я.

- Я пытаюсь...

Иногда, на поворотах, мне казалось, что за нами следят. Острый недобрый взгляд так и впивался в спину. Казалось, кожа от него съёживается и идёт мелкими трещинами. Я пыталась оглянуться - бесполезно. На скорости всё сливалось в единое размытое пятно.

Через некоторое время мы вновь вылетели на холм. Вид открывался потрясающий. Дорога извилистой лентой уходила вниз, в половодье городских крыш, за ними ослепительно сияло море, над которым плыли лёгкие пуховые облачка. С другой стороны расстилались зелёные холмы, сплошь покрытые вереском и красными маками.

- Это не то же самое место, - сказала я и соскочила с чоппера.

На холме стоял одинокий домик. От дороги его отделяла аккуратно подстриженная живая изгородь, в изгороди была желтая калиточка, за ней - дорожка, посыпанная белым песком и резное крылечко. Стёкла в окнах несуразно большие, и за ними угадывалось что-то завлекательно-цветное, уютное и милое.

- Я на одну минуточку, - бросив Ваньке, я толкнула калитку.

- Ты куда, Маш?

Но я только отмахнулась.

Калитка отворилась с мелодичным звоном и я ступила на белый песок.

Это был другой мир. В нём пели птички, красивые бабочки кружились над розовыми кустами, а воздух был наполнен золотистой пылью.

Как во сне, взобралась я на крыльцо и стукнула в дверь медным молоточком.

Открыла девица, по всем статьям - родная сестра Ольвен. Такая же высокая, длинноногая и полногрудая. Одета она была во что-то воздушное, полупрозрачное, и с таким количеством кружев, что хватило бы на оторочку футбольного поля.

- Добро пожаловать в салон "Девичьи Грёзы" - пропела девица.

Я вошла.

Внутри всё было белое, серебристое и розовое. Но не такое розовое, как леденец. Нет, это был благородный оттенок увядшей розы, такой пастельный, с лёгким пепельным налётом. И серебро выглядело не как новогодняя мишура, а как старинный кофейник, который я как-то украла в одном богатом доме, когда была подростком...

На стене, прямо напротив двери, висело громадное зеркало. Увидев своё отражение, я застыла, как вкопанная.

Волосы дыбом. На щеке - ссадина, уж не помню, где я её получила. Другая щека испачкана то-ли сажеей, то ли грязью. Броник сбился на бок, из-под него торчит рубаха - воротник надорван, узор из красно-белой клетки потускнел от многих стирок. Разгрузочный жилет топорщится запасными магазинами, ручьями ножей и пистолетов. За спиной - приклад винтовки.

В этом серебристо-розовом интерьере - всплыло полужнакомое слово "будуар", но я точно не знаю, что оно означает, - я смотрелась, да простит меня Гамаюн, как ворона в букете роз.

А еще, при всей кажущейся крутости, я выглядела маленькой и жалкой. Особенно выдавали глаза: голодные и злые. А еще горькие складки возле губ. Когда я успела их занять?

- Проходи, - голос шел не от двери, а из глубины помещения. Он был сладким, тягучим, и бархатным, как дорогие шоколадные конфеты. - Будь как дома.

От занавески из бус отделилась фигура, за которую любая женщина готова пожертвовать чем угодно. В первый миг я даже испугалась: показалось, что передо мной стоит мадам Елена, во всей своей красе.

Но эта дама была блондинкой. Длинные волосы струились до колен, одна серебристая прядь закрывала глаз. Тело её обливало платье, с глубоким вырезом на груди, снизу оно обнажало ногу незнакомки почти до бедра.

- Ты устала. Ты хочешь отдохнуть, - сладко улыбаясь, говорила она. - Сбрось одежду, и мои слуги отведут тебя к горячей ванне.

- Но... - голос казался хриплой трещоткой. - Но меня ждут.

- Пустяки, - отмахнулась она и я поняла, что да. Действительно пустяки. - Он тебя недостойн, - добавила хозяйка дома. - Он изменил тебе. Он предпочёл тебе других.

- Это не важно, - еле слышно прохрипела я. - Мы всего лишь напарники.

- Что может быть важнее верности? - подняла идеальную бровь блондинка. Кожа её была тонкой, как фарфоровая чашка. - Но ты можешь ему отомстить.

- Как?

- Ты можешь стать красивой. Ты можешь стать такой же, как я, - одним волнующим движением она повернулась вокруг себя и вновь улыбнулась. На щеках заиграли ямочки. - Вовсе необязательно быть замухрышкой.

- Но я такой родилась, - я облизала пересохшие губы. Броник внезапно стал непомерно тяжелым, ремень винтовки больно вдавился в плечо. - Мне никогда не стать как вы.

- Ошибаешься, - всё так же улыбаясь, хозяйка поманила меня пальцем. - Сбрось железо, которое не даёт к тебе прикоснуться. Убери преграду. И я покажу тебе.

Она махнула рукой, изображение в зеркале заколебалось, пошло рябью... А потом разгладилось.

В зеркале всё так же отражалась я. Или уже не я?

Волосы вновь были длинными. Они были чисто вымыты и завивались крупными тугими кольцами. Лицо не несло и следов ссадин и грязи, даже веснушки куда-то пропали. Не было и затрапезного комбеза в пятнах травяного сока, не было бронежилета, винтовки и ножей... На мне было почти такое же платье, как и на хозяйке, только изумрудное, как весенняя листва.

Я застеснялась своей почти обнаженной груди, и ног, обутых в серебристые туфельки на высоченном каблуке...

- Ты можешь быть такой всегда, - ласково обнимая меня за плечи, сказала хозяйка. - Для этого нужно избавиться от железа, а потом забыть всё, что было с тобой раньше. Ты будешь блистать на балах. Самые красивые юноши королевства упадут к твоим ногам. Мановением пальчика ты будешь начинать и заканчивать войны. Избавься от железа, и ты будешь счастлива. Вечно.

Я медленно потащила с плеча винтовку, бросила на пол. Расстегнула разгрузочный жилет, и тоже сбросила. Одну за другой расстегнула пуговицы на рубашке...

Я буду красивой, - стучало в голове. - Никто больше не назовёт меня гадким утёнком.

И вдруг с моей груди вырвался ослепительный луч. Отразился от зеркала, больно резанул по глазам... Я вскрикнула и зажмурилась.

А когда открыла глаза... Не было никакого серебристо-розового домика. Не было белых кружев, огромного зеркала, не было красавицы-хозяйки. Я стояла на земляном полу. Вокруг были кое-как, из картонных коробок, деревянных ящичков и кусков пластика, слепленные стены, сквозь дранку крыши пробивались пыльные солнечные лучи. В углу корчилась сторбленная фигура - седые пучки волос торчат из-под клетчатого с бахромой платка, плечи укутаны в драный плащ.

- Что случилось? - спросила я, и тут же поняла: рука сжимала маленькое зеркальце.

То самое, что когда-то подарила мне княгиня Ольга. Она сказала, что в нём всё будет выглядеть в истинном свете.

Значит, розовый домик - это морок. А высокая красавица - просто старая ведьма, что заманивает незадачливых путников.

Подобрав винтовку и жилет, я пинком распахнула дверь и вылетела на улицу.

Ванька с Гамаюн отбивались от собак. Прижавшись спиной к дощатому за-

бору, выставив перед собой чоппер, напарник тыкал в кобелей длинной оглоблей. Ворона шипела и угрожающе щелкала клювом.

Свора окружала их плотным кольцом, то и дело один из псов бросался в атаку. Хрясь - щелкнули челюсти и конца оглобли как ни бывало.

Подняв винтовку стволом к небу, я нажала курок. Выстрел прогремел над крышами, будто ранний гром. Собак как ветром сдуло. Ванька с вороной посмотрели на меня.

- Что это было? - спросила Гамаюн. - Почему ты...

- Не твоё дело, - я запрыгнула на чоппер и постучала по седлу впереди себя. - Ехали.

- Да что случилось-то? - Ванька послушно занял место впереди.

- Ничего, - буркнула я. - Кроме позорной гибели некоторых иллюзий.

Мы вновь рванули с холма. Где-то позади не смолкал заунывный собачий вой.

- Что мы делаем не так? - спросила я Ваньку, когда мы в третий раз оказались на холме.

Дорога теперь заканчивалась тупиком, никаких соблазнительных дверей, крылечек и вывесок. Просто небрежно уложенные один на другой булыжники, кое-как скрепленные серым раствором.

- Это Навь, - пожал плечами напарник. - По какой-то причине она не хочет нас отпускать.

- Но ты же чувствуешь себя в Нави лучше, чем в собственной квартире, - возразила я. - Ты же в ней хозяин.

- Это Второй круг, - пожал плечами, обтянутыми байкерской курткой, Ванька.

Надо сказать, куртка эта ему жутко шла. Без своеобразной косоворотки, с лёгкой щетиной, покрывающей щеки, он казался старше, и как-то... круче, что-ли? Не такой деревенщиной, как обычно. Он восседал за рулём чоппера так небрежно, будто водил его всю жизнь.

- Но там же - Дублин, - махнула я рукой. - Обычный город, в котором живут обычные люди...

- Это один громадный сидхел, - сказала вдруг ворона. - Дублин - это город внутри пещеры. Мы не можем выбраться, потому что выхода не существует.

- Что ты несёшь? - спросила я, осторожно трогая птичку на предмет перегрева. - Вспомни: мы же ВЫШЛИ из пещеры, а не вошли в неё.

- Всё относительно, - встопорщила перья Гамаюн. - Нам казалось, что вышли, а стороннему наблюдателю - что вошли...

- Поэтому здесь кабаки на каждом шагу, да? - спросила я. - Типа, как Вальгалла для викингов. Питьё, битьё и ворьё. Верно?

Ванька только дёрнул плечом.

- Но как ты-то сумел сюда попасть? - спросила я снова. - Ладно, мы - через сидхел, а ты...

- А меня выбросило на берег прибоем, - ответил напарник. - Сначала я плыл по реке, затем упал в водопад. Очнулся на пляже. Меня подобрала люди Края Битвы. Сначала хотели прирезать. Думали, я перебежчик из клана О'Шоннеси.

Они издревле воюют с О'Киллени, кланом Края Битвы. Но мой говор убедил их в том, что я вообще не ирландец. А уж когда они узнали, что я из Англии, прибыл за копьём, чтобы поразить Тёмного Лорда...

- Вот здесь ты меня потерял, - перебила я. - Какой еще Лорд? И почему его так не любят в Ирландии?

- Конфликт Ирландии с Британией продолжается не одно поколение, - встряла с лекцией Гамаюн. - Еще во времена Гойделов и Пиктов британские войска пытались усмирить непокорный остров...

- Да какие еще Пикты! - разозлилась я. - Я не понимаю, что творится СЕЙЧАС!

- Сейчас? - пожал плечами напарник. - Если я не доставлю копьё Кухулина леди Мэб, сихоев навсегда превратят в Дементоров. Тёмный лорд захватит власть в Британии и развяжет войну с Россией.

Закрыв лицо ладонями, я попыталась спрятаться, отгородиться от всего мира.

Значит, всё действительно серьёзно. Не зря Товарищ Седой бил тревогу. Не зря, с кровью выдрав меня с занятий, отправил за Ванькой. Если мы не сможем выбраться из этого запредельного Дублина, всё закончится очень плохо.

Я слышала, как шептались старшекурсники. Для них обсуждать мировую политику было самым любимым занятием, после игры в метаморфозы. Я прекрасно помню неоднократно произнесённые слова: "Мы пока не готовы". Мы не готовы к войне, не готовы столкнуться с боевой мощью британского флота, не готовы противостоять армии завоевателей.

- Значит, всё зависит от этого копьё? - спросила я глухо.

Ванька просто кивнул. А потом посмотрел на далёкое море.

Между нами лежал город, с его бесконечными пивными, уютными домами и торговыми рядами. С его охранниками - собаками. С его тайной магией и явной угрозой...

- Я знаю, как нам выбраться, - вдруг сказал Ванька. - По воде.

- У нас нет лодки, - угрюмо вздохнула я. - К тому же, в городе ждут псы.

- А я не умею плавать, - кивнула Гамаюн. - И летать.

- Нет, вы не понимаете... - щеки напарника порозовели от возбуждения. - Пытаясь выбраться, мы всё делали неправильно. Мы пытались уйти вглубь холмов, сиречь - всё дальше в Навь. Поэтому псы нас и не пускали. Но если мы попытаемся уйти через море... - он соскочил с чоппера и вгляделся в далёкий горизонт. - Там, на другом берегу - Британия.

- Ну и что?

Я вспомнила, как наворачивала яичницу с ветчиной. И вот она, расплата: второй круг меня теперь ни за что не отпустит.

- А то! - Ванька взъерошил отросшую шевелюру. - Море является барьером. За ним - другая Навь. Первый круг.

- В котором ты чувствуешь себя, как дома, - кивнула я. Под сердцем робко ворохнулась надежда.

- Если мы сможем перепрыгнуть этот барьер...

- Но у нас нет лодки!

- Если развить достаточную скорость, то поверхностное натяжение воды... - задумчиво сказала Гамаюн и почесала кончиком крыла клюв.

- Ты что, о мотоцикле? - я оторопела.

Бывают в мире чудеса, но чтобы такие!..

- Эт'чоппер, детка, - поправил Ванька, подражая говорку Края Битвы.

- Не называй меня деткой! - ярость взорвалась в груди, как граната. - Никогда!

- Да что такого-то?

- Девоч своих называй! Когда с ними спать будешь!..

- Но я... - Ванька задумчиво почесал в затылке. - А! Понял... - он рассмеялся. - Маш, не было никаких девочек.

- Я видела! Ты с ними...

- Это был морок, - спокойно сказал напарник. - Ты видела то, что хотела.

- Но Гамаюн...

- Мы с тобой вместе попали под его чары, - подала голос вещая птица. - Он отравил нас обоих, поэтому мы и видели то, что он хочет.

Я остолбенела. Почувствовала, будто с головы, с лица, с плеч слетает шелуха. Сердце забилося так, будто до этого не билось вообще. Лёгкие задышали, ладони наконец-то согрелись, а в животе живенько так забурчало.

- Ты хочешь сказать... - я замолчала. - Но ведь пивная же была?

- А как же, - кивнул Ванька.

- И байкеры... Край Битвы и остальные...

- Еще бы, - напарник почесал шею.

Я только что заметила на ней, поперек горла, тонкий красный шрам...

- А девушек не было?

- Ни одной.

- Но меня угощала одна из них, Ольвен!

- Видишь ли, их не то, чтобы не было вообще, - осторожно сказал Ванька. - Их не было там, где ты себе воображаешь.

Я потрясла головой и вновь посмотрела на море.

Позже. С этим можно будет разобраться позже. Спустишь под Академию, отыщу того морока...

- Ты думаешь, перепрыгнуть на чоппере в Британию - это реально? - тихо спросила я после длинной, мучительной паузы.

- А что вообще реально в этом мире? - буркнул Ванька. - Не попробуем - не узнаем.

- Знаешь, ты можешь попробовать сам...

- Не доверяешь? - прищурился напарник.

- Я там ела. И пила. А ты сам говорил...

- Если ты пробудешь здесь еще хоть немного - потеряешь память. Станешь бесплотной тенью, а потом развеешься.

- А Гамаюн?

- Я - птица вольная, - буркнула птичка. - Куда хочу - туда лечу. Когда крылья есть.

- Значит, всё дело во мне?

- Я тебя не оставлю, - четко выговаривая слова, сказал Ванька. - Что бы ты

там себе не думала...

Разгон мы начали прямо с горки.

Ванька всё давил и давил на газ, мы мчались всё быстрее. По бокам пронеслись фасады домов, канавы, прохожие, собаки - они только лязгали зубами, но гнаться даже не пытались.

На площадь перед набережной мы вылетели удивительно быстро - будто улица сама собой выпрямилась и вывела нас в нужное место кратчайшим путём.

Площадь была пуста. Ни торговков, ни лошадей ни мальчишек.

Ванька с рёвом газанул, чоппер перепрыгнул парапет, на котором еще недавно грелись собаки, и набирая скорость, рванул по утоптанному песку пляжа прямо к воде.

Колёса чоппера начали гореть. Огонь шел изнутри, из втулок и спиц, вырывался на волю и гудел, как в топке. Дыма не было. Но когда мы прыгнули в море, и понеслись по водной глади, аки по суку, чоппер окутали клубы пара. Двигатель ревел, как двенадцать драконов, которым одновременно придавили хвосты.

И вот так мы и мчались: гром, пар, всполохи пламени - чистый паровоз на резиновом ходу.

- Урраа-а-а! - кричали мы хором. - Получилось!

Глава 17

Глава 17

ИВАН

То, что мы застряли во втором круге, стало очевидным еще на площади. Как только я увидел псов - эдаких Церберов волшебного острова Эрин, тут же понял: чтобы покинуть гостеприимный город, придётся выкинуть что-то неожиданное, самоубийственное.

И ведь Край Битвы прекрасно об этом знал! Спокойно отдал мне копьё - символ и реликвию своего народа; снабдил транспортным средством - да он был уверен, что с острова мы никуда не денемся.

Побегаем, поплутаем, а потом вернёмся с повинной в кабак и запросим площади...

Край Битвы вовсе не был жестоким коварным ублюдком - просто чувство юмора у потусторонних существ своё, специфическое.

На данный момент я провёл во втором круге что-то около восьми часов. В Прави миновала неделя. Если я задержусь в стране сидхов дня на три, можно никуда не возвращаться: все мои друзья и знакомые вымрут от старости, а мир настолько изменится, что мне в нём не будет места.

Весёлые ребята эти эльфы...

Машка тоже подбросила в топку. Свалилась, как снег на голову, обвинила во всех грехах - я долго не мог допетрить, чего это она на меня дуется... А когда

понял, чуть не сгорел со стыда.

Опять же, чувство юмора сидхе: создать иллюзию того, как я сплю в обнимку с девушками и показать её напарнице... А потом накормить её Навской пищей - для гарантии.

Скучно им здесь: день за днём, год за годом, столетие за столетием - всё тот же паб, всё то же пиво, всё те же пьяные морды. И когда появляется кто-то свеженький, сидхе отрываются по полной.

А еще говорят: молочные реки, кисельные берега...

Что получится сбежать, я не был уверен даже тогда, когда мы на полной скорости вылетели за парашют и запрыгали по волнам.

Машка сидела сзади, крепко вцепившись в меня обеими руками. И я чувствовал, как она с каждой сотней метров становится тяжелее. Напарницу, как мощным магнитом, тянуло назад, на волшебный остров Эрин.

Но несмотря на это я, сжав зубы, сдавив рукоятки руля до боли в пальцах, давил на газ. Какое самое главное правило вывода души из Аида?..

Ах да. Не оглядываться. Что бы ни происходило за спиной, я не должен оглядываться назад. Иначе Машка останется в Эрине навсегда. Забудет, кем она была в Прави и сделается толстой торговкой рыбой. Или подружкой байкера. Или двуглавым Цербером...

Главное, не вспоминать, что чоппера - по-сути своей, порождения второго круга - на самом деле не существует. Что мы несёмся по воде на персонифицированной воображаемой сущности. Иначе говоря - чистом гоноре и честном поросычем слове...

Конечно же, как только я об этом подумал, руль утратил свою стальную данность и начал превращаться в нечто зыбкое, усатое, с множеством хоботов...

- Погоня! - вдруг завизжала Машка.

- Где?

- Оглянись, сам увидишь!

Я чуть не поддался. В последний миг спохватился и прибавил газу. К счастью, стоило мне перестать думать о чоппере, как о ментально-трансцендентном объекте, рукоятки вновь обрели реальную ребристость, а ягодицы ощутили жесткость сиденья.

- опиши мне погоню! - крикнул я Машке. - Во всех подробностях!..

- Это громадная рыбина! - слава Макаронному монстру, она не стала задавать лишних вопросов. - В её пасти спокойно поместится большая шлюпка, а чоппер она проглотит, даже не заметив. У неё выпученные зелёные глаза, а по бокам пасти растут длинные усы. Вот сейчас она пытается ими до нас дотянуться...

Я почувствовал, как Машка оторвала одну руку от моей талии и завозилась с чем-то там, за спиной.

- Ты что, собираешься в неё стрелять? - крикнул я в панике.

- И как ты догадался?

- Не вздумай!.. - я вновь почувствовал, как чоппер превращается в облачко.

- Но Вань...

- НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ СТРЕЛЯЙ! - заорал я, изо всех сил вперившись взглядом в горизонт. Там, над зыбкой полоской воды уже угадывалась тёмная громада - английский берег... - Лучше продолжай описывать рыбу!

- У неё толстые губы, чёрная глотка и такая крупная чешуя, что её можно использовать вместо тарелок, - прокричала Машка. Обе её руки вновь сжались на моей талии, я выдохнул чуть спокойнее.

- Дальше! - подбодрил я напарницу.

- Она несётся по волнам, едва касаясь брюхом гребешков, и... Ванька! Она сейчас нас проглотит!..

Не проглотит, - проворчал я про себя и выжал из чоппера последние силы. Мысли мои устремились вперёд, к враждебному, но такому желанному берегу Туманного Альбиона.

Пока мы мчались через залив, не давала покоя одна мысль. Она то появлялась, то исчезала, и я никак не мог ухватить паршивку за шиворот. Всё время что-то отвлекало.

Но в какой-то миг посмотрев на руль, на то место, где "рога" сходились у серебряного оленьего черепа, я наконец понял.

Гамаюн! С момента, как мы прыгнули в воду, она не издала ни звука. И теперь я понял, почему.

Волшебная сущность, заключённая в стальной панцирь, имеющий вид железной птицы, просто не могла существовать в межмировом пространстве, в ИН-ОВО, разделяющем Круги Нави.

О, она никуда не делась. На руле чоппера сидела стальная птичка, в которой отдалённо угадывалась ворона. Размером она была не больше десяти сантиметров.

Оставалось только надеяться, что вещая птица переживёт метаморфозу и примет свой прежний облик на Том берегу... Если мы до него доберемся, конечно.

Как только мои мысли отвлеклись на метафизическую природу Нави, чоппер вновь стал зыбким.

- Маша! Где там рыба?

- Кажется, отстала...

- Чёрт побери! - хотя в нашем случае, сие ругательство более чем неуместно. Так как может осуществиться в любой момент...

- Зато появились какие-то щупальца.

- Щупальца?

- Здоровущие! Потолще тебя будут. С присосками... Ну знаешь, такими, как вантуз. Много!

- Щупалец или присосок?

- Щупалец!

- Посчитай их, пожалуйста.

- Море похоже на суп с морепродуктами!.. Какой тут счёт?

Последнее определение придало мне необходимой бодрости.

- Кракен! Это кракен, Макаронный монстр его задери!

- Спагетти с осьминогами? - пробормотала Машка. - Никогда не пробовала.

- Далеко?

До берега оставалось метров двести. Я почти поверил в успех.

Нет, правда... Ведь мы почти успели! Но как известно "почти" - не считается.

Щупальца кракена взвились впереди, с боков, обхватили меня за талию, я почувствовал, как Машку отрывает от меня...

Я набрал полную грудь воздуха и начал расти.

Напарница, похожая на пластмассового пупса, трепыхалась в одном из щупалец. Чоппер, размером не больше спичечного коробка - в другом.

Мои ноги наконец-то упёрлись в дно - к коленям поднялись облачка мути. Вырвав из щупалец фигурки Машки и мотоцикла, я как можно аккуратнее опустил их на берег, а сам повернулся к кракену.

- Найди себе игрушку по размеру, - пробормотал я. Голос громом отразился от плотного слоя облаков.

Кракен попытался оплести меня щупальцами. На ощупь они были как резиновые шланги, из присосок сочилась жгучая гадость - хорошо, что её смывала морская вода.

Некоторое время мы боролись. Кракен пытался повалить меня под воду, я - оторвать ему щупальца. Ни то, ни другое не получалось.

Наконец, устав бороться, гигантское головоногое ослабило хватку, и издав прощальный крик, ушло на глубину. Я побрёл к берегу, уменьшаясь по мере приближения. Пришлось даже немножко поплавать - чтобы смыть склизкие чернила, напоследок выпущенные осьминогом.

Берег был обрывистым, с тонкой полоской галечного пляжа, но наверх вела утоптанная тропинка.

На холмике, прижавшись друг к другу, сидели Машка и Гамаюн. Я вздохнул с облегчением. На минутку показалось, что они так и останутся пластмассовыми игрушками, развлечением для малышей...

А вот чоппер исчез. В траве остался лишь серебряный череп с рогами, переходящими в руль.

Машка и Гамаюн были мокрыми, как мыши, упавшие в тазик с грязной посудой. Короткие волосы напарницы завились тугими колечками и прилипли к голове, у вороны подтекало и капало изо всех щелей и сочленений.

- Чего уставился? - шмыгнув носом, спросила напарница. - На мне узоров нету...

Ох, слава Макаронному монстру!.. Она. Машка. А то показалось на мгновение, что это вновь морок шутки шутит.

- Зачем ты подстриглась? - брякнул я невпопад.

Машка покраснела. Вот уж не думал, что такой простой вопрос заставит её смущаться.

- А тебе-то что? Некого за косички дёргать?

Нет, точно она. Мороки не умеют так потешно злиться.

А ворона меня удивила. Подпрыгнув на коротких лапах, обхватила меня крыльями и прижалась горячей головой к животу. Глаза птицы затянула маслянистая плёнка.

- Спасибо, - каркнула она. Открыла один глаз, а затем подмигнула.

- Не за что, - я похлопал её по спине. - Эй, а ты никак подросла?

- Стараюсь не терять форму, - смутилась вещая птичка.

- О чём это вы?

Что мне нравится в напарнице - это то, как быстро она приходит в себя. Что бы с нами не приключалось, ровно через пять минут носик у Машки воинственно задран, глазищи мечут задорные молнии, а руки ищут какое-нибудь занятие.

- О том, что если бы не Ванька, сидеть бы нам в Ирландии. Вечность.

Ворона покосилась на Машку и разжала крылья. Я незаметно потёр бока: хватка у птички была железная.

- Ой, да ладно тебе, - неуверенно сказала напарница побелевшими губами. - Так уж и вечность...

- Чтобы вытащить кого-то из царства мёртвых, нужна недюжинная сила, - добавила Гамаюн. - Только герои прошлого, такие как Геракл, Одиссей и Эней...

- Действительно, Гамаюн, - засмутился я. - Получилось - и слава Макаронному монстру. Не будем об этом.

- Ну, не будем, так не будем, - до обидного быстро согласилась железная птица. - Когда обед?

- Никогда, - отрезал я, взбираясь на пологий холмик чтобы оглядеть окрестности. - Мы всё еще в Нави. Забыла?

- Ну так давай выбирать. Веди нас, Вергилий...

- Сначала найдём Лумумбу. И... ещё кое-кого.

Почему-то казалось, что из встречи Машки с королевой Мэб тоже не выйдет ничего хорошего.

Над горизонтом кружили птицы. Их чёрные точки свивались в тугую воронку, остриём уходящую к земле. Не птицы, догадался я. Судя по размерам - сихои. И поднять их в воздух могло только одно...

- Нам пора, - ухватив Машку одной рукой, другой я поймал за крыло Гамаюн.

- Куда? - напарница попыталась вырваться, но я держал крепко.

- Все вопросы - потом. А сейчас держитесь.

Зажмурившись, я как можно отчётливее представил себе поляну, на которую мы вышли с Лумумбой из Лондона.

Говорят, расстояния в Нави - вещь относительная. Мне ли об этом не знать...

Когда я открыл глаза, мы стояли на том самом месте, откуда я отправился в путешествие. Над головой, свиваясь в тугую спираль, кружили чёрные полотенца. В сером разреженном воздухе они казались пыльными и потрёпанными, будто бы побитыми молью.

На земле, выстроившись в круг, стояли рыцари. Закованные в броню, с белыми плащами на плечах, белыми плюмажами на шлемах, с ослепительно-белыми мечами, зажатými в латных перчатках. Они негромко и стройно пели что-то в унисон, и на каждом ударном слоге с кончиков мечей срывались молнии и били в сихоев. Духи кричали, как раненые птицы.

Вокруг рыцарей на огненном жеребце металась королева Мэб. Волосы её тоже горели, и от этого девичья фигурка выглядела еще более хрупкой.

Мэб пыталась достать рыцарей меткими выстрелами из лука, но их окружал магический щит. Стрелы, ударяясь об него, просто сгорали.

- Что происходит? - крикнула Машка. - Хочешь, я остановлю эту безумную тётку?

- Ни в коем случае, - я представил, как это выглядит со стороны, для неподготовленного человека.

На красивых рыцарей в белых доспехах с воздуха нападают какие-то чёрные твари, похожие на резиновые коврики, а с боков атакует самая настоящая

ведьма... - Нужно стрелять по рыцарям.

- Ты уверен? - напарница с сомнением оглядела стройные фигуры, белые плюмажи и красивые шелковые плащи.

- Я вижу волков, - вдруг сказала Гамаюн. - Чёрных, с железными когтями и клыками, с которых капает ядовитая слюна. - Они сражаются со стаей белых лебедей. Пытаются сбить их, прижать к земле, и... перегрызают шеи. Несколько десятков лежит неподвижно в центре круга, но остальные еще сопротивляются. Снаружи им пытается помочь молоденькая девчонка, но она одна, а волков много. И тем не менее, трёх она уложила.

- Ну, раз вы так говорите, - всё еще с недоверием во взгляде, напарница сдёрнула с плеча винтовку. Передернула затвор, прицелилась... - Которого снять? - деловито спросила она у вороны.

- Знаешь, этих рыцарей обычные пули не возьмут, - с сомнением сказал я. - Тут нужен другой подход...

Я чувствовал, как последние капли энергии покидают моё тело. Слишком много всего произошло. Эрин, гонка, битва с кракеном... Но я не мог оставить королеву Мэб сражаться одну.

Рубашка на спине лопнула, руки начали превращаться в громадные лапы...

Раздался выстрел. Один из рыцарей с кастрюльным грохотом рухнул на землю, превратился в худого волка, тоненько взвизгнул, и поджав хвост, пустился наутёк.

Машкина винтовка кашлянула еще раз. Щелкнул затвор - и еще два выстрела. А потом еще...

Она стояла, как в тире, на учениях: лицо спокойно, одна рука свободно держит приклад, другая поддерживает ствол. Прицел методично перемещается с одного рыцаря на другого, и они валятся в траву, словно кегли.

- Специальный патрон, - услышал я рядом гордый голос Гамаюн. - Пустотелая серебряная капсула, усиленная стальной рубашкой. Внутри накачан экстракт Пыльцы. Сырая магия, можно сказать.

Я онемел. Когда мы с Лумумбой уезжали в Лондон, ничего такого еще не было. Я бы знал.

- Это кто ж такое придумал?

- Факультет механиков. Тамошние Левши много чего хорошего придумали, - ворона картинно, как веер, развернула суставчатое крыло, усиленное железными перьями.

Когда упал последний рыцарь, а поредевшая стая сихоев взмыла в серое небо, к Машке подошла королева Мэб.

Жеребца она отпустила пастись - от его огненного дыхания трава чернела, съёживалась и оседала на землю лёгким пеплом. А сама, пешком, направилась к напарнице.

- Кто ты, дитя? - спросила она, улыбаясь.

Мы с Гамаюн пригнулись. Чтобы Машку кто-то назвал ребенком безнаказанно...

- Меня зовут Маша, - не веря своим ушам, я посмотрел на напарницу. Она стояла, как зачарованная, забыв опустить винтовку. Направляла её, правда, стволом в небо. И на том спасибо.

- Значит, тёзка, - улыбнулась королева. - Когда-то, в прошлой жизни, меня звали Мэри.

- Мне жаль, что ты умерла, - искренне сказала напарница.
- А мне - нет, - усмехнулась королева. - Здесь мне нравится гораздо больше. Ты спасла моих братьев, - сменила она тему. - Проси, что хочешь.
- Разве друзей спасают за плату? - подняла бровь напарница.
- Но я не хочу быть в долгу, - возмутилась королева. - Я ненавижу быть обязанной...
- Ничего, - Машка смело похлопала её по плечу. - Как-нибудь переживёшь.
- Где мой наставник? - спросил я, пока спор не начался по второму кругу.
- Он ушел в Правь сразу после того, как ты ушел, - ответила Мэб. - Напоследок он сказал, что времени почти не осталось.
- Времени для чего?
- Не знаю. После его ухода на нас напали, и... - она грустно махнула рукой в сторону небольшой кучки мёртвых сихоев.
- С нами был маленький мальчик, - вспомнил я про Петьку. - Где он?
- Мальчика он забрал с собой, - рассеянно сказала королева и пошла к мёртвым сихоям. На нас она больше не смотрела.
- Ну что, идём в Лондон? - деловито спросила Гамаюн. - Кто знает, сколько там прошло времени?
- Не меньше недели, - прикинул я. - Если Лумумба ушел сразу.
- Да, за неделю Мастер много чего мог накуролесить, - пробормотала напарница.

В последний момент я вспомнил о самом главном. Отпустив Машкину руку, я догнал королеву Мэб. Вытащил из-за пазухи чёрную стрелу и подал ей.

- Копьё Кухулина! - воскликнула воительница. - Ты достал его, - она посмотрела на меня лучистыми глазами. - Знаешь, всё-таки жаль, что ты не хочешь остаться со мной. Ты мог бы стать великим правителем.

- У меня другая судьба, - я осторожно покосился на напарницу: слышала ли? - Бери, - я вновь протянул ей стрелу. - Ты знаешь, что с этим делать.

- О да, - хищно, обнажая клыки, улыбнулась королева Мэб. - Когда придёт время, я сделаю то, что нужно.

Она взяла стрелу, и та мгновенно преобразилась. Древко удлинилось, стало выше человеческого роста. Оно покрылось сплошной, прорезанной в твёрдом дереве, клинописной вязью рун. Остриё украсил наконечник из какого-то камня, наверное, обсидиана - он был гладким, чёрным и отражал звёзды.

- Спасибо тебе, Эоган, - сказала Мэб. - Теперь мой народ в безопасности.

- Делай, что должно, - кивнул я. - И будь, что будет.

Я вернулся к Машке, взял её за руку, и пресекая любые вопросы, отдернул Завесу.

...Трах! Бабах! Уууу! БУМ!..

Ладно, попробуем еще раз...

Отречемся от старого ми-и-ра!

- Что это такое? - широко открыв глаза, напарница оглядывала поле боя.

Я тоже наскоро осмотрелся. Серые дома, газовые фонари, каменные мосты... Ну да. Это определено Лондон. Но когда мы его покидали, это был в общем-то мирный городок, раскинувшийся на обоих берегах ленивой и медленной реки. А теперь... даже не знаю, на что это похоже.

Улица, на которой мы вышли из Нави, находилась рядом с бывшим посольством. Огороженное чёрно-желтой лентой пепелище всё еще дымило - я счёл

это добрым знаком. Не поймите меня превратно: я просто боялся, что мои расчёты окажутся неверны, и времени, что мы провели во Втором круте, прошло гораздо больше. Например, год. Или десять. Или... Впрочем, всё обошлось. Мы здесь, пепелище еще не остыло, а значит, миновало не так уж много времени.

Так вот, об улице: ровно посередине она была перегорожена самой настоящей баррикадой. Массивный честерфильдский диван в голубенькие незабудки служил базой для нагромождения комодов, тумбочек, стульев и кресел. Сверху, вместо полкового знамени, возвышался торшер в шелковом закопчённом абажуре. Бахрома покачивалась в такт стройному пению защитников.

- Дрожите, подлые тираны!.. - неслось с нашей стороны баррикады.

- Против кого дружим, уважаемый?

Оказывается, моя напарница недолго хлопала глазками. В отличие от меня, она сразу разобралась в обстановке, прикинула перспективы и решила действовать.

- Против запрещающих вердиктов, - отвечал ей интеллигентно-докторского вида мужчина в бородке, пенсне и часовой цепочке поперек жилета. Лицо его было испачкано сажей, но общий вид выражал молодеватую удаль и полную готовность бороться за правое дело до последней капли крови. Предпочтительно течь она должна из кого-то другого...

- А что они запрещают? - не отставала Машка.

- Горячие сосиски! Горячие сосиски!

- Магию!

- Знаете, от неё могут быть большие неприятности, - с сомнением покачала головой напарница.

- От хорошей горчицы еще никто не умирал! Пять штук за два шиллинга!

К нам приближался лоточник. На широком ремне, перекинутом через плечо, у него висел пенопластовый короб, из-под крышки которого курился пар.

- Дементоров используют, чтобы травить людей. А они - самая, что ни на есть, магия!

- Из чего сосиски? Не из крыс, часом? - спросил другой защитник баррикады, молодой прыщавый парень в тужурке студента.

- Королева! Да здравствует королева!

- Отравишься ещё твоей сосиской... - с сомнением тянул студент.

- От монархии торговле одна только польза!

- И восстановление справедливости...

- С кетчупом! Два пенса порция!

- И Пыльцу будут кому угодно продавать. А чего? Чем мы хуже магов? - всё тот же усатый, в пенсне.

- И почти не подгорели... Так только, поджарились чуток. Считаю, дезинфекция.

Лоточником был мерзкий старикашка с седой клочкастой бороденкой, в морской бескозырке с оторванными ленточками и в просторном бушлате, из-под которого виднелся треугольник тельняшки. Лицо и руки его почернели под палящим южным солнцем, а голос охрип от северного ветра.

- Эгей! - с другой, противоположной стороны баррикады показался мальчишка, которого я сначала принял за Петьку. Но ошибся. Этот был постарше, с коротко стриженными волосами и жестокими глазами уличного кота. - На площади Пыльцу дают! Полпенни доза!

- Всем трудящимся - магические способности!

- С булочкой! Горчица бесплатно!..

Народ полез через шкафы и кресла на другую сторону. Мы с Машкой молча наблюдали исход защитников.

- Если с той стороны никого не было, зачем тогда баррикада? - недоумённо спросила напарница, когда зад последнего из защитников скрылся за спинкой дивана.

- Традиция такая, - хрипло ответил старик-лоточник. - Чтобы раскрутить хорошие беспорядки, обязательно требуются баррикады. Без них как-то не стильно получается. Купите сосиску, молодой человек, - он вновь переключился в бизнес-режим. - Настоящие горячие сосиски на сто процентов не из крысы. Почему бы не угостить подружку? Две за пенни.

- Мне, мне сосиску! - ворона подскочила к старику, но тот проворно закрыл короб.

- А денежка у тебя есть?

- Нету...

- А на нету - и суда нету.

- Ва-а-аня! Я есть хочу!

Признаться, у меня и самого ноги от голода подкашивались. Но когда речь зашла о крысах... М-да, ничего во мне не осталось от того Ивашки-беспризорника, готового схмячить всё, что в теории обладало лапами и хвостом...

- А ты станцуй! Тогда получишь угощение.

- Иди своей дорогой отец, не трави нашу птичку.

Я попытался как можно вежливее оттеснить ворону от короба с сосисками. Но старикашка оказался вертлявый. Ловко вывинтившись из-под моей руки, он подскочил к Машке.

- Купи сосиску, красавица! За три копейки - канарейку, а сосиску - за алтын.

С приправой заморской, майонез называется.

Пару секунд Машка смотрела на старика, а затем подошла и хорошенько дёрнула за бороду.

Глава 18

Глава 18

ИВАН

- Бвана?

- Нет блин, английская королева! Приторговывает фаст-фудом в пользу государственной казны, - Лумумба избавился от остатков бороды и снял бескозырку. - Битый час вокруг вас пляшу, как чёрт на сковородке. А вам хоть бы хны.

- А я знала, я знала! - ворона пританцовывала вокруг нас, размахивая крыльями. - Я прям сразу догадалась, как только его увидела.

- Да куда тебе? - усмехнулась Машка, отпихивая ворону от наставника. - Собственный клюв в темноте не найдёшь.

- Обижаешь, - Гамаюн рвалась к коробу, из которого шел аппетитный запах. - Глаз-алмаз. И встроенная программа распознавания лиц.

- А чего тогда молчала? - спросил я.

До сих пор не мог прийти в себя. Надо же! Я - и бвану не узнал...

- А в силу субординации, - невозмутимо пояснила вещая птица. - Если мастеру приспичило бомжом прикидываться, кто я такая, чтобы наступать на горло чужой песне?

- Ладно, все успокоились, - наставник расчистил место на диване, уселся поудобнее и поставил короб себе на колени. - У нас мало времени.

- Времени на что? - спросил я, вынимая из баррикады кресло и подставляя его напарнице. В кресло тут же запрыгнула ворона.

- Народ вот-вот доберется до Вестминстерского дворца. А в нём окопались маги... Мы не должны допустить кровопролития.

У меня в голове щелкнуло.

Королева Мэб сказала, что Лумумба ушел в Правь сразу после того, как я сел в лодку. Значит, в Лондоне он уже...

- Это вы инициировали беспорядки, верно? Хотели выманить Тёмного Лорда из укрытия. Но всё вышло из под контроля.

- Молодец, - кивнул бвана. - Возьми с полки пирожок... - он протянул мне тёплую булочку, из которой торчала розовая, покрытая горчицей сосиска. - Это за догадку, - пояснил он. И как только угощение оказалось у меня в руке, отвесил тяжелый подзатыльник.

- А это за что?..

- За недоверие к учителю, - отрезал Лумумба. - Когда я берусь за дело, ничто не выходит из-под контроля. Всё идёт по плану.

- А как же в Аф... - начала Машка.

- Хочешь остаться без завтрака? - наставник вкрадчиво захлопнул крышку короба.

- Никак нет, отец родной! - напарница, вытянувшись во весь невеликий рост, отдала честь. - Рада стараться!

- То-то же...

Лумумба наделил всех булочками и на пару минут воцарилась тишина, в которой раздавался лишь отчётливый хруст капусты.

- Еще хочу! - конечно же, ворона проглотила свою порцию не жуя.

- Угощайтесь, дети мои, - бвана широким жестом поставил короб перед Машкой и Гамаюн. - Кто еще вас накормит, кто позаботится...

- Вы по нам соскучились, правда? - Машка выхватила две последние булочки прямо из-под загребущего клюва вороны. Одну кинула мне, в другую впи- лась зубами.

- Испытываю смешанные чувства, - Лумумба отечески погладил напарницу по голове. - Одновременно хочется прижать к сердцу, и хорошенько выдрать розгами.

- За что?

- За самоуправство, - наставник строго посмотрел на меня. - Я тебя отпускал во второй круг?

- Но бвана...

- Нет, ты мне скажи: отпускал?

С минуту он сверлил меня гневным взглядом.

- Я добыл копье Кухулина, - наконец сказал я. - Теперь нам есть чем сра- зиться с Тёмным Лордом.

- Не ругайте Ваньку, - вступилась Машка. - Он молодец.

- Был бы молодец, - спокойно парировал Лумумба. - Если б не нарушил несколько элементарных правил. Если бы обсудил всё со своим старым муд- рым учителем, который снабдил бы его амулетом, который помогает не забы- вать себя.

- Но я же не забыл! Я же вернулся!..

Это был крик души. Нет, я ведь старался. Сделал всё, как надо... Почему на- ставник хоть раз, хоть на минуточку не может признать, что я чародей не ху- же, чем он?

- Ты вернулся только благодаря напарнице, - веско сказал Лумумба. - Благо- даря тому, что я послал эпистолу Товарищу Седому, а тот, проконсультировав- шись с Ольгой, направил тебе на помощь бригаду спасения. К тому времени, как они появились, ты уже неделю беспробудно бухал с эльфами. Ты уже не помнил, как тебя зовут.

У меня отвалилась челюсть. Неделю? Что-то я не помню, чтобы провёл у сидхе целую неделю...

- Значит, вот для чего эта штука, - сказала Машка, доставая из рюкзака кар- ту. - Она работала амулетом против потери памяти.

- Скажешь спасибо профессору Бессмертному, - усмехнулся наставник. - Большой виртуоз по части артефактов. За какие-то полчаса, из подручных ма- териалов, на одном вдохновении, создать надёжный артефакт...

Он забрал у Машки карту и спрятал в карман бушлата.

- Но Ванька всё равно нас спас, - не унималась напарница. - Как он гнал че- рез залив! Вы бы видели. На честном поросычем слове...

- Да я вовсе не отрицаю магических талантов старшего лейтенанта Спасителя, - бвана отставил в сторону пустой короб и поднялся. - Но стратегического мышления ему всё еще не хватает, - он неловко похлопал меня по плечу и отвернулся. Затем, передумав, повернулся назад и заглянул мне в глаза. - Я рад, что ты вернулся, сынок.

У меня застыл ком в горле. Я вдруг, внезапно, осознал, что бвана уже совсем не молод. Что седина в его волосах вовсе не поддельная, так же, как и морщинки в уголках глаз, как хромота и то, что он почти не пользуется правой рукой...

А ведь ему хорошо досталось тут, в Лондоне, - дошло до меня. - В одиночку, без напарника, прикрываясь личиной бомжа... Получается, я его бросил.

Как только я об этом подумал, ноги подкосились.

- Бвана... - что сказать? Как оправдаться? Ведь столько раз я обещал себе, что не оставлю учителя одного.

Но он уже отвернулся. О чём-то пошептался с Гамаюн, та кивнула, и подбравшись к ближайшему дому, стала неловко карабкаться по водосточной трубе на крышу.

- У неё крыло сломано, - напомнила Машка.

- Ничего. Для этой задачи ей хватит и одного, - проследив, как ворона скрывается среди каминных труб, наставник неловко полез через баррикаду. Мы с напарницей двинули за ним.

Город за то время, что меня не было, преобразился. Дома подслеповато щурились чёрными окнами, по мостовым ветер гнал комки мусора, в ветвях деревьев колыхались обрывки бумаги и какие-то лохмотья. Фонари были или разбиты, или вовсе повалены.

Мимо проносились стайки уличных мальчишек. То один, то другой ненадолго подбегали к Лумумбе, говорили что-то на ухо и бежали дальше. Наставник одаривал беспризорников медяками, вынимая их из кармана бушлата.

- А где ваш любимый плащик? - спросила Машка. - И жилетка?

- В надёжном месте, - на ходу бросил Лумумба. Хромал он всё сильнее. - Магия нынче не в чести...

- Но ведь народ с баррикад побежал именно за Пыльцой, - возразила напарница.

- Всё очень запутано, - пожал плечами учитель. - До недавнего времени концессию на распространение Пыльцы держало правительство. И жестоко карало всех контрафактных распространителей. Также, как и магов-самоучек. Сейчас государственные маги окопались в Вестминстерском дворце...

- А, поняла, - просветлела напарница. - Народ борется за свободу самовыражения. Все срочно захотели стать волшебниками. А они что, не знают, чем это грозит?

- Рано или поздно Британия должна через это пройти. Так же, как это сделали другие страны, - пояснил Лумумба. - И выработать законодательную систему, которая будет отражать существующее положение дел, а не то, что было пятьсот лет назад. Слишком много у них здесь завязано на древних, замшелых традициях - вплоть до решений правительства. Кабинет министров и палата

лордов правят руководствуясь не законами, а лишь собственным усмотрением. А видят они, к сожалению, не слишком далеко.

- Аристократы, значит, что хотят то и воротят, - перевела на понятный для себя язык Машка. - А народ наконец-то осознал, что ему нечего терять, кроме своих цепей. Конечно, у аристократов больше денег, - рассуждала напарница. - У них есть красивые дома, вкусная еда и хорошее здоровье... Но они ничем не ЛУЧШЕ. Так почему именно они должны решать?

- С небольшой помощью со стороны народ быстро разобрался, что к чему, - кивнул Лумумба. - Теперь главное, не допустить, чтобы демократия не переродилась в анархию.

- А вы смелый человек, Базиль М'белевич, - с уважением сказала Машка. - В одиночку заварить такую кашу...

- Ну, помощники у меня всё же были, - усмехнулся наставник, принимая донесение у очередного беспризорника - на том красовались начищенный цилиндр и фрак, пыльные фалды которого волочились по мостовой. - Шепоток там, словечко здесь... К тому же, растафари обещали не давать больше одной дозы в одни руки. Во избежание.

- Вы подняли восстание для того, чтобы Тёмный лорд призвал новых Дементоров, - сказал я. - Чтобы усмирить толпу, правительству не хватит сил одних полицейских.

- Которые, в силу очевидных причин, также перешли на сторону протестующих, - одобрительно кивнул наставник.

- А маги из Вестминстерского дворца - кучка фокусников и показушников, - продолжил я свою мысль. - Вы давно догадались, что Дементоров призывают не они. Тёмный Лорд просто позволял им пользоваться своей силой. Он прятался за ними, как за ширмой. И дёргал за ниточки. А теперь, когда волшебников разогнали, у него не осталось выбора: или выйти из сумрака, или призвать новых Дементоров, чтобы разогнать толпу.

- Надеюсь, у Тёмного Лорда хватит спортивного интереса, чтобы не сдаться в последний момент, - хищно оскалился Лумумба. - В надежде меня переиграть, он неизбежно начнёт делать ошибки, и тогда...

- Мы поймем его на месте преступления! - победно заключил я. - Вычислим по колдовству.

Наставник бросил на меня короткий косой взгляд.

- Возможно, ты еще не совсем безнадежен, старший падаван.

За разговором я не заметил, что вместе с нами по улицам движется всё больше народу. Поодиночке, кучками и группками, люди шли к центру города. Ручейки улиц вливались в реки проспектов - в силу роста я возвышался над морем из кепок, картузов, шляп и котелков.

В толпе преобладали праздничные настроения. Кое-где реяли самодельные транспаранты и флаги - читать надписи я мог благодаря тому же заклинанию полиглота. В целом выходило, что народ настроен решительно.

Здесь были рабочие в тяжелых ботинках и серых, надвинутых на глазах кепках, докеры в брезентовых куртках и с неизменными трубками в зубах, ла-

вочники в дерматиновых фартуках, булочники в белоснежных колпаках, клерки в чёрных нарукавниках и с испачканными в чернилах пальцами, женщины в капорах и широких юбках в пол, и вполне современные девушки в джинсах и с короткими стрижками... Создавалось впечатление, что на улицы вышел весь Лондон. В процессию затесалось даже несколько бродячих собак, но их, как я понимаю, больше привлекали крысы, которые во множестве сновали под ногами прохожих.

У многих в руках были монтировки и короткие ломы.

Чтобы выворачивать камни из мостовой, - сообразил я. Булыжники - самое популярное оружие пролетариата...

Лозунги поражали разнообразием.

- Долой богачей!
- Маги всех стран, объединяйтесь!
- Нет правительству!
- Королева - это ум, честь и совесть нашей эпохи!
- Магия - наш рулевой!
- Бей волшебников!
- От каждого по способности - каждому по дозе!
- Пыльца, Пыльца и еще раз Пыльца!
- Все на борьбу с магами!
- Магия - норма жизни!
- Под знаменем королевы вперед, к победе демократии!

Лоточники вовсю торговали пивом, сосисками - почему-то называя их "горячими собаками", воздушной кукурузой и самодельными флажками в цветах королевы: красный крест на белом поле. Как ни странно, флажки пользовались успехом.

В толпе тут и там сновали растафари - их можно было узнать по дредам и радужным беретам. Из рук в руки незаметно переходили пакетики с голубоватым порошком...

- Бвана, - я не на шутку встревожился. - А не слишком ли это круто? - подбродком я указал на разбитного парня в канареечной футболке и громадных растоптанных кедах. - Вы же понимаете, к чему это может привести?..

- Спокойно, падаван, - к моему огромному изумлению, старший оперативник АББА совершенно не желал реагировать на незаконное распространение Пыльцы. - Кебра Негаст знает своё дело. Никаких последствий не будет.

- То есть, они толкают палёный товар? Который не работает?

- Обижаешь, начальник, - я и не заметил, как раста в желтой майке оказался рядом. - Товар - высший сорт, работаем себе в убыток.

Обменявшись замысловатым рукопожатием с Лумумбой, он скрылся в толпе.

- Заряжайся, - наставник протянул мне крошечный пакетик с двумя синими таблеточками.

- Что, прямо вот так? При всём честном народе?

- Если тебя что-то смущает, можешь спрятаться в подворотне. Только побыстрее. Мы уже почти пришли.

Лумумба широким жестом кинул под язык двойную дозу. Через секунду белки его глаз посинели. Кожа на лице разгладилась, исчезла седина. Спина

выпрямилась, хромота пропала сама собой, а матросский бушлат преобразился в чёрный плащ из кожи василиска.

Перед нами стоял во всей красе непобедимый полковник АББА Василий Лумумба. От зависти я подавился слюной...

- Если вы не шифруетесь, то и я не буду, - я кинул под язык таблетку. Вторую припрятал в потайной кармашек. На всякий пожарный.

Привычная волна окатила с головы до ног. Прикрыв глаза, я пережил мгновение обжигающей боли, затем - холода, затем - жара... Зрение помутилось, а затем мир разделился. Я увидел Навь - она была ярко освещена, словно сотни огней святого Эльма собрались на парад.

Это сихои, - понял я. Наконец они приняли свой истинный облик, превратились в сгустки чистой энергии, и теперь, растянувшись длинной цепью, выстроились вдоль Завесы.

Поморгав, я настроил зрение так, чтобы видеть оба Света: Этот, и Тот. В уши бился рокот толпы, шарканье бесчисленного множества подошв, глухой перестук спрятанного до поры оружия и запах пороха.

- Бвана, - я знал, что сейчас он меня понимает без слов.

- Будь наготове, - кивнул наставник.

И вот мы вышли на широкое открытое место. Справа возвышалась высокая стела с какой-то фигурой на верхушке, слева - здание с колоннами и круглым куполом на крыше.

- Трафальгарская площадь, - объявил Лумумба. Отсюда рукой подать до Вестминстерского дворца. Сразу за ним - река, имей это в виду.

- Но зачем река?.. А понял. Чтобы тушить пожары.

- И для этого тоже, - кивнул учитель и посмотрел на колонну, приложив руку козырьком ко лбу.

Что-то в фигурке, украшающей верх стелы, было до боли знакомое. Я бы даже сказал, родное...

- Да это же Гамаюн! - опередила Машка. - Как она туда взобралась?

И тут начался салют. Точнее, на первый взгляд это выглядело, как салют. На самом деле, в воздух взвились сотни фэйерболов - я еще никогда не видел столько разом.

Зелёные, желтые, фиолетовые - всех цветов радуги. И еще нескольких, дополнительных.

Вторым зрением я видел, как их отражения в Нави устремляются к длинному зданию с острыми шпильями, как их ловят сихои и впитывают, впитывают, становясь всё ярче и крупнее.

- Магогасители! - крикнул я в избытке чувств. - Бвана, вы приспособили сихоев в качестве громоотводов!

- Длинное здание - Вестминстерский дворец, - указал рукой бвана. - Там сейчас собрались все лицензированные маги королевства - кто по своей воле, а кто и не очень. В основном, это безобидные люди, которые с радостью вернуться к своим тихим незаметным жизням. И мы должны им в этом помочь.

- Но среди них затесался Тёмный Лорд, - догадался я. - Его-то вы и собираетесь выманить атакой на дворец.

- Вряд ли нам так повезет, - вздохнул наставник. - Наш противник слишком хитёр. Мой план строится на том, чтобы дать народу безболезненно спустить пар. Почувствовать свои силы, проверить себя на прочность.

- А заодно хорошенько припугнуть этих зазнавшихся аристократов, - кровожадно оскалилась Машка.

- Настоящая битва впереди, - предупредил наставник. - Но всё равно, падаваны: держите ушки на макушке. Многие вот прямо сейчас, в этот миг, начинают понимать, что магия - не для них. Что давая иллюзию могущества, она отнимает слишком много. И что пекарь или плотник - вполне респектабельные безопасные занятия, спасибо большое.

- Но всегда найдутся те... - тихо подсказал я.

- Кого даже иллюзия власти опьянит настолько, что они начнут делать глупости, - кивнул Лумумба. - И вот о них-то мы и должны позаботиться.

- Что, мы вдвоём? - без ложной скромности: мы с Лумумбой - великие маги. Но удержать целый город, то есть, несколько сотен тысяч душ от глупостей...

- Ну почему же вдвоём? - и учитель невозмутимо повёл рукой.

Посмотрев одним глазом в Навь - так было гораздо проще - я увидел несколько десятков факелов, пылающих в ночи. Они занимали стратегические места на площади, на крышах зданий, на ближайших улицах... Это были маги. По оттенкам пламени факелов можно было понять, что принадлежат они к разным школам, разным конфессиям.

Скорее всего, откликнувшись на зов Лумумбы, они прибыли со всего мира - мне даже показалось, что некоторых я узнаю. Но поприветствовать их я не успел. Потому что в этот момент стало совсем жарко...

По небу чёрными крестиками носились истребители. Навским зрением я видел, как от них отделяются чёрные точки и устремляются в долгое падение на город... Их перехватил один из приглашенных Лумумбой магов.

По площади, высекая копытами искры, носились единороги. С пронзительным ржанием они норовили проткнуть кого-нибудь витыми рогами, затоптать громадными, размером с тарелку, копытами или хотя бы заплевать хлопьями пены. Я видел, как несколько магов, объединившись, набросили на них серебряные сети и единороги растаяли.

Под бравурный марш двигались колонны Дартов Вейдеров - их световые мечи отражались тревожными отблесками в окнах близлежащих зданий. Затем с неба упал похожий на утюг космический корабль, из него выбрались когорты дройдеков и устремились в узкую улицу, которая вела ко дворцу.

Дарты Вейдеры, перекрыв им дорогу, принялись крошить дройдеков в алюминиевый винегрет...

А потом я, бвана, другие маги - мы просто захлебнулись в потоке магических созданий, заполонивших площадь. Началась неразбериха: креатуры гонялись друг за другом, нападали на граждан - предприимчивые лондонцы отбивались от них, чем придётся, от камней до небольших файерболов.

Время от времени мелькала Машка. Один раз - на спине белоснежного единорога... В руке у неё был невесть где добытый меч, которым она рубила нечисть в капусту.

Навь сверкала, словно все звёзды спустились с небес, чтобы полюбоваться на эпическую битву богов и героев.

Дворец, кстати, реагировал весьма слабенько. Некоторое время над ним держался магический щит - волшебники коллективными усилиями смогли создать нечто вроде зонтика, направленного в сторону Трафальгарской площади. Но через какое-то время зонтик растаял облаком искр, и здание дворца осталось беззащитным.

Вот тогда и началась настоящая работа.

Один из особо вредных файерболов угодил в высокую башню с часами, и она, жалобно скрипнув, начала рушиться. Я, поднатужившись, удержал её взглядом, восстановил, кирпичик за кирпичиком - надеюсь, ничего не перепутал.

Затем загорелось противоположное крыло - вот тогда и понадобилась вода из реки... Создав водного джинна я обрушил его на крышу дворца.

- Молодец, падаван! Хвалю за оригинальность мышления, - на бегу прокричал Лумумба и скрылся в толпе.

Затем всё смешалось. Иногда мне казалось, что я сейчас лопну от переизбытка магии, как переваренное яйцо. Иногда - что я корочка лимона, которую основательно выварили в чае.

Затем на город рухнул громадный дракон. Как комета, пронёсся он над улицами, поджигая всё на своём пути. Небо расцветилось настоящими, не магическими огнями.

Народ обуял ужас.

С безумными криками толпа рванула с площади, когда над ней на бреющем пролетел этот чёрный ужас на крыльях ночи.

Меня сбили с ног. Бвану я тоже не видел. Усилием воли переместившись в Навь, я начал раскручивать энергетическое лассо - если повезет накинуть его на шею дракона, может, удастся его спеленать. Или, что вероятнее, он утащит меня за собой, как фантик на хвосте воздушного змея...

Я собирал энергию, готовясь напасть, когда откуда ни возьмись перед драконом выросла небольшая фигурка. Я не сразу сообразил, что вижу её Первым зрением, то есть, она находится в Праве.

- Машка, не лезь! - заорал я что есть мочи, но было поздно.

Дракон распахнул пасть - воздух с грохотом рванул в гигантскую глотку. Грохот длился и длился, по площади несло комки бумаги, обертки и арахисовую шелуху.

Вот сейчас он начнёт выдыхать, и от Машки не останется даже ботинок..

Вываливаясь в Правь, бросаясь к ней, чтобы сбить с ног, утащить с линии поражения или хотя бы прикрыть своим телом, я заметил, как напарница, размахнувшись, закинула что-то дракону в глотку. Задним умом я распознал Машкин любимый рюкзачок, а потом, врезавшись в её тцедушное тельце, об-

няв его, прижав к себе покрепче, покатился по твёрдой брусчатке...

Вот, сейчас нас опалит пламя, жарче которого нет на свете...

Дракон поперхнулся.

Подождав несколько секунд, я поднял голову. Зверюга икнула и села на хвост. На морде дракона проступило задумчивое выражение. Как у человека, только что съевшего несвежую устрицу, и медленно осознающего последствия этого опрометчивого поступка...

В животе рептилии громоподобно взбулькнуло. Дракон вздрогнул, произвольно взмахнул гигантскими крыльями и поднялся в воздух. Вновь раздался приглушенный грохот. Будто в железной бочке веселились пьяные черепахи.

Дракон сделал сальто, завис над домами, а потом... Такого оглушительного взрыва я никогда не слышал.

Уши заложило. На близлежащие крыши, площадь и всех полёгших людей обрушился поток тёплой вонючей эктоплазмы... А потом воцарилась тишина.

Никто больше не метал файерболов, не вызывал единорогов, баньши и маленьких зелёных человечков. Никто не заливался счастливым безумным смехом - узрев, как его мечты воплощаются в жизнь. Никто не пытался превратить окружающих в пауков, жаб и других тихих животных.

- Что это было? - тихо спросил я напарницу.

- Гранаты это были, - с горечью ответила Машка. - Весь, почитай, арсенал... Теперь прямо как голая.

Через пару минут народ, полёгший на землю, начал подниматься. Дрожа, недоумённо оглядываясь, люди пытались счистить с себя эктоплазму.

Бесполезно, - злорадно подумал я. Эктоплазма не отстирывается даже щелоком. Теперь вещички только выбрасывать.

Кто-то ругался чёрными словами, женщины всхлипывали, где-то плакал ребенок...

- Слезь с меня, обормот, - Машка, пихнув меня в бок, встала на ноги. - Что с ними такое? - она оглядывала море дрожащих и плачущих людей. - Подумаешь, дракон. Не такой уж он был и гигантский.

- Это ломка, - тихо сказал Лумумба, помогая мне встать. - Или, как говорим мы, маги, откат. Заставит их лишний раз задуматься...

- И что, так всегда бывает? - спросила напарница, глядя на меня с каким-то даже сочувствием.

- Всегда, - я, кряхтя, распрямился и покрутил шеей. В позвоночнике что-то отчётливо хрустнуло. - Но больно только первые десять лет. Потом как-то привыкаешь.

На языке оседала горечь поражения. Всё напрасно. И восстание, и великая битва - всё это зря.

- Что, царевич, ты не весел? - требовательно спросил бвана.

- А вы еще не догадались? - устало спросил я. А еще пеняют, что у меня не хватает стратегического мышления...
- Да в чём дело-то? - удивилась Машка. - Кажись, мы победили!..
- Мы проиграли, - сказал я. - Продулись в пух и прах. Взяли двух тузов на прикупе.
- Нич-чего не понимаю, - пожалала плечами напарница.
- Мы хотели выманить Тёмного лорда, так? - спросил я, непроизвольно вытирая запачканную эктоплазмой руку о штаны. - Проследить, где он будет колдовать и поймать его с поличным, - я посмотрел на Лумумбу. - На фоне того, что творилось на площади, он мог зажечь хоть Сверхновую. И этого никто бы не заметил.
- За себя говори, старший падаван, - спокойно выдержал мой взгляд наставник.
- Хотите сказать, вы заметили? - я встрепенулся. - Вы его засекли, бвана?
- Естественно, - наставник достал трубку и принялся небрежно пускать колечки. - Я же тебе говорил: всё под контролем.
- С неба рухнула Гамаюн.
- Ой, тебя починили! - взвизгнула Машка и обняла ворону за шею. - А я боялась, что ты теперь всегда будешь сломанная.
- Даже жаль, что получилось, - каркнула ворона. - А то до конца жизни наслаждалась бы твоим чувством вины.
- И ради этого ты готова ходить со сломанным крылом?
- Ради этого я готова...
- Ну хватит, - прервал их Лумумба. - Гамаюша, ты всё сделала?
- Йес, мастер. Всё, как вы наказывали. Засекла, вычислила и отыскала лёжку. Проводить?
- Немного позже, - наставник ласково похлопал птицу по голове. - Нужно еще кое-что сделать.
- Что? - удивилась напарница.
- Сходить на бал к королеве, - небрежно пожал плечами Лумумба. - Я ведь всё еще русский посланник.

Глава 19

Глава 19

МАША

На бал к королеве? Ушам не верю. Это что ж? Я своими глазами увижу Букингемский дворец, и... всяких там лордов, и... даже настоящего дворецкого? Ух ты! Вот это каникулы!..

Но в следующий миг я сникла. Чтобы я, Машка Медведева, охотница на драконов, да на приёме у королевы? Нет, такого просто не может быть. Это всё не для меня.

- И когда этот бал? - как можно равнодушнее спросила я у наставника.

- Еще не скоро, через пару часов, - утешил тот. - А пока нам нужно хорошенько подготовиться.

Гамаюн вновь улетела по неведомым нам с Ванькой делам, а мы направились к большой круглой вывеске, красной с белым, на которой синими буквами было написано "undergr..." - конец надписи откололся.

Под вывеской был вход под землю - оказалось, это местное метро...

Поначалу я сильно напряглась: соваться в подземку не имея при себе никакого оружия - верх глупости. Да простят меня господа великие маги, я привыкла полагаться на старушку Пицаль.

Но всё оказалось совсем не так. Под землёй было чисто, кое-где даже горел свет, а на перронах шла бурная жизнь.

Базар - так это у нас называется.

Прямо на полу, на клеёнках и газетках народ разложил всякую всячину: светильники, утюги, такие штуки, в которых жарят хлеб - кажется, тостеры.

Отдельно располагались ряды с продуктами. Хлеб, картошка, морковка и капуста. Кажется, там были даже банки с русской сгущенкой.

Дальше - всякая техника. Телевизоры, ноутбуки, компьютеры - я уже познакомилась с такими в Академии. После первого урока преподаватель хоть и вежливо, но очень настойчиво попросил меня никогда, ни под каким предлогом, не входить в компьютерный класс...

Люди спокойно ходили между рядов, приценивались, менялись, что-то покупали. Пару раз я заметила мальчишек - те уж точно ни за что не платили. Но обращать ничьего внимания на них не стала. Кто я такая, чтобы запрещать детям зарабатывать на хлеб насущный?

Дальше шли ряды с оружием, и Ваньке пришлось крепко взять меня за руку. Там был даже пулемёт Гатлинга! Нет, вы представляете? Если его зарядить правильными патронами, можно столько нечисти покосить... Всё Московское Метро очистили бы за неделю.

- Сильно не обольщайся, - бросил Лумумба, услышав мои причитания. - Через месяц здесь будет зона отчуждения. Скорее всего, верхние ярусы придётся просто залить бетоном.

- Но почему?

- Потому что проблемы, с которыми мы, в Москве, разобрались еще десять лет назад, здесь только назревают. В Лондоне, да и во всей Британии еще не нюхали, что такое настоящая магия.

- А как же Кебра Негаст? - спросил Ванька.

- Растафари уже сматывают удочки, - сказал наставник. - При прошлом режиме им жилось легко и привольно: они в открытую не совались на улицы, а полиция не совалась сюда, в подземку. Но теперь всё изменится. Я надеюсь.

- Надеетесь на что? - опять спросил Ванька.

- На то, что Британию ожидают смутные времена, и ближайшие годы ей будет не до экспансии. За это время мы успеем подготовиться.

Ванька остановился. Мы с Базилем повернулись к нему, ничего не понимая.

- Бвана, а вам не кажется, что вот так вот вмешиваться... неэтично?

- Что ты имеешь в виду, мой щепетильный падаван?

- Устраивать гражданскую войну...

- В Британии, для того, чтобы она не напала на Россию? - невинным тоном закончил Лумумба. - Такой сложный выбор... Я прям таки ночей не спал. Всё думал о благе Англии, да как половчее сбавить ей ключи от Европы.

- Я совсем не об этом, - смутился напарник. - Но ведь нельзя же...

- А я именно об этом, - отрезал Базиль. - О том, что в каждом британском порту строятся новые миноносцы и эсминцы. О том, что Британия скупает по всему миру топливо, и что по всему Британскому побережью установлены громадные цистерны для его хранения. О том, что в тайных лабораториях Вестминстерского дворца пытаются соорудить двигатель на магической тяге...

- Это в каком смысле? - удивилась я.

- А в прямом. Используя Запылённых, как дармовую рабочую силу.

- Но они же быстро выгорают, - вскрикнул Ванька. - Это же настоящее убийство!.. Бвана, мы должны вмешаться...

- Да ну? - притворно поднял бровь Лумумба. - А я думал, вмешиваться неэтично.

Развернувшись, он пошел дальше, мимо разложенных на мутных листах полиэтиленовой плёнки фарфоровых кукол. Нарисованные глазки тупо тарацились в пустоту из-под пластиковых ресничек, от поблёкших волос и нарядов шел резкий запах нафталина.

Как же мне хотелось такую куклу! До боли в зубах, до слёз... Где-то десять лет назад. Ещё беспризорницей, я как-то случайно заглянула в окно одного дома. Там была розовая спальня. Шторки, покрывало на детской кровати, пушистый коврик, разбросанные по полу игрушки... Среди них валялась и кукла. С голубыми волосами, в голубом платице с белыми кружавчиками. Мне так хотелось туда, в розовое безоблачное детство, в котором родители дарят детям игрушки и сладости, укачивают на руках, когда им страшно и защищают от всего злого, что случается в мире.

Дернув щекой, я прошла мимо длинного ряда плюшевых мишек, зайчиков и барашков. Всё это в прошлом. Сейчас у меня есть настоящие игрушки.

Базар закончился, в шахте сделалось заметно темнее. Вместо лотков с товаром здесь стояли большие картонные коробки, из которых доносились тихие голоса, детские хныканье и смех, выходили струйки пара, в которых угадывались запахи еды и нечистот, голоса радиоприёмников...

Палатки, шатры, целые вагоны, приспособленные под дешёвые забегаловки - в одной из них нас усадили за столик и дали по огромной миске горячей лапши. Подавал её узкоглазый дяденька, про которого учитель сказал, что он - китаец.

С каждой сотней метров вглубь метро становилось всё темнее - тут и там тьму разбавлял свет крошечных фонариков, свечек и фитилей, плавающих в плоскостях с салом. Но как ни странно, народу становилось всё больше.

Будто половина Лондона провалилась в подземку, да так тут и осталась. Я удивлённо вертела головой, замечая тусклый отблеск ножей на поясах у мужчин, белозубые улыбки и блеск украшений женщин, чувствуя тонкий, всепроникающий запах пороха, смешанный с ничем не сравнимым густым духом корицы.

- Это тайный город магов, да? - тихо спросила я у Ваньки, по привычке вцепившись в его руку.

- Их зовут растафари, - откликнулся напарник. - Очень похожи на цыган... Точно не знаю, чем они занимаются, но Пыльца у них высшего качества.

- Интересно, - мы как раз проходили мимо группы людей с таким же цветом кожи, как у африканцев. Собравшись в кружок вокруг небольшого костра, они ритмично хлопали в ладоши и что-то негромко напевали. У меня от этого их пения по спине побежали противные толстые мурашки. - Интересно, - повторила я, когда группа осталась позади. - А Базиль всё это узнал - ну, про цистерны и про магов - пока тебя не было?

- Надо думать, - кивнул напарник. - Жил тут один, высматривал, плёл интриги...

- Ты за что-то зол на Базиля, нет? - спросила я.

- Он мне не доверяет, - вздохнул Ванька. - Несмотря на всё, что мы пережили, на всё, что мы друг для друга сделали. Держит меня за младенца.

- Может, это потому, что он видит в тебе сына?

- Что?

- Ну понимаешь, - я пыталась подобрать слова, но мне, бывшей беспризорнице, было сложно говорить о родственных чувствах. - Каждый родитель обладает инстинктом защиты потомства. Ну, мне так говорили... В общем, даже кролики защищают своих детёнышей, так? Вот и Базиль пытается оградить тебя от... ну, от самого мерзкого. А еще, мне кажется, он боится, что ты его бросишь. Станешь весь из себя взрослый, заведёшь собственного падавана...

К моему удивлению, Ванька не стал возмущенно кричать о том, что: - Нет! Никогда! Никогда он не бросит любимого, такого родного и надёжного учителя... Я даже хотела дёрнуть его хорошенько за мизинец, так, чтобы суставчики повывихнуть - а чего он?..

Но мы уже пришли.

Чувствовалось, что здесь жизнь идёт по своим законам. И что законы эти очень, очень сильно отличаются от тех, к которым привыкли наверху.

Сложно объяснить, в чём это заключалось. Может, в самих людях. Они не суетились, не разговаривали, все были заняты каки-то делом. Как в часовом механизме: каждая шестерёнка выполняет свою работу.

Здесь была большая станция. Вдоль перрона стояла вереница вагонов. Из них споро выносились клетчатые сумки, баулы, коробки, всё это грузилось на тачки и увозилось куда-то в темноту. Запах корицы был здесь особенно силён.

И только один вагончик, стоящий немного отдельно от остальных, являлся островком спокойствия в этом хорошо организованном хаосе. Возле него двое темнокожих громил в полосатых майках и беретках играли на раскладном столике в карты. Майки крест-накрест были перечеркнуты пулеметными лентами, в зубах громил были самокрутки, от которых шел терпкий дух ганджи.

Запах остро напомнил об Африке, о ягуаре Т'чале и его сумасшедшей мамаше Цезарии - аж холодом продрало. Показалось, что вот сейчас из-за вагончика выглянет хитрый паук Ананси...

Я покрепче вцепилась в Ваньку. Не надо нам больше никаких пауков. Крутых дамочек в обветшавших вечерних платьях, мелких чёрных пигмеев тоже не надо. Лишнее это.

Из вагончика выскочил карлик и побежал к нам. Я сжала рукоять пистолета... Но оказалось, это всего лишь мальчишка. Чем-то похожий на тех, с какими Лумумба общался на улицах Лондона.

- Дядя Вася! - обхватив руками Лумумбу, он хитро посмотрел на меня одним глазом.

- Как дела, Петруччо? - наставник погладил мальчишку по голове.

- Я починил бабушке Кебре кондиционер. А как ваша птичка? Летает?

- Лучше прежнего, - улыбнулся наставник. - Познакомься, Маша. Это Петр Петрович. Лучший механик по эту сторону Темзы.

Мальчишка с любопытством оглядел меня с ног до головы, а затем солидно, как взрослый, протянул руку. Мы поздоровались.

- Пистолеты настоящие? - спросил Петр Петрович.

- Я игрушками не балуюсь.

- А пострелять дашь?

Хотела сказать, что у него нос не дорос - из пистолетов стрелять, но вместо этого улыбнулась.

- А то. Как только какой-нибудь монстр попадётся.

- Ясно, патроны бережешь.

После этого я зауважала пацана окончательно.

- Так это ты нашей птичке крыло починил?

- Да оно и сломано-то не было, - фыркнул мальчишка. - Там пружинка соскочила, я её обратно пристроил. Ну, и еще кое-чего добавил, чтобы КПД увеличить.

- Может, она теперь жрать поменьше станет?

- Это вряд ли, - пацан со знанием дела шмыгнул носом. - Такая гангрена - целую банку варенья высосала. Мне только на доньшке и осталось.

В этот момент один из громил - тех, что играли в карты - поднялся, подо-

шел к Лумумбе и обменялся с ним сложным пятикратным рукопожатием. А затем кивнул на закрытую дверь вагона.

- Пора, - сказал он, будто только что получил сигнал. Хотя я ничего такого не заметила.

- Пойдёмте, - оглянувшись на нас, Базиль направился к вагончику.

- Ты бабушку Кебру не бойся, - напутствовал меня мальчишка. - Она только с виду строгая.

Но меня, уж не знаю почему, пробрала дрожь.

Обстановочка в вагоне была та ещё. Какие-то сушеные куклы в разнообразных одёжках, клубы желтого, пахнущего горькой полыньёю дыма, на одной стене - яркие лоскутные коврики, на другой - стеллажи с бутылками и банками, в который, как мне показалось, плавало что-то живое...

- А вот и наш братан от другой маман, - сказала одна из сушеных кукол и я с ужасом поняла, что она живая. - Заходи Папа Легба, почувствуй себя как дома. Но не забывай, что ты в гостях.

- Не забуду, - Лумумба снял плащ и аккуратно пристроил его на затянутое дерматином, продранное и зашитое заплатками сиденье. - Как... дела?

- Твоими молитвами. Леди спит. Намаялась, бедняжка. Но теперь всё позади.

- О чём это они? - шепотом спросила я у Ваньки.

- Не знаю, - тем же макаром ответил он.

- Я уже проснулась.

Из-за занавески показалась стройная девушка - чуть старше моего напарника, наверно. С лёгкими, как пух, золотыми кудряшками, белой кожей - прямо как у тех фарфоровых кукол, и в таком шикарном кожаном прикиде, что у меня засосало под ложечкой.

Курточка короткая, с погончиками, прямо в талию, штанишки такие в обтяжку, сапожки... Я тяжело вздохнула. Чтобы такой костюмчик сидел, нужно в некоторых местах иметь значительно больше, чем у меня. А в других поменьше.

Что-то мне везёт нынче на красивых девушек. Так и комплекс неполноценности заработать можно...

Что характерно: глаза у этой новой девушки были голубые-голубые. Прямо как у Лумумбы, когда он двойную дозу пыльцы накатит. Значит, тоже магичка. И судя по тому, как на неё смотрел наставник - не из последних.

- Леди Чейз, - Базиль коротко склонил голову. Ванька тоже неловко поклонился. Тесно ему было в вагоне. Неуютно. Как большой собаке на маленькой кухне...

- Полковник М'бвеле, - светским голосом ответила на приветствие девушка. - лейтенант Спаситель. Ваше путешествие прошло успешно?

- Копьё там, где должно быть, - ответил Ванька и глухо кашлянул. Чем-то этот желтый дым ему не нравился.

- А это... - девушка перевела взгляд на меня.

- Младший падаван Мария Медведева, - ответил наставник.

Широко улыбнувшись, девушка подошла, обняла меня и расцеловала в обе щеки. Испытав глубокий шок от такой фамильярности, я даже не смогла уклониться.

- Раза познакомиться, Мэри. Именно так я тебя и представляла.
- Да ну? - больше никаких слов выдать я не смогла. - И кто вам про меня рассказал?
- Ваша замечательная птица. Гамаюн. Она сказала, вы - напарницы. Ах, как я тебе завидую!
- Из-за Гамаюн? - тупо спросила я.
- Свобода! Ты можешь делать, что хочешь. Отправиться в Африку, уехать в Париж... - она мечтательно закатила глаза.
- Да уж, ждут меня в том Париже с расплывшимися объятиями, - буркнула я. Леди Чейз рассмеялась.
- Ты должна научить меня так разговаривать, - сказала она. - Это так... Оригинально.
- Леди Чейз, - прервал девушку Лумумба, и кашлянул. - Я должен спросить...
- Она долгоиграющая, - ответила старуха.
- Значит, в будущем нас могут ждать большие неприятности, - чтобы смягчить жесткость слов, Базиль улыбнулся.
- До этого будущего еще нужно дожить, - прагматично вздохнула леди Чейз.
- А значит, мы должны успеть подготовиться, - кивнул Лумумба. - До бала осталось меньше часа.
- Ступайте, - кивнула старуха и выпустила новый клуб дыма. - Мои мальчики выведут вас коротким путём.
- Леди Чейз подошла к старухе, опустилась на одно колено и поклонилась.
- Всё, что обещано, будет сделано, - сказала она.
- Я в этом не сомневаюсь, - царственно кивнула Кебра Негаст и повернулась к Лумумбе.
- Прощай, бро. Да хранят тебя духи Джа.
- Наставник молча вышел. Ванька нагнулся, чтобы перешагнуть порог, но старуха его остановила.
- Ты помнишь, что я сказала тебе в прошлый раз, друг мёртвых? - спросила она.
- Если увижу дух Тафари, я должен идти за ним, - послушно откликнулся напарник.
- Старуха молча кивнула и улыбнулась. Я, кивнув на прощанье, тоже вышла.

Всё время, что мы пробыли в вагоне, меня не оставляло ощущение, что по коже бегают мелкие паучки. Теперь это ощущение ушло и я вздохнула свободнее.

Один из громил поднялся и молча пошел перед нами, показывая дорогу. Пацан Пётр Петрович, уцепившись за руку Лумумбы, весело запрыгал.

- Леди Чейз... - позвала я, когда мы спустились на рельсы и потопали по шпалам.
- Можешь звать меня Амалия, - улыбнулась та.
- Когда вы приняли Пыльцу... Вы знали, что будет? Я имею в виду... Есть же краткосрочники. Те, кто выгорает за две-три вмазки. Разве вы не боялись?
- Я не знала, - качнула золотыми кудряшками она. - И да. Я очень боялась.
- А как же индекс? - нас догнал Ванька. - Разве ваши волшебники не разработали надёжный способ определять, кто станет нормальным магом?

Амалия посмотрела на него долгим взглядом, затем фыркнула и отвернулась.

- Это была липа, - вместо неё ответил наставник. - Красивая сказка, чтобы людей дурить.

- В смысле? - удивился напарник.

- Премьер-министр утверждал, что так будет легче контролировать народ, - нехотя пояснила леди Чейз. - Мол, если желающие принять Пыльцу будут видеть, что у них нет к этому способностей - не будут слишком возмущаться.

- Как удобно, - сказала я. - Конечно же, так случайно выходило, что у аристократов способностей намного больше, чем у простых людей?..

- Мы боялись, - ответила леди Чейз. - Палата лордов, министерство... Понимаете, это ведь самый большой страх Британии: если простые люди поймут, что аристократы - такие же люди.

- А вы что об этом думаете? - быстро спросила я.

- Я думаю, что пора положить этому конец, - решительно сказала леди Чейз. - Слишком долго мы опирались на никому не нужные традиции. Это контрпродуктивно. В мире, где существует магия и соответственно - сильные маги, нельзя, чтобы Британия цеплялась за замшелые гримуары. Мы будем воспитывать новых магов. Которые не боятся изменить мир.

- Вы заговорили, как настоящий политик, - заметил Базиль.

- Меня к этому готовили, - отрезала золотоволосая девушка. - С самого детства. Теперь пришла пора использовать эти знания.

- Мы пришли, - объявил громила, остановившись у неприметной лестницы, которая вела вверх, под потолок.

- Куда? - спросила я.

- Это тайный ход в мой фамильный особняк, - сказала Амалия. - Его заложили вместе с метро - мои предки всегда отличались предусмотрительностью. К балу у королевы нужно подготовиться. Не можем же мы заявиться в таком виде... И она оглядела свой крутой прикид так, словно это было рубище из мешковины.

У меня язык прирос к небу. Ноги почему-то задрожали.

- А у меня ничего нету... - прозвучало так жалко, что стало стыдно.

- Это легко исправить, - улыбнулась Амалия. - У тебя прекрасная фигура, и я уверена, что одно из моих платьев...

- Нет, - я затрясла головой так, что волосы поднялись дыбом. - Я не смогу. Я не умею носить платья... Лучше я останусь здесь, в подземке.

- Что я слышу? - к нам подошел Лумумба. - Мой младший падаван чего-то боится?

- А я вот ничего не боюсь, - вставил Петр Петрович. - Я даже в Нави был. Правда-правда. Только мне не понравилось. Холодно, и сладкого совсем не дают.

- Идём, - Амалия мягко потянула меня за руку к лестнице. - Девушка, которая вернулась из Второго круга Нави, не должна бояться обыкновенной вечеринки. К тому же, мне там очень, очень понадобится твоя помощь.

Я вздохнула. В её устах это звучало так просто... Ну как ей объяснить? А, ладно. Будь, что будет.

- Идём, - я принялась взбираться по лестнице.

Ход был длинный и тёмный. Со сводчатого потолка свешивались целые простыни паутины, набитые тонкой пылью. Леди Чейз светила нам электрическим фонариком - неслыханная роскошь!

Под ногами хрустели сухие панцири насекомых, кое-где белели мышинные косточки.

Я взяла Ваньку за руку.

- Ничего не напоминает?

- В пирамиде было не так сыро, - буркнул напарник. Ему было неудобно: макушка то и дело задевала низкий потолок.

Я провела пальцами по склизкой стене и отдернула руку.

- После этого подземелья точно понадобится ванна... - пробормотала я себе под нос, вытирая пальцы о штаны.

- Полагаю, молодой леди понадобится горячая ванна, - чопорно сказала дородная тётенька в чепце и с большим канделябром в руках.

Это была домоправительница леди Чейз, миссис Кукинг. На меня она смотрела, как на безбидную, но слишком грязную для того, чтобы пустить в дом, зверушку.

Когда я с грохотом вывалила на кухонный стол пистолеты, толстуха пошла красными пятнами, а когда дело дошло до ножей, начала неудержимо икать.

Амалия быстренько спровадила тётку наполнять обещанную ванну, а меня привела в такую красивую комнату, что я просто не поверила: неужели это не сказка? Незаметно пощупала тонкую шторку с красивыми розочками, приотпнула в ковёр, которому самое место было на стене, вместо картины, а не на полу...

Леди Чейз подошла к зеркальной стене и сдвинула её в сторону - оказалось, это дверь большого, величиной с комнату, шкафа. Да вся квартира Лумумбы спокойно поместилась бы в этом шкафу, и еще место бы осталось!..

И вот в этом самом шкафу были платья. То есть, сначала я различала только цветные пятна и облака разнообразных цветочных ароматов, и только через пару минут до меня дошло, что всё это великолепие - платья. Длинные, короткие, шелковые, бархатные, сотканые будто бы из чистого серебра, перьев и драгоценных камней...

Ой, мамочки. Может, это сон? Такое количество нарядов, собранное в одном месте, может существенно повлиять на гравитацию...

- Выбирай, - Амалия широким жестом указала на платья. - Под каждым нарядом - подходящие к нему туфли, сверху на полочке - шляпка и украшения, - я молча хлопала глазами. - Ванна - вон за той дверью, там же полотенца и халат. А мне...

- Что? - пискнула я не своим голосом.

- А мне, к сожалению, пора, - она пошла к двери, но потом обернулась. - Когда будешь готова, позвони в колокольчик.

- Но я...

- Ты справишься, - улыбнулась Амалия и вышла.

А я, минут десять полюбовавшись переливами тканей, решительно заглянула в ванную.

Глава 20

Глава 20

ИВАН

Леди Чейз уволокла Машку куда-то в хитросплетения дворцовых коридоров, а нас с бваной проводили в зал приёмов - именно там и должен состояться бал.

- Надо подготовиться, - Лумумба деятельно потёр руки.

Зал был громадным. К местной роскоши я уже немножко привык, так что все эти зеркала, колонны и золотые канделябры бывшего трепета не вызывали. Немного удивляло обилие растений - важные, как петухи, и такие же разряженные лакеи один за другим вносили горшки и вазоны с пальмами, фикусами и раскидистыми деревцами, названий которых я не знал.

- Это вы приказали? - тихо спросил я учителя, когда мимо на специальной тележке провезли и вовсе исполинское дерево, увешанное оранжевыми шарами - апельсинами.

- Пришлось совершить набег на дворцовую оранжерею, - кивнул Лумумба.

- Обряд Ашк'-Энте? - спросил я.

- Лучше они, чем люди, - пожал плечами наставник.

- А вы уверены, что... Ну, что всё получится?

- Никогда нельзя быть ни в чём уверенным, старший падаван. Но нужно прилагать все усилия.

И мы приложили.

Опутали весь зал сетью защитных заклинаний, причём так хитро, чтобы не догадался даже самый искушенный маг. Ювелирная работа. Особенно я гордился куполом, наведенным на потолок: в Нави похожий на мелкочейстую сеть, в своей структуре он имел крохотный, с первого взгляда незаметный изъян...

И вот начали собираться гости. Переодеваться было уже некогда, и учитель наскоро придал нам обоим облик светских львов: чёрные, как крылья грачей, фраки, белоснежные манишки, начищенные до зеркального блеска ботинки и хризантемы в петлицах.

- А не лучше нам будет совсем исчезнуть? - спросил я, когда начали объявлять гостей. - Ну, чтобы не спугнуть.

- Наш противник - спортсмен, - Лумумба подтянул белоснежные перчатки. - Он не откажется от последнего раунда.

- Лорд и леди Глоссоп, - объявлял дворецкий зычным, как парходный гудок, голосом.

- Лорд Поттер-Перебрайт.

- Лорд Бассет.

- Лорд и леди Финк-Ноттл.
- Лорд Тотли-Тауэрз...

Через пять минут все эти имена слились для меня в нудный свербёж, из которого нет-нет, да и выскакивали знакомые лица.

- Лорд Блэквуд, - ну куда же без него.

Напомаженный, начищенный, как латунная медяшка, благоухающий запахом канцелярского клея...

- Комиссар Страйк.

- А он-то что здесь делает? - спросил я, кланяясь знакомой бульдожьей физиономии.

- Я обещал ему подробности о смерти Барсукова, - откликнулся бвана, внимательно наблюдая за разряженной в пух и прах публикой.

- Леди Чейз и леди Беар.

Я вздрогнул. Что-то знакомое было во втором имени...

Леди Чейз шла через толпу наряженных во фраки лордов, как ледокол сквозь стадо пингвинов.

Выглядела она... Не знаю, как описать. Вот как-то видел я в музее, в Москве, яйцо Фаберже. Вот то же самое впечатление. Только ещё сильнее.

А рядом с ней была Машка. Я её сразу узнал, честно-честно. Несмотря на причёску и платье, похожее на кольчугу из крошечных колечек - они еще переливались так, что глазам больно... Моя напарница шла уверенно, высоко подняв голову и расправив голые белые плечи. Разрез на юбке был такой, что видно было всю ногу. Ну вот прям **ВООБЩЕ** всю. У меня чуть глаза не повылазили...

- Ну, падаван, на этот раз не облажайся, - шепнул учитель, когда Машка, вся такая холодная и неприступная, подплыла к нам в облаке дорогих духов.

- А... куда ты спрятала пистолеты?

Бвана устало закатил глаза.

Нет, вопрос был совершенно закономерный: в таком платье не то, что оружие, саму фигуру было не спрятать. И это тоже было целым открытием - ну то, что у Машки она есть. Фигура, то есть.

- Не ожидал, что увижу принцессу не в сказке, а в реальной жизни, - оттеснив меня, к Машке подкатился Лумумба. Галантно поцеловал ручку, затянутую в длинную, выше локтя, перчатку, а потом добавил. - Ты очень смелая девочка, младший падаван. Я тобой горжусь.

- Йа тоооже, - вырвалось из моей груди жалкое бляение, но напарница, окатив меня презрением, отвернулась и направилась в центр зала, к леди Чейз.

- Что, опять не получилось? - сочувственно спросил наставник. Я покаянно опустил голову. - Ничего, - он похлопал меня по плечу. - Вот вернемся домой, я за тебя возьмусь. А то уже стыдно, право слово: комплимент девушке сказать не можешь.

Ну как ему объяснить?.. Это же Машка! Напарница, с которой мы уже прошли и огонь, и воду, и медные трубы - а впереди у нас еще железный молот, гранитный пресс и молекулярное сито...

Я знаю, как она может смеяться, какая она, когда сердится, как она прищуривает левый глаз, когда стреляет и как сжимает губы в тонкую линию, принимая решение... Я помню, как заковыристо она может ругаться и как болезненно, до колик в печени, ткнуть пальцем в бок.

Но я совершенно не знаю одного: как сказать ей, что она самая лучшая девушка на свете.

Пока я предавался мучительным раздумьям, бал катился своим чередом. Лумумба порхал среди светских львиц, аки мотылёк среди ядовитых мухоловок. Compliments, limericks и madrigals сыпались из него, как мука из дырки в мешке. Львицы благосклонно внимали, послушно скалили зубки и мило краснели - уж не знаю, что такого он им говорил...

Пэры и сэры собирались отдельными чопорными группками. Медленно прогуливаясь с бокалом шампанского... - бвана клятвенно обещал, что если я сделаю хотя бы глоток, он превратит меня в ящерицу. Навсегда. - Так вот, медленно прохаживаясь с ПОЛНЫМ бокалом шампанского, я то и дело улавливал отдельные фразы:

- Показать этим мишкам, кто в Крыму хозяин...
- Танкеры не стоят без дела...
- Лорд Блэквуд обещал, что следующим летом...
- Смыть пыль с британских сапогов в Чёрном море...

Улыбка застыла на губах, как гвоздями прибитая. Я даже щек не чувствовал. Пришлось избавиться от бокала - очень хотелось выплеснуть напиток в чью-нибудь самодовольную рожу.

Почему эти люди так себя ведут? - недоумевал я. - Жители крохотного островка, гордые владельцы бесплодных вересковых пустошей и нищих торфяных болот, почему они решили, что им принадлежит весь мир?

Тайна сие великая есть...

Не могла не насторожить одна крохотная, почти не заметная с первого взгляда мелочь: в зале не было ни одного волшебника.

Что это: добрый знак, или напротив, нам стоит волноваться?

- Приготовься, - на бегу, даже не глядя в мою сторону, бросил бвана.

Времени с начала бала прошло уже часа два, по моим расчётам приближалась полночь.

Машку я видел иногда, мельком - создавалось впечатление, что она намеренно меня избегает. Ну и ладно. Я тоже не деревянный. Захочет - сама подойдёт...

И тут начались танцы. Оркестр грянул что-то нудное, тягучее, как сахарный сироп, пары выстроились друг против друга и принялись совершать какие-то сложные антраша. Я поспешно отрулил к стенке - еще не хватало, затянут в хоровод, а я и с вальсом-то едва справляюсь.

Взяв для вида еще один бокал, я следил за Машкой. Её огненно-рыжая го-

ловка мелькала то с одним кавалером, то с другим - поклонников моя напарница собирала батальонами.

Особенно мерзко я себя почувствовал, когда увидел как она, проплывая в танце с каким-то хлыщом, заливисто смеётся... И чуть не прозевал удар.

Направлен он был не в меня, а как мы и предполагали, в леди Чейз. Почувствовав дуновение магии, я дернул за кончик незримой нити, которую всё время держал в руках, и... ловушка захлопнулась.

В центре зала раздался пронзительный женский крик.

Придворные, как стайка рыбешек от акулы, прыснули из круга. Я рванул внутрь.

На полу, раскинув руки и разметав золотые волосы, лежала леди Чейз. Рядом склонялся Лумумба - её нынешний партнёр по танцам.

Сквозь отхлынувшую толпу протолкался лорд Блэквуд. Ни на кого не глядя, он опустился на колени и коснулся кончиками пальцев белой шеи девушки.

- Мертва, - констатировал он через минуту. Поднялся, вытер руки белоснежным платком и негромко приказал. - Стража! Взять их.

И указал на нас с бваной.

Поднялся ветер. Под потолком бальной залы загудело, зашумели листья комнатных растений и пышные юбки дам. В изобилии расставленные в тяжелых канделябрах свечи вдруг потухли.

Из-под потолка раздался тоненький надрывный вой, а на душе сделалось тоскливо и муторно, будто я только что съел тухлую селёдку.

- Дементоры!

- Дементоры!

Придворные в ужасе жались к колоннам. Все взгляды были обращены вверх.

- Так-так та-а-ак! - ну наконец-то. А я уж начал волноваться...

Лорд Перси. Рыцарь Востока, или же Меча. Прошу любить и жаловать.

- А я вам говорил, - старикашка важно надулся и оглядел ряды гостей. - Я предупреждал! Я настаивал на том, что некромантов необходимо уничтожить. Но кто-нибудь послушал меня? А? Лорд Блэквуд, это ВЫ настаивали на их невиновности... А теперь вынуждены пожинать плоды их чёрного дела. Свершилось непоправимое! - он патетически воздел руки к потолку, где под сводом, как неприкаянные полотенца, маялись два Дементора. - Наша любимая, уважаемая и незаменимая леди Чейз покинула нас!.. И в этом виноваты некроманты, прибывшие из России. Стража!.. - он направил посох на Дементоров, готовясь изречь заклинание подчинения.

- Одну минуточку.

Голос Лумумбы прозвучал, как скрежет пенопласта по стеклу. Даже лорд Блэквуд непроизвольно поморщился.

- Вы не хотите признавать свою вину? - взвился лорд Перси. Остроконечная, как никогда, шляпа сползла ему на глаза. - Ну уж нет! На этот раз не отворачивайтесь. Все видели, как вы танцевали, как закричала, а потом упала леди

Чейз...

- Ну, положим кричала другая женщина... - спокойно сказал наставник.

- И кто же? Кто?

- Я, - вперед вышла Машка. Спокойная и холодная, как сосулька в вечернем платье. - Я увидела, как вот это джентльмен - она указала на Блэквуда - всаживает стилет в спину леди Чейз, и закричала.

По придворным промчалась волна шума.

- Это невозможно, - выплюнул премьер-министр. - Я был слишком далеко.

- Пары кружились, - сказала напарница. - Вы пролетали мимо со своей партнершей, и...

- Что за бред! - перебил её сэр Перси. - Юная леди всё выдумала. Настоящий преступник - ОН! - и патетически указал на Лумумбу. - Он убил её своим чёрным колдовством, чтобы сорвать...

- Может, поищем стилет? - это была моя реплика. - Если юная леди утверждает, что видела стилет, значит, он где-то должен быть, верно?

Старикан поперхнулся, как овца, сожравшая вместо одуванчика колючку.

- Мы не можем трогать леди Чейз! - ухватился он за соломинку. - Это неуважение к усопшей!

Но наставник уже подошел к девушке и аккуратно перевернул её на бок. В среде придворных прокатилась новая волна криков. Некоторые дамы сочли, что будет уместно грохнуться в обморок.

- Извольте, - сказал наставник, осматривая рукоятку стилета. - Если здесь присутствует кто-то из полиции, можно устроить экспертизу отпечатков пальцев.

- Я из полиции, - на сцене, как по нотам, появился комиссар Страйк. - Всем отойти. Ничего не трогать. Это место преступления.

К стилету он прикасаться не стал.

- Но экспертиза может занять слишком много времени! - закричал сэр Перси. - Преступники могут улизнуть!

- От нас не улизнут, - пообещал Страйк. - Тауэр имеет чертовски толстые стены.

- Есть другой способ узнать, кто истинный убийца, - вдруг сказал Лумумба. Все посмотрели на него. - Дементоры.

- Если здесь представитель закона, я не смею настаивать на свершении магического правосудия, - заявил лорд Блэквуд. - Страйк, забирайте всю шайку, и дело с концом. Мы должны позаботиться о достойных похоронах.

- Позвольте, лорд Блэквуд, - рыцарь Востока заступил дорогу полицейскому. - Ведь этот некромант прав! Дементоры неподкупны, им просто неведома концепция обмана. Кто, как не они должны свершить правосудие?

- В этом нет необходимости, сэр Перси, - настойчиво процедил премьер-министр. - Страйк прекрасный полицейский, да и в Тауэре отлично умеют выбивать признания.

- И всё же смею с вами не согласиться, - рыцарь Востока вытянулся во весь рост, сделавшись похожим на упитанное веретено в полосатых чулках.

Желание обличить злых некромантов и снискать лавры победителя пере-

силило пиетет перед премьер-министром.

- Дементоры! - он направил посох в сторону грязных полотенец и повелительным жестом призвал их вниз. - Возьмите убийцу под стражу!

Грязные полотенца прыгнули к полу и зависли по обеим сторонам от лорда Блэквуда. По толпе придворных прокатилась новая волна гробового шепота.

- Это чёрт знает что! - вскричал премьер-министр. - Вы заплатите! Я здесь ни при чём! Ваши твари вышли из-под контроля!..

- Но ведь... На самом деле, это ваши твари.

Все, как один, отшатнулись от центра зала. В котором, как ни в чём ни бывало, стояла живая и невредимая леди Чейз. Кинжал она держала в руке, осторожно обхватив рукоять платком.

Сэр Перси вновь поперхнулся. Выпучив глаза, открыв рот, он как никогда напоминал тонкорунное животное.

- Вы живы? - бледное лицо лорда Блэквуда ничего не выражало. Выдавал лишь румянец, двумя красными пятнами выступивший на скулах. - Но как такое возможно?

- Действительно, - усмехнулась леди Чейз. - Лорд Блэквуд, признанный чемпион в охоте на лис - и промахнулся? - она подошла ближе и заглянула в глаза премьер-министру. - Вы не промахнулись, дорогой сэр. У вас по-прежнему верная рука. Просто я надела корсет.

Придворные издали очередной коллективный стон.

- На меня уже было одно покушение, - сказала девушка, обводя взглядом гостей. - Это очень неприятное ощущение. И я дала себе слово больше не попадаться.

- Ах так! - Блэквуд молниеносно выпустил файербол, целя в голову леди Чейз.

Та легко подняла руку и отразила огненный шар открытой ладонью. Тот ушел в потолок и рассыпался облаком искр.

Придворные взвыли.

- Я и здесь успела подготовиться, - улыбнулась леди Чейз. - И теперь могу сразиться с вами на равных.

- Ты не посмеешь! - крикнул разъярённый премьер-министр. - Девчонка! Выскочка! Для всех было бы гораздо лучше, если бы ты умерла!..

Он сделал такое движение, будто рисовал в воздухе невидимый круг. В глубине этого круга за клубилась тьма, она закручивалась воронкой, приближалась, становилась всё шире...

- Умри, некромант! - сэр Перси очнулся и попытался огреть премьер-министра посохом по спине. Блэквуд не глядя махнул свободной рукой и Рыцарь Востока или же Меча отлетел в сторону, как фантик от шоколадки.

А круг всё рос. Из него дул потусторонний ветер и несло таким смрадом, что из глаз брызнули слёзы.

Придворные шарахнулись в стороны. То и дело раздавались грохот падения тел и придушенные рвотные позывы. Их сопровождал сухой шелест: на пол осыпались мёртвые листья растений...

Это была отличное заклинание. Точное, сбалансированное и мощное, как бронепоезд. Обряд Чолом Й'осодот, призыв Твари из подземельных измерений. И вызывал его вовсе не некромант - ведь некромантия в Британии запрещена. Здесь орудовал настоящий, матёрый Чёрный маг. Лорд Блэквуд. Или, как его называли на Той стороне, Тёмный Лорд.

- Кого он призывает? - спросил я у наставника, подходя ближе к порталу. - Н'ярлатотепа?

- Хуже, - поморщился Лумумба. - Судя по запаху, Искомую Зверь.

- И что она такое?

- Персонификация Древнего Ужаса, - ответил наставник. - Тварь, которую, сидя в пещерах под защитой спасительного огня, боялись первобытные люди. Тварь, которую боялись охотники Железного века, потому что шкуру её не могло проткнуть ни одно копьё. Тварь, которую боялись средневековые рыцари, потому что дыхание её запекало их в панцирях, как моллюсков. Тварь, о которой человечество, выйдя из веков хаоса, постаралось забыть, ибо нет ничего страшнее неё.

- Но... Откуда Искомая Зверь явилась?

- Пряталась в палеокортексе, вместе с другими знаниями, зашифрованными в генетической памяти. Лорд Блэквуд, став чёрным магом, вытащил наружу все свои самые глубинные страхи. И заставил служить себе.

В голосе учителя проскользнуло восхищение. Конечно, это ведь Лумумба - Великий и Ужасный. Что ему Искомая Зверь, если Хозяин Кладбищ - всего лишь его младший братишка.

Я - не такой. Меня больше беспокоит, что тварь эта выбралась из смрада прямо посреди дворца, в котором прямо сейчас находится уйма народу. И страшно подумать что будет, если она попадёт на улицы...

- У меня вопрос, - я заслонился рукавом от дующего из чёрной воронки смрадного ветра. Казалось, он оседает на коже жирной масляной плёнкой. - Почему мы стоим и ждём, пока она не появится? Не лучше ли попробовать закрыть портал прямо сейчас?

- Искомую Зверь, почуявшую запах живой плоти, уже ничто не остановит, - сказал Лумумба и преобразил свой фрак в привычный плащик из кожи василиска. - Нам остаётся принять бой. Страйк! - крикнул он в сторону.

- Я здесь, - откликнулся полицейский.

- Вы принесли, что я просил?

- Хотя мне это и не по нутру, но да, - ответил комиссар. - Я это принёс, - инспектор снял с плеча длинный свёрток, в котором угадывалось оружие очень крупного калибра.

- Отлично! Тогда выводите людей. Они больше не нужны.

Придворные, повинувшись командам Страйка, бросились к распахнутым дверям. Были они похожи на испуганных кур, в тёплое и безмятежное существо-

вание которых ворвался дикий хорёк...

- Вы предвидели, что Блэквуд отмочит что-то в таком духе, - сказал я, всматриваясь в воронку. В ней что-то клубилось и просверкивало синими искрами. - Леди Чейз была приманкой. Гости были приманкой. Вы всё организовали так, чтобы приманить тварь.

- Я организовал всё так, чтобы вывести на чистую воду Тёмного лорда. Остальное - частности.

- Но эти частности могут сожрать половину Лондона!

- Бери выше, - усмехнулся наставник. - Если её не остановить, Искомая Зверь сожрёт ВСЬ Лондон. А на закуску - и остальной остров. Чем больше она ест - тем становится сильнее.

- Может, позвать на помощь? - неуверенно спросил я. Тварь клубилась уже в пределах видимости. И видимость эта была до ужаса тошнотворной... - Помните, как в Африке?

- Ни в коем случае, - покачал головой Лумумба. - Это - наше задание. Я возьму на себя самое трудное: поймаю Блэквуда. А ты пока разберись со Зверью...

Сорвавшись с места, наставник унёсся куда-то вглубь зала, к кучке зазевавшихся придворных. Конечно, Блэквуд попытается скрыться, пользуясь всеобщей суматохой, - подумал я.

И тут из портала полезло чернильное облако, в котором угадывались клыки, когтистые лапы, шипастые крылья, изогнутые бивни, острые клювы и злобные, полные первобытного голода, глаза. Пол под тварью покрылся льдом и потрескался. Воздух выл, стремясь оказаться как можно дальше от её смрадного дыхания.

- В три касания? - прикинул я, рассматривая бурю, в которой, как в водовороте, закручивало канделябры, вазоны с растениями и вырванные с корнем плитки паркета.

- Не поможет! - мимо пролетел чёрный ворон. За ним, клячая по паркету шпорами, промчался чёрный петух. - примени смекалку, падаван.

Встав на пути у Звери, похожей на гигантского виноградного слизня, я потянулся в Навь. Мысленно попросив прощения у тамошних обитателей, захватил, сколько мог, энергии, грубо скомкал и запустил в Зверь. Та поглотила шаровую молнию, сыто рыгнув. Отрастила щупальца вокруг присоски-рта и потянулась ко мне.

- Думай, падаван! - крикнул наставник, пробегая в обратную сторону. Впереди него нёсся трёхглавый пёс с огненными языками. - Включи мозги!..

Я запустил в тварь горящий пентакль. Тот промчался с воем по залу, врезался в тварь... На мгновение показалось, что заклинание оглушило её, сделало неподвижной. А потом пиявка еще раз рыгнула и отрастила крылья.

С рёвом рвущегося паруса распахнулись над ней не два, а четыре кожистых крыла, и подняли громадную тушу под потолок. На пол полетел стеклянный

дождь - громадной хрустальной люстре пришел конец. Угрожающе раскачиваясь на толстой цепи, она накренилась, и как тонущий галеон, понеслась над залом.

- И-Эх! - направив поток энергии, я придал люстре ускорение, и та врезалась Искомой Звери в бок. Острые выступы пропоролы толстую шкуру, на пол хлынула чёрная маслянистая жижа - кровь иномирового существа.

- Не дай ей загореться! - крикнул наставник, пролетая мимо в небольшом смерче. - Одна искра - и дворцу конец.

И тут мимо меня промчался волшебник. Подобно толстой полосатой комете, он рванул к твари и размахнувшись, метнул ей в пасть свой посох.

Круглая пасть раскрылась настолько широко, что двухметровый посох влетел в неё, как зубочистка. Миг - и он исчез. А тварь начала всасывать воздух. Она надувалась и надувалась, как воздушный шар, а потом... выдохнула.

Струя жидкой плазмы пронеслась по залу. Там, куда попала кровь Звери, вспыхнули пожары. Паркет вспучился и задымился. Портьеры, картины, рамы зеркал - всё превратилось в полыхающий ад.

На полу, там, где стоял волшебник, остались дымящиеся туфли с загнутыми носками.

- Лорд Перси! - закричал я. Может, он и был паршивым самодовольным старикашкой, но такой смерти он не заслужил. Никто не заслужил.

И тут рядом со мной кто-то чихнул.

Тёмный холм на полу, который я принял за перевёрнутую кушетку, содрал с головы мантию и кряхтя, поднялся на ноги.

- Хороша зажигалка, а? - бодро подмигнул Рыцарь Востока, и деятельно потёр руки. - Из чего бы соорудить арбалет?

- Арбалет? - тупо переспросил я.

- Ну да, - пожал плечами старик и кивнул на Зверь. Та зависла под потолком, изредка взмахивая крыльями и наблюдая плоды учиненных разрушений шестью новообразованными глазами на стебельках. - По-другому-то её не достать...

Бальный зал превратился в топку паровоза. Мы с лордом Перси, убедившись, что остальные покинули побоище, отступили к дверям. Зверь, взмахивая по очереди всеми четырьмя крыльями, полетела за нами. На длиннющих клыках в её пасти плясали отсветы пламени.

Мы с волшебником, не стовариваясь, схватили по створке двери - тяжелой, в три человеческих роста, вырезанной, как я понимаю, из каменного дуба, и захлопнули их перед рылом Звери. Лорд Перси тут же наложил на створки Печать Сломанного Замка, я от себя прибавил Наговор Кухонного Ящика. Переводя дух, мы привалились спинами к двери...

В створки что-то раскатисто бухнуло. Нас опрокинуло на пол.

От каменного дуба не осталось даже пепла, а Зверь вынесло из полыхающего зала на тугой струе раскалённого воздуха.

- Загоним её в подвалы! - вскричал волшебник.

Лицо его покрылось красными пятнами и крупными каплями пота. Мантия была опалена. Шляпу лорд Перси потерял, и теперь вокруг блестящей лысины колыхался венчик лёгких, как пух одуванчика, волос. Но глаза - глубоко запавшие, наполовину скрытые под набрякшими веками глаза, горели неистребимым охотничьим азартом.

- Показывайте дорогу, - кивнул я.

- Йо-хо!... - лорд Перси пошептал что-то себе в ладони, а затем выпустил из них фантом, некрупную птичку, помесь совы и Колобка.

- Мозгов у Звери - не больше, чем у уховёртки, - пояснил волшебник. - Как миленькая, кинется на первое, что увидит...

Колобосовок, трепеща крыльшками, замельтешил перед щупальцами Звери. Та, уставив на него все свои шесть глаз, с энтузиазмом взмахнула крыльями и понеслась, опрокидывая диваны, хрупкие столики на гнутых ножках и старинные доспехи.

Колобосовок сделал перед щупальцами твари кульбит и исчез в провале чёрной лестницы.

- Фух, - лорд Перси вдруг пошатнулся. С негодованием отвергнув мою помощь, он самостоятельно опустил на перевёрнутое кверху ножками кресло и достал из недр мантии громадный платок в красный горошек. Вытер лысину, лицо, шею, в завершении - трубно высморкался. - А вы, юноша, тоже не промах, - пропыхтел он одышливо.

- Спасибо, - за неимением платка я вытирал физиономию остатками рубашки.

- Не так уж плохо там, в вашей АББА и учат...

Ответить я ничего не успел. Оттуда, куда унеслась Зверь, раздался металлический грохот и железный визг. Мы с лордом Перси переглянулись.

- Кухня! - шепотом сказал старикан.

Вскочив, я понёсся к лестнице. Там же повара, - билась в голове мысль. - Ничего не подозревая, готовят праздничный ужин на четыреста персон...

Лорд Перси бежал следом - я слышал его хриплое, с присвистом дыхание за спиной.

Я думал, лестница никогда не кончится. Пролёт сменялся пролётом, на перилах и ступенях поблёскивали пятна чёрной слизи - надо было следить, чтобы не вляпаться и не поскользнуться; на пятки наступал толстый старикан в полосатых чулках - мантию он с остервенением содрал, пару раз наступив на подол.

Наконец впереди замаячили громадные двери. Створки были закрыты, но из-за них доносился грохот, вой пламени и воинственные вопли.

Я распахнул створку. В стену, прямо перед моим носом, вонзились, один за другим, три ножа.

Пригнувшись, мы с лордом Перси проникли в кухню и присели за громадной плитой, в духовке которой можно было зажарить целого быка.

Кухня была полна чёрного дыма, запахов пригоревшего жира и чеснока. В бесчисленных жаровнях, кастрюлях и сковородках что-то жарилось, парилось и клокотало. Меж ними, как черти в преисподней, металась повара. Под свод-

чатый потолком, поддерживаемым чёрными закопчёнными балками, зависла Искомая Зверь. В этом исполинском, древнем помещении, сохранившемся в первозданном виде с тех пор, как предки нынешних правителей притаскивали с охоты тонны убитых рябчиков, кабанов и оленей, она смотрелась не так уж и чужеродно.

Вокруг витали призраки невинноубиенных животных, а люди, здесь работающие, как никто были знакомы со смертью.

Завеса в кухне была необыкновенно тонка, и сквозь неё, как через тонкий тюль, Искомая Зверь чуяла ветер Той стороны.

Зверь тонко и нудно выла на одной ноте, повара метали в неё ножи, тесаки и другие острые предметы, но кухонная утварь отскакивала от толстой шкуры, орошая кухню стальным дождём.

Копьём её не возьмёшь, - вспомнил я слова бваны...

И вновь обратился к Нави. Дернул Завесу, сорвал её, словно пластиковую шторку, и вскарабкавшись на плиту, накинул на Искомую Зверь. Потянул за концы, завязал в узел... Тварь клубилась внутри Завесы, как стая бешеных бульдогов. Вот в одном месте клацнули челюсти, и в Завесе появилась дыра. Я зажал её рукой. Но челюсти клацнули в другом месте, затем в третьем...

- Отойди, - прозвучало из-за спины. Я оглянулся.

Машка, в своём кольчужном платье, но почему-то босиком, стояла посреди кухни, с гранатомётом наперевес.

- Маш, ты чего?

- Освободи дорогу, - прорычала напарница сквозь зубы.

- Тебя снесёт к чёртовой бабушке! Давай лучше я...

- Спокуха, - криво улыбнулась она. И улыбочка эта не предвещала ничего хорошего. - Лучше поддержи меня.

- Всем покинуть помещение! - не терпящим возражений тоном прокричал лорд Перси.

Это он правильно, - подумал я. - Когда Машка так улыбается, людям лучше держаться подальше...

Подождав, пока последний поварёнок скроется за дверью, я встал за спиной напарницы и упёр ладони ей в спину.

Маша открыла огонь. Выстрелы гулко отдавались под сводом кухни и ложились один к одному, прямо в центр завёрнутой в Завесу твари.

Зверь пыталась их поглотить. Она то вспухала, то опадала, внутри неё бушевало пламя, наружу вырывался чёрный дым и хлопья копоти.

Нестерпимо воняло горелым мясом.

К тому времени, как Машка выпустила весь магазин, Искомая Зверь осела на пол бесформенной кучей, по которой лишь изредка пробежали всполохи тёмного дымного пламени.

- Как ты догадалась, что это сработает?

Было жарко. К потусторонней вони дохлой твари добавлялся чад подгоревшего жаркого. Я чувствовал, как по спине, бокам и пузу течёт пот.

Вытерев полую рубахи лицо, я посмотрел на напарницу.

- Учитель сказал, что тварь очень древняя, - Маша передернула голыми плечиками. - Я и подумала: значит, она не знает, что такое гранаты! Она не умеет от них защищаться. Остальное - дело техники.

- Да, но где ты взяла гранатомёт?

Машка потупилась.

- Могут у девушки быть свои секреты?..

- Гранатомёт любезно одолжил комиссар Страйк, - сказал бвана, входя в помещение и вытирая руки какой-то промасленной ветошью. - Я предвидел нечто в таком духе и попросил поделиться огневой мощью.

- Где Блэквуд? - спросил я.

- На пути в Тауэр, - небрежно ответил Лумумба. - Страйк обещал предоставить ему самый глубокий, сырой и тёмный каземат.

И тут Зверь шевельнулась.

Мы с Машкой вздрогнули и подались назад.

- Всё в порядке, - небрежно бросил наставник. - Это судороги.

Зверь напряглась, сбросила Завесу и одним движением перевалилась в Навь. На полу осталось чёрное выжженное пятно.

- Не может погибнуть креатура, пока жив создатель Её, - продекламировал нараспев лорд Перси.

Мы с Лумумбой переглянулись, как два школьника, не заметивших решение задачи, которое было прямо под носом.

- Я в Тауэр, - бросил бвана и вылетел из кухни, как ошпаренный.

- Я за Зверью, - я опрометью бросился на Тот свет.

Искомая Зверь в Нави выглядела так же, как и в живом мире. Она походила на пиявку с множеством щупалец вокруг круглого, как присоска, рта, с шестью глазами на стебельках, четырьмя кожистыми крыльями и шипами по всему телу. Только вот длиной она стала метров десять, не меньше. И толщиной с взрослого носорога.

Извиваясь, она пыталась отползти подальше от чёрной бездонной канавы, за которой пребывала Правь, а из глубины Нави к ней нёсся огненный жеребец с красноволосой всадницей.

Всадница сжимала в руке небольшое копьё, скорее стрелу, чёрного цвета, с покрытым замысловатой вязью огамического письма древком и обсидиановым наконечником. Копьё Кухулина.

Я замахал руками, привлекая внимание королевы Мэб, пытаюсь указать, чтобы она отвернула от Звери своего жеребца - он спокойно мог поместиться в её пасти. Но королева меня не видела - или не хотела замечать.

Широко размахнувшись, она метнула копьё в тварь.

Время замедлилось.

Я видел, как копьё, набирая скорость, летит к Искомой Звери. Видел, как оно вращается на лету, и чёрный острый наконечник со свистом режет воздух.

А еще копьё росло. Приближаясь к твари, оно становилось всё больше, но

когда достигло её бока - отскочило и рухнуло рядом.

Огненный конь взвился на дыбы, всадница еле удержала его поводья.

Искомая Зверь взвилась в воздух и закружила над королевой Мэб, целя щупальцами в жеребца. И тогда я поднял Копьё - было оно сейчас размером с хорошую оглоблю, - и огрел им Зверь поперек брюха. Тварь ухнула, а затем неожиданно тоненько заверещала. Глаза и щупальца устремились на меня. Но я размахнулся еще раз - мы в Академии так в лапту играли - и засадил ей промеж всех шести глаз. А потом огрел по кумполу. А затем - по хребтине. Одно крыло треснуло, и Зверь, гудя, как сбитый бомбардировщик, рухнула на землю.

Тут-то я и оторвался... За всё, что я вытерпел в этом чужом Лондоне. За невинноубиенных Тёмным Лордом людей, которых он превращал в Дементоров и отдавал волшебникам на потеху. За то, что я беспробудно бухал во Втором круге Нави, пока Машка меня не спасла. И за то, что теперь мне по гроб жизни не отмыться от её подозрений...

Остановился я, когда Зверь превратилась в плоский, на сто процентов избавленный от пыли, коврик.

И всё равно она подрагивала и пыталась поймать моё запястье жгучим щупальцем.

Опёршись о копьё, я перевёл дух, готовясь ко второму раунду. Вот сейчас она наберётся сил... И тут я увидел уголком глаза слабое мерцание. Оно ширилось, становилось похоже на дверь, из которой шагнул... Лорд Блэквуд собственной персоной!

Одним взглядом оценив обстановку, он махнул рукой - королеву Мэб, вместе с жеребцом, снесло, как сухую былинку. Меня будто толкнуло мокрой ладонью в лицо - и тоже унесло вслед за королевой.

Зверь встрепенулась.

Блэквуд поднял к небу обе руки, и начал нараспев читать заклинание. Я не мог разобрать слов, но мокрицы и пауки, полезшие у него изо рта, дали понять, что заклинание предназначено далеко не для призыва солнечных зайчиков.

В воздухе над чёрным магом закружили Сихои. Их становилось всё больше, серые тела затягивало в воронку, в водоворот, в Мальстрем, остриё которого было нацелено на дверь, за которой была Правь...

Я сжал копьё Кухулина. Оно уже не походило на оглоблю, уменьшившись до размеров обычного охотничьего копья - я насмотрелся на такие в Африке. Орудовать им я так и не научился.

Но здесь этого было и не нужно: чёрный маг, в апогее своего могущества, просто не замечал таких ничтожных муравьёв, как я.

Привстав на карачки, пригибая голову от порывов секущего ветра, в котором кружили Сихои, я подполз к лорду Блэквуду и ткнул копьём его в щиколотку, как раз над щегольским лакированным ботинком.

Чёрное, покрытое древними рунами древко загудело, налилось ослепительным сиянием, наконечник нестерпимо раскалился, выжигая на коже чёрного мага позорное клеймо.

Блэквуд дико закричал, сжал кулаки и попытался набросится на меня - но

повалился на колени.

Копьё Кухулина выпило всю его силу, а вместе с ней - и весь магический дар. Теперь лорд Блэквуд был обычным человеком. По крайней мере до тех пор, пока не раздобудет свежую порцию Пыльцы... О том, чтобы этого никогда не случилось, я надеюсь, позаботится инспектор Страйк.

Сихои, почувствовав свободу, взвились в тёмное небо и скрылись за горизонтом. Искомая Зверь, завыв, исчезла в тёмной дыре - провалилась, видать, в своё подземельное измерение...

Я опустил копьё и отошел от Блэквуда на пару шагов. Он ползал на коленях, бессильно колотя грязь кулаками и проклиная всех, начиная от меня и заканчивая Её величеством. Мокрицы и пауки у него изо рта больше не лезли.

Ведя под узцы огненного жеребца, ко мне приблизилась королева Мэб.

- Ты спас наши земли от участи горшей, чем забвение, - сказала она. А потом обняла меня и поцеловала долгим поцелуем. В нём одновременно были жар и холод, лёд и пламя. Я испытал неземное блаженство.

И был дико рад, когда поцелуй закончился: не хватало мне очередной нахлобучки от Машки...

- Ты не хочешь остаться со мной, - сказала Мэб, отступив на пару шагов.

- Прости, но...

- Тогда прощай.

Подозвав своего огненного жеребца, она вскочила в седло и умчалась, в единый миг сделавшись точкой на горизонте.

Я остался один. Не считая слизняка, ползающего под ногами.

- Лорд Блэквуд, - сказал я, хватая слизняка за шкурку. - Прошу следовать за мной.

И открыл Завесу.

Эпилог

Эпилог

ИВАН

- Народной милостью Соединённого Королевства Великобритании, Северной Ирландии и иных своих царств и территорий Королева, глава Содружества и Защитница нации, Её величество Елизавета Амалия Александра III!

Когда после этих слов, в блеске бриллиантов и горностаевой мантии появилась леди Чейз, я вовсе не удивился.

Потому что испытал шок, по мощности сопоставимый с извержением Везувия.

Перед глазами замелькали сцены, в которых вышеупомянутая леди Чейз, она же - королева Елизавета Амалия Александра, принимала самое горячее участие. Вот она скачет по гостиной Хэррингтон-хауса, треплет меня за уши и смеётся над шутками Лумумбы; вот она в кожаных галифе и короткой курточке сопровождает нас по Букингемскому дворцу; вот она же - глаза синие в синем - сидит в вагончике Кебры Негаст...

Интересная у них королева. Совсем не такая, как принято думать в кругах, не приближенных к английскому престолу.

И теперь становится понятно, почему лорд Блэквуд, он же Тёмный лорд, хотел избавиться от девушки всеми доступными способами. Ему хотелось, чтобы на троне сидела марионетка, которая только и умеет, что организовывать благотворительные фонды и махать с балкона толпе.

Но даже после короткого знакомства с леди Амалией становилось ясно: эта роль не для неё. После поколений предков, которые довольствовались лишь номинальным титулом правителя, Елизавета Амалия Александра решила взять правление государством в свои крепкие, натренированные в фехтовальном зале ручки.

И теперь, после раскрытия всех преступлений, разоблачения премьер-министра и изгнания Искомой Звери, ни у кого не возникнет и тени сомнения в том, что она достойна короны Соединённого королевства.

Что характерно: волшебники прибежали на поклон первыми. Притащили на бархатной подушечке ключи от Королевской академии магии и волшебства, а затем клятвенно пообещали рассмотреть возможность создания специального факультета для женщин - ничего сложного, ваше величество. Бытовая магия, целительство, может быть, гламор...

На что Елизавета Амалия Александра с презрением фыркнула, забрала ключи и указала, что академия не зря зовётся Королевской, и с этого момента поступает под полный патронаж её величества. Правила приёма будут не столько пересмотрены, сколько выброшены на помойку, а на их месте созданы новые - отвечающие современным тенденциям магических практик.

Для преподавания будут приглашены магистры всех без исключения на-

правлений, причём, со всего мира.

Место декана было предложено моему драгоценному учителю, Базилю Лумумбе... Но это так, к слову. Он не согласился.

Волшебники робко попытались вякать насчёт поправки традиций, но один взгляд её величества заставил их поперхнуться и нестройным блеющим стадом ретироваться на заранее подготовленные позиции... То есть, в угол зала, к столам с закусками и утешительной выпивкой.

В данный момент королева беседовала с Товарищем Седым: небольшая делегация Московских магов и дипломатов прибыла для подписания мирного, основанного на дружбе, союзничестве и взаимопонимании, договора между Россией и Великобританией.

Сколько уж он продлится - Макаронному монстру ведомо, но ясно одно: с таким характером, её величеству очень скоро станет тесно в рамках Соединённого королевства. Так что мирный договор - это только отсрочка.

Машке, кстати сказать, тоже было предложено место в королевской академии - инструктором по борьбе с магическими креатурами, коих ожидается в Британии великое множество. Причём, в самое ближайшее время...

Я пережил несколько очень нервных минут, пока моя напарница думала над ответом. Но к счастью, она тоже отказалась - под предлогом продолжения обучения в Москве.

Экзамен, который она так и не успела сдать, Машке засчитали автоматом. Профессор Бессмертный поставил зачёт по потусторонней практике - кроме нас, спуск во второй круг Нави ещё никто не совершал, а в качестве теории ей вменялось написать эссе о своём путешествии с Гамаюн.

Подозреваю, обе знатно развлекутся, описывая свои приключения для грядущих поколений...

Его Превосходительство, кстати сказать, приглашение остаться в королевской академии принял. Всё то время, что меня мотало по Нави, а Лумумбу - по улицам Лондона, наш двуглавый орёл провёл, денно и ночью охраняя покой и безопасность леди Чейз. Теперь бронзовый символ Российской империи пожинал заслуженную награду: почётный насест в главном здании Королевской академии, с правом преподавания охранных магических дисциплин... Никто против сего оксюморона не возражал: надо думать, что и Товарищ Седой и новый глава Российского дипкорпуса в Лондоне, господин Пруссаков, только порадовались продвижению Его Превосходительства по британской карьерной лестнице. Ведь бывших разведчиков не бывает...

Инспектору Страйку дали медаль за раскрытие самого запутанного преступления в истории Британии.

Мы с Машкой пытались возмутиться: ведь это Лумумба прикидывался бомжом, собирая информацию, разгадывая загадки и составляя паззл под названием "кто убил дипломата Барсукова" - ибо его смерть и являлась ключом к разгадке всего, что случилось в Лондоне этой осенью.

Копьё Кухулина, кстати сказать, я решил пока оставить. При выходе в Правь оно превратилось в зубочистку, которую я заныкал в потайной кармашек - могут у меня быть собственные артефакты, или нет?

Конечно, требование вернуть его владельцам во второй круг Нави я помню, и обязательно собираюсь выполнить. Когда-нибудь.

При завершении дела присутствовала и леди Чейз - как она объяснила, это имя ей необыкновенно дорого, потому как досталось вместе с родовым замком от покойного батюшки; и потому большая просьба: в дальнейшем обращаться к её величеству именно так...

Так вот. В уцелевшей части Букингемского дворца, в личных покоях королевы, наутро после бала, за лёгким завтраком собралась такая компания: леди Чейз, инспектор Страйк, полномочный представитель парламента герцог Ржавли, секретарь кабинета министров мистер Скундс, русский посланник полковник М'бванга М'бвеле, адъютант посольства старший лейтенант Спаситель и новоиспечённый камер-юнкер Мария Медведева.

Гамаюн отправили спать - после целой ночи бдения над крышами Лондона у вещей птицы сели батарейки.

- Лорд Блэквуд совершил одну-единственную ошибку, - говорил Лумумба, прихлёбывая Эрл Грэй из полупрозрачной фарфоровой чашечки. - Включил русского посланника Барсукова в свой план по захвату власти в Британии.

Все чинно сидели на диванчиках с обивкой в миленькие кремовые розочки. Машка сидела рядом с леди Чейз - в последнее время они что-то уж слишком подружились. Иногда две женские головки - золотая и рыжая - склонялись друг к другу, а затем раздавалось тихое хихиканье... Ни мне, ни бване это не нравилось, но пресечь августейшие развлечения мы были не в силах.

- Тем, что сделал из него зомби? - спросил секретарь Скундс.

Он усиленно делал вид, что является всего лишь официальным лицом: отказался от чая с крохотными ореховыми печенюшками, которые просто таяли во рту, и прилежно скрипел шариковой ручкой в блокнотике, записывая каждую произнесённую фразу. Вот и сейчас на реплику Лумумбы онотреагировал бодреньким росчерком на листке в клетку.

- Отличный вопрос, - похвалил секретаря наставник. - Барсуков его раскрыл. Являясь магом-травником и имея тесные связи с диаспорой растафари - которые снабжали его первоклассной Пыльцой - посланник, скорее всего, догадался о природе Дементоров. А точнее о том, кто стоит за ними на самом деле.

- Мы пребывали в уверенности, что Дементоров призвал Белый совет, - лорд Ржавли, заложив руки за спину, прогуливался у окна, наблюдая за площадью перед дворцом. Там полным ходом велись восстановительные работы пострадавшего от атаки Искомой Звери крыла.

- Лорду Блэквуду это тоже было на руку, - согласился Лумумба. - Автор закона о запрещении некромантии, он очень удобно устроился: являясь единственным её адептом, мог творить всё, что угодно. Не опасаясь, что его раскроют. Он уже успел поэкспериментировать на своих собственных слугах и тех, кого привозил на Даунинг стрит... Именно так погиб кучер Незнанский. Он был лёгкой добычей: причиной смерти сочли алкоголизм и не стали проводить даже вскрытия...

- Это он встречал нас на вокзале, - вставил я. - Лорд Блэквуд занял место покойного кучера, чтобы своими глазами увидеть, кого прислали на замену Бар-

сукову.

- Не совсем так, - бвана поставил чашку на столик и встал, поправив бело-снежные манжеты. - Он ждал именно НАС, - насладившись всеобщим удивлением, наставник продолжил. - Смерть Барсукова входила в планы Блэквуда по одной простой причине: таким образом он заманивал в ловушку меня. И моего напарника, старшего лейтенанта Спасителя.

- Но... Позвольте... - попытался возмутиться лорд Ржавли.

- Не позволю, - коротко отбрил Лумумба. - До того, как стать премьер-министром, лорд Блэквуд был главой департамента внешней разведки, верно? - уточнил он. - Поправьте меня, если я ошибаюсь... Мы с напарником разрушили его сеть распространителей Пыльцы в городе Энске, - лорд Ржавли нехотя поморщился. - Затем раскрыли заговор с целью свержения власти в Мангазее, - по лицу лорда Ржавли прошла судорога. - Полгода назад, в Африке, мы обезвредили артефакт под кодовым названием "Мёртвое сердце" - который Блэквуд, путём хитроумных махинаций, пытался захватить.

- Сколько сил потрачено, и всё впустую, - застонал лорд Ржавли.

- Ну-ну, не расстраивайтесь, - утешил Лумумба. - Подождёт ваше мировое господство еще лет сто-двести...

Лорд Ржавли упал в кресло и томно прикрыл лицо кружевной манжетой.

- Нетрудно догадаться, - продолжил безжалостный наставник. - Что Блэквуд, заманивая нас в Лондон, лелеял самую чёрную, самую холодную месть. Он мечтал поквитаться с нами за все прошлые неудачи, а попутно осуществить головокружительный план захвата отечественного престола.

- А вот с этого момента поподробнее, пожалуйста, - восторженно всеми забытый Скундс. - Мне ещё отчёт писать...

- Извольте, - поклонился Лумумба. - Убийство Барсукова, хотя и стало ключевым в этом запутанном деле, было далеко не первым, - подождав, пока отгремят удивлённые возгласы, бвана продолжил: - Своей целью Блэквуд имел убийство её величества. С последующим превращением августейшей правительницы в Сарабанду. Или, если так будет понятнее, в зомби.

Леди Чейз вскрикнула. Скундс перестал писать. Лорд Ржавли высунул острый нос из-од кружев.

- Зомби на троне служил бы идеальной марионеткой, - медленно сказал аристократ.

- Именно, - улыбнулся Лумумба. - Не удивлюсь, если в далекоидущих планах чёрного мага было превращение в зомби всего парламента.

- Но... дворец был защищён, - сказала леди Чейз. - Наши уважаемые волшебники поклялись мне...

- И они сдержали клятву, - кивнул наставник. - Поэтому лорду Блэквуду и понадобился испытуемый из... высшего сословия. Такой, которого можно послать, например, во дворец - и посмотреть, как он отреагирует на защитный круг.

- Вы хотите сказать, на балу я танцевала с... трупом? - самообладанием леди Чейз можно было остудить не крупную чашку чаю.

- К сожалению, - поклонился наставник. - Как вы могли убедиться, защитный круг сработал, хотя и с некоторым опозданием - дух Сарабанды испарился из Барсукова прямо во время танца. Лорду Блэквуду пришлось подсуетиться, и подкинуть для правдоподобности кинжал - как он проделал это и с вами, моя

прекрасная леди.

- Это был план "Б", - вставил я. - Когда Блэквуд окончательно убедился, что Сарабанду из вас сделать не удастся, то решил просто убить. А вину свалить на нас.

Печенюшки кончились, и чаю больше никто не предлагал... После боя с Искомой Зверью меня зверски клонило в сон. Горячий чай и печенюшки отвлекали, а так - чтобы не отключиться самым некультурным образом в присутствии королевы - мне пришлось включиться в беседу.

- Когда вы узнали, что именно Блэквуд стоит за всеми убийствами? - спросил лорд Ржавли. Кажется, он отошел от потрясений и готов был продолжить допрос.

- Довольно давно, - пожал плечами наставник. - Но у меня не было доказательств. Премьер-министр был очень осторожен, всегда отлично заметал следы и искусно пользовался волшебниками - как ширмой. Гибель большинства людей - лакеев, служанок, бродяг и мелких жуликов - можно было списать на несчастные случаи или смерть по естественным причинам. Ритуал превращения сихоя в Дементора проводили волшебники, Блэквуд лишь накачивал силой их посохи и амулеты. И так как в Британии не было своего Привратника, проводника душ в потусторонний мир, пропажи этих самых душ никто не замечал.

- Кроме королевы Мэб, - тихо сказал я.

- Которая тоже является своего рода, неприкаянной душой, - закончил наставник. - А значит, её свидетельство силы не имеет.

- К тому же, волшебники, пробитые шовинисты, никогда, ни при каких обстоятельствах не стали бы её слушать, - вставила свои пять копеек Машка.

- Ну, теперь у нас всё будет по-другому, - вздёрнула носик леди Чейз.

- Так как всё-таки вы его вычислили? - не унимался герцог Ржавли. - Если Блэквуд был так осторожен, как вы говорите, как вы его обнаружили?

- Элементарно, - пожал плечами наставник. - Я сделал так, что он сам меня нашел, - откинувшись в кресле, он принялся помешивать ложечкой в чашке с чаем, и на пару минут этот тихий звук стал единственным в комнате. - После того, как он натравил волшебников на Хэррингтон-хаус, мы с адъютантом Спасителем были вынуждены бежать. Разумеется, на Ту сторону. Старший лейтенант Спаситель отправился выполнять опасное, требующее мужества и стойкости задание, - я запламенел ушами и быстро спрятался за пустой чашкой, - а я вернулся в Лондон под видом бродяги. В ваших краях с моим цветом кожи нетрудно затеряться на улицах. Эта роль позволила мне бывать везде, где вздумается, высматривать, делать выводы... К тому же, я завёл себе целую армию помощников. Дети Распыления, - он посмотрел на леди Чейз. - Проблема беспризорников не миновала и ваше королевство, так же, как и весь мир...

- Я собираюсь её решить в самое ближайшее время, - не отводя взгляда, ответила золотоволосая королева. Герцог Ржавли хмыкнул что-то неодобрительное. - И я не усматриваю к этому никаких препятствий, - повысила голос леди Чейз.

- Препятствие - это фонды, ваше величество, - прорычал герцог. - Казна пуста.

- Я знаю, где мы раздобудем средства, - хищно улыбнулась королева. - И я уже поговорила об этом с русским посланником и с представителями Германии и Франции, - она выдержала эффектную паузу. - Мы будем продавать топливо!

- Вы с ума сошли! - взвился герцог Ржавли. - Топливо нужно для наших кораблей!

- Мы только что подписали мирный договор, герцог. Нам не нужно столько военной техники, - отрезала леди Чейз. - К тому же, нефтяные вышки в колониях заработают совсем скоро - нас в этом заверили партнёры... И есть еще артефакты, - она бросила взгляд на Лумумбу. - Мы разрешим свободную продажу бытовых артефактов: световых шаров, водогреев, теплогенераторов... Это хорошо скажется на экологии: не будет этого мерзкого угольного дыма. А магов обяжем платить налоги.

- Я вижу, вы всё уже решили, - ядовито заключил герцог Ржавли.

- А что, у вас есть возражения? - приподняла идеальную золотую бровь королева. - Быть может, после упразднения кабинета министров, мне заняться палатой лордов?

Вот когда я понял, о чём говорил Лумумба, когда называл королеву "эта женщина". Герцог Ржавли тоже что-то для себя понял, потому что вежливо поклонился и ответил:

- Как вам будет угодно, ваше величество.

- Может, вернемся к вашим уличным приключениям? - робко предложил секретарь Скундс, глядя на Лумумбу. - Вы говорили, что лорд Блэквуд сам вас нашёл.

- Его люди схватили меня в рамках программы превращения в Дементора, - кивнул наставник.

Мы с Машкой переглянулись: ни словом, ни делом наш драгоценный учитель не обмолвился, что побывал в лапах у чёрного мага...

- Замок Иф - поистине страшное место, и только благодаря людям Кебры Негаст мне удалось уйти живым и незнанным, - наставник выпустил колечко дыма. - Но там я окончательно понял, что обвинить в преступлениях лорда Блэквуда, даже собрав доказательства его причастности, не удастся. И придумал план поимки его с поличным.

- Эту часть я видел своими глазами, - махнул рукой герцог Ржавли и посмотрел на леди Чейз. - Но ваше величество! - он возмущенно пошевелил усами. - Как ВЫ согласились пойти на столь рискованное... Попробовать пыльцу, не зная, какая участь ожидает...

- У меня не было выбора, - жестко оборвала его леди Чейз. - Если вы помните, на кону стояла моя жизнь. Люциус всё равно добрался бы до меня, рано или поздно.

- Вы могли рассказать нам, - он чопорно выпрямился. - Мы бы вас защитили.

- В первую очередь, вы бы мне не поверили, - усмехнулась королева. - Обвинение премьер-министра в лучшем случае сочли бы бреднями взбалмошной девчонки. А в худшем... В худшем вы бы усмотрели покушение и на ваше положение тоже, так что... - она махнула рукой. - Самым разумным в этой ситуации было довериться полковнику М'бвеле и Кебре Негаст.

- О, эта мерзкая старуха... - скривился герцог.
- Спасла жизнь вашей королеве, и хватит об этом, - отчеканила леди Чейз.

...Этот разговор происходил рано утром, еще до прибытия посольства из России. Тогда же Королева Елизавета Амалия Александра сообщила, что отдала в распоряжение Кебры Негаст трёхмачтовый морской клипер под названием "Маркус Гарвей", и теперь растафари собираются покинуть негостеприимные берега туманного Альбиона, чтобы уйти от "искушений Вавилона".

К моему удивлению, конюхов сын Петька решил остаться с "бабушкой Кеброй". Он передумал поступать в механикусы, и решил для начала поглядеть мир.

Мне кажется, что пацан, обретя семью, просто не захотел её вновь потерять.

Меня же, по прибытии Российской делегации и во время торжественного приёма, ждал сюрприз...

- За особые заслуги перед монархом, старшему лейтенанту Ивану Спасителю жалуются Королевский Викториаанский орден. Отныне Он будет именоваться Рыцарем-Командором и носить приставку "сэр".

Когда отгремели фанфары, поздравления и нервная икота, которая одолела меня от неожиданности, подошла Машка.

Взяла по привычке за руку, затем передумала, обняла за шею, поднялась на цыпочки и поцеловала в щеку.

- Как ты думаешь, сэр Ванька, Лумумба тебя теперь шпынять меньше будет?

- Боюсь, что наоборот.

Я тяжело вздохнул, и покосился на белый крестик на синей ленточке, который прикрепили к моей груди.

КОНЕЦ

Алма-Ата
2020

Примечания

1

Мистер Тревор занимал бы должность начальника полиции, если бы в то время она существовала.

[^^^]

2

В письме действительно скрыто зашифрованное послание, но без дополнительных подсказок, которые будут даны в следующих главах, его вряд ли можно разгадать.

[^^^]

3

Мистер Амброзиус цитирует Герберта Уэллса.

[^^^]

4

Холодный дом – городская тюрьма в Эшентауне возле Северных ворот.

[^^^]

5

Табрен – деревня близ Эшентауна, где проводились публичные казни. Местную виселицу часто называли «Табренским деревом».

[^^^]

6

Томас Лермонт из Эрсилдуна – полупоэтический шотландский поэт, живший в XIII веке. Считается зачинателем шотландской литературы.

[^^^]

7

Башни мартелло существовали на самом деле. Это круглые каменные укрепления, которые во множестве строились в 1-й половине XIX века по берегам Британской империи. Название происходит от генуэзской башни на корсиканском мысе Мартелла, фортификационный потенциал которой произвел огромное впечатление на английское командование.

[^^^]

8

Эринцы – жители острова Эрин, часто отличавшиеся вспыльчивым нравом.

[^^^]

9

«Драконьей кровью» алхимики называли камедь с острова Суматра, которая действительно была одним из ингредиентов любовного зелья.

[^^^]

10

Герилья – партизанская война (исп.).

[^^^]

11

Холлан-тайд (Holland-tide) – последний день Самхейна, а также название для сезона, когда появляется Голландское течение, которое мы называем Гольфстримом.

[^^^]

12

Песня скорбящей невесты-волшебницы с таким названием есть на самом деле, я нашла ее в сборнике Франчески С. Уайльд «Легенды, заговоры и суеверия Ирландии».

[^^^]

13

Фонтерой цитирует леди Брэкнелл из пьесы Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным».

[^^^]

14

Шекспир «Двенадцатая ночь».

[^^^]

15

Питер Акرويد в книге «Лондон: биография» так описывает развитие специфического сленга уличных продавцов: «На протяжении веков в говоре торговцев неуклонно шло усечение или сокращение слов. «Will you buy any milk today, mistress» («Вы купите сегодня молока, госпожа?») превратилось в «Milkmaids below» («Молочницы внизу»), затем в «Milkbelow» («Молоко внизу»), затем в «Милк-оу» и, наконец, в «Мью» или «Мии-оу».

[^^^]

16

Про зимородков сложено много легенд главным образом из-за того, что они ловко прячутся, и их гнезда очень сложно найти. Древние греки верили, что зимородки в период зимнего солнцестояния насиживают свои яйца прямо посреди моря, устраивая себе гнезда, плавающие наподобие лодок. Плиний писал, что боги из симпатии к зимородкам разглаживают на время их насиживания волны, так что морская поверхность в течение двух недель пребывает в полном покое. И действительно, море, особенно вокруг Сицилии, в районе Рождества становится удивительно тихим.

[^^^]

17

Орешник в этих краях считается символом мудрости.

[^^^]

18

Такой инструмент шифрования предложил Джероламо Кардано в 1550 году. Сообщения маскировались под обычные послания, сверху на них накладывался прямоугольник с прорезями, сквозь которые можно было прочитать истинный текст. Известно, что кардинал Ришелье был приверженцем решетки Кардано и использовал ее в личной и деловой переписке. Единственный недостаток этого метода – уязвимость. Если враг обнаружит «решетку», он получит ключ ко всем секретным письмам.

[^^^]

19

Стагирит – это одно из имен Аристотеля, так как он был родом из Стагира. И он действительно что-то такое говорил, Амброзиус не ошибся.

[^^^]

20

Эти события описаны в первой книге о приключениях Энни Фишер — «Коза дракону не подруга».

[^^^]

21

Есть особое рождественское гадание с помощью пудинга, когда в тесто подмешивают всякие мелкие предметы. Обнаружить в своем куске кольцо — к свадьбе, пуговицу или наперсток — к холостяцкой жизни, птичью косточку — к удаче и путешествиям, монету — к богатству и благополучию.

[^^^]

22

Нокерами (knocker) в Корнуолле называют горных гномов.

[^^^]

23

Прим. авт: более подробно об исторических спиральных лабиринтах я написала в группе Вконтакте.

[^^^]

24

Штейгер — это мастер, ведающий рудничными работами.

[^^^]

25

Литораль — это участок берега, который затопляется морской водой во время прилива и осушается во время отлива.

[^^^]

26

Согласно легендам, подобное существо действительно обитает на побережье Корнуолла. Я писала о нем в группе Вконтакте. Его появление обычно предвещает бурю. Ради справедливости нужно признать, что в некоторых версиях легенд оно предстает добрым духом, предупреждающим рыбаков о штормах.

[^^^]

27

В некоторых краях красная вербена также считается средством защиты от фей, вероятно, благодаря чистой яркой окраске.

[^^^]

28

В некоторых неблагополучных районах Эшентауна так называют виселицу.

[^^^]

29

Это высказывание принадлежит Рене Шатобриану.

[^^^]